

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ СХІV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІV.

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1908

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
ОКТАБРЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАБРЬ, 1908 г.

	СТРАН.
I. Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. Часть V. ХСІ—С. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	5
II. Записки сенатора К. И. Финера . XVIII. (Продолженіе)	45
III. Человѣкъ съ палкой. (Очеркъ). I—VI. Вл. А. Тихонова	74
IV. Былые дни и годы. XXXVI—XXXVII, (Продолженіе). С. И. Васюкова	95
V. На сѣверо-западной окраинѣ. (Изъ записокъ русскаго чиновника). VI—IX. (Окончаніе). С. У.	115
VI. Пушкинскіе ветераны. Е. Шведера	134
VII. Когда и какъ начала подготавливаться Александровская республика. Н. И. Соловьева	142
VIII. Литературная жизнь. Ю. П. Морозова	150
IX. Къ биографіи Н. С. Лѣскова . В. Ф. Данилова	162
X. Двуглавый орелъ. (Изъ старыхъ дѣлъ). М. Ф. Чулицкаго	173
XI. Незадачливый женихъ. (Изъ жизни вотяковъ). П. П. Инфантьева	179
XII. Эпоха реформъ. (Историческіе очерки). XLI—XLVI. (Продолженіе). В. В. Глинскаго	201
Иллюстрація: Дмитрій Ивановичъ Писаревъ .	
XIII. Четырнадцатый археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова. В. Е. Рудакова	230
Иллюстраціи: 1) Черниговскіе соборы: Борисоглѣбскій (слѣва) и Спасо-Преображенскій (справа).—2) Троицкій монастырь.—3) Елецкій монастырь съ храмомъ Успенія Богоматери.—4) Храмъ св. великомученицы Параскевы (Пятницы).—5) Екатерининская церковь.—6) Домъ Мазепы, гдѣ нынѣ помѣщается архивъ губернскаго правленія.	
XIV. Иностранцы о Россіи. (Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля (1881—1889 г.). А. М. Бѣлова	276
XV. Критика и библиографія	289

1) Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Юрьевъ: 1908. М. Ключова.—2) А. Д. Поповъ. Императоръ Александръ III. Изданіе училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта. Спб. 1908. Стр. 331—IV. Ц. 1 р. и. а.—3) Сергѣевичъ, В., проф. Древности русскаго права. Т. II. Изд. 3. Спб. 1908. м. к.—4) Исторія московскаго военнаго госпиталя въ связи съ исторіею медицины въ Россіи. Къ 200-лѣтнему его юбилею. 1707—1907. Составлена **А. Н. Алелевыми** при участіи **Н. И. Якимова**, **Мих. Соколовскаго**.—5) Шарль Дилъ. Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ. Спб. 1908. Стр. 671. Ц. 5 р. а. б—лова.—6) Скабичевскій. Русскіе писатели со временъ Петра Великаго до нашихъ дней. Спб. 1908. Стр. 276. Ц. 80 к. а. **Фомина**.—7) И. Тенероно. Живыя рѣчи **Л. Н. Толстого**. Одесса. 1908. а. **Фаресова**.—8) **М. П. Кулешовъ**. Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ. М. 1908. Тринадцать выпусковъ. Ц. 1 р. 10 к. **Алексѣй Мошинъ**. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1908. Стр. 129. Ц. 60 к. а. **Ивановича**.—9) Литературный распадъ. Критическій сборникъ. Книгоиздательство «Зерно». Спб. 1908. и. л.—
(См. слѣд. стран.).

10) А. И. Фаресовъ. Голоса Земли. (пб. 1908. 238 стр. П. 1 р. А. М. Не-
чаева. — 11) Варонъ Теттау. Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ рус-
скими войсками. Ч. I и II. 1907—1908. Переводъ М. Грулева. Изданіе В. А.
Верезовскаго. Мих. Соколовскаго.—12) Отто Вейнингеръ. Поль и характеръ.
Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Вольнскаго. Спб.
1908. П. 3 р. Осмара Норвѣйскаго.—13) Г. Н. баронъ Таубе. Последніе дни вто-
рой тихоокеанской эскадры. Въ концѣ текста помѣщенъ перечень употре-
блявшихся техническихъ терминовъ съ ихъ объясненіемъ. Изданіе П. Спб.
1907. Стр. 174. Ц. 1 р. В. Р—ова.—14) Н. Фалъевъ. Дуэли. Разказы. Издалъ
В. Верезовскій. Спб. 1908. и. А.—15) Спутникъ русскаго въ Берлинѣ. Бер-
линъ. 1908. Стр. 46. Ц. 50 к. о.—16) А. И. Миловидовъ. Старопечатныя
славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI—
XVIII вв. Москва. 1908. в.—17) И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло.
Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. 2-е, исправленное и допол-
ненное. Спб. 1908. Стр. 200. Ц. въ перепл. 75 к. м-но.—18) А. И. Милови-
довъ. Описание славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публич-
ной библиотеки. Вильна. 1908. в.

- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 314
- 1) Имперія хетговъ.—2) Прототипъ коммунизма въ XVI вѣкѣ.—3) Моло-
дость Роберта Фультона. — 4) Марія-Антуанетта, Людовикъ XVII и лже-
дочины. — 5) Письма Александра I къ императору Наполеону. — 6) Одинъ
изъ героев коммуны.—7) Нѣмцы въ Россіи.—8) Два конгресса.—9) Смерть
Гровера Кливленда, Викаласа, Беккереля и Паульсена.
- XVII. Литературные дни. (По поводу дня памяти И. С. Тургенева и
восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого). В. Г. 314
- XVIII. Смѣсь 366
- 1) Симбирская Карамзинская общественная библиотека.—2) Симбирская
губернская ученая архивная коммисія. — 3) Раскопки кургановъ около
Москвы.—4) Цѣнныя пріобрѣтенія историческаго музея.—5) 200-лѣтній юби-
лей сраженія при Лисной. — 6) 50-лѣтній юбилей академика А. С. Фамин-
цына.
- XIX. Некрологи 371
- 1) Арсеній, архіепископъ. — 2) Борисовъ, Н. А. — 3) Гавскій, А. П. —
4) Гундобинъ, Н. П. — 5) Коровинъ, И. П. — 6) Коркинъ, А. Н. — 7) Ку-
кинъ, Г. Я.—8) Павловъ-Сильвинскій, Н. П.—9) Пель, А. В.—10) Перетятко-
вичъ, Г. И.—11) Султановъ, Н. В.—12) Тауберъ, А. С.—13) Черняевъ, Н. И.—
14) Шванебахъ, П. X.—15) Яковлевъ, В. Е.
- XX. Замѣтки и поправки 381
- 1) Вольный духъ. Николая Полевого.—2) Забытая могила И. П. Сахарова.
п. Россіева.—3) и 4) —р—р—р.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ князя Григорія Александровича Потемкина-
Таврическаго.—2) Увѣченія королевы. Романъ Жана-де-ла-Гиръ. Переводъ съ фран-
цузскаго. Ек. Уманецъ. I—III.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

И. БОГДАНОВА

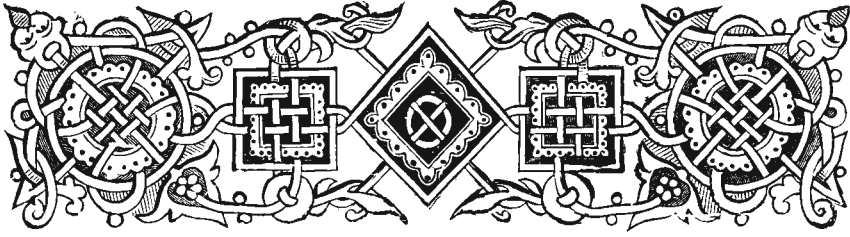
Складъ въ книжномъ магазинѣ
«Новаго Времени» Невскій, 40.

Цѣна 75 коп.

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Съ портрета Лампи.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ ¹⁾.

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ХСІ.

Потемкинскій праздникъ.

ВЕЗОБЛАЧНОЕ, сіяющее, весеннее утро заливало смѣющимся солнечнымъ блескомъ домъ генераль-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго близъ Конной Гвардіи; заливало обширный амфитеатръ со скамьями, покрытыми краснымъ и синимъ кумачомъ, съ золотыми и серебряными бахромами и позументами, съ лавками, балаганами, каруселями, качелями, мачтами, на которыхъ играли флаги, съ посыпанной цвѣтными песками площадью собственно для народнаго гулянья; сверкало солнце въ прозрачныхъ водахъ, на листьяхъ, на нѣжныхъ цвѣтахъ обширныхъ садовъ, окружавшихъ длинныя зданія дома съ куполомъ надъ главной частью. «Таковы были,—говорили знатоки и напитанные классическими авторами любители,—загородные дома, Помпея и Мепената! Наружность дворца не блистаетъ ни рѣзбою, ни позолотою, ни другими

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІІІ, стр. 753.

какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ—его достоинство; оно просто, но величественно». Такъ, отъ утреннихъ нѣдръ Финскаго залива поднявшееся весеннее солнце освѣщало совершенно оконченный дворецъ—по внутреннему убранству Пантеонъ роскоши, вкуса, богатства—и выводило торжественный, веселый праздникъ, собственно по случаю взятія города Измаила учреждаемый Потемкинымъ въ присутствіи самой державной его благодѣтельница, великой жены императрицы Екатерины! Освѣщало солнце изумлявшій взоры, обширный, новый, чудесно воздвигшійся городъ кругомъ Таврическаго дома... Купола, башни, шпили, фронтоны зданій, перспективы улицъ раскидывались, казалось, на безмѣрное пространство! То были декораціи! То была изъ досокъ, полотна и красокъ сооруженная гениальнымъ Гонзаго панорама фантастической столицы сказочнаго вельможи и властелина, фата-моргана его достигшей зенита славы и удачи,—дивный Григоріополісь, который всѣ видѣли воочию, который, несомнѣнно, былъ и котораго, столь же несомнѣнно, не было. Осыпало роскошью весеннихъ лучей своихъ быстро поднимавшееся надъ Невою солнце и широкія «променады»—подступы къ дому и народному передъ нимъ амфитеатру въ видѣ четырехъ широчайшихъ улицъ съ насаженными аллеями дубовъ, кленовъ, липъ и тополей «толщиною въ туловище самого князя Потемкина», какъ выразился какъ-то о такихъ посадкахъ оберъ-садовникомъ свѣтлѣйшаго генераломъ Бауеромъ большихъ матерыхъ деревъ принцъ де-Линь. Эти улицы-променады сходились къ площади дворца, замыкаясь четырьмя триумфальными арками, убранными флагами, цвѣточными гирляндами, щитами, вензелями и аллегорическими фигурами. Арки двухъ среднихъ променадъ, по одной изъ коихъ, именно правой, имѣла прибыть государыня, августѣйшія особы и первые чины двора, а по другой, лѣвой, прочія знатныя обоего пола особы, — изображали Царство премудрой Астреи и Величіе Меча и Закона. По боковымъ променадамъ пойдутъ: по одной—простой народъ и нечиновные, мелкіе обыватели, по другой — купечество, мѣщанство, мелкіе чиновники; арки здѣсь изображали: одна—Всеобщее Поселянъ Благополучіе; другая—Проецвѣтаніе Торговъ и Ремеслъ. Променады были усыпаны цвѣтными мелкими песками. Надъ ними трепетали перекинутыя съ одной крыши на другую черезъ каждыя три сажени гирлянды мишурныхъ цвѣтовъ и небольшихъ флажковъ, а также концы длинныхъ разноцвѣтныхъ лентъ змѣнились и развѣвались при тепломъ и бурномъ весеннемъ волненіи воздуха. Такъ стройно и раздѣльно какъ простые обыватели и народъ къ предназначеннымъ имъ внѣ Таврическаго дворца веселостямъ, такъ и поѣздъ императрицы и всѣ, во дворецъ входъ имѣвшіе, должны были со всѣхъ сторонъ прибыть въ гости къ свѣтлѣйшему. Домики обывателей, сады и палисадники при нихъ,

выходившіе на четыре «променады», на собственный счетъ князя Григорія Александровича были отремонтированы, заново перекрашены, всячески украшены, расцвѣчены флагами и лампіонами, долженствовавшими загорѣться въ общей иллюминаціи дворца и его окрестностей по захожденіи солнца. Кромѣ того, добавлено было и сюда приличное число декоративныхъ сооруженій, такъ что даже коренные жители сей почти загородной окраины, весь свой вѣкъ здѣсь обитавшіе, не узнавали мѣстности, волшебствомъ потемкинскаго всемогущества преобразенной чудесно!..

Передъ празднествомъ всѣмъ особамъ обоого пола, приглашеннымъ, какъ придворнымъ, такъ и прочимъ въ городѣ, разосланы были съ офицерами нарочитые билеты. А всего было позвано тароватымъ хозяиномъ три тысячи гостей. Цѣлую недѣлю офицеры собственнаго князя Григорія Александровича имени гренадерскаго полка разъѣзжали по столицѣ въ великолѣпныхъ кабриолетахъ, съ лакеями и гусарами-гайдуками на заднемъ сидѣннѣи. Кровныя лошади четверкой попарно цугомъ, съ фореиторами, въ серебряной сбруѣ мчали экипажи. Прислуга вся при нихъ залита была золотымъ шитьемъ. Впереди скакалъ трубачъ и оглашалъ улицы фанфарой. Офицеры, развозившіе билеты, одѣты были по послѣдней парижской модѣ «à la patriote», въ рукахъ держали кружевные платки, драгоценныя табакерки и трости съ янтарными набалдашниками. Рядомъ сидѣлъ распудренный чиновникъ въ украшенномъ орденами форменномъ кафтанѣ съ пакетомъ, гдѣ лежали пригласительные билеты. Кабриолеты останавливались у домовъ вельможъ, чиновныхъ лицъ, родовитыхъ дворянъ, именитыхъ купцовъ, и посланцы выходили и лично передавали билеты принимавшимъ ихъ съ величайшимъ почетомъ хозяевамъ. Кромѣ того, особливые герольды въ средневѣковыхъ одѣянїяхъ съ вышитыми на груди и спинѣ гербами князя Потемкина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ музыкантовъ съ мѣдными инструментами и конвоя, разъѣзжали по столицѣ, приглашая простой народъ на площадяхъ и перекресткахъ въ гости на гулянье къ свѣтлѣйшему въ новой его усадьбѣ,—«якобы на коронаціонное нѣкое торжество», шептали по сему случаю недоброжелатели.

Такъ, по всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію великой государыни и ихъ высочествъ и по нарочному тому зву знатнаго обоого пола дворянства, къ 6 часамъ пополудни достопамятнаго дня всѣ имѣли собраться на празднество. И всѣ въ маскарадномъ платьѣ. Но простой народъ и мелкотравчатые петербургскіе обыватели поднялись въ тотъ день едва не до зари и двинулись къ Таврическому дворцу. По распоряженію отъ оберъ-полицеймейстера Рылѣва, которому о томъ нарочито приказалъ Потемкинъ, всѣ питейные дома столицы въ день празднества были закрыты, съ тою цѣлью, чтобы простонародье и особливо масте-

ровщина, еще идя на празднество, по дорогѣ не «зарядилась». Предосторожность напрасная! Никому не захотѣлось потратить свои деньги, когда гремѣвшая уже мѣсяцъ молва удостовѣряла, что всякій, кто попадетъ на гулянье къ конногвардейскому дому князя Таврическаго, вернется домой сытъ, пьянъ, съ подарками для себя и семейства, чуть ли не съ набитыми серебряными четвертаками карманами.

Говорили много, преукрашивали фантазіей по своему вкусу, говорили, что фонтаны у свѣтлѣйшаго будутъ мелкой серебряной монетой бить—только шапки подставляй. Много говорили о цѣльномъ жареномъ черкасскомъ быкѣ съ золотыми рогами, брюхо котораго набито черносливомъ и свиными колбасами, о гигантскомъ пирогѣ въ три сажени длиною съ постнымъ и скоромнымъ концами и сладкой серединой. Всякъ изобрѣталъ, что въ голову лѣзло.

Народы пошли съ женами, съ малыми ребятами изъ Коломны и съ Песковъ. Нева покрылась яликами и лодчонками, перегруженными народомъ, спѣшившимъ съ Охты, съ Петербургской стороны, съ Васильевскаго. Пикеты разѣзжали въ окрестностяхъ усадьбы свѣтлѣйшаго, всюду стояли усиленные наряды и рогатки; однако народъ отчасти только удалось направить по предназначенной ему перспективѣ. Благодаря забывчивости, лѣни, ротозѣйству и поразительной ограниченности оберъ-полицеймейстера Рылѣва, по должности своей распорядившагося всѣмъ движеніемъ, часть народа все-таки прорвалась и по другимъ променадамъ столпилась, все нарастая, у арокъ, за поставленными тутъ рогатками, патрулями и пѣшими шпалерами рослыхъ гвардейскихъ солдатъ. Говорили потомъ, что много способствовали омрачившимъ начало празднества безпорядкамъ кабатчики, озлобленные за закрытіе въ такой выгодный день ихъ торговли. Со своими молодцами и кабацкими голями-завсегдатаями они явились именно съ той цѣлью, чтобы учинить, ежели возможно, какую-либо неприятность свѣтлѣйшему.

Свѣтлѣйшій хорошо зналъ нерасторопность и глупость оберъ-полицеймейстера. Онъ призвалъ его наканунѣ и прямо потребовалъ не мѣшаться ни во что.

ХСII.

Вокругъ жаренаго быка.

Свѣтлѣйшій зналъ, какъ трудно во время народныхъ угощеній избѣжать безпорядка, давки и даже несчастій. Чернь обычно кидается на даровое съ непостижимою жадностью и ослѣпленіемъ; больше при этомъ топчутъ подъ ноги и другъ друга калѣчатъ, нежели угощаются. Такъ, во время бракосочетанія дофина Фран-

ціи, в послѣдствіи короля Людовика XVI, и Маріи-Антуанетты въ Парижѣ, на площади, которую съ нѣкоторыхъ поръ въ парижскихъ вѣдомостяхъ начали именовать площадью Революціи, угощеніе для народа повело къ свалкѣ и ужасному несчастью. Въ ямы и рытвины, оставшіяся позади досчатыхъ лавокъ съ подарками и почему-то не засыпанныя, ввалилось множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые вынуты были оттуда одни обезображенными и безъ признаковъ жизни, другіе тяжко израненными. Это омрачило радость бракосочетанія столь любимаго народомъ и всѣмъ обществомъ дофина, на грядущее царствованіе котораго возлагали столько свѣтлыхъ надеждъ!

Помня этотъ и многіе другіе случаи подобнаго рода, свѣтлѣйшій употребилъ всѣ старанія, чтобы избѣжать народнаго столпленія и давки. Общее командованіе патрулями и пѣшими нарядами и распоряженіе движеніемъ экипажей и пѣшеходовъ ввѣрено было одному изъ генераловъ свиты свѣтлѣйшаго. Что касается оберъ-полицеймейстера Рылѣва, то онъ долженъ былъ лишь для декораціи развѣзжать на спокойномъ жеребцѣ, встрѣтить и проводить государыню и великихъ князей, а ни во что ровно не вмѣшиваться. Онъ это и обѣщалъ свѣтлѣйшему. Но, будучи столь же самолюбивъ и суетливъ, сколь ограниченъ и нерасторопенъ, оберъ-полицеймейстеръ про себя рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не поступать своими по должности правами, строго приказалъ своимъ подручнымъ полицеймейстерамъ и приставамъ «потемкинцевъ» ни въ чемъ не слушать, а исполнять единственно приказанія его, оберъ-полицеймейстера!

Хотѣлъ онъ доказать свѣтлѣйшему всю ошибочность дурного о немъ мнѣнія, которое проявилъ Потемкинъ обиднымъ предложеніемъ «главному хозяину столицы» (такъ въ мысляхъ всегда называлъ самого себя Рылѣвъ!) не вмѣшиваться тогда именно, когда представлялся случай предъ матушкой-царицей и всемъ дворомъ съ вельможествомъ лихо отличиться!

И оберъ-полицеймейстеръ отличился. Съ утра уже между нимъ и генераломъ свиты свѣтлѣйшаго начались недоразумѣнія. Что приказывалъ одинъ, то отмѣнялъ другой и обратно. Печальные плоды раздора и двоевластія сказались сейчасъ же.

Полицеймейстеры и пристава отказывались исполнять приказанія полковниковъ и офицеровъ гвардіи свѣтлѣйшаго и обратно. «Рылѣвцы» во всемъ перечили «потемкинцамъ». Когда же взбѣшенный царившей чепухой генералъ ѣхалъ къ Рылѣву, тотъ, хитро посмѣиваясь и гарцуя на площади передъ дворцомъ, увѣрялъ, что онъ ровно ни во что не вмѣшивается. Именно благодаря этому раздору порядокъ раздѣльнаго движенія по четыремъ променадамъ нарушился и за триумфальными воротами быстро выросли народныя нетерпѣливыя толпы и сперлось множество каретъ. Сидѣвшія въ

нихъ съ женами и дочерьми знатныя и богатыя особы весьма были недовольны останковкой и сосѣдствомъ простонародья, которое тѣснилось, толкалось, горлавило, спираемое педходившими сзади, и, какъ приливъ морской, то наступало на арки и рогатки, то подавалось назадъ. Слышались крики, оханье, визгъ, стоны, ругань; отъ толпы шель тяжкій, жаркій духъ, и пыль цвѣтного мелкаго песка радужнымъ облакомъ стояла надъ сплошнымъ моремъ головъ. Солнце уже склонялось къ западу, и лучи его косыми стрѣлами озаряли променады и зажигали пламеннымъ пурпуромъ безчисленныя окна Таврическаго дома. Горѣли и золоченые рога и голова жаренаго быка, который посреди амфитеатра, разрѣзаннаго четырьмя широкими проходами отъ арокъ, стоялъ на площади, на особомъ возвышеніи. Голова, ноги и хвостъ быка были золоченые, а туловище высеребрено, такъ что онъ напоминалъ того золотого тельца, котораго невѣрный Израиль вылилъ и которому поклонялся въ то время, какъ Моисей бесѣдовалъ съ Иеговою. Гордо высился и весь сверкалъ жареный злато-серебряный быкъ.

Гирлянды мишурныхъ большихъ розъ обвивали его. Народъ приходилъ въ восторгъ, созерцая его.

— Вотъ такъ бычина!—слышались восклицанія.

— Всѣмъ быкамъ быкъ!

— А въ утробѣ, говорятъ, чистый сахаръ налить!

— Сахаръ! Скажетъ тоже! Въ брюхѣ у быка жареная бекасина, дрозды, утята, почки, ливеръ да каша полагается! — объяснялъ жирный человѣкъ, поваръ изъ харчевни.

— Знатный быкъ! Живъ не буду, коли отъ него себѣ бокъ не выворочу!—кричалъ мастеровой.

— Чѣмъ же ты выворотишь, дурень? Развѣ зубами выгрызешь?

— Дуракъ и есть! Вонъ, смотри, у быка повара стоятъ съ ножами и вилками. Они и будутъ быка дробить и народу раздавать!

— Братцы, а гдѣ пирогъ-то?

— Дожариваютъ. На противнѣ его сорокъ человѣкъ принесутъ, сказывали!

— Смотри, въ лавкахъ-то всякаго добра наложено! Ну, Митюха, не зѣвай, братъ! И ты, Парфень! И ты, Аюнька! Вмѣстѣ плечо къ плечу пойдѣмъ, какъ рогатки снимутъ!

— Дойдешь тутъ, какъ же! Народу-то какая сила!

— Не тѣснитесь къ каретѣ! Не тѣснитесь къ каретѣ!—кричали гайдуки съ запятокъ.

— Православные, отпустите душу на покаяніе! батюшки, со всѣмъ задавили! А-а-яй!—слышался бабій визгъ.

— Государыня ѣдетъ! Государыня ѣдетъ!—вдругъ пронеслось по толпѣ.— Ну, сейчасъ рогатки снимуть, пущать стануть! Господи благослови! Держи-и-исы!

Въ самомъ дѣлѣ, вдали скакали пикинеры свѣтлѣйшаго въ красныхъ кафтанахъ и неистово кричали:

— Пади! Пади!

Народъ шарахнулся впередъ, назадъ, раздались вопли при-
давленныхъ, кучера, лакеи, гайдуки кричали на народъ, лошади бѣсались, воцарился за всѣми арками на променадахъ совершен-
ный хаосъ.

Между тѣмъ на площади передъ дворцомъ генераль спорилъ съ оберъ-полицеймейстеромъ, пускать или не пускать народъ.

— Приказано отъ свѣтлѣйшаго открыть гулянье, лишь госу-
дарыня подъѣзжать станеть!—говорилъ Рылѣвъ.

— Да это не государыня!—сердился генераль.— Она съ той
стороны подъѣдетъ, гдѣ меньше столпленія.

— Развѣ вы не слышите, что кричатъ: государыня! госуда-
рыня!

— Я послалъ предупредить кучера государыниной кареты, чтобы
везъ вонъ по той променадѣ, гдѣ свободнѣе!

— Вздоръ! И не ваше дѣло! Ужъ государыню-то встрѣчать мнѣ
свѣтлѣйшимъ поручено!

И оберъ-полицеймейстеръ махнулъ бѣлымъ платкомъ, бывшимъ
въ его рукѣ. Въ ту же секунду грянулъ салютъ изъ орудій, и надъ
дворцомъ Потемкина медленно сталъ подниматься штандартъ импе-
ратрицы. Хоры музыки въ амфитеатрѣ грянули торжественную
кантату. Она согласовалась, по геніальному замыслу маэстро Сарти,
начальника капеллы и оркестровъ свѣтлѣйшаго, съ пушечной ка-
нонадой, которая составляла ей аккомпаниментъ; на открытыхъ сце-
нахъ, балконахъ, вышкахъ появились, въ яркихъ, пестрыхъ костю-
махъ, плясуны, силачи, фокусники, всякіе фигляры и принялись
показывать свое искусство, а по мачтамъ полѣзли вверхъ къ ко-
лесамъ, гдѣ висѣли кошельки съ деньгами, ученые обезьяны. Онѣ
должны были снимать и бросать въ народъ изъ этихъ кошелековъ
деньги. Полицеймейстеръ устремился навстрѣчу колымагѣ, сопро-
вождаемой алыми пикинерами съ эспантонами въ правой рукѣ, на
которыхъ играли флажки, но въ самомъ дѣлѣ произошла ошибка.
То ѣхала не государыня, хотя карета и походила чрезвычайно на
ея. То были графъ и графиня Витте. Между тѣмъ въ амфитеатрѣ
и передъ дворцомъ начались невообразимая свалка и смятеніе.
Экипажи подъѣзжали одновременно съ разныхъ сторонъ, и лошади
сталкивались, перепутывались, заступали построики. Кучера кри-
чали, гайдуки ругались. Полиція и конные гвардейцы метались въ
отчаяніи, не въ силахъ будучи возстановить порядокъ. Въ то же
время толпы простонародья осаждали амфитеатръ, давили другъ

друга, расхватывали подарки, дрались изъ-за нихъ. Крикъ, визгъ, вопли и стоны придавленныхъ, трескъ ломавшихся и падавшихъ отъ напора легкихъ досчатыхъ ятокъ съ товарами — все представляло разнузданное, безобразное зрѣлище. Добрались и до быка и стали терзать его разсѣченныя, но искусно сколотыя по швамъ деревянными спичками части. Посыпалась изъ утробы быка начинка, полился жирный соусъ. Поваровъ отгѣснили. Сами перемазались жиромъ, потоптали большую часть на землю, подъ ногами. Кто, рослый и дюжий, успѣлъ завладѣть кусомъ, то высоко подымалъ его надъ собою. Но когда со всѣхъ сторонъ протягивались руки и старались вырвать добычу, иной тогда начиналъ драться самой этой частью золотого быка... А находившіеся въ безопасности на высокихъ подмосткахъ плясуны, комедіанты, фокусники и шуты продолжали показывать свое искусство надъ бурнымъ моремъ народной свалки. Ученыя же обявьяны, испуганныя и разсерженныя свалкой и гамомъ, добравшись до верхушекъ мачтъ, не слушали знаковъ торчавшаго на одной изъ нихъ, на вышкѣ англичанина съ хлыстомъ и вмѣсто того, чтобы снимать кошельки и, вынимая по монетѣ, бросать въ толпу, стали швырять цѣлыми тяжелыми, набитыми мѣдью кошельками. Падая съ большой высоты, эти кошельки, если только не успѣвали въ воздухѣ распустить шнурки и пролить мѣдный дождь въ народное море, стучали такъ вѣско по черепахъ, что не одного тяжко и до крови зашибли.

Вотъ среди этого невообразимаго хаоса и подѣхали экипажи императрицы, фаворита Зубова и великихъ князей и принуждены были остановиться и простоять добрыхъ четверть часа. Самъ оберъ-полицеймейстеръ Рылѣвъ едва могъ пробраться къ окну экипажа государыни, которая приказала позвать его.

— Въ этомъ прекрасномъ порядкѣ,—сказала Екатерина оберъ-полицеймейстеру иронически,—я совершенно узнаю васъ.

На что дуракъ, принявъ это вовсе нелестное замѣчаніе за похвалу себѣ, отвѣчалъ очень развязно:

— Радуюсь, что имѣлъ счастье заслужить удовольствіе вашего императорскаго величества!

— Какъ онъ простъ! Ахъ, какъ простъ!—покачавъ головой, замѣтила государыня.

Однако нѣкоторые опытные люди нашли, что, при всей своей ограниченности, оберъ-полицеймейстеръ былъ совсѣмъ уже не такъ простъ. Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ, въ свою очередь, подозвалъ Рылѣва и отнесся къ нему весьма милостиво. Очевидно, фаворитъ былъ отгѣнно доволенъ «порядкомъ», благодаря стараніямъ оберъ-полицеймейстера, на гуляньи Потемкина и первыми впечатлѣніями праздника.

XIII.

Явленіе Астрей.

Экипажи государыни, цесаревича Павла Петровича съ супругою его Марією Θεодоровною и великихъ князей и княгинь наконецъ доставлены были къ мощнымъ колоннамъ главнаго входа конногвардейскаго дома, впоследствии получившаго наименованіе Таврическаго дворца. На портикѣ дома горѣли подъ косыми лучами нисходившаго къ закату солнца крупныя литеры надписи: «Отъ щедротъ Великой Екатерины».

Государыня и августѣйшія особы по великолѣпному ковру поднялись на ступени и далѣе вошли черезъ колоннаду и сѣни въ округлый залъ, подобный аѳинскому одеуму.

Замѣчательны были въ одеумѣ печи изъ лазореваго камня, обширный куполъ, поддержанный восемью колоннами, на стѣнахъ фрески, представлявшія отдаленные виды, озаренные мерцающимъ свѣтомъ.

Здѣсь встрѣтилъ свою державную благодѣтельницу свѣтлѣйшій. На немъ былъ алый фракъ и епанча изъ черныхъ шелковыхъ кружевъ, работы мастерицъ Шантильи, прославившихся ручнымъ плетеньемъ этихъ изумительныхъ по изяществу рисунка «вѣчныхъ» кружевъ; тѣ, что на свѣтлѣйшемъ, сработаны были еще въ XVI вѣкѣ и принадлежали дому Конде.

Революція заставила теперь принцевъ Конде покинуть дворцы и несравненные парки Шантильи на разграбленіе санкюлотамъ и эмигрировать въ Брюссель, захвативъ съ собою только наиболѣе драгоценныя вещи. Собирая войска для военной экспедиціи и нуждаясь въ деньгахъ, принцъ Конде-отецъ долженъ былъ продать значительную часть драгоценностей, преимущественно направивъ ихъ съ графомъ Валентиномъ Эстергази въ Петербургъ.

Государыня и вельможи раскупили привезенныя фамилныя вещи. Между прочимъ, за огромную сумму приобрѣлъ и свѣтлѣйшій тѣ черныя кружева, въ которыхъ теперь преклонилъ колѣно предъ государыней, цѣлуя со слезами ручку державной благодѣтельницы. Но видъ черныхъ кружевъ на плечахъ князя Таврическаго вызвалъ холодное выраженіе на лицахъ цесаревича Павла Петровича и Маріи Θεодоровны. Дѣло въ томъ, что они хорошо знали эти древнія безцѣнныя кружева и осматривали ихъ, когда еще во время своей поѣздки по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ посѣщали Шантильи вмѣстѣ съ покойнымъ императоромъ Іосифомъ и шведскимъ королемъ Густавомъ. Кружева привели въ восторгъ Марію Θεодоровну, и теперь она очень хотѣла бы приобрѣсти ихъ, но, къ несчастью, не имѣла на то достаточныхъ средствъ. «Малый дворъ» получалъ чрезвычайно ограниченную сумму на содержаніе.

Государыня всегда говорила, что и этихъ средствъ было бы довольно, не занимайся Павелъ Петровичъ игрой въ «солдатики». Подлинно, на свои «модельныя» гатчинскія войска цесаревичъ тратилъ всѣ свободныя средства.

Какъ бы то ни было, видъ черныхъ кружевъ епанчи князя Потемкина вызывалъ сложныя и горькія чувства въ сердцѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; кружева напоминали счастливые, невозвратные дни пріемовъ въ Шантильи, этомъ истомъ раѣ земномъ, съ боскетами и аллеями, насажденіями самого великаго творца садовъ ле-Нотра, и вмѣстѣ будили скорбное сознаніе о страшныхъ дняхъ, наступившихъ для Франціи, а съ нею и для всей королевской и аристократической Европы. Черныя кружева напоминали Маріи Ѳеодоровнѣ разграбленіе революціонными бандами Франшконтэ замка предковъ ея, Монтбельяра, напоминали разрушенные гроты милаго Этюпа, разбитыя «poterie» молочной фермы... И вмѣстѣ пробуждалось горькое сознаніе, что кружева достались ненавистному, наглому временщику, заслонявшему свѣтъ Божій «малому двору» и опустошавшему государственную казну; что вотъ въ нихъ онъ принимаетъ государыню и весь дворъ!.. Никто, однако, не обратилъ вниманія на неудовольствіе цесаревича и его супруги, такъ какъ они только составляли необходимую принадлежность картины, но не свѣтила ея, вокругъ которыхъ вращалось дѣйствіе развертывавшагося могущества и великолѣпія заката славнаго царствованія.

Свѣтлѣйшій преклонилъ колѣни предъ государыней и, взволнованный переполнявшими его чувствами, цѣловалъ ея ручки, плакалъ и не могъ произнести ни слова. Въ голубыхъ очахъ Екатерины тоже сверкали слезы. Но гармоничные звуки роговой музыки хора изъ трехсотъ музыкантовъ понеслись мягкими, трогательными и могучими призывными волнами изъ грандіознаго, уже переполненнаго тремя тысячами маскированныхъ гостей главнаго зала дворца. Государыня не была замаскирована. Она только держала въ рукѣ маленькую черную полумаску.

Нарядъ свѣтлѣйшаго сверкалъ брильянтами. Всюду, гдѣ только на мужскомъ одѣяніи можно было употребить брильянты, они блистали. Пуговицы фрака, розетки башмаковъ, шлифныя пряжки лентъ, подвязывавшихъ чулки, — все сверкало и горѣло наборомъ изумительныхъ, огромныхъ брильянтовъ. Въ рукахъ у Потемкина была шляпа со страусовымъ плюмажемъ и до того унизанная брильянтами, что оттягивала руки, и онъ отдалъ ее держать адъютанту, стоявшему нарочито за нимъ: эта высокая честь выпала на долю Павла Корнильевича Радожицкаго. Весь вечеръ потомъ, какъ тѣнь, скитался Павелъ Корнильевичъ по пятамъ екатерининскаго колосса, бережно нося тяжелую, горѣвшую цвѣтными огнями шляпу вельможи. Черныя кружева епанчи, алыі

фракъ и безчисленные брильянты, при огромной, плечистой фигурѣ свѣтлѣйшаго, его гордомъ орлиномъ профилѣ и львиной головѣ, составляли разительную картину великолѣпія, но что-то мрачное, почти адское было въ этомъ сочетаніи цвѣтовъ.

Свѣтлѣйшій обратился къ другому адъютанту, который держалъ, обернувъ шелковымъ платкомъ дивной работы, ажурный, легкій жезлъ, тоже усыпанный брильянтами и оканчивавшійся длиннымъ, кристалловиднымъ сафиромъ, не имѣвшимъ по рѣдкости цѣны. Съ тою же предосторожностью, обѣими руками черезъ платокъ принялъ жезлъ у адъютанта свѣтлѣйшій и, вновь преклонивъ оба колѣна, благоговѣйно подалъ его императрицѣ.

Звуки рогового хора, этого страннаго изобрѣтенія русскихъ вельможъ XVIII вѣка, гдѣ каждый музыкантъ бралъ только одну очередную ноту на своемъ инструментѣ; неизъяснимо сладостные звуки, извлекаемые человѣческой грудью, но кристально небесные, продолжали литься изъ главной залы подъ круглый куполъ одеума, тайною акустики скопляясь здѣсь и усиливаясь отголоскомъ свода.

Подъ эти звуки, подавая жезлъ императрицѣ, свѣтлѣйшій говорилъ:

— Прими, премудрая Астрея, сей жезлъ, ибо все, что здѣсь тебя окружаетъ, отъ твоихъ же щедротъ! вступи въ царство удовольствій и управляй небесной улыбкой устъ своихъ всеобщимъ счастьемъ подданныхъ твоихъ. Ты наше божество! зри, о мать! и восхищайся на любовь сердець къ тебѣ единой! зри у ногъ своихъ нижайшаго своего раба! Я живу и счастливъ лишь твоимъ благомъ! что мнѣ въ богатствѣ и честяхъ, что въ моей великости, если одна мысль не зрѣтъ тебя ввергаетъ духъ мой въ ужасъ! безъ тебя вянетъ мое счастье, гибнетъ слава, я уничтожаюсь. Ибо я зеркало твоихъ лучей и отблескъ твоего свѣта. безъ тебя я темень! нѣтъ совсѣмъ меня безъ тебя, единая благодѣтельница моя и мать.

Екатерина приняла жезлъ и дала имъ знакъ свѣтлѣйшему подняться.

Въ милостивѣйшихъ словахъ выразила она князю неизмѣнную вѣрность свою многолѣтней ихъ дружбѣ и затѣмъ съ шутливыми словами: «Посмотримъ, что вы здѣсь, ваша свѣтлость, начудесили», — пошла въ главную залу черезъ колоннаду изъ восемнадцати столповъ.

Длинная, овальная зала, или, лучше сказать, площадь, заключенная въ зданіи, могла вмѣстить не три, а пять тысячъ народа. Итакъ, необозримая, въ ней двигавшаяся разодѣтая толпа совершенно свободно и нестѣсенно размѣщалась. Дивное, гармоническое соотношеніе вышины этой залы съ шириною и безмѣрной длиною составляло мастерское произведеніе зодчества. Карнизъ овальнаго потолка, лишь слегка выгибающагося въ ласкающій

удлиненный куполь, опирался на четыре ряда столповъ изъ бѣлаго вылощенного гипса, идущихъ по обѣимъ длиннымъ сторонамъ залы. Коричневые съ позолотою грифоны попарно, обратя крылатыя спины другъ къ другу, изображены были по краю потолка кругомъ. Въ клювахъ грифоны держали концы цвѣточныхъ гирляндъ, дивно написанныхъ яркими красками. Посреди, какъ на качеляхъ, сидѣли нагіе амуры, и казалось, что эти гирлянды тихо покачиваются вмѣстѣ съ прелестными божками. Средина же потолка изображала просто голубое небо съ плывущими облаками, и если кто долго глядѣлъ въ этотъ потолокъ, облака, дивнымъ секретомъ перспективы, начинали двигаться, клубиться, переливаться радужными цвѣтами, и просинь между ними то свѣтлѣла, то темнѣла, передавая иллюзію подлиннаго неба. Два ряда грандіозныхъ бѣлыхъ колоннъ по сторонамъ залы образовали двѣ узкихъ галерей. Около середины столповъ устроены были ложи, убранныя шелковыми занавѣсами и фестонами легкихъ цвѣтныхъ матерій съ прелестной внутри, прихотливой мебелью, въ коврахъ, въ зеркалахъ, въ бюстахъ и статуяхъ—восхитительныя гнѣзда роскоши, заключавшія прелестныхъ женщинъ и дѣвушекъ, преимущественно прибывшихъ изъ провинціи на празднество свѣтлѣйшаго, свѣжихъ, какъ яблонный цвѣтъ ихъ деревенскихъ садовъ, на все взиравшихъ широко открытыми, упоенными очами наивнаго восхищенія. Эти ложи казались какъ бы одной улыбкой юности и нетронутой деревенской свѣжести обитательницъ подмосковныхъ, смоленскихъ, польскихъ усадебъ, ливонскихъ замковъ, малороссійскихъ хуторовъ. Въ промежуткѣ между колоннами висѣли на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого кристаллыныя шары съ горѣвшими внутри огнями; на обоихъ же концахъ колоннадъ поставлены были зеркала необыкновенной величины. Въ нихъ отражались кристаллыныя шары и колонны, умножаясь до безконечности. Кромѣ того, въ полукружійхъ, вдававшихся въ стѣны и которыми замыкались колоннады, стояли огромныя, изяществомъ и великолѣпіемъ поражающія вазы изъ каррарскаго бѣлаго, блестящаго мрамора. Все это составляло достойную оправу самой неизмѣримой залы. Впрочемъ, въ ней не было никакой мебели, такъ какъ она предназначалась лишь для большихъ празднествъ и тысячнаго стеченія гостей. Обѣ стороны залы, болѣе узкія, на которыхъ находились окна, возвышались на нѣсколько ступеней. На одномъ изъ этихъ возвышеній весь полъ былъ покрытъ драгоцѣннѣйшими персидскими шелковыми коврами, въ которыхъ нога прямо тонула. Подъ окнами стояла турецкая софа, во всю стѣну длиною. На противоположномъ возвышеніи находился огромнѣйшій оркестръ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. На каждой изъ этихъ эстрадъ стояло еще по грандіозной вазѣ изъ каррарскаго мрамора съ античными фигурами пляшущихъ нимфъ

и вакханокъ. Князь купилъ эти вазы изъ вещей, оставшихся въ петербургскомъ имѣннй прекрасной англичанки, герцогини Клингстонъ, урожденной леди Чодлей, теперь удалившейся отъ холодности, показанной ей государынею, въ Италию. Эстрады освѣщались двумя люстрами съ подвѣсками изъ чернаго хрустала. Кромѣ того, въ залѣ было еще 56 люстръ, частью повѣшенныхъ посреди залы, частью между колоннами. Кромѣ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ, горѣло еще пять тысячъ лампѣоновъ или лампадъ. Часть изъ нихъ были бѣлыя и шли по золотому арабеску широкаго карниза, а частью пестрые, формой представлявшіе крупныя цвѣты лилій, розъ и тюльпановъ. Они висѣли между столбами гирляндами. Вообще вся зала казалась въ огнѣ, тѣмъ болѣе, что всюду искусно помѣщенныя огромныя зеркала отражали и умножали тысячи горящихъ огней, въ то же время расширяя залу во всѣ стороны до безпредѣльности.

Вокругъ всей залы наверху висѣли еще хоры съ перилами, которые были обставлены драгоценными китайскими сосудами. Кромѣ того, на хорахъ высились два огромнѣйшіе раззолоченные органа. Тамъ, кромѣ оркестра роговой музыки изъ трехсотъ чловѣкъ, помѣщались хоры пѣвцовъ. Со стороны, противоположной фасаду и сѣнямъ, за колоннами открывалось огромное полукруглое пространство зимняго сада, окна и двери котораго выходили въ наружный цвѣтникъ и паркъ. Казалось, вся природа вмѣстилась подъ своды конногвардейскаго дома князя Таврическаго. Величина зимняго сада въ шесть разъ превосходила славный зимній садъ въ императорскомъ Эрмитажѣ.

XCIV.

Кадриль и польскій.

Государыня прослѣдовала на устланную персидскими коврами эстраду и тамъ помѣстилась на софѣ. Роговая музыка утихла. Трехтысячная толпа гостей, которую церемоніймейстеры и камергеры раздѣлили на двѣ половины, оставивъ посреди широкій проходъ для танцевъ, въ глубокомъ молчаніи, жадными взорами встрѣчала появленіе императрицы и клонилась, какъ нива подъ сильнымъ вѣтромъ, при прохожденіи ею неизмѣримой залы къ уготовленному мѣсту. Вдругъ оркестръ заигралъ на противоположной эстрадѣ. Выступила подъ предводительствомъ балетмейстера ле-Пика кадриль изъ двадцати четырехъ паръ знатнѣйшихъ обоюго пола особъ. Балетъ, который они танцовали, изображалъ двадцать четыре часа сутокъ; поэтому наряды соответствовали цвѣтамъ и украшеніямъ частямъ дня и явленіямъ природы, олицетворяемымъ древностью въ божествахъ. Въ первой кадрили выступила Фетида, богиня мо-

рей, въ туникѣ переливчавыхъ изъ синевы въ зелень цвѣтовъ, въ вѣнцѣ изъ перламутровыхъ раковинъ и осоки, съ лицомъ, скрытымъ дымкой лиловатаго покрывала, какъ бы туманомъ, съ серебристо-бѣлымъ эшарпомъ, охватывавшимъ ея станъ и напоминавшимъ пѣну; полнота прекрасныхъ формъ и золото волосъ Фетиды дали возможность угадать, что то была Екатерина Васильевна Скаронская. Она явилась съ богиней раннего утра, розоперстой Эосъ; воздушный станъ богини одѣвала розовая туника, осыпанная перлами и брилльянтами — утренней росой; стройныя, прелестныя ножки богини обуты были въ хитроузорные парянскіе сапожки, въ рукахъ она держала бичъ и золотую узду, — ибо въ мифологіи ей предоставлено было выводить могучихъ коней бога свѣта и гармоніи; хотя розовая полумаска скрывала верхнюю часть лица богини, но всѣ узнали великую княгиню Елизавету Алексѣевну. Въ парѣ съ Фетидой и Эосъ танцовали въ соответственныхъ костюмахъ Фебъ и самонадѣянный сынъ его Фазтонъ на первомъ была золотая полумаска, на второмъ — серебряная. Но всѣ узнали великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Мимическій балетъ, который танцовала эта первая кадрили, изображалъ явленіе Феба изъ морей и паденіе сына его Фазтона съ отчей колесницы. Вторая кадрили, олицетворявшая утренніе часы трудовъ земледѣльца, состояла изъ Цереры, богини созрѣвающихъ жатвъ, въ вѣнцѣ изъ золотыхъ колосьевъ съ серпомъ въ рукѣ, и Помоны, богини плодовыхъ садовъ, туника которой вся осыпана была яблочнымъ цвѣтомъ, а въ рукахъ — полный плодами рогъ изобилія. Съ ними танцовали рѣчныя божества — Ладонъ и Скамандръ. Діонисъ, Панъ, Афродита и Марсъ изображали полуденные часы полнужизненнаго покоя, опьянѣнія, любви и силы. За ними выступили: градостроительница Паллада Аѳина, искусный кузнецъ Гефестъ, бракостроитель Гименей и блюстительница домашняго очага Веста, соотвѣствуя предвечернимъ рабочимъ часамъ городской семьи. Пятая кадрили олицетворяла часы заката и сумерекъ. Улыбающаяся Геба, посланница боговъ, проливающая на землю нектаръ изъ вечерняго кубка трапезующихъ олимпійцевъ, вечерняя, въ багрецѣ, золотѣ, пламени и сизой дымкѣ Аврора, легкокрылый Зефиръ, повѣвающий съ моря, и въ фіолетовой мантии закутанный Горусъ, держащій перстъ молчанія на устахъ. Последняя кадрили, въ темно-лиловыхъ, усѣянныхъ звѣздами и фантастическими фигурами и гіероглифами плащахъ и туникахъ, изображала часы ночи. Гермесъ съ кадуцеемъ, предводитель сновъ, серебристая, легконогая Селена съ колчаномъ и лукомъ за плечами, прекрасный Эндиміонъ и мрачная властительница привидѣній Геката составляли эту кадрили. Весь балетъ велъ балетмейстеръ ле-Пикъ. А такъ какъ онъ былъ уже чрезвычайно старъ, то изображалъ сѣдое Время — голоногаго, въ короткой простой туникѣ длиннородаго Хроноса съ

песочными часами въ одной рукѣ и косою въ другой, съ полумаской, изображающей мертвый черепъ. Когда кадрили исполнили свои мимическіе нумера и соединились въ общій, плавно вращающійся хороводъ божествъ, Хроносъ сталъ посреди круга и началъ танцовать соло—пляску сѣдого неумолимаго Времени. Оставшаяся еще легкость въ ногахъ, совершенное искусство артиста соединились съ его дряхлостью, и такъ ле-Пикъ достигъ поразительнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, предъ взорами всѣхъ танцовало Время, крылатое, улетающее ежемгновенно и косное, стремительное и ветхое, неотступное и безчувственное лихое Время! Могилой и тлѣніемъ, всеобщимъ разрушеніемъ, отчаяніемъ и томящей скукой, пустотой и непредѣльной печалью вѣяло отъ трагическаго танца знаменитаго балетмейстера. Казалось, то дотанцовываетъ славный гремящій вѣкъ, послѣдній вѣкъ Версаля, Трианона, Санъ-Суси, Эрмитажа, вѣкъ Великаго Фридриха и Великой Екатерины, вѣкъ краснорѣчиваго Мирабо и великолѣпнаго Петемкина! И разительную противоположность съ танцующимъ Хроносомъ составляли прекрасныя, юныя богини и полныя жизни и огня молодости боги хоровода! Они вились чарующей гирляндой кругомъ солиста. А онъ, почти на одномъ мѣстѣ, высоко прыгая и взлетая въ боковыхъ па направо и налево, совершалъ торжественную мистерію, какъ верховой жрецъ Терпсихоры восемнадцатаго вѣка!

Маэстро Сарти сопровождалъ музыку финала балета аккомпаниментомъ звона мѣдныхъ тарелокъ и литавровъ, и эти мѣдные стонущіе звуки, въ тактъ прыжкамъ ле-Пика, напоминали зловѣщій бой часовъ. Тысячная толпа роскошно разодѣтыхъ гостей, цвѣтникъ красавицъ въ ложахъ, сама государыня, очарованные, съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили за пляской ле-Пика, и каждое движеніе и каждый прыжокъ артиста отзывался въ ихъ сердцахъ глубокимъ, задумчивымъ чувствомъ! Легкомысленныя чада великолѣпнаго вѣка, беззаботные спутники царицы и ея вельможъ, ристатели случая и фортуны, имъ напомнилъ этотъ танецъ, эти мѣдные звуки тарелокъ, этотъ визгъ литавровъ, проступающій съ плясовымъ стономъ мелодій, что ихъ дни скоротечны, что они стремительно мчатся въ темную пропасть забвенія, что все, за чѣмъ гнались они столь жадно, что, казалось имъ, держатъ въ рукахъ и подносятъ къ алчнымъ устамъ, все измѣнить имъ мгновенно, и легкимъ пепломъ свѣтъ ихъ съ вѣчно цвѣтущей жизни уже подувающій предразсвѣтнѣй вѣтеръ новаго вѣка, новой жизни, новыхъ поколѣній! И тѣ прекрасные боги и богини, что, сверкая драгоценными камнями, брильянтами, переливаясь радугой одеждъ, вились хороводомъ вокругъ стараго танцора, казались воплощеніемъ всей славы, блеска, красоты, прелести Екатерининныхъ дней! Казалось, вотъ этотъ странный старикъ увлечетъ ихъ всѣхъ съ собою, и сѣрья, совиныя крылья, трепещущія за согбен-

ною его спиной, охватятъ и унесутъ чета за четою олимпійцевъ въ черную пасть ничтожества... Задумалась и сама владычица седьмой частью земного шара, чудесно изъ ничтожной, бѣдной ангальтъ-цербстской принцессы превращенная рокомъ въ повелительницу миллионѣвъ, оперла посѣдѣвшую не отъ одной пудры голову на утомленную державнымъ трудомъ руку, и сафиры глазъ ея наполнились задумчивой грустью въ то время, какъ, по привычкѣ, улыбка порхала на тронутыхъ карминомъ устахъ. Возлѣ нея стоялъ князь Потемкинъ, на возвышенномъ помостѣ казавшійся особенно громаднымъ. Черное кружево трауромъ струилось съ широкихъ плечъ его. Какъ кровь, алѣлъ шелкъ фрака. Брильянты горѣли на всей его могучей фигурѣ. Онъ сложилъ руки одна на другую, и большіе пальцы, унизанные перстнями, тоже горѣвшими брильянтами, покоились на богатырской груди. Склоняя львиную голову къ зрѣлищу у ногъ своихъ, князь Таврической хранилъ на челѣ и въ очахъ выраженіе строгой думы и весь мрачно блисталъ и алѣлъ, надменный, непреклонный, какъ истый князь тьмы, какъ прозвали его враги. Темпъ танца все ускорялся. Мѣдный звонъ тарелокъ врывался все рѣзче, все настойчивѣе; ле-Пикъ прыгалъ все выше, незамѣтно со всѣмъ хороводомъ приближаясь къ самому помосту, гдѣ сидѣла императрица. Вдругъ хороводъ разорвался, и два крыла его отошли въ сторону, а Хроносъ, ударивъ о полъ часами и косою, разбилъ ихъ вдребезги и преклонилъ колѣно предъ монархиней. Въ то же время двадцать четыре воспитанницы Смольнаго монастыря по четырнадцатой веснѣ, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, прелестныхъ дѣвушки-дѣти, вышли изъ рядовъ гостей съ корзинками цвѣтовъ и подали ихъ танцовавшимъ балетъ знатнымъ обоюга пола особамъ. Онѣ стали осыпать цвѣтами помостъ, бросая ихъ подъ ноги императрицѣ. Она милостиво имъ изволила кланяться. А вся зала разразилась едиными криками восторга.

Тутъ грянула громкая музыка, сопровождаемая хоровымъ пѣніемъ. Открылся польскій. Церемоніймейстеры учреджали пару за парой. Началось какъ бы церемоніальное торжественное прохожденіе безконечной лентой мимо эстрады, гдѣ теперь отъ души улыбалась, въ тактъ наклоняя вѣнценосную голову, Великая Жена. Мощный мужской хоръ пѣлъ:

Громъ побѣды!
 Громъ побѣды!
 Раздавайся!
 Раздавайся!
 Веселися, храбрый Россъ!
 Звучной славой!
 Звучной славой!
 Украшайся!
 Украшайся!
 Магомета ты потрясъ!

Женскій хоръ возгласилъ ропщущій полнотою чувства припѣвъ польскаго:

Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная намъ мать!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная намъ мать!

Мужскій хоръ загремѣлъ, при вопляхъ трубъ, рокотаніи барабановъ, звонѣ литавровъ:

Ужъ не могутъ!
Ужъ не могутъ!
Орды Крыма!
Орды Крыма!
Нынѣ рунить нашъ покой!
Раздается!
Раздается!
Стонъ Селима!
Стонъ Селима!
И блѣднѣеть онъ съ луной!

Женскіе голоса съ рыдающимъ восторгомъ и нѣжнымъ воплемъ безпредѣльной признательности повторили припѣвъ:

Славься симъ, Екатерина!
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Пара за парой одушевленно проходила мимо императрицы, при чемъ кавалеры поступью и станомъ своимъ старались проявить орлиную смѣлость и доблесть, а дамы взоромъ и всѣмъ стремленіемъ — восторженное обожаніе великой царицы. Мужской хоръ гремѣлъ:

Воды быстрыя!
Воды быстрыя!
Дуная!
Да, Дуная!
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ!
Храбрость Россовъ!
Храбрость Россовъ!
Почитая!
Почитая!
Тавръ подъ нами и Кавказъ!

Тутъ мужской и женскій хоры соединились, а съ ними вся зала, всѣ три тысячи гостей пропѣли припѣвъ:

Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Этотъ любимый польскій обычно гремѣлъ на всѣхъ балахъ того времени и всегда съ какою-то восторженною гордостью хо-

дили русскіе подъ гремящіе его звуки, но въ этотъ торжественный мигъ, предъ очами государыни, въ чертогахъ князя Таврическаго чувства достигли наивысшаго напряженія и разрѣшились въ кликахъ многократнаго, единодушнаго, оглушительнаго «ура! ура! ура!» Казалось, стѣны рухнутъ отъ сего тысячеустаго, страшнаго крика. И онъ не остался безъ отклика. Онъ вырвался въ огромныя окна залы, за которыми, въ аломъ сіяніи догорающаго заката, въ золотистой лиловой дымкѣ сходящихъ сумерекъ двигалась въ паркахъ и садахъ гуляющая толпа, созерцавшая сквозь окна, насколько могла, танцы и государыню на эстрадѣ. «Ура» было подхвачено всей этой толпой, облетѣло дворецъ, прокатилось по необозримымъ толпамъ народа на площади и далѣе, въ четырехъ променадахъ, и гремѣло, гремѣло, гремѣло, то доходя до неистоваго рокота морского прибоя въ бурю, то ослабѣвая, и вновь, и вновь напряженно, страстно, неистово вопя, бушующая, раздирающимъ грохотомъ переливаясь, съ визгомъ, съ хохотомъ, со стономъ почти, гремя, гремя, гремя!

ХCV.

Въ зимнемъ саду.

Учредились танцы, менуэты и экосесы. Пока въ главной залѣ тысячная толпа изящно маскированныхъ въ цвѣтныя домино и разнообразныя характерныя костюмы кавалеровъ и прекрасныхъ дамъ занималась сими веселостями, императрица изволила прогуляться въ зимнемъ, свѣтлѣйшаго князя Таврическаго, саду.

Полукруглое зданіе, расположенное сзади колоннады, само по огромности своей не могло обойтись безъ колоннъ. Но ихъ скрыли, придавъ имъ видъ пальмовыхъ деревьевъ съ широколиственной вершиной, подпирающей потолокъ, съ цвѣтами и плодами. Зимній садъ расположенъ былъ въ англійскомъ вкусѣ. Тепло поддерживалось многочисленными печами, скрытыми въ стѣнахъ и колоннахъ. И даже подъ поломъ проведены были жестяныя трубы, которыя безпрестанно наполнялись кипяткомъ.

Зеленѣющій дерновый скатъ велъ дорогою, обсаженною цвѣтущими померанцевыми деревьями. По скату разбросаны были рожицы развѣсистыхъ деревьевъ, окруженныя изящными рѣшетками, по которымъ вились благоуханныя розы, бѣлыя акаціи, жасмины. Въ этихъ роцахъ и цвѣтущихъ кустарникахъ, осыпанныхъ незамѣтною сѣтью, сидѣли соловьи и разныя пѣвчія птицы, оглашавшія зимній садъ разнообразнымъ свистомъ и щебетомъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ газонѣ, въ землѣ, въ художественныхъ драгоценныхъ горшкахъ, на мраморныхъ постаментахъ видны рѣдчайшія растенія разныхъ климатовъ и полосъ земнаго шара. Были

аллеи, сверху покрытыя деревьями, вѣтви которыхъ переплелись между собою и образовали лиственный сводъ. Шпалеры разнообразныхъ низкорослыхъ плодовыхъ деревьевъ, со штамбомъ не выше человѣческаго роста и переплетенными въ узоръ боковыми вѣтвями, усыпаны зрѣлыми чудными плодами. Зеленый дернъ стелется, какъ бархатъ. Партеры наполнены всевозможными цвѣтами. Въ травѣ стоятъ большіе хрустальные шары съ водою, въ которыхъ плаваютъ золотыя и серебряныя рыбки. Войдя въ зимній садъ, въ сопровожденіи хозяина, фаворита Зубова, цесаревича съ супругою и немногихъ приближеннѣйшихъ вельможъ, государыня гуляла въ немъ, изумляясь искусству, съ которымъ, при помощи оптики и тайнъ перспективы, малыя пространства превращены были въ обманывающія глазъ дали.

Подъ мирнымъ свѣсомъ деревъ бархатомъ стелется зеленый дернъ; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дорожки пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, журчатъ ручейки; на дерновыхъ холмикахъ бѣлѣютъ мраморныя вазы, и статуи круглятся дивными формами. Вездѣ царствуетъ весна, и искусство споритъ съ прелестями природы. Плаваетъ духъ въ удовольствіи. Кактусы всякихъ формъ, кубышками, ежами, около дорожки громоздятся. Въ одной рощицѣ всѣхъ сортовъ грибы оказались въ разноцвѣтномъ мху растущіе, и государыня, смѣясь отъ души чудесамъ свѣтлѣйшаго, набрала препорядочно въ платочекъ маленькихъ груздочковъ и велѣла къ себѣ въ карету отнести «свою охоту». Для полнаго услажденія чувствъ скрытыя курильницы дышали благовоніями, которыя смѣшивались съ запахомъ цвѣтовъ померанцевыхъ и жасминовыхъ деревьевъ и съ испареніями водомета, бившаго лавандовою водою. При этомъ водометѣ изволила государыня припомнить «ногоѣду» свѣтлѣйшаго, и шутила, что для головы своей припасъ лавандовой воды цѣлый водометъ; то лучше бы ему никогда не бить и у его свѣтлости «ногоѣдѣ» и «монашеству» никогда не бывать. Обернувшись и видя между колоннами блистающую огнями, бывшую въ движеніи, трехтысячной танцующей подъ громъ музыки толпой наполненную залу, государыня удивлялась противоположности съ цвѣтущимъ садомъ по сю сторону колоннъ, въ которомъ одновременно гуляла. Но еще не всѣ чудеса зимняго сада были осмотрѣны. Изъ глазъ все пропало, ибо вдругъ вступили въ зеленый лабиринтъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности мужей, сосуды изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ, возвышенные на подножіи. Блуждали все по этому лабиринту, по возвышающемуся скату тропинки и совершенно потерялись и заблудились. Но вдругъ вышли къ возвышенному на ступеняхъ

сквозному алтарю, окруженному восемью столпами изъ бѣлаго мрамора; на нихъ возносился лазурный, какъ небо, легкій куполь. Алтарь служилъ подножіемъ изображенію императрицы — колоссальной статуѣ изъ бѣлоснѣжнаго мрамора, работы академика Федота Ивановича Шубина. Екатерина представлена была въ императорской мантии, въ вѣнцѣ, держащая рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги. На подножіи блистала золотая надпись:

«Матери отечества и мнѣ премилосердой».

Вокругъ алтаря со статуей на пьедесталахъ стояли яшмовыя чаши, наполненныя куреніемъ. Ароматическими облаками поднимался изъ нихъ ошміамъ и плылъ къ ногамъ изваянія.

Сверху висѣли лампы и цвѣточныя цѣпи и вѣнцы; особые лампы, изображавшіе большія розы, обвивали какъ бы зеленымъ побѣгомъ столпы и на мраморѣ сіяли алымъ пламенемъ скрытыхъ внутри ихъ огней. Потемкинъ, подведя императрицу къ сему кумиру ея священной особы, опустился на колѣни на ступеняхъ алтаря и опять, какъ при входѣ, зарыдалъ отъ полноты чувствъ. Затѣмъ произнесъ онъ собственнаго сочиненія французскіе стихи:

Que puis-je t'offrir en hommage?
Je suis moi-même ton ouvrage:
Mon pouvoir et mon sort sont
sortis de ta main ¹⁾.

Императрица подняла князя милостиво и, цѣлуя его въ лобъ, разстроенная, говорила:

— Что это вы, ваша свѣтлость, на столь прекрасномъ и знаменитомъ празднествѣ изволите все плакать?

Слова эти лишь усилили безмолвный плачъ князя Таврическаго. Охвативъ руками мраморъ колоссальнаго кумира своей благодѣтельница, онъ положительно обрызгалъ его ручьями слезъ, струившихся изъ глазъ его. Императрица собственнымъ платочкомъ, въ который собирала недавно грузди, утерла слезы свѣтлѣйшаго, и давала нѣсколько разъ цѣловать ему ручки. Послѣ сего бурные вздохи освободились изъ могучей груди князя Таврическаго, и онъ успокоился. Сцена эта произошла безъ свидѣтелей, такъ какъ Потемкинъ въ разныхъ пунктахъ лабиринта занялъ вниманіе спутниковъ различными интересными предметами, и быстро затѣмъ уходилъ впередъ съ государыней; итакъ, всѣ отстали, а потомъ въ хитромъ лабиринтѣ безъ вожатаго заблудились и теперь бродили кругомъ, слышали голоса другъ друга, но не могли выбраться, пока князь Платонъ Зубовъ не догадался

¹⁾ Въ современномъ переводѣ: «Какое могу воздать тебѣ чествованіе? Самъ я есмь твореніе твое, а власть и жребій мой суть дѣло руку твоею».

встать на пьедесталъ какой-то вазы и посмотрѣть поверхъ зеленыхъ стѣнъ лабиринта. Тогда открылся ему и алтарь со статуей и весь чертежъ сооруженія на весьма небольшомъ въ сущности пространствѣ. Одинъ Платонъ Зубовъ и видѣлъ съ бушевавшей въ груди злобой нѣжное объясненіе престарѣлой монархини съ княземъ тѣмы.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, заблудившись въ лабиринтѣ съ Маріей Θεодоровной, весьма былъ недоволенъ сей шуткой и когда, выведенный княземъ, пустившимся собирать гостей, появился у статуи, не могъ скрыть гнѣва, пыхтѣлъ и отдувался. Марія Θεодорова показывала холодность въ свѣтлыхъ, какъ зеркало, чертахъ своихъ. Екатерина все видѣла и снисходила.

Но еще не все было осмотрѣно въ зимнемъ саду. За алтаремъ со статуей открывалась, повидимому, обширная луговина, на которой высилась зеркальная грандіозная пирамида, обдѣланная въ золото. Она была украшена висящими гранеными дѣпочками и вѣнцами, составленными изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ камней. Верхъ пирамиды изъ хрустальныхъ кристалловъ увѣнчанъ былъ вензелевымъ Екатерины Вторыя инициаломъ, какъ бы изъ брильянтовъ составленнымъ.

Эту пирамиду окружали другія, не столь огромныя зеркальныя пирамиды, на которыхъ горѣли трофеи и вензелевыя имена наслѣдника престола, его супруги и обоихъ великихъ князей, составленные какъ бы изъ топазовъ, аметистовъ, смарагдовъ и изумрудовъ. Лучи, взаимно отражаясь зеркальными поверхностями пирамидъ, которыя къ тому же тихо въ разныя стороны на оси своей вращались, преломлялись многократно и такое производили радужное сверканіе, что невозможно описать. Изображая обелисками твердость и сіяніе вѣчной славы своей благодѣтельницы, казалось, Потемкинъ надѣялся начертаніемъ на малыхъ пирамидахъ именъ Павла Петровича и Маріи Θεодоровны привлечь ихъ благосклонность. Но цесаревичъ продолжалъ пыхтѣть, отворачиваться и пробормоталъ сквозь зубы стихъ изъ пророка Іезекіиля: «я низвергнулъ тебя, какъ нечистаго, съ горы Божіей, изгналъ тебя, херувимъ осѣняющій, изъ среды огнистыхъ камней!» Огнистые камни тихо вращались и сверкали предъ Екатериной, но и здѣсь еще чудесамъ зимнаго сада не былъ конецъ. За обелисками, въ самой глубинѣ могучей растительности южныхъ странъ, переплетенной лозами винограда, оказалась зеркальная пещера. Внутри ея, въ полъ вдѣланъ былъ водоемъ изъ паросскаго мрамора.

— Се кладезъ вѣчной истины!—объяснилъ Потемкинъ.—Изволите, великая государыня, посмотрѣть въ сей водоемъ, то на днѣ его узрите несомнительно образъ самой истины!

Екатерина посмотрѣла и увидѣла собственное свое отраженіе.

XCVI.

Отдохновеніе.

Еще послѣднее показалъ государынѣ чудо зимняго сада свѣтлѣйшій: многократное эхо.

«Эхо» оказалось небольшого роста толстенькимъ человѣчкомъ въ зеленомъ кафтанѣ, зеленой шляпѣ и зеленыхъ чулкахъ на толстыхъ икрахъ. Въ такомъ нарядѣ человѣкъ походилъ на огромнаго зеленого кузнечика и совершенно терялся среди кустовъ и муравы газона.

Низко поклонившись государынѣ, человѣкъ сталъ показывать свое искусство; крикнулъ: «Великая Екатерина!» И вдругъ изъ разныхъ угловъ зимняго сада, то удаляясь, то приближаясь, то гремя, то утихая, поднялись отголоски: «Великая! Великая! Великая! Екатерина! Екатерина! Екатерина!»

Тѣмъ удивительнѣе было искусство сего феноменальнаго чревоѣщателя, что лицо его, которое такого рода артисты обыкновенно прячутъ, такъ оно искажается отъ усилія, у зеленого человѣка обращено было къ зрителямъ и сохраняло спокойное, благопрістойное выраженіе.

Императрица удивлялась, откуда это свѣтлѣйшій взялъ столь удивительнаго искусника. Но все болѣе показывавшій недовольство цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ сторону замѣтилъ, что подобнаго рода артисты до сихъ поръ были достояніемъ простонародныхъ ярмарокъ. Вообще Павелъ Петровичъ находилъ варварскимъ и азіатскимъ нагроможденіе достопримѣчательностей, множество предметовъ роскоши и изобиліе сверканія на празднествѣ Потемкина и признавалъ несогласнымъ съ изящнымъ вкусомъ, какой разлитъ былъ хотя бы на празднествахъ въ Санъ-Суси и Версалѣ, когда графъ и графиня Сѣверные посѣщали Фридриха Великаго, Людовика и Марію-Антуанетту.

Между тѣмъ въ главной залѣ окончились менуэты и экосесы. Церемоніймейстеры предложили гостямъ пожаловать въ гостинья, гдѣ имѣли имъ предложить десертъ, фрукты, конфеты, прохладительные напитки.

Опять загремѣлъ польскій, пары построились и безконечной гирляндой, подъ управленіемъ церемоніймейстеровъ и многочисленныхъ ихъ, порхавшихъ, какъ зефиры, помощниковъ, пошли въ гостинья и залы, расположенныя въ четыре ряда по крыльямъ дворца. Всѣхъ покоевъ тутъ было сто пятнадцать. Одни выходили окнами въ воздушные сады и парки, другіе на Неву, берега которой были очищены отъ лѣжившихся ранѣ здѣсь хижинъ, спланированы, усыпаны пескомъ и ограждались изящными рѣшетками. Бѣлая ночь лежала на широкомъ лонѣ Невы, и въ аллеяхъ парка

разливала сѣроватыя сумерки. Многія изъ гостиныхъ украшены были картинами, драгоцѣнными обоями и мебелями, купленными въ имѣніяхъ герцогини Кингстонъ. Кромѣ того, множество прекрасныхъ, художественныхъ вещей скуплено было свѣтлѣйшимъ у эмигрантовъ и чрезъ виленскихъ евреевъ-факторовъ послѣ пожаровъ феодальныхъ замковъ во Франціи. Уже на третій годъ революціи антикварныя лавки Европы стали наполняться скупленными сокровищами французской синьоріи; это было только начало того погрома, который потомъ распространился и на соприкасавшіяся съ Франціей области Средней Европы и снабдилъ дома русскихъ вельможъ собраніями удивительныхъ произведеній художества и мастерства стараго режима.

Трехтысячная толпа легко размѣстилась въ ста пятнадцати просторныхъ покояхъ, находя въ каждомъ услугу лакеевъ въ пудрѣ, милостивыхъ казачковъ, калмыченковъ и негритенковъ, столы, отягченные подносами и вазами съ фруктами и разнообразнѣйшими лакомствами и кувшинами съ искристыми пѣнными водами, закрытыми кусками льда. Кавалеры потчевали дамъ, и господствовало самое пріятное непринужденіе.

На празднествѣ Павлу Корнильевичу Раджицкому, какъ мы уже знаемъ, выпала весьма почетная, но и томительнѣйшая обязанность носить тяжелую, отягивавшую руки, брильянтовую шляпу свѣтлѣйшаго. Помимо того, что эта обязанность лишала молодого человѣка возможности участвовать въ танцахъ, любоваться графиней Софіей и быть около нея, — обязанность была и весьма трудная. Должно было, какъ тѣнь, скитаться по пятамъ Потемкина, однако съ тѣмъ расчетомъ, чтобы каждую минуту, по первому его знаку быть готовымъ подойти со шляпой и то же время не докучать ему близостью чрезмѣрной, не настигать, а какъ бы маячить и рѣять за нимъ въ ближайшей отдаленности. Когда государыня и спутники ея вошли въ лабиринтъ, Павелъ Корнильевичъ по данному отъ свѣтлѣйшаго наканунѣ на весь вечеръ подробному наставленію, долженъ былъ пройти къ одному изъ входовъ въ гостиныя подъ колоннадой и тамъ стать, ожидая прохожденія императрицы изъ сада въ нарочитый отдаленный покой для отдохновенія и карточной игры. Пара за парой проходили гости свѣтлѣйшаго изъ рогонды въ гостиныя. Рыцари, пастушки, боги и богини, воины всѣхъ вѣковъ, женщины всѣхъ націй пестрымъ фараономъ мелькали. Видъ высокаго, статнаго, молодого адъютанта съ сверкающей брильянтовой шляпой въ рукахъ привлекъ взоры не одной прелестной дѣвицы и очаровательной дамы. Но Павелъ Корнильевичъ жаждалъ видѣть только одну, которою было полно его сердце. Графиня Софія, въ чалмѣ и восточномъ нарядѣ, съ фіолетовой полумаской, открывавшей нижнюю часть ея плѣнительнаго лица, прошла мимо молодого человѣка, подъ руку съ графомъ Потоцкимъ, одѣ-

тымъ тоже въ богатѣйшій восточный нарядъ и изображавшимъ султана Солимана Великолѣпнаго. Проходя, Софія улыбнулась, глаза ея въ прорѣзы маски съ ласковой нѣгой остановились на Радожицкомъ, и красавица кивнула ему головкой... Ахъ, если бы отшвырнуть глупую брильянтовую шляпу и стать на мѣсто Потоцкаго! Но по обязанности своей долженъ онъ былъ съ невозмутимой почтительной важностью обѣими руками торжественно держать символъ величія, славы, блеска и удачи князя Потемкина—его шляпу, такъ, чтобы та видна была всѣмъ проходящимъ и каждый могъ оцѣнить эту гору крупнѣйшихъ дивной игры брильянтовъ и нѣкоторыхъ другихъ камней, доставшихся свѣтлѣйшему изъ военной добычи послѣ штурма Очакова, Бендеръ и въ особенности Измаила, гдѣ поднесенъ ему былъ найденный въ частномъ домѣ какого-то богатаго турка вотъ сей изумрудъ, почти въ куриное яйцо величиною!

Наконецъ прослѣдовала и государыня съ прочими при ней особами и свѣтлѣйшимъ. Опять должно было Павлу Корнильевичу витать въ ближайшей къ нему отдаленности.

Покои, въ которыхъ государыня отдыхала и изволила играть съ княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, статсъ-дамой Протасовой и самимъ хозяиномъ въ карты, устланы были драгоценными коврами и по стѣнамъ обтянуты дивными гобеленами, изображавшими исторію персидскаго вельможи Амана, прекрасной Эсѳири и Мардохея - израильянина. Государыня съ интересомъ разсматривала гобелены. Сюжетъ ихъ какъ бы напоминалъ объ обязанности царей не внимать наушничеству злыхъ и подлыхъ вельможъ и дорожить вѣрными слугами. Случайно или съ намѣреніемъ, неизвѣстно, но въ чертахъ Омана можно было найти сходство съ графомъ Зубовымъ. Мардохей нѣсколько напоминалъ обросшаго бородой Потемкина, а Эсѳиръ походила на самое императрицу.

Въ открывавшейся взорамъ державной жены анфиладѣ гостиныхъ, именно въ ближайшей, золотой слонъ, съ часами въ груди, обвѣшанный жемчужными бахромами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ, какъ живой. Персіянинъ, сидѣвшій на немъ, ударилъ въ колоколъ. Это было возвѣщеніемъ начала театрального представленія.

Одна стѣна покоя, гдѣ сидѣла государыня, цесаревичъ, великіе князья и княгини и за столиками прочіе избраннѣйшія особы, плавно поднялась. Открылась сцена. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ серединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензелевое имя Екатерины Второй. Выступилъ балетъ, представляя счастливыхъ поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ благотворительному свѣтилу, вензелевымъ ея императорскаго величества именованному, танцовщицы и танцов-

щицы показывали движеніями усерднѣйшія свои чувства. Въ то же время сокрытый хоръ подѣ нѣжную музыку пріятно пѣлъ:

Сколь твоими чудесами,
Взгляда твоего лучами,
Именемъ твоимъ блаженны!
Сколь тобой мы восхищенны!
Посмотри на наши лица!
Кроткая небесъ звѣнца!
Хоры всюду раздадутся,
Восклицанья понесутся:
Всѣхъ съ тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

Затѣмъ послѣдовалъ балетъ, представлявшій смирскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ, кромѣ російскаго. Прекрасные юноши — испанцы, французы, итальянцы, англичане, арабы, негры, турки, только прикрытые по чресламъ цвѣтной тканью, выступали предъ покупщиками, бѣгали, прыгали, боролись, танцовали по приказу выхвалявшаго живой товаръ свой купца. Въ заключеніе эрмитажный французскій актеръ Огюсть продекламировалъ оду славнаго Жана-Батиста Руссо, написанную къ христіанскимъ государямъ еще въ 1715 году на ополченіе турокъ противъ Венеціанской республики, но многія строфы которой удивительно подходили къ событіямъ 1791 года:

O, honte! o, de l'Europe infamie éternelle!
Un peuple de brigands, sous un chef infidele,
De ses plus saints remparts détruit la surété;
Et le mensonge impur tranquillement repose
Où le grand Théodose
Fit regner si long—temps l'auguste vérité¹⁾.

Анфилада гостиныхъ наполнилась толпившимися гостями, которые желали видѣть происходившее на сценѣ. По окончаніи длинной оды Жана-Батиста Руссо, государыня дала знакъ рукоплесканіямъ. Всѣ послѣдовали ея примѣру. Затѣмъ свѣтлѣйшій просилъ пожаловать посмотрѣть иллюминацію, приготовленную въ ретондѣ и внѣ дворца зажигаемую.

— Какъ, неужели не довольно было того сверканія, сквозь которое мы до сей гостиной проходили!—удивилась государыня.— Чудеситъ изволите, ваша свѣтлость! Однако, покажите; надо посмотрѣть.

Государыня встала и направилась по анфиладѣ. Наполнявшіе покой гости стали по сторонамъ широкаго прохода и сердцемъ

¹⁾ О, отвращеніе! о, вѣчный позоръ Европы! Разбойничій народъ подѣ главенствомъ невѣрнаго разрушаетъ безопасность святѣйшихъ твердынь, и нечистая ложь спокойно поκειται тамъ, гдѣ великій Θεодосій столь долго царствовалъ державной истиной.

и взорами устремлялись за обожаемой монархиней. Между тѣмъ изъ главной залы конногвардейскаго дома или ротонды навстрѣчу шествующей анфиладою гостинныхъ и малыхъ залъ Екатеринѣ несли гимнъ, который пѣли женскій и мужской хоры вмѣстѣ при громкой музыкѣ громаднаго оркестра:

Владычица полсвѣта,
 Россіянъ храбрыхъ мать!
 Въ богоподобной славѣ,
 Въ сіяньи благъ твоихъ,
 Твоимъ небеснымъ взоромъ,
 Какъ радуга на поуть,
 Потокомъ свѣтозарнымъ
 Блаженство низведи!
 Возри: какъ въ небѣ звѣзды,
 Какъ въ домѣ семь огни,
 Такъ ревностью горѣли
 Въ бояхъ твои сыны.
 О, солнце золотое!
 Безсмертная жена!
 Ты храмъ нерукозданный
 Упрочила въ сердцахъ!
 Свобода создаетъ
 Блаженство странъ твоихъ,
 И дышать миллионы
 Премудростью твоей!

Вступили въ освѣщенный чертогъ ротонды.

— Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?—спросила изумленная императрица.

Залъ, колонны, зимній садъ за нимъ все обратилось въ море огня, блеска, лучей, предъ которымъ бывшее во время танцевъ освѣщеніе казалось теперь совершенно бѣднымъ и темнымъ. Карнизы, окна, простѣнки, все было унижено восковыми лампіонами. Случившійся по близости камергеръ Чертковъ громко сталъ словоить удивительное зрѣлице:

— Какой блескъ! Какое великолѣпіе! Волшебные, чортъ возьми, замки Шахеразады! Что я вижу! Боже мой! Тутъ играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются, чортъ возьми, взоры! Тамъ какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный! Боже мой! я весь въ заряхъ!

Замѣчаніе Черткова насчетъ «зноя африканскаго лѣта» скоро оправдалось, когда трехтысячная толпа влилась изъ гостинныхъ съ четырехъ сторонъ въ залу. Жара быстро стала подниматься. Духота становилась нестерпимой; какъ ни огромно было пространство залы, тамъ горѣло 120 тысячъ лампіоновъ и 20 тысячъ свѣчей. Такое количество горящаго и топящагося воска не могло не дать цѣлыя облака тонкой копоти, не могло не поглотить животворныя начала воздуха. Къ тому же глаза начинало ломить отъ

блеска. Окна окружены были звѣздами. Горящія звѣзды простирались по высотѣ стѣнъ. Блестали рубины, изумруды, яхонты, топазы. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висѣли между столпами; радуги бѣгали по пространству; въ зимнемъ саду колонны, превращенныя въ пальмы, до самой вершины увиты были звѣздами и горѣли, какъ пламенѣющіе столпы рая или ада,—какъ кому нравилось сравнить... Роши были обременены искусственными златопрозрачными фонарями въ видѣ померанцевъ, лимоновъ, апельсиновъ, которые раньше принимали за настоящіе; зеленый, багровый и желтый виноградъ висѣлъ, свѣшиваясь огнистыми кистями, а въ тѣняхъ, по чернымъ грядкамъ искусственные лиліи и тюльпаны, дыни, арбузы, ананасы пламенѣли. Зрители пришли въ восторгъ и громко восхищались иллюминаціей. Среди моря огня свѣтлѣйшій, въ алломъ своемъ фракѣ и черной епанчѣ, весь горя брильянтами съ ногъ до головы, сверкая и шляпой, которую теперь, несмотря на тяжесть ея, надѣлъ на львиную свою голову, уподоблялся во истину Люциферу. Но жара и духота становилась несносной. Маски прилипали къ потнымъ лицамъ. Свѣтлѣйшій предложилъ государынѣ выйти въ наружные, воздушные сады и парки, подышать прохладой и полюбоваться иллюминаціей окрестностей конногвардейскаго дома. Государыня охотно согласилась. За нею хлынули толпы гостей, на воздухъ снимая маски, чтобы прохладить разгоряченныя лица.

ХСVII.

Встрѣча въ саду.

Освободивъ Павла Корнильевича отъ брильянтовой шляпы, свѣтлѣйшій затѣмъ, когда тяжесть быстро утомила его львиную голову, передалъ ее другому адъютанту. Такимъ образомъ, Павелъ Корнильевичъ могъ располагать собою и, конечно, первымъ движеніемъ его было отыскать графиню Софію. Но сколько ни скитался онъ въ ротондѣ, среди восхищенной иллюминаціей, но изнемогавшей отъ жары и духоты толпы гостей, найти здѣсь гречанки не могъ. Рѣшивъ, что именно нестерпимый зной уже заставилъ ее искать прохлады въ воздушномъ саду, Павелъ Корнильевичъ прошелъ черезъ дверь одной изъ гостиныхъ въ окутанныя лиловатыми сумерками весенней ночи сады и парки. Здѣсь еще иллюминація не была зажжена. По дорожкамъ и аллеямъ въ ожиданіи прогуливались молчаливыя, почтительныя пары. То были преимущественно не имѣвшіе пригласительныхъ билетовъ на входъ въ самый дворецъ, но лишь сюда допущенные на гулянье петербургскіе обыватели. Павелъ Корнильевичъ, зная хорошо расположеніе садовъ, быстро обошелъ боскеты и цвѣточные партеры,

гдѣ всего вѣроятнѣе предполагалъ найти графиню Софію. Но ея нигдѣ не было. Чувство одиночества и грусти охватило сердце молодого человѣка. Со свойственной влюбленнымъ непослѣдовательностью, онъ вдругъ пришелъ въ отчаяніе. Представилась ему вся бесплодность его страсти, которую гречанка съ очевидностью поощряла лишь настолько, чтобы имѣть около себя послушнаго раба малѣйшихъ ея желаній и прихотей. Она не отдаляла его отъ себя, но и не приближала. Взглядъ, право поцѣловать ея руку или прядь каштановыхъ, душистыхъ волосъ ея, вотъ пока все, чѣмъ награждала она вѣрнаго паладина. Между тѣмъ онъ бесплодно тратилъ часы и дни около нея. Жизнь его проходила въ самомъ пустомъ занятіи. Ношеніе шляпы свѣтлѣйшаго въ этотъ вечеръ было важнѣйшей службой его за послѣдніе мѣсяцы. Съ утра до поздней ночи онъ вращался въ водоворотѣ придворныхъ выходовъ, пріемовъ, обѣдовъ и пріемовъ у свѣтлѣйшаго, завтраковъ у графини Софіи, ея прогулокъ, поѣздокъ за городъ, на острова, въ шлюпкѣ по Невѣ, на взморье. То бѣжалъ онъ покупать для нея по даннымъ образцамъ матеріи, кружева, блонды, то развозилъ разнымъ лицамъ ея записки. Такова была его «прямая служба»! Дѣятельность эта была столь же пуста и неосмысленна, какъ безумная страсть его къ авантюристкѣ—бесплодна. Къ тому же, постоянно видя ее, присутствуя даже нерѣдко въ утренніе часы за ея туалетомъ, когда парикмахеръ чесалъ золотисто-каштановый водопадъ кудрей ея, не могъ онъ, при всемъ ослѣпленіи чувствъ, не подмѣтить крайней ограниченности ума гречанки, избрѣтательнаго лишь на мелочныя интриги, ея глубокаго невѣжества, ея жадности къ золоту и цѣннымъ вещамъ, грубаго деспотизма избалованнаго всеобщимъ поклоненіемъ существа и собственнаго ея обожанія своихъ «прекрасныхъ глазъ», рукъ, ногъ, волосъ и всего своего тѣла. И тѣмъ не менѣе страсть молодого человѣка не ослабѣвала отъ сознанія духовнаго убожества боготворимой имъ женщины. Напротивъ, съ каждымъ днемъ она становилась ему вождѣльнѣе, опьяняла его, влекла, какъ опиумъ привыкшаго къ его ядовитому блаженству... Часто говорила она Павлу Корнильевичу о какой-то великой услугѣ, которой отъ него ожидаетъ, намекая, что затѣмъ наступитъ полная награда его вѣрности. Когда онъ вывезъ изъ пылающаго Измаила сестру графини и доставилъ ее затѣмъ въ Бендеры, то удивленъ былъ равнодушіемъ, съ которымъ она встрѣтила закутанную въ непроницаемую покрывала супругу трехбунчужнаго паши. Сестры только сказали одна другой нѣсколько ново-греческихъ и турецкихъ фразъ, и затѣмъ сестра графини Софіи поселилась въ скромномъ домикѣ на окраинѣ Бендеръ и тамъ и осталась, когда графиня вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ и его дворомъ отправилась въ Петербургъ. Что за услуга, о которой намекала графиня Софія, молодой человѣкъ не

имѣлъ никакого еще понятія. Но говорила она, что лишь тотъ можетъ надѣяться получить ея взаимность, кто отваженъ и на все дерзнетъ ради нея... Ахъ, бѣжать бы изъ этой пучины, отъ ядовитаго обольщенія черныхъ очей, изъ водоворота страстей, суеты, изъ тенетъ интригъ и темныхъ плановъ! Однимъ усилимъ порвать цѣпи рабства и возвратить себѣ свободу!

Павель Корнильевичъ быстро шелъ дорожкой, извивавшейся по берегу прихотливыхъ серебристыхъ водъ пруда, удаляясь вглубь сада отъ сіявшаго огромными окнами дворца, откуда неслись гармоничные звуки оркестра и хоровъ. Сверкалъ и пѣлъ въ безпечномъ веселіи конногвардейскій храмоподобный домъ, и окна подъ куполомъ во всѣ стороны бросали снопы яркаго свѣта. Заревомъ бѣжало отъ него по блѣдному пологу ночи. Народная толпа волновалась и глухо шумѣла на площади и въ «променадахъ». Сады, парки, воды—полны были таинственными сумерками. Звѣзды слабо поблескивали въ небѣ и отражались въ спокойной поверхности пруда, гдѣ спали лебеди и другая водяная птица, подвернувъ головы подъ крылья. Почтительныя пары подобно тѣнямъ скитались въ аллеяхъ и по дорожкамъ, толкуя о могуществѣ свѣтлѣйшаго, о великолѣпнн его праздника, и съ завистью посматривали на окна дворца, въ которыхъ двигались тѣни и профили счастливой избранной толпы вельможъ и богачей. Павель Корнильевичъ вышелъ къ обширной мраморной пристани пруда. Нѣсколько статуй, изображавшихъ бога морей Нептуна, Амфитриту, наядъ и nereидъ, бѣлѣлись вокругъ лодки, и гондолы поскрипывали, качаясь на водѣ у ступеней пристани. Въ тѣни, на мраморной скамьѣ Павель Корнильевичъ замѣтилъ кавалера и даму съ нимъ. Едва онъ сошелъ сюда, между цвѣтущими кустами акаціи, которыми обсажена была пристань, кавалеръ поднялся, подаль руку дамѣ, которая оперлась на нее, и оба вышли на средину пристани. При невѣрномъ сіяніи бѣлой ночи и блескѣ озаренныхъ заревомъ дворца водъ, Павель Корнильевичъ вглядѣлся въ стоявшаго передъ нимъ величественнаго, закутаннаго въ складки широкаго темнаго домино, но со спущеннымъ капюшономъ, сереброкудраго старца и въ молодую дѣвушку въ бѣломъ воздушномъ платьѣ сельской пастушки, съ легкой косынкой, наброшенной на дѣвственные плечи, съ бѣлой розой въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ золотымъ крестикомъ, сверкнувшимъ на высокой стройной шеѣ... И отступилъ, пораженный, потрясенный, испуганный!

То были графъ Мелинъ и его дочь, графиня Анна.

Пролетѣло мгновеніе взаимнаго удивленія и молчанія. Дѣвушка невольнымъ движеніемъ прижалась къ отцу и прислонила голову къ плечу его. На лицѣ графа разлилось важное спокойствіе. Скорѣе задумчивымъ, нежели строгимъ или негодующимъ взоромъ окинулъ онъ съ ногъ до головы юношу, его расшитый золотомъ

кафтанъ, кружевное жабо, драгоценныя пуговицы и рукоятку шпаги; замѣтилъ слегка поникшій станъ его; взглянулъ въ измученное, растерянное лицо... Казалось, онъ не хотѣлъ узнавать его и думалъ пройти молча мимо. Но Павелъ Корнильевичъ загоразивалъ узкій спускъ къ пристани. И когда молодой человѣкъ замѣтилъ движеніе графа не узнать и пройти мимо когда-то принятаго имъ въ домѣ, обласканнаго, внимавшаго отеческимъ наставленіямъ розенкрейцера, почти жениха его дочери, — такая скорбь выразилась въ жалкихъ глазахъ его, что благотворительная снисходительность смягчила строгія губы графа. Онъ что-то сказалъ вполголоса на голландскомъ языкѣ дочери. Графиня Анна оставила руку отца и, отойдя въ сумракъ склоненныхъ сводомъ надъ водами пруда и пристанью цвѣтущихъ кустовъ акаціи, присѣла тамъ на край мраморной скамьи.

Старый графъ сдѣлалъ шагъ навстрѣчу молодому человѣку. Павелъ Корнильевичъ склонился предъ нимъ въ почтительнѣйшемъ глубочайшемъ поклонѣ.

ХСVIII.

Объясненіе.

— Молодой человѣкъ, мнѣ васъ жаль, — сказалъ масонъ. — На вашемъ лицѣ, какъ въ открытой книгѣ, я читаю смущеніе, раскаяніе, недовольство собою, боязнь и тоску. Вы стоите на краю пропасти. Несомнѣнная гибель вамъ угрожаетъ, если дружеская рука не отведетъ васъ. Если вы не послушаетесь голоса благоразумія, чести и добродѣтели, то все будетъ кончено для васъ, и вы безповоротно вступите на стезю, съ которой нѣтъ возврата, и которая приведетъ васъ къ духовной смерти.

Старый графъ помолчалъ. Павелъ Корнильевичъ хотѣлъ сказать что-то, но графъ остановилъ его движеніемъ руки. Торжественныя, ликующіе звуки неслись изъ дворца, разливаясь по поверхности спокойныхъ водъ, отражавшихъ зарево огненной потѣхи. Спокойствіе и сумракъ были въ садахъ и паркахъ. Лишь глухой шумъ народной толпы доносился съ площади и «променады» передъ конногвардейскимъ домомъ.

— Да, вы стоите на краю гибели, — повторилъ графъ. — Высокія истины, мною исповѣдуемыя, братолюбіе, благотвореніе, особое уваженіе, которое питаю къ почтенному батюшкѣ вашему, наконецъ память о тѣхъ часахъ, когда вы открыли чистое, юношеское сердце всѣваемымъ старческою, слабою рукою моею сѣменамъ добра и правды, казалось, обѣщая урожай обильный въ лѣто прекрасное возмужанія силъ, — все это привело меня къ попыткѣ возвратить овцу заблудшую. Единственно эта причина побудила

меня прибыть, оставя тихія и важныя занятія съ достойными изслѣдователями истины въ храминѣ посвященныхъ, на суетное празднество профановъ, сыновъ многмятежнаго вѣка сего, преданныхъ гибнущимъ благамъ, глухихъ къ голосу истины, слѣпыхъ предъ знаменіями грядущаго преображенія міра.

Графъ опять помолчалъ и, посмотрѣвъ на сверкающій домъ князя Таврическаго, покачалъ головой съ выраженіемъ сострадательной скорби.

— Я припелъ на этотъ суетный праздникъ, гдѣ ни мнѣ, ни дочери моей быть не пристало, только изъ сожалѣнія къ вамъ, молодой заблудшій, зная, что вы будете отправлять должность служителя при семь роскошномъ князѣ, котораго титулуютъ свѣтлѣйшимъ, но по страстямъ и порокомъ коего справедливѣе было бы именовать темнѣйшимъ изъ всѣхъ ристателей успѣха и жрецовъ слѣпота, въ сладострастіи и безчувствіи къ стонамъ несчастливцевъ погрязшихъ. Но когда изъ ложи между столпами сего новаго Дагонова капища я увидѣлъ васъ, благоговѣнно носящаго тіару тщеславія и роскоши, я припомнилъ слова древняго пророка: «Горе вѣнку гордости опьяненныхъ Ефремлянъ!» Казалось мнѣ, что на лицѣ вашемъ я читалъ упоеніе суетой и невозможность для васъ возврата. Съ грустью рѣшилъ я покинуть шумное празднество, даже и не подойдя къ вамъ, уклонился временно сюда, чтобы отдохнуть и прохладиться и затѣмъ уѣхать. Но вотъ вы сами являетесь. Въ этомъ вижу указаніе Промыслителя и Строителя вселенной!

Графъ умолкъ, ожидая теперь отвѣта молодого человѣка и проникательно вглядываясь въ склоненное поблѣднѣвшее лицо его.

— Графъ, ваша снисходительность и отеческое о мнѣ попеченіе обязываютъ меня вѣчной признательностью,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.—Но позвольте мнѣ представить нѣкоторыя, если не оправданія, то объясненія моихъ поступковъ.

— Говорите, говорите, молодой человѣкъ, я со всѣмъ вниманіемъ слушаю васъ,—отозвался старый розенкрейцеръ.

— Графъ, вы знаете, что я не дорожилъ придворной службой, уклонился отъ свѣта, упражнялся въ Могилевѣ въ прохожденіи прямой службы, дабы затѣмъ быть полезнымъ отечеству моему въ военное время.

— Знаю, помню то благородное намѣреніе ваше!—отозвался опять графъ.

— Слушая наставленія ваши и стараясь усвоить высокія истины чрезъ чтеніе данныхъ мнѣ вами книгъ, располагалъ я быть полезнымъ и въ службѣ гражданской, если бы впоследствии привелось. Но судьбѣ угодно было распорядиться мною иначе. Свѣтлѣйшій назначилъ меня къ себѣ адъютантомъ. Видитъ Богъ, что я не искалъ сего отличія, но уклонялся отъ него. Вы не знаете...

— Я все знаю, молодой человекъ,— перебилъ тутъ графъ.— Достопочтенный Семень Ивановичъ Гамалѣя тогда же посѣтилъ меня въ сельскомъ уединеніи и разсказалъ о вашемъ благородномъ заступничествѣ за стараго воина. Ахъ, юноша, юноша! Вѣдь если бы не убѣдился я, сколь добра почва сердца вашего, я бы и не скорбѣлъ о томъ, что дали вдругъ сѣменамъ сорныхъ травъ всѣяться и прорасти, и укорениться въ себѣ! Я не пытался бы, забывая тяжелое оскорбленіе, нанесенное вами мнѣ, какъ отцу, и дочери моей, спасти, остановить, на истинный путь направить васъ!— съ великодушнымъ порывомъ сказалъ старецъ.

Павелъ Корнильевичъ покраснѣлъ до слезъ и въ первый разъ кинулъ робкій взглядъ въ сторону графини Анны. Но тѣнь повисшей акаціи скрывала дѣвушку, только бѣлѣло ея платье и смутно рисовался очеркъ склоненной на руку головы. Павелъ Корнильевичъ глубоко вздохнулъ и отвелъ взглядъ отъ недоступнаго, потеряннаго рая.

Графъ съ теплымъ сочувствіемъ взялъ за руку Павла Корнильевича.

— Бѣдный, бѣдный юноша!— тихо произнесъ онъ.— Я понимаю ваши чувства въ эту минуту! Но продолжайте, говорите, облегчите себя признаніемъ, объясните, какъ могли забыть долгъ благороднаго человека и такъ грубо, безъ всякихъ поводовъ возвратить даръ такой дѣвицѣ, пріобрѣсти благосклонность коей первѣйшія особы сочтутъ блаженствомъ!

— Что я могъ написать? Что сказать? Какъ изъясниться?— сказалъ Павелъ Корнильевичъ съ глубочайшей печалью.— Постигнутый судьбою, видя недоступнымъ для меня невинный рай, хотѣлъ я затворить за собою дверь въ то счастливое царство, и лучше показаться грубымъ, чѣмъ въ лживыхъ словахъ скрывать правду. Въ томъ ужасная судьба моя, что даже изъясниться непристойно мнѣ предъ невинной дѣвицей, предъ дочерью вашею было! Я погибалъ! Я погибаю, графъ! И для меня нѣтъ возврата, нѣтъ спасенія!

— Спасеніе есть, есть! Возвратъ возможенъ!— съ мягкою твердостью настаивалъ графъ.— Вѣдь и сіе все мнѣ отлично извѣстно. Генералъ Мелисзино, достопочтеннѣйшій братъ, по моему порученію съ вами бесѣдовалъ въ Бендерахъ и отписалъ мнѣ о васъ подробно. Онъ судить васъ строго, но тоже не теряетъ надежды. Знайте, что съ тѣхъ поръ каждый шагъ вашъ отмѣчаемъ былъ. Я знаю, что вы обольщены опасной авантюристкой, лишившей васъ воли и мысли, женщиной безнравственной, происхожденія низкаго и которая сама есть орудіе темныхъ промышленниковъ и дѣльцовъ и свирѣпыхъ фанатиковъ, чуждыхъ истиннаго свѣта и работающихъ по чертежамъ, извращеннымъ врагомъ рода человеческого! Вы впали со всѣмъ пыломъ не перебродившихъ страстей

юности въ рабство сей греческой Цирцеѣ! Такъ освободитесь! Вспомните человѣческое достоинство! И знайте, что безнравственная женщина, въ сѣтяхъ коей вы бьетесь, васъ непременно погубить и заставить служить чернымъ интригамъ, гнуснымъ планамъ. Она используетъ васъ и, когда вы исполните все, что ей нужно, выброситъ безжалостно, опозореннаго, заклеяннаго презрѣніемъ всѣхъ честныхъ людей, преступнаго... Да! да! Эта женщина погубила уже не одного честнаго человѣка. Уже многіе стали чрезъ нее преступниками и рабами ада! Разбейте же цѣпи, незримо васъ оковавшія! Отрекийтесь отъ этой женщины и отъ общества съ нею! Говорю вамъ это и вызываю къ лучшимъ чувствамъ вашимъ, какъ отецъ, какъ братъ!

Павель Корнильевичъ былъ потрясенъ этими словами стараго розенкрейцера. Они такъ соответствовали всему тому, что онъ чувствовалъ, о чемъ думалъ полчаса тому, до встрѣчи съ графомъ и его дочерью.

Прелестный образъ графини Анны, теперь воздушно бѣлѣвшій въ сумракѣ, возродилъ въ немъ сладкія и щемящія воспоминанія былыхъ его, чистыхъ, юношескихъ къ ней чувствъ. И сознаніе невозвратности потери и всего того блаженства, которое могла дать ему взаимность графини Анны, пробудило почти ненависть въ немъ къ порабощительницѣ, столь долго державшей его у ногъ своихъ, игравшей имъ и его чувствами и толкающей его въ черныя зѣвья гибели!

— Графъ,—сказалъ Радожицкій мужественно:—даже не надежда загладить поступокъ мой и получить прощеніе чтимой дочери вашей, но единственно желаніе возратить себѣ уваженіе ваше и почтенныхъ друзей человѣчества и благотворителей свѣта, единомышленныхъ съ вами, и самому стать на стезю прямую, побуждаетъ меня здѣсь въ сію минуту проклясть страсть, меня ослѣпившую, и отречься отъ женщины, поработившей меня!

— Крѣпитесь, юноша, крѣпитесь! Такъ! Такъ! Вырвите смѣлой рукой все укорененіе зла изъ сердца вашего!—взволнованно и радостно говорилъ графъ.

— Такъ, графъ, я проснулся! Завѣса спала съ моихъ глазъ! Прочь отсюда! Ведите меня въ храмъ истины! Я слѣдую за вами!—воодушевленно произнесъ молодой человѣкъ.

Онъ умолкъ, переполненный нахлынувшими чувствами, взволнованный, со слезами, блистающими въ глазахъ.

Графъ устремилъ взоръ къ слабо теплившемуся звѣздами, блѣдному весеннему сѣверному небу и благоговѣнно прошепталъ:

— Благодарю тебя, великій Архитекторъ вселенной, что тыводишь изъ суетнаго и гибельнаго Дедала сего юнаго.

И, на мгновеніе закрывъ глаза, старый розенкрейцеръ погрузился во внутреннее созерцаніе.

— О, премудрое, преблагое, всевысочайшее, безначальное существо!—прошептали уста старца, и выраженіе свѣтлаго, тихаго покоя разлилось въ чертахъ его. — Молодой человѣкъ, — сказалъ затѣмъ розенкрейцеръ, — въ настоящее время здѣсь въ столицѣ нѣсколько друзей истины собрались у досточтимаго брата Ивана Перфильевича Елагина. Должно вамъ посѣтить сего мужа, украшеннаго высокими и благими намѣреніями. Въ домѣ его укрѣпляютъ васъ въ подвигѣ отсѣченія суетной воли, наставятъ въ высокихъ началахъ познанія самого себя, научатъ, какъ поставить внутренняго человѣка надъ существомъ животнымъ, помогутъ, утѣшатъ, уврачуютъ.

— Графъ, вы дважды мой благодѣтель, — сказалъ взволнованный молодой человѣкъ. — Я обязанъ вамъ вѣчной благодарностью.

— Я отецъ вашъ, дорогой юноша, — отвѣчалъ растроганный графъ. — Я дважды родиль васъ духовно.

— Половина тяжести спала съ моего сердца, когда я возвратилъ себѣ ваше благоволеніе, графъ, и съ вами мудрыхъ тѣхъ мужей и строителей человѣческаго блага, о которыхъ столько отъ васъ слышалъ. Но все же гнететъ меня сознаніе вины моей предъ графиней, дочерью вапшей. Доколѣ я не получилъ ея прощенія, я все еще несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Молодой человѣкъ, я не могу отвѣчать за другое существо, свободной волею отъ Первоначальнаго Движителя надѣленное. Дочь моя здѣсь. Я могу только передать ей ваше желаніе принести свои извиненія въ необдуманномъ поступкѣ. Но... — тутъ старый графъ понизилъ голосъ до шопота, и лицо его озарила тонкая улыбка свѣтскаго человѣка: — но, зная нѣсколько сердце женщины, скажу, что ежели графиня Анна пріѣхала со мною на сіе суетное празднество, то, значитъ, еще не все для васъ потеряно. Мужайтесь, милый юноша, мужайтесь!

Вслѣдъ затѣмъ графъ отошелъ къ дочери и, склонившись, сказалъ ей нѣсколько фразъ по-голландски. Графиня Анна поднялась и, выйдя изъ тѣни, бросаемой навѣсомъ акаціи, приблизилась къ нему и остановилась шага за три. Старый графъ въ свою очередь скрылся въ тѣнь на скамейку, не желая мѣшать объясненію молодыхъ людей и смущать ихъ юную неопытность.

ХСІХ.

Графиня Анна.

Графиня Анна была очень блѣдна и взволнована. Она стояла, не поднимая глазъ. Но она не была смущена. Напротивъ, строгій очеркъ сомкнутыхъ устъ ея говорилъ о рѣшительности принятыхъ ею намѣреній. Озаренная отблескомъ горящихъ оконъ дворца

князя Таврическаго, отраженныхъ водами, и тихимъ блистаніемъ блѣднаго неба, въ простомъ бѣломъ платьѣ, легкими складками обнимавшемъ стройный станъ ея, графиня Анна была прелестна, какъ дѣвственная лилія сельскихъ садовъ, опрысканная чистѣйшей росой. Павелъ Корнильевичъ едва осмѣлился поднять глаза на осуждающій образъ, далекій и недоступный при всей видимой близости своей, и не могъ уже отвести жаднаго взора отъ милой головки съ бѣлокуроыми локонами, отъ строгаго и нѣжнаго очерка шеи, отъ задумчиваго, склоненнаго профиля. Опустивъ какъ бы обезсиленные руки, стояла она передъ нимъ, и сердце ныло и плакало въ груди молодого человѣка.

— Графиня,—сказалъ наконецъ робко Павелъ Корнильевичъ,—сейчасъ снисходительность вашего почтеннаго батюшки возвратила мнѣ благосклонность его. Не осмѣливаясь даже и мечтать о прощениі, я только глубоко благодаренъ вамъ, что не отказываете мнѣ въ правѣ видѣть васъ, говорить съ вами, принести вамъ мои извиненія, хотя я неизвинимъ.

Казалось, графиня Анна болѣе вслушивалась въ самые звуки голоса молодого человѣка, нежели въ смыслъ произносимыхъ имъ словъ.

— Павелъ Корнильевичъ, мнѣ прощать васъ не за что, извинять не въ чемъ,—сказала она, поднимъ на него серьезный и задумчивый взоръ.—Получивъ отъ васъ обратно мой портретъ, безъ единого при немъ слова...

Павелъ Корнильевичъ схватился рукою за сердце и хотѣлъ сказать что-то, но графиня Анна повелительнымъ жестомъ остановила его и предложила выслушать ее.

— Да, безъ единого при томъ слова,—повторила она, какъ бы испытывая свою твердость,—я все и поняла безъ словъ, что понять было мнѣ должно, изъ этого вашего поступка. Я поняла, что вы измѣнились въ своихъ чувствахъ; поняла, что чувства ваши были слишкомъ непрочны, случайны, мимолетны, и не интересовалась затѣмъ узнать, что именно ихъ измѣнило. Признаюсь, мнѣ было больно въ первую минуту. Я не ожидала ничего подобнаго. Получивъ пакетъ отъ васъ... но стоитъ ли рассказывать и распространяться передъ вами о томъ, какъ и гдѣ и съ какими чувствами готовилась я открыть ваше посланіе и что испытала, когда сломила печать и нашла... то, что вамъ было уже не нужно болѣе?!..

Графиня Анна съ горечью произнесла послѣднія слова и умолкла.

— Если только въ васъ есть, графиня, хотя искра сожалѣнія ко мнѣ,—вскричалъ рыдающимъ голосомъ молодой человѣкъ:—если вы не хотите, чтобы я терзался раскаяніемъ всю жизнь бесплодно, скажите, непременно скажите все, что хотѣли!

Графиня Анна кивнула головой и, отведя вдаль разсѣянный взоръ, продолжала:

— Получивъ посланіе ваше, я пошла съ нимъ въ ту бесѣдку изъ розъ, гдѣ мы бесѣдовали въ день вашего отъѣзда въ послѣдній разъ. Ахъ, какъ все цвѣло, и сіяло, и пѣло, и ликовало кругомъ! Я держала въ рукахъ ваше посланіе и медлила его открыть. Я смотрѣла на Днѣпръ и на усадьбу вашихъ добрыхъ родителей, видную за долиной, среди кудрявыхъ березъ. И я вспоминала все, о чемъ мы говорили въ той бесѣдкѣ съ вами. И звучали въ душѣ моей ваши слова: «Какъ эта рѣка,—сказали вы тогда, призывая въ свидѣтели словъ своихъ родную ту рѣку, колыбель Россійскаго народа, въ водахъ которой принялъ онъ крещеніе святое,— какъ эта рѣка неуклонно стремится на югъ и не измѣняетъ теченія, такъ неизмѣненъ въ моихъ чувствахъ къ вамъ останусь и я». О, какъ гордилась я этими словами вашими! Какъ я вѣрила имъ! Потомъ... потомъ открыла пакетъ вашъ... Открыла, и увидала, и поняла... нѣтъ, сразу не поняла, но... солнечный свѣтъ померкъ въ глазахъ моихъ, и вся природа черной тѣнью одѣлась!

Голосъ графини Анны дрогнулъ, зазвенѣлъ, оборвался, и крупная слеза, какъ жемчужина, медленно канула изъ очей и, проблиставъ, скатилась по блѣдной, нѣжной щекѣ дѣвушки.

Внѣ себя, терзаемый раскаяніемъ, стыдомъ, жалостью, забывъ, гдѣ находится, Павелъ Корнильевичъ бросился предъ нею на одно колѣно и вскричалъ, простирая къ ней руки:

— Ради Бога! простите, простите меня!

— Встаньте, Павелъ Корнильевичъ,— сказала она тихо и грустно.— Встаньте! Насъ здѣсь могутъ видѣть. И повторяю вамъ, мнѣ прощать васъ не за что. Вы имѣете свободную волю и судію своихъ поступковъ въ совѣсти своей. Какъ бы вы ни поступили, дѣло въ существѣ. Можетъ быть, честнѣе, проще, смѣлѣе было именно такъ поступить, какъ вы избрали. И все то было, и миновало, и переболѣло, и умерло. Я поняла волю Божию надъ собою и покорилась ей. Я все говорю вамъ откровенно. Притворство не въ моей природѣ. И я не такъ воспитана, какъ другія дѣвушки моего возраста. Батюшка меня не знаетъ. И онъ очень сердился на васъ. Только моему заступничеству вы обязаны, что поступокъ вашъ со мною остался для васъ безъ всякихъ послѣдствій. Батюшка гнѣвался очень, очень! Бѣдный! Онъ любитъ меня безконечно. Послѣ кончины матушки у него никого нѣтъ, кромѣ меня, близкаго. Онъ хотѣлъ... Да, хотѣлъ, хотя это въ совершенномъ противорѣчьи со всѣми убѣжденіями его, хотѣлъ даже требовать отъ васъ сатисфакціи...

— О, я умолялъ сейчасъ о прощеніи вашего батюшку, и онъ возвратилъ мнѣ свою благосклонность!—прошепталъ раздавленный

сознаніемъ всѣхъ несчастій, которыя принесъ недостойный поступокъ его, молодой человѣкъ.

— Такъ, онъ безконечно добръ и васъ простилъ!— сказала графиня Анна.— Но...— тутъ голосъ ея выразилъ неколебимую твердость:— но я не сердилась на васъ, и мнѣ васъ прощать не за что.

— Графиня Анна! этими словами вы отнимаете у меня всякую надежду хоть отчасти возвратить ваше сочувствіе,— сказалъ Павелъ Корнильевичъ.— Эти слова—приговоръ мнѣ и холодомъ вѣетъ отъ нихъ.

— Зачѣмъ же вамъ моя симпатія, Павелъ Корнильевичъ?— просто сказала дѣвушка.— И я говорю вамъ всю правду. Мнѣ прощать васъ не за что. Повторяю, батюшка меня не понимаетъ. Онъ полагаетъ, что я еще васъ... что возможно возвращеніе къ прошлому и что я ищу къ нему возвратиться. Онъ думаетъ, что подобная надежда и побудила меня пріѣхать съ нимъ на это великолѣпное празднество. Онъ ошибается. И вы не подумайте чего-либо подобнаго, Павелъ Корнильевичъ!

Слабая краска выступила на щекахъ дѣвушки.

Терзаемый противоположными чувствами, стоялъ передъ нею Павелъ Корнильевичъ и не зналъ, что сказать.

А она, казалось, ждала отвѣта.

Но вдругъ съ шипѣніемъ взлетѣла надъ садами ракета, съ громомъ разорвалась высоко въ небѣ и посыпалась дождемъ разноцвѣтныхъ искръ. Вслѣдъ за тѣмъ по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ дворца и разставленныхъ вокругъ садовъ и парка декоративныхъ зданій, по всѣмъ дорожкамъ и аллеямъ побѣжали огоньки, зажигая ряды лампіоновъ. На прудахъ загорѣлись разноцвѣтные фонари цѣлой разбросанной по водамъ ихъ флотиліи судовъ, разубранныхъ флагами, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ, и съ хорами роговой и инструментальной музыки. Хоры громко заиграли, и суда поплыли въ разныя стороны. Засверкали огнями роши, вензея, надписи, пирамиды, павильоны, бесѣдки, мостики, аллегорическія разныя фигуры.

Потянулъ легкій предразсвѣтный вѣтерокъ, и деревья, стоявшія надъ водами, разубранныя огоньками, наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними водному стеклу пробѣгать то зеленныя, то красныя струи. Огромныя тройныя двери дворца, выйдившія въ сады, открылись. вмѣстѣ съ потоками свѣта и вырвавшимся гуломъ музыки, показалась изъ него Екатерина, сопровождаемая великими князьями и княгинями, свѣтлѣйшимъ, вельможами, а за ними хлынула разодѣтая толпа маскированныхъ. Всѣ дороги были покрыты теперь народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, шорохъ и говоръ толпы, звуки музыки и пѣнія, цѣлый дивный го-

родъ съ храмами, башнями, куполами, улицами, внезапно вокругъ возникшій и начертанный огненными линиями, все поражало чувства и кружило мысль. На пристани стало свѣтло, какъ днемъ. Графъ поднялся со скамьи, подошелъ къ дочери и подаль ей черную полумаску, отороченную широкимъ бѣлымъ кружевомъ. Дѣвушка скрыла ею лицо свое. Такую же полумаску надѣлъ на себя и графъ и поднялъ капюшонъ. Потомъ подаль руку дочери, которая тяжело оперлась на отца.

С.

Раковина Афродиты.

Ослѣпленный и пораженный внезапно запылавшимъ великолѣпиемъ иллюминаціи князя Таврическаго,—этимъ вѣнцомъ трудовъ генерала отъ пиротехніи Пушкива съ его помощникомъ Вандурой и братьевъ Брандстетеровъ,—Павель Корнильевичъ не находился, чѣмъ заключить бесѣду свою съ графиней Анной и достопочтеннымъ розенкрейцеромъ. Между тѣмъ они, видимо, ждали отъ него и словъ, и поступковъ. Колеблясь въ чувствахъ и мысляхъ своихъ, стоялъ онъ, когда вдругъ послышался плескъ весель и изъ-за раскачивавшихъ горячіе фонарики прибрежныхъ деревьевъ выплыла раззолоченная, разукрашенная флагами и увитая гирляндами цвѣтовъ шлюпка съ наметомъ и шелковыми занавѣсками, внутри устланная коврами въ той части, которая предназначалась для господъ. Въ другой сидѣли удалые красавцы-гребцы въ малиновыхъ рубашкахъ и бархатныхъ фіолетовыхъ штанахъ съ наборными пуговицами и позументами, въ шапкахъ съ плюмажемъ. Шлюпка плавно подошла къ мраморнымъ ступенямъ пристани. Въ ней, обложенная подушками съ бисерными кистями и вышитыми гербами съ графской короной, въ восточномъ своемъ нарядѣ, въ золотистыхъ шароварахъ, бѣлоснѣжной фустанеллѣ, въ сафирно-алой сорочкѣ, съ золотыми обручами на ногахъ, на рукахъ, въ тюрбанѣ, сверкая драгоцѣнными камнями, въ лѣнливой, покойной позѣ одалиски гарема возлежала гречанка. То была ея собственная шлюпка, въ которой она и прибыла на празднество отъ своего палаццо на набережной по Невѣ и далѣе по каналамъ и прудамъ садовъ и парковъ къ конногвардейскому дому князя Потемкина. Противъ нея сидѣлъ полномочный посолъ императора Леопольда, графъ Августъ Кобенцель, загримированный евреемъ съ рыжими пейсами и длинной красной бородой, въ средневѣковомъ характерномъ костюмѣ изъ гетто. Онъ что-то говорилъ гречанкѣ, подражая жестамъ и гортанному говору сыновъ Израиля, вѣроятно, смѣшное потому что гречанка звонко смѣялась и серебристыя трели ея красиваго смѣха звучно неслись по водной глади пруда. За первой

шлюпкой подплыла другая и стала бортъ о бортъ съ нею. Это было великолѣпное сооруженіе, изображавшее раковину, въ какой рисуютъ мѣологическую Афродиту, изъ пѣны морской выходящую. Въ раковинѣ лежали подушки, ковры, но она была пуста. Гребцы были наряжены тритонами въ маскахъ, съ подвязанными рыбьими хвостами и съ особыми въ видѣ перепончатыхъ чудовищныхъ лапъ перчатками на рукахъ, что, видимо, сильно мѣшало имъ управляться съ веслами. На носу стоялъ графъ Феликсъ Потоцкій въ одѣяніи султана Солимана Великолѣпнаго, недовольно дергалъ себя за пышный усъ, сердитый, нахмуренный, и надорваннымъ голосомъ по-польски повторялъ, обращаясь къ гречанкѣ:

— Але прѣшу пани Венусъ до кокильи! Але бѣрдо прѣшу пани Венусъ до кокильи ¹⁾.

Но «пани Венусъ» не обращала никакого вниманія на гнѣбныя приглашенія графа и продолжала беззаботно хохотать.

Графъ Потоцкій наконецъ дернулъ себя такъ за усъ, словно хотѣлъ его вырвать со всѣми луковицами, топнулъ ногой, заскрежеталъ зубами, пропустилъ сквозь нихъ нѣсколькихъ «дзябловъ», сверкая очами и пробормотавъ:

— О, цу-жъ нѣвстржемѣнзливѣ кокѣтѣрѣя! О, нѣвѣрнѣца! О, нѣвичосаньца! О, цу-жъ нѣвстидливѣ кокѣтованье ²⁾!

Затѣмъ графъ приказалъ гребцамъ ѣхать прочь. Они отвели сооруженіе отъ пристани, неуклюже ударили веслами, и «кокилья» съ бѣсящимся Потоцкимъ медлительно отъѣхала и стала переправляться черезъ прудъ къ противоположной пристани около дворца.

Едва шлюпка стала, Кобенцель съ еврейскими ужимками выбрался изъ нея на пристань и, взявъ подъ руку Павла Корнильевича, сказалъ:

— Мы усмотрѣли васъ, любезный адъютантъ, съ той стороны въ пламенномъ, романтическомъ объясненіи съ вашей дамой и поспѣшили сюда переправиться! Пожалуйте, юный счастливецъ, пожалуйте! Для васъ готово мѣсто рядомъ съ византійской царевной! Видите, съ какимъ гнѣвомъ отъѣзжаетъ Потоцкій прочь на своей глупой раковинѣ! Царевна не остается ужинать у свѣтлѣйшаго; она утомлена и ѣдетъ домой, и приглашаетъ васъ ужинать къ себѣ. Садитесь!

— Да! да! Садитесь скорѣе!—подтвердила изъ шлюпки Софія.— Ъдемте ко мнѣ ужинать!

Странное безволіе оковало молодого человѣка, едва онъ увидѣлъ гречанку. Онъ не могъ найти словъ, собрать мыслей, чтобы отка-

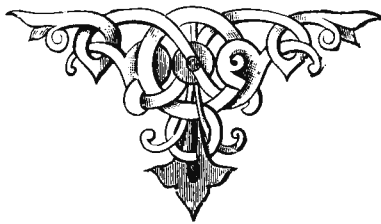
¹⁾ Но я прошу госпожу Венеру пожаловать въ раковину! Но я весьма прошу госпожу Венеру въ раковину!

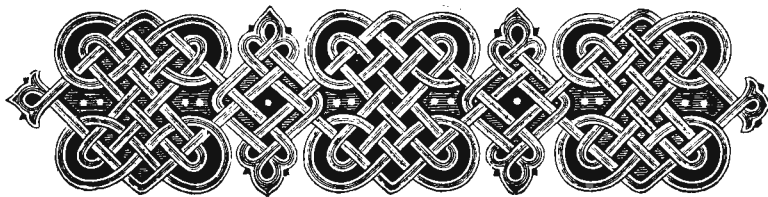
²⁾ Вотъ ужъ невозможное кокетство! О, невѣрная! О, невѣжа! Вотъ безстыдное кокетство!

заться слѣдовать за ней. Между тѣмъ Кобенцель, жирный, рыжій, весь трясуційся отъ утробнаго похохатыванія, схватилъ Павла Корнильевича за плечи, безъ церемоніи свелъ его по ступенямъ пристани къ шлюпкѣ, толкнулъ его туда. Гречанка подвинулась и въ то же время, когда онъ наклонился невольно, чтобы не задѣть головою навѣса, охватила его обнаженной рукою—широкій рукавъ спустился къ плечу красавицы—за шею, привлекла къ себѣ и усадила рядомъ. Кобенцель влѣзъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ. Гребцы отпихнули шлюпку отъ мрамора пристани, звучно ударили веслами и почти мгновенно шлюпка была уже на серединѣ пруда. Павелъ Корнильевичъ оглянулся на пристань. Тамъ, у подъема на берегъ, между кустами цвѣтущей акаціи неподвижно темнѣла закутанная фигура. Около нея бѣлѣла другая, стройная, опирающаяся на руку первой. Маски скрывали ихъ лица. Но взоръ въ прорѣзы слѣдилъ не отрываясь за уплывавшей шлюпкой. Она плыла дальше и дальше. Въ какомъ-то оцѣпенѣніи, въ безчувствіи, провожалъ Павелъ Корнильевичъ взоромъ убѣгающую пристань и стоявшихъ на ней. Наконецъ кучы деревьевъ и насыпной холмъ съ бесѣдкой поднимающагося берега скрыли все изъ глазъ молодого человѣка.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XVIII.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ. — Противорѣчія въ этомъ вопросѣ. — Взглядъ на крѣпостное право въ Россіи. — Проектъ сенатора Веймарна. — Чевкинъ и Ростовцевъ. — Комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ. — Баронъ Корфъ и неудавшееся министерство цензуры. — Высочайшій рескриптъ и циркулярное его искаженіе. — Дворянскіе комитеты. — Чулковъ. — Комитетъ Петербургской губерніи. — Мое объясненіе съ княземъ Орловымъ. — Моя рѣчь въ комитетѣ. — Забаллотированіе моего проекта. — Засѣданія комитета. — Редакціонныя комиссіи. — Смерть Ростовцева и назначеніе на его мѣсто графа Панина. — Разговоръ князя Меншикова съ императрицей и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. — Перемѣны въ администраціи. — Хрущовъ. — Дѣйствія демагогической партіи. — Новые дѣятели. — Студенческіе безпорядки. — Польскій мятежь. — Земскія учрежденія. — Растрѣніе нравовъ. — Покушеніе Каракозова.

ОДЫ 1856 и 1857 представляютъ замѣчательную смѣсь консерватизма и демагогіи въ дѣйствіяхъ правительства, борьбу государя съ усилившеюся партіею либераловъ, которая выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Я не посвященъ ни въ тайны государева сердца, ни въ интриги лицъ, окружающихъ тронъ. Мои впечатлѣнія — отголоски слышаннаго. Въ кругу людей высокопоставленныхъ очень многіе утверждали, будто государь самъ шелъ противъ дворянства изъ личнаго къ нему недовѣрія. Князь Меншиковъ говорилъ мнѣ, что, стоя въ пріемной въ Ильинскомъ дворцѣ и встрѣтивъ тамъ Рейтерна, онъ сталъ доказывать ему, въ какую неурядицу ввели Россію проекты великаго князя Константина Николаевича, и что Рейтернъ прервалъ его наконецъ тономъ досады: «Я не знаю, съ чего взяли винить великаго князя. Идея принадлежитъ

¹⁾ Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. СХІІІ, стр. 792.

самому государю». Въ другое время пересказывали мнѣ разсказъ графа Орлова-Давыдова. Онъ представлялся государю; государь принялъ его сначала холодно, но по окончаніи общаго приѣма позвалъ его въ кабинетъ и, между прочимъ, будто бы сказалъ: «La noblesse me garde rancune pour l'émancipation des paysans, mais elle ne sait pas combien j'ai plaidé sa cause»¹⁾. Въ бытность Перовскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, и когда Бибииковъ, тогдашній генераль-губернаторъ юго-западныхъ губерній, сталъ вводить инвентари, государь — въ то время наслѣдникъ престола — говорилъ съ большимъ жаромъ въ государственномъ совѣтѣ противъ дѣйствій Бибиикова. «Онъ хочетъ поссорить государя съ дворянствомъ», сказалъ онъ. По вступленіи Александра Николаевича на престолъ, Бибииковъ, уже министръ внутреннихъ дѣлъ, оставался въ царской опалѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уволенъ. На мѣсто его посаженъ Сергѣй Степановичъ Ланской, человекъ дряхлый, глухой, ума ограниченнаго, неопытный въ дѣлахъ администраціи, но родомъ, жизнью и репутаціею — дворянинъ. На представленіе Ланскаго о назначеніи ему въ товарищи Николая Милютина не послѣдовало соизволенія: товарищемъ назначенъ Левшинъ, крупный землевладелецъ. Министерствомъ государственныхъ имуществъ управлялъ Хрущовъ, камергеръ, танцоръ, крымское яблочко, безтолковый, ограниченный и надменный, но принадлежавшій къ партіи демократовъ, собиравшихся у великой княгини Елены Павловны. Онъ считалъ уже министерство за собою, когда назначили министромъ В. С. Шереметева, богатаго помѣщика, извѣстнаго даже строгостью къ крестьянамъ дурного поведенія. Словомъ, самыя назначенія указывали на то, что государь слѣдовалъ политикѣ Александра I-го: «point de noblesse—point de monarchie, point de monarchie—point de noblesse»²⁾. Это предположеніе подтвердилось фактически циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, въ которомъ онъ объявлялъ дворянству о нелѣпости слуховъ, ходившихъ уже по государству, будто правительство намѣрено посягнуть на дворянскую собственность, убѣждалъ его не вѣрить этимъ слухамъ, и Высочайшимъ именемъ удостоверялъ, что государь никогда не рѣшится на ограниченіе дворянскихъ правъ, дарованныхъ бабкою его Екатериною II.

Послѣ этихъ манифестацій рѣчь, произнесенная государемъ во время празднествъ коронаціи, рѣчь, въ которой государь сказалъ, что крѣпостное состояніе оставаться не можетъ, и что лучше повести переворотъ сверху, чѣмъ ожидать его снизу, — произвела невыразимое дѣйствіе. Какъ согласить эти противорѣчія? Я не

¹⁾ Дворянство злобствуетъ на меня за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но оно не знаетъ, насколько я защищалъ его.

²⁾ Безъ дворянства—безъ монарха, безъ монарха—безъ дворянства.

вѣрю, чтобы государь имѣлъ свою мысль, чтобы онъ прикрывалъ эту мысль словами по системѣ Талейрана. Эта система можетъ быть умѣстна для искательнаго придворнаго, но не у государя, который знаетъ, что каждое слово его раздается по вѣсѣмъ угламъ государства и записывается въ исторію. Гораздо вѣроятнѣе, что государь былъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ искрененъ, но что его убѣжденія колебались подъ вліяніемъ совѣтниковъ разныхъ партій. «Революція сверху и снизу», очевидно, есть фраза повторенная, — сказанная непросвѣщеннымъ или коварнымъ совѣтникомъ. Людовикъ XVI тоже затѣялъ революцію сверху, однакоже, дойдя донизу, она сама пошла вверхъ и обратилась въ кровавую революцію снизу. Это костеръ, построенный на порохѣ: зажгите верхушку; она будетъ тлѣть и сообщать пламя ближайшимъ нижнимъ слоямъ; будетъ тлѣніе медленное, спокойное, но когда дойдетъ до основанія, произведетъ взрывъ, который истребитъ все зданіе. Такъ говоритъ исторія, эта «книга народовъ, памятникъ прошедшаго и зеркало будущаго». У насъ все дѣлается сверху, и оттого все дѣлается по доктринамъ; оттого наши учрежденія, списанныя съ иностранныхъ, остаются по большей части только на бумагѣ и не вырастаютъ въ народную почву.

Я не противникъ освобожденія крестьянъ, даже не въ убыткѣ отъ совершившагося освобожденія, но не одобряю способа исполненія. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ поднятъ былъ Киселевымъ въ 1840 году; князь Меншиковъ поручалъ мнѣ тогда разные соображенія по этому вопросу; для уразумѣнія его я прочиталъ цѣлыя томы богемскихъ законовъ и видѣлъ, что тамъ дѣло освобожденія совершилось рядомъ послѣдовательныхъ постановленій, тянувшихся болѣе 100 лѣтъ. У насъ и этого не было нужно, потому что у насъ права помѣщиковъ были очень ограничены по закону, а казались широкими только по злоупотребленію закона. Этого различія между закономъ и практикою наши реформаторы сами не знали. На что указывали они, какъ на уродливость отношеній? На то, что продавались души, но такова была форма купчихъ крѣпостей, предписанныхъ Петромъ Великимъ. Если эта форма оскорбляла гуманное ухо, стоило только измѣнить эту форму. На ссылку въ Сибирь по волѣ помѣщика? Никогда помѣщики не имѣли права ссылки: она была слѣдствіемъ злоупотребленій губернскихъ правленій. Законъ предоставлялъ помѣщикамъ отказываться добровольно отъ людей крѣпостнаго состоянія, давая о томъ знать губернскому правленію, а это обязано было поселять такихъ людей на казенныхъ земляхъ съ согласія крестьянскихъ обществъ, и только если ни одно общество не пожелаетъ принять отпущенника въ свою среду — поселять его въ Сибири. Въмѣсто того губернскія правленія никогда не спрашивали согласія ни обществъ, ни отпущенниковъ, нисколько не старались отвести от-

пущенникамъ землю въ ближайшихъ мѣстахъ, а просто сажали ихъ въ тюрьму и по первому этапу отправляли въ Сибирь. Такъ отпущеніе на волю сдѣлалось равносильнымъ ссылкѣ въ Сибирь; такъ вышло два способа отпущенія на волю: одинъ посредствомъ врученія отпущеннику отпускного акта, предоставляя ему самому искать себѣ другую осѣдность; другой—посредствомъ объявленія губернскому правленію объ отпускаемомъ на волю. Первый способъ употреблялся, когда помѣщикъ хотѣлъ оказать милость, второй,—когда цѣлью было наказаніе. Отъ правительства зависѣло постановить, чтобы отпущеніе на волю происходило только первымъ способомъ. Указывали на то, что помѣщикъ имѣлъ право сѣчь крестьянъ, но вѣдь и полиція сѣкла не только крестьянъ, но и мѣщанъ, и сѣкла нещадно, тогда какъ помѣщикъ не имѣлъ права давать болѣе 15 ударовъ. На то, что помѣщики брали поборы и сгоны? Но законъ устанавливалъ только три дня съ тягла. Затѣмъ оставалось только учредить крестьянскихъ адвокатовъ, которые за нихъ вступались бы. Это было бы первымъ шагомъ; потомъ можно бы было постепенно расширять права крестьянъ до полной свободы, чтобы они сперва узнали бы права свободнаго человѣка на дѣлѣ, а потомъ, что эти права и означаютъ свободу. Въ этомъ духѣ была моя записка, поданная государю въ январѣ 1857 года.

Къ сожалѣнію, наши дворяне не такъ дѣйствовали. Наступило царство лжи въ нашемъ обществѣ; все лгало государю—и министры, и чиновники, и дворяне, все лгало другъ другу.

Начали нѣкоторые помѣщики Ямбургскаго уѣзда, во главѣ которыхъ сенаторъ Веймарнъ. Всполохнувшись отъ тронной рѣчи, они задумали отвести ударъ сверху проектомъ снизу, и сочинили проектъ, въ которомъ очень нетрудно было видѣть, что подъ прикрытіемъ филантропическихъ изреченій они хотѣли еще болѣе затянуть узелъ крѣпостного труда. Веймарнъ написалъ урочное положеніе едва ли не вдвое противъ практическаго тягловаго урока и замаскировалъ это постановленіемъ «строжайшаго надзора, чтобы помѣщики не требовали отъ крестьянъ работы свѣше урочнаго положенія». Проектъ поданъ генераль-губернатору для представленія на высочайшее утвержденіе. Ловкость эта сманила Половцова, лужскаго помѣщика. Онъ взялъ проектъ Веймарна, исправилъ его по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и просилъ предводителя дворянства пригласить помѣщиковъ Лужскаго уѣзда подписать проектъ для единства съ Ямбургскимъ.

Когда я, критикуя статью за статью проекта Половцова, сталъ доказывать несообразность требованія, чтобы помѣщикъ отпустилъ лѣсъ не только своимъ, но и сосѣднимъ крестьянамъ, то г. Визюкинъ прервалъ меня гуманными изліяніями, напоминая мнѣ «меньшую братію». Проектъ провалился.

Вотъ какъ принялись столичные дворяне за государственный вопросъ. Продѣлки ихъ шли прямо въ руку демократической партіи. Партія эта поймала ихъ *en flagrant délit* ¹⁾ и безъ труда дошла до учрежденія комитета для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Людей, думающихъ по заказу рядчика, найти у насъ не трудно, но опасались государя, зная, что онъ еще недавно стоялъ за права дворянства. Надобно было найти людей, пользующихся его довѣріемъ, которые искренно или неискренно доказывали бы ему необходимость коренного переворота отношеній владѣльцевъ къ сельскому населенію. И такіе люди были налицо: генераль-адъютанты Чевкинъ и Ростовцевъ. Чевкинъ вкрался въ довѣренность государя съ тѣхъ поръ, когда наслѣдникъ былъ предсѣдателемъ комитета Московской желѣзной дороги, а Чевкинъ управлялъ дѣлами этого комитета до назначенія меня правителемъ дѣлъ; это человѣкъ съ гибкимъ языкомъ, стяжавшій себѣ репутацію всезнающаго, — безъ правилъ, безъ убѣжденій, интриганъ и ловкій честолюбецъ. На какой сторонѣ партіи сильнѣе, на той и Чевкинъ. Ростовцевъ любилъ государя искренно; его нельзя было уговорить къ обманыванію государя изъ расчетовъ честолюбія; за него принялись иначе, отуманили его лестью, увѣрили его, что онъ великій мужъ государственный, наговорили ему фразъ, системъ и доктринъ, которыхъ онъ по невѣжеству своему вовсе не понималъ, но по тщеславію, свойственному купеческой крови, притворялся понимающимъ, или самъ себя въ томъ увѣрилъ. У обоихъ было, однако, настолько здраваго смысла, чтобы подумать о собственныхъ интересахъ. У Чевкина было душъ 50, нажитыхъ имъ понемногу; онъ ихъ продалъ. У Ростовцева было родовое имѣніе душъ во 100, поселенныхъ на бесплодной землѣ, оброчныхъ. Онъ отпустилъ ихъ на волю, съ переводомъ на нихъ долга опекунскому совѣту, т. е. рублей по 60 на душу. Рассказывали, что крестьяне прислали къ нему депутацію съ объясненіемъ, что нечѣмъ заплатить долгъ, что они не могутъ окупить такую платою свою свободу, и что если баринъ не намѣренъ отдать имъ землю на условіяхъ менѣе обременительныхъ, то они не желаютъ свободы. Ростовцевъ проследился, рассказывая, что любовь крестьянъ его тронула, что онъ отпускаетъ ихъ на волю и даритъ имъ землю, а они просятъ позволенія остаться крѣпостными! Набравъ такихъ патріотовъ, собрали комитетъ, все это подъ главнымъ руководствомъ великаго князя Константина Николаевича, который самъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ партіи Головнина, Милютина, Хрущова, Соловьева и еще нѣсколькихъ имъ подобныхъ.

¹⁾ На мѣстѣ преступленія.

Въ комитетѣ засѣдали: Князь П. П. Гагаринъ, равно готовый на всѣ партіи, смотря по личнымъ расчетамъ; Н. Н. Бахтинъ, честный и умный, но софистъ, не видавшій никогда Россіи, не въѣзжавшій никогда изъ Петербурга иначе, какъ въ путь за границу, во Францію или Швейцарію; Чевкинъ, горбатый тѣломъ и умою, по выраженію Канкринъ; Ростовцевъ и баронъ М. А. Корфъ, тщетно въ теченіе 10 лѣтъ гонявшійся за министерскимъ мѣстомъ. Когда заговорили, что Панинъ, министръ юстиціи, и Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія, смѣняются, Корфъ, говорили, написалъ государю письмо, въ которомъ сознавался, что, не будучи помѣщикомъ и не видавъ никогда уѣздной жизни, онъ слишкомъ мало знакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ, что онъ, напротивъ, посвятилъ свою жизнь на изученіе права и педагогіи, и потому просилъ, уволивъ его изъ крестьянскаго комитета, употребить его, если угодно, по одной изъ тѣхъ частей, которыя ему ближе знакомы. Однако его не употребили, какъ онъ желалъ. Года три позже онъ было сдѣлался quasi¹⁾ министръ; по его проекту составилось главное управленіе цензуры, и Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ: недоставало только указа сенату. Между тѣмъ Корфъ прискалъ для главнаго управленія домъ Шипмарева, кажется, за 120 т. рублей. Баронъ съ супругою ѣздили уже смотрѣть домъ; приказали кой-какія двери заложить, другія пробить, и устроились было какъ слѣдуетъ. Явился вопросъ о мебели. Шипмаревъ объявилъ, что домъ продается безъ мебели, а просить дополнительнаго ассигнованія неловко. Корфъ употребилъ чиновническую уловку. Мебель стоила 20 т. руб.; золото стоило 115⁰/₀, какъ разъ та сумма, которая нужна для покупки дома съ мебелью, если 120 т. р. разумѣть не кредитныя, а золотыя. На этомъ основаніи Корфъ поднесъ государю докладъ объ отпускѣ 120 т. р. полуимперіалами, а государь, не подозрѣвая канцелярской штуки, утвердилъ докладъ; но когда Корфъ объявилъ высочайшее о томъ повелѣніе министру финансовъ (Княжевичу), — этотъ вошелъ съ представленіемъ, что золота нѣтъ, и что вообще Корфъ нарушилъ законъ, представя государю денежный вопросъ безъ предварительнаго сношенія съ министромъ финансовъ. Государь разсердился и похерилъ главное цензурное управленіе.

Комитетъ сочинилъ знаменитый рескриптъ, первое официальное откровеніе правительства, что оно намѣрено измѣнить взаимныя отношенія помѣстнаго и рабочаго сельскихъ сословій; однако рескриптъ написанъ былъ очень осторожно: о свободѣ не упоминалось вовсе, объ усадьбахъ и о надѣлѣ—упоминалось очень условно, но зато очень положительно говорилось, что вотчинная полицейская власть остается неприкосновенною. Стало быть, въ

¹⁾ Почти.

то время не смѣли еще подносить государю бумаги радикальнаго содержанія. Въ то же время были созваны депутатскіе дворянскіе комитеты въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Тутъ настала пора дѣйствовать на министерство внутреннихъ дѣлъ. Ланской, выжившій изъ ума, который никогда не пользовался отличнымъ здоровьемъ, подписывалъ все; товарищъ его Левшинъ, большой помѣщикъ Екатеринославской губерніи, честолюбецъ, безъ всякихъ правилъ. Служа у Киселева, онъ гораздо ранѣе ожидалъ радикальной развязки, и въ этомъ предвидѣніи перенесъ крестьянскія усадьбы такъ, что отчужденіе ихъ не было бы нисколько вліятельно на его хозяйство, а между тѣмъ въ настоящую минуту было весьма важно для его честолюбія угодить великому князю Константину Николаевичу. У Константина Николаевича сочинили циркуляръ министру внутреннихъ дѣлъ, объясняющій рескриптъ, но объясняющій такъ, что смыслъ его совершенно искажался. Левшинъ поднесъ этотъ циркуляръ Ланскому, который и разсылалъ ихъ вмѣстѣ съ рескриптомъ во все дворянскіе комитеты по мѣрѣ ихъ открытія. Левшинъ ждалъ со дня на день въ награду министерство, на которомъ чуть-чуть держался Ланской, но увы! Левшина посадили въ сенатъ, и онъ долженъ раздѣлять участь барона Корфа. Оба кричатъ: *je suis volé!*¹⁾ Хороши! Какой столбнякъ нашелъ на меня, когда лужскіе дворяне выбрали меня своимъ депутатомъ. Я забылъ въ ту минуту, что значить наше дворянство, и не догадался, что все эти комитеты—комедія. Я всегда понималъ важность землевладѣнія; понималъ и смыслъ дворянства замкнутаго. Каковъ этотъ смыслъ—другой вопросъ, но все же смыслъ; но въ государствѣ, гдѣ сынъ гайдука Михеля дѣлается графомъ Клейнмихелемъ; гдѣ камердинеръ императора дѣлается графомъ Кутайсовымъ; гдѣ внукъ крѣпостнаго человѣка становится между вельможами не по праву доблести, гдѣ дворянинъ, покупающій населенную землю, долженъ давать подписку въ томъ, что ни дѣдъ, ни отецъ его не состояли крѣпостными людьми въ томъ же имѣніи,—въ такомъ государствѣ говорить о дворянствѣ сумасбродство, и сумасбродство вредное, потому что переносить вопросъ о правѣ собственности въ вопросъ сословный въ такомъ вѣкѣ, когда не только мѣщане вооружаются противъ дворянства, но и сами дворяне кокетничаютъ либерализмомъ и даже позорятъ своихъ предковъ, какъ Филиппъ Орлеанскій, не наученные исходомъ его расчетовъ.

Дворянство съ самаго начала сдѣлало ошибку, отстаивая свои права не ссылкой на законъ гражданскій или на требованія экономическаго быта государства, а на основаніи какихъ-то великихъ

¹⁾ Меня обокрали!

заслугъ сословія и какихъ-то жертвъ, принесенныхъ на алтарь патриотизма. Не въ натурѣ человѣческой преклоняться предъ заслугами того, кто самъ кричитъ о нихъ, хотя бы онѣ дѣйствительно достойны были уваженія, а заслуги нашего дворянства—довольно двусмысленныя. Древнѣйшіе роды наши—потомки Рюрика, опустошившіе Россію междоусобными войнами и не останавливавшіеся на призывѣ на Русь злѣйшихъ враговъ ея, подличавшіе при первыхъ царяхъ нашихъ и при императорахъ, люди, нерѣдко жертвовавшіе благомъ государства, чтобы уронить личнаго соперника, а доблестныхъ Рюриковыхъ потомковъ немного; другіе роды или изъ купцовъ, какъ Строгановы, или изъ простонародья, какъ Демидовы, или чиновники, обогатившіеся на счетъ казны или на счетъ своего барина. Поводомъ къ отбиранію подписокъ при покупкѣ имѣній былъ нѣкто Чулковъ. Чулковъ былъ крѣпостной управитель безпутнаго барина; онъ вѣявъ обкрадывалъ его, былъ неоднократно сѣченъ имъ розгами при сборѣ крестьянъ, но оставался въ милости за то, что мастеръ былъ доставать барину деньги взаймы. Этотъ баринъ отпустилъ Чулкова на волю, а Чулковъ съ помощью денегъ дошелъ безъ труда до креста или чина, присвоившаго ему потомственное дворянство. Когда имѣніе разорившагося помѣщика продаваемо было съ публичнаго торга, новый дворянинъ Чулковъ купилъ его, но крестьяне рѣшительно отказались отъ признанія его своимъ господиномъ. «Мы,—говорили они,—видѣли его изнанку подъ розгами, видѣли, какъ онъ губилъ нашего родного барина,—мы пойдемъ всѣ въ Сибирь, а слушаться мошенника не будемъ...» Многихъ пересѣкли, однако приказали Чулкову продать имѣніе. Въ то же время постановлено было не совершать купчихъ крѣпостей на имя людей, которые сами или которыхъ отцы или дѣды были крѣпостными въ покупаемомъ имѣніи, а такъ какъ наши канцеляріи строго держатся формъ, то подписки требовались и отъ дворянъ, носящихъ имя историческое, и отъ Чулковыхъ, и отъ Шереметевыхъ.

С.-петербургскій дворянскій комитетъ состоялъ изъ депутатовъ, по два отъ cadaго уѣзда, съ присутствіемъ кандидатовъ по одному отъ уѣзда, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго предводителя дворянства графа Павла Павловича Шувалова.

Члены отъ С.-Петербургскаго уѣзда были: баронъ Корфъ, разорившійся подрядчикъ департамента желѣзныхъ дорогъ, и не помню еще кто.

Петергофскаго—Зиновьевъ, отставной поручикъ Конной гвардіи, и сенаторъ Донауровъ,

Царскосельскаго—Платоновъ, отставной гусарь, и Пейкеръ.

Ямбургскаго—А. Ф. Веймарнъ и служившій подъ моимъ начальствомъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ баронъ Николай Веліо.

Гдовскаго—баронъ Врангель, провіантскій комиссіонеръ, и баронъ Фитингофъ, откупщикъ.

Шлиссельбургскаго—Чоглоковъ, разорившійся гуляка, и Лихонинъ, чиновникъ по образованію, но хорошій человѣкъ.

Лужскаго—я и Христовскій.

Были еще два депутата отъ правительства—флигель-адъютантъ Шеншинъ и Лоде, чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ.

Какъ только графъ Орловъ, тогда уже князь и предсѣдатель государственнаго совѣта, узналъ о моемъ назначеніи, онъ позвалъ меня къ себѣ и выразилъ мнѣ свое убѣжденіе, что я «поддержу правительство». Я отвѣчалъ, что высочайшій рескриптъ есть въ моихъ глазахъ неприкосновенное начало, и что онъ останется основаніемъ всѣхъ моихъ сужденій, но что циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ толкуетъ рескриптъ произвольно, и я, съ своей стороны, считаю себя въ правѣ не стѣсняться личными взглядами министра, который ставитъ точки на і рескрипта, но ставитъ ихъ не на мѣстѣ; напримѣръ, онъ говоритъ объ обязательной для помѣщиковъ отдачѣ усадебъ крестьянамъ, а этого вовсе нѣтъ въ рескриптѣ.

— Стоить ли изъ-за этого спорить,—сказалъ мнѣ Орловъ:—вотъ я подарилъ усадьбы крестьянамъ; они согласились платить мнѣ 40 лѣтъ то же, что теперь платятъ за пользованіе моими землями.

— Есть ли у васъ, князь, собственныя запашки, собственный домъ въ этомъ имѣніи?—спросилъ я.

— Нѣтъ ничего—крестьяне на оброкѣ.

— Въ такомъ случаѣ ваше сіятельство въ другомъ положеніи, чѣмъ лужскіе помѣщики. Они хозяева, а вы капиталистъ, имѣющій капиталъ въ землѣ. Вы очень хорошо помѣстили этотъ капиталъ, упрочивъ доходы на 40 лѣтъ, а хозяева, отдавъ крестьянскія усадьбы освобожденнымъ крестьянамъ, не только будутъ имѣть противъ оконъ своихъ домовъ толпу людей отъ нихъ независимыхъ, но лишатся возможности помѣстить около себя вольныхъ наемныхъ работниковъ.

Орловъ, видимо, разсердился, но, не показавъ мнѣ своей досады, сказалъ:

— Напрасно будете спорить,—вамъ прикажутъ: дадутъ указъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ я,—697 помѣщиковъ поручили мнѣ защищать ихъ право собственности; принявъ званіе депутата, я взялъ на свою совѣсть исполнить это порученіе по моимъ силамъ, но я не обѣщаль имъ противиться указамъ. Я буду защищать право, и тѣмъ исполню долгъ свой, а за то, что будетъ повелѣно указомъ, я не отвѣчаю. Слѣдовательно, я не могу жертвовать вѣренными мнѣ интересами потому только, что все-таки прикажутъ иначе.

Это было послѣднее мое свиданіе съ княземъ Орловымъ; вскорѣ, впрочемъ, онъ впалъ въ безпамятство, а потомъ въ особенный родъ помѣшательства ума, вообразивъ себя свиньей. Онъ и померъ въ полномъ убѣжденіи, что онъ не человѣкъ, а свинья.

Затѣмъ пріѣзжали ко мнѣ Зиновьевъ и Веліо. Я объяснилъ имъ свою программу; они были отъ нея въ восторгѣ и умоляли меня не отступать отъ нея.

Когда въ засѣданіи комитета прочтенъ былъ высочайшій рескриптъ, все молчало; никто не рѣшался говорить первый. Передъ Лихонинымъ лежалъ свертокъ бумаги. Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Лихонинъ объявилъ, что имъ составленъ проектъ положенія о крестьянахъ, который онъ просилъ позволенія прочитать. Все возстало: какъ можно начинать съ положенія, когда комитетъ не остановился еще на главныхъ началахъ, имѣющихъ служить основаніемъ положенія, не выяснилъ себѣ даже смысла высочайшаго рескрипта и циркуляра. Опять молчаніе. Видя, что никто не начинаетъ, я всталъ первый. Начавъ съ того, что, по моему мнѣнію, подъ выраженіемъ: «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ» надобно разумѣть освобожденіе ихъ изъ крѣпостного состоянія, я объявилъ, что очень счастливъ, не находя ни одного слова въ рескриптѣ, угрожающаго лишеніемъ законной собственности тѣхъ 697 помѣщиковъ, которыхъ я являлся представителемъ, и которые пошли бы по міру, за немногими изъятіями, если бы у нихъ отнята была эта собственность. Уступка собственности для блага общественнаго не въ первый разъ требуется; она предвидѣна закономъ, но тотъ же законъ постановляетъ, что уступающій свою собственность долженъ быть вознагражденъ. Въ рескриптѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ этотъ общій законъ терялъ свою силу. Затѣмъ я объяснилъ, какого рода вознагражденіе казалось мнѣ правильнымъ, какими способами оно должно быть сдѣлано и какіе ресурсы останутся въ рукахъ правительства отъ той операціи, которой планъ я составилъ предварительно. Я говорилъ часъ. Когда я кончилъ, Веймарнъ всталъ, взмахнулъ по обыкновенію костью и предложилъ комитету выразить мнѣ общую благодарность за удачное разрѣшеніе вопроса, столь важнаго въ интересахъ личныхъ и государственныхъ. Всѣ или почти всѣ встали, но помню, что депутаты отъ правительства не вставали. Шеншинъ замѣтилъ, что въ рескриптѣ не говорится о платѣ за освобожденіе. Лоде сказалъ, что рѣчь моя есть импровизація, обнимающая столько вопросовъ, что трудно было бы обсудить ихъ на память, и потому онъ полагалъ нужнымъ просить меня, чтобы я далъ комитету письменное изложеніе того, что мною говорено. Лихонинъ опять сталъ просить позволенія прочитать свое положеніе. Корфъ пробормоталъ что-то о банкахъ. Комитетъ заключилъ просить у меня письменнаго

мнѣнія, которое я и подалъ. На слѣдующее засѣданіе я не могъ пріѣхать по болѣзни, и къ удивленію моему узналъ, что баронъ Корфъ и Лихонинъ настаивали на томъ, чтобы пустить мое мнѣніе на баллотировку, что предсѣдатель допустилъ ее, и что по баллотировкѣ оказалось три или четыре шара бѣлыхъ, а прочіе черные,—если назвать шарами мнѣніе, заявленное гласно каждымъ членомъ. Еще удивительнѣе было, что въ числѣ лицъ, отвергнувшихъ мое мнѣніе, были Веймарнъ и Зиновьевъ. Я очень хорошо понялъ, что было причиною такого исхода, за исключеніемъ Зиновьева, благороднаго молодого человѣка. Веймарнъ давно уже былъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сношеніяхъ съ Орловымъ; не подлежитъ сомнѣнію, что Орловъ его настроилъ не соглашаться со мною, а этого было довольно, чтобы мой сослуживецъ не поцеремонился отказаться отъ своего, публично высказаннаго, мнѣнія; Лихонину прежде всего хотѣлось устранить обстоятельства, препятствовавшія прочтенію его проекта положенія; барону Корфу хотѣлось непременно банка; разорившійся въ пухъ, въ долгахъ по уши, онъ не имѣлъ другихъ надеждъ избавиться отъ долговой тюрьмы, какъ залучиться въ директоры общественнаго банка и тамъ устроить свои дѣлишки. Не знаю, на чьей сторонѣ былъ нашъ просвѣщенный и благородный предсѣдатель, но если не на моей, то, вѣроятно, потому, что я разсматривалъ землю какъ неотъемлемую полную собственность помѣщиковъ, а крестьянамъ предоставлялъ право перехода на другія земли. Графъ Шуваловъ чисто-либеральнаго направленія, и, какъ я замѣчалъ и лично, не былъ сторонникомъ отдѣленія крестьянъ отъ земли. Депутаты отъ правительства должны были рѣшить противъ меня по званію своему. Врангель, коммиссіонеръ, обсчитывавшій загородные кавалерійскіе полки на овѣ, дорожилъ, разумѣется, болѣе своимъ положеніемъ въ официальныхъ сферахъ, чѣмъ своимъ небольшимъ имѣніемъ, и еще болѣе, чѣмъ мнѣніемъ своихъ довѣрителей. Баронъ Фитингофъ сознался мнѣ, что онъ не могъ принять мой проектъ оттого, что онъ лишалъ помѣщиковъ рабочей силы, предоставляя имъ только 105 р. вознагражденія за работника; что онъ намѣренъ предложить ввести въ Россіи крестьянскія отношенія прибалтійскихъ губерній. Когда я замѣтилъ ему на это, что въ вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, отбывающихъ три рабочіе дни въ недѣлю, странно предлагать мѣры, усиливающія барщинную повинность, Фитингофъ отозвался, что это можно сдѣлать «съ извѣстною ловкостью редакціи». Какая наивность! Она напоминаетъ мнѣ поговорку черноморскихъ грековъ: «нѣмцу только разъ удалось провести грека, да и тутъ онъ остался въ убыткѣ». Зиновьевъ явился ко мнѣ съ повинною: «извините меня; мнѣ сказали, чтобы я остерегался вашихъ мнѣній потому что вы будто обѣщали Орлову повести дѣло такъ тонко

что мы на все согласимся». Велю не хотѣлъ испортить себѣ положенія, успѣвъ выпросить себѣ изъ дворянскихъ суммъ пособія по 100 р. въ мѣсяць на поѣздки въ комитетъ!

Съ перваго разу не понравилась мнѣ фізіономія этого дворянскаго комитета. Полагавъ тогда съ замѣчательною наивною, что правительство дѣйствительно желало знать мнѣніе дворянства, я соболѣзновалъ, что первый комитетъ выпалъ на долю столицы. Въ столицѣ нѣтъ помѣстныхъ дворянъ; здѣсь они превращаются въ *gentiers* ¹⁾, или въ слугъ, или въ искателей фортуны. Мнѣ было жаль благовоспитаннаго предсѣдателя, который, очевидно, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ между Корфомъ и компаніей. Шумъ, гамъ такой, что пришлось завести колокольчикъ валдайскаго діапазона, для 18 членовъ, но скромная рука предсѣдателя робѣла шевелить языкъ этого незасгнчиваго оратора. Графъ Шуваловъ прибѣгалъ къ разнымъ палліативамъ, чтобы усмирять нестройные голоса своихъ сочленовъ. Но послѣ того, что, заставляя меня написать мнѣніе, комитетъ не удостоилъ его даже обсуждения по статьямъ, а просто закидалъ шарами, послѣ того, что Веймарнъ, неумѣстно вызывавшій комитетъ на изъявленіе мнѣ благодарности, первый отвергъ то мнѣніе, которому онъ первый же апплодировалъ,—мнѣ стало отвратительно,—и я написалъ графу Шувалову, что по болѣзни не могу присутствовать въ комитетѣ. Второе мнѣніе, мною написанное, отдалъ я Христовскому. Комитетъ нашъ, какъ, впрочемъ, и другіе, кончился ничѣмъ.

Загѣмъ наступилъ второй актъ комедіи: учредили редакціонныя комиссіи. Посадивъ въ нихъ нѣсколько лицъ, достойныхъ уваженія, примѣшали къ нимъ или разорившихся дворянъ, какъ князь Черкасскій, или чиновныхъ пролетаріевъ, какъ Н. Милютинъ, или просто чиновниковъ, какъ Семеновъ, или чернильных *bravi* ²⁾, какъ Любоцинскій. Они заглушили голоса лучшихъ людей подъ приманкою денегъ, земель, звѣздъ и чиновъ. Для разрѣшенія важнѣйшаго государственнаго соціальнаго вопроса натянуты пружины подлѣйшихъ человѣческимъ страстей. Безстыдство лжи, клевета, наглость софизма дошли до послѣднихъ размѣровъ. Юридическое отдѣленіе комиссіи должно было оправдать закономъ то, что комиссія сочиняла, по большинству или по меньшинству голосовъ экспертовъ, смотря по тому, что болѣе приходилось къ рамкѣ. Вотъ какъ Любоцинскій оправдалъ захватъ вѣковой дворянской поземельной собственности. Полною собственностью называется такая собственность, которою владѣлецъ имѣетъ право распоряжаться по личному своему усмотрѣнію, а какъ высочайшимъ рескриптомъ повелѣвается оставить землю въ пользованіи

¹⁾ Капиталисты.

²⁾ Раббойниковъ.

крестьянъ, то изъ сего слѣдуетъ, что помѣщики не имѣютъ на свою землю права полной собственности. На этомъ основаніи они и не могутъ противиться обязательному надѣлу крестьянъ своею землею. Это все равно, что разсуждать о смертоубійцѣ такъ: смертоубійство есть лишеніе жизни, а какъ убитый человѣкъ не имѣетъ жизни, то и лишить его жизни нельзя. На этомъ основаніи убившій человѣка не есть смертоубійца. Въ журналахъ, поддерживаемыхъ министрами, посыпались ругательства на дворянство; деньги казенныя сыпались безъ счета; на редакціонную комиссію отпущено огуломъ 240 т. р. Предсѣдатель Ростовцевъ подписывалъ, что ему подавали, не понимая истиннаго смысла. Ростовцевъ былъ лукавъ до крайности и пронирливъ въ такой же мѣрѣ, но при всемъ томъ очень добрый и на свой манеръ честный человѣкъ. Такая аномалія встрѣчается въ нашемъ купечествѣ безпрестанно и есть, такъ сказать, отличительная черта нашего купечества. Люди добрѣйшіе въ семействѣ, гостепріимные и благотворительные до расточительности, тверды въ своемъ словѣ на биржѣ, на ярмаркѣ, но придите къ купцу покупать товаръ въ лавкѣ, онъ дастъ вамъ мѣдъ за золото, и будетъ всеми святыми божиться, что онъ васъ не обманываетъ. Видно, что матеріаль духовный недуренъ, но не выработаны понятія о чести. Упрекните его, скажите купцу: «Какъ же вы, человѣкъ добрый, богобоязненный, рѣшаетесь на такой безсовѣстный обманъ?» Онъ вамъ отвѣтитъ жалобнымъ голосомъ: «Что дѣлать, батюшка! Наше такое дѣло! Безъ этого нельзя!» Ростовцевъ, чистый типъ русскаго купчины, спохватился, что подъ его фирмою дѣлается что-то недоброе; онъ просилъ увольненія его отъ дѣла, мало ему знакомаго, и поѣхалъ лечиться въ Вильдбадъ, съ своимъ редакторомъ Семеновымъ, котораго здѣсь снабдили полными инструкціями. Семеновъ подsunулъ ему программу, объяснилъ ему благія ея послѣдствія и опять вскружилъ голову, столь чувствительную къ угару отъ тщеславія. Ростовцевъ прислалъ свою программу сюда при письмѣ весьма замѣчательномъ. Онъ говорилъ, что просилъ устраненія отъ крестьянскаго дѣла по сознанію совершеннаго незнанія его особенностей, что теперь онъ изучилъ это дѣло вполнѣ и представляетъ плодъ своихъ размышленій. Родился въ Россіи, жилъ 60 лѣтъ въ Россіи, сидѣлъ въ совѣтахъ правительства и не зналъ дѣла; поѣхалъ въ Вильдбадъ, и тамъ въ три недѣли изучилъ Россію! Замѣчательное дѣйствіе Вильдбадскихъ водъ.

Когда баронъ Корфъ выразилъ свое удивленіе, что Ростовцева, никогда не интересовавшагося народною жизнію Россіи, приобщили къ крестьянскому дѣлу, князь Меншиковъ замѣтилъ, что «въ томъ-то и бѣда, что приобщили прежде, чѣмъ, исповѣдать». Эту забытую исповѣдь отдалъ Ростовцевъ мнѣ. Я послалъ къ нему записку, въ которой доказывалъ бесполезность при-

крѣпленія крестьянъ къ ихъ нынѣшнимъ усадьбамъ, и объяснялъ, что гораздо лучше обязать тѣхъ владѣльцевъ, которые будутъ переманивать къ себѣ работниковъ въ Новороссійскій край,—давать каждому до 3-хъ десятинъ за службу не менѣе 10 лѣтъ. Ростовцевъ отвѣчалъ мнѣ очень вѣжливымъ письмомъ, и я къ нему пріѣхалъ. Первое слово его было:

— Вы хотите обязать новороссійскихъ помѣщиковъ къ условіямъ найма, обеспечивающимъ работниковъ въ приобрѣтеніи земли. Къ чему это? Мы не въ Германіи; въ Россіи земли хватитъ еще на тысячу лѣтъ! Пусть каждый идетъ куда хочетъ и нанимается какъ хочетъ!

Я слушалъ это какъ остолбенѣлый.

— Въ первый разъ,—сказалъ я,—слышу, что вы такого мнѣнія; оно успокаиваетъ все русское землевладѣніе; простите меня, если я буду всѣмъ и каждому пересказывать то, что сегодня слышалъ.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не читали моихъ писемъ изъ Вильдбада?—спросилъ меня Ростовцевъ.

Моя записка была именно направлена противъ вильдбадскихъ писемъ, требовавшихъ, чтобы усадьбы отданы были крестьянамъ. Мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ отвѣтить: не читалъ!

— Пожалуйста, извините меня; я пришлю вамъ экземпляръ этихъ писемъ,—кончилъ Ростовцевъ.

Словомъ, я убѣдился, что Ростовцевъ не зналъ содержанія своихъ писемъ! Между тѣмъ Милютинъ и К^о, заручась вильдбадскою программю, стали уже безцеремонно развивать свою систему; Ростовцевъ догадался, куда идутъ они, спорилъ съ ними, но они давали ему отпоръ собственною его программю; Ростовцевъ досадовалъ, выносилъ ежедневныя стычки, тревожился, захворалъ и померъ. На его мѣсто назначили графа Панина, стяжавшаго уже репутацію капрала въ званіи министра юстиціи. Панинъ занялся прежде всего тѣмъ, чтобы члены ходили въ комиссіи въ мундирныхъ фракахъ, чтобы не курили табаку, и прочими подобными полицейскими мѣрами. Въ общихъ выраженіяхъ онъ склонялся къ консервативнымъ началамъ, вслѣдствіе чего Любоцинскій вдругъ перескочилъ въ другой лагерь и доказывалъ, что земля есть неотъемлемая полная собственность дворянъ. Однако Панинъ не пошелъ далѣе общихъ выраженій; увидя съ одной стороны нахмуренныя брови великаго князя, а съ другой—синѣющую на горизонтѣ его андреевскую ленту, онъ сталъ предлагать что-то среднее; его не послушали, но ленту дали. Со всѣхъ сторонъ Россіи слышались между тѣмъ вопли и крики землевладѣльцевъ; въ Петербургъ наѣхало множество помѣщиковъ; они подавали объясненія, протесты, просьбы; все оставалось безъ отвѣта и даже безъ доведенія до государя содержанія жалобъ. Губернаторовъ, сколько-

нибудь умѣренныхъ или консервативныхъ, смѣняли офицерами генеральнаго штаба, извѣстными радикализмомъ; дворянство ругали публично; настало нѣчто въ родѣ официального терроризма; и подъ его вліяніемъ издано «Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года». Читающій его иностранецъ никакъ не догадался бы, что здѣсь дѣло шло о побужденіи дворянъ къ уступкѣ части своей законной собственности въ пользу крестьянъ, со всѣми предосторожностями, чтобы крестьяне не захватили лучшихъ земель или больше того, что имъ необходимо, чтобы крестьянскій надѣлъ не разстроилъ помѣщичьяго хозяйства, чтобы помѣщикъ отдавалъ только излишки, а крестьянинъ получилъ бы только необходимое. Напротивъ, этотъ незнакомый съ нашими обстоятельствами читатель подумалъ бы, что «Положеніе» возстановляетъ права крестьянъ на ихъ землю, похищенную у нихъ дворянами, и принимаетъ всѣ мѣры противъ дворянъ-грабителей, чтобы защитить крестьянъ отъ повторенія подобныхъ грабежей. У помѣщиковъ отбиралось не то, что нужно крестьянину, а то, что наиболѣе нужно помѣщику. Общая система выражалась тѣмъ, что чѣмъ болѣе разорится помѣщикъ, тѣмъ болѣе обогатится крестьянинъ, а изъ этого вышло, что теперь уже, черезъ 5 лѣтъ, разорились и крестьяне и помѣщики. Такая система совершенно сродна нашимъ невѣждамъ. Въ Петербургѣ можно видѣть сотни примѣровъ между мелкими чиновниками, что они, нанимая квартиру съ отопленіемъ, стараются истребить какъ можно больше дровъ, находя въ этомъ расхищеніи хозяйской собственности личный барышъ. За квартиру плачу я,—говоритъ такой чиновникъ,—за 3 комнаты 300 р., но я сжигаю у хозяина дровъ на 200 р., слѣдовательно мнѣ обходятся комнаты только въ 100 рублей.

Демагогическая партія торжествовала. Великій князь Константинъ Николаевичъ считалъ себя самымъ популярнымъ человекомъ въ Россіи, да и при высочайшемъ дворѣ были едва ли не того же мнѣнія о своей популярности. На балѣ императрица, идя въ польскомъ съ княземъ Меншиковымъ, заговорила съ нимъ объ эмансипаціи. Записываю разговоръ въ томъ видѣ, какъ мнѣ передавалъ его князь Меншиковъ.

— Je m'étonne, prince, qu'avec votre esprit vous ne voulez pas reconnaître la nécessité d'émanciper les serfs.

— Madame, je n'ai jamais parlé contre l'émancipation, mais je désapprouvais la manière, dont on va procéder pour y arriver.

— Ah, vous convenez donc que le servage est incompatible avec les idées du XIX siècle.

— Oui, Madame, c'est une incompatibilité, mais a-t-on pensé à ce que l'autocratie en est aussi une. Elle ne se soutient qu'en Russie, parce qu'en Russie il y a encore une classe privilégiée, qui dans ses propres intérêts soutient l'autocratie, mais aussitôt que

l'antagonisme des deux conditions aura été écarté, il n'y aura en Russie qu'une seule opinion sur la forme du gouvernement. Monseigneur l'Héritier se prononce aussi contre la noblesse: se prépare-t-il aux suites de la fusion des classes?

— Ah, mon Dieu! si on pouvait expliquer cela à l'Empereur.

— Ainsi qu'à Monseigneur le Grand Duc Héritier, Madame.

— Mon fils est entre les mains de son oncle ¹⁾.

Около того же времени князь Меншиковъ разсказывалъ мнѣ разговоръ свой съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Великій князь сказалъ:

— Il est temps de faire une petite saignée à la noblesse ²⁾.

Князь Меншиковъ замѣтилъ на это:

— Votre Altesse est le premier noble de l'Empire; peut Elle préciser la limite où la saignée, une fois commencée, s'arrêterait? ³⁾

Великій князь взялъ со стола какой-то тесакъ, сказавъ:

— Посмотрите, какой удобный тесакъ я намѣренъ ввести во флотъ.

Не увлекаясь своимъ торжествомъ, демагогическая партія понимала, что «Положеніе» о крестьянахъ можетъ имѣть, въ строгомъ ея исполненіи, только половину того дѣйствія, какого она добивалась. Ей хотѣлось истребить всѣ помѣщичьи хозяйства, и на мѣсто ихъ водворить крестьянскія, и то не личныя, а общинныя. Великій князь Константинъ Николаевичъ только и говорилъ объ общинѣ, этомъ идеалѣ социальнаго устройства, о которомъ такъ хлопочутъ на Западѣ, но который присущъ русскому народу и сложился у него исторически,—какъ будто исторія варварскаго состоянія народа можетъ служить образцомъ его цивилизаціи. Обращать Россію въ дикое славянство то же самое, что водворять

¹⁾ — Я удивляюсь, князь, что вы, съ вашимъ умомъ, не хотите привнать необходимости освободить крѣпостныхъ людей.

— Я никогда не говорилъ противъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но я не одобрялъ образа дѣйствія, которымъ хотятъ прийти къ этому.

— А, значитъ, вы сознаетесь, что крѣпостное состояніе несомвѣстно съ идеями XIX вѣка?

— Да, это несомвѣстно; но подумали ли о томъ, что и самодержавіе несомвѣстно. Оно держится только въ Россіи, потому что въ Россіи еще есть привилегированный классъ, который въ своихъ собственныхъ интересахъ поддерживаетъ самодержавіе,—но какъ только соперничество двухъ состояній будетъ устранено,—въ Россіи будетъ только одно мнѣніе о формѣ правленія. Государь наслѣдникъ высказывается тоже противъ дворянства: приготовился ли онъ къ послѣдствіямъ слиянія состояній?

— А, Боже мой! если бы это можно было объяснить императору.

— А также государю наслѣднику великому князю.

— Мой сынъ въ рукахъ своего дяди.

²⁾ — Пора сдѣлать дворянству маленькое кровопусканіе.

³⁾ — Ваше высочество первый дворянинъ имперіи; можетъ ли онъ точно опредѣлить граньцу, гдѣ остановится разъ начатое кровопусканіе?

въ Сѣверо-Американскіе Штаты нравы эскимосовъ. То, чего не смѣли печатать въ «Положеніи», надобно было сдѣлать посредствомъ недобросовѣстнаго исполненія «Положенія», а для этого необходимо было еще до изданія «Положенія» измѣнить весь составъ главныхъ дѣятелей. Въ кружкѣ, покровительствуемомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, положено было, какъ говорили: дать министерство государственныхъ имуществъ Хрущову; внутреннихъ дѣлъ—Милютину; юстиціи—князю Оболенскому (Рейтерна въ кресла министра финансовъ), министерство народнаго просвѣщенія Головнину, но тутъ вышелъ скандалъ: открылось, что Кавелинъ, учившій цесаревича исторіи, былъ въ перепискѣ съ Герценомъ, съ вѣдома главнаго воспитателя, Титова. Государь огорчился; въ городѣ рассказывали, будто онъ съ разстроеннымъ видомъ сказалъ: «Вотъ въ какомъ я положеніи! Не могу даже положиться на выборъ людей, рекомендуемыхъ въ воспитатели сына моего! Все это интриги Хрущовыхъ и другихъ изъ этого же круга». Такъ ли выразился государь или иначе,—трудно повѣрить, но достовѣрно то, что партія повѣсила носъ и что комбинаціи ея покуда не состоялись. Государь потребовалъ, чтобы Головнина удалили отъ великаго князя; его посадили въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія. На мѣсто Шереметева, разбитаго параличомъ, назначенъ Муравьевъ, консерваторъ. Муравьевъ тотчасъ же удалилъ Хрущова. На мѣсто Ланского посадили Валуева, тоже консерватора, но дѣйствующая партія воспользовалась безхарактерностью Валуева и навязала ему въ дѣятели по устройству крестьянскаго быта Соловьева, якобинца, того Соловьева, который спуталъ идеи великаго князя. Рейтерна и Оболенскаго тоже не смѣли уже предлагать государю, но ихъ очень ловко подготавливали. Вдвинувъ Головнина въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, назначили министромъ неспособнаго вице-адмирала Путятина; Рейтерна посадили въ совѣтъ министра финансовъ, а министру Княжевичу дали ехиднаго Грота въ директоры департамента; глупый военный министръ Сухожанецъ замѣненъ Милютинимъ, братомъ Николая Милютина.

Хрущовъ не перенесъ этого переворота. Алчный эгоистъ, бывшій въ процессѣ съ своимъ отцомъ за какое-то дрянное имѣніе и женившійся на богатой помѣщицѣ, онъ выступилъ на общественную сцену подъ маскою друга народа, для котораго не щадить ни достоянія, ни жизни. Онъ проповѣдывалъ неправосудность неравнаго раздѣленія богатствъ (получая 10 т. р. содержанія), устраивалъ на акціяхъ квартиры рабочихъ, что-то въ родѣ фаланстеръ, и приходилъ въ благородное негодованіе, когда помѣщикъ отстаивалъ свою собственность,—затаивъ въ душѣ главный двигатель своихъ дѣйствій: надежду на видное мѣсто съ огромнымъ содержаніемъ. Когда отзывъ государя поколебалъ эти

надежды, силы Хрущова сокрушились, и маска упала съ лица его. Хрущовъ сошелъ съ ума и, какъ влюбленная одалиска, высказалъ въ бреду затаенныя чувства. Онъ поѣхалъ въ полномъ гофмейстерскомъ мундирѣ къ княгинѣ Одоевской и рассказывалъ ей, что онъ строитъ желѣзную дорогу изъ золотыхъ рельсовъ; что онъ устраиваетъ пруды для разведенія устрицъ, которые будутъ давать ему 5 милліоновъ годового дохода. Такъ выразилась алчность почестей и денегъ: о народѣ, о фаланстерахъ—ни слова.

Я оставался все еще при надеждахъ, что новые дѣятели дѣйствуютъ искренно, что они портятъ государственное дѣло не по намѣренію, а по программѣ. Не сдѣлавъ ничего съ Ростовцевымъ, я обратился къ великому князю Константину Николаевичу. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ ставилось на видъ, что присвоеніе крестьянамъ ихъ усадебъ необходимо для предупрежденія вредной подвижности; я представилъ его высочеству записку, доказывающую вредъ неподвижности. Записка эта осталась безъ послѣдствій. Дѣйствія были, очевидно, преднамѣренныя, но по крайней мѣрѣ государю невозможно было приписывать преднамѣреній, потому что дѣла принимали направленіе, вредное ему самому. Jean Paul Richter замѣтилъ, что люди, носящіе на себѣ благовонія, распространяютъ благоуханіе на всѣхъ, кромѣ самихъ себя. Такъ это бываетъ и въ обратномъ смыслѣ: обманываемый супругъ становится предметомъ насмѣшекъ цѣлаго общества, и одинъ не замѣчаетъ своей прически; клевета ходитъ по цѣлому городу, — одинъ оклеветанный ничего про нее не знаетъ. Такъ и правители узнаютъ послѣдніе о козняхъ, противъ нихъ направленныхъ, и очень часто узнаютъ о томъ только въ минуту паденія, и до той минуты вручаютъ злѣйшимъ своимъ врагамъ оружіе противъ самихъ себя. Это исторія Людовика XVI съ его *assemblée des notables*¹⁾; Павла I съ Паленомъ; Карла X и Полиньяка съ герцогомъ Орлеанскимъ. Наши демагоги опутали великаго князя; они двигаютъ его передъ собой, какъ таранъ для пробитія стѣны государственнаго зданія. Онъ вождь партіи, но онъ и жертва ея, мостъ, охраняемый до совершенія перехода, но сожигаемый, когда переходъ совершился.

Демагогическая партія продолжала дѣйствовать всѣми способами. По всей Россіи шныряли Якушкины и другіе подобные выгнанные изъ службы чиновники, вооружавшіе чернь противъ владѣльцевъ; на сценѣ представлялись небылицы или карикатуры на тему помѣщичьяго быта, рассчитанныя для вліянія на дворовыхъ людей, наполнявшихъ раекъ. На дворянскихъ и другихъ собраніяхъ люди дворянскаго происхожденія распространялись о гнилости дворянскаго сословія или о несправедливости изгнѣтія

¹⁾ Собраніе знатнѣйшихъ особъ дворянства и духовенства.

его изъ рекрутской повинности; вся эта сволочь дѣйствовала по расчету, потому что ругательство на дворянство служило аттестатомъ кандидатуры на хорошія мѣста въ службѣ, гдѣ поруганіе сословія считалось признакомъ высшаго ума. Въ служебную іерархію введена ужасная путаница. Началъ ее великій князь Константинъ Николаевичъ въ морскомъ министерствѣ; тысячи прѣжнихъ чиновниковъ и офицеровъ отставлены отъ службы за штатомъ, а оклады ихъ раздѣлены между остальными, привилегированными. Князь Оболенскій изъ помощника предсѣдателя гражданской палаты сдѣланъ директоромъ комиссаріатскаго департамента и статсъ-секретаремъ, съ полномочіями въ хозяйственныхъ заготовленіяхъ, противными закону. Комовскій, начальникъ отдѣленія канцеляріи, посланный къ князю Меншикову, противъ его воли, въ Севастополь, воротился оттуда тайнымъ совѣтникомъ и статсъ-секретаремъ. Рейтернъ, мелкій чиновникъ, посланный въ Парижъ для изученія бухгалтеріи, облачается тоже въ званіе статсъ-секретаря. Набоковъ, надворный совѣтникъ, назначается вице-директоромъ департамента, съ оклада въ 1000 рублей на окладъ въ 6000 рублей,—исчезаетъ на минуту, потомъ является опять на сцену въ костюмѣ гофмейстера и съ окладомъ въ 11.000 рублей. Даже нравственныя начала прежней службы ниспровергаются; уваженіе къ людямъ пожилымъ уступаетъ мѣсто наглости передъ «людьми отжившими». Это новое ученіе осуществлено въ офиціальномъ распоряженіи: въ исключеніи по военному вѣдомству изъ службы врачей, достигшихъ 60-лѣтняго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было такихъ торжествъ и такихъ наградъ за 50-лѣтнюю службу, какъ въ это время. Словомъ, всѣ понятія перепутались; нигилизмъ проникъ во всѣ сферы общественныя и правительственныя, недоставало ему еще только имени.

Карьера свыше ожиданія, небывалыя награды, раздача богатыхъ земель людямъ, участвовавшимъ въ редакціи и неправильномъ исполненіи «Положенія» о крестьянахъ, научили и другихъ чиновниковъ, что самая вѣрная спекуляція—писать коммунистическіе проекты; самый вѣрный способъ быть хорошо откомендованнымъ государю,—нивеллировать сословія, преслѣдовать дворянство, подготавливать революцію,—и вотъ зачатки проектовъ земскихъ учрежденій, судебной части, отмѣны тѣлеснаго наказанія, сокращенія срока военной службы, новой цензуры и прочіе. Чиновничество стало первымъ сословіемъ, надменное, рѣшительное, самодержавное,—не то уже, что Суковнинъ и Гвоздевъ, мелкіе воришки, а реформаторы или спекуляторы *en grand* ¹⁾). Чиновники эти забылись до такой степени, что публично заявляли свое самодержавіе. «Я хочу уничтожить первый департаментъ сената!» говорилъ Бут-

¹⁾ Въ большемъ видѣ.

ковъ у себя на вечернемъ собраніи. «Я не могу допустить земство къ управленію дѣлами общественными: русская интеллигенція вся на службѣ, слѣдовательно служащіе одни должны управлять земскими дѣлами»,—объявлялъ Н. Милютинъ у себя за обѣдомъ. «Я вамъ долженъ сознаться,—сказалъ Д. Милютинъ старику генералу Корфу:—что я иду къ русскому единству и къ равенству словій». Статсъ-секретарь Заблоцкій, нажившій на службѣ большое состояніе, говорилъ публично рѣчь, что онъ родился въ избѣ и остается въ душѣ крестьяниномъ; что, несмотря на свои чины и ордена, онъ думаетъ, какъ крестьянинъ, и что вся его политика крестьянская. Князь Меншиковъ очень мѣтко опредѣлялъ содержаніе рѣчи Заблоцкаго: «Я родился въ навозѣ, и съ тѣхъ поръ не умывался».

Покуда въ Россіи совершалось это столпотвореніе вавилонское, готовилась и въ Польшѣ катастрофа, предшествуемая студенческими смутами въ разныхъ русскихъ университетахъ.

Послѣ мятежа 1830 и 1831 гг. покойный государь запретилъ полякамъ выѣзжать изъ царства Польскаго. Путь въ Россію былъ обставленъ для нихъ разными затрудненіями; путь за границу закрытъ совершенно. Польша сдѣлалась для поляковъ замкнутою казармою, а надзоръ за этими 5 милліонами узниковъ ввѣренъ былъ твердой и умной рукѣ князя Паскевича. Мѣра совершенно рациональная, но государь ошибся въ томъ, что не распространилъ того же на юношество. Онъ былъ, къ несчастію, слишкомъ высокаго мнѣнія объ образовательной силѣ нашихъ русскихъ училищъ, и въ этомъ убѣжденіи приказалъ всѣхъ польскихъ юношей воспитывать въ Россіи, закрывъ польскіе университеты. Государь не зналъ ни того, что наши училища прескверны, ни того, что русскій элементъ вовсе не имѣетъ поглощающаго свойства, что онъ, напротивъ, очень легко самъ распускается во всякомъ чужомъ элементѣ. Русскіе, въ особенности же русскіе того времени, переставали быть русскими при первомъ прикосновеніи къ нимъ чуждаго элемента; съ нѣмцами—они дѣлались нѣмцами; съ французами—французами,—и до такой степени, что почти стыдились быть русскими за границею, или ругали тамъ русскихъ, чтобы не казаться съ ними солидарными. Отъ такого-то растворнаго элемента государь ожидалъ силы переработать образъ мыслей юноши, силою оторваннаго отъ своего семейства, удаленнаго изъ родины, гораздо болѣе просвѣщенной, чѣмъ Россія, отлученнаго отъ своей религіи, гораздо усерднѣе исповѣдуемой, чѣмъ въ Россіи православіе. Послѣдствія были таковы, какихъ ожидать слѣдовало: нѣсколько сотъ польскихъ юношей ополячили все юное поколѣніе Россіи, научили его пѣть польскія патріотическія пѣсни; вложили въ него чувство негодованія на правительство и развили въ немъ духъ оппозиціи. Во всѣхъ русскихъ университетахъ молодежь за-

шевелилась, зашумѣла, и отъ криковъ стала переходить къ дѣйствіямъ. Эти смуты указали, какъ неудаченъ былъ выборъ попечителей учебныхъ округовъ. Въ Кіевѣ студенты отправились in corpore съ протестомъ къ попечителю; Катакази спрятался въ платяномъ шкапѣ. Катакази смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ Пироговъ, операторъ, извѣстный революціонными тенденціями. Въ Казани Молоствовъ, человѣкъ образованный, вступилъ со студентами въ переговоры; онъ смѣненъ, и на мѣсто его посланъ ничтожный князь Вяземскій. Въ Петербургѣ студенты заставили попечителя Филипсона идти съ ними въ конференцію университета: онъ шелъ передъ ними, плѣнный, по Невскому проспекту. Столица сѣвернаго царства увидѣла въ стѣнахъ своихъ торжество, подобное торжествамъ древняго Рима, когда водили побѣжденныхъ царей мимо Капитолія. На Васильевскомъ островѣ генераль-губернаторъ Игнатевъ вывелъ солдатъ съ штыками противъ безоружныхъ безбородыхъ юношей. Распустили слухъ, будто нѣсколько студентовъ ранено; всѣ семейства взволновались; повсюду изъяслялось сочувствіе студентамъ; дамы пріѣзжали въ театръ, украшенныя синими лентами по цвѣту студенческаго мундира. Министръ народнаго просвѣщенія Пугачинъ, умѣвшій укрощать людей только розгами, не нашелъ въ своей программѣ указанія, откуда взять розги и экзекуторовъ, когда придется высѣчь въ данную минуту вдругъ 400 человѣкъ. Онъ замѣненъ Головнинымъ. Такимъ образомъ, смуты университетскія вызвали на сцену двухъ попечителей крайне-революціоннаго направленія: Пирогова и Головнина. Чисто гомеопатическая система леченія: *similia similibus*. Изъ университетовъ, изъ артиллерійскаго училища поляки поступали въ армію и въ министерства; въ арміи они развращали офицеровъ— незрѣлыхъ умомъ, какъ студенты были незрѣлы тѣломъ; и уже въ Крымскую войну армія наша потерпѣла много неудачъ вслѣдствіе тайной передачи неприятелю свѣдѣній изъ штаба нашей арміи. Изъ министерствъ поляки проникли въ западныя губерніи на мѣста важныя въ полицейскомъ отношеніи, въ почтмейстеры, въ исправники, предсѣдатели палатъ. Въ царствѣ Польскомъ князь Паскевичъ держалъ твердо бразды правленія, но никого не доводилъ до отчаянія, никого не лишалъ честнаго куска хлѣба. Революціонеры боялись его рѣшительности; люди смиренные были въ должностяхъ и не опасались ни потери мѣста по интригѣ патриотовъ, ни ихъ личной мести.

Со смертію князя Паскевича вдругъ все измѣняется. «Tueripe est mort» ¹⁾! Князь Горчаковъ, безстрашный въ бою, но трусъ въ политикѣ, поддается угрозамъ кружка, ненавидѣвшаго Россію; смѣняетъ преданныхъ нашему правительству чиновниковъ и за-

¹⁾ Тюревъ умеръ!

²⁾ истор. вѣстн., октябрь, 1908 г., т. сxiv.

мѣщаютъ ихъ кандидатами изъ враждебной партіи; тѣ—тысячами пущены по міру; эти—забрали въ свои руки мѣстную администрацію. Членъ правительственнаго совѣта А. И. Крузенштернъ, изучившій Польшу, состоя около 20 лѣтъ при прежнемъ намѣстникѣ, написалъ весьма сильно и ясно записку, въ которой изображалъ неудобства новой политики и предсказывалъ новую революцію: его не послушали, назвали визионеромъ. Такъ со всѣхъ сторонъ приготовлена была мина. Когда послѣдовалъ взрывъ,— вмѣсто того, чтобы разгромить первыхъ покусителей на государственное спокойствіе,—Горчаковъ телеграфировалъ въ Петербургъ вопросъ: что дѣлать? Вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему изъ Петербурга: «Вы намѣстникъ! дѣйствуйте!» ему телеграфировали: «избѣгайте кровопролитія». Такъ по челоуѣколюбію къ 300 бунтовщикамъ погублены сотни тысячъ людей, падшихъ отъ пуль, кинжала, яда и висѣлицы. Горчаковъ померъ. Надобно было избрать новаго намѣстника. По принципу, что люди шестидесяти лѣтъ выжили изъ ума, назначенъ молодой графъ Ламбертъ, извѣстный барышничествомъ во время командованія Конною гвардіею,—и Герштенцвейгъ, челоуѣкъ благородный и умный, но желчный и надменный. Они поссорились; Герштенцвейгъ застрѣлился, а Ламбертъ выѣхалъ изъ Варшавы. Россія въ первый разъ услышала о дезертирѣ не изъ рядовыхъ, а изъ намѣстниковъ. Затѣмъ вызвали въ Петербургъ Велепольскаго. Крузенштернъ зналъ тенденціи Велепольскаго; предвидя общественное бѣдствіе, онъ превозмогъ свою обычную скромность и снова изложилъ свои виды, которые сообщилъ и вице-канцлеру Горчакову. Его опять не послушали, но предсказанія его сбылись слишкомъ точно. Оставя службу въ Варшавѣ, Крузенштернъ нашелъ здѣсь холодный пріемъ. За что же? Конечно, за то, что онъ оказался правымъ. Недалновидность никогда не прощаетъ пронидательности. Велепольскій принятъ былъ въ Петербургѣ какъ нельзя лучше, и вслѣдъ за тѣмъ великій князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ. Въ Варшавѣ Велепольскій былъ на первомъ планѣ; онъ гордо проходилъ къ намѣстнику чрезъ пріемную залу, гдѣ ожидали пріема высшія русскія воинскія власти, Рамзай, Шварцъ и другіе. Несмотря, однако, на это предпочтеніе поляка, выстрѣлили и въ великаго князя, какъ прежде того выстрѣлили въ Людерса и послѣ того въ графа Берга.

Я удивлялся, что Ростовцевъ изучилъ крестьянскій вопросъ въ Вильдбадѣ. Теперь вспоминаю, что я самъ изучилъ польскій вопросъ въ Крейцнахѣ. Араужо, бразильскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, рассказывалъ мнѣ въ Крейцнахѣ, что лѣтъ пятнадцать предъ тѣмъ обѣдалъ у него Велепольскій и излагалъ ему свои мысли о возстановленіи Польши. Онъ выражалъ свое убѣжденіе, что возстановить независимое царство Польское можно

только однимъ способомъ: заинтересовать русскаго великаго князя и съ содѣйствіемъ Россіи оторвать у Пруссіи Познань и у Австріи Галицію.

— Et c'est un grand duc russe,—сказалъ ему Араужо,—que vous voulez reconnaître roi de Pologne?

— Ah, je ne sais, c'est comme le bon Dieu le voudra!

— Croyez vous que le bon Dieu en voudra?

— Ce serait un cas exceptionnel, car ordinairement l'architecte n'habite pas la maison qu'il a construite¹⁾.

Польскій мятежъ начинается новую эру въ нашихъ государственныхъ порядкахъ. Демагогическая партія переноситъ сцену свихъ дѣйствій въ польскія губерніи, чтобы оттуда дѣйствовать и на Россію. Разложеніе идетъ такъ быстро, что становится труднымъ записывать событія. Крестьяне русскіе, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ зависимости отъ помѣщиковъ, остались внезапно безъ всякаго начальства, перестали работать, перестали платить оброки и повиноваться земскимъ властямъ; въ это самое время, когда особенная надобность настояла въ удержаніи крестьянъ отъ безпорядковъ, отмѣнено тѣлесное наказаніе и удешевлена водка: съ одной стороны—соблазнъ, съ другой—безнаказанность. Помѣщики, лишившіеся вдругъ и обязательнаго труда и части своихъ земель, стали повсемѣстно разоряться, за немногими изъятіями. Небольшая часть помѣщиковъ, обладавшихъ большими средствами или большею энергіею, боролись съ новыми затрудненіями, надѣялись было преодолѣть ихъ, но новые губернаторы стали распространять между мировыми посредниками ученіе, по которому въ дѣлахъ спорныхъ помѣщики должны быть всегда виноватыми, а крестьяне—всегда правыми. Самый тонъ, принятый относительно помѣщиковъ, былъ въ высшей степени грубъ; всѣми властями принято не называть никого ни по чину, ни дворяниномъ. «Землевладѣльцу NN.». Это былъ общій адресъ для всѣхъ помѣстныхъ дворянъ, пока одинъ какой-то полковникъ не адресовалъ своего отзыва посреднику: «Сюртуковладѣльцу NN.». Этотъ сюртуковладѣлецъ очень обидѣлся; потребовалъ объясненія, отчего онъ не называетъ его ни чиномъ, ни званіемъ посредника. Дворянинъ отвѣчалъ ему, что и у него есть чинъ полковника и званіе дворянина, однако посредникъ не счелъ нужнымъ называть его иначе, какъ по предмету владѣнія; что онъ, слѣдуя примѣру посредника, хотѣлъ было назвать его шубовладѣльцемъ, но, не

¹⁾ — И вы хотите признать королемъ Польши русскаго великаго князя?

— Ахъ, я не знаю, это какъ Богу будетъ угодно.

— А какъ вы думаете, это будетъ угодно Богу?

— Это былъ бы исключительный случай, потому что обыкновенно архитекторъ не живетъ въ домѣ, который онъ строилъ.

бывъ увѣренъ, есть ли у него шуба, назвалъ его сюртуковладѣльцемъ. Этотъ примѣръ унялъ многихъ. Хороши посредники!

Милютинская партія, задумавъ проводить социалистическіе принципы чрезъ западныя губерніи подъ маскою обрусѣнія края, добилась учрежденія въ нихъ повѣрочныхъ комиссій, для состава которыхъ наслана отсюда толпа отъявленныхъ плутовъ-чиновниковъ. Эти «дѣятели» (новое модное слово) стали повѣрять уставныя грамоты, давно приведенныя къ обоюдному удовлетворенію въ исполненіе; подучали крестьянъ жаловаться, и каждую жалобу удовлетворяли безъ разбора. Они же опредѣляли размѣръ оброка, подлежащаго платѣ помѣщику, и размѣръ контрибуціи помѣщика по доходу. Лучшія фольварковыя земли отданы крестьянамъ и оцѣнены по годовой доходности въ 75 копеекъ. Худшія оставлены за помѣщиками съ опредѣленіемъ доходности ихъ въ 3 рубля съ десятины. При отводѣ надѣловъ эти дѣятели разсудили, что «неудобныя» земли, лежащія среди надѣловъ, должны были отдаваться крестьянамъ даромъ, и подъ именемъ неудобныхъ отводили огромныя площади крестьянамъ.

Пощады не было никому. Даже въ Борисовскомъ имѣніи великаго князя Николая Николаевича мировые посредники и самъ военный начальникъ, кажется, полковникъ Скворцовъ, бунтовали крестьянъ его высочества. Великій князь самъ поѣхалъ въ имѣніе, лично удостовѣрился въ преступныхъ дѣйствіяхъ Скворцова, но не могъ ничего сдѣлать. Годомъ позже онъ добился смѣны Скворцова, но смѣны не карательной. Скворцовъ переведенъ въ другое мѣсто съ награжденіемъ чиномъ генералъ-майора. Между тѣмъ шли слѣдственныя комиссіи, открывавшія преступниковъ около лицъ высоко стоящихъ. Сераковскій, адъютантъ военнаго министра, тяжкій государственный преступникъ, нашелъ покровительство открытое въ самомъ Милютинѣ. Огрызко, учредитель мятежныхъ комитетовъ, былъ вице-директоромъ департамента податей и сборовъ, и когда Муравьевъ потребовалъ, чтобы бумаги Огрызко были немедленно опечатаны и самъ Огрызко доставленъ въ Вильну, то директоръ департамента Гротъ, какъ утверждали въ городѣ, предупредилъ его о томъ и далъ ему возможность сжечь бумаги. На Муравьева, котораго жестокость я, впрочемъ, не оправдываю, напали съ такою яростью, какъ будто онъ самъ былъ предводителемъ мятежа. У Муравьева былъ помощникомъ Потаповъ, человекъ умный и умѣренный. Потаповъ имѣлъ случай говорить съ государемъ; взгляды его понравились. Чтобы предупредить назначеніе Потапова начальникомъ западныхъ губерній, Милютинъ представилъ государю разстройство земли донскихъ казаковъ, требующей умнаго правителя, и лучшимъ признавалъ Потапова. Такъ спровадилъ онъ Потапова на Донъ, а въ западныя губерніи посадилъ своего директора канцеляріи Кауфмана.

Затѣмъ принялись за земскія учрежденія, въ томъ же демагогическомъ духѣ, какъ и «Положеніе» о крестьянахъ.

То, чего не могли разорить мировые посредники, должно было разориться земскими учрежденіями. Люди партіи дѣйствовали съ тѣмъ лицемѣріемъ, съ какимъ всегда дѣйствуютъ партіи, имѣющія заднюю мысль. Общія разсужденія, объяснительная записка, говорили одно, а положеніе—другое. По общимъ разсужденіямъ, основаніе земства есть земля; земскимъ благоустройствомъ заинтересованы наиболѣе землевладѣльцы; на этомъ основаніи, избиратели и гласные должны быть землевладѣльцы, имѣющіе не менѣе 350 десятинъ земли. Такъ говоритъ журналъ государственнаго совѣта,—а по положенію: нѣсколько землевладѣльцевъ, вмѣстѣ владѣющихъ 350-ю десятинами, имѣютъ 1 голосъ, и дворянинъ, у котораго 50.000 десятинъ,—одинъ же голосъ. Кромѣ того, дворянинъ безземельный не имѣетъ голоса, а крестьяне безземельные же—имѣютъ: каждое селеніе—по одному. Какое же селеніе, въ 200 ли душъ, или и въ 20 душъ,—не сказано. Такимъ образомъ, князь Меншиковъ, имѣющій въ Клинскомъ уѣздѣ, за выдѣломъ крестьянъ, 30 тыс. десятинъ, представляетъ одинъ голосъ, а его бывшіе 3.000 душъ крестьянъ имѣютъ 30 голосовъ. Въ довершеніе неурядицы правительство уступило земству принадлежавшее ему одному право—право налоговъ. Разумѣется, эти 30 голосовъ стали очень щедры. На земскія управы, на школы, на лекарей и пр. и пр. берутъ съ земства деньги по рѣшенію двухъ десятковъ гласныхъ, изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ крестьянъ и $\frac{1}{2}$ разорившихся мелкопомѣстныхъ дворянъ. Наложатъ 5 копеекъ съ десятины. Изъ этого налога падаетъ на каждаго крестьянина Меншикова 15 копеекъ, а на него самого 1.500 руб. И эти 1.500 руб. идутъ на жалованье одному изъ тѣхъ же гласныхъ! Не останавливаюсь на томъ, что это несправедливо. Правосудіе сдѣлалось для насъ такою странною прихотью, что пожелавшій ея вызываетъ не удовольствіе, а насмѣшку, но какого ожидать благоустройства въ финансахъ, когда все землевладѣніе въ рукахъ пролетарія или невѣжды. Какъ изъ этого выйти? Данныя земству права нельзя брать назадъ! Это всеобщій голосъ. Съ этимъ и я согласенъ, но можно дополнить положеніе. Можно принять въ основаніе власти—землевладѣніе, и на этомъ основаніи присвоить званіе гласнаго каждому, у кого 3 тыс. десятинъ, съ однимъ голосомъ: за 7 тыс. десятинъ—два; за 12 тыс.—три; за 20 тыс. десятинъ—четыре и за 30 тыс. или болѣе десятинъ пять голосовъ. Можно постановить, чтобы земскіе налоги не превосходили 2% чистой прибыли съ земли, и 3% съ прибыли отъ городскихъ промысловъ. Въ такомъ случаѣ правительство могло бы взять еще постольку же для государственнаго казначейства.

За земскими учрежденіями пошла реформа судебная, и какъ логична! Когда писали земское положеніе, то руководствовались

мыслию, что, какъ цѣль ихъ чисто хозяйственная, гласные не обязаны быть учеными; часто, молъ, мужикъ лучше смыслить это, чѣмъ ученый. Пусть такъ, но могутъ ли эти смышленные мужики выбирать основательно мировыхъ судей? Такое постановленіе напоминаетъ мнѣ изъ моего отрочества случай, навлекшій на меня выговоръ. Мнѣ были нужны басни Федра. Я просилъ эконома купить ихъ, но онъ не нашелъ въ книжныхъ лавкахъ ни одного экземпляра. Когда я привелъ это въ оправданіе неимѣнія книги, грубый Бѣлюстинъ закричалъ: «Умно! Эконому поручаетъ купить книгу! Любезный, говоритъ, когда пойдешь покупать капусту, такъ ужъ кстати купи мнѣ и Горація!» Такъ и выказывается мировой судъ, какъ слѣдовало ожидать; однако сознаюсь, въ Петербургѣ, гдѣ судьи изъ юристовъ, этотъ судъ хуже, чѣмъ въ уѣздахъ. Замѣчательно! Останутся ли, для исторіи, эпизоды, характеризующіе этихъ дѣятелей; узнаетъ ли она, что мальчишки, только что выпущенные изъ школы, засѣдаютъ съ важностью бояръ, что они съ неслыханнымъ нахальствомъ вызываютъ въ судъ почтенныхъ дамъ и заслуженныхъ 70-лѣтнихъ стариковъ по жалобѣ лакеевъ, не подкрѣпленной никакимъ доказательствомъ, что эти дамы и старцы должны были въ маленькой прихожей вмѣстѣ съ пьяными въ нагольныхъ вонючихъ тулупахъ и непристойными дѣвками ждать, стоя, по 2 и по 3 часа; что во время судоговоренія эти мальчишки вѣжливы только съ тулупами,—не по чувству приличія, а потому, что такая мода.

Между тѣмъ не дремали ни министръ народнаго просвѣщенія, ни журналистика. Головинъ насадилъ радикаловъ и коммунистовъ въ профессорскія кресла и давалъ субсидіи журналамъ, проповѣдывавшимъ неуваженіе права собственности и узъ семейственныхъ и позорившимъ правительство. Библіотеки университетовъ наполнились сочиненіями Ренановъ и Фейербаховъ. Нигилизмъ сдѣлался модою, всѣми овладѣвшею до изступленія; дѣвицы изъ почтенныхъ семействъ собирались въ какія-то захолустья, въ клубы гражданскаго брака или безбрачія; на улицахъ появились барышни въ грязныхъ юбкахъ, съ коротко остриженными волосами и съ синими очками на носу; на сценѣ императорскихъ театровъ давались пьесы, возбуждавшія ненависть къ помѣщикамъ или неуваженіе къ властямъ; журналы ругали министровъ, губернаторовъ и все дворянство безъ всякой церемоніи. Раствлѣніе нравовъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, охватившимъ всѣ сословія, и не замедлило выказаться фактически. Въ Петербургѣ, среди дня, мимо Зимняго дворца разѣзжались тройки съ полудюжиною сѣдоковъ, ревущихъ дикія пѣсни; въ кабакахъ гулъ, крики женскіе, дикій хохотъ или ревъ пѣсней, или стукъ трепака длились всю ночь; въ лакейскихъ клубахъ, которыхъ развелось болѣе 50-ти, плясали до пяти часовъ утра, играли въ карты и т. д. Въ

Сибири не только частныя лица, но и правительственныя власти дѣлали оваціи государственнымъ преступникамъ, приходившимъ туда по этапу; финансы государственныя достигли высшаго разстройства; въ уѣздахъ запылали села; дома помѣщиковъ и другихъ зажиточныхъ людей грабились конными наѣздами цѣлыхъ шаекъ, и наконецъ вся эта зараза выразилась въ покушеніи молодого человѣка на жизнь государя. Публика ожидала съ нетерпѣніемъ разгадки: какъ зовутъ преступника? Полякъ ли онъ, или нѣмецъ? Дворянинъ ли, или крестьянинъ?

Какой вздоръ! Надобно было спрашивать: старикъ ли, или юноша? Если юноша,—то заговорщиковъ нѣтъ! Есть только жертва того направленія, на которое вступили воспитаніе, журналы, театры и правительственныя дѣятели. Такъ и оказалось по слѣдствію. Каракозовъ, молодой человѣкъ, прокутившійся студентъ московскаго университета, былъ моднымъ экземпляромъ извѣстнаго кружка въ самомъ крайнемъ его выраженіи. 4-е апрѣля 1866 года раскрыло правительству много сокровенныхъ язвъ общества. Онѣ раскрыты: лечать ли ихъ?

4-го апрѣля 1865 г. сошелся я у сенатора Войцеховича съ сенаторомъ Смирновымъ. Мы были втроемъ. Запла рѣчь о внутреннемъ положеніи Россіи. Смирновъ приходилъ въ отчаяніе; онъ доказывалъ съ жаромъ, что Россія не простоятъ пяти лѣтъ, что правительство рухнется, помѣстная собственность будетъ расхищена, и Россія расщепится или обратится въ кровавую массу. Войцеховичъ утверждалъ противное: «Пусть только откроютъ кассационный департаментъ; онъ захватитъ всю власть въ свои руки, приведетъ въ порядокъ всѣ части, дастъ всѣмъ отношеніямъ равновѣсіе». Я говорилъ, что Смирновъ пессимистъ, а Войцеховичъ оптимистъ; что кассационный департаментъ рѣшительно ничего не уладитъ и не достигнетъ никакой политической власти; что Россія не Франція и не Италія; что простой народъ слишкомъ невѣжественъ для политическихъ демонстрацій, а образованныя русскіе слишкомъ индифферентны; что при нашихъ условіяхъ взрывы невозможны,—все будетъ гнить и только гнить; будетъ много воровства, много пожаровъ, много грабежа,—но все это въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, пока не явится какая-нибудь неожиданная спасительная комбинація, которая въ рукахъ Провидѣнія, и напередъ опредѣлена быть не можетъ; что, во всякомъ случаѣ, въ пять лѣтъ не можетъ быть никакого коренного переворота. Войцеховичъ рѣшилъ, что если въ 5 лѣтъ должно ожидать развязки, то уже черезъ годъ должны быть видимы признаки будущаго разложенія, что кассационный департаментъ успѣетъ тоже черезъ годъ показать, къ чему онъ способенъ, что на основаніи этой мысли онъ приглашаетъ Смирнова и меня отобѣдать у него

втроемъ же ровно черезъ годъ, 4-го апрѣля 1866 г., въ чемъ и беретъ съ насъ подписку. Мы расписались и разъѣхались.

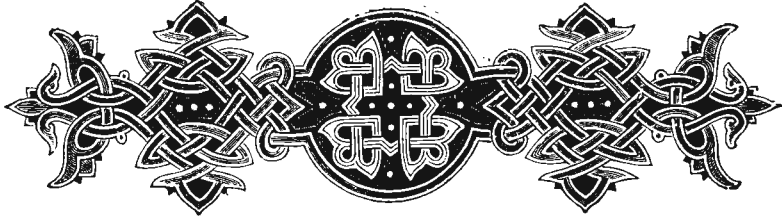
4-го апрѣля 1866 г., проѣзжая въ 4^{1/2} часа, на пути къ Войцеховичу мимо Лѣтнаго сада, я замѣтилъ у рѣшетки группы народа, но, зная, какъ легко собрать у насъ зѣвакъ около самаго ничтожнаго предмета, около пьянаго, заснувшаго на тротуарѣ, или собачонки, черезъ которую переѣхали дрожки, я не обратилъ на эти группы никакого вниманія. Войцеховича нашелъ я въ сильнѣйшей тревогѣ. Отправясь около 4-хъ часовъ прогуляться по Лѣтному саду и замѣтивъ, что маленькій входъ запертъ,—признакъ, что въ саду государь, Войцеховичъ пошелъ по другому берегу Фонтанки, не желая встрѣтиться съ толпою, которую обыкновенно привлекаетъ присутствіе государя. У воротъ другого конца сада Войцеховичъ встрѣтилъ кружокъ людей въ живомъ разговорѣ, сквозь который слышались слова: «Государь... мѣщанинъ... схватили». Далѣе замѣтилъ онъ еще нѣсколько такихъ же кружковъ. Онъ спросилъ у сторожа, что случилось. Сторожъ самымъ равнодушнымъ, лѣнливымъ тономъ отвѣчалъ: «Въ государя выстрѣлили»,—такимъ тономъ, какимъ онъ отвѣчалъ бы на вопросъ: который часъ? Войцеховичъ побѣжалъ домой встревоженный столько же событіемъ, сколько равнодушіемъ, съ какимъ оно принято сторожемъ изъ гвардейцевъ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ и Смирновъ. Съ пылкостью своей сангвинической натуры онъ разсказалъ слышанныя уже имъ подробности, между прочимъ одну: спасителя, оказавшагося мастеровымъ Комисаровымъ, взяли въ полицію, и онъ, струсивъ, увѣрялъ, какъ говорится, руками и ногами, что онъ никого не спасалъ, что онъ знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Разумѣется, за обѣдомъ разговоръ нашъ вертѣлся исключительно около этого происшествія: программа наша была забыта. Мы разсуждали о томъ, что совершилось бы въ столицѣ, если бы злодѣяніе удалось, или даже если бы распустили только слухъ, что оно совершилось съ успѣхомъ; мы разсуждали о нашемъ полицейскомъ начальствѣ, объ его способности дѣйствія въ критическія минуты. Проѣзжая домой, я видѣлъ солдатъ Павловскаго полка, расхаживающихъ массаами по Милліонной въ шинеляхъ, безъ офицеровъ. Вечеромъ я былъ приглашенъ къ графинѣ Виттъ. Захарьевскую улицу, вдоль которой тянутся Кавалергардскія казармы, нашелъ запруженною сплошною массою солдатъ въ шинеляхъ, и ни одного офицера. Потомъ оказалось, что вся гвардія была въ томъ же положеніи; всѣ офицеры были потребованы въ Зимній дворецъ для принесенія государю поздравленія съ Божиимъ покровительствомъ. 40 тысячъ войска безъ офицера! Что было бы, если бы въ числѣ офицеровъ были заговорщики, если бы нѣсколько заговорщиковъ надѣли флигель-адъютантскіе мундиры и поѣхали бы въ полки отдавать свои приказанія! Въ это же время ходили по

городу подозрительныя лица; въ кабакахъ разсказывали, будто дворяне подослали убить царя; по желѣзной дорогѣ отправились человѣкъ 15 подозрительныхъ. Что же дѣлало полицейское начальство? Оно сосредоточилось на Дворцовой площади; въ его глазахъ шли во дворецъ люди, не имѣющіе входа ко двору; въ сѣняхъ толпился простой народъ. Кто-то спросилъ: «Зачѣмъ вы толкаетесь во дворецъ?»—«Полиція погнала!» былъ отвѣтъ. Итакъ, все зависѣло отъ случая! Вѣрно, Богъ хранилъ не одного царя, но и столицу.

Обозрѣвая этотъ рядъ преобразованій и распоряженій, эту распущенность и неурядицы, останавливаясь невольно на вопросѣ: чему приписать такое громадное стеченіе ошибокъ; кто же совѣтники царя, кто доводитъ до его свѣдѣнія, въ какомъ положеніи имперія?

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПАЛКОЙ.

(Очеркъ).

Кто палку взялъ, тотъ и вапралъ.
Россійская сентенція.

I.

ВЪ КАЖДОМЪ городѣ есть свое пугало и даже обыкновенно два: одно для дѣтей, другое—для взрослыхъ. Пугаломъ для дѣтей чаще всего служатъ—или трубочистъ, или какой-нибудь хородивый. Ну, а для взрослыхъ—различно: то квартальный, то исправникъ, а иногда даже и пьяный городской голова. Даже старыя барыни бываютъ пугаломъ.

У насъ, въ Потрясимовѣ, было одно пугало и для взрослыхъ, и для дѣтей вмѣстѣ—Бардадымъ. Имъ и дѣтей пугали, его боялись и большіе. И всѣ боялись, безъ исключенія.

— Вотъ, погоди, уже придетъ Бардадымъ, я тебя и отдамъ ему!—пугаетъ меня нянька.

А я лежу въ своей кроваткѣ ни живъ, ни мертвъ: страшная штука этотъ Бардадымъ, а что «оно» такое—я не знаю и въ глаза его не видывалъ.

Подросъ я, въ гимназію поступилъ, а и тутъ безъ Бардадыма дѣло не обошлось.

— Ахъ, Володя, Володя!—говоритъ мнѣ отецъ.—Вотъ ты опять двойку изъ чистописанія получилъ! Заѣдетъ къ вамъ въ гимназію Бардадымъ, осрамитъ тебя, какъ нельзя хуже,—ну, хорошо ли это

будеть? Вѣдь и мнѣ непріятность: срамя тебя, онъ непременно и меня прихватитъ...

Слышу я и между взрослыми такіе разговоры:

— Полноте, Иванъ Васильевичъ, не дѣлайте вы этого! Узнаетъ Бардадымъ—ввяжется, непріятностей не оберетесь!

А то и такъ еще:

— Что вы думаете,—грозится одинъ другому:—я и до Бардадыма дойду! Я и ему пожалуюсь! Тогда ужъ извольте-ка съ нимъ сами разбираться!

Всѣ боялись Бардадыма, всѣ—отъ мелкой сошки до самыхъ вершинъ! Губернаторы боялись! Архіереи боялись! А про дамъ и говорить нечего. Тѣ при одномъ его имени хвосты поджимали.

«Что же это за птица такая Бардадымъ?» задавалъ я себѣ вопросъ.

Казачокъ Оедька говоритъ, что это—пиковый король въ колодѣ. Такъ кто жъ пиковаго короля бояться станеть? Кучеръ Иванъ увѣряетъ, что это такой «уксусъ», не дай Богъ!

— Папа, что такое Бардадымъ?

Отецъ улыбается въ усы и говоритъ:

— Это, братецъ мой, видишь ли... Ну, да вотъ подрастешь, самъ узнаешь.

— Нѣтъ, папа, ты теперь скажи!—пристаю я.

— Гмъ... Бардадымъ, это... собственно говоря, слово очень вульгарное... Оно тамъ въ картахъ что-то такое обозначаетъ... Но у насъ, въ Потрясимовѣ, Бардадымъ—это... это, видишь ли... человѣкъ съ палкой.

Непонятно, но я дѣлаю видъ, что понимаю. Съ палкой—оно, конечно, страшно!

— Папа, а ты его боишься?

Я вполне увѣренъ, что мой отецъ ничего и никого не боится и вдругъ:

— Боюсь,—вздыхаетъ онъ и при этомъ опять конфузливо улыбается.

Впервые я увидалъ Бардадыма, когда мнѣ уже шелъ десятый годъ. Возвращались мы, приготовишки, веселой гурьбой изъ гимназіи по домамъ. Ну, конечно, смѣхъ, крики, перебранки, толчки... Веселый народъ! Не хуже воробьевъ чирикаемъ.

Приходилось пересѣкать главную нашу улицу, Дворянскую. И только мы на нее вышли, какъ молнія, пронеслось слово:

— Бардадымъ!

Самые бойкіе и тѣ притихли.

— Гдѣ? Гдѣ?—заинтересовался я.

— А вонъ стоитъ! Купца Алексина пробираетъ.

Я воззрися: возлѣ галантерейнаго магазина купца Алексина стоялъ самъ его хозяинъ, тучный Потапъ Ильичъ, безъ шапки и

понуро теребилъ себѣ бороду. А передъ нимъ—человѣкъ съ палкой. Высокій-высокій, худой, съ сѣрыми длинными бакенбардами, съ большими военными усами, съ громадными клочковатыми бровями.

Одѣтъ онъ былъ въ «николаевскую» шинель и фуражку съ краснымъ околышемъ. Въ рукахъ у него была толстая палка, съ дорогимъ изъ слоновой кости набалдашникомъ. Палкой этой онъ стучалъ по тротуару и при этомъ хрипѣлъ, скрипѣлъ, грохоталъ и рокоталъ. Словъ было разобрать трудно, видно только было, какъ не то пѣна, не то слюна брызгала изъ-подъ его сѣдыхъ усовъ.

Купецъ Алексянъ переминался съ ноги на ногу и твердилъ все:

— Помилуйте, ваше превосходительство, да я-то тутъ при чемъ же-съ? Я, вѣдь, окончательно ни при чемъ...

И вдругъ мнѣ стало смѣшно, да такъ смѣшно, что я не удержался и даже прыснулъ и вприпрыжку понесся домой.

— Папа! папа!—кричалъ я, вбѣгая въ кабинетъ къ отцу.—Я сейчасъ Бардадыма видѣлъ!

— Ну, и что же?—спросилъ отецъ.

— Да онъ совсѣмъ не страшный! Онъ просто дуракъ!

— Вотъ тебѣ на!—разводя руками, проговорилъ папа, а потомъ, подумавъ немного, прибавилъ:—А кто знаетъ? Можетъ быть, ты и правъ. Можетъ быть, онъ дѣйствительно не больше, какъ дуракъ.

И сейчасъ же спохватился:

— Впрочемъ, пожалуйста, ты никому этого не говори! Потому что, если онъ и дуракъ, то во всякомъ случаѣ—дуракъ страшный.

— Неужели ты, папа, его боишься?

— Боюсь!—сознался еще разъ отецъ и какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

II.

Вскорѣ и мнѣ пришлось испугаться Бардадыма.

Я уже былъ въ первомъ классѣ. Шелъ у насъ латинскій урокъ, самый ненавистный для меня предметъ. Вдругъ входитъ надзиратель и говоритъ учителю-чеху Заковычкѣ:

— Генераль Пращуровъ пріѣхалъ! Классы обходить, сейчасъ къ вамъ будетъ!

Заковычка обдернулъ на себѣ виць-мундирчикъ, пригладилъ лысину и сдѣлалъ предупредительное лицо. Гимназисты—замерли, словно туча надвинулась.

И вотъ послышались въ коридорѣ шаги. Не вѣсть откуда взявшійся сторожъ распахнулъ дверь, и въ классъ, въ сопрово-

жденіи директора, инспектора и двухъ надзирателей, вошелъ высокій-высокій, худой человѣкъ въ отставномъ генеральскомъ мундирѣ, съ орденомъ на шеѣ, съ длинными сѣрыми бакенбардами и съ большими военными усами. Въ рукахъ у него была палка съ дорогимъ набалдашникомъ слоновой кости.

Я сразу узналъ Бардадыма.

Небрежно кивнувъ головой учителю Заковычкѣ, онъ повернулся къ намъ и скрипуче-хриплымъ голосомъ произнесъ:

— Здравствуйте, дѣти!

Мы всѣ вскочили на ноги, раздалось какое-то несвязное бормотанье.

— Надо, надо учить ихъ здороваться по военному!—загрохоталъ Бардадымъ, обращаясь къ директору.—Вотъ, какъ въ кадетскихъ корпусахъ было.

Директоръ пожималъ плечами и шаркалъ ножкой, какъ бы говоря: «Что жъ, дескать, я и самъ знаю, что надо, да не моя власть».

— Вѣянія! Новшество! Мѣняютъ все! Милютинъ! Да! Николай Павловичъ, такъ тотъ не то!.. Вотъ, и форму имъ, кажется, мѣняютъ? Какая новая-то будетъ?—послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ выкриковъ спросилъ Бардадымъ у нашего директора, Франца Карловича.

— Да-съ,—подобострастно заявилъ тотъ:—дѣйствительно, мѣняютъ. Красные воротнички снимаютъ... Будутъ черные сюртучки-съ, штатскаго образца.. а на концахъ воротника синія петлички-съ. Брюки же—сѣрыя-съ.

— Сѣрыя! Сѣрыя!—почему-то нѣсколько разъ презрительно повторилъ Бардадымъ.

Это было какъ разъ время, когда у насъ особенно часто мѣняли всякія формы. Въ приготовительномъ классѣ я носилъ полувоенный мундирчикъ съ краснымъ воротникомъ; въ первомъ—надѣлъ статскій сюртучекъ съ синими петлицами и съ сѣрыми брюками, а во второмъ—уже облекся въ форму, почти ничѣмъ не разнящуюся и отъ нынѣшней, только вмѣсто фуражекъ мы носили кепи. Такая ужъ была тогда педагогическая система—обращать вниманіе на обмундированіе да на латинскій и греческій языки.

Впечатлѣніе отъ воздѣйствія «формъ» на просвѣщеніе осталось у меня одно: когда мы носили красные воротники, то «уѣздники», т. е. ученики уѣзднаго училища, помѣщавнагося почти рядомъ съ нашей гимназіей, дразня, называли насъ—«красной говядиной»; при синихъ петличкахъ—«синей говядиной», а при дальнѣйшей формѣ какъ-то ужъ особенно оскорбительно, такъ что и вспоминать не хочется.

Греко-латынь же, набиваемая въ наши головы, возбудила такую ненависть къ античному міру, что мы съ неописуемымъ

энтузіазмомъ привѣтствовали оперетки Оффенбаха «Орфей въ аду» и «Елена Прекрасная», гдѣ такъ зло высмѣивались и боги Олимпа, и герои, воспѣтые Гомеромъ...

Но вернемся къ Бардадыму.

— Какой предметъ?—обратился онъ къ учителю Заковичкѣ.

— Латинская грамматика, ваше превосходительство,—предупредительно и съ сильнымъ акцентомъ отвѣтилъ тотъ.

Сѣрыми, мутными, но злыми глазами, глубоко запавшими въ орбиты и полуприкрытыми клочковатыми, сѣдыми бровями, осмотрѣлъ Бардадымъ весь нашъ классъ. И вдругъ, о, ужасъ!—взглядъ его остановился на мнѣ.

— Ты!—крикнулъ онъ, ткнувъ въ мою сторону указательнымъ пальцемъ.

Я поднялся съ мѣста, чувствуя, какъ душа у меня уходитъ въ пятки.

Я уже упоминалъ, что латинскій языкъ былъ самый нелюбимый мною предметъ, ну, и, конечно, познанія мои въ немъ вполне соотвѣтствовали моимъ симпатіямъ.

«Провалюсь!» мелькнуло у меня въ головѣ, и я даже зажмурился.

— Молитву Господню!—донесся до моего слуха хриплый голосъ.

— Что?—не понялъ я сразу.

— Да не «что», а молитву Господню! — воскликнулъ Бардадымъ.

— Pater Noster, qui est in... началъ было я.

— Да вѣтъ, не по-латыни, а по-русски!—загрохоталъ старикъ.

«По-русски? Вотъ радость-то!»—мелькнуло у меня въ головѣ. Мордашка моя повеселѣла, и я бойко забарабанилъ:

«Отче Нашъ, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя, да придетъ царствіе Твое, яко на небеси горѣ, яко на землѣ внизу, яко въ водахъ подъ землею..»

— Что? Что такое?—загремѣлъ надъ моей головой страшный голосъ.—Что ты читаешь? Ну-ка, повтори еще разъ.

Я началъ опять:

«Отче Нашъ, иже еси... яко на небеси горѣ», и т. д. въ томъ же родѣ.

Чувствую, что говорю что-что неладное, а что—сообразить не могу. Обвелъ глазами весь классъ: на всѣхъ лицахъ недоумѣніе, почти ужасъ.

«Господи Боже мой! Да вѣдь знаю же я молитву Господню! Отлично знаю! Что же это такое?»

Начинаю опять и опять: «Отче Нашъ и... яко на небеси горѣ...»

Въ глазахъ даже у меня помутилось! А между тѣмъ слышу, какъ страшный старческій голосъ грохочетъ по всей комнатѣ:

— Безбожіе! Мерзость! Вольнодумство! Шкуру спустить надо! Чей сынъ? Чей сынъ?

Вижу, какъ директоръ, поднявшись на цыпочки, что-то докладываетъ Бардадыму.

— А-а-а! Знаю я его! Знаю!—реветъ тотъ—Тоже вольнодумецъ! Тоже—афей. Яблоко отъ яблоньки недалеко катится! Одно гнѣздо!.. Разорить надо гнѣздо!.. Съ корнемъ вырвать. Съ корнемъ! А съ этого взыскать! Взыскать строжайше! Неслабно! Неукоснительно!

Дальше я уже ничего не понимаю. Голова моя кружится, я безпомощно опускаюсь на скамейку и словно сквозь сонъ вижу, какъ Бардадымъ, грохоча, размахивая руками и неистово стуча палкой по полу, уходитъ изъ класса.

Меня окружаютъ товарищи.

— Что съ тобой? Какъ ты могъ перепутать?—спрашиваютъ они.

— Не знаю! Ничего не знаю!—отвѣчалъ я, и слезы, горькія слезы градомъ сыплются изъ моихъ глазъ.

Мнѣ объявляютъ, что я наказанъ безъ обѣда, т. е., другими словами, послѣ окончанія занятій я долженъ просидѣть въ гимназіи еще лишнихъ два часа. Но этого еще мало: завтра мнѣ предстоитъ бесѣда съ нашимъ законоучителемъ. А лучше глотать зажженную паклю, чѣмъ «бесѣдовать» съ этой «зудой». Всю душу вытянетъ.

Убитый возвращаюсь я домой.

— Папа! Папа!—говорю я отцу, рассказавъ всю исторію,—Бардадымъ страшный, страшный! Злой!

Но почему-то уже не смѣю прибавить: «дуракъ».

III.

У Бардадыма, или, вѣрнѣе, генерала Онуфрія Галактіоновича Пращурова, были въ нашей губерніи имѣнія, а въ городѣ—домъ. Домъ этотъ стоялъ на одной изъ малолюдныхъ, но аристократическихъ улицъ. Приземистый, длинный, сѣрый, онъ почему-то ужасно напоминалъ Аракчеева. Идешь мимо него, такъ и чувствуешь, какъ аракчеевскимъ духомъ вѣетъ, холодно, сухо, скучно и почти жестоко. Окна съ зеленоватыми стеклами строго смотрятъ на тебя и какъ будто говорятъ:

— А ну-ка! Ну-ка! Взгляни! Посмѣй только!

На окнахъ—ни цвѣтовъ, ни клѣтокъ съ птицами, ни даже веселенькихъ занавѣсокъ: мракъ изъ-за нихъ смотреть. А иногда среди этого мрака покажется лицо самого Бардадыма.

Робкіе изъ нашихъ обывателей, проходя мимо, непремѣнно шапку снимали. Нижнимъ же чинамъ даже, кажется, предписано было подъ козырекъ брать.

Сѣрыя двери всегда заперты, сѣрыя ворота наглухо затворены. Что за ними?—было для многихъ тайна.

Рано утромъ распахивается парадная дверь, и выходитъ изъ нѣдръ дома, опираясь на свою палку, самъ Бардадымъ. Это—его первая утренняя прогулка, первый утренній обходъ города. Идетъ онъ не торопясь, слегка пошаркивая длинными ногами и глухо постукивая гуттаперчевымъ наконечникомъ своей палки по плитамъ тротуара. Направляется онъ къ наиболѣе бойкимъ центральнымъ улицамъ города. Встрѣчные прихожіе, не успѣвшіе свернуть въ переулокъ, ломаютъ передъ нимъ шапки. Извозчики, еще издали завидя длинную, зловѣщую фигуру, нахлестываютъ своихъ лошадей и удираютъ «отъ грѣха подальше».

— Замѣтить еще что-нибудь, придерется,—бѣды не оберешься!

Полицейскіе тянутся въ струнку и «бдятъ глазами» генерала.

Веселый юнкеръ, получивъ отпускъ изъ училища, стремительно летитъ къ своимъ роднымъ или навѣститъ подругу сердца и вдругъ... Бардадымъ! Хлопъ—во фронтъ. Съ ногъ до головы смотритъ генералъ юнкера, а тотъ блѣднѣетъ подъ его взглядомъ.

— Съ лѣвой ноги сапогъ долой!—неожиданно раздается приказаніе.

Бардадымъ знаетъ, что юнкерамъ теперь уже нельзя говорить на «ты», а обращаться на «вы» для него—свыше силъ. И вотъ онъ выработалъ какую-то безличную форму разговора.

Растерянный юнкеръ сгибается и принимается стаскивать съ себя сапогъ.

— Носки? Карпетки?—реветъ Бардадымъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!—лепечетъ юнкеръ, подбирая подъ себя по гусиному разутую ногу.

— Отчего же не портянки?

— Виноватъ, ваше превосходительство. Я теперь не въ строю, въ отпускъ иду. Сегодня праздникъ.

— Все равно! Всегда должно быть по формѣ одѣтымъ! Всегда! А то—эти вѣянія! Новшество! Вольномысліе!.. Карпетки!.. Какъ фамилія?

Юнкеръ называетъ свою фамилію.

— Вернуться назадъ въ училище!.. Доложить начальнику: генералъ Пращуровъ замѣтилъ... карпетки... по формѣ слѣдуетъ—портянки... Не медля!.. Взыскать!..

И шагаетъ дальше.

Юнкеръ обувается, посылая вслѣдъ Бардадыму тысячу проклятій. Пропалъ его отпускъ. Хотя въѣ строя носки носить и разрѣшается, но... генералъ Пращуровъ замѣтилъ! Начальникъ училища пожметъ плечами и скажетъ:

— Что дѣлать? На два воскресенья—безъ отпуска.

Проклятый Бардадымъ.

А Бардадымъ идетъ себѣ дальше, своимъ зоркимъ глазомъ высматривая непорядки и упущенія. Къ мелочамъ уже не приди-

рается, онъ и крупныхъ немало подмѣтитъ, и когда дойдетъ до полицейскаго управленія, у него уже ихъ цѣлый ворохъ.

— Вызвать полицеймейстера!—крикнетъ онъ дежурному у воротъ.

Самъ онъ рѣдко удостоиваетъ чести войти во внутреннія помѣщенія.

И вотъ нашъ бравый полковникъ Бацъ-Помордацкій, застегивая скортукъ на всѣ пуговицы, выскочитъ на подъѣздъ. Бардадымъ ему и двухъ пальцевъ не протянетъ, и тутъ же съ мѣста распекать начнетъ. Мало ли за что можно распекать полицеймейстера, если на это власть имѣешь. А въ концѣ концовъ приказаніе отдастъ:

— Прослѣдить за учителемъ Чижиковымъ. Онъ, кажется, въ незаконной связи съ вдовой Пафнутевой состоитъ!.. Гадость!.. Соблазнъ!.. Новшество!.. Вѣянія!.. Прослѣдить и доложить мнѣ!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Бардадымъ, кивнувъ полицеймейстеру головой, направляется въ храмъ Михаила Архангела къ поздней обѣднѣ. На паперти нищія низко ему кланяются.

— Раздѣлить на всѣхъ!—буркнетъ Бардадымъ, бросая имъ мѣдный пятакъ.

Исключеніе дѣлается только для юродиваго Мардарія, если онъ тутъ.

— Здравія желаю, ваше пр-ство!—хриплымъ съ перепоя голосомъ рявкнетъ Мардарій и выпучитъ на генерала свои страшные алкоголическіе глаза.

— А, Мардарій! Здравствуй! — поздоровается Бардадымъ съ звѣроподобнымъ юродцемъ.—Ну, что, братецъ, молишься?

— Молюсь, милостивецъ нашъ, молюсь! Во какъ молюсь!—колотитъ себя въ грудь ражій Мардарій, съ утра уже пьяный и распространяющій вокругъ себя запахъ полугара.

— Молись, братецъ, молись! это богоугодное дѣло!

И дастъ ему сѣребряный гривенничекъ.

И Мардарій боится Бардадыма, но и Бардадымъ, кажется, опасается Мардарія. Репутація его, какъ завѣдомаго вора и разбойника, очень уже прочно укоренилась у насъ въ Потрясимовѣ.

Въ храмѣ всѣ разступаются, чтобы дать дорогу генералу, и онъ проходитъ впередъ и становится вплотъ у праваго клироса. Подъ ноги ему сейчасъ же подкладываютъ коврикъ. Протоіерей Лебедевъ, узнавъ, что Бардадымъ въ церкви, подтягивается. Подтягивается и дьяконъ Любомудровъ, и весь причтъ, и хоръ до послѣдняго мальчишки-дисконта.

Но какъ они ни подтягиваются, а Бардадымъ все-таки какое-нибудь упущеніе замѣтитъ. Очень уже онъ внимательно всю службу слѣдитъ и за духовенствомъ, и за молящимися и, подходя къ кресту

прикладываться и получая изъ рукъ протоіерея заздравную профору, непременно буркнетъ что-нибудь вродѣ:

— Литургію-то комкаете, торопитесь некуда; успѣете чаю напиться.

А потомъ изъ молящихся кого-нибудь выловить.

— Поди-ка! Поди-ка сюда, молодка!—подзоветъ онъ къ себѣ какую-нибудь смазливую мѣщаночку.—Это ты въ храмъ-то Божій зачѣмъ ходишь? Богу молиться или по сторонамъ глаза пялить?

Молодка вспыхнетъ, какъ маковъ цвѣтъ, и глаза долу.

— То-то! Смотри у меня!.. Какъ зовутъ? Изъ чьихъ будешь?

И, получивъ отвѣтъ, онъ не то строго, не то уже ласково, потреплетъ ее своими костлявыми пальцами по щекѣ и скажетъ:

— Ну, иди съ Богомъ! Да другой разъ мнѣ на замѣчаніе не попадайся!

А иногда такъ кого-нибудь проберетъ, не стѣсняясь священными стѣнами храма, что бѣднягу въ слезы вгонитъ.

По окончаніи службы у паперти церкви уже ждутъ Бардадыма его лошади. Кучеръ старый, но весь черный, какъ цыганъ, подаетъ къ ступенямъ храма пару генеральскихъ «одровъ», старыхъ, большихъ, гнѣдыхъ, съ отвислыми губами.

Длинный лакей въ генеральской ливреѣ подсаживаетъ его превосходительство въ громадныя, съ высокой спинкой сани. Затѣмъ, застегнувъ медвѣжью полость, становится на запятки и кричитъ кучеру:

— Пошелъ!

Бардадымъ ѣдетъ къ архіерею чай пить.

Владыка встрѣчаетъ генерала благоувѣтливо и не безъ почтенія.

— Отчего, ваше пр-ство, въ соборѣ сегодня не изволили быть?—спрашиваетъ онъ, преподавъ гостю свое архипастырское благословеніе.

— У Михаила Архангела отстоялъ. Попъ у васъ тамъ...

Владыка настораживается и спрашиваетъ:

— А что-съ?

— Нѣтъ, такъ, ничего... Вольнодуменъ, кажется.

— Не замѣчалъ, не замѣчалъ я этого за нимъ!

— Вамъ, конечно, лучше знать!—значительно говоритъ Бардадымъ, размѣшивая въ стаканѣ сахаръ.

Архіерей мотааетъ себѣ эти слова на усь и думаетъ:

«Надо послѣдить! Надо будетъ послѣдить за отцомъ Лебедевымъ».

И теперь—крѣпись отецъ Лебедевъ! Теперь всякая вина у тебя будетъ виновата.

Отъ архіерея Бардадымъ ѣдетъ къ губернатору. У него правило—на три губернаторскихъ визита одинъ разъ отвѣтить.

Нашъ губернаторъ, старенькій князь Тарабаевъ, человѣкъ прескромнѣйшій и не только Бардадыма, но, кажется, всего на

свѣтъ боится. По губерніи у него всѣ дѣла ведетъ правитель канцеляріи, а по городу — полицеймейстеръ. Самъ же онъ только съ помѣщиками въ карты играетъ, да забавляется со старымъ-старымъ и такимъ же добродушнымъ ручнымъ медвѣдемъ.

— А, ваше пр-ство! Онуфрій Галактіоновичъ! Милости просимъ! А мы только что завтракать собираемся!—радушно встрѣчаетъ онъ гостя.

— Извините, можетъ быть, помѣшалъ?—хмурится Бардадымъ. Губернаторъ совсѣмъ теряется.

— Что вы? что вы, ваше пр-ство!—лепечетъ онъ.—Какъ же вы можете помѣшать. Для васъ всегда первое мѣсто! И если не откажетесь раздѣлить...

Старушка-княгиня выплываетъ въ это время въ комнату.

— Bonjour, madame la princesse!—съ сомнительнымъ акцентомъ говоритъ Бардадымъ и галантно цѣлуетъ протянутую ему старческую ручку.

— Bonjour, mon general!—почему-то тоже робѣя, говоритъ княгиня и, взявъ Бардадыма подъ руку, ведетъ его въ столовую.

У хлѣбосольнаго князя тамъ всегда много народа. Наиболѣе важныхъ и знатныхъ хозяинъ представляетъ Бардадыму, хотя бы они были ему передъ этимъ уже сорокъ разъ представлены.

— Знаю... Помню.. Слышалъ... — коротко рубитъ Бардадымъ на эти представленія, однимъ протягивая всю руку, другимъ два пальца, а нѣкоторыхъ едва устаивая кивкомъ головы.

За столомъ онъ занимаетъ почетное мѣсто по правую руку хозяйки, и когда онъ молчитъ—всѣ молчатъ, а когда онъ говоритъ—всѣ слушаютъ.

Завтракъ въ его присутствіи тянется томительно и скучно. Говоритъ Бардадымъ больше о «новшествахъ», «вѣяніяхъ» и «упущеніяхъ». Впрочемъ, иногда вдругъ скажетъ:

— Изъ Петербурга мнѣ пишутъ...

Тогда такъ всѣ и замрутъ въ нѣмомъ вниманіи.

— Изъ Петербурга мнѣ пишутъ: графъ Борисъ Андреевичъ опять въ силу входитъ. Такъ и надо было ожидать. Дѣльный человѣкъ... Кумъ мнѣ... А князь Петръ Ильичъ—въ отставку! Туда и дорога... Вѣянія-то не вывезли... Вертуны!.. Шаркуны!.. Либералисты!

И опять томительная, томительная пауза.

И вдругъ вопьется въ кого-нибудь изъ гостей глазами.

— А это вы что же, милостивый государь мой, дѣлаете?

«Милостивый государь мой» испугается и поблѣднѣетъ.

— Мнѣ на васъ опять Неонила Васильевна де-Монжосъ жаловалась. Вы куда опять ея дѣло-то повернули?

— По справедливости, ваше-ство!

— Ну, ладно тамъ — по справедливости! Я не про справедливость говорю, а про Неонилу Васильевну-съ! А она—не забывай-

те—русская дворянка, изъ стариннаго рода Апраковыхъ! Да и то примите во вниманіе—мнѣ двоюродная сестра... А вы тамъ мужичонкамъ мирволите, ихъ руку тянете!..

— Да помилуйте, ваше-ство,—пытается оправдаться «миловидный государь мой»: — какъ же иначе-то, когда по всей справедливости...

— Ну, ладно! Я, вотъ, напишу въ Петербургъ, такъ вамъ оттуда объяснятъ справедливость-то!—обрываетъ Бардадымъ и сердито стучить вилкой по тарелкѣ.

Сцена неприятная, тяжелая, особенно для хозяевъ дома. Но что ты будешь дѣлать, когда Бардадыма—*всѣ* боятся.

Завтракъ, наконецъ, окончился, и Бардадымъ, не соблюдая даже примитивной вѣжливости, сейчасъ же начинаетъ прощаться съ хозяевами. И тутъ вотъ нѣкоторымъ изъ наиболѣе видныхъ гостей онъ бросаетъ одно коротенькое слово:

— Обѣдать.

Они низко кланяются и почтительнѣйше благодарятъ.

Получить приглашеніе къ генералу Пращурову на обѣдъ—большая честь въ нашемъ городѣ. Это всѣ понимаютъ и цѣнятъ. Это не то, что позавтракать у губернатора или пообѣдать у предводителя дворянства! Это—цѣнить надо!

IV.

Въ большой, сухой и холодной гостиной генерала Пращурова толпится нѣсколько человѣкъ гостей. Это — приглашенные къ обѣду. Ихъ немного — пять-шесть человѣкъ, не больше, но зато это все губернскіе тузы. Говорятъ они вполголоса, впрочемъ, нѣкоторые стараются быть развязными: напримѣръ, Павелъ Петровичъ Опалихинъ, нашъ губернскій предводитель. Но это ему плохо удается: заговорить погромче, анъ—смотришь, ужъ и осѣкся.

Опалихинъ, человѣкъ тучный, лысый, большой хлѣбосоль и *bon vivant* и, какъ водится, весь въ долгу, какъ въ шелку. Въ предводители его выбираютъ — за крюшоны. Опалихинскіе крюшоны не только въ славѣ у насъ, объ нихъ и въ Петербургѣ слыхали. У Бореля или у Дюссо, ужъ не помню у кого, даже нѣсколько рецептовъ было списано. Чего только въ нихъ Павелъ Петровичъ не намѣшивалъ! А вкусно! Главное же дѣло—подъемъ духа производятъ. Карьеру бы своими крюшонами Опалихинъ сдѣлать могъ, да долги мѣшаютъ. Ахъ, ужъ эти предводительскіе долги! Сколькимъ они русскимъ «талантливымъ» натурамъ поперекъ дороги встали! Не даромъ же Павелъ Петровичъ любитъ повторять: «Вообще, міръ Божій прекрасенъ! Жаль только, что Господь Богъ мало денегъ надѣлалъ!»

Шумливый, болтливый, какой-то весь громкій, Павелъ Петровичъ Опалихинъ здѣсь, въ гостиной генерала Пращурова, стихаетъ.

Про другихъ же и говорить нечего: тѣ типе воды, ниже травы. Вотъ стоятъ они, сбившись въ кучку, и стараются болѣе или менѣе «непринужденно» другъ съ другомъ бесѣдовать. Такая бесѣда, конечно, не клеится.

Хозяина между ними—нѣтъ, онъ у себя въ кабинетѣ—«занятъ».

Ровно безъ трехъ минутъ въ пять часовъ въ гостиной безшумно появляется старый камердинеръ Фроль и солидно провозглашаетъ:

— Пожалуйте въ столовую.

И гости идутъ за Фроломъ въ такую же большую, сухую и холодную, какъ гостиная, столовую. Тамъ большой длинный столъ скудно накрытъ всего на шесть, на семь приборовъ. Стулья разставлены рѣдко, и это производитъ какое-то неуютное, непріятное впечатлѣніе. Камердинеръ указываетъ каждому свое мѣсто, и гости въ нѣмомъ ожиданіи становятся за своими стульями.

Предводитель Опалихинъ давно привыкъ къ этимъ порядкамъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ своимъ долгомъ всегда немножко побудировать. Онъ иронически улыбается, пожимаетъ плечами и даже слегка фыркаетъ, какъ бы говоря этимъ:

Чортъ знаетъ что такое!

Тѣмъ не менѣе покорно стоитъ за своимъ стуломъ, хотя и переминаясь съ ноги на ногу.

На столѣ нѣтъ ни водки, ни закуски, и это обстоятельство заставляетъ многихъ гостей подавлять вздохъ. Большой кувшинъ съ квасомъ—единственный напитокъ за этой трапезой.

Старые стѣнные часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева медлительно и скучно начинаютъ бить—разъ, два, три, четыре, пять—и съ послѣднимъ ударомъ дверь изъ кабинета распаивается, и самъ генералъ Пращуровъ, опираясь на свою неизмѣнную палку, вступаетъ въ столовую. Онъ обходитъ гостей и каждому протягиваетъ руку.

Удостоенные приглашенія къ его обѣду, несомнѣнно, достойны и его рукопожатія.

Обойдя столъ, онъ занимаетъ свое мѣсто во главѣ его, трижды истово крестится и, коротко проговоривъ: «Прошу!» первымъ садится.

Камердинеръ Фроль, въ сопровожденіи довольно неуклюжаго малаго въ казакинѣ съ красными шнурками, обноситъ супъ съ кореньями и пирожки. Супъ жидкій, пирожки—сухіе. Но передъ генераломъ ставятся отдѣльно два глиняныхъ горшечка, завернутыхъ въ салфетки.

— Я суповъ не ѣмъ-съ! Я люблю кушанье простое!.. Щи и кашу!—объявляетъ онъ, принимаясь за великолѣпныя щи и пре-

красную кашу, доставляемая ему ежедневно изъ юнкерскаго училища.

Если прибавить къ этому, что онъ еще у себя въ кабинетѣ, передъ выходомъ въ столовую, дернулъ большую серебряную чарку водки и закусилъ «спѣлымъ» осетровымъ балыкомъ, то гостямъ остается только облизываться, болгая ложками въ супѣ, въ которомъ, по выраженію Хлестакова, перья плаваютъ вмѣсто жира. И они болтаютъ ложками и почти ничего не ѣдятъ.

Предводитель Опалихинъ еще ранѣ предупредилъ ихъ:

— Вы здѣсь, господа, у Бардадыма, пожалуйте, аппетитъ не портите! Потомъ, послѣ его обѣда, поѣдемъ ко мнѣ и ужъ поѣдимъ, какъ слѣдуетъ.

Тарелки съ супомъ и пересошіе пирожки снимаются почти нетронутыми. На второе подается—рыба, не рыба, а царица рыбъ—стерлядь. Въ тѣ времена она у насъ въ Потрясимовѣ чуть ли не дешевле судака продавалась. Но къ ней почти никто не притрагивается, потому что этотъ синевато-сѣрый соусъ, которымъ она облита, еще издали отбиваетъ всякій аппетитъ.

Передъ генераломъ ставятъ глиняную плошку баранины съ картофелемъ — тоже, видите, — кушанье простое, солдатское. А у гостей отъ аппетитнаго запаха, распространяемаго этимъ простымъ кушаньемъ, только слюнки текутъ.

Поѣвъ щей съ кашей да баранинки, генералъ—и сытъ, и потому слѣдующее блюдо—уже миндальный кисель. И обѣду конецъ. Передъ киселемъ, впрочемъ, генералъ считаетъ своимъ долгомъ немного побесѣдовать:

— Вчера былъ въ гимназіи,—заводитъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ.—Безобразіе! Чему учать! По классу словесности—стихи Пушкина заставляють долбить! Возмутительно!

— А что жъ, ваше-ство, Онуфрій Галактіоновичъ! Пушкинъ... вѣдь... классическій писатель,—пробуетъ заступиться за поэта предводитель Опалихинъ.

Бардадымъ такъ весь и вскидывается.

— Что-съ? Пушкинъ? — грохочетъ онъ.—Пушкинъ классическій писатель? Классическіе писатели Державинъ-съ, Ломоносовъ! Дмитріевъ! А Пушкинъ вашъ кинжальщикъ!

— Кинжальщикъ! Почему кинжальщикъ?—недоумѣваетъ предводитель.

— А вы не знаете-съ? Вы не знаете, что онъ написалъ стихотвореніе «Кинжалъ», въ которомъ наговорилъ такихъ богопротивныхъ мерзостей, за которыя повѣсить мало!

— Признаюсь, я упустилъ это... мямлитъ Опалихинъ.

— То-то, упустили! Этого упускать нельзя-съ! Это потрясеніе основъ! Это посягновеніе на колебаніе государства-съ!.. Это-съ посягательство на незыблемость. Крамола!.. Это все новыя вѣянія-

съ! Это Милютинъ! Это его штуки!.. Ну, да погоди ужь! Придетъ время, раскроются глаза! Познають разницу! Оцѣнятъ истинно преданныхъ! Придетъ время! И скоро, скоро придетъ! Раньше, чѣмъ многіе изъ либералистовъ это думаютъ!

Генераль даже кулакомъ по столу стучить. Опять сцена тяжелая, непріятная.

Но въ это время въ столовой появляется камердинеръ Фроль, въ рукахъ у него бутылка, онъ обходитъ гостей и наливаетъ каждому по маленькой рюмочкѣ дешевенькой елисеѣвской малаги.

Это сигналъ къ концу обѣда. Гости приподнимаются, и одинъ изъ наиболѣ находчивыхъ произноситъ тостъ:

— За здоровье нашего высокочтимого, свыше умудреннаго блюстителя и хранителя святыхъ завѣтовъ, генерала и амфитріона нашего, Онуфрія Галактіоновича!

Гости подходятъ къ хозяину, чокаются съ нимъ, благодарятъ его—и онъ тоже коротко буркаетъ имъ:

— Благодарю! Благодарю!

А затѣмъ торопливо прощаются и ѣдутъ обѣдать къ предводителю. Они знаютъ, что тамъ будетъ и раковый супъ съ растегайчиками, и выписная форель, и кашлунъ, фаршированный трюфелями, и артишоки, а главное дѣло—крюшончики! Крюшончики! Знаменитые опалихинскіе крюшончики!..

Генераль же Пращуровъ, проводивъ гостей, отправляется къ себѣ въ кабинетъ, надѣваетъ халатъ, закуриваетъ сигару и полуложится на диванъ. Передъ нимъ ставятъ чашку кофе и бутылку домашней наливки запеканки.

Онъ пьетъ рюмку, другую, третью, потомъ хлопаетъ въ ладоши. Въ дверяхъ появляется камердинеръ Фроль. Генераль выразительно смотритъ на него, тотъ опускаетъ голову и исчезаетъ.

Черезъ минуту за дверями кабинета слышно шуршаніе юбокъ, легкіе женскіе шаги, дверь открывается...

Генераль наливаетъ себѣ четвертую рюмку запеканки...

V.

Предводительскій обѣдъ подходитъ къ концу. Гости давно сыты и уже начинаютъ пьянѣть. На столѣ стоятъ крюшоны. Лица у всѣхъ красны, глаза масляны.

Помимо тѣхъ, что обѣдали сегодня у генерала Пращурова, тутъ еще пять-шесть «горячихъ» губернскихъ головъ. Подъ вліяніемъ крюшоновъ у всѣхъ является желаніе побудировать. Мы, русскіе люди, послѣ хорошихъ обѣдовъ вообще любимъ высказать нѣсколько «смѣлыхъ» мыслей, не заботясь даже о томъ, что это вредитъ пищеваренію. А тутъ и случай такой подходящій, да и тема

богатая: предметомъ пересудовъ служить— Бардадымъ. Всѣ противъ него возбуждены, всѣ злы на него, особенно самъ хозяинъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! шепелявя и сюсюкая, кричить тучный Павелъ Петровичъ.

Шепелявить и сюсюкать это вѣдь у насъ признакъ хорошаго дворянскаго тона.

— Это чортъ знаетъ что такое! Почему? На какомъ основаніи? Что онъ такое? Что за важная птица?

И Опалихинъ разводитъ своими толстыми, короткими руками.

— Да-съ, а вотъ подите-ка!—сокрушенно замѣчаетъ кто-то изъ гостей.

— Да что тутъ «подите-ка»? Ничего тутъ нѣтъ «подите-ка»! Просто мы рабы, рабы и рабы! Сами бывшіе рабовладѣльцы, мы заразились пороками нашихъ же рабовъ! Мы привыкли гнуть шею! Мы любимъ, чтобъ намъ давали по затылку! Мы русскіе столбовые дворяне! Мы соль земли нашей! Je ne dis que ça!

— Ну, вотъ вамъ примѣръ этотъ!—отхлебнувъ глотокъ вина, еще съ большимъ паэосомъ продолжаетъ предводитель. — Этотъ генераль Пращуровъ! или, какъ его у насъ въ людскихъ зовутъ— Бар-да-дымъ! И слово какое вульгарное! Чортъ знаетъ что такое! Но оно идетъ къ нему, потому что онъ тоже вульгаренъ! Скажу даже больше: онъ хамъ, *passer moi le mot*.

Гости между собой переглядываются. На лицахъ нѣкоторыхъ написано выраженіе: «однако!»

— Ну, да! Хамъ, хамъ и хамъ!—не унимается предводитель.— Что такое Пращуровы? Ихъ имя впервые упоминается при Елизаветѣ Петровнѣ...

— Извините, Павелъ Петровичъ, но при царѣ Борисѣ... пробуетъ вмѣшаться одинъ изъ гостей.

— Ахъ, это были другіе!—досадливо машетъ рукой Опалихинъ.— Тѣхъ нѣтъ уже больше! И тѣ были, во-первыхъ, не Пращуровы, а Пращеровы... А родоначальникъ этого былъ конюхомъ у «конюха», т. е. у Бирона, и только при Елизаветѣ начали оперяться... Да, но не въ этомъ дѣло! Что они *parvenus*—это несомнѣнно!.. Но пойдѣмъ дальше. Этотъ, этотъ... Бардадымъ...—слово «Бардадымъ» произносится съ необычайнымъ презрѣніемъ.—Что онъ такое? Отставной генераль-лейтенантъ, вотъ и все! Вотъ онъ ненавидитъ Дмитрія Алексѣевича Милютина, а отчего? Оттого, что Милютинъ, выдвигая талантливыхъ людей, фатально долженъ былъ отстранить эту старую бездарную кочергу! *C'est le mot*—бездарная кочерга!.. И что же мы видимъ? Передъ этой бездарной кочергой преклоняется весь нашъ городъ! Вся губернія! Почему? На какомъ основаніи? Его боятся, передъ нимъ трепещутъ. Нашъ добрый, старый князь ходитъ на цыпочкахъ; владыка прислушивается къ каждому малѣйшему его замѣчанію, про другихъ уже говорить нечего! Гдѣ же разгадка этого фатальнаго недоразумѣнія?

— Связи у него большія,—замѣчаетъ кто-то.

— Ахъ, связи, связи! Не говорите мнѣ про эти связи! Я, бывая въ Петербургѣ, наводилъ справки: графъ Борисъ Андреевичъ et voilà tout!.. А что такое самъ Борисъ Андреевичъ? Случай! Калифъ на часъ! Бюрократическая единица! То, что наши предки называли:—приказная строка.. Вотъ и всѣ пращуровскія связи.

— Однако, нѣсколько разъ, вѣдь, пробовали писать о Пращуровѣ въ Петербургъ,—говорить какой-то скептикъ.

— Ну, и что же?

— Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же: «оставьте Пращурова въ покоѣ, онъ нуженъ».

Предводитель высоко поднялъ плечи и закатилъ глаза.

— Ну, кому, на что можетъ быть нужна эта старая кочерга?—воскликнулъ онъ.

— Да, вотъ подите же!.. Вашъ предшественникъ лично ѣздилъ говорить объ немъ. И что же? Самъ себѣ только голову сломалъ.

— Знаю, знаю!—уже меланхолически соглашается Опалихинъ и задумчиво смотритъ на искрящееся передъ нимъ вино.

— Онъ подъ Севастополемъ въ голову былъ контуженъ,—слышится чье-то нерѣшительное замѣчаніе.

Опалихинъ опять весь закипаетъ.

— Ахъ, Боже мой! Ну, что же изъ этого, что онъ контуженъ въ голову? Тысячи людей контужены въ голову и изъ нихъ добрая половина сошли съ ума... А если этотъ не сошелъ, то только потому, что ему не съ чего!.. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждаго контуженнаго въ голову нужно сажать себѣ на шею! А мы буквально посадили его себѣ на шею! Онъ вершитель нашихъ судебъ! Онъ блюститель нашихъ нравовъ, этотъ безнравственный, развратный, пьяный старикашка!

Выраженіе: «однако!» опять мелькаетъ на лицахъ гостей.

— Нѣтъ, я рѣшительно заявляю,—твердо говоритъ предводитель:—отнынѣ ни самъ къ нему ни ногой, ни къ себѣ принимать не велю!

«Врешь!—потупившись, думаютъ гости.—И самъ поѣдешь, и къ себѣ примешь! А фанфаронады-то такія мы давно слышимъ».

— Кто палку взялъ, тотъ и капралъ,—сентенціозно замѣчаетъ одинъ почтенный тузъ.

— Но вѣдь это же ужасно! Это же вѣдь унижительно!—почти взвизгиваетъ предводитель:—поклоняться палкѣ, палкѣ, палкѣ! И кто же? Мы, русскіе родовитые люди! Мы, столбовые дворяне, гнемъ покорно шею передъ... палкой! Ну, ужъ если человѣческое достоинство въ насъ такъ принижено, такъ не имѣемъ же мы права забывать, что мы дворяне! Наконецъ, насъ просто noblesse oblige крикнуть этому хаму: «цыцъ!» Этому наглецу! «Цыцъ! Всякій сверчокъ знай свой шестокъ!».

— А его—«noblesse» oblige крикнуть: «цыцъ! по мѣстамъ и руки по швамъ!»—говорить скептикъ.

— И мы вытянемся... И подъ козырекъ возьмемъ,—подтверждаютъ другіе.

Опалихинъ горько трясетъ головой и наливаетъ новый бокаль вина.

Философская часть бесѣды кончилась. Начинаются анекдоты и, конечно, изъ жизни того же Бардадыма. Сюжетовъ не исчерпать.

— А вы слышали,—наперерывъ одинъ передъ другимъ торопятся рассказать люди, передъ этимъ рта не разѣвавшие. —У него теперь въ домѣ уже три метрески! Агаѣя, какъ была, такъ и осталась; Вареньку онъ въ Дѣдово отправилъ, а вмѣсто нея онъ взялъ Полю, Агаѣину племянницу, да еще новенькую прихватилъ. Какъ зовутъ, не узналъ еще.

— Чортъ знаетъ что такое! Гаремъ настоящій! — возмущаются всѣ.

А въ глубинѣ души облизываются и думаютъ: «вотъ и мнѣ бы такъ».

— Да-съ, а это вы слышали?—торопится новый сплетникъ:—какъ онъ улекъ инспектора второй гимназіи? По третьему пункту бѣднягу катнули.

— За что?

— Да кто его знаетъ за что? Поспорилъ, что ли, тотъ съ нимъ, или просто непочтительно раскланялся.

— Возмутительно! возмутительно!—волнуются и хозяинъ, и гости.

— Теперь подъ протоіерея Лебедева подкапывается.

— Это почему?

— Какъ? Развѣ не знаете? Агаѣя къ нему исповѣдываться ходила, а тотъ ее и пощунялъ немножко за незаконное житіе, ну и вотъ!..

— Такого уважаемаго пастыря!

— Да-съ, онъ и уважаемому спуску не даетъ.

— Да вотъ погодите! И вамъ что-нибудь перепадетъ!—говорить уже самъ предводитель тому гостю, котораго Пращуровъ пробиралъ за завтракомъ у губернатора.

— Это за Монжосиху-то, что ли?—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ тотъ.

— Да-съ! За Неонилу Васильевну. Не надо забывать, что она двоюродной сестрой генералу-то приходится.

— Но позвольте!—начинаетъ горячиться непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, человекъ еще молодой, но по принадлежности къ аристократической семьѣ нашей губерніи принятый въ сливкахъ общества.—Это дѣло прямо вопіющее! Не могу же я его рѣшать ни противу закона, ни противу моеи со-

вѣсти. Де-Монжось предъявляетъ такія требованія, которыя прямо граничатъ съ преступленіемъ! Да нѣтъ, больше—которыя сами по себѣ уже преступны. И какъ хотите, но я не отступлю и не уступлю! Меня могутъ отрѣшить отъ должности, могутъ сдѣлать со мной что угодно, но принципъ для меня всего дороже! Принципомъ я не поступлюсь!—горячится онъ все болѣе и болѣе и чѣмъ онъ болѣе горячится, тѣмъ менѣе ему вѣрятъ.

Да и у самого у него начинается копошиться змѣя сомнѣнія:

«А что—не поступится ли? Принципъ оно, конечно, хорошо, но вѣдь и карьера недурно»...

Всѣмъ становится немножко неловко. Стараются перемѣнить тему.

— А знаете, кого теперъ Бардадымъ обхаживаетъ?—заводить кто-то.

— Ну?

— Да не больше, не меньше, какъ Соничку Батурину.

— Да что вы говорите?!

— Да-съ.

— Ну, тутъ ему голову сломать! Помилуйте, тутъ и братъ, и дядя! Да и у матери связи хорошія! Тутъ онъ спотыкнется.

— Ой, не спотыкнется! Перескочить!

— Голову сломаетъ! Вѣрьте слову!

— Вѣрьте слову—нѣтъ!

— Да помилуйте, развѣ...

— Нѣтъ, ужъ вы помилуйте! Случаи бывали!

— Какіе такіе случаи?

Начинаются рассказы про «случаи», одинъ другого интереснѣе, одинъ другого пикантнѣе. И всѣмъ становится весело.

Да и время переходитъ на «клубничку». Крюшоны уже оказали свое возбуждающее дѣйствіе.

И начинается та пьяная дворянская бесѣда, гдѣ треплются имена женщинъ, раскрываются тайны алькова, пятнаются репутаціи незапятнанныхъ людей, когда утрачивается всякое человѣческое достоинство, и даже не звѣрь, а просто скотъ смотритъ изъ пьяныхъ посоловѣвшихъ глазъ. Пьютъ и сквернословятъ. Сквернословятъ и пьютъ.

Въ концѣ концовъ Бардадымъ уже не возмущаетъ никого, а, напротивъ, является чуть не героемъ.

— И молодчина же по бабьей части этотъ старый чортъ!—если не всегда съ восторгомъ, то во всякомъ случаѣ съ завистью восклицаютъ собутыльники.

А поздно ночью, съ тяжелой головой, но легкимъ сердцемъ, развѣзжаются они по домамъ.

Проспавшись къ утру, почесываютъ затылки и думаютъ:

«А не наговорилъ ли я вчера чего-нибудь лишняго? Дойдетъ до Бардадыма—непріятностей не оберешься!.. Вѣда!»

VI.

И такъ будируютъ не только у одного предводителя дворянства. Тѣ же рѣчи слышатся и въ домѣ городского головы, и въ домѣ председателя судебной палаты; даже въ нѣдрахъ семьи жандармскаго полковника Сластеникова. Но тутъ уже съ особой осторожностью.

— Во все лѣзетъ! Впутывается! Мѣшаетъ только!—говорить полковникъ своей полковничихѣ.

— Да, а ничего не подѣлаешь,—отвѣчаетъ та.

— Да, и ничего не подѣлаешь, — вторитъ ей меланхолически полковникъ и вздыхаетъ.

Судачатъ о Бардадымѣ и среди простого народа.

— Ну, и «уксусъ»!—говорятъ тамъ.—А смотри-ка, всѣхъ въ рукахъ держитъ: и господъ, и начальство, и купечество.

— Это что говорить—приструнилъ.

— Отчего бы это, братцы, такъ?

— А кто его знаетъ? Рука, должно быть, есть.

«Рука есть»—этимъ все сказано.

Но, помимо руки, у Бардадыма или, вѣрнѣе сказать, въ Бардадымѣ есть что-то особенное: это—знаніе человѣческой души, человѣческой вообще и русской души—въ особенности. Это сказалось лучше всего при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Генералъ Пращуровъ слылъ помѣщикомъ жестокимъ, неумолимымъ и, кромѣ того, еще—скарднымъ. Это былъ настоящій «душевладѣлецъ». Ничего не дѣлая для крестьянъ, онъ всего требовалъ отъ нихъ. Мужикъ былъ для него рабочей скотиной. Онъ, если хотите, и заботился, и берегъ эту скотину, пока она была работоспособна и, стало быть, ему полезна. Но стоило работнику свихнуться, захирѣть, и баринъ относился къ нему съ безошадной жестокостью.

— Зачичкался,—говорилъ онъ про такихъ.

Вы, можетъ быть, слышали такое выраженіе по отношенію къ цыплятамъ? Ходитъ выводочекъ—всѣ цыплятки ничего, и вдругъ одинъ какой-нибудь начнетъ жалобно попискивать, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Съ безпокойствомъ посматриваетъ на него насѣдка, но она уже знаетъ, что тутъ все дѣло кончено. Не спасти птенчика: понищить, понищить такой, повалится на бочекъ, и ножки вытянетъ.

— Зачичкался,—говорятъ про такого цыпленка.

То же самое бываетъ и съ людьми и особенно съ нашими крестьянами: все былъ человѣкъ, все былъ работникъ, и семья была, и хозяйство—и вдругъ словно по темечку стукнуло. Начнетъ

хирѣть, часъ отъ часу больше, изъ хозяина батракомъ станетъ, изъ баграка—нищимъ.

— Зачичкался, — говорилъ про такого генераль Пращуровъ и съ безпощадной суровостью предоставлялъ тому гибнуть, въ лучшемъ случаѣ сдавая его въ солдаты, если примутъ,—при этомъ отлично сознавая, что такого зачичкавшася мужичонка и въ солдатахъ палками забьютъ.

Приди къ нему крѣпкій, обстоятельный хозяинъ и скажи, что нужно вотъ то-то и то-то, Бардадымъ поможетъ, поддержитъ,—о, конечно, не безкорыстно!—шкуру потомъ сдеретъ, но тутъ поможетъ; а обратись съ такой же просьбой «покосившійся» мужичокъ—оцѣтнымъ взглядомъ Бардадымъ сейчасъ же оцѣнитъ положеніе дѣлъ.

— Никакъ чичкать началъ, — сообразить онъ.

И прижметъ—хуже прежняго. Послѣднюю каплю оставшагося сока выжметъ изъ человѣка, а затѣмъ—въ солдаты или на погостъ.

Не было жалости у Бардадыма.

Въ то время, какъ у другихъ помѣщиковъ наиболѣе смѣтливые и трудоспособные крестьяне въ люди выбивались, въ купцы выходили, откупались, у Бардадыма этого не было. Его мужики изъ рабской шкуры не выходили. И на оброкъ онъ пускать не любилъ, а все больше жалъ на барщинѣ.

— Мнѣ ваши руки и самому нужны,—откровенно говорилъ онъ.

Не богатѣли его мужики. Но вотъ что странно: не богатѣлъ и самъ Бардадымъ. Не даромъ же пословица говорится: «хищная птица жирна не бываетъ, и волкъ не съ жиру бѣсится».

Не богатѣлъ Бардадымъ, но и не бѣднѣлъ—все въ одномъ положеніи находился. Вѣрно, какъ ни жми, какъ ни вымогай у человѣка, а подневольный трудъ не бывастъ продуктивенъ.

Тяжело жилось крестьянамъ у такого помѣщика; а если еще прибавить къ этому, что онъ и по женской части большой озорникъ былъ, и тутъ тоже безъ всякой сентиментальности, то жизнь Бардадымовыхъ рабовъ была тоже поистинѣ хуже каторги.

Но вотъ настали желанные дни свободы. Спали вѣковья цѣпи съ русскаго поильца и кормильца пахотника. Въ нашей губерніи эта реформа прошла не безъ неприятностей. Какъ разъ въ имѣніи Неонилы Васильевны де-Монжосъ до открытаго бунта дошло. Воинскія команды призывались, и кровь текла.

Въ пращуровскомъ же имѣніи «Дѣдово» — около полуторы тысячи душъ—все прошло и тихо, и мирно. Лучшую землю заграбасталъ себѣ Бардадымъ. Крестьянъ на сплошной песокъ высадилъ, кольцомъ ихъ охватилъ—а все ничего, даже простого ропота не слыхать было: вздохи да слезы, слезы да вздохи.

У другихъ помѣщиковъ дворовые, почуявъ волю, какъ птичья стая, разлетѣлись въ разныя стороны, Бардадымовы же холопы такъ и остались съ понурыми головами на своихъ мѣстахъ. Ни

камердинеръ Фролка, которому къ тому времени уже за пятьдесятъ перевалило, ни кучеръ Прохоръ, по прозвищу Цыганъ, ни поваръ Финогей, никто съ своего мѣста не тронулся. А про женскую часть и говорить нечего: та, кажется, еще плотнѣе къ своему барину сдвинулась. Впрочемъ, надо правду сказать, у генерала Пращурова никогда не было большой дворни, онъ, по его выраженію, дармоѣдовъ разводить не любилъ. Въ имѣніи держалъ только самыхъ необходимыхъ, а въ Петербургѣ, когда на службѣ былъ, камердинера, кучера да повара—не больше, не считая, впрочемъ, женской половины. Да и та была не велика, только обновлялась часто.

Такъ что и эмансипація прошла чрезъ него, только слегка задѣвъ его благосостояніе. Рабочій трудъ, конечно, сталъ наемнымъ, но и тутъ Бардадымъ ухитрился устраивать такія комбинаціи, что прежніе его крѣпостные и теперь работали на него чуть не даромъ. Какъ это онъ дѣлалъ? А кто его знаетъ!—Загадка, такъ и оставшаяся неразрѣшенной.

Случалось потомъ спрашивать его крестьянъ.

— А что? вашъ баринъ строгъ былъ?

— Строгъ,—отвѣтилъ вопрошаемый, почесывая спину.—Да чего «былъ», онъ и посейчасъ такой же строгій.

— А справедливъ?

— Это что говорить? Справедливъ!

— А въ чемъ же его справедливость?

— А ужъ, значитъ, никому спуску не дастъ! Всякаго подтянетъ. Загадка! Непостижимая русская загадка!

Но не могъ же въ самомъ дѣлѣ такъ жить и дѣйствовать Бардадымъ, не встрѣчая ни разу отпора? Какъ ни терпѣливъ русскій человѣкъ, а все нѣтъ, нѣтъ, да и окрысится. Да наконецъ и то—на одного Бардадыма можетъ наткнуться другой, такой же Бардадымъ.

Да, случалось и генералу Пращурову «на натискъ пламенный встрѣчать отпоръ суровый». Немало случалось мелкихъ отпоровъ, но объ нихъ и говорить не стоитъ: пошумить, побурлить человѣкъ, анъ смотришь, Бардадымъ его уже въ «бараній рогъ согнулъ», въ «порошокъ стеръ», «съ землей сравнялъ». Отъ мелкаго чело-вѣка ни слезы, ни угрозы Бардадымова сердца не тревожили.

Но бывали отпоры и крупные. Объ одномъ изъ нихъ мнѣ хочется рассказать.

Вл. А. Тихоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ¹⁾.

XXXVI.

И. И. Родзевичъ и газета «Свѣточъ». Возвращеніе В. Г. Короленко. «Русская Мысль» и С. А. Юрьевъ.

НМЯ РОДЗЕВИЧА, какъ редактора-издателя «Московского Телеграфа», было извѣстно въ литературныхъ кружкахъ. Онъ проявилъ себя недюжиннымъ публицистомъ либеральнаго направленія. Въ ожиданіи будущей конституціи его органъ «Московскій Телеграфъ» поддерживали нѣкоторые съ большимъ вліяніемъ лица въ Петербургѣ, съ которымъ московская редакція была соединена собственнымъ телеграфомъ. Тогда телефона между столицами не было. Послѣ убійства императора Александра II и при поворотѣ политики, газета «Московскій Телеграфъ» была закрыта съ лишеніемъ права И. И. Родзевича издавать какую-либо другую газету. Тогда Родзевичъ, имѣя все-таки свою типографію, пристроился къ городскому кредитному обществу, заказы котораго исполнялъ монопольно. Но мысль о газетѣ не покидала бывшего редактора и публициста, что совершенно понятно.

Я въ то время помѣщалъ небольшія замѣтки, корреспонденціи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», но сотрудникомъ тамъ не былъ. Въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІІІ, стр. 840.

другихъ же газетахъ московскихъ не принималъ никакого участія. Познакомился я съ Родзевичемъ въ концѣ 1884 года и тотчасъ услышалъ, что онъ затѣваетъ газету.

— Только денегъ нѣтъ!—говорилъ онъ мрачнымъ голосомъ.— А можно бы пустить недорогую газету... Пошла бы!..

Видался я тогда съ В. А. Гольцевымъ, который увѣрялъ меня, что дѣло съ газетой выйдетъ. И дѣйствительно, какъ-то я получилъ приглашеніе отъ Родзевича прійти вечеромъ. Мрачный человекъ мрачнымъ голосомъ протянулъ: «газета у насъ будетъ, но только безъ денегъ! Согласны работать? Тогда пишите! Пойдетъ дѣло, будете замѣнять меня, какъ редактора... Тогда мнѣ много путешествовать придется».

Я, конечно, былъ восторгѣ.—Что деньги? Помилуйте, у насъ будетъ своя газета, безъ кушцовъ, безъ хозяевъ!..

— Бумага у меня осталась отъ «Телеграфа»,—продолжалъ Родзевичъ:—типографія есть, но для рекламы денегъ ни копейки. Гольцевъ обѣщалъ, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаютъ въ долгъ. Но будемъ мы сами рекламировать. Газету я пріобрѣлъ у нѣкоего Ярмонкина... Дѣлать нечего, на первыхъ порахъ будемъ выпускать подъ его именемъ, а тамъ, если пойдетъ дѣло, съ этимъ господиномъ развяжемся. Онъ мѣшать намъ не будетъ, да и живетъ въ Петербургѣ. Газета небольшая, «Свѣточъ», цѣна въ годъ семь рублей. Напечатаемъ тысячь двадцать экземпляровъ, да и разошлемъ подписчикамъ «Телеграфа», адреса ихъ у меня сохранились... Что же? согласны? работы будетъ много!..

— Съ удовольствіемъ, Игнатій Игнатьевичъ, — отвѣчалъ я.— Но позвольте спросить: кто же сотрудники, кромѣ насъ съ вами?

— Обѣщалъ Нефедовъ, Гольцевъ иностраннымъ отдѣломъ будетъ завѣдывать. Надо Митропольскаго по части хроники пригласить. Вы кстати его пріятель, отъ себя тоже пригласите! Вотъ и довольно! Лишь бы интересные первые №№ выпустить...

Итакъ, дѣло было рѣшенное... Газета безъ копейки основного капитала... Что будетъ! Въ первомъ номерѣ газеты рѣшено было помѣстить общую, по внутренней политикѣ, передовую статью И. И. Родзевича, написанную въ оппозиціонномъ духѣ, яркую и задорную, фельетонъ Гольцева о политическихъ ссыльныхъ въ Сибири и проч. Со второго номера сбавить тонъ, перейдя на экономическую почву: мною уже были заготовлены статьи о семейныхъ передѣлахъ и по народному образованію. Для составленія иностраннаго отдѣла Гольцевъ ходилъ въ «Русскія Вѣдомости», такъ какъ у насъ иностранныхъ газетъ не было.

Наступилъ новый 1885 годъ, и вышла новая газета «Свѣточъ». Небольшого формата, на очень хорошей бумагѣ, на первый взглядъ газета производила впечатлѣніе аккуратности и симпатичной ми-ніатюрности. Помню, ко мнѣ утромъ зашелъ богатый купецъ Под-

кановъ, увидѣлъ газету и сталъ ее просматривать. Черезъ нѣсколько минутъ, взволнованный, онъ спрашивалъ меня: «Кто издаетъ? Гдѣ принимается подписка? Надо сейчасъ же подписаться!»

Въ этотъ день я не ходилъ въ редакцію, часть времени провелъ дома, а вечеромъ посѣтилъ близкихъ знакомыхъ, отъ которыхъ возвращался по Тверской улицѣ, гдѣ увидѣлъ газетчика и спросилъ «Свѣточъ».

— Послѣдній нумерокъ за рубль продалъ,—отвѣчалъ тотъ радостно:—хорошая газета! говорить нечего, что пойдетъ!

Признаться, я даже испугался такого успѣха! Да, пущено было здорово! Но вѣдь это была реклама! На другой день я отправился въ редакцію. Изъ конторы мнѣ навстрѣчу бѣжали газетчики, очевидно, довольные. Въ конторѣ настроеніе было радостное... были деньги!

— Деньги есть,—все-таки мрачно говорилъ Родзевичъ:—берите, если вамъ нужно!

Помню, я взялъ рублей двадцать и попросилъ записать.

— Послѣ,—отвѣтилъ редакторъ:—запомните! Всѣ эти деньги отъ розничной продажи... пошла вѣдь газета... Посмотримъ, какъ пойдетъ подписка!

— Подписка уже началась,—отвѣчала конторщица типографіи.

— А сколько было у насъ подписчиковъ до появленія газеты?

— Шестнадцать человѣкъ!—отвѣчала она.—Однако, вотъ и подписчики идутъ!

Колокольчикъ на двери задребезжалъ. Мы съ Родзевичемъ отправились въ редакцію составлять второй нумеръ.

— Теперь надо смягчить тонъ,—говорилъ редакторъ. —Пустимъ вашу статью передовой. Вотъ очень интересный и совершенно невинный рассказъ «Теноръ»... Публика такіе любитъ, прочтите и дайте въ наборъ начало... Нефедова надо въ слѣдующихъ нумерахъ пустить! Немного у насъ матеріала... Да это ничего... лишь бы не запретили!..

— А вы думаете?

— Кто знаетъ, можетъ, пройдетъ! Вотъ теперь особенно нужно беречься!..—прибавилъ редакторъ.

Проходили дни. Вышли второй, третій и четвертый нумера газеты. Ничего, работа шла дружно, подписка великолѣпно! Вездѣ, и въ конторѣ, и въ редакціи, и въ наборной настроеніе было приподнятое, энергичное... О, какъ хотѣлось тогда работать, хотѣлось создать литературный органъ, независимый, съ художественнымъ отгѣнкомъ!

Редакторъ мнѣ предложилъ написать рядъ статей по Крестьянскому банку, тогда новой государственной реформѣ. Я совсѣмъ ушелъ въ работу, былъ спокоенъ, увѣренъ въ нашемъ дѣлѣ, которое пойдетъ, расширится. Въ эти дни какъ-то рано утромъ въ

моей квартирѣ раздался звонокъ, и въ комнату вкатилась фигура въ оленьей шалкѣ и шубѣ. Я не узналъ сначала, но это былъ В. Г. Короленко, прямымъ путемъ прибывшій изъ Якутской области въ Москву. Онъ выглядѣлъ такимъ здоровымъ, краснощекимъ, совсѣмъ не похожимъ на прежняго блѣднаго студента.

— Да что съ вами, В. Г.?—спрашивалъ я.—Вы такъ поправились!?

— Такой воздухъ въ Якутской области,—отвѣчалъ онъ.—Насчетъ чего другого не спрашивайте, а воздухъ добрый!

И онъ сталъ мнѣ показывать рядъ якутскихъ пейзажей. Короленко очень недурно рисовалъ, а по-моему и совсѣмъ хорошо! Я рассказывалъ ему о газетѣ и просилъ, нѣтъ ли чего у него для напечатанія? Онъ покопался въ своихъ бумагахъ и далъ мнѣ небольшой этюдъ «Сѣренькій человѣкъ». Это была скорбная исторія зрителя почтовой станціи, прелестно написанная. Однако «Сѣренкому человѣку» не суждено было появиться на страницахъ «Свѣточа». Но объ этомъ послѣ.

— А что же мой «Сонъ Макара»?—спросилъ Короленко.

— Представьте, никакъ не найдутъ въ редакціи!—грустно отвѣчалъ я.—Боюсь, какъ бы не затерялъ Юрьевъ, этотъ ужасный человѣкъ!

Короленко смѣялся.

— Я слышалъ о Сергѣѣ Андреевичѣ. Но ничего, у меня имѣется дубликатъ. Сейчасъ я думаю побывать въ редакціи «Русской Мысли».

И онъ ушелъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія препятствія для перваго начинанія хотъ бы талантливаго автора! Вотъ, напримѣръ, исторія съ первымъ произведеніемъ Вл. Короленки «Сонъ Макара». Присланъ этотъ рассказъ изъ Якутской области, тамъ написанный. И пошелъ этотъ Макаръ мытариться по редакціямъ: былъ онъ въ «Наблюдателѣ», другихъ журналахъ и не признанъ былъ годнымъ для печати. Наконецъ, поступилъ въ «Русскую Мысль», куда я ходилъ, по просьбѣ Короленки, за справками и, кромѣ «приди завтра», ничего не получалъ. Рукопись была затеряна редакторомъ С. А. Юрьевымъ, о которомъ я расскажу въ концѣ этой главы.

Прошла недѣля существованія «Свѣточа», наступила вторая, и долженъ былъ выйти восьмой номеръ съ моей статьей о Крестьянскомъ банкѣ. Я былъ въ типографіи и держалъ корректуру своей статьи. Вдругъ полиція, инспекторъ, еще какіе-то чиновники, спрашиваютъ Родзевича, какъ хозяина, и приказываютъ прекратить наборъ газеты.

Совершилось! Реклама удалась-неудалась. Я помню, какъ билось мое сердце, дрожали руки, когда я пряталъ въ карманъ корректурные листы моей статьи. Родзевичъ въ это время читалъ, что по распоряженію совѣта министровъ (гр. Толстого, Побѣдоносцева и Делянова) газета «Свѣточъ» за вредное направленіе за-

прещается навсегда, о чемъ увѣдомляется для соотвѣтственнаго распоряженія генераль-губернаторъ князь Долгоруковъ

— Какой прелестный рассказъ печатался въ газетѣ,—говорилъ Родзевичу инспекторъ типографій.—Представьте, моя жена въ восторгѣ отъ «Тенора». Нельзя ли получить окончаніе? Я вамъ возвращу непременно.

— Дайте рассказъ,—обратился редакторъ ко мнѣ.

Я отдалъ готовыя гранки окончанія «Тенора» и въ то же время разыскалъ «Сѣренькаго человѣка» Короленки.

Было грустно, когда я рассказывалъ дома, въ присутствіи послѣдняго, о концѣ газеты. Возвращая очеркъ Короленкѣ, я спросилъ: «А какъ ваши дѣла съ «Русской Мыслью?»

— «Макаръ» дѣйствительно былъ потерянъ и его не нашли... Въ виду такого обстоятельства,—смѣясь, рассказывалъ В. Г.,—я почти потребовалъ, чтобы какъ можно скорѣй прочли мою рукопись (дубликатъ) и дали категорическій отвѣтъ. Дѣлать нечего, изъ вѣжливости согласились и прочли. Затѣмъ обѣщали въ непродолжительномъ времени напечатать и для вѣрности выдали двадцать пять рублей задатка, съ которыми я завтра отправляюсь въ Петербургъ. Деньги какъ разъ кстати!..

Скоро была дѣйствительно напечатана рукопись, и «Сонъ Макара» имѣлъ успѣхъ и далъ литературное имя Короленкѣ. Затѣмъ появился въ томъ же журналѣ «Лѣсъ шумитъ», лучший по-моему очеркъ въ художественномъ отношеніи, хотя авторъ отозвался о немъ, какъ о «безпредметной поэзіи».

Теперь о Юрьевѣ.

Съ Сергѣемъ Андреевичемъ я познакомился у артистки М. Н. Ермоловой. Было это во времена выдающихся террористическихъ актовъ ¹⁾. Я тогда пріѣхалъ изъ Петербурга и былъ вечеромъ у Ермоловой. Помню, пили чай, когда вошелъ Юрьевъ и случайно сѣлъ около меня за столъ. Это былъ средняго роста, довольно плотный человѣкъ, лѣтъ 50-ти съ лишнимъ, съ большой сѣдовой бородой. Онъ былъ раскосъ и говорилъ мягкимъ баскомъ. Съ его приходомъ стало шумно и интересно. Зашелъ Юрьевъ на минуту, какъ онъ говорилъ, спѣша куда-то по нужному дѣлу.

— Мнѣ, однако, надо въ театръ,—сказала хозяйка.—Сегодня я занята и прошу извинить! А вы, господа, сидите и пейте чай.

Страшно засуетился Сергѣй Андреевичъ, и я сталъ тоже собираться. Но черезъ минуту Юрьевъ разгорячился, снова сѣлъ за столъ и говорилъ, говорилъ страстно, съ увлеченіемъ. Онъ сравнивалъ тѣ времена съ эпохой смутнаго времени, бралъ изъ исторіи на память много интересныхъ выдержекъ. Вообще разговоръ при-

¹⁾ Въ концѣ 70-хъ годовъ.

нял характеръ въ высшей степени оживленный. О хозяевахъ мы совершенно забыли, я помню, что прислуга Маша брала и приносила снова горячій, съ парами самоваръ. А Юрьевъ говорилъ и говорилъ. Боже! какой молодой человѣкъ! сколько въ немъ внутреннего огня и увлеченія. Возвратилась изъ театра хозяйка, всѣ смѣялись, а больше всѣхъ своимъ мягкимъ баскомъ Сергѣй Андреевичъ.

Юрьевъ былъ очень разсѣянный человѣкъ. Бывали минуты, что онъ совершенно серьезно и наивно продѣлывалъ удивительныя вещи. По пятницамъ у него собирались. Квартира была помѣстительная, отдѣльный большой кабинетъ, въ которомъ хаосъ превышалъ человѣческое пониманіе. Въ жизни я не видѣлъ такого безпорядка! Въ одинъ прекрасный вечеръ въ то время, когда въ передней раздѣвались пришедшіе гости, хозяинъ Юрьевъ одѣвался.

— Куда вы, Сергѣй Андреевичъ?—спрашивали его въ недоумѣніи.

— Да у нихъ что-то скучно!..—отвѣтилъ чудакъ.

Его, конечно, не пустили и развеселили.

Много разсказовъ ходило о немъ по Москвѣ. Кто не зналъ Сергѣя Андреевича и кто не уважалъ почтеннаго и честнаго литературнаго дѣятеля. Мнѣ казалось, что у него душа была дѣтская.

Артистку Ермолову Юрьевъ почиталъ и любилъ, потому бывалъ у нея часто. Прощаясь какъ-то зимой съ хозяйкой, по обыкновенію въ спѣшной болтовнѣ, онъ взялъ съ роля вмѣсто своей мѣховой шапки спящаго котенка и положилъ на голову. Это былъ блестящій «нумеръ!» Въ Москвѣ говорили объ этомъ случаѣ съ нѣкоторымъ добавленіемъ: когда Юрьевъ почувствовалъ, что у него на головѣ не шапка, а живой котенокъ, то будто бы, бережно положивъ его на мѣсто, онъ попросилъ извиненія, на что котенокъ проищалъ: «ничего!»

При одномъ вѣнчаніи С. А., выходя изъ церкви, сѣлъ въ карету съ невѣстой и благополучно уѣхалъ.

Разсѣянность его была поразительная: онъ уходилъ изъ дома въ одно мѣсто, приходилъ въ другое, гдѣ вспоминалъ, что ему нужно, убѣгалъ и все-таки не попадалъ, а, случайно натолкнувшись на интереснаго человѣка, шелъ къ нему и проводилъ съ нимъ время до ночи въ спорахъ и пылкихъ разговорахъ. Человѣкъ онъ былъ въ высшей степени добрый и даже нѣжный, готовый во всякое время каждому помочь. Глубокоуважаемый старый идеалистъ, чуткій и дѣятельный! Онъ не могъ ни въ чемъ отказывать...

И вотъ вспоминается случай... Родина его была Тверская губернія, собственно Калязинскій уѣздъ, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Въ то время проживалъ въ уѣздѣ разстриженный священникъ, умный, но сильно «зашибавшій». Онъ ѣздилъ по помѣ-

щикамъ, которые его, какъ хорошаго, честнаго человѣка принимали. Но въ хмельномъ видѣ священникъ былъ очень безпокоенъ. Надо добавить, что онъ любилъ музыку и ѣздилъ со скрипкой. И вотъ во время пребыванія Сергѣя Андреевича въ своей усадьбѣ пріѣхалъ подвѣ вечеръ къ нему этотъ попъ. Гости, конечно, приняли, подали ужинъ, поставили наливку, добродушно побесѣдовали и отошли по комнатамъ спать. Наступила ночь и тишина деревенская. Все тихо, только въ одной изъ комнатъ слышались какіе-то странные звуки: что-то булькало, капало и порой звенѣло. Это гость духовный нашелъ четверть настойки и благодушествовалъ въ тишинѣ ночи. По мѣрѣ принятія во внутрь онъ становился смѣлѣй и уже наигрывалъ на своей скрипкѣ. Бульканье раздавалось громче, и музыка становилась энергичнѣе, но все-таки хозяева спали. Тогда гость пришелъ въ спальню Юрьева и разбудилъ его. Немудрено, что спросонья почтенный редакторъ серьезнаго журнала не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Пляши!—говорилъ разстрига.—Пляши, не то я тебя...

— Позвольте!—протестовалъ Сергѣй Андреевичъ.

Но попъ не принималъ ничего въ резонъ: ни поры-времени, ни почтеннаго возраста хозяина, ни наконецъ его костюма.

— Пляши—и конецъ!

Юрьевъ, чтобы не вышло скандала, чтобы успокоить, а затѣмъ уложить пьянаго человѣка, плясалъ. Попъ игралъ, а редакторъ плясалъ въ своемъ полномъ ночномъ дезабилѣ.

Эта была дѣйствительно картина! Картина, въ которой, кромѣ комизма положенія, ярко выступала удивительная доброта Юрьева, кроткая, великодушная. Скоро попу надоѣло играть.

Юрьевъ былъ редакторомъ и основателемъ журнала «Русская Мысль», которому его другъ Салтыковъ-Щедринъ передалъ своихъ подписчиковъ, когда запрещены были «Отечественныя Записки». При Юрьевѣ было блестящее время журнала, который съ его уходомъ сталъ падать и падать. Правда, редакторъ онъ былъ разсѣянный. Рукописи дѣйствительно пропадали. Я помню, долго искали статью М. М. Ковалевскаго и нашли, кажется, въ деревнѣ: ею были обернуты банки съ вареньемъ!

XXXVII.

Поступленіе на службу.—Московско-Рязанская желѣзная дорога.—Моя первая книжка.—Е. П. Карновъ и И. Н. Полкановъ.

Дѣла мои были плохи, на литературный заработокъ трудно, почти невозможно было содержать семью. Надо было выходить изъ критическаго положенія: не бросая литературы, во что бы то ни стало найти еще заработокъ.

Я призадумался. Поступить въ банкъ, на желѣзную дорогу — нужна протекція. Я вспомнилъ о своемъ товарищѣ по гимназіи В. К. фонъ-Меккѣ и рѣшился разыскать его, что было, конечно, не трудно, такъ какъ онъ занималъ положеніе предсѣдателя правленія Московско-Рязанской дороги. Съ фонъ-Меккомъ я изрѣдка встрѣчался въ Москвѣ въ театрахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ. Въ одинъ день утромъ я звонилъ въ его квартиру, въ которой прислуга довольно сухо меня приняла, чего, однако, нельзя было сказать о хозяинѣ. Покойный В. К. встрѣтилъ по-товарищески «на ты». Выслушавъ меня внимательно, онъ сказалъ, чтобъ завтра я пришелъ къ управляющему дорогой А. И. Антоновичу.

Полный инженеръ съ выпученными глазами, привыкшій, повидимому, повелѣвать, вступилъ со мною въ довольно откровенную бесѣду.

— Я знаю, вы товарищъ Владимира Карловича и онъ говорилъ мнѣ, чтобы я васъ устроилъ... Вы желаете служить у насъ?

— Да, желаю!—отвѣчалъ я, довольный, что дѣло налаживается.

— Я обдумалъ практически,—продолжалъ Антоновичъ.—Сначала я васъ опредѣлю конторщикомъ товарной станціи, гдѣ вы проработаете мѣсяць, можетъ—два, вознагражденіе небольшое, рублей тридцать, но вы присмотритесь и изучите движеніе, т. е. всю механику приѣмки и отправки товаровъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ я назначу васъ начальникомъ небольшой станціи, а затѣмъ въ той же должности вы перейдете къ завѣдыванію какой-нибудь главной станціей. Понимаете?

Я понималъ, конечно, но тѣмъ не менѣе былъ смущенъ: желѣзнодорожная карьера не входила въ мое соображеніе. Несомнѣнно, фонъ-Меккъ не понялъ меня.

— Послѣ вашей станціонной службы вамъ уже ничего не стоитъ занять должность помощника начальника движенія или старшаго ревизора. Вотъ и карьера обезпечена. Конечно, вы будете нашъ.

— Позвольте мнѣ обо всемъ этомъ подумать,—отвѣчалъ я.

— Сдѣлайте одолженіе! Кстати, Владимиръ Карловичъ просилъ васъ зайти въ правленіе.

Управляющій справился по телефону и сказалъ, что предсѣдателя ждуть черезъ часъ. Мы попрощались, и я отправился гулять по вокзалу, а кстати и обдумать свое положеніе. «Въ самомъ дѣлѣ, ни гроша—вдругъ алтынъ!» Мнѣ предложили окунуться съ головой въ желѣзнодорожный міръ и стать желѣзнодорожникомъ... Какъ быть? я не искалъ именно этого. У меня былъ другой міръ, иное міровоззрѣніе; мнѣ нуженъ былъ подспорный заработокъ: я думалъ отдавать чужой для меня работѣ (акціонерамъ богатаго общества) полдня и остальнымъ временемъ пользоваться для литературныхъ работъ. Обдумавъ окончательно, я рѣшилъ отъ карьеры

еры отказаться, а попросить В. К. дать мнѣ простое канцелярское мѣсто рублей на 50—60 въ мѣсяцъ.

— Въ такомъ случаѣ я переговорю съ братомъ, председателемъ пенсіоннаго комитета,—сказалъ послѣ моего откровеннаго объясненія В. К. фонъ-Меккъ.—Напрасно отказался отъ предложенія Антоновича, онъ очень дѣловой и способный человѣкъ!

Черезъ нѣсколько дней я получилъ официальное приглашеніе отъ Н. К. фонъ-Мекка занять должность дѣлопроизводителя пенсіоннаго комитета съ вознагражденіемъ въ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Это было то, что мнѣ нужно, и я былъ доволенъ. Чтобы не касаться протокольной стороны моей службы на Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ, я прибавлю, что служилъ немного времени (кажется, около двухъ лѣтъ), скоро получилъ повышеніе, занявъ освободившееся мѣсто помощника секретаря управленія съ окладомъ приблизительно въ полторы тысячи рублей въ годъ. Служба была нетрудная, съ пяти часовъ вечера я былъ совершенно свободенъ и могъ заниматься литературой. Связей, тѣсныхъ знакомствъ съ желѣзнодорожниками я не заводилъ, довольствуясь своимъ кружкомъ близкихъ къ литературѣ и театру лицъ: Ермоловой, Златовратскаго, Нефедова, Митропольскаго, Карпова, Лентовскаго и другихъ, а также статистиковъ—Боголѣпова, Петрова. У меня собирались по субботамъ, объ этомъ скажу послѣ. Теперь о желѣзнодорожномъ мірѣ. Именно подъ такимъ заглавіемъ былъ напечатанъ рядъ моихъ статей въ «Наблюдателѣ»¹⁾. Когда я познакомился съ Н. К. Михайловскимъ, я предлагалъ эти очерки для «Русскаго Богатства», но покойный критикъ не повѣрилъ, чтобы желѣзнодорожный міръ былъ такъ теменъ и невѣжественъ, какъ мною съ натуры написанъ. Можетъ быть, эти очерки въ какомъ-либо другомъ отношеніи грѣшатъ, можетъ быть, не выдержаны, но что касается правды, то скорѣй даны краски не слишкомъ яркія, что нѣсколько понятно, хотя бы потому, что я самъ служилъ въ этомъ «мірѣ».

Вотъ нѣсколько образчиковъ.

Моимъ начальникомъ въ пенсіонномъ отдѣлѣ былъ нѣкто И. Б. Синельниковъ, милый, но совсѣмъ неразвитой человѣкъ изъ телеграфистовъ. Мы, служашіе, конечно, бесѣдовали между собою, въ томъ числѣ и о политикѣ. Тогда во Франціи происходилъ большой скандалъ съ дѣломъ Вильсона. Мы говорили объ этомъ. Синельниковъ слушалъ, а затѣмъ сказалъ: «Я не понимаю, что же тамъ смотритъ правительство?»

— Видите ли, Вильсонъ родственникъ президента Гриви,—замѣтилъ я.—Ну, вотъ и заминаютъ дѣло!

¹⁾ Затѣмъ были изданы отдѣльно, вмѣстѣ съ другими разказами, М. М. Ледерле вторымъ изданіемъ.

— Прекрасно!—продолжалъ съ важною начальникъ.—Ну, родственникъ... Я говорю о правительствѣ.. Ну, кто тамъ у нихъ король или императоръ?

— Но тамъ республика?—говорю я съ изумленіемъ.

— Знаю!—сердито отвѣтилъ онъ.—Но все-таки король-то долженъ быть!

Это фактъ. А вотъ другой.

На мѣсто Ангоновича, ставшаго строителемъ Рязанско-Казанской дороги, былъ назначенъ Е. Е. Нольтейнъ, иностранецъ по происхожденію, а можетъ быть и еврей. Мы какъ-то разговаривали съ нимъ о русскомъ народѣ, вообще о рабочемъ человѣкѣ. Онъ мнѣ горячо доказывалъ, что русскій не можетъ быть культурнымъ. Для него будетъ полная гибель, если онъ научится грамотѣ и станетъ читать книжки. Для русскаго должна существовать строгая, желѣзная дисциплина, ибо онъ только рабочая сила.

— А какъ же нѣмецкій, англійскій рабочій?—спрашивалъ я.

— О, это другое дѣло! европеецъ не дикарь!

И такой человѣкъ стоялъ во главѣ русскаго желѣзнодорожнаго общества. Я не стану приводить ряда подобныхъ фактовъ, которыхъ много, это дѣло спеціальнаго очерка, мнѣ хочется только слегка освѣтить этотъ въ сущности темный міръ—«власти» и дисциплины. Вся организація состоитъ изъ начальства: надъ каждымъ агентомъ начальникъ и, въ свою очередь, агентъ тоже начальникъ.. Самый послѣдній сторожъ и тотъ начальникъ, если не надъ своимъ братомъ, то надъ публикой, пассажирами, которыхъ онъ не «пускаетъ». «Начальство», «дисциплина» — вотъ альфа и омега желѣзнодорожной организаціи, вотъ воздухъ, которымъ пропитанъ желѣзнодорожный міръ. Это огромный и сложный механизмъ, въ которомъ перепутаны рельсы и люди, винты и сердца человѣческія. Вы думаете найти среди людей долгъ сознанія, гуманное отношеніе къ живому товару, который денно и ночью слѣдуетъ по чугуннымъ рельсамъ,—нѣтъ, напрасно! Традиція, страхъ, не передъ своей совѣстью, а за свое матеріальное положеніе—вотъ стимулы работы и отношенія среди желѣзнодорожниковъ. На первый разъ, по первому впечатлѣнію, кажется, какъ будто товарищескія отношенія главенствуютъ въ этой своеобразной жизни. Но это на первый разъ, а взгляните, сколько зависти, порой злобы, клеветы и сплетни, опутало и высшихъ и низшихъ агентовъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Холодный, расчетливый эгоизмъ составляетъ характерную черту, а доброты и сердечности надо искать, да и то среди простыхъ агентовъ, заваленныхъ почти каторжной работой. Нигдѣ, какъ на желѣзной дорогѣ, не бросается въ глаза принципъ буржуазнаго экономическаго строя, что вознагражденіе обратно пропорціонально труду, т. е. тотъ больше получаетъ, кто меньше дѣлаетъ.

Въ мое время предсѣдатель правленія вмѣстѣ съ наградными получалъ въ годъ сорокъ восемь тысячъ рублей, а переѣздная сторожиха тридцать шесть рублей—тоже въ годъ.

Протекція, покровительство практикуются на желѣзнодорожной службѣ въ сильной степени, какъ родство и кумовство. Мнѣ, бывшему товарищу предсѣдателя, служилось, конечно, не плохо, относились ко мнѣ хорошо. Но мнѣ было все-таки не по себѣ, чуждъ былъ этотъ міръ и несимпатиченъ.

— Помилуйте, — говорили мнѣ практически-умные люди: — служба вездѣ одинаковая, что на желѣзной дорогѣ, что въ какомъ-либо другомъ учрежденіи: вездѣ интриги, вездѣ отсутствіе искренности.

Можетъ быть. Но я нигдѣ ни прежде, ни послѣ не служилъ, бывши развѣ только прикомандированнымъ или причисленнымъ. Такимъ образомъ, жизнь моя сложилась двойственно: служебные интересы меня занимали мало, къ литературнымъ я привязывался, и мое знакомство въ этомъ направленіи росло.

Къ этому времени относится выходъ моей первой книжки «Среди жизни», изданія В. Маракуева, мое знакомство съ Н. К. Михайловскимъ, Карповымъ и другими.

Кажется, изъ Великаго Устюга я получилъ письмо отъ ссыльнаго, письмо чисто литературнаго характера. А затѣмъ этотъ ссыльный, еще молодой человѣкъ, пріѣхалъ, освобожденный, въ Москву и посѣтилъ меня. Евгихій Павловичъ Карповъ, живой, остроумный собесѣдникъ, влюбленный въ театръ и сцену, тогда начиналъ свою драматическую дѣятельность. Онъ сталъ у меня бывать, познакомился съ моими друзьями.

— Я хотѣлъ прочитать вамъ свою пьесу и посоветоваться съ вами, — сказалъ мнѣ какъ-то Карповъ.

— Охотно прочитаю или прослушаю, — отвѣчалъ я: — но что касается совѣтовъ, то извините...

— Но мнѣ желательно услышать ваше мнѣніе.

— Тогда сдѣлаемъ такъ, что, пожалуй, выйдетъ лучше: я пригласу кое-кого, и вы прочтете.. Вы свободны въ субботу?

— Когда угодно, — обрадовался драматургъ.

Въ субботу чтеніе дѣйствительно состоялось въ присутствіи Ермоловой, Златовратскаго, Нефедова и одного педагога Лысцева, въ то время писавшаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Е. П. Карповъ въ этотъ вечеръ выдержалъ серьезную критику своей пьесы, причѣмъ главнымъ оппонентомъ явилась М. Н. Ермолова. Обыкновенно очень скромная, она тогда разошлась и весьма мѣтко указала на сценическіе недостатки и нѣкоторую подражательность. Карповъ конфузился, краснѣлъ, но тщательно записывалъ все, что касалось пьесы. Разборъ пьесы былъ очень подробный, на каждой сценѣ подолгу останавливались критики. Нефедовъ

съ Лыцевымъ принимали большое участіе въ новой пьесѣ. Мы съ Златовратскимъ молчали и слушали.

Вечеръ прошелъ прекрасно, авторъ былъ очень доволенъ и благодарилъ за искреннія и товарищескія указанія. Онъ рѣшилъ даже передѣлать названіе драмы и, кажется, общимъ совѣтомъ рѣшено было назвать пьесу—«На земской нивѣ».

Вскорѣ эта пьеса была поставлена въ театрѣ Корша и прошла съ огромнымъ успѣхомъ. Не говоря о томъ, что въ ней участвовали талантливые артисты: Киселевскій, Солонинъ, Рыбчинская, пьесу поддержала молодежь-студенты, которымъ было извѣстно, что авторъ только что прибылъ изъ ссылки.

— Такого успѣха не запомню,—говорила И. Д. Рыбчинская.— Помилуйте, насъ съ авторомъ вызвали, легко сказать, шестнадцать разъ!

По окончаніи спектакля въ моей квартирѣ состоялось скромное торжество, въ присутствіи, конечно, автора, и всѣ были очень довольны. Вообще, то время вспоминается, какъ время чистыхъ, искреннихъ отношеній въ нашемъ кружкѣ. Кружокъ этотъ не имѣлъ специфическаго характера, его можно назвать смѣшаннымъ и по специальностямъ лицъ, въ него входившихъ, и по возрасту. Артисты, литераторы, просто газетные работники, студенты, инженеры, нѣкоторые профессора, и даже постояннымъ членомъ нашихъ скромныхъ собраній былъ богатый купецъ, но оригиналь страшный, И. Н. Полкановъ, живой свидѣтель первыхъ шаговъ на сценѣ М. Н. Ермоловой, бывший всегда неизмѣннымъ поклонникомъ таланта артистки. Онъ ей, еще до знакомства, писалъ серьезныя и умныя письма, которыя она хранила. Этотъ купецъ понималъ въ сценическомъ дѣлѣ, а особенно въ драматическомъ искусствѣ.

Чудакъ и оригиналь онъ былъ большой, притомъ демократъ московскаго характера. Богатъ онъ сталъ по смерти отца, съ которымъ находился въ ссорѣ, стремясь къ свободной жизни и дѣятельности. Онъ былъ печникомъ и хорошо изучилъ это, по его мнѣнію, важное дѣло.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—надо дѣлать такія печи, чтобы и грѣли и мало брали дровъ, которыя въ Москвѣ дороги, а людей съ ограниченными средствами, трудящихся, живетъ много. Тоже важная статья воздухъ... вентиляція должна быть поставлена правильно!

Затѣмъ онъ служилъ «на конкѣ» кондукторомъ, когда вышелъ такой случай. Въ вагонѣ подъ его завѣдываніемъ ѣхалъ знакомый священникъ, духовникъ его отца, которому онъ давалъ билетъ, получивъ съ него деньги. Священникъ пришелъ въ ужасъ. Какъ? сынъ московскаго купца, и притомъ миллионера, единственный, въ должности кондуктора... это ужасно! Конечно, при первомъ случаѣ духовникъ рассказалъ о своей встрѣчѣ родителю, который вышелъ изъ себя и кричалъ о позорѣ своей фамиліи.

Но что было дѣлать?

Единственное средство дать сыну отступного, чтобы онъ, имѣя нѣкоторый капиталъ, бросилъ службу на конно-желѣзной дорогѣ. Такъ и случилось. Отецъ съ сыномъ поторговались, и когда послѣдній получилъ тысячу двадцать пять, то покинулъ должность кондуктора.

Итакъ, въ нашемъ кружкѣ былъ капиталистъ, который, когда нужны были средства для поддержки хорошаго дѣла, выступалъ въ денежномъ вооруженіи. Человѣкъ выдержанный, даже скупой, попусту онъ не тратилъ даже копейки. Нужно прибавить, что Полкановъ на собственную персону очень мало расходовался, ходилъ въ передѣланномъ дешевымъ портнымъ отцовскомъ костюмѣ, ѣлъ самую простую пищу и однажды сказалъ мнѣ, что онъ завтракаетъ касторовымъ масломъ съ чернымъ хлѣбомъ.

— И сытно, и для желудка полезно!—прибавилъ онъ...—У меня желудокъ-то, по наслѣдству отъ родителя, крѣпонецъ!

Полкановъ, повторяю, шелъ навстрѣчу помощи, но съ особеннымъ расчетомъ, чтобы деньги не пропадали. Случилось такъ, что нужно было помочь молодому человѣку, обнаружившему талантъ художника. Онъ былъ бѣденъ, какъ птица. Обратились къ Полканову.

— Дарованіе, говорите, имѣется? — спрашивалъ онъ очень серьезно.

— Да, имѣется...

Тогда что же этотъ оригиналъ дѣлаетъ? Онъ прежде всего ведетъ молодого человѣка въ баню, чтобы вымыться, конечно, а кстати посмотрѣть, какъ онъ сложенъ и здоровъ ли? А то не стоитъ и возиться, тратить деньги, если умереть скоро. Затѣмъ онъ покупаетъ ему чистое бѣлье, крѣпкое платье, сапоги и ведетъ въ заранѣ нанятую имъ комнату у какой-то кумы, простой, но хорошей женщины, которой говорить: «Вотъ этотъ молодой человѣкъ у васъ будетъ жить и заниматься... Не мѣшайте ему. Топите печку, чтобы обѣдъ и ужинъ были, а по праздникамъ непременно пироги, слышите, я навѣщать буду и платить за мѣсяцъ вперед!»

Не правда ли, постановка дѣла помощи серьезная? Я видѣлъ этого страннаго человѣка послѣ московской революціи и освободительнаго движенія. И что жъ? онъ измѣнился страшно и говорилъ: «Развѣ мы могли этого ждать? Какой-то хаосъ, грабежи! Помилуйте!»

Онъ заперся въ своемъ домѣ на десять замковъ и нанялъ для охраны нѣсколько дворниковъ изъ солдатъ.

XXXVIII.

К. М. Станюковичъ.—«Русское Богатство».—Н. К. Михайловскій.

Изъ моихъ легкихъ набросковъ видно, что жилось намъ, народникамъ, недурно, хотя такъ называемое марксистское движеніе процвѣтало. Мужикъ, пахарь, былъ въ загонѣ, особенно у молодежи; фабричный, вообще рабочій, пользовался симпатіями, какъ будущій сознательный дѣятель, какъ тѣсная связь между интеллигенціей, оторванной отъ народа.

Начиналось странное время, когда литература, молодежь и революціонеры махнули рукой на мужика, на этого въ сущности свободнаго ¹⁾ и полезнаго работника-производителя, махнули, какъ на старую, истоптанную калошу. Вотъ въ этомъ періодѣ времени я усматриваю начало буржуазной революціи.

Появились «Мужики» Чехова, объявился самъ Горькій, и пошла писать губернія. Разнузданная, грязная волна ударила «въ святая святыхъ» литературы и, не встрѣтивъ сопротивленія, начала бить правильными приборами. Дѣйствительно, точно «въ туманѣ» дѣйствовалъ развратный гимназистъ и убивалъ въ жестокомъ сладострастіи женщину. Въ глухомъ лѣсу будущій экспроприаторъ насиловалъ, уже мертвую и изнасилованную «товарищами», невѣсту ²⁾. Начиналась вакханалія грязи человѣческаго тѣла и души!

Но это было только еще начало.

Новое, босяцкое безыдейное направленіе въ литературѣ мало-помалу захватывало общество, которое, любуясь и смакуя босяковъ, поставило послѣднихъ вмѣстѣ съ авторомъ на пьедесталъ. «Се чловѣкъ!»

Имя Горькаго было поставлено выше имени Льва Толстого, который успѣшилъ съ «героемъ литературы» сняться вмѣстѣ, на одной фотографіи.

Мы въ то время не предполагали такого общаго крушенія литературы и смотрѣли на явленіе Горькаго, какъ на сравнительно талантливаго беллетриста и представителя марксистскаго направленія. Это былъ частный случай, это была невольная реклама молодежи и сознательная беспочвенныхъ революціонеровъ. Это былъ дымъ, который разсѣется, и снова покажется солнце. Но тучи сгущались, и гремѣлъ «буревѣстникъ». Не они, а мы теряли почву, мы, народники, уже не имѣли органа, который бы печаталъ напѣ «народнической бредъ»... Это-то въ мужицкой, земледѣльской Россіи!

Мы еще боролись, но это была донъ-кихотская борьба, смѣшная для нихъ, но горькая, обидная для насъ. Мы ждали, ждали

¹⁾ Но, къ сожалѣнію, невѣжественнаго.

²⁾ См. сочиненія Андреева.

чего-то худшаго, мы не только видѣли, а чувствовали, какъ рушились старыя, свѣтлыя идеалы 70-хъ годовъ.

Но это между прочимъ. Не буду терять нити воспоминаній.

Я познакомился и у меня бывалъ К. М. Станюковичъ, авторъ «Морскихъ очерковъ», которыми мы такъ восторгались. Это былъ человѣкъ непрактичный, всегда нуждавшійся въ деньгахъ и вѣчно устраивающій свои дѣла. «Авансъ» въ его жизни игралъ большую роль. Онъ бралъ, хлопоталъ объ авансѣ, запутывался въ долгахъ и, стараясь заплатить, спѣшно и нервно работалъ. У Станюковича была большая семья, больная жена и, если прибавить ко всему этому привычки стараго моряка, то денегъ ему нужно было немало.

Какъ-то мы заговорили съ нимъ о возникшемъ въ Москвѣ журналѣ «Артистъ», издавалъ который богатый человѣкъ Новиковъ. Станюковичъ жилъ тогда въ Петербургѣ и нуждался по обыкновенію въ деньгахъ, которыхъ на этотъ разъ ему нужно было четыреста рублей.

— Бѣгалъ я бѣгалъ, но ничего!.. понимаете, нигдѣ не могу достать!.. А между тѣмъ срокъ платы за квартиру, въ домашней кассѣ три рубля... что дѣлать?.. Изъ силъ выбился!.. Сажу, нервный, встревоженный, думаю, соображаю... Вдругъ звонокъ! подають карточку. Я взглянулъ, мое сердце забилось, и мгновенно мелькнула мысль: «четыреста рублей!» Входитъ молодой человѣкъ высокаго роста, прекрасно одѣтый, такой симпатичный, и что-то говорить о журналѣ, о сотрудничествѣ, а я какъ въ туманѣ, ничего не понимаю: «четыреста рублей, четыреста рублей!» Открылъ ящикъ у стола и думаю: «вотъ сюда четыреста рублей... бацъ! и на замокъ!» И совершенно машинально говорю: «четыреста рублей... авансъ, а я съ удовольствіемъ!»

«Ни слова не говоря, молодой человѣкъ вынулъ красивый бумажникъ и передалъ мнѣ четыре сотенныя бумажки со словами: «Итакъ, я буду надѣяться на ваше сотрудничество». — «Еще бы! еще бы...» — отвѣчалъ я, запирая деньги въ столъ. Когда онѣ были заперты, когда онѣ были мои, только тогда я пришелъ въ себя и какъ надо сталъ бесѣдовать съ хорошимъ, а главное — въ самую нужную минуту пришедшимъ человѣкомъ... Вы вѣрите въ судьбу? — спросилъ меня К. М., кончивъ рассказъ.

— Право, я не знаю!

— Нѣтъ, — продолжалъ онъ задумчиво: — что-то есть... Вотъ, кажется, совѣмъ пропалъ, нѣтъ выхода, вдругъ не соломинка, а цѣлая рука протягивается и вытаскиваетъ изъ болота. Вы поймите наше литературное дѣло! Денегъ нѣтъ, семья въ нуждѣ, невозможно работать, двухъ строкъ связать не въ состояніи. Послѣ этихъ четырехсотъ рублей я въ недѣлю заработалъ столько же... И какой свѣтлый духъ, энергія, желаніе, вѣра... Да, деньги великая вещь!

Въ это время Константинъ Михайловичъ вмѣстѣ съ покойнымъ инженеромъ Михайловскимъ-Гаринимъ завѣдывали журналомъ «Русское Богатство», гдѣ долженъ былъ печататься мой рассказъ «Близъ народа». Сюжетомъ рассказа было мое батрачество у Энгельгардта. Рассказъ, впрочемъ, былъ напечатанъ не въ этомъ, а въ другомъ журналѣ. Почему?—скажу послѣ.

К. М. Станюковичъ, работая въ петербургскихъ журналахъ, переѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ сошелся съ «Русскою Мыслью» подъ редакціей В. А. Гольцева съ обязательствомъ давать ежемѣсячно картинки общественной жизни. «Картинки» онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Откровеннаго писателя», но особеннаго успѣха онъ не имѣли. Въ Москвѣ даровитый писатель тоже не устроился, хотя надеждъ было много, и эти надежды пошли прахомъ. По моему мнѣнію, нѣтъ города болѣе неблагодарнаго Москвы для свободныхъ профессій. Единственный выходъ для обезпеченнаго существованія такого человѣка—это пристроиться къ богатому купцу, ну, а К. М. не такого былъ рода человѣкъ, чтобы вообще пристраиваться. Въ концѣ концовъ покинулъ Станюковичъ Москву и больше не пробовалъ селиться въ Бѣлокаменной.

Во время своего жительства занималъ онъ довольно большую квартиру на Остоженкѣ, гдѣ я бывалъ у него часто. Знакомствомъ въ достаточной степени онъ завестись не успѣлъ и какъ-то разъ сказалъ мнѣ: «У васъ много знакомой молодежи, приходите и захватывайте съ собой студентовъ. Моя молодежь скучаетъ, и дочери будутъ рады!» Я общалъ. Вскорѣ собралось вечеромъ у меня душъ пять студентовъ, которымъ я предложилъ поѣхать къ извѣстному писателю. Когда мы одѣвались, вошла ко мнѣ знакомая оперная артистка. «Куда вы?» спрашиваетъ. Мы и ее стали приглашать. Она стала колебаться, говорить о неловкости, но все-таки по нашему настоянію поѣхала. Дѣло было зимой. На двухъ извозчикахъ со смѣхомъ, шумно, точно насъ было двадцать человѣкъ, доѣхали до квартиры К. М. и сразу наполнили его переднюю молодымъ гомономъ. Пока раздѣвались, рекомендовались, хозяинъ одѣвалъ шубу. Я удивился и спросилъ: «Куда же вы, К. М.?» Онъ шуточно погрозилъ мнѣ пальцемъ и показалъ изъ-подъ шубы какой-то свертокъ въ газетной бумагѣ. «Я сейчасъ», отвѣчалъ онъ изъ-за двери. По его возвращенію разъяснилось, что почтенный писатель ходилъ закладывать серебряныя ложки, такъ какъ денегъ не было ни копейки, чтобы купить закуску.

— Помилуйте, К. М., да зачѣмъ это? наконецъ взяли бы у меня, небольшія деньги есть...

— У гостей не берутъ на ихъ же угощеніе. Что вы? а я тутъ неподалеку съ жидомъ познакомился и скажу вамъ—не жидъ, а одна прелесть! Во всякое время принимаетъ и цѣну даетъ приличную. Благодарю васъ, что привезли съ собой публику... ишь

какъ домъ оживился! А что? можно госпожу NN попросить спѣть что-нибудь?

— Я думаю. Она артистка безъ жеманства,—отвѣчалъ я.

— Я страстно люблю музыку и пѣніе,—тихо, задумчиво сказалъ Станюковичъ.

Артистка дѣйствительно не отказалась. Я слушалъ пѣніе и смотрѣлъ на Станюковича. Онъ былъ весь вниманіе, его душа жила и терзалась вмѣстѣ съ этими рыдавшими звуками предсмертнаго прощанія Трубадура съ Элеонорой. Старая музыка держала во власти стараго писателя, по лицу котораго скатывались невольныя слезы. Я хотѣлъ было спросить его о чемъ-то во время пѣнія, но онъ такъ замахалъ рукой и качнулъ головой, что мнѣ стало неловко. Въ продолженіе импровизованнаго концерта К. М. не говорилъ ни одного слова, не дѣлалъ жеста и, притаившись въ углу, былъ недвижимъ.

— Вы очень любите музыку?—спросилъ я его за ужиномъ.

— Да, отвѣчалъ онъ,—особенно итальянскую.

Не потому ли онъ умеръ въ Италиі? Его, моряка-художника, влекло синее небо, море и нѣжные звуки.

«Тяжело умирать, хорошо умереть»...

Къ тому же времени относится мое знакомство съ Николаемъ Константиновичемъ Михайловскимъ. Передъ обѣдомъ, когда я только что возвратился со службы, изъ окна моей комнаты я увидалъ А. И. Иванчина-Писарева съ какимъ-то невысокаго роста худощавымъ человѣкомъ. Они шли ко мнѣ, и черезъ минуту я бесѣдовалъ съ извѣстнымъ критикомъ и публицистомъ. Михайловскій положительно меня очаровалъ. Рѣдко мнѣ доводилось встрѣчаться съ такимъ интереснымъ, разносторонне развитымъ человѣкомъ и въ то же время крайне доступнымъ и по студенчески-простымъ. Въ эту первую нашу встрѣчу онъ положительно былъ милъ. Мы вмѣстѣ пообѣдали, выпили бѣлаго вина, которое вообще онъ предпочиталъ, и прекрасно провели нѣсколько часовъ. Въ этотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ то время Н. К. бывалъ въ Москвѣ часто. Онъ принималъ участіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ шли его большія статьи—«Царь Грозный» и другія. Съ редакторомъ газеты В. М. Соболевскимъ авторъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но Михайловскій не любилъ Москвы,—онъ былъ истый петербуржецъ.

Скоро я отдалъ визитъ Михайловскому въ Петербургъ, куда ненадолго я ѣздилъ часто: къ моимъ услугамъ всегда находился даровой билетъ перваго класса въ курьерскомъ поѣздѣ. Такимъ образомъ я пріѣзжалъ на интересные журфики, на именины Николая Константиновича, обыкновенно праздновавшіяся en grand, и проч. Въ то время имя Михайловскаго было очень популярно, и

звѣзда его взошла. Наконецъ у него появился свой органъ: журналъ «Русское Богатство» былъ уступленъ ему Станюковичемъ, и Михайловскій сталъ его самостоятельнымъ редакторомъ, а послѣ и хозяиномъ. Объ этомъ я узналъ, получивъ довольно печальное письмо отъ самого Николая Константиновича. Привожу его цѣликомъ, ибо оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ народничеству—направленію, къ которому будто бы покойный писатель принадлежалъ.

«Многоуважаемый Семенъ Ивановичъ!

«Взявшись помочь «Русскому Богатству» выпустить нѣсколько номеровъ, я получилъ, между прочимъ, и вашу рукопись. Къ большому моему сожалѣнію, я не могу признать вашу разсказъ удобнымъ для печати. «Къ большому сожалѣнію», потому что начало разсказа очень хорошо, но «Дарочка» и все, къ ней относящееся, портитъ дѣло. Работа у Энгельгардта и «Дарочка»—двѣ отдѣльныя и совсѣмъ разныя, по манерѣ письма, вещи. Насколько первая въ своей искренней простотѣ хороша, настолько вторая—искусственна, напыщенно сантиментальна и вообще слаба. Она и сама по себѣ слаба, и еще больше теряетъ отъ сосѣдства съ первой частью».

Читатель видитъ, что одна часть разсказа хороша, а другая нѣтъ. Между тѣмъ и то и другое соединено правдой, временемъ и настроеніемъ. Когда я работалъ у Энгельгардта, то трудна была работа у талантливаго хозяина-помѣщика. По-моему, такъ и должно быть. Когда же я жилъ у мужика, работа была легче втрое. Хозяйкой была Дарья (Дарочка). Съ ней случилась такая исторія: дѣвушкой Дарья полюбила интеллигента, работавшаго, какъ и я, у Энгельгардта, гдѣ и она жила. Дѣвушка отдалась молодому человѣку и сдѣлалась матерью. Прекрасный интеллигентный человѣкъ, испугавшись непосредственной привязанности деревенской безграмотной женщины, пошелъ, какъ говорится, наутекъ, а Дарья или Дарочка бросилась въ колодезь. Но это не всей сказкѣ конецъ. Ее вытащили. Мало того, она родила живого ребенка, но, потрясенная своей дѣйствительно тяжелой драмой, Дарья застыла въ недоумѣніи передъ вопросомъ жизни. Ее любилъ Иванъ, любилъ прежде, до катастрофы, и любилъ также послѣ несчастья. Иванъ говорилъ: «будь моей женой, а сынъ твой будетъ моимъ первымъ (старшимъ) сыномъ». И Дарья стала хозяйкой, превосходной и авторитетной, только печальной. Работа у нея кипѣла, она была расторопна, т. е. очень сообразительна по хозяйству, но... но проклятое воспоминаніе объ интеллигентномъ негодяѣ легло на ея душу навсегда.

Вотъ сюжетъ, а какой смыслъ разсказа—пусть выводитъ самъ читатель.

Михайловскій рѣшилъ, что интеллигента въ такомъ неловкомъ видѣ выставяты неудобно, а крестьянку я идеализирую. Коротко и ясно! Однимъ словомъ, пожалѣлъ интеллигента. Этотъ инцидентъ не произвелъ на наши отношенія никакого вліянія: мы были по-прежнему знакомы, и мнѣ все больше нравился Николай Константиновичъ, какъ джентльменъ и общественный человѣкъ, сумѣвшій сгруппировать вокругъ себя прогрессивно-оппозиціонный кружокъ. Но въ его народничество я не вѣрилъ, а тѣмъ болѣе въ знакомство съ міровоззрѣніемъ мужика, съ его темными и свѣтлыми сторонами. Этотъ рекордъ остался (помимо Достоевскаго и Толстого) за Н. Н. Златовратскимъ, котораго называютъ идеализаторомъ мужика. Пусть такъ, но онъ къ мужику близокъ душой, а Михайловскій, какъ баринъ, въ сторонкѣ отъ сѣраго люда. Положимъ, баринъ чуткій, не похвалившій Чехова за его «Мужиковъ», даже выразившійся приблизительно такъ, что Чеховъ, написавшій «Мужиковъ», этимъ показалъ, что онъ мужикъ въ литературѣ. Не могу обойти молчаніемъ маленькаго эпизодика по поводу тѣхъ же «Мужиковъ» Чехова. Въ то время, когда авторъ творилъ это произведеніе, онъ жилъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ купленной имъ небольшой усадьбѣ.

Иванъ Павловичъ Боголѣповъ, уроженецъ означеннаго уѣзда и вѣковѣчный статистикъ, зналъ лично чуть не всѣхъ мужиковъ въ уѣздѣ.

— Такихъ мужиковъ нѣтъ,—говорилъ Боголѣповъ:—ей-Богу, никогда не видалъ!..

— Неужели, Иванъ Павловичъ?—довольнымъ голосомъ спрашивалъ Златовратскій.

— Помилуйте, Николай Николаевичъ, развѣ мужики ужъ такъ глупы, чтобы при тушеніи пожара подставлять деревянные лѣстницы къ пылающей избѣ, а бабы, придя со страдной работы, развѣ могутъ капризничать и ругаться, какъ нервныя свѣтскія дамы? Нѣтъ, это психологически невѣрно!

— Вотъ какъ, Иванъ Павловичъ! — говорилъ Златовратскій, придававшій ему большой авторитетъ въ знаніи народной жизни.

Мало того, А. П. Чеховъ (о, если бы онъ зналъ?) подвергался даже статистическому изслѣдованію Боголѣпова. Послѣдній при своихъ разслѣдованіяхъ заѣзжалъ въ селеніе, близъ котораго жилъ авторъ «Мужиковъ», и спрашивалъ у жителей и трактирщика:

— Ну, что?

— Да ничего!—отвѣчали ему.—Никуда не выходитъ и все пишеть, пишеть... Чудной баринъ! Какъ не скучно ему?

— Извѣстно, безъ народа, значитъ... какъ бы не запилъ! вотъ оно что!—спохватился «мужикъ».

— Ну, дуракъ осиноый,—говорилъ трактирщикъ:—у тебя одно на умѣ! господа до водки не жадны...

«истор. вѣстн.», октябрь, 1908 г., т. сxiv.

— Знаемъ, лакають не хуже нашего!—не унимался мужикъ и пошелъ «съ горя» выпить стаканчикъ...

Такъ рассказывалъ И. П. Боголѣповъ.

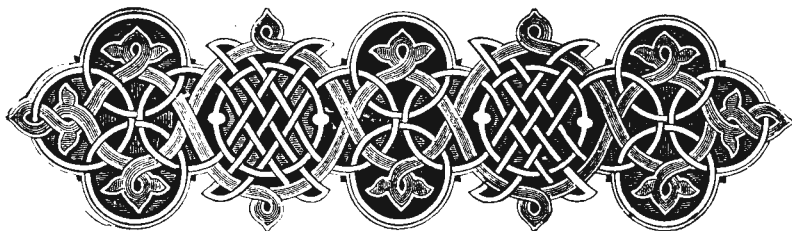
Мои поѣздки въ Петербургъ были частыя. Туда меня въ то время сильно тянуло и именно къ кружку Михайловскаго, который жилъ шумной, общественной жизнью. То похороны писателя, то юбилей,—все это принимало характеръ общественныхъ явленій, въ которыхъ первая роль выпадала на долю Николая Константиновича, ставшаго незамѣтно для него представителемъ прогрессивной части петербургскаго общества.

Мнѣ пришлось присутствовать 24 марта 1894 года на шумномъ и необыкновенно многолюдномъ тридцатипятилѣтнемъ юбилеѣ А. М. Скабичевскаго. Первымъ лицомъ, *persona grata* послѣ юбиляра, конечно, былъ Михайловскій; но я отлично помню, съ какимъ тактомъ и простотой онъ держалъ себя на этомъ праздникѣ.

С. И. Васюковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НА СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНѢ ¹⁾

(Изъ записокъ русскаго чиновника).

VI.

Мѣстная полиція.—Исправники въ роли наблюдателей за благонамѣренностью.—
Дрянскіе исправники.—Ночной азартъ въ клубѣ.—Еврейскій погромъ.—Воинскія
присутствія и ихъ секретные гешефты.—Евреи и воинская повинность.

ВАЧѢМЪ существуетъ полиція вообще — это всякому извѣстно: она является блюстительницей наружнаго благочинія и посредницей въ разныхъ сношеніяхъ официальныхъ мѣстъ и органовъ съ мѣстнымъ населеніемъ.

Казалось бы, тѣмъ же полиція должна быть и на окраинахъ. Оказывается, однако, что тутъ она является въ нѣсколько иной роли, которую ей создаетъ сама администрація, считая для себя удобнымъ пользоваться уѣздной полиціей, какъ наблюдательнымъ органомъ за политической «благонадежностью» населенія.

Въ губернскихъ городахъ имѣется, конечно, свой особый начальникъ жандармскаго управления, на обязанности котораго и лежатъ вышеуказанныя задачи, въ уѣздахъ же нашихъ окраинъ сѣверо- и юго-западной и въ Польшѣ эти «наблюденія» происходятъ обыкновенно при помощи мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ, конечно, подъ сурдинку и негласно.

Могутъ ли эти злополучные полиціанты за чѣмъ-нибудь «наблюдать»?!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІІІ, стр. 859.

Спеціалісты по этой части, начальники жандармскихъ управленій, стоящіе на наблюдательномъ посту за цѣлой губерніей, въ большинствѣ случаевъ далеко не удовлетворяютъ предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Они обыкновенно отчасти по наивности, а иногда умышленно, раздуваютъ сущіе пустяки и не замѣчаютъ, что творится у нихъ подъ носомъ.

Можно судить, каковы бываютъ въ такихъ случаяхъ неспеціалісты!

Что такое эти наши несчастные уѣздные исправники, назначаемые обыкновенно изъ приставовъ, бывшихъ раньше простыми околоточными надзирателями? Они съ величайшимъ трудомъ пишутъ свои полуграмотные «рапорты» и «донесенія» по начальству въ губернскій городъ и придерживаются такой своеобразной редакціи, что ихъ писанія не всегда бываютъ удобоваримы. Ихъ образованіе ограничивается обыкновенно городскимъ 4-класснымъ училищемъ (и это еще хорошо), а умственный кругозоръ не идетъ дальше понятія о томъ, какъ лучше дать въ зубы лѣнивому городскому и «прижать» жида на базарѣ, если онъ скуповатъ на «подарки». Сношенія съ такими субъектами являются, конечно, вынужденными, въ виду крайности, и вполне естественно, что подобные «наблюдатели» за «благонамѣренностью» нашей сѣверо-западной окраины могутъ вызывать лишь улыбку... Да и какъ можетъ производить свое «наблюденіе» за культурными, не русскими помѣщиками уѣзда какой-то сѣрый исправникъ изъ категоріи Держимордъ, котораго крайне рискованно пускать дальше передней, и который годенъ развѣ только для того, чтобы энергично «не пущать» и расталкивать толпу передъ «начальствомъ»? Въ состояніи ли такой господинъ проникнуть въ держащееся всегда особнякомъ польское общество, крайне сдержанное и осторожное? Конечно, нѣтъ, такъ какъ его туда не пустятъ, а если даже, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, онъ туда и проникнетъ, то пойметъ ли, что услышитъ и увидитъ, или даже случайно прочтетъ?

Тоже нѣтъ, такъ какъ для всего этого надо извѣстное развитіе, которымъ вообще, къ сожалѣнію, не могутъ пощеголять органы русской полиціи.

Въ Дрянскѣ я засталъ исправникомъ К. А. Щ—ва, бывшаго когда-то въ гимназій, но курса не окончившаго и служившаго потомъ гдѣ-то по конторской части въ Москвѣ. Онъ былъ совершенно не годенъ для своей должности и не имѣлъ ровно никакого значенія ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ. Въ клубѣ онъ незаконно допускалъ игру въ макао и въ банкъ не только по вечерамъ, но и всѣ ночи напролетъ, по желанію игроковъ, которые зачастую возвращались домой лишь на другой день, въ растерзанномъ видѣ, къ ужасу и огорченію домашнихъ.

Какъ-то разъ мнѣ случилось обѣдать вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ Дрянскъ подгородными помѣщиками. Было пять часовъ пополуночи, но за столъ все еще не сѣли, такъ какъ поджидали еще одного гостя. Это былъ тоже подгородный землевладѣлецъ изъ К—ва, частенько посѣщавшій мѣстный клубъ ради макао. Наконецъ онъ явился.

— Гдѣ же это вы пропадали?—посыпались восклицанія.

Гость сталъ сконфуженно извиняться.

— Ради Бога, простите, что заставилъ себя такъ долго ждать... Я не сообразилъ, что такъ поздно...

— Да гдѣ же вы были?—стали допытываться присутствующіе.

— Да все въ клубѣ...

— Какъ?! Со вчерашняго дня?

— Да, что дѣлать,—повинился вновь прибывшій:— сначала былъ въ проигрышѣ, а потомъ отыграться захотѣлось...

— Да вы когда же играть сѣли?

— Вчера вечеромъ, въ 8 часовъ.

— И все время играли?

— Не сходилъ съ мѣста!

Это было въ Дрянскѣ явленіе заурядное.

Замѣстившій Щ—ва исправникъ былъ еще хуже! Если съ Щ—мъ можно было свободно разговаривать, то съ К—мъ это было врядъ ли удобно и пріятно, такъ какъ онъ дальше кругозора околоточнаго, которымъ прослужилъ долгое время, не шелъ. Низенькій, щупленькій, рыженькій, онъ не могъ похвастаться своей фигурой, а поэтому прекомично напускалъ на себя необычайную важность, что всѣхъ смѣшило. Въ уѣздѣ прозвали его въ насмѣшку «Куроки» (дѣло было какъ разъ во время войны съ Японіей)—такъ эта кличка за нимъ и осталась.

Какъ разъ вскорѣ послѣ его назначенія въ Дрянскѣ разыгрался настоящій еврейскій погромъ, и тутъ «мудрый Куроки» проявилъ свою полную несостоятельность.

Погромъ устроили призванные на войну запасные нижніе чины. Явившись изъ окружныхъ деревень къ дрянскому воинскому начальнику, они шли затѣмъ въ казарму на перекличку и медицинскій осмотръ.

Продѣлавшихъ все это надо было немедленно вводить сразу въ дисциплину, раздѣляя по группамъ и отдавая подъ надзоръ и отвѣтственность солдатъ постарше и поопытнѣе. Этого не было, къ сожалѣнію, во время сдѣлано воинскимъ начальникомъ, человекомъ также крайне слабымъ и неэнергичнымъ, а недогадливый исправникъ не предусмотрѣлъ, что изъ этого должно было получиться, получилось же нѣчто очень непріятное...

Выходя изъ казармы послѣ переклички и осмотра, запасные стали разгуливать цѣлыми толпами по городу и, разумѣется, сей-

часть же напились, кто какъ могъ. Уже къ вечеру перваго дня пребыванія запасныхъ въ Дрянскѣ стали ходить по городу слухи, что солдатики «шалать». Ночь они провели въ назначенныхъ для нихъ помѣщеніяхъ далеко неспокойно: кое-гдѣ поразбивали у обывателей, въ пьяномъ видѣ, стекла, чуть не подожгли кое-гдѣ обывательскихъ строеній, а съ ранняго утра слѣдующаго дня съ крикомъ и удалыми пѣснями пошли разбивать «казенки» съ виномъ, а потомъ частные еврейскіе шинки. Весь день запасные безчинствовали, а воинскій начальникъ сидѣлъ въ казармѣ и производилъ перекличку. Всякій часъ къ буйствовавшимъ по городу солдатамъ присоединялись все новыя и новыя ватаги товарищей, по мѣрѣ отбыванія переклички и врачебнаго осмотра.

Исправникъ не принималъ достаточно энергичныхъ мѣръ къ прекращенію начавшихся безобразій,— и вотъ на третій день, съ разсвѣтомъ по городу уже стояли стонъ и дикіе вопли: солдаты, которыхъ растерявшійся воинскій начальникъ безуспѣшно формировалъ въ кадры, чтобы скорѣе отправить по маршруту, грабили и разбивали еврейскія лавчонки на базарѣ, беспощадно и дико ломая, топча ногами, выкидывая на улицу, въ липкую осеннюю грязь разный незатѣйливый товаръ и уничтожая все попадавшееся имъ подъ пьяную руку...

Несчастныя еврейки, хозяйки разоренныхъ лавчонокъ, неистово и визгливо вопили, взывая о помощи, а «Куроки» съ приставомъ и околоточнымъ бѣгаль по городу и до потери голоса «наводилъ порядокъ», но уже было слишкомъ поздно! Надо было раньше не допускать пьяныхъ людей до безчинства, а теперь что могъ собственными силами сдѣлать маленькій «Куроки» съ горстью городскихъ съ разгулявшейся, пьяной и возбужденной предстоящимъ походомъ на войну толпой, «отводившей душу» на базарѣ, калѣча и ломая «жидовское добро»?

Погромъ какъ разъ совпалъ съ очереднымъ призывомъ новобранцевъ, происходящимъ обыкновенно въ половинѣ октября, и это обстоятельство дѣлало положеніе вещей особенно серьезнымъ, въ виду возможности присоединенія къ погромщикамъ и молодыхъ, прибывшихъ въ большомъ количествѣ изъ деревень, на наборъ, парней.

Слава Богу, однако, этого не случилось. Все обошлось лучше, чѣмъ предполагалось. Видя полное безсиліе полиціи сладить съ разгулявшимися запасными, горожане устроили свою собственную милицію изъ мѣстныхъ жителей, выразившихъ готовность оказать содѣйствіе въ трудную минуту. Были образованы патрули подъ руководствомъ мѣстнаго земскаго начальника (бывшаго гвардейскаго офицера, о которомъ я уже говорилъ раньше), податнаго инспектора, судебного слѣдователя, городского судьи и др. Они, вооружившись кто чѣмъ могъ, обходили городъ по разнымъ на-

правленіямъ и уговаривали погромщиковъ перестать буйствовать. Это имъ, по счастью, удавалось, къ тому же подоспѣли прибывшіе въ городъ офицеры, которые и повели солдатъ къ мѣсту назначенія.

Заговоривъ о солдатчинѣ, нельзя обойти молчаніемъ возмутительныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій по воинской повинности.

Эти учрежденія, къ величайшему сожалѣнію и стыду, весьма далеки въ Сѣверо-Западномъ краѣ отъ подобающей имъ высоты. Вокругъ воинскихъ присутствій всегда царитъ самая непроницаемая таинственность, и тамъ все вершится подъ покровомъ чего-то тщательно скрываемаго, подозрительнаго. Производящіе осмотръ новобранцевъ врачи вдругъ сколачиваютъ себѣ капиталы, непремѣнные члены и дѣлопроизводители воинскихъ присутствій, получающіе скромное жалованье, строятъ въ Западномъ краѣ собственные домики, а совершенно здоровые и крѣпкіе люди вдругъ оказываются здѣсь неизлечимо больными и освобождаются отъ воинской повинности навсегда...

Какъ эти чудеса происходятъ и какими путями дѣйствуютъ цвѣтущіе люди, ищущіе освобожденія отъ воинской повинности подъ предлогомъ фиктивныхъ недуговъ,—это непроницаемыя тайны воинскихъ присутствій: врачей, дѣлопроизводителей, вольнонаемныхъ писарей и т. д.

Наличность позорнаго мздоимства здѣсь очевидна, но по русской пословицѣ: «не пойманъ — не воръ», а извольте-ка «поймать» на мѣстѣ преступленія какого-нибудь ловкаго, хитраго, прошедшаго огонь и воду и мѣдныя трубы дѣлопроизводителя воинскаго присутствія, шушукующагося въ уголкѣ канцеляріи съ богатымъ еврейчикомъ, стремящимся всѣми силами души ускользнуть отъ воинской повинности и не жалѣющаго для этого никакихъ злотыхъ, или постарайтесь «уличить» эскулапа, самоувѣренно ставящаго «діагнозъ», что у такого-то опасные «хрипы» въ легкихъ или энфизема, или глухота на одно ухо и т. п. и что такого-то слѣдуетъ освободить на годъ, а то и совсѣмъ избавить отъ военной службы. Попробуйте «доказать» юридически, квалифицировать всѣ эти «преступныя дѣянія», совершающіяся предъ вашими глазами, но такъ тонко и ловко, что вы чувствуете запахъ гари, но не услѣдите, гдѣ горить.

Конечно, всѣ ваши усилія окажутся совершенно безуспѣшными—все останется шито и крыто, и вы же рискуете навлечь на себя обвиненіе въ «клеветѣ», когда всѣмъ будетъ ясно, какъ Божій день, что вы, по существу, совершенно правы...

Что еврейское населеніе края жаждетъ уйти отъ солдатчины и что новобранцы изъ евреевъ массами убѣгаютъ отъ военной службы и безъ вѣсти пропадають—это совершенно понятно: евреи

народъ торговый и къ военной службѣ неспособный, да къ тому же слабый и хилый, благодаря нищетѣ и голодовкамъ. Чтобы только увильнуть отъ воинской повинности, еврей самъ себя добровольно калѣчитъ: нарочно растравляетъ тѣло язвами, ухищряется достигнуть хромоты путемъ вытягиванія одной изъ ногъ, производитъ прободеніе барабанной перепонки и добровольно навсегда лишается слуха. У евреевъ существуютъ для всѣхъ этихъ мучительныхъ операций особы мастера-знахари, которымъ они за это дорого платяты. Затѣмъ приходится раскошеляваться въ темныхъ уголкахъ воинскихъ присутствій и въ кабинетахъ эскулаповъ...

При этомъ сплошь и рядомъ происходятъ такіе трагическіе сюрпризы: еврей ублажаетъ всѣхъ, кого слѣдовало, и тѣмъ не менѣе вдругъ, на осмотрѣ, во время набора, его признаютъ пригоднымъ къ военной службѣ, и его кровныя денежки пропадаютъ даромъ, а жаловаться онъ не смѣетъ и не можетъ, да и кто же безъ доказательствъ захочетъ слушать его жалобу?

Никто, конечно, не подумаетъ оправдывать во всемъ этомъ евреевъ, но скажите по справедливости, кто больше виноватъ въ этой преступной фальши: бѣдный еврей, всячески стремящійся ускользнуть отъ тяжести воинской повинности, которая лишаетъ его голодную семью единственнаго кормильца, и идущій къ своей цѣли кривымъ путемъ, или сознательно толкающій его на этотъ путь и выжимающій отъ него мзду исполнитель закона?

VII.

Кабакъ и туманныя картинки. — Волшебные фонари попечительства о народной трезвости. — Безуспѣшность борьбы съ пьянствомъ. — Примѣръ Швеціи. — Готенбургскія винныя лавки. — Казенная продажа питей и ея желательная реформа.

Въ самое послѣднее время у насъ энергично заговорили, наконецъ, о бесполезности пресловутыхъ «попечительствъ о народной трезвости». Удивительно, какъ раньше на это не обратили вниманія: эти попечительства существуютъ у насъ болѣе 10 лѣтъ и являются совершенно ненужными учрежденіями, поглощающими, однако, громадныя деньги изъ государственнаго казначейства.

При основаніи попечительствъ народной трезвости на нихъ, въ 1895 г., было ассигновано правительствомъ 206,600 р., а въ 1906 г. на нихъ же израсходовано уже 4.141,000 руб.

Эти колоссальныя и бесполезно выброшенныя суммы прямо поражаютъ cadaго, кто присмотрится къ дѣятельности трезвенныхъ попечительствъ и убѣдится въ ихъ полной несостоятельности.

Въ провинціи эта совершенная несостоятельность правительственной борьбы съ народнымъ пьянствомъ особенно рельефна и

съ безпощадной наглядностью доказываетъ всю непроизводительность истраченныхъ на нее милліоновъ.

Въ маленькомъ Дрянскѣ, по срединѣ крохотнаго городского сквера, красовалась деревянная постройка, четырёхугольная, довольно объемистая и, конечно, некрашенная, прибрѣтшая, какъ и все въ Дрянскѣ, сѣрый, невзрачный колоритъ.

— Это что же такое у васъ?—полюбопытствовалъ я при первомъ посѣщеніи сквера.

— Это нашъ, такъ сказать, чайный домъ,—объяснилъ мнѣ мой собесѣдникъ.

— Какъ чайный домъ? На японскій ладъ, съ гейшами?

— Нѣтъ, это чайная нашего попечительства о народной трезвости, а зданіе принадлежитъ мѣстному пожарному обществу.

— И что же,—чайная хорошо идетъ?

— Какъ сказать,—заходятъ, конечно, газетку почитать, чайку попьютъ, да только не сказать, чтобъ очень много... Да не хотите ли сами посмотреть, тутъ у насъ и сцена устроена подъ любительскіе спектакли.

Мы поднялись на низенькое крылечко и вошли въ довольно обширную залу съ небольшою театральной сценкой въ глубинѣ. Постороннихъ въ залѣ никого не было, а въ сосѣдней кухонкѣ, у плиты, 3—4 субъекта изъ категоріи босяковъ угрюмо пили чай. Тутъ же нашелъ я и сторожа при чайной, на обязанности котораго лежало также и подметать городской скверъ, содержавшійся вообще довольно неряшливо.

— Ну что: бываетъ народъ?

— Довольно, сударь, маловато, да и при томъ же все больше оборванцы разные, да и въ нетрезвомъ видѣ-съ заходятъ и частенько буяняютъ...

— Въ городѣ это одна только чайная?

— Нѣтъ, есть еще на базарѣ, да и тамъ не такъ, чтобы много ходило.

— А газеты у васъ есть?

— Вотъ «М—скія Губернскія Вѣдомости». Книжки тоже есть, да онѣ всѣ вотъ тамъ заперты (сторожъ мотнулъ головой въ сторону, гдѣ въ уголкѣ прижался маленькій желтенькій шкапикъ) и ихъ не выдаютъ никому-съ, пока каталога не сдѣлаютъ... (Кажется, ожидаемый каталогъ и до сихъ поръ не сдѣланъ).

Приглядѣвшись къ дѣлу, я впоследствии понялъ, что чайныя работали плохо, а вся дѣятельность уѣзднаго попечительства о народной трезвости сводилась къ традиціоннымъ «туманнымъ картинамъ», которыя тоже посѣщались мало и, разумѣется, рѣшительно никому никакой ни пользы, ни забавы не приносили.

Древній сѣденькій старичокъ, Николай Васильевичъ, дѣлопроизводитель попечительства, еле передвигавшій ноги, но неукосни-

тельно строчившій своимъ мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ съ дореформенными выкрутасами къ каждому засѣданію длиннѣйшіе «журналы», представляющіе собой переливаніе изъ пустого въ порожнее,—объявлялъ обыкновенно съ радостной улыбкой:

— Къ намъ изъ М. новыя картинки для фонаря прислали, вотъ въ воскресенье показывать будутъ въ чайной, послѣ обѣдни.

Я какъ-то зашелъ посмотреть. Въ залѣ, рассчитанной на 150—200 человекъ, сидѣло на скамейкахъ человекъ 20,— все больше дѣти-подростки. Было темно. На сценѣ ярко бѣлѣло круглое пятно на экранѣ, и чей-то голосъ монотонно и вяло говорилъ, вставляя въ фонарь новую пластинку: «это Сергіевская лавра, подъ Москвой, историческая обитель, построенная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, подвигнувшимъ великаго князя Дмитрія Донского низвергнуть иго татарское въ Куликовской битвѣ».

И передъ нашими глазами появилось изображеніе соборнаго храма Московской Троицкой лавры.

— А это,—продолжалъ лекторъ (преподаватель духовнаго училища),—избраніе царя Михаила Феодоровича на царство... Колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ... Памятникъ Петра Великаго въ Петербургѣ... Памятникъ Пушкина въ Москвѣ... Исаакіевскій соборъ и памятникъ императора Николая I... Петръ Великій въ Саардамѣ... Видъ китайскаго города Тяньцзина... Изверженіе Везувія... Аскольдова могила въ Кіевѣ и т. д. и т. д.

Картинки быстро мелькали одна за другой, какъ въ калейдоскопѣ, безъ всякой системы, будто небрежно выхвачиваемыя лѣнивой рукой изъ случайной кучи...

Наконецъ, картинки изсякли, фонарь погасили, и публика разошлась... Никакой бесѣды, никакихъ толковыхъ и сколько-нибудь поучительныхъ объясненій не было.

Вотъ чѣмъ тѣшатся уѣздныя попечительства народной трезвости, наивно воображая, что лицезрѣніемъ колокольни Ивана Великаго и китайскаго города Тяньцзина можно съ успѣхомъ отучать людей отъ пьянства.

А между тѣмъ уже въ то время министерство финансовъ стало жаловаться на бездѣятельность попечительствъ трезвости и писало многословные циркуляры объ изысканіи средствъ для «оживленія» изумительной безуспѣшности ихъ работы. Предлагались проекты этого «оживленія» съ просьбой примѣненія этихъ средствъ на дѣлѣ.

Всѣ эти мѣры безучастно выслушивались въ уѣздномъ попечительствѣ, причемъ въ «журналѣ» записывалось «принять къ свѣдѣнію и руководству при первой возможности»—и все шло по прежнему шаблону.

Конечно, нужно быть отъявленнымъ оптимистомъ, чтобы серьезно предполагать, что волшебными фонарями, книжками о вредѣ пьянства, гуляніями, концертами, «народными домами», наподобіе

дворцовъ, гдѣ даютъ оперы и продаютъ въ буфетѣ пиво, сѣздами и т. п. можно съ успѣхомъ оторвать русскаго человѣка отъ кабака и обратить въ примѣрнаго трезвенника.

Дѣйствительность показала, какъ непроизводительна была вся эта стоящая государству милліоны затѣя. Пьянства не стало меньше, и само правительство заговорило теперь объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости, какъ учреждений, оказавшихся бесполезными.

Гдѣ же, однако, найти способы борьбы съ народнымъ пьянствомъ и существуютъ ли дѣйствительные и цѣлесообразные способы такой борьбы?

Конечно, есть. Стоитъ только посмотрѣть на положеніе этого вопроса у нашей сѣверной сосѣдки—Швеціи.

Въ концѣ XVIII вѣка въ Швеціи царила полная свобода винокурения и виноторговли, и пьянство дошло въ этой странѣ до ужасающихъ размѣровъ. Правительство начало энергическую борьбу съ этимъ зломъ, и въ 1833 г. были изданы специальные законы, положившіе этому предѣлъ. Было установлено минимальное производство алкоголя—и употребленіе вина сразу упало на половину. Это очень понизило, конечно, пьянство, но самымъ существеннымъ орудіемъ борьбы съ нимъ оказалась такъ называемая «готенбургская система» въ дѣлѣ виноторговли.

Въ городѣ Готенбургѣ, по инициативѣ пастора Виселгрена, было основано акціонерное общество, взявшее въ свои руки винную монополию и начавшее торговлю виномъ на совершенно новыхъ началахъ. Прежде всего число кабаковъ было уменьшено до минимума. Затѣмъ повсемѣстно были открыты своеобразныя винныя лавки, гдѣ, кромѣ водки, предлагались дешевая здоровая пища, полезныя книги и журналы, преимущественно съ пропагандой трезвости, и свѣтлый, теплый уголь. Пьянымъ людямъ, а также дѣтямъ входъ въ такія лавки строго запрещался. вмѣстѣ съ спиртными напитками продавались также и другіе, «непьяные» напитки.

Послѣдствія дѣятельности готенбургскаго общества были, по истинѣ, блестящи! Пьянство въ городѣ понизилось болѣе, чѣмъ на половину, и всюду, гдѣ готенбургская система была примѣнена, обнаружилось то же самое. Главнѣйшія причины алкоголизма въ народѣ — нищета и невѣжество — при помощи готенбургской системы постепенно искореняются въ населеніи—и въ этомъ ея заслуга. Голодный нищій-пьяница не только можетъ насытиться въ готенбургской лавкѣ за гроши, но одновременно и нравственно почувствовать себя лучше, просвѣщеннѣе, видя на стѣнахъ уютной, свѣтлой, просторной комнаты научныя чертежи и картины, читая тексты изъ св. писанія, имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстный выборъ книгъ и журналовъ и бесѣдуя съ развитымъ и толковымъ продавцомъ, составъ которыхъ для готенбургскихъ ла-

вокъ тщательно подбирается изъ интеллигентныхъ и нравственныхъ лицъ.

Въ Швеціи, кромѣ того, существуетъ еще множество обществъ трезвости, которыя лекціями, бесѣдами, изданіемъ брошюръ и журналовъ борются съ пьянствомъ. Тамъ былъ недавно анти-алкогольный конгрессъ. Въ Швеціи изготовляются «непьяные» напитки, которые прекрасно распиваются, не хуже «пьяныхъ».

Такимъ образомъ, разумная частная инициатива, объ руку съ правительственными распоряженіями, довела Швецію до того, что теперь она занимаетъ по статистикѣ первое мѣсто по минимуму употребленія алкоголя.

Отчего бы не сдѣлать изъ нашихъ «казенныхъ винныхъ лавокъ» — лавки готенбургскаго типа, съ продажей книгъ, пици и питей, причѣмъ монополія оставалась бы лишь по отношенію къ питьямъ?

Примѣръ Швеціи показалъ всему міру на опытѣ всю цѣлесообразность такихъ учрежденій.

Если бы нашу винную монополію обратить въ средство борьбы съ пьянствомъ, преобразивъ всѣ винныя лавки въ сѣбстныя, чайныя и читальни, съ проповѣдью противъ алкоголизма, на манеръ готенбургской системы, — то этимъ былъ бы нанесенъ у насъ народному пьянству неотразимый ударъ и наши мертворожденные и бесполезныя попечительства о народной трезвости были бы сами собой упразднены.

О готенбургской системѣ горячо писалъ графъ Л. Л. Толстой, доказывая необходимость обращенія нашихъ казенныхъ винныхъ лавокъ въ готенбургскія лавки, но на его прекрасныя мысли не обращалось должнаго вниманія. Это очень жаль, такъ какъ проектъ обращенія нашей винной монополіи въ орудіе борьбы съ пьянствомъ заслуживаетъ серьезнѣйшаго обсужденія и имъ слѣдовало бы воспользоваться.

VIII.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ христіанства, этики и философіи.—Причины вражды христіанскаго міра съ еврействомъ.—Кагалъ и талмудъ.—Евреи въ Россіи.—Черта осѣдлости.—Неразрѣшимость еврейскаго вопроса въ современной обстановкѣ.—Отдаленныя надежды на будущее.

Такъ называемый «еврейскій вопросъ» — одинъ изъ самыхъ неразрѣшимыхъ и, поистинѣ, печальныхъ вопросовъ нашей западной границы.

Если подходить къ этому вопросу съ религіозной, этической и философской точки зрѣнія, то, конечно, окажется, что исконная антипатія русскихъ къ еврейству не можетъ и не должна имѣть мѣста.

Христіанство учитъ прежде всего любви къ ближнему, всепрощенію и всеобщему братству. Можетъ ли существовать рядомъ съ этимъ ненависть къ тому или другому народу?

Самая начальная этика запрещаетъ преслѣдованіе и нетерпимость. Можно ли поэтому ограничивать право себѣ подобныхъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ располагаемъ мы сами, и стѣснять чью-либо свободу совѣсти?

Философія даетъ въ удѣлъ каждому саморазвитіе и самоопредѣленіе на почвѣ общечеловѣчности и широкой терпимости вѣрованій и идеаловъ. Не естественна ли поэтому полная независимость всякой человѣческой мысли, какъ результатъ данной индивидуальности?

Казалось бы, что все вышесказанное давно должно бы привести къ уничтоженію всѣхъ тѣхъ перегородокъ, которыми евреи въ Россіи поставлены въ исключительное положеніе сравнительно съ кореннымъ населеніемъ и другими народностями, живущими въ русскихъ предѣлахъ.

А между тѣмъ, несмотря на цѣлый рядъ самыхъ искреннихъ у насъ попытокъ рѣшить еврейскій вопросъ въ болѣе или менѣе благоприятномъ для евреевъ смыслѣ, дѣло не двигается впередъ ни на шагъ, и неизбѣжная «черта осѣдлости» попрежнему непреодолима.

Отчего же все это происходитъ? Гдѣ причина причинъ всего этого, въ сущности, ненормальнаго положенія вещей?

Всмотритесь прежде всего въ отношеніе къ еврейству въ цѣломъ рядѣ поколѣній того или иного христіанскаго народа—и вы ужаснетесь плотно насѣвшей тамъ ненависти, несмотря на воспринятая начала христіанской основы. Еврея преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, за то, что онъ еврей, и тѣмъ самымъ врагъ и гонитель христіанской святыни, горячій ненавистникъ всего, что носитъ печать ученія Христа. Какъ бы ни былъ идеально хорошгъ еврей самъ по себѣ, какъ отдѣльная личность, на немъ уже отъ рожденія лежитъ весь ужасъ прошлаго, идущаго изъ тьмы вѣковъ, со времени той самой страшной и великой ночи, когда Іисусъ былъ преданъ евреями въ руки римскаго проконсула, беззаботно подписавшаго ему, «въ угоду кесарю», смертный приговоръ, какъ еретику и вольнодумцу. Эта память прошлаго вѣчно стоитъ въ глазахъ христіанина, какъ роковой призракъ, который нѣтъ силъ удалить ни одному христіанину, несмотря ни на какіе софизмы ума и порывы воли.

Состоя изъ массы самой отчаянной бѣдности, эксплуатируемой своими же богачами и безропотно подчиненной кагалу, еврейство, въ широкомъ смыслѣ, конечно, достойно жалости, какъ племя, лишенное родины и искони вѣковъ терпѣвшее въ христіанскихъ странахъ преслѣдованія, но между ними и нами, христіанами, помимо только что сказаннаго, лежитъ еще непреодолимой пропастью «Талмудъ», эта ужасная книга, писанная долгими вѣками и щедро накопившая въ себѣ и сокровища ума, и весь ядъ нена-

висти и мщенія ко всему, что не исповѣдуетъ вѣрованій и чаяній еврейства. Талмудъ до такой степени властно отдѣляетъ каждаго еврея отъ «гоя», т. е. христіанина, что никакой самый робкій шагъ къ ихъ взаимному сближенію, какъ людей, невозможенъ, такъ какъ ни одинъ еврей не долженъ и не смѣетъ соприкасаться съ «гоемъ», какъ съ заклятымъ врагомъ, какъ съ существомъ грѣховнымъ и оскверненнымъ, а если и дѣлаетъ это, то только по безусловной необходимости, какъ живущій въ странѣ «гоевъ». Мало того, онъ, въ силу своего закона, обязанъ дѣлать «гою» всякое зло, а если не исполняетъ этого, то, значить, не исполняетъ закона и грѣшитъ предъ Іеговой.

Я лично знавалъ многихъ евреевъ, представляющихъ собою типы прекрасныхъ людей, добрыхъ, отзывчивыхъ къ горю ближняго, строгихъ къ самимъ себѣ, справедливыхъ къ другимъ, и сходился съ ними до предѣловъ самой дружеской откровенности; но это были лишь счастливыя исключенія, врядъ ли одобряемая самимъ еврействомъ... Уріэли Акосты, увы,— крайне рѣдки въ еврейской жизни, порождающей, благодаря своему ученію ненависти и мщенія, гораздо больше тѣхъ раввиновъ, которые неумолимо проклинали идеалиста Акосту на порогѣ дома Манаса Вандерстратена...

До тѣхъ поръ, пока еврейство будетъ тѣмъ, что оно нынѣ, и чѣмъ было сотни лѣтъ, упорно коснѣя въ своей изумительной неподвижности «избраннаго Богомъ народа», исполненное слѣпой преданности старымъ библейскимъ завѣтамъ, давно потерявшимъ всякое внутреннее значеніе, съ Талмудомъ, Кабалой и прочимъ грузомъ, завѣщаннымъ Агасферомъ, пока оно будетъ отказываться отъ всякой реформы въ своей внутренней жизни, руководясь не духомъ времени, а своими цадиками, до тѣхъ поръ «еврейскій вопросъ» останется не разрѣшеннымъ и, конечно, не по винѣ христіанъ.

Интеллигентное, передовое еврейство, разумѣется, все это давно и хорошо понимаетъ... Миѣ не разъ приходилось говорить по этому поводу съ лично извѣстными миѣ, просвѣщенными евреями, которыхъ очень много, и всѣ они признавали въ частной бесѣдѣ всю настоящую необходимость коренной реформы въ еврействѣ, являющемся какимъ-то жестокимъ анахронизмомъ въ нашъ вѣкъ свободы совѣсти, вѣрованій, убѣжденій. Однако, говорить объ этомъ они бы не рѣшились: всесильный кагаль заглушилъ бы грозными проклятіями ихъ слабые голоса!..

Положеніе еврейскаго вопроса въ Россіи сложнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Евреи подвергаются у насъ, во-первыхъ, цѣлому ряду весьма существенныхъ гражданскихъ ограниченій и, во-вторыхъ, замкнуты въ заколдованный кругъ, называемый «чертой еврейской осѣдлости».

Кто, какъ я, жилъ въ этой пресловутой «чертѣ», тотъ, конечно, долженъ понять весь трагизмъ положенія еврейской голи, напиханной другъ на другъ въ нашихъ западныхъ районахъ до такой степени, что самое существованіе является тамъ почти невыносимымъ: такъ ограничены всякія средства къ жизни. И вотъ еврей бросается на всякій гешефтъ, какъ бы онъ ни былъ тяжекъ, только бы жить. Отъ своихъ единовѣрцевъ, умирающихъ, какъ и онъ самъ, отъ нищеты, онъ не получитъ ничего, — онъ старается добыть работу у сосѣдей-христіанъ. Выносливый, хитрый, смѣтливый и отъ природы надѣленный острымъ практическимъ смысломъ, онъ волею судьбы становится необходимымъ человѣкомъ въ своемъ околоткѣ, несомнѣнно, при этомъ пользуясь непрактичностью и исторической лѣнью русскаго человѣка. Сравняйте евреевъ въ правахъ съ русскими, совершенно уничтожьте «черту осѣдлости» и пустите еврейскую массу селиться гдѣ кому угодно и пріятно... Что останется отъ русскаго племени съ его только что сказанными качествами?

Сумѣемъ ли мы не попасть окончательно въ ловкія руки Израїля, который, извлекая изъ насъ всякую для себя пользу, незамѣтно для насъ самихъ поработитъ насъ окончательно путемъ своего изумительнаго, вѣками, въ силу историческаго прошлаго, сложившагося и накопившагося умѣнья обезсилить врага не преимуществами духовнаго творчества, а только обдуманномъ расчетомъ? Прибавьте къ этому—кагалъ, вспомните о темной и таинственной силѣ всемірнаго масонства, состоящаго на половину изъ еврейскаго элемента, и примите въ соображеніе несмѣтныя сокровища, издревле накопленныя въ нѣдрахъ Израїля, забывшаго, еще въ туманѣ вѣковъ, свѣтлые завѣты своего великаго вождя изъ-за золотого тельца, ставшаго съ тѣхъ поръ его кумиромъ.

Представьте себѣ все это—и отвѣтъ станетъ ясенъ.

Такимъ образомъ, еврейскій вопросъ въ Россіи является вдвойнѣ сложнымъ и, при существованіи неизбѣжной пока «черты осѣдлости»,—едва ли разрѣшимъ.

Уничтожить сразу сложившіяся исторически положенія вещей не представляется осуществимымъ и было бы опрометчиво и рискованно по своимъ послѣдствіямъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ данномъ случаѣ служитъ отдаленная надежда увидѣть, наконецъ, русскій народъ настолько окрѣпшимъ политически и настолько просвѣщеннымъ, что никакія еврейскія ковы въ его экономической жизни не сумѣютъ повредить его самостоятельности и силѣ.

Тогда только, можетъ быть, еврейскій вопросъ разрѣшится самъ собой.

IX.

Общіе выводы.—Отношеніе администраціи къ краю.—Русско-польскія отношенія.—
Ксендзъ и костель.—Слабость православнаго духовенства —Ложный путь.

Подводя общій итогъ всѣмъ пережитымъ мною впечатлѣніямъ во время пребыванія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не могу не отмѣтить, что самое главное, что бросается въ глаза въ этомъ злополучномъ краѣ,—это упорно враждебное отношеніе администраціи къ мѣстнымъ элементамъ... Нужно замѣтить кстати, что это странное явленіе неукоснительно царитъ у насъ и на другихъ нашихъ окраинахъ,—напримѣръ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ и на Кавказѣ, гдѣ мнѣ также довелось служить.

Наша окраинная администрація до самаго послѣдняго времени видѣла, вѣроятно, въ этомъ одинъ изъ мудрыхъ способовъ «обрушенія окраинъ». Дѣлая тамъ систематически все наперекоръ мѣстному населенію, она постоянно поддерживала этимъ совершенно естественное раздраженіе къ себѣ и наивно при этомъ удивлялась, почему мѣстные окраинные элементы ею недовольны и не выражаютъ ей за ея заботы своей искренней благодарности.

Въ Остзейскомъ краѣ до сихъ поръ все балтійское, нѣмецкое считалось подозрительнымъ, коварнымъ, чуть не зачумленнымъ—«Рижскій Вѣстникъ» прежняго времени ежедневно, бывало, измышлялъ разные «факты», чтобы усмотрѣть въ нихъ «крамолу» и «измѣну», старательно упражняясь въ этомъ благонамѣреннымъ спортѣ по «патріотической» методѣ «Московскихъ Вѣдомостей» печальной памяти В. А. Грингмута. Я самъ сотрудничалъ въ этомъ органѣ и всегда удивлялся, какъ чисто академическія статьи «Düna Zeitung» и «Baltische Monatschrift», серьезно и спокойно трактующія о какомъ-нибудь вопросѣ мѣстной жизни, отмѣчались тамъ чуть ли не какъ призывъ къ бунту.

То же самое довелось мнѣ близко видѣть и на Кавказѣ, во время невозможнаго режима нынѣ умершаго князя Г. С. Голицына, доведшаго этотъ прекрасный край своимъ неумѣлымъ управленіемъ, ставившимъ на первый планъ приниженіе туземцевъ, до переживаемой имъ теперь смуты.

Такое же холодное, натянутое отношеніе властей къ населенію царило все послѣднее время и на западной окраинѣ.

Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось поставить въ Вильнѣ на главной городской площади, вблизи превосходнаго монумента Екатерины II, памятникъ М. Н. Муравьеву, одно воспоминаніе о которомъ еще до сихъ поръ приводитъ въ содроганіе любого мѣстнаго жителя? При этомъ Муравьевъ поставленъ почему-то спиной къ костелу...

Одинъ виленскій помѣщикъ рассказывалъ мнѣ, до какой степени всѣ въ Вильнѣ были прямо изумлены и пріятно поражены любезностью, доступностью и благожелательностью князя П. Д. Святотополка-Мирскаго, когда онъ былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ: до такой степени виленцы не были избалованы въ этомъ отношеніи его предмѣстниками.

Не правда ли—характерно? Люди удивляются тому, что начальникъ края любезенъ съ просителями и обращается съ ними по-человѣчески!

Въ Могилевскую губернію былъ назначенъ въ 1902 г. губернаторомъ бывший нѣкогда полицеймейстеромъ Н. М. Клингенбергъ, тотъ самый знаменитый Клингенбергъ, который получилъ столь печальную извѣстность въ Россіи прискорбнымъ инцидентомъ въ мѣстечкѣ Крожахъ Ковенской губерніи, гдѣ онъ ранѣе губернаторствовалъ.

Въ 1892 г. въ Крожахъ было рѣшено почему-то закрыть костелъ. Губернаторъ не нашелъ другого времени исполнить это порученіе, какъ въ часъ торжественнаго богослуженія въ костелѣ, при громадномъ стеченіи народа, пришедшаго помолиться въ воскресный день въ своемъ храмѣ. Ксендзъ совершаетъ мессу, органъ играетъ хоралы, прихожане набожно читаютъ молитвы, какъ вдругъ совершенно неожиданно являются жандармы съ губернаторомъ и приступаютъ къ опечатанію костела... Можете себѣ представить весь ужасъ и все негодованіе собравшейся въ церкви толпы, увидѣвшей въ этомъ поступкѣ завѣдомо желанье оскорбить ея религиозное чувство.

По приказанію губернатора ксендзъ прерываетъ богослуженіе, а наполнявшіе костелъ молеельщики грубо вытѣсняются изъ храма, который жандармамъ строго приказано немедленно «очистить».

Между прихожанами и жандармами начинается жестокая свалка! Къ выгнанной изъ храма толпѣ присоединяются жители мѣстечка, прибѣжавшіе къ костелу, чтобы спасти его отъ поруганія и защитить своего ксендза. Жандармы пускаютъ въ дѣло оружіе. Толпа отвѣчаетъ тѣмъ же. Съ обѣихъ сторонъ раненые и убитые. Свалка быстро разрастается. Все мѣстечко встаетъ на ноги, и всякій, вооружившись чѣмъ и какъ можетъ, спѣшитъ къ мѣсту побоища. Жандармы, не ожидая такого дружнаго сопротивленія, отступаютъ, жители мѣстечка, полные негодованія за столь возмутительное поруганіе святыни, усиливаютъ натискъ. Губернаторъ, видя, что дѣло принимаетъ неблагопріятный для него оборотъ, спасается на хорахъ костела, гдѣ находитъ безопасное мѣстечко за церковнымъ органомъ.

Бывшій въ то время начальникомъ ковенскаго жандармскаго управленія полковникъ М. С. Жолкевичъ, нынѣ умершій, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, лично рассказывалъ мнѣ во всѣхъ

любопытныхъ и пикантныхъ подробностяхъ объ этомъ ужасномъ эпизодѣ, облетѣвшемъ всю Россію и ставшемъ предметомъ громкаго судебного процесса. Н. М. Клингенбергъ былъ переведенъ послѣ этого инцидента въ Вятку, но затѣмъ его назначили губернаторомъ опять въ Западный край, — въ Могилевскую губернію, по сосѣдству съ Ковенской, гдѣ о кровавой исторіи въ Крожахъ и понынѣ еще живо сохраняется грустное воспоминаніе.

Зачѣмъ нужно было назначать въ Западный край именно то самое лицо, которое получило тамъ столь печальную извѣстность? Чтобы систематически волновать населеніе и заставить его припомнить вновь всѣ ужасы кроваваго побоища въ Крожахъ, въ которомъ г. Клингенбергъ игралъ главную роль?

Вообще отношеніе власти къ западной окраинѣ, повторяю, носитъ отрицательный характеръ.

Въ М—ской губерніи, напримѣръ, съ которой я близко былъ знакомъ по моей службѣ, составъ предводителей дворянства, назначаемыхъ въ Западный край по распоряженію министерства, былъ въ мое время весьма неудовлетворительный.

Такъ, изъ 11 предводителей пять (если не больше) были безъ высшаго образованія, а г. С—скій, предводитель Ч—го уѣзда, не получилъ даже средняго образованія. Впрочемъ, этотъ предводитель былъ наиболѣе дѣятельный и полезный, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ изъ его коллегъ, какъ, напримѣръ, о К. А. К—нѣ, бывшемъ въ 1903—1904 гг. о—мъ предводителемъ.

«Предводительство» К—на (учившагося въ Пажескомъ корпусѣ) было поистинѣ притчей во языцѣхъ! Живя почти постоянно внѣ О—го уѣзда, то въ Петербургѣ, то въ Ш—вѣ, имѣни своего отца (бывшаго министра прежняго режима, онъ пріѣзжалъ въ О—у лишь изрѣдка и при этомъ на самое короткое время, чтобы второяхъ подписать цѣлый ворохъ бумагъ (конечно, не читая) и посидѣть въ роли статиста на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ обязательныхъ засѣданіяхъ комиссій, гдѣ, по закону, онъ «числился» предсѣдателемъ.

Бывшій м—скій предводитель, графъ А. А. С—въ, также почти никогда не жилъ въ уѣздѣ, проводя большую часть времени за границей. Ч—скій предводитель, С—ко, былъ настолько старъ и боленъ, что почти не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ сидѣлъ въ халатѣ, и въ такомъ видѣ принималъ всѣхъ имѣвшихъ до него надобность лицъ. С—скій предводитель, Ш—скій (бывшій армейскій офицеръ), отличался столь большимъ самоувѣніемъ, — ни на чемъ, впрочемъ, не основаннымъ, — что съ довольно изрядной безтактностью выражалъ свое неудовольствіе по адресу тѣхъ изъ своихъ коллегъ, которые не хотѣли признавать за нимъ какихъ-либо положительныхъ качествъ.

Составъ полиціи въ М—ской губерніи былъ также качества невысокаго.

Какова вообще полиція въ краѣ, я уже говорилъ, рисуя дрянскихъ полиціантовъ.

Прибавлю, что и въ другихъ углахъ этой губерніи они не проявляли особо одобрительныхъ качествъ.

Такъ, напримѣръ, въ г. О—ѣ долгое время существовалъ полицеймейстеръ, который вдругъ возомнилъ себя «первымъ лицомъ» въ городѣ и, желая наглядно отличиться отъ прочихъ, самъ придумалъ для себя особую форму — какой-то совершенно фантастическій мундиръ съ широкими красными нашивками на фалдахъ и такими же лацканами на рукавахъ. Это было что-то, поистинѣ, шутовское, буффонадное и производило до того смѣхотворное впечатлѣніе, что давало поводъ сомнѣваться въ добромъ здоровіи полицеймейстера, съ котораго это достойное памяти потомства одѣяніе, наконецъ, сняли, но не безъ труда, по распоряженію губернатора.

Этого мало: жена и дочь опереточнаго полицеймейстера также разыгрывали въ О—ѣ «первыхъ дамъ» и, по строгому приказу самого полицеймейстера, въ мѣстномъ клубѣ не смѣли начинать танцевъ, пока не появятся, наконецъ, эти дамы и не разрѣшатъ «открывать балъ». Къ великому удивленію, бѣдные о—цы долгое время подчинились этому тоже водевильному положенію вещей и покорно «не смѣли» танцовать до пріѣзда супруги и дочери начальника мѣстной полиціи.

Такъ еще темна и ничтожна наша провинція.

Взаимныя отношенія администраціи и католическаго элемента края вообще отличаются крайней натянутостью. Повторяется то же, что недавно было на Кавказѣ и о чемъ подробно писалось на страницахъ «Историческаго Вѣстника»¹⁾.

Все католическое и мѣстное—уже тѣмъ самымъ подъ подозрѣніемъ и оттѣняется. Даже въ гласные пресловутаго «западнаго полуземства» стараются назначать непременно землевладѣльцевъ изъ православныхъ, по возможности обходя католиковъ, какъ будто эти послѣдніе будутъ менѣе полезны въ дѣлахъ расходаванія земскихъ денегъ, потому что ходятъ въ костель, а не въ православную церковь.

Вслѣдствіе этого отношенія между русскими и католиками Сѣверо-Западнаго края не могутъ, конечно, похвалиться искренностью.

Я лично вездѣ и всегда искалъ людей, а не ихъ метрики, а потому охотно сходилъ съ туземцами, не видя къ тому никакого препятствія въ моемъ православіи и русскомъ происхожденіи. Такъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1905 г.—«Листки изъ кавказскаго дневника».

и въ Западномъ краѣ я былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ мѣстными землевладѣльцами - католиками, всегда находя въ ихъ культурномъ обществѣ большое удовольствіе и встрѣчая въ ихъ средѣ радушіе и гостепрѣимство, о чемъ навсегда сохраню самыя лучшія воспоминанія.

Нельзя не отмѣтить здѣсь того весьма важнаго обстоятельства, что католическій элементъ Сѣверо-Западнаго края вообще въ дѣлѣ только что бывшихъ тамъ аграрныхъ безпорядковъ оказался гораздо больше на сторонѣ русской власти, чѣмъ православное населеніе окраины. Въ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края аграрныя безпорядки широко разыгрывались только среди православнаго населенія, католики же въ аграрныхъ волненіяхъ почти вовсе не принимали никакого участія. Это фактъ, съ которымъ спорить не приходится.

Гдѣ же причина этого грустнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характернаго явленія?

Какъ это ни прискорбно, но намъ опять приходится вернуться къ недочетамъ православнаго духовенства Сѣверо-Западнаго края.

Тамъ, гдѣ съ каѳедры костела горячо проповѣдывалъ ксендзъ, населеніе чтило законъ и не чинило насилій и безпорядковъ, за весьма малыми исключеніями.

Тамъ, гдѣ духовнымъ пастыремъ населенія числился православный священникъ, — происходило явленіе совершенно противоположное.

Почему же ксендзъ оказывался авторитетнѣе нашего священника? По очень простой причинѣ: ксендзъ нравственно и духовно вліялъ на прихожанъ при посредствѣ школы, которой онъ былъ главнѣйшимъ руководителемъ.

Между тѣмъ наши православные священники Западнаго края совершенно игнорируютъ школу. Въ дирекціяхъ народныхъ училищъ Западнаго края вы можете сами увидѣть цѣлыя вороха переписки по поводу систематическаго и упорнаго уклоненія православныхъ священниковъ отъ посѣщенія начальныхъ училищъ для преподаванія Закона Божія.

Чтобы помочь горю, въ Виленской губерніи директоры народныхъ училищъ предложили «батюшкамъ» посѣщать народныя школы по собственному усмотрѣнію — когда имъ это окажется удобнѣе, не стѣняясь расписаніями учебныхъ часовъ, но даже и это не помогло: «батюшки» попрежнему упорно манкируютъ, и Законъ Божій проходитъ тамъ подъ руководствомъ учителя.

Эта манкировка православными священниками уроковъ Закона Божія происходитъ не только въ министерскихъ училищахъ, но и въ школахъ ихъ собственнаго вѣдомства — въ церковно-приходскихъ. Они и ихъ также почти вовсе не посѣщаютъ, а чтобы не навлечь на себя кару своего начальства, т. е. мѣстныхъ преосвященныхъ,

наши пастыри духовные придумали слѣдующій обходъ закона: школьный учитель обязанъ разъ въ недѣлю привозить священнику на домъ классный журналъ, и «батюшка», подъ диктовку учителя, вносить въ пустыя графы то, что было пройдено учителемъ въ классѣ по Закону Божию безъ него, причемъ ничуть не стыдится этихъ продѣлокъ.

Какое же, скажите, вліяніе на паству могутъ оказывать такіе православные пастыри?

Когда люди хотятъ подчинить другихъ своему нравственному вліянію, хотятъ сдѣлать ихъ своими, то они прежде всего должны быть сами выше той среды, которую они себѣ подчиняютъ. Мы желаемъ обрусить Западный край и точно нарочно наполняемъ его самыми жалкими и никуда не пригодными представителями русской власти, совершенно забывая, что рядомъ съ ними живетъ народъ съ культурнымъ историческимъ прошлымъ и руководимый просвѣщеннѣйшимъ духовенствомъ величайшей западной церкви.

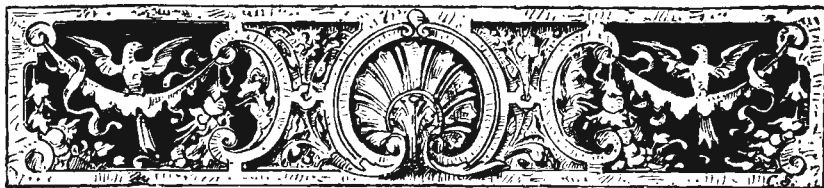
Какого же результата можно ждать отъ такой параллели? Какъ можемъ мы обрусить кого бы то ни было, пуская въ ходъ столь неподходящій пріемъ?

Грубой силой и сухими циркулярами ничего нельзя достигнуть.

Силой нравственнаго превосходства, духовной силой личности, силой справедливости и гуманности можно творить чудеса, но все это нужно сначала въ себѣ выработать: иначе всѣ старанія будутъ безплодны.

С. У.

ПУШКИНСКІЕ ВЕТЕРАНЫ.

I.

ВЕЧЕРЪЛО. Косые лучи заходящаго солнца трепетали на потемнѣвшей листьѣ деревьевъ и яркими блестящими разсыпались по бѣлой стѣнѣ Святогорскаго монастыря. Усѣвшись у дороги на большомъ сѣромъ камнѣ, я зарисовалъ монастырскую ограду съ кущою деревьевъ, сквозь зелень которыхъ бѣлѣла мраморная ограда у памятника А. С. Пушкина, и ветхую покосившуюся часовенку у дороги. Наброски были закончены, но уходить не хотѣлось. Кругомъ была тишина, чуткая, странно непривычная тишина невозмутимаго покоя. И хотѣлось отдаваться этому покою, не думать, не двигаться...

Гасли и догорали краски заката... Тускнѣла, заволакивалась туманная даль... Одиноко, словно о чемъ-то жалуясь, чиркала какая-то пичуга. Кто-то вблизи затянулъ нестройную пѣсню. Двѣ комично пошатывающіяся фигуры вырисовались изъ-за поворота дороги и, сляясь сохранить равновѣсіе, свернули въ мою сторону.

Добродушная физиономія съ жиденькой, растрепанной бородежкой, въ помятомъ картузѣ, съ легкимъ запахомъ «казенки» наклонилась надъ альбомомъ.

— И вотъ, сколько я знаю, господа все сюда ради пушкинской могилки пріѣзжаютъ.

— А ты развѣ слышалъ про Пушкина?

— Во, какъ не слышать... Слышалъ и даже очень слышалъ! Тутъ у насъ даже такіе есть, что и его самого знали хорошо...

— Ну?

— А какъ же! Вотъ Иванъ Павловъ въ деревнѣ Богомолахъ, потомъ поповна Акулина Ларивоновна, что въ Вороничахъ,—тоже помнитъ...

— А далеко они отсюда?

— Кто, Иванъ Павловъ? Нѣ, не далеко, всего верстъ нѣсколько будетъ. А Вороничи и того ближе, пожалуй,—рукой подать...

— А я такъ и самый гробъ его видѣлъ!—неожиданно заявилъ третій, случайно присоединившійся къ намъ собесѣдникъ.

— Ну да, скажешь!

— И вѣрно... Вотъ какъ перекладывали ограду-то, такъ ящикъ виденъ, и господа, которые тутъ были, каждый норовилъ, кто щепочку, кто что себѣ взять... А насчетъ Ивана Павлова и Акулины Ларивоновны онъ правду говорить: вы ихъ безпремѣнно повидайте—они вамъ все досконально расскажутъ. Потому Иванъ Павловъ, сказываютъ, и купался не разъ съ Пушкинымъ и такъ бесѣдовалъ...

Получивъ малую толику «на чай», компанія ушла, повидимому, очень довольная.

II.

Я рѣшилъ побывать и въ Богомолахъ и въ Вороничахъ и повидать Ивана Павлова и Акулину Ларивоновну. Не безъ труда удалось разыскать возницу, который бы завтра пораньше отвезъ меня въ эти мѣста: время было рабочее, лошади на поляхъ заняты.

— Вотъ, развѣ, есть тутъ Алексѣй Бобыль, онъ извозомъ промышляетъ—его спросить надо.

Разыскалъ Алексѣя Бобыля, и тотъ, поломавшись немного, пообѣщавъ завтра къ 7 часамъ заѣхать за мною.

Утро выдалось на рѣдкость: тихое, погожее, залитое солнечными лучами. Проснулся я чуть не съ солнышкомъ и, собравъ свой немногочисленный багажъ, напившись чаю, съ нетерпѣніемъ сталъ поджидать своего возницу.

Шесть... половина седьмого... семь... Начинаю волноваться.

Не лучше ли, думаю, не теряя время, махнуть пѣшкомъ.

Авось языкъ, который, по пословицѣ, доводитъ до Кіева, поможетъ мнѣ разыскать и Богомолы.

Но вотъ, наконецъ, послышалось громыханье телѣги.

— Наконецъ-то! Я уже думалъ, что ты не пріѣдешь...

— Зачѣмъ не пріѣхать! Только вы-то, видно, больно рано, не по-господски поднялись.

Расплатившись за ночлегъ со старушкой-хозяйкой «чайной», я взобрался на громоздкую неуклюжую телѣгу съ наваленною вмѣсто сидѣнья свѣжею травою. Лошаденки тронули. Миновали

пустынную еще улицу, обогнули монастырскую ограду. Еще разъ мелькнулъ сквозь зелень деревьевъ бѣлый мраморъ памятника. Я снялъ шляпу.

— Но-о-о,—пошевеливай, родныя!..

Потянулась узкая, прихотливо извивающаяся проселочная дорога, съ глубокими колеями, съ обступившею плотною стѣною колосящеюся рожью, въ которой, словно голубые глазки, мелькають васильки. Убогія, въ нѣсколько лачугъ, деревушки кажутся мутными пятнами на зеленѣющемъ фонѣ полей.

— Это не Богомолы?—указываю я на ближайшую къ намъ деревушку.

— Нѣ, это Клопы; Богомолы тамъ, далѣ будутъ!—отзывается возница, степенно раскуривая предложенную ему папирску.

— Клопы?

— Да, Клопы, названье такое!—невозмутимо поясняетъ онъ и, звучно сплюнувъ, оборачивается ко мнѣ.

— Вотъ не знаю, какъ теперь, починились ли, а то прежде у Ивана Павлова такая хата была, что и войти боязно: того и гляди, рассыплется...

— А что?

— Да дрянная гораздъ, совсѣмъ гнилая; какъ она держалась только—понять невозможно...

Шаловливый вѣтерокъ волнуетъ зеленѣющее море ржи. Заливаются жаворонки, купаясь въ безконечномъ просторѣ голубого неба...

Медленно, сторбившись плетется по дорогѣ ветхій, ветхій старичокъ.

— Ужъ не Иванъ ли Павловъ?

— Нѣ, надо полагать, Парфенъ-пастухъ.

— Здравствуй, дѣдушка,—окликаю.—Не знаешь ли, какъ Иванъ Павловъ поживаетъ?

Старикъ останавливается, щуритъ красные, воспаленные глаза и снимаетъ шапку.

— Иванъ Павловъ какъ здравствуетъ?—повторяю я.

— Павловъ? Ахъ, родные, не знаю я, да надо полагать здоровъ, не слышно было, чтобъ съ нимъ что приключалось. Вы къ нему, значитъ, ѣдете?—любопытствуетъ онъ.

— Къ нему, къ нему.

— Ну, счастливо оставаться.

Вѣхали въ крошечную деревушку. Тявкнула исхудалая собака, закудахтали испуганныя, мирно копавшіяся въ мусорѣ куры...

— Ну, вотъ и Павлова хата...

III.

Мы поднялись по шаткимъ, скрипучимъ ступенькамъ.

— Вотъ сюда, сюда, въ эту дверь!— указываетъ Алексѣй.

Съ непривычки въ первую минуту трудно было разобраться. Ёдкій удушливый дымъ, словно туманъ, заволакивалъ внутренность избы. Было душно, точно въ раскаленной печи. Захлебываясь плакалъ ребенокъ.

Мы нерѣшительно остановились у порога.

— Ахъ, касатики мои, плохо у насъ тутъ, ахъ, неладно, не прибрано!—заохала какая-то старушка, копошившаяся съ ухватомъ у печки.—Кого вамъ, родные?

— Иванъ Павловъ дома?

— Дома, дома, желанные, гдѣ же ему больше быть... Выдь-ка, выдь сюда скорѣе!—засуетилась она, окликая кого-то изъ темнаго угла.—Эвона, накинь-ка зипунъ, да выдь-ка съ баринкомъ изъ избы на солнышко.

— Выйду, выйду, не тарахти... Здравствуйте, баринъ.

Предо мною стоялъ высокій, сравнительно бодрый старикъ съ гривой сѣдыхъ волосъ, съ странно яснымъ взглядомъ дѣтски-голубыхъ глазъ.

Мы вышли изъ избы и усѣлись на деревянныхъ обрубкахъ, на самомъ солнечномъ пригрѣвѣ.

— Скажи-ка, дѣдушка,—началь я:—говорять, ты знавалъ Александра Сергѣевича Пушкина.

— Почто не знать,—отозвался старикъ.—Всѣ мы его тутъ въ ту пору знали.

— Расскажи, сдѣлай милость что-нибудь про него.

— А что же рассказывать... Хорошій онъ былъ баринъ, на рѣдкость, да и вся семья ихъ такая была,—этихъ господъ помяни Богъ... Жилъ онъ какъ—спрашиваете? А жилъ онъ одинъ, съ господами не вязался, на охоту съ ними не ходилъ, съ сосѣдями не бражничалъ, крестьянъ любилъ. По ярмаркамъ, бывало, ходитъ, соберетъ старцевъ,—старцами въ ту пору нищѣ-то калѣки назывались,—соберетъ и заставитъ ихъ пѣть. Слушаетъ, какъ они поютъ, а въ ину пору и самъ подпѣвать станеть. И со всѣми, бывало, ласково, по хорошему обходился. Ребятишки въ лѣтнюю пору собираютъ ягодъ, понесутъ ему продавать, а онъ деньги заплатитъ и ягоды имъ же отдасть: «Кушайте, молъ, ребятки, сами, деньги все равно уплачены».

— Ты, дѣдушка, говорятъ, купался съ нимъ часто?

— Да вѣдь всяко бывало, и купаться и разговаривать приходилось. А уѣзжалъ Александръ Сергѣевичъ, помню, такъ. Былъ это онъ въ девятую пятницу на ярмаркѣ, вдругъ подѣзжаетъ адъютантъ къ нему и говоритъ: «Васъ, Александръ Сергѣевичъ,

въ Питеръ требуютъ». — «А, — говоритъ въ отвѣтъ Александръ Сергѣевичъ, значить, я нуженъ. Ну, ѣдемъ...» — «Въ Михайловское не нужно ли вамъ заѣхать?» спрашиваетъ адъютантъ. «Не нужно, не нужно!» говоритъ и какъ ходилъ въ рубашкѣ-косовороткѣ, такъ и уѣхалъ.

— А что, дѣдушка, въ Михайловскомъ теперь ничего отъ прежняго, отъ того времени не осталось?..

Старикъ махнулъ рукой.

— Куды тамъ... Вотъ, помню я, — оживился онъ, — дача лѣтняя была построена, хорошая дача, съ мебелью, все какъ слѣдуетъ, а найди-ка, найди, гдѣ она была. А я вотъ помню и указать могу... Прудъ тоже былъ, а потомъ, какъ Наталья Николаевна пріѣхала, такъ и приказала его засыпать; ну, и засыпали...

— Вотъ изобразилъ бы ты мнѣ эту дачу, хоть полюбовался бы я на нее опять на старости лѣтъ, — обратился онъ ко мнѣ, заглядывая въ раскрытый альбомъ, куда я зарисовалъ внутренность двора.

— Да вѣдь трудно, дѣдушка, нарисовать, чего не видѣлъ.

— А я бы тебѣ все обсказалъ, все разъяснилъ, я дачу-то эту какъ сейчасъ помню... Да... Въ старину-то, поди, иначе жили, чѣмъ теперь. Именны ли, такъ ли случай какой у господъ и, Господи ты Боже мой, что тогда дѣлалось: зажгутъ плашки, огни, пальбу такую устроятъ, что просто страхъ.

— Ну, а что, дѣдушка, Александръ Сергѣевичъ за дѣвушками здѣсь тоже, чай, пріударивалъ.

Лицо старика приняло строгое выраженіе.

— Зачѣмъ зря говорить... Никакого этого баловства не было. Александръ Сергѣевичъ былъ баринъ сурьезный, правильный, не то, что другіе тамъ господа бывали... Насчетъ этого зря и болтать не приходится...

Разговоръ и воспоминанія, видимо, утомили старика: онъ забю вздрагивалъ и кутался въ зипунъ.

— Ну, прощай, дѣдушка, большое спасибо! Дастъ Богъ, еще увидимся.

— Прощайте, прощайте, — отозвался старикъ, выходя съ нами за ворота.

Снова закружились шаловливыя проселочныя дорожки; только вмѣсто ржи потянулись стройныя сосны, бѣлоствольныя березки. Повѣяло лѣсной прохладой...

Чирикали птицы, ослѣпительно сверкали золотистыя пятна на темной переплетнейся зелени.

Бодрою рысцею трусили лошадки...

IV.

— Ну, теперь, значить, на Вороници, къ Акулинѣ Ларивоновнѣ ѣдемъ?—освѣдомляется Алексѣй, подстегивая лошадей.

Пыль густою полосою тянется за телѣгой и медленно, нехотя осѣдаетъ на придорожную траву. Бойко трещатъ кузнечики, и нестерпимо жжетъ полуденное солнце. Слава Богу, наконецъ мы снова вѣзжаемъ въ лѣсъ.

— Вотъ этой самой дорогой, что къ Тригорскому ѣдемъ, и на Вороници,—замѣчаетъ возница.

Набѣгаетъ вѣтерокъ, и тихо шумятъ задумчивыя сосны, словно рассказывая что-то далекое, неясное. Сколько разъ проѣзжалъ по этой дорогѣ изъ Михайловскаго въ Тригорское и обратно Александръ Сергѣевичъ!

Невольно вспоминаются знакомыя съ дѣтства строки:

...На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ тамъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ...

Старыхъ сосенъ нѣтъ уже давно... Выросло и состарилось «племя молодое, незнакомое»; опустѣло Михайловское гнѣздо...

— Не знаешь ли, Алексѣй, на которомъ мѣстѣ росли три сосны?

— А Богъ ихъ знаетъ, надо полагать, здѣсь гдѣ-то, а гдѣ, доподлинно не знаю....

Лѣсъ кончился. Показались куполы чистенькихъ, словно игрушечныхъ, церквей.

— Вотъ,—оборачивается ко мнѣ Алексѣй,—говорятъ, въ старину здѣсь стоялъ богатѣйшій городъ Вороници, а какъ разорили его татары или литовцы,—не упомню доподлинно кто,—такъ и ничего съ тѣхъ поръ не осталось.

— А почему здѣсь двѣ церкви?

— Два прихода—оттого. Городъ, надо полагать, большой былъ,—возвращается къ прежней темѣ Алексѣй. — Вотъ по какимъ холмамъ разметалась. И теперь вотъ въ ину пору, какъ пашутъ, такъ находятъ кое-какія желѣзки, отъ тѣхъ временъ, стало-быть, въ землѣ пролежавшія.

— А это дальше—въ Тригорское?

— Оно, тутъ же рядомъ и есть.

— А ты знаешь, какъ найти Акулину Ларивоновну?

— Найдемъ, беспокоиться не о чемъ, не въ лѣсъ заѣхали, а либо укажутъ... Да вотъ, кажется, здѣсь.... Ну да, какъ разъ и потрафили. Это ея хата и будетъ....

Въ маленькое оконце покосившейся избушки на насъ глядитъ древняя, древняя старушка.

Странное лицо, точно пергаментное, съ глубокими начертанными десятками лѣтъ морщинами.

— Здравствуйте, Акулина Ларивоновна!—привѣтствую я старушку, заранѣе зная, что не ошибаюсь.

Старушка смотритъ на меня большими, тревожными глазами—она, видимо, какъ и Иванъ Павловъ, плохо слышитъ, но кажется еще довольно бодрою.

— Вы Акулина Ларивоновна будете?—говорю я насколько возможно громче.

— Я, я, родимый, я сама и буду.

— Здравствуйте, Акулина Ларивоновна, я повидать васъ пріѣхалъ.

— Повидать?... Ой, родной, откуда жъ ты меня знаешь? А?

— Да вотъ, приходилось отъ людей слышать.... Говорятъ, что вы Александра Сергѣевича Пушкина хорошо знавали....

— Какъ не знать.... какъ не знать его, нашего благодѣтеля!—живо отозвалась старушка.—Еще бы не знала.... Благодѣтель онъ нашъ былъ, царство ему небесное....

— Такъ вотъ интересно было бы услышать, Акулина Ларивоновна, что-нибудь о немъ.

— Что же тебѣ рассказать, родимый мой? Знала я его хорошо. Батюшка папенька мой тутъ священникомъ былъ, по имени Ларивонъ ¹⁾, а по фамиліи Раевскій, только его все больше по прозвищу знали—Шкодой прозывался онъ, а моя-то фамилія по замужеству Скоропостижная. Ну, вотъ, папеньку моего и любилъ очень покойный Александръ Сергѣевичъ. Видѣлись они почитай что каждый день. Бывало, какъ папенька день или два къ нему не поѣдетъ, глядишь, и самъ Александръ Сергѣевичъ къ намъ жалуется... «Что же это, говоритъ, попъ, ко мнѣ не заглядываешь». Ну, папенька и объясняютъ, что нельзя, молъ, Александръ Сергѣевичъ, было,—требы, да свадьбы, да то да другое. А Александръ Сергѣевичъ въ отвѣтъ: чтобы, молъ, не было этого! Очень онъ папеньку, говорю, любилъ и постоянно съ нимъ время проводилъ. Вернется, бывало, папенька отъ Александра Сергѣевича, а я и спрашиваю его: «Что вы, папенька, тамъ все дѣлаете?» А папенька шутитъ: «А вотъ, молъ, сидимъ, разговоры разговариваемъ, да смѣемся,—только у насъ и дѣла, дочка»!... Въ паркъ Михайловскій тоже, бывало, никого не допускали, а мнѣ можно было ходить. Ну, и пойдѣмъ это мы утормъ,

¹⁾ Иларіонъ.

чуть свѣтъ, съ дѣвушкой грибы собирать,—грибовъ тамъ бѣлыхъ страсть сколько было,—смотришь, а Александръ Сергѣевичъ уже вставши, идетъ намъ навстрѣчу и окликаетъ: «Кто это здѣсь?» Увидитъ меня, улыбнется. «А, это ты, скажешь, поповна? Ну, давай-ка я помогу вамъ собирать грибы». Вотъ и начнетъ ходить по парку, палкой указывать, гдѣ грибовъ больше, зоветъ: «сюда, поповна, сюда, смотри, сколько ихъ!» Насобираешь корзину и станешь просить: «Батюшка, Александръ Сергѣевичъ, вы бы хоть себѣ грибовъ на фриштыкъ отобрали!» А Александръ Сергѣевичъ улыбнется и спрашиваетъ: «Васъ сколько собиральщицъ?»—«Да двѣ всего», говорю.—«Ну, а у меня ихъ двадцать!» Такъ и уйдетъ. Вотъ и къ намъ, какъ пріѣзжалъ, никогда не выпьетъ и не откушаетъ, а все папеньку къ себѣ зазываетъ.

— Благодарителемъ онъ нашимъ былъ, Александръ Сергѣевичъ!—разсказываетъ снова старушка:—однажды возьми и подари папенькѣ семь десятинокъ,—а папенька-то и говоритъ: «Какъ же, говоритъ, Александръ Сергѣевичъ, нужно вѣдь это все на бумагу перенести, въ городъ поѣхать».... А Александръ Сергѣевичъ и отвѣчаетъ: «Ничего этого не надо, я самъ все напишу, и никто отъ васъ моего подарка не отниметъ.» И сейчасъ же самъ тутъ и написалъ бумагу, что дарю, молъ, священнику Раевскому семь десятинъ въ вѣчное владѣніе. А вотъ какъ былъ у насъ пожаръ, загорѣлся отъ молоньи домъ, такъ и сгорѣла эта бумага.... Много тогда добра погорѣло.... Семь картинъ хорошихъ со стеклами.... и все.... все....

По щекамъ старушки катятся слезы.

— Говорилъ Александръ Сергѣевичъ,—продолжаетъ она, всхлипывая:—что никто, молъ, моего подарка не отниметъ, анъ на дѣлѣ-то вышло другое. Не стало нашего благодѣтеля, а какъ сгорѣла бумага, и отняли у меня дареную землю. И ничего у меня нѣтъ, хоть бы одну-то десятину оставили мнѣ на старости лѣтъ.... Хоть бы теперь вернули, хоть передъ смертью-то порадоваться....

— Отняли, отняли.... повторяетъ старушка, и въ голосѣ ея снова слышатся слезы. Эти десятинки, отнятый подарокъ Александра Сергѣевича, стоили ей, вѣроятно, долгихъ горькихъ слезъ. И при воспоминаніи объ обидѣ она какъ-то разомъ померкла.

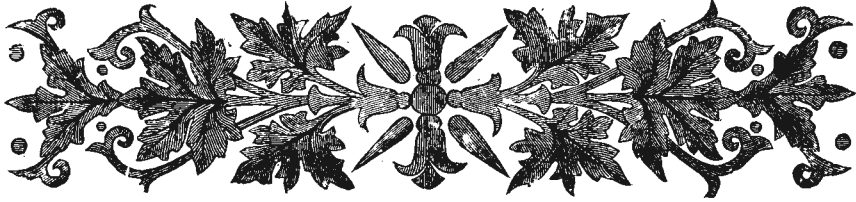
Я сталъ прощаться.

Лошади тронули.

— Прощайте, батюшка, прощайте.... А насчетъ земли скажите, можетъ, вернуть мнѣ ее!—несется вслѣдъ старческій голосъ старушки.

И долго, пока телѣга не скрылась за поворотомъ, смотрѣла старуха намъ вслѣдъ, заслонивъ рукой отъ солнца глаза.

Евгеній Шведеръ.

КОГДА И КАКЪ НАЧАЛА ПОДГОТОВЛЯТЬСЯ АЛЕКСАНДРОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ВЪ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» въ прошедшемъ 1907 году (т. CVIII, стр. 803) напечатанъ рассказъ Н. Н. Оглобина «Пятидневная республика (къ исторіи смуты 1905 года)». Очевидцемъ описываемыхъ событій г. Оглобинъ, какъ онъ самъ говоритъ, не былъ. Поэтому очеркъ его производитъ, по крайней мѣрѣ на насъ, впечатлѣніе неполноты. Позволяемъ себѣ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» тѣми точными свѣдѣніями, которыя намъ близко извѣстны по вопросу о томъ, когда и какъ начала подготовляться Александровская республика.

I.

Въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, въ маленькомъ и ничтожномъ городишкѣ Александровѣ (Владимирской губ.), не имѣвшемъ ни торговаго ни иного значенія, кромѣ сказаній о пребываніи здѣсь Ивана Грознаго, жилъ трудолюбивый 3-й гильдіи кузнецъ Иванъ Гавриловичъ Барановъ. Этому простому человѣку какъ-то удалось узнать способъ составленія красокъ для окраски пряжи, и Барановъ здѣсь же при самомъ городѣ устроилъ небольшую красильную фабричку. Дѣла пошли хорошо, и Иванъ Гавриловичъ въ концѣ сороковыхъ годовъ положилъ скромное основаніе, нынѣ громадной, мануфактурной Карабановской фабрики, въ 10 верстахъ отъ города. Дѣло развитія и доведенія Карабановской

фабрики до цвѣтущаго состоянія принадлежитъ не основателю ея, Ивану Гавриловичу, а его сыновьямъ, которыхъ послѣ его смерти осталось трое: Николай, Александръ и Асафъ Ивановичи съ родной своей матерью Александрой Асафовной, грозной для всего города Александрова. Въ этомъ городѣ, если не всѣми дѣлами правила, то во всѣ дѣла вмѣшивалась «Бараниха», какъ называли Александру Асафовну граждане города Александрова. Кстати скажемъ, что такую же роль играла въ Переяславлѣ въ то время «Ярлычиха», помѣщица Ярлыкова, старая дѣва, а въ губернскомъ городѣ Владимирѣ владычествовала «Рахманиха», дворянка Рахманова. Эти женщины, каждая для своего города была въ своемъ родѣ Марѳа Посадница.

Старшій изъ Барановыхъ, Николай Ивановичъ, отдѣлился отъ братьевъ, унаслѣдовавъ городскую фабрику, а два другіе брата, Александръ и Асафъ, вступили во владѣніе и управленіе Карабановской фабрикой. Александръ Барановъ очень выгодно женился въ Москвѣ на дочери богатѣйшаго купца Журавлева, умной и энергичной женщины. Но Александра Асафовна не очень долюбила сноху, да Александръ Ивановичъ былъ человекъ здоровья слабаго, поэтому онъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Любимцемъ матери и около ея постоянно былъ младшій сынъ, Асафъ. Александра Асафовна дала ему, для купеческой среды, порядочное образованіе. Онъ учился, кажется, въ коммерческомъ училищѣ и, хотя пополамъ съ нижегородскимъ, могъ говорить на французскомъ языкѣ. Этому Асафу и принадлежитъ честь или, правильнѣе, безчестіе посѣять сѣмена къ основанію Александровской республики.

Доколѣ жива была сама Баранова, ея любимецъ Асафъ усердно занимался фабричными дѣлами и довелъ Карабановскую фабрику до цвѣтущаго состоянія. Въ семидесятыхъ годахъ въ Карабановѣ работало уже до пяти тысячъ рабочихъ. Достойно замѣчанія то, что въ такой громадной фабрикѣ съ миллионными оборотами главными мастерами красивнаго дѣла, которое и давало Карабановской фабрикѣ особую извѣстность, были два двоюродныхъ брата, простые мужички неграмотные изъ с. Чекова Владимирскаго уѣзда, которымъ, какъ утверждала молва, посчастливилось узнать отъ какого-то нѣмца секретъ составленія красивныхъ веществъ. Фирсъ Максимовичъ и Петръ Ефимовичъ, — такъ звали красивныхъ мастеровъ, — при готовыхъ богатыхъ хозяйскихъ квартирахъ, хозяйскихъ экипажахъ и прочихъ жизненныхъ удобствахъ, получали по 12 т. рублей въ годъ жалованія каждый. Для мужичковъ недурно...

По смерти матери и у Асафа Ивановича явилось желаніе занять ея вліяніе на общественныя дѣла города и уѣзда, чему весьма способствовала постановка тогдашняго земства. Асафъ Барановъ

избирается не только въ гласные земскаго собранія, но и въ почетные мировые судьи и даже въ предсѣдатели училищнаго совѣта, въ каковой должности и остается до 1874 г., когда «стать на стражѣ народныхъ школъ» призваны были предводители дворянства. Призваніе это уже оказалось запоздалымъ. Если не прямо революціонеры, то, выражаясь по современному, «лѣвые» проникли въ школы и въ земства, и въ казенныя и частныя учрежденія.

Видные дворяне куда-то разсѣялись. Старые корифеи изъ нихъ померли. Такъ было и въ Александровскомъ уѣздѣ. Когда-то знатныя и громкія фамиліи Мухановыхъ, Сольниковыхъ и пр. отошли въ область исторіи. У лицъ, занявшихъ ихъ мѣсто, не было рѣшимости противодѣйствовать купеческимъ вождедѣніямъ Асафа Баранова, и предъ нимъ склонился уѣздъ. А онъ приступилъ къ насажденію въ уѣздѣ того, что справедливо назвать сѣменемъ революціи.

II.

Асафъ Ивановичъ Барановъ, состоя въ должности предсѣдателя александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, выразилъ земскому собранію желаніе, помимо существовавшихъ земскихъ народныхъ школъ и не трогая ихъ, покрыть уѣздъ сѣтью своихъ, барановскихъ, школъ. Земское собраніе если не преклонило колѣнъ предъ Асафомъ Барановымъ, то все же низкимъ поклономъ поблагодарило новоявленного друга просвѣщенія и приняло его предложеніе.

Асафъ Ивановичъ побѣдоносно ѣдетъ по уѣзду, дѣлитъ его на районы и въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ назначаетъ устійство своихъ школъ. Такъ, кромѣ фабричной Карабановской школы, которая уже существовала, съ дѣльнымъ и знающимъ учителемъ Н. Я. Клыковымъ, впоследствии перешедшимъ въ инспекторы народныхъ училищъ отъ просвѣтительныхъ мѣропріятій Асафа Баранова, основаны и открыты были барановскія школы въ слѣдующихъ мѣстахъ уѣзда: въ самомъ городѣ Александровѣ, въ с. Андреевскомъ, въ с. Махрѣ, въ с. Воскресенскомъ, въ с. Шеметовѣ. Такимъ образомъ, и въ центрѣ уѣзда и со всѣхъ сторонъ: съ востока, запада, сѣвера и юга, уѣздъ предположено было просвѣтить на средства и по рецептамъ фабриканта Баранова. Основаніе этимъ школамъ положено въ 1871 году. А существовали онѣ не менѣе 15 лѣтъ.

Посмотримъ, что за насадители просвѣщенія были въ этихъ школахъ того «разумнаго, добраго», за что долженъ сказать сѣятелямъ «спасибо русскій народъ».

Руководителемъ и устройтелемъ барановскихъ школъ былъ нѣкто Рудневъ, учитель торжковской учительской семинаріи, чело-

вѣкъ, знавшій школьное дѣло, интеллигентный, но изъ крайнихъ лѣвыхъ. Въ александровскую школу, по его рекомендаціи, былъ назначенъ нѣкто Апалинъ, а въ андреевскую—сестра Апалина, изъ слушательницъ акушерскихъ курсовъ. Оба они принадлежали къ числу отрицателей всего—въ силу ничего. Со школьнымъ дѣломъ они вовсе не были знакомы и не занимались имъ, предпочитая просвѣщать взрослыхъ крестьянъ и знакомить съ своими «высокими» идеями, попросту бунтовать мирныхъ и преданныхъ правительству крестьянъ. По нынѣшнему, гг. Апалиныхъ «правые» назвали бы «хулиганами», а лѣвые — «товарищами». Въ махринскую школу назначенъ былъ учителемъ молодой крестьянинъ Вятской губерніи «въ пиджакѣ» Д. И. Тяжельниковъ, занимавшійся точильнымъ промысломъ и ходившій по городамъ и деревнямъ матушки Руси, громко выкрикивая: «точить ножи, ножницы, бритвы править». Но какими-то судьбами поступилъ онъ вольнымъ слушателемъ въ Петровско-Разумовскую земледѣльческую академію, откуда его и досталъ Асафъ Ивановичъ Барановъ. Тяжельниковъ прибылъ въ махринскую школу не одинъ, а привезъ съ собою земляка, мужика Кавязина. Оба они были прямые революціонеры и много вреда принесли всей Махринской волости, находящейся вблизи Карабановской фабрики.

Тяжельникова, по настоянію александровскихъ властей, Асафъ Барановъ замѣнилъ другимъ учителемъ, Кувшинниковымъ, взятымъ изъ той же Петровской академіи. Кувшинниковъ былъ поповичъ изъ Пермской губерніи. Онъ также оказался алмазомъ одной воды съ Тяжельниковымъ и былъ уволенъ отъ учительской должности, по требованію инспектора народныхъ училищъ, на что А. И. Барановъ обидѣлся и нѣкоторое время не назначалъ никого въ махринскую школу.

Въ с. Воскресенскомъ въ свою школу Барановъ нашелъ и назначилъ уволеннаго изъ университета студента-медика Н. К. Коврейна, человѣка даровитаго, яраго пропагандиста крайне лѣвыхъ воззрѣній.

Но зажигательной спичкой, душой и сердцемъ всего просвѣтительнаго дѣла, затѣяннаго и осуществляемаго купцомъ Барановымъ, была миловидная, жизнерадостная молоденькая дѣвушка Е. П. Александрова, состоявшая въ должности учительницы шеметовской школы. Она была москвичка и, какъ говорили, изъ хорошей семьи, хотя она и стриглась, носила мужскіе сапоги и, какъ рассказывали очевидцы, ходила со школьными дѣтьми по ягоды и грибы въ одной рубашкѣ, конечно, въ цѣляхъ сближенія съ народомъ...

Эта барышня—неукротимая нигилистка.

Извѣстный педагогъ Василій Ивановичъ Водовозовъ, приглашенный Барановымъ въ Александровъ на учительскіе курсы лѣтомъ 1873 года, такъ характеризовалъ учителей барановскихъ

школь: «такихъ господъ, какъ эти учителя и учительницы, у насъ въ Петербургѣ Треповъ (градоначальникъ) приказалъ таскать за шиворотъ въ участки». И этотъ опытный педагогъ, подвергшійся насмѣшкамъ со стороны барановскихъ учителей, не въ состояніи былъ довести до конца учительскіе курсы и уѣхалъ изъ Александра, не окончивъ ихъ.

III.

Если такъ вредна и такъ видна была барановская пропаганда среди жителей Александровскаго уѣзда, что же дѣлали и предпринимали губернскія и уѣздныя власти противъ разносимаго зла, его разносителей и противъ самого Баранова.

Да ровно ничего не предпринимали или почти что ничего. И вотъ главнымъ образомъ почему: Асафъ Барановъ умѣлъ ладить съ высшими губернскими чинами. Молва утверждала, что бывший въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ губернаторомъ во Владимирѣ военный генералъ В. Н. Струковъ стоялъ въ матеріальныхъ обязательствахъ къ Баранову. Смѣнившій Струкова губернаторъ І. М. Судіенко, далекій отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ къ купечеству, просто дружилъ съ Асафомъ Барановымъ и заѣзжалъ къ нему на фабрику въ гости запросто.

Намъ коротко извѣстенъ слѣдующій случай. Узнаетъ Александровскій исправникъ, почтеннѣйшій и заслуженнѣйшій (около 40 лѣтъ прослужилъ въ должности исправника въ одномъ Александровѣ) А. Н. Красюкъ, что на Струнинскую фабрику пріѣхалъ губернаторъ І. М. Судіенко. Исправникъ ѣдетъ на фабрику явиться губернатору, который, гнѣвно принявъ его, раздраженно замѣтилъ: «Я гость Асафа Ивановича, и вы мнѣ здѣсь вовсе не нужны». Значитъ, уѣздныя власти отлично знали, что Асафъ Барановъ въ губерніи—«сила», а губернскія власти были убѣждены, что этотъ фабрикантъ-купецъ, вполнѣдствіи коммерціи совѣтникъ, сила и въ Петербургѣ, нагляднымъ доказательствомъ чего служило то, что къ Асафу Баранову пріѣзжалъ въ гости на фабрику министръ финансовъ генералъ-адъютантъ Абаза.

Гдѣ же съ такимъ тузомъ милліонеромъ тягаться мѣстнымъ властямъ и нраву его перечить.

Но все же мѣстныя власти, доколѣ онѣ были изъ своихъ старожилловъ, а не изъ наносныхъ приказныхъ людей, сдерживали вредные порывы Баранова. Они сумѣли заставить его смѣнить особо вредныхъ учителей и вообще удерживали уѣздъ отъ активнаго проявленія анархизма. Къ числу этихъ лицъ, безспорно, принадлежатъ: бывшій уѣздный предводитель дворянства, почтенный, хотя очень уступчивый и мягкій, старецъ Н. П. Стромилловъ, а затѣмъ, за смертію смѣнившій его, умный, ловкій и настойчивый

Н. С. Стромилловъ, уѣздный исправникъ, мѣстный старинный помѣщикъ А. Н. Красюкъ, очень умный протоіерей В. П. Уводскій. Будь все они или кто-нибудь изъ нихъ живъ, конечно и безспорно, Александровская республика въ 1905 году не видѣла бы своего осуществленія. Однако мы не можемъ достаточно надивиться тому, почему мѣстный предводитель дворянства, человекъ заслуженный, энергичный, совершенно независимый, богатый, одинокій, не взялъ на себя трудъ разсѣять республиканскую александровскую армію. Развѣ не хотѣлъ пачкаться съ этой публикой? И это возможно. Что касается предположенія о намѣренномъ отпускѣ, взятомъ исправникомъ во избѣжаніе неприятностей, могущихъ произойти въ смутные дни, то это предположеніе очень гадательно и далеко не достовѣрно. Если бывший исправникъ самъ не принадлежалъ къ лику лѣвыхъ, то ему ничего не стоило обо всемъ своевременно донести губернатору и предотвратить скандальное учрежденіе республики. Нынѣ въ дѣлахъ и лицахъ этого рода трудно разобраться: въ той же Владимирской губерніи въ гор. Ковровѣ за участіе въ террористическихъ дѣяніяхъ и забастовкахъ удаленъ отъ должности и преданъ суду «стоявшій на стражѣ»... предводитель дворянства Муратовъ...

Но продолжимъ сообщеніе извѣстныхъ намъ свѣдѣній объ Асафѣ Ивановичѣ Барановѣ, поскольку они связаны съ его вліяніемъ на ходъ революціонной пропаганды.

IV.

Пропаганда этого рода, конечно, ближе и больше всего была извѣстна духовенству тѣхъ приходоѡвъ, въ которыхъ устроены были барановскія школы. Учредитель школъ это предвидѣлъ и хорошо понималъ. Чтобы расположить священниковъ въ пользу своего дѣла, назначилъ имъ, какъ законоучителямъ школьнымъ, по рублю за часовой урокъ, предоставивъ имъ право давать въ школъ столько уроковъ, сколько они сами хотятъ. Нѣкоторые изъ законоучителей получали годовую плату за преподаваніе Закона Божія по 300 рублей въ годъ. Были попытки со стороны и этого задобреннаго Барановымъ духовенства обратить вниманіе властей на вредное вліяніе учителей барановскихъ школъ. Намъ коротко и хорошо извѣстенъ слѣдующій характерный случай. Въ редакцію «Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ въ это время былъ преподаватель семинаріи Н. Е. Бѣляевъ, человекъ высокаго ума, осторожный, сдержанный, прислана была статья, обстоятельно рисующая вредную дѣятельность учителей барановскихъ школъ. Редакція набрала уже эту статью, какъ обстоятельную и отвѣчающую цѣлямъ изданія. Но къ редактору

явился инспекторъ народныхъ училищъ (тогда еще директоровъ не было), нѣкто Чеховичъ, какъ-то узнавшій объ этой статьѣ, и упросилъ редактора ее не печатать, чтобы не надѣлать шуму...

Бывшій тогда епархіальный архіерей архіепископъ Антоній (Павлинскій) при обозрѣніи церкви Александровскаго уѣзда настойчиво просилъ учителей барановскихъ школъ не портить и не развращать вѣрующій въ Бога народъ. Не можемъ не упомянуть о такой глупой выходкѣ учительницы шеметовской школы. Когда владыка посѣтилъ шеметовскій храмъ, сюда прибыла и учительница Е. П. Александра со стриженной и непокрытой головой, босоногая. Мاستитый святитель, замѣтивъ это неприличіе, покачалъ головой, тяжело вздохнулъ и безмолвно вышелъ изъ храма.

Впослѣдствіи рассказывали, что Асафъ Барановъ хвалился, что онъ за это смиренномудрое молчаніе владыки, во-первыхъ, построилъ при Карабановской фабрикѣ церковь и, во-вторыхъ, пригласилъ на освященіе ея архіепископа Антонія, заплативъ ему за труды три тысячи рублей. На сколько въ этомъ правды, утверждать не можемъ.

При всѣхъ указанныхъ здѣсь благоприятныхъ условіяхъ для революціонной пропаганды чрезъ посредство школьныхъ учителей, избранныхъ учредителемъ ихъ, легко понять, почему въ Александровскомъ, а не въ Юрьевскомъ или Переяславскомъ уѣздахъ провозглашена была республика въ смутные дни 1905 года. Здѣсь пропаганда работала цѣлыя десятилѣтія, подобно Полтавской губерніи, гдѣ анархизмъ народный проявился съ еще большей смѣлостью, если не сказать—наглостью.

Впослѣдствіи Асафъ Барановъ выдѣлился изъ владѣнія Карабановской фабрики и устроилъ свою особую фабрику при Московско-Ярославско-Архангельской линіи желѣзной дороги, извѣстную подъ именемъ Соколовской мануфактуры. Въ Карабановѣ всѣ служащіе остались праваго лагеря, за Асафомъ ушли лѣвые. Вотъ почему Струнинская, а не Карабановская фабрика сдѣлалась мѣстомъ ареста александровскаго градоначальника. Владѣльцы Карабановской фабрики, дѣти умершаго Александра Ивановича Баранова, никакого участія въ затѣяхъ своего дяденьки Асафа не принимали, впрочемъ, и самъ этотъ дяденька Асафъ не дожилъ до пожатія плодовъ своихъ дѣлъ.

Школы, учителя и учительницы ему наскучили и, бросивъ, въ царствованіе Александра III, просвѣтительныя дѣла (школьныя зданія принесъ въ даръ александровскому земству), Асафъ Ивановичъ свой спортъ перенесъ на цыганокъ, которыя цѣнятъ себя дороже школьныхъ дѣятелей, и это обстоятельство между прочимъ повлекло за собою учрежденіе товарищества Соколовской мануфактуры, директоромъ которой въ послѣдніе годы своей жизни, безъ владѣнія акціями, и былъ Асафъ Ивановичъ. Просвѣтителя

этого мы лично хорошо знали въ годы его цвѣтущей молодости и видѣли въ креслѣ предсѣдателя училищнаго совѣта, при очкахъ въ золотой оправѣ, раздушеннаго и расфранченнаго, и немало удивились, когда случайно встрѣтили, лѣтъ десять тому назадъ, бородатаго, совершенно сѣдого старика, который оказался Асафомъ Барановымъ. Но еще болѣе мы были поражены, встрѣтивъ въ черномъ поношенномъ платьѣ зеленую, истомленную, истощенную женщину, прѣхавшую, лѣтъ черезъ десять послѣ своего учительства въ Шеметовѣ, навѣстить нѣкоторыхъ изъ бывшихъ своихъ ученицъ. Это и была Евгенія Петровна Александрова, лѣтъ за пятнадцать измѣнившаяся до совершенной неузнаваемости. Видимо, она находилась въ безвыходномъ положеніи. Видѣли мы ее во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, а учительницей шеметовской школы она была въ началѣ семидесятыхъ.

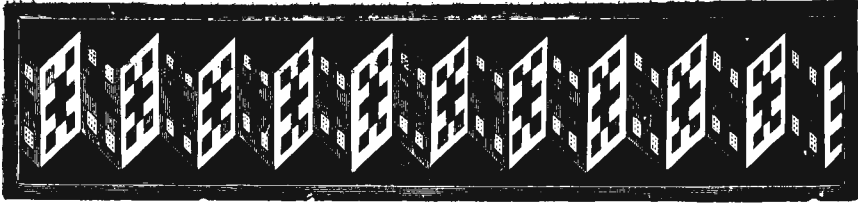
Судьбы отдѣльныхъ лицъ, какъ и цѣлыхъ государствъ, не предугадаемы. Недавно въ одной изъ своихъ печатныхъ статей ¹⁾, коснувшись Карабановской и Струнинской фабрикъ, мы невольно замѣтили: «историческія судьбы еще удивительнѣе намъ представляются при воспоминаніи о высокихъ трудахъ собирателей Руси и курьезныхъ затѣяхъ въ этихъ самыхъ историческихъ мѣстахъ образовать «Александровскую республику». Затѣя въ этомъ смыслѣ одного изъ неудачныхъ потомковъ купцовъ фабрикантовъ Барановыхъ сдѣлалась за послѣднее пятилѣтіе достояніемъ исторіи».

Неудачный президентъ Александровской республики—родной племянникъ Асафа Баранова, сынъ старшаго брата его, Николая Ивановича Баранова, давно умершаго.

Н. И. Соловьевъ.

¹⁾ «Русскій Паломникъ», № 23, 1908, ст. «Ссылная обитель».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ¹⁾.

ВЪ ЛИЦѢ недавно скончавшагося Петра Исаевича Вейнберга сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ свидѣтелей и участниковъ славной литературной эпохи 60-хъ годовъ, человѣкъ, горячо любившій литературу и неизмѣнно преданный ея интересамъ. Эта любовь къ литературѣ еще въ молодые годы заставила Вейнберга отвернуться отъ открывавшейся передъ нимъ служебной карьеры и отдать всѣ свои силы невѣрному, но увлекательному и захватывающему, особенно въ ту пору всеобщаго оживленія, писательскому труду. Изъ Тамбова, гдѣ онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Вейнбергъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и сразу оказывается въ центрѣ тогдашняго литературнаго водоворота. Это было въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда наша журналистика, сразу воскресшая подъ влїяніемъ новаго поворота въ нашей жизни государственной и общественной, быстро поднялась на очень высокій уровень.

Редакціи передовыхъ журналовъ этой поры—«Современника», «Русскаго Слова», «Библиотеки для чтенія» и др.—открыли свои двери талантливому и энергичному молодому литератору, который уже успѣлъ зарекомендовать себя переводами изъ Гейне и другихъ европейскихъ поэтовъ и оригинальными стихотвореніями и публицистическими статьями.

На первыхъ порахъ своей дѣятельности Вейнбергъ проявилъ необыкновенную энергію и трудолюбіе. Не было ни одного сколько-

¹⁾ Настоящая статья служитъ дополненіемъ къ некрологу П. И. Вейнберга, напечатанному въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

нибудь выдающагося изданія,—журнала или газеты,—въ которомъ бы онъ такъ или иначе не участвовалъ.

Вспоминая, много лѣтъ спустя, объ этомъ времени, онъ рассказывалъ цѣлую юмористическую исторію о томъ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать работы молодой провинціальный литераторъ. Приходитъ въ одну редакцію, предлагаетъ «Внутреннее обозрѣніе». —Извините,—отвѣчаютъ ему:—у насъ этимъ отдѣломъ завѣдуетъ П. И. Вейнбергъ. Идетъ молодой человѣкъ въ другую редакцію съ предложеніемъ писать статьи объ иностранной политикѣ. —Этотъ отдѣлъ уже порученъ нами П. И. Вейнбергу. Въ третьей редакціи на предложеніе театральныхъ рецензій получается тотъ же отвѣтъ... Куда ни толкнется молодой человѣкъ, — всюду слышитъ имя П. И. Вейнберга. Съ отчаянія онъ рѣшается, наконецъ, предложить свои услуги «Модному Вѣстнику», редакція котораго помѣщалась гдѣ-то на Фонтанкѣ. Входитъ въ редакцію — и видитъ: за столомъ сидитъ Вейнбергъ и вырѣзываетъ выкройки. Молодому человѣку ничего не остается, какъ, выскочивъ изъ подъѣзда, прямо броситься въ Фонтанку. Но чья-то сильная рука во время выхватываетъ его изъ воды. Онъ хочетъ узнать имя своего неожиданнаго спасителя—и слышитъ въ отвѣтъ: «П. И. Вейнбергъ»... Вездѣ поспѣлъ!

Но главной, такъ сказать, штабъ-квартирой Вейнберга была въ эту пору знаменитая «Искра», издававшаяся Степановымъ и Василиемъ Курочкинымъ, при постоянномъ участіи Н. Курочкина, Д. Минаева, Н. Потѣхина и др.

Василій Степановичъ Курочкинъ, извѣстный переводчикъ Беранже, жилъ на Знаменской, а братъ его Николай — на Преображенской; оба они печатали въ «Искрѣ» юмористическія обличительныя стихотворенія, подписывая ихъ: «Пр. Знаменскій» и «Пр. Преображенскій»; загадочныя буквы «Пр.» публика принимала за сокращеніе слова «протоіерей», что должно было придавать этимъ псевдонимамъ особую пикантность. И вотъ, на ряду съ этими двумя «протоіереями», въ «Искрѣ» начинаютъ появляться забавные, подчасъ и очень злые стихи на злобу дня съ надписью: «Гейне изъ Тамбова» или «Камень Виногоровъ», принадлежавшіе Вейнбергу и скоро доставившіе ему громкую извѣстность.

Неутомимая и разнообразная литературная дѣятельность Вейнберга, а въ особенности его общительность, скоро сблизили его со всѣми сколько-нибудь выдающимися представителями тогдашней нашей литературы. Онъ былъ своимъ и въ редакціи «Современника», на вечерахъ у Некрасова, гдѣ встрѣчался съ Тургеневымъ, Плещеевымъ, Григоровичемъ, Салтыковымъ, и въ редакціи «Русскаго Слова», издававшаяся на средства молодого графа Г. А. Кушелева-Безбородки, который любилъ изображать изъ себя мещанина и часто устраивалъ «гомерическія» попойки для писателей

въ своемъ роскошномъ дворцѣ на Гагаринской набережной, принадлежащемъ нынѣ г. Елисеѣву.

Здѣсь обычными гостями бывали Минаевъ, Мей, Кроль, братья Курочкины, соперничавшіе между собою не только въ подборѣ удивительныхъ рюмъ, но и въ истребленіи всякаго рода напитковъ. Здѣсь же нерѣдко появлялись изящный Аполлонъ Майковъ и мечтательный Полонскій. Наконецъ, тутъ же можно было иногда встрѣтить и совѣмъ ужъ не подходящую къ графскому салону небритую и нечесаную фигуру «Павлуши» Якушкина, въ мужицкомъ армякѣ, съ одной штатиной на выпускъ, отдававшую крѣпкимъ ароматомъ полугара...

Въ разсказахъ Вейнберга объ этомъ далекомъ времени нерѣдко слышались комическія, но чаще грустныя подробности о томъ повальномъ пьянствѣ, какому были подвержены, къ сожалѣнію, очень многіе изъ крупныхъ тогдашнихъ литераторовъ. Пьянство возводилось, можно сказать, въ идею, въ своего рода культъ, и пьяные подвиги «героевъ» должны были, между прочимъ, свидѣтельствовать объ ихъ презрѣніи къ «толпѣ», не чувствующей угрызений того «гражданскаго червяка», который сосетъ сердце избранниковъ. Водка считалась однимъ изъ средствъ «залить» этого червяка...

Впрочемъ, не всѣ такъ разсуждали. И если извѣстный поэтъ, стоя въ трактирѣ у буфета и ударяя кулакомъ себя въ грудь, возглашалъ къ собравшейся вокругъ него публикѣ: «Я — писатель... русскій писатель... А вы всѣ—сволочь!» то другіе просто «выпиwali», хотя, нерѣдко, и до самозабвенія.

П. И. Вейнбергъ съ неподражаемымъ юморомъ разсказывалъ, какъ онъ, по порученію жены одного извѣстнаго романиста, странствовалъ по всевозможнымъ петербургскимъ притонамъ, разыскивая ея безъ вѣсти пропавшаго мужа, и, наконецъ, только на третій день нашелъ его въ какомъ-то «вертепѣ на Мѣщанской», причемъ романистъ оказался въ самомъ невозможномъ видѣ и встрѣтилъ Вейнберга словами: «Тридневенъ есмь — и уже смержу»... Тотъ же романистъ, боявшійся умереть «въ одночасье» и потому всегда носившій въ карманѣ пакетъ съ запиской: «Сіе тѣло принадлежитъ отставному статскому совѣтнику такому-то», однажды появился, среди бѣлаго дня, на Невскомъ, на извозчикѣ, совѣмъ «растерзаннѣй», и, благословляя народъ направо и налево, кричалъ: «Завтра архіереемъ буду!» прибавляя къ этому неожиданному заявленію и другіе, весьма энергичныя возгласы, неупотребительныя въ публичной рѣчи.

Таковы картинки литературныхъ нравовъ далекаго прошлаго, свидѣтелемъ которыхъ не разъ приходилось быть П. И. Вейнбергу и которыхъ, однако, не уменьшали его любви и уваженія къ литературѣ и ея представителямъ. Какъ и всѣ разумные люди,

онъ прекрасно понималъ, что это явленіе налетное, временное, никакого существеннаго значенія не имѣющее, и что литераторы, подверженные этому увлеченію, которое окрестили даже названіемъ «русской слабости», все-таки не перестаютъ быть и талантливыми, и вполне порядочными людьми. Въ ближайшее къ намъ время, наоборотъ, иногда можно было наблюдать противоположное мнѣніе,—что для того, чтобы стать литераторомъ, надо прежде всего быть пьяницей; многіе съ этого «прежде всего» и начинали, да на этомъ и останавливались...

Въ 1860 г. Вейнбергъ, вмѣстѣ съ Дружининымъ, Кавелинымъ и академикомъ Безобразовымъ, началъ издавать еженедѣльную газету «Вѣкъ»,—

«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Вѣкъ».

Изданіе это, однако, не имѣло матеріальнаго успѣха и вскорѣ прекратилось, поглотивъ безъ остатка полученное издателемъ, какъ говорятъ, довольно значительное наслѣдство.

Пришлось опять искать литературнаго заработка по чужимъ редакціямъ, писать стихи, переводить Гейне, Шекспира, компилировать иностранные романы...

Въ концѣ 60-хъ годовъ П. И. принялъ предложеніе занять кафедру русской литературы въ варшавской главной школѣ (впослѣдствіи—университетъ) и написалъ pro venia legendi небольшую диссертацию «Историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ», очень строго разобравшую покойнымъ Веселовскимъ. Кромѣ чтенія лекцій, Вейнбергъ редактировалъ одно время неофициальную часть «Варшавскаго Дневника», стараясь придать ей литературное содержаніе. Это редактированіе навлекло на него впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, крупную неприятность.

Жизнь въ Варшавѣ, среди чужого и въ ту пору, вскорѣ послѣ возстанія, особенно враждебнаго ко всему русскому обществу, конечно, ни съ какой стороны не могла быть привлекательной,— и Вейнбергъ поспѣшилъ разстаться съ польской столицей, какъ только къ этому представилась матеріальная возможность.

Въ половинѣ 70-хъ годовъ онъ снова является въ Петербургѣ, попрежнему журнальнымъ и газетнымъ работникомъ. Мы встречаемъ его имя въ числѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Ф. Корша, «Недѣли» П. А. Гайдебурова, «Дѣла», «Отечественныхъ Записокъ» и другихъ изданій.

Издатель «Дѣла», Г. Е. Благосвѣтловъ, сумѣвшій на своемъ крайнемъ радикализмѣ нажить каменный домъ, очень скупо и туго платилъ своимъ сотрудникамъ, которымъ иногда приходилось, что называется, вырывать гонораръ у него изъ горла. Такой случай произошелъ и съ Вейнбергомъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Благосвѣтлову, прося уплатить за пе-

реводъ какого-то романа, но тотъ все оттягивалъ уплату, пока не заставилъ, наконецъ, Вейнберга написать хотя и сдержанное, но рѣшительное письмо съ требованіемъ гонорара. Получивъ это письмо, разсерженный Благосвѣтловъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ взять грязный клочокъ бумаги, завернуть въ него трепанную рублевую бумажку и послать Вейнбергу съ надписью: «Петру Вейнбергу, бывшему редактору «Варшавскаго Дневника», рубль на бѣдность». Этимъ радикальный журналистъ хотѣлъ уязвить писателя, «унизившагося» до редактированія казенной газеты. Вейнбергу ничего не оставалось, какъ подать жалобу въ судъ, который и приговорилъ Благосвѣтлова, за оскорбленіе на письмѣ, къ мѣсячному аресту. Наказаніе не было приведено въ исполненіе по просьбѣ Вейнберга, заявившаго, что онъ вполне удовлетворенъ уже самымъ приговоромъ.

Съ января 1876 года, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, «С.-Петербургскія Вѣдомости» были отняты у В. Ф. Корша и переданы банкиру Баймакову, который пригласилъ въ редакторы графа Е. А. Салиаса, авторъ «Пугачевцевъ». Почти весь составъ прежней редакціи перешелъ въ «Биржевыя Вѣдомости», только что купленные у К. В. Трубникова горнымъ инженеромъ, совладѣльцемъ Семянниковскаго завода, В. А. Пблетикой, и вскорѣ переименованныя въ «Молву».

Въ обновленной такимъ образомъ «Биржевкѣ» закипѣла живая и талантливая работа. Коршъ, вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ помощникомъ по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» Э. К. Ватсономъ, взяли на себя отдѣлъ иностранной политики; А. Н. Плещеевъ велъ театральнй отдѣлъ, А. М. Скабичевскій — отдѣлъ литературной критики; В. С. Курочкинъ писалъ воскресные, Д. Д. Минаевъ — четверговые фельетоны, пересылая прозу юмористическими куплетами; И. В. Василевскій - «Буква» специализировался на обзорѣнїяхъ провинціальной жизни; П. И. Вейнбергъ давалъ интересные этюды о новостяхъ иностранной литературы... Самъ Полетика писалъ мало и рѣдко, — преимущественно по торгово-промышленнымъ вопросамъ и, не будучи вовсе литераторомъ, не позволялъ себѣ брать въ руки редакторской указки по отношенію къ такимъ заслуженнымъ сотрудникамъ. Поэтому въ редакціи всѣ жили дружно и работали весело. Новый редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», графъ Салиасъ, взявшійся писать воскресные фельетоны послѣ популярнаго «Незнакомца» — А. С. Суворина, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, далеко не на высотѣ своего положенія и въ досадѣ на то, что газета быстро потеряла чуть не всѣхъ прежнихъ своихъ подписчиковъ и почти не приобрѣтала новыхъ, обрушился, въ одномъ изъ фельетоновъ, на прежнюю редакцію, высмѣивая, подъ разными прозрачными намеками, «либераловъ» и призывая на нихъ толстовскаго «Пантелея-цѣлителя» съ его суковатою пал-

кою. Подъ фельетономъ такъ и было подписано: «Пантелей», а одною изъ особенностей его слога было неумѣренное употребленіе междометій и восклицательныхъ знаковъ. Въ слѣдующее же воскресенье В. Курочкинъ безощадно высмѣялъ этотъ походъ редактора на вольныхъ «либераловъ» и закончилъ свой разборъ стихами:

Пришибленный парнасскимъ богомъ
И не боясь честныхъ людей,
Убилъ газету Пантелей
Тяжелой палкою и суковатымъ слогомъ.
Какъ старецъ Пантелей, пишете, графъ Сальясъ,
Статьи сплошь изъ междометій:
Въ нихъ будетъ памятникъ для васъ
И эпитафія — газетъ.

По почину П. И. Вейнберга, сотрудники «Молвы» вскорѣ стали ежемѣсячно собираться на обѣды въ «подземельѣ» только что открывшагося тогда на Конюшенной ресторана «Медвѣдь», гдѣ за три рубля можно было пообѣдать очень прилично, даже съ виномъ. Въ виду того, что въ составѣ редакціи было налицо три поэта, — Вейнбергъ, Плещеевъ и Минаевъ (В. Курочкинъ тогда уже умеръ), — было рѣшено пригласительныя записки на эти обѣды составлять въ стихахъ. Каждый, получившій такую записку, долженъ былъ непременно стихами же отвѣчать, будетъ онъ или нѣтъ на очередномъ обѣдѣ; нарушившій этотъ «законъ» подвергался штрафу въ одинъ рубль, и штрафныя деньги шли на усиленіе «напиточнаго довольствія». Въ концѣ обѣда всѣ стихотворныя посланія прочитывались, вызывая неудержимый смѣхъ. Какъ приглашенія на обѣды, такъ и отвѣты на нихъ вклеивались въ особый альбомъ, который хранился у секретаря редакціи «Молвы», а впослѣдствіи перешелъ въ собственность П. И. Вейнберга. Послѣдній, въ концѣ прошлаго года, рассказалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» исторію этихъ обѣдовъ и привелъ образцы стихотворныхъ записокъ, среди которыхъ есть произведенія Минаева, Плещеева, самого Вейнберга, а изъ прозаиковъ — кн. Урусова, Ватсона и даже Скабичевскаго. Но онъ забылъ упомянуть объ одномъ курьезномъ эпизодѣ, связанномъ съ этими стихами. На Пасхѣ 1879 г. приглашеніе на обѣдъ было изложено въ слѣдующей формѣ:

Христось воскресъ — и потому въ субботу
«Молва» опять орудуетъ охоту
На вкуснаго «Медвѣдя». Поскорѣй
Отвѣтите: вы въ числѣ ли егерей?

Получивъ эту записку, одинъ изъ молодыхъ сотрудниковъ тутъ же, на оборотѣ, набросалъ черновикъ отвѣта, начинавшійся стихами:

Медвѣдь рычитъ — и жертвы просить, и т. д.

И надобно жъ случиться на бѣду, что у этого самаго молодого сотрудника «Молвы», мѣсяца три-четыре спустя, былъ произведенъ полицейскій обыскъ. «Проницательные читатели», найдя эту записку, вспомнили, что въ субботу на Пасхѣ 1879 г. было 2-е апрѣля,—«и пошла писать губернія!» Виновнику переполоха стоило немалого труда объяснить выраженія объ «охотѣ»; кажется, даже самый альбомъ побывалъ у Цѣпного моста... Впрочемъ, все обошлось благополучно, и въ октябрѣ того же года участники обѣда пили, выражаясь аллегорически, «за выздоровленіе» своего сочлена.

Кромѣ этихъ обѣдовъ «Молвы», въ ту же пору, или нѣсколько позже, устроились еще другія обѣденныя и вечернія собранія въ ресторанѣ Демута, главнымъ распорядителемъ которыхъ былъ также П. И. Вейнбергъ. Здѣсь бывали преимущественно сотрудники «Отечественныхъ Записокъ»,— Н. К. Михайловскій, С. Н. Кривенко, Н. Ѳ. Анненскій, Н. Я. Николадзе, изрѣдка— Глѣбъ Успенскій, нѣсколько дамъ и много литературной молодежи, а изъ артистическаго міра—В. Н. Давыдовъ. Эти обѣды не имѣли «кружковаго» или редакціоннаго характера, и ихъ участники широко пользовались правомъ приводить съ собою гостей. Гости бывали, впрочемъ, и на обѣдахъ «Молвы»: такъ, въ нихъ принимали участіе лица, ни строки не писавшія въ этой газетѣ: Н. В. Шедгуновъ, П. А. Гайдебуровъ, кн. А. И. Урусовъ и др., да и происходившія тамъ бесѣды вовсе не имѣли какого-нибудь «партийнаго» содержанія, хотя, конечно, больше всего касались «злобы дня».

Самъ человекъ въ высокой степени общительный, привыкшій всегда быть «на людяхъ», Вейнбергъ очень дорожилъ этими собраніями литераторовъ и мечталъ о возможности устроить со временемъ нѣчто вродѣ писательскаго клуба. Этой мечтѣ суждено было впоследствии осуществиться въ видѣ «Союза писателей», который, къ сожалѣнію, скоро принялъ совсѣмъ не тѣ формы, какія мечтались его учредителямъ.

Забываясь объ общеніи литераторовъ между собою, Вейнбергъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно заботился и о непосредственномъ знакомствѣ съ ними интеллигентной публики. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, онъ то и дѣло устраивалъ литературные вечера или утра въ пользу литературнаго фонда, привлекая къ участію въ чтеніяхъ всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ, а нерѣдко—и знаменитыхъ писателей, жившихъ въ Петербургѣ или наѣзжавшихъ сюда. Мало того, сдѣлавшись инспекторомъ Коломенской женской гимназіи, гдѣ русскую словесность преподавалъ въ ту пору извѣстный В. П. Острогорскій, онъ задался цѣлью «живьемъ» показать ученицамъ любимѣйшихъ нашихъ писателей—и сумѣлъ привлечь туда на чтенія Тургенева, Григоровича, Плещеева, Полонскаго и др. Только нелюдимаго Гончарова ему не удалось, какъ онъ жаловался, «извлечь изъ берлоги». Всякій, кому приходилось прини-

мать участіе въ устройствѣ литературныхъ, музыкальныхъ и т. п. вечеровъ, хорошо знаетъ, сколько хлопотъ, заботъ, непріятностей и возникающихъ въ самую послѣднюю минуту неожиданностей доставляетъ это дѣло тому, кто за него берется. Нужна была поистинѣ удивительная энергія Петра Исаевича, чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка, не менѣе пяти-шести разъ въ годъ, устраивать такіе вечера. Недаромъ въ послѣдніе годы жизни больной старикъ жаловался, что у него въ этой сферѣ нѣтъ замѣстителя, и все повторялъ: «Ну, ужъ этотъ вечеръ — въ послѣдній разъ!» Но забота о нуждахъ литературной братіи повелительно требовала его участія, — и «послѣдній» разъ всегда обращался въ «предпо-слѣдній»...

Какъ преподаватель исторіи литературы, — сначала на педагогическихъ курсахъ, а потомъ въ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, — П. И. былъ блестящимъ лекторомъ, обладавшимъ къ тому же широкою начитанностью. Превосходно владѣя новыми языками, онъ, кромѣ всего Гейне, перевелъ девять пьесъ Шекспира, обѣ части гетевскаго «Фауста», нѣсколько пьесъ Мольера, задумывалъ переводъ «Божественной Комедіи» и многіе другіе. Имъ изданъ цѣлый рядъ школьныхъ пособій для изученія русской и иностранныхъ литературъ, какъ, напр., «Русская исторія въ поэзіи», «Европейскій театръ», обширная хрестоматія для изученія драматическаго искусства, рядъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ: «Русскіе писатели въ классѣ», — избранныя произведенія съ біографіями и примѣчаніями и т. д.

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ Вейнбергъ снова сталъ журналистомъ-издателемъ. Онъ основалъ журналъ «Изящная Литература», наполнявшійся исключительно переводами выдающихся произведеній современной и старой европейской беллетристики. Содержаніе журнала было блестящее, но матеріальный успѣхъ — ничтоженъ: подписчикъ, по выраженію издателя, «капаль, какъ осенній дождь, — капъ... капъ... и пересталъ; потомъ опять капъ... и опять пересталъ». При такихъ условіяхъ журналъ не могъ долго продержаться и не доставилъ своему издателю-редактору ничего, кромѣ лишнихъ долговъ.

Въ пору изданія «Изящной Литературы» П. И. жилъ на Казанской, и у него собиралось, по воскресеньямъ, довольно обширное общество литераторовъ и артистовъ. Чаше другихъ бывали: Григоровичъ, Плещеевъ, А. И. Пальмъ — авторъ «Старога барина» и редакторъ недолго просуществовавшаго журнала «Театръ», В. Н. Давыдовъ, В. П. Острогорскій; иногда появлялся Антонъ Рубинштейнъ — и, конечно, уступая настойчивымъ просьбамъ гостей, садился за рояль; захаживалъ «на огонекъ» и И. Ѳ. Горбуновъ, — всегда съ какимъ-нибудь новымъ театральнымъ анекдотомъ. Въ то время П. И. сталъ членомъ театально-литературнаго комите-

та, въ которомъ и оставался до самой своей смерти, чуть не 25 лѣтъ. Сдѣлавшись, такъ сказать, официальнымъ критикомъ нашей драматургіи, онъ не разъ добродушно говаривалъ, что «критика легка, а искусство трудно», указывая при этомъ на собственный примѣръ: самъ онъ признавалъ себя рѣшительно не въ состояніи написать пьесу и вспоминалъ, что единственную попытку драматическаго «творчества» онъ совершилъ, когда ему было 8 лѣтъ. Это была драма подъ заглавіемъ: «Разбойники» и состояла только въ слѣдующемъ: «Сцена представляетъ богато убранную комнату, съ ковромъ и ширмами; по угламъ стоятъ разбойники и поютъ: Боже, царя храни!»

Въ 80-хъ годахъ театально-литературный комитетъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій, и въ составъ его входили артисты: Савина, Васильева, Далматовъ, Писаревъ, Давыдовъ и др., объ отсутствіи которыхъ въ этомъ учрежденіи такъ жалѣютъ теперь многіе, недовольные его дѣятельностью. Но нареканій и тогда было не меньше, чѣмъ теперь, потому что и прежній комитетъ, какъ и нынѣшній, не особенно считался съ непомѣрными авторскими самолюбіями. Было бы очень поучительно напечатать цѣликомъ протоколы комитета хотя бы за послѣднія десять лѣтъ: тогда не трудно было бы на дѣлѣ убѣдиться, что если комитетъ въ чемъ и виноватъ, такъ скорѣе въ излишней снисходительности, чѣмъ въ строгости или придирчивости. П. И. Вейнбергъ часто говаривалъ, что недурно было бы составить двѣ хрестоматіи: одну—изъ протоколовъ комитета о пьесахъ, имъ забракованныхъ, но имѣвшихъ успѣхъ на частныхъ сценахъ, а другую — изъ отрывковъ, вычеркнутыхъ изъ разныхъ пьесъ драматической цензурой. Послѣдняя была бы полна курьезами чисто анекдотическими, если бы они не были строго документальны. По своей практикѣ чтенія пьесъ въ театально-литературномъ комитетѣ П. И. зналъ и помнилъ множество такихъ цензурныхъ поправокъ и «исключеній», отъ которыхъ оставалось только въ недоумѣніи разводять руками...

Покончивъ съ изданіемъ своего неудавшагося журнала, П. И. отдался преимущественно преподавательской дѣятельности. Кромѣ связанныхъ курсовъ по разнымъ отдѣламъ всеобщей исторіи литературы въ университетѣ, на педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсахъ, онъ нерѣдко сталъ выступать и съ отдѣльными публичными лекціями, и не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ провинціи, — въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ. Кажется, онъ первый сталъ ѣздить по Россіи съ публичными лекціями и горячо рекомендовалъ молодымъ литераторамъ и ученымъ эти провинціальныя, какъ онъ выражался, «гастроли», какъ дѣло пріятное, полезное и выгодное, потому что столицы въ этомъ отношеніи уже довольно избалованы, а провинція обижена...

Литературный фондъ, для котораго П. И. такъ много потрудился, избралъ его, наконецъ, своимъ предсѣдателемъ. Работы стало больше, и, несмотря на свои уже убывающія силы, П. И. все еще находилъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы, насколько было возможно, хлопотать въ интересахъ единенія литераторовъ и выручать клиентовъ фонда, попавшихъ въ бѣду. Нерѣдко совершенно больной старикъ, вопреки запрещеніямъ доктора, вставалъ черезъ силу съ постели, чтобы ѣхать къ тому или другому влиятельному лицу съ просьбой за молодого писателя, навлекшаго на себя административныя воздѣйствія,—и часто добивался своей цѣли. Много хлопотъ и неприятностей пришлось ему вынести въ послѣднее время изъ-за «Дома писателей», устроеннаго по его же совѣту на деньги, пожертвованныя милліонеромъ Голубевымъ; идея, теоретически очень привлекательная, оказалась на практикѣ не совсѣмъ отвѣчающею вкусамъ и нравамъ нашей литературной братіи...

Нельзя не подивиться тому огромному запасу духовной силы, который сохранился въ изможденномъ продолжительными и разнообразными болѣзнями тѣлѣ 75-лѣтняго старика, пользовавшагося всякой минутой отдыха отъ физическихъ страданій для того, чтобы продолжать литературную работу. Три года тому назадъ, по смерти своего друга Я. Г. Гуревича, П. И. принялъ на себя тяжелую и хлопотливую должность директора гимназіи Гуревича, которой иначе угрожало закрытіе; даже лежа въ постели, въ промежутки между двумя пароксизмами, онъ принималъ участіе въ занятіяхъ литературнаго фонда и театрално-литературнаго комитета, собиравшихся у него на дому; нѣсколько разъ пытался возобновить собранія литераторовъ для взаимнаго обмѣна мыслей по поводу различныхъ литературныхъ вопросовъ и много заботился объ упроченіи вновь возникшаго литературнаго общества, для собраній котораго отвелъ и помѣщеніе въ гимназіи Гуревича. Всего мѣсяца за полтора до смерти онъ, въ качествѣ почетнаго академика, прочелъ въ публичномъ засѣданіи отдѣла изящной словесности рефератъ о недавно скончавшемся А. М. Жемчужниковѣ, и чувствовалъ себя горько обиженнымъ, что никто не только изъ литературной нашей молодежи, вообще равнодушной къ традиціямъ, но даже изъ членовъ комитета литературнаго фонда не явился почтить память стараго поэта... Наконецъ, можно сказать, до послѣдняго своего дня онъ редактировалъ подготовляемое фирмой Маркса новое изданіе сочиненій Мольера, въ которое внесъ немало поправокъ.

Литературные интересы вообще и судьбы русской литературы въ особенности всегда стояли у Вейнберга на первомъ планѣ. Въ ранней молодости онъ усвоилъ высокое понятіе о задачахъ художественнаго слова, нагляднымъ выраженіемъ котораго былъ рас-

цвѣтъ нашей литературы въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, и этому высокому идеалу оставался вѣренъ до конца. Онъ часто повторялъ, что, по пословицѣ: «здравая мысль въ здоровомъ тѣлѣ», цѣлью литературнаго произведенія должно быть сочетаніе нравственной идеи съ изящной художественной формой; тѣ черты безобразія внѣшняго или внутренняго, какія, къ сожалѣнію, стали довольно зауряднымъ явленіемъ въ нашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ, всегда глубоко возмущали его эстетическое и нравственное чувство. Всѣмъ, что только касалось литературы, — старой или новой, своей или чужой, — онъ живо интересовался, перечитывалъ всѣ литературныя новинки и не старался смягчать своего отрицательнаго отношенія къ разнымъ моднымъ и «модернымъ» сочинителямъ, въ произведеніяхъ которыхъ онъ видѣлъ одно только хвастливое графоманство и которые къ тому же претили ему и личными своими особенностями. Онъ былъ убѣжденъ, что вся эта «шелуха» скоро упадетъ и исчезнетъ безслѣдно и что здоровое внутреннее ядро нашей литературы скоро пуститъ новые, такъ же здоровые и красивые ростки. Жадно слѣдя за текущей словесностью, онъ искалъ этихъ свѣжихъ ростковъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто долженъ былъ сознаваться, что принялъ искусственное растеніе за настоящее...

Горячая любовь Вейнберга къ литературѣ нашла себѣ, между прочимъ, интересное внѣшнее выраженіе. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ онъ неутомимо собиралъ фотографическіе и гравированные портреты русскихъ и иностранныхъ писателей, которыми увѣшаны были сплошь всѣ стѣны его небольшой квартиры и заставлено нѣсколько столовъ. Рядомъ съ маской Данте здѣсь красовались большіе портреты Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гейне, Пушкина, Тургенева, Вѣлинскаго... цѣлыя сотни дорогихъ лицъ, приводившихъ на память великія литературныя событія. Тутъ же были портреты знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ артистовъ, отъ Щепкина и Мартынова до Савиной и Давыдова, отъ Тальма и Рашели до Дузе и Сары Бернаръ, историческія группы редакцій «Искры», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» временъ Корша, «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Богатства», литературнаго фонда и многія другія. Многіе изъ портретовъ носили на себѣ собственноручныя посвященія П. И. Вейнбергу, нѣкоторыя даже въ стихахъ; иные портреты имѣли свою особую исторію, какъ, напр., портретъ Дузе, которую стоило большого труда заставить позировать передъ фотографомъ, такъ какъ нервная и капризная артистка не желала подчиняться никакимъ указаніямъ и нѣсколько разъ вскакивала съ мѣста, грозя ухватить изъ фотографіи. «Я понимаю, — сказала ей наконецъ выведенный изъ себя Вейнбергъ: — что васъ можно или безумно любить, или безумно ненавидѣть; середины нѣтъ!» Интересенъ портретъ, подаренный

Вейнбергу, какъ переводчику «Отелло», знаменитымъ Томазо Сальвини, съ надписью: «du modeste Hotello--Salvini». Аргистъ, очевидно, не поинтересовался узнать, какъ пишется имя шекспировскаго героя, котораго онъ такъ удивительно изображалъ на сценѣ...

Эта оригинальная коллекція увеличилась пять лѣтъ тому назадъ особымъ отдѣломъ подношеній, полученныхъ Вейнбергомъ по случаю 50-лѣтняго литературнаго юбилея. Здѣсь находятся бюсты и портреты самого П. И., альбомы съ привѣтствіями въ прозѣ и стихахъ, рисунками и прочіе разные изящные подарки и т. п. вещи. П. И. много разъ говорилъ своимъ знакомымъ о желаніи завѣщать эту коллекцію академіи наукъ. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ дѣйствительно такое распоряженіе, но будетъ очень жаль, если это цѣнное собраніе многихъ сотенъ портретовъ, между которыми есть немало и единственныхъ въ своемъ родѣ, разрознится въ частныхъ рукахъ.

Въ связи съ собраніемъ портретовъ находится и обширная переписка П. И. съ ихъ оригиналами, вѣроятно, сохраненная имъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, бумаги покойнаго разбираются его сыновьями. Надо думать, что въ нихъ отыщется многое, заслуживающее печати. Можетъ быть, найдутся и «воспоминанія», которыя уже давно собирался начать П. И. и которыя, если они написаны хоть частью, должны представить высокой исторической интересъ.

Ю. П. Морозовъ.

КЪ БІОГРАФІИ Н. С. ЛѢСКОВА.

ТО изъ усердныхъ читателей Н. С. Лѣскова не помнитъ его остроумныхъ и во многихъ отношеніяхъ трогательныхъ воспоминаній о кіевской жизни 40—50-хъ годовъ, время знаменитаго Дмитрія Гавриловича Бибикова, перваго генераль-губернатора Юго-Западнаго края (1838—1852)? Эти воспоминанія носятъ названіе: «Печерскіе антики». Съ такимъ же заглавіемъ они появились въ первый разъ въ печати въ 1883 году въ февральской и слѣдующихъ двухъ весеннихъ книжкахъ историческаго журнала «Кіевская Старина», недавно прекратившаго существованіе. Появленію «Печерскихъ антиковъ» въ журналѣ предшествовала въ теченіе цѣлаго года переписка Н. С. съ основателемъ журнала Теофаномъ Гавриловичемъ Лебединцевымъ, открывающая передъ нами маленькую исторію этого произведенія нашего писателя.

Въ этой перепискѣ автора «Соборянъ», хотя она имѣла для него эпизодическій характеръ, читатель узнаетъ остроумнаго, живого рассказчика-бытописателя, какимъ былъ Лѣсковъ въ своей литературной дѣятельности. Въ ней онъ тамъ и сямъ роняетъ свои замѣчанія насчетъ пониманія имъ художественности литературныхъ произведеній, относительно явленій современной жизни и высказываетъ свои мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, имѣющихъ общій интересъ. Если предлагаемые отрывки изъ писемъ Н. С. Лѣскова къ Ѳ. Г. Лебединцеву и не очерчиваютъ нравственной фізіономіи писателя, тѣмъ не менѣе они даютъ нѣсколько чертъ его духовнаго облика, которыя окажутся небезынтересными для читателя и нелишними для біографа Лѣскова.

Н. С. Лѣсковъ въ молодости своей жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ. Тогда-то онъ, вѣроятно, познакомился съ Петромъ и Теофаномъ Гавриловичами Лебединцевыми, изъ которыхъ первый былъ кіевскимъ кафедральнымъ протоіереемъ. О. Г. Лебединцевъ сначала былъ профессоромъ въ кіевской духовной академіи, затѣмъ директоромъ училищъ въ холмской епархіи, а также редактировалъ журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», основанный имъ же при участіи ректора академіи Филарета, впоследствии епископа рижскаго. Когда О. Г. Лебединцевъ, по окончаніи своей службы, въ 1882 году задумалъ издавать въ Кіевѣ историческій журналъ, посвященный разработкѣ научныхъ вопросовъ, касающихся Украины, очевидно, онъ обратился къ Лѣскову, какъ своему старому знакомому, съ просьбою поддержать присылкою своихъ статей его научное предпріятіе. Такимъ образомъ должна была завязаться между ними переписка.

Лебединцевъ, желая дать своему журналу соотвѣтствующій его цѣли матеріалъ въ талантливой, художественной обработкѣ, сообщилъ Лѣскову объ одномъ рукописномъ повѣствованіи изъ украинской жизни, предлагая ему обработать рукопись въ художественной формѣ. Лѣсковъ въ своемъ первомъ письмѣ къ Лебединцеву, послѣ незначительныхъ фразъ, прежде всего останавливается на сообщеніи послѣдняго.

«7 сент. 82 г. Спб. ¹⁾... Исторія, вами рассказываемая, интересна, но я не мастеръ вообразить сцену, не зная ни одного характера. Самое главное въ этомъ дѣлѣ—живыя черты характеровъ. Впрочемъ, пришлите, что тамъ написано,—я прочту и вамъ скоро же отвѣчу... Вамъ я не могу въ этомъ году сдѣлать большой работы, потому что на мнѣ къ новому году лежитъ много обязательствъ, но я вамъ напишу и непременно пришлю маленькій (около листа), но цѣльно задуманный очеркъ,—веселый и съ историческимъ касательствомъ къ Кіеву. Онъ будетъ называться «Царскій немолякъ», или, если «богомольной нашей дурѣ, слишкомъ чопорной цензурѣ» это не понравится, то поставите: «Старецъ Малафей и его отрокъ» ²⁾. Это типъ, и жанръ, и нѣчто—что, можетъ быть, прочтутъ и улыбнутся, а этого и достаточно отъ нашего брата сказочника...

«Лампадоносцевъ ³⁾ не читаетъ теперь ничего, кромѣ академистовъ, но ему указываютъ, а съ него этого и предовольно. Сердится она за все рѣшительно, даже Аксакова ⁴⁾ возненавидѣлъ. Это сталъ чистый дуракъ безъ примѣси.

¹⁾ Въ началѣ каждого своего письма Лѣсковъ надписываетъ свой адресъ: Спб., Сергіевская, 56, 14.

²⁾ Немолякъ, т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молится («Печерскіе антики»).

³⁾ К. П. Побѣдоносцевъ.

⁴⁾ И. С. Аксаковъ издавалъ въ это время газету «Русь».

«Журналъ ¹⁾), по моему мнѣнію, ведется умно и талантливо. Выборъ статей хорошей, скучнаго немного... Направленіе правдивое. Это очень пріятно... Документы о сдачѣ Почаевской лавры очень любопытны. Я ими воспользуюсь для октябрьской книжки «Историческаго Вѣстника». Рекламирывать журналъ я никогда не упускаю случая и всегда что-нибудь изъ него беремъ и его называемъ то въ газетѣ, то въ журналѣ. Въ октябрьской книгѣ будетъ моя статья въ видѣ возраженій кн. Голицыну о святыняхъ Почаева, о коихъ я кое-что знаю и могу судить. Вы бы ее тоже процитировали и, можетъ быть, тоже бы что-нибудь возразили. Не надо чуждаться хорошей, т. е. дѣловой, полемики. Это самое лучшее средство напоминать о себѣ.

«Про дневникъ Аскоченскаго и не говорите. Препротивно. Почаевской лаврѣ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 года были посвящены двѣ статьи. Одна принадлежала кн. Н. С. Голицыну, подъ названіемъ: «Почаевская Успенская лавра въ концѣ іюля 1855 года», другая носила заглавіе: «Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія униатовъ въ вѣдомство православное». Эти статьи и заинтересовали нашего писателя, большого знатока русской церковной жизни, слѣдствіемъ чего была его статья «Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ» въ упомянутой въ письмѣ книжкѣ «Историческаго Вѣстникѣ». Что касается отзыва Лѣскова о печатавшемся въ то время Ѡ. Булгаковымъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» дневникѣ извѣстнаго консервативнаго писателя шестидесятихъ годовъ, редактора «Русской Бесѣды» Виктора Ипатьевича Аскоченскаго, то надо замѣтить, что послѣдній былъ кіевлянинъ, и въ Кіевѣ же съ нимъ познакомился Лѣсковъ. Онъ вспоминаетъ Аскоченскаго въ «Печерскихъ антикахъ», называя его «человѣкомъ съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ бы ему выбрать злѣйшій врагъ». Говоритъ Лѣсковъ также о дневникѣ Аскоченскаго, не высказывая, впрочемъ, того мнѣнія о немъ, какое находимъ въ приведенномъ письмѣ. Но изъ его словъ въ «Печерскихъ антикахъ» можно заключить, что дневникъ Аскоченскаго не нравился Лѣскову вслѣдствіе тѣхъ непристойныхъ выходокъ по отношенію къ высшимъ духовнымъ лицамъ, какія любилъ допускать и о которыхъ говорилъ авторъ въ дневникѣ.

Во второмъ письмѣ къ Лебединцеву Лѣсковъ снова возвращается къ исторіи, которою хотѣлъ вдохновить творчество писателя издатель «Кіевской Старины».

¹⁾ Т. е. «Кіевская Старина».

«Окт. 14. 1882. Спб.

«Уважаемый Теофанъ Гавриловичъ!

«Рукопись о переяславскомъ боѣ получилъ и прочелъ. Не думаю, чтобы изъ нея можно было сдѣлать что-либо хорошее—лицъ не видно. Архимандритъ Арсеній Иващенко говоритъ, что описанный тамъ ректоръ Пантелеймонъ хорошо умеръ: онъ выпилъ въ три дня ведро водки и однажды, проснувшись, увидалъ себя въ купальнѣ. Онъ раздѣлся на кровати и нырнулъ въ воду, но какъ комнатка была невелика, то онъ пробилъ себѣ объ стѣну голову и переселился въ лучшую жизнь. Подобныя исторіи, по моему мнѣнію, надо сообщать вкратцѣ. Хорошо иллюминовать тѣ исторіи, гдѣ можно живописать характеры, а тутъ просто «протоколъ». Работку для васъ дѣлаю и скоро додѣлаю. Это будетъ нѣчто въ родѣ моихъ воспоминаній о кіевскихъ оригиналахъ 50-хъ годовъ. Называться будетъ: «Печерскіе чудотворы». Если слово «чудотворы» (не чудотворцы) нехорошо зазвучитъ въ ухѣ цензора, то можно поставить «антики». Тутъ будутъ знаменитый импровизаторъ (попросту лгунъ) Кесарь Берлинскій, раскольничій начетчикъ Малафей Пимычъ и его отрокъ Гіезій. Все это люди живые по своимъ характернымъ чертамъ и пресмѣшныя. Но мнѣ надо знать, когда приблизительно скончался отставной полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, проживавшій на Печерскѣ¹⁾, за печерскимъ базаромъ въ домѣ Шіянова, по Большой или по Малой Шіяновской улицѣ. Его всѣ знали въ Ольгинскомъ приходѣ, и тамъ же, я думаю, безъ всякаго труда можно узнать, когда приблизительно опочилъ этотъ непосредственнѣйшій антикъ, имѣвшій задачею жизни «пережить Бибикова». Пережилъ онъ его, или нѣтъ? Благоволите мнѣ помочь въ этомъ случаѣ...

«Журналъ вашъ положительно хорошо ведется и долженъ бы имѣть успѣхъ. Статейка о св. мирѣ очень общипана²⁾. То ли я слыхалъ объ этомъ отъ покойнаго И. Д. П.! Гдѣ же полтавскій крутопопъ, который опрокинулся со «жбаномъ» въ талую снѣговую лужу и св. миро пролилъ, а дьячокъ онымъ «чоботы нашморававъ»³⁾, а потомъ они его въ Бориспольѣ съ какою-то знаменитою хозяйкою «подварылы зъ оливы зъ гвоздычкою» и тѣмъ цѣлые три года помазывали всѣхъ новорожденныхъ христіанъ полтавской епархіи. А было это, помнится, въ 1831 или 1833 годахъ...»

Далѣе черезъ нѣсколько строкъ Лѣсковъ высказываетъ свое мнѣніе о книгѣ профессора кіевской духовной академіи Ф. А. Терновскаго «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ собо-

¹⁾ Та часть Кіева, гдѣ находится лавра.

²⁾ «Св. миро въ старину, и какіе съ нимъ случаи бывали». «Кіевская Стarina», 1882, октябрь.

³⁾ Намазаль.

ровъ», вышедшей въ свѣтъ въ 1883 году, но ставшей, очевидно, извѣстной близкимъ знакомымъ этого замѣчательнаго представителя русской богословской науки нѣсколько ранѣе.

«...Книга Филиппа Алексѣевича очень интересна и написана въ прекрасномъ духѣ и направленіи. Не понимаю, какъ такъ мало цѣнятъ этого человѣка въ Кіевѣ, и за что это? Изданіе, конечно, разойдется и теперь же пошло бы гораздо живѣе, если бы не подошла ему подѣ дорогу книга Ключевского «Боярская дума», интересъ которой современнѣе и ближе. Эта, по словамъ книжниковъ, идетъ «какъ свѣжій хлѣбъ изъ пекарни». Выписывать изъ Москвы не успѣваютъ и опасаются, что изданіе все будетъ распродано и въ удовлетвореніи новыхъ спросовъ будетъ задержка. Какая радость, что историческія изслѣдованія находятъ для себя такихъ честныхъ и даровитыхъ тружениковъ! Соловьевъ, очевидно, не только замѣненъ, но и превзойденъ. Этотъ не менѣе его основатель и свѣдущъ, но гораздо болѣе свободенъ отъ предвзятостей партизма, желающаго «русскихъ декораций».

Объщанная Лѣсковымъ Лебединцеву повѣсть «Царскій немоякъ» или, по послѣдней редакціи, «Печерскіе антики», по мѣрѣ ея написанія все болѣе и болѣе увеличивалась въ объемѣ, и для автора возникъ вопросъ о цѣнѣ, за которую онъ можетъ уступить свое произведеніе. Этому вопросу было посвящено третье письмо къ Лебединцеву.

«12 ноября. 82.

«Уважаемый Теофанъ Гавриловичъ!

«Я получилъ ваше интересное письмо и при всѣхъ моихъ недосугахъ стараюсь сдѣлать для васъ небезынтересную статью. Разумѣется, это будетъ не исторія, а побасенки, можетъ быть, довольно неважныя по достоинству, но живыя, а «безъ нихъ (какъ Гоголь говорилъ) читатель начинаетъ спать и можетъ совсѣмъ уснуть»... Теперь дѣло становится на переговоры о грошѣ. Я думалъ дать вамъ анекдотикъ или «нѣчто» въ четверть или полъ-листа и потому ни слова не говорилъ о цѣнѣ. Что бы ни заплатили, все было бы хорошо «по-пріятельски». Но работка вышла великонька (листа два съ половиною—три). Тутъ дѣло становится иначе, и я могу сдѣлаться только такъ, какъ Н. Ив. Костомаровъ, т. е. по-пріятельски предложить вамъ цѣну много уменьшенную, но все-таки цѣну опредѣленную. Наши гонорары не секретъ: мнѣ платятъ отъ 200 до 250 р. за листъ. Н. Ив. Костомаровъ изъ своего гонорара (125 р.) назначилъ вамъ заплатить ему 80 р. (Кажется, такъ?) Считаю долгомъ служить вашему изданію, которое мнѣ мило, а доходовъ еще не имѣетъ, я ограничиваюсь тѣмъ же гонораромъ, на которомъ вы сдѣлались съ Н. Ив. Это все, что я могу сдѣлать по дружбѣ къ изданію и по расположенію къ изда-

телямъ, ибо литература для меня не свободное художество, а ремесло ¹⁾). Удобно ли и выгодно ли это вамъ? Прошу отвѣтить скоро и, какъ говорятъ офицеры, «совѣмъ франшманъ». Помните, что я не исторію даю, а просто веселую штучку, кое-что, «пель-мель съ горошкомъ». Нужно ли это вамъ? А у меня это охотно возьмутъ и дадутъ все, что спрошу, а я могу измѣнить заглавіе, а вамъ въ году приготовить подъ маркою антиковъ что-нибудь маленькое въ полъ-листа, или въ четверть листа. Обсудите, чтобы послѣ не было причинъ другъ на друга имѣть хотя бы самыя отдаленныя претензіи. Мнѣ кажется, что я дѣлаю все, что можетъ сдѣлать по пріязни и доброжелательству человѣкъ рабочій, а вы свои соображенія имѣйте и сдѣлаемся во всякомъ разѣ по-пріятельски.

«Антики написаны такъ, что ихъ удобно, т. е. эффектно можно раздѣлить на двѣ книги... Тонъ вездѣ веселый, ровный и вовсе безъ всякой тенденціи, кромѣ моей органической ненависти къ библиковскому нахальству. Какъ русскій, я цѣню его твердость, но, какъ человѣкъ, я его считаю отвратительнымъ...»

Лебединцевъ согласился принять «Печерскіе антики» на предложенныхъ Лѣсковымъ условіяхъ, и повѣсть началась печатаніемъ въ февральской книжкѣ 1883 года, при чемъ редакторъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя поправки фактическаго характера.

«22 генваря 83. Суббота.

«...Разумѣется, вы правы,—писаль по этому поводу Лѣсковъ къ Лебединцеву,—сдѣлавъ основательныя поправки, и были бы очень неправы, если бы ихъ не сдѣлали. Вы—коренной киевлянинъ, а я вѣдь «приблудный», да и съ тѣхъ поръ такъ много прошло времени, и я такъ много писалъ, что дивно ли мнѣ кое-что позабыть, кое-что смѣшать и перепутать. Все, что вы поправляете, совершенно вѣрно. Кромѣ цифры денегъ, заплаченныхъ Ефимомъ за Тустановскаго. Я близко зналъ эту исторію совершенно глупаго великодушія и помню, что было гораздо болѣе 10 тысячъ. Можетъ быть, 27, или 23, или не менѣе 18. Что-то вотъ такія цифры ²⁾). Впрочемъ, опять повторяю,—я могу забыть,—поправляйте факты, я васъ прошу объ этомъ. Вы правильно говорите,—«дѣло въ общемъ», въ краскахъ и въ впечатлѣніи...»

Подписка на «Кіевскую Старину» шла всегда плохо: журналъ несъ убытки. Лебединцевъ просилъ поддерживать изданіе всѣхъ своихъ знакомыхъ, и Лѣсковъ старался напоминать о немъ читающей публикѣ въ своихъ статьяхъ, утѣшая въ то же время его издателя:

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ подлиннику.

²⁾ Въ «Печерскихъ антикахъ» Лѣсковъ рассказываетъ объ одномъ беззаботномъ священникѣ о. Евѣмїи, который, узнавъ, что у нѣкоего Тустановскаго оказался по службѣ большой недочетъ въ суммахъ, заложилъ свою усадьбу и заплатилъ за Тустановскаго, съ которымъ онъ даже знакомъ не былъ. Этотъ случай патвнулъ состояніе самого о. Евѣмїи.

...«Историческій Вѣстникъ»,—писалъ Лѣсковъ,—при 3207 подписчикахъ далъ еще пять тысячъ рублей убытка. Я, признаюсь, вижу цифры, но никакъ въ нихъ не могу убѣдиться. Подписка идетъ на 30% выше, но времена очень неблагопріятны. «Баринъ» на мѣстѣ начальника по дѣламъ печати всегда безъ сравненія лучше чиновника, у котораго нѣтъ ни связей, ни прошлаго, или гадкое прошлое, и онъ весь въ зависимости отъ мѣста. Это добра не пророчить»...

Заканчивается это письмо рассказомъ о весьма интересномъ эпизодѣ. Дѣло въ томъ, что въ «Новомъ Времени» за 1883 годъ (№№ 2466—2467) была помѣщена статья Ф. А. Терновскаго «Митрополитъ Филаретъ. Его научное и общественное значеніе». Статья сопровождалась замѣткою, напечатанною отъ лица редакціи, въ которой митрополитъ Филаретъ (въ мѣрѣ Василій Дроздовъ) сравнивался со знаменитымъ современникомъ Іоанна Грознаго св. Филиппомъ: «Между двумя московскими святителями,—говорилось въ замѣткѣ,—изъ которыхъ первый (Филиппъ) палъ жертвою царскаго гнѣва и собственнаго безстрашнаго человѣколюбія, а другой мирно скончался наверху почестей есть сходство только въ іерархическомъ положеніи, въ исторической извѣстности, да еще, пожалуй, въ первыхъ начальныхъ буквахъ имени. Остальное все различное...» Далѣе газета напоминаетъ панегирикъ газеты «Москва» въ день кончины Филарета и заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Мы хотимъ не восхвалять и не порицать почившаго митрополита Филарета, а только уяснить и изобразить его крупную историческую личность по возможности его же собственными словами». И статья Ф. А. Терновскаго была написана вполнѣ объективно на основаніи писемъ и дневника покойнаго митрополита. Передъ читателемъ рисуется человѣкъ осторожный, долго присматривающійся, выбирать ли ему духовную карьеру, или нѣтъ, разсудительный, честолюбивый въ высшей степени, готовый служить сильнымъ міра сего, результатомъ чего и былъ его «Пространный катехизисъ», и въ своей литературной дѣятельности отсутствіе богословскихъ знаній и дѣйствительной вѣры замѣнявшій напыщенною риторикою и діалектикою. Статья Ф. А. Терновскаго произвела впечатлѣніе.

«Статья нашего Филиппа Алексѣевича,—писалъ Лѣсковъ,—дала ему сразу огромную извѣстность, массу симпатій, но и нѣсколько мерзостныхъ враговъ. Три дня, какъ я внѣ себя: писать ему или нѣтъ? Но лучше напишу вамъ. Товарищъ и любитель Филиппа Алексѣевича нѣкто А. былъ очезрителемъ, какъ Тертій¹ явился къ Лампадоносцеву съ номерами «Новаго Времени» и, кладя ихъ на столъ, сказалъ:

«—Полюбуйтесь!

¹) Т. И. Филипповъ.

«Тотъ сдѣлалъ жалкое лицо и протянулъ: «Знаю».
 «—Что же вы сдѣлали?
 «—Ничего.
 «—Неужели этотъ негодяй до сихъ поръ еще не выгнанъ?
 «Лампадоносцевъ промолчалъ.
 «—Онъ долженъ быть выгнанъ!
 «Тотъ опять промолчалъ.
 «Далѣе мой послухъ не знаетъ, что было. Шубинскій и Суворинъ говорятъ, что дать знать объ этомъ Терновскому надо, но что похвальбу Тертія можно считать за вздоръ и бояться нечего. Прошу васъ сказать ему, какъ найдете удобнѣе».
 Слѣдующее письмо Лѣскова носитъ юмористическій по отношенію къ самому автору характеръ.

«25 февр. 83 г.

«Уважаемый Теофанъ Гавриловичъ!

«Прошу васъ покорно сдѣлать Суворину услугу, чтобы и мнѣ иногда удобнѣе было услужить у него вамъ. Они¹⁾ купили прекрасныя доски, изображающія «Казнь Кочубея въ Борщаговкѣ»²⁾ и просятъ меня сдѣлать «пояснительныя подписи борщаговской мѣстности». А я тамъ былъ назадъ тому лѣтъ двадцать пять, молодой, влюбленный, та ще може и съ хересомъ,—безъ чего Юхвимъ не ѣздилъ, и потому ничего не тямлю, яка тамъ ість Борщаговка. Сдѣлайте милость, напишите писемцо: что это за мѣсто, и какой тамъ «пейзажъ природы». Я имъ обѣщаль, что вы ужъ такой пречудесный человѣкъ, что стоитъ только попросить—сейчасъ и будетъ. Пожалуйста оправдайте...»

23 мая 1884 года на сорокъ четвертомъ году жизни отъ не разрѣзаннаго нарыва въ горлѣ скончался проф. Ф. А. Терновскій. Всѣ, кому доводилось знать этого ученаго, свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о человѣкѣ «не отъ міра сего», человѣкѣ, обладавшемъ чистою, возвышенною душою. Онъ имѣлъ въ высшей степени прямой, искренній, сердечный, кроткій и незлобивый характеръ. Религіозность его была полна сознаніемъ величія Божества. Но среди рутинеровъ богословской науки и тѣхъ представителей церкви, которые традиціонно усвоили ветхое содержаніе религіи, Терновскій былъ лицомъ необычнымъ по своей самостоятельности; его не удовлетворяла традиція, которую равнодушно принимали другіе, онъ искалъ правды и свободы вѣры. Такія мысли, какъ, наприимѣръ, слова христіанскаго Цицерона, Лактанція (III в.), о свободѣ вѣры были для него особенно близки: «Къ религіи нельзя

¹⁾ Т. е. редація «Историческаго Вѣстника».

²⁾ Мѣстность за Бѣлою Церковью, гдѣ 1708 года 15 іюля были обезглавлены Василій Кочубей и Іоаннъ Искра.

принуждать. Ничего нѣтъ столь добровольнаго, какъ религія. Религія — дѣло по преимуществу добровольное, и нѣтъ никакой необходимости, которая заставляла бы кого-либо чтить то, чего онъ не хочетъ. Можно только притвориться, но нельзя въ самомъ дѣлѣ захотѣть насильно». Поэтому Ф. А. Терновскій интересовался въ области русской религіозной жизни главнымъ образомъ свободными проявленіями религіознаго сознанія. Московскіе еретики въ царствованіе Петра I, Тверетиновъ, мистицизмъ въ Россіи, русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II—вотъ тѣ вопросы церковно-историческаго изученія, на которыхъ останавливалась мысль Терновскаго. Къ большимъ его трудамъ принадлежатъ сочиненія: «Мѣстоблюститель патриаршаго престола митрополитъ рязанскій С. Яворскій и Дмитрій Тверетиновъ», «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси» и вышедшая за годъ до смерти упомянутая выше книга «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ». Наравнѣ съ другими русскими религіозно-соціальными мыслителями, стремившимися къ истинному служенію Богу, безъ предвзятыхъ, побочныхъ цѣлей, какъ А. С. Хомяковъ, Орестъ Миллеръ и Ѳ. М. Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Терновскій послѣдовательно проводилъ идею о независимости православной церкви отъ вліянія государственной власти. Среди большинства сознательныхъ и несознательныхъ церковныхъ государственниковъ, особенно въ періодъ владычества К. П. Побѣдоносцева, Терновскій оказался вольнодумцемъ, какимъ-то потрясателемъ основъ. Послѣ извѣстной его статьи въ «Новомъ Времени» въ 1883 году онъ былъ лишенъ кафедры въ кievской духовной академіи. Большое участіе въ этомъ дѣлѣ приписывалось Тertiю Ивановичу Филипову, и, какъ видимъ изъ письма Лѣскова, совершенно не напрасно. Т. И. Филиповъ, видѣвшій идеаль руской церкви въ ея византизмѣ въ допетровское время, ратовалъ въ «Москвитяинѣ» и «Русской Бесѣдѣ» за возвращеніе къ этому идеалу, «ко днямъ Котошихина». Въ лицѣ Терновскаго ему естественно видѣлся врагъ, а консервативное настроеніе дѣлало послѣдняго опаснымъ въ его глазахъ для государственности. Этимъ объясняется участіе Филипова въ дѣлѣ Терновскаго, хотя онъ въ то время не имѣлъ какого-либо прямого служебнаго касательства къ академическому профессору.

Лѣсковъ близко зналъ Терновскаго, велъ въ Петербургѣ его литературныя дѣла, и извѣстіе о смерти Терновскаго поразило писателя. Этимъ было вызвано слѣдующее его письмо къ Лебединцеву:

«28 мая 84 г. Спб.

«Уважаемый Оеофанъ Гавриловичъ!

«Вчерашняя денеша изъ Кіева о погребеніи друга нашего Филиппа Алексѣвича Терновскаго меня потрясла до глубины души.

Мы съ нимъ одновременно понесли одинаковыя гоненія несправедливыхъ людей, и я это перенесъ, или, кажется будто перенесъ, а онъ,—съ его удивительно философскимъ отношеніемъ къ жизни,—опочилъ... Пожалуй, не выдержалъ... Сколько горя свалилось вдругъ на эту прекрасную, умную и свѣтлую голову! Какая сила вызываетъ эту «кучность бѣдъ», которыя, по словамъ Шекспира, «любятъ ходить толпами».—Бѣдный, бѣдный и милый Филиппъ! Кротчайшій бѣ паче всѣхъ человѣкъ и сколько печалей и обидъ онъ встрѣтилъ!.. И еще болѣе того,—повѣрьте, что, кромѣ очень немногихъ насъ, онъ остался для большинства «интеллигентовъ» такъ, чѣмъ-то крайне незначительнымъ... Кроткій Филиппъ сослужилъ свою службу «овна Авраамова» и для тѣхъ, которые, не видя его, считали его «печесаннымъ звѣремъ» и, ища, кого заклать «въ жертву Богу», заклали его...

«Прошу и молю васъ утолить неодолимую потребность моего сердца знать, отчего онъ умеръ, и какое и въ какомъ положеніи осталось семейство? Прошу объ этомъ не для литературы, а для себя. Я любилъ его всѣмъ сердцемъ.

«По счетамъ съ нѣкоторыми редакціями у меня съ покойнымъ есть совмѣстничество. Я разумѣю нѣкоторый литературный матеріалъ, который онъ мнѣ дарилъ, но котораго я въ даръ принять не желалъ, а теперь тѣмъ паче не желаю. Счетъ этотъ на его долю составляетъ 129 р., которые я сегодня же посылаю въ Кіевъ...

«Для литературы изъ трагедіи Терновскаго желательно бы сохранить хоть одно самое существенное. У меня есть его письма. Переписка между нами шла дѣятельная до тѣхъ поръ, пока обоихъ насъ придавило безправіе, и руки опали отъ всего. Думаю, что кто же нибудь пожелаетъ сохранить этотъ милый и чистый обликъ среди профессоровъ банкнотнаго настроенія... Кто же это будетъ сей? И кто столь превосходно пишетъ, чтобы все взять на себя одного и, можетъ быть, погубить хорошій матеріалъ? Не позволите ли мнѣ просить васъ сообщить кому умѣстно мое мнѣніе, что книгу о Терновскомъ, можетъ быть, лучше было бы составить не такъ, чтобы одинъ кто собралъ и объединилъ все, что знаютъ многіе. А напротивъ,—не лучше ли сдѣлать такъ, какъ издалъ Михневичъ книжку о Якушкинѣ¹⁾, то есть собрать воспоминанія многихъ и не резюмировать ихъ. Это гораздо живѣе и интереснѣе и ходче идетъ въ продажѣ. Пусть всякій вноситъ свой взглядъ и свою субъективность, а читатель самъ резюмируетъ. Это, безъ сомнѣнія, живѣе однотонной канители и, повторяю, это

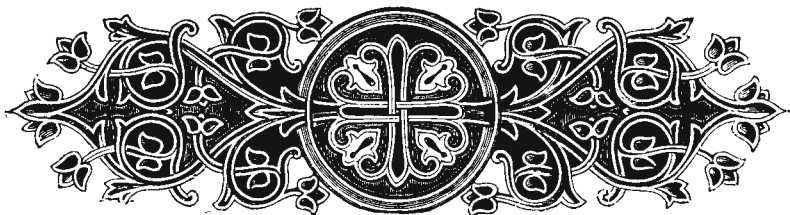
¹⁾ Сочиненія П. И. Якушкина. Изд. Михневича. Спб. 1884 г. Біографическій очеркъ С. В. Максимова. Воспоминанія Боборыкина, Вейнберга, Горбунова, Курочкина, Лейкина, Лѣскова, Минаева и другихъ.

русской лѣнливой публикѣ болѣе нравится. Печатать, разумѣется, надо безъ цензуры. Я охотно и безвозмездно дамъ и копіи съ писемъ и отдѣльный очеркъ моихъ личныхъ воспоминаній съ моею подписью. Вообще я прошу не отстранять меня ни отъ какого предпріятія, имѣющаго задачею поставить имя Терновскаго на видъ...»

Этимъ письмомъ, значительнымъ для характеристики Лѣскова, исчерпывается наше собраніе писемъ его къ Лебединцеву.

В. В. Даниловъ.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ.

(Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾).

ВЪ ЮНѢ 1853 года въ Могилевской губерніи, въ имѣніи Езерахъ, принадлежавшемъ женѣ генераль-адъютанта Сумарокова, въ домѣ управляющаго имѣніемъ саксонскаго подданнаго Франца Антонова Финфштика былъ большой праздникъ.

Управляя имѣніемъ съ 1845 г., Финфштикъ, какъ добросовѣстный нѣмецъ, весь отдался заботамъ о хозяйствѣ. Работы было много. Нужно было упорядочить и обработку земли и посѣвъ, завести правильное лѣсное хозяйство и пчеловодство. Финфштикъ съ успѣхомъ исполнялъ свою задачу. Не зная отдыха, онъ безвыѣздно работалъ въ имѣніи и лишь изрѣдка, по требованіямъ Сумароковой, выѣзжалъ въ Петербургъ съ докладомъ.

Сумароковы были очень довольны Финфштикомъ и вполне довѣряли ему. Онъ это сознавалъ и былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ. Единственнымъ чернымъ пятномъ въ его жизни была постоянная борьба съ бывшими служащими въ имѣніи. Сначала на него шли несправедливыя жалобы и доносы. Когда же жалобщики убѣдились, что они только тратятъ безцѣльно чернила и бумагу, то принялись досаждать Финфштику другимъ способомъ. Пошли разныя потравы, порубки и недоразумѣнія съ рабочими и сосѣдними крестьянами. При разслѣдованіяхъ почти всегда

¹⁾ Разсказъ составленъ по подлиннымъ документамъ, имѣющимся въ семейномъ архивѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Дмитрія Гавриловича Бибикова.

выяснялось, что крестьяне дѣйствовали по подговору бывшихъ служащихъ въ имѣніи. Въ особенности враждовалъ съ Финфштикомъ одинъ изъ ранѣ служившихъ въ конторѣ экономіи, теперь занимавшій должность смотрителя почтовой станціи въ деревнѣ Соколовкѣ, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія Езеръ, на проѣзжей дорогѣ изъ Москвы въ Бобруйскъ.

Сидя въ деревнѣ, Финфштикъ велъ дѣятельную переписку съ родными и знакомыми. Больше всего онъ переписывался со своимъ старымъ товарищемъ по саксонской академіи Краузе, бывшимъ въ это время преподавателемъ въ горы-горецкомъ институтѣ. Почти въ каждомъ письмѣ Финфштикъ приглашалъ Краузе пріѣхать осмотрѣть образцовое хозяйство, но Краузе по разнымъ причинамъ откладывалъ свой пріѣздъ. Наконецъ, въ началѣ іюня 1853 года Краузе написалъ Финфштику, что пріѣдетъ, и не одинъ, а съ женою и знакомыми, на нѣсколько дней. Днемъ пріѣзда было назначено 23 іюня.

Финфштикъ былъ въ восторгѣ и началъ готовиться къ достойному приему гостей. Начались длинныя, непрерывныя совѣщанія съ женой. Прежде всего надо было позаботиться о помѣщеніи гостей. Домъ барскій былъ большой, были и флигеля, но нужно было все привести въ порядокъ, обновить, почистить и т. п. Потомъ пошли разсужденія по части кулинарной. Въ деревнѣ, вѣдь, всего не достанешь. Когда и этотъ важный вопросъ былъ разрѣшенъ благополучно, Финфштикъ сталъ раздумывать о томъ, какія бы придумать развлеченія для гостей. Не посвящать же они все время осмотру хозяйства. Это въ концѣ концовъ было бы скучно. Конечно, прогулки въ лѣса, пикники. Думая о прогулкахъ, Финфштикъ вспомнилъ, какъ онъ тамъ, въ своей далекой, дорогой родинѣ, постоянно ходилъ вмѣстѣ съ Краузе на стрѣльбу въ цѣль. Сейчасъ же ему пришла мысль устроить для гостей такую стрѣльбу. Стрѣляли они тамъ обыкновенно въ цѣль, изображающую двуглаваго орла. Финфштикъ рѣшилъ устроить такую же цѣль. Набросавъ на бумагѣ нѣчто подобное двуглавному орлу, онъ велѣлъ столяру вырѣзать изъ доски эту «птицу». Подъ непосредственнымъ наблюдениемъ и по указаніямъ Финфштика птица была вырѣзана. Ее разграфили полосами, выкрасили ихъ въ разные цвѣта и посрединѣ поставили большую черную точку. Птицу прикрѣпили къ большому песту. Цѣль была готова.

— Какъ Краузе будетъ доволенъ! Будетъ настоящій фогельшиссенъ!—радостно потирая руки, восклицалъ Финфштикъ.

Наконецъ настало и 23 іюня. Рано утромъ Финфштикъ проснулся и прежде всего подбѣжалъ къ окну. Погода была великолѣпная.

— Счастливыи, радостный день! Долго буду его помнить!—говорилъ Финфштикъ.

Дѣйствительно, долго не забывалъ этого дня Финфштикъ, но только по совѣмъ другимъ причинамъ.

Въ полдень къ воротамъ усадьбы подъѣхали три брички. Въ одной былъ Краузе съ женой, въ другой жена учителя г-жа Клопферъ съ дѣвицею Эрнестъ и въ третьей два студента, Краузе, сынъ преподавателя, и Ланцертъ. Навстрѣчу къ нимъ выбѣжали Финфштикъ съ женою и лѣсничій Менгесъ. Пошли привѣтствія, объятія, поцѣлуи и пожиманіе рукъ.

Настроеніе было самое веселое. Говорили, ѣли, опять говорили. Ходили осматривать постройки, оранжерею, конюшни, скотный дворъ. Потомъ опять ѣли и говорили. Наконецъ незамѣтно примолкли. Тогда радушный хозяинъ предложилъ совершить маленькую прогулку. Сталъ рѣшаться вопросъ, куда направиться. Дамы, узнавъ, что въ деревнѣ Соколовкѣ почтовая станція и что тамъ постоянно бываетъ много проѣзжающихъ въ дилижансахъ, рѣшили отправиться туда. Финфштикъ сейчасъ же предложилъ мужчинамъ устроить стрѣльбу въ цѣль. Тѣ охотно согласились. Немедленно было осмотрѣно оружіе, котораго у Финфштика и лѣсничаго Менгеса былъ цѣлый запасъ. Каждый изъ мужчинъ выбралъ себѣ по ружью, забрали съ собою нѣсколько пороховницъ, пули и отправились въ путь. Шествіе замыкалъ рабочій, торжественно несшій цѣль, «птицу», на плечахъ.

Пока дамы гуляли по деревнѣ Соколовкѣ, мужчины отправились въ поле, выбрали мѣсто, гдѣ можно было стрѣлять вполне безопасно, установили цѣль, отмѣрили шаги и стали состязаться въ стрѣльбѣ.

Зарядовъ не жалѣли и стрѣляли много и долго,—пока не стало темнѣть. Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла хлопали въ ладоши и кричали: «ура!» Особенною мѣткостью отличались лѣсничій Менгесъ и Финфштикъ. Цѣль подъ конецъ вся была изрѣшетена пулями, концы крыльевъ были отбиты, и одной головы «птицы» не существовало.

Въ это время въ деревню Соколовку на почтовую станцію пріѣхали гусары: корнетъ С. и поручикъ К., возвращавшіеся изъ отпуска изъ Москвы въ Бобруйскъ. Услыхавъ выстрѣлы, они предположили, что идетъ охота, и спросили у смотрителя почтовой станціи, за какою дичью охотятся.

— Какая тамъ охота!—отвѣчалъ смотритель.—Это нѣмцы въ цѣль стрѣляютъ.

— Какіе нѣмцы?

— А къ управляющему въ имѣніи Езерахъ, нѣмцу, пріѣхали другіе нѣмцы для упражненія въ стрѣльбѣ. Ихъ, нѣмцевъ, въ нашемъ краѣ вездѣ много, и всѣ они постоянно учатся стрѣлять въ цѣль пулями. На случай войны съ Россіей. Тогда они соединятся всѣ вмѣстѣ и образуютъ цѣлый полкъ. А войны съ нѣмцами всегда надо ждать.

Офицеры посмѣялись надъ доморощенной политикой смотрителя и сѣли пить чай. Стрѣльба между тѣмъ прекратилась. Нѣмцы ушли домой.

Черезъ нѣсколько времени офицеры, увидѣвъ черезъ открытое окно проходившаго мимо рабочаго съ цѣлью на плечахъ, остановили его и вышли посмотреть. Имъ захотѣлось узнать результаты стрѣльбы. При осмотрѣ цѣли они увидѣли, что она изображаетъ двуглаваго орла.

— Вотъ видите сами,—говорилъ подошедшій къ нимъ смотритель,—что я говорилъ правду. Они, нѣмцы, не только стрѣляютъ хорошо пулями, приготавливаясь къ войнѣ съ Россіей, но даже не стѣсняются стрѣлять въ русскій государственный гербъ.

Офицеры, въ свою очередь, возмутились. Узнавъ, что дилижансъ отправится еще черезъ часъ, они взяли у смотрителя лошадей и поѣхали въ имѣніе Езера требовать у нѣмцевъ объясненія ихъ поступка.

Увидѣвъ подѣхавшихъ къ усадьбѣ офицеровъ, Финштикъ тотчасъ же къ нимъ вышелъ. На предложенный ему офицерами вопросъ, какъ онъ смѣлъ стрѣлять въ двуглаваго орла, Финштикъ оскорбился и объявилъ имъ, что они не представляютъ собою «надлежащую власть» и поэтому онъ имъ никакихъ объясненій давать не намѣренъ.

Офицеры возвратились на почтовую станцію и приказали смотрителю немедленно донести объ этомъ случаѣ по начальству. Уѣзжая, они добавили, что, въ свою очередь, по приѣздѣ въ Бобруйскъ доложить кому слѣдуетъ.

Пока Финштикъ продолжалъ пировать съ своими гостями, смотритель почтовой станціи разыскивалъ мѣстное начальство. Черезъ нѣсколько дней мѣстный чериковскій земскій исправникъ, уѣхавшій въ глубь уѣзда на мертвое тѣло, получилъ эстафету отъ уѣзднаго стряпчаго Гусаковского, приглашавшаго немедленно прибыть въ деревню Соколовку для провѣрки слуховъ о томъ, что управляющій имѣніемъ Езера Финштикъ вмѣстѣ съ преподавателями горы-горецкаго института разстрѣливалъ русскій государственный гербъ.

Получивъ это сообщеніе, земскій исправникъ сейчасъ же прискакалъ въ имѣніе Езера.

Финштика земскій исправникъ зналъ давно и считалъ его самымъ благонамѣреннымъ, трудолюбивымъ и честнымъ человекомъ. Зналъ онъ также, что и генераль-адъютантъ Сумароковъ довѣрялъ Финштику и дорожилъ имъ. Тѣмъ не менѣе обвиненіе противъ Финштика возбуждено было очень серьезное, и поэтому онъ произвелъ самое тщательное, подробное дознаніе. Скоро онъ убѣдился, что въ данномъ случаѣ ничего злонамѣреннаго, «политическаго» не было.

Такъ какъ офицеры, уѣзжая, заявили, что они непременно о стрѣльбѣ въ русскій государственный гербъ доложатъ по начальству, земскій исправникъ тотчасъ же сдѣлалъ выборки изъ дознанія и донесъ о случившемся могилевскому губернатору.

Донесеніе это было настолько оригинально и написано такимъ своеобразнымъ языкомъ, что нельзя не привести изъ него хотя нѣсколько извлеченій.

Излагая подробно обстоятельства дѣла и перечисляя всѣхъ бывшихъ въ гостяхъ у Финфштика, земскій исправникъ сообщалъ, что, когда онъ прибылъ на мѣстѣ происшествія, то оказалось, что «деревянная двуглавая птица, въ которую стрѣляли пулями мужчины нѣмецкаго общества, потерявшая отъ стрѣльбы голову и оконечности крыльевъ, передѣлана была уже на звѣзду для равномѣрной стрѣльбы въ цѣль».

Излагая объясненія Финфштика о томъ, что «невозможно осмѣлиться уподоблять эту вырѣзанную въ безобразномъ видѣ простымъ мужикомъ птицу тому великолѣпному виду двуглаваго орла, которымъ изображается государственный гербъ» и что «она представляетъ простую птицу, обыкновенно дѣлаемую въ Саксоніи для охотничьихъ упражненій въ память отдѣленія народа отъ зависимости Рима», земскій исправникъ отъ себя добавлялъ, что «въ самомъ дѣлѣ сказанная деревянная птица, кромѣ безобразія, не имѣла еще коронъ, вѣнчающихъ двуглаваго орла въ государственный гербъ».

Говоря о томъ, что «ни смотритель, ни другіе, видѣвшіе сіе упражненіе, не слышали отъ стрѣлявшихъ ничего болѣе, кромѣ только выстрѣловъ», земскій исправникъ въ заключеніе писалъ, что, хотя въ данномъ случаѣ и не было «никакого умысла противъ общаго порядка и спокойствія» и что онъ доноситъ о случаѣ потому, «чтобы впослѣдствіи не возникла излишняя переписка по неосновательному донесенію прописанныхъ офицеровъ, если оное послѣдуетъ», но тѣмъ не менѣе имъ были приняты извѣстныя мѣры, а именно имъ было приказано Финфштику на будущее время «во избѣжаніе подобныхъ безпокойствъ не дѣлать болѣе деревянныхъ птицъ».

Офицеры между тѣмъ, прибывъ въ Бобруйскъ, сообщили о случаѣ коменданту, который донесъ объ этомъ кievскому генералъ-губернатору Игнатьеву. Послѣдній очень встревожился, что произошло какое-то «политическое» дѣло въ имѣніи генералъ-адъютанта Сумарокова и приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе.

Такъ какъ разслѣдованіе это производилось секретно, Финфштикъ и не подозрѣвалъ, какая бѣда висѣла надъ нимъ. Черезъ мѣсяць онъ получилъ отъ Сумарокова письмо, которымъ онъ приглашался немедленно пріѣхать въ Петербургъ съ докладомъ по имѣнію.

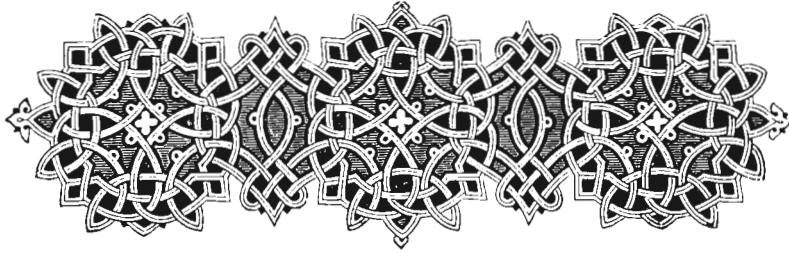
Въ тѣ времена для того, чтобы прїѣхать въ Петербургъ, необходимо было каждый разъ получать отдѣльный паспортъ. Такъ какъ полиціи онъ былъ извѣстенъ и задержекъ въ полученіи паспорта при его поѣздкахъ никогда не было, онъ послалъ человѣка съ прошеніемъ за паспортомъ, а самъ сталъ собираться въ дорогу. Къ его изумленію, человѣкъ возвратился безъ паспорта. Тогда Финфштикъ самъ поѣхалъ къ исправнику, отъ котораго узналъ, что не только паспорта онъ получить не можетъ, но что онъ не долженъ никуда отлучаться изъ имѣнія, такъ какъ находится подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи по секретному дѣлу о разстрѣливаніи россійскаго государственнаго герба.

Финфштикъ перепугался. Полетѣли отчаянныя письма въ Петербургъ. Узнавъ о существѣ дѣла, Сумароковъ принялъ въ судьбѣ Финфштика горячее участіе. Сумароковъ навелъ справки и у генераль-губернатора и у моголевскаго губернатора. Когда онъ узналъ, что генераль-губернаторъ придаетъ преувеличенное значеніе дѣлу и ни въ какомъ случаѣ не соглашается на прекращеніе его, онъ попросилъ моголевскаго губернатора прислать ему копию дознанія, произведеннаго чериковскимъ земскимъ исправникомъ. Затѣмъ онъ написалъ нѣсколько писемъ съ просьбой о прекращеніи дѣла министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову, приложивъ и копию дознанія. Ознакомившись съ дѣломъ, Д. Г. Бибиковъ приказалъ дѣло прекратить. Въ августѣ мѣсяцѣ Финфштику разрѣшено было явиться въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, благодаря только заступничеству генераль-адъютанта Сумарокова, Финфштику удалось выпутаться изъ большой бѣды. Онъ никогда не забывалъ дня 23 іюня и такъ неудачно устроеннаго имъ фогельшиссена.

М. Ф. Чулицкій.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ЖЕНИХЪ.

Изъ жизни вотяковъ.

I.

ВЪ СЕМЬѢ Тышкопійосовъ померъ старый кузо (большакъ). Сыновья умершаго съ женами и дѣтьми собрались въ отцовской квалѣ, гдѣ передъ воршудами лежало тѣло покойнаго, чтобы отдать почившему послѣднія почести.

Квала находилась среди двора. Это была легкая лѣтняя постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявою драичною крышею; она служила лѣтнимъ жилищемъ и въ то же время имѣла значеніе храма. Въ переднемъ ея углу на возвышеніи, къ которому вели три ступени, стояла на столикѣ деревянная коробка съ маленькимъ отверстіемъ въ видѣ оконца. Эта коробка считалась обиталищемъ покровителей домашняго очага—воршудовъ, и во время моленій оконце у нея растворялось, чтобы находившіеся въ ней воршуды могли наблюдать за усердіемъ молящихся. Въ коробкѣ хранились: зола отъ домашняго очага, ложка, бѣличій хвостикъ, крылышко рябчика, сучокъ березы, сушеная рыбка, косточка съ кускомъ мяса—частица отъ послѣдней принесенной жертвы, комочекъ шерсти, щепотки крупы и муки, завернутыя въ тряпочку, жертвенная посуда и лямнянъ—смѣсь сливаемыхъ при жертвоприношеніяхъ пива, браги, водки,

кумышки и проч.; всё эти вещи въ глазахъ вотяковъ имѣли свое особенное символическое значеніе. Изображеній самихъ воршудовъ здѣсь не было, но присутствіе ихъ въ коробкѣ предполагалось.

Лукерья, жена старшаго сына умершаго, еще съ утра наготовила тукмачей¹⁾ и разныхъ другихъ кушаній, принесла сосудъ съ кумышкой²⁾, нѣсколько деревянныхъ чашекъ, и все это ставила подлѣ покойника.

Когда всё родные и близкіе оказались въ сборѣ, мужъ Лукерьи, Андрей, подошелъ къ тѣлу отца, взялъ одинъ изъ тукмачей, трижды отломилъ отъ него по небольшому кусочку и положилъ ихъ въ стоявшую подлѣ покойника чашку, а въ другую чашку три раза плеснулъ изъ стоявшаго тутъ же сосуда кумышки и вслухъ началъ читать вотяцкую языческую молитву.

— Ты хорошо жилъ на этомъ свѣтѣ, — молился онъ, обращаясь къ покойнику: — живи же хорошо и на томъ! Не мучь и не тѣсни насъ! Собери возлѣ себя всѣхъ нашихъ дорогихъ умершихъ, наблюдай за нашими дѣтми и оберегай нашу скотину отъ рѣкъ и овраговъ; возьми ее руками-ногами! Больше я тебѣ ничего не могу сказать, не сердись. Живи на томъ свѣтѣ хорошо и не хвтай насъ ни спереди, ни сзади и не гоняйся за нами.

Слѣдомъ за Андреемъ всё остальные братья и другіе члены семьи тоже стали подходить къ умершему, каждый изъ нихъ бралъ въ руку тукмачъ, продѣлывалъ съ нимъ то же самое, что и Андрей, съ тою же молитвой лилъ въ другую чашку кумышку и отходилъ прочь.

Послѣ этого покойнику впихнули въ ротъ кусокъ масла, покрыли трупъ шубой и положили въ гробъ.

— Вотъ ты нашелъ себѣ новую избу; ее хорошо выстроили, — живи же хорошо и не сердись на насъ! — молились снаряжавшіе покойника.

Когда близкіе родственники вышли изъ квалы, въ нее стали входить боляки³⁾ и всё остальные однодеревенцы, чтобы также проститься съ умершимъ. По побѣрью вотяковъ, покойникъ будетъ встрѣчать на томъ свѣтѣ каждаго изъ провожавшихъ его на могилу и станетъ знакомить тамъ съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе, поэтому почти всякаго покойника они провожаютъ цѣлою деревней. Каждый изъ прощающихся приносилъ съ собою свою кумышку, часть ея отливалъ въ чашку покойнику, а остальное выпивалъ самъ, приговаривая:

— Будь здоровъ, живи хорошо, за нами не гоняйся, не сердись на насъ!

¹⁾ Пирогъ съ мясомъ.

²⁾ Самодѣльная хлѣбная водка.

³⁾ Дальніе родственники-однообщинники.

Когда гробъ подняли, чтобы нести въ церковь для отпѣванія, остающіеся стали просить покойнаго оставить имъ свое счастье и удачу.

Послѣ отпѣванія гробъ съ веселыми пѣснями до самой могилы провожала вся деревня, причемъ до околицы его несли на рукахъ, а потомъ поставили на сани. Кладбище находилось въ сторонѣ отъ села, въ лѣсу. Тамъ среди развѣсистыхъ елей была вырыта могила, въ которую и опустили гробъ, а вмѣстѣ съ нимъ опустили туда же котель, кочедыкъ для плетенія лаптей и нѣкоторыя другія вещи, необходимыя каждому вотяку въ домашнемъ быту, кромѣ того, туда же положили всякой свѣди, вылили нѣсколько рюмокъ кумышки, водки, пива и бросили нѣсколько монетъ.

— Даемъ тебѣ серебра и злата; не давай на насъ мѣста гнѣву, не бросай злобы; хорошенько присматривай за нашими сыновьями и дочерьми, и самъ живи хорошо на томъ свѣтѣ!—молились провожавшіе, зарывая могилу.

Затѣмъ на свѣже зарытой могилѣ стали справлять поминки.

Провожавшими было захвачено съ собой въ достаточномъ количествѣ всякой ѣды и питья. Тутъ были и блины, и ячница, и яйца, и пироги, и кумышка, и пиво, и водка. Начались обильныя возліанія, при чемъ справлявшіе тризну то и дѣло обращались съ громкими воззваніями къ умершему, приглашая его вмѣстѣ съ прежними покойниками прійти поѣсть и попить со своею роднею. А когда всѣ уже подвыпили настолько, что стало казаться, будто и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ ними пируютъ ихъ умершіе предки, Андрей, какъ старшій въ семьѣ послѣ умершаго отца, всталъ и громко прочелъ поминальную молитву:

— Въ свѣтѣ ходите, о старики! Въ иную землю ушли вы. Пусть же будетъ у васъ и хлѣба и соли вдоволь и съ пріятелями пусть вы дружно живете! Мы остались послѣ васъ сырыми и маломощными. Не отрывайте же вы вашихъ рукъ отъ работъ, семействъ нашихъ не разстраивайте, скотину не мучьте!.. Ъшьте, пейте и пойте пѣсни!

И долго, до поздней ночи на кладбищѣ слышались пѣни справлявшихъ поминки по покойномъ.

Наконецъ, оставивъ часть запасовъ на могилѣ погребеннаго, а остальное закопавъ въ ямки на могилахъ другихъ покойниковъ, всѣ разошлись по своимъ домамъ.

Вотяки смотрятъ на смерть лишь какъ на переходъ въ другую жизнь, гдѣ человѣкъ сохраняетъ свою прежнюю природу, свои потребности, привычки и обстановку, а слѣдовательно, нуждается въ пищѣ и питьѣ. Поэтому не только при похоронахъ, но и при всякомъ мало-мальски выходящемъ изъ обыденной жизни событіи вотякъ старается задобрить своихъ умершихъ предковъ разными

подачками и жертвоприношеніями; иначе, по вѣрованію вотяковъ, покойники всякими способами постараются дать почувствовать свое неудовольствіе тѣмъ, кто относится къ нимъ невнимательно.

II.

Семья Тышкопійосовъ была огромна. У покойнаго было шесть сыновей, изъ которыхъ только младшій, Ѳедоръ, былъ еще не женатъ, остальные же братья, за исключеніемъ предпослѣдняго, бывшаго въ солдатахъ, жили со своими семьями при отцѣ не раздѣленными. Всего въ этой семьѣ съ внуками и правнуками покойнаго было 28 душъ.

Покойный Тышко-пи, христіанское имя котораго было Иванъ, еще въ ранней молодости принялъ крещеніе, не по внутреннему убѣжденію, конечно, такъ какъ о христіанской религіи почти не имѣлъ никакого понятія, а чтобы воспользоваться тѣми льготами, какія предоставлялись въ то время новокрещеннымъ вотякамъ: они освобождались отъ рекрутчины и отъ податей. Понятно, что, сдѣлавшись христіаниномъ только по имени и по обязанности исполняя христіанскіе обряды и таинства, Иванъ-Тышко-пи, какъ и большинство крещеныхъ вотяковъ, не оставилъ своей прежней религіи и по старому кланялся и приносилъ жертвы своимъ отцовскимъ богамъ, да и дѣтей своихъ воспиталъ въ той же старой вѣрѣ. Даже старое языческое имя его сохранилось за нимъ до самой его смерти, а семья его была прозвана Тышкопійосами, то есть дѣтьми Тышко-пи.

Дворъ Тышкопійосовъ представлялъ собою цѣлый починокъ. На немъ стояло двѣ избы съ тремя кеносами¹⁾, квала, многочисленныя амбары, завозни и баня. Многія изъ этихъ строеній и пристроекъ созидались по мѣрѣ разрастанія семьи Тышко-пи.

Избы вотяковъ похожи на избы нашихъ русскихъ крестьянъ и отличаются отъ нихъ только внутреннимъ убранствомъ. Обыкновенно низенькая изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: зимнюю для постоянного жилья, теплую, и другую—лѣтнюю, или кенось, болѣе чистую, потому что въ ней меньше живутъ. Въ этой послѣдней у стѣны противъ входа устраиваются широкія нары, на косячатыхъ окнахъ разставляются горшки съ бальзаминами и базиликами а самыя окна драпируются бранными полотенцами; такія же полотенца украшаютъ пространство между окнами и потолкомъ, спускаясь съ брусьевъ, которыми заканчиваются полаты. Въ этихъ кеносахъ, гдѣ вотяки хранятъ свое имущество, каждая брачная пара имѣетъ свое особое отдѣленіе съ закрытою холще-

¹⁾ Клѣть.

вою занавѣскою деревянною кроватью съ периною и подушками. Кенось жилище по преимуществу женское; здѣсь женщина работаетъ, одѣвается и спитъ. Мебелью служатъ столы, нары и скамейки. Стулъ же во всемъ домѣ полагается только одинъ, и онъ назначается лишь для большака, для кузо.

Старшій изъ братьевъ Тышкопійосовъ, Андрей, за свой умъ и разсудительность прозванный однодеревенцами толшакъ-йосомъ, еще при жизни отца пользовался большимъ вліяніемъ не только въ своей семьѣ, но и на кенеш¹⁾: при рѣшеніи какихъ-либо важныхъ общественныхъ дѣлъ его голосъ всегда имѣлъ большой вѣсъ, хотя Андрей и не былъ самостоятельнымъ домохозяиномъ.

Жена Андрея, Лукерья, была тоже подъ стать своему мужу: она тоже считалась женщиной очень дѣльной и разсудительной. На религіозныхъ собраніяхъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ она иногда играла даже роль выборной жрицы, или парчася. У вотяковъ женщина хотя и находится въ семьѣ въ значительной зависимости отъ мужа, но въ общинѣ она является почти равноправной съ мужчиной, въ особенности въ области религіозной, и наравнѣ съ нимъ участвуетъ въ общественныхъ языческихъ жертвоприношеніяхъ и моленіяхъ. Кромѣ того, Лукерья славилась широко въ округѣ своимъ умѣньемъ варить кумышку, которая у вотяковъ находится въ полномъ распоряженіи женщинъ, такъ что даже мужъ не смѣетъ безъ разрѣшенія жены распорядиться ни одной чашечкой этого любимаго вотяками ихъ національнаго напитка.

У Андрея съ Лукерьей было три сына и двѣ дочери; одинъ изъ сыновей былъ уже женатъ и имѣлъ ребенка, а одна изъ дочерей замужемъ.

Остальные женатые братья ничѣмъ особеннымъ не выдавались среди другихъ вотяковъ; это были настоящіе хлѣборобы, кромѣ своей земли ничего не хотѣвшіе знать. Впрочемъ, въ зимнюю пору они занимались еще охотой на бѣлокъ и рябчиковъ, которыхъ отецъ ихъ отвозилъ на базаръ въ ближайшее торговое село. У cadaго изъ нихъ тоже было по нѣсколько дѣтей.

Старикъ Тышко-пи при жизни былъ главою всей семьи и всего хозяйства. Власть отца у вотяковъ обыкновенно ничѣмъ не ограничена, и онъ является полнымъ распорядителемъ какъ общаго имущества всей семьи, такъ и личности своихъ дѣтей. Въ случаѣ неповиновенія сына, онъ можетъ отдать его на сторону въ работники или даже совѣмъ выгнать изъ дому, лишивъ наслѣдства. И пока отецъ, по старости или болѣзни, не передастъ своей власти одному изъ сыновей, онъ является распорядителемъ не только личности своихъ дѣтей, но и ихъ семействъ: онъ выбираетъ для

¹⁾ Сходва.

сына невесту, онъ же можетъ и выгнать изъ дому жену сына, если недоволенъ ея поведеніемъ. Словомъ, дѣти, по обычаю, составляютъ собственность ихъ родителей, какъ рабочая сила, и считаются неполноправными: за ихъ долги и причиненные ими кому-либо убытки отвѣчаетъ ихъ отецъ; но долги и обязательства отца распространяются на его не отдѣленныхъ дѣтей: они за нихъ отвѣчаютъ, и деревенскій судъ обязываетъ сына жить съ отцомъ до уплаты имъ долга. По смерти же отца, если только семья рѣшаетъ остаться не раздѣленною и жить вмѣстѣ, всѣ его права переходятъ къ заступающему его большаку-кузо, который является представителемъ семьи въ ея сношеніяхъ съ властями, судьей между членами семейной общины и проч. Однако различіе въ положеніи отца и кузо все-таки очень велико. Въ то время, какъ кузо-отецъ всѣмъ распоряжается по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь чьего-либо совѣта или позволенія, выборный кузо уже ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ семейнымъ совѣтомъ, безъ согласія котораго онъ ничего не можетъ ни продать, ни купить и во всемъ долженъ отдавать ему отчетъ. Въ случаѣ же, если кузо будетъ самовольничать или не радѣть объ общественномъ имуществѣ, то братья всегда могутъ его смѣнить и выбрать на мѣсто его другого, болѣе подходящаго для этого брата, холостого или женатаго—безразлично.

Со смертью отца большая семья у вотяковъ превращается въ семейную общину съ отвѣтственнымъ распорядителемъ. Члены такой семьи ведутъ общее хозяйство, обѣдаютъ за общимъ столомъ, хотя часто живутъ въ отдѣльныхъ избахъ, и предоставляютъ въ общее пользованіе заработанныя на сторонѣ деньги. Какъ бы ни былъ мелокъ тотъ расходъ, который какой-либо членъ семьи думаетъ произвести на себя изъ общихъ суммъ, хотя бы купить табаку, онъ долженъ получить на это разрѣшеніе кузо.

Такимъ образомъ послѣ смерти отца семья Тышкочійосовъ предстояло или раздѣлиться и распасться на отдѣльныхъ домохозяевъ, или же составить изъ себя семейную общину съ выборнымъ кузо.

На другой же день послѣ похоронъ Андрей, временно заступившій мѣсто отца, собралъ семейный совѣтъ, чтобы рѣшить, какъ быть. Но такъ какъ братья жили дружно, и никто изъ нихъ не думалъ отдѣляться, то всѣ единогласно постановили оставить семью не раздѣленною, при чемъ единогласно же избрали своимъ кузо старшаго брата Андрея.

На этомъ же семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что пора женить и младшаго брата, Ѳедора. Но Андрей не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности при выборѣ невесты для брата и предоставилъ ему самому подыскивать для себя невесту,—онъ оставилъ только за собой право вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ одобрить или не

одобрить его выборъ, и въ послѣднемъ случаѣ посовѣтовать ему искать другую невѣсту.

Однако, у Федора уже давно была на примѣтѣ невѣста. Еще прошлой весной онъ познакомился на одномъ игрищѣ съ дѣвушкой другой деревни и цѣлое лѣто гулялъ съ нею. Наступившая зима прекратила ихъ свиданія, но Федоръ все время продолжалъ думать о своей возлюбленной и рѣшилъ, что будетъ за нее свататься, какъ только это будетъ ему дозволено.

Марья была дочь вотяка Семена, жившаго верстахъ въ десяти отъ Тышкочійосовъ. Въ семьѣ Семена былъ всего одинъ, уже женатый, сынъ и три взрослыхъ дочери, изъ которыхъ Марья была старшею. Марья имѣла уже двухъ маленькихъ сыновей и поэтому считалась завидною невѣстой; за нее сваталось много жениховъ, но отецъ всѣмъ отказывалъ, говоря: она у меня и сама хорошая работница, и безъ мужа даетъ работниковъ въ домъ.

Дѣвушки у вотяковъ пользуются почти безграничной свободой въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами; у нихъ на этотъ счетъ даже существуетъ поговорка: «Парень дѣвушку не любитъ—Богъ не любитъ». Цѣломудренность дѣвушекъ не только ставится ни во что, но, напротивъ, женихи бываютъ даже въ претензіи на невѣсту, если она сохранила дѣвственность. «Что ты за баба, коли тебя даже и въ дѣвкахъ-то ни одинъ парень не любилъ», попрекаетъ иногда вотьякъ свою жену. Поэтому рѣдкая дѣвушка-вотьячка, достигшая 14—15 лѣтъ, а иногда и ранѣе, не имѣетъ возлюбленнаго, а часто даже и нѣсколькихъ. Если же послѣдствіемъ внѣбрачной любви является беременность, то дѣвушка не только не теряетъ, а, напротивъ, выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ дала доказательство способности производить дѣтей. Но зато, едва только дѣвушка выходитъ замужъ, она сразу же становится вѣрной и примѣрной женой: замужество полагаетъ конецъ свободѣ чувства.

Семень дорожилъ своей дочерью тѣмъ болѣе, что въ его семьѣ былъ всего одинъ сынъ, а работники-мужчины были такъ нужны въ хозяйствѣ. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ выдавать свою дочь, дававшую работниковъ въ домъ; но въ послѣднюю зиму за нее посватался одинъ вдовый узырійосъ (богачъ), дававшій за нее большой йырдуиъ (калымъ). Семень не устоялъ противъ соблазна сразу же разбогатѣть и согласился выдать свою дочь за узырійоса.

Осипъ, какъ звали претендента на руку Марьи, былъ вдовецъ уже не первой молодости. У него была водяная мельница, на которой онъ и нажилъ свое богатство. Первая жена померла у него года три тому назадъ, и онъ жилъ вдвоемъ со своей незамужней дочерью, заправлявшей всѣмъ его хозяйствомъ. Кромѣ дочери, у него было два женатыхъ сына, но такъ какъ сыновья не ладили съ отцомъ, то онъ ихъ выдѣлилъ, и они жили отъ него отдѣльно.

Старикъ былъ очень крутого и неуживчиваго нрава, и про него ходили недобрые слухи. Говорили, что первую жену онъ вогналъ въ гробъ побоями; и, кромѣ того, рассказывали, что онъ знается съ ву-муртами¹⁾, ходить къ нимъ въ гости, и они у него бывають, и что богатство свое онъ нажилъ при ихъ помощи. Вотячки боялись ходить мимо водяной мельницы Осипа въ позднее время; онѣ увѣряли, что Осипъ заманиваетъ къ себѣ на мельницу женщинъ, снимаетъ съ нихъ крестъ и отдаетъ ихъ замужъ за ву-муртовъ.

Боясь, что единственная его дочь, уже взрослая дѣвушка, въ одно прекрасное время уйдетъ отъ него замужъ и ему придется остаться совершенно одному, Осипъ рѣшилъ жениться на второй женѣ, и выборъ его палъ на Марью.

Когда Марья узнала, что за нее сватается мельникъ Осипъ, она пришла въ ужасъ и заявила отцу, что ни за что не пойдетъ за колдуна. Но тотъ пригрозилъ ей своимъ проклятіемъ, если только она не покорится его волѣ, а ея братъ, которому, по обычаю, должна была достаться большая часть йырдуны за сестру, тоже со своей стороны пригрозилъ ей своимъ гнѣвомъ, и Марья должна была смириться.

Свадьба назначена была осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, такъ какъ Семень хотѣлъ воспользоваться работою дочери еще это послѣднее лѣто. Сватовство Осипа держалось въ секретѣ, и Ѳедоръ, не выдавшій Марью съ прошлой осени, ничего не зналъ объ ея просватаньи и былъ увѣренъ, что съ ея стороны не будетъ отказа, если только онъ посватается. Семья Тышкочійосовъ считалась одной изъ самыхъ дружныхъ и зажиточныхъ въ округѣ, и для отказа не видѣлось никакихъ причинъ. Но прежде, чѣмъ просить у братьевъ позволенія начинать формальное сватовство, онъ все-таки рѣшилъ переговорить предварительно съ самой Марьей.

III.

Наступила весна. Приближалась пора пахать.

Когда просохла земля, боляки со всей деревни собрались на кенешъ, чтобы обсудить, какую жертву принести богамъ передъ началомъ нынѣшнихъ полевыхъ работъ и какой день назначить для выѣзда въ поле. Такъ какъ въ прошедшемъ году урожай былъ плохой, то Андрей настаивалъ на томъ, чтобы въ настоящемъ году устроить болѣе обильное угощеніе богамъ и предложить принять участіе въ общественномъ богослуженіи также и другимъ деревнямъ, входившимъ въ тотъ мѣръ, къ которому при-

¹⁾ Водяными.

надлежала их деревня. Мэрами у вотяковъ называются религіозные союзы нѣсколькихъ деревень, связанныхъ между собою общими жертвоприношеніями.

Предложеніе Андрея было принято и на кенешѣ было рѣшено устроить на общественный счетъ бусывошь, т. е. напольное моленіе съ жертвоприношеніемъ богамъ отъ всего мэра. Объ этомъ были заранѣ оповѣщены жители всѣхъ деревень, входившихъ въ мэръ, на базарахъ и при случайныхъ встрѣчахъ. Днемъ бусывоса была избрана суббота, чтобы въ воскресенье послѣ обѣдни можно было пригласить въ поле съ иконами православнаго священника, который отслужилъ бы молебенъ и освятилъ мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ.

По языческимъ вѣрованіямъ вотяковъ, вся природа населена духами, и каждый предметъ имѣетъ свою душу. Такъ, существуютъ духи дома, духи водъ, полей, лѣсовъ, вѣтровъ, огня, неба, земли, солнца, луны и проч. Всѣ эти духи, носящіе свое особое названіе, раздѣляются на добрыхъ, покровительствующихъ человѣку, и злыхъ, старающихся вредить ему. Преслѣдуемый несчастьями, вотякъ старается при всякомъ подходящемъ случаѣ умилоствлять своими жертвами какъ покровительствующихъ ему добрыхъ духовъ, такъ и злыхъ, враждебныхъ ему, чтобы они ему не вредили. Жертвы приносятся или отдѣльными лицами и домохозяевами, или семьями, или всей деревней, или даже болѣе обширными обществами—союзомъ нѣсколькихъ деревень.

Особо ото всѣхъ этихъ мелкихъ добрыхъ и злыхъ духовъ стоитъ Инмаръ—высшее существо, живущее на небѣ и располагающее громомъ и молніей; въ его власти находится также тепло и холодъ, снѣгъ и тьма, дождь и снѣгъ, словомъ, все то, что видимымъ образомъ даетъ небо, которое онъ и олицетворяетъ. Съ проникновеніемъ къ вотякамъ христіанства и съ ознакомленіемъ ихъ съ идеею о единомъ Богѣ, они стали Инмара отождествлять съ Богомъ Отцомъ, но вообще христіанство оказалось не въ состояніи вытѣснить у вотяковъ ихъ старыхъ вѣрованій. Напротивъ, со своими мало понятными для нихъ тремя ипостасями Божества и святыми, оно оказалось очень удобнымъ для религіознаго компромисса, которому помогаютъ между прочимъ и сами православные священники и миссіонеры. Такъ, профессоръ И. Н. Смирновъ въ своей книгѣ «Вотяки» говоритъ, что при нѣкоторыхъ церквахъ Вятской губерніи устраиваются спеціальные «жертвенники»—особыя палатки, въ которыхъ разставлены по краямъ скамьи, а въ серединѣ столы, уставляемые жертвоприношеніями, которыя послѣ окропленія святой водой и благословенія священника тутъ же и поѣдаются съ возліаніемъ кумышки.

Въ назначенный для бусывоса день жители окрестныхъ деревень стали стекаться въ заранѣе опредѣленное мѣсто къ священной березовой рошѣ, куда каждая деревня привела съ собою по жертвенному животному. Эти животныя оплачивались всѣми домохозяевами, принимавшими участіе въ моленіи. Деревня, въ которой жила семья Тышкочійосовъ, со своей стороны выставила для угощенія боговъ чернаго быка.

Утромъ въ субботу, передъ восходомъ солнца, священная роща и прилегавшія къ ней поля запестрѣли народомъ, одѣтымъ въ праздничныя одежды. На большинствѣ мужчинъ были бѣлыя холщевыя рубахи и такіе же штаны или же бѣлые изъ сукманины кафтаны, подпоясанные сыромятнымъ ремнемъ съ мѣдными пряжками и скобкой для топора; на головахъ цилиндрическіе колпаки или картузы и гречушники.

Одежда женщинъ состояла также по большей части изъ бѣлыхъ же льняныхъ или пеньковыхъ рубашекъ съ вышивками на груди, отдѣланными серебромъ, шелкомъ и цвѣтными шерстяными нитками; поверхъ рубашки холщевый бѣлый же шоть-деремъ—круглый кафтанъ, обшитый полосами краснаго ситца; на головѣ чалма изъ полотенца съ расшитыми концами или трехугольный платокъ У дѣвушекъ бѣлые вязаные колпаки съ кисточкой или такы—шапочки съ нанизанными на лбу серебряными монетами, сзади которой у многихъ была прикрѣплена узкая полоса холстины, украшенная жетонами и монетами; на шеѣ—бусы и крескалы—ожерелья изъ серебряныхъ монетъ. Кое-гдѣ на головахъ замужнихъ женщинъ видѣлись старинныя айшоны—берестяные конусы, обшитые разными матеріями и унизанные бисеромъ и серебряными монетами. На ногахъ молодежи были надѣты толстые холщевые чулки и лапти, украшенные пропущенными между лыками расщепленными гусиными перьями или черною тесьмой.

Возлѣ священной рощи въ озимомъ полѣ была устроена скамейка для иконъ, обставленная срубленными распускающимися березками. Передъ этою скамейкою было разставлено нѣсколько столовъ для складыванія кусковъ жертвеннаго мяса. Тутъ же неподалеку стояли привязанными къ вкопаннымъ въ землю столбамъ и жертвенныя животныя.

При восходѣ солнца выборные парчасидали знакъ, и всѣ присутствующіе тотчасъ же взяли въ руки по березовой вѣткѣ, а домохозяева, кромѣ того, вооружились ножами. Каждая деревня выбрала для себя своего особаго парчася. Андрей былъ выбранъ парчасемъ отъ своей деревни.

Лишь только на горизонтѣ показался краешекъ восходящаго солнца, Андрей, держа въ одной рукѣ березовую вѣтку, а въ другой ножъ, началъ читать молитву.

— Сойдите благосклонно, о боги, на наши березовыя вѣтки!— молился онъ.— Вотъ мы вмѣстѣ съ добрыми сосѣдями и дорогой семьей приносимъ вамъ бычка. Примите его руками-ногами...

Далѣе онъ просилъ въ своей молитвѣ послать на поля хорошій урожай, беречь скотину, не пугать молящихся и не хватать ихъ ни спереди, ни сзади и проч.

Окончивъ молитву, Андрей съ разбѣга подскочилъ къ привязанному быку и ударилъ его ножомъ въ горло. Быкъ заревѣлъ и съ испугомъ сталъ метаться изъ стороны въ сторону, стараясь сорваться съ привязи. Но тутъ другіе домохозяева стали подбѣгать къ нему и наносить ему удары ножами въ разныя мѣста. Скоро быкъ былъ изрѣшетенъ и съ ногъ до головы окровавленъ.

Когда онъ наконецъ упалъ и издохъ, продырявленную шкуру его сняли и развѣсили на перекладинахъ въ даръ богамъ, а очищенное отъ костей и изрѣзанное въ куски мясо склади на столѣ и, прикрывъ его холстиной, оставили до слѣдующаго дня. Кости быка зарыли въ землю, тоже въ даръ богамъ.

Точно такимъ же образомъ были принесены жертвы богамъ и жителями другихъ деревень, принимавшими участіе въ этомъ общественномъ моленіи.

На слѣдующій день, послѣ обѣдни, пріѣхалъ съ иконами приглашенный священникъ, отслужилъ молебенъ и окропилъ св. водою жертвенное мясо. По окончаніи молебна парчась поднесли священнику на деревянномъ блюдѣ головы жертвенныхъ животныхъ, онъ окропилъ ихъ св. водою и сдѣлалъ на нихъ мѣломъ по кресту. Послѣ этого головы, почки и печенки животныхъ поступили въ пользу причта. Батюшка поздравилъ своихъ прихожанъ съ наступленіемъ полевыхъ работъ, выкушалъ предложенной ему кумышки, закусилъ жертвеннымъ мясомъ и, получивъ, сколько полагалось, за потребу, уѣхалъ.

По отѣздѣ священника вотяки начали готовить кашу съ мясомъ жертвенныхъ животныхъ и варить ее въ котлахъ, развѣшанныхъ среди поля на перекладинахъ. Каждая деревня составила свой кружокъ.

Когда кушанья поспѣли, началось пиршество. Такъ какъ у всѣхъ было достаточно принесено съ собой и кумышки, и пива, и водки, то скоро праздникъ принялъ очень оживленный характеръ. Но, угощаясь сами, вотяки не забывали и своихъ боговъ; по возможности каждому изъ нихъ они отливали по нѣсколько капель на землю кумышки, пива и водки и закапывали или клали подъ деревья блины, яйца и кусочки другихъ принесенныхъ съ собой кушаній и жертвенной каши.

Скоро поле и лѣсъ огласились веселыми пѣснями. Всюду виднѣлись группы мужчинъ и женщинъ, оживленно бесѣдовавшихъ между собой. Молодежь стала составлять игрища, на которыхъ

парни и дѣвушки изъ разныхъ деревень знакомились между собою.

Федоръ, встрѣтивъ Марью, рѣшилъ объясниться съ ней и сдѣлать ей предложеніе. Но она, какъ нарочно, почему-то все время старалась избѣгать его и ни на шагъ не отходила отъ своихъ подругъ. Онъ никакъ не могъ понять, что такое сдѣлалось съ его Марьей, и почему она сторонится отъ него. Неужели она уже промѣняла его на другого?—думалось ему, и тяжелое чувство ревности стало закрадываться въ его сердце. Только подъ вечеръ удалось ему, наконецъ, улучшить удобный моментъ, когда возлѣ Марьи никого не было, и онъ шепнулъ ей:

— Мнѣ надо бы переговорить съ тобой о дѣлѣ, Марья.

— О какомъ дѣлѣ?—покраснѣвъ, спросила та.

— Дѣло есть. Пойдемъ со мной.

— Куда? Говори здѣсь.

— Да вѣдь я тебя не съѣмъ, чего ты боишься-то? Здѣсь народъ, а мнѣ надо поговорить съ тобой наединѣ.

Дѣвушка на минуту поколебалась, но, видя серьезное лицо Федора, сдалась на его просьбу.

Они отошли въ сторону и углубились въ лѣсъ.

— Ну, какое у тебя дѣло?—спросила Марья.

— Дѣло вотъ какое: пойдешь ты за меня замужъ, если посватаюсь?—прямо задалъ вопросъ Федоръ.

Марья потупилась.

— Нѣтъ,—печально произнесла она наконецъ.

Федора ошеломилъ этотъ отвѣтъ: онъ былъ увѣренъ, что съ ея стороны не встрѣтитъ отказа, и вдругъ такая неожиданность. Онъ стоялъ блѣдный, точно приговоренный къ смерти. Марья, посмотрѣвъ ему въ лицо, вдругъ разрыдалась и сквозь всхлипыванія рассказала своему бывшему возлюбленному о томъ, почему она не можетъ согласиться на его предложеніе.

— Мнѣ легче бы утопиться, чѣмъ итти замужъ за Осипа, да что я могу подѣлать, коли отецъ такъ хочетъ?—говорила она.

— Не тужи, Марья,—повеселѣвъ, сказалъ ей Федоръ:—если только ты согласишься быть моей женой, мы можемъ справить свадьбу убѣгомъ. Когда тебя хотятъ вѣнчать съ Осипомъ?

— Батюшка выговорилъ, чтобы я проработала у него еще это лѣто, а послѣ Покрова назначили свадьбу.

— Ну, значить, времени у насъ будетъ довольно. Такъ согласна, что ли?

— Милый мой, желанный! Да неужто ты вправду говоришь? Вѣдь я о тебѣ всю зиму только и думала,—созналась Марья.

— Ну, коли согласна, давай мнѣ въ задатокъ свое кольцо, а тамъ видно будетъ, какъ устроить дѣло,—сказалъ счастливый Федоръ, тихонько стаскивая съ ея руки колечко.

Счастливая парочка долго, до самой ночи оставалась въ темномъ лѣсу, строя разные планы о своей будущей жизни. Пѣсни и шумъ голосовъ на мѣстѣ жертвоприношенія давно уже замолкли. Ночныя тѣни стали все болѣе и болѣе сгущаться; какіе-то неясные шорохи то тутъ, то тамъ слышались въ глубинѣ лѣсной чащи.

— Надо домой итти, я боюсь,—сказала Марья.

— Чего же ты боишься-то?—ласково спросилъ Федоръ.

— Какъ чего? Вѣдь ночь, а мы одни. Теперь въ лѣсу ходятъ няюлесъ-мурты ¹⁾ и могутъ насъ увести къ себѣ.

— Ну, полно! Вѣдь няюлесъ-мурты зла людямъ не дѣлаютъ, да сегодня имъ и не до того: они все еще, вѣроятно, пируютъ послѣ нынѣшняго угощенія,—стала успокаивать Марью Федоръ.

— А кутыси ²⁾? А убиры ³⁾? Вѣдь имъ ничего не досталось,—не унималась боязливая Марья.

— Кутыси живутъ только около рѣкъ, озеръ да ручьевъ. Да вѣдь на насъ, чай, кресты есть, а развѣ они осмѣлятся тронуть человѣка, у котораго крестъ на шеѣ?—ободрялъ свою возлюбленную Федоръ, хотя при воспоминаніи о кутысяхъ у него самого забѣгали мурашки по спинѣ.

Но, наконецъ, они вышли на большую дорогу, и Марья, встрѣтивъ возвращавшихся съ моленья своихъ однодеревенцевъ, разсталась съ Федоромъ.

IV.

На слѣдующій же день Федоръ разсказалъ братьямъ, что онъ нашелъ себѣ невѣсту, у которой уже двое дѣтей — оба мальчики. Бѣда только въ томъ, что его невѣста обѣщана ея отцомъ другому, но онъ проситъ братьевъ помочь ему увести ее и обвинчать убѣгомъ.

— Надо сначала разузнать и посмотрѣть, что за невѣста,—а потомъ уже рѣшать, стоитъ ее уводить подъ вѣнецъ убѣгомъ,—сказалъ разсудительный большакъ.

На томъ пока и порѣшили.

Въ началѣ іюня, во время празднованія гѣрбара (окончанія пашни), вотяки устраиваютъ такъ называемый мэрэнвось—жертвоприношеніе отъ нѣсколькихъ сосѣднихъ, связанныхъ единствомъ происхожденія деревень. Вотъ на этомъ-то праздникѣ братья и рѣшили выкрасть невѣсту Федора, если только она имъ понравится.

По наведеннымъ справкамъ, дѣвушка оказалась дѣйствительно стоящей того, чтобы женить на ней Федора. Она понравилась братьямъ также и при личномъ знакомствѣ. Однако, когда насту-

¹⁾ Лѣшіе.

²⁾ а) Кутыси и убиры—души самоубійць и загубленныхъ дѣтей.

пилъ праздникъ, и Ѳедоръ, встрѣтивъ ее на богомольѣ, сообщилъ, что намѣренъ увезти ее въ церковь тотчасъ же послѣ жертвоприношенія, Марья стала колебаться и заявила ему, что раздумала выходить за него замужъ, что отецъ проклянетъ ее за ослушаніе и что она боится мщенія отцовскихъ воршудовъ, передъ которыми происходило ея просватанье; а главное, что разгнѣванные отецъ и братъ не отдадутъ ей ея дѣтей, безъ которыхъ она ни за кого не пойдетъ. Напрасно Ѳедоръ доказывалъ ей, что воршуды не могутъ на нее гнѣваться, такъ какъ просватанье происходило помимо ея воли и желанія, что послѣ вѣнца отецъ ея долженъ будетъ помириться съ ней, такъ какъ сдѣланнаго будетъ воротить нельзя, и отдастъ ребятъ, а если не отдастъ, то ихъ можно будетъ у него выкрасть, — Марья ничего не хотѣла слушать; она упрямо твердила, что не пойдетъ.

Тогда Ѳедоръ, посовѣтовавшись съ братьями, рѣшилъ дѣйствовать помимо согласія Марьи и силою увезти ее подъ вѣнецъ. И вотъ во время самага разгара праздничнаго пиршества онъ отмашилъ ее въ сторону въ лѣсъ и тамъ, накинувъ ей на голову покрывало, схватилъ ее въ беремя и вмѣстѣ съ братьями усадилъ въ заранѣ приготовленный экипажъ. Марья оказывала при этомъ лишь очень слабое сопротивленіе, скорѣе только для видимости; въ глубинѣ души она была даже рада, что все это дѣлается какъ бы помимо ея воли. Можно будетъ по крайней мѣрѣ оправдываться тѣмъ, что ее увезли насильно.

Похититель съ однимъ изъ своихъ братьевъ сѣлъ въ этотъ же экипажъ, а остальные братья вскочили въ другую телѣгу и, прикрывая первую телѣгу, помчались слѣдомъ за нею въ свою деревню.

Однако кое-кто изъ постороннихъ видѣлъ сцену похищенія дѣвушки, и вѣсть объ этомъ скоро дошла и до отца Марьи. Разгнѣванный, онъ собралъ кое-кого изъ своихъ боляковъ на помощь и бросился съ ними догонять похитителей.

Узкая дорога все время шла густымъ лѣсомъ. Увидавъ за собою погоню на нѣсколькихъ наполненныхъ людьми телѣгахъ и боясь, что у нихъ отнимутъ Марью, братья за однимъ поворотомъ остановили лошадей. Ѳедоръ выскочилъ изъ передней телѣги и, схвативъ Марью, увлекъ ее въ сторону, въ лѣсъ, а остальные, размѣстившись на двухъ экипажахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали погонять лошадей, увлекая за собою преслѣдователей. Когда же тѣ догнали бѣглецовъ, то, къ своему изумленію, не увидели среди нихъ той, кого искали.

— Куда вы, озорники, дѣвали мою Марью? — закричалъ на братьевъ Семень.

— Какую Марью? Что ты, перекрестись, поблазило тебѣ, должно быть, что-нибудь! — насмѣшливо отвѣтилъ Андрей.

— Отдавайте, что ли, добромъ, а то всѣ кости переломаетъ!— угрожалъ Семень.

— Да что ты, бѣлены объѣлся, что ли? Али выпилъ лишняго? Развѣ не видишь, что у насъ никакой Марьи нѣтъ.

— А зачѣмъ же вы погнали отъ праздника, коли такъ?

— Вотъ что! Тебя не спросили! Отпраздновали и поѣхали. Да что ты привязываешься-то? Что тебѣ отъ насъ надо?

Боляки, пріѣхавшіе съ Семеномъ, сконфуженно смотрѣли на братьевъ.

— Пошутить кто-то, Семень, надъ тобой, надо полагать,— сказалъ одинъ изъ нихъ.—Напрасно только ты насъ побезпокоилъ. Ну, ѣдемъ назадъ.

— Ву-муртъ тебя попуталъ, надо полагать. Ты не замѣтилъ: не мокрая была лѣвая пола у того, кто тебѣ говорилъ, что мы украли твою Марью? — насмѣшливо спросилъ Андрей.

Всѣприсутствовавшіе засмѣялись. По повѣрью вотяковъ, ву-мурты часто принимаютъ человѣческой образъ и ходятъ среди людей и отличить ву-мурта отъ вотяка можно только тѣмъ, что у перваго всегда бываетъ лѣвая пола мокрой.

Преслѣдователи вернулись ни съ чѣмъ, а братья, отыскавъ Федора съ Марьей, спрятавшихся въ лѣсу, благополучно продолжали путь.

Передъ домомъ жениха Марья снова, соблюдая приличіе, подняла крикъ и начала звать къ себѣ на помощь своихъ родныхъ, которыхъ, конечно, и близко не было. Тогда ее насильно втащили въ избу, гдѣ она начала метаться изъ угла въ уголъ, какъ бы ища выхода, и только когда женихъ пригрозилъ ей, что побьетъ ее, если она не перестанетъ кричать, она наконецъ присмирѣла.

V.

На ночь Марьѣ отвели свободный кеносъ и заперли ее тамъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день везти къ попу и обвинчать съ Федоромъ. Всѣ улеглись спать, и скоро во дворѣ и во всемъ домѣ наступила тишина. Но не спится Марьѣ. Одна дума за другою лѣзутъ въ ея голову. Больше всего ее озабочиваетъ мысль объ ея дѣтишкахъ. Что-то они теперь дѣлаютъ безъ матери! Хорошо ли она поступаетъ, рѣшаясь оставить ихъ однихъ? Вѣдь отецъ ни за что не отдастъ ихъ ей потомъ. Какъ они будутъ жить безъ матери? Положимъ, сестры не оставятъ ихъ и будутъ за ними присматривать, но вѣдь сестры тоже могутъ выйти замужъ, а у невѣстки свои собственныя дѣти и ей некогда будетъ возиться съ ея дѣтьми. И будутъ они себя чувствовать сиротами при живой матери. Что они будутъ думать потомъ, когда подра-

стутъ? Скажутъ: хороша, видно, была у насъ мать: бросила насъ, когда мы были еще маленькими, не смышленными, и ушла къ чужому человѣку.

Марья забывается чуткимъ, тревожнымъ сномъ, и вдругъ ей начинаетъ чудиться, что гдѣ-то плачетъ ея младшій сынишка и сквозь слезы кричитъ: «Мамка, куда ты ушла? Я ѣсть хочу».

Марья въ испугѣ открываетъ глаза и садится на своей постели. «Ребята меня зовутъ; они не хотятъ, чтобы я выходила замужъ за Ѳедора, — мелькаетъ въ ея головѣ. — Это наши воршуды донесли сюда до меня голосъ моего сына. Они сердятся и не хотятъ, чтобы я оставляла своихъ дѣтей. Надо бѣжать. Скорѣе, скорѣе, пока всѣ спятъ».

Она поднялась съ постели и въ темнотѣ начала нащупывать дверь. Но дверь оказалась затворенной на засовъ снаружи. Что дѣлать? Какъ выбраться изъ кеноса? Она подошла къ окну, ставни котораго были тоже притворены снаружи. Марья отодвинула створку у раздвижной рамы и стала пробовать рукой, крѣпко ли припертъ ставень. Оказалось, что онъ былъ привернуть снаружи только вертушкой. Марья начала тихонько толкать ставень, и онъ подался настолько, что вертушку можно было достать пальцемъ. Она просунула въ образовавшуюся между подоконникомъ и ставнемъ щель палецъ, отвернула вертушку, и ставень растворился.

Марья мысленно поблагодарила своихъ воршудовъ и пообѣщала имъ настряпать блиновъ, если только ей удастся благополучно выбраться изъ этого дома.

Окно выходило на огороды. Марья тихонько вылѣзла черезъ него, задвинула снова створку и притворила ставень на вертушку. Ночь была темная, безлунная. Марья не знала расположенія построекъ при домѣ и наугадъ полѣзла черезъ огородъ, надѣясь выйти на дорогу...

На утро Ѳедоръ поднялся чуть свѣтъ и растворилъ дверь въ темницу своей плѣнницы.

— Ну, Марья, заспалась; пора вставать,—сказалъ онъ, входя въ кеносъ.

Но на его зовъ никто не отозвался.

«Должно быть, все еще крѣпко спитъ», подумалъ онъ, подходя къ постели.

Но какво же было его изумленіе, когда онъ убѣдился, что постель была пуста. Онъ сталъ заглядывать подъ нары и во всѣ углы кеноса, думая, не спряталась ли она гдѣ-нибудь ради шутки, но Марья нигдѣ не оказывалось. Ѳедоръ подошелъ къ окну, сквозь щели котораго просвѣчивали яркіе солнечные лучи; но створка была задвинута, и ставень запертъ снаружи на вертушку.

«Что за чудеса,—подумалъ Ѳедоръ:—неужто ее кто-нибудь выпустилъ въ дверь?»

Онъ ломалъ голову и никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ Марья могла исчезнуть изъ кеноса. Скоро онъ всполошилъ весь домъ; всѣ столпились около кеноса, растворили припертое на вертушку окно и начали обсуждать таинственное исчезновение Марьи, казавшееся всѣмъ загадкой.

— Вѣдь не въ трубу же она вылетѣла?—недоумѣвалъ большакъ.

— А очень просто, что и въ трубу. Ужъ не иначе, что это была кукри-баба!—подхватила догадливая солдатка Арина.

— Сама ты кукри-баба!—вступился за свою навѣсту Федоръ.— Что я креста на ней не видалъ, что ли?

— Ну, полно вамъ ссориться-то! Надо лучше разобратъ, кто ей въ самомъ дѣлѣ могъ помочь уйти?—сказалъ большакъ.

— Кто ей помочь? Да зачѣмъ ей было помогать? Она сама вылѣзла въ окно, да и затворила его снова,—заговорила молчавшая до тѣхъ поръ Лукерья.—Вѣдь окно-то совсѣмъ легко открывается изнутри, если только толкнуть хорошенько ставень. Я сама сколько разъ открывала его такъ-то.

И она показала, какъ можно открывать его, не выходя изъ кеноса. Вскорѣ отысканы были въ огородѣ на земляныхъ грядкахъ и слѣды бѣглянки, послѣ чего уже ни у кого не осталось болѣе сомнѣнiя, что Марья ушла черезъ окно.

— Эхъ вы, караульщики! не могли укараулить дѣвку!—упрекнула мужиковъ одна изъ невѣстокъ.

— А ты тоже хорошъ женихъ: привезъ невѣсту, да и проспалъ ее,—замѣтила другая.

— А жениться тоже надо!—язвительно добавила обиженная Арина.

Эти замѣчания и насмѣшки поразили въ самое сердце Федора. Стыдъ передъ бабами, безсильный гнѣвъ на коварную измѣнницу, досада на самого себя и оскорбленное чувство любви—всѣ эти чувства разомъ забурлили въ его душѣ. Онъ стоялъ жалкiй, убитый стыдомъ и отчаянiемъ.

— Ну, Федюха, не печалься,—началъ утѣшать его большакъ.— Ужъ коли на то пошло, мы не дадимъ тебя въ обиду, и все равно, что бы тамъ ни случилось, а будетъ по-нашему: подговоримъ боляковъ и снова выкрадемъ тебѣ твою Марью, и ужъ тогда безъ всякихъ разговоровъ прямо къ попу.

— Знамо дѣло,—говорили остальные братья:—надо довести дѣло до конца. Ужъ коли разъ взялись, такъ надо кончить.

Такимъ образомъ эта неудача только больше возбудила энергiю у братьевъ. Вотяки народъ вообще чрезвычайно настойчивый въ достиженiи разъ намѣченной цѣли и никогда не останавливаются на полдорогѣ. Про Федора же и говорить нечего, что онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы добиться своего. Иначе ему

теперь стыдно было бы и глаза показывать передъ дѣвушками на играхъ: его засмѣяли бы за то, что не сумѣлъ укараулить своей невѣсты.

VI.

— Гдѣ это ты пропадала?—встрѣтилъ съ суровымъ видомъ Семень свою дочь, когда та явилась на слѣдующій день домой.

Марья рассказала свое приключеніе со всѣми подробностями, умолчавъ только о томъ, что сама еще ранѣе дала слово Ѳедору выйти за него.

— Ахъ, мошенники! Ахъ, озорники! Ловко было они насъ одурачили. Почему же ты не кричала, когда мы ихъ нагнали на дорогѣ?

— Да мнѣ зажали ротъ, и я не могла кричать.

— Ты сама дозволила имъ увезти себя?—подозрительно смотря на дочь, спросилъ отецъ.

— Зачѣмъ бы я убѣжала отъ нихъ, если бы добровольно ушла съ ними?

— Такъ, значитъ, ты раньше гуляла съ Ѳедоромъ?

Марья, потупившись, молчала.

— Гуляла, что ли?—допытывался Семень.

— Да вѣдь мало ли я съ кѣмъ гуляла?—уклончиво отвѣтила Марья.

— Ну, Марья, смотри: бѣда будетъ тебѣ, если ты уйдешь къ Тышкопійосамъ и дозволишь имъ насмѣяться надъ моими сѣдинами. Проклянута! А своихъ ребятишекъ тебѣ, какъ своихъ ушей, никогда больше будетъ не увидать,—пригрозилъ отецъ.

Но въ сущности онъ былъ доволенъ тѣмъ, что дѣло такъ обошлось. Посмѣялись надъ нимъ въ прошлый разъ Тышкопійосы, теперь и надъ ними при случаѣ можно будетъ подтрунить.

Вернувшись къ отцу, Марья, однако, не чувствовала себя хорошо. Ея совѣсть подсказывала ей, что она поступила съ Ѳедоромъ не совсѣмъ красиво. Не она ли сама позволила ему снять съ своей руки кольцо и этимъ дала ему право надѣяться, а потомъ обманула? Ей было жаль Ѳедора тѣмъ болѣе, что она все-таки чувствовала къ нему влеченіе, тогда какъ старый мельникъ вызывалъ въ ней одно лишь чувство отвращенія, и она не могла себѣ даже представить, какъ будетъ жить съ этимъ противнымъ колдуномъ. И Марья путалась въ своихъ чувствахъ и не знала, какъ ей быть. Иногда на нее находили такія минуты, что она готова была сама бѣжать къ обманутому Ѳедору и слезно вымаливать у него прощеніе за свой поступокъ; но ее останавливала мысль, что онъ на нее теперь сердитъ, не станетъ выслушивать никакихъ объясненій и прогонитъ ее отъ себя безъ всякихъ разговоровъ.

Марья часто уединялась въ отцовскую квалу и усердно молилась воршудамъ, прося ихъ научить, какъ ей быть. Не разъ она носила въ священную роцу кровь и потроха зарѣзанныхъ куръ и гусей въ даръ нюлесь-муртамъ и подвѣшивала имъ на деревьяхъ блины и мясо и пожертвовала имъ даже не одно полотенце, чтобы только они ее научили, какъ ей поступить. Но, очевидно, молитвы ея не доходили до нихъ, и тоска попрежнему грызла ея сердце, и она не знала, на что ей рѣшиться.

VII.

Выкрасть Марью братья задумали во время лѣтняго праздника Гуждора, происходящаго также на полѣ.

По окончаніи обычныхъ общественныхъ жертвоприношеній богамъ и духамъ умершихъ предковъ съ обильнымъ возліаніемъ кумышки и другихъ напитковъ, начались по обыкновенію различныя игрища молодежи.

Старики и домохозяева, со своей стороны, устроили обычную въ этотъ день игру «тау каронъ»—принесеніе благодарности богамъ. Игра эта состоитъ въ томъ, что выбираютъ самаго здороваго мужика и даютъ ему въ руки хвостъ заколотога жертвеннаго быка, очищенный отъ шерсти и для крѣпости заваренный въ водѣ Мужикъ получаетъ названіе «ошпи» (бычка), котораго и изображаетъ во время игры. Нѣкоторые изъ участниковъ въ игрѣ садятся за столъ, наливаютъ въ чашку кумышку, которую ошпи долженъ выпить, наклонившись надъ столомъ и держа сзади обѣими руками бычачій хвостъ, въ то время какъ другіе играющіе стараются помѣшать ему въ этомъ, толкая и поддразнивая его.

На этотъ разъ выборъ быть бычкомъ выпалъ на долю Андрея, какъ наиболѣе здороваго мужика изъ всѣхъ присутствующихъ. И какъ онъ ни отпѣкивался отъ этой чести, потому что долженъ былъ помогать братьямъ въ похищеніи Марьи, но не могъ отказаться: своимъ рѣшительнымъ отказомъ онъ побоялся обидѣть не только выбравшихъ его, но и боговъ, въ честь которыхъ происходила эта игра.

Раздосадованный тѣмъ, что его отвлекли отъ задуманнаго похищенія, онъ рѣшилъ выместить свое неудовольствіе на Осипѣ, женихѣ Марьи, который тоже принималъ участіе въ игрѣ.

— Му-у!—ревѣлъ Андрей дикимъ голосомъ и, помахая сзади хвостомъ быка, наклонивъ голову и дико озираясь по сторонамъ, медленно подходилъ къ стоявшей передъ нимъ на столѣ чашкѣ съ кумышкой.

Но едва только онъ наклонился, чтобы отвѣдать любимаго напитка, какъ окружавшіе его мужики начали подталкивать и отбѣснять его отъ стола.

— Пошелъ, чортъ рогатый!—со смѣхомъ кричали они на него.

Андрей взмахнулъ надъ головой хвостомъ и ударилъ перваго попавшагося ему подъ руку мужика; остальные бросились вразсыпную. Онъ снова заложилъ руки назадъ и снова сталъ подходить къ столу, зорко поглядывая, не подойдетъ ли подтолкнуть его также и Осипъ. Но тотъ, точно чувствуя недобрый умыселъ Андрея, держался въ сторонѣ.

— Му-у!—мычалъ опять ошпи, какъ бы въ ярости роя ногами землю и вращая во все стороны глазами.

Игра принимала все болѣе и болѣе оживленный характеръ. Наконецъ и Осипъ не выдержалъ и тоже началъ подходить и вмѣстѣ съ другими подталкивать Андрея.

— Му!—заревѣлъ тотъ и, съ яростью набросившись на соперника своего брата, сбиль его съ ногъ и началъ, не жалѣя, тунить крѣпкимъ бычачьимъ хвостомъ.

Мужики при общемъ смѣхѣ едва отогнали разсвирѣпѣвшаго быка отъ его жертвы. Избитый, сконфуженный и озлобленный Осипъ отошелъ въ сторону и больше уже не пытался дразнить сердитаго быка.

Тѣмъ временемъ Федоръ съ остальными братьями начали приводить задуманный плачь въ исполненіе; но безъ большака повели дѣло такъ неумѣло, что испортили все. Встрѣтивъ Марью, Федоръ заманилъ ее въ лѣсъ, въ сторону отъ мѣста игрищъ. Однако Семень, какъ оказалось, былъ на этотъ разъ на сторожѣ. Онъ и самъ зорко наблюдалъ все время за своей дочерью и подговорилъ многихъ боляковъ своей деревни не спускать съ нея глазъ, обѣщая имъ за это выставить потомъ достаточное количество кумышки. Такимъ образомъ исчезновеніе Марьи съ Федоромъ въ лѣсу не ускользнуло отъ глазъ наблюдающихъ. Тышкочійсовъ подстерегли въ тотъ самый моментъ, когда они усаживали Марью въ экипажъ, чтобы вести. На помощь братьямъ прибѣжали ихъ сторонники, и между ними и боляками Семена завязалась драка. На шумъ со всехъ сторонъ началъ стекаться народъ. Дѣло грозило принять большую огласку и окончиться крупнымъ скандаломъ. Увидавъ, что планъ ихъ раскрытъ, братья принуждены были отказаться и на этотъ разъ отъ своего намѣренія похитить Марью.

Эта новая неудача такъ сильно подѣйствовала на Федора, что онъ не спалъ по ночамъ, почти ничего не ѣлъ и ходилъ осунувшійся, угрюмый, сосредоточенный. Однако она не только не охладила его пылъ, но лишь больше разожгла его желаніе во что бы то ни стало добиться своего.

Братья Федора старались, со своей стороны, насколько возможно, ободрить его, говоря, что рано или поздно, а они выкрадутъ Марью. Самолюбіе ихъ тоже было уязвлено этой двойною неудачею, и они ни за что не хотѣли доставить торжества сопернику Федора.

VIII.

Послѣ того, какъ Андрей такъ всенародно надругался во время общественной игры надъ Осипомъ, послѣдній сталъ сильно опасаться, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ братья не увезли его невѣсту и еще разъ не посмѣялись бы надъ нимъ. Онъ готовъ былъ многимъ пожертвовать, чтобы только не дать торжествовать братьямъ и потому сталъ просить Семена ускорить свадьбу, за что пообѣщаль къ условленному йырду ну еще прибавить нѣсколько десятковъ рублей. Семень согласился, и свадьба была назначена черезъ недѣлю. Узнавъ объ этомъ, слабохарактерная Марья сильно переполошилась. До сихъ поръ ее все-таки не покидала надежда, что авось какъ-нибудь само собой устроится, что она сдѣлается женой Федора. Измѣненіе же срока свадьбы лишало ее этой послѣдней надежды, потому что Федоръ могъ объ этомъ не знать. Ея жалость къ Федору и отвращеніе къ Осипу росли въ ней съ каждымъ днемъ по мѣрѣ приближенія срока свадьбы. Наконецъ она не вытерпѣла и, подговоривъ одну изъ своихъ подругъ, послала ее сказать Федору, что день свадьбы ея съ постылымъ женихомъ близокъ, и что если Федоръ еще не позабылъ ее, то она готова за нимъ бѣжать, пусть только назначитъ время и мѣсто, гдѣ имъ встрѣтятся.

Повеселѣлъ Федоръ, получивъ вѣсточку отъ Марьи. Онъ тотчасъ же сообщилъ братьямъ объ этомъ, и они, посовѣтовавшись, назначили свиданіе на слѣдующій день, указавъ мѣсто, куда должна была прійти Марья; а сами тѣмъ временемъ заготовили все, чтобы везти ее прямо въ церковь.

Но Семень съ сыномъ зорко наблюдали за каждымъ шагомъ Марьи. Они подмѣтили, что она ходитъ въ послѣднее время что-то ужъ очень озабоченная, и старались не терять ее изъ виду ни на одну минуту. И лишь только на слѣдующій день Марья попробовала тихонько ускользнуть изъ дому, отецъ поймалъ ее и, жестоко поколотивъ, заперъ на засовъ въ кеносъ до слѣдующаго дня, когда должна была состояться ея свадьба съ Осипомъ. Вѣрная подруга тотчасъ же сообщила Тышкopiesамъ объ этой новой неудачѣ, и тѣ, посовѣтовавшись, рѣшились на крайнее средство.

Отъ деревни, гдѣ жила Марья, до приходской церкви было нѣсколько верстъ, и дорога шла густымъ лѣсомъ. Братья, подговоривъ боляковъ, задумали напасть на свадебный поѣздъ, силой отнять невѣсту и везти ее въ другой приходъ для вѣнчанія съ Федоромъ.

Однако Семень на этотъ разъ тоже оказался не промахъ. Онъ предвидѣлъ возможность попытки со стороны Тышкopiesовъ похитить невѣсту и для избѣжанія возможнаго скандала посовѣто-

валь жениху вѣнчаться не въ своей приходской церкви, а въ чужой. Но этотъ замыселъ держался до послѣдней минуты въ секретѣ, такъ что всѣ окружающіе были увѣрены, что вѣнчаніе будетъ происходить въ приходской церкви.

Братья съ боляками напрасно прождали цѣлый день въ лѣсу, подкарауливая у дороги проѣздъ невѣсты. И лишь подъ вечеръ посланный за справками болякъ вернулся и сообщилъ, что молодые уже обвѣнчаны въ другой церкви и пируютъ на мельницѣ, въ дома Осипа.

Это извѣстіе, какъ громомъ, поразило Федора. Онъ не промолвилъ ни слова, вернулся домой и заперся въ отцовской квалѣ, никого къ себѣ не пуская. Видя отчаяніе своего младшаго брата, остальные братья ходили точно опущенные въ воду, не смѣя подойти къ нему со словами утѣшенія. Да и что они могли бы ему сказать? Они всѣ чувствовали себя какъ бы виноватыми передъ нимъ...

На слѣдующее утро новобрачныхъ разбудилъ шумъ и громкіе тревожные крики, раздававшіеся на дворѣ.

— Батюшки, «сухую бѣду» вѣдь онъ ему притащилъ!—громко говорилъ передъ окномъ чей-то голосъ.

Предчувствуя недоброе, Осипъ выскочилъ на крыльцо и съ ужасомъ увидалъ трупъ Федора, висѣвшій у него на воротахъ. Марья, выбѣжавшая слѣдомъ за своимъ мужемъ, взглянувъ на качавшійся на воротахъ трупъ Федора, безъ чувствъ упала на землю. Отъ испуга она помутилась въ разсудкѣ. Ей стало казаться, что Федоръ превратился въ кутыся и вмѣстѣ съ убирами и ву-муртами преслѣдуетъ ее на каждомъ шагу. Она боялась выходить изъ дому даже днемъ и все сидѣла взаперти. Однажды она чуть было не зарѣзала своихъ собственныхъ дѣтей: ей почудилось, что духъ Федора требуетъ ихъ себѣ въ жертву.

П. Инфантьевъ.

ЭПОХА РЕФОРМЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

XLI.

СЛИ политическая организація «Земли и Воли» ускользнула отъ вниманія агентовъ полиціи и дѣатели ея, какъ члены этой организаціи, не понесли никакой кары, то прочія общественныя «ячейки», гдѣ администраціей былъ усмотрѣнъ «вольный духъ», опасное направленіе и склонность къ оппозиціи, потерпѣли именно въ 1862 г. сильный разгромъ. Для обзорѣнія состоянія этихъ ячеекъ намъ необходимо обратиться къ событіямъ, предшествовавшимъ этому году, а также относящимся къ началу его.

Какъ мы уже знаемъ, эмансипаціонная эпоха на зарѣ своей была окружена вѣяніями просвѣтительнаго характера, и интеллигенція въ первую очередь выдвигала необходимость широкаго народнаго образованія. Въ виду пассивнаго отношенія правительственныхъ сферъ къ этой сторонѣ отечественной жизни, руководство ею и ея организація были энергично подобраны и взяты въ руки именно представителями этой интеллигенціи въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ ученой и педагогической корпораціи съ горячимъ участіемъ тутъ учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній. Вспоминая впоследствии, какъ вливались волны молодежи въ закипѣвшее тогда жизнью педагогическое море, нынѣ уже покойный В. П. Острогорскій въ своей книгѣ «Изъ исторіи моего учитель-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХІІІ, стр. 961.

ства»¹⁾ говоритъ: «...А между тѣмъ, какъ нашъ кружокъ, съ сентября 1859 года начавшій собираться еще и по вторникамъ у одного изъ нашихъ членовъ, товарища моего по 3-й гимнази, В. М. Сорокина, вель замкнутую кружковую жизнь,—въ петербургскомъ обществѣ проявилось неслыханное дотолѣ педагогическое оживленіе. Знаменитыя статьи Пирогова въ «Морскомъ Сборникѣ» 1856 года, «Вопросы жизни» и «Школа и жизнь», появленіе педагогическихъ журналовъ, множество школьныхъ воспоминаній въ печати, вмѣстѣ съ ожидавшимся освобожденіемъ крестьянъ, при сознаніи нашей образовательной и воспитательной несостоятельности и невѣжества въ народной массѣ, — все это вмѣстѣ естественно обратило общество къ вопросамъ педагогическимъ. Сначала обсуждались они всюду только въ разговорахъ и печати, а потомъ вскорѣ перешли и къ опытамъ практическаго разрѣшенія, въ формѣ учрежденія на новыхъ началахъ и самыхъ школъ, ежедневныхъ и воскресныхъ. Естественно также, что, при тогдашнемъ общемъ подъемѣ духа, въ молодежи, всегда чутко отзывающейся на все новое, манящее къ себѣ идейностью содержанія и перспективой будущаго, это общественное движеніе должно было встрѣтить особенное сочувствіе. И вотъ, уже въ 1859 году основывается въ Петербургѣ, около Таврическаго сада, частное бесплатное Таврическое училище. Оно основывается юнымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ Михаиломъ Осиповичемъ Косинскимъ, горячимъ энтузіастомъ, вмѣстѣ съ учителемъ, преподававшимъ въ Смольномъ институтѣ, покойнымъ редакторомъ «Русской Старины», М. И. Семевскимъ, извѣстнымъ педагогомъ Д. Д. Семеновымъ, покойнымъ профессоромъ О. Θ. Миллеромъ и другими молодыми людьми изъ офицеровъ и студентовъ и нѣсколькими дамами и дѣвицами. Вотъ это-то первое у насъ въ Россіи ежедневное бесплатное народное училище, основанное кружкомъ частныхъ лицъ, добровольно и безкорыстно пожелавшихъ послужить русскому просвѣщенію, и положило, кажется, начало такъ скоро остановленному у насъ развитію частныхъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ, именно въ то время, когда мы такъ настоятельно нуждались въ скорѣйшемъ распространеніи начальнаго образованія. Насколько же труды этихъ молодымъ людей, піонеровъ нашего новаго народнаго просвѣщенія, были на первыхъ же порахъ благотворны и искусны, видно изъ того, что уже вскорѣ по открытіи Таврической школы, быстро показавшей замѣчательные успѣхи въ первоначальномъ обученіи, нѣсколько лицъ изъ ея основателей, на примѣръ, самъ Косинскій, М. И. Семовскій, Д. Д. Семеновъ и нѣкоторые другіе получили приглашеніе занять уроки

¹⁾ Викторъ Острогорскій. «Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. (1851—1864 г.г.)».

въ Смольномъ институтѣ отъ его знаменитаго въ юной исторіи русской педагогики инспектора, К. Д. Ушинскаго».

Авторъ воспоминаній чрезвычайно живо и обстоятельно рисуетъ передъ читателями возникновеніе одной изъ такихъ бесплатныхъ школъ, а именно Василеостровской, выводитъ рядъ лицъ, пріобрѣвшихъ себѣ въ послѣдствіи имена на педагогическомъ поприщѣ, какъ дѣятелей прогрессивнаго (но не революціоннаго) направленія, знакомитъ съ постановкой здѣсь дѣла образованія и педагогики вообще, короче—вводитъ насъ въ кругъ вопросовъ чисто-просвѣтительнаго характера, откуда совершенно невозможно сдѣлать какого-либо вывода относительно опасности для существующаго строя педагогическихъ начинаній молодежи, ихъ совѣтниковъ и руководителей, во главѣ которыхъ, между прочимъ, стоялъ и К. Д. Кавелинъ, далекій, какъ извѣстно, отъ близости къ революціоннымъ доктринамъ.

Да и сама правительственная власть на первыхъ порахъ благосклонно смотрѣла на возникновеніе вольныхъ школъ и считала долгомъ имъ покровительствовать и ихъ рекомендовать для насажденія въ провинціи губернаторамъ. Такъ, 22 марта 1860 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ послѣднимъ циркуляръ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «...Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ (по С.-Петербургу и Архангельску), можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, я, по соглашенію съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городахъ, то соображеніе ваше по сему предмету не оставьте сообщить въ министерство для дальнѣйшихъ распоряженій». Такъ писалось въ началѣ 1860 года, но уже къ концу его жандармское управленіе убѣдилось, что къ специально школьному дѣлу въ нѣкоторыхъ случаяхъ приплетается политическій элементъ, имѣющій своей конечной цѣлью политическое раскрѣпощеніе населенія. Въ виду сего княземъ Долгорукимъ представлена была чрезвычайно любопытная записка, въ которой сдѣлана попытка освѣтить настоящій вопросъ и намѣтить соотвѣтствующій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Шефъ жандармовъ писалъ ¹⁾: «Внезапное возникновеніе воскресныхъ школъ проявилось такимъ лихорадочнымъ движеніемъ, что не можетъ уже быть вопроса: полезно ли распространеніе сихъ школъ. Но правительство должно необходимо принять безотложныя и дѣятельныя мѣры, дабы стать во главѣ сего движенія, обратить на пользу

¹⁾ Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

безсознательное увеличеніе праздныхъ и бродящихъ умовъ; дабы правильнымъ, зрѣло обдуманымъ руководствомъ предупредить всякую возможность уклоненія къ вреднымъ началамъ, коихъ присутствіе очевидно. Правительство не можетъ допустить, чтобы половина народонаселенія была обязана своимъ образованіемъ не государству, а себѣ или частной благотворительности какого-либо отдѣльнаго сословія. Безвозмездное преподаваніе упрочить за ними на твердомъ основаніи довѣріе и благодарность народныхъ массъ, коимъ они благодѣтельствуютъ. Всякія мѣры, которыя могли бы казаться преградой, противопоставляемою распространенію ихъ школъ, были бы поводомъ къ возбужденію ропота и превратныхъ толковъ, ищущихъ только предлога.

«Не десятки народныхъ школъ могутъ удовлетворить размѣру потребности. Правительство должно предупреждать ходатайства частныхъ лицъ, испрашивающихъ разрѣшеніе на открытіе такихъ школъ. Но отсюда прямо истекаетъ вопросъ: имѣетъ ли государство средства содѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ? Нужны деньги и учителя. При недостаткѣ и тѣхъ и другихъ остается сообразить возможность извлечь наибольшую пользу изъ средствъ, коими располагать возможно. Вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«1) Препятствовать распространенію школъ вредно и едва ли возможно.

«2) Не должно оставлять ихъ въ тѣхъ рукахъ, которыя произвольно приняли ихъ на свое попеченіе.

«3) Исполдволь и осторожно слѣдуетъ обратить всѣ народныя школы въ учрежденія государственныя; принять безотлагательныя мѣры къ улучшенію ихъ и дать видъ поощренія быстрому распространенію ихъ.

«4) Какъ выраженіе сочувствія правительства, устроить при церквахъ особыя на сей предметъ кружки, хотя и нельзя ожидать отъ сей мѣры успѣшнаго воспособленія.

«5) Частные сборы, сдѣланные уже въ пользу школъ, оставить въ распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя нынѣ оными занимаются; послѣдующіе же сборы предоставить непосредственно вѣдѣнію попечителя учебнаго округа и изыскать средства къ возможному обезпеченію содержанія, внимательно опредѣливъ размѣръ дѣйствительныхъ потребностей. При нынѣшнемъ положеніи воскресныхъ школъ можно ожидать, что по прошествіи нѣкотораго времени остынетъ стремленіе, возбужденное модою и сверхъестественнымъ порывомъ, и тогда за недостаткомъ средствъ школы будутъ послѣдовательно закрываемы, что неминуемо приписано будетъ противодѣйствующей инерціи.

«6) Дать сему дѣлу правильную форму, дабы школы не усвоили безпорядка, неизбѣжнаго въ этомъ новомъ дѣлѣ. Съ сею цѣлью

надлежало бы привлечь неощутительно къ участию лицъ высшаго сословія, благонадежность коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Ни министерство народнаго просвѣщенія, ни полиція не могутъ имѣть средствъ къ достаточному надзору.

«7) Въ женскихъ школахъ надлежало бы негласно, но рѣшительно отстранить всякое участіе офицеровъ, студентовъ, воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній и вообще молодыхъ людей.

«8) Осторожно и спокойно отстранить всякое покушеніе къ расширенію учебной программы, которая должна быть строго ограничена преподаваніемъ правилъ вѣры (разумѣется, духовнымъ лицомъ), грамоты, письма и счета, не допуская чтенія книгъ, не назначенныхъ къ тому специально учебнымъ вѣдомствомъ, и воспретивъ объясненіе отвлеченныхъ предметовъ. Сіе самое изъяснено въ правилахъ, изданныхъ отъ министерства; но разумное соблюденіе предписаннаго затруднено допущеніемъ къ преподаванію всѣхъ желающихъ.

«9) Немедленно приступить къ изданію книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ ощущается крайній недостатокъ. Составленіе сихъ книгъ отнюдь не можетъ предоставлено быть отдѣльнымъ лицамъ, а, съ допущеніемъ участія сочувствующихъ сему дѣлу, должно быть поручено отвѣтственной редакціи, проникнутой убѣжденіемъ въ важности и безотложности сей существенной потребности».

XIII.

Записка шефа жандармовъ не осталась безъ послѣдствій и, переданная для свѣдѣнія министерству народнаго просвѣщенія, легла въ основаніе его циркуляра попечителямъ округовъ, гдѣ было повторено уже для исполненія многое изъ того, что кн. Долгорукимъ намѣчалось въ качествѣ опредѣленныхъ деиздерій политики правительства по отношенію учебнаго дѣла. Школы съ того времени оказались подъ фактическимъ контролемъ административной власти, результатомъ котораго явилось указаніе на существованіе въ школѣ опредѣленной политической пропаганды, наличіе коей въ видѣ чтенія и раздачи прокламацій было удостовѣрено фабричными рабочими, посѣщавшими школы.

Такая пропаганда, на самомъ дѣлѣ, очень слабая, не организованная и безъ всякихъ результатовъ, обнаружилась въ воскресныхъ школахъ—Сампсоніевской на Выборгской сторонѣ и Введенской на Петербургской сторонѣ, при чемъ въ роли распространителей прокламацій—«Что надо войску», «Молодая Россія», «Подвигъ капитана Александра», «Что нужно народу»—явились главнымъ образомъ мѣстные педагоги въ лицѣ студентовъ Хохрякова, Беневоленскаго, Крапивина и др. По полученіи донесенія полиціи о существованіи среди посѣтителей школъ политической пропаганды,

министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ донесъ о томъ государю, послѣ чего послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) о дѣйствіяхъ и распорядителей и преподавателей двухъ названныхъ школъ и о свойствѣ преподаваемого въ нихъ обученія произвести формальное слѣдствіе; 2) производство слѣдствія возложить на особую комиссію изъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, управления шефа жандармовъ и петербургскаго генералъ-губернатора при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія; 3) по окончаніи слѣдствія передать дѣло на законное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ; 4) при наличіи слѣдствія закрыть школы и о поводахъ къ ихъ закрытію объявить въ газетахъ; 5) принять мѣры къ тому, чтобы надзоръ за прочими воскресными школами былъ дѣйствителенъ и непрерывенъ; и 6) соображаясь съ результатами предназначеннаго слѣдствія, рассмотретьъ общій вопросъ о могущей встрѣтиться надобности въ коренномъ преобразованіи воскресныхъ школъ.

Во главѣ комиссіи былъ поставленъ сенаторъ Ждановъ, которымъ и была составлена извѣстная уже нашимъ читателямъ записка ¹⁾, гдѣ констатирована наличность политическаго элемента въ организациі воскресныхъ школъ, какъ столицы, такъ и провинціи. Къ дѣлу о пропагандѣ въ школахъ было привлечено всего 6 человекъ, причѣмъ преступныя дѣянія ихъ и виновность были резюмированы сенаторомъ, откуда это дѣло было направлено черезъ государственный совѣтъ на конфирмацію государя, слѣдующимъ образомъ ²⁾: «Правительствующій сенатъ находитъ, что изъ числа подсудимыхъ: 1) студентъ Хохряковъ по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла и показаніями рабочихъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что неоднократно читалъ своимъ ученикамъ въ школахъ и у себя на дому возмутительныя воззванія: «Что нужно народу» и «Что дѣлать войску». Хотя Хохряковъ и показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду возбудить рабочихъ къ открытому возстанію, но, по показаніямъ учениковъ его о сдѣланныхъ имъ разъясненіяхъ и по собственному его показанію о цѣли, съ которою онъ читалъ имъ упомянутыя брошюры, и о разъясненіяхъ, которыя онъ имъ дѣлалъ, нельзя не признать, что онъ, читая публично брошюры въ воскресной школѣ и у себя на дому лицамъ изъ низшаго класса народа, дѣлалъ это не иначе, какъ съ злымъ умысломъ— возбудить рабочихъ къ явному неповиновенію верховной власти. За это преступленіе Хохряковъ подлежитъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія наказанію. . . . по неискренности его въ сознаніи, на 9 лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ безъ тѣлеснаго наказанія, отъ котораго онъ изъять. 2) Студентъ Беневоленскій, читавшій

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., кн. 7.

²⁾ М. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

у себя на квартирѣ двумъ ученикамъ своимъ воззваніе «Что нужно народу», по собственному своему добровольному сознанию, согласному съ обстоятельствами дѣла, относительно цѣли, съ которою онъ читалъ ученикамъ ту брошюру, и объясненій, которыя имъ при томъ дѣлалъ, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ же преступленіи, какъ и Хохряковъ, и подлежить... тому же наказанію, но лишь въ низшей мѣрѣ... какъ сознавшійся на первомъ допросѣ въ учененномъ имъ преступленіи, за симъ ему, какъ несовершеннолѣтнему, время каторжной работы должно быть... сокращено одною третью, т. е. онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца. Но, принимая во вниманіе его молодость, чистосердечное на первомъ допросѣ сознание, то, что онъ при самомъ чтеніи столь вредныхъ сочиненій внушалъ слушающимъ отвращеніе къ явному возстанію, насилію и кровопролитію, которыя предлагались въ воззваніяхъ: «Молодая Россія» и «Что нужно народу» для достиженія предположенныхъ преступныхъ цѣлей,—правительствующій сенатъ находитъ возможнымъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго Беневоленскому по закону наказанія ссылкой его по лишеніи всѣхъ правъ состоянія не въ каторжную работу, а въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе. 3) Крапивинъ, какъ признанный уже правительствующимъ сенатомъ безумнымъ, долженъ... содержаться въ домѣ умалишенныхъ, и за симъ ходатайство отца его о помилованіи его слѣдуетъ оставить въ настоящее время безъ уваженія. 4) Фабричныя рабочіе: Митрофановъ, Федоровъ и Трифоновъ, по собственному своему сознанию, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ томъ, что они не только имѣли у себя возмутительное воззваніе «Молодая Россія», но передавали оное другимъ для прочтенія. Такъ какъ по слѣдствію не обнаружено, чтобы они дѣлали это съ преступною цѣлью, то... они подлежатъ: Митрофановъ, какъ болѣе другихъ виновный, что доказывается тѣмъ, что онъ лучше другихъ зналъ содержаніе воззванія, понималъ его значеніе, принесъ это воззваніе въ артель,—высшей мѣрѣ наказанія; при этомъ срокъ ареста долженъ быть уменьшенъ для него, какъ несовершеннолѣтняго, одною степенью... Федоровъ и Трифоновъ, менѣе Митрофанова виновные, подлежатъ наказанію по послѣдней части 285 ст. въ средней мѣрѣ, и это наказаніе должно быть уменьшено для нихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, одною степенью... замѣнено наказаніемъ розгами въ низшей мѣрѣ... 5) Коченковъ и Антоновъ, по собственному сознанию и обстоятельствамъ дѣла, оказываются виновными въ томъ, что не донесли своевременно начальству: 1-й, Коченковъ, о чтеніи и объясненіи Хохряковымъ возмутительныхъ брошюръ, а 2-й, Антоновъ, о томъ, что получилъ, хотя и на короткое время, воззваніе «Молодая Россія»; Коченковъ за озна-

ченный проступокъ... подлежитъ наказанію... розгами... Что же касается Антонова, то какъ показаніе его о томъ, что онъ хотѣлъ донести начальству о полученномъ имъ воззваніи и съ этою цѣлью началъ оное списывать, чтобы имѣть явное доказательство справедливости его доноса, слѣдствіемъ не опровергнуто, то ему слѣдуетъ сдѣлать строгое внушеніе, чтобы онъ впредь немедленно доносилъ. кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему учинившихся преступленіяхъ и, смотря по роду оныхъ, не останавливался собираемъ доказательствъ. 6) А о поступкахъ Карпа Андреева... сужденіе имѣть не слѣдуетъ за смертью его...»

Заключеніе сената съ соотвѣтствующими смягченіями было черезъ государственный совѣтъ представлено государю и имъ утверждено. Молодежь потерпѣла наказаніе, потерпѣли его и рабочіе, но главное послѣдствіе изъ всего дѣла было то, что съ того времени, т. е. съ самаго возникновенія слѣдствія, наступилъ конецъ бесплатному и вольному обученію въ школахъ и послѣднія повсемѣстно въ имперіи были закрыты, какъ равно и организованныя тогда же народныя читальни. По этому предмету лѣтомъ 1862 г. мы имѣемъ слѣдующія высочайшія повелѣнія. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 8 іюня, въ № 152, было напечатано ¹⁾: «Несмотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и бесплатными школами, нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя бесплатныя школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ производить вредныя и ложныя ученія, что притомъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, высочайше повелѣть соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ къ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать».

Черезъ недѣлю въ «Сѣверной Почтѣ» (официальномъ тогдашнемъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ), въ № 127 послѣдовало повелѣніе: «Государь императоръ по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ представленныхъ Его Величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскрес-

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Т. I.

ныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) Немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ. 2) Впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни». А на слѣдующій день въ той же газетѣ было напечатано: «Государь императоръ 10-го сего іюня высочайше повелѣтъ соизволилъ: чтенія публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ Третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ.

«Государь императоръ 10-го сего іюня высочайше повелѣтъ соизволилъ: нынѣ же закрыть учрежденное при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ особое отдѣленіе для вспомошествованія учащимся, поручивъ комитету, управляющему дѣлами означеннаго отдѣленія, передать въ вѣдѣніе общества всѣ имѣющіяся въ отдѣленіи денежныя суммы».

Эти мѣропріятія правительства совпали по времени съ разывшимися въ столицѣ таинственными пожарами, происхожденіе которыхъ окружалось въ народѣ всяческими толками и легендами. Послѣдніе толки, въ связи и съ этими пожарами и прочими фактами нашей жизни, достигли въ тѣ дни дѣйствительно значительныхъ размѣровъ, волнуя умы обывателей и держа ихъ въ ожиданіи какихъ-то знаменательныхъ событій. Пользуясь этимъ, генераль-губернаторъ Петербурга приказомъ отъ 8-го іюня, какъ бы предупреждая высочайшія повелѣнія, своею властью закрылъ всѣ столичныя народныя читальни, а также шахматный клубъ, «въ которомъ, по словамъ запретительнаго приказа, происходятъ и изъ котораго распространяются неосновательныя сужденія».

Благодаря указаннымъ мѣропріятіямъ, просвѣтительной энергіи интеллигенціи былъ положенъ рѣшительный конецъ: 274 школы по всей Россіи были закрыты, безъ замѣны, однако, этихъ разсадниковъ грамотности какими-либо иными учрежденіями. Ошибочныя дѣйствія небольшой, случайной и неорганизованной кучки молодежи сыграли въ данномъ случаѣ роковую роль, которая поставила надолго точку къ порывамъ остальной молодежи, далекой отъ политики, но искренно понесшей народу свой трудъ, знаніе и любовь къ учительству. Единичные грѣхи поставлены были въ вину многимъ, и страдающимъ элементомъ отъ такой постановки вопроса явился все тогъ же народъ, около жизни котораго подъ занявшимися лучами освобожденія такъ неудачливо для него слагалась борьба правительственной власти съ крайними представителями общественности.

XLIII.

Мы видимъ изъ приговора, вынесеннаго «воскресникамъ», что главнымъ поводомъ, сгубившимъ и ихъ самихъ и все дѣло воскресныхъ школъ, было чтеніе и распространеніе прокламацій и среди нихъ именно прокламаціи «Молодая Россія», о которой намъ приходилось уже упоминать, когда шла рѣчь о посѣщеніи г. Пантелѣевымъ представителей московскаго политическаго радикализма. Если въ дѣлѣ Хохлакова мы впервые встрѣчаемся съ попытками пропагандированія «сознательныхъ рабочихъ» и видимъ, какими средствами сѣялось среди фабричнаго люда сѣмя неудовольствія существующимъ порядкомъ съ призывомъ ихъ къ борьбѣ, то въ исторіи прокламаціи «Молодая Россія» и, какъ коррективъ къ ней, въ прокламаціи «Предупрежденіе» мы обстоятельно знакомимся, какъ фабриковались самыя прокламаціи, какъ онѣ печатались и какимъ окольнымъ путемъ приходилось дѣйствовать, чтобы получить текстъ подпольнаго листка и его оттиски.

XLIV.

Прокламація «Молодая Россія» вышла изъ нѣдръ московскаго революціоннаго кружка Зайчневскаго, Аргиропуло, Гольцъ-Миллера и др., составлявшихъ «мѣстный центральный революціонный комитетъ», была распространена въ обѣихъ столицахъ въ значительномъ количествѣ и произвела сильный переполохъ во всѣхъ кружкахъ, какъ консервативныхъ, либеральныхъ, такъ и имѣвшихъ то или иное отношеніе къ русской политической оппозиціи. Герценъ и даже Бакунинъ, съ одной стороны, Чернышевскій — съ другой, всѣ были смущены духомъ этой прокламаціи, гдѣ усматривались явные элементы анархизма со всѣми вытекающими отсюда террористическими послѣдствіями кроваваго характера. Разбирая эту прокламацію и отмѣчая, что правительству нечего пугаться горячности молодой рѣчи, что къ молодежи, выпустившей ее, надлежитъ отнести именно какъ къ молодежи, у которой кипѣніе силъ, избытокъ крови, издатель «Колокола» писалъ¹⁾: «Молодая Россія» намъ кажется двойной ошибкой. Во-первыхъ, она вовсе не русская; это одна изъ варіацій на тему западнаго социализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка—ея нумѣстность, случайность совпаденія съ пожарами—усугубила ее. Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книги, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и тем-

¹⁾ «Колоколъ» 1862 г., № 139.

пература, дурной закалъ и раковина мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь изъ такого и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или строй организованной партіи.

«Но, сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго генія, отрѣшеннаго отъ народа. Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ уважаемыхъ почтенностей, которыя мѣшаютъ западному человѣку, но которыя ему дороги. За рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности, и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, крайнія слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и будто становилось легче, въ ожиданіи бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять.

«Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбриогеніи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламация, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которою они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ — это непониманіе ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя социализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?»

«Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора и Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ... народъ требовалъ головы несчастнаго Обручева».

Въ статьѣ «Журналисты и террористы»¹⁾ Герценъ снова обращается къ «Молодой Россіи», осуждаетъ терроръ и говоритъ: «Для народа поднятья трудно, это не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, не палачи, а полное разореніе семьи, невспаханное поле, голодные дѣти, саранча постоя. Вотъ отчего крестьянинъ терпитъ,

¹⁾ «Колоколъ» 1862 г., № 141.

ужасно долго терпитъ и изрѣдка, когда уже мѣра переполнена, онъ является въ какомъ-то мрачномъ отчаяннѣи и убиваетъ гуртомъ не только враговъ, но и своихъ собственныхъ дѣтей, чтобы они не сдѣлались военными поселенцами.

«Звать къ оружію можно только наканунѣ битвы. Всякій преждевременный призывъ—намекъ, вѣсть, данная врагу, и обличеніе передъ нимъ своей слабости.

«А потому оставьте революціонную риторику и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собой, чтобы вы были сила, чтобы вы имѣли единство и организацію, соединяйтесь съ народомъ, чтобы онъ забылъ вапъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него религію земли... и будьте готовы. Придетъ роковой день, станьте грудью, лягте костыми, но не зовите его, какъ желанный день. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, и будетъ ли оно въ мономаховой шапкѣ, или во фригійской—все равно».

Чернышевскій былъ также смущенъ содержаніемъ «Молодой Россіи» и, желая изгладить тяжелое впечатлѣніе, ею произведенное въ обществѣ, возложилъ на А. Стѣпцова, какъ виднаго дѣятеля «Земли и Воли», переговорить съ авторами ея относительно необходимости смягчить это впечатлѣніе. Повидимому, прямымъ результатомъ переговоровъ былъ выпускъ новой прокламаціи подъ заглавіемъ «Предостереженіе», напечатанной уже въ Петербургѣ по особому заказу студентомъ Баллодомъ, тогда популярнымъ и энергичнымъ представителемъ студенчества, имѣвшимъ мужество заступиться за Н. И. Костомарова во время извѣстнаго скандала въ думскомъ залѣ на публичной лекціи.

Кѣмъ именно была составлена эта прокламація и отъ кого она исходила, остается неизвѣстнымъ. Печатавшій ее студентъ Баллодъ далъ по поводу ея, какъ равно и по поводу своего участія въ революціонномъ движеніи, слѣдующее показаніе на слѣдствіи, которое является живою иллюстраціей къ тому, какъ вербовались въ тѣ дни агенты «революціи». О вербовкѣ гг. Пантелѣва и Утина намъ уже извѣстно; теперь очередь за Баллодомъ. Вотъ что онъ показалъ ¹⁾:

XLV.

«Въ Александровскій паркъ впервые въ первой половинѣ мая (1862 г.) я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ два какихъ-то господина и сказали:

¹⁾ Мих. Лемке. «Политическіе процессы».

«— Здравствуйте, Баллодь. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобы провести пріятно время, а для того, чтобы поговорить о дѣлѣ.

«Оба они были съ бородами, средняго роста. Одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ; онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27; одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у втораго—русая.

«— Мы слышали, что вы—честный и энергичный человѣкъ; вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

«Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвавъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мною назвали мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они—члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листовъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

«— Напрасно,—отвѣчали они.—Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція, или нѣтъ?

«Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говоритъ мнѣ, что революція будетъ.

«— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки,—нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

«— Не знаю,—сказалъ я.—Что придется.

«— Странно! Вы—человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, если бъ вамъ предложили?

«— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

«— Вотъ мы дадимъ вамъ программу, — и вы скажите намъ ваше слово.

«Здѣсь они повели меня въ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ «Молодой Россіи», подали мнѣ и сказали:

«— Вотъ наша программа.

«Послѣ того мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напакоститъ. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

«— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

«— Нисколько,—но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забытья. Вспомните 8-е марта¹⁾. Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность.

«Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня прійти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

«Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое; одного изъ нихъ я видѣлъ въ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ «Молодой Россіи». Я возражалъ; отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

«— Отчего вы не были у насъ третьяго дня?

«— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

«— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

«— Знаю. Я былъ сейчасъ у...; тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

«— Я вамъ привозилъ деньги, вотъ онѣ и вотъ вамъ ин-струкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете, куда обратиться?

«— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

«Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

«Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

«— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

«Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: «Къ чему вы меня торопите?»

«— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейской частью. У насъ этою частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

«Я спросилъ, что это за должность.

«— Слѣдить за всякимъ вновь поступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко; у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще компаньоны.

«Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не стоимъ.

«— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западные губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

«— На это, можетъ быть, и соглашусь—сказалъ я.

«Потомъ они стали говорить о «Карманной типографіи» и сказали:

¹⁾ Думская исторія съ Костомаровымъ.

«— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

«Я сказалъ, что она моя.

«— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

«Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой ни кто не знаетъ.

«— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?»

«— Если статья не будетъ имѣть характера «Молодой Россіи»,—сказалъ я:—то, пожалуй.

«Вскорѣ послѣ этого мы разошлись.

«Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

«Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я шелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

«— Какова наша полиція?

«Потомъ спросили, рѣшилъ ли я. Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ «Молодой Россіи», и тогда скажу.

«— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

«— Если такъ, то хорошо.

«Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, потому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ.

«— Нѣтъ, — сказали они:—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

«Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ шагахъ въ 50, взяли у нихъ бумаги, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать. Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы «Карманная типографія». Я согласился. Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье, въ 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда до-ставить.

«Это было въ 12 часу дня.

«Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія и говорилъ съ ними потому, что рассчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы».

Такова живая сценка, которая наглядно рисуетъ намъ способъ фабрикаціи тогдашнихъ прокламацій и средства вербовки членовъ революціонныхъ организацій. Здѣсь мы видимъ наличие опредѣленнаго кружка, состоящаго изъ людей зрѣлаго возраста, располагающаго значительными суммами денегъ, предназначенныхъ на политическую пропаганду; здѣсь же и готовые исполнительные органы, самоотверженно отдающіе себя во власть незнакомыхъ людей во имя опредѣленной борьбы. Тайныя типографіи, конспиративныя квартиры, опредѣленныя организаціи (до полицейской службы включительно), секретныя встрѣчи—все это показываетъ, что революціонное движеніе постепенно разворачивается, налаживается и грозитъ въ будущемъ серьезными послѣдствіями, гдѣ способы пресѣченія движенія однѣми карательными мѣрами далеко не удовлетворяютъ своему назначенію и не достигаютъ полной цѣли.

XLVI.

Баллодъ, занимавшійся, по собственному признанію, раскидываніемъ прокламацій и перепечатывавшій таковыя въ собственной «карманной типографіи», является передъ нами типичнымъ рядовымъ слугою русскаго революціоннаго движенія, однако безъ достаточнаго еще опыта и нужной для конспираціи школы, несмотря даже на то, что въ распоряженіи его были цѣлыхъ двѣ квартиры. Хотя невѣдомые заговорщики цѣликомъ положились на него, и ему даже удалось выполнить ихъ порученіе, неопытность его сказалась довольно скоро, и онъ самъ выдалъ себя головою, довѣрившись безъ особой надобности случайному лицу.

Имѣя въ виду отпечатать 360 экземпляровъ готоваго уже набора прокламаціи «Къ офицерамъ», онъ обратился для того къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства Гербановскому; послѣдній, только что передъ тѣмъ заведшій въ квартирѣ своей жены еще незаявленную полиціи типографію, проговорился о сдѣланномъ ему заказѣ экзекутору министерства, а этотъ послѣдній донесъ о полученномъ имъ сообщеніи полиціи, и... арестъ Баллода свершился. Былъ произведенъ обыскъ на обѣихъ его квартирахъ, установлены кое-какія его связи съ случайными людьми, и политическое дѣло скоро оформилось. На основаніи найденныхъ рукописей, переписокъ, экземпляровъ нелегальной литературы къ дѣлу оказались причастными лица, но не изъ числа тѣхъ, которыя имѣли съ Баллодомъ свиданія и совѣщанія въ паркахъ и которыя, повидимому, дѣйствительно пред-

ставляли собою таинственную организацію, а изъ тѣхъ, которые еще въ очень слабой близости стояли къ «политикѣ» и случайно оказались причастны въ дѣятельности студента-типографа. Послѣ ряда обысковъ, допросовъ и предварительныхъ слѣдствій къ дѣлу оказались привлеченными: по первой категоріи—сказанный студентъ петербургскаго университета Петръ Баллодъ, литераторъ,

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

сотрудникъ «Русскаго Слова» Дмитрій Писаревъ, бывшій студентъ здѣшняго университета Василій Лобановъ и бывшій вольнослушатель того же университета Евгеній Печаткинъ; по второй категоріи—студентъ медико-хирургической академіи, уже знакомый намъ по повѣствованію г. Пантелѣева, Сергѣй Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ и студенты академіи Помпей Мультановскій ¹⁾

¹⁾ Вислѣдствіемъ извѣстный хирургъ.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1908 г., т. сѣв.

и Юлій Гюбнеръ; къ третьей—бывшій студентъ московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты Петръ Ткачевъ и Кемарскій. Кромѣ того, къ дѣлу привлекались Николай Жуковскій и Павелъ Жуковскій, первый успѣлъ бѣжать за границу и сдѣлался довольно виднымъ впослѣдствіи эмигрантомъ, и оказавшій въ заграничномъ отпуску студентъ Павелъ Мошкаловъ, не пожелавшій однако вернуться въ Россію по вызову правительства.

Виновность названныхъ лицъ съ опредѣленіемъ степеней наказанія изложена въ резолюціи сената для высочайшей конфирмаціи такъ:

«1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

«2. Кандидата спб. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и государя императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочиненіе оставить въ сильномъ подозрѣніи; ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

«3. Бывшаго студента Спб. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія со студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ «Къ русскому народу» и за посѣщеніе студента Ольшевскаго, посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

«4. Бѣжавшаго за границу губ. секр. Николая Жуковскаго за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

«5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подѣ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, взведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить.

«6. Бывшаго студента Спб. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время

нахожденія его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

«Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2 тома XV, представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: а) находившагося за границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за послушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства; б) бывшаго студента мед.-хир. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ; в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить; г) студентовъ Лобанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить; д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикѣ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіяся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіяся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. спб. военному генераль-губернатору».

«28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее на мнѣніе государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, государь положилъ резолюцію: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами».

Настоящее дѣло надѣлало опредѣленный шумъ въ столицѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе привлеченія къ нему виднаго дѣятеля тогдашней журналистики Д. И. Писарева, успѣвшаго уже къ тому времени завоевать себѣ прочныя симпатіи молодежи. Къ активной политикѣ Писаревъ былъ въ сущности совершенно непричастенъ, и его «виновность» заключалась лишь въ томъ, что онъ согласился на предложеніе Баллода напечатать написанную имъ статью, ко-

торая являлась отвѣтомъ бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, выпустившему на книжный рынокъ по порученію правительства двѣ брошюры, подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти, направленныя противъ Герцена и имѣвшія цѣлью нанести ударъ его популярности въ русскомъ обществѣ. Баллодъ только что отпечаталъ прокламацію, написанную студентомъ Павломъ Мошкаловымъ подъ заголовкомъ: «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти»; узнавъ, что Писаревъ также негодуетъ на Шедо-Ферроти и не имѣетъ возможности по цензурнымъ условіямъ отвѣтить автору брошюры, Баллодъ склонилъ его написать статью по адресу оппонента Герцена, обѣщавъ ее напечатать для распространенія въ публикѣ тайнымъ образомъ. Писаревъ доставилъ ему такую статью, написанную сильнымъ языкомъ, рѣзко и совершенно нецензурно. Эта-то рукопись и была захвачена у Баллода при обыскѣ и она-то и послужила источникомъ обвиненія Писарева, причемъ автору были инкриминированы въ особенности заключительныя слова: «Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы долѣе терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все — деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать..... и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчокъ и забросать грязью ихъ смердящія трупы».

Отмѣченное въ статьѣ Писарева закрытіе двухъ виднѣйшихъ тогда журналовъ, «Современника» и «Русскаго Слова», о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы достаточно говорили¹⁾, произвело дѣйствительно на общество угнетающее впечатлѣніе, послѣдовавшій арестъ Писарева усугубилъ это впечатлѣніе, но сильнѣйшей степени об-

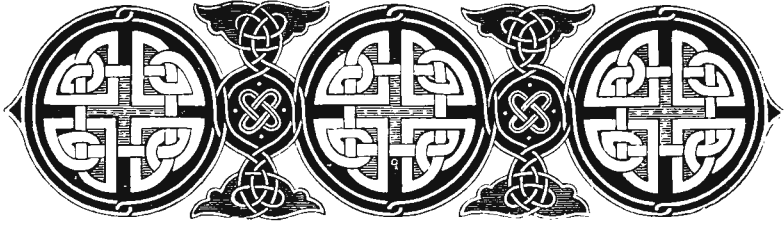
¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., кн. 4.

щественная паника достигла, когда стало извѣстно, что арестованъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій съ возбужденіемъ противъ него жестокаго обвиненія. Послѣ ссылки Михайлова, высылки изъ Петербурга профессора Павлова, ареста Писарева, новая утрата интеллигенціи въ лицѣ вліятельнаго руководителя временно замолкшаго «Современника» явилась показателемъ, что медовымъ мѣсяцамъ правительственнаго либерализма наступилъ дѣйствительный конецъ. Со сцены жизни сметались не успѣвшія еще расцвѣсть учрежденія, сметались не развернувшіе еще всѣхъ своихъ силъ люди...

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗДЪ И ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ ГОРОДА ЧЕРНИГОВА.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году на долю небольшого и, можно сказать, захолустнаго, но древняго города Чернигова выпала высокая честь принять у себя членовъ XIV всероссійскаго археологическаго съѣзда. Выборъ этого города, по примѣру прежнихъ лѣтъ, былъ рѣшенъ на заключительномъ засѣданіи XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, но рѣшеніе это было далеко не единогласнымъ. И на съѣздѣ и впослѣдствіи подавались авторитетные голоса за иной выборъ, за города, болѣе богатые древностями и общающіе болѣе обильную жатву для всероссійскаго съѣзда. Но партія маститой предсѣдательницы московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, и профессора Д. Я. Самоквасова, уроженца Чернигова, одержала верхъ. Къ ней примкнули многіе еще и потому, что со съѣздомъ совпадало тысячелѣтіе лѣтописной извѣстности Чернигова. Ожидали серьезнаго пробужденія интереса въ мѣстныхъ дѣятеляхъ къ изученію Черниговщины и вообще Юго-Западнаго края и надѣялись, судя по намѣченнымъ вопросамъ, на широкую и плодотворную дѣятельность археологическаго съѣзда въ Черниговѣ.

Тысячелѣтній юбилей «старца» Чернигова миновалъ еще въ прошломъ 1907 году, но, конечно, празднованіе его нельзя было бы приурочить ни къ чему съ такимъ успѣхомъ, какъ къ археологическому съѣзду; поэтому-то послѣдній долженъ былъ посвя-

тить цѣлый рядъ своихъ работъ изученію археологіи и исторіи Черниговщины, рискуя болѣе приблизиться къ областному, чѣмъ всероссійскому, съѣзду, и поэтому-то его необходимо разсматривать въ тѣсной связи съ мѣстной исторіей и юбилейными торжествами. Коснуться здѣсь, хотя бы вкратцѣ, исторіи Чернигова, помимо необходимости, вызываемой рефератами, читанными на съѣздѣ, вполне умѣстно еще и потому, что отдѣльнаго очерка исторіи Чернигова и Черниговской земли въ печати до сихъ поръ не появлялось; имѣющимся же единственнымъ брошюрамъ: «Былое Черниговской земли», А. Ярыгина (Черниговъ, 1898 г.) и «Очеркъ исторіи города Чернигова. 907—1907. Юбилейное изданіе черниговской городской управы»,—придавать даже какое-либо научное значеніе нельзя.

I.

Историческія свѣдѣнія о городѣ Черниговѣ.

Первое лѣтописное извѣстіе о Черниговѣ относится къ 907 г., когда кіевскій князь Олегъ обязалъ, по договору, грековъ выдавать «уклады на русскіе города: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ и на прочія города, по тѣмъ бо городамъ сидяху велиціи князи, подъ Олегомъ суще». Изъ этого договора ясно, что Черниговъ къ самому началу X вѣка по Р. Х. считался важнѣйшимъ городомъ на Руси, вторымъ послѣ матери городовъ—Кіева, имѣлъ своихъ великихъ князей и былъ уже довольно крупнымъ военно-политическимъ и торговымъ центромъ Сѣверской земли. Начало его, слѣдовательно, относится къ болѣе раннему времени и даже, можетъ быть, къ самому появленію въ Приднѣпровьи сѣверянъ, въ VII в. по Р. Хр. Въ VIII и IX вѣкахъ сѣверяне, вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, платили дань хозарамъ, отъ которой освободилъ ихъ Олегъ въ 884 г., наложивъ, въ свою очередь, на нихъ болѣе легкую дань, чѣмъ и объясняется вообще быстрое и легкое подчиненіе славянскихъ племенъ власти Олега.

Но чего не сохранила до насъ древнѣйшая лѣтопись, то во многомъ восполняется археологическими раскопками и въ особенности изысканіями проф. Д. Я. Самоквасова, начатыми имъ еще въ 1872 году. Д. Я. Самоквасовъ въ своей только что вышедшей въ свѣтъ книгѣ «Сѣверская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ» (М. 1908), устанавливаетъ точно первоначальное мѣстоположеніе города на валу, на правомъ высокомъ берегу р. Десны, у впаденія въ нее рѣчки Стрижня, на площади, въ размѣрѣ около 500 аршинъ въ окружности; опредѣляетъ дальнѣйшій ростъ его въ XI вѣкѣ образованіемъ двухъ городовъ: внутренняго и виш-

няго, къ которому въ послѣдствіи прибавились третій и четвертый, и считаетъ его, на основаніи множества сохранившихся въ окрестностяхъ могильниковъ, весьма многолюднымъ еще въ IX—X вѣкахъ. Судя далѣе по многочисленнымъ и разнообразнымъ находкамъ домашняго обихода сѣверянъ, онъ приходитъ къ справедливому выводу, совершенно опровергающему мнѣніе лѣтописца о «дикости» жителей Сѣверской земли.

Первымъ самостоятельнымъ княземъ Черниговскаго княжества былъ Мстиславъ Владимировичъ Тмутараканскій, который въ 1024 году разбилъ подъ Лиственемъ своего брата Ярослава, отнялъ затѣмъ у него Черниговъ съ Сѣверской землей и сдѣлалъ послѣдній своей резиденціей. Время его 10-лѣтняго управленія княжествомъ, помимо внутренняго устроенія и распорядка, ознаменовалось для Чернигова величайшимъ событіемъ—основаніемъ, въ память взятія Червенскихъ городовъ, нынѣ существующаго Спасо-Преображенскаго собора, въ 1031 году, на пять лѣтъ ранѣе заложенія храма св. Софіи Кіевской и на четырнадцать — храма св. Софіи Новгородской. Достроенный, по общему признанію, Ярославомъ Мудрымъ, величественный и древнѣйшій Спасскій соборъ, по отзыву изслѣдовавшаго его специалиста, О. О. Горностаева, во многихъ частяхъ сохранилъ свою первоначальную кладку; изстари и донынѣ онъ сохраняетъ фигуру продолговатаго четырехугольника и увѣнчанъ пятью шарообразными куполами. Строили храмъ греческіе мастера, конечно, по образцу византійскихъ храмовъ. Вслѣдствіе разоренія во время татарщины и въ 1611 г. и затѣмъ пожара 1750 г., соборъ долженъ былъ неоднократно ремонтироваться и безслѣдно терять свой первоначальный внутренній видъ, имѣвшій большое сходство съ Кіевской Софіей. Наиболѣе фундаментальное его исправленіе было совершено въ 1792—1798 гг., «когда разобрали боковыя пристройки, обложили кирпичомъ мраморныя колонны (числомъ 8), сломали боковыя хоры, сдѣлали чугунный полъ и справа пристроили вторую башню», «для симметріи» къ сохранившемуся отъ XVII в. «красному терему». Долго служившій усыпальницей князей черниговскихъ (въ немъ были погребены: Мстиславъ Владимировичъ, Святославъ Ярославичъ, Глѣбъ Святославичъ, Игорь Ольговичъ, убитый кіевлянами въ 1147 г., Игорь Ярославичъ, Владимиръ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ † 1164 г., Ярославъ Всеволодовичъ † 1198 г., Игорь Святославичъ † 1202 г., Михаилъ Всеволодовичъ † 1246 г.), нынѣ Спасскій соборъ хранитъ раку съ мощами св. Феодосія Углицкаго, перенесенными сюда изъ Борисоглѣбскаго собора въ 1898 году.

Послѣ смерти Мстислава Владимировича Ярославъ Мудрый посадилъ въ Черниговѣ своего сына Святослава, при которомъ прибылъ въ Черниговъ изъ Кіева св. Антоній Печерскій и при

Черніговські собори: Борисоглґбський (слґва) и Спасо-Преображенський (справа).

которомъ было положено основаніе Елецкому монастырю св. Богородицы и Ильинскому храму въ Троицкомъ монастырѣ¹⁾. При преемникѣ его Олегѣ Святославичѣ на нѣкоторое время овладѣваютъ Черниговомъ Всеволодъ съ сыномъ Владимиромъ Мономахомъ, и только послѣ Любечскаго съѣзда князей (1097 г.) Святославичи твердо водворяются въ своей отчинѣ, гдѣ населеніе относилось къ нимъ довольно сочувственно и черниговское вѣче всегда почти было солидарно съ своими князьями. Единственный разъ оно рѣзко заявило о себѣ. Неудачно боровшійся съ Ярополкомъ Владимировичемъ изъ-за великаго княженія Киевскаго черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ (1128—1139), внукъ Олега Святославича, въ 1138 г. хотѣлъ бѣжать изъ Чернигова къ половцамъ, съ которыми былъ въ союзѣ, но вѣче не пустило его: «ты надѣнешься скрыться къ половцамъ,—говорили черниговцы,—а волость свою губишь, къ чему же тогда воротиться; оставь «высокоумье» и проси мира, ибо мы знаемъ милосердіе Ярополка, онъ не любитъ кровопролитія, но во имя Божье желаетъ мира, ибо оберегаетъ русскую землю». Всеволодъ долженъ былъ смириться и по смерти Ярополка сталъ киевскимъ великимъ княземъ. Благодаря этимъ сочувствію и солидарности, Святославичи съ незначительными весьма перерывами княжили въ Черниговской землѣ до смерти послѣдняго черниговскаго князя изъ дома Святослава и сына его Олега, св. Михаила Всеволодовича († 1246). Обыкновенно старшіе изъ нихъ княжили въ Черниговѣ, а младшіе въ Новгородѣ-Сѣверскѣ и другихъ городахъ. Сначала чередуются Давидовичи и Ольговичи, а впослѣдствіи чередуются двѣ линіи Ольговичей: Всеволода и Святослава.

Въ числѣ наиболѣе выдающихся черниговскихъ князей слѣдуетъ назвать, во-первыхъ, Давида Святославича (1097 — 1123), отличавшагося кротостью, добротой и благочестіемъ и построившаго храмъ во имя Бориса и Глѣба около 1120—1123 гг. Храмъ этотъ, подъ именемъ Борисоглѣбскаго собора, существуетъ и понынѣ, «въ нѣсколькихъ саженьяхъ на сѣверо-западъ отъ Спаскаго собора», представляя собою также рѣдкій древній памятникъ византийской архитектуры. Стѣны его очень толсты, сложены изъ кирпичей разной формы (до 8 вершковъ длины), бѣловатаго цвѣта и необыкновенной прочности. Много разъ разоряемый, Борисоглѣбскій соборъ, бывший со времени основанія и до 1786 г. монастырскимъ храмомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ первой половины XVII столѣтія находился въ рукахъ доминиканцевъ. Въ немъ, по словамъ Ѳ. Ѳ. Горностаева, сохранились древніе хоры и часть абсиды, а снаружи открыты части древняго карниза. Храмъ сходенъ съ церковью Двѣнадцати Апостоловъ въ Фесса-

¹⁾ См. о нихъ ниже.

лоникахъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Борисоглѣбскаго собора на сѣверо-западъ, возвышается соборная колокольня — оригинальное сооруженіе архіепископа черниговскаго Іоанна Максимовича.

Слѣдующимъ и сильнѣйшимъ черниговскимъ княземъ былъ Святославъ Всеволодовичъ (1164 — 1181), который успѣшно воевалъ съ половцами, не разъ выступалъ во главѣ громаднаго войска нѣсколькихъ князей для завладѣнія Киевомъ, Смоленскомъ и другими городами и много содѣйствовалъ возвышенію Чернигова.

Семнадцать лѣтъ спустя послѣ него вокняжился въ Черниговѣ новгородъ-сѣверскій князь Игорь Святославичъ (1198 — 1202), внукъ Святослава Ольговича, извѣстный своимъ несчастнымъ походомъ противъ половцевъ, который онъ предпринялъ въ 1185 г. вмѣстѣ съ своимъ братомъ, знаменитымъ «буй-туръ» Всеволодомъ, княземъ курскимъ, и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ, княземъ рыльскимъ, и который послужилъ содержаніемъ знаменитаго «Слова о полку Игоревѣ». Прахъ князя Игоря Святославича поκειται въ Спасскомъ соборѣ.

Несмотря на частыя усобицы князей и нападенія половцевъ, разорявшія страну и приводившія въ упадокъ торговлю, Черниговъ въ домонгольскую эпоху былъ крупнымъ культурнымъ центромъ. Еще въ 992 г. въ немъ была учреждена особая епископія (первый епископъ Неофитъ), считавшаяся второй послѣ великоновгородской и принадлежавшая къ кievской митрополіи. Во второй половинѣ XI в. въ Черниговѣ были: Спасскій соборъ и три монастыря: Успенскій-Елецкій, Борисоглѣбскій и Ильинскій, гдѣ велись монахами записи о современныхъ событіяхъ, вошедшія потомъ въ лѣтописный сводъ, и составлялись «Слова» (напримѣръ, на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба) и сказанія («Хожденіе Даниила Паломника»). Къ концу XII вѣка число храмовъ въ Черниговѣ возросло до 6. Въ ризницахъ храмовъ и монастырей было немало предметовъ изящнаго искусства. Наконецъ въ Черниговѣ и Черниговской землѣ долго держалось наслѣдіе отъ перваго великаго дружинника Мстислава Владимировича — дружинный укладъ съ его героическимъ эпосомъ, величайшимъ памятникомъ котораго является извѣстное «Слово о полку Игоревѣ».

Но наступили роковые для Руси тридцатые и сороковые годы XIII столѣтія, бурно нахлынули на нее дикія орды монголовъ и въ нѣсколько лѣтъ смяли цвѣтущіе города съ ихъ памятниками-храмами, поработили населеніе и на очень долгое время подавили даже зачатки прежней культуры. Начавъ съ сѣверо-востока, татары, предводительствуемые Батыемъ, дошли въ 1239 г. и до Чернигова. Послѣдній, несмотря на свое хорошо защищенное природой мѣстоположеніе, несмотря на дружный отпоръ со стороны его жителей, долженъ былъ пасть и превратился въ груды развалинъ.

Еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого пытался найти защиту противъ полчищъ Батыя послѣдній черниговскій князь Михайль Всеволодовичъ, но вездѣ, куда онъ ни обращался, успѣла уже побывать татарская сила, и ему волей-неволей пришлось итти на поклонъ къ Батыю. Мужественный князь-христiанинъ, признавшій политическую власть иновѣрца надъ собою, не захотѣлъ подчиниться языческимъ обрядамъ и погибъ мученическою смертію вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ бояриномъ Феодоромъ (1246 г.). Православная церковь причислила ихъ обоихъ къ лику святыхъ и празднуетъ ихъ память 20 сентября. До временъ Іоанна IV Грознаго мощи св. Михаила и Феодора покоились въ черниговскомъ Спасскомъ соборѣ, но при немъ (въ 1572 г.) были перенесены въ московскій Архангельскій соборъ, а въ первоначальномъ мѣстѣ ихъ упокоенія остались лишь алтарные придѣлы.

Разоренные татарами и обложенные высокою данью, сборомъ которой занимались ненасытные, жестокіе баскаки, черниговцы болѣе ста лѣтъ продолжали еще управляться своими князьями, хотя и подневольными, но городъ ихъ, значительно опустѣвшій также и послѣдствіе переселенія бояръ и многихъ горожанъ въ сѣверо-восточную Русь и Галицію, былъ низведенъ до положенія небольшого мѣстечка, о которомъ прекращаются даже лѣтописныя извѣстія...

Мало измѣнилось тяжелое положеніе черниговцевъ и подъ литовскою властью; находясь какъ бы на рубежѣ владѣній Москвы и Литвы, они невольно страдали во время враждебныхъ столкновеній послѣднихъ; а къ этимъ бѣдствіямъ присоединились потомъ и новыя отъ частыхъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Не помогло имъ и дарованное литовскими великими князьями самоуправленіе. Около 1500 г. владѣлецъ Чернигова Симеонъ Ивановичъ, князь можайскій, билъ челомъ великому князю московскому Ивану III, прося принять его съ вотчиной подъ свое покровительство. Но подъ московскимъ правительствомъ очень скоро княжеская власть въ принятыхъ областяхъ была уничтожена и введено намѣстническое (воеводское) управленіе на началахъ кормленія. Бѣдствія Чернигова и Черниговщины не прекращались. Польша дѣлала частыя попытки вернуть ихъ подъ свою власть и во время ихъ сильно разоряла страну. Особенно пострадалъ Черниговъ, спасенный отъ разоренія въ 1604 г. предательствомъ жителей самозванцу, въ 1611 г. отъ напавшаго на него польскаго полковника Горносталя, послѣ чего жители въ теченіе 12 лѣтъ не могли найти убѣжища въ своемъ городѣ. Въ 1618 г., по Деулинскому перемирію, царь Михайль Феодоровичъ долженъ былъ уступить Сѣверщину съ Черниговомъ Польшѣ. Польскій король Сигизмундъ III немедленно ввелъ въ Черниговѣ магдебургское право, даровалъ ему рядъ другихъ привилегій, конечно, приближающихъ къ польскимъ учрежденіямъ,

но усилившіяся при этомъ гоненія католическаго духовенства и въ особенности іезуитовъ на православіе и православныхъ, на ряду съ притѣсненіями пановъ, вызвали въ 1648 г. казацкое возстаніе, подъ начальствомъ Богдана Хмѣльницкаго, а въ 1654 г. состоялось и окончательное присоединеніе всей Малороссіи къ Московскому государству. Черниговъ тогда сталъ во главѣ Черниговскаго полка, управляемый одновременно и московскимъ воеводой. Въ 1722 г. Петръ Великій на смѣну прежнему гетманскому управленію сталъ вводить коллегіальныя начала (извѣстная малороссійская коллегія), въ 1750—1762 г. возродилась вновь гетманщина, въ лицѣ гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, введшаго немало улучшеній въ жизни Черниговщины и немало способствовавшаго возвышенію такъ называемаго малороссійскаго шляхетства; но при императрицѣ Екатеринѣ II здѣсь было окончательно введено общеимперское управленіе. Въ 1782 г. Черниговъ назначается губернскимъ городомъ особаго черниговскаго намѣстничества и получаетъ свой гербъ: «чернаго одноглаваго орла на серебряномъ полѣ, съ золотою на головѣ короною и съ золотымъ крестомъ въ лѣвомъ когтѣ». Въ 1797 г. императоръ Павелъ I сдѣлалъ Черниговъ губернскимъ городомъ новой Малороссійской губерніи, которая въ 1802 г. была раздѣлена на двѣ губерніи: Полтавскую и Черниговскую; послѣдняя съ того времени сохранилась въ прежнемъ составѣ и до настоящаго момента. При императорѣ же Павлѣ I была упразднена въ Черниговѣ крѣпость, такъ какъ послѣ раздѣловъ Польши Черниговъ пересталъ быть пограничнымъ городомъ, и городу былъ составленъ новый планъ (1801 г.). Замѣчательно, что Черниговъ въ теченіе всего XVIII вѣка и почти трехъ четвертей, XIX ст. мало возвышался по росту населенія: число его жителей въ екатерининское царствованіе немного болѣе 4000 человекъ, едва достигало цыфры 6490 человекъ даже въ 1850 г. Еще въ 1858 г. въ Черниговѣ было всего 884 двора, тогда какъ и въ 1780-хъ годахъ число дворовъ простиралось до 630, и только въ 1897 г. статистикъ А. А. Руссовъ насчиталъ въ немъ 2001 дворъ и 29674 человекъ населенія.

За все время своего многовѣковаго существованія, начиная съ половины XIII в., порабоженія монголами, и по настоящій годъ Черниговъ только однажды переживалъ блестящую эпоху культурнаго процвѣтанія. Эта эпоха открылась съ момента присоединенія Малороссіи къ Москвѣ и завершилась 40-ми годами XVIII столѣтія. Черниговскіе епископы, именовавшіеся также еще съ половины XIV в. брянскими и дебрянскими, а потомъ и смоленскими и черниговскими, съ 1657 года становятся совершенно самостоятельными іерархами отдѣльной отъ кievской митрополіи черниговской епархіи.

Первымъ такимъ іерархомъ былъ знаменитый Лазарь Барановичъ, который до поселенія въ Черниговѣ жилъ сначала въ

Новгородъ-Сѣверскій. Въ томъ и другомъ городѣ онъ возстановилъ полуразрушенныя храмы и монастыри; началъ строить близъ Ильинской церкви Троицкій храмъ; перенесъ изъ Новгородъ-Сѣверска въ черниговскій Елецкій монастырь имъ же устроенную типографію, которая при его преемникахъ была настолько благоустроена, что мастера ея выписывались въ Москву и что въ 1776 году, при приѣмѣ монастыря, настоятель архимандритъ Евстафій нашелъ въ немъ книгъ разнаго рода 11304 экземпляра, на сумму 46.804 р. 65 к.; образовалъ въ Новгородъ-Сѣверскій латинскую школу высшаго типа по образцу бывшей доминиканской, которая при его преемникѣ архіепископѣ Іоаннѣ Максимовичѣ была переведена въ Черниговъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, и преобразована въ коллегіумъ, обращенный впослѣдствіи въ семинарію; напечаталъ цѣлый рядъ своихъ произведеній противъ различныхъ лжеучителей и вообще оказалъ неоцѣнимыя услуги православію и русскому просвѣщенію въ Черниговщинѣ.

Ближайшими и наиболѣе видными сотрудниками Лазаря Барановича и успѣшными продолжателями его дѣла были: знаменитый богословъ, профессоръ парижской академіи Адамъ Зерникавъ, благодаря ему принявшій православіе; извѣстный проповѣдникъ и писатель, архимандритъ и устроитель Елецкаго монастыря, Іоанникій Юлятовскій; архимандритъ того же монастыря впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій св. Димитрій (Туптало); помощникъ по управленію епархіей, а затѣмъ и архіепископъ черниговскій, св. Феодосій Углицкій, мощи котораго нынѣ почиваютъ въ черниговскомъ Спасскомъ соборѣ; знаменитый черниговскій архіепископъ, митрополитъ сибирскій и устроитель первой русской духовной миссіи въ Пекинѣ Іоаннъ Максимовичъ, и др. Названные дѣятели, естественно, должны были вызвать особое вниманіе и живой интересъ къ своему дѣлу со стороны мѣстныхъ жителей; вскорѣ, кромѣ личной помощи и содѣйствія, послѣдніе понесли имъ и свои крупныя пожертвованія; на содержаніе церквей и монастырей «надавались» цѣлыя «маетности», перевозки, рыбныя ловли, покосы, лѣсныя уголья и проч. Въ числѣ такихъ жертвователей особенно выдѣлялись Борковскіе, Лизогубы, Полуботки, Шубы, Ёвьки и др. Благодаря имъ, почти при каждомъ монастырѣ и церкви появились школы и «шпитали» (богадѣльни и больницы), и возросло даже число приходскихъ церквей, впрочемъ, не дожившихъ и до первой четверти XIX столѣтія¹⁾.

Въ заключеніе нашего очерка исторіи гор. Чернигова считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о такихъ его достопамятностяхъ, какъ Троицкій монастырь, Елецкій монастырь, Пятниц-

¹⁾ Этими стариннымъ храмамъ посвященъ особый докладъ П. М. Добровольскаго «Гдѣ находились старинныя, не существующіе нынѣ, храмы гор. Чернигова» (Черниговъ, 1908 г.).

Троицкий монастырь.

кая и Екатерининская церкви, и затѣмъ о домѣ гетмана Мазепы и историко-археологическомъ музеѣ В. В. Тарновскаго.

Троицкій-Ильинскій мужской монастырь, служащій мѣсто-пробываніемъ черниговскихъ епархіальныхъ архіереевъ, находится на Болдиной горѣ, въ 2 верстахъ отъ города. Начало ему положено еще въ 1069 году преп. Антоніемъ Печерскимъ, когда послѣдній, преслѣдуемый великимъ княземъ Изяславомъ, удалился изъ Кіева въ Черниговъ и здѣсь, по словамъ Нестора, «возлюбилъ Болдины горы и ископавъ пещеру ту ся всели». Вскорѣ же близъ этой пещеры была построена благочестивымъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ церковь во имя св. пророка Иліи, существующая и понынѣ. Съ 1239 года до половины XVII ст. Ильинская обитель была въ совершенномъ запусѣннѣи, и только въ пещерахъ обитали немногіе монахи. Въ 1658 году живописецъ Григорій Дубенскій, въ иночествѣ Геннадій Константиновичъ, написалъ для Ильинской обители икону Богоматери, которая вскорѣ прославилась чудотвореніями и въ такой мѣрѣ стала привлекать въ обитель богомольцевъ, что Лазарь Барановичъ долженъ былъ заложить новый Троицкій храмъ, законченный въ 1695 году св. Феодосіемъ Углицкимъ. Называемый съ этого времени Ильинско-Троицкимъ, монастырь обладаетъ богатою ризницею, которая, судя по «Описанію», изданному въ 1893 году, была еще богаче. Ризница эта вмѣстѣ съ бібліотекою помѣщается въ древней Введенской церкви, гдѣ прежде всего обращаетъ вниманіе обозрѣвателя пожертвованный гетманомъ Мазею не невысокій деревянный иконостасъ. Въ самой ризницѣ вниманіе посѣтителей привлекается, во-первыхъ, на витрину съ старинными евангеліями, изъ которыхъ древнѣйшее относится къ 1590 году. Всѣ евангелія (около 12) съ богатыми серебряными золочеными окладами, украшенными рѣзьбою, нѣкоторыя—драгоценными каменьями. Тутъ же и 5 посоховъ XVII вѣка съ различными украшеніями. Далѣе интересное собраніе архіерейскихъ митръ, очень цѣнныхъ по своимъ украшеніямъ и художественной работѣ, второй половины XVII и XVIII вв.; собранія крестовъ, панатій и агтиминсовъ. Немало цѣннаго имѣется въ рукописныхъ и печатныхъ сокровищахъ бібліотеки, которая еще ждетъ свѣдущаго описателя.

На той же Болдиной горѣ, ближе къ городу, находится мужской Успенскій Елецкій монастырь, въ старину Болдиногорскій, основанный черниговскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ около 1060 г., когда явилась на ели «сіяющая» икона Богоматери. Древнѣйшій храмъ его въ честь Успенія Богородицы, въ древне-греческомъ стилѣ, напоминаетъ по внутреннему расположенію Печерскую лавру. Иконостасъ его и стѣнныя фрески ¹⁾ по

¹⁾ О произведенномъ 11 августа 1908 г. изслѣдованіи этихъ фресокъ см. ниже.

Елецкій монастырь съ храмомъ Успенія Богоматери.

своей древности и оригинальной отдѣлкѣ заслуживаютъ особаго вниманія. Подлинная икона Елецкой Божіей Матери находится теперь въ Харьковскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ Черниговѣ—древнѣйшій снимокъ съ нея. Послѣ татарскаго разоренія Елецкій монастырь успѣлъ оправиться только къ 1500 году; съ этого времени и до начала XVII вѣка упоминаются почти непрерывно въ елецкомъ синодикѣ архимандриты этого монастыря; извѣстно также, что въ 1600 году Отрепьевъ желалъ удалиться изъ Чудова въ Елецкій монастырь. Послѣ разоренія его поляками въ 1611 г., только заботами неутомимаго Іоанникія Голятовскаго, нашедшаго монастырскія зданія въ такомъ запустѣніи, что «въ нихъ птицы вилп гнѣзда», были восстановлены старые храмы и выстроена новая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Въ богатой нѣкогда ризницѣ монастырской сохранилось сравнительно очень немного предметовъ старинной церковной утвари и богослужебныхъ книгъ, и между ними евангеліе 1674 г., мѣсячныя минеи, купленные св. Феодосіемъ въ 1692 г., и его же осьмиконечный крестъ. Извѣстно, что послѣдній, а за нимъ св. Димитрій Ростовскій, были архимандритами Елецкаго монастыря.

Къ дотатарскому времени относится и построение церкви во имя св. великомученицы Параскевы (Пятницы), находящейся въ центрѣ города, на Базарной площади. Имѣвшая первоначально форму прямоугольника, она потомъ, вслѣдствіе перестроекъ, приняла крестообразный видъ. Стѣны ея древней кладки, до 2 аршинъ толщины. Вокругъ этого храма съ начала XVII вѣка основался женскій монастырь, подъ именемъ Пятницкаго, упраздненный лишь въ 1786 г. Предметовъ древности отъ него не сохранилось почти никакихъ.

Изъ остальныхъ церквей черниговскихъ можно назвать еще одну, очень красивую, старинной архитектуры, церковь во имя св. Екатерины, которая была построена въ 1715 году. Какъ на достопамятность этой церкви, съѣздъ обратилъ вниманіе на ея древнѣйшія царскія врата, памятникъ тонкой рѣзной работы, быть можетъ, еще конца XVII вѣка, и постановилъ ходатайствовать о сохраненіи ихъ въ черниговскомъ историческомъ музеѣ.

«Знаменитый» домъ Мазепы обращаетъ на себя вниманіе своимъ оригинальнымъ фасадомъ; въ былое время въ немъ помѣщалась войсковая канцелярія, а теперь тутъ—архивъ губернскаго правленія, предоставленный въ вѣдѣніе малосвѣдущему старцу-пенсіонеру.

Наконецъ, послѣдняя достопримѣчательность Чернигова, гордость почти всякаго малоросса,—это «Музей украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго», находящійся на окраинѣ города, за городскимъ садомъ, въ особомъ миниатюрномъ каменномъ зданіи, состоящемъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ. Бывшій ранѣе собствен-

ностью любителя-археолога В. В. Тарновскаго, онъ въ 1899 году былъ завѣщанъ послѣднимъ черниговскому губернскому земству, въ вѣдѣніи котораго и находится въ настоящее время, управляемый особымъ свѣдущимъ хранителемъ. Небольшое сравнительно содержаніе музея было обнародовано въ 1898 и 1900 годахъ въ двухъ выпускахъ «Описанія». Въ первый изъ нихъ вошли: 1) доисторическія древности—результаты раскопокъ на Княжей горѣ Черкаскаго уѣзда Кіевской губерніи, въ количествѣ 400 предметовъ; 2) найденные во время тѣхъ же раскопокъ предметы великокняжескаго періода, числомъ 1726, и 3) собранные въ разное время и относящіяся къ казацкой эпохѣ—священные предметы, оружіе, утварь, украшенія, портреты, картины, автографы, старопечатныя книги и проч., всего въ количествѣ 803 нумеровъ. Во второй выпускъ «Описанія» вошелъ рукописный отдѣлъ за XVII—XIX вѣка. Наиболѣе обширную коллекцію здѣсь составляютъ рисунки, письма, бумаги, портреты и проч. Т. Г. Шевченки. 13 мая 1907 года Надеждой Іосифовной Пальчиковой пожертвованы въ музей письма, книги и бумаги Д. Л. Мордовцева, составляющія небольшую коллекцію въ особой витринѣ.

II.

Работы московскаго и черниговскаго предварительныхъ комитетовъ по устройству XIV археологическаго сѣзда въ городѣ Черниговѣ.—Выставка сѣзда.

XIV археологическому сѣзду предшествовали работы предварительныхъ комитетовъ, московскаго и черниговскаго, ... работы, продолжавшіяся три года. Устройство археологическихъ сѣздовъ, какъ извѣстно, возложено на московское археологическое общество, являющееся въ то же время издателемъ и редакторомъ ихъ «Трудовъ». Со времени перваго археологическаго сѣзда въ Москвѣ (1869) и до конца 1884 года главнымъ работникомъ и руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ предсѣдатель московскаго археологическаго общества, извѣстный археологъ, графъ А. С. Уваровъ, а послѣ его смерти—заступившая его мѣсто по обществу супруга, графиня П. С. Уварова. Образованный послѣднею комитетъ, по выполненіи ближайшихъ ходатайствъ, возложенныхъ на него XIII археологическимъ сѣздомъ въ Екатеринославлѣ предпринялъ командировки для изученія архитектуры памятниковъ какъ Черниговской, такъ и Полтавской губерній и устроилъ нѣсколько раскопокъ, по указанію профессора Д. И. Самоквасова, на что, кромѣ средствъ, отпущеннымъ московскимъ археологическимъ обществомъ, были пожертвованы значительныя суммы Д. И. Самоквасовымъ и графиней П. С. Уваровой. Главными работниками по части архитектурныхъ изслѣдованій были: Ѳ. Ѳ. Горностаемъ

съ помощниками—Кацауровымъ, Салуяновымъ, Медвѣдевымъ и Ушаковымъ, Г. Г. Павлуцкій, Д. В. Айналовъ и др., а по производству раскопокъ: В. А. Городцовъ, В. Г. Ляскоранскій, В. В. Хвойко, С. А. Мазараки и И. Я. Стеллецкій. Затѣмъ, намѣтивъ цѣлый рядъ вопросовъ и пожеланій для будущихъ археологическихъ работъ, комитетъ обратился за содѣйствіемъ и съ предложеніями къ разнымъ обществамъ и ученымъ, но, къ сожалѣнію, получилъ немного удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Дружнѣ всего откликнулись кіевскіе ученые, образовавшіе даже особое отдѣленіе комитета; затѣмъ полтавскій церковный историко-археологическій комитетъ, орловское церковное историко-археологическое общество, воронежскіе—ученая архивная комиссія и церковный историко-археологическій комитетъ, курская ученая архивная комиссія и нѣкоторыя другія. Были сдѣланы обращенія и къ нашимъ ближайшимъ славянскимъ сосѣдямъ, у которыхъ просили содѣйствія для изученія главнымъ образомъ памятниковъ архитектуры въ Галиціи; но сосѣди, по обычаю, остались глухи къ этому призыву. Къ немалому удивленію большинства, не пожелали принять участія на съѣздѣ львовскіе, а съ ними и нѣкоторые другіе ярые украинофилы, руководящіеся скорѣе узкими политико-національными взглядами, чѣмъ научными интересами... Но, несмотря на возникавшія было въ средѣ комитета опасенія, черниговскій съѣздъ, какъ увидимъ ниже, можетъ быть названъ однимъ изъ удачныхъ, а число членовъ, бывшихъ на немъ, значительно превосходило число членовъ предыдущаго съѣзда въ Екатеринославѣ.

Къ съѣзду комитетомъ были изданы, во-первыхъ, два выпуска «Трудовъ московскаго предварительнаго комитета по устройству четырнадцатаго археологическаго съѣзда». Въ первый изъ нихъ, редактированный В. К. Трутовскимъ, вошли: 1) «Планъ археологическихъ работъ по собиранію и систематизаціи древностей Черниговщины для XIV археологическаго съѣзда», Д. Я. Самоквасова; 2) «Планъ занятій и изысканій въ Черниговѣ лѣтомъ 1906 года», профессора Д. В. Айналова; 3) «Программа изслѣдованій въ области религіознаго и гражданскаго искусства», Ф. Ф. Горностаева; 4) «Дневники раскопокъ, произведенныхъ въ Черниговской губерніи въ 1881 году», профессора В. Б. Антоновича и 5) «Матеріалы по археологіи Черниговской и Полтавской губерній въ видѣ выписокъ изъ дѣлъ императорской археологической комиссіи и архива графа А. С. Уварова, сдѣланныхъ графинею П. С. Уваровой и профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ». Во второмъ выпускѣ, редактированномъ графиней П. С. Уваровой, находимъ: «Раскопки кургановъ около хутора Покровскаго, Валковскаго уѣзда Харьковской губерніи, лѣтомъ 1903 года», В. Е. Данилевича вмѣстѣ съ «Дневникомъ» тѣхъ же раскопокъ и «Изслѣдованіе городищъ и кургановъ въ бассейнѣ верхняго теченія рѣки Оки и ея притоковъ:

Храмъ св. великомученицы Параскевы (Пятницы).

Цока, Рыбницы, Неполоди и Зуши», И. Е. Евсеѣва. Другимъ, болѣе крупнымъ изданіемъ комитета является: «Могилы русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей профессора Д. Я. Самоквасова». (М. 1908). Это собственно систематическій сводъ дневниковъ раскопокъ, произведенныхъ профессоромъ Самоквасовымъ съ 1871 по 1891 годъ. Богатое собраніе его древностей хранится нынѣ въ императорскомъ российскомъ историческомъ музеѣ.

Первою заботою черниговскаго предварительнаго комитета было возбужденіе интереса въ мѣстномъ обществѣ къ предстоящему съѣзду. Съ этою цѣлью комитетомъ было выработано особое обращеніе къ предводителямъ дворянства, городскимъ общественнымъ управленіямъ, къ губернскому и уѣздному земствамъ и многимъ частнымъ лицамъ, извѣстнымъ своею любовью къ старинѣ, интересующимся исторіей края. Всѣхъ ихъ комитетъ просилъ о принятіи посильнаго участія въ съѣздѣ, а къ дворянству, земству и городамъ, кромѣ того, обращался и съ просьбой о денежной поддержкѣ. Выставивъ отъ себя, въ качествѣ депутатовъ и членовъ, довольно значительное число представителей, чтò составило особенность черниговскаго съѣзда, черниговскія общественныя учрежденія, по нашему мнѣнію, черезчуръ поспешили на матеріальную поддержку; послѣдняя исходила, можно сказать, отъ одного только Чернигова, его губернскаго земства (1250 р.), городской думы (1000 р.) и губернскаго дворянскаго собранія (500 р.); остальные 14 уѣздныхъ городовъ внесли всего лишь 360 рублей и это за трехлѣтній періодъ. Тутъ, кажется, не послужитъ косвеннымъ оправданіемъ и ссылка на общее затруднительное положеніе финансоваго рынка. И нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что черниговскій комитетъ долженъ былъ прибѣгнуть, чтобы не погубить всего дѣла, къ помощи московскаго археологическаго общества, выславшаго ему 1500 р., и даже къ пожертвованію частнаго лица: Д. Я. Самоквасовъ выдалъ комитету изъ своихъ средствъ 700 р. на печатаніе изданій.

Вторую и главнѣйшую задачу комитета составляло устройство *выставки* при съѣздѣ. Ядро ея должны были составить тѣ коллекціи, которыя хранились въ музеѣ черниговской ученой архивной комиссіи. Но такъ какъ послѣдняя едва вступила во второе десятилѣтіе своего существованія и вообще не проявляетъ интенсивной дѣятельности, особенно въ послѣдніе годы, едва ли не изъ за разногласія политическихъ убѣжденій своихъ членовъ, то комитету пришлось для устройства выставки приложить особыя усилія. Обычно практикуемое съ этой цѣлью средство—обращеніе къ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—особаго успѣха не имѣло. Изъ всѣхъ 14 уѣздныхъ земствъ одно только глуховское предложило для выставки почти все содержимое своего молодого собранія памят-

никовъ старины и искусства. Изъ архивныхъ комиссій прислали свои музейныя коллекціи лишь тамбовская, рязанская, курская, орловская и воронежская, и изъ церковныхъ историко-археологическихъ обществъ — кievское, орловское и полтавское. Особенно цѣнныя коллекціи были изъ Полтавы, откуда прислали почти всѣ наиболѣе выдающіеся памятники церковной старины довольно богатаго, хотя и недавно открытаго стараніями просвѣщеннѣйшаго полтавскаго епископа Іоанна, древлехранилища. Другимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для обогащенія выставки послужили экскурсіи. Одна изъ нихъ была предпринята лѣтомъ 1907 года, по предложенію и на средства черниговскаго епархіальнаго съѣзда, продолжалась 43 дня и коснулась главнымъ образомъ сѣверной половины губерніи, захвативъ уѣзды: Черниговскій, Городнянскій, Новозыбковскій, Мглинскій, Стародубскій, Суражскій, Новгород-сѣверскій, Кролевецкій и Сосницкій. Уполномоченная не только отбирать вещи, но и забирать тѣ изъ нихъ, которыя не значатся по церковнымъ описямъ, экскурсія, естественно, должна была быть весьма результатной и дѣйствительно дала археологической выставкѣ немало интересныхъ и новыхъ памятниковъ церковной старины. Вторая экскурсія, организованная на средства комитета въ города: Нѣжинъ, Кролевецъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Борзну съ ближайшими къ нимъ селами, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго мѣстнаго любителя-археолога К. И. Самбурскаго, дала также немало цѣнныхъ предметовъ древности, въ особенности монетъ; далѣе, третья особая этнографическая экскурсія по Черниговской губерніи, предпринятая, по ходатайству комитета, представителями этнографическаго отдѣленія русскаго музея императора Александра III въ С.-Петербургѣ, гг. Ф. К. Волковымъ, Н. М. Могилянскимъ, С. И. Руденкой и В. А. Павловичемъ, создала богатый этнографическій отдѣлъ выставки, который, впрочемъ, не останется въ Черниговѣ, а будетъ перевезенъ въ Петербургъ. Наконецъ путемъ раскопокъ, предпринятыхъ на средства комитета въ селѣ Мезинѣ Кролевецкаго уѣзда и въ Глуховскомъ уѣздѣ, а также случайныхъ находокъ, значительно обогатился отдѣлъ первобытныхъ древностей.

Таковы средства, къ которымъ прибѣгъ черниговскій комитетъ для устройства выставки XIV археологическаго съѣзда, и эти средства оказались весьма результатными: выставка была одной изъ богатѣйшихъ, въ особенности по количеству, разнообразію и цѣнности предметовъ церковной старины; она была яркою и многостороннею картиною прошлаго Малороссіи и имѣла вполне заслуженный успѣхъ, пользуясь вниманіемъ специалистовъ и возбуждивъ большой интересъ въ мѣстной публикѣ, которая совершила въ теченіе 8—9 дней свыше 11.000 посѣщеній. Ко дню открытія выставки былъ изданъ комитетомъ и довольно компактный «каталогъ» выставки, состоящій изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) древ-

ности, добытыя изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ; 2) церковныя древности; 3) жетоны, медали и нумизматика; 4) историческій отдѣлъ; 5) этнографическій отдѣлъ; 6) старопечатныя книги; 7) отдѣлъ рукописей и 8) картографическій отдѣлъ. Не останавливаясь здѣсь на подробностяхъ его содержанія, мы приведемъ лишь тѣ «нѣсколько словъ» о выставкѣ, съ которыми обратилась къ присутствующимъ въ день открытія сѣзда председательница его, графиня П. С. Уварова.

«Выставка состоитъ ¹⁾,—сказала она,—изъ восьми отдѣловъ; но первенствующую роль занимаетъ отдѣлъ церковныхъ древностей (въ немъ около 1700 предметовъ, тогда какъ общая цифра по всѣмъ восьми отдѣламъ—5600), «который если и имѣетъ нѣкоторые недостатки, то все-таки очень полонъ и представить, несомнѣнно, большой интересъ для лицъ, желающихъ заняться русскимъ искусствомъ. Собранные въ немъ иконы, царскія двери, кресты, дарохранительницы и разные другіе предметы представляютъ яркую картину развитія искусства въ Малороссіи въ XVII—XVIII вѣкахъ, когда, съ одной стороны, напирало вліяніе съ Запада, а съ другой,—Малороссія заселялась богатыми помѣщиками царствованій императрицъ Елизаветы и Екатерины, которые, строя дворцы и храмы, переносили въ свои помѣстья всю роскошь и искусство далекаго Петербурга, когда графъ Растрелли и его современники строили соборы и дворцы въ Батуринѣ, Брянскѣ, Козельцѣ, Ляличицахъ, Очкинѣ и проч. Огромный интересъ представляетъ выставка и потому, что въ ней легко прослѣдить, какъ иноземныя формы, вносимыя въ искусство Малороссіи, мало-по-малу вырождались, или, скорѣй, переработывались, подъ вліяніемъ мѣстныхъ мастеровъ и пониманій, въ формы болѣе доступныя народу, болѣе напоминающія ему окружающую природу и флору, болѣе отвѣчающія его взглядамъ и требованію.

«Интересны также символическія иконы, какъ, напримѣръ, «Недреманное око», «Азъ есмь лоза истинна», «Пеликанъ у креста, разрывающій утробу, чтобы накормить птенцовъ», съ надписью: «Пеликанъ птьца се нещада дытей питая»; «Страждущій литургіющій Христосъ», «Отче нашъ» въ сценахъ по прошеніямъ, и другія, которыя всѣ слѣдуетъ считать поэтическимъ пересказомъ народнаго пониманія евангельскихъ истинъ и рассказовъ. Въ историческомъ отдѣлѣ (свыше 600 предметовъ) собрано много интересныхъ портретовъ лицъ, принадлежащихъ къ малорусскому дворянству и поработавшихъ на пользу родной стороны: Галагана, Кочубея, Скоропадскаго, Полуботка, графовъ Разумовскихъ и другихъ. Имѣются портреты почти всѣхъ черниговскихъ іерарховъ; собрано

¹⁾ Цитирую изъ «Извѣстій XIV археологическаго сѣзда въ городѣ Черниговѣ», № 3, стр. 25—26.

Екатерининская церковь.

значительное количество сосудовъ и другихъ предметовъ домашняго обихода, равно какъ интересный подборъ образцовъ керамическихъ издѣлій мѣстныхъ фабрикъ, существовавшихъ въ былое время, благодаря просвѣщенной инициативѣ и щедрой поддержкѣ мѣстныхъ помѣщиковъ: Миклашевскаго, Листовской и другихъ.

«Очень богатъ отдѣлъ старопечатныхъ книгъ южной печати (въ немъ 236 №№): кievской, львовской, черниговской, новгородъ-сѣверской, острожской, почаевской, супрасльской и прочихъ. Тутъ же находимъ древнія мѣдныя гравировальныя доски, съ которыхъ удалось снять снимки и которыя знакомятъ насъ съ мастерами гравировальнаго дѣла, до сихъ поръ неизвѣстными въ русскомъ искусствѣ. Не менѣе интересенъ рукописный отдѣлъ (до 410 предметовъ), гдѣ удалось собрать значительное количество древнихъ евангелій малороссійскаго письма XVII и даже XVI вѣка, много нотныхъ книгъ крюковаго, демественнаго и квадратнаго письма, интересную азбуку крюковыхъ нотъ, множество синодиковъ XVIII вѣка, автографы гетмановъ, полковниковъ, графовъ Завадовскаго и Румянцова, Костомарова, Мордовцева, Гоголя и другихъ, богатѣйшія расписныя грамоты царя Алексѣя Михайловича, Петра I, Анны Иоанновны, число которыхъ украсилось сокровищами того же рода, привезенными на выставку Д. Я. Самоквасовымъ изъ главнаго московскаго архива министерства юстиціи, грамоты польскихъ королей, данныя Чернигову и Нѣжину, разные планы малороссійскихъ городовъ и прочее.

«Этнографическій отдѣлъ составился изъ коллекцій, собранныхъ въ Черниговской губерніи и присланныхъ изъ полтавскаго музея (въ немъ 1368 предметовъ).

«Менѣе значительнымъ является отдѣлъ первобытныхъ древностей (всего 584 предмета), но и въ немъ нельзя не заинтересоваться находками близъ села Мезина Кролевецкаго уѣзда, раскопками В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова и другихъ».

Въ заключеніе нашего разсказа о дѣятельности черниговскаго предварительнаго комитета необходимо остановиться еще на изданномъ имъ къ археологическому съѣзду небольшомъ томѣ «Трудовъ» его, въ который вошли: 1) рукописи П. Я. Дорошенко, 2) описаніе рукописей кн. В. Д. Голицына, 3) рукописи изъ фамильнаго архива Кочубеевъ, 4) рукописи черниговской городской думы, 5) рукописи нѣжинской городской думы, 6) «Духовница» и синодикъ священника Василя Дорошенко, 7) «Архитектура черниговскихъ храмовъ». Рѣчь профессора Д. В. Айналова, 8) «Черниговскія писанки» В. Д., п 9) «Гравировальныя доски черниговской Ильинской типографіи», со снимками. Изъ всего этого содержанія заслуживаютъ наибольшаго вниманія рукописи П. Я. Дорошенко, черниговской городской думы и нѣжинской. Въ первыхъ сообщено детальное описаніе, по большей части съ прибавленіемъ

полнаго текста, наиболѣе цѣнныхъ автографовъ, относящихся по преимуществу къ XVIII вѣку. Въ рукописяхъ черниговской городской думы описаны, съ приведеніемъ наиболѣе цѣнныхъ по содержанию актовъ, грамоты царей, указы, универсалы гетмановъ и полковниковъ, купчія, письма и другіе документы, всего до 40 №№, относящіеся къ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Наконецъ въ рукописяхъ третьяго собранія находимъ грамоты царей и императоровъ, гетманскіе универсалы, императорскіе указы и другіе акты, всего 64 №№, касающіеся исторіи Нѣжина за время съ 1650 по 1777 годъ. Послѣднія два собранія рукописей мало извѣстны въ наукѣ.

Приготовила къ печати для археологическаго съѣзда VII выпускъ своихъ «Трудовъ» и черниговская архивная коммиссія, но почему-то, къ общему недоумѣнію, отпечатать не успѣла и къ 1 сентября.

III.

Занятія съѣзда.—Общія засѣданія.—Юбилейное торжество тысячелѣтія Чернигова.—Наиболѣе выдающіеся рефераты по секціямъ.—Заключеніе.

Вмѣсто предполагаемаго двухнедѣльнаго срока, съ 1 по 15 августа, XIV археологическій съѣздъ продолжался всего 12 дней. Число съѣхавшихся депутатовъ въ Черниговъ простиралось до 125; всѣхъ же членовъ съѣзда было 282 человекъ (на послѣднемъ екатеринославскомъ 245), и въ числѣ ихъ профессоръ Маріанъ Соколовскій изъ Кракова и профессоръ Пичъ изъ Праги, одинъ изъ серьезнѣйшихъ представителей славянскои науки, хорошо знакомый и съ русскими древностями. Выше было отмѣчено, что Черниговскій край выставилъ своими представителями на съѣздѣ цѣлый рядъ дѣятелей земскихъ, городскихъ и изъ педагогическаго персонала, что, по замѣчанію предсѣдательницы съѣзда, составляетъ «отличительную черту» послѣдняго.

Занятія съѣзда были распредѣлены между слѣдующими секціями: 1) древностей первобытныхъ (предсѣдатели: профессоръ Д. И. Самоквасовъ и профессоръ В. З. Завитневичъ), 2) историко-географическихъ и этнографическихъ (предсѣдатель—профессоръ И. А. Линниченко), 3) памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики (предсѣдатель—профессоръ Д. В. Айналовъ), 4) древностей юридическихъ, быта хозяйственнаго, домашняго и военнаго (предсѣдатель—профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій), 5) древностей церковныхъ (предсѣдатель—профессоръ Н. В. Покровскій), 6) памятниковъ языка и письма (предсѣдатель—академикъ А. И. Соболевскій), 7) древностей классическихъ, византійскихъ, восточныхъ и западно-европейскихъ (предсѣдатель—профессоръ Э. Р. фонъ-Штернь), и 8) археографіи и архивовѣдѣнія (предсѣдатель—Л. М. Савеловъ).

1-е августа было посвящено открытію сѣзда, на которомъ, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго двумя мѣстными архіереями, были выслушаны сухо-формальныя привѣтствія: открывшаго въ своемъ родѣ юбилейный сѣздъ отъ имени министра народнаго просвѣщенія помощника попечителя кievскаго учебнаго округа г. Погодина, черниговскаго губернатора Н. М. Родіонова, губернскаго предводителя дворянства, представителей городскихъ и земскихъ учреждений, среди которыхъ наибольшую содержательностью и задушевностью отличалась рѣчь городского головы А. В. Верзилова, и рядъ поздравительныхъ телеграммъ, а затѣмъ— отчеты о работахъ предварительныхъ комитетовъ по устройству сѣзда, составленные и прочитанные: московскаго—графиней П. С. Уваровой, а черниговскаго—П. М. Добровольскимъ. Только на слѣдующій день, 2 августа, приступили къ научнымъ работамъ, которыя открылись общимъ засѣданіемъ, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой. Первымъ ораторомъ на немъ выступилъ профессоръ И. А. Линниченко и сказалъ весьма содержательную и дышащую истиннымъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти скончавшагося 8 марта 1908 г. извѣстнаго кievскаго профессора и знаменитаго археолога Вл. Бониф. Антоновича. Передавая въ яркой и образной формѣ біографическія данныя объ Антоновичѣ, онъ подробно всего остановился на томъ душевномъ переломѣ, который испыталъ покойный ученый, перейдя изъ католицизма въ православіе, ставъ изъ шляхтича малорусскимъ казакомъ. Объ этомъ въ печати мало извѣстно, и единственный документъ—исповѣдь Антоновича—была прочитана лекторомъ цѣликомъ. Написана она была въ отвѣтъ на рѣзкій отзывъ польскаго публициста объ Антоновичѣ, какъ объ отступникѣ, въ 1862 году, въ разгаръ его публицистической дѣятельности. «Я отступилъ,—писалъ Антоновичъ,—не отъ польскаго народа, націи, а отъ бездѣятельной шляхты, живущей на счетъ трудового малорусскаго народа, и отъ сокрушающаго вліянія католическихъ патеровъ. Отступивъ, желаю послужить простому народу и съ этой цѣлью избираю изученіе и разработку малорусской народнѣи исторіи». И дѣйствительно, жизнь Малороссіи въ его научныхъ работахъ была затронута во всѣхъ частяхъ, со всѣхъ сторонъ. Главнѣйшая его заслуга—открытіе и обнародованіе цѣлаго ряда письменныхъ памятниковъ и документовъ по исторіи Малороссіи и открытіе и научная систематизація подпочвеннаго археологическаго матеріала въ предѣлахъ Малороссіи. Благодаря знанію анатоміи, палеонтологіи и геологіи, археологическія розысканія и заключенія В. Б. Антоновича являются наиболѣе цѣнными и научными, особенно при его рѣдкой добросовѣстности, строгости къ себѣ, строго-научной критикѣ и осторожности.

Но его научныя работы немало доставили хлопотъ и тревогъ автору: бдительныя полиціанты старались видѣть въ нихъ под-

Домъ Мазеца, гдѣ нынѣ помѣщается архивъ губернскаго правленія.

готовку къ отдѣленію Малороссіи, а поляки не упустили случая подорвать его авторитетъ, осмѣявъ «отступничество» и обвинить въ какомъ-либо «предполагаемомъ коварствѣ». Все это накладывало свою печать, и Антоновичъ особенно былъ остороженъ и даже скрытенъ, какъ на лекціяхъ, такъ и въ печатныхъ работахъ. На самомъ же дѣлѣ пмъ руководила только любовь къ народу, и эта-то любовь заставила его уже на склонѣ лѣтъ вновь выступить въ роли публициста—защитника малорусскаго народа, такъ «несправедливо оклеветаннаго» Генрихомъ Сенкевичемъ въ его романѣ «Огнемъ и мечомъ».

Подводя итогъ научнымъ работамъ профессора-археолога, «могущаго занять одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ ряду русскихъ, но и западно-европейскихъ ученыхъ», ораторъ такъ заключилъ свою рѣчь:

«Египетскіе фараоны руками рабовъ воздвигали себѣ при жизни пирамиды—вавилонскія башни челоѣческаго тщеславія, персидскіе цари выѣкали на скалахъ широкоѣщательныя повѣсти о своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ подвигахъ; къ колесницѣ, везшей трупъ скиѣскихъ царей, сгоняли тысячи имъ подвластныхъ и заставляли ихъ насыпать надъ прахомъ властителя горделивый курганъ; но пирамиды и могилы часто не заключаютъ теперь ничего: ихъ разграбили потомки, для которыхъ эти величественныя памятники уже не имѣютъ ничего страшнаго, ничего завѣтнаго. Памятники жизни ученаго—его труды, а они прочнѣе пирамидъ, обелисковъ и кургановъ; къ нимъ не сгоняютъ подвластныхъ; на этихъ памятникахъ учатся потомки, учатся, какъ жить и работать, и все, что создалъ ученый, какъ ученый,—будетъ жить такъ же долго, какъ будетъ жить наука—та сила, что изъ звѣря сдѣлала насъ людьми. Владимиръ Бонифатьевичъ всю жизнь работалъ, и результаты этой неутомимой, умной и талантливой работы—въ сотняхъ ученыхъ трудовъ... онъ училъ цѣлое полстолѣтіе, и его чтенія помнятъ тысячи его учениковъ. Онъ работалъ много и болѣзненно надъ самимъ собою, надъ переукладомъ всего своего міросозерцанія, и онъ сталъ, какъ Савль, горячимъ и искреннимъ послѣдователемъ той вѣры, которую приобрѣлъ, и не измѣнилъ ей до послѣдняго вздоха. Онъ много и горячо любилъ не себя, а своихъ, тѣхъ, кого призналъ наиболѣе несчастными и нуждающимися въ утѣшеніи и помощи, страдалъ за нихъ, боролся и радовался съ ними, и пусть та земля, въ нѣдры которой онъ спускался такъ часто, отыскивая останки предковъ, которые ему одному понятнымъ голосомъ могли сказать, «откуда есть пошла русская земля»,—пусть эта родная земля будетъ ему пухомъ»¹⁾.

¹⁾ См. «Извѣстія XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ», № 4, стр. 30-31.

На томъ же общемъ засѣданіи проф. Д. В. Айналовъ привелъ нѣсколько воспоминаній о своемъ другѣ, недавно скончавшемся проф. Е. К. Рѣдинѣ, одномъ изъ наиболѣе видныхъ представителей Буслаево-Кондаковской школы, примѣнявшей историко-сравнительный методъ западной науки къ изученію русскихъ древностей и русскаго искусства. Не перечисляя многочисленныхъ статей покойнаго, свыше ста, онъ остановился на болѣе выдающихся его работахъ и, между прочимъ, на еще не напечатанной, замѣчательной по самой темѣ, работѣ «Рукопись Косьмы Индикоплова». Въ 12 главахъ этого обширнаго труда авторъ опредѣляетъ, огромное значеніе рукописи для исторіи русскаго искусства. Рукопись эта интересна, между прочимъ, и для уясненія нѣкоторыхъ космографическихъ представленій русскаго народа, напр., «солнце заходитъ за горой», «земля держится на четырехъ столбахъ»,—представленій, исходящихъ изъ системы Индикоплова. Работа Е. К. Рѣдина печатается въ настоящее время докладчикомъ на средства графини П. С. Уваровой. Симпатичныя черты покойнаго—выдающуюся работоспособность, особенное доброжелательство къ людямъ и душевную доброту,—наиболѣе подчеркнуты докладчикомъ, подтвердилъ и профессоръ кievской духовной академіи И. Н. Корольковъ.

При послѣдующихъ занятіяхъ съѣздъ имѣлъ еще одно общее засѣданіе, 5 августа, которое, какъ посвященное тысячелѣтнему юбилею Чернигова, носило названіе юбилейнаго.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель съѣзда графиня П. С. Уварова произнесла слѣдующее: «Приурочивая въ 1905 г. настоящий съѣздъ въ гор. Черниговѣ, мы не имѣли тогда еще въ виду, что созывъ съѣзда совпадетъ съ торжествомъ празднованія тысячелѣтія древняго Чернигова, но тѣмъ не менѣе, какъ это могутъ подтвердить всѣ тѣ, которые посѣщаютъ засѣданія съѣзда, большая часть докладовъ, предложенныхъ съѣзду, касаются Чернигова и Черниговщины: изучаютъ древніе храмы Чернигова, доказываютъ ихъ древнее происхожденіе изъ византійскихъ формъ и послѣдующія измѣненія этихъ формъ подъ напоромъ новыхъ вліяній, занимаются деревяннымъ зодчествомъ въ Черниговской губерніи, чертами самобытности украинскаго зодчества, изучаютъ сѣверянскіе курганы, стараются опредѣлить границы сѣверянскихъ поселеній и проч. и проч. Все это доказываетъ только, какъ проникнулись ученые и подготовители съѣзда древностью и важностью Чернигова для исторіи и археологіи нашего великаго отечества и какъ они подготовились къ великимъ днямъ, переживаемымъ нынѣ Черниговомъ...»

Вслѣдъ за нею выступилъ на кафедрѣ профессоръ В. З. Завитневичъ, пытавшійся въ общихъ чертахъ опредѣлить главные моменты изъ доисторической жизни Чернигова на основаніи сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ археологическими

наблюдениями и признавши за несомнѣнный фактъ основаніе Чернигова еще въ хозарскую эпоху и управленіе его своими князьями вплоть до Мстислава Владимировича.

Смѣнившій профессора В. З. Завитневича профессоръ Д. Я. Самоквасовъ началъ съ заявленія, что праздновавшееся въ 1862 г. Россіей тысячелѣтіе ея существованія, ознаменованное особымъ памятникомъ, основано лишь на лѣтописномъ извѣстіи, которое подвергалось и подвергается большимъ сомнѣніямъ. «Но что,—воскликнулъ маститый ораторъ,—не подлежитъ уже никакому сомнѣнію,—это фактъ, засвидѣтельствованный тою же лѣтописью (и притомъ лаконическимъ языкомъ древней записи, а не словами Нестора) подъ 907 годомъ, именно договоръ Олега съ греками. Фактъ этотъ, говорящій о существованіи Чернигова, какъ значительнаго уже города, высокой исторической важности: онъ говоритъ положительно и о сплоченности воедино государственнаго организма «Русь» и его населенія—славянахъ». Высказавъ эти справедливыя замѣчанія, ораторъ совершенно неожиданно, несмотря на присутствіе многихъ депутатовъ изъ Петербурга и только что произнесенныя слова графини П. С. Уваровой, обрушился на петербургскихъ археологовъ и ученыхъ, будто бы не признававшихъ древностей Чернигова и занимающихся всѣмъ, чѣмъ угодно, а не русской исторіею, и, защищая противъ нихъ свою родину, съ паѳосомъ и гиперболически воскликнулъ: «будущія раскопки докажутъ, что нѣтъ города на Руси древнѣе Чернигова».

Слѣдующій ораторъ, профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій, въ своей «Исторической памятки о Черниговѣ», видимо, наскоро составленной, пытался прослѣдить главные моменты исторіи Чернигова, взявъ за основу его географическое положеніе, и указать положительныя и отрицательныя стороны въ зависимости отъ послѣдняго.

Наконецъ, профессоръ Г. Г. Павлуцкій свою рѣчь «Древнѣйшіе храмы Чернигова» началъ такъ ¹⁾: «Старые памятники искусства—это то же, что загадочные старинные портреты. Что несли съ собою эти люди, ихъ создатели и современники? Какое дѣло совершили они въ мірѣ? Зачѣмъ жили? Чѣмъ интересовались? Памятники искусства сохраняютъ ключъ къ этимъ тайнамъ былого. Въ нихъ оживаютъ дорогіе для историка мертвецы, встаютъ въ своихъ странныхъ забытыхъ одеждахъ носители иной культуры. Памятники искусства позволяютъ намъ теперь проникнуться далекимъ прошлымъ нашей исторіи, воскресить домонгольскую Русь, заставляютъ ее пройти предъ нами въ живыхъ образахъ. Эти памятники говорятъ намъ, что вмѣстѣ съ домонгольскимъ періодомъ погибла утонченная цивилизація, не уступавшая современ-

¹⁾ Цитирую по рукописи, любезно предоставленной мнѣ самимъ авторомъ.

ному Западу; они свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи вкуса въ то время на Руси... Въ самомъ дѣлѣ великокняжескій періодъ въ исторіи Руси былъ удивительно блестящъ въ культурномъ отношеніи: онъ далъ христіанство, грамотность, литературу...» Затѣмъ, указавъ на сношенія съ Византіей Руси и всего Запада и на преобладающее въ послѣднихъ культурное византійское вліяніе, онъ говоритъ: «Неудивительно, что Византія оказала также большое вліяніе на первыхъ порахъ исторической жизни юнаго русскаго народа. Значительную роль въ передачѣ древней Руси византійской культуры сыгралъ городъ Херсонесъ, который въ VIII и первой половинѣ IX вв. былъ передовымъ пунктомъ византійской культуры и промышленности на сѣверо-востокѣ. Однако это византійское вліяніе не означаетъ того, что Русь въ ту пору стояла на самой низкой степени развитія и должна была довольствоваться произведеніями чужой цивилизаціи. Правда, византійское вліяніе дало поводъ многимъ изслѣдователямъ, при изученіи уцѣлѣвшихъ памятниковъ искусства, отыскивать въ нихъ лишь исключительно черты византизма и не видѣть чертъ самобытности и тѣхъ характерныхъ особенностей, какія образовались въ русскихъ произведеніяхъ искусства подъ вліяніемъ родной среды и народности. Только въ сравнительно недавнее время цѣлый рядъ археологическихъ раскопокъ, обогатившихъ наши музеи предметами древности, а также случайныя находки или клады, дали весьма богатый матеріалъ для изученія искусства и художественной промышленности великокняжеской эпохи и выяснили довольно высокое состояніе культуры въ нѣкоторыхъ областяхъ домонгольской Руси.

«Въ настоящее время нужно считать уже доказаннымъ, что самыя утонченныя художественныя производства, какъ, напр., перегородчатая эмаль, существовали на югѣ Россіи, въ Кіевѣ, и что ими занимались русскіе мастера и при томъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что распространяли свои произведенія на сѣверъ, въ Рязань и Суздаль.

«Только въ созданіи монументальныхъ памятниковъ трудно доказать участіе русскихъ мастеровъ. Отъ этого времени осталось много каменныхъ храмовъ, украшенныхъ мозаиками и фресками. Больше всего такихъ храмовъ сохранилось въ Кіевѣ, во Владимирѣ-Волынскомъ, въ Овручѣ. Послѣ Кіева наиболѣе монументальныхъ памятниковъ великокняжескаго періода сохранилъ Черниговъ. По объему и красотѣ всѣхъ этихъ храмовъ можно также судить о степени культуры, которой достигло въ то время русское общество. Но всѣ уцѣлѣвшіе до насъ монументальныя памятники великокняжеской эпохи носятъ на себѣ очевидныя слѣды византійской работы; повсюду мы видимъ византійскую технику, византійскіе художественныя приемы, даже греческія надписи... И только нѣ-

который просторъ національному творческому гению остался тамъ, гдѣ могли заявить свои права климатическія условія страны, т. е. въ деревянномъ зодствѣ...

«Все великолѣпіе русской культуры домонгольскаго періода рушится съ приходомъ татаръ. Послѣдующія поколѣнія помогаютъ времени разрушать старые памятники. Только въ XVI вѣкѣ народилось новое челоѣчество, которое взялось за возстановленіе уцѣлѣвшихъ памятниковъ. Первый починъ въ этомъ отношеніи положилъ кievскій митрополитъ Петръ Могила. Но поправки дѣлались во вкусѣ времени, съ явнымъ смѣшеніемъ стилей, и только внимательное изслѣдованіе, при помощи документальной исторіи храмовъ, и самый точный анализъ архитектурныхъ формъ даютъ возможность узнать слѣды древности».

Главными строителями храмовъ домонгольской эпохи были князья, дѣлавшіе стольный городъ центромъ политической и церковной жизни своей области. Въ Черниговѣ, гдѣ были деревянныя церкви еще при Владимірѣ Святѣмъ, первымъ строителемъ каменнаго храма явился Мстиславъ Владимировичъ, и именно Спасо-Преображенскаго собора. За нимъ слѣдуютъ — Святославъ Ярославичъ, соорудившій Успенскую церковь въ Елецкой обители и Ильинскую въ Троицкомъ монастырѣ, и Давидъ Святославовичъ, основатель Борисоглѣбскаго храма. «Храмы эти,—заклучилъ профессоръ Павлуцкій,—свидѣтельствующіе о великомъ прошломъ Черниговской земли, о той культурѣ, которая начала было здѣсь развиваться, представляютъ высокій археологическій интересъ. Вмѣстѣ съ кievскими храмами они составляютъ однородную группу построекъ, сооруженныхъ въ византійскомъ стилѣ греческими зодчими и въ то же время съ отчетливостью рисуютъ намъ картину того, что было сдѣлано въ зодствѣ Византіи въ послѣдній періодъ его процвѣтанія, въ VII—VIII вѣкахъ».

Юбилейное засѣданіе, устроенное археологическимъ съѣздомъ, было лишь первымъ актомъ празднованія тысячелѣтія города Чернигова. На другой день, 6 августа, въ день Преображенія Господня — престольный праздникъ главной святыни города, Спасо-Преображенскаго собора,—состоялось и «городское торжество». Послѣ богослуженія и всенароднаго торжественнаго молебствія на соборной площади происходило въ дворянскомъ домѣ чрезвычайное юбилейное собраніе городской думы. Прежде всего были прочитаны постановленія, которыя сдѣлала дума въ память «столь важнаго историческаго момента» на засѣданіи 11 іюня, а именно: 1) соорудить особый городской домъ, назвавъ его «городскимъ домомъ въ память 1000-лѣтія города Чернигова», и сосредоточить въ немъ театръ, публичную бібліотеку съ читальней и аудиторіей, и музей (по-

становленіе весьма благое, но едва ли скоро выполнимое при теперешнихъ финансовыхъ недочетахъ и разнаго рода административныхъ преткновеніяхъ); 2) сложить съ бѣднѣйшихъ жителей города недоимки по аренднымъ платежамъ и сборамъ, срокомъ по 1 января 1908 г., а съ лицъ, пострадавшихъ въ семь году отъ наводненія, и за текущій 1908 годъ, съ тѣмъ, чтобы общая сумма недоимокъ съ тѣхъ и другихъ не превышала суммы 5.000 р.; 3) преобразовать Александровское ремесленное училище въ средне-учебное заведеніе технически-строительнаго типа, и 4) отлить жетоны въ память 1000-лѣтія съ гербомъ города и соотвѣтствующею надписью и издать очеркъ исторіи Чернигова.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ и адресовъ. Первою прочла свой адресъ депутація отъ XIV археологическаго съѣзда, слѣдующаго содержанія:

«Отъ дней вѣщаго Олега, своимъ побѣдоноснымъ походомъ на Царьградъ впервые запечатлѣвшаго на страницахъ лѣтописи славное имя Чернигова, до нашихъ дней прошло десять вѣковъ. Въ бурномъ потокѣ событій въ этотъ тысячелѣтній періодъ много перемѣнъ пронеслось предъ глазами исторіи, много нелегкихъ испытаній довелось и на долю Чернигова. Поколѣнія уступали мѣсто поколѣніямъ, жизнь смѣнялась смертью, все рушилось, все сокрушалось. Но надъ этимъ хаосомъ смерти и разрушенія носилась одна могучая, несокрушимая, вѣчно юная, вѣчно живая сила: это сила вѣры человѣка въ его прогрессъ, въ его лучшее будущее. Эта вѣра спасала Черниговъ въ моменты его униженія, она смягчала его горе, она усиливала его радости и, въ концѣ концовъ, она вывела его на путь новой, болѣе свѣтлой жизни. XIV археологическій съѣздъ, ставящій задачей своей дѣятельности изъ-подъ праха вѣковъ поднимать и воскрешать сокрытую подъ нимъ творческую силу жизни, сердечно привѣтствуетъ городъ Черниговъ съ исполненіемъ тысячелѣтія его побѣдоноснаго шествія въ исторіи, присоединяя горячее пожеланіе, чтобы та вѣра въ лучшее будущее, которая ободряла и поддерживала старыхъ черниговцевъ на долгомъ пути историческихъ испытаній, не только не оставляла ихъ потомковъ, но, укрѣпляясь и усиливаясь, вела ихъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу.

«Слава на небѣ солнцу красному, слава!

«Слава древнему Чернигову по всей Русской землѣ, слава!»

Не менѣе характерный адресъ прочелъ затѣмъ отъ московскаго археологическаго общества секретарь его, В. К. Трутовскій:

«Второе уже тысячелѣтіе начинаетъ жить славный старый городъ Черниговъ! Ни междоусобицы первыхъ русскихъ князей, ни полоненіе грозной монгольской орды, ни литовское разореніе не

изгнали изъ его памяти славнаго сѣдого прошлаго, не уничтожили въ немъ первыхъ корней его самобытности, его чистой, прекрасной русской старины. И безстрастные свидѣтели первыхъ шаговъ образованія грознаго русскаго царства — курганы, и молчаливые слушатели тысячелѣтнихъ страданій и радостей — каменные храмы Божіи, и когда-то грозные, а теперь тихіе и мирные города и городища — всѣ они еще болѣе славятъ и безъ того славный городъ Черниговъ и его бывшія и настоящія земли, мало-по-малу раскрывая намъ великія тайны далекаго прошлаго нашей родины.

«Глубоко чтя это дорогое прошлое, посвящая ему всѣ свои силы и знанія, императорское московское археологическое общество почтительно и благоговѣйно преклоняется предъ тысячелѣтнимъ старцемъ и всей душой, всѣмъ сердцемъ своимъ благодарить его за сохраненныя имъ богатства жизни нашихъ предковъ, принося ему свои сердечныя поздравленія и искреннія пожеланія если не былой славы, то новой славы — славы свѣточа, озаряющаго темную даль давно прошедшихъ вѣковъ».

Изъ прочихъ, довольно многочисленныхъ адресовъ ученыхъ обществъ, земскихъ и городскихъ учреждений, наибольшее вниманіе обратили на себя адреса: отъ полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета, университета св. Владимира, историческаго общества Нестора-лѣтописца, московской оружейной палаты, черниговской губернской земской управы (предсѣдатель Н. П. Савицкій), украинскаго общества «Просвіта» въ Черниговѣ, и другихъ.

Затянувшееся чуть ли не на 4 часа чтеніе адресовъ и телеграммъ было завершено послѣднимъ актомъ официальнаго городского торжества — вечернимъ «раутомъ» въ томъ же дворянскомъ домѣ, отличавшимся неподходящей событію скромностью, сравнительной малочисленностью городскихъ представителей и непонятнымъ воздержаніемъ отъ искренняго застольнаго словоговоренія.

Тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе сторонняго наблюдателя этого «юбилейнаго торжества», правда, допущеннаго какъ что-то неизбѣжное, было бы весьма благопріятное и даже примиряющее со многимъ, если бы не выпады, и при томъ совершенно неумѣстные при настоящемъ скромномъ историческомъ празднествѣ, такъ называемыхъ «истинно-русскихъ людей» противъ сторонниковъ Монаршаго акта 17 октября. Эти выпады вызвали даже со стороны предсѣдателя юбилейнаго засѣданія, г. городского головы, такое заявленіе: «Прошу г. депутатовъ быть по возможности краткими и помнить, что намъ время очень дорого».

Переходя далѣе къ занятіямъ сѣзда по секціямъ, мы должны сказать, что наибольшее число засѣданій и рефератовъ было посвящено Чернигову и Черниговщинѣ, а изъ отдѣльныхъ секцій въ этомъ отношеніи имѣли первенствующее значеніе секціи:

памятниковъ искусствъ и художествъ (III) и древностей церковныхъ (V), и затѣмъ древностей первобытныхъ (I) и древностей географическихъ и этнографическихъ (II). Рефератовъ общаго характера больше всего было на секціи первобытныхъ древностей (I), далѣе на секціи памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики (III) и древностей церковныхъ (V) и юридическихъ (IV). Очень многіе изъ всѣхъ этихъ рефератовъ имѣли большой научный интересъ и значеніе, но мы здѣсь остановимся только на болѣе выдающихся.

Въ области изученія Черниговщины болѣе всего посприятствовало черниговскимъ храмамъ, которые до сихъ поръ были мало извѣстны. Изслѣдованіемъ ихъ по преимуществу занимались О. О. Горностаевъ и проф. Д. В. Айналовъ, затѣмъ проф. Г. Г. Павлуцкій, проф. М. Н. Бережковъ, А. П. Новицкій и др. Въ своемъ первомъ докладѣ: «Объ архитектурѣ древнихъ храмовъ Чернигова домонгольскаго періода», О. О. Горностаевъ, изслѣдовавшій храмы съ 1903 г., пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: ¹⁾ въ Спасскомъ соборѣ древняя кладка обнаружена: въ юго-восточномъ и сѣверо-западномъ барабанахъ малыхъ куполовъ; изъ парусовъ—только въ сѣверо-западномъ парусѣ; въ барабанѣ главнаго купола — въ сѣверной сторонѣ, за исключеніемъ междуоконныхъ полуколоннъ; въ верхнихъ столбахъ хоръ и въ нѣкоторыхъ аркахъ храма и въ самыхъ верхнихъ окнахъ стѣнъ. Въ соборѣ Елецкаго монастыря средній куполъ съ полуколонками между оконъ, несомнѣнно, древней византійской кладки; стѣны до самыхъ верхнихъ оконъ съ оригинальными романскаго типа арочками и съ полуколонками; вновь обнаруженные слѣды пятаго купола и вмѣстѣ съ нимъ малые купола относятся къ XVII вѣку. Въ Ильинской церкви, рядомъ съ главнымъ куполомъ, къ западу, стоялъ прежде четвертый куполъ. Барабанъ центральнаго купола съ полуколонками между оконъ оказался древней византійской кладки. Надъ сѣверо-западною пилястрою обнаруженъ древній карнизъ, ниже существующаго нынѣ карниза. Первоначально храмъ былъ одноглавый, одноабсидный, продолговатый по плану и покрытъ былъ по-византійски. По плану сходенъ съ Юрьевой божницей на Острѣ. Въ Пятницкомъ храмѣ, вопреки мнѣнію проф. Лашкарева, докладчикъ обнаружилъ древнюю кладку въ сѣверной стѣнѣ у самаго основанія креста. По кладкѣ и конструкціи сводовъ онъ относитъ этотъ храмъ къ XIII вѣку.

Второй изслѣдователь черниговскихъ храмовъ, посвятившій свой докладъ также ихъ архитектурѣ, Д. В. Айналовъ имѣлъ главною задачею выясненіе вопроса: «Откуда, собственно, взялась наша форма храма, гдѣ ея начало и каковы ея образцы?» и при-

¹⁾ Ср. «Извѣстія XIV арх. с.», № 5, стр. 56.

шелъ, между прочимъ, къ тому выводу, что прототипомъ нашихъ храмовъ послужили византійскіе храмы второго тысячелѣтія и что въ частности черниговскіе храмы, представляющіе въ архитектурномъ отношеніи отзвукъ восточно-западнаго стилия, заключаютъ немало данныхъ по исторіи искусствъ, имѣющихъ всеобщее значеніе

Съ докладомъ проф. Г. Г. Павлуцкаго о старинныхъ черниговскихъ храмахъ мы уже познакомили читателя на предыдущихъ страницахъ и прежде, чѣмъ перейти къ другому, весьма занимавшему членовъ сѣзда вопросу о деревянныхъ церквяхъ, назовемъ еще докладъ Ѳ. Ѳ. Горностаева: «Объ архитектурныхъ особенностяхъ каменныхъ храмовъ Черниговскаго края XVII—XVIII вв.».

Вопросу о деревянныхъ церквяхъ Черниговской губ. посвятили свои доклады: Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, доказывавшій, что деревянныя церкви сѣверной части Черниговской губ., при многихъ своихъ особенностяхъ, носятъ несомнѣнное сходство съ таковыми же великорусскими церквями, и проф. Г. Г. Павлуцкій. Послѣдній въ своемъ докладѣ: «О происхожденіи формъ украинскаго зодчества», сообщилъ нѣсколько очень вѣскихъ заключеній. Въ виду того, что Г. Г. Павлуцкій болѣе другихъ потрудился надъ изученіемъ религіознаго искусства Украины (три года тому назадъ имъ были выпущены въ свѣтъ «Древности Украины. Вып. I. Деревянныя и каменные храмы»), мы нѣсколько подробнѣе остановимся на его рефератѣ.

Деревянныя церкви¹⁾,—читаемъ у него,—сохранившіяся до насъ, относятся къ XVII и XVIII в., но ихъ необходимо разсматривать, какъ памятники, которые должны находиться въ родствѣ съ деревянными церквями домонгольскаго періода. По типу онѣ 1) трехкупольныя (изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу) и 2) пятикупольныя, имѣющія крестообразный планъ. За древность первыхъ говоритъ упоминаніе въ колядкахъ (остаткахъ героическаго эпоса великокняжеской эпохи) о построеніи господаремъ церкви съ тремя куполами; затѣмъ на рисункахъ, приложенныхъ къ Изборнику Святослава 1073 г., встрѣчаются изображенія храма съ тремя куполами. Такое же совершенно изображеніе находится на кievской миниатюрѣ XI в. въ Псалтири Егберта, архіепископа Трирскаго. Пятикупольныя храмы также существовали въ домонгольскую эпоху. Объ этомъ прямо говорится въ сказаніи Іакова мниха о Борисѣ и Глѣбѣ, по которому Ярославъ «возгради церковь велику, имѣющую върховъ пять и исписа всю и украси ю всею красотою». Далѣе, круглая или многогранная форма храма, излюбленная въ южной Руси, откуда она распространилась и на сѣверъ, по заявленію докладчика, отвергающаго мнѣнія Забѣлина и Сулова, сложилась также отча-

¹⁾ При своемъ изложеніи мы пользовались любезно предложенною намъ рукописью автора.

сти подѣ влияніемъ формъ византійской архитектуры, отчасти благодаря задачамъ техническимъ (строительнымъ).

Наконецъ крестообразная форма украинскихъ храмовъ также византійскаго происхожденія и очень пригодна для передачи въ деревянномъ матеріалѣ.

Южно-русское деревянное зодчество заключало въ себѣ такъ много національной устойчивости, что удержалось до XVIII в. и оказало влияніе даже на каменную архитектуру. Вторая половина XVII в. замѣчательна расцвѣтомъ кирпичнаго зодчества въ Малороссіи. Первый храмъ, въ которомъ приемы кирпичной кладки примѣнены къ старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ, это Троицкій въ Гусынскомъ монастырѣ возлѣ Прилукъ. Постройки Мазепы (церковь Лубенскаго Мгарскаго монастыря, Николаевскій военный соборъ и Богоявленская церковь Братскаго монастыря въ Кіевѣ), напротивъ, отличаются подражаніемъ западной базиликѣ. Указавъ далѣе на то, что деревянное зодчество вліяло иногда даже при реставраціи храмовъ домонгольскаго періода, Г. Г. Павлуцкій заключилъ свой докладъ пожеланіемъ, «чтобы церкви въ южной Россіи, какъ деревянныя, такъ и каменныя, строились по старинному южно-русскому типу, который является истиннымъ народнымъ, ведущимъ свое начало отъ первыхъ временъ христіанства на Руси».

Въ завязавшихся по поводу этого послѣдняго доклада преніяхъ выяснилось, что деревянныя постройки древней Руси восходятъ по документамъ до XIII столѣтія и сливаются съ лѣтописными извѣстіями (мнѣніе проф. Айналова), что нѣкоторыя особенности въ храмахъ Мазепы одинаково могутъ быть объяснены и заимствованіями изъ восточной Европы (О. Г. Пеленскій, галичанинъ изъ Кракова).

А. П. Новицкій въ своемъ докладѣ: «Черты самобытности въ украинскомъ зодствѣ», отстаивалъ, вслѣдъ за Г. Г. Павлуцкимъ, самобытность формъ пятиглаваго и въ особенности трехглаваго храма въ Малороссіи.

Въ дополненіе къ названнымъ работамъ слѣдуетъ указать на рефератъ проф. М. Н. Бережкова: «Къ исторіи Спасо-Преображенскаго собора г. Чернигова»; въ немъ докладчикъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о бѣдствіяхъ и перестройкахъ, которымъ подвергался соборъ послѣ татарскаго нашествія до XIX в., и съ особенною подробностью останавливается на уясненіи лѣтописнаго извѣстія о красномъ теремѣ при соборѣ, въ которомъ былъ погребенъ князь Игорь Ольговичъ. Докладчикъ точно установилъ, что подѣ «краснымъ теремомъ» здѣсь слѣдуетъ разумѣть не что иное, какъ сѣнь или балдахинъ («теремець») надъ гробомъ умершаго князя.

Кромѣ того, были прочитаны еще доклады: свящ. А. Н. Ефимова—«Объ елецкихъ пещерахъ»; свящ. П. А. Лобова—«О Козе-

лецкомъ соборѣ» и болѣе богатый по содержанию, о томъ же соборѣ—
 Ѡ. Ѡ. Горностаева; Г. Дроздова—«О царскихъ вратахъ Екатерино-
 Покровской церкви въ Черниговѣ»; П. М. Добровольскаго—«Объ
 иконостасѣ ризничной Введенской церкви въ архіерейскомъ домѣ
 въ Троицкомъ монастырѣ», и другіе.

Уже послѣ всѣхъ чтеній по церковнымъ древностямъ, въ са-
 мый послѣдній день занятій съѣзда, изслѣдованіе членами его чер-
 ниговскихъ храмовъ завершилось довольно важнымъ и въ лѣто-
 писяхъ послѣднихъ и въ научномъ отношеніи фактомъ. 11 августа
 графиня П. С. Уварова, еп. Несторъ, проф. Н. В. Султановъ¹⁾,
 проф. Д. В. Айналовъ, Ѡ. Ѡ. Горностаевъ, проф. Г. Г. Павлуцкій,
 П. М. Добровольскій и нѣкоторые другіе, производившіе «разборку»
 фресокъ Успенскаго храма въ Елецкомъ монастырѣ, составили
 слѣдующій актъ:

«1. На западной стѣнѣ, близъ южнаго угла, надъ сводами «ка-
 плицы», открылись слѣды древней росписи, современной построенію
 храма, представляющей, повидимому, часть изображенія Страш-
 наго суда Божія, съ остатками какой-то древней надписи.

«2. Около того же мѣста, на южной стѣнѣ, также открыты
 слѣды древней росписи.

«3. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, чрезъ бѣлый слой
 позднѣйшей покраски, ясно сквозятъ три фигуры въ ростъ.

«4. Въ амбразурѣ сѣвернаго окна западной стѣны и въ окнѣ
 сѣверной стѣны, подъ слоємъ новой окраски оказалась орнамен-
 тальная роспись.

«Обстоятельства эти, въ связи съ указаніями Іоанникія Голя-
 товскаго (второй половины XVII в.) и изысканіями профессора
 А. В. Прахова, который дѣлалъ въ 1892 году развѣдки въ дру-
 гихъ мѣстахъ того же храма и находилъ инныя части росписи, ри-
 сунки съ которыхъ находятся въ историческомъ музеѣ въ Мо-
 сквѣ, — заставляють предполагать, что древняя роспись сохрани-
 лась по всѣмъ стѣнамъ храма до сводовъ.

«Вслѣдствіе этого мы не можемъ не выразить пожеланія:
 а) чтобы было произведено подробное изслѣдованіе всего Успен-
 скаго храма и б) чтобы древняя живопись была восстановлена,
 если окажется возможнымъ²⁾».

Что касается вообще археологіи и исторіи Черниговскаго
 края, то и здѣсь многое, хотя въ менѣе разработанномъ видѣ,
 впервые въ представленныхъ рефератахъ всплыло наружу или
 получило надлежащее научное освѣщеніе. По той колоссальной

¹⁾ Скоропостижно скончавшійся въ Висбаденѣ 2 сентября сего 1908 года.

²⁾ См. «Черниговское Слово», № 512.

работѣ, которую вложилъ профессоръ Д. Я. Самоквасовъ на изученіе сѣверянскихъ городищъ и могилъ, и по тому успѣху, какимъ онъ справедливо пользовался въ публикѣ на черниговскомъ съѣздѣ, его рефератъ «О Сѣверянской землѣ и сѣверянахъ по городищамъ и могиламъ» долженъ быть поставленъ на первое мѣсто. Ознакомивъ въ немъ слушателей, прежде всего, съ тѣмъ, какъ имъ былъ собираемъ историческій матеріалъ, и какъ послѣдній былъ группированъ по эпохамъ и народностямъ, онъ обратилъ вниманіе на описаніе народовъ, обитавшихъ въ Сѣверянской землѣ; затѣмъ, сдѣлавъ указаніе на раздѣленіе могилъ на десять слоевъ, подробно остановился на могилахъ, имѣющихъ отношеніе къ русской жизни временъ съ X вѣка, и въ заключеніе обратился къ характеристикѣ лѣтописныхъ извѣстій, на основаніи которыхъ является возможность указать какъ на районъ древнѣйшихъ поселеній, такъ и на области ихъ распространенія, причемъ отмѣтилъ главнѣйшіе центры сѣверянскихъ поселеній и города въ нихъ¹⁾.

Во время съѣзда Д. Я. Самоквасовъ произвелъ рядъ новыхъ раскопокъ на упраздненномъ кладбищѣ въ Березкахъ и на Болдиной горѣ, обогатившихъ его находками.

Цѣннымъ далѣе былъ рефератъ небезызвѣстнаго антрополога и этнографа, Ѳ. К. Волкова—«Палеолитическая стоянка близъ села Мезина Черниговской губерніи». Референтъ доложилъ въ немъ результаты своихъ раскопокъ осенью 1907 года близъ названнаго села Мезина Кролевецкаго уѣзда, которые были довольно значительны: найдено было много костей мамонта, — и едва ли не впервые въ Черниговской губерніи, — и другихъ современныхъ ему животныхъ, вмѣстѣ съ массою кремневыхъ орудій. На выставкѣ археологической было представлено до 74 предметовъ этихъ находокъ.

О результатахъ своихъ раскопокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ доложилъ И. С. Абрамовъ, представившій на выставку до 40 предметовъ неолитической эпохи. Г. Лебедевскій прочелъ: «Черепъ диллювіального челювѣка изъ рѣки Десны, близъ деревни Банокъ (Черниговской губерніи)».

Немало, наконецъ, цѣнныхъ сообщеній для археологіи юго-западной части Черниговской губерніи сдѣлалъ В. Г. Ляскоранскій, доложившій: «Городища, курганы и майданы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья».

Въ области историческихъ и этнографическихъ изысканій можно отмѣтить слѣдующіе рефераты: П. М. Добровольскаго— «Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ, храмы города Чернигова» (числомъ шесть); его же—«Планъ города Черни-

¹⁾ Ср. «Извѣстія XIV археологическаго съѣзда», № 5, стр. 64—55.

гова до распланированія въ началѣ XIX вѣка»; Θ . Θ . Горностаева «О Ляличскомъ дворцѣ», принадлежавшемъ графу Завадовскому, любимцу императрицы Екатерины II, и построенномъ знаменитымъ итальянскимъ архитекторомъ Гваренги (во дворцѣ была парадная гостиная съ портретомъ императрицы, посѣтившей его въ 1787 году); Д. П. Миллера — «Изъ исторіи Новгородъ-Сѣверска»; В. А. Барвинскаго — «Изъ исторіи лѣвобережной Украйны (о комиссиі экономіи)»; С. Д. Щербака — «Полковой лубенскій есаулъ Таволга, какъ землевладѣлецъ старой Пирятинщины»; его же — «Малоросійскій либертипатъ въ концѣ XVIII вѣка въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи»; А. А. Миллера — «Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ», и С. Д. Шелухина — «Украинскія причитанія надъ умершими».

Былъ еще одинъ обширный докладъ, посвященный выясненію названія «Україна», но докладъ этотъ, по малой освѣдомленности автора въ затронутыхъ имъ областяхъ; исторической, лингвистической, антропологической и этнографической и по узко-хохломанской точкѣ зрѣнія на украинцевъ, не могъ бы имѣть мѣста на ученомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Обращаясь теперь къ рефератамъ общаго характера и относящимся къ другимъ, кромѣ Черниговщины, мѣстностямъ Россіи, мы должны сказать, что наибольшій интересъ представляли рефераты, посвященные первобытнымъ древностямъ, а затѣмъ памятникамъ религіознаго искусства. Рефератовъ этихъ было сравнительно немного, но большинство изъ нихъ имѣетъ громадный научный интересъ. Прежде всего нельзя не коснуться любопытнаго реферата пражскаго профессора В. О. Пича, большого знатока славянскихъ древностей, подъ заглавіемъ: «Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи». Всѣ городища Чехіи референтъ раздѣлялъ на три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента и 3) городища съ земляными валами. Городища первой категоріи многими учеными относились къ болѣе глубокой древности и приписывались Воямъ. Однако раскопками профессора Вольдржигъ, самого референта и другихъ, положительно установлено, что не только въ культурныхъ слояхъ, но и въ самыхъ валахъ находятся вещи VIII—XI вѣковъ по Р. Хр., а слѣдовательно городища могли принадлежать не Воямъ, а только славянамъ. Городища второй категоріи встрѣчаются во многихъ областяхъ Европы; между прочимъ они извѣстны на пространствѣ отъ Генуи до Марсея, близъ Триеста, въ Финляндіи и другихъ. Въ Чехіи ихъ находятъ въ горахъ, на небольшомъ районѣ. Площади этихъ городищъ измѣряются

20—30 десятинами земли, но бываютъ и меньше. Городища принадлежатъ чехамъ историческаго времени.

Городища третьей категоріи являются наиболѣе обычными. Они планируются на отрогахъ, ограждаются однимъ или двумя валами и рвомъ; при этомъ естественные скаты обрывовъ иногда усиливаются искусственными срубками или валами, возводимыми на скатахъ обрывовъ. Къ этой категоріи относятся многія историческія городища; таково, напримѣръ, Любушино, гдѣ въ послѣднее время открыты остатки княжескихъ дворцовъ и храма. Для усиленія профилей земляныхъ валовъ на нихъ возводились деревянные снаруженія, то въ видѣ тына, то въ видѣ фундаментальныхъ деревянныхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ бревенъ.

Кромѣ городищъ описанныхъ категорій, въ Чехіи имѣются небольшія, но сильныя укрѣпленія, сооружавшіяся для охраны одного владѣльческаго дома. Возникновеніе такихъ укрѣпленій вызывалось отношеніемъ помѣщиковъ къ закрѣпощеннымъ, но стремившимся къ свободѣ поселянамъ. Наконецъ, въ горахъ и лѣсахъ Чехіи встрѣчаются еще городища безъ всякихъ слѣдовъ жилья. По мнѣнію В. О. Пича ими пользовались во время нашествія непріятеля, какъ убѣжищами для семействъ и домашнихъ животныхъ... ¹⁾.

Большой интересъ и оживленныя пренія вызвалъ докладъ молодого ученаго К. В. Хилинскаго о «трипольской культурѣ», сравнительно еще мало обследованной. Упомянувъ о находкѣ В. В. Хвойко, съ которымъ долго вмѣстѣ работалъ въ 1906 г., близъ с. Крутобородиць Летичевскаго уѣзда Подольской губ., предметовъ такъ называемой «трипольской культуры», докладчикъ остановился какъ на времени открытія первыхъ слѣдовъ означенной культуры, такъ и на районѣ ея мѣстонахожденія. Первые находки этой культуры были сдѣланы проф. В. О. Пичемъ въ Молдавіи. Затѣмъ она была найдена въ восточной Галиціи г. Оссовскимъ, около Золотого Вилька, а спустя нѣкоторое время и въ другихъ мѣстахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. В. Хвойко сдѣлалъ открытіе означенной культуры и въ области р. Днѣпра, именно близъ м. Триполья Кіевской губ. Такимъ образомъ, область распространенія ея ограничивалась въ Россіи на востокѣ р. Днѣпромъ, а на западѣ Днѣстромъ и Карпатами. Наиболѣе ярко она обнаружилась въ днѣпровскомъ районѣ близъ Триполья, находясь въ землянкахъ и пещерахъ и принадлежа къ неолитическому періоду. Культура, обнаруженная въ землянкахъ, развивалась и совершенствовалась медленно, но очень послѣдовательно. Площадки трипольской культуры имѣютъ размѣры отъ 18 до 20 метровъ въ длину и почти столько же въ ширину; онѣ

¹⁾ См. «Извѣстія XIV археологическаго съѣзда», № 6, стр. 78—79.

покрыты двумя, тремя или же четырьмя упавшими стѣнками землянокъ. Вообще въ означенныхъ остаткахъ трипольской культуры можно различить двѣ особенности: 1) остатки сооружений, служившихъ, вѣроятно, жилищами, и 2) мѣста погребеній, по большей части коллективныхъ. Несмотря на цѣлый рядъ раскопокъ, далеко еще не выяснены типы землянокъ этой культуры. Площадки, обнаруженные В. В. Хвойко, очень похожи на открытыя раньше. Главная ихъ особенность это керамическія издѣлія, подраздѣляющіяся на два разряда: высшаго порядка и низшаго. Первые представляютъ сосуды огромной величины, сдѣланные безъ помощи гончарнаго колеса, очень искусно; они имѣютъ различную окраску, отличаются богатой орнаментировкой, весьма разнообразной, въ зависимости отъ мѣста и времени, къ которымъ относятся. Ярко представляютъ трипольскую культуру и подольскіе сосуды, имѣющіе связь съ тѣми предметами, которые найдены далѣе къ западу и къ югу, въ частности съ керамикой Балканскаго полуострова и съ такъ называемой «Bandkeramik» Дунайскихъ земель. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ, что подобнаго рода сосуды были находимы въ Фессалии.

Второй отдѣлъ керамики (трипольской) составляютъ болѣе грубые сосуды, тѣсно связанные съ керамикой сосудовъ предшествующей эпохи землянокъ и пережившіе богатые сосуды высшаго стиля; они мѣстнаго происхожденія и сходны съ тѣми сосудами, которые попадались въ свайныхъ постройкахъ, въ скиѣскихъ погребеніяхъ и проч. Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего глиняныя фигуры людей и животныхъ, сдѣланныя со свойственнымъ трипольской культурѣ стремленіемъ къ реализму; затѣмъ орудія изъ камня и кости, изъ числа которыхъ интересны ручные жернова, каменные долотца и проч.

Въ заключеніе своего доклада К. В. Хилинскій высказалъ предположеніе, что носителями трипольской культуры были арийцы (болѣе точнаго опредѣленія въ настоящее время сдѣлать нельзя), и рекомендовалъ замѣнить терминъ «трипольская культура» — «карпато-днѣпровской культурой», сохраняя въ то же время въ отдѣльныхъ ея видахъ названія по мѣстамъ первыхъ или важнѣйшихъ находокъ¹⁾.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ на высокую цѣнность находокъ В. В. Хвойко, благодаря которымъ выясняется связь трипольской культуры отъ Галиціи до Днѣпра, и выразилъ мысль, что предметы этой культуры, дожившіе до эпохи бронзы, шли съ сѣвера на югъ. О. К. Волковъ, не соглашаясь съ послѣднимъ мнѣніемъ, привелъ нѣсколько случаевъ находженія сосудовъ, по-

¹⁾ Ср. «Извѣстія», № 5, стр. 47—52.

добныхъ трипольскимъ, и въ Средней Азіи. Вполюбъ справедливо замѣтилъ докладчику проф. И. А. Линниченко, что замѣнить терминъ «трипольская культура» какимъ-либо новымъ въ настоящее время не вызывается ничѣмъ: трипольская культура ведетъ начало съ первыхъ находокъ около Триполья, а эти находки наиболѣе ярко рисуютъ всѣ предметы ея, и прежнее наименованіе получило уже право гражданства.

Особый и, можно сказать, выдающійся интересъ возбудилъ докладъ проф. И. А. Линниченко, сообщившаго «О раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевѣ, у Десятинной церкви». Указавъ на отсутствіе до послѣдняго времени систематическихъ изслѣдованій по археологіи Кіева, докладчикъ подробно изложилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ В. В. Хвойко у Десятинной церкви, гдѣ онъ въ послѣдніе два года открылъ: 1) фундаментъ княжескихъ дворцовъ; 2) мастерскія для изготовленія каменныхъ предметовъ, мастерскія для приготовленія эмалевыхъ вещей; 3) деревянную галерею, ведущую изъ дворца внизъ, и 4) каменное сооруженіе языческой эпохи. Изъ массы найденныхъ предметовъ перворазрядное значеніе имѣютъ желѣзный запрестольный крестъ X вѣка, отысканный въ Братской могилѣ, съ изображеніемъ св. Феодора, т. е. того святого, на мѣстѣ мученической кончины котораго была построена Владимиромъ Святымъ Десятинная церковь; орудія производства эмальированныхъ предметовъ, формы для отливки крестовъ и медальоновъ кіевского типа, куски готовой эмали (до 20 фунт. вѣсомъ), мѣдныя палочки типа новгородскихъ гривенъ, плита съ загадочнымъ знакомъ, поразительно близкимъ къ извѣстному знаку на монетахъ Владимира, и прочее.

Въ заключеніе докладчикъ, въ виду исключительной важности результатовъ раскопокъ В. В. Хвойко, извлечшаго изъ земли остатки нашего кіевского форума, просилъ сѣздъ: 1) выразить благодарность В. В. Хвойко за его неутомимую и талантливую работу по изученію нашей родной страны; 2) обратиться къ Его Императорскому Величеству съ просьбой о приобрѣтеніи всей усадьбы, на которой обнаружены такіе цѣнные слѣды древнѣйшаго періода великокняжеской эпохи, на государственный счетъ съ цѣлью отрыть и сохранить намъ эти остатки, и 3) продолженіе раскопокъ передать въ завѣдываніе В. В. Хвойко.

Всѣ эти предложенія совѣтомъ сѣзда, единогласно признавшимъ огромное значеніе открытіи В. В. Хвойко, приняты, и даже постановлено ходатайствовать о приобрѣтеніи не только участка въ усадьбѣ г. Петровскаго, гдѣ до сихъ поръ производились раскопки В. В. Хвойко, но и сосѣдняго, принадлежащаго князю Трубецкому, по предложенію М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Къ этому надо прибавить, что раскопки у Десятинной церкви продолжались въ послѣдніе дни сѣзда и потомъ по закрытіи его,

въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ его, и дали значительные результаты, но о нихъ умѣстиге будетъ сообщить отдѣльно, по завершеніи работъ.

Обстоятельный докладъ по вопросу о распространеніи вятичей представилъ проф. И. Е. Евсѣевъ, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Раскопки по верхнему теченію р. Оки». Послѣднія докладчикъ производилъ лѣтомъ 1907 г., нашелъ два становища, рядъ кургановъ и городищъ и въ нихъ множество разныхъ предметовъ кремневаго издѣлія, каменныхъ орудій и до 24 погребеній съ трупосожженіемъ. Эти данныя, а равно и предыдущихъ раскопокъ другихъ археологовъ, дали возможность докладчику заключить, что изслѣдованныя имъ городища относятся къ XI—XII вв., а не къ VIII, какъ предполагалъ А. А. Спицынъ, и что до появленія вятичей въ Болховскомъ уѣздѣ въ VII—VIII вв. тамъ жили финны.

Интересныя данныя сообщилъ затѣмъ В. А. Городцовъ, дожившій «Раскопки Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ», относящихся къ скиѣской эпохѣ.

Изъ остальныхъ рефератовъ слѣдуетъ назвать: В. А. Бабенко—«Соотношеніе Верхне-Салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ верхняго Кавказа»; А. А. Миллера—«Археологическое обследованіе устьевъ р. Дона»; В. Е. Данилевича—«Раскопки въ Курской губерніи»; В. Д. Языкова—«О Маяцкомъ городищѣ на Дону».

Близкихъ по времени памятниковъ древностей и искусства касались проф. Э. Р. фонъ-Штернъ и Б. В. Фармаковскій, докладывавшіе свои рефераты на секціи древностей классическихъ. Первый сообщилъ о своихъ «Раскопкахъ на Березани», которыя онъ ведетъ уже съ 1903 г. и о которыхъ сообщалъ и на XIII екатеринославскомъ съѣздѣ и въ «Извѣстіяхъ императорской археологической комиссіи». Тѣмъ не менѣе его сообщеніе, особенно въ виду новыхъ данныхъ, открытыхъ въ послѣднія два лѣта, было выслушано съ живѣйшимъ интересомъ, равно какъ и его научно-обоснованные выводы. Вотъ вкратцѣ главныя положенія этого сообщенія ¹⁾.

«Въ исторіи развитія города на Березани различаются два періода. Въ первомъ дома строились маленькія, изъ тесаннаго камня, насухо. Строились они не на материкѣ; между материкомъ и фундаментомъ дѣлалась прокладка изъ слоя золы и глины, какъ это было найдено Б. В. Фармаковскимъ въ Ольвіи, и какъ это было въ Милетѣ. Стѣны домовъ второго періода построены изъ мелкаго бута на глиняномъ растворѣ, по ямамъ перваго періода, и сохранились лучше первыхъ. Найдено много предметовъ культурной жизни, въ особенности много рыболовныхъ снарядовъ: грузила,

¹⁾ См. «Извѣстія XIV арх. съѣзда», № 7, стр. 91—92.

рыболовные крючки, якоря. Рядомъ съ домами и отчасти въ самыхъ домахъ жители вырывали ямы, назначеніе которыхъ было разнообразное. Это были: 1) колодцы, вода въ которыхъ въ настоящее время солоноватая; 2) ямы, наполненныя разными отбросами, напр. черепками битой посуды, костями рыбъ и т. п.; 3) погребальныя ямы. Соответствующія домамъ перваго періода ямы наполнены простой, домашняго издѣлія, посудой, которая относится къ VII в. до Р. X. Здѣсь же встрѣчаются образцы великолѣпной привозной керамики также VII в.: черепки вазъ, причѣмъ сохранились или очень большіе, или очень маленькіе; тонкіе кубки изъ Навкратиса въ Египтѣ, внутри черные, снаружи бѣлые, съ изображеніями сфинксовъ и т. п., сосуды изъ Клазоменъ, масса сосудовъ изъ Милета, орнаментированныхъ изображеніями животныхъ—львовъ, оленей. Въ ямахъ втораго періода найдена, кромѣ посуды домашняго производства, чернолаковая, но іонійская, а не аттическая, въ низшихъ слояхъ посуда милетскаго и коринтскаго періода, съ надписями; въ верхнихъ слояхъ аттическаго производства, чернофигурная II в., и только въ рѣдкихъ случаяхъ краснофигурная, конца VI и начала V в. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ преобладающаго въ началѣ вліянія Милета, которое идетъ также вглубь материка (находки въ Смѣлѣ Киевской губ.). Затѣмъ, вліяніе Милета падаетъ, ему появляется конкурентъ въ лицѣ Аѳинъ времени тираніи Пизистрата. Говоря далѣе о погребеніи, докладчикъ отмѣтилъ три его типа: полное и неполное сожженіе и погребеніе. Скадовскій думалъ, что сожженіе и погребеніе существовали рядомъ, но проф. Штернъ пришелъ къ выводу, что эти типы смѣнялись другъ друга. Въ особенности интересно то, что погребальныя ямы иногда находятся въ самыхъ домахъ».

Второй докладчикъ, В. В. Фармаковскій, сообщилъ о результатахъ своихъ 8-лѣтнихъ работъ—раскопокъ въ извѣстной Ольвіи, сопровождая свое изложеніе туманными картинами, что очень наглядно рисовало передъ слушателями и процессъ раскопокъ и ихъ результаты—открываемыя части стѣнъ и многіе другіе предметы. Остановившись, главнымъ образомъ, на послѣднихъ раскопкахъ, онъ указалъ намъ на ихъ наиболѣе выдающійся результатъ—открытіе стѣнъ греческой кладки, болѣе древней, нежели извѣстная до сихъ поръ римская.

Произведенныя имъ раскопки позволяютъ нарисовать цѣлую картину исторической жизни нѣкогда славнаго и богатѣйшаго греческаго города Ольвіи. Архаическая эпоха носитъ явный отпечатокъ іонійской культуры. Отъ этого времени имѣются остатки архитектуры (стѣна, іоническій киматій съ пальметками и лотосами и т. п.). Найдены остатки скульптуры, часть головы статуи, похожей на извѣстный памятникъ Креза милетской школы. Начиная съ V-го вѣка, въ Ольвію проникаетъ аѳинская культура. О ней

свидѣтельствуютъ, между прочимъ, скульптурные образцы школы Фидія. Отъ IV-го вѣка найдена база съ подписью Праксителя и монеты. Но самая блестящая эпоха жизни Ольвіи — эллинистическая. Культурный уровень, несмотря на бѣдствія, переживаемыя городомъ, очень высокъ. Отъ этого времени мы имѣемъ мозаику и интересные образцы скульптуры, между прочимъ: голову Зевса, голову богини (Афродиты), мальчика (Эрота или Гарпократа) и др. Въ эту же эллинистическую эпоху начинается наблюдаться варваризація Ольвіи. Чтобы сохранить свое существованіе, Ольвія заключала союзы; найденная надпись этого времени указываетъ на союзъ ея съ Митридатомъ.

Наконецъ въ I-мъ вѣкѣ, по тексту Діона, Ольвія, какъ торговый центръ, перестаетъ существовать.

Въ томъ же засѣданіи прочелъ свой докладъ о малонзвѣстномъ въ наукѣ фактѣ — «Вторженіи скивовъ-сколотовъ въ Палестину» И. Я. Стелецкій, трактующій о набѣгѣ скивовъ на переднюю Азію и Палестину въ III в. до Р. Х.

Что касается рефератовъ, имѣвшихъ цѣлію обследованіе памятниковъ религіознаго искусства, то среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить сообщеніе проф. Г. Г. Павлуцкаго — «Кіевскіе храмы домонгольского періода и ихъ отношеніе къ византійскому искусству», — въ которомъ онъ приходитъ къ заключенію, что русскіе храмы домонгольского періода нужно разсматривать, какъ послѣдній шагъ византійской архитектуры, какъ синтезъ или сводъ всего того, что было выработано византійскими зодчими.

Извѣстный маститый профессоръ кіевской духовной академіи, Н. И. Петровъ, сдѣлалъ слѣдующія сообщенія: «О фрескахъ Спасо-Берестовской церкви», которыя, по мнѣнію профессора, относятся ко времени Петра Могилы, исполнены «перстами грековъ», по наставленію греческихъ ермій, а живопись масляными красками сдѣлана въ XVIII вѣкѣ, и о «Румынскихъ памятникахъ въ Россіи и о вліяніи ихъ на русское искусство». Назвавъ изъ румынскихъ памятниковъ — крестъ молдавовлахійскаго митрополита Теоктиста († 1477), крестъ, пожалованный валашской царицей Нѣгой въ 1600 г. митрополиту Теофану, и золотой валашскій талеръ 1493 г., референтъ возбудилъ новый вопросъ о возможномъ вліяніи румынскихъ памятниковъ на южно-русское искусство.

Проф. Д. В. Айналовъ доложилъ о двухъ рѣдкихъ рельефныхъ раскрашенныхъ иконахъ — Божіей Матери и Георгія Побѣдоносца, которыя онъ нашелъ въ Маріуполѣ, — и относитъ первую къ XI в., а другую къ болѣе позднему времени.

Наконецъ проф. А. П. Голубцовъ сообщилъ подробное изслѣдованіе «Объ архіерейскомъ посохѣ» и Н. И. Троицкій — «Объ иконѣ св. Николая Новосильскаго» и «Триединство божества въ памятникахъ всеобщей исторіи искусства. Вопросъ о вліяніи дохристіанской культуры на христіанскую иконографію».

Остается, въ заключеніе, сказать еще нѣсколько словъ о двухъ-трехъ рефератахъ, доложенныхъ въ секціяхъ: юридическихъ древностей, памятниковъ языка и письма и археографіи и архивовѣднія.

Въ первой наибольшей интересъ возбудилъ рефератъ И. Н. Бороздина — «Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи», гдѣ впервые подвергается болѣе подробному разбору работа Н. П. Павлова-Сильванскаго, скончавшагося отъ холеры 18 сентября сего 1908 г. и приводится нѣсколько новыхъ соображеній о состояніи феодализма въ Россіи.

На этомъ же засѣданіи былъ прочитанъ докладъ «О составѣ представительства на земскихъ соборахъ XVI в.» С. В. Аваліани; но какъ названный докладъ, такъ и другой, прочитанный имъ же на секціи историческихъ древностей, — «Объ Иванѣ Пересвѣтовѣ», поразили слушателей своими быстрыми и слишкомъ смѣлыми попытками обогатить русскую науку новымъ словомъ.

Наконецъ А. С. Лебедевъ сообщилъ немало цѣннаго въ своемъ докладѣ: «Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи по архивнымъ даннымъ».

Въ секціи памятниковъ языка и письма наиболѣе богатымъ по содержанію былъ докладъ проф. П. А. Лаврова, подъ заглавіемъ: «Славянскіе палеографическіе матеріалы на Аоонѣ». Сообщаю его содержаніе по рукописи самого профессора.

«Во время поѣздокъ на Святую гору въ 1906 и 1907 гг. мнѣ, помимо другихъ матеріаловъ юго-славянской письменности, удалось напасть на слѣды глаголицы въ кирилловскихъ рукописяхъ»: паремейникъ Хиландарскаго монастыря XIII в. сербской рецензій, евангеліе сербской рецензій XIV в. Пантелеймоновскаго монастыря и въ одной рукописи XV в. Зографскаго монастыря. По нѣкоторымъ признакамъ этихъ рукописей видно, что «за время отъ XIII по XV в. кирилловскіе писцы знали глаголицу, и эта глаголица почеркомъ своимъ принадлежитъ къ старому типу глаголическаго письма, извѣстному въ памятникахъ старо-славянскихъ. Еще интереснѣе была другая находка кирилловскаго письма. Въ Зографскомъ монастырѣ, среди другихъ отрывковъ, не отмѣченныхъ нумерами, оказались два листа въ четвертку, весьма плохо сохранившіеся. Письмо ихъ такъ выцвѣло, что, казалось, его нельзя читать. Но сразу было видно, что мы имѣемъ дѣло съ рѣдкимъ памятникомъ. Нами были сняты двѣ лучше сохранившіяся страницы. Фотографіи оказались настолько удачны, что мы обратили»

«истор. вѣстн.», октябрь, 1898 г., т. сxiv. 18

лись къ бібліотекарю, русскому монаху отцу Матвѣю, и при его посредничествѣ получили и двѣ другихъ страницы. Правильное употребленіе носовыхъ и глухихъ и чрезвычайно архаичное письмо рукописи даетъ основаніе заключать, что въ зографскихъ листкахъ сохранился новый старо-славянскій текстъ. По содержанию это отрывокъ изъ какого-либо отца церкви. И это обстоятельство увеличиваетъ цѣнность найденныхъ листковъ. Несмотря на незначительный ихъ объемъ, листки даютъ важный матеріалъ для грамматики церковно-славянскаго языка».

Въ томъ же засѣданіи сообщили: проф. В. Н. Перетцъ: «Что читали межигорскіе монахи въ XVIII вѣкѣ»; С. И. Масловъ — «Къ исторіи западно-русскихъ типографій XVII вѣка», и проф. Д. В. Айналовъ — «Два примѣчанія къ «Слову о полку Игоревѣ».

Послѣднею по счету была секція археографіи и архивовѣдѣнія и, къ сожалѣнію, послѣднею осталась и по значенію. Не было ни одного доклада объ архивахъ мѣстныхъ, черниговскихъ ¹⁾. Не отозвалась о живомъ и важномъ архивномъ вопросѣ ни одна архивная коммиссія. Два главныхъ московскихъ архива имѣли своихъ представителей на съѣздѣ, а изъ Петербурга былъ только одинъ депутатъ очень недавно оповѣщеннаго въ печати герольдійскаго архива ²⁾; между тѣмъ большинство петербургскихъ архивовъ болѣе всего нуждаются въ переустройствѣ на основахъ научнаго знакомства съ архивовѣдѣніемъ.

Единственное засѣданіе секціи (11 августа) почетный предсѣдатель проф. М. Н. Бережковъ открылъ небольшою рѣчью, посвященною памяти недавно скончавшагося мѣстнаго дѣятеля и историка М. Е. Маркова. За нимъ говорилъ Д. Я. Самоквасовъ, сообщившій нѣсколько общихъ данныхъ о содержаніи московскаго архива министерства юстиціи (и между прочимъ о только что поступившихъ въ него дѣлахъ нижегородской казенной палаты) и въ заключеніе обратился съ живымъ словомъ, призывающимъ къ храненію фамилныхъ архивовъ, Л. М. Савеловъ.

На этомъ же засѣданіи было прочитано заявленіе В. Е. Рудакова, обращенное имъ къ XIV археологическому съѣзду, о необходимости просить архивныя коммиссіи и другія археологическія общества о составленіи ими бібліографическихъ указателей къ «Трудамъ», ими издаваемымъ. Вполнѣ присоединяясь къ нему, секція постановила передать заявленіе въ ученый комитетъ съѣзда, который также принялъ его единогласно. Съ подобнымъ воззваніемъ обращался В. Е. Рудаковъ и на владимирскомъ историко-археологическомъ

¹⁾ Пишущему эти строки удалось обозрѣть центральный архивъ окружнаго суда и архивъ губернскаго правленія и въ то же время убѣдиться, что они сильно нуждаются въ новыхъ описаніяхъ и новомъ распорядкѣ, особенно послѣдній.

²⁾ О немъ представилъ докладъ авторъ настоящей статьи въ 1906 г., на третьемъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимирѣ губернскомъ.

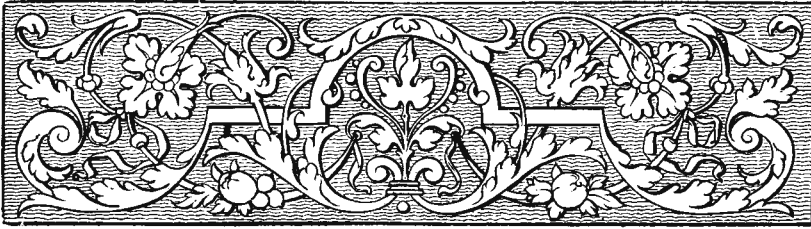
сѣздѣ въ 1906 г., но изъ всѣхъ архивныхъ комиссій откликнулась на него пока только одна таврическая, составившая указатель къ издаваемымъ ею «Извѣстіямъ» (въ 41 выпускѣ «Извѣстій» 1907 г.).

Что же остается теперь сказать въ видѣ заключительнаго слова о четырнадцатомъ археологическомъ сѣздѣ въ Черниговѣ? Едва ли не со времени еще первыхъ археологическихъ сѣздовъ въ Москвѣ и Петербургѣ на нихъ выработался взглядъ, какъ на проводниковъ археологическихъ знаній и какъ на средство для болѣе широкаго ознакомленія публики съ тѣмъ, что дѣлается въ ученомъ мѣстѣ для изслѣдованія родной страны, и съ тѣмъ, къ чему надо стремиться для разработки русскихъ древностей и сохраненія древнихъ памятниковъ. Это ихъ общая задача. Но есть еще другая, специальная—открытіе, обслѣдованіе и разработка древностей извѣстнаго района, извѣстной области. Черниговскій сѣздъ болѣе отвѣчалъ, болѣе преслѣдовалъ вторую задачу. Черниговъ и Черниговщина на немъ занимали преимущественное вниманіе собравшихся членовъ. Особенно выдающіеся результаты достигнуты въ отдѣлѣ церковныхъ древностей Черниговской земли. Храмы Чернигова обслѣдованы и описаны въ подробностяхъ. Составлено крупное епархіальное древлехранилище изъ собранныхъ въ губерніи церковныхъ предметовъ, и при немъ образована церковно-археологическая комиссія. Затѣмъ много сдѣлано для древнѣйшей исторіи края и для его этнографіи и, наконецъ, немало всплыло на свѣтъ Божій частныхъ рукописныхъ и другихъ коллекцій. Все это, конечно, не могло не повліять благотворно и на мѣстныхъ дѣятелей, побуждая ихъ и указывая имъ пути для дальнѣйшей научной работы въ области изученія родного края.

На ряду съ столь значительными результатами для изученія Черниговской земли, XIV археологическій сѣздъ повѣдалъ о цѣнныхъ для археологической науки раскопкахъ В. В. Хвойко, Э. Р. фонъ-Штерна и Г. В. Фармаковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ о цѣломъ рядѣ работъ, разрѣшившихъ немало спорныхъ вопросовъ по исторіи и археологіи различныхъ областей нашей обширной Россіи. А его правила по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Россіи, если только получаютъ надлежащее и желательное разрѣшеніе, составятъ эпоху въ нашей историко-археологической наукѣ.

Но, несмотря на это, надо признать, что и по составу членовъ и по своимъ результатамъ походившій болѣе на областной, чѣмъ на всероссійскій, XIV археологическій сѣздъ еще разъ подтвердилъ справедливость уже не разъ высказываемаго мнѣнія: нужны намъ болѣе областные историко-археологическіе сѣзды, нежели всероссійскіе археологическіе.

В. Рудаковъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля (1881 — 1889 г.).

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы познакомили читателей съ воспоминаніями графа фонъ-Пфейля о послѣднихъ годахъ царствованія и кончинѣ Александра II. Успѣхъ этой книги въ Германіи побудилъ автора продолжить свои мемуары, которые въ его недавно вышедшей книгѣ «Neun Jahre in russischen Diensten» доведены до 1889 года, когда авторъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку и возвратился на родину, въ Пруссію.

Графъ фонъ-Пфейль появился въ Россіи наканунѣ войны съ Турціей и поступилъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ. Онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ нашими войсками кампанію 1877 — 1878 гг., участвовалъ въ оборонѣ Шипки, и по окончаніи войны вернулся въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ военную службу въ Преображенскомъ полку и впослѣдствіи командовалъ однимъ изъ его батальоновъ. Несмотря на то, что долговременная служба, повидному, сроднила его съ русской офицерскою средой, фонъ-Пфейль упорно отказывался принять русское подданство и оставался пруссакомъ, къ слазну многихъ.

Положеніе автора мемуаровъ было довольно странное: съ одной стороны, онъ былъ офицеромъ гвардейскаго полка, издавна очень близкаго къ членамъ царствующей фамиліи, въ рядахъ котораго начиналъ свою службу нынѣ царствующій Государь Импе-

раторъ; съ другой стороны, онъ былъ подданнымъ державы, съ которой отношенія въ это время наиболѣе обострились. Независимо отъ этой двойственности, графъ фонъ-Пфейль былъ слишкомъ замѣтенъ самъ по своей дѣятельности: онъ былъ своимъ человекомъ въ германскомъ посольствѣ, гдѣ имѣлъ случай заводить дипломатическія знакомства, много писалъ въ нѣмецкой петербургской газетѣ «Herold» и въ органѣ нѣмецкихъ «юнкеровъ» «Kreuz-Zeitung» и былъ хорошо извѣстенъ въ Берлинѣ, гдѣ имъ, видимо, интересовались. Когда великому князю Сергѣю Александровичу пришлось быть въ Берлинѣ, императоръ Вильгельмъ I, незадолго передъ тѣмъ получившій отъ Пфейля краткую исторію Преображенскаго полка, освѣдомлялся о немъ весьма милостиво и подробно. Зналъ его и Вильгельмъ II. Самъ Пфейль рассказываетъ, какъ онъ былъ обрадованъ, когда германскій императоръ, во время своего пребыванія въ Россіи, узналъ его на вечерней зарѣ съ церемоніей въ красносельскомъ лагерѣ и отнесся къ нему такъ же милостиво, какъ и его покойный дѣдъ.

Пресса давно уже указывала на двойственное положеніе этого преображенскаго капитана. Особенно много хлопотъ причинилъ ему князь Мещерскій, открывшій противъ него походъ въ своемъ «Гражданинѣ».

«Въ Пруссіи русскому офицеру, который пожелалъ бы вступить на военную службу, сказали бы: вы съ ума сошли, — писалъ онъ. — А у насъ въ русской гвардіи, даже въ такомъ полку, какъ Преображенскій, есть на службѣ прусскій офицеръ. Почему— этого никто не знаетъ». Изъ-за этой статьи фонъ-Пфейль затѣялъ было цѣлую исторію, хотѣлъ требовать отъ Мещерскаго удовлетворенія, но дѣло замяли, и въ ближайшемъ же номерѣ «Гражданина» появилась замѣтка, имѣющая очевидную цѣлью смягчить впечатлѣніе. Графъ счелъ себя удовлетвореннымъ и продолжалъ служить въ полку, оставаясь не только исправнымъ офицеромъ, но и внимательнымъ наблюдателемъ постановки у насъ военного дѣла. Такъ, въ своей книгѣ онъ неоднократно указываетъ, какъ поражало его отсутствіе инициативы среди низшихъ офицеровъ, обязанныхъ лишь механически исполнять приказанія старшихъ начальниковъ, которые, въ свою очередь, всѣ усилія прилагали къ тому, чтобы выслужиться передъ еще болѣе старшими начальниками и представить имъ свои части въ лучшемъ видѣ, чѣмъ тѣ въ дѣйствительности были. Для этого не стѣснялись даже прибѣгать къ обману начальства съ помощью опытныхъ въ этомъ дѣлѣ фельдфебелей. «На смотрахъ особенно боялись, — рассказываетъ фонъ-Пфейль, — инспектора стрѣлковой части генерала Нотбека. Этотъ типичный старикъ временъ Николая I особенно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы смотры шли гладко, и самодовольно повторялъ: «меня-то не проведутъ!» И тѣмъ не менѣе его проводили самымъ невѣроятнымъ

образомъ, причеиъ фельдфебеля показывали изумительную ловкость и плохого стрѣлка замѣняли моментально хорошимъ. Стрѣляли по полуротамъ. Когда одна половина роты, окончивъ стрѣльбу, отправлялась домой и раздавалась команда «ряды сдвой!» какой-нибудь Ивановъ, умѣвшій хорошо стрѣлять, ловкимъ движеніемъ оказывался въ той половинѣ, которая еще не стрѣляла, а Петровъ, стрѣлявшій плохо, попадалъ на его мѣсто. Бывало и такъ, что на стрѣльбу подъ разными фамиліями выходилъ все одинъ и тотъ же солдатъ, на котораго начальство могло положиться. Генералъ плохо различалъ фізіономіи».

Интендантское вѣдомство также было предметомъ вниманія нашего автора. Подвиги Горвица, Грегора и Когана вызвали ревизію интендантства, а это, въ свою очередь, заставило многихъ подрядчиковъ заблаговременно удалиться за границу, гдѣ они были недосыгаемыми. Въ числѣ ихъ исчезъ и одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ, нѣкто Полежаевъ, поселившійся по окончаніи русско-турецкой войны въ Ростовѣ-на-Дону. Здѣсь онъ пользовался большимъ почетомъ, какъ именитый обыватель, и никому въ голову не приходилъ вопросъ, какими средствами нажилъ онъ себѣ состояніе. Ему угрожало слѣдствіе, и въ это время послѣ кратковременной и тяжелой болѣзни онъ умеръ. Хоронили его съ большою пышностью, при участіи чуть не всего города. Состояніе его перешло къ сыну.

Вся эта исторія съ непродолжительной, но тяжелой болѣзью и торжественными похоронами показала, однако, почему-то подозрительной. Было назначено слѣдствіе, и въ результатѣ оказалось, что Полежаевъ живъ и здоровъ и благополучно скрывается за границей, куда заблаговременно перевелъ добрую половину своего состоянія. вмѣсто него былъ похороненъ какой-то бѣдный, похожій на него солдатъ, котораго раздобылъ зять ловкаго афериста. Онъ тоже пытался скрыться за границу, но своевременно былъ арестованъ.

Служба въ Преображенскомъ полку, давая автору мемуаровъ возможность быть въ курсѣ разнообразныхъ злобъ дня, въ то же время сближала его съ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, который, какъ извѣстно, сначала командовалъ батальономъ этого полка, а затѣмъ былъ его командиромъ. Характеризуя великаго князя, фонъ-Пфейль выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ одного письма Побѣдоносцева, писаннаго непосредственно послѣ убіенія Александра II: «Прямо изъ церкви я отправился къ великимъ князьямъ Сергѣю и Павлу, которые только что прибыли изъ Рима. Сергѣй съ ужасомъ говорилъ о дѣятельности Лорисъ-Меликова, который хотѣлъ конституціи, и о своихъ опасеніяхъ за будущее». Въ дѣлахъ вѣры, прибавляетъ авторъ, великій князь всецѣло находился подъ влияніемъ Побѣдоносцева. Германію, особенно

Пруссію, онъ не любилъ, зато къ Англіи и Франціи онъ относился съ большою любовью. Нѣмецкія принцессы казались ему весьма скучными, за исключеніемъ одной, которую онъ называлъ открыто. Онъ не былъ солдатомъ, службы не понималъ и дальше исполненія установленныхъ формъ не шелъ.

Въ качествѣ батальоннаго командира, великій князь принималъ дѣятельное участіе въ большихъ петербургскихъ маневрахъ, къ которымъ были привлечены и гвардейскіе полки, гдѣ офицеры не всегда знали великаго князя въ лицо. Благодаря этому, однажды произошелъ случай, который могъ повлечь за собой серьезныя послѣдствія, не удайся виновнику его скрыться во время. Маневрируя, отрядъ великаго князя внезапно настигъ ночью какую-то непріятельскую часть, которая, очевидно, считала себя въ полной безопасности. Офицеры, вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, мирно сидѣли за чаемъ около разложеннаго костра. Подходя къ нимъ, великій князь нечаянно наткнулся на самоваръ и уронилъ его. Это раздражило всѣхъ, и какой-то капитанъ съ бранью набросился на неловкаго гвардейца, не зная, что передъ нимъ великій князь. «Что вы дѣлаете,— успѣлъ сказать ему фонъ-Пфейль:— вѣдь это великій князь» Услышавъ это, перепуганный капитанъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать и исчезъ въ темнотѣ. Великій князь не придалъ особаго значенія этому случаю, и бѣдный капитанъ былъ спасенъ.

Несмотря на благосклонное отношеніе великаго князя, авторъ мемуаровъ не можетъ простить ему его холодности къ Германіи и съ особеннымъ огорченіемъ отмѣчаетъ на страницахъ своей книги слѣдующій случай. Въ 1889 году прибылъ въ Петербургъ тестъ великаго князя, герцогъ Людвигъ Гессенскій. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, герцогъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ празднествахъ и постоянно появлялся на балахъ въ русскомъ мундирѣ, который чрезвычайно ему нравился. По случаю прибытія герцога рѣшили дать балъ и преображенцы. Великій князь пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ, чтобы сообща обсудить, кому слѣдуетъ послать приглашенія. Когда зашелъ вопросъ о приглашеніи дипломатическаго корпуса, великій князь, ссылаясь на тѣсноту помѣщенія, высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ пригласить только англійскаго посла сэра Моріера и французскаго Лабулэ на томъ основаніи, что офицерамъ полка приходилось бывать у нихъ чаще, чѣмъ у представителей другихъ державъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что балъ давался въ честь нѣмецкаго принца, рѣшено было германскаго посланника обойти. Когда нѣкоторые офицеры заявили было, что Преображенскому полку неудобно принимать у себя «республиканца» Лабулэ, великій князь сталъ энергично настаивать на его приглашеніи, и всѣ должны были подчиниться его рѣшенію, тѣмъ болѣе, что издержки по устройству праздника великій князь въ большей части взялъ на себя.

Антипатію къ представителю Германіи раздѣляли, впрочемъ, многіе. Насколько военный *attaché* при германскомъ посольствѣ генераль фонъ-Вердеръ сумѣлъ сохранить за собою симпатіи двора въ новое царствованіе,—ему даже подарили часы, бывшіе при императорѣ Александрѣ II въ день катастрофы и остановившіеся въ моментъ взрыва на Екатерининскомъ каналѣ,—настолько же утратилъ свое бывшее вліяніе германскій посоль фонъ-Швейницъ. При Александрѣ II онъ былъ при дворѣ *persona gratissima* и занималъ положеніе какъ бы личнаго адъютанта государя. Очень часто недовольный почему-либо германскимъ правительствомъ, Александръ II очень рѣзко высказывалъ это фонъ-Швейницу, какъ бы намѣренно забывая, что передъ нимъ посоль иностранной державы, которому нельзя дѣлать выговоръ. Однажды послѣ такого разноса государь прислалъ къ нему съ извиненіями одного изъ своихъ сыновей, которому было поручено передать германскому послу, что государь «сохраняетъ самыя хорошія воспоминанія и всегда будетъ помнить о своемъ адъютантѣ фонъ-Швейницѣ».

Въ новое царствованіе, когда взятъ былъ другой курсъ и нѣмцамъ не было уже надобности играть роль личныхъ адъютантовъ русскаго императора, истинныя чувства фонъ-Швейница сказались довольно откровенно. При спускѣ броненосца «Императоръ Александръ II» присутствовали между другими три посланника: фонъ-Швейницъ, представитель Англіи Моріеръ и итальянскій посланникъ графъ Греппи. Послѣдній сталъ говорить о возрастающей силѣ Россіи, указывая, что, обзаведясь флотомъ, она можетъ оперировать во всѣхъ частяхъ свѣта. «Не безпокойтесь, господа,—иронически прервалъ его фонъ-Швейницъ,—они тратятъ теперь послѣдніе гроши». Одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ адмираловъ передалъ этотъ отвѣтъ генераль-адмиралу, и, конечно, положеніе германскаго посла послѣ этого могло только ухудшиться.

Отношенія съ Германіей стали быстро портиться. Помимо причинъ политическаго характера, немало были виноваты въ этомъ сами нѣмцы, выказывавшіе послѣ успѣшной войны съ Франціей самую вызывающую заносчивость, которую лучше всего характеризуетъ слѣдующій случай. На какомъ-то торжествѣ въ Вюртембергѣ, на которомъ присутствовалъ Вильгельмъ II, находились и приглашенные русскіе офицеры. Во время параднаго обѣда былъ провозглашенъ тостъ за русскую армію, на который старшій изъ русскихъ офицеровъ отвѣтилъ тостомъ за вюртембергскія войска. Какъ оказалось впослѣдствіи, офицеръ этотъ не зналъ еще о соединеніи всѣхъ союзныхъ нѣмецкихъ войскъ въ одну общегерманскую армію и, провозглашая тостъ за мѣстныя войска, думалъ оказать этимъ любезность вюртембергскимъ хозяевамъ. Но прусскій генераль, командовавшій корпусомъ вюртембергскихъ войскъ, почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ прусскомъ патріо-

тизмѣ и, не долго думая, издалъ подхваченный газетами приказъ, въ которомъ называетъ поступокъ русскихъ офицеровъ безтактнымъ. Такая развязность вызвала въ гвардейскихъ офицерскихъ кругахъ цѣлую бурю негодованія и едва не поссорила земляка зарвавшагося генерала съ его русскими сослуживцами.

Нѣмецкой надменности соотвѣтствовала и нѣмецкая кичливость, приписывавшая все лучшее, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, непременно нѣмцамъ. Во время пріѣзда германскаго императора въ Россію дѣло дошло до того, что при осмотрѣ военнаго лазарета красносельскаго лагеря встрѣчавшій Вильгельма корпусный врачъ докторъ Фовелинъ прямо отрапортовалъ высокому посѣтителю: «Вотъ, ваше величество, наши палатки прусскаго образца. Это самыя лучшія, которыя у насъ есть. Вообще все хорошее мы получаемъ отъ нѣмцевъ». Эта мелкая безтактность въ другое время прошла бы не замѣченной, но въ моментъ особой подозрительности къ нѣмцамъ показалаcя оскорбительнымъ предпочтеніемъ всего нѣмецкаго. Похвала Фовелина была, видимо, пріятна Вильгельму, и онъ не счелъ нужнымъ сгладить непріятное впечатлѣніе, какъ умѣлъ дѣлать это его дѣдъ Вильгельмъ I. Этотъ престарѣлый монархъ пользовался среди членовъ русскаго императорскаго дома особой любовью и всѣмъ доставляло удовольствіе сдѣлать ему что-нибудь пріятное. Такъ, однажды императоръ похвалилъ русскую уху, которую ему случалось пробовать въ бытность свою въ Петербургѣ и которую никакъ не могъ приготовить его придворный поваръ. Узнавъ объ этомъ, одинъ изъ великихъ князей послалъ въ Берлинъ своего повара съ двумя огромными живыми стерлядями, предназначенными для ухи императору Вильгельму. Рыбъ везли съ большими предосторожностями и, чтобы онѣ не уснули, на всѣхъ станціяхъ были сдѣланы особыя приспособленія для перемѣны воды.

Эти любезности личнаго свойства не могли, однако, разсѣять подозрительнаго отношенія Россіи къ «честному маклеру». Враждебность возрастала, и яркимъ показателемъ ея явились знаменитыя рѣчи Скобелева въ Парижѣ.

«Бѣлому генералу» въ книгѣ фонъ-Шфейля отведено довольно много мѣста. Какъ патріотъ своего отечества, пруссакъ-капитанъ старается выставить Скобелева въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Онъ представляется ему вождемъ грознаго панславизма, готовымъ при благопріятномъ случаѣ и на государственную измѣну, и на переворотъ ради торжества его панславистскихъ идей. Замѣчательно, что это обвиненіе Скобелева въ неповиновеніи и грандіозныхъ замыслахъ, со словъ нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ, было усвоено многими высокопоставленными лицами и Скобелева одно время считали чрезвычайно опаснымъ, такъ какъ онъ умѣлъ увлекать за собою массы.

«Въ 1882 году, — рассказываетъ авторъ, — Скобелевъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ приглашенъ офицерами лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка на обѣдъ въ Гатчину. Командиръ полка подъ предлогомъ болѣзни отказался присутствовать на обѣдѣ. Скобелевъ своими рѣчами вселилъ въ офицеровъ пламенное желаніе войны съ ненавистной ему Германіей. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ на утро (это было вечеромъ въ субботу) ѣхать всѣмъ подъ его предводительствомъ въ Петербургъ и тамъ произвести передъ германскимъ посольствомъ демонстрацію, которая привела бы къ войнѣ. Всѣ офицеры съ ликоваіемъ приняли его предложеніе. Утро было уже недалеко, стали готовиться къ поѣздкѣ. Первымъ опомнился полковой адъютантъ и отправился доложить полковому командиру. Тотъ сейчасъ же издалъ приказъ, чтобы ни одинъ офицеръ не отлучался изъ мѣста стоянки полка, и такимъ образомъ планъ Скобелева потерпѣлъ крушеніе».

«Скобелевъ, — вспоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — въ присутствіи другихъ всегда говорилъ со мною по-французски, а когда мы были одни — по-нѣмецки. Онъ отлично владѣлъ и тѣмъ и другимъ языкомъ, точно такъ же, какъ и англійскимъ. Какъ-то въ обществѣ гвардейскихъ офицеровъ рѣчь зашла о событіяхъ русско-турецкой войны и главнымъ образомъ о полномъ трудностей переходѣ гвардіи черезъ Балканы. Скобелевъ, войска котораго особенно пострадали при этомъ переходѣ, наклонился ко мнѣ и тихо сказалъ по-нѣмецки: «Они рассказываютъ о геройскихъ дѣлахъ, которыя они совершили, не понеся при этомъ никакихъ потерь. Въ боевомъ отношеніи я ставлю армію гораздо выше, чѣмъ гвардію».

— Ваше превосходительство, — воскликнулъ какой-то капитанъ, сидѣвшій недалеко отъ Скобелева: — потрудитесь не осуждать нашу гвардію въ присутствіи офицера, явившагося къ намъ изъ чужой арміи!

Скобелевъ засмѣялся и перевелъ разговоръ на другой предметъ.

Случай этотъ авторъ приводитъ въ подтвержденіе своего утвержденія, что Скобелевъ не любилъ гвардіи и самъ не былъ любимъ ею.

Однимъ изъ крупныхъ политическихъ событій, случившихся за время пребыванія фонъ-Шфейля на русской службѣ, было сверженіе болгарскаго князя Александра. Авторъ воспоминаній знавалъ его лично, принималъ даже участіе въ переговорахъ по поводу покупки болгарскимъ правительствомъ библіотеки одного изъ близкихъ автору петербургскихъ нѣмцевъ. Все это замѣтно расположило его къ принцу Баттенбергскому. Впрочемъ, не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ и довольно явное сочувствіе автора къ антирусской политикѣ сверженнаго болгарскаго князя.

«Когда я явился къ князю (по пріѣздѣ его въ Петербургъ), — рассказываетъ фонъ-Шфейль, — въ передней комнатѣ меня встрѣ-

тилъ генералъ Соболевъ, подозрительно смотрѣвшій на каждого, кто, по его мнѣнію, могъ пріобрѣсти вліяніе на князя. Онъ увѣрялъ, что князь никого не принимаетъ, и впослѣдствіи пытался помѣшать нашему свиданію. Но это ему не удалось, такъ какъ и вмѣстѣ съ княземъ получилъ приглашеніе къ германскому послу. За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и велъ оживленный разговоръ. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ очень неосмотрительно, не обращая вниманія на нѣсколькихъ бывшихъ тутъ же русскихъ офицеровъ. Слушать этого красиваго молодого человѣка было одно удовольствіе. Жаль только, что онъ самъ себя копалъ яму.

«Въ комическомъ видѣ онъ представилъ то положеніе вещей, которое царствуетъ въ Болгаріи со времени пребыванія въ ней русскихъ, заявляя, что положить этому конецъ составляетъ цѣль его усилій. Онъ знаетъ, что въ Болгаріи найдется немало друзей, которые хотятъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе полетѣлъ съ престола, но они ошибаются, онъ будетъ сидѣть еще долго. Чрезвычайно остроумно изображалъ онъ совѣтъ министровъ въ Константинополѣ и вообще забавлялъ весь столъ».

Какъ оказалось впослѣдствіи, Баттенбергъ ошибался въ оцѣнкѣ прочности своего положенія: въ августѣ 1886 года, какъ разъ во время высочайшаго завтрака на осеннихъ маневрахъ, пришла изъ Софіи телеграмма объ отреченіи Баттенберга. Непріятная для нѣмцевъ новость была сейчасъ же сообщена въ Берлинъ генераломъ фонъ-Вердеромъ, который принималъ участіе въ завтракѣ. Первымъ глашатаемъ паденія Баттенберга былъ, по словамъ фонъ-Пфейля, великій князь Сергій Александровичъ. Прямо съ завтрака онъ послѣшилъ къ своимъ преображенскимъ офицерамъ и, махая издали фуражкой, крикнулъ по-французски, чтобы не поняли солдаты: «Вольной успѣхъ русскаго вліянія въ Болгаріи! Баттенберга принудили отречься отъ престола. Теперь мы господа положенія!»

О послѣдовавшей за отреченіемъ Баттенберга стамбуловщинѣ въ книгѣ нѣтъ ни строчки.

Другое крупное политическое событіе, назрѣвавшее и совершившееся въ царствованіе Александра III,—это франко-русскій союзъ. Главными виновниками его авторъ считаетъ Скобелева и генерала Обручева, женатаго на французкѣ и владѣвшаго во Франціи нѣсколькими имѣніями. Подготовка союза шла издалека. Сначала былъ удаленъ французскій посолъ въ Петербургѣ адмиралъ Жоресъ, который, бесѣдуя однажды въ кружкѣ придворныхъ, имѣлъ неосторожность заявить, что самый лучший образъ правленія всегда былъ и будетъ республиканскій. На его мѣсто былъ присланъ генералъ Анперъ, орлеанистъ, который скоро завоевалъ всеобщія симпатіи особенно благодаря тому обстоятельству, что онъ былъ женатъ на датчанкѣ. Однако вскорѣ орлеанистскія убѣжденія генерала настолько дали себя знать, что республиканское

правительство сочло неудобнымъ имѣть такого представителя и отозвало Аппера, къ великому неудовольствію Петербурга. Нѣмцы ликовали, видя въ этомъ крушеніе самой идеи франко-русскаго союза.

Въ возможность его не вѣрило и само русское правительство: по крайней мѣрѣ, русскій посолъ Моренгеймъ по поводу франко-русскаго союза выразился такъ: «вѣрую, Господи, помощи моему невѣрію».

Внимательно слѣдя за членами дипломатическаго корпуса, графъ фонъ-Пфейль не упускаетъ случая отмѣтить въ своихъ воспоминаніяхъ ихъ промахи и смѣшныя стороны. Особенно умѣлъ себя ставить въ комическое положеніе турецкій посолъ Шакиръ-паша. Чрезвычайный поклонникъ дамъ, онъ гораздо больше удовольствія находилъ въ ихъ обществѣ, чѣмъ среди своихъ коллегъ. Однажды на большомъ придворномъ балу, на которомъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ, онъ забрался въ самую средину собравшихся придворныхъ дамъ и, расточая направо и налево любезности, видимо, чувствовалъ себя великолѣпно. До высочайшаго выхода оставалось уже нѣсколько минутъ. Дипломаты были сконфужены поведеніемъ своего коллеги и не знали, что предпринять. Выручилъ австро-венгерскій посолъ графъ Волькенштейнъ. Представъ передъ туркомъ, онъ рѣшительно повлекъ его за собою и поставилъ на отведенное для посла мѣста. Достоинство Турціи было спасено.

Отъ баловъ и придворныхъ увеселеній авторъ переходитъ къ болѣе грустнымъ воспоминаніямъ. За время его службы при Александрѣ III умерли герцогъ Петръ Ольденбургскій и генераль-адъютантъ Чертковъ. Послѣдній скончался внезапно отъ удара, сидя за столомъ. Чертковъ приходился родственникомъ извѣстному ересіарху Пашкову, который по настоянію Побѣдоносцева былъ сначала удаленъ изъ Петербурга, но затѣмъ получилъ снова право жить въ столицѣ. Будучи послѣдователемъ пресловутаго Рэдстока, камергеръ Пашковъ пользовался всякимъ подходящимъ случаемъ для пропаганды своихъ религіозныхъ идей. Когда скончался Чертковъ, его родственники подъ вліяніемъ Пашкова отказались было служить по немъ панихиды, такъ какъ это противорѣчитъ религіознымъ убѣжденіямъ пашковцевъ. Но имъ было внушительно указано на соблазнъ ихъ поведенія, и панихиды начались. На одной изъ нихъ фонъ-Пфейль лично познакомился съ Пашковымъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе своею искренностью и пламеннымъ краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ защищалъ истинность своихъ убѣжденій.

Похороны принца Петра Ольденбургскаго ознаменовались для автора записокъ другого рода инцидентомъ. Герцогъ пережилъ императора Александра II всего на полтора мѣсяца. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи фонъ-Пфейль.

«Въ ночь на 14 мая я былъ внезапно разбуженъ полковымъ адъютантомъ, который сказалъ мнѣ: «Надѣвай скорѣе парадный мундиръ, нужно держать караулъ у тѣла герцога Ольденбургскаго. Я искалъ другихъ офицеровъ, но никого не могъ найти». Съ величайшею поспѣшностью я отправился ко дворцу герцога, гдѣ черезъ слабо освѣщенный вестибюль меня провели въ комнату, въ которой лежало тѣло. Герцогъ лежалъ на своемъ смертномъ ложѣ. Двѣ свѣчи освѣщали его лицо, передъ которымъ сидѣла какая-то молодая дѣвушка и зарисовывала его».

Хотя герцогъ принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію, но хоронили его по православному обряду, и даже евангелическая часовня, находившаяся во дворцѣ, была на время похоронъ закрыта.

Сопровождать тѣло до вокзала назначенъ былъ Преображенскій полкъ, при чемъ офицеры получили строгое приказаніе всѣми мѣрами не допускать ни малѣйшаго нарушенія порядка. «Недалеко отъ вокзала,—разсказываетъ авторъ,—идя впереди своей роты, я замѣтилъ двухъ прилично одѣтыхъ подозрительныхъ молодыхъ людей, которые намѣревались пробѣжать на другую стороны улицы, между хоромъ музыкантовъ и мною. Я крикнулъ имъ: «назадъ», но они уже были около меня. Тогда я ударилъ одного изъ нихъ саблей, и онъ унелъ. Другой успѣлъ убѣжать. Раненаго схватила полиція. Послѣ я узналъ, что онъ принадлежалъ къ нигилистамъ, и градоначальникъ Барановъ увѣрялъ меня, что я оказалъ ему очень важную услугу».

Время было чрезвычайно тревожное, и слухи ходили одинъ другого страшнѣе. «Въ октябрѣ 1881 г.,—вспоминаетъ фонъ-Пфейль,—ко мнѣ въ комнату въ нашихъ казармахъ у Таврическаго дворца внезапно вбѣжалъ, блѣдный, какъ смерть, дневальный и доложилъ: въ Рождественской части большой бунтъ! Войска спѣшать туда! Командиръ корпуса графъ Шуваловъ здѣсь и требуетъ васъ къ себѣ. Дежурнаго офицера нѣтъ». Черезъ двѣ минуты я былъ уже на дворѣ казармъ, куда собирались уже солдаты. Графа Шувалова тутъ не было, зато былъ его начальникъ штаба графъ Игнатъевъ, который осмотрѣлъ, имѣютъ ли солдаты при себѣ достаточное количество патроновъ и все ли въ порядкѣ. Два офицера, которыхъ случайно не оказалось, были потомъ отправлены подъ арестъ.

«Генералъ Игнатъевъ объявилъ, что все это лишь проба, имѣющая цѣлью удостовѣриться, что войска готовы въ случаѣ надобности».

Факты показывали, что гвардію того времени дѣйствительно нужно было «подтягивать». Авторъ записокъ передаетъ объ одномъ случаѣ, наглядно рисующемъ, насколько дисциплина среди гвардейскихъ офицеровъ того времени была въ упадкѣ:

«До свѣдѣнія властей дошло, что въ кружкахъ гвардейской молодежи идетъ сильная карточная игра, но градоначальнику Грессеру

никакъ не удавалось накрыть игроковъ. И вотъ однажды поздно ночью ѣхалъ онъ случайно по Большой Морской и замѣтилъ въ извѣстномъ ресторанѣ Бореля (теперь Кюба) свѣтъ, хотя, по полицейскимъ правиламъ, ресторанъ давно уже надлежало закрывать. Градоначальникъ приказалъ остановиться и потребовалъ для объясненій содержателя. Тотъ объявилъ, что онъ очень радъ прибытію градоначальника, такъ какъ онъ уже больше часу старается уговорить застѣвную въ комнатѣ компанію покинуть ресторанъ. Пирующіе заперлись въ комнатѣ и смѣются надъ всѣми его усиліями. Тогда Грессеръ самъ направился къ двери, объявилъ, кто онъ, и потребовалъ, чтобы ему открыли. Ему отвѣчали громкимъ смѣхомъ и чоканіемъ. Несмотря на трехкратное требованіе градоначальника, дверь не открывалась. Тогда ее взломали. При входѣ градоначальника изъ-за стола вскочили какіе-то молодые люди, пировавшіе съ дамами, а на другомъ столѣ шла азартная игра. Одинъ изъ собутыльниковъ, офицеръ, носившій очень извѣстную фамилію, направился къ градоначальнику и нанесъ ему оскорбленіе. Всѣ участники попойки подверглись строгому наказанію, и это обстоятельство страшно озлобило высшее общество противъ градоначальника.

Распущенность открыто проявлялась и въ дворцовомъ хозяйствѣ. Злоупотребленія на первыхъ порахъ новаго царствованія доходили до того, что изъ дворца исчезала даже золотая столовая посуда. «Однажды,—разсказываетъ фонъ-Пфейль,—мой фельдфебель принесъ мнѣ два массивныхъ золотыхъ столовыхъ прибора съ императорскимъ гербомъ, которые онъ нашелъ завернутыми въ бумагу на ротномъ дворѣ. Я доложилъ объ этомъ полковому командиру съ просьбою вернуть находку куда слѣдуетъ, но тотъ рѣшительно заявилъ, что онъ знаетъ объ этомъ не желаетъ, такъ какъ подобнаго рода находка уже причинила ему однажды жестокія непріятности. То же самое сказалъ и великій князь Сергій Александровичъ, котораго я просилъ положить приборы обратно на столъ его царственнаго брата. Такимъ образомъ, я принужденъ былъ держать находку у себя до самой моей отставки. Покидая полкъ, я передалъ ихъ подъ расписку полковому адъютанту».

Незадолго до этой отставки произошло крушеніе императорскаго поѣзда въ Боркахъ. Сначала у всѣхъ явилась мысль, что несчастіе это было дѣломъ руки нигилистовъ, но разпросы лицъ, ѣхавшихъ въ злополучномъ поѣздѣ, не оставляли сомнѣній, что крушеніе императорскаго поѣзда вызвано было неисправностью слѣдовавшаго въ его составѣ вагона министра путей сообщенія Посьета. Лѣтомъ 1888 г. вагонъ этотъ сдѣлалъ около девяти тысячъ верстъ и остался безъ основательнаго осмотра и ремонта. Онъ слѣдовалъ въ поѣздѣ третьимъ и съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе своей тряской и дребезжаніемъ. Онъ первый сошелъ съ рельсовъ и тѣмъ вызвалъ крушеніе. Слѣдующій, багажный вагонъ, въ кото-

ромъ ѣхали желѣзнодорожные рабочіе съ инструментами, запасными тормозами, шинами и т. п., былъ раздавленъ имъ совершенно, отъ министерскаго вагона уцѣлѣла только крыша. Всѣ находившіеся въ немъ были убиты или тяжело ранены. Точно также получили пораненія всѣ лица государевой свиты. Счастье еще, что вагонъ царскихъ дѣтей, слѣдовавшій за столовой, не наскочилъ на нее, а сталъ поперекъ полотна, причѣмъ одна стѣнка его была вышиблена.

Любопытно, что катастрофа совершенно разнo подѣйствовала на придворное общество и простолюдиновъ. Послѣдніе какъ будто моментально сошли съ ума и не сознавали, что дѣлаютъ. Такъ, одинъ лакей, какъ будто ничего не случилось, предлагалъ генералу Даниловичу винограда. Здоровеннѣйшій съ виду поваръ началъ съ ожесточеніемъ рубить котлеты, какой-то рабочій, выбравшись изъ-подъ обломковъ, стремглавъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ.

Слѣдованіе императорскихъ поѣздовъ всегда вызывало огромную напряженность по линіи. Авторъ самъ испыталъ на себѣ жуткое чувство отвѣтственности за благополучный проходъ поѣзда, будучи назначенъ начальникомъ охраны во время поѣздки царской семьи въ Данію черезъ Ревель. Батальонъ фонъ-Пфейля назначенъ былъ охранять путь отъ Пскова на разстояніи 150 верстъ.

«Я часто посѣщалъ посты, занятые моей ротой,—разсказываетъ онъ.—Съ этою цѣлью къ моимъ услугамъ всегда былъ готовъ особый паровозъ. Однажды я потребовалъ его для себя и уже сталъ взбираться на него по ступенькамъ, когда ко мнѣ подошелъ одинъ изъ высшихъ чиновъ администраціи дороги и просилъ позволенія сопровождать меня. Едва мы тронулись, какъ увидѣли другой паровозъ, разбитый и уткнувшійся въ землю, мимо котораго мы проѣзжали. Мой спутникъ объяснилъ мнѣ, что тутъ недавно произошло крушеніе: паровозъ, мимо котораго мы проѣзжали, столкнулся съ тѣмъ, на которомъ мы ѣхали и который только что вышелъ изъ мастерскихъ. Было бы, конечно, пріятнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи другой, но приходилось мириться.

«Едва мы выѣхали за предѣлы станціи, какъ нашъ паровозъ помчался со скоростью, совершенно необычной въ Россіи. Я попросилъ машиниста ѣхать тише, но тотъ въ отвѣтъ пустилъ машину съ удвоенной скоростью. Тогда я обратился за разъясненіемъ къ моему спутнику, и тотъ вѣжливо объявилъ мнѣ, что ему поручено при удобномъ случаѣ испытать предѣльную скорость паровоза и для этого онъ воспользовался настоящей поѣздой. Тогда я рѣшительно объявилъ, что онъ можетъ дѣлать эти испытанія, когда ему угодно, но только не со мною. Это подѣйствовало, и мы пошли дальше съ обыкновенной скоростью».

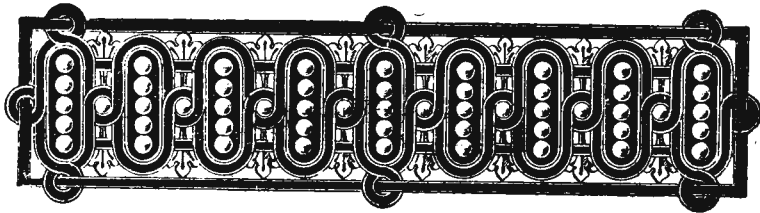
Высочайшимъ приказомъ отъ 21 августа 1889 г. командиръ 4-го батальона Преображенскаго полка полковникъ графъ фонъ-

Пфейль по домашнимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ въ отставку. Неизвѣстно, почему онъ счелъ своею обязанностью добиться высочайшей аудіенціи, и съ этою цѣлью отправился въ Данію, гдѣ въ то время гостила императорская семья. 29 сентября онъ былъ уже въ Копенгагенѣ и явился къ своему бывшему сослуживцу полковнику фонъ-Блону съ просьбою о содѣйствіи. Тотъ направилъ его къ русскому посланнику графу фонъ-Толлю, который и сообщилъ ему, что въ часъ дня состоится парадъ датскихъ войскъ и что для достиженія своей цѣли онъ могъ бы воспользоваться этимъ случаемъ. Фонъ-Пфейль рѣшилъ послѣдовать совѣту посланника, но тутъ явилось огромное препятствіе: въ Даніи нѣмецкій языкъ не очень распространенъ, а датскаго фонъ-Пфейль не зналъ. Авторъ счастливо вышелъ изъ затрудненія. Онъ вмѣшался въ толпу, смотрѣвшую на парадъ войскъ, и вдругъ закричалъ: «городовой!» Когда полицменъ явился, фонъ-Пфейль потребовалъ, чтобы его отвели къ полицейскому, который понимаетъ по-нѣмецки. Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ русскій офицеръ и желаетъ присутствовать на смотрѣ. Полицейскій чрезвычайно почтительно отвелъ его на мѣсто, мимо котораго долженъ былъ проѣзжать король Христіанъ въ сопровожденіи лицъ русскаго императорскаго дома. Расчетъ графа оказался вѣрнымъ. Онъ, что называется, попалъ въ лучъ зрѣнія и былъ приглашенъ въ Фреденсборгъ. Больше всего поразила автора воспоминаній рѣзкая разница между придворной атмосферой въ Даніи и въ Петербургѣ. Въ Фреденсборгѣ почти не было никакой охраны, и всякій, попадавшій въ замокъ, чувствовалъ себя во владѣніяхъ гостепріимнаго, радушнаго помѣщика, живущаго просто и патриархально.

Визитомъ въ Фреденсборгъ и заканчиваются воспоминанія графа фонъ-Пфейля, изъ которыхъ мы, по такъ называемымъ независящимъ обстоятельствамъ, могли извлечь лишь небольшую часть.

А. Бѣловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Юрьевъ. 1908 г.

ВКАЗАННАЯ книга представляет собою учебное пособие по исторіи русскаго права. Авторъ, по его словамъ, при составленіи книги руководился двумя цѣлями: «съ одной стороны, книга должна быть не обширной по объему и доступной для болѣе широкаго круга читателей, съ другой—въ ней должны быть затронуты важнѣйшіе вопросы исторіи права и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны главнѣйшія данныя для ихъ рѣшенія». Ради послѣдней цѣли въ особенности авторъ, отдавая должное иностраннымъ образцамъ въ видѣ французскаго «Manuel» и нѣмецкаго «Grundzüge», цѣня ихъ краткость и дѣловитость, все же, въ противобѣсъ имъ, счелъ необходимымъ ввести въ текстъ своего пособия цитаты изъ источниковъ или прямыя указанія на нихъ, чтобы учащіеся, пользуясь ими, могли самостоятельно разбираться въ вопросахъ и приходять къ извѣстному рѣшенію путемъ внутренняго убѣжденія, а не просто заучиванія.

«Очерки» обнимаютъ собой только древнюю исторію права до конца XVII вѣка. Книга не вся написана вновь, нѣкоторыя части ея взяты изъ статей, напечатанныхъ авторомъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, хотя здѣсь прежній текстъ подвергнутъ значительной переработкѣ.

«Очерки» написаны по слѣдующему плану: все содержаніе книги дѣлится на два періода, древній и московскій. Въ свою очередь, въ каждомъ изъ этихъ періодовъ намѣчены слѣдующія рубрики: источники права, государственное устройство (территорія, власть, населеніе), государственное управленіе, при-

чемъ послѣдній отдѣлъ во второмъ періодѣ, именно управление въ Московскомъ государствѣ, выдѣленъ въ особую часть и ему будетъ посвященъ слѣдующій, второй томъ «Очерковъ». Значитъ, планъ книги проф. Дьяконова такой же, какой уже установился въ общихъ руководствахъ по исторіи русскаго права (ср. Владимірскаго-Будакова, «Обзоръ», и Филиппова, «Исторія русскаго права»).

Содержаніемъ своимъ «Очерки», за рѣдкими исключеніями, даютъ отчетливые и ясные отвѣты на вопросы, затронутые въ книгѣ. Что особенно важно — авторъ принялъ во вниманіе при написаніи курса работы самаго послѣдняго времени и освѣжилъ ими обычное содержаніе учебнаго руководства, такъ что его книга является, такъ сказать, сегодняшнимъ итогомъ ученой работы.

Отмѣтимъ нѣкоторые недочеты книги. Такъ, напримѣръ, по вопросу о Судебникѣ Ѳедора Іоанновича 1589 г. авторъ ссылается на «немногія литературныя замѣтки и мнѣнія», которыя «согласно не признаютъ за нимъ законодательной силы» (стр. 225). Авторъ здѣсь упускаетъ изъ виду, что если въ дѣломъ Судебникъ Ѳедора Іоанновича не имѣлъ силы закона, то нѣкоторыя статьи его имѣли характеръ дѣйствующаго права, какъ то видно изъ статьи М. Богословскаго (Ж. М. Н. П., 1905, № 12). Не совсѣмъ ясенъ взглядъ проф. Дьяконова на характеръ прикрѣпленія крестьянъ (363—5 и др.). Авторъ, судя по многимъ мѣстамъ его книги, стоитъ, подобно проф. Ключевскому, на той почкѣ зрѣнія, что крестьяне въ XVI и XVII в. попали въ личную крѣпостную зависимость отъ ихъ владѣльцевъ. Но онъ не всегда въ этомъ твердъ. Такъ, на стр. 367 читаемъ: «Всѣ приведенныя указныя правила не знаютъ никакого прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, но исходятъ гораздо больше изъ предположенія о личной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ». Здѣсь ясно выражена нѣкоторая шаткость мысли: первая фраза говоритъ о томъ, что указныя правила не знали «никакого» прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, вторая — уже смягчаетъ это положеніе, указывая, что въ этихъ правилахъ «гораздо больше» было предположенія о личной крѣпости; значитъ, предположеніе о поземельной крѣпости тоже было, только «гораздо меньше»? Такой логическій выводъ не мирится съ категорическимъ отрицаніемъ, которое выражено въ первой фразѣ. Но не ко всѣмъ разрядамъ крестьянскаго населенія авторъ можетъ приложить и принципъ личнаго закрѣпощенія. Черные и дворцовые крестьяне, по его мнѣнію, были прикрѣплены «скорѣе» всего «къ тяглымъ общинамъ». А помѣщичьи крестьяне, они тоже находились въ личной крѣпостной зависимости отъ помѣщика? На это у М. А. Дьяконова отвѣта не находимъ. Видимо, свою основную точку зрѣнія авторъ до конца провести не можетъ, такъ какъ помѣщичьи крестьяне не могли быть прикрѣпленными лично къ помѣщику, какъ къ временному владѣльцу. Уложеніе 1649 г., напримѣръ, категорически запрещаетъ помѣщикамъ «сводити» крестьянъ «съ помѣстныхъ своихъ земель на вотчинныя свои земли» (Улож., XI глава, 30), откуда видна связь крестьянина съ землей, а не съ лицомъ владѣльца.

По поводу первой ревизіи и указа 22 января 1719 г. авторъ пишетъ: «Петръ имѣлъ сначала въ виду положить въ подушный окладъ лишь тѣ группы

сельскаго населенія, какія положены были въ тягло по переписнымъ книгамъ 1677—78 г.» (397). Нужно замѣтить, что это было распоряженіе не Петра, а сената; указъ же Петра I отъ 26 ноября 1718 г. не опредѣлялъ, какія группы сельскаго населенія должны быть внесены въ перепись. Что касается намѣреній Петра I, то еще до этого указа среди его замѣтокъ встрѣчается запись для памяти «о людяхъ боярскихъ, чтобъ положить въ поголовщину» (Павловъ-Сильванскій, «Проекты реформъ», 109).

Какъ на характерную черту «Очерковъ», слѣдуетъ указать на то, что въ нихъ часто прежде, чѣмъ дать извѣстный отвѣтъ на вопросъ, приводятся мнѣнія разныхъ изслѣдователей и ученая полемика, принимающая иногда мелочный характеръ. Авторъ, видимо, руководился благой цѣлью—ввести изучающаго въ научную атмосферу и предоставить ему данныя для самостоятельнаго и обдуманнаго рѣшенія вопроса. Думается, что въ этомъ случаѣ въ авторѣ говорилъ больше ученый изслѣдователь, чѣмъ преподаватель. Какъ ни заманчива цѣль—научить читателя самостоятельно разбираться въ научныхъ вопросахъ, но она въ учебныхъ пособияхъ едва ли достижима. Учащемуся трудно разбираться во всѣхъ контраверсахъ, а иногда прямо невозможно слѣдить за изгибами ученой мысли. Учебное пособіе по самой природѣ своей должно носить догматическій характеръ, а не критическій. Болѣе правильной намъ кажется манера В. И. Сергѣевича, которой онъ, впрочемъ, не всегда придерживается, когда онъ полемику и критику (въ «Лекціяхъ» и «Древностяхъ») не вводитъ въ основной текстъ, а помѣщаетъ въ видѣ примѣчаній или выноситъ въ особую главу.

Полемика и критика сопровождаютъ въ «Очеркахъ» литературными указаніями. Но иногда полемика принимаетъ и анонимный характеръ. Напримеръ, на стр. 362 и 363 М. А. Дьяконовъ опровергаетъ противъ взгляда, существующаго «въ исторической литературѣ» на природу ссудной записи, отвергая ея связь съ купчей и относя къ служилой кабалѣ. Очевидно, авторъ здѣсь имѣетъ въ виду мнѣніе В. И. Сергѣевича («Древности», I, 259). Едва ли, думается, начинающій изучать русское право пойметъ и сознательно убѣдится въ правотѣ взгляда автора, тѣмъ болѣе, что онъ, не видя ссылки, даже не знаетъ, гдѣ объ этомъ прочесть болѣе подробно.

Сказанное, конечно, нисколько не должно уменьшить достоинствъ книги. Повторяемъ, «Очерки» написаны превосходно, въ нихъ дается прекрасный матеріалъ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ нашей древности, благодаря чему эта книга является однимъ изъ лучшихъ учебныхъ пособій по исторіи русскаго права. Неудивительно, что почти одновременно съ первымъ изданіемъ вышло въ свѣтъ уже второе изданіе «Очерковъ», которое, по словамъ автора, является почти буквальнымъ повтореніемъ перваго, съ самыми несущественными исправленіями.

М. Ключковъ.

А. Д. Поповъ. Императоръ Александръ III. Изданіе училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта. Спб. 1908. Стр. 331 + IV. Цѣна 1 р.

Внѣшность изданія сразу же поражаетъ читателя и красотою печати, и изящнымъ исполненіемъ многочисленныхъ иллюстрацій, и массой портретовъ на отдѣльныхъ листахъ, и, наконецъ, очень низкой цѣной. Конечно, частнымъ издателямъ невозможно конкурировать съ синодальными и вообще казенными изданіями, и мы не въ правѣ требовать отъ нихъ «идеализма», въ торговомъ дѣлѣ даже страннаго, но все-таки они могутъ кое-чему поучиться у послѣднихъ. Если бы на обложкѣ книги А. Д. Попова было поставлено три рубля или немного меньше, то и эта цѣна не казалась бы слишкомъ дорогой. Вотъ тѣ похвалы, которыя при первомъ же знакомствѣ вызываетъ книга даже у не особенно расточительнаго по части похвалъ рецензента.

Съ внѣшностью книги въ ладахъ и содержаніе. Вся она написана красиво, точеными фразами (видно, авторъ принадлежитъ къ «старой» въ настоящее время школѣ; видно, онъ не свободенъ отъ нѣкотораго «культя слова», столь характернаго для семинаристовъ былыхъ временъ), всегда ясными и опредѣленными. Впрочемъ, о личности Александра III можно писать только опредѣленно и ясно, какимъ было все, связанное съ его жизнью и дѣятельностью. Такимъ образомъ и эта черта книги г. Попова вполне гармонируетъ съ предметомъ рѣчи. Книга приуровнена, очевидно, для дѣтскаго пониманія, почему авторомъ затронуты далеко не всѣ вопросы, на которые хотѣлось бы найти отвѣтъ читателю даже вполне умѣреннаго образа мыслей, и идеализація чувствуется на каждомъ шагу. Но это — неизбѣжный спутникъ всякой книги, трактующей о временахъ, намъ близкихъ. Вотъ почему автору нельзя поставить въ вину многихъ пропусковъ и умолчаній. Остальное же исполнено имъ прекрасно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ печатью обдуманности во всемъ. Много теплоты находимъ у него въ описаніи интимной жизни Александра III, много воодушевленія — въ описаніи эпизодовъ, исполненныхъ драматизма, много здраваго смысла въ оцѣнкѣ заслугъ почившаго государя по управленію Россіей. Особенно удачны главы: «Рожденіе и крещеніе великаго князя Александра Александровича», «Сердечная дружба съ старшимъ братомъ», «Подготовленіе къ престолу и царствованію», «Характеръ правительственной дѣятельности», «Упроченіе и благоустройство церковно-школьнаго дѣла», «Покровительство наукъ и искусству», «Улучшеніе быта крестьянъ», «Заботы о поднятіи промышленности и торговли», «Отношеніе къ иностраннымъ государствамъ» и замѣчательная глава: «Личность императора Александра III» (стр. 310—331). Въ концѣ чтенія въ глазахъ читателя рисуется цѣльный и законченный образъ императора; сердечное отношеніе къ нему автора дѣлаетъ этотъ образъ привлекательнымъ и живымъ.

Текстъ иллюстрированъ видами городовъ, зданій, портретами, вивѣтками и т. д. Все это исполнено прекрасно и отчетливо. Синодальная типографія стоитъ въ этомъ отношеніи на высотѣ. А изложеніе оживлено стихотвореніями многихъ видныхъ поэтовъ, выбранными авторомъ также умѣло. Замѣтимъ,

между прочимъ, что «невѣдомый поэтъ, скрывшійся подъ буквами Б. Ф.» (стр. 4)—известный авторъ стихотвореній на высокаторжественные случаи, сотрудникъ «Сѣверной Пчелы» и драматургъ Борисъ Федоровъ. **И. А.**

Сергѣевичъ, В., проф. Древности русскаго права, Т. II. Изд. 3. Спб. 1908.

Настоящій томъ, посвященный вѣчу, князю и совѣтникамъ князя, въ новомъ, третьемъ изданіи вышелъ съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Болѣе крупныя состоятъ въ слѣдующемъ:

1. «Вѣча по домамъ», примѣръ которыхъ даетъ намъ подъ 1169 годомъ Новгородская лѣтопись, выдѣлены въ особую главу и названы «предварительными», т. е. «такими совѣщаніями группъ людей, которыя собирались въ тѣхъ случаяхъ, когда находили нужнымъ прежде, чѣмъ собирать общенародное вѣче, выяснитъ вопросъ, о которомъ шла рѣчь» (97).

2. Въ третьей книгѣ прибавлена особая глава (IV — стр. 119 — 149), посвященная вопросу о вѣчевыхъ собраніяхъ у другихъ народовъ, именно у германцевъ, грековъ и римлянъ.

3. Вопросъ о старѣйшинствѣ князей переработанъ, по словамъ автора, вездѣ, гдѣ только о немъ идетъ рѣчь; при сличеніи текста двухъ изданій однако можно установить, что такая переработка коснулась лишь деталей вопроса, а не существа его (ср. 188, 191 стр. настоящаго изд. со стр. 157, 160 2-го изданія и т. д.).

Слѣдуетъ замѣтить, что вновь написанная глава о вѣчевыхъ собраніяхъ у германцевъ и грековъ выдѣляется изъ ряда другихъ главъ. Въ ней проф. Сергѣевичъ теряетъ тонъ спокойнаго изслѣдователя; почти на каждой страницѣ сквозитъ его отношеніе къ текущей политической жизни. Онъ то зло высучиваетъ, пользуясь примѣрами изъ греческой жизни, «уравненіе политическихъ правъ мужчинъ и женщинъ» (130 стр.), то подчеркиваетъ темныя стороны демократіи, выхватывая отдѣльные отрицательные эпизоды не только изъ древности, но и изъ недавней исторіи французской республики (Эпизоды 1871 г.). Здѣсь же фигурируютъ: «Отцы и дѣти» Тургенева, какъ картина неуваженія дѣтей къ родителямъ, и «австрійская палата депутатовъ», гдѣ прибѣгаютъ къ обструкціи, и вообще «нижнія палаты», въ которыхъ «въ случаѣ раздѣленія мнѣній дерутся» (стр. 126—137). Сомнѣваемся, чтобы такіе приемы, съ подкладкой злободневности, умѣстны были въ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Къ счастью, глава въ такомъ духѣ—единственная, остальныя воспроизводятъ прежній текстъ втораго изданія, лишь съ незначительными измѣненіями въ немногихъ мѣстахъ.

М. К.

**Исторія московскаго военнаго госпиталя въ связи съ исторіею
медицины въ Россіи. Къ 200-лѣтнему его юбилею. 1707—1907.
Составлена А. Н. Алелековымъ при участіи Н. И. Якимова.**

Вообще всякая исторія полка или учрежденія носитъ нѣкоторый отпечатокъ любительства. Правда, иногда являются здѣсь самородки, и изъ зауряднаго полковаго историка выковывается большой общій историкъ, съ большими горизонтами и основательной эрудиціею. Но это исключенія. Къ сожалѣнію, исключенія не представляетъ и исторія «Московской военной гонимости». Это трудъ любительскій, написанный порою наивнымъ, необработаннымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе онъ составленъ съ усердіемъ и сердечностью, которыя отчасти выкупаютъ остальные недостатки труда.

Имѣетъ значеніе почтенный трудъ и для общей исторической литературы. Авторы съ особымъ вниманіемъ отнеслись ко времени Петра Великаго и впервые обнародовали нѣсколько документовъ, относящихся къ врачамъ этой эпохи. Въ особенности посчастливилось врачу-иноземцу Бидло. Исторіографическая литература не разъ поэтому будетъ ссылаться на юбилейную исторію г. Алелекова.

Къ числу недостатковъ труда нужно отнести несоблюденіе авторами исторической перспективы: они отвели слишкомъ много мѣста первымъ годамъ госпиталя, а жизнь его въ XIX вѣкѣ вышла у нихъ скомканною. Въ числѣ источниковъ пропущены: Лешковъ, «Что и какъ дѣлалось въ древней Руси на пользу народнаго здоровья», («Москвитянинъ», 1853, т. VI), Ханьковъ, «Очеркъ исторіи медицинской полиціи въ Россіи» («Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1851 г.), моя статья—«Военные врачи при Петрѣ Великомъ» («Военный Альманахъ», 1902 г., изданіе Бергмана), моя брошюра—«Характеръ и значеніе дѣятельности Аптекарскаго приказа», наконецъ, великолѣпные и фундаментальные «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». Безъ послѣдняго труда не можетъ быть написана исторія медицины въ Россіи.

Мих. Соколовскій.

**Шарль Диль. Юстиніанъ и византійская цивилизація
въ VI вѣкѣ. Спб. 1908. Стр. 671. Цѣна 5 р.**

Несмотря на тѣснѣйшія историческія связи Византіи съ Русью, несмотря на то, что наслѣдіе древней Византіи съ Царемъ-Городомъ во главѣ всегда составляло и составляетъ предметъ важнѣйшихъ заботъ нашей внѣшней политики, исторія Византійской имперіи не возбуждаетъ у насъ въ массахъ симпатіи и не привлекаетъ къ себѣ живого интереса. Причина этого явленія, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что мы восприняли византійскую цивилизацію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда имперія въ агоніи доживала послѣднія времена и потому, естественно, элементы застоя, стремленіе хотя какъ-нибудь задержать начавшееся разложеніе государственнаго тѣла выступили въ ней на первое мѣсто. Пересаживая къ себѣ византійскую цивилизацію, мы были не подготовлены принять къ себѣ ея литературу, ея искусство, даже внѣшнія удобства ея жизни и во многихъ случаяхъ втянули въ себя

продукты ея разложенія. Отсюда слово «византійскій» стало у насъ синонимомъ застою, подавленія всякаго движенія впередъ, а такое представленіе, неразрывно связаннаго со всѣмъ византійскимъ, повело къ тому, что мы стали пренебрегать изученіемъ и даже знакомствомъ съ Византіей. А между тѣмъ мы забываемъ, что въ тѣ времена когда по Западной Европѣ стаями рыскали на свободѣ волки, а будущіе бароны ютились въ жалкихъ хижинахъ, жили въ грязи и грубости, Византійская имперія была единственной въ Европѣ страной, гдѣ процвѣтала утонченная вѣжливость, гдѣ императорскій дворъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ и могли воздвигаться такіе дивные и вѣчные памятники искусства, какъ Святая Софія.

Труды цѣлой группы ученыхъ разныхъ національностей, которые съ чисто-научнымъ любопытствомъ взялись за разработку этого запущеннаго угла всемірной имперіи, понемногу разсѣиваютъ сложившееся противъ Византіи предубѣжденіе. Передъ современниками все болѣе и болѣе обрисовывается огромная, чрезвычайно сложная и блестящая цивилизація, погибшая въ борьбѣ съ наплывомъ варварскихъ народцевъ и наконецъ скрывшаяся отъ глазъ наблюдателей подъ налетшимъ на нее турецкимъ пластомъ.

Вслѣдъ за учеными-ислѣдователями идутъ всегда ученые-популяризаторы. Въ области византинѣдѣнія пальму первенства въ этомъ случаѣ едва ли не справедливѣе всего будетъ присудить профессору парижскаго университета Шарлю Дилю. Онъ давно уже зарекомендовалъ себя чрезвычайно обстоятельными работами по исторіи Византіи. Не такъ еще давно вышла новая его книга «Les figures byzantines», въ которой ярко обрисованы нѣкоторые крупнѣйшіе дѣятели Византійской имперіи. Въ 1901 году Диль выпустилъ предпринятый имъ огромный трудъ—представить полную картину византійской цивилизаціи въ эпоху высочайшаго ея подъема, совпадающаго съ царствованіемъ Юстиніана Великаго. Онъ мастерски справился съ своей задачей и въ цѣломъ рядѣ главъ далъ подробное и обстоятельное изложеніе отдѣльныхъ сторонъ византійской жизни. Разсмотрѣвъ во введеніи къ книгѣ источники для исторіи времени Юстиніана, Диль даетъ затѣмъ прекрасно написанные портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой эпохи, самого Юстиніана и его супруги, знаменитой императрицы Теодоры. Далѣе идутъ очерки, посвященные византійскому правительству, арміи и войнамъ, законодательству и администраціи, религіозной жизни имперіи, ея дипломатіи и наконецъ отдѣльнымъ наиболѣе крупнымъ ея городамъ: Риму, упавшему въ VI вѣкѣ на степень византійскаго провинціального городка, Аѳинамъ, Антиохіи Сирійской, Равеннѣ съ ея чисто византійскимъ искусствомъ. Въ заключеніе приложенъ списокъ ученыхъ трудовъ по исторіи Византіи.

Изложеніе Дили удивительно просто, ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательно интересно. Усвоенію предмета помогаютъ и многочисленные рисунки въ текстѣ и на особыхъ листахъ, воспроизводящіе остатки уцѣлѣвшихъ византійскихъ зданій, мозаики, фрески и предметы византійскаго домашняго обихода. Все это дѣлаетъ книгу Дили лучшимъ пособіемъ для легкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательнаго знакомства съ Византіей VI вѣка.

Обращаясь къ русскому изданію труда парижскаго профессора, должны сказать, что изданіе это кое-гдѣ хромаетъ. Прежде всего неприятно поражаетъ наличность опечатокъ, которымъ вовсе не должно было бы быть мѣста въ такой дорогой и красивой книгѣ. Затѣмъ мѣстами оставляетъ желать лучшаго и переводъ: для примѣра укажемъ хотя на слѣдующую фразу: «она (Теодора) имѣла характеръ слишкомъ властный... чтобы не вносить въ религиозные споры ничего, кромѣ холодныхъ соображеній чистой политики...», или «передъ еще болѣе упорными волями ея воля должна была уступать...». Какъ хотите, но это сказано не по-русски!

Наконецъ, еще одинъ крупный недостатокъ русскаго изданія—это отсутствіе у него хорошаго редактора, который сумѣлъ бы приспособить французскій оригиналъ для русскихъ читателей. Слѣдовало бы, на примѣръ, дополнить списокъ главнѣйшихъ пособій по исторіи царствованія Юстиніана, который даетъ Диль, также работами русскихъ ученыхъ, такъ много сдѣлавшихъ въ области византиновѣдѣнія. А между тѣмъ не упомянуты даже капитальнѣйшіе труды по исторіи византийскаго искусства академика Кондакова, несмотря на то, что немало рисунковъ книги, какъ видно изъ подписи подъ ними, взяты именно изъ книгъ этого ученаго. О трудахъ гг. Рѣдина, Айналова, Фармаковскаго, Васильева и другихъ нашихъ византинистовъ мы уже и не говоримъ. О двухъ послѣднихъ нѣтъ даже и упоминанія. Второй пробѣлъ, въ которомъ видна некомпетентность редактора, это отсутствіе ссылокъ на русскія изданія греческихъ источниковъ для исторіи Византіи. Диль, на примѣръ, ссылается на такъ называемый *Λεξων* или *Νέος παράδεισος* монаха Іоанна Мосха—и въ ссылкѣ подъ страницей указываетъ его изданіе въ извѣстной серіи *Minia Patrologiae Cursus Completus*. Между тѣмъ русскій переводъ этого «Новаго Рая», извѣстный у насъ подъ названіемъ «Лимоваря» или «Лука Духовнаго» существуетъ въ безчисленныхъ русскихъ спискахъ, давно напечатанныхъ. Между тѣмъ на это указанія не находимъ. Въ другомъ мѣстѣ Диль касается знаменитой «Христіанской топографіи» Космы Индикоплова и указываетъ на ту же серію *Minia* и статью *Gelzer'a «Kosmas der Indienfahrer»*, помѣщенную въ «*Jahrbuch f. prot. Theol.*» за 1883. Между тѣмъ о Космѣ Индикопловѣ можно найти свѣдѣнія въ любомъ обстоятельномъ курсѣ старой русской литературы и самое сочиненіе его въ славянскомъ переводѣ давно издано императорскимъ обществомъ любителей древней письменности. Ограничимся здѣсь хотя этими двумя указаніями, хотя при надобности могли бы продолжать ихъ и далѣе.

Но все эти недочеты будутъ замѣтны, конечно, только для лицъ, располагающихъ нѣкоторыми спеціальными свѣдѣніями по исторіи Византийскаго имперіи. Для большой публики они не могутъ имѣть значенія, и книга Дили, безъ сомнѣнія, найдетъ у насъ обширный кругъ читателей.

А. В.—ловъ.

Скабичевскій. Русскіе писатели со временъ Петра Великаго до нашихъ дней. Спб. 1908. Стр. 276. Цѣна 80 коп.

Литература о нашихъ писателяхъ въ настоящее время розрослась до громадныхъ размѣровъ, но, несмотря на это, очень мало сдѣлано въ этой области для широкихъ слоевъ населенія. Если у насъ и есть отдѣльныя брошюры о томъ или другомъ писателѣ, рассчитанныя на большой кругъ читателей, то нельзя указать такой недорогой книги, которая въ популярномъ изложеніи знакомила бы широкіе слои населенія съ жизнью и творчествомъ всѣхъ наиболѣе выдающихся писателей. Этотъ пробѣлъ въ настоящее время заполняетъ книга г. Скабичевского. Она представляетъ сборникъ небольшихъ популярныхъ критико-біографическихъ очерковъ о нашихъ наиболѣе замѣчательныхъ писателяхъ. Большинство очерковъ довольно удачны: въ двухъ-трехъ словахъ автору удается дать мѣткую характеристику личности писателя, оцѣнку его историко-литературнаго и общественнаго значенія. Блѣдными вышли лишь нѣкоторые очерки, напримѣръ, о Герценѣ, Л. Толстомъ, но главнымъ образомъ о писателяхъ послѣдняго времени—Чеховѣ, Горькомъ и Л. Андреевѣ. Того хорошаго знакомства съ писателемъ, которое обнаруживаетъ г. Скабичевскій въ очеркахъ о писателяхъ 30—70-хъ годовъ, не проявляется въ очеркахъ о писателяхъ послѣдняго времени; видно, что критикъ менѣе внимательно слѣдилъ за ними, менѣе изучалъ ихъ, менѣе думалъ надъ ними, чѣмъ это дѣлалъ въ отношеніи писателей 30—70-хъ годовъ. Особенно обидно за Чехова: одинъ изъ крупнѣйшихъ писателей, а очеркъ о немъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ и блѣдныхъ! Но неудачны лишь нѣкоторые очерки, и если брать книгу въ цѣломъ, то необходимо признать, что авторъ въ общемъ довольно удачно выполнилъ свою задачу.

Большой плюсъ въ книгѣ то обстоятельство, что, прочитавъ ее, читатель получитъ представленіе не только о жизни и дѣятельности различныхъ писателей, но и о ходѣ русской литературы за XVIII и XIX столѣтія, благодаря тому, что авторъ мастерски сумѣлъ въ отдѣльные очерки о писателяхъ ввести краткія свѣдѣнія о литературныхъ и общественныхъ теченіяхъ, что онъ рассматриваетъ каждаго писателя, какъ представителя даннаго историческаго момента, выразителя даннаго теченія и направленія. Такимъ образомъ, книга г. Скабичевского въ одно и то же время и сборникъ очерковъ жизни и дѣятельности писателей и краткая популярная исторія нашего литературнаго развитія за два столѣтія.

Кромѣ того, книга, безъ сомнѣнія, окажетъ благотворное вліяніе на читателя, заставитъ полюбить его тѣ идеи, которыя проповѣдывала русская литература въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей...

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ книгу г. Скабичевского нужно признать полезной и пожелать ей распространенія среди широкихъ слоевъ населенія. Такова наша оцѣнка книги г. Скабичевского, если ее брать въ цѣломъ. Что же касается частныхъ, то нѣкоторыя изъ нихъ не могутъ не вызвать замѣчаній. Прежде всего, въ большую вину надо поставить автору то, что онъ пропустилъ такого крупнаго писателя, какъ С. Аксаковъ, помѣ-

стивъ, напримѣръ, очеркъ о талантливомъ, но, во всякомъ случаѣ, второстепенномъ писателѣ—Маминѣ-Сибирякѣ. Критикъ вообще совершенно игнорируетъ писателей славянофильскаго лагеря, причина чему, безъ сомнѣнія, личное отрицательное отношеніе его къ славянофильству. Но какъ бы мы ни относились къ славянофильству, нельзя не признать его однимъ изъ крупныхъ теченій въ исторіи русской мысли, въ виду чего ограничиваться о немъ нѣсколькими словами, какъ это дѣлаетъ г. Скабичевскій, нельзя. Субъективныя симпатіи автора отразились и на оцѣнкѣ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Не сочувствуя его идеямъ и осуждая «Исторію», г. Скабичевскій совершенно не отмѣтилъ ея громаднaго и чисто-литературнаго значенія, тѣмъ обнаруживъ, что онъ не историкъ въ широкомъ смыслѣ слова, который, каковы бы ни были его взгляды, обязанъ, по мѣрѣ силъ, быть объективнымъ. Характерной чертой произведеній Гончарова г. Скабичевскій считаетъ то обстоятельство, что въ его произведеніяхъ не обнаруживается личность автора, его симпатіи и антипатіи. Съ этимъ утвержденіемъ нельзя согласиться: укажемъ хотя бы «Обломова»; развѣ здѣсь не обнаруживаются симпатіи автора? Отмѣчая отрицательное вліяніе каторги на Достоевскаго, критикъ не отмѣчаетъ громаднaго значенія ея въ развитіи творчества писателя: давъ ему богатый психологическій матеріалъ, она способствовала психологической цѣнности произведеній писателя, окончательно направила его въ сторону изображенія человѣческой души. Указывая, что въ жизни большинства романистовъ 40-хъ годовъ было два періода: до половины 60-хъ годовъ—прогрессивный и послѣ—реакціонный, г. Скабичевскій не объясняетъ, чѣмъ было обусловлено это интересное обстоятельство. Говоря, что вѣнецъ творческой дѣятельности Писемскаго былъ романъ «Тысяча душъ», авторъ не даетъ отвѣта—почему? Нельзя согласиться съ г. Скабичевскимъ, что Некрасовъ не заботился о томъ, «въ какой степени его стихотворенія содержательны и какое произведутъ впечатлѣніе». Мотивировка этой мысли мало убѣдительна. Считаая отличительной чертой поэтовъ чистаго искусства то, что они не откликаются на злобы дня, г. Скабичевскій типичнымъ ихъ представителемъ считаетъ А. Толстого, между тѣмъ онъ часто откликался на злобы дня: вспомнимъ его сатирическія стихотворенія о движеніи 60-хъ годовъ, развѣ они не откликъ на злобы дня? Критикъ отрицаетъ оригинальность А. Толстого, между тѣмъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ наиболее оригинальныхъ и самостоятельныхъ русскихъ поэтовъ.

А. Фоминовъ.

И. Тенеромо. Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. Одесса. 1908 г.

Книга г. Тенеромо о Л. Н. Толстомъ является однимъ изъ лучшихъ подарковъ ко дню восьмидесятилѣтія жизни нашего писателя. Авторъ ея, бывший учитель ясно-полянскои школы, жившій много лѣтъ вблизи Льва Николаевича и до сихъ поръ остающійся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, издалъ устныя бесѣды Льва Николаевича Толстого по самымъ сложнымъ вопросамъ жизни и философіи. Онъ не только усвоилъ духъ и мысли знаменитаго писателя, но и манеру его изложенія.

«Живыя рѣчи» Льва Николаевича будутъ прекраснымъ дополненіемъ къ собственнымъ его сочиненіямъ. Онѣ болѣе наглядно знакомятъ читателя не только со смысломъ нашей жизни въ безчисленныхъ комментаріяхъ Льва Николаевича, но со множествомъ его знаменитыхъ друзей и знакомыхъ, посѣщавшихъ Ясную Поляну и проводившихъ многіе часы съ Толстымъ въ живыхъ разговорахъ о религіи, о правительствѣ, о молитвахъ, о церковномъ отлученіи, о Христѣ, о голодающихъ, о патріотизмѣ, о вегетаріанствѣ, о конституціи, объ евреяхъ, о сіонизмѣ, о порнографіи, о «Плодахъ просвѣщенія», «Власти тьмы» и т. д. Къ книгѣ приковываетъ не только рядъ блестящихъ рѣчей Льва Николаевича, но и житейскія подробности его личной и окружающей жизни. Едва ли не впервые появляется въ печати фактическое указаніе на то, какъ Левъ Николаевичъ далеко ушелъ въ своемъ развитіи отъ самыхъ близкихъ къ нему людей и какъ часто въ собственной его семьѣ многое зависитъ не отъ него самого...

Въ 1885 г. Н. Н. Страховъ говорилъ Толстому:

— Любя васъ, дорогой мой, не скрою отъ васъ, что съ каждымъ моимъ пріѣздомъ я замѣчаю все больше и больше, насколько дѣти ваши далеко не напоминаютъ своего великаго отца. Меня томитъ тоскливое чувство, и я съ болью думаю: не будетъ продолжателей. Вы одинокое дерево.

Толстой перебилъ его:

— Господь говоритъ одаренному: «Отъ тебя не принимаю намѣстниковъ. Ты самъ служи мнѣ». Суровъ, но справедливъ этотъ порядокъ. И, прикладывая къ своей жизни, я вижу...

Левъ Николаевичъ замаялся, понизилъ голосъ и, приближаясь къ уху Страхова, полушопотомъ сказалъ:

— Мнѣ не слѣдовало имѣть дѣтей...

Впоследствии, спустя 15 лѣтъ, когда третій сынъ Льва Николаевича сталъ уже Львомъ Львовичемъ и выступилъ въ печати съ полемикой противъ отца, Левъ Николаевичъ съ грустью говорилъ:

— Ну, вотъ, дождался-таки. Хотя я никогда не читаю вещей, направленныхъ противъ меня, какъ и не читаю одинаково хвалебныхъ гимновъ, но писаніе «Льва Львовича» все-таки читалъ, и не могу не поморщиться. Меня радуетъ только то, что онъ, полемизируя со мной, долженъ все-таки хоть что-нибудь читать изъ моихъ писаній и вдумываться въ нихъ, а это подаетъ надежду, что онъ отъ моихъ писаній перейдетъ къ Евангелію и найдетъ тамъ отвѣты на вопросы, которые теперь онъ такъ слабо и такъ нехорошо рѣшаетъ.

Къ тѣмъ же семейнымъ обстоятельствамъ слѣдуетъ отнести и разрушеніе ясно-полянскій общины крестьянъ, проникнувшихъ духомъ Евангелія и составившихъ 5 декабря 1885 г. сельскій приговоръ о томъ, чтобы начать жить все въ одно мѣсто и міромъ жить и работать. Но для устройства общины крестьянамъ необходимо было взять у Льва Николаевича въ долгосрочную аренду часть земли, которая врѣзывалась въ крестьянскія угодья. Левъ Николаевичъ радовался такому настроенію крестьянскихъ умовъ, молодежь его

тоже строила восторженные планы, какъ все обновится и какъ они будутъ жить съ крестьянами и заодно работать; старикъ въ молитвенномъ умиленіи тоже ждалъ увидѣть новую жизнь въ старой и обожаемой имъ деревнѣ. Но отъ Софьи Андреевны получился рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ: «Ни клочка земли и ни вѣтки лѣсу».

Какъ, однако, ни интересны біографическія данныя о жизни Льва Николаевича Толстого, въ книгѣ г. Тенеромо преобладаетъ болѣе философскій обликъ нашего писателя. Здѣсь каждая его мысль исполнена красоты и силы, въ особенности тамъ, гдѣ Толстой говоритъ о своей религіозности.

Когда В. Фрей доказывалъ Толстому, что люди составляютъ одинъ социальный организмъ, называемый человѣчествомъ и что каждый изъ нихъ обязанъ любить и поклоняться другъ другу, какъ Богу, Толстой рѣшительно возражалъ ему:

— Какъ можетъ рѣшиться ищущая правды душа, вмѣсто Бога, увѣрывать въ жалкую грушу существъ, безвольныхъ и слабыхъ, не знающихъ, что съ ними будетъ черезъ мигъ? Это самое человѣчество, ничтожное и малочисленное настолько, что если бы собрать его и вогнать въ Женевское озеро, то вода поднялась бы только на нѣсколько футовъ,—это крохотное ласточкино гнѣздо на карнизѣ огромнаго дома,—эта часть части, самая зависимая, голодная, жалкая, эта еле-еле барахтающаяся амеба въ природѣ, какъ можетъ она замѣнить великаго Бога вселенной, создающаго міры? Какую степень низменнаго идолопоклонства и темнаго фетишизма надо предположить въ человѣкѣ, который рѣшился бы уже имѣющуюся въ его душѣ вѣру въ великое промѣнять на этотъ краешекъ, на этотъ штрихъ только тѣни великаго? Да, это не больше, какъ рафинированное съ филигранной отдѣлкой на интеллигентномъ, будто бы научномъ, жаргонѣ старое, старое чистѣйшей воды прямое идолопоклонство, отъ котораго такъ часто насъ оберегали наши старые мудрецы, когда учили: не сотвори себѣ кумира. Я вѣрю, что я живу и чувствую живую жизнь въ себѣ не потому, что этого хочетъ или хотѣло какое-то разсыпанное по всѣмъ широтамъ болѣющее и умирающее человѣчество, само не могущее прибавить себѣ роста и на локоть, я вѣрю, что живу потому, что этого хочетъ Богъ, повелѣвающій жить и травкѣ и мнѣ. Если Богу угодно было призвать меня въ жизнь и придать мнѣ форму человѣческаго существа и велѣть жить среди людей, работать на нихъ для Него,—я съ радостью исполняю Его волю и чувствую, что живу только тогда, когда исполняю ее...

Кажется, что послѣ такой горячей исповѣди и вѣры въ абсолютнаго Творца должны бы смолкнуть обвиненія Толстого въ безбожіи и неуваженіи къ нравственнымъ основамъ жизни. «Живыя рѣчи» Л. Н. Толстого въ книгѣ г. Тенеромо даютъ тому многочисленныя доказательства.

А. Фаресовъ.

**М. П. Кулешовъ. Левъ Николаевичъ Толстой по воспомина-
ніямъ крестьянъ. М. 1908. Тринадцать выпусковъ. Цѣна 1 р. 10 к.**
Алексѣй Мошинъ. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ.

Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1908. Стр. 129. Ц. 60 к.

Имя Толстого можетъ быть соединено со всякимъ государственнымъ, социальнымъ, культурнымъ и экономическимъ явленіемъ, съ любой отраслью знанія и искусства, дѣятельности отвлеченной и практической, съ любымъ классомъ, сословіемъ и т. д. Это неудвительно, потому что одна изъ главныхъ особенностей генія — его всеобъемлющая отзывчивость, его универсальность. Неудвительно, что появилась цѣлая серія недорогихъ и изящно изданныхъ книжекъ М. П. Кулешова подъ рубрикой «Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ». Специализація въ данномъ случаѣ — не случайная.

Воспоминанія отдѣльныхъ крестьянъ о Толстомъ намъ не разъ приходилось читать въ журналахъ и газетахъ; въ большинствѣ случаевъ они не лишены были наблюдательности, затрагивали интересные вопросы, написаны были тепло, а чаще всего и съ тактомъ, далеко не присущимъ многочисленнымъ въ наше время господамъ, избравшимъ своимъ амуломъ эксплуатировать дорогое для всего культурнаго міра имя и играть на своей мнимой близости къ ясно-полянскому отшельнику. Даже больше того, чувство того разстоянія между Толстымъ-человѣкомъ (а не писателемъ, который одинаково близокъ всѣмъ) и его собесѣдникомъ, быть можетъ, чувство нѣсколько приподнятое, соотвѣствующее съ благоговѣніемъ, оно и сообщаетъ воспоминаніямъ крестьянъ отпечатокъ такта и этимъ безусловно подкупаетъ читателя. Здѣсь нѣтъ развязности, сознанія никому невѣдомыхъ «собственныхъ заслугъ передъ отечественною словесностью»; нѣтъ намѣренно-скромнаго кокетничанья своей близостью къ великому, такихъ фразъ, какъ «мы съ Толстымъ», и т. д. Все достоинство очерковъ М. П. Кулешова — въ живости, простотѣ, въ обиліи фактовъ, только изрѣдка освѣщаемыхъ самимъ авторомъ или же лицомъ, отъ котораго онъ слышалъ разсказъ. Его очерки имѣютъ уже цѣлую исторію, въ свое время запрещались цензурой, но наконецъ увидѣли свѣтъ и, какъ кажется, безъ особенныхъ урѣзковъ. Поэтому очерки заслуживаютъ вниманія, особенно «Толстой въ голодный годъ», «Дѣтскія воспоминанія графскаго слуги», «Коробейники Толстого», «Кормилица Толстого», «Толстой по святымъ мѣстамъ», «Отношеніе Толстого къ литературному пролетаріату», «Толстой въ роли педагога». Въ концѣ XIII выпуска приложена біографическая канва съ перечнемъ главныхъ сочиненій юбиляра.

Въ иномъ «жанрѣ» написаны воспоминанія о Толстомъ г. Мошина. Въ бесѣдахъ съ Толстымъ г. Мошинъ больше знакомитъ читателя со своими взглядами, а Л. Толстой ограничивается деликатнымъ предложеніемъ: «Теперь мой рабочій часъ, — не угодно ли вамъ кофе?» — Какой-нибудь легкомысленный критикъ, пожалуй, заключитъ изъ этого, что, когда великіе люди идутъ работать, то г. Мошинъ пьетъ кофе. Но, выпивъ чашку, г. Мошинъ тоже трудится и печатаетъ книжки, въ которыхъ разсказываетъ свои интервью или съ самими писателями, или съ Маусаилами. Столѣтніе старцы — люди почтен-

ные и охотно рассказываютъ такіе анекдоты про великихъ писателей, что годятся даже въ собраніе сочиненій Кузьмы Пруткова. Пригодились бы они и въ сытинскій календарь, да только вотъ Фамусовъ когда-то сказалъ, будто «всѣ врутъ календари...» На ста маленькихъ страничкахъ разгонистымъ шрифтомъ изображены «мелкіе штрихи для большихъ портретовъ», въ родѣ слѣдующей картины:

«6-го іюня 1907 года мы познакомились съ мужикомъ» Иваномъ Павловымъ, съ тѣмъ самымъ, который Пушкина «во какъ зналъ!» Иванъ Павловъ рассказалъ «намъ», т. е. г. Мошину: «Осень только что зачиналась. И не чаялъ-то Ляксандра Сергѣичъ свою отъѣзду... Со мной по ярманкѣ въ Св. Горахъ гулялъ... А къ ему жандаръ, откуда ни возьмись, претъ:

«— Подполковникъ васъ къ себѣ трѣбуетъ...»

«А Ляксандра-то Сергѣичъ Пушкинъ и отвѣчаетъ тому жандару таково скоро:

«— Я, говоритъ,—вашему подполковнику ж...ой кланяюсь!..»

«Такъ-то!..» (стр. 30—31).

«Такъ-то» пишется исторія! Г. Мошинъ познакомился не съ однимъ Иваномъ Павловымъ. Всѣ Маусайлы, точно зачарованные волшебнымъ словомъ, открыли ему до мельчайшихъ подробностей тайны «сѣдой старины». Впрочемъ, не всегда эти Маусайлы очень болтливы. Нѣкая старушка про Крылова могла вспомнить только, что Пушкинъ назвалъ баснописца — «преоригинальной тушей». Зато, гдѣ молчатъ современные «великіе», тамъ охотно говоритъ самъ авторъ. Не будемъ повторять трюизмовъ, что собраніе легендъ о выдающихся людяхъ—дѣло прекрасное. Но оно трѣбуетъ такта, величайшей осторожности и умѣнія въ кучѣ сора находить зерно истны. А тутъ точность феноменальная,—попробуйте-ка не повѣрить Ивану Павлову, сейчасъ помнящему, какъ онъ подавалъ палку Пушкину при отъѣздѣ въ Петербургъ... Это, дѣйствительно, «новое», даже черезчуръ. А. Ивановичъ.

Литературный распадъ. Критическій сборникъ. Книгоиздательство «Зерно». Спб. 1908.

Участники сборника, гг. В. Базаровъ, Л. Войтоловскій, М. Горькій, Ст. Ивановичъ, Ю. Каменевъ, А. Луначарскій, М. Морозовъ, Ю. Стекловъ, П. Троцкій и П. Юшкевичъ, объединенные «признаніемъ принципіальнаго разрыва между творчествомъ современнаго декаданса и творчествомъ будущаго», заявляютъ, что «стоятъ на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія въ его единственно научной формѣ марксизма». Это твердое заявленіе сразу способно внушить робкому читателю апіорное подобострастное уваженіе къ авторамъ. Наука—почва нескользкая; это могучая и вѣрная основа, и на ней нѣтъ мѣста ни капризамъ лѣвой ноги критика, ни личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Наукѣ свойственно придавать мышленію стройное единообразіе, не давая ему уклоняться изъ стороны въ сторону, и научные выводы, конечно, строго закономѣрны. Вотъ какія требованія предъявляешь авторамъ, тѣмъ болѣе, что они сами такъ опредѣлили свою задачу. Рѣзкихъ различій у людей, объединен-

ныхъ однимъ и тѣмъ же научнымъ направлениемъ, конечно, ждать нельзя, и ихъ работу съ этой стороны невольно хочется сравнить съ переводомъ Библии на греческій языкъ, сдѣланнымъ семьюдесятью толковниками. Ихъ разсадили по разнымъ комнатамъ, и, когда переводы были окончены и ихъ сличили, оказалось, что всѣ они строго тождественны. Но у нашихъ новыхъ толковниковъ вышло совсѣмъ наоборотъ. Для г. Стеклова, напримѣръ, Ѳ. Сологубъ порнографъ, да еще «ударившійся въ чертобѣсіе», и «читатель въ правѣ посмѣяться надъ страннымъ авторомъ и брезгливо пройти мимо его эротоманомистическаго бреда», въ которомъ фигурируютъ «отсталыя дѣти или идіоты». А спустя двѣ сотни страницъ другой «толковникъ», г. Морозовъ, восторгается «прелестнымъ рассказомъ Сологуба», какъ разъ однимъ изъ рассказовъ объ «отсталыхъ дѣтяхъ». Г. Стекловъ разноситъ повѣсть Сологуба, гдѣ кощунственно связана «декадентская банда съ дѣятельностью комитета р. с.-д. р. п.», а г. Морозовъ совершенно безъ этого вѣрноподданническаго негодованія признаетъ, что «революція отразилась на мрачныхъ разсказахъ Сологуба», и вообще Сологубъ, по его мнѣнію, «блестящій талантъ». Г. Стекловъ цитируетъ стихи Брюсова, какъ образчикъ «надуманныхъ, вымученныхъ переписовъ европейскихъ демонистовъ у маленькихъ русскихъ подголосковъ», и на заглавія его книгъ указываетъ какъ на «духовную рекламу», разчитанную на то, чтобы «привлечь вниманіе прохожихъ звѣакъ къ своему литературному балагану». Къ великому удивленію читателя, непосредственно за г. Стекловымъ появляется г. Каменевъ въ такъ горько высмѣянной его товарищемъ жалкой роли одураченнаго рекламой звѣака и объявляетъ, что Брюсовъ—вождь цѣлой школы, поэтъ, которому «суждено было создать свой міръ и властно заставить его звучать въ скульптурѣ своихъ твореній; по техникѣ стиха Брюсовъ—«молотобоецъ и ювелиръ»; Брюсовъ—«величайшій изъ поэтовъ современности въ Россіи». «Объединенные» марксисты мыслятъ до такой степени несходно, что одинъ вдохновенно поетъ о «великомъ освободительномъ движеніи», а другого тошнитъ отъ этого слова, пахнущаго «отвратительнымъ жаргономъ либеральной прессы» (стр. 55 и 219). По мнѣнію одного критика, ненавистные буржуи-декаденты «на мѣсто психологій трезвеннаго мѣщанства пытаются подставить психологію пьяныхъ феодаловъ, гвардейскихъ офицеровъ и босяковъ». При послѣднемъ словѣ невольно вспоминается тотъ писатель, который привелъ въ нашу литературу босяка, вспоминается Горькій. Критикъ продолжаетъ: «отъ проповѣдуемой ими (декадентами) любви нестерпимо разить конюшней и низкопробнымъ лунаромъ». И опять вспоминается интеллигентъ, пытавшійся изнасиловать Вареньку Олесову, Васька Красный. А на 299 стр. выступаетъ самъ создатель ихъ... М. Горькій со статьей, озаглавленной (невольная, но жестокая насмѣшка надъ сборникомъ!)—«О цинизмѣ». Между тѣмъ г. Каменскаго ругательски ругаютъ за «забористыя темы». Неужели тема «Васьки Краснаго» менѣе забориста? Или секретъ въ томъ, что г. Горькій «нашъ», принесшій присягу на эрфуртскомъ коранѣ, а г. Каменскій «не нашъ?» Такъ, что ли? Но, видя такія рѣзкія разногласія «объединенныхъ критиковъ, читатель въ правѣ спросить: кому же вѣрить? И одинъ—по наукѣ, и другой—тоже по наукѣ. И тотъ отъ писанія Маркса

глаголетъ, и другой плетется на того же Маркса... Какой разбродъ мысли, какой разладъ, какая разногласица! Рѣшительно книгѣ пристало ея фатальное заглавіе—«Литературный распадъ»...

Въ усердныхъ стараніяхъ скорѣе достигнуть возможнаго идеала, «чтобы даже младенцы смотрѣли на свѣтъ съ точки зрѣнія классовой розни», гг. марксисты не различаютъ никого и ничего. Что для нихъ Левъ Толстой, этотъ «властитель мелкихъ, униженныхъ душъ восьмидесятихъ годовъ, раздавленныхъ высокомѣриемъ и властностью обновленнаго самодержавнаго строя!» То ли дѣло... Э. де-Амичисъ. «Мистикамъ» вообще пощады нѣтъ, благо они же «реакціонеры» по неизбѣжному закону природы. Одинъ изъ марксистовъ торжественно вколачиваетъ осиноый колъ въ могилу «глухой реакціи», когда «вмѣсто Лаврова, Михайловскаго, Елисеева и Щедрина законодателями умственной моды сдѣлались Достоевскій, Л. Толстой и В. Соловьевъ. Исчезъ великій Патроклъ революціи, а вмѣсто него на тронѣ общественнаго мнѣнія возсѣлъ косноязычный и уродливый Терситъ мелкой обыденщины и мистцизма!» Велико же въ гг. марксистахъ уваженіе къ культурѣ, если Толстой, Соловьевъ и Достоевскій въ ихъ глазахъ—«уродливые Терситы». Характерно недомысліе въ этихъ двухъ фразахъ. Щедринъ, Елисеевъ, Михайловскій пожалованы въ великіе Патроклы и сейчасъ же понижены десятью чинами, названы всего только «законодателями моды». Такъ трудно авторамъ «Литературнаго распада» сохранять въ своихъ похвалахъ и лориданіяхъ «оттѣнокъ благородства». Кажется, мы выскажемъ не особенно смѣлую догадку, если представимъ себѣ, какъ покраснѣли бы при этихъ словахъ и Щедринъ, и Михайловскій, и Лавровъ, покраснѣли бы за ихъ автора. Такая кавалерійская рубка сплеча и направо и налево продолжается по всей книгѣ. Отставной свободный художникъ, а нынѣ весь безъ остатка проглоченный р. с.-д. р. п. и чувствующій себя тамъ, очевидно, такъ же комфортабельно, какъ Іона во чревѣ китовомъ, г. Горькій вѣско отчеканиваетъ: «любимые уголки, куда прячется мѣщанство отъ жизни, давно извѣстны,—это Богъ, метафизика и цинизмъ». Коротко, ясно и неопровержимо! Другой пророкъ уже совсѣмъ небрежно вѣщаетъ: «что въ основѣ исключительнаго интереса къ старинѣ лежитъ реакціонное по существу настроеніе, это давно извѣстно». Въ реакціонеры, такимъ образомъ, приходится зачислить декабристовъ, питавшихъ совершенно исключительный интересъ къ старинѣ,—къ кievскому періоду, къ новгородскому устройству. Рылѣевъ и князь С. Волконскій пытались направить въ эту сторону вниманіе Пушкина, который, хотя былъ, такъ же, какъ и Толстой, буржуй, дворянинъ (да проститъ Небо имъ обонимъ эту вину!), началъ поэму о герояхъ русской свободы, легендарномъ новгородцѣ Вадимѣ. Въ такомъ антикультурномъ, скажемъ прямо—глубоко-буржуазномъ духѣ, написана вся книга, полная самаго буржуазнаго самодовольства и слѣпой, узколюбной ненависти ко всему, что не подходитъ «подъ ранжиръ». Въ одномъ мѣстѣ идетъ жестокая расправа со всей русской прессой, во главѣ которой почему-то поставлена жалкая поведѣльничная газетка, да и изъ ея корифеевъ особенно выдѣленъ одинъ—г. Чуковскій. Все, что говорится о г. Чуковскомъ, дѣйствительно вѣрно, и этотъ легковѣсный маленькій писатель, по духу реак-

ціонний фельетонистъ, затесавшійся на нашомъ безлюдь въ литературную критику, получилъ вполнѣ заслуженную оцѣнку, — но развѣ справедливо судить о русской прессѣ по гг. Чуковскимъ? Булгарины, большіе и малые, были у насъ всегда, но типическими и притомъ единственными носителями духа русской печати не были они ни прежде, ни сейчасъ. Перловъ недобросовѣстности въ сборникѣ не меньше, чѣмъ адамантовъ самаго дѣтскаго непониманія простыхъ вещей. Объ одномъ французскомъ поэтѣ, о которомъ критику хотѣлось сказать что-нибудь нелестное, сообщено, что это просто «крайне антипатичный субъектъ» — моветонъ, однимъ словомъ, — опредѣленіе вполнѣ «научное». Маллармэ, котораго французскіе декаденты считали своей «живой совѣстью» и «строгимъ учителемъ», обозванъ мистификаторомъ за то, что онъ почти ничего не напечаталъ и передъ смертью сжегъ свои рукописи. Неужели критикъ забылъ о нашомъ Станкевичѣ, который тоже почти ничего не оставилъ и все-таки былъ учителемъ и вождемъ славнаго въ исторіи русской культуры кружка?

Такъ вотъ какой уродливый чертополохъ выросъ «на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія!» Все лучшее, что есть у насъ, отъ Толстого до талантливой, пишущей молодой литературы, либо безсознательно оболгано, либо преднамѣренно оклеветано. Жалко и постыдно это зрѣлище десяти марксистскихъ жрецовъ, которые, служа обѣдню своему кумиру, отъ усердія въ кровь расшибли себѣ лбы. Но мы будемъ осторожнѣе этихъ десяти музъ доморощеннаго марксизма и прежде всего подвергнемъ справедливому сомнѣнію и право ихъ представлять русскую демократическую мысль, и ихъ «научность». Лучше было бы для этихъ господъ, если бы они время, употребленное на составленіе нелѣпаго и претенціознаго сборника, потратили на чтеніе «буржуазной» литературы разныхъ «Герситовъ» вродѣ Толстого и Достоевскаго, да кстати на изученіе самого Маркса, у котораго можно поучиться уваженію къ цѣностямъ культуры, и который, должно быть, предвидѣлъ всевозможныя разновидности своихъ поклонниковъ, когда говорилъ: «Я, слава Богу, не марксистъ!!..»

Н. Л.

А. И. Фаресовъ. Голоса Земли. Спб. 1908. 238 стр. Ц. 1 р.

Новая книга А. И. Фаресова отличается тѣми же достоинствами, какъ и предыдущіе его труды («Мужики и начальство», «Пробужденный народъ»).

Объективность наблюденій, обиліе матеріала «изъ первыхъ рукъ» и разнообразіе живыхъ типовъ придаетъ книгѣ интересъ своеобразнаго калейдоскопа русской дѣйствительности. Книга посвящена имени Л. Н. Толстого въ виду христіанскихъ мотивовъ ея многихъ очерковъ: «Крестьянскій социализмъ», «Знакомство съ духоборами» «Божій путь» и т. д.

Статья «Крестьянскій социализмъ» представляетъ собою исторію похождения небезызвѣстнаго социалиста-самородка, крестьянина Новгородской губерніи Якова Михайлова, записанную авторомъ со словъ послѣдняго.

Яковъ Михайловъ задался цѣлью радикально освободить мужика отъ эксплуатации помѣщиковъ, реорганизовать весь укладъ крестьянскаго быта, на-

«истор. вѣстн.», октябрь, 1908 г., т. сxiv.

20

чиная съ архитектурныхъ преобразованій деревни и кончая религіознымъ міросозерцаніемъ мужика.

Основные принципы проповѣдуемой Михайловымъ общины прекрасно высказаны имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Жизнь первыхъ христіанъ была ненормальна въ томъ отношеніи, что измѣняла духовную сторону человѣка, а матеріальной пренебрегала... А жизнь слѣдуетъ дѣлать во всѣхъ отношеніяхъ высоконравственной. Искать Бога это все равно, что добиваться общинной жизни, итти къ соединенію, устраивать «хорошую жизнь». Самая святая жизнь въ томъ и есть, чтобы люди были братьями, чтобы они могли хорошо построить избу, чтобы скотина была хорошая и плуги крѣпкіе. У другихъ сейчасъ священные предметы—золотыя иконы, хоругви, престолъ, а у насъ братское житіе, породистые быки, крѣпкая телѣга. Атрибуты земледѣлія такъ же священны, какъ и иконы. Въ Евангеліи сказано: «прямыми сдѣлайте пути Его»—мы и сдѣлаемъ прямые пути, устроимъ шоссеяныя дороги и души очистимъ отъ погани». Эти взгляды Якова Михайлова возбудили въ консервативной печати страшную противъ него бурю, но на всѣ обвиненія и прямые доносы г. Михайловъ отвѣчалъ въ духѣ Ибсеновскаго «Бранда»: «Почему Богъ менѣе чувствуетъ въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ повседневно, чѣмъ на колѣняхъ за молитвой? Неужели неправда то, что религіозность и священство человѣка въ каждомъ его дѣяніи, и почему этотъ взглядъ ведетъ менѣе къ добродѣтели, чѣмъ нравственный экстазъ передъ иконой?»

Очерки «Духоборы» и «Божій путь» представляютъ собою то же исканіе правды и чистоты жизни, несмотря на нѣкоторую узость взгляда и фанатизмъ «Еленушекъ» изъ «Божьяго пути». Религіозныя сектантки «на Божьемъ пути» наглядно свидѣтельствуютъ, отъ какихъ малыхъ искръ часто зависить пробужденіе деревенской женщины и до какой высоты духа дошли бы онѣ при болѣе благоприятныхъ культурныхъ условіяхъ ихъ жизни.

Интересный очеркъ «Среди моховиковъ», о крестьянахъ, живущихъ на моховыхъ пространствахъ Псковской губерніи, — уже знакомъ читателямъ «Историческаго Вѣстника», такъ какъ онъ появился на его страницахъ. Каждый шагъ «моховиковъ» проникнуть просьбой о землѣ, и съ этой точки зрѣнія исходятъ всѣ ихъ сужденія о государственной думѣ, о Царѣ, министрахъ и господахъ.

Характерно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что на ряду съ земельнымъ обнищаніемъ и размноженіемъ народонаселенія въ крестьяннѣ развивается и крѣпнеть сознаніе о себѣ, какъ о «человѣкѣ», а не беззравномъ рабѣ.

Молодой крестьянинъ въ очеркѣ «Соломонъ» придумываетъ мудрое наказаніе для оскорбившаго его помѣщика-крѣпостника. «За обиду» онъ предлагаетъ барину напиться у него въ избѣ чайку и пожертвовать 25 руб. сиротѣ-питомкѣ, вмѣсто того, чтобы итти на судъ къ мировому.

«На Глухариному току» охотникъ изъ крестьянъ говоритъ автору въ зачиту общины: «Богатому мужику съ нами несогласно: тому по-своему, по-барски надо вести хозяйство... Это правда. Ну, и пусть себѣ покупаетъ село и заводитъ тамъ новые порядки. Намъ за нимъ не угаваться. А если при его достаткѣ онъ додумался до новыхъ земельныхъ порядковъ, то при достаткѣ

и мы цѣлымъ міромъ не глупѣ будемъ. Что толковать. Было бы намъ гдѣ и съ чѣмъ сѣять клеверъ, а то посѣемъ, что хошь посѣемъ. Такое многополье заведемъ: и хлѣба, и кормовыя травы, и мясо на базаръ повеземъ продавать. Неужели богатый мужикъ умнѣ цѣлаго міра? Мы тоже не глупѣ его; будетъ сподручно—заведемъ и новое хозяйство. А теперь намъ не до жиру, а быть бы живу. Какое тутъ новое хозяйство, когда ничего нѣтъ у насъ. А ты не отымай у насъ землю, а устрой насъ такъ, какъ устроился самъ въ городѣ. Ты и дѣтей своихъ въ школу отдалъ, и мѣста по службѣ приготовилъ имъ. Всѣмъ имъ найдется и науки, и жалованья. Можетъ, и взаболъ намъ господа въ государственной думѣ устроить хозяйство такъ, чтобы земля была мужику кормилицей, а купцу—его торговля нашимъ хлѣбомъ.

«— Почему господа въ думѣ должны устроить тебѣ такое хозяйство?

«— А какъ же? А съ кого же они деньги берутъ? Съ насъ же. А за что? Вотъ за то самое, чтобы мужика въ обиду не дать...»

Вообще герои позднѣйшихъ произведеній г. Фаресова проникнуты живымъ стремленіемъ къ истинѣ, и ихъ «голоса» дѣйствительно направлены не только къ моральному, но и къ государственному преобразованію нашей «Земли».

А. М. Нечаева.

Баронъ Теттау. Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками. Ч. I и II. 1907—1908. Переводъ М. Грулева. Изданіе В. А. Березовскаго.

Послѣдняя наша война описывалась очень многими корреспондентами, но едва ли не самымъ основательнымъ и сдержаннымъ изъ нихъ является германскій корреспондентъ Теттау. Отъ чтенія его двухъ томовъ, переведенныхъ прекраснымъ, литературнымъ языкомъ, получается большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что оцѣнку военныхъ дѣйствій онъ производитъ очень осторожно и не забрасываетъ русскую армію грязью изъ одного только желанія ее очернить.

Второй томъ, наполненный подробнымъ перечисленіемъ военныхъ дѣйствій и ихъ критическимъ разборомъ, менѣе интересенъ для обыкновеннаго читателя, чѣмъ первый томъ, гдѣ авторъ высказываетъ рядъ общихъ соображеній.

Не безъ грусти приходится читать русскому читателю многія сираведливыя строки германскаго автора. Наша пассивность при высадкѣ японцевъ для дѣйствій противъ Артура находитъ у Теттау упрекъ; онъ съ ироніей передаетъ замѣчаніе одного офицера изъ свиты командующаго о томъ, что мы намѣренно не будемъ мѣшать японскимъ высадкамъ и что, давъ высадиться большому числу японцевъ, мы сразу ихъ разобьемъ и окончимъ войну. Неподготовленность высшаго команднаго элемента къ полководчеству имѣла мѣсто даже въ лицѣ храбраго графа Келлера, который вмѣсто того, чтобы руководить дѣйствіями корпуса, считалъ себя обязаннымъ вліять на войска личнымъ примѣромъ; какъ результатъ этого явилась смерть этого храбраго воина. Тратилось много времени на парады, на торжественныя раздачи георгіевскихъ крестовъ, когда войска, утомленные, въ панахахъ, ждали по жарѣ нѣсколько

часовъ проѣзда начальства; въ это время ихъ развлекли обученіемъ привѣтствовать командующаго. Описываетъ авторъ характеръ манчжурскихъ грозъ; во время одной грозы были достигнуты ливнемъ небольшой провіантскій обозъ, болѣе двадцати лошадей утонуло. Насколько уродливы были слухи, циркулировавшіе въ войскахъ, доказываетъ то, что русскіе по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ заставляли умирать Куроки, на самомъ дѣлѣ благополучно и понынѣ живущаго. Организція войскъ была крайне неустойчивой: часто изъ дѣлаго корнуса не оставалось въ рукахъ настоящаго корнуснаго командира ни одного полка, которые всѣ распредѣлялись по различнымъ отрядамъ. Это дало поводъ Теттау сказать, что однажды генералъ Случевскій очутился королемъ безъ королевства...

Думаю, что продуманныя и искреннія воспоминанія барона Теттау прочтутся съ охотою каждымъ читателемъ, который желаетъ ознакомиться съ несчастною войною. Въ особенности, повторяю, этого заслуживаетъ первый томъ.

Мих. Соколовскій.

Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Волынскаго. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Вышеназванная книга, появившаяся недавно, успѣла уже вызвать цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ. Но они капля въ морѣ по сравненію съ той богатой литературой, какую породила эта книга въ оригиналѣ, изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Общество и прессу въ нѣмецкихъ странахъ сильно заинтересовали какъ парадоксальныя мысли, высказанныя въ ней двадцати-четырёхлѣтнимъ авторомъ, такъ и трагическій конецъ его — самоубійство тотчасъ же вслѣдъ за окончаніемъ своего обширнаго труда. Несмотря на кажущійся спеціальнѣйшій характеръ этой книги, она въ основѣ своей носитъ гораздо болѣе общій характеръ. Это далеко не книга о половомъ вопросѣ, каковой авторъ назвалъ ее, а скорѣе книга о самыхъ сокровенныхъ вопросахъ души человеческой. Сквозь призму изслѣдованія пола авторъ затрагиваетъ цѣлый рядъ глубоко серьезныхъ философскихъ и психологическихъ вопросовъ. Правда, въ конечномъ счетѣ, эти своеобразно трактуемые авторомъ вопросы служатъ ему базой для доказательства своей основной мысли — о низкой степени развитія общаго женскаго инстинкта. Опозитизированное во всемірномъ искусствѣ женское начало, *das ewig Weibliche*, о которомъ писалъ восторженно олимпіецъ Гете, сведено Вейнингеромъ до абсурда. Носительница этого начала, женщина, предстасть передъ нами въ освѣщеніи Вейнингера лживымъ, безстыднымъ, нелогичнымъ, аморальнымъ существомъ, лишеннымъ своего «я». Мрачнѣйшія краски, какими обрисовывали женщину величайшіе женоненавистники вплоть до Ницше, изреченіе котораго: «когда идешь къ женщинѣ, не забудь взять съ собой плеть», стало притчей во языцѣхъ, кажутся блѣдными по сравненію съ тѣмъ ураганомъ ненависти, какой витаетъ въ каждомъ словѣ Вейнингера. Но онъ не ограничивается однимъ характеристиками и опредѣленіями женскаго существа. Онъ беретъ себѣ въ помощь науку и философію и при ихъ посредствѣ срывааетъ поэтическій образъ женщины съ ея пьедестала, тянетъ его глубоко

въ пропасть и показываетъ его намъ жалкимъ и уродливымъ, барахтающимся въ низинахъ человѣческаго духа. Вся его книга кажется не теоретическимъ изслѣдованіемъ, какимъ онъ былъ склоненъ считать ее, а какимъ-то болѣзненно-мятущимся *pro domo sua*. Онъ словно борется на всемъ протяжении своего огромнаго труда съ самимъ собой. Какъ нельзя болѣе характернымъ въ этомъ отношеніи является заключительный аккордъ его книги— главы о еврействѣ. Еврей по происхожденію, Вейнингеръ съ какимъ-то ожесточеніемъ клеймитъ еврейство, по какой-то странной конценціи идей связываетъ его съ женскимъ началомъ и рисуетъ еврейство самыми мрачными красками. Съ безудержной стремительностью онъ подписывается подъ всѣми обвиненіями, когда-либо высказанными противъ еврейства, въ особенности подъ тѣми, какія исходятъ отъ Чемберлена и Вагнера. Эта часть книги буквально производитъ впечатлѣніе изступленнаго самобичеванія. Конечно, въ книгѣ Вейнингера очень много погрѣшностей противъ логики, много ненужныхъ повторовъ, но все это искупается страстнымъ тономъ ея. Она насквозь пропитана искренностью, а это одно изъ главныхъ достоинствъ всякой книги. При всемъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ женщинамъ Вейнингеръ все-таки научаетъ читателя чтить женщину, такъ какъ онъ клеймитъ въ ней все плотское, чувственное и вопрошаетъ все время о человѣчности въ ней. Общій типъ женщины, изображенной Вейнингеромъ, такой безцвѣтный и исключительный, что поневолѣ рождается подозрѣніе: не служила ли ему исключительнымъ прототипомъ нѣмецкая женщина?

Намъ, русскимъ, извѣстны образы женщинъ, кристальныхъ по чистотѣ души, глубоко охваченныхъ идеями добра и красоты. Вспоминая о нихъ, невольно начинаешь мысленно спорить съ Вейнингеромъ.

Книга Вейнингера въ этомъ отношеніи является для насъ, русскихъ, въ данный моментъ особенно желательной. Теперь, когда вопросы пола охватили широкіе круги читающей публики, когда грубо-чувственный романъ Арцыбашева «Савинъ» расходится въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, книга Вейнингера способна установить правильное отношеніе нашихъ читателей къ такому сложному вопросу, какимъ былъ всегда половой вопросъ. Ибо въ концѣ концовъ нельзя не согласиться съ тѣми мѣстами книги Вейнингера, гдѣ онъ бичуетъ все узко-плотское человѣческой психики. Но онъ говоритъ объ узко-плотскомъ началѣ преимущественно у женщинъ. Мы же должны распространить его и на мужчинъ.

Въ общемъ слѣдуетъ привѣтствовать книгу Вейнингера на русскомъ языкѣ, притомъ въ прекрасно обработанномъ и необыкновенно-тщательномъ переводѣ, надъ которымъ немало потрудился г. Волынской, редакторъ перевода, снабдивъ его предисловіемъ подъ заглавіемъ «Мадонна». Книга «Поль и характеръ» безспорно, выгодно отличается отъ цѣлой массы рождественныхъ книгъ, чуть ли не ежедневно выбрасываемыхъ на нашъ книжный рынокъ и явно рассчитанныхъ на щекотанье публики соблазнительными темами.

Оскаръ Норвежскій.

Г. Н. баронъ Таубе. Послѣдніе дни второй Тихоокеанской эскадры. Въ концѣ текста помѣщенъ перечень употреблявшихся техническихъ терминовъ съ ихъ объясненіемъ. Изданіе 2-е. Спб. 1907. Стр. 174. Цѣна 1 р.

Названная книжка барона Г. Н. Таубе, участника Цусимскаго боя, въ короткое время выдержала два изданія. Правдивое, лишенное всякихъ субъективныхъ выпадовъ изложеніе ея приковываетъ вниманіе читателя, но въ то же время оставляетъ въ немъ, какъ и вся японская война, тяжелое, гнетущее чувство. Особенно раздражаютъ его гг. всевѣдущіе душевнобольные главнокомандующіе, съ преступной дерзостью отвергающіе даже самую возможность совѣщанія со своими подчиненными. Что въ послѣднемъ случаѣ говорило въ нихъ,—недовѣріе ли къ силамъ и знаніямъ этихъ подчиненныхъ офицеровъ, или какаѣ-то подозрительность,—совершенно непонятно. Но въ результатѣ отъ всего этого—одна горечь, стыдъ и несмысленное униженіе. Можетъ быть, и дай ты, Богъ, чтобы подобныя книжки, преисполненныя одного искренняго желанія помочь своей родинѣ, принесли ей сильное лекарство къ оздоровленію, обратили на себя вниманіе высшихъ властей и новыхъ реформаторовъ и послужили къ дѣйствительному воскрешенію нашего флота и его боевой готовности.

По своему подробному изложенію и довольно легкому, виолнѣ литературному языку, книжка барона Г. Н. Таубе будетъ привлекать вниманіе все большаго и большаго числа читателей и, безъ сомнѣнія, окажется немалоцѣннымъ источникомъ для будущаго историка японской войны.

В. Р—въ.

Н. Фалѣевъ. Дуэли. Разказы. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1908.

«Отъ навязчивой идеи дуэли не могутъ отрѣшиться самые видные представители мира,—говоритъ авторъ.—Они уступаютъ предразсудку безъ большой борьбы, отдаютъ ему какъ бы нѣчто должное, считаются съ нимъ и соглашаются лучше погибнуть и перечеркнуть всю свою жизненную работу, чѣмъ освободиться отъ суетвѣрнаго страха передъ отказомъ отъ поединка». Авторъ надѣется, что своей книгой онъ ускоритъ вымираніе этого «средневѣковаго предразсудка»—дуэли.

Не будемъ говорить, оправдаются ли надежды автора: если бы люди исполняли совѣты хорошихъ книгъ, то на землѣ давно бы уже наступило царство небесное. Впрочемъ, цѣли автора—едва ли строго дидактическія. Разказы г. Фалѣева сохраняютъ безусловное значеніе, какъ любопытный документъ, изложенный въ легкой, живой и популярной формѣ, и мѣстами захватываютъ всего читателя и живо воскрешаютъ бытъ и нравы преимущественно офицерской среды прошлаго столѣтія. Основанные на архивныхъ данныхъ, разказы сохраняютъ документальное значеніе и дышатъ отъ начала и до конца правдивостью, словно записки современниковъ. О литературныхъ достоинствахъ тридцати разказовъ, составившихъ теперь красиво изданный

томъ, можно не говорить: читателямъ «Историческаго Вѣстника» они хорошо памятны, такъ какъ печатались въ журналѣ сравнительно недавно. Два разсказа, «Красная Горка» и «Сонерники», появляются впервые. **И. А.**

Спутникъ русскаго въ Берлинѣ. Берлинъ. 1908. Стр. 45.

Цѣна 50 к.

Такъ называемые «спутники» оказываютъ всегда громадную услугу путешественникамъ, особенно тѣмъ, которые плохо знакомы съ языкомъ той страны, куда отправляются. Въ виду этого нужно привѣтствовать появленіе и «Спутника русскаго въ Берлинѣ». Въ этой книжкѣ путешественникъ найдетъ много полезныхъ свѣдѣній, а именно о берлинскихъ трамваяхъ съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ улицъ, по которымъ слѣдуютъ вагоны отдѣльныхъ линій, и достопримѣчательностей, мимо которыхъ вагоны проходятъ, объ omnibusaxъ съ подробнымъ перечисленіемъ улицъ ихъ путей слѣдованія, о подземныхъ электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ, о таксѣ извозчиковъ и посылныхъ, о бюро для справокъ о вещахъ, забытыхъ и утерянныхъ въ поѣздахъ, трамваяхъ, omnibusaxъ и вагонахъ подземной электрической дороги, о почтѣ и телеграфѣ, о русскомъ посольствѣ, консульствѣ и агентствѣ министерства финансовъ, о театрахъ и цѣнахъ мѣстъ въ нихъ, о концертныхъ залахъ, циркахъ, картинныхъ галереяхъ, музеяхъ, памятникахъ, дворцахъ, о лучшихъ врачахъ Берлина, о больницахъ и, наконецъ, о лучшихъ берлинскихъ магазинахъ. Къ книгѣ приложенъ также планъ городскихъ окружныхъ и пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ. Жаль только, что въ «Спутникѣ» нѣтъ свѣдѣній о гостиницахъ и не приложено плана города. **О.**

А. И. Миловидовъ. Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI—XVIII вв. Москва. 1908 г.

Хранитель виленакаго музея древностей А. И. Миловидовъ составилъ перечень изданій, вышедшихъ изъ западно-русскихъ типографій, въ которыхъ книгопечатаніе получило сильное развитіе, а потому и способствовало культурному подъему Западной Руси. По работѣ г. Миловидова можно прослѣдить весь этотъ подъемъ и видимые результаты развитія просвѣщенія, передавнаго скоро и въ московскую Русь. Помимо богатаго лингвистическаго матеріала, данныя, сообщаемыя авторомъ, имѣютъ большое значеніе культурно-историческое, а также выясняютъ начало, ростъ и состояніе техники книгопечатанія на Руси. Духовная жизнь и творчество западно-русскаго народа, его вѣрованія и идеалы ясно запечатлѣлись въ современныхъ книгахъ.

Работа г. Миловидова продолжена далѣе извѣстныхъ трудовъ въ той же области П. А. Гильтебрандта и проф. М. П. Погодина и содержитъ въ себѣ перечень около 450 изданій. Предшественниками же его указано лишь 300 изданій. Кромѣ того, г. Миловидовъ въ дополнительномъ перечнѣ указываетъ 14 изданій, совершенно неизвѣстныхъ библиографамъ, почему книга его и заслуживаетъ ихъ особеннаго вниманія. **В.**

И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1908. Стр. 200. Ц. въ переп. 75 к.

Вышедшее вторымъ изданіемъ руководство г. Богданова по наборно-типографскому дѣлу знакомитъ не только учениковъ и наборщиковъ, но и широкую публику съ постановкою этого дѣла. Второе изданіе существенно отличается отъ перваго полнотою, значительно расширено, снабжено многими чертежами, образцами наборовъ технически правильныхъ и неправильныхъ съ объясненіемъ и указаніемъ ихъ неправильностей, что дастъ возможность каждому, имѣющему какое-либо соприкосновеніе съ типографскимъ дѣломъ, выйти изъ затруднительнаго положенія. Способъ изложенія, какъ и въ первомъ изданіи, «отвѣты на вопросы», является новинкою. До сихъ поръ техническіе учебники такъ не составлялись, вѣроятно, потому, чтобы воспрепятствовать ученикамъ заучивать наизусть непонятныя мѣста, «зазубривать», какъ выражаются на ученическомъ языкѣ. Однако практика перваго изданія показала, что эта форма изложенія не встрѣчаетъ неудобствъ, а потому и повторяется авторомъ во второмъ изданіи. Кромѣ наборно-типографскаго дѣла, въ «Приложеніяхъ» курса дается краткое понятіе о словолитнѣ, гдѣ отливаются буквы (литеры) для набора, о печатныхъ машинахъ, стереотипнѣ, дающей возможность съ одного набора дѣлать сколько угодно металлическихъ копій, съ которыхъ одновременно печатаютъ на нѣсколькихъ машинахъ; о гравированіи, цинкографіи, которая быстротою исполненія постепенно вытѣсняетъ гравированіе; о фотографіи, гальванопластикѣ и о наборныхъ машинахъ, которыя появились въ изобиліи теперь въ тѣхъ типографіяхъ, гдѣ требуется больше всего снѣжность работы и которыя являются «грозою» современныхъ наборщиковъ. Эти машины представляютъ соединеніе пишущей машины со словолитней и въ недалекомъ будущемъ при усовершенствованіи ихъ, можетъ быть, въ значительной степени вытѣснятъ ручной наборный трудъ. Затѣмъ въ книгѣ помѣщенъ «Краткій очеркъ исторіи книгопечатанія» съ портретами Гуттенберга, сотрудниковъ его Фуста и Шеффера, и русскаго первопечатника Ивана Федорова, а также статья «Свинцовое отравленіе», которымъ часто заражаются работающіе въ типографіяхъ, окруженные облаками свинцовой пыли. Авторъ заканчиваетъ свое руководство совѣтомъ поступать всѣмъ труженикамъ печатнаго дѣла въ страховыя общества или кассы, дабы обезпечить себя на случай болѣзни.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе руководства г. Богданова, которое служитъ не только учебникомъ, но и хорошей справочной книгой, гдѣ можно найти объясненіе по множеству вопросовъ типографскаго дѣла.

М.—ко.

А. И. Миловидовъ. Описание славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публичной библіотеки. Вильна. 1908 г.

Авторъ многихъ работъ по западно-русской библиографіи, г. Миловидовъ предпринялъ свою новую работу въ томъ же направленіи. Цѣнность ея не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ каждая строка даетъ новые матеріалы въ руки изслѣдователей. Замѣчающійся въ послѣдніе годы интересъ къ разработкѣ исторіографіи многимъ обязанъ своимъ возникновеніемъ отдѣльнымъ работамъ незамѣтныхъ труженниковъ въ данной области. Всѣ матеріалы къ исторіи Западной Руси представляются наиболѣе цѣнными, въ виду того, что они указываютъ намъ вѣрный путь къ объясненію многихъ событій въ жизни московской Руси. Особенно интересно прослѣдить путь, пройденный культурными вѣяніями, зародившимися въ Западной Руси въ эпоху XVI—XVIII вѣковъ и отсюда передавшимися въ Москву. Книгопечатаніе въ эту эпоху сильно развилось въ Западной Руси. Авторъ задался въ своей новой работѣ цѣлью дать описаніе всѣхъ старопечатныхъ книгъ, вышедшихъ изъ западно-русскихъ типографій въ эту эпоху. Имъ описаны 234 изданія, хранящіяся въ виленской публичной библіотекѣ. Изъ общаго числа описанныхъ книгъ болѣе 20 считаются весьма рѣдкими, а о нѣсколькихъ изданіяхъ свѣдѣнія появляются въ печати въ первый разъ. Система описанія, принятая авторомъ, довольно подробна. Онъ указываетъ титулъ книги и ея краткое содержаніе, число страницъ и характеръ печати, подвергаетъ критикѣ имѣющіеся въ его распоряженіи библиографическіе источники и т. п. Въ приложеніи г. Миловидовъ даетъ образцы шрифтовъ и различныхъ орнаментовъ. Трудъ его заслуживаетъ вниманія по полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній и практической цѣнности ихъ.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИМПЕРІЯ ХЕТТОВЪ.—Непрерывно ведущіяся археологическими обществами раскопки въ Египтѣ особенной дѣятельностью отличались минувшею зимою. Завѣса, скрывающая отъ насъ исторію древнихъ народовъ, ихъ происхожденіе, расцвѣтъ и смерть, мало-по-малу приподнимается. Каждый счастливый ударъ лопаты, по выраженію Масперо, напечатавшаго отчетъ объ этихъ работахъ въ своей статьѣ ¹⁾ на страницахъ «Hebdo-Débats», даетъ новыя свѣдѣнія о томъ или иномъ изъ нихъ, открывая архивы сѣдой старины. Съ прежнимъ убѣжденіемъ, что въ долины Малой Азіи вторгались варвары, приходится разстаться, благодаря сдѣланнымъ открытіямъ, доказывающимъ противное. Теперь оказывается, что у этихъ народовъ была очень древняя цивилизація, и многіе изъ нихъ обладали письменностью, образцы которой найдены на островѣ Критѣ.

Однимъ изъ такихъ народовъ, происхожденіе или исторія котораго оставались пока темными, являются хеттеи, или хетты и хититты. Отрывочныя свѣдѣнія о нихъ проскальзывали лишь въ Библии да въ двухъ надписяхъ фараона Агу, гдѣ упоминалось, что ему посчастливилось вернуть изъ отдаленной страны Хани, расположенной къ сѣверу отъ Аленпо, изображенія Меродаха и его жены Царапаниты, высшихъ божествъ Вавилона, изъ чего можно заключить, что хетты вторгались въ эту страну. Вотъ все, что было извѣстно объ этомъ народѣ, и неудивительно, что онъ былъ преданъ забвенію. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда уснѣхи по изслѣдованію исторіи фараоновъ подвинулись впередъ, это забвеніе было нарушено: стало извѣстно, что около XIV вѣка до нашей эры хетты вступали въ сношенія съ самыми могущественными изъ фа-

¹⁾ Les Hittites et leur empire. Par G. Maspero. «Hebdo-Débats» 28 Juin 1908.

раоновъ. Въ 1887 г., феллахами, занимавшимися раскопками древностей въ Телль-эль-Амарнѣ, въ Египтѣ, на мѣстѣ бывшей столицы Аменхотена IV, былъ найденъ цѣлый архивъ клинописныхъ писемъ на глиняныхъ табличкахъ. Эти письма были адресованы фараонамъ Ниммуреѣ и его сыну, Напхуруреѣ (Нибмахурѣ), Нарехенерурѣ и царямъ Аменхотена (Аменофисамъ III и IV). Среди именъ отправителей этихъ писемъ находилось имя Суббилулія, хеттскаго царя, котораго египетскіе памятники именуютъ Сапалуду. Эта древнѣйшая въ мірѣ дипломатическая переписка особенно поразила археологовъ тѣмъ, что письма были написаны не на египетскомъ языкѣ и египетскимъ шрифтомъ, а на вавилонскомъ, съ примѣненіемъ вавилонско-ассирійской клинописи. Изъ этого ученые заключили, что во всей передней Азіи дипломатическимъ языкомъ былъ вавилонскій.

Появленіе на исторической сценѣ хеттовъ вызвало настолько сильный интересъ въ археологахъ, что нѣкоторые изъ нихъ, встрѣчая при раскопкахъ въ Сиріи и областяхъ Тавра незнакомые имъ надписи и барельефы, непохожіе на произведенія египтянъ, ассиріянъ или другихъ племенъ эллинической цивилизаціи, приписывали ихъ хеттамъ. Это возбуждало споры и обсужденія между двумя лагерями археологовъ, приписывавшихъ принадлежность этихъ надписей хеттамъ и отрицавшихъ эту теорію. Но всѣ эти споры не привели ихъ къ окончательному выводу и только, благодаря нѣмецкому археологу Винклеру, производившему раскопки въ верхнихъ областяхъ древней Каппадокіи или Катпутака, какъ ее именовали впоследствии, и напечатанному отчетъ ¹⁾ о своихъ раскопкахъ, выяснилось, что отъ XIV до XVII вѣка до Р. Х. хетты владѣли по крайней мѣрѣ половиной Малой Азіи и барельефы и клинообразныя надписи дѣйствительно принадлежали имъ, а городъ Бошаръ сохранилъ остатки ихъ столицы, носившей имя, одинаковое съ именемъ ихъ націи. Эта страна сначала называлась Хани, но потомъ, когда она расширила свои границы и стала «великой хеттской землей», вавилоняне и особенно ассирійцы стали называть ее Хатгу (изъ слова Ханту съ семитическимъ окончаніемъ женскаго рода), а египтяне—Хетта. Произносили же они слово «Хетта», какъ еврейское «хетъ», и послѣдняя форма перешла къ грекамъ, въ видѣ имени «Энетотои». Найденныя при раскопкахъ тысячами таблички, покрытыя клинописными надписями, теперь даютъ возможность возстановить лѣтониси фараоновъ, что выясняетъ нѣкоторые періоды ихъ исторіи. Само собою разумѣется, что эти періоды являются самыми блестящими въ ихъ исторіи, когда гегемонія хеттовъ распространялась на далекія разстоянія и тяготѣла надъ окружавшими ихъ народами.

Какъ мы говорили, объ этой странѣ впервые упоминалъ египетскій царь Агу, поэтому выступленіе хеттовъ на историческую сцену приходится считать съ вышеозначеннаго времени. Приблизительно сто лѣтъ спустя, ихъ имя опять появляется на исторической сценѣ, среди другихъ вароудностей, посылавшихъ подарки Тутмосису III, а около 1450 г. до Р. Х. они уже сильно

¹⁾ Vorloeufige Nachrichten ueber die Ausgrabungen in Boshar-Koi im Sommer 1907. Von Winckler und Puchstein. Berlin. 1907.

расширили свою территорию. Первоначальной родиной служила имъ область, именовавшаяся вавилонянами Хани-раббатъ, а египтянами—Хетао, что означаетъ «великая хеттская земля»,—и находившаяся вблизи Милида, Малатія по верхнему теченію Евфрата, т. е. къ сѣверу отъ Киликіи. Что же касается ихъ религіи, то, судя по списку боговъ, находящемуся при трактатѣ, заключенномъ около 1300 г. до Р. Х. между египетскимъ царемъ Рамзесомъ II и хеттами, у нихъ играла роль богиня Астартъ, или Ашоретъ, но еще чаще упоминался богъ Сутехъ, хотя послѣдній слогъ подлежитъ сомнѣнію. Предполагаютъ, что Сутехъ, повидимому, бывший богомъ солнца, отождествляется съ именемъ Эль-Шаддаи, о которомъ упоминается въ книгѣ Исхода (6, 3). «Азъ Господь и являлся Аврааму, Исааку и Іакову съ именемъ Богъ всемогущій, (Эль-Шаддаи) и съ именемъ мовіа Господь (Іегова) не открылся имъ». Англійскій профессоръ Сейсъ высказывалъ предположеніе, что имя Іегова евреи могли заимствовать у хеттовъ, и въ подтвержденіе онъ ссылался на то, что слово Іегова входило въ составъ именъ нѣкоторыхъ князей, владѣвшихъ хеттскимъ городомъ Имаомъ, и одно изъ этихъ именъ встрѣчается въ надписяхъ на сирійскихъ памятникахъ. Кромѣ того, во второй Книгѣ Царствъ (8, 9), упоминается другое имя имаэскаго князя, Іорама, въ слѣдующихъ словахъ: «И услышалъ Ѡей, царь Имаэа, что Давидъ поразилъ все войско Адраазарово, и послалъ Ѡей Іорамъ, сына своего, къ царю Давиду привѣтствовать его и благодарить за то, что онъ воевалъ съ Адраазаромъ», но въ Паралипоменонѣ Іорамъ называется Адраазаромъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что составитель священной книги считалъ недостойнымъ, чтобы имя чужого князя имѣло нѣчто общее съ священнымъ именемъ Іеговы. Другой же англійскій ученый, Томасъ Тейлеръ, отвергаетъ хеттское происхожденіе Іеговы. Хетты, поклоняясь солнцу, царю неба, чтили также орла, какъ итицу солнца. Такимъ образомъ, богъ солнца, представленъ въ видѣ орла въ гербѣ города Кархемпша. Сохранившіяся монеты доказываютъ, что въ мѣстностяхъ, окружающихъ Кархемпшъ, существовалъ до позднѣйшаго времени культъ орла, а извѣстно, что орелъ и ястребъ были символами египетскаго бога Гора, т. е. восходящаго солнца. Другимъ символомъ у хеттовъ служило деревянное изваяніе Ашеры—богини Луны, о которомъ съ омерзѣніемъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ. Но самой любопытной особенностью хеттской религіи было признаніе равносѣсторонняго треугольника—олицетвореніе жизни—священнымъ знакомъ.

Династія, въ царствованіе которой процвѣтало благополучіе хеттовъ, не очень древняго происхожденія. Первый государь, о существованіи котораго намъ извѣстно, былъ Хаттусиль. Онъ не носилъ иного титула, какъ князь Кузаръ. Это былъ незначительный государь, господствовавшій лишь надъ небольшимъ уголкомъ Сирійскихъ горъ, но его сынъ Шуббилули царствовалъ уже надъ цѣлой страной и провозгласилъ себя царемъ хеттовъ. Смерть фараона Тутмосиса III, которому хетты посылали подарки, послужила знакомъ для возстанія въ Сиріи. Его два преемника едва могли сохранить въ цѣлости владѣнія своего предшественника, а Тутмосису IV, повидимому, этого не удалось достигнуть, такъ какъ предположительно въ это время хетты начали сцукаться съ занятыхъ ими раньше горъ и поселяться въ сѣверной Сиріи.

(1450 г.). Пока еще неизвестно, какимъ образомъ удалось Шуббилули собрать подъ своимъ скипетромъ всѣ племена, изъ которыхъ состояла нація хеттовъ. По мнѣнію Винклера, этому немало способствовали жрецы и оракулы, облегчавшіе въ тяжелое время неудачи его арміи. Но какія бы ни были причины возвышенія Шуббилули, онъ его оправдалъ своимъ поведеніемъ: все о немъ извѣстное доказываетъ, что этотъ царь обладалъ ловкостью, энергіей и предприимчивостью. Это былъ не столько замѣчательный воинъ, сколько ловкій дипломатъ, всегда умѣвшій воспользоваться для своей выгоды ссорами, неурядицами и упадкомъ благосостоянія своихъ сосѣдей. Укрѣпившись въ Сиріи, онъ сдѣлался соперникомъ фараона Аменофеса III, но остерегался нападать на него съ фронта, а старался побудить къ возстанію ближайшія вассальныя фараону государства и на первомъ планѣ расположенную къ сѣверу отъ Ливана страну Амурри, затѣмъ область Нухасси и финикійскіе города. Мало-по-малу онъ вырвалъ ихъ изъ-подъ власти фараона, и безъ большого кровопролитія, а только помощью ловко веденной интриги, перевелъ подъ свое владычество. Когда онъ умеръ, задолго до царствованія Аменофеса IV, сѣверная Сирія была ему подчинена такъ же, какъ и страна амореевъ, а у Египта осталась лишь южная область, которая впоследствии называлась Палестиной.

Его старшій сынъ, Арандасъ, царствовалъ недолго, второй же, Мурсилу, долго и со славой. Подъ слабой властью наслѣдника Аменофеса IV, Египетъ такъ быстро пришелъ въ упадокъ, что Мурсилу могъ пренебрегать имъ и устремилъ всѣ свои силы противъ государствъ на Евфратѣ. Безъ большого труда ему удалось покорить государя страны Миттани, который одно время царствовалъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, а когда, въ царствованіе Гормбеа и Сети I, Египетъ вновь возвратился въ прежнее состояніе, Мурсилу со славой защищалъ занятое братомъ положеніе. Старшій изъ его сыновей, Муталу, имѣлъ столкновеніе съ Рамзесомъ II и черезъ нѣсколько лѣтъ внезапно трагически погибъ отъ руки одного изъ своихъ генераловъ. Ему наслѣдовалъ его братъ, Хаттусилъ II, на которомъ лежала вся тяжесть войны. Изъ нея онъ вышелъ съ честью, и, невзирая на пораженіе, понесенное подъ стѣнами Кадеша, онъ такъ поставилъ дѣло, что шестнадцать лѣтъ спустя заключилъ трактатъ, утвердившій его во владѣніи всей завоеванной имъ территоріей. Возстановленный миръ держался болѣе полвѣка въ царствованіе Дудалія, затѣмъ его сына Арнуатассія, что даже вызвало у египетскихъ поэтовъ восклицаніе: «Египетъ и хетты вскорѣ будутъ составлять одно цѣлое». Рамзесъ II, уже въ старости, женился на дочери Хаттусила и принималъ въ Мемфисѣ тестя, а Менефтахъ, узнавъ, что у хеттовъ голодъ, послалъ имъ хлѣба и провизіи. Документы, открытые Винклеромъ, ничего не сообщаютъ о томъ, что случилось во время царствованія Арнуатассія или послѣ него; въ нихъ говорится объ имперіи хеттовъ до апогея славы, а затѣмъ свѣдѣнія внезапно прерываются.

Почти около полутора ста лѣтъ исторія хеттовъ шла параллельно съ исторіей египтянъ. По крайней мѣрѣ о четырехъ государяхъ упоминалось въ клинообразныхъ надписяхъ, и все-таки, за исключеніемъ Хаттусила II, они оста-

вались въ тѣни и выходили на свѣтъ лишь на мгновенье, чтобы снова скрыться во мракѣ. Ихъ видѣли ровно столько времени, сколько они находились въ общении съ фараонами, и ихъ дѣятельность не проникала ни въ какую другую область, кромѣ египетской. Теперь легче возстановить ихъ азіатскую политику и разобраться въ сношеніяхъ, завязываемыхъ ими съ государями странъ на берегахъ Тигра и Евфрата. Въ это время Ассирія, избавившаяся наконецъ отъ господства Вавилона, сама начала тѣснить своего прежняго повелителя. Послѣдніе цари касситской династіи заискивали поддержку у хеттовъ съ такимъ же пыломъ, съ какимъ они раньше добивались дружбы египтянъ, и такъ какъ Ниневія была постоянной угрозой для государей Сиріи, одинаково какъ и для Халдеи, то эта опасность и соединяла ихъ противъ нея. Вліяніе хеттовъ такъ основательно укоренилось въ Вавилоніи, что они нѣсколько разъ вмѣшивались въ ея внутреннія дѣла. Это видно изъ того, что когда умеръ фараонъ Кадашмантургу и возникли затрудненія относительно его преемника, то Хаттусиль II, бывшій въ то время на вершинѣ могущества, сначала его оплакивалъ, а потомъ послалъ уполномоченныхъ къ важнымъ государственнымъ лицамъ съ извѣщеніемъ, что если они замедлятъ провозгласить сына покойнаго Кадашманбургаша, то онъ, не колеблясь, обойдется съ ними, какъ съ врагами. Такого рода посланіе отъ столь опаснаго сосѣда произвело впечатлѣніе, и Каташманбургашъ былъ обязанъ ему своей короной. Однако министры на это обидѣлись, и главные изъ нихъ не могли воздержаться отъ протеста противъ его обращенія съ Вавилоніей, не какъ союзника, а скорѣе, какъ повелителя. Та же ревнивая забота о престижѣ монарха видна въ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Въ началѣ XVIII династіи цари Маттани одно время имѣли неоспоримый авторитетъ на долинахъ средняго Евфрата, между Оронтомъ и Валикой, но, подвергнувшись ударамъ, нанесеннымъ имъ египетскими побѣдителями, Тутмосисомъ III и Аменофесомъ II, они быстро потеряли свою силу и теперь не могли отразить хеттовъ. Они заключили съ ними союзъ, который незамѣтно измѣнился въ вассальство, и въ мелкихъ княжествахъ Нии, Нукаше, Кадвѣ, Амморей мѣстные тираны были не болѣе какъ наслѣдственные сатрапы великаго государя Хаттіи. Лишь только одинъ изъ нихъ выражалъ малѣйшее желаніе стать независимымъ, его тотчасъ же низвергали съ престола, изгоняли изъ страны или приговаривали къ смерти, а вмѣсто него въ цари возводили болѣе послушнаго подданнаго. Перениска Хаттусила съ Муталлу полна выговорами, предупрежденіями, намеками на возмездіе, понесенное тѣмъ или другимъ изъ царей, обѣщаніями увеличить территорію тѣмъ изъ нихъ, преданность которыхъ ничѣмъ не скомпрометирована. Египетъ такъ деспотически управлялъ своими азіатскими провинціями, и хетты не могли ничего лучшаго сдѣлать, какъ подражать его примѣру. Такимъ образомъ ихъ имперія была того же типа, какъ и находившійся подъ владычествомъ Тутмосиса и Аменофеса Египетъ, и ихъ правительство имѣло ту же организацію и тѣ же самыя причины слабости и быстраго успѣха, какъ и египтянъ.

Владычество хеттовъ длилось не настолькоъ долго, чтобы они успѣли сравняться въ искусствахъ съ древними цивилизаціями береговъ Нила или Ев-

фрата, чего они достигли относительно политических и военных успѣховъ. Они складывали свои стѣны изъ большихъ глыбъ едва обтесаннаго камня, комнаты устранивали узкія, тѣсныя, а своимъ украшеніямъ придавали геометрическую форму. Послѣ нихъ найдено около пятидесяти статуэтокъ, или барельефовъ, что не можетъ сравниться съ многочисленными египетскими, вавилонскими и египетскими памятниками. Въ ихъ искусствѣ видно подражаніе Египту, и сфинксы, помѣщенные по обѣ стороны входа во дворецъ, заимствовали свои головныя украшенія у Гаторы. По соображеніямъ автора, Хаттусилъ, выдавая замужъ дочь за Рамзеса II, перваго фараона, даваго энергичный отпоръ хеттамъ, пріѣхавъ на ея новую родину съ привѣтомъ, долженъ былъ прійти въ восторгъ и даже почувствовать зависть при видѣ дворца, гдѣ его помѣстили. Естественно, что въ немъ пробудилось желаніе украсить свою столицу, и съ этой цѣлью онъ вывезъ съ собою на родину вавилонскихъ архитекторовъ и скульпторовъ, которые, конечно, научили туземцевъ подражать вавилонскому искусству. Правда, что тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ Рамзесъ II заключилъ трактатъ о запрещеніи вывоза изъ государства національныхъ произведеній, а также о выдачѣ ремесленниковъ, уѣхавшихъ съ родины въ чужія страны, но, быть можетъ, для тестя этого фараона были сдѣланы исключенія. Впрочемъ, это только предположенія, прямого же указанія, что Хаттусилъ привлекалъ къ своей странѣ египетскихъ ремесленниковъ—нѣтъ, а если онъ и привлекалъ ихъ, то они во всякомъ случаѣ не создали тамъ школы; тѣ же скульпторы, которые тамъ были, продолжали неловкой рукой высѣкать фигуры людей и животныхъ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, причиной малаго развитія хеттскихъ искусствъ были еще трудныя условія жизни, помѣшавшія хеттамъ пріобрѣсти изящный вкусъ: они жили въ ущельяхъ Тавра и на плато рѣзкой по климату Каппадокии, а не въ долинахъ мягкой и теплой по климату Дельты. Хетты отдавали предпочтеніе драгоценнымъ металламъ, позолоченнымъ стѣнамъ и портикамъ, необыкновенно большого размѣра золотымъ вазамъ передъ изящно изваянными каменными статуями или изящными украшеніями египетскихъ домовъ. Они употребляли въ изобиліи золото и серебро, и, напримѣръ, для таблички съ выгравированной коніей соглашенія между Хаттусиломъ и Рамзесомъ они воспользовались тяжелымъ серебрянымъ кирпичомъ. Государи хеттовъ и ихъ народъ стремились сперва къ могуществу, а затѣмъ къ богатству, поэтому матеріальное благополучіе не настолько вѣрно и постоянно имъ служило, чтобы они имѣли время развивать въ себѣ изящество. Царь Арнуатасъ, на которомъ внезапно прерываются официальные документы къ исторіи хеттовъ, быть можетъ, является уже послѣднимъ изъ ихъ царей, заслуживающимъ названіе «великаго». Масперо предполагаетъ, что именно онъ былъ тѣмъ царемъ Хетти, войска котораго въ началѣ царствованія Рамзеса II потерпѣли пораженіе отъ морскихъ народовъ, и владычеству хеттовъ пришелъ конецъ.

— Прототипъ коммунизма въ XVI вѣкѣ.—Подъ заглавіемъ «Мученики гностицизма» во второй июльской книжкѣ «La Nouvelle Revue» появи-

¹⁾ Les Martyrs de la Gnose. Par Fabre des Essarts. «La Nouvelle Revue.» 15 juillet 1908.

лась статья Фабра Эссара, въ которой онъ даетъ біографію и характеристику итальянскаго философа, Томазо Кампанеллы. Эта личность XVI вѣка, отличавшаяся стойкостью своихъ убѣжденій и стремленіемъ научиться соединять науку и религію воедино, или, скорѣе, по выраженію автора статьи, превращать этотъ дуализмъ въ гармоническое единеніе, которое представляетъ гностика, — былъ провозвѣстникомъ коммунизма. Никакія попытки инквизиціи, ни двадцатилѣтнія послѣдовательныя заключенія въ пятидесяти различныхъ тюрьмахъ не могли вырвать у этого убѣжденнаго борца за науку, знаніе и всеобщую любовь отреченія отъ своихъ убѣжденій. Правда, и у него была одна темная страница въ убѣжденіяхъ: онъ требовалъ, чтобы пана уничтожилъ протестантизмъ и исламизмъ, т. е. взялъ бы, по выраженію Эссара, Христа въ одну руку, а пшягу въ другую; но эта для нашего времени темная страница въ XVI вѣкѣ не казалась столь мрачной, рѣзкой, тѣмъ болѣе, что Кампанелла былъ монахъ. Къ тому же онъ такъ беззавѣтно жертвовалъ своей свободой за будущую свободу народовъ и справедливость, что нельзя поставить ему въ вину этого единственнаго грѣха.

Томазо Кампанелла, собственно Джіовано Доминико, родился 5 сентября 1568 г. въ Калабріи, близъ Стило. Съ дѣтства онъ выказывалъ замѣчательный пылъ къ работѣ, такъ что тринадцати лѣтъ едва не умеръ отъ воспаленія мозга. Немного времени спустя юноша поступилъ въ доминиканскій монастырь въ Стило. Однажды вечеромъ, уже молодымъ послушникомъ, Кампанелла встрѣтилъ подъ сводами монастыря какого-то загадочнаго старца и вдругъ до такой степени подпалъ подъ его обаяніе, что провелъ съ нимъ цѣлую недѣлю и возвратился блѣдный, съ искаженными чертами лица, блуждающими глазами, произнося какія-то никому неопытныя слова. Этотъ старецъ былъ одинъ раввинъ; онъ посвятилъ Кампанеллу во все тайны высшей магіи и увлекъ его мысль до послѣдней границы неостижимаго, въ ту область, которая, по выраженію Эссара, «въ одно и то же время и свѣтозарна, и ужасна, и откуда возвращаются съ той неизгладимой печатью, которая навсегда вычеркиваетъ изъ этого міра».

Окончивъ богословское ученіе, Кампанелла произнесъ обѣтъ и вступилъ въ монастырь Санъ-Джіорджіо. Вскорѣ этотъ орденъ отправилъ молодого монаха въ Козенцо защищать доминиканскую философію противъ нападковъ францисканцевъ, что онъ блестяще выполнилъ. Въ это время умеръ горячій противникъ ученія Аристотеля, монахъ Бернардинъ Телезіо, и двадцатилѣтній Кампанелла посѣтилъ въ церковь, гдѣ лежалъ умершій, горячо поцѣловалъ его въ лобъ, гдѣ онъ, по его словамъ, «чувствовать еще трепеть послѣдней высокой мысли». Съ этого времени онъ не разставался съ теоріей покойнаго и черезъ два года проповѣдывалъ ее въ Неаполѣ. Безпощадная война противъ Аристотеля, котораго еще признавали все католики, возбудила ярость доминиканцевъ, и они сдѣлали четыре вѣка тому назадъ то же, что въ нашъ просвѣщенный двадцатый вѣкъ произвело православное духовенство съ гордостью и славой Россіи, Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Преслѣдуемый проклятіемъ разъяренныхъ служителей Христова ученія, Кампанелла проѣхалъ всю Италію и увидѣлся во Флоренціи съ Галилеемъ, въ то

время тоже жертвой нелѣпой злобы затемняющихъ Божій свѣтъ разума священнослужителей. Во время своихъ путешествій Кампанелла былъ свидѣтелемъ бѣдности и умственного убожества народныхъ массъ; онъ слышалъ ихъ крики отчаянія, и въ его головѣ застѣла одна мысль: утѣшить страдающихъ и изгнать чужеземцевъ, причину всѣхъ несчастій народа. Избавленіе отъ тираніи испанцевъ было рѣшено въ мысляхъ Кампанеллы тѣмъ болѣе, что и сочетаніе звѣздъ вполне обезпечивало успѣхъ предпріятія. Съ тѣхъ поръ Стило сдѣлался центромъ заговора, и для исполненія этого плана Кампанелла взялъ себѣ въ помощники Діонисія Поцціо. Доминиканцы, августинцы и францисканцы впервые побратались и совмѣстно обдумывали, какъ освободить Калабрію отъ гнетащаго ига. Вопросъ шелъ объ изгнаніи іезуитовъ, которыхъ сообщники считали худшими изъ враговъ Евангелія.

Въ этомъ предпріятіи имъ долженъ былъ прійти на помощь турецкій морской отрядъ, подъ предводительствомъ калабрійца Гассана Сигале. Все было готово, и августъ 1599 г. былъ выбранъ для выполненія задуманнаго плана испанцы всѣ до одного должны были быть выброшены на ихъ полуостровъ, а іезуиты всѣ до одного уничтожены. Но два измѣнника донесли обо всемъ вице-королю неаполитанскому — и заговорщиковъ захватили. Кампанеллѣ удалось ускользнуть, и онъ въ сопровожденіи отца удалился въ Сицилію. Но у нихъ не хватило денегъ и перевозчикъ отказался ихъ перевезти. Тогда отецъ Кампанеллы скрылъ, сына въ какой-то хижинѣ, а самъ отправился искать другого лодочника. Но первый перевозчикъ увѣдомилъ правительство, и Кампанелла былъ арестованъ; его заковали въ цѣпи, отправили въ Неаполь и заключили въ замокъ Эфъ. Принадлежа къ духовному званію, Кампанелла подвергался церковному правосудію. Бѣлый папа, Урбанъ VIII, хотѣлъ его отпустить на свободу, но черный папа, Клавдій Аквавива, этому воспротивился и задержалъ Кампанеллу, жестоко отомстивъ апостолу правды и свободы. Іезуиты произвели надъ нимъ самыя чудовищныя пытки, и злоба этихъ палачей была такъ сильна, что, производя истязанія, они вырывали у него кожу, которая висѣла лоскутьями. Послѣдняя пытка длилась не менѣе сорока часовъ, онъ былъ повѣшенъ со связанными за спиной руками надъ острымъ коломъ, который постепенно проникалъ въ его тѣло и разрывалъ артеріи. Наконецъ его почти умирающаго перенесли въ темницу, гдѣ онъ только черезъ шесть мѣсяцевъ пришелъ въ себя послѣ ужасныхъ страданій.

Насколько сильны были его физическія и нравственныя страданія, настолько же сильна была и его умственная дѣятельность. Большую часть своихъ произведеній Кампанелла написалъ въ темницѣ и, между прочимъ: «Побѣжденный атеизмъ», «Несчастія Калабріи», «Городъ Солнца» и «Письма къ Галилею».

Папа Павелъ V, конечно, ничего не зная о сочиненіи «Городъ Солнца», просилъ Испанію помиловать Кампанеллу, но ему было въ этомъ отказано. Цѣлыхъ пять лѣтъ потребовалось для веденія переговоровъ, и наконецъ Павлу V удалось выхлопотать разрѣшеніе перевести Кампанеллу въ темницу римской инквизиціи. Въ Римѣ его совершенно освободили, что возбудило настоящую бурю въ Испаніи. Французскому посланнику Ноайлю едва удалось спасти

Кампанеллу отъ вѣрной смерти, укрывъ его въ своемъ домѣ. Черезъ нѣкоторое время ему посчастливилось съ помощью переодѣванья достигъ границы Франціи, и съ этого момента окончились его страданія. Людовикъ XIII любезно принялъ философа въ Сень-Жерменѣ, а Ришелье осыпалъ его милостями и съ согласія Сорбонны издалъ его сочиненія. Только одинъ Декартъ не обнаружилъ къ нему расположенія и даже не принялъ Кампанеллы, когда онъ пріѣхалъ къ нему въ Голландію. Людовикъ XIII назначилъ ему убѣжище въ доминиканскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ при условіяхъ, достойныхъ настоящаго мага, постигнаго глубину истиннаго ученія маговъ. Онъ предсказалъ себѣ, что затменіе іюня 1639 г. будетъ для него роковымъ. Въ надеждѣ умолилъ судьбу онъ зажегъ въ своей комнатѣ сухіе листья и цѣлебныя травы и въ то время, какъ музыканты исполняли божественную мелодію, Кампанелла погружался въ ароматныя испаренія. Но когда музыка смолкла и послѣднее пламя погасло, у него сдѣлалась жестокая лихорадка, и философа перенесли на его ложе, гдѣ онъ испустилъ послѣднее дыханіе. Ему было въ это время семьдесятъ четыре года. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ его произведеній былъ «Городъ Солнца», и въ этомъ трудѣ Кампанелла, мечтавшій о коммунизмѣ, такъ выразилъ представленіе о немъ. Этотъ городъ изображенъ на отдаленномъ островѣ; имъ управляли исключительно нравственно-интеллектуальныя силы. Высшимъ судьей тамъ былъ самый умный человѣкъ и его называли «Великимъ метафизикомъ». Онъ былъ въ то же время главою церкви и прямымъ представителемъ Божества. При немъ находилась триумвиратъ, первый членъ котораго завѣдывалъ военною администраціей и назывался Властью, второй завѣдывалъ искусствами и назывался Мудростью, третій—сохраненіемъ расы и назывался Любовью. Эти четыре правителя имѣли почти безусловную власть. Будучи одновременно священниками и судьями, они выслушивали исповѣди подчиненныхъ, исполняли общественный культъ, судили, приговаривали къ смерти, изгнанію, кнуту, лишенію общаго стола и любви женщинъ. Это сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ умѣрялось тѣмъ, что каждый изъ нихъ подвергался отрѣшенію отъ своихъ обязанностей. Достаточно было, чтобы какой-нибудь гражданинъ превосходилъ одного изъ нихъ въ мудрости и добродѣтели, и тотчасъ назначались новые выборы и общимъ голосованіемъ выбирался болѣе достойный правитель.

По мнѣнію Кампанеллы, все зло въ жизни порождаетъ эгоизмъ и не только индивидуальный, но и коллективный духъ семьи. Частныя интересы считались въ «Городѣ Солнца» бичомъ общества, который, во что бы то ни стало, надо побѣдить. Пока человѣкъ будетъ любить свою жену, дѣтей, отца и мать, онъ будетъ работать для нихъ, а не для общества. Кампанелла уничтожалъ все—собственность и семью, проповѣдуя всецѣло коммунизмъ. Браки, какими они существуютъ вездѣ, не совершались въ «Городѣ Солнца», а тамъ заключались временныя связи, разумно и тщательно регламентированныя судьями. Этимъ вопросомъ занималось само общество ради улучшенія человѣческой расы и занималось съ тою заботливостью, съ какой цивилизованные народы интересуются разведеніемъ породистыхъ лошадей, собакъ и т. д. Мужчины и женщины не имѣли общей снальной, и производительный актъ

не долженъ былъ совершаться изъ пустого каприза или банальнаго побужденія нервовъ. На обязанностяхъ астрологовъ лежало изслѣдовать положеніе звѣздъ, благоприятныхъ для заключенія брачныхъ союзовъ, и судьи указывали, какая женщина болѣе подходитъ тому или другому мужчине. Самый юный возрастъ для брака считался: 19 лѣтъ для женщины и двадцать одинъ для мужчины. Когда благоприятный моментъ для сближенія наступалъ, оба избранные приводились матронами, и таинству производительнаго акта предшествовала молитва, такъ какъ этотъ актъ самъ по себѣ считался священнымъ. Брачная комната, являющаяся какъ бы храмомъ, украшалась изображениями и статуями лицъ, прославившихся красотой души и благородствомъ чертъ лица и тѣла. Судьи заранѣе намѣчали подходящія для брака пары. Для этого въ извѣстное время года устраивались публичныя игры, на которыхъ женщины и мужчины появлялись совершенно обнаженными, и судьи могли опредѣлить ростъ, сложеніе и цвѣтъ тѣла, которые лучше всего гармонировали бы между собою. Такъ, полныя женщины считались болѣе подходящими худощавымъ мужчинамъ, худощавыя женщины полнымъ мужчинамъ и т. д.

Въ «Городѣ Солнца» всѣ были обязаны работать; четыре часа въ день на работу каждаго члена города Кампанеллы находилъ достаточнымъ, чтобы обезпечить существованіе этой республики. Каждый гражданинъ обязанъ былъ знать военное искусство и хлѣбопашество, такъ какъ они всѣ призваны защищать родину и заботиться о пропитаніи народа.

Самое любопытное въ трудѣ Кампанеллы то, что онъ предрекалъ нѣкоторыя современныя изобрѣтенія: онъ говорилъ о корабляхъ, которые въ одинъ прекрасный день пошлывутъ безъ веселья и паруса, о машинахъ, которыя будутъ поднимать человѣка на воздухъ, инструментахъ, которые позволяютъ человѣку слышать самые отдаленные звуки. Кампанелла, кромѣ того, предсказалъ, что человѣкъ достигнетъ двухсотлѣтняго существованія.

Однако «Городъ Солнца» не обѣщала гражданамъ особенно веселаго существованія. Трапеза совершалась тамъ совмѣстная и въ полнѣйшемъ молчаніи. Во время ѣды они слушали поучительное чтеніе, что, по современнымъ понятіямъ, совершенно негигіенично. Музыка хотя и не была изгнана изъ «Города Солнца», но ею занимались только женщины и дѣти. Работать предназначалось одинаково какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ; женщины ткали, шили, занимались стрижкой волосъ; мужчины обрабатывали дерево и металлы. Въ общемъ республика Кампанеллы была теократична, но она сильно разнилась отъ окружавшаго ея строя, говоритъ авторъ. Если въ «Городѣ Солнца» царилъ и управлялъ всѣмъ священникъ, то его первымъ долгомъ было подавать примѣръ добродѣтельной жизни: онъ долженъ былъ вливать въ умы гражданъ знанія, а для этого самъ бытъ великимъ ученымъ. По понятіямъ Кампанеллы, религія не должна имѣть основой невѣжество, а, напротивъ, знаніе, много знанія и науки. Это было, по мнѣнію Эссара, прямое возвращеніе къ гностицизму, т. е. къ знанію. Преподаваніе въ «Городѣ Солнца» было такъ хорошо организовано, что тамошніе граждане выучивались въ одинъ годъ тому, на что въ другой странѣ требовалось десять лѣтъ. Сама метафизика Кампанеллы вся проникнута гностицизмомъ. Его высшее суще-

ство—мощь, мудрость и любовь. Этими тремя элементами противопоставляется—немощь, невѣжество и ненависть. Очевидно, что церкви была неизвѣстна эта книга, написанная Кампанеллой въ тюрьмѣ, иначе, конечно, папа Павелъ не сталъ бы хлопотать объ освобожденіи философа изъ когтей иезуитовъ и инквизиторовъ.

—Молодость Роберта Фультона.—Въ сентябрьской книжкѣ «Century Magazine» началась печататься интересная, полная и обстоятельная біографія ¹⁾ Роберта Фультона, великаго создателя парохода. Авторъ этого труда—правнучка знаменитаго изобрѣтателя Алиса Сутклиффъ—первую часть своей статьи посвящаетъ описанію молодости Фультона. По своему происхожденію, онъ принадлежитъ къ шотландскому семейству, перешедшему въ Ирландію во времена Кромвеля, а въ 1735 г. переехавшемуся въ Америку. Его отецъ былъ довольно состоятельный фермеръ въ Пенсильваніи, гдѣ и родился Робертъ Фультонъ въ 1765 г. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился отца и 8-ми лѣтъ уже началъ учиться у матери грамотѣ, а потомъ она послала его въ мѣстную школу, которую содержалъ одинъ квакеръ, упорно хранившій консервативныя убѣжденія. Однако маленькій Робертъ не питалъ большой привязанности къ книгамъ, и учитель часто его подвергалъ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, при этомъ постоянно приговаривая: «Это научитъ тебя кое-чему». Но Робертъ, сложивъ на груди руки, обыкновенно отвѣчалъ: «Сэръ, меня къ вамъ прислали, чтобы вбить мнѣ что-нибудь въ мои мозги, но не въ мои суставы».

Однажды мальчикъ пришелъ въ школу очень поздно и на вопросъ, отчего онъ опоздалъ, сказалъ, что замѣшкался въ мастерской, гдѣ смотрѣлъ, какъ мастеръ дѣлалъ карандашъ, который потомъ подарилъ ему. Учитель замѣтилъ, что карандашъ былъ очень хорошъ, но при этомъ прибавилъ, что слѣдовало бы лучше заниматься книгами, чѣмъ карандашами. На это Робертъ ему отвѣчалъ: «Моя голова полна оригинальными идеями и въ ней нѣтъ мѣста для того, что содержится въ пыльныхъ книгахъ». Въ школѣ Фультонъ пристрастился къ рисованію и къ разнаго рода изобрѣтеніямъ. Тринадцати лѣтъ онъ сдѣлалъ пневматическое ружье, но объ успѣхѣ этого изобрѣтенія не осталось никакихъ слѣдовъ. Однако, мальчикъ продолжалъ дѣлать опыты съ различными изобрѣтеніями и такъ часто возился съ ртутью, что товарищи прозвали его «ртутнымъ Бобомъ». Въ слѣдующемъ году онъ познакомился съ Христофоромъ Крумиферомъ, мастеровымъ машиннаго завода.

Благодаря этой дружбѣ, Фультонъ еще болѣе развилъ свою страсть къ изобрѣтеніямъ и построилъ лодку, приводимую въ движеніе колесомъ. Сдѣлавъ испытаніе своему новому изобрѣтенію на рѣкѣ Кинестоуѣ, онъ убѣдился, что оно удовлетворительно, и часто употреблялъ эту лодку во время своихъ поѣздокъ на рыбную ловлю съ однимъ изъ своихъ друзей. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ заниматься рисованіемъ и, между прочимъ, очень талантливо исполнять карикатуры на нѣсколькихъ тогдашнихъ гессенскихъ

¹⁾ The Early Life of Robert Fulton. By Alice Crary Sutcliffe. «Century Magazine». September 1908.

солдатъ въ Америкѣ. Семнадцати лѣтъ будущій великій изобрѣтатель покинулъ Ланкастеръ и переселился въ Филадельфію, гдѣ посвятилъ себя портретной и миниатюрной живописи, да, кромѣ того, чтобы поддерживать существованіе своей матери, онъ рисовалъ планы различныхъ машинъ и построекъ. Въ это время молодой Фультонъ познакомился съ Веніаминомъ Франклиномъ, обратившимъ на него особенное вниманіе, и нарисовалъ его портретъ, который былъ найденъ въ одной картинной галереѣ 1891 г. и въ настоящее время находится въ Чикаго. Мало-по-малу Робертъ скопилъ достаточную сумму денегъ, чтобы купить себѣ и своему семейству маленькую ферму въ Пенсильваніи, а въ 1786 г. онъ отправился въ Англію, снабженный многочисленными рекомендательными письмами, и въ томъ числѣ отъ имени популярнаго тогда живописца Веніамина Веста.

Въ Англіи Фультонъ посвящалъ свое время преимущественно рисованію и выставилъ въ королевской академіи художествъ три портрета; во время же своихъ посѣщеній знаменитыхъ англійскихъ замковъ и аристократическихъ помѣстій онъ нарисовалъ нѣсколько замѣчательныхъ видовъ. Въ Девонширѣ молодой человекъ познакомился съ двумя англійскими лордами: герцогомъ Бриджуотеръ и герцогомъ Стэннопомъ, которые питали сильную страсть къ наукамъ, преимущественно къ механикѣ. Послѣ этого онъ поселился въ Бирмингамъ и въ теченіе восьмимѣсячнаго тамъ пребыванія близко сошелся съ изобрѣтателемъ паровой машины, Уаттомъ, который поручилъ ему между прочимъ постройку одной паровой машины. Около этого времени онъ уже началъ обращать свое вниманіе на примѣненіе пара къ водяному сообщенію и составлялъ планы насчетъ практическаго примѣненія этого будущаго изобрѣтенія. Въ 1794 г. онъ получилъ отъ англійскаго правительства патентъ на изобрѣтенный имъ способъ поднимать и спускать по каналамъ суда; вмѣстѣ съ тѣмъ британское общество искусствъ и торговли пожаловало ему медаль за изобрѣтеніе машины для обработки мрамора. Кромѣ того, около этого времени онъ взялъ въ Англіи привилегію на машины для пряденія льна и крученія веревокъ. Изъ всего видно, что Фультонъ стремился разрѣшить во всѣхъ направленіяхъ большую или малую промышленную задачу, но его энергія главнымъ образомъ была направлена на улучшеніе системы канализаціи.

Искусство Фультона чертить и рисовать способствовало ему снабжать свои планы чертежами и рисунками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также писалъ статьи и памфлеты относительно своихъ изобрѣтеній, а въ 1796 г. напечаталъ трактатъ о навигаціи по каналамъ, имѣвшій цѣлью показать всю пользу отъ мелкихъ каналовъ. Этотъ трудъ былъ снабженъ многими планами и чертежами, а на заглавной страницѣ было написано: «Сочиненіе Роберта Фультона, гражданскаго инженера». Это сочиненіе было переведено на французскій языкъ, а въ видѣ предисловія къ нему было прибавлено письмо къ генералу Бонапарту, гдѣ между прочимъ говорилось: «Мы боимся встрѣтить оппозицію зависти или невѣжества и, благодаря этому, способные люди не могутъ ввести въ свѣтъ полезныя изобрѣтенія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе недостатка энергіи, идеи молодыхъ людей поколеблены, и какъ бы онѣ ни были полезны,

но предаются забвенію. Далѣе онъ прибавляетъ, что механикъ долженъ находиться среди своихъ инструментовъ, какъ поэтъ среди буквъ алфавита, такъ какъ «то и другое служить выраженіемъ ихъ мысли»; этимъ путемъ изобрѣтатель, по его мнѣнію, доходитъ до своихъ гениальныхъ изобрѣтеній. Свое сочиненіе Фультонъ послалъ, конечно, и въ Америку, различнымъ выдающимся людямъ, между прочимъ Вашингтону, который тогда былъ президентомъ. При книгѣ находилось почтительное объяснительное письмо, на которое Вашингтонъ отвѣчалъ, что онъ очень благодаренъ автору за присылку книги, но что прочесть съ подобающимъ вниманіемъ столь интересное сочиненіе онъ еще не имѣлъ времени, вслѣдствіе занятій на конгрессѣ. Однако этотъ трудъ не имѣлъ никакого практическаго результата, хотя на него обратили вниманіе многіе инженеры и механики.

Во время своего пребыванія въ Бирмингамъ и другихъ англійскихъ городахъ Фультонъ написалъ въ газетѣ «Morning Star» нѣсколько статей о канализациіи и о свободѣ торговли. При этомъ нельзя не обратить вниманіе, что Фультонъ, какъ истый республиканецъ, слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за тѣмъ, что совершалось во Франціи въ эпоху мирнаго благоденствія послѣ революціи. Въ 1797 г. онъ отправился туда съ цѣлью познакомиться со всѣми замѣчательными научными новинками и оставался во Франціи до 1804 г.

— Марія-Антуанетта, Людовикъ XVIII и же-дофины. — Въ послѣднее время всюду, но преимущественно во Франціи, интересуются всѣмъ, что касается легкомысленной жены Людовика XVI, ихъ сына, прозваннаго Людовикомъ XVII, хотя онъ никогда не царствовалъ, и длиннаго ряда претендентовъ, прикрывавшихся именемъ послѣдняго. Относительно первой недавно появилось довольно интересное сочиненіе Анри д'Альмера: «Поклонники королевы Маріи-Антуанетты»¹⁾. По словамъ самого автора, его книга нечто иное, какъ сборникъ документовъ, именно памфлетовъ того времени, которые еще никогда не были всѣ цѣликомъ напечатаны. Не отличался серьезной достоверностью фактовъ и отзывы, они зато рисуютъ эпоху, народъ и историческихъ личностей гораздо лучше, чѣмъ торжественныя или сантиментальныя фразы историковъ. Д'Альмера воскрешаетъ исчезнувшій міръ Версаля, слабого и тяжеловѣснаго Людовика XVI, вѣтреную и далеко не умную Марію-Антуанетту, ея подругъ, во главѣ съ герцогиней Полиньякъ, и ея любовниковъ, или, по крайней мѣрѣ, выдаваемыхъ за ея любовниковъ: Лозена, Куаны, Водреля, Ферзена, барона Бюанваля, графа Артуа и кардинала Рогана. Въ трианонскихъ боскетахъ, по словамъ автора, влюбленные парочки обнимались, въ будуарахъ завязывались интриги, женщины кокетничали, а мужчины, въ великолѣпныхъ костюмахъ цвѣта кармелитки, пуза блохи или саза dauphin, преклоняли предъ ними колѣни. И среди этой пламенной борьбы ревности, мести и ненависти, кокетливая, легкомысленная королева, прозванная парижанами «австріячкой», прелестная, какъ женщина, но недостойная, какъ королева, принимающая всерьезъ удовольствія, а не обязанности, — безсознательно приближалась къ роковой гильотинѣ.

¹⁾ Les Amoureux de la reine Marie-Antoinette. Par Henri d'Almeras. 1908. Paris.

Злополучный сынъ Маріи-Антуанетты и Людовика XVI, по официалънымъ свѣдѣніямъ, окончившій свою жизньъ въ дѣтствѣ самымъ трагическимъ образомъ, въ тюрьмѣ Тампля, съ нѣкоторыхъ поръ все болѣе и болѣе началъ привлекать на себя вниманіе французскихъ и англійскихъ историковъ и читателей. Старинная легенда о спасеніи его изъ заточенія и несправедливости слуховъ о его смерти въ тюрьмѣ многими принимается за совершенную истину. Составилась цѣлая группа французовъ, которые вѣрятъ въ его таинственную исторію, и они не только пишутъ книги и статьи объ этомъ предметѣ, но даже издають особый журналъ, посвященный историческимъ матеріаламъ, касающимся спасенія Людовика XVII отъ смерти въ Тамплѣ. Кромѣ того въ Англии на дняхъ появилась книга «The Little Dauphin». By Catharine Welch. London 1908. Е. Вельчъ: «Маленькій Дофинъ»), въ которой подробно и основательно изложены все свѣдѣнія о Людовикѣ XVII и лже-дофинахъ въ количествѣ, по ея словамъ, до 40 человекъ. Таинственная исторія Людовика XVII, такимъ образомъ, кажется многимъ правдой, и легенда пріобрѣтаетъ правдоподобный характеръ. Согласно послѣдней Баррасъ, Жозефина Богарне, вандеецъ Луи Фратте и тюремщикъ Тампля Лоранъ заключили между собою заговоръ для спасенія дофина и съ этою цѣлью замѣнили его нѣмымъ и золотушнымъ ребенкомъ, а самого Людовика XVII вынесла изъ Тампля жена сторожа въ узлѣ съ бѣльемъ. Пока дѣло идетъ о спасеніи дофина и доказательствѣ того, что онъ не умеръ въ тюрьмѣ, то легче разобраться, такъ какъ эти факты подтверждаются многими историками и изслѣдователями той эпохи. Но какъ только приходится коснуться вопроса о многочисленныхъ претендентахъ, то является живѣйшій споръ между ихъ сторонниками.

Конечно, съ другой стороны, и защитники теоріи смерти Людовика XVII въ Тамплѣ не теряютъ энергіи и всячески стараются доказать историческую достовѣрность означеннаго факта. Такъ, напримѣръ, въ недавно вышедшей книгѣ доктора Макса Билльера: «Les tombeaux des rois sous la terre», съ которой читатели «Историческаго Вѣстника» познакомились въ прошлой книжкѣ нашего журнала, въ одномъ изъ примѣчаній представлено фактическое доказательство неправдоподобности всѣхъ легендъ о спасеніи Людовика XVII. Авторъ приводитъ рисунокъ каменнаго ковчега, покоящагося на двухъ колоннахъ и находящагося въ соборѣ Сентъ-Дени, усыпальницѣ французскихъ королей. Въ немъ и въ настоящее время хранятся на каменныхъ пьедесталахъ свинцовые ларцы съ сердцами Маріи Медичи, Генриха IV, Людовика XIV, Людовика XIII, Людовика XVIII и сына герцога Беррійскаго. По свидѣтельству Мориса Паскаля, кромѣ этихъ шести ларцевъ, находится еще седьмой, пустой пьедесталъ, на которомъ, по распоряженію Карла X, долженъ былъ храниться ларецъ съ сердцемъ Людовика XVII. Онъ былъ доставленъ послѣднему бургонскому королю, а имъ отданъ на храненіе архіепископу Колэну въ ожиданіи торжественнаго перенесенія въ Сентъ-Дени. Эта церемонія не состоялась, вслѣдствіе революціи 1830 г., и вслѣдствіи Морисъ Паскаль передалъ сердце Людовика XVII старшему представителю Бурбоновъ, герцогу Мадридскому, который помѣстилъ его между семейными реликвіями въ Фросдорфской часовнѣ, гдѣ оно находится до сихъ поръ.

Что же касается претендентов, которыхъ исторія признала лже-дофинами, то всего замѣчательнѣе изъ нихъ были Наундорфъ, баронъ Ришмонъ, Гераво, Матюрень, Брюно и Бурлонъ, прозванный Карломъ Наваррскимъ, съ которымъ Сильвйо Пелико былъ сосѣдомъ въ австрійской тюрьмѣ. Уже подъ рядъ нѣсколько лѣтъ на голландца Наундорфа обращено вниманіе многочисленной группы литераторовъ, съ Отго Фридрихомъ во главѣ, которые шпцутъ книги и брошюры, а также издають журналъ въ пользу королевскихъ правъ покойнаго, увѣряя, что онъ безспорно настоящій Людовикъ XVII. Во всякомъ случаѣ его притязанія на королевскій титулъ серьезнѣе всѣхъ другихъ претендентовъ и, хотя онъ умеръ въ Голландіи въ 1845 г., но до сихъ поръ его сторонники продолжаютъ защищать его права. Такъ, на дняхъ вышелъ второй томъ «Интимной переписки Людовика XVII—Наундорфа съ его семействомъ», изданный Фридрихомъ¹⁾. Въ этой книгѣ находится много данныхъ въ пользу королевскихъ притязаній Наундорфа и въ пользу того, что послѣдній дѣйствительно Людовикъ XVII. Фридрихъ приводитъ свидѣтельства нѣсколькихъ авторитетныхъ лицъ французской аристократіи того времени: госпожи Рамбо, долго служившей при дофинѣ, госпожи Марно-де-Сентъ-Илеръ, жены одного изъ слугъ короля, Бремона, секретаря и близкаго друга Людовика XVI, и Мореля де-Сенъ-Дидье. Всю жизнь Наундорфъ писалъ письма къ своей предполагаемой сестрѣ, герцогинѣ Ангулемской, прося принять его только на пять минутъ, и въ томъ случаѣ, если онъ не убѣдитъ ее въ правотѣ своихъ притязаній, обязывался съѣсть въ тюрьму, какъ самозванецъ, но въ отвѣтъ герцогиня упорно отказывалась принять его. Наконецъ Наундорфъ открыто назвалъ себя герцогомъ Нормандскимъ, какъ при жизни величали дофина, и послѣ низверженія Бурбоновъ подалъ во французскій судъ жалобу относительно непризнанія его гражданскихъ правъ. Несмотря на то, что королемъ былъ Людовикъ Филиппъ, правительство все-таки отказало Наундорфу разсмотрѣть его дѣло и административнымъ порядкомъ выселило несчастнаго претендента изъ Франціи. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ голландскомъ городѣ Дельфѣ до самой смерти въ 1845 г. и былъ тамъ же погребенъ, причемъ надгробная надпись гласила: «Герцогъ Нормандскій король Французскій Людовикъ XVII». Кромѣ всѣхъ приводимыхъ доказательствъ, въ пользу признанія Наундорфа Людовикомъ XVII, какъ имъ самимъ, такъ и теперь его сторонниками, служитъ еще его физическое сходство съ бургонскимъ типомъ. Но противъ этого признанія говорятъ пробѣлы въ разказахъ о его спасеніи изъ Тампля, а также его первоначальной жизни послѣ этого спасенія. Во всякомъ случаѣ переписка Наундорфа доказываетъ, что онъ былъ совершенно честный человѣкъ и не дѣйствовалъ, какъ обманщикъ, фальшивый монетчикъ или другого рода мошенникъ. Напротивъ, онъ былъ чрезвычайно добросовѣстный и хорошій человѣкъ, а что касается до его происхожденія, то обыкновенно враги считаютъ этого претендента — евреемъ. Пламенные же защитники его королевскихъ правъ, и особенно Фридрихъ, настаиваютъ на томъ, что онъ дѣйствительно былъ Людовикъ XVII;

¹⁾ Correspondance intime et inédite de Louis XVII—Naundorff avec sa famille. Tome II. Par Otto Friedrichs.

Фридрихъ даже ишетъ его подробную біографію, которая выйдетъ въ скоромъ времени.

Только что появившаяся книга ¹⁾ «Баронъ Ришмонъ, сынъ Людовика XVI», Жана Боньфона, предъявляетъ права одного изъ старыхъ претендентовъ на притязаніе соперничать съ Наундорфомъ. Авторъ рассказываетъ, что случайно на маленькомъ кладбищѣ въ Глэзѣ онъ наткнулся на могилу барона Луп-Шарля Ришмона. Памятникъ на могилѣ былъ, по изслѣдованію Боньфона, воздвигнутъ графиней Аншье, въ память оказаннаго ею гостепріимства своему державному гостю. Убѣдившись въ томъ фактѣ, что могила барона Ришмона въ Глэзѣ была подлинная, Боньфонъ началъ допрашивать всѣхъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей и отыскивать всевозможные документы объ этихъ историческихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до того, что убѣдился вполнѣ въ тождественности барона Ришмона съ Людовикомъ XVII. При этомъ онъ, поддерживая всячески свою систему, отрицаетъ права всѣхъ лже-дофиновъ, въ томъ числѣ и, по его выраженію, парадоксальнаго и очень подозрительнаго голландскаго часовщика Наундорфа. Въ доказательство же правъ своего героя, онъ приводитъ между прочимъ то обстоятельство, что Ришмонъ былъ въ сущности тѣми тремя претендентами, называвшимися послѣдовательно: Герваго, Брюно и Бурлономъ. Онъ же не могъ признать себя первымъ двумя, потому что судъ ихъ уже осудилъ, и такимъ образомъ онъ сочинилъ невѣроятную сказку о своихъ походахъ до австрійской тюрьмы. Со времени гостепріимнаго приема его графиней Аншье исторія Ришмона, по мнѣнію Боньфона, становится простой и вѣроятной. Нѣкоторые изъ современныхъ французскихъ критиковъ находятъ, что трудъ Боньфона и доказываемая имъ вѣроятность тождественности барона Ришмона съ Людовикомъ XVII болѣе правдоподобны, чѣмъ всѣ другія такія же легенды, хотя исторія барона Ришмона также очень таинственна и бездоказательна.

— Письма Александра I къ императору Наполеону. — Когда въ 1818 году докторъ о'Меаръ уѣзжалъ отъ Наполеона съ острова св. Елены, императоръ сказалъ ему: «По пріѣздѣ въ Европу, вы сами отправитесь къ моему брату Юсифу или пошлете къ нему кого-нибудь; вы доведете до его свѣдѣнія мое желаніе, чтобы онъ передалъ вамъ конфиденціальныя и частныя письма, написанныя мнѣ императорами Александромъ и Францемъ, королямъ прусскимъ и другими европейскими государями и которыя я передалъ ему въ Рошфорѣ. Вы напечатаете ихъ, чтобы покрыть позоромъ этихъ государей и доказать всему свѣту, какое унижительное поклоненіе оказывали мнѣ эти вассалы, прося у меня милостей или умоляя оставить имъ занимаемые ими престолы. Когда я имѣлъ силу и власть, то они домогались моего покровительства и чести вступитъ со мною въ союзъ; они лизали слѣды моихъ ногъ; теперь же они угнетаютъ меня въ моей старости и отнимаютъ отъ меня жену и сына». О судьбѣ этихъ любопытныхъ писемъ до сихъ поръ было очень мало извѣстно и только въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Revue Hebdomadaire» отъ

¹⁾ Le Baron de Richemont, fils de Louis XVI. Par M. Jean de Bonnefont. Paris. 1908.

29 августа извѣстный наполеоновскій историкъ Фредерикъ Массонъ помѣстилъ о нихъ довольно интересную статью¹⁾.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что 23 июня 1815 г., передъ отбытіемъ изъ Елисейскаго дворца въ Мальмэзонъ, Наполеонъ послалъ своему брату Юсифу маленькую пакатилку съ драгоценными для него бумагами, между которыми находились письма, адресованныя къ нему европейскими государями. На замѣчаніе Юсифа, что оригиналы писемъ были бы важнѣе, Наполеонъ отвѣчалъ: «Они поручены министру; къ тому же это его право». Упомянутый здѣсь министръ былъ герцогъ Бассано, который, дѣйствительно, получилъ приказаніе императора написать, какъ можно скорѣе, письма европейскпхъ государей, хранящіяся въ луврскомъ архивѣ. Наканунѣ отбытія Юсифа изъ Парижа Бассано лично передалъ ему пакетъ, толщиною въ руку, и прибавилъ, что оригиналы оставлены имъ въ архивѣ. Монталонъ въ своихъ мемуарахъ вполне подтверждаетъ этотъ фактъ, говоря: «Во время пребыванія императора въ Мальмэзонѣ герцогъ Бассано привезъ ему письма европейскпхъ государей и тетради съ копіями его автографической чернилки, также какъ и портфель, въ которомъ онъ обыкновенно держалъ свои важныя бумаги». Эти различные документы, по словамъ самого Наполеона, были отвезены изъ Мальмэзона въ Рошфоръ, гдѣ онъ приказалъ отдать ихъ своему брату Юсифу. Несмотря на свою точность, Наполеонъ, казалось, не помнилъ, кому именно онъ это поручилъ.

Объ этомъ желаніи императора о'Меаръ, прибывъ въ Англію, написалъ Юсифу Бонапарту, удалившемуся въ Соединенные Штаты. Юсифъ отвѣчалъ ему, что, покидая Парижъ, онъ поручилъ женѣ и секретарю уложить въ сундуки оставленные въ кабинетѣ бумаги и отправить надежнымъ друзьямъ своей семьи. Тенеръ, узнавъ о желаніи императора, Юсифъ обратился къ своему прежнему секретарю Прелю съ просьбой отыскать означенныя бумаги, но тотъ не нашелъ въ сундукахъ копій съ писемъ европейскпхъ государей, хотя онъ самъ ихъ туда уложилъ, и всѣ его старанія узнать, кто похитилъ эти бумаги, — остались безъ успѣха. Что же касается оригиналовъ писемъ, то Юсифъ увѣряетъ, что императоръ ошибался: онъ никогда ему не давалъ ихъ въ Рошфорѣ. Это показаніе, написанное Юсифомъ также и Наполеону, подтверждено герцогомъ Бассано. Ему, вѣроятно, было извѣстно, что они не находились въ архивѣ. Но кто ихъ оттуда взялъ? Въ 1815 году корреспонденція испанскихъ принцевъ пропала: то мѣсто, гдѣ она находилась, было пусто и тамъ лежала записка: «Взяты по приказанію графа Бляка». Съ этихъ поръ вся державная корреспонденція исчезла.

Въ концѣ 1820 г. баронъ Жомини, поступившій на русскую службу съ 1813 г., предложилъ Александру выкупить письма, которыя онъ когда-то писалъ Наполеону. Императоръ поручилъ ему это дѣло, и онъ нарочно для того поѣхалъ изъ Швейцаріи въ Парижъ. «Ваше величество увидите, — писалъ Жомини впоследствии, 22 декабря 1821 г., — что я сдѣлалъ все зависящее отъ

¹⁾ Les lettres des souverains à Napoléon. Par Frédéric Masson. «La Revue Hebdomadaire». 29 août 1908.

меня, чтобы облегчить рѣшеніе этого дѣла, и быть очень радъ, что его усѣхъ по крайней мѣрѣ возмѣститъ мнѣ тотъ большой расходъ, который онъ мнѣ косвенно причинилъ, принудивъ меня возвратиться изъ Швейцаріи въ Парижъ». Главнымъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ у Жюмни былъ его большой другъ, баронъ Монье, личность очень подозрительная. Двадцати девяти лѣтъ вступивъ на государственную службу, онъ вскорѣ достигъ того, что министръ иностранныхъ дѣлъ Бассано назначилъ его своимъ секретаремъ. Потомъ, въ 1812 г., онъ взялъ его съ собой въ Россію, гдѣ послѣдній сдѣлался директоромъ полиціи въ Литвѣ. Вернувшись въ Парижъ въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Бассано, Монье былъ назначенъ директоромъ кабинета министровъ и 5 февраля 1814 г. получилъ титулъ барона, но подлинникъ этого указа, подписаннаго Наполеономъ, попалъ въ руки союзниковъ. Съ этой минуты Монье, говорятъ, сталъ вести двойную игру съ Людовикомъ XVIII и Наполеономъ на островѣ Эльбѣ. Когда же послѣдній вернулся въ Парижъ и началась кратковременная эпоха Ста Дней, то Монье получилъ свою прежнюю должность, и дубликатъ баронскаго диплома. При второй реставраціи онъ такъ умѣло дѣйствовалъ, что не попалъ подъ судъ, а, напротивъ, получилъ нѣсколько милостей отъ правительства. Жюмни былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Монье во время его службы у Бассано, особенно въ 1812 г., когда Жюмни былъ французскимъ губернаторомъ въ Вильнѣ, а Монье—директоромъ полиціи въ Литвѣ. Въ 1813 г., когда Жюмни собирался перейти изъ французской арміи въ русскую, онъ изо дня въ день сообщалъ барону Монье о переговорахъ по этому поводу, а Монье, по словамъ Сентъ-Бѣва, постоянно передавалъ ему извѣстія о состояніи французскаго генеральнаго штаба и объ отношеніяхъ къ нему Наполеона.

Такимъ образомъ, понятно, что Жюмни велъ съ Монье переговоры о покупке «державныхъ писемъ», и естественно, что русское правительство было заинтересовано узнать, какимъ образомъ онъ могъ достать эти драгоценные документы. Въ отвѣтъ на это Монье написалъ секретное письмо императору Александру, подъ условіемъ, что никому о немъ не будетъ сообщено. Въ этомъ письмѣ приводились слѣдующія подробности. Послѣ отреченія Наполеона отъ престола, вслѣдъ за битвой при Ватерлоо, онъ взялъ съ собою въ Мальмезонъ, а оттуда въ Рошфоръ, шкатулку и портфель съ важными бумагами, въ томъ числѣ и съ письмами европейскихъ государей. Вслѣдствіи, въ 1819 году, Монье узналъ отъ одного отставнаго французскаго министра, что въ Англіи были люди, которые имѣли оригиналы писемъ европейскихъ государей къ Наполеону и намѣревались ихъ напечатать. Министру предлагали купить эти важные документы, такъ какъ онъ принималъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, до которыхъ касались эти письма, но онъ былъ такъ оскорбленъ этимъ предложеніемъ, что даже на него не отвѣчалъ. Онъ сообщилъ, однако, объ этомъ Монье, съ цѣлью навести справки, какъ эта коллекція писемъ попала въ руки иностранцевъ, и принять мѣры съ цѣлью воспрепятствовать злоупотребленію ими. Монье тотчасъ написалъ письмо въ Англію по сообщенному адресу, и много времени спустя къ нему явился одинъ англичанинъ, который сказалъ, что у него есть письмо мистера Митчеля, зятя котораго, Лэна, Монье

знавалъ въ Байоннѣ, но что отдать письмо онъ можетъ только послѣ того, какъ Монье дастъ честное слово, что сохранить въ тайнѣ содержаніе этого письма. «Мистеръ Митчель мнѣ сообщилъ, — писалъ Монье Александру I:— что онъ находился въ скрытомъ убѣжищѣ и тамъ получилъ мое письмо въ Англію относительно писемъ европейскихъ государей, которыя сдѣланы собственностью его и его зятя, Ленгорна. Они принуждены были сдѣлать спекуляцію изъ этихъ писемъ и напечатать ихъ, такъ какъ у нихъ были большіе долги и ихъ преслѣдовали кредиторы. Въ концѣ своего письма Митчель просилъ меня уговорить отставного министра, которому онъ тщетно писалъ, чтобы онъ составилъ необходимыя для писемъ государей примѣчанія, а если онъ на это не согласится, то Митчель просилъ меня написать подобныя примѣчанія, общая напечатать ихъ безъ малѣйшаго измѣненія, въ какомъ бы духѣ они ни были написаны. Поэтому я видѣлъ, что помѣшать напечатанію писемъ государей можно было только ихъ куплей, если на это согласятся иностранныя кабинеты. Я предложилъ Митчелю сдѣлать такое предложеніе иностраннымъ посланникамъ, находящимся въ Лондонѣ, а въ особенности указать на посланника вашего императорскаго величества. Митчель мнѣ отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ никакихъ связей въ Англіи, которыя могли бы ему помочь въ этомъ дѣлѣ и что они оба съ Ленгорномъ не могли ни въ какомъ случаѣ принять подобную мѣру, но если я согласенъ былъ принять на себя роль посредника, то они готовы принять мой совѣтъ, подъ условіемъ, чтобы никому не были открыты ихъ имена и чтобы они никоимъ образомъ не были скомпрометрованы». Послѣ этого Монье прибавлялъ въ письмѣ къ императору Александру, что онъ, вслѣдствіе этихъ переговоровъ, вызвалъ Митчеля въ Парижъ, выѣхавъ съ Ленгорномъ. Они сообщили ему, что не видали даже писемъ, а въ Англіи находились только инвентарь ихъ, сама же шкатулка съ письмами оставалась въ Бордо въ такомъ же видѣ, въ какомъ была въ Елисейскомъ дворцѣ. Тогда Монье потребовалъ, чтобы шкатулку доставили ему въ Парижъ, что вскорѣ и было сдѣлано. Монье осмотрѣлъ ее и нашелъ, что въ ней пакеты находятся въ полномъ порядкѣ и попрежнему запечатанными. Монье выразилъ желаніе, чтобы письма русскаго императора въ этомъ же видѣ были отправлены къ послѣднему, но секретарь русскаго посольства Шредеръ пожелалъ убѣдиться въ подлинности документовъ, и Монье былъ принужденъ снять печати.

Въ пакетѣ, вмѣщавшемъ письма русскаго государя, находились два письма императора Павла къ первому консулу, шестнадцать писемъ императора Александра къ первому консулу отъ 1801—3 г., затѣмъ четыре письма къ императору Наполеону 1805 г.—самыя важныя и, наконецъ, двѣнадцать писемъ отъ 1808—12 г. Шредеръ полагалъ, что три письма, отъ 1 марта 1808 г., 13 августа 1808 г. и отъ 15 февраля 1809 г., были особенно интересны, такъ какъ въ нихъ заключались проекты враждебныхъ дѣйствій «противъ теперешнихъ союзниковъ Россіи». Однако Поццо ди Борго считалъ, что гораздо важнѣе были документы отъ 1805 г. Первый изъ нихъ болѣе незначительный—письмо Александра, написанное изъ Ольмюца 13 ноября 1805 г., которое содержало въ себѣ только нѣсколько любезныхъ словъ въ отвѣтъ

на письмо, привезенное отъ Наполеона генераломъ Савари. Но изъ остальныхъ трехъ, помѣченныхъ 3 и 4 декабремъ 1805 г., одно было письмо изъ Голдинга, отъ маршала Даву, фельдмаршалу Кутузову, другое—записка карандашомъ отъ Мервельда, переданная графу Вальмодену маршаломъ Даву, и, наконецъ, записка карандашомъ, подписанная собственноручно императоромъ Александромъ для передачи маршалу Даву. Эти три документа, по словамъ Поццо ди Борго, касались положенія, въ которомъ находилась главная русская квартира послѣ битвы подъ Аустерлицемъ, т. е. они указывали, какими средствами, утверждая существованіе перемирія, котораго не существовало, императоръ Александръ избѣгнуть сдѣлаться плѣнникомъ маршала Даву. Честь русскаго государя требовала, чтобы эти документа остались всегдѣ неизвѣстными или исчезли. Поэтому Жюмнинъ получилъ означенные документа изъ рукъ Митчеля и Ленгорна, взявъ имъ 175000 франковъ, которые онъ выдалъ этимъ господамъ, сначала требовавшимъ 250000 франковъ.

Конецъ статьи Массона гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ ея начало и онъ тутъ старается только рядомъ предположеній и соображеній объяснить исторію державныхъ писемъ, рассказанную Монье. Главнымъ образомъ, академикъ дѣлаетъ попытку разгадать, какимъ образомъ эти письма попали въ руки англичанъ. Въ этомъ отношеніи онъ ссылается на Лэна, родственника Митчеля и Ленгорна. По его словамъ, основаннымъ на данныхъ, приведенныхъ Монье, этотъ Лэнъ былъ близкимъ человѣкомъ брата Наполеона Юсефа и оказывалъ ему немаловажныя финансовыя услуги, а потомъ, по прибытіи Юсефа въ Роуифоръ, онъ хлопоталъ въ Бордо объ его отъѣздѣ въ Америку. Этому-то Лэну, по всегдѣ предположеніямъ, Юсефъ поручилъ и находившіеся у него сундуки и портфели съ бумагами своими и Наполеона. Но самъ Юсефъ объ этомъ ни слова не пишетъ, такъ что все предположенія объ участіи Лэна и его родственниковъ въ предварительной исторіи съ державными письмами ничѣмъ не доказаны и, слѣдовательно, она остается до сихъ поръ тапштенной. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно только, что Монье, по довѣренности какихъ-то англичанъ, продалъ русскому правительству письма Александра къ Наполеону за 175000 франковъ и, по всей вѣроятности, по словамъ Массона, онъ же участвовалъ въ возвращеніи писемъ къ Наполеону въ руки государей Австріи, Пруссіи, Вюртемберга, Саксоніи, Даніи, Бадена и т. д. Одинаково достовѣрно, что письма были неизвѣстно кѣмъ доставлены правительствамъ этихъ странъ за какія-нибудь сотни тысячъ франковъ.

Поццо ди Борго подтверждаетъ, что Монье былъ главнымъ лицомъ въ этой спекуляціи, и пишетъ: «Что касается этого человѣка, то ясно, что онъ вмѣшивался въ дѣло съ письмами государей потому, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ и имѣлъ дѣло съ генераломъ Жюмнинъ. Но что касается исторіи англичанъ, то ей нельзя довѣрять. Надо предположить, что Юсефъ Бонапартъ оставилъ эти документа въ счетъ старыхъ долговъ, но грустно думать, что Юсефъ спекулировалъ такими документами и старался черезъ нихъ добыть денегъ отъ финансовыхъ агентовъ. По моему мнѣнію, также вѣроятно предположеніе, что герцогъ Бассано, которому были поручены эти документа Наполеономъ въ подлинникѣ, пытался ими торговать». Что касается Бассано,

то можно предположить, что объ немъ упоминалъ Монье, говоря объ отставномъ министрѣ, который писалъ ему изъ Англии о державныхъ письмахъ. Относительно самого Монье извѣстно еще, что Поццо ди Борго писалъ Александру, что Монье стоитъ ордена св. Станислава, котораго онъ добивался. Какъ бы то ни было, Людовикъ XVIII далъ ему орденъ Почетнаго Легіона, и послѣ долгихъ спокойныхъ лѣтъ жизни онъ умеръ въ своемъ замкѣ въ 1863 г. Массонъ оканчиваетъ свою статью тѣмъ, что не дурно было бы напечатать невѣдомыя письма государей и привести въ порядокъ тѣ изъ нихъ, которыя уже обнаружены, преимущественно русскія и вюртембергскія. По его мнѣнію, теперь они уже не набросятъ позора на мертвецовъ, и, быть можетъ, найдутся такіе современные политики, которые сочтутъ письма этихъ государей и ихъ дѣйствія вполне политичными.

— Одинъ изъ героевъ коммуны.— Когда, по волѣ Тьера, полковникъ Россель погибъ 28 ноября 1871 года подъ двѣнадцатью пулями, разстрѣлявшими его въ Сатори за участіе въ парижской коммунѣ, его сестра Изабелла въ продолженіе тридцати семи лѣтъ не сомнѣвалась въ томъ, что общественное мнѣніе измѣнится въ пользу ея брата, котораго она считала несчастной жертвой. Теперь ея надежды вполне оправдались, благодаря изданнымъ ею «Запискамъ и перенескѣ Луи Росселя». Въ великолѣпномъ предисловіи романиста Виктора Маргерита говорится, что Россель заплатилъ своей жизнью за ошибку, состоящую въ томъ, что онъ опередилъ свое время. Въ самый мрачный моментъ катастрофы онъ одинъ, или почти одинъ, не сомнѣвался въ скрытой энергіи французской націи. Онъ вѣрилъ въ могущественную добродѣтель народнаго пыла и въ возможное торжество народной воли. Какъ теперь всѣ признаютъ, у него была благородная душа, которая доказала возвышенность и твердость его чувствъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, столь жестоко сокращенной роковой судьбой на 27 году его жизни. Какъ древній римлянинъ Курцій, онъ бросился въ бездну, чтобы спасти свое отечество, и въ ней погибъ. Въ концѣ своихъ краснорѣчивыхъ страницъ Маргеритъ требуетъ, чтобы воздвигли статуя, которой исполнѣ заслуживаетъ этотъ замѣчательный человѣкъ.

Собравъ для напечатанія сохранившіяся записки, бумаги и перенеску Росселя, его сестра, кромѣ того, сама написала интересную и обстоятельную біографію брата, пожертвовавшего жизнью для республики. Изъ этой біографіи и всего собраннаго историческаго матеріала вышла полная характеристика молодого героя.

Луи Россель родился въ Сень-Бріе въ 1844 г. и принадлежалъ къ почтенному семейству ученаго офицера. Глубоко любившая его мать была изъ рода шотландскихъ Кембелей. Россель воспитывался въ политехнической школѣ и молодымъ офицеромъ служилъ въ гарнизонахъ Монпелье и Буржа, изъ которыхъ онъ писалъ семь любовныхъ писемъ, полныхъ любви къ республиканскимъ идеямъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ даже встрѣчается желаніе выйти въ отставку и заняться промышленностью, но въ это время грянула

1) Memoires et Correspondance de Louis Rossel. Paris. 1908.

франко-прусская война, и молодой человекъ объявилъ начальству, что если его не отправятъ на поле брани, то онъ поступитъ въ армію простымъ солдатомъ. Въ августѣ 1870 г. Россель отправился въ Мецъ артиллерійскимъ офицеромъ, но тамъ, узнавъ о планѣ измѣны Базена, открылъ этотъ преступный замыселъ и былъ за это арестованъ, однако въ моментъ капитуляціи Меца ему удалось бѣжать въ Бельгію и оттуда вернуться во Францію, гдѣ, въ качествѣ пнженернаго полковника, онъ поступилъ въ Туръ къ Гамбеттѣ, гдѣ оказалъ Франціи немаловажныя услуги въ сѣверныхъ провинціяхъ. Но послѣ заключенія мира въ 1871 г. онъ подалъ въ отставку и поступилъ въ ряды защитниковъ коммуны.

Основной принципъ всей военной дѣятельности Росселя теперь сосредоточился на возможности борьбы съ непріателемъ до послѣдней крайности. Подавая въ отставку изъ версальской арміи, онъ писалъ военному министру: «Генераль, имѣю честь васъ увѣдомить, что я отправляюсь въ Парижъ. Увѣдомленный депешей изъ Версаля, что въ странѣ борются двѣ партіи, я, не колеблясь, взялъ сторону той, которая не подписала мира и не считаетъ въ своихъ рядахъ генераловъ, способныхъ на капитуляцію». Въ тоже время онъ писалъ Гамбеттѣ: «Можетъ быть, необходимо передѣлать революцію». Онъ даже упрекалъ его за то, что послѣдній не сдѣлался Наполеономъ. Такимъ образомъ Россель сталъ идеальнымъ республиканцемъ и пламеннымъ защитникомъ отечества. Коммуна сперва выбрала его начальникомъ 17 легіона, а потомъ сдѣлала его секретаремъ военного делегата Кюзерэ, наконецъ начальникомъ главнаго штаба арміи коммуны и военнымъ делегатомъ. Въ своемъ восторженномъ нылу, Россель надѣялся, что наконецъ онъ получитъ возможность дѣйствовать въ пользу отечества и всѣхъ несчастныхъ. «Знаешь,— писалъ онъ сестрѣ,—я рѣшительно потерялъ мое «я». Но всѣ его успія не повели ни къ чему и, вступивъ въ принципиальную борьбу съ защитниками коммуны, онъ принужденъ былъ, въ виду благородныхъ, возвышенныхъ идей, подать въ отставку. Это вызвало со стороны коммунаровъ его арестъ. Въ заточеніи онъ превратился въ военного журналиста и стоическаго философа и написалъ «Капитуляцію Меца». Когда Тьера удалось истребить коммуны, то бѣжавшій изъ тюрьмы Россель былъ захваченъ полиціей и, несмотря на всѣ старанія многихъ генераловъ и офицеровъ версальской арміи, а также префектовъ и государственныхъ людей, окружавшихъ Тьера, несмотря даже на краснорѣчивую просьбу Виктора Гюго, онъ былъ разстрѣлянъ 18 ноября 1871 г. Въ минуту смертнаго приговора надъ сыномъ г-жа Россель сказала мужу: «Это горе, которое онъ впервые причинилъ намъ во всю свою жизнь». Въ продолженіе тридцати семи лѣтъ благородная, героическая личность Росселя была совершенно забыта и только теперь она воекресла въ памяти французовъ, изъ любви къ которымъ и изъ преданности республиканскимъ идеямъ онъ погибъ мученической смертью.

— Нѣмцы въ Россіи.—Въ послѣднемъ номерѣ «Nébro Débats» неизвѣстный корреспондентъ изъ Россіи высказываетъ тревожныя опасенія по поводу мирнаго завоеванія Россіи нѣмцами. Не будемъ касаться цѣли этой статьи, однаково какъ и взглядовъ автора, но приведемъ только данныя,

касающіяся ея сущности, т. е. массоваго заселенія Россіи нѣмцами. Пробужденіе любви русскихъ ко всему національному авторъ хочетъ объяснить угнетеніемъ славянскихъ расъ другими народностями, особенно нѣмцами и турками. По его словамъ, изъ всѣхъ европейскихъ расъ нѣмецкая наиболѣе способна просасываться къ сосѣднимъ народностямъ даже въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, въ доказательство чего онъ приводитъ Чикаго въ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлавшійся почти нѣмецкимъ городомъ, и Бразилію, гдѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ говорятъ только на нѣмецкомъ языкѣ. Несмотря на всевозможныя оскорбительныя мнѣнія, высказываемыя каждую минуту нѣмецкими историками и географами по адресу русскихъ, нѣмцы всего охотнѣе поселяются въ Россіи. Эта опасность была бы не такъ велика, по словамъ автора, если бы университетскій міръ въ Берлинѣ не признался въ мирномъ завоеваніи Россіи, сказавъ слѣдующую фразу, что, какъ всѣ земли, которыя нѣмецкая нація разъ завоевала...¹⁾

По словамъ автора, нѣмцы въ Россіи многое забрали въ свои руки, не говоря уже объ ихъ вліяніи въ высшихъ сферахъ, какъ, напримѣръ, при высочайшемъ дворѣ, ни о высшихъ государственныхъ чиновникахъ и лицахъ, располагающихся въ прихожихъ высочайшихъ лицъ, ни о толщѣ ничтожныхъ писателей, «засушенныхъ плодахъ университетовъ», находящихся по ту сторону Нѣмана, которые встрѣчаются въ нашихъ университетахъ и гимназіяхъ, ни о той массѣ нѣмецкихъ управляющихъ, угнетателей русскихъ рабочихъ, и случайныхъ механиковъ, которымъ наши помѣщики и фабриканты легкомысленно довѣряютъ управленіе имѣніями и заводами. Онъ касается «единственно» той группы лицъ, поселившейся на русской территоріи и не смѣшивающейся съ туземцами, которая сохраняетъ свой языкъ, обычаи, національныя традиціи и свои анти-славянскія и анти-русскія чувства. По его словамъ, эти иностранные элементы, медленно и методично просачиваясь, проникаютъ въ русское національное тѣло.

Уже не говоря о Финляндіи, куда нѣмцы настолько просочились, что ихъ культура вполне господствуетъ въ аристократическомъ и буржуазномъ шведскомъ кругу, относящемся къ финляндцамъ презрительно, въ балтійскихъ провинціяхъ ихъ 300.000 человекъ. Что касается Польши, то она наводнена нѣмецкими рабочими, которыхъ тамъ до 500,000 человекъ. Северо-западныя губерніи (Петербургъ и его окрестности) насчитываютъ ихъ около 50,000 человекъ, волжскія провинціи, куда Екатерина ихъ направляла — болѣе 40,000 человекъ, на Кавказѣ — около 50,000 человекъ, а въ центральныхъ провинціяхъ, особенно городахъ Великороссіи и въ Украинѣ — 200,000 человекъ. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что эта статистика сдѣлана 10 лѣтъ тому назадъ. Прибавивъ къ этому евреевъ, которые, по его словамъ, всѣ говорятъ на скверномъ нѣмецкомъ жаргонѣ, въ общемъ выходитъ, что нѣмецкій языкъ распространенъ среди 7% жителей Россіи.

¹⁾ Lettre de Russie. Les allemands en Russie. «Journal des Débats Hebdomadaire» 11 Septembre 1908.

Въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ нѣмцы держатъ въ рукахъ почти всю лучшую торговлю и недвижимую собственность. Изъ 695 большихъ имѣній только 6 или 7 принадлежатъ русскимъ. Большинство лютеранскихъ пасторовъ, имѣющихъ такое сильное влияние на народъ, — нѣмцы. Точно также и крупные владѣльцы, еще придерживающіеся феодальной системы, — нѣмцы. Всѣ они получаютъ газеты изъ Берлина и, говоря объ императорѣ Вильгельмѣ, называютъ его: «нашъ императоръ». Изъ этой-то иностранной аристократіи набирается, почти единственно, классъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій (адвокатовъ, докторовъ, аптекарей, инженеровъ) и даже мелкихъ провинціальнахъ чиновниковъ. Въ главномъ городѣ Ливоніи, Ригѣ, на 170,000 жителей насчитывается 67,000 нѣмцевъ и 15,000 евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки. Въ Юрьевѣ на 30,000 жителей — 11,000 нѣмцевъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ Гельфремльгофъ и Гиртенгофъ, население состоитъ исключительно изъ нѣмцевъ.

Нѣмецкія колоніи находятся даже въ ближайшихъ окрестностяхъ Петербурга — Лугѣ, Колпинѣ, Стрѣльнѣ, Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ. Въ Петербургѣ не считаешь, сколько богатыхъ нѣмецкихъ купцовъ ведутъ торговлю на главныхъ улицахъ Петербурга. Нѣмецкая колонія въ Москвѣ богата и сильна, а въ Одессѣ она составляетъ 15,000 человекъ, не считая евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки. Особенно Польшу наводнили нѣмцы съ тѣхъ поръ, какъ она стала промышленной, а Лодзь въ настоящее время наиболѣе населенный городъ, столько же польскій, сколько и нѣмецкій. Управляющіе заводами и фабриками, служащіе въ банкахъ, инженеры, начальники мастерскихъ — нѣмцы, которые съ помощью польскихъ евреевъ онѣмечиваютъ Варшаву. Такимъ образомъ, въ балтійскихъ провинціяхъ 270 нѣмецкихъ колоній, въ Польшѣ 172, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (Украина, Волинь) — 212, въ Крыму и Екатеринославской губерніи — 150.

Что касается до области низовой Волги, то здѣсь нѣмецкіе колонисты, когда-то призванные Екатериной, чтобъ заселить степь, разрослись до необыкновенныхъ размѣровъ. Здѣсь эти иностранцы, представляя около сотни колоній, повидимому, наслаждаются настоящей автономіей, и ихъ выбранные судьи, ихъ пасторы говорятъ только по-нѣмецки. На Кавказѣ нѣмецкихъ колоній 5.

Замѣтьте, говоритъ авторъ нисыма, что почти повсюду, и спеціально въ Польшѣ и балтійскихъ губерніяхъ, эти нѣмецкія колоніи остаются тѣсно связанными съ родиной-матерью. Онъ приводитъ свѣдѣнія изъ брошюры одного польскаго патріота, Скаржинскаго, въ которой говорится о переселеніи цѣлыхъ нѣмецкихъ деревень на русскую территорию. Всѣ эти деревни собраны вокругъ какихъ-нибудь важныхъ стратегическихъ пунктовъ и сильно поддерживаются берлинскими банками. Нѣмцы, поселившіеся въ Польшѣ, основали нѣсколько лѣтъ тому назадъ общества вспоможенія и пропаганды, всякаго рода союзы, *verein* и гимнастовъ, циклистовъ, нѣвцовъ и даже стрѣлковъ, которые упражняются съ военнымъ ружьемъ и подвергаются правильнымъ испытаніямъ нѣмецкихъ офицеровъ. Ихъ можно видѣть свободно дефилирующими сжатыми рядами по польскимъ городамъ и во все горло рас-

пѣвающими «Wacht am Rhein». «Спросите себя, — говоритъ авторъ, — развѣ въ этой чрезмѣрной терпимости нашихъ администраторовъ нѣтъ дѣйствительной опасности?»

Итакъ, эмигрировавшіе нѣмцы, по увѣренію автора, образуютъ у насъ настоящее государство въ государствѣ. У нихъ особая жизнь, настоящая автономія, свои журналы, свои церкви, театры, банки и школы. Большое вліяніе имѣютъ нѣмецкіе пасторы, настолько большое, что будто бы авторъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ русскій, воспитанный въ лютеранствѣ, сказалъ: «я нѣмецъ». Центральная консисторія лютеранъ находится въ Петербургѣ и имѣетъ на своей службѣ извѣстное количество юрисконсультовъ. Хотя еще существуетъ около сорока реформатскихъ церквей, но главнымъ представителемъ протестантскаго вѣроисповѣданія въ Россіи является лютеранство и оно одно имѣетъ въ Россіи 525 церквей. Нѣмецкихъ газетъ выходитъ въ Россіи громадное количество и въ теченіе тридцати лѣтъ всѣ онѣ воспѣвали превосходство Германіи и славу Бисмарка. То же самое можно сказать о вліяніи нѣмецкихъ театровъ. Всѣ эти элементы группируются вокругъ одного изъ могущественныхъ по количеству членовъ и богатству обществъ — «Altdeutscher Verband». Его главари извѣстны своимъ пангерманизмомъ, который они безбоязненно выставляютъ на видъ на всѣхъ конгрессахъ за границей, какъ было въ Градѣ въ 1902 г. Подъ ихъ вѣдомствомъ то гласно, то негласно находятся безчисленные общества, соединяющія разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ нѣмцевъ. Такихъ германскихъ обществъ, литературныхъ, хоральныхъ и гимнастическихъ, въ одномъ Петербургѣ 19, въ Одессѣ 4, особенно богатыхъ, уже не говоря о балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ только одни нѣмецкія общества.

Однако главная борьба сосредоточена вокругъ школъ. Въ этомъ отношеніи русское правительство, по мнѣнію автора, выказываетъ необъяснимую терпимость. Онъ приводитъ много доказательствъ и между прочимъ господство нѣмецкаго языка въ дерптскомъ университетѣ, которое длилось до вмѣшательства въ этотъ вопросъ Александра III; но и теперь еще существуетъ въ Ригѣ нѣмецкая политехническая школа, а въ Ревелѣ школа высшихъ знаній, въ Одессѣ реальное училище и въ Петербургѣ десять школъ, прекрасно поставленныхъ и находящихся подъ лютеранскимъ вліяніемъ. Въ Варшавѣ, Кіевѣ и Москвѣ одинаково имѣются нѣмецкія школы, кромѣ тѣхъ, которыя находятся при 525 нѣмецкихъ церквахъ. Эти чисто нѣмецкія школы группируются особенно вблизи германскихъ границъ. Вокругъ Люблина насчитывается въ настоящее время 47 нѣмецкихъ школъ, а русско-польскихъ только 57. По выходѣ изъ нѣмецкаго училища ученики тотчасъ же регистрируются въ гимнастическія общества, которыми всегда руководятъ германскіе унтер-офицеры въ отставкѣ, называемые народомъ прусскими инспекторами. Эти могущественныя и методическія учрежденія находятся подъ защитой консуловъ, которыхъ въ Россіи 26 — изъ нихъ 10 германскихъ и 16 австрійскихъ, набранныхъ исключительно изъ австрійскихъ нѣмцевъ.

Нѣмцы также быстро завладѣваютъ землей: такъ, въ Польшѣ у нихъ приобрѣтено миллионъ десятинъ; въ Волынѣ, Украинѣ и Новороссійскомъ краѣ —

милліонъ десятиныхъ, въ Лифляндіи—300,000. Въ этихъ провинціяхъ нѣмцы приобрѣли 4,500 домовъ, 1,000 заводовъ,— въ общемъ всего на 300 милліоновъ рублей. Итакъ, нѣмецкія земли въ Польшѣ, балтійскихъ губерніяхъ, собственно Россіи и Кавказѣ, не считая Финляндіи, всего представляютъ кругленькую цифру въ 7 милліоновъ съ половиной десятиныхъ. Авторъ присчитываетъ сюда еще 2 милліона десятиныхъ, принадлежащихъ евреямъ, говорящимъ по-нѣмецки, и выводитъ въ общемъ 10 милліоновъ десятиныхъ земли, принадлежащей двумъ милліонамъ нѣмцевъ, разбитыхъ на 2,755 колоній, организованныхъ въ большинствѣ по военному. Если къ нимъ присоединить 5.200,000 евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки и съ германскими тенденціями, группирующихся вокругъ русскихъ западныхъ провинцій, наиболѣе подверженныхъ вторженію, то окажется, что въ Россіи болѣе 7 милліоновъ народонаселенія, говорящаго по-нѣмецки и съ германскими тенденціями, съ 10 милліонами десятиныхъ земли и съ громаднымъ капиталомъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ школъ русскій языкъ преподается въ видѣ иностраннаго языка, а до Александра III русскій языкъ совсѣмъ былъ исключенъ. Въ русскихъ гимназіяхъ, по его словамъ, и до теперешняго времени существуетъ нѣмецкій методъ. Такъ какъ онъ противорѣчитъ русскому духу, то дастъ плачевный результатъ. Единственно чѣмъ развится русская гимназія отъ нѣмецкой,—говоритъ въ заключеніе авторъ:—это отсутствіемъ дисциплины.

— Два конгресса. — Осенью настоящаго года происходили два международныхъ конгресса въ Германіи: историческій въ Берлинѣ и философскій въ Гейдельбергѣ. Первый изъ нихъ особенно отличался блескомъ, великолѣпиемъ и многолюдствомъ. На немъ присутствовало до тысячи историковъ всевозможныхъ странъ, начиная, конечно, съ Германіи, Россіи, Франціи, Англии, Италіи, Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ и т. д. Предсѣдателемъ конгресса былъ директоръ прусскаго королевскаго архива, д-ръ Рейнгольдъ Козеръ, а почетными предсѣдателями по національностямъ избраны были отъ Англии—сэръ Джонъ Рисъ, отъ Соединенныхъ Штатовъ—американскій посланникъ въ Германіи—д-ръ Давидъ Гилль, отъ Италіи—профессоръ Ломброзо, отъ Франціи—профессоръ Масперо, отъ Греціи—профессоръ Ламбасто, отъ Австріи—Францъ Викгофъ, отъ Россіи—профессоръ Лаппо-Данилевскій и т. д. Это засѣданіе международнаго историческаго конгресса было третье; предыдущее состоялось въ Римѣ, въ 1903 г., а слѣдующее назначено въ Лондонѣ, хотя Аѳины чрезвычайно энергично предлагали свое гостепріимство. 6 августа открылся настоящій конгрессъ въ залѣ рейхстага, въ присутствіи принца Леопольда, представителя императора. Послѣ обычныхъ поздравленій были произнесены рѣчи: сначала говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ докторъ Гольвегъ, и бургомистръ Берлина докторъ Рейко, который высказалъ, что поэты открываютъ тайники индивидуальной души, а историки обнаруживаютъ коллективную душу. Потомъ наступила очередь иностранныхъ депутатовъ: синьоръ Пасквале дель Дюдиче, профессоръ павійскаго университета, краснорѣчиво привѣтствовалъ собраніе; профессоръ Масперо отъ имени всѣхъ французскихъ академій и ученыхъ обществъ произнесъ мастерскую рѣчь; наконецъ, профессоръ Реджинальдъ Маканъ, по порученію университетовъ

всѣхъ странъ, говорящихъ по-англійски, сказалъ замѣчательное и юмористическое привѣтствіе, послѣ чего предсѣдатель Козеръ объяснилъ всю подготовительную работу конгресса, и когда вслѣдъ за нимъ занялъ предсѣдательское мѣсто Ланно-Данилевскій, то американскій посланникъ Гилль на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ прочиталъ вступительную лекцію объ «энической функціи исторіи».

Эта мастерская, блестящая лекція была полна философскими обобщеніями и учеными замѣчаніями, вполне достойными оратора, какъ историка европейской дипломатіи, которую онъ когда-то читалъ въ вашингтонской школѣ сравнительнаго законовѣдѣнія и дипломатіи. «Вопросъ, что такое исторія,— такъ началъ онъ свое чтеніе, — находится въ очень близкомъ отношеніи къ глубочайшему изъ вопросовъ: что такое человѣческая жизнь? Чѣмъ бы ни была человѣческая жизнь, исторія представляетъ лѣтопись развитія ея прогресса и многовидной дѣятельности. Выраженіе «лѣтопись» кажется мнѣ болѣе точнымъ, чѣмъ обычная фраза «историческій методъ», потому что историкъ главнымъ образомъ имѣетъ дѣло съ историческими лѣтописями. Естественная природа его историческаго метода, его внутренній принципъ, измѣненія, различныя средства, которыми онъ обнаруживается,— одинаково служатъ предметами изслѣдованія, скорѣе для философа, чѣмъ для историка. Дѣйствительно, историкъ обязанъ точно помнить проявленіе того процесса, различныя измѣненія котораго онъ объясняетъ, общія ли они, или частныя, положительныя или отрицательныя, реальныя или идеальныя. Даже, если бы онъ желалъ освободить себя отъ подобнаго сознанія, одно употребленіе языка заставляетъ признать его, потому что историкъ не можетъ повѣтвовать простѣйшія обстоятельства безъ невольнаго указанія природы процесса, составляющаго суть повѣтвovanja. Историкъ долженъ такимъ образомъ прежде опредѣлить цѣль и особый родъ ея дѣятельности и на самомъ порогѣ его изслѣдованія онъ видитъ себя стоящимъ предъ серіей вопросовъ, на которые онъ прежде всего долженъ отвѣчать. Какую цѣль имѣетъ въ виду историческая наука? Въ чемъ заключается природа исторической правды? Въ чемъ различіе исторіи отъ другихъ наукъ? Какъ представляется намъ внутренній историческій процессъ? Всѣ эти вопросы коллективно соединяются въ общій вопросъ: въ чемъ заключается задача историка?

Въ тотъ же день вечеромъ конгрессъ раздѣлился на восемь отдѣленій: 1) исторія Востока, 2) исторія Греціи и Рима, 3) сравнительной политической исторіи, 4) сравнительной исторіи цивилизаціи, 5) исторіи права и политической экономіи, 6) исторіи церкви, 7) археологін и исторіи искусствъ, 8) вспомогательныхъ наукъ исторіи. По утрамъ производились работы различныхъ отдѣленій, а днемъ устраивались общія собранія. На первыхъ засѣданіяхъ всего замѣчательнѣе были чтенія профессора Виноградова объ англійской юриспруденціи въ XVI вѣкѣ, профессора Чарльза Гаскинса изъ гарвардскаго университета—о Нормандіи во времена Вильгельма Завоевателя, профессора Маркса изъ Гамбурга—о молодыхъ годахъ Бисмарка, профессора Б. Гренфеля изъ Оксфорда—о раскопкахъ папирусовъ въ Оксирхивѣ, профессора Альтамыры изъ Овьедо—о современномъ состояніи исторіи законодательства Испа-

ни, Александра Макджифорга—объ исторіи протестантской мысли, профессора Кауфмана изъ Бреславля—объ автономіи нѣмецкихъ университетовъ, профессора Шпана изъ Страсбурга—какъ пользоваться газетами въ видѣ историческаго матеріала и т. д. Что же касается общихъ засѣданій, то наиболѣе интересными были тѣ изъ нихъ, на которыхъ профессоръ Масперо представлялъ отчетъ о томъ, что дѣлается въ Египтѣ для спасенія историческихъ памятниковъ. Князь Теано, изъ Италіи, сообщилъ о современныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ Ислама, германскій историкъ Лампрехтъ обсуждалъ о сравнительномъ анализѣ инквизиціи, а профессоръ Меркель изъ Вюрцбурга развивалъ теорію католическихъ историковъ конца XVIII вѣка.

Историческій конгрессъ продолжался всего недѣлю и отличался безконечными удовольствіями, устроенными въ честь его членовъ. Берлинскій муниципалитетъ, городъ Потсдамъ, отъ имени императора, англійскій и американскій посланники, а также множество общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ устраивали банкеты для представителей исторической науки. Даже муниципалитетъ стариннаго ганзейскаго города Гамбурга приглашалъ членовъ конгресса на торжественный банкетъ въ своей рагушѣ. Нечего упоминать о томъ, что Берлинъ оказывалъ членамъ конгресса всевозможное гостепріимство и показывалъ имъ всѣ свои достопримѣчательности, въ томъ числѣ знаменитую коллекцію египетскихъ папирусовъ, относящихся до эпохи за четыре тысячи лѣтъ тому назадъ.

Второй международный конгрессъ—философскій—состоялся въ Гейдельбергѣ и былъ третьимъ въ своемъ родѣ. На немъ присутствовали представители европейскихъ государствъ, Соединенныхъ Штатовъ и даже Японіи. Всего болѣе было германцевъ, бельгійцевъ, швейцарцевъ, французовъ, американцевъ, испанцевъ, итальянцевъ и славянъ. Президентомъ конгресса былъ избранъ мѣстный профессоръ Вильдебрандтъ, и на общихъ собраніяхъ поочередно говорили профессоръ Райсъ изъ Гарварда— о прагматизмѣ, профессоръ Кроче изъ Неаполя— о цѣли въ искусствѣ, Богру, членъ парижскаго института,— о философіи во Франціи съ 1867 г., профессоръ тюбингенскаго университета Мейеръ— о теоріи Давида Штрауса и пр. Замѣчательны были своимъ энергичнымъ участіемъ въ дѣлахъ конгресса женщины: французенка г-жа Куанье, американка мистриссъ Ладдъ-Франклинъ и нѣмка дѣвица Сумарклинъ. Конечно, какъ и на всѣхъ конгрессахъ, здѣсь было безъ конца банкетовъ, прогулокъ въ загородныя мѣста и т. д.

—Смерть Гровера Кливленда, Викеласа, Беккереля и Паульсена.— Въ самый разгаръ лѣта скончался близъ Нью-Йорка Гроверъ Кливлендъ, бывший два раза президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ родился въ 1837 г. и былъ сыномъ пресвитеріанскаго пастора. Самъ же онъ началъ свою карьеру школьнымъ учителемъ, а потомъ былъ адвокатомъ и мэромъ прежде своего роднаго города Кливленда, а потомъ Нью-Йорка и всегда отличался простотой нравовъ и примѣрной честностью. Въ 1884 г. онъ былъ избранъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ отъ партіи демократовъ, въ которой онъ всегда состоялъ. Во время своего перваго президентства онъ отличался упорной враждой противъ Англій по вопросу о рыбной ловлѣ. На слѣ-

дующихъ президентскихъ выборахъ онъ провалился, но его вновь избрали въ 1893 г., и онъ былъ послѣдній демократическій президентъ, такъ какъ со времени прекращенія его президентской службы въ Бѣломъ Домѣ начала господствовать республиканская партія. Такимъ образомъ, въ 1897 г. Кливлендъ возвратился къ своей прежней адвокатской дѣятельности. «Вообще, — какъ выразился послѣ его смерти Рузвельтъ, — это былъ одинъ изъ величайшихъ американскихъ гражданъ, преданныхъ благу страны и славившійся прямою и достоинствомъ въ своей частной жизни».

Въ концѣ юля умеръ въ Афинахъ Дмитрій Викеласъ, замѣчательный греческій патріотъ и литераторъ, родившійся на Критѣ въ 1835 г. Онъ болѣе всего извѣстенъ, какъ авторъ «Лукиса Лараса» — романа изъ исторіи греческой независимости, который впервые появился въ 1879 г. въ одной изъ греческихъ газетъ и былъ переведенъ на большую часть европейскихъ языковъ. Но еще ранѣе, занимаясь въ Лондонѣ торговлей, онъ писалъ на новогреческомъ языкѣ стихи и перевелъ «Одиссею» и «Фауста». Съ 1873 г. онъ покинулъ торговлю и, поселившись въ Греціи, предался всецѣло литературѣ. Впослѣдствіи Викеласъ перебрался въ Парижъ и оставался тамъ около двадцати лѣтъ, будучи предѣвателемъ общества изученія греческаго языка. Главнымъ образомъ онъ изучалъ средневѣковую и современную греческую исторію, а также спеціально занимался переводами Шекспира на современный греческій языкъ. Въ 1901 г. онъ вторично вернулся въ Афины и всячески старался развить образованіе въ Греціи. Между прочимъ онъ основалъ высшій воспитательный педагогическій институтъ. Его роскошный домъ въ Афинахъ былъ центромъ самаго широкаго гостепріимства, и Викеласъ принималъ энергичное участіе въ работахъ археологическаго конгресса въ Афинахъ въ 1905 г.

Въ августѣ мѣсяцъ научный міръ потерялъ знаменитаго ученаго физика Ари Беккереля и профессора нравственной философіи доктора Паульсена. Первый изъ нихъ родился въ Парижѣ въ 1852 г. и воспитывался сначала въ политехнической школѣ, а потомъ въ инженерной. Назначенный въ 1892 г. профессоромъ физики въ музей естественной исторіи, Беккерель черезъ три года перешелъ на ту же кафедру въ политехническую школу. Избранный между тѣмъ членомъ института, онъ по семейнымъ традиціямъ продолжалъ изученіе электричества, такъ какъ его дѣдъ и отецъ прославились въ этой области науки. За два мѣсяца до смерти его выбрали въ непремѣнные секретари академіи наукъ. Беккерель всего болѣе обратилъ на себя вниманіе своими трудами о магнитной и атмосферной поляризаціи, а также открытіемъ урановыхъ лучей, которые повели къ открытію знаменитаго радія супругами Кюри.

Второй извѣстный ученый, умершій въ августѣ мѣсяцѣ, Фридрихъ Паульсенъ, родился въ 1846 г. въ Лангенгорнѣ, въ Шлезвигѣ, и учился сначала богословію, а потомъ философіи въ Боннѣ и Берлинѣ. Онъ принадлежалъ къ школѣ Фехнера и основательно развилъ свои собственные взгляды въ сочиненіи «Ein Seitung in die Philosophie». Въ послѣднее время онъ занималъ въ Берлинѣ кафедру моральной философіи. Главными его сочиненіями были: «Этика», въ которой онъ изложилъ систему безспорной нравственности, спо-

собной къ немедленному практическому приложенію, и «Кантъ», гдѣ онъ далъ философскому міру полный и рациональный разборъ теоріи Канта. Всѣ ученые одолжены Паульсену глубокой благодарностью за его прекрасное изслѣдованіе великихъ трудовъ творца «Критики чистаго разума». Изъ всѣхъ многочисленныхъ анализовъ и обсужденій кантовской литературы ни одинъ не можетъ сравниться съ сочиненіемъ Паульсена. Еще замѣчательна его философская борьба съ матеріализмомъ Эрнеста Хеккеля въ пользу идеализма Канта.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДНИ.

(По поводу дня памяти И. С. Тургенева и восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого).

ДЕНЬ двадцатипятилѣтней годовщины смерти И. С. Тургенева былъ слабо ознаменованъ какими-либо выдающимися явлениями отечественной жизни, связанными съ именемъ великаго писателя. Глухая лѣтняя пора, когда общественная жизнь еще не вошла въ свою колею, когда ея представители еще не собрались, конечно, главнымъ образомъ послужила тому причиною. Можно надѣяться, что литературныя и артистическія учрежденія хоть заднимъ числомъ возьмутъ на себя трудъ осенью и зимою воскресить въ торжественныхъ засѣданіяхъ и театральныхъ представленіяхъ образъ автора «Записокъ Охотника» и тѣмъ хоть отчасти отблагодарятъ его память за все то славное и значительное, что имъ при жизни сдѣлано для культурнаго роста нашей родины и ея міровой славы. Правда, ежедневная пресса и ежемѣсячные журналы посвятили Ивану Сергѣевичу соответствующія статьи, но это капля въ морѣ той родной общественной пассивности, которая наглядно сказалась въ день 22 августа.

Изъ числа изданій, удѣлившихъ больше всего мѣста воспоминаніямъ о Тургеневѣ, оцѣнкѣ его значенія и даннымъ изъ его жизни, можно отмѣтить московскую газету «Русскія Вѣдомости» (№ 194) и журналы «Вѣстникъ Европы» и «Минувшіе Годы» (№ 8).

Въ названной газетѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія описаніе того, что дѣлается нынѣ въ имѣніи Тургенева Спасское-Лутовиново, каковой оно имѣетъ видъ и какова память тамъ о ея быломъ знаменитомъ владѣльцѣ.

Между прочимъ интересно отмѣтить, что говорить по поводу бывшей тамъ когда-то школы корреспондентъ газеты, специально посѣтившій Спасское.

«Школа была открыта въ 1863 году на правахъ частнаго сельскаго училища, — повѣствуетъ онъ. — Содержалась она всецѣло на средства, отпускаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ. Онъ и жалованье платилъ, и покупалъ учебники и учебныя пособія, отпускалъ дрова на отопленіе и пр. Самъ внимательно слѣдилъ за ходомъ преподаванія; непременно приходилъ на экзамень, самъ экзаменовалъ. Въ 1869 году для школы было выстроено И. С. новое, болѣе удобное зданіе. Въ послѣднее время И. С. все хлопоталъ, чтобы обезпечить будущность школы, хотѣлъ продать часть земли, чтобы положить капиталъ на ея содержаніе; но смерть застигла его раньше, чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свои намѣренія. Новые владѣльцы не прилагали стараній къ продолженію дѣла, и школа закрылась въ 1884 году. Съ тѣхъ поръ до 1905 года въ селѣ не было школы; народилось цѣлое поколѣніе безъ школы, не получивъ возможности наслаждаться художественными твореніями великаго писателя. Въ 1905 году въ Спасскомъ была открыта церковно-приходская школа, въ которую ходятъ дѣти и изъ сосѣднихъ деревень; школа многолюдная, въ ней до ста учащихся. Однако въ школьной библиотечкѣ и до сихъ поръ нѣтъ собранія сочиненій Тургенева.

«Однимъ словомъ, судьба устроила такъ, что въ самомъ гнѣздѣ писателя знаютъ его менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Старые люди еще сохранили о немъ смутное воспоминаніе, но только какъ о хорошемъ и добромъ баринѣ. Молодежь же совсѣмъ не имѣетъ представленія о своемъ великомъ соотечественникѣ».

Не лишена интереса и статья г. Попова по поводу похоронъ Ивана Сергѣевича, обрисовывающая событія съ момента послѣдняго часа писателя и кончая послѣднимъ «прости» ему на могилѣ Волковскаго кладбища. Въ «Вѣстникѣ Европы» начата печатаніемъ статья Н. Гутьера «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и семейство Віардо-Гарсія», гдѣ даны чрезвычайно интересныя свѣдѣнія касательно жизни нашего писателя въ семействѣ Гарсія и его отношеній къ знаменитой гѣвицѣ. «Минувшіе Годы» посвятили Тургеневу рядъ статей, изъ которыхъ можно отмѣтить его неизданныя письма къ П. Л. Лаврову, къ Маркѣ-Вовчку, очерки: «Ссылка И. С. Тургенева въ Орловскую губернію», «Тургеневъ и террористы» и др. Нельзя сказать, чтобы и книжный рынокъ отмѣтилъ чѣмъ-нибудь выдающимся день 22 августа. Фирма Глазунова выпустила книгу: «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ для дѣтей», подъ редакціей Нестора Котляревскаго. Кромѣ того, вышли изданія: Рождественъ А., «Поэзія Тургенева. Къ двадцатипятилѣтію смерти писателя-поэта»; Смирновъ Пв., «Заступники народа: Тургеневъ и Некрасовъ»; «Словарь литературныхъ типовъ. Выпуски I и II. Тургеневъ», изд. ред. «Всходы»; Ганжулевичъ, «Записки охотника» И. С. Тургенева».

Вотъ все болѣе или менѣе существенное, что сдѣлано печатью для увѣковѣченія памяти Ивана Сергѣевича. Въ нѣкоторыхъ театрахъ, частныхъ и казенныхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, поставлены были пьесы Тургенева, но не въ торжественной какой-нибудь обстановкѣ, а какъ пьесы рядовыя, входящія въ обычный театральный репертуаръ. Если столицы слабо помянули писателя, то

о провинции и говорить не приходится: тамъ слѣдъ жизни и дѣятельности Тургенева запечатлѣлся еще слабѣе. Родной городъ его Орель все никакъ не можетъ собрать нужныхъ денегъ для постановки памятника своему великому гражданину и, судя по имѣющимся для того денежнымъ средствамъ, этому памятнику еще, вѣроятно, не скоро суждено видѣть свое осуществленіе. Русскій прогрессъ подвигается тихими стопами; видно, дѣйствительно, «суждены намъ благіе порывы, а создать ничего не дано».

За неизмѣнимъ въ личности лицъ и учреждений, которыя бы въ соотвѣтствующей формѣ помянули автора «Записокъ Охотника» на мѣстѣ его вѣчнаго упокоенія, инициативу приняло на себя петербургское городское управленіе, но сдѣлало это удивительно скупю, мизерно и неумѣло. На кладбищѣ отслужены были заупокойная обѣдня и панихида. Могилу немного почистили, украсили жиденькими, копеечными гирляндами и букетиками, посыпали дорожки пескомъ, согнали вѣкоторое количество дѣтвора, учащейся въ городскихъ училищахъ, и... только. Само печальное торжество, по описанію хроникеровъ, протекло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Заупокойную обѣдню и панихиду служилъ епископъ Владимиръ съ мѣстнымъ причтомъ. Народу на панихидѣ было много. Около самой могилы стояли ученики городскихъ тургеневскихъ училищъ, родственники П. С. Тургенева, представители города: Н. А. Рѣзцовъ, Д. П. Демкинъ, М. М. Стасюлевичъ, П. А. Потѣхнъ, изъ артистическаго міра были: М. Г. Савина, Мичуринъ, Маковскіе, изъ литераторовъ: Н. Ѳ. Анненскій, С. А. Венгеровъ, Ф. Д. Батюшковъ, Гр. К. Градовскій, В. В. Глинскій, Ф. Ф. Фидлеръ, А. Л. Вольнскій и другіе представители редакцій повременныхъ изданій. Къ величайшему удивленію, писателей собралось довольно много, ибо извѣстно, что писатели обыкновенно всего слабѣе представляютъ свое сословіе пменю на литературныхъ торжествахъ. Здѣсь же были: товарищъ министра народнаго просвѣщенія Георгіевскій, вице-президентъ академіи наукъ г. Никитинъ и ея непрѣмѣнный секретарь С. Ф. Ольденбургъ. Учащейся молодежи было очень немного, публика большею частью была случайная. Депутацийъ не было, за исключеніемъ отъ Коломенской женской гимназій и академіи генеральнаго штаба.

Когда прошѣта была вѣчная память и кончилась панихида, профессоръ юрьевскаго университета Савельевъ, женатый на племянницѣ И. С. Тургенева, отъ имени родственниковъ возложилъ вѣнокъ на могилу, сказавъ при этомъ слѣдующее:

«Возлагая сегодня вѣнокъ на могилу Ивана Сергѣевича, я осуществляю сердечное желаніе его двоюроднаго брата Николая Петровича Тургенева съ семьею. Преклонный возрастъ Николая Петровича и болѣзнь, приковавшіе его къ постели, лишили его возможности выполнить это желаніе лично и пріѣхать съ этою цѣлью изъ Юрьева, гдѣ онъ постоянно живетъ, сюда, въ Петербургъ.

«Съ своей стороны, почитаю за высокую, выпавшую на мою долю, честь, что я въ состояніи въ точности исполнить возложенное на меня порученіе: воздать родственныи долгъ Ивану Сергѣевичу, свѣтлый, любвеобильный образъ котораго не угаснетъ среди его близкихъ никогда, а безсмертныя творенія

его, сдѣлавшіяся уже народнымъ достояніемъ, будутъ вѣчно жить въ благодарной памяти потомства.

«Иванъ Сергѣевичъ является вѣдь какъ разъ именно однимъ изъ тѣхъ добрыхъ сѣятелей, въ отношеніи которыхъ съ полнымъ правомъ можно вспомнить слова современнаго ему поэта Некрасова: «сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте,—спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ».

М. М. Стасюлевичъ отъ имени литературнаго фонда передалъ могилу И. С. Тургенева заботамъ города, городской же голова, передавая въ свою очередь попеченіе объ этой дорогой могилѣ городской училищной комиссіи, сказалъ, что мѣсто памятника И. С. Тургеневу должно быть не здѣсь, а въ центрѣ города, что тѣмъ болѣе необходимо снѣшить съ его постройкой, что скоро наступаетъ 50 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ, а это торжество неразрывно связано съ памятью объ И. С. Тургеневѣ.

П. А. Потѣхинъ въ нѣсколькихъ словахъ общалъ заботиться о могилѣ Тургенева.

Этими словами закончилось официальное чествованіе памяти Тургенева. Публика стала расходиться. Вскорѣ кто-то изъ публики прочиталъ надъ могилой свое стихотвореніе. Публики стало еще меньше.

Кто-то влѣзъ на дерево и сталъ оттуда говорить, что Тургеневъ былъ западникъ. Другой влѣзъ на чей-то памятникъ и сталъ отвѣчать первому оратору, что хотя Тургеневъ былъ и западникъ, но и русскій человѣкъ.

Вѣнковъ было немного, всего пять-шесть. Одинъ изъ нихъ отъ родственниковъ Тургенева по мужской линіи, изъ лиловыхъ фіалокъ съ бѣлыми лиліями съ надписью: «дорогому брату, дядѣ, дѣду Ивану Сергѣевичу Тургеневу Н. П. Тургеневъ, Л. Н. Наумова, С. Н. Савельева съ дѣтьми», другой — отъ родственниковъ по женской линіи: гг. Крюгеръ, Ландзень, Бомъ, Козловыхъ—бронзовый, съ пальмовыми вѣтвями, и третій изъ живыхъ цвѣтовъ—отъ двоюродной сестры покойнаго писателя М. П. Тургеневой, съ которой И. С. Тургеневъ былъ очень друженъ, и троюродной сестры Н. А. Араповой. Возложены были вѣнки отъ петербургской думы, отъ училищной комиссіи, отъ учащихся въ тургеневскихъ школахъ.

Таковы оказались поминки великаго писателя въ русскомъ обществѣ, не сумѣвшемъ даже къ двадцатинятилѣтію его кончины сдѣлать что-нибудь существенное для увѣковѣченія его имени въ сознаніи современниковъ. Остается, какъ сказано выше, надѣяться, что съ оживленіемъ осенняго сезона представители литературно- и научно-просвѣтительныхъ учреждений сумѣютъ исправить лѣтніе грѣхи и достойнымъ образомъ почтить память того, къ кому по праву гордится Россія и кто для ея сближенія съ европейскимъ обществомъ сдѣлалъ въ относительно короткое время больше, чѣмъ десятки и сотни представителей нашей государственности на протяженіи слишкомъ сотни лѣтъ.

За границу, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ провелъ болѣе полужизни, его память была почтена въ Карлсбадѣ. 22 сентября, по словамъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», въ карлсбадской церкви была отслужена панихида по И. С. Тургеневѣ, на которой о. протоіерей Рыжковъ сказалъ прочувствованное слово, предложивъ собравшимся учредить Тургеневскій фондъ, который далъ бы

возможность почитателямъ писателя помѣстить доску на домѣ, гдѣ Тургеневъ жилъ во время своего леченія въ Карлсбадѣ.

24 сентября состоялся въ «Бесѣдѣ» Тургеневскій славянскій вечеръ, при многочисленномъ участіи русской публики.

Вечеръ открылъ предѣдатель «Бесѣды» чехъ д-ръ Якатка рѣчью на чешскомъ языкѣ, въ которой онъ сообщилъ вкратцѣ біографію Тургенева и указалъ на его литературное значеніе.

Затѣмъ д-ръ Р. Ю. Геровскій изъ Петербурга, русскій врачъ, практикующій лѣтомъ на карлсбадскихъ минеральныхъ водахъ, сдѣлалъ докладъ на русскомъ языкѣ. Докладчикъ указалъ на значеніе писателя для переживаемаго русскимъ обществомъ въ настоящее время момента.

Въ концѣ докладчикъ указалъ еще на специальное значеніе Тургенева для мѣстной курортной русской публики. Тургеневъ лечился 3 раза въ Карлсбадѣ и на основаніи своихъ курортныхъ, въ томъ числѣ, можетъ быть, и карлсбадскихъ, наблюденій написалъ романъ «Дымъ».

Послѣ докладовъ внесъ значительное оживленіе въ собраніе поэтъ А. Θ. Радченко изъ Петербурга, прочитавъ съ большимъ выраженіемъ собственное стихотвореніе, посвященное памяти Тургенева и заканчивающееся увѣреніемъ, что въ концѣ концовъ восторжествуютъ «завѣты свѣтлые добра и красоты».

Изъ остальныхъ нумеровъ программы слѣдуетъ отмѣтить игру на роялѣ извѣстной піанистки г-жи Чермакъ и романсы «На сѣверѣ дикомъ» и «Ночевала тучка золотая», художественно исполненные русскимъ тріо, состоявшимъ изъ гг. Азановскаго, Горючко и Фирсова. Тріо и дуэтъ, не менѣе артистически исполненный г. Фирсовымъ и мѣстнымъ псаломщикомъ г. Волковымъ, перенесли публику на далекую родину, заставивъ ее на мигъ забыть про Карлсбадъ и утомительное леченіе.

Вечеръ заключилъ А. Θ. Радченко слѣдующимъ обращеніемъ къ братьямъ-славянамъ:

О, други славяне, родные намъ братья!
Мы вѣримъ—близка золотая пора,
Раскроется шире сердца и объятія
И дружбы славянской займется заря.

Отъ Волги широкой до милой Велтавы
Сойдутся всѣ дѣти единой семьи,
И яркое солнце свободы и славы
Заблещетъ надъ нивой славянской земли.

Если поминаніе И. С. Тургенева оказалось скуднымъ, то, по инымъ только причинамъ, не особенно удачнымъ вышло и другое литературное торжество—чествованіе восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» было уже отмѣчено¹⁾, что по почину почитателей Льва Николаевича на 28 августа готовилось большое всероссійское

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1908 г., книга девятая.

и даже мировое торжество, но на пути подготовительных дѣйствій встрѣтились серьезныя для того препятствія, источникъ которыхъ лежалъ въ отношеніи къ великому писателю со стороны власти церковной и свѣтской. Синодъ наканунѣ знаменательной годовщины Толстого подтвердилъ свое постановленіе отъ 20—22 февраля 1891 г., а министерство народнаго просвѣщенія издало циркуляръ съ воспрещеніемъ учебнымъ заведеніямъ чествованія «великаго писателя русской земли». Противотолстовская агитація, въ связи съ отмѣченными теченіями въ сферахъ церковной и свѣтской администраціи, наканунѣ дня 28 августа получила широкое распространеніе и достигла значительной интенсивности. Такъ, членъ государственной думы епископъ Митрофанъ обратился на страницахъ «Могилевскаго Вѣстника» къ могилевской паствѣ съ воззваніемъ, въ которомъ призываетъ воздержаться отъ участія въ чествованіи «циничнаго, наглаго, безумнаго старика». Въ Кіевѣ 10 августа на Сѣнной площади, въ народной чайной общества трезвости, было устроено народное чтеніе, посвященное предстоящему юбилейному чествованію Л. Н. Толстого. Лекторъ занялся умаленіемъ заслугъ великаго писателя. Во время чтенія раздавалась брошюра И. Айвазова «Кто такой Л. Толстой», наполненная выходками по адресу Л. Толстого. Въ послѣднихъ нумерахъ кіевскихъ правыхъ газетъ напечатана выписка изъ протокола засѣданія кіевского отдѣла русскаго собранія при участіи уполномоченныхъ представителей отъ патріотическихъ организацій города Кіева. Собраніе это постановило избрать депутацію для представленія начальнику Юго-Западнаго края единодушнаго, мотивированнаго ходатайства всѣхъ кіевскихъ патріотическихъ организацій о недозволеніи въ предѣлахъ края никакихъ торжествъ, никакихъ инославныхъ или иновѣрныхъ молитвословій, никакихъ учрежденій имени графа Л. Н. Толстого, денежныхъ сборовъ или иныхъ актовъ чествованія предстоящей восьмидесятилѣтней годовщины дня рожденія «вѣкогда великаго, а нынѣ до ничтожества умалившаго себя писателя». Саратовское «православное братство» обратилось къ губернатору съ ходатайствомъ, гдѣ протестуетъ противъ постановленія городской думы объ устроеніи библіотеки-читальни имени Толстого.

На ряду съ агитаціей противъ юбилея шли всевозможныя административныя запрещенія, ставившія подчасъ непреодолимыя препятствія для осуществленія предполагаемаго на мѣстахъ чествованія Л. Н. Толстого, какъ, напримѣръ, въ Харьковѣ, Херсонѣ, Вологдѣ и другихъ городахъ.

Эти дѣйствія администраціи встрѣчали сочувствіе и подогрѣвались статьями нашей, такъ называемой, «правой» печати, какъ «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Колоколъ», «Русская Земля» и др., гдѣ чествованіе великаго писателя приравнивалось къ дѣйствіямъ позорнымъ, безстыднымъ и оскорбительнымъ для нашего патріотическаго и религіознаго чувства. Вслѣдствіе такихъ теченій, съ одной стороны, и отказа графа Толстого отъ принятія юбилейнаго чествованія — съ другой, дѣйствительно день 28 августа оказался скромнымъ, неудавшимся и сведеннымъ въ своихъ реальныхъ результатахъ значительно на нѣтъ. Тѣмъ не менѣе кое-что все же было сдѣлано, и русское интеллигентное общество, какъ бы то ни было, но успѣло проявить довольно-таки единодушно свои чувства автору «Войны и Мира» и «Анны Карениной».

Всѣ ежемѣсячники, вышедшіе къ началу сентября, посвятили графу Л. Н. Толстому соответствующія статьи, изъ коихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія въ «Вѣстникѣ Европы» Сергѣя Семенова «Л. Н. Толстой и «толстовство» въ концѣ восьмидесятихъ годовъ и въ началѣ девяностыхъ» и «Толстой и русское освободительное движеніе» князя Д. П. Шаховскаго въ «Минувшихъ Годохъ». Въ самый день 28 августа всѣ столичныя и многія провинціальныя газеты оказались наполненными статьями, посвященными ясно-полянскому мудрецу. Особенно много мѣста удѣлено было таковымъ статьямъ въ «Новомъ Времени», «Рѣчи», «Словѣ», «Новой Руси» и особенно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которыя, между прочимъ, съ особенною подробностью регистрировали у себя всѣ общественныя начинанія положительнаго и отрицательнаго характера, стоявшія въ связи съ юбилейнымъ чествованіемъ¹⁾. Изъ этихъ статей отмѣтимъ: «Нравственное ученіе Л. Н. Толстого» С. Франка («Слово», № 547) и «Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ» Л. Гуревичъ (тамъ же, №№ 547 и 548); «Значеніе Толстого въ моей жизни», изъ воспоминаній П. Бирюкова («Рѣчь», № 205), «День въ Ясной Полянѣ» американскаго корреспондента Бернштейна (тамъ же); «Л. Н. Толстой» Вл. Короленки, «Левъ Толстой» Генриха Сенкевича, «Л. Н. Толстой передъ германскимъ судомъ» доктора Р. Левенфельда, «Л. Н. Толстой и русское сектанство» С. Мельгунова («Русскія Вѣдомости», № 199). Здѣсь отмѣчены лишь тѣ работы, гдѣ внесены въ знакомство съ Л. Н. Толстымъ и его творчествомъ новый фактическій матеріалъ или высказаны оригинальныя взгляды съ оригинальной постановкой вопросовъ.

Книжный рынокъ обогатился къ этому двю слѣдующими новыми книгами, посвященными нашему писателю, изъ которыхъ о нѣкоторыхъ наши читатели найдутъ отзывы въ отдѣлѣ «Критики и библиографіи». Книги эти: Сальниковъ, А., «Настольный Л. Н. Толстой. Мысли, взгляды, изреченія и афоризмы», Спб.; «Графъ Толстой и хлысты-друзья въ области религіозныхъ воззрѣній. Къ юбилею Л. Н. Толстого», К.; Кармановъ, М., священникъ «Безразсудное стремленіе къ чествованію юбилея ересіарха Л. Толстого», С.; Овсянико-Куликовскій, Д. Н., «Левъ Николаевичъ Толстой. Къ восьмидесятилѣтію великаго писателя. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія». М.; Измайловъ, А. «Левъ Толстой. Для школы и дома. Избранные рассказы, сказки, притчи Л. Н. Толстого для дѣтей»; М. И. Генеромо, «Живыя рѣчи Л. Н. Толстого» (2-е изд.); М. П. Куленовъ, «Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаваніямъ крестьянъ», М.; Алексѣй Мошинъ, «Новое объ 11 писателяхъ», гдѣ встрѣчаются свѣдѣнія и о Левѣ Николаевичѣ; «Графъ Толстой, Левъ Николаевичъ. 28 августа 1828 года»; Лукашевичъ, К., «Школьный праздникъ въ честь Л. Н. Толстого»; Боринъ, «Сказки и были Л. Н. Толстого», изд. С.; Бернштейнъ, Н. Д., «Левъ Николаевичъ о музыкѣ». Спб.; Бирюковъ, П., «Левъ

¹⁾ Регистрація «Русскихъ Вѣдомостей», какъ равно замѣтки изъ газетъ «Биржевыя Вѣдомости», «Рѣчь» и «Слово» и долги главнымъ образомъ въ основаніе настоящаго обозрѣнія, куда включено притомъ лишь самое существенное и крупное изъ общественныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ день 28 августа, какъ у насъ, такъ и за границей.

Николаевич Толстой. Краткій біографическій очеркъ», М.; «Къ восьмидесятилѣтію Л. Н. Толстого 28 августа 1908 г. Левъ Николаевичъ Толстой въ изданіяхъ «Посредника» 1885—1908 г.», М.; «Левъ Николаевичъ Толстой и Ясная Поляна», М., изд. «Свѣтъ»; Синюхаевъ, Георгій, «Послѣ Гоголя. Пособія и хрестоматія. Ч. II. Левъ Толстой»; «Толстой, Л. Н., въ поученіяхъ. 28 августа 1828—1908 гг. Общедоступная памятка»; нѣсколько отдѣльных изданій произведеній Толстого фирмъ Кушнерева, «Посредника» Герцика—«Полное собраніе сочиненій, вышедшихъ за границей», т. V: Айвазовъ, И., «Кто такой Л. Толстой», М.; Н. П., «Какъ проповѣдуетъ Левъ Толстой о Богѣ», М.; Сергій, архіепископъ финляндскій, «Какъ православный христіанинъ долженъ отнестись къ предстоящему чествованію графа Толстого». Н. Н.—дѣ. Но главнымъ трудомъ, посвященнымъ нашему писателю, долженъ считаться 2-й томъ обширной его біографіи, обнимающей его зрѣлый возрастъ и составленной П. Вирюковымъ. Томъ этотъ одновременно вышелъ на русскомъ и въ некоторыхъ иностранныхъ языкахъ. Заграничныя изданія въ силу нашихъ цензурныхъ условій вышли полнѣе и безъ пропусковъ.

Изъ театровъ только Малый театръ въ Петербургѣ почтилъ Льва Николаевича особымъ спектаклемъ, который явился «дѣйствительно настоящимъ спектаклемъ «въ его честь», несмотря на то, что не было вѣнковъ, рѣчей, полукруга официальныхъ фраковъ на сценѣ передъ мертвымъ бюстомъ,—словомъ, не было того юбилейнаго крахмала, который особенно не подошелъ бы къ любимой мягкой рубашкѣ Л. Н. Толстого».

По словамъ рецензента ¹⁾, «великихъ лучше всего чтить сердцемъ, приближаясь къ нимъ духомъ въ ихъ твореніяхъ». Такъ и вышло чествованіе Толстого въ Маломъ театрѣ: теплымъ, сосредоточеннымъ, объединяющимъ въ самомъ безмолвіи своемъ. Актеры принесли великому писателю посылную дань своимъ исполненіемъ, публика—дружнымъ на него откликомъ и одобреніемъ.

Также было устроено чествованіе Льва Николаевича въ извѣстномъ просвѣтительномъ учрежденіи для молодежи «Маякѣ», гдѣ передъ многочисленною аудиторіей лекторы прочитали лекціи о Толстомъ и въ некоторые отрывки изъ его главнѣйшихъ произведеній. Въ остальныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ были намѣчены чтенія о Л. Н., таковыя по «независящимъ обстоятельствамъ» состояться не могли и прибывшіе къ назначенному часу лекторы нашли двери аудиторій запертыми и охраняемыми представителями «власти».

Фотографы выпустили въ этотъ день серію новыхъ портретовъ Льва Николаевича. Лучшими фотографіями должны считаться снятыя г. Чертковымъ и гравированныя извѣстною фирмою Вильборга, изъ которыхъ одинъ былъ воспроизведенъ въ предыдущей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Самъ «виновникъ торжества» въ день 28 августа чувствовалъ себя послѣ перенесенной болѣзни значительно бодрѣе, много въ этотъ день работалъ, просматривалъ полученныя на его имя письма и телеграммы и даже, уступая просьбамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга владѣльца кинематографа, позволилъ

¹⁾ «Новое Время» 1908 г., № 11. 661.

вывести себя въ креслѣ на балконъ и быть снятъ. Затѣмъ были сдѣланы снимки съ Льва Николаевича вмѣстѣ съ семьей и его другомъ Чертковымъ. День 28 августа прошелъ въ Ясной Полянѣ, по описанію г. Горбунова - Посадова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾, такъ:

«Съ ранняго утра двери, выходящія изъ кабинета его на балконъ, были широко открыты, и хрустально - чистый воздухъ широкими теплыми волнами лился въ кабинетъ, гдѣ, сѣвъ въ свое кресло, Левъ Николаевичъ пересматривалъ письма и телеграммы.

«Въ это время его поздравляли родные, потомъ В. Г. Чертковъ представилъ ему г. Райта, привезшаго изъ Англійи покрытый многими сотнями подписей адресъ отъ англійскихъ почитателей Толстого. Въ числѣ подписей подъ этимъ адресомъ стояли имена многихъ извѣстнѣйшихъ писателей и дѣятелей Англійи (между прочимъ извѣстныхъ романистовъ: Томаса Гарди, Мередита, Уэльса, поэта Эдуарда Карнеттера, Мекензи Уоллеса, Бернарда Шоу, философа Фредерика Гаррисона, Кеннана и многихъ другихъ). Въ числѣ подписавшихъ стояли имена ученыхъ, литераторовъ, общественныхъ дѣятелей, членовъ парламента, членовъ палаты лордовъ, членовъ выдающихся клубовъ социальныхъ реформъ и рабочей партіи, священниковъ государственной англиканской церкви и нонконформистскихъ, т. е. свободныхъ исповѣданій, подписи извѣстныхъ художниковъ, музыкантовъ, актеровъ, представителей труда, промышленности, коопераціи и т. д., и т. д. Между подписями взрослыхъ видѣлись и дѣтскія подписи.

«Вотъ полный текстъ англійскаго адреса:

«Мы, нижеподписавшіеся, и множество нашихъ соотечественниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ находившіе въ вашихъ сочиненіяхъ источникъ благородныхъ чувствъ и высокаго наслажденія, въ 80-десятилѣтній день вашего рожденія желаемъ выразить вамъ не только расположеніе, которое мы чувствуемъ къ вамъ, но также наше изумленіе передъ вами, какъ передъ писателемъ и учителемъ нравственности.

«Смѣлость и искренность, съ какою вы представили передъ человѣчествомъ новые и возвышенные идеалы, заставили міръ полюбить васъ.

«Мы видимъ, что, спустя почти полстолѣтіе, время хочетъ освятить красоту и петину вашего многосторонняго труда, и мы радуемся, что ваши сочиненія теперь читаются болѣе, чѣмъ когда-либо. Они привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и расположеніе людей, значительно расходящихся во мнѣніяхъ, и они восторгаются ими съ различныхъ точекъ зрѣнія.

«И вотъ мы подписываемъ здѣсь наши имена, какъ ваши доброжелатели и почитатели, а нѣкоторые изъ насъ — какъ ваши признательные ученики».

«Затѣмъ Левъ Николаевичъ началъ свой рабочій день. Онъ работалъ въ этотъ день удивительно много для своихъ, понемногу только еще крѣпнущихъ поелъ болѣзни силъ. Имъ было продиктовано 17 новыхъ мѣстъ для новаго «Круга чтенія», предназначеннаго для широкихъ народныхъ массъ. Этотъ

¹⁾ «Русскія Вѣдомости» 1908 г. № 202.

«Кругъ чтенія» по замыслу автора явится какъ бы синтезомъ всей его духовной работы.

«Въ залѣ на столахъ, на рояли лежали панки съ только что пришедшими адресами: отъ общества любителей россійской словесности, съ особеннымъ интересомъ читавшійся семьею Льва Николаевича, общества дѣятелей періодической печати, общества любителей художествъ съ альбомомъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, специально для него нарисованныхъ, и др.

«На одномъ изъ оконъ стояло интересное подношеніе Льву Николаевичу— заказанный на трудовыя деньги официантами сада «Фарсъ» мельхиоровый самоваръ съ вырѣзанными на немъ изреченіями: «Царство Божіе внутри васъ есть», «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ», и потомъ перечисленіе именъ поднесшихъ. На самоварѣ висѣло шитое русскимъ узоромъ полотенце съ такими же подписями. Присланы ими былъ еще прочувствованный адресъ. Все время изъ Засѣдки, Ясенокъ, Тулы привозились новыя пакки писемъ и множество телеграммъ.

«28-го было получено около 500 телеграммъ, въ числѣ которыхъ множество телеграммъ отъ городекихъ, земскихъ, научныхъ, литературныхъ, образовательныхъ учреждений, гимназій, школъ, всевозможныхъ собраній, союзовъ, группъ лицъ всевозможныхъ положеній и профессій, и между прочимъ множество привѣтствій отъ рабочаго люда очень многихъ фабрикъ и заводовъ и крестьянъ съ разныхъ концовъ деревенской Россіи. Утромъ 29-го изъ Тулы было привезено около тысячи телеграммъ, и между ними въ огромномъ числѣ заграничныя, какъ болѣе сложныя для разборки, задержанныя доставкой.

«Около дома толпились ясно-полянскіе ребятишки, получившіе утромъ по коробкѣ конфетъ съ видами Яснои Поляны, присланныхъ для нихъ для этого дня изъ Петербурга Жоржемъ Борманомъ (взрослые же крестьяне получили по кося изъ сотни кося, присланныхъ съ этою цѣлью однимъ фабрикантомъ кося съ юга).

«Собравшись потомъ на балконѣ дома, ребятишки съ шумнымъ весельемъ разбирали себѣ для чтенія книжки изъ груды «посредниковскихъ» дѣтскихъ книжекъ, принесенныхъ для нихъ изъ дома.

«До обѣда въ Ясную Поляну съѣхались всѣ сыновья Льва Николаевича (исключая Льва Львовича, гостящаго въ Швеціи у отца больной въ данную минуту своей жены). Старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, недавно только пріѣзжала въ Ясную Поляну навѣстить больного отца и провести съ матерью день ея рожденія.

«Кромѣ семьи и родныхъ, въ Яснои Полянѣ было только нѣсколько (очень немного) изъ наиболѣе близкихъ Льву Николаевичу его друзей, проводящихъ лѣто вблизи него.

«Къ обѣду Левъ Николаевичъ выѣхалъ на своемъ подвижномъ креслѣ, которое было поставлено такъ, что онъ могъ видѣть всѣхъ сидящихъ за столомъ. Передъ началомъ обѣда онъ дружески бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ гостей.

«Послѣ того, какъ онъ побылъ послѣ обѣда немного одинъ у себя въ кабинетѣ, его опять вывели въ залу, гдѣ онъ и оставался въ теченіе двухъ часовъ.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1908 г., т. сxiv.

23

Сначала, чтобы не утомляться, много разговаривая, Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ А. В. Гольденвейзеромъ, частымъ его шахматнымъ партнеромъ. Потомъ онъ бесѣдовалъ на разныя темы съ нѣсколькими собравшимися около него гостями.

«Бывшій среди нихъ переводчикъ сочиненій Генри Джоржа С. Д. Николаевъ обратилъ особое вниманіе Льва Николаевича на пришедшій въ этотъ день замѣчательный по содержанію своему адресъ, содержавшій въ себѣ привѣтствіе Льву Николаевичу отъ союза австралійскихъ лигъ земельной реформы («Единого налога»), подписанное предсѣдателями и секретарями всѣхъ земельныхъ федерацій Австраліи. Левъ Николаевичъ, прочитавшій адресъ этотъ днемъ только мелькомъ, просилъ теперь принести его вновь, перечелъ его съ глубокимъ вниманіемъ и сейчасъ тутъ же, въ залѣ, среди общаго кругомъ оживленнаго разговора, продиктовалъ своему секретарю Н. Н. Гусеву отвѣтъ, говорившій о томъ, что онъ радъ ихъ доброму къ нему отношенію и что онъ до послѣднихъ дней своихъ будетъ работать для общаго съ ними дѣла освобожденія земли отъ частной собственности.

Въ австралійскомъ адресѣ говорилось:

«Глубокоцитимый учитель!

«Мы, ученики и послѣдователи Генри Джоржа со всей Австраліи, называющіе себя сторонниками единого налога, желаемъ присоединиться къ тѣмъ выраженіямъ любви и уваженія, которыя будутъ нести къ вамъ со всѣхъ концовъ міра въ тотъ день, когда вы достигнете почтеннаго 80-лѣтняго возраста.

«Исторія знаетъ немного людей, которыхъ Богъ одарилъ бы такимъ гениемъ, какимъ отличаетесь вы, и того менѣе—людей, которые отдавали бы свой гений на служеніе столь благороднымъ дѣламъ. Какъ великая нравственная сила того историческаго періода, который мы переживаемъ, вы господствуете надъ королями и властителями и будете направлять человѣческую жизнь въ то время, когда они и дѣла ихъ будутъ забыты. Ваша любовь къ собратьямъ—людямъ, ваша готовность выступать на защиту всѣхъ угнетенныхъ, повсюду воспламеняла отвѣтную любовь въ сердцахъ людей, жизнь которыхъ приобрѣла смыслъ и желанія которыхъ облагораживались, благодаря вашему примѣру и ученію.

«Когда мы узнали, что вы приняли также ученіе нашего дорогаго покойнаго учителя Генри Джоржа, мы съ большей смѣлостью стали отстаивать тѣ идеалы, къ которымъ мы стремимся, и съ большей увѣренностью стали думать о наступленіи того царства правды, въ которомъ справедливость будетъ закономъ общественныхъ отношеній, и любовь—закономъ личныхъ отношеній между людьми.

«Не только намъ, но и всѣмъ искренно стремящимся многоразличными путями улучшить міръ тѣхъ, которые придутъ въ него послѣ насъ, ваша жизнь и ваше ученіе будутъ источникомъ вдохновенія и останутся имъ на всѣ вѣка. Когда же настанетъ время и вы присоединитесь къ отцамъ вашимъ, это вдохновеніе и память о васъ будутъ сохраняться среди человѣчества, какъ самое драгоцѣнное его достояніе.

«Но да будетъ далеку этотъ день и да продлятся ваши годы радостнаго служенія высочайшимъ интересамъ вашихъ собратьевъ-людей».

«Прослушавъ потомъ сыгранныя ему, по его просьбѣ, А. В. Гольденвейзеромъ двѣ фортепьянныя пьесы, Левъ Николаевичъ возвратился къ себѣ.

«Вскорѣ послѣ этого разошлись и разѣхались всѣ остальные.

«На другой день съ ранняго утра Левъ Николаевичъ уже былъ за работой, диктуя своему секретарю».

Итакъ, привѣтствія, полученныя Львомъ Николаевичемъ, какъ въ день 28 августа, такъ и въ послѣдующіе, числятся сотнями и тысячами и могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: на адреса русскаго происхожденія и иностраннаго, а они, въ свою очередь, дѣлятся на привѣтствія отъ частныхъ лицъ и отъ общественныхъ учрежденій. Выше отмѣчены два привѣтствія, приходившія въ Ясную Поляну изъ Англіи и Австраліи. Немало такихъ поступило и изъ другихъ странъ, при чемъ надлежитъ вообще замѣтить, что чествованіе Толстого распространилось на всѣ европейскія страны, вездѣ нашло тотъ или иной откликъ и въ особенности въ Англіи, Германіи, Австріи, Америкѣ и Японіи. Наиболѣе холодно и незамѣтно прошло юбилейное торжество во Франціи. Очень многіе иностранныя газеты и журналы посвятили 28 августа Льву Николаевичу сочувственныя статьи ¹⁾.

«Temps» напечаталъ письма, которыя послали къ 80-лѣтію Толстого въ русскій комитетъ печати французскіе писатели: Анатоль Франсъ, Марсель Прево и Поль Маргеритъ. «Толстой—нашъ великій учитель,—пишетъ Анатоль Франсъ,—въ изображеніи человѣческой природы и жизни, и геній его воплотился въ его сочиненіяхъ всѣхъ періодовъ его жизни. Онъ для насъ—недостижимый примѣръ духовнаго благородства и мужества. Если даже мы не видимъ панацеи противъ жизненнаго зла въ простотѣ и въ отреченіи, если мы съ нашей проповѣдью справедливости остаемся въ промышленныхъ центрахъ нашего стального вѣка, все-таки въ нашемъ сердцѣ будетъ вѣчно жить образъ патріарха въ Ясной Полянѣ, новаго «полубога полей и лѣсовъ». То, что для древней Греціи была поэзія Гомера, созданная совмѣстными усиліями многихъ племенъ и вѣковъ, то для Россіи—одинъ Толстой, душа и голосъ великаго народа, живой ключъ, изъ котораго въ теченіе столѣтій будутъ черпать дѣти человѣка и учителя человѣчества». Прево признаетъ, что нѣтъ почти ни одного французскаго романа, ни одного драматическаго сочиненія настоящаго времени, на которыхъ не отразилось бы такъ или иначе вліяніе Толстого.

Англійскія газеты въ день юбилея посвятили Толстому обстоятельныя статьи. «Передъ всѣми нами,—читаемъ мы въ передовой статьѣ «Daily News»,—стоитъ фигура этого старца съ непобѣдимымъ духомъ. Онъ далеко отъ насъ въ осеннихъ поляхъ Россіи, но всѣ истинныя вожди европейскіхъ народовъ устремляютъ свои взоры къ нему и счастливы оказать ему сегодня такое уваженіе, какое міръ оказываетъ едва ли болѣе чѣмъ разъ въ столѣтіе отдѣльному человѣку. Не ради одного его художественнаго творчества и не ради одного его нравственнаго ученія мы чествуемъ его. За этимъ творчествомъ

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ «Русскихъ Вѣдомостей».

и учениемъ мы видимъ смѣлую личность, не боящуюся ни мірскихъ невгодъ, ни духовныхъ мученій, ни нежелательныхъ результатовъ исканія. Въ немъ мужество и вѣрность идеѣ, въ немъ способность воспринять чужую радость и чужое горе, въ немъ непоколебимая преданность всемірнымъ принципамъ свободы и состраданія. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ въ немъ нѣчто необъяснимое, именно то, что мы называемъ гениемъ,—гениемъ мысли и жизни». Въ день юбилея вышелъ на англійскомъ языкѣ первый томъ обширной біографіи Толстого, написанной ревностнымъ послѣдователемъ Толстого, англичаниномъ Модъ (Maude). Первый томъ охватываетъ первыя 50 лѣтъ жизни Толстого.

Вѣнскія газеты удѣлили много мѣста чествованію Толстого и изображенію его литературно-художественной и религіозно-нравственной личности. Въ «Neue Freie Presse» мы находимъ рядъ обширныхъ статей. Передовую статью написалъ директоръ вѣнскаго театра фонъ-Бергеръ. Въ фельетонѣ извѣстный французскій литературный критикъ Адольфъ Бриссонъ даетъ характеристику личности Толстого, пользуясь отчасти и собственными впечатлѣніями, полученными при посѣщеніи Ясной Поляны. Изъ тогдашнихъ разговоровъ онъ передаетъ рядъ критическихъ отзывовъ Толстого объ европейскихъ и въ частности о французскихъ писателяхъ, рассказываетъ про ожесточенный споръ, который велъ съ Л. Н. извѣстный націоналистъ Дерулэдъ, пріѣзжавшій съ цѣлью убѣдить Толстого въ необходимости идеи реванша. Между этими столь различными по темпераменту людьми,—пишетъ Бриссонъ,—происходили необыкновенно страстные столкновения. Толстой рассказывалъ, какъ однажды въ порывѣ волненія онъ выбѣжалъ изъ комнаты и изо всѣхъ силъ прихлопнулъ за собой дверь. И тѣмъ не менѣе при слѣдующей встрѣчѣ Дерулэдъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжалъ свою проповѣдь войны, пока Л. Н. не осадилъ его на практическомъ примѣрѣ. Первый понавшійся мужикъ,—утверждалъ французъ,—имѣетъ болѣе здравыя идеи о войнѣ и о франко-русскомъ союзѣ, чѣмъ вы. И вотъ Толстой на прогулкѣ обращается къ мужику, излагаетъ ему планъ реванша Дерулэда и спрашиваетъ его мнѣнія. Мужикъ почесалъ себѣ затылокъ и отвѣтилъ, что лучше бы французы и русскіе поработали, а потомъ пошли бы вмѣстѣ въ трактиръ да кстати захватили бы съ собой и нѣмца. Въ тотъ же вечеръ оскорбленный въ своихъ чувствахъ Дерулэдъ уѣхалъ. Другой характерный рассказъ. Въ комнатѣ Л. Н. завелись мыши; онѣ грызли его бѣлье и рукописи и страшно ему надоѣдали. Онъ поставилъ мышеловку, но всякій разъ, какъ только попадалась мышь, онъ выпускалъ ее на волю.

Кромѣ большихъ статей, «Neue Freie Presse» и «Zeit» помѣстили рядъ короткихъ отзывовъ извѣстныхъ писателей, поэтовъ, ученыхъ и т. д. Поэтъ Гофмансталъ сравниваетъ Толстого съ Руссо. «Аналогія съ Руссо,—пишетъ онъ,—какъ патетическимъ предвѣстникомъ великаго переворота, поражаетъ, какъ поражаетъ сходство двухъ горныхъ вершинъ, но эта аналогія—лишь поверхностная. Толстой, какъ художникъ, несравненно выше великаго французскаго мыслителя». Шенгерръ (Schönherr) указываетъ на глубокое дѣйствіе, произведенное на него «Властью тьмы» и повліявшее на его драматическое творчество. «Въ томъ, какъ Толстой требуетъ возвращенія къ природѣ, къ простой жизни и какъ онъ живетъ въ согласіи со своимъ учіемъ,—говоритъ

Шенгеррь, — я вижу библейскую мощь и сходство съ послѣдовательностью первыхъ христіанъ». Художникъ Гансъ Тома пишетъ: «Какъ апостола чело-вѣчности, снисхожденія, любви и милосердія, все народы должны уважать Толстого. Онъ глубоко чувствуетъ людскія страданія, и онъ намъ вновь пока-зываетъ, что состраданіе не есть слабость. Мы должны благодарить этого проникновеннаго идеалиста, и въ день его 80-лѣтія мы должны благодарить Бога за то, что Онъ сотворилъ эту чело-вѣческую душу».

Изъ Португаліи отъ тамошнихъ литераторовъ, избравшихъ Льва Николае-вича почетнымъ членомъ своего союза, ему переданъ былъ на французскомъ языкѣ слѣдующій адресъ:

«Нижеподписавшіеся португальскіе писатели, члены постоянного между-народнаго литературнаго комитета, исполняя пріятную миссію междунаро-днаго согласія и любви, присоединяются отъ всего сердца къ чествованію графа Льва Толстого, признаютъ въ немъ царя современной мысли и привѣт-ствуютъ съ нетиннымъ и искреннимъ энтузіазмомъ достопамятнѣйшій день его славы. Воодушевленные лучшими чувствами солидарности, они слѣдуютъ за мыслящей Россіей во всѣхъ чествованіяхъ, которыя будутъ оказаны знамени-тому писателю и великому мыслителю въ этотъ историческій для всѣхъ работ-никовъ пера и проповѣдниковъ евангельскихъ мыслей день. Лиссабонъ, 1-го августа 1908 года». Далѣе слѣдуютъ подписи: писателя и президента порту-гальской академіи наукъ Теофила Брага, литератора, магистра архитектуры, члена международного бюро въ Бернѣ Лима, писателя и президента института Бернардино Махарда, драматурга, предѣдателя совѣта драматическаго иску-ства Герика Лоне-де-Мондонка, драматурга, президента комитета національ-наго центра Іоа-де-Фрейтасъ Бранко, литератора, президента союза португаль-ской печати Абеля Ботело, предѣдателя союза журналистовъ Альфредо Мес-кита, президента національной консерваторіи Эдуарда Шубальбаха, дирек-тора главнаго бюро союза писателей Аршера-де-Лима и другихъ извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы и искусства. Отъ Аршера-де-Лима было пе-редано Л. Н. написанное къ юбилейному дню стихотвореніе. Л. Н. болѣе полу-часа бесѣдовалъ съ посѣтившимъ его журналистомъ и затѣмъ передалъ два своихъ портрета съ собственноручной подписью на одномъ: «Au comité inter-national des auteurs Pòrtugais. Leon Tolstoy, 1908, 6 septembre».

Союзъ японскихъ литераторовъ въ день 80-лѣтія Толстого устроилъ пу-бличныя засѣданія и рядъ лекцій, на которыхъ ознакомилъ слушателей съ юбиляромъ, какъ художникомъ и мыслителемъ, и обрисовалъ его заслуги пе-редъ родиной и чело-вѣчествомъ.

Городскимъ управленіемъ города Берлина, за подписью оберъ-бургомистра, была отпралена въ Ясную Поляну привѣтственная телеграмма. Многочлен-ныя привѣтствія отпралены были также отъ различныхъ германскихъ поли-тическихъ и профессиональныхъ союзовъ, отъ рабочихъ корпораций, мѣстной русско-й колоніи и отъ группы проживающихъ въ Берлинѣ русскихъ литера-торовъ. По иниціативѣ нѣмецкаго союза распространенія русской литературы, въ городской ратушѣ состоялся вечеръ имени Толстого. На вечерѣ были про-читаны отрывки изъ сочиненій Толстого, его біографія и рефератъ о немъ.

Славянство также горячо отозвалось на праздник Льва Николаевича, и изъ Праги имъ была получена слѣдующая телеграмма:

«Дума города Праги, королевства Чешскаго, преклоняется передъ вдохновеннымъ апостоломъ и безсмертнымъ гениемъ великаго народа русскаго, проникнутая горячимъ желаніемъ, чтобы свѣтлый старецъ еще многія лѣта сохранился для своего народа, всего славянства и всего человѣчества».

Въ Финляндіи ко дню 28 августа было выпущено сразу около десятка переводовъ разныхъ произведеній Л. Н. Толстого, большинство въ повторныхъ изданіяхъ. Всѣ газеты были переполнены статьями о его жизни, философскихъ взглядахъ и исканіяхъ, его значеніи для Россіи, міровой литературы и т. п.

Помимо телеграммъ, которыми почтили Л. Н. Толстого большинство обществъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ Финляндіи были назначены толстовскіе вечера.

Такой вечеръ состоялся въ Выборгѣ 26 августа въ «Провинціальномъ» театрѣ. Въ Гельсингфорсѣ въ «Национальномъ» театрѣ была поставлена 28 августа «Власть тьмы», а въ «Народномъ» готовился литературный вечеръ, въ которомъ должны были принять участіе мѣстные литераторы и должна была идти передѣлка «Воскресенія».

Толстовскіе же вечера и спектакли имѣли мѣсто и во многихъ европейскихъ городахъ.

Обращаясь къ чествованію Толстого на родинѣ, мы на первомъ планѣ должны отмѣтить, что еще 18 августа подъ предѣлительствомъ городского головы Н. А. Рѣзцова въ думѣ происходило соединенное засѣданіе благотворительной комиссіи и комиссіи по народному образованію, которыя сдѣлали слѣдующее постановленіе о чествованіи графа Л. Н. Толстого:

«По бывшимъ примѣрамъ чествованія с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ русскихъ дѣятелей, стяжавшихъ себѣ извѣстность на поприщѣ государственномъ или общественномъ, научномъ или литературномъ, комиссіи по предложенію о чествованіи 80-лѣтія великаго русскаго писателя графа Л. Н. Толстого выработали слѣдующее:

«1) Издать или приобрести для раздачи учащимся городскихъ народныхъ училищъ сборникъ изъ произведеній графа Толстого примѣнительно къ пониманію учащихся, какъ это было сдѣлано въ отношеніи А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, съ ассигнованіемъ на это до 10.000 р

«2) Посвятить имѣющей быть разрѣшеннымъ къ постройкѣ школьный домъ— слѣдующій за проектируемымъ къ постройкѣ домомъ, посвященнымъ Н. В. Гоголю,—имени графа Толстого, открыть читальню имени писателя и два городскихъ четырехклассныхъ для мальчиковъ и дѣвочекъ училища.

«3) Учредить имени графа Л. Н. Толстого стипендіи для выдачи наиболее способнымъ учащимся городскихъ начальныхъ училищъ для довершенія ими своего общаго образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 1.200 р. въ годъ.

«4) Поставить въ классныхъ комнатахъ всѣхъ училищъ портреты писателя съ ассигнованіемъ на это 1.000 р.

«5) Ассигновать 10.000 р. въ распоряженіе городской благотворительной комиссіи на учрежденіе стипендій Л. Н. Толстого въ среднихъ и техническихъ учебныхъ заведеніяхъ для нуждающихся дѣтей.

«6) Открыть четыре безплатныхъ столовыхъ для нуждающихся дѣтей, ассигновавъ на это дѣло по 7.200 руб. на каждую столовую ежегодно».

Кромѣ того, соединенное засѣданіе комиссій рѣшило послать привѣтствіе въ Ясную Поляну по телеграфу. Составленіе телеграммы было поручено Н. А. Рѣзцову, М. М. Стасюлевичу и П. А. Потѣхину, которые и редактировали привѣтствіе слѣдующимъ образомъ:

«Петербургская городская дума въ своемъ передѣ лѣтними ваканціями собраніи единогласно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города Петербурга горячее поздравленіе въ день 80-лѣтія вашей жизни, прославленной всемірно извѣстными твореніями и посвященной личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшаго брата. По возобновленіи послѣ лѣтнихъ ваканцій собраній городской думы первое собраніе будетъ посвящено обсужденію объ украшеніи по порученію думы вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учреждений, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенію, какъ наиболѣе близкихъ вашему сердцу». Подписалъ петербургскій городской голова Рѣзцовъ.

Столичные петербургскія научныя и литературныя учрежденія, высшія учебныя заведенія, редакціи газетъ и журналовъ, корпораціи общественныхъ дѣятелей, союзы учащейся молодежи, многія рабочія ассоціаціи почтили Льва Николаевича адресами и телеграфными привѣтствіями. Такъ, совѣтъ с.-петербургскаго университета послалъ слѣдующую телеграмму:

«Совѣтъ с.-петербургскаго университета съ чувствомъ глубокой благодарности привѣтствуетъ 80-лѣтіе великаго учителя человѣчества, — гениальнаго художника и вдохновеннаго проповѣдника Христовой заповѣди о любви къ ближнему».

Кромѣ того, профессоромъ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ внесено предложеніе объ избраніи графа Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ петербургскаго университета.

Отъ профессоровъ петербургскаго политехническаго института была послана телеграмма:

«Левъ Николаевичъ!

«Профессора петербургскаго политехническаго института привѣтвуютъ васъ въ день вашего 80-лѣтія. Болѣе полувѣка вы изумляете міръ художественными произведеніями вашего генія, широтою и смѣлостью вашихъ идеаловъ. Ваше могучее слово творитъ неисчислимое добро, волнуетъ совѣсть и окрыляетъ мысль. Жизнь ваша — вдохновенное исканіе правды, истины и путей къ счастью человѣчества. Вамъ, гордости нашей родины, племъ горячее пожеланіе: живите долго на борьбу съ властью тьмы».

«Директоръ института П. Мещерскій.

Совѣтомъ психо-неврологическаго института:

«Высокоуважаемый и горячо любимый Левъ Николаевичъ! Отъ совѣта психо-неврологическаго института въ сегодняшний день 80-лѣтія вашего рожденія

шлю вамъ задушевный привѣтъ и пожеланія еще долгихъ лѣтъ физическаго здоровья и особой, вамъ лишь свойственной, духовной мощи. «Эллада имѣла Гомера, Россія дала Толстого», говоритъ современная иностранная критика. Мы же, русскіе, цѣнимъ въ васъ геніальнаго художника, мало имѣющаго равныхъ по силѣ психологическаго анализа, цѣнимъ въ васъ, кромѣ ясности и глубины художественнаго ума, еще и теплоту сердца; мы цѣнимъ въ васъ гуманиста, и словомъ, и дѣломъ проводящаго въ жизнь высшіе нравственные идеалы, прекрасно сформулированныя вами въ публицистическихъ и философскихъ трудахъ; мы также преклоняемся предъ вашей чуткостью и отзывчивостью къ текущей жизни, которую вы ярко освѣщаете и въ художественныхъ образахъ, и въ публицистикѣ сильнымъ словомъ гуманизма. Еще недавно, на дняхъ, среди теряющаго бодрость духа русскаго общества вы смѣло возвысили свой голосъ противъ жестокой современности. Ваше «я не могу молчать» — этотъ яркій отзвукъ наболѣвшей общественной совѣсти — не позволяетъ молчать сегодня и намъ. Пусть ваша вѣра въ лучшее человѣчество, пусть ваша духовная мощь, вызвавъ сегодня преклоненіе предъ вами всей Россіи, разсѣетъ гнетущій туманъ дѣйствительности и подниметъ духовно нашу родину, которая васъ будетъ чтить и гордиться вами, пока будетъ живъ русскій народъ и будетъ существовать мощный и сильный русскій языкъ».

Отъ литературнаго фонда:

«Литературный фондъ горячо привѣтствуетъ васъ въ день свѣтлаго праздника вашей цвѣтущей старости. Уже многіе десятки лѣтъ всѣ, по слову Тургенева, радуются, что были вашими современниками. Но никогда еще эта радость не была такъ жгуча, какъ въ нынѣшніе дни тягчайшаго безвременья. Въ вашей непреклонной и безтрепетной борьбѣ за правду всѣ черпаютъ увѣренность, что побѣда за свѣтомъ, а не за тьмою».

Слишкомъ много заняло бы мѣста перечислять и приводить полностью остальные привѣтствія, посланныя изъ Петербурга. Всѣ они отличались большою теплотой и служили яркимъ показателемъ того вліянія, которое неизмѣнно остается за Толстымъ въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи.

Въ Москвѣ городская дума, но формальнымъ и «независящимъ» отъ нея обстоятельствомъ, лишена была возможности сдѣлать желательное ей постановленіе относительно дня 28 августа. Зато мѣстные ученые и литературныя учрежденія широко откликнулись на торжество въ Ясной Полянѣ и достойнымъ образомъ почтили автора «Войны и Мира». Такъ, общество любителей россійской словесности послало Л. Н. Толстому слѣдующій адресъ:

«Высокопочтимый и дорогой
Левъ Николаевичъ!

«Хорошо зная вашу нелюбовь ко всякимъ торжественностямъ, общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ рѣшилось однако обратиться къ вамъ въ этотъ день со словомъ привѣтствія. Не станемъ говорить здѣсь о томъ, насколько цѣнитъ общество васъ, какъ великаго художника и свѣтлаго учителя жизни; миллионы вашихъ почитателей во всѣхъ странахъ свѣта давно сказали, что въ васъ видитъ силу мірового зна-

ченія все человѣчество, чуткое къ обаянію искусства и къ голосу нравственной правды. У общества есть скромныя, но особыя права на ваше вниманіе.

«Пятьдесятъ лѣтъ назадъ вы, еще молодой человѣкъ, авторъ нѣсколькихъ повѣстей, недавно только выступившій въ литературѣ, были избраны въ члены нашего общества и 4-го февраля 1859 г. произнесли въ его засѣданіи рѣчь о преимуществѣ чисто художественнаго элемента въ литературѣ надъ всѣми ея временными направленіями. Въ своемъ отвѣтѣ вамъ предсѣдатель общества А. С. Хомяковъ, признавая права чистаго, свободнаго искусства, указывалъ на законность существованія наряду съ нимъ и литературы, посвященной задачамъ времени и вопросамъ общественнымъ. Потребность самообличенія и въ человѣкѣ, и въ обществѣ,—говорилъ онъ,—непребима и часто имѣетъ очень важное значеніе; всякій художникъ, какъ чуткій сынъ своего народа, посвящая себя вѣчному и прекрасному, неизбежно, иногда противъ воли, отражаетъ и современное въ его смѣси правды и лжи. «И вы сами,—обратился къ вамъ Хомяковъ,—были и будете невольнo обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали, идите съ тѣмъ же усиліемъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ большимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый, но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое».

«Трудно сказать, насколько было въ то время для васъ самихъ открыто то, что провидѣлъ Хомяковъ въ авторѣ «Дѣтства и отрочества» и «Севастопольскихъ разсказовъ», но слова его оказались пророческими. Всей вашей дѣятельностью вы доказали справедливость его заключительной мысли: вы были и остались великимъ художникомъ слова, вы стали обличителемъ въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ были полвѣка назадъ, но и то, и другое образуетъ одно гармоническое цѣлое въ вашемъ творчествѣ, потому что оно правится вѣчными цѣлями. Такъ, вамъ, Левъ Николаевичъ, суждено было въ далекомъ прошломъ соприкоснуться однажды съ нашимъ обществомъ, которое отмѣтило существенную черту вашего дарованія и чрезъ своего представителя сказало вамъ доброе напутствіе въ самомъ началѣ вашей дороги. Общество любителей россійской словесности счастливо, вспоминая объ этомъ, и приветствуетъ васъ, своего почетнаго члена, всѣми лучшими пожеланіями. Выкажемъ то, что сегодня неудержимо просится на уста безчисленнаго множества людей, разсыянныхъ по всему міру: «Да живетъ и пишеть Левъ Толстой, гордость и слава русскаго народа, украшеніе лучшей части человѣчества!»

Дирекція художественнаго театра телеграфировала:

«Художественный» театръ кланяется Льву Николаевичу въ глубокомъ сознаніи, что всѣ художественныя пути нашего времени ведутъ къ вашему имени, какъ всѣ дороги когда-то вели къ Риму. Какъ бы страстно ни бросались мы въ сторону отъ большой дороги, какъ бы на первый взглядъ ни измѣняли вѣрному направленію, всегда мы только ищемъ по мѣрѣ нашихъ силъ кратчайшихъ или красивѣйшихъ путей къ тому, что составляетъ сердце и умъ русскаго искусства и что воплотилось въ вашей гигантской личности. И

въ сценическомъ творествѣ, какъ въ литературномъ, послѣдніе предѣлы мы видимъ въ искреннѣйшихъ признаніяхъ совѣсти, въ трудолюбивомъ исканіи правды жизни, въ сильной, вѣрной духу и характеру выразительности. Этотъ завѣтъ міръ получилъ отъ васъ, и за него нашъ театръ плетъ вамъ благодарность».

Отъ членовъ вспомогательнаго общества приказчиковъ въ Москвѣ было послано привѣтствіе: «Съ чувствомъ радости думаемъ о томъ, что среди насъ живетъ, мыслить и трудится человекъ въ неустанномъ стремленіи къ тому, что красить и возвышаетъ жизнь человека, что ведетъ къ созданію братскихъ отношеній между всеміи людьми. Великъ подвигъ вашъ. Многое извѣдавъ, многое познавъ, вы совсей силой убѣжденія, какая только дана человеку, своимъ сильнымъ словомъ учите людей прежде всего растить въ себѣ любовь къ ближнимъ. Въ вашихъ словахъ намъ звучитъ голосъ правды. Теплотой къ людямъ согрѣто ваше сердце. Мысля о вѣчномъ, вы близки къ землѣ. Сколько народа обращается къ вамъ со своимъ горемъ, сколько разъ вы помогали народу, когда его постигали тяжелыя бѣдствія!.. Не пронадутъ даромъ ваши посѣвы».

Однородныя телеграммы были посланы и отъ множества разнообразныхъ интеллигентныхъ и рабочихъ группъ и кружковъ нашей первопрестольной.

Въ провинціи внѣшнія условія для чествованія великаго писателя были почти повсемѣстно крайне неблагопріятны. Намѣчаемыя постановленія мѣстныхъ муниципалитетовъ не могли состояться, какъ равно не осуществлялись просктированныя лекціи, литературныя вечера, театральныя представленія. Даже на печать были распространены опредѣленные репрессивныя мѣропріятія, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстнымъ газетамъ удалось огозваться на день 28 августа. Такъ, по указаніямъ «Русскихъ Вѣдомостей»¹⁾, «Кіевскія Вѣсти», «Волгарь», «Нижегородскій Листокъ», «Смоленскій Вѣстникъ», «Орловскій Вѣстникъ», «Вятская Рѣчь», рижскія, тифлисскія газеты посвятили Толстому рядъ статей, проникнутыхъ глубокимъ къ нему уваженіемъ, и выясняющихъ огромную цѣнность его литературныхъ трудовъ. Нѣкоторымъ провинціальнымъ газетамъ, впрочемъ, пришлось ограничиться лишь самыми коротенькими, но очень характерными для настоящаго момента замѣтками, въ родѣ, напримѣръ, такихъ. Издающаяся въ Вологдѣ газета «Сѣверъ» оказалась вынужденной помѣстить редакціонную замѣтку слѣдующаго содержанія:

«Сегодня, въ день восьмидесятилѣтней годовщины жизни великаго писателя земли Русской Льва Николаевича Толстого, читатели наши обратятся къ «Сѣверу» въ ожиданіи встрѣтить въ немъ очерки, посвященные юбиляру и произведенія его творчества. Мы не могли и не можемъ идти навстрѣчу этимъ ожиданіямъ». Другая газета, «Старый Владимирецъ», по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, могла только помѣстить портретъ юбиляра.

Въ Ярославлѣ знаменательный день 80-лѣтія со дня рожденія графа Л. Н. Толстого, въ городѣ, имѣющемъ почти 100-тысячное населеніе и высшее учебное заведеніе, прошелъ совершенно по будничному и остался положительно ничѣмъ не отмѣченнымъ.

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», № 201.

Это почти всецѣло объясняется тѣмъ, что полиціей были приняты заранѣе соответствующія мѣры въ видѣ отобранія подписокъ отъ владѣльцевъ типографій и т. п. Мѣстная печать обошла юбилей или полнымъ молчаніемъ, или ограничилась заявленіемъ: «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ... не могли быть помѣщены» и т. д. Только органъ мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа посвятилъ юбилею положительно весь номеръ до единой строчки, наполнивъ его ругательствами по адресу великаго писателя.

Въ нѣсколькихъ городахъ устройство 28-го августа чествованій Толстого было воспрещено на томъ основаніи, что этотъ день — «канунъ праздника». Въ другихъ мѣстахъ являвшаяся полиція требовала разойтись даже небольшія собранія почитателей писателя. Всѣ эти факты показываютъ, какъ всемѣрно затруднялось устройство общественныхъ чествованій Толстого. Только въ Кишиневѣ со стороны мѣстной администраціи не послѣдовало противо-дѣйствія такому чествованію. 28-го августа съ разрѣшенія губернатора кишиневскіе граждане при переполненной залѣ въ Благородномъ собраніи чествовали восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого. Передъ бюстомъ, угонавшемъ въ зелени, рядъ ораторовъ сдѣлалъ всестороннюю оцѣнку значенія знаменитаго писателя. Собраніе закончилось чтеніемъ многочисленныхъ привѣтственныхъ телеграммъ отъ учреждений, группъ и организацій.

Несмотря на вышнія неблагоприятныя условія для выраженія сочувствія маститому старцу, на дѣлѣ не оказалось почти ни одного города въ имперіи, который такъ или иначе не откликнулся бы на праздникъ 28 августа и не послалъ бы графу Толстому привѣтствія. Насколько послѣднія были разнообразны, видно хотя бы изъ слѣдующаго случайнаго перечня этихъ привѣтствій: отъ самарской городской думы (постановившей учредить три стипендіи въ школахъ и посвятить первый учебный день въ школахъ юбилею); херсонской городской думы (постановившей присвоить имя юбиляра одному училищу и дѣтскому скверу); историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ; совѣта московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ; моск. уѣздной земской управы; служащихъ моск. губ. земск. управы; вологодской городской управы: врачей, служащихъ и больныя императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ; восьмого съѣзда славянскихъ журналистовъ, собравшихся въ Люблинѣ; «свободныхъ христіанъ» (группы петербургскихъ сектантовъ, обширное посланіе); правленія моск. общества народныхъ университетовъ (привѣтствуетъ «въ лицѣ учителя изъ Ясной Поляны славнаго поборника идеи демократизаціи просвѣщенія и неустаннаго борца какъ противъ «власти тьмы», такъ и противъ тѣхъ «плодовъ просвѣщенія», которые приносятъ культурное невѣжество»); моск. общества любителей художествъ; общества полтавскихъ врачей; группы учащихся въ числѣ 795 человекъ десяти моск. учебныхъ заведеній: студентовъ петербургскаго университета; моск. общества грамотности; театра Корша; воронежскаго общества народныхъ университетовъ; комитета помощн. присяжн. повѣренныхъ окр. моск. суд. палаты; депутатовъ 1-й госуд. думы отъ Костромской губ. (П. В. Замыслова, П. А. Огородникова и П. А. Сафонова, изъ костромской тюрьмы); члена госуд. думы, бывшаго предсѣдателя 2-й госуд. думы Ѳ. А. Головина; правленія общества русскихъ врачей въ на-

мать Н. И. Пирогова; перваго московскаго женскаго клуба; группы русскихъ студентовъ въ Парижѣ; моск. правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ; правленія батумскаго общества народныхъ университетовъ; самарскаго биржевого комитета; санитарнаго отдѣла техническаго общества; служащихъ костромской губ. земск. управы; редакцій «Русской Мысли», «Вѣстника Воспитанія», «Для Народнаго Учителя», «Сѣвера» (въ Вологдѣ), «Южнаго Телеграфа» (въ Ростовѣ-на-Дону), «Амурскаго Лимана» (въ Николаевскѣ); служащихъ орловскаго губ. земства; группы драматическаго театра Коммиссаржевской; правленія общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ нач. училищахъ г. Москвы; уманьской общественной бібліотеки; совѣта бакинскаго отдѣла русскаго технич. о-ва; правленія общества врачей, практикующихъ на кавказскихъ минер. водахъ; вологодскихъ обществъ врачей и помощниковъ врачей; торговыхъ служащихъ (изъ Москвы, 39 подписей); провинц. дѣятелей сцены, находящихся сейчасъ въ Москвѣ; группы политическихъ ссыльныхъ (г. Краснаго Яра Астрах. губ., 24 подписи); жителей г. Лукоянова Нижег. губ. (двѣ телеграммы со многими подписями); перваго съѣзда сѣверо-кавказскихъ журналистовъ; редакцій армянской газеты «Минакъ»; тифлискаго общественнаго клуба; редакцій грузинской газеты «Амирани»; изъ Москвы (20 подписей); изъ Крюкова (5 подписей); изъ Геленджика (4 поди.); изъ Рузы (за подписью кн. Долгорукова и мног. др. лицъ); сестры милосердія (изъ Варшавы, стихотвореніе); отъ правленія російскаго фармацевтическаго общества въ Москвѣ; правленія общества грузинъ въ Москвѣ; группы общества Двѣйровскаго у. Таврической губ. (за подписью члена государственной думы Панкѣева); московскаго педагогическаго собранія; редакцій «Одесскаго Обзорнія»; группы сибиряковъ (за подписью 11 лицъ); общества распространенія средняго образованія близъ ст. Красково-Малаховка Моск.-Каз. ж. д. (комитетъ о-ва вноситъ въ общее собраніе членовъ предложеніе объ установленіи въ открываемой школѣ двухъ стипендій имени Л. Н. Толстого); генераль-лейтенанта въ отставкѣ Б. Кашкадамова (въ Варшавѣ); группы членовъ Георгіевскаго (на Кавказѣ) отдѣла «Союза русскаго народа» (4 подписи); группы студентовъ и курсистокъ (со ст. Сызрань); группы (26) учащихся 7-го класса; отъ харьковскаго университета, харьковскаго общества взаимопомощи трудящихся женщинъ, правленія общества взаимопомощи русскихъ техниковъ, группы служащихъ службы сборовъ Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, совѣта московскаго клуба торгово-промышленныхъ служащихъ, рабочихъ тинографіи «Русскихъ Вѣдомостей», московскаго еврейскаго благотворительнаго общества «Знаніе», интеллигентной колоніи «Криница», и т. д., и т. д., съ обозначеніемъ самыхъ разнообразныхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень и за единичными и коллективными подписями обывателей имперіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Левъ Николаевичъ въ текущемъ сезонѣ еще много будетъ занимать своей оригинальной и гениальной личностью вниманіе русскаго общества, и не успѣвши къ началу осени собраться научно-общественныя учрежденія, какъ академія наукъ, литературный фондъ и др., поспѣшатъ устроить въ честь нашего великаго писателя торжественныя засѣданія, благодаря чему образъ его еще ярче предстанетъ передъ нами въ со-

отвѣтствующемъ освѣщеніи и обрисовкѣ. А пока это случится, мы полагаемъ, что изъ настоящаго далеко неполнаго и сокращеннаго очерка видно будетъ читателямъ, какіе разнообразныя пласты интеллигенціи и обывателей, какъ у себя на родинѣ, такъ и за предѣлами ея, сумѣлъ своимъ гениальнымъ и вдохновеннымъ словомъ привлечь къ себѣ Левъ Николаевичъ, и сколько около его имени сгустилось одновременно обожанія, поклоненія и любви—съ одной стороны, и съ другой—ненависти и недоброжелательности. Такое положеніе среди современниковъ въ міровой исторіи выпадало немногимъ, и Россія въ правѣ гордиться, что хоть на одинъ мигъ жизни къ ней въ культурномъ отношеніи приковалось вниманіе всего человѣчества. И этимъ мигомъ былъ именно день 28 августа.

В. Г.

С М Ъ С Ъ.

ИМБИРСКАЯ Карамзинская общественная библиотека только что закончила приведение в систему своего книжного древлехранилища. Это такъ называемое 1-е отдѣленіе библиотеки (въ отличіе отъ 2-го, раздаточнаго) до сихъ поръ представляло собою складочное мѣсто 35.000 томовъ старыхъ и даже древнихъ изданій, хранившихся сложенными въ груды. Благодаря расширенію помѣщенія библиотеки отводомъ трехъ большихъ залъ въ домѣ дворянства представилась возможность заняться разборомъ этого книжнаго богатства, представляющаго значительный библиографическій интересъ. Богатство это образовалось такимъ путемъ. Карамзинская библиотека, существующая 60 лѣтъ, первоначально возникла стараніями симбирскаго дворянства, даваема ей бесплатное помѣщеніе и пополюняваго ее книгами изъ собственныхъ старинныхъ библиотекъ. Такимъ способомъ за долгое время въ библиотекѣ накопились книги, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ теперь 300—400-лѣтнюю давность. Наибольше старыя книги — всѣ заграничныхъ изданій, вышедшихъ въ Амстердамѣ, Гаагѣ, Женевѣ, Венеціи, Парижѣ и другихъ городахъ. Между болѣе поздними изданіями встрѣчаются произведенія иностранныхъ знаменитостей: Шекспира, Тассо, Гольдони, Свифта, Вольтера, Руссо, Фридриха Великаго, Фенелона, Адама Смита, Давида Рикардо и др. Разумѣется, еще богаче представлена иностранная литература XIX вѣка. Въ числѣ многочисленныхъ заграничныхъ періодическихъ изданій попадаются представляющія теперь библиографическую рѣдкость, какъ, напримѣръ, журналъ Генри Рошфора «La lanterne» 1868 г. Еще въ большемъ количествѣ имѣются въ библиотекѣ старинныя русскія книги, начиная съ «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича. Особенно интересными для библиофила являются печатные листки съ произведеніями авторовъ екатерининской эпохи, а затѣмъ альманахи и журналы XVIII и XIX столѣтій, какъ-то: «Адская почта» (1769 г.), «Пустомеля»

(1770 г.), «Кошелекъ», сатирическій журналъ Н. П. Новикова (1774 г.), «Живописецъ», его же (1793 г.), «Бесѣдующій гражданинъ» (1789 г.), «Сатирическій Вѣстникъ» (1790 г.), «Муза» (1796 г.), «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» (1801 г.), «Талія» (1810—1812 г.), «Сѣверные Цвѣты» (1825 г.), «Календарь музъ» (1827 г.), «Невскій Альманахъ» (1828 г.), «Терсихора» (1828 г.), «Альціона» (1833 г.), «Полярная Звѣзда» (1832 г.), «Новоселье» (1833, 1834 и 1846 г.), «Минерва» (1807 г.), «Иллюстрированный альманахъ», изданіе Некрасова 1848 г. (съ карикатурами), и много другихъ. Газеты подобраны начиная съ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1758 года. Помимо книгъ и газетъ въ этомъ отдѣленіи библіотеки приведено въ порядокъ большое собраніе старинныхъ гравюръ, картинъ, портретовъ, картъ и плановъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. При разборѣ книгъ въ библіотекѣ оказалось нѣсколько тысячъ вторыхъ экземпляровъ (дублетовъ), предназначенныхъ за ненадобностью въ продажу. Для желающихъ пользоваться книгами этого отдѣленія библіотеки составленъ каталогъ въ карточной системѣ. Болѣе же рѣдкія и цѣнные изданія выдачѣ изъ библіотеки не подлежатъ и размѣщены для обозрѣнія въ особыхъ витринахъ со стеклами. Мено, что такое книжное богатство особенно дорого въ провинціи для тѣхъ, кто трудится по библіографіи, исторіи литературы, и т. п.

Симбирская губернская ученая архивная комиссія. На послѣднемъ своемъ засѣданіи комиссія заслушала докладъ предсѣдателя В. Н. Поливанова объ его археологической экскурсіи къ мѣсту развалинъ болгарскаго царства на берегу Волги, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Экскурсія эта была вызвана прибытіемъ французскаго археолога барона I. A. де-Бай съ цѣлью изслѣдованія знаменитыхъ развалинъ. Въ докладѣ своемъ г. Поливановъ констатировалъ крайне печальное явленіе продолжавшагося до самаго послѣдняго времени разрушенія высоко-цѣнныхъ въ научномъ отношеніи археологическихъ памятниковъ. Такъ, со времени перваго его посѣщенія развалинъ лѣтъ 30 тому назадъ, оказывается совершенно разрушенной существовавшая еще въ то время такъ называемая Вѣлая палата, одна изъ наиболѣе грандіозныхъ и прочныхъ построекъ. Въ настоящее время расхищеніе камней, какъ строительнаго матеріала, видимо, прекратилось, благодаря охраненію памятниковъ казанскимъ обществомъ археологій, исторіи и этнографіи. Экскурсанты произвели обслѣдованіе окружающей развалины мѣстности, причемъ главный интересъ свой сосредоточили на вѣроятности находенія здѣсь обширнаго болгарскаго могильника, до сихъ поръ еще никѣмъ не раскопаннаго. Съ возможными и необходимыми раскопками могильника докладчикъ ставитъ въ связь полученіе новыхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ для опредѣленія народности, къ которой принадлежали болгары, и которая до сихъ поръ еще совершенно не выяснена наукой. По аналогіи находимыхъ на поверхности земли мелкихъ предметовъ болгарскаго быта съ предметами раскопаннаго г. Поливановымъ Муранскаго могильника на берегу рѣки Усы въ Самарской Дукѣ приходится дѣлать пока заключеніе о сходствѣ культа народностей, населявшихъ эти двѣ приволжскія мѣстности. Подробный осмотръ остатковъ старины, сохраняющихся въ мѣстномъ православномъ храмѣ Успенія, не оправдалъ ожиданій. Особенно при-

шлось пожалѣть о небереженномъ церковномъ архивѣ, изъ котораго можно было бы почерпнуть много историческихъ свѣдѣній. Только найденная сто лѣтъ назадъ въ болгарскихъ развалинахъ рипида греческаго происхожденія, очень оригинальная по отдѣлкѣ, да деревянная рака отъ мощей св. мученика Авраамія, перенесенная изъ города Владимира, приковываютъ вниманіе интересующихся посѣтителей. Покупкою у мѣстныхъ жителей удалось приобрести нѣкоторые предметы, найденные въ развалинахъ, напримѣръ, большой каменный водоемъ, надгробную плиту съ арабскою надписью, нѣсколько монетъ, сферо-коническіе глиняные сосуды, серебряный витой браслетъ и др. Со всѣхъ болгарскихъ памятниковъ сняты фотографіи, которыми баронъ де-Баф намѣренъ иллюстрировать подготавливаемое къ печати сочиненіе о болгарахъ и болгарскихъ развалинахъ, имѣющее появиться на французскомъ языкѣ въ Парижѣ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Раскопки кургановъ около Москвы. 14-го сентября профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ въ присутствіи многочисленныхъ студентовъ была произведена раскопка кургановъ за дер. Волхонкой, въ 7-ми верстахъ по Серпуховскому шоссе, у дер. Чертановой. Курганы (числомъ 8) были вскрыты наканунѣ, 13-го сентября, а 14-го происходила очистка костяковъ и найденныхъ при нихъ вещей. Погребенія здѣсь встрѣчены, какъ обычно, на уровнѣ материка. Въ трехъ курганахъ найдены по два костяка. Всѣ черепа, за исключеніемъ одного женскаго, длинноголовые. При женскихъ погребеніяхъ встрѣчены характерныя для московскихъ кургановъ семилопастныя височныя подвѣски, сердоликовыя и изъ горнаго хрусталя бусы (одна бусина изъ зеленого стекла), ажурныя круглыя пряжки, перстни, кольца, пластинчатые и витые браслеты, бубенчики; у мужскихъ костяковъ находили только небольшіе желѣзные ножики и пряжки. Въ ногахъ покойниковъ стояли глиняные горшки съ однообразнымъ линейнымъ орнаментомъ. На двухъ горшкахъ днища имѣли клейма. Студенты подъ руководствомъ Д. Я. Самоквасова сами окапывали кости, причемъ профессоръ давалъ объясненія. Въ тотъ же г. Самоквасовъ ознакомилъ съ приемами раскопокъ, для чего въ присутствіи студентовъ было вскрыто еще два кургана. Кромѣ студентовъ, на работахъ присутствовало много воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній и масса крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень; послѣдніе считаютъ курганы насчитанными въ Отечественную войну французами, тогда какъ въ дѣйствительности они относятся къ IX—X вѣкамъ и не позднѣе XI вѣка.

Цѣпныя пріобрѣтенія историческаго музея. За послѣднее время историческій музей пріобрѣтъ очень важныя въ научномъ отношеніи остатки скифскаго періода. Пріобрѣтенія эти сдѣланы совершенно случайно. Въ историческій музей зимой пріѣхала какая-то крестьянка и привезла серебряный горшокъ съ изображеніемъ изъ скифской жизни, который музей пріобрѣлъ за 300 р. Получивъ неожиданно большую сумму, крестьянка уѣхала домой. Она живетъ около Никополя и нашла горшокъ при работахъ въ своемъ саду. Вскорѣ крестьянка возвратилась снова, привезя опять цѣпныя скифскіе памятники. Продавъ ихъ за 900 руб., она оставила Москву, а затѣмъ мѣсяць назадъ привезла снова два памятника, продавъ ихъ музею уже за 1.100 руб.

Среди привезенныхъ вещей было очень красивое деревянное блюдо, покрытое серебромъ, и какая-то странная вещь, назначеніе которой трудно опредѣлить. Эта вещь представляетъ собою хорошо сдѣланную виноградную кисть, отъ которой идетъ стержень съ пустотой внутри. Въ нѣкоторыхъ виноградникахъ сдѣланы маленькія отверстія. Вещь эту можно считать и кадильницей, и кропильницей. Во всякомъ случаѣ, надо полагать, что это одна изъ принадлежностей религиозныхъ обрядовъ.

200-лѣтній юбилей сраженія при Лѣсной 28 сентября исполняется 200 лѣтъ со дня славной побѣды, одержанной русскими войсками при деревнѣ Лѣсной надъ шведскими войсками. На мѣстѣ сраженія при деревнѣ Лѣсной, въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, будетъ совершена закладка памятника-храма и тамъ же къ этому дню ожидается окончаніе сооруженія особаго памятника, въ видѣ поставленнаго на высококомъ пьедесталѣ бронзоваго временъ императора Петра I орла, держащаго въ когтяхъ шведское знамя. Памятникъ этотъ сооружается на деньги, собранныя частями войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной, и будетъ освященъ въ день юбилея, 28 сентября, въ присутствіи депутацій отъ этихъ частей, а именно лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, 1-ой батареи лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка (бывшій Невскій драгунскій), 12-го гренадерскаго Астраханскаго императора Александра III полка и 9-го нѣхотнаго Пингерманландскаго императора Петра I полка. Деньги на сооруженіе этого памятника собраны офицерами поименованныхъ воинскихъ частей, а земля подъ памятникъ безвозмездно уступлена собственниками-крестьянами деревни Лѣсной. На торжество празднованія этого событія на мѣсто боя будутъ командированы также депутаціи отъ войсковыхъ частей виленскаго военнаго округа, сформированныхъ при императорѣ Петрѣ I. Въ Петербургѣ наканунѣ дня юбилея, по сообщенію «Русскаго Инвалида», будетъ отслужена панихида по императорѣ Петрѣ I, принцѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ и воинахъ, павшихъ въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной, а въ день юбилея послѣ молебна будетъ произведенъ парадъ находящимся въ Петербургѣ войскамъ, кои принимали участіе въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной.

50-лѣтній юбилей академика А. С. Фаминцына. 13 сентября исполнилось 50 лѣтъ ученой дѣятельности академика А. С. Фаминцына, извѣстнаго своими учеными трудами не только въ Россіи, но и за границей. Юбиларъ уклонился отъ официальнаго чествованія и даже, не взирая на нездоровье, выѣхалъ изъ Петербурга, тѣмъ не менѣе ему на квартиру доставлено много адресовъ и привѣтствій. Императорская академія наукъ въ лицѣ своихъ вице-президента П. В. Никитина и непремѣннаго секретаря С. Ф. Ольденбурга оставила тепло написанный адресъ отъ имени товарищей-академиковъ. Привѣтствовали также адресами комитетъ высшихъ женскихъ курсовъ, вольное экономическое общество и много учрежденій и частныхъ лицъ, преимущественно ученыхъ, среди которыхъ юбиларъ имѣетъ немало не только сыновей по наукѣ, но и внуковъ. А. С. Фаминцынъ заявилъ себя полюбѣка назадъ научными трудами еще во время первой своей поѣздки за границу для усовершен-

ствовавія въ избранной имъ подѣ влияніемъ лекцій профессора Ценковскаго наукѣ — ботаникѣ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ выдающихся работъ его надѣ влияніемъ свѣта на различные процессы растительной жизни. Классическими работами его и до сихъ поръ считаются въ ученомъ мѣрѣ работы надѣ водорослями и изслѣдованія надѣ растительной клеткою. Имъ же сдѣлано производное въ свое время огромное впечатлѣніе открытіе зооспоръ у лишайниковъ. Изъ печатныхъ трудовъ А. С. Фаминцына пользуются заслуженной извѣстностью его мемуары по исторіи развитія различныхъ органовъ растенія, затѣмъ: «Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ», «Руководство по физиологіи растеній», «Обзоры ботанической дѣятельности въ Россіи», «Психологія и естествознаніе» и много различныхъ статей, особенно же статей о симбіозѣ. Въ среду академиковъ юбиляр попалъ въ самую цвѣтущую пору своей научной дѣятельности и состоитъ членомъ академіи уже тридцать лѣтъ.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНІЙ, архієпископъ. Въ Уральскѣ скончался знаменитый въ старообрядчествѣ бѣлокриницкаго согласія архієпископъ Арсеній, въ мѣрѣ Анисимъ Васильевичъ Швецовъ. Родился онъ въ 1839 году въ семьѣ старообрядцевъ-безпоповцевъ, крестьянъ деревни Ильина-Гора Вязниковскаго уѣзда Владимирской губ. Будучи около 25 лѣтъ, перешелъ изъ безпоповства въ поповщинское австрійское согласіе, гдѣ его вскорѣ сдѣлали священникомъ, и въ этомъ санѣ онъ цѣлыхъ 15 лѣтъ былъ писемоводителемъ у очень извѣстнаго тогда старообрядческаго архієпископа Антонія въ Москвѣ. Въ 1885 г. Швецовъ принялъ монашество и сталъ выступать въ качествѣ старообрядческаго начетчика, обращая на себя вниманіе даже ученыхъ своей большой эрудиціей. Къ этому времени относится его знакомство съ Т. И. Филиповымъ, проф. П. Θ. Никольскимъ, нынѣ здравствующимъ В. П. Ламанскимъ и другими знатоками старны и богословскихъ вопросовъ. Затѣмъ онъ жилъ въ Австріи, въ Буковинѣ, занимаясь издательствомъ старообрядческихъ произведеній. Въ 1890 — 91 гг. дважды былъ заключаемъ въ Суражскую тюрьму (въ Черниговской губ.) за бесѣды съ миссіонерами. Въ 1897 г. сдѣланъ епископомъ и проявилъ необычайную дѣятельность, устранивъ старообрядческіе приходы, выступающія въ собесѣдованіяхъ, принимая участіе въ соборахъ, съѣздахъ, совѣщаніяхъ и проч. и проч. Перу еп. Арсенія принадлежитъ цѣлый рядъ произведеній по старообрядческому вопросу, считающихся у старообрядцевъ выдающимися. У покойнаго было большое собраніе книгъ и рукописей. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11676.

† **Борисовъ, Н. А.** Въ воскресенье, 17 августа, въ церкви Рождства Пресвятой Богородицы, что на Бутыркахъ, состоялось отпѣваніе тѣла скончав-

нагоса сотрудника «Московских Вѣдомостей» Н. А. Борисова. Покойный былъ долготѣтнимъ сотрудникомъ какъ этой, такъ и другихъ московскихъ газетъ. Онъ скончался на 51 году своей жизни, оставивъ совершенно необеспеченную семью, въ которой насчитывается пять малолѣтнихъ дѣтей.

† **Ганскій, А. П.** 24 августа скончался товарищъ предсѣдателя русскаго астрономическаго общества, извѣстный астрономъ Алексѣй Павловичъ Ганскій. Окончивъ курсъ въ новороссійскомъ университетѣ, А. П. посвятилъ свою дѣятельность преимущественно изученію явленій, происходящихъ на солнцѣ. Онъ открылъ законъ періодичности измѣненія солнечной короны, наблюдаемой до настоящаго времени только во время полныхъ солнечныхъ затмѣній; онъ разобралъ сложные явленія, происходящія на поверхности солнца, открывъ циклъ развитія такъ называемыхъ «грануляцій»: онъ опредѣлилъ солнечную постоянную, и для этой цѣли нѣсколько разъ восходить на вершину Монблана. Каждое восхожденіе было сопряжено съ большими затрудненіями, не было безопасно для жизни: даже привычные проводники не выдерживали этого восхожденія. Среди нихъ были случаи смерти отъ разрыва сердца; но А. П. ничто не останавливало. Опредѣливъ солнечную постоянную, онъ предпринялъ рядъ опытовъ для уясненія возможности фотографировать солнечную корону помимо полныхъ солнечныхъ затмѣній; его блестящія изслѣдованія въ этой области остались незаконченными. Энергія А. П. была изъ рода выходящая: помимо восхожденій на Монбланъ, онъ два лѣта провелъ на Шпицбергенѣ, гдѣ опредѣлилъ силу тяжести, и одно — на Новой Землѣ для наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія; онъ трижды совершалъ полетъ на свободномъ шарѣ для наблюденія падающихъ звѣздъ. Въ нынѣшнемъ году А. П. былъ назначенъ завѣдывать обсерваторією, пожертвованной Мальцевымъ академіи наукъ въ Симензѣ; онъ отправился туда принимать и устраивать обсерваторію; ему улыбалась новая дѣятельность въ хорошо обставленной обсерваторіи, въ чудномъ климатѣ и подъ дивнымъ крымскимъ небомъ, но неумолимая смерть все разрушила, оторвавъ А. П. отъ науки и друзей: онъ погибъ, купааясь въ Черномъ морѣ, въ Симензѣ, погибъ въ самомъ расцвѣтѣ лѣтъ, ему было всего 38 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11668).

† **Гундобинъ, Н. П.** 15 сентября скончался профессоръ дѣтскихъ болѣзней Николай Петровичъ Гундобинъ. Снова тяжелая и незамѣнимая утрата въ русской педиатріи. Умеръ выдающійся, научный труженикъ, высоко благородный русскій человекъ, посвятившій всю жизнь свою на пользу «малыхъ сихъ». Неожиданно подкравшійся недугъ пресѣкъ жизнь, полную энергіи и надежды на будущее... Для русской педиатріи утрата въ лицѣ Н. П. Гундобина, какъ специалиста, особенно чувствительна: своими научными трудами онъ много способствовалъ развитію этой специальности въ Россіи; Н. П. былъ извѣстенъ не только въ нашемъ обширномъ отечествѣ, но и за границей, гдѣ научныя заслуги его были должнымъ образомъ оцѣнены и имя его было поставлено въ ряду наиболѣе выдающихся современныхъ педиатровъ. Какъ врачъ, Н. П. былъ любимъ своими маленькими паціентами; какъ учитель, онъ увлекать

учениковъ своею преданностью наукъ, училъ насъ вѣрить въ прогрессъ науки и служить ей. Почти 11 лѣтъ занималъ Н. П. постъ профессора императорской военно-медицинской академіи по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, послѣ ухода проф. Н. П. Быстрова. За это время болѣе 200 научныхъ изслѣдованій было проведено подъ постояннымъ наблюденіемъ и подъ руководствомъ профессора Гундобина, многіе научные вопросы, касающіеся изученія особенностей дѣтскаго возраста, законовъ развитія дѣтскаго организма, были разработаны покойнымъ профессоромъ и получили благодаря его изслѣдованіямъ новое научное освѣщеніе. Умеръ Н. П. всего лишь 48 лѣтъ отъ роду. Среднее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, а высшее медицинское въ московскомъ университетѣ. По окончаніи университета Н. П. работалъ въ качествѣ ординатора въ дѣтской клиникѣ проф. Н. А. Тольскаго. Позднѣе, переселившись въ Петербургъ, онъ занимался въ воспитательномъ домѣ и много работалъ въ области чистой науки въ императорскомъ институтѣ экспериментальной медицины, вмѣстѣ съ проф. Н. П. Усковымъ. Занявъ постъ профессора академіи, онъ собралъ вокругъ себя студентовъ и молодыхъ врачей, которыхъ своимъ примѣромъ училъ работать для блага человечества и для дальнѣйшаго развитія науки. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.679).

† **Коровинъ, Н. П.** 25 августа скончался выдающійся врачъ, видный представитель педиатріи, пользующійся громадною популярностью и стяжавшій любовь и искреннюю признательность всѣхъ обращавшихся къ нему за совѣтомъ и помощью при недугахъ дѣтей. Иванъ Павловичъ Коровинъ былъ питомецъ медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, занявъ затѣмъ мѣсто ассистента при кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, представителемъ которой тогда былъ профессоръ Николай Ивановичъ Быстровъ; многіе годы Н. П. состоялъ ближайшимъ помощникомъ и выдающимся ученикомъ Н. П. Быстрова, и тутъ въ дѣтской клиникѣ больницы баронета Вилліе ему приходилось руководить первыми шагами студентовъ четвертаго курса у постели больныхъ дѣтей; кто имѣлъ случай и счастье видѣть у постели больного ребенка Н. П. Коровина и учиться приемамъ изслѣдованія дѣтей подъ его руководствомъ, никогда не забудетъ этого многоопытнаго клинициста, дальновиднаго діагноста и осторожнаго терапевта, съ необычайнымъ искусствомъ умѣющаго подступиться къ требующему столь много обдуманности, осторожности, вниманія, терпѣнія и любви къ дѣтямъ изслѣдованію больного ребенка. Защитивъ на степень доктора медицины диссертацію о пищеварительныхъ ферментахъ поджелудочной железы у дѣтей, Н. П. много лѣтъ оставался при дѣтской клиникѣ, и ему многія тысячи русскихъ врачей обязаны своими практическими познаніями въ области педиатріи; вполнѣдствіи Н. П. завѣдывалъ обширнымъ отдѣленіемъ для больныхъ дѣтей при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и состоялъ лейбъ-педиатромъ Двора Его Императорскаго Величества, имѣя при томъ, пожалуй, самую обширную городскую практику по дѣтскимъ болѣзнямъ. Назрѣненіе знаменитаго вѣнскаго клинициста Нотнагеля, что лишь хорошій человѣкъ можетъ быть хорошимъ врачомъ, какъ нельзя болѣе подходило къ Н. П.: это былъ добрый-

шей души человѣкъ, искренне преданный своему святому дѣлу, никогда не отказывающій въ совѣтѣ и помощи равно бѣдному, какъ и богатому; много тысячъ матерей, маленькихъ любимцевъ которыхъ онъ спасалъ изъ когтей смерти и страданія конхъ онъ, благодаря своему искусству и знаниямъ, всегда облегчалъ, помянуть его добрымъ словомъ и помолитя за упокоеніе души его, а глубоко-симпатичный образъ этого благороднѣйшаго врача-человѣка вѣчно будетъ жить въ сердцахъ его друзей, товарищей, учениковъ! (Некрологъ его: «Сиб. Вѣдомости» 1908 г., № 193).

† **Коркинъ, А. Н.** 19 августа скончался послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ старѣйшихъ, даже самый старый русскій математикъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университета Александръ Николаевичъ Коркинъ. Родился онъ въ Вологдѣ въ 1837 г. и, поступивъ 10-лѣтнимъ мальчикомъ въ мѣстную гимназію, окончилъ курсъ въ 1853 г. съ золотой медалью, а въ слѣдующемъ году былъ принятъ въ число студентовъ математическаго отдѣленія физико-математическаго факультета. Будучи на 2-мъ курсѣ, А. Н. получилъ золотую медаль за сочиненіе «О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ». По окончаніи курса университета въ 1858 г., А. Н. получилъ должность учителя математики въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ научныя занятія. Въ 1860 г. А. Н. сдалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацию на тему «Объ опредѣленіи произвольныхъ функций въ интегралахъ линейныхъ уравненій съ частными производными», послѣ чего 12 июля 1861 г. назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ чистой математики, сдѣлавшейся вакантною послѣ В. А. Буняковского. По закрытіи университета въ 1862 г. А. Н. причисленъ вмѣстѣ съ другими профессорами и преподавателями къ министерству народнаго просвѣщенія, «съ сохраненіемъ содержанія и правъ по учебной части», и сразу затѣмъ высочайше командированъ за границу съ ученой цѣлью на 2 года, проведя ихъ въ ученыхъ занятіяхъ въ Парижѣ и Берлинѣ у извѣстнѣйшихъ математиковъ Бертрана, Ляме и другихъ. Согласно новому университетскому уставу 1863 г. А. Н. былъ переименованъ въ штатные доценты, въ 1868 г. защитилъ докторскую диссертацию на тему «О совокупныхъ уравненіяхъ съ частными производными и нѣкоторыхъ вопросахъ механики», въ 1868 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1873 г.—ординарнымъ. Въ 1886 г. А. Н. получилъ званіе заслуженнаго профессора и въ 1888 г., по выслугѣ 30 лѣтъ, оставленъ на службѣ въ званіи профессора, причемъ перешелъ за штатъ. Кромѣ множества мелкихъ статей по разработкѣ математическихъ вопросовъ, А. Н. написалъ 14 обширныхъ научныхъ трудовъ, изъ которыхъ только четыре составлены на рускомъ языкѣ, всѣ же остальные—на французскомъ. Въ продолжительное время своей педагогической дѣятельности (безъ одного мѣсяца 50 лѣтъ) А. Н. читалъ лекціи по всѣмъ отдѣламъ математики, причемъ лекціи его всегда отличались ясностью изложенія и изяществомъ формы. Въ послѣдніе годы А. Н. читалъ интегральное исчисленіе съ варіаціоннымъ, и давно уже составленные имъ курсы по этимъ отдѣламъ понынѣ считаются лучшими изъ всѣхъ существующихъ. Преемники Буняковского, современники Сомова и Чебышева, А. Н. создалъ цѣлую школу моло-

дыхъ математиковъ, и многіе его ученики состоятъ нынѣ профессорами русскихъ университетовъ (въ томъ числѣ С. П. Глазенашъ и другіе). Проведя почти всю свою жизнь въ стѣнахъ петербургскаго университета, А. Н. былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ 50-лѣтней дѣятельности этой высшей школы, близко принимавшимъ къ сердцу всѣ горести и радости академической и студенческой жизни. Утрата А. Н., на ряду съ недавно оставившими петербургскій университетъ проф. Д. П. Коноваловымъ, акад. А. И. Соболевскимъ и акад. А. А. Марковымъ, должна, безспорно, сильно ослабить значеніе этого университета, какъ лучшаго въ Россіи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11654).

† **Кункинъ, І. Я.** 12 сентября скончался дѣятельный членъ тверской архивной комиссіи Іоасафъ Іаковлевичъ Кункинъ. Получивъ образованіе въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, покойный широко развилъ себя самообразованіемъ. Послѣ него осталась собранная имъ хорошая бібліотека, главнымъ образомъ историческихъ книгъ, коллекція старинныхъ одеждъ и монетъ. І. Я. издалъ «Акты Кашина», 2 вып., извлеченные по преимуществу изъ московскихъ архивовъ. Пріѣзжіе археологи и любители старины находили у него радушный пріемъ. Въ разное время онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей, гласнымъ кашинскаго земскаго собранія, церковнымъ старостой, учредителемъ и почитателемъ кашинской духовной бібліотеки, а также церковно-приходской школы. Умеръ онъ 70 лѣтъ отъ болѣзни сердца. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г. № 11677).

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Скончавшійся 19 сентября отъ холеры Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій погибъ въ расцвѣтѣ силъ. Ему было всего 39 лѣтъ. Оставленный при университетѣ по кафедрѣ русской исторіи, онъ специализировался по изученію соціального строя въ удѣльной Русіи. Ему принадлежитъ очень оригинальная и интересная теорія о томъ, что древняя Русь имѣла рядъ институтовъ, воиловъ аналогичныхъ съ западными феодальными отношеніями. Эту теорію Н. П. заявилъ въ работахъ, озаглавленныхъ «Закладничество-патронатъ», «Феодальныя отношенія въ древней Русіи», «Новое объясненіе закладничества» и т. д. Въ прошломъ году покойный былъ избранъ профессоромъ на высшихъ женскихъ курсахъ, а осенью этого года — въ политехникумѣ. Слушательницы отзывались о немъ, какъ о живомъ и энергичномъ преподавателѣ, страстно любившемъ науку. Въ лицѣ покойнаго русская ученая мысль потеряла очень цѣннаго работника. Подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности столь трагически и безвременно погибшаго ученаго будутъ даны въ ближайшей (ноябрьской) книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

† **Цель, А. В.** Въ Берлинѣ скончался почетный профессоръ императорскаго клиническаго института, редакторъ-издатель «Журнала медицинскій химіи и органо-терапіи», докторъ химіи Александръ Васильевичъ Цель. Ему впервые удалось добыть въ чистомъ видѣ сперминъ, завоевавшій себѣ видное мѣсто среди медицинскихъ средствъ при борьбѣ со многими болѣзнетворными вліяніями. Въ этой области покойный явился удачнымъ исследователемъ дѣйствующаго начала бромъ-секаровой вытяжки. Цѣнность его открытія подтверждена множествомъ ученыхъ: Д. И. Менделѣевымъ, академикомъ Р. П. Тар-

хановымъ и другими въ Россіи и за границей. Имя профессора Пеля вмѣстѣ съ его сперминомъ облетѣло весь медицинскій міръ. Помимо обстоятельнаго и всесторонняго химическаго разъясненія физиологическаго дѣйствія спермина, сдѣланнаго между прочимъ и въ парижской Académie de Sciences въ 1892 г., покойнымъ произведено множество цѣнныхъ изслѣдованій въ областяхъ аналитической и медицинской химіи, фармаціи и органо-терапіи. Онъ занимался изслѣдованіемъ атропина, датурина, алкалоидовъ калабарскаго боба и другихъ веществъ, установилъ рациональные способы приготовленія галеновыхъ препаратовъ, примѣнилъ оптическіе методы въ судебно-химическомъ изслѣдованіи растительныхъ ядовъ и произвелъ рядъ работъ по уросемиотикъ и по анализамъ минеральныхъ и рѣчныхъ водъ Европейской и Азіатской Россіи. Его пытливый умъ никогда не зналъ отдыха, онъ всегда былъ въ работѣ и подарилъ наукѣ много цѣннаго. А. В. родился въ 1850 году, образованіе получилъ въ петербургскомъ реформатскомъ училищѣ, затѣмъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ сдалъ экзаменъ на провизора. Въ 1873 г. защитилъ диссертацию на степень магистра фармаціи и отправился за границу для спеціальнаго изученія химіи. Въ Гиссенѣ въ 1876 году получилъ степень доктора философіи, черезъ четыре года защитилъ въ юрьевскомъ университетѣ диссертацию «Фармакогностическое и химическое изслѣдованіе листьевъ *Rhus officinalis*» на степень магистра химіи, въ 1882 г. получилъ званіе доктора химіи по защитѣ диссертации «О нахожденіи и образованіи пептона въ пищеварительнаго аппарата и объ обратномъ превращеніи пептона въ бѣлокъ». Съ 1877 года въ качествѣ приватъ-доцента онъ читалъ лекціи по фармаціи въ медико-хирургической академіи, затѣмъ былъ профессоромъ медицинской химіи въ императорскомъ клиническомъ институтѣ. Одновременно покойный былъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и часто выполнялъ порученія по судебно-химическимъ изслѣдованіямъ. Какъ этимъ, такъ и другимъ его изслѣдованіямъ много способствовала образцово устроенная имъ лабораторія при его аптекѣ (на Васильевскомъ островѣ), доставшейся ему отъ отца. Онъ живо интересовался также петербургскою городской жизнью и принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ опредѣленіи непригодности пухерговекой муки, купленной городомъ въ неурожайный годъ, и маргарина, распространившагося по городу. Кромѣ цѣлага ряда спеціальныхъ изслѣдованій, имъ опубликовано множество работъ общаго характера: «Асептика и антисептика при приготовленіи врачебныхъ средствъ», «Химическія и бактериологическія изслѣдованія по вопросамъ водоснабженія и фильтрованія воды» и другія. Нѣкоторые изъ его изслѣдованій печатались въ 90-хъ годахъ въ «Новомъ Времени». Среди всѣхъ, знавшихъ покойнаго, осталась по немъ славная память, какъ о хорошемъ и добромъ человѣкѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11662).

† **Перетятковичъ, Г. П.** 7 августа скончался въ городѣ Кишиневѣ профессоръ новороссійскаго университета Георгій Ивановичъ Перетятковичъ. Покойный профессоръ родился въ Оргѣевскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи въ 1840 году. Учился онъ сначала въ кишиневской гимназіи, а затѣмъ въ одесскомъ Ришельевскомъ лицѣѣ (преобразованномъ вполнѣдствіи въ новорос-

сійскій университетъ) на камеральномъ отдѣленіи, которое окончилъ въ 1860 году. Затѣмъ онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета и въ 1864 году выдержалъ экзаменъ на званіе кандидата. Впрочемъ, еще въ 1863 году онъ поступилъ на педагогическіе курсы при московскомъ университетѣ для изученія исторіи, причемъ работалъ сначала подъ руководствомъ профессора Ешевскаго, а затѣмъ—С. М. Соловьева. Въ 1865 году онъ занялъ мѣсто учителя исторіи въ первой московской гимназій, причемъ пользовался, какъ преподаватель, большою любовью учениковъ и популярностью. Въ 1869—70 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи, а черезъ два года получилъ заграничную командировку, во время которой работалъ въ Прагѣ и Берлинѣ. По возвращеніи изъ-за границы онъ занялся подготовкой диссертациі на степень магистра, которую, послѣ трехлѣтней работы въ московскихъ архивахъ и библіотекахъ, напечаталъ подъ заглавіемъ: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи колонизаціи края», и защитилъ въ маѣ 1877 г. Въ томъ же году профессоръ Некрасовъ предложилъ избрать его въ приватъ-доценты новороссійскаго университета, и такимъ образомъ онъ съ осени 1877 года перешелъ въ Одессу. Въ 1882 году онъ получилъ въ Москвѣ степень доктора за диссертацию «Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в. Очерки изъ исторіи Низовья». Въ 1882 году профессоръ Перетятковичъ избранъ былъ экстраординарнымъ, а въ 1886 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ. По выслугѣ тридцатилѣтія онъ получилъ званіе заслуженнаго профессора, на правахъ котораго и преподавалъ до самой смерти. Покойный писалъ немного: кромѣ названныхъ выше двухъ диссертаций, послѣ него осталось еще только небольшое количество печатныхъ трудовъ. Но работать онъ не переставалъ до самаго послѣдняго времени, тщательно слѣдя за новой исторической литературой, книжною и журнальною. Въ своей преподавательской дѣятельности онъ особенное вниманіе обращалъ на время до начала XVII вѣка, а также читалъ спеціальныя курсы по эпохѣ Петра Великаго, русской исторіографіи и исторіи колонизаціи. Глубокій знатокъ своего предмета, онъ въ то же время былъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ и умѣлъ очаровывать своей любезностью и добротою. Онъ велъ жизнь отшельника, ограничиваясь лишь небольшимъ университетскимъ кружкомъ товарищей и нѣсколькими домами старыхъ знакомыхъ. Въ тяжелые смутные годы онъ, твердый и дальновидный патріотъ, непоколебимо стоялъ на стражѣ родной страны и роднаго университета, которому отдалъ лучшіе годы своей жизни. Онъ глубоко страдалъ при видѣ университетскихъ неурядицъ и гибели нашей науки и нашей культуры въ грязныхъ волнахъ «освободительнаго движенія», и эта скорбь, скорбь ученаго и патріота, подорвала его крѣпкое до тѣхъ поръ здоровье. Весною нынѣшняго года у него, совершенно случайно, обнаружена была тяжелая болѣзнь сердца, хотя все же трудно было предвидѣть близость роковаго конца. Нѣсколько оправившись, профессоръ уѣхалъ въ Кипчиневъ къ брату, гдѣ и скончался, искренно оплакиваемый всѣми, кто имѣлъ возможность ближе узнать его. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 191).

† **Султановъ, П. В.** Въ Висбаденѣ скончался 2 сентября профессоръ Николай Владимировичъ Султановъ, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ и предѣдатель техническо-строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Имя покойнаго тѣсно связано съ памятникомъ императору Александру II въ московскомъ Кремлѣ. Памятникъ этотъ сооруженъ по проекту, составленному имъ совместно съ П. В. Жуковскимъ. П. В. родился въ 1850 году, образованіе получилъ въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Службу началъ въ техническомъ строительномъ комитетѣ и вскорѣ былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя читать лекціи по исторіи архитектуры въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность его была неразрывно связана съ институтомъ, гдѣ онъ былъ профессоромъ, читалъ лекціи по исторіи архитектурныхъ формъ и гражданской архитектурѣ и съ 1895 г. былъ директоромъ болѣе десяти лѣтъ. Одновременно читалъ въ археологическомъ институтѣ о древнерусскомъ искусствѣ, въ технологическомъ институтѣ и въ Николаевской инженерной академіи по строительному искусству. По службѣ въ техническо-строительномъ комитетѣ, предѣдателемъ котораго былъ съ 1903 года, онъ во время командировокъ съ любовью занимался изученіемъ на мѣстахъ открытыхъ сооружений и предметовъ стариннаго обихода, а также съ особенною заботливостью реставрировалъ древнія церкви, возстановляя ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были сооружены. Имъ между прочимъ были возобновлены церковь св. Троицы въ селѣ Останкинѣ, главный храмъ въ московскомъ Никитскомъ монастырѣ и другіе, проектирована реставрація дворца царевича Дмитрія въ Угличѣ. Кроме того, по его проектамъ или при его ближайшемъ сотрудничествѣ возведено вѣскольکو построекъ: новая придворная церковь въ Петергофѣ, внутренняя отдѣлка дома кн. Юсуповыхъ и другія. Покойный извѣстенъ также вѣсколькими крупными печатными трудами, изъ которыхъ назовемъ «Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра» (атласъ съ 494 рисунками), «Теорія архитектурныхъ формъ; каменные формы» (два выпуска съ атласомъ съ 338 чертежами). Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Зодчій» и напечаталъ въ немъ множество статей по своей специальности. Умеръ 58 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11668).

† **Тауберъ, А. С.** Скончавшійся 8 сентября профессоръ Александръ Семеновичъ Тауберъ пользовался извѣстностью опытнаго и знающаго хирурга. Покойный родился въ 1848 г. По окончаніи курса въ новороссійскомъ университетѣ по естественному отдѣлу онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ технологическій институтъ, но вскорѣ перешелъ въ медико-хирургическую академію, курсъ которой кончилъ однимъ изъ трехъ первыхъ. Избравъ своей специальностью хирургию, онъ занимался у профессора Склифасовскаго и защитилъ диссертацию: «Объ искусственномъ удлиненіи конечностей» на степень доктора медицины. Въ 70-хъ годахъ профессоръ Тауберъ занялъ кафедру хирургіи въ варшавскомъ университетѣ и былъ профессоромъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Одновременно онъ руководилъ хирургической клиникой Св. Младенца Иисуса. Въ 1901 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, около года читалъ хирургию въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, затѣмъ въ теченіе

пяти лѣтъ редактировалъ «Военно-Медицинскій Журналъ», совершенно реформировавъ это изданіе и постепенно улучшивъ его. Онъ состоялъ, кромѣ того, совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Перу покойнаго принадлежитъ множество научныхъ работъ. Изъ нихъ капитальнѣйшимъ трудомъ является трехтомное изслѣдованіе: «Современныя школы хирургіи въ главнѣйшихъ государствахъ Европы», премированное военно-медицинской академіей. Цѣнны также его клиническія лекціи «Хирургія головного мозга». Затѣмъ онъ издалъ «Словарь медицинскихъ терминовъ» и перевелъ съ французскаго «Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи» Р. Тиллаух, выдержавшее два изданія. Въ текущемъ году имя выпущенъ подъ псевдонимомъ А. Сталь очень интересная книга «Пережитое и передуманное студентомъ, врачомъ и профессоромъ», о которой въ свое время былъ данъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.676).

† **Черняевъ, Н. П.** Скончавшійся 26 августа главный врачъ больницы св. Маріи Магдалины, Николай Ивановичъ Черняевъ, пользовался извѣстностью, какъ одинъ изъ опытныхъ врачей по внутреннимъ болѣзнямъ. Больницей св. Маріи Магдалины онъ руководилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и за это время успѣлъ сдѣлать многое для лучшей постановки дѣла больничнаго врачеванія. Н. П. родился въ 1851 г., окончилъ курсъ въ кievскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ лекаремъ. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. онъ боролся съ тифозной эпидеміей, сопровождая дѣйствующую армію до Адрианополя вмѣстѣ съ военнымъ № 66 госпиталемъ. Затѣмъ былъ прикомандированъ къ клиникѣ медико-хирургической академіи; былъ военнымъ врачомъ и съ 1883 г. — ординаторомъ Александровской городской барачной больницы, одновременно состоя докторомъ Пендорскаго женскаго училища и братіи Александро-Невской лавры (до 1888 г.). Въ 1883 г. защитилъ диссертацию: «О развитіи хроническаго интестинальнаго воспаленія печени въ дѣтскомъ возрастѣ» на степенъ доктора медицины. Съ 1893 г. дѣятельность его сосредоточилась въ больницѣ св. Маріи Магдалины. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ с.-петербургскомъ незначительномъ комитетѣ о сестрахъ общества Краснаго Креста. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.665).

† **Швансбахъ, П. Х.** Скончался одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ праваго крыла государственнаго совѣта, почетный опекунъ т. с. Петръ Христіановичъ Швансбахъ. Родился П. Х. въ 1848 г.; получилъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи котораго поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Состоя уже въ этомъ вѣдомствѣ, П. Х. воспользовался двухгодичнымъ отпускомъ для довершенія юридическаго и политико-экономическаго образованія и слушалъ лекціи въ парижскомъ и лейпцигскомъ университетѣхъ. По возвращеніи изъ-за границы П. Х. перешелъ на службу въ министерство финансовъ и въ этомъ вѣдомствѣ служилъ много лѣтъ, послѣдовательно занимая должности отъ столоначальника до вице-директора кредитной канцеляріи. Нѣкоторое время затѣмъ покойный занималъ постъ товарища управляющаго государственнымъ банкомъ, а въ 1893 г. былъ назначенъ чле-

номъ совѣта министра финансовъ. Съ 1888 по 1891 г. П. Х. управлялъ дворомъ покойной великой княгини Екатерины Михайловны, завѣдуя при этомъ и обширными земельными и лѣсными имѣніями великой княгини. Въ 1896 г. П. Х. былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ и въ этомъ званіи ему было поручено сначала завѣдываніе хозяйственною частью двухъ Смольныхъ институтовъ, затѣмъ управленіе училищемъ св. Елены и наконецъ надзоръ за учебною частью Павловскаго института. Въ 1904 г. П. Х. былъ призванъ на постъ товарища министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а черезъ короткое время былъ назначенъ главноуправляющимъ этимъ вѣдомствомъ. Въ томъ же 1905 г. П. Х. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Главноуправляющимъ земледѣліемъ и землеустройствомъ П. Х. былъ недолго, короткое время затѣмъ покойный былъ государственнымъ контролеромъ. Перу покойнаго принадлежатъ два экономическія изслѣдованія: «Денежное преобразование и народное хозяйство» и «Наше податное дѣло». (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11. 679).

† **Яковлевъ, В. Е.** Въ городѣ Евпаторіи скоропостижно скончался извѣстный ученый — членъ русской, англійской и французской академій наукъ Василій Евграфовичъ Яковлевъ. Покойный былъ однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ энтомологовъ. Онъ родился 28 января 1839 г. въ городѣ Царицынѣ на Волгѣ, среднее образованіе получилъ въ саратовской гимназій, а высшее на естественномъ отдѣлѣ казанскаго университета. По окончаніи курса со степенью кандидата, покойный состоялъ учителемъ симбирской гимназій, откуда затѣмъ перешелъ въ астраханскую. Съ 1866 года онъ поступилъ на службу по вѣдомству государственнаго контроля, былъ одно время завѣдующимъ каспійскими рыбными промыслами, послѣ—управляющимъ Иркутскою контрольною палатой. Выслуживъ пенсію, В. Е. Яковлевъ съ 1897 года окончательно поселился въ Евпаторіи и тутъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ до самой своей смерти не переставалъ заниматься любимыми имъ изслѣдованіями, совершая экскурсіи для отысканія новыхъ экземпляровъ насѣкомыхъ, проводя цѣлыя ночи за ихъ описаніями и постоянно отправляя свои рукописи въ спеціальныя ученые изданія. Большинство работъ покойнаго (а ихъ въ общей сложности свыше двухсотъ) посвящено подужестокрылымъ кавказской, крымской и русско-азіатской фауны. В. Е. Яковлевъ до послѣдней минуты поддерживалъ самыя оживленныя сношенія съ ученымъ міромъ. Къ нему часто обращались съ запросами многіе русскіе и иностранные профессора, высоко цѣнившіе его познанія,—для опредѣленія новыхъ видовъ насѣкомыхъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 199).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Вольный духъ ¹⁾.

Недавно скончался бывшій въ пятидесятыхъ годахъ цензоромъ Елагинъ; смерть его дала возможность пересказать вновь сказку о вольномъ духѣ, техническомъ кухонномъ выраженіи, которое будто бы Елагинъ исключилъ изъ поваренной книги г-жи Авдѣевой, просматривая эту книгу, какъ цензоръ.

Екатерина Алексѣевна Авдѣева, авторъ поваренной книги, весьма распространенной въ Россіи около 1850 года, моя родная тетка, сестра отца моего Ксенофонта Алексѣевича Полевого. Это была очень умная, начитанная женщина, овдовѣвшая послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, и затѣмъ лѣтъ пятьдесятъ зарабатывавшая себѣ и семьѣ своей средства для жизни. Прекрасная хозяйка, она задумала составить первую въ Россіи поваренную книгу. Книга пошла въ ходъ и, несмотря на обирательство разныхъ издателей, доставляла своей сочинительницѣ очень порядочный доходъ. Членъ литературной семьи, проводя жизнь въ кругу литераторовъ, Екатерина Алексѣевна стыдливо относилась къ своему авторству «поваренной книги», не любила, когда упоминали объ этомъ; семья знала это и исполняла ея желаніе, какъ чудачество доброй и почтенной старушки.

Въ 1853 году отецъ мой жилъ въ Петербургѣ; 26 января онъ былъ именинникъ, и вся многочисленная родня собралась у него къ обѣду; Екатерина Алексѣевна была въ числѣ гостей. За обѣдомъ ей пришлось сидѣть рядомъ съ Иваномъ Васильевичемъ Линкомъ, въ то время председателемъ коммерческаго суда въ Петербургѣ. Тетушка очень любила его, какъ умнаго, острогаго и образованнаго собесѣдника. Во время обѣда подали какое-то кушанье, которое показалось ей прекрасно изготовленнымъ, и она высказала это громко матери моей, сидѣвшей подальше. Острякъ П. В. Линкъ подхватилъ эти слова и обратился къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ замѣчаніемъ:

«Кушанье это такъ удалось оттого, что навѣрное изготовлялось по прежнему изданію вашей поваренной книги, а не по новѣйшему, только что появившемуся».

Екатерина Алексѣевна смутилась и, не понимая намековъ П. В. Линка, такъ какъ до нея не дошла еще сплетня объ исключеніи изъ ея книги словъ «вольный духъ», просила у него объяснить точнѣе, что онъ хочетъ сказать. П. В. Линкъ только этого и ожидалъ и таинственно сказалъ ей:

¹⁾ Когда въ 1891 году я попросилъ одну изъ распространенныхъ газетъ помѣстить на ея страницахъ эту небольшую статью, оказалось, что цензоръ не дозволилъ напечатать ее, какъ опасное разоблаченіе.

«Не секретничайте, Екатерина Алексѣевна! Весь Петербургъ знаетъ о вашемъ столкновеніи съ цензоромъ, который пришелъ въ ужасъ отъ того, что почти на каждой страницѣ вашей поваренной книги вы толкуете о «вольномъ духѣ»! Вы указываете, что пироги надо ставить въ печь «на вольный духъ»! Жаркое должно жариться «въ вольномъ духу» — и такъ во всякомъ почти кушаньи. Естественно, что при нынѣшнихъ строгостяхъ цензоръ вычеркнулъ все это и замѣнилъ словами: «въ жарко натопленной печи» или «въ умѣренно истопленной печи». Это тѣмъ необходимѣе, что книга эта предназначена для руководства молодымъ хозяйкамъ. Согласитесь, что внушать имъ «вольный духъ» правительство не можетъ дозволить! Но такъ какъ цензоръ, къ несчастію, не имѣлъ никакого понятія о поваренномъ дѣлѣ, то онъ ставилъ «жарко натопленная и умѣренно истопленная печь» совершенно нестати. Говорятъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ ужъ слишкомъ удалился отъ необходимой температуры, вамъ удалось убѣдить его сдѣлать поправки, но развѣ можно словами жарко и умѣренно натопленная печь выразить понятіе «вольный духъ». Естественно, что хозяйкамъ, которыя будутъ руководиться этимъ изданіемъ, предстоитъ не одинъ разъ сжечь жаркое въ «жарко натопленной печи» и не донечь пирога въ «умѣренно истопленной печи».

Все общество разразилось, разумѣется, громкимъ смѣхомъ въ отвѣтъ на эту рѣчь, такъ какъ мы все знали, что ничего подобнаго не было. Но Екатерина Алексѣевна серьезно разобидѣлась. Она видѣла въ словахъ П. В. Линка насмѣшку надъ ея «авторствомъ»; ей несприятно было, что его выдвигаютъ на свѣтъ въ такомъ смѣшномъ видѣ.

«Могу увѣрить васъ, — сказала она Линку, — что все разсказанное вами несправедливо. Цензоръ безспорно разрѣшилъ печатать новое изданіе моей поваренной книги, и это изданіе дословно сходно съ предыдущими». Отецъ постарался успокоить сестру свою; да и П. В. Линкъ, никакъ не ожидавшій, что шутка его разобидитъ старушку, всячески смягчилъ ее.

Черезъ нѣсколько дней Екатерина Алексѣевна вновь посѣтила отца моего и передала ему экземпляръ послѣдняго изданія ея поваренной книги, прося отдать его П. В. Линку. На книгѣ она сдѣлала своимъ оригинальнымъ почеркомъ надпись: «П. В. Линку отъ Е. А. Авдѣевой, въ воспоминаніе обѣда 26 января 1853 года». Въ книгѣ тщательно были подчеркнуты слова «поставить въ печь на вольный духъ» и вообще мѣста, гдѣ это слово упоминается. При одномъ изъ слѣдующихъ свиданій, у насъ же въ домѣ, П. В. Линкъ принесъ повинную въ томъ, что повѣрилъ «ложному слуху», но все время знакомства съ Екатериною Алексѣевою продолжалъ поддразнивать ее «либеральной писательницей», «съ вольнымъ духомъ», и тому подобное. Старушка относилась къ этому спокойно, но все-таки недоброжелательно.

Я былъ въ то время студентомъ, помогая отцу въ черной работѣ его литературныхъ занятій, и потому очень сознательно отнесся къ этой сценѣ, изъ любопытства провѣрилъ даже ее по послѣднему изданію поваренной книги Е. А. Авдѣевой. Разумѣется, никакой цензоръ никакихъ поправокъ въ поваренной книгѣ не дѣлалъ. При этомъ смѣшномъ разговорѣ Е. А. Авдѣевой съ П. В. Линкомъ присутствовало много лицъ, его повторили другимъ, и басня

эта разнеслась въ видѣ «курьса» по городу. Мнѣ не разъ случалось потомъ слышать разсказъ о «вольномъ духѣ» отъ лицъ, которыя не подозрѣвали моихъ отношеній къ нему. Что въ свое время повторяли съ недовѣрчивостью, съ оговоркою, то теперь выдаютъ черезъ 40 лѣтъ за достовѣрное.

Много ошибокъ, много несообразностей натворили цензора въ свое время. Понимаю жалобы на «цензуру», понимаю, если смѣшныя происшествія повторяютъ, обвиняя неопредѣленно «цензуру». Но прилично ли надъ могилою только что умершаго человѣка произносить такія обвиненія, не провѣривъ ихъ точность? За что какой-то неизвѣстный брыкнулъ Елагина, невиннаго въ этой силетнѣ? Я никогда не видалъ г-на Елагина, не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ, но считаю долгомъ снять съ него это баснословное обвиненіе.

Николай Полевой.

II.

Забытая могила И. П. Сахарова.

45 лѣтъ тому назадъ въ своей усадьбѣ «Зарѣчье», Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, скончался знаменитый археологъ, собиратель «Сказаній русскаго народа» Иванъ Петровичъ Сахаровъ. Онъ погребенъ при церкви Успенія Рютинскаго погоста, въ 8 верстахъ отъ «Зарѣчья», принадлежащаго теперь генералу Веймарну. На могилѣ Сахарова вѣтъ креста и, кругомъ обросшая тополями, она мало-по-малу исчезаетъ и, конечно, исчезнетъ безслѣдно. Но И. П. Сахаровъ былъ вѣдъ членомъ археологическаго, географическаго и другихъ обществъ, — такъ не пожелаютъ ли эти общества хотя бы сообща увѣковѣчить память о выдающемся патріотѣ постановкой на могилѣ достойнаго его памятника?

Павель Россіевъ.

III.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1908 г., январь, стр. 237) сказано, что единственнымъ любопытнымъ событіемъ, случившимся 19 февраля 1861 г. (освобожденіе крестьянъ), было привѣтствіе государя народомъ на Сенатской площади. Государь ѣхалъ съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, и толпа крестьянъ была допущена къ поднесенію ему хлѣба-соли.

Это ошибка.

Положенія 19 февраля 1861 г. обнародованы были въ С.-Петербургѣ 5 марта 1861 г. А хлѣбъ-соль государю крестьяне поднесли черезъ 2 года (когда кончился срокъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ). Делегацию крестьянъ съ подношеніемъ государь принялъ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ чего кланялся народу съ подѣзда и затѣмъ, въ открытой коляскѣ, поѣхалъ съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ Михайловскій манежъ, при несомлаемомъ «ура».

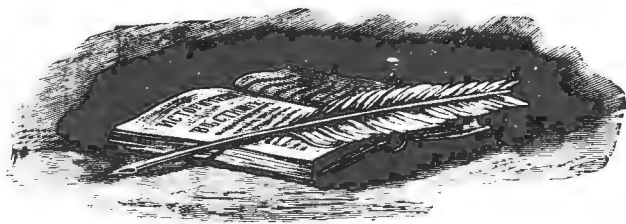
IV.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1908 г., июль, стр. 118) сказано, что кн. Бебутовъ, по справедливости, долженъ считаться и считается основателемъ русской прессы на Кавказѣ, что дѣло это само напрашивалось на исполненіе и надо было удивляться, какъ властямъ не приходило это въ голову.

Это ошибочно.

Первая русская газета въ Тифлисѣ, «Кавказъ», появилась въ сороковыхъ годахъ, по мысли тогдашняго намѣстника, кн. Мих. Сем. Воронцова; главнымъ исполнителемъ этой мысли былъ С. В. Сафоновъ († въ С.-Петербургѣ въ 1862 г., сенаторомъ).

—р—р—р—

УВЛЕЧЕНІЯ КОРОЛЕВЫ

РОМАНЪ

ЖАНА ДЕ-ЛА-ГИРЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ЕК. УМАНЕЦЪ

Безплатное приложеніе къ „Историческому Вѣстнику“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

I.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ въ Парижѣ только и говорили о дипломатическихъ переговорахъ, касающихся брака будущаго короля Людовика XVI съ будущей королевой Маріей-Антуанеттой.

Въ Луврскомъ дворцѣ, въ пріемной личныхъ апартаментовъ короля Людовика XV, этотъ предстоящій бракъ возбуждалъ всеобщее любопытство и служилъ предметомъ разговоровъ.

Наканунѣ того дня, когда свита родовитыхъ дворянъ и военныхъ должна была выѣхать въ Страсбургъ, чтобы ждать тамъ молодую австрійскую эрцгерцогиню, которая должна была сдѣлаться женою дофина Франціи, эта пріемная, около четырехъ часовъ пополудни, была полна блестящимъ обществомъ.

Здѣсь было много придворныхъ, но еще болѣе военныхъ. Последніе состояли изъ черныхъ мушкетеровъ, часть которыхъ находилась въ этотъ день на дежурствѣ, и гвардейцевъ—соперниковъ и даже враговъ мушкетеровъ. Это собраніе высшаго дворянства и офицерства представляло собою блестящую картину роскошныхъ мундировъ и фраковъ, усѣянныхъ брильянтовыми звѣздами.

Вдругъ одна изъ дверей пріемной отворилась, и раздался громкій голосъ:

— Господинъ д'Эспиракъ!

Одинъ изъ мушкетеровъ отдѣлился отъ группы, быстро пробираясь между тройнымъ рядомъ любопытныхъ головъ.

Господинъ д'Эспиракъ уже нѣсколько лѣтъ исполнялъ отвѣтственные обязанности капитана мушкетеровъ.

Это былъ высокій, живой гасконецъ, худощавый и нервный, обладавшій героической храбростью и придворной сдержанностью;

онъ умѣлъ такъ же хорошо владѣть шпагой, какъ придворными хитростями и интригами, и былъ глубоко преданъ г-жѣ Дюбарри, которая была тогда настоящей королевой Франціи.

Выйдя за дверь, черезъ которую его позвали, капитанъ мушкетеровъ очутился во второй пріемной, меньшей, чѣмъ первая, и пустой. Въ ней находился только одинъ человекъ. Д'Эспиракъ узналъ въ немъ Мартеля, любимаго секретаря герцога Шуазеля, бывшаго тогда премьеръ-министромъ.

— Меня требуетъ герцогъ?—спросилъ д'Эспиракъ.

— Да, капитанъ.

— Герцогъ въ своемъ кабинетѣ?

— Нѣтъ, капитанъ, онъ въ кабинетѣ его величества.

— А его величество?

— Онъ въ постели, но объ этомъ не надо говорить.

— Прекрасно; я слѣдую за вами.

И офицеръ пошелъ за секретаремъ. Пройдя двѣ большихъ пустыхъ залы, офицеръ отворилъ одну изъ дверей, отстранился и пропустилъ д'Эспирака, который, сдѣлавъ три шага по кабинету, остановился.

Передъ нимъ, за столомъ, загроможденнымъ дѣловыми бумагами, сидѣлъ серьезный, задумчивый человекъ, положивъ одну руку на письмо, а другую прислонивъ къ замѣтно озабоченному лбу. Это былъ герцогъ Шуазель.

Съ минуту длились ожиданіе и молчаніе, затѣмъ министръ поднялъ голову и пристально взглянулъ въ лицо капитану. Но гасконецъ не шелохнулся. Онъ видалъ и не такихъ людей.

Шуазель улыбнулся гордой и слегка дерзкой манерѣ мушкетера себя держать и произнесъ съ любезнымъ жестомъ:

— Садитесь, пожалуйста, капитанъ.

Стулъ находился совсѣмъ близко отъ гасконца: онъ сѣлъ.

— Вы не догадываетесь, зачѣмъ я велѣлъ васъ позвать?—спросилъ министръ.

— Нѣтъ, герцогъ.

— Знаете ли вы, что на васъ возложено управленіе эскортомъ, который будетъ сопровождать графа де-Ноэля въ Страсбургъ? Тамъ графъ де-Ноэль будетъ ждать прибытія госпожи дофины...

— Госпожи дофины?—переспросилъ д'Эспиракъ.

— Да, — съ улыбкой отвѣтилъ герцогъ Шуазель.— Въ данную минуту Марія-Антуанетта Австрійская дофина Франціи. Вы первый слышите объ этомъ, послѣ его величества, дофина, г-жи Дюбарри и меня самого... Но я продолжаю... Графъ де-Ноэль будетъ ждать прибытія дофины... Вамъ, быть можетъ, неизвестно, капитанъ, что г-жа Дюбарри вовсе не въ восторгѣ отъ брака дофина...

— Я это знаю,—невозмутимо произнесъ д'Эспиракъ.

— Г-жа Дюбарри опасается соперницы при французскомъ дворѣ,—продолжалъ министръ.— У нея есть преданные друзья... и вы изъ ихъ числа, господинъ д'Эспиракъ.

— Я, дѣйствительно, изъ ихъ числа! — съ удареніемъ проговорилъ гасконецъ.

— А я нѣтъ,—тѣмъ же тономъ сказалъ Шуазель.— Такъ вотъ, у меня тамъ лежитъ полицейское донесеніе,— и министръ указалъ пальцемъ на развернутое письмо,—изъ котораго я узналъ слѣдующее: преданные друзья г-жи Дюбарри рѣшились воспрепятствовать, даже посредствомъ насилія, вѣзду во Францію той, которая еще вчера была эрцгерцогиней Австріи...

Онъ умолкъ на минуту; затѣмъ, устремивъ свой пронзительный взоръ въ лицо д'Эспирака, произнесъ:

— Вы и это знали, капитанъ?

— Этого я не зналъ.

Это было сказано съ такой твердостью и откровенностью, что Шуазель не колебался болѣе: онъ повѣрилъ. На его лицѣ отразилось внутреннее удовольствіе. Онъ всталъ и, сдѣлавъ два шага къ поднявшемуся офицеру, спросилъ:

— Вѣрите ли вы, капитанъ, что г-жа Дюбарри участвуетъ въ этомъ заговорѣ?

— Нѣтъ, герцогъ, я этому не вѣрю.

— Прекрасно... Теперь перейдемъ къ тому, за чѣмъ я васъ позовалъ. Во главѣ заговора стоитъ де-Пресси-Шастель...

— Я съ нимъ знакомъ,—проговорилъ д'Эспиракъ, едва сдерживая волненіе.

Шуазель улыбнулся.

— По нѣкоторымъ государственнымъ соображеніямъ, я не хочу отдавать приказа объ его арестѣ,—продолжалъ онъ.— По нѣкоторымъ нравственнымъ соображеніямъ, я не хочу, чтобъ онъ былъ убитъ. А между тѣмъ, если онъ умретъ, то заговоръ не будетъ существовать...

— Слѣдовательно,—перебилъ гасконецъ:—надо его умертвить, не убивая...

— Вотъ именно...

— А для этого имѣется только дуэль...

— Именно!

— А такъ какъ де-Пресси-Шастель обладаетъ самой мѣткой рукой въ королевствѣ, то вы, герцогъ, подумали, что капитанъ мушкетеровъ, графъ д'Эспиракъ, единственный человекъ, способный убить и не быть убитымъ, можетъ драться съ де-Пресси-Шастелемъ...

— Именно...

— И вы мнѣ даете этотъ приказъ?

— Приказъ? — воскликнулъ министръ.— Нѣтъ, я выражаю только желаніе... отъ имени короля.

— Отъ имени...—пролететаль д'Эспиракъ, блѣднѣя.

— Отъ имени короля!—твердо проговорилъ герцогъ Шуазель.

Эти два человѣка, не сводившіе глазъ другъ съ друга, пережили тяжелую минуту молчанія. Какая же страшная тайна должна была таиться въ этомъ загадочномъ разговорѣ для того, чтобы офицеръ вдругъ такъ сильно поблѣднѣлъ, а премьеръ-министръ по поводу такого простого полицейскаго донесенія говорилъ отъ имени короля?

Низко склонившій голову д'Эспиракъ вдругъ гордо поднялъ ее. Онъ уже хотѣлъ говорить, когда министръ предупредилъ его:

— Капитанъ, я вотъ что взвѣсилъ: г-жа Дюбарри вашъ другъ, а дофина, я въ этомъ увѣренъ, рано или поздно погубить г-жу Дюбарри. Вы не знаете дофины, но дофина будетъ королевой Франціи... Такъ вотъ, капитанъ, я это взвѣсилъ и прибавляю: въ качествѣ капитана мушкетеровъ вы служите королю Франціи... А теперь выбирайте между...

— Мнѣ нѣтъ выбора, герцогъ, мнѣ остается только повиноваться,—серьезно отвѣтилъ д'Эспиракъ.— Но для этого мнѣ недостаточно одного желанія, даже самого его величества...

— Почему это?—съ удивленіемъ воскликнулъ герцогъ Шуазель.

— Ваша полиція, герцогъ, не все знаетъ...

Министръ подавилъ улыбку и, не отвѣтивъ на эти слова, спросилъ:

— Если вамъ недостаточно желанія короля, капитанъ, то чего же вы хотите?

— Приказа!

— Приказа?

— Да, герцогъ, приказа, написаннаго вами и подписаннаго собственной рукой его величества, приказа, въ которомъ будетъ говориться, что графъ д'Эспиракъ, капитанъ мушкетеровъ, долженъ убитъ на дуэли не господина де-Пресси-Шастеля...

— А кого же, въ такомъ случаѣ?—съ возрастающимъ удивленіемъ спросилъ министръ.

Капитанъ колебался нѣсколько секундъ, затѣмъ спокойно продолжалъ:

— Не господина де-Пресси-Шастеля, но госпожу Амалію-Марію, незаконную дочь герцога Орлеанскаго и... мою любовницу!

При этомъ необычайномъ открытіи герцогъ Шуазель тяжело опустился въ кресло. Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія, въ теченіе которыхъ министръ понемногу пришелъ въ себя отъ изумленія.

Д'Эспиракъ продолжалъ:

— Амалія-Марія, которую при рожденіи довѣрили моему старшему брату, дочь одной знатной принцессы, которой я не могу назвать; эта дѣвочка была плодомъ ея мимолетной любви съ гер-

цогомъ Орлеанскимъ. Мой старшій братъ воспиталъ дѣвочку въ нашемъ гасконскомъ замкѣ. Ему пришла фантазія сдѣлать изъ нея женщину, болѣе мужественную, чѣмъ мужчины. Восемнадцати лѣтъ Амалія-Марія пріѣхала въ Парижъ подъ именемъ господина де-Пресси-Шастеля; съ этихъ поръ она моя любовница, и во всемъ Парижѣ только я да герцогъ Орлеанскій знаю, что господинъ де-Пресси-Шастель женщина... Я принадлежу королю, герцогъ; моя жизнь и кровь принадлежатъ ему, и я убью даже г-жу Дюбарри, если король этого пожелаетъ, но для того, чтобъ убить мою собственную любовницу, мнѣ недостаточно одного желанія; повторяю: мнѣ нуженъ приказъ.

И, сказавъ это, графъ д'Эспиракъ такъ же спокойно, какъ и раньше, сѣлъ на стулъ, потому что Шуазель сидѣлъ.

Министръ сидѣлъ въ той же задумчивой позѣ, въ какой засталъ его капитанъ. Потомъ онъ всталъ, жестомъ предложилъ мушкетеру встать тоже и сказалъ просто:

— Очень хорошо, капитанъ, я васъ извѣщу. Будьте любезны не покидать сегодня ночью дворца.

Графъ д'Эспиракъ поклонился, повернулся по военному на каблукахъ и, звеня шпорами, не оборачиваясь, вышелъ изъ кабинета.

У де-Пресси-Шастеля, или, вѣрнѣе, Амаліи-Маріи, было назначено свиданіе съ д'Эспиракомъ у нея на квартирѣ, въ улицѣ Сень-Жакъ, около девяти часовъ вечера. Въ восемь часовъ она вернулась домой; квартира ея находилась въ первомъ этажѣ стараго уединеннаго дома.

Прислуживалъ Амаліи-Маріи нѣмой евнухъ-негръ, котораго она купила у одного богатаго иностранца, проѣзжавшаго черезъ Парижъ. Этотъ негръ, по имени Зизоръ, исполнилъ у нея обязанности повара и лакея.

— Зизоръ,—спросила она, входя,—мой женскій костюмъ приготовленъ?

Негръ утвердительно качнулъ головой.

— Хорошо. Помоги мнѣ одѣться.

Нѣсколько минутъ спустя, военное платье, такъ прекрасно сидѣвшее на Амаліи-Маріи, было аккуратно сложено на сундукѣ, между тѣмъ какъ молодая женщина стояла нагая передъ венеціанскимъ зеркаломъ и расправляла свои полуженскіе, полумужскіе члены. Она обладала нервными ногами и крѣпкими руками молодого, сильнаго воина. Но прелестныя очертанія ея тѣла и дѣвственная грудь, манившая къ поцѣлюю, выдавали въ ней женщину. Ея любовныя отношенія съ д'Эспиракомъ начались съ восемнадцати лѣтъ; теперь ей шелъ двадцать четвертый годъ.

Лицо ея, по своей свѣжести, напоминало лицо молодой дѣвушки, а по характернымъ чертамъ лицо молодого человека аристократическаго происхожденія. Ея черные волосы были коротко острижены.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ мужскомъ костюмѣ Амалія-Марія была полнымъ огня рыцаремъ, а безъ костюма,—обаятельной женщиной.

Когда она достаточно налюбовалась собою, на ея пурпуровыхъ губахъ появилась улыбка, и въ темныхъ глазахъ сверкнулъ лучъ радости; потомъ, отвернувшись отъ зеркала, она дала Зизору накинуть на себя тонкую сорочку, а поверхъ нея широкой бѣлый пеньюаръ, затканый розовыми цвѣтами.

— Обѣдъ готовъ?—спросила она.

Негръ утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, такъ за столъ!—воскликнула молодая женщина.— За столъ, прежде чѣмъ лечь въ постель. На эту ночь господинъ де-Пресси-Шастель умеръ, а мой дорогой д'Эспиракъ увидитъ, что его огневая Амалія-Марія полна жизни...

Но въ ту минуту, когда возлюбленная капитана мушкетеровъ садилась за изящно и роскошно сервированный столъ, у входной двери квартиры послышались три сильныхъ удара и одинъ легкій.

— Это частный секретарь Шуазеля, — прошептала Амалія-Марія.—Что ему отъ меня надо?..

Тотчасъ же появился негръ, подавая на подносѣ конвертъ безъ надписи.

— Надо отвѣтъ?

Зизоръ отрицательно качнулъ головой.

— Хорошо. Можешь идти.

Оставшись одна, Амалія-Марія распечатала конвертъ, развернула письмо и прочла:

«Графъ д'Эспиракъ задержанъ во дворцѣ. Будьте сегодня въ одиннадцать часовъ на площади Пале-Рояля, въ тѣни колонны. Будьте вооружены и не щадите никого, кто, подойдя къ вамъ, не произнесетъ *первымъ словомъ* «Гасконія».

«Вашъ преданный слуга».

Подписи не было, и почеркъ, очевидно, былъ измѣненъ.

— Мартель хорошо мнѣ служить,—прошептала Амалія-Марія.— Онъ, вѣроятно, подслушивалъ у дверей и узналъ что-нибудь важное. Бѣдный мальчикъ, онъ рискуетъ жизнью, измѣняя ради меня своему повелителю, всеильному герцогу Шуазелю. Но чего бы онъ ни сдѣлалъ ради меня!.. А между тѣмъ я никогда ровно ничего для него не сдѣлаю. Должно быть, любовь очень сложная вещь. Но, какъ бы то ни было, а мой храбрый д'Эспиракъ на дежурствѣ, и Амалія-Марія должна лишиться на эту ночь ласкъ, которыя она такъ любитъ... Но, если вѣрить предупрежденію

«будьте вооружены», то господинъ де-Пресси-Шастель получить сегодня пріятное развлеченіе... Моя жизнь далеко не банальна. А когда она перестанетъ занимать меня, о, тогда я выйду замужъ за д'Эспирака.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, доказывавшемъ безпечный и счастливый характеръ, Амалія-Марія сѣла за столъ, но далеко не съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ поужинала бы безъ таинственнаго письма Мартеля, ближайшаго секретаря герцога де-Шуазеля, влюбленнаго въ нее и союзника де-Пресси-Шастеля.

Въ половинѣ десятаго молодая женщина встала изъ-за стола, велѣла Зизору переодѣть себя въ военный мундиръ, что онъ и исполнилъ безъ малѣйшаго удивленія къ этому постоянному переодѣванію. Затѣмъ она заткнула за поясъ два заряженныхъ пистолета, пристегнула острую рапиру, надѣла на голову фетровую шляпу съ перомъ, накинула на плечи широкій черный плащъ, и господинъ де-Пресси-Шастель вышелъ изъ квартиры.

Ровно въ одиннадцать часовъ онъ прислонился въ тѣни къ одной изъ колоннъ на площади Пале-Рояля. Лѣвая рука его лежала на ручкѣ пистолета, а правая слегка придерживала рукоять высунутой изъ ноженъ шпаги.

Де-Пресси-Шастель стоялъ неподвижно минутъ пять, когда услышалъ позади себя сдержанные шаги. Онъ осторожно обогнулъ колонну и очутился лицомъ къ человѣку подозрительной наружности, который, пристально вглядываясь въ него, низко поклонился и произнесъ:

— Вы не одинъ ли изъ тѣхъ...

Онъ не успѣлъ докончить фразы. Де-Пресси-Шастель помнилъ главный совѣтъ письма. Когда незнакомецъ заговорилъ, не произнеся первымъ словомъ «Гасконія», онъ быстро вынулъ шпагу и вонзилъ ее въ горло говорившему, который умолкъ навѣки.

— Готовъ!—сказалъ де-Пресси-Шастель, когда трупъ тяжело опустился на ступени.

Ногою онъ оттолкнулъ его къ стѣнѣ, въ болѣе густую тѣнь, и снова прислонился къ колоннѣ.

Почти въ ту же минуту, но на этотъ разъ уже со стороны площади, приблизился другой человѣкъ. Онъ, какъ и первый, вглядѣлся въ де-Пресси-Шастеля, поклонился и сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ...

— И я также, мой милый!—отвѣтила любовница д'Эспирака, вонзая кинжалъ въ грудь этого вѣжливаго человѣка.

Онъ упалъ.

— И второй готовъ! --прошепталъ де-Пресси-Шастель. — Но чортъ меня побери, если я тутъ хоть что-нибудь понимаю! Мартель объяснитъ мнѣ все это завтра, чтобъ у меня не было хоть

упрековъ совѣсти. Надо стать за другую колонну, потому что сосѣдство этихъ труповъ нѣсколько стѣсняетъ.

Но только что де-Пресси-Шастель успѣлъ опереться о ближайшую колонну, какъ появился третій человѣкъ, взглянулъ въ него и, не говоря ни слова, быстро обнажилъ шпагу.

— Ого, этотъ не такъ любезенъ, какъ два первыхъ!—подумалъ де-Пресси-Шастель и моментально вынулъ свою.

Въ то время, какъ шпаги скрестились, онъ проговорилъ:

— Но кто же вы, наконецъ, милѣйшій? Мнѣ васъ уже третьяго приходится убивать...

— Два первыхъ убиты?—произнесъ тотъ, шатаясь.

— И вы также, чортъ возьми! Три!

Говоря это, де-Пресси-Шастель нанесъ ударъ въ животъ своему противнику; тотъ вскрикнулъ и упалъ.

Во время этой короткой дуэли подошелъ еще одинъ человѣкъ. Онъ стоялъ въ трехъ шагахъ отъ де-Пресси-Шастеля.

— Гасконія!

— Наконецъ-то!

— Это я, сударыня.

— Мартель!

— Слѣдуйте за мною, прошу васъ, и какъ можно скорѣе.

Старательно вытеревъ свою шпагу и вложивъ ее въ ножны, де-Пресси-Шастель бросился за бѣжавшимъ Мартелемъ. Въ темной сосѣдней улицѣ ждала карета. По знаку Мартеля де-Пресси-Шастель вошелъ въ нее; секретарь премьеръ-министра сѣлъ рядомъ съ молодой женщиной, спустилъ шторы, и карета тронулась.

— Ну, Мартель, объясните ли вы мнѣ, наконецъ, что-нибудь?—спросила Амалія-Марія.

— Сію минуту объясню, сударыня, въ нѣсколькихъ словахъ, потому что мы сейчасъ приѣдемъ.

— Куда вы меня везете?

— Къ моей сестрѣ, куда я послалъ лучшую лошадь изъ королевскихъ конюшенъ.

— Для чего?

— Чтобы бѣжать.

— Значитъ, заговоръ открытъ?

— Да.

— Говорите же!

Мартель торопливо передалъ разговоръ герцога Шаузеля съ д'Эспиракомъ. Онъ слышалъ его отъ начала до конца, спрятавшись за портьеру. Послѣ ухода капитана Шаузель прошелъ въ комнату короля и вынесъ подписанный приказъ, тотъ самыя приказъ, котораго требовалъ д'Эспиракъ.

— И д'Эспиракъ видѣлъ эту бумагу?—спросила Амалія-Марія.

— Нѣтъ, сударыня; ему передадутъ ее только утромъ. У васъ

впереди достаточно времени, чтобы доѣхать до Бретани, не опасаясь быть настигнутой. Тамъ одинъ мой другъ, рыболовъ, уже предупрежденъ черезъ курьера, котораго я послалъ впередъ. Барка будетъ васъ ждать; вы переправитесь на ней въ Англию. Я расскажу все д'Эспираку, и онъ пришлетъ вамъ денегъ.

— Но неужели вы думаете, что мой возлюбленный будетъ драться со мною по приказу короля?—спросила Амалия-Марія.

— Д'Эспиракъ, сударыня, послушный и преданный слуга его величества,—отвѣтилъ Мартель.—Онъ повинуется, если вы останетесь во Франціи.

— Подnote!

— Я въ этомъ убѣжденъ, но только во Франціи, такъ какъ король пощадилъ д'Эспирака, давъ ему возможность не препятствовать вамъ ѣхать за границу. Это ясно сказано въ приказѣ.

Амалия-Марія задумалась, опустивъ голову. Она сильно любила д'Эспирака, но въ ея чувствѣ не было никакой сентиментальности. Она понимала, что и капитанъ любитъ ее совершенно такъ же; въ ихъ любви политика и чувственность играли большую роль, чѣмъ нѣжность и преданность.

— Да, безъ сомнѣнія, д'Эспиракъ сталъ бы со мной драться,—проговорила она.—Онъ убилъ бы меня, потому что я только его ученица въ фехтованіи...

Она снова задумалась. Мартель не прерывалъ молчанія.

Вдругъ она подняла голову.

— Мартель, а эти три человѣка, которыхъ я убила, откуда они явились и зачѣмъ?

— Вы убили только трехъ?

— Только!—воскликнула съ нервнымъ смѣхомъ молодая женщина.—Развѣ этого мало въ теченіе десяти минутъ?

— Должны были прійти пять человѣкъ—сказалъ Мартель.—По приказу короля герцогъ де-Шуазель поручилъ Брадинару, начальнику гвардіи, выслать ихъ. Они должны были, по очереди, соединиться съ Брадинаромъ въ Пале-Роялѣ къ одиннадцати часамъ и затѣмъ схватить васъ въ вашей квартирѣ. Мнѣ удалось запереть Брадинара въ одной изъ комнатъ и предупредить васъ. Я былъ увѣренъ, что когда эти негодяи появятся одинъ за другимъ, то вы не задумаетесь отправить ихъ на тотъ свѣтъ... Я пришелъ слишкомъ рано и этимъ спасъ жизнь двумъ остальнымъ.

— Понимаю,—проговорила Амалия-Марія.—Третій обнажилъ шпагу не говоря ни слова, потому что видѣлъ, какъ я убила второго.

Въ каретѣ опять воцарилось молчаніе.

Амалия-Марія взяла за руку Мартеля.

— Другъ мой, вы любите меня, не правда ли?—спросила она.

— О сударыня!..

— Ну, такъ вы мнѣ нужны... Поѣдемте со мной въ Англію.

— Я?..

— Да, вы.

— Сударыня, у меня есть сестра, которая...

— Вы колеблетесь?

Мартель нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ. Ему не суждено было никогда его произнести. Въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ говорить, снаружи раздались два выстрѣла. Карета сразу остановилась. Мартель, откинутый сотрясеніемъ къ окну, разбилъ его и порѣзалъ себѣ горло о стекло. Въ то же время занавѣска открылась и прежде, чѣмъ Амалія-Марія успѣла выстрѣлить изъ пистолетовъ, быстро выдернутыхъ ею изъ-за пояса, ее схватили, вытащили изъ кареты, обезоружили, закутали въ одѣяло и бросили поперекъ лошади, управляемой опытнымъ всадникомъ, который помчался галопомъ.

Мартель умеръ, избѣгнувъ наказанія, которое не миновало бы его, когда было бы дознано, что онъ способствовалъ бѣгству Амаліи-Маріи. Онъ палъ жертвой своей собственной хитрости, такъ какъ ровно въ одиннадцать часовъ Брадинару удалось освободиться изъ комнаты, куда его заперъ Мартель. Онъ поскакалъ въ Пале-Рояль, нашелъ тамъ двухъ послѣднихъ наемныхъ убійцъ и видѣлъ, какъ отѣхала карета. Предчувствуя истину, онъ помчался за каретой въ сопровожденіи обоихъ союзниковъ. Когда въ одной изъ узкихъ улицъ карета поѣхала медленнѣе, трое преслѣдовавшихъ настигли ее. Одна пуля убила лошадь, другая кучера. Оставивъ своихъ соучастниковъ дѣлить добычу, Брадинаръ, по особому приказу Людовика XV, скрылъ Амалію-Марію въ королевскомъ павильонѣ Версаля, которой назывался Оленій паркъ.

Никогда больше не слышали о де-Пресси-Шастелѣ, такъ какъ Брадинаръ былъ человѣкъ скромный...

Утромъ послѣ этой полной событіями ночи, въ восемь часовъ, дверь пріемной, гдѣ ждалъ взволнованный д'Эспиракъ, быстро отворилась и раздался громкій голосъ:

— Господинъ капитанъ мушкетеровъ!

Секретарь провелъ д'Эспирака въ кабинетъ, гдѣ работалъ герцогъ де-Шуазель. Утомленное лицо и покраснѣвшіе глаза премьеръ-министра доказывали, что онъ не ложился.

Вы меня требовали, герцогъ, я здѣсь, — произнесъ д'Эспиракъ.

Министръ поднялъ голову, склоненную надъ бумагами, и взглянулъ на гасконца, но спокойный видъ мушкетера не имѣлъ въ себѣ ничего подозрительнаго.

«Онъ ничего не знаетъ», подумалъ министръ.

— Господинъ капитанъ, — сказалъ онъ, — вотъ приказъ его величества относительно того, о чемъ я говорилъ вамъ вчера вечеромъ.

Д'Эспиракъ спокойно взялъ бумагу изъ рукъ герцога де-Шуазеля, внимательно прочелъ ее и опустилъ въ карманъ.

— Это рѣшено, герцогъ,—произнесъ онъ холодно, но слегка блѣднѣя.—Приказъ короля будетъ выполненъ сегодня же.

Герцогъ де-Шуазель смотрѣлъ на этого человѣка, обладавшаго такой сильной душою. Затѣмъ онъ всталъ и, подходя къ нему, сказалъ:

— Вашу руку, господинъ капитанъ! Дайте мнѣ вашу руку!

Гасконецъ, не понимая, протянулъ ему руку и отвѣтилъ на его пожатіе.

— Вы энергичный человѣкъ и вѣрный слуга короля, капитанъ,—сказалъ герцогъ де Шуазель.—Но вамъ не придется выполнять такого тяжелаго для васъ приказа. Волею короля, сегодня ночью де-Пресси-Шастеля отправили въ Бретань, откуда онъ пройдетъ въ Англію, и ему всю жизнь будутъ доставляться хорошія средства къ существованію. А за потерю вашей оригинальной любовницы вотъ что вамъ жалуетъ король.

И, говоря это, премьеръ-министръ снялъ съ своей шеи орденъ Святого Духа и надѣлъ его на шею д'Эспирака.

— Отправляйтесь же, капитанъ, выполнять возложенное на васъ порученіе, — сказалъ онъ. — Графъ де-Ноэль и его свита сегодня вечеромъ выѣзжаютъ въ Страсбургъ. Вы будете командовать эскортомъ-мукшетеровъ и гвардейцевъ. Отправляйтесь, король васъ благодарить... И разорвите приказъ, который лежитъ въ вашемъ карманѣ.

Д'Эспиракъ молча поднесъ бумагу къ свѣчѣ, горѣвшей на столѣ министра. Когда бумага превратилась въ пепель, д'Эспиракъ поклонился, повернулся на каблукахъ и вышелъ, не произнеся ни слова.

Понявъ намѣреніе короля, гасконецъ никогда не справлялся о своей любовницѣ.

Никто не зналъ, утѣшилъ ли его въ его потерѣ орденъ Святого Духа, но знали, что онъ замѣнилъ ее многими другими, менѣе оригинальными, но, быть можетъ, столь же пылкими.

Такимъ образомъ дофина могла пріѣхать во Францію, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ данное время, ей не угрожалъ никакой серьезный заговоръ.

II.

Бракъ Маріи-Антуанетты Жанны Лотарингской, эрцгерцогини австрійской, дочери Франциска I, императора Германіи, и Маріи-Терезии, королевы Венгрии и Богеміи, съ дофиномъ Франціи Людовикомъ былъ совершенъ, чрезъ представительство, въ Вѣнѣ. Когда Марія-Антуанетта проѣзжала черезъ города Страсбургъ, Нанси,

Шалонъ, Суассонъ, Компьенъ, данъ былъ цѣлый рядъ пышныхъ празднествъ и народныхъ увеселеній. Въ среду 16-го мая 1770 г., въ десять часовъ утра, Марія-Антуанетта прибыла въ Версаль.

Въ Версалѣ долженъ былъ быть совершенъ настоящій бракъ. Король Людовикъ XV, дофинъ, тетки короля, его дочери, г-жа Дюбарри, графъ Клермонтскій, принцесса Конти, словомъ, весь дворъ, Парижъ, Версаль и вся высшая, блестящая аристократія провинцій собрались въ версальской капеллѣ.

Мало кто видѣлъ вблизи Марію-Антуанетту. Любопытство было напряжено до послѣдней степени, когда въ сопровожденіи высшаго духовенства, церемоніймейстера и короля дофинъ и дофина приближались къ алтарю.

Энтузіасты находили будущую королеву восхитительной, равнодушные—только приятной, а ревнивцы утверждали, что она обладаетъ незначительной и «прискорбно легкомысленной» наружностью.

Говоря безпристрастно, дофина была красива. Въ роскошномъ вѣнчалномъ платьѣ эта пятнадцатилѣтняя принцесса носила уже въ себѣ задатки того граціознаго величія, которое она впоследствии показала на тронѣ. У нея была высокая, стройная фигура, маленькій, красиво-очерченный ротъ, тонкій, орлиный носъ, ея ясно-голубые, веселые глаза были окружены дугами черныхъ бровей. Лицо ея было овальной формы, съ прямымъ благороднымъ лбомъ, и рѣдкіе по красотѣ отгѣнка бѣлокурые волосы напоминали едва созрѣвшіе колосья. Цвѣтъ ея лица былъ такъ нѣженъ и свѣжъ, что не нуждался въ косметикахъ.

Но главная прелесть дофины заключалась въ ея молодости, наивности, безпечности и скромности, выразившейся во всѣхъ ея движеніяхъ. Она казалась богиней чистой любви, и вѣнчальный обрядъ производилъ впечатлѣніе чего-то свѣжаго, цѣломудреннаго и восхитительнаго, что было особенно рѣдкимъ контрастомъ посреди этого двора, гдѣ царили Людовикъ XV, прозванный развратникомъ, и г-жа Дюбарри.

Брачное благословеніе было дано архіепископомъ реймскимъ, а епископы сенлисскій и шартрскій совершали богослуженіе.

Какъ только Марія-Антуанетта дѣйствительно сдѣлалась дофиной Франціи, она приняла присягу отъ высшихъ военныхъ чиновъ, привѣтствія отъ посланниковъ и иностранныхъ министровъ; затѣмъ Омонъ передалъ ей ключъ отъ шкатулки, которую король велѣлъ наполнить драгоценностями.

Но за такимъ великолѣпнымъ и торжественнымъ утромъ послѣдовали мрачный день и вечеръ.

Въ три часа небо покрылось темными тучами, низко нависшими надъ версальскимъ паркомъ. Проливной дождь разразился надъ садами въ ту минуту, когда дворъ велѣлъ за дофиной и королев-

скою семьею направлялся во дворецъ; раздалися три страшныхъ удара грома, и гроза вырвала съ корнемъ огромное дерево.

Веберъ, молочный братъ Маріи-Антуанетты, пріѣхавшій съ принцессой изъ Австріи во Францію, находился въ эту минуту на крыльцѣ главнаго входа, вмѣстѣ съ графомъ д'Эспиракомъ, капитаномъ мушкетеровъ. Они не были знакомы другъ съ другомъ, но переглянулись, и Веберъ сказалъ:

— Вѣрите ли вы въ дурныя предзнаменованія, сударь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ д'Эспиракъ:—я вѣрю только въ хорошія.

Веберъ протянулъ руку мушкетеру, но тотъ не подалъ ему своей, вѣжливо поклонился и сказалъ:

— Я не знаю васъ, сударь. По вашему акценту, я предполагаю, что вы иностранецъ. Вы преданы дофинѣ... я — королю. Для того, чтобы быть друзьями, подождемъ, когда наши повелители будутъ ими...

Эта сцена заранѣе предсказала все царствованіе Людовика XVI и Маріи-Антуанетты.

Между тѣмъ, мрачно и молча, подъ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ, толпа покидала сады, укрываясь во дворцахъ и домахъ Версаля.

Вечеромъ во дворцѣ былъ сервированъ столъ на двадцать два куверта для королевской семьи, принцевъ и принцессъ крови. Во всемъ дворцѣ шелъ веселый ужинъ. Только дофина была грустна. Она сказала Веберу, стоявшему за ея кресломъ:

— Меня испугалъ громъ...

— А меня, сударыня, испугалъ королевскій мушкетеръ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Эти таинственныя для дофины слова только усилили ея дурныя предчувствія. Такъ какъ мѣсто совсѣмъ не подходило для объясненій, то Марія-Антуанетта ушла въ спальню, не узнавъ, что они означаютъ.

Она перестала думать объ этихъ словахъ только вслѣдствіе тираніи этикета. Она вынуждена была допустить раздѣть себя согласно церемоніямъ, установленнымъ въ первую брачную ночь королей Франціи. Герцогиня Шартрская подала ей сорочку, въ то время какъ Людовикъ XV отдавалъ ее дофинѣ...

И ночью Марія-Антуанетта плакала, не отъ любовной тоски, но отъ грусти и страха за будущее. Къ тому же дофинъ былъ совершенно спокоенъ и не особенно торопился имѣть наслѣдника...

Утро началось въ Версалѣ великолѣпными празднествами: парады, маскированные балы, большіе и малые ужины, театры, иллюминаціи, фейерверкъ—все было налицо. Д'Эспиракъ заставилъ промаршировать своихъ мушкетеровъ при огромной иллюминаціи, составленной изъ десяти тысячъ огненныхъ залповъ, тысячи ракетъ и двадцати четырехъ бомбъ, которыя, разрываясь, сверкали

искрами и солнцами; сквозь ихъ огонь былъ виденъ весь залитый свѣтомъ храмъ Гименея.

Но празднества, длившіяся нѣсколько дней, окончились очень плохо. Вслѣдствіе нераспорядительности городского мэра, въ Парижѣ, на площади Людовика XV не было никакого порядка. Вышло такъ, что толпа, прибывавшая по бульвару, давила толпу, стекавшуюся съ Королевской улицы, а эта толпа, въ свою очередь, давила ту, которая шла отъ набережной Тюльери и улицы Сентъ-Онорэ.

Отъ фейерверка загорѣлись устроенныя для народа мѣста; пріѣхали пожарные съ тяжелыми машинами, затѣмъ мушкетеры на своихъ большихъ лошадяхъ, потомъ стража Сартена съ длинными алебардами. Начались толкотня, свалка, драка ради спасенія собственной жизни; крикъ, ревъ, плачъ... Черезъ два часа полиція очистила площадь, и насчитали пятьдесятъ три убитыхъ и двѣсти раненыхъ...

На слѣдующій день пятьдесятъ три человѣка были похоронены на кладбищѣ Мадленъ. Они ожидали здѣсь другихъ, болѣе торжественныхъ празднествъ... И царствованіе Маріи-Антуанетты началось такъ, какъ оно должно было кончиться, — несчастіемъ и кровью.

Выйдя замужъ и сдѣлавшись дофиной Франціи, Марія-Антуанетта не сразу измѣнилась. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она еще оставалась шаловливой, свободной молодой дѣвушкой, отказывавшейся носить корсетъ, забывавшей иногда почистить зубы, любившей только болтать, смѣяться, проказничать и перешептываться съ молодыми женщинами.

Единственный человѣкъ, который могъ бы ей помочь избавиться отъ скуки этикета, былъ ея мужъ, дофинъ Людовикъ. Но для этого ему самому слѣдовало быть мужчиной, онъ же по отношенію къ своей женѣ выказывалъ себя неопытнымъ и застѣнчивымъ мальчикомъ.

При дворѣ стало извѣстно, что Марія-Антуанетта продолжаетъ оставаться дѣвушкой, и это послужило темой самыхъ разнообразныхъ сплетенъ. Людовикъ XV такъ не привыкъ къ невинности, что находилъ ее восхитительной, а г-жа Дюбарри, наоборотъ, открыто высмѣивала ее. Этого было достаточно, чтобъ породить двѣ враждебныя партіи, страшно возбужденныя одна противъ другой.

Однажды д'Эспиракъ встрѣтилъ въ версальскомъ саду Вебера. Веберъ, какъ извѣстно, былъ молочный братъ Маріи-Антуанетты, а д'Эспиракъ самъ признавалъ себя тѣлохранителемъ г-жи Дюбарри. Презрительно и холодно Веберъ прошелъ мимо него, не поклонившись. Д'Эспиракъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

— Господинъ Веберъ! — крикнулъ онъ.

Тотъ не обернулся.

— Чортъ побери!—пробурчалъ гасконецъ.

Онъ побѣжалъ вслѣдъ за австрійцемъ, догнавъ его и, опустивъ руку ему на плечо, спросилъ:

— Господинъ Веберъ, это вы на вашей родинѣ научились быть невѣжливымъ?

— Милостивый государь! — воскликнулъ Веберъ, блѣднѣя и сжимая кулаки.

— Ого!—ухмыльнулся гасконецъ.—Я не зналъ, что на сѣверѣ люди такъ быстро воспаляются... Вы мой врагъ, а между тѣмъ вы мнѣ нравитесь. Когда я увидѣлъ, что вы идете мнѣ навстрѣчу, мнѣ захотѣлось дать вамъ одинъ совѣтъ, который можетъ быть очень полезенъ вашей маленькой королевѣ, госпожѣ дофинѣ. Несмотря на вашъ непреступный видъ, я дамъ вамъ этотъ совѣтъ.

И, склонившись къ молодому человѣку, онъ прошепталъ:

— Послѣ смерти его величества Людовика XV госпожа дофина будетъ королевой Франціи, не правда ли? Мой долгъ служить моей королевѣ, теперь я дѣлаю это заранее. Посоветуйте ей, сударь, не ожидать трона для того, чтобъ сдѣлаться женщиной, изучать и замѣчать всѣ правила этикета, умѣть держать себя серьезно и важно, словомъ, не пренебрегать тысячью пріятныхъ, свѣтскихъ вещей, необходимыхъ королевѣ Франціи... До свиданья!

И, закрутивъ длинные усы привычнымъ жестомъ, капитанъ д'Эспиракъ изящно повернулся по военному на каблукахъ.

Этотъ разговоръ былъ переданъ. Оцѣнили умъ гасконца, и никто не стѣснялся больше выражать свое мнѣніе. Дворъ раздѣлился на тѣ двѣ партіи, которыхъ даже сама революція не могла примирить. Постепенно эти партіи будутъ увеличиваться съ той и другой стороны. Со смертью Людовика XV онѣ окрѣпнутъ въ ненависти и пристрастіи.

Доброта дофины въ Версалѣ, ея торжественный въѣздъ въ Парижъ, энтузіазмъ толпы къ красивой, кроткой молодой дѣвушкѣ, все это въ будущемъ станетъ предметомъ пересудовъ, клеветъ, ненависти и ревности. Ея самыя чистыя чувства дружбы будутъ подъ подозрѣньемъ, и когда король Людовикъ XVI, очарованный, наконецъ, всѣми прелестями своей жены, полюбитъ ее такъ, какъ до тѣхъ поръ короли Франціи любили только своихъ любовницъ, дворъ вознегодуетъ и будетъ ненавидѣть королеву, «узурпировавшую» мѣсто фаворитки.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсказу о тяжелыхъ годахъ при дворѣ, перемежавшихся со спокойными и веселыми праздниками въ Трианонѣ, мы разскажемъ трагическое происшествіе, случившееся съ дофиной, которое показываетъ, какимъ серьезнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ обладала эта молодая женщина, считавшаяся легкомысленной.

Людовикъ XV охотился въ Фонтенебло вмѣстѣ со своимъ дворомъ. Капитанъ д'Эспиракъ, маркизь де-Роганъ-Шабо, принцъ де-Субизъ, герцогъ де-Ларошфуко и графъ Клермонъ-Тоннеръ, а за ними Людовикъ XV преслѣдовали дикаго оленя, уже пораженнаго нѣсколькими ударами. Олень перескочилъ низкій заборъ одного небольшого сада въ деревнѣ Ашеръ, бросился на копавшаго землю крестьянина и воткнулъ ему въ животъ рога.

Жена несчастнаго видѣла случившееся. Она въ отчаяніи начала кричать, звать на помощь и плакать. Весь дворъ прискакалъ галопомъ. Марія-Антуанетта, проѣзжавшая мимо въ коляскѣ, услышала этотъ шумъ. Она спросила, въ чемъ дѣло, и, узнавъ о несчастьи, выпрыгнула изъ экипажа, побѣжала бѣгомъ черезъ виноградникъ, не слыша, какъ г-жа де-Ламбаль и г-жа де-Коссэ кричали ей:

— Сударыня, сударыня, вы упадете!

Къ великому негодованію г-жи де-Ноэль, Марія-Антуанетта все бѣжала впередъ, поднявъ юбки, чтобъ онѣ ее не стѣсняли, подобно любой крестьянкѣ. Очень ей нужно было въ эту минуту думать объ этикетѣ!

Вся запыхавшись, добѣжала она до жены крестьянина; та лежала въ обморокѣ.

— Скорѣй, скорѣй! Лекарство!..—кричала дофина.

Побѣжали за лекарствомъ. Де-Коссэ принесъ флаконъ спирту. Бѣдная женщина, открывъ глаза, увидала, что лежитъ въ объятіяхъ растрепавшейся отъ бѣготни и плакавшей Маріи-Антуанетты.

Сама дофина, графъ и графиня Прованскіе, всѣ кавалеры и дамы, присутствовавшіе при этой сценѣ, побросали свои полныя золота кошельки на колѣни крестьянки. Марія-Антуанетта усадила ее въ свою коляску.

Вдругъ подъѣхалъ Людовикъ XV. Ему доложили о томъ, что произошло.

— Какое несчастье, если этотъ человѣкъ умретъ!—воскликнулъ король.—Какъ утѣшить вдову и ребенка?

— Ахъ, ваше величество, избавивъ ихъ отъ нищеты,—отвѣтила Марія-Антуанетта.— Это, по крайней мѣрѣ, смягчитъ ихъ горькую участь.

Король обѣщалъ пенсію и приказалъ, чтобъ его первый хирургъ ежедневно навѣщалъ раненаго. Крестьянинъ выздоровѣлъ.

Его звали Шаню. Марія-Антуанетта дала ему мѣсто перваго садовника въ Версалѣ. Жена его осталась съ нимъ, но ихъ сынъ, Пьеръ Шаню, воспитывался на средства дофины и, годъ спустя, она взяла его къ себѣ въ качествѣ пажа. Это былъ красивый, высокій и сильный юноша, къ которому очень шель придворный костюмъ.

Онъ принадлежалъ внослѣдствіи къ тѣмъ людямъ, которые въ несчастной королевѣ не забыли благодѣній, добра и счастья, распространяемыхъ молодой счастливой дофиной.

Въ тотъ самый вечеръ, когда случилось это происшествіе въ Аперѣ, капитанъ д'Эспиракъ вмѣстѣ со своими лейтенантами находился близъ казармъ королевскихъ мушкетеровъ въ Версалѣ. Тутъ были также Клермонъ-Тоннеръ, Коссэ-Бриссакъ, Роганъ Шабо, маркизъ де-Садъ, герцогъ де-Бриссакъ, маркизъ де-Ларошфуко и Веберъ.

Говорили о событіи дня. Роганъ-Шабо, принадлежавшій къ партіи Аделаиды, дочери короля, интриговавшей противъ Маріи-Антуанетты, которую уже вслухъ называли «австріячкой», позволилъ себѣ очень дурного тона шутку по поводу приѣма дофиной ко двору молодого Шаню, сына простой крестьянки.

Д'Эспиракъ былъ очевидцемъ доброты и самоотверженія Маріи-Антуанетты въ деревнѣ Аперѣ; онъ былъ преданъ будущей королевѣ и, дерзко взглянувъ на Рогана-Шабо, сказалъ:

— Господинъ маркизъ, человекъ вашего общества не долженъ бы оскорблять молодую дѣвушку, которая, быть можетъ, скоро будетъ королевой Франціи.

— Это урокъ?—проговорилъ маркизъ де-Роганъ, блѣднѣя отъ стыда и гнѣва.

— Да, маркизъ, и предупрежденіе.

Этого было достаточно, чтобъ раздѣлить на двѣ партіи военныхъ и статскихъ. Съ одной стороны находились: Роганъ-Шабо и его друзья Клермонъ-Тоннеръ и Коссэ-Бриссакъ, съ другой — д'Эспиракъ со своими товарищами по пирамъ и сраженьямъ, три его лейтенанта, маркизъ де-Садъ, герцогъ де-Бриссакъ, маркизъ де-Ларошфуко и Веберъ, молочный братъ Маріи-Антуанетты.

— Насъ восемь человекъ, милостивые государи, васъ только трое,—сказалъ д'Эспиракъ.—Партіи не равны. Найдите пятерыхъ изъ числа вашихъ друзей, и мы будемъ ждать васъ завтра на разсвѣтѣ на полянѣ, которая находится въ глубинѣ садовъ. Въ такой ранній часъ намъ никто не помѣшаетъ.

Роганъ-Шабо и его друзья очень легко нашли въ гостинныхъ Версаля пять желающихъ драться. Они нашли даже тридцать и вынуждены были бросить жребій. Молодые дворяне, не различая партій и даже не спрашивая о предметѣ ссоры, охотно принимали участіе въ дуэли, а настоящій поединокъ по своему многолюдству представлялся особенно желаннымъ и рѣдкимъ.

Чтобы очистить доброе имя дофины Маріи-Антуанетты, на слѣдующій день на зарѣ шестнадцать кавалеровъ медленнымъ шагомъ, какъ бы гуляя, явились на указанную поляну. Они были изящно, даже кокетливо одѣты; ихъ свѣжіе утренніе костюмы отличались мягкими тонами, были украшены золотомъ и драгоценностями.

Они раздѣлились на двѣ равныхъ группы, построились одна противъ другой, раскланялись самымъ вѣжливымъ образомъ и, отдавъ свои шляпы и плащи слугамъ, сразу всѣ вынули шпаги.

И дуэль начался...

Отъ звуковъ стали, ударявшейся о сталь, птицы вспархивали на верхушки деревьевъ; восходящее солнце сверкало розовымъ свѣтомъ по клинкамъ и лезвіямъ; подымался легкій вѣтерокъ. Для того, чтобы изящно умереть,—погода стояла восхитительная.

Первымъ упалъ графъ де-Куаньи, пронзенный насквозь лейтенантомъ мушкетеровъ, который, оставшись безъ противника, тотчасъ же вышелъ изъ ряда.

Затѣмъ наступила очередь второго лейтенанта, которому маркизъ де-Лисъ прокололъ грудь.

Потомъ Веберъ ранилъ Коссэ-Бриссака, а маркизъ де-Садъ улыбаясь кольнулъ графа Клермонъ-Тоннера.

Герцогъ де-Бриссакъ раздѣлался съ барономъ Пуймареномъ; оставались только капитанъ д'Эспиракъ и маркизъ де-Роганъ-Шабо.

Слуги перевязывали раны своихъ господъ. Только второй лейтенантъ и графъ де-Куаньи скончались; у остальныхъ были глубокія, но не опасныя раны.

— Я раненъ!—вскрикнулъ вдругъ маркизъ де-Роганъ-Шабо и упалъ.

Въ ту же минуту раздался громкій женскій крикъ, и всѣ увидели бѣгущую Марію-Антуанетту, въ сопровожденіи г-жи де-Ноэль и г-жи Марсанъ, которыя, запыхаясь, повторяли въ ужасѣ:

— Сударыня! сударыня! что скажетъ король!

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ этикетомъ!—отвѣтила дофина.—Король скажетъ, что я права...

Но, увидавъ столько кавалеровъ, лежащихъ на травѣ, и столько пролитой крови, она остановилась... Капитанъ д'Эспиракъ стоялъ одинъ посреди поляны, остальные находились около раненыхъ. Марія-Антуанетта величественными шагами подошла къ д'Эспираку и тономъ, въ которомъ уже слышалась королева, спросила:

— Господинъ капитанъ, что означаетъ эта рѣзня?

Д'Эспиракъ, въ смущеніи и нерѣшительности, опустил голову.

— Сударыня, сударыня... я думалъ...—пролепеталъ онъ.

Но Веберъ вывелъ его изъ затрудненія. Онъ подошелъ къ дофинѣ и, почтительно раскланявшись, сказалъ тихо:

— Сударыня, у васъ есть враги, они васъ оскорбляютъ... вамъ не надо знать, кто они, но необходимо, чтобы другіе защитили васъ. Умоляю васъ немедленно уйти и хранить въ тайнѣ все случившееся... Дѣло касается вашего спокойствія на тронѣ.

Марія-Антуанетта опустила голову... Увы! каково же должно быть это царствованіе, если заранѣе оно требуетъ столько несчастій, ссоръ и крови! Слеза медленно скатилась по щекѣ дофины.

— Господинъ д'Эспиракъ,—произнесла она:—я прощаю и забываю...

И она ушла, утирая слезы.

Г-жи де-Ноэль и де-Марсанъ были внѣ себя. Онѣ сочли необходимымъ сдѣлать дофинѣ строгій выговоръ. Г-жа де-Марсанъ подмигнула г-жѣ де-Ноэль, и та заговорила:

— Сударыня, что подумалъ бы король, если бъ увидалъ, что вы до восхода солнца бѣгаете по версальскимъ садамъ! Дворъ...

Но, вся красная отъ гнѣва, съ сверкающими глазами и повелительнымъ движеніемъ бровей, дофина обернулась и проговорила:

— Сударыня, замолчите... Эtiquette не существуетъ, когда люди убиваютъ другъ друга въ двухъ шагахъ отъ моихъ апартаментовъ... Слава Богу, что я не потратила времени на переодѣванье въ парадный костюмъ, какъ вы этого желали. Придя въ пеньюаръ, я спасла двухъ людей...

Обѣ дамы опустили головы и, не говоря ни слова, послѣдовали за молодой женщиной. Марія-Антуанетта приобрѣла себѣ двухъ новыхъ враговъ.

— Чортъ возьми, милостивый государь, неужели снова придется дать вамъ урокъ!—воскликнулъ капитанъ д'Эспиракъ.—Я понимаю, что какіе-нибудь жалкіе провинціалы могутъ распѣвать эти скверные куплеты, но вы, маркизъ де-Роганъ-Шабо, придворный короля... фи!..

И капитанъ повернулся на каблукахъ съ самымъ презрительнымъ видомъ, закручивая своимъ обычнымъ жестомъ усы, въ то время какъ маркизъ де-Роганъ-Шабо, желая избѣжать скандала, смѣшался съ группою своихъ друзей, мысленно клянясь отомстить.

Сцена эта произошла въ пріемной короля въ Версалѣ два мѣсяца спустя послѣ той дуэли, на которую намекалъ д'Эспиракъ.

Людовикъ XV скончался. Ему наслѣдовалъ Людовикъ XVI, и маленькая дофина Марія-Антуанетта сдѣлалась королевой Франціи.

Съ восшествіемъ на тронъ той, которую всѣ звали «австріячкой», интриги не прекратились. Съ одной стороны г-жа Аделаида и ея сестры вмѣстѣ съ де-Морепе, де-Верженъ и де-Муй, министры, маркизъ де-Роганъ-Шабо, его друзья и родственники, Клермонъ-Тоннеръ, Коссэ-Бриссакъ, всѣ были предубѣждены противъ королевы, безъ всякой видимой причины. Съ другой стороны, капитанъ д'Эспиракъ и его лейтенанты, Веберъ, маркизъ де-Ларошфуко, нѣкоторые изъ дворянъ и молодыхъ придворныхъ дамъ стояли за Марію-Антуанетту и не упустили случая защитить ее противъ оскорбленій и клеветъ.

Вышеприведенный выговоръ капитана д'Эспирака маркизу де-Рогану-Шабо былъ сдѣланъ за то, что тотъ въ самой пріемной короля осмѣлился напѣвать первыя строки шансонетки, распѣваемой тогда на улицахъ Версаля и Парижа:

Королева въ двадцать лѣтъ,
 Вамъ не сдобровать...
 Королева въ двадцать лѣтъ,
 Къ людямъ въ васъ участя нѣтъ...
 Вамъ не сдобровать!..

Маленькая королева навлекла на себя эту шансонетку не вслѣдствіе своей недоброжелательности или злобы, такъ какъ не была на это способна, но просто по безпечности, а главное потому, что она была любима королемъ такъ, какъ до сихъ поръ короли любили лишь своихъ любовницъ. Она унаслѣдовала всю ревность, возбуждаемую раньше г-жою Помпадуръ и г-жою Дюбарри.

Выходка д'Эспирака не осталась послѣдствій. Роганъ-Шабо постарался привлечь на свою сторону всю аристократію двора. Ларошфуко отклонились отъ кружка Маріи-Антуанетты и соединились съ Марсанами, Субизами, привлекли на свою сторону Ноэлей, Криллоновъ и Монморанси. Около королевы остались лишь капитанъ мушкетеровъ со своими лейтенантами, Веберъ да нѣсколько незначительныхъ друзей.

Предвидѣлась ожесточенная борьба, и каждый день, каждую минуту она должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ, несмотря на паденіе аристократіи въ послѣдній часъ,—торжество революціи надъ Маріей-Антуанеттой.

Заручившись всѣмъ, что было наиболѣе сильнаго при дворѣ, маркизъ де-Роганъ-Шабо пересталъ скрывать свои карты. Онъ держалъ себя такъ дерзко, что однажды, когда онъ прогуливался по версальскимъ садамъ, къ нему подошелъ капитанъ д'Эспиракъ и сказалъ безъ всякой церемоніи:

— Милостивый государь, то, что вы дѣлаете, достойно имени негодяя. О, не вынимайте вашу шпагу! Я не буду больше съ вами драться. Несмотря на всю вашу неловкость, вы могли бы убить меня, или я васъ убью, а вашъ родъ достаточно силенъ, чтобы выхлопотать мое изгнаніе. Въ томъ и другомъ случаѣ, я исчезну. Но я могу со временемъ быть полезнымъ королевѣ и былъ бы въ отчаяннѣ, если бъ не могъ ей служить... Но запомните хорошенько, милостивый государь, что король любитъ свою жену, что король уважаетъ меня и что, хотя вы и очень высокій вельможа, можетъ наступить моментъ, когда вы очутитесь внизу... До свиданья, сударь!

И, оставивъ маркиза де-Рогана выведеннымъ изъ себя униженіемъ и злобой, д'Эспиракъ отправился разыскивать Вебера.

— Другъ мой, — сказалъ онъ ему: — мнѣ необходимо видѣть королеву одну и поговорить съ ней лишь при тебѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей.

— Это трудно, — отвѣтилъ Веберъ. — Вашъ дворъ изъ этикета сдѣлалъ настоящую тиранію. Королева Франціи имѣетъ гораздо менѣе свободы, чѣмъ послѣдняя дѣвушка съ фермы...

— Это вѣрно, но надо попытаться устроить это свиданье. Когда наступитъ благоприятная минута, ты мнѣ скажешь.

— Понимаю.

Они простились. Но благоприятная минута не наступала. А на вопросъ справлявшагося д'Эспирака Веберъ отвѣтилъ:

— Послушай, почему бы тебѣ не написать королевѣ то, что ты ей хочешь сказать? Я передамъ письмо.

— Хорошо, — согласился д'Эспиракъ: — только пусть королева сожжетъ его послѣ того, какъ прочтетъ, потому что, если его найдутъ, то имъ воспользуются не противъ такого ничтожества, какъ я, а противъ самой королевы.

— Я самъ сожгу его.

— Хорошо.

На слѣдующій день д'Эспиракъ передалъ Веберу бумагу, въ которой очень ясно было изложено положеніе королевы при французскомъ дворѣ. Капитанъ совѣтовалъ быть осторожнѣе и, если возможно, удалиться, то есть заняться чѣмъ-нибудь находящимся внѣ двора и государственныхъ дѣлъ. Д'Эспиракъ выставялъ рядъ очень дѣльныхъ замѣчаній и извинялся, что даетъ совѣты ея величеству, вынужденный дѣлать это въ виду грозящихъ ей несчастій, которыхъ надо избѣгать во что бы то ни стало.

Когда Веберъ подалъ ей это письмо, Марія-Антуанетта сидѣла въ своемъ будуарѣ вдвоемъ съ г-жою де Ламбаль, которая въ послѣднее время считалась ея лучшимъ другомъ.

Полученіе частнаго письма было до такой степени внѣ правилъ этикета, что пальцы королевы дрожали, когда она распечатывала его. Она его прочла, не останавливаясь отъ начала до конца. Потомъ на ея глазахъ выступили слезы, и она протянула письмо принцессѣ де-Ламбаль; та прочла его тоже. Потомъ Веберъ взялъ письмо и бросилъ въ каминъ. Бумага съежилась, пожелтѣла, затѣмъ сразу загорѣлась, и вѣтеръ унесъ пепель въ трубу.

Тогда обѣ молодыя женщины переглянулись, и г-жа де-Ламбаль сказала:

— Этотъ человѣкъ правъ...

— Да, — вздохнула королева.

Затѣмъ она на что-то рѣшилась и позвонила. Приподнялась портьера, и вошелъ пажъ.

— Король въ своемъ кабинетѣ? — спросила Марія-Антуанетта.

— Да, ваше величество.

— Доложите королю, что я хочу съ нимъ говорить.

Нѣсколько минутъ спустя, пажъ вернулся и доложилъ, что король ожидаетъ королеву.

— Но что же вы хотите дѣлать? — въ третій разъ спросила г-жа де Ламбаль задумавшуюся королеву.

— Просить Трианонъ, — съ улыбкой отвѣтила Марія-Антуанетта.

И она вышла.

Посоветовавъ Марію-Антуанеттѣ укрыться отъ грозъ и интригъ двора, капитанъ д'Эспиракъ напомнилъ ей совѣтъ, данный когда-то графомъ и графиней де-Ноэль,—попросить у Людовика XVI Малый Трианонъ.

Еще задолго до полученія письма д'Эспирака Марія-Антуанетта вошла однажды утромъ къ своему супругу съ твердымъ намѣреніемъ получить въ свою полную собственность это прелестное помѣстье. Но король, любившій свою жену все нѣжнѣе и нѣжнѣе, не далъ ей и коснуться этого предмета, сталъ разспрашивать о здоровьи, о томъ, какъ она провела ночь и т. д.

По странному и необъяснимому сліянію мыслей, соединяющихъ два сердца гораздо крѣпче, чѣмъ торжественныя клятвы, въ этотъ день Людовикъ XVI проснулся съ желаніемъ предложить Марію-Антуанеттѣ Малый Трианонъ. Онъ очень ловко заговорилъ о хорошей погодѣ, о прелести садовъ, освѣщенныхъ веселымъ солнцемъ, объ ароматѣ цвѣтовъ. Королева самымъ невиннымъ тономъ призналась, что всегда любила цвѣты. Людовикъ XVI всталъ, улыбнулся и веселымъ, взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Вы любите цвѣты? Прекрасно! Я могу подарить вамъ прелестный букетъ—Малый Трианонъ.

Съ непосредственностью, свойственной молодости, любви и радости, Марія-Антуанетта бросилась на шею мужу, расцѣловала его и убѣжала къ себѣ въ будуаръ, гдѣ ее ждала г-жа де-Ламбаль.

— Я получила! Я получила!—воскликнула она, хлопая въ ладоши.—Я получила Малый Трианонъ!

Онѣ обнялись и начали говорить о томъ, не будетъ ли противно этикету, если онѣ съѣздятъ посмотрѣть свое новое помѣстье. Все было обдуманно, посоветовались съ г-жою де-Ноэль, и прогулка была рѣшена.

Марія-Антуанетта послала Вебера за графомъ д'Эспиракомъ, и они выѣхали вчетверомъ.

Въ такой часъ весь аристократическій Парижъ былъ во дворцѣ или въ постели. Никго не гулялъ въ версальскихъ садахъ; лишь садовники, поливавшіе цвѣты, видя королеву, почтительно кланялись ей.

Проѣхали версальскій паркъ, затѣмъ Большой Трианонъ и наконецъ очутились въ Маломъ Трианонѣ.

Онъ представлялъ собою квадратный павильонъ, римскаго стиля, стоявшій въ самой срединѣ парка. Это былъ миниатюрный дворецъ, фасадъ котораго едва достигалъ двадцати трехъ метровъ. Онъ состоялъ изъ трехъ этажей, поднимавшихся между колоннъ и коринѣскихъ пилястровъ, великолѣпно раскрашенныхъ и орнаментированныхъ, съ итальянской террасой наверху зданія.

Малый Трианонъ былъ созданиемъ архитектора Габріэля. Маркизь де-Линаръ слѣдилъ за его сооруженіемъ, а скульпторъ

Жильберъ разукрасилъ его своимъ тонкимъ рѣзцомъ. Сюда въ старости прѣѣзжалъ Людовикъ XV вмѣстѣ съ герцогомъ Айенскимъ отдыхать отъ кутежей.

Королева, принцесса де-Ламбаль, Веберъ и д'Эспиракъ осмотрѣли дворецъ до мельчайшихъ подробностей. Марія-Антуанетта, горя нетерпѣньемъ поскорѣе въ немъ поселиться, не хотѣла возвращаться въ Версаль, не рѣшивъ на мѣстѣ всѣхъ измѣненій, которыя необходимо сдѣлать. Веберъ взялъ записную книжку и карандашомъ записывалъ ея указанія.

Со слѣдующаго же дня герцогъ де-Караманъ былъ приглашенъ Маріей-Антуанеттой къ завѣдыванію работами. Архитекторъ миологическаго стиля Микъ, изящный реставраторъ художникъ Губертъ Робертъ на глазахъ у королевы рисовали на бумагѣ планы такой деревни, о какой она мечтала. Деревья, рѣка, скала, залы для театральныя представленія, деревенскій мостъ, бельведеръ, мельница, кустарники, островъ, храмъ Амура, молочная ферма изъ бѣлаго мрамора, все было создано сразу. И всюду цвѣты, самые роскошные, самые ароматные, самые рѣдкіе цвѣты. Кампанъ пригласилъ Боннефуа, а тотъ, въ свою очередь, Жюсье, который на глазахъ у королевы поливалъ ливанскій кедръ.

Черезъ мѣсяцъ мечта реализировалась. Ремонтъ и отдѣлка Малаго Трианона были окончены, и въ немъ поселилась королева, готовая на всякія игры, на смѣхъ, на всевозможныя развлечения, чтобъ только забыть торжественную скуку Версаля и всѣ правила этикета.

Въ Маломъ Трианонѣ образовался небольшой дворъ, жизнь, приключенія, увлеченія и интриги котораго читатель найдетъ на послѣдующихъ страницахъ.

Д'Эспиракъ и Веберъ стояли во главѣ двора. Г-жа де-Ламбаль была назначена управительницей деревенскаго дома королевы. Графъ и графиня Прованскіе, графъ д'Артуа, графъ де-Ферзень и нѣсколько молодыхъ аристократовъ самаго избраннаго общества были первыми приняты при трианонскомъ дворѣ.

Среди этого случайнаго двора Маріи-Антуанеттѣ суждено было торжествовать во всемъ величіи королевы и красивой женщины. Она не была уже болѣе хорошенькой, наивной дѣвушкой съ береговъ Рейна; съ теченіемъ времени она приобрѣла все то, что самые взыскательные мужчины требуютъ отъ женщинъ. Ея фигура, по выраженію г-жи де-Полиньякъ, была создана для трона; бѣлокурые шелковистые волосы, прелестная шея, дивныя округлыя плечи, восхитительныя руки, изящная, плавная походка; ко всему этому царственно-добродушная манера держать голову и ласковая улыбка, освѣщающая все лицо, — вотъ портретъ Маріи-Антуанетты Австрійской, супруги Людовика XVI, владѣлицы и повелительницы Малаго Трианона.

III.

Черезъ нѣсколько дней послѣ окончательнаго переселенія въ Трианонъ королева Марія-Антуанетта начала разыгрывать роль фермерши.

Однажды утромъ она встала очень рано и вышла изъ дворца со своей ближайшей подругой принцессой де-Ламбаль.

Обѣ молодыя женщины были совершенно одинаково одѣты въ простыя платья, согласно новой модѣ: на нихъ были польскія юбки изъ полотна съ мелкими голубыми и розовыми цвѣточками, гарнированныя оборками изъ той же матеріи. Корсажи, отдѣланныя бѣлой матеріей, открывали часть груди, плечи и шею. Ихъ красивыя головы были украшены бѣлыми чепцами, изъ-подъ которыхъ вились длинныя букли. Обнаженныя по локоть руки, короткія, едва доходящія до щиколотка юбки придавали имъ очаровательный видъ деревенской простоты и фривольной, оригинальной кокетливости.

Марія-Антуанетта и принцесса де-Ламбаль направились къ молочной, гдѣ ихъ уже ждали графини Фицъ-Джемсъ, Эстергази и де-Саластронъ, переодѣтыя въ фермершъ. На ихъ обязанности лежало раздаваніе красивыхъ кружекъ съ молокомъ всему двору Малаго Трианона, когда онъ приходитъ сюда на ранній завтракъ.

Обѣ подруги смѣялись и болтали о томъ, какое удовольствіе онѣ себѣ сейчасъ доставятъ, когда изъ-за поворота одной аллеи появилось двое мужчинъ, любезно раскланявшихся съ фермершами.

Это были графъ де-Ферзенъ и его двоюродный братъ, виконтъ де-Лионъ, лейтенантъ мушкетеровъ.

— Какъ я благодаренъ счастливой случайности... — проговорилъ графъ де-Ферзенъ, обращаясь къ Маріи-Антуанеттѣ.

Но принцесса де-Ламбаль улыбнулась. Она хорошо знала обоихъ двоюродныхъ братьевъ и уже нѣсколько дней, слушая деревенскіе мадригалы виконта де-Лиона, слѣдила за маленькой интригой, завязывавшейся мало-по-малу между графомъ де-Ферзеномъ и Маріей-Антуанеттой. Поэтому она и не вѣрила въ «счастливую случайность».

Съ вызывающей улыбкой принцесса сказала виконту де-Лиону:

— Пойдемте сюда, виконтъ, мнѣ надо васъ хорошенько побранить.

И она увлекла своего поклонника за деревья, оставивъ Марію-Антуанетту вдвоемъ съ графомъ де-Ферзеномъ. Королева и графъ съ минуту смотрѣли другъ на друга, и оба покраснѣли... Уже съ мѣсяцъ какая-то таинственная сила соединяла ихъ. Теперь, дѣйствительно, они могли поговорить, имѣя свидѣтелями лишь деревья парка въ это влажное, ароматное, раннее утро.

— Сударыня, — произнесъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ графъ, — окажите мнѣ милость, выслушайте меня одну минуту...

Въ Маломъ Трианонѣ этикетъ отсутствовалъ, и Марію-Антуанетту величали ея величествомъ только въ сказкахъ королей и фей, которыя представляли по вечерамъ на сценѣ. Королева непремѣнно желала, чтобы въ повседневной жизни не было никакихъ церемоній и чтобы въ Трианонѣ царилъ деревенскій, а не придворный тонъ.

— Графъ, — произнесла она: — хотя умъ и говоритъ мнѣ, что этого не надо, но сердце сильнѣе ума, и... я васъ слушаю...

Она покраснѣла, опустила голову и стояла, какъ молоденькая дѣвушка, застигнутая за легкимъ проступкомъ.

— Пройдемся, если позволите, — предложилъ графъ.

Они медленно углубились въ узкую, темную, поперечную аллею. Молодой человекъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ словъ, сорвавшихся съ губъ королевы, что первое время молчалъ.

Графъ де-Ферзенъ, несомнѣнно, былъ достоинъ быть замѣченнымъ глазами королевы и сердцемъ даже добродѣтельной супруги. Аксель де-Ферзенъ, потомокъ старинной дворянской фамилии, двоюродный братъ графини Левенгельмъ, рожденной Ферзенъ и повелительницы двора Густава III, былъ окруженъ ореоломъ легендарныхъ подвиговъ, заслужилъ репутацію «чувствительнаго сердца», полного рыцарскихъ порывовъ и сентиментальности.

Онъ влюбился въ Марію-Антуанетту еще при жизни Людовика XV, но любовь эта была чистаго и безкорыстнаго характера. Сознавая, что чувство это преступно и безумно, онъ бѣжалъ отъ него, принявъ участіе въ войнѣ съ Америкой, подъ начальствомъ Лафайета и Рошамбо. Но новые подвиги и битвы не исцѣлили его недуга; онъ вернулся уже настоящимъ мужчиной, похорошѣвшимъ, получившимъ увѣренность въ себѣ, и рѣшилъ не сдерживать болѣе порывовъ своего сердца.

Придворныя дамы очень ухаживали за графомъ, но онъ былъ съ ними сдержанъ. Когда Марія-Антуанетта переселилась въ Трианонъ и окружила себя аристократіей, ему стало легко попасть къ ея двору, а полуслова и намеки принцессы де-Ламбаль помогли королевѣ остановить свои взгляды и мысли на графѣ.

Покорная своему мужу, Людовику XVI, но вовсе не влюбленная въ него и чистая сердцемъ, какъ только что распустившаяся роза, Марія-Антуанетта незамѣтно поддалась обаянію серьезнаго, скромнаго и рыцарскаго характера графа Ферзена. Вотъ почему она не могла устоять, когда онъ попросилъ позволенія говорить о томъ, что до сихъ поръ хранилось въ тайнѣ.

Нѣкоторое время они шли молча. Потомъ графъ де-Ферзенъ взглянулъ на Марію-Антуанетту, слегка поблѣднѣлъ и заговорилъ мягкимъ, серьезнымъ голосомъ:

— Сударыня, только потому, что я знаю, что вы убѣждены въ моемъ огромномъ уваженіи къ вамъ, я осмѣливаюсь высказать слова, которыя въ устахъ подданнаго кажутся королевамъ оскорбленіемъ... Сударыня, я много лѣтъ васъ люблю... Ни удаленіе отъ двора, ни слава сраженій, ни опасности, всегда грозяція жизни, ни долгое опасное путешествіе, ничто на свѣтѣ не дало мнѣ возможности забыть васъ, ничто не охладило моего сердца. Я люблю васъ, сударыня, какъ въ первый день, когда увидѣлъ васъ молоденькой дѣвушкой, пріѣхавшей во Францію и окруженной австрійскимъ дворомъ... Я люблю васъ такой любовью, которая окончится только вмѣстѣ съ моей жизнью...

Онъ на минуту умолкъ. Королева, блѣдная, какъ бѣлая матерія на ея корсажѣ, сдерживала рукою біенія своего сердца. Ея открытая грудь высоко поднималась и опускалась. Она едва подавляла слезы. Онъ съ такой нѣжностью взглянулъ на нее, что она вся вздрогнула, и продолжалъ:

— Сударыня, я собственноручно закололъ бы себя шпагой, если бъ та любовь, о которой я вамъ говорю, заставила меня забыть хоть на минуту, чѣмъ я обязанъ супругѣ моего короля... Для того, чтобъ я былъ счастливъ, я прошу у васъ только одного взгляда... взгляда доброты... и позволенія остаться вашимъ другомъ... однимъ изъ глубоко уважающихъ васъ и самыхъ преданныхъ друзей...

Они остановились. Марія-Антуанетта подняла на молодого человѣка свои большіе ласковые голубые глаза. Въ нихъ сверкали слезы. Она прошептала:

— Графъ, вы мнѣ клянетесь, что...

Онъ понялъ.

— Сударыня,— отвѣтилъ онъ:— я хочу быть лишь самымъ вѣрнымъ подданнымъ короля и самымъ покорнымъ рабомъ вашего величества...

И онъ опустился на колѣни. Но королева приподняла его и, упавъ въ его объятія, воскликнула:

— Теперь и я могу сказать: я васъ люблю!..

Ихъ губы слились въ поцѣлуѣ. Но королева тотчасъ же опомнилась и, красная отъ смущенія, отступила назадъ. Потомъ, медленно утирая глаза, она стала прежней величественной и кроткой королевой. Протянувъ руку своему возлюбленному, она сказала тономъ гордой богини:

-- Господинъ графъ, проводите меня, пожалуйста, въ молочную... Мой дворъ не замедлитъ туда прійти. Я должна принять его, какъ любезнаго фермерша,— прибавила она смѣясь.

Потомъ, наклоняясь къ уху молодого человѣка, Марія-Антуанетта прошептала:

— Другъ мой, будемъ молча любить другъ друга, не измѣняя нашему долгу.

Въ концѣ аллеи они встрѣтили виконта де-Лиона и принцессу де-Ламбаль, которые, завидя ихъ, быстро разъединили свои руки и, сдѣлавъ видъ, что рвутъ маргаритки, отвернулись другъ отъ друга.

При дворѣ ничто не можетъ скрыться. Несмотря на строгую тайну, хранимую графомъ де-Ферзеномъ и Маріей-Антуанеттой, узнали исторію ихъ чистой любви. Какимъ образомъ? Хроникеры объ этомъ умалчиваютъ.

Какъ бы то ни было, но молодой принцъ де-Субизъ, уже давно влюбленный въ королеву, желалъ замѣстить своего счастливаго соперника. Онъ льстилъ себя надеждой затмить его своей красотой, именемъ, связями. Но онъ ошибся. Его пріятельница принцесса Шиме взялась поговорить съ королевой о томъ, чтобъ онъ былъ принятъ при трианонскомъ дворѣ, но Марія-Антуанетта очень категорически отказала.

— Вѣдь этотъ человѣкъ, — возразила королева, — завсегда тай у де-Шатильонъ, де-Валентинуа, де-Ронсъ, де-Рошероль и де-Розенъ, ведущихъ при дворѣ жизнь азартныхъ картежницъ и развратницъ...

Принцъ Субизъ принялъ это къ свѣдѣнію. Но такъ какъ ему не удалось замѣстить графа де-Ферзена, то онъ поклялся отомстить ему и королевѣ. Сначала онъ распространялъ самыя подлые слухи, и при версальскомъ дворѣ стали поговаривать о томъ, что Марія-Антуанетта разрѣшаетъ своему поклоннику больше, чѣмъ одно цѣлованіе руки...

Капитанъ д'Эспиракъ первый узналъ о клеветахъ, распространяемыхъ принцемъ Субизомъ и его друзьями о Маріи-Антуанеттѣ. Ему рассказалъ объ этомъ его лейтенантъ, виконтъ де-Лионъ, поклонникъ принцессы де-Ламбаль.

Онъ отправился къ Ферзену и сказалъ ему:

— Будьте осторожны, графъ. Принцъ Субизъ васъ ненавидитъ, а у него очень сильныя друзья...

— Пусть они явятся, мы помѣряемся! — отвѣтилъ Ферзенъ, ударяя по шпагѣ.

— Это вѣн сомнѣнья, графъ, но они очень многочисленны, — возразилъ д'Эспиракъ. — Будьте осторожны.

И д'Эспиракъ приказалъ четверемъ своимъ муккетерамъ передѣться такъ, чтобъ ихъ не узнали, и постоянно, всюду сопровождать графа де-Ферзена.

Между тѣмъ принцъ Субизъ заручился нѣсколькими друзьями, среди которыхъ находились герцогъ де-Ноэль, графъ Грильонъ, герцогъ де-Монморанси и герцогъ де-Коссе-Бриссакъ. Однажды вечеромъ, когда луна скрылась за тучи, восемь человѣкъ поджи-

дали графа де-Ферзена въ узкой улицѣ въ Версалѣ, по которой поклонникъ королевы долженъ былъ возвращаться изъ Малаго Трианона.

Ночь была такъ темна, что ничего не было видно на разстояніи шага передъ собою. Графъ де-Ферзенъ появился на концѣ улицы; позади него лакей несъ зажженный фонарь. Дойдя до того мѣста, гдѣ скрывался принцъ Субизъ со своими друзьями, онъ почувствовалъ, что кто-то дотронулся до его плеча; въ то же время замаскированный человѣкъ вышелъ изъ тѣни и сказалъ ему:

— При васъ есть шпага, господинъ де-Ферзенъ, при мнѣ тоже—мы равны. Вы не должны завтра утромъ вернуться въ Трианонъ.

Презрительно улыбаясь, Ферзенъ обнажилъ шпагу. Его улыбка стала еще болѣе презрительной, когда онъ увидалъ, что въ кругу, освѣщенномъ фонаремъ, появилось еще семь человѣкъ.

— Однако, это подлая западня,—сказалъ онъ. — Если я убью васъ, прекрасная маска, то убійцы, стоящіе за вами, конечно, отомстятъ мнѣ за васъ. Ну, что же—пусть! Выходите всѣ разомъ. Я васъ жду!

Онъ отскочилъ и прислонился спиною къ стѣнѣ дома, чтобы на него не напали сзади, и сталъ ждать, поднявъ шпагу. Восемь замаскированныхъ человѣкъ стали совѣтоваться другъ съ другомъ. Но тотъ, который заговорилъ первымъ, подошелъ одинъ и сказалъ:

— Господинъ де-Ферзенъ, мы благородные люди и атакуемъ васъ по очереди...

— Нѣтъ, чортъ возьми! — крикнулъ вдругъ чей-то голосъ. — Выходите всѣ сразу!

И капитанъ д'Эспиракъ появился по правую сторону графа Ферзена, въ то время какъ четыре другихъ человѣка выстроились по его лѣвую сторону.

— Шесть солдатъ противъ восьми щеголей! — ухмыльнулся гасконецъ.—Партія не равная. Подите, поищите подкрѣпленія, господа «благородные люди». Приходите двѣнадцать человѣкъ, два противъ одного, тогда мы примемъ вашъ вызовъ!

Принцъ Субизъ и его друзья бросились на шестерыхъ. Но, по приказанію д'Эспирака, мушкетеры одновременно нагнулись и такъ сильно ударили головами въ груди своихъ противниковъ, что тѣ упали и были моментально обезоружены. Капитанъ д'Эспиракъ самъ продѣлалъ тотъ же маневръ со своимъ противникомъ и съ противникомъ графа де-Ферзена. Потомъ, разбивъ ударомъ ноги фонарь, который все еще держалъ слуга, онъ увлекъ графа въ темноту, а его мушкетеры скрылись въ разныя стороны.

Когда д'Эспиракъ и графъ находились уже около отеля, гдѣ жилъ Ферзенъ, капитанъ сказалъ ему:

— Теперь, графъ, ложитесь спать. И простите, что я помѣшалъ вамъ драться. Но дѣло въ томъ, что напавшіе на васъ принад-

лежать къ лучшимъ фамиліямъ Франціи, а королева не желаетъ, чтобы кровь дворянъ лилась иначе, какъ на службѣ короля и на полѣ сраженья.

Однако принцъ Субизъ перенесъ униженіе и не счелъ себя побѣжденнымъ. Онъ понялъ, почему капитанъ д'Эспиракъ ограничился лишь тѣмъ, что обезоружилъ его и его друзей.

— Если шпага дворянина бессильна противъ Ферзена, — сказалъ онъ самому себѣ:— то ее замѣнитъ кинжалъ лакея.

И онъ подкупилъ одного слугу убить Ферзена, но на утро слуга найденъ былъ повѣшеннымъ на деревѣ въ Большомъ Трианонѣ.

Узнавъ объ этой второй неудачѣ, принцъ Субизъ пришелъ въ бѣшенство. Неудовлетворенная любовь разжигала его злобу, и онъ подослалъ въ домъ графа Ферзена двухъ человекъ, которые должны были хитростью или силой убить его изъ шпелета.

Утромъ принцу Субизу доложили, что оба наемные убійцы найдены у дверей дома Ферзена мертвыми, съ глубокими ранами шпагой на груди.

Тогда, по совѣту Коссе-Бриссака, принцъ Субизъ измѣнилъ свою тактику. Онъ рѣшилъ избавиться отъ своего соперника посредствомъ яда. Коссе-Бриссакъ далъ ему всѣ необходимыя указанія.

— Послушай, слышалъ ли ты когда-нибудь про Зыбкую? — спросилъ онъ его.

— Да, это женщина, которая слыветъ за колдунью и живетъ, кажется, въ улицѣ св. Бенедикта.

— Да. Ее прозвали Зыбкой, потому что она страшно хромаетъ на обѣ ноги, и при ходбѣ качается, какъ корабль въ морѣ во время зыби. Ну, такъ вотъ, я знаю, что г-жа Роншероль и маркиза де-Флери посѣщаютъ ее, первая потому, что она указываетъ ей игорные дома, а вторая потому, что она помогаетъ ей въ ея любовныхъ дѣлахъ. Понялъ теперь?

— Объяснись яснѣе.

— Ахъ, какой ты! Ну, понимаешь, г-жа Роншероль и маркиза де-Флери могутъ устроить такъ, что за придворнымъ ужинкомъ Ферзенъ будетъ сидѣть между нихъ, и вольютъ ему ядъ, который приготовить Зыбка. Если завтра, послѣ полудня, мы съ тобой отправимся къ колдунѣ, то встрѣтимъ тамъ обѣихъ барынь. Намъ будетъ очень легко уговорить ихъ...

— Прекрасно. Рѣшено, — отвѣтилъ принцъ.

И пріятельи разстались. До завтрашняго дня имъ нужно было еще посѣтить ихъ любовницъ, представиться королю, написать мадригалъ официальной придворной проституткѣ г-жѣ де-Шатильонъ и составить эпиграмму по адресу Маріи-Антуанетты, а о проектированномъ преступленіи будетъ время подумать и завтра.

На слѣдующій день, въ два часа, принцъ Субизъ и герцогъ де-Коссе-Бриссакъ, въ скромныхъ костюмахъ и съ надвинутыми на глаза шляпами, вошли въ бѣдный, низенькій домикъ въ улицѣ св. Бенедикта. Но внѣшность дома не соответствовала его внутреннему убранству, такъ какъ ихъ встрѣтила нарядная субретка и провела въ роскошно и со вкусомъ меблированную гостиную. Затѣмъ она ненадолго оставила ихъ однихъ и, вернувшись, пригласила въ комнату Зыбкой.

Колдунья стояла передъ печкой, полной разныхъ горшечковъ. Эта женщина огромнаго роста, съ фигурой, напоминавшей коммерческой корабль, повернула къ нимъ свое широкое, угреватое лицо, съ маленькими сверкающими глазами. Она вовсе не была похожа на классическую колдунью, на колдунью сказокъ Перро. Она приложила палецъ къ губамъ, потомъ этимъ же пальцемъ указала на безцвѣтную жидкость, находившуюся въ бутылкѣ около печи.

Страшныя микстуры, приготовляемыя Зыбкой, были совершенно неизвѣстны медицинѣ. Ученые, лишающіе поэзіи все поэтическое, находящіе въ любовномъ поцѣлуѣ бациллы ужасныхъ болѣзней, а въ ароматныхъ лепесткахъ чудной розы смертоносныя микробы, утверждаютъ, что отравительницы употребляли просто мышьяковые, сатурніальныя и меркуріальныя яды. Этимъ объясняется старинный таинственный способъ мгновенныхъ убійствъ.

Какъ бы то ни было, но послѣ минутнаго молчаливаго напряженія Зыбкая снова обернулась къ своимъ посѣтителемъ, указала каждому изъ нихъ на стулъ, сѣла сама въ мягкое, удобное кресло и спросила чрезвычайно любезно:

— Чѣмъ могу вамъ служить, господа?

Бриссакъ отвѣтилъ, не задумываясь:

— Продать намъ безцвѣтный ядъ, убивающій человека въ недѣлю, и устроить намъ здѣсь свиданіе съ госпожами Роншероль и де-Флери.

И, говоря это, онъ выложилъ туго набитый золотомъ кошелекъ.

Въ ту же минуту дверь открылась, и вошла субретка. Она сказала какое-то непонятное слово колдуньѣ и ушла.

Тогда отравительница взяла съ этажерки маленькій флаконъ и, подавая его Коссе-Бриссаку, сказала:

— Вотъ ядъ, сударь; что же касается до дамъ, которыхъ вы желаете видѣть, то вотъ онѣ.

Она приподняла драпировку, и посѣтители увидели госпожу Роншероль и маркизу де-Флери. Онѣ сидѣли на диванѣ и дружески бесѣдовали. Зыбкая втолкнула посѣтителей въ комнату съ диваномъ, и драпировка опустилась.

Не будемъ передавать, какимъ образомъ принцу Субизу и герцогу Коссе-Бриссаку удалось добиться соучастія дамъ, но ре-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Ниженоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1908 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

I. Богословіе.

Бараць, Г. Виблейско-Агадическія параллели къ летописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ. Кіевъ. 1908. Ц. 75 к.	православной христіанской церкви. М. 1908. Ц. 80 к.
Лебедевъ, А. Исторія христіанской церкви. Спб. 1908. Ц. 75 к.	Петровскій, С. протоіерей. Одесскій Преображенскій, нынѣ кафедральный соборъ. Къ столѣтію со дня его освященія. Одесса. 1908. Ц. 5 р.
Малоземовъ, А. Слово Іоанна Златоустаго на воскресенье. Спб. 1908. Ц. 40 к.	Ушаковъ, Н. Жизнь святого пророка и Боговидца Моисея. Спб. 1908. Ц. 60 к.
Момайскій, Василій, епископъ. Исторія	

II. Философія, психологія, логика.

Безантъ, А. Теософія и новая психологія. Спб. 1908. Ц. 50 к.	Девятая книжка педагогической психологіи. Подъ редакціей А. П. Нечасова, Т. II, ч. 2-я, вып. I. Спб. 1908. Ц. 70 к.
Бертранъ, Э. Личный магнетизмъ и гипнотизмъ. Развитіе силы воли и укрѣпленіе памяти. Рига. 1908. Ц. 1 р. 25 к.	Скрыченко, Д. Цѣнность жизни по современно-философскому и христіанскому ученію. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Гейфдингъ, Г. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.	Тетмайеръ, К. Вездна. Психологическая фантазія. М. 1908. Ц. 10 к.
Грузенбергъ, С. Пессимизмъ какъ вѣра и міропониманіе. Опытъ критическаго анализа и классификаціи основоположеній и выводовъ пессимизма. М. 1908. Ц. 60 к.	Шеллингъ. Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы. Бруно или о Божественномъ и естественномъ началѣ вещей. Спб. 1908. Ц. 1 р.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1908 г., т. сѣив.

1/226

III. Словесность.

- Беннетъ, Д. Грандъ-отель «Вавилонъ». Романъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- Бременъ, Р. Подъ бичомъ красавицы. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Вильямсонъ, А. Приключенія «Краснаго Скорохода». М. 1908. Ц. 1 р.
- Гамсунъ, К. У царскихъ вратъ, пьеса въ 4 д. М. 1908. Ц. 35 к.
- Полное собраніе сочиненій, т. 12-й. Бродячая жизнь. Духовная жизнь современной Америки. М. 1908. Ц. 1 р.
- Ганжулевичъ, Т. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Гедбергъ, Т. Иуда, повѣсть. М. 1908. Ц. 10 к.
- Голигеръ, А. Наслажденіе и смерть. Повеллы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- День женщины въ разныя историческія эпохи. Собраніе этюдовъ лучшихъ французскихъ писателей въ переводахъ П. Башилова. Новгородъ. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Добротворскій, П. За что погибъ человекъ. Два разсказа. М. 1908. Ц. 4 к.
- Задонская, Е. Быль XIX столѣтія. (Дѣтямъ моимъ). Томъ 2-й. Харьковъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Захеръ-Мазохъ, В. Заключеніе къ «Исповѣди моей жизни». Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Захеръ-Мазохъ, Л. Демоническія женщины. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Зудерманъ, . Иоаннъ. Трагедія въ 5 д. М. 1908. Ц. 10 к.
- Киплингъ, Р. Избранные разсказы. Книга 2-я. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Ключки. Юмористическій сборникъ. Анекдоты. Сценки. Стихи. Пословицы. Вѣсни. Изреченія. Смѣсь. Загадки. Пѣсни. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Леопарди, Д. Диалоги и мысли. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Навроцкій, А. А. Свѣточки русской земли. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- наши товарищи. Истинные случаи въ Америкѣ и другихъ странахъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Непростительное заблужденіе (по поводу послѣсловія гр. Л. Толстого къ «Крейцеровой Сонатѣ») Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Немировичъ-Данченко, В. Развѣнчанная царица. Очерки Венеціи. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Никитинъ, П. Новѣйшія приключенія Шерлока Холмса въ Россіи. Изъ записокъ знаменитаго сыщика. М. 1908. Ц. 1 р.
- Орловецъ, П. Отъ каторги къ милліонамъ. Походженія «Золотой ручки». Романъ. М. 1908. Ц. 80 к.
- Пенаторосъ, Г. Диалоги искреннихъ людей. Современныя идеи и настроенія. Одесса. 1908. Ц. 50 к.
- Поповъ, В. «Встревоженный улей». Драматическій эскизъ въ 2 д. (Изъ времени послѣ заключенія мира Россіей съ Японіей). М. 1908. Ц. 50 к.
- Прево, М. Исторія пухленькой дамочки. Новая письма къ Франсуазѣ. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Пушкинъ, А. Евгеній Овѣгинъ. Съ иллюстраціями Е. Самокишъ-Судковской. Спб. 1908. Ц. 8 р.
- Шибишевскій, С. Пляска любви и смерти. I. Золотое руно. II. Гости. М. 1908. Ц. 10 к.
- Рудневъ, Я. Родная страна въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, I. Сѣверный край.—Финляндія. Спб. 1908. Ц. 35 к.
- Тенеромо, И. Живыя рѣчи Л. Н. Толстого (1885—1908 гг.). Одесса. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Толстой, Л. Н., гр. Воспоминанія. М. 1908. Ц. 40 к.
- Толстой, Л. Царствіе Божіе внутри васъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій, вышедшихъ за границей. Т. 5-й. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Фрапанъ, И. Спасители нравственности. М. 1908. Ц. 10 к.
- * Шекспиръ, В. Двѣнадцатая ночь или что угодно. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ съ прижъчаниями А. И. Кронеберга. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- * Шекспиръ, В. Много шума изъ ничего, ком. въ 5 д. Спб. 1908. Изд. А. С. Суворина. Ц. 25 к.
- Шлихтегровъ-фонъ, К. Любовь іезуита Жана Баптиста Жнрара. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Шницлеръ, А. Смерть. Новелла. М. 1908. Ц. 10 к.
- Язевъ, В. Роза Ливеръ. Повѣсть изъ жизни мормоновъ. Одесса. 1908. Ц. 60 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Бирюковъ, П. Левъ Николаевичъ Толстой (къ 80-лѣтнему юбилею). Краткій біографическій очеркъ. М. 1908. Ц. 15 к.
- Біографіи великихъ писателей. Изд. П. Плавхова съ портретами. Толстой, Л. Н., ц. 15 к., Жуковский, В. А., ц. 10 к., Пушкинъ, А. С., ц. 10 к., Тургеневъ, И. С., ц. 10 к., Гоголь, П. В., ц. 15 к.
- Варшавскій университетъ и бывшая Варшавская главная школа. Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Вейнбергъ, П. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Дитмаръ, С. фонъ Русскому народу и русскому солдату въ память о М. Д. Скобелевѣ. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Дубровина, Е. Памяти оковѣтаннаго друга. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Забѣлинъ, Н. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. I. Доисторическое время Руси. М. 1908. Ц. 4 р.
- Кулаковскій, Ю. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Вып. 3-й. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кульманъ, Н. Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Спб. 1908. Ц. 50 к.

- Клоддъ, Э.** Эволюція человѣчества въ письменахъ. Исторія алфавита. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Кросби, Э. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель.** М. 1908. Ц. 40 к.
- Куперь, В.** Исторія розги во всѣхъ странахъ. Флагелляція и флагеллянты. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Левицкій, В.** Современныя стремленія искусства. Письма изъ Италіи (1895—1908). Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Лобовъ, Л. Гилларовъ-Платоновъ. Вѣра и церковь.** Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Славянскій вопросъ. Ц. 15 к.
- Московскій некрополь.** Томъ 3-й (Р.—Θ.). Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Левъ Николаевичъ Толстой, въ 80-лѣтію великаго писателя.** Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности въ 1905—1907 г., съ прил.** Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Петровъ, М.** Лекціи по всемірной исторіи. Т. 2-й. Ч. 2-я. Исторія среднихъ вѣковъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Портретъ графа Льва Николаевича Толстого.** Ц. 2 р.
- Сперанскій, М.** Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. IV Аристотелевы врата или тайная тайныхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Ушинскій, К.** Матеріалы для педагогической антропологіи. Т. III и матеріалы для біографіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

V. Сельское хозяйство.

- Беттнеръ, Г.** Садъ и огородъ. Практическое руководство для всѣхъ начинающихъ заниматься садоводствомъ и огородничествомъ. Выш. I. М. 1909. Ц. 50 к.
- Гагеманъ, О.** Физиологія домашнихъ животныхъ. Руководство для слушателей сельско-хозяйственныхъ и ветеринарныхъ институтовъ, ветеринарныхъ врачей, животноводовъ и для сельскихъ хозяевъ. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.
- Жилины, Е. и И.** Какъ сдѣлаться хорошимъ огородникомъ. Изд. 2-е. М. 1908. Ц. 20 к.
- Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. Изд. 2-е. М. 1908. Ц. 30 к.
- Защепинъ, М.** Землянки для скота. Обь устройствѣ дешевыхъ помѣщеній для домашнихъ животныхъ. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Кобурнь, Ф. Люцерна.** Исторія введенія ея въ культуру, воздѣлываніе, кормовыя достоинства и удобрительныя свойства. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Лодыгинъ, П.** Упряжная лошадь въ Россіи (Орловскій рысакъ и его значеніе). М. 1908. Ц. 75 к.
- Мещеряковъ, П.** Какъ получить наибольшую пользу отъ навознаго и торфяного удобрения. М. 1908. Ц. 6 к.
- Рутченко, А.** Сельское хозяйство и землеустройство въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. М. 1908. Ц. 2 р.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Богдановъ, И.** Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. 2-е, допол. Спб. 1908. Ц. въ перепл. 75 к.
- Булахъ, И.** Электроплавка стали. Спб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.
- Вейнертъ, Ф.** Испытаніе электрическихъ машинъ и трансформаторовъ. Руководство для электротехниковъ, монтеровъ и т. п. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Габаритъ подвижнаго состава и приближенія строеній къ пути при ширинѣ колеи 5 футовъ.** Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Гинзбургъ, Л.** Къ вопросу объ очисткѣ воды для двигателей внутренняго сгорания. М. 1908. Ц. 85 к.
- Ильменскій, А.** Краткое руководство старшаго дѣла. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Коцовскій, Н.** Правила для веденія горныхъ работъ въ видахъ ихъ безопасности и описаніе служащихъ для этой цѣли устройствъ, приборовъ и приспособленій. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Красинъ, Г.** Металлическій виадукъ пролетомъ 3×13,00+2×7,00 саж. Предварительный проектъ перехода черезъ р. Ситикъ на 2,112 верствъ Сибирской ж. д. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Кроль, М.** Учебникъ электротехники для техническихъ школъ и практиковъ. М. 1908. Ц. 3 р. 60 к.
- Любимовъ, А.** Больные товарные вагоны и ихъ ремонтъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Пенза. 1908. Ц. 1 р. 20 к.
- Передерій, Г.** Каменный виадукъ. Пролетомъ въ свѣту 50 метровъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Совинскій, С.** Электроплавка стали. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Фесенновъ, В.** Постройка моста черезъ р. Волховъ на С.-Петербургъ-Вологодской ж. дор. Харьковъ. 1908. Ц. 70 к.
- Что нужно знать по электротехникѣ.** Краткое общедоступное объясненіе важнѣйшихъ электротехническихъ аппаратовъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Шевлягинъ, Н.** Кожевенное производство. Выдѣлка подошвенныхъ кожъ, юфти, опоекъ, сафьяна, хромоваго товара. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Шмидко, Л., и Смугга, В.** Матеріалы для проектированія и постройки скотобоенъ и скотныхъ рынковъ. Часть I. Размѣры территорій боенъ и скотныхъ рынковъ и расположеніе отдѣльныхъ зданій. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

VII. Правовѣдніе и общественныя науки.

- * **Боровиковскій, А.** Уставъ Гражданскаго Судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента и Общаго Собранія Кассационныхъ и I и II Департаментовъ Правительствующаго Сената. Изд. 6-е, испр. и допол. П. Н. Гуссаковскій. Спб. 1908. Ц. 6 р. 50 к.
- Вальденбергъ, В.** Краткій учебникъ торговаго права и судопроизводства. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 75 к..
- Гольденвейзеръ, А.** Преступленіе — какъ наказаніе, а наказаніе — какъ преступленіе. (Мотивы Толстовскаго «Воскресенія»). Этюды, лекціи и рѣчи на уголовныя темы. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Горячновская, М.** Антирусская агитація въ Америкѣ. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Деминъ, И.** Элементарныя понятія о правѣ и государствѣ. Отечественное законовѣдѣніе. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Дорошенко, Н.** Въ защиту обороны, наступленіе или оборона? Луга. 1908. Ц. 75 к.
- Дюги, Л.** Конституционное право. Общая теорія государства. М. 1907. Цѣна въ перепл. 3 р.
- Калугинъ, Т.** Справочная книжка о выходѣ изъ общины по закону 9 ноября 1906 г. съ циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ подробными разъясненіями, разными формами и приложеніями по самымъ послѣднимъ указаніямъ. Выт-тра. 1908. Ц. 1 р.
- Наменскій, Н.** Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Нальверъ, Р.** Торговля. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Клячко, В.** Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ съ послѣдними узаконеніями по официальному изданію 1906 г. и съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената, циркулярамъ министерства и желѣзнодорожному тарифу. Ростовъ-Донъ. 1908. Ц. 2 р.
- Моношкинъ, Ф.** Русское государственное право, въ связи съ основными началами общаго государственнаго права. Вып. 2-й. М. 1908. Ц. 1 р.
- Кропоткинъ, П.** Поля, фабрики и мастерскія. Земледѣіе, промышленность и ремесла. М. 1908. Ц. 80 к.
- Куплетскій, М.** Общеобразовательная школа въ русскомъ государствѣ. Спб. 1908. Ц. 35 к.
- Мартыновъ, Н.** Уставъ военно-судебный. Изд. 10-е. Спб. 1908. Ц. 4 р.
- Молодая адвокатура.** Вып. I. Сборникъ рѣчей по политическимъ процессамъ: А. М. Александрова, В. В. Беренштама, Ф. А. Волькенштейна, А. К. Вольфсона, А. И. Гиллерсона, М. Л. Гольдштайна, А. С. Заруднаго, М. И. Коссовскаго и мн. др. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Таганцевъ, Н.** Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изд. 1885 г., съ дополненіями по продолженію 1906 г., съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ Сената. Изд. 18, дополн. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Хлѣбородъ, Ф.** О значеніи русской революціи. Харьковъ. 1908. Ц. 50 к.
- Ходскій, Л.** Политическая экономія въ связи съ финансами. Т. II. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Щербатовъ, А.,** кн. Обновленная Россія. М. 1908. Ц. 50 к.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

- Барановъ, А.** Руководство для ротныхъ фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Изд. 9-е. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Бурцевъ, И.** Анатомія человека, съ указаніемъ на микроскопическое строеніе и физиологическія свойства тканей и органовъ. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Изд. 14-е. Спб. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Германнъ, I.** Лечение сифидиса безъ при-мѣненія ртути. М. 1908. Ц. 2 р.
- Гимиллеръ, И.** Заиканіе. Предупрежденіе, устраненіе въ первомъ періодѣ развитія его у ребенка и леченіе. М. 1908. Ц. 2 р. 75 к.
- Деримеръ, В.** Народный лечебникъ. Обще-доступное руководство къ пользованію болѣзней гомеопатическими средствами. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Иесснеръ, С.** Косметическія заболѣванія кожи, красота кожи, ея болѣзни и ихъ ле-ченіе. М. 1908. Ц. 1 р.
- Новровъ, А.** Гигиена брака. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Левенштейнъ, Л.** Домовѣдѣніе. Руковод-ство для женскихъ учебныхъ заведеній и самообученія. Ч. I. Жиллице и здоровое хо-зяйство. М. 1908. Ц. 1 р.
- Лященко, М.** Лечение дифтеріи большими дозами сыворотки. Харьковъ. 1908. Ц. 50 к.
- Онеръ-Бломъ, М.** Что рассказывалъ дядя докторъ мальчику-племяннику. Первоначальныя свѣдѣнія изъ области половой жизни. М. 1908. Ц. 15 к.
- Розенталь, А.** Жизнь и смерть. Популярная физиологія и гигиена. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Санинъ, И.** Наслѣдственность и спиртные напитки. Роль и значеніе спиртныхъ напитковъ въ области духовнаго и физиче-скаго вырожденія. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Смирновъ, С.** Электро-гомеопатія графа Мат-тея. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Finger, E.** Болѣзни кожи. Спб. 1908. Ц. 2 р. 75 к.
- Flatau, T.** Функциональное разстройство голоса (фонастенія) у пѣвцовъ, ораторовъ и командующихъ. Тифлисъ. 1908. Ц. 1 р.
- Френкель, Л.** Трипперъ, шанеръ и сифидисъ во всѣхъ видахъ и формахъ. Руковод-ство къ леченію этихъ болѣзней гомеопатическимъ средствами. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Чувснй, И.** Краткій курсъ физиологіи че-ловѣка. Харьковъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

IX. Искусство.

- Журналъ** театра Литературно - Художественнаго Общества. Сезонъ 1908—9 г. №№ 1 и 2. Ц. по 15 к.
- Нечаевъ, А.** Руководство къ практическимъ занятіямъ по кристаллографіи и минералогіи (склеиваніе кристаллографическихъ моделей, опредѣленіе минераловъ) для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1908. Ц. 50 к.
- Его же.** 12 таблицъ для склеиванія кристаллографическихъ моделей. Ц. 1 р.
- «Театръ и искусство».** №№ 33, 34 и 36. 1908. Ц. 20 к.
- Толстой, Л. Н.** 12 открытыхъ писемъ фотографическихъ. Спб. Ц. 60 к.

X. Военное и морское дѣло.

- Андреевъ и Луполовъ.** Техника службы связи въ малыхъ отрядахъ. М. 1908. Ц. 75 к.
- Борисовъ, в.** Древне-русскія военныя повѣсти. Сборникъ статей по древней русской военной исторіи, вып. 1. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Ивановъ, и.** Военно-походныя впечатлѣнія отъ Владивостока до Вафангоу и отъ Вафангоу до Лаояна. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Нурямскій, д.** Наружныя отличія воинскихъ частей, чиновъ и званій военно-служащихъ сухопутнаго и морского вѣдомствъ. Знаки и медали, жалуемые нижнимъ чинамъ за храбрость и по службѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Лухмановъ, д.** Руководство по морской практикѣ. Вып. I. Типы современныхъ русскихъ торговыхъ судовъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Побѣдоносцевъ, и.** Новочеркасцы на Дуэрогой сонкѣ. Очеркъ одного боя изъ русско-японской войны. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Реннинкампфъ.** Мудденское сраженіе. 20-дневный бой моего отряда отъ Цинхэчена до Мацзянлана. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Риттихъ, п.** Система обученія молодыхъ солдатъ пѣхоты въ германской арміи. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Ставицкій, п.** Современная крѣпость, какъ система фортовыхъ группъ и преградъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Чернассій, князь.** Курсъ морской практики для учениковъ строевыхъ квартирмейстеровъ. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Шварцъ, А. и Романовскій, ю.** Оборона Порть-Артура. Ч. I-я. Спб. 1908. Ц. 5 р.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Бергъ, м.** Краткая грамматика нѣмецкаго языка. X. 1908. Ц. 40 к.
- Бертранъ, ж.** Алгебра. Ч. 1-я, пересмотрѣнная Ж. Верграномъ, и Г. Гарсе. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Бэнъ-Давидъ.** Новая англійская хрестоматія для средне-учебныхъ заведеній, въ трехъ частяхъ, въ четырехъ концентрическихъ курсахъ. Курсъ первый (часть первая), для младшихъ классовъ. М. 1908. Ц. 70 к.
- Вахтеровъ, в. и Э.** Миръ въ разсказахъ для дѣтей. Книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Ч. 3. Москва. 1908. Ц. 50 к.
- Вильманъ, о.** Дидактика, какъ теорія образованія въ ея отношеніяхъ къ социологии и исторіи образованія. Т. 2-й. М. 1908. Ц. 3 р. 50 к.
- Ганъ, и.** Карманный словарь для правописанія по Гроту. Изд. 4-е. Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Спутникъ правописанія. Изд. 7-е. Вильна. 1908. Ц. 30 к.
- Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Изд. 9-е. Вильна. 1909. Ц. 30 к.
- Гротъ, я.** Русское правописаніе, изд. 18. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Домбровскій, р.** Краткій курсъ ариметики. Пособіе для лицъ, готовящихся на домашняго, сельскаго учит., классный чинъ, вольноопредѣляющагося и т. п. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Записной, и.** О самообразованіи. (Примѣры самообразованія изъ русской и иностранной жизни). Кронштадтъ. 1908. Ц. 15 к.
- Игнатьевъ, е.** Въ царствѣ смекалки или ариметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Нагамъ, а.** Подстрочный переводъ избранныхъ стихотвореній П. Овидія Назона къ изданію избранныхъ стихотвореній Овидія Л. Георгіевскаго и С. Манштейна, объясненныхъ проф. И. Нетушилемъ. Одесса. 1908. Ц. 60 к.
- Kamensky, A.** Narrations, nouveau recueil. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Натаевъ, и.** Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 2-й. М. 1908. Ц. 80 к.
- Нэй, э.** Мать и дитя. М. 1908. Ц. 30 к.
- Норобна, н.** Опытъ обзора исторіи русской литературы для шволъ и самообразованія. Ч. I, вып. I. Народная словесность. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Чрюковскій, в., и Товстольскій, н.** Учебникъ законовѣдѣнія для гимназій, реальныхъ и

химико-техническихъ училищъ. Изд. 5-е. Вильна. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Леше, Л. Учебникъ нѣмецкаго языка. Ч. II, съ двумя картинками и приложениемъ: «Существенное изъ нѣмецкой грамматики». Спб. 1908. Ц. 75 к.

Манушинъ, А. Курсъ гигиены для среднихъ учебныхъ заведеній и учителей начальныхъ школъ, какъ пособие при гигиеническихъ бесѣдахъ съ учащимися. Томскъ. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Минуликъ, Ф. Учебникъ общеславянской стенографіи. Прага. 1908. Цѣна съ таблицами 3 р. 30 к.

Миньковскій, М. Переводъ I книги «Записокъ о галльской войнѣ» Гая Юлія Цезаря. Одесса. 1909. Ц. 50 к.

Нашъ Миръ. Книга для чтенія въ младшихъ классахъ средн. учебн. завед. Ч. I-я. Составлена кружкомъ московскихъ преподавателей. М. 1908. Ц. 1 р.

Новиновъ, А. Гораций. Оды, эподы и юбилейная пѣснь. Вып. 1-й, первая книга одъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Опытъ иллюстрированной программы по рисованію, черченію и дѣлкѣ съ поурочнымъ распредѣленіемъ занятій для общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Острогорскій, А. Живое слово. Книга для изученія родного языка. Часть 2-я. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Пановъ, В., и Соколовъ, Н. Букварь «Охота пуще неводи». Почти самоучитель. Новый легчайшій путь къ обученію грамотѣ. М. 1909. Ц. 20 к.

Синюхаевъ, Г., Послѣ Гоголя. Пособіе и хрестоматія. Ч. II, в. I. Левъ Толстой. Спб. 1908. Ц. 80 к.

Струве, Ю. Книга для чтенія на урокахъ русскаго языка въ I и II классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1908. Ц. 1 р.

Тимофѣевъ, М. Азбука. Первые уроки. Обученіе чтенію по естественному звуковому методу. Одесса. 1908. Ц. 20 к.

Эльсландеръ, Ж. Новая школа. М. 1908. Ц. 30 к.

ХII. Книги для дѣтей и юношества.

*Жюль Вернъ. Путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней, изд. 4-е А. С. Суворина. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 коп.

«Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. №№ 20 и 21. 1908. Ц. по 20 к.

Лунашевичъ, К. Школьный праздникъ въ

честь Льва Николаевича Толстого (литературно-музыкальное утро) съ рисунками и нотами. М. 1909. Ц. 60 к.

Спориусъ, З. Сказка про зайчика. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, для дѣтей. Спб. 1908. Ц. 90 к.

ХIII. Естествознаніе.

Вагнеръ, Ю. Начальный курсъ природовѣдѣнія. Кіевъ. 1908. Ч. 2-я. Растенія. Ц. 40 коп. Часть 3-я. Человѣкъ и животныя. Ц. 60 к.

Заленскій, В. Учебникъ ботаники (морфология и систематика растений) для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1908. Ц. 80 к.

Зусманъ, А. Природовѣдѣніе. Ч. 1-я. Обзоръ неорганической природы. Одесса. 1907. Ц. 75 к. Тоже, ч. 2-я. Растенія, человѣкъ. Ц. 90 к.

— Растеніе. Начальная ботаника. Одесса. 1908. Ц. 45 к.

Усновь, М. Первые уроки естествовѣдѣнія. Ч. 3-я. Строеніе тѣла человека и животный миръ. Спб. 1908. Ц. 70 к.

Франсэ, Р. Философія естествознанія. Современное положеніе дарвинизма. Спб. 1908. Ц. 65 к.

Хворостанскій, К. Краткій курсъ естественной исторіи. II. Растительный миръ и обзоръ главнѣйшихъ явленій въ жизни растений. Спб. 1908. Ц. 75 к.

ХIV. Физика, химія, математика.

Махъ, Э. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. М. 1908. Ц. 1 р.

Мединусъ, Л. Краткое руководство по качественному химическому анализу. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Половъ, В. Самодѣльный физическій кабинетъ. Вып. 2-й. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Smith, A. и Hale, W. Практическія упражненія по общей химіи. Спб. 1908. Ц. въ пер. 2 р.

Янковскій, А. Конспективный учебникъ физики (съ полными выводами всѣхъ формулъ и чертежами). Спб. 1908. Ц. 60 к.

ХV. Коммерческія науки.

Боголѣповъ, С. Учебникъ коммерціи. Для торговыхъ школъ и счетоводныхъ курсовъ. Спб. 1908. Ц. 70 к.

Ревичъ, Д. Полный курсъ двойной итальянской бухгалтеріи съ приложеніемъ коммерческихъ вычисленій (коммерческая арифме-

тича), торгового и вексельного уставовъ и коммерческой корреспонденціи. Ростовъ-на-Дону. 1908. Ц. 2 р.

Салминъ, А. Сельско-хозяйственное счетоводство въ связи съ производствами: винокуреннымъ, ректификаціоннымъ, мельничнымъ и льсопиленнымъ. Самара. 1908. Ц. 1 р. 40 к.

Харитоненко, М. Учебникъ двойной сельско-хозяйственной и торгово-промышленной бухгалтеріи въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ, торговлею и промышленностью. Кіевъ. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Чакмаксазянцъ, А. Коммерческая ариометика для слухателей и слухательницъ коммерческихъ и бухгалтерскихъ курсовъ. Тифлисъ. 1908. Ц. въ папкѣ 1 р.

XVI. Географія, этнографія, путешествія.

Гейки, А. Физическая географія. Спб. 1908. Ц. 35 к.

Комаровъ, Г. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго съезда. I. Поѣздка по Чехіи. II. По Галицкой Руси. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Рудневъ, Я., Усеновъ, М., и Могилянскій, Н. Учебникъ всеобщей географіи. Часть I. Курсъ 3 класса кадетскихъ корпусовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 30 к.

Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. І. С. Мельника. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Сиверсъ, В., и Юнкенталь, В. Всемирная географія. Австралія, Океанія и полярныя страны. Спб. Цѣна въ переплетѣ 8 р. 50 к.

Чеванинскій, А. Учебная книга сравнительной всеобщей географіи. Курсъ заключительный. Спб. 1908. Ц. 1 р.

XVII. Справочный отдѣлъ.

Буановъ, А. Новый календарь для учителей на 1908—9 учебн. годъ. Ц. въ переп. 35 к.

Всемирное техническое обозрѣніе. М. № 19 и 20. 1908. Ц. по 60 к.

Вѣстникъ теософій. Религіозно-философско-научный журналъ. № 9. 1908. Ц. 50 к.

Гатцунъ, А. Крестный календарь на 1909 г. М. Ц. 15 к.

Гельбле, Ф. Календарь для учителей на 1908—09 уч. годъ. Ц. въ коленк. пер. 1 руб., въ кожан. 1 р. 25 к.

Гермесъ. Научно-популярный вѣстникъ античнаго міра. № 11—12. 1908. Ц. 30 к.

Горнозаводчикъ и фабрикантъ. М. № 33, 35 и 37. 1908. Ц. по 15 к.

Европейская жизнь в Россіи. Художественно-литературный журн. № 7. 1908. Ц. 20 к.

Клуниъ, П. Право окончившихъ курсъ учительскихъ институтовъ на высшее образованіе. Справочная книжка для слухателей учительскихъ институтовъ и учителей городскихъ училищъ. Спб. 1908. Ц. 65 к.

Минувшіе Годы. № 8. 1908. Ц. 1 р.

Московскій еженедельникъ. М. № 31, 32, 33, 35. 1908. Ц. по 15 к.

Наша охота. Ежемѣсячный журналъ. Июль. Августъ. 1908. Ц. по 60 к.

«Окраины Россіи» М. № 33, 34, 35, 36. Ежедневная газета. Ц. 15 к.

Планъ - путеводитель Петербурга, испра-

вленный по 1908 г., съ указаніемъ на планѣ болѣе 500 правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій. Трамваи и конно-железныя дороги. Цѣна 40 к.

«Подруга», календарь для учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1908—09 г. Спб. Ц. 30 к.

Правила и программы городскихъ 4-классн. училищъ Мин. Нар. Просв. по положенію 31-го мая 1872 г. Съ распределеніемъ по классамъ. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Программа испытаній на аттестатъ зрѣлости. Спб. 1908. Ц. 50 к.

«Свободное воспитаніе». М. № 10, 11 и 12. М. 1908. Ц. по 25 к.

«Сибирскіе вопросы», выходитъ еженедѣльно, М. № 17, 18, 19, 20, 23, 24. Спб. 1908. Ц. 30 к.

«Страховое обозрѣніе». № 6. 1908. Ц. 50 к.

«Товарищъ», календарь для учащихся на 1908—9 г. Ц. 30 к.

Ульяновъ, И. Свѣдѣнія о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ. Спб. 1908. Ц. 35 к.

— Свѣдѣнія для ищущихъ званія учительницъ руководія въ женскихъ учебн. завед. разныхъ вѣдомствъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.

«Университетская лѣтопись», вып. 1-й. 1908. Ц. 20 к.

«Хуторъ» сельско-хозяйственный журналъ, № 9. 1908. Ц. 40 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
 продаются новыя книги:

**ЗАПИСКИ
 ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ**

Переводъ съ подлинника, издавнаго Императорской Академіей Наукъ.
 Съ 12 портретами и 5-ю автографами. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 4 р.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи.
 Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ
 и указателя.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина.

Изданіе А. С. Суворина. Ц. 2 р. 50 к.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. Изданіе 2-е. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 252 иллюстраціями. 2 тома. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена вылача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
НОЯБРЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1908 г.

	СТРАН.
I. Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. Часть V. СІ—СХ. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	385
II. Записки сенатора К. И. Фишера . XIX—XX. (Продолженіе)	422
III. Человѣкъ съ палкой. (Очеркъ). VII—XI. (Окончаніе). Вл. А. Тихонова	449
IV. Былые дни и годы. XXXVIII—XL. (Окончаніе). С. И. Васюкова	478
V. Какъ мы пѣли въ Каракасѣ. (Изъ артистическихъ странствованій). Г. Т. Сѣверцева-Полилова	498
VI. Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ I и его семьѣ. Н. П. Воронова	529
VII. Воспоминанія о декабристахъ. П. И. Першина-Каракасарскаго	537
VIII. Воспоминанія о холерѣ 1891 года. А. К.	570
IX. Адская машина. (Изъ старыхъ дѣлъ сыскной полиціи). М. Ф. Чулицкаго	576
X. Изъ исторіи русской сатиры на клиръ. Т. А. Мартемьянова	590
XI. Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій. (Некрологъ). В. Е. Рудакова . иллюстрація: Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій.	623
XII. Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій. (Некрологъ). М. В. Ключкова	633
иллюстрація: Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій.	
XIII. Эпоха реформъ. (Историческіе очерки). XLVII—LII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	646
иллюстраціи: 1) Николай Гавриловичъ Чернышевскій. — 2—4) Лже-автографъ [Н. Г. Чернышевскаго.	
XIV. Старообрядческая святыня. Павла Россіева	680
иллюстраціи: 1) Пафутіевъ Воровской монастырь. — 2) Могила боярыни Морозовой и княгини Урусовой.	
XV. Отъ Триеста по Далматинскому побережью. (Изъ путевыхъ набросковъ). В. Г. Вейденбаума	685
иллюстраціи: 1) Дубровникъ (Рагуза). Bella vista. — 2) Общій видъ Рагузы (Дубровника). — 3) Сплатъ (Сплато). — 4) Полуостровъ Лападъ. — 5) Трогира (Трау). — 6) Каттаро (Которъ).	
XVI. Иностранцы о Россіи. Н. В. Соловьева	713
XVII. Критика и библиографія	721

1) Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Часть 4-я. Въ Болгаріи. Часть 5-я. Черезъ 30 лѣтъ. П. Паренсова. Изданіе исправленное и дополненное, съ портретомъ, картинами, картой и отдѣльной книгой приложеній. Издалъ В. А. Березовскій. Спб., 1908. Е. Шумигорскаго. — 2) Theod. Shiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band 1 и 2. Berlin. А. Б.—3) Е. И. Вишняковъ и В. И. Пичета. Очерки русской исторіи, съ рисунками и картами въ текстѣ. Москва. 1908. 267 стр. (См. слѣд. стран.).

1 р. 50 к. м. н—ва. — 4) Дневникъ Марины Мнишекъ. Русскій переводъ съ предисловіемъ Андрея Титова. Москва. 1908. Стр. 59. А. б. — 5) Н. Н. Влѣновъ. Сарапулъ и среднее Прикамье. Вылое и современное. Очерки съ рисунками. 1908. Дм. Зеленина.—6) Матеріалы по масонству въ Россіи. Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. 1908. Ц. 2 р. Тыры Соколовской.—7) Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Ч. I. 1908. Съ большою панорамною Портъ-Артура и 35 отдѣльными таблицами рисунковъ. Ц. 5 р. Ммх. Соколовскаго.—8) Е. Втринскій. Герценъ. Библіотека «Свѣточа», подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1908. Н. л. — 9) Проф. Овсяннико-Куликовскій. Л. Н. Толстой. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его гения и призванія. Спб. 1908. Стр. 160. Ц. 60 к. А. Фомина. — 10) Антонъ Крайній. (З. Гиппіусъ) Литературный дневникъ (1899 — 1907). Спб. 1908. 453 стр. 1 р. 50 к. л.—11) И. С. Тургеневъ для дѣтей. Подъ редакціей Н. Котляревскаго. Стр. XXIII+298. Спб. 1908. Ц. 90 к. А. Ф.—12) В. А. Келтузала. Крайній курсъ истории русской литературы. Часть I. История древней русской литературы (отъ IX в. до конца XVII в.). Выпускъ первый. Спб. 1908. Стр. XIV+365. Ц. 1 р. А. я.—13) М. Драгомировъ. Одиннадцатъ лѣтъ. 1895—1905 гг. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей за 1895—1905 гг. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. 1909. 1000 стр. Ц. 3 р. л. н.—14) Н. А. Усовъ. Изъ недавняго прошлаго Забайкалья. Двѣ части. Харбинъ. 1908 г. А. Фаресова. — 15) В. Э. Фришъ. Проектъ учрежденія государственной стражи въ Россіи. Спб. 1908. В. Кузнецова. — 16) С. Толузаковъ. Душа японской арміи. Спб. 1908. Стр. 204. Ц. 1 р. 40 к. О. И. н.—17) Отчетъ императорскаго русскіаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1906 годъ. М. 1907. А. я.—18) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ II. Вятка. 1908. В. Р—ва.—19) Путеводитель по музею псковскаго археологическаго общества, съ четырьмя портретами и видами Поганкиныхъ палагъ. Изданіе псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1908 г. Стр. II+159+II. А. я.—20) Г. В. Комаровъ. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго сѣзда. Спб. Стр. 42. Ц. 20 к. А. б.—21) Т. О. Соколовская. О масонскомъ архивѣ Ф. Н. Глинки. Тверь. 1908. А. Миронова.—22) Ю. А. Кулаковскій. Стратегія императора Нивифора. Спб. 1908. IX+58 стр. In quarto. Ц. 90 к. в.—23) А. А. Исаевъ. О сокращеніи государственныхъ расходовъ. Спб. 1908. В. Лугановскаго. — 24) Polskie Museum. Malarstwo—rzezba—przemyst artyst. Wydawcy Feliks Kopera, Julian Paga-czewski. Wocznik pierszy. Zesz. I—IV. Краковъ. 1906. In folio. Цѣна каждаго выпуска 1 р. А. Яцимирскаго.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 754

1) Величіе и паденіе Рима.—2) Св. Меланія. — 3) Тэнъ, какъ историкъ французской революціи. — 4) Николай I и французскія легитимисты. — 5) Облѣненіе знаменитаго пѣста, романиста и драматурга.—6) Король желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—7) Отовсюду.—8) Европейскіе памятники.—9) Смерть Чуртона Коллинса, Макса Фальба, Сальмерона и Пабло Барасате.

XIX. Смѣсь. 782

1) Двухсотлѣтній юбилей битвы при Лѣсной.—2) Присужденіе наградъ графа Уварова.—3) Актъ въ археологическомъ институтѣ.—4) Археологическая выставка въ Москвѣ. — 5) Юбилей Художественнаго театра.—6) Тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности В. В. Латышева.—7) Открытіе въ Москвѣ городского народнаго университета.—8) Педагогическій институтъ.

XX. Некрологи 793

1) Бутурлина, О. М.—2) Брюковъ, А. А., профессоръ.—3) Кункинъ, І. Я.—4) Ленскій, А. П.—5) Острогорскій, А. Я.—6) Потъхнѣвъ, А. А.—7) Терне, М. А.—8) Тихомировъ, І. А.—9) Федонинъ, А. В.—10) Швецовъ, К. Г.—11) Щуровскій, П. А.—12) Юшкевичъ, В. А.

XXI. Замѣтки и поправки 799

1) Письмо въ редакцію. З. Л. Нарбоньера.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Семена Ивановича Васюкова.—2) Увлеченія королевы. Романъ Жана-де-ла-Гиръ. Переводъ съ французскаго. Ек. Уманецъ. IV—V.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ ¹⁾.

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

СІ.

Клятва.

ВАЗАЛОСЬ, шлюпка плыла по огненному озеру. Вся иллюминація князя Таврическаго отражалась въ прозрачной до самаго дна водѣ. Струясь и переливаясь въ огненныхъ, разноцвѣтныхъ очертаніяхъ, опрокидывались въ прудѣ: и залитый огнями разноцвѣтныхъ лампіоновъ, съ сіяющими окнами и открытыми, льющими потоки свѣта дверьми конногвардейскій храмовидный домъ съ безмѣрно длинными крыльями флигелей; и пламенѣющіе извивы дорожекъ и аллей воздушныхъ садовъ и парковъ; и весь фантастическій огненный городъ декоративныхъ сооружений — галлюцинація роскошнаго вельможи, мгновенный Григоріополісъ; и движущіяся толпы маскированныхъ; и прибрежныя деревья, помагающія вѣтвями, унизанными красными фонариками. Все это море свѣта, пламени, искръ, огня, весь гигантскій узоръ вензелей, павильоновъ, пирамидъ, щитовъ, фигуръ, фестоновъ, отражаясь въ глубинѣ пруда, казалось, служилъ лишь оправой красавицѣ, которая столь небрежно, столь безпечно покоилась въ неслышно стремящейся

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІV, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1908 г., т. СХІV.

впередъ шлюпкѣ. А шлюпка уплывала далѣе и далѣе, мимо другихъ шлюпокъ и судовъ, на которыхъ гремѣли хоры и оркестры, разукрашенныхъ, расцвѣченныхъ огнями и флагами, разфѣзжавшихъ въ разныя стороны, мимо островковъ съ бесѣдками, купамя розъ, цвѣтущихъ южныхъ деревьевъ, съ клумбами цвѣтовъ, и, конечно, украшенныхъ статуями, кристалльными шарами, обелисками съ вензелевымъ изображеніемъ имени Екатерины. Далѣе и далѣе плыла шлюпка, вошла въ сѣть каналовъ и плыла подъ огненными арками мостовъ и мостиковъ; бока каналовъ были облицованы мраморомъ разныхъ породъ и обсажены цвѣтами, цвѣтущими кустами, вьющимися растеніями. Мѣстами зеленыя вѣтви яблонь съ бѣлымъ обильнымъ цвѣтомъ почти соединялись сводомъ надъ водами канала и хлестали по намету шлюпки, лепестки и брызги росы падали на лица сидѣвшихъ въ нихъ.

Гречанка молчала; полуприкрывъ черныя очи длинными рѣсницами, она улыбалась и, казалось, покоилась въ предраасвѣтной дремѣ. Громъ музыки, огни, все волшебное царство Потемкинскаго праздника осталось теперь позади. Въ кустахъ громко щебетали птицы. Небо бѣлѣло. Свѣжій вѣтерокъ бурно подувалъ съ моря. Лиловатыя, мелкія облачка стаями скопились надъ восточной стороной неба. Гречанка молчала. Хранилъ молчаніе и Павелъ Корнильевичъ. Все происходившее съ нимъ казалось сномъ наяву. Сидѣвшій напротивъ Кобенцель, щуря набухшія свои вѣки, поглядывалъ на парочку и тоже ничего не говорилъ. Потомъ вдругъ досталъ изъ желтаго кармана въ средневѣковомъ іудейскомъ плащѣ огромную грушу, припрятанную изъ десерта, предложеннаго въ антрактѣ свѣтлѣйшимъ своимъ гостямъ, и, брызжа сокомъ на красную подвязную бороду, сталъ ее жадно пожирать. Покончивъ съ грушей, полномочный посоль его апостолическаго величества императора Леопольда зѣвнулъ во весь ротъ, обнажая дурные, зеленые и давно не чищенные длинные зубы. Наконецъ приказалъ гребцамъ причалить къ одному изъ спусковъ канала, по которому скользила шлюпка. Тутъ онъ съ нескрываемыми еврейскими ужимками поднялся и, раскланиваясь съ парочкой и размахивая плачевнымъ широкополымъ головнымъ уборомъ покаянія и плача, желтаго и зеленаго цвѣтовъ, продекламировалъ по-испански:

Senor rey, noble, alto,
Oid este sermon
Que vos dice don Santon
Judio de Carrion ¹⁾.

¹⁾ Господи́нь король, благородный, возвышенный,
Извольте выслушать эти рѣчи,
Которыя для насъ составилъ донъ-Санто,
Жидъ изъ Карріона.

Рабби донъ-Санто, извѣстный подъ именемъ жидъ изъ Карріона, какъ онъ и самъ себя называетъ въ этихъ стихахъ, — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ

На послѣднемъ стихѣ Кобенцель уже выбрался изъ шлюпки, но когда она отчалила и поплыла дальше, долго еще раскланивался вслѣдъ удаляющейся парочкѣ, декламируя испанскія строфы *Judio de Carrion*. Шлюпка шла быстрѣе и быстрѣе. Мелькали мостики. Съ двухъ сторонъ вдругъ низверглись, шумя и пѣнясь, водопады по бѣлоснѣжнымъ кускамъ каррарскаго мрамора въ кругломъ расширеніи канала, по краямъ котораго подъ мраморной колоннадой стояли золоченныя статуи девяти музъ и предводителя ихъ Аполлона съ лирой. Затѣмъ, пройдя еще каналомъ, черезъ желѣзныя фигурныя кованыя ворота, шлюпка вышла въ широкое лоно Невы. Заря занималась. Алыи свѣтъ разливался на востокѣ. Толпа облачковъ казалась лепестками гигантской отцвѣтающей розы, которые гдѣ-то за морской пучиной обрываетъ и относитъ вверхъ свѣжій, тянуцій по водамъ вѣтеръ. Волны розовѣли. На берегахъ, отходившихъ по мѣрѣ того, какъ шлюпка выплывала на середину могучей привольной Невы, въ садахъ пѣли птичьи хоры со всѣмъ одушевленіемъ, которое вложила въ нихъ весна и предчувствіе солнечнаго восхода. Хотя мѣсто напротивъ осталось свободнымъ послѣ Кобенцеля, Павелъ Корнильевичъ не пересѣлъ туда. Онъ въ томъ же оцѣпенѣннн продолжалъ сидѣть рядомъ съ гречанкой, ощущая всѣмъ существомъ своимъ ея близость, но не смотрѣлъ на нее и молчалъ. Вдругъ она суровымъ шопотомъ приказала ему опустить шелковыя занавѣски шлюпки. Онъ исполнилъ это. И подъ наметомъ сталъ свѣтлый радужный сумракъ. Тутъ въ первый разъ посмотрѣлъ Павелъ Корнильевичъ на гречанку, и взоръ его встрѣтилъ черные, какъ ночь, мрачныя глаза красавицы. Теперь она не улыбалась и была блѣдна. Онъ уже больше не могъ свести глазъ съ прекрасной, и казалось ему, что они въ мірѣ одни, что нѣтъ ни прошлаго, ни грядущаго, ничего нѣтъ. Время остановилось и ждалось въ одно блаженное до боли и жуткое мгновеніе. Казалось ему, что лодка и плыветъ, и рѣветъ на мѣстѣ, на водѣ и въ пространствахъ безбрежныхъ, что ничего нѣтъ, кромѣ этого уголка, радужнаго сумрака и этихъ черныхъ очей, и этого прекраснаго и ужаснаго лица, этихъ рукъ и ногъ, въ золотистыхъ шальварахъ, съ золотыми обручами на щиколоткахъ, и каскада волнистыхъ каштановыхъ волосъ, расторгшихъ плѣнь шитой самоцвѣтными камнями повязки и изъ-подъ воздушнаго тюрбана, такъ великолѣпно вѣнчавшаго стройную головку, рассыпавшихся по круглившимся подъ тончайшей сорочкой плечамъ и груди.

— Съ кѣмъ это вы объяснялись, даже преклонивъ колѣно, тамъ на пристани?—вдругъ грознымъ шопотомъ спросила гречанка.

испанскихъ поэтовъ XIV столѣтія, жившій во времена короля донъ-Педро; главное его произведеніе—«Всеобщая пляска мертвецовъ»—проникнуто очаровательной еврейской веселостью. Каррионъ—родина поэта—городокъ въ Старой Кастиліи.

Прим. авт.

1*

— Это... это одна моя кузина!—пролетѣлъ Павелъ Корнильевичъ.

— Вы лжете!—тѣмъ же грознымъ шопотомъ сказала гречанка.— Она не кузина вамъ. Я знаю, кто она. Но ты не достанешься ей. Я никому тебя не уступлю.

Въ первый разъ сказала она ему «ты».

И вдругъ обнаженные руки со спустившимися къ плечамъ широкими рукавами, въ обручахъ и запястьяхъ, охватили шею Павла Корнильевича и привлекли его закружившуюся голову на грудь. Сознаніе почти оставило Павла Корнильевича. Она держала его въ объятіи, не отпускала его. Мгновеніе или вѣчность протекла въ этомъ оцѣпенѣніи, не зналъ молодой человѣкъ. Онъ только замѣтилъ, что подъ навѣсомъ безшумно, съ тихимъ ропотомъ струй за кормой, плывущей шлюпки разлился яркій пурпуръ, что въ неплотно сдвинутыя занавѣски пролился огненный свѣтъ и залилъ нижнюю часть лица, шею и грудь красавицы. То солнце всходило. Теперь губы ея краснѣли, какъ половинки зрѣлаго граната. Кольца кудрей, озаренныхъ лучомъ, казались червоннымъ золотомъ. Но остававшіяся въ тѣни очи ея все глядѣли такъ близко, чернѣе ночи, грознѣе грозового неба, прямо въ глаза Павлу Корнильевичу.

— Солнце всходитъ! — прошептала гречанка и вдругъ оттолкнула его.

— Клянись же вѣчнымъ Солнцемъ, что исполнишь все, что я прикажу! Клянись, какъ устами, такъ и въ умѣ! — приказала она.

— Клянусь!—проговорилъ безсознательно, безчувственно молодой человѣкъ, между тѣмъ какъ все существо его устремлялось къ вождѣлѣнной и алкало осязать это вольно раскинувшееся прекрасное тѣло.

— Ты поклялся! Помни же свою клятву!—шептала ея голосъ, въ то время какъ она покорно отдавалась его лобзаніямъ.—Если ты обманешь, мститель найдетъ тебя, хотя бы ты бѣжалъ на край земли. Ядъ и кинжалъ и веревка тебѣ! Если же исполнишь все, что прикажу тебѣ,—о, тогда одинъ будешь моимъ господиномъ.

— Все кончено! Я погибъ! — вдругъ на мгновеніе вспыхнуло сознаніе въ кружившемся умѣ Павла Корнильевича.—Да, я погибъ! Но пусть...

Огненные и пурпурные, и радужные круги переливались вокругъ него, и онъ стремительно падалъ въ черно-огненный центръ ихъ. Блаженство терзало его. А грозный шопотъ раздавался высоко надъ нимъ:

— Князь Потемкинъ отпраздновалъ въ послѣдній разъ. Онъ будетъ высланъ изъ Петербурга въ Молдавію къ арміи. Ты по-

ѣдешь вмѣстѣ съ нимъ. Ты возьмешь съ собою лекарства, которыя получилъ въ Венеціи. Въ Яссахъ тебѣ скажутъ, что дѣлать.

Шопоть смолкъ. И хотя каждое слово врѣзалось огненными буквами въ сознаніе Павла Корнильевича, онъ не понялъ ни одного слова. Тутъ вѣтерокъ подулъ, заколебаль занавѣски. Кружки и переливы отъ играющихъ волнъ побѣжали по наметамъ шляпки. Послышался стукъ уключинъ и удары весель. Мимо тоже плыла шляпка, разубранная коврами. У ногъ закутаннаго отъ утренней свѣжести въ соболью шубу престарѣлаго своего господина сидѣла крѣпостная дѣвушка. Она держала на колѣняхъ гитару, брала минорные аккорды и высокимъ звенящимъ, какъ туго натянутая струна, голосомъ пѣла:

Вы, подруженьки, скажите,
Какова слыветь любовь,
Что не можно сохранить
Отъ вея невинной кровь,—
Сохранити, утаити
Юну душу отъ огня,
Коишь ищетъ упоити
Средь ночи и ясна дня,
Коишь мучитъ и тревожитъ,
Душгу-сердце намъ томить,
Злой истомой сердце гложеть,
Смертнымъ холодомъ внобитъ.

СII.

Ужинъ.

Погулявъ въ цвѣтникахъ для прохладженія и полюбовавшись чудесами грандіозной иллюминаціи фантастическаго Григоріополиса, государыня изволила съ прочими августѣйшими особами и вельможами прослѣдовать къ ужину. Въ театральной залѣ, гдѣ былъ балетъ, въ гостиныхъ передъ ней и нѣсколькихъ картинныхъ покояхъ теперь оказались столы, накрытые для шестисотъ человѣкъ, кромѣ тѣхъ столовъ и буфетовъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего пожелаетъ отвѣдать мимоходомъ, а снабжены эти буфеты и столы были столь разнообразно и обильно, что кто чего только ни желалъ, все то находилъ. На сценѣ и въ партерѣ теперь открылись горы серебра съ разными кушаньями, съ золотыми подсвѣчниками вокругъ. Подмостки сведены были какъ бы террасами или ступенями, такъ что глазамъ всѣхъ трапезующихъ въ анфиладѣ покоевъ являлась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями. Такое расположеніе пиршества много содѣйствовало его великолѣпію. На самой высотѣ горы сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что само по себѣ

представляло необычайное зрѣлище. Всѣ сидѣли лицомъ къ государынѣ, помѣстившейся посреди сцены за особымъ столомъ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ и супругой его. Потемкинъ прислуживалъ за креслами императрицы, пока она не приказала ему сѣсть. На этомъ столѣ сервизъ былъ золотой, но кушала государыня съ севрскаго фарфора, который ставился на золото. Позади императрицы находился столъ на 48 особъ. Тамъ ужинали великіе князья Александръ и Константинъ и знатныя обоюбого пола особы, участвовавшія въ кадрили. То былъ цвѣтникъ прелестнѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ и изящнѣйшихъ молодыхъ людей, теперь одѣтыхъ въ блиставшіе брильянтами бальные наряды. Далѣе въ залѣ находилось четырнадцать столовъ, установленныхъ амфитеатромъ, по семи на каждой сторонѣ. Гости проходили по широкому среднему проходу и садились въ рядъ за столы, лицомъ къ императрицѣ. Всѣ эти столы были освѣщены шарами изъ бѣлаго и цвѣтного стекла, дававшими чрезвычайно пріятное для глазъ, мягкое сіяніе. Буфеты поражали посудой. Такъ, на одномъ стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонамъ ея двѣ чеканныя соотвѣтственныхъ размѣровъ вазы, пріобрѣтенныя изъ имѣнія герцогини Кингстонъ. На столахъ въ анфиладѣ картинныхъ покоевъ стояли цвѣтуція померанцевыя деревья. Серебро и фарфоръ на нихъ поражали знатковъ высокимъ достоинствомъ, хотя всѣ сервизы скуплены были по случаю у эмигрантовъ или въ имѣніяхъ той же герцогини Кингстонъ, или достались отъ польскихъ фамилій, земли которыхъ, замки и палацы перешли къ Потемкину. Поэтому замѣчались разнообразныя гербы и вензеля на посудѣ, вазахъ и приборахъ; это дало возможность недоброжелателямъ князя потомъ говорить, что виденъ былъ выскочка и временщикъ—фамиліаго своего ничего не имѣетъ, все случайное. Во время же ужина всѣ превозносили роскошь и великолѣпіе хозяина. Услуга въ этотъ вечеръ производилась офиціантами, изъ которыхъ часть была одѣта въ красную съ золотомъ придворную ливрею, а часть—въ палевую съ голубымъ и серебромъ ливрею свѣтлѣйшаго. Сія двойная ливрея очень была замѣчена и понята. И Зубовъ, и Павелъ Петровичъ сіе отмѣтили съ крайнемъ неудовольствіемъ. Но, кромѣ офиціантовъ, блюда съ кушаньями вносила особая костюмированная прислуга. Это вдохновило поэта Державина тутъ же сложить стихи:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато, и серебро;
Восточный, западный сѣдые Океаны,
Трясая челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украина, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала;

Съ плодами сладкими принесть кощницу Тавръ;
 Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
 Лить кубка медь златый, древь искрометный сокъ,
 И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
 Прекрасная Нева, приявъ отъ Бельта съ рукъ,
 Въ фарфоръ, кристалъ чужія питья, снѣди
 Носила по гостямъ...
 Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
 Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
 Изъ мрака выстави, на славный пиръ смотрѣли;
 Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
 Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
 И спросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
 Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Бельтъ, Нева, Донъ, Рифей, Тавръ, Волга, Украина, Холмогоръ, Океаны, Сибирь—всѣ сіи персонажи въ великолѣпныхъ соотвѣтственныхъ костюмахъ распоряжались смѣною яствъ и питій, имѣя подручными толпу Наядъ, Русалокъ, Сильвановъ, Сатировъ, Тритоновъ, Лѣшихъ, такъ что славянская мѣологія прихотливо мѣшалась съ классическою ¹⁾ Обиліе и разнообразіе яствъ и питій, какъ россійскихъ, такъ и заморскихъ, дѣйствительно, какъ бы показывали, что не только вся имперія, безмѣрно простирающаяся на шестую часть земного шара, но весь свѣтъ прислалъ дань свою на пиршественные столы великолѣпнаго князя Таврическаго. И рдяныя, по счастливому выраженію Державина, лица героевъ древности съ огромныхъ, писанныхъ въ пышномъ стилѣ Рубенса картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ покоевъ, въ самомъ дѣлѣ словно дивились, созерцая воскресшими времена тѣхъ римскихъ пировъ, на которыхъ обиліе доставляла вся извѣстная тогда вселенная.

Во время ужина попеременно то играла музыка, то пѣлъ хоръ. Пѣвцы и музыканты находились въ саду, въ боскетахъ, подъ окнами анфилады торжественныхъ залъ; окна были открыты и только сплошь затянута яркимъ шелкомъ занавѣсей, цвѣтъ которыхъ соотвѣтствовалъ убранству.

Когда пили здоровье государыни, цесаревича, великихъ князей и княгинь—гремѣла по знаку свѣтлѣйшаго канонада изъ собственныхъ его, на Невской набережной стоявшихъ орудій. Государыня затѣмъ пила здоровье самого свѣтлѣйшаго и благодарила его за великолѣпное празднество. Тутъ ужъ не было конца восторжен-

¹⁾ Мы предполагаемъ, что названныя въ стихахъ фигуры олицетворены были костюмированными, подававшими блюда, потому что Державинъ въ одахъ своихъ всегда строго держится дѣйствительности, почерпая образы свои изъ гиперболической жизни того сказочнаго вѣка; это доказываетъ сравнительное изученіе одъ Державина и мемуаровъ эпохи.

Прим. авт.

нымъ крикамъ. При громогласныхъ фанфарахъ изъ сада, гости, вставъ, безъ конца кричали:

— Вивать! Вивать, Потемкинъ! Вивать, вивать, Екатерина и Потемкинъ!

Это соединеніе именъ, которое выкрикивали особенно рьяные почитатели свѣтлѣйшаго, исказило судорогой злобы лицо графа Платона Александровича Зубова. Но фаворитъ успѣлъ скрыть выраженіе зависти, прикрывъ лицо платкомъ, которымъ обмахивался, такъ какъ, несмотря на открытыя окна, пропускавшія черезъ занавѣси прохладу поблѣвшей и шедшей на убыль ночи, въ обѣденныхъ покояхъ, отъ множества огней, тысячной толпы кушающихъ гостей, горячихъ испареній безчисленныхъ блюдъ, жара и духота становились нестерпимыя.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, сидя по правую руку государыни въ челѣ трапезы, едва касался кушаній и кубка, поминутно отдувался, откидываясь корпусомъ назадъ и передергивая плечами. Марія Ѳеодоровна со страхомъ слѣдила за этими знакомыми ей слишкомъ хорошо признаками возрастающаго раздраженія августѣйшаго супруга. Чтобы отвлечь воображеніе его къ чему-либо пріятному, она стала вспоминать пріемъ у принцевъ Конде въ Шантильи, 10 іюня 1782 года.

— Шантильи прекраснѣйшее мѣсто въ мірѣ, — мечтательно говорила великая княгиня. — Фонтаны, лѣса, сады — прелестны. Наяды фонтановъ очаровательны; опираясь на урны, онѣ, кажется, вамъ улыбаются! Принцы дома Конде всегда отличались великолѣпіемъ и рыцарствомъ. Не забуду букета, поднесеннаго мнѣ герцогомъ Ангіенскимъ! Тогда онъ былъ еще прекраснымъ ребенкомъ. Цвѣты его я храню въ моемъ «herbier de souvenir»¹⁾. Мы ужинали вечеромъ въ деревушкѣ, составленной изъ шалашей комической оперы среди англійскаго сада. Вестрисъ, въ роли Зефира, танцевалъ на зеленой дужайкѣ. Посѣтили островокъ любви, настоящій островъ Ватто. Тамъ статуя амура съ пламенѣющимъ сердцемъ въ рукѣ. На пьедесталѣ надпись:

N'offrant qu'un coeur, à la beauté,
Aussi nu que la Verité,
Sans armes, comme l'Innocence,
Sans ailes, comme la Constance,
Tel fut l'Amour, au siècle d'or;
On ne le trouve plus, mais on le cherche encore²⁾.

¹⁾ Гербарій воспоминаній.

²⁾ Принося красотѣ одно лишь сердце, нагая, какъ истина, безоружная, какъ невинность, безкрылая, какъ постоянство, такова была любовь въ золотой вѣкъ; ея уже болѣе не находятъ, но все еще ищутъ.

— Принцы Конде дали намъ великолѣпный обѣдъ,—продолжала Марія Теодоровна, поощренная знаками удовольствія и успокоенія, которыя выказалъ Павелъ Петровичъ при этихъ воспоминаніяхъ счастливыхъ дней.—Столъ былъ покрытъ богатѣйшею золотою и серебряною посудою. Послѣ каждого блюда лакеи безъ шума и суматохи бросали въ окна эту превосходную посуду. Но при этомъ ничего не терялось; драгоценныя вазы, кувшины, серебряная посуда падали во рвы, наполненные водой, гдѣ огромными сѣтями опять все собирали!

— Сей обычай невозможно похвалить!—сказала съ неудовольствіемъ государыня, вслушавшись.—И нечистоплотно грязную посуду въ окна швыряютъ, да и примѣта дурная. Принцы Конде посуду въ окна швыряли, швыряли, а теперь и самихъ изъ Шантильи и Франціи санкюты вышвырнули, то принуждены въ чужихъ людяхъ приживаться и посуду свою распродавать.

Государыня потому была недовольна, что въ словахъ Маріи Теодоровны былъ намекъ, что у свѣтлѣйшаго не столько золотой и серебряной посуды было, чтобы ее перемѣнять, но кушали на фарфорѣ, да къ тому же золотыя тарелки, блюда и вазы на столѣ государыни именно были изъ прибрѣтенныхъ свѣтлѣйшимъ чрезъ графа Эстергази у принцевъ, о чемъ и гербы Конде на посудѣ свидѣтельствовали ¹⁾.

СІІІ.

Отъѣздъ.

Послѣ ужина продолжался балъ въ ротондѣ. Взглянувъ на контрдансы, государыня съ наслѣдникомъ и прочими августѣйшими особами «соизволила уклониться къ покою», какъ записалъ потомъ въ журналѣ гофъ-фурьеръ. Свѣтлѣйшій провожалъ Екатерину. Когда она вступила въ купольную залу, или одеумъ, раздалось нѣжное пѣніе съ тихими, гармоничными звуками органовъ. Екатерина остановилась и, держа въ одной рукѣ черную полумаску, а въ другой тотъ драгоценный скипетръ, который при

¹⁾ Упомянутое золотой посуды, согласно съ источниками, однако вызвало недовѣріе въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей. Напомнимъ Максима Петровича изъ «Горе отъ ума», который

... не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ.

Вли, однако, не на самомъ золотѣ. Въ XIX вѣкѣ, въ царствованіе Александра и Николая Павловича, золотая посуда, повидимому, предлагалась лишь императрицамъ. Вдовствующая императрица Марія Теодоровна ежедневно кушала на золотѣ. Каждый разъ, когда подносилось новое блюдо, камеръ-пажъ долженъ былъ ловко и безъ стука поставить на золотую тарелку фарфоровую, которую, съ

входѣ на празднество ей вручилъ хозяинъ, улыбаясь, слушала незримыхъ цѣвцовъ. Наслѣдникъ престола, Павелъ Петровичъ, супруга его, великій князь Александръ и Елизавета Алексѣевна, прелестная, какъ Психея, фаворитъ Зубовъ, ближайшіе вельможи царицы, старый князь Репинъ, Нарышкинъ, Куракинъ, Строгановъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, графъ Чернышевъ, Воронцовъ, Безбородко и другіе сопутники царственного триумфа Екатерины и сотрудники великихъ ея подвиговъ стояли вокругъ. Въ широкихъ дверяхъ одеума толпились прочіе гости. На огромныхъ часахъ, гдѣ стрѣлкой служила фигура сѣдого старика Хроноса съ косою въ рукѣ, губительное лезвіе указывало на послѣднія минуты улетающаго второго часа по полуночи. Со двора, изъ вестибюля, изъ верхнихъ оконъ прокрадывался бѣлый предразсвѣтный свѣтъ и, мѣшаясь съ огнями, на все клалъ странный, неживой колоритъ. Синеватая тѣни и радужный сумракъ скоплялись между колоннами. Казалось, призраки ночи рѣяли кругомъ, готовясь уйти съ зарею и первыми огненными лучами солнца. И всѣ живые принимали призрачный обликъ; лица поблѣднѣли, измѣнились. Пролетало время на звенящихъ тихимъ стономъ крылахъ и вводило за собою пережитое. Казалось, всѣ актеры этой великой сцены доигрываютъ свои великолѣпныя роли, и вотъ уже многіе выйдутъ сейчасъ за кулисы, иные дабы проститься со сценой навсегда. Это, повидимому, именно чувствовалъ свѣтлѣйшій. Колоссъ въ пурпурѣ и черныхъ кружевахъ, онъ казался изнуреннымъ, обезсиленнымъ. Глубокія тѣни унынія ложились на обыкновенно столь надменное лицо его. Самые брилльянты, при двойномъ освѣщеніи, потускнѣли на немъ. Между тѣмъ незримый хоръ пѣлъ:

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ,
Дышитъ все твоею душой.
Стой и не лети ты, время,
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты.

Свѣтлѣйшій опустился на колѣно и, цѣлуя руку Екатерины, почти рыдалъ. Государыня смотрѣла на поверженнаго у ногъ ея

оставленнымъ на ней приборомъ, онъ принималъ и на золотой тарелкѣ подносить чистый приборъ взамѣнъ принятаго. По окончаніи обѣда, такимъ же образомъ, подносились на золотой тарелкѣ перчатки и вѣеръ (Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Феодоровны. 1817—1819 г.). Золотая посуда подавалась императрицамъ и въ домахъ вельможъ даже николаевскаго времени. Такъ, въ домѣ графа Ивана Воронцова-Дашкова ужинъ императрицы сервировался на отдѣльномъ небольшомъ столѣ на посудѣ изъ чистаго (sic) золота; императрица ужинала одна (Воспоминанія гр. Вл. А. Сологуба). Отсюда видно, что посуда была именно золотая, а не позолоченная только, какъ нѣкоторые полагаютъ.

Прим. авт.

колосса своего громаднаго царствованія. Голубые взоры ея затуманились. Она слѣдила за эмблемой всесокрушающаго ничтожества, за косою Старца на часахъ, подвигавшейся впередъ. По утомленію продолжительнымъ властвительствомъ слишкомъ ясно ощущала она въ эту минуту, что остановить времени нельзя; что всѣ блага жизни осуждены на гибель; что цвѣты ея славной эпохи отцвѣтаютъ!

— Вы опять плачете, ваша свѣтлость!—говорила она растроганнымъ голосомъ.—Что это вы сегодня все плачете? Радуйтесь! Вы покрыли имя свое невянущей славою и оно перейдетъ въ потомки. Благословенія поколѣній грядущихъ подвиги ваши воскресятъ. Что же вы плачете? Точно прощаетесь со мною навѣки!..

Свѣтлѣйшій ничего не отвѣчалъ императрицѣ. Онъ поднялся и проводилъ ее до кареты и усадилъ въ экипажъ. Когда карета отъѣхала, свѣтлѣйшій, стоя на подъѣздѣ, долго смотрѣлъ вслѣдъ, почти не обращая уже вниманія на прощавшихся съ нимъ и отъѣзжавшихъ августѣйшихъ особъ и вельможъ. Все бѣло было кругомъ. Роса обильно покрывала траву и листья. Оглушительно щебетали птичьи хоры. Свѣжій вѣтерокъ обвѣвалъ осунувшееся лицо свѣтлѣйшаго. Онъ казался ко всему безчувственнымъ и стоялъ, согнувъ голиаѳовскій свой станъ, и, держа предъ собою узананья перстнями руки, какъ бы хотѣлъ удержать вмѣстѣ съ императрицей отбывшую жизнь свою. Казалось, это былъ вулканъ потухшій, такая мертвенная тоска виднѣлась въ склоненныхъ взорахъ его. Наконецъ повернулся и возвратился въ залу къ танцующимъ.

Балъ теперь чрезвычайно оживился. Отбытіе государыни и августѣйшихъ особъ, сковывавшихъ общее одушевленіе этикетомъ и благоговѣніемъ къ ихъ присутствію, способствовало развязности, не говоря уже о выпитомъ за ужиномъ. Къ тому же въ буфетахъ и теперь обрѣтался неизсякаемый источникъ всякихъ винъ и водокъ. Теперь изъ сада свободно проникла въ гостиныя, столовыя залы и въ ротонду гулявшая раньше только тамъ толпа менѣе значительныхъ и даже совсѣмъ незначительныхъ обывателей. Всѣ они, сильно проголодавшіеся, устремились къ буфетамъ и угощались. Свѣтлѣйшій приказалъ удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ, только золотая и особенно цѣнная серебряная посуда и драгоценныя севры были убраны и замѣнены болѣе дешевымъ фарфоромъ. Танцы въ залѣ, по мѣрѣ того, какъ солиднѣйшіе изъ гостей съ женами и дочерьми отбывали, становились все непринужденнѣе. Много теперь подъ полумасками объявилось воспламененныхъ весельемъ и пиршествомъ легкомысленныхъ красавицъ. Гвардейская молодежь показывала лихое молодечество. Всюду, въ зимнемъ саду, съ его укромными уголками, въ лабиринтѣ колоннъ, въ ложахъ, въ отдаленныхъ гостиныхъ, завязывались мгновенные

романы и видѣлись нѣжно воркующія парочки. Уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затѣвались ссоры и нѣсколько составилось дуэлей, которымъ должно было разрѣшиться на островахъ. Въ столовыхъ нѣкоторые кружки сильно перегрузились и, располагаясь, какъ дома, шумѣли и хохотали. Празднество переходило въ оргію и давно время было свѣтлѣйшему тоже уклониться къ покою. Но пока лишь брильянтовый головной уборъ его отбылъ подъ прищитромъ генерала Попова въ сокровищницу. Свѣтлѣйшій оставался въ залѣ. Онъ то скитался по ней, ни на кого не обращая вниманія, кутаясь въ черныя кружева епанчи и кусая себѣ ногти. Порою останавливался предъ беззаботно танцующими контрдансъ, смотря на нихъ и на все происходящее какъ бы съ удивленіемъ, точно не понимая и не помня, гдѣ собственно онъ находится. То прислонялся широкими плечами къ стѣнѣ, къ колоннѣ, нюхалъ табакъ, бралъ изъ кармана, бросалъ что-то въ ротъ и жевалъ, причемъ взоры его разсѣянно бродили по потолку.

Сначала это странное поведеніе хозяина многихъ смущало и пугало. Но потомъ уже общее непринужденное веселье такъ увлекло загостившихся на празднествѣ, что они перестали обращать вниманіе на свѣтлѣйшаго.

CIV.

Черный человекъ.

Идя вдоль залы мимо одной изъ боковыхъ колоннадъ, свѣтлѣйшій вдругъ замѣтилъ странно маскированнаго. Онъ стоялъ между колоннами неподвижно, скрестивъ руки на груди и терялся въ сумракѣ. Онъ былъ одѣтъ во все черное съ треугольной черной же шляпой съ голубой кокардой. Верхнюю часть лица скрывала голубая же полумаска. Въ прорѣзы маски глаза метали острый, пронизывающій, стальной взглядъ. Короткій черный плащъ ниспадалъ съ плечъ. Шпага висѣла на правомъ боку. Пышное, бѣлоснѣжное жабо окружало шею. Бѣлыя перчатки на рукахъ оторочены были черной тафтой. На груди покоилась широкая черная лента, къ которой привѣшенъ былъ золотой пламенѣющій треугольникъ. Кромѣ того, колѣна маски подъ плащомъ покрывалъ передникъ изъ бѣлой кожи на черной подкладкѣ; на передникѣ вышита была Адамова голова, подъ нею перекрещивающіеся человѣческая кость и кинжалъ и нѣсколько серебряныхъ слезъ.

Всѣ подробности наряда странной маски свѣтлѣйшій отлично разсмотрѣлъ, ибо замѣтилъ ее, еще не доходя нѣсколько колоннъ.

Онъ даже подумалъ:

— Кому это пришло въ голову маскироваться свободнымъ каменщикомъ?

Когда свѣтлѣйшій поровнялся съ чернымъ человѣкомъ, тотъ отступилъ на шагъ въ глубь колоннъ, и глухой, мрачный, какъ бы изъ-подъ земли выходящій сиповатый голосъ произнесъ:

— Князь Потемкинъ! это твой послѣдній праздникъ.

Сказавъ эти слова, черный человѣкъ скрылся между колоннъ.

— Какая наглость!—вскричалъ свѣтлѣйшій.—Поповъ, ты слышалъ, что онъ сказалъ?

— Кто, ваша свѣтлость?—спросилъ Поповъ, который слѣдовалъ теперь все время по пятамъ князя, встревоженный внезапно разразившейся «ноготдой».

— Какъ, ты не видѣлъ человѣка въ черномъ, вотъ здѣсь стоявшаго?—указывая на колонны рукою, сказалъ Потемкинъ.—Онъ сейчасъ сказалъ мнѣ дерзость и скрылся.

— Видитъ Богъ, никого тамъ не видалъ!

— Что же, мнѣ наяву чудится? Онъ здѣсь былъ. Онъ говорилъ. Сейчасъ обыскать зимній садъ! Онъ не могъ далеко уйти!—воскликнулъ свѣтлѣйшій, и голосъ его вздрагивалъ—отъ обиды ли, изумленія или ужаса, трудно было разобрать.

Поповъ и не менѣе его встревоженные адъютанты кинулись исполнять приказаніе свѣтлѣйшаго, но, хотя они обѣгали всѣ закоулки зимняго сада, все же никого не нашли, и сказавшаго дерзость Потемкину чернаго человѣка нигдѣ не оказалось.

Когда они явились съ донесеніемъ о неуспѣшности поисковъ, Потемкинъ выслушалъ ихъ мрачно, но теперь безъ замѣтнаго волненія.

— Понимаю!—только произнесъ онъ и вслѣдъ затѣмъ, понуривъ львиную голову, удалился во внутренніе свои апартаменты.

По отбытіи свѣтлѣйшаго, адъютанты обѣгали всѣ покои, разыскивая «чернаго человѣка». Разспрашивали о немъ слугъ и разставленныхъ при разныхъ дверяхъ уборныхъ драгунъ свѣтлѣйшаго. Но никто не видалъ маски въ нарядѣ свободнаго каменщика. Это обстоятельство произвело на всѣхъ приближенныхъ князя удручающее впечатлѣніе. Между тѣмъ балъ еще продолжался. И достаточно неутомимыхъ танцоровъ и танцорокъ въ ротондѣ и ненасытимыхъ бражниковъ въ столовыхъ встрѣтило восхожденіе огненнаго свѣтила, заливашаго пурпуромъ и огнемъ конногвардейскій домъ. Когда толпа ламповщиковъ съ лѣстницами и съ гасилами на длиннѣйшихъ шестахъ вбѣжала въ залу и принялась тушить плошки, изъ которыхъ многія выгорѣли и давно только чадили, лишь тогда послѣдніе гости, многіе далеко нетвердою поступью, безпорядочной толпой потянулись съ праздника, славословя употчевавшаго ихъ щедровитаго вельможу. Въ садахъ и паркахъ тоже обѣгали ламповщики и распространялся непріятный запахъ чада и гари послѣ иллюминаціи. Ламповщики спѣшили спасти остатки воска въ фонарикахъ и плошкахъ. При

яркомъ сіяніи быстро восходившаго весенняго солнца все измѣнилось, все великолѣпіе декорацій поблекло, видны были доски и малеванье. Отъ фантастическаго Григоріополиса ничего не осталось. Вензеля, пирамиды, павильоны законѣли. Передъ дворцомъ на площади валялся всякій хламъ отъ разнесенныхъ народомъ ятокъ и столовъ, лежали лохмотья кумачу, доски, ящики, боченки, торчали подмостки, собаки глодали огромный скелеть жаренаго быка и грызлись между собою.

Драгуны поднимали упившихся; остальная публика давно была разогнана съ празднества вѣжливыми палашами въ ножнахъ и нагайками еще до отѣзда государыни и прочихъ особъ, причѣмъ немало было шума и безпорядка. Послѣдніе гости свѣтлѣйшаго, вышедшіе изъ конногвардейскаго дома въ измятыхъ костюмахъ, съ не менѣе измятыми лицами, неся маски въ рукахъ, частью расходились пѣшкомъ, а частью садились въ свои скромные экипажи, но только не у подѣздовъ дворца, а за рѣшеткой. Между тѣмъ всюду на площади, въ садахъ, въ променадахъ появились толпы дворниковъ съ метлами и плотниковъ съ топорами и дружно начали мести и убирать, при чемъ изрядно попотчевали запоздалыхъ гостей облаками поднятой пыли ¹⁾.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

CV.

Слухи.

Пользуясь прекрасной весенней погодой, государыня рано отбыла въ обычную лѣтнюю свою резиденцію Царское Село. Вскорѣ послѣ великолѣпнаго празднества князя Таврическаго, въ утренніе часы предъ завтракомъ, въ залитомъ солнцемъ, уютномъ рабочемъ кабинетѣ она читала письмо на французскомъ языкѣ, сочиненное ею къ извѣстному философу Гримму. Въ этомъ письмѣ государыня описывала, со свойственнымъ перу ея остроуміемъ и

¹⁾ Если читатели подумаютъ, что мы сгустили краски, изображая чудесное великолѣпіе, достойное эллинской эпохи послѣ Александра, когда греки заразились роскошью Востока, то они ошибутся. Мы точно сообразовались съ описаніями современниковъ, сопоставляя ихъ между собою. Потемкинскій праздникъ — вершина вельможнаго барства XVIII вѣка и не повторялся болѣе; самая сумма, триста тысячъ, издержанная Потемкинымъ на празднество, принимая во вниманіе тогдашнюю цѣну денегъ въ десять разъ выше, чѣмъ теперь, опредѣлена должна быть собственно тремя милліонами; при 3000 гостей это составляетъ тысячу рублей на cadaго. Прим. авт.

блескомъ, чудеса, показанныя въ конногвардейскомъ домѣ. При чтеніи присутствовали только графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ и секретарь государыни Храповицкій.

«Вотъ какъ, государь мой, — такъ заканчивалось письмо, — проводятъ время въ Петербургѣ, несмотря на шумъ и войну и угрозы диктаторовъ!»

Прочитавъ эти слова, Екатерина съ улыбкой пояснила, что нарочно желала письмомъ, которое Гриммъ не оставитъ у себя въ бюварѣ, дать понять общественному мнѣнію Европы, что въ сѣверной столицѣ не страшатся комплотовъ противъ русскаго могущества, довольны побѣдами на Востокѣ, веселятся и учреждаютъ праздники, роскошью и блескомъ превосходящіе вѣроятное.

— Я тутъ Гримму набросала и планъ самой залы, гдѣ столько чудесъ было за разъ показано.

Графъ Платонъ Александровичъ съ пріятнымъ восхищеніемъ разсматривалъ чертежъ императрицы, сдѣланный красными чернилами.

— А что касается диктаторовъ, то я тутъ имѣла въ виду Прусскаго и его когти—*les griffes de Gegu*.

Такъ государыня называла прусскаго короля Фридриха-Вильгельма Второго, или по-французски—*Guillaume*.

— Господинъ *Gegu* съ нами хочетъ враждовать и, пользуясь упадкомъ Людовика, принимаетъ задорный тонъ распорядителя Европы, полагая, что мы утомлены войной съ турками и шведской передрагой, — говорила государыня. — Но мы лишь побѣдами пресыщены и, вспомнивъ долгъ челоуѣколюбія, хотимъ мира. Господинъ *Gegu* ошибется въ своихъ расчетахъ, и мы острижемъ ему когтишки, какъ въ нѣмецкой сказкѣ расторопный портнишка остригъ когти медвѣдю, пожелавшему учиться играть на скрипкѣ. Но князь Потемкинъ все-таки меня беспокоитъ!

Тутъ государыня вздохнула, и дотолѣ свѣтлыя черты ея омрачились. Она задумчиво смотрѣла въ открытое окно, выходившее въ садъ, на пестрѣвшую цвѣтами лужайку съ памятникомъ фавориту ея Ланскому, угасшему посреди наслажденій жизнью въ юношескихъ лѣтахъ.

— Да, меня тревожитъ кротость его. Меня пугаетъ эта переѣна и что въ немъ незамѣтно болѣе прежнихъ его недостатковъ. По первымъ недѣлямъ съ прибытія князя Григорія Александровича сюда мнѣ было видно, что сквозь слезы смѣется и черезъ силу чудитъ и куролеситъ. Ахъ, это въ возрастѣ его не къ добру! Челоуѣкъ пожилой не долженъ даже и отъ недостатковъ, ему свойственныхъ и привычныхъ, исправляться. Это дѣлаетъ потрясеніе фундаменту его натуры. Я знаю, генералъ Зубовъ, — государыня обычно въ глаза и за глаза титуловала графа Зубова такъ именно, — я знаю, генералъ Зубовъ, благородство души вашей, что всегда

восхищались гением князя Таврическаго, и подлая зависть, на успѣхи чужіе смотрящая косо, вамъ совершенно чужда. Поэтому никогда не доводили до меня ничего, о чемъ въ публикѣ звонятъ. Но я прошу васъ, если вамъ это извѣстно, съ полной откровенностью мнѣ сообщить, что въ Петербургѣ говорятъ теперь о князѣ Таврическомъ.

Графъ Платонъ Александровичъ потупилъ смиренно взоры и сказалъ, что болѣе рассказываютъ о необыкновенныхъ издержкахъ свѣтлѣйшаго. Такъ, будто бы на одно празднество свое издержано имъ до трехсотъ тысячъ.

— Ну, онъ богатъ и надо же ему, прибрѣтя Россіи Измаиль, немного потранжирить,—сказала государыня.—Что еще говорятъ, генераль?

— Слухи вообще ходятъ разные и весьма многіе, такъ какъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, гдѣ является, тамъ все собою заслоняетъ; и говорятъ, и думаютъ лишь о немъ, полагая его причиною, одни всѣхъ своихъ благъ, а другіе—несчастій,—сказалъ фаворитъ скромно.

— Это какъ высокую горную вершину отовсюду видно, съ какой бы стороны къ ней ни подошелъ,—замѣтила императрица.— Но расскажите подробно все, и дурное, и хорошее, не скрывая ничего. Я сама отлично знаю почтенную публику, однако слухи въ человѣческихъ обществахъ подобны ощущеніямъ самочувствія организмовъ. Опытный врачъ имъ не довѣряетъ, однако всегда ищетъ знать.

Графъ Платонъ Александровичъ вздохнулъ и сказалъ, что слухи о князѣ Таврическомъ невозможно назвать дурными, но и добрыми почитать ихъ нельзя.

— Говорятъ повсюду о странномъ случаѣ на празднествѣ, именно о явленіи «чернаго человѣка».

— Черный человѣкъ!—это любопытно,—сказала государыня.— И въ наши дни, когда всѣ помѣшаны на духахъ, не удивительно. Расскажите, генераль, прошу васъ.

Платонъ Александровичъ сообщалъ, что послѣ отбытія ея величества съ праздника свѣтлѣйшій казался въ мрачное разсѣяніе погруженнымъ; въ этомъ состояніи меланхоліи онъ, какъ одни говорятъ, имѣлъ видѣніе. Появился между колоннъ нѣкто, маскированный въ одѣяніе свободнаго каменщика, и произнесъ нѣкоторыя слова. Лица свиты свѣтлѣйшаго, тутъ же находившіяся, ничего не видѣли и не слышали, и всѣ розыски ихъ странной маски ни къ чему не повели. Вотъ почему эти лица и склонны полагать, что въ самомъ дѣлѣ то было явленіе невещественное, духъ или фантомъ воображенія свѣтлѣйшаго, но природы не матеріальной. Слухи, изъ сего источника изойдя, породили многоразличные толки, о которыхъ однако распространяться онъ, графъ

Зубовъ, не рѣшается безъ особливаго настоянiя ея величества и заранѣе не испрося извиненiя, что столь бессмысленными розсказнями легкомысленной толпы будетъ утруждать слухъ государыни. А вмѣстѣ и то его удерживаетъ, что слухи эти клонятся къ урону личности свѣтлѣйшаго, высокимъ монаршимъ довѣрiемъ безмѣрно обремененной.

— Деликатность чувствъ, вамъ присущую, понимаю и цѣню,— сказала государыня, милостиво протягивая ручку для поцѣлуя графу Платону Александровичу.— Но опять повторяю, настаиваю и повелѣваю вамъ, генераль, свободно и со всей подробностью мнѣ донести вамъ извѣстное. Я моимъ старымъ другомъ, дѣтищемъ и почасту идоломъ весьма въ мысляхъ занята.

— Нѣкоторые выражаютъ увѣренность,— поцѣловавъ руку Екатерины съ счастливымъ видомъ смертнаго, прикоснувшася къ божественной тѣлесности олимпійской жительницы, сказалъ Зубовъ,— нѣкоторые утверждаютъ, что видѣнiе «чернаго человѣка» было выше-естественное явленiе и послано Небомъ или адомъ; духъ нѣкій возвѣстилъ ближайшую судьбу князю и что онъ уже недолговѣченъ: изъ трехъ сестеръ Парокъ плачевная Атрапссъ къ нити жизни его, цвѣтами и лаврами переплетенной, острiе ножницъ поднесла. Простите, государыня, что потемняю печалiю вашъ ликъ!— остановился Зубовъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ облако скорби застило черты царицы и она поднесла къ виску палець, какъ бы ощутивъ часто ей докучавшiй нервный въ немъ приступъ боли.

— Ничего, генераль, ничего, продолжайте!— сказала Екатерина, устремивъ очи, синева которыхъ, обычно отливавшая лазурью, теперь потемнѣла, на памятникъ Ланскому среди лужайки и цвѣтущихъ куртинъ. Бѣлые, на красныхъ лапкахъ съ золотыми на нихъ колечками съ шифромъ державной хозяйки, маленькiе любимые ея голубки порхнули на широкой подоконникъ открытаго окна и нѣжно заворковали, ожидая корма изъ собственныхъ императрицыныхъ ручекъ.

Но Екатерина махнула платкомъ, сказавъ: «кышъ! кышъ, гули! не мѣшайте!»— и голубки улетѣли.

— Если одни въ видѣнiи свѣтлѣйшаго видятъ небесное предупрежденiе, то другiе адскимъ почитаютъ его порожденiемъ. Чернь толкуетъ, что то былъ самъ врагъ рода человѣческаго, клеветникъ и обольститель, и приходилъ онъ напомнить договоръ, имъ заключенный еще въ юности князя, когда, будучи шляхтичъ безвѣстный смоленскiй, въ сельцѣ Чижевѣ около Духовщины проживая, думалъ Григорiй Александровичъ постричься въ монахи и даже ѣздилъ для того въ Болдинъ монастырь. Но врагъ человѣческаго рода, не терпя сего, явился ему, искушалъ всею славою мiра, и успѣлъ, и взялъ договорную съ него расписку, собственною кровью господина Потемкина учиненную, а отсюда, плетутъ, повалило

ему счастье и удача. Конечно, басни площадныя безмысленной черни!

— Удивляюсь не тому, что такой вздоръ плетутъ, а что и о мнѣ, бѣдной цербстской принцессѣ, на тронѣ всероссійскій вознесенной, того же не говорятъ! Безъ нечистаго духа въ такомъ дѣлѣ какъ суевѣрамъ обойтись! Еще что-нибудь говорятъ?

— Ваше величество изволите знать, что, пребывая около священной особы вашей, я никуда въ гости не ѣзжу и лишь немногихъ лицъ, по выбору вашему, имѣю за дружеской, иной разъ, трапезой. Слухи и сплетни градскіе менѣ всего умъ мой занимаютъ. Но тутъ только и разговоръ было отъ моихъ пріятелей, что о свѣтлѣйшемъ. Такъ, еще говорили, что явленіе было матеріальное, и просто дерзкая та маска въ одѣяніи свободаго каменщика отъ сего скрытнаго ордена и подослана была сказать нѣчто свѣтлѣйшему, чѣмъ бы повергнуть его въ сомнѣніе, тоску и увеличить душевное въ немъ недомоганіе.

— Масоны!—сказала государыня.—Отъ нихъ все статья можетъ. Я слишкомъ долго сей сектѣ мирволила, почитая ихъ невинными шутами, хотя шарлатановъ терпѣть не могу. Ты знаешь, сколь многіе изъ близкихъ мнѣ вельможъ подвержены сему дурачеству. Такъ они слабостью моею воспользовались и нѣсколько размножились. Наконецъ въ Гатчину стали лазить. Тамъ вообще на чердакахъ нетвердо, и постоянно супротивныя погоды, пары, туманы колобродятъ. Еще съ того времени, какъ извѣстный графъ Калиостро посѣтилъ Петербургъ и таился здѣсь въ винномъ господина Елагина погребѣ, у меня мартинисты на замѣчаніи. Теперь этотъ случай въ конногвардейскомъ домѣ. И единовременно нѣкій Радищевъ въ домашней своей типографіи тиснулъ книжонку, хотя и глупую и малограмотную, однако полную наглостей и опасныхъ для нетвердыхъ умовъ бѣшеныхъ мыслей. Радищева я господину Шешковскому спросить препоручила. Книжку Радищева, кажется, генералъ, я вамъ дала для просмотра? Что вы о ней скажете?

— Она ничтожна,—съ ученымъ видомъ знатока сказалъ графъ Платонъ Александровичъ.—И если не нравится Екатеринѣ—значитъ вредна и безнравственна. Государыня! возставать противъ угнетенія, защищать и спасать несчастныхъ, насаждать невинную свободу, благіе нравы, просвѣщать,—вотъ чему вы учите всю Европу въ продолженіе многихъ лѣтъ, которыя для васъ самой—какъ немногіе дни! Значитъ, осуждая книжонку Радищева, вы челоуѣколюбію, конечно, служите, воспаленное бѣшенство мозговъ его прохладя холодной водой. Больше сказать, видѣть Богъ, ничего по этому дѣлу еще не могу!

— Генералъ, вы справедливы ко мнѣ. Всегда лишь о благѣ государства заботилась. Что хорошо веѣмъ, того и желала. Просвѣщеніе моего вѣка старалась насаждать въ Россійскомъ народѣ. Но идеи философвъ, сколь ни хороши, требуютъ крѣпкой головы,

умы слабые ими опьяняются и начинают колобродить. Мѣщанство желаетъ всеобщаго равенства. Тутъ въ самомъ дѣлѣ должно вспомнить Денницу, который хотѣлъ стать равнымъ Богу, своему создателю. Равенство—адское чудовище. Оно хочетъ стать королемъ. А вывелось изъ метафизическаго яйца, которое снесла французская академія, а высидѣли масоны въ ихъ подпольяхъ и ложяхъ. Я у себя сего равенства никакъ допустить не желаю. И какъ можно сапожникамъ править дѣлами? Сапожникъ умѣетъ только шить сапоги.

— А кто править дѣлами государства способенъ, тотъ и сапожное дѣло справить можетъ,—съ невиннымъ видомъ сказалъ графъ Зубовъ.—Вотъ князь Григорій Александровичъ сколь искусенъ въ управленіи всѣми частями государства, а между прочимъ всѣхъ щеголей нашихъ нарядилъ въ собственнаго изобрѣтенія легкія ботины ¹⁾. Даже и я сіи сапожки завелъ!—улыбаясь съ опущенными глазами и выставляя изящныя, почти женскія ножки, которыми особенно тщеславился, говорилъ фаворитъ.

Екатерина милостиво улыбулась.

CVI.

Закуска.

Наступало время завтрака, и государыня удалилась совершить необходимый для выхода въ малую столовую туалетъ. Графъ Зубовъ и Храповицкій направились сюда. Между приглашенными къ завтраку особами находились: графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Когда появился фаворитъ, принимая единодушныя привѣтствія и благопожеланія вельможъ, двинулись затѣмъ къ закускѣ, гдѣ между прочимъ подана была ранняя, особливо нѣжная на вкусъ паровая рѣдька. Видъ этого любимаго блюда князя Таврическаго естественно навелъ бесѣду на сего послѣдняго. Впрочемъ, послѣ чуднаго празднества въ конногвардейскомъ домѣ всѣ разговоры были какъ бы насыщены слухами о свѣтлѣйшемъ. По третьему слову само собой имя его слетало съ губъ. Графъ Зубовъ не вмѣшивался въ разговоръ, только внимательно слушалъ, наливъ себѣ изъ особливаго тонко-

¹⁾ Что Потемкинъ изобрѣлъ или ввелъ своимъ примѣромъ «ботины» (bottine) или полсапожки, свидѣтельствуетъ стихъ Державина и къ нему примѣчаніе поэта: «То рядить щеголей въ ботины». Раньше ботины носили только подагрики и рихтичныя дѣти, вообще это была интимная обувь. La Vigne въ числѣ признаковъ «un homme fat et ridicule» — смѣшнаго фата — указываетъ и ботины. Введеніе ихъ при Екатеринѣ знаменовало крайнюю степень извѣженности ея придворныхъ. Называли эту обувь еще «ботильонами».

Прим. авт.

горлаго и пузатенькаго фіала въ крошечную золотую чарочку душистаго травнику, приготовления монаховъ базилианскаго монастыря въ Оршѣ, который отцы присылали въ подарокъ фавориту. Кромѣ него, той настойки никто не пилъ. Говорили, что декоктъ отцовъ базилианъ между прочимъ укрѣплялъ чудесно мужественность.

— Кажется, такой сочной и нѣжной рѣдкѣ не было и въ закускѣ князя Таврическаго!—говорилъ Строгановъ, жуя бѣло-розовый лепестокъ овоща.

— А вы давно видѣли свѣтлѣйшаго, Левъ Александровичъ?—спросилъ Орловъ.

— Послѣ празднества въ конногвардейскомъ домѣ князь опять впалъ въ меланхолію и не показывается. Я его и не видалъ,—отвѣчалъ Нарышкинъ.

— Да, меланхолія! Тутъ больше, чѣмъ меланхолія. Наяву стала представляться чертовщина! Очень грустно, но всѣ говорятъ, что Потемкинъ отъ чрезмѣрныхъ государственныхъ трудовъ своихъ въ умѣ мѣшаться начинаетъ. То потребенъ ему отдыхъ и полный покой,—говорилъ графъ Орловъ.

— Но покой свѣтлѣйшаго можетъ погубить нашу кампанію!—возразилъ Нарышкинъ.

— Почему это?

— Потому что безъ него всѣ дѣйствія противъ турокъ прекратились. Изъ арміи никакихъ извѣстій. Репнинъ ничего не дѣлаетъ. Какъ хотите, геній свѣтлѣйшаго все животворилъ. Очаковъ, Бендеры, Измаилъ ему покорились. Какъ уѣхалъ—войска сдаль въ начальствованіе князю Репнину—все остановилось!

— Гдѣ же остановилось? Княземъ Николаемъ Васильевичемъ въ началѣ сей весны дѣланы были двѣ экспедиціи за Дунай. Генералъ-поручикъ Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ ходилъ подъ Исакчу и Бабадай, а генералъ-поручикъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ подъ Мачинъ. Оба возвратились, имѣвъ всюду поверхность надъ неприятелемъ.

— Я то поверхностью никакъ назвать не могу,—спорилъ графъ Строгановъ,—коли вспять возвратились, а впередъ не пошли! Визирь именно въ Мачинѣ укрѣпился. вмѣсто того, чтобы нанести сосредоточенный ему ударъ и выбить изъ Мачина, пока визирь болѣе слабъ былъ, что послѣ экспедицій Голицына и Кутузова дѣлаетъ Репнинъ?

— Князь стянулъ всѣ войска къ Дунаю, расположилъ въ лагеряхъ по Серету и ждетъ.

— Ждетъ? Чего онъ ждетъ?—волновался графъ Строгановъ, размахивая рѣдкѣй, отъ которой собирался отрѣзать свѣжій кусокъ.—Чего онъ ждетъ?—спрашиваю я. Вѣдь и визирь не дремлетъ. Онъ тоже стягиваетъ войска къ Мачину. Я говорю, Репнинъ

ничего не дѣлаеть, упуская всё удобные моменты. Вотъ что значить отъѣздъ изъ арміи свѣтлѣйшаго.

Воодушеваясь, графъ все махалъ рѣдъкой. Между тѣмъ Орловъ молчалъ и тихомолкомъ подбиралъ къ себѣ всё ножи со стола, прикрывъ затѣмъ ихъ салфеткой и придерживая рукой.

— Графъ,—сказалъ онъ, разбирая дѣйствія Репнина,—вы всю рѣдъку пріѣли, такъ что мнѣ и не досталось отъ сего хваленаго корневища. Вишь, въ рукахъ держите, такъ хоть бы кусочекъ и на мою долю отрѣзали.

— Да я и хочу отрѣзаты! Только гдѣ же ножи?—графъ искалъ по столу, дивясь отсутствію столь необходимаго орудія.—Не понимаю, куда всё ножи подѣвались? Неужели забыли ихъ положить? Отъ нашихъ камеръ-лакеевъ станется. Пренебрежный и совершенно избалованный народъ! Часто самой государынѣ служить забываютъ, пользуясь ея кротостью. Ни одного ножа! Гей! Гдѣ ножи?—съ рѣдъкой въ рукѣ обратился графъ къ прислугѣ.

— Графъ, прислуга не виновата,—сказалъ Орловъ, поднимая салфетку и показывая груду припрятанныхъ имъ ножей.—Вотъ гдѣ ножи! Но сами видите, что при всемъ желаніи отрѣзаты рѣдъки, невозможно того учинить, коли всё ножи спрятаны. Если рѣдъки безъ ножа не отрѣжешь, а развѣ что зубами откусишь, то какъ же вы требуете рѣшительныхъ дѣйствій отъ Репнина, когда ничего не даютъ ему! Князь Репнинъ безъ верховныхъ повелѣній Таврическаго ничего не можетъ предпринять. Онъ непрестанно сносится курьерами. А гдѣ эти курьеры? Кто ихъ видалъ? Кто объ нихъ слыжалъ? Мое дѣло сторона, но я точно знаю, что цѣлый ихъ эскадронъ на дворѣ у Потемкина проживаетъ. Какъ прискакалъ отъ Репнина курьеръ, подалъ депеши, его сейчасъ на антресоли въ конногвардейскомъ домѣ въ особливую комнату. Живи келейникомъ и жди! Вотъ какъ распоряжается князь Григорій Александровичъ! Что же будетъ дѣлать Репнинъ? Изъ Петербурга ни слуха, ни духа. На себя взять что-либо важное не рѣшается. Ждетъ. А визирю того и надо. Онъ копить силы. Смотрите, опять насъ за Днѣстръ загонять.

— Сохрани Боже! Но ужели возможно то, что вы рассказываете? Ужели свѣтлѣйшій у себя на антресоляхъ держитъ курьеровъ безъ отпуска?—изумлялся Строгановъ.—Къ чему онъ такъ поступаетъ?

— Спросите его самого! Говорятъ, что боленъ, ничего знать не хочетъ, тоскуеть, въ мрачной меланхоліи. Говорятъ и такъ, что, зная боевую опытность князя Репнина, опасается, чтобы въ его отсутствіе не произошло рѣшительной викторіи.

— Почему же опасаться викторіи?

— А потому и опасается викторіи, что за оной послѣдуетъ заключеніе мира.

— Почему же миръ не желателенъ? Мы достаточно получимъ, и оружіе російское увито уже лаврами. Можно сказать, пресыщены отъ побѣдъ. Государыня желаетъ мира. Народъ истощенъ наборами и поборами. Два года подъ рядъ великій въ большей части имперіи неурожай. Миръ для насъ вождедѣненъ.

— Да, миръ вождедѣненъ. Но развѣ вы не знаете свѣтлѣйшаго? Онъ все начинается и все кончается. Отъ него все исходитъ и къ нему возвращается. Можно ли допустить заключеніе такого мира, подъ которымъ имени его красоваться не будетъ? И вотъ курьеры сидятъ у него на антресоляхъ и со скуки въ шапки играютъ.

Тутъ графъ Зубовъ, слушавшій все и не проронившій ни слова, тихонько вышелъ изъ столовой. Замѣчено было, что государыня долго не появлялась. Когда же вышла въ сопровожденіи скромно потуплявшаго глаза фаворита, то, видимо, была чѣмъ то въволнована, разстроена, и голубая лазурь очей ея совершенно потемнѣла, что возвѣщало гнѣвное состояніе духа повелительницы шестой части земного шара.

СVII.

Старый Лѣтній дворецъ.

Въ конногвардейскій домъ подъ вечеръ примчался изъ Царскаго Села фельдъегеръ съ запиской отъ государыни самому свѣтлѣйшему и съ вызовомъ правителю дѣлъ Попову явиться въ царскосельскій дворецъ на другой день въ шесть часовъ утра. Но свѣтлѣйшаго и правителя дѣлъ его въ конногвардейскомъ домѣ не оказалось.

— Гдѣ же ихъ искать?—недоумѣвалъ фельдъегеръ, которому должно было съ рукъ на руки передать пакеты.

Вратникъ въ галунахъ и гербахъ отвѣчалъ:

— Сію минуту гдѣ находятся, сказать невозможно.

— Почему?

— Потому что свѣтлѣйшіи кочуютъ.

— Какъ кочуетъ?

— А такъ, что каждую ночь проводятъ въ разныхъ мѣстахъ, то во дворцахъ, а то и въ частныхъ домахъ. Одно время, пользуясь лѣтней теплотой ночи, здѣсь въ садахъ шатеръ приказывали разбивать и тамъ ночевали. А то еще на Невѣ, въ баркѣ.

— Гдѣ же мнѣ ихъ искать?—разводя руками, дивился курьеръ.

— Говорятъ, ночевали нынче въ Анничковскомъ. Справьтесь тамъ.

Фельдъегеръ вскочилъ въ телѣжку, ударилъ кучера поощрительно по затылку кулакомъ, и колеса затрещали по променадѣ въ направленіи Анничковскаго.

Въ самомъ дѣлѣ свѣтлѣйшій «кочеваль», съ праздника проявляя странную склонность къ постоянной перемѣнѣ мѣста своего ночлега.

Такъ какъ во всѣхъ дворцахъ обѣихъ столицъ и во дворцахъ загородныхъ и по всей Россіи высочайшихъ резиденцій генералъ-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому отведены были особливые покои, то могъ онъ вполне удовлетворять новой, открывшейся въ немъ потребности.

Въ Аничковскомъ фельдъегерю сказали, что свѣтлѣйшій подлинно прошлую ночь провелъ у нихъ, но эту будетъ проводить уже въ старомъ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ и должно сію минуту его искать, такъ какъ уже смеркается. Удивился раздосадованный поисками фельдъегерь такому выбору ночлега и, вскочивъ въ телѣжку, поощрилъ кучера по шейному позвонку уже крѣпче и помчался по широкой перспективѣ, еще при императрицѣ Аннѣ засаженной старыми березами и липами, которая отъ Невской вела къ Лѣтнему дворцу. Неуклюжее, длинное зданіе это, составленное изъ пристроекъ къ срубамъ еще Петровскимъ, въ разное время при императрицахъ, давно уже было почти необитаемо. Кромѣ снаряжаемаго обычно караула, старыхъ лакеевъ и нѣсколькихъ древнихъ фрейлинъ, проживавшихъ на антресоляхъ, въ немъ только мыши и крысы гнѣздились. Почернѣлое, съ поросшей мохомъ крышей, мрачное, обветшалое старинное царское обиталище, гдѣ нѣкогда томился несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ, гдѣ императрица Анна проводила дни въ обществѣ сіятельныхъ шутовъ и шутихъ, гдѣ предавалась неутолимымъ страстямъ прекрасная Елизавета, гдѣ увидѣлъ свѣтъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, гдѣ столько свершилось мрачныхъ событій, кишѣли интриги, боролись временщики, ковали цѣпи русскаго народа голштинскія, остзейскія лисицы съ сердцами тигровъ, гдѣ каждый покой былъ полонъ стѣнящими призраками минувшаго,—обветшалое царское обиталище пряталось среди запущенныхъ садовъ; а тамъ на кривыхъ, душлистыхъ деревьяхъ чернѣло множество грачиныхъ и галочьихъ гнѣздъ. Воронье съ немолчными криками носилось надъ зданіями и садами, что придавало еще болѣе унынія старому Лѣтнему дворцу, живымъ памятникомъ миновавшихъ темныхъ бироновскихъ и остермановскихъ дней стоявшему посреди обновленной прекраснымъ зодчествомъ, веселой, разгульной, роскошной екатерининской столицы. Казалось, рука человѣческая не прикасалась теперь къ этимъ стариннымъ хоромамъ. Огромныя рѣзныя деревянныя ворота, которыя отдѣляли перспективу отъ подъѣздной ко дворцу аллеи внутри парковъ и садовъ, никогда не отпирались. Старенькіе служители дворца и сами старушки-фрейлины пользовались боковой калиточкой. Аллеи, дорожки завалены были не убравшимся

прѣлымъ листомъ, сухими сучьями, даже буреломомъ и неопрытными слѣдами многолѣтняго унавоживанія пометомъ плодившагося здѣсь воронья, врагами котораго были одни лишь одичалые коты, размножившіеся отъ старыхъ дворцовыхъ котовъ и кошекъ, оставшихся безъ присмотра. Всякій, кому случалось итти мимо дворца и парковъ, окруженныхъ канавами съ тинистой водой и чернымъ частоколомъ изъ толстыхъ, заостренныхъ, торчмя врытыхъ бревень, испытывалъ щемящую сердце тоску, припоминая тѣ преданія и легенды, которыя ходили о дворцѣ и причинахъ его заброшенности среди обывателей-старожиловъ сѣверной столицы. Такое же чувство стѣснило дыханіе и фельдъегерю, когда онъ, подтѣхавъ къ воротамъ, приказалъ кучеру дожидаться его съ телѣжкой здѣсь, а самъ черезъ калитку пѣшкомъ пошелъ по аллеѣ къ дворцу; а фельдъегерь былъ вовсе не склоненъ отъ природы къ романтическимъ мечтамъ.

Солнце зашло уже. Разгоралась вечерняя заря. Небо пурпуромъ и золотомъ окрасило прорѣзы между сучьями деревьевъ, казавшимися совершенно черными. Радужныя, пыльныя, незрячія какія-то стекла дворца тускло сверкали, отражая косые лучи свѣтила, сокрывшагося за крышами зданій, окружающихъ прилегающее по ту сторону Марсово поле. Но большая часть зданій дворца уже погружена была въ лиловатыя сумерки, и въ садахъ сгущались тѣни и бродилъ туманъ отъ грязныхъ прудовъ. Безобразныя, изъѣденныя непогодой статуи нелѣпыми гротесками рисовались по фронту дворца. Пустынно, мертво было вокругъ. Только въ немногихъ окошкахъ подъ самой крышей теплились огоньки. Старыя фрейлины ужинали. Старинныя, по случаю купленные Петромъ Великимъ въ Англій куранты хрипло и фальшиво проиграли мотивъ гимна англійскихъ Стюартовъ—давно угасшей династіи, и затѣмъ прозвонили несоотвѣтственное истинному часу дня число ударовъ. Въ полутемномъ вестибюлѣ дворца фельдъегерь нашелъ караульнаго офицера и нѣсколькихъ гренадеръ. Они вмѣстѣ хлебали щи изъ общей чашки деревянными ложками при свѣтѣ сальной, нагорѣвшей свѣчи, вставленной въ позеленѣлый высокій шандалъ, и грѣлись пѣнникомъ изъ общей, обходившей ихъ объемистой фляги, прикладываясь прямо къ горлышку. Офицеръ смутился, увидѣвъ фельдъегеря, и, обтеревъ рукавомъ ротъ, пошелъ отъ стола къ нему навстрѣчу, прикрикнувъ затѣмъ-то на солдатъ, чтобы ужинали поживѣе.

— Здѣсь ли находятся свѣтлѣйшіи?—спросилъ фельдъегерь.

— Въ сію ночь расположились на ночлегъ здѣсь, — отвѣчалъ офицеръ.

— А правитель канцеляріи свѣтлѣйшаго генералъ Поповъ?

— И они, всеконечно, здѣсь. Еще адъютантъ князя господина Раджицкій да камердинеръ Захаръ Константиновъ, да ка-

зачокъ Омушка, да негритенокъ Альманзоръ, да поваръ Прадилло, да вотъ я съ карауломъ,—перечислялъ словоохотливый офицеръ. Мы вотъ тутъ ужинали. И я съ ними,—указывая на солдатъ, продолжавшихъ уписывать за обѣ щеки горячія щи,—потому что они хотя и нижніе чины, но столбовые дворяне. А вы съ чѣмъ?

— Пакеты отъ государыни. Проведите меня скорѣе къ свѣтлѣйшему.

— Ребята, посумерничайте!—сказалъ солдатамъ офицеръ.—Заря еще не погасла. Въ ротъ ложкой попадете. А я свѣчку возьму. Скажу вамъ, что это зданіе—сущій лабиринтъ древнихъ временъ! Свѣтлѣйшій вздумали помѣститься въ отдаленнѣйшемъ онаго концѣ. Итти придется по разнымъ закоулкамъ, лѣстницамъ и заламъ. Безъ свѣчки невозможно.

Говоря это, офицеръ сощипнулъ нагаръ, предварительно поплевавъ на пальцы, и двинулся впередъ. Онъ говорилъ правду. Внутренность зданія представляла сплетеніе проходовъ, маленькихъ каморокъ въ одно и два окна, коридоровъ, лѣстницъ и неожиданныхъ огромныхъ, но низкихъ залъ. На всемъ сказывались признаки крайняго запустѣнія и обветшанія. Живопись потолковъ потемнѣла, поѣденная сыростью; старинные матерчатые обои отстали и мѣстами висѣли лохмотьями, обѣденные снизу крысами; позолота карнизовъ потускнѣла; мѣстами лѣпные орнаменты, гирлянды, фигуры осыпались. Половицы во многихъ покояхъ со стономъ плясали подъ ногами, ступени деревянныхъ лѣстницъ скрипѣли и тряслись; мебель была составлена въ груды, и рои моли летѣли безшумно отъ старыхъ дивановъ и креселъ. Многихъ стеколъ въ ветхихъ рамахъ не доставало. Дождь и снѣгъ попадалъ внутрь и оставлялъ слѣды гнили. Зеркала поблекли и смутно отражали проходящихъ въ видѣ загробныхъ призраковъ. Портреты императрицъ и великихъ княгинь въ залахъ пожухли, покоробились, краски потрескались, но багрянцемъ разгорались ихъ округлыя щеки, и дебелия вздымавшіяся груди странно противорѣчили невянущей плотью съ этимъ царствомъ пыли, паутины, странныхъ шороховъ и потрескиваній, грызущихъ мышей, нежилыхъ, тяжелыхъ запаховъ. Свѣча нужна была, такъ какъ мѣстами въ коридорахъ и покояхъ со спущенными тяжелыми портьерами совершенная была тьма, порою же вступали въ залы и анфилады, залитыя пурпурнымъ огнемъ заката, и здѣсь сальная свѣча меркла и двойной свѣтъ, при колебаніи пламени, приводилъ въ движеніе тѣни предметовъ и разлагалъ ихъ въ раду, придавая еще больше нездоровой таинственности окружающему жилищу угасшихъ властительницъ.

— Однако, печальный ночлегъ извоилъ выбрать себѣ свѣтлѣйшій?—невольно сказалъ фельдъегерь, не рѣшавшійся твердо ступить ботфортами, такое гулкое подъ потолками отдавалось эхо.

— Да-съ, тутъ ночь спокойно не переспишь,—отозвался офицеръ.—Я-то привыкъ. А другіе въ полкахъ всячески откупаются, чтобы сюда въ караулъ не поставили.

— А что?

— Такъ, нездорово къ ночи говорить. А всякихъ страховъ насмотришься. И во снѣ являются. Да тутъ на чердакахъ— и совы есть. Въ тихую ночь ухаюгъ. Вотъ сейчасъ достигнемъ. Свѣтлѣйшій въ моленной помѣстились.

Тутъ замѣтили они у двери въ креслѣ сидящаго въ мундирѣ Попова. Онъ дремалъ, и на шаги поднялъ голову. Изъ-за двери слышалось монотонное чтеніе. Казачки—негритенокъ и русскій—обнявшись спали на тюфякѣ, на полу, подложивъ подъ голову диванный валикъ. Въ комнатѣ зажжены были въ стѣнныхъ канделябрахъ восковыя свѣчи.

— Пакетъ отъ государыни!— сказалъ фельдъегеръ.

Поповъ кивнулъ головой, поднялся съ креселъ и шмыгнулъ въ дверь, за которой слышалось чтеніе. Черезъ нѣсколько минутъ высунулся онъ и поманилъ фельдъегеря.

CVIII.

Прегордый Денница.

Старинная моленная императрицы Елизаветы Петровны помѣщалась въ угловомъ покоѣ, окна выходили въ сторону Марсова поля, за которымъ виднѣлись зданія казармъ перваго Преображенскаго батальона, крыши Зимняго дворца и сверкавшая золотая игла адмиралтейства. Одна стѣна сплошь была занята многояруснымъ иконостасомъ, гдѣ рядами стояли древнія иконы въ золотыхъ низанныхъ жемчугомъ и украшенныхъ драгоценными камнями ризахъ. Множество лампадъ зажжено было предъ ними, и толстыя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ пылали предъ аналоями, на которыхъ лежали книги въ сафьянныхъ переплетахъ. Каскадами спускались изъ нихъ цвѣтныя ленты закладокъ.

Камердинеръ Захаръ Константиновъ безшумно босыми ногами расхаживалъ по моленной, помавая ручнѣй кадилъницей, откуда сизоватыми струйками шелъ дымъ ладана. У оконъ въ креслахъ сидѣлъ свѣтлѣйшій въ парадномъ кафтанѣ со звѣздою, въ чулкахъ и бапкакахъ, но съ повязанной полотенцемъ головой. Предъ нимъ на столикѣ стояла большая кружка съ водою. Когда полотенце высыхало отъ жара, которымъ пылала львиная мохнатая голова свѣтлѣйшаго, онъ мочилъ его въ кружкѣ. Лицо его было одутловато, синевато-желто и явно указывало на нездоровье. Когда фельдъегеръ вошелъ съ пакетами, Потемкинъ восклонилъ голову и хриплымъ, дикимъ голосомъ сказалъ:

— Подожди читать!

Это приказаніе относилась къ Павлу Корнильевичу, который у одного изъ аналоевъ читалъ акаѳистъ архистратигу Михаилу.

— Отъ государыни императрицы! — сказалъ фельдъегерь, подавая пакетъ.

— Поповъ, посмотри, съ чѣмъ! — приказалъ тѣмъ же дикимъ охриплымъ голосомъ свѣтлѣйшій, жестомъ руки отстраняя отъ себя пакеты.

Поповъ взялъ ихъ отъ фельдъегеря, распечаталъ и, съ вниманіемъ прочитавъ, сталъ съ видомъ недоумѣнія пожимать плечами.

— Что такое, Поповъ? — спросилъ Потемкинъ, намачивая платокъ въ водѣ.

— Извольте беспокоиться насчетъ курьеровъ князя Репнина, а меня вызываютъ завтра въ Царское къ шести часамъ утра. И откуда только про курьеровъ свѣдали, диву даюсь! — сказалъ Поповъ.

— Поддай сюда!

Въ пакетѣ на имя свѣтлѣйшаго находилась краткая записка императрицы такого содержанія:

«Ежели хочешь камень свалить съ моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорѣе въ армію курьера и разрѣши силы сухопутныя и морскія произвести дѣйствія наискорѣе, а то войну протянешь еще надолго, чего, конечно, ни ты ни я не желаемъ.

«Екатерина».

Тонъ и краткость записки показывали что государыня обезпкоена чрезвычайно и гнѣвается. Но свѣтлѣйшій равнодушно положилъ на столъ записку парицыну и махнулъ фельдъегерю удалиться. Поповъ открылъ ему двери, выпустилъ и вернулся опять.

— Что тебѣ? — спросилъ Потемкинъ.

— Осмѣлюсь обезпкоить насчетъ моего отбытія по зарѣ въ Царское.

— А! Конечно, ступай! — сказалъ Потемкинъ. — Читай, Раджицкій, облакачиваясь о столъ и обѣими руками взявъ голову, приказалъ Потемкинъ.

«И видъ твой огненъ, и доброта чудна, — читалъ Павелъ Корнильевичъ, — Михаиле первоангеле: невещественнымъ бо естествомъ приходиши концы».

«Сталъ еси во главѣ ликовъ ангельскихъ, Михаиле, противу дышащаго злобою, прегордаго Денница, ему же со темными клеветы его съ высоты небесной въ преисподнюю низвержену сущу».

— Прегордый Денница! Прегордый Денница! — измученнымъ, дикимъ, охриплымъ голосомъ проговорилъ Потемкинъ.

Павелъ Корнильевичъ остановился. Но Потемкинъ махнулъ ему, чтобы читалъ дальше.

Заря догорала и блекла за пыльными окнами. Послѣдніе отблески ея мѣшались съ красноватымъ сіяніемъ свѣчей и лампадъ. Наконецъ совсѣмъ смерклося. Сошла лѣтняя бѣлая ночь. Голубоватый туманъ разлился кругомъ дворца, по Марсову полю, по Лѣтнему саду. Теперь выступили изъ окладовъ скорбные лики Богоматери и святыхъ, лики древней дониконовской иконописи, одни съ широкими вѣроподобными брадами, другіе съ длинными и узкими на ликахъ постниковъ и подвижниковъ, или рѣдкими отдѣльными волосками на скопческомъ лицѣ Іоанна Злотоуста; выступила апокалиптическая живопись на потолокъ, изображавшая тысячелѣтнее царство Христова и сошествіе Іерусалима Небеснаго, а на стѣнахъ изображеніе Страшнаго суда съ привязаннымъ къ столбу на первомъ планѣ между Раемъ и Адомъ тѣломъ того человѣка, что былъ не холоденъ, не горячъ, предавался любострастію плотскому, но и ближнимъ благотворилъ и между добромъ и зломъ скитался по двумъ путямъ. Павелъ Корнильевичъ читалъ акаѣистъ. Камердинеръ Захаръ Константиновъ то кадилъ по приказанію свѣтлѣйшаго, то подливалъ масла въ лампы, оправлялъ свѣтильни и сощипывалъ нагаръ со свѣчей, то шелъ за водой, когда въ кружкѣ она истощалась. То была не простая вода, но святая. Въ комнаткѣ за моленной въ большомъ шкапу множество стояло запечатанныхъ перстнемъ императрицы Елизаветы Петровны бутылей и хрустальныхъ шаровидныхъ флаконовъ, наполненныхъ освященной водой. И такъ какъ, по несомнительному наблюденію россійскихъ людей, освященная вода никогда не мутится и не портится, сколько бы ни стояла, то и сія вода елизаветинскихъ дней, хранившаяся здѣсь болѣе тридцати лѣтъ, была совершенно свѣжа. Уже вторую недѣлю, какъ Потемкина томила бессонница, мучили головныя боли, странное безпокойство, ночные внезапные страхи. И въ Аничковскомъ старая карлица, помнившая еще времена покойной императрицы, посовѣтовала свѣтлѣйшему мочить голову освященной водой и прочитать двѣнадцать разъ акаѣистъ архистратигу Михаилу въ моленной Лѣтняго дворца. Не вѣрившій докторамъ нисколько, Потемкинъ совѣту карлицы внялъ.

Павелъ Корнильевичъ неотлучно былъ послѣдніе дни при свѣтлѣйшемъ и утомился весьма, потому что ночью спать не приходилось, а днемъ, если Потемкинъ и забывался, то ненадолго, и поминутно звалъ адъютанта. Поэтому онъ читалъ монотоннымъ, глухимъ голосомъ, и порою въ умѣ его темнѣло, и онъ пребывалъ въ состояніи, среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ. Около полуночи свѣтлѣйшій почувствовалъ облегченіе головной боли и позывъ ко сну. Захаръ Константиновъ тутъ же въ моленной раздвинулъ походную складную кровать, положилъ подушки, и свѣтлѣйшій, только снявъ кафтанъ и башмаки, прилегъ и покрылся зеленымъ

своимъ капотомъ. Скоро ровное дыханіе возвѣстило, что онъ заснулъ. Адъютантъ и камердинеръ подождали немного и затѣмъ осторожно выкрались изъ моленной, но долго еще слушали въ дверь, не проснется ли князь. Но онъ дышалъ ровно, покойно. Внезапный сонъ его былъ глубокъ.

— Слава тебѣ, Христе Боже нашъ! Послалъ успокоеніе ему, голубчику!—перекрестясь, сказалъ Захаръ Константиновъ.—А теперь и намъ, ваше благородіе, не худо отдыхъ себѣ дать.

На креслахъ сидя спалъ Поповъ. Казачки храпѣли, и негртенокъ отдувалъ толстыя губы, выпуская съ присвистомъ дыханіе. Казалось, ночь должна была пройти спокойно. Камердинеръ устраивалъ ночлеги Радожицкому на софѣ. Вдругъ куранты заиграли и начался перезвонъ часовъ. Потомъ, хотя ночь стояла тихая и въ окна видно было, что деревья стоятъ неподвижно, и курящійся отъ прудовъ туманъ чуть колеблетъ сизоватыя свои контуры, вдругъ какъ бы порывъ вѣтра прошелъ по заламъ и переходамъ стараго дворца. Звякнули рамы въ окошкахъ. Гдѣ-то хлопнула дверь, другая, третья, заскрипѣли полы, посыпалась известка. Движеніе дошло до послѣдней двери и замѣтно было, что на нее нѣчто напираетъ и она готова отвориться... Жуткое чувство охватило истомленнаго бессонными ночами Павла Корнильевича. Захаръ Константиновъ крестился. Но дверь не отворилась. Только вздохъ раздался за ней, и потомъ прошелестили крадущіеся шаги. Все успокоилось.

— Что это было?—невольно спросилъ Радожицкій.

Камердинеръ пожалъ плечами.

— Время ночное,—сказалъ онъ шопотомъ.—Зданіе очень старинное. Наше мѣсто свято!

Поповъ проснулся, сидѣлъ и слушалъ.

— Вы замѣтили, ваше превосходительство?—обратился къ нему Павелъ Корнильевичъ.

Тотъ зѣвалъ и потягивался.

— Что такое? Вѣроятно, крысы.

Пискъ и возня крысъ явственно послышались за отвисшими штофными обоями залы, но звуки эти не имѣли ничего устрашающаго и не походили на тѣ, что испугали адъютанта и камердинера.

— Лучше всего пройдите со свѣчей по анфиладѣ,—продолжалъ Поповъ,—и убѣдитесь, что все спокойно. Въ старыхъ зданіяхъ по ночамъ всегда слышны стуки, шорохи, полы трещатъ, мебель коробится, крысы скребутъ, двери и рамы отъ вѣянія воздуха въ колебаніе приходятъ, штукатурка падаетъ. Самые газы плѣсени и гнили порождаютъ въ жидкостяхъ организма человѣка, тамъ пребывающаго, многоразличные фантомы. Пройдите, господинъ Радожицкій, со свѣчою, удостовѣрьтесь, да и ложитесь спать. Кажется, благодареніе Богу, свѣтлѣйшій успокоились.

Павелъ Корнильевичъ вынулъ изъ канделябра восковую свѣчу и пошелъ съ нею по анфиладѣ. Онъ прошелъ въ полномъ безмолвіи два покоя. Но только что хотѣлъ отворить дверь слѣдующаго, кто-то незримый задулъ его свѣчу, страшный грохотъ раздался и прокатился по комнатамъ, и вслѣдъ затѣмъ плачевные стоны понеслись, какъ будто плакалъ ребенокъ или кричала въ истерикѣ женщина или вздернутый на дыбу вопилъ. Стихійный ужасъ охватилъ Павла Корнильевича, какого не испытывалъ онъ даже въ адскую ночь штурма Измаила, холодъ объялъ его члены, и дрожа бросился онъ назадъ, и стоны летѣли за нимъ. Едва вбѣжалъ онъ въ комнату предъ моленной, изъ нея показался Потемкинъ. Лицо колосса было искажено ужасомъ. Волосы поднялись. Въ одной рукѣ онъ держалъ распятіе, а въ другой обнаженную шпагу. Зрячее око его пылало и вращалось. Ротъ былъ широко открытъ, и онъ дикимъ, охриплымъ голосомъ кричалъ:

— Что это? Кто это? Кто это стонетъ? Низверженъ прегордый Денница! Михаиле первоангеле, спаси насъ! Кто это стонетъ? Это онъ! Ты опять пришелъ мучить меня! Ты опять пришелъ мучить меня!

— Ваша свѣтлость, успокойтесь, прошу васъ,—бросаясь къ Потемкину, говорилъ Поповъ, изъ всѣхъ бывшихъ при этой сценѣ сохранившій наиболѣе присутствія духа. Павелъ Корнильевичъ дрожалъ всемъ тѣломъ. Захаръ Константиновъ присѣлъ на софу, которую постилалъ одѣяломъ, и крестился обѣими руками, бормоча молитву; проснувшійся, перепуганный негритенокъ щелкалъ зубами и прятался за казачка Оумушку; а послѣдній, какъ и Поповъ, тоже не казался особенно испуганнымъ.

— Успокойтесь!—повторялъ Поповъ.

Слова его, казалось, возвратили сознание свѣтлѣйшему. Онъ умолкъ. Однако стоны во дворцѣ не прекращались.

— Это совы!—вдругъ сказалъ казачокъ Оумушка.

— Совы! Въ самомъ дѣлѣ это совы!—одновременно вскричали Раджицкій и Захаръ Константиновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь ясно было слышно, что просто совы на чердакахъ ухаютъ. Павелъ Корнильевичъ вспомнилъ, что и караульный офицеръ говорилъ о совахъ, гнѣздившихся на чердакахъ заброшеннаго дворца. Убѣдился въ этомъ и свѣтлѣйшій. Однако онъ приказалъ Попову и Раджицкому обойти покои со шпагами въ рукахъ. Казачки должны были свѣтить, а Захаръ Константиновъ курить ладаномъ изъ ручной кадильницы. Самъ свѣтлѣйшій ушелъ въ моленную и палъ на колѣни предъ иконой Святѣйшихъ Язвъ Спасителя и громко молился.

Обошли покои, и ничего въ нихъ, конечно, не оказалось. За окнами стало бѣлѣть. Свѣтлѣйшій наконецъ успокоился, но не прежде легъ, какъ Раджицкій сходилъ къ карауду и передалъ приказаніе свѣтлѣйшаго поставить по часовому у каждой двери анфилады залъ, примыкавшихъ къ моленной.

СІХ.

Похмелье.

Свѣтлѣйшій заснулъ, когда занялась заря и пробужденное воронье подняло громкое карканье, тучей взлетая надъ дворцомъ и садами.

Павелъ Корнильевичъ тоже могъ теперь успокоиться, но переполохъ ночной до того взволновалъ его, что, несмотря на все утомленіе, онъ не могъ завести глазъ. Къ тому же ветхая софа шаталась при малѣйшемъ движеніи рослаго адъютанта и грозила подъ нимъ рухнуть. Итакъ, онъ поднялся и, выйдя въ одну изъ прилегавшихъ залъ, замѣтилъ дверь на балконъ. При сіяніи солнца все казалось еще болѣе обветшалымъ въ старомъ дворцѣ. Полосы пыли тянулись черезъ унылые покои. Гниль, прорѣхи, паутина, плѣсень, трещины, разрушеніе выступали еще очевиднѣе, нежели въ ночномъ сумракѣ. И если теперь не было въ этой обстановкѣ ничего жуткаго и пугающаго воображеніе, то еще душнѣе ложилась на грудь спертая эманация нежилого и отжилого обиталища царицъ и царей. Хотѣлось дохнуть свѣжимъ воздухомъ, и Павелъ Корнильевичъ поспѣшилъ повернуть ржавый шпингалетъ и открыть разбухшую, рѣзанувшую по полу и жалобно взвизгнувшую въ петляхъ балконную дверь.

Утвержденный на безносыхъ обезображенныхъ каріатидахъ балконъ былъ крайне ненадеженъ, въ щеляхъ, покрытъ прѣлыми листьями и мусоромъ. Но раннее весеннее утро было пріятно прохладно. Полными легкими забралъ молодой человекъ свѣжее вѣяніе вѣтерка. Запущенный садъ, осыпанный первыми лучами солнца, казалось, улыбался, полустарчески, полуюношески. Блестѣла молодая еще листва дуплистыхъ липъ, кленовъ, кряжистыхъ березъ. Въ травѣ звѣздами разсыпались золотые крупные одуванчики.

Прислонясь къ косяку двери, стоялъ Павелъ Корнильевичъ, отдыхая душою среди ясной утренней дѣйствительности. Но скоро пошли въ головѣ его разныя безпокойныя мысли.

Такъ! Послѣ роскошнаго праздника и блаженныхъ минутъ, проведенныхъ съ гречанкой въ волшебномъ челнѣ, уже не первый день томило его тягостное похмелье. Съ прошлымъ было кончено; онъ перешелъ роковую черту; онъ наложилъ на себя цѣпи тягостныхъ обязательствъ, ужасный смыслъ которыхъ онъ чувствовалъ, но не хотѣлъ его понимать, вѣрить не хотѣлъ; однако эти цѣпи обязательствъ лишили его всякаго душевнаго спокойствія, увѣренности въ себѣ, обычнаго яснаго расположенія духа; ближайшее грядущее дышало на него холодомъ и мглой, и онъ боялся взглянуть въ его сторону.

Послѣ первыхъ восторговъ самая страсть его, столь долго разжигаемая неудовлетворенностью, растворилась отравой раскаянія и ужасомъ сознанія той невѣдомой расплаты, которой долженъ онъ воздать за мгновенное блаженство. Къ тому же, проводивъ гречанку до ея дворца, онъ съ тѣхъ поръ не видалъ прекрасной. Хотя онъ и получилъ въ скорости записку отъ нея, въ которой просила она прибыть по дѣлу и назначала часъ, но вмѣсто нея Павла Корнильевича встрѣтилъ графъ Кобенцель и обошелся съ нимъ крайне странно, съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ.

Наряженный въ костюмъ Гарпагона изъ Мольерової комедіи, съ тетрадкой въ рукѣ, по которой повторялъ роль, обычно неряшливый, рыжій, циническій, Кобенцель захохоталъ въ лицо молодому адъютанту и съ жестами буфона, расхаживая столь быстро по комнатѣ, что Павлу Корнильевичу приходилось за нимъ какъ бы гоняться, сталъ говорить, что графиня Софія нездорова, что она кланяется ему, желаетъ счастливаго пути и напоминаетъ взятое имъ на себя обязательство выполнить въ точности все то, что особенное лицо скажетъ ему на мѣстѣ, по прибытіи.

На выраженное Павломъ Корнильевичемъ недоумѣніе, о какой поѣздкѣ и куда именно рѣчь идетъ, Кобенцель съ новымъ взрывомъ страннаго хохота, махнувъ тетрадкой передъ самымъ носомъ Радожицкаго, такъ что тотъ невольно отстранился, сказалъ:

— Въ стѣпи, мой милѣйшій, въ стѣпи! Очень скоро господинъ Потемкинъ для поправленія здоровья предприметъ поѣздку въ стѣпи. Вы послѣдуете за нимъ, захвативъ венеціанскую аптечку съ собою, изъ которой попользуете свѣтлѣйшаго недугующаго!

При этихъ словахъ Павелъ Корнильевичъ похолодѣлъ. Едва могъ онъ проговорить, что графъ, конечно, шутить, а привезенныя имъ изъ Венеціи по порученію графини Софіи снадобья ему неизвѣстны по способу ихъ вліянія на человѣческое естество, и что онъ не можетъ...

Новый взрывъ хохота со стороны графа Кобенцеля прервалъ слова его. Теперь онъ даже за животъ взялся и рухнулъ въ кресло. Но затѣмъ сталъ вдругъ очень серьезнымъ, и лицо его приняло такое строгое и повелительное выраженіе, какимъ никогда его не видывалъ Радожицкій.

Сидя самъ, онъ не посадилъ, однако, молодого |человѣка, съ которымъ до тѣхъ поръ былъ столь любезенъ. И Павелъ Корнильевичъ не нашелъ въ себѣ силы присѣсть. Смущенный, окованный незримой сѣтью, онъ остался стоять предъ австрійскимъ посломъ.

Кобенцель заговорилъ внушительно и важно, но крайне туманно и неопредѣленно о задачахъ европейскаго мира, о примирительной роли Англии въ распряхъ народовъ, о бесполезности и даже вредѣ побѣдъ на Востокѣ для истинныхъ интересовъ русскаго народа, огромными поборами истощеннаго совершенно; онъ говорилъ о не-

возможности дальнѣйшей авантюры Потемкина, о его устарѣлости, распутствѣ и причиненномъ отъ того ослабленіи умственныхъ его способностей; онъ говорилъ, что лучшіе люди Европы, друзья чело-вѣчества, просвѣщенія, свободы, возлагаютъ на способности Павла Корнильевича большія надежды; что онъ не останется безъ награды, и его ждуть успѣхи при дворѣ и на дипломатическомъ поприщѣ, если онъ успѣшно выполнитъ порученіе сопроводить въ степи Потемкина, дни карьеры котораго сочтены и на стѣнахъ чертоговъ, гдѣ онъ далъ свой послѣдній, безуміемъ роскоши и затратъ превзошедшій всѣ прочіе, праздникъ, уже незримая рука написала роковое: «Мани! Факель! Фаресь!» Впрочемъ, для черной работы можетъ быть данъ ему въ Яссахъ чело-вѣкъ, а помощникомъ—господинъ Поппе... Вы знаете Поппе?

Павель Корнильевичъ сказалъ, что господина Поппе онъ знаетъ нѣсколько, но все же порученіе, о которомъ посоль говоритъ, ему темно.

— Темно?—переспросилъ Кобенцель.—Въ самомъ дѣлѣ темно?

— Да, темно,—уже нерѣшительно сказалъ Павель Корнильевичъ.

— Ахъ, милый мой господинъ Радожицкій!—внезапно поднима-маясь съ кресла и схватывая въ потныя ладони обѣ руки Павла Корнильевича,—ахъ, милый мой! Одного отъ васъ хотятъ: берегите, берегите расшатанное здоровье свѣтлѣйшаго! Не отходите отъ него ни днемъ, ни ночью! Слѣдите и убѣждайте его остерегаться излишества въ питьѣ и пищѣ, этой его рѣдкы, капусты, огур-цовъ, сбитня, ликеровъ! Берегите его! Бога ради, бе-ре-ги-те!

Скандируя послѣднее слово, Кобенцель повернулъ Радожицкаго за плечи и, подталкивая сзади, повелъ къ двери, и такъ не то довелъ туда, не то вывелъ и дверь за нимъ затворилъ. Такъ, не добившись ничего болѣе яснаго, не выдавъ Софіи, адъютантъ вер-нулся въ конногвардейскій домъ, гдѣ сейчасъ же позвали его къ свѣтлѣйшему, и онъ въ самомъ дѣлѣ съ тѣхъ поръ ни днемъ, ни ночью отъ него не отлучался, скитаясь съ нимъ по разнымъ ноч-легамъ, не дождавъ, почти безъ сна и отдыха, будучи непрестанно у него на спросѣ и побѣгущкахъ.

Стоя теперь въ ранній утренній часъ на балконѣ обветшалаго царскаго обиталища, овѣянный свѣжимъ дыханіемъ весны, бли-ставшей на листьяхъ и цвѣтахъ, говорившей голосами шелеста и шороха, птичьими посвистами, самымъ карканьемъ безпокойныхъ воронъ, задумался молодой адъютантъ. Мало-по-малу возникала предъ нимъ роковая та картина, когда объяснялся онъ съ гра-финей Анной и благороднымъ отцомъ ея, когда призывъ истины и чести, казалось, спасъ его и единаго движенія было доста-точно, чтобы порвать тяготѣвшія надъ нимъ чары. Но... ему не суждено было освободиться. Цирцея явилась, и... все кончено! Все кончено! За краткій мигъ жгучаго, низменнаго наслажденія онъ

заплатилъ невиннымъ блаженствомъ чистаго, высокаго общенія съ ангеломъ, съ дѣвушкой, готовившейся вновь по единому призыву его отдать дѣвственное сердце неблагодарному!

Все кончено! За ласки темной авантюристки, на которой какъ бы наведенъ лоскъ тысячи взоровъ любовавшихся ею во всѣхъ столицахъ Европы зѣвакъ, изъ объятій которой упивались нѣгой уже многіе, которая пошла, невѣжественна, глупа,—да, глупа... и онъ это увидѣлъ съ самаго перваго мгновенія роковой встрѣчи на Днѣстрѣ,—за ласки прекрасной блудницы онъ отдалъ все—самое душевное спокойствіе, чистоту душевную, человѣческое достоинство. Все кончено! И онъ во власти темной шайки международныхъ промышленниковъ, политическихъ интригановъ и долженъ послужить низменнымъ, ужаснымъ, преступнымъ, можетъ быть, ихъ цѣлямъ; долженъ заплатить страшной цѣной на слѣпое увлеченіе!.. Любилъ ли онъ попрежнему гречанку? Онъ не зналъ. Въ этотъ мигъ прелестный образъ ея заслонила тьма душевнаго его недуга, а утраченный навѣки непорочный ангелъ стенищимъ призывомъ вдали напоминалъ ему, что возврата для него не можетъ быть. И какъ тотъ двоившійся въ путяхъ своихъ чловѣкъ, на картинѣ Страшнаго Суда изображенный въ елизаветинской моленной, что терзается, привязанный къ столбу, между Адомъ и Раемъ,—между прекраснымъ прошлымъ и мрачнымъ грядущимъ терзался Павелъ Корнильевичъ, и свѣтъ весенняго утра въ глазахъ его омрачала траурная печаль.

СХ.

Пробужденіе.

Правитель дѣлъ свѣтлѣйшаго генералъ Поповъ заглянулъ на балконъ, окинулъ пронизательнымъ взоромъ маслиноподобныхъ новогреческихъ своихъ глазъ согбенную подъ гнетомъ тяжкаго раздумья фигуру адъютанта и сказалъ, что онъ спѣшитъ въ Царское, а какъ свѣтлѣйшій уже проснулись и кофе потребовали, то пусть господинъ Радожицкій въ моленную поспѣшить.

— Благодареніе Бога, свѣтлѣйшій встали въ полномъ здравіи!—прибавилъ Поповъ и скрылся.

Павелъ Корнильевичъ пошелъ въ моленную. Въ самомъ дѣлѣ, Потемкинъ сидѣлъ въ креслахъ довольный, почти веселый, безъ повязки на лохматой головѣ, надѣвъ измятый и нечищенный, подъ подушкой у него всю ночь пролежавшій, парадный, вишневыи, шитый золотомъ съ звѣздой, кафтанъ. Любимый его негритенокъ Алманзоръ подавалъ кофе и улыбался ослѣпительно бѣлыми зубами, раздвинувъ на черной обезьяньей мордочкѣ толстыя красныя губы.

— Доброе утро, господинъ правдолюбъ!—сказалъ Потемкинъ, обращая ласковое око къ вошедшему адъютанту.

Павель Корнильевичъ пожелалъ ему здоровья и освѣдомился о состояніи послѣ благополучнаго сна.

— Голова прошла совершенно. Старая карлица правду сказала—помогла святая вода! А что скажешь о нашемъ ночномъ переполохѣ?

— Дворецъ въ крайнемъ запустѣніи,—отвѣчалъ Радожицкій.—Перепугали насъ совы, которыя живутъ здѣсь на чердакахъ и по ночамъ ухаюютъ.

— Да, совы! Совы ухали...

Потемкинъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Можетъ быть, и совы, а можетъ и еще кто-либо, помимо совѣ. Вотъ и Захаръ Константиновъ такъ думаетъ: правда?

— Такъ точно, ваша свѣтлость,—отозвался Захаръ Константиновъ.—Можетъ быть, и совы, а можетъ еще кто-либо. Дѣло-то было ночное, и мѣсто это нездоровое. Однѣ только старушки-фрейлины на антресоляхъ у себя ничего не опасаются.

— Еще бы! Ихъ самихъ, я думаю, за вѣдмъ принять возможно! — сказалъ, улыбаясь, свѣтлѣйшій. Потомъ сталъ серьезенъ.

— Мнѣ объяснялъ одинъ раввинъ-каббалистъ, что человекъ, долго обращаясь съ различными вещами, вліянной въ него отъ Вѣчнаго Первоначальнаго Двигателя жизненной силой вещи сіи и все, что его окружаетъ, самыя стѣны зданій нѣсколько одухотворяетъ и на всемъ оставляетъ отраженіе. Такъ, отражаясь въ зеркалахъ, люди невидимый одушевленный слѣдъ въ матеріи зеркала оставляютъ. Посему хотя всѣ обитавшіе этотъ старый дворецъ давно умерли, но призрачные слѣды ихъ земного бытія въ немъ остались живы и въ полуночные часы, силою магнетичества планетнаго и нѣкихъ испареній земныхъ, эти слѣды возстаютъ и отдѣляются отъ вещей и витаютъ, яко сновидѣнія наяву, невестественны, однако явственны слуху и даже зрѣнію нашему. Нѣчто подобное и въ эту ночь насъ перебаламутило.

— Не могу сказать, чтобы я видѣлъ необыкновенное въ эту ночь,—возразилъ Радожицкій.—Только слухъ нашъ былъ пораженъ. Однако причина открылась—совы.

— Совы! Совы!—качая головой, говорилъ свѣтлѣйшій.—Да сохранить насъ Царица Небесная и Нерукотворенный Спасъ отъ сихъ плакучихъ совѣ! Но вотъ что мнѣ объясните, господинъ правдолюбъ. Я знаю, вы курсъ проходили въ благородномъ генерала Зорича училищѣ и, слѣдовательно, человекъ ученый.

Павель Корнильевичъ замѣтилъ, что въ училищѣ Зорича болѣе занимались вольтижировкой, фехтованіемъ и менуэтами, нежели умозрѣніемъ.

— Однако, я знаю, вы усердно занимались чтеніемъ бібліотеки графа Мелина, который, говорятъ, весьма силенъ въ алхіміи и метафизикѣ. Итакъ, скажите: могутъ ли намъ мертвые являться?

— О явленіяхъ загробныхъ есть разсказовъ множество, но, сколько извѣстно изъ Четій-Миней, святые намъ являются преимущественно во снѣ. Что касается умершихъ во грѣхахъ, тѣ покоются до Страшнаго суда и не выходятъ изъ могилъ своихъ. Такъ по ученію святой церкви. А несмысленная толпа разсказываетъ, что мертвые, въ особенности лишенные жизни насильственно, выходятъ и бродятъ призраками и мучатъ своихъ убійцъ! Но я полагаю, что совѣсть сама терзаетъ свершившихъ преступное дѣло, и тогда разстроенное воображеніе создаетъ изъ естественныхъ тѣней и звуковъ ночныхъ нѣкіе фантомы.

— Преступная совѣсть! фантомы воображенія!—угрюмо повторилъ Потемкинъ.—Вы складно изъясняете, господинъ правдолюбъ! Захаръ, подай портфелью съ бумагами, что съ собою захвачена!—прика залъ онъ.—За фантомами да совами дѣла запустили, и государыня гнѣваться изволить. Читайте мнѣ бумаги, господинъ правдолюбъ!

Начались занятія. Потемкинъ клалъ резолюціи и такъ работали безъ отдыха, пока не возвратился изъ Царскаго генералъ Поповъ.

Онъ былъ крайне, видимо, удрученъ и разстроенъ.

— По какому дѣлу вызывала государыня?—спросилъ Потемкинъ.—И въ какомъ изволить находится духъ?

— Изволятъ быть не въ духѣ, очень разстроены, а вызвали относительно курьеровъ,—отвѣчалъ, разводя руками, Поповъ.

— Передай все, что говоритъ изволила.

— Сказали немного. Какъ меня увидѣли, семействомъ сэра Тома Андерсона окруженнаго, едва въ ихъ кабинетъ рабочій вступилъ, которые всѣ на меня лаяли и старались прокусить чулки, то изволили прямо спросить: «Правда ли, что цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина живетъ у васъ въ Петербургѣ?»

— Что же ты отвѣчалъ?

— По чистой совѣсти долженъ былъ сказать: «До десяти наберется».—«Зачѣмъ, спрашиваетъ, не отправляете ихъ?» — «Нѣтъ приказанія». — «Скажите же своему князю, чтобы сегодня же, непременно сегодня онъ отвѣчалъ Репнину, что понужнѣе, особливо, чтобы визиря прогнать и Мачинъ взять эскападою, скажите ему: я велю; а мнѣ пришлите записку, въ которомъ часу курьеръ вашъ уѣдетъ». По сихъ словахъ головою кивнуть изволили, я откланялся и выпелъ, озлобленно всѣмъ многочисленнымъ семействомъ четвероногога англичанина сэра Тома Андерсона провожаемый.

— Прогнать визиря! Взять эскападой Мачинъ! Новая побѣды! Государынѣ слава, Россіи приобрѣтенъе, а мнѣ на голову могиль-

ная плита!—сказалъ одушевленно свѣтлѣйшій.—Плохо, Поповъ! Ай, какъ плохо!

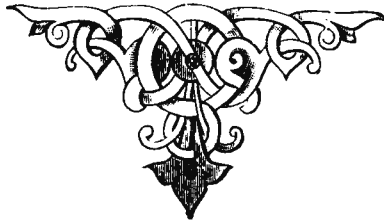
— Отчего же, ваша свѣтлость, плохо? Извольте распорядиться курьеромъ, а съ моей стороны сейчасъ записочка въ Царское полетитъ. И государыня изволятъ успокоиться.

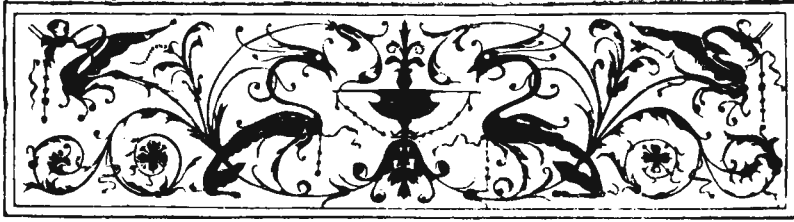
Потемкинъ не отвѣчалъ. Онъ погрузился въ раздумье. Наконецъ всталъ и приказалъ Попову:

— Подать мнѣ сейчасъ четверкой карету, чтобы домчали единымъ духомъ! Ёду въ Царское. Если Мачинъ возьмутъ, въ ту жь минуту я пропалъ. Захаръ! мыться! чесаться! одѣваться!

Н. А. Энгельгардтъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XIX.

Приближенные князя Меншикова.—Вилламовъ.—Доклады Ратманова.—Профессоръ Навроцкій.—Вагнеръ и его карьера.—Причины гибели нашихъ судовъ.—Взметневъ.—Бесѣды съ княземъ Меншиковымъ о Богдановичѣ, Тотлебенѣ и военноморскомъ судѣ.—Бахтинъ.—Его служебная дѣятельность.

О СЛУЧАЮ крушенія корвета «Александръ Невскій», причемъ едва не утонулъ великій князь Алексѣй Александровичъ, адмиралъ Матюшкинъ выразился въ сенатѣ: «Вотъ послѣдствія управленія сухопутнаго генерала»... Князь Меншиковъ сдѣлалъ министерство въ началѣ 1853 г., а послѣдствія его управленія обличаются въ концѣ 1868 г. Какая медленная операція! Не таковъ былъ процессъ управленія адмирала Моллера, до 1828 г. Когда князю Меншикову поручено было преобразование морского министерства, при немъ были: полковникъ генеральнаго штаба Вилламовъ, чиновникъ V класса Андреевъ и писарь Просинъ. Вилламовъ, добрый, но крайне неспособный человѣкъ, сдѣлалъ карьеру довольно страннымъ образомъ. Государь Александръ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе спрашивать военныхъ начальниковъ о членахъ ихъ семейства. На разводѣ, когда онъ желалъ быть милостивымъ къ полковому командиру, онъ спрашивалъ: «что дѣлаетъ братъ твой, который служилъ тамъ-то?» или:

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIV, стр. 45.

«здоровъ ли старикъ твой отецъ такой-то?»—и тому подобное. Вопросаемый растрогивался до слезъ при этихъ вопросахъ, свидѣтельствовавшихъ, какъ государь интересовался его семействомъ,—но эти вопросы дѣлались на основаніи приготовляемыхъ княземъ Меншиковымъ табличекъ, которыя государь вкладывалъ въ перчатку и при случаѣ справлялся съ ними. Таблички эти требовали по цѣли своей почерка очень мелкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень четкаго: таковъ былъ почеркъ у Вилламова—у него одного. По этой причинѣ возили Вилламова повсюду, куда ѣздилъ государь, вмѣстѣ съ Миллеромъ, чинившимъ перья. Кромѣ того, Вилламовъ былъ нуженъ князю Меншикову оттого, что онъ ему вѣрилъ, а князь, въ общемъ смыслѣ, никому не вѣрилъ, частію по своей недовѣрчивой натурѣ, частію вслѣдствіе горькихъ опытовъ жизни. Онъ рассказывалъ мнѣ, что разъ только рѣшился, тронутый жалкою участію сироты Навроцкаго, взять къ себѣ его, жилъ вмѣстѣ съ нимъ, несмотря на его безобразіе и неопрятность, и опредѣлилъ его въ службу,—и этотъ Навроцкій кралъ у него бумаги и шпионилъ его въ самый разгаръ вражды его съ Дибичемъ. Андреевъ—чистый типъ чиновника старыхъ временъ, взяточникъ и невѣжда. Просишь—писарь изъ кантонистовъ. Съ этими-то людьми князь долженъ былъ образовать новое управленіе. Князь работалъ одинъ, и работалъ до упаду; передъ нимъ стояла большая деревянная табакерка въ половину кв. фута величиной, открытая, изъ которой онъ бралъ щепотками табакъ, или подносилъ къ носу табакерку, чтобъ возбуждать нервы, а около полуночи, полуживой, садился въ сани и большою рысью ѣздилъ по городу съ полчаса, чтобы освѣжиться; потомъ опять принимался за работу. Какая сила была въ тогдашнемъ поколѣніи: не то, что нынѣшняя вялая молодежь. Она, кажется, и на свѣтъ выходитъ уже съ жидкимъ мозгомъ.

Когда я познакомился съ княземъ Меншиковымъ, въ 1827 г., онъ жаловался мнѣ на неспособность своихъ сотрудниковъ. Тутъ я видѣлъ изъ новыхъ дѣятелей морской администраціи и Ратманова, дежурнаго генерала. Онъ привозилъ къ князю кипы бумагъ для прочтенія или для подписи. Князь, чтобы избавиться отъ доклада Ратманова, давалъ ему тетрадку съ непристойными картинками. Ратмановъ надѣвалъ очки, разсматривалъ картинки и по временамъ хохоталъ гомерическимъ смѣхомъ, а князь между тѣмъ читалъ бумаги. По окончаніи смотра картинокъ, Ратмановъ говорилъ обыкновенно: «Ваша свѣтлость! не пора ли заняться дѣломъ!» Князь отвѣчалъ, что бумаги имъ уже просмотрѣны; затѣмъ слѣдовалъ гомерическій смѣхъ,—и докладъ кончался.

Одинъ разъ, когда доложили о приѣздѣ Навроцкаго, князь сказалъ мнѣ:

— Я дамъ вамъ случай видѣть профессорскую практичность.

Навроцкій—профессоръ математики, докторъ и почетный членъ многихъ университетовъ. Вошелъ Навроцкій, полковникъ генераль-

наго штаба, такой несимпатичной физиономіи, какой я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ, и при томъ такъ изуродованный оспою, что на лицѣ его, казалось, была изорванная сѣть, наклеенная на кожу. Только что онъ вошелъ, князь Меншиковъ сказалъ ему:

— Очень кстати! Не могу справиться со счетами! Помоги мнѣ, ты вѣдь профессоръ!

— Къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ, братецъ, въ чемъ дѣло: я долженъ лондонской миссіи столько-то фунтовъ, и парижской столько-то франковъ за выписку книгъ, а деньги мои у берлинскаго банкира: ихъ осталось столько-то талеровъ. Достаточно ли этого для уплаты, и если нѣтъ, то сколько надо выслать отсюда. Вотъ тебѣ и табель нынѣшнихъ вексельныхъ курсовъ.

Навроцкій сѣлъ у особаго стола, сопѣлъ, разстегивался и считалъ, а князь поглядывалъ на меня украдкой и улыбался. Наконецъ спросилъ Навроцкаго:

— Ну что, любезный, скоро ли?

Навроцкій, вставъ, отвѣчалъ:

— Странно, ваша свѣтлость, что вы занимаете профессора такими пустяками.

— Ну, извини, любезный, да сдѣлалъ ли ты счеты?

— Нѣтъ, не сдѣлалъ! Я отвыкъ отъ этихъ мелочей!

— То-то, братецъ,—заклучилъ князь.

Въ числѣ лицъ, видѣнныхъ мною въ то время у князя, вспоминаю Вагнера. Вагнеръ, кондукторъ рабочаго экипажа, молодой человѣкъ, явился къ князю съ маленькою моделью изобрѣтеннаго имъ снаряда, которымъ можно было толочь посредствомъ обращенія рукоятки.

— Вотъ, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ наивно,—машинка моего изобрѣтенія, чтобы кофѣ толочь.

— Любезный,—замѣтилъ князь:—кофе не толкутъ, а мелютъ; но, впрочемъ, очень похвально, что вы занимаетесь механикой.

Отпустивъ его, князь сказалъ мнѣ:

— Глуповатъ, однако предприимчивъ! Надо дать ему ходъ; изъ него, можетъ быть, выйдетъ что-нибудь!

Князь доложилъ о немъ государю и выпросилъ разрѣшеніе отправить его за границу учиться механикѣ. Въ то время во Франціи было уже волненіе въ умахъ. Государь не вдругъ согласился на отправленіе Вагнера, говорилъ, что онъ тамъ набалуется, но на увѣренія князя, что Вагнеръ человѣкъ скромный,—согласился послать его въ Парижъ и Лондонъ, прибавя: «подъ твоею личною отвѣтственностью». Въ 1830 г. Вагнеръ воротился, завитой, щеголь и слишкомъ развязный. Всякій другой начальникъ оскорбился бы фамильярностью и дерзостью приемовъ Вагнера, но князь Меншиковъ обладалъ въ отношеніи къ молодымъ людямъ

необыкновенною терпимостью. Онъ смѣялся надъ выходками этого парижанина, называлъ его *Jocrisse*, и, убѣдясь, что онъ смыслитъ дѣло, поручилъ ему устройство въ Николаевѣ механической мастерской; дали ему прогоны, подъемныя, наградныя, жалованье впередъ и отправили; но Вагнеръ вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Николаевъ, бѣжалъ за границу, а между тѣмъ получены здѣсь свѣдѣнія, что Вагнеръ геройствовалъ на баррикадахъ июльской революціи. Государь разбранилъ Меншикова, а Вагнеръ пропалъ безъ вѣсти, и даже родной братъ его, докторъ Вагнеръ, служившій потомъ у меня, не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій. Лѣтъ черезъ пять онъ получилъ отъ него первое извѣстіе: бѣглець просилъ пособія и увѣдомлялъ, что онъ перемѣнилъ родовое имя Вагнеръ на *Laudon*; такъ посылалъ ему отсюда братъ пособіе, сколько могъ, въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ, но потомъ письма прекратились, и на письма здѣшняго Вагнера отвѣтовъ не было. Въ 50-хъ годахъ Вагнеръ, будучи въ Парижѣ, сталъ справляться, не знаетъ ли кто *Laudon*. «M-r *Laudon*?—отвѣчали ему:—*il est connu de toute la France; c'est notre premier ingénieur-mécanicien, homme fort riche et très honoré!*»¹⁾ Вагнеръ отыскалъ *Laudon* въ его *villa*, но былъ принять сухо, съ объявленіемъ брату, что онъ прекратилъ всѣ сношенія и воспоминанія первой половины своей жизни и теперь живетъ новымъ вѣкомъ безъ связи съ прежнимъ. Въ прошедшемъ году этотъ *Laudon* померъ въ сумасшествіи. У него былъ домъ въ Парижѣ, *château* въ какомъ-то предмѣстьи, огромная фабрика и болѣе 6 милліоновъ франковъ капитала. Онъ предпринялъ нѣсколько спекуляцій, на которыхъ потерялъ до 2 милліоновъ франковъ; впалъ въ меланхолію и оставилъ по себѣ все показанное выше недвижимое имущество и 4 милліона франковъ.

Князь Меншиковъ вывелъ многихъ людей, но въ результатѣ ему не посчастливилось. Бахтинъ, бѣдный, мелкій чиновникъ, проведенъ имъ въ государственный совѣтъ, но оказался демагогомъ, не признающимъ ни сословія (кромѣ своего чина), ни собственности (кромѣ своего дома). Онъ много помогъ испортить дѣло эмансипаціи. Головинъ одинъ изъ вреднѣйшихъ въ Россіи министровъ. Не говорю о другихъ, которые не имѣютъ вліянія на дѣла государственныхныя. Князь Меншиковъ, этотъ сухопутный генералъ, управлялъ флотомъ 26 лѣтъ; въ этотъ періодъ были три катастрофы: исчезла въ Ботническомъ заливѣ шхуна «Стрѣла»; сгорѣлъ у Кронштадта корабль «Фершампенуазъ» и погибъ у норвежскихъ береговъ корабль «Ингерманландъ». Шхуна «Стрѣла» построена была на Охтѣ при морскомъ министрѣ Моллерѣ; вслѣдствіе ея гибели разобрана была одна изъ четырехъ шхунъ, по-

¹⁾ Г-нъ Лодонъ? его знаетъ вся Франція; это нашъ первый инженеръ-механикъ, человекъ весьма богатый и очень уважаемый..

строенныхъ на Охтѣ въ одно время, въ томъ числѣ и «Стрѣла», и оказалось, что въ ней не было сквозныхъ болтовъ; вмѣсто нихъ были снаружи и внутри вставлены коротенькіе концы съ гайками. «Фершампенуазъ» сгорѣлъ вслѣдствіе педантической строгости командира. Корабль вводился въ гавань; порохъ былъ уже выгруженъ; крѣпость-камера вымыта. Командиръ, осматривая эту камеру, нашелъ ее не довольно чистою и, сдѣлавъ выговоръ артиллерійскому офицеру, велѣлъ ее перемыть щетками. Офицеръ, сочтя это за педантизмъ, сталъ перемывать съ открытымъ фонаремъ, и послѣдовалъ взрывъ, при которомъ виновный офицеръ погибъ, а командиръ, несмотря на усилія князя Меншикова, былъ, по приговору аудиторіата, разжалованъ въ матросы. «Ингерманландъ» шелъ изъ Архангельска, полувооруженный, безъ полного балласта. Князь еще прежде находилъ неудобнымъ такое плаваніе и представлялъ, чтобы въ Архангельскѣ строились только фрегаты, но его не послушали. Слѣдовательно, въ 26 лѣтъ не было ни одного крушенія судна паруснаго, а тѣмъ менѣе парового, вслѣдствіе дурнаго выбора командировъ. Послѣ князя всѣ команды смѣнены. Разныхъ судовъ погибло столько, что я потерялъ и счетъ; государь чуть не утопился въ переходѣ изъ Кронштадта въ Петербургъ; онъ два раза пересаживался въ пути на другіе пароходы; императрицу чуть не утопили въ Черномъ морѣ. Корабль трехдечный среди дня перевернулся вверхъ дномъ у ревальскаго рейда, и въ прошедшую осень разбились въ Каттегатѣ паровой фрегатъ, причемъ утонуло множество матросовъ, два офицера, и едва спасся великій князь. Въ морскомъ вѣдомствѣ учрежденъ новый судъ, гласный и правдивый; онъ нашелъ виновными въ явной небрежности адмирала, командира и вахтеннаго лейтенанта, и именно въ томъ, что, испытывая дрейфъ и перемѣнивъ направленіе, полѣнились даже бросить лотъ, чтобы опредѣлить глубину. При такой изумительной небрежности судъ нашелъ смягчающія обстоятельства и присудилъ адмирала, приказавшаго перемѣнить курсъ безъ промѣра, къ выговору, а командира и вахтеннаго лейтенанта къ кратковременному аресту. Судъ, хотя и не правый, но милостивый: стоило дѣлать реформу! И говорить послѣ этого, что у насъ гласность будетъ имѣть нравственную силу! Такого цинизма не бывало и при закрытыхъ дверяхъ.

Какой хаосъ! Гуманность при судѣ надъ убійцами и безчеловѣчіе въ управленіи областями, гдѣ, вслѣдствіе мятежа, терзаютъ не по дѣламъ, а по національности; свобода печати и лживые доклады и цифры, публикуемые во всеобщее свѣдѣніе; ропотъ противъ Оттоманской Порты за неравноправность христіанъ и истязаніе католиковъ у себя; возрастающіе дефициты и надежды на благосостояніе финансовъ; гласность суда и безстыдство суда; капральство и революціонныя стремленія; ревнивость власти и добровольная

уступка власти; дворцы въ столицѣ и кабаки да тройки по всѣмъ улицамъ; усиленіе полиціи и дневные грабежи безнаказанные. По истинѣ, un ministère mixte¹⁾!

Я упоминалъ о силѣ отживающаго поколѣнія. Мнѣ пришелъ на память еще одинъ примѣръ. Взметневъ, сынъ деревенскаго священника или мелкопомѣстнаго дворянина, 17-лѣтній писарь въ Муромѣ, взятъ былъ въ канцелярію министра финансовъ за хорошей почеркъ. Онъ ничего не зналъ, кромѣ грамоты русской. Въ 30 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже редакторомъ финансовыхъ программъ, въ которыхъ опирался на школы политической экономіи и на статистику европейскихъ государствъ; онъ былъ вполне просвѣщенный человѣкъ, богатый познаніями глубокими. Съ этихъ поръ онъ несъ на своихъ плечахъ почти все министерство финансовъ, онъ и Дружининъ, и 38 лѣтъ вышелъ въ отставку, изнуренный работою, усталый, геморoidalный, и, какъ думали, чахоточный. Когда я съ нимъ познакомился, мнѣ было 18 лѣтъ, ему 36; теперь мнѣ 63, стало быть ему 81 годъ.

Вотъ начало его посланія, сочиненнаго недавно по случаю обращенія къ нему съ вопросами о современныхъ дѣлахъ:

Молчу и думаю: какъ дважды два четыре,
 Такъ точно вѣрно то, что нуль я въ этомъ мірѣ,
 Гдѣ духомъ Запада все дышать и живетъ!
 Другія времена—другіе нравы! Нѣтъ,
 Я не могу итти за поколѣньемъ новымъ,
 На старческихъ ногахъ и съ посохомъ дубовымъ.
 Куда мнѣ! Посмотри, какъ пишутъ, говорятъ.
 И кашу, безъ крупы, изъ словъ однихъ варятъ;
 Вѣдь любо посмотрѣть и дорого послушать!
 А каково—когда заставятъ кашу кушать?..
 Мое занятіе: деревья насаждать;
 Другихъ—о тысячахъ вопросовъ разсуждать... и проч.

Въ 81 годъ! и мысль, и стихъ! Хотѣлось бы посмотрѣть на нынѣшнюю молодежь черезъ 50 лѣтъ... но нѣтъ! не дай Богъ видѣть: я не люблю развалинъ.

Князь Меншиковъ боленъ; я нашелъ его въ такомъ изнуреніи силъ, что невольно видѣлъ въ немъ умирающаго. На диванѣ лежали 4 тома въ нарядномъ переплетѣ: «Исторія царствованія Александра I», Богдановича. На вопросъ мой, что это за книга, князь отвѣчалъ мнѣ, что онъ только что получилъ ее отъ автора. Взглядъ старца загорѣлся; видъ слабости исчезъ, откуда-то явилась чудная сила въ этомъ старческомъ организмѣ. Записываю рѣчь его, пока не изгладилась въ памяти.

— Это одинъ изъ сочинителей по высочайшему повелѣнію!.. Собирался приняться за чтеніе; открылъ наудачу книгу, и прямо

¹⁾ Смѣшанное министерство.

наткнулся на вздоръ! Не буду читать!.. Послушайте: «одна англійская ракетная батарея остановила на сутки дѣйствія непріятеля». Совершенный вздоръ! Я, можетъ быть, одинъ остался еще изъ очевидцевъ. Это было подъ Лейпцигомъ; я состоялъ по особенному случаю при Бернадотѣ; батарея была у него же. Когда она тронулась, я былъ пораженъ ея красотою. Лошади англійскія чистой крови; орудія, упряжки, мундиры щегольскіе; духъ людей прекрасный. Я выпросилъ позволенія слѣдовать за нею. Батарея ловко остановилась на высотѣ противъ развернутаго строя непріятельской кавалеріи, кажется, саксонцевъ. Когда ракеты стали шарить по рядамъ, произошла ужасная катавасія; все смѣшалось; лошади топтали другъ друга, но не прошло пяти минутъ, какъ изъ-за непріятельскихъ рядовъ появились два орудія французской конной артиллеріи; они понеслись въ карьеръ на англійскую батарею, остановились на ружейный выстрѣлъ, снялись съ передковъ и пустили ядра: одно перерѣзало на двое туловище батарейнаго командира, другое подбило ракетный станокъ, потомъ перебили лошадей и людей; батареи какъ будто не бывало, и все это продолжалось какихъ-нибудь 20 минутъ. Какія же тутъ сутки!

Сказавъ это живымъ голосомъ, князь сдѣлалъ гримасу и бросилъ съ досадою на диванъ томъ исторіи, который онъ въ продолженіе разсказа держалъ развернутымъ въ рукахъ.

— Вы бы разсказали это Богдановичу!—сказалъ я.

— Не стоитъ,—отвѣтилъ Меншиковъ.—Это... и, не договоривъ, махнулъ рукой.

Я засмѣялся.

— Вѣрно, въ родѣ Тотлебена?—замѣтилъ я.

— Какое!

При этомъ князь взялъ одинъ листокъ изъ кипки, которая обыкновенно лежитъ у него на столѣ, и, чертя карандашомъ, говорилъ:

..... вотъ непріятель
 ————— это Альма
 ————— здѣсь я

— + ——— здѣсь мои резервы, а здѣсь (указывая на крестикъ) находился Кинглекъ, по его исторіи... то есть, между моею арміею и резервами. Но все-таки Кинглекъ написалъ гораздо меньше вздору, чѣмъ Тотлебенъ... Тотлебенъ отличный піонеръ и храбрый офицеръ,—но недалекій! Онъ не зналъ, что писалъ, потому что не писалъ. Милютинъ выбралъ самъ въ исторіографы офицеровъ генеральнаго штаба и роздалъ имъ работу по частямъ; тенденція была имъ дана; документы, не подходящіе подъ программу, обойдены. Такъ каждый мальчикъ написалъ свою тетрадку; Тотлебенъ сшилъ тетрадки и сочинилъ заглавный листъ. Вотъ вамъ и исторія.

Послѣ этого зашелъ разговоръ о военно-морскомъ судѣ надъ офицерами корабля «Александръ Невскій». Я сообщилъ князю Меншикову впечатлѣнія пубрики. Общество наше черезчуръ разсчитывало на силу гласности; я всегда утверждалъ, что гласность есть узда только тамъ, гдѣ развита народная совѣсть, а у насъ, гдѣ люди, открыто накравашіе милліоны, собираютъ у себя на обѣдахъ высшихъ сановниковъ, гдѣ взяточникъ идетъ въ театръ смотрѣть пьесу, изображающую взяточника, и горячо аплодируетъ самымъ мѣткимъ ударамъ, гдѣ въ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіи часто хвастаютъ плутнями несодѣянными, чтобы заслужить названіе молодца, гласность не будетъ уздою. Что со мной не соглашались, въ этомъ нѣтъ худа, но замѣчательно, что первымъ защитникомъ идеи о силѣ гласности былъ великій князь Константинъ, и какъ же доказалъ онъ самъ эту идею. За нѣсколько дней передъ судомъ онъ испросилъ повелѣніе объ измѣненіи законовъ насчетъ состава суда и насчетъ наказанія за крушеніе. На этомъ основаніи весь судъ сдѣлался безстыдной комедіей при всей гласности. Я сказалъ князю, что гораздо приличнѣе было бы, если не хотѣли наказывать виновныхъ, объявить отъ высочайшаго имени, что государь, проникнутый великою милостію Провидѣнія, не допустившаго погибели любезнѣйшаго сына его, повелѣваетъ прекратить слѣдствіе и предать дѣло волѣ Божіей. Князь отозвался на это, что точно эту мысль онъ выразилъ на дняхъ заѣзжавшему къ нему великому князю Николаю Николаевичу. Великій князь замѣтилъ на это, что онъ не считаетъ удобнымъ вмѣшиваться въ это дѣло.

Былъ у умирающаго Николая Ивановича Бахтина, съ которымъ я знакомъ съ 1827 года. Онъ призывалъ меня для засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія; едва говорящій отъ слабости, онъ съ отчетливостію выразилъ мнѣ цѣль моего призыва:

— На столѣ найдете вы двѣ маппы, одна на другой; подъ обѣими лежитъ бѣлый листъ съ надписью: «духовное завѣщаніе»; въ этомъ листѣ завѣщаніе мое и на особомъ листѣ формы подписи перваго свидѣтеля и слѣдующихъ. Потрудитесь подписать по формѣ слѣдующихъ свидѣтелей.

Такъ это и было. На открытой передо мною страницѣ видѣлъ я подпись Волкова, только въ ея окончаніи. Потомъ всю подпись барона Корфа. Прочитавъ форму, я замѣтилъ, что завѣщатель названъ только по имени, а законъ требуетъ означенія званія. Я сказалъ это больному; онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить, но когда я подкрѣпилъ свои слова примѣромъ отказа въ нотаріальномъ засвидѣтельствованіи духовной, онъ встревожился и просилъ подписаться, какъ я думалъ. Странно, что ни племянникъ его, помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, ни главноуправляющій II Отдѣленіемъ, этотъ представитель законодатель-

ства, не знали такого всѣмъ извѣстнаго постановленія. Бахтинъ, предъ моимъ уходомъ, сказалъ мнѣ изнеможеннымъ голосомъ:

— Я радъ, что князю Меншикову лучше. Давно желалъ съ нимъ видѣться, но съ октября мѣсяца боленъ; теперешняя болѣзнь моя, вѣроятно, послѣдняя, не позволяетъ мнѣ надѣяться на свиданье, но я часто о немъ думаю.

Я сообщилъ это князю. Онъ отвѣчалъ мнѣ въ записочкѣ: «Je suis d'autant plus sensible aux bons sentiments que Bakhtine vous a exprimés à mon égard, que je ne suis pas gâté sous ce rapport» ¹⁾.

Бахтинъ былъ рекомендованъ князю съ 1827 г., какъ честный и способный человекъ. Таковъ онъ и есть въ полномъ смыслѣ, но умъ у него своеобразнаго склада, —я бы сказалъ: умъ чиновника въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Честности непоколебимой, логики безупречной, но взгляда узкаго; оттого и умъ его, и перо, и обращеніе—не имѣютъ никакой эластичности. Онъ превосходно примѣняетъ существующіе законы, но далеко неудовлетворительно разрѣшаетъ вопросы государственныя, особенно, если они входятъ въ сферу политическую или экономическую. Бахтинъ писалъ первые отчеты начальника морского штаба; они были составлены добросовѣстно, аккуратно, но апатично. Въ началѣ 1831 или 1832 г. Бахтинъ просилъ меня помочь ему, и я составилъ весь отчетъ за предшествовавшій годъ. Князю онъ такъ понравился, что онъ сказалъ Бахтину:

— Вотъ этотъ отчетъ очень удаченъ!

— Князь, это плохой комплиментъ мнѣ,—замѣтилъ Бахтинъ, смѣясь.

— Отчего?

— Отчетъ этотъ писанъ не мною, а Фишеромъ,—отвѣчалъ Бахтинъ.

Князь уважалъ Бахтина, но не любилъ его; узнавъ, что я могу замѣнить Бахтина въ этой, въ то время самой важной работѣ,—онъ сталъ думать о томъ, какъ бы освободиться отъ непріятнаго ему сотрудника, и это было причиною блестящей карьеры Николая Ивановича. Въ концѣ 1833 г. открылась вакансія статсъ-секретаря управляющаго дѣлами комитета министровъ: эту вакансію выхлопоталъ князь Бахтину. Здѣсь онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Въ комитетъ министровъ входятъ дѣла министерствъ, дѣла о наградахъ и искательства частныхъ лицъ въ министерствахъ. Бахтинъ не склонялся ни на частныя просьбы, ни на внушенія министровъ; лучшему другу онъ не дѣлалъ предпочтенія передъ злѣйшимъ врагомъ. Между министрами было много людей

¹⁾ Я тѣмъ болѣе чувствителенъ къ добрымъ чувствамъ, которыя вамъ выразилъ Бахтинъ въ отношеніи меня, что я не избалованъ въ этомъ отношеніи.

достойныхъ: они оцѣнили безпристрастіе статсъ-секретаря и уважали его умъ и правила. Лѣтъ черезъ десять Васильчиковъ, назначенный предсѣдателемъ государственнаго совѣта, человѣкъ ограниченаго ума, но честный и благородный въ высшей степени, пригласилъ Бахтина въ государственные секретари. Въ этомъ званіи видны уже были недостатки Бахтина, но Васильчиковъ ихъ не видѣлъ и ввѣрился совершенно государственному секретарю, который такимъ образомъ получилъ весьма значительное вліяніе. Имѣя врожденные зачатки высокоумія, Николай Ивановичъ въ этомъ положеніи поддавался этой слабости настолько, что становился уже непріятнымъ, тѣмъ болѣе, что, бывъ очень мало въ высшемъ кругѣ общества, онъ не научился искусству скрывать эту слабость или выражать ее въ мягкихъ формахъ. «Я» повторялось почти во всякой фразѣ съ тономъ важности, а отзывы о мнѣніи другихъ были полны пренебреженія или насмѣшки. Несмотря на это, люди благомыслящіе его чтили за рѣдкія въ русскомъ человѣкѣ качества. Но Васильчикова замѣнилъ Левашовъ, человѣкъ надменный, грубый и невѣжда, принявшій нѣсколько заученныхъ фразъ за собственный умъ и считавшій себя за великаго политико-эконома и законодателя. Левашовъ сталъ обращаться съ Бахтинымъ, какъ съ секретаремъ. Этотъ былъ однако не изъ такого гѣста, чтобы вставить себя въ роль простаго писмоводителя, начались взаимныя тренія; у Бахтина сдѣлались завалы печени, которые придали ему новую раздражительность; ссоры между секретаремъ и предсѣдателемъ усиливались, и разрѣшились наконецъ назначеніемъ Бахтина членомъ государственнаго совѣта. Здѣсь онъ опять выросъ, но скоро нажилъ себѣ враговъ рѣзкостью выраженій. Въ нынѣшнее царствованіе великій князь Константинъ Николаевичъ, замѣтивъ демагогическое направленіе Бахтина,—плодъ подавленнаго самолюбія,—возвысилъ его личность, но когда Бахтинъ пересталъ быть ему нуженъ, великій князь, по свойственной ему безцеремонности въ дѣлахъ приличія, бросилъ его и едва ли не преслѣдовалъ. Николай Ивановичъ дожилъ даже до незаслуженныхъ униженій и сталъ такъ рѣзокъ, что его прозвали *marquis de Boissy*. При всемъ томъ Бахтинъ работалъ честно, умно и больше, чѣмъ всѣ прочіе члены вмѣстѣ. Онъ почти ослѣпъ въ работѣ, но у насъ это не имѣетъ никакой цѣны. Напротивъ, честность есть добродѣтель, только пока она обладаетъ тягучестью; какъ только она достигнетъ твердости состава, она дѣлается порокомъ, котораго никто никогда не прощаетъ. Такъ, проживъ холостякомъ, за рабочимъ столомъ, ослѣпшій, изнуренный, Николай Ивановичъ дожилъ до нынѣшняго болѣзненнаго одра, съ котораго онъ не встанетъ и котораго не согрѣваетъ теплое чувство. Князь Меншиковъ шелъ другою дорогою, онъ всю жизнь стоялъ у подножія трона; умъ

его противоположень уму Бахтина: быстрый, практичный, тонкій, прозрѣвающій сквозь всякую завѣсь, ускользящій отъ всякаго посторонняго прикосновенія, но безпристрастный, хотя и честный,—не всегда логичный, хотя широкій и свѣтлый; однако оба были схожи въ одномъ: оба отталкивали — Бахтинъ надменностью, Меншиковъ ледяной вѣжливостью, и оба пришли къ тому же концу: оставленные и забытые. Эти обѣ личности замѣчательны въ русской средѣ. Бахтинъ не былъ никогда государственнымъ человѣкомъ, но, необыкновенно дѣятельный среди лѣнтыевъ, необыкновенно логичный среди плоскихъ мыслителей, настойчивый и остойчивый среди равнодушія и личнаго расчета, онъ долженъ бы былъ многое сдѣлать или исправить. Князь Меншиковъ выше Бахтина на сотню ступеней. Патриотъ, врагъ корыстолюбія и поклонничества, трудолюбивый, любознательный, пользовавшійся при двухъ императорахъ въ теченіе долгаго времени необыкновеннымъ кредитомъ, долженъ бы былъ сдѣлать для Россіи еще гораздо болѣе. Но ни тотъ, ни другой ничего не сдѣлали. Когда ихъ похоронятъ, Россія не только не замѣтитъ, что ихъ уже нѣтъ, но и не вспомнитъ, что они когда-то были. Кого винить? Конечно, Бахтинъ, возвращавшійся въ сферѣ администраціи, виновенъ въ томъ, что не умѣлъ составить около себя партіи, кружка людей столько же честныхъ. И князь Меншиковъ виноватъ тѣмъ, что неблагосклонной царской мины на парадѣ боялся больше, чѣмъ упрямаго спора съ государемъ наединѣ, и предъ этою боязнію отступалъ отъ проведенія своихъ плановъ, но въ другомъ государствѣ эти слабости обоихъ не имѣли бы тѣхъ же послѣдствій. Не говорю о чиновнической Франціи, но въ Англии и Германіи Бахтину не пришлось бы въ голову чванство, потому что тамъ оно не встрѣтило бы ни въ комъ сочувствія. Тамъ Черноглазовы и Праведниковы не были бы на первомъ канцелярскомъ планѣ; Зеленый и Рейтернъ не были бы министрами, а лучшіе люди или отучили бы отъ чванства, или простили бы его человѣку, полному желанія добра. Князь Меншиковъ, споря слишкомъ часто съ государемъ въ его кабинетѣ и опасаясь холодной мины его на выходѣ, очевидно, выражалъ тѣмъ страхъ не передъ царемъ, а передъ царедворцами. Онъ не дорожилъ своимъ мѣстомъ въ администраціи, но опасался ослиныхъ копытъ, которыя не замедлили бы лягнуть въ него при первой замѣченной ими царской немилости. Такихъ копытъ не видалъ бы онъ ни въ Англии, ни въ Германіи. Слѣдовательно, эти люди, люди со слабостями, были вслѣдствіе этихъ слабостей бесполезны государству только потому, что жили въ неблагородной средѣ. Они не правы, но еще больше виновата ихъ обстановка. А. И. Чернышевъ, А. Ф. Орловъ, П. П. Гагаринъ—многого ли они стоятъ по оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, ихъ чести, ихъ благородства? Найдется ли десятокъ

людей, ихъ уважавшихъ? Однако они достигли высшихъ степеней и ознаменовали свое бытіе замѣчательными дѣянiями, замѣчательными по своей мерзости. Не доказываетъ ли это, что у насъ пороки Орловыхъ и Гагариныхъ простительнѣе, чѣмъ слабости Бахтиныхъ и Меншиковыхъ.

XX.

Клевета Закревскаго на князя Меншикова. — Разсказъ князя о письмѣ изъ Троппау. — Разговоръ съ нимъ по поводу его бумагъ. — Взглядъ на мою службу. — Богаевскій. — Его жестокость. — Письма Котена. — Его карьера. — Графъ Армфельтъ. — Письма его.

Сила воли угасаетъ въ старости, какъ всѣ жизненныя силы. Закревскій, негодуя на князя Меншикова, какъ на преемника своего въ званіи финляндскаго генералъ-губернатора, искалъ средствъ чернить его, но найти ихъ было нелегко. Назвать его воромъ, или безчестнымъ, или дуракомъ — значило бы выдать себя за сумасшедшаго. Закревскому не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ распустить слухъ, но князь Меншиковъ былъ сынъ графа Армфельта, искавшаго въ Россіи спасенія отъ смертной казни по смерти Густава III. Князь Меншиковъ зналъ объ этомъ и смѣялся съ равнодушiемъ надъ этой выдумкой. Однако равнодушiе было поддѣльно. 36 лѣтъ носилъ онъ въ сердцѣ досаду и оскорбленіе, не смѣя ввѣрить ихъ никому. Теперь, на дняхъ онъ не вытерпѣлъ. Онъ повторилъ мнѣ эту клевету Закревскаго.

— Можетъ быть, — сказалъ онъ мнѣ съ волненіемъ, — кто-нибудь повторитъ при васъ эту басню; сдѣлайте мнѣ дружбу, докажите въ этомъ случаѣ нелѣпость ея. Вотъ вамъ для этого тема.

При этихъ словахъ передалъ онъ мнѣ своеручную записочку слѣдующаго содержанія:

«Gustave III a expiré le 21 Mars 1791. — Le c-te Armfelt est venu en Russie en exilé après la mort du roi, par conséquent pas avant 1791, et le prince Menchikoff est né le 11 Septembre 1787, — donc, 4 ou 5 ans avant l'arrivée en Russie du comte Armfelt»¹⁾.

Въ разговорѣ съ княземъ Меншиковымъ я сообщилъ ему, что меня со всѣхъ сторонъ спрашиваютъ, ведетъ ли онъ записки, и на отрицательный отвѣтъ укоряютъ его въ томъ, что онъ лишаетъ исторію драгоцѣнныхъ матеріаловъ. На этотъ укоръ я говорилъ, что князь началъ общественную жизнь во время кровавыхъ войнъ съ Франціею, что потомъ онъ восемь лѣтъ не выходилъ изъ ко-

¹⁾ Густавъ III скончался 21 марта 1791. Графъ Армфельтъ прибылъ въ Россію, какъ изгнанникъ, послѣ смерти короля, слѣдовательно не ранѣе 1791, а князь Меншиковъ родился 11 сентября 1787, — слѣдовательно, за 4 или 5 лѣтъ до прибытія въ Россію графа Армфельта.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1908 г., т. сxiv.

ляски государя Александра I, который ѣздилъ съ нимъ за границу и по всѣмъ концамъ Россіи и цѣлый день отдавалъ ему словесныя приказанія, такъ что князь просиживалъ ночи для исполненія ихъ. При Николаѣ I онъ могъ бы писать записки, но въ то время нельзя было ручаться, чтобы вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы не явилась въ домъ князя комиссія для опечатанія бумагъ. Князь отозвался:

— Зачѣмъ брать государя Николая; это могло случиться и при Александрѣ Павловичѣ, и чуть не случилось со мной. Какой-то господинъ донесъ, что онъ, сидя въ ложѣ подлѣ жены моей, слышалъ ея разсказъ, будто она получила отъ меня изъ Троппау письмо, въ которомъ я описывалъ ей разстройство духа государя по полученіи извѣстія о бунтѣ Семеновскаго полка. Писать такія письма было вовсе не въ моихъ правилахъ, а тѣмъ менѣе къ женѣ моей, которая вовсе не занималась политикой; однако государь писалъ Милорадовичу, нельзя ли выкрасть это письмо у жены моей и прислать его къ нему. Это слышалъ я отъ самого Милорадовича.

Замѣчательный фактъ, если принять въ соображеніе, что Меншиковъ былъ въ то время самое довѣренное лицо, о которомъ государь отозвался, что онъ изъ него сдѣлаетъ *après lui le premier homme de l'empire*¹⁾. При этомъ случаѣ я обратилъ вниманіе князя на то, что по смерти его приплюютъ комиссію для отобранія находящихся у него бумагъ по государственнымъ дѣламъ; что прежде эти бумаги отправлялись прямо въ государственный архивъ и были тѣмъ надежнѣе сохраняемы, что начальники архива, считая свою должность синекурою, никогда не любопытствовали знать, что находится въ присылаемыхъ тюкахъ: эти тюки - *vièrges* хранились столѣтія неприкосновенными, если и крысамъ вздумалось уважить ихъ неприкосновенность. Государь Николай I приказалъ разбирать посмертныя бумаги и передавать въ министерства по принадлежности. Этимъ распоряженіемъ разрушена историческая сокровищница; министры разглядывали бумаги не изъ любознательности, а для убѣжденія, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь противъ ихъ личности, и такія бумаги истребляли.

— Но что же дѣлать?—спросилъ князь.

— Отберите тѣ бумаги,—отвѣчалъ я:—которыя вы считаете наиболѣе важными, запечатайте ихъ и отдайте на сохраненіе надежному лицу такого свойства, которое избавитъ ихъ отъ комиссій, посылаемыхъ къ умершимъ членамъ государственнаго совѣта.

— Это удачная мысль—замѣтилъ князь.

Приведетъ ли онъ ее въ исполненіе?

¹⁾ Послѣ себя перваго человѣка въ имперіи.

Нечаянно нашель я въ своихъ бумагахъ остатки писемъ барона Котена и графа Армфельта. Сколько воспоминаній! Воспоминанія, наводящія на грустныя мысли. Пробѣгая эти письма, я былъ изумленъ и разнообразностью моеѣ работы и высокостью моего тогда значенія. Сравнивая это прошлое съ моимъ настоящимъ, я кажусь себѣ глупымъ и униженнымъ. Честолюбіе не было никогда моею слабостью или моею добродѣтелью, однако, когда я сравниваю свое прежнее положеніе, уже мною забытое и только вчера воскресшее въ памяти, съ моею нынѣшнею обстановкою, съ нынѣшними моими коллегами, съ постановкою лицомъ къ лицу съ дерзкими мальчишками-правовѣдами и съ мелочностью моихъ диспутовъ,—не могу не видѣть, съ нѣкоторымъ стыдомъ, куда я заброшенъ.

Первое изъ сохранившихся у меня писемъ Котена, попавшееся мнѣ на глаза, отъ 1851 г. о Богаевскомъ, бригадномъ генералѣ въ Финляндіи; второе—приглашаетъ меня на вакансію товарища министра статсъ-секретаря Финляндіи; объ этомъ же нѣсколько другихъ писемъ. Потомъ о винокурениі, объ эпизоотіи, объ Армфельтѣ, Маннергеймѣ и Гартманѣ — этихъ трехъ мѣстныхъ властителейъ Финляндіи. Далѣе объ агрономическомъ институтѣ, о лѣсной части, о водяныхъ сообщеніяхъ, о бродягахъ и однодомцахъ, о надзорѣ за пріѣзжающими въ Валаамскій монастырь, о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, о Саймскомъ каналѣ, о гимназіяхъ, о разныхъ личностяхъ и, наконецъ, о назначеніи Котена членомъ сената. Это назначеніе сдѣлало изъ Котена моего врага, дѣйствовавшего не съ особеннымъ благородствомъ впоследствии. Изъ содержанія писемъ видно, что относительно разныхъ административныхъ и государственныхъ вопросовъ я или училъ Котена, или требовалъ отъ него мѣстныхъ свѣдѣній для своего назиданія.

Богаевскій—типъ генерала. Онъ выстроилъ себѣ и меблировалъ домъ въ Выборгѣ руками войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. За эту работу онъ давалъ каждому, проработавшему всю недѣлю, 5 копеекъ, а музыкантамъ позволялъ въ праздники наниматься. Работы и притѣсненія тянулись годы, и князь Меншиковъ ничего о томъ не зналъ. Богаевскій былъ женатъ на сестрѣ Львова, а Львовъ состоялъ при шефѣ жандармовъ графѣ Орловѣ, слѣдовательно, Богаевскій былъ человѣкъ страшный,—и все передъ нимъ и объ немъ молчало. Музыка была первымъ поводомъ къ возстанію. Котенъ, управляя Выборгскою губерніею, устроилъ въ Выборгѣ публичный садъ, т. е. насадилъ штукъ 50 молодыхъ березокъ и сдѣлалъ дорожки. Городъ нанялъ военныхъ музыкантовъ играть въ саду по воскресеньямъ послѣ обѣда, т. е. отъ 5 до 8 часовъ: финляндцы обѣдали въ 12 или въ часъ.

Богаевскому, праздновавшему какой-то фамильный день въ воскресенье, вздумалось приказать играть у него въ саду во время

обѣда и во весь вечеръ, т. е. отъ 4-хъ до 12 часовъ. Музыканты, несмотря на то, что городъ платилъ имъ погодно, должны были покориться волѣ своего начальника—и городъ остался въ дуракахъ. Магистратъ жаловался губернатору, а Котенъ очень деликатно объяснился съ генераломъ, который однако принялъ объясненіе неблагоклонно и вслѣдствіе того сталъ тѣснить брата Котена, командовавшаго въ его бригадѣ линейнымъ батальономъ. Это взорвало моего пріятеля, и онъ ждалъ случая отомстить Богаевскому. Случай представился. Одинъ изъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, съ нашивками, имѣлъ несчастіе быть хорошимъ столяромъ, и Богаевскій приказалъ ему дѣлать мебель, далъ на это дерево, но объ инструментъ, лакъ и политуръ, вѣроятно, позабылъ; когда мебель на одну залу была готова, унтеръ-офицеръ попросилъ у генерала денегъ на уплату за лакъ и политуру. Генералъ взбѣсился и подвергъ его звѣрскимъ истязаніямъ. Я жилъ на дачѣ въ Хортонѣ, близъ Выборга. Котенъ пріѣзжалъ ко мнѣ каждый день и между прочимъ рассказывалъ мнѣ подвиги бригадира. Я возмущился рассказомъ, отвѣтственный за репутацію князя Меншикова, который настолько полагался на мои правила и мои свѣдѣнія обо всемъ, что въ Финляндіи дѣлалось, что все предоставилъ мнѣ; когда я молчалъ—значило: все благополучно. Однако я не рѣшился дѣйствовать по словесному заявленію губернатора и просилъ его написать мнѣ то, что онъ мнѣ рассказывалъ. Вотъ что вижу въ письмѣ его отъ 7 іюня 1851 года: «Le вагенмейстеръ *maltraité se nomme Кубашевъ; il compte 15 ans de service pendant lesquels il n'a jamais subi la moindre punition, et a toujours été considéré comme le meilleur soldat de toute la troupe; il est marié à la fille d'un officier et les trois quarts de ceux—là sont assurément moins gentlemen que lui. Le monstre, en sa qualité de chef, le fait rosser pour une affaire privée par quatre bas-officiers d'une autre troupe; il le rosse au point qu'il a fallu le saigner et que le dos jusqu'aux os devint un beefstaks. Imaginez-vous que lorsque, au milieu des douleurs, cet homme dit: «Помилуйте, Христа ради!» le chef se mit sur lui à cheval et lui administrait des coups d'éperons. Cette lâche vengeance paraît être combinée d'avance entre le général et un bas-officier des invalides, son âme damnée, son entremetteur et son confident. Si l'Empereur savait ce qui se passe,—mais il ne le saura jamais», etc ¹⁾. Котенъ оканчиваетъ письмо*

¹⁾ Обиженный вагенмейстеръ называется Кубашевъ; онъ прослужилъ 15 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не подвергался ни малѣйшему наказанію и всегда считался лучшимъ солдатомъ во всемъ полку; онъ женатъ на дочери офицера, и три четверти изъ нихъ, конечно, менѣе джентльмены, чѣмъ онъ. Чудовище, въ качествѣ начальника, приказалъ его бить за частное дѣло четыремъ унтеръ-офицерамъ другого полка; онъ его билъ до того, что пришлось пустить ему кровь и что спина превратилась въ биштексъ. Представьте себѣ, что когда

совѣтомъ перевести Богаевского на Аландъ. Но я поступилъ иначе. Князь Меншиковъ былъ въ черноморскихъ портахъ; я ничего не писалъ ему предварительно, поѣхалъ недѣли черезъ три къ Богаевскому, но не засталъ его. На другой день является онъ ко мнѣ гауоппant¹⁾, благодарить меня за честь, ему оказанную, и надѣется заслужить мою дружбу.

— А я, генераль,—сказалъ я ему,—считаю величайшимъ несчастіемъ случай, побудившій меня къ вамъ ѣхать. До князя дошли свѣдѣнія, что вы употребляли на свои работы войска, что вы не платили солдатамъ не только за работы, но и за покупки, сдѣланныя ими для васъ, и что вы жестоко истязали отличнаго унтеръ-офицера за то, что онъ попросилъ у васъ денегъ на уплату за купленный имъ для полировки вашей мебели матеріаль. Князь поручилъ мнѣ предупредить васъ, что по приѣздѣ въ Петербургъ онъ велитъ произвести слѣдствіе, если къ тому времени застанетъ еще васъ на службѣ. Князь будетъ къ октябрю. Честь имѣю кланяться.

Какую онъ сдѣлалъ рожу! Помню однако, что уходилъ отъ меня шатаясь. Тутъ я написалъ и князю о дѣйствіяхъ и Богаевского и моихъ. Въ сентябрѣ онъ подалъ въ отставку и уволенъ.

О винокурени въ Финляндіи я записалъ, кажется, прежде; здѣсь говорится только о свидѣтельствахъ на провозимое вино. Самыя мощныя въ Финляндіи лица, Гартманъ и сенаторъ Рамзай, выкуривая свыше законнаго количества, разсылали незаконно же свое вино по всѣмъ станціямъ и шинкамъ на пути отъ Або до Гельсингфорса, и споили все мѣстное населеніе, но какъ свѣдѣнія, полученныя мною объ этихъ продѣлкахъ, были совершенно частныя, то официально и непосредственно дѣйствовать на нихъ было неудобно. Между тѣмъ баронъ Котенъ жаловался на корчемство эстляндскимъ виномъ.

Я внушалъ ему просить о введеніи провозныхъ свидѣтельствъ, имѣя заднюю мысль обобщить эту мѣру. Она, разумѣется, осталась бы недѣйствительною для Гартмана и Рамзая, пока въ Або оставаться будетъ губернаторомъ ихъ покорнѣйшій слуга А. Кронштедтъ. Я полагалъ спустить его и съ тѣмъ вмѣстѣ учредить сильную премію поимщикамъ, зная, что наши честные, но бѣдные ленсмана не побоятся губернаторскаго гнѣва, когда за честное исполненіе закона пріобрѣтутъ премію, равняющуюся 10-лѣтнему окладу ихъ жалованья. Дѣло это протянулось до Крымской кампа-

во время страданій этотъ человѣкъ сказалъ: «помилуйте, Христа ради!» начальникъ сѣлъ на него верхомъ и шпорилъ его. Это подлое мщеніе, кажется, было рассчитано заранѣе между генераломъ и унтеръ-офицеромъ изъ инвалидовъ, преданнымъ ему тѣломъ и душой, его посредникомъ и наперсникомъ. Если бы императоръ зналъ, что дѣлается, но онъ этого никогда не узнаетъ, и т. д.

¹⁾ Сіающій.

ни, потомъ до кончины государя и наконецъ до моего перемѣщенія къ великой радости лицъ, видѣвшихъ что я подрываю ихъ золотые промыслы.

Письма Котена насчетъ назначенія моего товарищемъ министра статсъ-секретаря особенно щекотятъ мое самолюбіе. Котень, давая себѣ значеніе моего ходатая, можетъ быть, слишкомъ хвастливо, сохраняетъ однако настолько искренности, что передаетъ мнѣ слова графа Армфельта: «Je touchai la question et je vis qu'il pensait comme moi, que votre nomination serait tout ce qu'il y a de plus avantageux et pour lui et pour le pays, que sa confiance dans votre caractère était complète», etc ¹⁾. Въ этомъ же письмѣ отъ 31 августа 1851 г. пишетъ мнѣ баронъ: «Le scrupule ne tient pour rien en votre personne mais à un principe. C'est que vous n'êtes pas finlandais et que la place du ministre que son père et le c-te Rehbindер avaient toujours ménagée pour des finlandais, passerait par suite de l'antécédent à un Бутковъ ou Комовскій, en faveur desquels toute la coterie des femmes se mettrait en émoi... Il faut vous dire,—nota bene que Комовскій, pas le nôtre, mais un autre, s'est présenté pour la place d'adjoint, et, par Adlerberg! J'aime à croire qu'à quelques semaines d'ici vous serez encore libre de tout autre engagement. Armfeldt a absolument besoin d'un aide; dans le pays il n'y a que Nordenstamm, Ch. Kronstedt et moi, qu'on désigne comme candidats, mais aucun n'en serait de grande utilité pour le pays; il n'y a donc que vous, n'en déplaît à M-rs Komofski et consorts qui ont le front d'airain de croire que l'adjoint du ministre n'a pas même besoin de connaître les institutions, l'état et le caractère d'un pays qui diffère en tout des autres parties de l'Empire. C'est ma foi bien singulier qu'Adlerberg ne le conçoit pas. Cette question m'agite beaucoup, car sans vous flatter, vous nous êtes indispensable» ²⁾. Въ письмѣ 26 сентября 1851: «Arm. m'écrit: «Tout ce que j'ai vu, tout ce que j'ai été à même d'apprendre, m'a plus

¹⁾ Я коснулся вопроса и увидѣлъ, что онъ думаетъ такъ же, какъ и я, что ваше назначеніе будетъ самое полезное и для него и для страны, что его довѣріе къ вашему характеру полное и т. д.

²⁾ Сомнѣніе въ принципѣ и не касается вовсе вашей личности. Это то, что вы не финляндецъ, и что мѣсто министра, которое его отецъ и графъ Ребиндеръ всегда берегли для финляндцевъ, можетъ перейти вслѣдствіе примѣра въ прошедшемъ какому-то Буткову или Комовскому, въ пользу которыхъ стала бы хлопотать вся женская партія. Надо вамъ сказать, замѣтьте, что Комовскій, не нашъ, а другой, искалъ мѣста товарища, и черезъ Адлерберга! Я надѣюсь, что еще нѣсколько недѣль вы будете свободны отъ всякаго другого обязательства. Армфельту необходимъ помощникъ; въ странѣ уезываютъ только на трехъ кандидатовъ: Норденштамма, Кронштедта и меня, но ни одинъ не принесетъ большой пользы краю; слѣдовательно, кромѣ васъ, нѣтъ никого, пусть не прогнѣваются г. Комовскій съ братіей, которые безстыдно думаютъ, что товарищъ министра не имѣетъ нужды знать учрежденія, положеніе и характеръ страны,

que jamais fortifié dans la résolution que j'ai prise. Si M-r de F. veut accepter la place en question, je regarde cela comme le seul moyen de conduire la barque à bon port. Son caractère honnête et désintéressé, le désir qu'il a d'obliger son monde dès que la chose est possible, sa connaissance des affaires et du terrain, son extrême capacité et ses bonnes relations avec le prince,—présentent au pays des garanties plus que suffisantes» ¹⁾. Въ письмѣ отъ 16 сентября Котенъ выписываетъ еще нѣсколько словъ изъ письма Армфельта и прибавляетъ свои разсужденія, которыхъ поводъ совершенно забытъ и оцѣнить не могу. «A. m'écrit de sa terre, du 11/23: «plus je pense à notre conversation de Wilmanstrand et plus je sens, que c'est le seul moyen qui est à prendre pour sauver la patrie et faire marcher les choses avec ensemble et unité».—«Vous croyez peut-être, прибавляетъ Котенъ, que nous sommes très pathétiques en mêlant la patrie à cette affaire, mais pour A. et moi qui connaissons les secrets de cette patrie,—il n'y a rien de pathétique» ²⁾. За этимъ письмомъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Котенъ писалъ ко мнѣ каждую почту, частію объ улаженіи его ошибокъ, частію съ рекомендаціями разныхъ лицъ. Пока дѣло шло о мѣстахъ его губерніи, я старался удовлетворять его просьбы, зная, что благосостояніе губерніи зависитъ отъ совмѣстнаго согласнаго дѣйствія властей по всѣмъ отраслямъ, но пріятель мой очень легко увлекался; онъ началъ проводить своихъ кандидатовъ по всей Финляндіи, отъ епископа до ленсмана, и такъ какъ я, разумѣется, не намѣренъ былъ сдѣлаться его стряпчимъ, то теплота нашей взаимной дружбы скоро утратилась. Впрочемъ, онъ не знаетъ и до сихъ поръ, что графъ Армфельтъ первый боялся его властолюбія и опрометчивости, и хотя находился съ нимъ въ самой короткой перепискѣ, очень опасался, чтобы я не слишкомъ много слѣдовалъ его рекомендаціямъ. Въ это же время я вошелъ съ нимъ въ сношеніе объ училищахъ.

которая отличается во всемъ отъ другихъ частей имперіи. Право, это очень странно, что Адлербергъ этого не понимаетъ. Этотъ вопросъ меня очень волнуетъ потому что, не скрывая правды, вы намъ необходимы.

¹⁾ Армфельтъ мнѣ пишетъ: «Все, что я видѣлъ, все, что я былъ въ состояніи узнать, укрѣпило болѣе, чѣмъ когда-либо, принятое мною рѣшеніе. Если г. Ф. согласится принять мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, то я смотрю на это какъ на единственное средство провести дѣло благополучно. Его честный и безкорыстный характеръ, его желаніе оказать всѣмъ услугу, лишь только это возможно, его знаніе дѣла и среды, его чрезвычайныя способности и его хорошія отношенія съ княземъ—представляютъ ручательства болѣе чѣмъ достаточныя

²⁾ А. пишетъ мнѣ изъ своего имѣнія, отъ 11/23: «чѣмъ болѣе я думаю о нашемъ разговорѣ въ Вильманstrandѣ, тѣмъ болѣе чувствую, что это единственное средство, чтобы спасти отечество и чтобы дѣла шли въ согласіи и единствѣ». Вы, можетъ быть, думаете, что мы очень патетичны, что соединяемъ отечество съ этимъ дѣломъ, но для А. и меня, которые знаемъ тайны этого отечества,—нѣтъ ничего патетическаго.

Училища (гимназии и вмѣстѣ съ тѣмъ семинаріи) были въ плохомъ состояніи. Епископы, ихъ прямые и исключительные начальники, болѣе занимались своими аннексами, чѣмъ училищами, но всего болѣе возбудился вопросъ объ училищахъ безтактностью епископа боргоскаго Оттелина. Какой-то юноша нагрубилъ своему наставнику. По жалобѣ послѣдняго Оттелинъ призвалъ обоихъ и приказалъ наставнику объяснить свое неудовольствіе. Послѣ нѣсколькихъ произнесенныхъ имъ словъ, ученикъ прервалъ его, сказавъ: «Это неправда!» Когда наставникъ замѣтилъ ему на это, что онъ не имѣетъ права прерывать рѣчь старшаго, особенно такъ грубо, епископъ съ важностью первосвященника замѣтилъ: «Передо мной всѣ люди равны». Котенъ бросился, съ свойственною запальчивостію, проектировать новый уставъ училищъ, съ подчиненіемъ ихъ исключительно губернаторамъ. Когда онъ сообщилъ мнѣ свою мысль,— я отвѣчалъ ему, что въ такомъ религіозномъ краѣ, какъ Финляндія, нельзя разъединять назиданіе юношества общечеловѣческое и направленіе духовное, что лучшіе наставники финляндскіе принадлежатъ всѣ къ духовному званію, что самое значительное число юношей, кончившихъ курсъ ученія, домогаются званія доктора богословія, что это вѣрнѣйшій признакъ религіознаго настроенія нравовъ, и что разрушать его съ замѣною Богъ знаетъ какимъ направленіемъ было бы опасно. На этомъ основаніи я находилъ, что часть назидательная (классы) должна оставаться неприкосновенною, но часть полицейскую правильно передать въ свѣтскія руки. Начальникомъ этой части я полагалъ назначать офицеровъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ и вышедшихъ въ отставку по болѣзни или по неимѣнію средствъ содержать себя въ Россіи. У меня было въ виду этою мѣрою достигъ трехъ результатовъ: 1) возбудить усердіе духовенства въ виду антагонизма, 2) пристроить служившихъ офицеровъ и 3) усилить число лицъ учебнаго вѣдомства, знающихъ по-русски. Въ письмѣ отъ 7 ноября 1852 Котенъ пишетъ мнѣ: «Après avoir pris une copie de votre mémoire sur l'enseignement public, je m'empresse de vous le restituer en vous exprimant toute ma reconnaissance de l'attention que vous avez prêtée à ce sujet et du service que vous m'avez rendu» ¹⁾. Однако онъ совѣтъ не на томъ настаивалъ, когда сдѣлался начальникомъ духовной экспедиціи. Онъ сочинилъ проектъ, которымъ оставлялъ въ Финляндіи 2 классическія гимназіи во всемъ на прежнемъ основаніи и 3 реальныя на кадетскій ладъ, и такъ разсердился, что проектъ его не одобренъ, что, при нынѣшнемъ уже государѣ, сталъ клеветать на меня. Не понимаю, отчего

¹⁾ Снявъ копію съ вашей записки объ учебной части, а спѣшу вамъ ее возвратитъ съ выраженіемъ моей благодарности за вниманіе, которое вы оказали тому дѣлу, и за услугу, которую вы мнѣ оказали.

я не сохранилъ моихъ записокъ, которыхъ написалъ сотни по разнымъ возникавшимъ вопросамъ. Не только не имѣю той записки, которую написалъ въ 1852 г. для Котена, но и той, которую въ 1855 представилъ государю. Съ 1852 года Котенъ пришелъ въ какое-то лихорадочное состояніе, въ письмахъ его вижу все затронутымъ: и школы, и епископы, и губернаторы не хороши, и лѣсной уставъ не хорошъ, и бобыли слишкомъ размножились,—и все это захотѣлъ онъ передѣлать самъ, всѣхъ смѣнить, всѣхъ учить, взявъ съ чего-то надежду, что я буду дѣлать все, что онъ пожелаетъ, и притомъ дѣлать это до слѣдующей почты. Вопросъ о бобыляхъ мнѣ самому показался важнымъ. По финляндскимъ законамъ, работники должны жить и ѣсть вмѣстѣ съ хозяиномъ, но вмѣсто того расплодился люди, батраки, имѣвшіе собственную кухню. Я списался съ Гартманомъ, и общими силами мы составили «положеніе», цѣлю котораго было постепенное противодѣйствіе размноженію *Enhysler*. Такъ какъ ихъ считалось въ Финляндіи до 20 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ много женатыхъ, то генераль-губернаторъ предписалъ губернаторамъ дѣйствовать по «положенію» какъ можно мягче и терпѣливѣе. Котенъ нашелъ въ этомъ *mauvaise volonté*¹⁾ и увѣрялъ, что у него въ губерніи черезъ полгода не будетъ ни одного бобыля. Въ 1851 г. получаемъ мы вдругъ ужасающее извѣстіе, что одинъ бобыль убилъ топоромъ дѣтей своихъ и, являсь къ ленсману, сказалъ: «Губернаторъ запретилъ давать работникамъ харчевыя деньги и требовалъ, чтобы они ѣли за столомъ хозяина. Хозяинъ мой несогласенъ былъ кормить моихъ ребятишекъ, а я не могу ѣсть, когда дѣти голодны: я ихъ убилъ. Доложите это губернатору». Князь Меншиковъ былъ этимъ извѣстіемъ ужасно взволнованъ. «*Kothen devient impossible, mais comment s' en defaire?*»²⁾ Я совѣтовалъ князю предложить ему мѣсто въ сенатѣ, поручивъ ему духовную экспедицію. Послѣдствія этого были гибельны нашимъ добрымъ отношеніямъ, хотя я не былъ ни въ чемъ здѣсь виноватъ. Радуюсь, что нахожу и теперь подтвержденіе этого въ письмахъ Котена. Въ письмѣ 4 февраля 1853 г. онъ пишетъ: «*Depuis que vous m' avez fait part du changement dont il est question, toutes mes pensées au lieu de se porter sur des objets à venir, sont toutes retrospectives; je voudrais laisser en règle ce qui peut l' être; jusqu' à l'automne j'aurai beaucoup à faire, mais le résultat sera satisfaisant*»³⁾. 2-го марта спрашиваетъ онъ, что значить: съ прежнимъ содержаніемъ, съ тѣмъ ли

¹⁾ Нежеланіе.

²⁾ Котенъ становится невозможнымъ, но какъ отъ него избавиться?

³⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ сообщили о перемѣнѣ, о которой идетъ рѣчь, всѣ мои мысли оглядываются назадъ, вмѣсто того, чтобы обратиться на будущіе предметы; я бы хотѣлъ оставить что возможно въ порядкѣ; до осени у меня будетъ много дѣла, но результатъ будетъ удовлетворительный.

только, какое онъ получаетъ, какъ Выборгскій губернаторъ, или и съ arfvode въ 1700 р., т. е. онъ не удовлетворялся тѣмъ, что вмѣсто пенсіи въ 1500 р. и arfvode 1700 р. ему предлагали 4200 р. Затѣмъ прибавляетъ: «dans tous les cas je serai content de quitter la place de gouverneur; j' y ai perdu ma santé. La réponse cathégorique, que vous me demandez, est donc que je désire de passer au sénat et je m' arrangerai déjà avec ce qu' on voudra me donner» ¹⁾. 4-го марта: «je répète, je me contente de ce qu' on décidera pour ce qui en est de mes émolumens: le principal est pour moi de quitter une charge, où je ne suffis plus» ²⁾. Отъ того же числа: «J' attends avec impatience que mon sort se décide pour trouver encore à Helsingfors quelques chambres à louer» ³⁾. Отъ 6-го марта: «Je suis on ne peut plus sensible à la chaleur que vous mettez à tout arranger dans mon intérêt. Avec mes émolumens actuels j' espère me tirer d' affaire. Toujours je vous serai sincèrement reconnaissant, si je puis avoir, comme vous le dites, une gratification équivalente au montant triennal de mon appointment temporaire» ⁴⁾. Насмѣшливый графъ Маннергеймъ, недовольный, какъ и Гартманъ, страстью Котена во все вмѣшиваться, узнавъ о назначеніи его въ сенатъ, пришелъ къ нему съ видомъ огорченія и вопросомъ: «Qu' avez vous donc fait, cher baron, pour avoir mécontenté le gouverneur-général, qui vous met entre deux chaises?» ⁵⁾ Декорация вдругъ перемѣняется. Между тѣмъ два факта новые усилили волненіе Котена: 1) письмо Гартмана, въ которомъ онъ изъясняетъ предположеніе, что Котень, вѣроятно, устраненъ по случаю убійства бобылемъ дѣтей своихъ, и 2) увѣдомленіе, что цесаревичъ будетъ проѣздомъ черезъ Выборгъ ночевать у губернатора: честь, которая недоступна сенатору. 16 и 28 апрѣля онъ пишетъ мнѣ, что въ Гельсингфорсѣ распустили слухъ, «qu' il avait trop de relations avec la capitale, qui demandaient son internement. Vous ne vous étonnez donc pas si le public envisage mon changement de

¹⁾ Во всякомъ случаѣ я буду доволенъ оставить мѣсто губернатора; я тутъ потерялъ здоровье. Категорическій отвѣтъ, который вы у меня спрашиваете, тотъ, что я желаю перейти въ сенатъ, и устроюсь съ тѣмъ, что мнѣ пожелаютъ дать.

²⁾ Повторяю, я удовольствуюсь тѣмъ, что рѣшатъ насчетъ моего оклада. Главное для меня—оставить должность, гдѣ меня уже не хватаетъ.

³⁾ Жду съ нетерпѣніемъ рѣшенія моей судьбы, чтобы имѣть еще возможность нанять въ Гельсингфорсѣ нѣсколько комнатъ.

⁴⁾ Я какъ нельзя болѣе чувствителенъ къ теплотѣ, съ которою вы стараетесь устроить все въ мою пользу. Съ моимъ настоящимъ окладомъ я надѣюсь выпутаться. Все-таки я вамъ буду искренно благодаренъ, если я могу получить, какъ вы говорите, награду, равносильную трехлѣтней суммѣ моего временнаго жалованья.

⁵⁾ Что вы сдѣлали, дорогой баронъ, чтобы досадить генераль-губернатору, который посадилъ васъ между двухъ стульевъ.

place comme une disgrâce» ¹⁾), и затѣмъ напоминаетъ всю свою прежнюю службу. Очевидно, что ему хотѣлось получить лестный рескриптъ и ленту; я могъ бы, конечно, выпросить это у князя, но, не желая компрометировать его, j' ai fait la sourde oreille ²⁾). Въ другомъ письмѣ онъ повторяетъ, что «son déplacement est une dégradation» ³⁾), и что «de la manière dont cela s' est fait, on ne peut pas s' abuser là-dessus» ⁴⁾). Въ августѣ онъ уже положительно выражаетъ «qu' il y a mille manières de détromper le public sur ses suppositions» ⁵⁾ и доказываетъ, какъ мало онъ получалъ награды, прибавляя: «Vous concevez, mon cher ami, que je ne désire pas une récompense pécuniaire» ⁶⁾). Выраженія хотя ясны, но нескромныя. 27 ноября виденъ уже взрывъ. Котенъ пишетъ: «Vos réflexions sur mon passage ici ne sauraient me satisfaire; elles me prouvent ou bien que vous ne savez pas ce que c' est qu' un membre du sénat, ou bien une tenacité que je ne comprends pas à défendre une cause perdue» ⁷⁾). Непринятіе его проекта объ училищахъ и назначеніе епископомъ его кандидата довершили его неудовольствіе на меня, — и при вступленіи на престолъ Александра II онъ черезъ Ростовцева внушилъ государю, что бумага о финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, которою цесаревичъ годъ предъ тѣмъ обидѣлся, была написана мною и что князь Меншиковъ подписалъ ее, не читавъ.

Имѣлъ ли Котенъ причины на меня жаловаться?

Котенъ былъ поручикомъ Московскаго полка, когда я о немъ услышалъ. Онъ любезничалъ съ прекрасною романтическою m^{lle} Naartman, которая въ него влюбилась. Когда императрица была въ Гельсингфорсѣ, она на балу поражена была прекраснымъ, блѣднымъ миниатюрнымъ личикомъ, поставленнымъ на гибкомъ тѣлѣ высокаго роста. «Отчего она, бѣдненькая, такъ блѣдна и грустна?» спросила императрица. Вѣрнымъ отвѣтомъ было бы: «оттого, что болѣзненна», но дамы предпочли отвѣтъ романтическій: «Она влюблена въ молодого барона Котена, который тоже страстно ее любитъ, но у нихъ нѣтъ состоянія, и потому они не рѣшаются вступить въ брачный союзъ». — «Скажите барону, — ска-

¹⁾ Что у него слишкомъ много связей съ столицею, которыя требовали его поселенія. Поэтому не удивляйтесь, если публика смотритъ на перемѣну моего мѣста какъ на опалу.

²⁾ Притворился, что не слышу.

³⁾ Его перемѣщеніе это разжалованіе.

⁴⁾ Это сдѣлано такимъ образомъ, что обманываться въ этомъ нельзя.

⁵⁾ Есть тысяча способовъ вывести публику изъ заблужденія насчетъ ея предположеній.

⁶⁾ Вы понимаете, мой дорогой другъ, что я не желаю денежной награды.

⁷⁾ Ваши разсужденія о моемъ переходѣ сюда не могутъ меня удовлетворить; они показываютъ, что вы или не знаете, что такое членъ сената, или упорство зачищать проигранное дѣло, которое я не понимаю.

зала императрица:—что любовь не слѣдуетъ приносить въ жертву расчету; пусть женится: Богъ не оставитъ». Котенъ женился. Императрица, узнавъ объ этомъ, приказала объявить Котену, что она готова содѣйствовать исполненію его желаній, если у него есть желанія на сердцѣ. Честолюбивый офицеръ не выдумалъ ничего лучшаго, какъ проситься въ адъютанты къ князю Меншикову. Князь терпѣть не могъ происковъ подобнаго рода; уступивъ просьбѣ императрицы, онъ взялъ Котена въ адъютанты, былъ съ нимъ очень вѣжливъ, бесѣдовалъ съ нимъ, человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, о Финляндіи, но не любилъ его и не отличалъ никакими наградами, которыми, впрочемъ, не пользовался ни одинъ изъ его адъютантовъ, кромѣ Глазенапа, за котораго просилъ дядя его, морской министръ Моллеръ.

Скоро Котенъ сталъ на это жадоваться и такъ неосторожно, что князь называлъ его: *сгіеур*¹⁾). Въ 1840 или 1841 году князь хотѣлъ рѣшительно отъ него избавиться. Онъ предложилъ ему ѣхать въ штабъ войскъ въ Финляндіи учиться военной администраціи.

Котенъ тотчасъ разсудилъ, что его готовятъ въ начальники штаба, и на этомъ основаніи съ радостью принялъ предложеніе, а между тѣмъ князь писалъ начальнику штаба, необразованному и деспотическому полковнику Чепурнову: «держите этого крикуна въ рукахъ!» Такъ исчезъ Котенъ съ петербургской сцены, гдѣ началъ было играть роль. Участъ его была незавидная, но когда открылась вакансія директора канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора, я сталъ рекомендовать Котена на это мѣсто. Такъ какъ князь не зналъ никого лучшаго, то онъ на это согласился, и такимъ образомъ штабсъ-капитанъ вдругъ оказался чиновникомъ 6-го класса.

Въ 1844 г. открылась вакансія выборгскаго губернатора; по моему содѣйствію, мѣсто это дано Котену, что его повысило въ 4-й классъ, т. е. въ 3 или 4 года онъ изъ штабсъ-капитановъ сдѣлался превосходительствомъ.

Вслѣдъ затѣмъ дали ему камергерскій ключъ. Онъ усердно принялся за губернію; жена удерживала его отъ крутыхъ мѣръ, и губернія полюбила его. Тутъ опять заиграло честолюбіе. Несмотря на мой совѣтъ, онъ просилъ переименованія его въ военный чинъ. Его переименовали въ генералъ-майоры, но губернія не имѣла уже того довѣрія къ русскому военному мундиру, какое имѣла къ фраку,—и этотъ мундиръ не давалъ ему того входа ко двору, какимъ онъ пользовался въ камергерскомъ званіи. Жена между тѣмъ умерла; узда свалилась, и ярый баронъ предался всей силѣ своихъ увлеченій, зажаждалъ ленты и власти, и ждалъ

¹⁾ Крикунъ.

исполненія своихъ требованій съ каждою почтою. Quand on attend sa belle, l'attente est bien cruelle! ¹⁾ Подъ вліяніемъ этихъ терзаній, онъ, вообще человѣкъ благородный, рѣшился въ отношеніи ко мнѣ на мерзость, и, какъ кажется, скоро самъ устыдился ея, потому что мнѣ стоило показаться въ тотъ домъ, гдѣ онъ былъ, чтобы заставить его бѣжать въ ту же минуту. Я понималъ его моральное состояніе, мнѣ стало жаль его, да и надоѣли эти натянутыя отношенія. Увидѣвъ однажды, какъ дочь его, фрейлина великой княгини Елены Павловны, выходила съ парохода на Англійскую набережную, гдѣ ждалъ ее отецъ, я подошелъ къ нему и сказалъ ему: «Baron! comme je n'avais aucune histoire avec m-lle que j'ai portée sur mes bras autrefois, veuillez lui dire que c'est son commissionnaire pour les chaussures, qui a l'honneur de la saluer». ²⁾ Котенъ сконфуженно пробормоталъ: «C'est m-r Fischer» ³⁾. Послѣ небольшого дружескаго разговора съ нею, я обратился къ Котену: l'ami de la fille ne saurait être l'ennemi du père ⁴⁾, и протянулъ ему руку. Котенъ чуть не переломалъ мнѣ пальцы, и чуть не расплакался. Съ тѣхъ поръ мы опять друзья. Повторяю, онъ все-таки очень и очень хорошій человѣкъ.

Письма графа Армфельта другого рода. Мои къ нему отношенія установились гораздо ранѣе, чѣмъ его назначеніе министромъ статсъ-секретаремъ. Если не ошибаюсь, онъ поступилъ въ статсъ-секретаріатъ безъ штатнаго званія, въ чинѣ штабсъ-капитана; и званіе товарища было учреждено для него. Князь Меншиковъ его жаловалъ, какъ красиваго, ловкаго, просвѣщеннаго, честнаго, добраго и великосвѣтскаго человѣка и какъ сына того знаменитаго графа Армфельта, который былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ домомъ князя Меншикова, и которому онъ, въ молодости своей, удивлялся, какъ сѣверному Алкивиаду. Графъ Ребиндеръ поручалъ ему обыкновенно переговоры со мною. Когда Ребиндеръ померъ, графъ Армфельтъ и еще болѣе графиня, первая жена его, опасались, что на мѣсто Ребиндера назначенъ будетъ Гартманъ, добивавшійся этого мѣста. Онъ, вѣроятно, скоро сломалъ бы себѣ шею, если бы добился. Графиня тайкомъ отъ мужа просила меня пріѣхать къ ней въ назначенный часъ и взяла съ меня слово, что я дамъ ей знать о намѣреніи назначить Гартмана, чтобы мужъ ея могъ подать въ отставку прежде, чѣмъ состоится обидное ему назначеніе. Дѣло принимало оборотъ сомнительный. Князь Меншиковъ жаловалъ Армфельта, но Гартманъ былъ настойчивъ и смѣлъ, Арм-

¹⁾ Когда ждешь свою красавицу, ожиданіе тяжело.

²⁾ Баронъ, такъ какъ у меня никакой исторіи съ барышней, которую я когда-то носилъ на рукахъ, не было, то прошу васъ сказать ей, что это ея коммисіонеръ по части обуви, который имѣетъ честь раскланяться съ нею.

³⁾ Это г-нъ Фишеръ.

⁴⁾ Другъ дочери не можетъ быть врагомъ отца.

фельтъ скромнѣ и совѣстливѣ. У людей, какъ князь Меншиковъ, первый приобретае 9 шансовъ изъ 10 передъ послѣднимъ. Князь Меншиковъ, какъ и всѣ вельможи наши тогдашняго времени, опасались болѣе всего *casser les vitres*¹⁾. Этимъ-то я и воспользовался. Былъ май мѣсяцъ. Государь уѣзжалъ куда-то. Я совѣтовалъ Армфельту переѣхать въ квартиру министра подъ предлогомъ, что у него передѣлывается квартира,—что, впрочемъ, такъ и было. Армфельтъ не посмѣлъ этого сдѣлать. Тогда я самъ предупредилъ о томъ князя и увѣдомилъ графа, что князь Меншиковъ не видитъ къ тому препятствія и доложить при случаѣ государю. Армфельтъ перебрался; это имѣло двойное дѣйствіе: во-1-хъ, Гартманъ видѣлъ въ этомъ признакъ, что выборъ уже сдѣланъ, и пересталъ работать за себя, во-2-хъ, назначеніе Армфельта становилось нужнымъ, чтобы не выгонять его изъ квартиры.

Очень жалѣю, что сохранившіяся у меня письма его, можетъ быть $\frac{1}{10}$ часть, въ безпорядкѣ, т. е. безъ всякой хронологіи. Я не могу и возстановить ее, оттого что по большей части они обозначены только днями, а у меня не было привычки, какъ у князя Меншикова, выставлять на каждой бумагѣ число, мѣсяцъ и годъ ея полученія.

Въ одномъ письмѣ онъ благодарить меня за участіе къ его брату (ген.-ад. графу Армфельту, нюландскому губернатору), который былъ очень долгое время не производимъ въ генералъ-лейтенанты; это должно относиться къ 1848 или 1849 году, потому что въ этомъ письмѣ проглядываетъ досада на то, что и самъ министръ долго не производился, вѣроятно, въ тайные совѣтники. Оно такъ рѣзко отличается отъ тона подобныхъ писемъ барона Котена, что я выписываю изъ него почти все изъ удовольствія выписать. «*Permettez moi de vous exprimer toute ma vive et sincère reconnaissance pour la nouvelle marque d'amitié que vous venez de nous témoigner en parlant au prince M. en faveur de mon pauvre frère. Tout ce que je pourrai vous dire ici à ce sujet vous paraîtrait peut être déplacé, mais croyez moi, jamais je n'oublierai les bontés que vous avez eues à tant d'occasions différentes pour moi et les miens, et lorsqu'un jour j'habiterai la cara patria retiré du service, éloigné du monde et des affaires, j'en conserverai éternellement le souvenir. Mon frère est le premier finlandais qui est entré au service de Russie lors de la conquête de la Finlande. Tous ses anciens camarades qui comme lui étaient aide de camp de l'Empereur Alexandre, lors de la mort de ce souverain sont déjà lieutenants généraux ou conseillers privés. Plus d'un général major moins ancien que mon frère, lui ont passé par le corps—de ce nombre le gén. Etter. Or, de tous les sentiments que nous fait éprouver notre*

¹⁾ Рубить съ плеча.

amour propre, le plus pénible, le plus douloureux, je pourrai même dire, le plus humiliant est celui de se voir dépassé. J'en parle par expérience, car cela m'est arrivé plus d'une fois dans ma vie, encore tout dernièrement, tant en Finlande, qu'ici. Mais j'ai toujours cherché à me consoler en me disant que les choses ne sauraient être autrement et que ces personnes avaient plus de mérite que moi. Vous m'avouerez cependant que c'est une triste consolation»¹⁾.

Въ другомъ письмѣ онъ препровождаетъ ко мнѣ проектъ положенія о пенсіонахъ духовенству, прося меня его передѣлать, увѣдомляетъ, когда государь его приметъ.

Потомъ письмо, гдѣ онъ описываетъ или объясняетъ содержаніе письма, присланнаго ему графомъ Закревскимъ. Замѣчательное. Должно быть, 1841 или 1842 г., потому что въ припискѣ увѣдомляетъ о намѣреніи графини Ребиндеръ прислать мнѣ портретъ ея мужа.

Затѣмъ нѣсколько писемъ о Лапландіи, о наградѣ разныхъ лицъ и одно съ препровожденіемъ портрета графа Ребиндера отъ имени графини. Затѣмъ опять письма съ просьбами о передѣлкѣ бумагъ сената и одно съ препровожденіемъ бумагъ съ замѣтками государя. «Veuillez,—пишетъ мнѣ графъ,—avoir la complaisance de me donner vos remarques et vos observations ainsi que l'avis du prince sur la manière dont il faudra répondre aux questions de l'Empereur»²⁾.

Потомъ онъ посылаетъ мнѣ проектъ положенія о гербовой бумагѣ и о рабочихъ и письма его къ барону Меллину, прося моихъ замѣчаній, заключая одно изъ писемъ: «Pardonnez moi de grâce

¹⁾ Позвольте мнѣ выразить вамъ мою горячую и искреннюю благодарность за новый знакъ дружбы, который вы намъ оказали, поговоривъ съ княземъ М. въ пользу моего бѣднаго брата. Все, что я могу здѣсь сказать по этому поводу, можетъ вамъ показаться неумѣстнымъ, но повѣрьте мнѣ, я никогда не забуду одолженій, которыя вы во многихъ случаяхъ оказывали мнѣ и моимъ, и когда я поселюсь въ сага patria (дорогое отечество), оставивъ службу, вдали отъ свѣта и дѣлъ, я вѣчно сохраню объ этомъ память. Мой братъ былъ первый финляндецъ, который поступилъ на службу Россіи во время покоренія Финляндіи. Всѣ его прежніе товарищи, которые такъ же, какъ и онъ, были флигель-адъютантами императора Александра, послѣ смерти этого государя уже генераль-лейтенанты или тайные совѣтники. Не одинъ генераль-майоръ, моложе моего брата, перешагнулъ черезъ него, въ томъ числѣ генераль-Эттеръ. А изъ всѣхъ чувствъ, которыя заставляютъ насъ испытывать наше самолюбіе, самое тяжелое, самое мучительное, я могу даже сказать, самое унижительное, это видѣть себя превзойденными. Я говорю объ этомъ по опыту, потому что въ моей жизни это случилось не разъ, и даже недавно, какъ въ Финляндіи, такъ и здѣсь. Но я всегда старался себя утѣшить, говоря себѣ, что иначе не могло быть и что тѣ личности имѣютъ болѣе заслугъ, чѣмъ я. Вы согласитесь, однако, со мною, что это плохое утѣшеніе.

²⁾ Будьте любезны сообщить мнѣ ваши замѣчанія, а также мнѣніе князя о томъ, какъ надо отвѣтить на вопросы императора.

tout l'embarras que je vous donne et ne vous laissez pas, je vous en supplie, de mon importunité continuelle»¹⁾.

Въ одномъ изъ писемъ встрѣчаю: «Lorsque vous avez eu la complaisance de me faire part de vos idées concernant les statuts de l'université, je me suis empressé d'en parler au pr. Menchikoff»²⁾. — Что я говорилъ объ этомъ и какое принималъ участіе, не помню. — Это письмо, должно быть, 1853 или 1854 г., потому что въ post-scriptum графъ сообщаетъ мнѣ, что онъ доложить наслѣднику о желаніи моемъ ему представиться.

Всѣхъ писемъ не перебрать; останавливаюсь на двухъ: одномъ, гдѣ графъ является сильно оскорбленнымъ мною. Я помню этотъ случай. Лангельшельдъ перевралъ съ намѣреніемъ слова мои, интригуя противъ меня въ угоду своихъ соотечественниковъ. Тоже моя креатура: губернскаго переводчика, получавшаго 140 р., я перевелъ въ статсъ-секретариатъ 2-мъ секретаремъ на 1800 р.; черезъ годъ повысилъ въ 1-е секретари съ 3000 р., и тутъ онъ сталъ интриговать. Я не послѣдовалъ однако правиламъ Lagochefoucault; въ 1854 г. рекомендовалъ его въ губернаторы, а въ 1855 г. Бергу какъ способнѣйшаго. Бергъ сдѣлалъ его начальникомъ финансо-вой экспедиціи и барономъ, но этотъ баронъ умеръ отъ удара и тѣмъ кончились плоды его интригъ. Въ другомъ—отраженіе моихъ свѣдѣній объ интригѣ Котена. Армфельтъ пишетъ мнѣ: «Je viens de chez le général Berg qui a approuvé l'idée émise dans votre lettre (объ училищномъ комитетѣ), mais qui est au désespoir de ce que vous n'avez pas voulu être son mentor (вѣроятно, помощникомъ генералъ-губернаторъ). Il a dit ce matin au Grand Duc Héritier qu'il tenait à vous avoir. S. A. Impériale lui a longuement parlé de Kothen en le recommandant fortement, ce qui fait que le général m'a prié de ne pas trop tarder à demander la sanction de l'Empereur en faveur de la combinaison Nordenheim», etc.»³⁾ Впрочемъ, эта комбинація не состоялась: помощника у Берга не было.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

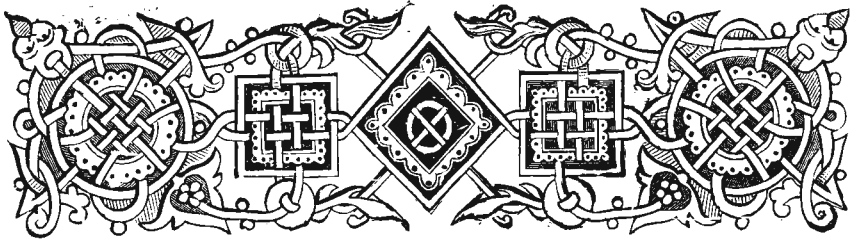
¹⁾ Простите меня, пожалуйста, за всѣ хлопоты, которыя я вамъ причиняю, и не утомляйтесь, я васъ объ этомъ умоляю, моею непрерывною надоедливостью

²⁾ Когда вы были такъ любезны сообщить мнѣ ваши мысли касательно уставовъ университета, я поспѣшилъ поговорить объ этомъ съ княземъ Меншиковымъ.

³⁾ Я пріѣхалъ отъ генерала Берга, который одобрилъ мысль, выраженную въ вашемъ письмѣ, но который въ отчаяніи, что вы не захотѣли быть его наставникомъ. Онъ сказалъ сегодня утромъ великому князю наслѣднику, что онъ желаетъ васъ имѣть. Его императорское высочество долго говорилъ ему о Котенѣ, рекомендуя его настойчиво, вслѣдствіе чего генералъ просилъ меня не слишкомъ медлить испросить у императора согласіе въ пользу комбинаціи Норденгейма. и проч.

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ ВАСЮКОВЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПАЛКОЙ ¹⁾.

(Очеркъ).

VII.

ТО БЫЛО еще во время откуповъ. Первымъ нашимъ откупщикомъ былъ купецъ-богатѣй Иванъ Саввичъ Халтуринъ, человекъ солидный, но старозавѣтный: Бога боялся и начальство чтить по положенію. Откупъ нашъ былъ богатый, а слѣдовательно и «откупные дары» были немалые. Все начальство получало «по установленію», судя по чинамъ, а главное, по положенію и значенію въ откупномъ дѣлѣ.

Казалось бы, Бардадымъ никакого касательства къ откупу имѣть не могъ, а между тѣмъ почему-то онъ получалъ «даръ». Неизмѣнно къ каждому новому году управляющій откупомъ являлся къ генералу Пращурову, поздравлялъ его превосходительство съ праздникомъ и вручалъ объемистый пакетъ «со вложеніемъ» по положенію. Бардадымъ принималъ сіе, какъ должное, и даже слегка всегда обижался, отчего ему даютъ столько же, сколько губернатору, а не больше.

— Но вѣдь тогда губернаторъ обидится!— разсуждалъ про себя откупщикъ.

И годъ отъ году увеличивалъ «даръ» и Бардадыму, и губернатору.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХІV, стр. 74.
«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1898 г., т. СХІV.

Принявъ «даръ», Бардадымъ «покровительствовалъ» откупщику. Но такъ какъ все его покровительство сводилось къ одному «невмѣшательству» въ откупныя безобразія, то онъ благодарно и смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день старый откупщикъ, обкушавшись пирога съ севрюгой, испустилъ духъ, и мѣсто его занялъ единственный сынъ, Андрей Ивановичъ Халтуринъ.

Молодого Халтурина, то-есть не очень ужъ молодого, потому что ему уже къ тому времени перевалило за тридцать, у насъ въ городѣ почти никто не зналъ, ибо послѣднія десять лѣтъ онъ неизмѣнно проживалъ за границей, то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ. Рассказывали только про него, что онъ человѣкъ образованный, современный и даже прогрессивный. Мало того—еще дворянинъ, хотя и «по Владимиру», то-есть, другими словами, ему за какое-то крупное пожертвованіе былъ пожалованъ орденъ святого равноапостольнаго князя Владимира, а вмѣстѣ съ симъ и дворянское въ потомство достоинство. Былъ вдовъ—женился рано и рано же овдовѣлъ—и бездѣтенъ.

Къ похоронамъ отца Халтуринъ-сынъ опоздалъ,—былъ гдѣ-то очень далеко, чуть ли не на островѣ Мадерѣ,—и пріѣхалъ къ намъ въ Потрясимовъ, когда его родителя уже съ подобающими почестями погребли. А потому, пріѣхавъ къ намъ и отслуживъ на могилѣ панихиду, онъ сразу предался «свѣтскому образу жизни».

Прогрессивность нисколько не помѣшала ему продолжать тятенькино дѣло, и откупныя безобразія вполне уживались съ передовымъ образомъ мыслей. Впрочемъ, прежде всего онъ сѣздалъ въ Петербургъ и тамъ сначала представился не безъ «даровъ», конечно, подлежащему начальству, заручился его милостями, а засимъ не преминулъ повертѣться и въ нѣсколькихъ прогрессивныхъ кружкахъ Петербурга. Тутъ онъ, какъ человѣкъ европейскій, держалъ себя тоже съ большимъ тактомъ: говорилъ о безобразіяхъ откупа, о, вѣроятно, скоромъ его паденіи, которое пріѣтствовалъ восторженно; купилъ на изданіе какихъ-то двѣ-три книги самаго передового направленія, субсидировалъ, и довольно щедро, одинъ угасавшій толстый журналъ... Въ концѣ концовъ выхлопоталъ разрѣшеніе на изданіе газеты въ городѣ Потрясимовѣ.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ Петербургомъ, онъ возвратился къ намъ и сразу повелъ самый широкій образъ жизни. Во-первыхъ, заново и роскошно отдѣлалъ свой большой домъ-особнякъ, обратилъ милостивое вниманіе на нашъ драматическій театръ, широкою рукою поддерживавъ антрепренера; сдѣлалъ нѣсколько вкладовъ и пожертвованій на нужды просвѣщенія, за что немедленно же былъ выбранъ почетнымъ членомъ нашего просвѣтительно-образовательнаго кружка; свелъ знакомство съ интеллигенціей нашего города, ютившейся подъ сѣнью потрясимовскаго универси-

тета; сумѣлъ сдѣлаться пріятнымъ нашему родовитому дворянству,—о начальствѣ и говорить нечего: то онъ прямо очаровалъ.

И, устроивъ все это какъ-то необычайно скоро и ловко, распахнулъ двери своего «палаццо» и зажилъ жизнью «магната изъ купцовъ», какъ прозвали у насъ его.

Откупными дѣлами онъ почти не занимался, во всемъ довѣрившись своему старому управляющему. Только обратилъ вниманіе и тщательно разсмотрѣлъ роспись о «дарахъ, начальству приносимыхъ». Нигдѣ ничего не сократилъ, кое-кому даже прибавилъ—губернатору, напимѣръ,—но противъ фамилии генерала Онуфрія Галактіоновича Пращурова поставилъ большой вопросительный знакъ.

— Такъ ужъ у насъ издавна заведено, самимъ покойнымъ тятенькой вашимъ установлено, чтобъ имъ даръ приносить!—давалъ объясненіе управляющій.

— Да за что?—удивлялся Халтуринъ.

— Кляузникъ онъ очень большой. Можетъ много непріятностей надѣлать.

Халтуринъ подумалъ-подумалъ, почесалъ переносье и постановилъ:

— Оставить попрежнему, безъ измѣненія.

Но управляющій этимъ не удовольствовался.

— Вотъ вы изволили господину начальнику губерніи прибавку сдѣлать, такъ какъ бы они этимъ не обидѣлись!

— Кто? Губернаторъ, что ли?—удивился Халтуринъ.

— Нѣтъ-съ, конечно, не губернаторъ, а генералъ Пращуровъ, такъ какъ они привыкли всегда наравнѣ получать съ губернаторомъ, а вы теперь тому предпочтеніе сдѣлали. Такъ вотъ я и говорю, что генералъ Пращуровъ обидѣться могутъ.

— Вотъ это мило! Человѣку ни за что, ни про что деньги платять, а онъ еще будетъ обижаться, что мало! Вздоръ! Никакихъ прибавокъ я ему дѣлать не намѣренъ, а если обидится, такъ и чортъ съ нимъ,—отрѣзалъ молодой откупщикъ и не сталъ даже объ этомъ разговаривать.

Но управляющій оказался правъ. Узнавъ о предпочтеніи, оказанномъ губернатору, Бардадымъ вскипѣлъ. Ему и вообще жизнь и дѣятельность молодого откупщика сразу уже пришлась не по нутру: и визитъ тотъ ему сдѣлалъ какъ-то непочтительно—заѣхалъ въ такой часъ, когда его навѣрное не бываетъ дома, сунулъ свою визитную карточку и баста.

«А, во-вторыхъ, собираетъ вокругъ себя разныхъ «профессоришекъ» да «учителишекъ», обѣдами ихъ кормитъ! Какія-то школы открывать затѣялъ! Театру покровительствуетъ! Газету свою издавать собираетъ! Однимъ словомъ, крамола»,—распаляя все болѣе и болѣе свой гнѣвъ, перечислялъ Бардадымъ.

И въ концѣ концовъ рѣшилъ даунуть на откупщика «па-а-своему».

Прежде всего вызвалъ къ себѣ полицеймейстера полковника Баць-Помордацкаго.

— Вы тутъ что смотрите? У васъ въ городѣ крамола!—заоралъ онъ на него.

Бравый полковникъ только глазами заморгаль.

— Пожалуйте, ваше-ство, гдѣ? какая-съ крамола? — залепеталь онъ.

— Хорошъ полицеймейстеръ! Онъ даже и не знаетъ! А что у васъ новый откупчишка дѣлаеть? Вы этого не знаете?

— Не могу знать-съ!

— «Не могу знать-съ?!» Такъ вотъ вамъ мое приказаніе: слѣдить за нимъ во всѣ глаза, прижимать гдѣ только можно, и обо всемъ доносить мнѣ. Слышали?

— Слушаю, ваше-ство!

— А теперь, можете итти.

Понуря голову и тяжело вздыхая, вышелъ изъ генеральскаго кабинета полицеймейстеръ Баць-Помордацкій. Тяжелую задачу задалъ ему Бардадымъ: онъ его прямо-таки толкалъ на открытый разрывъ съ виннымъ откупомъ, а всеильный винный откупъ былъ для полиціи того времени настоящей Калифорніей. Они не только жили и питались отъ него, но зачастую и держались имъ: не угодишь откупщику—тотъ двѣ-три строчки въ Петербургъ—и «гдѣ ты, полицеймейстеръ?!»—чина и званія не пощадятъ! Преннихъ заслугъ во вниманіе не примутъ. Это съ одной стороны; а съ другой—самъ жестокой и неумолимый Бардадымъ. Этотъ, вѣдь, и подъ третій пунктъ подвести можетъ! Не пожалѣетъ! Заживо въ гробъ запишетъ! Какъ же тутъ быть?

«Что жъ, одно остается — политиковать!» рѣшилъ полицеймейстеръ, по натурѣ своей имѣвшій большую склонность собственно не къ политикѣ, а именно къ «политиканству».

И поѣхалъ за дальнѣйшими совѣтами къ другу своему, куму и свояку, правителю губернаторской канцеляріи.

— Н-да, да!—сказалъ тотъ.—Онъ и у «нашего»,—такъ они называли губернатора, князя Тарабаева,—по этому поводу былъ. И тоже холода немалого нагналъ.

— Ну, и что же князь?

— Да что же князь! Призвалъ меня, самъ сидитъ, чуть не плачетъ! «Какъ, говоритъ, тутъ быть, Иванъ Θεоктистовичъ?»—Да, что жъ-говорю, ваше сіятельство, безъ политики, говорю, тутъ не обойдешься. Съ одной стороны—ссориться съ откупомъ... Князь только ручками замахаль.—«Что вы! Что вы,—говоритъ,—какъ можно съ откупомъ ссориться?»—А съ другой стороны, не угодить его превосходительству... Князь опять ручками машеть:

«Нѣтъ, нѣтъ! — говорить. — Его превосходительству непременно угодить надо! Потому что у него въ Петербургѣ рука, да и не одна еще!»

— Ну, такъ что же намъ дѣлать?—спросилъ полковникъ Баць-Помордацкій своего кума и совѣтчика.

— А что жъ? Будемъ политиковать!—отвѣтилъ тотъ, понюхавъ табаку.

И началась у насъ въ городѣ полоса «политиканства».

«Паны дерутся, а у хлоповъ чубы трещатъ». Такъ, конечно, было и тутъ. Главные виновники омраченія политическаго потрясимоваго небосклона, можетъ быть, и не подозрѣвали, какіе щелчки, рикошетомъ отскакивая отъ нихъ, перепадали на долю разныхъ мелкихъ сошекъ. И каждый по-своему относился къ этому дѣлу.

Откупщикъ Халтуринъ совершенно искренно не зналъ, что вокругъ дѣлается. Говорили ему, что очень ужъ противъ него генераль Пращуровъ лютуетъ, а онъ только улыбался да отдѣлывался своимъ любимымъ:

— Ну, и чортъ съ нимъ! Пусть лютуетъ!

А если ему докладывали, что на откупѣ здѣсь или тамъ какія-нибудь прижимки, онъ призывалъ управляющаго и приказывалъ ему «смазать начальство.»

— Прижимка-то и обмякнетъ,—говорилъ онъ.

— Тутъ не безъ политики, Андрей Ивановичъ,—дѣлалъ свое предположеніе управляющій.

— Какая тамъ, чортъ, политика! Вотъ она политика-то гдѣ!

И, весело смѣясь, Халтуринъ указывалъ на большой несгораемый денежный шкапъ, стоявшій у него въ кабинетѣ.

Генераль Пращуровъ относился ко всему этому совершенно иначе. Онъ былъ недоволенъ и все болѣе раздражался.

Когда ему докладывали о какой-нибудь «прижимкѣ», сдѣланной по откупѣ, онъ изъ себя выходилъ.

— Ну, какая это прижимка? Это просто бабѣ щекотанье. Голову ему сломать надо! Голову!—рычалъ Бардадымъ.

Онъ ѣздилъ даже говорить по этому дѣлу и къ архіерею.

— Да я тутъ что же могу?—уклончиво отвѣчалъ владыка, соображая, сколь вообще полезенъ откупъ своими «щедротами» и для монастырей, и для храмовъ Божіихъ, да и для духовенства самого.

— Какъ что можете? Да вѣдь этотъ самый Андрюшка Халтуринъ—вдовъ?

— Ну, вдовъ.

— Молодъ?

— Не старъ.

— Естество въ немъ есть?

— Кто жъ безъ естества.

— Стало быть, и грѣхъ водится.

— Единъ Богъ безъ грѣха,—соглашался владыка.

— Вотъ тутъ-то и прослѣдить! Накрыть да о блудномъ житіи и поднять дѣло!

Архіерей только руками разводилъ.

— Кто же за сіе позорное порученіе возьметъся?

Тутъ уже разводилъ руками и Бардадымъ.

— Какъ кто? Да мало ли при каждой консисторіи готовыхъ жесвидѣтелей для бракоразводныхъ дѣлъ имѣется?

Припертый къ стѣнѣ владыка дѣлалъ видъ невиннаго агнца.

— Не слыхалъ я объ этомъ, ваше-ство, ничего подобнаго не слыхалъ! Сколько лѣтъ живу и уже сколько лѣтъ священствую, а какихъ-то бракоразводныхъ жесвидѣтелей при консисторіи первый разъ слышать доводится!

Бардадымъ багровѣлъ отъ злости, сухо прощался съ архіереемъ и уѣзжалъ, повторяя свое:

— Ну, хорошо же! Ну, хорошо, увидимъ!

Онъ писалъ въ Петербургъ всесильному графу Борису Андреевичу. И что же получилъ въ отвѣтъ?

«Оставьте винный откупъ въ покоѣ. Онъ нуженъ».

Тогда Бардадымъ сталъ составлять докладную записку на самый верхъ.

Такъ какъ ни «высокимъ штилемъ», ни вообще умѣніемъ складно выразить свою мысль на бумагѣ Бардадымъ не обладалъ, то къ дѣлу сему былъ призванъ, въ видѣ юрисконсульта, нѣкій отставной судейскій Фарафонтьевъ, обладавшій необыкновенно легкимъ перомъ и совершенно свободною совѣстью.

— Миѣ,—говорилъ Фарафонтьевъ про себя,—совершенно все равно доказывать, что сѣжа бѣлая, а снѣгъ черенъ, или наоборотъ.

И вотъ этому Фарафонтьеву, давшему клятвенное обѣщаніе держать все сіе дѣло до поры до времени въ тайнѣ, было поручено составить пространную «меморію» о вредѣ для государственной экономіи откупной системы продажи питій.

Заручившись «задаточкомъ», по нынѣшней литераторской номенклатурѣ—авансомъ, Фарафонтьевъ въ какую-нибудь недѣлю составилъ меморію, очень бойко и даже талантливо написанную, и представилъ ее на разсмотрѣніе генералу.

Тотъ, вооружась очками, принялся разсматривать и разсматривалъ врядъ ли не дольше, чѣмъ Фарафонтьевъ ее составлялъ. И въ концѣ концовъ, измѣнивъ только нѣсколько, по миѣнію генерала, легкомысленныхъ выраженій, одобрилъ и уплатилъ Фарафонтьеву условленный гонорарій. Оставалось только меморію переписать и отправить по назначенію.

И вотъ, когда было приступлено къ перепискѣ, генералу Пращурову былъ доставленъ какъ-то первый номеръ только что вы-

педшей новой газеты «Потрясимовскій Вѣстникъ» съ особо синимъ карандашомъ отмѣченной большой передовой статьей, подъ названіемъ: «Не пора ли порѣшнить?»

Бардадымъ, заранѣе уже знавшій, что редакторомъ и издателемъ этой газеты является не кто иной, какъ ненавистный ему откупщикъ Халтуринъ, съ жадностью набросился на свѣжій, еще мокренькій газетный листъ, въ чаяніи отыскать въ немъ немалый матеріалъ для доноса.

Очень естественно, что чтеніе онъ началъ съ отчеркнутой синимъ карандашомъ статьи: «Не пора ли порѣшнить?» Каково же было его изумленіе, когда статья эта оказалась не чѣмъ инымъ, какъ его же меморіей, составленной Фарафонтьевымъ о вредѣ откупа.

— Что же это такое?—недоумѣвалъ Бардадымъ.—Что же это такое? Ну, что Фарафонтьевъ мерзавецъ и я его заживо сгною,—это ясно. Но какъ тотъ-то?! Тотъ-то, Андрюшка Халтуринъ?! Самъ на себя руку подымаетъ! Это чѣмъ же объяснить?

А объяснялось это весьма просто: откупщику Андрею Ивановичу Халтурину было уже заранѣе и досконально извѣстно, что дни откупа—сочтены. И онъ, принявъ всѣ надлежащія мѣры, чтобы не быть этой реформой застигнутымъ врасплохъ и въ то же время желая продебютировать со своей газеткой въ наипрогрессивнѣйшемъ направленіи, заказалъ судейскому Фарафонтьеву статью о вредѣ откупа и его безобразіи.

«Вотъ, дескать, мы каковы! За правду сами на себя руку поднять готовы!»

И дѣйствительно, статейка эта въ Петербургѣ угодила «и тѣмъ», и «этимъ»; съ одной стороны—поддержка правительства въ его намѣреніяхъ; а съ другой—обличеніе врага народнаго, злого змія, откупа виннаго.

Но генералъ Пращуровъ событіемъ симъ потрясенъ былъ до глубины души. Что же дѣлать съ этимъ зазнавшимся откупчишкой?

А откупчишка, что ни день, то чѣмъ-нибудь и подразнить свирѣпаго Бардадыма.

А тутъ какъ разъ подоспѣлъ особый скандалъ: наступили рождественскіе праздники, начались балы въ дворянскомъ собраніи.

На одинъ изъ нихъ, наиболѣе торжественный, соблаговолилъ пожаловать и самъ генералъ Пращуровъ. Приѣхалъ туда и молодой откупщикъ. Ужъ не помню, при какихъ обстоятельствахъ, но между ними произошла «встрѣча». Привыкшій къ раболѣпному поклоненію, Бардадымъ былъ крайне скандализованъ той небрежной фамиллярностью, съ которой поздоровался съ нимъ Андрей Ивановичъ Халтуринъ.

— А, генералъ, и вы тутъ?—улыбаясь и кивая головой, привѣтствовалъ его откупщикъ.

Бардадымъ побагровѣлъ, да и присутствовавшіе при этой встрѣчѣ испугались столь фамиллярнаго тона.

— Я вамъ, сударь мой, не генералъ!—заревѣлъ Бардадымъ, стуча палкой.

— Не генералъ? Кто же вы такой, въ такомъ случаѣ?—дѣлая наивно-удивленное лицо, спросилъ откупщикъ.

— Я вамъ—ваше превосходительство.

— Почему мнѣ ваше превосходительство? Я не понимаю!—наивничалъ Халтуринъ.

— Не понимаешь?! Такъ я тебѣ растолкую!

— Вотъ какъ? Уже на «ты»? Но мы, кажется, съ тобой еще брудершафта не пили!

«Съ тобой»!!!—это было уже выше всякой мѣры!—«Съ тобой»—это генералу-то Пращурову!!! Это грозному-то Бардадыму! У свидѣтелей этой сцены, что называется, поджилки затряслись.

А Бардадымъ? Что было съ Бардадымомъ? Вытянувшись во весь свой длинный ростъ и поднявъ еще кверху правую руку, качаясь изъ стороны въ сторону, брызгая дѣнной, хрипя и шипя, забормоталъ онъ какія-то несвязныя рѣчи:

— Я!.. Мнѣ!.. Ты!.. Онъ!.. Я!.. Генералъ моего государя!.. Мнѣ!.. Хамъ!.. Крамола!.. Основы!.. Вѣянія!.. Милютинъ!.. Съ лица земли!.. Искоренить!.. Убрать!..

И все это завершилось однимъ громоподобнымъ выкрикомъ:

— Вонъ!!.

Дамы начали падать въ обморокъ; блѣдныя, какъ полотно, мужчины жались къ стѣнамъ, словно желая втиснуться въ нихъ: губернаторъ, князь Тарабаевъ, хотѣлъ было замахать руками, но ручки его замерли въ воздухѣ, какъ у летящаго купидона; всегда лихо закрученные усы полковника Баць-Помордацкаго испуганно опустились внизъ, словно желая спрятаться за воротникъ мундира; музыка перестала играть, только одна зазѣвавшаяся флейта испуганно свистнула еще разъ, какъ бы говоря этимъ: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!»

А откупщикъ Халтуринъ, высокій, плотный, нагло смотрѣлъ на расходившагося генерала и, казалось, очень весело улыбался, какъ бы говоря глазами:

— Ну, братъ, тебѣ эта шутка обойдется въ копеечку!

— Вонъ!..—крикнулъ еще разъ Бардадымъ.

И откупщикъ, вѣжливо посторонившись и сдѣлавъ какой-то жестъ по направленію къ двери, громко проговорилъ:

— Ничего не имѣю противъ того, чтобъ вы удалились отсюда, вашей превосходительство!

Это было уже слишкомъ! Генералъ Пращуровъ такъ раскачался, что многіе бросились и подхватили его подъ руки, посадили въ кресло и стали отпаивать водой.

Черезъ пять минутъ онъ уѣхалъ изъ собранія, а откупщикъ Халтуринъ прошелъ въ столовую, собралъ вокругъ себя большую компанію, заказалъ роскошный ужинъ, и—полилось вино рѣкою.

Всѣ симпатіи были на сторонѣ откупщика, а нѣкоторые ихъ даже явно ее высказывали!.. Въ концѣ ужина юркій Фарафонтьевъ вскочилъ на стулъ и началъ декламировать рѣзкимъ фальцетомъ:

«Все мое»—сказало злато,
 «Все мое!»—сказалъ булатъ.
 «Все куплю!»—сказало злато,
 «Все возьму!»—сказалъ булатъ.
 «Пошелъ вонъ!»—сказало злато,
 — И... уйду—сказалъ булатъ.

Шутка была встрѣчена громкимъ хохотомъ и даже аплодисментами...

Вернувшись домой, Бардадымъ цѣлый часъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету... Нѣтъ, это не такъ, не ходилъ!.. Онъ то бѣгалъ изъ угла въ уголъ, то замиралъ на мѣстѣ, то поднималъ руки кверху, какъ будто призывая само небо къ отмщенію, то барабанилъ кулаками по столу, словно желая разбудить адъ. Самыя неистовыя ругательства и проклятія вырывались въ это время изъ его рта.

Во второмъ часу ночи онъ крикнулъ своего камердинера Фрола и приказалъ ему немедленно разыскать, хотя бы на днѣ морскомъ, и доставить къ нему юродиваго Мардарія.

Черезъ десять минутъ скрипнула калитка, и кучеръ Прохоръ, по прозвищу Цыганъ, вышелъ со двора на поиски за Мардаріемъ.

Прохору, очевидно, хорошо были извѣстны образъ жизни и мѣста пребыванія нашего знаменитаго потрясимовскаго юродца, потому что не прошло и получаса, какъ онъ черезъ ту же калитку вернулся въ сопровожденіи ражаго дѣтины въ овчинномъ полушубкѣ.

— Мардарій пришелъ,—доложилъ камердинеръ Фролъ.

— Введи его сюда!—глухо приказалъ генералъ и, присѣвъ къ письменному столу, вынулъ изъ бокового ящика заряженный револьверъ.

Черезъ минуту тихо отворилась дверь, и Мардарій, уже не въ полушубкѣ, а въ одной только пестрядиной рубахѣ и босикомъ, неуклюже ввалился въ комнату.

— Здравствуй!—рѣзко буркнулъ генералъ.

— Кому—«здравствуй», а намъ—«мое почтеніе!»—дурашливымъ тономъ проговорилъ Мардарій одну изъ своихъ присказокъ.

— Ну, мнѣ не до шутокъ твоихъ,—оборвалъ его Бардадымъ.

— А не до шутокъ, такъ вамъ мое почтеніе, а мнѣ—путь-дорога,—не унимался Мардарій.

— Я съ тобой серьезно хочу поговорить.

— Какой же можетъ быть серьезный разговоръ съ Христа ради юродивымъ?

— Не дури! Слушай!—начиная уже терять терпѣніе, крикнулъ генераль.

— Пріятныя рѣчи пріятно слушать, только стоя—неспособно! Слова-то въ пятки выходятъ...

И Мардарій безцеремонно опустился на коверъ и сѣлъ потатарски, поджавъ ноги калачикомъ...

— Ну, теперь говорите! Послушаю,—добавилъ онъ, почесывая свои голыя ноги.

Эта наглая безцеремонность, въ связи съ предшествующимъ возбужденнымъ состояніемъ, сбили, что называется, Бардадыма съ панталыку. Онъ растерялся и не зналъ, съ чего начать. Наступила столь длинная пауза, что Мардарій, какъ будто соскучившись ею, началъ подъ носъ себѣ мурлыкать какую-то пѣсенку.

— Слушай! — началъ наконецъ генераль: — я знаю, чѣмъ ты занимаешься!

— Чѣмъ занимаюсь? Богу молюсь,—съ лукавымъ смиренствомъ откликнулся юродивый.

— Одной рукой молишься, а другой—людей рѣжешь.

— И патріархъ Авраамъ, вознеся молитвы, подъялъ ножъ надъ чадомъ своимъ.

— Подъялъ! А ты—рѣжешь!

— А есть, которые—душатъ,—какъ бы вскользь огрызнулся Мардарій.

— Ну, мнѣ съ тобой растабарывать некогда!—разсердился генераль.

— Да и мнѣ тоже. Меня кума со сбитнемъ ждетъ.

— Слушай, что я тебѣ говорить буду.

— Давно слушаю, а все еще ничего не понялъ!

Кровь бросилась въ голову Бардадыму. При другихъ обстоятельствахъ, онъ бы cadaго сейчасъ же велѣлъ въ три шеи со двора прогнать, но теперь... Бардадымъ начиналъ уже раскаиваться, зачѣмъ онъ позвалъ къ себѣ этого «мерзавца». Но раскаиваться было поздно: Мардарій сидѣлъ и ждалъ. И хотя заявилъ, что ему тоже некогда, но по всей позѣ его видно было, что теперь дешево онъ уже не уйдетъ. Бардадымъ понималъ это и злился.

Опять наступила длинная пауза.

— Вотъ что,—стараясь собраться съ мыслями, снова заговорилъ Бардадымъ.—Вотъ что! Вся твоя жизнь мнѣ извѣстна!

— Какъ на ладони!—хихикнулъ юродецъ.

— И тебѣ давно пора бы быть уже на каторгѣ.

— Ну, вотъ! что тамъ хорошаго! Мнѣ и здѣсь ладно.

— Говорю тебѣ: пора быть на каторгѣ! И достаточно одного моего слова, чтобы ты сейчасъ же попалъ туда.

— Очень благодарны вашему превосходительству! Только не торопитесь, я подожду. Каторга отъ насъ не уйдетъ!

— И ты не уйдешь отъ нея, мерзавецъ! — рявкнулъ Бардадымъ, поднимаясь слегка съ мѣста и кладя руку на револьверъ.

Но Мардарій оставался невозмутимо спокоенъ. Онъ отлично понималъ, что не для того же, въ самомъ дѣлѣ, вызвали его въ два часа ночи, чтобы пугать каторгой, или застрѣлить изъ пистолета.

— Такъ помни же ты, что ты весь въ моихъ рукахъ! И не забывай этого ни на одну минуту! Я терплю тебя, но терплю до поры до времени...

— Пока не пригожусь, дескать?—съехидничалъ юродецъ.

— Нѣтъ, пока терпѣнье мое не лопнетъ!

— Терпите, терпите, ваше превосходительство! Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ! А я за ваше здравіе и денно, и ночью Богу молюсь.

— Молчи, скотина, и слушай, что я тебѣ говорю! Всѣ мнѣ твои дѣла извѣстны,—началъ опять Бардадымъ.

— Да плюньте вы, ваше превосходительство, эту канитель тянуть! И намъ тоже извѣстно, что вамъ извѣстно. А только намъ и то извѣстно, что и вамъ не извѣстно. Ну, говорите прямо: что нужно? Зачѣмъ Мардарій понадобился?

И неожиданно ловкимъ для его медвѣдеобразной фигуры движеніемъ юродивый быстро всталъ на ноги и сдѣлалъ шагъ къ столу.

Бардадымъ вздрогнулъ и снова положилъ руку на револьверъ.

— Сядь!—крикнулъ онъ.

— Нога затекла!—отозвался Мардарій и, вызывающе взглянувъ на генерала, повторилъ свой вопросъ:—Такъ что же нужно-то?

И этотъ вопросъ опять-таки засталъ врасплохъ генерала Пращурова. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ ему понадобился Мардарій, этотъ, подъ личиною юродства, завѣдомый воръ и убійца? Все, что передумалъ онъ по приѣздѣ изъ клуба, все, что рѣшилъ до прихода Мардарія, не то, чтобы вылетѣло у него изъ головы, но казалось теперь ему чудовищно-нелѣпымъ и опаснымъ до безумія. Одинъ неосторожный шагъ, и онъ бы могъ попасть въ лапы этого звѣря-человѣка, этого скота безъ совѣсти, этого шантажиста по призванію.

«Хоть бы ты сдохъ», думалъ онъ, со злобой глядя на юродиваго и не зная, что сказать.

Но Мардарій самъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Знаю я, ваше превосходительство, — дѣловито заговорилъ онъ,—знаю я, что васъ сегодня обидѣли. И знаю, что обидѣлъ васъ Андрюшка Халтуринъ. Такъ, вѣдь?

Бардадымъ молчалъ.

— Такъ вотъ, вы прямо бы мнѣ и сказали: послушай, свѣтъ Мардарій Кузьмичъ,—уже переходя въ шутливый тонъ, продолжалъ юродивый:—вступишь за меня и накажи моего обидчика, а я тебѣ воздамъ по дѣянію. Тогда бы и дѣло просто было. И стали бы мы съ вами торговаться. Вы мнѣ — столько, а я съ васъ — столько. А то вдругъ начали: «Я про тебя все знаю! Объ тебѣ уже давно каторга плачетъ!» Да что жъ про меня такое знать-то можно, чего бы всѣ люди не знали? Знаютъ, да терпятъ! Вѣдь, вотъ и про васъ кое-что немало людямъ извѣстно, да вѣдь тоже терпятъ же! А что каторга обо мнѣ плачетъ, это точно, можетъ быть, такъ только я-то объ ней не очень соскучился. Такъ то-съ, ваше превосходительство. А теперь, говорите попросту: что нужно? А то и впрямь у кумы сбитень простынетъ, да какъ бы она и сама не перестоялась.

— Ступай вонъ!—глухо проговорилъ Бардадымъ.

— Только всего и было? Для этого меня только и безпокоили?— удивился Мардарій.

— Ступай вонъ!—повторилъ генералъ и, доставъ изъ кармана рублевку, швырнулъ ее Мардарію.

Бумажка перевернулась раза два въ воздухъ и упала на коверъ. Юродивый, искоса взглянувъ на нее, не подумалъ даже наклониться.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, когда лекаря ночью тревожатъ, и ему дороже платять, а я изъ-за васъ у кумы полати остудилъ! Цѣлковенькимъ-то ихъ не разогрѣешь!

— Слушай! Я прикажу тебя людямъ связать и выдрать на конюшнѣ! Слышишь?!

— Слушаю, ваше превосходительство! Вся воля ваша!—напуская на себя смиренность, проговорилъ юродивый.

— Ну, такъ убирайся! Бери, что даютъ, и чтобъ твоего духа не пахло!

Мардарій наклонился, поднялъ бумажку, разгладилъ ее и спряталъ за пазуху.

— Что жъ,—говорилъ онъ при этомъ,—всякое даяніе—благо, всякъ даръ совершенъ... А вотъ, послѣзавтра пойду поздравлять съ новымъ годомъ милостивца нашего Андрея Ивановича Халтурина, такъ, можетъ, и четвертной билетъ перепадетъ, а то и вся «сѣренькая»...¹⁾ Намедни еще онъ мнѣ говорилъ: «Я, говоритъ, вотъ, Мардарій, свою газету завелъ, такъ мнѣ, говоритъ, всякія новости нужны, а ты, говоритъ, въ разныхъ домахъ бываешь, чего-чего не наслушаешься!»—Помилуйте, говорю, Андрей Ивановичъ! Вездѣ, говорю, обласканъ. Даже у генерала Пращурова чай пить доводилось ..

¹⁾ Такъ назывались пятидесятирублевья бумажки.

— Молчи, мерзавецъ!—рявкнулъ Бардадымъ.

— Молчу, молчу, батюшка-кормилецъ! Молчу, ваше превосходительство! Смѣю ли я съ вами разговаривать? Вотъ, ужотка съ Андреемъ Ивановичемъ Халтуринымъ побесѣдую, съ нимъ душу отведу. Онъ, вѣдь, изъ простыхъ и нашимъ братомъ-простецомъ тоже не брезгуетъ... А ужъ забавныя исторіи сколь любить, такъ и...

— Слушай, скотъ!

— Червь! Червь! Не то, что скотъ! Червь ползучій!—подхватилъ Мардарій.

— Слушай! Сколько жъ тебѣ нужно?

— Это... за молчаніе-то?!—сообразилъ юродивый.—Такъ что жъ, ваше превосходительство, не даромъ же говорится: слово серебро, а молчаніе золото. Ежели Андрей Ивановичъ за разговоръ мнѣ «сѣренъкую» отвалить можетъ, такъ вы за молчаніе и сотняжкой не покуситесь.

— Что?! Да ты съ ума сошелъ!—уже прошипѣлъ Бардадымъ.

— Съ дѣтства такой, ваше превосходительство! Не то, что сошелъ, а съ дѣтства! И мамонька моя, царство небесное, съ придурью была, да и тятенька — коли такой имѣлся—тоже поди немень былъ.

— За что же это тебѣ Андрюшка Халтуринъ пятьдесятъ рублей дастъ? — не слушая прибаутокъ юродиваго, спросилъ блѣдный и дрожащій отъ гнѣва Бардадымъ.

— Какъ за что? Мало ли чего я ему навратъ могу? Расскажу, къ примѣру, какъ ночью призывалъ меня къ себѣ генералъ Пращуровъ и леварьеръ мнѣ въ руку совалъ и кричалъ: «Годи, говоритъ, убей моего обидчика, Андрюшку Халтурина! Озолочу, говоритъ, тебя за это! И своей властной рукой прикрою!»

— Врешь ты, животное!—трясаясь и начиная багровѣть, захрипѣлъ Пращуровъ.—Ничего этого не было! Врешь, мерзавецъ!

— Вѣстимо—вру!—спокойно согласился Мардарій.—Да что жъ со мной подѣлаешь? Я какъ разоврусь, такъ мнѣ удержу нѣтъ!

— Кто свидѣтель, что я говорилъ тебѣ это? — трясся Бардадымъ.

— Вотъ и я тоже мекаю, что свидѣтелей-то въ нашей бесѣдѣ не было, значить ври сколько угодно! Ну, а что звали-то вы меня въ третьемъ часу ночи, когда вы послѣ самаго происшествія изъ собранія вернулись, этому свидѣтелей есть: кума моя—разъ; пасынокъ ея Антипка—два,—загибая пальцы на рукѣ, началъ перечислять Мардарій.

Но Бардадымъ рѣзко стукнулъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— Довольно!

— Вѣстимо, довольно! И двухъ—довольно! А я хоть и шестерыхъ наберу!—какъ бы не понявъ оклика, подтвердилъ Мардарій.

— Говори послѣдню цѣну: сколько?

— Развѣ ужъ изъ уваженія къ вамъ, ваше превосходительство! Любую половину давайте?—весело улыбаясь, сказалъ Мардарій.

— Чего половину?

— Пожалуйте, говорю, «сѣренькую». Премного доволенъ буду.

— Рыломъ не вышелъ еще! — ворчалъ Бардадымъ, доставая изъ стола десятирублевую бумажку.

— Это что говорить! Рыло у насъ простое, не генеральское.

— На!—швырнувъ опять деньги, подхваченныя на этотъ разъ Мардаріемъ на лету, крикнулъ генераль и добавилъ: — Да чтобъ ни одна душа не знала, что ты былъ у меня сегодня! А теперь—вонъ!

— Эхъ, ваше превосходительство, обижаете бѣднаго человѣка!—началъ было Мардарій.

Но Бардадымъ открылъ дверь въ коридоръ и крикнулъ:

— Фролъ! Фролка!

И прибѣжавшему на этотъ зовъ старому камердинеру приказалъ:

— Проводи этого за ворота!

Мардарій отвѣсилъ почтительнѣйшій поклонъ и, шлепая босыми ногами, вышелъ изъ кабинета, соображая про себя: «Съ паршивой овцы, дескать, хоть шерсти клокъ. Ежели деньгами обсчиталъ, такъ зато покровительствовать крѣпче будетъ!..»

Бѣда не приходитъ одна,—говоритъ пословица.

Слѣдующій день былъ какъ разъ днемъ, когда пріѣзжалъ управляющій откупомъ и привозилъ его превосходительству генералу Пращурову пакетъ съ обильнымъ даромъ. Но день насталъ и прошелъ, а ни управляющаго, ни дара не было.

Въ Новый годъ генераль сказался больнымъ и самъ визитовъ никому не сдѣлалъ, и у себя никого не принималъ. А въ крещенскій сочельникъ онъ въ большомъ возкѣ и въ сопровожденіи своего камердинера Фролки выѣхалъ въ Петербургъ.

VIII.

— А что вы думаете? Свалилъ, вѣдь! Самого змѣя Горыныча побѣдилъ! Сообразите только: винный откупъ! Винный откупъ съ лица земли смелъ!—говорили наиболѣе наивные обыватели города Потрясимова по возвращеніи генерала Пращурова изъ Петербурга.

Отсутствіе его длилось довольно долго, а возвращеніе какъ разъ совпало съ прекращеніемъ откупной системы продажи питей.

Люди болѣе освѣдомленные, конечно, смѣялись надъ такимъ заблужденіемъ; они отлично знали, что откупъ, еще задолго до ссоры откупщика съ Бардадымомъ, уже на ладанъ дышалъ. Они

знали это, между прочимъ, и со словъ самого Андрея Ивановича Халтурина, знали и изъ ряда статей, печатавшихся въ «Потрясимовскомъ Вѣстникѣ».

Но и они многозначительно поднимали брови и таинственно шипукались между собой:

— Откупъ не откупъ, а вотъ откупщика-то, какъ никакъ, а сумѣлъ изъ Потрясимова выкурить!

Дѣйствительно, недѣли за двѣ до возвращенія генерала Пращурова изъ Петербурга, Андрей Ивановичъ Халтуринъ какъ-то неожиданно быстро собрался, уложился и выѣхалъ изъ нашего города, бросивъ все дѣла по ликвидаціи откупа на руки управляющаго. вмѣстѣ съ его отъѣздомъ закрылся и «Потрясимовскій Вѣстникъ», а также неизвѣстно куда исчезло нѣсколько человѣкъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ его сотрудниковъ, между прочимъ и бывший судейскій—Фарафонтьевъ.

Говорили, и не безъ достовѣрности, что Халтуринъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было сдѣлано серьезное внушеніе— не за ссору съ генераломъ Пращуровымъ, конечно, а за то, что онъ въ своей редакціи призрѣлъ и укрывалъ нѣкоторые «неблагонадежные элементы».

Переставъ быть откупщикомъ, Халтуринъ этимъ самымъ утратилъ многое изъ расположенія высшихъ сферъ, а потому предложено было ему прокатиться за границу и «провѣтриваться» тамъ какъ можно долѣе, что Андреемъ Ивановичемъ было исполнено неукоснительно и въ чемъ освѣдомленные потрясимовцы не безъ основанія видѣли руку генерала Пращурова.

Къ этому же времени исчезъ изъ Потрясимова и юродивый Мардарій. Впрочемъ, этотъ послѣдній скоро вернулся и обратно. Но по возвращеніи сталъ какъ-то особенно почтительно ломать шапку передъ генераломъ Пращуровымъ и особенно злобно поглядывать ему вслѣдъ.

Однимъ словомъ, Бардадымъ вернулся триумфаторомъ и принялся за прежнюю свою дѣятельность—искорененіе безпорядковъ вообще и «крамолы» въ особенности—съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Такъ длилось года два. За это время немало подвиговъ совершилъ Бардадымъ: упекъ куда-то учителя Чижикова; довелъ до самоубійства несчастную вдову Пафнутьеву, состоявшую съ Чижиковымъ въ незаконныхъ отношеніяхъ. Но главнымъ его подвигомъ было—это трагедія съ Соничкой Батуриной и злоключенія всей ея несчастной семьи.

Какъ ни пророчили въ нашемъ обществѣ, что тутъ-то именно Бардадымъ голову и сломаетъ, но вышло какъ разъ наоборотъ. Бардадымъ остался цѣлъ и невредимъ, вся же семья бѣдной дѣвушки должна была покинуть родной городъ, потерявъ почти все свое и безъ того небольшое состояніе и, что ужаснѣе всего, лучшей брильянтъ нѣдръ своихъ, т. е. самое Соничку.

Потерпѣвъ неудачу въ своихъ ухаживаніяхъ за этой во всѣхъ отношеніяхъ достойной и прекрасной дѣвушкой, Бардадымъ, всплывшій къ ней старческой страстью, пустилъ въ ходъ всѣ свои подлыя изощренія и съ не меньшей страстностью началъ мстить и самой Соничкѣ, и всей ея въ высокой степени почтенной семьѣ.

При помощи своихъ клеветовъ, съ Мардаріемъ во главѣ, и при явномъ попустительствѣ запуганной имъ администраціи, окружилъ онъ всю эту семью самой черной и злой клеветой. И какъ ни бились Батурины, но выбиться изъ подлой и клейкой паутины Бардадыма имъ не удалось, тѣмъ болѣе, что самъ онъ себя держалъ въ этомъ дѣлѣ неуязвимо.

Не выдержала позора бѣдная дѣвушка и сошла съ ума. А мать и братья ея, собравъ послѣднія крохи и посылая проклятія неуловимому, но имъ хорошо извѣстному врагу своему, увезли бѣдную больную за границу.

— Отольются же когда-нибудь волку овечьи слезы!—говорили обыватели про Бардадыма.

Но говорили такъ тихо, чтобъ стѣны не слышали; и такъ интимно, т. е. каждый самому себѣ только, не довѣряя даже самымъ близкимъ и роднымъ людямъ этихъ «опасныхъ» словъ и мечтаній.

Торжествовалъ Бардадымъ! Грозно бродилъ онъ по стогнамъ града нашего, постукивая своей палкой, пугая торговковъ и извозчиковъ и разувая юнкеровъ; грозно распекалъ онъ полицеймейстера Бацъ-Помордацкаго; приводилъ въ смятеніе архіерея, нагонялъ холоду на губернатора. Какъ тать въ нощи, проникалъ онъ въ нѣдра семействъ и давилъ горло своей длинною сухою рукою всякому, кто пытался только вздохнуть свободно. И не было на него ни суда, ни расправы—всѣ боялись его, всѣ трепетали передъ нимъ.

— Почему?

— Да вотъ подите-ка, рѣшите, почему?!

Нашъ старенькій губернаторъ, князь Тарабаевъ, въ чемъ-то провинился передъ Петербургомъ. Кажется, ставили ему въ вину бездѣйствіе власти. Его рѣшили убрать и замѣнить другимъ.

И самъ князь, и старушка-княгиня обратились къ Бардадыму съ просьбой защитить ихъ и отстоять на прежнемъ мѣстѣ. Но суровый генералъ не только не вступился за нихъ, а сдѣлалъ еще имъ нѣчто вродѣ выговора. И изъ словъ его вытекало даже—въ намекахъ, конечно,—что по его, Бардадымову, желанію и смѣняють губернатора.

Заплакали старички и уѣхали, увозя съ собой доброе напутствованіе и... ручного медвѣдя.

На мѣсто князя Тарабаева пріѣхалъ къ намъ новый губернаторъ, Покрышкинъ, человѣкъ еще сравнительно молодой, большой

руки *bon vivant*, происхожденія аристократическаго, но врядъ ли съ хорошими связями, потому что на первыхъ порахъ онъ попробовалъ было побудировать относительно общаго страха передъ Бардадымомъ, но какъ-то ужасно быстро смякъ и на поклонъ поѣхалъ...

И властвовалъ Бардадымъ и надъ нашимъ городомъ, и надъ душами его обывателей. Чего бы, кажется, больше? Но и у него на сердцѣ была язвочка, была и не заживала.

IX.

Какъ бы то ни было, но вѣдь и Бардадымъ былъ отчасти человѣкъ, а стало быть и ему кое-что человѣческое было не чуждо.

Однимъ изъ «человѣческихъ» проявленій души его было горячее желаніе продлить родъ Пращуровыхъ. Бардадымъ былъ когда-то женатъ. Говорили даже, что жена его жива и до сихъ поръ, но лѣтъ тридцать тому назадъ, подаривъ мужу единственнаго сына и наслѣдника, лишилась разсудка и была заключена въ домъ для умалишенныхъ въ Петербургѣ, гдѣ и тянула мрачную жизнь свою, на муки себѣ и на досаду Бардадыма, такъ какъ по законамъ російскимъ расторженіе брака съ умалишенными въ тѣ времена не представляло ни малѣйшей возможности.

Но несчастіе Бардадыма усугублялось еще и тѣмъ, что единственный сынъ его оказался очень неудачнымъ. Съ превеликимъ трудомъ удалось дотянуть его до перваго офицерскаго чина, продолжать же службу онъ оказался совершенно неспособнымъ. И, скрѣпя сердце, приказалъ генералъ Пращуровъ сыну своему подать въ отставку и сослалъ его на вѣчное заключеніе въ свое родовое имѣніе, село Дѣдово.

— По крайней мѣрѣ, не на глазахъ у людей! Пусть тамъ баклуши бьетъ!—говорилъ отецъ.

А самъ, тѣмъ временемъ, сталъ присматривать для сына невѣсту.

— Какъ ни глупъ, а дѣти вѣдь и у него могутъ рождаться, и такимъ путемъ родъ Пращуровыхъ не пресѣчется!—разсуждалъ онъ.

Въ невѣстки себѣ подыскивалъ онъ дѣвушку непременно родовитую, характера сильнаго, ума бойкаго и собою пригожую. Надо отдать ему справедливость, о приданомъ онъ, несмотря на свою скупость, думалъ менѣе всего. Родовитость же требовалась для того, чтобы связать домъ Пращуровыхъ съ домами болѣе или менѣе извѣстными и знатными. Характеръ сильный и бойкій умъ требовались для компенсаціи этихъ недостатковъ въ его сынѣ, Григоріи. Красота тоже была не лишней для будущаго поколѣнія.

Сознавая, что всѣ сіи требованія немаловажны и невѣсту, отвѣчающую имъ, при полномъ ничтожествѣ жениха, найти не-

легко, Бардадымъ и не претендовалъ на большое приданое, хотя въ глубинѣ своей души иногда думалъ:

— Конечно, хорошо бы и съ состояніемъ...

Но и безъ приданого невѣсты не находились. Особенно потому, что само сватанье происходило при очень затруднительныхъ обстоятельствахъ: жениха не показывали... Ну, а самъ сватъ, т. е. будущій свекоръ, тоже не могъ произвести особенно пріятнаго впечатлѣнія.

Конечно, наклеивались бѣдныя дворяночки, обнищавые родители которыхъ не прочь были выдать ихъ за сына столь важной особы, какъ генераль Пращуровъ, но тутъ уже самъ Бардадымъ браковалъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не удовлетворяла всѣмъ его требованіямъ. Чего-нибудь да непремѣнно не хватало: одна миловидна—да глупа и безхарактерна; другая умна, да родъ сомнительный; третья родовита, да такой заморышъ, что того и гляди и потомства не будетъ.

Бардадымъ искалъ, раздражался, злился, а все изъ этого ничего не выходило. Нѣтъ совершенства на землѣ, хотя бы даже и безъ приданого.

Случалось, конечно, попадались и совершенныя... но тѣ сами, поблагодаривъ за честь, уклонялись отъ такого страннаго брака.

Такъ проходилъ годъ за годомъ, и Григорію Онуфріевичу Пращурову минуло, наконецъ, двадцать семь лѣтъ. И вотъ тутъ-то счастье Бардадыму какъ будто улыбнулось. Нашлась въ сосѣдней губерніи невѣста болѣе или менѣе подходящая. Говорю, болѣе или менѣе, потому что самъ Бардадымъ становился годъ отъ году менѣе требователемъ.

Положительныя качества невѣсты были: несомнѣнная родовитость, хотя въ настоящемъ уже безъ всякихъ вліятельныхъ связей; характеръ твердый; умъ практическій. Отрицательныя же — внѣшность непрезентабельная, возрастъ для дѣвушки нѣсколько перезрѣлый—такъ «подъ тридцать» — и бѣдность непокрытая.

Предложеніе генерала Пращурова родителями было принято; дѣвицей, по нѣкоторымъ размышленіямъ, одобрено — она справочки навела и узнала, что женихъ кротокъ, какъ агнецъ Божій, и никогда изъ ея воли не выйдетъ. Ну, а ежели свекоръ будетъ крутенекъ, такъ не вѣкъ же еще ему жить, — и вотъ рѣшено было, что генераль привезетъ своего сына къ невѣстѣ и тутъ ихъ сейчасъ же и обвѣнчаютъ безъ особаго шума и огласки, а тамъ опять въ Дѣдово «для продолженія рода» Пращуровыхъ. Рѣшено и по рукамъ ударено.

И вотъ Бардадымъ вернулся въ Потрясимовъ, сдѣлалъ кое-какія распоряженія къ предстоящему событію, а оттуда проѣхалъ къ себѣ въ вотчину за женихомъ.

Молодой баринъ Григорій Онуфріевичъ содержался въ Дѣдовѣ довольно въ черномъ тѣлѣ. Была у него своя комната, скудно,

только самымъ необходимымъ, обставленная,—въ другіе же покои онъ безъ надобности доступа не имѣлъ; была у него дешевенькая тульская двустволка и вислоухая легавая собака Пегасъ; разрѣшалось ему иногда брать лошадь съ конюшни, да отпускалось три рубля въ мѣсяцъ на табакъ, порохъ и прочія надобности. Книгами Григорій Онуфріевичъ не интересовался, къ хозяйству его «по скудоумію» не подпускали. И жилъ такъ молодой человѣкъ одинокій, забытый, заброшенный. Людей сторонился, отца боялся пуще гнѣва Господняго.

Былъ онъ тихъ и кротокъ и никто его незамѣчалъ. Никто имъ и не интересовался, никто, кромѣ Бардадыма, да и то только въ разсужденіи продленія рода Пращуровыхъ.

Былъ поздній осенній вечеръ, когда генераль нагрянулъ, въ сопровожденіи своего камердинера Фрола, въ Дѣдово. Пріѣздъ его, какъ всегда, неожиданный, непредувѣдомленный—онъ любилъ заставать врасплохъ—произвелъ обычное смятеніе: забѣгалъ староста, затрепетали дворовые, замерли въ ужасѣ и старъ и младъ. Замеръ и Григорій Онуфріевичъ, боясь, что вотъ-вотъ папенька призоветъ его къ себѣ и примется распекать.

За что? Ахъ, Боже мой! Какъ—за что? Въ глазахъ у Бардадыма всякій человѣкъ виноватъ въ чемъ-нибудь, а тѣмъ болѣе онъ, Григорій Онуфріевичъ!

Молодой человѣкъ не ошибся. Не прошло и часу съ пріѣзда отца, какъ въ комнату къ нему вошелъ камердинеръ Фролъ и доложилъ, что «его превосходительство требуютъ» его къ себѣ.

Всегда блѣдный, Григорій Онуфріевичъ поблѣднѣлъ еще болѣе, обдернулъ на себѣ скромный сюртучекъ—во время пребыванія отца въ Дѣдовѣ онъ обязанъ былъ ходить всегда въ сюртукѣ—пригладилъ черезчуръ отросшіе волосы, робко кашлянулъ и пошелъ вслѣдъ за Фроломъ.

Бардадымъ сидѣлъ въ своемъ деревенскомъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и пилъ чай.

Высокій и худой, какъ отецъ, но со впалой грудью и съ узкими плечами, смертельно блѣдный, робко мигающій короткими голубыми глазами, предсталъ сынъ предъ грозными очами родителя.

— Здравствуй!—коротко буркнулъ Бардадымъ.

Перегнувшись чуть не вдвое, подошелъ къ нему Григорій Онуфріевичъ и почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Это что жъ такое? Опять космы отпустилъ?—рявкнулъ Бардадымъ, слегка подергивая сына за длинные бѣлокурые волосы.— И бриться не умѣешь? Весь подбородокъ изрѣзанъ.

Подбородокъ былъ изрѣзанъ потому, что Григорій Онуфріевичъ, по предписанію родителя, долженствовавшій носить только одни усы, сѣлъ наскоро бриться, когда экипажъ отца вѣзжалъ уже во дворъ. Естественно, что рука его съ перепугу тряслась,

да и старая бритва была вся въ зазубринахъ. Относительно же длинныхъ волосъ онъ самъ далъ объясненіе.

— Извините, папенька, по причинѣ того, что Лукерья затеряла ножницы, посылали къ священнику, но попадья отдала дьяконицѣ, а дьяконица въ городъ уѣхала...

— Стригся бы, которыми овецъ стригутъ!

— Пробоваль, но очень несподручно!

— Ну, да ладно! Не въ этомъ дѣло! Садись!—приказаль Бардадымъ сыну, указывая на стулъ возлѣ стола.

Робко, на самый кончикъ опустился Григорій Онуфріевичъ.

Бардадымъ три раза хлопнулъ въ ладоши.

— Подай барчуку чаю!—приказаль онъ вошедшему камердинеру.

Это была уже милость, это было особое вниманіе, и удивленными, даже испуганными глазами посмотрѣлъ сынъ на отца.

— Ну, какъ живешь?—спросилъ тотъ, размѣшивая ложечкой сахаръ въ стаканѣ.

— Благодарю васъ, папенька, слава Богу!

— Чѣмъ занимаешься?

Григорій Онуфріевичъ смутился. Чѣмъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, занимался? Ходилъ на охоту... Но въ глазахъ старика развѣ это занятіе? Пѣлъ на клиросѣ, читаль псалтырь... Объ этомъ онъ не преминулъ доложить, робко, застѣнчиво, то вспыхивая слабымъ румянцемъ, то опять блѣднѣя.

— Ну, это еще немного!—сказаль Бардадымъ, хотя отлично зналъ, что большаго сыну дѣлать и не позволялось.

— Ну, а я вотъ о тебѣ все думаю,—стараясь быть ласковымъ, продолжалъ отецъ.

Григорій Онуфріевичъ привсталъ и поклонился.

— Да, о тебѣ и о твоёмъ счастьѣ.

Первый разъ въ жизни приходилось слышать бѣдному, заброшенному Гришѣ такія рѣчи изъ устъ грознаго отца. Никогда ни о какихъ своихъ планахъ и намѣреніяхъ, хотя бы даже касавшихся сына, не сообщалъ ему Бардадымъ. И вдругъ теперь—такая милость! Такое вниманіе! Даже слезы навернулись на большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Да, забочусь и думаю!—говорилъ между тѣмъ старикъ. — Тебѣ который годъ-то?—спросилъ онъ вдругъ.

— Двадцать восьмой, папенька.

— Двадцать восьмой? Ого! Этакъ, братъ, тебѣ ужъ и жениться пора.

Всѣмъ тѣломъ вздрогнулъ Гриша и поблѣднѣлъ еще болѣе. Мурашки пробѣжали у него по спинѣ, холодный потъ выступилъ на высококомъ, узкомъ лбу его.

Но старикъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ:

— Да, жениться пора! А я тебѣ и невѣсту нашель. Прекрасную невѣсту! Изъ хорошаго до...

Какъ снопь рухнулъ въ ноги отцу Григорій Онуфріевичъ и даже лицо свое прижалъ къ его сапогу.

— Что? Что? Что ты? Что съ тобой? Да что съ тобой? забормоталъ Бардадымъ, испуганный нѣсколько такимъ порывомъ сына.

«Неужели это радостное извѣстіе такъ потрясло его?» — думалъ онъ и старался поднять Гришу за плечи.

Но тотъ не вставалъ и, лепеча что-то, продолжалъ биться головой у ногъ отца.

— Да что? Что ты такое мычишь? Говори громче! Ничего не слышу! Не понимаю! Что? Что?—уже раздражался старикъ.

Гриша вдругъ поднялъ мокрое отъ слезъ лицо, съ ужасомъ взглянулъ на отца и отчаянно выкрикнулъ:

— Папенька! Папенька! Простите! Не губите! Папенька!.. Я женатъ!..—и опять упалъ ничкомъ на полъ.

Теперь замеръ и похолодѣлъ Бардадымъ.

Нѣсколько секундъ—цѣлая вѣчность для Гриши—длилось молчаніе.

— Ну-ка, что? Повтори!—вдругъ услыхалъ онъ надъ собой тихій, но грозный голосъ.

— Я... женатъ,—прошепталъ Гриша.

— Громче! Не слышу!—рявкнулъ Бардадымъ и концомъ сапога сильно ткнулъ сына прямо въ лицо.—Громче, мерзавецъ! Да подними морду!

Гриша поднялъ голову: изъ его носа текла струйка крови.

— Папенька! Не погубите! Я—женатъ,—стоя на колѣняхъ, говорилъ Гриша.

— Давно ли?

— Четвѣртый годъ.

— На комъ?

И опять замеръ несчастный Гриша, не рѣшаясь назвать отцу имя своей жены.

— На комъ?—крикнулъ Бардадымъ, и его камышевая палка, мелькнувъ въ воздухѣ, хрустнула по плечу Гриши.

Тотъ покачнулся.

— На Аксиньѣ,—едва вымолвилъ онъ.

— Какая Аксинья? Что за Аксинья? Не знаю.

— Уваровскаго приказчика дочь.

— Рябая?

— Такъ точно-съ.

— Рассказывай!

Гриша молчалъ.

— Рассказывай!

И палка снова мелькнула въ воздухѣ.

Передать рассказъ Гриши его же собственными словами я чувствую себя не въ силахъ. Это былъ одинъ сплошной вопль наболѣвшей души.

Покинутый и заброшенный юноша бродилъ со своей двустволкой по полямъ и лугамъ села Дѣдова. Тяжело и скучно было ему. Гриша былъ отнюдь не «скудоумень», но страненъ, сказали бы мы. Душу онъ цѣликомъ наслѣдовалъ отъ матери: робкую, мечтательную. Со дня рожденія не знавшій материнской ласки, запуганный и забытый грознымъ отцомъ, боязливо сторонился онъ людей, отвыкалъ говорить съ ними, дичалъ...

И вотъ, однажды, на охотѣ, зайдя далѣе обыкновеннаго, онъ попалъ на уваровскія болота. Село Уварово принадлежало одному изъ богатѣйшихъ нашихъ помѣщиковъ, никогда не навѣщавшему не только своей вотчины, но и даже губерніи и самаго города Потрясимова, и управлялось безконтрольно ловкимъ и дѣловитымъ приказчикомъ Макаромъ Даниловичемъ Ахтеревымъ.

Макаръ Даниловичъ былъ человекъ, какъ я уже сказалъ,—смышленный и по-своему, если хотите, даже честный. Помѣщика обкрадывалъ онъ въ мѣру, да и крестьянъ обиралъ умѣренно, а потому пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Онъ былъ вдовъ, и всѣмъ его домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала единственная дочь его, дѣвица, къ тому времени лѣтъ двадцати пяти, здоровая и смѣтливая, какъ отецъ, но собою некрасивая по случаю перенесенной ею жестокой оспы.

Несмотря на это, жениховъ у Аксиньи Макаровны отбою не было. Знали, что у старика водятся деньжонки, да и большая хозяйственность невѣсты привлекала. Однако Аксинья Макаровна замужъ выходить не торопилась. Она словно ждала чего-то и... дождалась.

Забредшій въ уваровскія болота Григорій Андреевичъ Пращуровъ добрался и до села Уварова. Измученный до нельзя, остановился онъ у дома приказчика, постучалъ въ окно и попросилъ пить. Его узнали и пригласили въ горницу. Приемъ ему сдѣланъ былъ самый любезный: появилось молоко, квасъ и даже шипучка кака-я-то. Ягодъ передъ нимъ разныхъ поставили. Закипѣлъ и самоваръ. Принимали Гришу, какъ лицо именитое.

А накормивъ и напоивъ, провожали съ низкими поклонами, просили милости—не осудить, не побрезговать и, если въ слѣдующій разъ придется быть по близости, не оставить своимъ посѣщеніемъ. Приказчикъ приказалъ заложить свой лучшій шарабанчикъ, чтобы довести до Дѣдова молодого барина.

Давно, а можетъ быть, и никогда не видалъ Гриша такой ласки и предупредительности. Размякло сердце его, встрепенулась его душа. Ему такъ понравилось у Ахтеревыхъ, что не прошло и трехъ-

четырехъ дней, и опять онъ забрелъ въ уваровскія болота, а оттуда, конечно, и къ Макару Даниловичу.

Второй пріемъ былъ лучше перваго: очевидно, уже ждали тамъ его.

И повадился съ тѣхъ поръ Григорій Онуфріевичъ Пращуровъ въ гостепріимный домъ Макара Даниловича. Туда пѣшкомъ дойдетъ, а назадъ на лошаdkѣ доставятъ. И ужъ не черезъ болота, а напрямикъ проселкомъ сталъ ходить.

Не дремала умница Аксинья Макаровна. Да и смѣтливый Макаръ Даниловичъ «ноздрыми мухъ ловить» не любилъ. Все они обсудили и взвѣсили—рискъ былъ большой, но и призъ былъ заманчивый. Мудрено ли, что растаялъ Григорій Онуфріевичъ и отдалъ свое чистое, дѣвственное сердце въ руки смѣтливой дѣвицы, Аксиньи Макаровны. Ловко дѣльце было обдѣлано.

Обвѣнчались они, будто бы тайкомъ отъ Макара Даниловича, у какого-то дальняго, захолустнаго попика, при чемъ всѣ расходы по свадьбѣ, включая сюда и довольно крупный даръ священнику, взяла на себя невѣста. И свадьбу устроили такъ потаенно, что вѣсть объ ней за ограду церковную даже не вышла.

Однако, послѣ вѣнца явились къ Макару Даниловичу и во всемъ ему повинились. Тотъ будто бы разсердился и долго не могъ успокоиться, все твердя:

— Погубить теперь меня его превосходительство генералъ Онуфрій Галактіоновичъ Пращуровъ.

А когда, будто бы, онъ поуспокоился, на семейномъ совѣтѣ рѣшили такъ: держать все въ строжайшей тайнѣ; молодухѣ—жить у отца на прежнемъ положеніи, какъ бы дѣвицѣ; Григорію Онуфріевичу посѣщать ихъ домъ не чаще обыкновеннаго и жить такъ до тѣхъ поръ, пока Господу Богу не угодно будетъ послать по душу его превосходительства, генерала Онуфрія Галактіоновича.

«Вѣдь, не до ста же лѣтъ старый чортъ проживетъ!» думалъ про себя Макаръ Даниловичъ. «Ну, а тамъ уже видно будетъ! Тамъ и объявиться можно».

Какъ порѣшили, такъ и порѣшили. А черезъ годъ Аксинья Макаровна родила дочку; а черезъ другой—и вторую. И это дѣло было устроено съ такой тонкостью и ловкостью, что не только объ этомъ никто не зналъ, но даже и не догадывался: уѣзжала Аксинья Макаровна въ губернской городъ сосѣдней губерніи на побывку къ тетенькѣ, а оттуда уже возвращалась порожняя. Такъ что отцу, т. е. Григорію Онуфріевичу, и на дѣтей своихъ еще посмотрѣть не удавалось: ждали все—вотъ-вотъ Господь Богъ пошлетъ по душу его превосходительства Онуфрія Галактіоновича, и не предполагали, конечно, что его превосходительство самъ обнаружитъ эту тайну, и такимъ неожиданнымъ образомъ.

Кто же могъ ожидать, что онъ сына, забытаго и постылаго, женить задумаетъ.

Стоя на колѣняхъ передъ отцомъ, обливаясь слезами, переходившими то и дѣло въ рыданія, лепеталь Гриша свою исповѣдь.

— Дѣти есть?—вдругъ теребилъ его старикъ.

— Есть, папенька, двое.

— Мальчики?

— Нѣтъ, папенька, дѣвочки.

— Обѣ?

— Обѣ.

И замоталась вдругъ Гришина голова изъ стороны въ сторону. Желѣзной рукой впился ему отецъ въ волосы и сталъ его таскать по полу, въ то же время своей палкой молота, какъ цѣпомъ, по худой сутуловатой спинѣ сына.

Долго-долго билъ Бардадымъ послѣдній отпрыскъ рода Пращуровыхъ. Билъ, пока самъ не обезсилѣлъ и не отшвырнулъ сына въ полусознательномъ состояніи въ уголъ кабинета, да и тутъ еще не утерпѣлъ, каблукомъ по лицу ударилъ... А сапоги генераль носилъ со шпорами, и шпора разсѣкла верхнюю губу мученика Гриши.

— Вонъ!—прохрипѣлъ Бардадымъ, опускаясь въ кресло.

Охая и стараясь подавить свои стоны, выползъ Гриша изъ комнаты, добрался до своей каморки и потерялъ сознание.

Замеръ весь домъ въ тягостномъ молчаніи и долго, до самаго утра, было въ немъ мертво, какъ въ склепѣ.

Х.

Настало утро. Въ кабинетъ былъ позванъ камердинеръ Фролъ, пробылъ тамъ недолго и сейчасъ же куда-то уѣхалъ.

Гриша одинъ лежалъ въ своей каморкѣ, избитый, слабый и въ лихорадкѣ. На дворѣ моросилъ дождикъ, нудный, холодный осенній дождикъ. По небу неслись тяжелыя, рваныя облака; качались и скрипѣли деревья въ саду, и вѣтеръ трепалъ послѣдніе пожелтѣвшіе листья.

Вернулся Фролъ въ усадьбу и вернулся не одинъ: за нимъ ѣхалъ шарабанчикъ уваровскаго приказчика. И кругленькій, толстенный Макаръ Даниловичъ, то и дѣло крестясь и вздыхая, вылѣзъ изъ него и мелкими шажками пошелъ на черное крыльцо.

Чуяло его сердце, зачѣмъ вызвалъ его къ себѣ его превосходительство Онуфрій Галактіоновичъ, да и Фролъ успѣлъ ему шепнуть о томъ, какъ билъ вчера отецъ молодого барина. Не зналъ только одного Макаръ Даниловичъ: выдалъ ли его Гриша, или покрылъ, т. е. сказалъ, что ему, Макару Даниловичу, ничего и до сихъ поръ неизвѣстно?

— Гдѣ, чай, покрылъ? Баба! Слюнтый! При первомъ же окрикѣ все выболталъ! Ну, да сейчасъ видно будетъ!—думалъ Макаръ Да-

ниловичъ и, крестясь, шепталъ про себя: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

Стараясь казаться вполнѣ спокойнымъ, вошелъ онъ въ кабинетъ къ его превосходительству. Генераль стоялъ прямо передъ нимъ и, опираясь на палку, сверкалъ своими сѣрыми, стальными глазами.

— Здравія желаемъ вашему превосходительству!—низко кланяясь, пропѣлъ Макаръ Даниловичъ тоненькимъ голоскомъ.

Бардадымъ—молчалъ.

Макаръ Даниловичъ, видимо, начиная смущаться, поклонился еще разъ.

— Въ Сибири сгною! Въ каторгѣ задушу!—заревѣлъ вдругъ генераль, и палка его рѣзко застучала по полу.

«Выдалъ!» мелькнуло въ головѣ Макара Даниловича.

Но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою и, испуганно устремивъ маленькіе глаза на грознаго Бардадыма, проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Ваше превосходительство! за что жъ такая немилость?

— Какъ за что? Не вѣрю я, ни за что не повѣрю, чтобы ты до сихъ поръ ничего не зналъ! Твоего это подлаго ума штука! Твоихъ рукъ продѣлка!

«Не выдалъ, значитъ!» мелькнуло опять въ головѣ Ахтерева. «Крѣпись, Макарушка!» подбодрилъ онъ внутренно себя и, сдѣлавъ видъ еще болѣе испуганный, уже почти плачущимъ голосомъ спросилъ:

— Ваше превосходительство! Да о чемъ вы изволите! Ваше превосходительство!

— Ты моего сына женилъ?—рявкнулъ Бардадымъ.

Бывшій въ рукахъ Макара Даниловича картузь вывалился на полъ, и самъ онъ весь осѣлъ какъ-то.

— Я? женилъ?!. Кого-съ? Когда-съ?.. залепеталъ онъ.

— Моего сына Гришку на своей дочери! Вотъ кого ты женилъ!

Макаръ Даниловичъ, какъ бы боясь упасть, прислонился къ стѣнѣ и даже обѣ руки кверху поднялъ: онъ, казалось, былъ совершенно ошеломленъ и продѣлалъ это такъ ловко и искусно, что самъ Бардадымъ поддался обману.

— Да неужто жъ ты не знаешь ничего?—удивился онъ.

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ,—Макаръ Даниловичъ перекрестился.—Ничего не знаю! Да и понять даже ничего не могу!..

— Садись!—послѣ небольшого молчанія приказалъ Бардадымъ.

Ахтеревъ сѣлъ. Опустился въ свое кресло и Бардадымъ и, тяжело переводя дыханіе, началъ рассказывать Макару Даниловичу то, въ чемъ вчера сознался ему сынъ, т. е. какъ онъ тихонько отъ всѣхъ женился и какъ ловко скрывалъ до сихъ поръ свою тайну.

Когда онъ упомянулъ о двухъ дѣтяхъ, имѣющихся уже теперь у Гриши, Макаръ Даниловичъ опустилъ голову, закрылъ лицо платкомъ и началъ, всхлипывая, причитать:

— Доченька моя, доченька! Что ты надъ собой дѣлала? Не пожалѣла ты и меня, старика отца! Опозорила ты мою сѣдую голову.

Но тутъ вдругъ неожиданно вспылилъ генераль Пращуровъ.

— Какъ опозорила? Почему опозорила? Какъ твою сѣдую голову? Меня она опозорила! На мой родъ пятно положила! На родъ бояръ Пращуровыхъ!—кипятился онъ.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!—залепеталъ Макаръ Даниловичъ.—Я объ этомъ и думалъ! Только выразить не сумѣлъ! Выразить-съ! Простите великодушно! Помилуйте!

Хотя и фыркая, но отъ этихъ словъ Бардадымъ сталъ успокаиваться. Онъ всталъ, выпилъ стаканъ воды, опять сѣлъ и уже менѣе громкимъ голосомъ сказалъ:

— Ну! Какъ ни какъ, а намъ все-таки переговорить надо!

И долго, болѣе часу, интимно говорили между собою отставной генераль-лейтенантъ Онуфрій Галактионовичъ Пращуровъ и потрясимовскій мѣщанинъ Макаръ Даниловичъ Ахтеревъ, волею судьбы поставленные въ такія близкія и даже родственныя отношенія.

Рѣшено было: скрыть отъ всѣхъ тайну этого брака и подождать еще годъ. Ежели въ этотъ годъ у молодыхъ родится мальчикъ, то, покоряясь волѣ Божьей,—объявить, безъ шума и особой огласки; ежели же нѣтъ, то, также безъ шума и огласки, приступить къ разводу.

Послѣ этого Макаръ Даниловичъ, униженно кланяясь и пятясь задомъ, вышелъ изъ кабинета, а Бардадымъ, позвавъ камердинера Фрола, приказалъ сейчасъ же укладываться, чтобы ѣхать обратно въ Потрясимовъ. На этотъ разъ онъ не взглянулъ даже на свое большое хозяйство и не отдалъ старостѣ никакихъ приказаній.

Не повидавшись съ сыномъ, уѣхалъ онъ изъ Дѣдова. Тяжело ему было тамъ оставаться...

Вотъ эта-то язва и горѣла, не заживая, въ душѣ Онуфрія Галактионовича Пращурова. Властно царилъ онъ надъ городомъ Потрясимовымъ и надъ всей нашей губерніей; все трепетало передъ нимъ, но и самъ онъ каждый разъ дрожащими руками вскрывалъ письмо уваровскаго приказчика и, находя въ немъ стереотипную фразу: «Никакого измѣненія въ семейномъ положеніи не предвидится», сердито стучалъ кулакомъ по столу и шипѣлъ:

— Мерзавцы!

Годъ прошелъ. Бардадымъ рѣшилъ приступить къ разводу. Не желая впутывать въ это дѣло никого изъ губернскихъ, онъ рѣшилъ выписать изъ Петербурга извѣстнаго въ то время ходатая по бракоразводнымъ дѣламъ.

Какъ вдругъ изъ Уварова пришло письмо, и въ немъ, вмѣсто обычной фразы, стояло новое знаменательное словечко: «Понесла».

XI.

Несмотря на все стараніе начальства, несмотря на смѣну губернаторовъ, несмотря даже на «недреманное око» самого Бардадыма, какъ бы призваннаго судьбою слѣдить за беспорядками, а можетъ быть и благодаря именно всему этому, жизнь въ нашемъ Богомъ забытомъ Потрясимовѣ не только годъ отъ году, но даже день ото дня становилась все невыносимѣе, и невыносимѣе. Разбои и грабежи дошли до невѣроятныхъ размѣровъ: ни въ городѣ проходу, ни къ городу подѣзду не было. Шайка юродиваго Мардарія работала безъ всякаго стѣсненія, а злые языки утверждали даже, что не безъ вѣдома и покровительства нашего браваго полицеймейстера Баць-Помордацкаго орудовалъ страшный юродивый.

Терпѣли-терпѣли потрясимовцы, но не вытерпѣли и взвыли. Призвали они «излюбленныхъ людей» и поручили имъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать о назначеніи новаго губернатора.

Нехорошъ былъ князь Тарабаевъ; не лучше его оказался и сенаторъ Покрышкинъ. Впрочемъ, генералъ Пращуровъ былъ противъ этого посольства.

— Погодите,—говорилъ онъ:—ужо я все приведу въ порядокъ: и Покрышкина подтяну, и полицеймейстеру внушеніе сдѣлаю!

Но на этотъ разъ «излюбленные люди» не послушались и Бардадыма; невтерпежъ стало.

Поѣхали. И хлопоты ихъ, хотя и не очень скоро, но увѣнчались успѣхомъ. Покрышкина отозвали, а на мѣсто его...

Вотъ тутъ-то и самъ Бардадымъ задумался. Грознымъ раскатомъ прокатилось у насъ по городу имя новаго губернатора Эраста Александровича Козодоева.

Никто его въ городѣ лично не зналъ, но слава о его свирѣпой необузданности достигла и до нашихъ предѣловъ.

— Ну, этотъ того!..—говорили потрясимовцы.—Этотъ и самому Бардадыму голову сломить! У этого-то рука въ Петербургѣ—во какая!

И при этомъ дѣлали жестъ, не въ ширь, какъ обыкновенно, а куда-то вверхъ, какъ бы указывая на недосягаемыя высоты.

И разговоры эти доходили до генерала Пращурова и страшно волновали старика. Дѣло въ томъ, что онъ одинъ-единственный зналъ лично Эраста Козодоева и, что хуже всего, въ то время, когда тотъ былъ «еще не велика птица», имѣлъ съ нимъ столкновение, и пренепріятное. Зналъ также, какъ и почему Козодоевъ «въ случай» попалъ и кто за его спиной стоитъ.

А въ городѣ шушукали:

— Двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ не ужиться! «Новый»-то не то, что нашъ князь или Покрышкинъ! Нѣ-ѣ-тъ! Этотъ шутить не любитъ! Этотъ сейчасъ за ушко и на солнышко!

— Какъ за ушко? Кого? Его, генерала Пращурова? Столько лѣтъ привыкшаго приводить въ тренеть все окрестъ себя? Да я... да онъ... да они!.. возмутился и грозилъ Бардадымъ.

Но чѣмъ болѣе онъ возмутился и чѣмъ болѣе грозилъ, тѣмъ яснѣе самъ сознавалъ свое безсиліе.

А чѣмъ яснѣе сознавалъ свое безсиліе, тѣмъ болѣе раздражался и горячился.

Дня ужъ теперь не проходило, чтобы Бардадымъ кого-нибудь не распушилъ, не разнесъ, не пообѣщалъ въ Сибири сгноить. И что всего ужаснѣе—замѣчалъ, что всѣ его угрозы принимаются теперь какъ-то иначе. Осмѣлѣли потрясимвцы! И передъ появленіемъ новаго деспота на стараго какъ будто даже поплевывать начали. Поверженный кумиръ не становится, вѣдь, даже и чело-вѣкомъ, а просто грудой разбитой глины.

И Богъ знаетъ, до какихъ униженій пришлось бы дожить Бардадыму, если бы онъ... не умеръ.

Недѣли за двѣ до приѣзда новаго губернатора Бардадыма хватилъ ударъ. Никого возлѣ него, кромѣ камердинера Фрола да «довѣренной женщины» Агаеюшки, не было. Умиралъ онъ, какъ и жилъ, мрачно и одиноко. Сознанія не потерялъ до послѣдней минуты, рѣчь же была настолько несвязна, что понималъ его одинъ Фролъ. Сына хотѣлъ къ себѣ вызвать, но тотъ въ первый разъ ослушался отца и не приѣхалъ. По причинѣ, впрочемъ, весьма уважительной: жена его, ходившая уже, что называется, на послѣдяхъ, оступилась на лѣстницѣ и упала и теперь лежала въ жестокихъ мученіяхъ. Ждали преждевременныхъ родовъ.

Старикъ злился, волновался, бормоталъ что-то и этимъ, конечно, только ускорялъ развязку. Наконецъ прискакалъ нарочный изъ Дѣдова съ коротенькой запиской отъ Макара Даниловича Ахтерева. Фролъ распечаталъ ее и вслухъ прочиталъ больному:

«Преждевременно родился младенецъ мужскаго пола—мертвый».

— Мер...д...равцы!..—захрипѣлъ Бардадымъ, не въ силахъ уже правильно выговорить свое любимое слово.

Потомъ захрипѣлъ еще сильнѣе, перекосясь и испустилъ духъ.

Такъ онъ и предсталъ передъ Всевышнимъ Судьей съ незасты-шимъ еще ругательствомъ на губахъ...

Похороны Бардадыма отличались многолюдствомъ, но не торжественностью, а скорѣй какою-то смущенностью. Провожавшимъ, очевидно, хотѣлось радоваться, но простое приличіе не позволяло этого, и потому всѣ какъ-то избѣгали разговоровъ другъ съ дру-гомъ: по крайней мѣрѣ никто не говорилъ о покойникѣ. И рѣчей на могилѣ не было...

А когда троекратный залпъ наряженной для похоронъ воинской части возвѣстилъ, что Бардадымъ опущенъ въ могилу и болѣе

оттуда не выйдетъ, всё какъ-то облегченно вздохнули и поспѣшно разѣхались по домамъ.

Но зато на другой день такое поднялось у насъ въ городѣ о покойникѣ судаченъе, что хоть святыхъ вонъ выноси! Вспоминались всё старыя обиды, вспоминались жертвы этого изверга, и немало проклятій осѣнило его угрюмую могилу...

Но вотъ пріѣхалъ новый Бардадымъ — губернаторъ Эрастъ Александровичъ Козодоевъ — и съ первыхъ же шаговъ проявилъ такую «кипучую» дѣятельность, что сразу вышибъ память о старомъ. И городъ Потрясимовъ преклонился и затрепеталъ передъ новымъ идоломъ.

А если про стараго и вспоминали иногда, то не иначе, какъ недоумѣнно пожимая плечами и разводя руки:

— Ну, скажите ради Бога! Съ чего мы боялись этого стараго пугала. Чучело огородное — и не больше быть!.. И вліянія у него никакого въ Петербургѣ, оказывается, не было! И самъ его графъ Борисъ Андреевичъ, оказывается, тоже неважное кушанье!.. А, вѣдь, подите-ка! Какъ трепетали!.. Навожденіе какое-то! Право, навожденіе! — говорили одни.

— Конечно, навожденіе! — подтверждали другіе. — Такъ, ничтожная мразь была, а мы передъ нимъ спину гнули! Ну, развѣ можно его, напримѣръ, сравнить съ нынѣшнимъ нашимъ губернаторомъ, Эрастомъ Александровичемъ Козодоевымъ. Это, дѣйствительно, вліятельная особа! А тотъ... такъ, тьфу!.. Навожденіе!

Да, навожденіе! Однако, это навожденіе около двадцати лѣтъ гнуло въ дугу городъ Потрясимовъ и всѣхъ его обывателей.

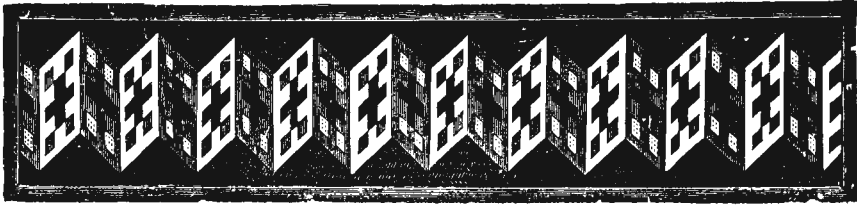
— Ну, скажите, чѣмъ же объяснить это? — обратился я еще недавно съ этимъ вопросомъ къ одному старому потрясимовцу.

И онъ мнѣ отвѣтилъ страннымъ парадоксомъ:

— Ахъ, сударь мой! Если мы будемъ стараться логически объяснять сущность русской жизни, мы совершенно уклонимся отъ житейской правды.

Вл. А. Тихоновъ.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ¹⁾.

XXXVIII.

Союзъ русскихъ писателей.—Обстановка.—«Отлученіе» графа Л. Н. Толстого.—
Мое знакомство съ авторомъ «Войны и Мира».

Въ 1891 году я былъ выбранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ союза русскихъ писателей и въ каждую мою бытность въ Петербургѣ посѣщалъ скромную квартиру этого союза. Въ одной довольно большой комнатѣ происходили обычныя собранія членовъ и правленія, бывали небольшіе концерты, чтенія и проч. Одну комнату занимала библиотека, другая находилась подъ чайной и буфетомъ. Было уютно въ этомъ помѣщеніи, напоминавшемъ не клубъ и не собраніе, а совершенно частную, безъ претенціозности, квартиру. Правда, дѣлового, справочнаго тоже не было въ этомъ молодомъ учрежденіи, дѣловитость предполагалась въ будущемъ, когда разовьется союзъ и когда онъ будетъ обладать достаточными средствами, которыя состояли исключительно изъ однихъ десятирублевыхъ годовыхъ взносовъ. Союзъ представлялъ собой мѣсто не только для дѣловыхъ литературныхъ собраній по тому или другому вопросу, но возможность отдыха и тихой бесѣды за вечернимъ чаемъ когда за длиннымъ столомъ буфета можно найти своихъ знакомыхъ, а въ крайнемъ случаѣ познакомиться съ присутствующими членами.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІV, стр. 95.

Я всегда, хотя на короткое время, заходилъ въ «союзъ», изъ котораго расходились обыкновенно поздно, около трехъ часовъ ночи. Въ одинъ прекрасный день по Петербургу быстро разнеслась вѣсть объ отлученіи отъ православной церкви писателя графа Л. Н. Толстого. Этотъ регламентъ синода создалъ или, вѣрнѣе, прибавилъ еще большую популярность къ той, которою давно уже пользовался Толстой. Не только интеллигентные, но и простые люди были противъ такого акта...

— Что онъ, Дмитрій Самозванецъ, что ли?—говорилъ мнѣ одинъ богобоязненный старичокъ.—Онъ и въ Бога и въ Христа вѣруетъ, какъ дай Богъ всякому, а ну-те!.. потому что онъ ихъ за сребролюбіе пробираетъ! за корысть къ деньгамъ и къ суетѣ житейской. Да-съ... знаемъ мы.

— Напрасно! какъ можно!—говорили приказчики, конторщики.—Такого уважаемаго, всемірнаго писателя и вдругъ въ родѣ какъ бы анаѳемъ...

Выходкой высшаго духовенства были недовольны родовитые дворяне, военные и просто всякіе люди, за исключеніемъ изувѣровъ и монаховъ, да и то не всѣхъ. Ну, а о писателяхъ и говорить нечего! Ничего въ этой средѣ, кромѣ озлобленія, не нашель бы «сонмъ праведныхъ». Мало того, въ литературной средѣ разразилась цѣлая буря, чему я былъ свидѣтелемъ въ этотъ вечеръ въ помѣщеніи союза. Комнаты помѣщенія были переполнены народомъ, право, было трудно протискаться изъ одной въ другую. На этотъ разъ собрались не только члены, но, я думаю, и посторонніе люди, близкіе литературѣ.

Н. Ѳ. Анненскій (предсѣдатель собранія) прочелъ телеграмму, полную глубокаго сочувствія Л. Н. Толстому. Во время чтенія присутствующіе стояли, а по окончаніи привѣтствовали текстъ телеграммы продолжительными и замѣчательно единодушными рукоплесканіями. Подъемъ настроенія былъ высокій. Когда я вернулся въ Москву и случайно на улицѣ встрѣтилъ Льва Николаевича, то спросилъ, доволенъ ли онъ присланной ему отъ «союза» телеграммой; хорошо не помню, что именно онъ отвѣтилъ, но помню выраженіе лица и улыбку, которая обыкновенно появляется у чловѣка при хорошемъ воспоминаніи.

— Ничего другого «отъ нихъ» я не ожидалъ и потому «ихъ» анкета лично на меня не произвела никакого впечатлѣнія,—сказалъ онъ и добавилъ:—напрасно придавать всему этому особенное значеніе!

Познакомился я съ графомъ Л. Н. Толстымъ въ концѣ 80-хъ годовъ и вотъ по какому случаю. Была у меня одна знакомая, странная такая, отецъ ея былъ помѣщикъ Тульской губерніи и даже сосѣдъ по имѣнію съ Толстымъ. Знакомая, назову ее хотя Ивановой, ибо не въ ней въ сущности дѣло, жила одиноко въ

Москвѣ, жила по-студенчески. Я иногда ее навѣщалъ и выслушивалъ ея странныя соображенія. То она затѣваетъ какое-нибудь общество, то собирается ѣхать къ голодающимъ и проч. Надо прибавить, что она была народница. Какъ-то вечеромъ, часовъ въ шесть захожу къ ней. Встрѣчаетъ она меня взволнованная, говоритъ:

— Знаете, что я придумала?

— Нѣтъ, говорю я, а что именно?

— Мы только болтаемъ о народѣ,—заговорила она съ жаромъ:—но ничего для его пользы не дѣлаемъ. Живемъ въ городахъ, хорошо ѣдимъ, пьемъ разныя вина, а народъ тамъ бѣдствуетъ, болѣетъ, можетъ быть, голодаетъ, а мы ничего! Что же, по-вашему, такъ ничего и не дѣлать? ждать у моря погоды?

— Этого я не думаю и не говорю, хотя, по правдѣ сказать, практически не знаю, можно ли что сдѣлать именно сейчасъ!

— Конечно!—продолжала она съ жаромъ:—вы только слушайте, какъ все это просто: я обдумала, сообразила. Если составить такое общество, вѣрнѣе общественную кассу и собирать деньги, кто что въ состояніи дать. Самый маленькій процентъ отъ жалованья, заработка... Вы, напримѣръ, сколько зарабатываете? Небось рублей полтора-два въ мѣсяцъ. Сколько же можете пожертвовать въ кассу?

— Въ какую кассу?

— Весь нашъ кружокъ знакомыхъ будетъ откладывать деньги и мы будемъ народу помогать натурой. Напримѣръ, въ какой-нибудь деревнѣ у крестьянина падетъ лошадь, мы ему купимъ коня; сгоритъ изба, выстроимъ новую; кончится хлѣбъ, прикупимъ, и т. д. Что же? не согласны?

— Денегъ малую толику могу давать ежемѣсячно... но...

— Что но!.. дѣлать не вы, а другіе будутъ, хоть только да-вайте, а то все равно по ресторанамъ истратите. Эхъ, вы, народники!..

Что будешь дѣлать и что спорить съ такой особой! Надо прибавить, что мы давно поговаривали съ ней пойти къ Л. Н. Толстому, но я стѣснялся.

— Когда же пойдемъ къ Льву Николаевичу?—говорила Иванова.

— Да, знаете, какъ-то неловко!..

— Ну, вотъ... Онъ вѣдь всѣхъ принимаетъ... понимаете, всѣхъ. Поѣдьте сейчасъ... самое время. Ну, нечего толковать; мнѣ надо съ нимъ переговорить!

Иванова стала одѣваться. Дѣлать было нечего, наняли извозчика, и я поѣхалъ, по правдѣ сказать, въ тревожномъ настроеніи. Въ самомъ дѣлѣ поѣхали точно къ какому студенту, а не къ великому русскому писателю.

Буду рассказывать о нашемъ визитѣ подробно, насколько помню. Собственный домъ графа Толстого въ Долгохамовническомъ пере-

улки расположенъ на дворѣ и частью въ садочкѣ. Мы вошли въ переднюю, гдѣ встрѣтилъ насъ слуга, очень прилично одѣтый.

— Графъ Левъ Николаевичъ дома? принимаетъ?—спросили мы.

— Какъ о васъ доложить?—въ свою очередь, освѣдомился онъ, притомъ довольно привѣтливо. Мы сказали фамилии, и человекъ поднялся наверхъ.

Возвратился онъ скоро со словами: «пожалуйте, я васъ проведу къ графу».

Мы поднялись во второй этажъ, прошли направо по коридору и очутились въ небольшой комнатѣ графа. Комната была квадратная, съ четырьмя окнами по двумъ сторонамъ (по 2 на каждой) Большой письменный столъ налѣво отъ входной двери, за которымъ у стѣны шкапъ съ книгами, затѣмъ кожаный стариннаго образца диванъ и кожанья удобныя кресла—вотъ и вся обстановка Льва Николаевича. Насъ встрѣтилъ почти на порогѣ человекъ немного выше средняго роста, плотный и довольно статный, лѣтъ подъ шестьдесятъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую блузу, изъ-подъ ворота которой была видна обыкновенная холщевая рубаха. Человекъ изъ-за густыхъ бровей смотрѣлъ на насъ своими сѣрыми пронизательными глазами.

— Откуда вы?—спросилъ онъ.

Мы молчали. Я отъ волненія, Иванова не знаю отчего.

— Я спрашиваю,—говорилъ хозяинъ:—здѣшніе ли вы, московскіе, или приѣзжіе?

— Здѣшніе,—отвѣчали мы и по его приглашенію сѣли. Послѣ минутнаго молчанія заговорила быстро, что называется, татараторила, моя спутница.

— Мы пришли къ вамъ,—собственно я имѣю это дѣло,—поправилась она,—пришли, чтобы пригласить васъ принять участіе въ одномъ добромъ дѣлѣ...

Толстой слушалъ молча, хмурая брови.

— Я предложила своимъ знакомымъ,—продолжала Иванова,—на откладываемыя каждымъ деньга устроить кассу, чтобы помогать народу. Падетъ лошадь у мужика, купить ему тотчасъ же другую; сгоритъ изба, выстроить ему новую... Понимаете меня? Польза будетъ существенная и быстрая.

Но Толстой перебилъ разошедшагося было оратора.

— Скажите, пожалуйста,—промолвилъ онъ серьезно:—какое право вы имѣете брать деньга у однихъ и отдавать ихъ другимъ?

— Право помогать тому, кто нуждается,—отвѣчала Иванова.

— Да никакого права на это вы не имѣете!—уже раздражительно говорилъ писатель.—Имѣете право помогать своимъ трудомъ—да! это ваше неотъемлемое право. Помогите своей работой и отношеніемъ. тому, кто въ этомъ нуждается, но не деньгами, ибо

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1908 г., т. сxiv.

деньги или денежная помощь есть зло! Филантропія самое безнравственное явленіе, какое только существуетъ въ мірѣ.

— Но позвольте, Левъ Николаевичъ, положимъ, я иду и встрѣчаю на дорогѣ умирающаго съ голода человѣка. Что я должна сейчасъ же сдѣлать? Купить и дать ему хлѣба! Ну, а если у меня нѣтъ денегъ, то я должна пройти мимо, не оказавъ помощи, и человѣкъ умретъ!

— Ваши соображенія слишкомъ наивны, — сказалъ и улыбнулся графъ.

Въ моей памяти осталась эта улыбка, во время которой люди думаютъ о грустномъ, печальномъ.

— Вы хотите помогать народу, т. е. мужику-земледѣльцу, — началъ графъ покойнымъ тономъ:—но отчего не людямъ вообще? Вы выбираете для своей филантропической дѣятельности самый сильный и самый полезный элементъ—мужика?

— Мужикъ больше нуждается, — быстро говорила Иванова:— мужикъ даже голодаетъ, сидитъ вовсе безъ куска хлѣба... а вы...

— Позвольте, — перебилъ ее Толстой. — Вотъ теперь въ Индіи голодь... Гдѣ вы найдете столько хлѣба, чтобы удовлетворить сотни тысячъ голодныхъ? Такъ и будетъ, пока не переѣнятся отношенія экономическія, соціальныя. Но, можетъ быть, васъ интересуетъ вопросъ, какъ жить и что дѣлать вамъ лично? Тогда другое дѣло, но опять-таки деньги здѣсь ни при чемъ... Вы хотите жить не только для себя, но и для другихъ... Прекрасно и благородно! Если вы изъ шестнадцати часовъ въ день будете отдавать другимъ четыре часа и для себя жить въ теченіе двѣнадцати, то это хорошо, но если для себя восемь и для другихъ такое же количество времени, разумѣется, лучше. Но представьте себѣ, что вы устроились такъ, что для себя, своихъ нуждъ довольствуетесь только четырьмя часами, а всѣ остальные расходуете для другихъ, то это великолѣпно, тогда вамъ можно дѣйствительно завидовать...

Мы слушали писателя, и я думалъ, какъ это легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно, а главное просто.

— Жить для другихъ значитъ этимъ другимъ отдавать свой трудъ, свою душу и сердце, жить нужно не только ежечасно, но даже ежеминутно... Не слѣдуетъ терять того, что можно сдѣлать сейчасъ, сію минуту... Человѣкъ, живущій не для себя, а для другихъ, повсюду вноситъ довольство и радость не только въ среду нуждающихся, но и сравнительно довольныхъ... Ему ничего не нужно, онъ всѣмъ доволенъ, его настроеніе ровно, жизненно, а другой, живущій для себя, вѣчно самъ съ собою, своими капризами, желаніями... У меня былъ такой родственникъ, съ которымъ тяжело и нудно жило, который собою всѣхъ угнеталъ, и былъ пріятель Ге, котораго всѣ любили, всѣ ему были рады и съ которымъ чувствовалось каждому хорошо, потому что для всякаго

онъ готовъ былъ служить, а ему самому ничего не было нужно... Вотъ два антипода...

Разговоръ продолжался, но Толстой не былъ доволенъ Ивановой, которая, видимо, его раздражала. Пришла его дочь, Марья Львовна, которой отецъ предложилъ что-то показать Ивановой, и онѣ ушли.

— Скажите, Левъ Николаевичъ, какъ бы вы поступили въ томъ случаѣ, если бы вамъ хотѣлось жить простой трудовой жизнью среди, положимъ, мужиковъ, а жена и вообще близкіе люди смотрѣли бы на такую жизнь съ ужасомъ, привыкнувъ и свыкнувшись съ внѣшней культурой столицы?

— Вопросъ этотъ не такой простой, какъ вы, можетъ быть, думаете!.. Нѣкоторые его рѣшаютъ просто и расходятся. Это неправильно: человѣкъ не можетъ насиловать волю другого человѣка, пусть стремленіе одного выше другого. Простая трудовая жизнь, конечно, чище и выше сложной, такъ называемой культурной жизни, наполненной ненужностями и вещами, угнетающими человѣка... Но какъ быть? Вы не имѣете никакого права вносить вашимъ близкимъ въ ихъ жизнь страданіе. Страдайте самъ и убѣждайте своими дѣлами, поступками, что та ваша простая жизнь лучше и справедливѣй ихъ фальшивой жизни. Видя ваши страданія, можетъ быть, они перемѣнятъ свои взгляды и пойдутъ съ вами!

Мы разстались, поговоривъ немного объ общемъ знакомомъ С. В. Пенскомъ, съ которымъ въ молодости Левъ Николаевичъ много охотился. Я получилъ приглашеніе бывать вечерами.

Разскажу про другое мое посѣщеніе Льва Николаевича. Помню, это былъ праздникъ, воскресенье, и я пришелъ вмѣстѣ съ Л. П. Никифоровымъ, благороднымъ шестидесятникомъ, бывшимъ когда-то богатымъ землевладѣльцемъ Тверской губерніи и отдавшимъ безъ всякой платы всю свою землю крестьянамъ. Въ то время онъ жилъ переводами преимущественно съ англійскаго языка; нѣкоторыя статьи и брошюры Никифоровъ переводилъ по указанію Толстого, съ которымъ находился въ самыхъ искреннихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Когда мы вошли въ комнату писателя, онъ былъ не одинъ. Сидѣло трое рабочихъ близкой фабрики. Двое лѣтъ сорока, черноватыхъ, одѣтыхъ въ новые чернаго сукна пиджаки, косоворотки и съ высокими голенищами сапоги. Третій былъ блондинъ, молодой, лѣтъ 22-хъ, одѣтый нѣсколько небрежнѣе первыхъ, солидныхъ. Этотъ молодой весь горѣлъ въ своемъ настроеніи и такимъ восторженнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Толстого, что его и безъ того симпатичное русское лицо казалось живымъ, мыслящимъ и красивымъ. Толстой въ своей блузѣ, заложивъ руки за поясъ, ходилъ по комнатѣ, и его лицо свѣтилось радостью, а мягкая,

нѣжная улыбка не сходила съ его губъ. Въ небольшой комнатѣ чувствовалось такъ уютно и тепло. Говорилъ молодой рабочій о впечатлѣннѣи, которое на него произвела книга Генри Джоржа. Онъ былъ въ восторгѣ отъ земельной реформы автора, суть ученія котораго прекрасно усвоилъ, ибо рассказывалъ просто, по-своему.

— Не правда ли, брильянтъ?—тихо сказалъ мнѣ Толстой.

Я просто не узналъ Льва Николаевича, до того выраженіе лица его было счастливое, какое-то праздничное... Такимъ я послѣ никогда не видалъ его, глубокая мысль всегда держала его въ тискахъ, и строгость сковывала черты его лица.

Толстой давалъ рабочимъ книги изъ своей библіотеки, и они аккуратно возвращали ихъ по праздникамъ, когда приходили кстати побесѣдовать о прочитанномъ. Такъ и въ этотъ день... Но вошли, къ сожалѣнію, новые гости: Хлудовъ, Перлова и В. Ф. Орловъ. Послѣдній бы не нарушилъ настроенія, это былъ свой человѣкъ, но первые двое фабриканты, люди не простой жизни. Помню, Хлудовъ сейчасъ заговорилъ, а Толстой нахмурился и по обыкновенію ушелъ въ себя. Картина перемѣнилась, и рабочіе поднялись, чтобы уходить.

— Постоите,—сказалъ хозяинъ:—сейчасъ я дамъ книги! Читайте пожалуйста хорошія книги, вреда отъ нихъ не будетъ... Да не знакомьтесь съ социалистами и революціонерами, особенно вы, горячая голова.

Послѣдняя фраза относилась къ молодому рабочему. Они ушли. Софья Андреевна насъ пригласила къ чаю. Красивая блондинка Перлова была одѣта вся въ черномъ съ большимъ золотымъ крестомъ на груди, какъ носятъ священники. Я спросилъ Льва Николаевича, почему такой крестъ; можетъ быть, это что-нибудь значить? но онъ только махнулъ рукой, не сказавъ ничего.

Владимиръ Ѳедоровичъ Орловъ любопытная личность изъ пострадавшихъ, любопытная и талантливая, но сошедшая на нѣтъ! Онъ изъ духовнаго званія, Владимирской губерніи, съ характернымъ нарѣчіемъ на о. Бывшій сельскій учитель, онъ привлекался къ процессу такъ называемыхъ «нечаевцевъ», былъ сосланъ въ Сибирь, откуда по минованіи надобности возвращенъ и жилъ въ Москвѣ, занимая должность учителя желѣзнодорожнаго училища. Орловъ былъ образованный человѣкъ въ религіозно-философскомъ духѣ, обладалъ рѣдкой памятью и большой эрудиціей. Владимиръ Ѳедоровичъ, къ сожалѣнію, страдалъ русскимъ порокомъ, причемъ былъ «слабъ на голову», не помнилъ, что онъ творилъ въ такомъ видѣ. И безъ того нервный, крайне впечатлительный, деликатный, онъ страдалъ отъ этого сильнѣе, чѣмъ надо, представляя случившееся въ увеличенномъ видѣ.

Какъ рассказчикъ изъ народнаго быта, въ передачѣ своихъ собственныхъ наблюденій, Орловъ былъ замѣчательнъ. Истинное

наслажденіе его было слушать, когда онъ бывалъ въ расположеніи. Левъ Николаевичъ искренно любилъ и уважалъ Орлова, какъ безусловно искренняго до послѣдней степени человѣка, честнаго въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Вспоминая Орлова, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о его друзьяхъ, покойныхъ братьяхъ Орфано, Александрѣ и Алексѣ Герасимовичахъ, которыхъ я тоже знавалъ. Это были братья антиподы, но страстно любившіе другъ друга. Алексѣй, небольшого роста, съ горбиной и кривыми ногами, былъ атеистъ и въ нѣкоторомъ родѣ циникъ. Александръ, красивый, стройный, былъ религіозенъ истинно по-христіански. Человѣкъ, который въ жизни дѣйствительно снималъ послѣднюю рубашку и отдавалъ ее немущему.

Объ его исторіи я слышалъ. Блестящій гвардейскій офицеръ, по политическому дѣлу онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ съ нимъ произошелъ нравственный переворотъ. Онъ сталъ молиться... Да какъ молиться... до самозабвенія, до физическихъ страданій. Онъ зажигалъ бумагу, становился на огонь голыми колѣнами и затѣмъ на этихъ колѣнахъ по цѣлымъ днямъ молился. Выпущенный изъ крѣпости на свободу, Орфано долгое время носилъ тяжелыя вериги. Онъ много читалъ, работалъ въ философски-религіозномъ направленіи, нѣкоторое время былъ очень близокъ съ Л. Н. Толстымъ, но, кажется, впоследствии, не знаю почему, они разошлись.

А. Г. Орфано, не имѣя никакихъ средствъ, служилъ въ управленіи М.-Врестской дороги, гдѣ со стороны инженеровъ и товарищей-сослуживцевъ пользовался огромной популярностью, какъ человѣкъ «не отъ міра сего».

Братъ его А. Г., рѣзкій реалистъ, былъ тоже прекрасный и благородный человѣкъ, онъ пожималъ плечами и удивлялся своему брату, дѣйствительно идеалисту самой чистѣйшей пробы. Москва братьевъ Орфано знала хорошо. Я говорю, конечно, про интеллигентную Москву.

XXXIX.

Мой уходъ со службы. Американская журналистика.

«Служить» становилось хуже и нуднѣе. Владимиръ Карловичъ фонъ-Меккъ умеръ, вслѣдствіе слишкомъ «широкой» жизни. Его смерть отрицательно отразилась на жизни желѣзнодорожныхъ служащихъ: покойный предсѣдатель былъ все-таки добрый человѣкъ, у котораго маленькій агентъ могъ найти защиту; кромѣ того, В. К. былъ не жадный и не безсердечный человѣкъ.

Во главѣ правленія сталъ его братъ Н. К. фонъ-Меккъ, трезвый, точный исполнитель желѣзнодорожной дисциплины. Его пер-

вой ошибкой было повышеніе инженера Е. Е. Нольтейна, иностранца и ненавистника русскаго народа. Однимъ словомъ, «времена» стали быстро мѣняться, особенно съ постройкой большой вѣтви отъ Рязани до Казани, о которой долго и упорно хлопотали акціонеры Московско-Казанской дороги, чтобы при гарантіи правительства построить ее самимъ хозяйственнымъ способомъ, при облегченныхъ техническихъ условіяхъ.

Въ то время бывшій предсѣдатель губернской земской рязанской управы А. В. Алянчиковъ хлопоталъ о той же вѣткѣ, но чтобы провести ее отъ Муромъ до Казани, что сокращало путь на половину, а слѣдовательно и расходы, а при выгодности линіи давало доходъ казенной дорогѣ. Но дѣло-то было вовсе не въ нужности и выгодѣ, а исключительно въ постройкѣ дороги, а «тамъ хоть трава не расти». Облегченныя техническія условія сводились къ тому, чтобы даже капитальныя постройки были деревянныя, вагоны и паровозы старые и даже начальники станцій ходили бы лишь въ однѣхъ форменныхъ фуражкахъ, т. е. въ штатскомъ платьѣ. Верста постройки при этомъ считалась, кажется, въ тридцать пять тысячъ рублей.

У меня былъ пріятель военный инженеръ Н. М. Левачевъ, который между прочимъ построилъ московскую канализацію. Это былъ суровый инженеръ и страстный охотникъ. Вотъ во время этой пресловутой постройки Рязанско-Казанской линіи мы съ нимъ охотились въ Зарайскомъ уѣздѣ и ночевали около самой Зарайской вѣтки.

— А вѣдь эту вѣтку я строилъ,—говорилъ мнѣ Левачевъ, — и потому отлично знаю всѣ эти мѣста!

Мы разговорились вообще о желѣзнодорожныхъ постройкахъ.

— Сколько же стоила верста Зарайской линіи?

— По моему расчету семнадцать тысячъ рублей.

— И что жъ, ничего, построили?—спрашивалъ я.

— Какъ видите, довольно прочно!

— И не было никакихъ облегченныхъ техническихъ условій?

— Нѣтъ, не было. Вотъ за эту постройку я и жетонъ имѣю, а то дорого бы эти охоты обходились!

На моихъ глазахъ шли спѣшка и хлопоты о постройкѣ Рязанско-Казанской линіи. Главариами были заброшены текуція дѣла М.-Рязанской эксплуатаціи, и вся ихъ душа была сосредоточена на будущихъ гешефтахъ. Помилуйте, хозяйственный способъ постройки... а кто хозяева? Они, Меккъ, Антоновичъ, Нольтейнъ, Зміевъ и другіе. Всѣ они были строителями, къ нимъ примыкали и еще «нѣкоторые», особенные.

До полученія концессіи, конечно, шла агитація и въ прессѣ. Помню, «Русскія Вѣдомости», высказались за направленіе Рязань---Казань, были статьи и въ другихъ газетахъ. Я наблюдалъ, я ви-

дѣлъ, какъ жадная страсть къ наживѣ охватывала людей, знающихъ, гдѣ зимуютъ раки.

Постройкой линіи Рязань—Казань назначенъ былъ управляющій Московско-Казанской желѣзной дороги инженеръ путей сообщенія А. И. Антоновичъ, правой или лѣвой рукой Е. Е. Нольтейнъ. Организовалась главная строительная контора изъ своихъ людей, секретарей, бухгалтеровъ и даже конторщиковъ. Оклады назначались большіе, «способные» и ловкіе переходили съ дѣйствительной службы на строительную. Лично мнѣ никакихъ авансовъ не предлагали, я продолжалъ занимать прежнее мѣсто. Строители, впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ начали ко мнѣ относиться косо, какъ не къ своему человѣку и вдобавокъ еще, какъ къ литератору. Конечно, они скушали бы меня безъ остатка, ибо въ строителяхъ была вся сила и власть, если бы не новый управляющій, въ которомъ они ошиблись, и притомъ жестоко. Не будь его, постройка сошла бы гладко, что называется, шито и крыто, но что же дѣлать, когда нашелся измѣнникъ?!

Рязанско-казанскимъ строителямъ покровительство было сильное, но и то пришлось трудновато. Новый управляющій ранѣе занималъ должность начальника ремонта. Н. А. Рахманинъ былъ еще молодой инженеръ, немного формалистъ, но добрый въ сущности человѣкъ и неглупый, а въ очень скоромъ времени оказавшійся безусловно честнымъ. Правда, одни инженеры называли его измѣнникомъ, другіе человѣкомъ донт-кихотствующимъ, но ихъ мнѣнія и характеристика скорѣй характеризовали ихъ самихъ и среду, нежели Рахманина, который оставилъ во мнѣ свѣтлое воспоминаніе отъ недолгой службы на желѣзной дорогѣ и отъ людей, съ которыми я ежедневно приходилъ въ соприкосновеніе.

Дѣло въ томъ, что управляющій Московско-Рязанской дороги былъ тѣсно связанъ съ строителями Рязанско-Казанской дороги, такъ какъ правленіе было одно. Рахманинъ такъ или иначе все-таки участвовалъ, хотя бы со стороны, въ постройкѣ и, слѣдовательно, по этой послѣдней части долженъ подписывать нѣкоторыя бумаги. И вотъ Рахманинъ не только не подписалъ этихъ нѣкоторыхъ бумагъ, но поѣхалъ въ Петербургъ и лично заявилъ министру путей сообщенія, что никогда такихъ бумагъ подписывать не будетъ.

Вышелъ, такимъ образомъ, скандалъ и заварилась «каша»!

Назначено было слѣдствіе, которое производили полковникъ Шиловскій (впослѣдствіи начальникъ Московско-Брестской желѣзной дороги) и инспекторъ Сальковъ. Н. А. Рахманинъ долженъ былъ, не знаю вслѣдствіе какихъ соображеній, покинуть мѣсто управляющаго дорогой.

Мѣсто его занялъ Е. Е. Нольтейнъ, и мнѣ пришлось уходить со службы, бѣжать сейчасъ же. Все равно, по правдѣ сказать, ни при какихъ условіяхъ я бы не остался среди той грязи и неуря-

дицы, которая объявилась вмѣстѣ съ постройкой и особенно при слѣдствіи, произведенномъ Шиловскимъ, который мало, впрочемъ, что обнаружилъ. Пострадали отъ этого слѣдствія: репутація дороги, вообще строители, а изъ лицъ: Антоновичъ и Рахманинъ. Не правда ли, странно такое сопоставленіе? Только въ нашемъ миломъ отечествѣ, при его порядкахъ, могли сопоставить эти два имени, одно—афериста, другое—честнаго человѣка.

Мало того, послѣ своего «донъ-кихотскаго» поступка Н. А. лишился службы и въ качествѣ опытнаго инженера долгое время не могъ таковой найти ни на частной, ни на казенной службѣ. Послѣднее для меня совсѣмъ непонятно, хотя отношенія частныхъ желѣзнодорожниковъ къ такому инженеру-администратору меня нисколько не удивляютъ!

Что такое въ самомъ дѣлѣ желѣзнодорожное хозяйство и администрація?

Такъ называемое счетоводство или желѣзнодорожная бухгалтерія это штука особенная, спеціальная, какая-то смѣсь стараго помѣщичьяго счетоводства съ новѣйшими приспособленіями счетности. Кто собственно стоитъ во главѣ службъ при расчетахъ и отчетахъ? Старшіе конторщики, счетоводы, люди почти безъ всякаго образованія, тѣмъ болѣе спеціальнаго.. И замѣйте, что при каждомъ дѣльцѣ-инженерѣ, управляющемъ, начальникѣ пути, непременно свой счетоводъ, который знаетъ, какъ, куда снести и отнести,—можетъ составить лихую смѣту. Конечно, въ правленіи имѣются настоящіе бухгалтеры, а въ службахъ дѣла ведутся по-своему, облегченнымъ способомъ.

По правдѣ сказать, самъ чортъ не разберетъ въ ихъ счетоводствѣ!

Въ управленіи, когда я служилъ, главнымъ счетоводомъ былъ портной, очень умный человѣкъ, его смѣнилъ нѣкто П., положительный дуракъ, но оба одинаково хорошо вели дѣло. Почему? Потому, что П. былъ подручный портного и послѣдній его научилъ желѣзнодорожной бухгалтеріи.

Полковникъ Шиловскій много времени потратилъ на просмотръ счетныхъ книгъ и ничего не понялъ и не извлекъ изъ китайской тарабарщины. Нѣкоторыя книги, какъ я слышалъ, подавались свѣженькими, только что переписанными въ одну ночь героями Горькаго, жителями ночлежныхъ домовъ. Не знаю, живъ ли Шиловскій, но Н. А. Рахманинъ здравствуетъ, и попрежнему, кажется, бѣдствуетъ, припоминая, вѣроятно, русскую пословицу: «съ сильнымъ не борись!»

Да, тогда по связямъ, по положенію представители этого богатого акціонернаго общества изображали собой силу, съ которой было трудно бороться.

Но типичны эти желѣзнодорожники, особенно счетоводы. Они такъ окунулись въ счеты и расчеты, до того свыклись съ под-

рядчиками и желѣзнодорожной рутинной, что самая жизнь внѣ этой сферы для нихъ представляется невысказанной.

Я никогда не забуду одной маленькой картинки, которая на меня произвела тяжелое впечатлѣніе и мнѣ стало обидно за человѣка. Помню, главный счетоводъ П. ждалъ доклада. Управляющій былъ занятъ съ начальникомъ движенія. Я занимался въ своей комнатѣ, куда онъ пришелъ, сѣлъ около меня и сталъ уныло глядѣть. П. мнѣ показался больнымъ.

— Что съ вами?—спрашиваю.

— Что-то дѣйствительно въ послѣдніе дни плохо себя чувствую,—отвѣчалъ счетоводъ, и глаза его блуждали, и самъ онъ былъ блѣденъ, какъ бумага.

— Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ я:—вамъ бы не мѣшало по-лечиться и отдохнуть.

Онъ какъ-то пугливо посмотрѣлъ на меня.

— Ничего бы отдохнуть,—согласился онъ.

— Вы давно не брали отпуска?

— Что вы? да я никогда..

— Что никогда?

— Никогда за все время своей службы не бралъ отпуска,—отвѣчалъ онъ, какъ бы удивляясь.

— А сколько лѣтъ служите?

— Двадцать будетъ...

— Ну, вотъ теперь и возьмите,—совѣтовалъ я:—да и поѣзжайте на Кавказъ, въ Кисловодскъ, что ли!

Счетоводъ печально улыбнулся.

— Что вы? мнѣ да на Кавказъ? Я тамъ со скуки помру, безъ дѣла!

— А природа? отдыхъ?—удивился я.

— Какая природа—продолжалъ П.:—этого я не понимаю!

Я посмотрѣлъ на него: онъ былъ жалокъ и печаленъ. Да, настоящій желѣзнодорожникъ, для котораго чужда природа и родственны счета подрядчиковъ!

Другой типъ, администраторъ и секретарь. Слезящіяся глаза и два пальца въ мозоляхъ отъ постоянного писанія. Бумага, чернила и перо его стихія. Они, эти дешевыя вещи, создали ему карьеру въ шесть тысячъ рублей жалованья въ годъ. Всегда непреклонно, твердо остріе стального пера выражало, скользья по бумагѣ, мысли его начальника, выражало такъ витіевато, такъ законно, что даже пакость, изложенная закоулками, походила на циркуляръ.

«Господи!—думалъ я.—Да вѣдь это проданныя души... именно души!»

Познакомившись и изучивъ до нѣкоторой степени секретаря, я былъ пораженъ гнѣбностью натуры человѣка,—я говорю о нравственной его сторонѣ.

— Я, батюшка мой, Семенъ Ивановичъ, дюжину управляющихъ пережилъ! Разные были... взбалмошные, просто звѣри и ласковые политики, эти послѣдніе самые опасные... Но ничего! ко всѣмъ приспособился... Какая-нибудь недѣля пройдетъ, онъ глянетъ, а я знаю, что ему нужно; мало того, у меня ужъ и черновикъ заготовленъ!..

— Да вы просто психологъ, Владимиръ Ивановичъ!

— А какъ же безъ этого! Въ моментъ скушаютъ, безъ остатка! Вы вотъ годъ служите, а сути дѣла не понимаете... и никогда не поймете, потому что вы литераторъ!.. А литераторы, извините меня, не только не нужны намъ, а вредны, да-съ! Вѣдь наше дѣло, дѣло домашнее, мы все можемъ, мы какъ хотимъ, такъ и повернемъ! Что положеніе? что департаментскіе циркуляры, приказы? вотъ!..

И секретарь, вытянувъ ладонь правой руки, дулъ на нее.

— Вотъ къ примѣру,—продолжалъ удивительный человѣкъ,—возьмите хотя бы отдѣлъ происшествій и случаевъ. Да развѣ въ какомъ-либо несчастіи виновна администрація дороги? Всегда, во всемъ виноваты жертвы... и жандармскій протоколъ и техническій показываютъ, что дорога ни при чемъ, дорога предупредила, принимала мѣры, а вотъ эти искалѣченные стрѣлочники, сѣѣпщики и пассажиры лѣзутъ на рожонъ, имъ просто нравится быть безъ ноги или руки. Что съ этимъ подѣлаешь? Да еще, безсовѣстные, пособіе выпрашиваютъ!..

— Однако это слишкомъ, Владимиръ Ивановичъ!

— Что слишкомъ? Сами знаете! Смотрѣть на дѣло по человѣчеству—одно, а смотрѣть по желѣзнодорожному—другое! Надо знать, чему служить...

И секретарь зналъ, прекрасно это зналъ, онъ сегодня сжигалъ, чему поклонялся, и завтра поклонялся иному и дѣлалъ это вовремя, не теряя минуты, и былъ правъ.

И вотъ наконецъ наступилъ день, когда я покинулъ этихъ людей, ихъ логику и ихъ дисциплину. Мнѣ было и странно и легко, будущаго я не боялся, капиталовъ мнѣ не зарабатывать, а на хлѣбъ насущный достану и какъ ни на есть буду полезень литературѣ, связи съ которой за это время у меня расширились и нѣкоторымъ образомъ окрѣпли. Въ это время М. М. Ледерле выпускалъ второе (дополненное) изданіе моихъ «Очерковъ и разсказовъ».

Тогда я познакомился съ миссъ Елизаветой Томасъ, журналисткой, пріѣхавшей изъ Филадельфіи специально для изученія русскаго земледѣльческаго народа. Невысокаго роста, худая, какъ щепка, некрасивая, чопорная, американка производила впечатлѣніе дѣловой, съ привычками и характеромъ женщины. Ей было лѣтъ двадцать пять. Безукоризненно одѣтая, въ узкихъ перчаткахъ, съ холоднымъ блескомъ сѣрыхъ глазъ, миссъ сидѣла передо мной и

на ломанномъ русскомъ языкѣ дѣлилась своими впечатлѣніями, по которымъ сразу можно было догадаться объ ея несимпатичномъ отношеніи къ Старой Европѣ и ея интересу къ Россіи, собственно народу, посмотрѣть на который она пріѣхала изъ-за океана.

— Вы изъ Петербурга?—спрашивалъ я.—Какъ понравилась вамъ наша первая столица?

— О, нѣтъ, Петербургъ европейскій городъ, неинтересный! Вотъ Москва красивый очень!

— Почему Москва красивѣе?

— О, какъ можно! столько красивыхъ церквей! не такой порядокъ, какъ въ Европѣ... Оригинальна Москва!

Я подумалъ, можетъ быть, она права, мы не замѣчаемъ своеобразной красоты стараго города, а она свѣжій, непосредственный наблюдатель. Миссъ Томасъ, кромѣ своего родного языка, ни на какомъ другомъ не объяснялась. Русскій языкъ она изучила, когда рѣшено было ѣхать въ Россію, по русскимъ книгамъ, сама, безъ чужой помощи и говорила такъ, что мы понимали другъ друга. Съ интеллигенціей, съ писателями, кромѣ народниковъ, она познакомиться не пожелала, вся ея задача и цѣль видѣть мужика въ его обычной обстановкѣ, въ деревнѣ. Вотъ объ этомъ она и просила меня, чтобы ей доставить случай. Мы потомъ дѣйствительно доставили ей двѣ поѣздки: въ Московскую губернію (Клинскій уѣздъ) и Нижегородскую (Луцкянскій), и она крайне была довольна своими впечатлѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ была сильно поражена той бѣдностью и некультурностью, среди которыхъ живетъ и работаетъ русскій крестьянинъ. Посѣтила она и школы, причемъ земскія ей понравились, а церковно-приходскія нѣтъ, также и учительскій персоналъ.

— Помилуйте, въ церковной меня учительница спрашиваетъ: у васъ въ Америкѣ вашихъ дѣтей въ школахъ по-русски учатъ? Что это такое?..—негодовала миссъ Томасъ.

— Не можетъ быть,—возражалъ я:—произошло недоразумѣніе, и вы не поняли другъ друга!

— Нѣтъ, правда, правда!—твердила упорная миссъ.

Обо всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ я, конечно, спрашивалъ миссъ Томасъ послѣ ея поѣздокъ, и меня, по правдѣ сказать, удивляла ея несомнѣнная жалость по отношенію нашего народа. Въ самомъ дѣлѣ, такая сухая, индивидуальная—и сочувствуетъ искренно мужику! Не правда ли, трогательно?

— Какъ можно!—говорила она.—Никакого сравненія съ нашими американскими земледѣльцами! Наши живутъ культурною жизнью... А ваши крестьяне? Боже мой, мнѣ ихъ такъ жалко!

— Вы видѣли? и были въ ихъ жилищахъ?—спрашивалъ я.

— О, была,—отвѣчала съ увлеченіемъ американка:—холодно и грязно! Я пришла, когда они обѣдали...

— Что обѣдали?

— Пили чай и ѣли хлѣбъ... это ихъ обѣдъ!..

— Ну, это еще недурно,—сказаль я:—а бываетъ и хуже...

— Не можетъ этого быть!—съ ужасомъ восклицала миссъ.

Миссъ Томасъ предполагала посѣтить еще нѣсколько губерній, собственно сельскихъ центровъ, но обстоятельства заставили ее возвратиться въ Америку раньше, чѣмъ она думала.

— Мой молодой, семидесятилѣтній племянникъ опасно заболѣлъ,—говорила она,—и мнѣ надо ѣхать.

— Какъ же—молодой и семидесятилѣтній?—недоумѣваль я.

Объяснилось, что семнадцатилѣтній. Таково было знаніе журналистки русскаго языка, но все-таки энергическая миссъ справилась превосходно съ своимъ порученіемъ.

Дѣйствительно, въ энергіи ей нельзя было отказать! Едва ли во время пребыванія въ Москвѣ она отдыхала. Напротивъ, у нея не было свободнаго времени, мнѣ кажется, она избѣгала всю Москву, побывала во многихъ церквахъ и интересныхъ для нея зданіяхъ, учрежденіяхъ, влѣзала на колокольню Ивана Великаго, посѣщала больницы, училища и т. д.

Я насилу ее затащилъ въ семью Станюковичей и то плѣнилъ ее тѣмъ, что дамы и самъ хозяинъ-писатель говорятъ по-англійски. Потомъ она благодарила меня за это знакомство.

Съ Н. Н. Златовратскимъ миссъ Е. Томасъ пожелала познакомиться сама, и мы съ ней поѣхали къ писателю, котораго застали дома.

Въ заключеніе долженъ прибавить, что американская журналистка въ деньгахъ не стѣснялась. Она занимала хорошій номеръ въ «Славянскомъ Базарѣ» и одѣвалась и держала себя, какъ настоящая леди.

— А что, миссъ Томасъ, уважають у васъ въ Америкѣ дѣятелей печати?.. Я, конечно, говорю о писателяхъ, журналистахъ...

— А какъ же?! Что вы спрашиваете?—говорила съ удивленіемъ миссъ Томасъ.

Я молчалъ, но мнѣ было грустно.

ХІ.

Н. Н. Златовратскій.—Заключеніе.

Мои воспоминанія должны остановиться. Года близкіе могутъ затронуть людей, которымъ будетъ это неприятно. Я продолжалъ работать и жить литературнымъ трудомъ, да и теперь живу только этимъ заработкомъ, но тѣмъ не менѣе не принадлежалъ и не принадлежу ни къ какой литературной партіи, а желаль бы... Но развѣ она, такая партія, существуетъ? Любовь и прощеніе, чистые, какъ

кристаллъ, идеалы христіанства развѣ связуютъ литературные кружки, составляютъ ихъ основу? Развѣ въ нынѣшнемъ жестокомъ времени живутъ, сгорая, такія сердца, какъ Бѣлинскаго, Достоевскаго, молодого Гаршина, которые вѣрили и страдали. Пусть! Ихъ страданія носили въ себѣ отблескъ божественности! Они страдали за человѣка, искали человѣческаго сердца, открытаго жизни, правдѣ и любви и закрытаго для зла и преступленья. Когда они находили искры Божества, то сейчасъ же ихъ показывали людямъ, они раздували эти искры, чтобы превратить ихъ въ пламень, который бы согрѣлъ измученное человѣчество, осушилъ его вѣчныя слезы и, освѣтивъ его тернистый путь, указалъ иную дорогу, свѣтлый, полный радости, путь!

Они вѣрили въ лучшую, новую жизнь, потому что вѣрили въ Бога и человѣческое сердце, какъ и теперь вѣрять оставшійся въ жизни ихъ товарищъ, великій писатель Толстой.

Безъ такой вѣры онъ не могъ быть великимъ и оставить послѣ себя такого богатаго литературнаго и истинно-христіанскаго наслѣдства!

А тѣ, что вмѣсто души человѣческой показывали голое тѣло и физическія раны, тѣ, которые съ ненавистью относились ко всему нематеріальному, рекламой и силой сложившихся обстоятельствъ пріобрѣтшіе славу современныхъ литературныхъ талантовъ, что они дали нашему народу и молодому поколѣнію? Къ счастью, настоящій народъ отъ нихъ отвернулся, ибо такіе писатели, чуждые романтическому складу народнаго міровоззрѣнія, вліянія никакого не имѣли.

Молодежь та дѣйствительно попала на удочку разнузданнаго до крайности матеріализма, и мы превосходно знаемъ, что отъ этого получилось. Изъ молодежи «горьковскаго пошиба» (я не могу сказать—воспитанія) не вышло и не можетъ выйти ни реальныхъ дѣятелей, ни настоящихъ революціонеровъ... Вѣдь настоящій революціонеръ восторженный пророкъ своего отечества, несущій въ народъ тотъ небесный огонь, отъ котораго сгораетъ его собственное сердце!..

Но развѣ революціонеры всѣ эти экспроприаторы и убійцы?.. Каждый искренній и гуманный человѣкъ съ негодованіемъ отъ нихъ отвернется, даже если онъ исповѣдуетъ теорію анархическаго (безгосударственнаго) устройства человѣческаго общества. Убійца всегда останется убійцей, воръ—воромъ и больше ничего! Правда, есть среди нихъ больные фанатики... Но «Геростратамъ» памятниковъ не воздвигали, и если ихъ имена вошли въ исторію, то они произносятся съ отвращеніемъ.

Мы, семидесятники, съ современными, оторванными совершенно отъ русскаго народа, революціонерами рѣшительно ничего общаго не имѣемъ, и по крайней мѣрѣ я отъ лица своего заявляю, что не

на нашемъ народническомъ идеализмѣ всѣ эти странные люди воспитаны. Да, господа, кромѣ протеста и ненависти, даже въ моменты революціи, нужна любовь и притомъ любовь восторженная! Кромѣ убійства и разрушенія, нуженъ идеалъ, пусть романтическій, но чистый и благородный!

«Симъ побѣдиши!»

Да, крестомъ, неизгладимо запечатлѣнномъ въ сердцѣ... Помните—въ сердцѣ!

Французы сдѣлали великую революцію, кровавую, изъ которой народъ французскій вышелъ побѣдителемъ. Но почему? Потому, что онъ былъ выше, нравственнѣе и героичнѣе другихъ слоевъ общества. Народъ голодалъ, но не воровалъ. Когда этотъ голодный и холодный народъ вторгся тысячной толпой въ Тюльери, чтобы посмотрѣть, какъ живутъ его короли, и одинъ изъ этой огромной толпы взялъ тайно какую-то вещицу на память, и кто-то это замѣтилъ, то что сдѣлала съ нимъ толпа? Она его повѣсила. Да, народъ пришелъ посмотрѣть, на это онъ имѣлъ право, но не воровать. Послѣ нашествія этихъ санкюотовъ во дворцѣ все осталось цѣло, порядокъ не былъ нарушенъ.

Такой народъ могъ за свои свободныя права бороться съ цѣлою Европой, ибо это былъ народъ-герой, а не преступникъ, притомъ еще мелкій! Вѣдь и тогда народъ понималъ силу труда рукъ своихъ, но понималъ и другое, что вмѣстѣ съ физической силою составляло побѣду человѣчества!

Русскіе революціонеры послѣдняго типа дали, вслѣдствіе злобнаго ослѣпленія, въ руки своихъ враговъ такое оружіе, котораго эти враги не могли добыть вовѣки!

Живетъ и силенъ только тотъ народъ, который великодушенъ, а русскій народъ, хотя и невѣжественъ, но онъ непосредственно-христіанскій! Чистое христіанство онъ воспринялъ инстинктивно, отъ природы и святыхъ людей, терпѣвшихъ во имя Христа.

Непосредственные мужики называютъ себя «хрестьянами», производя свое сословіе отъ Христа, котораго они считаютъ своимъ Богомъ и учителемъ. Вы забыли, господа современные революціонеры, что народъ живетъ не только брюхомъ, но и сердцемъ!..

«Золото, золото сердце народное...».

Но подрастающая молодежь? надежда и будущее Россіи? развѣ она не должна служить тому же народу и законамъ природы, которые безъ любви представляли бы собой невообразимый хаосъ.

— Задача литературы, тѣмъ болѣе художественной, — говорилъ Нефедовъ,—это поднимать человѣка до идеала, вызывать къ жизни его высшія эмоціи, альтруистическое настроеніе. Прочтите и вдумайтесь въ очерки Левитова! Авторъ беретъ средю бѣдняковъ,

неудачниковъ и даже пьяницъ, но на какомъ всѣ эти типы написаны благородномъ фонѣ, вѣдь въ каждомъ штрихѣ автора дышитъ и сквозитъ любовь къ человѣку, сочувствіе къ его положенію, порой безъ крова и одежды. Кажется, пропаль человѣкъ! Одинъ только выходъ—преступленіе!.. Но жизнь, какъ говорятъ, сказка,—фортуна повернулась лицомъ къ пропащему человѣку.. И что же? Сколько радости, довольства хлынуло, именно хлынуло сразу въ жилище бѣдняковъ, и всѣ довольны, ликуютъ!.. Поймите, что всѣ, а не онъ одинъ, у всѣхъ на ихъ улицѣ праздникъ! Въ томъ или другомъ очеркѣ Левитова среди его босяковъ читатель найдетъ столько наивности, незлобія, что, право, эти бездомные препойцы представляются какими-то большими дѣтьми, о которыхъ нужно попросту, по человѣчеству, позаботиться .. Вотъ!—заключилъ Нефедовъ.

Да, характеристика Левитова сдѣлана довольно вѣрно! Когда я читалъ этого сердечнаго писателя, я помню, на моихъ глазахъ наворачивались слезы, но эти слезы были добрыя, теплыя слезы любви и прощенія, а не холодныя—злости и ненависти.

Другой писатель, Н. Н. Златовратскій, въ прекрасныхъ, полныхъ глубокой наблюдательности очеркахъ выразивъ народный идеалъ, приступилъ къ выясненію народнаго міровоззрѣнія и, надо ему отдать справедливость, справился съ этимъ огромной важности дѣломъ почти блестяще. Мужичье міровоззрѣніе въ творчествѣ Златовратскаго одухотворено, потому что сердце и душа автора участвовали въ работѣ вмѣстѣ съ реальнымъ наблюденіемъ. Положивъ всѣ свои силы на замѣчательные очерки народной жизни, Николай Николаевичъ совершенно прекратилъ свои работы и какъ бы умеръ для литературы. Онъ не сталъ размѣниваться на мелочи, хотя никто, надѣюсь, не сомнѣвался и не сомнѣвается, что болѣе или менѣе художественные очерки Н. Н. Златовратскій написать въ состояніи, какъ по глубинѣ, такъ и по Technikѣ.

Мнѣ кажется, онъ умолкнулъ, чтобы не нарушить гармоніи своихъ прежнихъ произведеній и не внести въ нихъ какого-либо диссонанса. Мы привыкли: «Златовратскій и народъ, Златовратскій и вдумчивый идейный крестьянинъ, «человѣкъ устоевъ!».

Пусть идеалы 70-хъ годовъ останутся такими, какими они вылились у писателя-представителя этихъ свѣтлыхъ годовъ, этого вѣровавшаго въ народъ поколѣнія идеалистовъ.

Не могу не остановиться и не сказать нѣсколько словъ о кружкѣ Н. Н. Златовратскаго, который съ восьмидесятыхъ годовъ жилъ постоянно въ Москвѣ. Этотъ кружокъ отличался простотой и идейностью. Среди присутствовавшихъ еженедѣльно въ квартирѣ писателя наблюдалось нѣсколько грустное, но благородное настроеніе. Кто они были? Писатели, земскіе врачи, учителя (проѣздомъ изъ провинціи) и рабочіе. Можно было встрѣтить и толстовцевъ

Близкіе знакомые Н. Н. всѣ были люди изъ народа. Этотъ кружокъ былъ какъ бы хранителемъ воспоминаній 70-хъ годовъ, кружокъ, вѣрившій въ народные устои, силу и будущность русскаго пахаря. Внѣшность хозяина, его серьезная манера держаться и патриархальная простота жизни—все переносило меня въ далекіе годы юношескаго идеализма, и хорошо, привѣтливо вспоминались «крестьяне-присяжные» и водовозы изъ «Артели», и та прежняя, старая вѣра поднималась изъ глубины сердца въ скромной квартирѣ писателя въ обществѣ его серьезныхъ, печальныхъ друзей.

Да не подумаетъ читатель, что я пишу въ минорномъ тонѣ объ одиночествѣ кружка и Златовратскаго... О, нѣтъ, и далеко нѣтъ! Я не запомню такого интереснаго юбилея, который выпалъ на долю почтеннаго писателя въ 90-хъ годахъ. Изъ отдаленныхъ угловъ Россіи, отъ маленькихъ тружениковъ на нивѣ народной, пришли Златовратскому привѣты въ Москву въ день его литературнаго праздника. Никто изъ писателей не получалъ столькихъ телеграммъ и писемъ именно отъ людей народа.

Нѣтъ, такіе писатели, какъ Златовратскій, или великій поэтъ Н. А. Некрасовъ, не забываются, ихъ будущее впереди, когда самъ народъ займется ихъ оцѣнкой и когда онъ узнаетъ, что были люди, вѣрные ему въ годы горести и страданій, въ годы темноты и земельного рабства, когда эти люди, не отнимая у него дорогого, непосредственнаго, предвѣщали свободу тѣла и духа.

Нѣтъ, не забудутся, пока будетъ живъ народъ - земледѣлецъ и близкій ему по духу всякій рабочій человѣкъ!

Имѣлъ ли кружокъ Златовратскаго воспитательное значеніе? По-моему—безусловно. Я знаю писателей (помѣщавшихъ свои очерки въ «Русскомъ Богатствѣ»), знаю художниковъ, обнаружившихъ недоюжинные таланты,—всѣ они близкіе Н. Н. люди изъ рабочихъ-народниковъ.

Вдумчивые, сердечные люди, способные работать... вотъ кто нужны Россіи. Терпѣливые люди, какъ терпѣливъ русскій народъ, вотъ дѣятели, которыхъ ждетъ наша родина! Вопросы наши сложные, земли обширныя, богатства неоткрытыя, силы богатырскія, а нѣтъ у насъ ничего, и бѣдны мы, потому что не устроены.

Строительство наше сложное, мудреное, желанія, стремленія у людей разныя, смотря по положенію и по національности. Нѣтъ аршина такого, чтобы смѣрять, и не сочинить такой мѣры, чтобы всѣхъ удовлетворила. А что же? какъ быть? Что помирить?

Свободный, производительный трудъ, безъ регламентаціи, безъ стѣсненія, напротивъ, при сильной государственной помощи. Все проснется и процвѣтетъ! Вѣдь нашъ работникъ Илья-Муромецъ, которому невтерпежъ сидѣть на маломъ трудѣ и большихъ работахъ!

Довольно прямолинейнаго развитія, надо остановиться, посмотреть по сторонамъ, познакомиться съ закоулками Руси.

Жизнь величайшей сложности явленіе, нѣтъ и не будетъ такого механизма, созданнаго умомъ и рукою человѣка!

Россия тогда свободно, легко вздохнетъ, когда первое мѣсто въ государственно-общественномъ устройствѣ займетъ народная совѣсть, для чего нуженъ матеріаль, который исключительно живетъ и находится въ сферѣ широкой любви и высокаго пониманія жизни въ ея сложности.

Сынъ мой Георгій, тебѣ я посвящаю мои страницы прошлаго. Прочти и, вспоминая «Былые дни и годы» твоего отца, самъ въ часы раздумья прислушивайся къ своему сердцу—оно не обманетъ!..

С. И. Васюковъ.

КАКЪ МЫ ПѢЛИ ВЪ КАРАКАСЪ.

(Изъ артистическихъ странствованій).

I.

ВЪ ОСЕННИЙ сезонъ 1892 года я остался безъ ангажемента. Когда составлялись труппы, я хворалъ, а теперь все было занято. Я не зналъ, что предпринять, и готовъ былъ возвратиться домой, въ Россію...

Случай всегда стоитъ на человѣческой дорогѣ, нужно только съ нимъ встрѣтиться; чаще всего мы проходимъ мимо, не замѣтивъ его. На этотъ разъ случай явился ко мнѣ на помощь въ лицѣ англичанки Эдитъ Смисъ, дочери пастора изъ Девоншира.

Я всегда замѣчалъ, что женщины гораздо дольше, чѣмъ мы, мужчины, помнятъ оказанную имъ любезность, услугу.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Въ началѣ осени я пѣлъ въ маленькомъ городкѣ на сѣверѣ Итали донъ-Альвара въ «Силѣ судьбы»; по моей рекомендаціи въ ту же труппу приняли англичанку, и она недурно исполняла въ этой оперѣ пѣсенку съ барабаномъ.

Въ данную минуту Смисъ оказалась для меня добродѣтельной феей.

— Синьоръ ди-Тайци, вы еще никуда не подписали скриттуру?—встрѣтила она меня въ проходѣ галереи.

— Нѣтъ еще, свободенъ *da ora in poi* (спеціальное выраженіе: отъ настоящаго часа и дальше),—отвѣтилъ я ей, уловивъ въ тонѣ ея вопроса, что дѣло идетъ о чемъ-то серьезномъ:—а что?

— Видите, импрессарио Кокотти, у котораго я уже пѣла въ Коло, собираетъ компанію для Каракаса.

— Ему нуженъ теноръ?—перебилъ я говорившую.

Англичанка смутилась моимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— *Primi tenori* у него уже приглашены...

— Кто?— снова перебилъ я ее, желая узнать имена счастливецвъ.

— Джузеппе Окзилля и Анджело Брази.

Разочарованіе овладѣло мною. Окзилля— крупное артистическое имя, Брази, хотя и не такъ былъ извѣстенъ, но опытный пѣвецъ, конкурировать съ которымъ было не легко.

— Жалко, что я такъ поздно услышалъ объ этомъ дѣлѣ,—прошепталъ я грустно.

— Я хотѣла вамъ предложить, не хотите ли вы ѣхать, какъ *un altre tenore* (другой теноръ, въ переносномъ смыслѣ—дублеръ и исполняющій второстепенныя партіи въ операхъ).

Въ другой разъ я, можетъ быть, презрительно отказался бы отъ подобнаго предложенія, но въ настоящую минуту оно являлось мнѣ благопріятнымъ выходомъ, тѣмъ болѣе, что пѣть съ знаменитымъ Окзилля и вторыя роли было для меня, начинающаго пѣвца, не стыдно.

Я быстро сообразилъ все за и противъ и отвѣтилъ обрадованной англичанкѣ:

— Я охотно поѣду, но только сколько же онъ мнѣ заплатитъ?

— Во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ тысячъ лиръ за сезонъ въ два мѣсяца, проѣздъ за счетъ Кокотти туда и обратно...

— Прекрасно, я согласенъ...

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте сейчасъ въ агенцію Цапперта, онъ еще никого не пригласилъ.

Мы отправились къ агенту, знавшему меня раньше, и черезъ полчаса я выходилъ отъ него, съ удовольствіемъ оцупывая въ карманѣ три стофранковыхъ билета, полученные мною въ авансъ.

Репетиціи начались еще въ Миланѣ, вель ихъ *maestro concertatore*, т. е. попросту аккомпаниаторъ. Проходили мы обыденный итальянскій оперный репертуаръ: «Фаворитку», «Риголетто», «Лючію», «Трубадура», «Фауста» «Аиду» и т. п. Изъ оперныхъ новинокъ того года должны были итти «Кавалерія Рустикана» Маскани, прогремѣвшая по Европѣ, и только что начавшіе входить къ модѣ «Паяцы» Леонковалло.

Компанія состояла изъ теноровъ: Окзилля, Брази и меня, баритоновъ: Джузеппе Дорини, Ауреліо Віалэ, басовъ: Джіакимо Ванреля, Адольфа Респлендино, сопрано: Медей Борелли, Амели Компаньоли, Викторины Цезарини, и меццо-сопрано: Армиды Парси, Ница Барбареско и Эдитъ Смисъ. Капельмейстеромъ былъ Анджело Дискончи, а маэстро концертаторе Отторино Лонато.

На второстепенныя роли было приглашено нѣсколько опытныхъ пѣвцовъ изъ хористовъ. Самый хоръ и оркестръ предполагалось собрать на мѣстѣ. Кокотти бралъ только двухъ первыхъ скрипачей, виолончель, первую флейту и контрабасъ.

Принимая во вниманіе дальнюю поѣздку и сравнительно малокультурную страну, послѣднее было въ особенности необходимо.

— Ну, теноре,—обратился ко мнѣ какъ-то на репетиціи самъ Кокотти,—не думайте, что вамъ не придется пѣть первыя партіи, на всѣхъ хватить. Окзилья не машина, онъ не можетъ пѣть каждый день Трубадура или Радамеса, а у Брази на эти партіи не хватить голоса, придется вамъ ихъ пѣть,—утѣшалъ онъ меня, когда я съ недовольнымъ видомъ репетировалъ въ «Лючіи» Артура.

Нашъ предполагаемый отъѣздъ замедлился; причиною этого явился разрывъ маэстро Дискончи съ его предполагаемой невѣстой Армидой Парси.

— Если она останется въ компаніи—я уйду,—категорически сказалъ онъ импрессарио, и, когда послѣдній не согласился разстаться съ необходимой ему пѣвицей, отказался отъ поѣздки.

— Плакать не стану,—съ досадою проговорилъ Кокотти:—немало такихъ маэстро голодаютъ въ Миланѣ.

Въ тотъ же вечеръ на нашу репетицію явился совѣмъ еще зеленый юноша, но талантливый капельмейстеръ, съ темпераментомъ—Риккардо Петтинелли.

Репетиціи наши пошли гораздо оживленнѣе, сретовка оказалась стройнѣе.

II.

Скоро мы отплыли на океанскомъ пароходѣ.

«Тука-тука-тукъ!» мягко постукиваетъ двойного расширенія машина «Мануэлло».

«Жу-жу-жить!» шумить, рассыпаясь бѣлой жемчужной пѣной, вода за кормою. Какъ натянутая струна однообразно гудитъ бечева тралла, пироскафъ бороздитъ зеленоватыя волны Средиземки, пробираясь на западъ; Генуя осталась за нами и, какъ волшебное видѣнье, все дальше отходитъ въ глубину, все больше и больше заволакивается легкимъ морскимъ туманомъ и понемногу сливается съ моремъ.

Спустился вечеръ, затеплились мириады звѣздъ на темномъ, точно затынутомъ темносинимъ бархатомъ небѣ...

Берегъ отъ насъ еще недалеко, чуть мелькають фонари порта Мауриціо.

Къ ночи «Мануэлло» отошелъ дальше отъ предательскихъ скалъ на глубину, и все окуталось тьмою. Труппа долго сидѣла на палубѣ, наслаждаясь чудной ночью; было сухо, тепло, не хотѣлось

спать... Дорини раздобылся у помощника капитана гитарой и вмѣстѣ съ Армидой Парси распѣваль серенады. Понемногу къ нимъ пристали другіе пѣвцы, начался настоящій концертъ.

Могучій теноръ Окзилъя звучно несся по сіяющему зеркалу зеленого красавца, онъ пѣлъ арію изъ «Джіоконды» «Cielo e mar», Ванрель исполнилъ извѣстную арію изъ «Дона-Карлоса» «Dormiro Sol», а Барбареско свои національныя румынскія пѣсенки.

«Теноре руссо», т. е. меня, заставили тоже пѣть, требуя, чтобы я пѣлъ русскую музыку, но аккомпанировать ее никто не зналъ, только кое-какъ Дорини исполнилъ мелодію запѣтаго Тамберликомъ романса князя Кочубея «Когда бъ я зналъ...»—но впечатлительнымъ, любящимъ сладкую мелодію итальянцамъ романсъ этотъ очень понравился, и меня заставили его повторить.

Пробили гдѣ-то на пароходѣ склянки. «Три часа», объяснил намъ дежурный помощникъ капитана, довольный импровизованнымъ концертомъ, и мы отправились на покой.

Позднее утро, когда мы встали, застало насъ уже въ открытомъ морѣ, «Мануэлло» миновалъ всю Бордигьеру, Ниццу и былъ на параллели съ Марселемъ.

— Около ночи мы будемъ вблизи Барцелоны,—сообщилъ молодой помощникъ капитана Педро Суарецъ, сухощавый юноша изъ Картагены.

Кормили насъ на пироскафѣ, не скажу чтобы очень сытно, вѣроятнo, предполагая, что мы отъ качки потеряемъ аппетитъ, но, къ большому горю пароходнаго стюарта (буфетчика), море было изумительно спокойно, несмотря на декабрь.

Наше плаванье продолжалось благополучно по прежней программѣ; кто скучалъ, кто распѣвалъ аріи и серенады, а остальные не отрывались отъ картъ.

III.

Итальянскіе пѣвцы и пѣвицы въ большинствѣ случаевъ мало образованные люди. Далъ Богъ хорошій голосъ, присушій каждому изъ нихъ прекрасный слухъ, чаще всего темпераментъ, поучится такой пѣвецъ или пѣвица годъ-другой у маэстро, тоже бывшаго пѣвца, и маршъ на сцену. Сперва околачиваетъ онъ пороги агенцій, а затѣмъ понемногу проберется и на подмостки; репертуаръ одинъ и тотъ же: «Лючія», «Травіата», «Фаворитка», «Трубадуръ» и т. д. выучены наизусть.

Кое-когда приходится разучить новинку, такъ и завертѣлось колесо!

Примѣромъ невѣжества итальянскихъ соловьевъ можетъ служить слѣдующій случай.

Пѣлъ я какъ-то въ довольно большомъ городѣ въ Италіи «Фауста»; мои сотоварищи, баритонъ и меццо-сопрано, спорили со мною, что дѣйствіе оперы происходитъ во Франціи.

— Маэстро Гуно—французъ, значитъ это случилось во Франціи!—уперлась синьорина Мацукелли.

— Я и умираю въ Парижѣ, на площади,—повторялъ баритонъ:—вѣдь тѣ же декораціи, что и въ «Гугенотахъ», значитъ, это вѣрно!

Когда же я имъ объяснилъ, что опера написана на сюжетъ драмы Гете, они только засмѣялись въ отвѣтъ.

— Вы любите шутить! Французы съ tedesками враги, никогда не станеть французъ брать для своей оперы нѣмецкій сюжетъ.

Я не хочу называть имя одного крупнаго пѣвца, тенора-итальянца, который до конца своей карьеры былъ увѣренъ, что каждый русскій дьяконъ долженъ былъ выучить *spartito da «Vita per lo Tsar (партію изъ оперы «Жизнь за Царя»)*, чтобы получить себѣ мѣсто!

Невѣжество, соединенное съ суевѣріемъ, у итальянскихъ пѣвцовъ невыразимое.

Одна изъ нашихъ меццо-сопранъ заливалась слезами, что впопыхахъ отъѣзда она забыла въ своей спальнѣ пришиленного на стѣнѣ, высушеннаго тарантула!

— Теперь я должна буду распроститься съ моимъ успѣхомъ,—вздыхала пѣвица,—и непременно провалюсь на первомъ же спектаклѣ!

Я пробовалъ утѣшить ее, объясняя, что всѣ эти повѣрья глупость, никакіе пауки не помогутъ, если артистъ плохъ, хорошаго же и безъ тарантула ожидаетъ успѣхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ этого,—разсердилась на меня моя собесѣдница:—я лучше васъ знаю! Когда я послѣдній разъ пѣла въ Масса-Каррара Амнерисъ, была не въ голосѣ, плохо знала партію, но мой тарантулъ висѣлъ у меня въ уборной, и публика засыпала меня цвѣтами, я даже получила *un braccetto vero d'oro!* (браслетъ изъ настоящаго золота!)

Вѣроятно, мнѣ такъ бы и не удалось уговорить бѣдняжку, если бы ея подруга, другая пѣвица, не предложила ей подѣлиться своими согні (клыкъ) кабана, имѣющими почти такую же силу, какъ и засушенный паукъ.

— Милая Ниче, когда будешь ты пѣть, можешь оставить клыкъ у себя въ камеринѣ, а когда я, онъ будетъ моимъ талисманомъ.

— Ты настоящій другъ, Армида!—восторженно благодарила ее подруга, и слезы высохли на темныхъ глазкахъ синьорины. Она все же успѣла приобрѣсти въ Генуѣ другого тарантула, такихъ размѣровъ, что горничная-нѣмка, убравшая по утрамъ дамскія каюты, испуганно сообщила своему другу-лакею, тоже нѣмцу:

— *Madame hat ein echter Teufel am Wande angeschlagen!* (Мадамъ повѣсила на стѣну настоящаго чорта).

Веселый кельнеръ, желая подшутить надъ нею, пробрался незамѣтно въ каюту пѣвицы, ловко провелъ черную нитку къ лапамъ паука, такъ что онѣ шевелились, и, рассчитывая, что въ каютѣ находится его подруга, началъ дергать изъ-подъ двери за нитку... Въ каютѣ оказалась Армида Парси; слышавъ шорохъ по стѣнѣ, она обернулась и обомлѣла отъ ужаса: мертвый паукъ неистово двигалъ лапами, точно желая убожить!

Армида съ крикомъ выбѣжала на палубу; вся трясаясь отъ испуга, она бормотала что-то невѣроятное, повторяя:

— Тарангулэ, тарангулэ!

Замѣтившій свою ошибку лакей успѣлъ во время уничтожить слѣды своей шутки.

Общее мнѣніе было, что пѣвицѣ привидѣлось; тѣмъ не менѣе было рѣшено потопить это чудовище въ морѣ, чтобы не смущать другихъ. Паукъ въ тотъ же день былъ кинутъ въ воду.

IV.

Въ концѣ второй недѣли нашего путешествія «Мануэлло» приблизился къ группѣ Антильскихъ острововъ. Мы зашли на островъ Гаити.

Нашъ капитанъ имѣлъ много груза на этотъ островъ, пришлось остановиться въ гавани Санъ-Доминго. Только что пароходъ бросилъ якорь, какъ къ намъ на бортъ налѣзла цѣлая орава черномазыхъ. Они оглушали уши криками, привѣтствіями, предложеніями различныхъ услугъ и товаровъ.

Царствовалъ испанскій языкъ, сильно испорченный мѣстными выраженіями. Кто умѣетъ говорить по-итальянски, тому не трудно въ теченіе нѣсколькихъ дней освоиться съ испанскимъ, много словъ похожи на итальянскія, трудность заключается только въ самомъ произношеніи, слишкомъ гортанномъ. Не знаю, какъ другіе, но мнѣ это удалось довольно легко. Во время нашей короткой стоянки предприимчивый Кокотти успѣлъ снестись по телеграфу со столицей острова Сантъ-Яго и заручиться нѣсколькими спектаклями въ этомъ городѣ, по окончаніи сезона въ Каракасѣ.

Городъ Сантъ-Доминго мнѣ не понравился. Небольшія строенія и грязныя улицы дѣлали его похожимъ на большую деревню. Аборигены мнѣ объясняли, что иныхъ построекъ возводить здѣсь нельзя, въ виду частыхъ землетрясеній; но мнѣ лично кажется, что главную роль здѣсь играютъ пресловутая испанская лѣнь и неопрятность.

Снова загудѣла сирена нашего пироскафа, нужно было отправляться дальше, теперь мы уже шли прямо въ Каракасъ, оставалось всего день пути по Караибскому морю.

Какъ это ни странно, но съ выходомъ изъ Санъ-Доминго весь нашъ «Мануэлло» преобразился; почти вся команда заговорила почему-то по-испански, англійскій языкъ былъ забытъ, даже нашъ юмористъ Дорини сталъ прибавлять къ каждому слову «los», возбуждая общій смѣхъ и шутки.

Около полудня мы прошли мимо голландскаго острова Кюра-сао, а часа черезъ три попали въ бухту Ла-Гвайра. Маленькій портъ того же имени отстоитъ отъ столицы въ десяти километрахъ, онъ соединенъ съ нею желѣзною дорогой. Приходилось покидать пароходъ, съ которымъ мы за двѣ недѣли путешествія совершенно свыклись. Какъ-то не хотѣлось разставаться съ нашимъ плавучимъ домомъ, но невольно приходилось. Больше всего тосковала балерина; молодой морякъ Педро Суарецъ завладѣлъ сердцемъ итальянки. Дорини съ большимъ трудомъ удалось увести ее, всю въ слезахъ, съ парохода.

Мы помѣстились въ маленькіе, грязные до отвращенія вагоны, пахнуціе пальмовымъ масломъ, необходимою принадлежностью стола негровъ. Послѣ получасоваго путешествія вся наша компанія добралась до столицы Венецуэлы—Каракаса.

V.

Каракасъ насъ встрѣтилъ шумомъ, присущимъ всѣмъ южнымъ городамъ.

Время приближалось къ ночи; но на улицахъ царило оживленіе, вполне понятное, если принять во вниманіе, что дневной зной заставляетъ жителей отдыхать, тогда какъ вечеромъ они принимаютъ за работу и половину ночи веселятся. Электричество въ то время еще мало примѣнялось въ Южной Америкѣ; всѣ улицы, равно какъ и театръ, арена нашихъ будущихъ успѣховъ, освѣщались газомъ. Нужно отдать справедливость нашему импрессарию, онъ позаботился о нашемъ пристанищѣ на ночь. Мы помѣстились въ «Hotel della Cruz» (гостиница Креста). Усталые отъ дневныхъ хлопотъ и переѣздовъ, мы добрались на экипажѣ до какого-то невысокаго зданія, въѣхали на обширный дворъ; откуда-то доносился до насъ изъ темноты меланхолическій плескъ фонтана.

Привѣтствуемые пожилою хозяйкой, съ лицомъ цвѣта оливокъ, мы разошлись по нашимъ комнатамъ во второмъ этажѣ. Моимъ компаньономъ оказался Брази. Я настолько усталъ, что, кое-какъ раздѣвшись, улегся на кровать, плотно завѣшенную муслиновыми занавѣсками въ защиту отъ москитовъ, и сейчасъ же крѣпко заснулъ. Пронзительный звонокъ, раздавшійся въ коридорѣ, заставилъ меня проснуться, я вскочилъ, недоумѣвая, гдѣ я нахожусь. Звонокъ сопровождалъ чей-то сладкій, вкрадчивый голосъ, немного ячъ носъ, по-монастырски повторявшій:

— Почтенная падрона имѣетъ честь сообщить высокоуважаемымъ сенорамъ и сеноритамъ, что первый завтракъ уже поданъ.

Это сообщеніе невольно пробудило мой аппетитъ, я вспомнилъ, что наканунѣ не ужиналъ, и посмотрѣлъ на часы: было только восемь.

Въ длинной, довольно узкой и невысокой комнатѣ, находившейся этажомъ ниже, стоялъ накрытый столъ. Кромѣ неизбѣжныхъ шоколада, кофе и какао, на столѣ стояли всевозможныя печеня и мѣстный сыръ. Къ завтраку собралось очень мало изъ нашихъ пѣвцовъ, большинство изъ нихъ, и всѣ пѣвицы, кромѣ англичанки, находились еще въ объятіяхъ Морфея и никакіе колокола не были въ состояніи ихъ разбудить. Къ *almorza* (завтраку) явились только мы съ Брази, Ванрель, маэстро и самъ Кокотти съ супругой, хорошо знакомые съ обычаями американцевъ.

Широкія окна, выходившія на тѣневую сторону въ садъ, были открыты настежь. Въ комнатѣ чувствовалась еще не улетучившаяся прохлада ночи, присущая нижнимъ этажамъ каменныхъ строеній. Сама падрона возсѣдала на концѣ стола; кромѣ насъ, завтракали еще нѣсколько оливковыхъ сеноровъ и двое англичанъ-инженеровъ.

— *De mis bonitos jardines!* (изъ моихъ прекрасныхъ садовъ),— сообщила намъ хозяйка, указывая на массу дѣйствительно роскошныхъ цвѣтовъ, украшавшихъ столъ.

Кокотти съ любезной улыбкой подтвердилъ за всѣхъ насъ, что цвѣты великолѣпны. Брази, имѣвшій обыкновеніе пить за завтракомъ вино, нарушилъ поэтический разговоръ о цвѣтахъ прозаическимъ вопросомъ, обращеннымъ къ хозяйкѣ:

— *Tiene va el vino?* (есть у васъ вино?)

Падрона отъ неожиданности покраснѣла въ предѣлахъ возможности этого для женщины оливковаго цвѣта, но сейчасъ же добродушно закивала головой.

— *Si, si, senor, lo tengo!* (да, да, сеноръ, есть!)

Неонъ, по знаку ея, принесъ хрустальный кувшинъ съ золотистымъ виномъ, вкусомъ похожимъ на молодой хересъ.

— *Escelente vino!* (превосходное вино!),— смакуя вино, прищелкнувъ языкомъ, сказалъ теноръ.

Насытились мы отлично и въ ожиданіи, когда остальные члены нашей труппы проснутся, чтобы отправиться вмѣстѣ на репетицію въ театръ, перепрыгнули изъ оконъ прямо въ садъ. Падрона не даромъ хвалила его; такого благоухающаго, засаженнаго всевозможными цвѣтами и растеніями уголка я еще никогда не видалъ. Фонтанъ попрежнему однообразно журчалъ, летали блестящія на солнцѣ цвѣтами радуги колибри, большія шипѣвшія мухи, длинныя прозрачно-голубыя стрекозы. Въ саду было уже жарко.

— *Sombrenos, senores!* (шляпы, господа),—крикнулъ намъ изъ окна кухни *sosiego* (поварь), замѣтившій, что мы безъ шляпъ, и предупреждавшій насъ объ опасности солнечнаго удара. Оставшіеся въ столовой импрессаріо и его жена то же говорили намъ. Пришлось прекратить нашу прогулку и вернуться тѣмъ же путемъ въ комнату.

Кокотти выказывалъ нетерпѣніе долгимъ сномъ артистовъ.

— У насъ такъ мало времени для репетицій,—съ досадою повторялъ онъ:—до Рождества осталась всего недѣля!

Наконецъ-то явились и наши сони къ остывшему завтраку. Оставивъ ихъ въ столовой, мы пятеро—Кокотти, англичанка, маэстро, Ванрель и я—отправились въ театръ.

— Только скорѣе приходите,—упрашивалъ импрессаріо завтракающихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, и для надзора за ними оставилъ свою супругу.

VI.

Мы рѣшили итти пѣшкомъ, до театра было недалеко. Кокотти, уже раньше бывавшій въ Каракасѣ, указывалъ намъ городскія достопримѣчательности.

— Это памятникъ Боливара, онъ для штатовъ Южной Америки сдѣлалъ не меньше, чѣмъ Гарибальди и Манцони для насъ, итальянцевъ! Въ память его построены здѣсь пантеонъ. Вотъ это «желтый домъ» президента республики, университетъ... — быстро говорилъ нашъ импрессаріо, нигдѣ не останавливаясь у этихъ зданій.

— А вотъ и нашъ храмъ!—обрадованнымъ голосомъ закончилъ онъ свои объясненія, указывая на театръ.

Въ пустомъ вестибюлѣ уже бродили прибывшіе съ нами музыканты и компримаріи, они ночевали въ другомъ, болѣе дешевомъ отелѣ.

— Васъ ожидаетъ уже давно директоръ, — сообщилъ Кокотти одинъ изъ музыкантовъ:—онъ на сценѣ.

Нашъ импрессаріо опрометью бросился туда, мы потянулись слѣдомъ за нимъ. Обмѣнявшись рукопожатіями съ Кокотти, необыкновеннаго роста, очень смуглый, еще не старый брюнетъ, сеноръ Пензо, правительственный директоръ театра, привѣтливо спросилъ насъ всѣхъ:

— *Como lo pasa, va?* (какъ ваше здоровье?)—и, получивъ благопріятный отвѣтъ, замѣтилъ:

— *Me allegro mucho de ver a va!* (Очень радъ васъ видѣть).

Присутствіе среди насъ миссъ Смисъ, единственной дамы, заставило директора сказать ей комплиментъ, далеко не заслуженный англичанкой:

— *Una linda senorita!* (красивая дѣвушка!)

Эдитъ приняла это за правду, покраснѣла и, по-англійски крѣпко пожавъ испанцу руку, сказала:

— *Gracias, senor el direttore!* (Благодарю, г. директоръ).

— Если его понятія о красотѣ не выше,—шепнулъ мнѣ на ухо Брази,—я теряю къ нему всякое уваженіе, какъ къ руководителю театра!

Видимо, сенору Пензо надоѣло бесѣдовать съ нами, онъ ни съ того, ни съ сего спросилъ Ванреля:

— *Tiene va calor?* (вамъ жарко?) и, не дожидая отъ него отвѣта, кивнулъ намъ головой и быстро ушелъ, проговоривъ:

— *Deseo a va buen exito!* (желаю вамъ хорошаго успѣха).

— Ну, дѣти мои, покажемъ каракасцамъ, какъ поютъ и танцуютъ!—благодушно сказалъ послѣ его ухода импрессаріо и принялся за дѣло.

Скоро собрался оркестръ, нашъ Петтинелли началъ муштровать лѣннихъ мѣстныхъ музыкантовъ, а мы въ фойе, вмѣстѣ съ подошедшими остальными артистами, стали репетировать съ аккомпаниаторомъ нашъ репертуаръ. Но Кокотти не удовлетворился этимъ; онъ, зная, что миссъ Смисъ хорошо аккомпанируетъ, упрямилъ ее пройти съ незанятыми артистами другую оперу. Четверо негровъ сейчасъ же притащили изъ ближняго кафе разстроенное піанино, поставили его внизу въ вестибюль, и мы пошли репетировать «Лючію» съ Окзилья, Дорини, Ванрелемъ и синьоритой Кассандри. Наверху же, въ фойе, проходили «Фаворитку» съ Брази, Респлендино, Віалэ и съ Армидой Парси.

Наладивши репетиціи, нашъ неустанный импрессаріо побѣждалъ собирать хористовъ. Оказалось, что раньше вечера они не могли прійти, большинство изъ нихъ были заняты другими работами и службой. Репетиціи продолжались до часу, дольше не представлялось возможности; хотя театръ былъ выстроенъ изъ мѣстнаго кирпича, плохо пропускавшаго теплоту, но солнце врывалось отовсюду, въ окна, въ двери...

Было душно, пѣвцы допѣлись, можно сказать, «до седьмого пота». Первымъ отказался продолжать репетицію *persona grata* нашей труппы, теноръ Окзилья, его примѣру послѣдовали другіе.

— Что же дѣлать, оставимъ до вечера, тогда попробуемъ съ хоромъ,—недовольно замѣтилъ Кокотти.

Второй завтракъ мы прозѣвали, нужно было ожидать обѣда въ три часа.

VII.

Въ отелѣ насъ ожидала непріятная новость: исчезла наша балерина. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что она укатила обратно въ Ла-Гвайру, къ молодому помощнику капитана.

Кокотти съ досады «рвалъ на себѣ волосы», которыхъ у него осталась одна только бахромка вокругъ лысаго черепа.

— Сдѣлай мнѣ одолженіе, Дорини, — обратился онъ къ баритону: — отъ сегодняшней вечерней репетиціи я тебя освобождаю, побѣзжай послѣ обѣда въ Ла-Гвайру и силой привези эту дѣвчонку обратно, вытащи ее за волосы съ пироскафа.

— Хорошо, а если она не захочетъ ѣхать, я ее утоплю въ морѣ! — хладнокровно отвѣтилъ пѣвецъ.

— Что ты, что ты, мнѣ она очень нужна! — испугался импресарио, не понявъ шутки.

Обѣдъ оказался превосходнымъ. Чудное мясо, его подавали много. Какъ я послѣ узналъ, въ Каракасѣ громадная бойня для нагульнаго скота, мясо вывозятъ отсюда въ особыхъ рефрижераторахъ въ Европу. Оливковая падрона, какъ и утромъ, сидѣла на концѣ стола и сама разливала супъ, поданный послѣ жаркого. Мясо рѣзаль свирѣпаго вида негръ громаднымъ, гнущимся во всѣ стороны ножомъ; Барбареско, сидѣвшая недалеко отъ хозяйки, каждый разъ, какъ ножъ блестѣлъ въ рукахъ чернаго метръ-д'отеля, слабо вскрикивала и блѣднѣла. Если утромъ на столѣ находилось много двѣтовъ, то теперь ихъ была такая масса, что отъ ихъ аромата кружилась голова.

— Господа, я долженъ объявить вамъ новость, — сказалъ за столомъ Дорини: — нашъ милый маэстро кончеттаторе Отторини Лонато и синьорина Амелія Компаньоли — женихъ и невѣста.

Извѣстіе это мало кого изумило; еще во время нашего плаванія изъ Генуи всѣ замѣтили ухаживанія Лонато за Амеліей. Начались поздравленія, шутки, обѣдъ провели весело.

— Дѣти мои, не забывайте, что ровно въ семь у насъ вечерняя прова (репетиція), — нарушилъ наше веселіе Кокотти.

Къ концу обѣда неожиданно появилась Рескалли; глаза ея распухли отъ слезъ и были красны.

— Какъ я радъ, синьорина, что избѣжалъ печальной обязанности утопить васъ въ морѣ, — комическимъ тономъ замѣтилъ Дорини.

Общій смѣхъ заразилъ даже флегматичныхъ англичанъ-инженеровъ; смѣялись весело, оскаливъ изумительно бѣлые зубы, даже лакеи-негры, не удержалась отъ него, наконецъ, и сама балерина.

Веселое настроеніе помогло намъ явиться на репетицію въ хорошемъ расположеніи духа.

— Это что за уроды? — изумленно спросилъ я Брази, замѣтивъ въ вестибюлѣ театра кучку сеноровъ и сеноритъ съ фізіономіями всевозможныхъ отгѣнковъ, въ костюмахъ, требующихъ тщательной починки.

— Хористы и хористки, — объяснилъ мнѣ товарищъ по сценѣ.

Мнѣ показалось смѣшнымъ подобное объясненіе...

Хористы и хористки, которые должны были изображать грандовъ, вельможъ, придворныхъ дамъ, герцоговъ и графинь, щего-

ляли босыми, съ грязными лапами, въ оборванныхъ штанахъ, въ кое-какъ заштопанныхъ юбочкахъ, сквозь которыя было видно голое тѣло.

— Послушай, какъ они поютъ, тогда ты только оцѣнишь эту прелесть,—замѣтивъ мое изумленіе, продолжалъ Брази.

— Вы уже пѣли на сценѣ «Фаворитку» и «Лючію»?—спросилъ хоръ Лонато.

Толпа закивала головами.

— Пѣли, много разъ и очень хорошо пѣли!—послышались горделивые отвѣты.

— Тѣмъ лучше, приступимте, пойдете внизъ!

Многіе изъ насъ, пѣвцовъ, послѣдовали за ними; интересно было ихъ послушать и посмотреть.

Пѣли они довольно плохо, не было хорошихъ голосовъ, хотя знали оперы порядочно; но главный интересъ сосредоточивался на ихъ игрѣ. Тягучія минорныя мелодіи они исполняли съ какимъ-то завываніемъ, точно кого хоронили, напротивъ того, веселые мотивы доницетіевскихъ оперъ сразу преображали ихъ. На лицахъ хористовъ и хористокъ появлялось несказанное удовольствіе, глаза сіяли отъ восхищенія, ноги сами собой притоптывали. Существуетъ въ «Фавориткѣ» небольшой хорикъ «Andiamo a capella» (Пойдемте въ храмъ...), написанный композиторомъ въ бойкомъ танцевальномъ ритмѣ. Нашъ хоръ такъ имъ воодушевился, что вмѣсто того, чтобы чинно двинуться парами по сценѣ, всѣ пустились чуть не въ плясъ, очень напоминающій современный кэкъ-уокъ, котораго тогда еще и въ поминѣ не было. Кое-какъ уняли разошедшихся хористовъ и хористокъ.

— Слушай, Кокотти, мнѣ кажется, ты очень прогадалъ,—замѣтилъ импрессарио Дорини.—Къ чему тебѣ нужна была Рескалли? Вѣдь эти хористки протанцуютъ тебѣ нисколько не хуже!

— Невѣжа! — сердито кинула балерина, одѣтая въ короткую юбочку и разминавшая на сценѣ ноги. Три компримаріи, немного учившіяся танцамъ, тоже были одѣты для танцевъ, чтобы увеличить балетъ.

Третьей оперой шла «Аида», танцы были необходимы.

— А гдѣ же мы разбудемъ маленькихъ негровъ для третьяго акта?—волновался Петтинелли.

— Вотъ о чемъ заботиться здѣсь не придется, — отвѣтилъ импрессарио:—ихъ хоть сотня сейчасъ явится.

Дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ сцена была запружена курчавыми головами негрятятъ; черныя, точно вычищенные ваксой, лица будущихъ танцоровъ блистали удовольствіемъ.

— Куда столько! — запротестовали балерина и маэстро, испуганно глядя на эту ораву:—десяти достаточно!

Пришлось выбирать; забракованные танцоры начали ревѣть и охать. Прибавили еще пятокъ.

— Остальные — маршъ вонъ! — распорядился Кокотти; но малыши не уходили, имъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будутъ плясать ихъ товарищи.

Только съ помощью театральныхъ сторожей, дюжихъ негровъ, удалось очистить сцену.

Балерина должна была подносить Радамесу-Окзилья пальмовую вѣтвь въ 3-мъ актѣ, но Рескалли наотрѣзъ отказалась.

— Mai! (ни за что)—гордо сказала она.

Пришлось выкинуть эту сцену.

Начались танцы негрятятъ... Можетъ быть, это было чрезвычайно оригинально и правдоподобно, но шло вразрѣзъ съ музыкой. Дикія оравы поняли ихъ по-своему, дѣти кувыркались, давали другъ другу подзатыльники и такъ орали, что маэстро бросилъ свою палочку и какъ бѣшеный вскочилъ на сцену.

— Qual che cosa horribile! (что-то невозможное!)—закричалъ онъ, стараясь остановить веселыхъ танцоровъ.

Мало-по-малу все уладилось, репетиціи пошли своимъ чередомъ. Ежедневно утро и вечеръ мы проводили въ театрѣ и успѣли за шесть дней срепетировать четыре оперы: «Аиду», «Лючію», «Фаворитку» и «Фауста». Въ первыхъ двухъ пѣлъ Окзилья, а въ остальныхъ Брази, хотя «Фауста» и «Фаворитку» въ третій разъ долженъ былъ пѣть я. Намѣчены были еще для ближайшаго будущаго «Трубадуръ», «Кавалерія Рустикана», «Паяцы», «Джіо-конда», «Риголетто» и «Травиата».

VIII.

За два дня до Рождества были назначены *provi generali* (генеральныя репетиціи). Всѣ мы облачились въ привезенные съ собой изъ Милана костюмы. Кокотти суетился, обставляя сцену; большинство декорацій оказались новыми. Тогда только что начинали входить въ моду бумажныя декораціи изъ мюнхенской декоративной мастерской; все блестѣло свѣжестью, дѣлало иллюзію настоящихъ дворцовъ, рыцарскихъ замковъ, старинныхъ парковъ и т. п.

Городской муниципалитетъ явился въ полномъ составѣ на репетицію; ему предоставлялось право одобренія или неодобренія пѣвцовъ. Весь первый рядъ креселъ блестѣлъ фантастически вышитыми мундирами чиновниковъ. Нигдѣ въ мірѣ не пользуются такимъ почетомъ пышные мундиры, украшенія, какъ въ южно-американскихъ республикахъ. На иномъ чиновникѣ или офицерѣ мундиръ составляетъ цѣлое состояніе..

Хотя въ «Лючи» мнѣ приходилось исполнять второстепенную партію, но, сознаюсь, видѣ этихъ разряженныхъ пѣтуховъ за-холодилъ мнѣ сердце. «А что, если которому изъ нихъ не понравится, ну, хотя бы мой носъ,—думалъ я:—вѣдь онъ имѣетъ право сказать импрессаріо: «Перемѣните этого артиста»—и тю-тю, отпра-вляйся обратно, не солоно хлебавши, въ Европу». Положимъ, на-сколько мнѣ приходилось слышать, подобные случаи почти ни-когда не происходили, южно-американцы еще на очень низкой степени музыкальнаго развитія и пропускали очень слабыхъ, без-голосыхъ пѣвцовъ, а все-таки... Вотъ это «а все-таки» не давало мнѣ покоя и заставило волноваться. Въ довершеніе всего, сует-ливый постоянно Кокотти на этотъ разъ напустилъ на себя какую-то важность и передъ открытіемъ занавѣса сказалъ намъ:

— Помните, господа, что вамъ предстоитъ очень серьезный экзамень, васъ слушаютъ и оцѣниваютъ лучшіе знатоки страны.

Самоувѣренный Окзилля свистнулъ и сквозь зубы проговорилъ, почему-то по-испански:

— Bugros! (ослы!).

Оливковые хористы, преображенные въ джентльменовъ и леди, одобрительно заржали, услышавъ знакомое имъ слово.

— Тихе, тихе!—крикнулъ импрессаріо:—начинаемъ.

Занавѣсъ взвился.

Изъ боковой кулисы я замѣтилъ, какъ строгіе судьи перваго ряда довольно переглянулись между собою; картинный Равенсвуд-скій замокъ предсталъ предъ ними. Первое впечатлѣніе было хо-рошее. Нужно сознаться, что опера шла у насъ, солистовъ, безъ сучка, безъ задоринки, впрочемъ, и хоръ не портилъ.

— *Висно, тисно bueno!* (хорошо, очень хорошо!)—раздавались громкія одобренія строгихъ судей. Громадный успѣхъ имѣлъ у нихъ Окзилля; прекрасно зная мѣстные нравы, онъ такъ страшно ворочалъ глазами въ послѣдней аріи и такъ лихо закололъ себя, что каракасцы не могли сдержать своего восторга и начали оглуши-тельно аплодировать.

Вечеромъ назначена была репетиція «Фаворитки», въ ней вы-ступали другіе артисты. Я былъ вечеромъ свободенъ и рѣшилъ походить въ первый разъ по городу.

Довольные успѣхомъ, усѣлись мы обѣдать, шутки, веселый раз-говоръ не прекращались.

— А гдѣ же Бразилъ?—спросилъ изумленно Кокотти, не замѣчая тенора на его обычномъ мѣстѣ за столомъ.

Кто-то вызвался сходить за нимъ и сейчасъ же вернулся съ испуганнымъ лицомъ.

— Онъ боленъ, лежитъ въ постели и стонетъ!

Взволнованный импрессаріо бросился къ больному; онъ долженъ былъ пѣть сегодня Фернандо въ «Фавориткѣ». Мы въ недоумѣніи

поглядывали другъ на друга. Вслѣдъ за мужемъ убѣжала и синьора Кокотти, не менѣе его встревоженная внезапнымъ заболѣваніемъ тенора.

— Съ нимъ плохо,—сообщилъ намъ возвратившійся импресаріо—я послалъ за докторомъ. Очевидно, Анджело пѣтъ сегодня вечеромъ не въ состояніи. Джузеппе,—обратился онъ къ Окзилья, аппетитно поглощавшему кусокъ за кускомъ окровавленный ростбифъ:—спой, другъ, сегодня за него!

Прима-теноре поставилъ стаканъ съ виномъ на столъ, насмѣшливо взглянулъ на говорившаго и хладнокровно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, на сегодня довольно, пѣтъ больше не буду!

— Ради товарища...

— Ни для кого,—отрѣзалъ Окзилья:—мое горло—мой капиталъ; если я его натружу, могу охрипнуть, а послѣзавтра я долженъ выступать, ты это понимаешь. Пусть онъ споетъ Фернандо,—небрежно бросилъ онъ, указывая головой на меня.

Разочарованный его отказомъ, Кокотти недовѣрчиво меня спросилъ:

— А ты не боишься, Джоржіо?

Признаюсь, что я струсилъ, но рѣшительно отвѣтилъ:

— Нисколько! Къ чему я буду бояться?

Моя увѣренность передалась импресаріо.

— Хорошо, ты поешь сегодня Фернандо!

Жребій былъ брошенъ, отказъ невозможенъ, онъ погубилъ бы меня во мнѣніи товарищей и самого Кокотти. Положимъ, я пѣлъ эту партію въ Италіи болѣе 20 разъ, но здѣсь я ее не репетировалъ, могъ кое-что позабыть, тѣмъ болѣе принимая во вниманіе неизбежное волненіе.

Объ обѣдѣ я уже и не думалъ, аппетитъ сразу пропалъ, упали нервы... Совершенно безсознательно я налилъ себѣ стаканъ вина, за нимъ другой; неожиданно явилась бодрость, какая-то увѣренность, больше пока не нужно было ничего. Я засѣлъ послѣ обѣда въ свою комнату и началъ глазами повторять по клавирауцугу партію Фернандо. Репетиція была назначена рано, въ семь часовъ; за полчаса до начала я былъ въ театрѣ.

IX.

— Пройдемъ подъ рояль главныя сцены,—предложилъ мнѣ маэстро.

— Не стойтъ!—отчаянно отвѣтилъ я ему:—хорошо знаю и такъ!

Смущенный Петтинели отошелъ, онъ тоже трусилъ за меня. Недовольна была перемѣной и Армида Парси—она спѣлась хорошо съ Брази, ее пугалъ новый пѣвецъ. Вандрель, исполнявшій Балтазара, успокаивалъ меня.

— Не бойся, другъ, гдѣ ты не увѣренъ, я тебя поддержу.

Баритону Віалэ было все равно со мною, у него былъ только одинъ ансамбль четвертаго акта, я ничѣмъ не могъ ему напортишь.

— Послушай, Самбо,—обратился я къ портному-негру, помогавшему мнѣ одѣваться:—сбѣгай, вотъ тебѣ деньги, принеси мнѣ бутылку молодого аликанте.

Негръ изумленно посмотрѣлъ на меня.

— А я приготовилъ для сенора холоднаго кофе, его пьютъ всѣ артисты!

Но я насталъ на своемъ и передъ выходомъ на сцену выпилъ залпомъ два стакана вина.

Успѣхъ утренней репетиціи быстро разнесся по городу, послушать вторую рѣшили пріѣхать нѣсколько изъ безчисленныхъ генераловъ каракасской арміи и блестящихъ офицеровъ. Въ зрительномъ залѣ собралось много слушателей.

— Теноре, не робѣй!—далеко не увѣреннымъ тономъ сказалъ мнѣ Кокотти, убѣгая со сцены и оставляя насъ съ Ванрелемъ вдвоемъ на съѣденіе строгимъ каракасцамъ.

Выпитое вино запумѣло у меня въ головѣ, мнѣ было все равно, я отдался теченію обстоятельствъ, чувствуя необычайную смѣлость. Я до сихъ поръ не представляю себѣ, какъ я пѣлъ первую арію, точно сквозь сонъ слышалъ оглушительныя рукоплесканія и крики «bis»; я послушно повторилъ арію и совершенно неожиданно взялъ въ концѣ ре бемоль... Еще громче стали аплодировать и требовать повторенія. Я спѣлъ еще разъ, затѣмъ дуэтъ съ басомъ, первая картина окончилась. Въ камерину, куда я побѣжалъ переодѣваться для слѣдующей картины, явился Кокотти и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ объявилъ мнѣ, что пѣлъ я великолѣпно и что президентъ республики, не помню уже теперь, какъ его звали, де-Кастро, Маностро, что ли, тоже явившійся на репетицію, желаетъ меня видѣть и просить прійти къ нему въ ложу.

— Отлично, очень радъ съ нимъ познакомиться,—развязно отвѣтилъ я на приглашеніе и шумно налилъ себѣ стаканъ вина.

— Basta, теноре,—выхватилъ у меня изъ рукъ бутылку Кокотти, когда я хотѣлъ повторить порцію:—ты и такъ уже навеселѣ, а тогда будешь совсѣмъ пьянъ и не допоешь до конца!

Онъ былъ правъ; если бы я докончилъ бутылку, вмѣсто громаднаго успѣха, мнѣ пришлось бы уйти изъ театра со стыдомъ.

— Es al señor di Taizi aquíentengo el honor de hablat? (имѣю честь говорить съ г. ди-Таицы)—привѣтливо встрѣтилъ меня на порогѣ своей ложи президентъ Каракаса, нестарый еще мужчина, но съ замѣтной сѣдиной въ темной бородѣ и коротко остриженныхъ волосахъ.

— Un servidor de va (къ вашимъ услугамъ, президентъ),—на плохомъ испанскомъ языкѣ отвѣтилъ я ему.

— У васъ превосходный голосъ, вы отлично играете,—польстилъ мнѣ брюнетъ.

Мое самолюбіе соглашалось съ первымъ, но второе было абсолютная неправда, актеръ я былъ очень плохой.

— Я увѣренъ, что наши сограждане оцѣнятъ талантъ русскаго артиста, и югъ постарается въ этомъ случаѣ посоперничать съ сѣверомъ!

Онъ протянулъ мнѣ руку, я пожалъ ее, и мы распрощались.

Хотя выпитое вино попрежнему «владѣло» мною, но я понялъ, что успѣхъ и даже большой обезпеченъ за мною.

— Счастливецъ!—безъ всякой зависти замѣтилъ мнѣ мой партнеръ-голландецъ, когда я вернулся на сцену.

У Армиды Парси сразу исчезли ея опасенія, она иначе отнеслась ко мнѣ, и дуэтъ съ нею прошелъ прекрасно. Успѣхъ не оставлялъ меня до конца; знаменитая арія у креста съ ея верхнимъ «до» вызвала такой энтузіазмъ всего зала, что я даже растерялся. Успѣхъ порождаетъ враговъ, въ этомъ я убѣдился, когда, вернувшись домой, замѣтилъ перемѣну къ худшему въ моихъ отношеніяхъ къ Окзилья. Онъ иронически процѣдилъ сквозь зубы, ни къ кому не обращаясь въ особенности:

— Эти негритосы невѣжды въ музыкѣ, а въ голосахъ понимаютъ не болѣе, чѣмъ ихъ ослы!

Закулисная зависть начала свою работу, Окзилья почувствовалъ во мнѣ соперника.

— Будь готовъ ко всему, другъ,—по-пріятельски предупредилъ меня Ванрель:—не довѣряйся никому.

Успѣхъ мой повліялъ на большого Брази настолько, что онъ на другой день сразу поправился и объявилъ импрессарію, что будетъ пѣть на первомъ спектаклѣ Фернандо.

— Нѣтъ, Анджело,—уклончиво отвѣтилъ ему Кокотти:—я могу, ради своихъ интересовъ, выпустить тебя въ этой партіи только въ третьемъ спектаклѣ «Фаворитки».

У меня прибавилось однимъ врагомъ больше.

X.

Наступила Noche da Novidad (рождественская ночь). Вмѣстѣ съ другими артистами я отправился по городу посмотрѣть, какъ встрѣчаютъ здѣсь этотъ праздникъ. Повсюду на улицахъ раздавалось бряцаніе гитаръ, на многихъ перекресткахъ происходили бои пѣтуховъ. Бойцы приносились ихъ владѣльцами подъ плащами и задорно кукурекали, порываясь выбраться на свободу. Летали

облака пуха, лилась кровь, раздавались оживленные восклицанія «браво» ставившихъ свои пезетасъ за побѣдителей, проклятія, энергическія карамбо проигравшихъ.

Тутъ же по улицамъ проѣзжали на бѣлыхъ мулахъ толстые патеры, славившіе *El nacimiento dal Niño* (рожденіе Св. Младенца)...

Странное, сказать, даже дикое смѣшеніе религиозныхъ вѣрованій съ кровавой забавой! Испанія, еще болѣе суевѣрная, необразованная, чѣмъ ея европейская метрополія, сказывалась здѣсь во всемъ.

На одномъ изъ подобныхъ перекрестковъ, обращенныхъ въ арены пѣтушинныхъ боевъ, я встрѣтилъ одну изъ нашихъ хористокъ, милостивую Манику. Она пришла сюда вмѣстѣ съ другомъ сердца, гробовщикомъ Эстобано; парочка выкормила какого-то особеннаго пѣтуха-бойца, побѣждавшаго своихъ соперниковъ.

— Сеноръ теноре!—закричала Маника, замѣтивъ меня, и сейчасъ же залопотала что-то на мѣстномъ нарѣчій.

Толпа почтительно разступилась и пропустила меня къ самому кругу. Бойцовъ на аренѣ не было, ставились еще заклады. Замѣтивъ на хористкѣ, которую я привыкъ видѣть босоногою, кожаную обувь, я шутиливо замѣтилъ дѣвушкѣ:

— *Vi tiene zapato de cuero?* (у васъ кожаные башмаки?).

Маника довольно засмѣялась и, поднявъ ногу, сказала:

— Да, сеноръ, это жалованье отъ импрессаріо!

Тутъ я только въ первый разъ узналъ, что Кокотти вмѣсто денегъ уплачивалъ хористамъ и хористкамъ разными вещами. Обѣ стороны были чрезвычайно довольны подобной доисторической мѣной.

Загорѣлся бой, все вниманіе присутствующихъ было обращено на пѣтуховъ, мы съ Дорини воспользовались этой минутой и удалились.

Въ разукрашенныхъ цвѣтами и матеріями церквахъ, которыхъ въ Каракасѣ немало, кончались торжественныя ночныя службы, гудѣли органы, въ большихъ храмахъ даже оркестры музыки, слышались знакомыя мелодіи изъ итальянскихъ оперъ; тутъ звенить септетъ изъ «Лючіи», тамъ корнетъ-а-пистонъ старательно выводитъ мелодію квартета изъ «Пуританъ»...

Чудное небо, все усѣянное звѣздами, благоухающіе сады, летающіе кокуйо, сверкающіе въ темнотѣ, какъ брильянты, и благословенный воздухъ юга, веселящаяся толпа, все это дѣлало картину прямо волшебной.

Вуена посхе! (святая ночь!).

— Однако, долго-то намъ нельзя шататься, я завтра пою,—заботливо замѣтилъ баритонъ:—да и ты тоже... я слышалъ, что Кокотти упрашивалъ Брази спѣть за тебя Артура, но онъ даже

разсердился на это предложеніе и отказался. Справишься ли ты послѣзавтра?

— Увѣренъ въ этомъ!—спокойно отвѣтилъ я ему.

— Берегись только, въ виду твоего успѣха пойдутъ на все,—уклончиво замѣтилъ Дорини.

Гдѣ-то глухо прозвонилъ два раза колоколъ часовъ.

— Ого, пора въ постель!

Нашъ отель весь былъ освѣщенъ, когда мы вернулись домой; праздновали Рождество.

XI.

На другой день за завтракомъ Брази отозвалъ меня въ сторону и таинственно сказалъ:

— Слушай, Джоржіо, я долженъ тебя предупредить, какъ друга: не пой завтра «Фаворитку»...

— Я знаю, что ты хочешь пѣть Фернандо,—перебилъ я его.

Теноръ сдѣлалъ театральнѣе жести, долженствовавшій выражать его полную индифферентность къ этому.

— Ахъ, нѣтъ, вовсе нѣтъ! Я такъ много разъ пѣлъ эту партію, что мнѣ все равно, буду ли я лишній разъ имѣть въ ней успѣхъ! Я забочусь только о тебѣ, какъ о добромъ товарищѣ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Видишь, какъ это тебѣ объяснить получше, многіе изъ слушателей не довѣряютъ пѣвцу не итальянцу... Я знаю, что все это пустое предубѣжденіе,—поспѣшилъ прибавить Брази, замѣтивъ, что я хочу возразить:—но съ этимъ надо считаться!

— Прекрасно—я и сочтусь,—спокойно проговорилъ я.

— И все-таки будешь пѣть? — нервно закусивъ губу, спросилъ онъ.

— Да.

Видимо было, что пѣвецъ не ожидалъ отъ меня ничего подобнаго.

— Guarda! (берегись)—прошипѣлъ теноръ, блѣдный отъ волненія.

— Благодарю за совѣтъ, поберегусь!—Я не зналъ, что бѣднягѣ пришлось выслушать отъ импрессаріо цѣлую проповѣдь о его несвоевременной болѣзни, которую Кокотти считалъ фокусомъ, о его *medesimi mezzi vocali* (посредственныхъ голосовыхъ средствахъ), причѣмъ «хозяинъ» довольно прозрачно намекнулъ, что въ случаѣ, если его выступленіе въ «Фавориткѣ» не будетъ такимъ же блестящимъ какъ мое, онъ, хотя и глубоко сожалѣя, уменьшитъ его содержаніе... Каково это было слушать скупому итальянцу-пѣвцу, дрожавшему за каждое центезимо! Разумѣется,

тутъ пустишь въ ходъ всѣ пружины, не откажешься отъ подложена товарищу свиньи! Знай я объ его разговорѣ съ импрессарио, очень можетъ быть, я и уступилъ бы ему честь выступить въ Фернандо первымъ, но разсерженный на меня теноръ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ.

Когда я предъ началомъ «Лючіи» посмотрѣлъ въ традиционную дырочку въ занавѣсѣ на театральнѣй залъ, очень шумно дававшій о себѣ знать, я былъ пораженъ массою залитыхъ золотомъ и серебромъ мундировъ каракасской знати; ложи были переполнены нарядными дамами, рискованно декольтированными, при чемъ среди оливковыхъ и кофейныхъ плечъ мѣстныхъ красавицъ рѣзко выдѣлялась бѣлая кожа англичанокъ, шведокъ и французенокъ, мужья, братья и отцы которыхъ имѣли различныя промышленныя предпріятія въ республикѣ. Вся эта блестящая толпа громко разговаривала, шутила, пила лимонадъ, оршадъ, ѣла мороженое, разносимое хорошенькими *muchas* (дѣвушками) въ яркихъ костюмахъ. Признаки нетерпѣнія уже сказывались; «райскіе посѣтители» настойчиво покрикивали и стучали палками.

Всѣ были готовы, дѣло оставалось за Окзилъя. Кокотти побѣждалъ въ его уборную.

— Джузеппе, торопись, дружокъ,—молилъ онъ знаменитость:—ты не первый разъ поешь здѣсь; вспомни, что у здѣшнихъ *caballeros* имѣются *bastones* (палки),—намекнулъ на что-то тенору импрессарио.

— Подождутъ эти грязные *buggos* (ослы)!—презрительно кинулъ въ отвѣтъ Окзилъя, начиная торопиться.

— Готовъ, готовъ!—радостно, чуть не нараспѣвъ сказалъ Кокотти, и самъ постучалъ три раза объ полъ ножкой стула.

Петтинелли, скучавшій уже на своемъ мѣстѣ въ оркестрѣ, взмахнулъ палочкой, и увертюра началась, хотя *caballeros* попрежнему шумѣли; только съ поднятіемъ занавѣса, когда общее вниманіе перешло на новенькія нѣмецкія декораціи, «ослы» немного унялись. Спектакль продолжался удачно. Окзилъя старался во всю и своимъ успѣхомъ далеко оставилъ за собою посредственную Лючію-Кассандри. Дорини и Респлендино очень понравились слушателямъ, многіе кричали:

— Buene, теноре, entonces tı oimos mañana! (Хорошо, завтра тебя послушаемъ).

Кокотти довольно потиралъ руки, а когда онъ былъ приглашенъ въ ложу его превосходительства, господина президента, который его поблагодарилъ, онъ былъ на седьмомъ небѣ отъ удовольствія. На нашихъ пѣвицъ и балерину, не участвовавшихъ въ спектаклѣ и сидѣвшихъ въ ложѣ, зрители первыхъ рядовъ обра-

тили вниманіе, подробно разсматривали ихъ въ бинокли и громко выражали свое восхищеніе.

— Oh, que linda señoritas! Que hermosos ojos! (Какіе хорошенькіе, чудвые глазки). Bonitos manos! (прелестныя ручки).

А когда наши пѣвицы вышли изъ ложи, caballeros не давали имъ прохода, только и слышались фразы:

— No pueda aguardar mas! (Ждать больше не могу).

— He perdido la paciencia! (Теряю терпѣніе).

— Vi quiero mi amado, quanx una síla? (Я васъ люблю, дорогая. Когда свиданье?)

— Notengo valor de opra hablar. (Я боюсь съ вами разговаривать).

— Va no tiene mucho coraje! (У васъ нѣтъ сердца!)

Все это сопровождалось поцѣлуями ручекъ.

Польщенные такимъ фейерверкомъ комплиментовъ, итальянки только шутливо отмахивались вѣрами, но позволяли цѣловать свои ручки. Одна миссъ Эдитъ съ сердитымъ выраженіемъ глазъ повторяла:

— Shoking! (Стыдно!).

Окончился спектакль; громадная толпа enamorados (ухаживателей) провожала артистокъ до отеля. Больше всего триумфа получила хорошенькая Анджелика, пѣвшая наперсницу. Едва только она появилась по окончаніи оперы на улицѣ, какъ согласный хоръ молодежи началъ напѣвать въ уши любезности:

— Que bonitas pies! (Что за чудныя ножки!).

— Tierno bien mio! (Моя красотка!)

— Mi querida, unbeso! (Дорогая, одинъ поцѣлуй!).

Дѣвушка только съ помощью Дорини могла пробраться черезъ толпу ухаживателей. Ревнивый Окзилья увезъ Кассандри въ экипажѣ.

Успѣхъ нашей компаніи былъ огромный. Смѣтливый Кокотти отлично разсчиталъ, что главной приманкой нашихъ спектаклей будутъ красивыя артистки, а ихъ у насъ было немало.

ХII.

Коридоръ, въ которомъ находились комнаты нашихъ дамъ, — представлялъ собою на другое утро цвѣтущій садъ; такъ много было прислано имъ цвѣтовъ. Передъ дверью же Анджелики вышлся цѣлый цвѣточный бастионъ. Между цвѣтами облѣбли визитныя карточки поклонниковъ и даже стихи. Я изъ любопытства выпросилъ одно стихотвореніе у хорошенькой компримаріи; вотъ оно:

En un ver de prato
De rosas e flores.
Guardaba ganado
Con otros pastores:
La digo donosa...¹⁾.

Насталъ вечеръ...

Взволнованный предстоящимъ дебютомъ и угрозами Брази, я отправился въ театръ. Не скажу, что меня не пугаль сегодняшній спектакль; я зналъ еще по итальянскимъ сценамъ, на что способны артисты.

— Guidado! (Берегитесь!)—шепнула мнѣ хористка Маника, когда я вышелъ на сцену; я крѣпко пожалъ ей руку.

— Ma, non tiene miedo! (Но не бойтесь!) — успокаивала она меня.

Опять переполненный блестящими мундирами залъ, рядъ экзотическихъ, роскошныхъ женщинъ въ ложахъ, смѣхъ, шутки... Однимъ словомъ, все какъ вчера. Спасительное аликанте было мною заранѣе припасено. Я выпилъ два стаканчика, bon courage, какъ говорятъ французы, овладѣлъ мною.

Первый актъ—блестящій, неслыханный успѣхъ, затмившій вчерашній успѣхъ Окзилья, я три раза повторилъ первую арію и успокоенный вернулся къ себѣ въ камерину.

— Не рѣшился сдѣлать пакость,—подумалъ я про товарища:— есть еще у него совѣсть!

Но я ошибся.

Вторая картина, въ королевскихъ садахъ, начинается танцевальнымъ хоромъ женщинъ. Фернандо является позже, съ завязанными глазами на лодкѣ. Все шло благополучно до самаго дуэта; но только что я началъ его, какъ на сценѣ появился громадныхъ размѣровъ котъ.

Тревожно озираясь, онъ крался по сценѣ, жалобно мяукая...

Я похолодѣлъ отъ ужаса, сознавая прекрасно, что достаточно кому-нибудь изъ публики только засмѣяться для того, чтобы разить смѣхомъ весь залъ, и тогда весь мой успѣхъ пошелъ бы на смарку. Но моимъ благодѣтелемъ оказался суфлеръ, старичокъ Делапорта. Неслышнымъ для зрителей суфлерскимъ шопотомъ онъ приманилъ кота къ будкѣ, ловко схватилъ его и бросилъ внизъ. Счастливая случайность—вниманіе всѣхъ было въ эту минуту обращено на мою партнершу, красивую Армиду Парси, и случай съ котомъ прошелъ незамѣтно. Мы провели дуэтъ прекрасно, занавѣсъ опустился при безконечныхъ аплодисментахъ. Явившійся

¹⁾ — Въ этой преріи, пася свои стада, спокойно сидѣла она на муравѣ, — онъ ей сказалъ: «Слушай»...

ко мнѣ въ камерину импрессарио поздравилъ меня съ успѣхомъ и благосклонно сказалъ:

— Ты знаешь, теноре, что я справедливый человѣкъ, и потому, сверхъ условій твоей скриптуры, ты получишь *segate d'onore* (бенефисъ)!

Я очень былъ этимъ доволенъ и благодарилъ расщедрившагося Кокотти.

Во второмъ актѣ Фернандо не участвуетъ; я, отъ нечего дѣлать, бродилъ за сценой. Въ темнотѣ, царившей тамъ, мнѣ случайно удалось подслушать чей-то разговоръ; говорили по-испански, я съ трудомъ понялъ, о чемъ.

— Когда я первый разъ дерну за веревку, вы кидайте ее, а послѣ второго раза—спускайте занавѣсъ,—говорилъ одинъ шопотомъ:—поняли?

— Будьте увѣрены, все будетъ устроено какъ надо, я знаю ужъ,—отвѣтилъ другой, засмѣявшись короткимъ смѣхомъ.

Что-то мнѣ подсказало, что дѣло идетъ тутъ обо мнѣ. Нервно настроенный, не зная, къ кому обратиться за совѣтомъ, я натолкнулся на нашего аккомпаниатора Лонато и передалъ ему о только что слышанномъ.

— Успокойтесь, теноре, я позабочусь обо всемъ,—успокоилъ онъ меня,—и не отойду отъ веревки до конца третьяго акта, а въ четвертомъ я все равно играю за сценой на органѣ,—онъ стоитъ около самаго спуска занавѣса.

Я очень боялся за большую финальную сцену 3-го акта, испортить ее было чрезвычайно легко, и потому, чѣмъ ближе къ ней мы подвигались, сердце мое билось все сильнѣе, все учащеннѣе...

Послѣдній аккордъ оркестра, большая пауза, и я начинаю мой речитативъ

— Sire.....

До меня долетаетъ какой-то шумъ у первой кулисы, глухая ссора. Я готовъ каждую секунду остановиться, но беру себя въ руки и продолжаю. Шумъ и разговоръ стихаютъ. Моя сцена окончена, публика аплодируетъ, еще моментъ, и 3-ій актъ оконченъ, но въ послѣдній моментъ съ колосниковъ падаетъ громадная крыса.

Эффектъ пропущенъ, публика даже не замѣтила этого.

Въ послѣднемъ актѣ опять чья-то невидимая рука хотѣла потянуть за сигналъ къ спуску занавѣса во время моей арии, но Лонато во время остановилъ. Желаніе испортить мнѣ дебютъ дало мнѣ еще больше успѣха, когда публика объ этомъ узнала.

Всѣ газеты на другое утро были полны самыми лестными отзывами о моемъ исполненіи, а въ особенности о голосѣ.

Успѣхъ былъ полный.

XIII.

Когда-то капитанство Каракасѣ, состоявшее изъ четырехъ департаментовъ, превратилось въ 1831 г. въ Венецуэльскую республику, отдѣлившуюся отъ Новой Гренады еще при жизни знаменитаго Боливара. Въ 1834 г. здѣсь было отмѣнено невольничество, негры стали вполнѣ равноправными гражданами, страна все больше и больше процвѣтала и въ бытность мою тамъ представляла конфедерацию, въ составъ которой входили двадцать независимыхъ штатовъ.

Къ сожалѣнію, я не удержалъ въ памяти имени президента. Но онъ былъ вторымъ послѣ знаменитаго Бланко и не пользовался особою любовью венецуэльцевъ.

Меня чрезвычайно интересовала эта совершенно незнакомая мнѣ страна, и, воспользовавшись нѣсколькими свободными днями, благодаря удобно сложившемуся репертуару, рѣшилъ побывать, гдѣ только представлялось возможнымъ. Къ сожалѣнію, слабое знаніе испанскаго языка мнѣ во многомъ мѣшало, а также и недостатокъ времени. Совершенно случайно спутницей мнѣ оказалась миссъ Эдитъ. Въ то время еще не существовало портативныхъ кодаковъ, но настойчивая англичанка таскала повсюду небольшой фотографическій аппаратъ и усердно снимала виды и народныя сцены. Желѣзныхъ дорогъ было очень мало, намъ приходилось ѣздить на пресловутыхъ *bagros* (ослахъ). Мы объѣздили всѣ окрестности Каракаса, были въ Окумаре, въ Кури, Каренеро, въ Валенси, добрались до маленькаго городка Санто-Аннъ, на рѣкѣ Умаре, но исполнить наше желаніе—побывать въ Санто-Круцѣ на Ориноко оказалось невыполнимымъ. Репертуаръ снова потребовалъ нашего присутствія въ Каракасѣ.

За время своихъ странствій по Венецуэлѣ я познакомился со многими мѣстными жителями, съ богачами-быкотогговцами, нѣкоторые изъ которыхъ обладаютъ крупными состояніями и живутъ, какъ маленькіе царьки. У одного изъ нихъ, Хернандеца Озо да-Ликато, мнѣ приходилось бывать довольно часто, его гаціенда находилась недалеко отъ города. Сеньоръ Хернандецъ чрезвычайно любилъ музыку и приглашалъ нашихъ пѣвцовъ къ себѣ, щедро одаривая ихъ за исполненіе романсовъ, арій и т. п., хотя въ скриттурѣ, заключенной нами, ясно говорилось, что мы не имѣемъ права пѣть нигдѣ въ предѣлахъ десяти километровъ отъ города. Кокотти, хотя шутили и напоминалъ намъ объ этомъ пунктѣ, но политически смотрѣлъ сквозь пальцы, понимая, что это привлекаетъ въ театръ больше публики. Быкобоецъ, маленькій, худенькій чернышъ, только благодаря своей сообразительности сумѣвшій нажить себѣ крупное состояніе, былъ очень удрученъ своею незамѣтною фигурой и постоянно повторялъ:

— Я охотно далъ бы четверть моего состоянія тому, кто помогъ бы мнѣ быть такимъ высокимъ, полнымъ, какъ мои товарищи, но...—тутъ сеньоръ Озо разводилъ безпомощно руками,— это можетъ сдѣлать только Господь Богъ, а ему не надо и всего моего капитала.

Шутникъ притворно утиралъ слезы и прибавлялъ:

— А потому, достопочтенные кабальеросы, пожалуйте меня и выпьемте вмѣстѣ каплю аликанте!

«Капля» вмѣстала въ себѣ объемистый стаканъ!

Хернандецъ интересовался вообще музыкой. Какъ-то разъ, когда мы были у него, онъ съ довольнымъ видомъ подалъ мнѣ клавираусъ.

— Это одна изъ вашихъ русскихъ знаменитыхъ оперъ! — довольно сказалъ хозяинъ.

Передо мною лежали неизвѣстно какимъ образомъ попавшіе въ Каракасъ «Нижегородцы» Направника!

— Спойте, пожалуйста, что-нибудь по-русски!—сталъ упрашивать меня хозяинъ.

Нужно отдать справедливость музыкальному чутью итальянцевъ, нашъ маэстро сразу одолѣлъ фактуру чуждой для него музыки и, вѣроятно, въ первый разъ роскошный залъ сенора да-Ликато услышалъ «Здравствуй, Кремль», «Мнѣ милѣй свѣта Божьяго»...

Испанцамъ, а также и моимъ сотоварищамъ, больше всего понравилось *allegro* изъ дуэта тенора съ сопрано «Посажу я тебя на лихихъ скакуновъ»...

— Поставьте-ка эту оперу!—предложилъ хозяинъ нашему импрессарио:—она будетъ имѣть въ Каракасѣ большой успѣхъ, а?

Но отъ этого предложенія пришлось отказаться: не было партитуры для оркестра, а также итальянскаго перевода.

— Жалко, — добродушно замѣтилъ хозяинъ: — а я охотно бы заплатилъ за все это.

Чтобы сдѣлать приятное для него, я, съ помощью Дорини, кое-какъ перевелъ на итальянскій языкъ дуэтъ съ сопрано, Петтинелли оркестровалъ, и мы съ Борелли исполнили его на ея *serata d'opere* (бенефисѣ).

Долженъ сказать, что онъ дѣйствительно понравился каракасцамъ.

XIV.

Съ Брази у меня состоялось молчаливое соглашеніе. Онъ спѣлъ на третьемъ спектаклѣ «Фаворитки» Фернандо и, несмотря на старанья друзей поддержать его, не имѣлъ успѣха. Партія эта осталась за мною; зато я уступилъ ему «Травіату», «Риголетто», но «Фаустъ», послѣ одного раза, слѣтаго имъ, перешелъ также

въ мою собственность. Только одинъ разъ пришлось намъ снова столкнуться.

Окзилья заболѣлъ или закапризничалъ, а по нѣкоторымъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ, Анджелика, съ которой онъ, судя по поговоркѣ, «старая любовь—не ржавѣетъ», пытался любезничать, исцарапала все лицо любвеобильнаго тенора. Это случилось передъ самымъ началомъ спектакля, переимѣнить «Трубадура» не представлялось возможнымъ. На роль Манрико явилось два претендента: Брази и я, причемъ каждый изъ насъ упорно отстаивалъ свои права на замѣну примо-тенора асолюто. Кокотти колебался; ему не хотѣлось обидѣть ни того, ни другого.

— Пусть рѣшитъ судьба! — сказалъ онъ съ паѳосомъ и, вытащивъ изъ кармана двѣ монетки, закусилъ одну изъ нихъ зубами, бросилъ въ свою шляпу и предложилъ намъ вынуть.

Счастливымъ случаемъ помогъ мнѣ, на мою долю досталось пѣть Манрико!

Не желая еще больше вооружать противъ себя побѣжденнаго товарища, я миролюбиво протянулъ ему руку и сказалъ:

— Не сердись, Анджело, даю тебѣ слово, что не заикнусь объ «Эрнани», пой ты.

Я зналъ, что онъ мечтаетъ объ этой партii.

— Благодарю, я зналъ, что у тебя есть сердце,—довольный моимъ предложенiемъ, отвѣтилъ мой соперникъ и первый началъ аплодировать мнѣ послѣ первой арии «Deserto»...

Сезонъ разгорался, репертуаръ былъ самый разнообразный, исполнили съ колоссальнѣйшимъ успѣхомъ «Силу судьбы» съ Окзилья. Смисъ очень понравилась, англійскiй консулъ сдѣлалъ ей визитъ и преподнесъ красивую брошь съ брилльантами.

— Вы не посрамили, дорогая соотечественница, британскаго имени такъ далеко отъ родины, и я считаю своимъ долгомъ отъ имени Великобритани и ея величества королевы Викторii преподнести вамъ это маленькое воспоминанiе о вашемъ успѣхѣ далеко отъ метрополи, за океаномъ.

Англичанка была въ восхищенiи отъ подобной чести и устроила для консула и его супруги five o'clock tea, на который были приглашены только Кокотти, Дорини и я; съ другими артистами она держала себя далеко. Это обстоятельство ввело меня въ англійскiй кружокъ, я частенько пѣлъ у консула «The last rose» (Послѣдняя роза) изъ «Марты», «Fra rosso...» изъ «Лючii» и др. Положимъ, никакихъ особыхъ подношенiй я не удостоивался получать за это, но мнѣ было чрезвычайно весело среди англичанъ. Остальные наши сотоварищи отлично здѣсь освоились, у нихъ завелись тоже знакомства. Скромные Вiалэ и Респлендино рѣже бывали въ гостяхъ, у нихъ такъ же, какъ у обѣихъ меццо-сопрано и Борелли, было работы по горло. Ревнивый аккомпаниаторъ не позволялъ

своей невѣстѣ Амеліи нигдѣ бывать одной безъ него... Ванрель куда-то таинственно скрывался, слухи ходили, что богатая, еще нестарая вдова одного плантатора дарила его своимъ расположеніемъ. Вѣчно веселый Дорини тоже не давалъ маху, его часто видѣли съ хорошенькой Розитой, дочерью нотариуса; баритонъ распѣвалъ серенады, а жгучая брюнетка мѣла. Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы заботливый папаша не отпустилъ дочку своевременно въ Валенсію, къ теткѣ.

Анджелика куда-то исчезла и нерѣдко не являлась на спектакли, приходилось замѣнять ее другой исполнительницею.

— Слушай, дѣвчонка,—замѣтилъ ей раздосадованный импресаріо:—если ты не будешь являться въ театръ, я буду тебя штрафовать, а затѣмъ безцеремонно выгоню изъ компаніи!

Бойкая пѣвичка подперла руками талию, насмѣшливо взглянула ему въ глаза и увѣренно отвѣтила:

— Мнѣ все равно, я... я плюю на всю вашу шарманку!

Кокотти даже позеленѣлъ отъ злости, онъ не ожидалъ ничего подобнаго.

— Да я тебя въ тюрьму запру, шлюха,—задыхаясь крикнулъ онъ ей.

Если бы у Анжелики былъ бы чуть побольше голоса, лучшей Карменъ, по моему мнѣнію, не существовало бы на свѣтѣ! Она съ такимъ непринужденнымъ видомъ показала носъ нашему почтенному патрону, что мы всѣ присутствующіе залюбовались ею.

— Коротки руки у васъ, синьоръ *illustrissimo!* (достопочтеннѣйшій), — выкрикнула красотка: — скорѣе вы сами въ ней очутитесь!

Кокотти готовъ былъ растерзать дерзкую, но только прохрипѣлъ:

— Вонъ, вонъ отсюда, потаскушка!

Анджелика спокойно, съ сознаниемъ своего достоинства, сдѣлала намъ общій граціозный поклонъ, характерно плюнула въ сторону патрона и медленно ушла со сцены.

Да, это была настоящая Карменъ! Тайна вскорѣ разъяснилась. Хорошенькая компримарія сошлась съ однимъ изъ важныхъ полицейскихъ чиновъ, я не знаю, какъ его тамъ называли, алькуадоръ, корреходоръ... Всѣ эти названія перепутались у меня въ памяти. Осыпанная всевозможными благами влюбленнымъ въ нее до безумія полицейскимъ, Анжелика возмнила себя настолько всесильной, что посулила тюрьму самому импресаріо! Скромный женихъ берсальеръ въ Миланѣ долженъ былъ уступить мѣсто богачу алькуадору. Ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ, тѣмъ болѣе, когда женихъ и невѣста раздѣлены океаномъ.

XV.

Описанія моеѣ скриттуры въ Каракасѣ близились къ концу, шаблонъ становился слишкомъ однообразенъ, но необычайныя происшествія сразу вторгнулись въ нашу оперную жизнь. Виною опять явился нашъ Донъ-Жуанъ—прима-теноре. Не довольствуясь любовью синьоры Кассандри, онъ плѣнилъ сердце одной богатой дамы и, пользуясь отсутствіемъ ея супруга, частенько уѣзжавшаго въ преріи для осмотра быковъ, награждалъ миллионера-быкобойца символическимъ украшеніемъ его промысла. «Нѣтъ тайны, которая не обнаружилась бы когда-нибудь», говоритъ испанская пословица. Объ отношеніяхъ нашего пѣвца къ доннѣ Концепціонѣ было сообщено ея супругу анонимнымъ письмомъ и, возвращаясь однажды изъ театра послѣ «Гугенотовъ», Окзилія былъ вызванъ на ссору какимъ-то съ виду подвыпившимъ кабальеро. Ссора перешла въ драку. Протрезвившійся пьяница и подбѣжавшій къ нему товарищъ обнажили *cuchillos* (ножи). Теноръ струсилъ, и если бы Ванрель, возвращавшійся съ нимъ вмѣстѣ, энергично не щелкнулъ куркомъ револьвера, знаменитый пѣвецъ представлялъ бы изъ себя рѣшето.

— *Lo siento mucho, maestro muy ocupado! Nosostro bememos mañana!* (мнѣ грустно, но я очень занятъ, поговоримте завтра)—вѣжливо проговорилъ разбойникъ, и оба они скрылись.

Но перепуганный теноръ на завтра не явился съ театръ, сославшись на нездоровье, а на другое утро, урегулировавъ свои счеты съ импрессарио, уѣхалъ въ Буэнос-Айресъ, куда давно уже порывался и велъ переписку о гастроляхъ. Кассандри, покинутая вѣроломнымъ обожателемъ, не особенно долго по немъ скучала и скоро нашла ему замѣстителя въ лицѣ богатаго чиновника.

Весь теноровый репертуаръ легъ на меня и на Брази, мое мѣсто *alto tenore* занялъ уже давно одинъ изъ старыхъ опытныхъ компримарио, пріѣхавшихъ съ нами изъ Милана.

Сезонъ перевалилъ на другую половину, каракасцамъ, видимо, начиналъ пріѣдаться нашъ репертуаръ, театръ не наполнялся, какъ раньше. Въ одинъ прекрасный день правительственный директоръ Пензо заявилъ Кокотти, что было бы интересно для публики, если бы исполнялось нѣсколько испанскихъ оперъ.

— Но, къ сожалѣнію, ихъ почти нѣтъ.

— Позвольте завѣрить, сеньоръ импрессарио, что ихъ много,—настойчиво повторилъ директоръ и, отворивъ шкапъ въ режиссерской комнатѣ, указалъ на груды запыленныхъ нотъ.

— Хорошо, мы попробуемъ,—безнадежно согласился Кокотти.

Немало труда стоило Петтинелли и Монато выбрать и собрать изъ этого музыкальнаго хлама двѣ оперы, скорѣе оперетты, «El tempestade» (Ураганъ) и «Vaquero» (Пастухъ). Хотя музыка была немудреная, разучивать ее было нелегко, тѣмъ болѣе, что не всѣ испанскія слова были для меня понятны. Къ счастью, Брази, желавшій отличиться, взялъ на себя теноровыя партіи въ обѣихъ операхъ, и я былъ свободенъ. Пѣвицы наши охотно ихъ разучили, не брезгали и баритоны. Эдитъ исполняла какую-то добродѣтельную фею, являющуюся въ преріи пастуху, на сценѣ должны были пастись настоящіе бараны и мустанги.

Я былъ на первомъ представленіи и слѣдилъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ каракасцы смотрѣли и слушали сарсуэллу. Въ «Ураганѣ» отличались Дорини и Ванрель, первый въ роли легкомысленнаго гаціендера, а второй пустытника. Обѣ эти вещицы шли чуть ли не ежедневно при переполненномъ театрѣ. Я былъ совершенно свободенъ и, познакомившись съ чиновникомъ, новымъ покровителемъ сеноры Кассандри, заходилъ къ нему поболтать ради практики испанскаго языка и распить бутылочку аликанте.

Съ озабоченнымъ видомъ встрѣтилъ онъ меня однажды; подруга его Лина пѣла въ театрѣ, сеноръ Энрико Гоммара былъ одинъ. Меня изумилъ встревоженный видъ хозяина; я привыкъ видѣть его всегда веселымъ, беззаботнымъ, какъ большинство южно-американцевъ.

— Что съ вами, достопочтенный сеноръ Энрико? — заботливо спросилъ я его.

Гоммара расширилъ ноздри и повелъ носомъ, точно обоняя какой-то запахъ.

— У васъ насморкъ?—догадывался я.

Почтенный чиновникъ отрицательно мотнулъ головой.

— Голова болитъ отъ сильнаго запаха цвѣтовъ?

Новое отрицательное поматываніе хозяйской головы.

— Пахнетъ порохомъ!—съ таинственнымъ видомъ, наконецъ, проговорилъ онъ.

— Развѣ вы стрѣляли?—задалъ я наивный вопросъ.

— Не стрѣлялъ, но будутъ стрѣлять.

— Гдѣ же у васъ охотятся?

Выраженіе досады, что его не понимаютъ, появилось на лицѣ сенора Гоммара.

— Пронунціаменто...—коротко сказалъ онъ.

— Что жъ изъ этого?—недоумѣвалъ я.

— Не за горами! Пушки, стрѣльба, кровь и все правительство кувыркомъ!—онъ бсторожно оглядѣлся кругомъ и, умоляюще посмотрѣвъ на меня, шопотомъ замѣтилъ:

— Только это тайна, великая тайна! Молчите, никому ни слова!

Меня встревожила настолько вѣсть о предстоящемъ государственномъ переворотѣ, что я не могъ долго оставаться у него и ушелъ.

На улицахъ тамъ и сямъ видѣлись кучки людей, о чемъ-то таинственно переговаривающихся между собою. Я зашелъ въ кабачокъ—тамъ тоже шли разговоры; насколько я убѣдился, предстоящее пропунциаменто не было ни для кого тайной, и забота Гоммара была напрасна.

Я дождался возвращенія изъ театра товарищей и поспѣшилъ подѣлиться съ ними непріятной новостью. На нихъ она произвела дурное впечатлѣніе. Кокотти, видимо, чувствовалъ себя очень довольнымъ. Это было вполне понятно. Сезонъ на двѣ трети уже прошелъ, согласно условію съ пѣвцами, онъ могъ не заплатить имъ ни центезимо больше, ссылаясь на предусмотрѣнный тамъ такой форсъ-мажоръ, какъ перемѣна правительства.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ Борелли.

— Я думаю, лучше всего будетъ вытащить у Кокотти все, что возможно, и уѣхать,—предложилъ опытный Дорини.

— Но куда? Въ Миланъ?—послышались вопросы.

— Это уже дѣло каждаго; что касается меня, то я отправлюсь въ Сантъ-Яго въ Чили, меня туда зовутъ.

— Я тоже, я тоже!—высказались за баритономъ синьоры Барбареско и Парси.

Респлендино и Віалэ молчали, но замѣтно было, что и они отправятся со своими подругами. Синьорина Рескалли и остальные балетныя артистки устроились въ Буэносъ-Айресѣ.

Оказалось, что Брази своевременно велъ переговоры съ театромъ въ Коста-Рика. Туда же поѣхалъ Лonato съ невѣстой. Остались не у дѣлъ только Ванрель, англичанка, Борелли, маэстро и я. Кассандри не отпускалъ отъ себя сеноръ Гоммара, Анжелика поселилась у своего полицейскаго очень прочно. Компримаріи, музыканты ѣхали съ Лonato въ Коста-Рика.

— Мнѣ чрезвычайно интересно посмотреть это пропунциаменто,—сообщила намъ Эдитъ Смисъ.

— А вы развѣ не боитесь безпорядковъ?

Эдитъ холодно посмотрѣла на меня.

— Великобританскій подданный вездѣ безопасенъ, гдѣ есть англійскій консулъ!—увѣренно отвѣтила пѣвица.

Въ Европу возвращались только Ванрель, маэстро и я. Борелли рѣшила ѣхать тоже въ Коста-Рика.

Супруги Кокотти остались ликвидировать свои дѣла.

Нужно было торопиться уѣзжать. Представленія въ театрѣ прекратились, по улицамъ ходили патрули, около города раскинулся вооруженный лагерь, лишняя минута промедленія — и попасть въ Ла-Гвайру было бы невозможно.

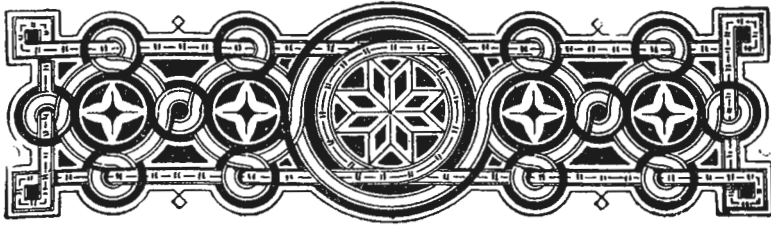
Не знаю, ради какихъ моихъ достоинствъ, или предвидя возможность новаго ангажемента, Кокотти рассчитался со мною сравнительно добросовѣстно. Онъ не отдалъ мнѣ только четвертую часть всего обусловленнаго жалованья, но заплатилъ за обратный проѣздъ въ Европу. Черезъ два дня мы трое добрались до Ла-Гвайра. Пироскафа въ Геную не было ни одного. Ванрель воспользовался англійскимъ пароходомъ, отходящимъ въ Дувръ, съ нимъ поѣхалъ и Петтинелли.

Мнѣ пришла въ голову оригинальная мысль перебраться на островъ Кубу. Близъ Гаванны имѣлъ табачную плантацію одинъ изъ моихъ товарищей по нѣмецкой школѣ д-ра Видемана, Аугусто ди-Шани. Я много лѣтъ его не видѣлъ, хотя когда-то обѣщался пріѣхать къ нему. Сказано—сдѣлано. Въ тотъ же день я помѣстился на одинъ изъ пароходовъ, циркулирующихъ между Антильскими островами, и отплылъ изъ Ла-Гвайры.

Позади меня уже грохотали пушки, пронунциаменто не заставило себя ожидать...

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАѢ I И ЕГО СЕМЬѢ.

ИМПЕРАТОРЪ Николай Павловичъ въ теченіе всего своего царствованія съ особенными любовью и заботливостью относился къ воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Поставивъ во главѣ кадетскихъ корпусовъ своего любимаго брата, великаго князя Михаила Павловича, государь заботился о кадетахъ, какъ отецъ, оказывая имъ свое сердечное расположеніе и входя даже въ мелочи ихъ повседневной жизни. Въмѣстѣ съ государемъ и вся царская семья была сердечно расположена къ кадетамъ.

Въ помѣщенныхъ ниже воспоминаніяхъ, относящихся къ сороковымъ годамъ прошлаго столѣтія, воспроизведено нѣсколько фактовъ, характеризующихъ отношеніе императора Николая I къ кадетамъ.

Въ праздничные дни кадеты являлись въ Александрію—лѣтнюю резиденцію царской семьи—и здѣсь, гуляя по парку, чувствовали себя совершенно непринужденно: лежали на травѣ въ разстеленныхъ курткахъ, бѣгали, рѣзвились, а нѣкоторые осмѣливались даже курить,—словомъ, всѣ были вполнѣ довольны, что около нихъ нѣтъ никакого начальства. Случалось нерѣдко, что неожиданно появлялся государь. Окинувъ всѣхъ своимъ зоркимъ, орлинымъ взоромъ и, конечно, замѣтивъ всѣ допущенныя вольности, его величество, тѣмъ не менѣе, не гнѣвался, а лишь кричалъ кадетамъ:

— Господа, предупреждаю васъ: братъ великій князь сейчасъ проѣдетъ.

Кадеты, въ свою очередь, радостно отвѣчали:

— Благодаримъ, ваше величество! — и тотчасъ же приводили все въ порядокъ. Передавалось, якобы государь однажды изволилъ спросить у великаго князя-брата: «что, нашелъ гуляющихъ кадетъ приличными?» Его высочество изволилъ отвѣтить: да!

— Это я предупредилъ кадетъ, что ты ѣдешь!

Въ Александріи же, придя изъ лагерей, кадеты толпились около дворца, ожидая выхода царской семьи на веранду. Выходили на веранду великіе князья Константинъ, Михаилъ и Николай Николаевичи, — послѣдніе двое въ кадетскихъ курткахъ, — лица царской свиты и, въ рѣдкихъ случаяхъ, великія княгини Марія и Ольга Николаевны, славившіяся своей замѣчательной красотой.

Великія княгини устаивали кадетъ разговорами, интересовались ихъ жизнью въ корпусѣ и т. п., и кадеты безъ всякой робости сердечно отвѣчали на всѣ вопросы. Великія княгини раздавали кадетамъ конфекты и фрукты и иногда, ради шутки, бросали конфекты въ толпу кадетъ и любовались той ловкостью, съ которой кадеты ловили лакомства. На лицахъ кадетъ была написана радость. Молодые великіе князья запросто, по-товарищески бесѣдовали съ кадетами старшихъ классовъ, а иногда, сойдя съ веранды, забавлялись съ кадетами младшаго возраста, бѣгали и играли съ ними, какъ ровесники.

Нерѣдко кадеты имѣли счастье видѣть и императрицу. Ея величество обыкновенно сидѣла въ креслѣ на нижнемъ балконѣ. Доброта и сердечность ея величества кадетамъ были хорошо извѣстны, да и не однимъ кадетамъ, а всѣмъ окружающимъ императрицу. Государыня подзывала къ себѣ кадетъ, спрашивала ихъ, входила въ ихъ интересы.

Но вотъ появлялся давно съ нетерпѣніемъ ожидаемый кадетами самъ государь. Кадеты мгновенно снимали шапки и радостно приветствовали обожаемаго монарха. Государь приказывалъ надѣть шапки и, сойдя съ балкона, входилъ въ толпу кадетъ, удаивалъ нѣкоторыхъ вопросами, шутилъ, называлъ кадетъ своими дѣтьми.

Вообще, нѣсколько часовъ, проведенныхъ кадетами въ праздничные дни въ Александріи, были для нихъ такимъ великимъ счастьемъ, что, когда наступало время уходить, кадеты дѣлались грустными и съ большою неохотой оставляли Александрійскій паркъ, гдѣ они всегда встрѣчали царскую ласку, сердечность и любовь обожаемаго монарха.

Государь любилъ кадетъ и былъ увѣренъ, что каждый изъ нихъ, по его приказанію, безъ колебанія бросится въ огонь и воду. И это было совершенно вѣрно, такъ какъ сердечность и заботли-

вость государя и всей царской семьи о молодежи наполняли сердца послѣдней любовью и преданностью къ государю-отцу.

Въ 1848 году пріѣхала въ Россію принцесса-невѣста великаго князя Константина Николаевича, красавица Александра Іосифовна, ставшая съ первыхъ же дней пріѣзда общимъ кумиромъ для кадетъ и какимъ-то божествомъ. Принцесса была постоянно весела, относилась чрезвычайно ласково и любезно къ кадетамъ и въ короткое время покорила юныя сердца кадетъ до обожанія и благоговѣнія. Государь, въ теченіе лѣта въ Петергофѣ, очень часто пріѣзжалъ въ кадетскій лагерь съ принцессой-невѣстой въ экипажѣ вмѣстѣ съ счастливымъ женихомъ.

Государь обыкновенно самъ правилъ лошадьми.

Всѣхъ кадетъ вызывали на линію, что они продѣлывали очень быстро.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ государь, шутя, обратился къ кадетамъ:

— Я замѣчаю, что вы, мальчишки, когда пріѣзжаю я одинъ въ лагерь, медленнѣе выбѣгаете на линію, чѣмъ когда я пріѣзжаю съ принцессой! Какъ вы узнаете, когда я ѣду съ невѣстой?

Кадеты не растерялись и, не задумавшись, отвѣтили государю:

— Нѣтъ, ваше величество, мы всегда сердечно рады видѣть васъ, государь!

О принцессѣ мы умолчали, но вскорѣ же стали просить государя пріѣхать на «зорю» вмѣстѣ съ ней. Государь улыбнулся и, дѣйствительно, уважилъ нашу просьбу, пріѣхавъ на «зорю» вмѣстѣ съ принцессой, которая была, какъ помнится, верхомъ. Восторгъ кадетъ былъ необычайный.

Въ Александріи принцесса часто раздавала кадетамъ конфеты и фрукты, иногда, ради шутки, бросая ихъ въ толпу и любуясь, какъ кадеты стремительно бросались за лакомствами. Особеннымъ счастьемъ считалось у кадетъ достать платокъ принцессы, и находились такіе ловкачи, которые разными способами платокъ доставали и затѣмъ дѣлили его между товарищами на кусочки. Государь какъ-то объ этомъ узналъ и однажды, шутя, спросилъ кадетъ: отчего у него не таскаютъ изъ кармана платковъ? Кто-то изъ кадетъ довольно находчиво отвѣтилъ государю:

— У вашего величества не такіе тонкіе платки, какъ у ея высочества.

Государь улыбнулся, но вскорѣ послѣ этого выставилъ изъ кармана сюртука конецъ дамскаго платка. Кадеты, хотя и замѣтили это, но платка изъ кармана государя не взяли. Государь, видя, что платокъ у него остался цѣлъ, обратился къ кадетамъ, сказавъ:

— Мальчишки! Вруны! Надули меня: платокъ въ карманѣ былъ у меня дамскій, никто не стащилъ!—и съ этими словами, улыбаясь,

подалъ платокъ государынѣ. Конечно, если-бъ кадеты догадались, что платокъ принадлежитъ императрицѣ, то, несомнѣнно, вытащили бы его изъ кармана государя и раздѣлили бы добычу.

Однажды государь, гуляя въ Александріи около дворца, въ сопровожденіи многихъ лицъ царской фамиліи и свиты, а также принцессы-невѣсты, сдѣлалъ приказаніе свалить ея высочество принцессу въ находившійся по близости стогъ сѣна. Кадеты улыбнулись, но не двинулись съ мѣста. Государь приказываетъ второй, третій разъ. Кадеты въ нерѣшительности, медленно начали подступать къ принцессѣ, не спуская глазъ съ государя, думая, какъ можно такое существо, общій кумиръ, подвергать такому не деликатному приему, но понемногу окружали принцессу, все-таки не рѣшаясь исполнить приказаніе. Государь понялъ душевное состояніе кадетъ и, желая вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія, вдругъ поднялъ руки, какъ бы спасая принцессу, и громко крикнулъ: «Прочь!» Принцесса преклонила предъ его величествомъ колѣна и поцѣловала государя въ плечо, улыбнувшись своему жениху и бросивъ ласковый, полный благодарности взглядъ въ сторону кадетъ.

Насколько кадеты были преданы государю и его семейству и какъ чутко относились они ко всему, что касалось обожаемаго монарха, показываетъ слѣдующій фактъ.

Царская семья понесла страшную утрату—скончалась младшая дочь государя, великая княгиня Александра Николаевна. Ей было не болѣе 20 лѣтъ. Выйдя замужъ за принца, великая княгиня прожила въ замужествѣ не болѣе года. Преждевременная кончина великой княгини опечалила кадетъ несказанно, и юные питомцы слились въ общемъ горѣ съ царской семьей. При печальной процессіи, выносѣ тѣла обожаемой всѣми принцессы кадеты находились въ строю и, стоя подъ ружьемъ, держа на караулъ, плакали и слезы падали на ихъ мундиры. Было нѣсколько случаевъ, что нѣкоторые изъ кадетъ не выдерживали и падали въ обморокъ. Ихъ выводили или выносили изъ строя. Въ Царскомъ Селѣ на одномъ изъ прелестныхъ прудовъ поставленъ бюстъ великой княгини принцессы Александры Николаевны, сдѣланный превосходно и поразительный по сходству.

Съ такимъ же сочувствіемъ кадеты отнеслись и къ случившемуся съ императоромъ приключенію, едва не стоившему обожаемому монарху жизни,

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1847 или 1848 года государь, находясь въ Варшавѣ, неожиданно, даже не пославъ впередъ курьера для заготовленія лошадей, выѣхалъ въ коляскѣ, запряженной четырьмя лошадьми, и къ вечеру добрался до гор. Ковна. Рѣка Нѣманъ, на которой стоитъ Ковно, только за нѣсколько дней до пріѣзда государя стала и покрылась тонкимъ льдомъ. Ямщикъ, подъѣзжая

къ Нѣману, доложилъ государю, что ледъ не выдержитъ тяжести экипажа, но государь крикнулъ: «Пошелъ!» Едва экипажъ успѣлъ отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ тотчасъ же погрузился въ воду, которая хлынула въ экипажъ. Лошади стали. Ящикъ соскочилъ съ козелъ и, кое-какъ добравшись до берега, сталъ звать на помощь народъ. Государь и оберъ-камердинеръ Малышевъ остались въ экипажѣ. Въ это время по берегу проходилъ майоръ квартировавшаго въ Ковнѣ полка, по фамиліи Думбровскій (можетъ быть, Добровольскій). Услышавъ отъ ящика, что государь находится въ опасности, Думбровскій, сбросивъ съ себя шинель, вошелъ въ рѣку и, подойдя къ экипажу, доложилъ государю, что онъ можетъ вынести его на своихъ плечахъ на берегъ. Государь выразилъ сомнѣніе, но Думбровскій сталъ увѣрять, что онъ легко поднимаетъ до 12 пудовъ. Тогда государь согласился, и Думбровскій на плечахъ вынесъ государя къ берегу и довелъ въ городъ до дворца, который находился въ полверстѣ отъ Нѣмана. Дворецъ оказался нетопленнымъ и, по прибытіи туда, государь приказалъ подать шкаликъ водки или рому, чтобы согрѣть себя и промокшаго майора. Думбровскій попросилъ позволенія удалиться, чтобы выгрузить экипажъ изъ рѣки.

— Хорошо!—сказалъ государь.—Иди съ Богомъ и спаси моего камердинера Малышева!

Съ помощью солдатъ и народа экипажъ былъ доставленъ на берегъ и привезенъ къ дворцу, камердинеръ Малышевъ былъ также спасенъ отъ грозившей опасности. Когда майоръ обо всемъ доложилъ государю, то удостоился монаршей благодарности, причемъ государь обнялъ его и поцѣловалъ. Весь городъ былъ встревоженъ происшествіемъ съ государемъ и неожиданнымъ его появленіемъ. Не дѣлая никакихъ пріемовъ, утромъ слѣдующаго дня государь благополучно выѣхалъ изъ Ковна. Подробности объ этомъ происшествіи кадеты узнали отъ оберъ-камердинера Малышева.

Когда, уже спустя полгода, государь однажды пріѣхалъ въ кадетскій лазаретъ, больные кадеты восторженно встрѣтили государя и, видя, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа, осмѣлились спросить, правда ли, что государыня, сильно встревоженная происшествіемъ на рѣкѣ, очень сердилась на государя и выдрала его за ухо, какъ провинившагося мальчика. Государь показывалъ видъ, что сердится, но кадеты понимали, что онъ доволенъ ихъ преданностью, и просили его передать императрицѣ, что всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, благодарятъ ея величество за заботы о державномъ супругѣ и цѣлуютъ у нея ножки.

Государь сказалъ: «Хорошо, передамъ государынѣ».

Относясь къ кадетамъ съ любовью и чисто отцовскою заботливостью, государь иногда прощалъ имъ такія вольности, за которыя другіе поплатились бы жестокимъ наказаніемъ.

Однажды во время петергофскаго лагеря государь производилъ общій смотръ всего кадетскаго отряда. По батальонамъ государь смотрѣлъ ружейные приемы, ломку фронта и всѣ построения. Подъѣхавъ къ нашему 2-му корпусу, который стоялъ развернутымъ фронтомъ, государь приказалъ батальонному командиру, полковнику Курселю, командовать ружейные приемы. Хотя команда полковника и была слышна отчетливо, но кадеты, и въ особенности двѣ послѣднія шеренги, гдѣ стоялъ младшій возрастъ, перенутили всѣ приемы и дѣлали совершенно не то, что слѣдовало по командѣ. Этотъ «кавардакъ» происходилъ вслѣдствіе того, что кадеты заранее условились между собой портить ученье на царскомъ смотрѣ и тѣмъ показать свое неудовольствіе на корпусное начальство. Государю хорошо были извѣстны всѣ продѣлки кадетъ. Онъ подѣхалъ къ батальону и громко произнесъ:

— Слушайте моей команды!

По командѣ его величества кадеты продѣлали всѣ приемы безукоризненно, ловко и отчетливо. Государь, повидимому, остался доволенъ, но не выразилъ своего одобренія и не удостоилъ кадетъ своей благодарностью, тѣмъ не менѣе приказалъ разслѣдовать и доложить ему о причинахъ неудовольствія.

Воспоминанія о жизни кадетъ въ царствованіе императора Николая I были бы не полны, если бы не было упомянуто о шефѣ 2-го кадетскаго корпуса, великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Его высочество очень часто пріѣзжалъ въ корпусъ къ обѣду или ужину, а иногда и по ночамъ. Нерѣдко великій князь привозилъ съ собою кого-либо изъ иностранныхъ принцевъ, приказывалъ собраться въ залъ и производилъ ученье. Довольно часто зимой Михаилъ Павловичъ присылалъ въ корпусъ линейки, приглашая кадетъ къ себѣ въ Михайловскій дворецъ. Посылали обыкновенно 10—15 человекъ отъ каждой роты. У себя во дворцѣ великій князь встрѣчалъ кадетъ очень любезно, спрашивалъ и много шутилъ; позволялъ играть въ различныя игры, пѣть и шалить. Проходилъ часъ-другой, и въ комнатахъ появлялась великая княгиня Елена Павловна. Кадеты бросались къ ней и цѣловали руку. Великая княгиня многихъ кадетъ знала въ лицо и по фамиліямъ. Поговоривъ съ кадетами, великая княгиня садилась за рояль, и подъ ея аккомпаниментъ кадеты пѣли хоромыя пѣсни. Послѣ пѣнія кадеты приглашались въ столовую, гдѣ прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, пѣли молитву. Обѣдъ всегда проходилъ очень оживленно и весело. Послѣ обѣда или играли, или отправлялись въ Александронскій театръ, а во время святокъ ѣдили въ балаганы на Дворцовую площадь. Великую княгиню кадеты любили до обожанія и нерѣдко обращались къ ней съ различными просьбами и почти никогда не получали отказа.

Находились, однако, субъекты, которые злоупотребляли такой чрезмѣрной добротой ихъ высочества. Такъ, на примѣръ, одинъ ка-

дети, по фамиліи Моноенко, хохолъ, довольно умный малый, при выпускѣ обратился къ извѣстному въ Петергофѣ портному и заказалъ ему для себя платье, сказавъ, что онъ крестникъ великаго князя Михаила Павловича. Портной безпрекословно исполнилъ заказъ мнимаго крестника и подалъ счетъ въ контору великаго князя. Его высочество удивился, потребовалъ Моноенку къ себѣ и спросилъ, почему ему извѣстно, что онъ его крестникъ. Моноенко не растерялся и смѣло доложилъ, что въ такомъ-то году и такого-то числа великій князь приказалъ его высѣчь, а потому онъ и считаетъ себя окрещеннымъ его высочествомъ. Великому князю понравилась находчивость кадета, и онъ, не подвергнувъ Моноенку никакому наказанію, приказалъ уплатить портному по счету. Инцидентъ этотъ окончился благополучно, главнымъ образомъ благодаря просьбѣ ея высочества.

Однажды, возвратившись съ крещенскаго парада, кадеты занялись умываніемъ, чисткой и переодеваніемъ. Одинъ изъ кадетъ, Агафоновъ, подходя въ припрыжку къ умывальнику, съ полотенцемъ въ рукахъ, громко произнесъ:

— Что это значить, что нашъ «Рыжій Мишка» не выхлопоталъ у государя намъ отпуска? Въ прошломъ году крещенцы были уволены на три дня!

Едва Агафоновъ dokonчилъ этотъ возгласъ, какъ въ дверяхъ показалась фигура великаго князя. Не было сомнѣнія, что князь слышалъ слова Агафопова.

Всѣ замерли въ ужасѣ. Великій князь подошелъ къ группѣ кадетъ и спросилъ: «Кто это говорилъ сейчасъ?»

Вышелъ впередъ Агафоновъ и доложилъ, что говорилъ онъ.

Тогда великій князь задалъ ему вопросъ:

— О какомъ Мишкѣ ты говорилъ?

Агафоновъ, хотя и перетрусилъ порядкомъ, но откровенно доложилъ, что «Мишкой» онъ осмѣлился назвать его высочество.

— Я тебѣ задамъ называть «Мишкой!» Всѣ кадеты будутъ уволены въ отпускъ, а ты, мальчишка, отпуска не получишь!— гнѣвно произнесъ великій князь.

Вслѣдъ затѣмъ приказано было всѣмъ кадетамъ собраться въ залъ, гдѣ великій князь, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

— Государь императоръ остался доволенъ крещенскимъ парадомъ и приказалъ уволить крещенцевъ на три дня, но я просилъ государя уволить всѣхъ кадетъ моего корпуса.

Кадеты прокричали «ура», спѣли «Боже Царя храни» и, благодаря великаго князя за ходатайство, проводили его высочество до саней, прося передать великой княгинѣ отъ всѣхъ ихъ сердечное привѣтствіе.

Вѣдь, право, удивительно! Великій князь такой же человекъ, какъ всѣ мы, грѣшныя, съ утра цѣлый день на ногахъ, стоялъ на

«Иордани», зябъ; несмотря на это, не пожалѣвъ своихъ силъ и здоровья, пріѣхалъ въ корпусъ, не переодѣвшись, объявить кадетамъ царскую милость. Кто можетъ не оцѣнить такой героизмъ любви и вниманія къ своимъ питомцамъ, — вѣдь явленіе это необычайно и остается на всю жизнь отраднымъ воспоминаніемъ.

Когда великій князь отдавалъ приказы начальнику корпуса уволить кадетъ тотчасъ же послѣ обѣда, провинившійся Агафоновъ попросилъ разрѣшенія ротнаго командира обратиться къ великому князю съ извиненіемъ и просьбой... Получивъ разрѣшеніе ротнаго командира, а также директора корпуса, Агафоновъ подошелъ къ великому князю, когда тотъ сидѣлъ уже въ саняхъ, и, сдѣлавъ плачевную мину, сталъ просить извиненія.

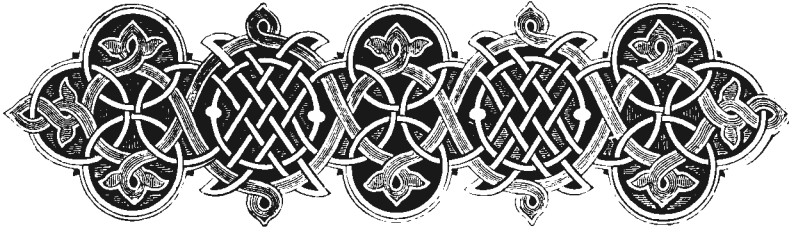
Великій князь пристально посмотрѣлъ на Агафопова (послѣдній былъ рыжеватъ), улыбнулся и, обратясь къ директору, сказалъ: — Увольте и этого рыжаго въ отпускъ!

Таковъ былъ великій князь, шефъ и начальникъ кадетскихъ корпусовъ. Внезапная кончина его высочества искренно оплакивалась всѣми кадетами, такъ какъ при внѣшней суровости и строгости у великаго князя было доброе и отзывчивое сердце. Нерѣдки были случаи, когда великій князь выручалъ кадетъ и своимъ покровительствомъ, и денежной помощью.

Маленькій разсказъ, оставшійся въ памяти. Однажды фельдъегерь прилетѣлъ съ донесеніемъ въ Александрію; вручивъ депешу, самъ отправился въ садъ, легъ на скамейку и уснулъ богатырскимъ сномъ; прислуга будить его, тормошитъ, фельдъегерь и не думаетъ вставать. Докладываютъ объ этомъ государю. Его величество изволилъ сказать: «Я сейчасъ его разбужу». Подходить къ нему и громко говорить: «Ваше благородіе, лошади готовы!» Фельдъегерь вскочилъ на ноги.

Н. И. Вороновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ДЕКАБРИСТАХЪ.

I.

Михаиль Александровичъ Бестужевъ.

ДЕКАБРИСТАХЪ образовалась довольно большая литература, имѣющая громаднѣйшій интересъ при изученіи эпохи первой четверти девятнадцатаго вѣка въ ея движеніи, въ политическомъ оживленіи интеллектуальныхъ силъ нашего передового общества, проявившагося въ протестѣ противъ суроваго режима этого времени.

Первыми борцами въ «освободительномъ движеніи» явились такъ называемые декабристы.

Мы, люди шестидесятыхъ годовъ, хотя застали въ живыхъ немногихъ изъ нихъ, слышали печальную повѣсть изъ устъ самихъ пережившихъ свои бѣдствія въ ссылкѣ и каторгѣ и впоследствии водворившихся въ мѣстахъ поселенія, какъ свободные граждане.

Общеніе съ ними тогдашней сибирской молодежи приносило величайшую пользу въ просвѣтительномъ отношеніи.

Нужно помнить, что окраинная Восточная Сибирь, разбросанная на тысячи верстъ, почти не имѣла учебныхъ заведеній, кромѣ иркутской гимназіи. При всей жаждѣ къ просвѣщенію, молодежь оставалась безъ образованія, довольствуясь только текущею литературой, сжатой цензурными тисками.

Семь лѣтъ скажи, изъ Сибири ни до какого учебнаго заведенія не доскачешь.

Таковы были образовательныя средства тогдашней Сибири.

Понятно, что декабристы отвѣтили на запросъ и были хоть для маленькаго кружка просвѣтителями и учителями, разумѣется, учителями не въ школьномъ смыслѣ. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ, по недостатку педагогическаго персонала, они охотно брали на себя обязанности домашнихъ учителей и руководителей по воспитанію юношества.

По присущей имъ всѣмъ скромности и политической зрѣлости, они своихъ учениковъ или собесѣдниковъ не втягивали въ политическое новаторство, не разжигали страсти, не звали на баррикады, не проповѣдывали бунты и заговоры. Они сами прекрасно поняли, что несвоевременная политическая агитація можетъ только породить репрессіи и тормозить естественное развитіе и ростъ общества.

Они полагались только на то, что просвѣщеніе мало-по-малу разольется въ массахъ и само собою явится самосознаніе и гражданская зрѣлость, а вмѣстѣ съ нею и поступательное движеніе...

Я, какъ знавшій нѣкоторыхъ лично и имѣвшій съ ними сношенія и переписку, считъ своей обязанностью въ коротенькихъ хотя бы воспоминаніяхъ бросить въ урну исторіи маленькую крупицу...

Не боясь того, что, можетъ быть, въ своихъ воспоминаніяхъ коснусь уже извѣстныхъ фактовъ, я тѣмъ не менѣе придерживусь тѣхъ впечатлѣній, какія сохранилъ отъ моего знакомства съ пионерами русской гражданственности и бывшими борцами за свободу, погребенными въ рудникахъ Сибири.

Полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые познакомился съ Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ въ Селенгинскѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ. Это было въ 1859 году.

Въ далекой провинціи, какъ Сибирь, въ захолустныхъ городкахъ, общество группировалось только въ большіе праздники, именины, свадьбы и крестины. Въ остальное, буднее время всѣ ютились по своимъ уголкамъ, въ своихъ семьяхъ. На этотъ разъ Селенгинскъ оживился прїѣздомъ гостей изъ Кяхты, въ числѣ которыхъ былъ и я. Праздновались именины моего тестя Дмитрія Дмитріевича Старцева, 26 октября. Гостиныя и зала наполнились гостями. Все селенгинское общество: офицеры, артиллеристы, офицеры казачьяго войска, купцы, мѣстное духовенство. Кяхтинскіе, верхнеудинскіе гости, собравшись въ кучки, неумолчно шумно бесѣдовали.

— Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—представилъ меня мой тесть, вводя въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Михаилъ Александровичъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ.

Общительность, привѣтливость сразу расположили меня въ его пользу.

Вотъ какъ я увидѣлъ его и какъ могу передать его портретъ. Было ему тогда уже за шестьдесятъ лѣтъ, средняго роста, съ полу-сѣдой головой на сухой жилистой шеѣ, съ выдающимся кадыкомъ, бритыми баками и подбородкомъ, съ нависшими на губы усами, съ толстыми бровями, изъ-подъ которыхъ весело смотрятъ живые, сѣрые глаза, всегда воодушевленные мыслью, лицо сухое, кожа чистая, на лбу и вискахъ съ фіолетовыми жилками, сбѣгающими по щекамъ, носъ съ небольшимъ горбомъ. Движенія живыя и энергичныя. Черный сюртукъ точно виситъ на его худощавыхъ плечахъ, бѣлый жилетъ, сѣрая широкая брюка и бѣлый большой воротъ рубашки, падающій на плечи — весь его нарядъ.

Пусть не посѣтуетъ читатель, что я, описывая наружность Михаила Александровича, точно отмѣчаю паспортныя примѣты. Его портретъ, помѣщенный въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1906 годъ, далеко не даетъ представленія о чертахъ его лица и наружности, какъ изображеніе молодыхъ лѣтъ.

Нѣсколько сутуловатая фигура, съ разставленными ногами, съ трубкой въ рукахъ на длинномъ черешневомъ чубукѣ, изъ котораго пускался дымъ жуковскаго табаку. Тогда папиросы едва входили въ моду.

Въ то время злободневною темой былъ Гарибальди и его успѣхи на Апеннинскомъ полуостровѣ въ борьбѣ по объединенію Италіи. Всѣ симпатіи, разумѣется, были на сторонѣ героя. Также въ горячей бесѣдѣ часто чередовались имена Мадзини, Кошута, Герцена и другихъ поборниковъ свободы и національной самобытности.

Бесѣдующіе замыкали Михаила Александровича въ тѣсный кружокъ и вели оживленную бесѣду о современной политикѣ, прислушиваясь къ его рѣшающему голосу.

Лондонская печать Герцена возбуждала тоже живѣйшій интересъ. Издаваемые имъ «Колоколъ» и «Полярная Звѣзда» читались съ жадностью и комментировались на всѣ лады. Тогда Герценъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Искандера, по его популярному псевдониму. «Колоколъ» его не только звонилъ, но даже нерѣдко билъ въ набатъ и слышенъ былъ въ самыхъ далекихъ глухихъ окраинахъ. Свободное, смѣлое слово Искандера, при царившей строгой цензурѣ, производило, конечно, сильное впечатлѣніе на читателя. Запрещенный плодъ всегда сладокъ. Несмотря на страшную отвѣтственность за распространеніе его, онъ проникалъ всюду и передавался отъ одного къ другому съ величайшей осторожностью. Но ни страхъ передъ карой, ни трудность полученія его, а тѣмъ

паче хранения у себя дома, не останавливали любознательнаго читателя.

Другимъ животрепещущимъ вопросомъ былъ вопросъ «объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ». Такъ боязливо и осторожно подходили къ разрѣшенію его, что не упоминали слова «освобожденіе». Все мыслящее общество чутко слѣдило за ходомъ его и всѣми препятствіями къ разрѣшенію этого Гордіева узла.

Михаилъ Александровичъ горячо принималъ къ сердцу всякое извѣстіе и волновался отъ неправильной, по его мнѣнію, постановки вопроса. Волненія Михаила Александровича и горячность въ бесѣдахъ объ освобожденіи крестьянъ понятны. Онъ, въ числѣ другихъ своихъ единомышленниковъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости клалъ въ основу замышляемаго тогда государственнаго переворота. Изъ всѣхъ заговорщиковъ не было ни одного голоса противъ освобожденія, несмотря на то, что всѣ они были въ большей или меньшей мѣрѣ владѣльцами крестьянъ, а нѣкоторые изъ нихъ очень крупными помѣщиками.

Переживавшіе эту эпоху всѣ благомыслящіе русскіе испытывали и радость и тревогу, надежды и опасенія. Освѣдомленность по этому вопросу черпалась только изъ газетъ, а газеты проходили извѣстное чистилище—цензуру, которая была строга безпримѣрно. Изъ Россіи, кромѣ газетныхъ, шли вѣсти путемъ устныхъ разсказовъ пріѣзжихъ изъ Россіи и изъ получаемыхъ писемъ отъ родныхъ изъ очага событій.

Самыя достовѣрныя свѣдѣнія получалъ Михаилъ Александровичъ отъ сестры своей, Елены Александровны, изъ Москвы. Она была неутомимой корреспонденткой, сообщавшей всѣ новости политическія, общественныя и семейныя, или, лучше сказать, хозяйственнаго свойства. Она занималась издательствомъ сочиненій брата Александра Александровича (Марлинскаго). Отъ этихъ-то крохъ питался съ семьей и Михаилъ Александровичъ, съ прибавкою небольшихъ сбереженій отъ своего сельскаго хозяйства да отъ преподавательской практики въ знакомыхъ и дружескихъ семействахъ селенжанъ.

Таковъ былъ первый день моего знакомства съ Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Этому минуло чуть не полвѣка, а въ настоящее время, когда я рѣшился огласить въ печати мои воспоминанія, исполнился 80-лѣтній юбилей со дня декабрьскихъ дней.

Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 14 декабря, лучшіе образованные люди того времени на Сенатской площади кровью запечатлѣли свои идеи. Многіе заплатились жизнью, многіе искупили свои увлеченія вѣчной ссылкой въ рудникахъ Сибири, многіе тамъ положили свои кости и немногіе возвратились чрезъ десятки лѣтъ на свои пепелища доживать свои старческіе дни. Всѣхъ ихъ

исторія, или, вѣрнѣе сказать, случайныя воспоминанія, почтили благодарной памятью. То, что считалось тогда неосуществимою мечтой, теперь переходитъ въ фактъ. Неудержимый ходъ истории народовъ дѣлаетъ свое дѣло не прерываясь, не останавливаясь идетъ впередъ, дѣлая государственное строительство. Тогда только маленькая горстка передовыхъ русскихъ людей пришла къ сознанию неизбежности перехода отъ абсолютизма къ свободѣ, отъ непроглядной тьмы къ свѣту. И эта маленькая величина предприняла грандіознѣйшій государственный переворотъ, оказавшійся не по силамъ и кончившійся гибелью цвѣта русской интеллигентной молодежи. Тогдашняя Россія крѣпостного права и чиновничества, можно сказать, сплошь малограмотная, была совершенно не подготовлена къ гражданственности и свободнымъ учрежденіямъ, не имѣла достаточнаго контингента образованныхъ людей, чтобъ воспринять новыя формы правленія, проникнуться убѣжденіемъ въ ихъ необходимости. Понятно, что попытка этой маленькой кучки людей не имѣла подъ собой почвы, а масса не только ея не поддержала, но даже встрѣтила враждебно.

Катастрофа разразилась въ мрачный, полутемный день 14 декабря 1825 года. Картечи сдѣлали свое дѣло, и Сенатская площадь опустѣла. Московскій полкъ бросился по Галерной и выбѣжалъ на набережную, спустился на тонкій ледъ Невы, который обрушился. Многіе москвичи въ холодной купели нашли могилу.

— Когда мои молодцы были притиснуты къ стѣнамъ Синода и Сената,—говорилъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—картечь сыпалась на насъ градомъ, но москвичи стойко выдерживали огонь. Одинъ изъ залповъ подкосилъ моего фельдфебеля, браваго молодца Свистунова, только что мною передъ филипповками повѣнчаннаго. Когда я наклонился къ нему, чтобы заткнуть носовымъ платкомъ бившую кровавымъ фонтаномъ рану, онъ безъ стона и жалобы успѣлъ проговорить: «Оставьте, ваше благородіе... умру за... не оставьте жену». Моя рота уже дрогнула. Еще градъ картечей, и она неудержимо бросилась по Галерной... Хотя я искалъ моментъ ее задержать, но уже весь Московскій полкъ былъ въ замѣшательствѣ и черезъ нѣсколько минутъ стремительно напиралъ уже на бѣжавшихъ впереди узкой улицы, обстрѣливаемый изъ орудій со стороны площади. Главная катастрофа произошла на не окрѣпшемъ еще льду Невы, гдѣ я предпринималъ послѣднюю попытку задержать бѣгущихъ, сдѣлалъ уже первое построеніе рядовъ... но ледъ не выдержалъ.

Разсказъ свой Михаилъ Александровичъ велъ живо и увлекательно, его старческіе глаза свѣтились, жестами онъ подтверждалъ недосказанное. Какъ теперь его вижу съ трубкою въ рукахъ на длинномъ черешневомъ чубукѣ. Когда въ трубкѣ гасъ огонь, то Филька живо подносилъ зажженную бумажку, и снова Михаилъ

Александровичъ пускалъ клубы дыма жуковского табаку. Его средній ростъ какъ бы сокращался небольшою сутуловатостью. Сѣрая пара лежала на его плечахъ нѣсколько мѣшквато, воротникъ бѣлой рубахи а l'enfant спускался до плечъ. Волосы съ значительной просѣдою, уступая мѣсто высокому лбу, зачесанные на виски, раздѣлялись косымъ проборомъ.

Этотъ рассказъ относится къ началу шестидесятыхъ годовъ, уже по выходѣ декабристовъ изъ Петровской тюрьмы, изъ которой освободясь поселились братья Бестужевы, Николай Александровичъ и Михаилъ Александровичъ, и К. П. Торнсонъ въ г. Селенгинскѣ. Тутъ они устроились на берегу рѣки Селенги, три версты ниже города Селенгинска, окруженные скалами, точно для защиты выбирая выгодный стратегическій пунктъ. И, правда, для проѣзда къ нимъ вела лишь высѣченная въ скалѣ одна дорожка.

Домъ Бестужевыхъ стоялъ особнякомъ со службами, построенный изъ сосновыхъ бревенъ, въ пять или шесть комнатъ, обставленный необходимой мебелью. Украшала его гостепріимная хозяйка, Марія Николаевна, жена Михаила Александровича, урожденная Селиванова, сестра мѣстнаго офицера. Тутъ же въ ихъ домѣ жила и незамужняя сестра Маріи Николаевны—Наталья Николаевна. Радостью и утѣшеніемъ былъ маленькій сынокъ Михаила Александровича—Коля, четырехлѣтній мальчикъ, названный такъ въ память брата Николая Александровича.

У Бестужевыхъ собиралось самое веселое общество изъ мѣстныхъ горожанъ и офицеровъ квартирующей батареи и штаба 3-й казачьей бригады. Хозяева не заставляли скучать своихъ гостей, и всѣ чувствовали себя какъ дома.

Михаилъ Александровичъ былъ занимательный собесѣдникъ и неистощимый рассказчикъ о тюремной жизни, которую онъ умѣлъ разнообразить. Петровская тюрьма для многихъ узниковъ была университетомъ, гдѣ недостатокъ образованія пополняли тѣ, которымъ служба и свѣтскія удовольствія въ жизни не давали свободнаго времени. Доктора, инженеры, артиллеристы — каждый по своей специальности—читали лекціи. Никто ими не манкировалъ, и аудиторія каждаго лектора была полна. Получаемые книги и журналы на всѣхъ европейскихъ языкахъ не оставляли мѣста для скуки. Хотя всякая книга проходила чрезъ цензуру коменданта Лепарскаго, но онъ не имѣлъ физической возможности ихъ просмотрѣть даже поверхностно, но долженъ былъ поставить свою цензурную отмѣтку. Не владѣя многими европейскими языками, Лепарскій поневолѣ долженъ былъ дѣлать надпись, что «читалъ» книгу, писанную на невѣдомомъ ему языкѣ. На одной книгѣ на еврейскомъ языкѣ написалъ «видалъ». Любопытность узниковъ была настолько велика, что не осталась въ пробѣлѣ и еврейская литература. Такихъ филологовъ, разумѣется, было немного. Но общеевропейская литература была многимъ доступна.

Боюсь повторить то многое, что уже имѣется въ печати, и поэтому ограничиваюсь слышаннымъ только изъ устъ самого М. А. Бестужева.

Не чужды были нѣкоторымъ талантливымъ узникамъ и искусства. Николай Александровичъ Бестужевъ былъ далеко не зауряднымъ художникомъ-живописцемъ. Много портретовъ кисти и карандаша его сохранилось и въ семьѣ моего тестя Дм. Дм. Старцева, селенгинскаго жителя. До настоящаго времени, надѣюсь, сохранились портреты декабристовъ, тоже карандаша Николая Александровича, бывшіе у меня и во время оно переданные моему знакомому въ Москвѣ, который, какъ слышно, уѣзковѣчилъ ихъ память, издавъ альбомъ.

Кромѣ живописи, Николай Александровичъ былъ механикомъ, часовщикомъ, каретникомъ, шорникомъ. Это былъ большой талантъ по всѣмъ искусствамъ и ремесламъ. Двухколесные кабриолеты его, называемые «сидѣйками», до сихъ поръ не замѣнимы другими подобными экипажами по своей легкости и цѣлесообразности. Они распространены по всему Забайкалью и Иркутской губерніи. И важнѣ всего то, что распространение ремеслъ въ Забайкальѣ, въ особенности въ степяхъ между бурятами, всецѣло принадлежитъ Н. А. Бестужеву. Старожилы-бурята хранятъ о немъ до сихъ поръ благодарную память.

Много трудился Н. А. надъ усовершенствованіемъ стѣнныхъ часовъ-хронометра. Знатокъ отзывались съ большой похвалой о этого рода усовершенствованіи. Н. А., какъ морякъ, въ своей морской служебной практикѣ много посвящалъ времени хронометру, такъ какъ на точности его, какъ извѣстно, основываются всѣ вычисленія моряка. Рѣдкой спеціальности не зналъ Н. А., до сельскаго хозяйства включительно. Его почину принадлежитъ въ Селенгинскѣ разведеніе мериносовыхъ овецъ, культивированіе которыхъ шло очень успѣшно и обѣщало полное развитіе, если бы инициаторы этого предпріятія долѣе оставались въ этой странѣ.

Николай Александровичъ былъ рѣдкій патріотъ и на смертномъ одрѣ болѣлъ душой за участь Севастополя, и послѣднія его слова были о немъ: «держится ли Севастополь»?

Эти строки о Н. А. были бы очень блѣдными и сотою доли не добавили бы въ біографію его, если бы я умолчалъ о томъ, что и онъ на склонѣ своихъ лѣтъ былъ не прочь отъ семейной жизни, которая, къ сожалѣнію, не могла быть легальной. Онъ оставилъ сына, рожденнаго отъ бурятки, воспитаніе котораго поручилъ своему другу, Дмитрію Дмитріевичу Старцеву, а послѣдній его усыновилъ и воспиталъ нераздѣльно со своими дѣтьми. Когда послѣднія для окончательнаго образованія были отправлены въ столицу, приѣмный сынъ Старцева Алексѣй остался въ Селенгинскѣ и, достигнувъ юношескаго возраста, былъ помощникомъ въ коммерческихъ дѣлахъ своего отца.

Я читалъ біографію Николая Александровича Бестужева, составленную и присланную въ рукописи къ брату его Михаилу Александровичу въ Селенгинскъ Михаиломъ Ивановичемъ Семеновскимъ. Какъ теперь помню толстую тетрадь, исчерканную то краснымъ, то синимъ карандашомъ вдоль и поперекъ. Этотъ карандашъ принадлежалъ цензорамъ-охранителямъ... чего—трудно сказать. Словомъ, они хоронили память о лучшемъ гражданинѣ своего отечества, какъ выразился біографъ... вотъ какія были вторичныя торжественныя похороны Николая Александровича...

А на самой рукописи надпись цензурнаго комитета гласила: «Такъ какъ рукопись эта составляетъ апологію Николая Александровича Бестужева и лицъ, участвовавшихъ съ нимъ въ заговорѣ, то не можетъ быть допущена къ печати».

Была ли гдѣ напечатана рукопись М. И. Семевского,—я въ періодической литературѣ не встрѣчалъ.

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ: Николая Александровича, Александра Александровича (Марлинскаго) и Павла. Онъ умеръ въ Москвѣ, возвратившись черезъ сорокъ лѣтъ изъ ссылки, похоронивъ всѣхъ своихъ близкихъ въ Сибири.

Средства его въ Сибири, какъ я уже сказалъ, были очень скромныя, но безбѣдныя. Жилъ онъ въ Селенгинскѣ со всѣми въ ладу и дружбѣ и былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Многіе ученики его, что называется, вышли въ люди и своимъ честнымъ направленіемъ и относительнымъ образованіемъ рѣзко выдѣлялись изъ окружающей среды купечества, въ то время жившаго по Домострою. Жилъ онъ въ Селенгинскѣ безвыѣздно и только разъ ѣздилъ въ Кяхту (90 верстъ) погостить у хорошихъ знакомыхъ, уступая самымъ искреннимъ неотвязнымъ приглашеніямъ. Это было въ бытность градоначальникомъ тамъ Деспотъ-Зеновича, который старался оживлять общество и «эмансипировать» его въ духъ времени. Тогда же возникла газета «Кяхтинскій Листокъ», въ которую Михаилъ Александровичъ далъ, по просьбѣ Деспотъ-Зеновича, статью, въ формѣ письма къ сестрѣ своей Еленѣ Александровнѣ.

Пріѣздъ М. А. въ Кяхту былъ рядомъ праздниковъ, и къ этому же времени вытащили изъ Петровскаго завода «медвѣдя», какъ называлъ его Михаилъ Александровичъ, Ивана Ивановича Горбачевскаго, послѣдняго соратника-товарища его. Этотъ въ высокой степени добродушный человѣкъ, простой, доступный каждому поселянину, стяжалъ себѣ доброе имя и память. Этотъ «послѣдній изъ могиканъ» единственный оставался и умеръ въ Сибири, въ своемъ Петровскомъ заводѣ. Мы, молодежь того времени, за 200 верстъ ѣздили на «поклоненіе» къ Горбачевскому, какъ правобѣрные въ Мекку.

Такъ «этого медвѣдя» вытащили въ Кяхту и чествовали двухъ «послѣднихъ». Къ тому же это время совпадало съ разсвѣтомъ русской мысли, съ пробужденіемъ литературы, съ болѣе свободнымъ словомъ и большими надеждами на будущее. Тогда уже втихомолку говорили о возможности конституціи для Россіи. Да, это было время шестидесятыхъ годовъ, время большихъ надеждъ и упованій. Понятно, что, находясь нашими гостями, піонеры свободы давали намъ подъемъ духа, электризовали насъ; тогда кяхтинское общество обогатилось образованными людьми: Мерцаловымъ, Кокоскинымъ, Реуцкимъ и нѣкоторымъ педагогическимъ персоналомъ, значительно освѣженнымъ. Подъ редакторствомъ Петра Саввича Андруцкаго, учителя женской гимназіи, сталъ выходить «Кяхтинскій Листокъ». Этому изданію обрадовались точно Свѣтлому Христову Воскресенію и всѣми мѣрами ему способствовали: собирали для него свѣдѣнія, писали статьи, вербовали подписчиковъ. Явилась мѣстная обличительная литература, всполопившая весь чиновный міръ. Вдохновителями высокихъ порывовъ нельзя было не признать учителей нашихъ, бывшихъ узниковъ Петровскаго каземата. Миръ ихъ праху, піонерамъ свѣта и добра! Они тяжелой каторгой искупили свои увлеченія, не пришедшіяся ко времени, а опередившія событія ровно на восемьдесятъ лѣтъ. Тѣло ихъ было заковано въ желѣзо, но мысль, идеи были свободны и разбрасывались какъ доброе сѣмя на благодарную почву.

Передо мною лежатъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія письма М. А. Бестужева и И. И. Горбачевскаго, только часть не затерянная, а выжившая почти полвѣка.

Первое письмо Бестужева помѣчено 17 мая, полагаю, 1862 года, такъ какъ годъ не обозначенъ. Письмо это, какъ видно, писано вскорѣ послѣ посѣщенія Кяхты. Въ поясненіе нужно сказать, что Михаилъ Александровичъ нашъ маленькій кяхтинскій кружокъ называлъ въ шутку «Соединенными Штатами», по тому увлеченію политическимъ строемъ этой страны, какое мы питали къ Америкѣ.

Вотъ что было начертано:

«Возлюбленной братіи въ Соединенныхъ Штатахъ сущихъ здравія и благоденствія желаю.

«Пока не избрѣтенъ языкъ для выраженія чувствъ благодарности, примите простое русское спасибо за вашъ радушный пріемъ и пріязнь. Пребываніе въ Кяхтѣ останется навсегда въ моемъ сердцѣ. Жаль, что нашъ сморчанскій студентъ Горбачевскій не пріѣхалъ ко мнѣ передъ моимъ отправленіемъ къ вамъ. Если бы онъ тогда мнѣ попался въ лапы, я тогда бъ его похитилъ, какъ красавицу, и бросилъ бы въ живыя волны кяхтинской жизни,— въ нихъ бы онъ достаточно переварился, чтобы измѣнить свое предубѣжденіе противъ вашего, какъ онъ и теперь зоветъ, Забалуи Городка. Но подождемъ, онъ не избѣжитъ этой участи. Приложен-

ное къ Котову письмо, пожалуйста, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, запечатайте въ конвертъ, сдѣлайте адресъ и передайте лично Якову Федоровичу. Вы знаете русскую натуру—иной доморощенный сужетъ съ большею охотою вынетъ изъ кармана стору-блевую бумажку, чѣмъ рѣшится на клочкѣ бумаги нацарапать десять словъ. Узнайте отъ него рѣшеніе и увѣдомьте меня. Пожмите отъ меня дружески руку всей младой и вольной братіи—ихъ перечислять лишне—вы ихъ знаете. Андруцкаго ¹⁾ попросите извинить меня, что не посылаю съ этой почтой обѣщанной статьи въ «Кяхтинскій Листокъ». Постараюсь прислать съ будущей почтой.

«Аннѣ Дмитріевнѣ поклонъ, Митю поцѣлуйте. Каково-то пожи-ваетъ Лоля? ²⁾ Пожалуйста, увѣдомьте. Обнимаю васъ. М. Б.»

«Я передъ Вами невѣжливо виноватъ. Вы брали для дѣтей би-леты на аллегри, и я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Пожалуйста, простите и напишите, сколько я долженъ».

«Селенгинскъ. 23 декабря 1861 года.

«Примите душевное поздравленіе съ наступающими праздниками, добрѣйшій Петръ Ивановичъ. Желаю вамъ, сыну Свѣта, провести ихъ, какъ подобаетъ, въ радости и въ веселіи духа при праздни-ваніи и рожденіи на землѣ перваго либерала, перваго санкюлота, какъ его называли проснувшіеся отъ ига французы, перваго сту-дента правъ и юстиціи. Но такъ какъ вы изъ числа существъ, носящихъ на костяхъ плоть смертнаго, то желаю вамъ тоже всѣхъ земныхъ и житейскихъ благъ и удовольствій, подобныхъ тому, ко-торымъ вы наслаждались, празднуя 14 число. Въ этотъ день вы праздновали русское Свѣтлое Воскресеніе истины, когда ее русскій Пилать похоронилъ и запечаталъ своею печатью, не воображая, что она когда-нибудь на Руси воскреснетъ. Я хотя былъ отсут-ствующимъ при празднествѣ вашемъ, но духовно виталъ въ ва-шемъ тѣсно благородномъ кружкѣ! Я увѣренъ, что и всѣ наши товарищи, сокрытые уже въ гробахъ, возстали, какъ это было при Воскресеніи Спасителя, и присутствовали съ вами. Благодарю всѣхъ васъ за эту почтенную тризну по погибшимъ за истину.

«Что же касается до поступка Деспотъ-Зеновича, то, по правдѣ сказать, онъ мнѣ кажется смѣшонъ и жалокъ, чтобы не сказать чего-нибудь болѣе. Въ его фамиліи заключается полная характе-ристика его личности: онъ наглъ, дерзокъ, какъ всякій деспотъ; подлъ и низокъ, какъ перекрещенный польскій жидъ, какой-нибудь Зеновичъ.

«Сдѣлавъ дурной поступокъ, у него недостаетъ настолько правоты, чтобы сознаться въ немъ, а вывертывается, какъ про-винившійся школьникъ. Желая удовлетворить ваше любопытство,

¹⁾ Редакторъ «Кяхтинскаго Листка».

²⁾ Лоля, дочь Михаила Александровича, жившая въ то время въ Кяхтѣ у С. С. Сабашниковой, училась въ Троицкосавской женской гимназіи.

я излагаю, какъ было дѣло. Когда деспотическая рука сибирскаго Омара коснулась книгохранилища Пестерева, онъ увѣдомилъ меня, что не только покупать мои книги онъ не можетъ, но не знаетъ, куда сбыть свои, прибавивъ, что онъ надѣется продать библиотеку въ Кяхту, и потому совѣтовалъ сбыть тамъ. Я такъ и сдѣлалъ. Ф. Ф. Кокочкинъ заѣхалъ проѣздомъ изъ Иркутска ко мнѣ и охотно взялся хлопотать объ этомъ. Посѣтивъ меня другой разъ, онъ привезъ мнѣ мой каталогъ съ отмѣткой на немъ книгъ, взятыхъ Зеновичемъ и Карповымъ.

«Выбранныя книги я запаковалъ въ общую посылку и послалъ черезъ Г. М. Сахарова, который отдалъ ее лично отъ моего имени. При посылкѣ письма не было, а на упаковкѣ было только означено число книгъ, взятыхъ Зеновичемъ и Карповымъ, съ означеніемъ ихъ цѣны и съ просьбою къ Зеновичу отобрать свои книги и остальные передать Карпову.

«Недѣли черезъ двѣ Ф. Ф. Кокочкинъ заѣхалъ ко мнѣ, отдалъ деньги отъ Карпова, ничего не упоминая о деньгахъ Зеновича. Съ моей стороны было неделикатно спросить его объ этомъ предметѣ, зная ихъ уже весьма нехорошія отношенія съ Зеновичемъ. Я промолчалъ и такимъ образомъ молчалъ уже шесть мѣсяцевъ, полагая, что Зеновичъ не присылаетъ денегъ потому, что изъ назначенныхъ его персоною книгъ была не выслана одна, именно: текстъ къ описанію Бѣлаго моря съ картами этого моря и Ботническаго залива, адмирала Рейнике. Когда эта книга мнѣ была возвращена изъ чтенія, я отослалъ ее и карты чрезъ нашего почтмейстера, который просилъ Разказова передать посылку и письмо отъ моего имени, что тотъ и сдѣлалъ едва ли не лично. Скажите, могъ ли послѣ всего этого Зеновичъ предполагать, что вся эта исторія идетъ отъ имени Пестерева? Предположимъ, наконецъ, что онъ былъ въ заблужденіи, что онъ забылъ слова Кокочкина, дѣйствующаго отъ моего имени, предположимъ, что я забылъ о полученіи денегъ черезъ Кокочкина, или, что еще нелѣпѣе, что Кокочкинъ забылъ мнѣ ихъ отдать,—то почему онъ не взялъ на себя труда отдать деньги за послѣднюю присылку книгъ и картъ, хотя бы Пестереву, ежели только онъ нашелъ сходство въ подписи моего имени съ Пестеревымъ. Онъ это могъ сдѣлать тѣмъ болѣе удобнѣе, что Пестеревъ тогда уже былъ въ Кяхтѣ, и недоумѣніе разрѣшилось бы очень просто. Но Зеновичъ-Мудрый предпочелъ молчаніе платежу и думалъ, что этимъ способомъ онъ такъ же отдѣляется, какъ онъ эту продѣлку употреблялъ съ кяхтинцами. Вы, вѣроятно, поняли, что меня бѣситъ не ничто, какъ денежная сдѣлка, а польская дерзость и неделикатность противъ человѣка, который ему ничего не сдѣлалъ худого. Онъ, вѣроятно, меня вызываетъ это сдѣлать. Обнимаю васъ съ моимъ дружкой. Васъ любящій М. Бестужевъ».

Записка отъ 15 ноября (ранѣ сего письма): «Марія Николаевна проситъ покорнѣйше купить въ Кяхтѣ: сотню китайскихъ яблочковъ, 5 фунтовъ рязани, 12 фунтовъ орѣховой пастилы. Михаилъ Александровичъ покорнѣйше проситъ Петра Ивановича спросить у А. И. Деспотъ-Зеновича, получилъ ли онъ черезъ кяхтинскаго почтмейстера Разказова его письмо и карты Бѣлаго моря и Ботническаго залива, и ежели онъ получилъ, то сказать Зеновичу, что Михайло Александровичъ крайне удивляется, не получая отвѣта на его письмо.

«Прошу васъ не забыть похлопотать о продажѣ фортепянь (цѣна 150 руб. серебромъ)».

Воздержусь комментировать о большихъ недоразумѣніяхъ между М. А. Бестужевымъ и А. И. Деспотъ-Зеновичемъ. Поводомъ къ неприятнымъ отношеніямъ послужили, разумѣется, не одни денежные расчеты, а болѣе глубокія причины, которыя лежали въ политическихъ взглядахъ того и другого. М. А. Бестужевъ не могъ переваривать заносчивую натуру Деспотъ-Зеновича.

Въ политическихъ вопросахъ рознь лежала въ вопросѣ, разумѣется, польскомъ. М. А. Бестужевъ всегда былъ и истинно-русскимъ и пламеннымъ патриотомъ и не могъ мириться съ польскими тенденціями, проводимыми Деспотъ-Зеновичемъ.

— Не даромъ вы, Александръ Ивановичъ, избрали днемъ открытія «Кяхтинскаго Листка» день 4 мая,—сказалъ Михаилъ Александровичъ послѣ горячаго спора.

— А почему вы думаете?

— Понятно, вы хотѣли почтить годовщину Барской конфедераціи.

— Да. Но 1768 г. не долженъ забываться истымъ полякомъ. Вы правы, я день открытія «Кяхтинскаго Листка» приурочилъ именно ко дню открытія Барской конфедераціи.

Этотъ горячій разговоръ происходилъ въ моемъ присутствіи, въ салонѣ С. С. С—вой въ Кяхтѣ, выгодно освѣщая русскую натуру и русское самосознаніе Михаила Александровича.

По своимъ воззрѣніямъ, по своимъ дѣйствіямъ, русскимъ идеямъ онъ вполне заслуживаетъ почтенный эпитетъ «гражданина».

Нужно ли говорить, что идеи гражданства, приводимыя декабристами, опередили время и событія ровно на восемьдесятъ лѣтъ. Онъ провидѣлъ и пророчески сказалъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ, «что она (истина) когда-нибудь на Руси воскреснетъ». Да, день воскресенія насталъ, и кости бывшихъ борцовъ за гражданскую свободу будутъ спокойно лежать въ своихъ гробахъ.

Домъ Михаила Александровича былъ постояннымъ пріютомъ какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ интеллигентовъ, гдѣ они находили радушный пріемъ и оживленную, разумную бесѣду, подчасъ ве-

селую и остроумную, приправленную анекдотами изъ былого времени.

Первый свободный шагъ Михаила Александровича въ болѣе отдаленные края, чѣмъ Селенгинскъ, былъ на Амуръ, куда онъ ѣздилъ по порученію одной коммерческой компаніи. Такое путешествіе не только его освѣжило, но и нѣсколько поправило его довольно стѣсненный бюджетъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ это путешествіе.

Отъѣздъ его въ Москву сопровождался благими пожеланіями и вмѣстѣ съ тѣмъ горестнымъ чувствомъ утраты хорошаго, добросердечнаго, отзывчиваго на всякое чужое горе сосѣда-гражданина.

Не могу упомянуть о нѣкоторомъ ребячествѣ нашемъ, въ которомъ онъ игралъ роль посредника-миротворца.

Это было въ исходѣ пасхальной недѣли. Кяхтинцы въ числѣ пяти-шести человекъ предприняли прогулку въ Селенгинскъ, и я принялъ участіе въ этой компаніи. Но, къ сожалѣнію, между мною и нѣкимъ К. С. К. возникъ довольно серьезный конфликтъ, поведшій къ разрѣшенію его дуэлью. Я поѣхалъ къ Михаилу Александровичу Бестужеву, рассказалъ ему всю исторію и пригласилъ моимъ секундантомъ.

— Вотъ-те разъ,—воскликнулъ Михаилъ Александровичъ:—на берегахъ Селенги рыцари! Право, братцы, это и смѣшно и печально. А кто секундантъ со стороны К.?

— Полковникъ С...

— Мнѣ надо прежде всего потолковать съ нимъ и нельзя ли будетъ эту глупую исторію кончить театральнымъ фарсомъ.

Переговоры къ миру не привели.

Въ субботу рано утромъ Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ ко мнѣ.

— Вотъ пара пистолетовъ, подарокъ брата Александра ¹⁾. Я ихъ почистилъ самъ, привелъ въ надлежащій порядокъ. Желательно,—добавилъ Михаилъ Александровичъ:—чтобы эта комедія кончилась комедіей.

Въ пяти верстахъ отъ города Селенгинска, при переправѣ черезъ рѣку Селенгу, на такъ называемой Стрѣлкѣ, въ прибрежномъ острову собрались дѣйствующія лица. Когда бралъ отъ секунданта пистолетъ мой противникъ, то едва его удержалъ въ рукахъ, такъ волновался и былъ блѣденъ и бѣлъ, какъ полотно. Замѣченную робость противника я уже причислялъ къ моимъ шансамъ.

Подъ ногами хрустѣла и скользила береговая галька, на которой шагали секунданты, опредѣляя барьеръ.

¹⁾ Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго).

Рѣка быстро мчала громадныя льдины, подвигавшіяся на берегъ и шурша и шумя разсыпавшіяся мелкими иглами и кристаллами, давала фонъ мѣсту дѣйствія. Но для меня вся эта поэтическая обстановка, съ бурнымъ весеннимъ ледоходомъ, яркимъ утреннимъ солнцемъ, играющимъ въ кристаллахъ нагроможденнаго льда, производила какое-то унылое впечатлѣніе, какъ бы что-то прощальное. Сознаю, что я не былъ равнодушенъ передъ пулей, которая могла прервать мое сознаніе, мое бытіе. Я могъ быть черезъ нѣсколько моментовъ матеріаломъ минерально-химическаго царства, въ которомъ мое собственное «я» исчезнетъ во мракѣ чего-то неизвѣстнаго; неизвѣстнаго за предѣлами бытія, называемаго жизнью. Тутъ могъ упасть занавѣсъ, занавѣсъ вѣчнаго мрака, того ничто, которое называется смертью.

Окружающія горы, голубая лента рѣки, кудрявая, еще не ожившая группа плакучихъ ивъ и черемуха, можетъ быть, посылали мнѣ навѣски прощальный привѣтъ... А жизнь въ 25 лѣтъ манила впередъ заманчивыми перспективами.

Мысль болѣе интенсивная, чѣмъ въ нормальное время, съ необыкновенной ясностью рисовала картину семьи: жена и шестимѣсячный въ люлькѣ птенецъ. Имя сынишки неотступно жило въ моемъ мозгу, въ моемъ сознаніи; идя къ барьеру, онъ рисовался мнѣ съ поднятыми кверху пухленькими ручонками, точно звалъ, манилъ меня къ себѣ. Все это съ непостижимою быстротою и отчетливостью, въ цѣлыхъ картинахъ, мелькало передо мною...

Двадцать шаговъ...

Пафъ...

— За вами... остальныхъ словъ я не слышалъ.

Пафъ... Это былъ мой выстрѣлъ, умышленно съ поднятымъ дуломъ вверхъ.

Я, бросивъ пистолеть, быстро пошелъ къ моему... нѣтъ, уже не противнику...

Мой поцѣлуй былъ горячій, искренній. Для меня весь міръ показался въ ореолѣ лучезарнаго свѣта, вся природа точно ликовала вмѣстѣ со мною. Я чувствовалъ себя праведникомъ, на недосягаемой высотѣ, въ сонмѣ ангеловъ. Трудно передать настроеніе той минуты, которая миромъ наполнила все мое существо. Въ тотъ моментъ я полюбилъ весь міръ, всѣхъ готовъ былъ обнять, расцѣловать. Перваго крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Михаила Александровича...

Такъ кончился сыгранный фарсъ, въ которомъ дѣйствующія лица вошли въ свои роли настолько, что не подозрѣвали того, что они были только актерами въ траги-комедіи.

Впослѣдствіи Михаилъ Александровичъ признался, что онъ и не ожидалъ отъ такого поединка печальнаго исхода. Привелъ я этотъ эпизодъ потому, чтобы яснѣе показать ту тѣсную связь

Михаила Александровича съ обществомъ, съ которымъ онъ сжился и съ которымъ дѣлилъ всѣ радости и горе.

Все окружное населеніе чтило и уважало его. У кого радость— зовутъ его на именины, на крестины, на свадьбу; у кого горе— идутъ у него искать совѣта, помощи...

Разставя ноги, съ трубкою на длинномъ черешневомъ чубукѣ, внимательно выслушивалъ онъ собесѣдника или собесѣдницу.

— Ну?

Это «ну» значило, что Михаилъ Александровичъ терпѣливо ждетъ продолженія разказа.

— Ты, матушка, сама виновата. Корову ты продала, не спросясь мужа. Вотъ теперь и пеняй на самое себя. А крѣпко онъ того...

— Вся въ синякахъ, кормилецъ. Нужда была.

— Ну, дѣло поправимо. Корову я тебѣ дамъ на все лѣто доить. Осенью ты мнѣ ее сдашь обратно; да и толку-то отъ нея ужъ не будетъ, а придется сѣномъ зиму кормить.

Корову далъ безвозмездно, ребятишекъ сдѣлалъ на все лѣто съ молокомъ.

Марья Николаевна пожалѣла новотельную холмогорку, но не упрекнула за доброе дѣло. Дойныхъ коровъ у Михаила Александровича и у самого было всего три головы.

Такъ нерѣдко Михаилъ Александровичъ дѣлился со своими бѣдными сосѣдями.

Онъ былъ преподавателемъ при дѣтяхъ мѣстнаго купца Д. Д. Старцева. Старшій сынъ Семень Дмитріевичъ, приготовленный Михаиломъ Александровичемъ, уѣхалъ въ Москву въ университетъ, двое младшихъ, въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, проходили подъ непосредственнымъ руководствомъ Михаила Александровича гимназическій курсъ. Семейство Старцевыхъ состояло съ Бестужевыми не только въ дружбѣ, но и въ родственныхъ связяхъ: Николай Александровичъ у Дмитрія Дмитріевича крестилъ дѣтей и въ малолѣтствѣ былъ тоже ихъ наставникомъ. Жена моя, урожденная Старцева, была крестницей Николая Александровича, а также и сестра ея Ф. Д. Обѣ, приготовленныя имъ, поступили и окончили иркутскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Изъ всѣхъ портретовъ писанныхъ Николаемъ Александровичемъ, теперь хранится у моей дочери портретъ ея бабушки, Агнии Никитичны, урожденной Сабашниковой. Другіе портреты, работы Николая Александровича, остались въ Селенгинскѣ, въ домѣ Старцева, гдѣ я не былъ уже болѣе 30 лѣтъ. Тамъ теперь на пепелищѣ Бестужевыхъ остались два полуразрушенныхъ памятника: Николая Александровича Бестужева и Константина Петровича Торнсона.

Къ сожалѣнію, къ могилѣ ихъ заросла тропа народная. Давно забыты...

II.

Иванъ Ивановичъ Горбачевскій.

Послѣ полной амнистіи въ 1857 г. Иванъ Ивановичъ Горбачевскій остался на постоянное жительство, дотягивать свои печальные дни, въ той угрюмой, огороженной высокими горами и лѣсами котловинѣ, что зовется Петровскимъ заводомъ.

Заводъ этотъ пріютился въ мрачномъ ущельи съ протекающей рѣчкой Балегаю, впадающей въ р. Хилькъ, въ западныхъ отрогахъ Яблоноваго хребта.

Родина, повидимому, его не тянула, онъ ее рѣдко вспоминалъ и только въ связи съ событіями 1825 года. Изъ родственниковъ оставались въ живыхъ сестра его Анна Ивановна да ея сыновья, Квисты.

Послѣдній его портретъ представляетъ суровую наружность, обросшую большими баками и чисто малороссійскими усами и значительную растительность на головѣ, мало утраченной отъ времени. Несмотря на суровую наружность, онъ сохранилъ почти дѣтское добродушіе и безграничную довѣрчивость къ людямъ. Зато и платили ему сторицею любовью и уваженіемъ всѣ окружающіе его.

Обыденная, будничная жизнь Ивана Ивановича текла однообразно въ мелкихъ хлопотахъ по хозяйству, въ которомъ первое мѣсто занимала его мельница, которая едва ли не была ему въ убытокъ, судя по его довѣрчивости и добродушію. Мельничное его хозяйство носило анекдотическій характеръ, и вся контора по его мельницѣ велась тутъ же записью на стѣнахъ мѣломъ. Купленное зерно онъ размалывалъ и муку раздавалъ въ долгъ жителямъ завода и окрестнымъ крестьянамъ. Долги, разумѣется, собирались туго и частью совсѣмъ пропадали.

— Обождите, пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, до осени, отдамъ съ благодарностью.

И осень прошла, и весна подошла, — долгъ остался, да еще подосѣла новая нужда и новая ссуда.

— Да, что же, матушка моя, какъ же это будетъ? Мнѣ вѣдь надо самому пшеницу-то купить, гдѣ же я буду деньги брать?

Передъ Иванъ Ивановичемъ былъ изъ деревни Подлапотокъ Сидоръ Евстаевъ, а не «матушка», но Иванъ Ивановичъ привыкъ всѣхъ мужиковъ называть «матушка моя». И вотъ «матушка моя» разжалобитъ разными невзгодами и снова получаетъ мучки пудикъ-другой, да и крупки не забудетъ припросить.

Приходитъ новый проситель.

— Какъ бы, Иванъ Ивановичъ, мучкой разживиться, ребята голодны, ѣсть просятъ.

— Да ты, матушка моя, за старую муку, кажись, не заплатилъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, я вамъ все старое уплатилъ, на медни послѣдніе два пуда отдалъ.

— Что-то не помню, Пахомъ. А вотъ у меня гдѣ-то тутъ записано.

И Иванъ Ивановичъ идетъ къ стѣнѣ, къ своимъ бухгалтерскимъ записямъ.

— Посторонись-ка, Пахомъ, вотъ тутъ гдѣ-то... и, приложивъ къ носу свой лорнетъ, похожій на ножницы, раздвигавшійся снизу, ищетъ запись.

Во все это время Пахомъ крѣпко терся у стѣны и весьма успѣшно сдѣлалъ погашеніе своего долга, отъ котораго остались лишь слѣды на спинѣ, точно напудренной мукой.

Иванъ Ивановичъ обошелъ всю стѣну, приставляя къ самому носу свой лорнетъ-ножницы, внимательно разсматривая всѣ записи, но ничего не нашелъ.

— Нѣту, матушка моя, не найду.

— Отдалъ, видитъ Богъ, отдалъ.

— Ну, коли нѣтъ записи, значитъ отдалъ.

Пахомъ взваливаетъ на плечи мѣшокъ съ мукой и плетется домой, не особенно заботясь о возвратѣ.

Помимо безплодныхъ заботъ по хозяйству, такъ же шла и его педагогическая дѣятельность, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Немногочисленный кружокъ питомцевъ состоялъ изъ дѣтей, мѣстныхъ жителей, служителей заводскихъ да канцеляристовъ. Преподавалась первоначальная грамота по программѣ уѣздныхъ училищъ, или же и просто ограничивалась чтеніемъ и писаніемъ. Обращалось болѣе вниманія на тѣхъ, которые выдавались способностями. Однакожъ изъ питомцевъ Ивана Ивановича выходили и много обѣщающіе. И изъ нихъ рельефно выдѣлился и пошелъ далѣе первоначальнаго образованія Илья Степановичъ Елинъ. Окончивъ иркутскую гимназію, онъ съ успѣхомъ завершилъ свое образованіе докторомъ въ московскомъ университетѣ. С. П. Боткинъ скоро замѣтилъ талантливаго врача и пригласилъ его быть своимъ ассистентомъ. Но блестяще начавшаяся его карьера была очень непродолжительна: усиленные занятія подкосили его здоровье; благорастворенный мягкій климатъ Италіи не могъ помочь расшатанному организму, и угасъ почти юношей будущая знаменитость.

Матеріальныя средства Горбачевского поддерживались его сестрой, Анной Ивановной Квистъ, и комиссіонными порученіями нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. Золотопромышленникъ Бутацъ, имѣя дѣла въ чигайской тайгѣ, давалъ комиссіонныя порученія, оплачиваемыя хотя не особенно щедро, но достаточно для

того, чтобы, съ добавкою еще кое-какихъ случайныхъ доходовъ, безъ особенныхъ лишеній можно было существовать, въ особенности въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ все было дешево, не тратясь на квартиру, имѣя собственный домикъ.

Управляющіе Петровскимъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ горные инженеры, какъ люди образованные, всегда оказывали отмѣнное къ Ивану Ивановичу расположеніе и косвенную поддержку, незамѣтную для него самого. Нравственное вліяніе и на правителей завода сказывалось, такъ сказать, смягчающимъ давленіемъ. Жестокое обращеніе съ безправнымъ людомъ, какъ горнорабочіе и разные служителя, даже въ то безчеловѣчное время не выражалось рѣзко, какъ на другихъ заводахъ. Горнозаводскіе рабочіе и служащіе свободно вздохнули во время управленія Петровскимъ заводомъ Оскара Александровича Дейхмана, чловѣка въ высшей степени гуманнаго, друга Горбачевского.

Когда Дейхманъ получилъ главное начальство надъ всѣмъ Нерчинско-заводскимъ горнымъ округомъ, вскорѣ послѣ такого безчеловѣчнаго горнаго начальника, какимъ былъ Разгильдѣевъ, весь горный міръ буквально ожилъ и впервые позналъ права и свое чловѣческое достоинство. Да и самое время 60-хъ годовъ носило уже въ себѣ новое вѣяніе, вѣяніе возрожденія гражданскихъ правъ и гражданской свободы. Къ этому же времени принадлежитъ и освобожденіе всѣхъ горнозаводскихъ рабочихъ отъ крѣпостной зависимости. Свобода и новое чловѣчное начальство оживили духъ и, такъ сказать, плоть десятковъ тысячъ кабинетскихъ крестьянъ.

Оскаръ Александровичъ Дейхманъ далъ тонъ всему подвѣдомому ему управленію, и горные гномы, прежде обитавшіе въ подземельяхъ, вышли на свѣтъ Божій.

Но прекраснаго начальника, каковымъ былъ Дейхманъ, лишила Нерчинско-заводскій округъ несчастная случайность, въ которой онъ былъ неповиненъ. Въ то время, когда свобода только что стала расправлять крылья, Фемида точно испугалась полета могучаго орла и стала подрѣзывать ему перья, проявлять репрессіи. Назрѣвающая общественная мысль нашла своего выразителя въ лицѣ Михаила Иларіоновича Михайлова, который былъ осужденъ и сосланъ въ каторгу, въ тѣ подземелья, что называются нерчинскими рудниками. Тамъ въ то время на одномъ изъ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ былъ управляющимъ братъ сосланнаго, горный инженеръ Петръ Иларіоновичъ Михайловъ. Дейхманъ, чтобы облегчить участь узника, назначилъ ему мѣстомъ для отбыванія каторги Казаковскій промыселъ, гдѣ братъ его начальствовалъ. Не будемъ говорить о томъ, что братъ не могъ видѣть брата въ ножныхъ желѣзныхъ браслетахъ и, понятно, освободилъ его отъ такого украшенія. Арестантскій халатъ тоже былъ замѣненъ

простымъ костюмомъ. Затѣмъ въ высшія сферы полетѣлъ доносъ, возникло слѣдствіе; начальствующіе отрѣшены отъ должностей, отданы подъ судъ. А проповѣдникъ свободы и новыхъ началъ обрѣлъ въ Акатуевскомъ рудникѣ какъ разъ противоположное тому, чего хотѣлъ: самое тѣсное помѣщеніе безъ свѣта и воздуха. Акатуевская тюрьма, а затѣмъ могила похитили у общества борца за свободу и нарождающуюся женскую эмансипацію.

Невольно я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ временамъ послѣднихъ годовъ узника Петровскаго каземата.

Преемниками Дейхмана въ Петровскомъ заводѣ были послѣдовательно горные инженеры: Н. Н. Дубровинъ, Пав. Вас. Богославскій, Андрей Ник. Таскинъ. Всѣ прекрасные люди и друзья Горбачевского.

Общество мѣстное составляли священникъ, два купца да заводскіе служащіе. Иванъ Ивановичъ не только со всѣми былъ въ ладу, но всѣми уважаемъ, былъ въ своемъ родѣ патриархомъ.

Петрозаводское общество нерѣдко оживлялось пріѣзжими гостями. Этотъ маленькій горный мірокъ имѣлъ и свою интеллигенцію, группировавшуюся, разумѣется, около Ивана Ивановича. Интересы современной литературы были не чужды кружку, а также и литературы заморской, съ «Того Берега», которая проникала въ эти тущобы не безъ труда и риска. Но зрѣлые люди не злоупотребляли запретнымъ плодомъ, не вели преступной пропаганды, свободное слово ничего не колебало, ни на что не вызывало, кромѣ тѣсно-семейныхъ бесѣдъ втихомолку. Нельзя не сказать, что это слово благотворно вліяло и на начальствующихъ, на ихъ убѣжденія и на поступки въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ. Даже до освобожденія прикрѣпленныхъ къ заводамъ крестьянъ прежняя жестокость стала уступать мѣсто человѣчности. Кто читалъ Герцена, тотъ уже не рѣшался гнуть въ бараній рогъ своего раба. Духъ свободы, гуманности, гражданскаго долга вѣялъ точно въ воздухъ и облагораживалъ поступки предержавшихъ властей. Вспоминая эти добрыя начала, сердечно радовавшія меня, я охотно ихъ отмѣчаю, какъ характеризующія горное начальство 60-хъ годовъ по сравненію съ предшествовавшими.

Я бывалъ и живалъ въ самомъ центрѣ каторги — въ Карѣ и Шахтамѣ — еще до 60-хъ годовъ и насмотрѣлся вдоволь на звѣроподобныхъ начальниковъ, не щадившихъ ни заслуги, ни даже возраста подчиненныхъ, — подчиненныхъ штейгеровъ, горныхъ урядниковъ, не говоря даже уже о рядовыхъ писаряхъ, съ тѣми и другими нисколько не церемонились и подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ съ горнорабочими и каторжанами. Нѣкоторыхъ поролы безъ разжалованія, то есть оставляя въ званіи урядниковъ и штейгеровъ, другихъ же не просто, а съ церемоніей, такъ сказать, торжественно. Обыкновенно экзекуція происходила на мѣ-

стахъ самыхъ работъ, въ «разрѣзѣ» (разрѣзомъ называется мѣсто выработанныхъ песковъ, это родъ глубокой широкой канавы, гдѣ происходитъ самое многояюдное движеніе). Если это горный урядникъ, то на мѣстѣ экзекуціи разводился костеръ и церемонія начиналась командой: «Лычки долой!» Лычками назывались галуны на воротникѣ и обшивкахъ мундира. Съ виновнаго, съ понурой головой и убитымъ видомъ, спарывали знаки его урядническаго достоинства и бросали въ горящій костеръ... Затѣмъ.. затѣмъ происходилъ актъ, о которомъ лучше умолчать. И этотъ униженный, посрамленный, лишенный человѣческаго достоинства служащій опять становился въ ряды мелкаго начальства, и онъ свое униженіе вымещалъ на еще болѣе мелкихъ единицахъ. Каковъ же могъ быть его авторитетъ? И оправданіемъ всего этого могла быть круговая безправность. Не могу не привести хотя одинъ изъ многихъ случаевъ съ однимъ горнымъ урядникомъ, котораго я зналъ лично и зналъ, какъ порядочнаго человѣка, любознательнаго, читающаго, слѣдящаго за литературой, кончившаго курсъ въ нерчинско-заводскомъ горномъ училищѣ, чистенькаго, франтоватаго. Человѣкъ, мечтавшій уже о классномъ чинѣ, стоявшій въ ряду интеллигенціи. И этотъ человѣкъ подвергся ужасному позору. Послѣ экзекуціи онъ болѣе года нигдѣ не показывался и запыль мертвую. Таковы были нравы въ горномъ мѣрѣ.

Эти параллели съ 60-ми годами рѣзко раздѣляютъ два періода, рисуютъ предшествующую эпоху 50-хъ годовъ съ начальствомъ, которое не «развращалось» ни энциклопедистами, ни чтеніемъ Герцена, никакихъ гуманныхъ идей не знало и не исповѣдывало, и съ тѣмъ, котораго коснулось новое вѣяніе, и запахло въ воздухѣ чѣмъ-то инымъ, свѣжимъ, бодрящимъ, зовущимъ впередъ, къ перелому общественнаго строя.

Въ географическомъ отношеніи Петровскій заводъ занималъ юго-восточный уголь Забайкалья, гдѣ Яблоновый хребетъ, выйдя изъ плоскогорья Монголіи, направился на сѣверо-востокъ, между двумя водными системами: Ононской съ притоками амурскими и Чикойской—притоками сѣверо-аксанскихъ водъ съ озеромъ Байкаломъ. Дремучіе лѣса Чикоя къ сѣверу смѣнились между рѣкой Хилкомъ и истоками рѣки Витима степной мѣстностью и извѣстны подъ названіемъ «Братской степи». Съ единственною грунтовою дорогою, соединяющей Верхнеудинскъ и Читгу, благодатныя земли Хилка привлекли трудолюбивое населеніе старообрядцевъ, мѣстными жителями называемыхъ «семейскими». Семейскіе, какъ лучшіе хлѣбопашцы, раскопали дѣвственную почву, расчистили лѣса и съ горъ провели канавами воду, оросили суходолье и стали кормильцами всего Забайкалья. Петровскій заводъ всѣми продуктами пользовался изъ этого района. Въ свою очередь, заводъ снабжалъ населеніе желѣзомъ: сошниками, боронами, разными подѣлками до гвоздя включительно.

Петровскій заводъ исключительно существовалъ для нуждъ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ, поставляя для нихъ все желѣзо и разныя издѣлія. Но это все-таки на всю Восточную Сибирь былъ единственный желѣзодѣлательный заводъ, хотя далеко не удовлетворявшій всѣмъ потребностямъ деревенско-промышленнаго хозяйства.

Это маленькое отступленіе, хотя очень краткое и неполное, я позволилъ себѣ сдѣлать только въ виду того, чтобы приблизительно познакомить читателя съ пустыннымъ краемъ далекой Сибири, гдѣ изгнанники, борцы за свободу и цивилизацію, были похоронены заживо и все-таки оставались живы духомъ, идеями и той самой волей, которая не даетъ умирать, не даетъ мѣста забвенію, а остается вѣчною, осязаемою, понятною, виѣдряемою во все сущное, разумное.

Памятникомъ былого, гдѣ была похоронена идея величайшаго изъ благъ человѣчества—гражданская свобода, остался Петровскій казематъ. Онъ теперь, слава Богу, опустѣлъ, остались только стѣны и высокія пали съ заостренными верхушками да поросшія крапивою и бурьяномъ дворъ, гдѣ бряцали цѣпями 105 представителей неволи. Но ни уныніе, ни отчаяніе, ни скука, ни индифферентизмъ не имѣли мѣста въ этомъ изолированномъ міркѣ, ограниченномъ пространствомъ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ сажень.

Не могла быть скука тамъ, гдѣ каждый узникъ работалъ всякій по своей специальности. Многіе изъ нихъ пополняли свое образованіе тутъ же въ стѣнахъ каземата въ собственномъ университетѣ, аудиторія котораго въ слушателяхъ недостатка не имѣла. Итакъ, за высокими палями кипѣла умственная жизнь, а внѣ ихъ, какъ въ Дантовомъ аду, день и ночь тяжело дышала доменная печь, извергая дымъ и пламя. Тутъ, прикрытые войлочными панцырями съ такими же забралами, точно плясали, бѣгая кругомъ огненнаго чудовища, ломачи и баграми пробивали брешь въ «домнѣ», которая тотчасъ же выпускала огненный ручей расплавленнаго чугуна. Ручьи эти дѣти сатаны направляли въ формоски. Въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ глыбы чугуна, уже остывшаго, гномы ввергали снова въ огненные печи, называемыя пудлинговыми, превращали въ тѣсто и, доведя до блага каленія, баграми и щипцами вытаскивали изъ печи двухпудовые куски, или «крицы», и клали между молотомъ и наковальней. Другіе гномы въ такомъ же адскомъ одѣяніи съ двухъ сторонъ съ остервенѣніемъ били тяжелыми молотами по раскаленнымъ крицамъ, издававшимъ шипѣніе, стонъ и обсыпавшимъ истязателей фонтанами огненныхъ брызгъ. Шумъ, лязгъ и стукъ молотковъ производилъ невообразимую какофонію. Кипятъ въ этомъ огненномъ котлѣ сотни рабочихъ всю глубокую ночь до слѣдующей утренней смѣны. Под-

ростки отъ 12 до 15 лѣтъ, на рабочемъ жаргонѣ—«духи», суетятся тоже всю ночь. Это по истинѣ «горные духи», духи зла, созданные непосильной работой, утомленіемъ и несправедливостью со стороны старшихъ. Эти чертенята отличаются озорствомъ и рады устроить каверзы старшимъ, которые имъ платятъ подзатыльниками.

Побывавъ въ этомъ не вымышленномъ, не созданномъ фантазіей поэта, а въ дѣйствительномъ аду съ грѣшниками и чертями, въ огнѣ и пламени, задаешься вопросомъ: какъ живые люди могутъ переносить этотъ по истинѣ адскій трудъ?

Это каторга, каторга свободныхъ людей, кускомъ хлѣба принужденныхъ всю жизнь жить въ такихъ условіяхъ, въ такой атмосферѣ, безъ просвѣта и надежды на лучшее будущее. Вотъ тутъ была бы справедлива надпись: «Входящій, оставь надежду навсегда».

Невольно увлекшись фізіономіей Петровскаго завода, я сдѣлалъ опять значительное отступленіе и прервалъ нить разсказа. Отъ удручающихъ картинъ перехожу къ болѣе свѣтлымъ.

Бывали и веселые дни «Аранжуэца», когда пилигримы, то по одиночкѣ, то цѣлыми партіями наѣзжали въ Петровскій заводъ навѣстить послѣдняго изъ «могиканъ». Тогда мѣстный муравейникъ закипалъ бурной жизнью, все мѣстное общество группировалось, веселилось, визитировало. Патріархальное гостепріимство развертывалось во всю ширь.

Изъ многихъ другихъ я упомяну одинъ случай большого набѣга на Петровскій заводъ, въ которомъ участвовалъ и Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. Это было въ 1862 году. Мой тесть, Дмитрій Дмитріевичъ Старцевъ, житель Селенгинска, вступалъ во второй бракъ съ дѣвицею Х. П. Сычовой, дочерью петровско-заводскаго священника. Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, какъ кумъ и пріятель Старцева, былъ архитриклиномъ — распорядителемъ пира. Для этого бракосочетанія весь свадебный кортежъ, въ составѣ десятка экипажей, долженъ былъ перенестись на борзыхъ тройкахъ за 200 слишкомъ верстъ въ мѣстопребываніе невѣсты, въ Петровскій заводъ. Движеніе этого поѣзда продолжалось два дня съ остановками въ деревняхъ для ночлега и отдыха. Нужно ли говорить, что это было самое веселое путешествіе подъ предводительствомъ Михаила Александровича, который былъ неистощимъ въ своемъ остроуміи, съ приправою подходящихъ къ случаю анекдотовъ. Пріѣздъ нашъ въ Петровскій заводъ чествовался, можно сказать безъ преувеличенія, всѣмъ населеніемъ. Свадебный разгулъ съ безконечными визитами длился нѣсколько дней. Особымъ радушіемъ и гостепріимствомъ отличались: Николай Николаевичъ Дубровинъ, управляющій заводомъ, мѣстный купецъ Борисъ Васильевичъ Бѣлозеровъ, Александръ Петровичъ Катышевцевъ и многіе мѣстные граждане. Гости размѣщались въ нѣ-

сколькихъ домахъ, я водворился у Ивана Ивановича. Визиты новобрачныхъ и гостей образовали цѣлую вереницу экипажей всякихъ фасоновъ и калибровъ, даже древняя коляска Ивана Ивановича, запряженная парю гнѣдыхъ, съ кучеромъ Ахметомъ заняла почетное мѣсто въ кортежѣ. Не совсѣмъ привычная роль Ахмета къ кучерской обязанности при выѣздѣ изъ тѣхъ или другихъ воротъ, при крутыхъ поворотахъ, грозила намъ съ М. А. и И. И. опасностью быть опрокинутыми. Перспектива кувырколеги вызвала возгласы Ивана Ивановича и предостереженія:

— Ты, Ахметъ, насъ не обороти! Тише, тише, пожалуйста, Ахметъ.

— Ну, что же, превратимся въ «оборотней»,—шутить Михаилъ Александровичъ.

Но все-таки Ахметъ насъ въ оборотней не превратилъ.

Послѣ шумныхъ прогулокъ по стогнамъ завода вся компанія отправилась въ казематъ, теперь, къ счастью, опустѣлый.

— Вотъ тутъ у насъ былъ общій залъ, гдѣ читались лекціи, устраивались литературные вечера,—давалъ объясненія посѣтителямъ Михаилъ Александровичъ.

Осматривая всѣ камеры, будившія воспоминанія объ узникахъ, посѣтители выдергивали изъ стѣнъ гвоздики, чтобы сдѣлать изъ нихъ кольца.

Всѣ прежніе обитатели каземата съ глубокой благодарностью вспоминаютъ коменданта своего, генерала Лепарскаго, приставленнаго къ нимъ блюстителемъ императоромъ Николаемъ I. Онъ при своей строгости и неуклонномъ исполненіи долга умѣлъ ладить «со своими дѣтьми» и не разъ предупреждалъ вспышки горячихъ головъ и удержалъ отъ еще горшихъ несчастій.

Чтобы свадебный праздникъ, начатый за здравіе, не свести за упокой, расскажу его финалъ. Послѣдній вечеръ всѣ гости собрались у Ивана Ивановича. Тосты чередовались одинъ за другимъ, шумѣли и веселились нараспашку. Небольшія комнаты Ивана Ивановича были биткомъ набиты. Веселые гости устроили нѣчто въ родѣ маскарада. Н. Н. снялъ со стѣнъ шаманское облаченіе и, нарядившись въ его желѣзные доспѣхи, протанцовалъ, побрякивая бубенчиками, подъ звуки незатѣйливыхъ инструментовъ «русскую». Нашлись и сорекователи. На каминѣ мирно покоились два шаманскихъ черепа, сыгравшіе роль старинныхъ славянскихъ такихъ же сосудовъ, изъ которыхъ не брезговали пить наши предки.

— Умный былъ шаманъ,—цѣлая бутылка хересу помѣстилась въ башку.

Однако эта умная башка дала себя почувствовать одному изъ гостей.

— Это его шаманъ пекить (мучаетъ),—переговариваясь между собой, замѣтили Демка и Никитка, исполнявшіе роли слугъ и пополнявшіе запасы питей.

Иванъ Ивановичъ, интересуясь культомъ шаманъ, досталъ отъ не протестовавшихъ за потревоженный ихъ покой два шаманскихъ черепа, костяки и всю ихъ одежду. Все это находилось въ его кабинетѣ (если можно назвать кабинетомъ его гостиную) и пред-назначалось въ даръ какому-то обществу.

Этотъ маленький эпизодъ я привелъ здѣсь къ тому, чтобы показать, какъ обыденная будничная жизнь старика изрѣдка оживлялась пріѣзжими его почитателями и какъ лучомъ свѣта согрѣвала его несчастную долю. Не даромъ же Сибирь сочувственно относилась ко всѣмъ сосланнымъ, называя ихъ «несчастными», «несчастненькими». Прежде, чѣмъ ихъ собрали въ петрозаводской тюрьмѣ, пятеро изъ нихъ: князь Волконскій, Трубецкой, Якубовичъ и еще—боюсь ошибиться, словомъ пятерыхъ водворили по привозѣ въ Сибирь въ Нерчинскомъ заводѣ, въ самомъ углу Забайкалья, сопредѣльномъ Манчжури.

Привожу рассказъ достовѣрнаго свидѣтеля, горнаго инженера полковника Александра Христіановича фонъ-Фитингофа.

Въ то время горнымъ начальникомъ былъ Бурнашевъ, человекъ строгій до грубости и боязливый до трусости. Такіе ссыльные его очень беспокоили, и онъ не зналъ, какъ съ ними быть и какъ поступать. Если имъ дѣлать послабленіе, не исполнить буквально инструкцію, гласившую употреблять ихъ на тяжелую рудничную работу, то онъ можетъ жестоко поплатиться своей карьерой. Какъ быть? Надо выполнить инструкцію. Выполнить инструкцію значитъ ихъ отправить прямо въ подземелье, въ рудники, ручнымъ способомъ киркою и молотомъ добывать руду при свѣтѣ мерцающихъ свѣчныхъ салныхъ огарковъ. Бурнашевъ такъ и поступилъ. Каждый день не лѣнясь спускался онъ въ рудники и освѣдомлялся о производительности работъ «каторжниковъ».

— Чортъ знаетъ, что дѣлать съ этими сіятельными каторжниками, — горевалъ Бурнашевъ: — не знаю, что дѣлать, какъ быть; съ одной стороны, гласитъ инструкція, держать ихъ безъ всякихъ послабленій, въ строгости, занимать въ рудникахъ тяжелыми работами, а съ другой — заботиться о ихъ здоровьяхъ. Какъ тутъ быть?—нѣсколько разъ повторялъ Бурнашевъ.—Если бы не этотъ послѣдній пунктъ, то я бы ихъ скоро вывелъ въ расходъ.

«Я былъ молодымъ инженеромъ, только что пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

«Къ несчастію, на мою долю выпало непосредственное наблюдение за «этимъ каторжниками» въ подземельи, въ рудникѣ, занимать ихъ постоянной работой безъ отдыха и поблажекъ. Что мнѣ было дѣлать? Физическія силы ихъ были слабы, ни киркой, ни молотомъ владѣть не умѣютъ, а урокъ надо выполнить. Подъ величайшимъ опасеніемъ и отвѣтственностью я рѣшилъ изыскать средства—замѣну для выполнения уроковъ другими каторжниками-простолудинами за условную плату. А мои князья отдыхаютъ.

«Бурнашевъ каждый день спускался въ шахты и осматривалъ работы всѣхъ каторжниковъ, разумѣется, и работы государственныхъ преступниковъ. За грубое его обращеніе мнѣ не однажды приходилось краснѣть и испытывать недовгое положеніе.

«— Забудьте вы, что были графы да князья, теперь вы каторжники,—напоминалъ имъ, не стѣсняясь, Бурнашевъ».

Разсказъ Фитингофа привожу дословно. Существуетъ еще и другая версія, оправдывающая Бурнашева, но, повторяю, что передаю слышанное отъ достовѣрнаго свидѣтеля, правдиваго и заслуживающаго безусловнаго довѣрія. Фитингофъ, дѣлясь со мною своими впечатлѣніями, былъ уже почтеннымъ старичкомъ, горнымъ ревизоромъ, полковникомъ.

Перехожу къ личнымъ впечатлѣніямъ и непосредственно слышанному отъ Ивана Ивановича Горбачевского.

Въ Петровскомъ заводѣ у меня заболѣли глаза, что заставило меня тамъ оставаться и сидѣть въ темной комнатѣ.

Въ одно прекрасное утро, а можетъ быть и хмурое и пасмурное,—я не видѣлъ его, а только чувствовалъ,—Иванъ Ивановичъ въ каминѣ варилъ кофе и сливки къ утреннему завтраку и велъ интересную бесѣду.

Не имѣя возможности самъ писать, я со словъ Ивана Ивановича продиктовалъ моему шурину, молодому В. Д. Старцеву, питомцу М. А. Бестужева, впоследствии студенту петербургскаго технологическаго института, слѣдующій разсказъ, заботясь лишь о буквальной передачѣ слышаннаго, сохраняя всѣ его выраженія, не прибѣгая къ исправленію стилистическихъ погрѣшностей.

«Событія 1812 года знакомы мнѣ лично,—такъ началъ разсказъ Иванъ Ивановичъ.—Я 12-лѣтнимъ мальчикомъ былъ при отцѣ моемъ, состоявшемъ тогда при штабѣ Барклая-де-Толли, а потомъ Витгенштейна и Кутузова. Воспитывался я въ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу на 19-мъ году артиллеристомъ въ 8-ю бригаду. Въ тайное «общество соединенныхъ славянъ» поступилъ въ 1820 г., на 20 году своей жизни, по предложенію Борисова 2-го.

«До 1825 года былъ дѣятельнымъ членомъ общества. Въ эти первые годы молодости не было дней, посвященныхъ удовольствіямъ и юной безпечности. Труды по дѣлу общества, занятія по службѣ, труды по пополненію образованія и чтеніе книгъ поглощали все время мое, тогда молодого, пылкаго юноши. Балы, маскарады, всѣ удовольствія свѣтскихъ людей мнѣ были незнакомы.

«Утро принадлежало службѣ: смотрамъ, разводамъ, ученьямъ; остальное время дня канцелярскимъ формальностямъ.

«Вечера были поглощены разнообразными занятіями по Думѣ нашего «общества славянъ», требовавшаго дѣятельности, распоря-

женій и такихъ распоряженій, которыя требовали осмотрительности и при томъ самой тщательной осторожности по сохраненію тайнъ общества.

«Союзъ «славянскаго общества» съ «южнымъ» вызывалъ рядъ безконечныхъ занятій и сужденій. Собраніе наше представляло нѣчто въ родѣ палаты депутатовъ, гдѣ въ извѣстное время собиралось 150 членовъ и болѣе. Всякая мѣра предстоящихъ дѣйствій общества, предложенная президентомъ союза, обсуждалась и рѣшалась большинствомъ голосовъ. Засѣданія наши представляли полную возможность и независимость въ высказываніи мнѣній, гдѣ не было подобострастія низшаго къ высшему, служебные ранги не мѣшали равенству въ дѣлахъ общества, дружескія отношенія при обсужденіи какихъ-либо мѣръ не мѣшали горячимъ спорамъ въ защиту своей идеи; гдѣ всякая мысль проходила чрезъ критику умовъ всѣхъ членовъ, и уже выходила очищенной отъ пристрастій и промаховъ.

«Нерѣдко бывали и крупныя разногласія по принятію какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ, на которыя болѣе осторожные не соглашались.

«Изъ такихъ спорныхъ вопросовъ приведу одинъ случай, которымъ рѣшился вопреки благоразумію рискованный шагъ. Поручикъ Х. докладываетъ, что ротный командиръ Саратовскаго полка не дозволяетъ солдатамъ 8-й артиллерійской бригады ходить въ его роту, что, конечно, препятствовало распространенію идей среди нижнихъ чиновъ о предпринимаемой реформѣ. Предстояло избавиться отъ ротнаго командира, но какъ? Предложенные планы были различны и многіе рискованы, на которые начальникъ нашъ Муравьевъ, человекъ осторожный и предусмотрительный, былъ весьма разборчивъ на средства, не позволялъ никакихъ крайнихъ мѣръ, которыя могли бы огласить тайну. Однакожь молодые люди большею частью обладали энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ и были готовы на самую крутую мѣру, лишь бы устранить препятствіе. Поручикъ Кузьминъ вызвался взбунтовать роту Березина, и это предложеніе собраніемъ принято съ восторгомъ, съ криками «ура» и «браво». Такое рѣшеніе не только не одобрено Муравьевымъ, но привело его въ бѣшенство, какъ противника крутыхъ и опасныхъ мѣръ.

«— Слушай, Горбачевскій, — сказалъ онъ: — если ты не предупредишь этого сумасброднаго намѣренія, я тебя убью.

«Выразивъ повиновеніе начальнику, я въ то же время, втайнѣ сочувствуя намѣренію Кузьмина, шепнулъ ему, чтобъ онъ привелъ свой планъ въ исполненіе, но осторожно.

«Устранить Березина отъ командованія ротой было необходимо, и съ этимъ всѣ были согласны, кромѣ Муравьева, который пришелъ въ негодованіе и представилъ резоны всей невыгоды и

риска, грозящаго разрушеніемъ общества съ печальными послѣдствіями.

«— Если ты, Горбачевскій, не уймешь этихъ цѣпныхъ собакъ, я тебя убью— снова повторилъ Муравьевъ.

Собраніе кончилось.

«Въ четыре часа утра прискакалъ ко мнѣ фейерверкеръ.

— Ваше благородіе, третья рота Саратовскаго полка взбунтовалась.

«— Вели поскорѣ осѣдлатъ мнѣ лошадь,—сказалъ я.

«Пока я одѣлся и привелъ себя въ порядокъ, выйдя изъ дома, третью роту я нашелъ уже на линіи.

«Шакало, одинъ изъ членовъ общества, рослый и дюжій мужчина, еще наканунѣ, тотчасъ же по окончаніи собранія взялъ на себя взбунтовать роту, и въ этомъ успѣлъ въ совершенствѣ. Вся рота на линіи кричала: «давайте намъ другого командира, мы не хотимъ Березина». Командиръ полка, трусливый старикашка, чтобы уладить скандалъ, былъ на все согласенъ, лишь бы дѣло не приняло серьезнаго оборота. Шакало, видя благопріятный результатъ, пробѣжалъ по заднимъ рядамъ роты со словами: «соглашайтесь, ребята». Заявленіе роты было командиромъ принято и Березинъ смѣненъ, а вмѣсто него назначенъ командовать ротой одинъ изъ членовъ нашего общества.

«Вербовались въ члены общества—продолжалъ Иванъ Ивановичъ,—большею частью молодежь, съ не установившимися, не выработанными взглядами, съ смутными, неясно очерченными идеалами. Молодежь жаждала подвига, дѣятельности. Не скажу, что это были все умныя головы,—скорѣе это были горячія головы.

«Хотя я упомянулъ, что въ нашемъ «парламентѣ» была полная свобода въ выраженіи мнѣній, но далеко не всякое мнѣніе принималось къ свѣдѣнію. Горячимъ головамъ сейчасъ же требовалась дѣятельность, они не выжидали хода событій, не соображались съ обстоятельствами. Изъ такихъ горячихъ головъ былъ и Кузьминъ. Онъ, какъ говорится, рвался къ бою. Ему надоѣло по нѣскольку часовъ сидѣть въ собраніи и выслушивать главарей о планахъ и способахъ новаго государственнаго устройства.

«— Послушайте, Горбачевскій,—разъ, оставляя собраніе, сказалъ мнѣ Кузьминъ:—знать не знаю я вашихъ конституцій, революцій, республикъ,—мнѣ бунтъ давайте.

«Такихъ сумасбродовъ былъ не одинъ Кузьминъ...

«Извѣстна исторія доноса Майбороды и Шервуда...

«Надвинувшіяся событія застали насъ врасплохъ, въ походъ собрались въ одну ночь: лошадей подковали, обозъ соорудили живо...

«Разбили, разсѣяли насъ около Бѣлой Церкви. Многихъ арестовали, въ числѣ которыхъ былъ и Кузьминъ. Въ первой стычкѣ съ императорскими войсками Кузьминъ былъ тяжело раненъ, но

всю дорогу, пока насъ везли подъ строгимъ конвоемъ въ Бѣлую Церковь, страдалъ молча отъ тяжкихъ ранъ.

«На одной изъ станцій раздался выстрѣлъ: то Кузьминъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ пистолета, направленного въ грудь, спрятаннаго въ рукавъ шинели».

Въ видахъ сохраненія подлинности разсказа, мною записаннаго, я не рѣшаюсь приводить другія бесѣды съ Иваномъ Ивановичемъ на память, опасаясь за точность передачи и боясь того, чтобы не погрѣшить противъ достовѣрности.

Однакожь отчетливо помню разсказъ, какъ привезли ихъ на ямскихъ тройкахъ въ Зимній Дворецъ. Это было глубокой ночью.

«Мы стоимъ въ оковахъ въ огромныхъ залахъ дворца, позади насъ часовые, да флигель-адъютанты шныряютъ молча.

«Вдругъ распахнулись двери кабинета, и вошелъ императоръ Николай.

«Быстрыми шагами подошелъ къ намъ.

«— Чего вы хотѣли? Конституціи?

«— Нѣтъ, государь,—сказалъ Н.,—мы имѣли намѣреніе образовать федерацію изъ всѣхъ славянъ...

«— Я, государь, не могу справиться съ такой идеей, чтобы объединить всѣхъ славянъ, а вы самовольно, сумасбродно задумали вершить судьбами народовъ...

«Краткій допросъ всѣхъ насъ сдѣлалъ самъ государь, и опять завязали намъ глаза и увезли...

«Дальнѣйшую эпопею вы знаете».

Изъ уцѣлѣвшей переписки, сохранившейся въ теченіе почти полулѣтка, привожу здѣсь дословно два письма Ивана Ивановича ко мнѣ, писанныя имъ собственноручно:

«1861 г., декабря 14 дня. Петровскій заводъ. (Получено въ Кяхтѣ 17 декабря, отвѣчено 13 января).

«Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

«Милое ваше письмо отъ 24 ноября я получилъ 2 декабря,—за что васъ отъ души благодарю; видите, я нарочно пишу, котораго числа ваше письмо дошло до меня,—а мы живемъ отъ Кяхты только 250 верстъ; да здравствуетъ почта, доставляющая такъ скоро письма! но дѣло ужъ теперь не въ почтѣ, я еще благодарю васъ сердечно за вашу память обо мнѣ и за ваши чувства.

«Читая ваше письмо, я не могу всего выразить вамъ — какъ бы хотѣлось и что бы хотѣлось. Но, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ! пощадите меня, я не успѣлъ заслужить передъ вами то расположеніе, какимъ, вижу, я пользуюсь отъ васъ теперь. Чѣмъ я заплачу за теплоту вашихъ чувствъ и доброту вашего сердца? Если я не сравнюсь въ этомъ съ вами, то прошу васъ, вспомните мое все прошедшее, тогда и будете великодушны и снисходительны къ старому допотопному существу, у котораго все уже притулилось.

«Вѣрю во всемъ вамъ и за все сердечно благодарю. По времени полученія моего письма вы увидите, что я не могъ исполнить ваше желаніе; вашъ срокъ былъ пятого декабря, письмо же получено 2 декабря, да еще за огромной своей перепиской недѣлю пропустилъ и не успѣлъ отвѣчать вамъ скорѣе. Я много получилъ интересныхъ писемъ и изъ силъ выхожу, а надобно отвѣчать, и повѣрите ли, къ отправкѣ на сегодняшнюю почту написано 16 писемъ. Къ вамъ пишу 17-ое и еще не все, надобно написать еще нѣсколько. Простите за подробности, но надѣюсь на ваше снисхожденіе, пишу для того, чтобы вы не приписали краткости моего письма моей лѣни или небрежности. Буду писать къ вамъ, но прошу, не считайтесь письмами, будьте, какъ всегда, добры, пишите мнѣ такія письма, какъ ваши, — отрада и утѣшеніе въ скорбной моей жизни; храни васъ собственное ваше достоинство отъ сомнѣнія въ моихъ чувствахъ и словахъ; повторяю вамъ, я говорю правду, — но душа моя растерзана сегодня, — она не въ силахъ далѣе продолжать, — до будущаго времени, — а теперь будьте здоровы, берегите ваши глаза.

«Вашъ навсегда преданный Иванъ Горбачевскій.

«Жму крѣпко руку Алексѣю Михайловичу¹⁾ за его для меня дорогой подарокъ, который передалъ мнѣ Борисъ Васильевичъ²⁾, буду его хранить и съ чистою любовью на него смотреть».

Еще одно письмо съ помѣткой: «19 марта 1862 года Петровскій заводъ».

«Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

«Знаю и помню, что я передъ вами виноватъ и въ долгу; я получилъ милое ваше письмо и буду вамъ отвѣчать, но теперь, когда спѣшу писать, по случаю скорого отъѣзда Бориса Васильевича, остается одно только мое желаніе и единственная потребность души — душевно и искренно благодарить васъ за присылку лекарства и за ваши хлопоты и труды; а Алексѣю Михайловичу мой усердный поклонъ и благодарность за передачу вамъ моего порученія, такому исправному комиссіонеру, какъ вы. Когда же вы пришлете мнѣ свою карточку съ вашимъ портретомъ? Алексѣй Михайловичъ у меня уже поставленъ около Пущина и Оболенскаго; я васъ тоже въ тотъ же кружокъ помѣщу всѣхъ близкихъ моему сердцу. Обнимаю васъ душевно и жму вамъ руку, вашъ навсегда Иванъ Горбачевскій».

Въ письмахъ моихъ къ Ивану Ивановичу я, между прочимъ, не разъ просилъ его сдѣлать наброски воспоминаній, болѣе подробные, чѣмъ мною приведенные выше. Онъ нѣсколько разъ обѣщаль, но откладывалъ до болѣе досужаго времени. Однакожъ, за

¹⁾ Лушниковъ.

²⁾ Вѣлзеровъ.

мелочными недосугами и будничными заботами обѣщаній, не исполнилъ.

Не разъ повторявшееся наше—почитателей Ивана Ивановича—паломничество въ Петровскій заводъ всегда оставляло неизгладимое впечатлѣніе, производимое его бесѣдами и сердечностью, съ которыми онъ относился къ окружающимъ его друзьямъ и почитателямъ. Петрозаводскіе обитатели чтили и почитали его за правоту и доброту, которымъ онъ нерѣдко помогаль въ нуждѣ изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Кстати сказать, истинное спасибо ближайшему сосѣду Ивана Ивановича, Борису Васильевичу Бѣлозерову, который не скупился поддерживать его матеріальными средствами, заботливостью и искреннимъ участіемъ къ судьбѣ изгнанника.

Тюрьмы опустѣли. Оставшіяся стѣны тюрьмы, въ то время обнесенныя тыномъ, теперь время снесло съ лица земли.

Изъ ста пяти узниковъ Петровскаго каземата оставался въ живыхъ одинъ Иванъ Ивановичъ Горбачевскій дотягивать свои печальные дни, прекратившіеся смертью въ 1869 году.

На высококомъ холмѣ, вблизи завода, покоится прахъ его, рядомъ съ могилами товарищей по изгнанію. На одной изъ нихъ виднѣется памятникъ, отлитый изъ чугуна, представляющій колонну.

— Былъ столбъ, да сломился.— говорилъ Иванъ Ивановичъ, глядя на памятникъ товарища.

Эти слова были вызваны неудачной отливкой колонны, у которой вершина оказалась сколотой.

Суровая судьба сломила не одинъ изъ такихъ столбовъ.

III.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

Впервые познакомился я съ Михаиломъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ 1857 году, бывъ въ Баргузинѣ проѣздомъ далеко на сѣверъ, въ Витимскую тайгу, за озеро Баунтъ, въ верховьяхъ истоковъ рѣки Витима.

Мнѣ предстояло провести нѣкоторое время въ Баргузинѣ, гдѣ пользовался квартирой и гостепріимствомъ Михаила Карловича, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ со времени его причисленія въ Баргузинъ на поселеніе по освобожденіи изъ Петровскаго каземата.

Мѣстомъ поселенія ему была назначена Читкинская волость, въ 10 верстахъ отъ города Баргузина, но мѣстное начальство разрѣшило временно жить въ этомъ городѣ, гдѣ онъ со временемъ и поселился на постоянное жительство и жилъ тамъ безвыѣздно до самой смерти.

Въ городѣ имѣлъ онъ свой собственный деревянный домъ въ четыре комнаты съ мезониномъ и усадебное мѣсто съ хозяйственными постройками.

Семейство его состояло тогда изъ жены, Анны Степановны, баргузинской уроженки и, кажется, изъ полудюжины дочерей, подростковъ отъ 8 до 15 лѣтъ. Одна изъ нихъ, старшая, воспитывалась въ Иркутскѣ, помнится, въ сиропитательномъ заведеніи. Остальныя же въ то время росли и пользовались вполне деревенской свободой и бѣгали босоножками.

Какъ всѣ декабристы, Михаилъ Карловичъ пользовался любовью и большимъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей, въ особенности тунгузовъ и бурятъ, съ которыми велъ дружбу и былъ ихъ совѣтникомъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и, кромѣ того, докторомъ, разумѣется, даровымъ. Словомъ, «водилъ съ тунгузами компанію» и не чуждался съ ними и погулять, и выпить чарку «арахи». Арахи—это молочное вино-водка, которую гонятъ бурята изъ кислаго молока, послѣ того, какъ используютъ свѣжее въ сметану и масло.

— Кар... кар... слышалось въ сѣняхъ, шумъ и голоса бурятъ и тунгузовъ.

Затѣмъ что-то повалилось.

— Это моего «нѣмца» волокутъ эти черти,—засуетившись, воскликнула Анна Степановна, встрѣчая гостей.

— Онъ вѣдь, теперь уже не можетъ сверстаться съ ними, остарѣлъ, слабый сталъ.

Правда, гости его казались болѣе бодрыми и, усѣвшись кружкомъ на полу, продолжали бесѣду, въ которой ничего нельзя было разобрать, кромѣ частаго упоминанія «кар... кар»...

Такіе возгласы означали имя Михаила Карловича: «Карлычъ, Карлычъ».

— Анна Степановна, дай мой ящикъ съ «аптекой».

— Да ты чего еще выдумалъ? Нашелъ время лечить, вѣдь отравишь ихъ, «нѣмецъ»...

— Не твое дѣло...

И, усѣвшись на томъ же полу, въ кругу своихъ пріятелей, «докторъ» развѣшивалъ порошки, свертывалъ въ капсулы, не забывая въ то же время пускать въ носъ большія щепотки табаку.

— Не сыпь въ лекарства-то... отравишь.

— Не твое дѣло...

Надѣливъ своихъ гостей лекарствомъ, Михаилъ Карловичъ предложилъ имъ и угощеніе. Анна Степановна оказалась радушной хозяйкой и не гнушалась гостями изъ степныхъ улусовъ долины Баргузины. Она охотно подливала имъ арахи изъ всегда въ лѣтнее время имѣвшихся запасовъ и время отъ времени дѣлала замѣчанія своему «нѣмцу»:

— Да не лей на полъ-то.

Большого труда стоило Аннѣ Степановнѣ выпроводить гостей по добру, по здорову. Нѣкоторые «пали костями», добравшись только до сѣней, и лишь по утру разбрелись по домамъ.

Такова была излюбленная среда бывшего гвардейскаго офицера, любимца большого свѣта и товарищей.

Баргузинское общество тогда состояло изъ исправника, священника и двухъ-трехъ мѣстныхъ купцовъ. Изъ послѣднихъ былъ довольно богатымъ Иванъ Ивановичъ Чернышъ.

Доктора постоянного не было, онъ наѣзжалъ изъ Верхнеудинска за 400 верстъ.

Былъ ли въ ладахъ Михаилъ Карловичъ съ мѣстной интеллигенціей,—сказать не сумѣю. Но мѣстные жители крестьяне обращались къ нему за медицинской помощью, оказываемою всегда безвозмездно, разумѣется, изъ собственнаго тощаго кармана тратя на лекарство.

Матеріальной поддержкой, кромѣ скуднаго сельскаго хозяйства, служили занятія его по агентурѣ отъ золотопромышленныхъ компаній, Витимской тайги. Въ послѣдніе годы участливо отнесся къ нему Петръ Людовиковичъ Боровскій, бывший главноуправляющій пріисками Баунтовской компаніи.

Боровскій, бывшій профессоръ варшавскаго университета, былъ сосланъ въ Сибирь по польскому возстанію 1830—1831 года, находился до 1853 г. въ каторжныхъ работахъ въ Нерчинскомъ заводѣ вмѣстѣ съ докторомъ Бопре и другими компатріотами. Эти ссыльные поляки, за неимѣніемъ учебныхъ заведеній въ Забайкальи были просвѣтителями мѣстнаго юношества, какъ и декабристы. А послѣдователи ихъ, политическіе ссыльные поляки 1863 года, внесли не менѣе цѣнный вкладъ—кустарную промышленность: сапожное, портняжное ремесло, пивовареніе, сыродѣліе, колбасное и другіе мелкіе промыслы и музыкальное искусство. Край, такъ или иначе, благодаря ссыльному элементу, сталъ болѣе культурнымъ.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ былъ буквально заброшенъ въ пустынный край, населенный преимущественно бурятами, оторванный отъ всѣхъ товарищей; даже родной братъ его Вильгельмъ Карловичъ, по выходѣ изъ тюрьмы, былъ водворенъ и постоянно жилъ въ пограничной съ Монголіей крѣпости въ Акшѣ, на берегахъ Онона, родинѣ Чингисхана, за тысячу верстъ.

Это тотъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, другъ нашего великаго поэта, въ шутку сказавшаго:

«Мнѣ кюхельбекерно и тошно».

Но тошнѣе было изгнаннику...

Семейная жизнь Михаила Карловича омрачалась разводомъ съ женой Анной Степановной по доносу священника за женитьбу на

кумъ! За такое брачное родство дѣти были признаны незаконными. Сожительница его—разведенная жена, баргузинская мѣщанка, женщина простая, едва ли грамотная, не могла, разумѣется, хотя сколько-нибудь проникнуться его интересами, а тѣмъ болѣе раздѣлять его идеи.

— И что онъ все въ книжку смотритъ, напрасно только время теряетъ.

А медицинскую его практику считала прямымъ убыткомъ Эпитетъ «нѣмца», какъ она называла стараго декабриста, въ устахъ Анны Степановны былъ ласкательнымъ.

Во время далекаго и труднаго пути по сѣверной тайгѣ я съ благодарностью вспоминалъ гостепріимныхъ хозяевъ, лакомясь свѣжимъ сливочнымъ масломъ, въ достаточномъ количествѣ пополнившимъ мои дорожные запасы заботливой рукой Анны Степановны.

Въ этихъ воспоминаніяхъ я воспроизвелъ все мною видѣнное, окрашивая въ дѣйствительные цвѣта. Будетъ понятно, что я не могъ не коснуться и той слабости Михаила Карловича, которая временами посѣщала его въ дни скорби и одиночества. Зброшенный на многіе годы въ угрюмую холодную страну, онъ не по страсти, а, пожалуй, не безъ умысла позволялъ себѣ «забыться и заснуть морально».

Онъ среди людей былъ истиннымъ пустыннокомъ.

Да не омрачится его память отъ сказаннаго, да не померкнетъ его ореолъ, какъ гуманнаго, честнаго человѣка-гражданина, испившаго свои увлеченія годами многолѣтней каторги.

Умеръ онъ въ томъ же Баргузинѣ, въ 1859 году.

Миръ праху его.

II. Першинъ-Караксарскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ХОЛЕРѢ 1891 ГОДА.

НОГИМЪ, я думаю, памятна холера 1891 года. Особенно сильно свирѣпствовала она на Волгѣ. Какъ извѣстно, холера началась въ Средней Азіи и быстро подвигалась къ Каспійскому морю. Въ Баку она немного задержалась, потому что городъ былъ объявленъ въ карантинъ и всякое сообщеніе съ нимъ прекратилось.

Мы въ это время жили всей семьей въ Астрахани, гдѣ служилъ мой отецъ. Помню я отлично, какъ волновались всѣ жители Астрахани, съ ужасомъ ожидая появленія страшной болѣзни. Сколько было разговоровъ, споровъ, всевозможныхъ приготовленій! Всякому было жутко. Пароходы, отходящіе изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, были переполнены пассажирами...

И вотъ появился первый холерный случай, затѣмъ второй, третій, и эпидемія разразилась въ Астрахани. Каждый день число заболѣваній увеличивалось десятками, и смертность появилась страшная.

Вдругъ по городу разнеслась тревожная вѣсть, что Астрахань объявлена въ карантинъ, что всякое сношеніе съ ней прекращается и что послѣдній пароходъ отойдетъ черезъ 2 дня. Всѣ приуныли, каждому было спокойнѣе сознавать, что онъ можетъ, если захочетъ, убѣжать отъ опасности, а тутъ вдругъ чувствовать себя запертымъ въ городѣ, зараженномъ ужасною болѣзью— было нелегко. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе зажиточномъ

домѣ рѣшался вопросъ: оставаться, или ѣхать? Одни наскоро собирали свои пожитки и бѣжали занимать мѣсто на переполненномъ пароходѣ; другіе, собравшись съ духомъ, оставались съ жуткимъ чувствомъ неизвѣстности.

У насъ въ семьѣ этотъ вопросъ рѣшался недолго: мать объявила, что она не оставитъ отца, который не могъ бросить своей службы, въ такое опасное время одного.

Между тѣмъ холера приняла страшные размѣры; люди умирали, какъ мухи, дошло до того, что въ день насчитывали до трехсотъ-четырёхсотъ смертныхъ случаевъ. Весь городъ былъ въ паникѣ. Служащіе, уходя на службу, прощались со своими родными съ чувствомъ, что они могутъ легко и не вернуться, или, вернувшись, не застать уже кого-нибудь изъ своихъ въ живыхъ.

Докторовъ не хватало въ городѣ, всѣ больницы, конечно, были переполнены, и наскоро были выстроены деревянные бараки. При такой громадной смертности въ больницахъ не успѣвали составлять списки умершимъ, и въ народѣ стали говорить, что люди, попавшіе въ больницу, «пропадаютъ безъ вѣсти». Всегда подозрительно относящееся къ больницамъ простонародье стало къ нимъ еще враждебнѣе относиться и всячески пряталось отъ докторовъ и фельдшеровъ, которымъ пришлось разыскивать больныхъ и насильно увозить ихъ бараки.

Нерѣдко можно было видѣть на улицахъ слѣдующія сцены: человекъ, идущій по тротуару, вдругъ падаетъ въ корчахъ на мостовую; черезъ нѣсколько минутъ санитарная телѣжка¹⁾ подѣзжаетъ къ больному, но народъ его уже обступилъ и «не выдаетъ» санитарамъ. Иногда дѣло доходитъ и до свалки.

Чернь стала роптать все громче и громче и настойчиво повторяла нелѣпые слухи: что доктора всыпали отравы въ бочки, а говорятъ, что это вода съ виномъ; что докторовъ подкупила «англичанка», которая и наслала эту болѣзнь на русскихъ, и т. п. Стали сыпаться ругательства на представителей медицины, гдѣ только они ни появлялись, а иногда приходилось докторамъ спасаться бѣгствомъ отъ побоевъ. Но всему этому не придавали большого значенія, пока не вспыхнулъ серьезный мятежъ.

Мы, дѣти, знали о всѣхъ этихъ ужасахъ только изъ разговора старшихъ, сами же ничего не видѣли и потому были очень веселы и безпечны. Не видѣли мы, что дѣлается въ городѣ, потому что жили въ такъ называемомъ «порту», въ отдѣленномъ отъ города пространствѣ около Волги съ пристанью, строениями и домами служащихъ пароходства «Кавказъ и Меркурій», которымъ управлялъ мой отецъ. Мы только очень сокрушались, что намъ не давали фруктовъ, которыхъ былъ большой урожай въ этомъ году.

¹⁾ Такія телѣжки постоянно разѣзжали по улицамъ. Народъ сравнивалъ ихъ съ собачьими влѣтками.

Только разъ намъ взгрустнулось, когда мы вышли въ садъ и увидѣли незнакомое лицо новаго садовника; оказалось, что нашъ прежній садовникъ умеръ нѣсколько часовъ тому назадъ, здѣсь же въ саду, поливая цвѣты. Другой разъ намъ сдѣлалось страшно, когда нашъ поваръ, вернувшійся съ базара, блѣдный и дрожащій, разсказалъ, что встрѣтилъ по дорогѣ болѣе ста телѣгъ съ гробами.

Въ тотъ вечеръ, какъ начались беспорядки въ Астрахани, у насъ, помню, были гости. Играли въ карты на балконѣ. Былъ теплый, лѣтній вечеръ, въ саду было такъ темно, что около себя ничего нельзя было разглядѣть,—настоящая южная ночь. Мой отецъ сошелъ съ балкона и пошелъ по аллеѣ, разговаривая со знакомымъ. Вдругъ изъ темноты вынырнула фигура урядника.

— Ты что, братецъ?—спросилъ отецъ.

— Въ городѣ неблагополучно...—таинственно нагибаясь къ отцу, доложилъ урядникъ.—Народъ взбунтовался, поджегъ бараки и не даетъ пожарнымъ тушить, а больныхъ вытащили на берегъ Кучума¹⁾.

— Что же полиція-то?—вскричалъ отецъ.

— Полиція вызвала казаковъ,—продолжалъ урядникъ;—да ничего не подѣлаешь, народъ освирѣпѣлъ... много его набралось... Камни бросаютъ... Ваше высочорodie,—еще болѣе понизивъ голосъ, сказалъ онъ:—въ толпѣ кричатъ: «пойдемъ въ портъ, тамъ тоже бочки съ отравой стоятъ!»—прикажите ворота запереть!

— Запри,—отвѣтилъ отецъ:—только толку въ этомъ мало будетъ, ворота такія старыя, что ихъ кулакомъ прошибить можно... А ты, если что новое узнаешь, приди сейчасъ же сказать.

— Слушаюсь.

Отецъ вернулся къ гостямъ и разсказалъ все слышанное. Всѣ повскакали съ мѣстъ, засуетились, заволновались, заторопились домой; отецъ ихъ задержалъ.

— Я предлагаю, господа, слѣдующее,—сказалъ онъ:—у меня здѣсь стоитъ у пристани пароходъ безъ дѣйствія: я сейчасъ велю на немъ развести пары и отдамъ распоряженіе перенести туда кассу и важныя бумаги. Предлагаю вамъ пріѣхать съ вашими семьями на пароходъ; въ случаѣ вторженія бунтовщиковъ въ портъ, онъ отойдетъ на середину Волги.

Всѣмъ это предложеніе пришлось по сердцу, и они послѣшили домой; отецъ сталъ дѣлать распоряженія въ телефонъ, а мать пошла будить и одѣвать младшихъ дѣтей, такъ какъ тоже собиралась везти ихъ на пароходъ. Я, какъ старшая, еще не ложилась спать.

Пока запрягали лошадей и собирали самыя драгоценныя вещи въ корзину, я побѣжала на вышку нашего дома и... ахнула. Все

¹⁾ Небольшая рѣка, впадающая въ Волгу.

небо было кроваво-краснаго цвѣта, только въ сторонѣ Волги было оно темное, безоблачное съ тысячами мерцающихъ звѣздочекъ. Какъ сейчасъ помню то жуткое чувство, которое испытывала я, стоя на вышкѣ и глядя на все болѣе и болѣе разгоравшееся зарево. Мягкій, легкій вѣтерокъ пріятно обдувалъ мнѣ лицо. И вдругъ я услышала отдаленный гулъ, похожій на дальніе раскаты грома. Это былъ ревъ народа. Я съ замираньемъ сердца прислушивалась къ этимъ дикимъ крикамъ; мнѣ показалось, что они приближаются, что я сейчасъ увижу громадную толпу... Въ ужасѣ я побѣжала внизъ.

Тамъ уже были всѣ одѣты и стояли въ залѣ, нагруженные всевозможными вещами; каждый спасалъ, что у него было самага драгоцѣннаго; помню, моя гувернантка уложила въ маленькую корзиночку свою далеко не новую шубку и повезла съ собой.

Намъ, дѣтямъ, доставило истинное удовольствіе ѣхать въ коляскѣ темною ночью. Сознаніе, что опасность грозитъ намъ, что мы спасаемся, придавало особую прелесть нашей поѣздкѣ; невольно вспоминались прочитанные рассказы со всякими приключеньями и ужасами. Всегда ярко освѣщенная пристань была на этотъ разъ совсѣмъ темна; пароходъ тоже черной массой стоялъ у дебаркадера, но на немъ было уже много людей, безшумно снующихъ взадъ и впередъ. Намъ встрѣтили пріѣхавшія раньше насъ дамы и стали шопотомъ ужасаться происходящимъ событіямъ. Намъ сейчасъ же провели въ каюту и уложили спать, но мы, конечно, долго не могли заснуть отъ волненія и среди ночи все просыпались и прислушивались, не идетъ ли пароходъ. Вставши утромъ, мы даже были разочарованы, что все еще стоимъ у пристани. Моя мать даже не раздѣвалась и все время прислушивалась, не идутъ ли бунтовщики въ портъ, такъ какъ отецъ не хотѣлъ переѣхать на пароходъ и оставался дома, зарядивъ ружья и револьверы; онъ пріѣхалъ къ намъ только утромъ и рассказалъ, что чернь продолжаетъ буйствовать въ городѣ, грабитъ лавки, поджигаетъ больницы, а теперь окружила домъ губернатора и, разрывая мостовыя, выбила камнями всѣ окна. Губернаторъ телеграммой вытребовалъ еще войскъ, такъ какъ въ самой Астрахани ихъ было мало и они не были въ состояніи усмирить расходившуюся толпу.

Стали стрѣлять холостыми зарядами, но это не утратило чернь; она только отвѣчала ругательствами и новымъ градомъ камней. Тогда — дѣлать было нечего — губернаторъ отдалъ приказаніе стрѣлять въ народъ.

Раздался первый залпъ... Нѣсколько человѣкъ пали убитыми... Толпа дрогнула. Послѣ второго залпа она разбѣжалась въ разныя стороны.

Въ это время мы всѣ мирно пребывали на пароходѣ. Вокругъ нѣсколькихъ докторовъ, пріѣхавшихъ на лодкахъ ночью на паро-

ходъ, собралось цѣлое общество и съ интересомъ слушало ихъ рассказы. Положеніе представителей медицины было дѣйствительно незавидное; народъ устраивалъ на нихъ настоящую облаву, ловилъ, звѣрски мучилъ и убивалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, мятежники, поймавъ одного доктора, облили его керосиномъ и сожгли, другого подбрасывали кверху и давали ему падать на мостовую, пока этотъ несчастный не обратился въ кровавую массу. Легко можно себѣ представить смертельный страхъ медицинскаго персонала. Народъ всюду бѣгалъ и искалъ врачей и фельдшеровъ и, поймавъ какого-нибудь штатскаго, заставлялъ его креститься и божиться, что онъ не докторъ.

Несчастные доктора и фельдшера переодѣвались въ кучеровъ, въ дворниковъ, во что попало; одинъ нашъ знакомый докторъ прожилъ въ конюшнѣ двѣ недѣли и исполнялъ всѣ обязанности конюха; его потомъ много этимъ дразнили и спрашивали: чѣмъ лучше быть—конюхомъ или докторомъ? Другіе врачи, въ одномъ бѣльѣ, какъ ихъ засталъ бунтъ черни, спасались какъ и куда могли. Наши спасенные врачи тоже пріѣхали къ намъ въ довольно растерзанномъ видѣ; они изъ дому бросились къ Волгѣ, наняли лодки и поѣхали по рѣкѣ; увидѣвъ нашъ пароходъ, они стали умолять спасти ихъ и принять къ себѣ.

Когда отецъ узналъ, что бѣшенство толпы обратилось на губернатора, онъ велѣлъ запрягать лошадей и хотѣлъ проѣхать къ начальнику губерніи, чтобы помочь ему, или хотя бы его семьѣ переѣхать тоже на пароходъ. Всѣ дамы стали убѣждать мою мать, что народъ можетъ принять моего отца за доктора и подбивали ее умолять отца надѣть военный сюртукъ. У отца, какъ у бывшего военнаго, была военная форма. Отецъ уступилъ просьбамъ матери и пошелъ переодѣваться.

Въ это время изъ города донеслись раскаты, похожіе на очень отдаленный громъ; это былъ первый залпъ. Черезъ нѣсколько минутъ отецъ вышелъ, одѣтый въ военную форму.

— Нѣтъ, нѣтъ... ради Бога! — закричали всѣ дамы, обступая его: — это невысказанно такъ ѣхать теперь... Послѣ залпа толпа, конечно, озлоблена противъ военныхъ... Надѣньте ужъ лучше штатское!

— Ну, нѣтъ, ужъ извините, мнѣ такъ придется цѣлый день переодѣваться,—со смѣхомъ сказалъ мой отецъ и уѣхалъ.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ бѣжавшій отъ губернаторскаго дома послѣ второго залпа народъ, который чуть не смялъ подъ себя и лошадь, и экипажъ. Губернатора отецъ засталъ взволнованнымъ и встревоженнымъ и всячески старался подбодрить его.

Испуганный народъ больше не собирался въ толпы и присмирѣлъ.

Днемъ къ намъ на пароходъ пріѣхало нѣсколько военныхъ, которые рассказывали, какое тяжелое чувство они испытывали,

когда отдавали приказаніе стрѣлять въ своихъ же, какъ поблѣднѣли солдаты, когда услышали это приказаніе, и какъ народъ въ паникѣ разбѣжался, оставивъ нѣсколько убитыхъ; между ними было нѣсколько женщинъ, одна изъ нихъ лежала на мостовой съ раздробленнымъ черепомъ и обѣими руками держала юбку платья, наполненную камнями.

Среди военныхъ былъ одинъ вольноопредѣляющійся, пользовавшійся большимъ успѣхомъ у дамъ. Онъ съ большимъ паѳосомъ рассказывалъ всѣ видѣнныя имъ картины, очень рисовался передъ дамами, ежеминутно закрывалъ глаза рукой и повторялъ: «Ужась! Ужась!»

Барышни на это охали и ахали и съ какимъ-то благоговѣньемъ смотрѣли на молодого воина.

Къ вечеру на пароходѣ стало весело; послѣ пережитаго тревожнаго состоянія духа наступила реакція; всѣ свободно вздохнули, тѣмъ болѣе, что въ городѣ попрежнему все было спокойно. Веселый говоръ, смѣхъ и шутки такъ и сыпались на палубѣ; кто-то запѣлъ въ рубкѣ, пользуясь хорошимъ піанино. Не обошлось, конечно, и безъ комичныхъ случаевъ. Жена одного служащаго, славившаяся въ порту, какъ прекрасная хозяйка, принесла съ собой на пароходъ много банокъ свѣжаго варенья. Вѣроятно, это было самое для нея драгоцѣнное, что она хотѣла спасти отъ бунтовщиковъ. Но ей не пришлось отнести его обратно домой. Молодежь ее упростила дать попробовать своего чуднаго варенья, и кончилось тѣмъ, что всѣ банки съ вареньемъ были съѣдены.

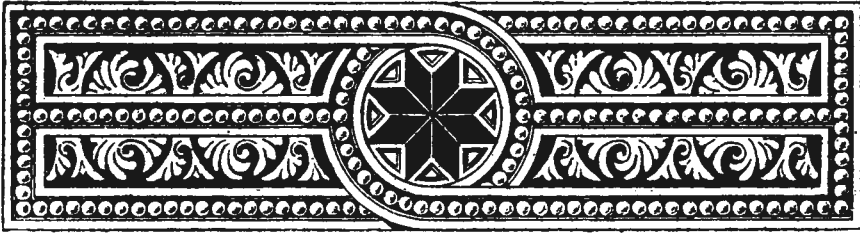
На слѣдующій день мы всѣ разбѣжались по домамъ, такъ какъ чернь окончательно успокоилась; казаки все время разбѣжжали по городу и наблюдали за порядкомъ.

Холера послѣ этого еще болѣе усилилась, потому что вынесенные на берегъ Кучума больные поумирали и не убранные трупы заражали воздухъ въ центрѣ города, а болѣе сильные больные расплзлись по домамъ.

Астраханцы продолжали жить подъ страхомъ новаго бунта, многіе магазины не открывались, во многихъ домахъ было заряженное оружіе наготовѣ. Но черезъ нѣсколько дней холера стала ослабѣвать, число заболѣваній быстро падало, а черезъ недѣлю послѣ мятежа въ Астрахань прибыли вытребованныя губернаторомъ войска. Жители облегченно вздохнули и даже начали устраивать всякія увеселенія въ честь пріѣзжихъ военныхъ.

Мы же долго не могли забыть пережитыхъ нами волненій и благодарили Бога, что наша семья осталась цѣла и невредима.

А. К.

АДСКАЯ МАШИНА.

(Изъ старыхъ дѣлъ сыскной полиціи).

ЫЩИКЪ Ивановъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Труды его увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Безъ отдыха въ теченіе двухъ недѣль онъ упорно шагъ за шагомъ слѣдилъ за подозрѣваемымъ имъ въ убійствѣ человѣкомъ, собиралъ улики по ниточкамъ, и, наконецъ, такъ опуталъ этими ниточками убійцу, что тотъ чистосердечно сознался въ совершенномъ имъ преступленіи.

— Позвольте мнѣ теперь отдохнуть и не являться на службу дня три, — сказалъ Ивановъ, окончивъ докладъ начальнику сыскной полиціи.

— Съ удовольствіемъ разрѣшаю. Отдохните. Конечно, если не случится чего-нибудь особеннаго.

Ивановъ поспѣшилъ уйти изъ кабинета начальника.

Его окружили товарищи и стали поздравлять съ удачей.

— Да что съ вами? Шли къ начальнику такимъ веселымъ, а возвратились кислымъ.

— Эхъ, не везетъ мнѣ!

— Не везетъ?!

— Ну, да. Предполагалъ отдохнуть дня три, а теперь едва ли удастся.

— Почему? Опять дѣло?

— Непремѣнно будетъ дѣло. Начальникъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на три дня, а потомъ вдругъ добавилъ: «Если ничего

особеннаго не случится». И надо было ему добавлять это. Теперь, конечно, случится. Сглазиль!...

Товарищи размѣялись.

— Смѣйтесь! Увидите, что мнѣ не дадутъ отдохнуть. Примѣта вѣрная.

Не успѣлъ еще Ивановъ договорить фразы, какъ прибѣжалъ сторожъ.

— Господинъ Ивановъ не ушелъ еще?—спросилъ онъ.—Его требуетъ къ себѣ начальникъ.

— Вотъ видите,—проговорилъ Ивановъ и съ грустнымъ лицомъ медленнымъ шагомъ отправился въ кабинетъ начальника сыскной полиціи.

— Сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ вы уѣдете въ Царицынъ и тамъ будете ждать распоряженій отъ департамента полиціи,—объявилъ ему начальникъ.

— Отъ департамента полиціи?! Да вѣдь мы же не занимаемся политическими дѣлами. Я въ нихъ ничего не смыслю. Я, вѣдь, какъ и всѣ наши, только по уголовнымъ...

— Слушайте и не перебивайте. По приказанію министра внутреннихъ дѣлъ сегодня вы ѣдете въ Царицынъ подъ именемъ купца Григорія Степанова. По какому дѣлу, я не знаю. Въ Царицынѣ получите телеграмму на имя Григорія Степанова. Вамъ переданъ будетъ шифръ для секретныхъ телеграммъ. Вотъ все, что могу сказать. Больше и самъ ничего не знаю. Счастливаго пути! Деньги на дорогу, паспортъ на имя Степанова, шифръ получите черезъ часъ. Пока ступайте и приготовьтесь къ дорогѣ. Конечно, мнѣ не нужно вамъ объяснять, что дѣло это, повидимому, очень важное и секретное. Здѣсь никто не долженъ знать, гдѣ вы, и тамъ,—кто вы.

Ивановъ откланялся и веселой, бодрой походкой вышелъ изъ кабинета.

— Ну, что?

— Разрѣшили отпускъ не на три дня, а на двѣ недѣли. Ёду въ Гельсингфорсъ на дачу къ знакомому.

— Къ кому?

— Нѣтъ, братъ, шалишь, не надуешь! Попробуй только сказать свой адресъ, такъ черезъ день потребуютъ на службу. Я и то ужъ лишнее сболтнулъ, что ёду въ Гельсингфорсъ. Пожалуйста не говорите. До свиданья. Удираю. Боюсь, какъ бы не раздумалъ нечаянно.

Съ этими словами Ивановъ бѣгомъ отправился домой.

На слѣдующій день начальникъ сыскной полиціи поручилъ одному изъ агентовъ узнать, гдѣ Ивановъ, и если онъ еще въ Петербургѣ, немедленно пригласить его. Черезъ часъ агентъ доложилъ начальнику, что Ивановъ наканунѣ вечеромъ уѣхалъ изъ

дому съ небольшимъ ручнымъ чемоданомъ, сказавъ, что ѣдетъ въ Гельсингфорсъ; между тѣмъ агенты не видѣли его ни на одномъ изъ вокзаловъ.

— Хорошо. Если узнаете, куда онъ уѣхалъ, сейчасъ мнѣ доложите.

Сыщики были довольны. «Вотъ молодчина!—говорили они.— Перехитрилъ. Теперь его не разыщешь. Должно быть, скрывается здѣсь, въ Петербургѣ, у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Ну, да ему скоро надоѣстъ сидѣть въ одномъ мѣстѣ. Дня черезъ два гдѣ-нибудь да встрѣтимъ».

Ивановъ между тѣмъ съ большой черной привязной бородой, подъ именемъ купца Григорія Степанова летѣлъ въ поѣздѣ изъ Петербурга въ Царицынъ.

Добравшись до Царицына, Ивановъ немедленно отправился въ телеграфное отдѣленіе.

— Нѣтъ ли телеграммы на имя купца Григорія Степанова?

— Есть. Извольте получить.

Телеграмма распечатана.

— Вотъ тебѣ и объясненіе! Часъ отъ часу не легче. Ну, и секретничаютъ же. Испытываютъ, что ли, меня? Хорошо. Отправимся къ начальнику телеграфа,—разсуждалъ самъ съ собой Ивановъ.

Телеграмма была такого содержанія: «Получите отъ начальника телеграфнаго отдѣленія».

Черезъ нѣсколько минутъ Ивановъ былъ принятъ начальникомъ телеграфа.

— Я купецъ Григорій Степановъ.

— Что вамъ угодно?

— Я получилъ телеграмму о томъ, что я долженъ получить что-то отъ васъ.

— Что именно?

— Не знаю. Вотъ телеграмма.

Начальникъ телеграфа взялъ телеграмму, прочиталъ ее и подозрительно посмотрѣлъ на Иванова.

— Я ничего не знаю. Объясните,—сказалъ онъ.

— Странно. Вѣроятно, вы мнѣ не довѣряете. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только быть съ вами откровеннымъ. Я не Григорій Степановъ, а чиновникъ с.-петербургской сыскной полиціи Ивановъ. Вотъ моя служебная карточка.

— Это другое дѣло. Очень пріятно познакомиться. Я долженъ передать вамъ вотъ эту телеграмму.

Ивановъ быстро взялъ телеграмму и вскрылъ ее.

— Шифрованная,—замѣтилъ онъ.

— Поэтому-то я и опасался сразу передать ее вамъ. У васъ, вѣдь, шифръ есть?

— Конечно. До свиданья.

«Сейчасъ же отправляйтесь въ Астрахань,—телеграфировали Иванову изъ департамента полиціи,—разыщите Александра Ивановича Шелепугу, возьмите у него машину и вмѣстѣ съ нимъ и машиной отправляйтесь въ Царицынъ, гдѣ получите новую инструкцію. Сдѣлать тихо и секретно одному. Къ помощи мѣстной полиціи не прибѣгать».

— Благодарю покорно!—пропѣлъ Ивановъ, разобравъ шифръ.— Ну, дѣлать нечего. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Полетимъ въ Астрахань, а оттуда, можетъ быть, на воздухъ. Чортъ его знаетъ, какая тамъ машина! Не швейная же. Ну, и порученіе! Благодарю!—пропѣлъ опять Ивановъ и сѣлъ на пароходъ, отправляющійся въ Астрахань.

Вотъ и Астрахань.

— Скажите пожалуйста, гдѣ тутъ живетъ Александръ Ивановичъ Шелепуга?—спросилъ Ивановъ у лакея въ гостиницѣ, въ которой онъ остановился.

— Шелепуга? Въ концѣ города, на такой-то улицѣ, въ собственномъ домѣ.

«Удивительный городъ!—думалъ Ивановъ, отправляясь на поиски Шелепуги.—Повидимому, здѣсь всѣ знаютъ другъ друга. Не сказалъ я ни званія, ни общественнаго положенія Шелепуги,—и вдругъ, такъ просто: на такой-то улицѣ, въ собственномъ домѣ. Да, кто же, однако, онъ такой?! И что это за машина?»

Разспрашивая встрѣчныхъ, Ивановъ добрался до выходящаго въ поле, одиноко стоящаго, небольшого деревяннаго, чистенькаго домика съ садомъ. На дворѣ никого не было. Калитка была заперта. Ивановъ постучалъ.

— Кого вамъ нужно?—раздался старушечій голосъ.

— Александръ Ивановичъ Шелепуга здѣсь живетъ?

— Здѣсь. А вамъ что надо?

— Повидать его надо.

— Сейчасъ.

Къ воротамъ подошла высокая, сухая старуха въ платкѣ и отворила калитку.

— Да вамъ зачѣмъ? Кто вы такой?

— Я пріѣзжій. Явился къ Шелепугѣ передать порученіе отъ его товарища,—вралъ Ивановъ.

— А, отъ товарища! Хорошо. Пожалуйста.

Ивановъ отправился вслѣдъ за старухой. Черезъ темную переднюю вошли они въ комнату, въ которой стояло нѣсколько простыхъ стульевъ и три стола. Всѣ столы были загромождены инструментами, какими-то металлическими частями, повидимому, отъ машинъ, и картонной бумагой въ сверткахъ. Тутъ же стоялъ слесарный и токарный станокъ. На стѣнахъ были развѣшаны инстру-

менты. За однимъ изъ столовъ сидѣлъ въ халатѣ и туфляхъ плотный, высокаго роста мужчина, лѣтъ сорока пяти, и что-то чертилъ

— Вотъ пришелъ кто-то. Говорить, отъ товарища,—проговорила старуха и ушла въ другую комнату.

— Съ кѣмъ имѣю честь? Что вамъ угодно?—вѣжливо спросилъ Шелепуга, вставъ со стула.

— Я имѣю къ вамъ секретное порученіе. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами откровенно наединѣ, — такъ, чтобы насъ никто не слышалъ и не зналъ бы о нашемъ разговорѣ.

— Секретно. Превосходно. Догадываюсь. Сейчасъ устроимъ.

Хозяинъ подошелъ къ двери, въ которую скрылась старуха, и плотно притворилъ ее.

— Ну-съ, теперъ къ дѣлу. Такъ, значить, вы приѣхали за этимъ?—спросилъ Шелепуга, указывая на небольшой, стоящій на столѣ ящичекъ.—За машиной?

— Да, за машиной.

Шелепуга нахмурился. Ивановъ замѣтилъ это и, желая сгладить непріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Шелепугу своимъ появленіемъ, началъ говорить мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Долженъ вамъ пояснить,—началъ онъ:—что я ничего не знаю. Я получилъ предписаніе отправиться къ вамъ и получить машину. На какомъ же основаніи, почему, зачѣмъ и какую именно машину, я рѣшительно не знаю и недоумѣваю.

— Это адская машина.

Сказавъ это, Шелепуга направился къ столу. Иванову стало жутко.

— Вы не шутите?

— Нисколько. Хотите, я вамъ покажу.

— Пожалуйста,—унавшимъ голосомъ проговорилъ Ивановъ.

— Ящичекъ небольшой, а можетъ взорвать весь домъ. Если бы сейчасъ произошелъ взрывъ, отъ насъ съ вами и слѣда бы не осталось,—объяснялъ Шелепуга.—Вотъ здѣсь внизу ящичка лежитъ динамитъ. Надъ нимъ приспособленъ особенный аппаратъ, а вверху часовой механизмъ. Стоитъ только поставить стрѣлку на извѣстный часъ или, вѣрнѣе, минуту, завести механизмъ, и дѣло готово. Въ извѣстный моментъ произойдетъ взрывъ. Не правда ли, удивительное приспособленіе? Я, вѣдь, изобрѣтатель. У меня много изобрѣтеній, но я пока никому ихъ не открываю. Есть у меня револьверъ-нагайка, есть... Много, говорю, у меня есть замѣчательныхъ вещей, но, повторяю, пока держу ихъ въ секретѣ. Эта же машина верхъ совершенства. Хотите, я покажу вамъ, какъ она заводится?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно... потомъ. И какъ это вы не боитесь держать такую машину здѣсь, на столѣ. Кто-нибудь толкнетъ, и... сами вы говорите,—все взлетитъ на воздухъ.

— Да у меня и толкнуть некому. Я живу безъ прислуги, вдвоемъ съ матушкой.

Упомянувъ о матери, Шелепуга сразу смягчился. Его лицо перемѣнило выраженіе, вмѣсто суроваго и хмураго стало добрымъ.

— Старушка, которую вы видѣли, моя мать. Пожалуйста, говорите потише. Она ничего не знаетъ. Не нужно тревожить старушку.

— А часы развѣ не могутъ какъ-нибудь сами пойти?

— Я это предусмотрѣлъ. Видите ли, часы съ частью механизма привинчиваются сверху. Если ихъ отвинтить, никакой опасности не будетъ. У меня они всегда отвинчены. Я ихъ только сегодня привинтилъ, потому что собирался съ машиной въ дорогу.

— А легко отвинчивается механизмъ? Можете сейчасъ отвинтить?

— Очень легко. Сейчасъ покажу вамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ часы съ приспособленіями были въ рукахъ Шелепуги.

— Очень интересно. Можно ихъ посмотрѣть?

— Пожалуйста.

Ивановъ сталъ внимательно разсматривать часы. Замѣтивъ, что хозяинъ занялся свертываніемъ своего чертежа, онъ сунулъ часы въ карманъ. «Теперь ближайшая опасность устранена», размышлялъ Ивановъ.

— Такимъ образомъ,—спокойно обратился онъ къ хозяину:—мы съ вами возьмемъ съ собой машину и поѣдемъ.

— То есть, какъ это — мы съ вами? Я вамъ добровольно отдаю машину и поѣдете съ нею вы, а не я. Теперь я нигуда не поѣду. Думалъ было поѣхать, но не пришлось. Ничего не подѣлаешь! Какимъ-то образомъ узнали о моемъ намѣреніи и, какъ вы знаете, предприняли всѣ мѣры предосторожности. Что дѣлать?! Приходится отдать машину. Но это ничего! Онъ отъ меня не уйдетъ! Изобрѣту что-либо другое и... Вдвоемъ намъ тѣсно жить на свѣтѣ. Либо я, либо онъ!..

— Извините, я, вѣдь, вамъ уже говорилъ, что я рѣшительно ничего не знаю по вашему дѣлу и поэтому я не понимаю, о комъ вы говорите. Если это не секретъ и если вы будете такъ любезны, что окажете мнѣ довѣріе, — вы расскажете мнѣ о всемъ дорогой.

— Вы меня хотите арестовать?—съ угрозой въ голосѣ спросилъ Шелепуга.

— Сохрани Боже! и не думаю. Если бы рѣчь шла объ арестѣ, я явился бы съ полиціей.

— Которую я и на порогъ не допустилъ бы!

— Какъ вы видите, пришелъ я къ вамъ одинъ и говорю съ вами откровенно.

— Куда вы хотите везти меня?

— Я приглашаю васъ, прошу васъ проѣхать со мною только до Царицына. Дорогою вы мнѣ расскажете о вашемъ дѣлѣ. Мнѣ очень интересно знать.

— Дайте мнѣ честное слово, что только до Царицына.

— Даю честное слово, что я ѣду съ вами только до Царицына.

— Вѣрю. Ѣхать когда думаете?

— Сейчасъ же.

— Превосходно. По военному. Я это люблю. Сейчасъ буду готовъ. Переодѣнусь.

Шелепуга направился къ дверямъ. Вдругъ онъ остановился.

— Матушка! бѣдная матушка!—проговорилъ онъ.—Слушайте, что я вамъ скажу. Вы ничего не должны говорить моей матери. Я скажу ей, что передаю вамъ одно изобрѣтеніе и провожаю васъ только до пристани. Поняли!? Прошу исполнить въ точности. Все, что касается меня, я могу простить. Если же кто осмѣлится огорчить мою мать!..

Шелепуга не договорилъ, сдѣлавъ страшное лицо и сжалъ кулаки. Простоявъ немного на мѣстѣ, онъ скрылся.

«У, какой онъ сталъ страшный! У него что-то такое есть. Повидимому, какъ почти все изобрѣтатели, ненормаленъ. Слава Богу, пока все идетъ благополучно. Вижу только я, что противорѣчить ему невозможно. Вспылить,—тогда все пропало. И кого это онъ хотѣлъ взорвать?» раздумывалъ Ивановъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ въ сопровожденіи старухи показался есаулъ въ казачьей формѣ. Ивановъ, присѣвшій было на стулѣ, приподнялся.

— Ну, вотъ я и готовъ,—сказалъ есаулъ Шелепуга.

— Какъ! это вы? Я было и не узналъ...—началъ Ивановъ.

Шелепуга грозно сдвинулъ брови. Ивановъ замолчалъ. Старуха подозрительно посмотрѣла на Иванова.

— Вы куда ѣдете?—спросила она.

— Я ѣду въ Царицынъ по дѣламъ?

— А сынъ?

— Никуда, вѣроятно. Обѣщалъ проводить меня до пристани.

— Смотрите у меня! Грѣхъ вамъ будетъ, если что-нибудь злое умышляете.

— Матушка, перекрестите меня и успокойтесь. Я тоже по дѣламъ.

Старуха вздохнула, перекрестила сына и, подперевъ щеку рукой, устала опять на Иванова.

— Пойдемте,—предложилъ Шелепуга.

Ивановъ отвѣсилъ поклонъ старухѣ, взявъ осторожно машинку и быстро вышелъ вмѣстѣ съ Шелепугой. Шли молча. Шелепуга былъ мраченъ и задумчивъ. Ивановъ только поглядывалъ на него, боясь, какъ бы Шелепуга не раздумалъ ѣхать. Когда вышли на

людныя улицы, многіе изъ встрѣчавшихся жителей раскланивались съ есауломъ. Солдаты вытягивались и отдавали честь.

«Теперь я понимаю, — размышлялъ Ивановъ: — почему дѣло окружили такою таинственностью. Здѣсь его всѣ знаютъ. Повидимому, онъ пользуется уваженіемъ. При попыткѣ арестовать, пожалуй, казаки заступились бы. Скандаль могъ выйти большой. А если бы вздумалъ сопротивляться?! Съ динамитомъ еще!.. Однако, и будетъ же мнѣ возни съ этой шкатулкой! Еще нечаянно толкнешь какъ-нибудь. Взлетишь, вѣдь!..»

Подойдя къ гостиницѣ, Ивановъ попросилъ Шелепугу зайти на короткое время и обождать его, пока онъ уложитъ вещи. Шелепуга согласился, сказавъ, что будетъ ждать его въ буфетѣ.

Пароходъ отходилъ черезъ часъ. Ивановъ воспользовался этимъ временемъ и успѣлъ составить и отправить въ Петербургъ шифрованную депешу о томъ, что онъ выѣзжаетъ въ Царицынъ съ Шелепугой и машиной.

Съ чемоданомъ въ одной рукѣ и машиной въ другой Ивановъ взошелъ на пароходъ и занялъ отдѣльную каюту. Помѣстившись въ ней, Ивановъ вышелъ на палубу, гдѣ его ждалъ Шелепуга, и показалъ ему билеты до Царицына.

— Теперь вѣрю.

— Пойдемте въ каюту. Вы мнѣ расскажете о дѣлѣ. Меня оно очень интересуетъ.

— А вы пьете?

— Нѣтъ, не пью.

— Въ такомъ случаѣ я не ѣду.

— Какъ не ѣдете!? Вы, вѣдь, обѣщали.

— А теперь раздумалъ. Если будете пить со мною всю дорогу до Царицына, поѣду. Не будете— не поѣду.

— Хотя я никогда не пью,—здоровье не позволяетъ,—но мнѣ такъ хочется услышать вашъ рассказъ, что я сдѣлаю для васъ исключеніе. Буду пить.

— Превосходно. Идемъ начинать.

Ивановъ потребовалъ подать закуску и заказалъ обѣдъ. Шелепуга же водку и красное вино.

Закусили, выпили и потомъ пообѣдали и продолжали пить красное вино. Говорили объ Астрахани, о Волгѣ, о рыбной ловлѣ.

— Не начнете ли вы свой рассказъ?—рѣшился, наконецъ, сказать Ивановъ.—Я прошу васъ объ этомъ потому, что опьянѣлъ и скоро не въ состояніи буду понять что-нибудь.

— Ну, нѣтъ! Такъ отъ меня не отдѣлаетесь. Мы только что начали пить и пить будемъ до Царицына. Иначе я не ѣду. Пароходъ, вѣдь, не отошелъ еще. А если бы и пошелъ,—сѣѣду. У меня тутъ всѣ знакомы. Меня каждая собака знаетъ. Свезутъ на лодочкѣ въ любую станицу.

— Да я, какъ видите, пить не отказываюсь. Помилуйте! Только я боюсь потерять сознание. Меня же очень интересуетъ ваше дѣло.

— Извольте, расскажу. Имѣйте въ виду, что только ради васъ лично. Вижу, что вы порядочный человѣкъ, спокойный, скромный, обходительный и умный. Вы меня поймете. Вы мнѣ понравились, и поэтому только я и ѣду съ вами. Съ другимъ я не поѣхалъ бы. Дѣлай со мной, что хочешь,—а я такъ бы и не поѣхалъ!

— Благодарю васъ. Я слушаю.

— Начинаю. Къ несчастью, а можетъ быть и къ счастью,—кто это знаетъ!—но я человѣкъ со страстями. Если заниматься только однимъ дѣломъ, будетъ скучно. Отъ моихъ же изобрѣтеній, отъ этихъ сложныхъ вычисленій можно и съ ума сойти. Поэтому я и развлекаюсь. Люблю и вино и женщинъ. Впрочемъ, здѣсь нужна поправка. Что касается вина, любилъ его всегда, люблю теперь и буду любить. Шибко пилъ и теперь люблю выпить, какъ слѣдуетъ. Пить, такъ ужъ пить такъ, чтобы небо съ овчинку показалось. Выпьемъ!

Чокнулись и выпили.

— Теперь относительно женщинъ. Любилъ ихъ очень, и много; а теперь одну. Поняли? Одну, только одну! И она будетъ моя, чортъ возьми! Хотя бы пришлось взорвать на воздухъ весь мiръ, а она будетъ моя, говорю вамъ!..—закричалъ яростно Шелепуга и хватилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что и стаканы и бутылки полетѣли на полъ.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — заволновался Ивановъ. — Конечно, будетъ ваша. Разумѣется, она ваша. Она никогда не оставитъ васъ.

— А онъ! Онъ смѣетъ сопротивляться!.. Онъ смѣетъ жаловаться!.. Съ лица земли сотру!!..

— Знаете что, есаулъ?! — перебилъ его Ивановъ. — Не выпьемъ ли съ вами за его гибель коньяку?

— Вотъ молодчина! А я еще сомнѣвался. Вижу, что вы становитесь настоящимъ человѣкомъ. Нужно признаться, что вы попали въ хорошія руки. Никто такъ не умѣетъ пить, какъ я. И я выучу васъ пить. Коньяку! Живо! — крикнулъ онъ подбиравшему на полу осколки стекла лакею.

— И кофе,—добавилъ Ивановъ.

«Однако, пожалуй, хватить еще шашкой, зарубить! — размышлялъ Ивановъ. — Бѣшенный. Не буду больше напоминать ему объ этомъ дѣлѣ. Все равно въ Петербургъ узнаю. Заговорю опять о рыбной ловлѣ и постараюсь напоить его. Добратся бы только до Царицына. Ну, и порученіе!»

Пароходъ между тѣмъ отошелъ отъ пристани и двинулся въ путь. Подали кофе и коньякъ. Выпили.

— А много здѣсь добываютъ икры?—спросилъ Ивановъ.

— Какая тамъ икра! Вздоръ мелете, почтеннѣйшій. Мы не объ икрѣ говорили. Что я его въ эту самую икру превращу, такъ это вѣрно.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Вамъ это непріятно. Вы волнуетесь. Здѣсь же посторонняя публика. Мало ли что могутъ подумать. Между тѣмъ вы знаете и сами говорили мнѣ, что хотите устроить все секретно.

— Правду изволите говорить. Выпьемъ по рюмочкѣ, и я продолжу разказъ. Я желаю вамъ разказать все откровенно.

Выпили еще по рюмкѣ. Какъ ни былъ крѣпокъ и силенъ Ивановъ, онъ чувствовалъ, что у него начинается сильно шумѣть въ головѣ.

Есаулъ же, повидимому, только входилъ во вкусъ питья.

— Я встрѣтился въ обществѣ съ женщиной, съ настоящей женщиной, и въ первый разъ въ жизни влюбился,—успокоившись немного, началъ разказъ есаулъ.—Я привыкъ покорять женщинъ. Смотрѣлъ на нихъ свысока. Цѣнилъ ихъ деньгами. А здѣсь... я спасовалъ, преклонился передъ нею. Другой нѣтъ такой на свѣтѣ! И красива, и умна, и какъ-то по неземному нѣжна. Ее обидѣть нельзя. Ея нѣжный, ангельскій взглядъ укротитъ кого угодно. Каждый упадетъ передъ ней на колѣни. Чѣмъ чаще я сталъ видѣть ее, тѣмъ сильнѣй и сильнѣй разгоралась моя страсть. Наконецъ, я созналъ, что не могу жить безъ нея. И вдругъ мужъ... Къ несчастью, она замужемъ!.. Замѣтилъ ли мужъ что-нибудь, сказалъ ли кто-нибудь ему о моей страсти, не знаю, но меня въ одинъ прекрасный день велѣли не принимать!.. меня!.. Я послалъ вызовъ на дуэль. Въмѣсто отвѣта меня попросили выѣхать изъ Петербурга. Надо вамъ сказать, что онъ высокопоставленное лицо. Я долженъ былъ уѣхать. Тогда я далъ клятву его убить и на ней жениться...

— Извините меня, пожалуйста, что я васъ перебиваю. Я хочу у васъ спросить: есть ли у нея дѣти?

— Дѣти?! Кажется, есть. Должно быть, двое или трое.

— И, несмотря на это, она все-таки соглашается развестись съ мужемъ?

— Этого я не знаю. Я ее объ этомъ не спрашивалъ. Я не думалъ объ этомъ. Я ни о чемъ не думалъ. Поймите меня! Въ то время, когда у меня клокотала страсть, затемняющая все остальное, я при встрѣчѣ съ нею терялся, не могъ говорить. Я впивался въ нее глазами и молчалъ. Какъ я могъ заикнуться о моей любви! Она, вѣдь, какъ я вамъ уже говорилъ, не такая, какъ другія. Другія?! За меня съ радостью выйдетъ любая другая. Я не уродъ, не бѣденъ и буду колоссально богатъ, когда продамъ мои изобрѣтенія... Но она должна будетъ согласиться быть моею и будетъ!..

— Конечно, будетъ.

— Разумѣется... Продолжаю рассказъ. Возвратившись домой, въ Астрахань, я сначала съ горя долго пилъ, а потомъ избобрѣлъ эту машину. Планъ у меня созрѣлъ такой: прослѣдить мужа на вокзалъ, сѣсть съ нимъ въ одинъ и тотъ же поѣздъ, дорогой завести машину и поставить въ его отдѣленіи. Дорогой въ извѣстный моментъ раздастся взрывъ, и онъ взлетаетъ на воздухъ...

— Въ такомъ случаѣ погибли бы, вѣдь, и вы.

— Нѣтъ, я бы спасся. А если бы не удалось, что дѣлать. Судьба!

— Но при крушеніи поѣзда погибло бы много народа.

— А мнѣ какое дѣло! Готовъ перекалѣчить, убить тысячи, готовъ взорвать весь міръ, лишь бы она была моею!—закричалъ есауль.

Въ это время пароходъ остановился у одной изъ пристаней. Ивановъ попросилъ позволенія выйти на палубу и взглянуть на публику.

Въ числѣ новыхъ взошедшихъ на пароходъ пассажировъ былъ діаконъ, такого же богатырскаго сложенія, какъ и Шеленуга. Ивановъ, хотя и былъ уже пьянъ, но могъ еще размышлять. Взглянувъ на лицо и сизый носъ діакона, онъ сообразилъ сразу, что онъ можетъ его выручить. Онъ подошелъ къ нему, поговорилъ немного и предложилъ выпить. Діаконъ согласился. Ивановъ сейчасъ же свелъ его въ каюту и представилъ Шеленугѣ. Послѣ первыхъ же словъ они заговорили по-малороссійски. Ивановъ позвалъ слугу, приказалъ ему подавать все, что бы ни потребовали, и, пользуясь тѣмъ, что новые знакомые вступили въ оживленный разговоръ, поспѣшилъ уйти въ отдѣльную каюту, гдѣ, не раздѣваясь, повалился на диванъ и уснулъ мертвымъ сномъ. Проснулся онъ только подъ утро. Шеленуга съ діакономъ пѣли малороссійскія пѣсни.

Добравшись до Царицына, Ивановъ пригласилъ Шеленугу въ гостиницу, приказалъ приготовить завтракъ и сейчасъ же отправился въ телеграфное отдѣленіе. Тамъ ждала его слѣдующая телеграмма: «Машину и Шеленугу сдайте начальнику царицынскаго жандармскаго управленія. Ваше порученіе кончено».

Ивановъ радостно вздохнулъ полною грудью, быстро направился домой, позавтракалъ съ Шеленугой и уговорилъ его, хотя и не безъ труда, захватить съ нимъ къ жандармскому полковнику.

Въ жандармскомъ управленіи Ивановъ немедленно былъ принятъ.

— Наконѣцъ-то вы явились,— встрѣтилъ его начальникъ управленія.—Мы васъ давно ждемъ. Гдѣ машина?

— Вотъ она. Извольте получить.

— А есауль Шеленуга?

— Въ пріемной.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ до свиданья. Ваша миссія кончена.

Хотя Иванову и показалось немного обиднымъ, что съ нимъ не хотять поговорить, не хотять спросить, какимъ образомъ ему удалось добыть и адскую машину и доставить самого изобрѣтателя, но онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ отъ непривычной попойки, только и думалъ объ отдыхѣ и поэтому, не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ.

Возвратившись въ гостиницу и узнавъ, что поѣздъ отойдетъ еще часа черезъ четыре, Ивановъ легъ спать, приказавъ разбудить себя за часъ до отхода поѣзда. Однако спать ему не удалось. Не прошло и получаса, какъ за нимъ пріѣхали изъ жандармскаго управленія съ просьбою немедленно отправиться туда. «Неужели опять новая телеграмма? Вѣдь мое порученіе кончено», раздумывалъ Ивановъ.

— Очень вамъ благодаренъ, что вы пріѣхали,—сказалъ ему полковникъ.—Долженъ вамъ сообщить, что мы не можемъ справиться съ Шелепугой. Это сумасшедшій. Онъ буйствуетъ и не хочетъ ѣхать. Между тѣмъ мы получили приказаніе отправить его въ Петербургъ. Кричитъ, что вы дали ему честное слово, что онъ доѣдетъ только до Царицына. Пожалуйста, уговорите его какъ-нибудь, успокойте. Вѣдь сумѣли же вы его доставить сюда. Въ Петербургъ онъ долженъ быть доставленъ. Это очень важный политическій преступникъ. Извините, что я вамъ не рассказываю подробностей, но я этого сдѣлать не могу, потому что дѣло очень секретное.

— Я знаю все.

— Вы знаете?! Въ такомъ случаѣ будьте любезны, расскажите мнѣ. Сознаюсь откровенно,—я ничего не знаю.—Имѣю только секретную телеграмму принять отъ васъ машину и Шелепугу доставить немедленно подъ конвоемъ въ Петербургъ. Въ чемъ обвиняется, не знаю.

Ивановъ рассказалъ все, что слышалъ отъ Шелепуги.

— Вотъ оно что! Несомнѣнно, сумасшедшій. Я такъ и думалъ. Ну, и будетъ же возня съ нимъ! Пожалуйста, помогите намъ. Поговорите съ нимъ.

Ивановъ вошелъ съ полковникомъ въ охраняемую вооруженными жандармами комнату, гдѣ помѣщался Шелепуга. Едва Шелепуга слышалъ ихъ шаги, какъ закричалъ: «вонъ! никого не хочу видѣть!»

— Да это я, есаулъ.

— А, вы! Васъ-то мнѣ и надо. Не угодно ли отвѣтить, гдѣ ваше честное слово?!

— Извольте. Только прошу выслушать меня спокойно и быть справедливымъ. Я вамъ далъ честное слово, что я съ вами до-

ѣду только до Царицына. Мы пріѣхали сюда, и я больше никуда съ вами не поѣду. Я сдержалъ слово, какъ видите. Сейчасъ я уѣзжаю въ Петербургъ, а васъ оставляю здѣсь. Почему же я не сдержалъ своего слова.

— Изворачиваетесь, милостивый государь! Хитрости! Притворяетесь, что ничего не знаете.

— Клянусь вамъ, что мнѣ ничего не было извѣстно раньше.

— А теперь знаете?

— Кое-что знаю.

— Вамъ я вѣрю. Только вамъ одному. Господинъ полковникъ. прошу васъ, оставьте насъ вдвоемъ. Мнѣ нужно поговорить по секрету.

Полковникъ ушелъ.

— Скажите мнѣ, что хотятъ дѣлать со мной. Объясните, куда хотятъ меня отправить. Я спрашивалъ,— мнѣ не говорятъ. Твердятъ, что секретъ. Куда-то везти хотятъ. Куда? Зачѣмъ? Я хочу знать.

Ивановъ сѣлъ рядомъ съ есауломъ и началъ его успокаивать.

— Послушайте,—говорилъ онъ:—я съ вами буду совершенно откровененъ. Вашего дѣла я не зналъ и знаю теперь только то, что вы мнѣ рассказали. Не угодно ли вамъ прочесть телеграммы, которыя я получилъ. Изъ содержанія ихъ вы теперь убѣдились, что я сдержалъ данное вамъ честное слово, такъ какъ имѣлъ порученіе доставить васъ только до Царицына. Теперь дальнѣйшія инструкціи идутъ къ жандармскому полковнику. Все-таки могу вамъ сообщить кое-что, о чемъ узналъ случайно. Здѣсь вашего дѣла не знаютъ и поэтому и папускаютъ на себя таинственность. Имъ дано порученіе доставить васъ въ Петербургъ.

— Не поѣду!

— Очень возможно, что и въ Петербургѣ тоже не знаютъ подробностей вашего дѣла и, не желая разглашать чужой, интимной тайны, хотятъ лично васъ выслушать.

— Не поѣду!

— А я, на вашемъ мѣстѣ, поѣхалъ бы. Вѣдь она-то тамъ, въ Петербургѣ. Возможно, что увидите съ ней, объяснитесь.

Шелепуга задумался.

— Спасибо за совѣтъ. Конечно, теперь она тамъ. Ради ея готовъ на смертную казнь. Увидѣтъ и умереть! Поѣду. Только поѣду я не иначе, какъ съ вами.

— Извините, есаулъ,— не могу. Я хочу сдержать свое слово.

— Освобождаю васъ отъ даннаго мнѣ слова. Теперь вы ѣдете по моей просьбѣ.

Ивановъ съ Шелепугой помѣстились въ отдѣльномъ купе. Въ сосѣднемъ ѣхали жандармскій офицеръ съ двумя унтеръ-офицерами. Дорогой Шелепуга или пилъ, или спалъ и не выходилъ изъ вагона.

— Слава Богу! конецъ моимъ скитаніямъ,—весело проговорилъ Ивановъ, выскочивъ изъ вагона на вокзалѣ въ Петербургѣ, и отправился домой. Не успѣлъ еще онъ выпить стакана чаю, какъ его потребовали къ начальнику сыскной полиціи.

— Честь имѣю явиться, господинъ начальникъ. Порученіе исполнено благополучно...—началь Ивановъ.

— Знаю, знаю,—перебилъ его начальникъ.—Мнѣ все извѣстно. Вы такъ обворожили Шелепугу, что онъ безъ васъ не можетъ двинуться съ мѣста. Поэтому потрудитесь сейчасъ же отправиться на вокзалъ и доставьте оттуда Шелепугу въ департаментъ полиціи. Безъ васъ онъ не желаетъ ѣхать. Буйствуетъ. Итакъ, до свиданія. Отправляйтесь!

«Когда же будетъ конецъ этому пренепріятному безконечному порученію, отъ котораго никакъ не могу отдѣлаться», говорилъ самъ съ собой Ивановъ дорогою на вокзалъ.

Шелепуга былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Ивановъ такъ быстро оставилъ его, даже не попрощавшись съ нимъ. Иванову стоило немало труда успокоить его опять и уговорить поѣхать съ нимъ въ департаментъ полиціи. Тамъ Ивановъ сдалъ Шелепугу доктору и больше его уже никогда не видѣлъ. Слышалъ онъ только впоследствии, что Шелепуга впалъ въ буйное помѣшательство и умеръ въ больницѣ.

Чулицкій.

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ САТИРЫ НА КЛИРЬ.

О ПЕТРА Великаго у насъ существовала только народная скоморошеская сатира на клиръ. Другой не было, если не считать нѣсколько «шутокъ» царя Ивана Грознаго. Антицерковническая скоморошина, конечно, преслѣдовалась, временами даже очень сурово. Впрочемъ, это и понятно: занимая высокое положеніе въ странѣ, духовенство не могло благодушно сносить насмѣшки надъ собою, умалявшія его достоинство, подрывавшія авторитетъ; на скомороховъ частенько обрушивались клерикальные громы—проклятія; не скупились также для нихъ и на земные перуны—запреты и кары. Борьба ведется при этомъ очень настойчиво скоморохамъ уже въ XVI в. угрожаетъ полное истребленіе. Клиръ энергически совѣтуетъ, на примѣръ, царю Ивану Грозному непремѣнно извести эту «погань», издать объ этомъ соотвѣтствующее повелѣніе. Но скоморохи все-таки тогда уцѣлѣли—Грозный не внялъ аскетическому совѣту. Вообще, они долгое время, вплоть до царствованія Алексѣя Михайловича, обнаруживаютъ чрезвычайную живучесть, даже и при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Причина этого заключалась въ необыкновенной популярности скоморошества у насъ на Руси. На скоморошій «товаръ» здѣсь всегда былъ хорошій спросъ, причемъ и антиклерикальные выходки не составляли исключенія.

На ряду съ другими, на это у насъ есть вѣское свидѣтельство первой половины XVI вѣка: это свидѣтельство современника—митрополита Даниила, по словамъ котораго русскіе въ его время

очень любили поглумиться надъ клиромъ, «кощуны глаголющихъ со мноюю сладостью послушающе»; и между этими слушателями были даже «нѣци отъ священныхъ», — вотъ до чего доходило увлеченіе скоморошьей антицерковнической бѣсовщиной. Не сторонился отъ этого грѣха и первый царь московскій — Иванъ Грозный, котораго клиръ постоянно уговаривалъ разорить до конца всю скоморошину. Нерѣдко мы видимъ его за такими же «кощунными забавами», и притомъ далеко не въ предѣлахъ умѣренности и приличія. Рѣзкіе, крутые переходы царя отъ аскетическихъ упражненій, которымъ онъ, въ качествѣ «игумна» опричниковъ, обычно предавался по временамъ съ опричиною, въ другую крайность—къ скоморошескимъ проказамъ, — фактъ общеизвѣстный. Отъ аскетическихъ «дѣлъ» его вдругъ тянуло къ необузданному веселью, къ непристойнымъ пѣснямъ и пляскамъ съ скоморохами и «кромѣшниками», къ «кощунамъ». И начиналось безшабашное глумленіе надъ тѣмъ, что почиталось современниками священнымъ, чего и сами профессиональные «глумотворцы»-скоморохи касались съ оглядкой. Царь не могъ удержаться—такова была ужъ его живая натура. Къ «ангельскому чину», къ инокамъ, напимѣръ, онъ питалъ нѣкоторое уваженіе, даже самъ неоднократно собирался оставить міръ и постричься. Это, однакожь, нисколько не мѣшало ему порою зло смѣяться надъ иноками, угощать ихъ намеками, полными явной насмѣшки. Примѣръ—ѣдкая шутка его надъ братіей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Грозный сдѣлалъ этой братіи очень двусмысленный подарокъ—пожаловалъ золотую братину съ изображеніемъ нагихъ женщинъ ¹⁾. Кажется, кромѣ Грознаго, никому еще изъ вѣнценосцевъ не приходило въ голову дѣлать такіе странные подарки отшельникамъ. Еще откровеннѣе было публичное глумленіе царя надъ монашествомъ на свадьбѣ царской племянницы Маріи Владимировны съ несчастнымъ «королемъ» Магнусомъ. Здѣсь Грозный самъ вмѣстѣ съ «молодыми иноками» увеселялъ нѣмцевъ безстыдными плясками и пѣснями, позоря, такимъ образомъ, иноческій чинъ; правда, въ роли иноковъ тутъ выступали не настоящіе монахи, а дворцовые пѣвчіе, одѣтые по-монашески, но все же и этимъ пѣвчимъ въ ихъ «смирныхъ одеждахъ» совѣмъ была не къ лицу непристойная скоморошина, устроенная царемъ.

¹⁾ Въ «глумахъ» надъ духовенствомъ нашъ «гнѣвъ вѣнчаный», случалось переходилъ всякія границы. Поступокъ его, въ этомъ отношеніи, съ опальнымъ митрополитомъ Филиппомъ — верхъ непристойности: по волѣ царя, опричники ворвались въ алтарь, сорвали съ митрополита святительскую одежду, затѣмъ, издѣваясь надъ беззащитнымъ святителемъ, выгнали его метлами изъ церкви,— это ужъ такая грубая скоморошина, подобія которой и въ нашей исторіи, вообще богатой неожиданностями, не подыщешь.

Первые два царя изъ Романовыхъ—Михаилъ и Алексѣй—оба по части «кощунъ» нисколько не походили на Грознаго. «Глузами» они не увлекались. Напротивъ, ко всякой скоморошинѣ относились враждебно и нанесли скоморошеству жестокіе удары. Въ особенности съ этой стороны прославился въ молодости царь Алексѣй ¹⁾: наше древнее скоморошье сословіе при немъ совершенно было уничтожено и навсегда сошло съ исторической сцены со всѣми своими «помраченными беззаконными дѣлами». Позже скоморошеству не удалось уже, по различнымъ причинамъ, вновь возродиться въ прежней своей силѣ, оно какъ бы кануло въ Лету безвозвратно; погибла въ значительной степени вмѣстѣ съ нимъ и наша антицерковническая народная сатира—«скоморошья глумы и кощуну». И потому теперь отъ этого, нѣкогда богатаго, отдѣла народной словесности сохранились лишь немногіе «перлы». Да и то преимущественно въ жалкихъ отрывкахъ, застрявшихъ въ народной памяти ²⁾. И только благодаря лишь особой счастливой случайности, до насъ дошло нѣсколько пьесъ въ болѣе или менѣе цѣльномъ видѣ; таковы, напримѣръ, любопытная скоморошья челобитня калязинскихъ монаховъ, записанная какимъ-то любителемъ еще въ XVII вѣкѣ и напечатанная затѣмъ, даже съ народною картинкою, при Екатеринѣ II, да съ десяткомъ разныхъ, чаще безобидныхъ, пѣсенокъ о монашествѣ, появившихся въ печати частью въ XVIII вѣкѣ, а частью лишь недавно.

Въ царствованіе Петра I въ судьбѣ нашей антиклерикальной сатиры совершается неожиданная, но счастливая для нея перемѣна. Недавно еще совершенно опальная, она вдругъ воскресаетъ при дворѣ и находитъ тамъ себѣ могущественную поддержку въ лицѣ самого царя, затмеваетъ собою и прежнюю скоморошину, и даже аналогичные подвиги Грознаго. Для сатирическихъ и юмористическихъ антицерковническихъ выходокъ Петромъ основывается особое учрежденіе—знаменитый всешутѣйшій соборъ, который, опираясь на державную волю своего основателя, «держалъ» нерѣдко на такіа дѣянія, на которыя ни одинъ смертный

¹⁾ Несмотря, впрочемъ, на искреннее благочестіе этого государя, въ его царствованіе мы видимъ въ придворныхъ кругахъ первыя грубыя «кощуну» надъ патриаршимъ саномъ. Царскій родственникъ, бояринъ С. Л. Стрѣшневъ, врагъ патриарха Никона, въ насмѣшку надъ нимъ, выучилъ свою собаку благословлять, подобно патриарху, «обѣручь», далъ ей кличку «Никонъ» и охотно показывалъ кощунственные «штуки» этой четвероногой проказницы своимъ знакомымъ. Никонъ проклялъ за это боярина-глумотворца. Тогда Стрѣшневъ, утраченный анаемой, смирился и поспѣшилъ испросить прощеніе у патриарха. Никонъ простилъ, а царь не подвергъ никакой карѣ своего родича-боярина за его непозволительно-грубый проступокъ, отголосокъ котораго доходилъ потомъ даже до собора, осудившаго Никона.

²⁾ Среди этихъ памятниковъ преобладаютъ такіе, которые и печати неудобны,

посягать не рѣшался. Дружеское сближеніе престола съ сатирой здѣсь происходитъ на утилитарной почвѣ—царь привлекаетъ, по своему обыкновенію, сатиру на государственную службу, на помощь себѣ въ борьбѣ съ мракобѣсіемъ, крѣпкимъ оплотомъ котораго являлось тогдашнее духовенство. Сатирическія стрѣлы пускались по адресу «большихъ бородъ», которыя при Петрѣ вообще обрѣтались не въ авантажѣ, обвинялись даже въ тунеядствѣ.

Всю жизнь свою царь велъ непримиримую борьбу «съ большими бородами» — и остался вѣренъ ей до конца своихъ дней. Еще въ 1722 году, незадолго до своей смерти, онъ пишетъ толкованіе на заповѣди, въ которомъ бичуются ханжество и лицемеріе—«закваска фарисейская». Здѣсь опять-таки больше всего достается «большимъ бородамъ» разныхъ степеней—церковникамъ-лицемѣрамъ. Ни одинъ мужъ, говоритъ царь, не допуститъ къ женѣ «незнакомца», но ханжа и тутъ вотрется, мужъ довѣрчиво его, «еще подъ руку принявъ, отведетъ (къ женѣ) для благословенія и пророчества, и, провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и наклоняется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына въ свояки себѣ принялъ». Ханжи и лицемеры вообще нарушаютъ всякія заповѣди, ничего не блюдутъ; сказано, напримеръ, не укради, а они крадутъ, «не токмо одною рукою, но духомъ и обоими все крадутъ». Мастера они также на своекорыстные вымыслы: «скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу, или въ иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню»; монастырю, конечно, безъ деревень нельзя, тунеядствовать не за чѣмъ,—выманятъ и деревни, увѣрятъ владыльцевъ, что такова-де воля небесъ, таковъ гласъ былъ слышенъ, и т. д.

Съ легкой руки царственнаго сатирика, шутки надъ клиромъ, хотя и въ болѣе скромной формѣ, продолжаютъ у насъ съ небольшими перерывами въ теченіе почти всего XVIII вѣка, въ особенности въ царствованіе Екатерины II: на путь обличенія клира въ это время выступаютъ и такія силы, какъ высокій церковный сановникъ Теофанъ Прокоповичъ и ученикъ его князь Кантемиръ. Даже при дворѣ императрицы Анны Ивановны распѣвается пѣсенка, въ которой, между прочимъ, выводятся дураки: попъ, дячокъ и поповичъ¹⁾.

Цѣль нашей статьи — дать краткій очеркъ этой сатирической словесности, какъ народной, такъ и придворной. Къ этому мы и переходимъ теперь.

¹⁾ И такая, довольно невинная, сатира не всегда у насъ позволялась: въ царствованіе Николая I, да и потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, въ сочиненіяхъ Пушкина, напримеръ, не разрѣшалось печатать заглавіе одной сказки «Попъ-Остолопъ», вмѣсто «попа» пришлось ставить «купецъ».

Начнемъ съ скоморошины, насколько она уже нашла себѣ мѣсто въ нашей печати.

Не станемъ, однакожь, здѣсь подробно останавливаться на упомянутой выше калязинской челобитнѣ, хотя, какъ памятникъ скоморошины, это едва ли не самый лучший и по свѣжести красокъ, и по времени записи (XVII вѣка); не станемъ потому, что о ней намъ еще придется говорить, когда будетъ рѣчь о сатиричѣ времянь Екатерины II. Для характеристики же антицерковнической скоморошьей словесности ограничимся пока лишь нѣкоторыми пѣснями, гдѣ «съ лукавой насмѣшливостью», свойственною веселымъ скоморохамъ, говорится о попахъ, а больше всего о «чернеческомъ чинѣ»—о монахахъ. Пѣсни эти наглядно уяснятъ намъ и причину постоянной враждебности нашихъ церковниковъ къ скоморошеству.

Собственно о бѣломъ духовенствѣ въ нашемъ «репертуарѣ» говорится мало—все тутъ ограничивается общей характеристикой поповъ, сдѣланной въ одной былинѣ по адресу богатыря Алеши Поповича. Товарищи большого богатыря Ильи Муромца «положили» было послать Алешу сразиться съ жидовиномъ-нахвалящикомъ. Но Муромецъ, не одобряя этого рѣшенія, въ отвѣтъ говорить: «Не ладно, ребятушки, удумали. Алеша роду поповскаго, а поповскія руки загребуція, глаза завидующіе»; увидитъ Алеша много золота-серебра на нахвалящикѣ, не сдержится, непременно позавидуетъ—и «погинетъ понапрасному».

И это почти все, что намъ извѣстно въ печати о бѣломъ клирѣ. Довольно богатая устная словесность на ту же тему, конечно, не идетъ въ счетъ: ею пользоваться намъ здѣсь не приходится.

Гораздо богаче печатная скоморошина про «иноческій чинъ»—больше, разумѣется, про его беззаконіе, необыкновенно, повидимому, усердно, а порой прямо-таки ѣдко и мѣтко обличавшееся скоморохами. Скоморохи освѣщали исключительно темныя стороны въ мірѣ этого «чина»—до свѣтлыхъ имъ, въ сущности, не было дѣла. Каждая сторона всегда была тутъ пристрастна въ сужденіяхъ о другой—и потому постоянно чернила эту другую, выставляя на показъ только тѣневыя ея стороны. Такъ ужъ изстари повелось, и скоморохи изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣрные традиціи своего сословія и веселому характеру скоморошества, соблюдали этотъ обычай свято, памятуя, «что скоморохъ попу не товарищъ», стало-быть—противникъ.

Послѣ этого нечего, конечно, удивляться тому, что объ «инокахъ», о разныхъ «старихахъ» и «старцахъ» наши «веселые» слагали и пѣли соблазнительныя вещи, въ родѣ:

При царѣ Давидѣ Евсѣевичѣ,
 При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
 Было беззаконство великое:
 Старицы по кельямъ—родильницы,

Чернцы по дорогамъ—разбойницы ¹⁾.
 У отца архимандрита было строгаго
 Братія была веселая,
 Погребя были глубокіе,
 Да запоры были крѣпкіе...

При пѣніи этой плясовой скоморошины—слѣпцы обыкновенно не только профанируютъ духовный напѣвъ, но и прямо, по замѣчанію покойнаго П. И. Якушкина, кощунствуютъ, глумятся. Такова ужъ, очевидно, древняя традиція.

Чаще всего въ нашей скоморошинѣ повѣствуется о неустойчивости «иноческа чина» предъ «великимъ соблазномъ», съ неизбѣжнымъ почти всегда паденіемъ подъ бременемъ «сладкихъ грѣховъ». «Древній врагъ» на эту удочку почти безъ промаха уловляетъ и «старцевъ», и «молодыхъ чернецовъ». Земная, ничѣмъ неискоренимая любовь къ этимъ «краснымъ дѣвкамъ», орудіямъ сатаны, невольно плѣняетъ помыслы даже «старцевъ», доводитъ ихъ до забвенія своихъ обѣтовъ. Въ результатѣ—полнѣйшій душевный разладъ, служеніе не иноческой, а совершенно другой цѣли. Одинъ, напримѣръ, старецъ поетъ:

Построю я келью съ дверью,
 Стану я Богу молиться:
 Чтобъ меня дѣвки любили,
 Крашенныя яйца носили.

Повѣсть о другомъ подобномъ же «строителѣ» еще забавнѣе:

Жилъ былъ старецъ одинъ наединѣ,
 Построилъ старецъ келью себѣ,
 Келью себѣ соломенную.
 Пошелъ старецъ съ ковшомъ за водой,
 Навстрѣчу старцу дѣвокъ хороводъ.
 Пошелъ старецъ скакати-плясать,
 Оглянулся назадъ—келья горить.

Пожаръ случился, повидимому, за старческое беззаконіе:

Много добра погорѣло въ той хороминѣ:
 Олжовые лапти, дубовые сапоги,
 Коробка съ табакомъ березовая.

Въ пѣснѣ «Какъ во городѣ было во Казани» ²⁾ разрабатывается обычный мотивъ—паденіе чернеца, разочаровавшагося въ своемъ «подвигѣ»; вотъ эта пѣсня:

¹⁾ Это—отрывокъ скоморошины: «Высота ли, высота поднебесная»—изъ сборника Кириши Данилова.

²⁾ Пѣсня эта до 1825 г. появлялась и въ печатныхъ сборникахъ, напримѣръ, была напечатана въ пѣсенникѣ Прача (1815 г.). При императорѣ Николаѣ I, однако, такая «словесность», какъ «соблазнъ», въ печати совсѣмъ не допущена.

Какъ во городѣ было во Казани,
 Задунаной, най, най, во Казани, ¹⁾
 Молодой чернецъ постригся.
 Захотѣлось чернецу погуляти
 Что за тѣ ли за святаы за ворота.
 За воротами бесѣдушка сидѣла.
 Какъ во этой ли во бесѣдѣ стары бабы,
 Ужъ какъ тутъ-то чернецъ не взглянетъ,
 Чернечице каблучице (клобукъ) принахлучить.
 Какъ во городѣ было во Казани
 Молодой чернецъ постригся.
 Захотѣлось чернецу погуляти
 Что за тѣ ли за святаы за ворота.
 За воротами бесѣдушка сидѣла.
 Какъ во этой ли во бесѣдѣ молодежи.
 Ужъ какъ тутъ чернецъ привзглянетъ,
 Чернечице каблучице приподниметь.
 Какъ во городѣ было во Казани
 Молодой чернецъ постригся.
 Захотѣлось чернецу погуляти
 Что за тѣ ли за святаы за ворота.
 За воротами бесѣдушка сидѣла:
 Какъ во той во бесѣдѣ красны дѣвки.
 Ужъ какъ тутъ чернецъ привзглянетъ,
 Чернечице каблучице долой сбросилъ:
 «Ты сгори, моя скучная келья!
 Пропади ты, мое черное платье!
 Ужъ какъ полно мнѣ, добру молодцу, спастись!
 Не пора ли мнѣ, добру молодцу, жениться?
 Что на душенькѣ, на красной на дѣвицѣ?»

Но тутъ еще съ полгоря—молодой чернецъ не устоялъ предъ искушеніемъ, сбросивъ «каблучице», рѣшилъ вернуться въ міръ, къ семейной жизни. А вотъ въ пьесѣ о «Боголюбовскомъ старцѣ»—совсѣмъ, можно сказать, другое дѣло; тамъ женолюбивый старецъ «Игримище» — самое названіе его (если не считать, что это искаженное «Пилигримище») уже говоритъ намъ, что это за человѣкъ,—похищаетъ дѣвушку-чернавушку и въ мѣшкѣ уноситъ прямо въ монастырь. Это ужъ будетъ куда «почище» поступка казанскаго чернеца. Повѣствованіе объ «Игримицѣ» (или «Игреницѣ»), появившееся въ печати, сколько вамъ извѣстно, лишь недавно ²⁾, раньше

лась. И потому Пушкинъ въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ» только вскользь упоминаетъ о нашей пѣснѣ. Въ сценѣ въ кормѣ чернецъ-бродяга Варлаамъ, скоморохъ по натурѣ, поетъ лишь начало: «Какъ во городѣ было во Казани, молодой чернецъ постригся». Дальше этого намека, повидимому, тогда нельзя было двинуться по чисто цензурнымъ соображеніямъ.

¹⁾ Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ послѣдняго его слова.

²⁾ Въ 1901 г. въ новомъ изданіи «Древнихъ стихотвореній» Кириши подъ редакціей Шеффера.

Судьба нашей пѣсни такова: Кириша Даниловъ внесъ ее въ свое собраніе «Древнихъ стихотвореній»—скоморошины, записанной, какъ полагаютъ, по за-

не могло быть напечатано за свой «насмѣшливый тонъ». Напечатанное впервые въ 1901 г. въ ученое издание, по цѣнѣ притомъ мало доступное публикѣ, оно, конечно, и теперь немногимъ лишь извѣстно; между тѣмъ «Игримище» — и по древности, и по содержанію — представляетъ несомнѣнный, на нашъ взглядъ, особый интересъ, какъ подлинный, почти не подвергавшійся порчѣ, памятникъ скоморошины. Поэтому, несмотря на нѣкоторыя утомительныя длинноты, мы рѣшаемся воспроизвести этотъ памятникъ здѣсь цѣликомъ, разбивши на стихи, въ надеждѣ, что читатели нисколько не посѣтуютъ на насъ за это. Вотъ оно — это скоморошье твореніе во всей его чуть ли не первобытной прелести:

Изъ монастыря, да изъ Боголюбова,
Идетъ старецъ Игренище,
Игренище-Кологренище.
А и ходитъ онъ по монастырю,
Просилъ честныя милостыни,
А чѣмъ бы старцу душу спасти,
Душу спасти, ее въ рай пустить.
Пришель-то старецъ подь окошечко,
Человѣку къ тому богатому,
Просилъ честную онъ милостыню,
Просилъ рѣдечки горькія,
Просилъ онъ капусты бѣлыя,
А третьей — свеклы красныя.
А тотъ удалой господинъ
Добре сослалъ рѣдечки горькія,
И той капусты онъ бѣлыя,
А и той свеклы красныя,
А съ тою ли дѣвушкой поваренною.
Сошла та дѣвка со двора она
И за тѣ за ворота за широкія.
Посмотритъ старецъ Игренище-Кологренище
Во всѣ четыре онъ во стороны —
Не увидѣлъ старецъ онъ Игренище
Во всѣхъ четырехъ во сторонущахъ
Никакихъ людей не шатаются, не мотаются.
А не радъ-то старецъ Игренище
А и тое ли рѣдечки горькія,
А и той капусты бѣлыя,

казу извѣстнаго любителя нашей старинной словесности — Прокофіи Демидова, въ XVIII вѣкѣ. При Александрѣ I сборникъ этотъ былъ дважды напечатанъ. Лучшее, второе, изданіе его редактировалось хорошимъ ученымъ того времени Калайдовичемъ и выпущено было въ 1818 году; но старецъ «Игримище» не вошелъ сюда, какъ вещь, въ «насмѣшливомъ тонѣ» написанная — оскорбительная для монаховъ. Потомъ и самая рукопись Кирии затерялась было, похищенная изъ Публичной бібліотеки. Найденная снова въ концѣ минувшаго вѣка, она напечатана теперь въ нѣсколькихъ экземплярахъ, не поступившихъ въ продажу, цѣликомъ, безъ пропусковъ, «Игримище» же вошелъ даже и въ экземпляры, выпущенные для продажи.

А третьи свеклы красныи,
 А и радъ-то дѣвущкѣ-чернавушкѣ.
 Ухватилъ онъ дѣвущку-чернавушку,
 Ухватилъ онъ, посадилъ въ мѣшокъ.
 Съ тою-то рѣдкою горькою
 И съ тою капустою бѣлою,
 И съ тою со свеклой со красною
 Пошелъ онъ старецъ по монастырю;
 И увидѣли его ребята десятильниковы.
 И бросалися ребята они ко старцу,
 Хватали они шилья сапожныя,
 А и тыкали у старца въ шелковый мѣшокъ.
 Горька рѣдка рыхнула, бѣлая капуста крикнула,
 Изъ красной свеклы разсолъ пошелъ.
 А и тутъ-то ребята десятильниковы,
 Они тутъ-то со старцемъ завздорили.
 А и молится старецъ Игренище,
 А Игренище-Кологренище;
 А и гои вы еси, ребята десятильниковы,
 Къ чему старца меня обидите?
 А меня вамъ обидѣть—не корысть получить.
 Будьте-ка вы ко мнѣ въ Боголюбовъ монастырь:
 А и я молодцовъ васъ пожалую:
 А и первому дамъ я пуховъ колпакъ,
 А и вѣкъ-то носить, да не износить;
 А другому дамъ камчатъ-кафтанъ—
 Онъ весь-то въ тетивочку повыстеганъ;
 А третьему дамъ сапожки зеленъ-сафьянъ—
 Съ тѣми подковами нѣмецкими.—
 А и тутъ ему ребята свободу даютъ—
 И ушелъ онъ старецъ Игренище,
 А Игренище-Кологренище
 Во убогiа онъ свои во келейки.
 А поутру раненько-ранешенько
 Не «изребеди» ребята десятильниковы,
 Промежду обѣдни-заутрени
 Пришли они, ребята десятильниковы,
 Ходятъ они по монастырю,
 А и спрашиваютъ старца Игренища,
 Игренища-Кологренища.
 А увидѣлъ самъ старецъ Игренище—
 Онъ тѣмъ-то ребятамъ поклоняется.
 А слово сказалъ имъ ласковое:
 «Вы-то, ребята разумные,
 Пойдемъ-ка, ко мнѣ въ келью идите».
 Всѣмъ рассказалъ имъ подробно все:
 А четверть пройдетъ—другой приди.
 А всѣмъ рассказалъ, по часамъ рассказалъ,
 Монастырскiе часы были вѣрные.
 А который побыстрѣй ихъ, ребятъ,
 Напередъ пошелъ къ тому старцу, ко Игренишу.
 Первому далъ онъ пуховъ колпакъ,—
 А бралъ булаву въ полтретя пуда,
 Билъ молодца по буйной головѣ;

Вотч молодцу пуховъ колпакъ,
 Вѣкъ носить, да не износить—
 Поминать старца Игренища.
 И по тѣмъ часамъ монастырскимъ
 А и четверть прошла—другой пришелъ.
 А втапору старецъ Игренище
 Другому даетъ кафтанъ камчатной:
 Взялъ онъ плетку шелговую,
 Разболокъ его, дѣтину, доната.
 Полтораста ударовъ ему въ спину влѣпилъ.—
 А и тѣхъ-то часовъ монастырскихъ
 Вѣрно та ихъ четверть прошла—
 И третій молодецъ въ монастырь пошелъ,
 Къ тому старцу, ко Игренищу.
 Допрошался старца Игренища;
 И завидѣлъ его старецъ Игренище,
 Игренище-Кологренище,
 А скоро одобрилъ и въ келью взялъ:
 Береть онъ полѣно березовое—
 Даетъ ему сапожки зеленъ-сафьянъ:
 А и ногу перешибъ и другую подломилъ.
 «А вотъ вы, ребята десятидѣльниковъ,—
 Всѣхъ я васъ, ребятъ, пожаловалъ:
 Первому далъ пуховъ колпакъ,
 А и тотъ вѣдь за кельей валяется;
 А другому надѣлилъ я камчатъ-кафтанъ,
 А и тотъ не ушелъ изъ монастыря;
 А послѣднему—сапожки зеленъ-сафьянъ,
 А и вѣкъ ему носить, да не износить.

Въ томъ же сборникѣ Кирши есть еще другое юмористическое стихотвореніе такого же характера про Чурилью-игуменью.

Вотъ содержаніе этого стихотвореніе:

Въ Кіевѣ, въ Благовѣщенской церкви, подвизался Иванъ-по-
 намарь, парень ловкій—«гораздъ къ заутрени звонить». Является
 однажды къ заутренѣ Чурилья-игуменья съ подначальными ей дѣ-
 вицами-старицами. Становятся эти старицы по клиросамъ и при-
 нимаются за свое дѣло — запѣваютъ «стихи верхніе». Но пѣніе
 совсѣмъ не клеится: «поютъ онѣ на клиросахъ, мѣшаются, не по
 старому поютъ — усмѣхаются». Игуменья смущена и удивлена.
 Шлетъ-торопитъ она Ѳедора-дьяка, «дѣвьяго старосту», справиться,
 что случилось съ дѣвицами, что онѣ такъ странно ведутъ себя.
 Тѣ говорятъ: «соромъ сказать, а грѣхъ утаить»: оттого-де мы мѣ-
 шаемся и усмѣхаемся, что нѣтъ у насъ «дьяка-запѣвальщика»—
 молодой Стафиды Давыдъевны, не видать и досужаго звонаря—
 понамаря-Иванушки. Ѳедоръ, «дѣвій староста», спѣшитъ съ этимъ
 отвѣтомъ къ игуменьѣ. Чурилья еще больше беспокоится и велитъ
 ему скорѣе узнать «по кельямъ», что стало съ Стафидою: «али
 ей мало можется, али стоитъ она (въ кельѣ), Богу молится». Дьякъ
 «заскакалъ-побѣжалъ», отыскалъ Стафидину келью, ловко «скралъ»

караулъ и проникъ въ жилище молодой запѣвальщицы. И видитъ онъ, что тамъ творится что-то неладное — веселятся, «тонцы» водятъ. Не стерпѣлъ тутъ дьякъ, упрекнулъ запѣвальщицу: «а и гои еси ты, Стафида Давыдьевна, а и царская ты богомольщица, а и ты княженецкая племянница, не твое-то дѣло тонцы водить, а твое бы дѣло Богу молиться, къ заутренѣ итти». Смутилась Стафида отъ этихъ рѣчей—торопится поправить бѣду, подкупить старосту угощеніемъ. Наливаетъ она «стаканъ винца-водки добрыя и другой медку сладкаго», падаетъ дьяку Федору «въ рѣзвы ноги», проситъ выпить, но ее не губить: скажи-де игуменьѣ, что Стафидѣ «мало можется, едва душа въ тѣлѣ полуднуеть». Не устоялъ дьякъ передъ соблазномъ — и сердобольная Чурильня не только не наказала веселой отшельницы, но и сама еще послѣ заутрени поѣхала навѣстить Стафиду; захвативъ съ собою «питья добрыя», она «стала ее лечить-поить», стала ухаживать за обманщицей.

На этомъ мы и оканчиваемъ пока нашу рѣчь о древней антицерковнической скоморошинѣ. Обратимся теперь къ «государственной», если такъ можно выразиться, скоморошинѣ того же характера, возникшей въ дни Петра Великаго, и къ ея продолженію.

Основанный въ концѣ XVII вѣка, по волѣ самого царя, всепьянѣйшій, всешутѣйшій и сумасброднѣйшій соборъ—веселое бахусоподражательное братство, неизмѣнно посвящавшее свои досуги наукѣ «честнаго обхожденія съ крѣпкими напитками», на ряду съ этимъ ставило себѣ также главной задачей—осмѣяніе клира и обрядовъ. Клиръ вышучивался, и порой очень жестоко, на всѣхъ іерархическихъ ступеняхъ.

Соборъ, съ этой стороны, кажется, единственное въ своемъ родѣ «государственное» учрежденіе не только въ Европѣ, но и на всей нашей планетѣ. Кромѣ Петра I, едва ли еще какому-нибудь правителю приходило въ голову заняться опасной игрой съ клиромъ — основать цѣлое общество для публичныхъ насмѣшекъ надъ этой опорой всѣхъ правителей на свѣтѣ. А Петру пришла — и притомъ онъ особенно дорожилъ «публичностью», гласностью соборныхъ «потѣхъ». Царь предпочиталъ «глумы и коцуны» съ «бѣсовскимъ гудѣніемъ» творить на глазахъ честной публики.

Въ послѣдователи «отца нашего Бахуса» обыкновенно вербовались члены избраннаго круга¹⁾. Принимались какъ мужчины, такъ и представительницы прекраснаго пола. Кромѣ одного—князь-кесаря, всѣ соборяне носили шутовскіе церковные чины—пародіи на христіанскія и языческія «духовныя степени»; князь-папа, князь-патріархъ, митрополиты, архіереи, архиерецы, іереи, про-

¹⁾ Свѣдѣнія о соборѣ нами заимствуются изъ статьи М. И. Семевского: «Петръ Великій, какъ юмористъ», изъ записокъ Юста Юля и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ.

тодіаконы, архи-игумены и т. п., — вотъ обычная титуловка шутовъ-соборянъ; самъ царь фигурируетъ здѣсь въ скромномъ протодьяконскомъ санѣ (соборный герръ-протодьяконъ Пахомъ), съ нескромнымъ, однако, правомъ усмирять и самого князь-папу не только «словесно», но и «ручно», когда этотъ «крайній жрецъ Бахусовъ», «уловленный силой вина несказанною», вздумалъ бы обижать свою паству — «подначальную братію».

Немало совершено соборянами замѣчательныхъ дѣяній, которыя не грезились даже самой пылкой фантазіи. Бахусоподражатели подвизались не только на особыхъ своихъ сборищахъ, но устраивали свои оргіи и въ отдѣльныхъ домахъ, куда появлялись на правахъ гостей. Развѣзжали они также по домамъ на Рождество «славить», причемъ попережку съ духовными распѣвали кощунственныя и непристойныя свѣтскія пѣсни на духовные же мотивы. Многое творилось такого, о чемъ «не лѣтъ глаголати», всего и не перечестъ. Для нашей цѣли, впрочемъ, не все и нужно — можно ограничиться нѣсколькими наиболѣе характерными случаями. Таковы, по-нашему, на примѣръ, «соборныя дѣянія»: на свадьбѣ царскаго шута Шанскаго; на свадьбѣ отечественнаго Фальстафа — князь-папы Зотова; на «князь-папезскихъ» выборахъ; наконецъ, въ одномъ маскарадномъ гульбищѣ, гдѣ, незадолго до смерти царя, собору пришлось выступить подъ затѣйливымъ названіемъ: «Несыпаемая обитель».

Случаямъ этимъ мы и удѣлимъ здѣсь побольше вниманія.

Похожденія соборянъ на свадьбѣ Шанскаго въ 1702 г., вскорѣ по кончинѣ послѣдняго русскаго патріарха Адріана — одно изъ крупныхъ соборныхъ событій; здѣсь чуть ли не впервые наиболѣе откровенно вышучивается уже патріаршее достоинство, обреченное Петромъ I къ упраздненію. Самъ царь, повидимому, придавалъ участію соборянъ въ шутовской свадьбѣ важное значеніе, — недаромъ, по волѣ его, одно изъ свадебныхъ торжествъ — пиршество — увѣковѣчено было даже на особой гравюрѣ. Картинка можетъ служить великолѣпной иллюстраціей «забавъ», достойныхъ бахусоподражателей-соборянъ. На ней изображенъ пиръ въ большой двухсвѣтной залѣ, съ восемью зеркалами, большою люстрою посреди, изразцовой печкою въ лѣвомъ углу и большимъ образомъ Распятія въ правомъ. Десять столовъ уставлены въ четыре линіи покоемъ; за отдѣльнымъ столомъ, на возвышеніи, въ глубинѣ зала сидятъ именитѣйшія лица. Каждый столъ пронумерованъ и внизу, подъ соотвѣтствующимъ номеромъ, мы находимъ слѣдующее объясненіе: «Описаніе свадьбы остроумнолютнаго Феофилакта Шанскаго, который державнѣйшаго великаго монарха многоутѣшный шутъ, смѣхотворецъ; бывшей (т. е. свадьбы) 1702 г. февраля въ 1-й день, въ палатѣ бывшаго господина генерала Франца Лефорта: 1) Столъ, при которомъ сидятъ въ облаченіи, подобно мо-

нашескаго, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. При нихъ же (съ лѣвой стороны), въ видѣ патріарха, Никита Моисеевичъ Зотовъ. 2) При семь столбъ: новобрачный Феофилактъ Шанскій, царевичи Сибирскій, Касимовскій, да Тимоха. 3) При семь столбъ ближніе бояра, гетманъ, офицеры морскіе и земные, между которыми и самодержавнѣйшій монархъ. 4) Гдѣ сидятъ иноземцы торговые. 5) Гдѣ сидятъ окольнічіе, думные дворяне и дьяки. 6) Гдѣ сидятъ дьяки, гости и иныхъ торговыхъ чиновъ люди. 7) Гдѣ сидятъ разныхъ чиновъ люди. 8) Гдѣ сидятъ дворовые люди. 9) Средь палаты пѣвчіе державнѣйшаго государя поютъ. 10) Поставъ съ серебряною и золотою посудой».

Пирующихъ насчитывается болѣе 300 фигуръ съ прислугой, которая суетливо подаетъ кушанья. Фигуры сдѣланы очень грубо, за портретнымъ сходствомъ художникъ не гнался, но, слѣдуя исторической истинѣ событія, представилъ почти всѣхъ въ монашескихъ платьяхъ, съ капюшонами, откинутыми назадъ, но безъ клобуковъ. Столы покрыты яствами, высокими кубками съ виномъ и громадными канделябрами съ зажженными свѣчами; на первомъ планѣ можно отличить какую-то, должно быть, важную особу, которая нещадно деретъ за вихры брата-послушника—слугу, вѣроятно, за нерасторопность. Женихъ-карликъ чинно сидитъ за столомъ на правой сторонѣ, какъ объяснено подъ вторымъ номеромъ.

Такимъ образомъ, Петръ I, устраивая это забавное торжество всенародно, въ то же время печатаніемъ гравюры давалъ возможность всѣмъ отдаленнѣйшимъ жителямъ Россіи познакомиться съ юмористической затѣей. Въ соотвѣтствіе этой гравюрѣ есть другая: шутовской обѣдъ женщинъ въ другой залѣ того же дома.

Но, какъ ни замысловата была свадьба Шанскаго, ей все же далеко, кажется, до свадьбы самого князь-патріарха, престарѣлаго президента сумасброднаго братства, Зотова. Публичныя «кощунны», невѣроятное глумленіе тутъ, повидимому, достигаютъ уже небывалыхъ «вершинъ», переходятъ всякія границы допускаемаго. Область шутовства расширяется здѣсь до крайности, охватываетъ даже и настоящее церковное дѣйствіе—вѣнчаніе шутовской пары въ присутствіи цѣлаго сонмища шутовъ. Свадебныя торжества продолжаются около двухъ недѣль—и въ теченіе всего этого времени высшій церковный санъ—патріаршее достоинство, всенародно осмѣивается, съ цѣлью путемъ глумленія подорвать въ народѣ всякое уваженіе къ нему. Чтобы «погѣха» была знаменательнѣе, очевиднѣе, князь-папа для этой шутки нарочно переименовывается въ князь-патріарха. «Позывная» свадебная грамота составляется самимъ царемъ и, при своей бойкой юмористической формѣ, тоже пестритъ выходками противъ духовныхъ чиновъ. Гости въ этой грамотѣ болѣею частью называются не по именамъ, а описа-

тельно ¹⁾, причѣмъ самъ сановный шутъ-женихъ скрывается подъ громкимъ титуломъ «всенепреосвященнѣйшаго князь-папы, архиеберъ-скосыря»; въ числѣ дамскихъ персонъ были: «архіерейша» Бутурлина, князь-игуменья Ржевская. Приглашеніе гостей предоставлено было отборнѣйшимъ заикамъ. Гости замѣняли и музыкантовъ, въ рукахъ почти каждаго гостя ²⁾ былъ какой-нибудь инструментъ—гудокъ, балалайка, мѣдныя тарелки, собачьи свистки, пузыри съ горохомъ и т. д. Костюмы свадебные тоже были «рописаны» самимъ царемъ. И здѣсь, конечно, опять-таки подвергается глумленію духовенство же—«вѣчный конекъ» для стрѣлъ царскаго юмора. Между прочимъ, по «рописи» предписывалось, чтобы на свадьбу тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова неотмѣн но явились: женихъ—въ кардинальскомъ платьѣ; кесарь (князь Ромодановскій)—въ царь-давыдовскомъ; Салтыковъ, а также «Тихонъ Никитичъ», бояринъ Бутурлинъ, окольникій Бутурлинъ, Андрей Корсаковъ—въ «арцибискупскомъ»; Ржевскій и князь Шаховской и Щербатовъ—въ поповскомъ; Бухгольцъ и другіа «дудочки глиняныя»—въ бернардинскомъ.

Въ день свадьбы «кортежъ въ предшествіи жениха» «съ своею музыкаю шествовалъ въ канцелярскій домъ». Знатные ѣхали на большихъ «линеяхъ», каждая о шести лошадей; для поѣзжанъ было еще 16 такихъ же «линей». Изъ дома шутовская процессія отправилась съ невѣстою въ церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: четыре престарѣлыхъ «церемоніймейстеровъ» вели «обрученную чету». Предъ ними шли въ скороходскомъ платьѣ четыре претолстыхъ мужика; скороходы эти были такъ тучны и тяжелы, «что имѣли нужду, чтобы ихъ самихъ вели, нежели чтобы имъ бѣжать предъ мнимымъ патріархомъ и его невѣстою». Между поѣзжанами находился и самъ государь «въ матросскомъ платьѣ». Для вѣнчанья подыскали тоже и попа на рѣдкость: это былъ старецъ-священникъ Архангельскаго собора, имѣвшій болѣе девяноста лѣтъ отъ роду.

Возвращеніе кортежа изъ храма въ домъ новообвѣнчавшагося мнимаго патріарха совершалось въ томъ же порядкѣ, какъ и

¹⁾ Для образца приводимъ здѣсь небольшую выдержку изъ перечня свадебныхъ гостей. «Позвать,—говорится въ грамотѣ,—вѣжливо, особливимъ штилемъ, не торопясь, того, кто фамиліей своею гораздо старѣ чорта»,—это прямой намекъ на спесивыя претенвіи родовитости; дальше, съ обычнымъ царскимъ юморомъ, рекомендуется пригласить еще слѣдующихъ лицъ: «древняго старшаго архимастера; того, кто немного учился и ничего не вѣдаетъ; того, кто не любитъ сидѣть, а все похаживаетъ; надо всѣми бочками коменданта и пьяницу, и ѣдуна, стараго оберъ-боарина, стараго князь-дворянина» и т. п.

²⁾ Исключеніе сдѣлано было лишь для немногихъ, причѣмъ шестеро гостей были освобождены отъ игры только потому, что они «отъ старости своей ничего не могутъ въ рукахъ держать».

поѣздка въ церковь, но только еще торжественнѣе: къ дикимъ звукамъ шумной кортежной музыки—свистковъ, гудковъ, тарелокъ, трещотокъ и т. п. присоединялся теперь еще оглушительный торжественный колокольный звонъ всѣхъ московскихъ церквей. Въ домѣ «молодого», по прибытіи кортежа, данъ былъ обѣденный пиръ; во время этой пирушки новобрачные вели себя какъ радушные добрые хозяева—и «непрестанно потчевали гостей разными напитками».

Утромъ на другой день, опять «тѣмъ же порядкомъ, въ тѣхъ же уборахъ и съ такою же смѣшною музыкаю», кортежъ «шествовалъ въ домъ князь-папы (новобрачнаго) или, какъ въ то время называли его, князь-патріарха, и съ пресмѣшными обрядами, поднявъ ихъ (молодыхъ), слѣдовали въ домъ адмирала Апраксина: отобѣдавъ здѣсь, «молодые катались, въ предшествіи всего кортежа, по всему городу».

Свадебныя празднества затянулись надолго—такъ они прилились по душѣ царю. Почти весь январь 1715 г. проведенъ былъ въ пиршествахъ, въ церемоніальныхъ прогулкахъ по улицамъ столицы, въ выполненіи всевозможныхъ смѣшныхъ церемоній, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ I былъ неистощимъ. Безчисленная масса народа толпилась по улицамъ и площадямъ московскимъ. Чернь, щедро угощаемая виномъ да пивомъ, по словамъ историка Петра—Голикова, «только уважавшая достоинство патріарха, въ сѣднѣи съ великимъ смѣхомъ забавлялась насчетъ онаго». При этомъ одни говорили, смѣясь: «патріархъ женился, патріархъ женился». Другіе же съ ковшикомъ вина или пива кричали: «да здравствуетъ патріархъ со своею патріаршею», и прочее. Словомъ, глумленію не было конца...

Въ исходѣ 1717 года мы видимъ, хотя не столь публично, но тоже весьма интересное зрѣлище—избраніе и поставленіе новаго князь-папы на мѣсто умершаго Зотова. Изъ исторіи этого событія мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые, наиболѣе существенные для нашей цѣли моменты—публичное шествіе соборянъ въ «каменный дворъ» на выборы да нѣсколько эпизодовъ чина «избранія» и чина «поставленія»: остальное, ради краткости, приходится опустить.

Порядокъ шествія былъ «указанъ», по обыкновенію, самимъ царемъ, въ особомъ «реестрѣ». «Картина» шествія была такова: впереди всѣхъ «весна» (свистуны по-птичьи); затѣмъ: синодальные пѣвчіе; пѣвчіе государевы; подстѣнная братія (вѣроятно, такъ называемые старинные «благородные чины и духовные, иже при церкви просящею милостынею питаются»); діаконы; попы; монахи знатные; архимандриты и «суереганы»; князь-папешскіе служители; Бахусъ, несомый монахами великой обители; ковшъ, несомый отъ плѣшивыхъ; наконецъ, нѣсколько рядовъ—архиерецы по одному.

Пестрая скоморошья компанія эта должна была хорошенько подготовиться къ выборному священнодѣйствию. Нельзя же было такъ-таки прямо и приступить къ дѣлу—надо совершить достойную подготовку. И вотъ для этого соборному сонмищу вмѣнялось въ непремѣнную обязанность прежде всего продѣлать точную оргію: «такъ нощенствіе сотворить, прилежно подвизаяся, яже о отцѣ Бахусѣ, дабы явилъ избраннаго подражателя себѣ, пастыря же намъ». Начало великолѣпное.

Процессъ «избиранія» и поставленія въ князь-папы—почти сплошная пародія на соотвѣтствующіе церковные обряды.

Въ соборѣ намѣчалось три кандидата. Получившій большинство избирательныхъ шаровъ—при баллотировкѣ «яйцами»—считался избраннымъ. Къ счастливцу немедленно же являлось соборное посольство—ключарь и архидіаконъ. Послы вели его въ конклавъ и ставили «предъ лицо» князь-кесаря; тутъ же первымъ изъ жрецовъ говорила новизбранному рѣчь. Затѣмъ слѣдовалъ обрядъ облаченія: избранника одѣвали «папиною мантиею» и надѣвали на него шапку. Послѣ этого «плѣшивые» поднимали его «на главы свои», несли на его престолъ и пѣли князь-кесарю и самому новизбранному многолѣтіе. Дальше обрядъ цѣлованія князь-папы, сопровождавшійся нѣкоторыми непристойностями, а потомъ—«присяга въ вѣрности закона», въ знакъ чего присяжники пили изъ десницы новизбраннаго. Подстать всему прочему былъ и традиціонный финалъ «избиранія». По окончаніи всѣхъ церемоній въ конклавѣ совершалось новое шутовское дѣйство—«перенесеніе» князь-папы. Объ этомъ въ «чинѣ» говорится слѣдующее: «посаждаютъ новизбраннаго въ ковшъ (громадныхъ размѣровъ) и провождаютъ всѣмъ соборомъ къ дому его и опускаютъ (князь-папу) въ чанъ (какъ и прежде бывало), наполненный пивомъ и виномъ, и, пивъ изъ онаго, расходятся».

Избранникъ потомъ еще «поставлялся» по особому чину. Поставленіе въ сущности—это какъ бы посвященіе на многотрудное поприще въ высокомъ санѣ. Будучи выше чина избиранія, оно состояло изъ большаго количества церемоній—одна другой своеобразнѣе; здѣсь больше пѣли, больше говорили, наконецъ пили, пили и пили. Нѣкоторыя мѣста этого «чина», отъ перваго до послѣдняго слова, составленнаго все тѣмъ же неутомимымъ соборнымъ протодіакономъ Пахомомъ, блещутъ неподдѣльною веселостью: многія слова, обороты, цѣлыя рѣчи тутъ до того остроумны, что, несмотря на ихъ грубость, даже и теперь еще срываютъ улыбку.

По чину, «поставляющій» «вопрошаетъ» кандидата: «что убо, брате, пришелъ еси и чесого просиши отъ нашея немѣрности?»—Поставленникъ на это «глаголетъ»: «еже быти крайнимъ (старшимъ) жрецомъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса». Благо-

словивши просителя «пьянствомъ Бахусовымъ», поставитель еще вопрошаетъ: «како содержиши законъ Бахусовъ и во ономъ подвижаешься?» Ставленникомъ обязательно дается на это, конечно, самый утѣшительный отвѣтъ: пьеть онъ «возставъ по утру», не зѣваетъ и въ полночь, и во время обѣда,—вообще, никогда «туне» времени не тратитъ, всегда «симъ же образомъ препровождаетъ». Разумѣется, тому же первый сынъ Бахуса обѣщается научить и «врученныхъ» ему—ввѣренное «стадо». Насчетъ ереси ставленникъ просить не беспокоиться—онъ «твердъ», «инако мудрствующіе» и всѣ «пьяноборцы» имъ рѣшительно «отмечаются», «яко чуждые». Удостоивърся съ этой стороны въ полной благонадежности ставленника, поставитель повторяетъ ему, въ нѣсколько распространенной уже формѣ, прежнее благословеніе; затѣмъ ставленникъ, упавъ на колѣна, ложился «персями, руками и главою» на бочку, а жрецы затягивали «пѣснь Бахусову», взывая «соборнѣ», чтобы «честнѣйшій отче Бахусе», этотъ «изжатель винограднаго веселія, отъ сожженныхъ Семиллы рожденный», умножилъ сугубо и наставилъ «вселенскаго князь-папу»; приглашалась также и «всеславнѣйшая Венусъ» не оставить своимъ попеченіемъ сего «задняго», оказать ему покровительство.

Дальше происходило облаченіе съ шутовскими возгласами. Потомъ ставленнику вручался жезлъ, со словами: «дубина Дидана вручается ти: да разгоняеши люди твоя!»

Облаченнаго и вооруженнаго жезломъ «помазывали» крѣпкимъ виномъ; при этомъ помазанію подвергались глава, а также «обѣдлани и четыре перста, ими же чарка приѣмлется образомъ лученки».

За помазаніемъ—рукоположеніе, подъ чтеніе перваго архиерея: «рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго: во имя всѣхъ кабаковъ» и т. д. По возложеніи на помазаннаго «вѣнца мглы Бахусовой» — шапки, съ установленнымъ возгласомъ, пѣли: аксіосъ—достоинъ.

Потомъ ставленникъ садился на свой престолъ и вкушалъ орла (орелъ—громадный штрафной винный кубокъ) и прочимъ подавалъ. На этомъ все и оканчивалось¹⁾.

Въ 1723 году «прилежные служители честнѣйшаго отца Бахуса», подъ именемъ «Неусыпаемой обители», участвовали въ одномъ маскарадѣ; среди членовъ веселой обители, поименованныхъ въ маскарадной росписи, здѣсь были также: архимандритъ «въ странномъ уборѣ», служащіе при обители «всякаго званія, въ разныхъ духовныхъ, арлекинскихъ, въ нищенскихъ и въ прочихъ странныхъ уборахъ», затѣмъ самъ честнѣйшій отецъ Бахусъ—

¹⁾ Обряды, впрочемъ, часто варьировались, подвергались измѣненіямъ.

пѣвчій Кононъ Карповъ; архіереи: Ианикадръ...¹⁾), митрополитъ с.-петербургскій; Гниль..., митрополитъ сибирскій и тобольскій; Вибабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Седмимельницкой...

Соборные акты, и въ особенности посланія—пародія на наши древнія официальныя свѣтскія и церковныя грамоты, съ ихъ величавымъ и торжественнымъ языкомъ. Какъ характерный образецъ этихъ пародій, приводимъ, въ заключеніе нашей рѣчи о бахусопоклонникахъ, возвъщеніе преемника Зотова—Бутурлина—о своемъ благополучномъ вступленіи «на престолъ».

«Понеже,—сказано здѣсь,—по изволенію государя князь-цесаря Иоанна Ѳ. (И. Ѳ. Ромодановскаго), и соизволеніемъ всего сумазброднаго собора избранъ есмь азъ, недостойный митрополитъ, на превысочайшій сей князь-папы престолъ, того ради нынѣ паки подтверждаю свое обѣщаніе, еже изрекъ при хиротоніи моеи предъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти тогда отцемъ моимъ, нынѣ же братомъ, великимъ господиномъ киръ-Никитою, прешбургскимъ, яузскимъ и калужскимъ отъ самыхъ... и предъ всѣмъ сумазброднымъ соборомъ. Нынѣ же къ прежнему обѣщаю еще, обѣщаюсь вяще и вяще законъ Бахусовъ не точію исполнять, но и врученное мнѣ стадо денно и ношно тому поучать, еже да поможетъ мнѣ чюднѣйшій отецъ нашъ Бахусъ, предстательствомъ антицесаревъ моихъ Милак (?) и Аникиты, дабы ихъ даръ духа былъ сугубъ во мнѣ. Аминь».

Таковъ-то былъ сумасбродный соборъ. Въ скоморошествахъ, въ глумлѣ, какъ мы видимъ, соборные бахусоподражатели далеко оставляютъ за собою древнихъ глумотворцевъ, упраздненныхъ царемъ Алексѣемъ. Старинные скоморохи, конечно, и мечтали не могли о томъ, на что смѣло отваживалось «всешутѣйшее братство», покровительствуемое самимъ царемъ.

Недаромъ еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда появились въ печати нѣкоторые соборные акты, московскій митрополитъ Филаретъ весьма неодобрительно отозвался о нихъ, замѣтивъ, что осмѣяніе и поруганіе соборянами іерархіи и обрядовъ «оскорбляетъ и религію, и нравственность, и царскій родъ».

«Сатирическая школа» Петра I имѣла въ ближайшее время своихъ послѣдователей. Первымъ послѣ Петра на это поприще выступаетъ, еще при жизни его, Ѳеофанъ Прокоповичъ, знаменитый своею ученостію и благоволеніемъ къ наукѣ. Нѣсколько позже по стопамъ этого «дивнаго мужа» (выраженіе Кантемира) идетъ ученикъ его, князь Антиохъ Кантемиръ.

Ѳеофанъ, впослѣдствіи самъ архіепископъ, любя просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ слова, не могъ, конечно, несмотря на свою

¹⁾ Къ собственнымъ именамъ шутовъ-іерарховъ добавлялись часто такіа крылатая словечки, которыя въ печати у насъ недопустимы.

принадлежность къ клиру, мириться съ невѣжествомъ и косностью современнаго ему духовенства. «Недочеты» клира нерѣдко бичевались имъ даже официально. Напримѣръ, въ рѣчи на открытіе синода онъ съ горечью говорилъ, что истинное просвѣщеніе чуждо нашему духовенству; господство же невѣжества приносятъ очень скверные плоды: «у насъ слѣпые слѣпыхъ водятъ», «грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ», «бабьи басни» берутъ верхъ надъ «прямымъ ученіемъ...» Любопытная черта этихъ нападокъ—совпаденіе ихъ со взглядами царя, въ особенности съ мыслями, высказанными въ его сочиненіи «о ханжествѣ и лицемѣріи», о которомъ мы говорили выше. Архіепископъ «служить» царю въ своихъ обличеніяхъ; отсюда, вѣроятно, и эта необычайная смѣлость слова, эта рѣшимость публично выражать «мысли», какія если не «въ тотъ вѣкъ», то наканунѣ его, «и на ухо говорить страшились».

Идеи, высказанныя новгородскимъ архіепископомъ въ рѣчи на открытіе синода, не были какою-либо неожиданностью въ устахъ оратора. Усердный апологетъ просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго, Теофанъ, неоднократно и раньше открыто высказывался въ томъ же духѣ. Тѣ же мысли мы находимъ, напримѣръ, и въ его знаменитой трагедо-комедіи: «Владиміръ святой, російскихъ странъ князь и повелитель», написанной авторомъ, по академическому обычаю, еще въ бытность его учителемъ духовной академіи, въ 1705 г. Даже на ряду съ сатирическими выходками современнаго петровскаго «сумасброднаго собора» эта, въ высшей степени тенденціозная, антицерковническая пьеса представляетъ собою, несомнѣнно, крупный своеобразный интерес¹⁾.

Идея трагедо-комедіи—борьба между свѣтскою и духовною властью за просвѣщеніе. Прогрессивно движущая сила тутъ—власть свѣтская, правительство. «Жрецы»—духовная власть,—напротивъ, стоятъ на стражѣ обскурантизма, какъ истые ненавистники науки, враги «письменъ».

Отношеніе автора къ своему сюжету очень смѣлое, весьма рѣдкое въ нашей литературѣ. Въ пьесѣ дава, хотя и карикатурно-преувеличенная, но яркая характеристика противниковъ просвѣщенія—жрецовъ. По старинной манерѣ, уже самыя имена этихъ жрецовъ: Жериволь, Куроядъ, Піяръ—опредѣляютъ главныя ихъ свойства. Нѣкоторыя черты тутъ, несомнѣнно, списаны прямо съ натуры, выхвачены изъ быта современнаго автору православ-

¹⁾ Недостатокъ трагедо-комедіи, въ особенности для нашего времени, это—тяжеловатый языкъ, наполненный церковно-славянскими формами и оборотами; читать пьесу теперь, поэтому, утомительно. Тѣмъ же недостаткомъ грѣшитъ также и ученикъ Теофана—Каптемиръ. Обстоятельство это вынуждаетъ насъ сократить до крайняго минимума выдержки изъ обоихъ авторовъ, предпочесть пересказъ цитатамъ.

наго духовенства. И самъ Теофанъ этого не отрицалъ; мало того, онъ старался даже прямо намекнуть на это въ пьесѣ: Жериволь тамъ въ одномъ мѣстѣ называется не жрецомъ, а попомъ. Затѣмъ, позже, отвѣчая на одинъ доносъ по этому поводу, Теофанъ тоже не сталъ заператься. Въ доносѣ говорилось, что авторъ трагедо-комедіи позоритъ наше духовенство: «архіереевъ, іереевъ, православныхъ жрецами называетъ... священниковъ російскихъ называетъ Жериволами, лицемѣрами, идольскими жрецами». Теофанъ не спорилъ противъ этого. Въ свою защиту онъ говорилъ только, что все написанное имъ правда: «великая часть нашего духовенства непотребна суть и таковыхъ именъ или подобій достойна»; достойна, однакожъ, не по званію своему, котораго Теофанъ не хочетъ затрагивать, «но по нраву и негодности»—по невѣжеству и обскурантизму.

Обжорство и пьянство жрецовъ обрисованы въ трагедо-комедіи въ видѣ смѣшного гротеска. Главную заботу Жеривола, напри- мѣръ, составляетъ ѣда: онъ можетъ ѣсть необыкновенно много— и никогда сытъ не бываетъ; это—воплощенная ненасытность— всегдашнее «знаменіе глада и алчбы великой». Въмѣстѣ съ тѣмъ Жериволь, какъ и всѣ его товарищи, ханжа и обманщикъ. Онъ смиренно всѣхъ увѣряетъ, что ему лично ничего не нужно,—были бы только сыты боги, которымъ, будто бы, при скудости жертвъ грозитъ неминуемая голодная смерть; то же поетъ и другой лице- мѣръ—Куроядъ,—и оба, конечно, безсовѣстно лгутъ.

Жрецы не прочь и «покудесить»—поразить воображеніе паствы измышленными ими видѣніями и чудесами. Съ однимъ изъ такихъ «тонкихъ сновъ» выступаетъ и Жериволь.

Увѣщевая князя остаться «боголюбомъ», онъ, для большей убѣдительности, плететъ ему «чудесную небылицу» про свое свиданіе въ «сонной грезѣ» съ богомъ Купало. На несчастнаго божка смотрѣть было жалко; видъ его, повѣствовалъ Жериволь, прямо былъ ужасенъ: «худъ, сухъ, кость и кожа». И причина этой неслыханной худобы—упадокъ въ народѣ «боголюбства», уменьшеніе «многогучныхъ жертвъ»,—такъ повѣдалъ Жериволу самъ злополучный Купало. Въ заключеніе Купало, будто бы, заклиналъ быть щедрѣе на жертвы, не думать, что «сильные боги—мертвецы», не нуждаются въ пищѣ, и грозилъ, что если народъ «не исправится», то боги больше «не потерпятъ такого зла», жестоко отомстятъ за себя.

При всѣхъ своихъ прочихъ порокахъ Жериволь еще и развратникъ: «всѣ уды, всѣ утробы» его насквозь проникнуты безпутствомъ, «полны сладкихъ язвъ бѣса тѣла»; наконецъ, какъ его товарищи, такъ и онъ—круглые невѣжды, «негодные въ вожди даже и овчему стаду». Иначе сказать—это все тѣ же старые знакомые—«большія бороды», неисправимые тунеядцы.

По пути, проторенному Петромъ I и Теофаномъ, шелъ и Аѳіохъ Кантемиръ. Первая сатира «рогатаго пророка»,—такъ окрестилъ Кантемира Теофанъ, познакомившись съ этою сатирою,— «На хулящихъ ученіе», появляется въ царствованіе Петра II, въ 1729 г. Это—сплошное обличеніе гонителей науки и, главнымъ образомъ, ея исконнаго врага и хулителя—клира. Смерть Петра Великаго послужила какъ бы сигналомъ къ выступленію всѣхъ нашихъ «темныхъ силъ» противъ просвѣщенія, противъ реформъ великаго царя. Какъ «мыши» въ извѣстной «небылицѣ въ лицахъ», похоронившія кота, теперь силы эти ликовали, праздновали «свое воскресеніе». Мракобѣсіе опять обрѣталось уже «въ авантажѣ», воспрянуло духомъ. Не теряя напрасно дорогого времени, оно спѣшитъ, собравшись съ силами, ринуться въ бой съ наукой. Дружный натискъ—и наука не выдерживаетъ. Вскорѣ послѣ кончины «державнаго плотника» она уже очутилась въ загонѣ, и, по выраженію Кантемира, была въ жалкомъ видѣ—

«ободрана, въ доскутахъ обшита,
Изо всѣхъ знатныхъ домовъ съ ругательствомъ сбита».

На этихъ-то «ругателей» и ополчилась сатирическая муза «рогатаго пророка», вѣрнаго завѣтамъ великаго царя. А такъ какъ въ рядахъ «хулителей» «большія бороды», по обыкновенію, занимали самое видное мѣсто, то отъ сатирика имъ больше всего и досталось: Кантемиръ не скупился тутъ на сарказмы ¹⁾.

Вотъ онъ осмѣиваетъ монаха Критона—врага науки. Обливаясь «горькими слезами», эта «святая душа—съ четками въ рукахъ» говоритъ о просвѣщеніи, какъ о чемъ-то ужасномъ, душепогубительномъ; невѣждѣ-монаху все мерещится, что наука—смертельный ядъ для добрыхъ нравовъ и благочестія, что тотъ, «кто надъ книгою таеетъ», непременно долженъ впасть въ безбожіе, сдѣлаться еретикомъ, раскольникомъ, или, по меньшей мѣрѣ, больше врать. Итакъ, да здравствуетъ невѣжество!

Достается отъ сатирика также и пастырю «безъ четокъ»—попу. Этотъ въ церкви совсѣмъ неучителенъ ²⁾: «тутъ хоть потомъ

¹⁾ Обстоятельство это ставилось сатирику въ укоръ петербургскою цензурою еще въ 1862 году, когда изъ-за этого, между прочимъ, было запрещено изданіе сочиненій «рогатаго пророка»; впервые его сатиры появились въ печати только въ 1762 году, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти автора.

²⁾ «Поповское невѣжество», обличавшееся въ XVIII вѣкѣ Петромъ I, Теофаномъ и Кантемиромъ—вовсе не сатирической вымыселъ: это—историческій фактъ. Среди тогдашняго и даже позднѣйшаго духовенства невѣжество, можно сказать процвѣтало. Нерѣдко въ попы ставились совершенно неучи, полные «невѣгласы». Свободно посвящались, на примѣръ, кандидаты съ такими курьезными аттестаціями: школьнаго ученія отчасти коснулся; превращенъ въ смиренномудріи и тревости; проходилъ фару и инфиму—и за неповятіе уволенъ.—Немало было также ставленниковъ, которые даже ни фары, ни инфимы въ глаза не видали

обольешься,—ни слова ученья отъ него не добьешься»: ничего онъ не скажетъ. Зато ужъ на кружалѣ, въ кабацѣ — попъ немолчный проповѣдникъ и учитель: и не переслушать тамъ «рѣчь его медоточну—про церковь всю восточну», и проч. Путнаго, впрочемъ, и здѣсь отъ него не жди: нетрезвый, невѣжественный «пастырь» плететъ только «безъ счету и безъ стыда враки», мелетъ вздоръ, сѣетъ суевѣріе «мозгомъ своимъ, съ вина шумнымъ».

Отмѣчено у Кантемира и особое, чисто поповское «проворство»:

Прворенъ, весель, спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Смѣется также нашъ «рогатый пророкъ» и надъ необычнымъ аппетитомъ поповской семьи:

Пространный столъ, что семьѣ поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.

И не одинъ только низшій клиръ обличался Кантемиромъ; есть въ его сатирахъ персоны и повыше,—напримѣръ, неучъ-епископъ, который, покрывши «клобукомъ главу, брюхо бородою» и облекшись въ пышныя ризы и украшенія, требуетъ, чтобы всякъ благоговѣнно называлъ его отцомъ и архипастыремъ только за его важность¹⁾.

Послѣ шумной петровской эпохи, впрочемъ, въ области антицерковнической сатиры наступаетъ періодъ нѣкотораго затишья. Это въ особенности бросается въ глаза въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Всешутѣйшій соборъ, со смертью его основателя, разумѣется, прекращается. «Глумиться» соборнѣ, какъ раньше, теперь стало опасно.

а имѣли только весьма скромную домашнюю подготовку. Немудрено, послѣ этого, что и въ «поповскомъ санѣ» невѣжды далеко не были рѣдкостью. А что это иногда бывало за невѣжество—можно составить себѣ нѣкоторое представленіе хотя бы по слѣдующимъ современнымъ образцамъ. Темниковскій протопопъ Добронравовъ читалъ плохо, писать совсѣмъ не умѣлъ; вообще объ учености священниковъ тогдашней тамбовской епархіи мѣстный епископъ Феофилъ былъ очень невысокаго мнѣнія, говорилъ, что по грамотности они «и мальчиговъ не стоятъ». Въ другихъ епархіяхъ было, разумѣется, не лучше. Нѣкоторые ливенскіе попы сосѣдней воронежской епархіи еще въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка удостоились отъ своего епископа слѣдующей любопытной оцѣнки: «Попъ Борисъ (с. Георгіевское) плохо читаетъ и закона Божія не знаетъ: самый закоренѣлый невѣжда». Хорошъ былъ и попъ Петръ: «Въ чтеніи худъ, о христіанствѣ ничего не знаетъ». Совершенно подъ стать этимъ отцамъ оказался и семидесятилѣтній старецъ попъ-Аввасій (село Георгіевское-Лютое): «читать не умѣть. Святителя Николая почитаетъ Богомъ; о Христѣ Спасителѣ никакого понятія не имѣетъ». («Орловскія Епархіальныя Вѣдомости» 1872 г., № 1).

¹⁾Въ лицѣ епископа здѣсь выведенъ тогдашній ростовскій архіерей Георгій Дашковъ. Этотъ любитель лошадей и врагъ науки стремился сдѣлаться главою русской церкви—«чинъ патриаршій достати»: но «только конный свой заводъ раздарилъ нехстати»—подарки не помогли, хлопоты не увѣщались успѣхомъ.

Кантемиръ хотя и пишетъ свою первую сатиру на клиръ уже при Петрѣ II, но она, какъ и всѣ сатиры «этого рогатаго пророка», долгое время обращается у насъ только въ рукописи, въ печать же попадаетъ только при Екатеринѣ II. При дворѣ Анны Ивановны, правда, распѣвается юмористическая пѣсенка о дуракахъ¹⁾, среди которыхъ есть и клирики, но сравнительно съ «неистовствомъ» сборныхъ бахусоподражателей—это просто невинная мелочь.

Послѣ Елизаветы Петровны повѣяло уже опять «сатирической весной». Церковники снова дѣлаются мишенью для насмѣшекъ, которыя при Екатеринѣ II носятъ попрежнему «государственный» характеръ. Мы знаемъ, что Петръ III не любилъ православнаго клира: на погребеніи своей тетки, императрицы Елизаветы Петровны, онъ лично высмѣиваетъ и передразниваетъ публично духовенство, участвовавшее въ процессіи; синодъ подвергается со стороны этого государя рѣзкой до грубости критикѣ, даже съ нападками на личности членовъ. Крутыя реформы намѣчены имъ были въ церковныхъ дѣлахъ—и только кратковременность его царствованія помѣшала ему осуществить свои широкіе замыслы.

Екатерина II, вступивъ на престолъ, полная либеральныхъ мечтаній, тоже съ первыхъ же шаговъ своего царствованія спѣшитъ приняться за церковныя реформы. Важнѣйшей изъ этихъ реформъ тогда являлось отобраніе церковныхъ имуществъ (земель и крестьянъ), давно уже намѣченное правительствомъ; еще при Петрѣ I секуляризація была почти окончательно рѣшена, но затѣмъ мысль объ этомъ на время оставляется, предается какъ бы забвенію. Въ послѣдніе годы Елизаветы Петровны и при ея преемникѣ, Петрѣ III, она снова привлекаетъ вниманіе правительства. Теперь Екатерина II берется за это дѣло, берется горячо и энергично. Надо, однако, было приготовить и «общество» къ реформѣ, чтобы у клира не оставалось внѣшней серьезной опоры. Петръ I въ этихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, обращался за помощью къ сатирѣ—высмѣивалъ

¹⁾ Вотъ эта пѣсенка, записанная по заказу самой государыни въ деревнѣ В. Ф. Салтыкова:

Какъ у насъ въ сельцѣ Поливанцевѣ
 Да бояринъ-отъ дуракъ рѣшетомъ пиво цѣдилъ,
 А дворецкій дуракъ въ сарафанъ пиво сливалъ.
 — «Возьми, дуракъ, бочку, больше пива наливаешь».
 А попъ-отъ дуракъ косаремъ сѣно косилъ.
 — «Возьми, дуракъ, косу, больше сѣна накосяишь».
 А понамарь дуракъ на свинѣ сѣно возилъ.
 — «Возьми, дуракъ, лошадь, больше сѣна навозишь».
 А поповичъ дуракъ шиломъ сѣно подавалъ.
 — «Возьми, дуракъ, вилы, больше сѣна подашь».
 А крестьянинъ дуракъ косточкою пашню пахалъ.
 — «Возьми, дуракъ, соху, больше пашни напашешь».

духовенство. Екатерина II рѣшаетъ послѣдовать его примѣру, давшему, въ свое время, хорошіе результаты.

И вотъ на сцену опять выдвигается сатира, не простая, а «казенная», государственная. Прежде всего «кусательныя» творенія «рогатаго пророка»—Кантемира—пускаются теперь свободно въ оборотъ въ печатномъ видѣ (1762 г.). На ряду съ этимъ появляется еще болѣе, пожалуй, ядовитая—«народная сатира», неглубокая по идеѣ, однакожь очень характерная и своею колоритностью, и живою рѣчью, въ которой чувствуется творчество скомороха-шутника; это знаменитая, упоминавшаяся выше, челобитная калязинскихъ старцевъ, любопытная для характеристики эпохи, даже двухъ эпохъ: конца XVII и конца XVIII вв., и выпущенная въ началѣ царствованія Екатерины II правительствомъ въ народъ въ видѣ текста къ соответствующей забавной картинкѣ¹⁾.

Вотъ содержаніе этой челобитной.

Калязинскіе монахи, «дьяконъ Дамаскъ-чернецъ съ товарищами», жалуются «Симеону, архіепископу кашинскому и тверскому», на новаго своего архимандрита Гавріила за то, что онъ вводитъ строгіе порядки въ обитель: требуетъ хожденія въ церковь и трезваго поведенія. «Живетъ онъ не гораздо,—доносятъ монахи архіерею,—досаждаетъ намъ, богомольцамъ твоимъ, вельми. Научилъ онъ, архимандритъ, понамарей-плутовъ не во время въ колокола звонить, въ доски колотить, и они, понамари-плуты, изъ колоколовъ много мѣди вызвонили, желѣзные языки перебили, три доски исколотили, ни въ день, ни въ ночь намъ, богомольцамъ твоимъ, покою не даютъ». Ночью архимандритъ гонитъ ихъ отъ ведра въ церковь. Старцы обвиняютъ также его въ расточительности. «Казны,—пишутъ они,—не бережетъ, ладону и свѣчъ много жжетъ, и тѣмъ онъ, архимандритъ, церковь запылилъ, кадила закоптилъ, а намъ, богомольцамъ твоимъ, выѣло очи, засадило горлы». У воротъ монастыря поставленъ кривой Фалалей съ шелепомъ и не пускаетъ старцевъ даже на скотный дворъ сходить, «коровницамъ благословеніе подать». Далѣе жалуются они, что архимандритъ совсѣмъ разорилъ

¹⁾ Видъ картинки: въ полатахъ сидитъ архіепископъ, а монахи бьютъ ему челомъ; вдали церковь, внизу подпись. Текстъ для картинки заимствованъ былъ изъ рукописи XVII вѣка; упоминаемая въ немъ имена архимандрита Гавріила и архіепископа Симеона—не вымышлены: оба эти лица состояли въ указанныхъ въ картинкѣ должностяхъ въ 1676—1682 годахъ. Картина, говоритъ Ровинскій, была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила свой планъ отобранія у монастырей недвижимыхъ имѣній; цѣль ея—подорвать въ народѣ предполагавшееся со стороны его особое уваженіе къ монастырямъ и подготовить народъ къ указу о секуляризаціи. Въ народѣ картинка распространялась, несомнѣнно, съ высочайшаго соизволенія, безъ котораго, по справедливому замѣчанію Ровинскаго, издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, рисковали подвергнуться тяжелому обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ.

монастырь: «старыхъ пьяныхъ всѣхъ разогналъ, дошло до того, чуть монастырь не запустилъ, некому стало впредь заводу заводить, чтобы пиво наварить, да медомъ подсытитъ, а на деньги пива прикунить, помянуть умершихъ старыхъ пьяныхъ». Монастырь спасся только тѣмъ, что московскіе начальныя люди, узнавъ о критическомъ положеніи обители, поспѣшили на помощь, сдѣлали смотръ по всѣмъ монастырямъ и кружаламъ пьяницамъ московскимъ и лучшихъ «старыхъ бражниковъ сыскали: пѣвчаго Лукьяна да стараго лучшаго подьячаго Селуяна, да съ Поповки безграмотнаго попа Колотила и для образца наскоро въ Калязинъ послали, чтобы они дѣломъ не плошали, своего бы ремесла не теривали и иныхъ бы пить научали». Радостно встрѣтила «старыхъ питуховъ» осиротѣвшая братія и сообща съ ними размышляла, откуда достать денегъ на вино; собирались было уже монастырскіе колокола отвязать «и на вино промѣнять». Жаловались наши крылошане и на ѣду: все имъ ставятъ «рѣпу пареную да рѣдку вяленую», а по ихъ «смыслу» меню должно бы быть совсѣмъ иное. Вотъ это скромное «братское» меню: для постныхъ дней вязига бы да икра, бѣлая рыбаца, тѣльное, да двѣ паровыя тешки во штяхъ, да ушка стерляжья, трой пироги, да двой блины¹⁾, одни съ масломъ, а другіе съ молокомъ, каша пшенная, кисель съ сытою, а въ братины наливали пиво мартовское подѣльное». Великолѣпное, конечно, меню, но у архимандрита на это «смысла не стало»—не хватаетъ смекалки. А не хватаетъ потому, что этотъ—«родиною поморець, а нравомъ ростовець», человекъ совсѣмъ недалекій—«умомъ» только кашинець. Что съ него взять? Въ заключеніе челобитной угроза: если архіепископъ не уберетъ архимандрита, то монахи грозилась уйти изъ Калязина: «мы, богомольцы твои, ударимъ объ уголъ плошки да ложки, а въ руки возьмемъ посошки, да вступимъ на дорожки, пойдёмъ въ иной монастырь; а гдѣ пиво да вино найдемъ, тутъ и поживемъ, а когда тутъ допьемъ, въ иной монастырь пойдёмъ, а съ похмелья да съ тоски, да съ великія кручины назадъ въ Калязинъ пойдёмъ: въ житницахъ да въ амбарахъ все пересмотримъ».

¹⁾ Жалобу на меню можно было бы считать сплошною скоморошьею шуткой, но дѣйствительность не даетъ намъ на это права. Въ извѣстномъ повѣствованіи Гавриила Добрынина, бывшаго въ XVIII вѣкѣ келейникомъ у сѣвскаго епископа Кирилла Фіоринскаго, приведеиъ аналогичный фактъ изъ жизни сѣвскаго монастыря. Мѣстные монахи, по свидѣтельству Добрынина, вознегодовали на своего новаго архимандрита Пахомія «за разореніе» монастырскаго устава. Разореніе это заключалось въ томъ, что архимандритъ, вопреки монастырскому обычаю, «въ праздничные и торжественные дни не проситъ братію въ себѣ на водку»—и, что еще ужаснѣе,—«уничтожилъ печеніе по субботамъ блиновъ, а по воскресеньямъ—пироговъ». Въ результатѣ—«слово и дѣло». Монахи сострапали доносъ, обвиняя архимандрита, однако, не за негостепріимство, а сразу по двумъ «первымъ пунктамъ»,—и Пахомію пришлось таки поплатиться.

Кромѣ картинки-челобитни, около того же времени, повидимому, вскорѣ по изданіи указа о секуляризаціи, распространяется еще въ рукописи другая сатира такого же пошиба. Это—«дерзкое сочиненіе (такъ сказано въ рукописи, по которой сатира напечатана въ «Русской Старинѣ»)»¹⁾ переводіакона печерскаго Іосафа Богова «Плачь кievскихъ монаховъ». Написана эта сатира виршами, довольно, впрочемъ, неуклюжими, дубоватыми. Сюжетъ ея—соборное засѣданіе въ монастырѣ 13 печерскихъ старцевъ по поводу горестнаго событія—вышедшаго уже закона о секуляризаціи. Старцы, конечно, невеселы—«всѣ въ печальномъ видѣ»: бѣда пришла нешуточная.

Архимандритъ Зосима открываетъ засѣданіе вѣстью о томъ, что вопросъ объ отобраніи монастырскихъ деревенокъ рѣшенъ уже окончательно—деревеньки отбираются.

Орестъ, монастырскій повѣренный, совѣтуетъ не падать духомъ: можно еще помочь бѣдѣ, похлопотать объ отмѣнѣ «новыхъ уставовъ».

Но другимъ старцамъ, въ особенности же Епифанію-эконому, совершенно чуждъ такой оптимизмъ. Не видятъ они никакого проку въ хлопотахъ—дѣло непоправимое. Нѣкоторые при этомъ скорбятъ, каждый на свой ладъ, о потерѣ земныхъ благъ, связанныхъ съ деревеньками, невольно обрисовывая въ то же время собственные пороки: чревоугодничество (тонкій гастрономъ намѣстникъ Мельхиседекъ), пьянство (неисправимый алкоголикъ еkkлeciархъ Модестъ, опасаящійся, что теперь, пожалуй, въ монастырѣ «водка и сивуха» переведутся, невольная же трезвость непременно сведетъ его въ раннюю могилу), и т. д.

Въ совѣтахъ, какъ помочь горю, облегчить хоть немного «печальный жребій», нѣтъ недостатка; преобладаютъ, однако, чисто житейскіе, «отъ міра сего». Только уставщикъ Варламъ, врагъ монашеской гордыни и безпутства, рѣзко расходится здѣсь съ монастырскими мудрецами. Всѣ суетныя земныя надежды имъ отменяются, опорочиваются. Надо, говорить этотъ старецъ, искать духовной помощи, хорошо бы, напимѣръ, помолиться

Варваръ великой.

Не сподобитъ ли она милости толикой,

не спасетъ ли монахамъ хоть небольшую частичку монастырскаго добра?

Послѣдній ораторъ, монастырскій писарь Адріанъ, уже прямо скорошить. Обуреваемый мірскими помыслами, онъ смотритъ на вещи

¹⁾ Октябрь 1881 года. Сатира, надо полагать, пользовалась популярностью въ монашескомъ мірѣ; редакцію «Русской Старины» она получена отъ игумена одного изъ монастырей западной Россіи.

проще, совѣтъ даже не по-монашески. Монахамъ грозитъ ницета, такъ зачѣтъ же оставаться дольше въ монастырѣ? Теперь самое время клобукъ долой, разстричься и жениться. Нѣтъ деревень—и клобукъ лишнее бремя. Пришлось бы только напрасно мучиться подъ нимъ «отъ безженства»; а на это Адрианъ рѣшительно не согласенъ, это ему не по душѣ. То ли вотъ дѣло, сознается онъ, прежняя жизнь, когда «мы», монахи,

во всемъ были бойки,
Имѣли каждый изъ насъ по двѣ портомойки.

«Перводіаконъ Боговъ», авторъ «дерзкихъ виршъ», въ прибавкѣ къ плачу насмѣшливо присоединяется къ мнѣнію жизне-радостнаго соборнаго писаря, для котораго «пара портомоекъ» въ жизни—лучшій даръ небесъ, высшее благо; поиронизировавъ надъ монашеской суетой, подтрунивъ надъ самими «честными отцами», онъ въ заключеніе вторитъ писарю Адриану, говоритъ, что «чернцамъ» дѣйствительно теперь остается только «жениться», потому что больше нельзя уже «съ портомойками обходиться»¹⁾.

По смерти Екатерины II прекратились и «шутки» въ родѣ знаменитой картинки съ калязинской челобитной. Кругъ антицерковнической сатиры съ той поры у насъ все больше и больше суживается, и одно время, въ царствованіе Николая I, почти совѣтъ сходить на нѣтъ. Да ужъ не говоря о суровомъ цензурномъ режимѣ николаевской эпохи, и позже, даже и въ наши дни, церковническій мірокъ бдительно охраняется отъ посягательствъ сатиры. За примѣрами недалеко ходить—достаточно вспомнить хотя бы судьбу книжки Лѣскова «Мелочи архіерейской жизни». Изданное въ 1880 г., это, довольно-таки невинное, сочиненіе вдругъ на нашихъ глазахъ впадаетъ «въ немилость», изгоняется изъ библиотекъ и запрещается къ перепечаткѣ. Опала продолжалась около четверти вѣка, и еще недавно покойному Марксу удалось добиться разрѣшенія на напечатаніе «Мелочей» въ собраніи сочиненій Лѣскова, въ качествѣ преміи къ «Нивѣ», лишь съ урѣзками.

Но возвратимся къ эпохѣ Александра I и Николая I, которою мы собственно и намѣрены закончить свою статью.

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, что секуляризація вообще вызвала у насъ борьбу между клиромъ и правительствомъ. Правительство дѣйствовало тутъ очень рѣшительно, какъ можно видѣть на примѣрѣ съ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ, вступившимся было за неприкосновенность монастырскихъ вотчинъ. Митрополита сперва лишили сана и сослали въ корельскій монастырь. Когда же онъ, «не дѣлая никакихъ оглядокъ на человѣческіе страхи», продолжалъ протестовать, считая свое осужденіе незаконнымъ дѣломъ гонителей церкви, — его разстригли, лишили собственнаго имени и уже подъ оскорбительной кличкой Андрея Врадя (юморъ чисто петровскій!) отправили въ самое строгое заточеніе въ ревальскую крѣпость.

Въ царствованіе Александра I, до наступленія реакціоннаго періода, насчетъ противоцерковнической сатиры было еще не совсѣмъ строго. Духъ «глупца», въ глазахъ котораго, по пушкинскому выраженію, «Кутейкинъ и Христосъ — два равныя лица», еще не былъ господствующимъ въ нашей цензурѣ. Нѣкоторыя юмористическія, правда, довольно скромныя, пѣсенки о «клирошанахъ», тогда допускались даже и въ печать, расходясь, такимъ образомъ, по лицу земли русской «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды»; такъ, въ старинномъ пѣсенникѣ Львова, изданномъ въ 1806 г., печатается «чернецкая пѣсенка»: «Не спасибо игумну тому»; въ пѣсенникѣ Прача, изданія 1815 г., находитъ себѣ мѣсто болѣе извѣстная скоморошина: «Какъ во городѣ было во Казани... молодой чернецъ постригся»; и еще въ 1818 г. въ сборникѣ Кириши—хотя и опускается насмѣшливая пѣсня про старца Игримица, однакожь не исключается другая, менѣе, впрочемъ, ѣдкая, скоморошина о Чурильѣ-игуменьѣ; помѣщается здѣсь также и стихъ про старческое «беззаконство великое», приведенный у насъ выше. Но при Александрѣ I это было уже, можно сказать, послѣднее антицерковническое свободорѣчіе, лебединая пѣснь антицерковнической сатиры. Вскорѣ затѣмъ мистическо-реакціонный туманъ густо окутываетъ высшіе слои правящаго русскаго класса: не спасается отъ рокового «повѣтрія» даже и самъ государь — мистицизмъ и реакція мало-по-малу совершенно овладѣваютъ имъ. Наступила, по свидѣтельству А. С. Пушкина, такая ужасная пора, когда пришелъ, можно сказать, «матъ» отечественной словесности; поднялся, что называется, «дымъ коромысломъ» — и у насъ вдругъ провозгласили «сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ, гласъ правды — мятежомъ», литературу «скрутили», какъ тяжкаго преступника. Во главѣ цензуры стоялъ тогда «святой отецъ» — князь А. Н. Голицынъ, который «Омара да Гали», двухъ знаменитыхъ истребителей древней науки, «пріявъ за образецъ», отважно ополчался на науку—и

Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье.

Всякимъ вольностямъ насталь тутъ, разумѣется, конецъ, а въ особенности въ области антицерковнической сатиры; не только въ печати, но и въ другихъ сферахъ искусства даже малѣйшій намекъ на такую сатиру подвергается теперь неслыханному раньше гоненію. Все, что только имѣло видъ насмѣшки надъ церковью, въ это время строго преслѣдовалось. Государь, въ этомъ отношеніи, былъ едва ли не строже всѣхъ, отличался неумолимостью. И вотъ повсемѣстно на Руси возникаетъ рядъ дѣлъ объ оскорбленіи святыни или религіознаго чувства; и это иногда даже просто изъ-за пустяковъ, на которые прежде не обращалось вниманія.

Между тѣмъ теперь и эти «пустяки» играютъ уже видную роль; нерѣдко они тянутся очень долго, исходя изъ инстанціи въ инстанцію, обсуждаются съ необыкновенной серьезностью. Случалось даже, что нѣкоторые изъ нихъ, послѣ безконечнаго ряда инстанціонныхъ мытарствъ, рѣшались самимъ государемъ.

Такой чести, между прочимъ, удостоилось незначительное само по себѣ, но любопытное для характеристики эпохи, напумѣвшее въ свое время, саратовское кукольно-монашеское дѣло.

Вотъ оно.

Въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка въ Саратовѣ появляются въ продажѣ оригинальныя фарфоровыя куклы—изображеніе существа «монашескаго вида» съ ношей; ноша эта была довольно подозрительная—«родъ снопа съ видомъ женскимъ». Впечатлѣніе отъ изображенія получалось такое, словно это не невинная игрушка, а какая-то скульптурная скоморошина—«сатирическій пасквиль». Фантазія мастера какъ бы стремилась увѣковѣчить тутъ нескромный сюжетъ, напоминающій приключеніе скоморошняго старца Игримища.

Куклы-монахи продавались прямо въ лавкахъ, вмѣстѣ съ другими игрушками. Попадаетъ какъ-то на ярмаркѣ товаръ этотъ на глаза мѣстному архимандриту Саввѣ—и приводитъ его въ сильное смущеніе. «Отбираетъ» о. Савва одинъ экземпляръ игрушки—и уноситъ съ собой. Дома, разсмотрѣвши ее хорошенько, онъ окончательно убѣждается, что это несомнѣнный «пасквиль»—безчестіе монашества, соблазнительное поношеніе «ангельскаго чина». Кукла о. архимандритомъ спѣшно отсылается въ саратовское губернское правленіе¹⁾ съ просьбою прекратить «соблазнъ», истребить неприличныя игрушки. Губернскій ареопагъ, высшій саратовскій блюститель благочинія, засѣдавшій подъ предѣтельствомъ вице-губернатора Розинга, не внемлетъ, однако, этому гласу. Толкованіе «кукольнаго» смысла и значенія здѣсь дается уже совсѣмъ иное, нѣсколько юмористическое. Никакого «пасквиля» тутъ нѣтъ, не безъ игривости разсуждаетъ губернское правленіе: кукла нисколько не оскорбительна для монашества; это скорѣе даже похвала ему—прославленіе подвига добродѣтельнаго монаха: въ снопѣ, очевидно, скрыта невинная жертва, которую старецъ, подвергая себя

¹⁾ Въ Саратовѣ въ то время, судя по письму князя А. Н. Голицына на имя гр. Кочубея, напечатанному въ «Русской Старинѣ» (декабрь, 1903) дѣло о куклѣ шло двойнымъ порядкомъ: архимандритъ Савва жаловался губернскому правленію, а мѣстный преосвященный Амвросій—начальнику губерніи. Преосвященный полагалъ, что «соблазнительная игрушка» эта «можетъ быть поводомъ къ толкамъ, противнымъ благонравію и, заражая тѣмъ невинныя понятія юности, внушитъ неуваженіе къ духовенству». По письму кн. Голицына, въ 1821 г. послѣдовало распоряженіе министра финансовъ о прекращеніи выдѣлки соблазнительныхъ куколъ.

опасности, спасаетъ отъ злодѣевъ. Вотъ какъ надо понимать куклу.

Въ домогательствѣ о. архимандрита, естественно, послѣ этого было отказано.

Дѣло, однако, не пришлось «сдать въ архивъ». По протесту «ассесора» губернскаго правленія, который остался при особомъ мнѣніи, оно поступило въ высшее судилище—въ сенатъ.

Здѣсь саратовской юмористикѣ не посчастливилось, къ ней отнеслись неодобрительно. Сенатъ нашелъ, что «разсужденіе» саратовскаго ареопага лишено основанія, какъ построенное на весьма шаткомъ фундаментѣ—«на однѣхъ гадательныхъ и романическихъ идеяхъ, представляющихъ» притомъ «видъ сатиры». Сатира же здѣсь совсѣмъ некстати—она совершенно несомѣстима «ни съ должностью, ни съ достоинствомъ такого мѣста, какъ губернское правленіе». Закономъ она запрещена въ дѣловыхъ бумагахъ, не герпима даже въ частныхъ просьбахъ, а тутъ сатирой занимается само высшее губернское присутственное мѣсто. Конечно, это проступокъ, который нельзя оставить безнаказаннымъ. Сенатъ, однако, призналъ отвѣтственнымъ за это только одного вице-губернатора, котораго и считалъ достойнымъ «строжайшаго выговора»; остальнымъ членамъ правленія никакой кары не назначалось— всю вину долженъ былъ искупить «предсѣдательствующій».

Но по существу самаго дѣла и сенатъ ограничился непонятною для насъ резолюціей, тоже не лишеною сатирическаго оттѣнка. Собственно кукольное дѣло сенатомъ прекращалось, но неожиданно возбуждалось новое—о поступкѣ архимандрита. Въ сенатѣ возникло сомнѣніе въ правѣ его на «отобраніе» куклы-скоморошины и на отсылку ея въ губернское правленіе: «по силѣ закона» это, по мнѣнію сената, могло быть сдѣлано только полиціею, вѣдающею «благочиніе» въ городахъ, а отнюдь не духовною властью; поступокъ о. Саввы, какъ незаконное вторженіе въ чуждую ему сферу полицейской компетенціи, опредѣлено было «предоставить на разсмотрѣніе синода». Такъ, нежданно-негадано, обвинителю-архимандриту пришлось угодить «подъ судъ», очутиться на мѣстѣ какъ бы оправданной куклы. Получилась какая-то новая, уже сенатская сатира...

Комитетъ министровъ, куда перешло затѣмъ кукольное дѣло, совершенно согласился съ сенатомъ, одобрилъ его дѣйствія; но и на этомъ еще не все окончилось—государь разошелся во взглядахъ и съ сенатомъ, и съ комитетомъ. Дѣло приняло еще болѣе серьезный оборотъ. Скульптурная скоморошина требуется теперь въ столицу; велютъ также узнать, гдѣ она дѣлалась, сужденіе же о «поступкѣ» архимандрита отложить до «свидѣтельства куклы». Наконецъ, кукла была доставлена государю и «освидѣтельствована». Въ результатѣ опять новое, уже царское рѣшеніе: вице-

губернатору и губернскому правленію—строжайшій выговоръ, а о. Саввѣ награда—высочайшая благодарность, съ оповѣщеніемъ по епархіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось: соблазнительную выставку «подобныхъ фигуръ» воспретить, готовыя же «фигуры» уничтожить, какъ непристойность; кромѣ того, довѣдаться отъ торговца, по чьему рисунку была сдѣлана опальная скоморошина, кто этотъ художникъ-глумотворецъ¹⁾.

Такъ завершилась эта куклада, вызвавшая столько переполоха въ различныхъ правительственныхъ сферахъ и столько разнохарактерныхъ рѣшеній. Послѣ этого, конечно, нечего было и мечтать о какой-либо антицерковнической сатирѣ. Даже и пѣсенники со своими юмористическими стишками о «чернецахъ», стишками, которые, можно сказать, еще «вчера» не вмѣнялись въ преступленіе, теперь должны были смолкнуть, на время воздержаться.

Еще большею строгостью отличалось, по этой части, царствованіе Николая I. Въ печати—полная тишь да гладь, никакого антицерковническаго соблазна. Это и понятно, разумѣется: новыя изданія пѣсенниковъ подвергаются теперь внимательной чисткѣ, все «неприличное» повсюду заботливо удаляется.

«Осмотрительная цензура», дѣйствуя въ силу положительнаго приказа, иначе и не могла поступать. Ей прямо вмѣнялось въ обязанность «истреблять въ народной памяти все соблазнительное», а сатира вѣдь вся одинъ соблазнъ. Въ результатъ въ пѣсенникахъ процвѣтали лишь только совершенно невинныя или безсодержательныя бездѣлушки, а опальная сатира теряла, быть можетъ, навсегда, свои перлы, свои драгоценныя сокровища, которыя нашими скоморохами любовно обрабатывались цѣлыми вѣками. Въ послѣдніе годы царствованія Николая I, въ періодъ лихолѣтя русской печати (1848 — 1855 гг.), даже и наша старинная книжная антицерковническая сатира подвергается внимательной переборкѣ и переоцѣнкѣ. Новая литература въ это время, уstraшенная цензурными перунами, почти совершенно смолкла; цензурѣ тутъ нечего стало дѣлать. И вотъ, на досугъ, цензора занялись нескончаемымъ «розыскомъ» въ области старой, перетряхиваніемъ всякаго хлама.

¹⁾ Удалось ли добраться, въ концѣ концовъ, до первоисточника соблазна—до художника, смастерившаго рисунокъ для куклы, мы не знаемъ. Кстати: художественная духовная сатира и въ наши дни далеко не поощряется. Напримеръ, извѣстная картина Перова «Крестный ходъ на Пасхѣ», правда, черезчуръ ужъ кощунственно-реалистическая, запрещена для выставокъ и для полного воспроизведенія. Той же участи подверглась и картина П. Ф. Яковлева «Наши монастыри», гдѣ художникъ взялъ темою келью съ весьма жизнерадостнымъ инокомъ, любителемъ вина и камелій; вѣрно подмѣченные и искусно переданные типы, сочный реализмъ жанра и безпощадность кисти—способствовали тому, что «Наши монастыри» очутились въ частной коллекціи и не могли показаться на выставкѣ.

Тщательно пересмотрѣны были даже такія народныя книжонки, какъ «Англійскій Милордъ», успѣвшій уже отпраздновать свой вѣковой юбилей на Руси, и «Битва русскихъ съ кабардинцами» — архипатріотическо-сентиментальное твореніе; и въ этихъ перлахъ словесности, украшавшихъ преимущественно барскія лакейскія, старались теперь открыть слѣды крамолы, зародыши революціи. Не оставили, конечно, въ покоѣ и нашихъ «древнихъ» сатириковъ; дошла и до нихъ очередь: въ 1851 г. потянули къ отвѣту одновременно сразу двухъ: Кантемира и Хемницера. Книгопродавцемъ Смирдинымъ выпускалось тогда новое изданіе сочиненій этихъ писателей. Какъ водится, понадобилось цензурное разрѣшеніе. «Недреманное око» цензуры крѣпко тутъ призадумалось: все ли можно дозволить. Авторы, правда, очень старинные, почтенные классики; раньше сочиненія ихъ, еще со временъ Екатерины II, печатались свободно, не вызывая никакихъ тревогъ. Но такъ было раньше, теперь же совсѣмъ иное дѣло, велятъ неукоснительно «смотреть въ оба», ничему спуску не давать. А долго ли до грѣха съ этими во всякомъ случаѣ тенденціозными писателями. Что тамъ ни говори, а «рогатый пророкъ», несомнѣнно, подозрителенъ; и вина за нимъ немалая: въ его твореніяхъ обильно разсыпаны «сарказмы на духовенство, монашество и высшій іерархическій санъ», насмѣшки надъ клиромъ. Старина все это, разумѣется, далекая старина, но вѣдь и стариной шутить нельзя... Хемницеръ тоже хорошъ. Въ его баснѣ «Дворовая собака» есть «неприличное сближеніе собаки съ монахомъ»; сказано такъ:

Жила у барина собака на дворѣ
 Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
 Въ какомъ, бывало, жилъ чернецъ въ монастырѣ..

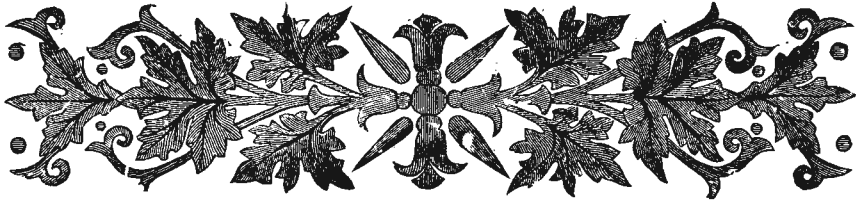
Не поднялась, однако, рука самой цензуры на эти «непристойности». Рѣшимости не хватило. Всѣ свои затрудненія она предпочла представить начальству, — пусть оно ужъ тутъ разбирается. Завелось, по обыкновенію, объемистое дѣло — и «пошла писать губернія». Въ основу «писаній» положены были два мнѣнія цензуры: съ одной стороны — обоихъ сатириковъ слѣдовало бы хорошенько «поочистить», освободить въ особенности отъ «глумовъ»; съ другой — это шагъ рискованный, и рискъ невольно сдерживаетъ здѣсь цензурную ревность. Дѣло въ томъ, что цензура «осмѣливалась думать», что красныя чернила въ этомъ случаѣ легко могутъ дать нежелательные отрицательные результаты. И думалось ей такъ не безъ основанія. Изданныя прежде сочиненія обоихъ писателей, въ особенности Хемницера, разошлись въ публикѣ въ большомъ количествѣ. Изъять эти старыя изданія теперь изъ оборота невозможно — задача невыполнимая. При такомъ же положеніи «выемки» и перемѣны въ новомъ — не только безцѣльны, но и вредны: онѣ

привлекутъ лишь усиленное вниманіе читателя къ «исключеніямъ», которыя, при обильной наличности прежнихъ полныхъ изданій, возстановить, конечно, совсѣмъ нетрудно. И «будеть, такъ сказать, послѣдняя лестъ горше первой»... Все это побуждало цензуру рекомендовать и начальству «снисходительность» къ стариннымъ авторамъ: меньше будетъ рекламы «мѣстамъ, несогласнымъ съ требованіями цензуры». Мудрое соображеніе цензуры, въ концѣ концовъ, восторжествовало, но не вполнѣ. «Перепечатка» Кантемира все-таки была воспрещена. Сочиненія же Хемницера вышли опять въ свѣтъ лишь слегка «урѣзанныя»; даже хемницеровскій монахъ попрежнему оставленъ былъ въ непріятномъ сосѣдствѣ...

Этимъ эпизодомъ и оканчивается наша статья. Сравнивая его съ шумной антицерковнической сатирой временъ Петра I и Екатерины II, невольно восклицаешь: «свѣжо преданіе».. При Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II антиклерикальная сатира бьетъ, можно сказать, ключомъ, переходитъ, по временамъ, всякую мѣру; «большія бороды» и «Кутейкины» высмѣиваются порой даже очень грубо, не только совершенно безнаказанно, но еще съ «поощреніемъ» отъ власти. А теперь совсѣмъ не то. Даже совершенно безобидныя, по времени, старинныя кантемировскія сатиры изгоняются уже изъ печати, да еще съ такимъ напутствіемъ: «пусть себѣ пылятся и гніють въ заднихъ шкапахъ бібліотекъ, гдѣ занимаютъ лишнее мѣсто». И если не все гибнетъ изъ Хемницера, то только потому, что запретомъ сильно опасались надѣлать шума, который создалъ бы нежелательную рекламу прежнимъ изданіямъ твореній популярнаго баснописца. Не будь этой серьезной помѣхи, не миновать бы, конечно, запрещенія и Хемницеру, не пощадили бы и его... Вотъ какіе странные успѣхи сдѣлала въ области антицерковнической сатиры русская мысль почти за полтора вѣка, то есть со временъ Петра I.

Т. А. Мартемьяновъ.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧЪ СЕРГЪЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

ВНЕЗАПНО 25 сентября скончался полный силъ выдающійся профессоръ, ученый и государственный дѣятель, Николай Дмитриевичъ Сергѣевскій.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, гдѣ его дѣдъ Василій Трофимовичъ, бывшій совѣтникъ псковскаго губернскаго правленія, имѣлъ небольшое помѣстье въ селѣ Болчинѣ. Третій изъ четверыхъ сыновей Василія Трофимовича, Дмитрій Васильевичъ, сначала чиновникъ порховскаго уѣзднаго суда, а потомъ мировой посредникъ въ своемъ округѣ, имѣлъ отъ брака съ Анной Васильевной Деденовой двухъ сыновей и трехъ дочерей. Старшій изъ сыновей и былъ Николай Дмитриевичъ, родившійся 8 октября 1849 г. въ упомянутомъ селѣ Болчинѣ ¹⁾. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ псковской гимназіи, которую окончилъ въ 1868 г. съ золотою медалью, и затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета. Послѣдній онъ окончилъ въ 1872 г. также съ отличіемъ и былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ уголовного права, со стипендіею изъ капитала Демидова. Послѣ двухлѣтней подготовки и преподавательской дѣятельности

¹⁾ Архивъ департамента герольдіи. Дѣло о дворянствѣ Сергѣевскихъ по Псковской губерніи.

въ петербургскихъ частныхъ гимназіяхъ Мая и Шаффе, Николай Дмитріевичъ получаетъ назначеніе на должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея въ Ярославль по кафедрѣ уголовного права, гдѣ, по защитѣ въ 1880 г. магистерской диссертациі «О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ», получаетъ и званіе экстраординарнаго профессора. Черезъ два года онъ переселяется въ Петербургъ и сразу же назначается преподавателемъ уголовного права въ императорскомъ Александровскомъ лицей, адъюнктъ, профессоромъ по кафедрѣ уголовного права и судопроизводства въ военно-юридической академіи и доцентомъ петербургскаго университета. По уходѣ профессора Н. С. Таганцева изъ университета, Николай Дмитріевичъ утверждается въ 1884 г., въ качествѣ его преемника, экстраординарнымъ профессоромъ, а черезъ пять лѣтъ (въ 1889 г.) и ординарнымъ. Получивъ въ 1900 году званіе заслуженнаго профессора, онъ въ слѣдующемъ году покидаетъ университетъ, прекративъ чтеніе лекцій въ Александровскомъ лицей и въ военно-юридической академіи еще въ 1895 году. Въ два послѣдніе года своей жизни онъ снова вернулся къ профессорской дѣятельности, принявъ приглашеніе читать въ училищѣ правовѣдѣнія лекціи по общей части уголовного права, а въ началѣ 1908 г. взялъ на себя руководство и наблюденіе за ходомъ преподаванія въ старшихъ классахъ названнаго училища.

Какъ лекторъ и профессоръ, Николай Дмитріевичъ пользовался большою извѣстностью и авторитетомъ. Его лекціи, благодаря простому и ясному изложенію, умѣнью автора сообщать мѣткія, врѣзывающіяся въ память, характеристики, и благодаря его лекторскимъ дарованіямъ, всегда привлекали массу слушателей. Съ большимъ успѣхомъ велъ онъ практическія занятія, обыкновенно посвященныя разбору казусовъ, иллюстрирующихъ рѣшеніе различныхъ вопросовъ уголовного права. Главнымъ руководствомъ при этихъ занятіяхъ служила изданная имъ по образцу нѣмецкихъ руководствъ того же рода и выдержавшая два изданія «Казуистика», единственный существующій у насъ сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному матеріальному праву.

Учено-литературная дѣятельность покойнаго профессора, насколько намъ извѣстно, открывается слѣдующими двумя работами, напечатанными во «Временникѣ» Демидовскаго юридическаго лицея за 1875 г. Первою изъ нихъ была его вступительная лекція, читанная 27 ноября 1874 г. объ «Основныхъ началахъ и формахъ уголовного процесса», гдѣ трактуется о необходимости разсмотрѣнія общихъ правовыхъ идей, лежащихъ въ основаніи положительнаго законодательства, и выясненія ихъ генетическаго развитія. Второю работою его были выдержки изъ лекцій по уго-

ловному судопроизводству, подѣ общимъ заголовкомъ «О судѣ присяжныхъ», гдѣ, послѣ опредѣленія задачъ и значенія суда присяжныхъ, говорится о судѣ присяжныхъ въ Англіи, Франціи и Рос-

Николай Дмитриевич Сергѣевскій.

си, судебныхъ засѣданіяхъ съ присяжными и въ заключеніе о системахъ большинства и единогласія при постановленіи вердиктовъ.

Послѣ возвращенія изъ заграничной командировки (въ теченіе 1877—1878 гг.) онъ въ теченіе 1879 г. напечаталъ рядъ слѣдующихъ интересныхъ работъ: «Шеффенгерихтъ въ русской литера-

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1908 г., т. сxiv.

16

турѣ» («Юридическій Вѣстникъ», 1879 г., № 1.—Эта работа написана по поводу книги Палаузова: «Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента юстиціи»); «Государственные обвинители въ германскомъ и австрійскомъ процессахъ» («Журналь Гражд. и Угол. Права», 1879 г., №№ 1 и 2); «Философскіе приемы и наука уголовного права» (ib); «Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе» («Юридическій Вѣстникъ» 1879 г., № 6); «Преступленіе и наказаніе, какъ предметъ юридической науки» («Юридическій Вѣстникъ» 1879 года, № 12. Перепечатано въ «Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft» Листа въ 1881 г.). Въ этой послѣдней работѣ, а также и въ позднѣйшей—«Антропологическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи» («Юридическій Вѣстникъ», 1882 г.), — онъ съ большой подробностью и ясностью обосновалъ и развилъ свой взглядъ на предметъ современной науки уголовного права. Считая единственно возможнымъ для криминалиста изслѣдованіе юридической природы преступнаго дѣянія и наказанія, онъ отнесся отрицательно какъ къ «философскому» направленію, такъ къ антропологическому и социологическому. «Преступленіе,—утверждалъ онъ,—не есть болѣзнь и порождается оно не недостатками общественной организаціи. Оно есть неизбѣжный спутникъ всякаго прогресса. По содержанію своему преступленіе есть вредъ, причиняемый обществу; но вредъ этотъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что общество живетъ и движется» («Преступленіе и наказаніе», стр. 902).

Въ 1880 г. появилась въ свѣтъ и была блестяще защищена магистерская диссертация Н. Д. Сергѣевского «О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ». Въ первой ея части, состоящей изъ трехъ главъ, трактуется «теорія причинной связи и ея значеніе въ уголовномъ правѣ», а во второй — «вопросъ о причинной связи въ литературѣ уголовного права». Желая въ ней «представить выводъ изъ всего матеріала, образуемаго литературой», авторъ подробно использовалъ литературу по этому весьма запутанному вопросу и далъ собственную теорію, которая долго была господствующей.

Изъ позднѣйшихъ его работъ, посвященныхъ догматической разработкѣ вопросовъ общей части уголовного права, особое вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія статьи: «О правѣ наказанія» («Юридическій Вѣстникъ» 1881 г., № 3) и «Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ» («Журналь Гражд. и Угол. Права» 1893 г.), въ которыхъ трактуется о сущности наказанія, объ обоснованіи карательной дѣятельности государства и о цѣляхъ, ею преслѣдуемыхъ. Вслѣдъ за Баромъ авторъ усматриваетъ сущность наказанія въ осужденіи и порицаніи преступленія, обоснованіе наказанія онъ вмѣстѣ съ Шютце ви-

дитъ въ существѣ правопорядка, а по вопросу о цѣляхъ указываетъ на необходимость различать конкретныя цѣли наказаній и общую задачу—поддержаніе авторитета вѣднѣи законодателя.

Всѣ вопросы общей части уголовного права, наиболѣе интересовавшіе покойнаго профессора и имъ изслѣдованные, получили окончательную разработку въ его трудахъ: «Русское уголовное право. Часть общая» (Спб., 1887 г.) и «Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ» (1-е изданіе—1889 г. и седьмое въ 1908 г.). Разбиравшій первый изъ названныхъ трудовъ проф. Л. С. Вѣлгриць-Котляревскій (скончавшійся минувшимъ лѣтомъ) подчеркнул въ немъ много положительныхъ достоинствъ. Такъ, по его словамъ, «книга проф. Сергѣевского содержитъ самое обстоятельное въ нашей литературѣ и вѣрное опредѣленіе значенія обычая въ уголовномъ правѣ; сжатый и мѣткій по освѣщенію исторической очеркъ источниковъ дѣйствующаго права, начиная съ Уложенія 1649 года; сжатый и точный очеркъ теоріи наказанія съ наиболѣе полнымъ въ нашей литературѣ изложеніемъ такъ называемыхъ правовыхъ теорій; прекрасное изложеніе тѣлесныхъ наказаній и тюремнаго заключенія въ старомъ правѣ, представляющія плодъ самостоятельнаго обширнаго труда, и наконецъ наиболѣе правильную и полную въ нашихъ учебникахъ постановку ученія о причинной связи въ связи съ изложеніемъ положительнаго права («Юридическій Вѣстникъ» 1887 г., № 10). «Пособіе къ лекціямъ», выдержавшее въ короткое время семь изданій, всѣми признается за одинъ изъ лучшихъ учебниковъ по сжатости и ясности изложенія и въ то же время по полнотѣ содержанія.

Съ не меньшимъ интересомъ и вниманіемъ относился Н. Д. Сергѣевскій и къ разработкѣ исторіи уголовного права и проявилъ здѣсь большую самостоятельность, подвергнувъ тщательному изслѣдованію немало вопросовъ, до него не затрогиваемыхъ. Послѣ цѣлаго ряда журнальныхъ статей о «Тюремномъ заключеніи», «Тѣлесныхъ наказаніяхъ», «Смертной казни» и проч. въ Россіи въ XVII вѣкѣ, онъ въ 1888 г. напечаталъ свое изслѣдованіе: «О наказаніи въ русскомъ правѣ въ XVII вѣкѣ», которое и представилъ въ качествѣ докторской диссертации. Намъ живо помнится этотъ диспутъ 22 мая 1888 г. въ актовомъ залѣ университета. Болѣе переполненной самой разнообразной публикой залы, болѣе оживленныхъ преній и даже страстнаго отношенія къ разбираемому предмету и самому дикторанту не помнили и университетскіе старожилы, которымъ въ томъ же году пришлось пережить другой диспутъ, не много уступавшій первому по своей оживленности и горячности,—это докторскій диспутъ проф. П. И. Георгіевского, отстаивавшаго переходъ Николаевской желѣзной дороги изъ акціонернаго общества въ казну. Книга Н. Д. Сергѣевского ко дню диспута вызвала 19 рецензій, изъ которыхъ больш

шая половина была наполнена самыми жестокими и по большей части преувеличенными и несправедливыми нападками. Авторы послѣднихъ не стѣснялись называть докторанта «защитникомъ крѣпостного права», «поборникомъ казни неповинныхъ» и т. д. Первый казенный оппонентъ проф. И. Я. Фойницкій, отмѣтивъ въ разбираемой имъ книгѣ рядъ несомнѣнныхъ достоинствъ, обширную эрудицію и глубину взглядовъ автора, свои возраженія заключилъ такими словами: «Пожелаемъ, чтобы авторъ не обогащалъ болѣе русскую литературу такими положеніями, какъ его ученія о групповой отвѣтственности и о простотѣ наказанія. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшія работы приведутъ его къ убѣжденію, что ни въ какую эпоху законодательство и судъ не могутъ быть освобождены отъ подчиненія началамъ нравственности, въ соблюденіи которыхъ лежитъ дѣйствительная сила власти государственной и настоятельная потребность общественная» («Журналъ Гражд. и Угол. Права» 1888 г., № 3, стр. 133). Другой оппонентъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, также фактическими данными старался доказать, что «дешевизна наказаній не входила въ расчетъ правительства XVII вѣка» и «принципа групповой казни въ XVII вѣкѣ не существовало».

Цѣлью своего труда докторантъ поставилъ—«собрать все, что заключается въ напечатанныхъ памятникахъ и сложить изъ имѣющихся отдѣльныхъ свѣдѣній посильную картину того, что было», и представилъ въ первой его части—«о карательной дѣятельности и ея задачахъ», касаясь общаго характера взысканій въ связи съ общимъ характеромъ избранной имъ эпохи,—и во второй—о видахъ карательныхъ мѣръ (смертной казни, тѣлесныхъ наказаній, тюремнаго заключенія, ссылки, имущественныхъ наказаній, пораженій чести и права и наказаній церковныхъ). Основная точка этой работы та, что «суровость карательной системы (Уложенія 1649 года) вытекала, какъ необходимое послѣдствіе, не изъ грубости и угнетенія, а изъ совершенно нормальныхъ для того времени особенностей государственнаго быта и соотношенія общественныхъ силъ—моментовъ созидательныхъ, а не разрушительныхъ»... «XVII вѣкъ—вѣкъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ, хотя напряженія односторонняго», выразившагося въ одной цѣли: «укрѣпить государственную власть и поддержать государственное единство всѣми мѣрами».. «Спокойствіе», съ которымъ шли на казнь тогдашніе русскіе люди, исходило не изъ апатіи и дикости нравовъ, какъ объясняли проживавшіе въ Москвѣ иностранцы, а отъ «сознанія неизбѣжнаго подчиненія государственной силѣ».

Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какой-либо принципиальной защитѣ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, въ чемъ упрекали покойнаго многіе рецензенты, тѣмъ болѣе, что самъ

авторъ въ своихъ работахъ и до и послѣ заявлялъ себя противникомъ этихъ наказаній, напр., въ статьѣ «Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе» («Юридическій Вѣстникъ» 1879 года, № 6) и «Пособіи къ лекціямъ».

Видное мѣсто занимають и немногочисленныя статьи покойнаго въ области особенной части уголовного права. Въ статьяхъ: «О мошенничествѣ по русскому праву» («Юридическій Вѣстникъ» 1890 года), «Самовольное пользованіе по русскому праву» («Юридическій Вѣстникъ» 1891 г.) и «Обида по дѣйствующему русскому праву» («Юридическій Вѣстникъ»),—дается сжатый анализъ нашего права и сообщается рядъ критическихъ замѣчаній по адресу нашей сенатской практики. Затѣмъ въ довольно пространной статьѣ: «Къ вопросу о религіозныхъ преступленіяхъ» («Журналъ Министерства Юстиціи», 1906 г., № 4) указаны основные руководящіе моменты юридической конструкціи религіозныхъ преступленій въ ея историческомъ развитіи.

Кромѣ того, Н. Д. Сергѣевскій помѣстилъ еще нѣсколько рецензій въ «Юридической Библиографіи» за 1884—1885 года, подписываясь инициалами Н. С., въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права» и «Журналѣ Министерства Юстиціи». Въ 1890—1892 годахъ онъ издавалъ подъ своей редакціей журналъ «Юридическая Лѣтопись». Цѣлью этого изданія было распространеніе въ публикѣ здравыхъ юридическихъ понятій, ознакомленіе съ новыми общественными и литературными новинками въ области права и возбужденіе публичнаго интереса къ правовымъ вопросамъ. Но, несмотря на удачное исполненіе своей задачи, ясное и популярно-научное изложеніе, редактору-издателю въ своемъ «Прощальномъ Словѣ» («Юридическая Лѣтопись» 1892 г., № 12, стр. 347 и слѣд.) пришлось констатировать одно только «несочувствіе» даже со стороны судебного персонала и значительные личные матеріальные убытки. Наконецъ, съ 1894 года и до октября 1905 года покойный редактировалъ «Журналъ Министерства Юстиціи».

Какъ юристъ и профессоръ, Н. Д. Сергѣевскій занималъ вполне определенное и видное мѣсто въ русской наукѣ уголовного права. Ученикъ Н. С. Таганцева и Бондинга, онъ съ самыхъ первыхъ и до послѣднихъ работъ оставался сторонникомъ такъ называемой классической школы уголовного права и въ то же время признавалъ важность «національнаго» направленія въ наукѣ, которое, по его словамъ, есть «необходимое условіе всякаго дѣйствительнаго прогресса въ уголовномъ правѣ» и которое особенно ярко отразилось въ его докторской диссертаци.

Въ декабрѣ 1893 года Н. Д. Сергѣевскій получаетъ назначеніе помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, и съ этого момента начинается его широкая государственная дѣятельность. Въ 1894 году онъ участвуетъ въ особой, Высочайше утвер-

жденной при министерствѣ юстиціи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Назначенный въ іюль 1895 г. исполняющимъ должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а съ 1 января 1897 года и статсъ-секретаремъ, онъ тогда же дѣлается управляющимъ отдѣленіемъ свода законовъ государственной канцеляріи и предсѣдателемъ особой комиссіи, образованной при государственной канцеляріи для выработки правилъ о видахъ на жительство всѣхъ проживающихъ въ имперіи инородцевъ. Въ январѣ 1898 года онъ является предсѣдателемъ новой комиссіи для выработки правилъ о мѣрахъ на случай неисполненія иностранцами требованій объ оставленіи предѣловъ имперіи или самовольнаго ихъ возвращенія послѣ ссылки. Въ апрѣлѣ 1899 года онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи при государственной канцеляріи для составленія по финляндскимъ законамъ свѣдѣній, необходимыхъ при производствѣ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ и для систематизаціи финляндскихъ законовъ вообще, и освобожденъ отъ предсѣдательства въ ней лишь въ ноябрѣ 1904 года. Въ августѣ 1900 года призывается въ качествѣ члена къ участію въ Высочайше утвержденной при финляндскомъ статсъ-секретариатѣ особой комиссіи по пересмотру нѣкоторыхъ законоположеній, касающихся финляндскаго управленія; черезъ годъ (31 мая 1903 г.) онъ является представителемъ государственной канцеляріи въ комиссіи при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній для обсужденія вопроса о преобразованіи финляндскаго кадетскаго корпуса. Его участіе въ этихъ комиссіяхъ и энергичная дѣятельность обратили на него вниманіе, и въ мартѣ 1903 года ему была объявлена Высочайшая благодарность «за участіе въ законодательныхъ трудахъ по преобразованію финляндскаго управленія».

Однимъ изъ самыхъ важныхъ эпизодовъ въ «финляндской» дѣятельности Н. Д. Сергѣевского является его участіе въ подготовительной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, для обсужденія предположеній о разграниченіи общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательства, выработанныхъ въ учрежденной императорскимъ финляндскомъ сенатомъ комиссіи. Участіе его здѣсь продолжалось съ октября 1904 г. до весны 1905 г., когда онъ долженъ былъ оставить комиссію, не сочувствуя новымъ началамъ, принятымъ ею. Послѣднее видное участіе его въ разсмотрѣніи дѣлъ, связанныхъ съ финляндскимъ вопросомъ, относится къ октябрю 1907 г., когда онъ былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ въ составъ особаго совѣщанія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ П. А. Столыпина для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся великаго княжества Финляндскаго. Извѣстны результаты этого совѣщанія изъ хода обсужденія финляндскихъ дѣлъ въ государственной думѣ и закона о порядкѣ восхожденія на Высо-

чайшее воззрѣніе законодательныхъ постановленій финляндскаго сената.

Свою точку зрѣнія по финляндскому вопросу покойный пытался обосновать въ брошюрѣ «Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ» (Спб., 1902), которая почти сплошь посвящена выясненію вопроса, что такое представляютъ собою тѣ «конституціи» и «коренные законы» Финляндіи, на которые финляндскіе патріоты ссылаются въ доказательство государственной самостоятельности княжества. Убѣдительность и новизна доводовъ автора въ значительной степени помогаютъ разобраться въ запутанномъ вопросѣ о сущности взаимныхъ правовыхъ отношеній княжества и имперіи.

Кромѣ того, Н. Д. Сергѣевскій участвовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ подъ предѣлательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи, въ теченіе 1904—1906 гг., и въ награду за свои труды былъ назначенъ въ октябрѣ 1904 году сенаторомъ, съ присутствіемъ во второмъ департаментѣ, а 6 мая 1906 года — и членомъ государственнаго совѣта, въ составъ его перваго департамента.

Будучи строгимъ націоналистомъ, онъ много содѣйствовалъ образованію «Русскаго окраиннаго общества» и принималъ большое участіе въ газетѣ «Окраины Россіи», напечатавъ въ ней рядъ самыхъ горячихъ статей: «Врагъ у воротъ», «Финляндская сказка про бѣлаго бычка», «Поляки въ авангардѣ инородцевъ», и др. Не удовлетворяясь размѣрами и формою газеты, Н. Д. Сергѣевскій задумалъ основать еще особое изданіе, подъ названіемъ: «Библиотека Окраинъ Россіи», на свой счетъ и рискъ. Преслѣдуя чисто идейныя цѣли, онъ заботился о пропагандѣ идей и распространеніи дѣйствительныхъ знаній о положеніи окраинъ и обоснованіи отношеній окраинъ къ Русскому государству. Въ вышедшихъ шести выпускахъ этого изданія перу покойнаго принадлежатъ: 1) «Сеймовый уставъ великаго княжества Финляндскаго» и 2) «Финляндское уголовное уложеніе».

Послѣдній № 6 «Библиотеки» Окраинъ Россіи», редактированный имъ и вышедшій въ свѣтъ едва ли не въ день его смерти, заключаетъ въ себѣ «Запросы по финляндскому управленію въ государственной думѣ 1908 года».

Въ самое послѣднее время Н. Д. Сергѣевскій заинтересовался положеніемъ русскихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и вопросомъ о полякахъ и минувшимъ лѣтомъ совершилъ туда поѣздку для участія въ засѣданіяхъ сѣзда народныхъ учителей въ обществѣ «Крестьянинъ».

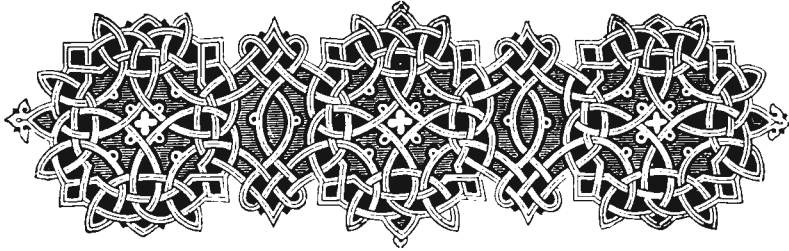
Вспоминая объ его брошюрахъ «Русскій духъ» и «Ѣшь меня собака», разошедшихся во многихъ тысячахъ экземпляровъ, проф. П. Кулаковскій въ своемъ некрологѣ (№ 40 «Окраинъ Россіи») говоритъ: «въ нихъ онъ безпощадно и мѣтко билъ и душевную

слабость и дряблость русскихъ людей во время развитія революціонныхъ смуть, и космополитизмъ, и пошлое самоотрицаніе. Онъ вѣрилъ въ силу русскаго духа и призывалъ всѣхъ къ умственному труду и бодрости, вѣря въ непремѣнную побѣду Русскаго государства и народа надъ смутою и инородческимъ натискомъ».

Въ заключеніе нашей замѣтки о покойномъ профессорѣ и членѣ государственнаго совѣта Н. Д. Сергѣевскомъ, намъ остается еще указать на его сотрудничество въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (въ 1874—1882 годахъ), «Новомъ Времени» и «Недѣлѣ» П. А. Гайдебурова. Въ послѣдней, въ «Книжкахъ Недѣли» за 1894 годъ онъ помѣстилъ рядъ интересныхъ «портретовъ съ натуры» подъ названіемъ «Уже немногіе». Портреты эти списаны имъ съ окружающихъ усадьбу его дѣда и отца дореформенныхъ людей, отличаются цѣльностью и правдивостью и почти всѣ согрѣты симпатіями автора. Благодаря живому языку, съ особымъ удовольствіемъ читаются: «Помѣщица Алмазова», «Николай Васильевичъ», «Господь простилъ» и «Полканъ-Богатырь» (всѣхъ очерковъ восемь: кромѣ упомянутыхъ—еще «Адмиралъ Рыковъ», «Блаженные», «Дикари» и «Портретъ»). Подписаны очерки: «Н. Д. Васильевъ»; очевидно, фамилія заимствована отъ имени дѣда автора.

В. Рудаковъ.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ПАВЛОВЪ-СИЛЬВАНСКІЙ.

(Некрологъ) ¹⁾.

ЕМНАДЦАТАГО сентября неожиданная смерть унесла въ могилу даровитаго русскаго историка Николая Павловича Павлова-Сильванскаго.

По происхожденію своему, хотя и не ближайшему, Н. П. вышелъ изъ духовной среды. Дѣдъ и прадѣдъ его были священники, дослужившіеся до сана протоіерея. Они не были заурядными людьми, выдѣляясь изъ среды другихъ своимъ умомъ, своей энергіей; въ особенности это слѣдуетъ сказать о дѣдѣ Н. П., который въ свое время былъ широко извѣстенъ литературной и просвѣтительной дѣятельностью въ Харьковской губерніи.

Эпоха Александра II и движеніе, охватившее тогдашнее общество, захватило собой и семью сельскаго священника, дѣда Н. П. Дѣти его изъ глуши рвутся въ университетскіе города, въ столицы. Одинъ сынъ (Павелъ Николаевичъ—отецъ Н. П.) поступаетъ на медицинскій факультетъ, другой (Николай Николаевичъ, позднѣе прокуроръ, извѣстный по оренбургскому дѣлу) — на юридическій. А за ними потянулись на курсы одна за другой и три дочери, тетки Н. П. Эти тетки были удивительно энер-

¹⁾ Свѣдѣнія для настоящаго очерка ввзяты изъ формуляра покойнаго Н. П., изъ «Памятной книжки гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ», изъ архива императорскаго с.-петербургскаго университета (дѣло № 235 и дѣло совѣта № 64); а также многое любезно сообщено было мнѣ сестрой Н. П. Александрой Павловой Павловой-Сильванской.

гичными женщинами: несмотря на сильнѣйшія препятствія, онѣ оставляютъ тихій родительскій домъ и бросаются въ водоворотъ тогдашнихъ событій, принимая дѣятельное участіе въ кружковой жизни молодежи.

Отецъ Н. П., по окончаніи университета, получилъ въ Харьковѣ степень доктора медицины и занялся врачебной практикой. Позднѣе онѣ перешелъ на службу по министерству финансовъ, жилъ въ Сибири, а потомъ въ Петербургѣ. Эта перемѣна мѣста жительства семьи, какъ видно будетъ ниже, довольно тягостно отразилась на судьбѣ Николая Павловича.

Родился Н. П. 1 февраля 1869 г. въ городѣ Кронштадтѣ, гдѣ отецъ въ то время былъ врачомъ 2-го флотскаго экипажа. Но только первые годы своего дѣтства онѣ прожилъ въ Кронштадтѣ, а потомъ вмѣстѣ съ переводомъ отца по службѣ былъ переведенъ въ городъ Красноводскъ, гдѣ семья прожила 2—3 года. Въ дѣтствѣ же Н. П. нѣкоторое время жилъ въ Малороссіи у своего дѣда, священника въ с. Сватовѣ Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губерніи. Потомъ снова онѣ возвращается въ Сибирь, въ городъ Омскъ, и здѣсь семья Павловыхъ-Сильванскихъ остается въ продолженіе 9 лѣтъ (съ 1875 до весны 1884 года).

Въ Омскѣ Н. П. въ 1878 году поступилъ въ гимназію въ приготовительный классъ и дошелъ до VI класса, когда долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ. Въ омской гимназіи учился онѣ блестяще и былъ всегда у преподавателей на счету, какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ учениковъ. Въ свободное отъ занятій время онѣ увлекался чтеніемъ, любилъ поэзію, съ наслажденіемъ читалъ стихи. Изъ поэтовъ наибольшую его симпатію пользовался Некрасовъ. Хотя въ гимназіи было строго запрещено читать Некрасова и дома отецъ изъ боязни репрессій по адресу его сына довольно косо смотрѣлъ на это чтеніе, Н. П. цѣлые часы проводилъ за книгами Некрасова и почти всего его зналъ наизусть. Страсть къ стихамъ возбудила въ Н. П. желаніе сдѣлаться поэтомъ: съ самыхъ малыхъ лѣтъ онѣ пишетъ стихи и позднѣе, занимаясь наукой, онѣ нерѣдко возвращался къ стихамъ и писалъ ихъ до самаго послѣдняго времени. Одно время у него было серьезное намѣреніе выпустить въ свѣтъ книгу своихъ стиховъ, но это намѣреніе не осуществилось, и тетради его стиховъ въ настоящую минуту лежатъ среди другихъ бумагъ въ рукописи не использованными.

Въ гимназіи Н. П. не имѣлъ близкихъ товарищей, держался съ одноклассниками довольно холодно, въ играхъ участія не принималъ, онѣ казались ему скучными. Время проводилъ больше среди занятій и чтенія книгъ, иногда гулялъ, но гулять любилъ одинъ, чтобы никто не мѣшалъ ему докучливыми разговорами. Въ дѣтствѣ и въ первые гимназическіе годы былъ очень религіозенъ и на-

боженъ, любилъ молиться и охотно посѣщалъ церковныя богослуженія, помогалъ при службѣ въ алтарѣ и за свою набожность и серьезность пользовался любовью мѣстнаго протоіерея. Потомъ насталъ рѣзкій переломъ, религіозность прошла и замѣнилась полнымъ равнодушіемъ и даже невѣріемъ.

Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій.

Въ послѣдніе годы своей жизни въ Омскѣ Н. П. сблизился съ своими старшими товарищами по гимназіи. Въ это время среди нихъ процвѣтали кружки: собирались для чтенія, издавали журналы. Н. П. въ кружкахъ участія не принималъ, но въ журналахъ помѣщалъ свои стихи и бралъ изъ кружка книги. Сообщаютъ, что уже въ то время онъ бралъ изъ кружка и читалъ со вниманіемъ Бюхнера «Сила и матерія» и другія подобныя книги. Между тѣмъ кружки въ Омскѣ, по свѣдѣніямъ администраціи, приняли поли-

тическій характеръ, нѣкоторые изъ участниковъ ихъ были арестованы, въ томъ числѣ и корреспондентъ Н. П. Въ результатѣ получился запросъ изъ жандармскаго управленія, былъ ли причастенъ къ этимъ кружкамъ Н. П. Этимъ очень обезпокоились родные, но отцу послѣ хлопотъ и представленія для просмотра переписки удалось устранить всякія подозрѣнія и доказать, что переписка носила чисто товарищескій характеръ, и политики въ ней никакой не было.

Пробывъ 6 лѣтъ въ омской гимназій, Н. П. съ начала учебнаго года 1884—1885 былъ переведенъ въ гимназію при с.-петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, въ VI-ой классъ. Переходъ изъ одной гимназій въ другую весьма неблагоприятно отразился на ближайшей судьбѣ Н. П. Омская гимназія была самой обыкновенной провинціальной гимназіею, требованія по отношенію къ ученикамъ тамъ были не высоки. Не такой была институтская гимназія, она въ столицѣ была едва ли не первой по своимъ строгимъ требованіямъ. И вотъ нашъ сибирякъ, какъ чужой, пришлецъ изъ далекой провинціи, сразу же беретъ подъ сомнѣніе въ своихъ познаніяхъ, къ нему относятся безъ всякаго снисхожденія. И такого искусства онъ не выдерживаетъ, его познанія оказываются слабыми, онъ робѣетъ и попадаетъ въ разрядъ послѣднихъ учениковъ. И преподаватели и одноклассники надъ нимъ смѣялись. Первый учебный годъ въ столичной гимназій окончился для него печально: онъ, какъ неуспѣшный, остается на второй годъ въ томъ же VI классѣ.

Неудача сильно задѣла его самолюбіе, онъ въ душѣ далъ себѣ слово доказать «имъ», что онъ не хуже, а лучше другихъ. И вотъ «неуспѣшный» усиленно принимается за науку: въ гости никуда не ходитъ, сидитъ за учебниками, читаетъ литературу, тщательно работаетъ надъ сочиненіями. Черезъ годъ результатъ былъ налицо: Н. П. считался уже однимъ изъ лучшихъ учениковъ, въ особенности выдѣляясь своими письменными работами. И съ товарищами у него установились хорошія отношенія. По словамъ одного изъ одноклассниковъ, «живой, интересующійся и увлекающійся литературой Н. П. за собой увлекъ и другихъ»; въ классѣ «явилось соревнованіе, каждый старался больше прочесть, въ спорахъ блеснуть ссылкой на литературныя имена». Съ особеннымъ стараніемъ все писали сочиненія. Но Н. П., кромѣ того, въ сотрудничествѣ съ другими велъ литературный журналъ, въ которомъ помѣщались не только свои стихи, но и статьи.

Прекрасные успѣхи Н. П. оказалъ и въ слѣдующіе годы и окончилъ курсъ гимназій въ 1888 г. съ медалью. Съ наибольшей любовью изъ гимназическихъ наукъ онъ изучалъ русскую литературу и исторію, стараясь пополнить свои знанія чтеніемъ книгъ. Преподаватели знали объ его склонности къ этимъ наукамъ и

поощряли къ дополнительнымъ занятіямъ сверхъ гимназическаго курса. Эта склонность была отмѣчена и въ аттестатѣ зрѣлости Н. П., гдѣ сказано: «любопытность—весьма значительная, особенно по отношенію къ русской словесности и исторіи».

Уже сложившіяся симпатіи Н. П. опредѣлили для него выборъ факультета: безъ обычныхъ колебаній онъ лѣтомъ 1888 года подаетъ прошеніе въ с.-петербургскій университетъ о зачисленіи его на историко-филологическій факультетъ. Университетская наука сразу же захватываетъ все его вниманіе.

Первые студенческіе годы Н. П. ведетъ замкнутый образъ жизни, товарищей почти не имѣлъ, сидѣлъ больше дома и много читалъ. Но потомъ онъ вошелъ въ дружбу съ однокурсниками, изъ которыхъ наиболѣе близкими къ нему были В. Ф. Боцяновскій и С. А. Адриановъ. Съ ними онъ зажилъ обычной студенческой жизнью: пріятели собирались поболтать, почитать, не прочь были устроить и пирушку, во время которой предавались жаркимъ спорамъ.

Кругъ интересовъ Н. П. въ эти годы былъ довольно обширенъ. Изучалъ онъ исторію, на практическихъ занятіяхъ у С. Ф. Платонова былъ самымъ горячимъ спорщикомъ. Уже въ то время мысль его останавливалась на изученіи проектовъ петровскаго времени, которымъ онъ позднѣе посвятилъ особую книгу. Также работалъ онъ и надъ исторіей литературы, писалъ рефераты, любилъ посѣщать собранія литературнаго кружка, группировавшагося вокругъ К. К. Арсеньева. Памятникомъ такихъ занятій является объемистое сочиненіе (до 200 стр.) о русскомъ романѣ 20-хъ годовъ XIX вѣка, которое сохранилось отъ студенческихъ лѣтъ въ видѣ рукописи у В. Ф. Боцяновскаго. Въ связи съ историко-литературными занятіями стоитъ его увлеченіе изящной литературой того времени. У Н. П. былъ хорошій вкусъ, и онъ, напр., послѣ знакомства съ нѣсколькими рассказами А. П. Чехова, въ то еще время, когда имя Чехова было почти пустымъ звукомъ для русскаго общества, сразу же оцѣнилъ его, какъ большого художника, и всюду заговорилъ о немъ, какъ о народившемся крупномъ талантѣ. Отдалъ дань своему времени Н. П. и тѣмъ, что съ увлеченіемъ занимался социологіей и позитивной философіей. Бокль, Огюсть Контъ, Спенсеръ — одно время были для него чуть не божествами и не сходили съ его языка. Такимъ же временнымъ было увлеченіе археологіей. Еще будучи на 2-мъ курсѣ, осенью 1889 г., онъ поступилъ въ археологическій институтъ и первое время аккуратно посѣщалъ лекціи, но потомъ къ институту совершенно охладѣлъ.

Въ университетѣ Н. П. за свои успѣхи былъ освобожденъ отъ платы за право ученія и получалъ стипендію имени св. Кирилла и Меодія (100 руб. въ годъ). Весной 1892 года онъ держалъ выпускные экзамены и окончилъ университетъ съ дипломомъ 1 сте-

пени. А осенью того же года, по представленію факультета, былъ оставленъ при университетѣ (съ 1-го ноября) «для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи».

Хотя онъ тогда же поступаетъ на службу въ министерство, но весь свой досугъ и всѣ силы отдавалъ подготовкѣ къ магистерскому экзамену; прочелъ всю литературу, которая ему была указана, составилъ для нея конспекты и приступилъ къ сдачѣ экзамена весной 1895 года. Чтобы не было очень страшно, онъ предполагалъ начать экзамены не съ предмета своей специальности—русской исторіи, а съ исторіи всеобщей, въ которой онъ чувствовалъ себя увѣреннѣй. За нѣсколько дней до экзамена онъ зашелъ къ профессору-экзаменатору побесѣдовать. Въ разговорѣ Н. П. сказалъ, что вотъ недавно вышла новая книга по тому вопросу, который онъ взялъ для экзамена. Это была книга М. Ковалевскаго «Происхожденіе современной демократіи» I т.—Вы ее читали? спросилъ профессоръ.—Да, читалъ, отвѣчалъ Н. П., хотя, добавлялъ онъ при рассказѣ объ этой исторіи, въ томъ спискѣ, который ему былъ данъ раньше для изученія, этой книги не было, но онъ (Н. П.) по своему почину прочелъ и эту книгу. На этомъ разговорѣ и кончился. Когда настала экзаменъ, то первый вопросъ—это былъ изъ книги Ковалевскаго. Н. П. отвѣчалъ, по его мнѣнію, удовлетворительно. Но экзаменатора, видимо, общій отвѣтъ не удовлетворилъ, и онъ сталъ спрашивать по главамъ: о чемъ говорится во 2-ой главѣ, въ 3-ей и т. д. Н. П. отвѣчалъ, но не детально. Весь экзаменъ вертѣлся въ предѣлахъ одной этой книги и только. По выходѣ изъ зала засѣданія Н. П., по его словамъ, былъ спокоенъ, думая, что экзаменъ выдержалъ. Но вотъ засѣданіе оканчивается и ему сообщаютъ, что его отвѣты признаны неудовлетворительными, и ему экзаменаторъ предложилъ просмотрѣть книгу Ковалевскаго вновь и прийти для экзамена на слѣдующее факультетское засѣданіе.

Это событіе произвело на Н. П. удручающее впечатлѣніе. Родные говорятъ, что когда онъ возвращался домой, то шелъ по двору съ низко опущенной головой и видъ имѣлъ совершенно убитый. Онъ говорилъ, что съ нимъ поступлено несправедливо. Съ теченіемъ времени обида прошла, и онъ сталъ думать, что здѣсь произошло очевидное недоразумѣніе. Мнѣ лично Н. П. объяснилъ дѣло такъ: экзаменатору изъ бесѣды передъ экзаменомъ могло показаться, что онъ хорошо приготовилъ только книгу Ковалевскаго и хотѣлъ бы, чтобы изъ нея его и спросили, а когда на экзаменѣ отвѣты Н. П. не были детальны, тотъ хотѣлъ повторнымъ экзаменомъ заставить его хоть одну книгу приготовить въ совершенствѣ. Но, по увѣренію Н. П., съ его стороны никакой подобной политики въ дѣйствительности не было: къ экзамену онъ опшудировалъ всѣ указанныя ему книги.

Какъ бы то ни было, эта неудача, помимо самолюбия, такъ подѣйствовала на Н. П., что даже позднѣе, уже написавъ нѣсколько книжекъ и составивъ себѣ репутацію ученаго, несмотря на самое доброжелательное и поощрительное къ нему отношеніе со стороны профессоровъ-историковъ, онъ никакъ не могъ рѣшиться вновь предстать предъ факультетомъ въ роли испытуемаго: онъ прямо боялся экзамена.

Оставивъ на время ученую карьеру, Н. П. отдается службѣ и архивнымъ занятіямъ. Поступилъ онъ на службу (съ 18 августа 1892 г.) въ министерство иностранныхъ дѣлъ по департаменту внутреннихъ сношеній, гдѣ (съ 27 ноября 1893 г.) занималъ мѣсто дѣлопроизводителя VIII класса. Въ 1899 г. онъ переходитъ въ государственный архивъ, въ которомъ онъ, въ должности дѣлопроизводителя VI кл., занималъ фактически мѣсто какъ бы вице-директора архива и былъ душою архивнаго дѣла. Будучи на этой службѣ, Н. П. принялъ на себя въ 1902 году редактированіе юбилейнаго очерка исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ; часть этого очерка была составлена имъ лично. По дѣламъ министерства нѣсколько разъ посылался въ командировки за границу и посѣтилъ Римъ, Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Въ 1906 г. былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго совѣтника; во время службы получалъ значительныя денежныя награды и ордена; кромѣ русскихъ, имѣлъ еще ордена: шведскій, турецкій, французскій (почетнаго легіона офицерскій крестъ) и австрійскій.

Онъ былъ прекраснымъ архивистомъ и превосходно изучилъ дѣла своего архива. Результатомъ этого изученія былъ рядъ работъ, основанныхъ всецѣло на документахъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ, таковы, напр., «Проекты реформъ», «Пестель» и др.

Однако не служба и не архивъ самъ по себѣ составляли смыслъ жизни Н. П. Больше всего его поглощала учено-литературная дѣятельность. Въ наукѣ онъ видѣлъ свое главнѣйшее призваніе и цѣль жизни. Его дѣятельность на этомъ поприщѣ началась довольно рано. Еще въ студенческіе годы онъ печатаетъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» статью о проектахъ Ө. Салтыкова. Позднѣе кругъ изученія у него расширяется, захватывая собой древнюю Русь, петровское время и даже эпохи Екатерины II и Александра I. Но центральнымъ пунктомъ всей его ученой дѣятельности была удѣльная Русь, гдѣ онъ работалъ надъ вопросомъ о феодализмѣ на Руси, такъ что его слѣдуетъ цѣнить, прежде всего, какъ историка русскаго феодализма. Онъ такъ и самъ на себя смотрѣлъ, считая, что его миссія въ наукѣ—доказать существованіе феодализма на Руси, выяснивши, что какой-либо своеобразности, самобытности и контраста, что любили подчеркивать и отгвѣнять прежніе историки, русскій историческій процессъ не представляетъ. По его

словамъ, работая больше 10 лѣтъ надъ удѣльнымъ періодомъ, онъ все больше и больше убѣждался въ томъ, что учрежденія и институты того времени, какъ «община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба», «по существу своему, по своей природѣ представляютъ собой учрежденія тождественныя соотвѣтствующимъ учрежденіямъ феодальной эпохи» на Западѣ (см. Феодализмъ, 38). По вѣщности, по формѣ, пояснялъ онъ, русскіе институты, конечно, отличаются отъ западно-европейскихъ, какъ кошка отличается отъ тигра, но въ основѣ они—одной и той же природы, принадлежатъ къ одному и тому же роду явленій.

Ставъ на такую точку зрѣнія, Н. П. первое время занимался изученіемъ и сравненіемъ отдѣльныхъ сторонъ жизни, раскрывая въ своихъ статьяхъ «тожество» нашихъ юридическихъ институтовъ съ институтами западно-европейскими. Таковы его статьи о закладничествѣ, иммунитетѣ, о феодальныхъ отношеніяхъ, символизмѣ въ древнемъ русскомъ правѣ и др. Но годъ тому назадъ всѣ свои статьи по феодализму онъ объединилъ и приготавливалъ къ печати новое изслѣдованіе объ общинѣ и крупномъ землевладѣніи, но прежде изданія этой работы выпустилъ въ свѣтъ популярное изложеніе своихъ воззрѣній въ видѣ книги «Феодализмъ въ древней Руси». Благодаря этому, получалась полная картина удѣльной Руси, выясняющая совершенное сходство основныхъ явленій нашей древности съ явленіями Западной Европы въ эпоху господства феодализма.

На эту работу Н. П. смотрѣлъ, какъ на завершеніе своей задачи въ теоретической части вопроса. Незадолго до своей смерти онъ въ бесѣдѣ съ однимъ русскимъ историкомъ (Я. Л. Барсковымъ), какъ бы предчувствуя свой близкій конецъ, говорилъ, что, можетъ быть, онъ и не доживетъ до того, чтобы выполнить всѣ планы, которые возникли у него въ связи съ разработкой феодализма. Но это, по его словамъ, дѣлу не повредитъ, такъ какъ свою задачу въ главномъ, основномъ онъ считаетъ выполненной, дальнѣйшая работа можетъ дать только больше деталей, больше фактическаго обоснованія, можетъ быть, внесетъ нѣкоторыя мелкія поправки, но главное онъ высказалъ и на этомъ будетъ стоять твердо. «Я,—добавилъ онъ,—вопросъ о феодализмѣ поставилъ и указалъ на его рѣшеніе; феодализмъ въ древней Руси теперь не догадка, а научная теорія, съ которой русская историческая наука должна считаться». Въ этихъ словахъ самъ Н. П. какъ нельзя лучше охарактеризовалъ свое значеніе и мѣсто среди русскихъ историковъ. Ему принадлежитъ приоритетъ въ вопросѣ о феодализмѣ на Руси и дальнѣйшая разработка этого вопроса неминуемо должна отправляться отъ работъ Николая Павловича.

Заслуги Н. П., какъ историка, значительны и въ другихъ областяхъ. Его перу принадлежатъ превосходныя работы о слу-

жилыхъ людяхъ въ Московскомъ государствѣ, о преобразовательныхъ проектахъ эпохи Петра Великаго, о декабристахъ, въ особенности Пестелѣ. Изъ приложеннаго списка его трудовъ можно видѣть, что онъ поработалъ съ существенной пользой для науки и надъ другими вопросами и историческими моментами. Можно сказать, что на чемъ бы онъ ни остановился, что бы ни сталъ изучать, всегда изъ-подъ его пера выходило что-либо новое, смѣлое и оригинальное. Слѣдуетъ также отмѣтить, что, хотя Н. П. по факультетскому образованію былъ историкомъ, но онъ чувствовалъ себя по складу ума—юристомъ и съ наибольшей любовью отдавался вопросамъ историко-юридическаго характера.

Наука не сдѣлала изъ Н. П. сухого ученаго, открещивающагося отъ всего, что можетъ мѣшать научнымъ занятіямъ. Онъ живо интересовался общественными дѣлами, а въ послѣдніе годы съ жаромъ отдавался политикѣ. По семейнымъ традиціямъ и по складу своихъ воззрѣній онъ былъ въ рядахъ оппозиціи. Въ 1905 г. онъ участвовалъ на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Во время первыхъ выборовъ въ государственную думу агитировалъ за участіе въ избирательной кампаніи и былъ выборщикомъ отъ Петербурга, какъ ставленникъ конституціонно-демократической партіи, въ ряды которой онъ вступилъ съ самаго основанія партіи. Болѣе горячее участіе онъ принялъ во второй избирательной кампаніи. Онъ засѣдалъ въ кадетскомъ районномъ комитетѣ (Александро-Невскомъ), и фактически въ его рукахъ сосредоточилась подготовка къ выборамъ по этому району; онъ обходилъ избирателей, убѣждалъ и агитировалъ, его квартира служила справочнымъ бюро. Въ 1907 г., послѣ роспуска 2-ой думы, онъ ѣздилъ въ Гельсингфорсъ на съѣздъ своей партіи; участвовалъ въ организаціи выборовъ въ 3-ю думу, хотя уже не съ прежней энергіей.

Политическая дѣятельность отрывала его отъ научныхъ занятій, и онъ нерѣдко отъ этого страдалъ; однако онъ считалъ недопустимымъ, чтобы въ такія времена сидѣть сложа руки и не работать въ партіяхъ. Энергичное участіе въ политикѣ, работу надъ созданіемъ правового строя въ Россіи онъ считалъ долгомъ передъ родиной. Несмотря на неудачи общественнаго движенія, настроенъ былъ онъ, за рѣдкими исключеніями, оптимистически и до послѣднихъ дней вѣрилъ въ конечное и недалекое торжество прогрессивныхъ общественныхъ элементовъ.

Года два-три тому назадъ, когда имя Павлова-Сильванскаго пріобрѣло прочную ученую репутацію, начинается его преподавательская дѣятельность. Вначалѣ онъ читалъ эпизодическіе отдѣлы по русской исторіи: на учительскихъ курсахъ, затѣмъ—въ вольной школѣ Лесгафта; осенью 1907 г. уже избирается постояннымъ преподавателемъ высшихъ женскихъ курсовъ (Бестужевскихъ), гдѣ на юридическомъ факультетѣ читалъ исторію русскаго права. А въ

1908 г. былъ приглашенъ въ политехникумъ, чтобы съ осени читать «Исторію Россіи въ XIX вѣкѣ».

Его преподавательская дѣятельность вначалѣ пошла не совсѣмъ гладко. Будучи человѣкомъ очень самолюбивымъ, онъ хотѣлъ, чтобы его лекціи были съ первыхъ же шаговъ преподаванія превосходными. Но когда онъ замѣчалъ, что, благодаря отсутствію опыта, его лекціи мало захватываютъ слушателей, то онъ нервничалъ, терялся, иногда прямо бросалъ свою аудиторію или передавалъ ее другому. Идя на лекцію, онъ иногда выглядѣлъ просто мученикомъ. Но потомъ Н. П. понемногу освоился съ аудиторіей, находилъ нужныя струны у слушателей и вызывалъ въ нихъ большой интересъ къ своему предмету. Мнѣ лично не разъ приходилось его видѣть послѣ лекцій, то подавленнаго, то оживленнаго и радостнаго. Зная его живой умъ, умѣнье ясно и точно формулировать свои мысли и быстро, съ темпераментомъ передавать ихъ, можно было бы напередъ сказать, что изъ него, при наличности опыта, вышелъ бы прекрасный профессоръ. Эти страданія по поводу лекцій краснорѣчиво говорятъ о томъ, что онъ не былъ бы ординарнымъ, скучнымъ лекторомъ, равнодушно излагающимъ свою науку.

Н. П. полюбилъ преподавательскую дѣятельность и мечталъ, въ особенности послѣ того, какъ на службѣ въ архивѣ пошли разныя недоразумѣнія изъ-за причастности его къ политикѣ, о томъ, чтобы перейти отъ канцелярской работы въ архивѣ къ профессорской дѣятельности въ университетѣ. Онъ близокъ былъ къ тому, чтобы держать магистерскій экзаменъ по юридическому факультету, а потомъ занять кафедру исторіи русскаго права въ какомъ-нибудь провинціальномъ университетѣ и всецѣло отдаться наукѣ. Но этимъ планамъ неожиданная смерть отъ эпидеміи положила конецъ.

Съ начала холерной эпидеміи Н. П. очень боялся ея и принималъ обычныя мѣры предосторожности, но затѣмъ чувство опасности притупилось, онъ махнулъ рукой и пересталъ слѣдить за своимъ здоровьемъ и питаньемъ: то не завтракалъ до поздняго времени и только въ пятомъ часу, спохватившись, бѣжалъ въ ближайшій ресторанъ перекусить чего-нибудь, то вечеромъ, тотчасъ послѣ обѣда или ужина, садился за письменный столъ и работалъ до 3, а иногда и до 5 часовъ утра, торопясь приготовить къ печати свой послѣдній трудъ объ общинѣ; тогда какъ нервы его были распатаны и здоровье неважное, а самое главное, видимо, по природѣ онъ былъ расположенъ къ холерному заболѣванію. Еще въ 1892 г. была съ нимъ холера въ легкой формѣ, но его тогда скоро отходили. И теперь въ эту эпидемію у него было предупрежденіе въ видѣ холерины. Но онъ по русской халатности не обратилъ на нее серьезнаго вниманія. Въ день своей болѣзни онъ былъ бодрый,

веселый и въ архивѣ съ оживленіемъ обсуждалъ университетскія событія. Намъ, лично бесѣдовавшимъ съ нимъ, и въ голову не могло прійти, что мы видимъ его въ послѣдній разъ и онъ на порогѣ смерти. По рассказамъ, вечеромъ въ тотъ же день (16 сентября) онъ гулялъ съ своей женой, зашелъ въ кинематографъ, а оттуда—въ ресторанъ поужинать, взялъ себѣ холоднаго поросенка и заивалъ его холоднымъ же краснымъ виномъ. А затѣмъ, вернувшись домой, тотчасъ же сѣлъ за работу и писалъ. Въ 3 часа ночи онъ почувствовалъ первый приступъ болѣзни. Въ 6 часовъ послѣдовалъ второй, начались сильнѣйшія боли. Боли были такія невыносимыя, что Н. П. потерялъ всякое самообладаніе. Онъ стоналъ, бѣгалъ по комнатѣ и умолялъ, чтобы его скорѣе свезли въ больницу, гдѣ онъ надѣялся получить облегченіе. Въ 10 часовъ утра (17 сентября) пріѣхала карета скорой помощи; онъ самъ сошелъ съ пятаго этажа; но уже такъ измѣнился, что его трудно было узнать: лицо страшно осунулось и почернѣло, глаза—выпали. Онъ сѣлъ въ карету, безсильно опустился на сидѣнье, скрестилъ руки на груди, и голова его тяжело поникла. Когда его привезли въ Боткинскій баракъ, то и здѣсь его страданія не прекращались. Онъ страшно мучился, срывался съ постели, бѣгалъ и плакалъ, какъ ребенокъ. Къ вечеру онъ затихъ, не могъ подняться съ постели и въ десятомъ часу умеръ.

Такъ неожиданно и трагически окончилась жизнь богато одареннаго человѣка, погибшаго въ расцвѣтѣ силъ, среди кипучей ученой и общественной дѣятельности.

Похороны Н. П. состоялись 20 сентября на Преображенскомъ кладбищѣ. На нихъ присутствовали, кромѣ близкихъ родственниковъ, нѣсколько друзей и сослуживцевъ. Депутация изъ трехъ курсистокъ, слушательницъ Н. П., возложила на его могилу вѣнокъ отъ имени курсовъ. Былъ вѣнокъ и отъ центрального комитета конституціонно-демократической партіи, возложенный Е. П. Кедринымъ. Изъ боязни эпидеміи похороны были малолюдны. Могилка находится недалеко отъ станціи, въ лѣвомъ углу обширной поляны.

Списокъ трудовъ Н. П. Павлова-Сильванскаго.

- «Пропозиціи О. Салгыкова» (Ж. М. Н. П., 1892, мартъ, 228—248).
- «Люди кабальные и докладные» (ib., 1895, январь, 210—239).
- «Закладничество-патронатъ» (Записки И. Рус. Археолог. Общ., т. IX, вып. 1 и 2. Спб., 1897, и отдѣльно).
- «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго». Спб., 1897, 141+86 стр.
- «Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства». Спб. 1898, 330 стр.

«Иммунитетъ въ удѣльной Руси» (Ж. М. Н. П., 1900, декабрь, 1—48 стр. и отдѣльно).

«Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси» (ib., 1901, июнь; 1902, январь, и отдѣльно).

«Новое объясненіе закладничества» (ib., 1901, октябрь).

«Павелъ Ивановичъ Пестель» (изъ Русскаго Біографическаго Словаря). Спб., 1901, 16 стр.

«Очеркъ исторіи министерства иностр. дѣлъ 1802—1902». Спб., 1902 (редактированіе и составленіе части очерка).

«Великій князь Константинъ Константиновичъ», статья въ сборникѣ «Главные дѣятели освобожденія крестьянъ» (премія къ «Вѣст. и Библ. Самообразов.»). СПб., 1903 г.

«Новыя извѣстія о Посошковѣ» (Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1904, т. IX, кн. III, 105—148 и отд. оттискъ).

«25-лѣтіе начальныхъ училищъ гор. Петербурга 1877—1902». Отчетъ городской комиссіи по народному образованію (редактированіе и введеніе). Спб. 1904.

«Мѣстная грамота XIV в.». Изъ бумагъ кабинетъ-министра А. Волинскаго (Записки Русск. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. II, Спб., 1905 и отдѣльно).

«Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ» (Ж. М. Н. П., 1905, июнь).

«Працуръ графа Льва Николаевича Толстого — графъ Петръ Андреевичъ Толстой» («Истор. Вѣстникъ», 1905, июнь).

«Жизнь Радищева», статья въ книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева». Спб., 1905, изд. «Общ. Пользы», стр. VII—LXIX.

«Погрѣшности актовъ Археологической Экспедиціи» (Лѣтопись занятій Имп. Археолог. Ком., вып. XVI. Спб., 1906).

«Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ» («Былое», 1906, февраль, 121—155; мартъ, 206—235; апрѣль, 254—275; май, 248—270 и отдѣльно въ изд. «Донской Рѣчи» подъ заголовкомъ: «Декабристъ Пестель...» 1907).

«Материалисты 20-хъ годовъ» («Былое», 1907, июль, 88—123).

«Народъ и царь въ трагедіи Пушкина», статья къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, т. II въ изд. Венгерова.

«Феодализмъ въ древней Руси». Спб. 1907. 149 стр.

Н. П. былъ сотрудникомъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, и его портретъ помѣщенъ въ 82 книжкѣ словаря. Долгое время состоялъ редакторомъ одного тома на букву Т Русскаго Біографическаго Словаря, издаваемого подъ наблюденіемъ А. А. Половцева; для этого словаря онъ написалъ рядъ біографій, изъ которыхъ наиболѣе значительны біографіи о вели-

комъ князь Константинъ Николаевичъ, о Посошковъ и Толстомъ, графъ Петръ Андреевичъ.

Кромъ того, Н. П. написалъ массу статей, рецензій и замѣтокъ, которыя помѣщены въ журналахъ: въ «Ж. М. Н. П.», «Литературномъ Вѣстникѣ», «Критическомъ Обзорѣннн», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Быломъ»; въ газетахъ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1901, № 248, псевд. Лѣсовикъ), «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1903, № 232 о Петербургѣ), «Нашей Жизни», «Руси», «Рѣчи» и другихъ повременныхъ изданійхъ.

Сюда нужно еще присоединить «Акты о закладчикахъ», которые окончены печатаніемъ въ «Лѣтописи занятій Археографическихъ Комиссій» и скоро должны выйти въ свѣтъ, а также законченное, но пока не напечатанное, изслѣдованіе объ общинѣ и крупномъ землевладѣннн.

М. Клочковъ.

ЭПОХА РЕФОРМЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

XLVII.

АРЕСТЪ и ссылка профессора П. В. Павлова явились строгимъ отвѣтомъ правительства на его дѣятельность по воскреснымъ школамъ на югѣ. Къ началу 1862 г. вопросъ объ этихъ воскресныхъ школахъ еще не былъ поставленъ въ той формѣ, какъ мы то видѣли изъ доклада шефа жандармовъ, но къ дѣятелямъ, въ нихъ участвовавшимъ, Третье Отдѣленіе уже начало присматриваться и отмѣчать тутъ тѣ опасныя черныя точки, которыя короткое время спустя создали описанный выше процессъ «воскресниковъ». Павловъ былъ пока только на замѣчаніи, какъ ревностный участникъ тогдашняго освободительнаго движенія, и оставалось только выждать удобный моментъ, чтобы поставить предѣлъ его дѣятельности. Такой удобный моментъ и явился на вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ фондомъ, на которомъ въ качествѣ лекторовъ выступили Н. Г. Чернышевскій съ воспоминаніями о недавно скончавшемся Добролюбовѣ, В. Курочкинъ и П. Павловъ, взявшій темою для своего чтенія «тысячелѣтіе Россіи», которое должно было исполниться осенью того года. Лекція Павлова была предварительно одобрена цензурою и представляла собою въ сущности публицистическое разсужденіе по общимъ вопросамъ со-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІV, стр. 201.

временнаго политическаго дня, гдѣ въ конечной части говорилось ¹⁾: «Въ XVIII и XIX столѣтїяхъ русская земля наказалась вполнѣ за страданїя и позоръ низшаго земскаго сословія. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизаціи этой скорбной эпохи: никогда Россія не испытывала болѣе тягостнаго состоянїя! Настоятельная необходимость современныхъ правительственныхъ реформъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость нашего мнѣнїя. Ко временамъ нынѣ благополучно царствующаго государя чаша бѣдствїй преисполнилась. Подъ влїяніемъ современныхъ западно-европейскихъ политическихъ и общественныхъ событїй нашему многострадальному отечеству предстояло пройти черезъ страшный историческій переворотъ. Правительство рѣшилось рядомъ благоразумныхъ коренныхъ реформъ предотвратить всеобщее бѣдствїе. Вступивъ однажды на этотъ путь, наши администраторы не захотятъ ни подъ какимъ видомъ итти назадъ; они, конечно, знаютъ, что каждый ихъ попятный шагъ есть новая ступень къ общей гибели. Правительство дало спасительный толчокъ самому обществу, упраздненїе правительствомъ крѣпостнаго права потрясло всю русскую землю до основанїя. Если не ошибаемся, образованные, достаточные классы въ Россїи поняли, что, въ виду возможнаго историческаго переворота, благоразумїе имъ повелѣваетъ сблизиться съ невѣжественными, недостаточными классами въ городахъ и въ селахъ какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣщенные, достаточные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества. Въ какой мѣрѣ правильное, добровольное слїянїе интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ можетъ удалиться въ Россїи, намъ, разумѣется, неизвѣстно. Скажу только, что на роковомъ рубежѣ прожитаго отечествомъ тысячелѣтїя, въ переходную эпоху великаго общественнаго переворота, одно это соединенїе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россїю отъ великихъ бѣдствїй, могущихъ угрожать ей». Въ такой редакціи чтенїе не встрѣтило препятствїй со стороны цензурнаго вѣдомства, но, повидимому, возбужденный царившею въ залѣ атмосферою профессоръ уклонился отъ этой редакціи и вставилъ здѣсь фразы, которыя произвели сенсацію въ залѣ среди молодежи и публики, дали поводъ къ оваціямъ и впослѣдствїи послужили предлогомъ для жестокой въ отношенїи его кары.

Присутствовавшїй на чтенїи г. Пантелѣевъ передаетъ обстоятельства такъ ²⁾: «Дошла очередь до Павлова... публика приготовилась съ напряженнымъ вниманїемъ слушать его. Онъ, повиди-

¹⁾ Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенїя шестидесятыхъ годовъ».

²⁾ Л. Ф. Пантелѣевъ. «Изъ воспоминанїй прошлаго».

тому, замѣтилъ, что въ заднихъ рядахъ плохо слышали лекторовъ, а голосъ у него былъ слабый; онъ взялъ нѣсколькими нотами выше обыкновеннаго; отсюда все чтеніе получило замѣтно выкрикивающей характеръ, и въ то же время сильно подчеркивались слова, сами по себѣ не заключающія ничего страшнаго. Читалъ онъ по поводу тысячелѣтія Россіи; основная мысль чтенія была такая: какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи были извѣстныя общественныя группы, пользовавшіяся тѣми или другими правами, только масса населенія всегда стояла внѣ правового порядка, и положеніе ея постепенно настолько ухудшилось, что можно было ожидать страшнаго народнаго взрыва. Къ счастью, правительство это поняло и приступило къ реформѣ. До пубрики, извѣстнымъ образомъ настроенной, часто слова лектора доходили совсѣмъ въ переиначенномъ видѣ: напр., Павловъ сказалъ: «Ко времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя (передъ тѣмъ говорилось о Крымской войнѣ) чаша народныхъ страданій преисполнилась»; а многимъ послышалось «во время» и т. д... Вотъ онъ кончилъ; начались вызовы. Павловъ долго не выходилъ, наконецъ показался и далъ знакъ, что хочетъ говорить; мгновенно воцарилась тишина. Что было у него на умѣ, трудно сказать, только онъ произнесъ: «Имѣющей уши слышать да слышать». Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошло нѣчто трудно описуемое, вѣроятно, потому оказалось немало поломанныхъ стульевъ. Многіе тутъ же громко говорили, что Павлову не сдобровать.

«На этомъ же вечерѣ В. Курочкинъ читалъ «Господинъ Искаріотовъ, патриотъ изъ патриотовъ»; казалось, что потолокъ обрушится отъ рукоплесканій и криковъ, всякій разъ сопровождавшихъ слова: «Тише, тише, господа: господинъ Искаріотовъ, патриотъ изъ патриотовъ, приближается сюда».

«Вечеръ закончился исполненіемъ въ 16 разъ «Камаринской».

«Вечеръ былъ въ четвергъ, въ воскресенье я и Н. Утинъ, въ качествѣ представителей студенческаго комитета, нашли нужнымъ навѣстить Павлова. Застали его въ самомъ спокойномъ настроеніи: онъ прямо сказалъ, что не можетъ себѣ представить, чтобы ему могли угрожать какія-нибудь неприятели, такъ какъ въ его чтеніи рѣшительно ничего не было противоправительственнаго. Уйдя отъ Павлова, я цѣлый день не былъ дома и вернулся къ себѣ уже къ самой ночи. Каково же было мое удивленіе, когда нашелъ у себя на столѣ записку Н. Утина: «Павловъ арестованъ и высылается въ Ветлугу, завтра назначено засѣданіе комитета (студенческаго), приходи непременно».

Дѣйствительно, ссылка Павлова состоялась, и по поводу ея, а также публикаціи по сему предмету правительства въ «Русскомъ Инвалидѣ»¹⁾, была вышущена прокламація, гдѣ говорилось:

¹⁾ Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

«Профессоръ Павловъ сосланъ въ Ветлугу. Кѣмъ? За что? Кѣмъ — не сказано. Кто же распоряжается нами.—III Отдѣленіе? Неужели какой-нибудь Долгоруковъ или Валуевъ рѣшаютъ судьбу людей? А будетъ еще хуже. Военнымъ начальникамъ дозволено же стрѣлять крестьянъ, отчего же гражданскимъ властямъ не сослать; отчего не дать это право губернаторамъ, квартальнымъ, становымъ?»

«И общество молчитъ! Или честныхъ людей у насъ нѣтъ, или не грозитъ каждому изъ насъ опасность очутиться въ какой-нибудь Ветлугѣ только за то, что человекъ не созданъ мерзавцемъ и идиотомъ, что правду Долгоруковыхъ и Валуевыхъ человекъ считаетъ ложью и развратомъ? Куда же идемъ мы? Позоръ и стыдъ, малодушіе и трусость.

«И чего трусить?! Всѣхъ не сошлютъ.

«Пусть выхватили Павлова, сослали Михайлова, собираются сослать еще нѣсколькихъ, — что же! Или ужъ нѣтъ людей имъ на смѣну?.. Протестуйте, подавайте адреса, жертвуйте деньги, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки. Откликайтесь на нашъ призывъ, покажите, что въ Россіи есть еще честные и энергичные люди».

Профессоръ Павловъ вслѣдъ за Шаповымъ явился вторымъ представителемъ ученой корпораціи, на котораго пала правительственная кара. Ссылка этого профессора сыграла рѣшающую роль въ судьбѣ возникшаго тогда въ Петербургѣ вольнаго университета, долженствовавшаго замѣнить собою закрытый въ тѣ дни здѣшній правительственный разсадникъ высшей науки¹⁾. Здѣсь, въ этомъ эпизодѣ мы впервые встрѣтились съ попыткой организаціи активной забастовки со стороны студенчества, при помощи которой рассчитывали добиться отъ правительства уступки и опредѣленныхъ результатовъ.

«Думскій эпизодъ», разыгравшійся 8 марта 1862 г., именно характеренъ съ этой стороны, а также со стороны не совсѣмъ откровенной и двойственной политики профессоровъ, которая напоминаетъ нѣкоторые моменты изъ жизни высшихъ учебныхъ заведеній въ наши дни. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ эпизодѣ нѣсколько подробнѣе, нежели онъ того стоитъ, и, несмотря на то, что непосредственно политической жизни Россіи онъ не касается. Воспоминанія г. Пантелѣева въ данномъ случаѣ именно

¹⁾ Этотъ «вольный университетъ» возникъ изъ мысли о публичныхъ лекціяхъ въ пользу студентовъ, пострадавшихъ послѣ извѣстной уже исторіи. Въ этихъ чтеніяхъ приняли участіе не только оставшіеся въ университетѣ профессора, но и покинувшіе его, а также нѣкоторые наиболѣе популярныя среди молодежи ученые и писатели. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ послѣднихъ, какъ, напр., Чернышевскому и Лаврову, чтеніе не было разрѣшено.

подробно знакомятъ насъ съ закулисной стороною дѣла. Онъ повѣствуетъ: «Какъ только стало извѣстнымъ, что Павловъ высылается въ Ветлугу... сейчасъ же собрался студенческій комитетъ; всѣ были въ крайнемъ возбужденіи; да и не одни студенты, все общество было взволновано. Въ комитетѣ почти единодушно было рѣшено въ видѣ протеста закрыть всѣ лекціи; но для этого нужно было имѣть согласіе профессоровъ; поэтому остановились на такомъ порядкѣ: созвать всѣхъ лекторовъ, отрядить въ это собраніе нѣсколькихъ депутатовъ отъ комитета съ порученіемъ поставить вопросъ: въ виду участи, постигшей Павлова, считаютъ ли они возможнымъ продолженіе лекцій. Делегаты, конечно, не должны были говорить, что комитетъ уже пришелъ къ рѣшенію закрыть лекціи, но они обязаны были заявить, что не ручаются за сохраненіе порядка (и это была правда) въ виду крайне возбужденнаго настроенія не только молодежи, но и публики. Профессора собрались въ квартирѣ В. Д. Спасовича; всѣ они одинаково были возмущены высылкой Павлова. Прежде всего выбрали предсѣдателя собранія; выборъ палъ на И. Е. Андреевскаго, и этимъ они погубили свое дѣло, что видно будетъ далѣе. Какъ только делегаты поставили вопросъ, могутъ ли продолжаться лекціи, то Стасюлевичъ, Б. Утинъ и Спасовичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ закрытія лекцій; они, конечно, находили мѣру, принятую противъ Павлова, ничѣмъ не оправдываемой, но не видѣли никакой связи между судьбой, постигшей Павлова, и лекціями.

«...Въ серединѣ засѣданія пріѣхалъ Костомаровъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ тоже высказался противъ закрытія лекцій... Онъ, однако, не остался до конца засѣданія, и всѣ рѣшенія были приняты безъ него. Тѣмъ не менѣе огромное большинство профессоровъ (делегаты въ баллотировкѣ, помнится, не участвовали) высказались за закрытіе лекцій, причемъ предварительно было постановлено, что рѣшеніе будетъ обязательно для меньшинства. Затѣмъ былъ обсуждаемъ вопросъ: объявленіе о закрытіи лекцій (оно собраніемъ возлагалось на студенческій комитетъ и даже назначили день — ближайшая лекція Костомарова) должно ли быть мотивировано участію, постигшей Павлова? И опять значительнымъ большинствомъ было рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ. Все это произошло въ значительной степени отъ роли, которую на этомъ собраніи сыгралъ И. Е. Андреевскій. Ранѣе онъ никогда не заявлялъ рѣзкаго образа мыслей, а тѣмъ паче какого-нибудь фрондерства, но на этомъ собраніи сдѣлалъ все, что было въ силахъ предсѣдателя, чтобы рѣшеніе вышло такое, какого, видимо, хотѣлъ студенческій комитетъ. Профессора потомъ громко говорили, что И. Е. Андреевскій ихъ предалъ. Мы вышли торжествующіе и даже нѣсколько удивленные легко одержанной побѣдой;

но мы никакъ не могли понять, какимъ образомъ И. Е. оказался всецѣло на нашей сторонѣ?»¹⁾

Такова организація забастовочнаго заговора, гдѣ люди науки во имя популярности покорно шли на буксиръ у молодежи. Результаты для исторіи нашего просвѣщенія оказались довольно печальными.

XLVIII.

Какъ и можно было ожидать, публичныя лекціи въ думскомъ залѣ закончились крупнымъ скандаломъ, который разыгрался на чтеніи Н. И. Костомарова и въ связи съ его отношеніемъ къ предрѣшенной забастовкѣ. Оказалось, что вслѣдъ за рѣшеніемъ на совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Андреевскаго, профессора, собравшихся на новое совѣщаніе у проф. Совѣтова, пришли къ иному и совершенно обратному рѣшенію, а именно: не создавать конфликта съ правительствомъ по случаю высылки Павлова и продолжать свои лекціи въ вольномъ университетѣ; но о такомъ своемъ постановленіи они не поторопились поставить въ извѣстность студенческой комитетъ, подъ давленіемъ котораго они еще такъ недавно вынесли свою первую резолюцію. О своемъ новомъ рѣшеніи наканунѣ лекціи Костомарова лишь немногіе прислали увѣдомленіе, и вотъ скандалъ былъ готовъ. «Было 8-е марта,—описываетъ этотъ скандалъ г. Пантелѣевъ:—большая думская зала была переполнена не только студентами, но и огромной массой публики, такъ какъ въ нее уже успѣли проникнуть слухи о какой-то предстоящей демонстраціи. Вотъ Костомаровъ кончилъ свою лекцію; раздались обычные аплодисменты. Затѣмъ на кафедре сейчасъ же взомель студентъ Е. П. Печаткинъ и сдѣлалъ заявленіе о закрытіи лекцій съ тою мотивировкой, какая была установлена на собраніи у Спасовича, и съ оговоркой о профессорахъ, которые будутъ продолжать лекціи. Костомаровъ, который не успѣлъ далеко отойти отъ кафедры, сейчасъ же вернулся и сказалъ: «Я буду продолжать чтеніе лекцій», и при этомъ прибавилъ нѣсколько словъ, что наука должна итти своей дорогой, не впутываясь въ разныя житейскія обстоятельства. Разомъ раздались и рукоплесканія, и шиканье; но тутъ подъ самымъ носомъ Костомарова Е. Утинъ²⁾ выпалилъ: «Подлецъ! второй Чичеринъ, Станислава на шею!» Вліяніе, которымъ пользовался Н. Утинъ, видимо, не давало

¹⁾ Двойственность поведения Андреевскаго во всей думской исторіи наложила на него тѣнь на очень долгое время. И даже много лѣтъ спустя, во время его ректорства въ 80-хъ годахъ, когда его популярность среди молодежи въ сильнѣйшей степени возросла, очень часто раздавались все же неблагоприятныя для него разговоры, отправной точкой которыхъ было именно его поведеніе въ 1862 г.

²⁾ Впослѣдствіи довольно извѣстный адвокатъ и публицистъ.

покою Е. Утину, и онъ тогда изъ кожи лѣзъ, чтобы заявить свой крайній радикализмъ, его шутили тутъ прозвали Робеспьеромъ. Выходка Е. Утина могла взорвать и не такого впечатлительнаго человѣка, какимъ былъ Костомаровъ; къ сожалѣнiю, онъ потерялъ всякое самообладанiе и, вновь вернувшись на кафедру, сказалъ между прочимъ: «Я не понимаю тѣхъ гладиаторовъ, которые своими страданiями хотя бы доставить удовольствiе публикѣ (кого онъ имѣлъ въ виду, трудно сказать, но эти слова были поняты, какъ намекъ на Павлова). Я вижу передъ собой Репетиловыхъ, изъ которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ Расплюевы». Рукоплесканiй уже не раздавалось, и, казалось, все зало шикало и свистало. По программѣ мнѣ слѣдовало сдѣлать заявленiе о расцѣтѣ съ публикой; я это и сдѣлалъ, но, кажется, меня никто не слышалъ, да и слышать не хотѣлъ. Несмотря на то, что Костомаровъ тотчасъ же уѣхалъ, публика не расходилась; немногiе пытались защищать его, но подавляющее большинство возбужденно говорили, что если Костомаровъ попробуетъ читать, то его до этого не допустятъ, забросаютъ солеными огурцами и мочеными яблоками. А той порой циркулировалъ адресъ,¹⁾ и было собрано нѣсколько сотъ подписей. Наконецъ, появился Н. И. Погребовъ (городской голова) и попросилъ публику разойтись, что и было тотчасъ же всѣми исполнено».

Думскiй инцидентъ съ Костомаровымъ положилъ конецъ вольному университету, но отголоски этого инцидента въ разныхъ постановкахъ вопроса перешли на страницы печати, причемъ молодежь, проводившая идею первой къ Россiи демонстративной забастовки, нашла себѣ защитника въ лицѣ Н. Г. Чернышевскаго.

Описываемый такимъ образомъ 1862 годъ положилъ конецъ общественнымъ начинанiямъ въ сферѣ распространения какъ высшаго, такъ и низшаго образованiя. Съ закрытiемъ «вольнаго университета», съ закрытiемъ «воскресныхъ школъ» кругъ просвѣтительной дѣятельности значительно сузился, при чемъ нельзя не отмѣтить, что историческая отвѣтственность за таковыя явленiя въ значительной мѣрѣ ложится на общественные элементы, которые въ тотъ періодъ проявляли недостаточную умѣренность и неумѣние использовать свою позицію, которую они успѣли выгодно занять, благодаря растерянности казенныхъ сферъ. Близурукая политика оппозиціи *quand même*, стремленiе вносить во всѣ области жизни начала политики, въ надеждѣ быстро ликвидировать тяжкое наслѣдіе прошлаго историческаго періода, сыграли тутъ рѣшающую роль. Это дало поводъ административнымъ силамъ вновь окрѣпнуть, оттѣснить силы общественныя и прочно

¹⁾ Адресъ отъ публики сосланному профессору Павлову съ выраженiемъ ему сочувствiя и негодованiя по поводу постигшей его участи.

занять временно утерянное мѣсто въ цѣляхъ и интересахъ исключительнаго руководительства жизнью страны во всѣхъ ея моментахъ и проявленіяхъ. Кое-что для народа и ничего черезъ народъ—становится лозунгомъ періода.

Общественная волна, поднимавшаяся съ 1855 г., въ 1862 году сильно падаетъ, и именно этотъ годъ, если только оставить безъ вниманія предшествовавшія предостереженія, является годомъ перелома во взаимоотношеніяхъ правительства и общества. Последнее осязательно переходитъ въ положеніе приниженное, подавленное, первое—въ состояніе наступательное и торжествующее. Къ числу наступательныхъ дѣйствій должно быть отнесено и закрытіе двухъ руководящихъ органовъ печати — «Русскаго Слова» и «Современника».

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ¹⁾ о вліяніи и характерѣ этихъ двухъ журналовъ, имѣвшихъ такое рѣшающее значеніе въ исторіи развитія русской общественной оппозиціи и могущихъ быть разсматриваемыми въ качествѣ тѣхъ двухъ основныхъ ячеекъ, изъ которыхъ вынесли свое идейное содержаніе послѣдующія поколѣнія, сыгравшія въ политической жизни нашего отечества выдающуюся оппозиціонную роль. Съ этими двумя журналами, сосредоточившими въ своихъ редакціяхъ, къ описываемому времени, нити общественнаго руководительства и дававшими тонъ нашей общественности, правительству по необходимости приходилось считаться и, если оно въ періодъ своего разстройства и шатанія, относилось къ нимъ не только терпимо, но даже какъ будто съ нѣкоторой боязненностью, то съ наступленіемъ дней его крѣпости и торжества, оно рѣшило съ ними покончить и нанести имъ рѣшающій ударъ. И этотъ ударъ былъ нанесенъ именно въ 1862 г. Выразителемъ взгляда министерства Валуева на оба журнала явился проф. Никитенко, который еще въ концѣ 1861 г. представилъ объ этомъ журналѣ докладную записку, въ категоричности которой, однако, онъ впоследствии нѣсколько раскаиивался. Никитенко писалъ²⁾: «Два журнала въ періодической нашей литературѣ—«Современникъ» и «Русское Слово»—должны обратить на себя особенное вниманіе правительства. «Русское Слово» идетъ по стопамъ «Современника». Это его идеаль, образецъ; и главный изъ сотрудниковъ послѣдняго, Чернышевскій, для него есть величайшій единственный умъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, который одинъ понимаетъ всѣ современныя и даже будущія потребности человѣчества и Россіи, и одинъ въ состояніи удовлетворить этимъ потребностямъ въ истинно-соціальномъ духѣ. «Русское Слово», впрочемъ, заботится не столько о томъ, чтобы построить

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., апрѣль.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1896 г., № 2.

человѣческія общества по новой системѣ, сколько о томъ, чтобы разрушить всѣ нынѣ существующія системы. Разрушеніе есть его спеціальность. Оно разрушаетъ всѣ авторитеты власти, нравственности, вѣрованій, науки, да и самые принципы власти, нравственности, вѣрованій, науки для него не существуютъ. Матеріализмъ его главная, единственная доктрина. Изъ этого само собою уже проистекаетъ такое прекрасное, отрадное явленіе, какъ анархія, или, лучше сказать, проистекаетъ невозможная анархія—политическая, нравственная, умственная, эстетическая. Конечно, не всѣ статьи написаны въ «Русскомъ Словѣ» въ такомъ духѣ, да это было бы и невозможно: никакого социализма и матеріализма не стало бы на 12 такихъ толстыхъ томовъ. Болѣе всего означенныя идеи развиваются въ статьяхъ критическаго содержанія, которыми обыкновенно обозначаются у насъ цвѣты и фізіономія журналовъ».

Приведя рядъ выписокъ изъ «Русскаго Слова», подтверждающихъ сдѣланную имъ характеристику, Никитенко продолжаетъ: «Всѣ заключающіяся въ сдѣланныхъ мною выпискахъ мысли до того нелѣпы, ребячливы, противны всѣмъ условіямъ челоуѣческой логики, опыта, многочисленныхъ свидѣтельствъ исторіи и науки, до того отличаются надутымъ суесловіемъ, вздорнымъ тономъ, ухватками, забіячливостью, умничаніемъ и всезнаніемъ недоучившагося школьника, что онѣ скорѣе достойны смѣха, чѣмъ серьезнаго вниманія и преслѣдованія. И дѣйствительно, ихъ слѣдовало бы предоставить собственной жалкой слѣпотѣ и невѣжеству и предать на жертву единственному достойному ихъ наказанію—возможности болѣе и болѣе изобличаться, смѣлѣе и смѣлѣе заявлять свою бессмысленность, что вѣрнѣе всякихъ мѣръ, краснорѣчивѣе всѣхъ опроверженій должно бы погрузить ихъ въ ничтожество и сдѣлать совершенно безвредными. Авторы подобныхъ произведеній имѣютъ въ виду одну цѣль—пріобрѣтеніе популярности (другой родъ—пріобрѣтеніе денегъ, само собою разумѣется), и, конечно, для нихъ не можетъ быть большей кары, какъ полное невниманіе, особенно со стороны тѣхъ, кого хотѣлось бы имъ дразнить своими школьническими проказами.

«Но есть обстоятельства, заставляющія смотрѣть на эти вещи другими глазами. Большинство читающей публики нашей такъ мало еще развито и образовано, что оно не въ состояніи противиться обаянію печатнаго слова, которое всегда является въ нѣкотораго рода убранствѣ, ослѣпляющемъ слабое зрѣніе. Въ печати обыкновенно употребляются нѣкоторые литературные приемы, нѣкоторыя риторическія прикрасы, термины, то ученые, то принятые людьми просвѣщенными и умными, фразы съ извѣстною долею фосфорическаго блеска, бойкости или изворотливости пера, такъ что большинство публики отуманивается всѣмъ этимъ и, какъ отъ

пріема одуряющей снѣди или питья, чувствуетъ въ себѣ что-то нехорошее, но никакъ не въ состояніи воспротивиться вліянію прочитаннаго. Тутъ уже заключается положительный вредъ статей, подобныхъ тѣмъ, какія печатаются въ «Русскомъ Словѣ». И, однако, это еще не главное. Гораздо важнѣе этого тотъ вѣсъ и значеніе, какое пріобрѣтаютъ онѣ между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетѣ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что настоящее молодое поколѣніе большею частью воспитывается на идеяхъ «Колокола», «Современника» и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ «Русскаго Слова». Въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени умственного возбужденія и развитости, умами овладѣваетъ родъ сладострастія мысли, не менѣе пылкаго и обаятельнаго, какъ и сладострастіе физическое».

Развивъ далѣе положеніе объ увлеченіяхъ идеями вообще со стороны молодежи, авторъ записки говоритъ: «Къ счастью, конечно, далеко не всѣ наши періодическія изданія идутъ путемъ «Русскаго Слова» или «Современника»; нѣкоторыя изъ нихъ даже вступаютъ въ полемику съ ними и стараются изобличить всю несостоятельность ихъ мнѣній. Къ сожалѣнію, эти изобличенія касаются болѣе литературной стороны критикуемыхъ ими статей, нежели ихъ духа и направленія. Впрочемъ, трудно и требовать другого способа изобличеній отъ этихъ умѣренно-либеральныхъ журналовъ, потому что въ такомъ случаѣ они должны бы поднять щекотливые вопросы о предметахъ священныхъ въ религіозномъ и нравственномъ или важныхъ въ политическомъ смыслѣ, а за это ихъ тотчасъ огласили бы доносчиками, обвинили бы въ булгаринизмѣ. Да и самой цензурѣ подобная полемика причинила бы новыя затрудненія: кромѣ щекотливости подвергать всеобщему состязанію предметы слишкомъ высокаго и важнаго значенія, ей пришлось бы допускать въ печати, такъ сказать, вдвойнѣ и во многихъ изданіяхъ, что она не должна бы терпѣть ни разу ни въ одномъ».

«Какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что журналъ «Современникъ» и «Русское Слово» производятъ у насъ весьма важное вліяніе на массу читающей публики, особенно публики молодой. Направленію, въ которомъ они издаются, должны быть положены преграды. Я полагаю необходимымъ сдѣлать отвѣтственнымъ редакторамъ ихъ послѣднее строгое предостереженіе и затѣмъ, если въ нихъ появятся статьи или мысли, подобныя находящимся въ представленной мною запискѣ, то представить государю императору о прекращеніи изданій. Но при этомъ я считаю тоже справедливымъ сдѣлать цензору «Русскаго Слова» строгій выговоръ: ибо онъ долженъ обращать вниманіе не на однѣ фразы разсматриваемыхъ имъ статей, но на духъ ихъ и направленіе, хотя и самыя фразы такого рода, какъ означенныя

въ запискѣ, никоимъ образомъ не должны бы быть дозволены имъ къ печатанію. И если исключеніемъ фразъ нельзя ослабить вреднаго или непопозволительнаго значенія цѣлой статьи, то онъ долженъ, ничѣмъ не стѣсняясь, подвергнуть всю ее запрещенію».

XLIX.

Таковы были взглядъ и программа министерства Валуева, гдѣ бывшій редакторъ «Современника» и либеральный профессоръ-цензоръ произноситъ рѣшающее слово «репрессія», результатомъ чего явилась осенью 1862 г. приостановка на 8 мѣсяцевъ «Современника» и «Русскаго Слова», а также временное закрытіе за рѣзкость тона Аксаковскаго «Дня». Но еще до принятія этой мѣры противъ распространенія въ обществѣ «вредныхъ идей» правительство обратило усиленное вниманіе на безпрепятственное распространеніе прокламаціи домашняго происхожденія, вслѣдствіе чего еще въ апрѣлѣ того же года издало особыя правила о надзорѣ за типографіями и литографіями, что, впрочемъ, не помѣшало даже въ ближайшее за симъ время появленію новыхъ прокламацій, хотя, правда, и не въ столь значительномъ количествѣ, какъ прежде. Изъ числа этихъ прокламацій можно отмѣтить нѣсколько по адресу военнаго сословія, напр., «Къ офицерамъ», прокламацію «Къ образованнымъ классамъ» и «Земская дума», о которой мы уже говорили¹⁾.

Въ 1862 г. правительство въ своемъ надзорѣ за интеллигенціей на первую очередь ставитъ вопросъ о сношеніи русскихъ гражданъ съ эмигрантами, на что до тѣхъ поръ не обращалось никакого вниманія. Какъ мы уже говорили, паломничество къ Герцену, сношенія съ нимъ, сотрудничество въ «Колоколѣ» со второй половины пятидесятихъ годовъ стало дѣломъ почти обязательнымъ для всякаго, кто такъ или иначе принималъ участіе въ общественныхъ и политическихъ явленіяхъ нашей тогдашней жизни. Правительственные органы объ этомъ прекрасно знали и склонны были смотрѣть на это, какъ на дѣло естественное. Но съ 1861 г., когда политическая пропаганда въ Россіи уже нѣсколько окрѣпла, когда изъ лондонской типографіи начали поступать не только «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ», но и легучіе листки съ назначеніемъ революціонной агитаціи, Третье Отдѣленіе приложило всѣ старанія къ тому, чтобы выяснитъ, кто тѣ, которые состоятъ съ знаменитымъ эмигрантомъ въ наиболѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, каковы ихъ планы, намѣренія и цѣли. Въ этихъ видахъ была усилена политическая агентура, работа которой и не преминула дать опредѣленные результаты, доставивъ въ распоряженіе администраціи обширный фактический

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., августъ.

матеріаль, послужившій содержаніемъ большого дѣла¹⁾ съ цѣлымъ рядомъ въ немъ лицъ разнообразныхъ профессій и соціальныхъ положеній.

Начало дѣлу положилъ доносъ, поступившій въ Третье Отдѣленіе, гдѣ говорилось, что въ началѣ іюля 1862 г. въ Петербургъ пріѣдетъ изъ Лондона нѣкій Павелъ Александровичъ Ветошниковъ съ письмами на имя разныхъ лицъ отъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсіева. Въ слѣдующемъ доносѣ говорилось: «6 (18) іюня въ Лондонѣ у Герцена были вечеромъ: Огаревъ, Бакунинъ, г-жа О'Коннель (француженка, занимающаяся живописью), Кельсіевъ, Перетцъ, Калиновскій, Альбертини, Тхоржевскій, Жемчужниковъ, Рубинштейнъ, Мартьяновъ, Гамалѣя, Мечниковъ, Ветошниковъ, Голинскій, Ковалевскій, Чернякъ (профессоръ Пражскаго университета). Говорили о прокламаціи «Молодая Россія», которая еще не была получена.»

«24 іюня (6 іюля) наканунѣ отъѣзда Ветошникова изъ Лондона на вечерѣ у Герцена были: Огаревъ, Бакунинъ, Ветошниковъ, Кельсіевъ, Перегцъ, Сгасовъ, Альбертини, Ковалевскій, два брата Суздальцевы, Чернецкій, Тхоржевскій, графъ Ксаверій Браницкій, два брата Плаутины (родственники Огарева), два поляка и трое русскихъ.»

«Ветошниковъ весьма долго разговаривалъ съ Бакунинымъ въ другой комнатѣ.»

«Герценъ читалъ статью о пожарахъ и о прокламаціи «Молодая Россія».

Результатомъ этихъ анонимныхъ доносовъ былъ арестъ Ветошникова на границѣ, обыскъ его и конфискація наличной корреспонденціи, съ чего и началась размотка клубка, давшего въ распоряженіе администраціи нѣкоторыя любопытныя нити разнообразныхъ сношеній людей между собою, ключъ къ ихъ планамъ и намѣреніямъ. Обыскъ у одного давалъ въ результатѣ указанія на другого и т. д., и т. д. Въ итогѣ въ рукахъ правительства оказался не Богъ вѣсть какой цѣнный криминальный матеріаль, сводившійся по большей части только къ намекамъ, къ началамъ дѣйствій, къ чернѣ намѣченнымъ планамъ-мечтаніямъ, на основаніи которыхъ трудно было установить единство революціонной программы съ задачами въ ней радикальныхъ переворотовъ и ниспроверженія существующаго порядка вещей. Но какъ бы то ни было, мы все же почерпаемъ изъ данныхъ, добытыхъ обысками, допросами и слѣдствіемъ, нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія, показывающія, что революціонныя тенденціи охватили собою уже довольно широкіе круги, что на борьбу съ правительствомъ впервые готовились новыя, нетронутыя до сихъ

¹⁾ Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятихъ годовъ». «истор. вѣстн.», ноябрь, 1908 г., т. сxiv.

поръ силы и что инициаторы этой борьбы постепенно вырабатывали не только теоретическіе планы политической агитаціи, но пытались ихъ обставить практическими дѣйствіями: намѣчались наиболѣе удобные способы доставки въ Россію нелегальной литературы изъ-за границы и территоріальные пункты ея провоза (Константинополь—Кавказъ), предполагалось вовлечь въ революціонный потокъ раскольниковъ и старообрядцевъ, для чего съ ними черезъ посредство главнымъ образомъ Кельсіева были завязаны довольно тѣсныя сношенія, мобилизовались болѣе или менѣе значительныя денежныя средства, предназначавшіяся на революціонныя цѣли, ставился вопросъ о содѣйствіи русскому революціонному движенію со стороны инородцевъ и т. д. До сихъ поръ, съ начала XIX вѣка мы видѣли только поляковъ, идущихъ объ руку съ русскими политическими протестантами; теперь на ту же роль намѣчались и кавказскіе инородцы, какъ, напримѣръ, армяне.

Такъ, Кельсіевъ писалъ Н. Серно-Соловьевичу въ письмѣ отъ 7 іюля: «Герценъ написалъ превосходную статью о «Молодой Россіи»—у васъ, я увѣренъ, она будетъ принята съ восторгомъ, и вопросъ о поджигателяхъ ею разрѣшится. Они оба, и Г. и О., работаютъ здѣсь неумоимо и, если все пойдетъ, какъ теперь идетъ, они къ осени станутъ окончательно въ главу движенія—объ этомъ у меня съ самаго возвращенія моего идетъ съ ними бесѣда. Я лично тоже тружусь порядкомъ, граница буравится со всѣхъ концовъ, переписка съ раскольниками скоро приметъ исполинскіе размѣры, переписка дружеская, интимная, до объясненій въ любви и до клятвы въ дружбѣ, на манеръ Дамона и Писіоса. Присылайте только статей о закрытіи моленныхъ, отбираніи книгъ и т. п. для «Вѣча»; поддержите—и мы скуемъ себѣ партію не изъ однихъ верхушекъ; едва ли и теперь уже не вьется гнѣздо для центра, и едва ли мнѣ скоро не придется опять видѣться съ вами... Затѣмъ отыщите мнѣ хорошихъ людей въ Ярославлѣ, въ Рыбинскѣ и во Псковѣ, т. е. не хорошихъ, а способныхъ, или, если не способныхъ, то удоборуководимыхъ, какъ податель сего письма¹⁾; для сближенія съ раскольниками это нужно. Сами вотъ вы чѣмъ бы занялись—устройствомъ почтъ между Петербургомъ и ближайшими губернскими городами, такъ чтобъ книгамъ, журналамъ, прокламаціямъ, когда центръ окончательно устроится, былъ вполнѣ свободный и удобный путь внутри Россіи. Сдѣлайте до осени, хоть до Рождества, что можно въ этомъ отношеніи, и къ Рождеству я надѣюсь заварить кашу и приѣду къ вамъ. Въ Петербургѣ я на вашемъ мѣстѣ мало имѣлъ бы дѣла, не стоитъ того, а на провинціаловъ приналегъ бы. Такъ я и здѣсь дѣлаю: чуть какъ подвернется и станетъ сочувствовать,—я его и

¹⁾ Т. е. Ветошниковъ.

въ руки. Такимъ манеромъ у меня строятся разныя трубы и каналы для провоза какихъ вамъ угодно идей и распоряженій. Какъ центръ склеится, Г. и Ог. объявятъ въ «Колоколѣ», что они пристали къ нему, вы подтолкнете къ нему всякіе кружки, и мои мыслепроводы, сочувствователи, пойдутъ въ дѣло. А покуда дайте расчищать почву и собирать матеріалы».

Въ одномъ изъ конфискованныхъ писемъ Бакунина къ армянскому писателю и общественному дѣятелю Налбандьяну говорилось по поводу имѣющаго явиться къ послѣднему Воронова: «Онъ крѣпкій и умный хохоль, долго прожившій въ Новороссійскомъ краѣ и хорошо знающій Кавказъ; въ іюнѣ будетъ въ Питерѣ, а въ сентябрѣ въ Тифлисѣ. Онъ переговорить съ вами о новомъ средствѣ доставленія нашихъ товаровъ ¹⁾ въ Кавказскій край. Его мысль слѣдующая: изъ Трапезунта ходятъ на кавказскій берегъ малыя турецкія суда съ контрабандою, которую провозятъ во множествѣ. Горцы же, пользуясь правомъ возить съ горъ дрова на всѣ русскіе посты, т. е. на всю линію, примыкающую къ Черному морю, не разъ возили между дровами и наши лондонскіе запрещенные товары. А на русской линіи покупаютъ ихъ съ чрезмѣрною охотою и готовы платить большія деньги. Показаніе ясно, слѣдуетъ имъ воспользоваться и регулировать. По полученіи сего, напишите кому изъ своихъ, дѣльному и торговому человѣку въ Константинополь, за честность и дѣльность котораго вы передъ нами отвѣчать можете, и уговорите его устроить отношенія по этому дѣлу съ контрабандистами въ Трапезунтѣ — такъ что намъ была бы возвращаема ими только лондонская цѣна посылаемыхъ товаровъ плюсъ цѣнность пересылки ихъ изъ Лондона въ Константинополь. Всѣ же остальные барыши предоставлялись ему».

Въ письмахъ Бакунина давались ключи къ дешифрированію иносказательно написанныхъ писемъ, гдѣ, напримѣръ, Герценъ долженъ былъ значиться подъ именемъ барона Тизенгаузена, Огаревъ — Костеревъ, самъ Бакунинъ — Брыкаловъ; государь — Гавриловъ; слова «тайная полиція» — Слѣпневъ, правительство — Дурново, тюрьма — кофейная, турки — сапожники и т. п.; также города всѣ переименовались. Чрезвычайно любопытно письмо, найденное у Налбандьяна, гдѣ шла рѣчь о революціонной организаціи армянъ. Вотъ оно съ прибавкой ключа для дешифрированія этого на первый разъ какъ будто загадочнаго документа:

«Письмо ваше отъ 9 мая изъ Парижа получилъ. Присланное къ г. Мартиросу донинѣ еще не доставлено ему: прошу не гнѣваться на это, но выслушать спокойно и со вниманіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили нашъ городъ, я стараюсь получить то, о чемъ говорили г. Мартиросу; тогда можно будетъ смѣло доставить ему мое письмо. Но тщетно. Безконечные вопросы въ народѣ и дѣла тѣхъ людей, къ которымъ нѣ-

¹⁾ Т. е. прокламацій и лондонскихъ изданій.

сколько мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ довѣріе, а нынѣ не имѣю, такіе люди обезкураживаютъ меня. Думаю, что сказать — имѣемъ здѣсь банкира, когда мы его не имѣемъ, поставить меня къ критическое положеніе, да и товарищи наши не позволяютъ сообщить такого рода дѣло тому человѣку, который, какъ цѣлое общество полагаетъ, можетъ повредить. Подумайте хорошенько и напишите ко мнѣ, слѣдуетъ ли вручить ему мое письмо. Я совершенно спокоенъ насчетъ вашихъ распоряженій, до меня касающихся. Старался я имѣть здѣсь ложу братства (Отелло) и получилъ позволеніе открыть ее. Эта ложа, подъ именемъ Гайкъ или Оріонъ, будетъ состоять подъ покровительствомъ Англіи, отъ которой также получено позволеніе, предоставляющее этому братству право созывать тайныя собранія, въ родѣ франкмасонской ложи, но попроще ея. Цѣль этого братства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о неимущихъ и больныхъ братьяхъ и снабжать ихъ деньгами. Когда, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, наша ложа не въ силахъ будетъ помогать бѣднымъ и больнымъ братьямъ, тогда главная лондонская ложа должна помогать намъ деньгами. Поступающій въ братство долженъ внести полфунта стерлинговъ и еженедѣльно по шести пенсовъ. По предмету учрежденія благотворительнаго общества встрѣчаются со стороны нѣкоторыхъ лицъ препятствія, но не непобѣдимыя: полагаю, что это черезъ нѣсколько дней войдетъ въ порядокъ. Собрали мы довольно денегъ. Письма къ вышнимъ агентамъ еще не отправлены; это возбудитъ въ васъ негодованіе, я и самъ негодую на то, но слѣдовало такъ; на дняхъ все будетъ отправлено. Съ Каталъянцомъ я выдаюсъ: онъ очень хорошій, но смиренный человѣкъ. Нужно было бы имѣть здѣсь нѣсколько лицъ вашего закала, тогда заранѣе воспользовались бы. Прибылъ сюда изъ Тороса (Тавра) одинъ монахъ; я старался войти съ нимъ въ сношеніе и съ трудомъ могъ созвать двадцать или тридцать человѣкъ; мы дали ему денегъ, частью я, частью одинъ изъ пріятелей, на покупку учебныхъ книгъ и на дорожныя издержки, насчетъ же остальныхъ обѣщаль постараться для нихъ. Апатія для меня смерть, я такъ же думаю, какъ и вы. Нашъ народъ мало трудится и трудится надъ такимъ дѣломъ, которое вы презираете; при вопросѣ о любви къ своей націи всѣ говорятъ громко, но у однихъ эта любовь лицемѣрная, а у другихъ пустая; когда же нужно дѣйствовать, тогда нѣтъ никого. Отъ этихъ разсказовъ не должно намъ отчаиваться: я намѣренъ трудиться всегда, хотя знаю, что отъ этого труда скоро постарѣю».

А вотъ и ключъ къ расшифрованію непонятныхъ мѣстъ, какъ этого, такъ и другихъ писемъ, касающихся армянской организаціи.

Открыть торговый домъ—сосредоточить и умножить войска.

У побережья Чернаго моря имѣть мѣсто—въ Трапезонтѣ имѣть одного комиссіонера.

Имѣть тамъ банкира—имѣть тамъ комитетъ.

Покупать ленъ—съ горцами начать переговоры и заключить союзъ.

Бумагопашество—въ Киликіи водворить колонію.

Европейскій курсъ—рука помощи отъ европейскихъ государствъ.

Имѣть кредитъ—издавать газету.

Самсона пріятель—Россія.

Бейрутскій пріятель—Франція.

Манчестерскій пріятель—Англія.

Женевскій пріятель—Италія.

Константинопольскій пріятель—Персія.

Триестскій пріятель—Польша.

Парижскій пріятель — «нельзя расшифровать имени» — написалъ Аскархановъ,
но потомъ кто-то написалъ: Чарторижскій.
Лондонскій пріятель — Герценъ.
Ливорнскій пріятель — Гарибальди.
Фабрикаторъ — публицистъ.
Большой — Армения.
Хлопчатая бумага — Киликія.
До жатвы выдать деньги — возбудить національность.
Для покупки товара — для возстанія.
Мартирось — Мадзиви.
Алминваръ — Бакунинъ.
Часы — штыковое ружье.
Хронометръ — пушка.
Послать индиго — склонить англичанъ сдѣлать высадку въ Киликію.
Пашня для посѣва индиго — Александретта.
Возвысить цѣны на товары — собирать деньги.
Мука — порохъ.
Пшеница — ядро.

Л.

Долго и утомительно было бы слѣдить за всѣми перипетіями слѣдствія надъ лицами, привлеченными къ дѣлу, и тѣмъ болѣе, что эти послѣднія оказались втянутыми въ него по разнымъ поводамъ, часто совершенно случайнымъ и безъ всякаго отношенія къ вопросу о политической пропагандѣ. Дѣло тянулось съ осени 1862 г. по конецъ 1864 г., и только тогда по нему вынесено было сенатское постановленіе, высочайше вслѣдъ за симъ утвержденное, согласно смягченіямъ, сдѣланнымъ государственнымъ совѣтомъ. Сенатъ представилъ:

1. Отставного надворнаго совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику (sic!) Кельсіеву съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія — лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2. Отставного коллежскаго секретаря Павла Ветошникова, 33 лѣтъ, и 3. Почетнаго гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ, — за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ злоумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій — лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ

о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. Изъ нихъ коллежскаго секретаря Ветошникова по предмету участія въ самомъ злоумышленіи лондонскихъ пропагандистовъ противъ русскаго правительства—признать неизобличеннымъ;

4. Отставного штабсъ-капитана Николая Петровскаго за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ — признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ;

5. Купца Ивана Шибаева за недонесеніе о предложеніи, сдѣланномъ ему Кельсіевымъ, напечатать въ Лондонѣ старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ того, за имѣніе у себя сочиненія противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шибаева, ходатайствовать передъ Г. И. объ отмѣнѣ сего наказанія и вмѣненіи имъ въ такое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею, впрочемъ, Шибаева подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по предмету недонесенія правительству о прибытіи преступника Кельсіева въ Россію Шибаева отъ суда освободить;

6. Отставного коллежскаго регистратора Пимена Лялина, 66 лѣтъ, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ выдержанію подъ арестомъ два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года, на что испросить высочайшее соизволеніе; по предмету же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій, посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ, и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи;

7, 8, 9. Преданныхъ по высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената, находящихся за границую Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василя Кельсіева, за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію, несмотря на дѣлаемые имъ вызовы,—лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства съ тѣмъ, 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. 368 ст. улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ осужденія на законномъ основаніи въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи правительству по обвиненіямъ, упадающимъ на нихъ по настоящему дѣлу;

10. Великобританскаго подданнаго Артура Бени, за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи въ С.-Петербургъ русскаго подданнаго Василя Кельсіева, по паспорту турецкаго подданнаго Василя Яни—выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія правительства о прибытіи означеннаго Василя Кельсіева въ Россію, съ знаніемъ, что Василій Кельсіевъ неосужденный государственный преступникъ,—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за границу, воспретивъ навсегда вѣздъ въ Россію, подъ опасеніемъ поступить съ нимъ по 354 ст. уложенія;

11. Почетнаго гражданина Михаила Журавлева;

12. Чиновника X класса Павла Аркадьева, за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію верховной власти, а Аркадьева за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи воззванія «Земская Дума»,—выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего обоихъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

13. Дочь майора, дѣвицу Марію Челищеву за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній—выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

«Рѣшеніе сіе, на основаніи 452 и 617 ст. кн. 2 т. XV св. зак. уголовн., представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: 1) кандидата с.-петербургскаго университета Михаила Налбандова въ знаніи о преступныхъ замыслахъ лондонскихъ пропагандистовъ, въ содѣйствіи имъ къ распространенію въ Россіи запрещенныхъ ихъ лондонскихъ изданій, въ стремленіи распространить на югъ Россіи, между армянами, противоправительственное движеніе—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ, какъ личность неблагонадежную, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ выслать въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи подъ строгій надзоръ полиціи:

2 и 3) Сужденіе объ отставныхъ надворномъ совѣтникѣ маркизѣ Николаѣ де-Траверсе и кол. регистраторѣ Ничипоренко, за смертью ихъ, прекратить;

4) Отставнаго поручика князя Павла Трубецкого, братьевъ: 5) отставнаго поручика Александра и 6) коллежскаго регистратора Алексѣя Орфано; 7) надворнаго совѣтника Александра Афанасьева; 8) кандидата московскаго университета Алексѣя Козлова; 9) купца Дмитрія Кожанчикова; 10) литератора Максимова; 11) отставнаго штабсъ-капитана Бѣлозерскаго; 12) отставнаго штабсъ-капитана Любенкова; 13) отставнаго коллежскаго ассесора Воронова; 14) дѣйствительнаго студента Николая Потѣхина; 15, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаевского; 16) отставнаго коллежскаго

ассесора Каншина; 17) отставного коллежскаго ассесора Альбертини и 18) коллежскаго секретаря Ивана Тургенева—по настоящему дѣлу освободить отъ суда. А дѣвицѣ Фернклундъ, на просьбу ея о позволеніи ѣхать ей за однимъ изъ подсудимыхъ, Ветошниковымъ, въ ссылку обвинчанною его женою, объявить, что предметъ этотъ до разрѣшенія сената не относится и что она съ просьбою своею о семъ должна была своевременно обратиться къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, коему предпишется объ исполненіи имѣющаго состояться о Ветошниковѣ и прочихъ рѣшенія».

Опредѣленіе пошло, какъ и всегда, въ государственный совѣтъ, откуда было возвращено 9 апрѣля 1865 года. Государственный совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ сената, «призналъ однакоже возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго», и потому мнѣніемъ положилъ: «1) участь отставнаго надворнаго совѣтника Николая Серно-Соловьевича и коллежскаго секретаря Ветошникова повергнуть монаршему милосердію съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Е. И. В. высочайше повелѣть подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая на каторжную работу, поселить въ Сибири навсегда; 2) отставнаго титулярнаго совѣтника Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14 класса Василія Кельсіана и литератора Виктора Касаткина. лишивъ согласно съ заключеніемъ правительствующаго сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства; 3) въ прочемъ утвердить заключеніе сената».

30 марта государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

27 апрѣля приговоръ былъ объявленъ въ собраніи сената при открытыхъ дверяхъ.

«Процессъ 32», или «дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», былъ первымъ крупнымъ по количеству участвовавшихъ въ немъ лицъ процессомъ въ царствованіе Александра II. Центральной фигурой процесса явился Н. А. Серно-Соловьевичъ, о которомъ мы уже говорили въ XXXVII и XXXVIII главахъ настоящихъ очерковъ ¹⁾, и въ его лицѣ административная власть изъяла изъ русской общественности и всего тогдашняго политическаго движенія энергичнаго дѣятеля, который могъ дѣйствительно быть опаснымъ тогдашнему строю—съ одной стороны, и съ другой, какъ мы то видѣли изъ показанія г. Пантелѣева, тою активною силою, около которой группировались пришедшіе въ движеніе нѣкоторые общественные слои. Всѣ остальные, кого процессъ затронулъ, въ сущности не играли въ тогдаш-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., сентябрь.

немъ движеніи какой-либо существенной роли и являлись тѣми второстепенными лицами, которыя всегда имѣются въ наличности при всѣхъ политическихъ движеніяхъ и участіе которыхъ сводится здѣсь по большей части къ выполненію такъ или иначе предначертанныхъ вожаками порученій. Но если арестъ Ветошникова въ кругу этого процесса не далъ особыхъ реальныхъ результатовъ, то въ другомъ отношеніи онъ выгодно сыгралъ на руку тогдашней полицейской власти: она почерпнула здѣсь поводъ къ аресту Н. Г. Чернышевскаго, къ дѣятельности котораго до сихъ поръ не имѣлся случай придиркѣ, въ виду крайней осторожности всего его поведенія.

II.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ прошедшемъ году уже было говорено ¹⁾ о мотивахъ, которыми руководилась администрація въ своемъ желаніи устранить Николая Гавриловича Чернышевскаго изъ нашей общественности. На него и въ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ смотрѣли какъ на властителя тогдашнихъ революціонныхъ думъ, какъ на тайную пружину, которая приводитъ все окружающее въ опредѣленное движеніе, чей духъ чувствуется въ каждомъ проявленіи тогдашней общественной оппозиціи, чей слѣдъ такъ или иначе наблюдается въ каждомъ арестѣ, въ каждомъ нелегальномъ произведеніи. Его статьи, сдержанныя по внѣшней формѣ, какъ будто нѣсколько холодныя, но полныя развѣдающаго анализа и фактически обоснованныя и построенныя съ логической несокрушимостью, производили на правительство просто устрашающее впечатлѣніе, и самъ Александръ II, въ блескъ своихъ освободительныхъ начинаній лично не могъ простить публицисту «Современника» его критики реформы по освобожденію крестьянъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ формально къ нему никакъ не удавалось придратъся, и таинственность, окружавшая его личность, приводила въ смущеніе и ставила втупикъ какъ его враговъ, такъ и почитателей. Въ то время, какъ въ «Шахматномъ клубѣ», тогдашней штабъ-квартирѣ конспираціи, Н. А. Серно-Соловьевичъ выдавалъ себя головою, Чернышевскій, явно руководившій многими послѣдняго дѣйствіями оставался непроницаемъ и какъ будто былъ непричастенъ окружающему его политическому движенію.

Но вотъ арестъ Ветошникова даетъ администраціи поводъ къ обыску и аресту этого таинственнаго и опаснаго человѣка. Въ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., май—іюнь, ст. А. Г. Фомина «Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли».

одномъ изъ писемъ Герцена, найденныхъ у Ветошникова, встрѣтилась фраза: «Мы готовы издавать Совр.¹⁾ здѣсь съ Черныш.²⁾ или Женевѣ—печатать предложеніе объ этомъ, какъ вы думаете?» Это-то упоминаніе о «Современникѣ» и Чернышевскомъ и было началомъ печальной жизненной повѣсти Николая Гавриловича. У него произвели обыскъ, захватили всѣ найденныя бумаги, арестовали и посадили въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, по сосѣдству съ Писаревымъ, Баллодомъ и другими, которые къ тому времени, какъ мы знаемъ, сюда уже были заключены. Однако разсмотрѣніе взятыхъ у арестованнаго бумагъ не дало слѣдственной комиссіи рѣшительно никакихъ данныхъ къ установленію какой-либо его виновности. Тогда для укрѣпленія позиціи слѣдственной комиссіи сюда была препровождена отъ управляющаго III Отдѣленія, Потапова, слѣдующая записка, гдѣ, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія та точка зрѣнія на писателя, которая установилась среди правящихъ сферъ. Вотъ характеристика Чернышевскаго, сдѣланная Потаповымъ³⁾:

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно проводились свободныя идеи, приобрѣлъ себѣ извѣстность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и притомъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками; собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постороннихъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную и велъ ее не только въ Россіи, но и за границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламация, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе, которымъ обнаружено:

«Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спалъ не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ, чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, принося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большею частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ, 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько передъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго

¹⁾ «Современникъ».

²⁾ Чернышевскій.

³⁾ Мих. Лемке. «Политическіе процессы».

И Сергеевич

стола, то, не выходя из кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность: онъ, все-таки, продолжалъ запираить комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и малоразговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ самарскую деревню его. 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшаго попечителя округа генерала Филиппсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой видимо старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно,—однимъ словомъ, что правительство уморило его.

«Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка; когда же потомъ г-жа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу Вамъ опять на всякій случай,—можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ—не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ». Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ: онъ сталъ запираить кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шель обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ, и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ метранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ влияніемъ какого-то паническаго страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ. Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ, изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ,—которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часть ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать—и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности, означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ, вѣроятно, изъ простаго званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ-то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія-то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру «Что нужно народу», и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ, въ 8 линію, на подворье къ монахамъ. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, рассказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи будутъ устроены манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

«Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ; гласное судопроизводство и т. п. Онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ-то: изъ Кіева, Харькова, Владимира и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова; на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подпись Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за-границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими специальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскіе матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для «Современника» статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

«Наконецъ, Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу. Тамъ положительно увѣряли, что если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партією Чернышевскаго, Героглифова, Елисѣева и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Чернышевскаго лицъ и студентовъ, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ расстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительныя сношенія съ Герценомъ—и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями; полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

«Кромѣ сего, извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ «Современника», былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за границу со стороны лондонской русской прессы стало проявляться сочувствіе къ оному».

Мы не будемъ исправлять неточности и нѣкоторыя подтасовки, сдѣланныя въ запискѣ. Въ работѣ М. К. Лемке по поводу процесса Чернышевскаго это сдѣлано съ достаточной обстоятельностью, почему интересующихся и отправляемъ къ нему; съ своей же стороны отмѣтимъ, что записка Потапова свое дѣло сдѣлала: она установила въ глазахъ слѣдователей принципиальную, такъ сказать, виновность Чернышевскаго въ полномъ объемѣ его дѣятельности, какъ писателя и гражданина русской земли. Записка была на психологію слѣдователей, и въ этомъ отношеніи ея расчетъ оказался вѣрнымъ. Арестованнаго держали въ крѣпости, около его личности, жизни, дѣятельности производили дознанія, лишали его того, на что онъ по закону имѣлъ право, какъ, напримѣръ, свиданія съ женой, личнаго допроса. Чернышевскій протестовалъ противъ такого къ нему отношенія и, между прочимъ, первый ввелъ въ режимъ арестованныхъ, какъ средство протеста.

голодовку, пока не достигъ хоть нѣкоторыхъ результатовъ. Кстати будетъ отмѣтить, что въ теченіе своего заключенія въ крѣпости онъ не лишенъ былъ возможности продолжать свою литературную работу и между прочимъ именно изъ стѣнъ петропавловской тюрьмы вышелъ его знаменитый романъ «Что дѣлать», надолго сдѣлавшійся своего рода соціальнымъ евангеліемъ для нашей молодежи.

Собранныя слѣдственной комиссіей фактическія данныя противъ Чернышевскаго были слишкомъ ничтожны, а безъ нихъ нельзя было нанести ему рѣшительнаго удара. Скоро эти данныя, однако, появились въ рукахъ комиссіи, и на выручку ей пришелъ Всеволодъ Костомаровъ, о которомъ мы уже упоминали, когда шла рѣчь о московской революціонной молодежи¹⁾. Онъ-то и явился тѣмъ грознымъ свидѣтелемъ противъ нашего писателя, который и рѣшилъ его участь. По свидѣтельству всѣхъ занимавшихся дѣломъ Николая Гавриловича²⁾, Костомаровъ изъ корыстныхъ цѣлей вошелъ въ соглашеніе съ III Отдѣленіемъ и далъ въ его руки нужные документы, которые сфабриковалъ въ Москвѣ частью лично, частью черезъ нарочито для того подставленныхъ лицъ. Остановившись по пути своей высылки на Кавказъ подъ видомъ болѣзни, онъ написалъ родственнику длиннѣйшее письмо по поводу своей судьбы и постигшей его кары, гдѣ красной нитью по всѣмъ моментамъ своей и своихъ единомышленниковъ дѣятельности провелъ имя Николая Гавриловича, какъ злого генія и его лично, автора письма, и всей Россіи Главнымъ обвиненіемъ противъ Чернышевскаго имъ выставлялось составленіе прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», гдѣ высказываемы были революціонныя тенденціи съ призывомъ крестьянъ къ бунту и рѣзни и порученіе со стороны автора прокламаціи напечатать ее въ Москвѣ въ нелегальной типографіи, къ которой самъ Костомаровъ былъ причастенъ. По свидѣтельству Костомарова, на средства именно Чернышевскаго печатались прокламаціи, покупались шрифтъ, печатный станокъ, Чернышевскій былъ авторомъ не только воззванія къ крестьянамъ, но и къ солдатамъ, и къ старообрядцамъ и т. д.

Это письмо по заранѣе составленному плану попало въ руки агентовъ, сопровождавшихъ Костомарова въ ссылку, какъ равно якобы совершенно случайно ими былъ найденъ у него пожелтѣвшій листокъ бумаги, на одной сторонѣ котораго рукой Костомарова были набросаны какіе-то стихи, а на другой почеркомъ, похожимъ на почеркъ Чернышевскаго, нѣсколько словъ, являвшихся поправкою къ прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ». Конечно, весь этотъ московскій матеріалъ попалъ въ рас-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., июль.

²⁾ Мих. Лемке, Н. Девисюкъ, Л. Пантелѣевъ, Н. Шелгуновъ, А. Фоминъ, К. Корниловъ и др.

поряженіе слѣдственной комиссіи и на основаніи его начались новые допросы Чернышевскаго. Доказать обоснованность взведенныхъ на него обвиненій не стоило большого труда, и Чернышевскій вполне удачно вышелъ изъ труднаго положенія и тѣмъ болѣе, что, на его счастье, сотрудники Костомарова и полицейскихъ агенто́въ предали ихъ и обнаружили значительную долю той «работы», которая была ими произведена въ Москвѣ въ цѣляхъ очерченія подсудимаго.

III.

Несмотря на все это, дѣло Чернышевскаго все же поступило въ сенатъ, и тутъ изъ III Отдѣленія на сцену выдвинуть былъ новый ловко сфабрикованный документъ въ видѣ неизвѣстнаго дотолѣ письма подсудимаго къ поэту Плещееву, которое въ фотографическомъ снимкѣ въ качествѣ историческаго документа при семъ прилагаемъ. Письмо это также было получено все отъ того-же В. Костомарова. Здѣсь Чернышевскій яко бы писалъ:

«Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть, вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я и самъ очень хорошо знаю, что, несмотря на всѣ принятые мною предосторожности, рискую очень многимъ, но кто виновать? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда. Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ,—слабостью, ничѣмъ не оправдываемой, и ошибкой, никогда не поправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобъ дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустынкіе, но все-таки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе вы все-таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной и рассказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія свое сочиненіе (?). Старайтесь заглушить эти слухи; это будетъ вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, и Сулинъ и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ.

«Что касается до К. ¹⁾, то на него, кажется, можно положиться, хотя, конечно, и съ нимъ нельзя черезчуръ откровенничать не слѣдуетъ, не испытывавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ, и я во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ вамъ за знакомство съ нимъ.

«Я ничего не пишу вамъ теперь о литературныхъ дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для васъ небезынтересныхъ. По

¹⁾ Т. е. Костомаровъ.

обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшить К., съ которымъ я отправляю это письмо.

«Вы все попрежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, больше вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергіи мало, мало силы воли.

«Совсѣмъ некогда. Жму вашу руку. Вашъ Н. Чернышевскій.

«Скоро буду писать черезъ К.»

По поводу этого письма г. Лемке говоритъ: «Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно и не требовалось ея, точно сенатъ только и ждалъ письма...

«24 іюля Чернышевскій былъ пригнанъ въ сенатъ, и первоприсутствовавшій Корниолинъ-Пинскій началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеся его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: «Oculis, non manibus».

«Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Плещееву. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить, что если въ подписи нужно читать «Чернышевскій», то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

«Призванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: «По сличеніи предложеннаго къ рассмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безповоротно».

Юридически противъ Чернышевскаго для его обвиненія не было никакихъ данныхъ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ сдѣланныхъ имъ устно и письменно возраженій; всѣ его доводы въ свою пользу отличаются стройной логичностью, и ни одно сдѣланное во вредъ ему замѣчаніе не осталось имъ безъ опроверженія, и тѣмъ не менѣе сенатъ и государственный совѣтъ рѣшили дѣло не въ его пользу. Послѣ длиннаго мотивированнаго вступленія, не отличающагося ни вѣскою приведенныхъ фактовъ, ни ловкостью подобранныхъ соображеній, сенатъ въ своей резолюціи возвелъ на Чернышевскаго слѣдующія три обвиненія:

«1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Рос-

сїи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ только приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ, или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое, по словамъ его, получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что, дѣйствительно, Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему по обвиненію этому, согласно 304 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

«2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто «срочно-обязанные» — «временно-обязанные» (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно написано «срочно-обяз.», и признанное присутвіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ»; г) показаніе бывшаго подъ судомъ въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ» и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе это совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившаго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ»; токмо Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи

въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащихся въ смирительномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденныхъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смирительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщенъ владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ» сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное отпечатаніе онаго.

«3. Приготовленіе къ возмущенію. Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2 ст. 326 и т. X ч. 2 ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкому Алексѣю Николаевичу (Плещееву). Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308 т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности пріобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи «Къ барскимъ крестьянамъ», которое они взяли напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Понизовѣ).

«Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I т. XV въ главѣ о госуд. преступл. въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу правительства. Но, принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ

отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени подлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находить, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ», своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и социалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній, въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его заперательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

«Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» и передачу онаго для напечатанія въ видахъ распространенія—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

«Рѣшеніе это на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ».

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственнѣйшій совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля, въ такомъ видѣ: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину». 26 апрѣля Замятнинъ прислалъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ.

Чернышевскій погибъ, и далекая Сибирь приняла въ свои объятія челоуѣка дѣйствительно выдающагося ума и таланта, кратковременная дѣятельность котораго наложила неизгладимый слѣдъ на русскую жизнь...

Никитенко, никогда не сочувствовавший Чернышевскому, по поводу суроваго, вынесеннаго ему приговора, обратился къ Любоцинскому и записалъ въ своемъ «Дневникѣ». «Я спрашивалъ у сенатора Любоцинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральныя убѣжденія противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгорукій показалъ имъ какія-то бумаги III отдѣленія, и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ».

Да, говорили всѣ тогда, говорили долго и послѣ... до послѣдняго времени включительно, когда стало возможнымъ не только говорить, но и писать о томъ. Тогда же, сорокъ пять лѣтъ почти тому назадъ, лишь Герценъ могъ посвятить финалу этого дѣла негодующую статью ¹⁾, закончивъ ее восклицаніемъ по адресу всѣхъ противниковъ и враговъ Чернышевскаго:

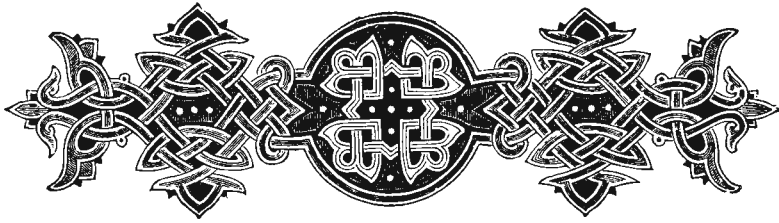
«Проклятье вамъ, проклятье—и, если можно, мести!»

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Колоколъ», 1864 г., № 186.

СТАРОБРЯДЧЕСКАЯ СВЯТЫНЯ.

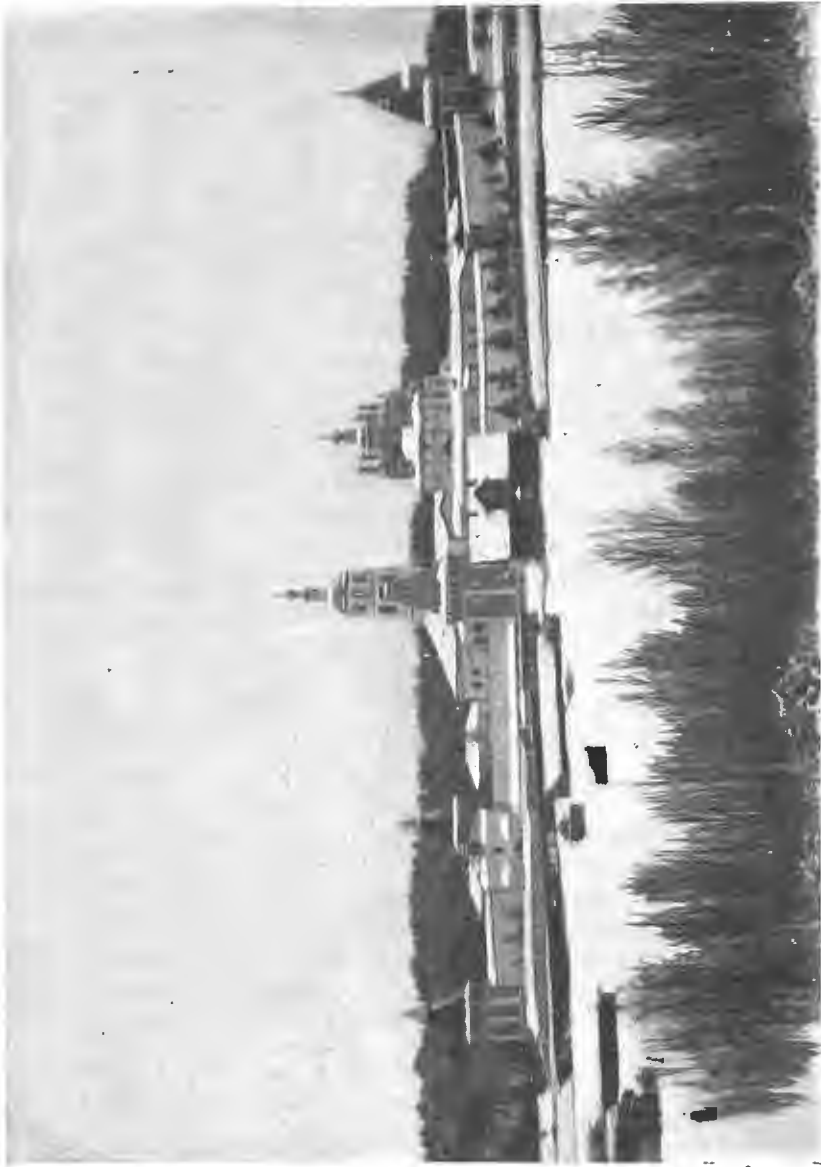

СТАТОКЪ отъ давняго княжества, уѣздный городъ Калужской губерніи Боровскъ живописно раскинулся въ виду Пафнутаева монастыря, въ которомъ, къ слову сказать, кончилъ дни свои окольнічій «Луппъ, зовомый Андрей Петровичъ Клепнинъ во иноцѣхъ Левкей схимникъ». Это тотъ самый Клепнинъ, который производилъ розыскъ вмѣстѣ съ «нелѣпымъ» Василюмъ Шуйскимъ по дѣлу объ убіеніи Димитрія Царевича и, по выраженію лѣтописи, подыскалъ «злодѣя Витяговскаго». Схимникъ Левкей «преставился лѣта 4393 (т. е. 1599) апрѣля въ 5 (6) день». Его погребли при входѣ въ церковь св. Ирины мученицы.

Въ Боровскѣ находится старообрядческая святыня, а именно могила боярыни Ѳедосьи Прокопьевны Морозовой и княгини Евдокии Прокопьевны Урусовой, родныхъ сестеръ, «двухъ ластовицъ сладкоглаголивыхъ, двухъ маслинъ и двухъ свѣщниковъ, предъ Богомъ на земли стоявшихъ» (протопопъ Аввакумъ). Могила «страдалицъ за правую вѣру» бокъ-о-бокъ съ «городскимъ гуляньемъ», скверомъ, на мѣстѣ котораго еще сравнительно недавно было кладбище. Тутъ зарывали въ землю, безъ панихидъ, ревнителей древляго благочестія и преступниковъ, умиравшихъ въ близстоявшемъ острогѣ. «Мертваго дома» больше не существуетъ: онъ передѣланъ четверть вѣка назадъ въ училище.

Могила боярыни Морозовой и княгини Урусовой представляетъ собою грубоотесанную каменную плиту, по сторонамъ которой вьется-вьется вязъ, то прихотливо-узорное писаніе, что издавна

правилось Руси. На крестѣ Ярославовой гробницы въ Кіевѣ запечатлѣлось оно;—вотъ какая глубина столѣтій!.. Незатѣйливый крестъ осѣняетъ плиту съ надписью:

Пафнугіевъ Боровской монастырь.

«Лѣта 4304 погребены на семь мѣстѣ, сентябра въ 11 день боярина князя Петра Семеновича Оуурсова жена ево, княгиня Евдокія Прокофьевна, да ноявря во 6 день боярина Глѣбова жена Ивано-

вича Морозова боярня Ѳедосья Прокофьевна а во иноцѣхъ инока схимница Ѳеодора, а дочери обѣ окольничего Прокофья Ѳеодорича Соковнина. А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Ѳеодоръ Прокофьевичъ да окольничей Алексѣй Прокофьевичъ Соковнины».

Могила обнесена убогою деревянною оградю. Надъ изголовьемъ возвышается стройная кудрявая береза съ ушедшею въ стволъ ея иконою. Въ такомъ видѣ эта историческая могила пребываетъ съ 1882 года, когда она стала предметомъ заботъ мѣстныхъ старообрядцевъ А. Г. Щербакова и покойнаго Н. К. Карнѣева, а до тѣхъ поръ камень служилъ столомъ и постелью для загулявшихъ гарнизонныхъ солдатъ, либо мѣриломъ силы: его поднимали, двигали съ мѣста на мѣсто и т. д., зная, что это «раскольниковья» могила, которую, поэтому, можно безнаказанно осквернять.

Въ близкомъ будущемъ, кажется, убогую деревянную ограду, (а можетъ быть, и березу) замѣнитъ прекрасная, стильная часовня, въ пользу которой заговорила старообрядческая печать и на которую начать сборъ пожертвованій среди старообрядчества. Если оно не совѣмъ благосклонно относится или еще недавно относилось къ дорогимъ и вычурнымъ памятникамъ на могилахъ простыхъ смертныхъ¹⁾, то на часовню въ память Морозовой и Урусовой оно смотреть иначе: окрыленное и освобожденное отъ утѣсненій манифестомъ великодушнаго государя, старообрядчество высказывается прямо, и образы Морозовой и Урусовой окружаются уже особеннымъ ореоломъ. Это характерно для иллюстраціи нынѣшняго старообрядческаго настроенія, которое, въ сущности, выросло въ теченіе столѣтій, подобно крѣпкому дереву, посаженному допетровскими предками такъ, чтобы ему дивились и отдаленные потомки.

Уже два года подъ рядъ 11 сентября и 2 ноября на могилѣ «благовѣрной» княгини Урусовой и Морозовой совершаются торжественныя панихиды. Торжество сестеръ, начавшееся при жизни ихъ, продолжается и по смерти. Извѣстная картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ), изображающая отправленіе Морозовой въ подворье Печерскаго монастыря, есть уже переходъ отъ «боярскаго сытнаго житья-бытья» къ житію. Неизвѣстный авторъ-современникъ въ своемъ «Сказаніи»²⁾ рисуетъ этотъ переходъ соотвѣтственно яркими красками,

¹⁾ В. А. Кокоревъ, принадлежавшій къ безпоповскому толку и называвшій надмогильные памятники «всяческой суетой», отражалъ только взглядъ огромнаго большинства своихъ единовѣрцевъ.

²⁾ Рукописное «Сказаніе отчасти о доблести и мужествѣ, изящно свидѣтельство о терпѣливо-душевноиъ страданіи новоявленныхъ преподобно-великомученицы боярыни Ѳеодосіи Прокопьевны, нареченныя во иночествѣхъ Ѳеодоры, по тезоименитству земныя славы Морозовы, и сестры ея единокровныя и сострадальницы благовѣрныя княгини Евдокіи и третія союзницы ихъ Маріи. Имать же повѣсть сія повѣданіе вкратцѣ».

Могила боярыни Морозовой и княгини Урусовой.

а знаменитый протопопъ Аввакумъ составляетъ письма въ похвалу сестеръ съ отгѣнкомъ акаѳиста.

Явственно звучить: новоявленная преподобно-великомученица Ѳеодосія. Явственно раздается: благовѣрная княгиня Евдокія, нужды нѣтъ, что по закону титулы: «благовѣрный», «благовѣрная», кажется, не распространяются дальше императорскаго дома. Но въ связи съ именемъ княгини Евдокіи Урусовой онъ принимаетъ особый смыслъ, все равно какъ не зря и Ѳеодосья Морозова приняла монашество (6 декабря 1671 года) съ именемъ Ѳеодоры (съ греческаго: Даръ Божій).

Величаніе при жизни, когда создается зданіе подвиговъ, сливается съ звуками торжественныхъ панихидъ, когда подвиги уже заполнили лѣтописный свитокъ и надъ жизнью поставленъ враждебный «суетъ суетъ и всяческой суетъ» крестъ, простой, почти убогій крестъ. Отсюда далеко ли до святыхъ Ѳеодосіи (въ иночествѣ Ѳеодоры) и Евдокіи? И знаете, въ Боровскѣ мнѣ говорили минувшимъ лѣтомъ:

- А вѣдь мощи-то ихъ остаются нетлѣнными...
- Развѣ разрывали землю?—спросилъ я.
- Да. Кости цѣлы и волосы сохранились.

Это очень любопытно, если сопоставить съ тѣмъ, что говоритъ профессоръ Е. Е. Голубинскій: «въ древнее и старое время подъ нетлѣніемъ мощей не разумѣли непремѣнно цѣлости всѣхъ тѣлъ, но столько же цѣлость и однѣхъ костей. Прежде всего самое слово мощи значить именно кости...» Софійскій лѣтописецъ говоритъ, что и «подъ мощами святыхъ должно разумѣть именно кости». («Исторія русской церкви», т. I, вторая половина тома, стр. 342).

Вопросъ: могли ли появиться современные изображенія знаменитыхъ и замѣчательныхъ стойкостью религиозныхъ убѣжденій сестеръ? Очевидно, что не было ихъ и нѣтъ, все равно какъ давно и навсегда уничтожена тѣсная, душная, темная тюрьма въ сырой землѣ¹⁾.

Когда часовня осѣнитъ могилу Морозовой и Урусовой и камень скроется подъ металлическимъ или кирпичнымъ сводомъ, не станетъ деревяннаго креста и, можетъ быть, топоръ врѣжется въ стволъ кудрявой березы, тогда у насъ окажется однимъ историческимъ мрачнымъ памятникомъ меньше.

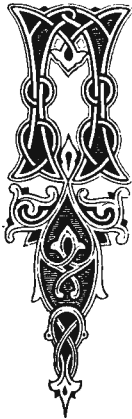
Павель Россіевъ.

¹⁾ Кстати приведу здѣсь нѣсколько словъ изъ письма ко мнѣ Вас. Ив. Сурикова, характерныхъ для оцѣнки творчества этого выдающагося художника и которыя окажутся не лишними для биографа творца «Стрѣльцовъ», «Боярыни Морозовой», «Ермака», «Меншикова въ ссылкѣ» и «Стѣнки Равина». «Типъ боярыни Морозовой, — писалъ В. И—чь, — я создалъ на основаніи немногихъ словъ протопопа Аввакума: «очи твои молніеносны, персты рукъ твоихъ тонкостны». И вотъ я искалъ натуру, выражающую ея типъ...»

ОТЪ ТРИЕСТА ПО ДАЛМАТИНСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ.

(Изъ путевыхъ набросковъ).

РОШЛОЙ весной я осуществилъ свою давнюю мечту: побывать въ Далмаціи, странѣ южныхъ славянъ, находящейся почти въ полномъ пренебреженіи у туристовъ. Между тѣмъ, страна эта, по красотѣ своей далеко оставляющая за собой пресловутыя окрестности Ниццы, казалось бы, должна привлекать любителей природы, а русскихъ въ особенности, такъ какъ языкъ далматинскихъ славянъ ближе къ великорусскому, нежели польскій, чешскій и даже малороссійскій.

Изъ Россіи ближе и дешевле ѣхать въ Далмацію черезъ Границу, Будапештъ и въ Фиуме, венгерскомъ приадриатическомъ портѣ, сѣсть на комфортабельный пароходъ венгерско-хорватскаго пароходнаго общества, обслуживающаго далматинское побережье. Разъ или два въ недѣлю, смотря по сезону, изъ Фиуме отправляются скорые пароходы, совершающіе перегонъ до Рагузы (Дубровника) — одного изъ самыхъ очаровательныхъ пунктовъ Далмаціи — въ 25 часовъ. Пароходъ почти все время бѣжитъ между многочисленными островами; поэтому морской качки почти не бываетъ, и туристы, подверженные морской болѣзни, могутъ смѣло рискнуть на это путешествіе. Впрочемъ, въ Рагузу и въ феерически живописныя Которскія бокки (заливъ) можно ѣхать изъ Будапешта и Вѣны по желѣзной дорогѣ черезъ Боснійскій Бродъ и Сараево въ Босніи и Мостаръ въ Герцеговинѣ.

Другой пунктъ, изъ котораго отправляются въ Далмацію также моремъ, это Триестъ, главный австрійскій коммерческій портъ на

Адриатическомъ морѣ. Такъ какъ я уже бывалъ ранѣе въ Фіуме и его окрестностяхъ, то рѣшилъ избрать Триестъ начальнымъ пунктомъ своей поѣздки въ живописную южно-славянскую страну.

Утромъ 25 марта изъ окна вагона я увидѣлъ свѣтло-голубую полосу Адриатики. Нашъ поѣздъ быстро спускался съ негостеприимнаго каменистаго плоскогорья Карста къ обширной Триестинской бухтѣ, по берегамъ которой широко раскинулся городъ, бѣлѣвшій подъ яркимъ весеннимъ солнцемъ.

Мой визави по купе, итальянскій художникъ изъ Венеціи, съ замѣтнымъ оживленіемъ и удовольствіемъ вдыхалъ черезъ опущенное окно вагона теплый ароматичный воздухъ приадриатическихъ склоновъ.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ мнѣ:—вчера въ Вѣнѣ вы мнѣ не вѣрили, что въ нашей Адриатикѣ мы найдемъ такое тепло и свѣтъ, и теперь должны сознаться, что я былъ правъ. Разница въ климатѣ Вѣны и Триеста огромная. Помните, въ Вѣнѣ едва набухаютъ почки, а тутъ, взгляните, какъ все уже расцвѣтаетъ.

Дѣйствительно, мы уже спустились къ самому морю, и теперь нашъ поѣздъ летитъ среди пригородныхъ садовъ, изъ-за каменныхъ оградъ которыхъ виднѣются деревья и кусты, какъ огромные букеты бѣлыхъ, розовыхъ, блѣдно-желтыхъ и другихъ цвѣтовъ. Вся южная природа ликуетъ и нѣжится подъ этимъ горячимъ весеннимъ солнцемъ и чувствуется, что уже ничто не можетъ остановить побѣдоноснаго шествія волшебницы весны.

На улицахъ Триеста по случаю воскреснаго дня и чудной погоды царитъ большое оживленіе. Шумная, пестро одѣтая толпа, смуглыя лица, повсюду итальянскій говоръ, исключительно итальянскія вывѣски,—все даетъ полную иллюзію, что вы находитесь уже въ Италіи, и лишь мундиры австрійскихъ солдатъ нарушаютъ цѣльность впечатлѣній.

Бѣдные итальянцы! Они все еще продолжаютъ мечтать, что «Italia irredenta» (зарубежная Италія), т. е. Истрія съ Триестомъ, Трентино и Триентъ, войдетъ въ составъ «единой Италіи», забывая, что въ случаѣ распадѣнія Австріи «добрый Михель» никогда не пропуститъ удобнаго случая протянуть руку черезъ Нижнюю и Верхнюю Австрію и стать твердой ногой на Адриатическомъ морѣ, осуществляя завѣтную мечту о Германіи «отъ моря до моря».

По совѣту моего случайнаго знакомаго итальянца, отправившагося тотчасъ же по приѣздѣ въ Триестъ дальше въ Венецію, я поднялся по новой электрической желѣзной дорогѣ на Опчину (Orčina—по-хорватски: община), мѣстечко, расположенное высоко надъ городомъ. Съ вершины покрытаго сосновымъ лѣскомъ холма открывается дивный видъ на лежащій внизу Триестъ, его портъ и весь заливъ, сливающійся съ уходящимъ въ даль голубымъ моремъ. Зато позади полный контрастъ: угрюмое каменистое пло-

Дубровникъ (Рагуза). Bella vista.

скогорье Карста, кое-гдѣ покрытое тощей кустарниковой растительностью.

Вечеромъ оживленіе на улицѣ усиливается. Отъ городского сада по Via dell'Acquedotto и Корсо идетъ сплошная толпа: горожане и горожанки, солдаты, матросы, дѣти. Все это кричить, хочеть, поеть пѣсни съ чисто южной веселостью и непринужденностью. Безчисленные кинематографы, кафе, кабачки съ пѣніемъ и музыкой переполнены публикой.

Въ одинъ изъ такихъ кабачковъ «Alle gate» вхожу и я, уплачивая за входъ 20 хеллеровъ, т. е. 8 копеекъ. Обширная низкая зала тѣсно заставлена столиками, за которыми сидятъ зрители всѣхъ возрастовъ за бутылками мѣстнаго вина. Воздухъ сильно насыщенъ винными парами, отъ табачнаго дыма даже слегка пощипываетъ глаза.

Въ правомъ углу отъ входа небольшая эстрада, на которой подъ звуки жиденскаго оркестра, смѣняясь однѣ другими, танцуютъ балерины, поютъ солисты и солистки и даже разыгрываются маленькія комическія сценки. Между сценой и публикой идетъ непрерывный обмѣнъ шутокъ, острогъ; исполнители безъ стѣсненій прерываютъ свои куплеты, парируя обращенныя по ихъ адресу колкости.

При особенно удачномъ отвѣтѣ вся зала принимается кричать «bravo» или «brava» и шумно аплодировать остроумному пѣвцу или пѣвицѣ.

Вотъ выходитъ толстая намалеванная пѣвица въ аляповатомъ поношенномъ костюмѣ и начинаетъ грузно танцовать и гнусавить подъ музыку хриплымъ голосомъ какіе-то куплеты.

Публика хохочетъ надъ ней. Въ залѣ стоитъ невообразимый гулъ отъ криковъ подгулявшихъ зрителей.

— Эй, полегче, bimba mia...¹⁾ Сломаешь полъ, — кричитъ ей кто-то.

— Che pezzettino di donna!²⁾ — пронизываетъ другой. — Только не протухъ ли? Пожалуй, съѣшь, — не переваришь!

— Тухлая селедка всюду свой духъ носить, ей и кажется, что все протухло, — кидаетъ пѣвица своему тощему противнику и невозмутимо продолжаетъ свой номеръ.

Кругомъ хохочуть, кричатъ, аплодируютъ.

Я выхожу изъ душной залы на платановую аллею Via dell'Acquedotto и спускаюсь по Корсо до порта. У мола San Carlo застылъ въ безмолвіи большой пароходъ австрійскаго Ллойда «Метковичъ», съ которымъ завтра я отправлюсь въ взлелѣянную

¹⁾ Моя крошка.

²⁾ Непереводимое выраженіе: какой кусочекъ женщины, т. е. лакомый кусочекъ.

Общий видъ Рагузы (Дубровника).

мною въ мечтахъ страну самыхъ южныхъ славянъ. По заснувшимъ улицамъ города возвращаюсь я въ отель «Monsenisio» и засыпаю подъ долетающіе до меня черезъ открытое окно звуки музыки изъ какого-то веселаго притона.

II.

Ровно въ 9 часовъ утра на другой день «Метковичъ» отчаливалъ отъ мола, взбивая своими винтами прозрачную голубовато-зеленую воду залива въ снѣжно-бѣлую, сверкавшую на солнцѣ, пѣну. Пассажиры двухъ первыхъ классовъ столпились въ кормовой части верхней палубы, чтобы любоваться видомъ уходящаго отъ насъ города, съ его оживленнымъ портомъ и окружающими зелеными горами, какъ бы купающимися въ волнахъ голубого воздуха. Пароходъ огибаеъ маякъ, замыкающій гавань Триеста, и выходитъ въ открытое море; теперь мы идемъ довольно далеко отъ истрийскаго берега, сравнительно низкаго и однообразнаго, изрѣдка прерываемаго отдѣльными возвышенностями.

Я всегда иду навстрѣчу дорожнымъ знакомствамъ; они ни къ чему не обязываютъ, позволяя въ то же время дѣлиться впечатлѣніями и мыслями, что составляетъ одно изъ условій пріятнаго путешествія.

Случайно около меня остановился, облокотившись о бортъ, высокій молодой человѣкъ симпатичной наружности. Неловкій маневръ матроса съ лежавшимъ у нашихъ ногъ канатомъ заставилъ насъ толкнуть другъ друга, и послѣ взаимныхъ извиненій я обратился къ нему по-нѣмецки съ какимъ-то незначительнымъ вопросомъ.

Мнѣ показалось, что мой собесѣдникъ отвѣтилъ нѣсколько холодно.

— Вы славянинъ? — спросилъ я его вторично, на этотъ разъ уже по-итальянски, зная, что далматинцы говорятъ на этомъ языкѣ.

— Да, синьоръ, а вы?

— Я русскій.

Надо было видѣть то изумленіе, которое отразилось на лицѣ молодого человѣка при моихъ словахъ.

— Русскій? — съ живостью воскликнулъ онъ: — вы русскій? Бдете къ намъ въ Далмацію? Я первый разъ въ жизни встрѣчаю русскаго. Къ намъ въ Далмацію русскіе не бздятъ.

И онъ продолжалъ смотрѣть на меня съ любопытствомъ, какъ на рѣдкаго звѣря.

— Скажите,—обратился я къ своему новому знакомому: — почему вы сначала нехотя отвѣчали мнѣ?

— Я думалъ, что вы швабъ¹⁾, а они мнѣ за зиму опротивѣли до крайности. Сейчасъ я ѣду изъ Граца, гдѣ слушалъ лекціи въ университетѣ, домой въ Цару.

И онъ принялся разспрашивать меня о Россіи, о причинахъ ея внутренняго кризиса, о ея внѣшней политикѣ. Съ горечью признавался онъ, что теперь Россіи не до славянъ, пока она не переживетъ теперешняго переходнаго времени. Что Россія вновь сдѣлается могущественной — въ этомъ славяне не сомнѣваются. Они продолжаютъ считать Россію своей старшей сестрой и покровительницей. Постоянная мечта славянъ о единомъ южно-славянскомъ царствѣ можетъ осуществиться лишь при помощи Россіи.

Къ полудню мы входимъ въ глубокую закрытую бухту Пола, главнаго австрійскаго военнаго порта. Повсюду виднѣются форты, какъ по обимъ берегамъ бухты, такъ и на маленькихъ скалистыхъ островкахъ ея. Пройдя мимо огромныхъ арсеналовъ, доковъ и стоящихъ на рейдѣ военныхъ судовъ, нашъ пароходъ причаливаетъ къ молу въ центрѣ красивой набережной, застроенной высокими домами.

Мой новый знакомый уже не отходитъ отъ меня. Онъ, видимо, очень доволенъ своимъ первымъ знакомствомъ съ русскимъ, называетъ меня «*caro fratello slavo*»²⁾ и всячески старается выказать мнѣ свое вниманіе.

Въ Полѣ подъ горячими лучами полуденнаго солнца мы осматриваемъ вмѣстѣ прекрасно сохранившійся римскій амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ до 25.000 зрителей. Хотя Колизей въ Римѣ значительно обширнѣе (на 50.000 зрителей), но, какъ извѣстно, сохранился во всю высоту только съ западной стороны, тогда какъ въ Полѣ стоитъ пощаженный временемъ и человѣкомъ во всю свою первоначальную высоту. Изъ другихъ древностей Пола заслуживаетъ посѣщенія храмъ Августа, выстроенный въ 8-мъ году по Р. Х. съ удивительно хорошо сохранившимся портикомъ. Развѣ только храмъ Нептуна въ Пестумѣ близъ Неаполя (впрочемъ, значительно больше по размѣрамъ и древнѣе) можетъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи.

Послѣ завтрака ва табльдотомъ, гдѣ насъ угостили очень вкуснымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпкимъ далматинскимъ краснымъ виномъ Ополо изъ Альмиссы, мы съ симпатичнымъ далматинцемъ удобно устраиваемся на лонгшезахъ и пробуемъ разговаривать, я по-русски, онъ по-хорватски. Съ удовольствіемъ мы констатируемъ, что при небольшомъ навыкѣ русскій и далматинецъ могутъ отлично понимать другъ друга. Дѣйствительно, цѣлый рядъ весьма употребительныхъ словъ, какъ, на примѣръ, земля, небо, поле, море,

¹⁾ Презрительное названіе нѣмцевъ у австрійскихъ славянъ.

²⁾ Дорогой братъ славянинъ.

мость, домъ и т. д. въ обоихъ языкахъ тождественны; другія слова, какъ-то: око, гласъ, уста, серебро, золото — напоминаютъ древнеславянское нарѣчіе; затѣмъ, смыслъ третьихъ словъ, — и такихъ болѣе всего, — легко понять, напримѣръ, палица — палка, желѣзница желѣзная дорога, покрываца — одѣяло и другія; наконецъ, есть и совсѣмъ непонятныя для насъ слова, какъ-то: бока — бутылка, соба — комната, столица — стулъ, но ихъ сравнительно немного.

Однако, для болѣе быстрого и удобнаго обмѣна мыслей мы снова переходимъ на итальянскій языкъ, сожалья, что у славянъ нѣтъ еще одного общаго языка. Такимъ языкомъ, по мнѣнію моего собесѣдника, долженъ быть русскій, такъ какъ русская литература самая обширная изъ славянскихъ и на этомъ языкѣ говорятъ болѣе ста милліоновъ славянъ.

Мы огибаемъ южную оконечность Истріи и вступаемъ въ открытый Кварнеро.

— Смотрите, какое тихое море сегодня, — говоритъ далматинецъ. — Это уже ваше счастье. Очень часто въ этихъ мѣстахъ дуютъ или бора, или сирокко и разводятъ сильную боковую качку.

Въ пятомъ часу мы входимъ въ глубокую бухту острова Люссинпикколо (Lussinpiccolo) съ городкомъ того же названія.

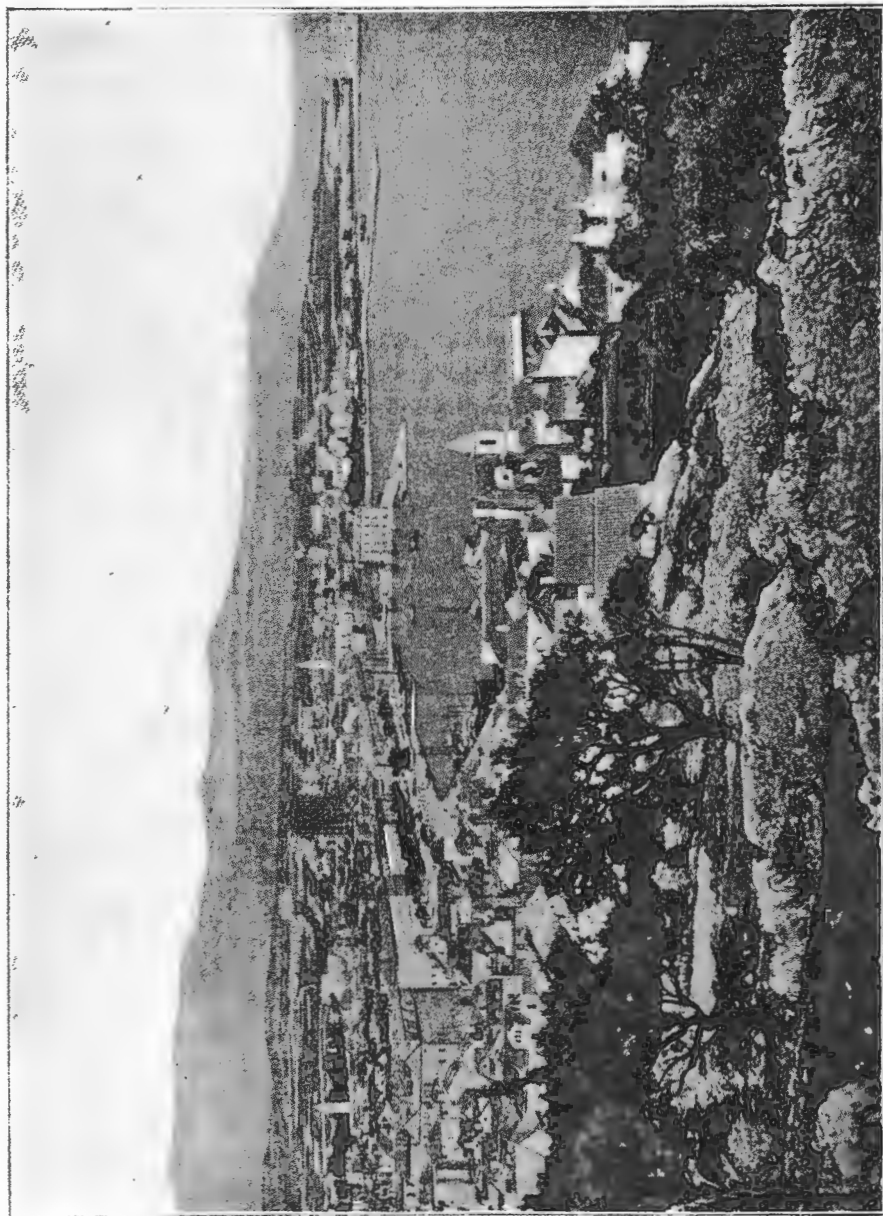
— Вотъ это мѣсто называется по-хорватски «privlaka», — показываетъ мнѣ мой собесѣдникъ на самое узкое мѣсто острова. — Тутъ рыбаки перетаскиваютъ свои лодки изъ бухты въ море и въ бурную погоду изъ моря сюда перекатываются волны.

— Переволокъ, — догадываюсь я: — т. е. мѣсто, гдѣ можно переволакивать суда изъ водъ однихъ въ другія.

Люссинпикколо — хорошенькій городокъ, раскинувшійся по берегамъ живописной бухты. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе входитъ въ славу, какъ отличная зимняя климатическая станція для слабогрудыхъ. Климатъ здѣсь гораздо мягче и ровнѣе, нежели въ Аббаціи, стоящей куда ниже той рекламы, которую создало ей австрійское общество южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Вы видите здѣсь роскошные образцы индійскихъ опунцій, американскихъ агавъ и финиковыхъ пальмъ, какихъ и въ поминѣ нѣтъ въ Аббаціи.

Къ вечеру прямо на горизонтѣ начинаютъ вырисовываться далматинскіе (Динарскіе) Альпы, — горная цѣпь Велебитъ, идущая вдоль далматинскаго берега. Вершины этого хребта, покрытыя снѣгомъ, принимаютъ отъ лучей заходящаго солнца чрезвычайно эффектные оттѣнки отъ нѣжно-розоваго до густо-фіолетоваго.

Въ 12-мъ часу ночи передъ нами засверкали огни Цары (славянскій Задаръ) — административнаго центра Далмаціи. Такъ какъ я ѣду прямо въ Рагузу и загляну въ Цару лишь на обратномъ пути, то сердечно прощаюсь съ своимъ симпатичнымъ далматин-

Сплѣгъ (Спалато).

цемъ, который беретъ съ меня слово извѣстить его о днѣ моего приѣзда въ Цару. Долго еще остаюсь я на верхней палубѣ, наслаждаясь тихой и теплою ночью, пока, наконецъ, не спускаюсь къ себѣ въ каюту, утомленный пережитыми за день впечатлѣніями.

III.

Мы уже вышли изъ Спалато (славянскій Сплѣтъ и Сплитъ), когда я поднялся на другой день утромъ на палубу. Было тепло, но нѣсколько пасмурно. Мы вступали въ область самыхъ большихъ острововъ далматинскаго архипелага. Въ 1866 году воды эти, именно между островами Лисса, Лезина, Сольта и Брацца, были свидѣтелями знаменитаго морского боя между австрійскимъ и итальянскимъ флотами, окончившагося, какъ извѣстно, побѣдой перваго, бывшаго подъ командой адмирала Тегетгофа.

Кромѣ этихъ четырехъ острововъ, южнѣе идутъ также большіе острова: Курцола, Меледа и, нѣсколько далѣе отъ береговъ материка, Лагоста. Безчисленные маленькіе островки далматинскаго архипелага чаще всего выходятъ изъ лазурныхъ водъ моря въ видѣ сѣровато-голубыхъ скалъ, почти лишенныхъ всякой растительности. Только хорошо защищенные отъ свирѣпствующаго въ Адриатикѣ губительнаго нордъ-оста (бора) западные и южные берега острововъ даютъ иногда заманчивую картину тонущихъ въ зелени садовъ отдѣльныхъ домиковъ и цѣлыхъ мѣстечекъ.

За пароходнымъ завтракомъ я знакомлюсь съ своимъ сосѣдомъ, который оказался итальянцемъ изъ Спалато.

Лишь только онъ узналъ, что я русскій, очень интересующійся страной южныхъ славянъ, какъ тотчасъ же началъ жаловаться на политику австрійцевъ въ Далмаціи.

— Вы не повѣрите, caro signore, — говорилъ онъ: — какъ эти швабы, — это слово онъ произнесъ съ особеннымъ презрѣніемъ, — даютъ и замалчиваютъ Далмацію. Наша бѣдная страна представляетъ собой прямо вооруженный лагерь. Промышленность и культура у насъ въ отчаянномъ положеніи. Недавно мы просили объ устройствѣ въ Спалато винопѣльческой школы: правительство намъ отказало, мотивируя это недостаткомъ средствъ, и строить теперь у насъ же казарму. И такъ все. Вѣнское правительство ничего не хочетъ дѣлать для Далмаціи и всякой инициативѣ ставитъ препятствія. Между тѣмъ при нашемъ климатѣ, особенно пригодной для винодѣлія почвѣ, наличности огромнаго запаса даровой природной силы водопадовъ, наша страна имѣетъ всѣ данныя сдѣлаться промышленной и богатой и обогатить самихъ швабовъ. О политика, чего только не приносятъ тебѣ въ жертву!

— А какія у васъ, итальянцевъ, отношенія къ мѣстному славянскому населенію? — спрашиваю я.

— Самыя лучшія. Вѣдь мы почти такіе же далматинцы, какъ и славяне. Славяне издавна приняли нашъ языкъ, нашу культуру наравнѣ со своей собственной. Во всѣхъ прибрежныхъ городахъ и мѣстечкахъ Далмаціи съ итальянскимъ языкомъ вы будете встрѣчать наилучшій пріемъ. Только внутри страны населеніе не знаетъ нашего языка и вліяніе нашей культуры менѣе замѣтно. Впрочемъ, насъ вѣдь въ Далмаціи что-то около 5—6 процентовъ всего населенія.

Я поднимаюсь на верхнюю палубу. Теперь мы плывемъ между длиннымъ и очень узкимъ полуостровомъ Сабіончелло (Sabioncello) и островомъ Курцола. Сабіончелло очень гористъ, склоны его почти лишены растительности и мѣстами падаютъ отвѣсно въ море. Зрѣлище настолько величественно, что забываешь рѣшительно о всемъ постороннемъ и всецѣло погружаешься въ созерцаніе этихъ гигантскихъ сѣровато-голубыхъ скалъ, передъ которыми нашъ пароходъ кажется ничтожной песчинкой.

Налетаетъ гроза. Море темнѣетъ и почти моментально покрывается бѣлыми гребнями. Начинаетъ слегка покачивать. Дождь падаетъ крупными каплями.

Но на югѣ непогода мимолетна. Черезъ полчаса разъясняется, и мы снова плывемъ среди лазуревыхъ скалъ, подъ лазуревымъ небомъ, по лазурному морю.

Вотъ направо совсѣмъ выбѣжалъ въ море хорошенькій городокъ Курцола (Curzola) на островѣ того же названія. Его бѣлыя стѣны и башни поднимаются прямо изъ волнъ моря и красиво выдѣляются на темно-зеленомъ фонѣ береговъ.

Миновавъ послѣдній большой островъ далматинскаго архипелага, Меледу, мы плывемъ теперь по открытому морю. Величественный и суровый Сабіончелло также остался позади, и берегъ принимаетъ болѣе мягкія очертанія; повсюду много зелени, среди которой кокетливо прячутся бѣленькіе домики поселянъ. Эти мѣста можно считать началомъ Южной Далмаціи — лучшей по климату, по красотѣ природы и плодородію почвы части далматинскаго побережья.

Скоро передъ нами открывается живописная бухта Гравоза (по хорватски Гружъ)—гавань Рагузы. Такъ какъ Рагуза (славянскій Дубровникъ) стоитъ на выдающейся въ открытое море косѣ и не имѣетъ вмѣстительной гавани, то пароходы причаливаютъ въ Гравозѣ, отстоящей отъ города на разстояніи трехъ километровъ.

На пристани насъ ожидаетъ нестрая толпа публики; вся эта масса тотчасъ же бросается по сходнямъ на пароходъ, устраивая невообразимую давку. Видимо, приходъ скорого парохода составляетъ здѣсь нѣкоторое событіе, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе.

Шоссе изъ Гружа въ Дубровникъ идетъ сначала вдоль берега бухты и затѣмъ поднимается въ гору. Это одна изъ красивѣйшихъ дорогъ въ Далмаціи. На высшей точкѣ шоссе, называемой «Bella Vista» (прекрасный видъ) я останавливаю извозчика, чтобы полюбоваться дивной панорамой, открывшейся передъ моими глазами. Отсюда видны весь зеленый полуостровъ Лападъ, образующій бухту Гружа, Дубровникъ, окруженный бѣлыми стѣнами, поднимающимися прямо изъ моря, его предмѣстья съ красивыми виллами и садами и, наконецъ, внизу море, сверкающее пурпуромъ заката.

«Какъ дивно хороша южно-славянская природа!—думается мнѣ:— а мы сидимъ себѣ въ промозглыхъ финскихъ болотахъ и это сидѣнье вытравило въ насъ стихійное родовое стремление нашихъ предковъ къ теплому морю, къ яркому солнцу».

Начинается спускъ. Мы ѣдемъ среди красивыхъ виллъ, пышныхъ благоухающихъ садовъ. Повсюду встрѣчаются кактусы, агавы исполинскихъ размѣровъ. Вотъ въ саду одной виллы я замѣчаю три другъ возлѣ друга стоящихъ финиковыхъ пальмы, вѣтви которыхъ колеблются надъ крышей высокой двухъэтажной постройки.

Передъ западными воротами Рагузы Porta Pille, на мѣстѣ, называемомъ Bersaglie, среди субтропической растительности высится «Hôtel Imperial», собственность акціонернаго общества «Отелей и курортовъ въ Южной Далмаціи», напоминающій по своему устройству знаменитые «Palace Hôtel» общества спальныхъ вагоновъ. Это пока единственный отель общества, стремящагося создать въ Рагузѣ климатическій курортъ, и несомнѣнно, что Рагуза, прекрасно защищенная съ сѣвера высотами San Sergio, съ ея болѣе мягкой зимой, нежели въ Ниццѣ, должна получить со временемъ значеніе первоклассной зимней климатической станціи.

Мы проѣзжаемъ черезъ городскія ворота и сразу попадаемъ на Страдоне¹⁾—главную улицу Рагузы. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная улица, по которой могутъ ѣздить экипажи, такъ какъ остальные улицы города буквально напоминаютъ щели, гдѣ можно только разойтись двумъ встрѣчнымъ пѣшеходамъ.

Теперь часъ гулянья. По всему Страдоне отъ западныхъ воротъ Pille до восточныхъ Пюсе (Плоче) идетъ сплошная толпа. Появленіе экипажа въ стѣнахъ Рагузы составляетъ незаурядное явленіе и означаетъ, во всякомъ случаѣ, прибытіе новаго лица. Поэтому я ѣду среди разступающейся толпы съ чисто южнымъ любопытствомъ глазѣющей на меня. Не доѣзжая воротъ Пюсе, мой извозчикъ останавливается у какой-то щели-улицы и объясняетъ, что ближе подѣхать къ «Hôtel de la Ville» нельзя и что я могу пройти туда черезъ этотъ переулочекъ.

¹⁾ Страдоне—по-итальянски «большая улица».

Къ счастью, я могу обойтись безъ носильщика, такъ какъ, кромѣ небольшого саквояжа, у меня ничего съ собой нѣтъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я вступаю въ указанную мнѣ полутемную улочку и черезъ полминуты выхожу на крошечную площадь съ памятникомъ знаменитому хорватскому поэту Гундуличу (Gundulić), уроженцу Дубровника-Рагұзы. Какъ разъ противъ памятника надъ дверьми скромнаго трехъэтажнаго домика я замѣчаю горделивую вывѣску «Hôtel de la Ville». Мнѣ даютъ маленькую комнату во второмъ этажѣ, выходящую на площадь. Я открываю окно: на улицѣ царитъ полная тишина, лишь изрѣдка прерываемая шумомъ шаговъ возвращающагося со Страдоне запоздалаго гуляки.

Полуостровъ Лападъ.

IV.

Утромъ меня разбудилъ сильный шумъ. Я вскакиваю, подбѣгаю къ окну и вижу, что вся площадь полна народомъ. Здѣсь на «Гундуличевомъ тргѣ», какъ называется площадь, происходитъ ежедневная утренняя распродажа овощей, привозимыхъ окрестными жителями въ городъ. Къ полудню торгъ оканчивается, и на площадь пускается вода, чтобы смыть съ нея всё оставшіеся отъ торго отбросы и грязь.

Черезъ знакомую уже мнѣ улочку-щель я выхожу на Страдоне. Теперь, утромъ, на немъ значительно меньше оживленія, нежели было вчера вечеромъ. По обѣимъ сторонамъ его нижніе этажи домовъ заняты рядомъ скромныхъ магазиновъ и лавокъ. Здѣсь можно видѣть всѣхъ специалистовъ за работой: сапожниковъ, порт-

ныхъ, скорняковъ и т. д. Затканная золотомъ въ восточномъ вкусѣ одежда является спеціальностью Рагузы, но стоитъ сравнительно очень дорого.

Попадаются вывѣски и объявленія въ витринахъ магазиновъ, написанныя кириллицей. По улицѣ идутъ черногорцы въ своихъ живописныхъ костюмахъ—широкихъ шароварахъ, пестрыхъ курткахъ и традиціонныхъ капицахъ на головѣ, босняки и герцеговинцы въ похожихъ на черногорскіе костюмахъ, но въ тюбанахъ и красныхъ фескахъ. Вообще замѣтно, что отсюда недалеко уже Которскія бокки и Черногорія, гдѣ православіе и кириллица берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ католицизмомъ и латинскимъ шрифтомъ сѣверной Далмаціи. Но ту и другую половину Далмаціи связываетъ, помимо близкаго родства, общій литературный сербохорватскій языкъ.

На Страдоне я захожу въ эстампный магазинъ Іована Кулишича, чтобы запастись фотографіями Рагузы.

Меня принимаютъ, очевидно, за австрійца-туриста и спрашиваютъ по-нѣмецки, что мнѣ угодно.

— Non voglio parlar tedesco¹⁾—какъ-то довольно горячо вырвалось у меня.

— Bravo, bravo, signore!—привѣтствуетъ одинъ приказчикъ, а другой даже начинаетъ аплодировать.

И они оба стараются услужить мнѣ съ большой предупредительностью и вниманіемъ.

Черезъ восточныя ворота Porta Ploče я спускаюсь къ маленькой гавани Рагузы—Porto Cassone,—куда могутъ входить лишь небольшіе товарные пароходики, баркасы и катера, поддерживающіе сообщеніе города съ островомъ Лакромой, Гравозой, долиной рѣки Омблы и другими ближайшими окрестностями.

На маленькій грузовикъ солдатики нагружаютъ части орудій въ разобранномъ видѣ.

Я подхожу и спрашиваю у одного изъ нихъ по-нѣмецки, куда они отправляютъ грузъ.

Солдатикъ смотритъ на меня и ничего не отвѣчаетъ.

Я показываю на ихъ грузъ и спрашиваю по-итальянски:

— Cassone?

Тотъ продолжаетъ молчать.

— Пушка?—рискую я по-русски.

— Пушка, пушка,—ухмыляется, наконецъ, солдатикъ.

— Како далеко?—и я показываю для большей ясности на море.

— Близо, до Котору.

— Добро путованье,—произношу я напутственное привѣтствіе.

— Хвала (благодарю), добры данъ.

¹⁾ Я не хочу говорить по-нѣмецки.

Трогира (Трау).

Долженъ сознаться, что такимъ успѣхомъ объясненія по-хорватски я былъ обязанъ своему первому знакомому далматинцу, съ помощью котораго составилъ себѣ маленькій словарикъ наиболѣе употребительныхъ словъ сербо-хорватскаго языка.

Я иду далѣе по шоссе, довольно высоко надъ моремъ. Справа и слѣва отъ шоссе по крутымъ склонамъ раскинулись оливковыя рощи; хорошенькіе домики прячутся среди кипарисовъ, олеандровъ и миртъ; вдоль каменныхъ оградъ тянутся ряды кактусовъ, агавъ, гигантскіе листья которыхъ безжалостно уродуются проходящей публикой.

Черезъ четверть часа я подхожу къ старому, теперь советѣмъ оставленному монастырю San Giacomo (Св. Якова) и сажусь на парапетъ каменной террасы надъ моремъ, чтобы полюбоваться видомъ Рагузы съ другой, западной стороны.

Да, замѣчательна историческая судьба красавицы Рагузы, Въ срединѣ VII вѣка по Р. Х., послѣ разрушенія аварами древняго греческаго города Эпидавра, бѣглецы изъ этого города укрѣпились по близости на небольшомъ скалистомъ островкѣ, именно, гдѣ теперь лежитъ южная часть Рагузы. Въ концѣ того же VII вѣка всей Далмаціей завладѣваютъ славяне: сѣверной—хорваты, а южной—сербы и подчиняются въ культурномъ отношеніи римскому вліянію. Приблизительно около этого времени Рагуза-Дубровникъ дѣлается республикой. Въ теченіе протекшихъ вѣковъ вся Далмація подпадаетъ смѣняющимся господствамъ разныхъ народовъ: византійцевъ, венеціанцевъ, венгровъ, турокъ и, наконецъ, французовъ. Только одинъ Дубровникъ сохраняетъ среди всѣхъ войнъ фактически свою независимость, откупаясь всегда сравнительно незначительною данью. Независимость Дубровника и благосостояніе его, пріобрѣтенное обширной торговлей, способствовали развитію въ XV и XVI вѣкахъ въ немъ славянской образованности и литературы, и онъ дѣлается Аеинами всего южнаго славянства. По вѣнскому конгрессу Рагуза-Дубровникъ была отдана Австріи. Потерявъ свою независимость, красавица Рагуза какъ бы заснула въ своей сказочной красѣ среди дивной природы, на берегахъ ласковаго моря. Разбудить ли ее когда-либо собственный геній отъ вѣкового сна къ новой жизни?

Я снова выхожу на шоссе. Меня догоняетъ взводъ солдатъ, возвращающихся, повидимому, съ прогулки, веселыхъ и шумныхъ. Проходя мимо меня, старшій изъ нихъ, а затѣмъ и нѣкоторые другіе салютуютъ мнѣ по военному.

— Вотъ какъ,—думаю я:—кажется, и штатскіе австріяки получаютъ здѣсь воинскія почести.

— Добро утро,—кричу я имъ вслѣдъ, желая показать, что я славянинъ.

Солдатики оборачиваются, машутъ мнѣ своими кэпи и что-то весело кричатъ.

Очевидно, среди нихъ много далматинцевъ, и австрійское правительство не считаетъ опаснымъ оставлять далматинцевъ-новобранцевъ служить въ рядахъ арміи на родинѣ. Быть можетъ, это своего рода внутренняя политика; съ внѣшней стороны господству Австріи надъ Далмаціей едва ли можетъ грозить какая-либо опасность, а съ внутреннимъ движеніемъ въ Далмаціи австрійцы всегда справятся, такъ какъ современная Европа никогда не позволитъ нарушить существующее политическое равновѣсіе. Впрочемъ, офицеры въ Далмаціи, насколько мнѣ приходилось съ ними сталкиваться во время моего кратковременнаго пребыванія въ ней, исключительно нѣмцы.

V.

Углубимся теперь въ боковыя улочки города. Боже, какъ всё онѣ узки! Вотъ улица бочаровъ (Ваѣvarska ulica); она считается второй, послѣ Страдоне, главной улицей, но едва ли шире 4—5 аршинъ. Да и самъ Страдоне сравнительно широкъ потому, что это бывший морской каналъ. Однако, къ чести Рагузы я долженъ оговориться, что ни грязи, ни вони, какъ это водится во всѣхъ южно-итальянскихъ городахъ, здѣсь нѣтъ и помину.

Рагуза удивительно мала. Отъ западныхъ до восточныхъ воротъ ея не болѣе 300 метровъ; то же самое разстояніе будетъ и отъ сѣверныхъ до южныхъ стѣнъ города. Въ какой-нибудь часъ времени я перебывалъ, кажется, во всѣхъ закоулкахъ города и теперь мнѣ предстоитъ осмотръ его достопримѣчательностей.

Ихъ немного и почти всё онѣ сосредоточены на небольшомъ пространствѣ, именно гдѣ Страдоне, подойдя къ воротамъ Рюбе, поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ направо.

Главная достопримѣчательность города это дворецъ ректоровъ— какъ назывались выборные верховные вожди Рагузинской республики. Постройка его относится къ концу XIV вѣка, но послѣ страшнаго землетрясенія 1667 года, разрушившаго большую часть Рагузы и повредившаго также верхній этажъ дворца, послѣдній былъ реставрированъ въ стилѣ позднѣйшаго итальянскаго ренессанса. Нижній этажъ дворца занятъ аркадами, подъ которыми устроены каменные сидѣнья, гдѣ разсаживались сенаторы республики во время церемоній и празднествъ. Хорошо также внутренній дворъ дворца съ его аркадами и широкой наружной лѣстницей, ведущей въ верхній этажъ. Вообще, несмотря на свои незначительные размѣры, дворецъ ректоровъ даетъ цѣльное художественное впечатлѣніе.

Рядомъ съ дворцомъ зданіе городскихъ учреждений съ мѣстнымъ музеемъ, гдѣ сохраняются остатки древностей изъ Эпидавра (Ragusa Vecchia), монеты и печати временъ республики.

Изъ другихъ достопримѣчательностей Рагузы нельзя не упомянуть о каедральномъ соборѣ съ картинами Тиціана, Андреа дель Сарто и другихъ извѣстныхъ художниковъ и съ богатой ризницей, а также о церкви св. Власія (San Biagio), покровителя славянскаго Дубровника, съ серебряной позолоченной статуей святого, работы второй половины XIII столѣтія.

Сравнительно не жаркій день позволяетъ мнѣ подняться безъ особаго труда на гору San Sergio къ форту Имперіаль. Я, очевидно, вступаю въ запретную полосу, такъ какъ навстрѣчу мнѣ бѣжитъ солдатъ и кричитъ:

— Verboten!

Нельзя, такъ нельзя. Я отхожу въ сторону и усаживаюсь на выступающій край скалы.

Отсюда, съ высоты почти четырехсотъ метровъ взоръ мой охватываетъ огромныя пространства. Прямо передъ собой я вижу безконечное море, которое какъ бы поднялось вмѣстѣ со мной и теперь глядитъ на меня, еще синѣе, еще прекраснѣе. Рѣзко очерченная синевой моря, лежитъ глубоко внизу въ своихъ бѣлыхъ стѣнахъ Рагуза и ея предмѣстья, тонущія въ темной зелени садовъ. Вправо за живописной бухтой Гравозой убѣгаютъ длинной цѣпью, теряясь въ пространствѣ моря, зеленѣющіе острова, а влѣво круто падаютъ въ море поросшіе оливковыми рощами склоны Вресо.

И, глядя съ высоты на эти дивныя, ликующіе берега, я невольно забываю, что они тоскуютъ и страдаютъ подъ гнетомъ австрійскаго чернаго орла... Но вотъ я спускаюсь съ горы къ воротамъ Pille на Bersaglie, и дѣйствительность разрушаетъ мое очарованіе. На площадкѣ передъ кафе «Эрцгерцогъ Фридрихъ» почти всѣ столики заняты веселой шумной толпой «господъ» этихъ мѣстъ—австрійскихъ офицеровъ, а «слуги» въ поношенныхъ живописныхъ костюмахъ тоскливо бредутъ мимо, сгибая свои спины подъ тяжелой ношей.

VI.

Пять дней прожилъ я въ миломъ Дубровникѣ-Рагузѣ, погружаясь въ его блестящее прошлое, наслаждаясь окружающей его дивной природой.

Въ день отъѣзда я предпринимаю послѣднюю прогулку—въ долину р. Омблы, которая называется также просто Рѣка (Reka). Вновь я ѣду по знакомой уже дорогѣ въ Гравозу, гдѣ сажусь въ вагонъ узкоколейной дороги Гравоза—Требимье (въ Герцеговинѣ). Черезъ какую-нибудь минуту—другую мы уже выѣзжаемъ въ долину Омблы, заключенную между высокими отвѣсными хребтами горъ, и черезъ четверть часа я выхожу на станціи «Омбла».

Отсюда уже совсѣмъ близко до истока этой удивительной рѣки. Мощнымъ потокомъ вырывается она изъ-подъ скалистыхъ утесовъ, превращаясь въ широкую спокойную рѣку. Существуетъ предположеніе, что Омбла не что иное, какъ рѣка Требиньца въ Герцеговинѣ, теряющая въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Рагузы (у Полицы) часть своей воды черезъ воронкообразное углубленіе въ почвѣ и затѣмъ черезъ короткое разстояніе исчезающая окончательно во второй такой же воронкѣ.

Въ часъ дня быстроходный «Графъ Вурмбрандъ» австрійскаго Ллойда уноситъ меня изъ Гравозы. Мы огибаемъ полуостровъ Лападъ и идемъ близко отъ стѣнъ Рагузы. На минуту ее закрываетъ отъ насъ островъ Лакрома, отдѣленный отъ материка про-

Каттаро (Которь).

ливомъ шириною не болѣе одной мили. На Лакромѣ въ прежнее время былъ монастырь, основанный, по преданію, Ричардомъ Львиное Сердце въ память чудеснаго спасенія отъ угрожавшаго кораблекрушенія. Въ шестидесятыхъ годахъ островъ принадлежалъ злосчастному мексиканскому императору Максимилиану, бывшему австрійскому эрцгерцогу, обратившему монастырь въ роскошный дворецъ съ обширнымъ паркомъ. Теперь островъ, перешедшій во владѣніе доминиканцевъ, кажется совсѣмъ опустѣлымъ и ваглохшимъ.

Черезъ часъ мы входимъ въ несравненную Которскую бокку, это торжество, этотъ наивысшій аккордъ красоты южно-славянской природы. Представьте себѣ три соединенныхъ узкими проливами

лазурныхъ озера, прихотливо брошенныхъ среди хаоса сѣровато-голубыхъ скалистыхъ громадъ, лишь кое-гдѣ отступающихъ, чтобы дать мѣсто развернуться мощной растительности,—и вы получите нѣкоторое понятіе о Которской боккѣ.

Почти цѣлый часъ плывемъ мы среди потрясающей, волшебной обстановки, которая заставляетъ забывать все окружающее и превращаться всѣмъ своимъ существомъ въ одно зрѣніе. Вотъ Херцегнови (Кастельнуово) и Зеленика, тонущіе въ олеандровыхъ рощахъ, несомнѣнно, будущіе дивные климатическіе курорты, Теодо, Ризано, Перасто, Добрѣта—старыя славянскія поселенія. Какими кажутся они заглохшими, безжизненными.

Мы проходимъ третій отъ моря, самый узкій, проливъ Catene (цѣпи), замыкавшійся въ прежнее время цѣпями, чтобы преградить доступъ во внутреннюю бокку. Здѣсь сходятся три скалистыхъ мыса, образуя трое водяныхъ воротъ въ бухты Кѣттаро (Кѣтора), Ризано и Теодо. Мы поворачиваемъ въ первую. Теперь передъ нами вырисовываются сѣровато-голубыя громады Кривошіи, гдѣ и до сихъ поръ Австрія не можетъ окончательно справиться съ непокорнымъ и свободолюбивымъ населеніемъ. Новый поворотъ парохода, и на смѣну Кривошіи показываются отвѣсно падающія высоты Кретаца и Ловчена. Это уже Черногорія, которая въ буквальномъ смыслѣ виситъ надъ боккой. Съ парохода отлично видно зигзагообразное шоссе въ Черногорію, сравнительно недавно замѣнившее собою головоломную тропинку, доступную лишь для пѣшеходовъ и вьючныхъ животныхъ.

Величественно красивымъ рисуется издали Кѣторъ (Cattaro) на фонѣ сѣрыхъ громадъ Кретаца (Krstac) и Ловчена (Lovčen). Но впечатлѣніе это совершенно исчезаетъ, стоитъ только вступить черезъ морскія ворота въ улицы внутренняго города. Подошедшіе съ трехъ сторонъ почти вплотную къ городу отвѣсные утесы не только отнимаютъ всякую возможность любоваться ихъ причудливыми очертаніями, но и являются причиной темноты и сырости въ узкихъ улочкахъ Кѣттаро. Лѣтомъ солнце восходитъ изъ-за горъ значительно позже и закатывается раньше, нежели въ сосѣднихъ пунктахъ бокки, а зимой, какъ говорятъ, заглядываетъ сюда на самое короткое время.

Кѣторъ вообще наименѣе интересный изъ городовъ Далмаціи. Изъ его достопримѣчательностей стоитъ посѣтить только соборъ въ честь св. Трифона, покровителя города, съ скульптурами и картинами изъ жизни этого святого.

Изъ числа населенныхъ пунктовъ бокки Кѣторъ не является самымъ старымъ. Старѣе его Ризано, основанный во II столѣтіи по Р. Х. Римляне назвали его Rhizinium, а бокку Sinus Rhizonicus. Кѣторъ—также римская колонія—Ascrivium—въ VII вѣкѣ подвергся, какъ и вся Далмація, славянскому нашествію, но, успѣвъ

отразить его, остался еще на нѣкоторое время подъ византійскимъ протекторатомъ на правахъ республики. Съ XI столѣтія Которъ подпадаетъ поочередно подъ власть славянъ, венгровъ, венеціанцевъ и, наконецъ, французовъ. Послѣ разрушенія Наполеонова могущества Которъ раздѣляетъ участь всѣхъ городовъ Далмаціи, переходя окончательно подъ власть Австріи.

Здѣсь встрѣчается уже гораздо болѣе черногорцевъ, нежели въ Рагузѣ. Они спускаются съ Черной горы, неся на базаръ свои незатѣйливыя издѣлія въ обмѣнъ на болѣе совершенные продукты австрійской промышленности. Передъ воротами Porta Fiumana, на такъ называемомъ «черногорскомъ торгѣ» можно встрѣтить очень интересные типы черногорцевъ; нельзя сказать, чтобы среди нихъ много было красивыхъ, но всѣ они удивительно стройны и очень пропорціонально сложены. Держать себя съ большимъ достоинствомъ и независимостью.

Я не ѣду въ Черногорію, и поэтому мнѣ незачѣмъ оставаться ночевать въ Которѣ, гостиницы котораго, какъ я убѣдился лично, не выдерживаютъ даже весьма снисходительнаго отношенія.

Вечеромъ я выѣзжаю изъ Котора. Бокка потемнѣла и уже не имѣетъ тѣхъ красивыхъ тоновъ, какъ утромъ. Мы выходимъ въ открытое море, и я спускаюсь въ свою каюту, такъ какъ мнѣ предстоитъ сойти рано утромъ въ Спалато.

VII.

Спалато (по-славянски Сплѣтъ и Сплить) самый населенный (до 22.000 жителей) и, пожалуй, самый оживленный изъ городовъ Далмаціи. Самой исторіей Сплѣтъ раздѣленъ на двѣ неравныя части; одна изъ нихъ, меньшая,—старый городъ—лежитъ почти цѣликомъ внутри стѣнъ древняго Діоклетіанова дворца, другая, большая,—новый городъ—окружаетъ первую.

Въ 305 году по Р. Х. византійскій императоръ Діоклетіанъ, отказавшись отъ трона, выстроилъ себѣ на берегу моря близъ древняго города Салоны огромный дворецъ въ видѣ четырехугольника, занимавшій площадь около 40 десятинъ. Здѣсь онъ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Послѣ разрушенія Салоны аварами въ 639 году бѣглецы изъ послѣдней укрѣпились въ стѣнахъ Діоклетіанова дворца и, такимъ образомъ, положили начало новому городу «во дворцѣ» (ad palatium), откуда онъ и получилъ теперешнее свое имя Спалато.

Съ большимъ интересомъ брожу я по старому городу, мысленно отдѣляя остатки глубокой старины отъ позднѣйшихъ наслоеній. Внутренность дворца постепенно застраивали домами, прилѣпляя ихъ къ существующимъ стѣнамъ; коридоры превращали въ улицы,

залы въ площади. Въ иныхъ мѣстахъ площади и улицы располагаются въ разныхъ этажахъ и соединяются между собою лѣстницами. Есть и совершенно темные проходы, надъ которыми идетъ верхній рядъ параллельныхъ имъ улицъ. Иногда видишь вдоль улочки цѣлый рядъ перекинутыхъ черезъ нее прочныхъ сводовъ и догадываешься, что улица — бывший коридоръ, соединявшій рядъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ дворцовыхъ залъ.

Впечатлѣніе получается весьма оригинальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ мною овладѣваетъ чувство негодованія при видѣ варварскаго расхищенія драгоценныхъ остатковъ древнихъ колоннъ и пилястровъ на постройку домовъ тутъ же внутри стараго города.

Въ Сплѣтѣ есть археологическій музей, пріютившійся у наружной стѣны стараго дворца. Въ немъ только двѣ небольшихъ залы, которыя вмѣщаютъ въ себѣ древности какъ Діоклетіанова дворца, такъ и Салоны. Самымъ цѣннымъ предметомъ музея считается древнѣйшій египетскій сфинксъ безъ головы изъ временъ Аменотепа II, иначе говоря, относящійся къ VII столѣтію до Р. X.

— Почему музей такъ малъ при такомъ изобиліи здѣсь древностей?—спрашиваю я у хранителя.

— Дѣло наше сравнительно недавнее,—отвѣчаетъ тотъ:—да къ тому же правительство даетъ мало средствъ на него.

Я снова возвращаюсь въ старый городъ, въ центрѣ котораго на мѣстѣ бывшаго языческаго храма строится лѣтъ уже двадцать пять соборъ, окруженный почернѣвшими отъ времени лѣсами.

— (коро ли кончится постройка собора?—задаю я вопросъ проходящему священнику.

— Теперь, какъ видите, работы временно прекращены за недостаткомъ средствъ. Правительство не даетъ денегъ, а частныхъ пожертвованій при нашей бѣдности много не соберешь.

И это вѣчный припѣвъ въ Далмаціи. Денегъ нѣтъ, а работы вездѣ масса. Деньги находятся, и въ изобиліи, только для постройки казармъ.

Отъ собора во всѣ четыре стороны идутъ улицы къ четыремъ воротамъ древняго дворца: Porta Aurea (золотыя ворота), Porta Argentea (серебряныя), Porta Ferrea (желѣзныя) и Porta Aenea (Энейскія). Черезъ первыя я выхожу къ городскому саду и обращаюсь по-нѣмецки къ блюстителю порядка съ вопросомъ, идѣ дорога въ Салону.

Тотъ не понимаетъ.

— Старый градъ,—поясняю я.

— Саленъ—догадывается городской и указываетъ мнѣ направленіе.

За городомъ я выхожу на прекрасное, широкое шоссе. Сплѣтское шоссе, какъ и большинство подобныхъ ему дорогъ въ Далмаціи, послѣдняя получила въ подарокъ отъ французовъ, которые во время своего кратковременнаго владычества надъ ней возста-

новили многія древнія римскія дороги, соединявшія главные пункты далматинскаго побережья.

Навстрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ далматинцы въ своихъ красивыхъ костюмахъ. Почти каждый изъ нихъ привѣтливо кланяется и произноситъ:

— Добры данъ.

У фонтана остановилась повозка. Молодой парень поитъ лошадей, а старикъ и мальчикъ сидятъ въ повозкѣ.

— Саленъ далеко?—спрашиваю я.

— Далекое, далекое, господинъ,—отвѣчаютъ они и предлагаютъ сѣсть въ повозку.

Начинается разговоръ. Я хорошо понимаю своихъ собесѣдниковъ, но отвѣчать имъ по-хорватски, разумѣется, не могу. Мнѣ помогаетъ бойкій мальчуганъ-горожанинъ, знающій нѣсколько итальянски.

И до нихъ дошли вѣсти, что у насъ въ Россіи внутреннія смуты и неурядица. Они, видимо, принимаютъ близко къ сердцу русскія дѣла, болѣютъ о нашихъ невзгодахъ и спрашиваютъ меня, скоро ли кончится у насъ «дратва», какъ дѣйствуетъ наше «царевинско вѣче».

— Молимо Бога за Русію,—говоритъ старикъ:—да буде велика на нашу радость и задовољство.

Съ своей стороны, я спрашиваю ихъ, хорошо ли имъ живется, и они сообщаютъ, что въ Далмаціи «незадовољство расте» и «народна нужда» велика.

— Потребно је по нову изборну закону добре люде избрати за аустрійско вѣче,—добавляетъ старикъ:—да могли они о нашимъ интересу говорити.

Разговоръ нашъ, видимо, навелъ моихъ собесѣдниковъ на невеселыя мысли. Старикъ и молодой парень замолчали, и только веселый мальчуганъ продолжалъ болтать, называя мнѣ по-хорватски всѣ встрѣчающіеся по пути предметы.

— Вотъ Мала Враница, господинъ,—заговорилъ снова старикъ.

— *Riscola Venezia!*—добавляетъ онъ съ гордостью.

Въ глубинѣ лазореваго залива, занявъ весь островокъ, помѣстилась маленькая деревня, сверкающая бѣлизной своихъ домиковъ. Съ суши она соединяется, какъ настоящая Венеція, длинной дамбой. Невыразимымъ очарованіемъ вѣетъ отъ этого пейзажа, поражающаго богатствомъ и разнообразіемъ сочетаній оттѣнковъ красокъ.

Около получаса ѣдемъ мы среди виноградниковъ и оливковыхъ рощъ. Впереди передъ нами высятся отвѣсныя громады хребтовъ Моссора и Козіака, между которыми въ сѣдловинѣ, совѣмъ какъ орлиное гнѣздо, расположилась Клисса—старое укрѣпленіе, защищавшее горный проходъ отъ вторженія османовъ.

Вотъ и Салона. Широко раскинулись ея развалины по полого падающимъ къ морю склонамъ. Чувство торжественнаго почтенія охватываетъ меня передъ могилой великаго прошлаго.

Основаніе Салоны относится къ миеологическимъ временамъ. Позднѣе о ней упоминается, какъ объ укрѣпленномъ пунктѣ съ богатымъ морскимъ арсеналомъ, какъ о римской колоніи. Послѣ разрушенія ея аварами въ VII вѣкѣ по Р. Х., Салона уже не возрождается къ новой жизни. О ней совершенно забываютъ и только съ середины прошлаго столѣтія начинаются кое-какія раскопки.

Старикъ живетъ близъ развалинъ и беретъ быть проводникомъ. Пользы отъ него, однако, нѣтъ никакой. Онъ только повторяетъ на разные лады:

— Старъ, vecchiо,—и при этомъ тыкаетъ по направленію уцѣлѣвшихъ остатковъ старины.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Сплѣтѣ, не видно никакого уваженія къ старинѣ. Части колоннъ и плить растаскиваются для устройства оградъ сосѣднихъ виноградниковъ, а барельефы и капители идутъ на украшеніе деревенскихъ домиковъ. Впрочемъ, винить въ этомъ надо лишь австрійское правительство, которое нисколько не заботится о достаточной охранѣ такой археологической сокровищницы. И я, грѣшнымъ дѣломъ, принимаю долю участія въ расхищеніи древностей Салоны, такъ какъ покупаю на память у дѣвочки двѣ полустертые мѣдныя монеты съ изображеніемъ головы въ шлемѣ.

Мы поднимаемся среди разрушенныхъ стѣнъ все выше и выше и достигаемъ, наконецъ, сравнительно уцѣлѣвшихъ развалинъ салонской базилики. Отъ нея сохранилось нѣсколько колоннъ и капителей и раскопками обнаружено все ея первоначальное расположеніе. Тутъ же и некрополь, при раскопкахъ котораго найдено было много саркофаговъ, между ними одинъ съ великолѣпнымъ горельефомъ, изображающимъ миѣъ объ Ипполитѣ.

Однако, пора возвращаться въ Сплѣтѣ. Извозчиковъ здѣсь нѣтъ, подвезти меня также никто не можетъ и мнѣ предстоитъ отмахать нѣсколько верстъ пѣшкомъ.

Я прощаюсь со своимъ проводникомъ, вознаградивъ его за услуги, и пускаюсь въ обратный путь. У капеллы Мадонны развѣтвленіе шоссе, и я колеблюсь, куда повернуть.

— Честа (česta—дорога) до Сплиту?—спрашиваю я встрѣчнаго далматинца, ѣдущаго верхомъ на ослѣ.

— Есть, господинъ.

Теперь я уже не собою съ пути, такъ какъ выхожу на главное Сплѣтское шоссе. Опять Малая Враница весело улыбается мнѣ изъ своей синей бухточки. Я усаживаюсь на каменную ограду

пришосейнаго виноградника и долго люблюсь величественной природой сплѣтскихъ окрестностей.

Вечеромъ иду обѣдать въ ресторанъ при гостиницѣ «Belle Vue», гдѣ остановился. Публики порядочно и преобладаютъ среди нея опять-таки военные—эти вѣчные «memento mori» несчастной Далмаціи.

VIII.

Въ Сплѣтѣ я сажусь на полугрузовикъ Ллойда «Султанъ», чтобы посѣтить интересные города Далмаціи Трау и Себенико, куда скорые пароходы не заходятъ.

Трау (Трау, славянскій Трогѣа) упоминается уже въ VI вѣкѣ до Р. X. При венеціанцахъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ укрѣпленныхъ городовъ Далмаціи. У самой воды прекрасно сохранилась средневѣковая крѣпость съ колоссальной башней - замкомъ.

Пароходъ стоитъ здѣсь съ 7 часовъ до 9 утра, и я успѣваю осмотрѣть башни крѣпости, старую ратушу, библіотеку и соборъ, одинъ изъ наиболѣе красивыхъ въ Далмаціи. По стилю своихъ домовъ и церквей Трау производитъ впечатлѣніе настоящаго венеціанскаго города среднихъ вѣковъ. Крайне оригинально его положеніе у самаго узкаго мѣста пролива, между материкомъ и большимъ островомъ Буа, съ которымъ соединенъ даже мостомъ.

Во второмъ часу дня мы подходимъ къ Себенико (по-хорватски Šibenik—Шибеникъ). Шхеры подъ городомъ чрезвычайно красивы. Мы лавируемъ между многочисленными скалистыми островками, покрытыми пахучей хвойной растительностью, и любимся, какъ голубыя волны Адриатики разбиваются о сѣровато-бѣлыя прибрежныя скалы островковъ.

Съ моря Шибеникъ почти такъ же величественъ, какъ и Которъ, располагаясь амфитеатромъ по склону каменной горы, охваченный кольцомъ стѣнъ и увѣнчанный тремя грозными фортами. Окружающія городъ свѣтлыя известковыя ваввышенности, лишь кое-гдѣ прерываемыя темно-зелеными пятнами оливковыхъ рощъ, служатъ превосходной рамкой для общей картины города.

По узкимъ улочкамъ я иду къ главной и, пожалуй, единственной достопримѣчательности города—его собору. Онъ строился цѣлыхъ сто лѣтъ (съ 1443 по 1536 г.) и поэтому представляетъ собою смѣшеніе разныхъ стилей. Болѣе всего въ немъ замѣтна венеціанская готика съ переходомъ въ ренессансъ. Богато украшены орнаментами главный и боковой порталы; внутри чудные образцы скульптуры и барельефовъ.

Снова плывемъ мы среди живописныхъ шибеникскихъ шхеръ. Пассажировъ перваго класса, кромѣ меня, всего четверо и всѣ австрійскіе нѣмцы: два чиновника, одинъ изъ вѣнскаго парла-

мента, другой изъ триестскаго муниципалитета, и два военныхъ: генераль-лейтенантъ В., ѣздившій ревизовать гарнизоны Босніи и Далмаціи, и его адъютантъ. Компанія для меня мало интересная, и я брожу по пароходу, наблюдая типы палубныхъ пассажировъ.

Еще засвѣтло мы приближаемся къ Царѣ, расположившейся на узкой, вдающейся въ море, косѣ. Мы проходимъ мимо красивой набережной Riva Nuova, огибаемъ весь городъ и причаливаемъ къ обращенной въ сторону материка набережной Riva vecchia. На пристани меня ожидаетъ мой знакомый молодой далматинецъ, котораго я извѣстилъ о днѣ своего пріѣзда въ Цару. Онъ узналъ меня, машетъ мнѣ шляпой и кричитъ заученное отъ меня «здравствуйте». Я нахожу его въ обществѣ еще двухъ пріятелей, съ которыми тотчасъ же знаколюсь.

Улицы Цары болѣе широкія, нежели въ другихъ далматинскихъ городахъ, по случаю воскресенья замѣтно оживлены. Достопримѣчательности города я успѣю осмотрѣть завтра до отхода парохода, а сегодня въ сопровожденіи своихъ симпатичныхъ «fratelli slavi» (братьевъ славянъ) дѣлаю общій обзоръ города. Онъ очень невеликъ; поперекъ, отъ старой набережной до новой считается не болѣе 400 метровъ, а въ длину едва ли вдвое болѣе этого разстоянія. Стилль домовъ чисто венеціанскій, да и вообще Цара болѣе другихъ далматинскихъ городовъ напоминаетъ Италію. Прекрасны обѣ набережныя, старая съ широкимъ бульваромъ-садомъ и новая съ видомъ на море и островъ Уллианъ.

По главной улицѣ Calle Larga между Соборной площадью и площадью Господь (Piazza dei Signori) шумитъ оживленная толпа. Мы выходимъ на эту площадь и занимаемъ столикъ у кафе Космаченди. На площади по случаю воскресенья играетъ военная музыка, и толпы звѣвакъ окружаютъ музыкантовъ. И сюда проникли игривые мотивы оперетки «Веселая вдова»; впрочемъ, авторъ ея, Францъ Лёгартъ, по происхожденію славянинъ-словакъ, а австрійскіе славяне такъ любятъ все свое родное.

За кофе съ мараскиномъ,—Цара родина этого ликера, и слово «Maraschino» повторяется чуть ли не на всѣхъ вывѣскахъ,—мы, конечно, говоримъ о Россіи, о Далмаціи, о судьбахъ славянства. Мои собесѣдники увѣряютъ, что за послѣднее время культурное развитіе южно-австрійскихъ славянъ сдѣлало значительные успѣхи и возлагаютъ большія надежды на новый австрійскій избирательный законъ.

Уже поздно вечеромъ я возвращаюсь въ свой отель на набережной и поднимаюсь въ свою комнату. Сверкая безчисленными звѣздами, глядитъ на меня изъ открытаго окна теплая южная ночь. Снизу доносится тихій прибой волнъ о камни набережной, и дыханіе близкаго моря наполняетъ мою комнату свѣжимъ ароматомъ.

IX.

Когда основана была Цара (славянскій Задарь)—въ точности неизвѣстно. Какъ и другіе города Далмаціи, Цара-Задарь съ теченіемъ времени становится римскою колоніей и получаетъ названіе Ядера. Послѣ разрушенія Салоны въ VII вѣкѣ, Цара становится вмѣсто нея столицей всей страны. Много страдала Цара во время непрерывныхъ войнъ Венеціи съ венграми. Въ 1346 году дожъ Энрико Дандоло, соединившись съ французскими крестоносцами, послѣ короткой осады беретъ штурмомъ городъ и частью его разрушаетъ. Этотъ историческій моментъ увѣковѣчилъ Тинторетто картиной «Взятіе Цары», находящейся во дворцѣ дожей въ Венеціи.

Съ 1409 года Цара надолго подпадаетъ подъ власть Венеціи, которая купила ее за 100.000 дукатовъ у Венгріи. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ она раздѣляетъ судьбу всей Далмаціи, переходя на короткое время подъ власть Франціи и затѣмъ окончательно подъ власть Австріи.

Утро моего послѣдняго дня пребыванія въ Далмаціи пасмурное—соотвѣтствуетъ моему слегка грустному настроенію передъ разлукой съ этими дивными берегами. Даже сегодня при сѣромъ небѣ море не перестаетъ быть синимъ, и краски юга, если и потускнѣли слегка, все-таки сохраняютъ богатство и живость тоновъ, готовые подъ первымъ же лучомъ солнца засверкать съ прежнимъ блескомъ и силой.

Мои милые знакомые заходятъ за мной, и мы спускаемся въ «опчинску кавану» (общественную кофейню) и спрашиваемъ себѣ «кава» (кофе), «бѣлы хлѣбъ», «маслацъ» и «сирь швицарски».

Конечно, первымъ дѣломъ мы идемъ осматривать соборъ. По наружному виду—это настоящая римская базилика, украшенная чередующимися рядами колоннокъ и пилястровъ. Внутри соборъ богато отдѣланъ мраморомъ; особенно выдѣляется мраморный алтарь работы начала XIV столѣтія. Есть нѣсколько картинъ Пальмы Младшаго, а также горельефовъ изъ дерева работы Карпаччіо. Ризница содержитъ много драгоценныхъ предметовъ церковнаго обихода.

— Богата црква,—говорю я привратнику.

— Есть, господинъ. Црква св. Симеону такоде богата іе.

Идемъ къ св. Симеону. Храмъ довольно обширный и заключаетъ въ себѣ саркофагъ патрона Цары св. Симеона. Онъ богато украшенъ серебряными орнаментами и фигурами и, какъ говорятъ, въ немъ дѣйствительно почиваютъ мощи этого святого. Надпись на саркофагѣ гласитъ, что онъ былъ подаренъ городу въ 1380 г. Елизаветой, женой короля Людовика Великаго.

Вблизи собора находится церковь Санъ Донато, возникшая на мѣстѣ языческаго храма Юноны Августы, построеннаго императоромъ Августомъ, и обращенная теперь въ музей древностей. Здѣсь можно видѣть собраніе разныхъ предметовъ изъ греческаго, римскаго и иллирійскаго міра, монетъ, надписей и украшеній.

Въ Царѣ есть еще много другихъ церквей, но всѣхъ ихъ осматривать я не буду. Мы снова идемъ по Calle Larga черезъ Piazza dei Signori и черезъ узенькую улицу выходимъ къ очень интересной старинной башнѣ, называемой Nuovo d'Antona, которая, какъ полагаютъ, была нѣчто вродѣ маленькой крѣпости, защищавшей главныя ворота города. Сейчасъ же за башней на возвышенности городской садъ, откуда открывается красивый видъ на городъ, опоясывающее его съ трехъ сторонъ море и на замыкающія горизонтъ горы материка и лежащихъ кругомъ Цары острововъ.

На набережной на открытомъ воздухѣ мы завтракаемъ. Намъ подають разные «закусци», потомъ идетъ какая-то «риба», потомъ «говедина». На прощанье мы поднимаемъ бокалы вкуснаго истрийскаго шампанскаго prosecco за единеніе славянъ, за великую славянскую идею.

Во второмъ часу дня пароходъ уноситъ меня изъ Цары. На пристани стоятъ мои новые друзья и кричатъ мнѣ «до свиданія», собираясь совершить вмѣстѣ со мной экскурсію во внутрь страны.

Долго бѣлбѣтся Цара своими домами, башнями, пока наконецъ не скрывается за набѣгающими на нее островами. Прощай, Далмація! Много пришлось перенести тебѣ на разстояніи протекшихъ столѣтій горя и страданій; привлеченные твоимъ чарующимъ климатомъ, твоей роскошной природой, разные народы непрерывно боролись другъ съ другомъ за обладаніе тобой. Теперь замолкла борьба на твоихъ дивныхъ берегахъ, но не мирное культурное развитіе принесло тебѣ окончаніе долгой борьбы, а покой заупустѣнія и смерти. Я не вѣрю въ твою смерть. Придетъ время, и вновь закипитъ жизнь на твоихъ берегахъ и ты займешь среди другихъ странъ подобающее мѣсто, на которое имѣешь право по богатству природы и духовнымъ качествамъ твоего народа.

В. Г. Вейденбаумъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Английскій путешественникъ о переворотѣ 1801 года.

ЯЖЕЛЫЙ гнетъ цензурныхъ условій, долгое время тяготѣвшій надъ русской исторической литературой, до самаго послѣдняго времени не позволялъ касаться нѣкоторыхъ событій нашей исторіи, особенно нуждающихся въ детальной разработкѣ, правильномъ освѣщеніи и безпристрастной оцѣнкѣ.

Однимъ изъ такихъ событій, наиболѣе намъ близкимъ и интереснымъ, является трагическая кончина императора Павла I, болѣе ста лѣтъ служившая запретной темой для русскихъ историковъ. Характеръ и умственное состояніе несчастнаго императора, несомнѣнно, носившаго въ себѣ смѣшанныя черты Іоанна Грознаго и Донъ-Кихота, до сихъ поръ не получили достаточнаго освѣщенія и продолжаютъ служить предметами самыхъ разнорѣчивыхъ толкованій. Опубликованные въ настоящее время документы послѣднихъ дней его царствованія лишь начинаютъ проливать нѣкоторый свѣтъ на интересную и, несмотря ни на какія темныя стороны, вызывающую къ себѣ симпатію личность несчастнаго Павла.

Подобно рыцарю Печальнаго Образа, всю свою жизнь проборовшагося съ вѣтреными мельницами своего воображенія, монархъ этотъ, желая одного добра своимъ подданнымъ и обладая всѣми качествами, чтобы заслужить къ себѣ любовь и благодарность потомства, не могъ ничего возбудить въ своемъ народѣ, кромѣ трепета и страха.

Что бы ни говорили, какъ бы ни комментировали личность и поступки императора Павла, ясно одно, что состояніе его умственныхъ способностей, особенно въ послѣдніе мѣсяцы его царствованія, носило безусловно слѣды полнаго разстройства; и если прослѣдить внимательно ходъ воспитанія Павла и жизнь его до вступленія на престоль, начиная съ самаго дѣтства, то совершенно логичнымъ представляется намъ развитіе его болѣзни, зачатки которой, очевидно, кроются въ самой натурѣ его, впечатлительной и нервной, въ его природномъ состояніи ума и физическомъ складѣ, унаслѣдованномъ вмѣстѣ съ наружнымъ сходствомъ отъ больного алкоголика отца.

Несомнѣнно, императоръ Павелъ представляетъ собою яркій типъ природнаго неврастеника, развившаго свою болѣзнь подъ вліяніемъ печальныхъ обстоятельствъ дѣтства въ первичное помѣшательство (параню), которое въ скоромъ времени должно было привести его къ окончательной потерѣ разсудка. Судьба и характеръ этого императора имѣютъ во многихъ отношеніяхъ много сходства съ судьбою другого вѣнценоснаго больного — царя Іоанна Васильевича Грознаго.

Тяжелыя обстоятельства дѣтства обоихъ государей, лишенныхъ въ раннемъ возрастѣ родительской любви и ласки, вредное вліяніе окружавшихъ ихъ воспитателей, насильственное удаленіе отъ дѣлъ государства, нравственные униженія, испытываемыя ими въ юности отъ заносчивыхъ фаворитовъ, особенно чувствительныя для нихъ при ихъ чуткомъ самолюбіи и преувеличенномъ понятіи о законности и высотѣ своего сана, все это, вмѣстѣ взятое, не могло, конечно, не озлобить молодыя и самолюбивыя натуры, не могло не обострить до послѣдней степени ихъ отъ природы неустойчивыя нервы и должно было впослѣдствіи привести къ фатальной и роковой катастрофѣ.

Достигнувъ давно ожидаемаго трона, они оба накинудись на свою власть, они были опьянены ею и, томимые неутолимой жаждой, съ безумной жадностью стали уживаться своимъ могуществомъ. Долгое униженіе только способствовало развитію въ нихъ религіозно-мистическаго взгляда на ихъ санъ и значеніе, граничащаго съ не знающей предѣла маніей величія.

Съ необычайной поспѣшностью они готовы были проводить въ жизнь самыя нелѣпыя и фантастическіе проекты, взлелѣянные ихъ нездоровымъ воображеніемъ, вродѣ проекта Грознаго завоевать Константинополь, или индійскаго похода императора Павла.

Оба государя питали глубокую ненависть къ вельможамъ, стоявшимъ у власти въ предшествовавшія царствованія, и окружили себя людьми низкаго происхожденія, которые часто, не будучи ни по уму ни по нравственнымъ качествамъ достойными своего назначенія, во зло употребляли довѣріе царей и своимъ вреднымъ

вліяніемъ лишь способствовали развитію ихъ болѣзней, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ жестокостію своихъ поступковъ ненависть и злобу народную противъ самихъ государей. Опричники Грознаго царя нашли себѣ вѣрныхъ преемниковъ въ лицѣ гатчинскихъ приспѣшниковъ императора Павла...

Если проявленіе болѣзни Павла не достигло тѣхъ размѣровъ, какихъ оно достигло у царя Іоанна, то причину этому надо видѣть прежде всего въ болѣе культурномъ воспитаніи императора, въ природномъ благородствѣ его характера и, наконецъ, главнымъ образомъ въ кратковременности его царствованія и жизни.

Вообще впечатлѣнія, которыя производитъ на насъ изученіе жизни и характеровъ обоихъ государей, совершенно различны. Развратный и грязный Іоаннъ со своими звѣрствами, кощунственно освященными имъ религіею, со всѣми своими противоестественными пороками, возбуждаетъ въ насъ одно отвращеніе и ужасъ, несмотря на явные признаки болѣзни и умственного разстройства. Императоръ Павелъ I, напротивъ того, при всей нелѣпости и жестокости своихъ поступковъ, возбуждаетъ въ насъ невольную симпатію и глубокое сожалѣніе; до самой смерти своей онъ сохранилъ въ душѣ благородные порывы, и во время сильнѣйшаго развитія своей болѣзни мечталъ образовать посредствомъ Мальтійскаго ордена какое-то братство, связанное обѣтами цѣломудрія, воздержанія и любви...

Благодаря впервые появившимся въ 1907 году въ Россіи запискамъ современниковъ о событіи 11 марта 1801 года, подъ названіемъ: «Цареубійство 11 марта 1801 года», гдѣ помѣщены записки Саблукова, графа Беннигсена, графа Ланжерона и многихъ другихъ, картина убійства императора Павла встаетъ передъ нами во всѣхъ своихъ ужагающихъ подробностяхъ. Совершенно напрасно авторъ предисловія къ этому изданію старается доказать намъ нормальность состоянія ума императора, желая этимъ усилить вину заговорщиковъ-убійцъ; ни показанія современниковъ, ни записки очевидцевъ, ни, наконецъ, приведенныя выше соображенія не позволяютъ намъ согласиться съ выводами его о нормальности умственныхъ способностей Павла, и тѣмъ не менѣе, конечно, вина цареубійцъ этимъ ничуть не уменьшается.

Болѣзнь императора была совершенно очевидна, дальнѣйшее пребываніе его на тронѣ грозило повергнуть Россію вновь въ глубокую пучину тьмы и невѣжества и разрушить ея могущество, созданное мудростью предшествовавшихъ государей, и все-таки смерть больного государя отнюдь не была необходима для блага Россіи и ничѣмъ неоправдываемое преступленіе лежитъ всецѣло на душѣ его жестокихъ палачей. Психическое разстройство императора шло такими быстрыми шагами, что, удаленный отъ трона, онъ никонмъ образомъ не могъ быть опасенъ для своихъ замѣстителей, и, лишенный своей власти — цѣли всей его жизни, которой онъ такъ

долго и жадно добивался, не могъ бы существовать, какъ Ламанскій рыцарь, лишенный фантастическихъ образовъ своего воображенія...

Напрасно стараются поэтому участники заговора и ихъ единомышленники убѣдить современниковъ и потомство въ необходимости и патріотичности совершеннаго кровопролитія; оно можетъ быть объяснено только недостойною мстительностью пьяныхъ и трусливыхъ холоповъ, увидѣвшихъ въ своей власти того страшнаго владыку, котораго они еще такъ недавно трепетали.

Въ самомъ дѣлѣ, читая записки участниковъ и очевидцевъ переворота 11 марта, мы съ недоумѣніемъ должны спросить себя: кто же были руководители заговора и участники преступленія? Кто тѣ, которые спасли Россію отъ ига новаго тирана? Каковы могли быть ихъ цѣли и побужденія?

Безсердечный и надменный Zubovъ, падшій фаворитъ, мечтающій только о своей прошедшей славѣ, двуличный и низкій курляндецъ Палень, сухой и безпринципный ганноверскій карьеристъ Бенигсенъ, грубый и недалекій князь Яшвилъ, выходецъ туманнаго происхожденія,— вотъ тѣ настоящіе «русскіе» «патріоты», которые взяли на себя рѣшеніе судьбы «родной» имъ Россіи.

Оцѣнка ихъ личностей слишкомъ для насъ не трудна, поведеніе ихъ, очевидно недвусмысленно, цѣли ихъ намъ совершенно понятны... Несомнѣнно, не патріотизмъ и не чувство скорби за гибнущую Россію побудило этихъ иноземцевъ совершить переворотъ, ихъ сердцу ничего не говорили страданія и неурядицы чуждой имъ страны, они давно привыкли смотрѣть на нее какъ на средство составить себѣ карьеру и достигъ земнаго благосостоянія. Будущее показало намъ, однако, что расчеты заговорщиковъ оказались невѣрными и молодой императоръ скоро сумѣлъ отдѣлаться отъ палачей своего отца, сильно надѣявшихся на его благодарность...

Кромѣ напечатанныхъ въ упомянутомъ изданіи записокъ и воспоминаній очевидцевъ, описанія катастрофы 11 марта можно встрѣтить во многихъ иностранныхъ изданіяхъ, преимущественно въ запискахъ англійскихъ путешественниковъ, которыхъ особенно много понаѣхало въ Россію въ началѣ царствованія императора Александра I, какъ извѣстно, съ большой симпатіей относившагося къ Англии и называвшаго ее «лучшей и счастливѣйшею страной въ мірѣ». Источниками этими не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ, находясь въ Петербургѣ немного времени спустя послѣ самаго событія, еще свѣжаго въ памяти жителей, иностранные путешественники могли получать свѣдѣнія отъ очевидцевъ, находясь часто въ связи и дружбѣ съ лицами самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества.

Въ одномъ изъ такихъ сочиненій мы встрѣчаемъ любопытный рассказъ о кончинѣ императора Павла, который въ деталяхъ нѣсколько разнится со всѣми извѣстными вариантами рассказовъ объ этомъ событіи. Мы говоримъ о книгѣ: «Carr. A northern summer of travels round the Baltic... in the year 1804. London. 1805».

Путешествіе свое Карръ совершилъ только три года спустя послѣ переворота, и рассказъ о немъ слышалъ отъ очевидца, имени котораго онъ не называетъ.

Недавность самаго событія, достовѣрность другихъ историческихъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ, симпатія и доброжелательство его къ русскимъ вообще, все это позволяетъ намъ съ довѣріемъ отнестись къ его рассказу, и не лишеннымъ интереса представляется намъ привести здѣсь въ сокращенномъ видѣ повѣствованіе его о царствованіи и кончинѣ императора Павла.

«Человѣкъ готовъ забыть страшную катастрофу 11 марта,—начинаетъ свой рассказъ англійскій путешественникъ:—но тѣнь несчастнаго монарха взываетъ къ правосудію и требуетъ чистосердечнаго раскрытія событій, предшествовавшихъ этой страшной ночи». Далѣе авторъ даетъ намъ краткое описаніе дѣтства и молодости Павла, удаленнаго отъ дѣлъ и отъ большого двора, генералиссимуса всѣхъ войскъ по рожденію, не командовавшего никогда и ротою, генералъ-адмирала російскаго флота, не выдававшего никогда военнаго корабля... Лишенный всего того, что принадлежало ему по рожденію и праву, онъ не имѣлъ даже радости простого смертнаго избрать себѣ друга, чтобы не сдѣлать его жертвою своей властолюбивой и подозрительной матери. Онъ сознавалъ себя второй персоной государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ безсильной злобой долженъ былъ переносить оскорбленія фаворитовъ императрицы, «министровъ ея необузданнаго сластолюбія», по выраженію англійскаго писателя. Окровавленная тѣнь убитаго отца стояла передъ его разгоряченнымъ воображеніемъ и настоятельно требовала возмездія и наказанія...

Наконецъ, рядъ долгихъ лѣтъ униженія и ударовъ самолюбію привелъ больного и изнервничавшагося Павла къ давно желанной имъ власти. Чуждый своему народу, незнакомый съ дѣлами государства, озлобленный и больной, вступаетъ онъ на російскій престолъ и въ самомъ скоромъ времени начинаетъ обнаруживать явные признаки психическаго разстройства...

Говоря далѣе о возникновеніи заговора, авторъ рассказываетъ намъ исторію высылки и возвращенія Платона Зубова, удаленнаго Павломъ изъ столицы вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ. Заслужить къ себѣ благоволеніе императора бывшему фавориту Екатерины II удалось главнымъ образомъ благодаря помощи французской артистки Шевалье, начавшей въ то время играть видную роль въ жизни Павла I и бывшей, въ свою очередь, орудіемъ въ рукахъ французскихъ дипломатовъ. Дѣйствіе ея чаръ и пѣсенъ

(по слухамъ, сочиняемыхъ для нея тѣми же дипломатами) скоро оказало свое замѣтное вліяніе на направленіе политики увлекшагося императора. Обѣщаніями и подарками Зубовъ склонилъ ловкую артистку на свою сторону, и скоро дѣла его приняли хорошій оборотъ. Помогъ ему и царскій любимецъ, бывшій брадобрей Кутайсовъ, къ дочери котораго хитрый Зубовъ успѣлъ посвататься. Скоро старанія этихъ лицъ привели къ желанному результату, и Зубовъ, на горе и погибель злосчастнаго Павла, былъ возвращенъ въ столицу, не забывъ, конечно, поблагодарить свою хорошенькую заступницу ожерельемъ въ 60,000 рублей. Состояніе Россіи, по замѣчанію автора, благодаря причудамъ и жестокостямъ больного императора, въ это время было дѣйствительно печально, и недовольство Павломъ было всеобщее. Пылающій лично мстью, стремящійся вернуть свое бывшее значеніе, Зубовъ скоро вошелъ въ сношеніе съ хитрымъ Паленомъ и другими лицами, составившими заговоръ для удаленія и умерщвленія несчастнаго государя безъ вѣдома его семьи и наслѣдника.

Авторъ говоритъ при этомъ, что, по основнымъ законамъ Россійской имперіи, власть и санъ императора пожизненны и кончаются только со смертію послѣдняго, поэтому отреченіе Павла было бы недѣйствительнымъ и удаленіе его недостаточнымъ. Описывая далѣе вновь выстроенный Павломъ Михайловскій замокъ, авторъ говоритъ, что, презирая восточную роскошь императорскихъ дворцовъ Петербурга и его окрестностей, Павелъ построилъ себѣ «послѣднее убѣжище въ войнѣ своей со своимъ народомъ»...

Далѣе онъ приступаетъ къ подробному описанію страшной ночи со словъ очевидца, участника заговора, имя котораго открытъ онъ не считаетъ возможнымъ.

«Глубокою ночью съ 11 на 12 марта 1801 года, — говоритъ онъ, — пьяная ватага заговорщиковъ изъ 9 или 10 человекъ, во главѣ съ Зубовымъ, ворвалась въ спальню Павла, спавшаго по своему обыкновенію на софѣ, въ мундирѣ и сапогахъ (?). Разбуженный сильнымъ шумомъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ спрятаться за столъ, откуда и былъ сейчасъ же вытащенъ на середину комнаты. Несмотря на свой страхъ, онъ, принявъ обычный тонъ, надменно заговорилъ съ вошедшими, требуя отъ нихъ покорности и подчиненія; но это продолжалось недолго; увидя устремленные на него рѣшительные и гнѣвные взоры заговорщиковъ, онъ понялъ наконецъ серьезность своего положенія и сразу измѣнилъ тонъ. Онъ обѣщалъ немедленно отречься отъ престола, онъ готовъ былъ исполнить всѣ ихъ желанія, умоляя ихъ объ одномъ только—о жизни. Въ безумномъ порывѣ отчаянія онъ сулилъ имъ всевозможныя награды, чины и ордена, но они были тверды и неумолимы. Конвульсивнымъ движеніемъ онъ успѣлъ вырваться къ окну и кулакомъ разбилъ стекло, окровавивъ себѣ руку. Ни крик-

нуть, ни выскочить ему не удалось, да и окно было черезчуръ высоко. Оттѣсненный вновь на средину комнаты, онъ схваченнымъ стуломъ спихъ съ ногъ одного изъ заговорщиковъ, послѣ чего поднялась настоящая свалка. Шумъ былъ такъ силенъ, что, по словамъ очевидца, императрица услышала его и стала звать на помощь; лишь угроза смертью со стороны одного изъ участниковъ, находившихся вблизи, заставила ее остаться въ своей комнатѣ. Между тѣмъ борившійся Павелъ былъ сбитъ съ ногъ княземъ Яшвилемъ, ударившимъ его кулакомъ по виску. Обливаясь кровью, лежалъ несчастный монархъ передъ разъяренною толпою и молилъ только о жизни. Даже черствое сердце надменнаго Зубова дрогнуло отъ жалости, и онъ замѣтно заколебался. Слова одного молодого ганноверца (Бенигсена), какъ утверждаетъ очевидецъ, окончательно рѣшили судьбу Павла. Замѣтя нерѣшительность главнаго руководителя, онъ сказалъ: «Мы перешли Рубиконъ; если мы сохранимъ ему жизнь до утра, мы всѣ будемъ его жертвами», и съ этими словами, снявъ съ себя поясъ, онъ, по словамъ того же свидѣтеля, обернулъ его дважды вокругъ шеи лежащаго императора и, давъ одинъ конецъ Зубову, тянулъ за другой до тѣхъ поръ, пока жизнь ихъ жертвы не угасла...

«Такъ прошла ночь ужаса,—говоритъ авторъ:—такъ погибъ государь, къ которому природа была особенно щедра, но которому она дала слишкомъ тонкіе и чуткіе нервы, не могшіе выдержать всѣхъ ударовъ судьбы и невзгодъ его кратковременной жизни.

«Восходящее солнце освѣтило,—по словамъ Карра,—рыдающую надъ бездыханнымъ трупомъ семью императора и исполненный радости и ликующій народъ, празднующій свое освобожденіе...

«Сильнѣе же всего была,—говоритъ онъ,—печаль того, на чье чело ужасное событіе это возложило корону».

Такъ передаетъ англійскій путешественникъ событія несчастной ночи 11—12 марта, и изъ разказа его мы видимъ, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ трагедіи является Бенигсенъ, или, какъ Карръ его называетъ, «молодой ганноверецъ». Мы знаемъ, однако, что въ запискахъ своихъ Бенигсенъ усиленно отрицаетъ свое присутствіе въ самый моментъ умерщвленія Павла и умываетъ руки въ совершенномъ кровопролитіи. Трудно, конечно, установить въ точности послѣдовательный ходъ событій этой страшной ночи, продолжавшихся къ тому же очень недолго. Опьяненные злобой и выпитымъ виномъ, палачи едва ли сами сознавали ясно свои дѣйствія и, очевидно, не были послѣ въ состояніи съ полной точностью возстановить картину преступленія и роль каждаго въ отдѣльности.

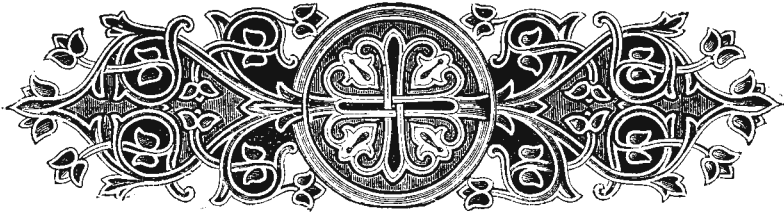
Судьба императора Павла не разъ наводитъ англійскаго писателя на соображенія мистическаго характера, причемъ онъ подчеркиваетъ роль, которую играло таинственное и необъяснимое въ

жизни этого государя, такъ сильно увлекавшагося туманными ритуалами Мальтійскаго ордена. Его чуткое и разстроенное воображеніе, его природная религіозность дѣлали его всегда склоннымъ къ мистицизму, и предчувствія и сны играли немаловажную роль въ его кратковременной жизни. Вспомнимъ извѣстный разсказъ о видѣніи имъ Петра I, его вѣщій сонъ, предсказавшій ему давно ожидаемое водареніе и, наконецъ, смутное и необъяснимое предчувствіе, которое онъ, по словамъ Саблукова, имѣлъ передъ своей кончиной. Карръ говоритъ также о примѣтѣ, которую замѣчали его современники, а именно, что число словъ въ надписи Михайловскаго замка равняется числу лѣтъ жизни Павла, а анаграмма, составляемая изъ этихъ словъ, гласитъ о страшной смерти того, кто построилъ этотъ замокъ. Интересно также отмѣчаемое имъ повѣрье о гибели одной изъ трехъ березъ передъ Таврическимъ дворцомъ въ самый моментъ трагической кончины императора Павла.

Несомнѣнно, что судьба императора Павла носитъ на себѣ слѣды чего-то фатальнаго; ему не дано было испытать на землѣ счастье, уготованное ему его рожденіемъ. Несчастный и непонятый до вступленія на царство, больной и страдающій на тронѣ, онъ внушаетъ намъ безмѣрное сожалѣніе своей трагической судьбою. Постоянная жизнь между подозрѣніями и раздраженіями, между припадками жестокости и раскаяніемъ, напряженное состояніе всѣхъ нервовъ, полное истомленіе ума и больное воображеніе—сдѣлали самое существованіе тягостнымъ для несчастнаго императора и смерть, избавивъ его отъ страшныхъ страданій, дала миръ и покой его мятущейся душѣ.

И. В. Соловьевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Часть 4-я. Въ Болгаріи. Часть 5-я. Черезъ 30 лѣтъ. П. Паренсова. Изданіе исправленное и дополненное, съ портретомъ, картинами, картой и отдѣльной книгой приложеній. Издасть В. А. Березовскій. С.-Петербургъ. 1908.

ГЛАВНОЙ задачей автора настоящаго труда является выясненіе истиннаго смысла связи, соединявшей Россію съ освобожденнымъ ею народомъ и подвергавшейся злонамѣренно-превратному истолкованію за границей и даже въ самой Болгаріи. На основаніи документовъ, приводимыхъ иногда fac-simile, генераль Паренсовъ шагъ за шагомъ ярко излагаетъ перипетіи новой, на этотъ разъ подпольной войны, которую началъ противъ великодушной освободительницы балканскихъ народовъ ея ставленникъ, первый болгарскій князь Александръ Баттенбергъ, и страдательную роль въ этой войнѣ болгарскаго народа, сбитаго съ толку, недоумѣвающего и все-таки всѣмъ сердцемъ преданнаго своимъ кровнымъ братьямъ-освободителямъ.

Воспоминанія генерала Паренсова касаются лишь начала «недоразумѣній» между Россіей и Болгаріей, созданныхъ европейской дипломатіей и... нашими собственными ошибками. Талантливое перо г. Паренсова отчетливо рисуетъ безкорыстіе побужденій и великодушіе императора Александра II по отношенію къ Болгаріи, желаніе его создать ее крѣпкой, сильной и благоустроенной. Пока русскія войска охраняли Болгарію, созданное въ Тырновѣ 10 февраля 1879 года учредительное народное собраніе, при всеобщемъ ликованіи болгаръ, рассмотрѣло и приняло препровожденный ему русскимъ правительствомъ проектъ органическаго статута болгарской

конституціи и, по желанію Россіи, избрало первымъ болгарскимъ княземъ племянника русской императрицы, 22-лѣтняго принца Александра Баттенбергскаго, подъ именемъ Александра I. Восторгу болгарь, собравшихся въ Тырновъ, не было предѣловъ; воздухъ оглашался кликами: «да живѣй царь Александръ, да живѣй князь Александръ, да живѣй Россія, да живѣй Болгарія!» Подозрительнымъ симптомомъ для дальнѣйшихъ дружескихъ отношеній Россіи къ Болгаріи являлось однако то, казалось бы, отрадное на первый взглядъ обстоятельство, что избраніе на болгарскій престолъ принца Александра Баттенбергскаго встрѣчено было сочувственно и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ.

Для характеристики Александра Баттенберга и истинныхъ отношеній его къ Россіи книга г. Паренсова даетъ массу интереснаго матеріала. Пора отрѣшиться отъ взглядовъ, основанныхъ на непродуманныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, нетерпимыхъ въ исторической наукѣ; пора сказать, что князь Александръ былъ умнымъ и, несмотря на свою молодость, очень ловкимъ піонеромъ «Drang nach Osten» въ Болгаріи, чѣмъ онъ и долженъ былъ быть по своему воспитанію и обстановкѣ, и что, посѣявъ въ Болгаріи Баттенберга, Россія, несомнѣнно, должна была рано или поздно пожать въ будущемъ «баттенбергiаду». Князь Александръ воспитывался въ Германіи въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ сначала въ гессенскихъ драгунахъ, а потомъ въ прусской лейбъ-гвардіи въ чинѣ лейтенанта (поручика). Отецъ его, принцъ Александръ Гессенскій, служилъ прежде въ австрійскомъ войскѣ и передалъ сыну связи съ Габсбургами и высшимъ вѣнскимъ обществомъ. Наконецъ, предъ самымъ избраніемъ своимъ на болгарскій престолъ, князь Александръ политическимъ наукамъ и умѣнію править славянами обучался у гессенскаго тайнаго совѣтника Менгеса. Россія полагала, что князь, обязанный ей престоломъ, будетъ слѣдовать ея руководству въ дѣлѣ управленія вновь образованнымъ государствомъ, болгары были увѣрены, что русскій ставленникъ будетъ дѣйствовать въ согласіи съ державной ихъ покровительницей и по ея указаніямъ. Князь Александръ не думалъ отвѣчать этимъ ожиданіямъ, а, слѣдуя австро-германской указкѣ, обманывалъ и Россію, и болгарь. Свидѣтелемъ этихъ-то дѣяній перваго болгарскаго князя и былъ генераль Паренсовъ; онъ же и сдѣлался, какъ истинный вѣрный слуга своего государя и народа, первою ихъ жертвою.

Какъ ближайшій участникъ войны 1877 — 1878 годовъ и сподвижникъ М. Д. Скобелева, хорошо знакомый съ Болгаріей, генераль Паренсовъ назначенъ былъ императоромъ Александромъ II на должность болгарскаго военнаго министра и, въ этомъ званіи, организовалъ болгарскую армію подъ руководствомъ русскихъ офицеровъ. Нужно прочесть книгу г. Паренсова, чтобы исполнѣ оцѣнить заботы покойнаго государя о благосостояніи Болгаріи и о тѣснѣйшемъ духовномъ единеніи ея съ Россіей; въ этомъ духѣ и даны были инструкціи г. Паренсову. Но уже при первыхъ шагахъ своихъ въ Болгаріи г. Паренсовъ, къ удивленію своему, встрѣтилъ противодѣйствіе въ молодомъ князѣ. За проявленіями суетности и склонности къ самовозвеличенію слѣдовали болѣе опасныя для Россіи и Болгаріи стремленія къ водворенію въ болгарской арміи германскихъ офицеровъ и къ измѣненію болгарской конституціи, связывавшей князю руки. Ближайшими совѣтниками князя были не болгарскіе министры,

въ томъ числѣ и г. Паренсовъ, даже не полковникъ Шепелевъ, состоявшій при князѣ въ качествѣ русскаго военнаго атташе и долженствовавшій быть дядькой князя и окомъ русскаго государя, а австрійскій дипломатическій агентъ графъ Кевенюллеръ, неразборчивый въ средствахъ для достиженія цѣли и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на князя. Русскій дипломатическій агентъ Давыдовъ принадлежалъ къ старой дипломатической школѣ, время Нессельроде и, полагая свою задачу въ Болгаріи въ поддержаніи охранительнаго начала и въ согласіи съ прочими представителями «Европы», дѣйствовалъ въ руку Кевенюллеру. Вслѣдствіе этого, его поддержкой пользовалось консервативное министерство, представлявшее небольшую группу населенія и тянувшее къ сближенію съ Западомъ; либеральное же министерство, избранное подавляющимъ большинствомъ собранія, желавшаго тѣсной связи съ Россіей, встрѣтило противодѣйствіе со стороны Давыдова. Каравеловъ, глава либеральной партіи, возбуждалъ негодованіе даже своей внѣшностью и получилъ отъ изящнаго дипломата прозваніе «чумички». При такихъ условіяхъ старанія г. Паренсова и полковника Шепелева раскрыть глаза въ Петербургѣ на истинный характеръ событій, совершавшихся въ Болгаріи, и на роль молодого князя были почти бесплодны. Притомъ, слѣдуя, очевидно, старымъ германскимъ традиціямъ времени Священнаго Союза, князь Александръ, по словамъ г. Паренсова, «во всѣхъ своихъ поступкахъ, рѣчахъ и разговорахъ тщательно отдѣлялъ государя отъ Россіи, систематически игнорируя послѣднюю... Князь всегда дѣлалъ совершенно обратное тому, что дѣлали и теперь дѣлаютъ наши цари: онъ тщательно и умышленно подчеркивая даже, отдѣлялъ государя отъ Россіи, «обожая», какъ онъ самъ выражался, перваго и закрывая глаза, а впоследствии ненавидя вторую». «Всѣ,—замѣчаетъ г. Паренсовъ,—имѣвшіе личныя сношенія съ княземъ и не одни только дружескія, признали, что въ глазахъ князя свѣтилась основная черта его характера — скрытность». Разумѣется, онъ всячески старался удалить съ своей дороги мѣшавшихъ ему русскихъ дядекъ, болѣе всего неподатливаго г. Паренсова. Чтобы выяснить возникавшія недоразумѣнія, г. Паренсовъ исходатайствовалъ разрѣшеніе прибыть въ Ливадію для представленія государю. Здѣсь онъ имѣлъ возможность выяснить сущность несогласій своихъ съ княземъ государю и сопровождавшимъ его графу Д. А. Милютину и Н. К. Гирсу. Говоря однажды о болгарскихъ дѣлахъ съ г. Паренсовымъ, государь сказалъ ему замѣчательныя слова: «Я прочиталъ письма Шепелева и Давыдова. Шепелевъ пишетъ совершенно то же, что и ты мнѣ доложилъ, и Давыдовъ пишетъ почти то же самое, князь же Александръ пишетъ мнѣ другое. Но это ничего; я ему напишу». Отпуская г. Паренсова обратно въ Болгарію, государь напутствовалъ его слѣдующими словами: «Относительно нашихъ офицеровъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ укажетъ тебѣ подробности. Помни, что ты мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Помни еще и передай имъ, что они не только служатъ въ болгарскихъ войскахъ, но что каждый изъ нихъ есть носитель имени русскаго. Кланяйся князю; я ему напишу. Продолжай служить, какъ служишь».

Но Александръ Баттенбергъ и не думалъ измѣнить своей политики. Онъ желалъ открыть доступъ въ болгарскую службу германскимъ офицерамъ и зака-

балить еще юную болгарскую торговлю и промышленность австро-германскому капиталу. Созванное в октябрь 1879 года народное собрание выразило порицание излюбленному Александром консервативному кабинету и, принадлежа в подавляющем большинстве своем к народной, русской партии, требовало составления либерального министерства. Тогда князь Александр, вопреки желанию представителей России, распустил собрание. Тогда же рѣшился онъ избавиться и отъ генерала Паренсова, стойко противившагося призыванію въ Болгарію германскихъ офицеровъ. Для этой цѣли князь Александръ не остановился предъ интригой. Внутреннія смуты въ Россіи давали ему для этого прекрасный поводъ. Онъ вообще старался дать понять въ Петербургѣ, что либеральная партія въ Болгаріи сродни анархистамъ, дѣйствовавшимъ въ Россіи, и, чтобы перетянуть вѣсы на свою сторону, в январѣ 1880 года отпраздился въ Россію. Въ Москвѣ сумѣлъ онъ обойти даже И. С. Аксакова, а по пріѣздѣ въ Петербургъ сталъ жаловаться на своего русскаго военнаго министра. Взрывъ 5-го февраля въ Зимнемъ дворцѣ, произведшій въ Россіи тяжелое впечатлѣніе, былъ хорошо использованъ княземъ для его цѣлей. Въ наэлектризованную придворную атмосферу онъ пустилъ слѣдующую фразу: «При всемъ ужасѣ происшедшаго несчастія, государь долженъ почитать себя счастливымъ тѣмъ, что революціонеры состоятъ изъ подонковъ общества, а у меня, въ Софіи, во главѣ болгарскихъ революціонеровъ стоитъ мой военный министръ, генералъ Паренсовъ». Эта клевета рѣшила дѣло: Паренсовъ былъ отозванъ и въ первое время по прибытіи въ Россію не могъ даже получить назначенія. «Мы вашей службы не знаемъ», говорили бывшему сподвижнику Скобелева имущіе власть военные. Лишь по восшествіи на престолъ императора Александра III и со вступленіемъ въ должность военнаго министра П. С. Ванновскаго генералъ Паренсовъ получилъ назначеніе. На мѣсто Паренсова князь Александръ просилъ назначить генерала по происхожденію изъ остзейскихъ нѣмцевъ, но получилъ нѣчто лучшее: болгарскимъ военнымъ министромъ назначенъ былъ финляндецъ генералъ Эрротъ. При его содѣйствіи, безъ вѣдома Петербурга, князь и совершилъ государственный переворотъ, отмѣной тырвовской конституціи.

На этомъ и кончаются воспоминанія генерала Паренсова о его тяжелой, но патриотической роли на болгарской службѣ. Но дальнѣйшія событія болгарской исторіи вполне подтвердили вѣрность его взглядовъ на князя Александра. Императоръ Александръ III справедливо оцѣнилъ Баттенберга въ знаменитой своей телеграммѣ къ нему, послѣдствіемъ которой было окончательное отреченіе князя отъ болгарскаго престола.

5-я часть воспоминаній генерала Паренсова посвящена характеристикѣ отношеній современныхъ болгаръ къ Россіи, тѣхъ отрадныхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ путешествія по Болгаріи въ составѣ депутаціи, посланной русскимъ правительствомъ на открытіе памятника въ Софіи Царю-Освободителю отъ «призвательной Болгаріи» съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ во главѣ. Депутація эта была предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій со стороны населенія, ясно доказавшихъ, что чувства болгаръ къ старшимъ своимъ славянскимъ братьямъ не измѣнились даже

подъ влияніемъ «баттенбергiады». Самъ генераль Паренсовъ имѣлъ случай убѣдиться, что болгары не забыли его самоотверженной дѣятельности на пользу Болгаріи, какъ и другихъ русскихъ героевъ. Одинъ изъ памятниковъ въ Плевнѣ, на Зеленыхъ горахъ, носитъ названіе «батареи генерала Паренсова», въ Софіи—существуетъ улица «генерала Паренсова», а домъ его сохраняется какъ національный памятникъ. Думается, что эти знаки народной любви должны отчасти вознаградить почтеннаго ветерана русско-болгарской службы за испытанныя имъ страданія...

Е. Шумигорскій.

Theod. Shiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band 1 и 2. Berlin.

Профессоръ Шиманъ давно уже пользуется извѣстностью въ исторической литературѣ, какъ хорошій знатокъ исторіи Россіи и Прибалтійскаго края. Начавъ свою научно-литературную дѣятельность переводомъ на нѣмецкій языкъ «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина, профессоръ Шиманъ далъ затѣмъ прекрасную самостоятельную работу «Russland, Poland und Livland bis ins 17 Jahrhundert» и цѣлый рядъ мелкихъ, но цѣнныхъ въ научномъ отношеніи трудовъ. Изъ позднѣйшихъ его сочиненій большой успѣхъ выпалъ на долю его книги: «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I», вышедшей въ 1902 году. Эта работа явилась какъ бы введеніемъ въ задуманный имъ обширный трудъ по исторіи Россіи въ періодъ царствованія Николая Павловича, первые два тома котораго уже появились. Въ обоихъ вмѣстѣ насчитывается болѣе тысячи страницъ, а между тѣмъ второй томъ доведенъ авторомъ пока еще до июльской революціи 1830 года. Уже это указаніе на внѣшніе размѣры новаго сочиненія профессора Шимана даетъ возможность судить объ обширности масштаба, по которому задуманъ этотъ трудъ.

Исходя изъ вѣрной мысли, что императоръ Николай принялъ Россію въ томъ видѣ, въ какомъ она оставалась въ послѣдніе годы царствованія его брата, а отсутствіе въ немъ въ этотъ періодъ всякой дѣятельности, направленной къ устройству собственной страны, объясняется овладѣвшимъ имъ настроеніемъ, которое само объясняется событіями, сопровождавшими вступленіе Александра на престолъ, авторъ, предпославъ нѣсколько словъ объ историческомъ ходѣ Россіи послѣ Петра Великаго, начинаетъ свое изложеніе съ катастрофы 11 марта 1801 года и неожиданнаго перехода престола къ Александру Павловичу, которому затѣмъ посвящаетъ почти половину перваго тома, съ особенной подробностью останавливаясь на его отношеніяхъ къ Польшѣ и къ восточному вопросу. Вторая половина книги занята обзоромъ внутренняго положенія Россіи къ концу царствованія Александра. Подробно разсмотрѣно управленіе страной, судъ, положеніе сословій дворянскаго, крестьянскаго и духовенства, организація и состояніе арміи и флота, откуда авторъ дѣлаетъ естественный переходъ къ движенію декабристовъ въ его начальной стадіи.

Второй томъ начинается съ разсказа о междуцарствіи, вызванномъ отказомъ Константина Павловича лично подтвердить свое отреченіе отъ престола.

Бунтъ 14 декабря и судъ надъ его участниками изложены авторомъ съ большою полнотою. Но главное вниманіе обращено авторомъ на внѣшнія дѣла Россіи, на ея дипломатическія сношенія и двѣ войны, въ которыя былъ втянутъ молодой императоръ. Заканчивается томъ предварительными свѣдѣніями о готовившемся іюльскомъ возстаніи 1830 года.

Таковъ фактическій матеріалъ, использованный профессоромъ Шиманомъ въ обоихъ томахъ его труда.

Само собою разумѣется, что авторъ прекрасно знакомъ съ литературой предмета. Онъ пользуется не только первоисточниками въ родѣ нашего полнаго собранія законовъ или соответствующихъ томовъ «Сборника», издаваемого русскимъ историческимъ обществомъ, но и монографіями и журнальными статьями, какъ русскими, такъ и иностранными, пригодными для его цѣлей. Но, что самое важное и цѣнное въ книгѣ, это выдержки изъ документовъ въ которыхъ заграничныхъ архивовъ, въ которые авторъ нашелъ доступъ. Такъ онъ работалъ въ парижскомъ «Dépot des affaires étrangères», въ Берлинѣ въ Geheime Staatsarchiv, въ вѣнскомъ Staatsarchiv, въ шарлоттенбургскомъ архивѣ. Для описанія пребыванія Николая Павловича, въ бытность его великимъ княземъ, за границей, профессоръ Шиманъ пользовался современными газетами, вѣмецкими, французскими и англійскими.

По богатству сообщаемыхъ свѣдѣній, по умѣлой ихъ группировкѣ, по простотѣ и ясности изложенія книга профессора Шимана, безъ сомнѣнія, явится однимъ изъ лучшихъ пособій для изученія этой эпохи.

Въ заключеніе отмѣтимъ отношеніе книги Шимана къ другой капитальной работѣ на ту же тему: къ извѣстному труду генерала Шильдера. У обоихъ авторовъ совершенно различное построеніе книги. У Шильдера Николай Павловичъ стоитъ въ центрѣ повѣствованія, всѣ событія сводятся къ нему. Это скорѣе обширная біографія императора Николая I, чѣмъ исторія его времени.

У Шимана, наоборотъ, Николай Павловичъ оказывается, такъ сказать, на вершинѣ событій, при немъ разыгравшихся, и главное вниманіе историка устремлено на страну, а не на ея императора. Оттого и историческая панорама становится обширнѣе.

А. В.

Е. И. Вишняковъ и В. И. Пичета. Очерки русской исторіи, съ рисунками и картами въ текстѣ. Москва. 1908. 267 стр. 1 р. 50 к.

Настоящая книга, по словамъ составителей, представляетъ собой попытку дать такое пособіе по русской исторіи, которое могло бы удовлетворить лицъ, уже усвоившихъ первоначальныя свѣдѣнія по исторіи изъ учебниковъ, но не имѣющихъ еще навыка и достаточной подготовки для изученія университетскихъ курсовъ и большихъ специальныхъ работъ. Въ «Очеркахъ» авторы, не стремясь изложить въ достаточной полнотѣ фактическій матеріалъ, своей первой задачей считали выясненіе той связи, какая существуетъ между экономическимъ строемъ Россіи въ различные періоды ея исторіи и ея социальнымъ, политическимъ и культурнымъ бытомъ.

Если съ этой точки зрѣнія подойти къ книгѣ и имѣть въ виду ея общую конструкцію, то слѣдуетъ отмѣтить, что «Очерки», безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ разрѣшаютъ задачу, поставленную ими. Составители «Очерковъ» стараются найти общій смыслъ событій, привести въ систему и объяснить отрывочный матеріалъ, усвоиваемый изъ учебниковъ, а также добавить его свѣдѣніями изъ внутренней исторіи; внѣшнихъ событій, войнъ здѣсь почти нѣтъ, больше — внутренняя исторія: экономика, общественныя отношенія и государственныя учрежденія.

Однако для правильной оцѣнки книги нужно имѣть въ виду слѣдующее. Въ ея изложеніи нерѣдко чувствуется пристрастіе къ трафаретамъ и недостаетъ объективности. Такъ, напримѣръ, положеніе сельскаго населенія во всей книгѣ изображается довольно одинаково: начиная съ глубокой древности и кончая послѣднимъ вѣкомъ, по указаніямъ «Очерковъ», положеніе крестьянъ было тяжелое, налоги и поборы постоянно возрастали, крестьяне «стонали подъ игомъ оброковъ», бѣднѣли, разорялись и т. д. Благодаря такому изображенію, теряется историческая перспектива и разнохарактерная картина прошлаго принимаетъ однообразный, безцвѣтный видъ.

Также слѣдуетъ отмѣтить въ «Очеркахъ» недостатокъ объективности. Встрѣчаются, напримѣръ, такія фразы: «Доходы государства росли по мѣрѣ спаванія народа» (185); «св. синодъ былъ «игрушкой въ рукахъ оберъ-прокурора»; «грабежи со стороны высшей и низшей администраціи нисколько не уменьшились» (173). Думается, такіе вынады въ книгѣ историческаго содержания совершенно излишни.

Отмѣтимъ нѣкоторыя неточности и ошибочныя указанія, которыя, вообще говоря, нерѣдки въ этой книгѣ. Напримѣръ, о закупкахъ въ «Очеркахъ» говорится въ трехъ мѣстахъ, и въ каждомъ по разному: въ одномъ закупъ—это «наймитъ» (32), въ другомъ—это крестьянинъ, взявшій у собственника земли «заемъ» натурой или деньгами (47), въ третьемъ—закупомъ становился земледѣлецъ, «закладывая» свой трудъ въ обезпеченіе занятаго капитала (69). Видимо, авторъ то колеблется между двумя существующими въ литературѣ взглядами на природу закупничества (въ основѣ закупничества, по Сергѣевичу, лежалъ договоръ личнаго найма, по Неволину и Чичерину—заемъ, соединенный съ личнымъ закладомъ (см. Сборникъ статей, посвященный М. Ф. В.-Буданову, ст. Ясинскаго, 432 и сл.), то механически соединяетъ эти два различныя мнѣнія, не отдавая себѣ въ нихъ отчета. О подушной подати владѣльческихъ крестьянъ сообщается, что они «платили 74 коп.», «въ теченіе же вѣка размѣръ подати поднялся до рубля» (184). 74 коп. съ владѣльческихъ крестьянъ вималось только въ одномъ 1724 г., а размѣръ постоянной подушной подати опредѣлялся въ 70 коп., и онъ поднялся до 1 руб. не «въ теченіе вѣка», а въ концѣ его, именно въ 1794 г., когда вмѣсто 70 коп. стали вимать 1 руб. (Н. Д. Чечулинъ, «Очерки по исторіи русскихъ финансовъ», 123).

Если имѣть въ виду нашу бѣдность въ популярныя книгахъ для чтенія, въ особенности такихъ, которыя охватывали бы весь историческій процессъ, то, конечно, и указаные «очерки» могутъ сослужить свою службу въ дѣлѣ ознакомленія и популяризаціи историческихъ свѣдѣній о Россіи. **М. К.—вѣ.**

Дневникъ Марины Мнишекъ. Русскій переводъ съ предисловіемъ Андрея Титова. Москва 1908. Стр. 59.

Во второмъ томѣ извѣстнаго сборника Устрялова «Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ» напечатанъ переводъ двухъ польскихъ рукописей, которыя Устряловъ считаетъ дневниками двухъ поляковъ, бывшихъ въ свитѣ Олесьницкаго и Гонсѣвскаго. Первый дневникъ оканчивается 15 іюня 1606 года, второй доведенъ нѣсколько дальше, до января 1607 г., между тѣмъ какъ въ его заглавіи прямо сказано, что въ немъ содержится описаніе событій съ 1605 по 1609 годъ. Такимъ образомъ, въ рукописи, которою пользовался Устряловъ, не хватало нѣсколькихъ послѣднихъ страницъ.

Эти листки, считавшіеся окончательно утерянными, удалось теперь найти г. Титову. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Краковъ онъ, при содѣйствіи заведующаго музеемъ Чарторыйскаго доктора Соколовскаго, нашель и списалъ двѣ польскія рукописи, изъ которыхъ одна оказалась дословной съ текстомъ, напечатаннымъ Устряловымъ, съ тою только разницею, что повѣствованіе въ ней доведено до февраля 1609 года.

На этой рукописи имѣется отмѣтка, гласящая, что авторомъ ея былъ Авраамъ Рожнятовской, одинъ изъ приближенныхъ сандмирскаго воеводы Юрія Мнишка. Замѣтка эта сдѣлана, по свидѣтельству г. Титова, нѣкимъ Лукою Голембѣвскимъ, который въ началѣ прошлаго столѣтія былъ смотрителемъ Пулавской бібліотеки князя Адама Чарторыйскаго и, видимо, переписывалъ найденную г. Титовымъ рукопись съ другой, болѣе древней и до насъ не дошедшей.

Такимъ образомъ, мы теперь имѣемъ дневникъ въ полномъ видѣ. Содержаніе второй вновь найденной его половины составляютъ вѣсти и слухи, которые доходили до сидѣвшихъ въ плѣну въ Ярославлѣ поляковъ, въ числѣ которыхъ былъ и авторъ записокъ, и описаніе ихъ пути изъ Ярославля къ Калугѣ, оттуда въ Рославль и въ предѣлы Польши. Переходомъ русскопольской границы и заканчивается разсказъ, приписываемый Рожнятовскому.

Изданный г. Титовымъ переводъ его рукописи украшенъ для наглядности портретами Дмитрія Самозванца, Марины Мнишекъ и двумя свивками съ стариннаго посольскаго дворца въ Москвѣ и съ такъ называемой бапни Марины Мнишекъ въ Коломнѣ.

А. В.

Н. Н. Блиновъ. Сарпулъ и среднее Прикамье. Былое и современное. Очерки съ рисунками. 1908.

Книжку г. Блинова съ интересомъ прочтутъ не только мѣстные жители, но и всѣ интересующіеся нашею провинціею. Въ жизни уѣзнаго городка отражается, «какъ въ малой каплѣ водѣ», общественная жизнь всего государства. Проявленія и слѣдствія тѣхъ или иныхъ реформъ, тѣхъ или другихъ общественныхъ теченій здѣсь виднѣе, нагляднѣе и легче поддаются учету. И для историка, и для публициста одинаково важно почаще заглядывать въ эти «малыя капли».

Сарапуль—одинъ изъ небольшихъ центровъ сапожнаго дѣла, полуфабричнаго, полукустарнаго. Тысячи рабочихъ живутъ здѣсь этимъ промысломъ. Въ очеркѣ г. Блинова мы видимъ живую картину того, какъ и почему колебалась за послѣднее полустолѣтїе заработная плата, то возрастаая, то опускааясь; какой эффектъ получался отъ промышленнаго кризиса, отъ улучшенїя въ технику производства, отъ забастовокъ недавнихъ лѣтъ. Послѣднїя, какъ оказывается, вызвавъ краткосрочное повышенїе рабочей платы на 15 процентовъ, окончились ничѣмъ. Въ конечномъ результатѣ «верхъ взяли хозяева: послѣдовало сокращенїе работы и пониженїе цѣнъ за нее» (стр. 90).

Какъ знаменїе времени, мы встрѣчаемъ и въ захолустномъ Сарапулѣ своего рода трестъ—«товарищество» трехъ крупныхъ фирмъ по изготовленїю обуви. Другое знаменїе времени: среди рабочихъ «чувствуется недовольство жизнью; однако не замѣтно попытокъ къ изысканїю правильного пути для улучшенїя экономическаго положенїя» (стр. 92).

Весьма поучительна статистика выпивки. Оказывается, что жители богоспасаемаго Сарапула расходуютъ ежегодно на «казенную слезу» болѣе десяти рублей на каждого человѣка, включая и грудныхъ младенцевъ! Да столько же если не больше, выпивается пива. Двѣнадцать человѣкъ ежегодно находятъ въ винѣ свою смерть. Небезынтересны наблюденїя автора по вопросу о влїянїи на усиленїе пьянства раздробительной продажи вина. «Самая предательская посуда—сороковка; это наиболѣе соблазнительная, вредная мѣрка», которую распиваютъ всегда въ компанїи. Сотки и двухсотки, сравнительно съ сороковкой,—невинность. «Мерзавчикъ» берутъ нищїе и «бывшіе люди», которымъ удалось собрать менѣе 10 копеекъ. На сотку отдѣляется! отъ заработка «трудовикъ», и выпиваетъ ее, уединившись отъ другихъ». Не даромъ же сороковка и самая ходкая посуда: въ одной Вятской губернїи ихъ расходуется въ годъ болѣе 18 милліоновъ.

Мы привели два-три случайныхъ примѣра въ доказательство того, что умѣлое и добросовѣстное описанїе городка весьма поучительно и для публицистовъ, и для общественныхъ дѣятелей. Историкъ найдетъ въ книжкѣ г. Блинова подобныя же яркія и характерныя иллюстраціи къ быту прошлаго. Исторїя города и края изложена авторомъ сжато, но весьма основательно и научно. Имя автора ручается за полную достовѣрность всего содержанїя книжки.

Отмѣтимъ еще имѣющїе общїй интересъ очерки «Кавалеристъ-дѣвица» (Н. А. Дурова) и «Картофельный бунтъ». Дж. Зеленинъ.

Матерїалы по масонству въ Россїи. Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. 1908. Цѣна 2 руб.

Для исторїи масонства въ Россїи, конечно, важенъ каждый вновь появляющїйся въ печати масонскїй документъ. Съ этой точки зрѣнїя небольшая книжка, изданная г. Романченко и содержащая обрядъ принятїя въ мастера, должна быть отмѣчена библиографїею съ признательностью, тѣмъ болѣе, что весь ритуальъ напечатанъ съ сохраненїемъ внѣшности и даже ореографїи

подлинника и вполне замѣняетъ для пользованія оригиналь. Однако очень жаль, что книжка не снабжена комментаріями и, содержа документъ третьей масонской степени, составляетъ только очень маленькую часть обширнаго масонскаго ритуала. На стр. 7 помѣщенъ рисунокъ масонскаго ковра мастерской степени; подробное объясненіе символовъ подобнаго ковра мною напечатано въ журналѣ «Море» (1907, № 13—14); у г. Романченко означено на этомъ рисункѣ: «планъ устройства мастерской ложи» вмѣсто: рисунокъ мастерскаго ковра; вѣроятно, эта ошибка имѣется въ подлинникѣ. Мастерская степень была, если можно такъ выразиться, первою мистическою степенью, здѣсь впервые вплеталось мистическое ученіе въ масонство, и въ инструкціяхъ, даваемыхъ управляющимъ мастерамъ, то есть предѣтелямъ ложъ, строго запрещалось въ первыхъ двухъ степеняхъ касаться мистическихъ вопросовъ; символомъ третьей степени были смерть и разрушеніе; въ степени мастера масонъ долженъ былъ приучаться взирать на смерть, какъ на желанное обновленіе и переходъ къ лучшему, духовному существованію; поэтому на мастерскомъ коврѣ изображался гробъ, который, впрочемъ, знаменовалъ еще вѣрность долгу, хотя бы эта вѣрность стоила жизни.

Отъ души желаю скорѣйшаго выхода послѣдующихъ масонскихъ матеріаловъ изъ архива Н. Ф. Романченко въ такомъ же изящномъ изданіи, какъ и разбираемая мною книжка.

Тира Соколовская.

Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Ч. I. 1908. Съ большою панорамой Портъ-Артура и 35 отдѣльными таблицами рисунковъ. Цѣна 5 руб.

Завѣса, которая все еще скрываетъ отъ русскаго читателя подробности портъ-артурской эпопеи, должна быть отдернута. Но этому мѣшаетъ отсутствіе архивныхъ документовъ. Постепенно эти документы появляются то въ одномъ, то въ другомъ печатномъ трудѣ. Большую долю пользы долженъ въ этомъ отношеніи принести выходящій въ свѣтъ стенографическій отчетъ портъ-артурскаго процесса. Но до полной исторіи обороны еще далеко.

Въ настоящее время двумя портъ-артурцами, изъ которыхъ одинъ—офицеръ генеральнаго штаба, а другой—военный инженеръ, издана первая половина ихъ изслѣдованія объ этой оборонѣ. Это—первое русское серьезное изслѣдованіе борьбы за Портъ-Артуръ, почему и признано полезнымъ помѣстить о немъ настоящую библиографическую замѣтку.

Недостатокъ документовъ, а быть можетъ скромность авторовъ, помѣшали полнотѣ изслѣдованія, и нѣкоторые интересные моменты освѣщены слабо. Такъ, не отгѣнена и не разоблачена роковая ночь 27 января. Но нельзя предъявлять чрезмѣрныхъ требованій къ авторамъ, у которыхъ не было матеріала. Недостатокъ же документовъ замѣнять досужими сплетнями было бы по меньшей мѣрѣ рискованно. Жаль также, что авторы не дѣлаютъ ссылокъ на посторонніе источники, что позволило бы выдѣлить ихъ собственные выводы и матеріалы, впервые ими сообщаемые. Въ общемъ же книга составлена очень

толково и вдумчиво и хотя порою сбивается на сухой специальный трактатъ, однако представляетъ значительный интересъ для читателя-неспециалиста.

Подробно останавливаясь на состояніи крѣпости до войны, авторы переходятъ затѣмъ къ послѣдовательному изложенію военныхъ событій вплоть до 17 іюля, когда войска вошли подъ верки крѣпости. Послѣдующія событія составляютъ предметъ изложенія второй части. Много помогаютъ интересу книги литературный языкъ и полная объективность заключеній. Это послѣднее обстоятельство въ особенности слѣдуетъ поставить въ заслугу авторамъ, которые въ своей книгѣ остались совершенно внѣ несчастныхъ артурскихъ партій.

Книга издана великолѣпно, и съ внѣшней стороны не заслуживаетъ никакого упрека. Желательно, чтобы во второй части этого хорошаго и полезнаго изслѣдованія появился библиографическій указатель литературы о Портъ-Артурѣ.

Мих. Соколовскій.

Е. Вѣтринскій. Герценъ. Библиотека «Свѣточа», подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1908.

Изученіе жизни и дѣятельности Герцена, имя котораго много лѣтъ было подъ цензурнымъ запретомъ, началось лишь очень недавно. Отъ этого не столько потерялъ Герценъ, всегда живой, свѣжій, интересный и волнующій, сколько потеряло русское общество. Эту потерю оцѣнилъ Левъ Толстой въ одномъ изъ писемъ 1888 г. къ художнику Ге: «наша жизнь русская за послѣднія двадцать лѣтъ была бы не та, если бъ этотъ писатель не былъ скрытъ отъ молодого поколѣнія. Изъ организма русскаго общества вывуть насильственно очень важный органъ». Но въ тѣхъ руководящихъ кругахъ, отъ которыхъ зависѣло амнистировать имя Герцена и дать ему право гражданства въ литературѣ и публицистикѣ, оно было окружено «мистическимъ ужасомъ», и лишь очень недавно покойному Ф. Ѳ. Павленкову удалось добиться позволенія выпустить въ Россіи собраніе сочиненій Герцена, да и то далеко не полное, изрѣзанное, порядкомъ обезкровленное. Между тѣмъ — правъ Толстой — будь Герценъ доступнѣе русскому читателю, его умное, трезвое слово сыграло бы благодѣтельную роль въ недавнихъ роковыхъ событіяхъ нашей общественной жизни, въ которой многое, можетъ быть, благодаря ему сложилось бы иначе. На его знамени была начертана вѣра въ разумъ и науку. «Дикіе призывы къ тому, чтобы закрыть книги, — писалъ онъ, — оставятъ науку и итти на какой-то бессмысленный бой разрушенія, принадлежатъ къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной... Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей. Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неуставная...» Эти краткія слова выражаютъ смыслъ всего, что писалъ и дѣлалъ Герценъ, и больно думать, что русскому обществу столько лѣтъ зажимали уши, не давая слушать проповѣдь, которая такъ нужна Россіи. Но при этомъ Герцена все-таки больше читали и даже

любили, чѣмъ цѣнили и понимали, и долго былъ онъ въ глазахъ однихъ клячемъ-постепеновцемъ и даже реакціонеромъ, въ глазахъ другихъ—опаснымъ бунтаремъ и зажигателемъ. Со дня его смерти Россія много переживала и пережила, и уже близко время, когда Герценъ войдетъ въ народъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Герценъ не могъ бы сказать о себѣ, надобно Некрасову: «миѣ борьба мѣшала быть поэтомъ, пѣсни миѣ мѣшали быть бойцомъ», — въ немъ талантъ поэта, котораго можно поставить рядомъ съ Тургеневымъ, и пламенный темпераментъ борца слились вмѣстѣ, гармонически дополняя другъ друга.

О Герценѣ написано немало. Е. Вѣтринскій, издавшій первую крупную монографію, посвященную этому писателю, взялъ на себя работу прежде всего исключительной технической трудности. Сознвая эту сторону дѣла, авторъ книги листовъ въ тридцать считаетъ нужнымъ замѣтить: «болѣе полная разработка біографическихъ данныхъ и всесторонняя научная оцѣнка общественно-историческаго и литературнаго значенія Герцена пока еще впереди... Переписка заграничнаго періода его жизни извѣстна далеко не сполна. Очень многое остается все еще совершенно не приведеннымъ въ извѣстность. Большая часть этой работы можетъ быть выполнена только за границей, такъ какъ въ лучшихъ нашихъ книгохранилищахъ нельзя найти многихъ книгъ, газетъ и журналовъ, гдѣ разсѣяны детали для исчерпывающей біографіи Герцена, критическія и полемическія статьи и замѣтки и т. п. Для полноты пониманія и изученія Герцена необходимо, наконецъ, прежде всего полное собраніе его сочиненій, какъ русскихъ, такъ и написанныхъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, изданіе критическое; необходимо и полное по возможности собраніе его переписки». Извѣстно, что даже «Былое и Думы» изданы не цѣликомъ, и одной главѣ, посвященной семейной драмѣ Герцена, суждено появиться еще очень не скоро. Но независимо отъ этихъ условий, которымъ необходимо долженъ былъ подчиниться авторъ, самый взыскательный читатель не сможетъ не признать, что Вѣтринскій прекрасно справился со своей задачей и вѣрно, исторически и психологически правдиво разсказалъ красивую, красочную жизнь своего героя. Правда, книга не отличается глубиной проникновенія въ этотъ сложный умъ и характеръ, но этого нельзя вмѣнить въ вину автору популярной книги, притомъ книгѣ о писателѣ, которому еще далеко не подведенъ окончательный итогъ, о которомъ до сихъ поръ не замолкли споры, кто онъ былъ, — богоискатель или холодный атеистъ, космополитическій социалистъ или славянофилъ, — споры, лучше всего подтверждающіе жизненность Герцена. Нельзя не замѣтить, что авторъ былъ, по видимому, нѣсколько подавленъ богатствомъ матеріала; это сказывается въ обилии цитатъ, отъ большинства которыхъ, правда, трудно было бы отказаться. Къ тому же біографія Герцена имѣетъ сильную соперницу въ его автобіографіи, составившейся изъ всего, что написалъ о себѣ Герценъ, не говоря о «Быломъ и Думахъ». Болѣе самостоятеленъ г. Вѣтринскій въ разсказѣ о послѣднемъ десятилѣтніи жизни Герцена, гдѣ не такъ уже доминируетъ этотъ автобіографическій матеріалъ. Изложеніе вполне объективно и ведется въ благородномъ, мы сказали бы — виѣпартійно-прогрессивномъ, тонѣ. Книга

г. Вѣтринскаго очень пригодится рядовому читателю, будетъ настольной у специалиста-ислѣдователя, который не только найдетъ въ ней при случаѣ нужную справку, но даже, пожалуй, воспользуется кое-чѣмъ какъ отправнымъ пунктомъ для новой, углубленной работы.

Въ книгѣ очень мало ссылокъ, но зато къ ней приложенъ библиографическій указатель сочиненій Герцена и литературы о немъ, прекрасно составленный А. Г. Фоминымъ. На исчерывающую полноту этотъ первый списокъ, конечно, претендовать не можетъ, но, занимая болѣе трехъ листовъ довольно мелкой печати, онъ относительно полонъ. Что касается до русской библиографіи, то въ ней едва ли могутъ быть серьезные, не мелочные пробѣлы, такъ какъ составитель пользовался указаніями издателя книги С. А. Венгерова. Біографія иллюстрирована довольно щедро; въ нее вложено двадцать фототипій и автотипій. Два портрета Герцена (1842 г.), одинъ портретъ Бакунина, портреты матери, дочерей и сына Герцена воспроизведены впервые. Второй портретъ 1842 г., приложенный къ стр. 115, поражаетъ тѣмъ выраженіемъ глубокой мысли и грусти, которое выступаетъ на старческихъ изображеніяхъ Герцена, но еще яснѣе и рѣзче.

Н. Л.

Проф. Овсяннико-Куликовскій. Л. Н. Толстой. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія.

Спб. 1908. Стр. 160. Цѣна 60 к.

Проф. Овсяннико-Куликовскій давно уже занимается Л. Толстымъ. Ему принадлежит вышедшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ большая работа «Толстой, какъ художникъ», въ которой ислѣдователь подробно разсматриваетъ художественное творчество Л. Толстого, характеризуетъ его художественные приемы. Въ настоящей новой книгѣ рамки ислѣдованія расширены: авторъ ставитъ своей цѣлью подвести итоги дѣятельности Л. Толстого не только, какъ художника, но и какъ мыслителя. По мнѣнію проф. Овсяннико-Куликовскаго, поставленная имъ задача не столь сложна и невыполнима, какъ это обыкновенно представляютъ. Положительные результаты чисто художественной дѣятельности Л. Толстого, на взглядъ ислѣдователя, благодаря строго послѣдовательному реализму творчества писателя и изумительному психологическому анализу, выдѣляются сами собой и сами же подсказываютъ критику свою оцѣнку. Что же касается образовъ, созданныхъ Л. Толстымъ, то въ истолкованіи ихъ проф. Овсяннико-Куликовскій также не видитъ для себя большой трудности, ссылаясь на то, что они отличаются рѣдкою въ художественной литературѣ ясностью и опредѣленностью. «Они, — замѣчаетъ ислѣдователь, — не ребусы, которые нужно сперва разгадать: они — не символы, допускающіе различныя толкованія: они — не аллегоріи, надъ которыми приходится ломать голову». Кромѣ этихъ двухъ обстоятельствъ, задача критика художественнаго творчества Л. Толстого, по мнѣнію проф. Овсяннико-Куликовскаго, облегчается еще тѣмъ, что образы писателя — не широки, не многозначны: они ограничены предѣлами эпохи, націи и класса, подъ самые широкіе

изъ нихъ подводится сравнительно небольшой кругъ явленій. Такимъ образомъ, отмѣчаетъ изслѣдователь, истолкованіе литературныхъ образовъ Л. Толстого не такъ трудно, какъ истолкованіе, напримѣръ, образовъ Шекспира, охватывающихъ огромную и разнообразную массу явленій. «Творчество великаго писателя земли русской,—говоритъ проф. Овсянко-Куликовскій,—по преимуществу интенсивно: оно идетъ не въ ширь всеобъемлющаго художественнаго захвата, а въ глубь психологическаго анализа и бытового реализма,—и вся задача изслѣдователя сводится въ данномъ случаѣ, т. е. въ дѣлѣ оцѣнки положительныхъ результатовъ художественной работы Л. Толстого, къ «измѣренію» (если можно такъ выразиться) не художественной широты, а художественной глубины, къ выясненію пріемовъ, характера, силы и мірового значенія Л. Толстого, какъ художника-психолога и реалиста».

Если, такимъ образомъ, оцѣнка Л. Толстого, какъ художника, по мнѣнію проф. Овсянко-Куликовскаго, не представляетъ особенной трудности и сложности, то и оцѣнку Л. Толстого, какъ мыслителя, изслѣдователь не считаетъ особенно трудной, такъ какъ и здѣсь, подобно тому, какъ въ области художественнаго творчества, Л. Толстой идетъ не въ ширь, а въ глубь.

Такъ думаетъ проф. Овсянко-Куликовскій. Нужно согласиться съ нимъ, что Л. Толстой дѣйствительно вездѣ идетъ болѣе въ глубь, чѣмъ въ ширь, но почему, благодаря этому, дѣлается менѣе сложной и трудной оцѣнка Л. Толстого какъ художника и мыслителя, намъ представляется совершенно непонятнымъ. Проф. Овсянко-Куликовскій называетъ Л. Толстого глубочайшимъ психологомъ въ искусствѣ. Вотъ это-то обстоятельство, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ очень труднымъ разсмотрѣніе и оцѣнку его литературныхъ образовъ, въ которыхъ психологическій элементъ занимаетъ столь видное мѣсто. Какъ мыслитель, Л. Толстой идетъ въ глубь, и, чтобы, на нашъ взглядъ, оцѣнить его идеи, нужно самому обладать въ большой степени способностью итти въ глубь, глубоко вдумываться въ факты и явленія. Въ виду этого намъ представляется оцѣнка Л. Толстого, какъ мыслителя, столь сложной и трудной задачей, что надъ ней будутъ работать нѣсколько поколѣній. Заявивъ, что характеристика и оцѣнка Л. Толстого, какъ художника и мыслителя, не представляетъ особенно большой трудности, проф. Овсянко-Куликовскій своей книгой доказалъ какъ разъ обратное. Авторъ—изслѣдователь вдумчивый, съ большой эрудиціей, онкій психологъ. И тѣмъ не менѣе онъ не справился съ поставленной имъ задачей, которая казалась ему не столь сложной, не справился именно оттого, что она слишкомъ сложна. Еще тамъ, гдѣ авторъ разсматриваетъ Л. Толстого, какъ художника, онъ болѣе или менѣе справился съ поставленной задачей, но во второй части книги, которая посвящена разсмотрѣнію Л. Толстого, какъ мыслителя, обнаружилась вся величайшая трудность поставленной задачи. Изслѣдователь не вскрылъ въ достаточной степени міросозерцанія Л. Толстого, не далъ его идеямъ той широкой оцѣнки, которая представлялась автору не столь сложной, какъ это считаютъ. Но если проф. Овсянко-Куликовскій не можетъ претендовать на то, что онъ окончательно оцѣнилъ Л. Толстого, какъ художника и мыслителя, что онъ подвелъ итоги его дѣятельности, то не подлежатъ сомнѣнію, что книга изслѣдователя цѣнный вкладъ въ изуче-

ніе великаго писателя и мудреца: авторъ высказалъ рядъ цѣнныхъ и оригинальныхъ взглядовъ на отдѣльные вопросы, связанные съ характеристикой и оцѣнкой художественнаго творчества и міросозерцанія Л. Толстого, изслѣдователь, если и не охватилъ Л. Толстого въ цѣломъ, то далъ рядъ мыслей, которыя, безъ сомнѣнія, войдутъ въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій дѣятельности и идей Л. Толстого. Отмѣтимъ то, что, по нашему мнѣнію, наиболѣе заслуживаетъ вниманія въ книгѣ проф. Овсяннико-Куликовскаго по своему интересу или цѣнности. Весьма интересно, напримѣръ, сравненіе Л. Толстого, какъ художника, съ Гомеромъ и Шекспиромъ. На взглядъ изслѣдователя, несмотря на обиліе эпическихъ элементовъ въ творествѣ Л. Толстого, несмотря на то, что онъ создалъ въ «Войнѣ и Мирѣ» прекрасную эпопею, — Л. Толстой, какъ художникъ, — не Гомеръ: въ произведеніяхъ Л. Толстого вездѣ ярко выступаютъ личность писателя, его симпатіи, его воззрѣнія, эпопея Л. Толстого обращается въ психологическій романъ. Что касается Шекспира, то, по мнѣнію проф. Овсяннико-Куликовскаго, хотя Л. Толстой — громадный художественный талантъ, но онъ не возвысился до Шекспира: Л. Толстой обладаетъ въ сильной степени способностью анализа, но не обладаетъ даромъ художественнаго синтеза, что такъ гармонично соединяется у Шекспира. На очень подробномъ и обстоятельномъ разсмотрѣніи «Войны и Мира» изслѣдователь выясняетъ особенности художественнаго творчества Л. Толстого. Главнѣйшей характернѣйшею для Л. Толстого этой особенностью проф. Овсяннико-Куликовскій вполне справедливо считаетъ игнорированіе красоты изображенія и стремленіе къ художественному истолкованію и психологическому анализу явленій. Разсматривая «Войну и Миръ», авторъ даетъ интересное сравненіе князя Болконскаго и Пьера Безухова. Это сравненіе интересно оттого, что авторъ смотритъ на эти два литературные образа съ той точки зрѣнія, на которую обращали у насъ мало вниманія. А именно: изслѣдователь старается установить, насколько князь Болконскій и Пьеръ Безухій отражаютъ общественныя настроенія и психологію современной имъ эпохи, иначе говоря, насколько цѣнны эти образы, какъ матеріалъ для исторіи русскаго общества. Авторъ считаетъ «Войну и Миръ» — цѣннымъ матеріаломъ для исторіи духовной жизни русскаго передоваго общества царствованія Александра I: какъ художественно-психологическое изслѣдованіе, «Война и Миръ» дополняетъ и освящаетъ то, что говорятъ подлинныя документы эпохи, какъ художественныя въ родѣ «Горе отъ ума», «Евгенія Онѣгина», такъ и мемуары, письма и т. п. Довольно удачно проф. Овсяннико-Куликовскій вскрываетъ основную сущность душевнаго склада Л. Толстого. Изслѣдователь указываетъ, что въ духовной природѣ Л. Толстого ярко выступаетъ психологическій эгоцентризмъ, понимая подъ этимъ такое явленіе, когда въ психической средѣ человѣка индивидуальное «я» имѣетъ большой удѣльный вѣсъ, становится психическимъ центромъ, вокругъ котораго вращаются все его помыслы, чувства, идеи, когда въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни выдвигаются двѣ точки — собственная личность и все окружающее, когда міросозерцаніе складывается въ такія формулы: «я и человѣчество», «я и Богъ», «я и другіе люди», и т. д. Намъ кажется эта мысль заслуживающей большого вниманія. Очень вѣрна также

мысль проф. Овсяннико-Куликовского, что Л. Толстой отъ природы склоненъ къ религіозно-моральнымъ исканіямъ и творчеству. Весьма часто, въ подавляющихъ случаяхъ высказывается взглядъ, что Л. Толстой, оставивъ путь чисто-художественнаго творчества и отдавшись разрѣшенію философскихъ и религіозныхъ вопросовъ, пошелъ противъ своей природы, вдался въ такую область, которая несвойственна его духовнымъ наклонностямъ, что призваніе Л. Толстого—художественное творчество, а не философія. Проф. Овсяннико-Куликовскій весьма убѣдительно доказываетъ ошибочность этого распространеннаго взгляда, показывая, что Л. Толстой родился съ несомнѣннымъ призваніемъ къ дѣятельности религіознаго реформатора и къ моральному творчеству. Такимъ образомъ, у Л. Толстого изслѣдователь видитъ соединеніе психологическаго эгоцентризма натуры, призваніе къ религіозно-моральному творчеству и художественную гениальность. Нельзя не согласиться съ той мыслью автора, что, надѣливъ Л. Толстого призваніемъ къ религіозному реформаторству, природа не одарила его соответствующими такому призванію силами и талантомъ, давъ ему лишь даръ гениальнаго психолога и реалиста.

Мы отмѣтили лишь наиболѣе интересныя и цѣнныя мысли проф. Овсяннико-Куликовского, мимо которыхъ нельзя пройти при изученіи Л. Толстого. Этотъ перечень всего интереснаго и цѣннаго въ книгѣ можетъ быть продолженъ и дальше. Вотъ въ этомъ-то интересѣ и цѣнности отдѣльныхъ мыслей автора и заключается значеніе его книги, въ цѣломъ же она не можетъ претендовать на то, что оцѣнила во всемъ ихъ объемѣ идеи Л. Толстого, подвела итоги его дѣятельности, правда, итоги есть, и нѣкоторые вѣрные, но далеко не окончательные. Л. Толстой послѣ изслѣдованія проф. Овсяннико-Куликовского сдѣлался яснѣе, но все еще нужна долгая работа, чтобы онъ сдѣлался совершенно яснымъ, чтобы оцѣнить его идеи, его проповѣдь, его учительское слово.

А. Фоминъ.

Антонъ Крайній (З. Гиппиусъ). Литературный дневникъ. 1899—1907). Спб. 1908. 453 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Г-жа Гиппиусъ принадлежитъ къ числу нашихъ лучшихъ поэтовъ, прозаиковъ и критиковъ-мыслителей (въ отличіе отъ общераспространеннаго типа критиковъ-рецензентовъ, коллежскихъ регистраторовъ-отъ-литературы). Критикъ въ ней беретъ верхъ и надъ стихотворцемъ, и беллетристомъ, и своеобразныя, изящно-капризныя, но всегда горячія и талантливыя статьи Антона Крайняго, появлявшіяся въ «Новомъ Пути», «Вопросахъ Жизни» «Вѣсахъ», заставляли говорить о себѣ и долго не забывались Это яркое, свободное дарованіе, войдя въ литературу, сумѣло завоевать себѣ положеніе безъ приписки къ тому или иному газетно-журнальному участку. «Литература, журналистика, литераторы,—говоритъ съ добродушной ироніей Антонъ Крайній, — у насъ тщательно раздѣлены надвое и завязаны въ два мѣшка, на одномъ написано «консерваторы», на другомъ—«либералы». Чуть журналистъ раскроетъ ротъ, онъ ужъ непременно оказывается въ котломъ-нибудь мѣшкѣ. Есть и такіе,

которые вольно лѣзутъ въ мѣшокъ, и чувствуютъ себя тамъ прекрасно, спокойно». Антонъ Крайній слишкомъ любитъ и цѣнить творческую свободу, чтобы лѣзть въ мѣшокъ, и только горячая любовь къ родной литературѣ можетъ продиктовать такія строки о царящей сегодня на литературной улицѣ хаотической свистопляскѣ. «Жаль, жаль до боли всѣхъ, и русскихъ литераторовъ, и возможную русскую литературу, и «косяки» молодыхъ, съ дѣтской жадностью кидающихся... уже не въ подиолье, а въ болото. Оно затянуто яркой травкой. А на днѣ—происходитъ страшная, отвратительная и смѣшная пляска: тамъ вѣнчаются, сочетаются, смѣшиваются невинное слово съ безобразнымъ дѣломъ, богоборчество съ кощунствомъ, мифологія съ развратомъ, творчество съ плагиатомъ, возрожденіе съ варварствомъ, филологія съ физиологіей, экстазъ съ расчетомъ, искусство—съ проституціей... Страшно, и если страшно не послѣднимъ страхомъ, то лишь потому, что все это невыразимо скучно, да и пахнетъ ужъ очень обыкновенной скверностью. Даже не духомъ, а душкомъ небытія, мертвечиной. А Россія съ ея Пушкинными и Достоевскими, съ ея громадной, полуслѣпой пока трагичностью общественной—еще жива. Еще ой-ой какъ жива! Запоетъ пѣтухъ — и провалится болотное дно, уйдетъ въ послѣднюю темноту... Поскорѣ бы, однако, проваливалось. Идетъ—таки отъ него—иногда подъ-вечеръ заразительный смрадъ». Критика г-жи Гишпіусъ отличается широкимъ философскимъ захватомъ и, въ противоположность нашей журнальной, сплошь партійной критикѣ, не находится на службѣ у политики, что такъ не по плутру нашему интеллигентскому варварству, а поклоняется инымъ, высшимъ цѣнностямъ. У Гишпіусъ есть нѣчто даже большее, чѣмъ міросозерцаніе, — это неустанное, безпокойное исканіе. Для нея литература—не механическое отраженіе тѣхъ или иныхъ историческихъ теченій, а вѣчная борьба духа, ищущаго идеала. Стоя внѣ партій и во многихъ отношеніяхъ надъ партіями, этотъ человекъ, разумѣется, никому «угодить» не можетъ. Наши доморощенные «позитивисты» не выносятъ «клерикализма» г-жи Гишпіусъ; «краснымъ» противна «реакціонность» критика, который не валяется въ ногахъ у Горькаго и Андреева, а смѣетъ свое сужденіе имѣть; а заправскимъ реакціонерамъ и клерикаламъ Гишпіусъ и совѣмъ въ товарищи не годится. Такъ и остается она почти одна или среди очень немногихъ. Но рѣдко кому удалось такъ мѣтко и вѣрно зафиксировать душу послѣдняго десятилѣтія, и въ этомъ смыслѣ книга г-жи Гишпіусъ не только «литературный дневникъ» даннаго писателя, но выраженіе духа цѣлаго десятка лѣтъ литературы, когда все русское умственное движеніе, не то обманчивое, вышшее, во главѣ котораго идутъ Андреевы и Горькіе, а глубокое, внутреннее, ясно поставило себѣ роковой вопросъ, который можно высказать словами Гишпіусъ: «Мы Бога хотимъ, мы Бога любимъ, намъ надо Бога. Но и жить мы любимъ,—значитъ и жить намъ надо. Какъ же намъ жить?» Русь стоитъ теперь у рѣшенія этого вопроса такъ близко, какъ никогда еще, — и лишь въ нашу эпоху онъ раздался съ такой жгучей настойчивостью. Книга Гишпіусъ полна этой жгучести.

Л.

**И. С. Тургеневъ для дѣтей. Подъ редакціей Н. Котляревскаго.
Стр. XXIII+298. Спб. 1908. Цѣна 90 к.**

Въ сочиненіяхъ большихъ художниковъ русскаго слова заключается прекрасный воспитательный элементъ: они даютъ здоровую пищу для ума, приучаютъ внимательно вдумываться въ жизнь, въ ея явленія, сочувствовать всему возвышенному, уважать и любить все высокое и въ то же время развиваютъ художественный вкусъ, эстетическое чутье. Въ этомъ воспитательномъ отношеніи сочиненія большихъ художниковъ слова стоятъ очень высоко надъ такъ называемой «дѣтской литературой», нехудожественной, развивающей въ дѣтяхъ сентиментальность, фантазію, направляющей симпатіи дѣтей совсѣмъ въ другую сторону, чѣмъ надо. Но, конечно, всё въ цѣломъ произведенія большихъ художниковъ непосильны ребенку, такъ какъ въ нихъ дается анализъ сложныхъ чувствъ, непонятныхъ ребенку, обрисовываются чуждыя ребенку душевныя переживанія, высказываются мысли, недоступныя дѣтскому пониманію. Поэтому большое значеніе имѣетъ составленіе сборниковъ такихъ произведеній крупныхъ русскихъ писателей, которыя доступны дѣтямъ. Въ виду всего сказаннаго, мы привѣтствуемъ книгу «И. С. Тургеневъ для дѣтей», представляющую сборникъ доступныхъ ребенку произведеній Тургенева, въ сочиненіяхъ котораго такъ много прекраснаго воспитательнаго элемента. Редакторъ изданія профессоръ Н. А. Котляревскій съ успѣхомъ справился со своей задачей, обнаруживъ, что онъ не только хорошій ученый, но и хорошій педагогъ: подборъ произведеній Тургенева сдѣланъ удачно. Заслуживаетъ одобренія также и то обстоятельство, что произведенія даются цѣликомъ: отъ этого не нарушается художественная цѣлость.

Сборнику редакторъ предпослалъ небольшую характеристику творчества Тургенева, остановившись главнымъ образомъ на «Запискахъ охотника», такъ какъ большинство рассказовъ сборника взяты изъ этого цикла. Яснымъ и простымъ языкомъ профессоръ Котляревскій знакомитъ дѣтей съ Тургеневымъ, съ характерной особенностью его творчества, ярко и опредѣленно уже проявившейся въ «Запискахъ охотника». Авторъ сумѣлъ прекрасно разъяснить дѣтямъ общественное значеніе «Записокъ», и вступительная статья является хорошимъ введеніемъ къ сборнику, которое приведетъ ребенка къ тому, что онъ сознательно отнесется къ прочитанному, лучше пойметъ его цѣнность.

Мы горячо желаемъ, чтобы этотъ сборникъ твореній крупнаго художника-гуманиста какъ можно шире проникъ въ семью и школу: сочиненія Тургенева самымъ благотворнымъ образомъ повліяютъ на духовное развитіе ребенка, на направленіе его симпатій и нравственнаго чувства. Этотъ сборникъ будетъ первымъ шагомъ знакомства дѣтей съ Тургеневымъ, введетъ ребенка въ лабораторію творчества и идей писателя, послужитъ началомъ детальнаго ознакомленія съ его сочиненіями, дающими столько пищи для ума и чувства.

А. Ф.

В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы (отъ IX в. до конца XVII в.). Выпускъ первый. Спб. 1908. Стр. XIV+365.

Цѣна 1 р.

Бываютъ книги съ великолѣпной вывѣской, съ многообъщающими именами, интересными заглавіями, еще болѣе интересными подзаголовками, солидными цѣнами и т. д., но при чтеніи первыхъ же страницъ припоминается «гробъ повапленный» или нѣчто въ этомъ родѣ. Съ такими книгами часто приходится имѣть дѣло каждому рецензенту и возмущаться даже самому доброжелательному. И рѣдко бываютъ обратные примѣры: фамилія автора почти неизвѣстная, заглавіе по крайней мѣрѣ шаблонное, подзаголовокъ говорить о томъ, что книга его—учебникъ и т. д., но содержаніе таково, что рецензентъ въ правѣ отнести къ автору, какъ ко взрослому, и объ учебникѣ говорить, какъ о научной книгѣ. Къ такимъ рѣдкимъ исключеніямъ относится: «Краткій курсъ исторіи русской литературы» В. Келтуялы.

Кто имѣлъ подъ руками «Курсъ исторіи русской литературы» того же автора, вышедшій два года тому назадъ, тому нетрудно убѣдиться, что новая книга—сокращеніе прежней, конечно, переработанное и съ нѣкоторыми примѣненіями къ преподаванію. И все-таки она, этотъ «краткій курсъ», даетъ больше, чѣмъ бездарныя и малоосвѣдомленныя лекціи кое-кого изъ профессоровъ, умѣвшихъ продать ихъ крупной фирмѣ, украсить картинками и ввести въ заблужденіе нашу наивную публику, падкую на ученые званія, на фирмы и на рекламу... В. А. Келтуяла, учитель средней школы, стоитъ почти на высотѣ научныхъ знаній, просмотрѣлъ многія новыя изслѣдованія, прочиталъ большинство древнихъ текстовъ, имѣетъ ясное представленіе объ эволюціи литературныхъ теченій,—и только благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ могъ нарисовать слѣдующую картину, набросанную широкими мазками и правдивую, несмотря на большой масштабъ и нѣкоторую нашу боязнь къ такого рода обобщеніямъ. Древнерусская литература перваго періода была, по мнѣнію его, «отраженіемъ культуры, созданной государствомъ великаго воднаго пути». «Эта культура, — говоритъ онъ въ заключительной главѣ, — была продуктомъ творчества русской аристократіи и отчасти низшаго класса въ лицѣ городскихъ смердовъ. Древнерусское культурное творчество происходило въ условіяхъ славяно-русскаго быта (представлявшаго сочетаніе патріархально-родовыхъ чертъ съ чертами первобытнаго коммунизма), подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, съ которой русская аристократія вела мѣновую торговлю. Этимъ опредѣляются существенныя черты въ исторіи русской литературы перваго періода.

«Во-первыхъ, руководящая роль въ идейно-литературномъ творествѣ принадлежитъ аристократіи, свѣтской и духовной: она усваиваетъ византійско-болгарское міровоззрѣніе и его литературныя формы и кладетъ начало разработкѣ новаго національнаго міровоззрѣнія на византійско-болгарской основѣ.

«Во-вторыхъ, важную роль сыграли въ идейно-литературномъ творествѣ городскіе смерды и ихъ сосредоточіе—аскетическій Кіево-Печерскій

монастырь. Между послѣднимъ и княжеско-дружинной средой происходитъ рядъ столкновений. Часть княжеско-дружинной среды становится на сторону Кіево-Печерскаго монастыря и даже входитъ въ его среду. Образуется просто-народно-аристократическая монашеская среда, приобретающая большой авторитетъ въ древнерусской жизни. Одна изъ княжескихъ линий, именно домъ Всеволода, относится съ большимъ уваженіемъ къ Кіево-Печерскому монастырю. Для второй половины XI в. и начала XII в. Кіево-Печерскій монастырь становится главнымъ центромъ идейно-литературнаго творчества. Здѣсь возникли такія выдающіяся произведенія, какъ «Начальный Кіевскій сводъ» и «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ которыхъ подведены итоги русскаго самосознанія за время съ IX в. и до начала второго десятилѣтія XII вѣка.

«Въ-третьихъ, къ началу XII в., при совмѣстномъ трудѣ представителей аристократіи и городскихъ смердовъ, окончательно вырабатывается новое национальное русское міровоззрѣніе съ византійско-болгарской основой. Оно становится достояніемъ передовой части аристократіи и отчасти городскихъ смердовъ.

«Въ-четвертыхъ, съ половины XII в. и до половины XIII в. происходитъ процессъ зарожденія мѣстныхъ литературъ. Изъ мѣстныхъ произведеній, кромѣ лѣтописей, наиболѣе замѣчательнымъ является кіевское произведеніе «Слово о полку Игоревѣ», въ которомъ выражено дохристіанское міровоззрѣніе, сохранившееся въ части княжеско-дружинной среды.

«Въ-пятыхъ, параллельно съ процессами, обозначенными въ предыдущихъ пунктахъ, шла выработка княжеско-дружиннаго эпоса. Часть этого эпоса вошла въ составъ «Начальнаго кіевскаго свода», «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и мѣстныхъ лѣтописей; другая часть сохранилась до настоящаго времени въ устной передачѣ среди крестьянъ».

Если искать схематичность во всякой формулировкѣ синтетическаго характера, то можно найти нѣкоторыя черты схемы и здѣсь: прежде всего до насъ дошли случайные памятники свѣтской литературы, а эта случайность можетъ ввести въ заблужденіе того, кто всюду желаетъ видѣть закономерность. Но мы до сихъ поръ не знали такой же попытки оглядѣть всю древнюю литературу и отыскать въ ней основные принципы. Вотъ почему вся книга г. Келтуялы, отличающаяся небывалой у насъ въ учебныхъ книгахъ ясностью, простотою, научностью и стройностью и служащая какъ бы иллюстраціей литературными фактами всего заключенія, приведеннаго выше, заслуживаетъ полнаго вниманія не только со стороны педагоговъ, но и всѣхъ, кто интересуется нашей древней литературой и кто считаетъ для себя необходимымъ знать о ней, по крайней мѣрѣ кто стыдится своего незнанія. А такихъ должно быть много. Теперь къ ихъ услугамъ дѣльная и интересно написанная книга. Она даетъ, повторяемъ, больше многихъ университетскихъ курсовъ не только съ точки зрѣнія массы фактовъ, но и значительно правдиваго освѣщенія ихъ на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ. А. Я.

М. Драгомировъ. Одиннадцать лѣтъ. 1895 — 1905 гг. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей за 1895 — 1905 гг. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. 1909. 1000 стр. Ц. 3 р.

Настоящій посмертный «Сборникъ» сочиненій М. И. Драгомирова заканчиваетъ собою его пятидесятилѣтнюю литературную дѣятельность. Статьи, помѣщенные въ «Сборникъ», уже были напечатаны въ разныхъ газетахъ и журналахъ и здѣсь сведены лишь въ одномъ изданіи, закрѣпляющемъ, такимъ образомъ, доселѣ разбросанный весьма цѣнный для военнаго человѣка матеріалъ. Не входя въ подробную оцѣнку содержимаго «Сборника», замѣтимъ лишь, что въ теченіе своей полувѣковой литературной дѣятельности Драгомировъ остался вѣренъ самому себѣ; взявъ основною темою для своихъ сочиненій воспитаніе войскъ, основанное на психологіи, на незыблемыхъ свойствахъ человеческого духа, Драгомировъ, обладавшій большою эрудиціею не только въ спеціально военномъ смыслѣ, но и въ философскомъ, основательно разработалъ свою тему и уяснилъ руководящія идеи въ дѣлѣ воспитанія войскъ. Мысли его по этому дѣлу не представляютъ собою чего-либо новаго; онѣ заимствованы у такихъ мастеровъ военнаго дѣла, какъ Наполеонъ, Фридрихъ, Суворовъ, Тюрень и Морицъ Саксонскій, сведены въ стройную систему и примѣнены къ различнымъ отдѣламъ воспитанія солдатъ. Тѣмъ не менѣе его произведенія нерѣдко вызвали неудовольствіе и многихъ шокировали. Причина этому заключается въ томъ, что онъ жестоко и неустанно преслѣдовалъ поклонниковъ инстинкта самосохраненія, столь сильно говорящаго въ каждомъ человѣкѣ и выражающагося въ желаніи сберечь свою «драгоценную шкуру», а потому и совѣтующаго разные щиты, закрытія, прятанья отъ непріятели, давая большое значеніе счету своихъ потерь и забывая, что побѣда дается только тому, кто идетъ впередъ, не взирая на потери, кто успѣхъ ставитъ выше жизни. Этихъ «шкуролюбивъ» Драгомировъ умѣлъ открыть и обличить вездѣ, какъ бы тщательно ни былъ прикрытъ шкурный вопросъ. Другая причина заключалась въ точности и ясности мысли и въ отточенной логикѣ, отъ которой нельзя укрыться; все это высказывалось прямымъ и острымъ языкомъ, всѣ вещи назывались своимъ именемъ, что не очень-то нравится въ наше дряблое время. Съ своей неизмѣнной точки зрѣнія онъ оцѣнивалъ факты нашей несчастной войны, указывалъ истинныя причины неудачъ и предостерегалъ отъ мелочныхъ новшествъ, на которыя набросились наши близорукіе реформаторы и совѣтчики.

Книга «Одиннадцать лѣтъ» состоитъ изъ двухъ частей, около 500 страницъ каждая; въ 1-й части помѣщены болѣе крупныя его произведенія, какъ «Наполеонъ и Вашингтонъ», «Значеніе воли въ жизни народа», а также другія статьи, написанныя имъ до 1902 года; 2-я часть заключаетъ въ себѣ такъ называемыя имъ «Наши дѣлишки», которыя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ помѣщалъ исключительно въ «Развѣдчикѣ». Находясь въ это время (1903—1905 гг.) на покоѣ, Драгомировъ, несмотря на угасавшее здоровье, живо интересовался всѣмъ совершавшимся и не оставилъ безъ посильнаго освѣ-

щенія ни одного военного вопроса, такъ что результатомъ его трехлѣтней литературной работы явился цѣлый томъ «Нашихъ дѣлишекъ» въ 547 страницъ.

Для правильной оцѣнки Драгомирова, какъ литератора и военного педагога, еще не настало время, и про него болѣе, чѣмъ про кого-либо другого, можно сказать: «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ». Въ то время какъ его сочиненія переведены чуть не на всѣ европейскіе языки, а имя Драгомирова пользуется заслуженнымъ авторитетомъ, у насъ его идеи не только вызывали нареканія, но имъ даже были приписаны неудачи послѣдней войны. Онъ будто бы проповѣдывалъ пренебреженіе къ огню и требовалъ, чтобы войска прямо лѣзли на штыкъ. Конечно, ни того, ни другого Драгомировъ не говорилъ; въ теченіе всей своей жизни онъ только хотѣлъ поставить каждое изъ этихъ орудій боя на свое мѣсто; сотни разъ онъ твердилъ, что штыкъ и пуля не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, но видѣвшіе не видѣли, а слышавшіе не слышали. Можно съ увѣренностью сказать, что время возьметъ свое: его трезвые взгляды на военное дѣло, основанные на неизмѣнныхъ свойствахъ человѣческаго духа и поддержанные великими военными авторитетами, его блестящая аргументація, опирающаяся на широкую эрудицію, его неустанная проповѣдь о великомъ значеніи въ военномъ дѣлѣ моральнаго элемента, останется навсегда большимъ вкладомъ въ военной литературу.

При изданіи книги не имѣлось въ виду коммерческихъ цѣлей; желательнымъ было сосредоточить все написанное М. И. Драгомировымъ въ одной книгѣ; поэтому цѣна назначена болѣе чѣмъ умѣренная: 3 р. за 1000 страницъ. Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ автора, а также нѣсколько рисунковъ и между ними снимокъ съ могилы Драгомирова, похороненнаго въ Конотопѣ, въ оградѣ церкви, построенной его отцомъ.

Л. Н.

Н. А. Усовъ. Изъ недавняго прошлаго Забайкалья. Двѣ части. Харбинъ. 1908 г.

Воспоминанія бывшаго начальвика службы движенія Забайкальской желѣзной дороги Н. А. Усова относятся къ тому времени, когда русскія войска послѣ войны съ Японіей возвращались домой, ощущая недостатокъ теплушекъ въ поѣздахъ, въ предметахъ продовольствія и упадокъ провозоспособности Забайкальской желѣзной дороги. Тогда-то, какъ писалъ П. Перевезевъ, одинъ изъ защитниковъ на процессѣ генерала Холщевникова, помимо бездарнаго начальства дороги, желѣзнодорожники самостоятельно образовали изъ своей среды такъ называемые смѣшанные комитеты, куда вошли представители всѣхъ службъ дороги, немедленно собрали и пересчитали теплушки, въ страшномъ безпорядкѣ разбросанныя по линіи и въ огромномъ количествѣ скопившіяся на различныхъ пунктахъ дороги, привели ихъ въ порядокъ и очень быстро организовали провозъ запасныхъ въ размѣрахъ дотолѣшнява-лыхъ: въ сутки дорога пропускала по двадцать паръ поѣздовъ, въ которыхъ на западъ шли эшелоны запасныхъ, а на востокъ продукты для арміи и края. Надо знать невѣроятный безпорядокъ, царившій до того на Забайкаль-

ской дорогѣ, чтобы по достоинству оцѣнить заслугу забастовщиковъ, какъ ихъ упорно величало начальство. Генераль-адъютантъ Линевичъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ принималъ представителей смѣшанныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ и вмѣстѣ съ ними вырабатывалъ схемы движенія воинскихъ и продовольственныхъ поѣздовъ. За эти дѣйствія, вызванныя необходимостью и свидѣтельствующія только объ умѣ и добросовѣстности стараго генерала, онъ едва не былъ привлеченъ къ суду по обвиненію такъ же, какъ и Холщевниковъ, въ государственной измѣнѣ, о которой въ 1906 году неустанно твердили чинские усмирители. «Забастовщики» были такъ, увлечены трудомъ, такъ были увѣрены, что, исполняя его, они служатъ цѣлямъ порядка и благополучія своихъ гражданъ, что когда съ востока и запада налетѣли на нихъ карательные поѣзда, Меллера-Закомельскаго и Ренненкамифа, то эти скромные и безвѣстные труженики и не думали покидать своихъ постовъ, были съчены, разстрѣляны и повѣшаны.

Ихъ, по словамъ г. Усова, обвиняли въ захватѣ дороги по доносу бездѣйствующаго начальства той же дороги. А между тѣмъ это начальство не только знало о полезной дѣятельности смѣшанныхъ комитетовъ, но начальникъ дороги инж. А. А. Свѣнтицкій и завѣдующій передвиженіемъ войскъ полковникъ Дзѣвановской разрѣшали ихъ, сносились съ ними и они же выдали ихъ впоследствии, какъ ослушниковъ и революціонныхъ бунтовщиковъ.

До образованія мѣстныхъ комитетовъ гг. Свѣнтицкіе и Карновы хотѣли все дѣло сосредоточить въ управленіи и управлять дорогой изъ Иркутска, не выѣзжая, не зная ни дороги, ни людей.

Вся ихъ дѣятельность свелась на предоставленіе удобствъ высокопоставленнымъ лицамъ, составленіе расписаній для проѣзда генераловъ, составленіе меню для министра путей сообщенія и опредѣленіе степени значенія генерала, т. е. послать ли для сопровожденія генерала одного ревизора движенія, или поднять всю линію, начальниковъ отдѣленій, начальниковъ участковъ пути и тяги?

Когда желѣзнодорожники обошлись собственнымъ усмотрѣніемъ съ господствующими безпорядками, г. Свѣнтицкій, по заявленію Усова, при помощи штыковъ и нагаекъ рассчитывалъ возстановить свое вліяніе и власть, утраченную благодаря своей полной неспособности управлять не только дорогой, но даже однимъ участкомъ службы пути.

Авторъ громогласно заявляетъ: «Стыдъ и позоръ начальнику дороги Свѣнтицкому, завѣдующему передвиженіемъ войскъ полковнику Дзѣвановскому и начальнику движенія Карпову, позволившимъ себѣ сказать Меллеръ-Закомельскому, когда онъ вернулся въ Иркутскъ, что послѣ его проѣзда участокъ Иркутскъ—Читавошелъ въ норму, что теперь они, наконецъ, могутъ распорядиться, а на участкѣ Чита—Манчжурія, гдѣ дѣйствуетъ Ренненкамифъ, тамъ, молъ, они еще не вполнѣ хозяева. Жалкіе люди, могущіе управлять дѣломъ и людьми, только опираясь на штыки и грубую силу!»

Проявленія этой «грубой силы» въ карательныхъ отрядахъ воспроизведены авторомъ въ значительно смягченномъ видѣ, но и то, что онъ говоритъ,

вноплѣ рисуеть военное начальство, какъ оно оплатило желѣзнодорожникамъ за ихъ распорядительность во время и послѣ войны.

Несмотря на гласныя разоблаченія жестокости и бездарности начальства, ни одно лицо изъ его состава не привлекаеть автора къ судебной ответственности, признавая, такимъ образомъ, безусловную справедливость сообщенныхъ имъ фактовъ о недавнемъ прошломъ Забайкалья. **А. Фаресовъ.**

В. Э. Фришъ. Проектъ учрежденія государственной стражи въ Россіи. Спб. 1908.

Разматриваемое изданіе представляетъ собою интересную попытку автора выяснить общія основанія и дать схему коренной реформы полиціи въ Россіи на совершенно новыхъ началахъ.

Существующія у насъ полицейскія учрежденія, всю ихъ постановку и весь строй авторъ признаеть крайне неудовлетворительными и не отвѣчающими своему назначенію. Реформа полиціи, по его мнѣнію, должна быть полною и всестороннею. «Полиція въ Россіи должна быть реформирована на совершенно новыхъ началахъ, причемъ чѣмъ меньше новая организація будетъ походить на старую, тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ это будетъ встрѣчено населеніемъ. Въ виду этого представлялось бы даже желательнымъ, чтобы даже обмундированіе вновь проектируемой государственной стражи возможно меньше походило на нынѣшнюю форму чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ и полиціи».

Выступая рѣшительно съ столь радикальнымъ проектомъ, авторъ увѣренъ не только въ необходимости предлагаемой реформы, вслѣдствіе негодности существующихъ полицейскихъ учрежденій, но и въ томъ, что она принесеть благіе результаты въ отношеніи обезпеченія безопасности населенія, охраны его спокойствія и «усиленной борьбы съ революціоннымъ и разбойнымъ движеніемъ».

Эти широкія надежды могутъ, конечно, не оправдаться въ ожидаемыхъ размѣрахъ, такъ какъ несомнѣнно, что осуществленіе ихъ зависить не отъ одной полицейской реформы.

Но нельзя не отмѣтить того факта, что увѣренность и выводы автора покоятся на прочныхъ основаніяхъ. Предлагаемый имъ проектъ явился результатомъ глубокаго изученія авторомъ какъ русскаго, такъ и иностраннаго законодательствъ о полиціи, причемъ многіе иностранные источники переведены имъ на русскій языкъ. Кромѣ того, несомнѣнно, немаловажное значеніе имѣеть въ данномъ отношеніи и практическое знакомство автора съ жизненными условіями и полицейскими учрежденіями нашей страны, благодаря многолѣтнему опыту при прохожденіи государственной службы и въ области общественной дѣятельности (авторъ былъ вице-губернаторомъ въ провинціи и помощникомъ с.-петербургскаго градоначальника, а теперь состоитъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и гласнымъ с.-петербургской думы). Вообще онъ принадлежитъ къ числу большихъ знатоковъ полицей-

скаго дѣла, и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже помѣщались свѣдѣнія о его литературныхъ трудахъ въ этой области (по вопросу объ исключительныхъ положеніяхъ).

Предлагаемая авторомъ реформа сводится въ главныхъ частяхъ къ слѣдующему:

1. Освободить полицію отъ несенія исполняемыхъ нынѣ ею, но несвойственныхъ ей обязанностей общаго характера (по части взысканій всякаго рода, строительной, медицинской, ветеринарной, санитарной, разности повѣстокъ и т. п.), передавъ ихъ цѣликомъ земскимъ и городскимъ общественнымъ управленіямъ.

2. Новыя обязанности полиціи раздѣлить на два разряда:

а) обязанности полиціи исполнительной (полиціи безопасности, *Verwaltungs-polizei*), которая могла бы пополняться (въ видахъ необремененія нынѣ казны новымъ значительнымъ расходомъ) лицами дѣйствительной военной службы, по окончаніи ими курса новобранцевъ, и получить военную организацію;

б) обязанности уголовно-розыскной полиціи, состоящей изъ комиссаровъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, но при производствѣ дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ непосредственно подчиненныхъ прокурорскому надзору.

3. Оба разряда полиціи составятъ одинъ корпусъ «государственной, стражи», въ который вошли бы: а) нынѣшній отдѣльный корпусъ жандармовъ; б) общая наружная полиція; в) уѣздная полицейская стража; г) сыскная полиція; д) охранныя отдѣленія; е) портовая полиція; ж) рѣчная полиція и з) земская стража.

4. Во главѣ реформированной полиціи долженъ стоять «одинъ на всю Россію командиръ корпуса государственной стражи». Корпусъ въ отношеніи военной дисциплины и строевой части долженъ находиться въ подчиненіи у военнаго министра, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ — министра внутреннихъ дѣлъ.

Къ этому общему проекту приложены три схемы организаціи полиціи: общая для имперіи, для 50 губерній, управляемыхъ на общемъ основаніи, и для столицъ и большихъ городовъ.

Проектъ подробно разработанъ въ основныхъ частяхъ и основательно мотивированъ.

Не касаясь здѣсь подробностей полицейской организаціи, имѣющей спеціальныя свойства, необходимо отмѣтить правильный взглядъ автора на современное состояніе русской полиціи и несеніе ею несвойственныхъ ей обязанностей, выполненіе которыхъ, по справедливому замѣчанію автора, вызываетъ со стороны населенія всеобщее отрицательное и недружелюбное отношеніе къ полиціи. Объединеніе всей полиціи въ одномъ вѣдомствѣ, за нѣкоторыми развѣ исключеніями, несомнѣнно, въ техническомъ отношеніи имѣетъ огромное преимущество предъ теперешней раздробленностью завѣдыванія между многими министерствами и управленіями.

Во всякомъ случаѣ, проектъ В. Э. Фриша заслуживаетъ полного вниманія при разсмотрѣннн полицейской реформы. Проектомъ послѣдней занята въ настоящее время комиссія товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Макарова, подкомиссіями которой уже выработаны общія положенія (подкомиссія г. Трусевича), которыя прошли и въ редакціонной части (подкомиссія г. Фриша). Желательно, чтобы выработка законопроекта не замедлилась и чтобы законопроектъ внесенъ былъ правительствомъ въ государственную думу въ нынѣшнюю же ея сессію.

В. Кузнецовъ.

**С. Толузаковъ. Душа японской арміи. Спб. 1908. Стр. 204.
Цѣна 1 р. 40 к.**

Если наши неудачи на полѣ сраженія все время послѣдней войны были обусловлены въ извѣстной степени неопытностью лицъ, стоящихъ во главѣ арміи, то въ этомъ одномъ видѣть всю причину нельзя: безъ сомнѣнія, большая часть причины побѣды японцевъ надъ нами заключалась въ преимуществѣ непріятельской арміи надъ нашей. И теперь предъ нами стоитъ вопросъ объ изученіи японской арміи. Только детальное ея изученіе дастъ отвѣтъ на вопросъ: почему мы оказались побѣжденными? Среди множества появившихся книгъ объ Японіи и японской арміи, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ книга г. Толузакова. Составитель ея былъ посланъ государемъ по заключенію мира въ Японію изучать ея армію. Хорошо изучивъ ее, г. Толузаковъ нашелъ, что наиболѣе яркое и вѣрное представленіе о ней дастъ русскому обществу переводъ курса, читаемаго въ токійскомъ военномъ училищѣ. Это и представляетъ настоящая книга. Послѣ сказаннаго ясна ея громадная цѣнность: она знакомитъ насъ не только съ подробной организаціей японской арміи, но и съ тѣми принципами, на которыхъ она воспитывается, съ тѣми идеями, которыя ей внушаются. Книга такимъ образомъ является цѣннымъ матеріаломъ, и при томъ вполне достовернымъ. Это обстоятельство дѣлаетъ необходимымъ для каждаго, желающаго познакомиться съ японской арміей, обратиться къ книгѣ г. Толузакова. Знакомясь съ тѣми идеями, которыя внушаются японской молодежи военнымъ воспитаніемъ, становится ясно, почему побѣдили насъ японцы. Ихъ побѣда въ большей мѣрѣ была обусловлена тѣмъ, что японцу съ дѣтства внушается культъ войны, вкореняется твердое убѣжденіе, что война есть святое національное дѣло, что главный путь къ развитію государственнаго и культурнаго благосостоянія есть путь захвата чужой территоріи, путь войны и насилія. «Не только извѣстныя права, интересы, честь и благосостояніе,—читаемъ мы въ «Курсѣ»,—но даже политическое существованіе государства всецѣло зависитъ отъ его военной мощи. Чтобы заставить другихъ уважать себя, нужна сила. Этой необходимой силой каждой страны является армія». Фанатически проникнутая этими идеями, японская армія именно и сильна этимъ фанатизмомъ, который крѣпко спаиваетъ каждаго солдата и офицера въ одно цѣлое, въ грозную силу.

О. И. Н.

Отчетъ императорскаго россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1906 годъ. М. 1907.

Наиболѣе цѣннымъ изъ поступившихъ за отчетный годъ даровъ въ музей является обширное собраніе рукописей, писемъ, замѣтокъ, сборниковъ и пр., составляющихъ цѣлый «Музей памяти Федора Михайловича Достоевскаго», созданный вдовой писателя. Ею же это собраніе описано, издано въ видѣ большого тома съ портретами и снимками («Музей Федора Михайловича Достоевскаго въ Имп. рос. ист. музей въ Москвѣ, 1846—1903 гг. Составила А. Достоевская. Спб. 1906»),—и въ свое время о немъ былъ данъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Далѣе слѣдуетъ коллекція аптекарскихъ сосудовъ времени Петра Великаго (21 предметъ), малохарактерная коллекція издѣлій изъ фаянса, глины и фарфора, А. П. Бахрушиной, и рядъ мелочей, пожертвованныхъ частными лицами. Изъ покупокъ музея можно отмѣтить только коллекцію древностей скиво-сарматской эпохи, въ числѣ ста девятнадцати предметовъ, найденныхъ въ одномъ изъ кургановъ Полтавской губерніи. Остальные предметы относятся къ церковнымъ древностямъ, домашнимъ святынямъ и т. п., не представляя ничего выдающагося. По отдѣлу рукописей можно указать развѣ на списокъ «Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву» Радичева, рукопись начала XIX вѣка, съ сокращеніями. Въ числѣ удачныхъ покупокъ находятся Четвероевангеліе XVI столѣтія съ миниатюрами евангелистовъ, хронографъ одной изъ старыхъ редакцій XVII вѣка (последняя глава, 208-ая,—о взятіи Царьграда), подлинникъ иконописный, нѣсколько сборниковъ. Библиотека музея ничѣмъ особенно интереснымъ не обогатилась, если не считать номеровъ иллюстрированнаго приложенія «Новаго Времени» со статьями сотрудниковъ о Грибоѣдовѣ и его комедіи.

Новостью въ настоящемъ «Отчетѣ» слѣдуетъ признать отдѣлъ научныхъ работъ служащихъ въ музей. Въ приложеніи къ «Отчету» даны «Описаніе надгробій» и описаніе «вновь найденнаго списка Тверской лѣтописи» В. И. Щепкина и «Описаніе холоднаго оружія», составленнаго другимъ хранителемъ музея, В. А. Городцовымъ. Въ особомъ приложеніи напечатанъ краткій очередной отчетъ Щукинскаго музея. Весь «Отчетъ» богато иллюстрированъ и представляетъ несомнѣнную научную цѣнность. А. Я.

Труды вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ II. Вятка. 1908.

Главное содержаніе настоящаго выпуска «Трудовъ» вятской архивной комиссіи попрежнему составляютъ цѣнные историческіе матеріалы для мѣстнаго края, извлекаемые и разрабатываемые по преимуществу неутомимымъ товарищемъ предсѣдателя комиссіи и редакторомъ «Трудовъ», А. С. Верещагинымъ. На первомъ планѣ этихъ матеріаловъ помѣщены: «Грамоты и акты вятскаго

архіерейскаго дома», сообщенные А. С. Верещагинымъ. Древнѣйшая изъ этихъ грамотъ отъ 1551 г., а позднѣйшая—1669 года. Всѣхъ документовъ вошло 73. Грамоты и акты до 1658 г., когда была основана вятская и великопермская епархія, были доставлены въ вятскій архіерейскій домъ изъ Котельничскаго Предтеченскаго монастыря и изъ «дому Николая Чудотворца Великорѣцкаго», т. е. храма св. Николая въ Хлыновѣ. По своему содержанию они представляютъ цѣнный источникъ для исторіи колонизаторской дѣятельности вятскаго архіерейскаго дома и для характеристики первыхъ вятскихъ архимонастырей съ ихъ ближайшими сотрудниками.

Кромѣ этихъ документовъ, заслуживаютъ вниманія: «Инструкція отъ вятской архіерейской духовной консисторіи студентамъ Федору Радикорскому и Минѣ Мышкину, 28 апрѣля 1748 года», въ первомъ пунктѣ, которой читаемъ: «во-первыхъ имѣть самимъ вамъ образъ смиренія, богоугоднаго же и трезваго житія, а потомъ и надъ учениками во ученіи надсматривать... и навсегда наблюдать, чтобы на словословіе Божіе... неотмѣнно ходили», и «Наказъ депутату въ комиссіи новаго уложенія, отъ купечества города Хлынова (1767)», полностью еще не появившійся въ печати.

До сихъ поръ дѣятельность едва вступившей въ четвертый годъ своего существованія вятской архивной комиссіи, усилившей уже издать, при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, 12 выпусковъ «Трудовъ», вызывало только одобрительные отзывы со стороны лицъ, интересующихся изданіями нашихъ архивныхъ комиссій, и поэтому я вполне раздѣляю крайнее недоумѣніе А. С. Верещагина предъ заявленіемъ переводчика древнихъ авторовъ В. А. Алексѣева, незамѣтно проскочившимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1907 г., № 11), о томъ, что вятская архивная комиссія «не отличается особымъ рвеніемъ къ печатанію своихъ трудовъ». В. Р.—вѣ.

Путеводитель по музею псковскаго археологическаго общества, съ четырьмя портретами и видомъ Поганкивыхъ палатъ. Изданіе псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1908 г. Стр. II + 159 + II.

Очень немногіе изъ столичныхъ музеевъ имѣютъ такіе же толковые и обстоятельные путеводители, какъ псковскій музей. Кромѣ названій вещей, краткаго описанія ихъ, опредѣленія эпохи, назначенія вещи, мѣста находки или имени жертвователя, въ «Путеводителѣ» сообщаются такія свѣдѣнія, безъ которыхъ обыкновенному обозрѣвателю не будетъ понятна ни цѣнность предмета древности, ни мѣсто ея въ старинномъ обиходѣ, словомъ, то, что связываетъ прошлое съ настоящимъ. Такъ, напримѣръ, сообщены общія свѣдѣнія о началѣ огнестрѣльныхъ орудій на Руси (стр. 65), объяснено отличіе штуцеровъ отъ наръзныхъ ружей (стр. 67), сдѣланы историческія справки о тѣлесныхъ наказаніяхъ и орудіяхъ ихъ (стр. 69), о знаменитомъ арапѣ Петра Великаго, съ отрывкомъ стихотворенія Пушкина (стр. 79), о разныхъ зданіяхъ Пскова (стр. 118—121), о лубочныхъ картинахъ (стр. 123), о сказителяхъ

(стр. 124). тепло и удачно выяснено значеніе памятниковъ русской иконографіи (стр. 131—132) и т. п.

Интересныя даже при чтеніи, такіе реальныя комментаріи получаютъ особую цѣнность при обзорѣннхъ предметовъ и возсоздаютъ въ представленіи посетителя музея цѣлый міръ прекрасной, живой и всегда манящей старины нашей, которую мы мало любимъ и почти не знаемъ. Нечего прибавлять, что и самое описаніе, и всякаго рода объясненія написаны вполне доступно, съ любовью къ старинѣ и каждой подробности стариннаго быта. Въ этомъ смыслѣ «Путеводитель по музею исковскаго археологическаго общества» можетъ послужить образцомъ для подобнаго рода указателей, и, намъ кажется, напрасно составитель путеводителя извиняется въ предисловіи, называя себя «не ученымъ археологомъ, а простымъ любителемъ и почитателемъ отечественной старины» (стр. 1). Побольше бы такихъ любителей и почитателей, и этимъ двумъ драгоценнымъ качествамъ должны будутъ учиться у нихъ гг. патентованные ученые, тщательно «скрывающіе» свои знанія отъ широкой публики... Археологія нуждается въ популяризаціи, а спеціалистамъ нѣтъ никакого, кажется, дѣла до интереса массъ къ старинѣ, а труды присяжныхъ археологовъ, труды почтенные и всегда тяжеловѣсныя, способны только запугать обыкновенныхъ смертныхъ

Повторяемъ, «Путеводитель» составленъ толково, не безъ знаній, съ любовью къ дѣлу и даже при нѣкоторыхъ ошибкахъ дѣлаетъ честь скромнымъ провинціальнымъ труженикамъ. А. Я.

Г. В. Комаровъ. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго съѣзда. Спб. 1908. Стр. 42. Цѣна 20 коп.

Г. Комаровъ ѣздилъ въ числѣ русскихъ депутатовъ на всеславянской съѣздъ въ Прагу, и объ его статьи, «По Чехіи» и «Письма изъ Галиціи», напечатанныя первоначально въ газетѣ «Свѣтъ», являются плодомъ всего видѣннаго и пережитаго во время пребыванія у западныхъ славянъ. Грандіозныя манифестаціи въ честь Россіи, теплый братскій привѣтъ русскихъ депутатовъ, восторженное отношеніе къ идеѣ всеславянства—все это дѣйствовало даже на вполне сложившихся и крѣпкихъ людей такъ потрясающе, что многіе не могли удержаться отъ радостныхъ рыданій и за нѣсколько дней пребыванія въ столицѣ Чехіи становились убѣжденными поборниками славянской идеи.

Но нисколько свѣтлы и радостны впечатлѣнія отъ пребыванія въ Чехіи, настолько же грустны они отъ Галиціи. Потомки населенія, которымъ когда-то правили наши кіевскіе князья, теперь живутъ въ вѣчномъ угнетеніи и подозрѣніи у поляковъ. Галичане крѣпко помнятъ старую Русь и терпѣливо ждутъ отъ нея помощи и освобожденія.

Брошюра г. Комарова имѣетъ цѣлью закрѣпить въ памяти пережитый моментъ братскаго единенія славянскихъ народовъ и потому заслуживаетъ широкаго распространенія. А. В.

**Т. О. Соколовская. О масонскомъ архивѣ Ф. Н. Глинки.
Тверь. 1908 г.**

Небольшая брошюра съ нѣсколькими рисунками, представляющая приложеніе къ журналу 104 публичнаго засѣданія тверской ученой архивной комиссіи 20 апрѣля 1908 г., заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся исторіею русскаго масонства. Авторъ брошюры посвятила много лѣтъ работамъ по исторіи масонства и архивнымъ изысканіямъ въ этой области. Въ настоящемъ своемъ трудѣ она даетъ краткую характеристику научнаго значенія масонскихъ документовъ собранія Ф. Н. Глинки, доставшихся по наслѣдству тверской губернской архивной комиссіи. Бумаги собранія съ подробными поясненіями и подъ редакціей Т. О. Соколовской готовятся въ настоящее время къ выпуску отдѣльнымъ изданіемъ. Нельзя не пожелать автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ его трудѣ по изученію прошлаго русскаго масонства, нѣкогда сыгравшаго столь важную роль въ жизни русскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтія.

А. Мироновъ.

**Ю. А. Кулаковскій. Стратегика императора Никифора. Спб.
1908. IX+58 стр. In quarto. Цѣна 90 коп.**

Новый трудъ неутомимаго кievскаго профессора, появившійся среди изданій императорской академіи наукъ, представляетъ собой публикацію византійскаго трактата по военному дѣлу, извлеченнаго изъ рукописи московской синодальной библиотеки. Проф. Кулаковскій списалъ рукопись и опубликовалъ ее, внося, кромѣ собственныхъ домысловъ, еще и всѣ поправки, которыя предложилъ ему такой знатокъ византійской литературы, какъ П. В. Никитинъ. За описаніемъ рукописи слѣдуетъ публикація греческаго текста, далѣе идетъ рядъ замѣтокъ, посвященныхъ выясненію отдѣльныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ изданной рукописью. Прежде всего авторъ касается вопроса о томъ, кому принадлежатъ сочиненіе, приписываемое рукописью императору Никифору. Принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, проф. Кулаковскій думаетъ, что «является значительная вѣроятность, что московская рукопись сохранила намъ подлинное произведеніе императора Никифора, которое зналъ его почитатель, взявшійся послѣ его несчастной кончины подробно разработать тотъ же сюжетъ». Далѣе авторъ указываетъ тѣ новыя свѣдѣнія, которыя эта рукопись даетъ по исторіи военнаго дѣла Византіи, сравнивая ихъ съ другими источниками. Косвеннымъ образомъ эти свѣдѣнія представляютъ извѣстную цѣнность и для исторіи военнаго дѣла въ древней Руси. Особенно подробно останавливается онъ на составѣ византійской арміи и предметахъ ея вооруженія, причемъ рѣдкая начитанность автора въ византійской литературѣ и совершенство научнаго метода даютъ ему возможность окончательно установить значеніе нѣсколькихъ спорныхъ терминовъ. Оканчивается изданіе печерывающимъ указателемъ словъ, встрѣчающихся въ трактатѣ, причемъ многія изъ нихъ еще не встрѣчаются въ лексиковахъ. Во всякомъ случаѣ капитальный трудъ проф. Кулаковскаго является существеннымъ украшеніемъ серіи византійскихъ текстовъ, изданныхъ за послѣдніе годы императорской академіи наукъ.

В.

**А. А. Исаевъ. О сокращеніи государственныхъ расходовъ.
Спб. 1908.**

Какъ небезызвѣстно, государственный контролеръ Харитоновъ объявилъ въ государственной думѣ, что онъ считаетъ дѣйствія контроля дѣйствіями несовершеннаго характера. Это громко высказанное главой контроля сознаніе неудовлетворительности контрольнаго аппарата требуетъ глубокаго вниманія со стороны специалистовъ контрольнаго дѣла, во имя достоинства самого учрежденія, какъ блюстителя правильнаго расхода народной копейки; требуетъ тѣмъ болѣе быстрой и уже потому непосредственной инициативы и содѣйствія главному руководителю контроля со стороны его сотрудниковъ, что въ послѣднее время все чаще раздаются различныя указанія на слабыя стороны контроля. Повѣрка представляемой одной оправдательной внѣшней документальной отчетности для настоящаго времени уже устарѣлый способъ и орудіе въ ловкихъ рукахъ для законнаго оправданія различныхъ переплатъ.

Брошюра А. А. Исаева представляетъ докладъ, прочитанный имъ ранѣе въ петербургскомъ «Собраніи экономистовъ». Задачу своего основного положенія авторъ рѣшаетъ поставляемымъ имъ вопросомъ образованія, внѣ всякой политики, особаго общества съ специальными цѣлями содѣйствія правительству въ правильномъ расходованіи народной копейки. Въ примѣръ авторъ ставитъ существующее въ Великобританіи съ 1848 года ливерпульское общество. Но, не входя въ сравнительную критику доклада объ образованіи подобнаго общества въ Россіи, при настоящихъ политическихъ условіяхъ и всей огромной территоріи Россіи, укажу, съ своей стороны, на вѣроятный исходный путь для постановки на практическую почву идеи возможнаго сокращенія и упрощенія самого правительственнаго механизма по повѣрочнымъ дѣйствіямъ государственныхъ расходовъ. Этотъ путь—соединеніе ревизіи на почвѣ внѣшней отчетности съ задачами предупредительныхъ дѣйствій контроля.

Способъ такой ревизіи вполне рационаленъ,—конечно, при условіи довѣрія самого контроля къ общественной инициативѣ для ограниченія различнаго рода злоупотребленій. Рѣшеніе этой задачи возможно единственно путемъ широкой гласности—на страницахъ правительственнаго изданія—и изданія государственнымъ контролемъ своихъ «Извѣстій», по образцу изданій другими правительственными учрежденіями. Новое время—новые запросы. Старая программа циркуляровъ и приказовъ требуетъ расширенія для рѣшенія новыхъ задачъ. Выпускъ контролемъ своихъ «Извѣстій» создастъ удовлетвореніе многимъ запросамъ мысли контрольнаго работника. Иначе эти запросы молодой совѣсти разбиваются о заторы строгой ограничительности дѣйствій чиновника. Свыше десяти лѣтъ тому навстрѣчу задачамъ контроля шли университеты, задавая сопскательную премію для молодыхъ ученыхъ. (Бочковскій. Организациа государственнаго контроля въ Россіи, сравнительно съ государствами Западной Европы. Удостоено золотой-медалью юридическаго факультета въ кievскомъ университетѣ. Спб. 1895 г.),

Въ настоящее время профессора старѣйшаго университета посвящаютъ свой трудъ кропотливымъ изысканіямъ о непроизводительныхъ тратахъ. (Озеровъ, И. Х., профессоръ московскаго университета. «Какъ расходуются народныя деньги». 1907 г. Второе изданіе. Составлено по документамъ государственнаго контроля). Благодаря официальнымъ «Извѣстіямъ», откроется широкій просторъ для печатанія многихъ погребенныхъ въ архивахъ документовъ и актовъ историческаго значенія. Изъ таковыхъ документовъ общественаго интереса мнѣ извѣстны обличившіе крупныя мошенничества на общественныхъ работахъ, вызванныхъ недородомъ въ восточныхъ губерніяхъ въ 1891 году. При существованіи «Извѣстій» могутъ найти соответственное мѣсто въ отдѣлѣ «перепечатокъ» многія обличительныя картинки различныхъ злоупотребленій, ставящихся въ некоторымъ достояніемъ гласности путемъ судебныхъ процессовъ и случайныхъ статей. Документы послѣдней войны, въ случаѣ ихъ оглашенія, дали бы дѣйствительный матеріалъ для правильнаго сужденія о виновникахъ разныхъ хищеній, скрытыхъ отъ общественаго суда. Одинаково, какъ заключенный предварительнымъ слѣдствіемъ судебный матеріалъ, становится дѣломъ затѣмъ гласнаго суда, — дѣла, завершенныя заключеніемъ контроля, могутъ и должны сдѣлаться достояніемъ гласности, если представляютъ значеніе общественаго интереса.

Задача такихъ «Извѣстій» — строгіе выводы административной правды и официальное устраненіе поводовъ для кривотолковъ и обвиненій лицъ, не причастныхъ въ возводимыхъ на нихъ подозрѣніяхъ и обвиненіяхъ, — на основаніи различныхъ слуховъ. До настоящихъ дней судъ административной правды напоминаетъ забытыя слова Некрасова:

«Бичуемъ маленькихъ ворюшекъ
Для удовольствія большихъ»...

Пора, послѣ приговора надъ виновниками поргъ-артурскаго пораженія, при современныхъ условіяхъ народнаго представительства, перейти къ суду надъ крупными ворами и казнокрадами.

В. Лугаковский.

Polskie Museum. Malarstwo — rzeźba — przemysł artyst. Wydawcy Feliks Koper, Julian Pagaczewski. Rocznik pierwszy. Zesz. I—IV. Краковъ. 1906. In folio. Цѣна каждаго выпуска 1 р.

Въ нѣкоторые періоды своего существованія старое русское искусство настолько было близко къ польскому, что изученіе одного безъ знанія другого немислимо. Поэтому предпринятое директоромъ краковскаго народнаго музея Феликсомъ Коперомъ и хранителемъ того же учрежденія Юліаномъ Пагачевскимъ изданіе «Польскаго Музея» представляетъ выдающійся интересъ не только для историковъ польскаго искусства, но и западнаго, и славянскаго вмѣстѣ, конечно, съ русскимъ.

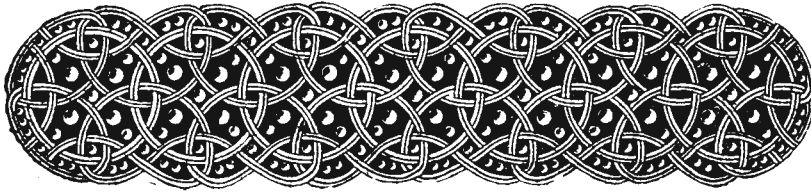
Насколько намъ извѣстно, нѣкоторые изъ слѣдующихъ номеровъ будутъ посвящены памятникамъ русскаго искусства въ Галиціи. Такъ, будутъ изданы

снимки съ фресокъ въ каплицѣ Кжижа (придѣлъ св. Ореста) въ кафедральномъ краковскомъ соборѣ (Вавель). Эти фрески открыты два-три года тому назадъ, относятся ко времени Владислава Ягеллы и королевы Софїи Витовтовны, реставрированы очень старательно Юліаномъ Макаровичемъ и представляютъ глубокий интересъ для исторіи южно-русской живописи переходнаго времени,—почти неизвѣстнаго по памятникамъ,—между древнимъ «византійскимъ» періодомъ и новымъ, когда на южно-русскую живопись стало замѣтно вліять западное искусство при посредствѣ, главнымъ образомъ, польскаго. Затѣмъ послѣдуетъ изданіе русскихъ фресокъ замковой каплицы въ Люблинѣ, русскихъ иконъ, иконостасовъ и отдѣльныхъ церковныхъ вещей, хранящихся въ Народномъ музеѣ въ Краковѣ и т. д. Пока, въ вышедшихъ четырехъ тетрадкахъ «Польскаго Музея» главное вниманіе редакторовъ обращено еще на памятники мѣтнаго искусства.

Въ первомъ выпускѣ Ю. Пагачевскій далъ очеркъ жизни и художественной дѣятельности талантливаго нѣмецкаго живописца начала XVI вѣка Яна Кульмбаха, имѣющаго нѣкоторыя общія черты съ Дюреромъ и прїѣзжавшаго въ Краковъ, гдѣ имъ было написано нѣсколько картинъ для знаменитаго Маріанскаго костела и другихъ. Копіи съ картинъ воспроизведены въ I выпускѣ въ артистически исполненныхъ автотипіяхъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщены, съ краткими объясненіями, снимки съ слѣпка головы короля Яна Ольбрахта (работа Станислава Ствоша, сына знаменитаго Вита Ствоша, также начала XVI вѣка) и шитье на жезлѣ градецкаго (въ Моравіи) настоятеля Яна Понентовскаго, хранящемся въ Ягеллонской библіотекѣ. Второй выпускъ «Польскаго Музея» посвященъ Виту Ствошу (М. 1464†1530 въ Нюрнбергѣ), автору великолѣннаго триптиха въ Маріанскомъ костелѣ, цѣлага ряда надгробій, крестовъ, статуй и др. Здѣсь же и въ слѣдующихъ выпускахъ воспроизведены картины «Благовѣщеніе» Джіованни Баттиста Питтони, фреска неизвѣстнаго художника («Танцующіе ангелы») въ костелѣ доминиканцевъ въ Краковѣ, портретъ графини К. Ходкевичъ кисти Іосифа Олешкевича, потиръ приходскаго костелъ въ Величкѣ, два креста кафедральнаго собора въ Гибзвѣ, надгробный памятникъ Варвары Тарновской въ Тарновѣ XVI вѣка и др. Въ третьемъ выпускѣ находимъ статью о живописцѣ Шимонѣ Чеховичѣ (1689—1775), въ последнемъ—о польскихъ гравюрахъ XV—XVI в.в., съ иллюстраціями въ текстѣ.

Отдѣльные выпуски этого изданія продаются въ книжномъ магазинѣ Гебетнера и Вольфа въ Варшавѣ. А. Яцимирскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БЕЛПЧІЕ и паденіе Рима.—Извѣстный итальянскій писатель Джульельмо Ферреро издалъ на французскомъ языкѣ шестой томъ своего обширнаго и великолѣпнаго труда «Величіе и паденіе Рима»¹⁾, выказавъ и на этотъ разъ блестящій талантъ историка. Ярко освѣтивъ исторію далекой эпохи, онъ попутно отражаетъ отблескъ этого свѣта и на исторію современной Европы, невольно вызывая у читателя представленіе о тождественности причинъ и послѣдствій тогдашней эволюціи народовъ съ современнымъ историческимъ движеніемъ. Особенно рельефно выдѣляются въ этомъ отношеніи страницы, гдѣ онъ объясняетъ эволюцію народовъ, связанныхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ съ Римомъ. Вотъ какъ онъ рисуетъ картину общаго благоденствія во время Августовскаго мира, «*paх Augusta*», т. е. эпохи императора Августа, которому посвященъ весь шестой томъ:

«Для всей имперіи началась новая эра чудеснаго матеріальнаго благоденствія. Мало-по-малу во всѣхъ странахъ средній классъ, повсюду пережившій гибель правящихъ олигархій, потому что не могъ нигдѣ быть уничтоженъ, началъ, — навѣрно дѣлая это безъ особаго метода, каждый отыскивая себѣ немедленную пользу, — взвлекать всѣ выгоды, которыя были бы способны дать новый порядокъ вещей, возстановленный во всемъ Средиземномъ мірѣ римскими завоеваніями. Римъ сдѣлалъ значительную государственную экономію, а слѣдовательно сократилъ во всей имперіи политическіе расходы. Онъ разсѣялъ и распредѣлил между тысячами рукъ безконечные капиталы, оставшіеся безплодными при дворахъ и въ храмахъ, а также и земли, предо-

¹⁾ *Grandeur et décadance de Rome.* Par Guglielmo Ferrero. VI vol. Paris. 1908.

ставивъ ихъ тѣмъ, кто пользовался лѣсомъ и рудниками, а также возстановилъ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря то, что мы теперь называемъ режимомъ свободной торговли. Онъ сблизилъ между собой отдаленныя націи и области, которыя до тѣхъ поръ были неизвѣстны другъ другу,—Египеть и Галлію, Сирію и дунайскія провинціи, Испанію и Малую Азію. Уничтоживъ на Средиземномъ морѣ и въ провинціяхъ привилегіи и соперничество прежнихъ властителей торговли и промышленности, онъ открылъ для всего свѣта морской и территоріальный пути. Облегченный этимъ новымъ положеніемъ обмѣнъ товарами, правами и идеями, съ одного конца Средиземнаго моря до другого, быстро принялъ при Августѣ такіе размѣры, какихъ не достигалъ до тѣхъ поръ ни въ какую эпоху. Пользуясь новымъ облегченіемъ, каждая провинція старалась извлечь содержащіяся въ ней скрытыя богатства и продать ихъ въ самыя отдаленныя области обширной имперіи; внутреннія усилія производительности росли и въ то же время расширялась торговля. Такимъ образомъ, всѣ націи, подчиненныя Риму, въ эти полвѣка видѣли, какъ изобильно текли источники ихъ богатствъ, и также видѣли, какъ новыя богатства били ключомъ изъ-подъ земли. Египеть, Сирія, Малая Азія—три большія промышленныя области—быстро сдѣлались снова цвѣтущими, найдя въ открытой для всѣхъ и умиротворенной имперіи новыхъ кліентовъ и новые рынки, какъ у берберійцевъ, такъ и у галловъ, какъ въ Далмаціи, такъ и Мидіи. Италия, Нарбонская Галлія и особенно дунайскія провинціи, не имѣвшія мѣстной промышленности, были наводнены купцами, рабочими, рабами и восточными авантюристами,—обширной эмиграціей, слѣды которой можно найти въ остаткахъ культа Митры.

«Тиръ и Сидонъ вновь обрѣли прежнее благоденствіе. Египеть не довольствовался отправкой своихъ врачей и декораторовъ во всѣ области имперіи, но еще увеличивалъ свое громадное состояніе прибылью, которую давала ему торговля на Дальнемъ Востокѣ. Положеніе Греціи также медленно улучшалось. Напротивъ, Сѣверная Африка оставалась болѣе обособленной и менѣе извѣстной изъ всѣхъ частей имперіи; Августъ наиболѣе ея пренебрегалъ и никогда туда не ѣздилъ. А между тѣмъ тамъ находилось на западѣ обширное государство Мавританія, управляемое сначала Юбой II, затѣмъ сыномъ Птолемея, на востокѣ же—провинціи Африки, завѣдываемыя сенатомъ. Ни въ какой области имперіи не было легче, чѣмъ здѣсь, создать громадную земельную собственность, по мѣрѣ того, какъ Римъ въ этой безлюдной области принялся приводить въ исполненіе миссію, выполненную Карфагеномъ въ болѣе узкихъ границахъ, заставляя работать берберійцевъ. Онъ позволялъ эксплуатировать чрезвычайно плодородныя земли, прекрасно приспособленныя къ культурѣ хлѣба и оливокъ, а въ рабочихъ рукахъ и въ землѣ недостатка не было. Подвижная берберійская раса, то занимаясь обработкой земли, то кочуя, смотря по тому, была ли она болѣе или менѣе сдерживаема дисциплиной высшей цивилизаціи, распространялась въ областяхъ, подчиненныхъ Риму. Такимъ образомъ, неистощимыя пустыни всегда заполняли своими жителями опустошенія, произведенныя среди прибрежныхъ народовъ работой, войной и болѣзнями. Паденіе Карфагена, мятежи, которые въ послѣдній вѣкъ республики потрясли

Римскую имперію, также разбудили въ варварахъ кочевые и воинственные инстинкты и настолько, что лишь ограниченная часть территоріи могла быть обработана, и повсюду обширныя пространства земли ожидали сохи и земледѣльца. Напротивъ, миръ, преграждая путь, по которому бродили новыя племена, грабя на территорияхъ Рима, а также въ покровительствуемыхъ имъ странахъ и мѣшая независимымъ племенамъ проходить на пастбища, призывалъ берберійцевъ къ болѣе спокойной, болѣе тихой и менѣе грубой жизни, обращалъ кочевниковъ снова въ хлѣбодѣльцевъ, прикрѣпляя этимъ къ землѣ бродячія племена. Онъ доводилъ ихъ такимъ образомъ до совершенія административнаго единства, въ центрѣ котораго вскорѣ выростала деревня, а въ мѣстностяхъ болѣе зажиточныхъ она могла сдѣлаться даже прекраснымъ и обширнымъ городомъ. Римъ, со своей обычной слабостью во время правительства Августа, позволялъ частнымъ лицамъ селиться въ принадлежавшихъ ему необработанныхъ областяхъ. Кромѣ того, чѣмъ жизнь становилась дороже, а жажда роскоши чувствовалась сильнѣе, тѣмъ племена въ Мавританскомъ государствѣ прилагали большее стараніе при обработкѣ меньшей территоріи. Поэтому они легко отчуждали часть земли, которую владѣли, не будучи въ состояніи обработать ее всю сами. Вложивъ туда небольшой капиталъ и благоразумно сберегая воду, изъ Африки можно было извлечь чудные урожаи хлѣба, вина и масла. И дѣйствительно, тотъ, кто, пользуясь хорошимъ моментомъ, сумѣлъ скупить эти обширныя, еще не обработанныя территоріи, пріобрѣтала громадную земельную собственность, какъ это совершается въ настоящее время въ Аргентинской республикѣ, и поэтому въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ Африкѣ создались самыя богатые собственники. Испанія, по выраженію Ферреро, «неприступная святая», во время римскаго вторженія удалившаяся въ глубину дикихъ горъ, чтобы избѣжать рабства, теперь начала привыкать къ свѣту, котораго долго избѣгала.

Далѣе Ферреро рисуетъ картину общаго захвата ископаемыхъ богатствъ: «Послѣ столькихъ войнъ наконецъ древній міръ овладѣлъ сокровищами, которыя земля скрывала въ своихъ нѣдрахъ. Римъ закрывалъ на это глаза и давалъ частнымъ лицамъ захватывать тѣ изъ нихъ, что принадлежали ему. Онъ предъявлялъ свои права лишь тогда, когда дѣлошло о золотыхъ рудникахъ, среди которыхъ находились столь богатые, какъ Астурійскіе, вновь завоеванные Августомъ. Первый контингентъ рабочихъ, вѣроятно, доставили послѣднія войны, который потомъ увеличивался ввозомъ новыхъ рабовъ и плѣнными, оставшимися послѣ иллирійскихъ и германскихъ войнъ. Повсюду въ неистощимыхъ нѣдрахъ этой земли производились раскопки и извлекалось золото, серебро, мѣдь, олово и сурикъ. Съ другой стороны, въ Тюрдетаніи, области, называемой древними Бетикой, и которую мы называемъ теперь Андалузійей, въ прекрасной долинѣ Гвадалквивира, иберійская раса, смягченная богатствомъ земли и своимъ смѣшеніемъ съ финикійцами и греками, мало-по-малу потеряла свой воинственный, дикій характеръ и отдалась хлѣбодѣльству и морской торговлѣ. Бетика вывозила въ Италію, особенно черезъ Пуццолу и Остію, хлѣбное зерно, вино, лучший сортъ масла, воскъ, медъ, горохъ, шерсть, а также извѣстнаго сорта матеріи, выдѣлываемыя нѣкоторыми ея народами. Но

изъ всѣхъ провинцій наиболѣе прогрессировала провинція, которую Липциій и Августъ думали признать западнымъ Египтомъ».

Сначала римская побѣда, потомъ цензъ, установленный по распоряженію Августа, дѣйствительно дали болѣе силы юридическому режиму собственности въ Галліи и сдѣлали вѣрными права, болѣе или менѣе неопредѣленные, какія завоеванные галлы имѣли на своей землѣ. Вѣроятно даже, что многія общественныя земли, принадлежавшія *civitates*, благодаря терпимости римскаго правительства, были скуплены вѣрнымъ ему дворянствомъ, которое Римъ, за счетъ страны, вознаграждалъ такимъ образомъ за его лояльность. Наконецъ въ Галліи стали вводить латинское образованіе и римское земледѣліе. Дворяне, возвратившіеся изъ своего путешествія по Италіи и видѣвшіе виллы знатныхъ римлянъ, уже не хотѣли болѣе жить въ своихъ старинныхъ кельтическихъ домахъ. Въ галльскихъ лѣсахъ стали строятся латинскія дачи, организовалась замедѣльческая жизнь, какъ въ Италіи, и повсюду послѣдовалъ прогрессъ въ хлѣбонашествѣ.

Но въ своемъ сосредоточеніи и молчаніи западный Египетъ приготавлилъ, такъ, что никто и не подозрѣвалъ, нѣчто еще болѣе удивительное: Галлія первая изъ европейскихъ націй сдѣлалась промышленной страной. Она умѣла подражать искусству Малой Азіи, Египта и Сиріи, отбивала у нихъ кліентовъ изъ Италіи и дунайскихъ провинцій, сумѣла научить германцевъ первой роскоши цивилизаціи и не только платила подати Италіи своими продуктами, но еще отобрала у Италіи чрезъ свою торговлю часть золота и серебра, которую сама Италія собрала въ другихъ провинціяхъ. Производство льна скоро достигло того, что галлы стали выдѣлывать уже не грубые корабельные паруса, съ которыхъ начали свои работы, а различныя болѣе тонкія ткани. Страшные нервійцы, столь ожесточенно атаковывавшіе легіоны Цезаря, теперь терпѣливо сидѣли за тканьемъ. Они начали ткать матерію, которая настолько была въ спросѣ на рынкахъ, когда-то снабжаемыхъ Малой Азіей, что въ одинъ прекрасный день самыя старинныя извѣстныя фабрики стали поддѣлывать точно такую же ткань.

Теперь во всей Галліи стали покупать прекрасную красную керамику изъ Ареццо и Пуццолы, бѣловатая, сѣрая, блѣдно-желтая вазы и т. д. Прежнюю кельтическую керамику, украшенную геометрическими рисунками, исключили изъ украшеній новыхъ, богатыхъ и изящныхъ домовъ, и она находила себѣ убѣжище лишь въ деревняхъ, затерянныхъ въ лѣсахъ, гдѣ люди жили еще въ старыхъ подземныхъ жилищахъ. Но галльскіе фабриканты, производившіе эти національныя керамики, которыхъ уже никто не хотѣлъ имѣть, такъ какъ всѣ возымѣли страсть къ экзотическимъ предметамъ, начали изучать выдѣлку керамики долины По, Ареццо и греческія, а также египетскихъ серебряныхъ вазъ. Они призвали ремесленниковъ изъ Италіи и старались подражать произведеніямъ своихъ конкурентовъ. У рутеновъ и арвернонъ образовалась галльская школа свободныхъ ремесленниковъ, которые послѣ усидчивой работы, спустя пятьдесятъ лѣтъ, основали въ долинѣ Алльера самую большую фабрику въ имперіи, и тогда галлы не только не брали керамику изъ Италіи, но отправляли свои по ту сторону Рейна, въ Испанію, Великобританію, Африку и Италію,

такъ что даже среди пепла Помпей найдены были обломки вазъ работы рутенской фабрики. Въ то же время они научились на Востокъ изящной выдѣлкѣ стекла и неизвѣстно, вывозили ли они стеклянные произведенія за границу, но навѣрно извѣстно, что они нашли имъ широкое примѣненіе въ Галліи. Металлургія также усовершенствовалась, благодаря кельтической интеллигенціи, и сдѣлалась утонченнѣе отъ соприкосновенія галловъ съ греко-итальянской цивилизаціей.

Почти въ эту эпоху битурійцы изобрѣли искусство лудить и серебрить желѣзные предметы, чтобы дать иллюзію людямъ со скромными средствами, что они также обладаютъ серебромъ, какъ и богатые. Галльская шерстяная промышленность настолько расцвѣла, что вскорѣ стала одѣвать римскій низшій классъ. Въ другихъ областяхъ Галліи не менѣе талантливые ремесленники попытались сдѣлать болѣе смѣлое предпріятіе: они начали красить матеріи въ красный цвѣтъ не съ помощью драгоценныхъ моллюсковъ, употребляемыхъ для пурпура, а съ помощью извѣстнаго растенія, которое Плиній называлъ *vasciscium*, создавъ такимъ образомъ растительный пурпуръ, стоившій гораздо дешевле перваго; если бы это предпріятіе удалось, то Галлія разорила бы ради своей пользы одну изъ самыхъ древнихъ цвѣтущихъ промышленностей на Востокѣ. Къ сожалѣнію, этотъ растительный пурпуръ, если и былъ такъ же блестящъ, какъ первый, то не могъ сохранять при стиркѣ своего цвѣта. Однако галлы все-таки не замедлили пустить его въ продажу среди народа и рабовъ и отправляли его въ большомъ количествѣ въ Италію, такъ что рядомъ съ настоящимъ пурпуромъ для господъ былъ еще пурпуръ дешевый, для бѣднаго класса. Въ то же время Галлія, какъ и Испанія, стала снабжать Италію оловомъ; прежняя галльская промышленность эмалью также стала процвѣтать. Если у галловъ было много причинъ выучиться хорошо говорить по-латыни и забыть свой родной языкъ, то одной изъ этихъ причинъ служило то обстоятельство, что итальянцы были ихъ лучшими клиентами. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ Римѣ, вокругъ Августа, маленькая олигархія властителей, думавшая, что все и даже будущее зависитъ отъ нея, истощалась въ жестокихъ несогласіяхъ и въ противорѣчивыхъ попыткахъ образовать будущее согласно своему желанію, это будущее устраивалось само собою и совершенно иначе, чѣмъ думали въ великой имперіи. Въ то время, какъ Августъ столько трудился надъ реорганизацией аристократическаго правительства въ Римѣ, случилось то, что мало-по-малу, чрезъ усилія милліоновъ людей, не сознававшихъ конечнаго результата, области имперіи, различныя между собою по языку, расѣ, традиціямъ и климату, мало-по-малу проникли одна въ другую и достигли плотнаго экономическаго единства. Матеріальные интересы, запутавшіеся до безконечности, держали ихъ такъ тѣсно связанными, какъ не могли сдѣлать ни римскіе законы, ни легіоны или воля сената и императоровъ. Посредствомъ этой внутренней, незримой, никѣмъ не сознаваемой работы случайное соединеніе земель, совершившееся посредствомъ побѣдъ и дипломатіи, теперь на самомъ дѣлѣ сдѣлалось однимъ тѣломъ, воодушевленнымъ одною душой. Еще разъ исторія насмѣялась надъ застѣнчивой мудростью человека. Объединительная сила, явившаяся благодаря эконо-

номическимъ интересамъ, была такъ велика, что никто не могъ остановить ея движенія, передавагшагося обществу эпохи имперіи, ни свернуть его съ пути, въ который оно пустилось само во время сорокалѣтняго «*paх Augusta*». И этотъ путь былъ именно тотъ, на который римская мудрость, говоря словами Тита Ливія, Горація, Виргилія, Августа и Тиверія, смотрѣла, какъ на ведущій къ пропасти. Италия, какъ и Галлія, Испанія, какъ и дунайскія провинціи, плато Малой Азіи, какъ и сѣверная Африка, народъ одной, уже состарившейся, цивилизаціи, какъ и варварь, деревенскіе плебен, какъ и средній и высшій классы, наконецъ вся имперія, благодаря миру, благоденствію, новому золотому вѣку, благодаря кушамъ, которые вмѣстѣ съ предметами торговли распространили греко-восточную цивилизацію,—всѣ должны были усвоить нравы и идеи, научиться утонченностямъ, порокамъ и разврату городской цивилизаціи, которую римляне считали столь пагубной. Всей имперіи предстояло покрыться городами; какъ въ центрѣ берберійскихъ племенъ, такъ и галльскихъ *civitates* деревни превратились въ прекрасные города, выстроенные по образцу итальянскихъ городовъ, которые, въ свою очередь, подражали, насколько могли, азіатскимъ городамъ. *Oppida* Далмаціи и Панноніи стали латинскими муниципіями; римскія колоніи, античные города греческаго міра выросли и украсились; величіе имперіи символизировалось чуднымъ великолѣніемъ своихъ богатыхъ городовъ и еще болѣе чуднымъ великолѣніемъ Рима, который императоры украсили не только для того, что онъ нравился римлянамъ, но чтобы ослѣпить подчиненные имъ народы и внушить имъ уваженіе къ себѣ. Среди этого всеобщаго благоденствія земледѣліе сдѣлалось также цвѣтущимъ; деревни узнали счастливое довольство, но то, что можно назвать духомъ полей, духомъ простоты, экономіи, строгой суровости, которую Виргилій такъ нѣжно воспѣлъ въ «*Георгикахъ*»,—этотъ духъ повсюду исчезъ. Могучіе корни городовъ поглотили весь жизненный сокъ деревень, цвѣтъ богатства, ума и энергіи, чтобы обратить ихъ въ роскошь, увеселенія и пороки. Самыми цвѣтущими деревнями стали тѣ, которыя могли снабжать города виномъ и масломъ для празднествъ и игръ; крупныя и средніе собственники перебрались на житье въ города и затратили часть своего состоянія, чтобы построить термы, доставить плебеямъ зрѣлища и раздавать имъ тамъ хлѣбъ и масло. Повсюду крестьяне все болѣе и болѣе чувствовали побужденіе сдѣлаться горожанами; даже самыя отдаленныя, простые деревенскіе народы имперіи старались сдѣлаться тѣмъ, что мы называемъ теперь промышленниками, усовершенствовать первобытное искусство своей страны, продавать подалеже свои продукты, подражать промышленности болѣе богатыхъ народовъ, особенно относительно выдѣлки тканей. Сами германцы, по ту сторону Рейна, вздорливый и воинственный народъ, застѣли за ткацкое ремесло. Римъ заставилъ проникнуть первые принципы осѣдлой цивилизаціи далеко за свои границы вплоть до германскихъ лѣсовъ. Привычки къ роскоши и удовольствіямъ просочились въ самыя глубокіе слои, распространились среди черни и даже развратили армію; военный, національный и политическій духъ повсюду исчезъ. «Римскій миръ», говоритъ Ферреро, распространилъ во всей имперіи, даже въ малевькихъ деревушкахъ самыхъ отдаленныхъ провинцій, даже среди самыхъ первобытныхъ расъ, вплоть до военнаго

лагеря, ту порочность нравовъ, какая внушала столько ужаса римскимъ традиционалистамъ, тотъ духъ утонченности въ удовольствіяхъ, искусствѣ, новшествахъ, который мы называемъ съ тѣмъ оптимизмомъ, быть можетъ, столь же обманчивымъ, какъ и пессимизмъ древнихъ, — цивилизаціей. Этой-то «порочности нравовъ», этой цивилизаціи особенно надо приписать цвѣтущее единство имперіи въ теченіе послѣдующихъ двухъ вѣковъ. Въ продолженіе трехъ вѣковъ Римъ привязалъ къ себѣ и связалъ между собою Востокъ и Западъ, потому что вновь далъ цивилизованнымъ восточнымъ народамъ блестящее возрожденіе городской цивилизаціи и потому что далъ впервые отвѣдать ее африканскимъ и европейскимъ варварамъ. Римъ господствовалъ надъ народными массами, не благодаря своимъ легионамъ и законамъ, но благодаря своимъ амфитеатрамъ, играмъ, гладиаторамъ, термамъ, раздачѣ масла, дешеваго хлѣба, вина и празднествамъ. По мѣрѣ того, какъ чернь отвѣдывала болѣе утонченную и богатую жизнь, она привязывалась ко всѣмъ авторитетамъ и учрежденіямъ, которые донускали ее наслаждаться этой жизнью, а богатый классъ, въ интересахъ котораго было сохранить существующій порядокъ вещей, понималъ, что нѣтъ лучшаго средства для укрѣпленія власти, какъ удовлетворяя страсти народныхъ массъ. Императоръ въ Римѣ подавалъ примѣръ всѣмъ; и какъ онъ властвовалъ въ Римѣ, такъ богатые сохраняли муниципальную власть въ городахъ Азии и Африки, непрерывно давая плебсу празднества и ѣду. Галльская аристократія навсегда сдѣлалась преданна имперіи, когда привыкла жить въ виллахъ, похожихъ на итальянскія, но обширнѣе и пышнѣе, блиставшихъ прекрасными римскими и греческими мраморами, декорированныхъ въ стилѣ въ то время модномъ въ метрополиі, украшенныхъ копіями съ образцовыхъ произведеній Греціи. Одинъ писатель, пропитанный древней мудростью, полвѣка спустя жаловался, что въ его время у служанокъ были серебряныя зеркала и что въ городскихъ тавернахъ вышивали громадное количество вина; но главной связью имперіи въ эпоху наибольшаго ея процвѣтанія служила всеобщая склонность къ утонченностямъ, удовольствіямъ и порокамъ изящной городской цивилизаціи».

— Св. Меланія. — Имя Меланіи довольно распространено въ Россіи, поэтому недавно появившіяся двѣ книги — одна въ Римѣ, другая въ Парижѣ, заключающія въ себѣ исторію этой святой, представляютъ нѣкоторый интересъ для русскихъ и опровергаютъ до сихъ поръ приписываемое ей греческое происхожденіе, обозначенное въ православныхъ календаряхъ. Помимо уже числящихся за этой святой добродѣтелей, какъ лишеніе себя всѣхъ благъ и богатствъ ради нищихъ, она проявила еще замѣчательную черту женской самостоятельности, ту, что въ наше время обозначаютъ моднымъ словомъ — феминизмъ, и чрезвычайно необыкновенную для женщины того времени, находящейся въ лонѣ христіанской церкви. Это необычайное явленіе выразилось у нея въ публичныхъ диспутахъ, которые она вела съ учеными богословами.

Судьба этой святой довольно превратна: къ ней, какъ нельзя болѣе, подходитъ извѣстное изреченіе: «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ», такъ какъ съ лишеніемъ ея блестящаго положенія память о ней совершенно изсякла въ родной для нея латинской церкви, и до сихъ поръ въ Италіи не находи-

лось историка для ея жизнеописанія. Только недавно кардиналь Рамполла собралъ всѣ документы, касающіеся ея жизни, и привелъ ихъ въ своемъ новомъ трудѣ ¹⁾, а второй ея историкъ, французъ Гойо, разработалъ ихъ и написалъ ея исторію ²⁾. Насколько римская перковь пренебрегала этой святой, настолько греческая почитала ее, и когда Рамполла хотѣлъ дать приблизительное представленіе о ея физическомъ портретѣ, ему пришлось обратиться къ греческимъ источникамъ, и на первыхъ страницахъ его книги красуется византійская миниатюра этой святой. Ей удалось возратить себѣ почетное мѣсто на родинѣ только послѣ длиннаго путешествія съ Востока чрезъ дальній христіанскій Западъ, испанскія бібліотеки и затѣмъ Францію.

Кардиналь Рамполла описываетъ какъ жизнь св. Меланіи, такъ и тогдашнее римское общество и начинаетъ свое повѣствованіе съ ея дѣтства. Она родилась въ Римѣ въ 388 г. и происходила изъ знатнаго рода римскихъ патриціевъ Валеріевъ, одинъ изъ членовъ которыхъ былъ первымъ консуломъ республики. Начало ея жизни протекло въ роскошной, богатой и пышной виллѣ Валеріевъ, построенной въ IV вѣкѣ на хребтѣ Целія, среди другихъ великолѣпныхъ виллъ знатныхъ патриціевъ. Ея бабка, тоже по имени Меланія, также отличалась набожностью, и, овдовѣвъ двадцати трехъ лѣтъ, начала вести жизнь святой. Выстроивъ въ Иерусалимѣ монастырь, она поселилась въ немъ и жила тамъ до самой смерти. Хотя латинская церковь не признала ее святой, но все-таки день ея рожденія внесла въ свой календарь. Младшая Меланія, какъ обыкновенно называютъ описываемую обоими историками святую, унаслѣдовавъ громадное богатство, не увлеклась свѣтскими соблазнами, и когда у нея умерли дѣти, она уговорила своего мужа Пиніана удалиться отъ міра и его соблазновъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день она отправилась, въ послѣдній разъ при парадной обстановкѣ, на сосѣдній холмъ Палатинъ, во дворецъ королевы Серены, чтобы съ помощью своего краснорѣчія и подарковъ вымолить у нея право... на бѣдность, то есть на раздачу всего своего имущества бѣднымъ. Въ сенатѣ, во всей кастѣ патриціевъ и среди ея родныхъ поднялась настоящая буря. Всѣ они соединились вмѣстѣ съ цѣлью помѣшати осуществленію такого, по ихъ понятію, скандала, оскорблявшаго всю ихъ касту. Но королева не только разрѣшила Меланіи избавиться отъ тяготившаго ее богатства, но даже отдала приказъ чиновникамъ наблюдать на протяженіи всего ея государства за продажею богатыхъ имѣній будущей святой. Однако отдѣлаться отъ такой богатой и роскошной виллы было нелегко: ни у кого въ Римѣ, даже у самой королевы не находилось столько денегъ, чтобы пріобрѣсти ее. На помощь Меланіи явились варвары, и если бѣдные отъ этого ничего не выиграли, то она все-таки была избавлена отъ своихъ богатствъ гораздо скорѣе, чѣмъ сдѣлала бы это ликвидація ея имущества: вторгнувшіеся въ 410 г. вестготы, во главѣ со своимъ королемъ Аларихомъ, разграбили Римъ и навсегда уничтожили виллу Целія со всѣми ея

¹⁾ *Santa Melania Giuniore senature Romana. Documenti contemporanei e note. Cardino Rampolla de Tindaro. Roma. 1908.*

²⁾ *Sainte Melanie. Par Georges Goyau. Paris. 1908.*

сокровищами. На это время Меланія укрылась отъ варваровъ въ одномъ изъ своихъ еще не проданныхъ имѣній въ Сициліи. Затѣмъ она съ мужемъ поселилась въ Тагастъ, въ Нумидіи, гдѣ, подъ руководствомъ св. Августина, они повели строгую жизнь, умерщвляя свою плоть. Затѣмъ они отправились въ Іерусалимъ, гдѣ Пиніанъ поступилъ въ какую-то обитель, а Меланія, выстроивъ собственный монастырь, сдѣлалась монахиней и поселилась тамъ. Оттуда она уѣзжала съ цѣлью привести въ христіанство своего дядю Волюзія и, возвратясь снова въ Іерусалимъ, выстроила мужской монастырь на Голгоѣѣ.

Эпоха, въ которую жила будущая святая, была самая любопытная и разнообразная, какія когда-либо существовали, проникнутая тѣми волнующими элементами, какіе неизбежны при той неравной борьбѣ, которая велась между умирающимъ и уже находившимся въ агоніи язычествомъ и торжествующимъ христіанствомъ, съ одной стороны, и умирающей римской цивилизаціей съ враждебными внутренними и вѣшними силами—съ другой. Поэтому св. Меланія не представляла исключительной личности въ ту эпоху, когда вопросъ о бѣдности и богатствѣ не былъ рѣдкостью въ христіанствѣ. Жертвуя всѣмъ своимъ богатствомъ въ пользу неимущихъ, она особенно выдѣлялась среди другихъ лишь колоссальностью и цѣнностью его и упорной борьбой, которая велась за него, возбуждая споры со стороны ея родныхъ, что дѣлало ея положеніе какъ бы исключительнымъ.

Второй ея историкъ, Жоржъ Гойо, особенно выставляетъ на видъ проявленіе ея женской самостоятельности, ея важную интеллектуальную роль, какую трудно представить себѣ у женщинъ христіанской церкви той эпохи. Эта роль была за нею признана такими мужчинами, какъ св. Іеронимъ, посвятившій имъ свои труды, ради которыхъ онъ изучалъ Библію. Св. Меланія была богословомъ и, несмотря на слова апостола, который предлагалъ женщинамъ не возвышать голоса въ церкви, она не смолкла и вела свои диспуты въ Африкѣ, Египтѣ, Константинополѣ, особенно въ Палестинѣ, гдѣ она умерла въ 439 году.

— Тэнъ, какъ историкъ французской революціи.—Подъ этимъ саркастическимъ заглавіемъ А. Оларъ, настоящій историкъ революціи и всѣми уважаемый человекъ, отличающійся какъ научнымъ знаніемъ, такъ и безупречной добросовѣстностью убѣжденій, написалъ ученую основательную критику¹⁾ на извѣстное сочиненіе Тэна «*Les origines de la France contemporaine*». Оларъ до совершенства знаетъ эту революцію, восторгается ею и ставитъ своей задачей защищать ее отъ всѣхъ ея враговъ. Самъ Тэнъ употребилъ двадцать лѣтъ на свой красивый въ художественномъ отношеніи, но далеко не безпристрастный трудъ, а Оларъ посвятилъ почти столько же лѣтъ на основательный и серьезный пересмотръ всѣхъ недостатковъ и заблужденій великаго мыслителя въ его послѣднемъ твореніи. Какъ всѣ мыслители, слишкомъ придерживающіеся своей системы и чрезмѣрно слѣдующіе своимъ одностороннимъ принципамъ, Тэнъ, послѣ долгаго торжества, въ настоящее время подвергается строгой критикѣ, благодаря происшедшей реакціи во мнѣніи

¹⁾ Taine, *historien de la Révolution Française*. Par A. Aulard. Paris. 1908.

большинства сторонников исторической науки. Оларь, въ своемъ мастерски написанномъ образцовомъ трудѣ, разнесъ по косточкамъ Тэна, а одиный профессоръ, не менѣе его ученый, прочелъ на сорбонской кафедрѣ цѣлый курсъ о философскомъ духѣ литературы, гдѣ онъ совершенно уничтожилъ систему Тэна, признававшего революціонный духъ вѣка энциклопедии естественнымъ слѣдствіемъ научнаго классическаго направленія XVII вѣка. Эта формула признана неопредѣленной, неправильной, слишкомъ отдаленной отъ реальной истины, а правильнымъ оказался взглядъ Брюнетьера, который видитъ въ философскомъ движеніи XVIII вѣка послѣдствія вліяній картезіанскаго и англійскаго. Такимъ образомъ, Тэнъ, не только какъ историкъ, но и какъ философъ, подвергается въ настоящее время сильнымъ нападкамъ, хотя, по выраженію Бутми, «онъ создалъ машину для мышленія, которая служила орудіемъ для двухъ или трехъ поколѣній».

Оларь начинаетъ свою критику съ очень интересной главы, въ которой говоритъ о Тэнѣ, какъ о литературномъ и историческомъ воспитателѣ того поколѣнія, къ которому онъ принадлежитъ. «Я, говоритъ онъ, былъ расположенъ въ пользу его еще съ юности, когда былъ ученикомъ Нормальной школы и когда онъ мнѣ казался главой либеральныхъ мыслителей, современнымъ ученымъ современной науки; я съ уваженіемъ слушалъ его лекціи въ школахъ изящныхъ искусствъ и до сихъ поръ во мнѣ осталось къ нему уваженіе, какое всякій обязанъ имѣть къ могучему уму, созидающему воображенію, къ писателю, который въ то же время художникъ, какъ къ одному изъ наиболѣе почитаемыхъ типовъ французскаго ума въ XIX столѣтіи». Но Оларь почиталъ Тэна, какъ мыслителя и отчасти ученаго, до тѣхъ поръ, пока послѣдній не подвергся громадному умственному перевороту, благодаря коммуны 1871 г. Съ этимъ совпали и первые труды его по исторіи революціи. Два года онъ собиралъ документы и въ 1875 г. издалъ свое прекрасное сочиненіе «L'ancien régime», а затѣмъ уже приступилъ къ изданію трехъ томовъ исторіи революціи, оконченной имъ въ 1884 г. Всѣ почитатели Тэна удивились, какъ онъ неожиданно измѣнился. По словамъ Олара, онъ выразилъ злобную ненависть къ революціи и ко всему либеральному, при этомъ обнаружилъ жажду къ рекламѣ, что видно изъ его собственныхъ словъ въ письмѣ къ матери: «Необходимо, чтобы въ ту минуту, когда появится моя книга, я имѣлъ достаточно связей, чтобы про нее протрубить. Безъ сильнаго трубнаго гласа публика не пойдетъ и окажется, что книга написана для звѣздъ, для поэтическихъ читателей, но не подходитъ большинству». Далѣе онъ прямо выражаетъ, что надо привлечь на себя вниманіе такихъ писателей, какъ Гизо, Ренанъ и Сентъ-Бѣвъ. Сдѣлавшись отчаяннымъ реакціонеромъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ заботиться о своемъ литературномъ успѣхѣ, что видно изъ недавно напечатанной его переписки съ друзьями. Оларь доказываетъ, что «Исторія революціи» Тэна въ сущности не исторія, а красиво написанная клевета. Въ доказательство онъ старательно и основательно разбираетъ всѣ документы, приведенные Тэномъ, какъ данныя противъ учредительнаго собранія, якобинцевъ, учрежденія революціоннаго правленія и его существованія до конца. При этомъ, по его мнѣнію, нѣтъ ни одного текста, воплѣ

правильно сохраненнаго, ни одного справедливаго вывода, а все у него одинаково ложно и противорѣчить реальной правдѣ. Одно только остается за Тэномъ, и это признаеть Оларь, — искренность. Поэтому онъ, со своей стороны, дѣлаеть такой выводъ: «Тэнь дурно говоритъ о французской революціи, значить, онъ ошибся».

Строгий тонъ сочиненія Олара не преувеличенъ, и онъ вполне добросовѣстно доказываетъ, что талантъ Тэна въ прежнихъ его сочиненіяхъ относительно исторіи революціи совершенно исчезъ и теперь даже школьники не признають Тэна великимъ историкомъ. Что же касается самого Олара, то онъ еще въ 1903 г. публично отказался подписаться на сооруженіе памятника Тэну въ слѣдующихъ словахъ: «Я не подпишусь, потому что Тэнь, мнѣ кажется, ни въ какомъ случаѣ не историкъ. Нравственный, безкорыстный, трудолюбивый, онъ былъ однако въ своихъ историческихъ выводахъ до того страстенъ, что увлекался ошибками и фантазіями. Изъ этихъ фантазій вышла карикатура исторіи революціи или скорѣе политической или философскій памфлетъ». Этотъ приговоръ казался всеѣмъ слишкомъ суровымъ, пока Оларь не доказалъ его справедливость въ своей настоящей книгѣ, которая не оставила отъ пресловутаго сочиненія Тэна рѣшительно ничего. Тэнь тѣмъ болѣе заслуживаетъ такой строгой критики, что онъ клеймилъ Тьера за его легкомысліе, а теперь оказался повиненъ въ томъ же самомъ.

Послѣ уничтоженія Оларомъ историческаго значенія Тэна совершенно кстати въ настоящее время является трудъ на англійскомъ языкѣ о той же революціи князя Кропоткина. Это новое произведеніе извѣстнаго ученаго окончательно заставитъ забыть пресловутую фантазію Тэна о французской революціи.

— Николай I и французскія легитимистки. — Въ настоящее время въ Парижѣ дѣлають много шуму мемуары графини Валонъ, которые еще не вышли отдѣльнымъ изданіемъ, но печатаются выдержками въ «Figaro». Извѣстная Жюльета Аданъ также помѣстила, подъ заглавіемъ «Около исторіи»¹⁾, отрывокъ изъ своихъ воспоминаній объ этой графинѣ, и въ немъ рассказала объ отношеніяхъ ея матери, маркизы Рошламбергъ, къ императору Николаю I и императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, съ которой онѣ обѣ были знакомы во время ихъ пребыванія въ Пруссіи, въ эпоху юльской монархіи. Отложивъ отчетъ о мемуарахъ графини Валонъ до окончанія ихъ въ «Figaro», мы теперь познакомимъ читателей съ интересными страницами госпожи Аданъ. Но прежде упомянемъ, что мать графини Валонъ, маркиза Рошламбергъ, была дочерью графини Головиной, вышедшей замужъ за французскаго эмигранта, графа Брюжа, мужъ графини Валонъ славился при Второй имперіи, какъ великосвѣтскій щеголь и спортсменъ, а его жена и мать жены были ярыми легитимистками. Салонъ графини Валонъ былъ извѣстенъ въ эпоху царствованія Наполеона III и въ первыя времена Третьей республики своимъ великосвѣтскимъ блескомъ и легитимистскими тенденціями, а потому ея мемуары не лишены интереса.

¹⁾ A côté de l'histoire: Madame de Valon. Par Juliette Adam. «La Revue Hebdomadaire» 26 septembre 1908.

Госпожа Аданъ рассказываетъ, какъ въ 1897 г. она посѣтила въ замкѣ Теваль графиню Валонъ, которая тогда была уже очень престарѣлой женщиной и вскорѣ послѣ этого умерла. Она провела у нея нѣсколько дней, и однажды графиня Валонъ, зная, что писательница интересуется Россіей, сказала ей: «Хотите, я вамъ расскажу одну исторію о Россіи». — «Пожалуйста», отвѣчала госпожа Аданъ, и графиня Валонъ приступила къ разсказу.

«Моя мать, маркиза Рошламберъ, и я, очень маленькая дѣвочка, поѣхали въ 1838 г. въ Тироль и по дорогѣ встрѣтили императрицу Александру, жену Николая I, которая отиралялась въ Интерлакенъ. Моя мать почтительно поклонилась императрицѣ, съ которой она была хорошо знакома, и спросила ее, не можетъ ли она чѣмъ-нибудь доказать ей свое глубокое уваженіе. Императрица съ живостью отвѣчала: «Поѣзжайте вмѣстѣ съ вашей дочерью со мною». Мать съ сожалѣніемъ возразила ей: «Въ прошедшемъ году я ѣздила въ Крейтъ, въ Тироль, и тамошнія воды такъ хорошо помогли моей больной дочери, что я считаю своимъ материнскимъ долгомъ вернуться въ это мѣстечко». — «Такъ что же, — отвѣчала императрица: — я поѣду съ вами». — «Но, — сказала моя мать, — въ Крейтѣ только четыре дома: заведеніе минеральныхъ водъ, мельница, мой домъ и маленькая вилла герцогини Лейхтенбергской». — «Наишите сейчасъ герцогинѣ, — отвѣчала императрица: — она не можетъ мнѣ отказать въ уступкѣ своей виллы».

«Конечно, герцогиня Лейхтенбергская отвѣчала, что она очень рада уступить императрицѣ свою виллу, — продолжала свой разсказъ графиня Валонъ, — и русскій дворъ, Богъ знаетъ какъ, размѣстился въ Крейтѣ. Однажды маркиза Рошламберъ сама видѣла, какъ императрица лазила по приставной лѣстницѣ, чтобы перегородить матеріей свою гостиную на двѣ части, изъ которыхъ одну обратила въ столовую. Всѣ вещи оставались въ фургонахъ и вносились въ домъ, когда была въ томъ надобность. Двадцать пять казаковъ и столько же киргизовъ сопровождали императрицу и съ лошадьми расположились лагеремъ. Въ одинъ прекрасный день прибылъ въ кабріолетѣ императоръ съ графомъ Орловымъ. Двадцать экипажей, всегда сопровождавшіе Николая, были отправлены въ другое мѣсто, чтобы всѣ полагали, что онъ пребываетъ тамъ. Но вскорѣ мѣстопробываніе императора перестало быть тайной. Всѣ нѣмецкіе дворы послали своихъ представителей въ окрестные замки, принадлежавшіе баварскимъ принцамъ. Былъ такой день въ Крейтѣ, когда тамъ находились пять императрицъ: бразильская, австрійская, императрица-мать, русская императрица и Марія-Луиза, но послѣдняя жила въ окрестностяхъ. Негоціанты со всего свѣта собрались сюда и устроили роскошную ярмарку. Императоръ выходилъ гулять одинъ къ неопisanному ужасу всѣхъ окружающихъ, боявшихся поляковъ. Однажды въ лѣсу, сосѣднемъ съ Крейтомъ, мой отецъ, маркизъ Рошламберъ, шедшій рядомъ съ Николаемъ I, неожиданно встрѣтилъ Сень-Феликса, прежняго учителя декламации русскихъ великихъ князей. Императоръ также его замѣтилъ и, узнавъ, сталъ декламировать сцену изъ «Федры». Сень-Феликсъ, тщетно раньше уговаривавшій Рошламбера представить его Николаю I, обрадовался этой встрѣчѣ и обращенію съ нимъ импера-

тора, и поэтому онъ немедленно подалъ реплику. Императоръ подошелъ къ нему нагнулся, такъ какъ самъ былъ высокаго роста, а Сень-Феликсъ—маленькаго, и поцѣловалъ его. Черезъ нѣсколько дней у моей матери сидѣлъ герцогъ Лейхтенбергскій, когда къ ней вошелъ Николай I. Она не смѣла представить перваго императору, такъ какъ не знала, хотя бы ли они быть другъ другу представлены. Герцогъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы удалиться, и Николай спросилъ ее: «Кто этотъ очаровательный французъ?»—«Это герцогъ Лейхтенбергскій», отвѣчала моя мать. — «Зачѣмъ вы мнѣ его не представили?»—«Я не знала, понравится ли это вамъ и ему». Императоръ объявилъ, что ему очень хотѣлось бы познакомиться съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, который впоследствии женился на его дочери, великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ».

Графиня Валонъ далѣе передала госпожѣ Аданъ, что однажды утромъ она въ наказаніе за то, что не знала катехизиса, была поставлена въ углу гостинои и, увидѣвъ входившаго императора, не двинулась съ мѣста, а потому подслушала происшедшій между нимъ и ея матерью разговоръ. Николай Павловичъ пришелъ проститься съ маркизой Рошламбергъ, которая собиралась навѣстить Генриха V, не обитавшаго еще въ Фросдорфѣ.

«Не забудьте, — сказалъ Николай, — передать Генриху V, слышите, Генраху V, что русскій императоръ шлетъ ему свой привѣтъ; не забудьте!»— «Ваше величество, — отвѣчала моя мать, — не передать ли чего-нибудь отъ вашего величества и его сестрѣ?»— «Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ императоръ: — я ея не терплю». — «Ваше величество, это нехорошо! Что она вамъ сдѣлала?»— «Она помѣшала свадьбѣ своего брата съ моей дочерью Ольгой». — «Ваше величество, — произнесла моя мать, которая осмѣливалась говорить все прямо, — принцесса права. Вѣдь ваше величество хотѣли сдѣлать изъ нашего короля русскаго принца». — «Я хотѣлъ сдѣлать изъ моей дочери французскую королеву. Запомните, что сестра Генриха V будетъ причиной несчастья Европы: будь Франція съ Россіей въ союзѣ, что стало бы съ Германіей?»

«На другой день моя мать должна была уѣхать со мной изъ Крейта, окончила графиня свой рассказъ, и императоръ еще разъ пришелъ проститься съ нами. Остановившись на подножкѣ нашего экипажа, онъ сказалъ: «Не забудьте повторить Генриху V, что я вамъ сказалъ!» и онъ повторилъ свою фразу. Моя мать съ улыбкой произнесла: «Ваше величество, скажите же словечко для его сестры!» На это императоръ воскликнулъ: «Никогда, никогда! Вспомните, что она будетъ причиной несчастья Европы».

По словамъ графини Валонъ, все, что она рассказала, было записано въ тотъ же вечеръ слово въ слово, такъ какъ ея учитель нѣмецкаго языка требовалъ, чтобы она каждый вечеръ записывала все, что произошло въ теченіе дня.

— Обѣленіе знаменитаго поэта, романиста и драматурга.— Недавно въ Англіи вышло полное собраніе сочиненій англійскаго писателя Оскара Уайльда, и во всѣхъ газетахъ появились хвалебные гимны въ честь его. Въ нихъ онъ прославляется, какъ замѣчательный гений и великій мыслитель и, если не равный, какъ драматургъ, Шекспиру, то, по крайней мѣрѣ,

не уступающій другимъ выдающимся представителямъ драматическаго искусства по силѣ таланта. Насколько высоко стали цѣнить произведенія этого писателя въ настоящее время, настолько, при его жизни и въ теченіе восьми лѣтъ послѣ его смерти, всѣ его сочиненія, какъ поэтическія, такъ романтическія и драматическія, разбивались въ прахъ критикой, которая встрѣчала ихъ насмѣшками и бранью. Вся причина этой удивительной метаморфозы произошла оттого, что Уайльдъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкомъ безнравственнымъ, но въ искусствѣ онъ постоянно отстаивалъ нравственные принципы. Англичане всегда отличались узкимъ пуританствомъ и потому преслѣдовали какъ Байрона, такъ и Уайльда; относительно послѣдняго дѣло дошло до того, что маркизъ Квинсбэри началъ противъ него судебный процессъ за гомосексуализмъ, и судъ приговорилъ его къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Послѣ этого репутація Уайльда окончательно погибла, и съ тѣхъ поръ онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ и жилъ до своей смерти въ 1900 г., забытый всѣми въ Англии, какъ при жизни, такъ и послѣ кончины. Теперь же наступило общее обѣленіе этого замѣчательнаго писателя, и во всѣхъ англійскихъ журналахъ и газетахъ появляются статьи, превозносящія Уайльда, какъ величайшаго писателя послѣ Байрона, и описываются обстоятельства его жизни и литературной дѣятельности.

Оскаръ Уайльдъ родился въ Дублинѣ, въ 1856 г., и окончилъ курсъ въ оксфордскомъ университетѣ, получивъ премію за поэтическое произведеніе, причемъ онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ учениковъ Рескина. Первый сборникъ своихъ поэтическихъ произведеній онъ издалъ въ 1881 г., а въ слѣдующемъ отправился путешествовать по Америкѣ, гдѣ читалъ публичныя лекціи о своей эстетической философіи. Затѣмъ онъ поселился въ Парижѣ, видя, что англичане къ нему не благоволятъ, и поставилъ на сценѣ парижскихъ театровъ нѣсколько пьесъ на французскомъ языкѣ. Самою замѣчательною изъ нихъ была «Саломея», сыгранная Сарой Бернаръ въ 1893 г. Наѣзжая по временамъ въ Лондонъ, Уайльдъ далъ англійскимъ театральнымъ антрепренерамъ нѣсколько пьесъ въ прозѣ и стихахъ: «Вѣрѣ лэди Виндермиръ», «Незначительная женщина», «Идеальный мужъ» и «Необходимость быть серьезнымъ». Но эти пьесы не имѣли никакого успѣха, и критика ихъ разнесла, главнымъ образомъ, за безнравственность. По этой причинѣ, «Саломея» Уайльда была запрещена въ Лондонѣ; ее перевелъ на англійскій языкъ его другъ, лордъ Дугласъ, сынъ того самаго маркиза Квинсбэри, который явился обвинителемъ въ судѣ противъ Уайльда. Кромѣ того, Уайльдъ написалъ томъ разказовъ подъ названіемъ «Счастливый принцъ», сборникъ очерковъ подъ заглавіемъ «Намѣреніе», романъ «Портретъ Доріаны Грей» и поэмъ «Сфинксъ». Послѣ же приговора суда и удаленія его въ Парижъ, онъ написалъ только два поэтическихъ произведенія: «Балладу Ридингской тюрьмы» и «De Profundis». Если теперь англійскіе критики признаютъ всѣ сочиненія Оскара Уайльда блестящими произведеніями, то они были такими же, когда выходили въ свѣтъ, но англичане относились къ нимъ несочувственно лишь потому, что признавали Уайльда безнравственнымъ человѣкомъ.

Главою литературныхъ противниковъ Уайльда былъ В. Генлэй, считавшійся въ то время великимъ англійскимъ критикомъ. Первымъ орудіемъ для

нападенія на талантливаго поэта, романиста и драматурга была статья о его романѣ «Портретъ Доріаны Грей». Генлэй принадлежалъ къ того рода писателямъ, которые смѣшиваютъ жизнь автора съ его произведеніями, и потому, считая Уайльда безнравственнымъ человѣкомъ, онъ призналъ и его романъ такимъ же. А въ сущности, теперь всякій знаетъ, что «Доріана Грей» одинъ изъ самыхъ нравственныхъ романовъ и что противоположное, по словамъ критика «Académie», можетъ признавать только «круглый дуракъ». Это, въ короткихъ словахъ, исторія человѣка, который уничтожаетъ свою собственную совѣсть; видимый символъ этой совѣсти принимаетъ форму портрета, который представляетъ совершенную красоту, носящую на себѣ гнетъ грѣховъ своего прототипа. Анонимный критикъ, только что нами упомянутый, увѣряетъ, что ни одинъ великій авторъ не далъ такого нравственнаго урока недостойному міру, какъ Уайльдъ въ этомъ романѣ. Изъ послѣдователей Генлэя отличался очень рѣзкой критикой пьесы Уайльда «Вѣреть лэди Виндермиръ» Клеменсъ Скоттъ и, наконецъ, самъ Генлэй, послѣ судебного приговора надъ Уайльдомъ, позволилъ себѣ написать недостойную статью о его «Балладѣ Ридингской тюрьмы». Всегда отличаясь завистью, Генлэй совершенно забылъ оказанныя ему Уайльдомъ услуги и разнесъ его, какъ автора и человѣка, самымъ невозможнымъ образомъ. Судьба оказалась вполне справедливой, и черезъ какія-нибудь десять лѣтъ сочиненія Генлэя теперь въ Англии никто не читаетъ, а Уайльдъ признается если не всѣми, то по крайней мѣрѣ большинствомъ англичанъ однимъ изъ величайшихъ писателей XIX столѣтія, имѣвшимъ наибольшее вліяніе на англійскую литературу. Однако, судя по тому, что его полное собраніе сочиненій вышло только въ одной тысячѣ экземпляровъ и стоитъ около 80 р., можно сдѣлать выводъ, что предубѣжденіе его соотечественниковъ противъ него еще не совсѣмъ исчезло.

Въ новомъ изданіи нѣкоторыя сочиненія Уайльда вполне передѣланы, особенно драма «Вѣра и нигилисты» и поэтическій сборникъ «De Profundis», такъ какъ въ прежнемъ изданіи въ нихъ находятся значительныя сокращенія. На обложкахъ двѣнадцати томовъ собранія сочиненій Уайльда нарисована изящная виньетка, изображающая чайку, бьющуюся о рѣшетку клѣтки, а потомъ ту же чайку, вырвавшуюся на свободу и быстро стремящуюся ввысь, гдѣ во мракѣ блеститъ лучезарная звѣзда. Реабилитация замѣчательнаго таланта Уайльда совершается не только въ Англии, но и въ различныхъ странахъ Европы; такъ, напримѣръ, въ Москвѣ выходитъ полное собраніе сочиненій Оскара Уайльда въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей Ликкордопуло. Въ немъ только по цензурнымъ условіямъ недостаетъ драмы «Вѣра».

— Король желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Авторъ книги объ американскихъ миллиардерахъ, отчетъ о которой былъ нами данъ въ свое время, I. де-Норвенъ, помѣстивъ въ «La Revue»¹⁾ довольно любопытную картину царящаго въ Америкѣ финансоваго произвола, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристику одного изъ замѣчательныхъ миллиардеровъ и образецъ американскаго способа пріобрѣтать колоссальныя богатства. Недавній финан-

¹⁾ Le roi de chemin de fer. Par L. de Norvin. 15 Juillet 1908.

совый скандалъ, едва не повлекшій за собой грандіозной катастрофы и улаженный лишь благодаря вмѣшательству правительства и ловкости Кортелю, привлекъ всеобщее вниманіе на любопытную личность одного современнаго янки, короля желѣзныхъ дорогъ, Генри Гарримана. Этотъ шестидесятилѣтній человѣкъ, не дающій времени одержать надъ собой побѣды и до сихъ поръ не теряющій ни энергіи, ни физической силы, обладаетъ до крайности спекулятивнымъ умомъ, безграничной смѣлостью и твердой волей. Какъ и знаменитому въ своемъ родѣ Вандербильду, Гарриману долго пришлось ожидать, пока пробьетъ для него часъ славы. Такъ же, какъ и первый, онъ собственнымъ лбомъ пробивалъ себѣ широкій путь къ богатству, безъ всякой посторонней помощи. Американцы сравниваютъ его съ метеоромъ, внезапно появившимся на биржевомъ небосклонѣ и своимъ блескомъ привлечшимъ къ себѣ всѣ взоры. Но это не значитъ, что Гарриманъ новичокъ въ дѣлѣ финансовыхъ спекуляцій: онъ къ нимъ присматривался двадцать лѣтъ и набилъ себѣ руку, поднявшись на вершину благополучія, какъ и большинство американскихъ милліардеровъ, по всѣмъ ступенямъ лѣстницы, начиная съ самой низшей.

Англичанинъ по происхожденію, Гарриманъ родился въ семьѣ скромнаго настора двухъ бѣдныхъ приходовъ и уже съ дѣтства понималъ, что ему предстоитъ самому зарабатывать себѣ хлѣбъ. Еще въ дѣтствѣ у будущаго милліардера проявлялась необыкновенная энергія, и товарищи смотрѣли на него, какъ на настоящаго дьявола, коновода самыхъ отчаянныхъ по смѣлости предѣлокъ. Онъ питалъ болѣе расположенія къ различнымъ спортамъ, чѣмъ къ наукѣ, въ которой онъ не видѣлъ немедленной для себя пользы. Когда въ 1860 г. вспыхнула война между Югомъ и Сѣверомъ, то мальчику было тринадцать лѣтъ и онъ не могъ разсчитывать, что его допустятъ сражаться, а потому ограничился тѣмъ, что собралъ отрядъ волонтеровъ изъ однолѣтокъ, которые сопровождали армію около трехъ верстъ. Но отецъ положилъ конецъ этому проявленію воинственныхъ наклонностей, помѣстивъ мальчика, вмѣстѣ съ его двумя братьями въ нью-іоркскую Trinity School приходящими учениками. Мальчикамъ ежедневно надо было вставать до разсвѣта и отпрапляться пѣшкомъ изъ Джерси въ Нью-Йоркъ. Впрочемъ, это длилось недолго: не имѣя средствъ платить за сыновей, отецъ рѣшилъ, что они довольно набили себѣ головы науками и теперь могутъ сами себѣ зарабатывать хлѣбъ, а потому помѣстилъ ихъ въ контору своего брата Джона Гарримана. Здѣсь четырнадцатилѣтній мальчикъ получалъ нѣсколько долларовъ въ мѣсяцъ, которые полностью отдавалъ отцу.

Вскорѣ Генри не поладилъ съ дядей и черезъ четыре года началъ работать за свой страхъ, такъ что въ двадцать лѣтъ у него было уже достаточно денегъ, чтобы завять мѣсто на нью-іоркской фондовой биржѣ, и съ тѣхъ поръ онъ никому его не уступалъ. При такихъ обстоятельствахъ биржевыя спекуляціи не составляли для Гарримана непроницаемой тайны и въ этомъ знаніи была вся его сила. Къ тому же онъ началъ свое дѣло въ самое благоприятное для биржевыхъ спекуляцій время, когда не требовалось громадныхъ капиталовъ для вступленія въ финансовыя дѣла. Фирма Г. Гарриманъ и компанія

была основана съ незначительнымъ капиталомъ въ семьдесятъ тысячъ франковъ, при большомъ количествѣ акціонеровъ, среди которыхъ находился братъ архимилліонера Стивенса Фиша, и потому Гарриманъ и Фишъ были связаны узами семейными, а также дружбы и симпатіи. Гарриманъ достигъ того, что обезпечилъ себѣ большое количество бумагъ центральныхъ иллинойскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ Фишъ былъ также заинтересованъ. Это пріобрѣтеніе сдѣлало его вліятельнымъ лицомъ, и онъ получилъ мѣсто директора, когда Фиша выбрали вице-президентомъ этой желѣзнодорожной компаніи. Затѣмъ, когда послѣдній сдѣлался президентомъ, Генри занялъ вице-президентское кресло, а по отъѣздѣ Фиша въ Европу—президентское.

Въ то время иллинойская линія имѣла администраторомъ генерала Джеффрия,—человѣка способнаго, но подозрительнаго, котораго стѣсняла дѣятельность и подвижность Гарримана, не пропускавшаго ничего изъ происходящаго въ дѣлѣ. Вскорѣ между ними возникли недоразумѣнія, и Джеффри, слишкомъ увѣренный, что онъ полезенъ дѣлу, которое безъ него не пойдетъ,—подалъ для вида въ отставку. Но дѣло вышло иначе, и акціонеры предпочли ему Гарримана. Сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ желѣзнодорожной линіи, Гарриманъ первымъ долгомъ уничтожилъ существовавшіе порядки. На опытѣ онъ убѣдился, что главное препятствіе къ процвѣтанію желѣзнодорожныхъ обществъ—чрезмѣрное товарное движеніе. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ завѣдывалъ маленькой желѣзнодорожной линіей, ведущей въ Онтарио, которая давала мало дохода вслѣдствіе переполненія грузами и когда облегчили движеніе поѣздовъ и улучшили путь, то дѣло настолько поправилось, что было очень выгодно продано.

Вступленіе Гарримана въ управленіе иллинойской желѣзнодорожной компаніей дало ему случай приложить свою систему въ болѣе обширному дѣлу. Въ то время взгляды на желѣзнодорожное дѣло были совершенно противоположны его взглядамъ. Объ условіяхъ матеріальныхъ, эксплуатаціонныхъ думали мало: единственнымъ предметомъ было довести расходы до минимума, чтобы раздуть дивидендъ. Этотъ методъ въ результатѣ только разорялъ эксплуатацію вслѣдствіе недостаточныхъ или дурныхъ матеріальныхъ условій и вызывалъ въ болѣе или менѣе короткій срокъ неминуемый крахъ. Тогда желѣзная дорога являлась средствомъ пускать въ обращеніе акціи, и разъ онѣ номѣщены, она могла обратиться во что ей угодно, и если она оказывалась въ опасности, то акціонеры переходили на другую.

Гарриманъ иначе смотрѣлъ на дѣло. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ иллинойской линіи настоящую желѣзную дорогу, допускающую вполне безопасно перевозить пассажировъ и товары, не ставя на карту человѣческую жизнь и не грозя потерей товаровъ. Америкацы считали Гарримана мечтателемъ и пожимали плечами предъ его гениальностью. Но мѣръ того, какъ послѣдній стремился къ своей цѣли, онъ примѣнялъ все, чему его научила спекуляція. Иллинойской линіи мѣшала одна соперничающая съ нею небольшая линія, и онъ ее купилъ по сходной цѣнѣ. Въ то же время Гарриманъ пріобрѣлъ другую хорошую линію, альтонскую, и слилъ ее съ иллинойской. Но предъ нимъ открылось еще другое обширное поле дѣятельности, вслѣдствіе краха самой

большой желѣзнодорожной линіи, съ пассивомъ въ двѣсти милліоновъ правительству, не считая ипотекъ и векселей, тянувшейся на 7500 миль и начавшей свое существованіе съ 1893 года. Ликвидация дѣла являлась при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и комитетныя лица, какъ, напримѣръ, Морганъ, воздержались подать свой совѣтъ. Только Фишъ предложилъ средство собрать фонды, чтобы прежде всего уплатить долги правительству, которое рассчитывало захватить въ свои руки линію. По этому случаю былъ выбранъ исполнительный комитетъ, и Гарриманъ принялся за дѣло. Онъ осмотрѣлъ линію и убѣдился, что дорога хороша. Не хватало только денегъ, много денегъ, чтобы привести линію и ея развѣтвленія въ порядочное состояніе. Но акціонеры не раскошеливались: они колебались. Гарримана не останавливали ихъ сѣтованія и онъ заключилъ новый контрактъ съ компаніей Пульмана, оказавшейся для него выгоднымъ; дѣла возобновились, и открылся кредитъ. Конечно, ему пришлось принести многочисленныя жертвы, и прежде, чѣмъ окончились работы, онъ потратилъ сто милліоновъ франковъ, еще не начиная заниматься главной линіей. Но Гарриманъ былъ упоренъ, и акціонеры, несмотря на ихъ возраженія, все-таки подчинились его волѣ. Чтобы они не ускользнули отъ него, онъ начертилъ планъ съ подробнымъ обозначеніемъ рода предстоящихъ работъ и точными расходами на каждую и отправился ко всѣмъ акціонерамъ. Онъ былъ такъ любезенъ и неотразимо очарователенъ, что они раскрыли свои кошельки. Благодаря силѣ убѣдительности, онъ сдѣлалъ изъ тихо-океанской компаніи, уже скомпрометированной, — блестящее дѣло. Дорога была перестроена и могла не бояться никакихъ конкурентовъ. Однако оставалось еще немалое препятствіе: Тихо-океанскій союзъ сначала былъ, какъ и Центральный Тихо-океанскій, цѣпью линій, идущихъ отъ Миссури въ Сень-Франциско. Онъ былъ перекушенъ Подземной Тихо-океанской компаніей, не очень удобной для Тихо-океанскаго союза. Это было помѣхой для хорошаго хода дѣлъ послѣдней линіи, и Гарриманъ рѣшился взять, по выраженію Норвена, «быка за рога». Онъ отправился къ директору Подземной Тихо-океанской компаніи и прямо предложилъ ему продать Центральную Тихо-океанскую дорогу. Послѣдній былъ изумленъ и возразилъ: «Но, Гарриманъ, я никогда не брошу такого прекраснаго козыря въ моей игрѣ!» — «Подожду», отвѣчалъ пророчески Гарриманъ. Было ли это предчувствіе, или *jettatore*, но черезъ нѣсколько дней директоръ внезапно умеръ. Его преемникъ былъ менѣе несговорчивъ, и Гарриманъ скупилъ не только Центральную Тихо-океанскую дорогу, но и всю Подземную Тихо-океанскую дорогу, что удвоило сѣть Тихо-океанскаго союза. Но все это было лишь прелюдія къ настоящимъ предиріятіямъ Гарримана. Вытѣснивъ Фиша изъ Тихо-океанскаго союза, гдѣ онъ остался единственнымъ хозяиномъ, Гарриманъ задумалъ проектъ, который доставилъ ему званіе колосса, и привелъ его въ исполненіе. Впрочемъ, и у него случались неудачи, какъ, напримѣръ, тщетная борьба за Сѣверную Тихо-океанскую дорогу. Этотъ колоссъ, какъ извѣстно, помѣрялся силой съ Рузевельтомъ, и побѣда послѣдняго не была рѣшительной, какъ это можно было думать. Онъ до сихъ поръ избѣгалъ *big stak*, который свалился на плечи Рокфелера и его товарищей. Другіе короли смотрятъ на Гарримана съ удивленіемъ, къ которому примѣшанъ нѣкоторый

страхъ: для нихъ онъ является очевиднымъ jettatore, и они рассчитываютъ на него, чтобы окончательно побѣдить rough rider—своего общаго врага. Послѣ перваго нападѣнія Рузвельта, колоссъ ловко отступилъ, предоставивъ другимъ поднять сброшенную перчатку, но всѣ финансисты убѣждены, что при предстоящихъ президентскихъ выборахъ онъ снова появится въ пользу того или другого кандидата. И, безъ сомнѣнія, тогда придется считаться съ нимъ.

Чтобы имѣть понятіе о финансовомъ могуществѣ Гарримана, достаточно вспомнить, что капиталъ Тихо-океанскаго союза представляетъ два миллиарда съ половиной франковъ, а доходы съ него превышаютъ триста милліоновъ въ годъ. Такимъ образомъ въ теченіе шести лѣтъ приходъ Тихо-океанскаго союза возросъ до ста пятидесяти милліоновъ франковъ. Кромѣ того, Гарриманъ предсѣдатель общества Подземной Тихо-океанской компаніи, протяженіе которой достигаетъ десяти тысячъ миль. Здѣсь капиталъ является на сумму около двухъ миллиардовъ съ половиной и ежегодный доходъ превышаетъ сто милліоновъ франковъ. Когда подумаешь, оканчиваетъ свою статью Норвенъ, что пересоваль по управленію и администраціи этого треста состоить лишь изъ статистовъ, то берегъ дрожь при мысли о чудовищной власти, сосредоточенной въ рукахъ одного лица, гнущаго остальныхъ къ безусловному повиновенію своему авторитету. Какъ громадна отвѣтственность этого человѣка, такъ гигантски велика его власть. Малѣйшее невниманіе, неловкій ходъ въ операціяхъ, которыя онъ ведетъ по своему усмотрѣнію, его внезапное сумасшествіе, все это можетъ причинить катастрофу, какой не будетъ равной, потому что онъ безконтрольный властелинъ, управляющій шестью миллиардами въ годъ, т. е. суммой гораздо болѣе высокой, чѣмъ бюджетъ любой націи. Этотъ человѣкъ располагаетъ существованіемъ цѣлыхъ тысячъ человѣкъ, ихъ жизнь и ихъ честь находятся въ его рукахъ. У этого современнаго державнаго властелина гораздо обширнѣе власть, чѣмъ у любого самодержца. Говорятъ, добавляетъ Норвенъ, что онъ еще честенъ. Потому ли, что умѣетъ ловко прятать свои сомнительныя операціи, или потому, что его звѣзда позволяетъ ему играть только въ некрапленныя карты. Всѣ Соединенные Штаты съ любопытствомъ смотрятъ на него; всѣ рассчитываютъ на Гарримана, ибо его паденіе, безъ сомнѣнія, произведетъ одинъ изъ тѣхъ краховъ, о какомъ Старый Свѣтъ съ трудомъ можетъ имѣть понятіе.

— Отовсюду.—Въ послѣднее время изъ книгъ и статей о Россіи заслуживаютъ вниманія двѣ книги, вышедшія въ Англіи, и нѣсколько статей, появившихся въ различныхъ европейскихъ журналахъ и газетахъ. Одна изъ книгъ, озаглавленная: «Трагедія Россіи въ Тихоокеанской Азіи» («The tragedy of Russia in Pacific Asia»), хотя издана въ прошедшемъ году, но поступила въ продажу въ Лондонѣ лишь въ августѣ нынѣшняго года. Она написана Макъ-Кормикомъ, который лично присутствовалъ при послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ русско-японской войны. Авторъ подробно и обстоятельно излагаетъ въ двухъ томахъ всѣ обстоятельства этой войны, и между прочимъ старается доказать, что всѣмъ звающимъ людямъ, исключая, по его словамъ, «слѣпыхъ русскихъ», было извѣстно за девять или десять недѣль до начала войны, что она неизбѣжно вслыхнетъ. Точно также онъ удостовѣряетъ, что

японцы и русскіе очень хорошо знали, къ какому результату приведетъ эта война. Наконецъ Макъ-Кормикъ считаетъ Куропаткина «героемъ» среди «незначительныхъ русскихъ генераловъ». «Онъ,—говоритъ англичанинъ,—никогда не терялъ общаго уваженія обѣихъ армій. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящимъ русскимъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ передовую фигуру въ этой войнѣ».

Въ американскомъ журналѣ «Mc. Clure Magazine» отъ сентября мѣсяца совершенно кстати появилось начало мемуаровъ Куропаткина, въ переводѣ извѣстнаго американскаго публициста и автора книги о Россіи, Джорджа Кенана. Въ предисловіи издатель журнала объясняетъ, что Куропаткинъ, вернувшись съ войны, написалъ обстоятельную исторію русско-японской войны, гдѣ объяснилъ ея причины и послѣдствія, причѣмъ представилъ положеніе и развитіе матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ русской имперіи. Хотя онъ почерпнулъ матеріалы своего отчета изъ официальныхъ и достоверныхъ источниковъ, но ему было не дозволено напечатать свое сочиненіе въ Петербургѣ и онъ предоставилъ редакціи американскаго журнала подлинную копію изъ шестисотъ тысячъ словъ, на основаніи которыхъ будетъ составлено пять или шесть статей. Кромѣ всевозможныхъ свѣдѣній о важныхъ государственныхъ вопросахъ, сочиненіе Куропаткина заключаетъ въ себѣ большое количество писемъ къ важнымъ въ Россіи лицамъ, которыя сдѣлали свои отмѣтки на поляхъ писемъ.

Куропаткинъ, прежде изложенія подробностей русско-японской войны, приводитъ подробную программу русской политики и увѣряетъ, что въ XX столѣтіи Россія потеряетъ болѣе 2 милліоновъ людей въ борьбѣ за національные интересы. Что же касается до объясненія причинъ войны, то Куропаткинъ въ первой статьѣ своихъ мемуарахъ говоритъ: «Въ 1898 г. владивостокскій коммерсантъ, по фамиліи Бриннеръ, получилъ отъ корейскаго правительства на весьма выгодныхъ условіяхъ концессию на срубку лѣса на рѣкѣ Ялу. Въ 1902 г. онъ продалъ свою концессию Александру Михайловичу Безобразову, извѣстному русскому предпринимателю и спекулятору, находившемуся на государственной службѣ. Далѣе Куропаткинъ удостовѣряетъ, что Безобразовъ въ 1903 г. настаивалъ на концентрированіи армій въ 70000 человѣкъ въ Южной Манчжуріи, въ то самое время, когда, по русско-китайскому соглашенію, русскіе должны были очистить Манчжурію. Это очищеніе даже началось, но неожиданно было остановлено, по непонятной для Куропаткина причинѣ. Впослѣдствіи оказалось, что это произошло вслѣдствіе вліянія Безобразова на Алексѣева и правительство. Куропаткинъ увѣряетъ, что онъ, Витте и Ламздорфъ, по распоряженію правительства, обсуждали Безобразовскіе планы и всѣ трое признали ихъ опасными для мира.

По мнѣнію правительства, «война съ Японіей была очень нежелательна», и рѣшено было признать лѣсную компанію чисто коммерческимъ дѣломъ. Въ іюль того же года Куропаткинъ предупредилъ правительство, что если оно не положитъ конца дѣятельности Безобразова въ Корей, то мы можемъ ожидать разрыва съ Японіей. Куропаткинъ совѣтовалъ, чтобы лѣсная компанія была прекращена и предпріятіе продано иностранцамъ. Онъ лично посѣтилъ

Японію и доложилъ своему правительству, что эта страна была готова къ войнѣ, а Россія нѣтъ; поэтому онъ упорно совѣтовалъ очистить Манчжурію и передать Китаю Портъ-Артуръ. Куропаткинъ прибавляетъ: «Я всегда былъ противъ лѣснаго предпріятія на Ялу, потому что предвидѣлъ разрывъ съ Японіей изъ-за него». Такимъ образомъ, по удостовѣренію Куропаткина, Россія была вовлечена въ японскую войну этимъ коммерческимъ дѣломъ, въ которое было помѣщено около двухъ милліоновъ рублей.

Другая книга, вышедшая въ Англіи и касающаяся Россіи, носитъ заглавіе: «Докторъ Бедекеръ и его апостольское служеніе въ Россіи» (Dr. Baedeker and his Apostolic Work in Russia). Авторъ этого труда, англиканскій пасторъ Латимеръ, прочиталъ о своемъ сочиненіи лекцію въ англо-русскомъ литературномъ обществѣ, назвавъ ее: «Взглядъ англійскаго евангелика на Россію». Кромѣ того, въ пражскомъ журналѣ «Молодой Христіанинъ» появился очеркъ жизни Бедекера—А. Адлофа, и такимъ образомъ мы имѣемъ основательныя понятія объ этомъ религіозномъ проповѣдникѣ, дѣйствовавшемъ энергично въ русскихъ тюрьмахъ, начиная съ Кронштадта до Сахалина. Теперь уже покойный, онъ былъ богатый и свѣтскій докторъ сорока лѣтъ, когда въ 1866 г. неожиданно обратился въ евангелическаго проповѣдника, благодаря убѣжденіямъ лорда Рэдстока. Къ Бедекеру очень любезно относилось русское правительство, онъ былъ близко знакомъ съ Галкинымъ-Враскимъ, о которомъ отзывается, какъ о «любезномъ и разумномъ христіанскомъ джентльменѣ», а также съ графомъ Львомъ Толстымъ, выведшимъ его, по словамъ пастора Латимера, въ своемъ романѣ «Воскресеніе», подъ именемъ Кизеветтера, садоннаго проповѣдника петербургскихъ аристократическихъ домовъ и «англичаньина», энергично посѣщавшаго русскія тюрьмы. При этомъ Латимеръ сожалѣетъ, что Толстой не сказалъ ни одного сочувственнаго слова о Бедекерѣ, и надѣется, что онъ еще исправитъ эту забывчивость. Послѣ лекціи Латимера сказалъ нѣсколько словъ о евангелическомъ движеніи въ Россіи пасторъ Груббъ, который бывалъ въ Петербургѣ и проповѣдывалъ въ салонахъ княгини Ливенъ и Гагаариной, а также г-жи Пашковой. Наконецъ предсѣдатель русско-англійскаго литературнаго общества, Э. Казалетъ, замѣтилъ, что русское правительство никогда не мѣшало евангелической проповѣди англичанъ въ Россіи.

По случаю поднесенныхъ въ Ревелѣ президентомъ Фальеромъ подарковъ дѣтямъ русскаго императора и послѣдовавшаго затѣмъ посѣщенія представителемъ Франціи Копенгагена «Figaro» напечатало маленькую статью въ своемъ литературномъ прибавленіи. Въ ней напоминаетъ читателямъ, что этотъ журналъ, еще прежде, въ первыя времена русско-французскаго союза, посылалъ въ подарокъ дѣтямъ императора Александра III различныя бездѣлушки, продававшіяся на улицахъ Парижа по случаю прибытія во Францію адмирала Авелана, во главѣ русской эскадры. Распорядиться этими подарками редакція журнала поручила своему корреспонденту, Эмилю Бэру, который захватилъ съ собою цѣлый чемоданъ различныхъ articles de Paris: булавокъ, брошекъ, игрушекъ, шарфовъ, флаговъ, тарелокъ, чашекъ, народныхъ картинокъ и проч. Пріѣхавъ въ Копенгагенъ, гдѣ тогда находился Александръ III

со своимъ семействомъ, Бэръ обратился къ женѣ принца Вольдемара Датскаго, дочери герцога Шартрскаго, съ просьбой дать ему совѣтъ, какъ поступить ему со своими подарками, такъ какъ русскій императоръ никого не принималъ. Принцесса заявила желаніе увидѣть парижскія бездѣлушки и съ большимъ удовольствіемъ разобрала весь чемоданъ. «Ахъ, какъ это мило, и какъ императоръ будетъ доволенъ,—воскликнула она:—я не возьмусь передать подарки дѣтямъ, а пусть императоръ самъ будетъ имѣть это удовольствіе». Тѣмъ и кончилось порученіе, данное «Figaro» своему корреспонденту, и онъ только присутствовалъ черезъ нѣсколько дней при отъѣздѣ изъ Копенгагена царскаго семейства.

Въ итальянскомъ журналѣ «Rassegna Nazionale» напечатана статья Паоло Берганци о мало извѣстномъ въ Италіи эпизодѣ въ царствованіе Екатерины II, относящемся до законодательнаго собранія въ 1767 и 1768 гг. Въ этой статьѣ обстоятельно изложены какъ знаменитый Наказъ, такъ и пренія депутатовъ, собравшихся сначала въ Москвѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ, сто сорокъ лѣтъ тому назадъ. По словамъ Берганци, быть можетъ, всего замѣчательнѣе въ этой Думѣ было то, что сѣверная Семирамида сначала хотѣла освободить крестьянъ и только потомъ отказалась отъ своего намѣренія, когда возникъ мятежъ Пугачева и впослѣдствіи вспыхнула французская революція, совершенно измѣнившая либеральные взгляды императрицы, которые превратились въ реакціонные.

Въ американскомъ журналѣ «Far East» помѣщены интересныя данныя о русскихъ, живущихъ въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ. Русскихъ тамъ находится всего около 2 милліоновъ и они занимаются различными мирными профессіями: 2,000 человекъ работаютъ въ пенсильванскихъ рудникахъ, 11,000—докторовъ, 4,000—писателей, пишущихъ на русскомъ языкѣ, и 40 человекъ сотрудниковъ англійскихъ газетъ. Въ Бостонѣ имѣется русская частная бібліотека, которая существуетъ съ 1830 г. Русскіе издають въ Соединенныхъ Штатахъ 11 газетъ и 4 журнала на своемъ языкѣ. Почти всѣ они грамотны и большинство принадлежитъ къ сектантамъ и социалистамъ. Что же касается ихъ благоденствія и богатствъ, то русскіе послали въ теченіе трехъ недѣль 4.800,000 руб. на поддержаніе недавней русской революціи.

Въ Америкѣ и Германіи недавно вышли «Мемуары» Карла Шурца, по происхожденію нѣмца, но проведшаго почти всю свою жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ родился близъ Кельна въ 1829 году и слушалъ лекціи въ боннскомъ университетѣ, но, еще не кончивъ курсъ филологическихъ и историческихъ наукъ, принялъ участіе въ смутахъ 1848 г. Принужденный бѣжать въ Швейцарію, онъ однако подъ ложнымъ именемъ вернулся въ Берлинъ и окончилъ курсъ въ тамошнемъ университетѣ. Потомъ онъ переехалъ въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ занимался журналистикой и былъ профессоромъ въ послѣднемъ городѣ. Наконецъ въ 1852 г. онъ переѣхалъ въ Америку, гдѣ былъ журналистомъ и адвокатомъ. Вскорѣ онъ приобрѣлъ большую популярность и былъ назначенъ посланникомъ въ Испанію, а во время войны Сѣвера съ Югомъ служилъ въ военной службѣ, дошелъ до чина дивизи-

зионнаго генерала и одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ южанами. Потомъ онъ былъ сенаторомъ отъ штата Миссури и въ 1881 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ 1906 г. умеръ въ Нью-Йоркѣ. Его мемуары чрезвычайно интересны, особенно отрывокъ изъ нихъ, напечатанный въ августовской книжкѣ «McClure's Magazine» — «Разговоры съ Бисмаркомъ». Въ этихъ разговорахъ герой крови и желѣза предсказываетъ какъ австрійскую, такъ и французскую войну. По словамъ канцлера, французскій императоръ самъ не хотѣлъ этой войны, но былъ принужденъ къ ней окружающими его. Что же касается Германіи, то Бисмаркъ также принудилъ къ войнѣ стараго Вильгельма, который, боясь отставки своего всемогущаго министра, былъ вынужденъ на нее согласиться.

Въ «American Journal of Archeology» за августъ мѣсяцъ В. Картеръ исторически и топографически разбираетъ начало Рима. Первобытная Италія, по словамъ автора, была населена двойко: вооруженными поселеніями на холмахъ, извѣстными подъ названіемъ фриды, и фермами, разбросанными въ долинахъ и равнинахъ и называвшимися *pagi*. Городъ Римъ, или *Urbs*, соединялъ и тѣхъ и другихъ; это не былъ городъ въ современномъ значеніи слова, а скорѣе соединеніе вооруженныхъ округовъ, плодородныхъ полей и сельскихъ хижинъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, городъ, долженствовавшій объединить весь міръ, стоялъ на Тибрѣ среди вооруженныхъ холмовъ и сельскихъ фермъ.

Въ баптистскомъ журналѣ «Expositor», издающемся въ Америкѣ, встрѣчается любопытная статья, въ которой Джонъ Горнъ съ негодованіемъ упоминаетъ, что такіе гуманные люди, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, отстаивали смертную казнь анабаптистовъ. До сихъ поръ сохранились письма Лютера къ маркграфу Саксонскому, въ которомъ одобрялось преданіе смертной казни анабаптистовъ, и точно также выражался и Меланхтонъ въ письмѣ къ ландграфу Гессенскому.

Въ «North American Review» извѣстный профессоръ Брайсъ помѣстилъ отзывъ о письмахъ королевы Викторіи и блестящимъ образомъ резюмировалъ ея характеръ. «Въ ней заключались, — говоритъ онъ. — двѣ главные черты, которыя поражали всѣхъ знавшихъ ее, и съ перваго взгляда онѣ казались несоотвѣтственными. Первая черта выражала строгую гордость и вторая — сознаніе собственнаго достоинства, но она не была надменная, и тѣмъ менѣе высокомерна, а лишь насквозь проникнута сознаніемъ, что она глава единой Британской имперіи. Королева также нимало не отличалась честолюбіемъ: она знала свои интеллектуальныя границы и никогда не брала на себя дерзость дѣлать то, къ чему не была способна. Сравнивая ее съ королевой Елизаветой, можно сказать, что она была свободна отъ недостатковъ послѣдней: личнаго честолюбія и недовѣрчивости. Правдивость и честность были основами ея характера. Она сама никого не обманывала и ненавидѣла въ другихъ обманъ. Она считала, что международная политика должна быть честной и открытой, и всегда противодѣйствовала всему, что въ этомъ отношеніи подвергалось упрёку».

Въ томъ же журналѣ Остинъ Гаррисенъ посвящаетъ германской печати любопытный этюдъ. По его словамъ, во-первыхъ, «всего любопытнѣе, что въ

вопросах иностранной политики эта печать никогда не отличается независимостью, хотя часто совершенно чужда общественному мнѣнію. Во-вторыхъ, она почти всегда можетъ назваться преданнымъ выразителемъ полуофициальныхъ мнѣній. Въ настоящее время германская печать гораздо централизованнѣе, чѣмъ въ прежнія времена, и ея оракулъ помѣщается въ Берлинѣ на Вильгельмштрассе. При этомъ нѣмцы очень презираютъ «джентльменовъ печати», такъ какъ они обыкновенно невѣжественны, получаютъ небольшое содержаніе и не пользуются никакимъ социальнымъ, политическимъ или литературнымъ достоинствомъ». Вѣдомство германской печати—неотъемлемая часть министерства иностранныхъ дѣлъ, и каждое германское посольство распоряжается мѣстной нѣмецкой печатью. Отъ этихъ общихъ соображеній авторъ переходитъ къ подробностямъ. Онъ указываетъ, на «Nord Deutsche Zeitung» — официальный органъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который говоритъ съ папской непогрѣшимостью. Ея редакторъ, русскій по происхожденію и по политикѣ, держится официальныхъ русскихъ взглядовъ, ненавидитъ англичанъ и во всѣхъ отношеніяхъ выражаетъ идеи пангерманизма. Величайшей газетой по-прежнему считается «Kölnische Zeitung»; «Nazional Zeitung» — руководящій органъ націоналовъ-либераловъ, а «Berliner Local-Anzeiger» имѣетъ самое обширное распространеніе и является наиболѣе процвѣтающимъ органомъ печати. Въ числѣ финансовыхъ газетъ «Frankfurter Zeitung», безъ сомнѣнія, лучшая газета въ Германіи. Военное юнкерство имѣетъ своимъ представителемъ «Kreis Zeitung», а католическая партія — «Germania». Какъ бы ни были разнорѣчивы всѣ эти газеты относительно внутренней политики, каждая изъ нихъ относительно вѣшной подчиняется официальному контролю.

Два англійскихъ журнала «English Illustrated Magazine» и «The World to day» сообщаютъ историческое свѣдѣніе и современное извѣстіе объ Америкѣ. Сотрудникъ перваго изъ нихъ, посѣтивъ англійскую деревню Сульгрэвъ, близъ Хельмдова, описываетъ, что въ старину она принадлежала роду Вашингтона и до сихъ поръ на помѣщичьемъ домѣ находится тотъ же гербъ, которымъ владѣлъ Георгъ Вашингтонъ. При этомъ замѣчательно, что этотъ гербъ сдѣлался гербомъ Соединенныхъ Штатовъ и на американскомъ флагѣ красуются тѣ же полосы и звѣзды, что и на гербѣ Вашингтона. Во второмъ журналѣ мы находимъ описаніе новаго социалистическаго театра въ Нью-Йоркѣ, который называется «Театромъ Пionеровъ». Это первая попытка основать подобный театръ, созданный съ очевидной цѣлью распространенія социалистическихъ ученій. Въ настоящее время на его сценѣ даются при многочисленномъ стеченіи зрителей небольшія пьесы. Въ первой изъ нихъ — «Дочь», Андрю Тридона, — зло осмѣивается плутократія, а во второй социалистической комедіи — «Нравственный вопросъ», Отто Гарглебена, — дѣлаются ярые нападки на богатство и защищается свободная любовь. Замѣчательно, что всѣ актеры — социалисты.

Въ Англійи недавно вышелъ шестой и послѣдній томъ исторіи Лондона сэра Вальтера Безанта, о которой своевременно было говорено въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ этой исторіи между прочимъ замѣчательно, что ея тома печатались не по порядку, но наоборотъ, такъ что настоящій томъ составляетъ по порядку первый и каждый изъ нихъ имѣлъ свое заглавіе. Такъ

шестой томъ называется: «Первобытный Лондонъ, доисторическій, римскій, саксонскій и нормандскій». Этотъ замѣчательный посмертный трудъ Безанта представляетъ подробное описаніе первыхъ обитателей Лондона, римскихъ законовъ и римскихъ древностей, прибытія саксонцевъ, успѣховъ датчанъ и завоеванія Англїи норманами. Происхожденіе названія «Лондонъ», по мнѣнію Безанта, вытекло изъ слова «Lunden», но, по мнѣнію другихъ ученыхъ, это происхожденіе чисто фантастическое, такъ какъ оно по-кельтически выражало озеро, а Лондонъ не могъ быть озеромъ, такъ вокругъ его было немного болотъ.

Въ высшей степени любопытны только что появившіеся два тома писемъ Кортеса, подъ заглавіемъ: «Пять писемъ Фернандо Кортеса къ императору Карлу V». Они переведены и изданы Макъ-Кнудомъ; второе, третье и четвертое изъ этихъ писемъ были уже давно извѣстны; пятое найдено въ послѣдніе годы въ вѣнскихъ архивахъ, а первое до сихъ поръ не отыскано, но тамъ же найдено письмо муниципалитета Вера-Круца къ королевѣ Хуанѣ, матери Карла V, которое Макъ-Кнудъ считаетъ тождественнымъ съ недостающимъ первымъ письмомъ Кортеса. Въ настоящихъ двухъ томахъ напечатаны всѣ письма Кортеса, въ томъ числѣ никогда не обнародованное первое письмо. Эти документы имѣютъ громадную историческую важность, такъ какъ они составляютъ простое неприкрашенное описаніе изо дня въ день всѣхъ обстоятельствъ завоеванія испанцами Мексики.

— Европейскіе памятники.—Въ августѣ мѣсяцѣ открыты въ разныхъ углахъ Европы памятники различнымъ замѣчательнымъ людямъ. Близъ Макона, провинціального города Франціи, въ небольшомъ мѣстечкѣ Реилонжъ, соотечественники соорудили памятникъ съ бюстомъ писателю и журналисту Луи Денуайе, родившемуся тамъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ 1802 г., а умершему въ Парижѣ въ 1868 г. Онъ учился въ маконскомъ лицей и нѣсколько лѣтъ былъ тамъ же учителемъ. Затѣмъ онъ переехалъ въ Парижъ и съ тѣхъ поръ занимался журналистикой. Денуайе основалъ газеты: «La Caricature», «Le Charivari» и «Le Siècle», а въ 1840 г. создалъ общество литераторовъ, которое существуетъ до сихъ поръ. Кромѣ газетной дѣятельности, Денуайе извѣстенъ былъ какъ авторъ дѣтскихъ книгъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна «Жанъ-Поль Шопаръ». На открытіе памятника Денуайе собрались мѣстные жители и до 10,000 прїѣзжихъ парижанъ. Въ числѣ многочисленныхъ рѣчей, произнесенныхъ при торжествѣ, а также на послѣдовавшемъ затѣмъ банкетѣ говорили представители литературнаго общества.

Въ Мангеймѣ воздвигли чрезвычайно оригинальный памятникъ въ честь Анны Гельцель, жены плотника, которая въ 1784 г. спасла Шиллера отъ тяжелой нужды и избавила его отъ долговой тюрьмы, выплативъ кредиторамъ долгъ писателя изъ своихъ сбереженій. Еще оригинальнѣе памятникъ открытъ въ Германіи Генриху Гейне. Извѣстно, что Вильгельмъ II не только велѣлъ выбросить изъ купленного имъ на Корфу помѣстья покойной австрійской императрицы Елизаветы памятникъ любимаго ея поэта Гейне, но и запретилъ открывать подобные памятники въ какомъ бы то ни было нѣмецкомъ городѣ. Теперь почитатели знаменитаго генія поставили ему памятникъ на одномъ

изъ лучшихъ рейнскихъ пароходовъ «Лорелей». На этомъ пароходѣ катаются десятки тысячъ путешественниковъ и потому имѣютъ случай привѣтствовать памятникъ великаго поэта.

20 сентября въ городкѣ Виріе, департамента Эны, соорудили памятникъ старинному французскому романисту Оноре д'Юрфе, который родился въ Марселѣ триста сорокъ лѣтъ тому назадъ, а умеръ въ Вильфраншѣ близъ Ниццы въ 1625 г. По происхожденію онъ принадлежалъ къ нѣмецкой семьѣ изъ стариннаго швабскаго дворянства, переселившейся во Францію. Д'Юрфе имѣлъ трехъ братьевъ-поэтовъ и не только былъ аристократомъ, но и богатымъ человѣкомъ, благодаря чему могъ купить у братьевъ графство Шато-Нёвъ и баронство Виріе. Молодымъ человѣкомъ онъ сражался въ рядахъ защитниковъ лиги и былъ взятъ въ плѣнъ, освободившись отъ котораго онъ удалился въ Шамбери и Вильфраншъ, принадлежавшія тогда герцогу Савойскому. Женившись на Діанѣ Шатоморанъ, д'Юрфе написалъ нѣсколько поэтическихъ произведеній, въ томъ числѣ «La Sidéine», которую онъ создалъ во время своего пребывания въ Виріе. Но главнымъ сочиненіемъ, прославившимъ его, былъ романъ въ пяти частяхъ «L'Astrée». Этотъ громадный романъ въ прозѣ и отчасти бѣлыми стихами былъ полупасторальный и полурыцарскій; въ теченіе всего XVII вѣка онъ славился во Франціи, какъ въ слѣдующемъ вѣкѣ славилась «Новая Элоиза» Руссо. Довольно странно, что увѣковѣчить память о немъ вздумали не на его родинѣ и не въ городѣ, гдѣ онъ скончался, а въ мѣстности, только принадлежавшей ему. Во всякомъ случаѣ памятникъ былъ открытъ при большомъ стеченіи народа, въ томъ числѣ въ присутствіи нѣсколькихъ сенаторовъ, депутатовъ и извѣстнаго литератора, академика Ренэ Базэнъ, который сказалъ въ честь д'Юрфе блестящую рѣчь.

Наканунѣ этого скромнаго торжества въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Франціи въ такомъ же мало извѣстномъ городкѣ Англій, Личфильдѣ, былъ открытъ памятникъ Джемсу Босвеллю. Этотъ писатель прославился въ англійской литературѣ колоссальной біографіей своего друга Самюэля Джонсона, извѣстнаго англійскаго критика и составителя словаря англійскаго языка. Что же касается Босвелля, то онъ жилъ въ XVIII столѣтіи, и кромѣ своей дружбы съ Джонсономъ и составленія его біографіи, ничѣмъ не отличался. Памятникъ ему очень кстати былъ поставленъ въ двадцати шагахъ отъ памятника Джонсона.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ специально литературныхъ празднествъ, въ испанскомъ городѣ Орвiedo происходилъ трехсотлѣтній юбилей мѣстнаго университета, одного изъ передовыхъ орудій испанской культуры. Это торжество продолжалось десять дней, и на немъ присутствовали представители всѣхъ знаменитѣйшихъ европейскихъ университетовъ. Предсѣдателемъ всѣхъ этихъ празднествъ былъ ректоръ орвiedoскаго университета, Фернанъ Канелла, а самую блестящую рѣчь произнесъ Рафаэла Альгамира. Наконецъ открыта статуя севильскаго архіепископа XVI в. Вальдеса, знаменитаго покровителя просвѣщенія Испаніи того времени.

— Смерть Чуртона Коллинса, Макса Фалька, Сальмерона и Пабло Сарасате.—16 сентября весь образованный Лондонъ былъ пораженъ

извѣстіемъ о неожиданной находкѣ въ Ультонскомъ каналѣ трупа профессора Чуртона Коллинса. Въ послѣднее время онъ страдалъ бессонницей и, надо полагать, что, принявъ большую дозу усыпительнаго средства, пошелъ прогуляться передъ сномъ вдоль канала, но, потерявъ сознание, упалъ въ воду. Чуртонъ Коллинсъ родился въ Буртонѣ въ 1848 г., воспитывался въ бирмингемской школѣ короля Эдуарда и окончилъ свое образованіе въ оксфордскомъ университетѣ. Выйдя изъ Оксфорда, онъ получалъ кафедру англійской литературы въ бирмингемскомъ университетѣ и тамъ съ большимъ успѣхомъ читалъ лекціи. Въ то же время онъ былъ однимъ изъ энергичныхъ распространителей университетскаго знанія, при чемъ самъ прочиталъ до трехъ тысячъ общенародныхъ лекцій. Авторъ многихъ историческихъ, литературныхъ сочиненій, онъ извѣстенъ былъ какъ критикъ и сотрудникъ «Saturday Review». Прекрасно зная греческихъ, римскихъ и англійскихъ классиковъ, онъ особенно изучалъ Платона, Шекспира и поэтовъ Елизаветинской эпохи. Незадолго до своей смерти на 50 году жизни, онъ основалъ въ Бирмингамѣ серьезную школу журналистики.

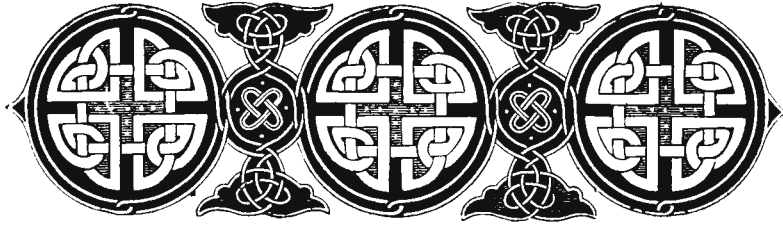
Въ Будапештѣ скончался на восьмидесятомъ году жизни докторъ Максъ Фалькъ. Онъ былъ сторонникомъ Франца Деака, и его письма въ «Pesti-Napló» послѣ революціи 1848 г. доставили ему видное мѣсто между венгерскими либералами. Какъ редакторъ «Pester Lloyd», онъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ согражданъ. Онъ былъ назначенъ профессоромъ венгерскаго языка молодой императрицы Елизаветы и послѣ ея смерти напечаталъ довольно интересныя воспоминанія о ней.

Въ одинъ день, 21 сентября, умерли два замѣчательныхъ испанца: бывший президентъ испанской республики Сальмеронъ и знаменитый скрипачъ Сарасате. Николасъ Сальмеронъ-и-Алонзо родился въ Альмеріи въ 1838 г., слушалъ лекціи въ гренадскомъ университетѣ и поступилъ профессоромъ философіи въ мадридскій университетъ. Съ самой молодости онъ отличался либеральными и республиканскими убѣжденіями, а также писалъ въ демократическихъ мадридскихъ газетъ «Discusion» и «Democracia». Въ 1867 г. онъ былъ арестованъ за принадлежность къ тайному республиканскому комитету, а во время революціи въ 1868 г. его назначили депутатомъ въ кортесы, гдѣ онъ упорно отстаивалъ республиканскія идеи. Послѣ удаленія изъ Испаніи короля Амедея, Сальмеронъ получилъ портфель министра юстиціи при Фигуэросѣ, президентѣ республики. Потомъ былъ избранъ въ председатели кортесовъ и горячо защищалъ республику федералистскую и консервативную. Когда Пи-и-Моргаль подалъ въ отставку изъ президентовъ испанской республики, то Сальмеронъ былъ избранъ на его мѣсто, но недолго пользовался своимъ высокимъ званіемъ: ему пришлось бороться съ федералистами Кароагены и Валенціи, которые взбунтовались противъ центральнаго правительства, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ карлистскаго мятежа. Мятежъ федералистовъ былъ имъ усмирень, но кортесы возстали противъ Сальмерона за его противодѣйствіе смертной казни, такъ что онъ былъ принужденъ подать въ отставку 4 сентября. Передавъ свою власть Эмилию Каstellяру, онъ единогласно былъ избранъ въ председатели кортесовъ. Въ 1874 г. пронуциамен-

то Маринеза Кампаса была уничтожена республика и восстановлена королевская династія Бурбоновъ, въ лицѣ Альфонса XII. Вслѣдствіе этого погрома Сальмеронъ потерялъ свою университетскую кафедру и удалился въ Парижъ. Въ 1881 г. Сагаста вернулъ въ Мадридъ всѣхъ изгнанныхъ профессоровъ, и Сальмеронъ не только снова получилъ свою кафедру, но былъ избранъ республиканскими прогрессистами въ кортесы, какъ депутатъ отъ города Мадрида. Въ парламентѣ онъ основалъ партію централистовъ, которые группировались между революціонерами партіи Рюизы Цориллы и пособилстами партіи Каstellяра. Въ это время онъ издавалъ газету «Justicia» и пламенно проповѣдывалъ республиканскія идеи. Въ послѣдніе годы Сальмеронъ составилъ союзъ изъ различныхъ республиканскихъ партій, подъ названіемъ «Каталонская Сплідарность». Сспособный ораторъ и философъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ друзей и политическихъ враговъ. Онъ умеръ въ 70 семидесяти лѣтъ, и его послѣдними словами были: «Я умираю безъ сожалѣнія: я исполнилъ свой долгъ. Я желаю счастья Испаніи!»

Одинъ изъ «королей скрипки» Пабло Сарасате скончался неожиданно въ Біаррицѣ, въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, на шестьдесятъ четвертомъ году. Онъ родился въ Пампелунѣ и получилъ музыкальное образованіе въ парижской консерваторіи, гдѣ пробылъ 18 мѣсяцевъ и получилъ высшую награду, послѣ чего началъ свои постоянныя странствованія по Европѣ и Америкѣ, которыя продолжались пятьдесятъ лѣтъ. Рѣдкіе артисты такъ страстно любили свое искусство, какъ Сарасате, и его игра отличалась удивительной энергіей, техникой и стилемъ необыкновенной чистоты и плѣнительности. Самъ онъ сочинялъ мало музыкальныхъ пьесъ и то преимущественно съ цѣлью выказать качества своего смычка.

С М Ъ С Ъ.

ВУХСОТЛѢТНІЙ юбилей битвы при Лѣсной. 27-го сентября, въ канунъ торжественнаго празднованія двухсотлѣтія побѣды русскихъ надъ шведами при деревни Лѣсной, Пропойской волости, Быховскаго уѣзда, Могилевской губерніи, гдѣ по высочайшему повелѣнію должна была состояться закладка памятника-храма, въ полдень прибыли въ Лѣсную высшее военное начальство, депутаціи отъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго, Кирасирскаго Ея Величества, гвардейской пѣшей артиллеріи и семи армейскихъ полковъ, духовенство во главѣ съ преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ гомельскимъ, управляющій губерніей, губернский предводитель и представители дворянства, земства, городовъ, крестьянства, учащихся, учащихся и могилевскаго и ярославскаго отдѣловъ союза русскаго народа. На пути отъ Могилева въ

Лѣсную временно-командующаго войсками крестьяне встрѣчали иконами, хлѣбомъ-солью и кликами « ура ». Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были устроены убранныя зеленью арки. Въ три часа дня преосвященнымъ, при большомъ стеченіи народа, совершенъ крестный ходъ изъ старой, построенной на полѣ сраженія, церкви на братскую могилу, разысканную недавно на кладбищѣ, гдѣ епископъ сказалъ надгробное глубоко прочувствованное патріотическое слово, указавъ на великое значеніе для Россіи славнаго боя, успѣхъ котораго, достигнутый гениемъ Петра и принесенными жертвами, предрѣшилъ исходъ Полтавскаго боя, создалъ счастливый поворотъ въ исторіи Сѣверной войны и положилъ начало славы и мощи Россіи. Слово заключено призывомъ присутствующихъ горячо помолиться за доблестныхъ предковъ-витязей, двѣсти лѣтъ тому назадъ положившихъ на этой равнинѣ животъ свой за дорогую родину. Затѣмъ была совершена панихида по Петру I, принцу Генриху Гессену-Дармштадтскому и по всѣмъ воинамъ, павшимъ въ бою. Затѣмъ крестный ходъ прослѣдовалъ

обратно въ старый Лѣснянскій храмъ, гдѣ преосвященнымъ была совершена всенощная. Вечеромъ капитанъ Федоренко прочелъ краткій докладъ о боѣ. Съ самаго утра на слѣдующій день по всѣмъ дорогамъ изъ окрестныхъ селеній двинулись въ праздничныхъ одеждахъ толпы народа на закладку храма и открытіе и освященіе памятника императору Петру Великому на мѣстѣ исторической битвы. Членъ императорскаго русскаго географическаго общества Романовъ на приготовленномъ возвышенномъ мѣстѣ близъ старой церкви прочиталъ популярное сообщеніе о значеніи событія съ исторической точки зрѣнія. Крестьянамъ и нижнимъ чинамъ раздавались бесплатно брошюры съ портретомъ Петра Великаго. Въ 9 час. утра преосвященный Митрофанъ, въ сослуженіи съ окрестнымъ духовенствомъ и военнымъ священникомъ, въ присутствіи съѣхавшагося множества народа, совершилъ въ старой церкви литургію. Затѣмъ крестный ходъ, подъ звуки «Коль славенъ», направился къ мѣсту закладки храма, передъ которымъ епископъ Митрофанъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на великую важность сооружеія храма, создающаго отнынѣ крупную связь между прошлымъ и грядущимъ поколѣніями русскихъ воиновъ. Чинъ водруженія креста, закладка и освященіе мѣста совершены въ специально устроенномъ навилонѣ, убранномъ флагами и зеленью. Когда крестный ходъ приблизился къ памятнику Петра Великаго, при пѣніи «Спаси, Госноди, люди Твоя», было свято покрывало. Памятникъ стоитъ на холмикѣ на разстояніи почти 100 сажень отъ воздвигаемаго храма. Онъ сооруженъ изъ желѣзо-бетоннаго камня, на вершинѣ его на шведскомъ знамени со сломленнымъ древкомъ бронзовый орелъ съ распростертыми крыльями и взоромъ на востокъ. На памятникѣ надпись «Въ память сраженія при Лѣсной, матери Полтавской побѣды 1708 годъ 28 сентября 1908 года». При провозглашеніи многолѣтія государю императору и вѣчной памяти Петру Великому, принцу Генриху Гессенъ-Дармштадтскому и всѣмъ воинамъ, навшимъ въ бою, генераль Плеве поздравилъ военную депутацію съ открытіемъ памятника и произнесъ по поводу событія горячую рѣчь, въ заключеніе которой была прочитана телеграмма отъ войскъ съ выраженіемъ Государю Императору вѣрноподданническихъ чувствъ. Когда затѣмъ генераль Плеве воскликнулъ: «Да здравствуетъ Его Императорское Величество», раздалось бурное «ура» многотысячнаго народа и, сливаясь съ гимномъ «Боже, Царя храни», долго потрясало тихую, залитую солнцемъ равнину. Тутъ же были прочитаны адреса отъ депутацій и привѣтственные телеграммы. Крестьянскія дѣти и ученики школъ пропѣли мѣстную переложенную пѣсню — «Было дѣло, дѣло подъ Лѣсной». По окончаніи парада, на которомъ депутаціи отъ войскъ и рота 161 полка во главѣ съ генераломъ Плевѣ прошли передъ памятникомъ церемониальнымъ маршемъ, всѣмъ прибывшимъ въ Лѣсную предложень обѣдъ въ большомъ шатрѣ и угощеніе мѣстнымъ крестьянамъ, устроенное военнымъ вѣдомствомъ съ участіемъ земскаго управленія губерніи. Провозглашенный генераломъ Плевѣ тостъ за здоровье и благоденствіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома былъ покрытъ громовымъ, долго не смолкавшимъ «ура», сливавшимся съ гимномъ. Присутствующими постановлено было повергнуть къ стопамъ обожаемаго Монарха чувства безредѣльной любви и вѣрноподданнической преданности, о чемъ управляющій губерніи телеграфи-

роवालъ министру внутреннихъ дѣлъ. Такая же телеграмма послана также отъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ и отъ крестьянскаго населенія губерніи. Было произнесено множество патріотическихъ рѣчей и тостовъ. Обѣдъ окончился здравицей Государю Императору, провозглашенной генераломъ Плева и покрытой восторженнымъ «ура». Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ. Въ этотъ же день состоялись военныя торжества въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ панихида по Петрѣ Великомъ и воинамъ-участникамъ битвы при Лѣсной была отслужена на площади у памятника великаго преобразователя. Здѣсь же состоялся и военный парадъ.

Присужденіе наградъ графа Уварова. Въ малой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 25 сентября, въ часъ дня, состоялось пятидесятое публичное засѣданіе по присужденію премій графа Уварова. Предсѣдательствовалъ вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, присутствовало нѣсколько академикомъ и не особенно много публики. Отчетъ былъ прочитанъ непремѣннымъ секретаремъ академіи С. Ѳ. Ольденбургомъ. На соисканіе уваровскихъ премій въ текущемъ году было представлено 13 авторами 14 сочиненій, которыя и были разсмотрѣны особою комиссіею изъ академикомъ подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря. Комиссія выдѣлила и разсмотрѣла только 9 сочиненій и пригласила для разсмотрѣнія ихъ рецензентовъ изъ своей среды и изъ постороннихъ ученыхъ. Большую уваровскую премію въ 1.000 руб. комиссія признала нужнымъ раздѣлить на двѣ, по 500 руб. каждая. Этими преміями удостоены: І. Н. А. Епанчинъ: «Очеркъ похода 1829 года въ Европейской Турціи», 3 т., Спб. 1905—1907 гг. Отзывъ объ этомъ трудѣ былъ данъ генералъ-отъ-инфантеріи П. Д. Паренсовымъ, по мнѣнію котораго работа сдѣлана авторомъ въ большей части отлично, а заключенія и выводы, изложенныя въ концѣ книги,—такъ сказать, сторона творчества и самостоятельнаго мышленія,—глубоко поучительны. Можно быть увѣреннымъ, что возросшее уже теперь новое поколѣніе русскихъ военныхъ людей, благодаря книгѣ г. Епанчина, въ возможныхъ будущихъ осложненіяхъ на Ближнемъ Востокѣ не будетъ такимъ безпомощнымъ, какимъ было наше поколѣніе, поколѣніе людей, перешедшихъ Дунай въ іюнь 1877 года. Сочиненіе это наполнило существовавшій до сихъ поръ непростительный пробѣлъ въ исторіи нашихъ войнъ. П. А. С. Родосскій: «Биографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ с.-петербургской духовной академіи: 1814—1869 гг. Къ 100-лѣтію с.-петербургской духовной академіи». Спб. 1907. Рецензія на это сочиненіе была сдѣлана начальникомъ архива и бібліотеки св. синода К. Я. Здравомысловымъ, по мнѣнію котораго трудъ Родосскаго нужно считать, несмотря на нѣкоторые его недостатки, капиталнымъ вкладомъ въ нашу исторіографію. Малыхъ уваровскихъ наградъ, по 500 руб. каждая, удостоены слѣдующія два сочиненія: Ш. Н. Д. Чечулинъ, «Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II». Спб. 1906. Отзывъ объ этомъ трудѣ далъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, нашедшій, что трудъ Чечулина довольно богатъ фактическимъ содержаніемъ, состоящимъ главнымъ образомъ въ цифровыхъ показаніяхъ и ихъ подсчетѣ, что автору при производствѣ его работы пришлось преодолѣть немало затрудненій и что весь трудъ его можно

назвать полезной «подготовительной» работой для цѣлаго ряда еле начатыхъ разысканій по исторіи нашихъ финансовъ XVIII вѣка. IV. В. Лысогорскій, «Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель». Ростовъ-на-Дону. 1905. Отзывъ объ этой книгѣ далъ профессоръ спб. духовной академіи П. С. Смирновъ, который говоритъ, что сочиненіе это представляетъ работу самостоятельную, потребовавшую отъ автора многихъ научныхъ изысканій и во многихъ отношеніяхъ цѣнную и что авторъ держится правильнаго взгляда на расколъ и его исторію. Сочиненіе обладаетъ несомнѣнными достоинствами и обильно фактическимъ матеріаломъ. Въ виду отсутствія денежныхъ средствъ, комиссія присудила почетные отзывы слѣдующимъ сочиненіямъ: I. С. М. Горяиновъ. «Восфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ государственномъ и с.-петербургскомъ главномъ архивахъ». Спб. 1907. По мнѣнію разсматривавшаго эту работу рецензента, профессора юрьевского университета В. Э. Грабаря, недостатки книги Горяинова лишаютъ возможности признать за нею характеръ научнаго изслѣдованія; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать той пользы, которую книга эта можетъ принести будущему изслѣдователю вопроса о проливахъ Чернаго моря,—благодаря цѣлому ряду новыхъ данныхъ, впервые въ ней опубликованныхъ. II. Протоіерей Н. Д. Извѣковъ: «Московскія кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII вѣкѣ. Церковно-историко-археологическое изслѣдованіе. Москва. 1906. Рецензію объ этомъ трудѣ далъ С. А. Бѣлокуровъ, который говоритъ, что книга составлена не по печатнымъ книгамъ, представляетъ изъ себя не компилятивный трудъ, а потребовала самостоятельныхъ продолжительныхъ изысканій въ архивахъ и другихъ хранилищахъ и представляетъ отрадное явленіе въ дѣлѣ изученія церковныхъ древностей города Москвы, хотя и не лишена многихъ существенныхъ пробѣловъ и даже ошибокъ. III. Священникъ Николай Шпагинскій: «Кіевскій митрополитъ Арсеній Могиланскій и состояніе кіевской митрополіи въ его правленіе (1757—1770 г.)» Кіевъ. 1907. Отзывъ объ этой книгѣ составленъ профессоромъ спб. духовной академіи П. Н. Жуковичемъ, который говоритъ: «Несомнѣнная заслуга автора—въ томъ, что онъ далъ опытъ полной научной біографіи митрополита Арсенія, тогда какъ въ нашей церковно-исторической литературѣ не было сдѣлано до сихъ поръ подобнаго опыта; онъ собралъ много новаго біографическаго матеріала—преимущественно архивнаго. Книга представляетъ собою нѣкоторый шагъ впередъ на общемъ пути монографической разработки южно-русской исторіи XVIII вѣка. По присужденіи премій императорская академія наукъ, согласно представленію комиссія, положила выразить глубокую свою признательность гг. рецензентамъ за ихъ труды, при чемъ назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ уваровскія медали профессорамъ: В. Э. Грабарю, А. А. Дмитріевскому, П. Н. Жуковичу и П. С. Смирнову, С. А. Бѣлокурову, К. Я. Здравомыслову, П. Д. Паренсову и Е. Е. Уссаковскому.

Актъ въ археологическомъ институтѣ. 23 сентября московскій археологическій институтъ торжественно праздновалъ первую годовщину своего существованія. Въ актовомъ залѣ высокопреосвященный Владимиръ, митропо-

литъ московскій и коломенскій, въ сослуженіи преосвященныхъ Василя, епископа можайскаго, и Анастасія, епископа серпуховскаго, архимандритовъ— Бориса, Макарія, Никодима и Гавріила, протоіерея І. І. Восторгова и другого духовенства, совершилъ молебствіе при пѣніи синодальнаго хора. На молебствіи и слѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи присутствовали: состоящій при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ Елизаветѣ Теодоровнѣ генераль-лейтенантъ М. П. Степановъ, начальникъ штаба московскаго военнаго округа генераль-лейтенантъ Вебель, прокуроръ синодальной канторы камергеръ Ф. П. Степановъ, разныя начальствующія лица, профессора университета, профессора, преподаватели, члены и многочисленныя слушатели археологическаго института. Изъ прочитаннаго на актѣ отчета о состояніи института за первый 1907—8 учебный годъ видно, что въ составѣ преподавательскаго персонала института насчитывается 18 лицъ; въ институтѣ состояло 58 почетныхъ членовъ, 33 дѣйствительныхъ и 4 члена-сотрудника. Въ отчетномъ году въ институтѣ состояло 228 слушателей, изъ нихъ 64 дѣйствительныхъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія, и 164 вольнослушателя; 168 лицъ подверглись экзамену. Слушатели въ учебномъ году предпринимали экскурсіи и научныя командировки и занимались въ архивахъ. По субботамъ, когда не было занятій, въ институтѣ читались рефераты. Институтъ издалъ лекціи по учебнымъ программамъ института и нѣкоторыя ученныя сочиненія. Положено основаніе музею и библіотекѣ, въ которой насчитывается уже 5.553 экземпляра книгъ. Музей сталъ пополняться древностями. За отчетный годъ поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ 15.089 руб., платы за слушаніе лекціи—9.576 руб. и другихъ доходовъ 726 руб., а всего — 25.391 руб.; израсходовано 8.000 р. на плату гонорара преподавателямъ, 6.746 руб. на издательскую дѣятельность, всего съ другими мелкими расходами 17.202 руб. Оставалось на 1 сентября 1908 г. 8.189 р. Затѣмъ директоръ института А. И. Успенскій сдѣлалъ обширный докладъ о русской живописи XVII вѣка и о вліяніи на нее восточнаго и западнаго искусствъ, благодаря чему она достигла значительной высоты. Заслуженный профессоръ московскаго университета Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ интересное сообщеніе объ археологическихъ раскопкахъ въ Черниговѣ и подъ Москвою, за Серпуховскою заставой. Предметы черниговскихъ раскопокъ нужно отнести къ началу X вѣка, именно ко времени похода русскаго князя Олега на Византію въ 907 году. Свое сообщеніе профессоръ Д. Я. Самоквасовъ иллюстрировалъ самыми предметами раскопокъ.

Археологическая выставка въ Москвѣ. Московскіе археологи-коллекціонеры организуютъ предстоящей зимой большую выставку древностей. Помимо московскихъ собирателей, рѣшено пригласить также коллекціонеровъ Петербурга, провинціальныхъ городовъ, губернскія ученые архивныя комиссіи съ губернскими музеями и владѣльцевъ антикварныхъ магазиновъ для участія въ этой интересной археологической выставкѣ. Устроители задались цѣлью издать подробный каталогъ выставки съ иллюстраціями наиболѣе рѣдкихъ экспонатовъ; такое изданіе представило бы большой научный интересъ. Выставка будетъ состоять изъ отдѣловъ, для завѣдыванія которыми будутъ при-

глашены ученые специалисты различныхъ отраслей древлѣвѣдѣнія. Проектировано пока шесть отдѣловъ: 1) древности доисторическія—каменный, бронзовый и желѣзный вѣка, раскопки изъ кургановъ и городищъ, случайныя находки; 2) нумизматическій, съ монетами греческими, римскими, арабскими, русскими, западно-европейскими и др., медали, печати, пломбы и прочее; 3) церковныя древности—иконы, кресты, складни, сосуды, утварь, покровы, облаченія, антимины, плащаницы и прочее; чертежи, планы и фотографіи церквей; 4) рукописный—книги, столбцы, грамоты, письма и другіе памятники письма; 5) старопечатныхъ книгъ—московской, львовской, черниговской и другихъ печатей и 6) древности историческія—портреты, оружіе, фарфоръ, фаянсъ, стекло, одежда (сарафаны, кафтаны, кички, кокошники, душегрѣйки, епанички), утварь (ковши, кубки, енды, чары), гобелены, изразцы и прочее. Кромѣ того, организаторы постараются собрать историко-археологическую литературу, для чего предполагено обратиться въ археологическія общества, институты и архивныя комиссіи. За послѣднее время наша отечественная археологія сдѣлала значительный шагъ впередъ, давъ для исторіи много новыхъ цѣнныхъ свѣдѣній. Въ Москвѣ открылся ровно годъ тому назадъ археологическій институтъ, который уже за первый годъ своего существованія издалъ объемистые курсы читаемыхъ въ немъ лекцій. Наши провинціальныя ученныя общества, губернскія архивныя комиссіи также зарекомендовали себя научными трудами, въ которыхъ встрѣчается много цѣнныхъ матеріаловъ. Давно чувствуется необходимость издать библиографическій указатель этихъ трудовъ. Организационный комитетъ выставки и думаетъ это выполнить.

Юбилей Художественнаго театра. Празднованіе десятилѣтняго юбилея Художественнаго театра началось съ 11 часовъ утра скромнымъ, чисто «семейнымъ» торжествомъ въ помѣщеніи театра, организованнымъ для труппы, сотрудниковъ и служащихъ театра. Г. Станиславскаго и Немировича-Данченку при ихъ появленіи встрѣтили «Славою», исполненной всей труппой. Затѣмъ приносились поздравленія и читались адреса (отъ рабочихъ театра, отъ труппы, отъ группы артистовъ-юбиляровъ, прослужившихъ въ Художественномъ театрѣ всѣ десять лѣтъ, отъ сотрудниковъ театра и отъ комитета по организациіи чествованія). Гг. Станиславскій и Немировичъ-Данченко отвѣчали на привѣтствія небольшими рѣчами. Настоящее, публичное, чествованіе «юбилера» началось въ два часа дня. Къ этому времени театръ былъ уже переполненъ приглашенной публикой. Вся сцена была отдана въ распоряженіе представителей многочисленныхъ привѣтственныхъ депутацій. Юбиляры размѣстились въ передней части партера. Нѣсколько первыхъ рядовъ креселъ было вынесено, а на ихъ мѣсто поставленъ былъ большой столъ для «приношеній», по обѣимъ сторонамъ котораго въ четыре ряда были разставлены стулья для членовъ труппы. На авансенѣ поставленъ былъ другой столъ, къ которому по очереди вызывались депутаціи и на который складывались подносимые ими адреса и подарки. Порядкомъ чествованія распоряжался управляющій театральнымъ бюро г. Красовъ. Чествованіе открылось торжественнымъ выходомъ юбиляровъ-членовъ труппы, прошедшихъ изъ-за кулисъ черезъ всю сцену и затѣмъ расположившихся въ приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ въ партерѣ.

Во главѣ шествія находился г. Немировичъ-Данченко, затѣмъ слѣдовали одинъ за другимъ г. Станиславскій, г-жи Книпперъ, Самарова, Лилина, г. Вишневскій и т. д. Появленіе юбиляровъ передъ публиковъ готовится особымъ эффектомъ: постепеннымъ нарастаніемъ свѣта рамы по мѣрѣ приближенія момента ихъ выхода на сцену. Юбиляровъ встрѣчаютъ оглушительными аплодисментами, не прекращающимися до тѣхъ поръ, пока всѣ они не заняли своихъ мѣстъ. Безпримѣрная грандіозность чествованія оставляетъ за собою все, что видѣла театральная Москва до сихъ поръ. Не было конца подношеніямъ, адресамъ, привѣтственнымъ рѣчамъ и телеграммамъ. Достаточно сказать, что однѣхъ депутаций было около сотни, а телеграммъ—болѣе шестисотъ. Вся сцена и передняя часть партера вмѣстѣ со специально приготовленнымъ для подарковъ столомъ были буквально завалены всякаго рода подношеніями. Самая продолжительность чествованія превзошла собою все, что было въ этомъ родѣ когда-либо раньше. Начавшись въ 2 часа дня, чествованіе закончилось лишь въ седьмомъ часу вечера. Несмотря на царившее въ залѣ праздничное настроеніе, подъ конецъ чувствовалось уже большое утомленіе, а мѣстами—и скука. Какъ всегда, юбилейныя привѣтствія болшею частью повторяли одно другое. Трескучія, шаблонно-хвалебныя фразы, составлявшія содержаніе большинства изъ нихъ, утомляли слухъ и не давали отдохнуть вниманію ни на одной простой, правдивой и искренней мысли. Многое читалось къ тому же невятво и монотонно. Прежде, чѣмъ начать пріемъ депутатовъ, г. Немировичъ-Данченко попросилъ слова и отъ лица всѣхъ юбиляровъ предложилъ присутствующимъ почтить вставаніемъ память А. П. Ленскаго. Всѣ присутствующіе встали, и около минуты въ театрѣ длилось благоговѣйное молчаніе. Затѣмъ потянулась безконечная вереница депутаций. Первымъ привѣтствовало юбиляровъ общество любителей россійской словесности, старѣйшее изъ всѣхъ учреждений, пожелавшихъ участвовать въ юбилейномъ чествованіи. За нимъ слѣдовали: императорское театральное общество, русское музыкальное общество, филармоническое общество, музей изящныхъ искусствъ и Румянцовскій музей, театръ Корша, театръ Комиссаржевской, общество драматическихъ писателей, Большой театръ въ лицѣ представителей оперы и балета, Новый театръ, Введенскій народный домъ, Сергіевскій народный домъ, петербургскій Александровскій театръ, Литературно-художественный кружокъ, петербургскій Новый, театръ разныя періодическія изданія общество литературныхъ и сценическихъ дѣятелей, провинціальныя театры, учебныя заведенія, театральныя курсы, разныя кружки и художественныя организациі учащейся молодежи, частныя лица и пр. Оригинально привѣтствовали юбиляровъ артисты Большого театра, исполнившіе подъ управленіемъ г. Авранека специально сочиненную для этого случая кантату Гречанинова. Не менѣе оригинально было привѣтствіе отъ г. Рахманинова, состоявшее изъ письма, положеннаго на музыку и присланнаго на имя г. Шаляпина. Талантливо воспроизведенное г. Шаляпинымъ, музыкальное привѣтствіе имѣло въ публикѣ необычайный успѣхъ и было повторено, по ея настоянію. Съ большимъ энтузіазмомъ было принято привѣтствіе отъ болгарскаго театра, прочитанное на болгарскомъ языкѣ. Артистами Новаго театра, кромѣ привѣт-

ственной адреса, была поднесена собранная ими между членами труппы денежная сумма (500 руб.) в качестве первого почина в дѣлѣ образованія фонда на сооруженіе проектируемаго г. Немировичемъ-Данченкой общедоступнаго театра. Малый театр, въ виду смерти А. П. Ленскаго, не принималъ участія въ торжествѣ, ограничившись присылкою адреса. Въ виду общаго утомленія, два раза объявлялся десятиминутный перерывъ. Изъ присланныхъ многочисленныхъ телеграммъ были оглашены лишь немногія. Торжество закончилось рѣчами гг. Немировича-Данченки и Станиславскаго, говорившихъ о прошлой дѣятельности и настоящихъ стремленіяхъ Художественнаго театра. Появленіе каждаго изъ нихъ на эстрадѣ сопровождалось долго не смолкавшей оваціей.

Тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности В. В. Латышева. Тридцать лѣтъ тому назадъ въ ноябрьской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ скромными инициалами «В. Л.» появился первый печатный трудъ молодого преподавателя вилевской гимназіи Василія Васильевича Латышева, переводъ діалога «Харонъ или наблюдатели» «дерзостнаго самосатскаго сатирика» Лукіана, съ тѣхъ поръ ставшаго любимѣйшимъ авторомъ своего переводчика. Теперь, ко дню XXX-лѣтія, филологическая наука насчитываетъ уже около 200 печатныхъ трудовъ В. В. Латышева, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ европейскимъ ученымъ, ординарнымъ академикомъ нашей академіи наукъ, докторомъ филологіи и стоящаго во главѣ спб. историко-филологическаго института въ качествѣ его директора. Такая дѣятельность на поприщѣ греческой филологіи у насъ въ Россіи не встрѣчаетъ себѣ другого примѣра, и съ другой стороны не уступаетъ и дѣятельности корифеевъ германской науки, которыми В. В. признаетъ, какъ европейскій ученый, одинъ изъ первыхъ знатоковъ греческой эпитафики. Заслуга его та, что онъ первый выполнилъ весьма сложную и трудную задачу—собрать и издать всѣ древнія греческія надписи, найденныя въ предѣлахъ Европейской Россіи. Въ 1885 г. появился первый томъ сборника съ 245 надписями, послужившій автору матеріаломъ для нѣсколькихъ цѣнныхъ монографій, между прочимъ для его докторской диссертациі (17 мая 1887 г.) «Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи». Второй томъ, заключающій надписи Боспорскаго царства съ подробнымъ очеркомъ его исторіи, вышелъ въ 1890 г., и за него авторъ получилъ премію Боткина отъ московскаго университета, премію Зографа отъ Association pour l'encouragement des etudes grecques и былъ почтенъ избраніемъ въ члены-корреспонденты спб. и берлинской академіи наукъ—послѣдняго до В. В. Латышева не достаивался ни одинъ русскій по происхожденію филологъ! Въ Казани, несмотря на сложныя служебныя обязанности, В. В. обработалъ для печати изданіе греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ южной Россіи въ 1889—1891 гг., и тамъ же окончень былъ первый выпускъ очень важнаго и любимаго (впрочемъ, каждая работа, за которую принимается авторъ, самая мелкая статья или замѣтка, свидѣтельствуешь съ какой рѣдкой добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, значитъ, и любовью, относится онъ къ своей работѣ) труда—«Извѣстій древнихъ авторовъ о Скиѣи и Кавказѣ» («Scythica et Caucasia») въ 2-хъ томахъ, изъ которыхъ

первый содержитъ извлеченія болѣе чѣмъ изъ 300 греческихъ авторовъ (съ переводомъ на русскій языкъ). Кромѣ IV т. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini*, въ 1889 г. имъ изданъ сборникъ греческихъ христіанскихъ надписей изъ южной Россіи, рядъ этюдовъ въ «Византійскомъ Временникѣ». Другимъ любимымъ дѣтищемъ уважаемаго академика былъ «Очеркъ греческихъ государственныхъ древностей» (1 изд. I т. 1880 г., II т. 1899 г.)—рядъ цѣнныхъ научныхъ работъ, по отзывамъ рецензентовъ. Этими ничтожными указаніями мы должны ограничиться, укажемъ лишь еще на то живое участіе, какое В. В. принимаетъ въ Словарѣ областного олонедкаго нарѣчія Куликовского, въ чтеніи корректуръ Словаря русскаго языка императорской академіи наукъ, въ изданіи трудовъ еп. Порфирія (Успенскаго) и академика В. Г. Василевскаго, въ редактированіи имъ изданій сочиненій К. К. Герца, трудовъ комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній (V т.) и пр. Нельзя обойти молчаніемъ и литературно-поэтическую дѣятельность В. В., переводы изъ Θεокрита, Βίона, Мосха и Марціала, изданіе подъ заглавіемъ: «На досугѣ»—переводы изъ древнихъ авторовъ 1898 г.,—собранные изъ различныхъ журналовъ. Оригинальныя произведенія печатались подъ псевдонимами. В. В. горячо любитъ и прекрасно знаетъ родную литературу и, благодаря этому, обнаружилъ одинъ плагиатъ. Такъ неустанно и плодотворно трудится на учено-литературномъ поприщѣ нашъ юбиляръ, и дай Богъ, чтобы время для исторической оцѣнки его работы наступило какъ можно позже, чтобы онъ могъ подарить русской наукѣ много еще столь же цѣнныхъ трудовъ, какъ за первое свое XXX-лѣтіе, и продолжалъ бы со своимъ симпатичнѣйшимъ умѣніемъ и энергіей привлекать наличныя молодыя силы къ своимъ трудамъ и самостоятельнымъ работамъ, для которыхъ у него всегда находятся темы! Между прочимъ и супруга его, какъ и супруга извѣстнаго Шлимана, причастна къ его научнымъ трудамъ—ей принадлежитъ статья «Орхомень» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», написанная ею по даннымъ, сообщеннымъ лично Шлиманомъ во время командировки В. В. Латышева въ Грецію въ 1880—2 гг.,—изъ которой онъ, кромѣ 10 статей на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (переводъ), привезъ и магистерскую свою диссертацию: «О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ» (защищена 20 февраля 1883 года).

Открытіе въ Москвѣ городского народнаго университета. 1 октября въ большой залѣ московской городской думы состоялось торжественное открытіе городского народнаго университета имени А. Л. Шанявскаго. Преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, было совершено молебствіе соборнѣ. Въ концѣ молебствія преосвященный Анастасій произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ отмѣтилъ, что велика и трудна задача народнаго просвѣщенія; слѣдуетъ съ особенною осторожностью приступать къ этому святому дѣлу, чтобы вмѣсто пшеницы не дать народу плевель. Пусть новое просвѣтительное учрежденіе будетъ сѣять только одинъ истинный свѣтъ, пусть оно не будетъ обуреваемо партійною борьбою. Слѣдуетъ также помнить, что главною потребностью человѣка является религіозное знаніе, безъ котораго никакое образованіе нельзя назвать истиннымъ. Если настоящее учрежденіе пойдетъ такимъ

путемъ, то оно привлечетъ не только благоволеніе общества, но и милость Божію. Послѣ рѣчи преосвященнаго Анастасія были произнесены многолѣтія и вѣчная память почившему благотворителю. Послѣ молебствія происходило засѣданіе, на которомъ присутствовали: преосвященный Анастасій, московскій градоначальникъ генераль-майоръ А. А. Адриановъ, исправляющій должность московскаго губернатора В. Ѳ. Джунковскій, попечитель московскаго учебнаго округа А. М. Ждановъ, профессора московскаго университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній города Москвы, городской голова Н. И. Гучковъ, члены городской управы и гласные думы, члены попечительнаго совѣта народнаго университета, представители многихъ учрежденій города Москвы и слушатели народнаго университета. Засѣданіе открылъ городской голова Н. И. Гучковъ, отъ имени городского общественнаго управленія привѣтствовавшій первый народный университетъ и объявившій дѣйствія его открытыми. Предсѣдатель попечительнаго совѣта народнаго университета профессоръ В. К. Ротъ, привѣтствуя открытіе университета, сравнилъ его съ молодымъ растеніемъ и высказалъ пожеланіе, чтобы это растеніе не погибло отъ бурь и непогоды, а дало бы пышный ростъ. Въ настоящее время средства народнаго университета скудны, и обученіе въ немъ пока не можетъ быть бесплатнымъ. Предсѣдатель правленія университета Н. В. Давыдовъ доложилъ собранію о намѣченномъ планѣ преподаванія въ 1908 г., о томъ, что слушателей въ университетъ записалось до настоящаго времени 307. Доходы университета исчисляются въ 12.000 руб. въ годъ отъ пожертвованія А. Л. Шанявскаго. Пожертвованный капиталъ В. А. Морозовой въ 50.000 руб. имѣетъ специальное назначеніе — учрежденіе химической лабораторіи. Отъ московскаго университета выразилъ привѣтствіе ректоръ профессоръ А. А. Мануйловъ, который, между прочимъ, сказалъ, что городской университетъ, выполняя свое предназначеніе — служеніе широкому распространенію высшаго научнаго образованія и привлеченіе симпатій народа къ наукѣ и знанію, — призванъ вообще служить укрѣпленію университетскаго дѣла въ Россіи, ибо университетъ не можетъ имѣть подъ собою прочнаго основанія, если народъ не цѣнитъ научнаго знанія, не уважаетъ его представителей и не бережетъ его разсадниковъ. Затѣмъ привѣтствовали: отъ учебнаго комитета императорскаго техническаго училища А. П. Гавриленко, отъ коммерческаго института общества распространенія коммерческаго образованія директоръ-профессоръ П. И. Новгородцевъ, отъ правленія общества народныхъ университетовъ профессоръ В. Д. Шервинскій, отъ совѣта секціи народной средней школы В. В. Струве, отъ совѣта московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишниковъ, отъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ директоръ С. А. Чаплыгинъ, отъ императорскаго инженернаго училища А. А. Эйхенвальдъ. Потомъ были прочитаны привѣтствія вдовы благотворителя Л. А. Шанявской, присланныя на имя городского головы и предсѣдателя попечительнаго совѣта. По предложенію городского головы, собраніе постановило отправить телеграмму Л. А. Шанявской. Прочитаны также и другія полученныя привѣтствія. Обширную рѣчь произнесъ профессоръ П. Г. Виноградовъ, который выяснилъ значеніе нарождающихся просвѣтительныхъ учрежденій, подобныхъ университету Шанявскаго,

въ общемъ движеніи современной культурной жизни. Проникновеніе образованія въ народныя массы имѣеть своею цѣлью то, чтобы каждый оставался на своемъ поприщѣ дѣятельности и сознавать его настолько же важнымъ, какъ и другія культурныя занятія.

Педагогическій институтъ. П. Г. Шеллапутинъ жертвуетъ 700,000 рублей на устройство и оборудованіе двухъ новыхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ: педагогическаго института и реального училища. Зданія будутъ возведены благотворителемъ рядомъ съ Шеллапутинской гимназіей (на Дѣвичьемъ полѣ) на принадлежащемъ ему участкѣ земли. По проекту педагогическій институтъ, которому предположено присвоить имя П. Г. Шеллапутина, будетъ устроенъ на 30 слушателей, причемъ курсъ будетъ раздѣленъ на два года. Въ институтъ будутъ приниматься лица, окончившія курсъ въ университетѣ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ теченіе курса слушатели будутъ давать практическіе уроки по преподаванію въ Шеллапутинской гимназіи и вѣновь учреждаемомъ реальномъ училищѣ, которому присвоивается имя сына жертвователя А. П. Шеллапутина. Каждый изъ слушателей будетъ имѣть въ институтѣ помѣщеніе; кромѣ того, по проекту предполагается выдавать имъ жалованье въ размѣрѣ 900 рублей въ годъ. Во главѣ института будетъ стоять директоръ, которому содержаніе опредѣлено по проекту въ 6,000 рублей. По устройствѣ и оборудованіи обоихъ учебныхъ заведеній П. Г. Шеллапутинъ передастъ ихъ министерству народнаго просвѣщенія, которое должно изыскать средства для ихъ дальнѣйшаго существованія.

НЕКРОЛОГИ.

ВУТУРЛИНА, О. М. 16 сентября скончалась отъ кровоизліанія въ мозгъ начальница Павловскаго института, вдова генераль-лейтенанта, Ольга Михайловна Вутурлина. Начавъ свою службу на пользу воспитанія и образованія русской женщины въ качествѣ главной надзирательницы минской женской гимназіи въ 1880 г., покойная продолжала ее съ 1895 г. въ закавказскомъ дѣвичьемъ институтѣ, а въ 1899 г. была назначена начальницей Павловскаго института. Смерть О. М. оборвала ея дѣятельность въ ту минуту, когда она сама воодушевляла всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ къ строгому и честному выполненію педагогическаго долга. Ея искренняя любовь къ дѣтямъ, ея высокое уваженіе къ труду и негодованіе противъ всякой лжи и условности, наносившихъ непоправимый вредъ именно дѣлу воспитанія и обученія, были у всѣхъ на виду и каждому легко было понять, какими убѣжденіями и чувствами направлялась ея воля. Высказываясь прямо и открыто, О. М. внушала къ себѣ любовь и довѣріе и сама окружала любовью и довѣріемъ тѣхъ, кто близко принималъ къ сердцу интересы вѣранныхъ ей дѣтей и готовъ былъ идти съ нею къ завѣтной цѣли — укрѣпить ихъ тѣлесно и духовно, раскрыть и развить ихъ способности, вооружить ихъ знаніями и навыками такъ, чтобы сами они оказались стойкими въ добрѣ и правдѣ. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1908 г., № 11682).

† **Крюковъ, А. А. профессоръ.** Скончался въ 60-лѣтнемъ возрастѣ одинъ изъ выдающихся русскихъ окулистовъ, профессоръ Адрианъ Александровичъ Крюковъ, бывший въ теченіе долгаго времени украшеніемъ и гордостью московскаго университета. Покойный родился въ 1849 году и воспитывался въ четвертой московской гимназіи. Высшее свое образованіе онъ получилъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета и, оставленный при

немъ, по окончаніи курса, для подготовки къ профессурѣ, уже въ 1873 г., 24-лѣтнимъ юношею, блестяще защитилъ диссертацию на степень доктора медицины («Объ объективномъ цвѣто-ощущеніи на периферическихъ частяхъ сѣтчатки»). Служебно - медицинская карьера покойнаго протекла сперва въ качествѣ ассистента при частной лечебницѣ глазныхъ болѣзней доктора Воинова, а послѣ смерти послѣдняго онъ самъ сталъ во главѣ этой лечебницы и довелъ ее до цвѣтущаго состоянія. Въ 1874—76 гг. А. А. ѣздилъ за границу въ двухлѣтнюю командировку съ научной цѣлью и тамъ работалъ главнымъ образомъ въ Геттингенѣ у профессора Лебера, въ Гейдельбергѣ у профессора Беккера, а также въ Парижѣ и Берлинѣ. Въ 1886 г. А. А. былъ избранъ приватъ - доцентомъ, спустя восемь лѣтъ — экстраординарнымъ и вскорѣ затѣмъ — ординарнымъ профессоромъ глазныхъ болѣзней въ московскомъ университетѣ. Перу А. А. Крюкова принадлежитъ множество цѣнныхъ капитальныхъ изслѣдованій по его специальности, изъ которыхъ отмѣтимъ: «Прониканіе жидкостей черезъ роговую оболочку» (1875 г.), «Причины слѣпоты» (1878 г.); «Симпатическое страданіе глаза» (1879 г.), «Кокаинъ въ глазной практикѣ» (1884 г.) и другіе, но наибольшую извѣстностью пользовались составленные имъ: «Курсъ глазныхъ болѣзней», и шрифты и таблицы для изслѣдованія зрѣнія. И тотъ и другой его труды выдержало уже по шести изданій. Послѣднее время А. А. опубликовывалъ свои работы преимущественно на страницахъ выходившаго подъ его же редакціей журнала — «Вѣстникъ Офтальмологіи». Какъ и врачъ-практикъ, А. А. Крюковъ пользовался самой широкой популярностью. Къ нему обращались за помощью и совѣтомъ не только москвичи. Въ пріемной у него можно было встрѣтить провинціаловъ, ѣхавшихъ иногда за сотни и тысячи верстъ, чтобы найти у него исцѣленіе отъ своихъ глазныхъ недуговъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 233.

† **Кункинъ, І. Я.** Скончался на дняхъ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ археологовъ Юасафъ Яковлевичъ Кункинъ. Это былъ человекъ безкорыстно преданный наукѣ. Онъ почти всю свою жизнь посвятилъ собиранію и описыванію древностей, разсѣянныхъ по Тверской губерніи. Происходя изъ бѣдной семьи, получивъ самое скромное образованіе въ уѣздномъ начальномъ училищѣ, онъ еще юношею, борясь съ нуждою, приобрѣлъ путемъ чтенія большія познанія въ области исторіи и археологіи, а потомъ самоучкою достигъ и полного, всесторонняго развитія. Въ уѣздномъ городкѣ Кашинѣ, гдѣ покойный обыкновенно проживалъ, онъ пользовался общими симпатіями — состоялъ здѣсь одно время почетнымъ мировымъ судьей, затѣмъ гласнымъ мѣстнаго земскаго собранія, церковнымъ старостою, учредителемъ и попечителемъ мѣстной духовной библіотеки. Послѣ покойнаго остались собранныя имъ: въ высшей степени цѣнная библіотека древнихъ книгъ и рукописей и обширная коллекція старинныхъ монетъ и одеждъ. Изъ печатныхъ работъ І. Я. Кункина слѣдуетъ отмѣтить его двухтомный трудъ «Акты Кашина», представляющій сводъ рѣдкихъ письменныхъ памятниковъ, открытыхъ имъ въ столичныхъ архивахъ и музеяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11677.

† **А. П. Ленскій.** Въ понедѣльникъ, 13 октября, вечеромъ, скончался Александръ Павловичъ Ленскій—одинъ изъ величайшихъ русскихъ артистовъ, бывшій много лѣтъ украшеніемъ и гордостью московскаго Малаго театра. Утрата А. П. Ленскаго, конечно, поразила всѣхъ своею неожиданностью. Правда, покойный, начиная съ осени, чувствовалъ сильное недомоганіе, вызванное преклоннымъ возрастомъ и утомительными обязанностями главнаго режиссера императорской сцены, которыя онъ несъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Но все-таки никто не могъ ожидать такой быстрой печальной развязки. Недавно А. П. Ленскій покинулъ постъ режиссера, мечтая эту зиму отдохнуть, чтобы съ будущаго сезона съ обновленными силами продолжать свое служеніе искусству. Но надеждамъ его не суждено осуществиться. А. П. постигъ апоплектический ударъ, и 13 октября въ полуобморочномъ состояніи высокоталантливый артистъ отошелъ въ вѣчность.

† **Острогорскій, А. Я.** 1 октября скончался директоръ Тенишевскаго училища Александръ Яковлевичъ Острогорскій, бывшій съ 1895 г. редакторомъ журнала «Образованіе». Покойный родился въ 1868 г., образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Начавъ службу въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, онъ увлекся вопросомъ народнаго образованія и съ удовольствіемъ принялъ на себя порученіе организовать отдѣлы министерства финансовъ по народному образованію сперва на нижегородской выставкѣ, затѣмъ на парижской международной въ 1900 г. Когда князь В. Н. Тенишевъ рѣшилъ основать въ Петербургѣ частное среднее учебное заведеніе, онъ пригласилъ въ 1899 г. покойнаго на должность директора училища. Съ этого времени А. Я. находился во главѣ училища, преподавалъ въ немъ русскій языкъ и старался осуществить въ жизни училища педагогическіе приемы воспитанія и образованія, чуждые школьной рутинѣ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на индивидуальность учащихся, отмѣнилъ офѣнку познаній учениковъ отмѣтками и обычные приемы наказаній, замѣнивъ ихъ нравственнымъ убѣжденіемъ провинившихся. При училищѣ были организованы имъ родительскія собранія и основано послѣ смерти князя Тенишева общество для содѣйствія образованію учащихся. Кромѣ того, имъ изданъ учебникъ «Русское правописаніе», составлена хрестоматія «Живое Слово» въ двухъ частяхъ, а также издано нѣсколько переводныхъ работъ. Педагогическая дѣятельность не удовлетворяла покойнаго и досуги ея онъ отдавалъ общественной работѣ. Хорошій ораторъ съ горячимъ темпераментомъ, А. Я. принималъ дѣятельное участіе сперва въ педагогическихъ организаціяхъ, затѣмъ въ городскомъ хозяйствѣ и въ такъ называемомъ освободительномъ движеніи. Онъ вошелъ въ составъ петербургской думы гласнымъ по квартирнанимательскому цензу и тамъ примкнулъ къ оппозиціи стародумской партіи вмѣстѣ съ гласнымъ Кедринымъ и Фальборкомъ. Во время начавшихся забастовокъ покойный занялся организаціей союза учителей, примкнулъ къ кадетамъ (былъ лѣвѣе нынѣшнихъ) и выступалъ на митингахъ ораторомъ, содѣйствуя въ то же время сдачѣ зала Тенишева подъ устройство политическихъ собраній. Желаніе сохранить директорство въ Тенишевскомъ училищѣ заставило его

виослѣдствіи выйти изъ союза учителей и другихъ незаконныхъ организацій, но тѣмъ не менѣе онъ всегда заботился словомъ и дѣломъ объ успѣхъ оппозиціонныхъ партій. Между прочимъ покойный былъ учредителемъ высшихъ юридическихъ курсовъ. Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, на 40-мъ году жизни, оставивъ по себѣ хорошую память среди своихъ многочисленныхъ единомышленниковъ, цѣнившихъ въ немъ его политическія убѣжденія, педагогическую опытность и ораторскія способности. Хоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ. На отпѣваніи между прочими молящимися присутствовали и члены литературнаго фонда съ председателемъ Н. И. Карѣвымъ во главѣ. Вѣнковъ было такъ много, что ихъ пришлось сгруппировать на двухъ колесницахъ. Наиболѣе выдающіеся вѣнки были: «Отъ петербургскаго общественнаго управленія», гдѣ покойный, какъ извѣстно, несъ обязанности гласнаго; «Отъ бывшихъ сотрудниковъ «Образованія», «Отъ петербургскаго литературнаго общества», отъ «Русскаго Богатства», отъ редакціи «Рѣчи», отъ «товарищей по Тенишевскому училищу», отъ «товарищей по союзу учителей», отъ «Общества народныхъ университетовъ», отъ «бывшихъ слушателей юридическихъ курсовъ», отъ «педагогическаго совѣта гимназіи Таганцевой», «Лучшему другу нашихъ дѣтей — отъ родителей» и еще много вѣнковъ отъ различныхъ учреждений и частныхъ лицъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.696).

† **Потѣхинъ, А. А.** 16 октября скончался на восьмидесятомъ году жизни Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, извѣстный драматургъ и романистъ, почетный академикъ, председатель театральнаго комитета императорскихъ театровъ. Послѣднія семь лѣтъ Алексѣй Антиповичъ непрестанно хворалъ мучительной и затяжной болѣзью, которая всецѣло его поглощала. Отъ литературной дѣятельности онъ отошелъ еще раньше и, справивъ свой пятидесятилѣтній юбилей (его первая напечатанная статья появилась въ 1851 г.), подъ своимъ наблюденіемъ выпустилъ полное собраніе своихъ сочиненій въ 12 томахъ, изд. т-ва «Просвѣщеніе». Литературное наслѣдство Потѣхина распадается на двѣ большія группы произведеній: романы и повѣсти изъ народнаго и мелкопомѣстнаго быта и пьесы, содержаніе которыхъ взято частью изъ народной, частью изъ «губернской» жизни его поры. Первые его произведенія появились еще въ «Москвитяинѣ» начала 50-хъ годовъ. Это были романъ «Крестьянка» и разсказъ «Титъ Софроновъ Козонокъ». За ними слѣдовали народныя драмы: «Судъ людской—не Божій» и «Братъ и сестра». Позднѣе написана была третья драма изъ народнаго быта «Чужое добро въ прокъ не идетъ» и романы «Крушинскій» и «Бѣдные дворяне». Въ промежутокъ времени между 1858—1869 гг. явились, одна за другою, комедіи «Мишура», «Виноватая», «Отрѣзанный ломоть», «Новѣйшій оракулъ», «Въ мутной водѣ» и «Вакантное мѣсто».

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» будетъ напечатанъ его подробный некрологъ и сдѣлана литературная характеристика почившаго писателя.

† **Терне, М. А.** 18-го сентября скончался отъ паралича сердца на 82 году жизни отставной полковникъ генеральнаго штаба Михайлъ Андреевичъ Терне,

одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ Севастополя. Выйдя, вскорѣ послѣ войны въ отставку, М. А. посвятилъ себя изученію стенографіи. Убѣдившись въ несовершенствѣ всѣхъ принятыхъ въ то время стенографическихъ системъ, въ которыхъ быстрота достигалась введеніемъ произвольныхъ значковъ, М. А. остановился на мысли обосновать стенографію на слуховомъ началѣ, т. е. на записываніи произносимыхъ звуковъ. Опытъ блистательно оправдалъ практическую пригодность новаго способа, и М. А. преподавалъ нѣсколько лѣтъ свою систему на курсахъ стенографіи, содержавшихся въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія. Когда эти курсы прекратились, онъ продолжалъ преподаваніе у себя на дому. Благодаря М. А., слуховая система стенографіи приобрѣла въ настоящее время въ Россіи широкое распространеніе и насчитываетъ большое число выдающихся стенографовъ-практиковъ. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ» 1908 г., № 259).

† **Тихомировъ, І. А.** Въ Одесѣ скончался скоропостижно артистъ и режиссеръ І. А. Тихомировъ. Покойнаго знали не только въ свѣтѣ театральной рампы. Это былъ сценическій труженикъ, стремившійся постоянно осмыслить и «очеловѣчить» свою профессію. Ученикъ В. И. Немировича-Данченки по филармоническому училищу, онъ былъ выпущенъ въ 1895 г. Обычный первый этапъ русской театральной карьеры, провинцію, ему удалось почти миновать. По рекомендаціи того же г. Немировича-Данченки юнымъ актеромъ, только что со школьной скамьи онъ вступилъ въ труппу Василеостровскаго народнаго театра въ Петербургѣ и сразу тамъ привился. Съ открытіемъ «Художественнаго» театра онъ переходитъ въ труппу послѣдняго, первоначально также актеромъ, а потомъ однимъ изъ помощниковъ режиссера и преподавателемъ на курсахъ, наконецъ режиссеромъ. Онъ принимаетъ участіе въ постановкахъ «Юлія Цезаря», «На днѣ» и особенно «Власти тьмы». Успѣшная режиссерская работа совершенно вытѣснила въ результатѣ дѣятельность актера, и когда М. Горькій открылъ въ Н.-Новгородѣ народный театръ, покойный Тихомировъ былъ уже тамъ, также однимъ изъ участниковъ по режиссурѣ. Когда покончилъ свое существованіе нижегородскій театръ, І. А. переходитъ въ московское общество общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій, затѣмъ во Введенскій народный домъ, постоянно питая мечту о самостоятельномъ «художественномъ» театрѣ для народа. Еще минувшей весной онъ принималъ также участіе въ 1-мъ съѣздѣ режиссеровъ, на оживленныхъ собраніяхъ котораго онъ былъ едва ли не самымъ жизнерадостнымъ ораторомъ. Скончался І. А. совѣмъ молодымъ, только что прибывъ въ Одессу, куда приглашенъ былъ режиссеромъ въ труппу г. Багрова. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 229).

† **Фелонинъ, А. В.** Въ Боткинской барачной больницѣ 30 сентября въ 5 ч. 40 м. скончался отъ холеры редакторъ газеты «Колоколъ» Алексѣй Васильевичъ Фелонинъ. Три дня назадъ покойный почувствовалъ себя дурно во время дневныхъ занятій въ редакціи, пробывъ наканунѣ ночью въ гостяхъ. По слухамъ, покойный ѣлъ въ гостяхъ яблоки и запилъ ихъ какимъ-то сырымъ напиткомъ. Изъ редакціи больной былъ отправленъ домой, а оттуда въ больницу. А. В. родился въ 1883 году въ семьѣ діакона въ городѣ Егорьевскѣ

Рязанской епархіи. Выйдя изъ мѣстной семинаріи въ числѣ первыхъ учениковъ, покойный поступилъ въ московскій университетъ, а оттуда въ петербургскій технологическій институтъ. Будучи студентомъ, А. В. началъ работать въ литературѣ. Его труды печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» и въ «Колоколѣ». Редакторомъ «Колокола» покойный состоялъ съ 1907 года. Послѣ себя онъ оставилъ жену и двухъ дѣтей. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.694).

† **Швецовъ, К. Г.** 30 сентября скоропостижно отъ разрыва сердца скончался въ поселкѣ Песчанка близъ Читы врачъ 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Кесарь Гордіевичъ Швецовъ. Въ началѣ русско-японской войны послѣ Тюренченскаго боя это имя повторялось всюду: геройскій подвигъ врача одиннадцатаго Восточно-Сибирскаго полка Швецова, перевязывавшаго раненыхъ подъ градомъ пуль и вынесшаго на своихъ рукахъ раненаго фельдшера, былъ предметомъ многочисленныхъ описаній, а затѣмъ воспоминаній немногихъ изъ оставшихся въ живыхъ однополчанъ, какъ и подвигъ священника того же полка о. Стефана Щербаковскаго, съ крестомъ въ рукахъ поведшаго полкъ, когда его командиръ и два батальонныхъ погибли. Продолжая помогать раненымъ, врачъ Швецовъ былъ захваченъ въ плѣнъ. Послѣ возвращенія изъ плѣна, совсѣмъ не отдохнувъ отъ пережитого, Швецовъ былъ назначенъ на службу въ Симферополь, а затѣмъ въ 14-й Восточно-Сибирскій полкъ, которому пришлось стоять въ поселкѣ близъ Читы, состоявшемъ почти изъ однихъ бывшихъ барачковъ для раненыхъ. Тяжелая служба безъ помощника въ полку боевого состава при завѣдываніи, кромѣ того, лазаретомъ на нѣсколько полковъ, совершенно подорвала расшатанное военнымъ временемъ здоровье Швецова. Швецовъ умеръ всего 42 лѣтъ. Послѣ него осталась жена и трое дѣтей. Служба не дала ему возможности привести въ порядокъ свои записки и опубликовать все, что ему пришлось видѣть. Появившіеся послѣ возвращенія Швецова рассказы бесѣдовавшихъ съ нимъ лицъ въ «Новомъ Времени» и другихъ изданіяхъ дали много матеріала для характеристики японскихъ порядковъ. Въ одномъ изъ своихъ собственныхъ очерковъ Швецовъ и самъ успѣлъ сообщить немало подробностей японскаго плѣненія, коснувшись и своихъ товарищей по профессіи—японскихъ врачей. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908, № 11698).

† **Щуровскій, П. А.** 14 сентября въ Курскѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался извѣстный музыкальный дѣятель, композиторъ и дирижеръ П. А. Щуровскій, въ свое время игравшій видную роль въ музыкальной жизни Москвы. Покойный родился въ 1850 году и музыкальное образованіе получилъ въ московской консерваторіи (по классамъ фортепіанной игры и теоріи композиціи). Въ восьмидесятихъ годахъ онъ занималъ (недолго, впрочемъ) мѣсто опернаго дирижера въ Большомъ театрѣ. Затѣмъ выступалъ въ качествѣ опернаго дирижера въ различныхъ провинціальныхъ городахъ, а также за границей, дирижировалъ симфоническими концертами въ Москвѣ и въ провинціи, устраивалъ публичныя лекціи по музыкальнымъ вопросамъ и прочее. Въ послѣдніе годы покойный, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, почти ничѣмъ не проявлялъ себя въ качествѣ музыкальнаго дѣятеля и умеръ, забытый всѣми.

Имъ написаны двѣ оперы (оставшіяся не изданными): «Богданъ Хмельницкій» и «Кузнецъ Вакула». Вторая изъ нихъ не окончена. Въ печати имѣются мелкія его произведенія для фортепіано и нѣсколько романсовъ. Имъ же изданъ «Сборникъ національныхъ гимновъ всѣхъ государствъ свѣта». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 216).

† Юшкевичъ, В. А. Въ ночь на 22 сентября скоропостижно скончался профессоръ Императорскаго училища правовѣдѣнія и московскаго лица цесаревича Николая Викторъ Адамовичъ Юшкевичъ. Покойный занималъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ кафедръ римскаго и торговаго права. Смерть постигла его среди самой кипучей дѣятельности. В. А. блестяще окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1888 г. Причисленный къ министерству юстиціи, потомъ къ министерству народнаго просвѣщенія, покойный былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Въ Берлинѣ слушалъ лекціи Дернбурга и ф.-Экка. Вернувшись на родину, В. А. въ 1894 году былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославлѣ. По защитѣ диссертациі «Ученіе пандектъ о намывѣ» онъ получилъ въ 1899 г. степень магистра. Съ этого времени занималъ послѣдовательно кафедры гражданскаго права въ Демидовскомъ юридическомъ лицѣ и торговаго—въ томскомъ университетѣ. Вызванный въ 1905 г. изъ Томска въ Петербургъ принцемъ А. П. Ольденбургскимъ для занятія кафедръ римскаго и торговаго права въ училищѣ правовѣдѣнія, покойный поспѣшилъ въ столицу и приступилъ къ чтенію лекцій. Одновременно онъ успѣвалъ читать лекціи въ московскомъ лицѣ цесаревича Николая. Постоянно энергичный и занятый, В. А. не зналъ минуты отдыха и готовился къ докторской диссертациі. Судьба судила иначе—онъ сошелъ въ могилу, и его диссертациа «О приобрѣтеніи владѣнія по римскому праву» осталась не защищенной. Въ лицѣ покойнаго наука лишилась рѣдкаго преподавателя, съ громадною эрудиціей и живымъ интересомъ къ своему предмету. Умеръ онъ на 41 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11688).

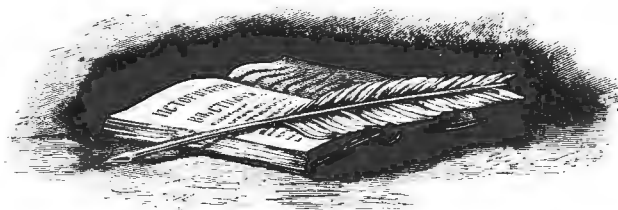
ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

Въ августовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» въ запискахъ сенатора Фишера упоминается о моемъ дѣдѣ, инженеръ-генералѣ Карбоньерѣ. Фишеръ вообще дурно отзывается о военныхъ инженерахъ эпохи императора Николая I, не приводя, впрочемъ, никакихъ фактовъ, доказывающихъ справедливость такого отзыва. Инженеръ Карбоньеръ, по словамъ Фишера, построилъ какое-то зданіе, которое провалилось. Какое это зданіе, авторъ записокъ не помнитъ. Это указаніе Фишера на дурную постройку неизвѣстнаго ему зда-

нія не заслуживаетъ вѣроятія. Мой дѣдъ, генераль Карбоньеръ, справедливо пользовался репутаціей очень знающаго и талантливаго строителя. Изъ его построекъ особенно замѣчательнъ Московскій манежъ, постройка котораго производилась имъ совмѣстно съ инженеромъ, если не ошибаюсь, Безанкуромъ. Зданіе это по своимъ достоинствамъ извѣстно знатокамъ строительнаго дѣла. Генераль Карбоньеръ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою безукоризненную честность. Глубоко убѣжденъ, что эти мои слова встрѣтятъ сочувствіе и подтвержденіе у людей, знакомыхъ съ дѣятельностью и личностью инженеръ-генерала Карбоньера.

З. Л. Карбоньеръ.

зультатомъ ихъ свиданья было то, что два часа спустя двое мужчинъ и двѣ дамы прощались въ гостиной Зыбкой такой фразой:

— До завтра, въ семь часовъ, за королевскимъ ужиномъ.

Это былъ смертный приговоръ графу Ферзену.

По случаю болѣзни церемоніймейстера капитанъ д'Эспиракъ распорядился порядками придворнаго ужина. Онъ былъ очень удивленъ, увидавъ на листѣ распisanія приглашенныхъ, составленномъ де-Морепа, что графъ де-Ферзень долженъ занять мѣсто между госпожою Роншероль и маркизою де-Флери, принадлежавшими къ партіи, враждебной Маріи-Антуанеттѣ. По своему личному усмотрѣнію, онъ измѣнилъ этотъ порядокъ и назначилъ мѣсто графу де-Ферзену между графиней де-Поластронъ и графиней Діаной де-Полиньякъ; ихъ еще мало знали при дворѣ, но онѣ не разъ выказывали свою преданность королевѣ.

У него возникли нѣкоторыя подозрѣнія, поэтому онъ тотчасъ же поѣхалъ на квартиру маркизы де-Флери.

Эта странная женщина была извѣстна при дворѣ своими пороками, но о нихъ старались умалчивать. Д'Эспиракъ зналъ объ этомъ и рѣшилъ подѣйствовать на нее не объясненіями въ любви, а угрозой.

— Мы одни, сударыня?—спросилъ онъ.

Удивленная этимъ сухимъ тономъ, который капитанъ принималъ обыкновенно, когда хотѣлъ заставить себя слушать, маркиза отвѣтила холодно:

— Да, сударь, но почему...

Д'Эспиракъ осмотрѣлъ, хорошо ли заперта дверь, затѣмъ, сѣвъ въ кресло, сказалъ насмѣшливо:

— Не стойте, сударыня, потому что я имѣю намѣреніе такъ васъ взволновать, что вы можете упасть, а вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ ушибать такое красивое тѣло, которымъ любятъ и не одни мужчины...

Маркиза поблѣднѣла.

— Но чего же вы отъ меня хотите?

Она сѣла. Д'Эспиракъ взялъ ея руку, крѣпко сжалъ и, глядя прямо ей въ глаза, спросилъ:

— Почему васъ посадили рядомъ съ графомъ де-Ферзеномъ за придворнымъ ужиномъ? Отвѣчайте, я все знаю. Если вы солжете, я васъ убью...

Маркизѣ де-Флери стало страшно. Она повѣрила, что д'Эспиракъ все знаетъ. Дрожа всѣми членами, она, ничего не утаивая, рассказала о свиданіи, которое она и госпожа Роншероль имѣли у колдуньи съ принцемъ Субизомъ и герцогомъ де-Коссе-Брисакомъ. Она призналась, что должна была влить ядъ въ ста-

канъ графа де-Ферзена, и, рыдая, стала оправдываться, увѣряя, что вынуждена была повиноваться герцогу де-Коссе-Бриссаку, потому что онъ могъ погубить ее. Чтобы заслужить прощенье, она передала гасконцу флаконъ съ безцвѣтной жидкостью.

— Хорошо, сударыня,—сказалъ д'Эспиракъ:—вы будете вознаграждены за вашу откровенность. Но, смотрите, ни слова объ этомъ вашимъ друзьямъ, иначе я запру васъ въ Бастилію, несмотря на всѣхъ принцевъ Субизовъ на свѣтѣ; я имѣю въ рукахъ два подписанныхъ смертныхъ приговора, и пятьсотъ мушкетеровъ въ моемъ распоряженіи.

Онъ ушелъ и чуть не бѣгомъ направился къ дому Зыбой, въ улицѣ св. Бенедикта. Та, ничего не подозрѣвая, очень любезно приняла его, но д'Эспиракъ грубо оттолкнулъ ее въ уголокъ ея адской лабораторіи и, подавая ей флаконъ, который она продала герцогу де-Коссе-Бриссаку, проговорилъ:

— Пейте!

— Но зачѣмъ?

— Пейте, или я васъ убью.

И онъ вынулъ шпагу.

Отравительница прекрасно узнала флаконъ. Она подумала, что какъ только д'Эспиракъ уйдетъ, можно выпить противоядіе и остаться въ живыхъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ меньше опасности, чѣмъ въ ударѣ шпаги. Она отказалась пить, но больше для виду, зная, что д'Эспиракъ не рѣшится сразу заколоть ее. Наконецъ она уступила его настоянію и съ отвращеніемъ проглотила все содержимое флакона.

Капитанъ направился къ двери, но вдругъ остановился. Его вниманье привлекла бутылка, на этикеткѣ которой было написано: «Противоядіе № 1».

— А вѣдь этой колдуньѣ очень легко себя вылечить,—прошепталъ онъ.

Д'Эспиракъ вернулся, снова вынулъ шпагу и, не говоря ни слова, какъ будто выполнялъ самую простую вещь на свѣтѣ, пронзилъ насквозь грудь отравительницы. Женщина вскрикнула и, обливаясь кровью, упала на полъ.

Капитанъ старательно вытеръ шпагу, вложилъ ее въ ножны, выбралъ на этажеркѣ маленькій флаконъ съ надписью: «Быстро дѣйствующій ядъ», положилъ его въ карманъ и прошепталъ съ усмѣшкой:

— Это можетъ, при случаѣ, пригодиться..

Затѣмъ онъ вышелъ изъ дому, насвистывая какой-то маршъ.

Его конь и мушкетеръ ожидали его въ Пале-Роялѣ.

Онъ отослалъ домой мушкетера, вскочилъ на коня и помчался по направленію къ Версалю.

Стоялъ чудный июньскій день. Воздухъ былъ напоенъ ароматами. Птицы пѣли на деревьяхъ, а по голубому небу плыли легкія облачка. Капитанъ мушкетеровъ находилъ жизнь прекрасной и пѣлъ полнымъ голосомъ, какъ простой трубачъ, гасконскую пѣсню.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Онъ услыхалъ, какъ кто-то злобно произнесъ его имя. Онъ обернулся. Въ четырехъ шагахъ отъ него, верхомъ на лошади, съ глазами, сверкающими гнѣвомъ, остановился принцъ Субизъ.

— Графъ,—крикнулъ принцъ:—съ какихъ это поръ простой капитанъ мушкетеровъ измѣняетъ распisanіе ужиновъ короля?

— Съ тѣхъ поръ, какъ принцы сдѣлались отравителями,—холодно отвѣтилъ гасконецъ.

— Негодяй!

И принцъ со шпагой въ рукѣ двинулъ свою лошадь къ лошади капитана. Д'Эспиракъ попятилъ свою лошадь назадъ и, быстро наклонившись впередъ, нанесъ принцу страшный ударъ кулакомъ. Тотъ упалъ. Д'Эспиракъ соскочилъ на землю и сталъ старательно приводить принца въ чувство, такъ какъ ударъ пришелся въ самую грудь. Придя въ себя, принцъ Субизъ съ минуту злобно смотрѣлъ на него, потомъ, протягивая руку, сказалъ:

— Я никогда не буду въ числѣ вашихъ друзей, господинъ д'Эспиракъ, но я могу вамъ обѣщать, что не буду и въ числѣ враговъ.

— Прекрасно, принцъ,—сказалъ гасконецъ, пожимая протянутую ему руку:—но я преданъ королевѣ, а всѣ принцы королевства не стоятъ ея мизинца. Заключимъ миръ, я очень этого хочу, но миръ искренній, потому что, если вы будете противъ королевы, я всегда буду противъ васъ.

— Будьте покойны, капитанъ, вы никогда не встрѣтите меня больше на вашей дорогѣ, какъ врага; ваше поведеніе слишкомъ храбро и благородно, чтобъ я пытался отнять у кого бы то ни было такого защитника... Посадите меня, пожалуйста, на лошадь, я смогу доѣхать до Версаля...

— Я буду поддерживать васъ, принцъ,—съ уваженіемъ произнесъ капитанъ.

И два противника, почти обнявшись, доѣхали до замка въ предмѣстьи Версаля, гдѣ жилъ принцъ Субизъ.

Объ этомъ происшествіи никто не узналъ при дворѣ.

А вечеромъ, за ужиномъ, на которомъ отсутствовалъ принцъ Субизъ, всѣ восхищались блестящимъ умомъ Ферзена, удивлялись блѣдности госпожи де-Роншероль и маркизы де-Флери, нервности графа де-Коссе-Бриссака и дѣтской веселости королевы, которой Веберъ, подъ великимъ секретомъ, рассказалъ похождения капитана д'Эспирака.

Если Марія-Антуанетта чувствовала себя въ этотъ день счастливой, то это не потому, что были посрамлены ея враги, а потому, что она сознавала, что у нея есть безкорыстный другъ, храбрый и благородный защитникъ. Подобные люди такъ рѣдки, что одно ихъ присутствіе уже составляетъ счастье.

Кромѣ того, королевѣ приходило въ голову, что такая побѣда нѣсколько смягчитъ возбужденіе противъ нея, и она давала себѣ слово быть доброй, мягкой и ласковой, чтобъ обезоружить всѣхъ своихъ враговъ. Эти трогательныя иллюзіи время безжалостно уничтожило.

На слѣдующій день, по желанію Маріи-Антуанетты, былъ назначенъ праздникъ въ Трианонѣ. Вечеромъ всѣ аллеи были иллюминированы, исключая той, куда Ферзень и королева уединились въ самый разгаръ веселья, не замѣченные гостями. Во второй разъ графъ заговорилъ о своей любви, и вновь Марія-Антуанетта, съ полными слезъ глазами, просила его держаться чистыхъ отношеній изъ уваженія къ ней и королю Франціи, который не долженъ быть обманутымъ мужемъ.

Графъ Ферзень поклялся исполнить ея желаніе. Но этотъ вечерній упоительный часъ, аромать цвѣтовъ и кустарниковъ, праздничное возбужденіе—оказались сильнѣе всякихъ рѣшеній. Возлюбленные обмѣнялись тысячью поцѣлуевъ и вздоховъ и, быть можетъ, маленькій богъ съ пылающими стрѣлами и довелъ бы ихъ до сладкаго грѣха, если бъ въ концѣ аллеи не появились принцесса де-Ламбаль и виконтъ де-Лионъ, которые тоже имѣли причину уединиться.

Графъ Ферзень и королева быстро разошлись въ разныя стороны, такъ что никто не видалъ ихъ вдвоемъ. Марія-Антуанетта благословляла Бога, пославшаго ей принцессу де-Ламбаль и виконта де-Лионъ, но, сознавая, что подвергается огромной опасности, она дала себѣ слово не встрѣчаться больше съ графомъ де-Ферзеномъ въ темныхъ аллеяхъ Трианона.

Увлеченіе графа де-Ферзена Маріей-Антуанеттой и ея взаимное къ нему чувство, если и не было тайной для окружающихъ, то, во всякомъ случаѣ, текло спокойно. Впечатлительный умъ молодой королевы не могъ предаться исключительно и всецѣло платонической любви. Ей пришлось искать въ иномъ направленіи проявленія своей дѣятельности, и однимъ изъ ея первыхъ удовольствій стала игра.

Это не было новостью при дворѣ. Въ предшествующія царствованія игра была въ большой модѣ. Госпожа де-Монтеспанъ проигрывала по миллиону въ вечеръ. Проигрышъ въ сто тысячъ экю былъ для нея самой обыкновенной вещью, а однажды, въ рождественскій вечеръ, она проиграла семьсотъ тысячъ экю. Въ царство-

ваніе Людовика XV влеченіе къ игрѣ не уменьшилось, но при дворѣ играли въ коммерческія игры и никогда не сажались за игры азартныя.

При Людовикѣ XV любовь къ игрѣ въ Парижѣ перешла въ страсть, и королева первая подала этому примѣръ. Въ Трианонѣ она начала играть въ ландскнехтъ и въ фараонъ съ принцессами де-Ламбаль и де-Гемене.

Нововведеніе Маріи-Антуанетты стало извѣстно при дворѣ и въ городѣ. Всюду начали играть, и однажды Веберъ во время партіи ландскнехта сказалъ королевѣ:

— Сударыня, васъ занимаетъ игра, но было бы гораздо пріятнѣе, если бѣ вы могли играть съ людьми, которые могутъ проиграть или выиграть цѣлое состояніе.

— А вы знаете такихъ?—тогда же спросила Марія-Антуанетта.

— Въ городѣ только и говорятъ, что объ одномъ иностранцѣ, по фамиліи Смитъ, вернувшемся изъ Индіи съ сундуками, наполненными золотомъ—отвѣтилъ Веберъ.—Онъ всюду разглашаетъ, что имѣетъ двѣсти тысячъ луидоровъ на проигрышъ.

— Двѣсти тысячъ луидоровъ!..—воскликнула принцесса де-Ламбаль.

— И на проигрышъ!..—ахнула принцесса де-Гемене.

— Позовите ко мнѣ капитана д'Эспирака,—приказала Марія-Антуанетта.

Капитанъ мушкетеровъ, всегда готовый выполнить приказанія королевы или оказать трудную услугу, тотчасъ же явился. Ему дано было порученіе разыскать Смита, а принцессѣ де-Ламбаль пригласить отъ имени королевы герцога Шартрскаго, графа д'Артуа, графа Прованскаго, герцога де-Лозена, графа де-Ферзена, герцога и герцогиню Фицъ-Джемсъ, графа и графиню де-Полиньякъ. Въ этотъ же вечеръ должна была состояться крупная игра въ большой залѣ Малаго Трианона.

Напѣвая и весело смѣясь со своими пріятельницами и статсъ-дамами, Марія-Антуанетта все приготовила къ вечернему приему. Изъ Версаля привезли шкатулку съ золотомъ и поставили на низенькую табуретку позади кресла, на которомъ должна была сидѣть королева.

Къ девяти часамъ сады были иллюминированы, всѣ дамы переодѣлись въ деревенскіе костюмы изъ легкихъ матерій, отдѣланныхъ кружевами, и приглашенные стали съѣзжаться въ Трианонъ.

Гости, въ ожиданіи игры, собрались въ большой залѣ. Король, ложившійся, обыкновенно, въ одиннадцать часовъ, появился на минуту и удалился до начала игры.

Всѣ сѣли вокругъ стола; ждали только Смита. Принцесса де-Ламбаль стояла позади Маріи-Антуанетты, около табуретки со шкатулкой, чтобы передавать королевѣ золото во время игры.

Наконецъ ровно въ десять часовъ доложили:

— Графъ д'Эспиракъ и господинъ Смитъ!

Всѣ обернулись къ путешественнику, который проѣздомъ черезъ Парижъ могъ доставить себѣ удовольствіе проиграть двѣсти тысячъ луидоровъ. Ожидали увидѣть таинственнаго индуса въ бѣломъ тюбанѣ, въ шелковыхъ шароварахъ, залитаго золотомъ, съ жгучими черными глазами и орлинымъ носомъ, съ длинными руками, отягченными массивными кольцами. Однако всеобщія ожиданія были обмануты.

Смитъ былъ человѣкъ высокаго роста, худой, красный, самаго вульгарнаго типа, съ огромными ногами и руками. Его жабо и костюмъ не отличались изяществомъ, хотя и были отдѣланы тонкими кружевами.

Онъ неуклюже поклонился и произнесъ по-англійски, грубымъ голосомъ:

— Здравствуйте.

Тогда всѣ поняли, что онъ англичанинъ, и перестали удивляться его рѣзкимъ манерамъ.

Держалъ онъ себя съ возмутительной безцеремонностью. Серьезно сѣлъ онъ на кресло, приготовленное ему противъ королевы, не стѣсняясь положилъ локти на столъ и сталъ съ любопытствомъ разсматривать сидѣвшихъ вокругъ него принцевъ крови. Затѣмъ съ ужаснымъ акцентомъ онъ произнесъ лаконически:

— Это ландскнехтъ. Начнемъ.

Онъ взялъ изъ рукъ стоявшаго позади него лакея большой мѣшокъ, наполненный луидорами, положилъ его на столъ, открылъ, вынулъ горсть золота, и игра началась.

Около полуночи пріѣхалъ графъ Артуръ Дильонъ съ портфелемъ, наполненнымъ кредитными билетами. Заинтересованный этой адской игрой, онъ положилъ портфель на стулъ и подошелъ къ столу.

Играли всю ночь. Въ пять часовъ утра капитанъ д'Эспиракъ, невозмутимо слѣдившій за игрой, отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ, что Смитъ выигралъ шестьсотъ тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ луидоровъ, изъ которыхъ двѣсти тысячъ проиграла одна королева. Графъ де-Ферзенъ проигралъ двѣсти тысячъ.

— Кому везетъ въ любви, тому не везетъ въ картахъ,—подумалъ д'Эспиракъ.

Занятый своими расчетами, капитанъ не обратилъ вниманія на то, что лакей Смита часто выходилъ изъ залы съ мѣшкомъ, полнымъ луидоровъ, и на его мѣсто приходилъ другой лакей съ пустыми руками. Не обратилъ онъ вниманія также и на то, что Смитъ, выйдя между двумя партіями изъ залы, «чтобъ подышать минутку чистымъ воздухомъ», оставилъ на столѣ лишь нѣсколько луидоровъ и взялъ съ собой лакея.

Прошло пять минутъ, десять, Смитъ не возвращался. Черезъ четверть часа королева попросила д'Эспирака сходить за нимъ, предполагая, что онъ, быть можетъ, заблудился въ аллеяхъ парка. Прошло немало времени, а капитанъ и англичанинъ не появлялись.

Наконецъ д'Эспиракъ вошелъ въ залу и съ поклономъ, слегка насмѣшливо, доложилъ королевѣ:

— Сударыня, въ паркѣ нѣтъ ни господина Смита, ни его кареты, ни его лакеевъ.

Руки поднялись къ небу, раздались крики, жалобы на безсовѣстность проходимца. Но полчаса спустя, изливъ все негодованье, немножко посмѣявшись и даже немножко попѣвъ, рѣшили пойти пить молоко на фермѣ.

Когда выходили, раздался громкій голосъ графа Дильона, спрашивавшаго у слугъ:

— Не видали ли вы моего портфеля?

Слуги отвѣтили, что не видали.

— Мой портфель! Мой портфель!— кричалъ графъ Дильонъ.

Началась новая игра: стали искать портфель. Искали всюду, но нигдѣ не нашли.

— А въ немъ было на пятьсотъ тысячъ процентныхъ бумагъ!— воскликнулъ несчастный графъ Дильонъ.

Невозмутимый д'Эспиракъ вычислилъ:

— Пятьсотъ тысячъ, потомъ миллионъ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ составятъ два миллиона сто пятьдесятъ тысячъ.

Затѣмъ онъ поклонился и произнесъ:

— Господинъ графъ, я того мнѣнія, что для англичанина не пропала эта ночь.

Это происшествіе послужило поводомъ къ цѣлому скандалу. Людовикъ XVI запретилъ игру при дворѣ. Игра велась лишь тайкомъ, и вскорѣ къ ней совсѣмъ охладѣли.

Карточная игра уступила мѣсто скачкамъ. Герцогъ Лозенъ, уже принимавшій участіе въ скачкахъ въ Англіи, руководилъ ими теперь во Франціи. Онъ заинтересовалъ ими королеву и часть двора. Графъ д'Артуа, герцогъ Шартрскій, маркизь де-Конфламъ предавались скачкамъ съ особенной страстью. Скачки происходили въ Саблонскихъ равнинахъ. Королева почти всегда присутствовала на нихъ, король же, наоборотъ, не находилъ въ этомъ удовольствія и никогда на нихъ не показывался.

Это было время безумнаго веселья. Игра, скачки, наряды, какетство, ради котораго женщины носили на себѣ, въ видѣ драгоценныхъ камней, цѣлыя состоянія, всѣ земли и замки своихъ предковъ,—всему этому предавались всецѣло.

Особенно прославились маскированные балы въ оперномъ театрѣ. Не взирая на совѣты и предостереженія, королева страстно

предавалась всѣмъ развлечениямъ веселой, безпечной жизни. Чуть не ежедневно она уѣзжала со своими пріятельницами изъ Версали и даже изъ своего любимаго Трианона на маскированные балы въ оперный театръ. Она танцевала, веселилась, и ея острый умъ изощрялся во всевозможныхъ шуткахъ, заинтриговываніяхъ, любезностяхъ, которыя не всегда служили ей на пользу.

Видя такую неосторожность, мать Маріи-Антуанетты, императрица Марія-Терезія, послала во Францію своего сына, Іосифа II, чтобы нѣсколько образумить королеву.

Іосифъ II полуинкогнито, подъ именемъ графа Фолькенштейна, прибылъ въ Парижъ въ апрѣлѣ 1777 года. Онъ побранилъ сестру, та возражала ему, но, признавая авторитетъ брата, обѣщала жить спокойноѣ. Этому помогло одно новое обстоятельство: Марія-Антуанетта вскорѣ сдѣлалась беременной. Мать должна была замѣнить молодую дѣвушку и сгладить всѣ недостатки дѣвическаго воображенія.

IV.

Въ то время, когда Марія-Антуанетта предавалась съ увлеченіемъ карточной игрѣ, скачкамъ и всевозможнымъ празднествамъ, оставаясь вѣрной супругой короля, Маленькій Трианонъ не былъ забытъ; наоборотъ, онъ съ каждымъ днемъ украшался все болѣе и болѣе и наполнялся новыми гостями; высшая аристократія двора почитала за честь быть принятой въ Трианонѣ, потанцевать тамъ, поиграть въ театрѣ, попить молока на фермѣ. На веселыхъ лужайкахъ пасли хорошенькихъ бѣлыхъ барашковъ, украшенныхъ розовыми и голубыми лентами. Королева ежедневно, въ сопровожденіи принцессы де-Ламбаль и еще нѣсколькихъ дамъ, отправлялась на ферму доить собственноручно коровъ.

Любовь и цвѣты одновременно расцвѣтали въ паркѣ. Подъ сѣнью деревьевъ много благородныхъ пастушковъ обнимало и цѣловало принцессъ-пастушекъ. Все было свѣжо, весело, красиво, начиная съ пестрыхъ костюмовъ и кончая нѣжными объясненіями и ухаживаніями. Феокритъ воскресалъ подъ кружевными жабо и напудренными париками; Виргилій возрождался подъ кистью Фрагонара, и древній міръ оживалъ вновь подъ таинственной сѣнью версальскихъ деревьевъ.

Пѣли чувствительные романсы, говорили напыщенные стихи и напѣвали, пася барашковъ:

Цвѣтуція ваши уста
Люби ароматами дышать —
И наши сердца не проста
Другъ друга таинственно слышать!..

Но и среди деревенскихъ удовольствій таились ревность, интриги и придворное коварство.

Одна изъ знакомыхъ графини д'Артуа, графиня Діана де-Полиньякъ, представила версальскому двору своего брата и невѣстку, новобрачныхъ графа и графиню Жюль де-Полиньякъ. Графиня Жюль была скоро замѣчена королевой, охладѣвшей за послѣднее время къ принцессѣ де-Ламбаль.

Графиня Жюль была красива, обаятельна, полна естественности и простоты; ея единственнымъ кокетствомъ была не лишенная пикантности небрежная манера себя держать. Марія-Антуанетта услыхала, какъ она поетъ, любовалась, какъ она танцуетъ, и полюбила ее. Она способствовала благосостоянію новобрачныхъ, добившись для Жюль-Полиньяка мѣста перваго королевскаго конюшаго, а графиню Жюль сдѣлала управительницей своего двора вмѣсто принцессы де-Ламбаль.

Но все это совершилось не безъ большихъ трудностей и пикантныхъ происшествій, долго занимавшихъ дворъ, городъ и даже провинцію.

Какъ только графиня Жюль появилась при дворѣ, въ нее влюбился герцогъ Люксембургскій. Но такъ какъ его не особенно жаловали въ Трианонѣ, то онъ приходилъ въ отчаянье оттого, что не можетъ сблизиться съ графиней де-Полиньякъ и сдѣлать ее своей любовницей.

Въ одинъ прекрасный день онъ открылъ свое сердце маркизу де-Роганъ-Шабо, который въ то время былъ любовникомъ принцессы де-Ламбаль, порвавшей съ виконтомъ де-Лиономъ. Когда графиня де-Полиньякъ замѣнила около Маріи-Антуанетты мѣсто принцессы де-Ламбаль, послѣдняя пожаловалась на это маркизу де-Роганъ-Шабо. Эта жалоба вполне совпадала съ признаньемъ герцога Люксембургскаго, и хитрый, изворотливый умъ маркиза нашелъ средство отомстить за принцессу де-Ламбаль и въ то же время соединить графиню де-Полиньякъ съ герцогомъ Люксембургскимъ.

Нѣсколько молодыхъ аристократовъ, друзей де-Морепа и принцессы Шимэ, личнаго врага Полиньяковъ, приняли участіе въ заговорѣ. Собрались у маркиза де-Роганъ-Шабо, и тотъ, заперевъ всѣ двери, изложилъ слѣдующій проектъ:

— Черезъ три дня въ Трианонѣ будетъ данъ маскированный балъ. Будутъ танцы. Пользуясь ночной темнотою, намъ легко будетъ проникнуть не узанными въ паркъ въ маскарадныхъ костюмахъ и маскахъ. Мы похитимъ графиню де-Полиньякъ, передадимъ ее герцогу Люксембургскому, который можетъ дѣлать съ ней все, что ему угодно, а королева будетъ вынуждена сдѣлать снова принцессу де-Ламбаль своей домоправительницей, такъ какъ и по красотѣ, и по рожденію, и по уму никто не можетъ замѣнить ее въ этой должности.

— А какъ же графъ де-Полиньякъ? — поинтересовалась принцесса де-Шимэ.

— Графъ? — усмѣхнулся герцогъ Люксембургскій. — Онъ подождетъ, пока я верну ему его жену. Если она легко согласится быть моею, то это наступитъ очень скоро; если же нѣтъ, то.. у меня есть приказъ о заключеніи въ Бастилію.

Оставалось только все приготовить къ успѣшному похищенію. Было рѣшено, что карета будетъ ждать въ версальскомъ паркѣ, недалеко отъ Трианона. Отрядъ легкой кавалеріи, подъ командою подчиненнаго Рогану-Шабо офицера, будетъ сопровождать карету до Туреня, гдѣ у похитителя есть собственный замокъ. Герцогъ Люксембургскій съ завтрашняго же дня будетъ рассказывать о томъ, что долженъ неожиданно уѣхать, и скроется до дня похищенія, чтобъ не возбуждать никакихъ подозрѣній. Маркизь де-Роганъ-Шабо и герцогъ Люксембургскій сами понесутъ графиню де-Полиньякъ въ карету.

Дѣйствительно, на слѣдующій же день герцогъ Люксембургскій испросилъ аудіенцію у короля, объявилъ ему, что экстренно уѣзжаетъ въ Турень и съ помпой выѣхалъ изъ Версаля. Отѣхавъ нѣсколько миль, онъ велѣлъ своей свитѣ продолжать путь до Тюреня, а самъ вернулся въ Парижъ. Черезъ три дня за нимъ пріѣхалъ Роганъ-Шабо. Они переодѣлись въ простыхъ мушкетеровъ, надѣли волчьи маски и отправились въ Версаль, гдѣ ихъ ожидали три молодыхъ человѣка, которые должны были помочь имъ похитить графиню де-Полиньякъ.

Наступила ночь. Въ Трианонѣ зажгли иллюминацію. Сады скоро наполнились веселой толпой, одѣтой въ самые разнообразныя роскошныя костюмы. Отрядъ мушкетеровъ находился на стражѣ подъ командою виконта де-Лиона и капитана графа д'Эспирака. Мушкетеры смѣшались съ веселой толпой.

Всѣ пѣли, смѣялись, танцевали. Рыдали скрипки, гремѣлъ оркестръ, и скоро праздникъ достигъ полного разгара.

Маркизь де-Роганъ-Шабо, герцогъ Люксембургскій и ихъ три помощника пробрались на балъ и старались приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ графиня де-Полиньякъ сидѣла съ Маріей-Антуанеттой и другими дамами подъ сѣнью деревьевъ, въ глубинѣ парка. Подойдя къ дамамъ, Роганъ-Шабо поклонился и пригласилъ графиню де-Полиньякъ на танецъ. По знаку королевы, она приняла приглашеніе, и пара понеслась.

Танцуя, она столкнулась съ капитаномъ д'Эспиракомъ, танцевавшимъ съ герцогиней де-Гишъ. Д'Эспиракъ обернулся и замѣтилъ, не придавая этому особаго значенія, что графиня де-Полиньякъ танцуетъ съ мушкетеромъ, и его удивило, что фигура и манеры этого офицера ему совсѣмъ не знакомы.

Между тѣмъ ловкимъ маневромъ четыре пары, составившіяся изъ герцога Люксембургскаго, его трехъ помощниковъ и ихъ дамъ, отталкивали Рогана-Шабо и графиню де-Полиньякъ къ маленькой

лужайкѣ, находившейся въ сторонѣ отъ танцующихъ и вблизи очень темной аллеи. Опьяненная танцемъ молодая женщина не замѣчала, что ея кавалеръ постепенно увлекаетъ ее въ аллею.

Вдругъ она почувствовала, что ее приподняли и что чья-то рука въ перчаткѣ зажала ей ротъ. Она начала биться, но ее охватили руками и понесли. Дорогой ей завязали глаза и заткнули ротъ ея легкимъ шарфомъ, а четверть часа спустя карета герцога Люксембургскаго бѣшено мчалась по дорогѣ въ Шатору.

Въ Трианонѣ танцовали, смѣялись, пѣли до тѣхъ поръ, пока королева не выразила, наконецъ, удивленія, что не видитъ своей пріятельницы. Капитанъ д'Эспиракъ задавалъ себѣ вопросъ, куда дѣлся назнакомый ему мушкетеръ, и всѣ стали звать графиню де-Полиньякъ. Начали искать и нигдѣ не нашли. Д'Эспиракъ не сомнѣвался болѣе, что мушкетеръ, съ которымъ онъ столкнулся, принадлежалъ къ числу враговъ, и что графиню де-Полиньякъ увезъ или влюбленный, или завистникъ.

Праздникъ тотчасъ же былъ прекращенъ, и всю ночь, во главѣ отряда, виконтъ де-Лионъ тщетно обыскивалъ окрестности Версаля.

Утромъ, когда виконтъ де-Лионъ доложилъ королевѣ о своихъ тщетныхъ поискахъ, все казалось потеряннымъ. Но часъ спустя принцесса де-Ламбаль попросила свиданья съ Маріей-Антуанеттой, и та, взволнованная случившимся, не отказалась принять свою бывшую фаворитку.

Герцогиня де-Ламбаль упала къ ногамъ королевы и призналась ей въ заговорѣ. Сама же она узнала о немъ отъ г-жи де-Шимэ, которая, считая ее сторонницей маркиза де-Роганъ-Шабо, рассказала о похищеніи графини де-Полиньякъ, желая оказать ей услугу. Волненіе и негодованіе принцессы де-Ламбаль, доброе сердце и благородство которой были всемъ извѣстны, внушили ей подозрѣніе и г-жа де-Шимэ не хотѣла открыть мѣста, куда увезли новую домоправительницу.

Съ другой стороны, несмотря на настоянія Маріи-Антуанетты, принцесса де-Ламбаль не рѣшилась сказать, отъ кого она все это знаетъ, такъ какъ не хотѣла измѣнять своему другу, г-жѣ де-Шимэ.

Какъ бы то ни было, но тотчасъ же позвали капитана д'Эспирака и объяснили ему, что графиню Жюль похитилъ герцогъ Люксембургскій. Теперь весь вопросъ въ томъ, куда они уѣхали.

«Такъ какъ три дня тому назадъ герцогъ уѣхалъ изъ Версаля въ одинъ изъ своихъ туренскихъ замковъ, — соображалъ мушкетеръ: — то, очевидно, маркизъ де-Роганъ-Шабо одинъ похитилъ графиню де-Полиньякъ. Онъ, несомнѣнно, подъ вѣрной охраной отослалъ ее къ герцогу Люксембургскому, но въ какой замокъ?»

Онъ побѣжалъ въ казармы, и десять минутъ спустя отрядъ мушкетеровъ скакалъ по дорогѣ въ Туръ, поднимая столбы пыли.

Замокъ Морель былъ пустъ.

— Въ другой замокъ!—скомандовалъ д'Эспиракъ.

Вновь помчались. Въ замкѣ Люанъ, близъ Шатору, двори и окна были заколочены. И здѣсь никого нѣтъ!

Между тѣмъ люди и лошади такъ устали, что пришлось разбить бивуакъ. Наступила ночь. Наскоро разбили палатки и легли, прикрывшись толстыми мушкетерскими шинелями.

Графъ д'Эспиракъ, негодуя на то, что его облава не удастся, ходилъ около палатокъ. Вдругъ онъ услышалъ шумъ мчавшейся кареты. У него явилось предчувствіе.

— Чортъ побери!—прошенталъ онъ.—Карета ѣдетъ медленнѣе всадниковъ; мы прибудемъ первыми.

Онъ разбудилъ своихъ людей, выстроилъ ихъ вдоль дороги, а самъ пошелъ впередъ. При свѣтѣ показавшейся изъ-за тучъ луны онъ увидѣлъ кавалерійскую лошадь. Теперь онъ уже не сомнѣвался болѣе: кавалерійскія лошади были предоставлены къ услугамъ враговъ королевы.

Онъ быстро схватилъ лошадь за поводъ и позвалъ своихъ людей. Кавалерійскія лошади были выпряжены, и карета осталась въ рукахъ мушкетеровъ, но когда д'Эспиракъ наклонился къ стеклу дверцы, онъ увидалъ, что карета пуста: герцогъ Люксембургскій и его плѣнница улетѣли...

Со времени похищенія графини де-Полиньякъ, новой пріятельницы Маріи-Антуанетты, весь дворъ былъ взволнованъ. Съ тревогою ждали вѣстей отъ графа д'Эспирака, отправившагося съ эскадрономъ мушкетеровъ на облаву похитителя и очаровательной плѣнницы. Принцесса де-Ламбаль поражала всѣхъ своей грустью, такъ какъ очень боялась, что это похищеніе будетъ приписано ея интригамъ, какъ месть за то, что другая замѣстила ее въ сердцѣ и домѣ королевы.

Прошла недѣля, и ни одна вѣсточка не успокоила друзей графини де-Полиньякъ и не уменьшила торжества ея завистниковъ. Мужъ графини выходилъ изъ себя; въ надеждѣ на то, что д'Эспиракъ отыщетъ его жену, онъ ограничивался лишь тѣмъ, что вызывалъ на дуэль всякаго, у кого замѣчалъ улыбку на губахъ. Онъ дрался пятнадцать разъ, ранилъ четырнадцать противниковъ, а пятнадцатаго убилъ, — онъ считался лучшимъ дуэлистомъ въ городѣ. Съ этихъ поръ никто при дворѣ въ присутствіи графа де-Полиньяка уже не улыбался.

На девятый день графиня де-Гюишэ получила отъ капитана д'Эспирака длиннѣйшее письмо, въ которомъ онъ рассказывалъ ей всѣ событія. Письмо это обрадовало и городъ и дворъ, такъ какъ графиня не любила Полиньяковъ, но скрывала это, и съ са-

мымъ искреннимъ видомъ показала письмо сначала королевѣ, а потомъ всѣмъ своимъ друзьямъ и подругамъ.

Письмо было такого содержанія:

«Милостивая Государыня!

«Я могъ бы васъ извести догадками о пережитыхъ мною приключеніяхъ въ роли охотника на людей. Но я не хочу заставлять васъ вздыхать, трепетать и умирать отъ любопытства, такъ какъ дорожу вашей жизнью и желаю вашихъ вздоховъ лишь для меня одного; поэтому я расскажу вамъ все по порядку.

«Прежде всего мои мушкетеры и я прискакали галопомъ къ замку Морель въ Туренѣ, принадлежащему герцогу Люксембургскому. Двери заколочены, все пусто! Въ замкѣ Люанъ, куда мы тотчасъ же направились, та же тишина, та же пустыня... Мы разбили бивуакъ. Вдругъ ѣдетъ карета, эскортируемая легкой кавалеріей. Мои мушкетеры бѣгутъ, хватаютъ лошадей, я бѣгу къ каретѣ, отворяю дверцу... Ахъ, сударыня, вы думаете, что я нашелъ на мягкихъ подушкахъ любовно или съ презрѣніемъ глядящихъ другъ на друга герцога Люксембургскаго и графиню де-Полиньякъ!.. Да, легко мнѣ далась эта побѣда!.. Карета была пуста, какъ голова герцога де-Коссе-Бриссака, и обнажена, какъ тѣло госпожи де-Фрондевилъ, когда она играетъ античную богиню у герцога де-Ришелье.

«Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Я не потерялъ головы. Я сосчиталъ, сколько осталось въ нашихъ рукахъ лошадей легкой кавалеріи, бывшихъ подъ нижними чинами и офицеромъ. Люди были всѣ налицо, а одной лошади недоставало. Не могло быть сомнѣнія, что герцогъ Люксембургскій посадилъ графиню де-Полиньякъ на крупъ недостающей лошади или спереди и ускакалъ съ нею. Днемъ шелъ дождь. Я увидалъ на только что вспаханномъ полѣ слѣды.

«Графъ де-Ферзенъ рассказывалъ вамъ, какъ въ Америкѣ дикари охотятся на враговъ и звѣрей. Я вспомнилъ рассказы графа де-Ферзена и со всѣмъ моимъ эскадрономъ пошелъ по слѣдамъ лошади, на которой долженъ былъ уѣхать похититель и графиня де-Полиньякъ.

«Ахъ, чортъ побери, какъ они далеко уѣхали! На одной изъ фермъ я нашелъ лошадь, но не всадниковъ. По словамъ одного крестьянина, герцогъ оставилъ ее всю въ поту, въ полномъ изнеможеніи и пересѣлъ на свѣжую и сильную.

«Ахъ, сударыня, почему я не обладаю адскимъ умомъ Вольтера и въ то же время нѣжно-прекрасной музой Беркена! Отъ Вольтера я позаимствовалъ галопъ, рысь, шагъ, весь бѣгъ, который только въ состояніи принять лошадь въ погонѣ за бѣглецомъ. Рѣки смѣнялись холмами, поля—виноградниками, дороги—тропинками, горы—уступами. Слѣды все виднѣлись, потому что, когда

лошадь несетъ двухъ людей, она очень глубоко вонзаетъ копыта въ землю, но не видѣлись герцогъ Люксембургскій, графиня де-Полиньякъ и ихъ конь. Я говорю «конь», но вы сейчасъ поймете, что это слово не вполне подходитъ.

«Такъ путешествовали мы два дня, отдыхая лишь ночью, когда вдругъ, въ окрестностяхъ одной фермы, обвитой плющемъ, и съ четырьмя разрушенными временемъ башнями, слѣды исчезли. Я въ недоумѣннѣ сталъ искать ключа къ этой тайнѣ. Несмотря на всю силу моего гасконскаго воображенія, я не могъ допустить, что лошадь герцога Люксембургскаго происходила отъ благороднаго Пегаса и приобрѣла крылья, которыми ея предокъ такъ плохо пользуется въ поэтическихъ произведеніяхъ Жана-Батиста Руссо. Необходимо было найти естественное объясненіе этого страннаго явленія. Намъ помогла сама природа.

«Кони моего эскадрона всѣ одновременно вздрогнули и заржали.

«Ого!—подумалъ я:—когда жеребецъ ржетъ—кобыла близко.

«Я сталъ внимательно оглядываться вокругъ и увидалъ за высокими густыми деревьями узкое каменное строеніе. Слѣды кончались именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ это строеніе начиналось.

«Прекрасно,—подумалъ я:—бѣглецы здѣсь были, а такъ какъ мои кони ржутъ, то герцогъ Люксембургскій, несомнѣнно, ѣхалъ на кобылѣ и эта кобыла здѣсь поблизости.

«Я направилъ моего коня прямо къ двери фермы.

«Но, сударыня, здѣсь уже кончается Вольтеръ и начинается Беркенъ.

«Я отворяю дверь, вѣзжаю въ конюшню, оставляю въ ней моего жеребца въ бесѣдѣ съ кобылой. Въ сопровожденіи четырехъ мушкетеровъ я отворяю другую дверь, поднимаюсь по лѣстницѣ, прохожу по пустому коридору, по двумъ пустымъ комнатамъ. Затѣмъ отворяю третью дверь, и...

«И то, что я вижу, сударыня, можетъ быть сказано лишь накинувъ на слова густую вуаль и можетъ быть описано лишь иносказательно, съ поэтическими оборотами и недомолвками. Я попробую описать всѣми этими тремя способами.

«Ахъ, несчастный Полиньякъ, зачѣмъ ты всю жизнь не остался холостякомъ! А если судьба устроила такъ, что дворъ есть единственное мѣсто, гдѣ ты можешь жить, то почему ты не явился ко двору одинъ!.. А если неумолимое Небо вынудило тебя обзавестись женой, то почему ты не заперъ ее въ комнатѣ безъ оконъ, безъ дверей, безъ камина!..

«Что же сказать вамъ, сударыня? Таковыми, какъ Марсъ и Венера на Олимпѣ, когда они были застигнуты хромымъ Вулканомъ, какъ это рассказываетъ намъ старый Гомеръ, при посредствѣ строгаго пера Дасье,—такowymi герцогъ Люксембургскій и графиня де-Полиньякъ предстали моимъ глазамъ...

«Любили ли они другъ друга? Были ли искренны? Э, почему я знаю! По крайней мѣрѣ, они имѣли счастливый видъ. Но какъ только графиня де-Полиньякъ увидала меня, она принялась кричать, что ее взяли силой, что она этого такъ не оставитъ.

«— Господинъ д'Эспиракъ! Господинъ капитанъ! Освободите меня! Освободите меня!

«Вы, конечно, поймете, сударыня, что я ее освободилъ, но, какъ кажется, въ очень пріятную минуту...

«Быстро поставилъ я графиню на ноги и, раскланиваясь передъ герцогомъ Люксембургскимъ, произнесъ тономъ глубокаго почтенія:

«— Герцогъ, простите солдата за то, что онъ исполняетъ данный ему приказъ и слушается мольбы женщины. Если я похищаю у вашей свѣтлости графиню де-Полиньякъ, то вѣрьте, что дѣйствую лишь какъ вѣрный слуга короля и что, если бъ я все зналъ, я гораздо охотнѣе явился бы сюда часомъ позднѣе.

«Герцогъ улыбнулся, поблагодарилъ меня, поцѣловальъ ручку графини де-Полиньякъ, принявшей презрительный и надутый видъ, и вышелъ изъ комнаты. Пять минутъ спустя, я видѣлъ, какъ онъ ускакалъ на своей кобылѣ.

«Что же касается меня, то, взявъ подъ руку графиню де-Полиньякъ, я повелъ ее въ комнату, гдѣ мы нашли стараго господина и не менѣе старую дуэнью. Они приняли мою прелестную находку съ этикетомъ двора его королевскаго величества Людовика Великаго и пригласили насъ къ столу.

«Изъ этой фермы, называемой замкомъ Рокъ-Пеле, я посылаю вамъ, сударыня, сіе посланье и прошу васъ сказать графу де-Полиньяку, что я верну ему его жену живой и здоровой и невинной—по крайней мѣрѣ, она меня въ этомъ увѣряетъ, но я не рѣшусь въ этомъ поклясться...

«Имѣю честь быть, сударыня, до гроба вашимъ почтительнымъ и преданнымъ слугою

«Капитанъ графъ д'Эспиракъ».

Дѣйствительно, три дня спустя, графиня де-Полиньякъ вернулась въ Версаль. По просьбѣ графини де-Гюишэ, не желавшей себя компрометировать, никто не показаль вида, что знаетъ эту исторію. Тайна была такъ хорошо сохранена, что только одинъ мужъ не зналъ о письмѣ д'Эспирака. Королева побранила немножко свою новую пріятельницу, и этимъ дѣло и кончилось.

Но при дворѣ эта скандальная исторія забылась не такъ скоро. Графъ де-Полиньякъ вызваль герцога Люксембургскаго на дуэль. Это былъ первый случай, что графъ де-Полиньякъ не ранилъ своего противника, а самъ получилъ такую серьезную рану, отъ которой два мѣсяца пролежалъ въ постели. Это было справедливымъ наказаніемъ мужу, не понявшему, что такой вельможа, какъ

герцогъ Люксембургскій, можетъ желать показать придворной дамѣ свои туренскіе замки.

Постепенно все вошло въ обычную колею. Король предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, королева играла въ фермершу въ Маломѣ Трианонѣ; графъ де-Ферзенъ попрежнему любилъ королеву; графиня де-Гюинпэ играла въ любовь съ графомъ д'Эспиракомъ, а принцесса де-Ламбаль порвала свои отношенія съ маркизомъ де-Роганъ-Шабо.

Это были послѣднія веселыя событія двора. Начались политическія осложненія, министерскіе кризисы, клевета, ложь, наговоры, и разыгралась новая интрига, которая сдѣлала знаменитымъ имя кардинала де-Рогана и таинственную подкладку которой мы сейчасъ узнаемъ.

V.

Утомленная клеветами, распространяемыми враждебными ей людьми, Марія-Антуанетта была вынуждена окончательно разстаться съ графомъ де-Ферзеномъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа путешествовать. Герцогъ Лозенъ, угрожавшій замѣнить его мѣсто въ сердцѣ королевы, былъ немедленно удаленъ отъ двора за свои притязанія и фатовство. И Марія-Антуанетта, становясь все болѣе и болѣе сдержанной со своими поклонниками, всецѣло отдалась привязанности къ своимъ пріятельницамъ.

Къ тому же серьезныя заботы отвлекали ее отъ развлеченій Трианона и убивали въ ней всякое желанье веселиться.

19 сентября 1778 года, около половины перваго ночи, Марія-Антуанетта почувствовала первые приступы дѣтороженія. Принцесса де-Ламбаль и графиня де-Полиньякъ тотчасъ же поѣхали за акушеромъ Вермономъ и при всемъ дворѣ, собравшемся въ спальнѣ, согласно обычаю Франціи, королева произвела на свѣтѣ дочь.

Два часа спустя дѣвочку крестили въ версальской капеллѣ Людовикъ де-Роганъ, кардиналъ Гемене, великій каноникъ Франціи, въ присутствіи Брокевилля, кюрэ прихода Notre Dame. Назвали ее Маріей-Терезіей-Шарлоттой, съ титуломъ ея высочества и дочери короля.

Три года спустя, 22 октября 1781 года королева родила сына, къ радости двора и всей Франціи. Это былъ дофинъ Людовикъ. Наконецъ, 5 апрѣля 1785 года Марія-Антуанетта родила второго сына, названнаго Людовикомъ и титулованнаго герцогомъ Нормандскимъ.

Сдѣлавшись матерью, королева отвыкла понемногу отъ своихъ свободныхъ привычекъ. Она жила бы вполне счастливой жизнью, если бѣ два несчастія не нарушили ея спокойствія и не начали собою цѣлую серію невгодъ, которыя привели ее къ эшафоту.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1908 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

I. Богословіе.

Булгановъ, С. I. Интеллигенція и религія. II. Воскресеніе Христа и современное сознание. М. 1908. Ц. 25 к.

Бутру, Э. Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ. М. 1908. Ц. 30 к.

Гюйо, м. Иррелигіозность будущаго. М. 1909. Ц. 2 р. 40 к.

Жуновичъ, п. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей съ 1609 г. Вып. 4-й. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Журнальная рецензія книги Э. Ренана «Апостолы». Переводъ Ф. Н. Латернера. Спб. 1907. Кіевъ. 1908. Ц. 20 к.

Монозаловъ, Д. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Ч. I. В. I. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Panichide ou l'ordre des prières pour les défunts. Traduit du Slavon par P. de T. Prêtre orthodoxe. Спб. 1908. Ц. 50.

Розановъ, Н. Памятная книжка при изученіи Священной исторіи. М. 1909. Ц. 20 к.

Титлиновъ, Б. Духовная школа въ Россіи въ 19 столѣтіи. Вып. 1-й (времен. комиссіи духовныхъ училищъ). Вильна. 1908. ц. 2 р. 25 к.

II. Философія, психологія, логика.

Богдановъ, А. Приключенія одной философской школы. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Валентиновъ, н. Э. Махъ и марксизмъ. М. 1908. Ц. 60 к.

Геффдинъ, Г. Психологическая основа логическихъ сужденій. М. 1908. Ц. 75 к.

Копельманъ, А. Чѣмъ должна быть коллективная психологія. Введеніе въ работы по коллективной психологіи. Одесса. 1908. Ц. 35 к.

Методы экспериментальнаго послѣдованія личности. Составлено сотрудниками Спб. лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи. Спб. 1908. Ц. 12 к.

Миллашевскій. Нарядъ, какъ факторъ униженія женщинъ. М. 1908. Ц. 12 к.

Минто, в. Дедуктивная и индуктивная логика. Изд. 6-е. М. 1909. Ц. въ перепл. 1 р. 70 к.

Ольшанскій Г. Независимыя сатиры. Откоро-

«Истор. вѣстн.» ноябрь, 1908 г., т. скіѳ.

1/27

- венныя рѣчи въ 33-й государственной думѣ. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Синайскій, А. Къ ученію о главныхъ началахъ нравственной дѣятельности человѣка (противъ утилитаризма). Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Толстой, К. Корни безпросвѣтнаго пессимизма. Оптимическая философія, проф. И. Мечникова. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Форель, А. Жизнь и смерть. Спб. 1909. Ц. 40 к.

III. Словесность.

- Азфертъ. Дѣлатель жизни. (По поводу 80-лѣтн. юбилея Л. Н. Толстого). Харьков. 1908. Ц. 10 к.
- Бальмонтъ, К. Зеленый вертоградъ. Слова поцѣлунныя. Стихотворенія. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Блокъ, А. Земля въ снѣгу. Третій сборникъ стиховъ. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Блянско-Ибанецъ, В. Въ тѣни собора. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Браунъ, Г. Записки кельнерни. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Булгановскій, Д. Безъ вина одно горе, а съ виномъ старое одно, да новыхъ два. Съ рис. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Безъ поры безъ времени. Разсказъ. Ц. 5 к.
- Водка сильва, но сильвѣ воля своя. Ц. 7 к.
- Горе - злосчастье. Альбомъ картинъ изъ жизни людей, преданныхъ пьянству. Продолженіе альбома «Эхо». Ц. 50 к.
- Горькая правда о пьянствѣ. Ц. 5 к.
- Дружескіе совѣты, какъ отстать отъ окаяннаго пьянства и запойства. Ц. 7 к.
- Жалость взяла. Разсказъ. Ц. 7 к.
- Какъ отстать отъ спиртныхъ напитковъ. Ц. 15 к.
- Какъ привыкають къ вину. Ц. 5 к.
- На крестинахъ. Разсказъ. Ц. 3 к.
- Позднее раскаяніе. Ц. 5 к.
- Разными дорогами. Ц. 7 к.
- Рушилась семья. Разсказъ съ рис. Ц. 7 к.
- Терзаніе одно. Разсказъ. Ц. 6 к.
- Что говорить и думаетъ народъ овиѣ. Ц. 5 к.
- Бунановъ, Н. Записки. Моя жизнь въ связи съ общерусской жизнью, преимущественно провинціальной. 1837—1905. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Ведениндъ, Ф. Молодая жизнь. Комедія въ 3 актахъ съ прологомъ. М. 1908. Ц. 30 к.
- Вербичная, А. «Миражъ», комедія въ 5 д. М. 1909. Ц. 1 р.
- Вилли. Клодина уходитъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- Гамсунъ, К. Бродяги. М. 1908. Ц. 35 к.
- Гаринъ, Н. Сочиненія томъ 7-й. Деревенскія панорамы и др. разсказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Гиляровскій, Вл. Были 1883 — 1908. М. 1909. Ц. 1 р.
- Гонсоровскій, В. Ураганъ. Историческій романъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Депутатское жалованье. Ц. 5 к.
- Дурьилинъ, С. Въ школьной тюрьмѣ. Исповѣдь ученика. М. 1909. Ц. 15 к.
- Елачичъ М. Три пьесы. Княжій дворъ. Экспроприация. Сожженные корабли. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Наспровичъ, Янъ. Поэмы: «На взгорѣхъ смерти», «Dies irae», «Моя вечерняя пѣсня». Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Конанъ-Дойль. Ножъ танцовщицы. Последнія приключенія Шерлока - Холмса. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Изъ камеры № 24. Письмо уголовного инспектора тюремъ. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Корещій, Н. Пѣсни ночи. Стихотворенія. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Рениссеръ. Сборникъ необходимыхъ руководствъ при постановкѣ спектаклей. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Подъ апплодисментыи! Художественный сборникъ избранныхъ веселыхъ комедій, шутокъ и водевилей. Т. 1 Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к., т. II—III. 1 р. 50 к.
- Для веселой публики!!! Сборникъ веселыхъ комедій и фарсовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Первый звонокъ. 10 избранныхъ веселыхъ комедій и водевилей для любителей спектаклей. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Фуроръ! Художественный сборникъ избранныхъ веселыхъ пьесъ для домашнихъ любительскихъ спектаклей. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Лель, Адамъ. Записки студента. 1900—1903 гг. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Литературно-художественные альманахи. «Изд. Шиповникъ». Книга 6-я. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Литературно-художественный сборникъ. Журнала «Жизнь». Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтскія тѣни. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Черты изъ жизни Ценко. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
- Маргерить, В. Юныя дѣвушки. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Мижневъ, П. Счастливая Австралія. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Миклашевскій, М. Разсказы изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Мультигули. Приключенія Валтера Петерсена. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- На минерашкахъ. (Кое-что стихотворное). М. 1908. Ц. 20 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас. На міру. Разсказы. М. 1909. Ц. 1 р.
- Никитинъ, П. Сверхъ-сыщикъ. Изъ послѣднихъ приключеній Шерлока Холмса въ Россіи. М. 1908. Ц. 1 р.
- Олигеръ, Н. Разсказы. Томъ второй. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Орнешно, Э. Собраніе сочиненій. Т. 8. Ad astra. Дуэтъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Петрусевичъ, В. На окраинѣ въ періодъ лихолѣтія и другіе очерки и разсказы. Вып. 1.

2 и 3. Спб. 1908. Цѣна каждаго выпуска по 20 к.

Полозовъ, м. Пѣсни заѣтныя. Стихотворенія. Саратовъ 1908. Ц. 1 р.

Раффи. Хенгъ. Историческій романъ изъ эпохи русско-турецкой войны 1877—78 г. Тифлисъ. 1908. Ц. 1 р.

Рои, х. Мечтатели. Разказъ изъ словацкой жизни. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Сахаровъ, н. Предатели. Пьеса въ 4 д. Хвалыняскъ. 1909. Ц. 1 р.

Современные русскіе писатели. Избранные разказы К. С. Баранцевича, Н. Н. Потапенко и Вл. А. Тихонова. Спб. 1908. Ц. въ пер. 50 к.

— Избранные разказы: А. С. Серафимовича, С. И. Гусева-Оренбургскаго и С. А. Найденова. Ц. въ пер. 50 к.

— Избранные разказы: А. И. Куприна. Е. Н. Чирикова, И. А. Бунина. Ц. въ пер. 50 к.
— Л. И. Андреевъ. Жизнь Василія Оивейскаго. Разказъ. Ц. въ пер. 50 к.

— Избранные разказы: М. П. Арцыбашева, А. П. Каменскаго и В. В. Муйжеля. Спб. 1908. Ц. въ пер. 50 к.

Стриндбергъ, а. Полное собраніе сочиненій: Томъ 4-й. Утопій въ дѣйствительности. М. 1908. Ц. 1 р.

Сѣрошевскій, в. Разказы. Т. 2 и 3. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Толстой, л. «Плоды Просвѣщенія», ком. въ 4 д. М. 1908. Ц. 30 к.

— Крейцеровъ соната. Повѣсть. М. 1909. Ц. 25 к.

Третьяковъ, н. Сборникъ стихотвореній. Книга 1-я. М. 1908. Ц. 75 к.

Тургеневъ, и. Рудинъ. Романъ въ 12 главахъ съ эпилогомъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Уайльдъ, о. Эстетическій манифестъ. М. 1908. Ц. 35 к.

Фурманъ, п. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческая повѣсть. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Чернышевскій, н. Что дѣлать? Романъ. Продолгъ. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Паянъ. Они почували. Драмъ. М. 1908. Ц. 1 р.

Яничевъ, м. Женщина. Эскизы. М. 1908. Ц. 10 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

Архангельскій, а. Заѣтки на программу по исторіи русской литературы и теоріи словесности, составленную комиссіей ученаго комитета. Изд. 2-е. Казань. 1908. Ц. 1 р.

Бланкъ, р. Роль еврейскаго населенія въ экономической жизни Россіи. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Бланъ, Луи. Исторія французской революціи 1789 года. Спб. 1908. Томъ 7-й, ц. 3 р., т. 8-й, ц. 3 р.

Бонеряновъ, п. Женщины древней Греціи. Историческій очеркъ. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Виноградовъ, н. Вѣлорусскій вертепъ. Его устройство. Описание куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленіе въ Спасъ-Деменскѣ. Спб. 1908. Съ 17 табл. Ц. 50 к.

Вишняковъ, е. и **Пичета, в.** Очерки русской исторіи. Съ рисунками и картами въ текствѣ. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Войцеховичъ, м. Изъ прошлаго русской школы. Реформа семьи и школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Гервъ, г. Исторія Франціи и Европы, первоначальный курсъ исторіи въ свѣтъ принциповъ мира и справедливости. Спб. 1908. Ц. 1 р. 75 к.

Гюйо, м. Вѣзвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Данилевичъ, в. Курсъ русскіхъ древностей. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Девель, н. Старая Ладога и ея каменное городище. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Днивелетовъ, а. Начало итальянскаго возрожденія. М. 1908. Ц. 1 р.

Евтѣевъ, в. Труды 1-го Всероссийскаго съѣзда представителей обществъ вспомошествованія лицамъ учительскаго званія. Т. 1-й и 2-й. М. 1907. Цѣна за оба тома 4 р. 50 к.

Зерингъ, л. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. М. 1908. Ц. 60 к.

Ивановъ-Разумнинъ, о. Смыслъ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Капустинъ, в. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. Историческія замѣтки изъ жизни служилаго человѣка XVII стол. Съ 12 фототипіями. М. 1908. Ц. 3 р.

Мелтуяла, в. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. 1. Вып. 2-й. Исторія древней русской литературы. Отъ IX в. до конца XVII в. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Новалевскій, п. Императоръ Петръ III. Императоръ Навель I. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Томикъ I. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Логофетъ, д. Страна безправія. Вухарское ханство и его современное состояніе. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Майновъ, б. Николай Васильевичъ Гоголь. Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся и біографическій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.** Ч. 1. Ц. 75 к. и ч. II. Ц. 65 к.

Мендельсонъ, н. Очерки по исторіи русской литературы. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Общедоступные разказы изъ русской исторіи, для школъ и самообразованія. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Памяти Карла Маркса (1818—1883). Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Паренсовъ, п. Изъ прошлаго. Воспоминанія. Ч. 4-я и 5-я. Спб. 1908. Ц. 6 р.

Петровъ, а. Материалы для исторіи Угорской Руси. Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Урбаръ и иные свѣдѣнія съ крестьянской Маріи-Терезы реформой документи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Польская современность. По заѣткамъ Спавоича. Варшава. 1908. Ц. 25 к.

*

Редлихъ, Г. Англійское мѣстное управленіе. Изложене внутренняго управленія Англїи въ его историческомъ развитїи и современномъ состоянїи. Томъ 2-й. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Сивковъ, П.—Ф. И. Шалипинъ, жизнь и артистическая дѣятельность. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Спальвинъ, Е. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣва въ области японовѣдѣнія. I. Критическій разборъ японской исторической хрестоматїи. Владивостокъ. 1908. Ц. 50 к.

Страховъ, Н. Критическія статьи. Т. I. Объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. 6-е. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Тарасовъ, Н. и Гартвигъ, А. Изъ исторїи русской культуры. 1) Врагъ подъ стѣнами. М. 1908. Ц. 15 к. 2) Славянскїй поселокъ. Ц. 10 к. 3) Полюдьѣ. Ц. 10 к. 4) Въ монастырѣ. Ц. 15 к. 5) Половецкїй набѣгъ. Ц. 10 к.

Чарторыйскїй, Адамъ, князь. Записки. Время Павла и его смерть. Ч. 2-я. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Шестовъ, Л. Начала и концы. Сборникъ статей, творчество изъ ничего (А. П. Чеховъ). Пророческїй даръ. Похвала глупости. Предисловія слова. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Яковенно, П. Къ исторїи иммунитета въ Византїи. Юрьевъ. 1908. Ц. 50 к.

V. Сельское хозяйство.

Васильевъ, К. Польза и вредъ пищевыхъ продуктовъ. I. Съѣдобные грибы. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Гранатъ, И. Къ вопросу объ обезземеленїи крестьянства въ Англїи. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Дерновъ, М. Пчелы и ихъ жизнь. Опытъ общедоступнаго руководства къ изученїю естественной исторїи и жизни пчелъ. Вятка. 1908. Ц. 30 к.

Мичуновъ, Н. Прививка и размноженіе различныхъ грунтовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Краинскїй, В. Руководство къ организаціи хозяйства, какъ прикладное ученіе всѣхъ агрономическихъ наукъ. Съ приложенїемъ краткаго проекта организаціоннаго плана для хозяйства, расположеннаго на черноземновидныхъ суглинкахъ и темно-сѣрой супеси Черниговской губерніи. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Крукъ, В. Хлѣбный вопросъ и особенно вопросъ о производствѣ и о потребленїи пшеницы. М. 1909. Ц. 1 р.

Муринскїй, П. Маслособойное производство. Практическое руководство по приготовленїю масла изъ различныхъ сѣмянъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Осиповъ, А. Разведенїе гусей и ихъ хозяйственныя породы. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Португаловъ, А. Культурная мясная овца. М. 1908. Ц. 10 к.

«Хуторъ», сельско-хозяйственный журналъ, № 10. 1908. Ц. 40 к.

Шишкинъ, А. Сельско-хозяйственная экономїя. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Юрмалагъ, А. Датскїй способъ кормленїя молочнаго скота. Спб. 1908. Ц. 25 к.

Яницкїй, В. Краткое руководство по пчеловодству. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусство.

Ремесла.

Arendt. Электрическая волновая (радіо) телеграфїя. Введенїе въ теорїю и практикѣ. Ч. I. Физическія основанїя электрической волновой телеграфїи. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Бемъ, А. Руководство службы паровознаго машиниста, съ приложенїемъ краткой исторїи изобрѣтенїя паровоза, перечни главнѣйшихъ составныхъ его частей и статьи объ устройствѣ желѣзнодорожнаго пути. Изд. 7-е. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

*Бершадскїй, Л. Техника монтажно-ремонтнаго дѣла. Руководство по установкѣ, сборкѣ, уходу и ремонту заводскихъ тепловыхъ двигателей. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1908. Ц. 5 р.

Vragstad, O. Электрическія желѣзныя дороги. Лекціи, читанныя въ электро-техническомъ институтѣ въ Карлсруѣ въ 1907—1908 г. Спб. 1908. Ц. съ атласомъ чертежей 4 р.

Ванновъ, С. Полный карманный техникъ. Справочная книжка для инженеровъ, ме-

ханиковъ, архитекторовъ, фабрикантовъ, техниковъ и студентовъ. Спб. 1908. Ц. въ кож. перепл. 3 р.

Вейнертъ, Ф. Испытанїе электрическихъ машинъ и трансформаторовъ. Спб. 1909. Ц. 90 к.

«Всемирное Техническое Обзорнїе» № 21. 1908. Ц. 60 к.

Гинзбургъ, Л. Универсальныя средства противъ навики (антинавикины). Критическїй обзоръ ихъ состава и дѣйствїя. М. 1908. Ц. 80 к.

Голубевъ, П. Изслѣдованїе масла сибирской пихты и фабрикація русской камфоры. Спб. 1908. Ц. 55 к.

Квятновскїй, Н. Практическое руководство по ректификаціи спирта на аппаратахъ періодическихъ Савалла въ связи съ приготовленїемъ вина. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Корневъ, В. 4-цилиндровый пассажирскїй паровозъ системы Компаундъ Орлеанской жел. д. Альбомъ чертежей, описанїе и повѣтрочные расчеты. Вып. I. Спб. 1908. Ц. 4 р.

- Лобовиковъ, Г.** Основанія механической теории теплоты и ея примѣненій къ учению о тепловыхъ машинахъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- Нейманъ, Б.** Электрометаллургия желѣза. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.
- Новгородскій, М.** Кирпичное производство. Ручной способъ выдѣлки кирпича и устройство завода. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Мельницы. Руководство къ устройству мукомольныхъ мельницъ. Ц. 40 к.
- Печное мастерство. Искусство класть печи комватныя, разныхъ системъ и формъ, русскія печи, очаги, плиты и лежанки. Ц. 40 к.
- Полянскій, В.** Войсковое инженерное дѣло. Самоокапываніе пѣхоты въ наступательномъ и оборонительномъ бою. Тактическая часть. Съ приложеніемъ задачи, рѣшенной на мѣстности, и справочныхъ данныхъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Ривошь, О.** Графико-аналитическое изслѣдованіе продольнаго изгиба отъ дѣйствія силъ, приложенныхъ въ различныхъ точкахъ оси. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Соновичъ, В.** Катехизисъ по технической части службы движенія. Спб. 1908. Ц. 1 р. 80 к.
- Сѣровскій, Н.** Электрическіе звонки и сигнализациі при помощи ихъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Талдыкинъ, М.** Курсъ геометрическаго черченія. Пособіе для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, сельскихъ ремесленно-учебныхъ мастерскихъ и т. д. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Телеграфный кодъ для всѣхъ.** Сокращеніе стоимости телеграммъ. Спб. 1908. Ц. 2 р., въ перел. 2 р. 30 к.
- Хогстремъ, А.** Новый методъ расчета желѣзо-бетонныхъ сооружений (принципъ фиксированной точки отношенія) и примѣненіе его къ расчету мостовъ и гражданскихъ сооружений. Киевъ. 1908. Ц. 3 р.
- Худяковъ, П. и Сидоровъ, А.** Детали машинъ. Ч. 1-я. Изд. 3-е. М. 1908. Ц. 2 р.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

- Авторское право.** Докладъ комиссіи С.-Петербургскаго Литературнаго Общества по поводу проекта закона объ авторскомъ правѣ. Съ приложеніемъ проекта объ авторскомъ правѣ, внесеннаго министромъ юстиціи въ Государственную Думу. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Бауеръ, О.** Національный вопросъ и социаль-демократія. Ч. I-я. Нація. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Беренштамъ, М. и Новиковъ, В.** Уставъ уголовного судопроизводства, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1908. Ц. въ пер. 80 к.
- Быновъ, А.** Франція и французы. Очеркъ развитія республики и демократіи. М. 1908. Ц. 40 к.
- Венонинскій, В.** Смертная казнь и терроръ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Весманъ, И.** Курсъ политической экономіи. Рига. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Вязигинъ, А.** Въ туманѣ смутныхъ дней. Сборникъ статей, докладовъ и рѣчей. X. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Выдринъ, Р.** Основные моменты студенческаго движенія въ Россіи. М. 1908. Ц. 50 к.
- Грулевъ, М.** Очеркъ возстанія пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Дидонъ, А.** Брачный разводъ. М. 1908. Ц. 85 к.
- Еллинекъ, Г.** Общее ученіе о государствѣ. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ 1908 г.** Спб. Ц. 1 р.
- Ивановичъ, А.** Большія пораженія и малыя реформы. Не губите любви къ отечеству. Одесса. 1907. Ц. 20 к.
- Катреинъ, В.** Соціализмъ. Изслѣдованіе его принциповъ и практической осуществимости Харьковъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Наутскій, М.** Обнищаніе и крушеніе. Новѣйшая фаза ревизионизма. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Новалевскій, М.** Общее конституціонное право. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Конспектъ исторіи русскаго права.** Составленъ по лекціямъ А. Н. Филиппова. М. 1908. Ц. 60 к.
- Конституція Россійской имперіи.** Высочайшіе манифесты о народномъ представительствѣ. Основные законы. Положенія о Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Законы о выборахъ, объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, о личныхъ и общественныхъ правахъ гражданъ, о свободѣ печати, объ обществахъ, союзахъ и публичныхъ собраніяхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Нораблевъ, В.** Славянскій съѣздъ въ Прагѣ 1908 года. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Лескюръ, Ж.** Общія и періодическіе промышленные кризисы. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Линдеманъ, Г.** Пролетаріатъ и городское хозяйство. Рабочій вопросъ въ германскихъ муниципалитетахъ. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, В.** Законы о товариществахъ. Акціонерныя общества. Товарищества на пааяхъ и торговые дома. Порядокъ ихъ учрежденія и дѣятельности, съ разъясненіями. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Мехелина, Л.** Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ. Критическій обзоръ. Спб. 1908. Ц. 90 к.
- Моревъ, Д.** Руководство политической экономіи. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Московскій городской народный университетъ имени Шанявскаго.** Текстъ закона съ стенографическимъ отчетомъ Государственной Думы и биографіей А. Л. Шанявскаго. М. 1908. Ц. 15 к.
- Непрасовъ, П.** Капиталъ и государственныя кредиты землѣ и труду по страховымъ системъ. М. 1908. Ц. 50 к.

- Неирасовъ, Н.** Аграрно-экономическая реформа. Утилитарныя основы емельнаго закона. М. 1908. Ц. 5 к.
- Никитинъ, Е.** Еврейскій погромъ въ Оршѣ. М. 1908. Ц. 25 к.
- Петражицкій, Л.** Введеніе въ изученіе права и нравственности. Основы эмоціональной психологіи. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Палибинъ, Н.** Уставъ о гербовомъ сборѣ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Познышевъ, С.** Задачи общественныхъ наукъ въ связи съ основами этики. М. 1908. Ц. 90 к.
- Поповъ, И. и Файнбергъ, Н.** Государственное право. Пособіе для студентовъ. X. 1908. Ц. 1 р. 70 к.
- Процессъ Чинскаго.** Подавленіе воли путемъ гипнотическаго внушенія съ послѣдующимъ фиктивнымъ вѣщаніемъ и подлогомъ брачнаго свидѣтельства. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Самарскій, С.** О духовныхъ завѣщаніяхъ и о наследованіи по закону. Кіевъ. 1908. Ц. 50 к.
- Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о сельскомъ состояніи.** Положенія объ установленіяхъ, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Сидоровъ, А.** Польская автономія и славянская идея. Кіевъ. 1908 г. Ц. 40 к.
- Труды первого Всероссийскаго съѣзда дѣятелей обществъ народныхъ университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учреждений частной инициативы.** Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Тютрюмовъ, Р.** Фабричное законодательство въ Россіи. М. 1908. Ц. 40 к.
- Фюстель-де-Нуланжъ.** Римскій колонатъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Черновъ, В.** Соціалистическіе этюды. М. 1908. Ц. 1 р. 95 к.
- Шершеневичъ, Г.** Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изд. 7. Спб. 1909. Ц. въ переплетѣ 5 р.
- Шпрингеръ, Р.** Національная проблема (Борьба національностей въ Австріи). Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Яннуль, И.** Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальные этюды. Спб. 1908. Ц. 3 р.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

- Булавинцовъ, А.** Во время холеры что можно и чего нельзя вѣсть. Подробное указаніе полезныхъ и вредныхъ продуктовъ и блюдъ въ обычномъ кухонномъ обиходѣ. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Дюваль, М. и Константъ, П.** Учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.
- Жукъ, В.** Новый способъ леченія холеры, дизентеріи и другихъ инфекціонныхъ пораженій кишечника. Одесса. 1907. Ц. 60 к.
- Луценко, И.** Холера, ея сущность и способы борьбы съ нею. Одесса. 1908. Ц. 10 к.
- Наживинъ, И.** Письма къ молодежи о половомъ вопросѣ. М. 1908. Ц. 10 к.
- Павловскій, А.** Происхожденіе общей бурчатки (чахотки) и борьбы съ нею. Кіевъ 1908. Ц. 40 к.
- Ру, Цезарь, д-ръ.** Защита дѣтей отъ туберкулеза, алкоголизма и куренія. М. 1908. Ц. 20 к.
- Слетовъ, Н.** Половая неврастенія, ея причины и леченіе. М. 1908. Ц. 2 р.
- Солонцевъ, К.** Общедоступное изложеніе свѣдѣній о холерѣ, о предохранительныхъ мѣрахъ отъ нея и леченіи. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Тейхманъ, Э.** Наслѣдственность, какъ сохраняющая сила въ процессѣ органической жизни. М. 1909. Ц. 50 к.
- Эртль, Г.** Полный курсъ гинготизма во всѣхъ его фазахъ и въ сродственныхъ ему явленіяхъ. X. 1909 г. Ц. 60 к.

IX. Искусство.

- Глазуновъ, Н.** Декламационная хрестоматія. Матеріалъ для систематическихъ занятій выразительнымъ чтеніемъ на драматическихъ курсахъ, въ театральныхъ училищахъ и друг. учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1908. Ч. I. Ц. I р. 20 к., и II—Ц. 80 к.
- Денисьевскій, М.** Фотографія любителя. Практическое руководство къ изученію фотографіи. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Ермиловъ, Н.** Какъ фотографировать облака, воду, волны, молнію, противъ солнца, лунные виды. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- * Картины Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербурѣ, съ объяснительнымъ текстомъ А. Н. Сомова, старшаго хранителя Эрмитажа.** Вып. 12-й, послѣдній. Спб. 1908. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна за все изданіе 12 вып. 75 к.
- Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ.** Тексты Игоря Грабаря. Вып. 10, 11, 12. Москва. 1906. Ц. за 12 вып. 12 р.
- Кризисъ театра.** Сборникъ статей: Стекловъ, Ю. «Театръ или кукольная комедія?» Базаровъ, В. «Быть или мистерія?» Шулятиковъ, В. «Новая сцена и новая драма». Чарскій, В. «Художественный театръ» Фриче, В. «Театръ въ современномъ и будущемъ обществѣ». М. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Лялиновъ, С.** Какъ издать и продать книгу. Севастополь. 1909. Ц. 1 р.
- Манаренно, Н.** Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. 1908. Ц. 1 р.

Х. Военное и морское дѣло.

Гроссевичъ, М. Борьба съ лучами восходящаго солнца. Изъ боевыхъ воспоминаній русско-японской войны. М. 1908. Ц. 1 р. 30 к.

Драгомировъ, М. Одиннадцать лѣтъ. 1895—1905 гг. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей. Т. 1, 2. Спб. 1909. Ц. за оба тома 8 руб.

Дружининъ, В. Воспоминанія о русско-японской войнѣ 1904—1905 гг. участника-добровольца. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Зашунъ, І. Замѣтки изъ строевой службы Спб. 1908. Ц. 50 к.

Натанаевъ, Г. Западно-сибирское служилое казачество и его роль въ облѣдованіи и занятіи русскими Сибири и Средней Азии. В. 1-й. Конецъ 16-го и начало 17-го столѣтій. Спб. 1908. Ц. 75 к.

— Краткій историческій обзоръ службы Сибирскаго казачьяго войска съ 1582 по 1908 годъ. Ц. 30 к.

ХІ. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Берло, А. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. 1-я. Этимологія. Изд. 4-е. Кіевъ. 1909. Ц. 40 к.

Бернштейнъ, А. Вопросы половой жизни въ програмѣ семейнаго и школьнаго воспитанія. М. 1908. Ц. 30 к.

Брауншигъ, М. Искусство и дитя. Очеркъ эстетическаго воспитанія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Boisgard. Полный практическій и теоретическій курсъ французскаго языка для взрослыхъ. Ч. 1. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Войновъ, А. Очеркъ теоретической ариеметики. Пособіе для учащихся старшихъ классовъ средн. учеб. завед. Павловскъ н. Д. 1908. Ц. 50 к.

Ивановъ, И. Конспектъ по русской исторіи. Ц. 25 к.

— Конспектъ по новой исторіи. Ц. 25 к.

— Конспектъ по древней исторіи. Составлены по учебникамъ Иванова, Виноградова, Карѣва и др. Ц. 25 к.

Кнауэръ, Ф. Учебникъ санскритскаго языка, грамматика-хрестоматія-словарь. Лейпцигъ. 1908. Ц. 2 р.

Кутузовъ, Н. Сборникъ ариеметическихъ задачъ для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебн. заведеній. М. 1908. Ц. 20 к.

Липскій, Н. Психологическія основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ дошкольный періодъ. Иѣжинъ, 1905. Ц. 80 к.

Покровскій, К. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р.

Полевой, Д. Руководство къ составленію сочиненій по новѣйшей литературѣ съ планами. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ, А. Избранныя оды Горация, текстъ, слова, разборъ и переводъ. М. 1909. Ц. 30 к.

Практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ для младшихъ классовъ средн.-учеб. завед. Составлена учителями московскихъ городскихъ училищъ. М. 1909. Ц. 35 к.

Рождественъ, А. Поезія Тургенева къ 25-лѣтію смерти писателя-поэта. Казань. 1908. Ц. 15 к.

— Его же. Упрощеніе русскаго правописанія. Казань. 1908. Ц. 15 к.

Рошаль, Е. Планы и краткіе обзоры темъ литературнаго характера. Спб. 1909. Часть 7-я. Вып. 1 и 2-й. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 25 к.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Часть 2-я. Синтаксисъ. Изд. 9-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Хрестоматія изъ писаній Льва Толстого съ иллюстр. Составлена группою дѣтей подъ редакціей Н. А. Серѣженко. М. 1908. Ц. 1 р.

Scnultz Alfons und Sinkewicz Platon, Illustrierte deutsche Litteraturgeschichte für die oberen Klassen der mittleren Lehranstalten in Russland. 1 Teil. Спб. 1908. Ц. 1 руб.

ХІІ. Книги для дѣтей и юношества.

Буше, Е. Давайте рисовать! Легкія упражненія въ рисованіи для самихъ дѣтей и для ихъ матерей и учительницъ. Изд. 3-е. М. 1908. Цѣна 85 к.

Ершовъ, П. Конекъ-Горбунокъ, русская сказка съ 47 рисунками Е. Самокишъ-Судковской, изд. 23. Спб. 1909. Цѣна въ папкѣ 1 р.

«Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. № 22 и 23. 1908. Ц. по 20 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Таючіе снѣга. (Для старшаго возраста). М. 1908. Ц. 1 р.

Пановъ, В. Дитя-художникъ. Свободное рисованіе. Ч. 1-я. М. 1908. Ц. 20 к.

Первыя Ласточки. Стихотворенія для дѣтей. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. М. 1909. Ц. 15 к.

Шелгунова, Л. Русскія сказки. Т. 1. М. 1908. Ц. 1 р.

XIII. Естествознание.

- Персональный, С.** Природовѣдніе. Живая природа. (Животныя). М. 1908. Ц. 60 к.
Портцній, С. Зелений міръ. Бесѣды о жизни растенія. М. 1908. Ц. 70 к.
Ростовцевъ, С. Фито-патологія, Болѣзни и поврежденія растеній. Руководство къ ихъ распознаванію и леченію для студентовъ, агрономовъ, лѣсоводовъ, садоводовъ и огородниковъ. М. 1908. 3 р. 50 к.
Троановскій, И. Курсъ природовѣднія. Часть 1-я. Воздухъ, вода и земля. М. 1909. Ц. 80 к.

XIV. Физика, химія, математика.

- Брандесъ, Г.** Натурализмъ въ Англіи. Спб. 1908. Ц. 75 к.
Голлеманъ, А. Учебникъ ограниченной химіи для студентовъ. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.
 — Учебникъ неорганической химіи для студентовъ. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.
Лоджъ, С. Легкая математика, преимущественно арифметика. М. 1908. Ц. 1 р. 60 к.
Олимповъ, С. Новая физика безъ приборовъ. Полное собраніе общедоступныхъ опытовъ, легко выполнимыхъ домашними и друг. средствами. Спб. 1908. Ц. 30 к.

XV. Коммерческія науки.

- Альмедингенъ А.** Начальный учебникъ товаровѣднія для женскихъ коммерческихъ курсовъ и женскихъ коммерческихъ училищъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
Езерскій, Ф. Научныя формы учетовъ въ счетоводныхъ книгахъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.
 — Различіе системъ счетоводства по внутреннимъ формамъ книгъ, по вышнимъ параллелямъ книгъ, по качеству вѣрности ихъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Игнатюкъ, А. Коммерческія письма. Общая теорія коммерческой корреспонденціи и образцы писемъ и циркуляровъ. М. 1908. Ц. 80 к.
Коломійцевъ, И, и Борхардъ, С. Дисконтъ. Таблицы вычисленія %^{д/р} на суммы отъ 1 р. до 100,000 р. и на срокъ отъ 1 до 366 дней. М. 1908. Цѣна въ переплетѣ 6 р.
Лихачевъ, В. Учебникъ фабрично-заводскаго счетоводства. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Руководство по товаровѣднію съ необходимыми свѣдѣніями изъ технологій. Часть 2-я. М. 1908. Ц. 4 р. 25 к.

XVI. Географія.

- Бобринскій, А., гр.** Горцы верховьевъ Пянджа (Ваханцы и Ишканимцы). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. М. 1908. Ц. 2 р. 50 коп.
Круберъ, А., Григорьевъ, С., Барновъ, А., Чофановъ, С. Курсъ географіи Европы. Москва. 1908. Ц. въ перепл. 1 р.
Нечаевъ, А. Начальный курсъ географіи съ методической точки зрѣнія. М. 1908. Ц. 20 к.
Тимновскій, Д. Наша страна. Картины природы и быта народовъ. Россіи. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

XVII. Справочный отдѣлъ.

- А. И. и М. Н.** Наука, ея приложенія и учебныя заведенія. Руководство въ выборѣ высшего учебнаго заведенія для молодыхъ людей, окончившихъ среднюю школу. Кіевъ. 1908. Ц. 70 к.
Всемирное техническое обозрѣніе. № 22. 1908. Ц. 60 к.
Гермесъ. Научно-популярный вѣстникъ античнаго міра. № 14. 1908. Ц. 30 к.
Горнозаводчикъ и фабрикантъ, №№ 39. 40 и 41. 1908. Ц. по 15 к.
Карта Европы въ половинѣ XI вѣка, изд. К. Неслуховскаго и Ф. Соколова. Спб. 1908. Ц. 1 р. 30 к.
Лунашевичъ, М. Мой другъ, школьный календарь-альманахъ на 1908—09 г. Спб. Ц. 30 к.
 «Московский Еменедѣльникъ», №№ 37, 38 и 39. 1908. Ц. по 15 к.
Народный календарь на 1909 годъ. Ц. 20 к.
 «Наша Охота». Сентябрь 1908 г. Ц. 60 к.
 «Образованіе» журналъ. № 8—1908 г. 85 к.
 «Окраины Россіи». №№ 37 и 38. 1908. Ц. 15 к. № 40. 1908 г. Ц. 10 к.

*) Изданія А. С. Суворина

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новога Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новога Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
ДЕКАБРЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1908 г.

	СТРАН.
I. Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. Часть V. СХІ — СХХІV. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта	803
II. Записки сенатора К. И. Фишера . (Окончаніе)	848
III. Жемчужина «Пелегрина». (Историческій рассказъ). В. Г. Авсѣнко	861
IV. Изъ сибирскихъ воспоминаній. К. И. Муромцева	880
V. Мои скитанія по бѣлу свѣту. С. С. Окрейца	908
VI. Арестованный по ошибкѣ. (Изъ воспоминаній). Князя В. А. Щетинина	931
VII. Спорные вопросы. (Изъ области судебной этики). И. В. Мѣщанинова	941
VIII. Якутскъ въ эпоху «освободительнаго движенія». Немо	968
IX. Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ-Щедринѣ. (1864—1869 г.г.). Н. Н. Кузнецова	976
X. Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. (Матеріалы для біографіи). Б. Г. Иллюстрація: Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ	987
XI. Поѣздка на вѣнскую всемірную выставку въ 1873 году съ персидскимъ принцемъ Бергенъ-Мирзой. Владимира Передольскаго	1005
XII. Эпоха реформъ. (Историческіе очерки). LIII—LIX. (Окончаніе). В. В. Глинскаго	1013
Иллюстраціи: 1) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. — 2) Императоръ Александръ II.	
XIII. Экскурсія къ болгарскимъ развалинамъ. П. А. Александрова	1018
Иллюстраціи: 1) Минареть главной мечети (по снимку Палласа 1768 г.). — 2) Минареть главной мечети (съ позднѣйшаго снимка до его разрушенія). — 3) Палата, обращенная въ церковь Николая Чудотворца. — 4) Палата—монастырскій погребъ. — 5) Минареть. — 6) Мечеть (по снимку Палласа), нынѣ не существующая. — 7) Черная палата. — 8) Черная палата (по снимку Палласа). — 9) Бѣлая палата (по снимку 1824 года). — 10) Бѣлая палата и планъ ея (по рисункамъ Палласа). — 11) Развалины мечети. — 12) Видъ села Болгаръ. — 13) Угловая башня главной мечети.	
XIV. Иностранцы о Россіи. Вл. И. Штейна	1073
XV. Критика и библіографія.	1105
1) Jules Jansen. Diplomatique Enthüllungen aus der Botschafterzeit der Baron von Mohrenheim. (1884 — 1898). Leipzig. 1908. Стр. 208. Ц. 2 марк. А. Б—ова . — 2) Михаилъ Соколовскій. «Наша военная старина» (историко-бытовые фельетоны). 1908 г. Ц. 75 к. А. Миронова . — 3) Могилы русской земли, Описание археологическихъ раскопокъ и собранія древностей профессора Д. Я. Самоковскаго. Труды московскаго комитета по устройству черниговскаго археологическаго съезда. М. 1908. In folio. Стр. 4 нел. 271+4 нел. Д. Самоковскаго. Свѣрянская земля и свѣряне по городищамъ и курганамъ. М. 1908. Стр. 119. В. Руданова . — 4) В. А. Бѣдновъ. Православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ по Volumina Legum. Екатеринбургъ. 1908. (См. слѣд. стран.).	

Стр. XVII+508. В. Данилова. — 5) Архивъ. Н. Ф. Романченко. Спб. 1908. мх. Соколовскаго. — 6) В. Л. Капустинъ. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. Москва. 1908. Стр. 72+12 фототип. Ц. 3 руб. А. Бѣлова. — 7) И. Г. Попруженко. Къ исторіи «Везумнаго года» (1848). Варшава. 1907. А. Ивановича. — 8) В. А. Верещагинъ. Матеріалы для бібліографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Выпускъ первый. №№ 1—1200. 1908. Стр. 44+IX. Ц. 2 р. А. Яцимирскаго. — 9) А. И. Богдановичъ. Годы перелома. 1896—1906 гг. Сборникъ критическихъ статей. Спб. 1908. н. л. — 10) Водовозовъ, В. И. Новая русская литература. (Отъ Жуковского до Гоголя включительно). 7-е издание, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Спб. 1908. Я. Биронова. — 11) Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ I и II. Тургеневъ. Стр. 320. Спб. 1908. Ц. 2 руб. А. Фомина. — 12) Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ VII. Спб. 1908. м. б. — 13) Г. К. Градовскій. Итоги (1862—1907). Спб. 1908. 489 стран. Ц. 3 руб. Б. Глинскаго. — 14) С. Эфронъ (Литвинъ). Миссіонеры и начетчики. Москва. 1908. Стр. 101. Ц. 40 коп. м. — 15) Памятная книжка Олонцкой губерніи на 1908 годъ. Изданіе олонцкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ И. И. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1908. Стр. 338 + XXXIV. Ц. 1 р. В. Р—ва. — 16) Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комисіи. Годъ третій (выпускъ IV). Екатеринбургъ. 1908. В. Д—ва. — 17) Путникъ (Н. Лендеръ) «По Европѣ и Востоку». Верлихъ, Гамбургъ, Парижъ, Константинополь, Смирна, Афины, островъ Критъ, Италия, Вѣна, Дунай. Очерки и картинки съ рисунками. Спб. 1908. ф. ф. — 18) С. П. Шестаковъ. Памятники христіанскаго Херсонеса. Москва. 1908. Стр. 142 in 4. в. — 19) Karl Steinmetz. Von der Adria zum Schwarzen Drin. Mit 15 Abbildungen und einer Karte. Sarajevo. 1908. Стр. 1+77. Ц. 2 кроны. А. Яцимирскаго. — 20) Труды воронежской ученой архивной комисіи. Выпускъ IV. Подъ редакцію правителя дѣлъ комисіи священника Ст. Звѣрева. Воронежъ. 1908. Стр. 71+245+I, IV+XCVIII. Ц. 1 р. 50 к. Воронежская Старина. Выпускъ седьмой. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1908. Стр. LI+304+86. Ц. 2 р. 50 к. В. Рудакова. — 21) Врянчинановъ. Святанія. М. 1908. Стр. 160. о. и. ф. — 22) Великій князь Николай Михайловичъ. Московскій Неврополь. Томъ третій (Р—6). Спб. 1908. Стр. 432. Ц. 2 р.—в. Р—ва.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1135

1) Археологическія новинки. — 2) Еще и еще Наполеона. — 3) Николай I и Луи-Филиппъ. — 4) Герцегъ о Петрашевскомъ. — 5) Воспитаніе наследныхъ принцевъ. — 6) «Нѣсколько мыслей о моей бібліотекѣ». — 7) Конгрессы на Западѣ. — 8) Смерть Джудіо Варрили, Гастона Дониэ, графа Ларошфуко, Жана Шаумбергера, Люиса Камбеля, Чарльза Нортона и Вияторьяна Сарду.

XVII. Смѣсь 1169

1) Въ литературнонь фондѣ. — 2) Общее собраніе членовъ императорскаго академіи художествъ. — 3) Всероссийскій женскій съѣздъ. — 4) Къ 25-лѣтнему юбилею школы имени Ф. М. Юстиевскаго въ Старой Руссѣ. — 5) Столѣтіе института инженеровъ путей сообщенія. — 6) Археологическая находка. — 7) Панорама севастопольской обороны. — 8) Проектъ суда чести при обществѣ періодической печати и литературы. — 9) Отъ комитета по сооруженію памятника Н. С. Тургеневу въ Орлѣ.

XVIII. Некрологи 1177

1) Важицъ, Н. Ф. — 2) Варгеновъ, Ю. П. — 3) Гиль, Х. Х. — 4) Григорьевъ, А. В. — 5) Коровицъ, С. А. — 6) Кудринъ, В. С. — 7) Парамоновъ, Ф. А. — 8) Цѣткѣвъ, К. Н.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Некрологъ великаго князя Алексѣя Александровича. — 2) Портретъ великаго князя Алексѣя Александровича. — 3) Портретъ Константина Ивановича Фешера. — 4) Увлеченія королевы. Романъ Жана-де-ла-Гиръ. Переводъ съ французскаго Ек. Уманецъ. (Окончаніе). — 5) Указатель личныхъ именъ упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника», 1908 года и указатель графюръ помѣщическихъ въ этихъ томахъ.

При этой книжкѣ прилагается городскимъ и ивогороднымъ подписчикамъ каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девриена, въ С.-Петербурѣ

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1909 году
(ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ).

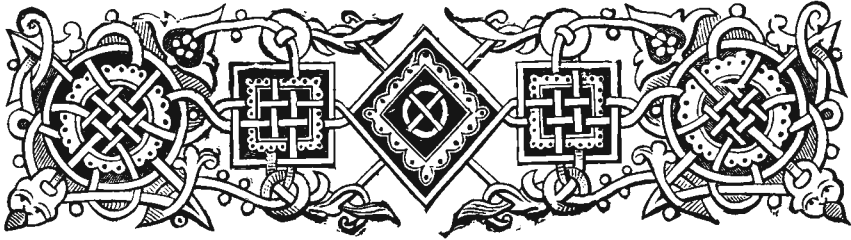
«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1909 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать девять лѣтъ (1880—1908).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ ФИШЕРЪ

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ ¹⁾.

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

СХІ.

Въ Екатерининныхъ садахъ.

ВАРЕТА четверней съ фореиторомъ и гусаромъ на запяткахъ несла стремительно свѣтлѣйшаго по гладкой, какъ полотно, широкой дорогѣ изъ Петербурга въ Царское Село, какъ бы сжигая пространство. Старыя березы по краямъ дороги блестяли молодой, душистой листвою. Луга по сторонамъ разстиались, пестря цвѣтами, лоснясь травю, которая волновалась подъ дыханіемъ бурнаго, свѣжаго и теплаго вѣтра. Столь рѣдкая въ суровомъ ингерманландскомъ климатѣ мягкость благорастворенная пріятно ощущалась въ прогрѣтомъ солнцемъ воздухѣ. Въ открытое окно кареты вмѣстѣ съ вѣтромъ врывался немолчный птичій щебетъ. При неимовѣрно быстрой ѣздѣ ближніе предметы почти рябили въ глазахъ, сливаясь въ общую, перемѣнчивую пестроту, а дальніе медленно уплывали. Вотъ показалась Пулкова гора! Вотъ и Царское Село рассыпалось домиками придворныхъ служителей и немногихъ мѣщанъ!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІV, стр. 385.

Потемкинъ чувствовалъ въ себѣ подъемъ силъ. Слабости и темныхъ предчувствій и предупрежденій послѣднихъ дней какъ не бывало. Умъ его работалъ съ ясностью необыкновенной. Онъ чувствовалъ, что это свиданіе съ императрицею будетъ имѣть рѣшительнѣйшее для него значеніе. Онъ еще не зналъ, что скажетъ и какъ себя поведетъ. Весь сложный планъ траншей, подъ всемогущество его подведенный, былъ ему совершенно ясенъ. «Зубъ болитъ! Вырвать необходимо!» думалъ свѣтлѣйшій въ то время, какъ встрѣчныя кареты и повозки, сворачивая, робко жались къ придорожнымъ деревьямъ, и всѣ попадавшіеся, какого бы званія и состоянія ни были, снявъ шляпы предъ гордымъ профилемъ распудренного, параднаго, осыпаннаго звѣздами и орденами, залитаго золотомъ и брильянтами временщика, провожали его низкими поклонами.

— Зубъ болитъ! Вырвать надо!—опять повторялъ въ мысляхъ свѣтлѣйшій. Но отлично понималъ, что графъ Платонъ Зубовъ, одушевленный палящей къ нему ненавистью за лишеніе его имѣнія въ пятнадцать тысячъ душъ,—иной причины, кромѣ корыстолюбія, и не могло быть въ душѣ его, преданной только единой страсти къ золоту,—что Зубовъ со всѣми его происками лишь орудіе въ рукахъ болѣе могущественныхъ непріятелей.

— Стальъ Англии ненавистенъ!—думалъ далѣе свѣтлѣйшій. И въ изобрѣтательномъ умѣ его возникалъ тончайшій ходъ. Персидскіе планы Зубова могли послужить ему. Въ самомъ дѣлѣ, Потемкинъ хорошо зналъ, что въ уборной государыни, на драгоценномъ ея изъ массивнаго золота туалетѣ, подъ кружевнымъ плато лежалъ писанный рукою графа Платона Зубова грандіозный планъ, въ которомъ онъ пытался бороться съ гениемъ Потемкина и, выказавъ собственный, увлечь Екатерину небывалымъ величіемъ замысла. Потемкинъ зналъ, что о существованіи сего плана англійскіе дипломаты еще не свѣдали. Но хотя планъ былъ совсѣмъ сумаспешій и невозможный, однако слишкомъ пріучились вѣрить, что для императрицы всероссійской невозможное возможно. Итакъ, лишь бы англичане узнали тотъ планъ, и они воспылаютъ къ Зубову ненавистью большею, нежели къ Потемкину! Греческій проектъ Зубовъ тщился въ воображеніи Екатерины замѣнить проектомъ индійскимъ, въ который уже греческій проектъ входилъ, какъ составная часть. Валеріанъ Зубовъ долженъ былъ сыграть роль Александра Македонскаго, съ двадцатью тысячами солдатъ пройти всю Персію до Тибета; оставить тамъ гарнизонъ; затѣмъ, обратившись вспять, Анатолію пересѣчь, Анапу взять, Константинополь отъ Азіи отрѣзать. Между тѣмъ, Суворовъ, разбивъ визиря и разсѣявъ передовыя войска султана Селима, долженъ былъ углубиться въ турецкую имперію, перевалить черезъ Балканы и подъ стѣнами Стамбула соединиться съ Валеріаномъ Зубовымъ. Въ то

же время на большомъ флотѣ, командуемомъ адмиралами Нассау-Зигеномъ и де-Рибасомъ, а также цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, сама Екатерина шествуетъ морями и океанами, кругомъ изумленной Европы къ Константинополю въ пріятномъ обществѣ графа Платона. Канцлерами имперіи въ сіе время грандіозной побѣдки должны быть графы Безбородко и Николай Зубовъ! Потемкину мѣста въ семъ планѣ, который въ самомъ дѣлѣ былъ смѣлѣе, грандіознѣе и безумнѣе самыхъ смѣлыхъ, грандіозныхъ и безумныхъ плановъ свѣтлѣйшаго,—не было...

— Только стоитъ поднять передъ лордомъ Витвортомъ кружевное плато государынинаго туалета и показать Платоновъ меморіаль, и гдѣ будетъ тогда нашъ другъ Платонъ?!..—саркастически думалъ Потемкинъ.

Но онъ зналъ и то, что самъ Платонъ могъ поднять плато и показать Витворту меморіаль лишь съ тою цѣлью, чтобы Англія заплатила за его оттуда удаленіе и уничтоженіе...

— Зубъ болитъ—вырвать надо!—шепталъ свѣтлѣйшій, загибая одинъ палецъ съ перстнемъ.—Англіи ненавистенъ сталъ—индійскимъ проектомъ оградиться!—загибая другой палецъ съ перстнемъ, продолжалъ онъ:—но въ сердцѣ государыни остуда! Чѣмъ помочь?

Задумался свѣтлѣйшій. Между тѣмъ карета уже неслась по сельскимъ улицамъ Царскаго и потомъ мимо сада, подъ тѣнью могучихъ дубовъ. Потемкинъ ладилъ такъ, зная малѣйшія привычки государыни, чтобы поспѣть къ уединенной прогулкѣ, часто ею совершаемой лѣтомъ въ сопровожденіи лишь одной дамы и сэра Тома Андерсена съ милэди Земирой и нѣсколькими другими четвероногими представителями воспѣтой стихами графа Сегюра семьи англійскихъ левретокъ. Карета проѣхала въ такъ называемую Китайскую деревню и остановилась внизу Каприза около маленькой калитки въ зеленой стѣнѣ подстриженныхъ акацій ограды. Свѣтлѣйшій вышелъ и углубился въ садъ. Глубокое безмолвіе тѣнистыхъ аллей и дорожекъ, бѣгущихъ между слегка всхолмленными луговинами, осѣненными тамъ и сямъ отдѣльными великолѣпными дубами, пихтами, кедрами, березами,—безмолвіе теплага, сіяющаго, безоблачнаго дня нарушалось въ садахъ Екатерины лишь посвистываніемъ одинокой птички, гудѣньемъ пчелъ и шмелей на заросляхъ алаго шиповника и ропотомъ струй быстрыхъ ручейковъ, мелькающихъ серебромъ среди колоній бирюзовыхъ, нѣжныхъ незабудокъ. Свѣтлѣйшій столь хорошо зналъ зеленый лабиринтъ садовъ своей державной покровительницы, что не обращалъ вниманія на повороты дорожекъ, прямо направляясь къ цѣли. Широкая аллея дубовъ, прямая, какъ стрѣла, прорѣзала вдругъ извивы луговинъ и зеленые склоны холмиковъ и зеленыя стѣны боскетовъ. За нею просвѣтъ широкой скатерти плѣнительнаго, изумруднаго

газона съ гнѣздами разнообразныхъ цвѣтовъ, надъ которыми насѣкомыя—жучки, ээирныя поденки и бабочки—сыпались воздушными каскадами, открылъ вдали колонны и крыши, балконы и террасы лѣтней резиденціи сѣверной Семирамиды. Впереди между рощами засверкала гладь обширнаго озера, и колонна съ могучимъ орломъ посрединѣ играющаго воднаго плеса напомнила Потемкину тотъ великій день, когда онъ овладѣлъ одѣяльцемъ, связаннымъ государыней для отдаленнаго предка сэра Тома Андерсена, а тотъ, чье ненавистное имя воплощала металлическая птица ростральной колонны, лишился наконецъ фавора. Затѣмъ были многіе... но всѣ они смѣнялись, въ то время, какъ благосклонность Великой къ свѣтлѣйшему пребывала неизмѣнной. Нынѣ зналъ онъ, что благосклонность эта наконецъ поколебалась. Въ сердцѣ государыни остуда... И какъ любовникъ, трепещущій за обладаніе любимымъ предметомъ, какъ юный ристатель случая фортуны, въ это мгновеніе свѣтлѣйшій переживалъ обновленными чувства давнихъ дней, первыхъ надеждь...

Среди этихъ прелестныхъ, цвѣтущихъ садовъ, гдѣ каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждое дерево, дорожка, боскетъ, всѣ виды и всѣ предметы отмѣчены были обитаніемъ великой монархини, гдѣ все пробуждало въ сердцѣ и воображеніи, какъ и она, старѣющаго любовника множество воспоминаній съ нею пережитыхъ славныхъ дней, замиранія надежды были сладки, безконечно сладки, какъ бы возрождая весну прекрасныхъ, невозвратныхъ лѣтъ... Свѣтлѣйшій стоялъ подъ одинокимъ дубомъ, равномерно во всѣ стороны бросавшимъ длинными могучія вѣтви. Кругомъ по газону и по песку дорожки лежали пятна тѣней, а сквозь каждый прорѣзъ свѣтлыхъ еще листьевъ проникалъ солнечный свѣтъ. Голубѣло небо, и отдѣльныя круглыя облачка, какъ бѣлые дымы, плыли и, казалось, таяли.

Вдругъ сэръ Томъ Андерсенъ выбѣжалъ изъ зеленыхъ стѣнъ боскета и, замѣтивъ высокую фигуру свѣтлѣйшаго въ сѣни дуба, деликатно поднялъ тоненькую ножку и три раза тявкнулъ звонко, словно колокольчикъ. Мгновенно въ безмолвныхъ деревьяхъ раздался шумъ. Откуда-то вылетѣли двѣ вороны и, шумно хлопая крыльями и покаркивая, перелетѣли черезъ луговину и сѣли на край дорожки. Изъ куртины посыпали бѣлые голубки съ красными лапками; изъ зарослей жасмина — стайка жирныхъ, круглыхъ воробьевъ и между ними красногрудый скворецъ. На тонкой, какъ готическая колокольня, пихтѣ показалась рыжая бѣлочка, виснувшая на вѣтвяхъ и чмокавшая. Воздушные обитатели сада почувствовали приближеніе ласковой хозяйки, всегда бросавшей имъ щедро зерна и бѣлый хлѣбъ изъ кошницы, которую несла статсъ-дама.

Въ самомъ дѣлѣ, лаская рукою умную головку не отступавшей отъ нея ни на шагъ красавицы Земиры, изъ боскета легкой, плы-

вущей, увлекательной походкой, несмотря на полноту и преклонные годы, вышла Екатерина. Изыщный чепчикъ изъ шелковыхъ блондъ обрамлялъ ея лицо, легкое, переливчатое, струистое, вѣвшее широкой складкой сзади, палево-аметистовое платье волновалось около подвижнаго тѣла невысокой женщины. Она опиралась на тонкую, длинную тросточку съ бантомъ изъ андреевской ленты. Нѣсколько юныхъ, еще очень глухихъ, Томасеновъ высыпало за нею. Щенки кусали уши и лапы другъ другу, валили кучей, толкаясь и падая. Но замѣтивъ выжидательную позу родоначальника, подняли морды и, еще не видя, что того смущаетъ, визгливо затякали.

Сторожевой лай сэра Тома Андерсена и направленіе тонкой мордочки его, надъ которой вздрагивало на половину согнутое ушко, направили быстрый взоръ государыни на стоявшаго подъ дубомъ и сверкавшаго тамъ брильянтами и золотымъ шитьемъ, величаваго и кряжеватаго, какъ самый тотъ дубъ, князя Таврическаго. Онъ ясно видѣлъ, что сіявшія небесной улыбкой, свѣтлыя, какъ зеркало, разливавшія сіяніе полнаго довольства прогулкой и чуднымъ лѣтнимъ днемъ черты Екатерины омрачило облако неудовольствія, голубыя очи ея потемнѣли и почти старческая угрюмость изобразилась въ нихъ. Но сейчасъ же все недовольство исчезло, сбѣжало съ лица ея, точно это было водное лоно, въ которомъ мгновенно отразилось, помрачая его, темное облачко, и вотъ уже вѣтерокъ унесъ его, и воды опять засверкали, заглубѣли, задрожали огоньками. Екатерина кивнула величавой головой и той самой ручкой, что ласкала умную головку Земиры, привѣтствовала издали свѣтлѣйшаго и остановилась. Но вся фигура ея выражала то стремленіе, которымъ былъ полонъ ея неутомимый, вѣчно юный духъ, и, стоя на мѣстѣ, она казалась слетѣвшей на землю небожительницей и, чудесно преображенная, мнилась высокой, величественной женщиной. Свѣтлѣйшій хорошо зналъ это очарованіе Екатерины. Онъ вышелъ изъ пестрой тѣни раскидистаго дуба и, снявъ шляпу съ брильянтовой розеткой и страусовымъ плюмажемъ, отвелъ далеко руку и сдѣлалъ три реверанса, при огромномъ его ростѣ столь изящныхъ, что онѣ достойны были лучшихъ временъ Версаля. Екатерина, придерживавъ одной рукой платье, сдѣлала отвѣтный книксенъ престарѣлому своему любовнику съ такой игривой граціей, несмотря на годы и полноту, что напонила ему ту прелестную, худощавую, съ горящими звѣздочками глазъ Фигхенъ, какою онъ, простой сержантъ гвардіи, видѣлъ еще ее немного лѣтъ спустя послѣ приѣзда изъ Цербста. Старое, пресыщенное, полное горечи и скорби сердце князя Таврическаго взыграло при этомъ воспоминаніями юности, и онъ пошелъ къ государынѣ, намѣреваясь предъ нею преклонить одно колѣно и облобызать руку ея. Но тутъ вся свора юныхъ Томасеновъ съ

визгливымъ лаемъ подкатилась подъ ноги свѣтлѣйшаго, а вороны, голуби и воробьи маленькими шажками лапокъ побѣжали гуртомъ къ ногамъ Екатерины, предупреждая свѣтлѣйшаго.

— Видите, ваша свѣтлость,—сказала Екатерина:—сколь много у меня здѣсь крылатыхъ друзей!

Она отвела назадъ руки, желая достать зеренъ изъ кошницы. Тяжелая поступь и астматическое дыханіе раздалась сзади изъ боскета и, переваливаясь, въ платьѣ съ воланами, съ высокой прической, набѣленная, нарумяненная, съ мушками на толстомъ дрябломъ лицѣ и груди, выскочила съ разубранной лентами оплетенной кошницей Перекусихина. На ея толстыхъ губахъ бродила чувственная улыбка, а тонувшіе въ вѣкахъ глаза, какъ шилья, впились въ свѣтлѣйшаго.

Екатерина взяла горсть зеренъ, бросила ихъ птицамъ широкимъ привычнымъ жестомъ неутомимой сѣятельницы своихъ газоновъ и сдѣлала знакъ Перекусихиной опять удалиться въ боскетъ. Затѣмъ протянула руку свѣтлѣйшему для поцѣлуя и сказала:

— Я только что о васъ думала и очень, очень видѣть васъ желала по неотложнымъ дѣламъ, вамъ извѣстнымъ. Пойдемте къ озеру, подъ ивы. Ихъ вѣтви помаваніемъ своимъ всегда на меня низводятъ вдохновеніе. Я подъ ними «Наказъ» свой писала.

СХІІ.

Великая политика.

Въ зеленыхъ, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ листвы и хвои, каймахъ берега, между островами, которые казались огромными корзинами цвѣтовъ,—столько тамъ благоухало цвѣтущихъ кустовъ и деревьевъ,—прозрачное до дна, по которому ползли синеватыя водоросли, нѣжилось большое озеро Царскосельскаго сада. Колонна кагульскаго героя, мосты, павильоны, турецкая баня съ золотымъ куполомъ и стройнымъ минаретомъ, стоящія на якоряхъ прекрасныя, оснащенные суда, пристани съ лодками, гондолами, шлюпками—все отражалось, опрокинутое въ водномъ просторѣ. Искусное сочетаніе древесныхъ породъ и скаты газоновъ всхолмленныхъ береговъ создавали ласкающую глазъ, плѣнительную раму этому любимому зеркалу Екатерины!

Прожаживаясь по успокаивающей идущую ногу береговой аллеѣ, осѣненной серебристыми шатрами ивъ, государыня повела важную бесѣду съ княземъ Таврическимъ. Она вновь настоятельно просила его, не медля нисколько, отослать курьера къ Репнину съ приказаніемъ рѣшительныхъ дѣйствій, чтобы затѣмъ положить сперва перемиріе, а тамъ и прочный съ султаномъ Селимомъ миръ.

— Ты знаешь, сколь необходимо намъ съ турецкою войною покончить и почетный миръ заключить!—говорила государыня.— Восточная фонтанель живые соки подданныхъ выпускать начинаетъ. То должно, другъ мой, положить цѣлящій пластырь.

— Не вы ли, матушка, изволили о Святой Софіи мечтать!— замѣтилъ свѣтлѣйшій.

— Ахъ, другъ мой, я подлинно о томъ и посеичасъ мечтаю, чтобы съ отбитыми у турокъ знаменами російскіе полководцы въ Святую Софію вступили скорѣе!

— Но о какомъ же тогда мирномъ докончаніи говорить изволите, матушка?—удивился свѣтлѣйшій.

— Да вѣдь понять надо, о какой Святой Софіи я всегда думала? Если принимали, что о константинопольской, то весьма ошибались. У меня и въ мысляхъ того никогда не было. Я о той Святой Софіи думала, которая столь близко отъ Царскаго Села, что отсюда мы самый крестъ ея видимъ.

И, улыбаясь, Екатерина указала на вершину креста, золотой искрой сверкавшаго за озеромъ надъ вершинами сада. То былъ крестъ церкви, во славу святой Софіи, премудрости Божіей, воздвигнутой въ Софійской солдатской слободѣ резиденціи императрицы.

— Прикажи Мачинъ взять, и тогда визирь на всѣ уступки пойдетъ. По заключеніи же мира отбитыя турецкія знамена съ тобою, другъ мой, въ сей храмъ святой Софіи вступать.

Промолчалъ свѣтлѣйшій. Теперь онъ сталъ угрюмъ и шелъ рядомъ съ государыней понурившись и сторбивъ голіаеовскій свой станъ. Но и при всемъ томъ Екатерина по сравненіи съ громоздкой его фигурой казалась фарфоровой статуэткой. Замѣтивъ изъ молчанія свѣтлѣйшаго явное уклоненіе его отъ согласія выполнить высочайшую волю немедленно, Екатерина раздражилась. Опять голубые глаза ея потемнѣли и выразили старческое утомленіе. Она опустилась на скамейку, почти скрытую свѣшивавшимися надъ нею палаткой вѣтвями развѣсистой ивы, указавъ и князю Таврическому мѣсто около себя. Въ этомъ уединеніи и тишинѣ, видя лишь огнистые переливы водъ между вѣтвями и листвою, Екатерина заговорила о затрудненіяхъ внѣшней политики, обступившихъ ея тридцатилѣтній тронъ.

— У меня достаточно было народовъ, чтобы дѣлать ихъ счастливыми. Я миролюбивою взшла на всероссійскій престолъ и совершенно откровенно тебѣ скажу, что моя цѣль единая была поддерживать дружбу со всѣми державами и даже вступать въ оборонительные союзы, чтобъ имѣть право становиться на сторону того, кого притѣсняють всего сильнѣе, и сдѣлаться въ Европѣ третейскимъ судьей. Если я воевала всѣ тридцать лѣтъ, то обстоятельство тому причиной. Такъ въ политикѣ моей находятъ нѣчто вулканическое; но не было возможности поступать иначе.

Екатерина умолкла на минуту и сидѣла, положивъ державныя руки на колѣни, какъ усталый работникъ, руки котораго болятъ отъ продолжительныхъ трудовъ.

— Теперь въ какую сторону ни обратись—тучи!—начала она опять.—Пруссія враждебна къ намъ. Не сегодня—завтра войну объявить, соединясь съ Австріей. Мы не имѣемъ больше Иосифа! То былъ орелъ, котораго не познали вѣвскія куры! Новый Леопольдъ—очень остренькій императоръ. Но онъ былъ бы шелковый, кабы не прусскій отвратительный выскочка, толстый Gu, глупый чортъ, Dummig Teufel!

По обыкновенію государыня взволновалась, заговоривъ о прусскомъ королѣ Фридрихъ-Вильгельмѣ.

— Несносный толстый Gu все портитъ и путаешь. Онъ забралъ себѣ въ голову, что Францію черви насквозь проточили и Людовикъ Викарный поспѣлъ, какъ груша, чтобы Англія его проглотила. А тогда думаетъ Gu играть роль диктатора. И какая глупость вышла съ недавнимъ заговоромъ побѣга викарнаго Людовика, устроеннымъ шведскимъ дворяниномъ графомъ Ферзенемъ при глупѣйшемъ участіи русской дамы госпожи Корфъ! Я уже велѣла Безбородкѣ эту даму сюда вытребовать. Госпожа Корфъ да еще мальчикъ графъ Павелъ Строгановъ вмѣшались не въ свое дѣло. Павелъ Строгановъ ухаживаетъ за Теруанъ-де-Мерикуръ! Госпожа Корфъ спасаетъ Людовика Викарнаго! Я это дѣйство приказала прекратить, и рара Строгановъ за сыномъ уже послалъ во Францію графа Кочубея.

Когда заговорила государыня о Франціи, свѣтлѣйшій оживился.

— Вамъ, матушка, извѣстно, что въ карманахъ членовъ якобинскаго клуба англійское и еврейское золото позваниваетъ. Прусскій еврей Ефраимъ истратилъ въ Парижѣ миллионъ двѣсти тысячъ ливровъ. Деньгами, матушка, всего можно добиться отъ національнаго собранія. Мы съ графомъ Мирабо поладили отлично. Мирабо прекрасно вникъ во все, что ему было внушено. Въ отношеніи англійскихъ дѣлъ Мирабо явственно еще моему нарочному, господину Радожницкому, далъ понять, что при хорошей смазкѣ колесъ національное собраніе не отнесется равнодушно къ посылкѣ англійской эскадры въ Балтійское море.

— Великолѣпно, другъ мой, было бы все это,—сказала Екатерина, выслушавъ,—кабы графъ Мирабо третій мѣсяцъ уже не умеръ. А на его мѣсто пока мы никого въ національномъ собраніи не имѣемъ. Во Франціи пожаръ разгорается, черви сдѣлали свое дѣло. И Мирабо лишь червь былъ, подточившій монархію Бурбоновъ. Викарный Людовикъ кончитъ плохо. А въ національномъ собраніи настоящіе люди есть. Ихъ не купишь ничѣмъ. Я предвижу потрясеніе всей Европы, но только одно знаю, что, пока жива, въ россійскіе предѣлы не пушу революціи. Французы лю-

бять честь и славу. Викарный Людовикъ уже потому имъ ненавистенъ, что занятъ слесарнымъ мастерствомъ, готовитъ замки, словно мѣщанинъ, къ своимъ лабазамъ и амбарамъ. Если бы Людовикъ коваль мечи, его уважали бы подданные. И что за народъ кругомъ него! Этотъ Лафайетъ только и умѣетъ гарцовать на бѣлой лошади. *Dadais le grand* ¹⁾. Онъ именно распустилъ ракалю Гревской. Мирабо былъ колоссальной или чудовищной фигурой только въ наше время, потому что во всякое другое отъ него всѣ бы бѣжали и кончилъ бы онъ жизнь въ тюрьмѣ, на висѣлицѣ или на колесѣ. Мирабо заслуживаетъ уваженія Содома и Гоморры. А этотъ скверный и глупый Неккеръ, болтливый и скучный до крайности!

— Слушай, другъ мой, что скажу тебѣ!—продолжала Екатерина, какъ бы въ пророческомъ вдохновеніи.—Если Франція выйдетъ изъ теперешняго испытанія, она будетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, она станетъ послушной и кроткой, какъ ягненокъ; но ей необходимъ ловкій, отважный человекъ, который стоялъ бы выше своихъ современниковъ и своего вѣка. Родился ли онъ? Придетъ ли? И гдѣ родится? И откуда придетъ? я не знаю. Дальнѣйшее паденіе Франціи и за ней Европы остановится тогда лишь, когда онъ придетъ, и революція прекратится тамъ, гдѣ онъ возникнетъ, будетъ то въ Франціи, или еще гдѣ-либо! Милый другъ, я тебя иногда въ видѣ сего колосса вижу, но потомъ думаю, что мы слишкомъ съ тобою люди пожилые и вулканъ нашъ тухнетъ. Еще скажу: если французская революція распространится въ Европѣ, то придетъ новый Чингисъ или Тамерланъ, чтобы ее образумить. Вотъ участь Франціи, другъ мой. Но этого еще при насъ не будетъ!.. ²⁾

Затѣмъ государыня перешла къ шведскимъ дѣламъ, находя, что миръ съ Швеціей не проченъ и на Фальстафа, какъ она называла шведскаго короля, плохая надежда. Польскія дѣла тоже дурны! Что это за новая варшавская конституція третьяго мая? Обезьянство съ французской деклараціи правъ человека.

— Я сама въ «Наказѣ» декларацію написала двадцать лѣтъ тому назадъ. И то былъ плагиатъ изъ твореній президента Монтескьё. А польская конституція плагиатъ съ плагиата плагиата! Поляки храбры, но безумны, магнаты глупы, а господинъ Понятовскій, самъ знаешь, мнѣ хорошо извѣстенъ. Такъ со всѣхъ сторонъ дурно, какъ никогда еще не бывало!—заклчила государыня.

¹⁾ Болванъ великій.

²⁾ Удивительныя пророчества Екатерины Великой о пришествіи французскаго Цезаря или Тамерлана - завоевателя, какъ результатъ революціи, въ которыхъ она съ разительнымъ ясновидѣніемъ предрекла явленіе Наполеона Бонапарта, высказаны въ письмахъ императрицы 1791 и 1794 гг.

Примѣч. авт.

СХІІІ

Счетъ издержекъ.

— Такъ со всѣхъ сторонъ дурно, какъ никогда еще не бывало!—повторила государыня, и болѣе, чѣмъ когда-либо, въ положеніи опущенныхъ рукъ ея, грузно осѣвшей въ плечи головы и въ потемнѣвшихъ глазахъ сказалось утомленіе тридцатилѣтними царственными заботами, страстями, надвигающимися годами.

— Опять тебѣ, другъ мой, повторяю и настаиваю — отошли курьера не медля и прикажи Репнину завершить кампанію, нанеся визирю рѣшительный уронъ и тѣмъ побудивъ къ прочному миру.

— Я повелѣнія вашего послушаться никакъ не посмѣю, матушка!—отвѣтилъ свѣтлѣйшій.—Но побѣды наши и особенно взятіе Измаила озлобили противъ насъ Англію. Если теперь Мачинъ еще приобрѣтемъ, навѣрное англійскую флотилію въ Балтикѣ увидимъ!

— Что же, я даже грохотъ англійскихъ орудій, сидя въ Зимнемъ, слышала,—столь близко подплывали къ моей столицѣ. Но какъ миръ на Востокѣ учинимъ, можно дать торговыя выгоды англичанамъ. Они—купцы. Съ ними сторговаться можно всегда. И помѣщики наши всѣ продукты свои англичанамъ сбываютъ. Между тѣмъ, другъ мой, государственная казна совершенно опустошена. Объ этомъ подумать надо.

— Что же думать, матушка,—возразилъ свѣтлѣйшій.—Отъ единого слова вашего родится богатство. Изображенія священной особы вашей и вензель имени на бумагѣ столь драгоценны для подданныхъ, что сію бумагу они готовы принимать въ любой цѣнѣ.

— Но постоянный выпускъ ассигнацій не приведетъ ли насъ къ тому же, къ чему во Франціи привела система мистера Джона Лоу—къ банкротству?

— Я того и помыслить не могу, чтобы императрица всероссійская въ банкротяхъ оказалась! Въ нашемъ, матушка, имени залогъ счастья, славы и будущаго Россійской имперіи! Духъ Росса неистоимъ.

— Милый другъ, даже самъ Юпитеръ, нѣкогда славный, пришелъ къ банкротству, и стали имя его лишь въ плохихъ одахъ упоминать. Тѣмъ болѣе земные цари и властители, подобные всѣмъ прочимъ смертнымъ, слабые человѣки, они лишь чарованіемъ нѣкимъ всемогущими представляются и суть мѣрила слабости человѣческихъ головъ. Я на престолѣ, другъ мой, никогда не забывалась и только тѣмъ подданныхъ моихъ превосхожу, что столь крѣпкій кофе по утрамъ пью, какого еще никто изъ приближенныхъ моихъ отвѣдать не могъ безъ головокруженія!

На мгновеніе улыбка порхнула на устахъ Екатерины и опять исчезла.

— Я должна вамъ сказать, другъ мой, что состояніе финансовъ весьма меня беспокоитъ. Счетъ личныхъ вашей свѣтлости издержекъ за четыре мѣсяца пребыванія въ столицѣ достигъ восьмисотъ пятидесяти тысячъ рублей изъ разныхъ государственныхъ учрежденій вами позаимствованныхъ, каковыя отношу на счетъ Кабинета, и это кромѣ частныхъ долговъ вашей свѣтлости, о коихъ господинъ Поповъ даже не могъ подать мнѣ толковой вѣдомости!

— Поповъ подалъ вамъ счетъ моихъ издержекъ!—удивился князь Таврическій.

— Да, папа, подалъ вчера, и ты на него за это не сердись!— положивъ на плечо свѣтлѣйшаго руку, дружественно сказала Екатерина.—Я бы о семъ тебѣ даже и не упомянула, ибо ты покрытъ славою и столь много Россіи прибрѣлъ, что и вдвое больше протранжирить на прихоти ваши имѣли бы право. Но, другъ мой, общее состояніе казны такое, что укороту издержкамъ должно сдѣлать. Тотъ же господинъ Поповъ мнѣ другую рапортчку подалъ, въ ней исчисляя нашъ государственный дефицитъ. Мы его имѣемъ въ пятьдесятъ пять милліоновъ, каковой и болтунъ Неккеръ національному собранію заявилъ. А я тебѣ, другъ мой, положительно заявить должна, что ни въ чемъ подобной быть Людовику Викарному не желаю.

— Что же, матушка, я готовъ и мой домишко близъ конной гвардіи казармъ и даже эти брильянты, что на мнѣ, отдать въ казну,—сказалъ свѣтлѣйшій угрюмо.—Могу сказать, что отъ щедротъ вашего величества всѣми земными благами пресыщенъ. Такъ что если вы, матушка, крѣпчайшій въ имперіи кофе изволите кушать, то я густѣйшими кислыми штями сытъ. И если уже ключникъ мой Поповъ издержки мои подсчиталъ, готовъ я хоть сейчасъ государство отъ себя освободить и принять монашескіе обѣты.

— Господинъ монахъ, прошу не монашествовать, — сказала Екатерина.—Но вотъ о чемъ бы я тебя, другъ мой, просила,—заговорила она вкрадчиво.—Что если бы лично опять въ армію отбыли, привели кампанію къ окончанію и миръ вождедѣнный заключили? Сколько бы я вамъ, ваша свѣтлость, была за сіе благодарна!

— Что же это, матушка,—горестно сказалъ свѣтлѣйшій:—уже гонишь меня съ глазъ своихъ?

— Я не гоню васъ, другъ мой, но русская пословица молвить: хозяйскій глазокъ—смотрокъ. Инъ выѣзжайте, ваша свѣтлость, дня черезъ три въ Яссы. Великую ожидаю отъ того пользу.

Мрачная скорбь выразилась на лицѣ свѣтлѣйшаго.

— Матушка родная!—рыдающимъ голосомъ сказалъ онъ,—неужели вы не знаете мѣру моей привязанности, которая особливая отъ всѣхъ; каково мнѣ было слышать со всѣхъ сторонъ нелѣпыя новости и не знать, вѣрно ли, или нѣтъ... Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ несказанную слабость: лилась сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ видятъ мое изнуреніе... Всѣ о немъ звонятъ... Покиваютъ главами на меня, смѣются, говорятъ: «Пробилъ и его часъ! Мертвъ и не возстанетъ!» Въ такой напасти бросился сюда изъ устъ вашихъ и свѣтлыхъ взоровъ, матушка родная, получить надежду и что же слышу! Гонишь меня изъ столицы своей! Неужели же Платонъ въ сердцѣ вашемъ и малаго уголка мнѣ не оставилъ?

— Я уже пожилая женщина,—холодно сказала Екатерина:— я привыкла къ Платону, и онъ для меня удобенъ.

— Итакъ, рѣшительно гонишь меня, матушка?

— Я васъ не гоню и съ чего вы это выдумали, но волю свою вамъ высказала окончательную. А захотите ли ей повиноваться, ваше дѣло.

— Матушка, воля твоя священна есть для меня всегда! Но возари на меня. Я въ несказанной слабости. Вторую недѣлю почти не сплю. Изнуреніе мое такое, что ѣхать мнѣ теперь въ степи молдавскія прямо на смерть.

— О вашихъ недугахъ я слышала,—съ участіемъ сказала государыня.—Но только полагала, то обычная ваша ногтоѣда.

— Нѣтъ, матушка, не обычная. Какія мученія терплю, видитъ Небо!

Государыня съ безпокойствомъ вглядывалась въ одутловатое, съ черными подглазницами, изжелта-зеленое лицо свѣтлѣйшаго. Въ эту минуту оно свидѣтельствовало о чемъ-то, въ самомъ дѣлѣ превосходящемъ знакомые Екатеринѣ припадки мизантропіи. Государыня сказала:

— Я слышала, что вамъ какое-то видѣніе было или васъ перепугалъ нѣкто переодѣтый свободнымъ каменщикомъ. Если видѣніе, то вамъ кровопусканіе необходимо и слабительное. Я доктора Роджерсона вамъ пришло. А если масоны шалятъ, я поручу разслѣдовать Степану Ивановичу Шешковскому

— Матушка, тутъ кровопусканіе не поможетъ, ни докторъ Роджерсонъ, ни Шешковскій. Не знаю, какъ и сказать вамъ, матушка! Но съ нѣкоторыхъ поръ сталъ онъ мнѣ являться и ни крестомъ, ни пестомъ отъ «него» не отдѣлаешься. Присталъ и присталъ!

— Кто? Кого вы видите? О комъ вы говорите?—спросила Екатерина съ возрастающимъ безпокойствомъ.

Потемкинъ хотѣлъ произнести какое-то слово, но губы его не повиновались и прыгали безъ звука.

Въ глазахъ Екатерины изобразился ужасъ.

— Кто? Кто вамъ является?—прошептала она.

— Ропшинскій, матушка!—наконецъ выговорилъ князь Таврическій.

СХІV.

Тайна Семирамиды.

— Петръ Ѳеодоровичъ!—вскричала Екатерина, простерла передъ собою руки, какъ бы защищаясь, и затряслась всемъ тѣломъ.—Тебѣ сталъ являться Петръ Ѳеодоровичъ!—въ послѣдней степени ужаса повторила она, мертвенно блѣдная.

— Является, матушка родная, и ночью, и днемъ. Сначала въ конно-гвардейскомъ моемъ домѣ являлся. Принужденъ былъ въ саду разбить шатеръ и тамъ ночевать. Не давалъ покоя и тамъ. Съ тѣхъ поръ не имѣю пристанища и скитаюсь изъ дворца во дворецъ. Только эту ночь нѣсколько успокоился въ старомъ Лѣтнемъ въ моленной Елизаветы Петровны. Никогда до сей поры такого не бывало. Даже и не вспоминалъ о немъ никогда.

Екатерина поспѣшно поднялась, отстраняясь отъ князя Таврическаго, какъ отъ зачумленнаго.

— Имѣя такія видѣнія,—проговорила она рѣзко,—какъ вы ко мнѣ рѣшились явиться? Я вамъ повелѣваю немедленно оставить столицу нашу и возвратиться къ арміи.

Она сдѣлала движеніе, намѣреваясь удалиться, но свѣтлѣйшій поспѣшно поднялся и заступилъ ей дорогу.

— Матушка родная!—простирая руки къ ней, взмолился свѣтлѣйшій.—Не отвергай меня въ слабости моей! Не прогоняй меня!

— Если вамъ такія видѣнія представляются, вамъ не мѣсто быть въ нашей резиденціи,—сурово сказала Екатерина.

— Матушка, вспомните особливую, долготѣтную мою службу и вѣрность! Если теперь прогоните отъ лица вашего, то мнѣ уже не быть живу. Это смертный приговоръ мнѣ.

Казалось, послѣднія слова Потемкина нѣсколько смягчили Екатерину.

— Я весьма сожалѣю тебя, другъ мой,—сказала она:—но въ такихъ обстоятельствахъ никакъ не могу оставить тебя здѣсь. Поѣзжай завтра же. Къ тому же въ разнообразіи путешествія и трудовъ разсѣешь свою мизантропію и скорѣе излечишься.

— Воля ваша, матушка-государыня, но я изъ Петербурга не поѣду!

Сказавъ это, свѣтлѣйшій опустился на колѣни предъ императрицей.

Потемнѣвшіе глаза ея зажглись гнѣвомъ; она топнула ногой и вскричала:

— Ты выйдешь завтра же! Горе тебѣ, если осмѣлишься противиться моей волѣ!

— Но чѣмъ же это я провинился предъ вашимъ императорскимъ величествомъ?

— Ты ни въ чемъ не виноватъ, но, ежели тебѣ сталъ являться Петръ Ѳедоровичъ, долженъ бѣжать отъ меня! Зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ? Ты ко мнѣ сюда его приведешь! Ты ко мнѣ его приведешь! Прочь отсюда! Уѣзжай! уѣзжай!

Потемкинъ поднялся, шатаясь.

— Такъ вотъ награда за всю мою вѣрность и службу!—горестно сказалъ онъ.—Вы дѣлили со мною дни счастья, веселья и славы, но въ скорби моей гоните прочь!

— Пойми, что не могу тебя оставить здѣсь, иначе и меня заразишь своими видѣніями. Уѣзжай, и все кончено между нами. Я не оставляю тебя и награжу всею, чего только пожелаешь. Но это бремя, Небомъ тебѣ посланное, неси одинъ.

— Что мнѣ въ наградахъ! На что мнѣ онѣ? И чего еще могу желать, когда всею земнымъ пресыщенъ. Въ отлученіи отъ вашего императорскаго величества, лишенный лицеэрнія моей государыни, что я значу? Увяну, какъ трава безъ солнца! Приблизился конецъ мой и развѣ подъ клубукъ и въ келью сокроюсь отъ скорби!

— Вы это говорите, но никогда не выполните. Слишкомъ вы умны и привыкли къ роскошной жизни, чтобы предаться монашескимъ упражненіямъ. Но отъѣзжайте немедленно къ арміи, завершите кампанію, заключите миръ—все это ваши мысли разсѣетъ. Затѣмъ лучше всего поѣхать вамъ путешествовать за границу на нѣкоторое время. А потомъ поселяйтесь въ могилевскомъ намѣстничествѣ, въ Дубровнѣ или Кричевѣ. Я дамъ вамъ всѣ способы въ забавахъ утѣшать годы отдохновенія послѣ трудовъ толикихъ на пользу мнѣ и Россіи. До скончанія дней моихъ пребуду къ вамъ благосклонна. А теперь, другъ мой, простите.

Государыня склонила милостиво голову и хотѣла итти. Земира и сэръ Томъ Андерсенъ съ молодыми Томасенами окружили ее. Но свѣтлѣйшій вновь, забывая о всякомъ этикетѣ, бросился къ ней и заступилъ дорогу.

Глаза его выражали мрачную рѣшимость.

— Не изъ тѣхъ я, матушка, которыхъ можно такъ легко отъ себя отсылать!—сказалъ онъ,

— Вы забываетесь,—холодно отвѣчала Екатерина.

— Матушка, почему же другихъ мѣняла, а я всегда былъ несмѣняемъ?

— Вы хотите узнать мою тайну? Потому вы могли мнѣ столь долго служить, что позволялъ Петръ Ѳедоровичъ. Я все царствованіе мое на своихъ плечахъ несу то, что вы съ Орловыми въ

Ропшѣ совершили. Или ты думаешь, «онъ» не преслѣдовалъ меня? «Онъ» терзалъ и мучилъ всѣхъ, кого только я любила. Ланского «онъ» замучилъ. Всѣ приписываютъ моей переменчивости, что приближала къ себѣ многихъ. Но это потому, что «онъ» того требовалъ и гналъ всякаго, къ кому только обращалась моя благо-склонность, едва я привыкала къ любимому человѣку. «Онъ» воскресалъ въ самозванцахъ и поднималъ противъ меня половину имперіи. Я дорогой цѣною заплатила за престолъ! Одинъ ты былъ до сихъ поръ, кого «онъ» оставлялъ въ покоѣ. Но теперь требуетъ твоего удаленія. Сему невозможно противиться. Бывали опыты, и тогда тяжкія несчастія обрушивались на меня. И ты самъ не дерзай ослушаться, не то будетъ худо съ тобою! Убѣжай не медля изъ столицы! Прости!

Все это Екатерина говорила полушопотомъ и какъ бы въ полузабытѣи, словно бредила наяву. Станъ ея сгорбился, голова тряслась, морщины выступили около губъ и глазъ, потухшихъ и выражавшихъ только стихійный страхъ. Дряхлая, древняя старуха теперь стояла предъ свѣтлѣйшимъ.

Вдругъ сэръ Томъ Андерсенъ насторожился, уставился въ темное углубленіе боскета, осѣненнаго густыми вѣтвями деревъ, бывшее противъ того мѣста аллеи, гдѣ происходило странное объясненіе; затѣмъ шерсть поднялась дыбомъ на спинѣ собаки, и она зарычала съ жалобнымъ подвизгиваніемъ.

Въ то же время кругомъ стемнѣло. Пока государыня бесѣдовала со свѣтлѣйшимъ, нашла туча. Теперь она закрывала уже полнеба. Воды озера померкли, сильный порывъ вѣтра запаталъ деревья, сорвалъ листы и сухія вѣтки и понесъ ихъ по аллеѣ, заclubивъ платье государыни. Томъ продолжалъ рычать, Земира заскулила.

— Что это?—вскричала государыня.—Томъ кого-то почувалъ! Это «онъ»! Ты привлекъ «его» за собою сюда!

И въ страхѣ Екатерина побѣжала прочь отъ свѣтлѣйшаго, сопровождаемая визжавшими собачками. Навстрѣчу ей по боковой дорожкѣ спѣшила Перекусихина, а изъ дворца Платонъ Зубовъ съ статсъ-дамами и фрейлинами. Туча быстро надвигалась. Сверкнула молнія, и грянулъ громъ.

Платонъ Зубовъ подбѣжалъ къ государынѣ. Она бросилась ему на грудь.

— Ахъ, генералъ!—смогла она только сказать, задыхаясь.—Ахъ, какъ я перепугалась!

— Успокойтесь, государыня. Вы успѣете до дождя укрыться въ Комеронову галерею,—говорилъ фаворитъ.

Поддерживаемая подъ одну руку Зубовымъ, а подъ другую подоспѣвшей Перекусихиной, государыня поспѣшно направилась къ дворцу.

СХV.

Дроги.

Съ помутившимся взоромъ шелъ свѣтлѣйшій по царскосельскому саду, направляясь къ калиткѣ, у которой оставилъ карету. Сильные порывы вѣтра шатали деревья, сшибая ихъ вершинами. Листья и пыль неслись черезъ поляны. Туча надвигалась. Первые капли дождя срывались. Удушливый сѣрнистый грозовой запахъ распространился въ воздухѣ. Горизонтъ потемнѣлъ. Поминутно тамъ вспыхивали молніи и перекатывался громъ.

Но всѣ эти грозныя явленія природы не могли устрашить свѣтлѣйшаго, въ груди котораго бушевали чувства неукротимаго отчаянія. Когда Екатерина спаслась бѣгствомъ отъ воображаемаго фантома, лишь тогда свѣтлѣйшій очнулся отъ небывалой, охватившей его слабости и понялъ, что все погубилъ, что разрывъ окончательный и непоправимый въ одно мгновеніе низвергъ его съ той недосыгаемой высоты, на которой онъ стоялъ! Какъ могъ онъ, одолаваемый подобной слабостью, явиться къ государынѣ! Какъ могъ онъ открыть ей свои болѣзненные видѣнія! Безуміе, темное безуміе повергло мозгъ его въ расслабленіе. Теперь все кончено! То, чего онъ страшился всего болѣе, — лишеніе фавора, — постигло его столь неожиданно, что онъ не успѣлъ приготовиться къ удару и теперь шатался, и богатырская грудь его трещала и мучительно болѣла. Неумолимость Екатерины онъ зналъ на многочисленныхъ примѣрахъ другихъ фаворитовъ. Не было еще случая, чтобы отосланный ею вновь возвратился ко двору.

Ужасное сознаніе гибели своего положенія отрезвило его и прогнало обуревавшіе фантомы. Онъ спрашивалъ, кто гонитъ его въ ничтожество отъ безмѣрной власти? Призракъ? Да, призракъ!.. Въ первый разъ услышалъ онъ отъ Екатерины о той власти, которую имѣла надъ ней, свободомыслящей поклонницей Вольтера, чуждой суевѣрія, тѣнь ея мужа, погибшаго въ Рошѣ!.. И ярко вспомнился князю Таврическому тотъ роковой день, когда онъ стоялъ на часахъ у дверей спальни Петра Ѳеодоровича въ Ропшинскомъ дворцѣ и слышалъ ужасные вопли умиравшаго въ корчахъ властелина. Ужели это преступленіе воскресаетъ черезъ тридцать лѣтъ! Но въ ухахъ его раздался тотъ нечеловѣческій вопль, прокатился по саду и замеръ на мгновеніе въ отдаленіи и съ новой силой загремѣлъ, раздирая мозгъ князю Таврическому. Въ паническомъ страхѣ уходилъ онъ изъ сада, Почти бѣжалъ.. Опять темное безуміе охватило его. Онъ уходилъ, спасался. Подойдя къ калиткѣ, онъ далъ знакъ стоявшему около нея гайдуку подать экипажъ. Гайдукъ, въ свою очередь, махнулъ рукой. Эки-

пажъ съ тяжкимъ грохотомъ колесъ подкатилъ къ калиткѣ. Потемкинъ уже занесъ ногу, чтобы войти въ карету, и отступилъ съ трепетомъ.

То не карета его подъѣхала, а погребальныя дроги.

Въ этотъ день предстояло отвезти на кладбище тѣло умершаго въ Китайской деревнѣ придворнаго служителя. Кучеръ дожидался съ дорогами на аллеѣ выноса гроба и, когда гайдукъ махнулъ рукой, вообразилъ, что это относится къ нему и подъѣхалъ съ дорогами.

— Прочь! Куда ты! — кричалъ гайдукъ и, ухвативъ подъ траурную узду лошадь въ черной попонѣ, попятилъ дроги назадъ. Свѣтлѣйшій не сказалъ ни слова. Подъѣхала наконецъ карета. Онъ сѣлъ въ нее, и сейчасъ же грянулъ громъ и хлынулъ проливной дождь. Испуганные громомъ кони взяли съ мѣста въ карьеръ и подъ хлещущими потоками небесныхъ водъ, при вспыхивавшей поминутно красноватой молніи, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій отбылъ изъ Царскаго Села, чтобы уже никогда болѣе въ него не возвращаться.

СХVI.

Развалины колосса.

Свѣтлѣйшій выѣхалъ изъ Петербурга на другой же день. Въ карету, по его приказанію, были взяты нѣкоторыя иконы изъ моленной императрицы Елизаветы Петровны и помѣщены въ четырехъ углахъ экипажа. Ѣхали день и ночь, останавливаясь лишь для того, чтобы перепрячь лошадей, съ такою быстротою, что путь отъ столицы до Яссъ совершенъ былъ въ восемь дней.

Потемкинъ прибылъ въ Яссы перваго августа, а уже 28 іюля Репнинъ одержалъ побѣду при Мачинѣ, открылъ переговоры о мирѣ и 31 іюля были уже подписаны прелиминарные пункты.

Въ чрезвычайное раздраженіе впалъ свѣтлѣйшій, когда по приѣздѣ узналъ, что кампанія закончена и подписанъ миръ безъ его участія.

— Какъ осмѣлились, не получивъ моего приказанія, яко генераль-фельдмаршала, рѣшительныя дѣйствія начать? — кричалъ онъ, когда Репнинъ явился къ нему съ рапортомъ.

— Но отъ вашей свѣтлости такого распоряженія не приходило, несмотря на многихъ курьеровъ, мною отправляемыхъ. А еще Петръ Великій говаривалъ, что упущенное время—смерти невозвратной подобно. Посему я на свой отвѣтъ операцію произвелъ въ сознаніи быть оправданнымъ послѣдствіями, — спокойно отвѣтилъ Репнинъ, уже осведомленный о паденіи Потемкина.

— Что такое? Да вы, что ли, Петръ Великій? — раздражался Потемкинъ. — Вамъ должно было бы узнать, въ какомъ положеніи

нашъ черноморскій флотъ, и о экспедиціи Гудовича. Дождавшись донесенія ихъ и узнавъ изъ оныхъ, что вице-адмиралъ Ушаковъ разбилъ непріятельскій флотъ и уже его выстрѣлы были слышны въ самомъ Константинополѣ, а генералъ Гудовичъ взялъ Анапу, тогда бы вы могли сдѣлать съ визиремъ несравненно выгоднѣйшія условія! А вы все умничаете!

— Но адмиралъ Ушаковъ и генералъ Гудовичъ вашу свѣтлость о дѣйствіяхъ своихъ извѣщали, а меня не удостоивали рапортами. Доколѣ же мнѣ было ждать?

— У васъ, князь Николай Васильевичъ, тысячи отговорокъ найдутся, тысячи! Я это знаю,—кричалъ свѣтлѣйшій:—но я съ вами и говорить не хочу?

Репнинъ взглянулъ въ одутловатое лицо Потемкина и, видя, что онъ совершенно боленъ, замолчалъ и удалился.

Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же по прибытіи въ Яссы обнаружилась въ свѣтлѣйшемъ ужасная молдавская лихорадка, то усиливавшаяся, то отступавшая на нѣсколько дней, чтобы вновь начать свою разрушительную работу. Да и не могло быть ничего болѣе нездороваго, какъ Молдавія въ это время. Десятки тысячъ плохо зарытыхъ труповъ погибшихъ при штурмахъ и осадахъ заразили воздухъ и болотистую почву. Среди войскъ и гарнизона свирѣпствовали горячки, лихорадки, кровавые поносы. Всѣ почти служители свѣтлѣйшаго были больны. Іюльскіе жары смѣнились дождями, и наводненныя ими степи курились зловредными туманами.

Черезъ недѣлю Потемкинъ призвалъ къ себѣ князя Репнина.

Когда онъ явился, Павелъ Корнильевичъ Радожицкій стоялъ у наоя и читалъ библію свѣтлѣйшему, сидѣвшему въ вольтеровскихъ креслахъ съ полотенцемъ на головѣ и со склянкой воды венгерскаго короля въ рукѣ, изъ которой то и дѣло лилъ себѣ на пылавшую голову.

«И бысть,—читалъ адъютантъ, —егда поражаше Александръ Македонскій сынъ Филиппа, иже изыде отъ земли Хеттіимъ, порази и Даріа царя Перскаго и Мидскаго, и воцарился вмѣсто его первый въ Елладѣ. И состави брани многи, и одержа твердны многи, и уби цари земстія. И пройде даже до краевъ земли, и взя корысти многихъ языковъ: и умолче земля предъ нимъ; и возвысися, и вознесеса сердце его. И собра силу крѣпку зѣло, и начальствова надъ странами, и языки, и мучителями, и быша ему въ данники. И по сихъ паде на ложе, и позна, яко умираеть».

— И по сихъ паде на ложе, и позна, яко умираеть!—повторилъ свѣтлѣйшій, поникая лвиной, косматой своей головой.

— О чемъ такъ вдругъ закручинились, ваша свѣтлость? — спросилъ Репнинъ, когда прошло съ минуту времени, а Потемкинъ все сидѣлъ съ опущенной головой и, казалось, не замѣчалъ имъ же призваннаго командующаго арміей.

— Не взыщите, князь Николай Васильевичъ,—отвѣтилъ Потемкинъ.—Грусть находить на меня, какъ черная туча. Ничего не мило. И тогда помышляю итти въ монахи.

— Что жъ, ваша свѣтлость,—сказалъ Репнинъ, желая обратить въ шутку слова Потемкина и развлечь его.— Не дурное дѣло и это. Сегодня іеромонахомъ, черезъ день архимандритомъ, чрезъ недѣлю въ епископы, затѣмъ и бѣлый клобукъ. Будете благословлять насъ обѣими, а мы будемъ цѣловать у васъ правую.

Потемкинъ оставилъ мрачное око на шутившаго князя.

— Продолжающіяся мои страданія довели меня до совершенной слабости,—сказалъ онъ.— Сталъ, было, я и бродить, но третьяго дня схватилъ мѣня сильно пароксизмъ и держалъ болѣе двѣнадцати часовъ, такъ что и по сіе время не могу отдохнуть. Крайнее ослабленіе.

— Лечиться надо, ваша свѣтлость,—сказалъ Репнинъ только для того, чтобы сказать нѣчто.

Свѣтлѣйшій не отвѣчалъ и лилъ на голову воду венгерскаго короля изъ флакона.

— Болѣзнь меня замучила,—заговорилъ онъ опять, — и я теперь въ крайнѣйшей слабости. Одно средство нахожу я въ удаленіи отсюда. Мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походить на гробъ, нежели на обиталище живыхъ!

Князь Репнинъ увидѣлъ, что разговаривать о дѣлахъ со свѣтлѣйшимъ невозможно и что невѣдомо зачѣмъ онъ и призвалъ его къ себѣ. Помедливъ малое время, онъ удалился.

Свѣтлѣйшій сталъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Сначала отправился въ Галацъ, но тамъ нашелъ, что онъ еще болѣе зараженъ трупами. Увѣрялъ, что запахъ разложившихся труповъ и падали слышитъ постоянно, хотя запаха никто и не ощущалъ, кромѣ него. Потемкинъ сталъ проживать попеременно въ селахъ и помѣстьяхъ подъ Яссами. Иногда приказывалъ себя везти въ такой-то основанный имъ городъ или мѣстечко и, напрасно проблуждавъ по степи, возвращался обратно, такъ какъ искомое поселеніе существовало только на бумагѣ, поселенные тамъ давно разбѣжались или прямо вымерли отъ лихорадокъ, и немногія хижины развалились и сожжены на дрова проходящими войсками.

Вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ въ тяжкой болѣзни распространилось и несомнительное извѣстіе о совершенномъ паденіи свѣтлѣйшаго при дворѣ, окончаніи столь длительного чудеснаго фавора и почти ссылкѣ его въ Новороссійскія степи. Колоссъ палъ, и однѣ жалкія развалины его валялись на пустыряхъ, прибрѣтенныхъ имъ Россіи. Мгновенно почти Яссы и Бендеры опустѣли. Искатели случая и фортуны откочевали. Дамы уѣхали. Адъютанты исчезали. Чины свиты свѣтлѣйшаго отчислялись отъ его квартиры. Никто не являлся болѣе на поклонъ къ нему. Напротивъ,

всѣ обѣгали ставку Потемкина, какъ нѣкое зараженное мѣсто. Враги его подняли голосъ и всюду разглашали о безумныхъ тратахъ его, опустошеніи казны на фантастическія предпріятія. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ приливъ денегъ къ ново учрежденнымъ его портамъ, къ новопостроеннымъ городамъ и къ новозаведеннымъ заводамъ и фабрикамъ прекратился, жалованье больше не уплачивалось, съѣстные припасы не доставлялись, то все бросилось бѣжать, исчезали иностранцы, заводы и фабрики остановились, города и порты опустѣли, мѣстное полудикое населеніе все татило и хитило, что оставалось безъ призора. Степь вновь вступала въ свои права, и отъ миража культуры и цивилизаціи, будто бы внесенныхъ Потемкинымъ въ степи, съ поразительной быстротою оставалось одно воспоминаніе. Вокругъ еще живого учредителя и устроителя Новороссіи и Крыма уже выросталъ сверхъ начинаній его непроходимый бурьянъ и чертополохъ, въ которомъ прятались одни одичавшіе собаки и коты уже поселялись и волки.

Къ свѣтлѣйшему въ началѣ сентября пріѣхала перетревоженная племянница графиня Александра Васильевна Браницкая. Кромѣ генерала Попова и Павла Корнильевича, при немъ находились генераль-поручикъ князь Голицинъ, женатый на другой племянницѣ Потемкина, генераль-майоръ князь Львовъ, оберъ-кригсъ-комиссаръ Фалѣевъ, доктора Тиманъ и Массотъ и штабъ-лекаръ Санковскій.

Графиня Браницкая нашла дядю въ самомъ печальномъ положеніи. Поминутно коченѣли у него ноги и руки. Пульсъ исчезалъ. Тщательный уходъ улучшилъ нѣсколько его состояніе. Но собственная неразсудительность, неосторожность въ пищѣ и питьѣ, омованіе головы холодной водой и, по словамъ врачей, непослушаніе ихъ распоряженіямъ влекли рецидивы странной болѣзни. Но могучій организмъ боролся и порою побѣждалъ. Свѣтлѣйшій поднимался съ постели, начиналъ бродить. Но тутъ овладѣвали имъ душевный недугъ, мучительное безпокойство, страхи. Онъ ощущалъ трупный запахъ. Требовалъ, чтобы везли его въ другое мѣсто. Несмотря на осеннюю сырую и холодную погоду, поселялся въ шатрѣ.

Мучаясь самъ, онъ и всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ измучилъ. Особенно Павелъ Корнильевичъ, по цѣлымъ ночамъ не смыкая глазъ читавшій ему библію и акаѣисты, былъ утомленъ.

Въ первыхъ числахъ октября Потемкинъ былъ снова въ Яссахъ и вдругъ, не взирая на слабость, потребовалъ, чтобы везли его въ городъ Николаевъ. Всѣ представленія, что въ Николаевѣ негдѣ поселиться, такъ какъ тамъ, кромѣ немногихъ жалкихъ лагучъ, нѣтъ никакихъ построекъ, а погода стоитъ сырая, туманная и скверная, ни къ чему не привели. Свѣтлѣйшій упорно на-

стаивалъ, что Николаевъ уже отстроенъ; что это — прекрасный, цвѣтущій городъ, и что ему противорѣчатъ лишь съ тою цѣлью, чтобы раздражать и усиливать болѣзнь, и представить труды его по благоустройству имъ Россіи завоеваннаго края ничтожными. Должны были везти его въ Николаевъ.

СХVII.

Потемкинъ въ степяхъ.

На 4-е число октября мѣсяца 1791 года его свѣтлость князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій проводилъ ночь довольно спокойно, и хотя сна совсѣмъ почти не было, но не было и тоски.

Выѣздъ изъ Яссъ назначенъ былъ по утру. Едва только разсвѣтало. Князь поминутно спрашивалъ:

— Который часъ? Все ли готово?

— Уже запрягаютъ, ваша свѣтлость,—докладывалъ Поповъ.

— Поскорѣ бы! Вонъ отсюда поскорѣ!—говорилъ князь.—Это гробъ, а не жилище живыхъ.

— Я бы просила васъ, милый дяденька, я бы умоляла васъ подождать хотя нѣсколько часовъ,—говорила графиня Браницкая.— Подождали бы, пока разойдетсѣ зловерднѣй густой туманъ, что всѣ степи окуталь.

— Нечего дожидаться! Вонъ отсюда! Туманъ мнѣ не страшень!—раздражительно отвѣчалъ князь.

— Но, милый дядюшка...

— Но, милая племянница, или я въ самомъ дѣлѣ уже трупъ, которымъ помимо воли его распоряжаются, несутъ или оставляють? Я живъ еще. Поповъ, все ли готово? Который часъ?

Наконецъ подали большую шестимѣстную карету, запряженную восьмерикомъ на выносъ цугомъ съ фореиторами.

Тутъ князь велѣлъ генералу Попову писать письмо подъ его диктовку государынѣ:

«Матушка, всемилостивѣйшая государыня! — диктовалъ онъ, и слезы бѣжали по его одутловатому желтому лицу.— Нѣтъ силъ болѣе переносить мои мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною...»

Тутъ вдругъ свѣтлѣйшій глянулъ въ уголъ комнаты и закричалъ ужаснымъ голосомъ:

— Пахнетъ трупомъ! Пахнетъ трупомъ! Скорѣ, скорѣ несите меня вонъ, въ карету! Тамъ письмо подпишу! Вонъ! Вонъ!

Призвавъ еще людей, всѣ бывшіе въ комнатѣ подняли большія кресла Потемкина и снесли его на нихъ къ шестимѣстной каретѣ, въ которую и положили съ великимъ трудомъ!

Тутъ подали ему письмо. Онъ велѣлъ племянницѣ прибавить слова: «Вѣчный и благодарный подданный». Затѣмъ съ усиліемъ неразборчивыми литерами самъ начерталъ: «Я для спасенія уѣзжаю». И, не подписавъ имени, упалъ на подушки въ изнеможеніи.

Браницкая, генералы свиты и доктора сѣли въ другіе экипажи и въ восьмомъ часу утра выѣхали. Ъхали тихо. Къ ночи прибыли въ ближайшее мѣстечко верстахъ въ тридцати отъ Яссы. Командиръ стоявшаго здѣсь Таврическаго гренадерскаго полка, предупрежденный о проѣздѣ свѣтлѣйшаго, приготовилъ торжественную встрѣчу и ночлегъ въ просторномъ прекрасномъ домѣ.

Но изъ кареты у подъязда слышали нерадостный голосъ:

— Жарко, душно!

Однако доктора нашли пульсъ свѣтлѣйшаго лучше и больше свѣжести въ лицѣ, и изъ кареты его не выносили, но, только подерживаемый подъ руки, онъ самъ вышелъ. Вступивъ въ домъ, улегся въ залѣ, заставленной поздними розами, на диванѣ и велѣлъ отворить всѣ окна, повторяя:

— Жарко, душно!

Ночь была тихая, лунная, свѣжая. Утренній туманъ за день разсѣялся. Теперь далеко была видна слегка всхолмленная пустыня. Росистыя былинки серебрились. Блесталъ ручей въ балкѣ. На горизонтѣ темнѣла гора. Но взлобокъ ея былъ ярко залитъ луннымъ свѣтомъ.

Тишина глубокая стояла вокругъ. Князь сначала метался и стоналъ. Потомъ успокоился, забылся. «Дастъ Богъ, заснетъ!» прошепталъ докторъ, и всѣ на цыпочкахъ покинули залу. А какъ съ самаго утра еще не ѣли, то предложенъ былъ командиромъ Таврическаго полка въ отдаленномъ покоѣ ужинъ.

Доктора подали надежду, что въ состояніи свѣтлѣйшаго очевидное улучшеніе. Поэтому всѣ, предавшись этой надеждѣ, пили и ѣли.

Затѣмъ разошлись по отведеннымъ комнатамъ и легли спать. Казалось, ночь пройдетъ совершенно благополучно. Но между двухъ и трехъ часовъ ночи поднялась неожиданная тревога. Князь требовалъ немедленно запрягать.

— Вонъ отсюда, вонъ! Жарко, душно! Вонъ! — кричалъ онъ и метался по дивану.

Экипажи были немедленно поданы. Князь выѣхалъ. Кто какъ успѣлъ пріодѣться со сна, такъ и отправился. Велѣно ѣхать шагомъ. Когда отъѣхали отъ ночлега верстъ за десять, стало разсвѣтать и въ степи кругомъ поблѣло. Большая гора открылась въ сторонѣ. Надъ нею съ клеткомъ носились орлы. Гдѣ-то лепеталъ потокъ. Голая, лишь мѣстами поросшая бурьяномъ, степь простиралась во всѣ стороны до горизонта. Небо было наполнено парами, и восходившее солнце не могло пробить ихъ своими лучами, и

свѣтъ его разливался тускло и мертво въ непривѣтливой этой пустынь. Княжая карета остановилась. Спутники выскочили изъ экипажей и окружили ее.

— Жарко, душно! Боже мой! Боже мой!—неслись изъ кареты стоны Потемкина.

Всѣ тѣснились къ окну кареты, спрашивая его о состояніи здоровья и не требуется ли ему чего?

— Будетъ теперь, некуда ѣхать, я умираю, — сказалъ тогда князь.—Выньте меня изъ кареты. Положите на травѣ. Хочу умереть въ чистомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ!

Эти слова онъ выговорилъ твердо, и родилась надежда, что на воздухѣ онъ оправится. Постлали коверъ, принесли подъ голову кожаную подушку, вынули и уложили его. Такъ лежалъ онъ, простертый гигантскимъ тѣломъ своимъ на землѣ среди степи, лицомъ къ небу.

— Хорошо! Покойно!—вдругъ сказалъ свѣтлѣйшій.—«Онъ» отошелъ отъ меня! Покойно...

Кромѣ Попова и Радожицкаго, никто не понялъ этихъ словъ его. Затѣмъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, протянулся. Смерть и тогда еще никому изъ предстоящихъ не пришла на мысль. Графиня Браницкая поддерживала подушку подъ головою дяди. Легкій, пріятный вѣтеръ потянулъ надъ степью, облачные пары задвигались въ небѣ, разступились, и внезапно потокъ золотыхъ солнечныхъ лучей ярко озарилъ то мѣсто, гдѣ лежалъ князь. Онъ широко открылъ зрячій глазъ, неподвижно глядя въ небо, и покойно, незамѣтно умеръ, какъ будто свѣча, которая вдругъ погаснетъ безъ малѣйшаго вѣтра. Доктора не рѣшались сказать печальную истину. Казакъ изъ конвойныхъ первый сказалъ, что князь отошелъ.

— Закрыть бы глазъ ему!—прибавилъ онъ.—Искали по всѣмъ карманамъ имперіала и не находили. Графиня Браницкая все держала подушку съ головою покойника, словно не могла сразу понять, что могущественнаго ея дяди нѣтъ болѣе, что осталось лишь тѣло поверженное, изъ всѣхъ своихъ богатствъ, маетностей, завоеваній удержавшее за собою всего три аршина дикой, пустой степи.

Тотъ же конвойный казакъ подалъ мѣдный пятакъ, которымъ и сомкнули глазъ покойника, что при жизни столь несуть были сокровищами и прелестями мимоидущаго, тлѣннаго сего міра.

СХVIII.

Погребеніе.

Павелъ Корнильевичъ Радожицкій находился безотлучно до самой кончины при особѣ князя Таврическаго. Онъ былъ свидѣтелемъ нечеловѣческихъ нравственныхъ и физическихъ терзаній

падшаго колосса. Смерть среди пустой степи этого любимца счастья, питомца роскоши и нѣгъ, баловня славы, обладателя неизмѣримыхъ помѣстій, множества дворцовъ, несмѣтныхъ сокровищъ, произвела на Павла Корнильевича глубокое философическое впечатлѣніе. Когда графиня Браницкая, убѣдясь въ томъ, что могущественнаго ея дяди болѣе нѣтъ въ живыхъ, бросившись на грудь мертвеца, обнимала его, рыдая и терзая свои волосы; когда всѣ бывшіе при кончинѣ свѣтлѣйшаго, потрясенные величіемъ этого момента, различно выражали горестъ, Павелъ Корнильевичъ стоялъ неподвижно и предавался размышленіямъ. Припомнились ему слова покойнаго о предсказаніи еврея-каббалиста, что жизнь его связана съ жизнью графа Мирабо. И въ самомъ дѣлѣ, князь пережилъ славнаго витію французскаго національнаго собранія всего лишь немногими мѣсяцами. Въ воображеніи Павла Корнильевича вставала картина грандіознаго шествія князя Таврическаго, отъ встрѣчи на Могилевской дорогѣ до Днѣстра, его пировъ въ великолѣпной, волшебной землянкѣ, его жизни въ Яссахъ, въ Бендерахъ, потомъ въ Петербургѣ, превзошедшаго всякую мѣру роскоши и расточительности празднества въ конно-гвардейскомъ домѣ и затѣмъ внезапной болѣзни, немилости, почти ссылки, отъѣзда сюда, въ степи, терзаній долгой агоніи, скитаній, бѣгства отъ преслѣдующаго призрака и наконецъ... Вотъ онъ лежитъ, простертый на землѣ, общей колыбели и общемъ гробѣ всего живущаго! Смерть вытянула и сковала его члены, такъ что тѣло любимца Екатерины особенно казалось теперь огромнымъ. Лицо его, обращенное къ небу, застыло въ величавомъ выраженіи глубокаго покоя. Солдатская лепта покрываетъ глазъ! Кругомъ все пусто, все глухо и бѣдно. Небо опять заключилось сѣрыми парами. Горизонтъ затянула сѣть мелкаго дождя. Холодный вѣтеръ колебаль изсохшіе остовы бурьяновъ. Орлы по-прежнему съ клеткомъ носились надъ соседней угрюмой, голой горой. Капля дождя, какъ чья-то слеза, упала на ликъ покойника...

Такъ вотъ что осталось отъ всего величія, блеска, роскоши и славы твоей, князь Таврическій? Не такъ ли пройдетъ и закатится вѣкъ славной твоей возлюбленной, вѣкъ Екатерины? Не такъ ли въ единый мигъ минуетъ вся земная, гордая слава. Пышные вельможи, полководцы и побѣдители народовъ, поработители миллионовъ — пройдутъ, какъ сонъ, какъ миражъ, какъ галюцинація со всѣмъ шумомъ тѣлеславія своего! Останется поглотившая бранные ихъ останки земля. Останется пахарь, смиренно взрывающій грудь вѣчной всеобщей кормилицы и бросающій зерно въ глубокія борозды. Останется великое безмолвное небо подъ нимъ. {Видѣвшій паденіе монархіи Людовика и переселеніе короля въ Парижъ въ толпахъ черни, созерцавшій кровавый штурмъ, взятіе и грабежъ Измаила, Павелъ Корнильевичъ присутствовалъ теперь при кончинѣ чловѣка, честолюбіе котораго простиралось на Европу и Азію, который держалъ въ рукахъ своихъ нити широчайшихъ пла-

новъ и если не мечталъ быть королемъ польскимъ или византійскимъ базилевсомъ или царемъ Эллады, то лишь потому, что былъ при великой монархинѣ почти всемогущимъ на полміра властителемъ.

Но пора было подумать о доставленіи останковъ свѣтлѣйшаго въ болѣе укрытое мѣсто. Тѣло его подняли и, съ величайшимъ трудомъ помѣстивъ въ шестимѣстной каретѣ, шагомъ, въ сопровожденіи прочихъ экипажей, повезли обратно къ послѣднему ночлегу. Генераль Поповъ и Павелъ Корнильевичъ поддерживали тѣло свѣтлѣйшаго...

Оно было затѣмъ перевезено въ Херсонъ. Павелъ Корнильевичъ присутствовалъ при великолѣпныхъ похоронахъ генеральфельдмаршала. Но онѣ не произвели на него никакого впечатлѣнія своей помпой, солдатами въ черныхъ епанчахъ съ факелами, пардированіемъ войскъ, пирамидами съ велерѣчивымъ исчисленіемъ подвиговъ покойнаго. Вся эта суетная шумиха показалась ему жалкой по сравненіи съ величественной простотой кончины завоевателя Новороссіи и Крыма въ пустой степи, на голой землѣ, подъ вѣчнымъ небомъ. Тѣмъ болѣе, что великолѣпіе похоронъ не могло закрыть отъ Павла Корнильевича раздоровъ и споровъ между генералами о старшинствѣ, начавшихся сейчасъ же интригъ, происковъ. Потрясли адъютанта покойнаго и распространившіеся сейчасъ же слухи и толки, что быстрая смерть свѣтлѣйшаго, отличавшагося богатырской комплекціей, весьма удивительна, что не иначе, какъ для скорѣйшаго его къ праотцамъ отправленія просками враговъ употребленъ былъ нѣкій тонкій и неуловимый ядъ и т. д. Хотя Павелъ Корнильевичъ зналъ хорошо, что въ такой восточной странѣ, какова Россія, слухи о данномъ ядѣ возникаютъ послѣ кончины всякаго выдающагося человѣка, ибо привыкшіе къ неустанному коварству, интригамъ и подкопамъ русскіе люди не могутъ допустить, чтобы нѣчто произошло просто, естественными причинами, все же Павлу Корнильевичу было не по себѣ, такъ какъ онъ въ числѣ ближайшихъ къ покойному лицъ неотлучно при немъ состоялъ до послѣдняго его вздоха. Дѣло въ томъ, что темные намеки графини Софіи и Кобенцеля на бывшія у него венеціанскія лекарства Павелъ Корнильевичъ въ скорости истолковалъ себѣ, какъ предупрежденіе отъ могущихъ возникнуть на него подозрѣній, если узнаютъ о его заѣздѣ въ Венецію къ таинственному алхимику. Послѣднія слова австрійскаго посла—«бережь свѣтлѣйшаго, особливо стараясь отвращать его отъ грубыхъ и неудобоваримыхъ кушаній, имъ любимыхъ»,—врѣзались въ его память. И онъ постоянно въ этомъ отношеніи дѣлалъ предостереженія князю, и нерѣдко тотъ слушался «правдолюба», какъ до конца своего продолжалъ Потемкинъ называть любимаго адъютанта. Господинъ Поппе желалъ видѣть Радожицкаго въ Яссахъ. Но тотъ рѣшительно уклонился отъ сношеній съ нимъ.

Послѣ похоронъ Радожицкій уѣхалъ въ Петербургъ.

СХІХ.

Роковое недоразумѣніе.

Послѣ мгновеннаго блаженства Павелъ Корнильевичъ такъ и не видалъ графини Софіи. Разлука вновь воскресила въ немъ страсть, и образъ гречанки неотступно стоялъ предъ нимъ въ воображеніи. Онъ писалъ ей изъ Молдавіи, но не получилъ отвѣта. Это лишь сильнѣе разожгло его чувства. Приѣхавъ въ Петербургъ, первое стремленіе было въ немъ—увидѣть коварную и потребовать объясненій...

Итакъ, онъ отправился въ палатцу графини Софіи на невской набережной. Не желая, чтобы о немъ докладывали, но зная особый внутрѣнный ходъ въ покои ея по лѣстницѣ со двора, Радожицкій безпрепятственно достигъ передней, дверь изъ которой вела въ ея уборную. Дверь эта была открыта, но драпировка завѣсила ее. Павелъ Корнильевичъ задрожалъ, услышавъ голосъ красавицы. Ей отвѣчалъ другой знакомый голосъ. Вслушавшись, Павелъ Корнильевичъ узналъ графа Феликса Потоцкаго. Онъ хотѣлъ войти, но слова, достигшія его слуха, поразили молодого человѣка, и съ беззащитностью влюбленнаго онъ не поколебался быть тайнымъ слушателемъ интимной бесѣды измѣнницы.

— Вы знаете горячность чувствъ моихъ, графиня!—говорилъ графъ Феликсъ Потоцкій.—Когда впервые, стоя у ступеней трона нашего королька въ Варшавѣ, на выходѣ я увидѣлъ вашъ прелестный образъ, съ той самой минуты вы овладѣли моими чувствами навсегда. Что мѣшаетъ вамъ, обворожительная, увѣнчать мои долгія исканія? Почему вы упорно отвергаете человѣка, который былъ бы вамъ столь преданъ?

— Любезный графъ, я васъ не отвергала,—послышался ласковый голосъ гречанки.—Я цѣню вашу дружбу и вы совершенно можете рассчитывать и на мое дружественное расположеніе.

— Дружба! Вы смѣетесь надо мною, прекрасная?

— Нисколько. Но я скажу вамъ, графъ, что легкая, безнравственная связь унизила бы и меня самое и васъ. Я хочу прочнаго положенія при дворѣ и въ свѣтѣ. Государыня ко мнѣ чрезвычайно добра и милостива, но я все же не принята даже на большіе эрмижаи. Всѣ говорятъ о царственной крови, текущей въ моихъ жилахъ, а втайнѣ почитаютъ меня авантюристкой и куртизанкой.

— Почему же вы полагаете, что мои предложенія не идутъ дальше свободныхъ отношеній легкой связи? Мои чувства, графиня, столь глубоки и сильны, а вы такъ прекрасны, что я не задумаюсь вмѣстѣ съ сердцемъ отдать вамъ мое имя и титулъ!

— Какъ! Я буду графиней Потоцкой-Щенской! Милый графъ!.. Звукъ подълуя потрясъ, какъ электрическій зарядъ, влюбленнаго соглядатая.

— Но вѣдь я... но я замужемъ. И вы, графъ, тоже женаты.

— Что же изъ этого? Любовь не имѣетъ препятствій. Великія истины вѣка мнѣ не чужды. Въ области чувствъ не можетъ быть стѣсненія.

— Конечно, мой противный Іосифъ не будетъ спорить. Мы уже давно супруги только по имени. Надо только заплатить его долги и дать ему достаточно на руки. Но ваша супруга, графъ, не откажется легко отъ правъ на васъ.

— Моя жена—безнравственная женщина. Я имѣю положительныя доказательства ея невѣрности. Я потребую развода. Я не намѣренъ даже признавать ея дѣтей.

— Но вы забываете, милый Феликсъ, что наша святая католическая церковь не допускаетъ расторгенія правильно совершеннаго по ея обрядамъ брака.

— Правильно совершеннаго, дорогая Софія! Да! Но опытный клирикъ всегда сумѣетъ уловить неправильности въ самомъ правильномъ бракосочетаніи. Конечно, дѣло потребуетъ времени. Но я на своемъ поставлю, клянусь непорочнымъ зачатіемъ св. Дѣвы!

— Я вамъ вѣрю, Феликсъ.

— Въ такомъ случаѣ, Софія, ѣдьте ко мнѣ въ Тульчинъ!

— Ахъ, вы неотразимы! Но почему вы не сказали всего этого мнѣ раньше?

— Я же давно предлагалъ вамъ освободиться отъ вашего супруга.

— Такъ, но вы не говорили, что я буду Потоцкой. Къ тому же этотъ ужасный циклопъ-Потемкинъ не позволялъ мнѣ почему-то прогнать противнаго Іосифа.

— Но теперь Потемкина больше нѣтъ на свѣтѣ. Разрушеніе этого колосса было внезапно, и смерть совершила свой удачный ударъ. Великій мужъ исчезъ. Память о немъ заглохнетъ быстро. Всѣ слѣды большихъ матадоровъ время такъ изглаживаетъ, что и не замѣтишь. Давно ли онъ всѣхъ поражалъ азіатскими своими празднествами? И уже по немъ русскіе попы правятъ сорокоусты.

— Ахъ, я плакала, когда пришло извѣстіе о кончинѣ моего циклопа! Онъ былъ очень добръ ко мнѣ!

— Но упомянулъ ли онъ о васъ въ своемъ завѣщаніи.

— Ахъ, нѣтъ! Всѣ его богатства достаются племянницамъ.

— Вотъ видите! Онъ не стоилъ вашихъ слезъ. Смерть Потемкина, столь быстрая и неожиданная, породила темные слухи, странные слухи. Говорятъ, онъ былъ отравленъ.

— Графъ Кобенцель сообщитъ мнѣ на дняхъ всѣ подробности кончины Потемкина; онъ ожидаетъ возвращенія въ Петербургъ

своего агента, адъютанта свѣтлѣйшаго, который былъ при немъ неотлучно до самой кончины.

— А, это тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ вы, измѣнница, катались по Невѣ въ шлюпкѣ, помните, въ ночь праздника въ конно-гвардейскомъ домѣ?

— Ваша ревность смѣшна, Феликсъ! Мнѣ нужно было дать этому молодому человѣку нѣкоторое порученіе.

— Однако, онъ постоянно находился тогда при васъ, и всѣ говорили, что вы благосклонны къ его исканіямъ. Статный гвардеецъ, съ круглыми, влюбленными глазами, составлялъ необходимую принадлежность даже вашей уборной!

— Онъ былъ мнѣ нуженъ для посылокъ. Я знала, что онъ исполнитъ все, что только я ему прикажу. А главное, Кобенцель и Гаррисъ избрали его для нѣкоторыхъ дѣйствій. Но чтобы вы были спокойны, даю вамъ слово, что болѣе даже и не увижу его!

Тутъ Павелъ Корнильевичъ не могъ долѣе вынести и, отдернувъ драпировку, внезапно явился въ дверяхъ покоя.

Графиня полулежала на софѣ. Потоцкій, преклонивъ одно колено, держалъ въ рукахъ ея маленькую ручку. Появленіе Радожицкаго извлекло крикъ испуга изъ устъ красавицы.

— Вы напрасно, графиня, дали слово не видѣть меня!—сказалъ молодой человѣкъ, входя.—Я здѣсь и вы меня видите.

Графъ Потоцкій посѣбно поднялся.

— Чортъ возьми! Вы насъ подслушивали!—крикнулъ онъ.

— Я не подслушивалъ, но слышалъ, — спокойно отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Вижу, что ремесло шпіона вами хорошо изучено!

— Графъ, моя шпага всегда къ вашимъ услугамъ!—сказалъ гвардеецъ.

— Вы безъ доклада врываетесь въ уборную дамы!—не отвѣчая на вызовъ, возразилъ Потоцкій.

— Если графиня на меня за это въ претензіи, она сама мнѣ это скажетъ!

— Довольно, господа, довольно!—заговорила оправившаяся отъ испуга и смущенія гречанка.—Потоцкій, успокойтесь и оставьте меня съ господиномъ Радожицкимъ! У насъ есть дѣла.

— Если вы этого требуете, Софія, —пожавъ плечами, сказалъ Потоцкій:—то я удаляюсь, конечно!

И съ надменностью Потоцкій медленно вышелъ изъ покоя.

Когда шаги его затихли, гречанка вскочила съ софы, подбѣжала къ двери и заглянула въ прихожую, видимо, съ тою цѣлью, чтобы убѣдиться, что Потоцкій въ самомъ дѣлѣ удалился, а не смѣнилъ, въ свою очередь, Радожицкаго, воспользовавшись наблюдательнымъ постомъ за драпировкой.

Успокоясь на этотъ счетъ, гречанка подошла къ Радожицкому и, скрестивъ на груди руки, испытующе устремила на него мрачныя, черныя очи свои.

Молодой человѣкъ выдержалъ ея взглядъ, самъ смотря ей прямо въ лицо. Онъ былъ глубоко возмущенъ.

— Я слышалъ все, что вы говорили здѣсь съ Потоцкимъ,—сказалъ онъ.—Вы же и не отвѣчали мнѣ на письма. И не допустили меня къ себѣ передъ отъѣздомъ. Это уже одно дало мнѣ понятъ о перемѣнѣ вашихъ чувствъ ко мнѣ. Но ужели тѣ мгновения блаженства, которыя вы мнѣ подарили, были холоднымъ расчетомъ и только? Неужели вы играли моими чувствами тогда, графиня? Неужели ваши ласки были ложью? Нѣтъ, я не могу, не хочу этому вѣрить!

Презрительная улыбка появилась на губахъ гречанки. Потомъ лицо ея приняло ледяное выраженіе полного равнодушія.

— Оставимъ это, господинъ Радожицкій,—сказала она,—и поговоримъ о дѣлахъ.

— Оставить! Вы мнѣ говорите это, вы!—вскричалъ Павелъ Корнильевичъ.—Вы, которая разбила мою жизнь, мое счастье! Вы, которая взяла мое сердце! Вы... вы мнѣ это говорите!..

— Вы не дѣвица, господинъ Радожицкій, чтобы считать свое сердце столь хрупкой вещью,—съ холоднымъ цинизмомъ возразила гречанка.—О томъ, что было между нами, не стоитъ вспоминать. Но было пріятно, очень пріятно и мнѣ, и вамъ! За что же сердиться?

Эти слова восточной красавицы вызвали яркую краску на щекахъ гвардейца. Отвѣтъ замеръ на его устахъ. А гречанка съ озабоченнымъ видомъ провела рукой по лбу, на которомъ появилась морщинка.

— Вы еще не видѣли графа Кобенцеля?—спросила она.

Радожицкій могъ только отрицательно покачать головой. Сердце его разрывалось. Всѣ его мечты были мгновенно брошены въ грязь. Ужасная, голая дѣйствительность открылась его столь долго застланнымъ очарованіемъ глазамъ. Онъ видѣлъ предъ собою низкую куртизанку, и даже красота ея теперь казалась ему поблекшей, тяжелой, грубой. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе лица ея и особенно губъ было непривлекательно. Что-то звѣриное, лисье въ немъ проступало. И этотъ низкій, хотя и бѣлый, лобъ... И ради этой онъ погубилъ счастье своей жизни и отвергъ чистое, прекрасное существо!

— Вамъ надо теперь имѣть дѣло съ Кобенцелемъ. Ко мнѣ же вы больше не ходите. Это ничего, что вы теперь прошли. Васъ не замѣтили мои слуги, да? Но больше уже не посѣщайте меня.

Радожицкій поклонился.

— Если вы такъ настойчиво этого требуете, то я, конечно, воздержусь посѣщать васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ вижу бесполезность таковыхъ посѣщеній.

— Ну, да! Вы пройдете опять, какъ вошли. И было бы лучше вамъ, поговоривъ съ Кобенцелемъ, уѣхать куда-нибудь, чтобы о васъ и не вспоминали въ столицѣ. Напрасно вы такъ отвѣчали Потоцкому. Въ вашемъ положеніи лучше быть скромнѣе.

— Въ моемъ положеніи? Что хотите вы этимъ сказать?—удивился Радожицкій.

— Я говорю, вамъ остерегаться надо. Онъ умеръ, да?.. Бѣдный циклопъ! Я плакала и жалѣла его. Но вы помните, что я ни при чемъ въ его смерти, ни при чемъ.

— Конечно, вы не при чемъ. Но кто же и виновенъ въ ней? Свѣтлѣйшій умеръ волею Божіей отъ молдавской лихорадки.

— Такъ нужно говорить! Такъ нужно говорить! Вы слышали, что Потоцкій разводится съ женой и женится на мнѣ? Онъ богатъ, несмѣтно богатъ. Я и сама очень богата. Я могу все купить, что захочу, и за все заплатить. Я вамъ повторяю, меня въ это дѣло запутать нельзя.

— Въ какое дѣло? О чемъ вы говорите? — спрашивалъ Радожицкій; волненіе охватывало его; темные намеки гречанки возмущали молодого человѣка, но сквозившій въ нихъ тайный смыслъ до того былъ возмутителенъ, что онъ не хотѣлъ его понимать.— О чемъ вы говорите?—повторилъ онъ.

Гречанка пронзительно посмотрѣла ему въ лицо.

— Не думайте, что если вы по моему порученію заѣзжали въ Венецію, то это для меня улика. Свидѣтелей не было тому, что я васъ посылала. При васъ лекарства? Или вы ихъ уничтожили? Видѣли вы въ Яссахъ господина Поппе? Помните, что не вы держите насъ въ рукахъ, а мы васъ. Малѣйшая измѣна, и вы погибли. Не думайте, что будете въ силахъ бороться. Мститель явится, когда вы всего меньше будете его ожидать. А при скромности и молчаніи васъ наградятъ.

Совершенно выведенный изъ себя этими угрозами, Павелъ Корнильевичъ рѣшительно сказалъ:

— Между нами какое-то заблужденіе. Я вижу, что вы придаете вѣру безмысленнымъ слухамъ объ отравленіи покойнаго князя Таврическаго. Того не довольно, кажется, вы полагаете, что смерть его — дѣло моихъ рукъ. Я съ глубокимъ возмущеніемъ отвергаю эту клевету. Что въ тѣхъ флаконахъ, которые я получилъ въ Венеціи, я не знаю. Я и не открывалъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ ихъ передалъ вашъ знакомый алхимикъ. Но какъ они принадлежатъ вамъ, то и получите ихъ!—говоря это, Радожицкій хотѣлъ достать бумажникъ, гдѣ оставались, какъ были положены, венеціанскія снадобья.

— Мнѣ ихъ не надо. Зачѣмъ они мнѣ?—боязливо отстраняясь, сказала гречанка. — И къ чему вы все это говорите? Ну, я вамъ вѣрю! Ну, свѣтлѣйшій умеръ, потому что Богъ ему послалъ смерть!

И какъ могло быть иначе? Предопредѣленіе располагаетъ человѣкомъ. Что случилось, не могло не случиться. Кто же тогда виновать? Никто. Того Богъ хотѣлъ. А теперь идите, идите!

Гречанка, взволнованная, блѣдная, указывала ему на дверь.

Павелъ Корнильевичъ хорошо видѣлъ, что она не вѣритъ ни единому его слову, что она въ самомъ дѣлѣ считаетъ его отравителемъ Потемкина. Но тогда неужели этого ожидали отъ него? Смущенный, онъ покинулъ палаццо графини Софіи, будущей Поцкой.

СХХ.

Тяжелый расчетъ.

Для честнаго отъ природы человѣка легче снести карающія слѣдствія преступленія, нежели клевету. Если злосчастное стеченіе обстоятельствъ, неукротимый порывъ страсти, роковой случай приведутъ человѣка честнаго даже къ преступленію, въ самыхъ терзаніяхъ совѣсти своей, въ законной за содѣянное карѣ онъ черпнетъ силы очищенія и возрожденія; временное паденіе лишь подтвердитъ добрую его природу и вратами раскаянія приведетъ къ побѣдѣ духа. Но клевета, но прилипчивое, пятнающее подозрѣніе потока слуховъ и сплетенъ, темнымъ облакомъ окутавъ человѣка честнаго, мертвитъ и гнететъ его, какъ нечистая одежда, какъ жилье, переполненное смрадомъ. Онъ мятется духомъ, унываетъ, всюду видитъ расплзающуюся клевету, чистое имя свое—померкшимъ, и, сознавая подлость и низость людскую, которая въ клейменіи ближняго ненасытима, не находитъ ни исхода, ни спасенія. Въ такомъ именно положеніи былъ Павелъ Корнильевичъ. Уже казалось ему, что всюду къ вздорнымъ слухамъ объ ускореніи кончины свѣтлѣйшаго тонкимъ ядомъ приплетають и его имя. Не могъ онъ уже ни съ кѣмъ встрѣтиться, или появиться въ обществахъ безъ того, чтобы не мнились ему косые взгляды и гнусные насчетъ его шопоты. Уразумѣвъ, что низкая авантюристка, уловившая его въ сѣти продажныхъ прелестей и окружавшіе ее политическіе искусники и агенты съ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него преступнаго дѣянія, которое бы избавило ихъ правительства отъ неудобнаго русскаго вельможи, Павелъ Корнильевичъ подумалъ, что вѣдь могли они, видя его нерасторопность и недогадливость, употребить въ дѣло какое-либо иное лицо, приближенное къ свѣтлѣйшему!.. Тогда басня, обращающаяся въ толпѣ, ужасала его и начинала уже казаться возможной. Что если кто-либо изъ докторовъ, подкупленный, примѣшалъ смертнаго снадобья въ лекарство или поваръ—въ кушанье, въ кофе, въ кисляя щи?.. Картина болѣзни свѣтлѣйшаго, душевный его недугъ, терзанія, видѣнія, его

обуревавшія, въ связи съ горячкою, жаромъ въ головѣ, ломомъ въ костяхъ, обмороками, впрочемъ, достаточно давали естественныхъ объясненій неизбежности смерти этого колосса, казалось бы, какъ дубъ матерый, долголѣтняго. Но разъ возникшія подозрѣнія не отступали и наполняли ужасомъ молодого человѣка. Невинность его и бездоказательность слуховъ, конечно, не приведутъ къ чему-либо, опасному для его имени.

Не находя питанія, слухи наконецъ смолкнутъ. Но, извѣдавъ гнусность придворнаго круга и высшаго свѣта, обманутый во всѣхъ своихъ мечтахъ и чувствахъ, близко разсмотрѣвъ тѣхъ людей, которые на высшихъ ступеняхъ общества являютъ изъ себя пронырливыхъ, безсовѣстныхъ промышленниковъ и хладнокровныхъ злодѣевъ, не могъ уже Павелъ Корнильевичъ возвратиться въ ихъ среду. Но того не довольно. Въ эту минуту Павелъ Корнильевичъ казался себѣ выброшеннымъ послѣ кораблекрушенія на пустой необитаемый берегъ человѣкомъ, который только видитъ передъ собою, носимые волнами безобразные обломки, слышитъ плачевный крикъ дикихъ птицъ и, утративъ всѣ сокровища, поглощенный бурной стихіей, сознаетъ себя нищимъ, сирымъ, нагимъ и безпріютнымъ! Оставивъ службу въ уборныхъ сержантахъ, вознамѣрился онъ проходить прямую службу и быть полезнымъ своему отечеству. Но бурное шестіе временщика, великолѣпнаго вельможи, захватило его и повлекло, какъ былинку. А роковая встрѣча съ гречанкой, подобной древней волшебницѣ Калипсо, образъ человѣческой на немъ перемѣнила въ животный и превратила его въ жалкаго раба низменной страсти. Опьяненный прелестями распутницы, дважды отказался онъ отъ истиннаго счастья, посылаемаго ему Провидѣніемъ, дважды оттолкнулъ и грубо оскорбилъ невинную прелестную дѣвушку и высокопочтеннаго отца ея!.. Комета Потемкина съ шумомъ и сверканіемъ пронеслась по удивленному міру и пала, и уничтожилась, и остался только трупъ среди пустыхъ степей.

Въ закатѣ свѣтлѣйшаго померкла удача и Павла Корнильевича. Что осталось отъ всей его службы при князѣ Таврическомъ и отъ адъютантства его? Ровно ничего. Сколько времени, силъ убилъ, денегъ прожилъ. И на что? Исполнялъ странныя порученія, едва не внесшія имя его въ число преступниковъ. Былъ орудіемъ въ рукахъ низкихъ интригановъ и подлой, развратной твари. Бѣздилъ въ Парижъ и скучалъ тамъ въ плѣну у мѣщанъ. Здѣсь на побѣгушкахъ состоялъ. За участіе въ штурмѣ Измаила что получилъ? Въ реляціи, припечатанной въ газетахъ каждый, кто отличился, особливо именованъ, но Павелъ Корнильевичъ съ прочими помѣщенъ только въ общій списокъ, что былъ примѣромъ храбрости и мужества; особливо рекомендованные награждены орденами, золотыми шпагами съ надписью: «За храбрость», а Павлу Корнильевичу съ прочими назначенъ одобрительный листъ за под-

писаніемъ князя Репнина. Возможно, что свѣтлѣйшій и другое что готовилъ для любимаго адъютанта, да какъ умеръ, то къ управляющему канцеляріей князя Репнина все дѣлопроизводство перешло и онъ писалъ реляцію; не зная Павла Корнильевича и не интересуясь имъ, обошелъ его существенной наградой; князь Репнинъ подписалъ, что управляющій подалъ. И вотъ ни золотого оружія, ни ордена изъ похода домой Павелъ Корнильевичъ не привезетъ! Былъ на штурмѣ съ Суворовымъ—и, стыдно сказать, получилъ листъ одобрителный! Хотѣлъ Павелъ Корнильевичъ пойти объясняться, да подумалъ и махнулъ рукой...

Одно къ одному скопило мрачное отчаяніе въ сердцѣ молодого человѣка. Онъ сидѣлъ отъ всѣхъ запершись и, кромѣ слуги своего Митрофана, никого не видалъ. Да никто и не искалъ его. Всѣ о немъ, видимо, мгновенно забыли. Среди адъютантовъ-товарищей слылъ онъ гордецомъ и выскочкой. Теперь на улицѣ встрѣчая ихъ въ кабриолетахъ и коляскахъ, съ муфтами, съ высаящимся на козлахъ возлѣ кучера, залитымъ золотымъ шитьемъ гусаромъ, едва достаиваемъ былъ киваніемъ ихъ пудренныхъ головъ и въ лорнетку на него, скромно идущаго пѣшкомъ или ѣдущаго верхомъ безъ жокея, посматривали. Сидя въ квартирѣ своей, нанятой имъ въ Коломнѣ, чтобы дальше быть отъ домовъ вельможъ и дворцовъ, предавался Павелъ Корнильевичъ бездѣйствію, унынію, лежанію на походномъ одрѣ, хожденію по своимъ скромнымъ покоямъ. Желтое лицо Митрофана не способствовало пробужденію въ немъ бодрости духа. Оно выражало только укоръ легкомыслію господина. Видѣлъ также Павелъ Корнильевичъ, что слуга за нимъ потихоньку наблюдаетъ, и часто безъ видимой нужды и зова появляется, чтобы спросить, не угодно ли чего. Терялся въ мысляхъ своихъ Павелъ Корнильевичъ. Однажды въ декабрьское, хмурое, мокрое утро, когда дождь и снѣгъ падали вмѣстѣ, промозглый туманъ лѣзъ въ окна и Коломна утопала въ грязи, уныніе Павла Корнильевича достигло высочайшей степени.

Въ мечтаніяхъ, какъ бы во снѣ наяву, видѣлъ онъ себя среди пространной долины, каменистой, обнаженной отъ всякой зелени и цвѣтущей пестроты. Не было тутъ ни жилья человѣческаго, ни стада, ни птицъ, ни источника для утоленія жажды, не было дренесной сѣни для укрытія отъ полуденнаго зноя или холоднаго вѣтра и дождя. Такова юная и уже отцвѣтшая жизнь его! Одинъ, оставленъ, среди злой мачехи-природы пустынный! Вострепеталъ Павелъ Корнильевичъ.

— Несчастный,—сказалъ онъ самъ въ себѣ,—гдѣ ты? Куда дѣлося все, что тебя прельщало? Гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости, тобою вкушенныя, были сонъ и мечта? Неужели, за суетной тѣнью погнавшись, навсегда лишился истиннаго счастья? Неужели посланнаго на пути твоёмъ

ангела смѣнилъ на позорную блудницу? Гдѣ были твои глаза, и умъ, и чувства какимъ дурманомъ окурены? Ты все потерялъ. Стоитъ ли тебѣ жить? Ты позналъ людскую злобу, переменчивость счастья, лживость мірской славы. Не все ли сонъ и ничтожество и обманъ въ нашей жизни? Проливаютъ полководцы кровь, жгутъ и грабятъ города, села и цѣлыя области. Зачѣмъ? Придворные упражняются въ подлостяхъ и пронырствахъ. Цари и короли на окровавленныхъ сидятъ тронахъ, окружены подлыми ласкателями, короны получаютъ изъ рукъ злодѣевъ и сами трепещутъ за жизнь и терзаемы призраками и видѣніями убіенныхъ властителей! Пурпуръ ихъ—кровь; ноги—въ злосмрадной тинѣ. Помѣщики удручаютъ своихъ подданныхъ, выпиваютъ ихъ силы. Народъ въючному скоту подобенъ. Стоитъ ли жить? Но у кого отъята всякая надежда, кто понялъ, что съ рожденія судьба завертываетъ человѣка въ пелены скорби, влачитъ его потомъ по хребтамъ боязни, скуки и печали и по пропастямъ болѣзней, преступленій, паденій и утратъ черезъ весь его вѣкъ,—тому что остается въ отраду? Сонъ? Уснулъ, и все скончалось. Давай же, буду спать! Скажу Митрофану принести четвертную водки!.. А пробужденіе? А похмелье? Несносно пробужденіе несчастному. Если ужъ заснуть, то такъ, чтобы и не просыпаться. О, сколь смерть пріятна впавшему въ отчаяніе! Но имѣю ли право умереть? Отче всеблагій! Прости! Ты жизнь мнѣ далъ, тебѣ ее и возвращаю! На землѣ она стала уже бесполезна.

Говоря эти слова, Павелъ Корнильевичъ искалъ глазами шпаги, искалъ пистолетовъ. Туда, сюда—нѣтъ нигдѣ.

— Митрофанъ!—закричалъ Павелъ Корнильевичъ.—Митрофанъ! Желтое, вытянутое лицо служителя появилось въ дверяхъ.

— Митрофанъ, гдѣ шпага? гдѣ пистолеты?

— А вамъ на что?—спросилъ угрюмо служитель.

— Я спрашиваю, значитъ нужно.

— Шпагу отдалъ точить, заржавѣла, а пистолеты—чистить.

«Ладно!—подумалъ Павелъ Корнильевичъ.—Нѣтъ шпаги и пистолетовъ, такъ есть снадобья венеціанскія». Вынулъ бумажникъ, заглянулъ въ наставленіе, какъ употреблять снадобья—палочки, точки—ничего не понять! Да и прилично ли дворянину отравиться, какъ собакѣ или волку!.. Митрофанъ! ступай сейчасъ за шпагой и пистолетами!

— Куда жъ я пойду, коли на дворѣ такая мокреда!

— Если приказываю, значитъ иди!

— Скажите, на что вамъ, тогда пойду!

— Я тебя избаловалъ совершенно! Смѣешь ты разсуждать!

Иди сейчасъ.

— Пистолеты и шпага у меня. Я ихъ спряталъ.

— У тебя? Что же ты врешь? Давай сейчасъ.

— Не дамъ,—грубо отвѣчалъ Митрофанъ.

Взбѣсился Павелъ Корнильевичъ.

— Давай сейчасъ! Сю минуту давай!

— Не дамъ,—еще грубѣе сказалъ Митрофанъ.

— Ахъ, ты старый болванъ! Грубиянъ! И смѣешь ты...

Закричалъ Павелъ Корнильевичъ и размахнулся, намѣреваясь въ бѣшенствѣ дать оплеуху старому слугѣ.

Размахнулся... и не ударилъ, покраснѣлъ, бросился и обнялъ Митрофана.

— Прости меня, другъ мой! Ты есть подобный мнѣ во всемъ человѣкъ и, по закону евангельскому, являешься мнѣ вѣрнымъ слугою! Я самъ не помню, что дѣлаю, что говорю!

Заплакалъ Митрофанъ.

— Не токмо прибей меня по щекѣ, но и въ спину напинай колѣномъ, коли хочешь, только облегчи свое сердце, господинъ мой! Вѣдь я все вижу, все знаю и все понимаю!

— Митрофанъ! какъ въ деревню вернемся, будетъ тебѣ вольная, хата, земля, огородъ, лѣсу тебѣ дамъ, женю тебя!

— Премного благодаренъ! А пока, батюшка, почитайте, что пишутъ вамъ изъ разныхъ мѣстъ.

И Митрофанъ, вынувъ изъ-за отворота сѣраго своего архалука, подалъ Павлу Корнильевичу цѣлыхъ три письма.

СХХІ.

Три письма.

Первое письмо было отъ родителя Павла Корнильевича. Сообщая о своемъ желаніи видѣть сына послѣ кампаніи, родитель вмѣстѣ выражалъ удивленіе, что въ реляціи Павелъ Корнильевичъ показанъ лишь получившимъ похвальный листъ, когда товарищи его осыпаны наградами. «Впрочемъ, благоразумный человѣкъ не ищетъ быть вывѣскою своей храбрости, а раздача наградъ всегда соединена съ происками и подлостями, къ коимъ считаю тебя неспособнымъ,—писалъ родитель.—Однако, къ чему особливому послужила твоя служба при покойномъ фельдмаршалѣ, семъ странномъ человѣкѣ, который всѣ дѣла дѣлалъ языкомъ, а приближенные его въ проекціяхъ да на бумагахъ? Матушка твоя весьма о кончинѣ господина Потемкина горюетъ и, посылая тебѣ свое благословеніе, и спягъ, и видитъ обнять тебя, хотя весьма огорчена, что наградой обойденъ. Впрочемъ, всякій имѣетъ своихъ злодѣевъ». Къ письму была еще обстоятельная приписка сестры Павла Корнильевича и мужа ея, бригадира Шентунова; оба къ выраженію горячихъ родственныхъ чувствъ своихъ прибавляли опять-таки вящее огорченіе «одобрительнымъ листомъ», «яко школяру или мануфак-

туристу». Кроме того, сестра спрашивала, что такое произошло между нимъ и графомъ Мелиномъ, и сообщала, какъ матушка по поводу сего «преогорчена». Вообще изъ письма видно было, что въ родительскомъ домѣ Павломъ Корнильевичемъ всѣ недовольны, огорчены его неуспѣхами и разстройствомъ прекрасной партіи, о которой полагали было, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ.

Другое письмо было отъ дяди Павла Корнильевича, управлявшаго великороссійскимъ собственнымъ его имѣніемъ.

Дядя уже ничего пріятнаго не сообщалъ, но настоятельно указывалъ на бѣдственное положеніе крестьянъ Павла Корнильевича, вновь постигнутыхъ неурожаемъ. Между тѣмъ все время Павелъ Корнильевичъ требовалъ высылки денегъ; зная о назначеніи его адъютантомъ свѣтлѣйшаго, дядя понималъ, что деньги ему необходимы и временные расходы вознаграждать милости сильнаго того человѣка, который однако нынѣ волею Божіею помре.

Теперь необходимо было всѣми силами стараться объ уменьшеніи расхода и помощи крестьянамъ, которые пришли въ крайнее оскудѣніе. Правда, есть новоизобрѣтенные способы даже изъ нищихъ крестьянъ выбивать доходы, которые способы и употребляются теперь большинствомъ помѣщиковъ, не живущихъ въ своихъ мѣстностяхъ, но пребывающихъ на разорительной гвардейской и паркетной службахъ. Способы эти, которые дядя Павла Корнильевича именовалъ «жидовскими», отъ польскихъ помѣщиковъ заимствованными, состоятъ—первый въ заведенномъ обычаѣ отдавать деревни, какъ то называется, на аренду. А самъ онъ называетъ это—отдавать головой. Голый наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; зимой не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ, все работай на него, для того, что онъ подушныя платитъ за крестьянъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу! Другой способъ умножать доходы заведенъ въ экономіяхъ одного сосѣдняго дворянина, который, видно, не нашедъ въ службѣ счастья, удалился изъ столицы и опредѣлилъ себѣ искать прибытка въ земледѣліи. Сіе въ дѣйствіе произвелъ тако: малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ у крестьянъ отнял, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне; всѣхъ же крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ круглый годъ работать на себя, выдавая имъ только опредѣленное количество хлѣба, извѣстное подъ именемъ мѣсячины. А безсемейные и мѣсячины не получаютъ, а пируютъ вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты хлѣбъ съ квасомъ; для зимы лапти дѣлаютъ они сами; онучи получаютъ отъ господина; а лѣтомъ ходятъ босы. Нѣтъ у нихъ ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Сами не свои и ничего своего не имѣютъ, но истинно суть узники своего господина. При такомъ заведеніи земледѣліе сего послѣдняго процвѣло, и онъ бы весьма обогатился, ежели бы его прошлымъ

лѣтомъ, въ лѣсу схвативъ, крестьяне не привязали за руки и за ноги къ двумъ приклоненнымъ вершинами, сосѣдственно росшимъ березамъ; привязавъ—пустили; березы распрямылись и разорвали того изобрѣтательнаго дворянина пополамъ; послѣ того въ усадьбѣ его поселился судъ и все пріѣлъ, крестьяне же его одни разбѣжались, другіе засѣчены, третьи съ клеймами и рваными ноздрями пошли въ Сибирь. Однако, тому новоизобрѣтенному способу многіе помѣщики, не живущіе въ имѣніяхъ, стали подражать чрезъ приказчиковъ и бурмистровъ.

Письмо свое дядя Павла Корнильевича заключалъ тѣмъ, что если тотъ хочетъ получать съ крестьянъ своихъ прежніе доходы, остается ему лишь послѣдовать выше прописаннымъ примѣрамъ, но тогда онъ, дядя, уже отъ управленія отказывается, просить его пріѣхать и самому за дѣло приняться.

Прочитавъ это письмо, схватился за голову Павелъ Корнильевичъ, представивъ себѣ бѣдныхъ своихъ крестьянъ, которые столь много для него трудились, оскудѣли, а потовой трудъ ихъ онъ потратилъ безъ всякой даже и для себя пользы!

Третій обширный и толстый кувертъ на печати имѣлъ изображеніе мертвой головы. Внутри же оказалось посланіе, подписанное: «Отъ вамъ неизвѣстнаго друга». Важныя мысли и высокія истины, съ первыхъ же строкъ изложенныя въ семъ наставительномъ письмѣ, привлекли все вниманіе Павла Корнильевича; но какъ письмо было чрезвычайно обширно, на двѣнадцати листахъ синей бумаги крупнаго размѣра кругомъ и писанное весьма мелко, убористо, съ ссылками на Св. Писаніе, то Павелъ Корнильевичъ отложилъ внимательное его прочтеніе до дорожнаго досуга въ скукѣ пути въ великороссійское свое имѣніе, который рѣшилъ предпринять немедленно. Тутъ объявилъ онъ сіе Митрофану, и вѣрный слуга просіялъ и вполне одобрилъ рѣшеніе молодого господина, кажется, въ первый разъ за все ихъ странствіе. Сейчасъ же сталъ онъ собираться въ дорогу, и черезъ два дня Павелъ Корнильевичъ уже выѣхалъ изъ столицы.

СХХІІ.

Акація, роза и ель.

Прибывъ въ великороссійскія маетности, съ величайшимъ вниманіемъ, руководимый дядею, вошелъ Павелъ Корнильевичъ во всѣ подробности своего хозяйства и въ положеніе крестьянъ. Переведя ихъ на посильный оброкъ и снабдивъ лѣсомъ, сѣменами и прочимъ, въ чемъ кто изъ нихъ нуждался, онъ снискалъ отъ нихъ титуло «справедливаго господина», чѣмъ возгордился болѣе, нежели золотымъ оружіемъ или орденомъ, которыми его обошли по службѣ.

Зато среди сосѣдей прослылъ онъ опаснымъ нововводителемъ и предателемъ интересовъ своей же братіи дворянъ. Къ тому подалъ онъ поводъ еще рѣчью своей на дворянскомъ собраніи, гдѣ, между прочимъ, представилъ мысли, почерпнутыя изъ посланія неизвѣстнаго друга. Это посланіе онъ многократно прочелъ въ пути, и оно, можно сказать, сняло бѣльмо съ духовныхъ очей его. Устроивъ дѣла, къ веснѣ выбрался онъ въ Могилевскую губернію на свиданіе съ родителями. Оно было трогательно. Слезы и объятія, поцѣлуи и слезы всѣхъ, начиная батюшкой и матушкой, сестрой и честнымъ бригадиромъ, продолжая бѣдными родственниками и родственницами, мамушкой, нянюшкой и кончая послѣднимъ въ дворнѣ казачкомъ и полемойкой,—такова была встрѣча молодому паничу. Затѣмъ появилось на столѣ, вмѣстѣ съ шипучимъ сокомъ родныхъ деревъ березовыхъ, и старое венгерское Хоткевичей, графовъ на Шкловѣ и Мыши, изъ погребя генераль-майора Зорича презентованное. Полились рассказы, которые почти были безконечны, ибо въ самомъ дѣлѣ было о чемъ поразсказать Павлу Корнильевичу. Опять всѣ сѣтовали на несправедливость Репнина и начальника его канцеляріи, за штурмъ Измаила наградившихъ Павла Корнильевича только «листомъ». Впрочемъ, рѣшили сей злополучный листъ обрामить и повѣсить въ гостиной между портретами графовъ Миниха и Румянцова; а такъ какъ Павелъ Корнильевичъ вышелъ изъ ужаснаго штурма живъ и здоровъ, тепло возблагодарить Создателя! Штурмъ Измаила самъ родитель признавалъ молодецкимъ.

— Ну, Суворовъ командовалъ! — прибавлялъ онъ. И тутъ же отзывался о покойномъ Потемкинѣ, что былъ онъ великій на водѣ пузырь, да лопнулъ! Когда же Павелъ Корнильевичъ представлялъ о всѣхъ новозаведенныхъ покойнымъ въ Крыму и Новороссіи портахъ, фабрикахъ и учрежденіяхъ, то родитель лишь рукой махалъ. И сынъ уже не спорилъ. Потемкинскія «галюцинаціи» болѣе не путали головы его. Замѣчалъ Павелъ Корнильевичъ, что о графѣ Мелинѣ родители его остерегались говорить, а когда онъ наводилъ въ сію сторону разговоръ, деликатно уклонялись отъ отвѣтовъ. А между тѣмъ вблизи мѣстъ, освященныхъ воспоминаніями первой, цѣломудренной любви, изъ сада видя за Днѣпромъ, среди вершинъ парка крыши усадьбы графа Мелина, представляя тамъ, въ садахъ, въ розовой бесѣдкѣ графиню Анну, во всей ея дѣвственной прелести, молодой человѣкъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ возрожденіе чувствъ, лишь временно затемненныхъ низменной страстью! Но то былъ недостижимый для него, потерянный рай. Онъ предался умственнымъ занятіямъ, найдя книги, взятые имъ изъ бібліотеки розенкрейцера и не возвращенныя. Тѣмъ дороже были для него эти книги, что во многихъ изъ нихъ на поляхъ имѣлись замѣтки графини Анны, лежали вложенные имъ,

полученные отъ нея во время бесѣды, чтеній и прогулокъ листья, цвѣты, травы, обрывки лентъ. То были философическіе и нравственные романы. Прилежно читая, теперь имѣя жизненный опытъ, а также наставленный письмомъ неизвѣстнаго друга, Павелъ Корнильевичъ сталъ понимать многое, раньше отъ него ускользавшее, а другое являлось ему въ новомъ свѣтѣ. Скоро величавое зданіе мысли открылось изумленному и восхищенному его взору. Открылось ему шествіе разума человѣческаго, когда, сотрясшій мглу предубѣжденій, онъ началъ преслѣдовать истину, яркимъ ея свѣтомъ расточая туманы предрасудковъ и суевѣрія. Открылась ему и ложь внѣшняго блеска той жизни, которую самъ онъ позналъ глубоко, подобной повапленному гробу или содомскому яблоку, красивому снаружи, внутри полному смрадной гнилью. Позналъ онъ, что какъ всѣ равны отъ чрева матерня въ природной свободѣ, то равны быть должны и въ ограниченіи оной. Позналъ, что властитель первый въ обществѣ долженъ быть законъ, ибо онъ для всѣхъ одинъ. Проклялъ звѣрскій обычай поработать себѣ подобнаго человѣка, обычай дикимъ народамъ приличный, обычай знаменующій сердце окаменѣлое и совершенное отсутствіе души. Читая мудрые Солоновы и Ликурговы законы, утверждавшіе вольность Аѳинъ и Спарты, спросилъ себя: Гдѣ сіи законы? Въ книгахъ. А пасутся кругомъ рабы жезломъ самовластія. Проклялъ Павелъ Корнильевичъ самовластіе. Но задумался о парижскомъ бунтѣ. Вспомнилъ головы, дикой чернью вонзенныя на копья и льющія кровь и мозгъ. Постигъ мудрую средину. Проклялъ и черни самовластіе. Взглянувъ окрестъ себя, увидѣлъ всюду слезы, горе, нищету, невѣжество, подлость, тиранство. Душа его уязвилась страданіями человѣчества. Рѣшилъ ему благотворить. Но не зналъ, какъ и съ чего начать?

Съ нѣкоторыхъ поръ сталъ онъ съ тайнымъ трепетомъ и отрадой замѣчать, что незримая нѣкая рука въ прочтенныя и знакомыя книги прибавляла новыя. Откуда брались книги? Кто ихъ приносилъ? Какъ клалъ въ комнатѣ его? Услѣдить этого Павелъ Корнильевичъ никакъ не могъ. Пробовалъ у Митрофана допытаться. Тотъ не отвѣчалъ, только угломъ рта улыбался и отъ разспросовъ уходилъ. Досадовалъ на упрямаго слугу, который между прочимъ данную ему вольную положилъ за образъ Одигитріи Смоленской, а самъ служилъ ему попрежнему. Впрочемъ, самъ скоро понялъ Павелъ Корнильевичъ, откуда являлись книги. Ихъ выборъ, нѣжный отъ нихъ запахъ, загнутыя страницы, подчеркнутыя строки, свѣжіе въ нихъ, иногда вложенные, простые полевые цвѣтки—все открывало ему, чья это прекрасная душа говоритъ ему, учить, просвѣщаетъ и ведетъ его къ познанію истины.

Весна была въ разгарѣ. Чудные стояли майскіе дни. Однажды, проснувшись рано утромъ, съ удивленіемъ замѣтилъ Павелъ Кор-

нильевичъ, что окно его комнаты, выходявшее въ осыпанный сверкающей росой, дымящійся испареніями, шелестящій, птичьими щебетами и посвистами полный садъ, открыто. На подоконникѣ стоялъ бокаль, и въ немъ цвѣтущая, золотистая вѣтка акаціи, алая и бѣлая розы и вѣтка еловой свѣжей изумрудной хвои. Сердце затрепетало въ груди молодого человѣка. Долго созерцалъ онъ эти живые гіероглифы и вдругъ смыслъ ихъ, важный, печальный и радостный, вмѣстѣ сталъ ему понятенъ. Онъ понялъ, что тотъ проектъ въ будущее благотвореніе страждущаго человѣчества, котораго ему недоставало, онъ обрѣтетъ въ орденѣ свободныхъ каменщиковъ, что старый графъ Мелинъ очень боленъ; а графиня Анна его прощаетъ, попрежнему любить и призываетъ къ себѣ.

СХХІІІ.

Закатъ и востокъ.

Павель Корнильевичъ приказалъ Митрофану изготавиться къ сопровожденію его и распорядиться оседлать лошадей. Затѣмъ одѣлся тщательно, но скромно, въ «квакерскій» коричневыи кафтанъ и камзолъ съ батистовыми манжетами, выпущенными до половины кисти, при сѣрыхъ чулкахъ и заведенныхъ покойнымъ княземъ Таврическимъ модныхъ «ботинахъ» съ серебряными пряжками и шпорами. Но шляпа на немъ была черная, безъ плюмажа, круглая, англійская, шпага самой простой отдѣлки, бѣлая перчатка, парикъ съ кошелькомъ и фіолетовымъ большимъ бантомъ, почти безъ пудры. Никакихъ драгоценностей, ни перстней, ни запонокъ, ни пуговиць,—все на шнуркахъ и крючкахъ,—ни табакерки; только часы въ глухомъ карманѣ. Зато Митрофану приказалъ надѣть гороховый «каррикъ» со множествомъ воротничковъ, что придало ему при желтой, вытянутой фізіономіи на лошади торжественную иностранную вышность.

Вскочивъ на добраго своего Макромегаса, Павель Корнильевичъ поѣхалъ темной днѣпровской долиной, вспоминая то утро, когда въ послѣдній разъ былъ въ Великихъ Холмахъ. Опять все цвѣло кругомъ, лоснилась трава, въ сверкающей небесной лазури плыли круглыя серебристыя облачки, птицы щебетали, и грудь дышала легко, полно, свѣжимъ, ароматнымъ весеннимъ волненіемъ воздуха. Въ заросляхъ осоки, среди курчаваго олешника и ветлы заблестали и заснѣбли излучины рѣки. За вершинами графскаго парка на взгорыи противоположнаго берега показались кровли и верхнія окна дворца. Сердце застучало въ груди молодого человѣка. Страхъ и блаженство одновременно охватывали его при мысли о свиданіи съ прелестной дѣвушкой. Онъ придумывалъ тысячи

фразъ извиненія, оправданія, обожанія. И нечувствительно шпорилъ Макромегаса и мчался узкой дорожкой такъ, что скоро услышалъ недовольное ворчанье прыгавшаго на сѣдлѣ въ гороховомъ своемъ «карикѣ» Митрофана. Поѣхалъ тише. Вотъ миновали и мостъ! Вотъ въѣхали и въ боковую аллею парка!... Какъ и тогда цвѣли каштаны... Какъ и тогда, съ тополей летѣли хлопья сѣменныхъ пуховокъ и устилали землю словно свѣжнымъ налетомъ. Вѣяніе воздуха колебало и перегоняло нѣжный пухъ съ мѣста на мѣсто и скатывало въ легкіе, серебристые шары, бѣжавшіе подъ копыта коня. Все было, какъ тогда... И прилежно вглядывался Павелъ Корнильевичъ въ глубину парка: не мелькнетъ ли среди куртинъ и боскетовъ знакомое бѣлое платье?... Но нѣтъ, паркъ казался вымершимъ; пустынный и тихій.

Старикъ-лакей въ пудрѣ, чулкахъ и башмакахъ печальнымъ голосомъ сообщилъ молодому человѣку, что графъ весьма боленъ, что у нихъ сейчасъ собраніе нѣкоторыхъ близкихъ друзей, съѣхавшихся въ Великіе Холмы, но что онъ доложитъ о немъ молодой графинѣ, которая теперь всемъ вѣдаетъ. И онъ провелъ Павла Корнильевича въ одну изъ пустыхъ пріемныхъ и удалился, неслышно ступая, согбенный отъ удрученія, проникнутый сознаниемъ торжественности момента. Съ полчаса оставался одинъ Павелъ Корнильевичъ среди тишины, нарушаемой лишь гулками, неопредѣленными звуками въ анфиладѣ обширныхъ покоевъ да визгомъ стрижей, проносившихся за окнами. Наконецъ появился тотъ же лакей и сказалъ:

— Графиня приказали васъ просить!

Съ этими словами лакей пошелъ впередъ, ведя молодого человѣка. Прошли нѣсколько покоевъ. Вступили въ длинную залу. Тамъ, на креслахъ, важно и неподвижно сидѣло нѣсколько человѣкъ; между ними знакомъ былъ Павлу Корнильевичу лишь генералъ Мелиссино. Почти всѣ были почтенные старцы. Одѣтые во все черное, съ бѣлыми жабо и манжетами, они не то совѣщались, не то вмѣстѣ молились, сложивъ руки. Павелъ Корнильевичъ охваченный трепетомъ, низко поклонился внушительному собранію. Но тѣ, казалось, его не замѣтили, погруженные въ созерцательное безмолвіе. Только одинъ Мелиссино, скорѣе глазами, чѣмъ головой, отвѣтилъ на поклонъ. Проведя въ сосѣднюю гостиную Павла Корнильевича, лакей исчезъ. Быстрые, легкіе шаги раздались за нимъ. Онъ обернулся. То была графиня Анна. Одѣтая въ бѣлое, глухое, коленкоровое траурное платье съ крестомъ изъ черныхъ бусъ на груди, съ локонами, подобранными лентой, она казалась выше ростомъ, тоньше; ея прелестное лицо похудѣло, лишилось живыхъ красокъ, глаза глядѣли задумчиво и печально. Она была чиста, какъ лунный свѣтъ, какъ снѣгъ недосыгаемой заоблачной вершины. Отъ разительной красоты ея отнято было въ

эту минуту все земное. Павелъ Корнильевичъ, предъ которымъ рѣялъ пробужденный въ знакомой обстановкѣ воображеніемъ образъ той жизнерадостной, дѣвственно влюбленной дѣвушки, какой явилась она ему въ розовой бесѣдкѣ три года тому назадъ, былъ пораженъ. Слова извиненія, оправданія, приготовленныя молодымъ человѣкомъ, замерли на устахъ его.

Графиня Анна съ совершенной простотой протянула руку Павлу Корнильевичу, которую онъ не осмѣлился даже поцѣловать, а только благоговѣнно пожалъ.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали къ намъ,—сказала дѣвушка, и въ ласковыхъ, дрожащихъ нотахъ ея голоса съ восторгомъ ощутилъ Павелъ Корнильевичъ былую теплоту чувства: — батюшка очень боленъ; докторъ подаетъ мало надежды. Батюшка желалъ видѣть васъ. Идемте къ нему.

— Графиня,—обрѣтая теперь слова, сказалъ Павелъ Корнильевичъ,—могу ли я заключить изъ привѣтливаго пріема вашего, что вы меня простили и возвращеніе прежняго расположенія вашего не безнадежно для меня?

— Можете,—просто и серьезно отвѣчала графиня Анна.—Но объ этомъ послѣ, послѣ! Не объ томъ должно теперь думать. Свѣточъ великой мысли угасаетъ. Каждая минута дорога. Идемте!

Она твердо взяла мужественной рукой трепетную руку молодого человѣка и повела его сперва сумрачнымъ проходомъ въ бібліотеку, а затѣмъ, черезъ арку съ полуспущенной тяжелой занавѣсью, въ знакомый обширный кабинетъ.

Старый розенкрейцеръ, какъ и три года тому назадъ, сидѣлъ у открытаго окна въ вольтеровскихъ креслахъ. Но онъ весь обложенъ былъ подушками, и ноги его лежали на приставленной къ креслу софѣ. Изсохшія, пожелтѣлыя руки его безсильно покоились на груди. Голова съ порѣдѣлыми сѣдинами углубилась въ подушку. Признаки смертной болѣзни являло опавшее лицо его. Полузакрывъ вѣки, онъ дремалъ. Противъ него, съ лестовкой въ рукахъ, на мягкой скамеечкѣ сидѣла маленькая старушка въ черномъ платьѣ и черномъ платкѣ.

Но попрежнему вѣтка цвѣтущей акаціи стояла въ бокалѣ на столикѣ. Только къ ней прибавлена была золотистая роза и побѣгъ весенней хвои—тѣ же символы, которыми извѣщенъ былъ и Павелъ Корнильевичъ о роковомъ часѣ. Такъ же благоухалъ за окномъ цвѣтникъ, осыпанный солнечнымъ блескомъ, и весеннее, бурное, но теплое воздушное волненіе наплывало въ пахнущую лекарствами и близостью алхимической лабораторіи атмосферу покоя.

Когда графиня Анна вошла съ молодымъ человѣкомъ, старый розенкрейцеръ открылъ глаза. Взоръ его засіялъ жизнью, той трепетной силой жизни, которая подобна послѣднимъ яркимъ

вспышкамъ потухающаго пламени. Затѣмъ онъ далъ знакъ старушкѣ, и та безшумо удалась.

— А, милый юноша,—слабымъ голосомъ сказалъ старецъ, въ то время какъ пораженный Павелъ Корнильевичъ привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ, — мы-таки увидѣли васъ! Такъ, промышленіе о тваряхъ Великаго Строителя вселенной неисповѣдимо и недовѣдомо! И въ чьемъ сердцѣ и умѣ разъ возсіялъ свѣтъ истины, тотъ уже не можетъ стать добычею тьмы, и рано или поздно онъ выйдетъ на правый путь. Приблизьтесь, милый юноша, вы видите, я умираю.

Громкія рыданія графини Анны отвѣчали на послѣднія слова его; она упала на колѣни и спрятала лицо въ складкахъ одѣяла, прикрывавшаго распростертое тѣло отца ея. Графъ сталъ ласкать рукою голову дочери.

— Будь мужественна. Не плачь,—говорилъ онъ.—Смерть есть радостное пробужденіе къ жизни иной, вѣчной, блаженной! Смерть есть схождение заката съ зарей—вершина цвѣтущаго лѣта души человѣческой! Успокойся и не волнуй меня. Мнѣ многое необходимо сказать нашему молодому другу, а въ распоряженіи моемъ немного минутъ.

Графиня Анна поднялась и, отойдя, прислонилась къ высокой спинкѣ кресла и такъ осталась, безмолвная въ сумракѣ глубокаго покоя.

Розенкрейцеръ закрылъ глаза, собираясь съ силами.

— Возсіяй въ сердцахъ нашихъ, челоуѣколюбче Владыко, Твоего благоразумія нетлѣнный свѣтъ!—прошепталъ онъ. Затѣмъ сталъ медленно говорить.

СХХІV.

Заря и радуга.

— Милый юноша, въ послѣдній разъ, что мы видѣлись съ вами, языческій праздникъ васъ окружалъ и голосъ любострастный остановилъ порывъ вашъ къ освобожденію и повлекъ васъ въ цѣпяхъ порабощенія, и гдѣ все то, что сіяло, сверкало, величалось? Вы сами были свидѣтелемъ паденія колосса, на глиняныхъ ногахъ стоявшаго. Онъ палъ, развалился и уничтожился, прошелъ съ шумомъ и кто вспоминаетъ о немъ? Мы знаемъ, сколько много вы пережили и перестрадали въ себѣ. Да, незримые свидѣтели были благородной борьбы вашей за освобожденіе себя. Вы прониклись высокими истинами, вамъ преподанными. Жатва разума вашего побѣлѣла и вызрѣла, и только ждетъ серпа для урожая.

Графъ умолкъ, отдыхая.

— Я много почерпнулъ изъ чтенія книгъ и особливо изъ посланія неизвѣстнаго мнѣ друга, — сказалъ Павелъ Корнильевичъ. — Желалъ бы благотворить страждущему человѣчеству, но не имѣю къ тому плана и руководителей.

— Планъ къ будущему преобразенію міра вамъ постепенно откроется, и друзья, и помощники будутъ у васъ, — сказалъ розенкрейцеръ. — Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ російскаго народа, ниспосылаетъ истину съ небесныхъ круговъ. Истина находитъ сыновъ своихъ, которые любятъ отечество и готовы отмстить поработченіе въ немъ человѣка. Не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Не упредятъ преуготовленія умовъ. Не послѣдуютъ и неистовымъ во Франціи работающимъ по искаженнымъ планамъ. Кровавое шествіе той дикой вольности вы сами созерцали. Сія вольность сестра родная есть самовластію. Се, несчастіе смертнаго на земли: заблуджати среди свѣта и не зрѣти того, что прямо взорамъ его предстоить!

Опять умолкъ старецъ и отдохнулъ.

— Милый юноша, зрѣлище скорби народной и униженія отечества невыносимо! — воодушевленно произнесъ онъ затѣмъ. — Къ свободѣ призваны вы, братья! — апостоль възываетъ. Земледѣльцы и до днесъ между нами рабы. Мы въ нихъ не познаемъ согражданъ намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. Неужели столь чужды будемъ ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жалости, любви чужды братней и оставимъ треть цѣлую общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи! Нѣтъ, да падетъ звѣрообразное рабство!

— Да падетъ! — вскричалъ Павелъ Корнильевичъ, поднимая руку къ присягѣ.

— И да падетъ ея основаніе — самовластіе чужестранцевъ, — докончилъ розенкрейцеръ. — Любострастная жена, сидящая на престолѣ, подобная той, на звѣрѣ сидящей въ Апокалипсисѣ, упоаетъ изъ чаши любострастія вельможъ своихъ и править чрезъ любимцевъ. Она окурила очи народовъ пышностью, блескомъ, завоеваніями и самыхъ мудрецовъ очи затмила лестью и ложью. Поборница неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣя, не терпитъ духа свободы. Приблизила къ себѣ гордую чернь, ей служащую, пресмыкающуюся у ея ногъ. Друзей истины отогнала отъ трона далече. Къ корени яростнаго убійства завоевателей прививаетъ хладнокровное убійство поработченія. Любимцы ея въ роскоши утопаютъ. Народъ — рабъ, едва имѣющій пропитаніе. Доколѣ сіе терпѣтъ? Нѣтъ, клянусь Архитектономъ вселенной, не можно сіе терпѣтъ! Клянешься ли и ты не терпѣтъ долѣе сіе униженіе отечества?

— Клянусь, — сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Тогда готовы будьте. Уже время вознести косу, ждетъ часа удобности. Неужели не будемъ мы толико мужественны, и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства и не возстановимъ природное всѣхъ равенство? Не медлите, возлюбленные мои! Время летитъ. Близко, при дверяхъ!

Послѣднія слова графъ произнесъ восторженно и, приподнявшись въ креслѣ, съ пламенѣющими очами, простеръ руку, какъ бы созерцая предъ собою нѣчто великое.

— Близко, при дверяхъ!—повторилъ онъ.—Да, я вижу отечество мое свободнымъ, счастливымъ, ненавистное рабство и самовластіе въ немъ падшими въ бездну, власть изъ рукъ окровавленнаго сладострастія исторгнутой! Вижу иного правителя, полнаго мудрости и кротости, чистыхъ правовъ, призывающаго къ совѣту избранныхъ мужей отъ народа! Теперь не грохочутъ громы войны братоубійственной, роскошь не пожираетъ богатства народнаго. Совѣсть свободна! Мысль свободна! Слово свободно! Человѣкъ человѣку братъ есть! И всѣ почитаютъ единаго Отца! Буди! Буди!

— Но часы мои уже сочтены и отшествіе мое приблизилось. Милый юноша! Сынъ мой! Помни, кровію и насиліемъ счастье и свобода человѣка не покупается! Работай мирнымъ орудіемъ труда, киркою, лопатою, молотомъ, но остерегись орудій убійства! Свою кровь пролей добровольно за истину и свободу, но да не откроешь чужой крови предъ очами вѣчнаго Солнца!

— Теперь подойдите ко мнѣ, дѣти мои!—маня рукою дочь и Радожицкаго, сказалъ старецъ. Графиня Анна и Павелъ Корнильевичъ подошли и оба опустили на колѣни по бокамъ кресла больного.

— Я знаю, дѣти, что вы любите другъ друга!—и, взявъ руку Павла Корнильевича, сказалъ:

— Дочь моя, вотъ мужъ твой!

И руку графини Анны со словами:

— Сынъ мой, вотъ жена твоя!

И соединилъ ихъ руки.

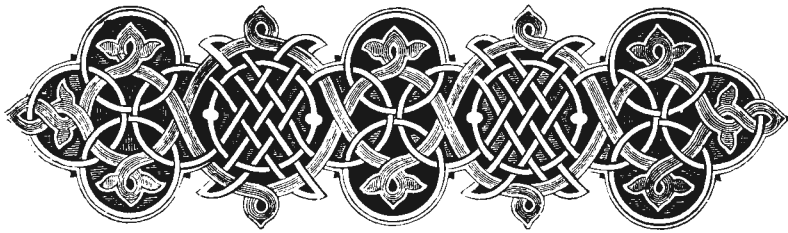
— Дѣти, любите другъ друга и будьте счастливы! — добавилъ онъ.

Тутъ онъ склонилъ голову на изголовье и закрылъ глаза:

— О, премудрое, преблагое, всевысочайшее, безначальное существо!—прошептали уста старца, и выраженіе свѣтлаго, тихаго покоя разлилось въ чертахъ его.

Затѣмъ рука его, лежавшая на соединенныхъ перстахъ жениха и невѣсты, стала медленно коченѣть.

Ник. А. Энгельгардтъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА¹⁾.

XXI.

Похороны Бахтина.—Характеристика князя Меншикова.—Его семейная жизнь.—
Воспитаніе сына и дочери князя Меншикова.— Внукъ князя Вадковскій.—Пред-
смертныя минуты князя Меншикова и его кончина.—Доктора Гемидіанъ и Эккъ.—
Разсказъ Герстфельда о приключеніяхъ одного проекта.

ВЫЛЪ на похоронахъ нашего честнаго Н. И. Бахтина. Эта торжественная церемонія навела на меня чувства омерзѣнія и грусти. Въ домѣ покойнаго вокругъ его гроба я нашель ряды людей въ лентахъ, съ ничтожностью на лбахъ. Я разсматриваль ихъ со вниманіемъ, начиная съ предсѣдателя съ защемленнымъ въ глазной орбитѣ лорнетомъ до хохлатаго статсъ-секретаря, на самодовольной фizioноміи котораго читалось, что онъ зять статсъ-секретаря Буткова. Желчный Корфъ со взоромъ фарисея, бессмысленное лицо Замятнина, дерзкая и надменная рожа Буткова — предъ честнымъ гробомъ Бахтина; не надо было спрашивать ни изслѣдовать, зачѣмъ они пріѣхали: это спутники предсѣдателя. На кладбище не поѣхаль ни одинъ изъ этихъ государственныхъ мужей. Что сказала бы Европа о нашемъ государственномъ совѣтѣ, если бы узрѣла эти типы составныхъ частей его. По газетамъ они могутъ казаться столпами Россійскаго государства, какъ нѣкогда я читаль въ газетахъ извѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІV, стр. 422.

стіе о слухѣ, будто въ Парижѣ соберется международная финансовая конференція, въ которой отъ Россіи будетъ присланъ М-г Chigaieff, financier Russe ¹⁾. У Большого проспекта остановился Бутковъ съ важностью боярской. Гавріилъ Степановичъ Поповъ, проходя мимо его, поклонился ему въ поясъ; Бутковъ протянулъ ему палецъ и съ необыкновенною снисходительностью сказалъ ему громко и отрывисто: «здравствуйте». Жалко то государство, въ которомъ люди такого свойства и такими дѣянїями могутъ пролагать себѣ путь къ власти политической, но еще болѣе жалъ, когда эти люди смѣютъ увѣрить себя, что они дѣйствительно стоятъ на своемъ законномъ мѣстѣ. Я привыкъ видѣть ничтожество у подножія трона. Княжевичъ тоже ничтоженъ, но онъ не Бутковъ. Княжевичъ, достигнувъ кресла министра, видѣлъ въ этомъ послѣдствіе прихоти фортуны, онъ наслаждался откровенно своимъ счастьемъ, нисколько не приписывая себѣ заслугъ, которыя давали бы ему право на его высокое положеніе. Бутковъ же, Тройницкій и т. п. убѣждены сами, что они великіе люди, — и вотъ что омерзительно. — На пути къ кладбищу могло бы показаться, что покойный былъ мелкій или злой человѣкъ; балдахинъ и рядъ каретъ выражали деньги, а не дань современниковъ или хоть сотоварищей, а между тѣмъ Бахтинъ былъ честный, добросовѣстный труженикъ на службѣ государственной, на которой онъ сосредоточилъ всю жизнь свою. За что же выпало на долю его это пренебреженіе? За то, конечно, что онъ былъ честенъ и труженикъ, не подъ стать своимъ товарищамъ. Въ церкви мнѣ тоже все было не по нутру. Можетъ быть, способствовала тому продолжительность богослуженія, но мнѣ непрїятно было видѣть, какъ эти архимандриты, окружавшіе гробъ, блуждали взорами по публикѣ, какъ даже діаконъ, держа своими бѣлыми ручками съ розовыми ногтями евангеліе предъ архіереемъ, прогуливался взорами по лицамъ, за архіереемъ стоявшимъ. Тутъ были сановники въ лентахъ. Какое настроеніе духа наполняло ихъ, — нельзя было угадать по ихъ фізіономїямъ. Они казались мнѣ куклами, одѣтыми въ шитые мундиры. Ал. Ив. Войцеховичъ былъ единственнымъ осмысленнымъ лицомъ, и этотъ смыслъ былъ грустнаго содержанія. Кромѣ него, только женщины являлись одушевленными существами въ церкви, да на пути къ могилѣ я увидѣлъ дань благотворительности покойнаго. Я видѣлъ до десяти женщинъ простого званія, въ бѣдной одеждѣ, истинно предававшихся скорби; занятая исключительно своимъ горемъ, онѣ непреднамеренно смѣшались съ шляпами, обшитыми широкими галунами, и безцеремонно рыдали подлѣ этихъ важныхъ сановниковъ. Какъ трудно жить и какъ неутѣшительно умереть въ такой отвратительной средѣ.

¹⁾ Г. Шигаевъ, русскій финансистъ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сxiv.

Ал. Ив. Войцеховичъ сказывалъ мнѣ, что Корфъ удивлялся «капиталамъ», будто бы оставшимся послѣ Бахтина. Я бы отвѣчалъ ему на это, и именно ему, Корфу, что если это правда, то не только утѣшительно, но и назидательно небогатымъ молодымъ людямъ, начинающимъ службу: это доказываетъ, что долговременнымъ трудомъ и расчетливою жизнью можно на службѣ приобрести нѣкоторое состояніе, не сдѣлавъ ни одной мерзости и не позволивъ себѣ ни одной низости. И этого-то Корфа бѣдный Николай Ивановичъ выбралъ въ свидѣтели своего завѣщанія, — поставилъ его въ число вѣрнѣйшихъ друзей, помѣстивъ между Войцеховичемъ и мною!

Мой благодѣтель, прежній начальникъ и старый другъ, князь А. С. Меншиковъ умираетъ! На немъ отражается рѣзко *vanitas vanitatum!* Отражаются и послѣдствія личныхъ его ложныхъ воззрѣній. Вольнодумство XVIII вѣка, честолюбіе царедворца и родовая скупость—три элемента, подавлявшіе движенія его благороднаго сердца и помрачавшіе свѣтъ его необъятнаго ума! Эти противники боролись въ немъ безъ устали, но въ конечномъ результатѣ добрые элементы подчинялись часто дурнымъ. Рожденный съ необыкновенною независимостью характера, онъ противился всякому понужденію, даже и тогда, когда понужденіе направляло его въ область собственныхъ его склонностей. Въ Дрезденѣ отецъ его не могъ ничѣмъ заставить его учиться, усталъ, махнулъ рукой и бросилъ сына. Юноша поѣхалъ въ Петербургъ, нанялъ двѣ комнатки подъ чердакомъ дома Манычарова (теперь Якобсона, въ Малой Морской), завалилъ себя книгами и сталъ учиться, учиться и учиться. Черезъ годъ опредѣлили его, 17-лѣтняго мальчика, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ камеръ-юнкера 5-го класса, вмѣсто того, чтобы, по его желанію, опредѣлить въ армію. Послали его съ депешами въ Лондонъ, но онъ отдалъ депеши на почту, а самъ опредѣлился волонтеромъ на голландскую канонирскую флотилію, вооружившуюся противъ великобританскаго флота. Самозванца-воина схватили и отправили къ миссіи нашей въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ такъ проказничалъ, что былъ высланъ въ Петербургъ. Фельдмаршалъ Прозоровскій опредѣлилъ его подпоручикомъ въ армейскую артиллерію и отправилъ въ Молдавію. Князь подчинился уму фельдмаршала Каменскаго, чтилъ его, какъ кумирь, повиновался ему, какъ ребенокъ, но когда, по смерти Каменскаго, занялъ мѣсто главнокомандующаго Кутузовъ, Меншиковъ отказался отъ службы подъ командою челоуѣка, котораго не уважалъ, — и перешелъ, кажется, въ Преображенскій полкъ. И этотъ-то характеръ не устоялъ противъ растлѣвающей силы придворной атмосферы. Когда отецъ увѣдомилъ его, что нашелъ ему невѣсту, и просилъ пріѣхать посмотреть ея, философъ XVIII вѣка писалъ въ отвѣтъ: «je n'ai rien à voir; j' épouserai une chèvre si elle a des

cornes d' or et si elle est capable de mettre au monde un Menchikoff»¹⁾). Эта невѣста, графиня Протасова, владѣлица 7000 душъ и массы брильянтовъ, была толстая, красная, безобразная женщина, ума ограниченнаго и безъ всякаго образованія. Ученость ея заключалась въ твердомъ знаніи святцевъ и житія святыхъ; бесѣды ея ограничивались разговорами съ монахами и богомолками; дѣятельность посѣщеніемъ церквей и монастырей и благотворительностью къ бѣднымъ, къ странникамъ и къ юродивымъ. Меншиковъ ужаснулся вида своей невѣсты, однако не отказался отъ нея; на увѣщанія его друзей онъ отвѣчалъ, что будущая супруга его мѣшокъ, который онъ выброситъ, вынувъ изъ него наслѣдника. На свадебномъ балѣ, стоя съ молодою у буфета, онъ замѣтилъ одной дамѣ: «Ne trouvez vous pas que je ressemble à un pèlerin de Mecque avec son dromadaire»²⁾). Всѣ эти выходки составляли по тогдашнему вѣрныя признаки esprit fort³⁾, который былъ въ большой модѣ; Меншикова отзывы переходили чрезъ всѣ уста. Онъ, прекрасной наружности, тончайшихъ аристократическихъ пріемовъ, сдѣлался предметомъ общаго удивленія, и въ немъ нашло первую пищу честолюбіе, таившееся въ душѣ его. Возмездіе не заставило ждать себя. Молодая княгиня, гордясь своимъ прекраснымъ, умнымъ и чтимымъ супругомъ, забыла монастыри и богомолкъ; она жаждала случая показаться въ свѣтѣ рядомъ съ изящнымъ кавалеромъ; наряжалась безъ вкуса, и чѣмъ болѣе наряжалась, тѣмъ была безобразнѣе. Самолюбіе князя страдало; онъ употреблялъ всѣ средства своего ума, чтобы заставить жену сидѣть дома; но умъ его оказался безсиленъ урезонить женщину, успѣвшую сдѣлаться суетною и начинавшую дѣлаться ревнивою. Безуспѣшность усилій князя возбудила въ немъ досаду, высказывавшуюся въ тонкихъ сарказмахъ, но простодушная княгиня не понимала тонкостей, и оттого князь становился еще болѣе смѣшнымъ въ глазахъ общества. Разъ вздумалось княгинѣ участвовать въ большомъ bal costumé⁴⁾, на который ожидали весь дворъ; для князя было вопросомъ жизни, чтобы княгини не было на балѣ; но когда его краснорѣчіе не подѣйствовало на княгиню, онъ въ насмѣшку сказалъ ей, что если она непремѣнно хочетъ костюмироваться, то самый приличный для нея костюмъ с' est de paraître en Jeanne d' Arc⁵⁾. Толстая сутуловатая княгиня послѣдовала совѣту à la lettre⁶⁾ и явилась Орлеанскою дѣвою. Насмѣшки, по

¹⁾ Миѣ нечего смотрѣть; я женился бы и на козѣ, если у нея золотыя рога и она можетъ родить Меншикова.

²⁾ Не находите ли вы, что я похожъ на пилигрима въ Мекку съ его дромадеромъ.

³⁾ Вольнодумецъ.

⁴⁾ Костюмированный балъ.

⁵⁾ Это явиться Юанною д' Аркъ.

⁶⁾ Въ буквальный смыслъ.

человѣческой нелогичности, посыпались не на виновницу, а на ея мужа. Ревность княгини возросла между тѣмъ до такой степени, что она прибѣгала къ ворожеямъ и къ талисманамъ; насовала тайкомъ въ карманы своего вѣтренаго супруга какихъ-то корешковъ и пр., которые посыпались изъ кармана князя за носовымъ платкомъ. Мало-по-малу распри супружескія дошли до того, что князь, жившій въ особомъ уже домѣ, но еще сообщавшемся съ домомъ жены коридоромъ, велѣлъ заложить кирпичомъ входъ въ коридоръ,—и съ тѣхъ поръ супруги, у которыхъ были уже сынъ и дочь, болѣе не видались. Между тѣмъ открылась князю высокая карьера. Онъ ѣздилъ постоянно съ государемъ, — не выходилъ, какъ говорили, изъ коляски государя десять лѣтъ; поглотившись интригами Аракчеева и Дибича и заботами о сохраненіи царскаго благоволенія, онъ, разумѣется, не имѣлъ времени думать о воспитаніи дѣтей своихъ. Воспитаніе русское и по сію пору есть не болѣе, какъ дрессура для салонныхъ адлюровъ, а въ то время, особенно въ Москвѣ, оно было еще хуже. Въ Петербургѣ родители-вельможи рѣдко видѣлись съ дѣтьми, нанимали имъ гувернеровъ, гувернантокъ, учителей и наставницъ. Учителя учили пѣнью и игрѣ на фортепiano и на арфѣ дѣтей родителей, не умѣвшихъ пѣть и не понимавшихъ музыки; учили ихъ наукамъ, которымъ отцы и матери не учились, но петербургскіе вельможи отлично говорили по-французски, понимали правильность англійскаго произношенія и прекрасно танцевали. За этими предметами они и наблюдали строго, и дѣти ихъ, обладая *summa summagum* познаній французскаго и англійскаго мужиковъ, вмѣстѣ взятыхъ,—были ловки и привѣтливы. Въ Москвѣ главное дѣло было въ томъ, чтобы были въ домѣ французы, французенки и англичанки; а что они дѣлали —это все равно. Чистѣйшимъ выраженіемъ такого педагогическаго типа былъ домъ княгини Меншиковой. У князька былъ гувернеромъ и наставникомъ m-г Voison, который ничего не дѣлалъ; учителя русскіе — подешевле — столько же дѣлали, не изъ лѣности, а изъ страха не понравиться баричу, потому что одной жалобы барича было довольно, чтобы прогнать учителя.

Для прислуги и практическаго развитія мальчика даны ему, по обыкновенію, три или четыре мальчишки изъ крѣпостной дворовой челяди, лошади маленькія, кучеръ — мальчишка. Князекъ, разумѣется, предпочиталъ эту компанію, которую имѣлъ право бить по щекамъ рукою и по спинѣ плетью, — компанія старика Voison. Этотъ Voison, правда, проповѣдывалъ гуманность, но битые мальчишки были слишкомъ умны, чтобы жаловаться; они за каждый рубецъ на носу получали подарочки, да и отъ родителей досталось бы имъ за жалобу, потому что родители дѣтей, служащихъ при баричѣ, пользовались особеннымъ почетомъ и могли обкрадывать господъ болѣе безнаказанно. Около княжны ходили: гувер-

нантка французенка, компаньонки англичанка и русская и двѣ три дѣвчонки. Странно, до какой степени рутина можетъ заступать мѣсто здраваго разсудка. Тонкій, прозорливый князь Меншиковъ только лѣтъ пять передъ симъ увидѣлъ нелѣпость одногодковъ-лакеевъ, и то по моей инициативѣ. Онъ собирався выписать изъ Москвы мальчиковъ для внука своего Коли. По этому случаю я выразилъ князю удивленіе, что глупый обычай до сихъ поръ не нашель себѣ здравой оцѣнки.—Дать ребенку ровесниковъ въ лакеи значить учить его всѣмъ мерзостямъ,—говорилъ я:—на вашемъ мѣстѣ я приставилъ бы къ Колѣ старика: онъ не станетъ ни забавляться съ нимъ, ни учить его шалостямъ, да и Коля научится смотрѣть на прислугу снисходительно, не пыряя ее изъ угла въ уголъ изъ всякаго каприза. Старые люди, напротивъ того, должны брать прислугу изъ мальчиковъ, чтобы не стѣсняться посылкой ихъ десять разъ въ день изъ одного конца дома въ другой. Князь, видимо, удивился, что такая простая истина не приходила ему въ голову. Княжна занималась сплетнями въ дѣвичьей, гаданьями и чтеніемъ вздорныхъ романовъ. По-англійски не говорила ни слова, потому что англичанка была изъ московокъ и никогда не говорила иначе, какъ по-русски. Княгиня не только не замѣчала, какъ воспитываютъ ее дочь, но и не находила нужнымъ смотрѣть за этимъ. Весь комплектъ учителей, наставниковъ, компаньоновъ—нанять; слѣдовательно, долгъ родительскій исполненъ; всѣ эти господа и госпожи берутъ большое желованье и безпрестанно капризничаютъ и грозятъ оставить мѣсто,—слѣдовательно, хороши. Въ этомъ убѣжденіи княгиня вновь отдалась богомолкамъ, юродивымъ; благотворила поданіями въ пользу монастырей и благотворила до того, что описали ее имѣніе и чуть не посадили ее въ тюрьму. Когда сыну минуло 16 лѣтъ, привезли его въ Петербургъ, чтобы отдать въ Пажескій корпусъ. Князь вообразилъ себѣ всю ученость и образованность юноши въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Сдѣлалъ ему вопросъ изъ исторіи, нехитрый, въ родѣ того: кто былъ Юлій Кесарь?— Не знаетъ. Вопросъ изъ географіи: какой главный городъ Швеціи?— Не знаетъ. Написалъ двѣ дробы для сложенія—не умѣетъ! Сталъ диктовать сыну. Этотъ написалъ каракули совершенно безъ орфографіи. Заставилъ читать. Спотыкается какъ по вспаханному полю въ сумеркахъ. Любевъ къ изящному изобразилась въ юношѣ коллекціею ямскихъ уздечекъ и кнутовъ. Доблести, которыми онъ хвастался, заключались въ вымыслахъ о страшныхъ побояхъ ямщиковъ, которыхъ онъ никогда не билъ. Опять возмездіе! Отчаяніе въ сердцѣ и забота о помощи. Отыскали въ Пажескомъ корпусѣ Жирандота, отдали юношу къ нему для образованія за огромныя деньги,—и опять тѣмъ и кончилось попеченіе о сынѣ. Впрочемъ, онъ принятъ въ корпусъ, стало быть дѣло въ порядкѣ, но черезъ годъ—

не перевели его въ слѣдующій классъ. Пришлось выходить въ армію. Опять дорогіе учителя, они втерли его въ артиллерію, а отсюда артиллеристъ переведенъ въ лейбъ-гусары. Когда Бенкендорфъ взялъ гусара въ адъютанты, безграмотность выплыла снова наружу. Съ этихъ поръ до настоящей минуты жизнь моего старика, князя Меншикова, представляетъ непрерывную цѣпь страданій и униженій въ виду невѣжественнаго сына.

— Mon Dieu, mon Dieu!—говорилъ мнѣ часто князь, судорожно потирая рукою грудь надъ сердечною полостью: — je ne saurais vous dire combien je souffre à voir que dans mon fils il n'y a pas une goutte de gentilhomme! ¹⁾

Дочь вышла еще лучше. Я получилъ отъ нея записочку въ слѣдующей формѣ, написанную самымъ невозможнымъ почеркомъ:

1-я страница.	2-я страница.	3-я страница.
J'ai le	ce que j' aurai	
coeur navrée	désirez s'est	
j'ai vuè de	de recevoir	
loing mon peau	sa bénédicti-	нтинъ Ивановъ.
vr père, tout	on Констан	Aidez moi
		dans cela je Vous
		suplie comme un encien
		ami d'Alexandrine Wadkowski ²⁾ .

Эта записка есть все-таки выраженіе ея наименьшихъ недостатковъ. Князь въ постоянной насильственной перепискѣ съ нею; она награждала его черезъ день ругательными письмами. На первое время эти отношенія не волновали его. Занятый своимъ распатавшимся политическимъ положеніемъ, утѣшаемый приращеніемъ своего капитала, онъ со смѣхомъ, хотя и горькимъ, прочитывалъ посланія своей Лукреціи Борджіа, но вотъ рушится его политическій эшафодажъ, и въ это же время доходитъ до его свѣдѣнія, что Вадковская въ долгахъ и что ее сажаютъ въ тюрьму. Поневолѣ, изъ опасенія скандала, пришлось заплатить нѣсколько де-

¹⁾ Боже мой, Боже мой, я не сумѣю вамъ высказать, какъ я страдаю, видя, что у моего сына нѣтъ ни капли дворянства.

²⁾ Я съ сокрушеннымъ сердцемъ видѣла издали моего бѣднаго отца, все, чего бы я хотѣла, это получить его благословеніе. Помогите мнѣ въ этомъ, какъ старый другъ Александры Вадковской.

сятковъ тысячъ. Испытавъ брешь и въ честолюбіи и въ своихъ капиталахъ, князь теряетъ скептицизмъ. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ и въ свѣтѣ и въ семействѣ; я одинъ остаюсь ему вѣренъ и еще нѣсколько человѣкъ; но я одинъ былъ такъ близокъ и такъ дѣятеленъ въ смутныя его минуты, что онъ ввѣряется мнѣ безгранично, послѣ того, что всю жизнь свою не ввѣрялся никому ни на волосъ. Во всемъ его родѣ былъ одинъ представитель его потомства, Вадковскій; онъ, такъ сказать, купилъ его у дочери своей, учредилъ въ его пользу майоратъ изъ 40 тысячъ десятинъ и полюбилъ его съ нѣжностью, доходившею до смѣшного. Коля Вадковскій умираетъ, унося съ собою и развлеченія старика, и его надежды на продолженіе своего рода. Онъ такъ любилъ этого мальчика, что возненавидѣлъ сына своего за то, что тотъ не любилъ Колю. Одинъ разъ, послѣ обѣда, сѣлъ онъ противъ меня, протянулъ ко мнѣ обѣ руки и сказалъ мнѣ умоляющимъ голосомъ.

— Константинъ Ивановичъ, будьте покровителемъ моего бѣднаго Коли!—и заплакалъ.

Князь хотѣлъ назначить меня опекуномъ своего внука, но я на это не согласился; я не хотѣлъ вступать въ дѣла съ его дочерью, которую самъ отецъ не называлъ уже иначе, какъ *cette femme infernale*¹⁾. Тогда онъ рѣшился въ завѣщаніи своемъ возложить на меня власть и обязанность опредѣлять наибольшій предѣлъ суммы, которую дворянская опека могла разрѣшать расходовать для Коли. Онъ оставлялъ ему все свое благопріобрѣтенное имущество. Я уговорилъ его на два исключенія: во-первыхъ, оставить Колѣ деньги, не называя суммы, кромѣ находящихся въ московской конторѣ, и, во-вторыхъ, завѣщать библиотеку не Колѣ, а московскому университету. Я уговаривалъ его не оставлять Колѣ денегъ свыше 50 тысячъ рублей, но князь прислалъ ко мнѣ фондовъ на 100 тысячъ талеровъ. Мы условились, что деньги я буду хранить у себя безъ всякой расписки въ ихъ полученіи. Послѣ cadaго неблагоклоннаго отзыва князя Владимира о Колѣ, князь приносилъ мнѣ новые фонды, которыхъ накопилось до 350 тысячъ рублей, а съ тѣми, которые я приобрѣлъ на проценты съ нихъ, они представляли сумму до 400 тысячъ талеровъ. Я клалъ ихъ въ банкъ на имя князя, но до моего востребованія, кромѣ 18 тысячъ рублей, которые положилъ на свое имя. Со смертью Коли всѣ эти распоряженія лишились своего смысла; я возвратилъ князю деньги; недѣли двѣ князь находилъ развлеченіе въ изслѣдованіи моихъ счетовъ и расчетовъ, но потомъ наступила могильная тишина въ его сердцѣ, и онъ, видимо, страдалъ и скучалъ жизнью. Дорого платилъ онъ за насмѣшки надъ семейными узами!

¹⁾ Эта несносная женщина.

Теперь онъ искалъ и не находилъ ихъ. Сынъ его, вообще неспособный наполнить пустоту его жизни, былъ съ нимъ часто непочтителенъ. Жена сына, умная, но холодная женщина, не сходилась съ тестемъ въ образъ жизни, и потому гораздо менѣе доставляла старику развлеченій, чѣмъ разныхъ лишеній. Онъ кидался во всѣ стороны, останавливался то на племянницѣ, то на внучкѣ, но боялся новаго, неяснявшагося ему, источника непріятностей и оставался одинъ, читалъ, читалъ, пока глаза не отказались отъ службы. Оклеветанный въ Крымскую войну, выброшенный изъ службы, въ опалѣ царской, онъ помнилъ однако свою популярность въ Москвѣ, видѣлъ, что и государь не рѣшался трактовать его иначе, какъ старѣйшаго генерала и государственнаго мужа; онъ зналъ, что его не любятъ, однако былъ увѣренъ, что никто не посмѣетъ приблизиться къ нему иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Характеръ, который приданъ судебной реформѣ нашими юными нахалами, отнял у старика и это послѣднее утѣшеніе. Въслѣдствіе письма, писаннаго имъ лѣтъ за десять къ князю Трубецкому, гдѣ онъ сообщалъ ему слухи, будто любовница внука Трубецкого взяла съ собой за границу беременную бабу,—судебный слѣдователь очень безцеремонно вызвалъ князя къ допросу подъ присягою, полагая, что равенство передъ закономъ въ дѣлахъ судебныхъ значитъ равенство гражданское въ смыслѣ принциповъ 1789 г. Напрасно объяснялъ я князю, что это обрядъ, который не можетъ кидать тѣни на честь его, и скорѣе бросаетъ тѣнь на судей, князь соглашался въ умѣ съ моими доводами, но не могъ усмирить волненій сердца. Несмотря на всѣ смягченныя формы, по выходѣ слѣдователя и священника изъ кабинета князя, люди нашли его лежащимъ на полу въ безчувственномъ состояніи. Съ этой минуты онъ постоянно былъ боленъ, ослабѣвалъ, слегъ, и вотъ уже вторая недѣля, какъ онъ мучается агоніею. Въ краткія свѣтлыя минуты онъ изъяслялъ удовольствіе только когда меня видѣлъ; только мнѣ ввѣрялъ свои задушевные мысли, всего чаще повторяя: «j'ai peur de l'arrivée de m-me Wadkofski»¹⁾. Четвертаго дня въ послѣдній разъ показалъ онъ, что узналъ меня; бредилъ объ аксельбантахъ, смѣялся или лежалъ замертво, но когда я подошелъ къ нему близко, онъ проговорилъ слабымъ голосомъ: «une extrême faiblesse»²⁾. Это было его прощальное слово; съ тѣхъ поръ онъ не узнаетъ меня или не обращаетъ на меня, какъ и ни на что, вниманія. Думалъ ли такъ умирать князь Меншиковъ, любимый генералъ-адъютантъ двухъ императоровъ, счастливый во всемъ и гордый до такой степени, что былъ равно вѣжливъ съ первымъ вельможей и съ послѣднимъ изъ своихъ писарей. Бѣдное человѣчество!

¹⁾ Я боюсь приѣзда г-жи Вадковской.

²⁾ Крайняя слабость.

Наконецъ Богъ прекратилъ страшныя страданія двѣ недѣли умиравшаго старика. Эта агонія не есть ли доказательство, что въ больномъ старцѣ былъ еще большой запасъ силъ. Его залечили! Года за три нервный ударъ, первое *memento mori*, послѣдовалъ за шестидневнымъ запоромъ. Съ тѣхъ поръ князь постоянно хлопоталъ только о томъ, чтобы каждый день былъ у него обильный стулъ; принималъ ревенъ, алоэ, горькую воду, словомъ, все, что продавалось въ аптекахъ, и наконецъ разстроилъ совершенно желудокъ. Я посоветовалъ ему принимать мармеладъ изъ сливъ съ александрийскимъ листомъ, по рецепту извѣстнаго кѣтенскаго доктора Гауке. Мармеладъ дѣйствовалъ, какъ выражался князь, *l'exactitude d'une horloge*¹⁾, но дѣйствіе его оказывалось черезъ 12 часовъ послѣ приѣма. Въ послѣдніе мѣсяцы у князя не было уже терпѣнія ждать 12 часовъ; онъ бралъ мармеладъ два-три раза въ день, а черезъ 12 часовъ дѣйствіе наступало съ такою силою, что князь бралъ опиумъ. Въ этомъ-то положеніи, требовавшемъ во врачѣ противника лекарствъ, князь вздумалъ взять Гемиліана, содержателя гальваническихъ приборовъ. Гемиліанъ напихалъ въ него столько пилюль, микстуръ и бальзамовъ, что у князя сдѣлался поносъ съ лихорадкою, продолжавшійся болѣе мѣсяца; отъ ослабленія силъ приготовленіе крови сдѣлалось ненормальнымъ; кровь шла и пузыряремъ и кишками, а лихорадка между тѣмъ дѣлала тоже свое дѣло. Замѣчательно было леченіе Гемиліана съ Эккомъ, которому платили 25 руб. за визитъ. Они давали князю хину отъ лихорадки, а такъ какъ хина губила желудокъ, то давали и соляную кислоту для подкрѣпленія желудка,—какъ будто тѣло человѣческое есть домъ съ отдѣльными комнатами, гдѣ одну комнату топятъ, чтобы нагрѣть, а въ другой, слишкомъ теплой, открываютъ форточку, чтобы освѣжить. Я настаивалъ на перемѣнѣ доктора. Князь и самъ убѣдился въ неспособности Гемиліана, однако отвѣчалъ мнѣ: «*je ne voudrais pas l'offenser!*»²⁾ и остался при немъ. Этотъ отзывъ выражаетъ всю личность князя. «*Toute la personne du prince est dans ces deux mots*»³⁾,—сказалъ графъ Армфельтъ.—Истративъ милліонъ на платежи долговъ Вадковской, истративъ его поневолѣ, единственно въ предупрежденіе скандаловъ, князь Меншиковъ копилъ въ сердцѣ чувство ожесточенія; предвидя исходъ послѣдней болѣзни, онъ, казалось, вспомнилъ обо всѣхъ оскорбленіяхъ и огорченіяхъ, вынесенныхъ имъ отъ дочери, и спѣшилъ составить завѣщаніе, чтобы сказать въ немъ, что онъ ничего не оставляетъ дочери; онъ успокоился не прежде, какъ по врученіи мнѣ за-

1) Съ точностью часовъ.

2) Я бы не хотѣлъ его обидѣть!

3) Вся личность князя въ этихъ двухъ словахъ.

вѣщанія, съ котораго копію отдалъ сыну. Сынъ опасается и теперь сценъ на могилѣ отца, въ томъ же опасеніи я нашелся вынужденнымъ объявить, что въ моихъ рукахъ завѣщаніе, котораго содержаніе мнѣ неизвѣстно—я его вскрою послѣ похоронъ. Князь, отдавая мнѣ завѣщаніе, сказалъ: «*Elle me maudira!*»¹⁾ Когда я замѣтилъ на это, что проклятіе это похоже будетъ на анаѹему тѣхъ, кто ѣздитъ съ дышломъ, князь съ улыбкой отвѣчалъ: «Не съ дышломъ, а объ одной оглоблѣ». Вѣжливость и умныя рѣчи не уменьшались до самой той минуты, когда онъ закрылъ глаза и пересталъ владѣть языкомъ. На первую панихиду ожидали государя, но государь захворалъ, и затѣмъ никого на панихидѣ не было. Грейгъ, креатура князя, превзошелъ всѣхъ; онъ пріѣхалъ, но, видя, что нѣтъ никого изъ знати,—уѣхалъ! Что за мерзость!

Э. И. Герстфельдъ рассказывалъ мнѣ свои служебныя пожденія. Въ министерствѣ путей сообщенія, при министрѣ Мельниковѣ, выработывался проектъ положенія объ употребленіи обочинъ желѣзныхъ дорогъ и полиціи прилегающихъ мѣстностей. Работали много, соображали и уравнивали съ иностранными правилами, судили въ министерскомъ совѣтѣ и представили министру. Министръ снова сообразилъ, исправилъ и внесъ въ государственный совѣтъ; здѣсь К. В. Чевкинъ взялъ перо, перемаралъ проектъ по-своему, измѣнилъ его до основанія и представилъ въ соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи, пригласивъ Мельникова и двухъ мудрецовъ *du jour*²⁾, Кербедза и Дельвига. Эти три авторитета апплодировали новому проекту, и департаменты утвердили его. Проектъ перешелъ въ общее собраніе, и тутъ только увидалъ Герстфельдъ, что проектъ совершенно передѣланъ и никуда не годится. Герстфельдъ отправился къ Мельникову и объяснилъ ему всю нелѣпость новыхъ измѣненій.

— Вы совершенно правы, — отвѣчалъ ему министр: — но бросьте это, совѣтую это вамъ; вы знаете Чевкина, онъ скорѣе умретъ, чѣмъ откажется отъ своихъ мыслей; онъ взбѣситъ. Какая вамъ охота соваться? Онъ измелетъ васъ въ муку. Бросьте, Эдуардъ Ивановичъ, пожалуйте бросьте! Богъ съ ними!

Герстфельдъ не убѣдился министерскою философіею: отправился къ графу Строганову, какъ предсѣдателю главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, доказывалъ ему всю вредность предположенныхъ Чевкинымъ правилъ.

— Некогда мнѣ, Эдуардъ Ивановичъ,—сказалъ Строгановъ:— право, некогда; устраните меня отъ этого; я вамъ совѣтую переговорить съ Чевкинымъ.

Поѣхалъ старикъ къ Чевкину.

¹⁾ Она меня проклянеть!

²⁾ Дня.

— Эдуардъ Ивановичъ! — возразилъ ему политико-экономъ:— мы вмѣстѣ служили; я вамъ всегда оказывалъ уваженіе и обращался съ вами, какъ съ другомъ,—а вы всегда противъ меня.

— Изъ чего заключаете вы, — отвѣчалъ Герстфельдъ:— что я противъ васъ; если я стараюсь предупредить ошибки, которыя выкажутся на дѣлѣ, о которыхъ узнаетъ вся Россія, и въ которыхъ вся Россія будетъ васъ винить,—развѣ это значитъ идти противъ васъ. Я не того мнѣнія, я буду говорить въ государственномъ совѣтѣ, въ убѣжденіи, что это будетъ полезно и желѣзнымъ дорогамъ и вамъ.

— Хорошо, подайте мнѣ записку,—кончилъ Чевкинъ тономъ сановника, принимающаго челобитную.

Герстфельдъ послалъ записку ему и Строганову. По докладѣ дѣла въ общемъ собраніи Герстфельдъ всталъ и заявилъ совѣту, что онъ имѣетъ многое замѣтить насчетъ этого проекта, о чемъ уже и объяснился предварительно съ Чевкинымъ. Эта неловкая придаточная фраза поворотила все дѣло: баронъ Модестъ Корфъ обидѣлся, что Герстфельдъ объяснялся съ Чевкинымъ, а не съ нимъ, председателемъ департамента законовъ и соединеннаго присутствія этого департамента и департамента государственной экономіи. Онъ объявилъ, что дѣло это было разсмотрѣно имъ со всевозможною тщательностью, что въ виду технической специальности вопроса онъ пригласилъ въ соединенное присутствіе первые російскіе авторитеты и рѣшился пропустить проектъ на основаніи единогласнаго одобренія его этими авторитетами, но что и генералъ Герстфельдъ въ его глазахъ есть авторитетъ; что онъ не имѣлъ случая слышать его отзывъ, и потому проситъ возвратить проектъ въ соединенное присутствіе для новаго обсуждения съ участіемъ Герстфельда. Чевкинъ отозвался, что онъ противъ этого спорить не будетъ; Мельниковъ— «что если другіе на это согласны, то онъ ничего противъ этого не имѣетъ». Проектъ воротился, Чевкинъ довольно небрежно объявилъ въ соединенномъ присутствіи, что Герстфельдъ ничего не сказалъ новаго, что онъ все сообразилъ, а отзывы такихъ лицъ, какъ Мельниковъ, Дельвигъ и Кербедзъ, довольно полновѣсны, чтобы устранить сомнѣніе въ достоинствѣ положенія.

— Я вамъ далъ записку,—замѣтилъ Герстфельдъ,—въ которой подробно изложилъ причины, побудившія меня не согласиться съ проектомъ; я желалъ бы, чтобы ваше высокопревосходительство удостоили мои замѣчанія спеціальнаго опроверженія.

— Какъ, вы подали записку Константину Владимировичу,—подхватилъ оскорбленный чиновникъ-председатель Корфъ:—а я не получалъ отъ васъ никакой записки.

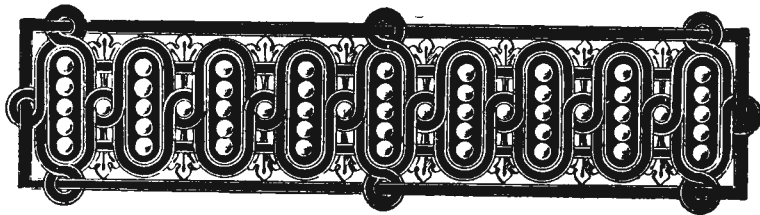
— Я далъ записку Константину Владимировичу,—оправдывался скромный Герстфельдъ,—потому, что онъ просилъ меня объ

этомъ, и полагалъ, что его высокопревосходительство приложилъ еѣ къ проекту.

— Я ничего не получалъ, — продолжалъ Корфъ, — и считаю невозможнымъ приступить къ обсужденію дѣла, не имѣя предварительно всѣхъ принадлежащихъ къ нему бумагъ.

Записка была передана, — Корфъ присталъ къ Герстфельду, Мельниковъ сталъ тоже вилать въ эту сторону, тѣмъ болѣе, что въ это время уже сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе государя отдать министерство путей сообщенія другому, — словомъ, всѣ нововведенія Чевкина забракованы, и проектъ утвержденъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ въ государственный совѣтъ первоначально — благодаря неполитичной придаточной фразѣ Герстфельда и слухамъ о назначеніи графа Вобринскаго министромъ путей сообщенія.

ЖЕМЧУЖИНА «ПЕЛЕГРИНА».

(Историческій разсказъ).

I.

ВЕСНОЙ 1824 года въ церкви греческаго монастыря на Никольской въ Москвѣ во время службы происходила нѣмая сцена.

Впереди молящихся, у самаго клироса, стоялъ маленькій, совсѣмъ сѣдой, сутуловатый старикъ съ горбатымъ носомъ, глубоко запавшими, подслѣповатыми глазами и густыми, характерными бровями. Его дряхлону виду странно противорѣчилъ дорогой и живописный національный нарядъ, которымъ онъ выдѣлялся среди другихъ грековъ, одѣтыхъ въ скромное европейское платье. Но не одинъ этотъ нарядъ привлекалъ къ нему общее вниманіе: молящіеся знали, что передъ ними—извѣстный всей Москвѣ Зой Павловичъ Зосима, горячій патріотъ, миллионеръ и обладатель замѣчательнѣйшей въ городѣ коллекціи самыхъ рѣдкихъ драгоценныхъ камней.

Ему было уже восемьдесятъ лѣтъ, онъ не могъ выстаивать всей службы на ногахъ, и въ срединѣ обѣдни по знаку архимандрита, сторожъ направился къ нему со складнымъ ковровымъ стуломъ.

Въ ту же минуту приблизился къ нему молодой человѣкъ необычайно красивой наружности, перехватилъ у сторожа стулъ, съ легкимъ поклономъ подалъ его старику и скромно сталъ подлѣ,

На этого молодого челове́ка тоже обращено было общее внима́ние. И немудрено: его стройная фигура, смуглая южная красота, выражавшееся въ каждомъ движеніи изящество, невольно очаровывали. А, кромѣ того, на немъ была надѣта форма гатчинскаго кирасирскаго полка, и это былъ единственный гвардейскій мундиръ среди присутствовавшихъ въ церкви.

Старикъ, сидя на ковровомъ стулѣ, безпрестанно поднималъ нѣсколько трясущуюся голову и вскидывалъ на кирасира подслѣповатыми глазами. При этомъ сморщенное лицо его какъ бы говорило:

«Хотя ты и русскій кавалеристъ, но я догадываюсь, что ты грекъ. Тотъ самый грекъ, присланный изъ Петербурга, о которомъ мнѣ уже говорили».

Молодой челове́къ, встрѣчаясь со взглядами старика, чуть примѣтно, почтительно улыбался. Эта улыбка тоже какъ будто говорила:

«Я знаю, что ты знаменитый Зосима, на котораго мнѣ указывали. И я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобъ мы могли встрѣтиться».

Потомъ кирасиръ опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда молитвенникъ на греческомъ языкѣ и раскрылъ его, набожно перекрестясь. Онъ держалъ его нарочно такъ низко, чтобы старикъ могъ видѣть греческую печать.

На лицѣ Зосимы появилось выраженіе удовольстворенія. Выцвѣвшіе глаза его какъ будто обласкали соотечественника.

Какъ только служба кончилась, кирасиръ помогъ старику подняться.

— Я о васъ слышалъ,—негромко сказалъ ему Зосима.

Молодой челове́къ скромно и нѣсколько таинственно поклонился.

— Не зайдете ли вы выпить со мной чашку чаю? Я живу здѣсь въ подворьѣ,—добавилъ старикъ.

Къ нему приблизился юноша лѣтъ шестнадцати и подхватилъ его подъ руку.

— Это мой воспитанникъ Димитраки. Онъ у меня вродѣ переводчика,—объяснилъ ему Зосима.—Я по-русски мало знаю. Такъ пойдите и познакомимся.

Всѣ трое вышли особымъ боковымъ ходомъ во дворъ монастыря и, пройдя по мосткамъ, поднялись на низенькое крылечко подворья.

— Я сжился съ нашимъ монастыремъ и уже не покину его,—сказалъ старикъ, вводя посѣтителя въ залу и затѣмъ въ просторный и свѣтлый кабинетъ, своимъ скромнымъ убранствомъ болѣе похожій на келію духовнаго лица, чѣмъ на жилище миллионера. Только низенькіе старинные шкапы, окованные желѣзомъ, заставляли догадываться, что тутъ хранилось нѣчто очень цѣнное.

Димитраки подаль двѣ большія чашки чаю и удалился.

II.

Зосима взялъ маленькими сухими руками руку кирасира и посмотрѣлъ на него ласково и какъ будто возбужденно.

— Слѣдовательно, вы—Чивинисъ? — сказалъ онъ, смягчая по греческому выговору первую букву имени.

Молодой человѣкъ почтительно поклонился.

— Мнѣ пріятно, что до васъ уже дошли свѣдѣнія, которымъ я обязанъ вашимъ любезнымъ приглашеніемъ,—произнесъ онъ.

— А я радуюсь возможности быть полезнымъ моему горячо любимому отечеству,—сказалъ Зосима.—Да, мы имѣемъ наконецъ отечество! Послѣ четырехъ вѣковъ ужаснѣйшаго рабства прекрасная Эллада воскресаетъ для новой радостной жизни... Кровь еще льется, но уже близко свѣтлое будущее.

Онъ прихлебнулъ изъ фарфоровой чашки и отклонился на спинку дивана.

— Наша маленькая Греція можетъ спокойно уповать на покровительство великой Россіи,—произнесъ почти официальнымъ тономъ гость.

— Для меня, какъ и для всѣхъ насъ, Россія давно уже стала вторымъ отечествомъ,—согласился Зосима.

— Тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ всѣми своими дѣйствіями доказываетъ свое сочувствіе возрожденію благородной греческой націи,—замѣтилъ Чивинисъ.

— Много, много объ этомъ слышалъ. Дошло до меня и о порученіи, которымъ вы удостоены. Но мнѣ хотѣлось бы узнать объ этомъ отъ васъ лично. Говорите безъ опасенія, здѣсь никто, кромѣ меня васъ не услышитъ,—сказалъ старикъ.

Чивинисъ отстегнулъ пуговицу мундира и запустилъ руку подъ бортъ.

— Здѣсь у меня подлинный рескриптъ государя на мое имя,—сказалъ онъ.—Его величеству угодно негласнымъ образомъ собрать пожертвованія въ пользу Греціи, такъ какъ возставшій народъ сильно нуждается въ денежныхъ средствахъ. Но все это необходимо дѣлать скрытно, такъ какъ державы подозрительно смотрятъ на близкія связи между двумя единовѣрными народами.

— Понятно, понятно...—произнесъ старикъ, наклоняя голову.

— Оттого и я не рѣшался открыто обратиться къ вамъ,—продолжалъ Чивинисъ.—Хотя не могу скрыть, что мнѣ еще въ Петербургѣ указали на васъ, какъ на человѣка, извѣстнаго своимъ горячимъ патріотизмомъ и готовностью служить молодой родинѣ.

По лицу Зосимы разлилось довольное выраженіе. Онъ потеръ пальцами горбинку своего длиннаго носа.

— Въ Петербургѣ, вы говорите, обо мнѣ знаютъ? И государь знаетъ?—переспросилъ онъ.—Но, конечно, знаютъ. Вѣдь я же вель большія дѣла съ казною. И графъ Каподистрія имѣлъ со мной переписку.

Чивинисъ вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги, развернулъ его и подалъ старику.

— Собственноручная подпись государя подъ милостивымъ рескриптомъ, содержаніе котораго вы уже знаете,—пояснилъ онъ.

Зосима взялъ со стола золотыя очки съ огромными стеклами, надѣлъ ихъ и съ минуту внимательно и благоговѣнно разсматривалъ бумагу. Потомъ бережно сложилъ ее и возвратилъ гостю.

— Къ сожалѣнію, я не читаю по-русски,—сказалъ онъ.—Но милостивое вниманіе государя къ нашимъ соотечественникамъ глубоко меня трогаетъ. Государь увидитъ, что онъ не ошибся, ожидая найти во мнѣ горячаго патріота. Я старъ и бездѣтенъ, и не дорожу утѣхами, доставляемыми мнѣ моимъ богатствомъ. Мнѣ будетъ пріятно принести жертву родинѣ.

Онъ всталъ, вынулъ изъ-за широкаго шелковаго пояса связку ключей и подошелъ къ одному изъ окованныхъ желѣзомъ шкаповъ. Замокъ со звономъ щелкнулъ, и Зосима, чуть-чуть пріотворивъ дверцу, засунулъ руку и вытащилъ пачку ломбардныхъ билетовъ.

— Деньги у меня въ билетахъ,—сказалъ онъ, провѣряя пачку трясущимися руками.—Вотъ триста тысячъ рублей. Это то, что я могу принести своей родинѣ. Когда вы предполагаете переслать билеты?

— Сегодня же, сейчасъ же,—отвѣтилъ Чивинисъ.—Въ моемъ распоряженіи довѣренный курьеръ, котораго немедленно пошлю съ эстафетой.

Зосима досталъ большой конвертъ и уложилъ туда билеты. Чивинисъ съ безразличнымъ видомъ бросилъ пакетъ подъ свою фуражку.

— Государь вполне оцѣнитъ ваше щедрое приношеніе,—сказалъ онъ.—Думаю, что не далѣе какъ черезъ недѣлю получу милостивое извѣщеніе изъ Петербурга.

Онъ сталъ прощаться. Зосима опять обѣими руками пожалъ руку гостя.

— И сейчасъ же навѣстите старика?—спросилъ онъ.

— Непремѣнно. Тѣмъ болѣе, что я много слышалъ о вашихъ замѣчательныхъ коллекціяхъ, и, вѣроятно, вы не откажете мнѣ въ любезности показать ихъ. О нихъ вся Москва говоритъ,—произнесъ Чивинисъ.

На узкихъ губахъ Зосимы мелькнула счастливая улыбка.

— Да, мои коллекціи... камешки... единственная услада моей старости,—сказалъ онъ.—Разумѣется, я покажу ихъ вамъ. Вы

увидите вещи, какихъ нѣтъ другихъ въ мірѣ. Большой крестъ изъ цѣльнаго коралла, напримѣръ. Или моя «Пелегрина», крупнѣйшая жемчужина, какую когда-либо рождало море. Ахъ, моя «Пелегрина»! Я такъ дорожу ею, что мнѣ иногда кажется, будто она составляетъ часть моего существа. Вы все это увидите. Но теперь всѣ наши заботы должны быть сосредоточены на томъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить въ руки императора эту жертву на алтарь отечества.

Чивинисъ бережно засунулъ подъ бортъ мундира пакетъ съ билетами, застегнулся и откланялся.

III.

Какимъ образомъ старый, скуповатый грекъ могъ такъ легко разстаться съ значительной частью своихъ капиталовъ и такъ довѣрчиво отдать крупную сумму въ руки человѣка, котораго въ первый разъ видѣлъ?

Объясненія надо искать главнымъ образомъ въ томъ необычайномъ настроеніи, въ какомъ находились тогда греки. Долгая героическая борьба маленькаго народа съ турецкимъ игомъ приняла рѣшительный оборотъ и близилась къ развязкѣ. Не только Морея, но и вся Европа были еще полны отзвуковъ легендарныхъ подвиговъ, надъ которыми носилась тѣнь великаго Байрона. Къ рождавшемуся въ кровавыхъ мукахъ новому государству неслись сочувствія всего христіанскаго міра. Блескъ древности лежалъ на возстановляемыхъ изъ праха Аѳинахъ. Возбужденіе между греками было необычайное. Торговцы губками расхаживали по улицамъ въ нарядѣ паликаровъ, ростовщики и бакалейщики заучивали два-три гекзаметра «Иліады». И были даже такіе, которые жертвовали деньгами.

Не безъ вліянія на Зосиму оказалась и личность Чивиниса, его кирасирскій мундиръ, предполагаемая близость къ высшимъ петербургскимъ сферамъ, успѣхи въ московскомъ обществѣ, изящная внѣшность и вкрадчивое обращеніе. Зосимѣ было пріятно, что его національность имѣетъ такого блестящаго представителя.

Въ Россіи Чивинисъ появился всего нѣсколько лѣтъ назадъ.

Онъ былъ уроженцемъ Корфу, гдѣ его фамилія было усвоено итальянское произношеніе. Красивый, ловкій, предприимчивый, онъ рано сталъ думать о своей карьерѣ. Мысли его обратились къ Россіи, гдѣ всякія политическія и житейскія авантюры удавались съ наибольшимъ успѣхомъ. Онъ явился въ 1820 г. къ русскому послу въ Константинополь барону Строганову и заявилъ о своемъ желаніи поступить на службу державѣ, которую греки считали своимъ вторымъ отечествомъ.

Не было ничего легче осуществить такое желаніе. Россія оказывала грекамъ самое широкое покровительство. Всѣ внѣшнія данныя Чивиниса привлекали къ нему. Строгановъ снабдилъ молодого человѣка рекомендательными письмами и направилъ въ Петербургъ.

Тамъ его немедленно зачислили въ кирасирскій полкъ, стоявшій въ Гатчинѣ, и вскорѣ произвели въ офицеры.

Чивинисъ увидѣлъ себя на хорошей дорогѣ. Петербургское общество ласкало его. Но обворожительный молодой человѣкъ былъ бѣденъ, а въ полку деньги лились золотымъ дождемъ. Удержаться на необходимомъ уровнѣ было трудно, не заручившись средствами.

Перебиваясь кое-какъ года четыре, Чивинисъ все чаще думалъ о Москвѣ. Тамъ молодому человѣку съ его данными легче было бы создать себѣ положеніе. Москва была добродушнѣе, хлѣбосольнѣе и довѣрчивѣе Петербурга. Она меньше видѣла иноземныхъ авантюристовъ, «случайныхъ» людей и пожирателей сердець. Москва славилась богатыми невѣстами, высоко цѣнившими блестящія свѣтскія качества. Въ Москвѣ, наконецъ, жилъ какой-то Зосима, о милліонахъ котораго ходили между русскими и греками легендарныя слухи.

И ранней весной 1824 г. Чивинисъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Москву.

Старая столица встрѣтила его именно такъ, какъ онъ предполагалъ. Дома лучшаго мѣстнаго общества раскрылись передъ нимъ. Представившись главнокомандующему князю Голицыну, Чивинисъ получилъ приглашеніе бывать у него. Тамъ онъ сейчасъ же перезнакомился со всѣми, кто жилъ открыто, и сдѣлался желаннымъ гостемъ у графа Кутайсова, Обольянинова, коменданта Веревкина и др. Дамы за нимъ ухаживали, мужчины удивлялись его изящной свѣтскости, знанію языковъ и благородству обращенія. Въ самое короткое время онъ сдѣлался героемъ и львомъ московскаго сезона.

Отдавая дни и вечера свѣтскому обществу, Чивинисъ не избѣгалъ также сношеній съ проживавшими въ Москвѣ соотечественниками. По утрамъ въ своемъ незатѣйливомъ номерѣ плохенькаго трактира Чивинисъ принималъ греческихъ коммерсантовъ и мелкихъ дѣльцовъ, довѣрившихся его патріотическимъ чувствамъ. Ихъ безконечно радовало то, что они слышали отъ него о милостивомъ расположеніи Александра I къ единовѣрцамъ.

Чивинисъ посвящалъ ихъ и въ намѣреніе государя собирать черезъ него, негласнымъ образомъ, пожертвованія для возставшихъ единовѣрцевъ.

— Но мы люди не достаточно богатые, чтобы собрать значительную сумму, — говорили ему на это земляки. — А вотъ есть тутъ старый Зосима, человѣкъ бездѣтный и горячій патріотъ. У

него не менѣе двухъ миллионовъ въ ломбардныхъ билетахъ, не считая всякихъ драгоценностей. Если обратиться къ нему, можно ругаться за успѣхъ.

— Но неловко обращаться къ незнакомому лицу,—возражалъ Чивинисъ.

— Онъ уже слышалъ о васъ и самъ желаетъ съ вами познакомиться,—отвѣчали ему.—Побывайте въ нашемъ монастырѣ, Зосима сейчасъ же васъ замѣтитъ.

Чивинисъ побывалъ и былъ замѣченъ.

Не говоря пока никому о своей необычайной удачѣ, онъ обождалъ недѣлю и вторично навѣстилъ Зосиму.

— Милостивый отвѣтъ послѣдовалъ даже скорѣе, чѣмъ я предполагалъ,—радостно сообщилъ онъ.—Курьеръ мой уже прискакалъ обратно и привезъ за собственноручной подписью письмо государя на ваше имя, въ которомъ его величество благодаритъ васъ за ревность и усердіе къ дѣлу, пользующемуся его живѣйшимъ сочувствіемъ и участіемъ.

Зосима взялъ дрожащими руками переданный ему листъ, долго разсматривалъ его своими слабыми глазами и поцѣловалъ подпись императора.

— Это письмо я прикажу положить со мною въ гробъ,—произнесъ онъ, прослезившись.

Димитраки опять принесли фарфоровыя чашки съ чаемъ и тотчасъ удалился.

— Заботить меня судьба этого юноши, — сказалъ, глядя ему вслѣдъ, Зосима.—Жить мнѣ остается недолго, хотѣлось бы поставить его на ноги.

«Старая обезьяна хочетъ покрыть грѣхи молодости», мелькнуло въ головѣ Чивиниса.

— О чемъ же тутъ заботиться?—произнесъ онъ вслухъ.—Отпустите своего юношу со мною въ Петербургъ, я тамъ устрою его въ военную службу, и такимъ образомъ жизнь его потечетъ подъ моимъ покровительствомъ. Будетъ русскимъ дворяниномъ и дослужится до высокихъ чиновъ.

Зосима задумался, но вскорѣ лицо его просвѣтлѣло.

— Не могу выразить, какъ я былъ бы признателенъ вамъ, — сказалъ онъ.—Чувствую, что самъ я слишкомъ старъ, чтобы докончить его воспитаніе. Если дѣйствительно такъ велико ваше расположеніе, мы еще поговоримъ объ этомъ. Кстати: удобно ли вамъ въ вашемъ трактирѣ? Отчего бы не помѣститься вамъ у меня? Здѣсь просторно, опрятно, покойно, а мнѣ было бы очень пріятно ваше сожителство. Право, перебирайтесь ко мнѣ.

Чивинисъ отказывался. Но старикъ убѣждалъ такъ настойчиво, съ такимъ подкупающимъ добродушіемъ, что пріѣзжій, наконецъ, согласился.

IV.

— А теперь напомню вамъ ваше обѣщаніе показать мнѣ ваши рѣдкостныя сокровища,—сказалъ Чивинисъ, когда его пожитки перевезли въ греческое подворье.—Я уже столько о нихъ слышался, что прямо сгораю нетерпѣніемъ.

Зосима охотно удовлетворилъ этому нетерпѣнію. Опять со звономъ щелкнулъ замокъ, и дрожація руки принялись медленно вынимать изъ шкапа и выкладывать на столъ всевозможныя коробочки и футляры, большіе и маленькіе, простые и затѣйливые. Широкій столъ покрылся сверкающими драгоценностями. Тутъ были старинныя фермуары, аграфы, цѣпи, короны, звѣзды, парюры, браслеты, перстни, брелоки, часы. Брильянты, алмазы, изумруды, сафиры, рубины—переливались всѣми отливами радуги, и ихъ почти нестерпимый блескъ отбѣнялъ томное мерцаніе жемчужовъ и опаловъ. Были также золотыя и серебряныя издѣлія изумительной старинной чеканки. Были табакерки, извѣстныя въ Европѣ. И посреди этого ослѣпительнаго блистанія скромно выдѣлялся своимъ красно-розовымъ матомъ большой коралловый крестъ дивной венеціанской работы.

Чивинисъ, считавшій себя знатокомъ въ этихъ вещахъ, началъ даже вздыхать отъ напряженнаго вниманія.

— Что за вещи! вѣдь имъ цѣны нѣтъ!—восклидалъ онъ.

Зосима наслаждался. Онъ былъ влюбленъ въ свою коллекцію и безгранично торжествовалъ, когда она находила достойную оцѣнку.

Давъ утихнуть восторгамъ Чивиниса, онъ досталъ изъ шкапа небольшую коробочку, вынулъ изъ нея другую, поменьше, а изъ этой третью, еще меньше. Тамъ, на розовой ватѣ, лежала не оправленная крупная жемчужина удивительной красоты.

— Вотъ и моя «Пелегринна»,—сказалъ старикъ.—О ней знаютъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ, вездѣ. Это лучшая жемчужина въ мірѣ.

Чивинисъ ахнулъ. Въ самомъ дѣлѣ, и величина, и блескъ жемчужины были поразительныя.

— А знаете, почему она названа «Пелегриной»? Потому, что она такъ безукоризненно кругла, что сколько бы вы ее ни устанавливали на плоскости, она будетъ двигаться,—объяснилъ Зосима.

Онъ осторожно опустилъ ее на серебряный подносъ. Жемчужина дѣйствительно двигалась.

— «Пелегринна», «Пелегринна», «Странница»,—повторялъ старикъ, смѣшно улыбаясь всѣмъ своимъ сморщеннымъ лицомъ.—Такой жемчужины нѣтъ ни въ одной коронѣ.

Затѣмъ онъ торопливо уложилъ ее въ три коробочки и поставилъ на мѣсто въ шкапу.

— Не удивляюсь, что слава вашей коллекции ремитъ и въ Петербургѣ,—сказалъ Чивинисъ.—Сколько мнѣ извѣстно, о ней знаютъ при дворѣ.

— Вся моя коллекція не стоитъ «Пелегринъ» и коралловаго креста,—закончилъ этотъ разговоръ Зосима.

V.

Новые друзья сидѣли за обѣдомъ, когда съ крылечка раздался громкій звонокъ.

Димитраки вышелъ посмотрѣть, кто бы это могъ быть.

Черезъ минуту онъ вернулся въ сопровожденіи офицера въ адъютантской формѣ, молодого, плотнаго и смуглаго, съ густыми усами и чертами лица восточнаго типа.

— Отъ князя главнокомандующаго,—доложилъ Димитраки.

Зосима и Чивинисъ поднялись навстрѣчу.

— А, князь Гасановъ, чѣмъ можемъ вамъ служить?—привѣтствовалъ посѣтителя послѣдній, протягивая руку.

— Письмо отъ князя,—объяснилъ офицеръ, подавая Зосимѣ пакетъ.

Старикъ вынулъ изъ конверта листокъ, повертѣлъ его въ рукахъ и передалъ Чивинису.

— Прочтите пожалуйста и переведите мнѣ,—попросилъ онъ.

Чивинисъ подвинулъ адъютанту стулъ и погрузился въ чтеніе.

— Гм... письмо интересное,—сказалъ онъ черезъ минуту.— Вотъ, я правду говорилъ, что вашей коллекціей интересуются при петербургскомъ дворѣ. Да еще и какъ!

— Что же такое пишетъ князь?—съ любопытствомъ спросилъ Зосима.

— Не князь, а сама вдовствующая императрица Марія Феодоровна,—отвѣтилъ Чивинисъ.—Ей извѣстно, что вы обладаете единственной въ мірѣ коллекціей чудеснѣйшихъ камней, и она проситъ васъ доставить къ ней на короткое время черезъ главнокомандующаго всю вашу коллекцію, такъ какъ ея величество желаетъ показать ее дочери своей, великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая въ настоящее время находится въ Петербургѣ. Вотъ какая честь выпала и вашей «Пелегринѣ», и всѣмъ прочимъ вашимъ сокровищамъ!

Адъютантъ серьезно и одобрительно кивнулъ головой и произнесъ:

— Такъ, совсѣмъ такъ. Курьеръ сказалъ.

Зосима посмотрѣлъ на обоихъ растеряннымъ, встревоженнымъ взглядомъ. Въ безцвѣтныхъ глазахъ его выразилось крайнее смущеніе.

— Мою коллекцію? Послать въ Петербургъ? Но я не могу послать ее. Я никогда ни на одинъ день не отхожу отъ нея,—произнесъ онъ по-гречески, почти съ мольбою глядя въ спокойные глаза Чивиниса. — Вы понимаете, что я не могу этого сдѣлать. Вѣдь моимъ камнямъ цѣны нѣтъ. Если бы я могъ самъ отвезти ихъ ея величеству, я бы отвезъ. Мнѣ лестно вниманіе. Но я старый, совсѣмъ старый старикъ, и не могу ѣхать въ Петербургъ.

Лицо Чивиниса было очень серьезно. Онъ задумчиво шевелилъ пальцами кончики надушенныхъ усовъ.

— Гм... Однако, отказать императрицѣ... это тоже не очень-то удобно,—промолвилъ онъ.—Какъ вы думаете, князь?—обратился онъ къ офицеру по-русски.

Адъютантъ надулъ и опустилъ щеки.

— Га, какъ же можно!—произнесъ онъ.

— Н-да,—продолжалъ Чивинисъ.—А впрочемъ, я не вижу для васъ поводовъ опасаться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дней черезъ десять сокровища ваши къ вамъ вернуться. Притомъ же, такъ какъ все будетъ сдѣлано черезъ главнокомандующаго, то онъ же и отвѣчаетъ.

— Тысаца цертей!—произнесъ по-русски Зосима, въ первый разъ въ жизни поставленный въ такое мучительное затрудненіе.—Моя «Пелегриня»!

— Напрасно вы волнуетесь, — успокаивалъ его на родномъ языкѣ Чивинисъ.—Нельзя же не довѣрять императрицѣ и генераль-губернатору. Но, конечно, надо все сдѣлать осмотрительно. Коллекція большая, и чтобъ ни одна вещица не могла затеряться, надо сдѣлать подробную опись и дать засвидѣтельствовать ее извѣстнымъ въ Москвѣ лицамъ. У меня здѣсь много знакомствъ въ высшемъ обществѣ, и я могу вамъ все это устроить.

— И вы думаете, что я ничѣмъ не буду рисковать?—спросилъ на половину убѣжденный Зосима.

Чивинисъ пожалъ плечами.

— Если не довѣрять такимъ лицамъ, съ какими вамъ придется имѣть дѣло, то кому же послѣ этого можно вѣрять? — сказалъ онъ. — А главное, нельзя же дать поводъ императрицѣ думать, что вы сомнѣваетесь въ цѣлости вашихъ драгоценностей въ ея рукахъ.

Зосима тоскливо поникъ головой.

— Никогда я не разставался съ моими сокровищами,—произнесъ онъ въ сокрушеніи.—Но я самъ вижу, что ничего другого не остается. Надо сейчасъ же отвѣтить князю. Напишите за меня письмо, а я подпишу. Сообщите, что воля государыни будетъ исполнена, и что я прошу прислать послѣзавтра господина адъютанта за моей коллекціей.

— Га!—сорвалось съ толстыхъ губъ офицера.

— Князь Гасановъ радуется, что ему удалось успѣшно выполнить порученіе главнокомандующаго,—объяснилъ Чивинисъ, бросая свирѣпый взглядъ на офицера.

Письмо было написано и передано посланному, который немедленно уѣхалъ.

— А я сейчасъ же займусь составленіемъ описи на русскомъ языкѣ. Трудъ не маленькій, и Димитраки мнѣ поможетъ,—сказалъ Чивинисъ.—А потомъ поѣду приглашать знакомыхъ мнѣ особъ собраться завтра сюда, чтобъ подписать реестръ и свѣрить его съ наличностью. Надо приготовить хорошій завтракъ, потому что пріѣдутъ важныя лица.

VI.

Вечеромъ въ тотъ день у Оболяниновыхъ танцовали и играли въ ломберъ и фараонъ.

Когда въ большую гостиную вошелъ Чивинисъ, всѣ невольно обратили вниманіе на его необычайно довольный, торжествующій видъ. Черные глаза его блестѣли, все лицо радостно улыбалось.

— Что съ вами, дорогой мой? — обратилась къ нему по-французски хозяйка дома.—Вы имѣете такой видъ, точно только что сдѣлали предложеніе самой очаровательной и богатой изъ московскихъ невѣстъ.

Чивинисъ замысловато улынулся.

— При всемъ уваженіи къ московскимъ невѣстамъ, я думаю, что со мною случилось нѣчто лучшее,—отвѣтилъ онъ.

— Да что такое? Говорите!—любопытствовала m-me Оболянинова.

Къ нимъ подошли графъ Кутайсовъ, комендантъ Веревкинъ и еще нѣкоторые изъ гостей. Чивинисъ продолжалъ улыбаться.

— Вы скажете, что это похоже на сказку изъ «Тысячи и одной ночи», а между тѣмъ выпавшее мнѣ счастье представляетъ самую несомнѣнную дѣйствительность. Вчера я былъ одинокимъ, безроднымъ, никому не нужнымъ бѣднякомъ, а сегодня вы видите передъ собою наследника громаднаго состоянія.

— Чортъ возьми! Откуда?—воскликнулъ Оболяниновъ.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Чивинисъ:—что мой соотечественникъ, Зой Павловичъ Зосима, о которомъ вы всѣ, конечно, слышали, почувствовалъ ко мнѣ истинно-родительское расположеніе, и, будучи человѣкомъ старымъ и бездѣтнымъ, рѣшилъ завѣщать мнѣ все свое состояніе. Духовная уже составлена, остается только засвидѣтельствовать ее. Могу ли просить васъ оказать мнѣ эту услугу?—обратился онъ къ хозяину дома.

— Отчего же, съ удовольствіемъ,— тотчасъ согласился Оболяниновъ.

— Буду о томъ же просить и васъ, графъ, и васъ, генераль,— продолжалъ Чивинисъ, обращаясь къ Кутайсову и Веревкину.

Тѣ также охотно выразили свое согласіе.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте просить васъ завтра въ полдень къ Зою Павловичу въ греческое подворье на Никольской,— пригласилъ молодой человѣкъ.— Мы отвѣтракаемъ, старикъ подпишетъ духовную, а вы распишетесь на ней свидѣтелями.

— Bravo. Поздравляемъ.

Къ счастливому наслѣднику протянулись руки. Нѣкоторые цѣловали его, увѣрили, что съ первой встрѣчи почувствовали къ нему родственное расположеніе. Чивинисъ улыбался, обнимался и благодарилъ.

Онъ былъ героемъ вечера. На немъ лежало сіяніе. Тѣ, которые и раньше восхищались его наружностью и изящнымъ обращеніемъ, находили теперь, что эти качества еще болѣе выиграли отъ солидной внушительности, которую уже признавали въ немъ.

Его спрашивали о Зосимѣ.

— Это тотъ старичокъ, который показывается не иначе, какъ въ роскошномъ національномъ нарядѣ?

— И у котораго, говорятъ, цѣлые шкапы наполнены удивительнѣйшими брилліантами?

— И который, между прочимъ, обладаетъ какой-то необычайной жемчужиной, не имѣющей себѣ равной въ мірѣ?

Чивинисъ съ наслажденіемъ удовлетворялъ общему любопытству. Онъ уже чувствовалъ себя на высотѣ созданнаго имъ положенія. Завистливое вниманіе общества, ласковые взгляды дамъ и дѣвицъ, нескончаемый шопотъ, въ которомъ слышалось его имя,— кружили ему голову.

Но изрѣдка ядовитая мысль пронизывала его мозгъ.

«А что, если вдругъ все откроется? Если глупая болтовня московскихъ сплетниковъ дойдетъ до Зосимы и раскроетъ ему глаза? Если онъ явится къ генераль-губернатору за своими брилліантами?»

Но его удивительное легкомысліе отгоняло эти страхи.

«Зосима — дряхлая, выжившая изъ ума обезьяна,— успокаивалъ онъ себя.— Ему три дня до смерти. Никого онъ не увидитъ и никуда не пойдетъ. Димитраки я увезу съ собою, а безъ него старикъ не сумѣетъ пройти по комнатамъ. И, наконецъ, вѣдь дѣло идетъ о такихъ милліонахъ, которыми не завладѣешь безъ отчаяннаго риска. Да и не повѣсятъ же меня, а убѣжать съ деньгами можно и изъ проклятой русской Сибири».

Онъ не остался ужинать, такъ какъ ему надо было еще кое-что приготовить къ завтрашнему дню.

— Ловкій грекосъ, сумѣлъ влѣзть въ душу старому скрягѣ,— замѣтилъ по уходѣ его желчный бригадиръ Галовъ, наклоняясь къ женѣ коменданта Веревкина.

— Но онъ въ самомъ дѣлѣ обворожителенъ,— возразила та.

VII.

Въ ожиданіи важныхъ посѣтителей, въ скромной обѣденной залѣ Зосимы были раскрыты два стола. Одинъ былъ тщательно сервированъ для роскошнаго завтрака. На другомъ лежалъ синеватый листъ бумаги съ подробно на русскомъ языкѣ описью драгоценностей, и тутъ же были разложены въ безчисленныхъ раскрытыхъ коробочкахъ брильянты, изумруды, рубины жемчуга.

Собравшіеся къ двѣнадцати часамъ гости внимательно разсматривали эту рѣдкую коллекцію. Зосима, въ своемъ самомъ дорогомъ нарядѣ, улыбался, потиралъ руки и кивалъ головой. Почти совѣмъ не говоря по-русски, онъ самъ не могъ давать гостямъ объясненій, и при обращенныхъ къ нему вопросахъ только взглядывалъ на Чивиниса, приглашая его заступитъ мѣсто хозяина.

Больше всего любовались, конечно, «Пелегриной».

— Откуда она досталась Зою Павловичу?— полюбопытствовалъ Обольяниновъ.

— Онъ купилъ ее въ Ливорно у одного капитана купеческаго корабля, возвратившагося изъ Индіи,—объяснилъ Чивинисъ.—Повидимому, почтенный морякъ не зналъ настоящей цѣны своего сокровища. Въ «Пелегринѣ» двадцать восемь каратовъ вѣсу.

— У покойнаго императора Павла Петровича была жемчужина такого же вѣса, но уступала этой въ шаровидности и блескѣ,—сказалъ графъ Кутайсовъ.

Зосима положилъ «Пелегрину» на тарелку и съ дѣтскою радостью слѣдилъ, какъ она двигалась, словно живая.

— А что вы съ ней сдѣлаете?—спросилъ Веревкинъ.

Чивинисъ послалъ ему знакъ глазами.

— Господа, не будемъ говорить обо мнѣ, какъ о наслѣдникѣ,—предупредилъ онъ гостей.—Старику, видимо, непріятно думать, что онъ хотя послѣ смерти разстанется со своими игрушками. Вы понимаете... старческая слабость, которую надо пощадить.

Гости кивнули головой въ знакъ того, что старческая слабость имъ понятна.

— А теперь, такъ какъ опись вещей провѣрена по наличности, мы можемъ и позавтракать,—предложилъ Чивинисъ.—Нашъ уважаемый хозяинъ намѣренъ познакомить гостей со своей національной кухней и съ національными винами.

Завтракъ оказался очень обильнымъ. Тутъ были и карпы, приготовленные по-гречески, съ кардамономъ и мушкатнымъ орѣхомъ, и телятина съ фисташками, и барашекъ съ чесночной подливой, и фаршированные баклажаны, и сладкая плациндра, начиненная миндалемъ и коришкой. Въ хрустальныхъ графинахъ переливали янтарнымъ блескомъ хіосское и другія вина.

Зосима съ чувствомъ удовлетвореннаго патриотизма слѣдилъ, какъ гости отдавали честь его кухнѣ и погребу. Сморщенное лицо его раскраснѣлось,— можетъ быть, оттого, что, угощая гостей, онъ самъ нѣсколько измѣнилъ своей обычной воздержности.

— Кусайте ещо,—говорилъ онъ, кивая на дымящіяся блюда.— Какъ у насъ въ Греціи, такъ нигдѣ не могутъ это дѣлать. Ещо одну мазулинку.

И самъ бросаль себѣ въ ротъ начиненную чѣмъ-то жгучимъ маслину.

Встали изъ-за стола отяжелѣлые. Димитраки разлилъ въ маленькія чашки кофе, сваренный по-гурецки. Но Зосима увѣрять, что это «настоящій греческій кофе».

Чивинисъ взялъ съ другого стола опись на синеватой бумагѣ, сложилъ и опустилъ въ карманъ.

— Боюсь, что старикъ утомился,—сказаль онъ негромко Оболянинову и графу Кутайсову.—Надо поскорѣ дѣло сдѣлать.

Онъ вышелъ въ кабинетъ и вернулся съ перомъ и чернильницей.

— Теперь подпишите реестръ вашей коллекціи, а они послѣ васъ подпишутъ,—сказаль онъ по-гречески старику, и подаль ему такого же вида синеватый листь, какъ и тотъ, который онъ только что опустилъ въ карманъ.

Зосима, щурясь и моргая, подписалъ.

— А теперь неудобно ли засвидѣтельствовать,—обратился Чивинисъ къ приглашеннымъ.—Завѣщаніе составлено по формѣ, я показываль его совѣтнику гражданской палаты.

Свидѣтели тоже подписались.

— Мы приложимъ эту опись къ вещамъ, но она останется у генераль-губернатора,—объяснилъ Чивинисъ по-гречески старику, и опустилъ бумагу все въ тотъ же карманъ.—По ней и получать обратно будемъ.

Гости, очень довольные и завтракомъ, и легкостью дѣла, для котораго были созваны, сейчасъ же развѣхались.

А Зосима прошелъ въ кабинетъ, сѣлъ въ глубокое кресло въ углу и задремаль. Но въ дремотѣ онъ вздрагиваль, и губы его нѣсколько разъ прошептали съ легкимъ хрипомъ: «Пелегрина»... «Пелегрина»...

VIII.

Явившійся на другой день адъютантъ главнокомандующаго нашель всю коллекцію уложенною въ большой ящикъ краснаго дерева. Все было пересмотрѣно и свѣрено съ описью, ящикъ запертъ и бережно вынесенъ во дворъ, гдѣ уже дожидался извозчикъ.

Для большей сохранности Чивинисъ вызвался сопровождать адъютанта.

Но съ Никольской они свернули по направленію не къ генералъ-губернаторскому дому, а къ Замоскворѣчью. Тамъ, въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ, они въѣхали во дворъ деревяннаго дома и втащили ящикъ въ квартирку, состоявшую изъ двухъ небольшихъ комнатъ. Во второй изъ нихъ помѣщалась у стѣны старая желѣзная кровать. Чивинисъ задвинулъ ящикъ подъ нее.

— Ну, дѣло сдѣлано,—сказалъ онъ своему спутнику, который успѣлъ уже сбросить адъютантскую форму и напялить грязноватую куртку и засаленныя брюки.—Нѣсколько дней я еще пробуду въ Москвѣ, а затѣмъ уѣду въ Петербургъ. Ты выѣдешь вслѣдъ за мной на другой день съ этимъ ящикомъ. Предварительно обшей его крѣпкой рогожей. Только смотри, чтобы здѣсь тебя не обокрали. На расходы вотъ тебѣ сто рублей. Привезешь ящикъ ко мнѣ въ Петербургъ, получишь обѣщанную награду. Но смотри—ты отвѣчаешь за цѣлость вещей своей головой. Если будетъ недоставать чего-нибудь, я застрѣлю тебя какъ собаку. А сумѣешь заслужить—поставлю тебя на ноги.

Мнимый адъютантъ подобострастно кланялся. Но человѣку, мнѣе легкомысленному, чѣмъ Чивинисъ, выраженіе его лица не внушило бы довѣрія.

Счастливому авантюристу было не до того, чтобы думать о предосторожностяхъ. Онъ былъ охваченъ однимъ раздражающимъ желаніемъ—поскорѣе выбраться изъ Москвы, вернуться въ Петербургъ, въ Гатчину, и начать новую жизнь, обезпеченную, роскошную, расточительную.

Была и еще мечта, звавшая его къ мѣсту расположенія полка. Бывая въ церкви женскаго института въ Гатчинѣ и въ нѣкоторыхъ семействахъ въ городѣ, Чивинисъ познакомился съ одною изъ воспитанницъ, кончавшею курсъ. Это была очень миленькая дѣвушка, сирота, лично извѣстная вдовствующей императрицѣ и пользовавшаяся большимъ ея расположеніемъ. Чивинисъ предвидѣлъ, что его почтительное ухаживаніе увѣнчается успѣхомъ. А это можетъ приблизить его ко двору и дать ему твердую опору въ служебной карьерѣ. Въ Россіи красивому и ловкому иностранцу, да еще единовѣрцу, такъ легко достигнуть высшихъ почестей...

И Чивинисъ сталъ торопиться къ отъѣзду, тѣмъ болѣе, что отпускъ его кончался.

— Уѣду, и въ Петербургѣ буду лично наблюдать, чтобы поскорѣе вернули вамъ вашу коллекцію,—говорилъ онъ Зосимѣ.—А Димитраки отпустите со мною: я его пристрою въ военную службу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ будетъ такимъ же гвардейскимъ офицеромъ, какъ я самъ.

Зосима радостно улыбался. Ему было тяжело разставаться съ новымъ другомъ и съ воспитанникомъ, но мысль о блестящей карьерѣ Димитраки мирила его съ предстоящимъ одиночествомъ. Онъ оглядывалъ Чивиниса и представлялъ себѣ, какъ Димитраки осенью прїѣдетъ въ отпускъ въ Москву въ такомъ же нарядномъ мундирѣ, такой же красивый, стройный и ловкій, такой же настоящій паликаръ на русской службѣ.

«И я ему подарю лошадь. Такую чудную лошадь, на какихъ ѣздятъ только у насъ въ Греціи. Такую лошадь, какую я въ дѣтствѣ видѣлъ подъ чапракомъ янинскаго паши», мечталось старику.

— Хочешь, Димитраки, быть русскимъ кирасирскимъ офицеромъ и имѣть столько золоченыхъ пуговицъ на мундирѣ, сколько коринки въ добромъ кускѣ плациндры?—спрашивалъ онъ своего воспитанника.

Димитраки, которому давно уже прискучила угрюмая жизнь въ подворьѣ, подлѣ больного и дряхлаго старика, отвѣчалъ, что хочетъ.

Чивинисъ увезъ его. Зосима остался одинъ въ своемъ опустѣвшемъ жилѣ. Грустно сидѣлъ онъ цѣлыми часами въ глубокомъ креслѣ, и мечты уносили его въ Петербургъ, гдѣ въ это время, можетъ быть, нѣжныя руки императрицы и великой княгини перебираютъ его сокровища, и восхищенные глаза любятъ его «Пелегриной».

— «Пелегриня!» Жемчужина моей жизни! Когда ее вернуть мнѣ, я уже не разстанусь съ ней до послѣдняго дня. Я скрою ее отъ всѣхъ глазъ. Я положу ее въ ротъ, и тамъ за щекой она будетъ лежать до моей смерти, и каждую минуту я буду осозать ея присутствіе. А когда я умру, никто не будетъ знать, гдѣ она, и ее положатъ вмѣстѣ со мною въ гробъ. Глубокая тайна поглотитъ ее, и никогда никто больше не увидитъ чуднаго блеска «Пелегрины».

IX.

Уединеніе Зосимы было вскорѣ нарушено неожиданнымъ, хотя и нерѣдкимъ для стараго грека образомъ.

Прїѣхали въ Москву двое почтенныхъ пожилыхъ англичанъ, ѣздившихъ по свѣту изучать невѣдомыя страны и чужую жизнь. Они явились къ главнокомандующему съ такими вѣскими рекомендательными письмами, что князь Голицынъ окружилъ ихъ самымъ любезнымъ вниманіемъ и поручилъ адъютанту своему Толстому, хорошо говорившему по-англійски, показать имъ всѣ московскія достопримѣчательности. Любознательные туристы осмотрѣли и Успенскій соборъ, и Грановитую палату, и царь-пушку,

и царь-колоколъ, и отдали дань своеобразной красотѣ стараго города. Но князь Голицынъ придумывалъ, что бы такое еще показать почтеннымъ иностранцамъ, и вспомнилъ о знаменитой коллекціи Зосимы.

— Свезите-ка ихъ полюбоваться «Пелегриной» стараго грека,— сказалъ онъ какъ-то за обѣдомъ Толстому.— Съѣздите къ Зосимѣ отъ моего имени и узнайте, когда это можно сдѣлать.

Легко себѣ представить изумленіе старика, когда Толстой объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія.

— Какъ же это можно! Князь забылъ такое важное дѣло! — воскликнулъ онъ, сразу встревожившись за сохранность своихъ сокровищъ.— Вѣдь мнѣ еще не возвратили мою коллекцію.

— Кто не возвратилъ?—спросилъ Толстой.

— Вашъ князь не возвратилъ. Онъ же присылалъ своего адъютанта, и тотъ взялъ всѣ мои драгоценныя вещи, и у меня ихъ нѣтъ!—объяснилъ Зосима.

Толстой, въ свою очередь, былъ удивленъ. Исторія сразу показала ему загадочной. Онъ сейчасъ же поѣхалъ къ главнокомандующему. Послѣдній встревожился.

— Или старикъ спятилъ съ ума, или онъ сдѣлался жертвою наглаго мошенника,—сказалъ онъ, и поручилъ полицеймейстеру немедленно расслѣдовать дѣло.

Произошло настоящее столпотвореніе вавилонское. Спрашивали и не понимали другъ друга. Зосима толковалъ про адъютанта, а полицеймейстеръ утверждалъ, что такого адъютанта, какъ онъ описываетъ, у главнокомандующаго нѣтъ. Показаны были письма государя и императрицы, но ихъ по первому же взгляду признали подложными. Изъ свидѣтелей, завтракавшихъ у него и подписавшихся на описи, Зосима умѣлъ назвать только графа Кутайсова. Отъ послѣдняго узнали имена Обольянинова и Веревкина. Всѣ они показали, что дѣйствительно завтракали въ греческомъ дворѣ и видѣли и драгоценности, и опись, но засвидѣтельствовали не опись, а духовное завѣщаніе, которое Зосима при нихъ собственноручно подписалъ. Зосима на это отмахивался руками и завѣрялъ, что никакого завѣщанія онъ не составлялъ, и что дѣло шло о коллекціи, отправленной черезъ генералъ-губернатора къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Петербургъ.

— А мои триста тысячъ въ ломбардныхъ билетахъ?—вспоминалъ онъ со слезами въ голосѣ.—И развѣ можно, чтобы государь не полуцилъ ихъ, когда я самъ отдалъ ихъ въ руки его офицеру?

— Очень даже можно,—спокойно отвѣчалъ полицеймейстеръ,—потому что вашъ Чивинисъ, какъ я вижу, преизряднѣйшій мошенникъ.

— Но вѣдь онъ у меня въ домѣ принималъ отъ всѣхъ поздравленія?—негодовалъ и недоумѣвалъ Обольяниновъ.

— А теперь сами себя поздравьте, что были одурачены,— явилъ полицеймейстеръ.

Князь Голицынъ, понявъ, что исторія выходитъ нешуточная, подробно донесъ обо всемъ эстафетой въ Петербургъ.

А тамъ, какъ и въ Гатчинѣ, тоже много занимались Чивинисомъ. Общее любопытство возбуждено было перемѣною въ образѣ жизни молодого офицера. Чивинисъ уже женился на бывшей воспитанницѣ гатчинскаго института, нанялъ большой домъ, завелъ лошадей, экипажи, многочисленную прислугу, и жилъ роскошно и расточительно. Товарищи ахали и завидовали.

— Надо быть грекомъ, чтобъ такъ везло,—говорили они.

И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, пронесся новый слухъ: Чивиниса арестовали, Чивиниса отвезли въ Петропавловскую крѣпость!

Дѣйствительно, полученное отъ московскаго генералъ-губернатора донесеніе заключало въ себѣ такія положительныя указанія на виновность Чивиниса, что не арестовать его было невозможно, хотя власти и знали о расположеніи вдовствующей императрицы къ его женѣ.

Началось дѣло. При обыскѣ въ домѣ Чивиниса обнаружилось, что изъ взятыхъ отъ Зосимы трехсотъ тысячъ онъ успѣлъ уже прожить восемьдесятъ тысячъ; остальные деньги были отобраны. Найдена была и духовная, которую старый грекъ подписалъ, принимая ее за опись своей коллекціи.

Государю было обо всемъ доложено, и въ Москву былъ по его приказанію немедленно посланъ флигель-адъютантъ полковникъ Германъ, съ порученіемъ выяснить всѣ подробности дерзкаго и сложнаго плутовства.

Интересовались больше всего личностью мнимаго адъютанта главнокомандующаго. Кто былъ этотъ самозванецъ? Но онъ какъ въ воду канулъ. Узнали только, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ лакея у Чивиниса, и что онъ турецкій подданный. Но въ Замо-скворѣчьи, въ домикѣ, куда онъ привезъ съ Чивинисомъ ящикъ краснаго дерева, его не нашли.

Не нашли, конечно, и ящика. Знаменитая коллекція Зосимы исчезла безслѣдно. Брильянты, цвѣтные камни, золотыя издѣлія старинной чеканки, коралловый крестъ, жемчуга, несравненная «Пелегриня»—все исчезло, сгинуло.

Со временемъ дознались, что вѣроломный слуга Чивиниса бѣжалъ на родину, въ Турцію. Но куда дѣвались увезенныя имъ сокровища? Могъ ли онъ распродать эти рѣдкостныя вещи такъ, чтобы на нихъ нигдѣ не обратили вниманія?

Ничего неизвѣстно. Словно сбылось предсказаніе стараго грека, что никто уже никогда не увидитъ «Пелегрины»...

Потеря жемчужины подорвала дряхлыя силы Зосимы. Ни уграта значительной части состоянія, ни предательство соотече-

ственника такъ не подѣйствовали на него, какъ сокрушеніе о «Пелегринѣ». Зосима сталъ быстро хирѣть, жизнь догорала въ немъ, и онъ вскорѣ умеръ, завѣщавъ свои миллионы нарождавшемуся греческому королевству.

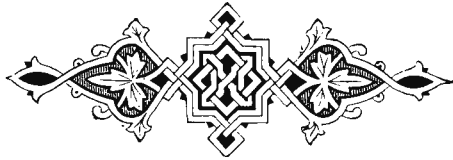
Молва не могла примириться съ безызвѣстнымъ исчезновеніемъ жемчужины. Въ Москвѣ долго ходилъ слухъ, будто бы она не была уложена вмѣстѣ съ другими вещами въ ящикъ краснаго дерева, и Зосима до конца дней сохранялъ ее при себѣ. Рассказывали также, будто ему вернули ее послѣ обыска у Чивиниса, и старикъ носилъ ее постоянно во рту. Но и эти легенды признають, что когда Зосима умеръ, «Пелегриня» при немъ не оказалось.

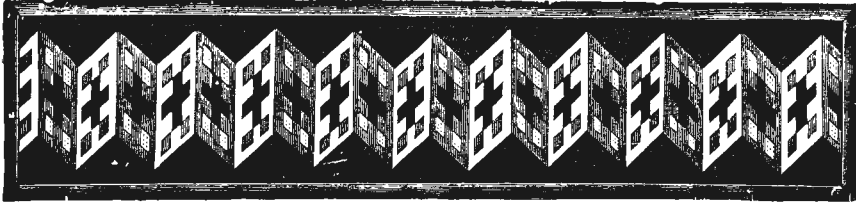
Флигель-адъютантъ Германъ, окончивъ порученное ему въ Москвѣ разслѣдованіе, вернулся съ подробнымъ докладомъ въ Петербургъ. Содержавшійся въ крѣпости Чивинисъ былъ преданъ суду. Подложное завѣщаніе было, конечно, признано недѣйствительнымъ. Самого Чивиниса судъ приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь.

Но тутъ оправдалась надежда, которую авантюристъ возлагалъ на свою женитьбу. Жена его, пользовавшаяся расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, прибѣгла къ ея заступничеству, и императоръ Александръ I, склоняся къ просьбамъ августѣйшей матери своей, замѣнилъ судебное рѣшеніе высылкой Чивиниса за границу.

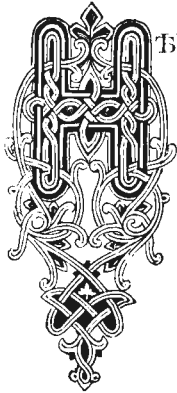
О дальнѣйшихъ похожденияхъ послѣдняго ничего не извѣстно.

В. Авсѣенко.

ИЗЪ СИБИРСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

БКОТОРЫЯ обстоятельства не позволили мнѣ своевременно записать свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ свыше чѣмъ полуторогодичнаго пребыванія въ самыхъ захолустныхъ нѣдрахъ средней Сибири. Однако, мнѣ думается, и въ настоящее время мои замѣтки не будутъ черезчуръ большимъ анахронизмомъ. Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Сибирь, но образы, типы и картины сибирской жизни неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти. Для меня, жителя средней полосы Европейской Россіи, слишкомъ необычна была обстановка сибирской жизни, слишкомъ мало отвѣчала она моимъ представленіямъ о формахъ жизни, сложившимся подъ вліяніемъ другихъ условій. По книгамъ я зналъ немало о Сибири, но прочитанное и испытанное—не одно и то же. Я не думаю, чтобы въ теченіе семи лѣтъ Сибирь могла сильно измѣниться: весь укладъ, всѣ формы и обстановка ея жизни сложились не въ такой короткій срокъ и не такъ скоро онѣ измѣнятся. Можетъ быть, теперь въ пустынной дотолѣ тайгѣ возникли и новые поселки; можетъ быть, тамъ, гдѣ ранѣе бродили медвѣдь, лось, изюбрь и звѣровый промышленникъ, проложенъ уже рельсовый путь и побѣдно свиститъ и гремитъ паровозъ; можетъ быть, кое-гдѣ и электричество горитъ,— все это можетъ быть; но ни паровозъ, ни электричество, ни прочія блага культуры въ семь лѣтъ не измѣнятъ нравовъ, если вообще допустить, что паровозы и т. п. вещи могутъ ощутительно вліять на нравы безъ помощи другихъ факторовъ.

Въ февралѣ 1896 г. я былъ приглашенъ на службу на XI участокъ строящейся Средне-Сибирской желѣзной дороги и, не долго думая, снарядился въ путь.

Путешествіе мое—сначала по Сызрано-Вяземской и затѣмъ по Самаро-Златоустовской желѣзнымъ дорогамъ—ничѣмъ въ сущности не отличалось отъ всѣмъ извѣстныхъ путешествій по російскимъ желѣзнымъ дорогамъ: тѣ же кондуктора съ величіемъ во взглядѣ и съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ пассажирамъ 3-го класса, тѣ же третьеклассные вагоны, въ которыхъ сегодня можно обратиться въ замороженную кочерыжку отъ непомярнаго холода, а завтра растаять въ раскаленной атмосферѣ; та же безтолковщина въ распредѣленіи поѣздовъ, и т. д.; но съ Челябинска характеръ путешествія уже нѣсколько мѣнялся.

Переваливъ черезъ Уралъ, нашъ поѣздъ благополучно прибылъ въ Челябинскъ. Собственно, городъ Челябинскъ отстоитъ отъ желѣзнодорожнаго пути верстахъ въ трехъ. Городишка этотъ,—мнѣ въ немъ пришлось побывать,—въ достаточной степени грязенъ и ничего замѣчательнаго собою не представляетъ. Желѣзнодорожная станція—пунктъ скрещенія Екатеринбургской, Самаро-Златоустовской и Западно-Сибирской желѣзныхъ дорогъ—была до безобразія мала. Съ утра до вечера биткомъ набивалась она пассажирами, чающими движенія поѣздовъ; буфетъ торговалъ на славу, а пассажиры проклинали часъ своего рожденія. Духота и тѣснота были неимоверныя; по залу I и II классовъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не наткнуться на чьи-либо ноги или голову; а про третьеклассное помѣщеніе и говорить нечего: тамъ былъ адъ кромѣшный. Рабочіе и переселенцы, ѣхавшіе въ Сибирь, ютились кто на чистомъ воздухѣ, кто въ наскоро сколоченныхъ баракахъ, а кто и въ товарныхъ вагонахъ.

Добывъ въ управленіи Западно-Сибирской желѣзной дороги, находившемся въ Челябинскѣ, бесплатный билетъ на проѣздъ отъ Челябинска до Кривошекова, конечнаго пункта названной дороги, я ликовалъ. «Вотъ,—думалъ я,—и славно: какъ приглашенный на службу Сибирской дорогѣ, я начинаю пользоваться льготами своего положенія». Однако, каждая медаль имѣетъ свою обратную сторону, и мои ликованія оказались преждевременными.

Собранъ и скоро отправляется поѣздъ на Кривошеково. Подошелъ я къ начальнику станціи съ просьбою отштемпелевать билетъ (необходимая формальность, безъ которой по бесплатному билету ѣхать нельзя).

— Штемпелевать не буду,—невозмутимо огорошилъ меня начальникъ станціи:—много ѣдетъ платныхъ пассажировъ...

— Такъ когда же мнѣ можно будетъ ѣхать?—спрашиваю я, совершенно обезкураженный.—Вѣдь я спѣшу; могу безъ мѣста остаться!..

— А мнѣ какое дѣло!—безучастно протянулъ начальникъ.— Мало ли у насъ служащихъ ѣдетъ, и всѣ сидятъ и ждутъ. Вотъ, когда мало будетъ платныхъ пассажировъ, тогда и поѣдете.

— А когда это будетъ?

— А я почему знаю.

«Вотъ тебѣ и льгота!» сокрушался я, отходя отъ невозмутимаго начальника. И пришлось мнѣ прожить въ Челябинскѣ нѣсколько сутокъ. Лишь на шестой день неотступныя просьбы и горячія мольбы мои сломили упорство суроваго начальника станціи, и онъ разрѣшилъ мнѣ продолжать путь. Памятенъ мнѣ этотъ путь! Препятствія, ничѣмъ необъяснимыя задержки и проволочки были на каждомъ шагу. Въ Омскѣ лишь на четвертыя сутки попалъ я въ вагонъ, давъ клятвенное обѣщаніе помѣститься подъ самымъ потолкомъ, на верхней полкѣ, предназначенной для багажа. На станціи Обь просидѣлъ трое сутокъ и могъ бы сидѣть и больше, если бы не совершенная случайность—прицѣпленный къ товарному поѣзду служебный вагонъ контролера движенія. Контролеръ жалился и взялъ меня съ собою; съ нимъ безъ задержекъ докатилъ я до станціи Поломошной Средне-Сибирской желѣзной дороги, гдѣ заканчивалось пассажирское движеніе, такъ какъ дальнѣйшій путь окончательно еще не былъ отдѣланъ и по немъ ходили, подъ страхомъ ежеминутнаго крушенія, лишь матеріальные и рабочіе поѣзда. Въ Поломошной мнѣ объявили, что далѣе я могу слѣдовать въ товарномъ вагонѣ съ желѣзнодорожными рабочими. Пришлось запастись провизіей: буфетовъ впереди не предвидѣлось. Усѣлся я въ товарный вагонъ, биткомъ набитый рабочими съ кирками, пилами, топорами и прочимъ инструментомъ. Сидѣть пришлось на своемъ узлѣ, такъ какъ никакихъ скамеекъ или лавокъ не было. Въ вагонѣ было очень душно. Ёдкій ароматъ махорки, смѣшиваясь съ винными испареніями и запахомъ человеческого пота, кружилъ голову, и безъ того истомленную бессонными ночами и тревогами безалабернаго пути; трещала барабанная перепонка отъ пѣнія подвыпившихъ рабочихъ, а вокругъ, перекрестной пальбой, неслись крѣпкія, забористыя словечки...

Съ такимъ комфортомъ проѣхали Маріинскъ, направляясь въ Ачинскъ. Ночью въ вагонъ входитъ кондукторъ и заявляетъ, что поѣздъ сейчасъ остановится и что пассажиры должны немедленно выбираться на насыпь, оставивъ свои пожитки въ вагонѣ, и слѣдовать пѣшкомъ, версты двѣ, черезъ рѣчку, на противоположный берегъ ея, къ строящейся тамъ станціи; поѣздъ же пойдетъ обходнымъ, временнымъ путемъ по льду. Нечего дѣлать—выбрались. Кругомъ холодъ и мракъ—ни зги не видно. Уныло свиститъ вѣтеръ въ телеграфныхъ проводахъ; а поѣздъ, сворачивая куда-то налѣво, скрывается изъ глазъ. Двинулись толпы рабочихъ впередъ. Бабы подхватили на руки своихъ ребятишекъ. Насыпь кон-

чилась, пошли наугадъ въ невѣдомую даль, вполюѣ резонно разсудивъ, что нужно же куда-нибудь итти. Ходили часа три чортъ знаетъ по какимъ мѣстамъ, проваливаясь въ овраги и рытвины и увязая по колѣна въ снѣгу. Наконецъ пришли къ какой-то пропасти; посмотрѣли внизъ—густѣйшій мракъ. Всѣ въ отчаяннн остановились. Бабы и ребятишки подняли плачь, мужчины озлобленно ругались. Подумали-подумали и послали развѣдчиковъ отыскивать путь. Долго тѣ пропадали и наконецъ явились съ сообщеніемъ, что нашли какую-то лѣстницу, спускавшуюся въ пропасть. Пришли всѣ мы къ лѣстницѣ и, рѣшивъ, что должна же она къ чему-нибудь путному привести, начали, почти въ вертикальномъ направленнн, спускаться въ таинственную бездну, ежеминутно рискуя изобразить *salto-mortale*. Лѣстница привела насъ къ рѣкѣ, на противоположный берегъ которой пришлось совершить не менѣе трудное восхожденн. Хорошо еще, что большинство путешественниковъ оставили свои шубы и зипуны въ вагонахъ; иначе трудно было бы одолѣть такой тяжелый путь. Шли въ поддевахъ и полушубкахъ. Вдали блеснули огонки и, путеводимые ими, мы подошли къ строящейся станціи. Нашъ поѣздъ еще не приходилъ: гдѣ-то застрялъ. На станцію не пускаютъ; тамъ еще ничего не устроено; а кругомъ ни сарая, ни забора. И запотѣвшіе, едва переводящіе отъ усталости духъ, разлеглись мы на снѣгу, около полотна дороги. Свистѣлъ леденящій вѣтеръ; глухо роптали рабочіе, и благимъ матомъ кричали иззябшіе ребятишки. Наконецъ пришелъ нашъ поѣздъ. Съ какимъ наслажденнмъ сажались мы въ вонючіе, но теплые вагоны!..

Въ Ачинскѣ желѣзнодорожное движенн совершенно прекращалось, и желающіе продолжать путь далѣе — до Красноярска, Канска или Иркутска — должны были нанимать лошадей и ѣхать большимъ почтовымъ трактомъ.

Выбрался я со всѣми пожитками изъ вагона и расположился на полотнѣ дороги, соображая, какъ поступить. Желѣзнодорожная станція еще не была отстроена; извозчиковъ нѣтъ, — хоть ночуй на насыпи. А багажу со мной было пуда четыре — тяжесть, съ которой далеко не уйдешь. Къ счастью, одинъ изъ рабочихъ — моихъ спутниковъ — согласился за полтинникъ дотащить мой багажъ до ближайшей желѣзнодорожной будки. Встрѣтившій меня путевой сторожъ за хорошую мзду dopravилъ меня до Ачинска, отстоявшаго отъ желѣзной дороги верстахъ въ двухъ. Отъ Ачинска весь путь до мѣста моего назначенн пришлось сдѣлать на лошадяхъ.

Отъ Ачинска начались громадныя лѣса (тайга), изрѣдка прерываемыя небольшими безлѣсными площадями. Мнѣ, жителю срединной полосы Европейской Россн, съ ея безлѣсными пространствами и открытымъ горизонтомъ, какъ-то жутко становилось среди

безбрежнаго моря сибирскихъ лѣсовъ. Взаберется повозка на горку,— насколько хватаетъ глазъ, синѣетъ въ дымкѣ тумана необъятная средне-сибирская тайга. Кругомъ—ни признаковъ жилья: ни стога, ни изгороди; не слышно ни лая собакъ, ни пѣнія пѣтуховъ; и закрадывается въ душу чувство тоски и одиночества.

Азія, сибирская глушь и отдаленность отъ культурныхъ центровъ сказывались во всемъ. На почтовыхъ станціяхъ нерѣдко можно было видѣть объявленія о воспрещеніи курить въ станціонныхъ комнатахъ опиумъ; встрѣчавшіеся на этихъ же станціяхъ проѣзжающіе поражали мой слухъ, привыкшій къ пѣвучему великороссійскому нарѣчію съ преобладаніемъ звука «а»,—отрывистымъ говоромъ съ доминирующимъ «о» и какими-то странными повышениями и пониженіями голоса. Ежеминутно слышалось «ну» въ значеніи «да», проскальзывали выраженія въ родѣ — «язви тя», «имямъ» — вмѣсто «имъ», «желать», «играть» вмѣсто «желаетъ», «играетъ», и т. д. Скуластыя плоскія лица и маленькіе зоркіе глазки многихъ встрѣчныхъ сибиряковъ краснорѣчиво говорили о близкомъ родствѣ ихъ обладателей съ монгольскимъ племенемъ; да и фамиліи «челдоновъ» (такъ въ Сибири называютъ природныхъ сибиряковъ) очень часто свидѣтельствовали о томъ же: Мамаевъ, Шигаевъ и т. п. Многія селенія носили также нерусскія названія: Тайшитъ, Ингашъ, Бирюса и проч.

На почтовыхъ станціяхъ часто приходилось встрѣчаться и разговаривать съ мѣстными чиновниками, разѣзжающими по дѣламъ службы, съ торговцами и служащими на постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Всѣ меня предупреждали, чтобы я держалъ ухо остро; чтобы всегда имѣлъ наготовѣ оружіе, не останавливался бы для ночлеговъ въ крестьянскихъ избахъ, избѣгалъ бы ночныхъ поѣздокъ и вообще помнилъ бы, что здѣсь не Европейская Россія, а Сибирь, гдѣ кражи, грабежи и убійства чуть не профессиональное занятіе большинства крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ, живущихъ въ селеніяхъ на почтовомъ трактѣ. Все это я принялъ къ свѣдѣнію и руководству.

Расположенныя по почтовому тракту села и деревни были очень велики (одно, напримѣръ, тянулось что-то верстъ семь) и производили впечатлѣніе зажиточности. Толстыя бревна въ стѣнахъ избъ, тесовыя кровли, деревянные, тесомъ же крытыя надворныя постройки, громадныя усадьбы—все это убѣдительнонѣйшимъ образомъ свидѣтельствовало, что у сибиряка и лѣса, и земли вволю. Но встрѣчавшійся близъ селеній скотъ—коровы, овцы, свиньи—поражалъ миниатюрностью своихъ размѣровъ, что ясно говорило о вырожденіи и наводило на нѣкоторыя размышленія о хозяйственности скуластыхъ «челдоновъ».

Проѣхавъ Красноярскъ и Каинскъ, замѣчательные лишь убійствами и грабежами, я наконецъ добрался, послѣ двадцатиднежнаго

путешествія, до села Бирюсы, Нижнеудинскаго округа Иркутской губернии, гдѣ находилось управленіе 11 участка строящейся Средне-Сибирской желѣзной дороги. Бирюса—очень характерное сибирское село — расположено на рѣкѣ того же наименованія; отстоитъ отъ Красноярска верстахъ въ 370. Село зажиточное. Есть очень порядочные дома, крытые желѣзомъ, съ палисадниками и всякими финтифлюшками. Четыре имѣющіяся въ селѣ лавки полны всякой всячины: тутъ и духи, и разная едѣ, и матеріи, и сапоги, и детоги, и все, что будетъ угодно; цѣны на все адскія. Невдалекѣ отъ Бирюсы начинается и необъятнымъ моремъ деревьевъ разстилается дремучая тайга, кормилица сибиряка, черпающаго изъ нея всевозможныя блага. Расчищенныя отъ лѣса поляны, обильно удобренныя растительнымъ перегноемъ, идутъ подъ пашни; лѣсные покосы даютъ прекрасное сѣно; могучія сосны, ели, пихты и лиственницы, доставляя прекрасный строительный матеріалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ отличное топливо; съ величественныхъ кедровъ сибирякъ собираетъ обильную дань орѣхами; лѣтомъ въ тайгѣ много грибовъ и разныхъ ягодъ: малина, смородина, черная и красная, голубика, черника, клубника и земляника занимаютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тайги большія площади; тайга полна четвероногихъ и пернатыхъ обитателей: медвѣдь, волкъ, лиса, обыкновенная и чернобурая, соболь, бѣлка, благородный олень (изюбрь), дикая коза, лось (сохатый), рябчики, тетерева и глухари— все это даетъ сибиряку или прекрасное мясо, или роскошный мѣхъ, для личнаго употребленія и для продажи. De jure огромные лѣса Средней Сибири принадлежатъ казнѣ, de facto—сибиряку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охрана лѣсныхъ богатствъ очень слаба, въ другихъ—совсѣмъ отсутствуетъ. Но легкій доступъ къ разсыпаннымъ вокругъ матеріальнымъ благамъ развилъ въ обитателѣ Средней Сибири непомерную лѣнь и стремленіе къ еще болѣе легкимъ способамъ наживы и на этой почвѣ создалъ цѣлый рядъ всякихъ ненормальностей и безобразій.

Волей судьбы и начальства заброшенный въ Сибирь, живетъ въ глухомъ селѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ дремучей тайгой, какой-либо небогатый чиновничекъ. Нѣтъ у него лошади, чтобы съѣздить въ лѣсъ за валежникомъ, да и служебныя обязанности мѣшаютъ заниматься добычей топлива; а дрова куда какъ нужны. И вотъ обращается онъ къ челдону съ просьбой продать возикъ дровъ.

— Три рублика дашь — продамъ, — заявляетъ челдонъ, почесывая спину и безучастно поглядывая по сторонамъ.

— Да что ты! три рубля за маленькій возикъ! — изумляется чиновникъ. — Вѣдь тайга-то — вотъ она; лѣсъ для дровъ тебѣ не покупать, возка близкая...

— А близко, такъ ступай и руби! — невозмутимо совѣтуетъ челдонъ и преспокойно уходитъ.

Въ лавкахъ кедровые орѣхи стоятъ 10 копеекъ фунтъ.

— Вѣдь это Богъ знаетъ что!—возмущается покупатель, какой-нибудь прїѣзжій изъ Россіи.—Кедровъ у васъ въ тайгѣ пропасть, платы за сборъ орѣховъ—никакой, а за фунтъ ихъ вы просите 10 копеекъ!..

— А дорого—такъ ступай въ тайгу и рви себѣ на здоровье орѣхи!—получается обычный отвѣтъ.

Въ тайгѣ отъ лѣсныхъ пожаровъ (по мѣстному «паловъ») образовались почти безлѣсныя (съ рѣдко растущими березками) площади. Лѣтомъ эти выгорѣвшія мѣста покрываются высокою, сочною кормовою травою, косить которую никому не возбраняется. Такимъ образомъ челдонъ всегда можетъ чуть не даромъ получить тысячи пудовъ сѣна; и при всемъ томъ зимою 1897 г. въ деревняхъ, на почтовомъ трактѣ, сѣно доходило до 1 р. 40—1 р. 60 к. пудъ.

Скотъ, несмотря на обиліе пастбищъ съ прекраснымъ кормомъ, малъ и худъ. Лѣтомъ 1896 г., для продовольствія рабочихъ 4 дистанціи 11 участка было куплено 100 головъ мѣстнаго рогатаго скота. Вѣсъ туши, въ среднемъ, не превышалъ 5 пудовъ; попадались, какъ рѣдкость, экземпляры пудовъ на 9, но чаще—пуда на 3 съ половиною,—и это вѣдь не телята, а вполне развитшіеся быки и коровы. Простыя куры, величиною съ такъ называемыхъ корольковъ, стоили отъ 60 коп. до 1 рубля штука, куриныя яйца—50—60 коп. десятокъ и проч.

Облѣнившійся челдонъ, находя, что эксплуатація разсыпанныхъ вокругъ него даровъ природы—дѣло «шибко» трудное, въ безчисленные часы своего досуга придумываетъ всевозможные, болѣе легкіе способы наживы, не считаясь съ моралью. Надуть, смошенничать, присвоить имущество, убить и ограбить перваго встрѣчнаго—все это въ Средней Сибири дѣло обыденное, никого не смущающее. Осуждается лишь отсутствіе виртуозности въ исполненіи. Ну, а что касается возмездія за такіе подвиги, то челдонъ отлично знаетъ, какъ устранить всякія возмездія...

Побывъ нѣкоторое время въ Бирюсѣ и ознакомившись въ конторѣ 11-го участка съ главными деталями предстоящаго мнѣ дѣла, я отправился къ начальнику IV дистанціи, временно проживавшему за неимѣніемъ подходящаго на линіи помѣщенія, въ дер. Разгонѣ, отстоящей отъ Бирюсы верстахъ въ 45.

Любезно принявшій меня начальникъ дистанціи, Д. И. Г., симпатичный кавказскій горецъ, сообщилъ мнѣ, что Разгономъ мое путешествіе и мои мытарства еще не заканчиваются и что денька черезъ два я долженъ буду отправиться на пикетъ № 123 вер. 424-й, главный пунктъ IV дистанціи, около котораго сосредоточены всѣ работы. При этомъ Д. И. Г. меня предупредилъ, чтобы я запасся оружіемъ и, находясь на пикетѣ, надѣялся бы

лишь на себя, на свой тактъ, изворотливость и умѣнїе предугадывать опасности и избѣгать ихъ, такъ какъ меня будутъ окружать рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ (шпана, легучка, кобылка—по мѣстному), съ которыми безъ револьвера ладить трудненько. Кромѣ того, Д. И. посоветовалъ мнѣ заручиться расположеніемъ ссыльныхъ кавказскихъ горцевъ, находившихся въ числѣ рабочихъ.

— Я самъ уроженецъ Кавказа,—говорилъ онъ,—и мнѣ, разумѣется, болѣе всѣхъ должны быть знакомы нравы моихъ соотечественниковъ. Это люди хорошіе. Сумѣйте узнать ихъ и примѣнитесь къ нимъ... Впослѣдствіи вы сами убѣдитесь, что не пристрастіе къ своему родному племени заставляеть меня говорить такъ... Лишь будьте съ ними справедливы... а тамъ—какъ угодно штрафуйте и увольняйте ихъ: въ претензіи не будутъ. Но остерегайтесь обругать горца площаднымъ словомъ: послѣдствія всякія могутъ быть!.. Заручившись же расположеніемъ горцевъ, вы приобретете себѣ вѣрныхъ тѣлохранителей.

Опять дремучая тайга приняла меня въ свои объятія. Въ Разгонѣ пришлось свернуть съ почтового тракта на таежную дорожку, ведущую къ желѣзнодорожной просѣлкѣ. Глухо шумѣли кругомъ сумрачныя ели, пихты и сосны, да вверху изрѣдка раздавался пронзительно-переливчатый крикъ желны (черный дятель). Въ душѣ зарождалось смутное чувство шемящей тоски и безотчетнаго страха. Кучеръ-челдонъ, только что сообщившій мнѣ, что медвѣди поднялись съ своихъ берлогъ и бродятъ вездѣ (было начало апрѣля), преспокойнѣйшимъ образомъ покуривалъ трубочку и похлестывалъ лошадь.

Выбравшись на просѣлку, таинственнымъ коридоромъ убѣгавшую въ глубь тайги, мы вскорѣ прибыли къ казеннымъ баракамъ, расположеннымъ на 424-й верстѣ, считая отъ Красноярска.

Бараки оказались сараями изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, съ крышами изъ горбылей и съ прорубленными въ стѣнахъ небольшими окошечками. Въ баракахъ жили рабочіе; недалеко были расположены кузница, пекарня, кладовая и конюшня, гдѣ стояло шесть казенныхъ лошадей. Къ баракамъ вплотную подходила дремучая тайга.

Обязанный вести счетоводство по приходу и расходу казеннаго матеріала, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ отпускать рабочимъ, въ счетъ заработка, всевозможные продукты изъ кладовой, наблюдать за кузницей, пекарней и конюшней, слѣдить за поведеніемъ рабочихъ и служащихъ и проч. Вообще на меня возлагалась хозяйственно-административная часть, и работы было по горло. Технической частью завѣдывали десятники; все же—и техническая, и хозяйственная части и административныя распоряженія—находилось подъ высшимъ наблюденіемъ начальника дистанціи.

Помѣщался я въ жалкой хибаркѣ, подъ одной кровлей съ хлѣбопекарней, отдѣленной отъ моей комнаты лишь дырявой стѣной. Отъ общихъ бараковъ, гдѣ жили рабочіе, ссыльно-поселенцы, мое помѣщеніе отличалось многимъ, напримѣръ: лѣтомъ, въ іюлѣ, въ общихъ баракахъ было очень прохладно,—у меня же, благодаря совмѣстному дѣйствію солнечныхъ лучей и двухъ громаднхъ хлѣбопекарныхъ печей, жара достигала 40° по Р.; дождь въ общіе бараки не проникалъ,—меня же, въ моей привилегированной конурѣ, поливалъ безпрепятственно сквозь ажурную кровлю во всякое время дня и ночи; зимнимъ днемъ, накаливъ добѣла желѣзную печку и поддерживая ее въ такомъ видѣ до поздней ночи, можно еще было достигнуть нѣкотораго тепла, но ночью положеніе осложнялось въ значительной степени: приходилось или не спать и топить печь, или же спать, печки, слѣдовательно, не топить и замерзать. Я выбиралъ послѣднее—и подъ двумя шубами безъ конца мерзъ. Вода въ стаканѣ промерзала до дна; утромъ нельзя было писать, такъ какъ чернила въ чернильницѣ обращались въ камень, и т. д. Въ общихъ баракахъ было очень тепло благодаря многолюдству и постоянно топившейся печкѣ, неугасимый огонь въ которой поддерживали специально дежурившіе для этого рабочіе. Заставить кого-либо топить по ночамъ въ моемъ помѣщеніи печь я не могъ, такъ какъ крайне рискованно было оставить комнату незапертою и ввѣрить свое имущество и жизнь шпанѣ и челдонамъ. Комфортабельность моей квартиры въ достаточной степени увеличивалась массою клоповъ. Кронопійцы эти обитали во всѣхъ щеляхъ помѣщенія, въ потолокѣ, стѣнахъ, полу, въ табуретахъ, въ счетныхъ книгахъ и проч., рѣшительно не было мѣста, гдѣ бы не сидѣли эти мучители рода человѣческаго. Кусали они меня и днемъ и ночью во всѣ времена года. Въ концѣ концовъ я такъ къ нимъ привыкъ, что совсѣмъ не чувствовалъ укусовъ, и лишь покрытое ранками и ссадинами тѣло да окровавленное бѣлье краснорѣчиво свидѣтельствовали о подвигахъ маленькихъ разбойниковъ. Страдающимъ отъ полнокровія моя сибирская квартирка могла бы оказать неоцѣнимую услугу; и школой терпѣнія она могла бы прекрасно служить...

Разбирая съ утра до вечера ссоры рабочихъ, цѣлый день выдавая имъ изъ кладовой продукты, часто разговаривая съ ними, я постепенно знакомился съ бытомъ и нравами какъ шпаны, такъ и челдоновъ.

Въ числѣ ссыльныхъ, работавшихъ на IV дистанціи, было много кавказскихъ горцевъ разныхъ племенъ: были тутъ чеченцы, кавбардинцы, кумыки, ингуши и др.; но больше всего было чеченцевъ. Самый скверный жребій выкинула этимъ кавказцамъ суровая судьба. Изъ величественныхъ горъ родного Кавказа съ его благодатнымъ климатомъ заброшенные въ мрачныя нѣдра холод-

ной Сибири, попали они въ совершенно чуждую, несвойственную имъ обстановку. Ни климатъ Сибири, ни религія, ни обычаи ея обитателей, ни вообще всѣ условія окружающей жизни нимало не напоминаютъ имъ далекой родины. Христіанское населеніе страны—челдоны и шпана,—вѣчно враждующее между собою, забываетъ вражду, разъ дѣло коснется черкеса, и въ дѣлѣ учиненія всякихъ пакостей горцу-нехристю проявляетъ трогательное единодушіе. Но твердо и гордо несутъ обездоленные горцы свое неутишимое горе, свою невыплаканную тоску по страстно любимой отчизнѣ. Лица, высланныя изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, въ сравненіи съ кавказскими горцами, несутъ болѣе легкую участь. Поселившись въ Сибири, они попадаютъ почти въ такія же условія жизни, какія окружали ихъ и на родинѣ; на новыхъ мѣстахъ они находятъ много знакомаго, обычнаго и привычнаго: климатъ, религію, языкъ и проч. И лишь на почвѣ чисто матеріальныхъ расчетовъ и интересовъ между ссыльно-поселенцами и коренными сибиряками возникаетъ нерѣдко вражда, но племенной и религіозной розни тутъ нѣтъ; между тѣмъ кавказскіе горцы на каждомъ шагѣ испытываютъ всю тяжесть этой розни съ христіанами. Такимъ образомъ, ссылка въ Сибирь для горцевъ является болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ для преступниковъ-христіанъ, хотя, въ большинствѣ случаевъ, преступленія горцевъ особой злостностью не отличаются. Грабежи, убійства, систематическое укрывательство кражъ, вооруженное сопротивленіе властямъ—вотъ, главнымъ образомъ, преступленія, перенесшія кавказскаго горца съ благословеннаго юга подъ суровое небо негостепріимной Сибири. Въ большинствѣ случаевъ не сознательное отношеніе къ инкриминируемымъ поступкамъ, не преступная воля заставила горца совершить эти преступленія, а нѣчто другое. Большинство горцевъ глубоко убѣждено, что преступленія, заставившія ихъ переселиться въ Сибирь,—совсѣмъ не преступленія, а точное исполненіе закона, за которое слѣдовало бы не наказывать, а хвалить.

— Мои односельцы,—разсказываетъ мнѣ одинъ ссыльный чеченецъ,—угнали гдѣ-то лошадей и, преслѣдуемые, скрывались кто гдѣ могъ. Нѣкоторые изъ нихъ явились подъ мою кровлю и просили ихъ укрыть. По нашему закону, всякій ищущій защиты или гостепріимства подъ кровлей чьего-либо жилища священное лицо для хозяина этого жилища, и хозяинъ долженъ защищать своего гостя до послѣдней капли крови. Не исполнившій этого закона долженъ бѣжать куда глаза глядятъ: онъ презрѣнная собака, ему глотка воды не дадутъ, и всякій горецъ можетъ убить его, какъ никуда негоднаго человѣка... Явился приставъ, сталъ производить обыскъ и нашель моихъ гостей... Я защищалъ ихъ и берданкой, и кинжаломъ,—и вотъ меня сослали сюда... Скажи,

развѣ это справедливо?.. Вѣдь нашъ законъ велитъ защищать гостей,—я и защищалъ ихъ... А другого закона я никакого не знаю!..

Родовая кровавая месть, возведенная на Кавказѣ въ непреложный законъ, обязательный къ исполнению, привела многихъ горцевъ въ Сибирь. И въ подобныхъ случаяхъ всѣ они глубоко убѣждены, что незаконно сосланы за точное исполненіе своего закона и что, вотъ, если бы они не исполнили этого закона, тогда былъ бы смыслъ ссылать ихъ въ Сибирь.

Ссылный горецъ, находясь въ чуждой ему и враждебной средѣ, ни на юту не поступится своими убѣжденіями. Всегда онъ корректенъ, религиозенъ, правдивъ, щедръ, не алченъ на деньги, трезвъ, добръ и сострадательнъ. Конечно, и исключенія бываютъ, но гдѣ ихъ нѣтъ?—Горецъ не надуетъ васъ, не подведетъ и никогда не измѣнитъ данному слову.

Горецъ очень строго исполняетъ свои религіозные обряды. Заходитъ солнце; глухо гудитъ безконечная тайга. Пришедшіе съ работъ рабочіе собрались въ баракахъ; кто варитъ чай, кто закусываетъ, кто играетъ на гармоникѣ, а кто и въ картишки перекидывается. Забубенная шпана громко ругается, и крѣпкія, отборныя словечки висятъ въ воздухѣ. На нарахъ, обратившись лицомъ къ востоку, стоятъ чеченцы-сторожа: Халыгъ Абдулаевъ, престарѣлый Баталь Цугрукъ и Алхазъ Дадашевъ. Строго и величаво глядятъ ихъ суровыя лица; молитвенно сложены руки, и, кладя поклонъ за поклономъ, они не обращаютъ никакого вниманія на царящій въ баракахъ оглушительный гомонъ. Во время молитвы ихъ лица всегда поражали меня своей вдохновенностью и одухотворенностью: крѣпкая вѣра освѣщала ихъ,—та вѣра, для которой не страшны костры и сладки мученія. Шпана,—нужно отдать ей справедливость,—во время молитвы надъ ними не издѣвалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращала своей бессмысленной и безобразной ругани.

IV.

Среди ссыльныхъ, работавшихъ на дистанціи, были представители многихъ губерній Европейской Россіи: и рязанцы, и туляки, и пермяки, и др. Немало было и уроженцевъ Литвы, Польши и Прибалтійскаго края. Всѣ они носятъ въ Сибири общее названіе «шпаны», «летучки», «кобылки», и всѣ представляютъ партію, крѣпко сплоченную общностью интересовъ и положенія. Относясь недовѣрчиво къ «вольнымъ», ежеминутно ожидая отъ нихъ какой-либо каверзы, шпана живетъ совершенно обособленной жизнью, рѣдко посвящая постороннихъ въ тайны своего бытія. Нужно заручиться особымъ довѣріемъ и расположеніемъ ссыльно-поселенца,

чтобы онъ открылъ предъ вами свою душу. Будетъ онъ предъ вами лебезить, заискивать, будетъ и услуживать вамъ, и навретъ вамъ съ три короба, но въ откровенность не пустится.

Ко мнѣ шпана сперва относилась съ глубокимъ недовѣріемъ, но впослѣдствіи, убѣдясь, что я не желаю ей худа и нимало не пользуюсь безправностью ея положенія, стала относиться съ большимъ довѣріемъ и кое-что поразказала изъ своей горькой жизни, полной всякаго зла.

Поистинѣ, невыносимо тяжелымъ, ужаснымъ и мерзкимъ является положеніе въ Сибири ссыльно-поселенцевъ, уроженцевъ Европейской Россіи. Мнѣ думается, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ едва ли найдется еще другое такое мѣсто, гдѣ бы такъ принижалась личность человѣка; лишь одни кавказскіе горцы могутъ похвалиться, что имъ въ Сибири живется еще хуже. О ссыльно-поселенцахъ Сибири никто не заботится, никто не прилагаетъ усилій облегчить ихъ горькую участь, и всѣ съ презрѣніемъ глядятъ на шпану. Бьетъ и грабитъ ссыльно-поселенца челдонъ, чиститъ по физиономіи и нещадно поретъ представитель мѣстной администраціи, и никто не хочетъ признать за нимъ человѣческихъ правъ. Ссыльно-поселенецъ всегда помнитъ, что онъ — безправное существо, «лишенецъ». Постоянныя униженія, сознание собственнаго безправія, отчаяніе, безысходная нужда—все это, разумѣется, мало способствуетъ развитію какихъ бы то ни было добродѣтелей; и шпана давно махнула рукою на все святое и создала себѣ особый кодексъ нравственности, свою особую мораль. «Если представляется возможность украсть—не упусти и вору; если нужно надуть—надувай; если выгодно убить кого-либо изъ «вольныхъ»—убивай», и проч. «Но остерегайся и избѣгай всего, что можетъ ухудшить положеніе «шпаны». Таковы, приблизительно, главныя, основныя положенія ссыльно-поселенческой морали. И шпана воруетъ, грабитъ, рѣжетъ, мошенничаетъ, богохульствуетъ и безъ конца совершаетъ всевозможныя преступленія, строго слѣдуя основнымъ положеніямъ своей морали, выработанной подъ вліяніемъ нечеловѣческой жизни. Много силъ и дарованій бесплодно, непроизводительно погибаетъ въ ссылкѣ.

Многихъ и многихъ въ Сибирь привели совершенно случайныя преступленія. Пошли такіе несчастливцы въ далекую ссылку лишь со страхомъ и отчаяніемъ въ душѣ; пройдя же безчисленные тюрьмы и этапные остроги, они многому понаучились и, между прочимъ, узнали, что въ Сибири ихъ ждетъ адское житье, что честию тамъ не проживешь, что въ Сибири они хуже собакъ, а, слѣдовательно, по-собачьи должны и поступать, и т. д. Отчаяніе уступило мѣсто озлобленію. А дальше — дорожка извѣстная, проторенная... Прибывъ въ мѣста ссылки, ссыльные воочию убѣдились, что все слышанное сущая правда: нѣтъ ни работы, ни ин-

струментовъ, ни денегъ, ни помощи; и прицѣпиться не къ чему, чтобы кусокъ хлѣба добыть... И пошли молодцы на почтовый трактъ «добывать».

«— Вы, К. И.,—говорилъ мнѣ одинъ ссыльный, Дмитрій Козловъ, въ минуты откровенности, — ни одному изъ насъ, шпаны, на грошъ не вѣрьте... Вотъ я съ вами по доброму разговариваю; я люблю и уважаю васъ... Ну, а если представится случай украсть у васъ, — ей-Богу украду!.. Такая ужъ у насъ повадка. Прежде я не былъ такой... до Сибири...»

Странныя вещи иногда приходилось наблюдать, вращаясь среди ссыльныхъ. Былъ у насъ на работахъ одинъ ссыльно-поселенецъ, Дмитрій Родіоновъ, пожилой, угрюмый и страшно озлобленный человѣкъ. Постоянно, бывало, Родіоновъ дико богохульствуетъ; много разъ былъ замѣченъ въ кражѣ. Его же сотоварищи мнѣ говорили, что у него уже не разъ были руки въ человѣческой крови... Однако, очень часто, обходя утренней зарею барачныя помѣщенія, я видалъ Родіонова за конюшней, въ тайгѣ, горячо, на колѣняхъ, молящимся; лицо обращено къ небу, по щекамъ градомъ катятся слезы, а рука твердо, наотмашь кладетъ крестное знаменіе.

Среди шпаны немало интеллигентныхъ людей. Ничѣмъ, по внѣшности, не отличаясь отъ прочихъ ссыльныхъ, они, насколько я могъ замѣтить, безнравственностью превосходятъ ихъ.

Однажды сижу я въ своей конторѣ и занимаюсь сведеніемъ какихъ-то счетовъ. Входитъ высокаго роста субъектъ, лѣтъ 35, повидимому, ссыльно-поселенецъ. Одѣтъ въ невообразимыя лохмотья; на ногахъ мѣстная обувь—бродни, въ рукахъ, несмотря на лѣто, мѣховая шапка съ наушниками; испещренныя разноцвѣтными заплатами брюки спускаются на бродни причудливыми фестонами. Лицо помято и истаскано; глаза ежеминутно щурятся.

— Что нужно?—спрашиваю.

— Ищу работы, — отвѣчаетъ субъектъ. — Нѣтъ ли у васъ какой?

— А вы что можете дѣлать?

— Все могу дѣлать, —проспокойно отвѣчаетъ субъектъ.

— Вы ссыльно-поселенецъ?

— Да, имѣю честь быть таковымъ, — отрѣчаетъ субъектъ. —

Вѣдь у васъ на работы, я слышалъ, и шпану принимаютъ...

— Колеса у телѣгъ исправить можете? У насъ многія требуютъ починки, —говорю я.

— Это—моя специальность, —сообщаетъ субъектъ.

— Ваша фамилія?

— Фаддей Адуцкевичъ.

Велѣлъ я выдать Адуцкевичу и колеса, нуждающіяся въ починкѣ, и соотвѣтствующій инструментъ. Адуцкевичъ выбралъ за

бараками широкой пень отъ спиленной сосны и принялся за работу. Вечеромъ подхожу я къ нему и вижу массу обрубковъ, палочекъ, колышковъ и разобранныя, но совершенно не исправленныя колеса.

— Вѣдь это что-то не то,—говорю я Адуцкевичу, преспокойно раскуривающему трубку.

— Я самъ вижу, что не то,—отвѣчаетъ онъ, съ недоумѣнiемъ поглядывая на свою работу.

— Такъ, значитъ, вы колеса чинить не умѣете?—спрашиваю я, тоже недоумѣвая.

— Никогда и въ рукахъ-то ни одного колеса не держалъ,—невозмутимо сообщаетъ мнѣ Адуцкевичъ.

— Такъ какъ же вы утромъ говорили мнѣ, что это ваша спеціальность?—задаю я вопросъ.

— Какъ жрать-то захочется, — отвѣчаетъ озлобленно онъ,—такъ какимъ угодно специалистомъ скажешься!..

Изъ разспросовъ я узналъ, что Адуцкевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету, былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и сосланъ за мошенничество.

— Что, не затынула васъ жизнь шпаны?—разспрашиваю я его.—Не хочется вамъ вернуться назадъ въ Россiю?

— Меня никто и ничто не затынетъ,—гордо отвѣтилъ Адуцкевичъ:—я самъ кого угодно затыну... А зачѣмъ, скажите, возвращаться мнѣ въ Россiю?.. Какiя такiя благодсти ждутъ меня тамъ?.. Всякiя предначертанiя закона, требованiя условной, показной морали, правила приличiй и общежитiя, полицейскiя правила, вѣчный гнетъ и стѣсненiе — вотъ что ждетъ меня въ Россiи!.. Шпана, говорятъ, безправна... Мало ли что говорятъ!.. А я вамъ скажу: нѣтъ, шпана—вольная птица!.. Не связана она ни требованiями нравственности, ни приличiями, ни религiозными предразсудками, ни семейными привязанностями, ни прочими путами, которыя вяжутъ по рукамъ и ногамъ васъ, добродѣтельныхъ, стоящихъ на легальной почвѣ филистеровъ!.. Вотъ я—свободенъ, какъ орелъ: куда хочу—туда лечу...

Адуцкевичъ, отказавшiйся отъ починки колесъ, получилъ какую-то другую работу и съ грѣхомъ пополамъ проработалъ на пикетѣ № 123 недѣли двѣ; расчетъ получалъ каждый день и каждый день полученныя деньги пропивалъ и проигрывалъ въ карты. Шпана къ нему относилась съ уваженiемъ. Прошло недѣли двѣ. Однажды является ко мнѣ старшiй конюхъ Бакжанъ Байнбетовъ, киргизъ, и заявляетъ, что у него изъ стола пропало 17 руб.; въ кражѣ этихъ денегъ онъ подозрѣваетъ Адуцкевича, который въ этотъ день уже получилъ расчетъ и собрался куда-то уходить. Я посовѣтовалъ Байнбетову обратиться съ жалобой къ жандарму, случайно находившемуся въ баракахъ. Жандармъ

на площадкѣ передъ бараками сталъ обыскивать Адуцкевича. Я подошелъ. Жандармъ копался въ узлѣ Адуцкевича, а Адуцкевичъ, величественно скрестивъ на груди руки, презрительно поглядывалъ внизъ на копавшагося жандарма.

— Потѣха!—обратился съ усмѣшкою ко мнѣ Адуцкевичъ.—Ну скажите пожалуйста, Константинъ Ивановичъ, какой воръ, укравъ деньги, станетъ прятать ихъ въ своемъ узлѣ?!

Денегъ такъ и не нашли, и Адуцкевичъ былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны.

Немного лѣтъ тому назадъ, рассказывали мнѣ ссыльно-поселенцы, между Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ бродилъ одинъ ссыльно-поселенецъ, Смолякъ. Въ Иркутскѣ, какъ извѣстно, покоятся мощи св. Иннокентія. На поклоненіе имъ стремится по почтовому тракту масса богомольцевъ. Этыхъ-то богомольцевъ Смолякъ и избралъ своимъ жертвами. Прикинется самъ богомольцемъ, вздыхаетъ, ѡхаетъ, ежеминутно крестится и, избравъ удобное время и мѣсто, рѣжетъ намѣченную жертву, отбирая у нея все мало-мальски цѣнное. Однажды Смолякъ зарѣзалъ зазѣвавшагося богомольца и вынулъ у него изъ кармана три рубля. Сдѣлалъ онъ это чуть не на виду у прочихъ богомольцевъ, такъ что дѣло принимало опасный оборотъ, и Смолякъ могъ попасться. Однако, злодѣй во время ухи-трился скрыться. Собратья по ремеслу, узнавъ объ этомъ, стали доказывать Смоляку, что онъ поступилъ глупо, рискуя изъ-за трехъ рублей.

— Чудакъ ты, товарищъ!—возразилъ Смолякъ одному изъ укорявшихъ. — Три рубля... Такъ вѣдь зарѣжу одного — три рубля... а какъ зарѣжу десять,—такъ вѣдь это тридцать рублей въ день... и статья безгрѣшная...

Повидимому, эти слова — бравада, столь присущая шпанкѣ. Но подвиги Смоляка очень краснорѣчиво говорили, что у него отъ словъ недалеко и до дѣла. Смолякъ становился все наглѣе и наглѣе, такъ что даже и иркутская администрація, державшаяся въ отношеніи Смоляка политики невмѣшательства, заводновалась и устроила на него облаву. Смолякъ былъ захваченъ спящимъ и вскорѣ же казненъ.

Сроки ссылки обыкновенно сокращаются всемилостивѣйшими манифестами. Кромѣ того, нахождение на работахъ по постройкѣ великаго Сибирскаго пути въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ также сокращало ссылку. Такимъ образомъ, сроки ссылки, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ факторовъ, значительно сокращались. Несмотря на все это, сравнительно немногіе изъ ссыльныхъ изъявляли желаніе воспользоваться правомъ на сокращеніе своего пребыванія въ Сибири. Удрать за Уралъ нелегальнымъ путемъ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ и невзгодамъ, для того, чтобы, побывавъ на родинѣ, а иногда и не дойдя до нея, вновь возвра-

титься подъ конвоемъ въ ссылку, — на это любой изъ ссыльныхъ всегда готовъ; но отправиться на родную сторону вольнымъ человекомъ, воспользовавшись льготами по сокращенію сроковъ ссылки, желающихъ, повторяю, являлось что-то мало. По моимъ наблюденіямъ, чѣмъ дольше пробылъ человекъ въ ссылкѣ, тѣмъ менѣе замѣтно въ немъ желаніе возстановить свои давно утраченныя человѣческія права. Погрязъ онъ въ омутѣ пороковъ, затянуло его «шпанство»; въ душѣ его еле-еле тлѣетъ искорка добра; непрерывный рядъ униженій и оплеваній породилъ въ немъ апатію и сознаніе своей негодности и полной невозможности вновь сдѣлаться полезнымъ членомъ человѣческой семьи, облеченнымъ нѣкоторыми правами и несущимъ извѣстныя обязанности. Многие ссыльные говорили мнѣ, что страстное желаніе возвратиться домой съ правами вольнаго человека въ значительной степени охлаждается непоколебимой увѣренностью, что тамъ, на родинѣ, несмотря на возвращенныя права, имъ все будутъ ставить на видъ ихъ прошлое и все этимъ пршлымъ будутъ ихъ укорять. «Права-то намъ вернуть, — бесѣдовала со мною шпана: — а все же никому глотку не заткнешь. Чуть что — сейчасъ же: ты — ссыльный, ты — каторжникъ, ты — человекъ опасный! Тутъ никакія права не помогутъ... Нѣтъ, ужъ видно, безъ печати запечатаны мы».

На пикетѣ № 123 былъ пекарь, Ѳедоръ Ивановичъ, изъ курскихъ крестьянъ, старикъ лѣтъ 60, ссыльно-поселенецъ. Средняго роста, худощавый, съ небольшой бородкой, Ѳедоръ Ивановичъ пользовался среди шпаны большимъ уваженіемъ. Ссыльные обращались къ нему за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни. Придетъ, бывало, какой-нибудь оборванецъ къ намъ на пикетъ, вызоветъ Ѳедора Ивановича изъ пекарни; отойдутъ они за бараки и бесѣдуютъ. — «Ну, такъ и сдѣлай, какъ я говорилъ», заканчиваетъ совѣщаніе Ѳедоръ Ивановичъ. И оборванецъ уходитъ, видимо, успокоенный.

Пекарня, гдѣ жилъ Ѳедоръ Ивановичъ, была построена рядомъ съ моей квартирой и отдѣлялась отъ нея лишь тонкой бревенчатой стѣной. Нельзя сказать, чтобы на первое время мнѣ было пріятно такое сосѣдство. Привозившій меня на пикетъ № 123 сибирякъ, кучеръ начальника дистанціи, сообщая мнѣ о тѣхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, которыя ждутъ меня на пикетѣ, въ особенности рекомендовалъ остерегаться Ѳедора Ивановича, пекаря. «Всякій тамъ народъ есть, — говорилъ мнѣ человекъ: — но больше всѣхъ берегитесь пекаря. Это такой человекъ, что ну! Про него говорятъ, что нѣтъ злодѣйства, какого бы онъ не сдѣлалъ». — Подготовленный такимъ образомъ, я насторожился. Какимъ-то чудовищемъ рисовался въ моемъ воображеніи невѣдомый Ѳедоръ Ивановичъ. Опасенія мои не оправдались. Съ первой же встрѣчи Ѳедоръ Ивановичъ привлекъ мое вниманіе своею услужливостью и деликат-

ностью. Опасный экземпляръ, — соображалъ я, видя старанія Федора Ивановича такъ или иначе услужить мнѣ. Однако, все ближе и ближе знакомясь съ Федоромъ Ивановичемъ, я понемногу мѣнялъ свое мнѣніе о немъ. Не прошло и года, какъ Федоръ Ивановичъ всецѣло завладѣлъ моими симпатіями. Услужливый, добрый, честный, на рѣдкость умный и отзывчивый, Федоръ Ивановичъ за то только, что я не ругалъ его, говорилъ ему «вы», довѣрялъ ему и вообще относился къ нему, какъ къ равному себѣ, сильно привязался ко мнѣ. Имѣлъ я друзей, товарищей и пріятелей изъ другого міра — вольнаго; приходилось многимъ изъ нихъ оказывать кое-какія услуги, кое-чѣмъ помогать; но ни одинъ изъ нихъ не обнаружилъ такой беззавѣтной готовности платить добромъ за добро, какую проявлялъ по отношенію ко мнѣ Федоръ Ивановичъ, бывший убійца, грабитель и мошенникъ, составившій себѣ среди шпаны прочную репутацію отчаяннаго человѣка. А нужно замѣтить, шпану двумя или тремя какими-либо убійствами не удивишь; и репутація «отчаяннаго» создается не только количествомъ, но и качествомъ преступленій, такъ сказать, чистотой отдѣлки. Да и добро-то, какое я дѣлалъ Федору Ивановичу, было, въ сущности, очень маленькое: я былъ вѣжливъ съ нимъ и не обижалъ его.

Выдавая съ утра до вечера провизію рабочимъ, разбирая ихъ ссоры и дразги, занимаясь всевозможными расчетами и отчетами и т. п., я страшно утомлялся. Утомленіе, тоска по родинѣ и оставленной тамъ семьѣ, постоянныя тревоги, волненія и непріятности окончательно развинтили мои и безъ того разстроенныя нервы. Я сильно упалъ духомъ. И въ этотъ-то мучительный періодъ душевнаго недомоганія Федоръ Ивановичъ являлся единственнымъ моимъ утѣшителемъ. Придетъ, бывало, старикъ ко мнѣ въ контору, присядетъ и осторожно, ласково начнетъ утѣшать меня и доказывать безпредметность и безпричинность моей тоски.

— Эхъ, Константинъ Ивановичъ, батюшка, вернетесь вы къ своей семьѣ, и все пойдетъ по старому... Ужъ если вы убиваетесь, то я-то, я-то что долженъ дѣлать?! Вѣдь у меня ни позади, ни впереди ничего хорошаго нѣтъ... Что я? — лишенецъ, Федоръ Непомнящій... шпана!.. Вѣдь ужъ скоро 30 лѣтъ минеть, какъ я попалъ въ ссылку и шатаюсь по Сибири, какъ бездомная собака!..

Въ одно изъ такихъ посѣщеній я спросилъ Федора Ивановича, почему онъ остается такъ долго ссылкой и не воспользовался сокращеніями сроковъ ссылки по манифестамъ.

— Я, батюшка, подъ манифесты не подхожу, — отвѣтилъ мнѣ Федоръ Ивановичъ. — Вѣдь я — не помнящій родства... Если бъ открыли, кто я и что я, такъ ужъ и не знаю, что бы со мной сдѣлали. На моей душѣ грѣховъ много... охъ, какъ много!.. И дѣла я дѣлалъ!.. — И старикъ скорбно поникъ головою...

Я его болѣе не разспрашивалъ.

Однажды, по окончаніи работъ, сидѣлъ я около навѣса, гдѣ рабочіе варили себѣ похлебку и жарили мясо. Ѳедоръ Ивановичъ что-то поджаривалъ. Тихій лѣтній вечеръ, молчаливая тайга, озаренная послѣдними лучами заходящаго солнца, предвкушеніе отдыха и сытной ѣды — все это располагало къ благодушію; и шпана, что называется, распоясалась. Сыпались шутки, прибаутки и крѣпкія словечки. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ боролись на пескѣ. Около навѣса было очень оживленно. По просѣлкѣ къ баракамъ приближался какой-то оборванецъ.

— А вѣдь это Ѳома Бочаровъ!—сказалъ кто-то изъ ссыльныхъ, всматриваясь въ подходящаго оборванца.

— Онъ и есть!—подтвердили прочіе.

— Бонжуръ, товарищи!—еще издалека крикнулъ оборванецъ, дѣлая реверансъ.

Шпана загоготала.

— А страсть ты, Ѳома, на модную барышню похожъ!—замѣтилъ кто-то.

— Двѣнадцать институтовъ прошелъ и во всѣхъ экзаменъ сдалъ!—ухарски заламывая драный картузь, сообщилъ Ѳома и сбросилъ на землю висѣвшіе у него за плечами туязъ (ведерко изъ бересты) и котелокъ.

Ѳома оказался рябоватымъ, средняго роста, довольно полнымъ мужчиной лѣтъ 35. Одѣтъ онъ былъ въ рваную блузу и такія же шаровары; поясъ и обувь отсутствовали; на головѣ торчало нѣкоторое подобіе картуза, съ на половину оторваннымъ козырькомъ. Весельчакъ и бонмотистъ, Ѳома тотчасъ же собралъ вокругъ себя толпу рабочихъ.

Взрывы хохота развеселившейся шпаны далеко разносились по тайгѣ, нарушая ея угрюмый покой.

— Э, старый товарищъ, здорово!—воскликнулъ Ѳома, увидавъ Ѳедора Ивановича, намѣревавшагося незамѣтно улизнуть.

— Здравствуй, Ѳома!—мрачно отвѣтилъ старикъ, торопливо собирая принадлежности своей страпни.

— А вѣдь купецъ-то ничего себѣ — выздоровѣлъ! — радостно сообщилъ Ѳедору Ивановичу Ѳома.

— Пошелъ къ чорту и съ купцомъ-то твоимъ!—съ сердцемъ крикнулъ Ѳедоръ Ивановичъ и, подхвативъ свое жаркое, поспѣшно ушелъ.

— Какой такой купецъ?—встрепенулась шпана.

— Что такое? Какой купецъ?—въ свою очередь, спросилъ я Ѳому.

— Да такъ себѣ... было одно дѣло,—вдругъ сдѣлавшись серьезнымъ, отвѣтилъ мнѣ Ѳома.

— Ничего, Ѳома, рассказывай,—ободрили оборванца рабочіе.— Худа не будетъ.

Өома усѣлся на пенекъ и, закуривъ цыгарку, началъ разсказывать:

— Мы съ Өедоромъ этимъ вмѣстѣ бродяжили, вмѣстѣ и на пріискахъ, въ Олекмѣ, работали. Дѣло было лѣтъ семь тому назадъ, поздней осенью; холода ужъ начались. Идемъ это мы изъ Олекмы трактомъ... Кругомъ, извѣстно, тайга... Два дня какъ ничего мы не добыли... Ни тебѣ табаку, ни ѣды — ничего у насъ нѣтъ — хоть помирай. Подходимъ къ одной деревенькѣ — маленькая такая деревушка. Обгоняетъ насъ на парѣ какой-то купецъ, либо богатый мужикъ — не разобрали. Закутанъ купецъ въ доху. На козлахъ сидитъ мальчонка. — «Въ деревушкѣ-то купецъ непремѣнно станцію сдѣлаетъ, — говорю я Өедору. — До деревушки-то переѣздъ цѣлыхъ 50 верстъ. Поспѣшимъ, авось что и оборудуемъ!» — И мы шастъ въ деревушку. Видимъ, купецъ лошадей остановилъ и вошелъ въ чей-то домъ. Дѣло на руку. Прошли мы деревню, отошли версты четыре, выбрали мѣсто покустистѣй и залегли ждать купца. Знаемъ, что въ деревушкѣ ему дѣлать нечего: деревушка бѣдная; коли остановился, такъ не для дѣла, а лишь чаю попить да конямъ дать вздохнуть. Ждемъ. Смотримъ — ѣдетъ потихоньку. Я толкнулъ Өедора: готовься, значить. Подползли поближе. Кони бѣгутъ съ ноги на ногу. Поровнялся купецъ съ нами. Однимъ минтомъ Өедоръ коренника подъ уздцы, а я къ купцу. Мальчонка съ козель долой и драла въ тайгу. Я купца за горло, а онъ что-то шаритъ подъ дохой и оретъ благимъ матомъ. Помоги! — кричу я Өедору, а самъ колю купца въ бокъ ножомъ. Ножъ-то тупой, не лѣзетъ ему въ бокъ, а на купцѣ-то доха да полушубокъ, — не проколешь... — Рѣжь горло! — кричитъ Өедоръ, а самъ ухватилъ купца за руки. Онъ, Өедоръ-то, хоть и сухой, а силища въ немъ страшная! Купецъ попался толстый; подбрудокъ у него жирный. Какъ нагнулъ онъ голову внизъ, — подбрудокъ — то и выпятился: никакъ до горла не доберешься. Рѣжу я купцу подбрудокъ, — а онъ визжитъ, какъ боровъ... Кровищи — страсть... И смѣхъ, и грѣхъ!.. А тутъ, слышимъ, кто-то сзади ѣдетъ... Полоснулъ я на послѣдяхъ купца, и мы съ Өедоромъ ахнули въ тайгу. Я прихватилъ купцову шапку. А купецъ все оретъ... Да, дѣло не выгорѣло, — закончилъ Өома.

— Дуракъ ты, Өома! — свирѣпо накинулся на Өому одинъ изъ ссыльныхъ, Чернышевъ. — Дуракъ, чтобъ те язвило въ душу!.. Понимаешь ты: купца можно было уходить, чортъ ты эдакій!.. Ты рѣзалъ ему подбрудокъ, а нужно было колоть... понимаешь — колоты!.. Тогда бъ ты и до горла добрался, чортъ полосатый!..

— А вѣдь вѣрно! — конфузливо согласился Өома. — Сплоховаль...

Шпана оживленно заспорила. Одни доказывали, что при данныхъ обстоятельствахъ Өома ничего не могъ сдѣлать, другіе утвер-

ждали, что Оома дѣйствительно сплеховалъ и что въ дѣлѣ съ купцомъ его приемы были ниже всякой критики. Оома сконфуженно молчалъ.

Подзакусивъ, отдохнувъ и побалагуривъ, Оома, несмотря на ночь, отправился куда-то по просѣлкѣ на югъ.

Федоръ Ивановичъ, послѣ посѣщенія Оомы, долго избѣгалъ разговоровъ со мною наединѣ и ходилъ угрюмый и мрачный.

Около двухъ лѣтъ пришлось мнѣ прожить съ Федоромъ Ивановичемъ на пикетѣ № 123 и за все это время ничего дурного я не могъ замѣтить за нимъ. Я ему вполне и во всемъ довѣрялъ, и онъ ни разу не обманулъ моего довѣрія. Уходя куда-либо, я оставлялъ Федору Ивановичу ключъ отъ конторы, гдѣ хранилась очень часто изрядная сумма казенныхъ денегъ и много было мелкихъ, довольно цѣнныхъ вещей, и при всемъ томъ Федоръ Ивановичъ, имѣя полную возможность обокрасть меня и благополучно скрыться, ни одной копейкой, ни одной вещицей не воспользовался.

Ссылно-поселенцы, прибывъ въ Сибирь, распредѣляются по разнымъ деревнямъ, къ которымъ ихъ и приписываютъ. Съ этого момента они называются крестьянами изъ ссыльныхъ. Но въ деревнѣ работы нѣтъ, на обзаведеніе хозяйствомъ или инструментомъ денегъ тоже нѣтъ, а потому, побывъ нѣкоторое время въ деревнѣ, къ которой приписанъ, ссыльный, выправивъ паспортъ (иногда просто удостовѣреніе отъ отъ старосты), уходитъ куда глаза глядятъ. Насчетъ паспортовъ ссыльные не особенно стѣсняются: на тракту есть такіе артисты, что за бутылку водки любой паспортъ сфабрикуютъ.

Ссылные ужасные непосѣды. Работаетъ ссыльный, положимъ, недѣлю-двѣ, получаетъ хорошую плату, приодѣлся: кажется, чего бы еще?—Нѣтъ, просить расчета, ничѣмъ не мотивируя своей просьбы, и, получивъ заработанная деньги, прицѣпить на спину берестяной туязъ и котелокъ и устремляется въ невѣдомую даль. Найдется опять гдѣ-нибудь, немного поработаетъ; никто его не гонитъ, и онъ уже вновь бѣжитъ куда-то.

Ссылный—человѣкъ момента. Вчерашняго онъ не вспоминаетъ, о завтрашнемъ не помышляетъ: любитъ жить иллюзіями и постоянно ищетъ сильныхъ ощущеній. Въ высшей степени развита среди ссыльныхъ карточная игра. Въ прилегающихъ къ почтовому тракту деревняхъ, въ кабакахъ и около нихъ всегда можно видѣть азартно дующуюся въ карты шпану. Игра въ штось, въ банкъ, въ стуюлку ведется крупная. Проигрываются всѣ деньги, вещи и чуть не до послѣдней рубашки платье. Игра нерѣдко сопровождается ожесточенной дракой: раскровяняютъ другъ другу физиономіи и опять, словно ничего и не было, усядутся доигрывать прерванную партію. Вся суть игры заключается не

въ знаніи правилъ той или другой карточной игры, а въ умѣніи ловко передернуть, силутовать, шуллерничать. Нѣкоторые достигаютъ въ этомъ направленіи такой виртуозности, что имя ихъ далеко гремитъ на округѣ. Когда такіе артисты устраиваютъ гдѣ-либо карточный турниръ, шпана, бросая работы, толпами валитъ къ мѣсту поединка посмотрѣть на игру прославленныхъ игроковъ. На побѣдителя смотрятъ съ уваженіемъ (чемпіонъ своего рода!), но иногда, не въ счетъ абонементу, и колотятъ его: не знавайся!

Шпану постоянно тянетъ къ водкѣ. «Если бъ не было водки, намъ пропадать бы,—говорили мнѣ многіе ссыльные:—выпьешь, все забудешь и какъ будто человѣкомъ почувствуешь себя».—И шпана при всякомъ удобномъ случаѣ старается подбодрить себя основательнымъ пріемомъ живительной влаги, пропивая все, что не удалось проиграть въ карты, и обращая выигрышъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, на выпивку съ товарищами. Благодаря этому, шпана всегда оборвана и опципана, а кабаки на тракту торгуютъ на славу, отпуская своимъ посѣтителемъ по высокой цѣнѣ очень скверную водку.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ полнѣйшаго безправія, отчаянія, бѣдности и пьянства, при отсутствіи матеріальной и нравственной поддержки, ссыльно-поселенецъ, нравственно падая все ниже и ниже, обращается въ существо, мало чѣмъ отличающееся отъ звѣря... Несомнѣнно, есть въ немъ и «искра Божія», но глубоко погребена она подъ такимъ слоемъ пепла и навоза, что не скоро докопаешься. Ссыльно-поселенцу открытъ широкій и торный путь къ полной деморализаціи, и закрыты всѣ тропинки къ нравственному исправленію... Онъ несетъ непосильное бремя жизни въ наказаніе за содѣянное преступленіе... Но нѣтъ такой вины, за которую человѣкъ обрекался бы нравственной гибели!..

Не знаю, какъ теперь, но въ описываемое мною время мѣстная администрація имѣла очень странное представленіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ и проявляла свою власть въ болѣе чѣмъ странныхъ формахъ.

Помню, какъ-то лѣтомъ, къ вечеру, когда рабочіе еще не возвращались съ работъ и вокругъ бараковъ было совершенно безлюдно, я, подходя къ своей конторѣ, увидѣлъ, что дверь, ведущая въ контору, полуотворена. Это меня удивило и встревожило, такъ какъ, уходя часъ тому назадъ изъ конторы, я собственноручно заперъ дверь. Ключъ былъ у меня въ карманѣ. Въ тотъ же моментъ навстрѣчу мнѣ не выбѣжали, а прямо-таки вылетѣли какіето два субъекта; одинъ изъ нихъ ударилъ меня чѣмъ-то тяжелымъ по головѣ, я упалъ и, ударившись головой о пенекъ, потерялъ сознаніе. Обморочное состояніе было непродолжительно; когда я пришелъ въ себя, солнце еще не вполне зашло. Съ страшной

болью въ распухшей и разбитой головѣ я поднялся и вошелъ въ контору. Хорошо припрятанныя казенныя деньги оказались дѣлы; громилы успѣли захватить лишь мое носильное платье и оружіе: двухстволку, револьверъ и кинжалъ. Впослѣдствіи я узналъ, кто изъ ссыльныхъ учинилъ все это. Но грабителей уже и слѣдъ простылъ. Одинъ изъ нихъ проигралъ мое оружіе въ карты ссыльному грузину, Самсону Чукиадзе. Чукиадзе зналъ отъ рабочихъ, что оружіе принадлежитъ мнѣ и что оно украдено у меня его партнеромъ, но не придавалъ этому никакого значенія. Повстрѣчавшись какъ-то въ деревнѣ Никольской съ Чукиадзе, я потребовалъ возвращенія оружія.

— А тридцать рублей дашь?—спросилъ меня грузинъ.

— Ни гроша не дамъ... Ты зналъ, что оружіе краденое, а потому и не имѣлъ права брать его!—возразилъ я ему.

— А не заплатишь, такъ и вещей не получишь, — заявилъ Чукиадзе.

— Смотри, какъ бы не пришлось поплатиться!—припугнулъ я.

— Не страшно!.. Вѣдь за это не разстрѣляютъ, а на Сахалинѣ я былъ!..—нимало не смущаясь, закончилъ нашъ діалогъ Чукиадзе и отправился къ кабаку, около котораго уже виднѣлись кучки играющей въ карты шпаны.

Пришлось обратиться съ просьбою къ мѣстному земскому засѣдателю. Вскорѣ же меня пригласили въ канцелярію засѣдателя въ с. Ал. Засѣдатель вручилъ мнѣ мое оружіе, отобранное у Чукиадзе. Я удивился такому скорому разрѣшенію дѣла.

— Да, могу похвалиться: дѣла у меня не залеживаются!—самодовольно покручивая усь, сообщилъ мнѣ засѣдатель.—Я, знаете, вызвалъ этого Чукиадзе и, не говоря ни слова, велѣлъ выпать ему 25 съ пылу горячихъ, — такъ сказать, авансомъ; а потомъ, когда его выпороли, сталъ говорить съ нимъ о дѣлѣ. «Вотъ, — говорю, Самсонъ, ты получилъ 25 горяченькихъ. Если не принесешь оружія, выиграннаго тобою въ карты, — влѣплю тебѣ еще 50!» Понимаете, подѣйствовало: принесъ... Я никогда, знаете, безсмысленной этой канцелярской переписки не завожу, разъ дѣло коснулось шпаны: влѣпилъ — и баста!.. Вся переписка у обвиняемаго на спивѣ!.. И знаете, самыя запутанныя дѣла у меня скоро распутываются...

Въ Иркутской губерніи циркулируетъ слѣдующій анекдотъ, весьма характерный для данной мѣстности. Обозрѣвая ввѣренную ему губернію, развѣзжалъ по почтовому тракту нѣкій администраторъ и, развѣзжая, узналъ, что засѣдатели, при объѣздѣ своихъ участковъ, пользуются бесплатными обѣдами и завтраками въ сельскихъ расправахъ. Администраторъ, глубоко вѣрившій въ нелицепріятность, неподкупность и полную корректность своихъ засѣдателей, страшно вознегодовалъ и тотчасъ же принялъ «мѣры

пресѣченія». По его приказанію, немедленно во всѣхъ расправахъ были вывѣшены на видныхъ мѣстахъ доски съ надписью: «засѣдателямъ обѣдовъ и завтраковъ безъ денегъ не подавать». Проѣхало начальство; все успокоилось. Заѣзжаетъ въ одну расправу засѣдатель. Сельскій староста, хорошо зная, что высшее-то начальство проѣхало—и нѣтъ его, а засѣдатель-то всегда тутъ, по установившему обычаю принесть завтракъ, разумѣется, съ водкою. Засѣдатель, пылая благороднымъ негодованіемъ, накинулся на старосту: «Такъ-то ты, мерзавецъ, исполняешь велѣнія высшаго начальства!.. Смотри, что написано: «завтраки безъ денегъ не подавать!» Ты принесть завтракъ,—а деньги гдѣ?...»

Смущенный староста принесть деньги. Съ тѣхъ поръ, гласить народная молва, засѣдателямъ вмѣстѣ съ бесплатнымъ угощеніемъ приносятъ и деньги.

Для характеристики приверженности ссыльныхъ горцевъ къ своимъ обычаямъ и полного незнанія какихъ-либо другихъ законовъ, правилъ и обычаевъ, приведу слѣдующій эпизодъ.

Былъ у насъ на пикетѣ престарѣлый ссыльный чеченецъ Баталь Цугрукъ, сосланный въ Иркутскую губернію за кровавую родовую месть. Цугрукъ былъ высокій, изможденный и очень добродушный старикъ. По-русски онъ не говорилъ и зналъ лишь нѣсколько площадныхъ словъ, которыя почему-то считалъ главными и болѣе употребительными словами російскаго лексикона. Всѣ свои мысли Цугрукъ передавалъ жестами. Гдѣ требовалась особая вразумительность или чувствовалась необходимость лучше освѣтить данный моментъ описываемаго событія, Цугрукъ пускалъ, къ великому удовольствію собесѣдниковъ, площадное слово въ наивной увѣренности, что при такомъ способѣ передачи все будетъ ясно и понятно. Цугрукъ былъ очень набоженъ и всѣ свои моленія и намазы отправлялъ пунктуально.

Одновременно съ Цугрукомъ жилъ у насъ пекаръ Адамъ, помощникъ Федора Ивановича, латышъ, пришедшій въ Сибирь на заработки. Адамъ былъ довольно полный и очень сильный блондинъ, обладалъ лунообразной фізіономіей и способностью все видѣть въ розовомъ свѣтѣ. Любилъ по праздникамъ проводить время въ селеніяхъ, расположенныхъ по тракту, гдѣ его, при каждомъ посѣщеніи, обязательно колотили и обирали, какъ липку. Но Адамъ твердо вѣрилъ, что есть въ окрестности и такія села, гдѣ его могутъ и не поколотить. Каждый праздникъ онъ отправлялся отыскивать такую недрачливую деревню, но всегда возвращался поколоченный. Много словъ я потратилъ, доказывая Адаму, что, при его драчливости и наивности, ему во всѣхъ деревняхъ будетъ влетать, но Адамъ лишь презрительно на меня посматривалъ, имѣя видъ челоуѣка, увѣреннаго въ своей правотѣ и принужденнаго выслушивать чортъ знаетъ какую чепуху.

Когда Адамъ былъ трезвъ,—kozyрекъ его фуражки находился на надлежащемъ мѣстѣ; если Адамъ основательно хватилъ—kozyрекъ красовался надъ лѣвымъ ухомъ; при болѣе серьезномъ подпитіи козырекъ перемѣщался на затылокъ.

Вотъ этотъ-то Адамъ, ни съ того, ни съ сего, подружился съ старымъ Цугрукомъ. Цугрукъ кормилъ Адама жареной говядиной, а Адамъ поилъ Цугрука чаемъ. При этомъ они оживленно разговаривали. Цугрукъ жестами что-то рассказывалъ Адаму, поминутно подкрѣпляя жесты крылатыми русскими словечками, а Адамъ, помирая со смѣху, въ свою очередь, и по-русски, и по-латышски сообщалъ Цугруку разные, по его мнѣнію, интересные эпизоды изъ своей жизни. Вообще, дружба у нихъ была крѣпкая.

Помню, былъ какой-то праздникъ. Я сидѣлъ въ своей конторѣ. Вдругъ слышу гомонъ около барачковъ. Пошелъ посмотрѣть. Моимъ глазамъ открылась такая картина: на площадкѣ передъ бараками нѣсколько горцевъ держать за руки Цугрука, а Цугрукъ, не выпуская изъ рукъ громаднаго обнаженнаго кинжала, старается вырваться и ударить этимъ кинжаломъ стоящаго противъ него Адама. Адамъ, совершенно пьяный, со съѣхавшимъ на затылокъ козырькомъ фуражки, лопоча что-то, тычетъ Цугруку въ лицо жаренымъ поросенкомъ, высушеннымъ въ печкѣ до крѣпости полѣна. Не понимая, въ чемъ дѣло, я увелъ Адама въ пекарню. Получалось впечатлѣніе какой-то странной дуэли: одинъ съ ожесточеніемъ нападаетъ, вооружившись жаренымъ поросенкомъ, другой отчаянно защищается кинжаломъ. Оказалось, что Адамъ за жареную говядину хотѣлъ отплатить Цугруку жаренымъ поросенкомъ, забывъ или не зная, что религія Цугрука относитъ свиней къ разряду самыхъ нечистыхъ животныхъ и употреблять ихъ въ пищу строгойше запрещаетъ. Цугрукъ, не уяснивъ себѣ благородныхъ побужденій Адама и видя предъ своимъ носомъ ненавистнаго «донгуза» (поросенка), пришелъ въ ярость и чуть было не зарѣзалъ своего наивнаго друга. Адамъ, соснувъ часика два, пришелъ въ себя и, узнавъ объ обидѣ, учиненной имъ Цугруку, съ горя ушелъ въ деревню Никольскую, гдѣ его, какъ это и требовалось программой праздничнаго дня, немедленно же обобрали и основательно отдули. На другой день онъ явился съ разбитой фізіономіей и съ раскаяніемъ въ душѣ, но безъ штановъ.

Однажды горцы мнѣ сообщили, что Цугрукъ получилъ съ Кавказа тревожное письмо: у него убитъ сынъ однимъ изъ членовъ той семьи, сородича которой, въ свою очередь, убилъ когда-то самъ Цугрукъ, мстя за своего убитаго родственника, и что Цугрукъ собирается итти на Кавказъ, чтобы отплатить за сына, для чего приобрѣлъ уже винтовку. Я ужаснулся. Ссылный горецъ, слабый старикъ, совершенно не говорящій по-русски, по моему предположенію, едва ли могъ, не подвергаясь смертельнымъ опасностямъ, совершить многотысячный путь до Кавказа. На мои просьбы от-

говорить Цугрука отъ его безумнаго предпріятія горцы отвѣчали полнымъ отказомъ.

— Ты не понимаешь,—говорили они:—Цугрукъ долженъ итти и отплатить за убитаго сына... Нашъ законъ таковъ... Если онъ этого не сдѣлаетъ,—собакой назовемъ!..

Цугрукъ ушелъ мстить. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ до Кавказа не дошелъ и былъ гдѣ-то и кѣмъ-то убитъ, искупивъ свою мученическую жизнью въ Сибири и, можетъ быть, не менѣе мученической смертью безсознательные грѣхи прошлаго.

Я уже говорилъ, что ссыльные болѣе или менѣе поддерживаютъ другъ друга; хотя, нужно замѣтить, это стремленіе поддержать собрата по несчастію у нихъ слабо выражено, но все-таки стремленіе это есть. «Вольныхъ» они терпѣть не могутъ и не пропустятъ случая ограбить, иногда и убить.

Пришелъ на нашъ пикетъ работать одинъ юноша, литвинъ, вольный. Работающій былъ парень. Дома, гдѣ-то въ Ковенской губ., нужда и большая семья. Сталъ онъ на земляныя работы. Его приняли въ свою компанію трое ссыльныхъ; образовалась маленькая артель, снявшая отрядныя работы. Работаетъ юноша уже нѣсколько мѣсяцевъ и копитъ деньжонки, отдавая мнѣ ихъ на храненіе. Лелѣялъ онъ мечту возвратиться домой съ деньгами. Его товарищей, ссыльно-поселенцевъ, я отчасти зналъ: темный былъ народъ, изъ самой злостной шпаны. Ихъ близость и необычно ласковое отношеніе къ молодому рабочему мнѣ очень не нравились. Я былъ увѣренъ, что ссыльные что-то затѣваютъ.

Однажды приходятъ эти ссыльные ко мнѣ за расчетомъ. Я ихъ разсчиталъ. Черезъ нѣсколько минутъ является и молодой литвинъ, тоже за расчетомъ.

— Ты куда же собираешься?—спросилъ я его.

— Да вотъ, Константинъ Ивановичъ, на сосѣдней дистанціи за земляныя работы платятъ подороже... Я туда собираюсь съ товарищами.

— Съ какими товарищами?—спросилъ я, предчувствуя недоброе.

Литвинъ мнѣ назвалъ своихъ товарищей по работѣ—ссыльныхъ. Напрасно я его убѣждалъ остаться у насъ на дистанціи или, по крайней мѣрѣ, порвать связи съ товарищами—ссыльными,—литвинъ оставался непреклоннымъ. Наконецъ я поставилъ вопросъ ребромъ: хочетъ онъ быть живымъ,—долженъ остаться у насъ, хочетъ быть зарѣзаннымъ,—можетъ отправляться съ товарищами. Всѣ мои доводы ни къ чему не привели: юноша, забравъ свои деньги (что-то рублей 70), ушелъ съ своими такъ полюбившимися ему товарищами.

Черезъ три дня молодого литвина нашли верстахъ въ двухъ отъ нашихъ бараконъ, на просѣкѣ, зарѣзаннымъ и, разумѣется, обобранымъ догола.

Домикъ, въ которомъ я жилъ, былъ расположенъ нѣсколько въ сторонѣ отъ главныхъ бараконъ. Тайга ко всѣмъ постройкамъ подходила вплотную. Весенней зарею тетерева нерѣдко бормотали чуть не подъ самыми окнами моей конторы. Шагахъ въ пятидесяти отъ бараконъ прекрасно шелъ на пицкъ рябчикъ. Вообще охота была на рѣдкость. Но мнѣ въ то время было не до охоты.

Сѣстные продукты отпускались рабочимъ изъ казенной кладовой, находившейся на томъ же пикетѣ № 123; для снабженія же рабочихъ мясомъ у насъ имѣлся гуртъ рогатаго скота. Нужно замѣтить, что въ тайгѣ съ юня появляется какая-то очень мелкая и замѣчательно злая мошкара (мошкà—по мѣстному) и держится вплоть до заморозковъ. Въ Сибири эта «мошкà» — просто бичъ Божій, казнь египетская. Лѣтомъ безъ сѣтки носа высунуть нельзя. Рискнувшій выйти съ незакрытымъ лицомъ вскорѣ же возвращается искусанный и распухшій до неузнаваемости. Лишь дымъ отъ тлѣющаго навоза и ветоши отчасти прогоняетъ мошкѹ.

Нашъ скотъ также сильно страдалъ отъ этой проклятой мошки, такъ что днемъ совершенно нельзя было гонять стада на пастбище, и я приказалъ пастухамъ пасти коровъ на ближайшихъ луговыхъ мѣстахъ лишь ночью, отъ зари до зари.

Дѣло было въ июлѣ 1897 года. Одинъ изъ пастуховъ, ссыльный молдованинъ, отчаянный разбойникъ и головорѣзъ, сообщилъ мнѣ, что, возвращаясь утренней зарей со стадомъ къ баракамъ, онъ видѣлъ недалеко отъ послѣднихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ рѣзали скотъ, порядочнаго медвѣдя, подбираващаго выброшенныя внутренности зарѣзанныхъ коровъ. Медвѣдь, подлустивъ довольно близко къ себѣ стадо, убѣжалъ въ тайгу. Чернышевъ, молдованинъ, выпросилъ у меня двухстволку, намѣреваясь подсадить медвѣдя ночью, благо ночи были лунныя. Дня черезъ два пріѣхалъ ко мнѣ техникъ Я—бовъ, служившій на одномъ со мною участкѣ. Въ тотъ же день вечеромъ, послѣ ужина, вдоволь наговорившись съ Я — мъ, вышелъ я посмотрѣть, все ли въ баракахъ и около нихъ въ порядкѣ и угнано ли на пастбище стадо. Стада въ загонахъ не оказалось, рабочіе крѣпко спали, и повсюду царилъ покой. Изрѣдка скрываясь въ облакахъ, плыла по небу полная луна. Таинственно темнѣла мрачная тайга и тихо, тихо гудѣла. Далеко гдѣ-то на просѣкѣ вылъ нашъ пудель, единственная собака, имѣвшаяся на пикетѣ. Не знаю, что его заставило удрать такъ далеко и усердно заняться вытьемъ. Вообще въ послѣднее время онъ что-то часто сталъ по ночамъ подвывать. Я отправился спать. Я—бовъ уже заснулъ. Раздѣвшись и потушивъ лампу, я прилежъ на кровать и уже сталъ засыпать, какъ вдругъ оглушительный выстрѣлъ, чуть не подъ самыми окнами конторы (мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось очень близко) и за нимъ не менѣе оглушительный свирѣпый ревъ заставили меня вскочить съ постели. Первые мгно-

венія я не могъ понять, что это за выстрѣлъ и кто реветъ, но тутъ же вспомнилъ Чернышева, намѣревавшагося подсиживать медвѣдя. Схвативъ револьверъ, я выбѣжалъ наружу, а за мною и Я—бовъ. Ревъ слышался изъ тайги, съ того мѣста, гдѣ рѣзали скотъ. Разстояніе отъ этого мѣста до бараконъ было шаговъ въ 300. Всѣ мы, я — съ револьверомъ, рабочіе — кто съ коломъ, кто съ топоромъ, бросились по направленію рева. Помню, намъ кладовщикъ, внезапно возбуженный выстрѣломъ и ревомъ, заметался въ своей темной кладовой и, вмѣсто двери, попалъ головою въ бочку съ солониною. Когда мы бѣжали на ревъ, изъ-за купы елей послышался звукъ разбитаго пистона. Ревъ удалялся. «Осѣчка» — рѣшилъ я. Изъ-за елей на поляну, освѣщенную луною, вышелъ Чернышевъ.

— Осѣклось,—лаконически сообщилъ онъ мнѣ.—Ну, а съ перваго какъ будто попалъ: шибко ревлѣлъ.

Оказалось, Чернышевъ подсиживалъ медвѣдя на выброшенныхъ коровьихъ трубахъ. Медвѣдь подошелъ шаговъ на 20 и послѣ выстрѣла, какъ показалось Чернышеву (въ тайгѣ, несмотря на луну, было не такъ-то свѣтло), свалился, но тотчасъ же справился и сталъ уходить, скрываясь за упавшимъ деревомъ. Чернышевъ, переждавъ, когда медвѣдь покажется изъ-за дерева, вторично стрѣлялъ его уже шагахъ въ 40, но послѣдовала осѣчка.

Утромъ мы съ Чернышевымъ осматривали мѣсто, гдѣ онъ стрѣлялъ медвѣдя, но въ буреломѣ, всевозможномъ бурьянѣ и травѣ трудно было отыскать какіе-либо слѣды.

Вскорѣ, дня черезъ два, пастухи доложили мнѣ, что по ночамъ стадо стало чего-то очень пугаться: бросается сломя голову въ разныя стороны или безтолково мнется на одномъ мѣстѣ и вообще проявляетъ признаки смертельнаго страха. Доискиваясь причинъ этого страха, пастухи замѣтили, что за стадомъ, въ недалекомъ, сравнительно, разстояніи, бродятъ два медвѣдя—одинъ громаднѣйшихъ размѣровъ, другой поменьше.

Между тѣмъ переутомленіе, тревоги, хлопоты и одиночество сдѣлали свое дѣло: у меня страшно разстроились и безъ того развинченные нервы; появились бессонница, упадокъ силъ и безотчетная тоска. Какъ-то въ серединѣ іюля я, утомленный, потушивъ лампу, прилегъ съ твердымъ намѣреніемъ заснуть. Въ окно свѣтила луна. Рабочіе, потрудившись за день, крѣпко спали въ своихъ баракахъ. Стадо давно уже было на пастбищахъ. Вокругъ бараконъ было тихо. Какъ и всегда, слабо гудѣла тайга, да вдали завывалъ нашъ пудель, неукооснительно занимавшійся по ночамъ вокальными упражненіями. Дверь моей конторы, отворявшаяся наружу—прямо въ тайгу, была заперта на крючокъ. Дверь была не изъ крѣпкихъ, и крючокъ плоховать. Я забылся чуткимъ, болѣзненнымъ сномъ. Вдругъ сквозь сонъ слышу, что кто-то тол-

кается въ дверь; крючокъ подпрыгиваетъ. Моментально вскочивъ съ постели и ухвативъ револьверъ (или топоръ—не помню), я подбѣжалъ къ двери и, придерживая рукою подскакивающій крючокъ, приложилъ ухо къ едва замѣтнымъ щелямъ между дверными досками и сталъ прислушиваться. За дверью, прямо противъ моего уха, слышалось какое-то постукиванье, царапанье, сопѣнье и мощное дыханіе, выходившее не изъ человѣческихъ легкихъ. Медвѣдь, — мелькнуло въ моей головѣ.—Человѣкъ сталъ бы тянуть дверь за скобку къ себѣ, такъ какъ она открывается наружу, а этотъ таинственный посѣтитель толкаетъ дверь внутрь. Другого выхода, кромѣ этой сколоченной изъ дюймовыхъ досокъ двери, не было, если не считать двухъ оконъ, выскочить въ которыя было болѣе чѣмъ рискованно. Я крѣпко сжималъ въ рукѣ оружіе. Въ вискахъ стучало; сердце то замирало, то билось съ удвоенной силой. Разстроенные нервы увеличивали силу впечатлѣнія. Между тѣмъ дыханіе и сопѣнье прекратились; послышался какой-то неопредѣленный шумъ и за нимъ чьи-то удалявшіеся шаги. Я продолжалъ держаться за крючокъ и прислушиваться. Все было тихо. Осторожно отворивъ дверь, я вышелъ и оглядѣлся кругомъ. Никого и ничего не было. Луна едва мерцала изъ-за облаковъ; все такъ же что-то непонятное и грозное шептала тайга; попрежнему распѣвалъ вдали напѣ баритонъ-пудель. Вокругъ все было таинственно и жутко. Принявъ валерьянки, я отправился спать къ кладовщику.

На утро около дверей моего барака были найдены на пескѣ слѣды большого медвѣдя, моего ночного гостя.

Почти до полного окончанія главныхъ работъ прожилъ я на IV дистанціи XI участка строящейся Средне-Сибирской желѣзной дороги, въ безконечной, вѣчно-зеленой тайгѣ, вдали отъ родины и семьи. Тяжела была моя жизнь, полная опасностей и лишеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ полна она была и захватывающаго интереса. Неудержимо потянуло меня на родину.

Какъ-то въ концѣ лѣта катилъ я домой, навѣки прощаясь съ мрачной Сибирью. Рельсовый путь уже прошелъ нашу дистанцію; мимо бараконъ пикета № 123 съ громомъ, свистомъ и трескомъ пролетали паровозы, и я все обратное путешествіе свое совершилъ по желѣзной дорогѣ. Приходилось ѣхать и на платформахъ, и въ товарныхъ вагонахъ; но все это лишь разнообразило поѣздку и придавало ей своеобразную прелесть.

И теперь еще въ моей памяти воскресаютъ суровыя, съ слѣдами безысходнаго горя, тоски, разврата и пьянства, лица наказанныхъ ссылкой людей, гибнущихъ подъ непосильнымъ бременемъ нечеловѣческой жизни.

К. И. Муромцевъ.

МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ.

I.

В НАЧАЛѢ первой половины семидесятыхъ годовъ я былъ буквально выброшенъ изъ литературной колеи властною рукою тогдашняго начальника по дѣламъ печати, Михаила Лонгинова. Тогда это было дѣло возможное. Печать была почти безправна, а редакторы сплошь запуганы. Дули сѣверные вѣтры.. Въ напечатанномъ отрывкѣ моихъ воспоминаній¹⁾ я уже писалъ, что послѣ запрещенія моего изданія «Всемирный Трудъ» и сожженія книги «Отъ Петербурга до Двины» (подражаніе путешествію Радищева) мнѣ приходилось на первое время удалиться изъ Петербурга. Случай натолкнулъ на мысль купить гдѣ-нибудь клочокъ земли и просидѣть въ сельскомъ уединеніи, пока на берегахъ Невы не перемѣнится политическая атмосфера. Последнее именно и случилось черезъ нѣсколько лѣтъ, во дни Лорисъ-Меликова.

Денегъ у меня былъ немного,—я продалъ второй свой журналъ, подцензурный, «Дешевую Библіотеку», Меркулеву и компаніи юношей²⁾—и чтобы понять нѣсколько рискованную мысль мою купить землю, слѣдуетъ пояснить, что цѣны на земли въ тѣ поры стояли

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1907 годъ, апрѣль и май.

²⁾ Въ приобрѣтенномъ Меркулевымъ журналѣ участвовала либеральная молодежь. Но не было дарованій, и «Дешевая Библіотека» прекратилась.

очень низкія. Въ особенности дешево продавались имѣнія въ Сохранной Казнѣ, помѣщавшейся въ огромномъ старомъ зданіи на Большой Мѣщанской, нынѣ Казанской, улицѣ. Всего прошло съ тѣхъ поръ съ небольшимъ тридцать пять лѣтъ, но нынѣшній благополучный россиянинъ съ трудомъ повѣритъ тѣмъ порядкамъ и той процедурѣ продажи въ Сохранной Казнѣ, о которыхъ я намѣренъ здѣсь рассказать. Особое время было. Никто не хотѣлъ покупать земельную собственность. Другія аферы, обѣщавшія скорую и крупную наживу, занимали петербургскихъ капиталистовъ, крупныхъ и мелкихъ. Продажа просроченныхъ имѣній въ Сохранной Казнѣ шла вяло, неудачно. Торги назначали ежегодно въ ноябрѣ и декабрѣ. Но желающихъ торговаться всегда бывало очень ограниченное число: человекъ шесть, рѣдко восемь, десять. И въ этомъ числѣ еще бывали такъ называемые «отступники» — люди, не имѣвшіе въ виду что-либо купить, а приходившіе только для полученія отступного.

Желавшіе участвовать на торгахъ поднимались по широкой лѣстницѣ, затоптанной и безъ ковра, во второй этажъ и попадали въ большія темноватыя залы, достаточно закоптѣлыя, съ запыленными окнами, выбитымъ паркетомъ и съ убогою жесткою мебелью краснаго дерева, обитою вытертою кожей. Мебель была временъ Екатерины и ужъ никакъ не моложе эпохи Александра I. Въ простѣнкѣ между окнами первой залы висѣло длинное, узкое зеркало съ остатками позолоты на рамѣ. Оно было составлено изъ двухъ кусковъ стекла, и поглядѣвшій въ него видѣлъ свою фигуру, перерѣзанную пополамъ. Изъ этой залы дверь налево вела въ комнату присутствія. Тутъ всегда стоялъ унтеръ, впрочемъ, только для престижа: всѣ свободно проходили. Направо дверь вела въ канцелярію, тоже для всѣхъ открытую. Въ присутствіи за большимъ столомъ съ бронзовыми украшеніями, съ зеркаломъ, обыкновенно среди мертвой тишины, засѣдалъ небольшого роста, совершенно лысый старичокъ, съ круглымъ, румянымъ, нѣмецкаго типа лицомъ. Это былъ почетный опекунъ и, кажется, сенаторъ, Цеймернъ. Человекъ, по общимъ отзывамъ, очень добрый, но ужъ и очень старый. Чаше всего онъ дремалъ въ своихъ креслахъ и только при входѣ просителя пробуждался и смѣнно моргалъ глазами. Всѣ дѣла рѣшались въ канцеляріи. Когда, бывало, покончишь переговоры съ столоначальникомъ, получаешь совѣтъ:

— Ну, идите теперь къ нашему старичку. Попросите... Онъ это любитъ.

Старичокъ, стряхнувъ дремоту, таращилъ глаза и строго взглядывалъ на просителя, что совершенно не шло къ его кроткому, добродушному лицу, нѣсколько напоминавшему лицо старой бабы, и неизмѣнно говорилъ:

— Хорошо-съ! Я рассмотрю ваше дѣло.

Въ канцеляріи, какъ это ни странно, сколько упомяну, не было вовсе молодыхъ людей. Служили все сѣренькіе, старенькіе старички, лысые или сѣдые, потертые жизнью, въ заношенныхъ виць-мундирахъ. Переговоры они вели вполголоса. Старички были со скромными поползновеніями, нежадные, охотно готовые услужить чѣмъ могли: дать справку, посовѣтовать и т. п. И если кто послѣ торговъ и покупки имѣнія благодарилъ, торопливо, не считая принимали благодарность и поскорѣе засовывали ее въ карманъ.

Въ Сохранной Казнѣ въ то время служилъ также и небезызвѣстный ярый протестантъ-обличитель, господинъ Героглифовъ. Кѣмъ онъ служилъ—не знаю. Съ нимъ мнѣ не приходилось имѣть дѣла. Но это былъ совсѣмъ особый человекъ— не къ масти сѣренькимъ старичкамъ канцеляріи Сохранной Казны: говорилъ онъ рѣзко, громко, постоянно противъ чего-то озлобленно протестовалъ; бѣгалъ стремительно по заламъ твердою походкою, вовсе не напоминаяшею почтительную чиновничью рысь. Увидя какъ-то меня, онъ ухватилъ за бортъ моего сюртука и закричалъ такъ, что, вѣроятно, разбудилъ дремавшаго Цеймерна въ присутствіи:

— И вы здѣсь! Зачѣмъ притащились? Хотите покупать? Вздоръ, не стоитъ... И какой вы сельскій хозяинъ? Имѣнья продаются разоренныя, гадость. Уходите-ка лучше. Васъ Лонгиновъ прихлопнулъ—протестуйте, протестуйте и еще разъ протестуйте.

Но я не послушалъ шумливаго Героглифова и не ушелъ.

Протестовать въ то время было все то же, что предъ глухими распѣвать арію.

II.

Условія продажи имѣній въ Сохранной Казнѣ были чрезвычайно выгодныя. Залого передъ торгами вносить не требовалось; можно было съ двумя двугривенными въ карманѣ торговаться на тысячныя имѣнія. Поступавшее на торги имѣніе два года продавалось съ суммы долга; на третій годъ—съ оцѣнки. Оцѣнивала земская полиція на мѣстѣ и обыкновенно очень низко. Такъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ десятина цѣнилась по 3, по 5 рублей и рѣдко выше. На первые торги покупатели обыкновенно не являлись. Но и съ оцѣнки немного было охотниковъ покупать, особливо большія имѣнія. Покупщики, купивъ, вносили всего 10⁰/₁₀₀ съ покупной суммы, а остальное разсрочивалось имъ на 36 лѣтъ изъ шести процентовъ годовыхъ, считая въ то число и процентъ погашенія. Купчая крѣпость, согласно привилегій Сохранной Казны, выдавалась безъ уплаты пошлинъ, а такъ какъ крѣпости тогда совершались не у нотаріусовъ, а въ существовавшихъ еще палатахъ соединеннаго уголовного и гражданскаго суда, то приходилось уплачивать только за листъ гербовой бумаги, не считая, разумѣется,

того, что давалось надсмотрщику крѣпостныхъ дѣлъ и его писцамъ. Но что значить аппетитъ самаго жаднаго надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ въ сравненіи съ требованіями нынѣшнихъ нотаріусовъ, особливо столичныхъ, съ ихъ разными пошлинами казенными, въ пользу города, земства и т. д. до безконечности?

Первое имѣніе, мною купленное, было фольваркъ Клетки, Городокскаго уѣзда, Витебской губерніи. Въ немъ числилось 184 десятины, въ томъ числѣ семьдесятъ десятинъ лѣсу, оказавшагося хорошимъ сосновымъ и строевымъ, съ частью озера Иванъ и рѣчкою съ очень недурнымъ сѣнокосомъ по берегамъ. Имѣніе было оцѣнено по 3 рубля за десятину въ 452 рубля. Я далъ за него 600 рублей, т. е. уплатилъ наличными 60 рублей и сталъ землевладѣльцемъ. Въ усадьбѣ я нашелъ трехъ коровъ и старую лошадь; поля были засѣяны крестьянами исполу. Домикъ въ Клеткахъ былъ и состоялъ изъ двухъ избъ, порядочно ветхихъ, соединенныхъ сѣнями и крытыхъ соломою. Одна изба была черная, съ землянымъ поломъ и огромною русскою печью. Здѣсь жилъ жидочекъ Юдка, арендовавшій мою часть озера Иванъ за 30 рублей въ годъ. Кромѣ того, онъ обязанъ былъ еще безвозмездно ѣздить въ городъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю за покупками, письмами и газетами. Юдка, обремененный семьей (шесть душъ), былъ буквально нищій, но чрезвычайно юркій и услужливый. Бывало, скажешь ему:

— Юдка, какъ бы это курицу достать или масла и яицъ.

Черезъ часъ Юдка уже являлся съ требуемой провизіей.

— Купилъ?—спросишь, бывало.

— Зачѣмъ купилъ?—отвѣтитъ онъ, ухмыляясь.—Взялъ у Оомы или у Ивана.

— А расчетъ?

— Ну, увидите, господинъ, чего стоитъ. Не обидите.

На всемъ Юдка зарабатывалъ копейки. Мужики ему довѣряли и безъ его посредничества даже мудрено было что-либо купить.

Юдка былъ строгій, правовѣрный хасидъ и исполнялъ все обряды іудейства, но исполнялъ ихъ очень своеобразно. Когда его, напримѣръ, застигалъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дому шабашъ, онъ доставалъ мѣдный тазъ, наполнялъ его водою, разувался, ставилъ ноги въ воду и преспокойно ѣхалъ далѣе.

— Юдка! Вѣдь ты же согрѣшилъ: ѣхалъ въ шабашъ? — говоришь ему.

— Ни! Я не ѣхалъ. Видите, вода: я плылъ... Плыть въ шабашъ дозволено.

Изъ чистой половины моего домика въ Клеткахъ окна выходили на громадное синее зеркало озеро Иванъ. Пониже росли задичалыя вишни и яблони, уже не приносившія плодовъ. Воздухъ былъ чистый, здоровый. Весна была во всемъ расцвѣтѣ, когда мы съ женою приѣхали въ Клетки, и намъ показалось послѣ душнаго Петербурга, что мы попали въ рай.

По вечерамъ соловьи пѣли ярко и звонко въ кустахъ у самыхъ оконъ. И, вспоминая теперь эти Клетки, эту покупку, доставшуюся мнѣ за 60 рублей, я невольно повторяю: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Возможно ли что-нибудь подобное въ настоящее время?

Въ той же Витебской губерніи нынѣ крестьяне платятъ 40—60 и болѣе рублей за десятину. Не трудно было послѣ освобожденія предвидѣть, что съ годами мужикъ разродится и ему тѣсно станетъ на надѣльныхъ земляхъ. Правительство легко могло въ семидесятыхъ годахъ скопить грандіозный земельный фондъ, но кто же у насъ пыгливо глядитъ въ будущее?

Клетки было имѣніе конфискованное. Владѣлецъ, неблагоразумный юноша, воспитанникъ VI класса, побродилъ по лѣсамъ недѣлю съ ружьемъ, изображая инсургента, былъ арестованъ, осужденъ, какъ взятый съ оружіемъ въ рукахъ, и сосланъ. Фольваркъ конфискованъ. Но такъ какъ онъ лежалъ гдѣ-то въ глуши, за озеромъ Иванъ, къ границѣ Великолукскаго уѣзда, то и не соблазнилъ ни одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, которымъ послѣ 1863 года щедро раздавались конфискованныя имѣнія. Сохранная Казна продала Клетки за свой долгъ, и усадьба пріютила меня на время, выброшеннаго бурей, поднятою Михаиломъ Лонгиновымъ въ мутномъ морѣ журналистики.

III.

Я долженъ сказать, что послѣ покупки Клетокъ меня еще озабочивала необходимость получить разрѣшеніе на право покупки поземельной собственности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Согласно указу отъ 5 декабря, купчая не могла быть безъ этого совершена. Просить витебскаго губернатора значило потратить два-три мѣсяца. Къ тому же я былъ католикъ, хотя и женатый на православной. Могли выйти затрудненія. Пробѣгая газетныя извѣстія, я вдругъ наткнулся на сообщеніе, что въ Петербургъ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края Потаповъ, остановившійся въ Европейской гостиницѣ.

«Попробовать развѣ обратиться прямо къ его высокопревосходительству!» пришло мнѣ въ голову. И въ шесть часовъ утра—пріемный часъ Потапова — я очутился въ маленькой пріемной наследника грознаго Муравьева. На карточкѣ, которую я передалъ, стояло: редакторъ-издатель и т. д. Ожидать почти не пришлось: вышелъ генералъ очень маленькаго роста, въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ орденомъ на шеѣ, съ гладко приглаженными височками. Привѣтливо улыбаясь, онъ спросилъ:

— Литераторъ? Журналистъ будете? Ну-съ, чѣмъ могу служить?

— Жена купила имѣніе въ районѣ Сѣверо-Западнаго края, такъ я просилъ бы дать разрѣшеніе.

Генераль сдѣлался еще любезнѣе.

Заявивъ, что онъ очень радъ переселенію въ районъ его управленія представителей русской литературы, онъ взялъ мое прошеніе и начерталъ на ономъ: «Выдать безъ справокъ. Лично извѣстенъ мнѣ»...

Въ заключеніе послѣдовало крѣпкое рукопожатіе и заявленіе:

Въ край нагнали, при моихъ предѣстникахъ, разныхъ семинаристовъ, не пожелавшихъ въ попы, выгнанныхъ чиновниковъ-пьяницъ и взяточниковъ; надавали имъ имѣній въ надеждѣ, что они обрусятъ край. А они только компрометировали русское имя. Нѣтъ-съ, надобны люди образованные, надобны землевладѣльцы, покупающіе имѣнія на собственныя средства, которыми они въ силу этого и будутъ дорожить. А пожалованныя... помилуйте: они всѣ сданы въ аренду и подъ закладныя евреямъ и полякамъ. Владѣльцы не живутъ въ усадьбахъ, хозяйства не ведутъ. При моихъ объѣздахъ, если встрѣчалось имѣніе, совершенно разоренное, навѣрное оказывалось пожалованнымъ. И тутъ же рядомъ у поляковъ старательное хозяйство. Никакого сравненія въ культурѣ! никакого! Скажите, ради Создателя, гдѣ же тутъ обрусеніе края, торжество русской культуры?

Я послѣшилъ согласиться, что обрусенія и торжества русской культуры точно во всемъ этомъ было немного.

На прощаніе генераль-губернаторъ пожелалъ мнѣ успѣха и обратился, но уже сердито, къ какому-то чинушѣ съ краснымъ лицомъ и угрями на носу, пришедшему проситься на службу.

Уходя и надѣвая пальто, я слышалъ, какъ гремѣлъ генеральскій голосъ:

— Никакого мѣста для васъ у меня нѣтъ. Служили становымъ, попросиши васъ въ отставку, вѣроятно, за хорошія дѣла, теперь намѣреваетесь попасть въ посредники. Чортъ знаетъ, какая смѣлость! Единственное ваше право на мѣсто это то, что вы русскій... Но этого, сударь, мало, понимаете, мало!

На крыльцѣ догналъ меня чинуша, получившій отъ Потапова вмѣсто мѣста головомойку. Онъ злобно спросилъ меня:

— А вамъ обѣщали мѣсто?

— Я никакого мѣста не просилъ.

— А меня, слышали, какъ разругалъ... Ополячился, измѣнникъ. Вы не литераторъ ли?

Я объявилъ, что нѣтъ.

— Жаль! жаль!—вздыхнулъ бывший становой.—Нужно послать въ «Московскія Вѣдомости» корреспонденцію, обличить новые порядки, измѣну... Ручаюсь вамъ, не пройдетъ и пяти лѣтъ управленія этого Потапова, какъ мятежъ снова вспыхнетъ.

Но пророчество не оправдалось: прошло цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ, и никакого мятежа не вспыхнуло.

По моему дѣлу—выдачѣ свидѣтельства на право покупки—справки все же наводились о моей благонадежности въ мѣстномъ полицейскомъ участкѣ, и обошлось это мнѣ въ пять рублей, данныхъ околоточному, который и прописалъ мнѣ самую блестящую аттестацію. Года два спустя, женѣ понадобилось разрѣшеніе на покупку имѣнія въ юго-западныхъ губерніяхъ. Она въ Кіевѣ обратилась къ Ван—ской, чрезъ ея родственницу, старушку Статковскую, съ которою была хорошо знакома. Генералъ Ван—скій былъ въ то время въ отрядѣ цесаревича за Дунаемъ. Ван—ская дала очень практичный совѣтъ:

— Не ходите съ прошеніемъ къ генералъ-губернатору. На годъ затяните дѣло. Обратитесь къ правителю канцеляріи и повторяйте за каждымъ третьимъ словомъ: ваше превосходительство. Онъ только что произведенъ и еще не привыкъ къ этому титулу. Ручаюсь, просьба ваша будетъ улажена.

Такъ именно и вышло.

IV.

Въ Витебскѣ губернаторомъ былъ добрѣйшій и гуманнѣйшій господинъ, Иванъ Ивановичъ Дурново—особый, другой Дурново, вовсе даже и не родственникъ тому, который былъ потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ малороссъ, типичный петербургскій чиновникъ такъ называемаго перваго разбора: честный, трудолюбивый, весь день погруженный въ бумажныя дѣла, педантъ и съ высшими идеями. Идеи отличались непрактичностію. Но у петербуржцевъ это уже всегда такъ! Онъ тоже изъявилъ удовольствіе, что я—интеллигентъ и литераторъ—поселяюсь въ его губерніи.

Пожимая мнѣ руку, Иванъ Ивановичъ очень радушно предложилъ:

— А вы бы къ намъ поступали на службу!

— Не могу, ваше превосходительство.

— Отчего не можете? Жалко бросить Петербургъ? Пустое. Имѣніе купили, да еще служба—и отлично устроитесь.

— Не въ томъ дѣло, я католикъ.

Губернаторъ сдѣлалъ удивленное лицо:

— Какъ же вы получили разрѣшеніе на покупку?

— У меня жена православная.

— Ну, это другое дѣло. Только, видите ли, того... Это меня удивляетъ.

— А знаете что?—добавилъ онъ, помолчавъ.—Принимайте православіе.

— Да зачѣмъ же мѣнять исповѣданіе?

— Чтобы поступить на службу. И что вы тамъ будете мѣнять? Просто одинъ обрядъ. Опредѣлю васъ непремѣннымъ членомъ, а черезъ годика два—посредникомъ.

Я поблагодарилъ добрѣйшаго Ивана Ивановича и, чтобы его не обидѣть отказомъ, обѣщаль подумать.

Всѣми дѣлами въ губерніи, и преимущественно выборами и опредѣленіемъ чиновниковъ, распорядился правитель канцеляріи, высокій лысый старикъ Х. Это былъ дока стараго времени. Встрѣтивъ меня въ клубѣ, гдѣ ежедневно шла очень даже крупная игра, Х. взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону отъ столика, за которымъ инженера Мышенкова (его скоро потомъ предали суду за злоупотребленія) обыгрывали два посредника и одинъ отставной полковникъ Каза—нѣ. Х. меланхолически произнесъ:

— Не стоитъ смотрѣть: результатъ игры заранѣе извѣстенъ. Мышенковъ проиграетъ. Этотъ Каза—нѣ, чортъ знаетъ, какая у него ловкость въ рукахъ.

— И онъ при этомъ качествѣ—членъ клуба?

— Даже въ старшины выбрали. Ну—съ, а вы у насъ поселились. Имѣньице ваше дрянцо—песокъ и подзолъ. Его у насъ предлагали даромъ даже одному столоначальнику консисторіи—не взялъ. Ну, да вамъ что? Вѣдь вы петербуржецъ: хозяйство вести не будете. Займетесь писаніемъ обличительныхъ корреспонденцій.

— Знаете что?—добавилъ онъ, дружески пожимая мою руку.— А вы корреспондируйте полегче; не задѣвайте личностей. А то вѣдь у насъ тамъ въ уѣздахъ народъ дикій. Корреспонденціей ихъ не проймешь, а можетъ приключиться бѣда.

— Какая же бѣда?—спрашиваю, удивленный.

— Да попросту побьютъ васъ, хорошо еще, если легонько, а то вѣдь искалѣчить могутъ.

Въ виду такого боевого настроенія уѣздныхъ администраторовъ, я благоразумно порѣшилъ, пока буду жить въ Клеткахъ, никакихъ корреспонденцій не писать.

V.

Бѣлорусскіе крестьяне народъ добрый, честный и трудолюбивый. Они не такъ бойки и смышлены, какъ великороссы, но зато обладаютъ многими патриархальными добродѣтелями: семейство всегда у нихъ крѣпкое, младшіе члены уважаютъ стариковъ; пьянство не особенно развито; женскій полъ, вѣроятно, благодаря отсутствію фабрикъ, очень строгихъ нравовъ. За исключеніемъ бывшихъ дворовыхъ, уже тронутыхъ цивилизаціею, масса населенія не воры, не лодыри и искренно набожны. Я нигдѣ и ни-

когда не видалъ, чтобы крестьяне, даже молодые хлопцы, прошли мимо церкви и кладбища, не снявъ шапки и не перекрестившись. Ограбленіе церквей въ тѣ поры было вовсе не слыханное дѣло. Да и теперь бѣлорусскія губерніи наиболѣе покойныя, и революція въ нихъ не прививается. Къ освободительному движенію примкнули одни евреи, отъ нищеты и голодухи, да еще развѣ мѣщане, лишенные надѣла, которымъ нечего ѣсть и негдѣ сѣять. Села остаются покойны: попрежнему усердно обрабатываютъ неблагодарную почву—пески, подзолы—и искренно вѣруютъ въ Бога и въ то, что за добро ждетъ въ будущей жизни награда, а за зло—кара; вѣруютъ, что только бы погѣ пришелъ къ умирающему съ послѣднимъ напутствіемъ, тогда ему и умереть легко.

И какъ легко, безъ всякихъ страховъ и тревогъ, помню я, умирали эти простые, добрые люди.

Въ деревнѣ Клеткахъ, въ верстѣ отъ моей усадьбы, умиралъ достаточный хозяинъ Хома. Старъ ужъ онъ очень былъ: помнилъ руину (1812 г.), но до послѣдняго времени держалъ хозяйство въ рукахъ; и сыновья и внуки слушались старика. Я засталъ Хому снятымъ съ перины и положеннымъ на сѣно, прямо на полъ.

— Зачѣмъ вы сняли старика съ перины?—спрашиваю.— На мягкомъ ему покойнѣе.

Семья хранила почтительное молчаніе. Одна молодая бабенка начала было выть. Ее сейчасъ же вытолкали за дверь. Старшій сынъ, солидный, сѣдобородый мужикъ, шепнулъ мнѣ:

— Батка самъ приказалъ положить себя на полъ на сѣно. Не желаетъ изгадить перину. Умри онъ на перинѣ, перину пришлось бы продать жидамъ...

— А былъ батюшка?

— Только что уѣхалъ. Исповѣдалъ и приобщилъ. Благодареніе Господу!

— Да, можетъ, Хома и поправится.

— Нѣтъ, куда ужъ. И колокольцы (хрипѣнье) въ грудяхъ у его слышны.

Самъ умирающій былъ на диво покоенъ и дѣлалъ свои послѣднія распоряженія: бураго, лучшаго коня назначилъ старшему сыну; рыжую кобылу—младшему; коровъ, овецъ, домашнюю рухлядь тоже аккуратно раздѣлилъ и слабымъ голосомъ закончилъ:

— Дитки! вотъ я помираю... простите, коли въ чемъ кого изобидѣлъ.

— Богъ проститъ!—хоромъ отвѣтила семья. Бабы снова попробовали завывать и смолкли.

— Дитки!—снова заговорилъ умирающій;—послѣдній мой вамъ приказъ: живите одной семьей, не дѣлитесь, снищаете тогда. У жидовъ не должайте. Пропадете! Бабамъ воли не давайте: бабы попусту вздорятъ, унимайте ихъ... А теперь, дитки, сложите мнѣ

руки крестомъ... Вотъ такъ... Хорошо! дайте въ руки свѣчку... Господи! прими духъ мой, спаси и помилуй.

Старикъ замолкъ, закрылъ глаза и притихъ. Черезъ полчаса онъ былъ уже мертвъ. Тогда бабамъ дали волю, и онѣ завыли на все село.

VI.

Лѣто и осень, проведенныя въ Клеткахъ, оставили во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Отношенія къ крестьянамъ были, что называется, безъ сучка и задоринки. Засѣявшія мою землю исполу двѣ семьи во-время сжали и свезли хлѣбъ. Принялись за молотьбу, для этого приходили малые и большіе рано, часа въ два утромъ. Я, разумѣется, предпочиталъ въ это время спать.

Когда молотьба кончалась и хлѣбъ былъ провѣянъ, въ окно ко мнѣ стучалъ какой-нибудь дядя Охремъ и кричалъ:

— Проснись, баринъ. Кучу дѣлить время.

На гумнѣ обыкновенно уже лежали кучкою зерна, и на кучкѣ рукою былъ начерченъ крестъ. Старшій хозяинъ отмѣчалъ такъ кучу зерна для того, чтобы святой символъ былъ порукою, что во время молотьбы ночью никто тихонько зерномъ не воспользовался.

Можетъ быть, изъ молодежи который-нибудь и могъ бы побаловаться, стащить бездѣлку, но старикамъ смѣло можно было до-вѣрить хоть весь амбаръ или деньги для посылки на почту. Почва надѣловъ была плохая вокругъ всего озера Иванъ и вообще Городокской и смежной Себежской уѣздъ считаются плохими, бѣдными. Крестьянство жило въ нихъ небогато, но усердно ко-выряло свои плохіе надѣлы, удобряло ихъ, корчевало пустоши, а главное—спасалось отъ бѣды, засѣвая ленъ. А ленъ, особливо на новинахъ, нѣсколько лѣтъ отдохавшей землѣ, родился очень удо-влетворительно. Продавъ ленъ, крестьянинъ оплачивалъ подати и выкупные, а тѣмъ, что уродилось на полѣ, жилъ и кое-какъ сводилъ концы съ концами.

Но этому сведенію концовъ съ концами мѣшала другая язва нашего Западнаго края—нищее еврейство. Въ мѣстечкахъ и городахъ сидѣли десятки тысячъ жидовъ, буквально не знавшихъ, чѣмъ имъ быть сытыми.

Факторство, особливо послѣ 1863 г., не могло прокормить и десятой части нищаго Израиля. Помѣщикамъ было не до факторовъ, когда и самимъ было тѣсно. Оставались кое-какія ремесла и мелкая торговля на прокормъ несчастному жидовству.

И вотъ жиды, чтобы не умереть съ голоду, взапуски, на-прыгая всѣ фибры своего изворотливаго ума, старались жить на счетъ крестьянъ. Шла ожесточенная борьба за существованіе, за

кусокъ хлѣба. Крестьяне, разумѣется, оставались всегда въ проигрышѣ.

Послѣ эмансипаціи, по крайней мѣрѣ въ семидесятыхъ годахъ, я не замѣчалъ, чтобы бѣлорусскіе крестьяне побогатыли.

— Отчего бы это? — спрашиваю старосту деревни Клетокъ, дядю Охрема.—Барщины нѣтъ, плата невысока. Отчего не богатыете?

— Оттого, — улылаясь говорить Охремъ: — что прежде три мужика кормили одного жида, а нынѣ жидъ разродился, и теперь одинъ мужикъ долженъ кормить трехъ жидовъ. Гдѣ же тутъ одному управиться!

Осталось у меня въ памяти только одно непріятное воспоминаніе за все время моего пребыванія въ мирныхъ Клеткахъ—это мое знакомство со становымъ Зубатовымъ. Это тоже типъ старыхъ временъ. Едва ли нынѣ сыщется гдѣ-либо подобный экземпляръ. Впрочемъ, на святой Руси и не такое возможно.

Былъ хорошій, теплый августовскій вечеръ. Я и жена сидѣли въ вишнякѣ и любовались, какъ на озерѣ ловили крестьяне рыбу сѣтями. На небѣ ни облачка; озеро точно уснуло. Сухой туманъ заволакиваетъ прозрачною синеватою дымкою противоположный дальній берегъ Ивана. Надъ водою носятся съ крикомъ бѣлья, точно серебряныя, чайки. На берегу, на пескѣ, сидитъ Юдка и ждетъ, пока вытащатъ сѣть. Это его рабочіе ловятъ. Но вотъ и сѣть вытащили. Большая кучка окуней, плотвы и ершей бьется на пескѣ. Юдка радъ; уловъ хорошій. Онъ сортируетъ рыбу и умильно поглядываетъ на нѣсколько попавшихся крупныхъ щукъ, любимую шабашовую рыбу всякаго еврея. Съ шафраномъ и обиліемъ перца щука по-еврейски считается у насъ многими, даже не евреями, вкуснымъ блюдомъ.

— Что, Юдка, много зарабатываешь?—спрашиваю.

Юдка поднимаетъ свое лицо, покрытое крупными веснушками, отираетъ рукавомъ потъ и говоритъ съ довольною улыбкою:

— Надо быть, три рубля выручу.

— Врешь! — кричитъ съ лодки дядя Охремъ. — Пятерку выручишь.

— Ну, можетъ, и выручу пять. Какъ Богъ поможетъ.

— И мнѣ заплатишь аренду.

— И вамъ, баринъ, заплачу. Поведу продавать Охремову телку. Гроши (деньги) будутъ.

— Охремъ!—кричу старостѣ.—Какъ же это Юдка поведетъ на продажу твою телку? Долженъ ты ему?

— Долженъ,—мрачно подтверждаетъ Охремъ.—Десять рублей въ запрошломъ году бралъ на подати. Ленъ у меня тогда пропалъ. Плачу, плачу—и все по его жидовскому счету долженъ. Кто его жидовскіе счета пойметъ. Извѣстно, пархъ!

Юдка добродушно смѣется. За названіе «пархъ» онъ не обижается.

— Юдка, да вѣдь ты грабитель!

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Юдка раскрываетъ полы своего лапсердака, показываетъ тряпье вмѣсто бѣлья, рваные сапоги и говорить мнѣ:

— Тѣ, что грабятъ, богато живутъ, а у меня рубашка съ плечъ сваливается. Охъ, худо намъ, жидамъ, жить, худо!

— Точно не сладко живется жидамъ,—соглашаюсь и я.

Вдали слышится колокольчикъ. Въ ворота вѣзжаетъ щегольская рессорная нетычанка, запряженная тройкою сытыхъ саврасыхъ лошадокъ. У кучера на шляпѣ пѣтушье перо. Рядомъ съ кучеромъ сидитъ здоровенный солдатище. Изъ нетычанки вылѣзаетъ высокаго роста рябоватый господинъ, въ бѣлой фуражкѣ и сѣромъ полицейскомъ пальто.

На лицѣ Юдки изображается неподдѣльный ужасъ.

— Штанывой,—говоритъ онъ.—Охъ, беда моя... Потягнетъ онъ меня во городъ, если не заплачу. Жидкамъ жить въ усадьбахъ запрещено.

Я встаю и иду навстрѣчу нежеланному гостю.

— Давно собирался познакомиться, поглядѣть, какіе такіе бываютъ сочинители,—говоритъ становой Зубатовъ, дружески потрясая мою руку.

Въ комнатѣ онъ сейчасъ же въ разговорѣ переходитъ на фамильярное «ты».

— Хотите отобѣдать?

— Экъ хватилъ! На дворѣ вечеръ, а онъ обѣдать. Заѣзжалъ къ благочинному: другъ и пріятель мнѣ отецъ Ксенофонтъ. Угостился! А и грабитель же этотъ отецъ Ксенофонтъ. За свадьбу недавно содралъ съ полѣсовщика Иванова двадцать пять рублей. Въ оправданіе говоритъ: у него казенный лѣсъ, есть гдѣ и чѣмъ поправиться: Давай, говорю ему, батя, мнѣ пять рублей. Облопаешься, отвѣчаетъ, если съ поповъ начнешь брать. Довольно съ тебя и жидовъ.

Становой громко хохочетъ. Меня коробитъ, я молчу. Зубатовъ открываетъ всѣ окна и дверь. Ему жарко. Разстегиваетъ скюртукъ, распахиваетъ жилетъ и, кажется, даже отстегиваетъ пуговицы у панталонъ, приговаривая:

— Ну, и жарища же! Весь взопрѣлъ! Велика, сочинитель, подать водки.

— Нѣтъ у меня водки. Не пью.

— Какъ это: не пьешь? Сочинитель—и вдругъ не пьетъ. Несообразно. Но у твоего Юдки водка навѣрное найдется. Знаю достовѣрно: корчемничаетъ, ракалія.

— И у Юдки водки нѣтъ. Да я и не позволилъ бы ему держать.

— Вотъ тебѣ на! А я думалъ хорошенько выпить, поболтать вечерокъ и заночевать въ Клеткахъ. А? какъ полагаешь?

Но оставить его ночевать я отказываюсь, сославшись на недостатокъ помѣщенія.

Высунувшись изъ окна, Зубатовъ кричитьъ:

— Разсылный! Даниловъ! тащи ко мнѣ жидка Юдку.

Я пошелъ къ озеру, чтобы предупредить жену не выходить къ грубому гостю, находящемуся къ тому же въ подпитьи. Возвращаясь черезъ четверть часа, вижу Юдку на крыльцѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

— Содралъ-таки штанывой съ меня три рубля,—говоритъ онъ, почти плача.

— За что?

— Ну, хотѣлъ меня въ городъ представить. Намъ, евреямъ, въ усадьбахъ жить запрещено. Въ городѣ меня бы скоро не отпустили. А тутъ шабашъ, пропадетъ недѣля. Даль ему послѣдніе три рубля. Пусть подавится.

Становой гуляетъ по двору, заглядываетъ во всѣ углы, сердится, что его лошадямъ не дали овса. Увидя меня, беретъ фамильярно за плечо и говоритъ:

— Ну, ночевать у тебя, сочинитель, самъ вижу, нельзя. Ни сѣна, ни овса у тебя нѣтъ. Хорошо, ѣду въ Невель. Только видишь ли, какая штука: я забылъ деньги дома. Одолжи рублей 25 или хотя десять. На возвратномъ пути заѣду и отдамъ. Честное слово!

Денегъ ему я, однако, не далъ.

Обиженный Зубатовъ направился къ своей нетычанкѣ, сѣлъ и, выѣзжая за ворота, крикнулъ:

— Слушай, сочинитель! я тебѣ это припомню. Со мною ссориться невыгодно. Богъ тебя вѣдаетъ, чѣмъ ты тутъ занимаешься. Слыхалъ я, мужиковъ бунтуешь. То-то же!

Недѣли черезъ три я былъ въ Витебскѣ и рассказалъ мой инцидентъ со становымъ правителю канцеляріи. Х пожалъ плечами:

— Негодай! зваю его подвиги. Взятчикъ. Придется перевести въ другой уѣздъ, гдѣ исправникъ построже.

— Слѣдовало бы просто уволить отъ должности.

Лицо Х. сморщилась неприятная гримаса:

— Такъ-то такъ! слѣдовало бы уволить. Много хорошей, честной молодежи ожидаютъ мѣсть. Да нельзя Зубатова прогнать, его дядюшка у насъ тутъ видный постъ занимаетъ. Обидится.

VII.

Года черезъ два жена купила, опять же въ Сохранной Казнѣ (Клетки мы продали съ небольшимъ барышомъ), два имѣнія въ Волынской губерніи: Садки, въ семи верстахъ отъ мѣстечка Чудново и Лумлю за мѣстечкомъ Малинъ, къ границѣ Кіевской губерніи.

Въ первомъ считалось 222 десятины и за нихъ уплачено было наличными 300 рублей, и во второмъ 602 десятины съ уплатою наличными 1100 рублей. Волынская губернія пшеничная, почва въ ней черноземъ. Оставалось только радоваться покункѣ. Но радость была преждевременна. Въ житомирской палатѣ соединеннаго уголовного и гражданскаго суда при выдачѣ купчей объявили, что предварительно слѣдовало уплатить разныхъ казенныхъ взысканій по Садкамъ 1500 рублей и по Лумлѣ 2300 рублей. Опека, которая завѣдывала ими, показала недоимки. Такихъ денегъ, разумѣется, у меня не было. Пришлось сдѣлать заемъ подъ закладную въ 4000 р. и, кромѣ того, надо было жить до новаго урожая. Положеніе оказывалось не изъ розовыхъ. Въ самомъ грустномъ настроеніи отправились мы съ женою съ купчею крѣпостью въ карманѣ обозрѣвать свои новыя владѣнія. Приходилось ѣхать мягкимъ трактомъ черезъ корабельную казенную дубовую рощу. Ни прежде, ни послѣ я никогда не видалъ подобныхъ дубовъ: прямые, какъ свѣчки, въ два обхвата толщиною, съ короною вѣтвей у самой вершины. Каждое дерево было занумеровано и заклемено.

— Вотъ тутъ-то ужъ срубить ничего нельзя!—подумалъ я и обратился къ возницѣ:

— Хорошъ лѣсокъ!

— Хорошъ вдоль дороги,—отвѣчаетъ.

— А дальше?

— Тамъ сильно порубленъ.

— Какъ же такъ: а нумерація, клейма?

Возница мой присвистнулъ, вѣроятно, удивляясь моему простодушію.

— Понадобится срубить дубъ, сейчасъ пишутъ: буря повалила. Тамъ въ палатѣ и разрѣшаютъ: повалъ продать. Жидки житомирскіе торгуютъ отлично: въ самый Одестъ дубовыя бревна доставляютъ. Дубы стоящіе! пожалуй, по пятьсотъ, а то и болѣе годовъ иному будетъ. Это монастырскій лѣсъ. У ксендзовъ казна забрала. Тѣ берегли.

Въ Садкахъ я засталъ помѣщика Зеленскаго съ семьей, къ удивленію моему, нимало даже не подозрѣвавшего, что усадьба его уже продана. Она продавалась много лѣтъ и не находила покупщика и вдругъ оказалась проданной. Зеленскій, высокій, худой старикъ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, долго не могъ понять: какъ же это его Садки проданы, и вотъ теперь незнакомый господинъ изъ Петербурга, т. е. я, владѣлецъ его родного гнѣзда? Купчую мою онъ прочиталъ и все же не могъ понять: столько лѣтъ никто не покупалъ его Садковъ, и вдругъ они проданы.

— Что-нибудь да не такъ!—въ раздумьи говорилъ старикъ, снимая очки. — Надо ѣхать въ Житомиръ, справиться, принести жалобу.

Около насъ, ведшихъ переговоры, стояли съ блѣдными, испуганными лицами, г-жа Зеленская—сгорбленная старушка съ морщинистымъ лицомъ, напоминавшимъ печеное яблоко, и дочка Мальвина—высокая красивая дѣвушка. На глазахъ у обѣихъ были слезы. Онѣ лучше старика Зеленскаго понимали свое безысходное положеніе. Было начало марта. Черезъ недѣлю приходилась Пасха.

— И вы, господинъ, насъ выгоните передъ праздникомъ?—былъ робкій вопросъ старухи.

— Боже сохрани! я уѣду въ Житомиръ; собирайтесь не торопясь. Вы мнѣ напишете, когда очистите домъ.

— А наша мебель, лошадь, волю? А наши посѣвы на огородахъ и въ полѣ?

— Это ваша собственность. Этого я не покупалъ.

Приходилось однако провести ночь съ этою семьею, пораженною горемъ. Тяжелый ночлегъ. Никто изъ нихъ не ложился спать. Шли взаимныя обвиненія. И жена и дочь Зеленскія озлобленно нападали на старика, какъ могъ онъ допустить имѣніе до продажи. Были тутъ и слезы, и упреки, и во всемъ, къ моему крайнему удивленію, оказался въ концѣ концовъ виноватымъ «московскій жондъ» (правительство).

Зеленскій на всѣ нападки твердилъ одно:

— Тутъ недоразумѣніе. Надо справиться. У меня въ Житомирѣ въ палатѣ есть знакомый дока. Вся палата у него въ рукахъ. Коли надо, въ сенатъ подамъ, государю жаловаться буду.

На утро мы съ женой уѣхали въ Житомиръ.

VIII.

Житомиръ лежитъ на высокой горѣ, надъ обрывистымъ берегомъ Тетерева. Тогда еще не было вѣтви желѣзной дороги, соединяющей нынѣ Житомиръ съ Бердичевымъ. Городокъ былъ тихій, провинціальннй, стараго типа. По улицамъ, большею частью немощенымъ, стояли одноэтажные домики, на первый взглядъ—каменные. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались општукатуренными мазанками. Очень любопытенъ процессъ постройки этихъ домовъ. Очищается мѣсто, ставится четыре массивныхъ столба по угламъ; затѣмъ вкапываютъ въ землю въ мѣстахъ, гдѣ будутъ окна и двери, по два столба меньшаго объема; пространство между столбами забираютъ досками, часто старыми жердями и т. п. дрянью. Постройка всегда приноравливается къ лѣтнимъ мѣсяцамъ, когда жара доходитъ до 30° и болѣе.

Съ обѣихъ сторонъ постройку густо обмазываютъ глиною, смѣшанною съ рубленою соломой, даютъ ей высохнуть и штукатурятъ стѣны опять же изнутри и снаружи. Потолки тоже штукатурятъ. Крышу кроютъ дранками, у богатыхъ—гонтомъ. И домъ готовъ. Простоять онъ можетъ, пока погніють столбы, лѣтъ 30—40, а послѣ на мѣстѣ чистенькаго, бѣлаго домика остается только груда глины. Впрочемъ, въ Житомирѣ я видѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ и настоящихъ деревянныхъ. Улицы широки, пыльны и лѣтомъ днемъ почти безлюдны. Жара въ іюнѣ и въ іюлѣ въ Житомирѣ положительно нестерпимая. Днемъ всѣ сидятъ дома. Занавѣски спущены, ставни закрыты. Бродятъ одни жидки-мишуресы. Часовъ въ восемь вечера все населеніе города высыпаетъ на бульвары. Ихъ три; видъ на Тетеревъ съ третьяго бульвара очень живописенъ. Здѣсь всегда вечерами до поздней ночи толпа гуляющихъ, по преимуществу евреекъ, пышно разодѣтыхъ, непремѣнно въ жемчугахъ, брилліантахъ и съ тьмою темъ золотыхъ украшеній. Въ дни шабаша за Израилемъ положительно нѣтъ прохода. Южные евреи далеко не похожи на смиренныхъ жидковъ Бѣлоруссіи. И походка у нихъ смѣлая и фізіономія у нихъ рѣшительная, вызывающія. Идущіе по бульвару подъ руки молодые еврейчата никогда даже дамамъ не уступятъ дороги.

Отъѣвшіеся на пшеницѣ, которую, впрочемъ, сѣютъ и изготовляютъ не они, а хохлы, южные евреи самоувѣрены и рѣшительно считаютъ, что прекрасный нашъ Югъ и все Черноморье—ихъ собственность. Помѣщичій элементъ, которому они, по традиціи, уступали, почти уничтоженъ, а скромные чиновники разныхъ вѣдомствъ, конечно, не могутъ противодѣйствовать еврейскимъ преувеличеннымъ претензіямъ. Торговля въ ихъ рукахъ, капиталы тоже. Всѣ имъ должны. И какъ же вы хотите, чтобы они не были нахалами. Теперь, черезъ много лѣтъ, читая въ газетахъ описанія безпорядковъ освободительнаго движенія, въ которыхъ, отъ Кіева до Одессы, первенствующая роль принадлежитъ еврейству, я припоминаю то впечатлѣніе, которое на меня произвели дерзко-самоувѣренные южные евреи. «О, съ этимъ народомъ, претензливимъ, фанатичнымъ и ненавидящимъ христіанъ, а русскихъ въ особенности, хлопотъ будетъ много», записалъ я тогда въ своемъ дневникѣ.

И предсказаніе, къ сожалѣнію, оправдалось.

Свѣтлый праздникъ въ Житомирѣ пришлось провести скучно. Чужой городъ, знакомыхъ на первыхъ порахъ ни души. Къ довершенію огорченія погода испортилась; полили дожди, и улицы сдѣлались непроходимыми. Въ клубъ мнѣ попался однако знакомый изъ Витебска, докторъ Маріанъ Сульжинскій, купившій здѣсь имѣніе и попавшій на пески. Волынская губернія отличается чрез-

вычайнымъ разнообразіемъ почвы. На одной сторонѣ рѣчки черноземъ, а на противоположной—пески.

Сульжинскій именно попалъ на песокъ и проклиналъ свое переселеніе изъ бѣдной Могилевской губерніи въ богатую, по традиціи, Украину. Къ довершенію неудачи въ его имѣніи (болѣе 2000 дес.) оказалось много чиншевикомъ—арендаторомъ безсрочныхъ. Увеличить аренду съ нихъ нельзя. Иной 50 и болѣе лѣтъ платитъ сто золотыхъ (злотый — 15 коп.) за нѣсколько лановъ и одного гроша не надбавитъ. Съ другой стороны, помѣщикъ не даетъ чиншевику дровъ, не пускаетъ къ рѣкѣ скотъ поить. Идутъ безконечная борьба и безпрестанныя судьбища. Сульжинскій, кромѣ того, жаловался на отсутствіе практики. Богатое дворянство (польское) обыкновенно живетъ за границею, во Львовѣ, Краковѣ и Прагѣ. Хохлы не болѣютъ, или, правильнѣе, они неохотно зовутъ докторовъ, а евреевъ лечатъ доктора евреи. И докторъ медицины Сульжинскій, отъ нечего дѣлать, проживая по зимамъ въ Житомирѣ, большую часть дня просиживалъ въ клубѣ.

— Да и клубъ же здѣсь паршивый,—говорилъ онъ.—Никто не играетъ.

Это было вечеромъ. Въ залахъ клуба играли, кажется, на десяти столикахъ.

Указываю почтенному эскулапу на обиліе картежниковъ, въ опроверженіе его словъ, что въ Житомирѣ не любятъ играть.

Докторъ злится.

— Да развѣ это игроки? Дуются въ преферансъ по грошу, въ пикетъ по копейкѣ или въ зльба-цвельбу. Кто выиграетъ сто рублей, по всему городу звонъ идетъ. А вспомни-ка, какъ въ Витебскѣ инженеръ Мышонковъ проигрывалъ по тысячѣ въ вечеръ? Или опять съѣдутся, бывало, посредники, и ихъ полковникъ Каз—овъ обираетъ. Дженгльменами держать себя: отъ проигрыша не завоютъ. А тутъ эти хохлы: изъ-за пятидесяти рублей плакать начнутъ сейчасъ. Нѣтъ, только бы удалось продать мое имѣніе, сейчасъ айда домой, въ милую Бѣлорусь.

И мнѣ, сознаюсь, Бѣлорусь была болѣе по сердцу пшеничной Украины. Хвалятъ степи, съ легкой руки Гоголя. А въ степяхъ, хотя бы на Волыни, никакой красоты я не видѣлъ: безконечная равнина, безлѣсная, мѣсяцевъ пять въ году немилосердно выжженная солнцемъ. Не на чемъ отдохнуть глазу. Радъ радешенекъ, когда вдали замѣтишь грушу среди поля или ряды тополей, впрочемъ, мало дающихъ тѣни. Неумолимое солнце печетъ безъ милосердія отъ восхода до заката; черная мелкая пыль не даетъ дышать; лошади устаютъ на десятой верстѣ. Одни сивые, круторогіе волы, опустивъ головы, шагаютъ безъ усталости въ тяжелыхъ ярмахъ со спящими въ телѣгахъ, въ дегтевыхъ рубашкахъ, смуглыми чумаками. Весною и осенью степь растворяется и съ мѣсяцъ

буквально непроѣдна. Изъ Лумли мнѣ надо было въ мартѣ съѣздить въ Малинѣ. Приказываю запрячь въ нетычанку пару лошадей. Кучерьъ Грицко смѣется.

— Не можно,—говорить.—На конякахъ не доѣдемъ до Малина.

— А какъ же ѣхать?

— Хиба бы на волахъ. По ступицу зарѣзаются колеса. Нетычанку поломаеть. Треба воловій возъ и воловъ.

И я поѣхалъ на волахъ и ѣхалъ 5 верстъ въ два часа.

Степь хороша только весною, когда она цвѣтетъ, въ апрѣлѣ и маѣ, а остальные мѣсяцы любоваться въ степи положительно нечѣмъ.

IX.

Мое тоскливое пребываніе въ Житомирѣ мѣсяца черезъ три вдругъ окончилось очень благопріятной неожиданностью. Однажды явился ко мнѣ черномазенькій, худенькій господинъ, въ пѣхотномъ поручичьемъ мундирѣ съ адъютантскими аксельбантами. Если бы не мундиръ, я принялъ бы его за еврея, до того все въ его фیزیономіи было типичное еврейское: горбатый носъ, черные миндалевидные глаза, толстыя, чувственные губы и большія торчащія уши. Отрекомендовался:

— Поручикъ Григорій Сергѣевичъ Дыхно.—Я къ вамъ по дѣлу,—говорить.—Не продадите ли ваши имѣнія Садки и Люмлю. Вотъ изъ Садковъ господа Зеленскіе не желаютъ выѣхать, а вы не хотите ихъ выселять. Такъ ничего и не получаете. Въ Люмлю вамъ тоже нечего ѣхать. Тамъ крестьяне всю землю взяли на годъ въ аренду и деньги уплатили бывшему опекуну.

— Подробно знаете о моихъ дѣлахъ,—говорю господину Дыхно.

— Справлялся, хочу купить. Такое ужъ наше племя: не спрося броду, не суется въ воду.

«Племя! какого же онъ племени этотъ Дыхно?» думаю.

Онъ самъ выводитъ меня изъ затрудненія и объясняетъ, что онъ изъ еврейскихъ кантонистовъ, взятъ десяти лѣтъ, окрещенъ, выслужился, получилъ чины и теперь выходитъ въ отставку и хочетъ заняться сельскимъ хозяйствомъ.

— Но я еврей,—твердилъ онъ съ апломбомъ.—И не думаю этого скрывать. Продавайте имѣнія: хорошую цѣну дамъ.

Предложеніе Дыхно, въ моемъ стѣсненномъ положеніи, дѣйствительно было выгодно: онъ бралъ казенный и частный долгъ на себя и выплачивалъ мнѣ сверхъ того три тысячи, т. е. я получалъ все затраченное мною и еще до тысячи рублей барыша.

— Какая же вамъ выгода такъ покупать?—спрашиваю.

— У меня отличный планъ.

— Какой?

— Ну, это мой секретъ. А то вы, пожалуй, имъ воспользуетесь и не продадите мнѣ имѣній.

Пожавъ плечами въ отвѣтъ на такое подозрѣніе, говорю ему:

— Я бы не хотѣлъ, чтобы до осени выселяли несчастныхъ Зеленскихъ.

— И не подумаю ихъ выселять. Сами уѣдутъ.

Покончили на условіяхъ, какъ предлагалъ Дыхно. Но передъ совершеніемъ купчихъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ строенія въ Лумлѣ и Садкахъ были застрахованы, а равно скотъ и движимость, которую онъ туда послалъ. Деньги за страховку были имъ внесены за его счетъ. Мнѣ такъ опротивѣлъ Житомиръ, что я радъ былъ кончить дѣло скорѣе. Дыхно дѣйствовалъ такъ усердно, что въ сентябрѣ обѣ купчія были совершены и онъ введенъ во владѣніе. Я никакъ все же не могъ понять, какой былъ планъ у шустрого еврейчика-офицера.

Послѣ продажи мы съ женою уѣхали въ Кіевъ, гдѣ и прожили до зимы. Какъ-то на улицѣ встрѣчаю старика Зеленскаго съ дочерью. Разговорились.

— Давно ли,—спрашиваю,—выѣхали изъ Садковъ?

— Выгналъ жидокъ. Выкурить?

— Какъ это выкурить?

— Да очень просто: купивъ Садки и Лумлю у васъ, онъ застраховалъ въ нихъ постройки, движимость и скотъ, и все у него сгорѣло. Одной страховой преміи получилъ 10.000 руб. Теперь землю сбываетъ крестьянамъ. За Лумлю ему уже мужики даютъ 12.000 руб. А вы, пане, за грошъ все ему продали.

Уже живя въ Петербургѣ въ девяностыхъ годахъ, я узналъ, что Лумля была перепродана за 38.000 рублей. Кто, кромѣ шустрого еврея Гириши Шмерковича, или, по-христіански, Григорія Сергѣевича господина Дыхно, могъ бы такъ ловко обработать гешефтъ!

Х.

Потянуло въ Петербургъ. Политическая погода измѣнилась; наступила эпоха такъ называемой диктатуры сердца графа Лорисъ-Меликова. Это была прилетѣвшая первая ласточка освободительной весны; она радовала однихъ и очень огорчала московскихъ консерваторовъ, Каткова и К^о, Петровскаго, Грингмута и т. д. Чего боялись и чего хотѣли они? Допускаю, что система Лорисъ-Меликова была ошибочною: никакой диктатурою сердца ожесточенныхъ людей нельзя превратить въ кроткихъ ягнятъ. Но вѣдь и репрессіи, которыя рекомендовала Москва (извѣстный кружокъ), средство старое, многожды испытанное, но всегда неизмѣнно дававшее кислые и горькіе плоды.

Понавъ снова въ Петербургъ и осмотрѣвшись въ близкомъ мнѣ литературномъ мѣрѣ, я нашель много новаго. Во-первыхъ, шло съ успѣхомъ «Новое Время» и говорило не такъ, какъ говорили въ прессѣ до его появленія. Журналы (ежемѣсячники), игравшіе лѣтъ шесть-семь назадъ доминирующую роль, такой роли уже не играли. Газетная эпоха шла на смѣну журнальной. Никого не интересовало, какъ бывало, въ какой журналъ и какой романъ написалъ тотъ или другой корифей литературы. Много умерло изъ числа тѣхъ, которые обѣщали прославиться, развиться и... грустно было сознать, что между новыхъ людей пера совѣмъ нѣтъ властителей думъ. Заглядывая въ знакомыя редакціи, я постоянно натыкался на особый сортъ дѣятелей, восьмидесятниковъ...

Литературнаго въ нихъ, особливо между евреями, оказывалось очень мало; писали тяжело, часто безграмотно, да и мало заботились о красотахъ и художественности написаннаго. Было много евреевъ, писанія ихъ отличались ремесленностью. Ни теплы, ни холодны. Тѣмъ не менѣе они имѣли въ обществѣ влияние.

За ихъ неуклюжими прозой и стихами была тенденція, но не та наивная либеральная тенденція памятныхъ мнѣ 60-хъ годовъ, а какая-то иная; кричали съ азартомъ, но едва ли искренно: за народъ! къ народу! во имя народа!.. Политика замѣняла литературу. Народъ, конечно, ихъ не зналъ; не понималъ новыхъ Гракховъ и ихъ проектовъ дѣлить общественныя поля, какъ мечтали древніе римскіе трибуны. Все это еще не находило отлогоска въ массахъ. Но новая эпоха была близка.

Въ Петербургѣ первое время мнѣ казалось, что я попалъ на чужбину. Однако, я былъ молодъ; умъ работалъ, хотѣлось писать, говорить. Неужели же, думалось мнѣ, за эти нѣсколько лѣтъ я такъ отсталъ, что теперь никто уже меня не пойметъ?..

Иду по новой, безъ меня проложенной Пушкинской улицѣ и вижу на домѣ противъ сквера вывѣску: «Газета «Лучъ».

Когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, журналъ Мещерскаго «Гражданинъ» былъ похороненъ нѣкимъ Пацуковичемъ, проданъ съ торговъ за 214 р. невѣдомому бакалейщику и отъ него пріобрѣтенъ г. Румянцевымъ, содержавшимъ кассу ссудъ и бывшимъ въ плѣну у Шамиля; онъ печаталъ свои рассказы о неволѣ въ горахъ, былъ мнѣ нѣсколько знакомъ; и я зналъ, что купленный имъ «Гражданинъ» былъ имъ переименованъ въ «Лучъ».

— Эврика!—подумалъ я.—Авось мнѣ удастся убѣдить закладчика оставить несвойственное ему литературное дѣло и продать журналъ мнѣ.

Захожу. Контора—нѣсколько комнатъ; хорошая мебель, въ передней разсыльные сидятъ. Въ первой комнатѣ за огромнымъ пись-

меннымъ столомъ сидитъ юноша, очень благообразный, лѣтъ двадцати, горбоносый, черноглазый,—очевидно, еврей. На вопросъ: могу ли видѣть Румянцева?—спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вамъ? Да и бесполезно его видѣть.

— Отчего же бесполезно?

— У него delirium tremens. Онъ уже не издатель и въ должности редактора его новый издатель не оставитъ: это третій запой у него въ полгода.

— А кто же издатель «Луча»?

— Господинъ Кардо-Сысоевъ, богатый смоленскій помѣщикъ.

— Можно его видѣть?

Конторщикъ засмѣялся.

— Здѣсь, въ конторѣ, когда сидитъ, всѣхъ принимаетъ. А на квартирѣ—попробуйте, можетъ, и приметъ. Кричать станетъ, а я совѣтую: не смущайтесь... Вы навѣрное литераторъ? И отлично: онъ теперь подыскиваетъ редактора для «Луча». Много приходило проситься, Кардо-Сысоевъ издаетъ еще «Сельскую Бесѣду» для народа. Тутъ редакторомъ педагогъ Столпянскій, онъ пока что и завѣдуетъ редакціею «Луча».

Поблагодаривъ конторщика, Анатолія Евграфовича Тр—па, за совѣтъ, иду въ квартиру Кардо-Сысоева. Принимаетъ. Прохожу цѣлый рядъ комнатъ, богато, но по рыночному меблированныхъ, и въ маленькомъ кабинетикѣ, довольно грязномъ и затхломъ, вижу маленькаго, широкоплечаго человѣка съ двумя горбами. Лицо большое, лобъ высокій, глаза быстрые. Въ одной рубахѣ и нижнихъ стоитъ у конторки и что-то пишетъ.

— Что скажете?—спрашиваетъ, не предлагая сѣсть.

— Вы, я слыхалъ, продаете вашъ журналъ «Лучъ»?

— Кто вамъ сказалъ?

— Въ конторѣ вашей слышалъ.

— Врутъ. Это Анатолій набрехалъ. А вотъ я его, жиденка, за это за хохоль, за хохоль выдеру.

— Да не онъ же мнѣ сказывалъ,—пытаюсь я защитить неповиннаго Тр—а.

— Ну, все равно: кто бы ни сказалъ—наврала. Вы хотите «Лучъ» купить. Что дадите?

— Пятьсотъ рублей за право дамъ и журналъ за свой счетъ доведу до января.

— Сморозили, батенька! во какъ сморозили. Да на что мнѣ ваши пятьсотъ рублей? Смотрите!

Горбунъ открылъ ящикъ конторки: тамъ были безъ порядка свалены кучи кредитныхъ билетовъ, крупныхъ и мелкихъ.

— Тутъ у меня тысячъ пять, да въ банкѣ тысячъ тридцать. На мой журналъ «Сельская Бесѣда» обязательная подписка. Больше двадцати тысячъ подписчиковъ. Будетъ и больше... Вотъ жаль:

редакторъ Столпянскій—осиновый пенъ. Читаешь его писаніе, точно телѣга по грудѣ ѣдетъ. А вы литераторъ? Не изъ важныхъ, конечно?

Указываю ему, что издавалъ и редактировалъ «Всемирный Трудъ» и «Дешевую Библіотеку».

— Не врите? Какъ ваша фамилія.

— Я назвалъ себя.

Горбунъ оживился.

— Точно,—говорить,—эта фамилія стоитъ подъ книгами «Дешевой Библіотеки». Я выписывалъ. Тамъ и романъ вашъ напечатанъ. Сами написали, или у бѣдняка какого купили и поставили свою фамилію?

Беру шляпу и собираюсь уйти. Кардо-Сысоевъ подходитъ ко мнѣ, беретъ за руку и говоритъ:

— Не сердитесь. Теперь я вижу—вы настоящій литераторъ. А то вѣдь пороги у меня отбили: ходитъ всякая шушера. Извѣрился. Мнѣ редакторъ нуженъ. Теперешній Румянцевъ,—третій запой въ полгода и неграмотный. Докторъ сегодня сказывалъ: икаетъ съ утра. Значить—капугъ. У меня въ деревнѣ кучеръ, здоровенный былъ мужикъ, все пилъ, а какъ заикалъ—на другой день и побывшился.

Подумавъ немного, Кардо-Сысовъ уже дружески, мягко закончилъ:

— Такъ вдругъ рѣшить дѣло не могу. Завтра суббота, у меня соберутся сотрудники. Приходите. Тамъ видно будетъ.

XI.

Въ субботу вечеромъ я снова былъ въ квартирѣ Кардо-Сысоева. Засталъ человѣкъ десять, все больше юношей, сотрудничавшихъ въ мелкихъ газетахъ. Ни одинъ не былъ мнѣ знакомъ. Болѣе порядочнымъ выглядѣлъ чиновникъ министерства финансовъ, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Столпянскій, редактировавшій «Сельскую Бесѣду», смахивалъ на дьякона, — говорилъ басомъ, поматывалъ лысой головою и чего-то все вздыхалъ. Все это были кандидаты въ редакторы газеты «Лучъ». Кардо-Сысоевъ еще не выходилъ изъ кабинета. Анатолій Семеновичъ Тр—пъ, въ качествѣ домашняго секретаря, поилъ насъ чаемъ.

Въ девять часовъ отворилась дверь кабинета, и вышелъ горбунъ во фракъ съ ослѣпительнымъ пластрономъ и брильянтовой булавкою въ галстукѣ. Остановившись посреди залы, онъ громко объявилъ:

— Сейчасъ ѣду во дворецъ. Вотъ и приглашеніе отъ гофмейстера. Его высочество наслѣдникъ цесаревичъ (впослѣдствіи Але-

«истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сxiv.

ксандръ III) желаетъ меня видѣть. Кто не вѣрить—можетъ прочесть письмо гофмейстера.

Помолчавъ и убѣдившись, что всѣ мы вѣримъ въ приглашеніе его во дворецъ на бесѣду съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, Кардо-Сысоевъ выпрямился, сталъ какъ будто даже выше ростомъ, и продолжалъ ораторствовать:

— Великое будущее ждетъ мои изданія. Но нуженъ редакторъ, литераторъ опытный. Вы всѣ, господа, отличные люди, но еще молодозелено. Редакторомъ я избралъ г. Окрейца. Онъ уже былъ редакторомъ и издателемъ. Я справлялся о немъ. Самъ Маврикій Вольфъ сказалъ о господинѣ Окрейцѣ: ого! ого! Ну-съ, г. Окрейцъ! Анатолій передастъ вамъ довѣренность на редактированіе «Луча». Квартиру занимайте ту, гдѣ жилъ Румянцевъ. Онъ же кстаги сегодня послѣдній разъ икнулъ и умеръ. Завтра я уѣзжаю въ деревню. А сегодня, сами видите, не могу съ вами бесѣдовать: ѣду во дворецъ. Ужинъ вамъ подадутъ; винъ не жалѣйте. Побесѣдуйте съ новымъ редакторомъ, столкнитесь, и чтобы, когда я въ ноябрѣ вернусь, «Лучъ» ярко свѣтилъ. Гонораръ тогда удвою. До свиданья! Анатолій! гдѣ тебя чортъ запропастилъ? Плащъ и шляпу. Да живо поворачивайся!

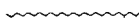
Послѣ отъѣзда чудака, смоленскаго помѣщика, мы еще долго просидѣли, толкуя о журналѣ и о странностяхъ издателя. Ко мнѣ подошелъ Столянской и, приглаживая остатки волосъ на вискахъ, конфиденціально шепнулъ:

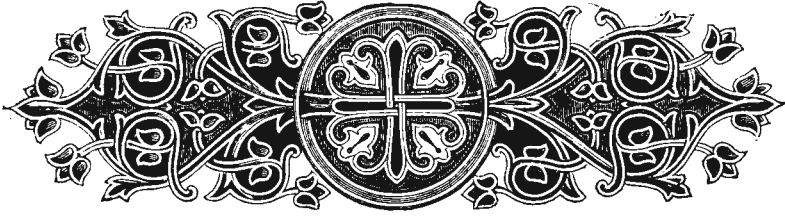
— Это его точно пригласили въ Аничковскій дворецъ. Сирена! Поетъ тамъ о необходимости дать народу чтеніе, а самъ мнѣ за редакторство и статьи платитъ въ мѣсяцъ всего сто рублей. Тутъ все. Приходится самому все писать. Выжига, государь мой, этотъ горбачъ.

Такимъ образомъ я съ оника сдѣлался редакторомъ «Луча», а въ ноябрѣ вернувшійся Кардо-Сысоевъ предложилъ мнѣ купить изданіе. По его объясненію ему намекнули, что быть одновременно издателемъ «Луча» и «Сельской Бесѣды», народнаго изданія,—неподходящая вещь.

«Лучъ» я купилъ за 5,000 рублей на векселя съ расплатой въ два года и выплатилъ долгъ. «Лучъ» сразу пошелъ бойко. Исторія процвѣтанія и упадка «Луча»—любопытная исторія. Когда-нибудь расскажу и ее; расскажу борьбу мою съ цензурою, которой я не поддался, и съ евреями, которые меня одолѣли и скушали мое изданіе безъ остатка.

С. С. Окрейцъ.

АРЕСТОВАННЫЙ ПО ОШИБКѢ.

(Изъ воспоминаній).

ДНАЖДЫ, — это было зимой 1887 года, — я получилъ заказное письмо съ заграничными марками и штемпелями. Вскрываю конвертъ, — тамъ оказывается фотографическая карточка какой-то молоденькой, милостивой дѣвушки и нѣсколько строкъ письма. Я сейчасъ же догадался, въ чемъ дѣло. Письмо было изъ Парижа отъ одного изъ моихъ пріятелей, который увѣдомлялъ меня, что француженка, коей «изображеніе при семъ прилагается», должна завтра прибыть въ Москву со скорымъ поѣздомъ, и, такъ какъ она не знаетъ ни города, ни слова по-русски, естественно, что ее нужно встрѣтить на вокзалѣ: для этой именно цѣли и посылается ей фотографическая карточка.

Немедленно я отправился къ Обуховымъ, старымъ знакомымъ нашей семьи, знавшимъ меня съ дѣтства, чтобы объявить имъ о завтрашнемъ пріѣздѣ выписанной мною для нихъ изъ Парижа гувернантки. Обуховы жили за Москвой-рѣкой, на Большой Ордынкѣ, въ скромномъ церковномъ домикѣ-особнячкѣ. Это было патріархальное русское семейство, принадлежавшее къ старинному дворянскому роду. Самъ Обуховъ, Аркадій Павловичъ, красивый брюнетъ лѣтъ тридцати шести-семи, получивъ отъ отца прекрасное состояніе, служилъ въ кирасирахъ, потомъ женился, потомъ въ чинѣ поручика вышелъ въ запасъ. Нѣсколько лѣтъ службы въ Петербургѣ, среди прожигающей жизнь золотой гвардейской мо-

лодежи, сдѣлали свое дѣло, и у Обухова отъ прежняго богатства остался одинъ только «хвостикъ». Приходилось серьезно подумать о будущемъ. А тутъ еще дѣти появились на свѣтъ, цѣлыхъ трое, предстояло ихъ воспитывать. Аркадій Павловичъ попробовалъ ради наживы взяться за одну выгодную коммерческую аферу, но ему не повезло: очутившись въ неумѣлыхъ рукахъ, предпріятіе очень скоро лопнуло, какъ мыльный пузырь, а вмѣстѣ съ нимъ канули въ вѣчность и послѣдніе обуховскіе капиталы. Положеніе стало совсѣмъ критическимъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, предпринять? Не милостыню же ему итти просить, ему, столбовому дворянину? Повидимому, ему оставалось только одно: пустить себѣ пулю въ лобъ. И вотъ, когда Аркадій Павловичъ переживалъ самыя тяжелыя минуты своей жизни, предаваясь безнадежной тоскѣ и отчаянію, онъ неожиданно-негаданно получилъ предложеніе ѣхать въ Москву на частную службу, которая давала вполне обеспеченное существованіе. Разумѣется, онъ принялъ предложеніе съ радостью. Очутившись съ семьей въ Москвѣ, Обуховъ зажилъ по-новому. Когда-то блестящій гвардеецъ, кутила и мотъ, волею судьбы вдругъ превратился теперь въ спокойнаго и рассудительнаго дѣльца, знающаго цѣну деньгамъ и умѣющаго ихъ добывать своимъ собственнымъ трудомъ. Жена Обухова, Нина Александровна, вышедшая изъ небогатой семьи, охотно поддерживала мужа въ его стремленіи къ экономной жизни. Это было слабое, хрупкое созданье, тепличный цвѣтокъ, требовавшій самага нѣжнаго, заботливаго ухода, которымъ она и пользовалась въ достаточной мѣрѣ, пока у Аркадія Павловича водились деньги. Начавшаяся затѣмъ нужда сильно пошатнула ея здоровье. Она стала лирѣть, веселые, живые глаза ея подернулись грустью, она сдѣлалась сосредоточенной, угрюмой и чрезвычайно богомольной, даже съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ ханжества. Такъ, передъ различными образами она считала необходимымъ класть различное число поклоновъ, большее или меньшее, смотря по тому, сколько заслуживалъ, по ея мнѣнію, тотъ или иной святой угодникъ, постилась по средамъ и пятницамъ, и т. д. Когда заболѣвалъ у нея кто-нибудь изъ дѣтей, она не спѣшила звать доктора, а поила ребенка «святой водицей», которую она тщательно прятала у себя въ шифоньеркѣ; въ то же время она посылала отцу Іоанну Кронштадтскому письмо, прося его заступничества передъ Богомъ. Мужа своего Нина Александровна прямо боготворила, считая его лучшимъ, красивѣйшимъ, умнѣйшимъ изъ людей. Съ нетерпѣніемъ ожидала она всякій день возвращенія его со службы и, когда онъ почему-либо запаздывалъ, тревожилась и плакала. Послѣ обѣда Аркадій Павловичъ любилъ прилечь отдохнуть и на сонъ грядущій почитать «Московскія Вѣдомости» или «Гражданинъ» (другихъ органовъ печати, за исключеніемъ, впрочемъ, «Инва-

лида», онъ, въ качествѣ истиннаго «патріота своего отечества», не признавалъ),—и нѣжная супруга частенько усаживалась у его изголовья и, чтобъ не дать ему понапрасну утруждать чтеніемъ глаза, сама читала ему вслухъ. Словомъ, я не могъ себѣ представить въ то время другой, столь же патріархальной семьи въ Москвѣ, другого столь же примѣрнаго супружества. Обуховы вели довольно замкнутый образъ жизни, у нихъ не было большихъ пріемовъ, и они ограничивались небольшимъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ, охотно посѣщавшихъ ихъ уединенную замоскворѣцкую квартирку. Здѣсь гости неизмѣнно встрѣчали со стороны хозяевъ хлѣбосольство, радушіе и ласку. Аркадій Павловичъ и виду не показывалъ, что гостепріимство можетъ быть ему въ тягость. Онъ займетъ денегъ, а ужъ вечеринку съ картами и ужиномъ въ положенный для этого день непременно устроить. «Ничего, матушка, не подблещь!»—говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ женѣ.—*Noblesse oblige!* Какъ ни сталъ экономенъ Обуховъ, но ложное представленіе о дворянскомъ достоинствѣ все же довольно часто заставляло его бросать лишнія деньги. Такъ, одѣваться ему нужно было непременно у дорогого портного и не иначе, какъ у француза, ѣздить онъ считалъ возможнымъ только на лихачахъ, держалъ при себѣ лакея и т. д.—словомъ, всячески тянулся за тѣми изъ своихъ знакомыхъ, которые были побогаче. Когда у него стали подрастать дѣти, онъ тотчасъ же рѣшилъ, что для нихъ надо взять француженку, мало того,—надо непременно выписать ее изъ Парижа, потому что такъ именно поступили недавно графы Z. И вотъ, узнавъ, что я могу быть въ этомъ отношеніи полезенъ, Аркадій Павловичъ обратился ко мнѣ. Я обѣщаль и сдѣлалъ все, что могъ.

— Завтра пріѣдетъ къ вамъ гувернантка!—объявилъ я старшему сыну Обуховыхъ, восьмилѣтнему Пашѣ, который вышелъ меня встрѣчать въ переднюю.

Мальчикъ сразу опѣшилъ, и сіявшее улыбкой лицо его сдѣлалось серьезнымъ.

— Ты, кажется, недоволенъ, сорванецъ? Ну, ничего, привыкнешь...

Паша сдѣлалъ совѣмъ кислую гримасу, точно лекарство проглотилъ, и молчалъ; потомъ вдругъ спросилъ:

— А что она—злая?

— Не знаю,—улыбнулся я:—можетъ быть, и добрая...

Въ это время Обуховы, мужъ и жена, шли ко мнѣ навстрѣчу изъ различныхъ комнатъ. День былъ воскресный, и Аркадій Павловичъ сидѣлъ дома, наслаждаясь жизнью въ кругу своей семьи. Онъ уже позавтракалъ, прочелъ «Московскія Вѣдомости» и даже вычесалъ нѣсколько блохъ у своего любимца-пуделя (эту «роскошь» онъ позволялъ себѣ исключительно по праздникамъ). А

Нина Александровна пребывала еще въ молитвенномъ настроеніи: какая-то благодать была разлита на ея томномъ, блѣдномъ лицѣ, она привѣтливо улыбалась, но съ отгѣнкомъ легкой, какъ бы неземной грусти, и мнѣ показалось даже, что отъ ея руки, къ которой я прикоснулся губами, пахло немного лампаднымъ масломъ.

— Ну-съ, могу вамъ сообщить пріятное извѣстіе,— сказала я:—завтра вы будете имѣть удовольствіе лицезрѣть французку...

— Да?—протянула Нина Александровна, по своему обыкновению, слегка въ носъ.—Ну, слава Богу!—и она перекрестилась.

— Наконецъ-то, дождались!—весело подхватилъ Аркадій Павловичъ.—Что это у васъ,—письмо?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, сейчасъ только получилъ, можете прочитать... А вотъ, кстати, и фотографическая карточка...

Обуховъ пробѣжалъ глазами письмо и взглянулъ на фотографическую карточку.

— Гм... Недуренькая!—одобрилъ онъ.—Какъ ты находишь, Ниночка?

— Ничего, довольно симпатичное личико...—отозвалась Нина Александровна.

— Итакъ, она пріѣдетъ завтра, со скорымъ... Гм... Это прекрасно... Но вотъ вопросъ: какъ же ее встрѣтить? Я вѣдь не могу... Поѣзжай, Ниночка, ты!

Нина Александровна энергично запротестовала:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ на это ужъ я совершенно неспособна: въ толпѣ у меня разбѣгаются глаза, и я ровно ничего не вижу; я ее не замѣчу...

— Какъ же, однако, быть? Надо же встрѣтить...

— Я бы съ удовольствіемъ предложилъ свои услуги,—началъ я, видя затруднительное положеніе Обуховыхъ:—но вѣдь поѣздъ приходитъ въ три, а мнѣ въ половинѣ четвертаго нужно быть въ Лефортовѣ,—не поспѣю!

— Ну, что жъ! Дѣлать нечего... — со вздохомъ проговорилъ Аркадій Павловичъ.—Придется ужъ мнѣ эту миссію взять на себя: уйду со службы пораньше... А вдругъ я не узнаю ее по карточкѣ?—спохватился онъ со смѣхомъ.—Или подойду къ какой-нибудь другой дамѣ? Чудесное можетъ выйти *qui pro quo!*

— На этой почвѣ, пожалуй, можетъ разыгратъ даже интересный романъ,—пошутилъ я.

— Романъ? Ну, отъ этого я вполне застрахованъ,—возразилъ онъ съ напускной серьезностью и бросилъ на жену ласковый взглядъ. А она въ отвѣтъ довѣрчиво посмотрѣла на него своими большими, кроткими глазами, въ которыхъ можно было прочитать, какъ всегда, безконечную супружескую преданность и обожаніе.

На дебаркадерѣ смоленскаго вокзала собралось довольно много публики, ожидавшей прибытія курьерскаго поѣзда, который шель на этотъ разъ съ опозданіемъ на цѣлыхъ полтора часа. Обуховъ давно уже былъ на своемъ посту. Нетерпѣливо покручивая усы, онъ съ тоскующимъ видомъ шагаль вдоль платформы до самаго конца ея и возвращался назадъ. Навстрѣчу ему попадались все тѣ же лица, успѣвшія ему наскучить, а до ушей его долетали обрывки разговоровъ, казавшихся ему неинтересными и ненужными. Онъ начиналъ злиться и мысленно ругаль желѣзнодорожные порядки. «Чортъ знаетъ что за безобразіе!—ворчалъ онъ про себя.— Вотъ изволь тутъ дожидаться, время терять понапрасну... Скоты эдакіе!»

Слово «скоты», вѣроятно, относилось ко всѣмъ вообще желѣзнодорожнымъ служащимъ, потому что, когда мимо него быстро прошмыгнуль дежурный по станціи, Обуховъ съ ненавистью взглянулъ на его красную фуражку, какъ будто она была виновата въ томъ, что поѣздъ опаздываль, и довольно грубо крикнуль ему вслѣдъ:

— Послушайте... вы! Когда же, наконецъ, поѣздъ придетъ?

Но красная фуражка не отвѣтила ничего и скрылась.

Между тѣмъ стали обнаруживаться признаки скорого прибытія поѣзда. На платформѣ началось усиленное движеніе, появились носильщики, потомъ вышелъ жандармскій унтеръ-офицеръ... Прошло еще минутъ пять, и вдали показался окутанный паромъ, тяжело надвигавшійся локомотивъ.

Обуховъ почему-то страшно заволновался и инстинктивно нащупаль рукой въ боковомъ карманѣ фотографическую карточку, потомъ быстрымъ движеніемъ извлекъ ее оттуда и въ которой уже разъ принялся разсматривать. «А вдругъ не узнаю?—думаль онъ съ тревогой.—Вотъ досадно-то будетъ!»

Въ это время поѣздъ медленно подкатилъ къ платформѣ. Аркадій Павловичъ бросился впередъ къ одному изъ вагоновъ второго класса и сталъ зорко выслѣживать глазами выходящихъ оттуда пассажировъ. Вотъ ему показалось знакомое лицо молодой дѣвушки... «Кажется, она!» Онъ чуть было не подошелъ къ ней, но незнакомка заговорила съ носильщикомъ по-русски, и онъ поняль, что ошибся.

А кругомъ все увеличивалась суматоха. У Обухова разбѣгались глаза и ему казалось, что онъ пропустиль уже много женщинъ, не успѣвъ ихъ разсмотрѣть. Вдругъ опять мелькнуло что-то знакомое... Аркадій Павловичъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности,— до того черты лица быстро промчавшейся мимо него молодой дамы напомнили ему фотографическое изображеніе, которое онъ имѣль съ собой. Не долго думая, онъ пустился вслѣдъ за удалявшейся дамой, несшей въ рукахъ небольшой кожаный саквояжикъ,

догналъ ее и еще разъ заглянулъ ей въ лицо. «Да, это она, она! Никакого сомнѣнія!» рѣшилъ онъ мысленно и приблизился къ ней вплотную. Та испуганно отшатнулась отъ него и на поблѣднѣшемъ лицѣ ея, въ тревожно забѣгавшихъ по сторонамъ грустныхъ глазахъ изобразилось отчаяніе.

— Pardon, mademoiselle!—проговорилъ Обуховъ, приподнимая шляпу.

Незнакомка остановилась, зашевелила губами, и у нея вырвался какой-то невнятный шопотъ.

— Извините, вы, кажется, такая-то?—спросилъ Аркадій Павловичъ по-французски, уже смутно предчувствуя, что сдѣлалъ ошибку, принявъ за французенку совсѣмъ не то лицо.

Слова Обухова подѣйствовали на незнакомку успокоительно, она совсѣмъ оправилась отъ испуга и даже улыбнулась ему въ отвѣтъ.

— О, нѣтъ! Вы ошиблись, — сказала она по-русски: — я не французенка!

И, кивнувъ головой, она помчалась дальше. Какъ вдругъ два какихъ-то субъекта перерѣзали ей путь. Одинъ изъ нихъ, высокій, въ котелкѣ, грубо схватилъ ее за локоть и повлекъ къ вокзальной двери, а другой, который былъ въ картузѣ и пониже ростомъ, съ большими рыжими усами, шепнулъ ему что-то на ухо и отошелъ въ сторону. Обуховъ догадался, что это были сыщики, поймавшіе, очевидно, какую-нибудь преступницу. «Вотъ почему она испугалась такъ, когда я къ ней подошелъ,—подумалъ онъ:—боялась, что я хочу ее задержать!»

И онъ опять бросился въ движущуюся толпу пассажировъ, все еще надѣясь отыскать французенку. Однако, увы!—ея нигдѣ не было. Уже вагоны опустѣли, и шумная людская толпа на половину схлынула съ платформы, — слѣдовательно, оставалось предположить одно изъ двухъ: или онъ не замѣтилъ ея, или она не пріѣхала совсѣмъ.

«Какъ это, однако, досадно, если я ее не замѣтилъ!—размышлялъ Обуховъ.—Положимъ, она знаетъ, вѣроятно, нашъ адресъ и дойдетъ какъ-нибудь... Но все же... столько времени потерять понапрасну... Чортъ бы ее взялъ совсѣмъ эту французенку!»

И Аркадій Павловичъ быстрой, нервной походкой зашагалъ по направленію къ вокзалу.

— Стойте, господинъ! — вдругъ послышался за его спиной грубоватый голосъ, и чья-то тяжелая корявая рука опустилась ему на плечо. Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собой знакомаго субъекта съ рыжими усами.

— Что вамъ нужно?—спросилъ Обуховъ негодующимъ тономъ и отступилъ шагъ назадъ.

— Задержать васъ—только всего... Пожалуйте!— съ наглою усмѣшкой проговорилъ сыщикъ и безцеремонно взялъ Обухова за рукавъ.

— Прочь!—отмахнулся отъ него Аркадій Павловичъ.—Какъ вы смѣете до меня дотрогиваться? Нахаль!

— Вы не кипятитесь, господинъ, а лучше пойдете,—спокойно урезонивалъ его субъектъ съ рыжими усами,—потому, ежели не пойдете—силой потащу!

Обуховъ все еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ происходящемъ и, взбѣшенный, продолжалъ протестовать:

— Вы не смѣете, не имѣете права... Я ничего не сдѣлалъ...

— Тамъ, въ охранномъ, разберуть... Пожалуйте!

Тутъ только понялъ Обуховъ, что онъ сдѣлался жертвой нелѣпаго подозрѣнія. Очевидно, его принимаютъ за знакомаго той неизвѣстной дамы, которую арестовали на его глазахъ, и теперь ведутъ на допросъ въ охранное отдѣленіе.

И онъ покорился своей участи.

Было часовъ 8 вечера, когда посыльный принесъ мнѣ письмо отъ Нины Александровны: въ немъ заключалось всего нѣсколько строкъ, въ которыхъ бѣдная женщина сообщала мнѣ, что надъ ней стряслась страшная бѣда, что ея мужъ арестованъ, какъ она узнала въ участкѣ, по политическому дѣлу, и умоляла меня пріѣхать къ ней немедленно.

Я былъ пораженъ, какъ громомъ. Обуховъ арестованъ по политическому дѣлу! Обуховъ, поклонникъ Каткова, читатель «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина»—политическій преступникъ! Это показалось мнѣ до такой степени несуразнымъ и дикимъ, что я тутъ же громко разсмѣялся. Однако загадочныя строки письма стояли передъ моими глазами во всей своей ужасающей правдѣ: фактъ оставался фактомъ и нужно было съ нимъ считаться. Я немедленно собрался въ путь и черезъ полчаса уже былъ въ квартирѣ Обуховыхъ.

Нина Александровна встрѣтила меня вся въ слезахъ; лицо у нея было блѣдное, осунувшееся, голосъ дрожалъ, въ немъ слышалось отчаяніе; жалко было на нее смотрѣть.

— Не волнуйтесь,—успокаивалъ я ее:—тутъ, очевидно, какое-нибудь недоразумѣніе: просто ошибка произошла... Я увѣренъ, что Аркадій Павловичъ сейчасъ вернется.

— Ахъ, нѣтъ, я ужъ и не жду его: вѣрно, Господь Богъ наказалъ меня за грѣхи...

— Полноте, Нина Александровна! Какіе у васъ грѣхи? Вы—святая!—пошутилъ я.

Она пропустила мою шутку мимо ушей и продолжала:

— Можете себѣ представить мое положеніе: жду, жду—не ѣдетъ Аркадій, а ужъ пять часовъ, поѣздъ давно пришелъ... Наконецъ прѣзжаетъ *medemoiselle* одна...

— Она все-таки прѣехала?

— Да, послѣ долгихъ странствій... Извозчикъ сначала не понялъ ее и повезъ Богъ знаетъ куда; плутали, плутали по Москвѣ, на силу нашли... «Что же это,—спрашиваю я ее:—васъ никто не встрѣтилъ на вокзалѣ?»—«Никто!» Я такъ и обмерла. Ну, думаю, навѣрное съ Аркадіемъ какая-нибудь бѣда случилась! И дѣйствительно: проходитъ часть, другой, а его все нѣтъ и нѣтъ. Я въ страшной тревогѣ, не знаю, что мнѣ дѣлать, плачу... Наконецъ мнѣ приходитъ въ голову мысль справиться о мужѣ въ кварталѣ, благо это близко, всего только улицу перейти. Иду туда, рассказываю о своемъ горѣ, а сама едва стою на ногахъ, чуть не падаю... Полицейскій офицеръ оказался очень любезнымъ господиномъ: посадилъ меня и началъ всячески успокаивать; потомъ подошелъ къ телефону и долго съ кѣмъ-то разговаривалъ... «Вотъ что, сударыня,—объявилъ онъ мнѣ наконецъ,—съ вашимъ супругомъ дѣйствительно произошла непріятность...» У меня захолонуло сердце. «Ради Бога, что же съ нимъ такое случилось?»—«Онъ арестованъ по политическому дѣлу!» Я едва не упала въ обморокъ, въ глазахъ помутилось и все пошло какіе-то синіе круги... «Господи, какая я несчастная!—воскликнула я, въ отчаяніи ломая руки.—Что же мнѣ дѣлать? Скажите, что мнѣ дѣлать?»—«Если вы увѣрены, что вашъ супругъ невиновенъ,—посоветовалъ мнѣ офицеръ,—обратитесь къ генераль-губернатору, который можетъ приказать немедленно разслѣдовать это дѣло... Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ, которые могли бы хлопотать?» Тутъ я вспомнила о васъ, я вѣдь знаю, что вы хорошо знакомы съ генераль-губернаторомъ... Голубчикъ! Не откажите въ вашемъ содѣйствіи...

И Нина Александровна горячо пожала мою руку.

— О, разумѣется, я сдѣлаю все, что могу,—поспѣшилъ я ее увѣрить.—Я глубоко убѣжденъ, что Аркадій Павловичъ будетъ скоро на свободѣ, что нелѣпое недоразумѣніе, жертвой котораго онъ сдѣлался, конечно, совершенно случайно, сегодня же выяснится, и его отпустятъ. Я постараюсь сейчасъ же добиться свиданія съ генераль-губернаторомъ...

Съ этими словами я разстался съ Обуховой и поѣхалъ домой облачатъ въ парадную студенческую форму,—тогда я былъ еще въ университетѣ,—а въ десятомъ часу вечера уже велъ бесѣду съ княземъ В. А. Долгоруковымъ, тогдашнимъ московскимъ генераль-губернаторомъ.

Это былъ милѣйшій старичокъ, чрезвычайно доступный, ласковый и обходительный со всѣми. Среди москвичей онъ пользовался огромной популярностью. Его любили за доброту, за готов-

ность помочь всякому несправедливо обиженному, заступиться за слабого, притѣняемаго сильнымъ, цѣнили не только за то, что онъ былъ добрымъ и гуманнымъ человѣкомъ, но и за то, главнымъ образомъ, что въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ являлъ собою образецъ рѣдкой справедливости. По своему душевному складу князь Владимиръ Андреевичъ былъ типичнымъ русскимъ человѣкомъ со всѣми присущими этому послѣднему качествами и недостатками: врожденное благородство и честность уживались въ немъ съ нѣкоторой нравственной распущенностью, религиозность съ антипатіей къ духовенству, которую онъ, однако, внѣшнимъ образомъ никогда не проявлялъ, прямотушіе и откровенность—съ изысканной деликатностью, не позволявшей ему во многихъ случаяхъ ошеломлять собесѣдника неподкрашенной правдой. Въ обществѣ это былъ аристократъ *pur sang*, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи котораго, всегда мягкомъ и плавномъ, лежалъ отпечатокъ хорошаго стариннаго барства. Наконецъ,—тоже чисто русская черта—князь В. А. отличался необыкновеннымъ хлѣбосолецтвомъ. Его знаменитые балы, на которыхъ шампанское лилось рѣкой, надолго останутся въ памяти у москвичей. Многочисленныхъ гостей своихъ князь обыкновенно встрѣчалъ у себя на верхней площадкѣ лѣстницы, со всѣми здороваясь за руку, и при этомъ каждому старался сказать что-нибудь пріятное. Когда всѣ гости оказывались въ сборѣ, князь входилъ въ залъ и, по данному имъ знаку, оркестръ начиналъ играть полонезъ. Тогда любезный хозяинъ, взявъ подъ руку какую-нибудь изъ особо почтенныхъ дамъ, шелъ съ ней въ первой парѣ, открывая танецъ. Иногда первую его даму смѣняла другая, другую—третья и т. д., смотря по количеству присутствовавшихъ на балу женщинъ, требовавшихъ по своему общественному положенію исключительнаго вниманія.

Я былъ знакомъ съ княземъ В. А. Долгоруковымъ съ перваго года поступленія своего въ университетъ, бывалъ почти на всѣхъ балахъ его, а раза два даже совершенно частнымъ образомъ по одному дѣлу, связанному съ извѣстной «брызгаловской» исторіей; когда-нибудь, при случаѣ, я расскажу объ этомъ дѣлѣ подробно.

Несмотря на необычно поздній для пріемовъ часъ, я все-таки былъ принятъ княземъ, такъ какъ просилъ дежурнаго адъютанта передать ему, что я явился по дѣлу исключительной важности.

— Ну что, мой дружокъ? Что у васъ тамъ случилось?—ласково встрѣтилъ меня въ своемъ роскошномъ кабинетѣ князь В. А., одѣтый въ простую, сѣрую тужурку.

Я ему рассказалъ, въ чемъ дѣло. Князь сначала выразилъ сомнѣніе въ возможности ошибки со стороны агентовъ тайной полиціи, но когда я охарактеризовалъ Обухова, какъ убѣжденнаго монархиста, искренно преданнаго престолу, онъ даже предобродушно разсмѣялся.

— А вѣдь дѣйствительно можетъ быть ошибка!—воскликнулъ онъ.—Ну, это мы сейчасъ разслѣдуемъ...

Съ этими словами онъ вышелъ изъ кабинета, и я слышалъ, какъ онъ за дверью отдавалъ вполголоса какое-то конфиденціальное распоряженіе. Вернувшись назадъ, князь подаль мнѣ руку и сказалъ:

— Ну, вотъ что, мой дружокъ: поѣзжайте къ m-me Обуховой и скажите ей отъ меня, чтобы она не тревожилась, что мужъ ея будетъ немедленно освобожденъ.

Поблагодаривъ князя за его доброту и любезность, я поспѣшилъ откланяться.

Въ тотъ же вечеръ Обуховъ былъ дома въ объятіяхъ своей нѣжной супруги, плакавшей уже теперь отъ радости: она не надѣялась такъ скоро увидать исчезнувшаго мужа. А онъ имѣлъ такой разстроенный видъ, какъ будто всталъ только что съ постели послѣ тяжелаго кошмара...

Дама, къ которой онъ подошелъ на вокзалѣ, принявъ ее за гувернантку, какъ я потомъ узналъ, оказалась давно разыскиваемой политической преступницей и эмигранткой С—ой, пріѣхавшей изъ Женевы.

Князь Б. А. Щетининъ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ.

(Изъ области судебной этики.)

I.

ВЪ КОНЦѢ семидесятихъ годовъ въ одинъ изъ большихъ городовъ прибылъ вновь назначенный на должность товарища прокурора мѣстнаго окружнаго суда нѣкто Андреевъ. Человѣкъ молодой, холостой и одинокій, онъ еще весь былъ проникнутъ идеями, почерпнутыми на университетской скамьѣ, весело смотрѣлъ на будущее и, мало еще знакомый съ жизнью и ею не испорченный, былъ чистъ, идеально честенъ и считалъ свою должность государственнаго обвинителя служеніемъ обществу. Онъ былъ убѣжденъ, что творить добро, и признавалъ преслѣдованіе преступленій и обличеніе виновныхъ въ нихъ—своимъ священнымъ долгомъ. Въ спорахъ со своими сверстниками-сослуживцами онъ горячо отстаивалъ старый тезисъ: *fiat justitia—pereat mundus*. Нечего и говорить, что то былъ убѣжденный сторонникъ суда присяжныхъ и горячій поклонникъ судебныхъ уставовъ 1864 года. Одно немного коробило его—это строгая дисциплина, установленная уставами для чиновъ прокурорскаго надзора, но и въ этомъ отношеніи онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что и высшіе чины прокуратуры такіе же убѣжденные и честные люди, какъ и онъ самъ.

Прибылъ этотъ юноша въ городъ, явился по начальству и сталъ обдумывать, какъ бы ему устроиться. Городъ съ его многочисленнымъ населеніемъ, съ его бойкою, ключомъ бьющею жизнью,

ему очень понравился; начальство приняло его прекрасно; товарищи-сослуживцы, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться, произвели на него недурное впечатлѣніе,—словомъ, все общало юношѣ хорошую жизнь, а обиліе серьезныхъ дѣлъ, которыми отличался этотъ судебный округъ,—горячую и энергичную дѣятельность.

Главнымъ начальствомъ юноши—прокуроромъ судебной палаты—былъ старый, опытный юристъ. Всю свою службу онъ провелъ въ прокурорскомъ надзорѣ и, не будучи карьеристомъ и въ то же время не отличаясь родовитостью и не обладая никакою протекціею и связями, онъ достигъ должности прокурора палаты уже почти въ преклонномъ возрастѣ. То былъ очень умный человѣкъ, прекрасный судебный ораторъ, поражавшій удивительною логичностью своихъ рѣчей и крайнею ихъ убѣдительностью. Когда онъ былъ еще прокуроромъ суда, про него говорили, что онъ держалъ присяжныхъ въ рукахъ и, дѣйствительно, онъ обыкновенно заранѣе предсказывалъ ихъ вердиктъ. вмѣстѣ съ тѣмъ то былъ сухой, малосердечный и какъ бы озлобленный жизнью человѣкъ, но онъ очень удачно скрывалъ это и обыкновенно всѣхъ, мало его знающихъ, очаровывалъ своимъ умомъ и любезностью. Волюнѣ понятно, что такой человѣкъ очаровалъ и нашего неопытного и не испушеннаго еще жизнью юношу.

А юношѣ предстояло устроиться, т. е. прежде всего найти себѣ приличную и недорогую квартиру и столъ. По совѣту одного изъ сослуживцевъ, онъ остановился въ меблированномъ домѣ, помѣщающемся въ центрѣ города и содержимомъ какою-то акціонерною компаніею. Тамъ онъ нашелъ себѣ двѣ приличныя комнаты, а обѣдать ходилъ въ помѣщающійся въ этомъ же домѣ и содержимый тою же акціонерною компаніею ресторанъ.

Управлялъ этимъ домомъ отставной офицеръ Андрей Петровичъ Уразовъ. То былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти или сорока, довольно красивый, очень симпатичный, но всякаго, кто имѣлъ случай сталкиваться съ нимъ, поражала его постоянная задумчивость и какая-то тревога, какое-то страданіе въ лицѣ, какъ будто онъ или только что перенесъ большое горе, или ждетъ неминуемаго ужаснаго несчастія. Одинокій и безсемейный, онъ жилъ въ этомъ же домѣ и столовался въ томъ же ресторанѣ. Владѣльцы дома имъ очень дорожили, считая его честнымъ, преданнымъ дѣлу и довѣряли ему вполне, да и служилъ онъ имъ безпорочно уже болѣе пяти лѣтъ.

Еще при первомъ свиданіи, когда нанималъ комнаты, Андреевъ сильно заинтересовался управляющимъ; онъ замѣтилъ, что его словно что-то влечетъ къ нему, и ему казалось, что эта симпатія взаимна. И, дѣйствительно, при ежедневныхъ свиданіяхъ за обѣдомъ въ ресторанѣ, при бесѣдахъ во время уплаты денегъ за квартиру и по поводу разныхъ мелочей по хозяйству, они сошлись, а затѣмъ

вскорѣ и подружились. Оба домосѣда, занятые каждый своимъ дѣломъ, они проводили свободное время во взаимной бесѣдѣ за стаканомъ чаю и все болѣе и болѣе убѣждались, что между ними много общаго. Оба были чисты, оба не терпѣли ни пьянства, ни картъ, оба съ презрительною гадливостью относились къ разврату во всѣхъ его видахъ.

Но между ними была и разница и, прежде всего, разница въ годахъ: Уразовъ былъ старше Андреева лѣтъ на десять; тотъ былъ не искушенъ жизнью, а этотъ пожилъ и зналъ жизнь; крайне незлобивый, добродушный, онъ все-таки скептически относился къ нѣкоторымъ вопросамъ и нерѣдко охлаждалъ порывы заносящагося юноши.

Еще была одна, достойная замѣчанія, черта: Андреевъ, чисто-сердечный, увлекающійся юноша, сразу посвятилъ Уразова въ свою жизнь, рассказавъ ему всю свою біографію начиная съ дѣтства, и рассказалъ не одинъ разъ. Уразовъ каждый разъ слушалъ его съ одинаковымъ вниманіемъ, но о себѣ не сказалъ ему ни слова, а при разспросахъ уклонялся и переводилъ разговоръ на другой предметъ.

Андреевъ зналъ Петербургъ да небольшой кусочекъ Псковской губерніи, гдѣ онъ провелъ дѣтство, а Уразовъ, видимо, былъ хорошо освѣдомленъ о многихъ мѣстностяхъ Россіи; особенно любовно отзывался онъ о восточной половинѣ ея, о Волгѣ и Прикамскомъ краѣ, передавая много интереснаго и восхищаясь отдѣльными мѣстностями Волжскаго бассейна; но, опять-таки, чуть рѣчь зайдетъ о томъ, гдѣ онъ жилъ и когда бывалъ въ этихъ мѣстахъ, Уразовъ задумается, замолкнетъ и переведетъ разговоръ на другой предметъ.

Наконецъ, былъ еще вопросъ, на которомъ они не сходились. Андреевъ увлекался своею прокурорскою дѣятельностью, считалъ ее святынею и не находилъ въ ней ничего, что бы противорѣчило его убѣжденіямъ, коробило его совѣсть,—Уразовъ смотрѣлъ на эту дѣятельность иначе и видѣлъ въ ней много темныхъ сторонъ. Въ постоянныхъ спорахъ на эту тему онъ проводилъ тотъ взглядъ, что недѣло требовать наказанія преступника за совершенное имъ дѣяніе безъ отношенія къ тому, когда оно совершено, что вынесъ и пережилъ преступникъ послѣ этого дѣянія и какимъ онъ является въ моментъ постановки приговора.

— Если воръ,—говорилъ онъ,—котораго вы судите черезъ годъ или два послѣ совершенной имъ кражи, въ теченіе этого времени много выстрадалъ отъ упрековъ совѣсти и сталъ убѣжденнымъ честнымъ человѣкомъ, зачѣмъ же вы этого безусловно теперь честнаго человѣка садите въ тюрьму, гдѣ онъ, попавъ въ компанію воровъ, или станетъ опять воромъ, или, что еще хуже, снова вынесетъ пѣлый рядъ страданій. Вѣдь это месть, зубъ за зубъ, т. е. ученіе явно противное христіанству.

Это былъ предметъ постоянныхъ споровъ, но споровъ, отнюдь не нарушавшихъ добрыхъ отношеній между собесѣдниками, а скорѣе все болѣе и болѣе скрѣплявшихъ эти отношенія.

— Во всякомъ случаѣ,—не разъ говорилъ Уразовъ,—хороша или дурна дѣятельность прокурора, но если вы честный человѣкъ и взялись за нее, вы должны неуклонно исполнять возложенныя на васъ обязанности. Долгъ службы выше всего и, если вы не считаете почему-либо возможнымъ нести эту службу до всѣхъ, самыхъ мелочныхъ ея требованій, вы должны ее оставить, а не идти на компромиссы съ совѣстью и долгомъ службы.

Прошелъ годъ; отношенія между Андреевымъ и Уразовымъ окрѣпли и перешли въ тѣсную дружбу; они давно уже были на «ты». Уразовъ оставался попрежнему домосѣдомъ, но Андрееву пришлось познакомиться поближе со своими сослуживцами, войти въ ихъ кружокъ и бывать въ нѣкоторыхъ семейныхъ домахъ. Всюду онъ былъ принимаемъ радушно; всѣхъ привлекалъ къ себѣ этотъ, какъ его прозвали, «розовый юноша». Особенно часто бывалъ онъ въ семьѣ одного изъ членовъ окружнаго суда, состоявшей изъ довольно уже пожилыхъ, жившихъ, какъ голуби, мужа и жены и единственной ихъ дочери, дѣвушки лѣтъ двадцати пяти. То была далеко не красавица, но крайне милая и симпатичная особа; она закончила свое образованіе женскою гимназією, но много читала и была способна вести даже «ученые разговоры». Звали ее Анною Николаевною.

Желая хоть чѣмъ-нибудь развлечь своего постоянно задумчиваго друга, Андреевъ рѣшилъ познакомиться его съ этою семьєю. Послѣ долгихъ убѣжденій и уговоровъ, доходившихъ порою до размолвки, Андрееву наконецъ удалось упросить его нанести вмѣстѣ съ нимъ визитъ этой судейской семьѣ; Андреевъ успѣлъ уже приготовить ее къ предстоящему визиту, возбудивъ интересъ всѣхъ членовъ семьи къ человѣку, окруженному какою-то тайною, чѣмъ-то страдающему, одинокому и нуждающемуся въ помощи. Эта таинственность, окружающая личность Уразова, особенно возбудила интересъ въ любопытной барышнѣ, поставившей себѣ задачу обратить угрюмаго дикаря-мученика на путь истинный.

Нечего и говорить, что при такой обстановкѣ первый пріемъ новаго знакомаго былъ болѣе чѣмъ сердечный; онъ отдыхалъ въ этой милой семьѣ и сталъ бывать тамъ по нѣсколько разъ въ недѣлю, сначала вмѣстѣ съ Андреевымъ, а потомъ и одинъ. Цѣлые вечера проводилъ онъ съ барышнею въ оживленныхъ бесѣдахъ на разныя темы, но, опять-таки, какъ ни старалась барышня узнать прошлое своего собесѣдника, она ничего не узнала, такъ какъ онъ постоянно и одинаково успѣшно прибѣгалъ къ своему обычному пріему переводить разговоръ на другіе предметы, а на прямо поставленный вопросъ отвѣчалъ, что въ его прошломъ нѣтъ ничего интереснаго.

Вскорѣ Андреевъ замѣтилъ, что другъ его увлеченъ этой барышнею, влюбился въ нее, хотя упорно это отъ него скрываетъ. Онъ позондировалъ почву въ судейской семьѣ и убѣдился, что увлеченіе это взаимно, что барышнѣ Уразовъ очень нравится, а родители ея не прочь повѣнчать ихъ, тѣмъ болѣе, что дочь ихъ безприданница (гдѣ же найти богатыхъ судейскія семьи), давно уже заневѣстилась, а Уразовъ, какъ оказалось по собраннымъ справкамъ, получаетъ около четырехъ тысячъ рублей въ годъ и имѣетъ сбереженій свыше 15.000, такъ какъ, при своей скромной жизни, проживаетъ не болѣе шестисотъ рублей въ годъ.

Установивъ все это, Андреевъ порѣшилъ во что бы то ни стало поженить молодыхъ людей, но, когда онъ высказалъ свое пожеланіе Уразову, тотъ категорически заявилъ, что онъ не смѣетъ и мечтать о такомъ счастьѣ и что это вещь невысказанная... Объясняя себѣ отказъ Уразова вполне понятною робостью и застенчивостью давно отвыкшаго отъ дамскаго общества человѣка, Андреевъ сталъ убѣждать его такими рѣчами: «Послушай, Андрей Петровичъ, я вѣдь знаю, что говорю. Я прозакладую, что угодно, что отказа ни въ какомъ случаѣ не будетъ. Хочешь, пойдемъ сейчасъ вмѣстѣ, и ты при мнѣ сдѣлаешь предложеніе».

— Ни за что на свѣтѣ!—рѣзко отвѣчаетъ Уразовъ.

— Ну, хорошо,—продолжалъ Андреевъ:—тогда сдѣлаемъ вотъ какъ: ты сиди дома, а я сейчасъ же отправлюсь къ нимъ, переговорю за тебя и ты поѣдешь туда прямо женихомъ. Говорю тебѣ, что отказа не будетъ,—я уже потолковалъ объ этомъ.

— Напрасно толковалъ,—возразилъ Уразовъ:—повторяю тебѣ—это вещь невысказанная.

— Наладилъ одно и то же: невысказанно, да не мыслимо, а почему невысказанно—неизвѣстно. Ужъ не женатъ ли ты, да скрываешь это?

— Нѣтъ, честное слово, нѣтъ.

— Ну, такъ нѣтъ ли за тобою грѣховъ юности, въ родѣ незаконнорожденнаго ребенка, оставшагося на твоей шеѣ?

— Ничего подобнаго.

— Ну, такъ за чѣмъ же дѣло?

— А все-таки это вещь невысказанная. Пожалуйста, перестань приставать ко мнѣ, и прекратимъ этотъ разговоръ.

Друзья даже поссорились и не видѣлись два дня. На третій день снова возникъ разговоръ на ту же тему.

— Вѣдь тебѣ нравится Анна Николаевна?—спрашивалъ Андреевъ.

— Очень.

— И ты не прочь бы жениться на ней?

— Такая чудная жена принесла бы счастье, о которомъ я и мечтать не смѣю.

— Такъ женись, говорю я, чудакъ ты этакій!

«истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сxiv.

— Никогда и ни за что. Перестанемъ говорить объ этомъ.

Снова друзья не видались нѣсколько дней, умышленно избѣгая одинъ другого. За это время Уразовъ какъ-то осунулся и сталъ еще грустнѣе и задумчивѣе. Размолвка, видимо, тяготила обоихъ. Первый не выдержалъ ея порывистый Андреевъ; вбѣжавъ въ комнату Уразова, онъ поставилъ ему такой ультиматумъ: «или ты мнѣ скажешь, почему немислимъ твой бракъ съ Анною Николаевою, или мы болѣе незнакомы, и я уѣзжаю изъ этого дома, гдѣ мнѣ такъ хорошо жилось до сихъ поръ».

— Сейчасъ ничего я тебѣ не скажу,—отвѣчалъ Уразовъ:—но я подумаю и дня черезъ три дамъ тебѣ отвѣтъ, а до тѣхъ поръ, прошу, не старайся видѣться со мною. Если бы ты только зналъ, какъ мнѣ тяжело!

— Тутъ какая-то тайна, въ которой я не разберусь,—возразилъ Андреевъ:—если тебѣ это тяжело, то, Богъ съ тобою, не говори ничего; забудь все, что я говорилъ тебѣ, а я, даю слово, больше приставать къ тебѣ не буду.

— Нѣтъ, теперь уже поздно. Я подумаю и постараюсь дать тебѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ; словомъ, это будетъ отвѣтъ надлежащимъ образомъ мотивированный, какъ вы, юристы, любите говорить,—добавилъ Уразовъ съ грустною улыбкою.

Ровно черезъ три дня онъ пришелъ къ Андрееву. Спокойный-видимо повеселѣвшій, онъ твердымъ шагомъ вошелъ въ его комнату, поздоровался съ давно уже сбѣжавшею съ его лица улыбкою и, закуривъ папиросу, началъ:

— Я долго думалъ объ извѣстномъ тебѣ вопросѣ и нѣкоторое время колебался. Былъ моментъ, когда я рѣшилъ было тихонько уѣхать куда-либо изъ этого города, но призналъ это недостойнымъ себя малодушіемъ... Слушай, я скажу тебѣ, почему немислимъ мой бракъ съ Анною Николаевою. Онъ немислимъ по той простой причинѣ, что я не хочу губить этой чудной дѣвушки, а, связавъ ея судьбу съ своею, я неизбѣжно погубилъ бы ее. Пойми ты и разсуди самъ: я бѣгло-каторжный и живу подъ чужимъ именемъ и по чужому документу. Я не буду говорить, какъ попалъ въ мои руки этотъ документъ, но онъ принадлежитъ лицу, безъ слѣдно исчезнувшему въ сибирскихъ тундрахъ и никогда и ни въ комъ не возбудилъ бы сомнѣнiя. Я могъ бы спокойно прожить по нему долгое время, а, пожалуй, и до самой смерти, но истина рано или поздно все-таки открылась бы. Пусть она откроется сейчасъ, чѣмъ когда-либо послѣ. Хочешь, я скажу тебѣ, кто я.

Какъ ужаленный, вскочилъ Андреевъ и, ни слова не сказавъ, схватилъ фуражку и выбѣжалъ на улицу.

Долго, долго бродилъ онъ по городу, все размышляя о томъ что ему теперь дѣлать: долженъ ли онъ немедленно возбудить преслѣдованiе противъ Уразова за побѣгъ съ каторги, или же можетъ

съ спокойною совѣстью умолчать о томъ, что слышалъ отъ него въ интимной бесѣдѣ. Поздно вечеромъ онъ вернулся домой, такъ и не разрѣшивъ этого вопроса.

Послѣ проведенной безъ сна ночи онъ, еле дождавшись утра, вбѣжалъ въ квартиру Уразова, разбудилъ его и, бѣгая, какъ безумный, по комнатамъ, повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ: «Зачѣмъ, зачѣмъ ты сказалъ мнѣ это?»

— А зачѣмъ ты такъ настойчиво требовалъ отвѣта?—спросилъ, въ свою очередь, Уразовъ и совершенно спокойно продолжалъ:— да чего ты такъ волнуешься?

— Какъ отчего? Ты не забудь, что я прокуроръ, что я, по долгу чести и присяги, обязанъ преслѣдовать преступленія, а побѣгъ съ каторги есть преступленіе...

— Ну, и преслѣдуй, если это твой долгъ и обязанность.

Андреевъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ; онъ былъ близокъ къ сумасшествію и наконецъ заболѣлъ нервною горячкою, причемъ Уразовъ безысходно сидѣлъ у постели больного, упорно отвергая предложеніе врача отправить его въ больницу.

Когда больной сталъ приходить въ себя, Уразовъ замѣтилъ, что его присутствіе дурно вліяетъ на больного, который неустанно обращается къ нему съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «зачѣмъ ты сказалъ мнѣ это?» Онъ приставилъ къ нему сидѣлку и продолжалъ слѣдить за ходомъ болѣзни, стараясь не показываться на глаза больному.

Здоровая натура взяла свое, и Андреевъ скоро поправился, но поправился только физически. Въ головѣ его неустанно гвоздилась одна и та же мысль: что ему дѣлать? какъ онъ можетъ выйти изъ этого положенія. Возбудить преслѣдованіе не хватаетъ духу; молчать—значитъ итти противъ долга службы и нарушать ея основныя принципы; подать въ отставку и пріискать себѣ другой родъ занятій,—но вѣдь смущающее его обстоятельство стало ему извѣстнымъ, когда онъ былъ товарищемъ прокурора, слѣдовательно, выходъ въ отставку не измѣняетъ положенія дѣла, и онъ остается все-таки нарушившимъ долгъ службы и только затѣмъ ее оставившимъ. Ужъ если выходитъ въ отставку, то, во всякомъ случаѣ лишь послѣ возбужденія дѣла объ Уразовѣ.

Андреевъ чувствовалъ, что сходить съ ума, и въ отчаяніи рѣшилъ посоветоваться съ кѣмъ-либо изъ наиболѣе свѣдущихъ сослуживцевъ. Выборъ его остановился на прокурорѣ палаты, онъ и пошелъ къ нему.

— Я явился къ вамъ,—сказалъ онъ ему,—не какъ къ своему непосредственному начальнику, а какъ къ лицу, болѣе меня опытному и мною глубоко уважаемому. Бога ради, дайте мнѣ совѣтъ и выведите меня изъ невозможнаго положенія. Я прошу у васъ совѣта и указаній, какъ просилъ бы ихъ у своего отца.

Выслушавъ подробный рассказъ Андреева, прокуроръ спросилъ его:

— А этотъ, именующій себя Уразовымъ, продолжаетъ настаивать на своемъ заявленіи? Онъ отъ него не откажется?

— Да нѣтъ же! напротивъ, онъ упорно предлагаетъ открыть истинное свое званіе, но я удерживаю его отъ этого.

— И совершенно напрасно. Теперь слушайте, что я скажу вамъ: немедленно составьте протоколъ о его заявленіи и передайте судебному слѣдователю.

— Это невозможно!—едва выговорилъ Андреевъ.

— А я говорю вамъ, что вы обязаны сдѣлать это. Итакъ, вотъ что: я даю вамъ два дня сроку; если въ теченіе этого времени я не получу донесенія прокурора суда о возбужденіи дѣла о задержанномъ въ нашемъ городѣ бѣгло-каторжномъ, я доношу министру юстиціи о томъ, что товарищъ прокурора Андреевъ изобличается въ укрывательствѣ каторжника и вы будете съ позоромъ вышвырнуты изъ судебного вѣдомства. Помните, что если я ограничиваюсь этою мѣрою и не буду настаивать на преданіи васъ суду, то отнюдь не изъ сожалѣнія къ вамъ, а только потому, что не желаю подвергать публичному позору и глумленію ввѣренный мнѣ прокурорскій надзоръ. Прощайте.

— Знайте,—крикнулъ онъ вслѣдъ уходившему Андрееву:—тчо прошенія объ отставкѣ я не приму и, во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ дать ему ходъ, пошлю свое донесеніе министру. Вы будете не уволены, а выгнаны.

Теперь положеніе Андреева стало еще ужаснѣе. Теперь онъ упрекалъ себя въ неосторожномъ оглашеніи тайны, до сихъ поръ никому неизвѣстной.

— Боже, что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!—шепталъ онъ, возвращаясь домой.

Полный отчаянія, онъ пошелъ къ Уразову и, задыхаясь отъ волненія, со слезами на глазахъ передалъ ему свой разговоръ съ прокуроромъ палаты. Выслушавъ все, Уразовъ совершенно спокойно отвѣтилъ ему:

— Дѣло идетъ такъ, какъ оно должно было итти. Я говорилъ тебѣ, что рано или поздно, а истина должна открыться. Не волнуйся, ты тутъ ни при чемъ,—ты простое орудіе Провидѣнія. Не нынче, такъ завтра, не завтра, такъ послѣзавтра, не ты, такъ другой,—а вышло бы все-таки то же самое. Иди и дѣлай, какъ тебѣ велитъ совѣсть, и знай, что, если ты не исполнишь того, что указалъ прокуроръ палаты, я самъ пойду къ слѣдователю и открою ему свое званіе. Моментъ насталъ, и судьба дальнѣйшей отсрочки не даетъ.

Въ указанный срокъ былъ составленъ протоколъ и, по распоряженію слѣдователя, именующій себя Уразовымъ взять подъ

стражу; но затѣмъ прокуроръ палаты проявилъ уже ничѣмъ не оправдываемую жестокость: онъ приказалъ прокурору суда поручить Андрееву наблюдение за тюрьмою, въ которой содержался Уразовъ: «чтобы молодой человекъ сдѣлался нѣсколько почерствѣе и пересталъ бы сантиментальничать»—такъ мотивировалъ онъ свое распоряженіе, а въ силу этого распоряженія Андреевъ долженъ былъ еженедѣльно посѣщать тюрьму и видѣть своего друга въ арестантскомъ платьѣ. Онъ старался пробѣгать мимо его камеры, но тотъ зазывалъ его къ себѣ и каждый разъ успокаивалъ его, убѣждая не волноваться и не думать о немъ.

— Ты посмотри на меня,—говорилъ онъ:—я не только спокоенъ, но даже веселъ, какъ давно уже не бывалъ, и это потому, что я вышелъ изъ неопредѣленнаго положенія; я знаю, что меня ожидаетъ, и надо мною уже не виситъ тотъ Дамокловъ мечъ, который угрожалъ мнѣ до сихъ поръ, а какъ тяжело мнѣ было жить подъ постояннымъ, ежеминутнымъ страхомъ!

Когда исторія Уразова огласилась, да Андреевъ и не скрывалъ ее, а, напротивъ, разглашалъ, надѣясь услышать хоть какое-нибудь оправданіе своего образа дѣйствій, Андреевъ замѣтилъ, что отношеніе къ нему его сослуживцевъ рѣзко измѣнилось. Многіе стали избѣгать съ нимъ встрѣчи и разговоры; другіе еле-еле подавали руку; одинъ пылкій юноша прямо заявилъ ему, что онъ не можетъ подать руку предателю, а отъ отца барышни, предполагавшейся невѣсты Уразова, онъ получилъ записку съ просьбою не посѣщать его дома.

Больше двухъ недѣль Андреевъ не вынесъ этой пытки: онъ застрѣлился.

Итакъ, въ результатѣ двѣ погибшія жизни и, быть можетъ разбита жизнь третьяго, ни въ чемъ уже неповиннаго существа.

Мнѣнія юристовъ-практиковъ, обсуждавшихъ эту, въ свое время надѣлавшую много шума, исторію, раздѣлились.

Одни говорили, что Андреевъ поступилъ по долгу службы и иначе, даже безъ всякихъ указаній прокурора палаты, поступить не могъ. Они доказывали, что лицо прокурорскаго надзора, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о совершающемся или совершившемся преступленіи, обязано возбудить дѣло независимо отъ того, какимъ бы путемъ ни были получены эти свѣдѣнія,—лишь бы они были достовѣрны. Если они сомнительны,—у него всегда есть возможность провѣрить ихъ. А побѣгъ съ каторги есть преступленіе и притомъ преступленіе дрянное, и каторжникъ остается каторжникомъ, хотя бы онъ все время своего побѣга проводилъ, какъ ангелъ чистоты и невинности.

— Мы беремъ крайній случай,—говорили лица этой группы:—представьте себѣ, что прокуроръ, играя въ винтъ, узнаетъ отъ одного изъ партнеровъ о только что совершенномъ убійствѣ. Неужели онъ въ правѣ спокойно продолжать играть въ карты? Нѣтъ, онъ обязанъ немедленно принять надлежащія мѣры. Онъ прокуроръ—и однимъ этимъ словомъ объясняется все.

— Нѣтъ, это не такъ,—возражали другіе.—Прокуроръ является прокуроромъ только въ своей камерѣ или, хотя бы и не въ ней, но во всякомъ случаѣ лишь тогда, когда къ нему обращаются, какъ къ представителю власти. Дома же, среди своей семьи, на улицѣ и въ гостиной, онъ такой же мирный обыватель, какъ и всѣ. Вѣдь если стать на иную точку зрѣнія, то выйдетъ, что съ прокуроромъ и говорить-то ни о чемъ нельзя: ему страшно передать какую-либо новость, какой-либо слухъ, а тѣмъ паче что-либо изъ своего прошлаго, или изъ прошлаго кого-либо изъ знакомыхъ, если только это давно забытое или никому неизвѣстное прошлое носить мало-мальски преступный характеръ и не покрыто давностью; пощадите, господа, но при такихъ условіяхъ никакая общественная жизнь невозможна! Да хорошо положеніе и прокурора, при входѣ котораго въ гостиную всѣ настораживаются или перестаютъ говорить, или мѣняютъ тему разговора. Возьмите, въ частности, данный случай и скажите, что это такое. Явка съ повинною? Нѣтъ, и нѣтъ потому, что Уразовъ къ прокурору Андрееву не являлся и никакой повинной ему не приносилъ. Ихъ разговоръ былъ простою мирною бесѣдою двухъ частныхъ лицъ, и никакого прокурора тутъ не было.

— Андреевъ неправъ и съ формальной стороны,—возражали третьи:—законъ знаетъ явку съ повинною только къ судебному слѣдователю (310 ст. уст. угол. судопр.), что видно отчасти и изъ инструкціи генераль-прокурора 1896 года (§ 22). Андрееву никакихъ совѣтовъ ни у кого спрашивать не слѣдовало, а нужно было сказать своему другу: если ты хочешь принести повинную—иди къ судебному слѣдователю и расскажи ему все, а я, другъ мой, доносчикомъ быть не хочу.

А одинъ изъ старослужилыхъ прокуроровъ разрѣшилъ спорный вопросъ такъ:

— Вашъ пресловутый Андреевъ просто жалкій формалистъ и ограниченный, не умѣющій жить своимъ умомъ человѣкъ. На его мѣстѣ я сказалъ бы Уразову: кто тебя тянетъ за языкъ открывать истинное твое званіе? Я тебя спрашиваю, почему ты не можешь жениться, а вовсе не добиваюсь, кто ты такой. Если я надѣлъ тебѣ своими разпросами и ты не желаешь отвѣчать на нихъ, пошли меня къ чорту, и я замолчу, а теперь къ чорту посылаю тебя я. Неужели ты не можешь понять, что я вовсе не желаю рыться въ твоемъ прошломъ? Это дѣло твое и до меня вовсе не

касается. Каторжникъ ты или китайскій императоръ, для меня безразлично. Я знаю одно, что ты мой другъ, что ты честный, достойный уваженія человекъ, и больше ничего знать не хочу. Кайся Богу, если ты въ чемъ грѣшенъ, а не мнѣ. Вотъ что я сказалъ бы ему, господа.

На чьей же сторонѣ правда, читатель?

II.

Камера судебного слѣдователя одного изъ большихъ университетскихъ городовъ; осенній, сумрачный вечеръ; шестой часъ полудни; трудовой день приходитъ къ концу; послѣдній свидѣтель допрошенъ, и слѣдователь, подписавъ наскоро призывныя повѣстки на слѣдующіе дни, всталъ и, потягиваясь и разгибая спину, собирался перебраться въ жилыя комнаты своей квартиры; въ полуосвѣщенной двумя стеариновыми свѣчами камерѣ слышался шелестъ бумагъ, которыя собиралъ со стола и приводилъ въ порядокъ письмоводитель.

— Ну, Филатъ Михайловичъ, и поработали же мы съ вами сегодня!—проговорилъ слѣдователь: — шутка сказать — съ десяти часовъ утра, не разгибая спины. Пора и ко шамъ.

Какъ разъ въ эту минуту въ камеру вошла барышня, лѣтъ двадцати, скромно, но прилично одѣтая, если не красавица, то во всякомъ случаѣ очень хорошенькая. Она порывисто подошла къ столу, у котораго стоялъ слѣдователь, и коротко спросила:

— Господинъ судебный слѣдователь?

— Къ вашимъ услугамъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Мнѣ необходимо объясниться съ вами по очень важному дѣлу; я только не знаю, время ли теперь.

— Я очень усталъ, сударыня, но готовъ васъ выслушать. Будьте добры, присядьте.

Послѣ нѣкотораго молчанія барышня сказала взволнованнымъ голосомъ и почти шопотомъ:

— Я пришла къ вамъ сознаться въ убійствѣ.

— Что такое? Бога ради, опомнитесь... что вы говорите?

— Сознаться въ убійствѣ,—повторила барышня и уже громко и твердымъ голосомъ продолжала:—я долго скрывала это, но дольше скрывать не могу... это выше моихъ силъ... я убила своего ребенка.

И она рассказала слѣдующее.

Окончивъ курсъ гимназіи, она нѣкоторое время учительствовала, скопила небольшою запасъ денегъ и рѣшила поступить на акушерскіе курсы. Совершенно случайно, при нѣсколькихъ романтической обстановкѣ, она познакомилась съ кончающимъ курсъ студентомъ-медикомъ; знакомство вскорѣ перешло въ дружбу, а

затѣмъ и въ любовь. Молодые люди рѣшили повѣнчаться, при чемъ студентъ, по окончаніи курса, хотѣлъ отыскать себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь земствѣ, а затѣмъ вернуться и отправиться къ мѣсту служенія вмѣстѣ съ молодою женою. Но молодые люди увлеклись, и барышня оказалась въ интересномъ положеніи; это неожиданное обстоятельство смутило ихъ не надолго: появленія ребенка можно было ждать мѣсяцевъ черезъ шесть, а студенту оставалось до окончанія курса всего два мѣсяца, — слѣдовательно, все можно было сдѣлать въ свое время, тѣмъ болѣе, что студентъ показывалъ своей нареченной письмо отъ матери, благословляющей его на бракъ, да и мѣсто, по его словамъ, было готово въ одномъ изъ приволжскихъ уѣздныхъ городовъ. Окончивъ благополучно курсъ, студентъ, сопутствуемый наилучшими пожеланіями, уѣхалъ окончательнo условиться съ земствомъ относительно мѣста и по-видаться съ матерью и — пропалъ безъ слѣда. Писала барышня своему жениху — отвѣта не было, а посланныя ею затѣмъ заказныя письма и къ нему, и къ его матери, по оставшимся у нея адресамъ, были возвращены почтою за неразысканіемъ адресатовъ. Дѣвушка начала подозрѣвать, что стала жертвою гнуснаго обмана и что адреса ей были даны вымышленные, въ чемъ вскорѣ и убѣдилась окончательнo: по наведеннымъ одною изъ ея подругъ справкамъ оказалось, что въ указанномъ студентомъ городѣ дамы съ именемъ его матери нѣтъ и не было, а въ томъ земствѣ, гдѣ будто бы ожидало его мѣсто, всѣ земскіе врачи были налицо, свободной вакансіи не было уже болѣе двухъ лѣтъ и впредь не предвидѣлось, а о студентѣ, женихѣ барышни, никто въ этомъ городѣ и понятія не имѣлъ.

Съ наступленіемъ послѣднихъ мѣсяцевъ беременности барышня должна была отказаться отъ уроковъ и жила исключительно на свои сбереженія. Съ рожденіемъ ребенка, а родился премиленькій и здоровый мальчикъ, расходы увеличились, и къ тому времени, когда ребенку было около полугода, всѣ сбереженія пришли къ концу и пришлось закладывать и продавать все, что только можно было продать. Положеніе стало невыносимымъ; грозила чуть ли не голодная смерть, а ближайшею причиною этого былъ ребенокъ, какъ на грѣхъ здоровый и вовсе не думавшій умирать. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ барышня положила своего сына на колѣни, покрыла его лицо подушкою, облокотилась на послѣднюю и сидѣла такъ до тѣхъ поръ, пока въ ребенкѣ исчезли всѣ признаки жизни. Ребенокъ былъ похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ, причемъ священникъ отмѣтилъ его въ метрикѣ умершимъ отъ родимчика. Дѣвушка получила снова уроки, и ея матеріальное положеніе стало улучшаться, но это продолжалось не долго.

Мѣсяца черезъ два ребенокъ сталъ являться ей сначала ночью, а затѣмъ и днемъ; станеть противъ нея, сложить по-наполеоновски

ручки на груди, смотреть на нее полнымъ укоризны взглядомъ и спрашиваетъ: «за что ты меня убила, мама?» Пробовала несчастная молиться—не помогаетъ; хотѣла лишить себя жизни—не удалось: принятая ею большая доза мышьяку вызвала только сильные припадки рвоты; рѣшила было повѣситься—не хватило смѣлости; думала для храбрости напиться и выпила три рюмки водки—послѣдствія тоже рвота. Тогда она убѣдилась, что единственно, что можетъ избавить ее отъ дальнѣйшихъ мученій:—это повинная, судъ и наказаніе.

— А знаете, что васъ ожидаетъ?—спросилъ слѣдователь:—если бы вы убили ребенка при самомъ его рожденіи, вы бы отдѣлались годами четырьмя-пятью тюрьмы, но вы вѣдь убили сына, уже жившаго полгода,—за это вамъ грозитъ каторга безъ срока, т. е. на всю жизнь. Поймите—на всю жизнь! Всю жизнь вы проведете въ сообществѣ съ самыми грубыми, развращенными и погибшими женщинами, при ужасной обстановкѣ, грубой одеждѣ и плохой, непривычной пищѣ. И въ холодѣ, и въ голодѣ, и безъ малѣйшей надежды на улучшеніе обстановки, безъ малѣйшей надежды на просвѣтъ! Уже одно то ужасно, что вамъ придется провести всю жизнь въ постоянномъ сообществѣ съ другими, съ которыми у васъ нѣтъ, да и не можетъ быть ничего общаго, и не имѣть возможности хотя бы на минуту остаться одной. Вы читали «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго? Помните, что онъ говоритъ объ этомъ?

— Я на все готова и на все пойду,—отозвалась дѣвушка,

— Подумайте о томъ, что я говорилъ: я не могу представить себѣ васъ въ каторжномъ сермяжномъ халатѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ; васъ, такую, простите, хорошенькую, въ видѣ обрюзгшей, развратной, быть можетъ, пьяной (и это бываетъ на каторгѣ) бабы..... Ступайте домой, забудьте, что вы мнѣ рассказывали, и знайте, что я ничего не слыхалъ.

— Благодарю васъ, но я все-таки настоятельно прошу поступить со мною такъ, какъ вы поступаете съ преступницами.

— Во всякомъ случаѣ, я сегодня усталъ и записывать ваше показаніе не могу. Уходите и, Бога ради, не являйтесь больше ко мнѣ. Господь видитъ ваше желаніе искупить вину и простить васъ.

Барышня, молча и опустивъ голову, вышла изъ комнаты.

На слѣдующій день она явилась опять и долго сидѣла въ приемной слѣдователя, ожидая, когда кончатся допросы, а затѣмъ снова обратилась къ слѣдователю съ требованіемъ принять ее повинную.

— Мальчикъ положительно преслѣдуетъ меня,—говорила она:— всю прошлую ночь онъ стоялъ предо мною и упрекалъ, говоря: убить умѣла, а отвѣчать за это не хочешь; чужой жизни тебѣ было не жаль, а свою жалѣешь.

— У васъ просто галлюцинаціи отъ постоянныхъ думъ объ одномъ и томъ же. Скажите, можетъ ли такъ вести себя мертвый, да еще полугодовалый ребенокъ, который и живой-то не умѣлъ еще говорить? Постарайтесь не думать о немъ, и онъ перестанетъ вамъ являться; время самый лучший врачъ; а не то—вотъ что: если вы религіозный человекъ, а вы сами говорили прошлый разъ, что пробовали молиться Богу, пойдите къ священнику, исповѣдайтесь и расскажите ему все, что говорили мнѣ; онъ по закону не смѣетъ разглашать сознанія, сдѣланнаго ему на исповѣди; онъ назначитъ вамъ епитимью, и вы успокоите вашу совѣсть. Помните, что Христосъ простилъ покаявшагося разбойника.

— Нѣтъ, это не то. Не пойду.

— Ну, такъ вотъ что: идите вы въ монастырь; вѣдь это тоже на всю жизнь. Но это неизмѣримо лучше каторги: и менѣе тяжело, и не позорно, какъ каторга, а, напротивъ, почетно. Посвятите себя самымъ тяжелымъ трудамъ, уходу за больными, оказанію всякой помощи ближнему, и вамъ простится ваше преступленіе. Вѣдь многіе святые угодники были изъ людей преступныхъ, порочныхъ и испорченныхъ.

— Нѣтъ, и это не годится. Я хочу одного: той каторги, о которой вы говорили вчера. Записывайте мое признаніе.

— Сегодня не могу. Приходите завтра, но, Бога ради, обдумайте еще разъ то, что вы хотите предпринять. Знайте, что, если я допрошу васъ, вы домой уже не вернетесь, а я прямо отсюда отправлю васъ въ тюрьму.

— Это именно то, чего я добиваюсь. Знаете, что я придумала? Я вижу, что вы хотите, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ меня, а я завтра приду пораньше и при всѣхъ, кто будетъ въ вашей камерѣ, расскажу громко то, что говорила вчера у васъ; отступленія тогда не будетъ.

— Можете и не дѣлать этого. Я не отдѣлываюсь отъ васъ, а мнѣ просто жаль васъ, да и вы сами впоследствии пожалѣете о томъ, что сдѣлали, да будетъ уже поздно. Я еще долженъ предупредить васъ: я васъ заставлю присутствовать при вырытіи тѣла ребенка и при осмотрѣ и гроба, и трупа.

— Это невозможно и вы этого не сдѣлаете! Я скорѣе убью себя, чѣмъ соглашусь на это. Неужели у васъ нѣтъ ни малѣйшаго чувства жалости, сожалѣнія ко мнѣ?

— А у васъ это чувство есть? Развѣ вы сами-то себя жалѣете? Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю то, что сказалъ, а васъ еще разъ прошу подумать хорошенько и объ исповѣди, и о монастырѣ.

— Хорошо, я подумаю.

И барышня ушла.

На слѣдующій день она снова была въ камерѣ слѣдователя. Дождавшись окончанія занятій, она заявила слѣдователю, что,

если тотъ не приметъ ея сознанія, она прямо отъ него пойдетъ къ прокурору съ жалобою на слѣдователя, отъ котораго она чуть не цѣлую недѣлю не можетъ добиться, чтобы онъ снялъ съ нея показаніе.

На новыя попытки слѣдователя уговорить ее оставить его въ покоѣ она упорно повторяла свою угрозу.

Слѣдователь составилъ протоколъ о явкѣ съ повинною и подробно записалъ показаніе барышни, а когда она подписала его, объявилъ ей постановленіе о взятіи подъ стражу.

— Ну, теперь, наконецъ, все?—спросила она.

— Все то все,—отвѣчалъ слѣдователь:—но послушайте, что я скажу вамъ уже послѣдній разъ: пока все, что здѣсь происходило, неизвѣстно никому, кромѣ васъ, меня и моего писмоводителя. Я изорву все написанное, а вы идите домой съ миромъ, и все останется попрежнему. Помните, что теперь каторга со всѣми ея ужасами неизбѣжна и что только одна возможность избѣжать ее—это уничтожить все, что я написалъ.

— Никогда и ни за что. Скажите, за что вы меня мучаете? Что я вамъ сдѣлала?

— Значитъ мнѣ остается одно: записать бумаги въ книгу, послѣ чего ихъ уничтожить уже будетъ нельзя, позвать городского и отправить васъ въ тюрьму.

— Да, странный вы человѣкъ! Я только этого вотъ уже нѣсколько дней и добиваюсь.

И барышня, подъ конвоемъ городского, была отправлена въ тюрьму.

Черезъ два дня она была вызвана къ слѣдователю для осмотра черезъ врача и акушерку съ цѣлью установить, дѣйствительно ли она разрѣшилась отъ бремени и какъ давно. Арестантка явилась веселая и довольная; она рассказала слѣдователю, что сидитъ въ одиночной камерѣ, что все, начиная съ помѣщенія и кончая пищею, прекрасно, что тюремное начальство относится къ ней превосходно, а арестантки, съ которыми ей случается встрѣчаться въ коридорахъ тюрьмы, все «милые и сердечные люди». «А главное—добавила она,—ребенокъ ни одинаго раза ко мнѣ не являлся, и я теперь счастлива такъ, какъ давно уже не была счастлива».

Медицинскій осмотръ не далъ ничего, что бы опровергало сознаніе обвиняемой.

На слѣдующій день было назначено вырытіе трупа ребенка; по закону надлежало установить тождество трупа, для чего на кладбище, кромѣ обвиняемой, были приглашены: священникъ, отпѣвавшій ребенка, и лица, присутствовавшія при его погребеніи; могилу разыскать было не трудно по кладбищенскимъ книгамъ, но когда былъ вынутъ гробикъ, никто, кромѣ обвиняемой, не могъ

установить, что это именно тотъ гробъ, въ которомъ похороненъ ребенокъ: священникъ видѣлъ гробъ только въ церкви, ибо похороны были безъ выноса; постороннихъ при похоронахъ никого не было, а зарывавшій могилу кладбищенскій сторожъ видѣлъ послѣ того столько гробовъ, что, конечно, не могъ запомнить гробика какого-то ребенка. То же самое повторилось и при вскрытіи гроба: трупикъ ребенка признала только мать, но она разразилась при этомъ такимъ страшнымъ припадкомъ истерики, что ее долго не могли привести въ чувство...

Затѣмъ было назначено судебно-медицинское вскрытіе трупа; оно происходило въ университетѣ, и обвиняемая не пожелала при немъ присутствовать. Производилъ вскрытіе профессоръ судебной медицины при бытности массы студентовъ. По закону слѣдователь, при производствѣ судебно-медицинскаго вскрытія, долженъ сообщить врачу тѣ изъ имѣющихся о мертвомъ тѣлѣ свѣдѣній, которыя могутъ служить указаніемъ, на что врачъ долженъ при вскрытіи тѣла обратить особое вниманіе и, исполняя это велѣніе закона, судебный слѣдователь подробно передалъ всю біографію барышни и исторію ея повинной. Было замѣтно, что этотъ рассказъ произвелъ сильное впечатлѣніе и на профессора, и на студентовъ, которые съ любопытствомъ и съ замѣтнымъ сочувствіемъ разсматривали фотографическую карточку обвиняемой, доставленную слѣдователю изъ полицейской фотографіи.

Трупъ ребенка былъ разложившимся, но не особенно сильно. Вскрытіе началось обычнымъ порядкомъ и, подъ рукою опытнаго профессора, шло быстро. Производилъ его самъ профессоръ, а слѣдователь сидѣлъ въ сторонѣ и велъ протоколъ вскрытія, прислушиваясь къ тому, что говорилъ профессоръ. Пока вскрытіе ничего опредѣленнаго не давало; пятна Тардье¹⁾, этотъ характерный признакъ смерти отъ удушенія, отсутствовали, но, вскрывъ грудную полость, профессоръ вдругъ заявилъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ и продолжать вскрытіе не можетъ. Это было совершенно неожиданно, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ профессоръ былъ, повидимому, совершенно здоровъ, въ прекрасномъ расположеніи духа и увлекательно читалъ студентамъ лекцію надъ трупомъ ребенка.

Какъ ни убѣждалъ слѣдователь профессора довести вскрытіе до конца, благо и оставалось-то немного, тотъ категорически от-

¹⁾ Эти пятна открыты въ 1853 году французскимъ врачомъ Тардье; величиною они отъ укуса блохи до коноплянаго верна; происходятъ отъ разрыва кровеносныхъ капиллярныхъ сосудовъ. Располагаются они обыкновенно на наружной поверхности легкихъ, а затѣмъ на всей слизистой оболочкѣ гортани, носа, глазныхъ вѣкъ и т. п. Пятна эти принято считать характернымъ признакомъ смерти отъ асфиксии (удушенія), но встрѣчаются они далеко не всегда.

казался, ссылаясь на головокруженіе и тошноту, и, не простившись ни съ кѣмъ, быстро вышелъ изъ аудиторіи и уѣхалъ домой.

Пришлось пригласить другого врача, а пока его искали, большинство студентовъ разошлось.

Прибывшій часа черезъ полтора помощникъ врачебнаго инспектора, которому пришлось снова рассказать всѣ обстоятельства дѣла, включая и внезапную болѣзнь профессора, осмотрѣлъ трупъ и, разведя руками, сказалъ: «Что же мнѣ здѣсь дѣлать? Вы говорите, что вѣроятная причина смерти асфиксія, а между тѣмъ сердце не перевязано и вскрыто въ трупѣ. Вѣдь теперь уже безусловно ничего установить нельзя».

Для объясненія этого заявленія читателямъ, незнакомымъ съ судебною медициною, нужно сказать, что главнѣйшимъ признакомъ смерти отъ асфиксіи (удушенія), сверхъ упомянутыхъ пятенъ Тардье, считается переполненіе правой половины сердца жидкою темною кровью. Поэтому всякій, мало-мальски свѣдущій судебный врачъ, при подозрѣніи смерти отъ удушенія, перевязываетъ сердце внутри трупа, а затѣмъ вынимаетъ его и вскрываетъ на тарелкѣ. Въ данномъ случаѣ сердце оказалось разрѣзаннымъ внутри трупа и вся кровь изъ него вылилась.

— Вѣдь профессору, конечно, было извѣстно, что рѣчь идетъ объ асфиксіи?—спросилъ докторъ.

— Конечно,—отвѣчалъ слѣдователь.

— Въ такомъ случаѣ я ровно ничего не понимаю. Я не допускаю даже мысли о неосторожности. Или профессоръ былъ боленъ до потери сознанія, или онъ сдѣлалъ это умышленно.

Слѣдователь молчалъ; мысль о томъ, что профессоръ продѣлалъ все это съ цѣлью спасти дѣвушку, мелькнула и въ его головѣ.

Но дѣлать было нечего, и закончившій вскрытіе врачъ далъ такое заключеніе: судебно-медицинское изслѣдованіе тѣла ребенка не дало никакихъ данныхъ, которыя могли бы подтвердить или опровергнуть показанія обвиняемой.

Слѣдователь вызвалъ обвиняемую и объявилъ ей о результатѣ вскрытія, а затѣмъ повелъ съ нею такой разговоръ:

— По дѣлу противъ васъ нѣтъ никакихъ уликъ, за исключеніемъ вашего сознанія. Откажитесь отъ него, скажите, что вы сдѣлали его въ припадкѣ безпамятства, а не то придумайте что-либо другое, и дѣло будетъ прекращено.

— Вы, значить, хотите,—перебила его барышня:—чтобы мальчикъ снова являлся и мучилъ меня? Нѣтъ, покорно благодарю! Мнѣ страшно даже вспомнить то, что я пережила. Словомъ, я стою на своемъ прежнемъ сознаніи, и мнѣ очень жаль, что оно, какъ вы говорите, ничѣмъ не подтверждается.

— Ну, такъ отправляйтесь снова въ тюрьму и ждите слѣдующаго моего вызова,—закончилъ свои объясненія съ нею слѣдователь.

На другой день онъ поѣхалъ къ знакомому ему директору центральной лечебницы душевно-больныхъ, извѣстному въ свое время профессору-психіатру. Тотъ подробно разспросилъ слѣдователя и, узнавъ отъ него, что, по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, отецъ обвиняемой былъ горькій пьяница, а мать — женщина съ большими странностями, сказалъ слѣдователю: «а вы дайте мнѣ ее на нѣкоторое время, и мы посмотримъ».

Слѣдователь отправилъ барышню на испытаніе въ эту лечебницу, и, черезъ два мѣсяца, профессоръ возвратилъ ее при заключеніи, что, принявъ во вниманіе обстоятельства дѣла, имѣющіяся свѣдѣнія о родителяхъ обвиняемой и о жизни ея съ самаго дѣтства, онъ, профессоръ, признаетъ, что въ настоящее время она психически здорова, но съ замѣтными задатками душевной болѣзни, и что учиненное ею дѣяніе, если только оно было дѣйствительно учинено, а не измыслено ея больнымъ воображеніемъ, было совершено ею въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства.

Теперь дѣло пошло быстро; оно было поставлено на судъ, причемъ ожидалось, что присяжные признаютъ барышню виновною, но дѣйствовавшю въ припадкѣ умоизступленія, но тѣ поступили проще: они оправдали ее¹⁾.

Барышню эту многіе знали въ городѣ; легко можетъ быть, что этому помогъ и ея процессъ; она снова получила уроки и велѣдъ затѣмъ пристроилась библіотекаршею въ городской публичной библіотекѣ. Всѣ мучившія ее галлюцинаціи прекратились, и она жила относительно счастливо. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

И этотъ случай вызвалъ среди юристовъ разнообразныя сужденія.

Одни доказывали, что слѣдователь допустилъ рядъ нарушеній, за которыя подлежалъ преданію суду. «Помилуйте, — говорили они: — къ слѣдователю является чловѣкъ съ повинною, а онъ, вопреки велѣнію закона, уговариваетъ его отказаться отъ повинной и скрыть совершенное имъ тяжкое преступленіе. Но этого мало; мало того, что онъ упорно, чуть не цѣлую недѣлю, гоняетъ отъ себя лицо, желающее покаяться и понести наказаніе за учиненное имъ зло, онъ позволяетъ себѣ запугивать его тяжестью этого наказанія, приче́мъ, по всему вѣроятію умышленно, преувеличиваетъ размѣры послѣдняго. Слѣдователь долженъ былъ знать, что вѣчной, на всю жизнь, каторги у насъ нѣтъ и что присужденные къ каторжнымъ работамъ безъ срока отбываютъ ихъ лишь въ те-

¹⁾ Все это было до 1882 года: по закону 27 апрѣля 1882 года такое дѣло и не могло попасть на судъ присяжныхъ.

ченіе 20 лѣтъ, приче́мъ черезъ 8 лѣтъ получаютъ нѣкоторое болѣченіе своего положенія, а черезъ 11 поселяются внѣ острога и могутъ жить въ собственныхъ домахъ, на постройку которыхъ имъ отпускаются средства. Затѣмъ, судя по разсказу, барышня во время совершенія преступленія не могла имѣть 21 годъ отъ роду, слѣдовательно, какъ несовершеннолѣтняя, опять-таки она никакъ не могла быть присуждена къ безсрочной каторгѣ; наконецъ, если бы, паче чаянія, присяжные не дали бы ей снисхожденія, судъ во всякомъ случаѣ понизилъ бы ей наказаніе. Такимъ образомъ, о вѣчной каторгѣ не могло быть и рѣчи, и запугиваніе ею было незаконно, неумѣстно и преступно-ложно. Идя далѣе по этому пути, слѣдователь опять-таки запугиваетъ барышню описаніемъ картины предстоящаго вырытія мертваго тѣла; надо думать, что не безъ умысла и, по всему вѣроятію, съ надлежащимъ паѳосомъ, онъ описалъ въ анатомическомъ театрѣ драматическую картину явки съ повинною, настойчивыя требованія обвиняемой и упорное желаніе ея итти въ каторгу, чѣмъ растрогалъ профессора, чело-вѣка, повидимому, сантиментальнаго, а быть можетъ, и игравшаго на популярность среди студентовъ. Между тѣмъ дѣлать этого вовсе не слѣдовало: надлежало передать обстоятельства дѣла по разсказу обвиняемой, а не обстоятельства самой явки ея съ повинною. А что сказать о дальнѣйшей дѣятельности слѣдователя, о его визитѣ къ психіатру, которому тоже, вѣроятно, пришлось выслушать трогательный разсказъ о явкѣ съ повинною? Все это, вмѣстѣ взятое, представляется прямымъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ, вызваннымъ, судя по разсказу, сочувствіемъ къ барышнѣ и барышнѣ къ тому же «хорошенькой». Интересно знать, проявилось ли бы это сочувствіе, если бы эта барышня была уродомъ, вродѣ «Лизаветы смердящей» въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»? Говорится, что дальнѣйшая судьба барышни неизвѣстна, а можно было ожидать, что дѣло закончится романомъ или счастливымъ бракомъ, если только слѣдователь былъ холостой.

Что же касается вскрывавшаго трупъ профессора, то въ поступкѣ его заключаются всѣ признаки укрывательства преступленія.

Другіе возражали, что дѣйствія слѣдователя не совсѣмъ правомѣрны, но далеко не такъ страшны и, во всякомъ случаѣ, никакихъ вредныхъ для дѣла послѣдствій не имѣли и имѣть не могли. На судѣ присяжныхъ подобное дѣло никогда съ обвиненіемъ пройти не могло. Всѣ разсужденія о возможности воздѣйствія слѣдователя на вскрывавшаго трупъ профессора—только одни ни на чемъ не основанныя предположенія, и мы не знаемъ, какъ и въ какой формѣ передавались обстоятельства дѣла, а что касается до сношеній съ психіатромъ, то, вѣдь, на обязанности слѣдователя лежало выяснить вопросъ о нормальности умственныхъ способностей обви-

няемой и поставить дѣло на судъ такъ, чтобы этотъ вопросъ былъ ясенъ и не возбуждалъ сомнѣній. Не сдѣлай этого слѣдователь, вопросъ неминуемо былъ бы возбужденъ на судѣ защитой.

— И вы, значитъ, признаете, что дѣйствія слѣдователя были неправильны,—возражали юристы первой группы,—разница у насъ въ ихъ оцѣнкѣ: по-вашему, они неправомѣрны, а по-нашему—преступны. Что же касается второго положенія, то здѣсь вы завѣдомо неправы: во-первыхъ, не дѣло слѣдователя разсуждать о томъ, какое воспослѣдуетъ рѣшеніе суда при разсмотрѣннн дѣла по существу, а, во-вторыхъ, еще вопросъ, какъ взглянули бы на него присяжные; все зависитъ отъ ихъ состава: нарвись-ка эта барышня на сѣренкій составъ, на присяжныхъ не изъ либеральныхъ чиновниковъ, а изъ крестьянъ, а еще лучше изъ старовѣровъ—сомнительно, чтобы они ее оправдали. Пожалуй, и снисхожденія бы не дали. Наконецъ, по вопросу объ изслѣдованнн умственныхъ способностей обвиняемой что дѣлаетъ слѣдователь? Онъ самъ ѣдетъ къ психиатру и, конечно, надлежащимъ образомъ заряжаетъ его. Спросить бы его: неужели онъ по каждому производимому имъ слѣдствію разѣзжаетъ и бесѣдуетъ съ подлежащими вызову экспертами. Повѣрьте, вся сила въ томъ, что барышня была хорошенькая,—не забудьте, слѣдователь даже при вскрытнн демонстрируетъ ея фотографическую карточку.

— Ну, а вы что скажете?—спросили того стараго прокурора, который закончилъ споръ и бесѣду по первому дѣлу.

— Я, господа, внимательно слушалъ разсказъ и спрашиваю себя: какъ бы я поступилъ на мѣстѣ этого слѣдователя? А, право, не знаю, но легко возможно, и даже болѣе, чѣмъ возможно, что я учинилъ бы тѣ самыя неправомѣрныя дѣйствія, которыя совершилъ слѣдователь, хотя, быть можетъ, и нѣсколько въ иной формѣ. Суди меня Богъ и военная коллегія! Дѣло въ томъ, господа, что нужно прежде всего любить человѣка, относиться къ несчастію ближняго съ душевною теплотою, а не смотрѣть на него, какъ на сухой матеріалъ, подходящій подъ ту или другую статью уложенія или устава. Любовь выше всего и прежде всего, и за эту любовь намъ простятся многія наши прегрѣшенія.

На чьей же сторонѣ правда?

III.

Въ городѣ только что окончился громкій политическій процессъ: два молодыхъ человѣка, оба не достигшіе 25 лѣтъ, приговоромъ военно-окружнаго суда были присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Совершенное ими преступленіе было гнусно по своему характеру, отвратительно по обстановкѣ и, къ

тому же, стоило жизни пяти человѣкъ. Все говорило противъ осужденныхъ; въ пользу ихъ былъ только ихъ юношескій возрастъ; когда преступленіе огласилось, все общество было возбуждено и, казалось, настойчиво требовало смертной казни, но когда сталъ извѣстенъ приговоръ суда, настроеніе общественнаго мнѣнія рѣзко измѣнилось, послышались голоса за осужденныхъ; было замѣтно, если не сочувствіе къ нимъ, то, во всякомъ случаѣ, сожалѣніе. Причина такого поворота въ общественномъ мнѣніи объясняется особенностью характера и склада русскаго человѣка; это та самая черта этого характера, въ силу которой народъ, въ далекое отъ насъ время господства жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, всегда сочувственно относился къ наказываемымъ публично плетьюми или шпицрутенами и выражалъ это сочувствіе разнаго рода приношеніями; это та самая черта, благодаря которой народъ далъ характерное названіе «несчастненькихъ» ссыльнымъ и каторжнымъ, когда они, закованные въ цѣпи, слѣдовали по Владимиркѣ въ далекую Сибирь и, проходя городами и селеніями съ пѣніемъ извѣстной арестантской пѣсни «Милосердной», собирали большія деньги и значительное число калачей, булокъ, мяса и т. п.

Такъ было и здѣсь; городъ съ нетерпѣніемъ ждалъ результата прошеній о помилованіи, поданныхъ родителями осужденныхъ; сами они возбуждать подобное ходатайство отказались.

Какъ извѣстно, приговоры военно-окружныхъ судовъ, постановленные на основаніи положенія о государственной охранѣ, исполняются прокурорами окружныхъ судовъ (гражданскихъ), при чемъ смертная казнь совершается не публично, а въ предѣлахъ тюремной ограды; передъ казнью приглашается священникъ для приготовления осужденнаго къ исповѣди и св. причастію; при совершеніи казни присутствуютъ: лицо прокурорскаго надзора, начальникъ мѣстной полиціи, секретарь окружнаго суда, начальникъ тюрьмы, врачъ, и могутъ находиться: защитникъ осужденнаго и не болѣе десяти человѣкъ обывателей по приглашенію мѣстнаго городского управленія.

Когда были получены свѣдѣнія о томъ, что прошенія о помилованіи осужденныхъ отклонены, прокуроръ мѣстнаго окружнаго суда пригласилъ къ себѣ одного изъ своихъ товарищей и объявилъ, что онъ поручаетъ ему привести приговоръ въ исполненіе, что всѣ нужныя для сего распоряженія уже сдѣланы, что смертная казнь назначена завтра, въ 4 часа утра, что поэтому сегодня, часовъ въ 9 вечера товарищъ прокурора долженъ отправиться въ тюрьму объявить осужденнымъ, что приговоръ будетъ исполненъ завтра, предложить имъ побесѣдовать съ тюремнымъ священникомъ и, если пожелаютъ, исповѣдаться и причаститься.

Какъ ни отмаливался товарищъ прокурора, какъ ни просилъ избавить его отъ исполненія этого тяжелаго порученія, прокуроръ

быль непреклоненъ и закончилъ свои съ нимъ объясненія такъ: «вы назначены, какъ самый младшій изъ товарищей; таковъ установившійся порядокъ. Впрочемъ, время еще есть,—попробуйте попросить кого-либо изъ товарищей замѣнить васъ,—я противъ такой замѣны ничего имѣть не буду».

Охотниковъ замѣнить этого товарища прокурора не нашлось, и около 9 часовъ вечера онъ, скрѣпя сердце, отправился въ тюрьму. Тамъ встрѣтилъ его начальникъ тюрьмы, предобродушный старичокъ, большой хлопотунъ, уважаемый всѣми сослуживцами и любимый арестантами за его непомятую кротость, доброту и желаніе помочь каждому изъ заключенныхъ, чѣмъ только онъ могъ. И онъ дѣйствительно помогалъ имъ; близко къ сердцу принимая нужду каждого, онъ не отказывалъ ни въ совѣтахъ, ни въ ходатайствахъ и раздавалъ большую часть своего скуднаго жалованья дѣтямъ и семьямъ арестованныхъ.

— Ну что? Какъ они? Вы знаете, что все кончено?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Знаю, какъ не знать!—отвѣчалъ начальникъ тюрьмы:—ночью буду ставить эшафотъ. Господи, какое мученье! Двадцать лѣтъ служу по тюрьмамъ и въ первый разъ мнѣ приходится быть въ такомъ положеніи. Ей-Богу, готовъ бросить все и выйти въ отставку.

— А какъ они? что они?

— Да что? Я, право, не знаю, что съ ними дѣлать; просто начинаю терять голову. Представьте: вотъ уже два дня они ничего не ѣдятъ, не спятъ и совершенно убиты. Я рѣшилъ даже посадить ихъ вмѣстѣ, обоихъ въ одну камеру,—ничего не выходитъ и изъ этого: сидятъ оба по разнымъ угламъ и молчатъ; видимо, ждуть отвѣта на просьбы о помилованіи и томятся ожиданіемъ. Я не могу даже представить себѣ, какъ вы объявите имъ о томъ, что надежды нѣтъ и что приходится умирать. Вы меня, старика, простите: я при вашихъ объясненіяхъ съ ними не буду, я не могу...

Прошло 9 часовъ, и товарищъ прокурора вошелъ въ камеру осужденныхъ. Его поразилъ ихъ внѣшній видъ, ихъ упорно устремленный на него взглядъ, въ которомъ выражались и страхъ, и отчаяніе, и слабая надежда. У него не хватило духу объявить имъ роковую вѣсть; нѣсколько секундъ онъ колебался, а затѣмъ, сразу осѣненный озарившею его мыслью, онъ обратился къ арестантамъ съ такою рѣчью: «я явился къ вамъ, господа, съ хорошею вѣстью: вы помилованы».

— Да правда ли это?—въ одинъ почти голосъ спросили оба.

— Правда! я самъ читалъ бумагу; смертная казнь замѣнена вамъ срочною каторгою.

— Вѣрно это? Честное слово?

— Честное слово! Мнѣ лгать вамъ нѣтъ никакой надобности, но знайте слѣдующее: завтра, ровно въ четыре часа утра, васъ выведутъ на эшафотъ; секретарь суда прочтетъ приговоръ; васъ поставятъ подъ висѣлицу; надѣнутъ на васъ саваны; опустятъ на лица колпаки; надѣнутъ на шеи петли и тутъ же объявятъ помилованіе, и вы вернетесь въ эту самую камеру живыми и здоровыми.

— Къ чему же вся эта комедія? Скажите Бога ради.

— Ну, комедія не комедія, а такъ должно быть по закону. Да еще вотъ что: я пришлю къ вамъ священника, и вы можете исповѣдаться у него и причаститься.

— Нѣтъ, къ чему еще эта новая комедія! Довольно и одной!— отвѣтилъ одинъ изъ осужденныхъ и снова спросилъ:— такъ это вѣрно все то, что вы говорите? Дайте еще разъ честное слово.

— Честное слово! Говорю вамъ, что я самъ своими глазами видѣлъ и читалъ бумагу о вашемъ помилованіи.

Осужденные сразу воспрянули духомъ. Они потребовали себѣ по биштексу, по бутылкѣ вина и попросили сигаръ. Все это было имъ доставлено, и они закончили свое пиршество словами: «ну, а теперь спать».

Къ четыремъ часамъ утра ихъ разбудили, дали имъ по стакану чаю и вывели на тюремный дворъ. Улыбаясь другъ другу, совершенно спокойные, они твердымъ шагомъ взошли на эшафотъ, выслушали приговоръ и стали подъ висѣлицы. Присутствовавшихъ при казни официальныхъ свидѣтелей, не посвященныхъ въ тайну, поразило поведеніе осужденныхъ и то спокойствіе, съ которымъ они шли на смерть. По исполненіи всей установленной процедуры, однимъ быстрымъ ударомъ были вышиблены скамейки изъ-подъ ногъ осужденныхъ,—мгновеніе, легкое содроганіе повисшихъ на воздухѣ тѣлъ,—и казнь была совершена.

Этотъ коротенькій рассказъ вызвалъ оживленный споръ; одни осуждали поведеніе товарища прокурора, другіе его оправдывали.

Осуждавшіе его доказывали, что онъ не долженъ былъ дѣлать того, что сдѣлалъ. Ему поручено было исполнить судебный приговоръ, и онъ обязанъ былъ соблюсти въ точности всѣ установленные обряды и формальности. Или служи какъ слѣдуетъ, или уходи со службы; или то, или другое, но что-нибудь одно; компромиссовъ тутъ быть не можетъ. Поступокъ товарища прокурора былъ необдуманъ: въ рассказѣ говорится, что онъ совершенъ имъ подъ вліяніемъ внезапно пришедшей ему въ голову мысли, но этотъ поступокъ былъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстенъ, а послѣдствія его были весьма серьезны: прежде всего онъ лишилъ осужденныхъ возможности примириться съ церковью, исповѣдаться,

причаститься и провести послѣдніе часы жизни въ душеспасительной бесѣдѣ; введенные имъ въ заблужденіе и убѣжденные, что имъ дарована жизнь, арестанты были, пожалуй, по-своему, правы, называя все это излишнею комедіею. Но и этого мало: поведеніе ихъ на эшафотѣ легко могло внушить, да, вѣроятно, и внушило присутствовавшимъ при казни мысль, что передъ ними герои, смѣло смотрящіе въ глаза смерти, что это мученики за идею, самоотверженно идущіе на казнь, чего въ дѣйствительности вовсе не было. Передъ зрителями были молодые люди, дерзко убивавшіе другихъ и сами позорно трусившіе вполнѣ заслуженной ими смерти. Вотъ что надѣлалъ товарищъ прокурора своимъ необдуманнымъ поступкомъ!

— Эхъ, господа,—возражали другіе.—Вы забыли о томъ, что испытываетъ осужденный, переживающій послѣдніе часы жизни. Объ этомъ писано и рассказано немало. Вспомните хотя бы «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» В. Гюго. Человѣкъ долженъ быть казненъ, ну, и казните его; казните, но не мучьте, а что можетъ быть мучительнѣе послѣдней ночи осужденнаго на смертную казнь? Да и что дурного сдѣлалъ товарищъ прокурора? Приговоръ суда былъ исполненъ, какъ слѣдуетъ, со всѣми установленными формальностями, вредные люди безвозвратно изъяты изъ общества,—что же еще нужно? Неужели для правосудія было необходимо, чтобы эти два молодыхъ человѣка, не ѣвшіе и не спавшіе два дня, провели въ этихъ мукахъ еще лишній день? Сердечный поступокъ товарища прокурора далъ имъ возможность подкрѣпить себя пищею и сномъ и встрѣтить безболѣзненную смерть неожиданно, безъ мучительныхъ ожиданій. Вѣдь называемъ же мы хорошею смертью моментальную смерть отъ разрыва сердца,—вотъ эту самую хорошую смерть и далъ осужденнымъ товарищъ прокурора.

— Но вы забываете, что онъ лишилъ ихъ возможности примириться съ церковью и сдѣлалъ въ глазахъ публики небывалыми героями, — возражали первые.

— Чтобы отвѣтить на первый упрекъ,—отвѣчали имъ:—нужно знать религіозныя убѣжденія осужденныхъ. Увѣрены ли вы, что они признавали необходимость соблюденія церковныхъ таинствъ и обрядовъ? Легко могло быть, съ другой стороны, что, будучи извѣщены о предстоящей казни, они, въ порывѣ отчаянія, разразились бы ругательствами надъ св. таинствами и, такимъ образомъ, совершили бы лишній грѣхъ. Наконецъ, въ данномъ случаѣ они отклонили посѣщеніе священника по невѣдѣнію, не зная, что ихъ ожидаетъ неизбѣжная смерть, и милосердный Богъ имъ этого въ вину не поставитъ. А что касается второго упрека, то надобно помнить, что смертная казнь производится не публично, а въ присутствіи ограниченнаго числа официальныхъ свидѣтелей. Къ тому же было ли бы лучше, если бы ослабѣвшихъ и упавшихъ духомъ

осужденныхъ пришлось вести на висѣлицу подѣ руки или нести на рукахъ,—а вѣдь такіе случаи бывали, не правда ли? Скажите, что испытали бы и почувствовали въ это время зрители? А что испытали бы они, если бы имъ пришлось видѣть бесплодную борьбу съ палачомъ жаждущаго жизни осужденнаго? Вѣдь и такія сцены бывали! Здѣсь же отъ всего этого зрители были избавлены, а впоследствии, конечно, стало извѣстнымъ и все то, что изложено въ рассказѣ, а слѣдовательно съ осужденныхъ снять незаслуженно приписанный имъ ореолъ героевъ, если только когда-либо кто-нибудь считалъ ихъ героями.

— Во всякомъ случаѣ,—возражали первые, —товарищъ прокурора сознательно солгалъ и солгалъ сугубо:и какъ должностноелицо, поступивъ явно вопреки данной ему начальствомъ инструкции, и какъ частный человекъ, играя честнымъ словомъ.

— Ну, знаете,—отвѣчали имъ:—иногда и ложь бываетъ во спасеніе. Цѣль поступка была, несомнѣнно, прекрасная: усладить послѣднія минуты жизни человека. Поступокъ вызванъ чувствомъ человеколюбія, чувствомъ любви къ ближнему.

— Это уже зловерное іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства. Ни наша церковь, ни наше общество этого правила не признаютъ.

— Относительно церкви вы неправы. Возьмите Евангеліе отъ Луки и прочтите главу XVI, стихи 1—9, притчу о неправедномъ домоправителѣ. Тамъ вы увидите, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ ложь и обманъ не только не вызываютъ порицанія, но даже заслуживаютъ похвалы и ставятся въ примѣръ, ну, а объ общественномъ на этотъ счетъ мнѣніи мы лучше говорить не будемъ.

Споръ обѣщаль сдѣлаться безконечнымъ. Его закончилъ тотъ же старый прокуроръ, словами котораго оканчивались споры по двумъ первымъ дѣламъ.

— А я вамъ скажу вотъ что, господа,—началъ онъ.—Я старый юристъ, видаль на своемъ вѣку много. Правда, смертной казни видѣть мнѣ не случилось, о чемъ я нимало не сожалѣю, но я разслѣдовалъ массу преступленій и видѣлъ много разнаго рода преступниковъ. Я глубоко убѣжденъ, что неисправимыхъ преступниковъ быть не должно, а если они и существуютъ, то потому, что мы не умѣемъ ихъ исправить. Словомъ, я думаю, что существуютъ не исправившіеся или не исправленные преступники, но неисправимыхъ не бываетъ. Я свято вѣрю, что въ каждомъ человекѣ есть искра Божія, только эта искра часто бываетъ покрыта такимъ слоємъ грубой золы, что стоитъ большого труда добраться до самой искры. Разгребите эту золу, раздуйте эту искру, и она заблеститъ яркимъ пламенемъ. Передъ вами вмѣсто грубаго звѣря появится человекъ, вашъ другъ и братъ, которому вы смѣло протянете руку. Это и есть та сотая овца погибшая, о которой говоритъ Евангеліе.

«Отсюда я вывожу, что задача всякаго наказанія есть исправленіе преступника и возвращеніе его обществу полезнымъ для него членомъ, и, съ этой точки зрѣнія, я горячій противникъ смертной казни, какъ наказанія, устраняющаго всякую мысль объ исправленіи преступника и не дающаго возможности поправить ошибку, которая допустима во всякомъ судебномъ приговорѣ. Вѣдь судъ людской не Божій. Говорятъ, что наступитъ время, когда человечество станетъ таково, что для него не нужно будетъ ни суда, ни наказаній. Наступитъ ли такое время, я не знаю, но что придетъ время, когда весь цивилизованный міръ откажется отъ смертной казни, въ этомъ я глубоко убѣжденъ. Но я столь же глубоко убѣжденъ и въ томъ, что, пока это время не наступило, смертная казнь должна остаться въ лѣстницѣ наказаній. Не только мы, но даже и Западная Европа еще не доросла до того, чтобы можно было исключить ее изъ карательныхъ кодексовъ, а разъ она существуетъ и допустима, она должна быть примѣняема. Только примѣнять ее, по-моему, слѣдуетъ такъ, чтобы она, достигая своей цѣли—изъятія вреднаго члена изъ общества, — не причиняла бы осужденному никакихъ страданій и мученій и не дѣйствовала бы на праздную толпу зрителей, потворствуя ихъ грубымъ вкусамъ. Время взяло свое, и нынѣ смертную казнь облагается не всякое, какъ въ бывшее время, преступленіе, а лишь немногіе, исключительно рѣдкіе случаи; дошли мы до того, что отказались отъ четвертованія, сдиранія кожи, колесованія, посаженія на колъ и тому подобныхъ квалифицированныхъ видовъ смертной казни, стараясь сдѣлать ее по возможности быстрою и причиняющею наименьшія страданія. Наши кодексы, и военный, и гражданскій, знаютъ только два вида смертной казни: разстрѣляніе и повѣшеніе. Дошли же мы до того, что отказались отъ публичнаго совершенія смертной казни и производимъ ее на тюремномъ дворѣ, безъ бытности праздной толпы зрителей. Думаю, что все это убѣдительно доказываетъ, что мы, хотя и медленно, но систематично и послѣдовательно, идемъ по пути отмѣны смертной казни.

«Если бы была моя власть, я бы поступалъ такъ: какъ только приговоръ объ осужденномъ къ смертной казни вступилъ въ законную силу и подлежалъ обращенію къ немедленному исполненію, я бы давалъ осужденному въ пищѣ или питьѣ какой-нибудь ядъ, убивающій моментально и безъ всякихъ страданій; давалъ бы я этотъ ядъ такъ, чтобы осужденный и не подозрѣвалъ отравленія; онъ умиралъ бы совершенно для него неожиданно. Смерть его, надлежащимъ образомъ удостовѣренная, оглашалась бы во всеобщее свѣдѣніе и, такимъ образомъ, правосудіе было бы совершено и цѣль наказанія достигнута. Это, думаю, было бы еще лишнимъ шагомъ по пути къ отмѣнѣ смертной казни».

— Отсюда видно, что и вы оправдываете поступокъ товарища прокурора?—спросили спорящіе.

— Я этого не говорил, господа, — отвѣтил прокуроръ и ушелъ.

— На этотъ разъ нашъ старикъ неправъ, — слышались голоса послѣ его ухода. — Не говоря уже о томъ, что онъ увильнулъ отъ отвѣта на послѣдній поставленный ему вопросъ, его проектъ исполненія смертной казни посредствомъ отравленія неприемлемъ ни съ теоретической, ни съ практической стороны. Онъ неприемлемъ прежде всего потому, что ни законъ, ни постановленный въ силу его судебный приговоръ не должны исполняться тайно, какъ бы воровски; законъ силенъ своею силою и прятаться ни за какія ширмы не долженъ; къ тому же разъ этотъ способъ будетъ принятъ и установленъ закономъ, онъ будетъ всеѣмъ извѣстенъ, а при такихъ условіяхъ неожиданнаго для осужденнаго отравленія быть не можетъ; да и помимо этого вѣдь если одного и другого отравятъ, то третій будетъ знать объ этомъ и никакой пищи въ тюрьмѣ принимать не будетъ изъ опасенія отравы. Но идите дальше и вы должны будете признать, что, желая избавить осужденнаго отъ излишнихъ мукъ ожиданія смерти, нашъ милый прокуроръ подвергаетъ его еще большимъ мученіямъ. Въ самомъ дѣлѣ что лучше: промучиться ли послѣднюю ночь, одну только ночь, или, вѣрнѣе, нѣсколько часовъ въ ожиданіи предстоящей казни, или мучиться нѣсколько дней, думая, что въ каждомъ принесенномъ кускѣ хлѣба, въ каждой кружкѣ воды кроется ядъ. Вѣдь если въ эту роковую ночь въ ожиданіи неизбѣжной смерти или въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней неизвѣстности окончательнаго исхода процесса нервно-возбужденный или, наоборотъ, упавшій духомъ осужденный потеряетъ аппетитъ и сонъ, онъ все-таки будетъ страдать менѣе, чѣмъ тотъ, который, мучимый голодомъ и жаждою, будетъ удерживаться ѣсть и пить, опасаясь, что въ принесенной пищѣ и питьѣ кроется отравы. И это можетъ длиться нѣсколько дней, быть можетъ, даже нѣсколько недѣль. Въ такомъ ужасномъ положеніи человѣкъ, если не умретъ съ голоду, то, во всякомъ случаѣ, будетъ терпѣть такія мученія, которыя въ десять разъ хуже самой смерти.

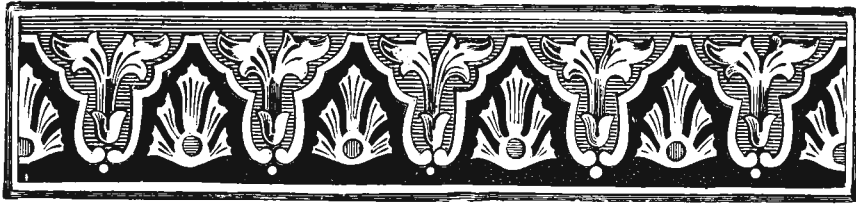
И на этомъ сошлись все спорившіе.

— Что же мы, господа, все толкуемъ о жалости къ осужденному, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — пожалѣйте же и потерпѣвшихъ, которыхъ этотъ самый осужденный не жалѣлъ, когда онъ, какъ въ данномъ случаѣ, звѣрски убивалъ цѣлыхъ пять человѣкъ. Казалось бы, о нихъ-то прежде всего слѣдовало вспомнить... да мы и уклонились всеѣмъ отъ главнаго предмета спора.

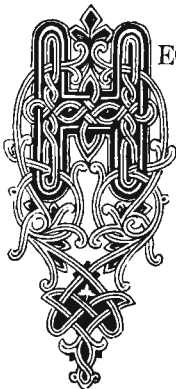
И споръ разгорѣлся снова.

Кто же въ этомъ спорѣ правъ и кто неправъ?

Ив. Мѣщаниновъ.

ЯКУТСКЪ ВЪ ЭПОХУ „ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ“.

ЕСМОТРЯ на оторванность и отдаленность Якутска отъ всѣхъ культурныхъ центровъ, волна такъ называемаго освободительнаго движенія коснулась и его, проявившись, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ въ другихъ мѣстахъ имперіи, но, во всякомъ случаѣ, достаточно тяжелыхъ, чтобы оставить надолго непріятное о нихъ воспоминаніе. Уже съ лѣта 1905 г. настроеніе якутянъ было тревожное; доходившія отовсюду свѣдѣнія о разныхъ выступленіяхъ революціонеровъ—волновали якутское общество; это волненіе усиливалось скопленіемъ въ городѣ политическихъ ссыльныхъ, съѣзжавшихся со всѣхъ сторонъ за сокращеніемъ или окончаніемъ сроковъ надзора. На памяти было свѣжо еще воспоминаніе о «Романовкѣ»¹⁾ и многимъ думалось, что Романовка можетъ повториться.

Мѣстная администрація прилагала всѣ усилія, чтобы поскорѣе сплавить этотъ безпокойный и нежелательный элементъ, но, за всѣми принятыми мѣрами, къ окончанію пароходнаго по рѣкѣ Ленѣ движенія ихъ все-таки скопилось въ городѣ свыше 100 чело-вѣкъ. Пока наступилъ санный путь, пока явилась возможность постепенной отправки ихъ, эта многочисленная группа вкупѣ съ примыкающими и сочувствующими, окрыляемая при этомъ успѣ-

¹⁾ Известное въ 1904 году кровавое столкновеніе въ Якутскѣ на политической почвѣ политическихъ ссыльныхъ съ администраціей, имѣвшее послѣдствіемъ убитыхъ съ той и другой стороны.

хами революціонной дѣятельности въ Европейской Россіи и Сибири, дѣлала свое агитаторское дѣло, и легко поддающаяся ихъ вліянію учащаяся молодежь, полунинтеллигентные якуты, приказчики торговыхъ фирмъ, мелкіе ремесленники, торговцы начали настраиваться на извѣстный ладъ.

Къ половинѣ октября въ Якутскъ съѣхались представители крестьянскихъ волостей и инородческихъ вѣдомствъ для участія въ совѣщаніи, образованномъ по распоряженію иркутскаго генералъ-губернатора изъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ для выработки положенія о введеніи въ Якутской области земства. Первые два или три засѣданія прошли благополучно, а затѣмъ представители, взвинченные политическими ссыльными, демонстративно отказались отъ участія въ чиновничьихъ засѣданіяхъ. Свой проектъ о земствѣ, списанный съ бурятскаго, на началахъ самаго широкаго самоуправленія и съ подчиненіемъ земству правительственной полиціи, они непосредственно послали въ министерство и генералъ-губернатору и, шумно провожаемые «политиками», разѣхались по домамъ. Это былъ, такъ сказать, первый рѣзкій выпадъ по отношенію къ правительству.

Въ двадцатыхъ числахъ октября полученъ былъ манифестъ 17 октября 1905 г. Слово «свобода» во всевозможныхъ варіаціяхъ полилось отовсюду. Якутское «общество народныхъ чтеній», доселѣ дремавшее, теперь, пользуясь «свободой слова», энергично возобновило свои дѣйствія. Чтенія участились, лекторами въ большинствѣ случаевъ выступили политическіе ссыльные; читая обыкновенно на политическія темы, они всякое чтеніе заканчивали демонстративными выходками съ патетическими восклицаніями о свободѣ, борьбѣ за нее и т. п.; толпа изъ учащейся молодежи, ссыльныхъ, якутовъ, хулигановъ послѣ такихъ чтеній настраивалась воинственно и, предводительствуемая политическими ссыльными, отправлялась дефилировать по городу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками: «долой самодержавіе». Сначала все шло благополучно, и накричавшаяся и напатавшаяся публика обыкновенно расходилась по домамъ, но когда дѣло дошло до разбитія оконъ въ губернаторскомъ домѣ и нападенія на усадьбу городского головы, — все якутское общество встрепенулось, и отовсюду посыпались упреки на «общество народныхъ чтеній», доводящее толпу до такого взвинченнаго состоянія. Это обстоятельство въ связи съ выѣздомъ изъ города большинства ссыльныхъ, а затѣмъ наступившіе морозы прекратили демонстративное хожденіе толпы, но зато по городу стали носиться грозные слухи о хулиганахъ и о готовящихся погромахъ. Ставшіе открыто во главѣ освободительнаго движенія якуты, изгнанный частный повѣренный, одинъ изъ учителей женской гимназіи, нѣсколько политическихъ ссыльныхъ энергично поддерживали эти слухи, надѣясь и въ нихъ почерпнуть

матеріалъ для своей революціонной дѣятельности. И дѣйствительно, на первомъ же совѣщаніи, созванномъ губернаторомъ для обсужденія мѣропріятій борьбы съ хулиганами,—лица эти въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждали правительство, называя его виновникомъ всѣхъ кровавыхъ столкновеній, говорили о ненужности и вредѣ правительственной полиціи и о необходимости немедленной замѣны ея общественной самообороной. Затѣмъ, собравъ отъ имени различныхъ общественныхъ организацій, функціонирующихъ въ Якутскѣ, совѣщаніе въ общественномъ собраніи, съ той же, якобы, какъ и предыдущее, цѣлью, они устроили настоящій политическій митингъ, на которомъ изступленные ораторы съ пѣной у рта въ самыхъ яркихъ краскахъ тенденціозно обрисовывали совершающіяся въ имперіи ужасныя событія, сваливая все на самодержавное правительство; разношерстная толпа отчаянно шумѣла; крики: «долой самодержавіе!» не смолкали. Явившіеся было на это собраніе мирные обыватели немедленно бѣжали, унося съ собой самое тяжелое впечатлѣніе. Вѣсть о митингѣ съ его безобразными проявленіями, мигомъ облетѣвъ городъ, еще болѣе встревожила якутянъ, а тутъ какъ разъ началась почтово-телеграфная забастовка. Оторванный отъ всего, Якутскъ былъ предоставленъ самому себѣ. Мѣстная администрація, не имѣя руководящихъ указаній, растерялась, а, наоборотъ, представители освободительнаго движенія гордо подняли голову, предвѣщая въ будущемъ полное измѣненіе существующаго правительственнаго строя. Услужливо передаваемая забастовочнымъ почтово-телеграфнымъ комитетомъ, въ рукахъ котораго находился телеграфъ, различныя нелѣпыя извѣстія, въ родѣ того, что въ Иркутскѣ уже временное правительство, что всѣ власти тамъ частью изгнаны, частью арестованы, съ быстротой молніи разносились по городу, наводя на обывателей панику. Циркулировали слухи, что въ скоромъ времени и вся мѣстная администрація будетъ арестована и что всѣ должности главарями движенія уже распределены между собою, при чемъ намѣчены и губернаторъ, и начальникъ полицейской стражи, и другіе.

Въ Якутскѣ началась новая, своеобразная жизнь. На частныхъ и многолюдныхъ митингахъ, устраиваемыхъ агитаторами въ общественномъ собраніи, говорилъ кто хотѣлъ и что хотѣлъ, и, конечно, въ словахъ и выраженіяхъ не стѣснялись; на правительство и его агентовъ ввозились самыя ужасныя и невѣроятныя обвиненія. Посѣщавшая митинги толпа, громко и угодливо величаемая «гражданами», состоявшая изъ бросившихъ свои занятія воспитанниковъ учебныхъ заведеній, ремесленниковъ, торговцевъ, ссыльныхъ, безобразничала и шумѣла и, мало заинтересованная сущностью ораторскихъ разглагольствованій, наивно не подозрѣвала, что она только грубая сила въ рукахъ агитаторовъ.

Искусственно и энергично прививаемое и никѣмъ и ничѣмъ не останавливаемое вліяніе революціонныхъ дѣятелей дѣлалось доминирующимъ, и въ настроеніи якутскаго интеллигентнаго общества стали рѣзко замѣчаться послѣдствія этого вліянія: и въ служебной обстановкѣ, и на вечерахъ въ общественномъ собраніи, и въ частныхъ домахъ не только простые обыватели гор. Якутска, но и видные чиновники губернской администраціи не стѣснялись открыто порицать дѣйствія правительства и выражать свои одобренія даже террористическимъ актамъ революціонеровъ. Всякія выступленія на защиту правительственныхъ органовъ и неодобреніе революціи высмѣивалось, порицалось и служило предметомъ исключительныхъ толкованій въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ. Такъ, товарища прокурора Державича, состоявшаго председателемъ совѣта старшинъ общественнаго собранія, за то, что онъ на дѣтскомъ вечерѣ въ собраніи остановилъ пѣніе марсельезы, сдѣлали чуть не преступникомъ, и дѣяніе его, послужившее предметомъ экстренныхъ засѣданій различныхъ обществъ города Якутска, вызвало безчисленные протоколы съ порицаніемъ ему и бойкотомъ общественному собранію и чуть не окончилось побоями. Политиканствующие чиновники, пользуясь керѣшительностью администраціи, какъ бы отложились отъ своего начальства и открыто пустились въ общественно-политическую дѣятельность. Одинъ изъ предводителей движенія, учитель женской гимназіи, о коемъ я упоминалъ выше, и на урокахъ въ гимназіи и шляясь по магазинамъ, съ пѣной у рта, не стѣняясь, ругалъ самодержавное правительство; нѣкоторые чиновники областного управленія безъ всякаго разрѣшенія занялись организаціей «союза чиновниковъ» съ программой самаго прогрессивнаго направленія и съ воспрещеніемъ вступленія въ него «опорочившимъ себя послѣдними событіями» чинамъ полиціи, жандармеріи. Затѣмъ, предъ праздникомъ Рождества они же, распредѣливъ по своему собственному усмотрѣнію, остатки отъ кредитовъ, подлежащихъ къ выдачѣ въ пособія и награды, послали распредѣлительный списокъ губернатору, какъ бы для исполненія. Эта уже вызывающая дерзость чиновниковъ хотя и не увѣнчалась для нихъ успѣхомъ, но въ то же время и не повлекла за собой, какъ бы слѣдовало, никакаго воздѣйствія. Губернаторъ, видимо, терялся и вмѣстѣ съ многими оставшимися около него чиновниками дѣлалъ всѣ усилія, чтобы не нарушить существовавшаго въ городѣ наружнаго спокойствія. Ко всѣмъ неблагополучіямъ присоединилась еще тревога о деньгахъ. Дѣло въ томъ, что полная неизвѣстность о совершающихся въ имперіи событіяхъ, упорно циркулирующіе слухи о возможности завладѣнія казначействомъ революціонерами и наконецъ усиленная противоправительственная агитація среди инородческаго населенія—дѣлали то, что податные и земскіе сборы въ

казначейство стали поступать очень слабо и, наоборотъ, вклады сберегательной кассы усиленно выбираться. Необходимость опустѣнія казначейства въ случаѣ продолжительности почтово-телеграфной забастовки казалась очевидной. Наконецъ изъ Олекминскаго округа получило извѣстіе, что крестьяне Чекурской волости, взбаламученные агитаторомъ Родіоновымъ, учинили забастовку земско-полицейскаго сообщенія. Все вмѣстѣ взятое въ связи съ мрачной неизвѣстностью дѣлало положеніе крайне тревожнымъ, и такое положеніе длилось до 28 декабря 1905 года.

Наконецъ, 28 декабря началъ работать правительственный телеграфъ, политическое настроеніе имперіи сразу опредѣлилось, многіе вздохнули облегченно, а отложившіеся чиновники моментально приуспокоились. Но не такъ-то легко было помириться съ этимъ представителямъ освободительнаго движенія. Вкусивши обаянія власти, они никакъ не могли примириться съ мыслью, что обаяніе это уже окончилось и что теперь имъ необходимо стать въ ряды обыкновенныхъ обывателей. И начались новыя рѣшительныя выступленія. Зданіе общественаго собранія, единственное въ городѣ годное для помѣщенія значительной части публики, служило, какъ я выше сказала, революціонерамъ для ихъ сборищъ. Совѣтъ старшинъ собранія, состоявшій изъ людей умѣренныхъ и не сочувствующихъ революціи и ранѣе неохотно уступавшихъ помѣщеніе для этой цѣли, послѣ открытія телеграфнаго сообщенія сталъ всячески противодействовать, находя тѣ или другія причины для отказа. Тогда революціонеры рѣшили совсѣмъ выставить собраніе изъ принадлежащаго ему помѣщенія и съ этой цѣлью распустили слухи, что зданіе собранія принадлежитъ народу, такъ какъ строилось на деньги, присланныя съ присковъ и собранныя съ присковскихъ рабочихъ, т. е. съ народа. Это была ложь: зданіе строилось на собранныя бывшимъ губернаторомъ Скрипицынымъ пожертвованія, въ числѣ коихъ были деньги, пожертвованныя присковскими управленіями, но вовсе не собранныя съ присковскихъ рабочихъ. Но главарямъ движенія было все равно. Имъ необходимо было использовать народную толпу, какъ орудіе, революціи, и въ этомъ случаѣ они не стѣснялись никакими средствами. Энергично поддерживая слухи о принадлежности собранскаго зданія народу и о необходимости передачи его для нуждъ народныхъ, они и на митингахъ старались вселить въ толпу увѣренность въ этомъ и, конечно, достигли полнаго успѣха. Увѣренная и въ своемъ правѣ и въ необходимости для нея собранскаго зданія, толпа порѣшила взять его силой, если оно не будетъ добровольно уступлено народу, и въ совѣтъ старшинъ въ такомъ духѣ поступило заявленіе.

Приблизительно въ это же время между якутской городской управой и базарными торговцами разыгрался такъ называемый лавочный конфликтъ; большинство проживающихъ въ Якутскѣ

якутовъ и евреевъ занимаются мелочной торговлей, арендуя на базарѣ городскія лавки. Городская управа предъ началомъ каждого торговаго года сдаетъ аренду на эти лавки съ торговъ, и такъ какъ желающихъ торговаться является очень много, то, конечно, лавки идутъ за хорошую цѣну. Многимъ изъ торговцевъ это не нравилось. Разсчитывая и на 1906 г. сдать лавки тѣмъ же способомъ, какъ и ранѣе, городская управа назначила обычные торги. Революціонные агитаторы рѣшили и это обстоятельство использовать для своихъ цѣлей. Тутъ на сцену явился нѣкій Оленинъ. Бывшій политическій ссыльный Якутской области, онъ вновь пріѣхалъ сюда въ 1905 году уже какимъ-то сотрудникомъ географическаго общества; въ чемъ заключалось его сотрудничество, никому извѣстно не было, но съ начала освободительнаго движенія онъ принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Не имѣя никакого отношенія къ торговлѣ, Оленинъ тѣмъ не менѣе соорганизовалъ союзъ мелкихъ торговцевъ и, избранный его предсѣдателемъ, потребовалъ отъ города немедленнаго измѣненія условій сдачи торговыхъ лавокъ—въ выгодную для торговцевъ сторону. Вопросъ этотъ долженъ былъ обсуждаться въ городской думѣ 8 января, въ какое число и въ общественномъ собраніи было назначено общее собраніе для разсмотрѣнія вопроса по заявленію о передачѣ собранскаго зданія въ распоряженіе народа. Въ обычное время вечеромъ, въ 6 часовъ, 8 января 1906 г. гласные собрались въ думу, и, ничего не подозрѣвая, городской голова открылъ засѣданіе. Немного спустя въ залѣ засѣданія совершенно неожиданно съ шумомъ и крикомъ: «долгой самодержавіе», и пѣніемъ марсельезы ворвалась толпа челоувѣкъ въ двѣсти, предводительствуемая Оленинымъ и еще двумя бывшими политическими ссыльными. И кого не было въ этой толпѣ: и якуты, и реалисты, и семинаристы, и еврей-торговцы, и ремесленники, и наконецъ чиновники съ революціонной закваской. Испугавшись толпы, большинство гласныхъ бросилось наутекъ, но только, кажется, одному изъ нихъ удалось скрыться; остальные толпой были задержаны, при чемъ двое заболѣли отъ испуга (что и было констатировано находившимся тутъ городовымъ врачомъ). Окруживъ тѣснымъ кольцомъ гласныхъ и властно потребовавъ продолженія засѣданія, толпа въ концѣ концовъ принудила ихъ постановить рѣшеніе объ удовлетвореніи всѣхъ претензій торговцевъ и объ отказѣ отъ званія гласныхъ; послѣднее рѣшеніе, по разъясненію предводителей толпы, представлялось неизбѣжно необходимымъ для настоящаго состава гласныхъ, какъ избранныхъ не на основаніи всеобщаго, тайнаго... и т. д. голосованія. У одного только гласнаго Золотарева нашлось мужество заявить о незаконности такого рѣшенія, но ему тотчасъ же указано было, что «законъ—это народъ», который, если захочетъ можетъ предать кого угодно даже смертной казни. Конечно, послѣ такого предупрежденія—оставалось только молчать.

Завершивъ свое дѣло въ думѣ, толпа, опьяненная успѣхомъ, подѣ предводительствомъ тѣхъ же лицъ бросилась въ общественное собраніе, чтобы и тамъ вынудить насильно рѣшеніе членовъ собранія уступить собранское зданіе народу. Съ шумомъ и крикомъ ворвалась толпа въ помѣщеніе собранія и, несмотря на протесты дежурнаго старшины Катгуана Кудельскаго, проникла въ залъ, гдѣ уже шло засѣданіе, тотчасъ же прекратившееся. Потребовавъ, какъ и въ думѣ, немедленнаго возобновленія засѣданія, толпа совершенно неожиданно встрѣтила въ этомъ отпоръ со стороны наличныхъ членовъ собранія (нѣкоторые, испугавшись, успѣли скрыться по черному ходу), и, несмотря на шумныя и рѣзкія принужденія, усиленно поддерживаемыя членами собранія, сторонниками революціи, засѣданіе не возобновилось. Обезкураженная этимъ, съ одной стороны, а съ другой, предполагая, вѣроятно, въ уходѣ старшины Кудельскаго (начальникъ мѣстной команды) возможность прибытія воинскихъ чиновъ, толпа быстро стала расходиться, награждая членовъ собранія всякими нелестными эпитетами.

Вѣсть о нашествіи на думу и собраніе тотчасъ же разнеслась по городу и овладѣла общимъ вниманіемъ. Выходки освободителей начали переходить всякія границы. Общество заволновалось, и администрація энергично вступила въ свои права. Въ первомъ же засѣданіи присутствія по городскимъ дѣламъ протоколъ думы былъ отмѣненъ; затѣмъ агитаторы движенія привлечены къ отвѣтственности и арестованы. Толпа, лишнная своихъ предводителей, быстро распалась, митинги перестали посѣщаться, а вскорѣ и совсѣмъ прекратились.

Послѣднимъ, такъ сказать, актомъ освободительнаго движенія въ Якутскѣ былъ союзъ якутовъ. Уже послѣ того, какъ якутское общество начало успокаиваться отъ всѣхъ пережитыхъ тревожныхъ дней, неожиданно разнеслись тревожные слухи о томъ, что якуты образуютъ свой союзъ, что цѣль этого союза—совершенное изгнаніе русскихъ изъ Якутской области и отложеніе Якутской области и т. д. Администрація насторожилась и вскорѣ было установлено, что съѣхавшіеся въ Якутскъ изъ разныхъ улусовъ богатые и вліятельные инородцы, такъ называемые тайоны, устраиваютъ какія-то совѣщанія, а затѣмъ выяснилось, что съѣхавшіеся якуты, представляя собою правленіе образовавшагося союза якутовъ, послали телеграмму графу Витте съ категорическимъ отказомъ вносить казенные и земскіе сборы и имѣть сношенія съ администраціей до тѣхъ поръ, пока ихъ справедливыя національныя требованія о представительствѣ въ государственной думѣ, о введеніи земства и о передачѣ всѣхъ земель, находящихся въ пользованіи русскихъ,—не будутъ удовлетворены.

Вслѣдъ за симъ начали поступать свѣдѣнія и о фактическомъ выполненіи этихъ угрозъ: нѣкоторыхъ инородческихъ старостъ,

прибывшихъ въ Якутскъ съ податями, не допустили для взноса въ казначейство и, отобравъ деньги на нужды союза, отправили домой; въ округѣ одному изъ чиновъ полиціи совсѣмъ не дали лошадей для проѣзда по дѣламъ службы. Положеніе дѣлалось затруднительнымъ, и областное начальство заволновалось. Въ это время уже изъ Петербурга получилось распоряженіе объ арестованіи всѣхъ главарей якутскаго союза, подписавшихъ телеграмму.

Тревога усилилась, явилась еще нерѣшительность. Казалось, что арестъ такихъ вліятельныхъ инородцевъ вызоветъ противодѣйствіе, сопротивленіе, наконецъ нашествіе на Якутскъ якутовъ для освобожденія, а слѣдовательно и неизбежное при этомъ столкновеніе, въ которомъ, при отсутствіи достаточной воинской силы и полной оторванности Якутска, перевѣсъ представлялся не на сторонѣ администраціи. Но арестъ все-таки былъ произведенъ. Получилась совершенно иная картина. Тотчасъ же двое изъ арестованныхъ принесли покаянную и были освобождены; ничего не знающіе и миролюбивые по природѣ якуты не только не бросились въ Якутскъ, а, наоборотъ, боясь, вѣроятно, какихъ-нибудь столкновеній, потянулись оттуда; со всѣхъ сторонъ начали поступать приговоры о неучастіи въ союзѣ, несочувствіи ему, и дѣло якутскаго союза перешло къ слѣдственной власти.

Съ якутскимъ союзомъ окончилось якутское освободительное движеніе и, перебирая теперь въ памяти мельчайшія подробности всѣхъ событій этого движенія, только удивляешься ихъ мелочности, ничтожности и въ то же время поразительному сходству со всѣмъ тѣмъ, что происходило за этотъ періодъ времени въ другихъ мѣстахъ Россіи и Сибири. Тѣ же неизвѣстные ранѣе, но неожиданно явившіеся въ смутѣ предводители движенія, въ большинствѣ случаевъ съ темнымъ прошлымъ и съ подозрительной репутаціей въ настоящемъ; тѣ же приемы этихъ предводителей рядить мало-смысленную толпу въ тогу гражданъ и, пользуясь ею, какъ орудіемъ, преслѣдовать свои личныя цѣли, то же шуллерское заигрываніе съ учащейся молодежью на ея слабой струнѣ о самостоятельности и зрѣлости, тѣ же выпады за счетъ правительства и противъ правительства политиканствующихъ чиновниковъ, тѣ же и жалкія послѣдствія всего происшедшаго. А при такихъ условіяхъ развѣ всѣ перечисленныя событія могли быть названы движеніемъ общественнымъ или народнымъ? Конечно, нѣтъ! Это были дерзкія выступленія нѣсколькихъ лицъ, стремившихся чрезъ темную народную массу, какъ слѣпое орудіе, захватить себѣ ту власть, правительства и его органовъ, которая для нихъ такъ заманчива.

Немо.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. Е. САЛТЫКОВЪ-ЩЕДРИНЪ.

(1864—1869 г.г.)

ВЪ ПЕРВЫЙ разъ я увидѣлъ Михайла Евграфовича Салтыкова (Щедрина) и познакомился съ нимъ въ городѣ Пензѣ, гдѣ онъ служилъ управляющимъ казенной палатой.

Въ Пензѣ въ то время были: гражданскимъ губернаторомъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Александровскій, губернскимъ предводителемъ дворянства генераль-майоръ Николаевичъ Араповъ и директоромъ мужской гимназіи Раймундъ Августовичъ Шарбе.

Поводомъ моего знакомства съ М. Е. Салтыковымъ послужилъ инцидентъ, происшедшій при окончаніи мною курса пензенской гимназіи.

Благодаря директору гимназіи Шарбе, по нѣкоторымъ причинамъ враждебно ко мнѣ относившемуся, я былъ исключенъ изъ гимназіи съ лишеніемъ права дальнѣйшаго образованія и даже поступленія на государственную службу.

Во мнѣ принялъ участіе попечитель пензенскаго дворянскаго института, въ которомъ я передъ гимназіей воспитывался, вышепомянутый А. Н. Араповъ, но, несмотря на его заступничество, меня подъ конвоемъ жандармскаго унтеръ-офицера, по распоряженію губернатора Александровскаго, отвезли изъ Пензы на родину, въ городъ Нижній-Ломовъ, и сдали исправнику, который меня передалъ на попеченіе моей опекуницѣ-тетушкѣ Татьянѣ Яковлевнѣ Андреевой.

М. Е. Салтыковъ, узнавшій о случившемся со мною означенномъ инцидентѣ, чрезъ одного изъ своихъ служащихъ, г. Успенскаго, пригласилъ меня пріѣхать для личныхъ переговоровъ, обѣщая опредѣлить меня къ себѣ на службу.

Когда мнѣ было передано его желаніе, я немедленно на перекладныхъ помчался за 120 верстъ изъ Нижняго-Ломова въ Пензу. Я былъ знакомъ съ «Губернскими Очерками» и съ другими произведеніями нашего сатирика и, разумѣется, былъ отъ нихъ въ восторгѣ.

Съ нетерпѣніемъ я летѣлъ въ Пензу, скорѣе хотѣлось видѣть Салтыкова и говорить съ нимъ.

До сихъ поръ отлично сохранилось первое впечатлѣніе моего съ нимъ знакомства. Онъ мнѣ очень понравился, хотя въ первый моментъ и напугалъ своимъ суровымъ, серьезнымъ, величавымъ видомъ, своими чрезвычайно блестящими, полными особеннымъ магнетическимъ свѣтомъ, пронизательными, умными глазами и своимъ густымъ, басовымъ голосомъ.

Тогда онъ былъ молодымъ, элегантно одѣтымъ, вооруженнымъ золотымъ ринсе-пез на длинномъ шнуркѣ, которое онъ ловко подбрасывалъ.

Салтыковъ принялъ меня любезно и внимательно выслушалъ мою исторію съ директоромъ гимназій.

Видимо, сдерживая свой голосъ, онъ ласково обѣщалъ мнѣ переговорить съ губернаторомъ относительно моего опредѣленія на службу и о результатѣ сообщить черезъ два дня.

По приходѣ моемъ къ нему черезъ два дня, онъ мнѣ сказалъ:

— Уѣзжайте изъ Пензы немедленно на родину. Вамъ губернаторомъ въѣздъ въ Пензу запрещенъ. Чортъ съ нимъ! Потерпите нѣкоторое время. Быть можетъ, я васъ самъ буду имѣть возможность опредѣлить собственною властью. До свиданья. Уѣзжайте же, уѣзжайте изъ Пензы поскорѣе!

Простившись съ Салтыковымъ, я возвратился домой. Ожидать радостнаго извѣстія пришлось порядочное время. Въ этотъ промежутокъ, по совѣту моего родного брата, служившаго помощникомъ исправника въ городѣ Саранскѣ, мною было подано прошеніе государю императору Александру II, на которое въ скоромъ времени черезъ губернатора было мнѣ объявлено разрѣшеніе государя—поступить на государственную службу или въ высшее учебное заведеніе.

Я поступилъ въ казанскій университетъ, но вслѣдствіе смерти опекунши-тетушки вынужденъ былъ, не окончивши курса, возвратиться домой.

Въ Нижнемъ-Ломовѣ я занимался домашними дѣлами, не разъ ѣздилъ въ Пензу и наконецъ получилъ извѣстіе, что М. Е. Салтыковъ переведенъ изъ Пензы въ Тулу на ту же должность. Я

ему написалъ прошеніе объ опредѣленіи меня на службу, на которую, къ великой моей радости, и былъ принятъ.

По пріѣздѣ въ Тулу М. Е. Салтыкова я не засталъ. Онъ былъ переведенъ въ Рязань, вслѣдствіе ссоры съ тульскимъ губернаторомъ Ш...

Въ Рязани, передъ Пензой, Салтыковъ былъ вице-губернаторомъ.

Не долго думая, я въ первый же день занятій въ тульской казенной палатѣ, по совѣту секретаря палаты Мерцалова, написалъ просьбу Салтыкову о перемѣщеніи меня въ Рязань.

По полученіи бумаги о моемъ переводѣ, я отправился въ Рязань, радуясь, что буду служить съ Салтыковымъ, буду его видѣть и слышать, говорить съ нимъ, буду въ его обществѣ.

Я былъ экзальтированнымъ въ то время и былъ большимъ поклонникомъ и почитателемъ Салтыкова.

Въ Рязани я представился Михаилу Евграфовичу въ казенной палатѣ, въ комнатѣ, называемой «присутствіемъ», гдѣ былъ портретъ государя во весь ростъ, а на столѣ трехгранный небольшой шкапчикъ на трехъ ножкахъ, вверху коего былъ золотой двуглавый орелъ. Въ шкапчикѣ этомъ, называемомъ «зерцаломъ», помѣщались указы, въ томъ числѣ знаменитый указъ императора Петра I: «Всеу законы писати».

Когда нужно было курить, то Салтыковъ снималъ золотой гербъ съ «зеркала» и, кладя его на столъ, говорилъ: «Ну, теперь можно и вольно!»

Михаилъ Евграфовичъ сразу меня узналъ и тотчасъ же разспросилъ, чѣмъ я занимался, и представилъ секретарю палаты, Константину Павловичу Лихареву, сидѣвшему всегда за отдѣльнымъ столомъ въ томъ же «присутствіи».

Салтыковъ попросилъ Лихарева пригласить дѣлопроизводителя Виноградова, оказавшагося моимъ учителемъ географіи по пензенской гимназіи, бросившимъ свое преподаваніе и ушедшимъ къ Салтыкову, котораго онъ былъ страстнымъ почитателемъ.

Въ Пензѣ Виноградовъ имѣлъ свою бібліотеку и много подписчиковъ, но все бросилъ и уѣхалъ служить къ Салтыкову,

Салтыковъ сказалъ Виноградову: «Пожалуйста, Иванъ Сергѣевичъ, возьмите къ себѣ въ канцелярію вашего бывшаго ученика и учите его дѣлу».

Скоро я отъ Виноградова перешелъ въ распорядительный столъ отдѣленія казначействъ; начальникомъ послѣдняго былъ Николай Ивановичъ Лаппа, а столоначальникомъ братъ родной И. С. Виноградова, очень скромный и застѣнчивый молодой человекъ.

Салтыковъ являлся аккуратно на службу въ десять часовъ утра, и служащіе о приходѣ его узнавали по особому волненію прислуги въ передней и по зычному голосу Салтыкова. Ему при-

ходилось проходить въ «присутствіе» изъ передней черезъ длинный залъ, въ коемъ помѣщалось отдѣленіе казначействъ, со множествомъ служащихъ, во главѣ съ начальникомъ отдѣленія Н. И. Лаппа, рядомъ съ которымъ сидѣлъ бухгалтеръ Кашуровъ, а напротивъ ихъ—столоначальникъ Виноградовъ со своимъ помощникомъ, авторомъ настоящихъ воспоминаній.

По обѣимъ сторонамъ этого зала помѣщались другіе служащіе до самаго «присутствія». По срединѣ зала было довольно большое пространство, составляющее проходъ. Салтыковъ не входилъ, а влеталъ въ этотъ залъ изъ передней и быстро неся по проходу, раскланиваясь на ходу съ начальникомъ отдѣленія и нѣкоторыми другими и исчезалъ въ заранѣе открытую сторожемъ дверь «присутствія». Всѣ служащіе вставали съ своихъ мѣстъ и, стоя, ожидали Салтыкова, кланяясь ему, отвѣчая на его общій имъ поклонъ.

Басовые звуки его голоса, всегда суровый, сердитый видъ и въ особенности его быстрые глаза, взглядъ коихъ трудно было выносить, вызывали во многихъ чиновникахъ трепетъ и страхъ. Салтыковъ зналъ объ этомъ впечатлѣніи, какъ я полагаю, и пользовался имъ при репримандахъ съ провинившимися служащими, всегда, впрочемъ, высказываемыхъ Салтыковымъ въ шутиливой, юмористической формѣ. Объ этомъ трепетѣ онъ гдѣ-то написалъ, что при объясненіяхъ его со служащими у нихъ поджилки трясутся. Но Салтыковъ никому никогда не сдѣлалъ зла изъ служащихъ, и ежели кто ему почему-либо не нравился, то онъ дѣлалъ въ этихъ случаяхъ такія распоряженія, которыя дивили всѣхъ своею оригинальностью и добродушіемъ. Такъ, напримеръ, одинъ изъ старыхъ служащихъ въ рязанской казенной палатѣ, до него и при немъ состоявшій въ должности помощника бухгалтера, за отсутствіемъ своего ближайшаго начальника, докладывалъ дѣла лично Салтыкову. Не обладая даромъ яснаго объясненія и по природѣ застѣнчивый, онъ путался въ словахъ и не могъ толково объяснить дѣло, вынуждая Салтыкова просить повторить докладъ. Чиновникъ снова начиналъ объяснять дѣло и снова отъ робости такъ говорилъ долго и неясно, что Салтыковъ наконецъ съ трудомъ улавливалъ суть дѣла, заставляя его нѣсколько разъ повторять, говоря: «Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! Повторите снова».

Въ слѣдующій разъ послѣ подобнаго доклада Салтыковъ разсердился окончательно на этого чиновника и пригласилъ къ себѣ начальника отдѣленія, котораго просилъ избавить его отъ такого докладчика, говоря: «Пожалуйста, перемѣстите его куда-либо, ну, хотя въ уѣздные казначей!» Должность эта представлялась для такого чиновника недосыгаемымъ идеаломъ и была всегдашнею его мечтою. Онъ не зналъ, какъ выразить свою признательность,

Пошелъ благодарить Салтыкова и назвалъ его своимъ благодѣтелемъ. Салтыковъ разсмѣялся и сказалъ: «Ну, ну, не благодарите, поѣзжайте себѣ съ Богомъ».

Многіе чиновники завидовали счастливцу, какъ они окрестили вновь испеченнаго уѣзднаго казначея, и стали смѣлѣе и симпатичнѣе относиться къ Салтыкову.

Разъ Салтыковъ, подѣзжая къ рязанской казенной палатѣ, увидѣлъ зимою ѣжившихся отъ холода въ рваныхъ костюмахъ «запьянцовскихъ» отставныхъ чиновниковъ, потерявшихъ, какъ говорится, образъ Божій, просящихъ на водку и предлагающихъ свои услуги для написанія прошеній неграмотнымъ или несвѣдущимъ просителямъ.

Салтыковъ, придя въ палату, распросилъ о запьянцовскихъ секретаря и другихъ и узналъ, что въ числѣ этой «чиновничьей рвани», есть дѣльные и умные люди, служившіе когда-то въ рязанской казенной палатѣ, губернскомъ и акцизномъ управленіяхъ. Тогда Салтыковъ, зная, что предстоитъ разборка старыхъ дѣлъ въ ревизскомъ отдѣленіи, поручилъ пригласить «запьянцовскихъ» для этого дѣла, кропотливаго и сложнаго, чтобы хотя на время дать имъ возможность посидѣть въ тепломъ мѣстѣ и заработать приличное вознагражденіе. Всѣхъ ихъ было человекъ семь. Сколько радости было на лицахъ этихъ «запьянцовскихъ». Какъ признательны они были Салтыкову! Какъ они были старательны и аккуратны на первое время! Самъ начальникъ ревизскаго отдѣленія Фрей, встрѣтившій ихъ не очень любезно въ первое посѣщеніе палаты, удивлялся примѣрному ихъ усердію и сталъ относиться къ нимъ благосклоннѣе.

Этотъ самый Фрей при составленіи ревизской сказки одному незаконнорожденному никакъ не могъ согласиться съ столоначальникомъ, чтобы допустить отчество этого незаконнорожденного назвать по крестному отцу, отказываясь подписать бумагу. Споръ по этому поводу дошелъ до того, что Фрей пошелъ къ Салтыкову съ жалобой на столоначальника. «Помилуйте, — говорилъ Фрей Салтыкову:—я говорю, чтобы въ сказкѣ отчество незаконнорожденного было названо по матери, какъ не имѣющаго родного отца, а мнѣ столоначальникъ противорѣчитъ и доказываетъ, что принято отчество незаконнорожденныхъ именовать по крестному отцу». Салтыковъ захохоталъ на всю комнату и едва могъ убѣдить Фрея, что столоначальникъ правъ въ данномъ случаѣ. Фрей настанвалъ и доказывалъ, что, по его мнѣнію, разъ незаконнорожденный родного отца не имѣетъ, то отчество ему надо давать по матери: Матронуичъ, Татьянуичъ и т. д. Салтыковъ былъ въ восторгѣ отъ этого инцидента.

Спустя мѣсяцъ или два, въ виду приближавшейся къ окончанію работы, порученной «запьянцовскимъ», они начали ее умы-

шленно замедлять, чтобы подольше получать гонораръ, стали являться на службу въ нетрезвомъ видѣ и, мало этого, стали приносить съ собою водку и закуску и ставили все въ шкафъ. Потомъ, во время занятій, по очереди прикладывались къ этому шкапчику и быстро оканчивали это нерѣшенное дѣло. Попойки эти стали хроническими. Срокъ окончанія работы миновалъ, работа ими не была еще окончена. Салтыкову сообщилъ обо всемъ Фрей. Разъ Салтыковъ своей быстрой походкой влетѣлъ въ комнату, гдѣ занимались «запьянцовскіе», и обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Вы все здѣсь дебоширите, смотрите у меня, республиканцы! Скорѣе заканчивайте дѣла». Видя, что они страшно растерялись и молча, сознавая свою вину, стоятъ, а нѣкоторые пошатываются, повернулся и исчезъ въ «присутствіе».

До Салтыкова въ рязанской казенной палатѣ было очень доходное «питейное отдѣленіе», во время существованія откуповъ; тогда чиновники получали, подъ предлогомъ благодарности, большія деньги. Въ этомъ отдѣленіи въ то время была заведена кружка, въ которую и опускались получаемыя благодарности отъ откупщиковъ и отъ прочихъ просителей, а по истеченіи мѣсяца изъ кружки вынимались всѣ деньги и происходила общая дѣлежка ихъ между служащими. Затѣмъ, само собою разумѣется, нѣкоторые изъ чиновниковъ исчезали немедленно въ ближайшій трактиръ и производили тамъ генеральную попойку.

Разсказывали, что было время, когда по субботамъ провинившихся чиновниковъ пороли розгами по приказанію «предсѣдателя», какъ тогда назывался управляющій палаты, а также сажали подъ арестъ, заключая въ комнату, находящуюся въ нижнемъ этажѣ палаты, гдѣ былъ архивъ со старыми дѣлами и гдѣ производились экзекуціи надъ чиновниками. Чтобы чиновники не убѣгали изъ-подъ ареста, съ нихъ снимали сапоги.

Салтыковъ все это уничтожилъ. При немъ не брали взятокъ, или, такъ называемыхъ, благодарностей, не имѣли кружекъ, не пороли чиновниковъ и не сажали ихъ подъ арестъ.

Салтыковъ занимался въ палатѣ дѣлами очень усердно, скоро и внимательно. Обладая быстрымъ соображеніемъ и богатою памятью, онъ никогда дѣлъ у себя не задерживалъ и наблюдалъ, чтобы и другіе быстро рѣшали дѣла. Въ особенности слѣдилъ, чтобы не задерживали просителей и не подвергали ихъ прежней волокитѣ. Дѣловыя бумаги, имъ самимъ сочиненныя, представляли въ нѣкоторомъ родѣ литературную рѣдкость. Я любилъ читать такія его бумаги. Послѣ занятій въ палатѣ Михаилъ Евграфовичъ успѣвалъ заниматься дома, куда ему изъ всѣхъ отдѣленій палаты въ особыхъ портфеляхъ сторожа носили вечеромъ множество бумагъ и утромъ приходили за ними и уносили въ палату, сдавая дежурному чиновнику, который передавалъ ихъ по принад-

лежности. На удивленіе служащихъ, Михаилъ Евграфовичъ не пропускалъ въ бумагахъ ошибокъ, не замѣченныхъ двумя или тремя подписавшими ихъ до его разсмотрѣнія и подписи. Вспоминается интересный инцидентъ, какъ разъ Салтыковъ, найдя въ ассигновкѣ грубую ошибку, — что-то вмѣсто ста рублей, подлежащихъ къ выдачѣ частному лицу, было написано десять тысячъ рублей, — пригласилъ виновника къ себѣ — какого-то столоначальника — и, показывая ему ошибку, предлагая ее исправить, между прочимъ, вставъ съ своего мѣста, сталъ столоначальника преслѣдовать однообразной фразой: «куда вы меня влечете!» Чиновникъ отъ громового голоса Салтыкова, по робости своей, сознавая свою непростительную вину, трепеталъ и пятился отъ него назадъ, а Салтыковъ, повышая голосъ, повторялъ свой грозный вопросъ: «куда вы меня влечете!» Приблизившись къ двери и видя все болѣе и болѣе наступающаго на него Салтыкова, чиновникъ повернулся къ нему спиною и выскочилъ за дверь въ другую комнату. Салтыковъ при этомъ маневрѣ расхохотался и возвратился на свое мѣсто.

Однажды бухгалтеръ С. былъ также приглашенъ Салтыковымъ въ присутствіе для общаго разсмотрѣнія и провѣрки какого-то отчета, переполненнаго цифрами. Салтыковъ заставилъ С. класть на счетахъ цифры, диктуемая Салтыковымъ, предварительно предложивъ ему сѣсть съ собою рядомъ. Когда Салтыковъ замѣчалъ невѣрность выкладки на счетахъ С., то ударялъ сердито рукою по столу, С. при этомъ подскакивалъ на своемъ мѣстѣ. При новой путаницѣ на счетахъ Салтыковъ опять стучалъ рукою, и опять С. подпрыгивалъ на стулѣ. Салтыковъ, провѣривъ отчетъ, возвращая его С. послѣ послѣдней ошибки и окончанія отчета и послѣ послѣдняго подпрыгиванія, началъ преслѣдовать С. такъ же, какъ и предыдущаго чиновника, фразой: «что вы все прыгаете!? что вы все прыгаете!» С. вскочилъ почти одновременно съ Салтыковымъ со стула, а Салтыковъ сталъ на него наступать и говорить одно и то же: «Что вы все прыгаете? Что вы все прыгаете!» Наконецъ С. очутился у двери, въ которую и выскочилъ. Салтыковъ сталъ ходить по комнатѣ и хохотать. Эти комическіе маневры, видимо, его развлекали и доставляли ему удовольствіе.

Въ ходатайствахъ ближайшихъ начальниковъ служащихъ о прибавкахъ жалованья или о повышеніяхъ Салтыковъ никогда не отказывалъ и немедленно утверждалъ ихъ, отсылая всякій разъ губернатору представленія объ этомъ въ особой книгѣ съ чиновникомъ палаты. Губернаторъ писалъ почти всегда одно слово: «согласенъ», и свое званіе и фамилію.

Въ своихъ бумагахъ съ репримандами служащимъ Салтыковъ выражался очень деликатно. Такъ, на примѣръ, въ одной изъ нихъ онъ писалъ: «Циркулярно. Гг. уѣзднымъ казначеямъ. Замѣчено

мною, что въ доставляемыхъ мнѣ вами ежемѣсячныхъ и третныхъ вѣдомостяхъ встрѣчаются ошибки самаго грубаго свойства. При повтореніи такихъ ошибокъ въ будущемъ виновные будутъ мною подвергнуты взысканіямъ, для нихъ весьма непріятнымъ».

Салтыковъ занимался служебными дѣлами утромъ и вечеромъ въ палатѣ и дома, да еще посвящалъ себя литературному труду. Кромѣ того, онъ посѣщалъ знакомыхъ и мѣстный клубъ съ дворянскимъ собраніемъ.

Въ клубѣ онъ любилъ пить хересъ въ рубль двадцать копеекъ за ужиномъ. Разъ, когда онъ приказывалъ челоуѣку: «Подайте хересу въ рубль двадцать», одинъ изъ его знакомыхъ спросилъ: «Михаилъ Евграфовичъ! а развѣ нельзя подороже?» Салтыковъ сначала сказалъ: «Чего-съ!» а затѣмъ отвѣтилъ: «Не по карману».

Возгласъ—«чего-съ» былъ его любимымъ, и онъ нерѣдко его повторялъ въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было, очень громко, сопровождая и предваряя свой разговоръ львинымъ рыканьемъ, выражаемымъ однозвучнымъ: «а-а-а-а», которое онъ иногда тянулъ, задумавшись во время разговора, довольно продолжительно.

Съ Салтыковымъ очень любили бесѣдовать въ клубѣ его поклонники и поклонницы, въ особенности послѣднія. Иногда онъ въ клубѣ бывалъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, и когда женщины замѣчали въ немъ такое настроеніе, то обыкновенно приставали къ нему съ неотвязными своими просьбами рассказать что-либо интересное. Салтыковъ въ угоду имъ, этимъ, по его выраженію, «благоухающимъ розамъ», рассказывалъ разныя разности и анекдоты, отъ которыхъ слушатели и слушательницы покатывались со смѣха. Его блестящія остроумной сатирой и юморомъ рассказы были неистощимы. Но разъ эти розы утомили его до того, что онъ сталъ извиняться передъ ними и сказалъ: «Не могу больше, mesdames. Довольно. Надо ѣхать домой, жена зоветъ!» Но онъ не унимались, просили его рассказать послѣдній анекдотъ, и онъ не устоялъ предъ ихъ мольбою и сказалъ: «Хорошо! Пусть будетъ по вашему. Только расскажу съ условіемъ, чтобы вы больше не просили и чтобы этотъ анекдотъ дѣйствительно былъ послѣднимъ». Розы выразили согласіе. Салтыковъ, всѣмъ усѣвшимся около него и окружившимъ его, сталъ рассказывать, какъ одинъ молодой челоуѣкъ, во время устройства одного изъ любительскихъ спектаклей, неаккуратно выполнилъ данное ему барынями и барышнями порученіе и какъ онѣ за это придумали этого молодого челоуѣка наказать. Когда Салтыковъ договорилъ до этого мѣста, то пріостановился умышленно и замолчалъ. Дамы наперывъ другъ передъ дружкой стали просить: «Михаилъ Евграфовичъ, доскажите, доскажите же анекдотъ. Что онѣ съ нимъ сдѣлали, съ этимъ молодымъ провинившимся предъ ними челоуѣкомъ?» Салтыковъ отговаривался, говоря, что скажетъ какъ-нибудь

послѣ или лучше о наказаніи умолчать, такъ какъ оно очень плачевно. Розы такъ атаковали Салтыкова, что онъ какъ бы невольно согласился, и когда онѣ ему задали вопросъ: «Что же онѣ ему сдѣлали, какое придумали ему наказаніе?»—Салтыковъ рѣшился и сказалъ: «Что сдѣлали онѣ съ нимъ, вы спрашиваете?» «Да, да, да, да!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Тогда Салтыковъ, сдерживая нѣсколько свой голосъ, выкрикнулъ басомъ: «Клестиръ ему изъ чернилъ поставили!» Всѣ женщины моментально съ хохотомъ вскочили съ своихъ мѣстъ и вразсыпную разбѣжались въ разныя стороны. Салтыковъ, самъ разсмѣявшись на всю комнату, всталъ и, простившись съ знакомыми, уѣхалъ домой.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ послѣ двухъ или трехъ лѣтъ своей службы въ рязанской казенной палатѣ вышелъ въ отставку, главнымъ образомъ вслѣдствіе неприяностей съ губернаторомъ Б., про котораго онъ говорилъ, «что его за глупость въ губернаторы поставили». Салтыковъ описалъ этого губернатора въ своемъ произведеніи «Нарцисъ или влюбленный въ себя», въ лицѣ субъекта, блиставшаго французскимъ языкомъ и бѣлыми зубами. Губернаторъ тоже не любилъ Салтыкова по понятной причинѣ. Салтыковъ сторонился отъ него и очень былъ друженъ съ ненавидѣвшимъ также губернатора предсѣдателемъ рязанской уѣздной земской управы—Федоромъ Сергѣевичемъ Офросимовымъ, человекомъ дѣльнымъ и очень умнымъ, какихъ не избѣгалъ, а любилъ и уважалъ Салтыковъ. Губернаторъ наговорилъ въ Петербургѣ на Салтыкова разныя разности и между прочимъ, что онъ не ходитъ въ табельные дни наравнѣ съ другими чиновниками въ соборъ и не является къ нему, губернатору, съ служебными визитами на Новый годъ и другіе большіе праздники, что Салтыковъ социалистъ и нигилистъ.

Вскорѣ послѣ отставки Салтыкова губернаторъ Б. былъ уволенъ за извѣстное дѣло, происшедшее во время его охоты, когда онъ заѣхалъ въ ржаное поле и собственникъ послѣдняго, крестьянинъ, не знавшій губернатора, сталъ на него кричать, чтобы онъ не портилъ рожь, и схватилъ подъ уздцы лошадь, на которой сидѣлъ губернаторъ, чтобы свезти ее съ поля. Въ одинъ моментъ подскакали къ губернатору на помощь его доѣзжачіе и прочіе его люди и, по приказанію его, такъ избили крестьянина нагайками и чѣмъ попало, что переломали ему ребра и отправили его на тотъ свѣтъ. По приказанію губернатора, этотъ крестьянинъ былъ быстро похороненъ. Однако, мѣстнымъ прокуроромъ было возбуждено дѣло. Крестьянина вырыли изъ могилы, произвели медицинское вскрытіе и обнаружили, что онъ съ переломленными ребрами, кровоподтеками, съ ссадинами,—былъ засѣченъ и избитъ нагайками на смерть. Этотъ губернаторъ имѣлъ громадную протекцію, благодаря чему его за означенное смертоувѣче крестья-

ника только перевели изъ губернаторовъ управляющимъ московскимъ государственнымъ коннозаводствомъ.

Передъ выходомъ въ отставку изъ Рязани Салтыкову понадобился отпускъ въ Петербургъ и онъ поручилъ секретарю казенной палаты Лихареву съѣздить къ губернатору Б. съ просьбой выдать Салтыкову отпускъ, но губернаторъ выдать отпускъ отказалъ. Лихаревъ возвратился къ Салтыкову ни съ чѣмъ, о чемъ и доложилъ Салтыкову. Салтыковъ заволновался, вскочилъ съ мѣста, схватилъ свою шапку и полетѣлъ къ губернатору. Губернаторъ въ окно увидѣлъ подѣхавшаго Салтыкова и приказалъ швейцару сказать, что его нѣтъ дома. По отѣздѣ Салтыкова губернаторъ распорядился написать отпускъ Салтыкову и, подписавши, велѣлъ немедленно отослать его съ курьеромъ въ казенную палату Салтыкову.

Салтыковъ отъ губернатора проѣхалъ къ себѣ на квартиру, а затѣмъ вернулся въ палату, гдѣ ему секретарь подалъ присланный губернаторомъ отпускъ, который Салтыковъ взялъ и закричалъ: «Ахъ, мерзавецъ, заставляегъ волноваться! Ну, ужъ я жъ тебя в...!»

При окончательномъ отѣздѣ Салтыкова изъ Рязани, по увольненіи его въ отставку, всѣ чиновники рязанской казенной палаты поднесли ему альбомъ съ своими фотографическими карточками, въ которомъ на первомъ мѣстѣ былъ вложенъ его, Салтыкова, портретъ, снятый, въ увеличенномъ размѣрѣ, съ карточки, взятой изъ его домашняго кабинета, черезъ посредство его супруги.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, при поднесеніи ему отъ насъ альбома, просилъ нашего уполномоченнаго передать намъ всѣмъ его сердечную благодарность и при этомъ наказалъ сказать всѣмъ, что если кто будетъ въ немъ имѣть нужду, то чтобы безъ стѣсненія обращались къ нему, лично или письменно, по петербургскому адресу: на Фурштатскую улицу, близъ Таврическаго сада, въ домъ подъ №... забылъ какимъ, или же въ помѣщеніе редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ квартира поэта Некрасова. Я знаю, что этимъ любезнымъ предложеніемъ Салтыкова воспользовался мой бывшій учитель географіи, дѣлопроизводитель Виноградовъ, и старшій дѣлопроизводитель палаты Лихаревъ. Первому изъ нихъ удалось занять хорошую должность въ петербургской контрольной палатѣ, а второму — въ какомъ-то акцизномъ управленіи должность старшаго ревизора.

Салтыковъ, узнавъ о ссылкѣ административнымъ порядкомъ куда-то далеко изъ Рязани поэта Стародубскаго, гдѣ онъ и умеръ вскорѣ, страшно сожалѣлъ, что поздно узналъ объ этомъ и не могъ ему помочь.

Поэтъ Стародубскій былъ родной братъ старшаго врача рязанской городской больницы, отличнаго діагноста, имѣвшаго большую

практику и помогавшаго брату-поэту, сильно пившему водку и пропивавшему часто даже свое платье. Его часто всего избитаго приводили или приносили къ брату, иногда совершенно голаго.

Этотъ поэтъ дошелъ до того, что ходилъ по Рязани въ сопровожденіи лакея своего брата, даваемого ему для защиты, и выпрашивалъ милостыню, объясняя при вопросахъ: на что ему жалкіе гроши?—что ему надо ихъ вотъ на что: при этомъ онъ дѣлалъ щелчокъ по воротнику.

Онъ за самую ничтожную плату всякому, кто его просилъ, писалъ стихотворенія. По просьбѣ рязанскихъ чиновниковъ, онъ за угощеніе его ими въ какомъ-то трактирѣ написалъ довольно удачное стихотвореніе на день полученія чиновниками жалованья. Содержаніе этого стихотворенія я и привожу здѣсь. Вотъ оно:

Веселый день, счастливый день —
Двадцатое число:
Съ лица сбѣжала грусти тѣнь,
И на душѣ свѣтло.

Сегодня выдалъ казначей
Изъ кассы деньги мнѣ;
Куплю ребятамъ кренделей
И башмаки женѣ.

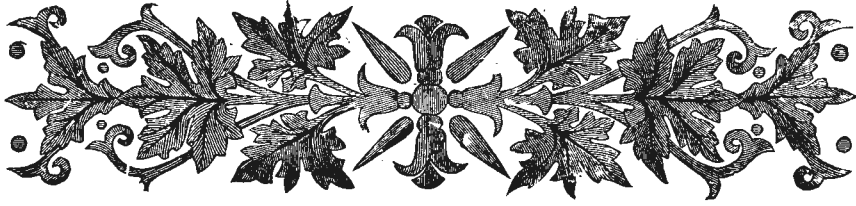
А самъ отправлюсь пировать
Къ Лантрыгину въ трактиръ;
Задамъ попойку, господа,
На весь рязанскій міръ.

Велю машину завести
Изъ «Жизни за Царя»
И буду слушать до тѣхъ поръ,
Пока взойдетъ заря.

Многія стихотворенія поэта Стародубскаго помѣщены въ особой книжкѣ подъ названіемъ «Живая Струна»; они со сценъ декламировались извѣстными артистами, какъ, на примѣръ, Лентовскимъ, Градовымъ-Соколовымъ и другими.

Н. Н. Кузнецовъ.

АЛЕКСѢЙ АНТИПОВИЧЪ ПОТѢХИНЪ.

(Материалы для биографіи).

НЗУРЕННЫЙ тяжкими болѣзнями и уже давно покинувшій свое литературное перо, скончался на восьмидесятомъ году отъ роду старѣйшій (послѣ Л. Н. Толстого) представитель нашей изящной словесности: 16 октября сего года не стало Алексѣя Антиповича Потѣхина, чье имя неразрывно связано съ расцвѣтомъ и развитіемъ народничества въ нашей литературѣ, съ возникновеніемъ и упроченіемъ на сценѣ драмы изъ народной жизни и съ цензурною борьбою за право русскому мужику появляться въ правдивомъ видѣ передъ зрителями на театральныхъ подмосткахъ и заявлять отсюда о своихъ радостяхъ и горестяхъ жизни и заявлять при томъ чистымъ народнымъ языкомъ. Съ Потѣхинымъ сходитъ съ жизненной арены послѣдній видный представитель той московской литературной группы, которая въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка открыла, если такъ позволено будетъ выразиться, настоящаго русскаго мужика, вывела его на свѣтъ Божій, напоказъ всему міру и признала за нимъ всѣ законныя права на пребываніе въ литературѣ не въ какомъ-нибудь подкрашенномъ видѣ или при искусственномъ освѣщеніи, а со всею его плотью, кровью, рѣчью, потомъ и слезами, какими наградила его мать-природа. При этомъ мужикъ этотъ выставлялся не въ цѣляхъ какой-либо политической агитаціи, не въ интересахъ какихъ-либо соціальныхъ или экономическихъ задачъ, а просто какъ этнографическій типъ, какъ опредѣленная

особь, которой свойственны всѣ тѣ состоянія и эмоціи, кои имѣются въ наличности и у прочихъ классовъ населенія. Около этого типа развертывались передъ зрителемъ и бытовыя условія его жизни, порою полныя драматическихъ мотивовъ, порою вызывающія веселый смѣхъ, порою захватывающія душу возвышеннымъ чувствомъ умиленія и поклоненія. Московская литературная группа съ Островскимъ и Т. Филипповымъ во главѣ выдвинула съ необыкновенной силой и талантливостью русскій бытъ, какъ продуктъ національнаго жизненнаго творчества народа, поклонилась ему и признала его самобытнымъ, красивымъ, оригинальнымъ. Среди членовъ «молодой» редакціи Погодинскаго «Москвитянина» по сему предмету слышались восторженныя рѣчи, ему посвящались задушевиѣйшіе планы и мечты, и обновленная самобытная Россія съ ея пѣснями, вѣрованіями, обычаями и укладомъ жизни рисовалась молодымъ энтузіастамъ въ необыкновенно свѣтломъ, радужномъ свѣтѣ. Объ этихъ моментахъ жизни «Москвитянина» было въ свое время рассказано на страницахъ «Историческаго Вѣстника»¹⁾ и повторяться не стоитъ.

Вотъ среди этихъ-то молодыхъ восторженныхъ сотрудниковъ старика Погодина и объявился въ 1851 году Потѣхинъ съ своими первыми литературными пробами пера, принеся въ редакцію «Москвитянина» прекрасное и тонкое знаніе провинціальной Россіи вообще и крестьянства въ частности.

Алексѣй Антиповичъ родился въ Кинешмѣ, Костромской губерніи, 1 іюля 1829 года, отъ небогатыхъ родителей²⁾, имѣвшихъ многочисленное потомство и не жалѣвшихъ послѣднихъ скудныхъ средствъ на предоставленіе дѣтямъ возможно полнаго и солиднаго образованія. Говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ Погодину о родителяхъ, Потѣхинъ такъ характеризуетъ свой отчий домъ³⁾: «Вы не знаете моихъ родителей,—писалъ онъ:—но я не могу при настоящемъ случаѣ не подѣлиться съ вами своими чувствами:

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1897 г., книжки 4 и 5, ст. «Раздвоившаяся редакція «Москвитянина».

²⁾ По даннымъ сенатскаго архива, любезно сообщеннымъ составителю настоящаго очерка В. Е. Рудаковымъ, родъ Потѣхиныхъ древняго происхожденія. Родовачальникъ ихъ — Михайло — выходецъ изъ Польши служилъ при московскомъ «потѣшиномъ дворѣ», отчего и получилъ фамилію Потѣхинъ. Сынъ его сдѣлался уже обладателемъ земельной собственности, каковая послѣ мѣны и составила владѣніе Потѣхиныхъ въ предѣлахъ Костромской губерніи. У Федора Данидовича, служившаго въ XVII вѣкѣ подъячимъ, было два сына, отъ которыхъ и пошли двѣ наиболѣе крупныя отрасли рода; представителемъ одной изъ нихъ и былъ покойный писатель. Отъ брака Антипа Макаровича, бывшаго казначеемъ въ кинешемскомъ уѣздномъ судѣ, съ Анфисой Алексѣевной родилось всего 9 сыновей и двѣ дочери. Алексѣй Антиповичъ былъ вторымъ сыномъ по времени рожденія.

³⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», Николая Барсукова. Кн. XII.

это рѣдкіе люди, рѣдкіе родители! Они воспитали и воспитываютъ десять молодыхъ людей—своихъ дѣтей, въ которыхъ все ихъ радости, все ихъ счастье, вся цѣль ихъ жизни, они живутъ только для насъ и въ насъ. Сами люди почти безъ образованія, на дѣленные только высокимъ природнымъ умомъ и превосходнымъ, любящимъ сердцемъ, они понимаютъ всю важность образованія и жертвуютъ послѣдними крохами своего состоянія, чтобы образовывать дѣтей. Вы порадовались бы, какъ русскій и семьянинъ, увидя наше семейство. Вообразите себѣ въ глуши, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, въ небольшомъ уютномъ домѣ, двухъ пожилыхъ людей, окруженныхъ десяткомъ подросткомъ, отъ 7 до 27-лѣтняго возраста; одни изъ нихъ за книгами, другіе за географическими картами, третьи за піанино и скрипкой. И все они живутъ одною душою, однимъ сердцемъ... Михаилъ Петровичъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, всякому, кто въ состояніи меня понять и сочувствовать, я люблю говорить о своемъ семействѣ и говорю съ восторгомъ. Ничего я такъ не желаю, какъ написать романъ, который бы служилъ полной картиной полнаго семейнаго счастья, который бы весь дышалъ тѣмъ блаженствомъ, какое испытываемъ мы въ своей семьѣ... И дай Боже, чтобы это блаженство было какъ можно продолжительнѣе»...

Образованіе свое нашъ драматургъ получилъ въ ярославскомъ Демидовскомъ лицѣѣ, который окончилъ съ золотою медалью, кажется, первою медалью, выданною выпускному ученику изъ этого учебнаго заведенія. По окончанія лица онъ поступилъ сначала на военную службу, но скоро ее покинулъ, выйдя въ отставку и зачислѣсь въ Костромѣ на службу по гражданской части. Впервые на литературномъ поприщѣ Алексѣй Антиповичъ дебютировалъ (1851 г.) небольшою театральною рецензіею «Венефисъ актера московскаго театра Шумскаго»¹⁾, а первая его журнальная статья— «Забавы и удовольствія въ городкѣ»—была напечатана въ 1852 году въ «Современникѣ». Съ этого времени въ теченіе долгаго періода почти ежегодно появляются его беллетристическія и драматическія произведенія въ нашихъ ежемѣсячникахъ, какъ «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія», «Москвитянинъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русское Слово», «Современное Обозрѣніе», «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы» и другіе. Его имя съ годами растетъ, онъ становится популярнымъ писателемъ прогрессивнаго направленія, занимаетъ въ нашей литературѣ выдающееся мѣсто и дѣлается излюбленнымъ драматургомъ, чьи произведенія собираютъ на представленія значительную массу публики, встрѣчающей и автора и его комедіи

¹⁾ Рецензія эта настолько обратила на себя вниманіе, что, благодаря ей, Шумскому была сдѣлана прибавка жалованья.

и драмы всегда съ неизмѣннымъ удовольствіемъ и шумнымъ одобреніемъ.

Сближеніе молодого писателя съ представителями профессиональной журналистики состоялось въ 1852 году послѣ сердечнаго приѣма, оказаннаго ему кружкомъ Островскаго и «молодой редакціей» Погодинскаго «Москвитянина». Вернувшись домой, въ Кострому, онъ писалъ Эдельсону: «Прежде всего приношу вамъ и всѣмъ гг. сотрудникамъ «Москвитянина» мою искреннюю и глубокую благодарность за ваше радушіе и вниманіе ко мнѣ. Конечно, вы не сочтете за лесть, если я скажу вамъ, что такая искренняя любовь къ искусству, такое честное служеніе ему, такая вражда ко всѣмъ фарисеямъ, дѣятелямъ его, какія я нашелъ во всѣхъ васъ, очаровали и привлекали къ вамъ. Дай Богъ, чтобы ваше благородное направленіе было покровительствуемо судьбою и привело къ желанной цѣли. Съ своей стороны, я желаю и надѣюсь быть достойнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ «Москвитянина». Это обѣщаніе не осталось празднымъ, и вскорѣ на страницахъ московскаго журнала появилось его произведеніе подъ заглавіемъ «Глава изъ романа». Эта глава понравилась Погодину, но онъ по своему обыкновенію все же счелъ долгомъ послать автору наставительное письмо съ рекомендаціей прилежно заняться изученіемъ русской исторіи, въ отвѣтъ на каковое Потѣхинъ писалъ ему¹⁾: «Искренно благодарю васъ за вниманіе ко мнѣ и за добрые совѣты. Вполнѣ соглашаюсь съ вами, что изученіе русской исторіи съ цѣлью пользоваться богатыми матеріалами въ литературныхъ произведеніяхъ было бы весьма благодѣтельно и плодотворно; признаюсь вамъ, я нѣкогда, еще въ лицѣ, на школьной скамьѣ, съ большой любовью, но, конечно, съ инымъ побужденіемъ, занимался русскою исторіею, но въ послѣднее время это совершенно почти невозможно для меня, во-первыхъ, по недостатку книгъ, во-вторыхъ по недостатку времени. Я служу и занимаюсь литературою только въ свободныя минуты, отказываясь ради этого дѣла даже отъ общественной жизни. Пожертвовать службою для литературы я еще не могу, потому что первая въ извѣстной мѣрѣ обезпечиваетъ меня въ матеріальномъ отношеніи, а на поприщѣ послѣдней я еще новичокъ, ничѣмъ не обезпечиваемый въ будущемъ: ни матеріальными средствами, ни извѣстностью и вниманіемъ публики, ни даже личною увѣренностью въ своемъ талантѣ. Вотъ меня приласкали гг. ваши сотрудники, поощряете своимъ вниманіемъ вы сами, и я буду трудиться для «Москвитянина», сколько позволятъ мнѣ силы и время. Правда, я пишу весьма скоро, въ моей молодой, еще не выписавшейся фантазіи хранится много матеріаловъ, въ головѣ—мысли, въ сердцѣ—впечатлѣнія,

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина» Николая Барсукова, книга XII.

которыя хочется высказать: по всему этому я надѣюсь быть дѣльнымъ или по крайней мѣрѣ постояннымъ сотрудникомъ «Москвитянина», если только, разумѣется, ваше вниманіе ко мнѣ не измѣнится».

Послѣ «Главы» Потѣхинъ помѣщаетъ въ «Москвитянинѣ» (въ 1853 году) свою первую драму—«Судъ людской—не Божій», которая въ нашей театральной литературѣ является первою серьезной бытовой пьесой русскаго репертуара. Погодинъ со свойственной ему энергической отзывчивостью рекомендовалъ эту пьесу великому князю Константину Николаевичу, пользовавшемуся въ тѣ годы уже репутаціей либеральнаго и просвѣщеннаго мецената, прося его содѣйствія къ постановкѣ пьесы на сценѣ Александринскаго театра. Въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ¹⁾ Потѣхинъ даетъ любопытныя свѣдѣнія объ этомъ важномъ для него жизненномъ эпизодѣ, сыгравшемъ, пожалуй, въ его литературной карьерѣ рѣшающую роль. «Въ былое время, какъ, можетъ быть, впрочемъ, и въ настоящее, доступъ на сцену императорскихъ театровъ для новичковъ писателей былъ очень труденъ,—говорить онъ.—Несмотря на то, что, по рекомендаціи М. П. Погодина, я читалъ мою первую пьесу «Судъ людской—не Божій» великому князю Константину Николаевичу, что пьеса ему очень понравилась и онъ писалъ о ней шефу жандармовъ (тогда драматическая цензура вѣдалась III отдѣленіемъ) и министру двора, прося ихъ о скорѣйшемъ пропускѣ и постановкѣ пьесы, она появилась только весною, незадолго до конца сезона (1854 года).

«До того времени я жилъ въ Москвѣ, петербургскаго театра и его труппы совѣмъ не зналъ, и роли въ первой моей пьесѣ были розданы не мною, а режиссерскимъ управленіемъ. Мартыновъ въ этой пьесѣ игралъ вводное незначительное лицо проѣзжаго, появляющагося только въ послѣднемъ актѣ. Онъ меня поразилъ, создавши изъ ничтожнаго матеріала, даннаго ему авторомъ, такой живой художественный типъ, что сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе и заслонилъ собою всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ; и до сихъ поръ я какъ будто вижу его передъ собою, покуривающимъ трубочку и лукаво, съ глуповатою, но добродушною ироніей допрашивающимъ случайно имъ встрѣченную молодую, красивую, нервно-больную странницу богомолку. По пьесѣ онъ долженъ былъ быть помѣщикомъ, но на афишѣ приказано было назвать его откупщикомъ: дворянъ въ то время еще нельзя было изображать на сценѣ въ комическомъ видѣ, особенно рядомъ съ крестьянами. Это было мое первое знакомство съ Мартыновымъ, какъ съ актеромъ, превратившееся потомъ въ дружбу. Мнѣ казалось тогда, что какъ бы ни была слаба моя пьеса, какъ бы

¹⁾ Сочиненія А. А. Потѣхина. Томъ двѣнадцатый.

дурно ни исполняли ее, но публика должна выносить скуку первыхъ актовъ и ходить въ театръ на эту пьесу для того только, чтобы посмотрѣть Мартынова въ послѣднемъ актѣ. Я тогда же сказалъ себѣ, что первую хорошую и большую роль въ будущей моей пьесѣ, какого бы характера она ни была, я буду просить играть Мартынова. При постановкѣ «Чужого добра» я такъ и сдѣлалъ».

Эти свѣдѣнія любопытны между прочимъ въ томъ отношеніи, что показываютъ намъ родственное по духу сближеніе двухъ талантовъ: создателя опредѣленныхъ ролей и ихъ исполнителя. Потѣхинъ, можно сказать, создалъ Мартынова, какъ трагика, Мартыновъ первый съ особенною силою выдвинулъ Потѣхина, какъ драматурга. Нѣкогда такое взаимоотношеніе талантовъ намъ извѣстно на примѣрѣ Гоголя и Щепкина, Островскаго и Прова Садовскаго; сюда надо присоединить въ исторіи развитія драматическаго искусства въ Россіи—Потѣхина и Мартынова; перваго въ качествѣ художника, намѣтившаго въ своемъ произведеніи особый типъ, второго, какъ придавшаго этому типу опредѣленную плоть и кровь, проникшаго въ замыселъ автора, а потому и содѣйствовавшаго его славлѣ и извѣстности, соединившаго его тѣсной связью съ зрительнымъ заломъ. Но прежде, чѣмъ рассказать объ этомъ не лишнимъ будетъ отмѣтить комическій эпизодъ изъ жизни нашего писателя, сопровождавшій постановку его первой пьесы и являющійся любопытной страничкой изъ исторіи театралныхъ нравовъ дореформенной эпохи.

«Послѣ перваго представленія «Суда людскаго»,—повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Потѣхинъ,—которое имѣло успѣхъ и доставило мнѣ полное авторское удовлетвореніе, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, петербургскій жигель и чиновникъ, совѣтовалъ мнѣ непременно съѣздить поблагодарить директора театровъ, увѣряя, что это такъ водится, что иначе меня сочтутъ невѣжей, человекомъ, не знающимъ общественныхъ приличій. Я тогда былъ еще очень молодъ, даже юнъ и неопытенъ, послушался, одѣлся во фракъ и отправился къ директору, которымъ въ то время былъ А. М. Гедесоновъ и съ которымъ до тѣхъ поръ я нигдѣ не встрѣчался. Ведѣлъ доложить о себѣ и, послѣ нѣкотораго ожиданія, былъ допущенъ.

«Передо мною отворили дверь въ обширный кабинетъ, среди котораго, на значительномъ разстояніи отъ входной двери, стоялъ письменный столъ и за нимъ, лицомъ ко мнѣ, развалился въ большомъ креслѣ, неподвижно и смотря въ пространство, сидѣлъ невзрачный, широколицый, рыжеватый господинъ.

«Остановившись у двери и осмотрѣвшись, я долженъ былъ догадаться, что передо мною директоръ театровъ, хотя и былъ пораженъ его неподвижностью и устремленнымъ въ сторону взглядомъ.

«Чтобы обратить на себя вниманіе и попасть въ лучъ его зрѣнія, дѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ къ столу и, не доходя до него, сконфуженно останавливаюсь,—то же безмолвіе, та же неподвижность. Наконецъ... директоръ, которому надоѣло, должно

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

быть, ожидать, лѣниво и молча взглядываетъ на меня. Я рѣшаюсь говорить:

«— Литераторъ такой-то, авторъ пьесы «Судъ людской—не Божій»,—представляюсь я ему.

«— Ну-съ?...—произноситъ и онъ, не мѣняя позы и снова смотря въ пространство.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сѣв.

13

«Вся кровь бросается мнѣ въ лицо, смущеніе мое увеличивается.

«— Счелъ долгомъ поблагодарить васъ за постановку моей пьесы,—говорю я сдавленнымъ голосомъ и останавливаюсь.

«— Ну, такъ что же?—опять произноситъ неподвижная особа.

«— Больше ничего...—говорю я, уже совершенно обозленный, и, не кланяясь, выскакиваю изъ кабинета.

«Предоставляю читающимъ представить себѣ нравственное состояніе, послѣ подобной аудіенціи, молодого и, разумѣется, самолюбиваго, хотя по природѣ и скромнаго писателя, только что возвышеннаго въ собственныхъ глазахъ одобреніемъ и вниманіемъ высокопоставленныхъ особъ, шумными апплодисментами и вызовами публики, смотрѣвшей его пьесу; я же скажу только, что съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь я не только не ходилъ благодарить театральное начальство за постановку моихъ пьесъ, но старался никогда не входить съ нимъ ни въ какія сношенія, а тѣмъ болѣе никогда не просилъ его ни о чемъ, касавшемся моихъ пьесъ».

Вторая пьеса Потѣхина—«Шуба овечья—душа человѣчья»¹⁾—была запрещена драматической цензурою для постановки на сценѣ и находилась подъ этимъ запрещеніемъ 12 лѣтъ; зато третья пьеса—«Чужое добро въ прокъ не идетъ»—оказалась болѣе счастливою, если не считать нѣкоторыхъ курьезныхъ мудрствованій съ нею со стороны драматической цензуры, которая запретила слово «дѣвка», замѣнивъ его выраженіемъ «дѣвушка». Поэтому оказалось, что деревенскій парень лишень былъ права говорить: «дѣвки водятъ хороводъ», а долженъ былъ вѣжливо говорить: «дѣвушки водятъ хороводъ».

Вотъ постановка на сценѣ «Чужого добра» и послужила къ сближенію Потѣхина съ Мартыновымъ, о коемъ упомянуто выше. Театральное начальство держало этого неподобнаго актера исключительно на комическихъ роляхъ, Потѣхинъ же, ставя свою пьесу, выбралъ именно Мартынова на роль драматическаго характера, поручивъ ему исполненіе роли Мишаньки. Несмотря на предубѣжденіе и театральнаго начальства и даже актеровъ, артистъ оправдалъ ожиданіе автора и своимъ блестящимъ выполненіемъ создалъ славу и себѣ и драматургу. Въ своихъ воспоминаніяхъ о постановкѣ этой пьесы Потѣхинъ удивительно увлекательно повѣствуетъ объ исполненіи Мартыновымъ роли Мишаньки, объ его успѣхѣ и о той высокой артистичности, которую тотъ проявилъ своею игрою въ этой пьесѣ. Вотъ, между прочимъ, что онъ говоритъ по сему предмету: «Наконецъ наступилъ день перваго спектакля. Театръ былъ полонъ, ожиданіе публики сильно

¹⁾ Первоначальное названіе пьесы было «Братъ и сестра», и она служила эпилогомъ къ его тогда уже напечатанному роману «Крестьянка».

возбуждено: въ первый разъ на Александринской сценѣ шла драма вся цѣликомъ изъ крестьянскаго быта, въ которой, при томъ, принимали участіе любимцы публики — Мартыновъ, Самойловъ, Линская. Открыли занавѣсъ. На сценѣ были двое: старикъ-отецъ, крестьянинъ Степанъ Ѳедоровъ — Самойловъ, и сынъ его, деревенскій ямщикъ—Мартыновъ. Съ перваго взгляда на фигуру Мартынова, съ перваго произнесеннаго имъ слова почувствовалась жизнь, правда на сценѣ, какъ будто то былъ не актеръ, загримированный и по-мужицки одѣтый, приготовившійся исполнять свою роль и создать для зрителя извѣстную иллюзію, но настоящій, живой, не созданный искусствомъ актеръ, реальный молодой крестьянинъ-ямщикъ вышелъ на подмостки театра: Мартыновъ въ этой роли былъ неузнаваемъ. Все: лицо, его выраженіе, одежда, движеніе, звукъ голоса, говоръ—все было мужицкое, не дѣланное, а какъ бы прирожденное. Это было полное перевоплощеніе. Авторъ сразу увидѣлъ воплощеннымъ образъ своего героя, сразу почувствовала это и публика.

«Нерѣдко бываетъ, что актеръ, болѣе или менѣе талантливый, въ продолженіе исполняемой имъ роли постепенно или моментомъ сливается, такъ сказать, съ изображеннымъ лицомъ и заставляеть зрителя забывать, что передъ ними сцена, театръ, представленіе, и чувствовать себя присутствующимъ передъ явленіями какъ бы настоящей, дѣйствительной жизни; но рѣдко, очень рѣдко, и только исключительные, гениальные таланты способны съ перваго появленія своего не только преобразаться въ данное лицо, но вносить съ собою ту, такъ сказать, атмосферу, въ которой оно живетъ и дѣйствуетъ. Мартыновъ обладалъ этою способностью въ высокой степени, и въ «Чужомъ добрѣ» она проявилась особенно рельефно. Въ первой сценѣ рядомъ съ нимъ явился Самойловъ: онъ изображалъ стараго мужика хорошо, похоже, но онъ только игралъ роль, представлялся—и оставался хорошимъ, искуснымъ актеромъ Самойловымъ, котораго публика видѣла искусно загримированнымъ старымъ крестьяниномъ, болѣе или менѣе удачно его передразнивающимъ, но ни на одну минуту не забывала, что передъ нею актеръ Самойловъ. О Мартыновѣ же, при видѣ Мишаньки, вовсе забыли; пока не опустили занавѣсъ, никому (я сужу по личнымъ впечатлѣніямъ) въ голову не приходило думать и судить о томъ, хорошо или дурно исполняется Мартыновымъ роль. Зритель видѣлъ передъ собою молодого, лихого деревенскаго парня, грубоватаго, но добродушнаго, съ широкою размашистою натурою, сангвиника, неуправимаго въ своихъ увлеченіяхъ, въ страстномъ порывѣ равно способнаго на зло и добро, но не лишеннаго инстинкта или чутья правды и совѣсти, челоуѣка впечатлительнаго, но слабовольнаго, выросшаго въ замкнутой патріархальной семьѣ, со всѣми ея добрыми и дурными традиціями, но чувствующую

щаго постоянную потребность болѣе независимой и широкой жизни. Авторъ въ то же время видѣлъ и чувствовалъ чудное олицетвореніе, воплощеніе задуманнаго имъ образа до малѣйшаго, едва намѣченнаго штриха, до мельчайшей подробности, которые выступали ярко и рельефно; авторъ вновь какъ бы переживалъ актъ личнаго творчества, и тогда только вполнѣ понималъ и сознавалъ, что значитъ для драматическаго писателя актеръ, насколько онъ истолковываетъ и дополняетъ его. Но такихъ актеровъ, какъ Мартыновъ, немного: они рождаются вѣками, и счастливъ тотъ писатель, которому судьба судила встрѣтить такого исполнителя, толкователя, товарища по творчеству». Заклучая свое повѣствованіе о постановкѣ «Чужого добра», Потѣхинъ говоритъ: «Мужицкая драма охватила, подняла публику и имѣла блестящій успѣхъ. Всѣ актеры, участвовавшіе въ ней, играли очень хорошо, но жилъ и далъ жизнь пьесѣ преимущественно Мартыновъ. Но и онъ самъ говорилъ мнѣ, что пьеса дала ему вѣру въ свои силы, какъ драматическаго актера, и указала для его таланта болѣе широкую дорогу».

Постановка пьесы, исполненіе ея упрочили за молодымъ писателемъ репутацію талантливой молодой силы въ литературѣ и заслужили ему даже признательность со стороны старшаго поколѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ самъ Потѣхинъ въ своихъ «Театральныхъ воспоминаніяхъ»:

«Послѣ перваго представленія «Чужое добро» прямо изъ театра я поѣхалъ на вечеръ къ Краевскому. Тамъ было нѣсколько чело- вѣкъ литераторовъ, изъ которыхъ многіе были на этомъ представ- леніи. Много поздравленій, привѣтствій и похвалъ пришлось мнѣ выслушать, но никто меня не порадовалъ и не осчастливилъ такъ, какъ А. Ѳ. Писемскій своимъ отзывомъ. Я былъ друженъ и бли- зокъ съ Писемскимъ больше, чѣмъ со всѣми другими петербург- скими литераторами. Насъ сблизила жизнь въ Костромѣ, гдѣ мы оба служили: онъ — въ губернскомъ правленіи, я — чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, и въ теченіе двухъ лѣтъ почти ежедневно проводили вечера вмѣстѣ. Я былъ молодымъ, только что начинающимъ писателемъ, онъ — гораздо старше меня и уже пріобрѣлъ довольно крупное литературное имя. Я дорожилъ его вниманіемъ и привѣтомъ, онъ относился ко мнѣ съ большою пріязнью, и мы скоро сошлись на «ты». Мы читали другъ другу свои произведенія часто по листамъ, по главамъ, по мѣрѣ того, какъ они писались. Или, вѣрнѣе сказать, больше онъ мнѣ про- читывалъ то, что писалъ за это время, иногда совѣтовался со мною, позволялъ высказывать свое мнѣніе и даже дѣлать замѣ- чанія, но это случалось очень рѣдко, потому что я слушалъ его большею частью съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, считая его въ то время, какъ считаю и теперь, большимъ, сильнымъ, хотя иногда

и неряшливымъ талантомъ. Я же рѣдко и со страхомъ рѣшался прочитывать ему что-нибудь изъ своихъ новыхъ работъ, потому что о моихъ прежнихъ, напечатанныхъ уже вещахъ однажды онъ, со свойственною ему откровенностью, выразился такимъ образомъ: «Ты, безспорно, уменъ и берешь только умомъ, а таланта въ тебѣ не вижу»,—и только одинъ разъ, слушая какой-то отрывокъ изъ романа «Крестьянка», который я въ то время писалъ, промолвилъ: «Вотъ это талантливо!.. это хорошо!»

«Я зналъ, что Писемскій не изъ тѣхъ людей, которые способны увлекаться и приходиться въ восторгъ и умиленіе отъ чего-либо,—напротивъ, онъ былъ наклоненъ къ скептицизму, къ ироніи, къ отрицанію, и въ приговорахъ своихъ и въ насмѣшкѣ былъ иногда беспощаденъ и золъ. Поэтому, когда я увидѣлъ его входящимъ къ Краевскому и услышалъ, что онъ заявилъ кому-то, что сейчасъ прямо изъ Александринскаго театра, я готовъ былъ спрятаться отъ его глазъ, чтобы не услышать какой-нибудь неблагоприятный или насмѣшливый отзывъ о моей пьесѣ и тѣмъ не нарушить бы то радостное, счастливое настроеніе, которое испытываетъ каждый авторъ при несомнѣнномъ, какъ ему кажется, успѣхѣ его литературнаго дѣтища. Но въ это время Писемскій увидалъ меня, быстро подошелъ ко мнѣ, обнялъ съ несвойственной ему нѣжностью и, пожимая мою руку, проговорилъ: «Вотъ эта драма... настоящая! Я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія. Спасибо тебѣ!» Эти слова были для меня самою большою радостью дня, самою высокою наградою».

Итакъ, мы видимъ, что въ первые три года своего литературства Потѣхинъ, и какъ беллетристъ, и какъ драматургъ, въ обѣихъ столицахъ завоевываетъ себѣ симпатіи литературнаго міра, становится въ кружкахъ «своимъ человѣкомъ», не прилѣпляясь при томъ всецѣло ни къ какой изъ существовавшихъ тогда партій, а всего болѣе отдавая свои симпатіи той реалистической школѣ, представителемъ которой въ романѣ и повѣсти являлся Писемскій, а въ драмѣ и комедіи—Островскій.

Вліяніе этихъ обоихъ корифеевъ нашей словесности на творчество Потѣхина несомнѣнно, не въ смыслѣ какого-либо заимствованія или слѣплаго подражанія, а въ отношеніи однородности оперированія бытовымъ матеріаломъ, манеры его разработки и ѳвѣщенія, а также отчеканки языка, на чистоту котораго въ особенности Островскій и Потѣхинъ, какъ коренные костромичи-великороссы, обращаютъ въ то время самое тщательное вниманіе и вводятъ въ него цѣлый рядъ словъ и выраженій, заимствованныхъ изъ простонародной рѣчи, что придаетъ ихъ «стилю» оригинальность, образность и красоту.

Счастливо начавшаяся литературная дѣятельность Алексѣя Антоновича удачно развертывалась и въ дальнѣйшемъ, такъ

что онъ оказался въ состояніи выйти въ отставку и цѣликомъ посвятить себя служенію литературѣ, хотя въ тѣ года заработокъ писателя былъ относительно очень не великъ. Работая въ первые годы у такого скареднаго издателя, какъ Погодинъ, смотрѣвшаго на сотрудничество писателей крайне своеобразно, Потѣхинъ не чувствовалъ себя вполне обеспеченнымъ и, повидимому, иногда вынужденъ былъ докучать редактору «Москвитянина». Такъ, въ 1854 г. онъ, ставши уже въ нѣкоторомъ родѣ извѣстностью, шлетъ ему чрезвычайно любопытное письмо, прекрасно характеризующее между прочимъ его, какъ писателя, почерпающаго изъ окружающей обстановки матеріалъ для своего творчества. Предполагая въ 1854 г. посѣтить въ цѣляхъ наблюденій и изученія нижегородскую ярмарку, онъ писалъ Погодину: «Ахъ, какъ непріятно, Михаилъ Петровичъ, каждое письмо начинать и оканчивать просьбою о деньгахъ; но я, вы сами знаете, нисколько не виноватъ въ этомъ: имѣй я ограниченное, но вполне обеспечивающее состояніе, мнѣ кажется, я стыдился бы просить денежнаго вознагражденія за свои литературные труды; но теперь безъ службы, съ маленькой перезаложенной деревенькой, по необходимости долженъ подчиниться правиламъ журнальнаго торгашества... Грустно, да нечего дѣлать!.. Я теперь живу въ деревнѣ настоящимъ схимникомъ: ни съ кѣмъ не знакомъ, ни къ кому не ѣзжу, меня посѣщаютъ только родные да мужички, дружба съ которыми у меня скрѣпляется часъ за часомъ. Чѣмъ больше живу я въ деревнѣ, тѣмъ ближе знакоюсь съ бытомъ и натурою крестьянина, тѣмъ больше люблю его, удивляюсь богатству его нравственныхъ силъ и убѣждаюсь, какъ мало знаютъ его и дурно понимаютъ городскіе жители».

Въ своихъ письмахъ къ Погодину Алексѣй Антиповичъ между прочимъ просилъ и о предоставленіи ему мѣста и постоянныхъ занятій въ «Москвитянинѣ», но мѣста онъ тутъ не получилъ и, покинувъ деревню, цѣликомъ отдалъ себя широкому служенію литературѣ, работая въ разнообразныхъ вышеперечисленныхъ журналахъ, и театру, съ которымъ онъ и связываетъ себя отнынѣ всецѣло и до конца своихъ дней.

Начавъ свою литературную дѣятельность съ театральныхъ рецензій ¹⁾ и въ отдѣлѣ городской хроники, гдѣ въ полубеллетристической формѣ описывалъ нѣкоторые моменты изъ жизни первопрестольной, онъ тогда же обратилъ на себя вниманіе редактора «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова, который и настоялъ на томъ, чтобы молодой писатель испыталъ свои силы на какомъ-нибудь оригинальномъ произведеніи. Это настояніе и имѣло своимъ результатомъ

¹⁾ Послѣ рецензій о Шумскомъ имѣ было написано еще нѣсколько театраль-ныхъ замѣтокъ.

напечатаніе имъ въ той же газетѣ двухъ послѣдующихъ очерковъ: «Путь по Волгѣ» и «Уѣздный городъ Кинешма», гдѣ онъ далъ уже просторъ своей склонности къ этнографической наблюдательности. Этотъ этнографическій элементъ остается отличительной особенностью и дальнѣйшихъ его беллетристическихъ произведений, какъ, напр., перваго его рассказа изъ народной жизни «Тить Софроновъ Козановъ». Большую пищу для него, какъ этнографалюбителя, дала и извѣстная «литературная экспедиція», снаряженная въ 1856 г. великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ отъ морского министерства для изученія нашего Поволжья. Въ составъ этой экспедиціи вошли такіе видные представители нашей литературы, какъ Островскій, Писемскій, Максимовъ, а также и Потѣхинъ. На долю послѣдняго выпало описаніе Средняго Поволжья, отъ устьевъ Оки до Саратова. Плодомъ его поѣздки въ районъ этого воднаго бассейна были напечатанныя имъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Современникѣ» и «Вѣкѣ» статьи: «Ловъ красной рыбы въ Саратовской губерніи», «Рѣка Керженецъ», «Съ Ветлуги». Путешествіе по Волгѣ и специальное изученіе народной жизни въ ея торгово-промышленныхъ проявленіяхъ расширили кругозоръ писателя и дали въ его распоряженіе богатѣйшій матеріалъ знанія условій отечественной дѣйствительности, каковой онъ широко и использовалъ для своихъ послѣдующихъ произведений, придавъ имъ вполне правдивый колоритъ и ту реальность развитія дѣйствій, каковая до тѣхъ поръ проявлялась у него слабо. Нельзя не отмѣтить, что въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ заплатилъ нѣкоторую дань времени и не былъ чуждъ той сантиментальности, которая присуща была всей литературѣ сороковыхъ годовъ. Отчасти подъ воздѣйствіемъ новыхъ требованій критики 50-хъ годовъ (Ап. Григорьева, Добролюбова, Чернышевскаго), отчасти надъ вліяніемъ Островскаго и Писемскаго, отчасти благодаря личному соприкосновенію къ самой подоплѣкѣ русской жизни, онъ освобождается отъ этой искусственности письма и становится тѣмъ реалистомъ-бытовикомъ, который удачно сумѣлъ отвѣтить на новые литературные запросы читателей и критики. Послѣдняя рано обратила на него вниманіе и тогда же отмѣтила появленіе въ его лицѣ въ нашей литературѣ симпатичнаго таланта, умѣющаго вызывать въ публикѣ добрыя чувства къ маленькимъ людямъ и ихъ сѣрой жизни, ко всѣмъ обиженнымъ и обездоленнымъ, умѣющаго и старающагося найти даже во мракѣ жизни и темныхъ тайникахъ человѣческой души свѣтлыя стороны и тѣ хоть слабо тлѣющія искры, которыя говорятъ о Богѣ, о правдѣ и любви.

Заявивъ себя, какъ выдающійся художникъ и бытописатель народной жизни, своими небольшими очерками, рассказами, а также драматическими произведеніями, Потѣхинъ въ 1857 г. выступаетъ уже съ большимъ романомъ «Крушинскій», гдѣ въ

сочныхъ краскахъ и правдивомъ изображеніи рисуеъ провинціальную жизнь со всею ея безнадежною тиною и сумерками существованія, гдѣ царятъ лишь мелочные интересы безъ какихъ-либо возвышенныхъ стремленій и запросовъ и гдѣ передъ читателемъ здѣсь развертывается богатая галерея губернскихъ и уѣздныхъ типовъ дореформенной Россіи. Той же провинціи и по преимуществу дворянамъ посвященъ и его второй романъ «Бѣдные дворяне» (1863 г.), гдѣ вполне выпукло сказались основныя черты писательской фizioноміи Потѣхина: преобладаніе въ немъ рефлексіи надъ вдохновеніемъ художника. Его повѣствовательная манера нѣсколько суха, мало увлекательна и лишена поэтической теплоты; зато обилія дѣйствія у него хоть отбавляй, жизнь въ его изображеніи въ постоянномъ движеніи, и элементъ драматическихъ коллизій выглядываетъ изъ каждой главы. Его романы и повѣсти какъ будто богато собранный матеріалъ, изъ котораго впоследствии онъ умѣлою рукою черпаетъ необходимое для созданія драмы—его любимаго рода литературнаго творчества. Отсутствие веселости, недостатокъ смѣха—вторая существенная черта его писательства, черта, которая сказывается и въ его повѣстяхъ и романахъ и его драматическихъ произведеніяхъ. Островскій и Писемскій, каждый въ своемъ кругу твореній, просто клеймятъ насмѣшкою достойное ея, Потѣхинъ же негодуеъ, сердится и вызываетъ и въ читателѣ и въ зрителѣ подъемъ остраго чувства тамъ, гдѣ первые два автора прошли бы мимо съ небрежнымъ и презрительнымъ смѣхомъ.

Третьимъ крупнымъ романомъ нашего писателя былъ напечатанный въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ «Вѣстникѣ Европы» романъ «Около денегъ», передѣланный имъ позднѣе въ драму того же наименованія ¹⁾ и посвященный опять-таки изображенію фабричной и сельской жизни. Въ промежутокъ между этими романами онъ обогатилъ литературу рядомъ рассказовъ, повѣстей и комедій, причеъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ онъ чаще выступаетъ въ роли драматурга, а въ семидесятыхъ—въ роли повѣствователя. Такъ, въ промежутокъ 1858—1869 г. имъ написаны пьесы: «Мишура», «Виноватая», «Отрѣзанный ломоть», «Новѣйшій оракулъ», «Современные рыцари» («Въ мутной водѣ»), «Вакантное мѣсто». Во всѣхъ этихъ пьесахъ авторъ отдалъ обличительную дань переходной эпохѣ, разрабатывая здѣсь по преимуществу тѣ вопросы, которые являлись жгучими вопросами того времени, надъ освѣщеніемъ которыхъ старательно работала и публицистическая критика. Стремленіе ловить рыбу въ мутной водѣ со стороны любителей легкой наживы, карьеризмъ чиновниковъ, раздоръ между «отцами» и «дѣтьми» по принципиальнымъ вопросамъ—вотъ тѣ общественныя темы, которыя нашли себѣ мѣсто въ этихъ пьесахъ Потѣхина.

¹⁾ Передѣлка имъ сдѣлана въ сотрудничествѣ съ В. Крыловымъ.

Отчасти благодаря его отзывчивости на эти общественныя темы съ цѣлями обличительными, отчасти благодаря удивительной, анекдотической суровости тогдашней драматической цензуры, большая часть пьесъ Алексѣя Антиповича проникала на сцену съ сильными треніями, съ упорною борьбою, а нѣкоторыя и совсѣмъ не проникли. Мы уже знаемъ изъ приведенныхъ воспоминаній самого драматурга о мудрствованіи цензора изъ-за слова крестьянская «дѣвка». Вторая его пьеса «Братъ и сестра» находилась десять лѣтъ подъ запретомъ; «Мишура» появилась на сценѣ лишь четыре года спустя послѣ ея напечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; «Отрѣзанный ломоть» былъ вычеркнутъ изъ репертуара послѣ нѣсколькихъ представленій; «Виноватая» увидѣла сценическій свѣтъ пять лѣтъ спустя по появленіи въ печати; «Вакантное мѣсто» также долго не пропускалось, а «Современные рыцари» до конца дней писателя не могли быть поставлены въ томъ видѣ, какъ пьеса была написана. Авторъ вынужденъ здѣсь былъ уступить слѣдующимъ требованіямъ цензуры: перемѣнить заглавіе (на «Въ мутной водѣ»), выкинуть нѣкоторыя народныя сцены, выкинуть типы губернатора и исправника, перемѣнить нѣмецкую фамилію одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ на русскую и т. д. Эти цензурныя злоключенія, однако, не озлобили нашего драматурга, и онъ удивительно добродушно относился къ постигавшимъ его ударамъ судьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не терялъ необходимаго мужества и настойчивости въ достиженіи намѣченной цѣли.

Изъ числа прозаическихъ его произведеній въ эпоху 60-хъ годовъ надлежитъ отмѣтить разсказъ «Бурмистръ», также нѣкоторое время подвергавшійся цензурному гоненію. Въ періодъ семидесятыхъ годовъ Потѣхинымъ была написана всего лишь одна пьеса «Выгодное предпріятіе», но зато напечатана цѣлая серія разсказовъ, по преимуществу изъ народной жизни, которые, собранные вмѣстѣ, составили три тома, изданные имъ въ 1891 г. подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Послѣ освобожденія». Изъ числа разсказовъ, вошедшихъ сюда, можно отмѣтить разсказы: «Хай-дѣвка», «Хворая» (передѣлана въ драму), «Иванъ да Марья», «Порченая», «На міру», «Молодые побѣги». По большей части въ этихъ своихъ разсказахъ авторъ разрабатываетъ семейные вопросы, отношенія членовъ семьи другъ къ другу, причемъ особенно художественными, правдивыми у него вышли изображенія женскихъ типовъ. Какъ и въ прочихъ предыдущихъ произведеніяхъ, и здѣсь сказывается у него преобладаніе драматурга надъ повѣствователемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и всякій слѣдъ учительства во имя добрыхъ нравовъ, что, какъ уже было сказано, просвѣчивало въ его раннихъ произведеніяхъ. Онъ бытописуетъ, но съ особенною любовью останавливается на положительныхъ сторонахъ жизни и казнитъ ея темныя стороны, выставляя ихъ на позорный по-

казъ. Слогъ его въ послѣднихъ произведеніяхъ въ особенности достигаетъ высокаго совершенства, образности и чистоты, т. е. такихъ литературныхъ достоинствъ, которыми наша современная неряшливая «изящная словесность» менѣе всего отличается. Потѣхинъ, какъ въ свое время и Погодинъ, приходилъ въ негодованіе отъ барбаризмовъ въ русской интеллигентной современной рѣчи, сердился на ея искаженіе и неправильное употребленіе глаголовъ или невѣрно дѣлаемая ударенія. Со временемъ, когда мы будемъ милостію Божіею (а не стараніями академіи наукъ) имѣть настоящій словарь русской рѣчи, несомнѣнно, произведенія Алексѣя Антиповича послужатъ для того словаря полезнымъ и богатымъ источникомъ.

Извѣстность Потѣхина, какъ знатока сцены, къ восьмидесятымъ годамъ настолько упрочилась и стала общедоступна, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ему поручено было завѣдываніе Александринскимъ театромъ, когда тамъ господствовали обычаи, которымъ нынѣ съ трудомъ вѣришь. Вотъ что говоритъ въ «Новомъ Времени» (1908 г. № 11.712) «Старый литераторъ» о служеніи Алексѣя Антиповича этому театру:

«Въ то время талантливые русскіе артисты императорской труппы должны были пѣть и кривляться въ «Мадамъ Анго», «Прекрасной Еленѣ», «Чайный цвѣтокъ» и т. д. — повѣствуетъ онъ.—Это одно уже давало тонъ и драматическимъ спектаклямъ, волей-неволей по инерціи исполнявшимся въ опереточномъ духѣ. Въ репертуарѣ преобладали пьесы переводчика «Прекрасной Елены» В. А. Крылова. Артисты получали такъ называемыя «разовыя», т. е. поспектакльное вознагражденіе, выходили на вызовы во время дѣйствія и кланялись публикѣ, и въ режиссерскомъ журналѣ отмѣчалось, сколько разъ кого вызвали, соответственно чему дѣлались прибавки къ вознагражденію. Понятно, что захватать какъ можно больше ролей и добиться бодьшаго числа вызововъ было весьма важно любому артисту. Количество нахватанныхъ ролей, однако, дѣлало то, что ихъ учили плохо, а для вызововъ выкидывали «кренделя», до сихъ еще не выведенные окончательно съ Александринскихъ подмостковъ. Режиссерская часть стояла такъ, что руководство, наприимѣръ, одноактными пьесами, по преимуществу водевилями, было поручено заштатному наѣзднику изъ казеннаго цирка, перестроеннаго въ Маріинскій театръ. Бутафорія и обстановка ограничивались двумя традиціонными диванчиками или двумя высокими готическими креслами по сторонамъ сцены. Теперь просто кажется невозможнымъ, что это все было на «образцовой» драматической сценѣ, и если этого нѣтъ теперь, то мы во многомъ обязаны А. А. Потѣхину. Онъ круто повернулъ направленіе русской сцены въ сторону жизненности, художественности и литературности, и будущій историкъ русскаго театра не долженъ

обойти молчаніемъ эти его заслуги. Какихъ ему трудовъ стоило это, сколько ему пришлось вынести непріятностей, несправедливыхъ попрековъ и какую энергію долженъ былъ онъ, въ особенности вначалѣ, употреблять, чтобы добиться даже пустяка,—знаютъ лишь тѣ, кто знакомъ съ закулисной стороной театральнаго дѣла 80-хъ годовъ. Кто бывалъ за кулисами, вообще въ театрѣ, можетъ подтвердить, что трудно ладить съ повышенной нервностью артистовъ и авторовъ. Каково же было А. А. Потѣхину, близко принимавшему къ сердцу отношенія къ нему и артистовъ и авторовъ, и имѣвшему еще на своихъ плечахъ чиновниковъ театральной конторы! Онъ рѣдко показывалъ, какъ дѣйствуютъ на него непріятности, но бывало, что людямъ, понимавшимъ его, онъ признавался, что ему тяжело. Минутныя сомнѣнія и какъ бы упадокъ духа заставляли его, однако, приниматься вновь за дѣло лишь съ большею энергіей... При А. А. Потѣхинѣ на сценѣ Александринскаго театра стали появляться новыя произведенія новыхъ авторовъ и писателей, составившихъ уже себѣ имя, но не писавшихъ прежде для сцены. Бывали у А. А. Потѣхина и чистыя радости, когда выдастся удачное представленіе какой-нибудь новой пьесы, которую онъ провелъ черезъ всѣ мытарства и поставилъ, наконецъ, выйдивъ, какъ дѣтище. Не избалованный лестью окружающихъ, А. А. Потѣхинъ былъ чутокъ, однако, къ похвалѣ, когда она исходила изъ источника, заслуживающаго вниманія. Л. Н. Толстой написалъ между прочимъ А. А. Потѣхину весьма лестное письмо, когда шла рѣчь о постановкѣ запрещенной потомъ цензурою «Власти тьмы» и этому письму А. А. Потѣхинъ радовался искренно и былъ очень доволенъ имъ».

Поработавъ такъ много и перомъ и въ роли реформатора Александринской сцены, Потѣхинъ далъ возможность многимъ выдающимся талантамъ развернуть свои силы и явиться въ его пьесахъ въ роляхъ, самимъ авторомъ имъ предназначенныхъ, въ новомъ для публики свѣтѣ. Намъ уже извѣстно значеніе драматурга въ жизни Мартынова. Также благодаря ему, выдвинулись: А. М. Читау, С. и П. Васильевы, С. Васильева, Монаховъ ¹⁾, М. Г. Савина (съ комической стороны своего таланта) и другіе.

Сложивъ съ себя послѣ многихъ испытанныхъ непріятностей обязанности завѣдывающаго репертуарной частью Александринскаго театра, Потѣхинъ, однако, не разстался навсегда съ любившими его артистами. Онъ былъ ими избранъ предсѣдателемъ общества вспомошествованія сценическимъ дѣятелямъ, въ како-

¹⁾ Монаховъ дебютировалъ именно въ пьесѣ Потѣхина «Виноватая», имѣлъ большой успѣхъ и немедленно былъ принятъ на казенную сцену, но на смѣшномъ условіи: никогда не требовать жалованья. Впослѣдствіи это курьезное условіе было отмѣнено.

Авт.

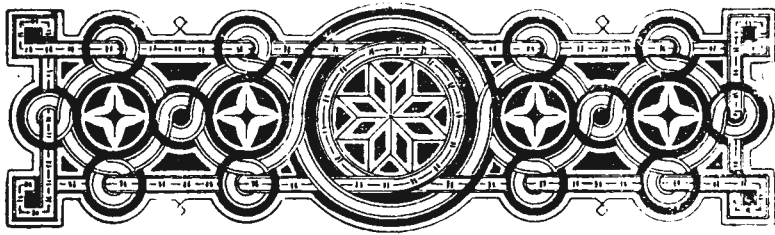
вомъ званіи онъ оставался десять лѣтъ. При немъ былъ приобрѣтенъ обществомъ домъ, открыто общежитіе для престарѣлыхъ артистовъ-инвалидовъ, средства общества расширились, и само оно впоследствии превращено въ «Императорское театральное общество». Его стараніями былъ также созданъ первый съѣздъ сценическихъ дѣятелей. Съ того же времени покойный принялъ видное и дѣятельное участіе въ театральномъ литературномъ комитетѣ при дирекціи императорскихъ театровъ, въ послѣдніе годы будучи и его предсѣдателемъ. Въ этой должности онъ, по свидѣтельству близкихъ къ дѣлу лицъ ¹⁾, былъ незамѣнимъ: «быстро схватывая суть пьесы, онъ умѣло анализировалъ характеры персонажей и дѣйствіе, съ неуклонной логикой подвергалъ провѣркѣ представленныя положенія и настаивалъ на рациональности плана драмы въ общемъ и въ каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ. Однако, случалось, что осуждая то или другое произведеніе въ цѣломъ, онъ умѣлъ подмѣтить и оцѣнить отдѣльные талантливые штрихи, оригинальность положеній и вѣрное наблюденіе въ частностяхъ. Языку драмы онъ всегда посвящалъ нѣсколько отдѣльных замѣчаній. Особенно сердили его незаконныя, по его мнѣнію, въ русскомъ языкѣ, хотя и обычныя въ разговорной рѣчи выраженія, какъ, напримѣръ: «выглядитъ хорошо (или дурно)», «обязательно» въ смыслѣ непремѣнно, «одѣваетъ» вмѣсто надѣваетъ и т. п.

Въ 1900 г. во вниманіе къ его литературнымъ заслугамъ академія наукъ избрала его почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Въ новомъ званіи имъ была произнесена въ торжественномъ засѣданіи академіи рѣчь, посвященная воспоминаніямъ о М. П. Погодинѣ, который такъ сердечно отнесся къ первымъ шагамъ его на литературномъ поприщѣ.

Въ 1901 г. (27 сентября) скромно былъ справленъ его 50-лѣтній литературный юбилей. Алексѣй Антиповичъ принималъ явившихся его поздравить у себя на дому и былъ особенно тронутъ поздравленіемъ, присланнымъ ему Демидовскимъ лицеемъ и бывшимъ директоромъ императорскихъ театровъ Н. И. Всеволожскимъ, который телеграфировалъ ему: «Вспоминаю долготѣнную вмѣстѣ службу театру. Долго перо ваше отдыхало. Ознаменуйте начало полустолѣтія новымъ порывомъ творчества. Подарите сценѣ новую пьесу. Въ театральномъ комитетѣ недородъ отъ засухи. Нужна скорая помощь». Но этотъ призывъ остался безъ ожидаемаго отклика: болѣзнь и преклонный возрастъ поглотили творческія силы писателя, и къ богатому наслѣдству, завѣщанному имъ литературѣ и театру еще при жизни, онъ уже ничего не могъ прибавить.

Б. Г.

¹⁾ О. Батюшковъ, «Рѣчь» 1908 г., № 247.

ПОЪЗДКА НА ВЪНСКУЮ ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ ВЪ 1873 ГОДУ СЪ ПЕРСИДСКИМЪ ПРИНЦЕМЪ БЕГМЕНЬ-МИРЗОЙ.

РОЖИВАВШІЙ въ гор. Шушѣ (Елисаветпольской губерніи) персидскій принцъ Бегмень-мирза, дядя шаха Насръ-эд-Дина, возымѣлъ желаніе посѣтить вѣнскую всемирную выставку и обратился съ просьбой о разрѣшеніи ему съѣздить въ Вѣну къ барону А. П. Николаи, начальнику главнаго управленія намѣстника Кавказскаго. Получая тридцать тысячъ руб. пенсіи отъ русскаго правительства, онъ счелъ неловкимъ отправляться въ дорогу безъ его разрѣшенія, и притомъ ему нужно было получить заграничный паспортъ. Затрудненій никакихъ не встрѣтилось, но его предупредили, что пособія ему не выдадутъ, и что онъ ѣдетъ на свой счетъ.

Шахзаде-Бегмень-мирза, сынъ наслѣдника престола Аббасъ-мирзы, внукъ Фетхъ-Али-шаха, занималъ при жизни дѣда должность правителя провинціи Иракъ, потомъ Азербейджана и проживалъ въ Тавризѣ. По смерти Фетхъ-Али-шаха преемникъ его, Мугамедъ-шахъ, во избѣжаніе появленія претендентовъ, велѣлъ ослѣпить братьевъ (по мусульманскому праву, лицо съ тѣлеснымъ недостаткомъ не можетъ царствовать). Между прочими былъ ослѣпленъ Хозровъ-мирза, ѣздившій незадолго передъ тѣмъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ всѣ дамы восхищались его красотой. Бегмень-мирза успѣлъ бѣжать въ русскую миссію, откуда его ночью вывели и черезъ Эрзели отправили на Кавказъ.

Четыре года онъ провелъ въ Тифлисѣ, потомъ поселился въ Карабахѣ (Шушѣ) и ему было назначено, какъ уже сказано, 30.000 руб. пенсіи отъ кавказскаго управленія.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ въ концѣ апрѣля, Бегменъ-мирза остановился въ гостиницѣ «Кавказъ», гдѣ ему были приготовлены комнаты на казенный счетъ. Назначенный барономъ Николаи состоять при принцѣ въ качествѣ драгомана, я былъ представленъ ему переводчикомъ канцеляріи начальника главнаго управленія мирзой ¹⁾ Мустафой Ахундовымъ. Бегменъ-мирза старичокъ небольшого роста, съ окрашенной хинной (*Lawsonia inermis*) въ рыжій цвѣтъ бородой.

Выѣхали мы изъ Тифлиса въ Поти 28 апрѣля. Поѣздъ отходилъ въ 9^{1/2} часовъ вечера, но Бегменъ-мирза былъ на станціи уже въ 7^{1/2} часовъ. Съ нимъ ѣхали за границу одинъ изъ его сыновей, принцъ Кафланъ-Ага-Султанъ-Мустафа-мирза, офицеръ Мингрельскаго гренадерскаго полка, внукъ (отъ другого сына) Шафи-Ханъ, казначей Наджавъ-Кули-бекъ-Ростомъ-бекъ-оглы и поваръ, Аллахъ-Махдаты. Всѣ они (за исключеніемъ, разумѣется, офицера) были одѣты въ бешметахъ, черкескахъ и кавказскихъ папахахъ. Одинъ только Бегменъ-мирза былъ въ персидскомъ халатѣ. На станцію провожали его двое сыновей, Ханъ-Баба-ханъ (русскій офицеръ) и Махмудъ-мирза, и курьеръ канцеляріи.

Пріѣхавъ въ Поти рано утромъ, мы тотчасъ сѣли на пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Голубчикъ», маленькій, сильно качающій; большіе пароходы не заходятъ въ Поти по мелководью, а выходили въ то время изъ Сухума, куда мы пришли 30 апрѣля, на разсвѣтѣ.

Изъ рассказовъ молодыхъ принцевъ я узналъ подробности о Бегменѣ-мирзѣ. У него было одиннадцать женъ, изъ коихъ пять были еще живы. Онъ жилъ въ Шушѣ, въ нѣсколькихъ домахъ, находящихся въ чудесномъ садѣ, окруженномъ стѣною. Прислуги, мужской и женской, было у него человекъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ были арабки. Сыновья его не имѣли права курить при немъ; самъ онъ курилъ два раза въ день кальянъ. Молодые принцы могутъ наказывать свою прислугу, но не имѣютъ права давать болѣе трехъ ударовъ розгами, самъ же онъ разъ велѣлъ дать слугѣ 1100 ударовъ по пятамъ. Когда жена принца идетъ къ нему, идущій впереди евнухъ кричитъ «хабарда!» (посторонись), и всѣ уходятъ.

Въ Сухумѣ принцъ прокатился съ сыномъ по городу.

Въ два часа пополудни прибыли мы на пароходъ «Великій князь Михаилъ». Капитанъ А. И. Граве, служившій во время Кавказ-

¹⁾ Слово «мирза», стоящее передъ именемъ, означаетъ по-персидски чиновника, послѣ имени—оно означаетъ принца крови.

ской войны въ Черноморскомъ флотѣ, на пути въ Одессу рассказывалъ много интересныхъ анекдотовъ. Въ кавказскихъ крѣпостяхъ не было ни одной женщины, и когда однажды привезли въ Сочи трехсотъ забракованныхъ публичныхъ женщинъ изъ Москвы, солдаты (которыхъ было гораздо болѣе трехсотъ) кидали жребій шапками, кому изъ нихъ достанется въ жены одна изъ этихъ женщинъ. Разъ взяли турецкое судно, вывозившее черкешенокъ для продажи въ Константинополь. Было на суднѣ десять турокъ, пятьдесятъ девять черкесовъ, сто двѣ черкешенки. Государь Николай I приказалъ турокъ, какъ контрабандистовъ, сослать въ каторгу, черкесовъ — старыхъ отпустить, молодыхъ отдать въ солдаты въ Архангельскую губернію, черкешенокъ — старыхъ отпустить, молодыхъ распределить въ двухъ крѣпостяхъ. Въ одной былъ командиромъ армянинъ Серебряковъ, въ другой — Оффенбергъ. Серебряковъ выдалъ согласившихся креститься замужъ за солдатъ, но шестерыхъ, самыхъ красивыхъ, взялъ себѣ. Одну изъ нихъ онъ держалъ долго и потомъ выдалъ замужъ за пьяницу-солдата, котораго мало-по-малу произвелъ въ капитаны. Оффенбергъ сталъ воспитывать ихъ, и многія вышли замужъ за офицеровъ. По тогдашнему обычаю, плѣнныхъ черкешенокъ, принявшихъ христіанство, отдавали замужъ за солдатъ, а не соглашавшихся креститься отдавали «на воспитаніе» командирамъ полковъ.

Бегмень-мирза любилъ привлекать на себя вниманіе публики и намазъ (молитвы) со всѣми колѣнопреклоненіями и земными поклонами совершалъ всегда на палубѣ при всѣхъ.

На другихъ стоянкахъ парохода, въ Сочи, Туапсе, Новороссійскѣ, принцъ на берегъ не сходилъ. Въ Керчи погулялъ въ фаэтонѣ, въ Ялтѣ тоже поѣхалъ осматривать городъ и взялъ сына съ собой, но внуку онъ не позволялъ сходить на берегъ. Севастополя же принцъ ждалъ съ нетерпѣніемъ и съ самаго Сухума спрашивалъ, когда же мы туда прибудемъ, и нѣсколько разъ повторялъ, что непременно хочетъ все видѣть. Прибывши въ Севастополь, принцъ поѣхалъ съ капитаномъ въ музей и потомъ объѣхалъ весь городъ, большая часть котораго тогда оставалась разрушенной послѣ бомбардировки 50-хъ годовъ. Въ Одессу пришли мы 5 апрѣля въ два часа пополудни; извѣщенные телеграммой о пріѣздѣ принца, его встрѣтили оберъ-полицеймейстеръ Минчіаки, морской офицеръ и адъютантъ генераль-губернатора, князь Черкасскій. Мы остановились въ «Hotel de Londres», на Итальянской улицѣ (нынѣ Пушкинская) — Strada Italiana — какъ гласила надпись ¹⁾.

На другой день послѣ пріѣзда принца въ Одессу къ нему явился въ полной формѣ временный генераль-губернаторъ, гене-

¹⁾ Въ то время названія улицъ въ Одессѣ были написаны по-русски и по-итальянски.

ралъ Семека, которому я отвезъ письмо барона Николаи. Онъ отдалъ свою ложу въ распоряженіе принца; въ этотъ вечеръ давали «Жидовку».

Бегмень-мирза пожелалъ посѣтить княгиню Воронцову, вдову намѣстника кавказскаго, которому онъ столь много былъ обязанъ. Когда я явился къ ней для передачи желанія принца, она была нездорова. Чудесный домъ ея, старая, сѣдая прислуга въ ливреяхъ, большая библіотека—все было во вкусѣ умной старины.

На другой день княгиня прислала свой экипажъ за принцемъ, и онъ поѣхалъ къ ней съ сыномъ.

Принцъ, который на пароходѣ ѣлъ всѣ блюда, ни за что не хотѣлъ дотронуться до гостиничнаго кушанья, и требовалъ, чтобъ для него готовилъ его собственный поваръ. Французъ-хозяинъ гостиницы долго не соглашался на это, наконецъ согласился, съ тѣмъ, чтобъ провизію брали у него. Вставая въ 6 часовъ утра, принцъ тотчасъ же сѣдалъ апельсинъ и алибухуру (*Prunus persica*). Къ обѣду подавали восточныя блюда: чурбу, родъ супа съ крупой и зеленью и много перцу, пловъ съ розовыми листьями, хурушъ, курица съ черносливомъ, чилувъ, то же самое съ прибавкой риса. Принцъ везъ съ собой цѣлые тюки крошеннаго сухого татарскаго хлѣба: лавашъ и ширинъ чурегъ.

Выѣзжая изъ Одессы, принцъ былъ чрезвычайно взволнованъ, когда ему подали счетъ гостиницы, увѣряя, что, пока онъ находится въ предѣлахъ имперіи, за него должно платить правительство. Онъ нисколько не стѣснялся присутствіемъ переводчика персидскаго консульства, старичка-грека, который былъ очень удивленъ выходкой принца. Комиссіонеру гостиницы, котораго принцъ постоянно разсылалъ, онъ далъ свою фотографію, и очень рассердился, когда тотъ представилъ счетъ въ 55 рублей.

Само собой разумѣется, что принцъ не далъ на водку ни прислугѣ гостиницы, ни поставленнымъ въ его честь у входа гостиницы городовымъ.

Въ Вѣну приѣхали мы 9 мая и остановились въ гостиницѣ «Erzherzog Karl» на Kärnthnergasse, хозяинъ которой изъявилъ согласіе, чтобъ принцу готовилъ кушанье его поваръ.

Во время почти мѣсячнаго пребыванія въ Вѣнѣ Бегмень-мирза посѣтилъ выставку только три раза. Передъ первымъ посѣщеніемъ онъ спросилъ меня, какъ ему слѣдуетъ одѣться? Я совѣтовалъ одѣться какъ можно проще, такъ какъ костюмъ его высочества, и безъ всякой роскоши, навѣрное привлечетъ вниманіе толпы болѣе, чѣмъ было бы желательнымъ, но онъ именно желалъ привлечь вниманіе публики. Одѣлся въ халатъ изъ термаламы съ бѣлымъ фономъ и навѣсилъ черезъ плечо шелковый шнурокъ съ ящичкомъ, въ которомъ хранился коранъ; какъ шнурокъ, такъ и ящичекъ были украшены большими брилльянтами; на рукѣ, выше

локтя, былъ надѣтъ браслетъ съ огромнымъ изумрудомъ, который онъ постоянно носилъ и на пароходѣ. Второй разъ онъ былъ одѣтъ въ коричневый халатъ, на большой золотой пряжкѣ кушака были яхонты, на груди звѣзда Льва и Солнца, украшенная брильянтами. Въ третій разъ надѣлъ онъ халатъ изъ темной термаламы, черезъ плечо голубую ленту съ кисточкой, украшенной брильянтами, на груди портретъ Магометъ-шаха съ брилліантами же. Публика бросила любоваться выставкой, стала толпиться вокругъ насъ, стиснула насъ, громко дѣлала замѣчанія и смѣялась: кто говорилъ, что это черкесь, кто—сербъ; другіе утверждали, что это самъ шахъ. Я крайне опасался, чтобы въ толпѣ съ принца не сорвали его брильянты. Къ счастью, персидскій комиссаръ, мирза Бедрусъ-Ханъ (армянинъ), узнавъ о прибытіи принца на выставку, поспѣшилъ явиться къ нему и съ помощью полицейскихъ отгѣснилъ публику. Послѣ этого полицейскій сталъ сопровождать принца.

Выставка не очень интересовала принца, за исключеніемъ золотыхъ издѣлій и драгоценныхъ камней. На выставкѣ картинъ ему двѣ картины очень понравились: дитя, поваленное волкомъ, на котораго бросается собака для спасенія дитяти, и вторая—жница, глядящая вдаль и заслоняющая рукой глаза отъ солнца, такъ что тѣнь отъ руки падаетъ на лицо. Два раза подозвалъ онъ меня и сказалъ: чохъ яхши — очень хорошо. Онъ щупалъ картины, чтобы убѣдиться, не рельефны ли онѣ. Зеркальныя стекла онъ также щупалъ.

Въ Шенбрунѣ принцъ поѣхалъ на первыхъ же порахъ: широкія аллеи и звѣринецъ ему очень понравились: многихъ животныхъ принцъ не только никогда не видалъ, но и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи, напримѣръ, жираффы.

Тотчасъ же по приѣздѣ въ Вѣну я отвезъ письмо барона Николаи къ нашему послу Е. П. Новикову, который и приѣхалъ къ принцу съ визитомъ. Принцъ изъявилъ желаніе явиться къ императору Францу-Иосифу, но посоль объяснилъ мнѣ, что представить его императору невозможно: ожидаютъ шаха; если же онъ узнаетъ о принятіи изгнанника его величествомъ, онъ, можетъ быть, обидится и вовсе не приѣдетъ въ Вѣну.

Разъ какъ-то явился къ принцу персидскій еврей, въ европейскомъ костюмѣ и въ цилиндрѣ (который онъ надѣлъ на голову, когда принцъ вошелъ въ приемную). Бегмень-мирза его принялъ, не спросивши даже его имени. Еврей поцѣловалъ принцу колѣно и потомъ сталъ рассказывать, что намѣревается вернуться въ Персію, и что у него тридцать тысячъ рублей. Бегмень-мирза посовѣтовалъ ему быть осторожнымъ какъ только въ Персіи узнаютъ, что у него деньги, его или убьютъ, или посадятъ въ тюрьму по какому-нибудь предлогу, лишь бы выманить у него деньги.

На другой день принцъ потребовалъ счетъ гостиницы, говоря, что еврей этого (котораго имени онъ даже не зналъ) нашелъ ему болѣе дешевую квартиру въ три комнаты и за которую онъ уже заплатилъ двѣсти сорокъ франковъ за десять дней впередъ. Счетъ гостиницы показался ему черезчуръ солонъ и, не предупредивъ меня, принцъ тихонько переѣхалъ на новую квартиру, оставивъ, однакоже, багажъ въ гостиницѣ. Уже водворившись, онъ на другой день прислалъ за багажомъ, думая, что не посмѣютъ ему отказать, но крайне ошибся. Багажа не выдали, пока счетъ не былъ уплаченъ сполна, и ему только пришлось заплатить за лишній день, который онъ провелъ въ «Mariahilf», оставивъ багажъ въ гостиницѣ.

1 июня посолъ Е. П. Новиковъ задалъ балъ, на который пригласилъ и Бегмена-мирзу съ сыномъ. Принцъ пріѣхалъ изъ своей новой квартиры и взялъ съ собой казначея Наджавъ-Кули-бека, посадивъ его на козлы; несмотря на мои увѣщанія, принцъ изъ экономіи отпустилъ извозчика. На этомъ балу присутствовали императоръ Францъ-Иосифъ, австрійскіе эрцгерцоги, цесаревичъ (впослѣдствіи Александръ III), король бельгійскій, императоръ бразильскій, князь черногорскій. Бегмень-мирза непременно хотѣлъ подойти къ императору и я съ трудомъ, его отъ этого удержалъ. Вдругъ Наджавъ-Кули-бекъ вошелъ въ залу и сталъ неподвижно по срединѣ ея; онъ привлекъ вниманіе папакъ и шитымъ костюмомъ, и на другой день говорили объ этомъ въ вѣнскихъ газетахъ.

При дворѣ и въ министерствѣ было извѣстно о пребываніи Бегмена-мирзы въ Вѣнѣ, и на другой день послѣ бала явился къ нему баронъ Гаммеръ, начальникъ канцеляріи (Cabinetschef) императора, но о пріемѣ принца его величествомъ не было рѣчи.

Вѣроятно, въ тотъ же вечеръ баронъ Гаммеръ забавлялъ дворъ разсказами о персидскомъ принцѣ, поселившемся въ захолустѣ, живущемъ въ домѣ, въ которомъ также помѣщался храмъ Венеры!

Отправляясь въ послѣдній разъ на выставку, Бегмень-мирза взялъ съ собой ящикъ и послалъ комиссіонера гостиницы къ предсѣдателю комитета выставки объявить, что онъ желаетъ выставить удивительную вещь, могущую осчастливить человечество. Предсѣдатель обратилъ его къ русскому комиссару, г. Бѣльскому. Его разыскали, принцъ уже собирался открыть ящикъ, насъ стиснула огромная толпа, но я успѣлъ попросить г. Бѣльскаго отвести насъ въ канцелярію. Дорогой, узнавъ, что это средство противъ глухоты, комиссаръ обратилъ принца предварительно въ медицинскій департаментъ, что его чрезвычайно огорчило; онъ тотчасъ поѣхалъ домой и объявилъ, что на другой день хочетъ вернуться въ Карабахъ¹⁾. Одна лишь шаткая надежда быть при-

¹⁾ Въ Тифлисѣ шейхъ уль-исламъ, Ахундъ-Ахмедъ-Гюсейнъ-Заде, благодарилъ меня за то, что я помѣнилъ Бегмену-мирзѣ отдать на посмѣшище всего свѣта весь мусульманскій міръ.

нятымъ императоромъ удержала его еще нѣсколько дней въ Вѣнѣ.

Однажды, во время пребыванія Бегмена-мирзы въ Вѣнѣ, былъ парадъ, и онъ пожелалъ присутствовать на немъ. По обыкновенію онъ пріѣхалъ за полтора часа раньше, и, прождавъ часъ, уѣхалъ домой, не дождавшись парада.

Еще на пароходѣ Наджавъ-Кули-бекъ показалъ мнѣ біографію Бегмена-мирзы, писанную самимъ принцемъ, который обѣщалъ дать перстень съ изумрудомъ тому, кто переведетъ статью и помѣститъ ее въ вѣнскихъ газетахъ. Но въ Вѣнѣ онъ отдумалъ, вѣроятно, стало жаль перстня.

Убѣдившись, что не добьется пріема у императора, Бегменъ-мирза рѣшился вернуться во-свояси. Велѣлъ прійти носильщикамъ, потомъ объявилъ, что отложилъ отъѣздъ до слѣдующаго дня, и не хотѣлъ уплатить за этотъ разъ. Хозяину квартиры онъ также отказался заплатить за лишній пробывшій въ квартирѣ день. Все это приходилось улаживать посредствомъ долгихъ переговоровъ.

Наконецъ мы выѣхали изъ Вѣны, 6 іюня.

Возвращаясь домой, принцъ былъ не въ духѣ и мало разговаривалъ, тогда какъ, ѣдучи въ Вѣну, онъ часто говорилъ: данишмара истирамъ—я хочу разговаривать, и тогда предлагалъ мнѣ разные вопросы о политикѣ, напримѣръ: «не думаете ли вы, что Пруссія еще разъ станетъ воевать съ Франціей?»

Дорогой изъ Вѣны въ Одессу принцъ совершалъ намазъ въ вагонѣ въ назначенное для молитвы кораномъ время. Для этого онъ всегда ожидалъ остановки на станціяхъ, отворялъ двери вагона настежь и начиналъ молиться при огромномъ стеченіи народа, съ изумленіемъ глядѣвшаго на небывалое зрѣлище. Бегменъ-мирза же вображалъ, что всѣ восхищаются его набожностью! Сыну его, принцу Кафлану-Агѣ иногда удавалось уговорить его по крайней мѣрѣ притворить дверь вагона.

Наконецъ мы прибыли въ Тифлисъ, къ великому удовольствію Бегмена-мирзы, его сыновей¹⁾ и прислуги.

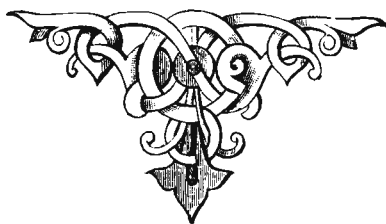
Въ Тифлисѣ принцъ узналъ о помолвкѣ дочери помощника великаго князя главнокомандующаго, князя Д. И. Святополкъ-Мирскаго, и послалъ ей въ подарокъ ожерелье чрезъ своего казначея Наджавъ-Кули-бека, которому князь Мирскій далъ двадцать рублей на водку. Наджавъ Кули-бекъ, вернувшись въ гостиницу «Кавказъ», гдѣ остановился принцъ, поднесъ ему на подносѣ эти двѣ красненькія бумажки; принцъ взялъ одну, другую оставилъ.

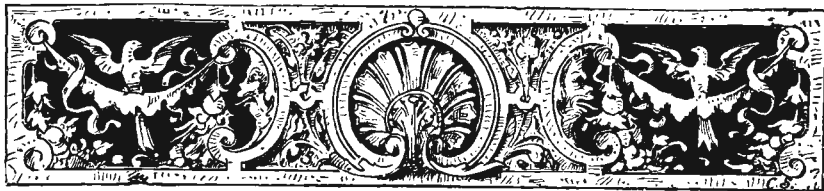
¹⁾ Въ Вѣнѣ одинъ изъ молодыхъ принцевъ спросилъ меня, есть ли тамъ туземцы. Туземцами онъ считалъ однихъ только татаръ, армянъ и грузинъ.

По этому поводу председатель кавказской археографической комиссии А. П. Берже рассказал мнѣ о подвигахъ Бегмена-мирзы въ бытность его правителемъ Азербейджана. Когда проситель являлся къ нему, по обычаю, съ подаркомъ, напримѣръ, съ ковромъ и т. п., Бегмень-мирза спрашивалъ его, сколько онъ за это заплатилъ. Проситель, не смѣя сказать настоящую цѣну, три или четыре червонца, говорилъ, что тридцать червонцевъ. «Ты бѣдный человѣкъ»,—возражалъ Бегмень-мирза:—оставь себѣ коверъ и дай мнѣ двадцать червонцевъ».

Черезъ нѣсколько дней Бегмень-мирза уѣхалъ въ Карабахъ.

Владимиръ Передольскій.

ЭПОХА РЕФОРМЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

ЛIII.

ЛИКВИДАЦІЯ революціонныхъ начинаній, замысловъ и организацій, а также изъятіе изъ общественной среды лицъ, считаеваемыхъ вредными для безопасности существующаго порядка вещей, заняла вниманіе правительственной власти до 1865 года включительно, когда послѣ выстрѣла Каракозова, послѣдовавшаго въ апрѣлѣ 1866 года, борьба крайнихъ общественныхъ элементовъ съ правительствомъ приняла новое направленіе и внутренняя исторія Россіи вступила въ кровавую полосу. Хотя указанная ликвидація производилась чрезвычайно энергично и упорно, тѣмъ не менѣе потокъ оппозиціи продолжалъ все шире захватывать собою интеллигентные круги, втягивая въ свое теченіе самыхъ разнообразныхъ представителей нашей общественности, причемъ учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, а также офицерство являются попрежнему главными глашатаями идеи борьбы за коренное переустройство Россіи и противъ бюрократически-полицейскаго строя.

Послѣ отмѣченныхъ выше арестовъ и судебныхъ приговоровъ (послѣдними были приговоры надъ Писаревымъ (1864 года) и Серно-Соловьевичемъ (1865 году) въ исторіи революціонныхъ дви-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХIV, стр. 646.

женій за тотъ періодъ слѣдуетъ отмѣтить военный заговоръ въ Западномъ краѣ и попытку при помощи подложнаго манифеста поднять крестьянство въ предѣлахъ Поволжья. Оба эти эпизода находятся въ непосредственной связи съ польскимъ мятежомъ 1863 года, о которомъ будетъ сказано нѣсколько далѣе.

Среди офицерства войсковыхъ частей, расквартированныхъ въ царствѣ Польскомъ, издавна бродили революціонныя идеи, что, несомнѣнно, главнымъ образомъ объясняется близостью ихъ къ верхамъ польской народности, непрестанно мечтавшей объ отдѣленіи отъ Россіи и созданіи собственнаго государства, причемъ одни мечтали о республикѣ и славянской федераціи, другіе тяготѣли къ принципу королевской власти. Заговоръ декабристовъ (южное общество) показалъ и реальныя послѣдствія сближенія нашего офицерства съ поляками. Точно также и около 1862 года въ Варшавѣ образовался небольшой кружокъ, въ составъ котораго входили и поляки, и русскіе, по преимуществу военные, которые поставили себѣ задачей пропаганду въ войскѣ съ цѣлью созданія опредѣленной революціонной организаціи ради борьбы съ существующимъ общегосударственнымъ режимомъ. Офицеры — Арнольдтъ, Сливицкій, Каплинскій, Потемня, Фенинъ, Новицкій, Кутузовъ, Ростковскій и рядовой Щура были главными дѣятелями этого кружка, успѣвшаго къ тому времени завязать тѣсныя сношенія съ главарями польскаго революціоннаго движенія Домбровскимъ и Сѣраковскимъ, а также съ представителями революціонныхъ организацій въ Петербургѣ и Москвѣ. На мѣстѣ главныхъ своихъ дѣйствій упомянутые представители войска, по свидѣтельству М. Ю. Ашенбреннера¹⁾, «постановили организовать другіе кружки въ ближайшихъ войсковыхъ частяхъ и приступить къ пропагандѣ между солдатами, для чего захватить въ свои руки сводную учебную команду стрѣлковой бригады. Въ составъ учебной команды входили, если не ошибаюсь, около 75 молодыхъ солдатъ, которые по окончаніи годового курса возвращались въ свои роты, а составъ учебной команды возобновлялся. При командѣ находилось человекъ 12 унтеръ-офицеровъ инструкторовъ и человекъ 4 офицеровъ-преподавателей! Завѣдывалъ учебной командой Арнольдтъ, его ближайшими помощниками были Сливицкій 2-й и Каплинскій. Пропаганда дала поразительные и неожиданные результаты, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Когда дѣло было въ полномъ развитіи, Арнольдтъ и Сливицкій 2-й напечатали въ «Колоколѣ» прокламацію къ офицерамъ русской арміи и призывали ихъ къ борьбѣ съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, оканчивая воззваніе словами: «Мы, на

¹⁾ М. Ю. Ашенбреннеръ. «Воспоминанія (шестидесятыя и семидесятыя годы)». «Былое» 1907 г.

смерть идущіе, вамъ кланяемся». Старшій братъ Сливацкаго 2-го Сливацкій 1-й (капитанъ) зналъ очень много. Однажды онъ явился къ командиру 4-го стрѣлковаго батальона полковнику Х. и сообщилъ ему, что по долгу службы и присяги онъ сейчасъ же отправится къ намѣстнику и доложить ему о военномъ заговорѣ, составленномъ Арнгольдтомъ и Сливацкимъ 2-мъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка. Х., конечно, былъ изумленъ этимъ откровеніемъ, можетъ быть, онъ не повѣрилъ бы доносчику, во всякомъ случаѣ его болѣе поразила необычайная особенность доноса — предательство товарищей и брата. Онъ сталъ умолять Сливацкаго 1-го оставить это намѣреніе. Сливацкій 1-й отвѣтилъ, что по обязанности службы онъ пришелъ только заявить, что идетъ съ доносомъ къ старшему начальнику, и что его намѣреніе непоколебимо. Говорили, что Х., стараясь смягчить его, упалъ на колѣни и со слезами умолялъ его отложить, по крайней мѣрѣ, свой доносъ на нѣсколько часовъ, чтобы дать возможность спастись брату и товарищамъ за границу. Тогда Сливацкій 1-й сталъ угрожать и самому командиру. Въ эту минуту вошелъ аъютантъ и, увидѣвъ такую небывалую сцену, вообразилъ, что командиръ сошелъ съ ума...

«Сливацкій 1-й отправился прямо къ намѣстнику. Намѣстникъ давалъ аудіенцію по опредѣленнымъ днямъ, и Сливацкому 1-му пришлось направиться къ помощнику намѣстника генералу Рамзаю... Арнгольдтъ, Сливацкій 2-й и Каплинскій были арестованы. Кажется, Фенинъ и еще кто-то другой пытались бѣжать за границу, но были остановлены. Одинъ изъ нихъ отравился, другой застрѣлился. Новицкій и Кутузовъ также были арестованы. Ночью объ арестѣ Арнгольда, Сливацкаго 2-го и Каплинскаго узнала учебная команда и, по своему почину, съ оружіемъ въ рукахъ бросилась въ Александровскую цитадель, ворвалась туда, обезоружила караулъ и освободила арестованныхъ офицеровъ. Но въ крѣпости ударили тревогу, со всѣхъ сторонъ собрались большія массы войска, Арнгольдтъ, Сливацкій 2-й и Каплинскій, не желая бесполезнаго кровопролитія, уговорили команду удалиться, простились съ нею и остались подъ арестомъ. Въ ту же ночь они были перевезены въ Ивангородъ. Молодой офицеръ Берлинскій, совершенно непричастный къ дѣлу, потребовалъ, чтобы и его арестовали, такъ какъ онъ солидаренъ съ арестованными. По приговору полевого суда были разстрѣляны Арнгольдтъ, Сливацкій 2-й и унтеръ-офицеръ Ростовскій. Каплинскій пошелъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы. Учебная команда была арестована. На допросѣ «съ пристрастіемъ» никто изъ солдатъ не проговорился. Унтеръ-офицеръ Щура умеръ подъ розгами, не сказавъ ни слова. Остальные пошли въ арестантскія роты, за исключеніемъ нѣсколькихъ чловѣкъ, переведенныхъ на нестроевыя должности въ отдаленные батальоны».

Сливицкій 1-й, просившійся въ награду за сдѣланный доносъ о принятіи его въ гвардейскій полкъ, офицерами гвардіи однако не былъ допущенъ въ свою среду. Что же касается ближайшихъ послѣдствій варшавскаго военнаго заговора, то лицомъ пострадавшимъ явился намѣстникъ Лидерсъ, въ котораго Потеня, избѣжавшій ареста, выстрѣлилъ въ Саксонскомъ саду, ранивъ его въ лицо. Весь этотъ эпизодъ, совпавшій съ подготовлявшимися тогда тревожными событіями въ Варшавѣ, создалъ правительству немало затрудненій, почему оно и рѣшилось на кругую расправу съ его участниками. Эта расправа оказала свое дѣйствіе, и въ дальнѣйшемъ мы уже болѣе не встрѣчаемся съ мѣстными военными заговорами, хотя въ періодъ польскаго мятежа на сторонѣ возставшихъ и фактически и платонически и стали нѣкоторые представители русской государственности, какъ гражданской, такъ и военной.

Что касается событій въ Казани, то они уже непосредственно явились дѣломъ рукъ польскихъ агитаторовъ и имѣли своимъ ближайшимъ назначеніемъ отвлеченіе вниманія правительства и военныхъ силъ отъ западной границы къ востоку. Дѣло было задумано широко и въ его осуществленіи мы впервые послѣ долгихъ лѣтъ встрѣчаемъ методъ использованія страстей населенія въ опредѣленномъ направленіи при помощи царскаго манифеста, т. е. тотъ методъ, которымъ въ свое время такъ удачно пользовались и революціонные агитаторы московской Руси и въ особенности Емельянь Пугачевъ¹⁾. Отъ имени царя, воля котораго для народа была всегда священной, давались лже-обѣщанія и лже-распоряженія, коимъ сѣрая невѣжественная масса и внимала жадно и покорно, готовая, въ силу экономическихъ и классовыхъ интересовъ, обрушиться на прочія сословія, являвшіяся какъ бы противниками и ослушниками царевой воли. Планъ поляковъ (преимущественно офицеровъ, служившихъ въ казанскомъ военномъ округѣ) былъ слѣдующій. Долженъ былъ быть выпущенъ манифестъ, царская грамота, коимъ: 1) крестьянамъ безвозмездно отдавалась въ собственность вся помѣщичья земля; 2) населеніе получало право избранія уѣздныхъ и губернскихъ властей; 3) подушныя подати и рекрутчина уничтожались; 4) арміи распускались, и солдаты получали надѣлы изъ фонда государственныхъ земель. Населенію приказывалось возстать противъ чиновниковъ, которые бы противодействовали осуществленію этой программы.

Играя на такихъ инстинктахъ и идя навстрѣчу всегдашнимъ чаяніямъ массы въ направленіи изложенной программы, агита-

¹⁾ Впослѣдствіи и извѣстный революціонеръ Стефановичъ явился сторонникомъ такого способа поднятія населенія противъ помѣщиковъ и правительства и сдѣлалъ даже попытку его использованія, о чемъ еще рѣчь впереди.

торы надѣялись создать серьезное народное движеніе въ районѣ исконныхъ народныхъ русскихъ бунтовъ, т. е. Поволжья, и тѣмъ самымъ доставить, какъ въ годину Пугачева, правительству серьезныя затрудненія, которыя бы помѣшали ему сосредоточить свои силы противъ возставшихъ польскихъ и юго-западныхъ губерній. Кромѣ того, въ самой Казани надѣялись поднять возстаніе, для чего предполагали отбить отъ конвоя ожидавшуюся тамъ партію ссыльныхъ поляковъ и вмѣстѣ съ ними, какъ равно съ выпущенными изъ тюрьмы уголовными арестантами, съ частью революціонно-подготовленной молодежи и сотнею лицъ, тоже по преимуществу изъ учащейся молодежи, которые должны были пріѣхать изъ Москвы къ тому времени, организовать вооруженное выступленіе. Намѣчено было напасть на войсковыя казармы, арсеналь, контору государственнаго банка, завладѣть оружіемъ, боевыми припасами и деньгами, захватить въ свои руки пути сообщенія, какъ водные, такъ и сухопутные въ предѣлахъ бассейновъ Волги и Оки, овладѣть всѣми пароходами этихъ рѣкъ и перебросить черезъ посредство вооруженной флотиліи пламя возстанія на территорію всѣхъ близлежащихъ губерній. Главными дѣятелями, сдѣлавшими уже опредѣленные шаги къ осуществленію изложенной программы и ее разработавшіе, были офицеры: Иванецкій, Мрочекъ, Станевичъ, Маевскій, Госцевичъ, Новицкій, Орловъ, Олехновичъ и др. Однако, въ средѣ заговорщиковъ нашлось лицо, которое донесло правительству о готовившемся возстаніи, почему администраціей своевременно были приняты соотвѣтствующія мѣры къ отобранію у населенія раскидываемыхъ прокламацій-манифестовъ, большая часть агитаторовъ схвачена по путямъ ихъ проѣздовъ, арестованы, судимы полевымъ судомъ и подвергнуты разной степени наказаніямъ: пятеро разстрѣляны, пятеро сосланы въ каторжныя работы, а остальные сосланы въ Сибирь на поселеніе, приговорены къ тюремному сидѣнію и т. д.

Въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1864 г., № 24)¹⁾ все дѣло было опубликовано съ приведеніемъ резолюціи суда, при чемъ правительство не ограничилось простою передачею фактовъ и рѣшенія суда, но сочло долгомъ и дать освѣщеніе событіямъ. Здѣсь между прочимъ мы читаемъ:

«Подробное изслѣдованіе показало, что всѣ эти дѣйствія суть только различныя проявленія одного и того же преступнаго замысла, инициатива котораго принадлежитъ почти всецѣло польской партіи. Распространители лже-манифеста, дѣйствовавшіе въ мѣстности, прилегающей къ Окѣ и правому берегу Волги, были исключительно поляки. Заговоръ о вооруженномъ возстаніи въ Казани не имѣлъ также никакой другой цѣли, кромѣ поддержанія польскаго мятежа и поощренія вмѣшательства иностранныхъ державъ; цѣль эту поляки старались замаскировать

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

предъ русскими молодыми людьми, избравъ для переговоровъ съ ними поручика Черняка, хотя уроженца Виленской губерніи, но по вѣрѣ русскаго.

«Такимъ образомъ, какъ ни прискорбны, происшедшія событія, но преобладаніе въ нихъ польскаго элемента не даетъ имъ характера внутренняго движенія и вполне объясняетъ безуспѣшность дерзкихъ попытокъ злоумышленниковъ поколебать въ народѣ его глубокую, безграничную преданность Монарху-Освободителю...

«...Попытка эта (т. е. поднятіе возстанія въ Казани), какъ и всѣ другія, направленные къ произведенію вооруженнаго возстанія въ краѣ, разбилася о здравый смыслъ народа. Тотъ же здравый смыслъ предохранилъ народъ отъ важныхъ беспорядковъ, какіе могли слѣдовать отъ дѣйствій эмиссаровъ: Новицкаго, Госцевича, Маевского и Олехновича, отправленныхъ Кеневичемъ изъ Москвы 22-го апрѣля 1863 г. въ разныя губерніи для распространенія подложнаго манифеста, хотя манифестъ этотъ, данный, будто бы, государемъ императоромъ 31-го марта въ Москвѣ, не отличаясь ничѣмъ, въ типографическомъ отношеніи, равно и по придуманной формѣ редакціи, отъ подлинныхъ печатныхъ манифестовъ, очевидно, былъ разсчитанъ на простоту и легковѣріе народа... Выѣхавъ въ одно время по Нижегородской желѣзной дорогѣ, Новицкій, Госцевичъ, Маевскій и Олехновичъ слѣдовали, не раздѣляясь до Нижняго и отъ Нижняго до Арзамаса, откуда должны были начать подкидывать манифесты по деревнямъ и дорогамъ; изъ Арзамаса Маевскій и Олехновичъ повернули по тамбовскому тракту на Темниковъ и Спасскъ; далѣе путь ихъ лежалъ черезъ Шацкъ на города Рязанской губерніи: Сапожокъ, Ряжскъ, Скопинъ, Тульской: Елифанъ, Богородицкъ и Тулу; Госцевичъ и Новицкій направились изъ Арзамаса пензенскимъ трактомъ на Саранскъ и Городище; отсюда Госцевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ, а Новицкій черезъ Кузнецкъ (Саратовской губ.) въ Волжскъ, намѣреваясь, тотъ и другой, возвратиться на пароходѣ въ Нижній и оттуда желѣзной дорогой въ Москву. Но ни одному изъ нихъ не удалось кончить своего путешествія; всѣ они были преслѣдуемы полиціей и схвачены: Маевскій и Олехновичъ 26-го апрѣля въ Спасскѣ, Госцевичъ 29-го апрѣля въ Симбирскѣ и Новицкій 30-го апрѣля въ Самарѣ. Хотя по пути слѣдованія этихъ эмиссаровъ въ послѣдствіи мѣрами правительства было собрано весьма значительное количество экземпляровъ лже-манифеста, но лишь въ Пензенской губерніи, по поводу ихъ, крестьяне въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были взволнованы, такъ что для водворенія порядка потребовались особы мѣры. Предоставляемъ каждому оцѣнить по достоинству средства, къ которымъ прибѣгнули польскіе патріоты для достиженія своихъ цѣлей.»

Варшавскій эпизодъ и событія въ Казани, какъ видно, находятся въ непосредственной связи съ развитіемъ польскаго возстанія, почему и обратимся къ событіямъ въ царствѣ Польскомъ касаясь ихъ только въ самыхъ главныхъ чертахъ.

ЛІV

Польскому возстанію 1863 г. было посвящено столько изслѣдованій и статей, включая сюда и разныя воспоминанія о событіяхъ того года, напечатанныя на страницахъ «Историческаго Вѣстника», что вдаваться здѣсь въ фактическія подробности было бы излишнимъ. Отмѣтимъ лишь, что этотъ вѣковой «споръ сла-

вянь между собою» изъ области вооруженнаго единоборства, гдѣ обѣ стороны представляли собою двѣ совершенно опредѣленные національныя единицы, гдѣ не могло быть смѣшенія симпатій, гдѣ задачи каждой воюющей стороны были вполне ясны и строго очерчены, съ теченіемъ вѣковъ, съ накопленіемъ въ человѣчествѣ гуманитарныхъ идей, освѣщенныхъ философскими идеями, принимаетъ нѣсколько иное, болѣе сложное освѣщеніе, подѣ лучами котораго на глазахъ зрителей происходятъ нѣкоторая эволюція, придающая картинѣ борьбы иной смыслъ и иное значеніе. Русская прогрессивная интеллигенція протягиваетъ руку интеллигенціи польской и въ союзѣ съ нею мнитъ найти подкрѣпленіе въ своей борьбѣ съ роднымъ государственнымъ строемъ, причемъ во имя грядущей ожидаемой побѣды поступается своими національными интересами, интересами территориальными, т. е. такими сторонами, которыя въ былой борьбѣ предковъ стояли на первой очереди. Врагъ оказывается общимъ и сокрушенія его ради на сцену выступаетъ крайній альтруизмъ, надъ сѣнью котораго расцвѣтаетъ польскій патриотизмъ, т. е. націоналистическій принципъ. Послѣдній горячо привѣтствуется ихъ русскими союзниками, именно только что отказавшимися въ своей программѣ дѣйствій отъ такого же принципа въ примѣненіи къ своей родинѣ. Польша признается страной несправедливо обиженною, незаконно лишенною тѣхъ государственныхъ установленій, введеніе которыхъ въ Россіи является пламенною мечтою. Поляки тонко пользуются настроеніемъ союзниковъ, поддерживаютъ всяческими средствами ихъ пламень, но сами ограничиваютъ свою дѣятельность исключительно предѣлами своей націоналистической задачи. Въ декабрьскіе дни 1825 г. они уклонились отъ фактическаго союза съ политическими романтиками Сенатской площади, предоставивъ ихъ собственной участи; но въ дальнѣйшей своей программѣ дѣйствій польскій элементъ, вливаясь въ русскую стихію, игралъ главнымъ образомъ роль состава разложенія, который настойчиво подтачивалъ силу правительственной власти. Во многихъ случаяхъ, когда оппозиція выдвигалась организованною силою, мы видимъ въ ней дѣятельную руку поляковъ, которые въ данномъ случаѣ преслѣдуютъ не идейную и ближайшую цѣль, ради которой эта оппозиція организуется, а исключительно свою домашнюю, польскую, идеаломъ которой была свободная Польша, отдѣленная отъ Россіи, расширенная въ своихъ границахъ юго-западными губерніями, Польша «отъ моря и до моря». Демократическіе принципы равенства и братства сословій, которыми всегда увлекались русскіе энтузіасты, далеко не часто являлись членами польскаго символа вѣры. Они подогрѣвали эти вѣрованія у своихъ союзниковъ, а для своего домашняго обихода придерживались сплоснь и рядомъ иныхъ взглядовъ. И тѣмъ не менѣе союзъ русскихъ демократовъ

и польскихъ политическихъ дѣятелей всяческихъ мастей и категорій оставался крѣпокъ. Русскіе въ этомъ союзѣ были всегда гораздо болѣе альтруистичны и откровенны, поляки—болѣе эгоистичны и скрытны. Обаяніе Герцена и его слава были имъ принесены въ жертву исключительно польской идеѣ, а много ли было сдѣлано во имя его памяти тѣми, ради которыхъ онъ принесъ въ жертву свое перо?

Севастопольскій разгромъ и несчастный для насъ Парижскій миръ открыли надеждами поляковъ на возможность воспользоваться ослабленіемъ Россіи ради достиженія завѣтныхъ мечтаній о польскомъ королевствѣ съ присоединеніемъ къ нему литовскихъ и украинскихъ областей. Формула этого соединенія толковалась партіями—крайней (красной) и умѣренной (бѣлой) разнo: одни мечтали о демократической федераціи, другіе о постепенномъ сляніи областей съ преимуществами въ пользу польской народности. Крайніе готовы были на поднятiе возстанія чуть ли не вслѣдъ за крымскимъ разгромомъ, умѣренные предпочитали политику постепенности, допускали даже извѣстные компромиссы съ русскою властью, но главнымъ образомъ сосредоточивали свое вниманіе на территориальномъ расширеніи польскаго государственнаго начала. Велепольскій, назначенный начальникомъ гражданскаго управленія, пользовавшійся вліяніемъ и довѣріемъ въ Петербургѣ, успѣлъ въ первые годы царствованія Александра II провести немало реформъ, о коихъ когда-то поляки тщетно мечтали, но онъ оказался человѣкомъ неуступчивымъ въ крестьянскомъ вопросѣ, намѣчая его разрѣшеніе въ сословно-дворянскомъ направленіи. Въ результатъ своей политики компромиссовъ и упорства Велепольскій потерялъ всякое вліяніе и очутился въ изолированномъ положеніи. Л. Кульчицкій (Мазовецкій) въ своей книгѣ «Исторія русскаго революціоннаго движенія»¹⁾ обрисовываетъ положеніе дѣлъ такъ:

«Въ польскомъ обществѣ Велепольскій очутился въ совершенномъ одиночествѣ, какъ вслѣдствіе непринятія его программы ни «бѣлыми», ни «красными», такъ и въ виду своей полной непопулярности. Партія революціоннаго движенія, искавшая выхода въ возстаніи, считала всѣ реформы маркиза вредными, ибо онѣ якобы ослабляли антагонизмъ между Польшей и Россіей и могли отвлечь поляковъ отъ стремленій къ поднятію вооруженнаго возстанія; впрочемъ, они плохо вѣрили, что русское правительство исполнитъ принятія на себя обязательства и сохранить эти реформы. Умѣренная же партія, боясь вооруженнаго выступленія,

¹⁾ Л. Кульчицкій. Исторія русскаго революціоннаго движенія (съ портретами русскихъ революціонныхъ дѣятелей). Переводъ съ рукописи, переработанной авторомъ для русскаго изданія, Л. Б—скаго.

въ виду опасности не только со стороны русскаго правительства, но и со стороны польскихъ народныхъ массъ, была недовольна также тѣмъ, что Велепольскій политическую часть польскаго вопроса ставитъ слишкомъ опредѣленно, т. е. заранѣе отказывается отъ извѣстныхъ требованій, напр. — присоединенія къ царству Польскому Литвы и Малороссіи. По мнѣнію «бѣлыхъ», слѣдуетъ воздержаться отъ вооруженнаго выступленія, и правительственныя реформы, поскольку онѣ имѣютъ положительное значеніе принять, но ни отъ чего въ будущемъ не отказываться. Это была бесплодная и наивная политика, но нравившаяся людямъ, воспитаннымъ на фразахъ, слѣпо преданнымъ традиціи и лишеннымъ всякаго политическаго чутья. Они не понимали, что, отказывая въ поддержкѣ Велепольскому, они роковымъ образомъ ведутъ народъ къ возстанію.

«Между тѣмъ революціонная организація дѣлала значительныя успѣхи и представляла собой въ нѣкоторомъ родѣ шедевръ; она охватила всю страну и, несмотря на сильныя внѣшнія тренія и даже перевороты въ составѣ центральнаго комитета, внѣшнимъ образомъ являлась импонирующей силой.

«Имѣя въ своей средѣ значительное число лицъ, организація не могла совершенно уберечься отъ элементовъ, не всегда соотвѣтственныхъ; въ общемъ, однако, можно смѣло сказать, что въ ней сосредоточились, особенно до начала возстанія, люди наиболѣе энергичные и способные, представлявшіе собой большую нравственную величину. Но ни утонченно-цѣлесообразная система революціонной организаціи, ни безграничная преданность ея членовъ дѣлу, ни энергія и самопожертвованіе не могли, разумѣется, возмѣстить отсутствія крупной матеріальной силы, необходимой для достиженія цѣлей повстанческаго движенія, которое такимъ образомъ было заранѣе обречено на гибель. Современные его руководители перецѣнивали силы своего народа, какъ равно и русскаго революціоннаго движенія, и совершенно ошибочно полагались на международное вмѣшательство. Восторженный подъемъ сдѣлалъ ихъ совершенно неспособными къ спокойному и глубокому обсужденію политическаго положенія. Правда, они не желали, чтобы возстаніе вспыхнуло тотчасъ же, такъ какъ необходима была основательная подготовка, но не сознавали, что самыя обширныя и наилучше задуманныя приготовленія не устраняютъ неравенства польскихъ и русскихъ силъ».

Партія, стоявшая за возстаніе, рѣшила войти въ соглашеніе съ представителями русскаго революціоннаго теченія. Съ этою цѣлью Падлевскій и Гиллеръ отправились съ письмомъ центральнаго комитета въ Лондонъ, чтобы начать переговоры съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ. Въ своемъ письмѣ, напечатан-

номъ въ «Колоколъ»¹⁾, центральный комитетъ, ставшій во главѣ организуемаго возстанія, объявилъ на первомъ планѣ, что Польша возстаетъ теперь, опираясь на признаніе права крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полной самоправности всякаго народа располагать своей судьбой. Далѣе отмѣчалась разница, существующая относительно крестьянскаго дѣла въ Россіи и Польшѣ: «русское движеніе земское, наше—національное. Въ Россіи социальное движеніе разовьетъ политическую свободу; у насъ реорганизація общества можетъ быть только послѣдствіемъ освобожденія и возстановленія нашего края». Вторая часть письма охватывала собою самый жгучій вопросъ. Здѣсь мы читаемъ:

«Мы были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали, не могли и не можемъ признать. Поэтому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ²⁾, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ.

«Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши на прежнихъ ея границахъ, оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т. е. Литвинамъ и Русинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ собственной волѣ. Въ настоящихъ же нашихъ приговорительныхъ дѣйствіяхъ мы почитаемъ нашею святѣйшею обязанностью употребить всѣ усилія для того, чтобы Литва и Украина шли параллельно съ Польшею и чтобы народное возстаніе одновременно охватило всѣ части угнетенной родины нашей.

«Высказавъ нашъ образъ мыслей въ нашей программѣ, мы высказываемъ его и теперь откровенно, искренно, безъ всякой задней мысли, и повторяемъ, что мы даемъ полное удостовѣреніе въ нашемъ уваженіи къ полноправности народовъ, соединенныхъ съ Польшею и страдавшихъ вмѣстѣ съ нею. Требовать отъ насъ, чтобы мы, находясь подъ гнетомъ нашихъ враговъ, не имѣя свободы и возможности распоряжаться собою, отrekliсь отъ союза, который существуетъ и въ настоящее время, несмотря на раздѣлы; требовать отъ насъ, чтобы мы, на основаніи правъ, которыя мы признаемъ у другихъ народовъ, не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ — значитъ требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ.

«Изложивъ вамъ, какъ представителямъ свободной русской мысли, начала, на которыхъ мы призываемъ нашу родину къ великой борьбѣ, мы увѣрены, что братскій союзъ между русскими и поляками, на нашей польской землѣ, дастъ равно новую силу обонимъ на исполненіе тѣхъ судебъ, къ которымъ стремятся освобождающіеся народы».

Подъ такимъ демократическимъ флагомъ вступили польскіе революціонеры въ свои переговоры съ вліятельными руководителями «Колокола», и не было никакого сомнѣнія, что ихъ обра-

¹⁾ «Колоколъ» 1862 г., № 146.

²⁾ Т. е. малороссовъ.

ценіе будетъ встрѣчено Герценомъ съ полнымъ сочувствіемъ. Знаменитый эмигрантъ уже давно подготовлялъ русское общество въ отношеніи сочувствія полякамъ, съ прїѣздомъ же къ нему Бакунина и со вступленіемъ его въ составъ редакціи «Колокола» статьи газеты по польскому вопросу принимаютъ крайне страстный и зажигательный характеръ.

LV.

Издатели «Колокола» отвѣтили центральному комитету въ слѣдующемъ № своего изданія ¹⁾ такимъ письмомъ:

«Милостивые Государи!

«Письмо ваше къ намъ, помѣщенное въ прошломъ листѣ «Колокола», отмѣчаетъ новую эпоху въ великой эпопее польской борьбы за независимость. Начала, на которыхъ вы призываете народъ польскій къ возстанію, такъ широки и современны, такъ ясно высказаны вами, что мы не сомнѣваемся въ глубокомъ дѣятельномъ сочувствіи, которое возбуждаютъ ваши слова во всѣхъ русскихъ, желающихъ свергнуть съ себя устарѣлое и оскорбительное иго правительственной опеки.

«Что касается до насъ, намъ легко съ Вами идти; вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими; вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбой.

«Это наши основы, это наши догматы, наши знамена.

«Съ радостью передали мы ваши слова нашимъ соотечественникамъ и, благодаря вамъ отъ всего сердца за то, что вы избрали насъ посредниками вашего сближенія съ русскими, мы не можемъ ничѣмъ достойнѣе отвѣчать вамъ, какъ печатая прилагаемое письмо къ русскимъ офицерамъ, стоящимъ въ Польшѣ. Письмо это отвѣтъ; мы медлили цѣлые мѣсяцы, и очень рады, что медлили, — вы дали намъ «возможность утвердительно сказать, что намъ извѣстны ваши понятія о краеугольных началахъ народнаго дѣла вашего.

«Во имя ихъ да воздвигнется Польша, независимая, искушенная въ несчастіяхъ, окрѣпнувшая въ бою — да воздвигнется она безсословная, отбросивъ средневѣковые доспѣхи, безъ кольчуги и аристократическаго щига, пусть она явится славянскимъ поюнѣвшимъ атлетомъ, подающимъ одну руку—бѣдному хлопю, а другую—равноправному сосѣду.

«Во имя ихъ примите и нашу дружескую руку, слабую силами, но неизмѣнную въ убѣжденіяхъ; мы ее подаемъ вамъ какъ русскіе, мы любимъ народъ нашъ, мы вѣруемъ въ него и его будущность, и именно потому подаемъ вамъ ее на дѣло справедливости и свободы».

Въ помѣщенномъ вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ письмѣ къ русскимъ офицерамъ между прочимъ совѣтовалось имъ:

«...Итти подъ судъ, въ арестантскія роты, быть разстрѣленнымъ, какъ Сливцкій, Арнольдтъ и Ростовскій, быть поднятымъ на штыки, какъ грозилъ вашъ дикій кондотьерь Хрулевъ, но не подымать оружія противъ поляковъ, противъ людей, отыскивающихъ совершенно спра-

¹⁾ «Колоколь» 1862 г., № 147.

ведливо свою независимость. Поддерживать силою оружія правительство, составляющее польское и наше несчастіе, вамъ невозможно, не совершивъ сознательныхъ преступленій или не унижившись до степени безсознательныхъ палачей. Дисциплина не обязательна тамъ, гдѣ она зоветъ на злодѣйство,—не вѣрьте этой религіи рабства, на ней основаны величайшія бѣдствія народовъ. Не подымать оружіе противъ поляковъ заставляетъ васъ совѣсть, уваженіе къ правотѣ ихъ дѣла, къ достоинству челоуѣка и, наконецъ, уваженіе къ нашему русскому земскому дѣлу.

«Нельзя начинать эту свободу въ своей родинѣ, затягивая веревку на шею сосѣда; нельзя себѣ требовать правъ и тѣснить во имя матеріальной силы и политическихъ фантазій другой народъ. На этихъ властолюбивыхъ притязаніяхъ, на развитіи грубыхъ страстей стяжанія и захватыванія держались и держатся уродства военныхъ лагерей, заслоняющихъ мнимымъ величіемъ и побѣдоносными знаменами внутреннее неустройство и безвыходное рабство подданныхъ».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ № 151 «Колокола» появилось сильно написанное новое письмо:

«Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ», гдѣ говорилось, что мѣстные офицеры рѣшили «не опозорить русскаго имени продолженіемъ грѣховъ петербургскаго императорства; лучше падемъ жертвою очищенія, жертвою искупленія». Далѣе совѣтовалось составлять тайные военные комитеты, распропагандировать солдатъ, пріобщать ихъ въ составъ комитета и за симъ —

«Когда вы составите крѣпкіе кружки или комитеты, единодушно съ солдатами, войдемъ въ сношеніе и сомкнемся духомъ и дѣломъ во едино.

«Отъ Петербурга и Бессарабіи, отъ Урала и Дона, отъ Черноморья и Кавказа—пойдемъ спокойнымъ строемъ черезъ всю землю русскую, не допуская ненужнаго кровопролитія, давая народу свободно учреждаться въ волости и области и клича на земскій соборъ людей, выбранныхъ отъ всей земли русской для общаго союза и разумнаго устройства.

«Мы не самолюбивы. Мы не ставили себя центральнымъ комитетомъ. Пусть нами и вами руководятъ самые способные. Назовите ихъ, и мы пойдемъ за ними.

«Но торопитесь, время дорого.

«Если же судьба рѣшитъ, что мы прежде васъ должны будемъ отказаться отъ палачества и примкнуть къ дѣлу свободы, то завѣтъ настоящей воли народной, принятый нами отъ Пестелей и Рылѣевыхъ, мы передаемъ вамъ.

«Товарищи! Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся.

«Отъ васъ зависитъ, чтобъ это была не смерть, а жизнь новая!»

Такова была подготовительная агитація среди войсковыхъ частей на пользу поляковъ, которую пропагандировали издатели «Колокола», но... исторія совершила свой кругъ: возстаніе вспыхнуло, раздалась выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ, кровь пролилась, и Герценъ, точно предвидя печальный для поляковъ исходъ, посвятилъ началу кровавыхъ событій одну изъ своихъ лучшихъ лирическихъ статей, которая была между прочимъ и своего рода лебединою пѣсней его политическаго вліянія и популярности въ Россіи. Съ этого момента начинается затменіе его славы; онъ встрѣчаетъ сильный отпоръ, и навстрѣчу его рѣчамъ полилась съ Страстнаго буль-

вара громкая и сильная рѣчь другого публициста, который на борьбѣ съ руководителемъ «Колокола» и создаетъ свою извѣстность. Публицистъ этотъ былъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, еще недавній западникъ-англоманъ и поклонникъ парламентаризма, которому судьба уготовила занять впоследствии въ русской печати исключительное положеніе по силѣ своего вліянія на административныя сферы. Польскій вопросъ и борьба съ Герценомъ

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

были тою волною, которая подняла его вверхъ, преобразила его публицистическій ликъ и сконцентрировала около его имени и выкинутого имъ патріотическаго знамени національное чувство большинства соотечественниковъ.

Вотъ эта лирическая статья Герцена ¹⁾:

¹⁾ «Колоколъ» 1863 г., № 155.

«Туча, которую мы указывали тогда, разразилась!

«Возстаніе зажглось, горитъ и распространяется въ Польшѣ. Что сдѣлають петербургскія пожарныя команды?... Зальютъ его кровью—или нѣтъ?.. Да и тушить ли кровь?»

«Неужели этому царствованію, которсе такъ легко могло быть кроткимъ, человѣческимъ, суждено заступать глубже и глубже въ кровь? Кровью не вездѣ можно перейти въ бродъ...»

«Возстаніе это всѣ предвидѣли, оно не могло не быть при безобразномъ полицейскомъ наборѣ; объ немъ предупреждали и мы, и десять другихъ журналовъ; были даже люди, которые предупреждали великаго князя и государя, — они не хотѣли отстраненія возстанія, они избрали кровь!»

«Ну, Константинъ Николаевичъ! Какъ вы сладите съ вашей совѣстью? Ужъ не ѣхать ли куда-нибудь на горькія или кислыя воды? За чѣмъ, Бога ради, за чѣмъ вы пріѣзжали въ Польшу? Кто этотъ личный врагъ вашъ, который вамъ далъ эту несчастную мысль?»

«И вы, маркизь, не даромъ старались ваше длинное имя записать въ польскую исторію! Выскоблить его оттуда будетъ трудно—потому что торжественно хороша страница, въ которую оно попало кровавымъ пятномъ—одна изъ лучшихъ въ хроникѣ вашего отечества.»

«Въ самомъ дѣлѣ, что за геройство, что за несокрушимая отвага, что за неизлагаемая любовь! Въ виду цѣлаго войска, двухъ, трехъ войскъ, съ злѣйшими врагами за спиною, открыто поднять знамя возстанія и, бросая перчатку дикому самовластью, громко сказать: «Довольно! Мы не хотимъ больше терпѣть. Ступай вонъ, или клюй ворономъ наши трупы!»»

«Да, поляки, братья, погибнете ли вы въ вашихъ дремучихъ Мицкевическихъ лѣсахъ, воротитесь ли свободными въ свободную Варшаву, міръ равно не можетъ вамъ отказать въ удивленіи. Начинаете ли вы новую эру независимости и развитія, заключаете ли вашей смертью вѣковую, непрерывную борьбу—вы велики. Во всемъ благословенна родина ваша; она, въ своемъ терновомъ вѣнцѣ, можетъ гордиться сыновьями. Въ васъ благородно, изящно сочетались два великихъ наслѣдства двухъ великихъ покойниковъ; все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всѣмъ доблестнымъ и могучимъ древне-римскаго гражданина.»

«Хвала вамъ!»

«...И когда мы, возлѣ васъ, идущихъ на смерть, на каторгу, представляемъ себѣ бѣднаго русскаго воина, мы готовы рыдать, какъ дѣти. Онъ долженъ краснѣть своихъ побѣдъ и бояться своихъ успѣховъ. Его положеніе страшно, быть палачомъ людей, вызванныхъ на возстаніе, или итти противъ своихъ—гдѣ тутъ воля выбора?»

«Горе властямъ, какъ искушающимъ, такъ и бросающимъ смятеніе въ душу, насильственно разсѣкая совѣсть и противопоставляя одинъ долгъ другому, одну любовь другой... Святыню самобытной совѣсти и нравственнаго права личности—святыню родовой связи, преданія, крови. Нѣтъ, это не народная война—это полицейское усмирненіе войсками: это тѣ ружья, которыя стрѣляли въ Безднѣ, это тѣ приклады, которыми били петербургскихъ студентовъ, это тѣ штыки, которыми завтра будутъ колоть крестьянина русскаго, по командѣ тѣхъ же русскихъ нѣмцевъ, за то, что онъ хочетъ съ волей земли.»

«Большое несчастіе, что польское возстаніе пришло рано; многіе, и мы въ томъ числѣ, дѣлали все нашими слабыми силами возможное, чтобы задержать его... Велепольскій и его Телемаки рѣшили иначе... Передъ совершающимися событіями—смирненіе, а не судъ: иныя силы, не сила слова рѣшаетъ вопросъ.»

— «Что сдѣлаетъ Европа? Она не допуститъ? Допуститъ ли она еще разъ?»

Допуститъ.

Она устами другого монарха обезпечитъ, «что національность польская не погибнетъ», и успокоитъ народное сочувствіе извѣстіемъ съ трибуны, «что порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ».

Въ Англіи будутъ ненужные, безсильные, но очень великодушные митинги, и одна Германія приметъ искреннее участіе своей радостью— что славяне, во всякомъ случаѣ, будутъ бить славянъ.

Пророчество Герцена сбылось почти дословно, и его пламенная агитація среди европейскихъ народовъ въ пользу поляковъ реальныхъ результатовъ положительнаго характера имъ не принесла. Европа встрѣтила рѣшительный отпоръ русскаго правительства и отступила передъ твердымъ словомъ послѣдняго.

LVI.

Попытки поляковъ «отвлечь» силы русскаго правительства успѣха не имѣли и, при всей растерянности его на первыхъ порахъ возстанія, оно, несмотря на очень трудныя, переживаемыя имъ въ тѣ годы затрудненія внутренняго характера, въ концѣ концовъ подавило мятежъ вооруженною силою. Вотъ какъ излагаетъ ходъ событій польскій историкъ, слова котораго и приводимъ здѣсь, ради «безпристрастія», несмотря на наше несогласіе съ нимъ въ освѣщеніи нѣкоторыхъ моментовъ событій и въ нѣкоторыхъ выводахъ, имъ сдѣланныхъ. Г. Кульчицкій повѣствуетъ ¹⁾:

«Польское возстаніе вспыхнуло въ ночь съ 22 на 23 января 1863 года. Рекрутскій наборъ, объявленный Велепольскимъ, ускорило его начало. Но можно смѣло сказать, что вооруженное выступленіе совершилось бы во всякомъ случаѣ, если не черезъ полгода, то черезъ годъ. Настроеніе польскихъ революціонеровъ сдѣлало возстаніе неизбѣжнымъ.

«Партія возстанія имѣла во главѣ беззавѣтно преданныхъ дѣлу, чрезвычайно энергичныхъ, избранныхъ заговорщиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, лишенныхъ всякаго политическаго чутья, строящихъ свои расчеты не на добросовѣстномъ и всестороннемъ анализѣ фактовъ, но на страстныхъ порывахъ чувства, которое и создавало вѣру въ успѣхъ борьбы.

«Когда рекрутскій наборъ былъ объявленъ, руководители движенія рѣшили начать возстаніе, хотя и не были къ нему подготовлены. Гражданская организація была прекрасна, но военная— крайне слаба и полна недостатковъ. Въ странѣ совершенно не хватало оружія, повстанческіе отряды плачевно малочисленны.

¹⁾ Л. Кульчицкій. «Исторія русскаго революціоннаго движенія».

«Народовое правительство выпустило въ моментъ начала возстанія манифестъ, въ которомъ начертало крестьянскую реформу, какую оно рѣшило провести: крестьяне, пользующіеся на чиншевомъ правѣ или на барщинѣ¹⁾ помѣщичьей землей, получаютъ ее въ собственность; безземельные крестьяне, стало быть тѣ, что изъ поколѣнія въ поколѣніе не пользовались господской землей и были разнаго рода батраками, но принимаютъ нынѣ участіе въ возстаніи, получаютъ также земельные участки въ собственность; помѣщиковъ страна вознаграждаетъ изъ государственныхъ средствъ.

«Народовое правительство предписало ксендзамъ манифестъ о надѣленіи крестьянъ землей оглашать съ амвона, повстанческимъ отрядамъ приводить его въ исполненіе. Дѣйствительно, этотъ декретъ въ точности исполнялся гражданскими и военными властями повстанцевъ въ тѣхъ мѣстахъ страны, гдѣ въ ихъ рукахъ находилась фактическая сила.

«Русское правительство — какъ это уже теперь съ несомнѣнностью доказано — могло подавить возстаніе въ зародышѣ. Въ царствѣ Польскомъ находилось около 100.000 вполнѣ снаряженнаго русскаго войска. Этой крупной силѣ повстанцы могли противопоставить первоначально нѣсколько тысячъ плохо вооруженныхъ людей. Крѣпости находились въ рукахъ русскаго правительства. Перевѣсъ, слѣдовательно, находился всецѣло на сторонѣ послѣдняго. Оно также было прекрасно освѣдомлено о готовящемся возстаніи. Въ Петербургѣ съ нимъ даже считались. Между тѣмъ власти въ царствѣ Польскомъ послѣ открытія повстанческихъ дѣйствій вели себя до крайности безтолково и отдавали распоряженія столь странныя, что могли возбудить подозрѣніе въ желаніи способствовать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, распространенію повстанческаго движенія.

«Въ чемъ же заключалась причина такого поведенія русскихъ властей въ царствѣ Польскомъ? Историки 1863 и 1864 гг. высказываются различно. Одни полагаютъ, что власти хотѣли подавить движеніе лишь послѣ его распространенія, чтобы такимъ образомъ нанести польскому народу ударъ болѣе жестокой и чувствительный, чѣмъ при обратныхъ условіяхъ; другіе, — что варшавскія власти переоцѣнивали силы движенія; наконецъ, нѣкоторые подозрѣваютъ великаго князя Константина въ честолюбивыхъ замыслахъ.

«Прусское правительство тотчасъ же предложило въ Петербургѣ и Варшавѣ свою помощь, къ чему центральныя власти отнеслись благосклонно, варшавскія же — иронически. Однако и петербургское правительство въ ближайшее время не имѣло въ виду воспользоваться содѣйствіемъ услужливаго сосѣда.

¹⁾ Крѣпостное право было уничтожено еще при герцогствѣ Варшавскомъ въ 1807 году, крестьяне были признаны «вольными», но земля осталась помѣщичьей.

«Уже въ первые мѣсяцы возстанія стало очевиднымъ, что оно не удастся. Крестьяне сочувствовали ему лишь отчасти, силы исчерпывались, оружія и денегъ не было.

«Сначала партія «бѣлыхъ» не принимала участія въ движеніи, и только когда имъ удалось склонить Наполеона III къ представленію русскому правительству ноты въ защиту поляковъ, они присоединились къ возстанію. Отсюда въ слѣдующемъ періодѣ возстанія замѣтенъ нѣкоторый подъемъ польскихъ силъ; ряды повстанцевъ заполняются новыми людьми, шляхта, часть аристократіи и буржуазіи не скупаются на щедрія пожертвованія. вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду руководителей возстанія начинаютъ проникать люди, настроенные консервативно, опасующіеся движенія народныхъ массъ и относящіеся безразлично къ требованію декрета народоваго правительства о надѣленіи крестьянъ землей. Крестьяне, благодаря первоначальнымъ успѣшнымъ дѣйствіямъ, стали въ болѣе замѣтномъ количествѣ заполнять повстанческіе ряды только къ концу 1863 и началу 1864 г., когда военныя власти повстанцевъ уже не въ силахъ были доставить добровольцамъ въ достаточномъ количествѣ оружіе.

«Какъ передъ началомъ возганія, такъ и послѣ, среди руководителей происходитъ борьба за направленіе и форму движенія и власть.

«Изъ царства Польскаго возстаніе перекинулось въ Литву и Бѣлоруссію. Въ Жмудзи (Ковенская губ.) оно приняло сравнительно крупныя размѣры, что объясняется многочисленнымъ участіемъ въ немъ ксендзовъ и его католической окраской, ибо жмудскіе крестьяне — усердные католики. Въ Бѣлоруссіи движеніе въ общемъ осуществлялось слабо, за исключеніемъ Гродненской губерніи, гдѣ имѣется нѣсколько совершенно польскихъ уѣздовъ и нѣкоторые уѣзды польскіе по преимуществу.

«Страшное разочарованіе ожидало повстанцевъ на Волыни, Подоліи и Украинѣ; крестьяне хватали тамъ польскихъ революціонеровъ и отдавали ихъ въ руки русскихъ властей, подчасъ убивали схваченныхъ, подвергая ихъ предварительно истязаніямъ и пыткамъ.

«Для всѣхъ трезво смотрѣвшихъ на вещи стало очевидно, что требованіе возстановленія исторической Польши является пагубной мечтой.

«Дипломатическое вмѣшательство Англійи и Франціи разбилося о безразличіе Австріи и враждебность къ полякамъ Пруссіи. Ни одна изъ державъ не предприняла соотвѣтственныхъ шаговъ съ оружіемъ въ рукахъ. Русское правительство, сначала встревоженное движеніемъ ¹⁾, постепенно почувствовало почву подъ но-

¹⁾ Императрица Марія Александровна на прощальной аудіенціи Муравьеву, отправлявшемуся въ Литву, выразила желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ эта область осталась за Россіей.—стало быть, наверху считались съ возможностью потерять царство Польское.

гами. Князь Горчаковъ отвѣтилъ западнымъ державамъ весьма надменно, что русско-польское столкновение является внутреннимъ дѣломъ Россіи, въ которое она никому не позволитъ вмѣшиваться.

«Польское возстаніе вызвало реакцію въ русскомъ обществѣ, главнымъ образомъ потому, что предъявило притязанія на Литву и Малороссію. Не только консерваторы, но и громадное большинство либеральныхъ элементовъ высказалось въ борьбѣ съ поляками въ пользу правительства.

«И правительство съ удвоенной энергіей и жестокостью подавляло возстаніе, которое въ 1864 году уже близилось къ концу.

«Подавивъ его, правительство провело въ Польшѣ крестьянскую реформу—изъ политическихъ соображеній—на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ въ самой Россіи, а также предоставило крестьянамъ въ западныхъ губерніяхъ нѣкоторыя особыя права. Затѣмъ настали тяжелыя времена правительственной реакціи и реакціи въ самомъ обществѣ. Страна подверглась опустошенію, около 100.000 человѣкъ наиболѣе энергичныхъ и дѣльныхъ погибло на полѣ битвы и въ Сибири».

Русскій историкъ той эпохи, С. С. Татищевъ въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе»¹⁾, въ главѣ «Крамола», указывая на успокоеніе русскаго общества, послѣ принятія мѣръ правительственной строгости, начиная съ 1863 года, говоритъ: «Не столько, однако, эти мѣры строгости, сколько вспыхнувшій въ началѣ 1863 года мятежъ въ царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ произвелъ въ настроеніи русскаго общества коренной и спасительный переломъ. Свораченная съ праваго пути русская молодежь очнулась, отрезвилась и прикнула къ единодушному выраженію патріотическихъ чувствъ всѣхъ званій и состояній русскаго народа, слѣшившихъ излить ихъ передъ государемъ, какъ олицетвореніемъ отечества, верховнымъ блюстителемъ его цѣлости, независимости и достоинства. Посреди всеобщаго, всенароднаго одушевленія, какъ дымъ, разсѣялись революціонныя бредни ничтожнаго и безпочвеннаго меньшинства. Напрасно пытались снова сплотить и возмутить его лондонскіе выходцы, открыто выступившіе защитниками польскихъ притязаній; напрасно старался повліять на него польскій революціонный комитетъ, руководившій возстаніемъ и имѣвшій въ русской столицѣ сильныя связи даже въ высшихъ правительственныхъ кругахъ; воззванія, печатанныя въ Лондонѣ, распространяемыя въ Россіи по распоряженію варшавскаго жонда и обращенныя къ русскимъ образованнымъ классамъ, къ офицерамъ и солдатамъ,

¹⁾ С. С. Татищевъ, «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе», томъ II.

къ казакамъ, наконецъ, къ крестьянамъ, оставались безъ отклика. Не оправдались и надежды, возлагавшіяся на дѣйствіе подложнаго манифеста, составленнаго отъ царскаго имени и раскинутаго по всему Поволжью, въ которомъ объявлялась высочайшая воля о предоставленіи крестьянамъ всей земли, оставшейся за надѣломъ ихъ въ собственность государства и землевладѣльцевъ. Велико-русскіе крестьяне также мало поддались на его прельщеніе, какъ крестьяне малорусскіе на обѣщаніе «Золотой грамоты», изданной отъ имени жонда народоваго съ приглашеніемъ ихъ возстать противъ русскаго правительства, за что вся земля, которою они пользовались, предоставлялась имъ въ безвозмездную собственность. Крестьяне повсюду представляли грамоты властямъ и выдавали имъ ихъ распространителей. Такъ разсыпались во прахъ революціонныя грезы при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Заступничество за поляковъ окончательно подорвало вліяніе на русское общество лондонскихъ выходцевъ, первый ударъ которымъ нанесъ въ русской печати Катковъ, громовою статьею отвѣтившій на вызовъ Герцена и возложившій на него отвѣтственность за гибель множества молодыхъ людей, совраченныхъ или увлеченныхъ его писаніями. «Колоколъ», расхивившійся въ первые годы своего существованія въ количествѣ отъ 2000 до 2500 экземпляровъ, спустился до 500, а съ 1868 года прекратился совсѣмъ. Послѣ подавленія польскаго мятежа совершенно прекратились острия проявленія революціоннаго броженія въ Россіи. Государственныя преобразованія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, судебная реформа и введеніе земскихъ учрежденій открывали молодежи широкой доступъ къ участию въ дѣлахъ управленія. Если и обнаруживались еще конституціонныя вождедѣнія, то на легальной почвѣ, въ видѣ ходатайства дворянства и земскихъ собраній».

Дѣйствительно, польскій мятежъ взмылилъ волну націоналистическаго чувства въ Россіи, оказалъ на общество охлаждающее вліяніе, но въ исторіи развитія революціоннаго движенія онъ сыгралъ слабую роль. Оно по совпаденію обстоятельствъ (главнымъ образомъ, благодаря многочисленнымъ арестамъ и репрессивнымъ мѣрамъ, а также послѣдовательно проводимымъ реформамъ въ разныхъ отрасляхъ управленія) временно затихло, но это было только затишье передъ бурей, которая спустя три года и начала разыгрываться.

LVII.

Мы уже знакомы съ исторіей, имѣвшей мѣсто на дворянскомъ собраніи Тверской губерніи, и съ адресомъ, поднесеннымъ мѣстнымъ дворянствомъ государю императору ¹⁾. Результатомъ былъ арестъ многихъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, заключеніе ихъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., августъ.]

въ Петропавловской крѣпости и преданіе суду, который въ августѣ 1862 года и вынесъ имъ слѣдующій мотивированный приговоръ¹⁾:

«Въ «Сѣверной Почтѣ» (отъ 21 февраля 1862 г., № 39) объявлено было о преданіи по высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената тринадцати тверскихъ дворянъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, за письменное заявленіе мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они намѣрены впередъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19 февраля 1861 года и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу. По разсмотрѣніи дѣла въ правительствующемъ сенатѣ (по 1 отдѣленію 5 департамента) упомянутыя лица: новоторжскій предводитель дворянства коллежскій секретарь Алексѣй Александровъ Бакунинъ, бывший членъ губернскаго присутствія отставной штабсъ-капитанъ Николай Александровъ Бакунинъ, корчевскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ Сергѣй Михайловъ Балкашинъ; мировые посредники: отставной подполковникъ Павелъ Александровъ Глазенапъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Николай Петровъ Харламовъ, отставной поручикъ Николай Михайловъ Полторацкій, отставной гвардіи поручикъ Максимъ Андреевъ Лазаревъ, губернский секретарь Логгинъ Ѳеодоровъ Лихачевъ, отставной поручикъ Александръ Николаевъ Невѣдомскій, отставной поручикъ Василій Николаевъ Кудрявцевъ, коллежскій ассессоръ Андрей Ѳеодоровъ Кислинскій; кандидаты мировыхъ посредниковъ: отставной подпоручикъ Алексѣй Петровъ Демьяновъ и отставной поручикъ Леонидъ Алексѣевъ Ширококовъ—признаны виновными въ составленіи и распространеніи заявленія, заключающаго въ себѣ недозволенные сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, съ нарушеніемъ служебнаго порядка, за что, по силѣ существующихъ законовъ, рѣшеніемъ правительствующаго сената определено: лишивъ упомянутыхъ лицъ нѣкоторыхъ по 54 статьѣ уложенія особенныхъ правъ и преимуществъ, подвергнуть ихъ заключенію въ смирительномъ домѣ, сообразно разнымъ степенямъ виновности подсудимыхъ, на слѣдующіе сроки: коллежскаго секретаря Бакунина на два года и четыре мѣсяца, коллежскаго ассессора Кислинскаго на два года, а остальныхъ на два года и два мѣсяца. Рѣшеніе это было объявлено подсудимымъ 10 іюня и на основаніи онаго они были подвергнуты заключенію 18 іюля. Государь императоръ, по случаю торжественнаго дня тезоименитства государыни императрицы, всемилостивѣйше соизволилъ освободить всѣхъ упомянутыхъ лицъ отъ присужденнаго имъ заключенія,

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

сохранивъ затѣмъ силу приговора въ остальной его части. Вслѣдствіе сего упомянутыя лица освобождены отъ заключенія 22 іюля».

Политическія тенденціи, сказавшіяся въ тверскомъ адресѣ, сквозили въ періодъ 1862—1863 г. и въ другихъ адресахъ и обращеніяхъ, направляемыхъ къ государю. Этого не были чужды и адреса юго-западныхъ губерній, выставившіе свои desideria въ связи съ надвигавшимися польскими революціонными событіями, эти же мысли еще рельефнѣе проводились въ проектѣ чисто-русскаго адреса, составлявшагося при непосредственномъ участіи Герцена, Огарева и Н. Тургенева. Такъ, дворянство Подольской губерніи жаловалось на «отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами»; могилевское дворянство ходатайствовало о введеніи гласнаго суда, возстановленіи виленскаго университета, о введеніи принципа религіозной и національной равноправности; минскіе дворяне просили равенства всѣхъ сословій и исповѣданій, свободы совѣсти и учрежденій, согласныхъ съ духомъ народа (т. е. польскаго народа) и т. д. Тургеневъ, редактируя проектъ адреса на высочайшее имя, вставлялъ въ мотивировку подачи слѣдующія соображенія: «необходимо внести въ положеніе 19 февраля 1861 г. нѣкоторыя дополненія и улучшенія и привести весь остальной составъ Русскаго государства въ гармонію съ совершившимся переворотомъ, а для этого, раскрывъ безпощадной рукой всѣ безобразія нашей администраціи, суда, финансовъ и т. д., требовать созванія земскаго собора, какъ одного спасенія Россіи, однимъ словомъ, доказать правительству, что оно должно продолжать начатое имъ». Но этотъ адресъ не былъ представленъ, ибо тогда уже стали извѣстны намѣренія правительства «насчетъ губернскихъ сеймовъ—этого перваго шага къ парламентскимъ формамъ». Такъ смотрѣли многіе представители нашей общественности на подготовлявшуюся тогда земскую реформу, и такой же взглядъ отчасти не былъ чуждъ и руководителямъ нашей административнаго вѣдомства, какъ Н. Милютину и даже самому министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву. Необходимо вообще замѣтить, что частію подъ впечатлѣніемъ страха передъ развертывавшимися революціонными событіями у себя дома, частію подъ вліяніемъ польскаго мятежа, а также подъ давленіемъ еще не совѣмъ утратившей своего вліянія либеральной печати, въ правительственныхъ сферахъ продолжали носиться прогрессивныя идеи, родственныя по духу тому, что являлось катехизисомъ западнической либеральной общественной фракціи. Мраморный дворецъ продолжалъ давать тонъ, и здѣсь находили себѣ протекцію новыя представители административнаго вѣдомства, выдвинутыя на смѣну былымъ руководителямъ нашего государственнаго механизма.

Своимъ злымъ перомъ князь Мещерскій въ своихъ извѣстныхъ уже читателямъ воспоминаніяхъ¹⁾ такъ рисуетъ положеніе дѣлъ въ этомъ направленіи²⁾: «Одною изъ характерныхъ чертъ того времени было то, что тогда, подъ вліяніемъ царившаго въ политической атмосферѣ стремленія въ прогрессу, т. е. къ реформамъ по всѣмъ отраслямъ управленія, искались люди, своего рода спеціалисты,—то для одной, то для другой отрасли.

«Прежде всего искали спеціалиста для финансовъ, они считались и дѣйствительно были разстроены послѣ Крымской войны; и первыя попытки къ ихъ починкѣ, порученныя старику Княжевичу, не особенно считались удачными. Изъ Мраморнаго дворца... вылетали извѣстныя имена, особенно рекомендовавшіяся какъ личности, какъ молодыя и способныя силы, и между ними вылетѣло имя Рейтерна. Его признали годнымъ быть спеціалистомъ по части финансовъ, отправили за границу, и чуть ли даже не въ Америку, съ задачею готовиться быть министромъ финансовъ. Рейтеръ поѣхалъ за границу; какъ способный, старательный и добросовѣстный вѣмецъ, онъ дѣйствительно употребилъ свою поѣздку для изученія финансовыхъ вопросовъ, и когда онъ вернулся, ему отдали русскіе финансы въ управленіе. Помню, что въ то время, не безъ основанія, серьезные люди недоумѣвали, почему бы будущему министру финансовъ не посвятить два годика на путешествіе по Россіи, для ея изученія въ экономическомъ отношеніи, что было бы, несомнѣнно, полезнѣе путешествія за границу, но въ то же время эта простая мысль не пришла никому изъ заправиль въ голову...

«Изъ того же Мраморнаго дворца вылетѣло другое имя, спеціалиста-педагога,—это имя Александръ Васильевичъ Головинъ. Министерство народнаго просвѣщенія не клеилось. Назначеніе Ковалевскаго, почтеннаго, добраго, умнаго человѣка, не давало никакихъ результатовъ въ смыслѣ приведенія въ порядокъ учебнаго міра, расшатаннаго и деморализованнаго послѣ Уварова, и въ особенности послѣ періода безпорядковъ 61 и 63 годовъ. Всѣ понимали и сознавали, что нуженъ энергичный и твердый человѣкъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, но въ высшихъ сферахъ тогда взглянули иначе: тамъ подумали, что нуженъ популярный человѣкъ, и тогда-то вылетѣло имя Головина. Въ консервативныхъ кружкахъ Петербурга это имя было не любимо; всѣ знали, что Головинъ—главный вдохновитель крайнихъ либеральныхъ тенденцій, и потому съ большимъ недоумѣніемъ и разочарованіемъ отнеслись къ факту признанія Головина спеціалистомъ

¹⁾ Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Т. 1.

²⁾ По тому же предмету читатели найдутъ немало интереснаго матеріала и въ печатаемыхъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ «Запискахъ сенатора Фишера».

по части педагогики и самымъ надежнымъ кандидатомъ на должность министра просвѣщенія. Во всякомъ случаѣ, это было странное назначеніе: всѣ знали Головнина, какъ либерала, но никто никогда не слышалъ о Головинѣ, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ какое-либо отношеніе къ педагогическому дѣлу, и тѣмъ паче какую-нибудь подготовку или хотя какія-нибудь по этой специальности свѣдѣнія. Иные сомнѣвались даже въ достаточной степени его образованія. А глядя на его маленькую, неуклюжую и нестройную фигуру, съ несоразмѣрной туловищу головою и съ лицомъ, гдѣ читались сухость и что-то непривѣтливое, всѣ спрашивали про Головнина: да имѣетъ ли этотъ человѣкъ довольно сердца, чтобы любить учащуюся молодежь?..

«...Затѣмъ искать принялись третьяго рода специалистовъ—специалистовъ по судебной реформѣ. И нашелся тогда очень оригинальный или, вѣрнѣе, странный, который и сыгралъ свою историческую роль, несмотря на то, что опять-таки серьезные люди недоумѣвали, почему именно онъ попалъ въ специалисты. Специалистъ этотъ былъ маленькій въ іерархіи чиновничьей человѣкъ, Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ, если не ошибаюсь, естественныхъ наукъ, ни раньше, ни послѣ не думая, что ему будетъ суждено играть роль специалиста по судебной реформѣ. Братъ его Митрофанъ былъ моимъ товарищемъ по училищу и пріятелемъ, и черезъ него я имѣлъ свѣдѣнія объ Одиссеѣ его брата... Онъ направился за границу, побывалъ во Франціи, побывалъ въ Италіи и привезъ съ собою находку: судебные итальянскіе уставы, какъ извѣстно, скопированные съ французскихъ, только съ большимъ оттѣнкомъ либерализма. И вотъ въ Петербургѣ всѣ ахнули: батюшки, какое сокровище, а мы-то, дураки, и не подозрѣвали, и сразу туриста-дилетанта Сергѣя Заруднаго взяли и пожаловали въ Христофора Колумба для Россіи по судебной реформѣ... Съ нимъ стали носиться... Я съ нимъ познакомился и долженъ признаться, что очень добродушно удивился, почему судьба такого обыкновеннаго по уму и столь мало юридически образованнаго человѣка избрала въ апостолы судебной реформы для Россіи, и почему именно совсѣмъ юридически необразованный кандидатъ-математикъ или естествовикъ былъ признанъ специалистомъ по судебной реформѣ. Можно было подумать, что главное, что составляло таинственную прелесть Заруднаго въ то время, было его фанатическое обожаніе къ иностраннымъ судебнымъ порядкамъ и полное презрѣніе къ русскимъ порядкамъ, а обожаніе иностранныхъ порядковъ, въ свою очередь, происходило отъ мысли, что они проникнуты либерализмомъ».

Въ этихъ характеристикахъ стараго публициста много утрировки, но общее освѣщеніе побудительныхъ мотивовъ, двигавшихъ правительственными органами, при выборѣ тѣхъ или иныхъ дѣй-

ствовавшихъ лицъ, сдѣлано правильно. Исповѣданіе принциповъ либерализма было рѣшающимъ элементомъ при подборѣ въ началѣ 60-хъ годовъ представителей вѣдомствъ. Зарудный явился такимъ образомъ вершителемъ судебъ министерства Замятина. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ Валуевъ, характеристика котораго была нами въ своемъ мѣстѣ приведена ¹⁾ со словъ того же князя Мещерскаго, во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ — князь Горчаковъ, военнымъ министромъ былъ Д. Милютинъ. Такимъ образомъ, подборъ сановниковъ, которые приняли на себя проведеніе въ жизнь Россіи реформъ, былъ сдѣланъ довольно однородный по складу симпатій къ освободительнымъ идеямъ, что иногда ими достаточно откровенно и высказывалось. Въ періодъ 1862—1863 г.г. нѣкоторые изъ названныхъ лицъ склонялись къ убѣжденію, что намѣченными реформами, каждой въ отдѣльности, какъ таковой, нельзя ограничиваться и возможно уже думать и объ «увѣнчаніи зданія», т. е. приведеніи главнѣйшихъ реформъ—освобожденія крестьянъ судебной и земской къ единству въ смыслѣ допущенія у насъ представительнаго образа правленія. Принципіально противъ такой постановки вопроса самъ государь императоръ какъ будто ничего не имѣлъ, въ этомъ же смыслѣ находимъ мы нѣкоторое указаніе въ извѣстной нотѣ Горчакова, въ такомъ же направленіи изготавлялись проекты великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, а также Н. Милютинымъ, хотя и утратившимъ къ тому времени свое положеніе, но не лишившимся вліянія, симпатій и поддержки Мраморнаго дворца. Всѣ эти черточки являются показателями, что даже до половины 1865 года государственный курсъ далеко еще не опредѣлился и Россія стояла на распутьи: итти ли ей «по мановенію царя» влѣво или вправо, къ свободнымъ учрежденіямъ, или остаться при старыхъ полицейско-бюрократическихъ формахъ жизни. Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ компромиссомъ въ видѣ нѣскольکو урѣзанныхъ и не приведенныхъ въ органическое единство реформъ, а послѣ выстрѣла Каракозова тяготѣнье власти ясно опредѣлилось въ правую сторону.

LVIII.

Въ настроеніи, рѣчахъ и бесѣдахъ государя того времени наблюдается, что онъ какъ будто склоненъ итти въ своемъ реформаторствѣ по пути, на которой указывали и дворянскія организаціи, и либеральные представители администраціи и общественности. Неясные и бѣглые намеки, несомнѣнно, можно въ этомъ отношеніи у него уловить и, быть можетъ, они-то и давали от-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., апрѣль.

части поводъ къ увѣренности, что наконецъ-то осуществится то, о чемъ на разные лады мечтали цѣлыя поколѣнія соотечественниковъ. Такъ, въ манифестѣ 1863 г. по поводу дѣлъ въ царствѣ Польскомъ онъ обѣщаетъ открыть «новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія... Сохраняя и нынѣ эти установленія, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны». Намекъ въ томъ же смыслѣ усматривается и въ депешѣ Горчакова русскому послу въ Англии, рекомендовавшей возстановленіе польской конституціи. Развивая здѣсь мысль о постепенности русской государственной эволюціи, канцлеръ писалъ: «Система, принятая нашимъ августѣйшимъ монархомъ, заключаетъ въ себѣ зародышъ, который долженъ быть развитъ временемъ и опытомъ, онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ привести къ административной автономіи, на основаніи провинціальныхъ и муниципальныхъ учрежденій, бывшихъ въ Англии исходною точкою и основаніемъ величія и благоденствія». Элементъ конституціонныхъ симпатій просвѣчивалъ и въ рѣчи государя при открытіи (1863 г.) финляндскаго сейма. Здѣсь говорилось: «Соблюдая монархическое конституціонное начало, присущее правамъ финляндскаго народа и запечатлѣнное во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я хочу внести... еще болѣе обширное право ¹⁾... Ни одно изъ моихъ дѣйствій не нарушило согласія, которое должно существовать между государемъ и народомъ. Я хочу, чтобы согласіе это продолжало служить, какъ и прежде, залогомъ добрыхъ отношеній, соединяющихъ меня съ мужественнымъ и честнымъ финскимъ народомъ. Онъ будетъ, несомнѣнно, способствовать благосостоянію страны, близкой моему сердцу, и доставитъ мнѣ случай созывать васъ въ опредѣленные сроки. Отъ васъ, представителей великаго княжества, зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться сообща съ государемъ въ практическомъ духѣ надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія».

Также съ нѣкоторыми видами на политическое будущее говорилъ государь депутатамъ, представлявшимъ ему въ 1863 г. по случаю угрозы Европы выѣхать въ русско-польскія отношенія: «Вѣрьте же и мнѣ,—сказалъ онъ:—что вся моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ труд-

¹⁾ Рѣчь шла относительно права инициативы сейма и права бюджетнаго.

номъ поприщѣ всякая опрометчивость не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Надѣюсь на вашу помощь и содѣйствіе мнѣ въ этихъ важныхъ дѣлахъ, которыя намъ еще предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда я сочту это возможнымъ и полезнымъ».

Французскій публицистъ Леруа-Болье передаетъ въ своей монографіи, посвященной Н. Милютину, что въ своей бесѣдѣ съ послѣднимъ по поводу дарованія полякамъ конституціи Александръ II высказался, что онъ вообще не противъ конституціоннаго порядка управленія, но что онъ противъ дарованія конституціи мятежнымъ полякамъ, не давая такой же одновременно и прочимъ русскимъ подданнымъ, а послѣднихъ онъ считаетъ еще недостаточно зрѣлыми для этой формы правленія. А черезъ два года, бесѣдуя съ Голохвастовымъ, звенигородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства по поводу поданнаго ему адреса московскимъ дворянствомъ, о которомъ рѣчь будетъ далѣе, государь высказалъ свой складъ мыслей очень опредѣленно. Вотъ что передаетъ С. Татищевъ¹⁾: «Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго московскимъ дворянствомъ на высочайшее имя за годъ передъ тѣмъ». «Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя,—сказалъ ему императоръ:—хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія». Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. «Говори правду, я всегда охотно ее слышу», отвѣтилъ императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины, т. е. внѣ или въ сторонѣ отъ народа. «Важно не слово, а дѣло,—замѣтилъ государь.—Что значитъ вся эта выходка... Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?» Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, императоръ продолжалъ: «И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что, сдѣлай я это сегодня, завтра Россія распадется

¹⁾ С. С. Татищевъ. «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе» т. I.

на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали».

Таковы были взгляды государя: расширение гражданскихъ правъ населенія желательно, народное представительство въ принципѣ допустимо, но все это въ отдаленномъ будущемъ, а пока преждевременно и опасно. Что касается Валуева, въ руки котораго попала дирижерская палочка по вопросамъ нашей внутренней политики, то если еще въ 1861 году, по словамъ Никитенки, «правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ» и министръ самъ пребывалъ въ нерѣшительности дѣйствій, то уже черезъ годъ мы видимъ его дѣлающимъ попытки пойти навстрѣчу общимъ вождедѣніямъ объ «увѣнчаніи зданія». Онъ представляетъ государю записку «о созваніи общегосударственнаго земскаго собранія». Равнымъ образомъ онъ набрасываетъ «предположеніе о призваніи въ государственный совѣтъ для совѣщательнаго участія при обсужденіи подвѣдомыхъ ему дѣлъ извѣстнаго числа представителей дворянскихъ и городскихъ сословій и нѣсколькихъ членовъ высшаго духовенства», т. е. составилъ проектъ о расширеніи государственнаго совѣта приглашенными представителями отъ населенія. Такую же реформу этого высшаго государственнаго учрежденія проектировалъ въ 1881 году и графъ Лорисъ-Меликовъ, что не получило осуществленія лишь благодаря трагическому событію 1 марта. Согласно изложенію на основаніи статей изъ «Вѣстника Права» г. Корнилова ¹⁾ «Валуевъ 13 апрѣля 1863 года представилъ особую всеподданнѣйшую записку, въ которой онъ доказывалъ необходимость скорѣйшаго введенія въ Россіи представительныхъ учреждений, чтобы дать «вѣрноподданной Россіи политическое первенство передъ крамольной Польшей». Въ запискѣ этой прямо указывалось на опасеніе «высшихъ слоевъ русскаго народа», что общимъ ходомъ событій правительство вынуждено будетъ даровать Польшѣ такія преимущества, которыя не будутъ предоставлены кореннымъ русскимъ областямъ. Эта мысль—сказано въ запискѣ—«просвѣчиваетъ даже въ текстѣ подносимыхъ вашему величеству адресовъ; но выраженія ея еще слышнѣе въ общемъ говорѣ массы и въ самыхъ благонакѣренныхъ органахъ нашей прессы... вмѣстѣ съ выраженіемъ нелицемерной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякія пожертвованія, къ престолу вашего величества возносится полугласная мольба объ оказаніи довѣрія къ вашему народу, о признаніи его способнымъ оправдать это довѣріе, о дарованіи ему возможности доказать, что онъ его достоинъ... Дайте Россіи на пути развитія государственныхъ учреждений шагъ впередъ передъ Польшей. Вы тогда еще тѣснѣе

¹⁾ «Общественное движеніе при Александрѣ II». «Минувшіе годы» 1908 г., августъ.

сдвинете вокругъ себя всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Вы, дѣйствительно, будете, по выраженію московскаго дворянства, «могущественнѣе вашихъ предшественниковъ». Вы окончательно укрѣпите за Россіею возвращаемое ей омытое кровью цѣлыхъ поколѣній западное родовое ея достояніе. Вы заставите Западный край, наконецъ, обратиться лицомъ къ Москвѣ и стать тыломъ къ Варшавѣ. Тогда западный вопросъ будетъ рѣшенъ навсегда, и польское дѣло навсегда проиграно». Далѣе доказывалось, какъ эта мѣра пойдетъ навстрѣчу задушевному желаніямъ русскаго общества. Валуевъ признавалъ свои соображенія настолько убѣдительными, что предлагалъ императору Александру, въ случаѣ одобренія имъ основной мысли этой записки, объявить объ этомъ особымъ манифестомъ». Но Александръ II, — говоритъ г. Корниловъ, — «не легко поддавался на такого рода соображенія. Онъ созвалъ 15 апрѣля 1863 года по этому вопросу особое совѣщаніе, и хотя на этомъ совѣщаніи основная мысль валуевской записки была одобрена, но объ этомъ ничего объявлено не было. Валуеву поручено было разработать соотвѣтственно этому полный проектъ новаго учрежденія государственнаго совѣта въ связи съ готовившимся тогда положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Проектъ этотъ былъ выработанъ и представленъ лишь 18 ноября 1863 года, но къ этому времени польское возстаніе было уже потушено и опасенія иностраннаго вмѣшательства совершенно разсѣяны. При этихъ условіяхъ валуевскій проектъ оказывался совершенно излишнимъ и его спрятали подъ сукно, откуда онъ былъ извлеченъ лишь въ концѣ царствованія, при наличности новыхъ тревожныхъ обстоятельствъ. Главныя основанія, которыя были приняты Валуевымъ въ руководство при составленіи сего проекта въ 1863 году, были слѣдующія: 1) соблюденіе полной неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавной власти; 2) согласованіе новаго устройства государственнаго совѣта съ существовавшей ранѣе структурой этого учрежденія; 3) принятіе мѣръ къ тому, чтобы новый элементъ, вводимый въ него, не пріобрѣлъ въ немъ преобладающаго вліянія; 4) предсѣдатель сѣзда государственныхъ гласныхъ по назначенію; 5) обезпеченіе нѣкоторой доли правительственнаго вліянія на самый составъ сѣзда; 6) установленіе главныхъ правилъ дѣлопроизводства сѣзда. Всѣ эти основанія были строго соблюдены въ проектѣ: права государственнаго совѣта нисколько не были въ немъ расширены. Государственный совѣтъ попрежнему раздѣлялся на департаменты, и при немъ учреждался сѣздъ государственныхъ гласныхъ. По всякому дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію этого сѣзда, сѣздъ давалъ въ сущности лишь заключеніе, которое поступало затѣмъ на разсмотрѣніе одного изъ департаментовъ совѣта, а оттуда въ общее собраніе совѣта. Въ общемъ собраніи совѣта должны были

участвовать не всѣ государственные гласные, а лишь 16 человекъ, выбираемыхъ по каждому дѣлу особо всѣмъ съѣздомъ. Въ сущности этотъ съѣздъ являлся бы подготовительной комиссией при государственномъ совѣтѣ, который, въ свою очередь, оставался бы лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ при неограниченномъ самодержавномъ монархѣ. Составъ съѣзда Валуеву пришлось приурочивать къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ, причемъ, впро-

Императоръ Александръ II.

чемъ, по «положенію», вопреки желанію Валуева, составъ земскихъ собраній устанавливается болѣе демократической, нежели желалъ бы Валуевъ. По проекту Валуева съѣздъ составлялся: 1) изъ 60 гласныхъ, выбираемыхъ губернскими земскими собраніями тѣхъ губерній, гдѣ вводились земскія учрежденія, 2) по 3 гласныхъ отъ Москвы и Петербурга и по 1 отъ 12 другихъ городовъ, 3) отъ окраинныхъ губерній и областей (въ томъ числѣ отъ Сибири и Кавказа) предполагалось 32 гласныхъ и, наконецъ,

«истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сѣд.

16

4) 30 гласныхъ должны были назначаться правительствомъ». Таковъ былъ либеральный проектъ Валуева, созданный имъ передъ лицомъ грозныхъ варшавскихъ событій, оставшійся, однако, безъ движенія и примѣненія.

Въ таковомъ же направленіи, но болѣе умѣренномъ, составленъ былъ проектъ о созывѣ общегосударственнаго земскаго собранія великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Согласно этому проекту, число гласныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній и думъ въ «совѣщательное собраніе» должно было равняться 46. Совѣщательное собраніе дѣлилось на отдѣленія и созывалось не сразу, а по мѣрѣ надобности, на такіе сроки и для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, какъ это точно будетъ указано каждый разъ правительствомъ. Государственный совѣтъ долженъ передавать въ «совѣщательное собраніе» для предварительнаго разсмотрѣнія преимущественно тѣ дѣла, которыя требовали ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями. Къ разрѣшенію дѣлъ въ совѣтѣ допускался лишь одинъ «гласный», именно тотъ, который докладывалъ дѣло въ «совѣщательномъ собраніи». Въ конституціонныхъ надеждахъ пребывали и многіе видные дѣятели и государственные люди того времени, какъ Н. Милютинъ, великая княгиня Елена Павловна, баронъ М. П. Корфъ и другіе. Послѣдній, между прочимъ, по поводу подготавливавшейся тогда земской реформы прямо говорилъ, что «цѣль земской реформы заключается, конечно, не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другія, хотя бы и въ лучшемъ и въ правильнѣйшемъ составѣ; сущность ея, напротивъ, въ измѣненіи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія, въ разрушеніи ея старыхъ основъ». И дворянскія собранія, подававшія государю адреса, также преисполнены были надежды, что уже пробилъ часъ, когда они будутъ призваны раздѣлить власть съ бюрократіей, и въ основанной къ тому времени В. Скарятинымъ и Н. Юматовымъ газетѣ «Вѣсть» идеалы дворянской олигархіи (дворянская конституція) высказывались достаточно откровенно и рѣзко. Основанная Валуевымъ официальная газета «Сѣверная Почта» не полемизировала съ «Вѣстью» по сему предмету и до нѣкоторой степени даже ей вторила, намекая, между прочимъ, что новыя земскія учрежденія явятся «школою учрежденій представительныхъ». Такіе же намеки дѣлала и русская офиціозная газета за границую «Le Nord».

ЛІХ.

Несмотря, однако, на такую атмосферу, царившую и въ административныхъ и въ общественныхъ кругахъ—«увѣнчаніе зданія» не состоялось и всѣ реформы, проведенныя правительствомъ въ тотъ періодъ, имѣли въ своемъ основаніи начало компромиссовъ между конституціонными вѣяніями и бюрократической дѣйстви-

тельностью. Валуевъ откровенно сознавался по поводу земскаго положенія, обнародованнаго въ 1864 г., что земскія реформы были проведены, «чтобы положить предѣлъ по поводу образованія земскихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій». Реформа была сужена въ интересахъ дворянскаго сословія, дабы дать ему преобладающее вліяніе на мѣстахъ, съ одной стороны, а съ другой—чтобы отвлечь его отъ олигархическихъ мечтаній, которыя такъ сильно начали его охватывать и въ которыхъ сказывалось стремленіе компенсировать себя за ущербъ, понесенный сословіями въ реформѣ крестьянской. Земскою реформою до нѣкоторой степени эти дѣли и достигались, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма многіе продолжали полагать, что это только начало недалекаго конца. Такъ, извѣстный эмигрантъ Долгорукій писалъ въ своемъ «Листкѣ»¹⁾: «Въ настоящее время, при данномъ порядкѣ вещей, земскія учрежденія не принесутъ пользы... но они богаты зародышами плодотворнаго развитія въ будущемъ; они лягутъ широкою и твердою основою будущему конституціонному порядку вещей. Въ настоящее время—земское учрежденіе—тѣло сильное, здоровое, но безъ духа, слѣдовательно, недвижимое и бездѣятельное. Конституція вдохнетъ духъ въ это тѣло... Новыя земскія учрежденія, вѣроятно, судьбою предназначены служить основою будущему конституціонному порядку въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно имъ суждено быть источникомъ будущему земскому собору. Теперь, при земскихъ учрежденіяхъ, легко созвать соборъ земскій: стоитъ только предписать каждому уѣздному земству избрать извѣстное число государственныхъ гласныхъ. Но до времени введенія въ Россіи образа правленія конституціоннаго, на время существованія современнаго порядка, на время отсутствія свободы печатнаго слова земскимъ учрежденіямъ суждено остаться политическимъ призракомъ, безгласными сходками гласныхъ земскихъ».

Если не всѣ общественныя группы удовлетворились земскою реформою 1864 г., какъ то увидимъ на примѣрѣ московскаго земства, то въ прочихъ мѣстахъ послѣдовавшая одна за другою «великія реформы» произвели ожидаемое успокоеніе умовъ, даже несмотря на то, что эти реформы—университетскаго устава (1863), судебная (1864 г.) и изданія временныхъ правилъ о цензурѣ (1865 г.)—прошли въ суженномъ видѣ противъ того, какъ ихъ въ свое время выдвигала прогрессивная печать и какъ о томъ ходатайствовали дворянскія собранія въ періодъ съ 1859 по 1862 гг. Наиболѣе «радикальною» оказалась реформа судебная, хотя въ ней принципъ независимости судей отъ воздѣйствія со стороны администраціи былъ ослабленъ, отъ нея было отнято политиче-

¹⁾ С. Г. Сватиковъ. «Общественныя движенія въ Россіи» (1700—1895).

ское значеніе изъятіемъ изъ вѣдѣнія суда политическихъ преступленій и нарушеній законовъ о печати. Тѣмъ не менѣе въ общей сложности эти реформы до извѣстной степени удовлетворили большинство общества и отчасти въ зависимости отъ этого, отчасти подѣ влияніемъ счастливо для правительства ликвидированнаго польскаго мятежа, поднявшаяся было революціонная волна сильно спала. Рѣзкихъ проявленій оппозиціи со стороны общественныхъ группъ мы уже не встрѣчаемъ, и только московскій инцидентъ 1865 г. нарушилъ затихавшее общественное настроеніе.

Нѣкоторые представители московскаго дворянства, не видя въ дарованныхъ реформахъ политической компенсаціи, о которой они мечтали и въ пользу которой вели подготовительную агитацію, какъ въ своемъ органѣ «Вѣсть», такъ и въ заграничныхъ брошюрахъ («Предложеніе дворянству» М. Безобразова), воспользовались земскимъ собраніемъ 11 января 1865 г., чтобы осуществить адресъ государю съ изложеніемъ своихъ сокровенныхъ пожеланій. Послѣ пылкихъ рѣчей Орлова-Давыдова, Безобразова, Голохвастова и др., собраніе 270 голосами противъ 36 приняло предложенный лидерами адресъ, въ слѣдующей редакціи:

«Всемилютейшій Государь! Московское дворянство въ настоящемъ собраніи своемъ не можетъ не высказать вашему императорскому величеству чувства глубокой преданности и благодарности за ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся ко благу нашего отечества. Мы готовы, государь, содѣйствовать словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, вамъ избранномъ. Мы убѣждены, государь, что вы не остановитесь на этомъ пути и что вы пойдете впередъ, опираясь на ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ. Въ дружномъ единствѣ и цѣльности—сила нашего отечества! Собрать вашу развѣдиненную доселѣ Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ права отдѣльныхъ ея частей общими правами, вы искорените навѣки возможность мятежа и междоусобій. Призанному вами, государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. Довершите же, государь, основанное вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ общихъ всему государству. Повелите вашему вѣрному дворянству съ этою же цѣлью избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердою опорой русскаго престола. Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди, по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоценныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, государь, вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны.

«Правда будетъ доходить безпрепятственно до вашего престола, и внѣшніе, и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть.

«Всемилоствѣйшій Государы! Московское дворянство высказалось передъ вами, повинуюсь священному долгу вѣрнопопданности, не имѣя ничего иного въ виду, кромѣ государственной пользы. Мы высказались, государь, въ полной увѣренности, что слова наши соответствуютъ державной мысли и духу вашихъ преобразованій».

Этотъ адресъ, какъ равно и предшествовавшая его принятію рѣчь Орлова-Давыдова появились на столбцахъ «Вѣсти», т. е. сдѣлались скоро общеизвѣстными и произвели самое разнородное впечатлѣніе. Одни ожидали отсюда благихъ результатовъ и думали, что дворянское слово дойдетъ до царскаго сердца и вызоветъ тамъ сочувствіе, другіе отнесли къ нему совершенно отрицательно. Въ числѣ послѣднихъ сошлись вмѣстѣ за падникъ Герценъ и славянофилъ Тютчевъ. Приведя въ «Колоколъ»¹⁾ текстъ адреса, Герценъ посвятилъ ему статью, заключивъ ее словами: «...Мы долго думали, что за муха укусила англійскій клубъ и лордовъ его... Отчего вдругъ Безобразову стало уже такъ маркотно жить безъ ограниченія царской власти, а Орлову-Давыдову—такъ не въ мочь терпѣть l'arbitraire? Мы все искали Чацкаго, который произвелъ эту кутерьму. И вышло, что этотъ Чацкій—Константинъ Николаевичъ—l'impenetrable, ничего не дѣлающій по приѣздѣ въ Петербургъ, какъ ничего не дѣлалъ въ Варшавѣ. Видите, испугались, что его назначеніе остановитъ палачей въ Литвѣ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что не всю Польшу вывѣшаютъ и ушлютъ въ Сибирь, что не весь Катковъ будетъ печататься. Неукротимые бароны и мирзы, дѣти степной воли и англійскаго клуба, этого не могли вынести. Они-то встрепенулись и кликнули кличъ по всѣмъ уздамъ московскимъ: постоимъ-де, братцы, за Иверскую Божию Матерь, не дадимъ въ обиду нашего, пойдемъ за свободу дѣйствій Муравьева и за вольное катковское слово!

«Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете и не дойдете ни даже съ двумя фореиторами и однимъ гайдукомъ».

Тютчевъ со свойственной ему язвительностью отозвался по адресу московскихъ дворянъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

«Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ!
Вы—члены англійскаго клуба.

Задѣтые стихами поэта изъ Ниццы дворяне отвѣтили тоже въ стихотворной формѣ:

«Вы ошибаетесь грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили вѣрно вмѣстѣ съ шубой
И память о странѣ родной.

¹⁾ «Колоколъ» 1865 г., № 195.

Въ раю терпѣніе умѣстно,
 Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ:
 Тамъ все умно, согласно, честно,
 Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчно свѣтъ...

Но какъ же быть въ странѣ унылой,
 Гдѣ произволъ царитъ одинъ
 И гдѣ слились въ одво свѣтило
 Валуевъ, Рейтернъ, Головинъ.

Нѣтъ, намъ парламента не нужно;
 Но почему жъ насъ проклинаятъ
 За то, что мы дерзнули дружно
 И громко карауль кричать.

Государь взглянулъ на олигархическую затѣю дворянства на этотъ разъ довольно строго, адресъ не былъ принятъ, а противъ вдохновителей его приняты были репрессіи, при чемъ скарятинская «Вѣсть» за напечатаніе адреса была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ; кромѣ того, Александръ II на этотъ разъ поспѣшилъ въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ высказать свой взглядъ на конституціонныя мечтанія очень опредѣленно и рѣшительно поставить имъ точку. Въ рескриптѣ, напечатанномъ въ «Сѣверной Почтѣ» (1865 г. № 24), было сказано:

«Петръ Александровичъ! Происходившіе въ началѣ сего января мѣсяца въ Московской губерніи очередные губернскіе выборы не состоялись. Вслѣдствіе признанной правительствующимъ сенатомъ неправильности постановленій собранія предводителей и депутатовъ, относительно правъ участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ губернскаго собранія, всѣ постановленія сего собранія, до закрытія онаго имъ принятыя, не имѣютъ законной силы. Но мнѣ не безызвѣстно, что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учреждений. Благополучно совершившіяся, въ десятилѣтнее мое царствованіе, нынѣ по моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о Моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ Мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія, по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно Мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ Мнѣ ввѣренною. Происшедшее, въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ, должно бытъ залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать Мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учреждений. Ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя, передъ Мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненіи Моихъ предначертаній, ни въ коемъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть на-

правляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ Престоломъ и Отечествомъ Мнѣ всегда памятны и къ которому Мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія, или имѣютъ быть учреждены собранія земскія. Пребываю къ вамъ благосклонный».

Рескриптомъ Валуеву былъ положенъ конецъ въ эпоху реформъ явнымъ конституціоннымъ вѣяніямъ, открыто выраженнымъ, послѣ чего вслѣдъ за нѣкоторымъ умиротвореніемъ общественныхъ элементовъ и неуклоннымъ проведеніемъ обѣщанныхъ реформъ на историческую сцену широко выступаютъ конспиративныя организации, но уже не только съ прокламаціями и пропагандою революціонныхъ идей, а въ атмосферѣ выстрѣловъ и покушеній. Каракозовскій выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г. былъ сигналомъ для такихъ выступленій, и съ этого рокового дня жизнь страны постепенно заволакивается густымъ кровавымъ туманомъ. На смѣну «эпохѣ великихъ реформъ» пришелъ періодъ реакціи и террора, террора краснаго и бѣлаго...

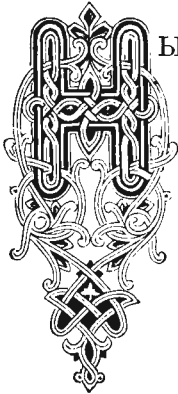
Б. Глинскій.

ЭККУРСІЯ КЪ БОЛГАРСКИМЪ РАЗВАЛИНАМЪ.

I.

ВЫШНИМЪ лѣтомъ мнѣ представился случай вторично принять участіе въ экскурсіи къ знаменитымъ болгарскимъ развалинамъ на Волгѣ. На этотъ разъ экскурсія предпринята была извѣстнымъ французскимъ археологомъ барономъ Юсифомъ Августовичемъ де-Бай и русскимъ археологомъ Владимиромъ Николаевичемъ Поливановымъ.

Сопоставляя интересъ, съ которымъ иностранный ученый относился къ русскимъ памятникамъ волжской старины, съ индифферентизмомъ къ нимъ и даже полнымъ невѣдѣніемъ о нихъ публики, съ которой приходилось встрѣчаться на пароходѣ, я постепенно находилъ разгадку занимавшаго меня со времени первой поѣздки вопроса: почему такъ мало уцѣлѣло до нашихъ дней отъ обширныхъ нѣкогда памятниковъ древности?

На пароходѣ по обыкновенію было много туристовъ, ѣхавшихъ съ цѣлью подышать здоровымъ рѣчнымъ воздухомъ, полюбоваться живописными видами, посмотрѣть приволжскіе города съ ихъ достопримѣчательностями. Но когда я объяснялъ цѣль моей поѣздки, на меня сначала смотрѣли съ недоумѣніемъ, затѣмъ спрашивали о болгарахъ и болгарскихъ развалинахъ и, наконецъ, не въ шутку заинтересовывались.

Очевидно, со стороны тѣхъ, кто могъ бы пробудить любознательность въ широкой массѣ публики къ интереснѣйшимъ памят-

никамъ мѣстной старины, ничего не было предпринято въ этомъ направленіи. Памятники эти немногіе цѣнили, никто не оберегалъ, свѣдѣнія о нихъ появлялись рѣдко, случайно и отрывочно лишь въ изданіяхъ спеціальнаго характера и при томъ въ формѣ строго-научныхъ изслѣдованій. Даже въ большинствѣ путеводителей по Волгѣ они не представлены ни въ описаніяхъ, ни въ иллюстра-

Минаретъ главной мечети. (По снимку Палласа 1768 г.).

ціяхъ. Поэтому неудивительно, если русская публика мало или вовсе не освѣдомлена о нихъ.

Готовясь въ поѣздку, я узналъ, что пароходы немногихъ волжскихъ компаній пристають въ Спасскомъ Затонѣ, отъ котораго въ восьми верстахъ находятся и самыя развалины; не стоитъ приставать: нѣтъ пассажировъ...

Мнѣ вспомнились переполненные публикой электрическіе трамваи въ нѣсколько вагоновъ, ежечасно бѣгущіе взадъ и впередъ по дорогамъ между Каиромъ и египетскими пирамидами, между Неаполемъ и Помпеей...

Но то не у насъ, а за границей...

Кратчайшая дорога отъ пристани къ селу Болгары (Спасскаго уѣзда Казанской губерніи) лежитъ по берегу Волги, но она такъ запущена, что ямщикъ отказался ѣхать по ней на тройкѣ и предпочелъ окольный путь, далѣе верстъ на десять.

Дорогой разговорились.

— Вы не членъ?—спросилъ ямщикъ.

— Какой членъ?

— Изъ Казани... Члены отъ обществъ ѣздятъ лѣтомъ камни смотрѣть... Больше никто не ѣздитъ.

Онъ разумѣлъ членовъ общества археологій, исторіи и этнографіи, которое приняло на себя охрану и реставрацію памятниковъ.

Дорога къ селу обсажена старыми тѣнистыми березами еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка («березовая повинность»). Не доѣзжая верстъ трехъ до села, ямщикъ показалъ кнутовищемъ на лѣсистую возвышенность, на которой живописно раскинута село.

— Вонъ онъ, столбъ-то...

Дѣйствительно, на возвышеніи близъ села изъ-за верхушекъ лѣса подымается какъ будто столбъ. Я зналъ уже, что это магометанскій минаретъ, сохранившійся до настоящаго времени лучше другихъ болгарскихъ памятниковъ.

— А былъ другой столбъ, еще выше...—продолжалъ ямщикъ.— Тотъ уронили лѣтъ пятьдесятъ назадъ... Я еще маленькій былъ, не помню... Всѣмъ селомъ собрались и уронили... Старики сказывали, село дрогнуло, какъ онъ на улицу повалился...

— А какъ его роняли?

— Какъ? Извѣстно, ломами, пешнями... Всѣ эти камни вышибаютъ ломами... Иначе ничѣмъ не возьмешь. Крѣпость страшная!..

— Но теперь это запрещено.

— Да, запрещеніе вышло... Когда ужъ нечего стало брать... Года три назадъ одного мужика судили: много большихъ камней увезъ...

— Для какой надобности растаскивали камни?

— На разное... на нужду... Подъ избы... подъ мельницы... Въ погребахъ ямы выкладывали... Даже изъ другихъ селъ пріѣзжали брать... Изъ Трехозерья..

Подѣхали къ селу.

— Вонъ тамъ святой колодець...—указалъ ямщикъ влѣво на гору.—Татары страніе собираются къ нему молиться... Вода въ немъ мягкая... Все село беретъ...

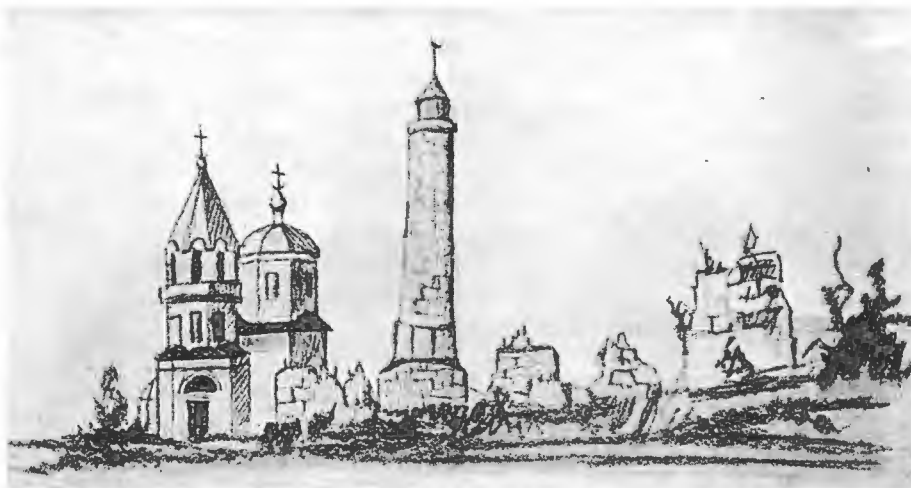
Оказывается, это единственный колодець въ селѣ съ прѣсной водой. Едва ли такой большой городъ, какъ древней Болгары, могъ

довольствоваться для питья однимъ колодезцемъ. Поэтому очень вѣроятно предположеніе, что въ то время Волга протекала подъ самымъ городомъ, гдѣ теперь заливные луга. У татарскаго писателя Таваришъ-Удъ-Даваила встрѣчается указаніе, что спустя полвѣка послѣ покоренія болгаръ Тимуромъ Волга подъ городомъ измѣнила свое теченіе.

— Что же еще совершаютъ богомольцы?—спросилъ я.

— Берутъ съ собой святой воды... Потомъ идутъ къ «столбу», гдѣ могилы ихнихъ святыхъ... И тамъ молятся... Потомъ барана заколютъ... жарятъ... варятъ... Сами ѣдятъ и бѣдныхъ своихъ кормятъ...

Далѣе ямщикъ указалъ прямое направленіе отъ села къ Волгѣ лугами, гдѣ проложена была дорога для императрицы Екатерины

Минареть главной мечети. (Съ позднѣйшаго снимка до его разрушенія).

Второй при посѣщеніи ею Болгаръ. Мѣсто, гдѣ тогда пристало императрицыно судно къ берегу, до сихъ поръ извѣстно у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «Царской пристани».

Подыматься къ селу приходится по устроенному откосу въ горѣ. Такихъ взвѣздовъ нѣсколько, и всѣ они сохранились отъ незапамятныхъ временъ.

Въѣхавъ въ самое село, непредупрежденный человѣкъ странно поражается какою-то громадой, загородившей передъ нимъ улицу. Громада не похожа ни на что: не изба, не амбаръ, не копна... Она темно-желтаго цвѣта, безформенна, чѣмъ-то накрыта... Это тысячелѣтняя древность, одна изъ полуразрушенныхъ болгарскихъ «палатъ». Камни въ ней отъ времени пожелтѣли, мѣстами почернѣли, мѣстами покрылись коричневымъ налетомъ, похожимъ на мохъ...

Подъ этотъ же цвѣтъ выкрашенъ и цементъ, наложенный на деревянную кровлю позднѣйшаго устройства.

Проѣзжаешь нѣсколько сажень дальше, и изъ-за церкви показываются другія подобныя же постройки...

И странное впечатлѣніе производитъ видъ этихъ необычайныхъ сооружений при контрастѣ съ наружностью стоящихъ вблизи и слишкомъ привычныхъ для глаза типичныхъ русскихъ избъ...

II.

На всемъ обширномъ пространствѣ сѣверо-восточной Европы едва ли есть другой памятникъ глубокой старины, который, подобно болгарскимъ развалинамъ, представлялъ бы для позднѣйшихъ временъ загадку гораздо большую, чѣмъ египетскій сфинксъ. Отчасти этой загадочности обязаны болгарскіе памятники тѣмъ интересомъ и вниманіемъ, какіе удѣлялись имъ какъ учеными путешественниками, такъ и монархами, совершавшими путь Волгой. Но одно дѣло—интересоваться, а другое—приложить стараніе, не говорю уже въ смыслѣ научнаго труда по изслѣдованію, а хотя бы только по сохраненію памятниковъ отъ разрушенія. И вотъ благодаря такому чисто русскому, безопасному интересу къ драгоценнымъ остаткамъ старины, наука сказала о нихъ намъ очень немного, а народное варварство пощадило ихъ еще менѣе. И кто знаетъ, быть можетъ, и это небольшое скоро обратится въ ничто?..

Уже въ сравнительно позднее время (1824 г.) издатель «Отечественныхъ Записокъ» П. Свиньинъ писалъ послѣ посѣщенія болгарскихъ развалинъ:

«Нѣсколько уединенныхъ башенъ, разбросанныхъ въ пустынѣ, изрытой буграми; нѣсколько распавшихся стѣнъ, поросшихъ кустарникомъ,—вотъ все, что осталось отъ знаменитаго города, отъ великолѣпныхъ замковъ, отъ пышныхъ, роскошныхъ гаремовъ! Скоро, можетъ быть, плугъ поселянина изгладитъ съ лица земли и послѣдніе остатки сихъ признаковъ, а вѣтеръ полночный разнесетъ и самую пыль ихъ... Сколь много уже измѣнилось и даже исчезло изъ сихъ развалинъ со времени посѣщенія ихъ академиками Палласомъ и Озерецковскимъ въ 1768 году»...

Дѣйствительно, академикъ Лепехинъ, посѣтившій въ 1769 году развалины, писалъ:

«Оныхъ остатковъ теперь видно до сорока четырехъ; но изъ того числа только 7 палатъ, четыре башни и два столба, которые наибольше удержали прежній свой видъ, а прочіе всѣ развалились и достигли до престарѣлой ветхости...»

Сорокъ четыре! И изъ нихъ тринадцать сохранившихъ свой первоначальный видъ! Какъ это кажется много по сравненію съ

тѣмъ, что есть теперь: мы насчитали признаковъ болгарскихъ построекъ всего только 9, а изъ нихъ дающихъ какое-либо болѣе или менѣе отдаленное представленіе о своемъ первоначальномъ видѣ лишь 5.

Прочее все исчезло въ прославленный культурой XIX вѣкѣ...

Поэтому хотѣлось бы здѣсь, въ сжатомъ очеркѣ, показать нынѣшнее состояніе знаменитыхъ развалинъ, сопоставляя съ состояніемъ ихъ во времена еще не столь отдаленныя.

Прилагаемые снимки съ развалинъ какъ въ нынѣшнемъ видѣ, такъ и въ прежнемъ, могутъ наглядно ознакомить съ болгарской

Палата, обращенная въ церковь Николая Чудотворца.

архитектурой и показать размѣры совершившагося постепенно разрушенія.

Но, имѣя въ виду незнакомленность съ исторіей болгаръ широкихъ слоевъ читающей публики, позволю себѣ коснуться вкратцѣ хотя бы самаго существеннаго и характернаго о болгарахъ, безъ чего знакомство съ одними бездушными памятниками теряетъ значительную долю интереса.

III.

О древнемъ народѣ, извѣстномъ подъ названіемъ волжскихъ болгаръ, мы имѣемъ свѣдѣнія сравнительно позднія, никакъ не ранѣе (булгаръ) первой четверти X вѣка нашей эры. Первые извѣстія о

нихъ встрѣчаются у арабскаго писателя Ибнъ-Фадлана и у его продолжателей, также арабскихъ историковъ. Далѣе, мы знакомимся съ болгарами по отрывочнымъ сообщеніямъ первоначальныхъ русскихъ лѣтописей и записокъ иностранныхъ путешественниковъ.

Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ источникахъ нѣтъ указанія, къ какому племени относились волжскіе болгары. Въ отношеніи этнографіи историческія свѣдѣнія о нихъ болѣе чѣмъ недостаточны и неопредѣленны.

«Такимъ образомъ,—пишетъ Шпилевскій, котораго я придерживаюсь въ исторической части настоящаго наброска,—остаются неопредѣленными самыя первыя, основныя вопросы, съ разрѣшенія которыхъ должна начинаться исторія каждаго народа».

Тѣмъ не менѣе, болгарское царство является первымъ историческимъ государствомъ на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи. Извѣстно болѣе или менѣе опредѣленно о существовавшемъ у нихъ образѣ государственнаго управленія.

Болгары и покоренные ими сосѣдніе народы находились подъ властью неограниченнаго царя, вели осѣдлый образъ жизни и поддерживали обширную торговлю съ иностранными государствами. Предѣлы болгарскаго царства достигали на востокѣ Уральскихъ горъ, къ югу захватывали земли по всему среднему теченію Волги, къ сѣверу распространялись по рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ, къ западу— по рѣкамъ Окѣ и Сурѣ.

Главнымъ занятіемъ болгаръ было земледѣліе, дававшее избытокъ хлѣба для продажи сосѣдямъ. Затѣмъ, болгары производили обширный торгъ разнообразными звѣриными мѣхами и кожами, сплавляемыми по Волгѣ мусульманскимъ купцамъ, привозившимъ имъ, въ свою очередь, орудія изъ металла. Въ обработкѣ послѣдняго болгары и сами достигали большого искусства, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя мѣстныя находки.

Что касается умственнаго развитія, то въ этомъ отношеніи болгары шли впереди остальныхъ населявшихъ восточную Европу народовъ. У нихъ были свои писатели по исторіи, медицинѣ и астрономіи, сочиненія которыхъ, къ сожалѣнію, не сохранились.

По вѣроисповѣданію болгары, согласно указанію древнихъ историковъ, придерживались Ислама.

О столицѣ болгарскаго царства арабскій писатель Ибнъ-Хаукали писалъ въ 976 году:

«Болгаръ—маленькій городъ, у котораго небольшая территорія. Онъ былъ прежде очень знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли тамошняго государства. Норуссы разграбили его...»

Въ русской лѣтописи подъ 985 годомъ упоминается о походѣ князя Владимира на болгаръ:

«Иде Володимиръ на болгары съ Добрынею уемъ своимъ въ лодьяхъ, а торки берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди

болгары. И рече Добрыня Володимиру: «Соглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не платити, поидеде искать лапотникъ»...

Эта весьма характерная выдержка изъ лѣтописи свидѣтельствуеъ о зажиточности болгаръ, въ виду которой побѣдителямъ трудно было собирать съ нихъ дань въ силу экономического закона, хорошо извѣстнаго всѣмъ правителямъ: съ бѣднаго населенія легче собирать подати, чѣмъ съ богатаго.

Ипатьевская лѣтопись подѣ 986 годомъ сообщаетъ о приходѣ въ Кіевъ болгаръ магометанъ съ предложеніемъ принять ихъ вѣру

Палата—монастырскій погребъ.

«Придоша болгаре вѣры бохѣмичи, глаголюще: «Яко ты князь еси мудръ и смыслень, и не вѣси закона. Да вѣруй въ законъ нашъ и поклонися Бохѣмиту». Рече Володимиръ: «Кака есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «Вѣруемъ Богу, а Бохѣмитъ ны учитъ, глаголи: обрѣзати уды тайныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творить блудную. Дастъ Бохѣмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ»... и ина многа леть, ея же нельзѣ писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блуженіе многое, и послушаше сладко. Но се бѣ ему не любо: обрѣзаніе удовъ, и о яденъи свиныхъ мясъ, а о питъи отнюдь, рекъ: Руси веселье пити, не можемъ безъ того быти»...

Первоначальная лѣтопись подь 1024 годомъ указываетъ на торговныя сношенія русскихъ съ Болгаромъ:

«И мятежь великъ и голодъ по всей странѣ той (Суздальской) бысть. Идоша по Волзѣ вси людѣ въ Болгары и привезоша жито. И тако ожнша».

Подь 1088 годомъ въ русской лѣтописи сказано кратко:

«Взяша болгаре Муромъ».

Лаврентьевская лѣтопись подь 1164 годомъ описываетъ знаменитый походъ Андрея Боголюбскаго на болгаръ. Въ лѣтописныхъ описаніяхъ этого похода мы въ первый разъ встрѣчаемъ упоминаніе о болгарскихъ городахъ. До этого лѣтописи говорятъ только о болгаряхъ. Мы встрѣчаемъ Великій Городъ—«градъ славный Брахимовъ» и другіе города.

Мусульманскіе историки, какъ, напримѣръ, Ибнъ-Эльасиръ, говорятъ о столкновеніи болгаръ съ татарами въ 1223 г. и о завоеваніи болгаръ еще при жизни Чингиза. Но русскія лѣтописи упоминаютъ о татарахъ около предѣловъ болгарской земли въ первый разъ въ 1229 г. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ:

«Сторожеве болгарскіе прибѣгоша, біени отъ татаръ близъ рѣки, ей же имя Яикъ».

Это указываетъ и на восточные предѣлы болгарскихъ владѣній близъ Урала.

Подь 1229 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ:

«Страсть новаго мученика Христова, его же убиша болгаре въ Великомъ Градѣ ихъ: се бысть инога языка, не русскаго, хрестыанъ же сы, имѣяше имѣнье много, гостешбу дѣя по градомъ, вниде въ болгарскій градъ... Усѣченъ бысть мѣсяца апрѣля въ 1 день... И сотвори Богъ милость вскорѣ за кровь его: погорѣ у него большая половина города Великаго...»

Лѣтописи называютъ имя этого мученика Авраамій и подь 1230 годомъ говорятъ о перенесеніи мощей его въ городъ Владимиръ.

Народное преданіе точно указываетъ и самое мѣсто, гдѣ былъ замученъ купецъ-христіанинъ. Намъ до этого мѣста пришлось ѣхать отъ села версты три, постепенно спускаясь съ возвышенности къ лугамъ, въ направленіи къ Волгѣ. Здѣсь, у подножія горы, въ густомъ лѣсу при дорогѣ поставленъ крестъ и выстроена каменная часовня надъ родникомъ.

Въ Четіяхъ Минеяхъ, въ житіи князя Феодора Ростиславича, смоленскаго и ярославскаго чудотворца, сказано, что послѣ нашего вѣствованія Батыя «начаша ходити русскіе князи и болгаре въ Орду ко царю отчинъ своихъ просити у царя на столованія своя».

Это показываетъ, что и владѣтели болгарскіе получали изъ Орды ярлыки на княженіе.

Подь 1361 годомъ въ русскихъ лѣтописяхъ значится:

Минареть.

«Булактемиръ, князь ордынскій, Болгары взялъ и всѣ города по Волзѣ и улусы и отня весь волжскій путь».

Вотъ въ кратчайшихъ чертахъ главное и достовѣрное, что извѣстно изъ исторіи болгаръ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сxiv.

17

IV.

Всѣ путешественники, осматривавшіе памятники болгарской столицы, въ запискахъ своихъ подчеркиваютъ значительность вынесеннаго впечатлѣнія и большой интересъ къ народу, оставившему память о себѣ удивительно прочными сооружениями, просуществовавшими тысячелѣтіе, несмотря на чисто вандальское отношеніе къ нимъ послѣдующихъ владѣтелей края.

Петръ Великій, совершая персидскій походъ Волгою, при своей любознательности не могъ миновать Болгаръ, не осмотрѣвъ ихъ памятники. Проявленная царемъ забота о ихъ сохранности свидѣтельствуешь, что онъ оцѣнилъ по достоинству представляемый ими историко-археологическій интересъ. Между прочимъ онъ приказалъ набить на одинъ изъ минаретовъ два желѣзныхъ обруча въ цѣляхъ большей сохранности. Это былъ тотъ самый минаретъ при главной мечети, который впослѣдствіи наши крестьяне пошатнули, доискиваясь, вѣроятно, кладовъ, а затѣмъ, когда онъ сталъ грозить паденіемъ, повалили его «цѣлымъ селомъ». Кромѣ того, Петръ приказалъ сдѣлать переводъ всѣхъ надписей намогильныхъ плитъ съ армянскаго и татарскаго языковъ на русскій.

Вотъ переводъ нѣкоторыхъ надписей, сдѣланный въ 1722 году:

«Сей камень положенъ надъ умершимъ армяниномъ Варламомъ Ивановымъ сыномъ въ 557 году», а тому минуло 1165 лѣтъ».

«Сей камень положенъ надъ умершими армяны богоугоднемъ Артемѣ и Кипріяні. И кто станетъ ту подпись читать, чтобъ ихъ помянуть. 984 году». Итого, какъ тотъ камень положенъ, 738 лѣтъ».

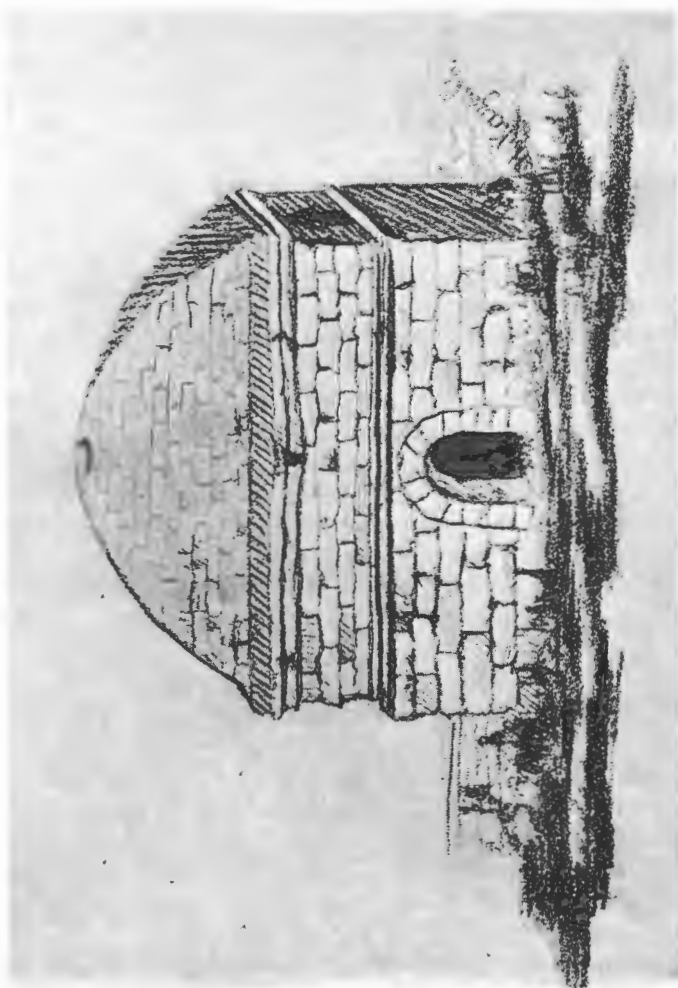
«Онъ, Господь Богъ Живый, такъ и безсмертный. Сія домовица мусульманскія вѣры надъ властями великаго властя и учителя мусульманскаго закона и многобогомольнаго, отъ сего свѣта отреченнаго и мусульманскому закону повелителя патріарха, родомъ ширванской провинціи. Удовольствуи его Господь Богъ довольствомъ, милосердіемъ и отпущеніемъ грѣховъ его во царствіи небесномъ неодолимымъ». А въ которомъ году тотъ камень поставленъ, подписи перевести невозможно, понеже она слиняла».

Надписи на другихъ камняхъ приблизительно такого же содержания.

Дальнѣйшихъ же мѣропріятій къ сохраненію развалинъ со стороны Петра не послѣдовало.

Екатерина Великая, путешествовавшая Волгой въ 1767 году, также заинтересовалась остатками болгарскаго города и осмотрѣла ихъ. Сохранилось ея письмо, въ которомъ она по этому поводу между прочимъ писала;

«Болгары довольно извѣстны, что жили на Волгѣ, Камѣ и Свіягѣ, гдѣ нынѣ Казанская губернія. Они сами какъ назывались, о томъ никто точно не упоминаетъ... Сихъ болгаръ оставшіеся разоренные великіе каменнаго и хитраго зданія города и прочихъ строеній удостовѣряють, что народъ въ хитростяхъ, рукодѣляхъ и купечествѣ весьма преизяществовалъ. Находящіяся въ землѣ

Мечеть (по снимку Палласа), нынѣ не существующая.

деньги арапской страны доказують, что они въ Персію, Индію и съ восточными срацины, которыхъ государей на деньгахъ имена изображены, купечество имѣли и на сѣверѣ, не токмо на Руси около Новагорода, но въ Швеціи и Готландіи тѣ деньги не иначе, какъ ихъ и Гордориковъ купечествомъ занесены. Суцая ихъ столица Боогардъ, или главный и великій городъ, былъ ниже устья

Камы верстъ съ 30, а отъ Волги лугами отдаленъ верстъ на семь, Видится, что Волга близъ города теченія имѣла... Дома видно, что болѣе были каменные, и въ развалинахъ много отъ украшеній наружной рѣзьбы и поливанной свинцомъ гончарной работы находится»...

Но и Екатерина Великая не позаботилась объ охранѣ памятниковъ народа, который такъ похвалила.

Ниже я пользуюсь выдержками изъ сочиненій П. С. Палласа, какъ одного изъ самыхъ раннихъ изслѣдователей развалинъ, чтобы, сопоставляя его описаніе съ нынѣшнею дѣйствительностью, можно было видѣть размѣры уничтоженія памятниковъ старины за послѣдніе только полтора вѣка. Въ этихъ же цѣляхъ я считаю не лишнимъ сопоставить и виды развалинъ, снятые Палласомъ и другими путешественниками, съ видами, какіе представляютъ тѣ же развалины въ настоящее время.

Извѣстный ученый путешественникъ екатерининской эпохи, академикъ П. С. Палласъ, изслѣдовавшій развалины въ 1768 году, между прочимъ писалъ въ своемъ сочиненіи, представляющемъ теперь библиографическую рѣдкость ¹⁾:

«Нынѣшняя деревня состоитъ больше нежели изъ ста дворовъ... Она имѣетъ передъ собою въ полуденную сторону... поле... на которомъ прежде стоялъ городъ. Сіе поле вокругъ обнесено валомъ, который хотя и засыпался, однако еще въ ширину до 3-хъ сажень. Сіе укрѣпленіе имѣетъ видъ неправильнаго полукружія, примыкающаго концами къ крутому берегу, на которомъ построена деревня. И оный валъ длиною по крайней мѣрѣ 6 верстъ. За укрѣпленнымъ валомъ виденъ еще глубокій сухой ровъ, отъ южно-западной въ сѣверо-восточную сторону простирающійся мимо восточнаго конца деревни...»

Валъ земляной и ровъ, о которыхъ здѣсь рѣчь, сохранились до сего времени и точно опредѣляютъ размѣры и границы бывшаго укрѣпленнаго города.

Далѣе читаемъ:

«Остатки стариннаго строенія по большей части находятся внутри вала, и теперь опишу достопамятнѣйшіе изъ оныхъ столь подробно, сколь я могъ осмотрѣть, ходя по снѣгу въ тогдашнюю пронзительную стужу».

«При восточномъ концѣ нынѣ построенной деревни находится монастырское подворье съ деревяннымъ строеніемъ и съ изрядною каменною церквью».

Упоминаемая Успенская церковь одна только уцѣлѣла отъ бывшаго здѣсь Успенскаго монастыря. Построена она въ 1734 г.

¹⁾ «Физическое путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи, бывшее въ 1768—1769 г.». Спб. 1809. Часть I. Стр. 186—195.

усердіемъ купца Вихляева. Осматривая эту церковь, убѣждаешься, что ея строители пользовались готовымъ матеріаломъ болгарскихъ каменныхъ сооружений, одинаково съ крестьянами игнорируя ихъ

Черная палата.

историко-археологическую цѣнность. Такъ, въ фундаментѣ церкви видны камни, взятые изъ развалинъ. А сколько должно быть камней подъ церковью и въ стѣнахъ ея! Внутри церкви сложены въ видѣ паперти огромныя намогильныя плиты съ армянскими письменами.

Одна такая же плита положена на церковномъ дворѣ въ уровень съ землею, и надпись на ней полустерта ходьбою.

Здѣсь упомяну о святыняхъ, осмотрѣнныхъ нами въ церкви.

Евангеліе 1762 года. Благодаря утратѣ изъ церковнаго архива наиболѣе старыхъ документовъ, причтъ ошибочно относитъ построение церкви къ этому году.

Икона мученика Авраамія, о которомъ упомянуто выше, перенесенная сюда изъ города Владимира. Рака деревянная, рѣзная.

Рипида греческаго происхожденія, найденная болѣе ста лѣтъ назадъ въ развалинахъ.

Возвращаюсь къ Палласу.

«Внутри сего, обнесеннаго заборомъ, подворья, Успенскимъ называемаго, есть много вышеупомянутыхъ остатковъ. Знатнѣйшая изъ оныхъ башня или мизгирь сдѣлана изъ отесанныхъ камней, нѣсколько выше 12 сажень... Видны въ стѣнѣ желѣзные крючья, на которыхъ дверь висѣла... На оную всходятъ по крутой лѣстницѣ о 72 ступеняхъ...»

Это и былъ тотъ самый минаретъ при главной мечети, на который Петръ Великій приказалъ набить желѣзные обручи для прочности. Но съ теченіемъ времени, вѣроятно, вслѣдствіе выламыванія изъ его основанія камней, онъ наклонился въ одну сторону и грозилъ паденіемъ, почему его и пришлось уронить. Видя удивительную прочность кладки всѣхъ уцѣлѣвшихъ зданій, въ особенности же главной мечети, не хочется допустить, чтобы минаретъ, простоявшій много вѣковъ, вдругъ осѣлъ самъ собою. Наклона въ немъ не замѣчали ни Палласъ, ни Свиньинъ (1824), который даже подымался до самаго его верха. Въ настоящее время видно только четырехугольное его основаніе, примыкающее къ фундаменту главной мечети. На снимкѣ, сдѣланномъ Палласомъ, минаретъ изображенъ прямо, на другомъ же, позднѣйшемъ, онъ представленъ въ наклонномъ видѣ.

Развалины же самой главной мечети, сохранившіяся до настоящаго времени, Палласъ описываетъ такъ:

«Подлѣ сей башни есть въ неправильномъ четверугольникѣ развалины большого каменнаго зданія съ толстыми углами, которое, можетъ быть, представляло большую мечеть. Сіе зданіе состоитъ изъ неровныхъ, худо отесанныхъ, но весьма плотно складенныхъ известковыхъ, дресвяныхъ, дикихъ и гипсовыхъ камней, которые уповательно браны въ гористомъ берегѣ Волги. Башня стоитъ въ сѣверо-западномъ углу помянутаго четверугольника».

Говоря, что зданіе состоитъ изъ «неровныхъ, худо отесанныхъ» камней, Палласъ, видимо, ошибался, такъ какъ видѣлъ стѣны, съ которыхъ снята облицовка. Остатки же этой облицовки, особенно на угловыхъ круглыхъ башняхъ, а также куски бывшихъ фронтоновъ, свидѣтельствуя о тщательной наружной отдѣлкѣ камней.

Да и внутри мечети отдѣлка была чистая и даже изящная, судя по удѣлѣвшей мѣстами штукатуркѣ и остаткамъ колоннады съ красивыми капителями. Также ошибочно Палласъ назвалъ четырехугольникъ зданія неправильнымъ. Онъ совершенно правиленъ и квадратенъ, имѣя въ длину и ширину по 22 сажени. Лучше удѣлѣли отъ разрушенія круглыя угловыя башни, которыя придавали мечети видъ какъ бы замка. Я скорѣе раздѣляю мнѣніе Свиньина, что здѣсь былъ султанскій дворецъ, при которомъ имѣлась дворцовая мечеть. Кстати, въ числѣ болгарскихъ развалинъ не оказывается остатковъ султанскаго дворца, что еще болѣе

Черная палата (по снимку Палласа).

подтверждаетъ мнѣніе Свиньина. Мнѣніе Палласа о мѣстѣ каменоломнѣ совершенно вѣрно: камень брали, и теперь берутъ, въ тактъ называемой Сюкеевской горѣ праваго берега Волги, противъ Болгаръ. Въ остаткахъ стѣнъ зданія сохранились выемки, указывающія мѣста дверей, оконъ.

Затѣмъ, у Палласа читаемъ:

«Въ восточной сторонѣ отъ оной находится небольшая татарская мечеть со сводами. Нижняя часть оной четверугольна, а верхняя осьмиугольна, и величиною простирается до пяти сажень квадратно. Вычинивъ мечеть, посвятили церковью во имя Николая

Чудотворца. Входъ въ оную съ западной стороны, а маленькія окна сдѣланы въ южной сторонѣ».

Эта палата-церковь въ описанномъ видѣ стоитъ и до настоящаго времени, хотя уже богослуженіе въ ней не совершается. Однако, до послѣдняго времени оно совершалось разъ въ годъ на Николинъ день въ маѣ. Сочетаніе четырехугольнаго и восьмиугольнаго ярусовъ представляется типичнымъ для болгарскихъ построекъ, такъ какъ встрѣчается еще разъ въ одной изъ уцѣлѣвшихъ палатъ. Окна, бывшія въ восьмиугольникѣ, теперь всѣ заложены. Кладка изъ неотесанныхъ камней, литая. Кровля тесовая, пирамидальной формы, поздняя издѣлія. Высота зданія отъ трехъ до четырехъ саженъ. Внутри для прочности протянута въ позднѣйшее время желѣзная связь. Въ одномъ углу видно отверстіе вытяжной трубы, а по стѣнамъ многочисленныя небольшія круглыя отверстія, вѣроятно, голосники. Зданіе находится отъ главной мечети въ разстояніи восьми саженъ.

«Еще въ другомъ углу монастырскаго двора находятся остатки стариннаго строенія, изъ котораго сдѣланъ монастырскій погребъ...», продолжаетъ Палласъ.

Это та самая постройка, которую прежде другихъ встрѣчаешь при вѣздѣ въ село. Она и до сего времени слыветъ подъ названіемъ «монастырскаго погреба». Размѣромъ она съ предыдущую, но сложена изъ неотесанныхъ камней крайне неуклюже и грубо. Деревянная кровля, сдѣланная въ позднее время, покрыта цементомъ и выкрашена желтою краскою подъ цвѣтъ камней. Отъ главной мечети постройка отстоитъ саженъ на двадцать.

«Въ числѣ еще неразвалившихся строеній находится еще стоящая на полѣ за пятьдесятъ саженъ отъ монастыря въ южно-западной сторонѣ башня, которая прежде всѣхъ видна и въ строеніи отъ вышеупомянутой разнится только тѣмъ, что она складена гораздо толще, а вышиною около 9 саженъ. Недалеко отъ оной и нѣсколько ближе къ монастырю видно основаніе пространнаго строенія, на которомъ, можетъ быть, находилась принадлежащая къ сей башнѣ мечеть».

Описываемый здѣсь Палласомъ минаретъ хорошо сохранился и до настоящаго времени. Основаніе минарета квадратное, въ $2\frac{1}{4}$ сажени по каждой сторонѣ. Надъ нижнимъ квадратнымъ ярусомъ—второй шестиугольный, а остальная часть круглая, оканчивающаяся конической деревянной крышей, сдѣланной въ недавнее время. Наружная кладка изъ отесанныхъ камней оштукатурена, а въ послѣднее время мѣстами реставрирована краснымъ кирпичомъ.

Къ входу въ этотъ минаретъ приложена деревянная лѣсенка, по которой мы поднялись и вошли въ низенькую дверь. Далѣе пришлось всходить по деревяннымъ ступенямъ лѣстницы, витой

Бѣлая палата по снимку 1824 года.

вокругъ внутренняго каменнаго столба. Поднявшись до самаго верха, мы хотѣли выйти на террасу для обозрѣнія городища стараго укрѣпленія и живописныхъ окрестностей, но выходъ на террасу оказался задѣланнымъ, а маленькія два окошечка въ деревянной крышѣ затянуты проволоочною рѣшеткой.

Въ двѣнадцать саженьхъ отъ минарета уцѣлѣла комната, составлявшая часть обширнаго каменнаго зданія, считаемаго Палласомъ за мечеть. На значительные размѣры бывшаго зданія указываютъ ямы и слѣды фундамента, сохранившіеся возлѣ существующей постройки. Она лишена крыши и сверху вся заросла высокой травой. Въ ней съ двухъ сторонъ имѣются двери, изъ которыхъ одна значительно больше другой. Съ двухъ другихъ сторонъ маленькія окна, по одному въ каждой. Высота постройки въ настоящее время до двухъ сажень. Въ ней, по преданію, покоятся останки мусульманскаго святого. Рядомъ съ ней мѣсто, огороженное рѣшеткой и засаженное деревьями, — также кладбище святыхъ. Намъ назвали ихъ имена: Забиръ-Бинъ-Егда, Тойбика—его жена, Хузя-Белямъ, Хасанъ-Булгари и др. Здѣсь постоянно можно видѣть типичныя группы мусульманскихъ богомольцевъ, пришедшихъ помолиться на могилахъ. Въ большинствѣ это обыкновенные нищія, между которыми много слѣпыхъ. Прибывающіе издалека болѣе богатые татары, совершая на могилахъ моленіе, раздають милостыню, ѣдятъ барана и дѣлятся имъ съ нищими. Шкура барана идетъ въ даръ татарину, приставленному охранять развалины.

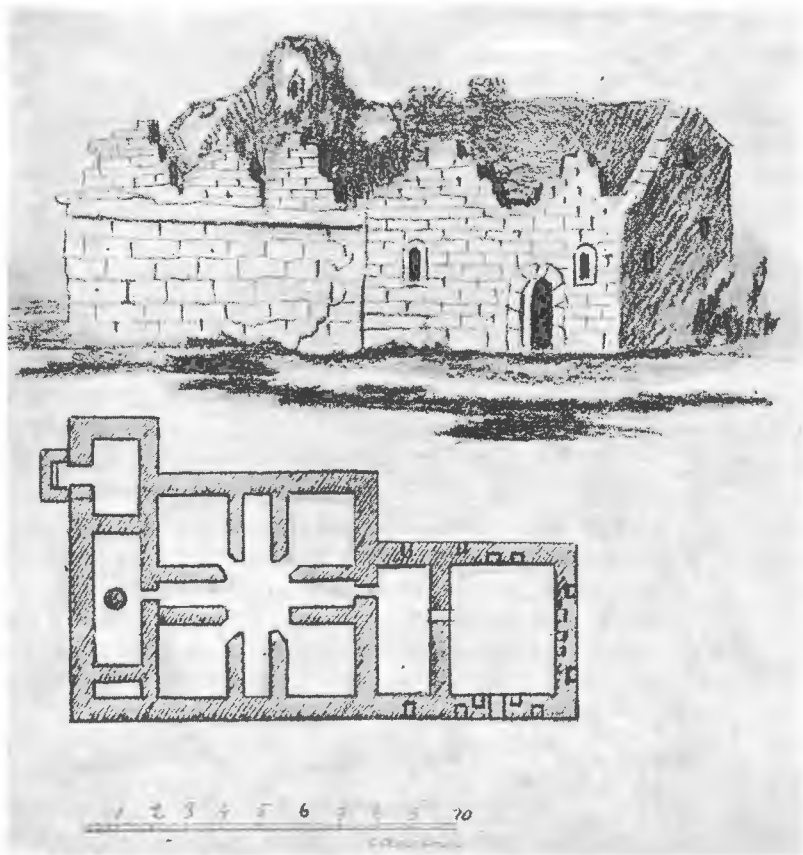
«Почти на восемьдесятъ сажень далѣе въ южно-западную сторону стоитъ еще небольшое, изъ дикаго камня плотно складенное четвероугольное строеніе; однако своды онаго на одной сторонѣ обвалились. Входъ сдѣланъ на западной, а маленькое окошечко на южной сторонѣ. Въ западной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ входа находятся два глухія окшка и такія же два есть въ сѣверной и южной стѣнѣ. По догадкамъ можно сказать, что сіе строеніе не что иное было, какъ мечеть».

Въ настоящее время отъ этого, еще бывшаго при Палласѣ почти цѣлымъ, строенія ничего не осталось.

Далѣе въ описаніи своемъ Палласъ подходитъ къ зданію, которое по сохранности своей и оригинальной архитектурѣ превосходитъ остальные, уцѣлѣвшія до нашихъ дней постройки.

«Гораздо знатнѣе и обширнѣе было то зданіе, котораго среднее на южной сторонѣ деревни и въ самой срединѣ бывшаго города находящееся и многими основаніями окруженное главное строеніе еще и нынѣ видно. Отмѣнная архитектура достойна того, чтобы сообщить съ оной рисунокъ. Но трудно опредѣлить, на какой конецъ сіе строеніе сдѣлано было. Мужики называютъ оное судейскимъ домомъ; да и я не имѣю причины почестъ

за что-нибудь иное. Кажется, что въ четвероугольныя отдѣленія или комнаты, коихъ основанія находятся вокругъ главнаго строенія, былъ ходъ только снаружи, а со среднимъ отдѣленіемъ не имѣли они сообщенія и вышиною простирались только до второго жилья онаго строенія. На восточной сторонѣ находятся три малыя комнаты, на южной двѣ побольше и въ срединѣ отдѣленныя, а на западной сторонѣ одна длинная комната... Но на сѣверной сторонѣ

Бѣлая палата и планъ ея. (По рисункамъ Палласа).

главнаго строенія, на которой сдѣланъ входъ, не видно слѣдовъ побочныхъ комнатъ».

Это центральное зданіе бывшаго судилища имѣетъ квадратное основаніе при длинѣ сторонъ въ пять сажень. Основаніе или нижній этажъ безъ оконъ, съ единственнымъ входомъ. Второй этажъ зданія также квадратный, немного менѣе перваго, высотой около полуторы сажени; съ передней стороны въ немъ большое

отверстіе наподобіе двери, съ боковыхъ сторонъ по одному окну, на задней сторонѣ три окна, изъ которыхъ среднее большихъ размѣровъ. Третій этажъ опять квадратный, поменьше второго, въ сажень высоту, имѣетъ по одному окну съ каждой стороны. Четвертый этажъ восьмиугольной формы, съ восемью окнами, вѣнчается каменнымъ куполомъ. На этотъ этажъ набита въ видѣ обруча желѣзная скрѣпа. Такимъ образомъ, вся постройка представляетъ покоящіеся одинъ на другомъ этажи съ уступами. Слѣды окружавшихъ ее и примыкавшихъ къ ней комнатъ, фундаменты которыхъ видѣлъ Палласъ, сейчасъ представляются лишь въ видѣ ямъ. Толщина стѣнъ существующей постройки въ нижнемъ этажѣ достигаетъ сажени. Внутри зданіе пусто до самаго купола и освѣщается въ три свѣта. По стѣнамъ сохранились слѣды штукатурки и лѣпныхъ украшеній. Высота зданія до 6 сажень. Народъ издавна прозвалъ ее Черной палатой.

Затѣмъ Палласъ переходитъ къ другому зданію:

«Отъ сего строенія почти въ 100 сажняхъ, считая по прямой линіи въ южную сторону, находится еще другое знатное нарочито крѣпкое строеніе, котораго архитектура еще больше примѣчательна достойна; а особливо внутреннее отдѣленіе столь рѣдко, что я принужденъ былъ сдѣлать чертежъ для яснаго понятія. Сѣверная узкая часть или сѣни на сдѣланномъ изъ известковыхъ плитъ фундаментѣ складены изъ большихъ татарскихъ кирпичей, и изъ нихъ же и верхушки всего строенія сдѣланы. Въ оныя сѣни ходъ съ восточной стороны, и въ боковыхъ стѣнахъ много окошечекъ. Помянутыя сѣни раздѣляетъ поперечная стѣна на четверугольную переднюю и на другую продолговатую комнату. Изъ сей послѣдней входятъ въ главное строеніе, въ которое, кромѣ сего, нѣтъ никакого другого хода. Все строеніе, выключая верхушки, складено изъ отесанныхъ камней, которые длиною почти въ аршинъ, шириною больше полуаршина, а толщиною въ пядень. Самое большое мѣсто раздѣлено до самаго свода стѣнами на четыре особливья угольные комнаты, между которыми находится ходъ на крестъ. Въ сей ходъ проходитъ свѣтъ сквозь большой, сводомъ сдѣланный куполь, въ срединѣ котораго есть осьмиугольное отверстіе и еще на каждой сторонѣ по малому окошку. Около сего большого купола стоятъ такіе же четыре малые надъ угольными комнатами. У каждаго изъ нихъ находится въ срединѣ осьмиугольное отверстіе, посредствомъ котораго проходитъ свѣтъ въ комнаты... Къ южному концу сего главнаго строенія придѣланы три комнаты... Западная комната, у которой западная стѣна выдалась на сажень отъ главнаго строенія, не имѣетъ съ другими сообщенія, и есть въ оную особый наружи ходъ... Подо всѣмъ главнымъ строеніемъ простирается погребъ со сводами, подъ южною стѣною котораго сдѣланъ былъ,

Развалины мечети.

Видъ села Болгаръ.

такъ какъ и въ Касимовѣ, ходъ въ землю, куда ставили тѣла умершихъ. Но въ срединѣ подъ южною побочною комнатою сводъ обвалился и ходъ засыпалъ, такъ что я не могъ туда пройти»...

Это «нарочито крѣпкое» строеніе со временъ Палласа давно разломано и разнесено по камню. Сохранился одинъ лишь фундаментъ. Но еще въ 1824 г. Свиньинъ засталъ зданіе въ полуразрушенномъ видѣ. Между прочимъ онъ писалъ:

«Кирпичная пристройка, бывшая съ сѣверной стороны... совершенно разрушилась и состоитъ нынѣ изъ двухъ отдѣльныхъ столбовъ или полуарокъ. Правильность угловъ и гладкость стѣнъ изъ тесаннаго камня замѣнилась неровностями, поросшими терніемъ. Южную пристройку указываетъ одинъ лишь фундаментъ; равномерно и капитальная стѣна съ сей стороны обрушилась и образовала проломъ, въ которомъ внутренность развалинъ сихъ представляется весьма живописно»...

Предположеніе Палласа, что это бывшая усыпальница, давно опровергнуто профессоромъ Эрдманомъ, установившимъ, что зданіе служило баней. Эрдманъ открылъ пять параллельныхъ каналовъ, идущихъ подъ каменнымъ поломъ отъ сѣвера къ югу, и столько же отъ запада на востокъ, такъ что они пересѣкаются подъ прямыми углами. Всѣ они соединились въ общій каналъ въ длинной поперечной комнатѣ съ южной стороны и имѣли тамъ стоки сквозъ своды. Кромѣ того, имъ открыты признаки водопроводовъ.

Даже послѣ самаго тщательнаго осмотра развалинъ я воздержусь отъ заключенія относительно предназначенія этого зданія: уцѣлѣвшіе остатки его слишкомъ ничтожны... Однако въ пользу мнѣнія профессора Эрдмана долженъ сказать, что намъ удалось приобрести у крестьянъ покупкою гончарныя водопроводныя трубы, большіе каменные водоемы, найденные въ этихъ развалинахъ. Подъ арками сохранившихся мѣстами ходовъ мы видѣли остатки золы и углей.

Мѣстное населеніе зоветъ эти развалины Бѣлой палатой.

Есть еще Греческая палата за селомъ, на обрывѣ горы, также представляющая груду камней.

V.

Еще разъ скажу, что разрушителями болгарскихъ памятниковъ являлись не стихіи природы, а люди. Между тѣмъ окарауливаніе развалинъ и не могло дорого стоить въ виду ихъ скученности среди населеннаго пункта. Въ настоящее время казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи тратитъ на караулъ и ремонтъ въ годъ около 300 рублей казенной субсидіи, и цѣль вполне дости-

гается. Но въ прежнее время казенный расходъ на подобную надобность, очевидно, представлялся чѣмъ-то несообразнымъ. Не даромъ же Свининъ въ своихъ запискахъ писалъ:

«Мнѣ кажется, что весьма легко можно убѣдить богатыхъ татаръ сдѣлать значительное пожертвованіе для сохраненія сихъ развалинъ, изъ коихъ многія считаютъ они священными...»

О казнѣ же ни полслова...

Въ настоящее время остается беречь удѣлѣвшія зданія, могущія при охранѣ и реставраціи простоять еще много вѣковъ, благодаря своей необычайной прочности. Кромѣ того, Болгары ждутъ еще

Угловая башня главной мечети.

болѣе тщательнаго изслѣдованія посредствомъ раскопокъ, кои до сихъ поръ ни разу не были широко и планомерно организованы. Между тѣмъ продолжающіяся до сихъ поръ случайныя находки въ землѣ остатковъ болгарскаго культа указываютъ на изобиліе сохранившихся мелкихъ предметовъ археологической цѣнности. До сихъ поръ не разрыты и не разслѣдованы даже могильникъ.

Мы во время нашей экскурсіи имѣли случай покупкою приобрести для музеевъ нѣкоторыя болгарскія древности, находившіяся у мѣстныхъ крестьянъ. Такъ, между прочимъ, мы купили по очень невысокой цѣнѣ водоемъ, высѣченный изъ каменной глыбы, о

которомъ сказано выше, намогильный камень съ армянскою надписью, серебряный витой браслетъ, глиняные сосуды, монеты и много другихъ мелочей.

Если мнѣ удалось въ настоящемъ очеркѣ объединить въ краткой общедоступной формѣ отрывочную литературу о Болгарахъ и показать судьбу ихъ памятниковъ въ постепенности разрушенія, а также сколько-нибудь возбудить интересъ къ нимъ широкой публики, я сочту цѣль мою достигнутой.

Петръ Александровъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Причины и развитіе латышской революціи¹⁾.

ВЕЧАЛЬНЫМЪ наслѣдіемъ государственной думы 1-го и 2-го призыва оказалось то, что въ крайнихъ областяхъ у инородческаго населенія оживились и усилились стремленія къ туманному идеалу, воплощаемому въ спутанномъ понятіи «автономія».

Здѣсь едва ли не первенствующее мѣсто принадлежитъ латышамъ. До «освободительнаго движенія» о латышахъ мы знали немного—было извѣстно, что это родственное литовцамъ племя, составляющее крестьянское населеніе въ южной части русскихъ Остзейскихъ провинцій и проникающее до Куришгафа и Восточной Пруссіи. Кенигсбергскій процессъ 1904 года пролилъ поверхностный свѣтъ на социаль-демократическія вождедѣнія младо-латышской интеллигенціи, но племя это опять было забыто до роковой години 1905 года, когда латыши выступили неожиданно съ рядомъ жестокихъ и дикихъ расправъ съ нѣмецкими баронами и пасторами, съ истребленіемъ помѣщичьихъ усадебъ, пасторатовъ и т. д.

Необходимо замѣтить предварительно, что личное раскрѣпощеніе остзейскихъ поселянъ совершилось подѣ влияніемъ освободитель-

¹⁾ Die lettische Revolution mit einem Geleitwort von Pr. Th. Schieman. Berlin. Reimers Verlag. B. I. 1906 u. B. II. 1908.

Egon Fr. Kirschstein u. Valerian Tormus. Wie Balten Betrachtungen über das Deutschentum in den Ostseeprovinzen. Leipzig. Hatusius Verlag. 1906.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ДЕКАБРЬ, 1906 г., т. сxiv.

ныхъ вѣяній Германіи (Гердера и др.) въ началѣ XIX в., но права на наследственное пользованіе крестьянскою землею латыши, эсты и ливы утратили, и прежнія патріархально-феодальныя отношенія между помѣщиками и подданными уступили мѣсто свободному договору между работодателями и рабочими. Наследственное арендованіе было замѣнено срочнымъ, опираясь на систему отбыванія барщинной натуральной повинности, и только въ 40-хъ годахъ XIX в. барщинный укладъ постепенно смѣнился денежною арендою.

По лифляндскимъ же образцамъ сложились аграрныя отношенія въ Эстляндіи и на о. Эзелѣ, и только въ Курляндіи большая патріархальность въ отношеніяхъ между помѣщиками и поселянами облегчила для послѣднихъ приобрѣтеніе крестьянскихъ земель, тогда какъ въ Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ и Силезіи крестьяне при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости получили подворные участки, а остальную часть земель ($\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$), находившихся ранѣе въ ихъ пользованіи, они обязаны были либо обратно вернуть въ распоряженіе помѣщиковъ, либо выкупить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ принять укрѣпленныя на ней долговыя обязательства. Въ Остзейскомъ краѣ такъ же, какъ въ Познани и Новой Помераніи, крестьяне получили свободу, а вся земля полностью, состоявшая ранѣе въ ихъ пользованіи, была объявлена господскою собственностью, но помѣщики все находившіяся ранѣе въ пользованіи крестьянъ земли и впредь обязались сдавать въ аренду, или продавать не иначе, какъ въ крестьянскія руки.

Помѣщикъ и при отчужденіи части земель въ пользу дворянъ удерживалъ за собою рядъ обременительныхъ для сосѣдей привилегій, право рыбной ловли и охоты, исключительное право продажи лѣса и лѣсныхъ матеріаловъ, право заведенія торгово-промышленныхъ предпріятій, открытія пивоварень, винокурень, корчемъ и т. д.

Такимъ образомъ постепенно образовывались подворные участки путемъ наръзокъ въ отрубъ, съ преобладаніемъ хуторовъ въ размѣрѣ отъ 25 до 50 десятинъ; эти хутора путемъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщиками и мѣстными обществами поземельнаго кредита приобрѣтались исключительно крестьянами, и постепенно въ руки мелкихъ и среднихъ собственниковъ перешло до 60% всехъ баронскихъ владѣній.

По свидѣтельству г. Вега («Прибалтійская смута». Спб. 1907 г. изд. Суворина), встрѣчались такіе, напр., факты: тогда какъ въ одной волости помѣщикъ продавалъ крестьянамъ усадебную землю по 60 р. за талеръ, въ смежной волости другой помѣщикъ отдавалъ землю по 250 р. за талеръ, при чемъ предварительно вырубалъ еще на этой землѣ лѣсъ въ свою пользу.

Крестьяне, покупавшіе при такихъ условіяхъ земли, въ конечномъ результатѣ оказывались не въ состояніи ихъ выкупить,

и дѣло кончалось продажою участковъ съ молотка, такъ какъ крестьяне, купивъ усадьбу, засѣвали цѣлину льномъ, интенсивнаго хозяйства вести не могли, за отсутствіемъ оборотнаго капитала, всѣ выручаемая деньги отдавали помѣщику въ уплату долга и быстро истощали почву посявами льна. Такъ какъ къ 90 годамъ цѣны на всѣ сельско-хозяйственные продукты упали, а заработная плата рабочимъ поднялась, вслѣдствіе подъема промышленности, то положеніе мелкихъ хозяевъ сдѣлалось очень тяжелымъ, и въ 1894 г. въ одной Лифляндской губерніи продавалось за долги съ торговъ до 559 крестьянскихъ усадебъ.

Вслѣдствіе дальнѣйшихъ дробленій и скупокъ земельного имущества подворные участки распредѣлились въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ мелкихъ и среднихъ собственниковъ, а масса крестьянъ оказалась обезземеленной и находитъ источники къ существованію въ личномъ трудѣ; такъ, напр., годовые батраки и сдѣльные рабочіе въ среднемъ тѣ и другіе зарабатываютъ около 300 рублей въ годъ, а поденщики зарабатываютъ, смотря по времени года, отъ 40 к. до 1 р. въ день.

Латыши въ Остзейскомъ краѣ являются по преимуществу поселянами и сельскими рабочими; собственно латышей насчитывается:

въ Лифляндіи	568.829 д.	при 43,40 ‰	всего населенія
» Курляндіи	505.994 »	» 75,04 »	» »
» Витебской губ.	264.062 »	» 17,73 »	» »
» Ковенской »	35.188 »	» 2,28 »	» »
» Псковской »	11.127 »	» 0,99 »	» »
Итого:	1.380.200 д.	» 21 ‰	» »

Въ виду приумноженія населенія и трудности найти постоянный сельскій заработокъ, постепенно увеличивается притокъ латышскаго населенія въ города. Такъ, по переписи 1897 г. въ городахъ Лифляндіи и Курляндіи насчитывалось уже 209.583 латыша, что составляло для Курляндіи 42‰, а для Лифляндіи 38‰ городского населенія. Исторически сложившееся противоположеніе интересовъ между латышскою рабочею массою и пришлою иноземною помѣстною аристократіею въ свое время не было достаточно сглажено уступками, отвѣчающими духу времени, такъ какъ балтійское дворянство, ссылаясь на свои привилегіи, упорно и послѣдовательно отстаивало преданія старины, закрѣпленные въ архаическомъ балтійскомъ законодательствѣ.

Особенное негодованіе въ средѣ инородческаго населенія Прибалтійскаго края издавна возбуждаетъ разверстка отправленія натурою дорожной повинности. Фактическій матеріалъ, собранный по этому предмету сенаторскою ревизіею, обнаружилъ крайнюю

неравноѣрность обложенія помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель. На крестьянъ, владѣющихъ $\frac{1}{3}$ земель, падаетъ $\frac{9}{10}$ дорожныхъ повинностей, тогда какъ помѣщики нѣмцы, владѣя $\frac{2}{3}$ земель, несутъ всего только $\frac{1}{10}$ часть дорожной повинности. Едва ли можно оспаривать тотъ фактъ, что въ культурномъ отношеніи дворянство въ старину сыграло крупную и благотворную роль въ Прибалтійскомъ краѣ, но исключительное положеніе и привилегіи, усвоенныя феодалнымъ строемъ за помѣстнымъ дворянствомъ, и положили глубокую рознь между баронами и кореннымъ инородческимъ населеніемъ. Хотя балтійское дворянство не безъ основанія кичится своими незаурядными сельско-хозяйственными познаніями, которыя оно же и привило латышами и эстами, а равно числитъ на своемъ активѣ многочисленныя учебныя и благотворительныя заведенія, до лепрозорій включительно, созданныя въ интересахъ низшихъ классовъ, тѣмъ не менѣе балтійскіе бароны никогда не проявляли ни стремленія, ни умѣнія къ человѣчному и равноправному сближенію съ латышскимъ и эстскимъ «мужичьемъ». Баронъ неизмѣнно оставался недоступнымъ, безгранично гордымъ нѣмецкимъ «баринномъ» (Herr), и хотя эсты и латыши покорно цѣловали господскій рукавъ и лицемѣрно выказывали помѣщикамъ почтительнѣйшую преданность, на самомъ дѣлѣ они издревле были враждебно настроены противъ нѣмецкихъ завоевателей, а затѣмъ господъ.

Въ прежнее время нѣмецкія претензіи находили себѣ обоснованіе хоть въ томъ, что эсты и латыши представляли собою «нетесанное мужичье». Но позднѣе даже для вполне культурныхъ и имущественно обезпеченныхъ инородцевъ, прошедшихъ чрезъ академическое образованіе, доступъ въ нѣмецкое общество затруднялся, какъ и въ старину, и нетерпимость эта обуславливалась столько же національною рознью, сколько исторически привившимся презрительнымъ отношеніемъ въ личности потому только, что она происходитъ изъ мужицкой среды.

Чтобы быть принятымъ въ нѣмецкую среду, эстъ или латышъ долженъ былъ поступаться національнымъ самосознаніемъ, вплоть до отказа отъ родового прозвища, и, только превратившись въ Шварца или Шмита и выдавая себя за нѣмца, онъ могъ разсчитывать на полуснисходительное, полупрезрительное вниманіе бароновъ.

Для окончательнаго порабощенія и обезличенія эстовъ нѣмцы возлагали особенныя надежды на воздѣйствіе лютеранской церкви, но и послѣдняя оказалась несостоятельною. По особенностямъ балтійскаго законодательства право назначенія пасторовъ при замѣщеніи вакантныхъ приходоу принадлежитъ мѣстнымъ помѣщикамъ, такъ какъ на нихъ ложится содержаніе пасторатовъ и вознагражденіе духовенства. А такъ какъ патроны при назначеніи пасторовъ нерѣдко вовсе не принимали въ соображеніе интересовъ паствы и отдавали преимущество кандидатамъ, которые дѣйствовали

и агитировали на пользу бароновъ, то между прихожанами и духовными пастырями возникали подчасъ враждебныя столкновения, служившія къ дискредитированію лютеранской церкви и религіи.

Эти аномальности, какъ и многія другія тѣневныя стороны остзейскихъ распоряжковъ, были въ достаточной мѣрѣ обнаружены ревизіею сенатора Манасейна.

Во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ Манасейнъ очерчиваетъ государственно-правовыя и административныя установленія Остзейскаго края, какъ устарѣлыя пережитки старины, и указываетъ на то, что объединеніе прибалтійскихъ губерній съ имперіею не можетъ быть успѣшно достигнуто, доколѣ школа и умственная жизнь края искусственно пропитываются нѣмецкою культурою и отмежевываются отъ русской государственности и просвѣщенія.

Послѣдовавшее затѣмъ введеніе судебныхъ уставовъ 1864 г. и изученія русскаго языка въ балтійскихъ школахъ были наглядными показателями проведенія въ жизнь прибалтійской окраины извѣявленной императоромъ Александромъ III воли взирать на балтійскія провинціи, какъ на неотъемлемую составную часть Россіи, подлежащую объединенію съ нею не на основаніи особыхъ привилегій, но на почвѣ общеимператорскаго законодательства.

Анонимный авторъ «Lettische Republik» силится поставить въ причинную связь обрусительную политику предшествовавшаго царствованія съ младо-латышскимъ движеніемъ и замалчиваетъ коренныя причины, порождавшія и усугублявшія разнь между балтійскими нѣмцами и инородцами, возбуждая въ послѣднихъ глухое недоброжелательство къ привилегированнымъ классамъ.

Пробужденіе національнаго самосознанія у латышей имѣетъ цѣлую исторію: починъ ему въ 50-хъ годахъ былъ положенъ кружкомъ интеллигентовъ; начавъ съ изданія въ Ригѣ (въ 1856 г.) и въ Петербургѣ (съ 1862 г.) латышскихъ газетъ, они сплотили земляковъ въ 1868 г. въ «латышскій союзъ», который, съ одной стороны, сталъ настойчиво агитировать въ пользу введенія въ Прибалтійскомъ краѣ имперскихъ земскаго положенія и судебныхъ уставовъ, а съ другой—способствовалъ объединенію латышей чрезъ образованіе въ Курляндіи и Лифляндіи многочисленныхъ національно-латышскихъ сельско-хозяйственныхъ, пѣвческихъ, страховыхъ, кредитныхъ и иныхъ обществъ.

Примѣру этому послѣдовали эстонцы, образовавшіе въ 1881 г. литературный эстонскій союзъ.

Оба союза эти, общества и инородческая пресса преслѣдовали упорно одну цѣль—высвободиться изъ-подъ нѣмецкаго экономическаго, соціальнаго и политическаго вліянія.

Пробужденіе среди латышей и эстонцевъ національнаго самосознанія было сочувственно встрѣчено не только серьезными орга-

нами русской печати, (какъ, напр., «Голосъ» и «Новое Время»), но даже и органами правительственной власти.

Анонимный авторъ сочиненія «Die lettische Revolution» бездоказательно устанавливаетъ связь между пробужденіемъ національнаго самосознанія у латышей и эстонцевъ и рожденіемъ социалистическихъ вѣяній, обвиняя русское чиновничество и крупныхъ дѣятелей въ демагогію.

Между тѣмъ самъ же авторъ подробно рассказываетъ, что починъ сближенія младо-латышей и эстовъ съ социалистическими кружками былъ сдѣланъ въ 1882 г. нѣкимъ Дидо, поддерживавшимъ тѣсныя сношенія съ Баркомъ, издававшимъ въ Женевѣ «Балтійскаго Федералиста». Дидо и Баркъ затѣяли не много, не мало, какъ провести въ Лифляндіи въ жизнь программу «Народной Воли», органа террористическаго исполнительнаго комитета.

Въ началѣ 90-хъ годовъ социалистическое движеніе постепенно стало разрастаться подъ эгидою подпольнаго «Дневнаго Листка» («Deenas Lapa»); редакторъ его Плеектансъ Райнисъ главнымъ образомъ и способствовалъ усиленному водворенію изъ Германіи социаль-демократической боевой литературы.

Хотя въ 1897 г. въ крупныхъ городахъ Лифляндіи и Курляндіи и состоялись массовые аресты, а самъ Плеектансъ былъ высланъ въ Вятку, социалистическое движеніе нашло себѣ новую пищу въ демонстраціяхъ и беспорядкахъ рабочихъ, вызванныхъ въ 1899 г. въ Ригѣ угнетеніемъ мѣстнаго рынка и пониженіемъ заработной платы. Несмотря, однакоже, на дѣятельныя старанія русскихъ студентовъ и латышскихъ социалистовъ оживить и усилить движеніе путемъ распространенія зажигательныхъ гектографированныхъ прокламацій, беспорядки вскорѣ были подавлены, а неудачи первой попытки поднять рабочихъ побудили агитаторовъ къ планомѣрной пропагандѣ превратныхъ ученій, успѣхъ которой къ концу 90-хъ годовъ, подъ вліяніемъ роста промышленности, значительно усилился среди мѣстнаго рабочаго населенія.

Въ первые два года XX вѣка объединеніе рабочихъ въ социалистическіе кружки настолько оказалось успѣшнымъ, что съ 1901 г. по 1903 г. отдѣльные кружки обзавелись въ Ригѣ, Либавѣ, Виндавѣ и Тальсенѣ мѣстными комитетами, которые приняли на себя общее руководство агитаціею и распространеніемъ подпольной литературы, а для вѣщнаго успѣха пропаганды въ декабрѣ 1904 г. латышская социаль-демократическая рабочая партія выпустила «Революционную азбуку», гдѣ намѣчались внутренняя организація и наилучшіе приемы для агитаціонной дѣятельности.

Мы упомянули выше о «латышской социаль-демократической рабочей партіи». Первоначально подъ наименованіемъ «балтійско-латышской рабочей организаціи» 5 апрѣля 1902 г. объединились социалистическіе комитеты рижскій, виндавскій и тальсенскій и

избрали представителемъ центральнаго комитета за границей д-ра Фр. Розинга; въ 1903 г. къ этой организаціи примкнулъ либавскій комитетъ, а въ 1904 г. митавскій. Окончательное соглашеніе и утвержденіе программы и партійной организаціи произошло въ маѣ 1904 г.; вслѣдъ за партійнымъ съѣздомъ состоялось еще совѣщаніе съ представителями отъ русскихъ, польскихъ товарищей и еврейскихъ бундистовъ. Тѣсное сближеніе съ Бундомъ под-сказывалось дѣятельностью послѣдняго. По извѣстіямъ VII съѣзда Бунда онъ къ сентябрю 1906 г. располагалъ 254 отечественными и 20 заграничными организаціями изъ 33,890 членовъ, изъ нихъ на заграничныя филиалы приходилось всего 355 членовъ. Независимо отъ этого въ освободительную эпоху численность еврейскаго элемента, настроеннаго революціонно, но къ Бунду не примыкавшаго, опредѣлялась въ 250,000 душъ. Уже съ сентября 1904 г. въ Ригѣ образовался федеративный комитетъ изъ 6 членовъ, по три отъ Бунда и латышской рабочей партіи, а въ февралѣ 1905 г. къ комитету были кооптированы 3 представителя отъ рижской группы русской социаль-демократической партіи.

Въ 1903 г. изъ среды латышской социаль-демократической партіи выдѣлилась группа «Впередъ» (*Us preekschu*); во главѣ ея стали члены цюрихской секціи латышской организаціи Ролавсъ и Микель, и группа эта приняла наименованіе «*Ssaweeniba*». На взглядъ ея латышская социаль-демократическая партія выступала не достаточно радикально и проявляла излишній бюрократизмъ; отщепенцы, въ свою очередь, проявляли тяготѣніе къ террористическимъ актамъ, какъ наиболее удобному способу веденія партизанской войны противъ существующаго строя; принимая общую программу партіи, отщепенцы видоизмѣняли свою тактику въ социаль-революціонномъ духѣ и поставили себѣ задачей осуществленіе автономной латышской республики, которая имѣла вступить на федеративномъ началѣ въ связь съ мѣстными республиками, подлежащими образованію на развалинахъ Всероссійской имперіи.

Обѣ эти организаціи, повидимому, существуютъ и по сей часъ, и хотя организація «Впередъ» всегда была значительно малочисленнѣе латышской социаль-демократической партіи, но въ эпоху революціи, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г., она вступила въ тѣсное федеративное соглашеніе съ русскими социаль-революціонерами и сыграла въ балтійской смутѣ первенствующую роль.

Въ 1905 г. изъ городской комитетской организаціи были выдѣлены особые районные земельные комитеты въ Курляндіи и Лифляндіи, на которые возложена была агитація среди сельскихъ рабочихъ для насажденія социаль-демократіи въ прибалтійскихъ сельскихъ мѣстностяхъ.

Что касается финансовыхъ средствъ партіи, то ординарными источниками служили членскіе взносы (по 20 коп. съ cadaго чле-

на ежемѣсячно), добровольныя подписки на партійныхъ собраніяхъ и доходы съ партійной печати.

Чрезвычайными источниками являлись воспособленія отъ международнаго бюро для поддержанія русской революціи, добровольныя пожертвованія отъ сочувствующихъ¹⁾, и суммы, реализируемыя чрезъ насильственныя экспроприаціи²⁾.

При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что балтійская группа «Впередъ» могла въ октябрѣ отчислить изъ своихъ суммъ 116.390 марокъ (около 60.000 руб.) для воспособленія русскимъ революціонерамъ.

Уже въ 1903 г. въ отдѣльныхъ частяхъ Курляндіи и Лифляндіи начало сказываться усиленіе социаль-демократической пропаганды, а съ открытіемъ русско-японской войны дѣятельность социалистическихъ группъ приняла характеръ откровенной противоправительственной агитаціи.

Зимой 1903—4 гг., весною и лѣтомъ 1904 г. Прибалтійскій край былъ наводненъ прокламаціями, направленными противъ войны и призывавшими: безсрочно отпускныхъ—не повиноваться мобилизаціоннымъ призывамъ, лицъ, подлежащихъ рекрутскому набору,—отказываться отъ принесенія присяги, солдатъ—затѣвать бунты, а сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ—вступать въ стачки.

Вслѣдъ за петербургскими уличными беспорядками 9 января 1905 г. уже 13-го января объявлена была забастовка на всѣхъ рижскихъ фабрикахъ; такія же явленія разыгрались въ Ревелѣ 12 января, а въ Либавѣ 13 января. Въ Ригѣ, по показаніямъ мѣстнаго биржевого комитета, въ общей забастовкѣ приняло участіе до 42.000 рабочихъ; къ 17 января движеніе стало спадать, такъ какъ у большинства рабочихъ заботы о хлѣбѣ насущномъ превозмогли партійную дисциплину и терроризацію, а къ 24 января уже 83% всѣхъ рабочихъ вернулись къ обычнымъ мирнымъ занятіямъ.

Искусственно раздуваемая ненависть противъ нѣмецкихъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, недовольство церковными распорядами и болѣзненно разжигаемое національное тщеславіе были тѣми факторами, которые демократія использовала на всѣ лады.

Такъ, прокламація латышскаго соц.-дем. центрального комитета въ февралѣ 1905 г. гласила: «Изъ рабства нѣмцамъ мы попали въ рабство русскимъ и несемъ теперь двойное ярмо—нѣмецкихъ бароновъ и русскихъ чиновниковъ». Въ прокламаціи, озаглавленной: «Что такое социалистъ», и выпущенной соц.-дем. партіею въ

¹⁾ Такъ, въ одномъ V избирательномъ округѣ нѣмецкими социаль-демократами было собрано 307,000 марокъ.

²⁾ Ограбленіе гельсингфорскаго банка, напр., доставило партіи 100.000 руб.; ограбленіе либавскаго банка 15 октября 1905 г. доставило 15.000 руб.; ограбленіе Орлова въ Ригѣ 11 октября 1905 г. 24.174 руб. и т. д.

декабрѣ 1904 года, проповѣдывалось: «Соціалисты всѣ тѣ, кто борется противъ гнета правительства и его слугъ и кто стремится высвободить народъ изъ-подъ рабскаго ярма помѣщиковъ и капиталистовъ».

По хозяйственнымъ вопросамъ социаль-демократическія прокламаціи обличали преимущественно такія общественныя явленія и привилегіи, противъ которыхъ, благодаря націоналистической латышской прессѣ, усиленно накоплялось въ массѣ негодованіе. Основныя социалистическія требованія въ родѣ отмены частной собственности, однакоже, замалчивались, чтобы не всполошить мелкихъ собственниковъ, но зато уже въ мартѣ 1905 г. центральный комитетъ соц.-дем. партіи заявлялъ о необходимости передачи всѣхъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ, пасторатскихъ государственныхъ имуществъ въ распоряженіе общинъ. Въ прокламаціи, обращенной «ко всѣмъ латышскимъ поселянамъ», центральный комитетъ соц.-дем. партіи заявлялъ въ февралѣ 1905 г.: «Вся Россія объята пламенемъ возмущенія. Тамъ уже поднялись рабочіе, студенты, профессора, писатели, горожане, крестьяне и даже солдаты манчжурской арміи. Дни устарѣвшаго самодержавія сочтены и въ ближайшее время тамъ предстоитъ величайшій переворотъ. Съ будущностью Россіи сплетается и судьба различныхъ племенъ, ее населяющихъ». Поэтому, продолжаетъ прокламація, «и мы, латышскіе поселяне, для освобожденія изъ-подъ ярма русскихъ чиновниковъ и нѣмецкихъ бароновъ должны словомъ и дѣломъ принять участіе въ возстаніи, ибо матерью всѣхъ благихъ преобразованій всегда являлся кровавый бунтъ».

На ряду съ летучими листками и прокламаціями, имѣвшими ближайшею задачею взбудоражить населеніе, распространялись прокламаціи, дававшія опредѣленныя тактическія указанія; онѣ призывали батраковъ къ стачкамъ въ дворянскихъ имѣніяхъ, убѣждали арендаторовъ прекращать платежи владѣльцамъ, совѣтовали мелкимъ собственникамъ воздерживаться отъ уплаты взноса по погашенію закладныхъ, а всѣмъ вообще поселянамъ рекомендовали воздерживаться отъ несенія общественныхъ повинностей и уплаты податей.

«Только благодаря дружному взаимодействию подобныхъ усилий удастся ниспровергнуть самодержавіе,—сулилъ центральный комитетъ соц.-дем. партіи въ апрѣлѣ 1905 г.—Только тогда самъ уже народъ создастъ чрезъ своихъ представителей новые законы, которые обезпечатъ ему невѣдомое доселѣ благополучіе; особенно же благотворно отразится переворотъ на рабочемъ населеніи, такъ какъ всѣ подати и налоги будутъ отменены, и ихъ замѣнитъ единственно подоходный налогъ, которымъ и будутъ облагаемы доходы свыше 300 рублей и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче плательщики».

Иныя изъ этихъ прокламацій расходились въ двухъ изданіяхъ, по 30—40 тысячъ экземпляровъ въ каждомъ.

Въ мартѣ 1905 г. уже начались стачечныя движенія и среди сельскихъ рабочихъ Западной Курляндіи и Восточной Лифляндіи, и только Эстляндія сравнительно мало заражалась революціоннымъ движеніемъ.

Объясняется это тѣмъ, что эстонцы по натурѣ склонны къ консерватизму, менѣе доступны культурнымъ воздѣйствіямъ и гораздо болѣе сдержанны, чѣмъ латыши.

Иначе отнеслось къ революціоннымъ вѣяніямъ латышское населеніе. Мелкіе собственники, владѣвшіе въ одной Лифляндіи въ 1905 году свыше чѣмъ 1.093,152 десятинами земли, правда, заключали въ своей средѣ многочисленныхъ вдумчивыхъ и благородныхъ людей, не чаявшихъ ничего добраго для своихъ интересовъ отъ революціи, но они пугливо заняли выжидательную позицію и старались только не портить отношеній ни съ правыми, ни съ лѣвыми. Арендаторы, имѣвшіе въ 1905 году въ своемъ пользованіи значительное количество владѣльческихъ земель, въ случаѣ коренной ломки аграрнаго строя рассчитывали добиться пониженія арендной платы, облегченія договорныхъ условій и возможности пріобрѣсти арендуемые у владѣльцевъ участки за дешевую покупную цѣну, заручившись еще правомъ пользованія владѣльческими лѣсными и водными угодіями.

Рѣшительное и активное участіе въ революціонныхъ начинаніяхъ приняли сельскіе школьные учителя и ремесленники, какъ болѣе развитой и подвижный элементъ, силлившійся плохо усвоенныя, но завлекательныя соціалистическія ученія воплотить въ жизнь и наставить въ нихъ темную массу. Для воспріятія этихъ поученій особенно благодарнымъ элементомъ являлся многочисленный классъ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ-батраковъ; его не трудно было прельстить посулами 8-часового рабочаго дня, рублевою поденною платою и болѣе широкаго довольствія натурою, и въ чаяніи достиженія такихъ благъ этотъ элементъ ставилъ подъ красныя знамена особенно многочисленныхъ «пассивныхъ товарищей»-пособниковъ.

Въ февралѣ 1905 года въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Лифляндіи начались уже демонстраціи и впервые появились красныя флаги. Въ мартѣ движеніе это распространилось на большую часть Курляндіи. Въ апрѣлѣ 1905 года центральный комитетъ латышской соціалъ-демократической партіи выпустилъ воззваніе «къ сельскимъ рабочимъ», призывая ихъ готовиться къ всеобщей забастовкѣ и вооруженному возстанію. Въ іюлѣ въ Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ произошли стачки фабричныхъ рабочихъ, каменщиковъ, пекарей, мясниковъ, портвыхъ рабочихъ и т. д., а 26 іюля митавскій комитетъ соціалъ-демократической партіи постановилъ объ-

явить въ Курляндіи всеобщую стачку сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Стачка эта съ самаго начала приняла угрожающій характеръ и въ основѣ своей таила признаки вооруженнаго возстанія. Шайки рабочихъ численностью въ 10—15 человекъ, вооруженныя ружьями и револьверами, разсыпались по всей Курляндіи, призывая мѣстныхъ крестьянъ примкнуть къ стачкѣ, производя нападенія на помѣщиковъ и мелкіе, расквартированные по усадьбамъ войсковые отряды, совершая поджоги, уничтожая государственные гербы и царскіе портреты, рекрутскіе списки, церковные архивы и т. п. Это стачечное движеніе изъ Курляндіи перекинулось съ такою же силою и въ Лифляндію, а октябрьская всеобщая забастовка завершила смуту. Почтовое сообщеніе прекратилось, край былъ наводненъ издѣліями «боевой» подпольной прессы, распространялись слухи, будто въ Россіи правительство пало, а войска перешли на сторону революціонеровъ; будто у латышей имѣется до 60 тысячъ хорошо обученныхъ и стройно организованныхъ стрѣлковъ, а оружія новѣйшихъ системъ такое обиліе, что часть его направлена въ Москву. Политическое движеніе приобрѣло настолько красную окраску, что даже въ деревняхъ выставлялись предположенія объ образованіи на социаль-демократическихъ началахъ латышской и эстонской республики, такъ какъ и вся-де Россія образуетъ изъ себя нѣсколько федеративныхъ республикъ.

Главарями движенія въ деревняхъ, помимо пришлыхъ революціонеровъ, являлись по преимуществу народные учителя, псаломщики и волостные писаря.

Усадьбовладельцы и старики-собственники большею частью нисколько не сочувствовали движенію, но это консервативное меньшинство, не сплоченное и не организованное, не могло побороть движенія, которому дѣятельно сочувствовалъ весь деревенскій пролетаріатъ.

Еще съ апрѣля мѣсяца социаль-демократическая агитація въ Лифляндіи и Курляндіи усилилась настолько, что нерѣдко стали происходить въ киркахъ поруганія алтарей, произнесеніе съ церковныхъ кафедръ незнакомцами зажигательныхъ рѣчей съ призывомъ населенія къ порчѣ желѣзнодорожныхъ путей, телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ и умерщвленію чиновниковъ, полицейскихъ и военныхъ чиновъ.

На ряду съ оскорбленіями и насиліями надъ пасторами происходятъ демонстраціи противъ правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, а равно и помѣщиковъ, никому невѣдомые пришлые агитаторы проявляютъ лихорадочную дѣятельность, появляясь то тамъ, то здѣсь на велосипедахъ, распространяя подпольную литературу и держа рѣчи въ корчмахъ, на рынкахъ, въ киркахъ и т. д.

Въ маѣ и юнѣ 1905 года усиленно распространяются въ большомъ количествѣ прокламаціи центрального комитета социаль-демократической партіи подъ заголовкомъ: «Подъ усиленной охраною», рижскаго комитета подъ заголовкомъ: «Къ сознательной борьбѣ, товарищи!», центрального комитета подъ заголовкомъ: «Воля народа получить осуществленіе». Во всѣхъ этихъ прокламаціяхъ народъ призывается къ вооруженному выступленію, ему предлагается запастись огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, обезоруживать полицейскіе патрули и истреблять шпионовъ, жандармовъ и полицейскихъ.

Съ іюня по іюль 1905 года значительно возрастаетъ количество преступленій политическаго характера и продолжаетъ прогрессировать все дальше.

Въ Лифляндіи. Въ Курляндіи.

Такъ, за указанный мѣсяцъ число			
поджоговъ увеличилось съ	10 до 46	съ 2 до 23	
вооруженныхъ нападеній съ	2 до 11	съ 5 до 52	
вообще революціонныхъ преступленій съ	28 до 65	съ 8 до 84	

Въ Курляндіи революціонное движеніе направлялось двумя центрами, либавскимъ и митавскимъ и пошло еще быстрѣе, такъ какъ почерпало главныя силы въ социаль-демократическихъ организаціяхъ промышленнаго и торговаго центра, какъ Рига.

Въ Лифляндіи по началу открытое возстаніе обнаружилось преимущественно въ Венденскомъ и отчасти въ Рижскомъ и Валкскомъ уѣздахъ; въ іюль движеніе съ особенной силой охватило и южную часть Рижскаго уѣзда, направляясь отъ линіи Риго-Динабургской желѣзной дороги.

По свидѣтельству департамента полиціи, наблюдавшіеся въ Прибалтійскомъ краѣ факты носили уже тогда вполне ясно выраженный революціонный, а отчасти и анархическій характеръ.

Правительство, правда, выражало твердое намѣреніе подавить смуту и объявило положеніе усиленной охраны сначала въ Лифляндіи (съ марта 1905 года), а затѣмъ и въ Курляндіи (съ 6 августа 1905 года).

Суровая мѣра эта, однакоже, оказалась довольно безрезультатною за отсутствіемъ достаточнаго контингента вооруженныхъ охранителей общественнаго порядка.

Въ Ригѣ, напримѣръ, городская территорія коей обнимаетъ 147 квадратныхъ верстъ съ населеніемъ въ 282,000 душъ, имѣлось налицо всего 472 полицейскихъ, а военный гарнизонъ не превышалъ 3500 душъ, считая въ томъ числѣ и 3 кавалерійскихъ эскадрона; въ латышскихъ же округахъ Лифляндіи, обнимающихъ площадь около 20,000 квадратныхъ верстъ, земская полиція оказалась не удовлетворяющею своему назначенію; полицейскіе офицеры

обнаруживали полное незнакомство съ краемъ и мѣстными нарѣчїями; начальники округовъ (Kreishauptman) въ Вольмарѣ, Венденѣ и Валкѣ были совсѣмъ не на мѣстѣ, а низшіе чины полиціи и полевые жандармы, на вербованные изъ латышей, были весьма ненадежны, такъ какъ либо были запуганы и проявляли прискорбную пассивность, либо мирволили своимъ землякамъ революціонерамъ. Что же касается немногочисленныхъ войсковыхъ частей, то, по просьбамъ мѣстныхъ помѣщиковъ, онѣ были раздроблены на крайне мелкія единицы — взводы и посты — для охраны отдѣльныхъ поселеній и нерѣдко падали лишь жертвами исполненія долга.

Хотя образованная нѣмецкими баронами самооборона въ цѣляхъ охраны имущества и личностей привилегированныхъ сословій и сослужила краю нѣкоторую пользу, но была слишкомъ малочисленна для активной и дѣйствительной борьбы со смутю. При такихъ условїяхъ революціонное движеніе въ Курляндіи и въ августѣ очень слабо уменьшилось въ смыслѣ преступныхъ покушеній противъ имущества и личности, а въ Ригѣ революціонныя убійства и покушенія въ іюлѣ даже возросли съ 37 до 66 случаевъ.

Значительное усиленіе террористическихъ покушеній въ Ригѣ было обусловлено двумя обстоятельствами: съ одной стороны, возобновленіемъ въ городѣ всеобщей забастовки, а съ другой — тѣмъ положеніемъ, какое мѣстная социаль-демократическая организація заняла по отношенію къ политическимъ событіямъ, разыгрывавшимся въ Россіи.

Естественно было ожидать, что высочайшее повелѣніе отъ 6 августа 1905 года о созывѣ государственной думы и заключеніе съ Японіею 23 августа Портсмутскаго мира положить конецъ смутѣ, но этого-то именно революціоннымъ партіямъ и не хотѣлось.

Поэтому высочайшее повелѣніе 6 августа вызвало ожесточенныя нападки со стороны центральнаго комитета латышской социаль-демократической партіи и въ прокламаціи, распространенной въ августѣ 1905 года подъ заголовкомъ: «Государственная дума и революціонная война», объявлялось, будто дума пользы народу не принесетъ и сдѣлается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Въ прокламаціи, выпущенной 19 августа 1905 года по поводу Портсмутскаго мира, рижскій комитетъ убѣждалъ товарищей, что заключеніе мира лишь облегчитъ возможность репрессій противъ пролетаріата. Мобилизація призывныхъ не прекратится, такъ какъ правительство захочетъ использовать оружіе противъ «внутренняго врага». «Мы, рабочіе, не должны заключать съ самодержавіемъ ни мира, ни перемирія; мы будемъ попрежнему готовиться къ борьбѣ, къ рѣшительной борьбѣ».

Подъ вліяніемъ этихъ науськиваній постепенно все болѣе разгорается «партизанская война», какъ ее окрестила социаль-демократическая литература. Вооруженныя банды перекочевывали съ

мѣста на мѣсто, производя нападенія на помѣщичьи имѣнія, пастораты, лѣсничества, корчмы и хутора, и чинили грабежи тамъ, гдѣ не встрѣчали отпора; волостныя управления и казенныя винныя лавки подвергались «экспроприациямъ», зеркала и царскіе портреты сжигались, волостныя дѣлопроизводства и пасторатскіе архивы сжигались, при чемъ съ особенною тщательностью уничтожались всѣ документы, имѣвшіе касательство къ раскладкѣ податей и къ выполненію мобилизаціонныхъ плановъ; по ночамъ сѣнные сараи, хлѣбные амбары и хозяйственныя постройки поджигались, а полицейскіе и воинскіе чины подстерегались въ засадахъ въ цѣляхъ безнаказаннаго умерщвленія. При случаѣ революціонеры не останавливались даже и передъ отравленіями; такъ, 25 іюня въ Зесвегенѣ поставленные на постой казаки (числомъ 33 человека изъ 35) внезапно заболѣли при тѣмъ болѣе подозрительныхъ обстоятельствахъ, что уже 25 іюля по мѣстечку ходили слухи о предстоящей съ казаками расправѣ. При разслѣдованіи, въ квашнѣ, гдѣ заготовлялся солдатскій хлѣбъ для печенія, былъ обнаруженъ мышьякъ. Равнымъ образомъ и въ Лубанѣ (въ Венденскомъ уѣздѣ) была сдѣлана 21 августа попытка подмѣшать мышьякъ въ водку предъ раздачею казакамъ винной порціи.

Средства къ подавленію этой пресловутой партизанской войны оказывались далеко не достаточны. Въ Рижскомъ уѣздѣ возстановленіе порядка легло на 4 эскадрона 9-го драгунскаго полка; въ Венденскій и Валкскій уѣздъ для этого были командированы 4 казачьихъ сотни; отряды эти въ видѣ взводовъ и полувзводовъ расквартировывались по отдѣльнымъ имѣніямъ, при чемъ за малочисленностью офицерскаго состава командованіе отрядами ввѣрялось нерѣдко унтеръ-офицерамъ.

Такимъ незначительнымъ силамъ оказывалось по плечу лишь препятствовать открытымъ взрывамъ мятежа, но отдѣльные случаи революціонныхъ преступленій и насилій оставались большею частью совершенно безнаказанными.

Въ послѣдующіе недѣли и мѣсяцы количество безпорядковъ, разграбленій усадебъ, поджоговъ и убійствъ постепенно все умножалось. То въ одну, то въ другую мѣстность внезапно пріѣзжали въ экипажахъ или на велосипедахъ незнакомцы съ зачерненными лицами, въ войлочныхъ, глубоко нахлобученныхъ шляпахъ и предъявляли отъ имени «комитета» требованія объ уплатѣ контрибуціи либо о приведеніи въ исполненіе приговора надъ шпіонами, и тутъ же совершались кровавыя расправы.

Такъ, 4 сентября въ Фистеленѣ (Рижскаго уѣзда) латышъ корчмаръ Кальнингъ и его жена были разстрѣляны. 6 сентября тамъ же православный священникъ Лицитъ былъ убитъ черезъ окно въ своемъ домѣ. 10 сентября въ пасторатъ Нитау (Рижскаго уѣзда) вторглась толпа незнакомцевъ и вручила пастору Шил-

лингу запечатанное письмо. Пока пасторъ его читалъ, незнакомцы разстрѣляли его изъ револьверовъ. 18 сентября жена народнаго учителя близъ Якобштадта (Иллукетскаго уѣзда) была убита наповаль въ школьномъ домѣ. 21 сентября владѣлецъ хутора Петерсонъ въ Туркальнѣ (Рижскаго уѣзда) былъ застрѣленъ черезъ окно.

Перечисленные убійства, какъ и многія другія, происходившія чуть ли не повсемѣстно, имѣли цѣлью терроризировать мѣстное населеніе; во многихъ случаяхъ намѣченныя жертвы предварительно оповѣщались за печатью мѣстнаго социаль-демократическаго комитета грозными приговорами, осуждавшими ихъ на смерть за измѣну якобы народному дѣлу.

Въ октябрѣ 1905 г. движеніе еще болѣе обострилось—вслѣдъ за почтово-телеграфною и желѣзнодорожною забастовкою, объявленною 13 октября, въ Ригѣ 15 октября объявлена была всеобщая забастовка. На улицахъ рабочіе, студенты и евреи производили шумныя демонстраціи, занятія въ учебныхъ заведеніяхъ были насильственно прекращены, а 16 октября произошло на городскихъ бульварахъ вооруженное столкновеніе между кавалерійскими развѣздами и социалистами.

Объявленіе манифеста 17 октября, нисколько не успокоивъ умы, еще больше усилило возбужденіе. Подъ руководствомъ социаль-демократическихъ организацій состоялся рядъ митинговъ. 18-го октября въ латышскомъ союзѣ, присвоившемъ себѣ роль центрального органа социаль-демократическихъ организацій, состоялось собраніе въ количествѣ свыше 6000 участниковъ; оно объявило манифестъ не достаточно яснымъ и не отвѣчающимъ цѣлямъ восстановленія порядка и выставило рядъ требованій объ отмѣнѣ чрезвычайной охраны, выведеніи изъ края войскъ, освобожденіи политическихъ преступниковъ, производствѣ новыхъ городскихъ выборовъ, установленіи 8-часоваго рабочаго дня и т. д., и т. д.

Эти резолюціи 19 октября были подтверждены новымъ якобы «народнымъ» собраніемъ, въ которомъ приняло участіе до 50.000 душъ.

Собранія эти продолжали чередоваться изо дня въ день, нося то общій, то національный, то профессиональный характеръ—и по почину социаль-демократическихъ и анархическихъ вожаковъ участники декретировали ничто же сумняшеся низложеніе самодержавія, учрежденіе социаль-демократической республики, конфискаціи и распределеніе поровну капиталовъ и господство пролетаріата.

Въ новомъ латышскомъ союзѣ, помѣщавшемся на Романовской улицѣ, федеративный социаль-демократическій комитетъ изъ латышскихъ, русскихъ и еврейскихъ представителей засѣдалъ непрерывно и превратился въ революціонный трибуналъ, куда осво-

бодители при малѣйшемъ предлогѣ волокли полицейскихъ чиновъ и «шпіоновъ».

Административныя власти въ эти тревожные дни воздерживались отъ вмѣшательства, желая дать исходъ бурленію взбудораженной массы въ томъ расчетѣ, что страсти улягутся-де наконецъ сами собою. Внѣшнія событія до нѣкоторой степени подтвердили правильность этого соображенія. Между рабочими не замедлила сказаться рознь: нѣмецкій и русскій элементъ обнаружили весьма мало сочувствія революціонному движенію. Русскіе рабочіе Кузнецовской фарфоровой мануфактуры выступили даже съ вѣрнопопданническою телеграммою, приставили ко всѣмъ воротамъ мануфактуры караулы изъ работницъ и дали рѣшительный отпоръ забастовщикамъ. Въ Московскомъ форштадтѣ въ теченіе трехъ дней разыгрывались, довольно, впрочемъ, безобидно, погромы евреевъ, затѣянные раскольниками; 29-го октября послѣдовало наконецъ правительственное сообщеніе, предостерегавшее населеніе противъ безпорядковъ и угрожавшее рѣшительнымъ ихъ подавленіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ и рижское городское управленіе обратилось къ рабочимъ съ воззваніемъ, призывая ихъ къ возобновленію мирнаго труда. 24-го октября болѣе благоразумные рабочіе элементы прекратили наконецъ забастовку. Распубликованіе закона 12 октября и манифеста 17 октября почти во всѣхъ городахъ и во многихъ сельскихъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края возымѣли тѣ же послѣдствія, т. е. повлекли за собою значительные безпорядки, порою принимавшіе безобразнѣйшія формы; въ Либавѣ 20 октября забастовавшіе гимназисты назначили судъ надъ преподавателями, директора смѣстили, повиннымъ въ «реакціонномъ направленіи» учителямъ сдѣлали строгое внушеніе и заявили рядъ освободительныхъ требованій (въ томъ числѣ право для старшихъ двухъ классовъ невозбранно посѣщать публичные дома).

Въ Митавѣ воспитанники реальнаго училища на митингѣ 27 октября постановили упразднить во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи воспрещеніе куренія, веденіе кондуитныхъ списковъ и исключеніе воспитанниковъ за провинности. Въ Ревелѣ безпорядки, произведенные рабочими 16 октября и сопровождавшіеся грабежами и поджогами, привели къ кровавымъ столкновеніямъ съ войсками.

Въ Юрьевѣ вслѣдъ за объявленіемъ манифеста разыгрались дикія демонстраціи, подстроенныя студентами русскаго и еврейскаго происхожденія, принадлежавшими къ социаль-демократической партіи. При вооруженномъ столкновеніи съ войсками 28 октября 2 манифестанта были убиты, а нѣсколько человѣкъ ранены.

Въ сельскихъ мѣстностяхъ до половины октября безпорядки сохраняли еще тотъ же характеръ, что и въ предшествовавшіе мѣсяцы, т. е. совершались нападенія на уединенные хутора, про-

изводились поджоги, убійства изъ засадъ и грабежи оружія. 4 октября въ Одензее (въ Венденскомъ уѣздѣ) былъ раненъ управляющій, 6-го октября въ Фридрихсгофѣ (въ Добленскомъ уѣздѣ) былъ ограбленъ, а затѣмъ и убитъ арендаторъ фермы, 12 октября въ Шонеки (въ Рижскомъ уѣздѣ) чрезъ окошко былъ застрѣленъ полевой жандармъ, а 16 октября въ Рамкау (Венденскаго уѣзда) было произведено вооруженное нападеніе на лѣсничество, старшій лѣсничій Юнгмейстеръ былъ тяжело раненъ, а жившій съ нимъ престарѣлый врачъ Галицкій убитъ.

По опубликованіи манифеста и въ сельскихъ мѣстностяхъ стали собираться митинги, и попытки полиціи прекращать многочисленныя сборища повели къ ожесточеннымъ вооруженнымъ столкновеніямъ, особенно въ южной Лифляндіи.

Командированные изъ Риги, Либавы, Митавы и Юрьева агитаторы въ пламенныхъ рѣчахъ старались убѣдить населеніе, что возшла заръ эвободы, что достаточно одного рѣшительнаго выступленія вооруженнаго народа, и устарѣвшій государственный и церковный строй рухнетъ окончательно, такъ какъ свободный народъ не нуждается ни въ государствѣ, ни въ церкви; церковь служитъ только пугаломъ для неосмысленныхъ ребятъ и глушцовъ и выдумана поработителями затѣмъ, чтобы держать народъ въ невѣжествѣ и зависимости.

Во многихъ церквахъ и киркахъ социаль-демократы устраивали спеціальныя собранія въ цѣляхъ «освобожденія народа изъ мрака суевѣрій». Въ Сербенской киркѣ (въ Венденскомъ уѣздѣ) былъ даже пущенъ на голосованіе вопросъ о томъ, «существуетъ ли Богъ, или нѣтъ». Въ томъ же Венденскомъ уѣздѣ, въ Кальцекаускомъ приходѣ, мѣстный пасторъ подвергся изгнанію, а портной Церрини вызвался за 300 р. въ годъ потрудиться на спасеніе душъ осиротѣлыхъ прихожанъ. Въ подтвержденіе своихъ домогательствъ на замѣщеніе пасторской должности Церрини въ мѣстной корчмѣ выступилъ съ пробною проповѣдью и началъ съ заявленія, что «всѣ прежнія пасторскія поученія бабы сказки, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что люди происходятъ отъ морскихъ кошекъ». Тутъ въ диспутъ ввязалась старуха, которая съ негодованіемъ возразила, что и дѣдъ ея и отецъ никогда морскими кошками не были, да и дѣти ея честнаго происхожденія. Это эмпирическое доказательство настолько посрамило Церрини, что отвратило отъ его услугъ колебавшуюся паству. Правовѣрные пасторы систематически подвергались травлѣ, личнымъ насиліямъ и подъ первымъ же предлогомъ изгонялись изъ пасторатовъ; удержались въ приходахъ почти исключительно пасторы латышкаго происхожденія, сумѣвшіе приспособиться къ «освободительному духу». Такъ, социаль-демократическая газета «Deenas Lara» съ особеннымъ одобреніемъ отозвалась о раннебургскомъ пасторѣ, который при погребеніи

юнаго революціонера, павшаго подъ казачьими выстрѣлами, восхвалялъ убитаго, какъ мученика свободы, внушалъ прихожанамъ готовиться на защиту попираемой свободы и защищать ее хотя бы цѣною жизни; въ названной же газетѣ одобрительно аттестовался и пасторъ Берсонскаго прихода за разрѣшеніе пѣть въ киркѣ латышскій революціонный гимнъ.

Всѣ такіе факты являлись, такъ сказать, прелюдіею для открытаго вооруженнаго возстанія, подготовлявшагося центральнымъ социаль-демократическимъ комитетомъ.

Насколько элементарнѣйшія понятія о правѣ и государственномъ порядкѣ помутились у балтійскаго населенія, шедшаго въ поводу у социаль-демократическихъ пѣстунновъ, тому типичный образчикъ сказался въ заявленіи, сдѣланномъ лифляндскому губернатору общиною Фридрихсвальде (Венденскаго уѣзда) отъ 31 октября 1905 года.

«Внимательно слѣдя за разыгрывающимися событіями, мы убѣдились, что существованіе 140-милліоннаго населенія Россіи находится въ полной зависимости отъ безотвѣтственной шайки хищниковъ, попирающей элементарнѣйшія человѣческія права и безконтрольно распоряжающейся народнымъ достояніемъ,—сказано здѣсь.—Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что манифестъ 17 октября, явившійся результатомъ безконечныхъ усилій и жертвъ, принесенныхъ дѣлу освобожденія пролетаріатомъ и русскою интеллигенціею, отнюдь не соотвѣтствуетъ нашимъ идеаламъ свободной гражданственности. Мы, нижеподписавшіеся, всѣ за cadaго и каждый за всѣхъ, желая заявить нашу солидарность съ русскими бойцами за свободу, требуемъ:

«1) немедленной отмѣны военнаго положенія, усиленной охраны и вообще всѣхъ чрезвычайныхъ законовъ;

«2) немедленной отмѣны смертной казни и освобожденія всѣхъ заключенныхъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ политическихъ и противъ религіи;

«3) немедленнаго введенія въ дѣйствіе свободы совѣсти, слова, собраній, печати, вступленія въ союзы и стачки, а равно неприкосновенности личности и жилища;

«4) немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, безъ различія національности и пола.

«Къ сему мы считаемъ нужнымъ прибавить, что совмѣстно съ пролетаріями всей Россіи мы всемѣрно будемъ стараться, чтобы учредительное собраніе провозгласило нашу страну демократическою республикою.

«5) Мы требуетъ немедленной отставки и отдачи подъ судъ обоихъ помощниковъ начальника Венденскаго округа за ихъ безчеловѣчное обращеніе съ населеніемъ. Одновременно съ этимъ

народъ вообще подлежитъ освобожденію отъ всякихъ воздѣйствій полиціи, такъ какъ онъ самъ принимаетъ на себя заботы о поддержаніи порядка.

«6) Мы требуемъ наконецъ немедленнаго утвержденія народной милиціи, такъ какъ всякія препятствія въ этомъ направленіи будутъ сметены народомъ».

Одновременно съ подобными резолюціями, посыпавшимися къ мѣстному начальству изъ всѣхъ медвѣжьихъ угловъ, социаль-демократическій центральный комитетъ въ Ригѣ приступилъ къ инсценированію открытаго возмущенія.

30 октября въ новомъ латышскомъ союзѣ состоялось собраніе при участіи свыше тысячи человѣкъ и подъ руководствомъ наиболѣе извѣстныхъ латышскихъ націоналистовъ и революціонеровъ—братьевъ Ассаръ, Райнисъ Плеектанса, Янсона, Арвида Берга, Деглау, пастора Роденса и другихъ. Собраніе постановило «мирно» упразднить существующее городское управленіе и замѣнить его новымъ, по выборамъ на демократической основѣ.

Въ то время, какъ центральный социаль-демократическій комитетъ, учреждая «исполнительный комитетъ» изъ рижскихъ домовладѣльцевъ со включеніемъ въ ихъ число Ассара, Янсона и Райнисъ Плеектанса, старался запугать правительство и выиграть время, не прибѣгая къ кровопролитію, группа «Савеениба» въ своемъ органѣ «Впередъ» настаивала на скорѣйшемъ вооруженномъ выступленіи и утверждала, что новыя времена могутъ быть осуществлены лишь чрезъ пролитіе крови. «Борьба велась прежде, ведется теперь и будетъ вестись дальше — такъ ужъ удѣлъ народа, и если бы правительство само даже вызвалось дать намъ то, чего, конечно, не захочетъ, т. е. демократическую республику, то и въ этомъ случаѣ и на такое предложеніе мы должны были бы отвѣчать открытіемъ вооруженной борьбы». Какъ бы въ отвѣтъ на разъяреніе, воспослѣдовавшее 10 ноября со стороны лифляндскаго губернатора, о томъ, что манифестъ 17 октября отнюдь не долженъ быть понимаемъ какъ предоставленіе гражданамъ города права поступать по собственному произволу, въ Ригѣ 19 ноября состоялся съѣздъ представителей совокупныхъ общинъ Лифляндіи и Курляндіи. Хотя губернаторъ и заявлялъ, что въ его компетенцію отнюдь не входитъ разрѣшеніе подобнаго съѣзда, а тѣмъ менѣе при участіи представителей отъ сосѣдней Курляндской губерніи, съѣздъ самочинно открылъ дѣйствія въ новомъ латышскомъ союзѣ. Засѣданія съѣзда происходили въ многолюдномъ составѣ 1500 участниковъ подъ предсѣдательствомъ кокенгузенскаго волостного писаря Кродера и продолжались съ 19 по 23 ноября.

Важнѣйшія изъ резолюцій, принятыхъ этимъ курьезнымъ съѣздомъ подъ давленіемъ вездѣсущихъ братьевъ Ассаръ, Арвида Берга, Деглау и пастора Роденса, гласятъ слѣдующее:

1. Всѣ отношенія къ существующимъ административнымъ властямъ порываются.

2. Впредь до установленія связи съ правительствомъ на новыхъ началахъ прекращаются уплаты государственныхъ податей и общинныхъ сборовъ.

3. Заводятся сношенія съ крестьянскими союзами въ Россіи.

4. Тамъ, гдѣ это еще не состоялось, созываются собранія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины обоихъ половъ, на которыя и возлагается:

- а) смѣстить существующія общинныя управления;
- б) ввести исполнительные комитеты;
- в) избрать общинные суды, которые бы по своему разумѣнію и по совѣсти разбирали дѣла, не обращая вниманія на существующіе законы;
- г) составить инструкцію въ руководство исполнительнымъ комитетамъ и общиннымъ судамъ, и
- е) избрать представителей въ собраніе делегатовъ по общему латышскому самоуправленію.

Въ свою очередь, въ ноябрѣ же 1905 года общинные исполнительные комитеты Лифляндіи и Курляндіи по одному и тому же шаблону постановили нижеслѣдующія резолюціи:

1. Всѣ отношенія къ бюрократическимъ установленіямъ прекращаются впредь до созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

2. Для упорядоченія балтійскихъ хозяйственныхъ вопросовъ въ Ригѣ созывается «балтійское совѣщаніе», избираемое на обычной демократической основѣ.

3. Всѣ политическіе преступники получаютъ освобожденіе.

4. Военное и осадное положеніе отмѣняются.

5. Полиція и армія упраздняются, а взамѣнъ ихъ вводится всеобщая народная милиція.

6. Уплата арендныхъ денегъ землевладѣльцамъ и платежей кредитнымъ обществамъ пріостанавливается.

7. Равнымъ образомъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій прекращаются уплаты дорожныхъ повинностей и общинныхъ сборовъ; попеченіе о содержаніи школъ и бѣдныхъ возлагается на совѣтъ въ составѣ 11 лицъ (которыя тутъ же и поименовываются).

8. Мѣстныя (т. е. помѣщичьи) лѣсныя угодья поступаютъ въ вѣдѣніе общины.

9. Всѣ мѣстныя (т. е. помѣщичьи) заведенія для продажи спиртныхъ напитковъ закрываются, доколѣ право на открытіе шинковъ, корчемъ и т. п. не будетъ предоставлено самой общинѣ.

10. Во всѣхъ мѣстныхъ школахъ преподаваніе ведется на родномъ языкѣ, причемъ обученіе Закону Божию становится необязательнымъ.

11. Кто провинится въ послушаніи настоящимъ предписаніямъ, объявляется измѣнникомъ народоправія.

Изъ отчетовъ различныхъ «земскихъ комитетовъ» и «центровъ» латышской с.-д. партіи, представленныхъ III партійному съѣзду въ 1906 г., оказывается, что такъ какъ созывы собраній и выборы въ исполнительные комитеты совершены подъ руководствомъ социаль-демократовъ, и большая часть членовъ исполнительныхъ комитетовъ принадлежала къ той же партіи, то всѣ комитеты дѣйствовали въ полномъ согласіи съ социаль-демократическими организаціями.

Изъ тѣхъ же источниковъ явствуетъ, что въ Курляндіи дѣйствовало 190 исполнительныхъ комитетовъ, а въ южной Лифляндіи 156 (во всей Лифляндіи число комитетовъ доходило до 170).

Такимъ образомъ, къ срединѣ ноября Курляндія и Лифляндія фактически расчленились на 360 мелкихъ автономныхъ республикъ, объединенныхъ въ федерацію подъ фѣрулою социаль-демократическаго федеративнаго комитета въ Ригѣ.

Подъ давленіемъ «товарищей» балтійскіе земскіе исполнительные комитеты хозяйничали во всю. Въ большей части комитетовъ въ числѣ членовъ фигурировали и дамы — большею частью супруги школьныхъ учителей и волостныхъ писарей; въ Аллашѣ (Рижскаго уѣзда) въ числѣ членовъ комитета значились, между прочимъ, одна повивальная бабка и одна проститутка. На комитетскихъ дамъ по преимуществу возлагались обязанности изгнанныхъ изъ приходовъ пасторовъ. Такъ какъ въ латышскихъ автономныхъ республикахъ былъ провозглашенъ гражданскій бракъ, то комитетскія дамы вязали и разрѣшали брачныя узы для героевъ освободительнаго движенія, вели метрики новорожденнымъ и умершимъ и т. п.

Особенно лихорадочную дѣятельность проявляли исполнительные комитеты въ цѣляхъ организаціи народной милиціи. Повсюду для этого собирались денежные пожертвованія, социаль-демократическіе эмиссары постоянно сновали взадъ и впередъ, снабжая общины оружіемъ, которое частью привозилось контрабандою изъ-за границы, частью покупалось въ рижскихъ магазинахъ или насильственно захватывалось въ баронскихъ имѣніяхъ и лѣсничествахъ.

Оружіе передавалось въ вѣдѣніе общинной военной комиссіи которая раздавала его милиціонерамъ, получавшимъ суточныхъ по 50 коп. на человѣка; комиссія же устраивала пробныя мобилизаціи милиціонеровъ.

Впрочемъ, комитеты проявляли не столько созидающую дѣятельность, сколько разрушительную. Несмотря на развиваемую агитацію, латышскіе автономисты вовсе еще не были господами положенія, такъ какъ далеко не всѣ «гнѣзда тирановъ и крово-

пійць» были уничтожены. Во многихъ мѣстностяхъ бароны и вообще нѣмцы поселялись группами и по возможности приводили тотъ или другой замокъ въ состояніе обороны; окна въ нижнемъ этажѣ замуровывались или снабжались желѣзными ставнями, заготавливались запасы провіанта и военныхъ припасовъ, организовалась сторожевая и развѣдочная служба и т. д.

Оставляя въ сторонѣ многочисленныя драматическіе эпизоды нападеній и форменныхъ осадъ, предпринимавшихся латышскими мятежниками противъ сплотившихся бароновъ, нельзя не отмѣтить, что въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г. полному разгрому подверглось въ Курляндіи 45 имѣній, въ Лифляндіи 82, въ Эстляндіи 54. Разгрому подвергались по преимуществу такія усадьбы, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ помѣщики не рассчитывали выдержать осаду, а потому, хотя и съ сожалѣніемъ, покидали родное гнѣздо.

Вооруженныя банды мятежниковъ производили набѣги изъ одного имѣнія въ другое, развѣзжая зачастую на подводахъ, реквизиціоннымъ путемъ забранныхъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Въ покинутыхъ усадьбахъ мятежники почти не встрѣчали сопротивленія, и къ нимъ нерѣдко присоединялись батраки и дворовые. Затѣмъ разыгрывался безобразнѣйшій разгромъ: въ господскомъ домѣ выламывались двери, движимость, приглянувшаяся грабителямъ, вытаскивалась и дѣлилась между ними; болѣе же громоздкіе предметы: мебель, зеркала, книги сваливались въ комнатахъ въ кучу, обливались керосиномъ и поджигались. Въ то время, какъ баронскій замокъ пылалъ и бессмысленно уничтожались накопленныя многими поколѣніями владѣльцевъ художественныя сокровища, картины, гравюры, изваянія, фарфоръ, цѣнныя библіотеки и архивы, освободители перепивались, орали революціонныя пѣсни и приступали къ кровавымъ расправамъ съ управляющими, приказчиками и экономическими рабочими, когда тѣ дѣлали попытку отстоять ввѣренное ихъ охранѣ имущество.

Такъ, въ одномъ Венденскомъ уѣздѣ 30 ноября въ Прауленѣ былъ убитъ управляющій Шуббе, 1 декабря въ Одсенѣ управляющій Долленъ и русскій кучеръ были пристрѣлены и брошены въ огонь; 5 декабря въ Мейранѣ такой же расправѣ подвергся арендаторъ Гиршъ и т. д.

Характеръ акта возмездія, который социаль-демократическая печать навязываетъ грабительскимъ набѣгамъ, не оправдывается дѣйствительностью: грабежи и уничтоженіе имущества совершались въ какомъ-то сладострастномъ самозабвеніи и съ вандальскою жестокостью. Въ замкахъ, напр., Альтъ-Шванбургъ (Валкского уѣзда) и въ Одензее (въ Венденскомъ уѣздѣ) въ оранжереяхъ были порублены и поломаны драгоцѣнные экземпляры растений. Въ усыпальницѣ замка Таурунъ (Рижскаго уѣзда)

мятежниками былъ обнаруженъ гробъ, гдѣ покоились останки убитаго 20 ноября барона Транбеге, и мятежники не придумали ничего лучшаго, какъ облить гробъ керосиномъ и спалить усыпальницу.

Почти невозможно въ деньгахъ оцѣнить тѣ огромныя уничтоженія культурнаго труда многихъ поколѣній, которыя такъ себѣ, «здорово живешь», были совершены въ нѣсколько недѣль удалыми «освободителями». По официальной удостовѣренной оцѣнкѣ матеріальные убытки отъ уничтоженія построекъ, хозяйственнаго инвентаря и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ одной только южной Лифляндіи составляли 3.468.900 рублей, при этой оцѣнкѣ въ расчетъ не принято уничтоженіе движимости, рухляди и предметовъ личнаго обихода, принадлежавшихъ помѣщикамъ, пострадавшимъ отъ погромовъ, а равно и тѣ косвенные убытки, какіе были вызваны нарушеніемъ всѣхъ хозяйственныхъ операцій въ разоренныхъ имѣніяхъ. Такіе убытки по одной южной Лифляндіи таксируются свыше чѣмъ въ 5 милліоновъ рублей.

Въ сосѣдней Курляндіи освободители хозяйничали, какъ и въ Лифляндіи, смѣщая властей и пасторовъ, захватывая общинныя кассы, организуя исполнительные комитеты и взимая налоги и сборы въ пользу с.-д. партіи; особенностью революціонныхъ выступленій въ Курляндіи, впрочемъ, оказался тотъ курьезный фактъ, что здѣсь почти всѣ города очутились въ рукахъ у мятежниковъ, причемъ въ Виндавѣ на ряду съ латышско-русско-еврейскимъ революціоннымъ комитетомъ видную роль сыгралъ еще и особый польскій революціонный комитетъ. Курляндскіе революціонеры настолько обнаглѣли, что 28 ноября сдѣлали даже попытку захватить губернскій городъ Митаву, но тамошній гарнизонъ отразилъ напоръ мятежниковъ, которые понесли уронъ въ 16 человѣкъ убитыхъ.

Что касается Эстляндіи, то здѣсь безпорядки носили не такой интенсивный характеръ, какъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Объясняется это національными особенностями эстовъ.

Несмотря на то, что экономическое положеніе эстонскихъ крестьянъ гораздо хуже латышскихъ вслѣдствіе худшихъ свойствъ почвы и климата, эсты по натурѣ тяготеютъ къ консерватизму, такъ какъ являются упорными эмпириками и трезвыми, реальными политиками и съ трудомъ поддаются посуламъ фантастическихъ социаль-демократическихъ утопій.

Если революціонное движеніе не вздулось въ Эстляндіи горою, то ужъ, конечно, это не вина эстонской печати, которая напрягала всѣ усилія, чтобы разнуздать народныя страсти и натравить и эстовъ на нѣмцевъ. Вплоть до аграрныхъ безпорядковъ и стачекъ, искусственно вызванныхъ въ 1905 году въ Дерптскомъ и Верроскомъ уѣздахъ агитаторами, на вербованными среди юрьевскихъ

студентовъ, сельскіе округа Эстляндіи пребывали въ незамутимомъ спокойствіи. Хуже дѣло обстояло въ городахъ, гдѣ рабочій пролетаріатъ оказывался болѣе послушнымъ орудіемъ въ рукахъ социаль-демократическихъ агитаторовъ. Въ Ревелѣ, Юрьевѣ и Перновѣ вслѣдъ за объявленіемъ манифеста 17 октября 1905 года неоднократно наблюдались рабочія демонстраціи, порою доходившія и до вооруженныхъ столкновеній съ военною силою. Въ то же время дѣлались настойчивыя попытки склонить и сельскіе округа Эстляндіи къ воспріятію социаль-демократической программы дѣйствій,

28 ноября былъ созванъ въ Юрьевѣ общестонскій съѣздъ, въ помѣщеніи мѣщанскаго клуба. Тутъ и разыгралась борьба между національно-прогрессивною партіею, имѣвшею во главѣ редактора «Postimees» Тѳннисона, и социаль-революціонною партіею, предводимою Спеексомъ, редакторомъ социалистическаго листка «Undiset» (Новости).

Національно-прогрессивная партія, въ составѣ отъ 500 до 600 человекъ, рѣшительно уклонялась отъ насильственныхъ революціонныхъ выступленій и стояла за разработку началъ самоуправления въ области хозяйственной, педагогической и церковной на основѣ свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября. Болѣе радикальные представители социаль-революціонныхъ идеаловъ послѣ бурныхъ столкновеній на съѣздѣ съ противниками обособились и открыли совѣщанія въ актовомъ залѣ юрьевскаго университета. Программа, около которой сплотилось до 200 делегатовъ крайнихъ организацій, была коротка: она призывала къ ниспроверженію правительства, изгнанію помѣщиковъ, и пасторовъ, упраздненію общиннаго и школьнаго управленія, отмѣнѣ воинской повинности и принудительному отчужденію земельной собственности въ пользу народа, который призывался къ вооруженію.

Такъ какъ это воззваніе подъ заголовкомъ «манифестъ» было пущено въ народное обращеніе, то масса, привыкшая считать манифесты проявленіемъ воли монаршей, была вовлечена въ заблужденіе и примкнула къ движенію *bona fide*, воображая, что дѣйствуетъ въ духѣ повелѣній свыше.

12 декабря 1905 года вспыхнуло открытое возмущеніе, подготовлявшееся въ средѣ ревельскихъ фабричныхъ комитетовъ русской социаль-демократической рабочей партіи; послѣ шумнаго митинга революціонное движеніе пошло въ трехъ разныхъ направленіяхъ вдоль Балтійской желѣзной дороги. Къ Петербургу оно охватило 50-верстный районъ къ юго-востоку, въ Іервенскомъ уѣздѣ оно доходило до границы Финляндіи, а въ юго-западномъ направленіи до Леаля. Словно смерчъ обрушился на страну, и въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль 54 господскихъ усадьбы были сожжены до тла, а 40 усадебъ подверглись разграбленію и уни-

чтоженію. Но съ такою же быстротою, какъ разгорѣлся пожаръ возмущенія, послѣднее и потухло при первомъ же появленіи карательныхъ экспедицій, командированныхъ изъ Петербурга.

Въ то время, какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края бушевало открытое возстаніе, съ упраздненіемъ мѣстныхъ властей, изгнаніемъ помѣщиковъ и пасторовъ, провозглашеніемъ автономныхъ общинъ и выпускомъ даже особыхъ латышскихъ денежныхъ знаковъ¹⁾, въ Ригѣ царила жуткая тишь, предшествующая обыкновенно бурѣ.

Полиція совѣмъ притаилась, военные—чтобы не раздражать толпы—тоже избѣгали появляться на улицахъ, гдѣ неограниченно царила социаль-демократическая чернь.

Болѣе состоятельныя лица купческаго сословія предпочли временно выселиться за границу; кто же принужденъ былъ оставаться въ городѣ, примирался заранѣе съ возможностью самой дикой расправы. Пережившіе тогдашніе смутные дни въ Ригѣ вспоминаютъ о нихъ и по сей часъ, какъ о чудовищномъ кошмарѣ. Особенно мучительно сказывалось сознаніе безсилія и безпомощности предъ сбродомъ, разгуливавшимъ по улицамъ съ красными флагами и распѣвавшимъ рабочую марсельезу и другія революціонныя пѣсни, предъ школьниками и школьницами, торжественно возглашавшими низложеніе властей, своего школьнаго начальства и родительской власти (22 ноября 1905 года), предъ хулиганами-подростками, останавливавшими извозчиковъ и высаживавшими проѣзжавшихъ подъ предлогомъ неуваженія, оказаннаго ими державной толпѣ и ея краснымъ значкамъ. Кто въ подобныхъ случаяхъ не могъ сдержаться отъ негодованія, поплачивался сильно—такъ, напримѣръ, подполковникъ фонъ-Левисъ, поспѣшившій на помощь какой-то старой дамѣ, грубо стащенной съ пролетки еврейскими подростками, тутъ же былъ ими разстрѣлянъ. Кто отваживался въ эти дни выходить на улицы, держалъ наготовѣ руку съ револьверомъ въ карманѣ, но вовсе не былъ увѣренъ въ благополучномъ возвращеніи домой.

22 ноября послѣдовало неожиданно объявленіе Лифляндіи на военномъ положеніи, не подкрѣпленное однако вступленіемъ новыхъ войскъ, и въ отвѣтъ на него рижскій федеральный комитетъ въ своемъ органѣ «Deenas Lapa» отъ 24 ноября разразился пламенною прокламаціею, въ которой отъ имени социаль-демократіи и латышскаго народа открыто провозглашалась революція и объявлялась всеобщая забастовка. Въ послѣдующія недѣли революціонное движеніе въ Ригѣ достигло своего апогея. Особая депу-

¹⁾ Кружки изъ картона, оклеенные золоченою бумагою съ надписью 5 руб., бумажка съ изображеніемъ бородатаго лица (президента Кродера) на оборотной сторонѣ.

тація отъ федеральнаго комитета съ знаменитымъ народнымъ трибуномъ «Максимомъ» (Мойшею Соколовскимъ) во главѣ заявила губернатору о его низложеніи. Звѣгинцевъ отнесся къ депутатамъ со свойственною ему мягкою ироніею, но не призналъ возможнымъ ихъ заарестовать. 27 ноября социаль-демократы закрыли засѣданія рижскаго окружнаго суда и мирового съѣзда и поставили губернскія власти и администрацію въ необходимость бездѣйствовать; не парализована была только дѣятельность городского управленія, ландратской коллегіи и военныхъ властей, потому что революціонеры побаивались энергичнаго отпора отъ вооруженной самообороны и военныхъ отрядовъ.

27 и 28 ноября были созваны многолюдныя народныя собранія, на которыхъ между прочимъ было принято рѣшеніе бумажныхъ денегъ не принимать. Самозванное правительство на Романовской улицѣ издавало обязательныя постановленія, расклеиваемыя плакатами на улицахъ. Такъ, строго воспрещалось производить домохозяевамъ во время всеобщей забастовки уплату за квартиры, вводилась особая гражданская полиція, которой предоставлялось коротко расправляться съ хулиганами-грабителями за свой счетъ, разстрѣливая ихъ. Комитетъ требовалъ на свой высокій судъ всѣхъ заподозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ и черносотенствѣ и каралъ ихъ очень немилостиво; онъ же руководилъ стачечнымъ движеніемъ какъ рабочихъ, такъ и почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ слѣжащихъ. Декабрь мѣсяцъ ознаменовался рядомъ кровавыхъ расправъ по поводамъ совершенно ничтожнымъ. Такъ, 10 декабря 3 состоятельныхъ рижскихъ гражданина вступили въ ресторанѣ въ политическій споръ съ какими-то незнакомцами; вслѣдъ затѣмъ три недальновидныхъ спорщика были посажены на извозчиковъ и вблизи отъ города разстрѣляны. 11 декабря полицейскій нарядъ, въ составѣ 2 офицеровъ и 8 городовыхъ, былъ завлеченъ въ ловушку, обезоруженъ, на извозчикахъ вывезенъ въ Зассенгофъ и тамъ разстрѣлянъ. Чудовищное нападеніе на драгунъ въ Туккумѣ и умерщвленіе ихъ достаточно извѣстно, чтобы о немъ распространяться.

Вскорѣ волости, мѣстечки, города и, можно сказать, каждая отдѣльная усадьба приняли явно революціонный характеръ и повсемѣстно началось вытѣсненіе законныхъ властей. Въ движеніи етомъ кое-гдѣ приняли участіе даже и правительственные чиновники, частью активно, частью въ формѣ попустительства и потачекъ революціонерамъ, при чемъ такая податливость не вызывалась даже давленіемъ со стороны мятежныхъ элементовъ. Судь, несмотря на усиленіе преступныхъ дѣяній, почти бездѣйствоваль; слѣдователи и прокуратура затягивали дѣла и прекращали дѣлопроизводство за отсутствіемъ уликъ. Извѣстенъ и такой случай, гдѣ хулиганъ набросился на полицейскаго съ ножомъ, но слѣдо-

ватель и прокуроръ квалифицировали это дѣяніе, какъ простое оскорбленіе, наказуемое по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

При ограниченности наличныхъ военныхъ силъ, полиція оказывалась не въ состояніи ни остановить передвиженія многочисленныхъ мятежныхъ бандъ, ни прекратить массовыя истребленія лѣсовъ и сельско-хозяйственныхъ запасовъ. Въ свою очередь, земскіе начальники и слѣдователи лишены были возможности выѣзжать въ свои участки, гдѣ авторитетъ ихъ, впрочемъ, и не признавался вовсе. Что касается законныхъ сельскихъ властей, то онѣ повсюду уступили мѣсто революціоннымъ волостнымъ комитетамъ; такимъ образомъ, сила фактически перешла къ безработнымъ и рабочимъ, отъ которыхъ сельскіе собственники ничего путнаго ожидать для себя не могли.

Возстановленіе порядка, по отзывамъ администраціи, было возможно достигнуть лишь чрезвычайными, суровыми мѣрами.

Мирное населеніе цѣлыми мѣсяцами пребывало въ напряженномъ состояніи и съ нетерпѣніемъ ожидало спасенія отъ правительства—войска поджидались какъ единственно дѣйствительные спасители и водворители спокойствія и законности.

Не говоря о томъ, что высылка войскъ изъ Россіи затруднялась царившею и тамъ смутою, возникали и инныя еще опасенія.

Мѣстныя власти, характеризуя положеніе дѣлъ этой тревожной эпохи, доносили, что обстановка съ каждымъ днемъ дѣлается все хуже и возстаніе грозно разрастается. Мѣстная администрація опасалась, что если изъ Россіи и будутъ двинуты въ Прибалтійскій край войска, ихъ придется переправлять только на пароходахъ, такъ какъ Балтійская и Риги-Орловская желѣзныя дороги не пропустятъ воинскихъ поѣздовъ; въ Лифляндіи власти полагали, что войскамъ чрезъ возставшіе уѣзды придется подвигаться, какъ въ непріятельской странѣ. Относительно Риги выражались страхи, что при наличномъ гарнизонѣ и усиленіи анархіи городъ подвергнется окончательному разграбленію. Всѣ эти страхи оказались призрачными. И до появленія русскихъ войскъ мятежники питали непреодолимый ужасъ предъ «черносотенниками», призракъ появленія коихъ подчасъ пріостанавливалъ уже начатый грабежъ. Теперь же, когда въ помощь разбросаннымъ и безсильнымъ взводамъ и полувзводамъ солдатиковъ явилось серьезное подкрѣпленіе, мятежники вездѣ постыдно убѣгали отъ войскъ и пресловутыя «сраженія» при Гольдингенѣ, Газенпотѣ и т. д. являютъ лишь примѣры позорнѣйшей трусости «товарищей», умѣвшихъ проявлять удалъ только предъ беззащитною массою.

Пресловутыя карательныя экспедиціи, о звѣрствахъ которыхъ повременныя изданія «освободительнаго» характера сообщали всякіе ужасы, на самомъ дѣлѣ дѣйствовали весьма умѣренно.

Всего было двинуто въ Прибалтійскій край: 40 ротъ пѣхоты, 28 эскадроновъ кавалеріи и казачьихъ сотенъ и 18 орудій.

Дѣйствуя на точномъ основаніи особыхъ инструкцій, войска быстро разсѣяли вооруженныя шайки; по началу захватывавшіяся съ оружіемъ въ рукахъ лица, уличавшіяся показаніями мѣстныхъ жителей и властей въ преступленія, влекущихъ за собою при-сужденіе къ смертной казни, разстрѣливались на мѣстѣ. Эта суровая мѣра, однакоже, была прекращена уже въ февралѣ 1906 года за состоявшимся высочайшимъ повелѣніемъ о томъ, чтобы участь преступниковъ, забираемыхъ подъ стражу, опредѣлялась въ точности на основаніи законовъ, при чемъ признавалось, что никакое толкованіе законовъ не допускаетъ лишенія жизни взятыхъ подъ стражу преступниковъ въ административномъ порядкѣ, помимо суда.

Такъ какъ съ самаго начала своей дѣятельности нѣкоторые начальники карательныхъ экспедицій принуждены были изъ фактовъ вывести заключеніе, что дѣйствія ихъ подчасъ направляются по указаніямъ лицъ, завѣдомо недобросовѣстныхъ, то военныя власти вскорѣ стали съ особенною осторожностью относиться къ полицейскимъ и инымъ показаніямъ. Эта дальновидная осторожность обезпечила русскимъ отрядамъ уваженіе и довѣріе со стороны населенія; населеніе обращалось къ военному начальству, несмотря на чинимыя репрессіи, со всѣми своими дѣлами, до подтвержденія мировыхъ сдѣлокъ включительно, старательно избѣгая соприкосновенія съ мѣстною администаціею низшею и даже вышею. 14 декабря 1905 года якобинскій клубъ, дѣйствовавшій подъ кличкою «федеральнаго комитета» на Романовской улицѣ, былъ окруженъ войсками въ то время, какъ тамъ происходилъ митингъ подъ предсѣдательствомъ Максима и предсѣдателя революціоннаго центрального бюро Риги-Орловской желѣзной дороги Павлича. Участники митинга искусственно затянули переговоры съ военнымъ начальствомъ о выдачѣ оружія и дали этимъ возможность «Максиму» и Павличу ускользнуть подъ покровомъ ночи изъ рукъ правосудія.

Въ концѣ января 1906 года, какъ признается и самъ пресловутый рижскій центральный комитетъ с.-д. п. въ своемъ отчетѣ III партійному съѣзду, организація оказалась вынужденною приостановить свою дѣятельность изъ-за приближенія въ Ригѣ отряда Орлова. Представители рабочихъ пришли и сами къ убѣжденію, что при наличныхъ обстоятельствахъ дальнѣйшая дѣятельность партіи тѣмъ менѣе осуществима, что наиболѣе дѣятельные товарищи, получивъ широкую извѣстность еще съ октябрьскихъ дней, не могли бы укрыться отъ преслѣдованій карательной экспедиціи. Поэтому имъ предложено было временно покинуть городъ, и партія ограничила свою дѣятельность тѣмъ, что снабдила отъѣзжающихъ денежною поддержкою.

Пограничный с.-д. комитетъ, въ свою очередь, признается: «контръ-революція оказала потрясающее дѣйствіе на массу. Многіе товарищи выражаютъ сожалѣніе, что принимали участіе въ социаль-демократическомъ движеніи и обвиняютъ агитаторовъ, что тѣ ихъ вводили въ обманъ. Иные члены группъ даже взводятъ на агитаторовъ нареканія въ томъ, будто они злоупотребляли общественными деньгами. Впрочемъ, большая часть товарищей,—утѣшаетъ себя комитетъ,—остались вѣрны своимъ идеаламъ».

Усилившаяся энергія правительственной власти въ Прибалтійскомъ краѣ съ конца 1905 года, нашедшая себѣ выраженіе въ присылкѣ войскъ и снаряженіи карательныхъ экспедицій, побудила латышскую социаль-демократическую партію видоизмѣнить тактическіе приемы и цѣли революціонной борьбы. Рабочее населеніе, несомнѣнно, было разочаровано и обезкуражено. Вѣра въ грядущее торжество социаль-демократіи была потрясена, а опасеніе кровавой расправы за своеволие и безчинства тревожило умы. Населеніе не безъ основанія считало себя вовлеченнымъ въ такіе проступки, истинные зачинщики которые благоразумно бѣжали, предоставивъ разсчитываться за прогрѣшенія пособникамъ и исполнителямъ чужой воли. Страхъ и мщеніе развязывали языки—соціалистовъ, скрывавшихся въ захолустьяхъ, выдавали, тайные склады оружія указывали властямъ, и возникало опасеніе, какъ бы социаль-демократія и совсѣмъ не утратила почву въ сельскихъ округахъ Прибалтійскаго края. Поэтому социаль-демократическая партія задалась планомъ побѣдить страхъ населенія предъ реакціей, терроризируя его, въ свою очередь. Поэтому на III партійномъ съѣздѣ была констатирована своевременность использовать «партизанскую борьбу». Такъ какъ для устрашенія населенія теперь уже нельзя было разсылать по желѣзнымъ и почтовымъ дорогамъ вооруженныя банды, какъ это практиковалось въ эпоху освободительнаго движенія, то надлежало организовать мелкіе боевые отряды на мѣстахъ и возлагать экзекуціонныя набѣги на рѣшительныхъ и надежныхъ товарищей. По этимъ соображеніямъ повсемѣстно въ сельскіе округа социаль-демократическая партія отряжаетъ боевыя дружины, которыя принимаютъ наименованіе «лѣсныхъ братьевъ» и пріурочиваютъ свою дѣятельность къ устрашенію населенія путемъ учиненія пожаровъ, убійствъ и грабежей, которые квалифицируются «экспроприаціей и конфискаціей частной собственности».

Тѣсная связь между социалистическими организаціями и новоявленными «лѣсными братьями», безспорно, доказывается официальными донесеніями мѣстныхъ социалистическихъ комитетовъ, предъявленными III партійному съѣзду, состоявшемуся лѣтомъ 1906 года близъ Риги въ составѣ 37 представителей отъ 11.000 товарищей. Такъ, въ отчетѣ ромерсгофъ-сиссегальскаго комитета зна-

чится: «Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ дѣйствовали отдѣльные отряды, разрушавшіе корчмы и убивавшіе шпионовъ». Пограничный комитетъ, въ свою очередь, сообщаетъ: «Въ лѣсахъ ютится отрядъ въ 20 человекъ. Большею частью они имѣютъ связи съ различными организаціями». Въ отчетѣ туккумъ-тальсенскаго комитета говорится: «Въ іюлѣ произведено нападеніе на замокъ Ремтенъ. Подъ наблюдениемъ партіи дѣйствуетъ 5 лѣсныхъ братьевъ, хорошо вооруженныхъ». Въ отчетѣ организаціи Gaisma (Свѣтъ), дѣйствующей въ верхней Курляндіи, отмѣчается: «Двадцать лѣсныхъ братьевъ; изъ нихъ нѣкоторая часть, не принадлежа къ партіи, партійной дисциплинѣ не подчиняется».

Въ теченіе весны и лѣта 1906 года «лѣсные братья», благодаря своимъ набѣгамъ, получили широкую «популярность» и официально приняли эту кличку, выработавъ даже особый для себя уставъ. 25 августа изъ «типографіи организаціи лѣсныхъ братьевъ» выпущена была въ 10 тысячахъ экземпляровъ прокламація, настолько характерная, что ее здѣсь умѣстно привести цѣликомъ:

«Большая часть дѣятельныхъ участниковъ революціи, въ минувшую осень выступавшихъ милиціонерами, агитаторами и членами исполнительныхъ комитетовъ, съ наступленіемъ реакціи принуждены были эмигрировать; иные были карательными отрядами умерщвлены или превращены въ калѣкъ, а остальные, нашедшіе пристанище въ родныхъ лѣсахъ, когда хищная солдатская орда наводнила Балтійскій край, получили въ устахъ народныхъ наименованіе «лѣсныхъ братьевъ».

«Каждому понятно, что нельзя питаться свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ и красотами природы, да и Господь Богъ никакой манны небесной намъ не даетъ. Поэтому мы вынуждены вступить на путь конфискацій, такъ какъ не можемъ себѣ зарабатывать средствъ къ существованію путемъ производительнаго труда. Ни изъ Петербурга, ни изъ Москвы карательные отряды съ собою списковъ съ нашими фамиліями не привезли, и никакіе стражники и пристава въ лицо насъ не знаютъ. Не будь въ нашей милой странѣ доносчиковъ и предателей, мы могли бы и въ этомъ году такъ же мирно ходить за плугомъ, какъ въ былыя времена. Изъ-за доносчиковъ и предателей, которые имѣются въ средѣ крестьянской и помѣщичьей, и принуждены мы теперь скрываться. Поэтому вполне естественно мы будемъ подвергать конфискаціи имущество помѣщиковъ, всѣхъ предателей, а равно и содержателей кабаковъ и корчемъ, такъ какъ подъ пьяную руку даже и вѣрный честный человекъ сдуру, самъ того не замѣчая, можетъ сдѣлаться предателемъ».

«Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсные братья уже образовали особыя организаціи. Мы требуетъ и отъ остальныхъ, чтобы они создали то же. Цѣлью подобной организаціи является, во-пер-

выхъ, обезпечивать себя средствами къ существованію и оружіемъ, во-вторыхъ, вести организованную партизанскую борьбу и, въ-третьихъ, заботиться о томъ, чтобы хулиганы и полиція отъ имени лѣсныхъ братьевъ и вообще социалистовъ не чинили никакихъ безчинствъ».

Что радикальные элементы среди латышей и эстовъ и по сей часъ вовсе не разоружились, тому имѣются многочисленныя доказательства. Соціалъ-демократія въ Прибалтійскомъ краѣ проявляетъ попрежнему неустанную дѣятельность и, благодаря стройной своей организаціи, безспорно умѣетъ оказывать весьма дѣйствительное вліяніе на массы. Подтверждаютъ это между прочимъ и выборы въ государственную думу, при коихъ значительное число латышей, эстовъ и евреевъ разныхъ красныхъ оттѣнковъ оказались избранными для представленія интересовъ балтійской окраины въ русскомъ парламентѣ.

Депутатомъ отъ достославной ганзейской Риги, на примѣръ, явился бывший редакторъ революціонной газетки «Zihna» Иванъ Озолъ, котораго латышская умѣренная печать обвиняла въ сокрытіи денежныхъ суммъ, ввѣренныхъ ему рабочими союзами, — обвиненіе, которое Озолемъ ничѣмъ опровергнуто не было. Однимъ изъ представителей Лифляндіи въ государственной думѣ явился многократно провалившійся на сценѣ куплетистъ Трейманъ, носящій характерное прозвище Сваргулисъ Эдуардсъ. Подобные депутаты, необразованные и безнаказанно выступавшіе съ лживыми побасенками о балтійскихъ дѣлахъ, даже и въ думѣ производили впечатлѣніе только смѣхотворное.

На ряду съ социалъ-демократами въ качествѣ бродила дѣйствуютъ и латышскіе націоналисты разныхъ оттѣнковъ.

Наиболѣе умѣреннаго направленія придерживается кружокъ, группирующійся около газеты «Rigas Awise» подъ редакціей Вейнберга; газета эта въ революціонную эпоху безстрашно выступала противъ всѣхъ эксцессовъ переворота; нѣсколько болѣе прогрессивнаго направленія придерживается газета «Latwija».

Программа латышскихъ націоналистовъ общеизвѣстна и сводится къ мирному изгнанію нѣмцевъ, преобразованію земскаго балтійскаго строя на демократическихъ началахъ и къ преобладанію въ общественныхъ дѣлахъ латышкаго племени (глашатаемъ этого направленія выступаетъ извѣстный адвокатъ Гросвальдъ).

Среднее положеніе между націоналистами и социалъ-демократами заняла партія народной демократіи; органомъ ея являлась сначала газета «Balss», а послѣ ея закрытія «Baltijas Westnesis» (и та и другая подъ редакціей завѣдомаго революціонера Арвида Берга). Фактически послѣднія газеты представляютъ гораздо большую опасность, чѣмъ яростныя социалъ-демократическія газеты

(«Mushulaiki», «Progress», «Zihua» и «Sorialdemokrats»), потому что первыя исподтишка, но систематически натравливаютъ народъ на правящіе классы, льстятъ латышскому народному самосознанію и всѣ вины разыгравшейся революціи сваливаютъ на нѣмцевъ.

Сущность событій, разыгравшихся въ Прибалтійскомъ краѣ, сводится къ тому, что радикально настроенное молодое поколѣніе латышей (Jungletteuthum) выдвинуло впередъ національный латышскій принципъ, а такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ правящіе классы преимущественно принадлежатъ къ нѣмецкому корню, рабочее же населеніе главнымъ образомъ къ эстонскому и латышскому племени, то при столкновеніи соціальныхъ противорѣчій національный моментъ естественно долженъ былъ сыграть первенствующую роль, ибо племенная борьба здѣсь почти совпадала съ классовою борьбою.

Упорное стремленіе во что бы то ни стало изгнать изъ края нѣмцевъ, какъ наслѣдственныхъ враговъ и притѣснителей, побудило младо-латышей использовать благопріятно сложившіяся обстоятельства и провозгласить республику, съ федеративнымъ комитетомъ во главѣ, который захватывалъ баронскія помѣстья и разверстывалъ ихъ участками для распродажи мѣстнымъ латышскимъ крестьянамъ за безцѣнокъ.

Произвести насильственное отчужденіе баронской земельной собственности упрощеннымъ путемъ «захватнаго права», столь облюбованнаго «освободителями», младо-латышамъ такъ же мало удалось, какъ и создать изъ своихъ «автономныхъ» общинъ самостоятельную политическую единицу. Совершенно невѣроятный, подсказанный извнѣ утопическій замыселъ маленькаго народца, никогда не игравшаго роли въ исторіи, добиться самостоятельности представляется, конечно, тѣмъ болѣе необычайною нелѣпостью, что даже и среди самихъ латышей болѣе зрѣлые и благоразумные элементы относились къ этой затѣѣ или вполнѣ отрицательно, или далеко не сочувственно.

За всѣмъ тѣмъ пережитыя событія ставятъ въ настоящее время прибалтійскихъ нѣмцевъ въ необходимость поступиться прежнимъ презрительнымъ отношеніемъ къ эстамъ и латышамъ, и авторы книги «Wir Balten» даже признаютъ, что отнынѣ никогда уже болѣе въ Остзейскомъ краѣ нѣмцамъ не придется разыгрывать руководящей роли, но такъ какъ, съ другой стороны, эсты и латыши, въ смыслѣ національности, слишкомъ слабы и не смогутъ создать для себя самобытной культуры, то они рано или поздно обречены на поглощеніе германскою либо славянскою расою, въ зависимости отъ того, какая изъ этихъ двухъ гражданственностей достигнетъ преобладанія въ краѣ.

Вл. ф. Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Jules Jansen. Diplomatiscne Enthüllungen aus der Botschafterzeit der Baron von Mohrenheim. (1884 — 1898). Leipzig. 1908. Стр. 208. Ц. 2 марки.

НИГА эта, изданная авторомъ на французскомъ языкѣ, возбудила большую сенсацию въ Германіи и была переведена на нѣмецкій языкъ немедленно послѣ появленія подлинника. Мы пользовались нѣмецкимъ ея переводомъ въ виду того, что переводчикъ къ ея тексту присоединилъ пояснительные комментарии, написанные, конечно, съ нѣмецкой точки зрѣнія, и далъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.

Янсень довольно извѣстный человекъ во французскомъ дипломатическомъ мѣрѣ. Датчанинъ по происхожденію, онъ въ 1864 г. переселился въ Парижъ, вступилъ въ ряды французскихъ дипломатовъ, пользовался расположеніемъ Гамбетты, былъ близокъ къ министрамъ Наполеона, герцогу Деказу, Грамону, и имѣлъ большія связи въ журнальномъ мѣрѣ. Сочувствуя, какъ датчанинъ, Россіи, Янсень дѣятельно хлопоталъ относительно франко-русскаго союза и былъ своимъ человекомъ въ русскомъ посольствѣ въ бытность барона Моренгейма русскимъ посломъ въ Парижѣ. Въ 1895 г. Янсень вышелъ въ отставку. Онъ умеръ въ Парижѣ въ началѣ нынѣшняго года.

Баронъ Моренгеймъ былъ назначенъ представителемъ Россіи во Франціи въ 1884 г., въ бытность министромъ-президентомъ Жюль Ферри. Какъ извѣстно, Ферри былъ сторонникомъ энергической колониальной политики. Это привело его къ египетскому вопросу, въ которомъ Россія энергично поддерживала Францію. Это было первымъ шагомъ къ сближенію. Скоро, впрочемъ,

Жюля Ферри смѣнилъ кабинетъ Фрейсине, едва не испортившій начинавшася сближенія. Дѣло въ томъ, что Фрейсине, находя сообщенія французскаго посла въ Петербургѣ, генерала Апперы, мало содержательными, отозвалъ его. Апперь пользовался большими симпатіями въ придворныхъ сферахъ, и отозваніе его было встрѣчено весьма неблагоприятно. Въ знакъ протеста барону Моренгейму приказано было отправиться въ отпускъ. Держась недалеко отъ Франціи, посоль заѣхалъ къ своему коллегѣ русскому посланнику въ Мюнхенѣ Остенъ-Сакену и здѣсь впервые прочелъ записку о необходимости образованія франко-русскій союзъ. Тотъ ужаснулся этой мысли и предостерегалъ барона Моренгейма, увѣряя его, что эта затѣя будетъ стоить ему всей его дипломатической карьеры. Однако Моренгеймъ отправилъ свою записку тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу съ просьбою доложить ее государю. Въ октябрѣ 1884 г. баронъ Моренгеймъ былъ вызванъ въ Петербургъ и удостоился высочайшей аудіенціи. Явившись во дворецъ, онъ встрѣтился въ приемной съ всемогущимъ тогда графомъ Дмитріемъ Толстымъ. Тотъ уже успѣлъ ознакомиться съ запискою и любезно сказалъ барону: «Я съ величайшимъ интересомъ прочелъ у государя вашу записку. Я слышу въ ней голосъ патріота, а это такая рѣдкость среди нашихъ дипломатовъ». Эти слова сильно ободрили Моренгейма, и онъ подробно изложилъ свои взгляды. Тѣмъ временемъ, вновь назначенный французскій посоль Лабулэ заставилъ забыть Аппера, а Франція уже открыто поддерживала, въ чемъ могла, Россію. Такъ; когда въ 1887 г. явились въ Парижъ делегаты отъ Болгаріи съ просьбой оказать имъ помощь въ конфликтѣ съ Россіей, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Флурансъ прямо указалъ имъ на необходимость вернуть благоволеніе своей освободительницы. Результатъ этого сближенія скоро почувствовали и нѣмцы. Когда пресловутый генералъ Буланже, бывшій военнымъ министромъ, построилъ вдоль нѣмецкой границы рядъ казармъ, Бисмаркъ заявилъ рѣшительный протестъ. Флурансъ черезъ Янсена снесся съ Гирсомъ, и въ Берлинѣ дали понять отъ имени Россіи, что Франція вольна дѣлать на своей территоріи, что ей заблагоразсудится. Бисмаркъ перемѣнилъ фронтъ и прислалъ къ французскому послу Гербетту своего агента, извѣстнаго банкира Блейхредера съ увѣреніями, что беспокоиться нечего и что весь шумъ поднялся вслѣдствіе недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе германскій посоль въ Петербургѣ фонъ-Швейницъ прямо поставилъ передъ русскимъ правительствомъ вопросъ, можетъ ли Германія, въ случаѣ столкновенія съ Франціей, рассчитывать на нейтральность Россіи. Послу отвѣчали, что разгромъ Франціи нарушилъ бы европейское равновѣсіе, на что Россія никоимъ образомъ согласиться не можетъ.

Флурансъ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы облечь въ форму союзнаго договора дружественныя отношенія обѣихъ странъ, и рѣшилъ въ февралѣ 1887 г. отправить съ этою цѣлью въ Петербургъ виконта Мельхіора-де-Вогюэ. Однако командировка эта не удалась, такъ какъ Гирсъ далъ понять, что говорить о союзѣ пока преждевременно. И дѣйствительно, петербургскіе нѣмцы усиленно агитировали противъ союза съ республиканцами. Противники этого союза находились и среди подчиненныхъ Моренгейма, и, наиримѣръ, совѣт-

никъ русскаго посольства въ Парижѣ Коцебу старался, по словамъ Янсена, вредить дѣлу, чѣмъ могъ.

Вслѣдствіе враждебности къ союзу многихъ высокопоставленныхъ лицъ, образовался особый путь, которымъ французское правительство сноилось съ русскимъ. Очень часто французское министерство иностранныхъ дѣлъ просило Янсена сообщить свои виды въ Данію, въ Фреденсборгъ. Янсенъ писалъ извѣстному агенту министерству внутреннихъ дѣлъ Рачковскому, которому поручено было, между прочимъ, сопровождать высочайшихъ особъ во время ихъ слѣдованія въ Данію. Тотъ передавалъ письма Янсена князю Оболенскому, который и доставлялъ по ихъ назначенію. Такимъ путемъ удавалось иногда сдѣлать очень многое. Этимъ именно путемъ сообщено было о желаніи Карно имѣть русскій орденъ, и въ 1890 г. онъ получилъ Андрея Первозваннаго, а министр-президентъ Рибо—Александра Невскаго.

Сближенію особенно способствовало слѣдующее обстоятельство. Русское правительство потребовало ареста нѣсколькихъ анархистовъ, замышлявшихъ въ Парижѣ рядъ покушеній въ Россіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ немедленно отдалъ приказъ префекту Лозе задержать всѣхъ заподозрѣнныхъ, которые, въ числѣ 12 лицъ, и были заключены въ тюрьму. Въ іюль 1891 г. состоялось посѣщеніе Кронштадта эскадрой адмирала Жерве, а 12 августа Моренгеймъ былъ по телеграфу вызванъ въ Петербургъ. Въ сентябрѣ Янсенъ по порученію французскаго правительства ѣздилъ въ Фреденсборгъ и передавалъ тамъ предложеніе заключить военную конвенцію.

Между тѣмъ враги франко-русскаго союза не дремали. Разразился скандалъ съ Панамою, и напелись газеты, которыя увѣряли, что тайнственный Х., получившій взятку въ 500 тысячъ франковъ, есть не кто иной, какъ баронъ Моренгеймъ. Французы приняли рѣшительныя мѣры противъ кампаніи: Рибо выслалъ изъ Франціи корреспондента венгерской газеты «Budapesti Hirlap» и настоялъ на томъ, чтобы Карно извинился передъ русскимъ правительствомъ. Посѣщеніе адмираломъ Авеланомъ Тулона закончило сближеніе, и 3 декабря 1893 г. франко-русскій договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ Гирсомъ, а въ Парижѣ тогдашнимъ министромъ-президентомъ Казимиромъ Перье.

Таковы главные пункты книги Янсена. Она изобилуетъ множествомъ мелкихъ, но чрезвычайно любопытныхъ подробностей, за которыми мы отсылаемъ къ его книгѣ всѣхъ, кто интересуется исторіей этого величайшаго во второй половинѣ XIX вѣка дипломатическаго событія.

А. Б—овъ.

Михаилъ Соколовскій. «Наша военная старина» (историко-бытовые фельетоны). 1908 г. 89 стр. Цѣна 75 к.

Небольшая интересно составленная брошюрка члена императорскаго археологическаго института М. К. Соколова является весьма удачною попыткою опубликованія архивныхъ матеріаловъ въ необычной формѣ историко-бытовыхъ фельетоновъ. «Наивная старина, съ ея формализмомъ и тяжелымъ режимомъ» рельефно встаетъ передъ читателемъ въ своей ужасающей дѣйстви-

тельности. Караулы, разводы, форма одежды — составляют все. Формализмъ затемнялъ сущность службы и съ Павла I велъ неизбежно къ упадку наше военное дѣло. «Екатерининская армія была, по ходячему мнѣнію, — говоритъ авторъ, — безъ дисциплины. А между тѣмъ она совершила въ ея время славные походы и едва ли не было именно ея царствованіе расцвѣтомъ русскаго могущества съ даровитыми полководцами и терпѣливыми солдатами, чудо-богатырями. Николаевская армія, тоже по ходячему мнѣнію, была совершенствомъ въ смыслѣ псевдо-дисциплины. А между тѣмъ русская армія потеряла послѣ тридцатилѣтняго экзерциргаузнаго режима обидную для всякаго русскаго неудачу въ Крымской кампаніи, когда Кремни Кремневичи остались тѣми же чудо-богатырями, но когда не было ни одного полководца, подобнаго Суворову, Румянцову и Потемкину».

По словамъ корпуснаго командира Сабанѣева, занимавшаго въ 1819 году постъ начальника 2-ой арміи, «нравственное разложеніе нашей арміи истекало изъ обычая украшать полки на счетъ экономіи, получаемой полковыми командирами отъ обмундированія; у насъ солдатъ для амуниціи, а не амуниція для солдата; нигдѣ столько не марается бумаги и не выдумано формъ рапортовъ, какъ у насъ». Слова корпуснаго командира, сказанныя 90 лѣтъ назадъ, по мнѣнію автора, остались примѣнимыми и къ нашему времени, не взирая на всевозможныя комиссіи для сокращенія переписки: до сихъ поръ сохранился обычай судить о дѣятельности части по количеству нумеровъ входящихъ и исходящихъ. Сабанѣевъ жаловался на отсутствіе общаго главнаго руководства для военной службы: «нѣтъ книги, по которой служишь». Черезъ 90 лѣтъ у насъ также нѣтъ одной книги, по которой служатъ, а есть 1000 книгъ съ разъясненіями, дополненіями, исключеніями, изыятіями, циркулярами. «Требованія начальства въ старину были формальными. Низшее начальство обманывало среднее, послѣднее не брезгало поступать такъ же съ начальствомъ высшимъ. Была какая-то система зубчатыхъ колесъ обмана и лжи».

Авторъ приводитъ цѣлый рядъ попытокъ нашихъ лучшихъ людей измѣнить положеніе арміи и общей постановки военнаго дѣла, но большинство этихъ попытокъ являлись лишь «добрými намѣреніями, которыми вымощенъ адъ». Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ детально разработанный всеноданный докладъ графа Д. А. Милютина.

Трудъ Соколовскаго обнимаетъ время съ эпохи императора Петра Великаго до 60 годовъ XIX столѣтія. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не расположилъ свои фельетоны въ хронологической послѣдовательности. Въ общемъ, рассматриваемый трудъ представляетъ значительный интересъ. «Новое есть только хорошо забытое старое». Читая книжку Соколовскаго, становится яснымъ, кто и какъ довелъ насъ до Мукдена и Цусимы. Въ этомъ преимущество работы Соколовскаго, выгодно отличающее ее отъ всевозможныхъ исторій полковъ и другихъ тенденціозныхъ произведеній по военной исторіи. Онъ публикуетъ обратную сторону медали, рисуя не только положительную, но и отрицательную сторону въ жизни нашихъ военныхъ учреждений, вѣря, что, быть можетъ, ошибки прошлаго послужатъ хорошимъ урокомъ для будущаго.

А. Мироновъ.

Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собранія древностей профессора Д. Я. Самоквасова. Труды московскаго комитета по устройству черниговскаго археологическаго съѣзда М. 1908. In folio. Стр. 4 нен.+271+4 нен. Д. Самоквасовъ. Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и курганамъ. М. 1908. Стр. 119.

Оба вышеназванныхъ труда проф. Д. Я. Самоквасова составляютъ плодъ его многолѣтнихъ историко-археологическихъ занятій и выпущены въ свѣтъ къ только что состоявшемуся четырнадцатому археологическому съѣзду въ родномъ его городѣ Черниговѣ. Обширный томъ «Описанія археологическихъ раскопокъ и собранія древностей» представляетъ собою систематическій сводъ дневниковъ раскопокъ, произведенныхъ Д. Я. Самоквасовымъ съ 1871 по 1891 годъ, а «Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и курганамъ» — выводы автора изъ части тѣхъ же раскопокъ, производившихся по преимуществу въ Черниговской землѣ. Успѣшно начатыя имъ раскопки въ Сѣверянской землѣ обратили на себя вниманіе III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ и вызвали въ связи съ представленіемъ графа А. С. Уварова устройство систематическихъ изслѣдованій древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ бывшихъ владѣній племенъ русскихъ славянъ языческой эпохи. Тогда же было поручено производить раскопки въ предѣлахъ земель славянъ новгородскихъ — Л. К. Ивановскому, кривичей славянскихъ — графу А. С. Уварову, полянъ — Б. В. Антоновичу и сѣверянъ — Д. Я. Самоквасову.

«Принявъ на себя, — читаемъ въ предисловіи «Могилъ русской земли», — систематическое поуѣздное изслѣдованіе земляныхъ насыпей въ Сѣверянской землѣ, я встрѣтилъ въ 1876 г. на южной окраинѣ этой земли указанія на историческую связь могилъ древнихъ Сѣверянъ съ могилами древнихъ Сарматовъ и Скивовъ, а потому передвинулъ раскопки въ области древнихъ Сарматіи и Скивіи, съ цѣлью выяснитъ генетическую связь Руссовъ съ древними Россами — Россаланами, Савроматами и Сколотами; а передвинувъ раскопки въ области Скитовъ и Сарматовъ, я встрѣтилъ въ нихъ, рядомъ съ Савроматскими и Сколоматскими могильниками, могильники другихъ древнихъ народовъ: Киммеріянъ, Гетовъ, Козаръ, Печенѣговъ, половцевъ и татаръ». Раскопки свои Д. Я. Самоквасовъ непрерывно продолжалъ до 1891 года, когда занялъ постъ управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи, а въ слѣдующемъ году передалъ свои богатѣйшія коллекціи въ императорскій историческій музей, вмѣстѣ съ дневниками раскопокъ и рисунками, которые только теперь, при посредствѣ предсѣдателя московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой, увидали свѣтъ.

Всѣ «Могилы русской земли», сообразно усмотрѣнной авторомъ «генетической связи» ихъ находки, распределены имъ по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) могилы Киммерійской эпохи, 2) могилы скито-сарматской эпохи, 3) могилы русской эпохи, 4) могилы половецко-татарской эпохи и 5) древнѣйшія русскія могилы христіанскаго времени, городища и клады. Описавъ курганы и находки, авторъ въ концѣ cadaго «отдѣла» сообщаетъ и общую «характеристику мо-

гиль» данной эпохи. Не останавливаясь здѣсь на этихъ «характеристикахъ», мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ послѣдняго «заключенія» автора, которое онъ начинаетъ такъ: «сущность историческихъ выводовъ, вытекающихъ изъ вышеизложенныхъ археологическихъ фактовъ и историко-географическихъ свѣдѣній, относящихся къ народамъ, обитавшимъ южную Россію въ историческое время, выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Обитателей земли, лежащей надъ Чернымъ моремъ, между Дономъ и Дунаемъ, древніе греческіе поэты, историки и географы именовали Скитами-Киммеріанами. Этотъ народъ оставилъ памятниками своей жизни въ южной Россіи многочисленныя курганы, бытовые издѣлія въ которыхъ состоятъ только изъ дерева, кости, глины, камня и мѣди, при полномъ отсутствіи издѣлій изъ золота, серебра, бронзы и желѣза. Въ VII вѣкѣ до Р. Х. Киммерійская надпонтійская земля переходитъ во владѣніе народа, именовавшаго себя Сколотами, а у Грековъ прозваннаго Скивами. Этотъ народъ принесъ изъ области Ассирійскаго царства VII вѣка до Р. Х. иранскіе погребальные обряды, вѣрованія, политическое устройство, частью языкъ и внѣшнюю культуру. Сколоты оставили въ своихъ могилахъ, лежащихъ первымъ слоемъ надъ могилами киммерійскими, множество издѣлій ассирійскаго искусства изъ золота, серебра, бронзы и желѣза». Въ IV до Р. Х. Сколотовъ смѣняютъ Савроматы или Сарматы, образовавшіе двѣ новыя державы: «царство Россоланъ-Аорсовъ—Россовъ на востокъ отъ Днѣпра и царство Готовъ или Даковъ на западъ отъ Днѣпра»... «При римскомъ императорѣ Траянѣ, обратившемъ царство Гетовъ въ римскую провинцію Дакію, гето-дакійскія племена выселяются за сѣверные и восточные предѣлы римской провинціи Дакіи,—въ области Вислы, гдѣ образуютъ Ляшское государство, прародину племенъ польскаго языка, и въ области средняго теченія Днѣпра, лежація надъ днѣпровскими порогами, въ бассейнахъ рѣкъ Роси, Сулы, Пела и Ворсклы, гдѣ соединяются съ родственными племенами Россоланъ и образуютъ государство Скитовъ-Сарматовъ-Россовъ,—прародину народовъ русскаго языка. Памятниками быта Скито-Сарматовъ времени обособленнаго существованія царства Россаланіи и Гетики являются могилы южной Россіи, содержація бытовые издѣлія разнаго состава степени развитія греческаго искусства»... «Въ VIII вѣкѣ завоевательный натискъ скито-сарматскаго племени, именуемаго въ источникахъ Козарами, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ выселеніе народонаселенія изъ русской прародины на лѣсныя побережья рѣкъ, гдѣ въ IX и X ст. русскій лѣтописецъ указываетъ жилища русскихъ славянъ скито-сарматскаго происхожденія, разорванныхъ географически и политически, но говорящихъ однимъ русскимъ языкомъ, поклоняющихся однимъ богамъ и имѣющихъ одно русское право, вынесенное изъ общей ихъ русской прародины». «Первыми кіевскими князьями Рюрикава рода русскія племена объединены въ одинъ русскій народъ, въ концѣ X вѣкѣ принявшій христіанство и замѣнившій языческіе способы похоронъ покойниковъ христіанскимъ обрядомъ погребенія» (стр. 270—271).

Таковы заключительныя «положенія» Д. Я. Самоквасова, подписанныя имъ 15 іюля 1908 года, но проповѣдуемыя уже давно. Несмотря на колоссальный трудъ, который затраченъ имъ при производствѣ раскопокъ и изслѣдова-

ваній въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, несмотря на высокое значеніе многочисленныхъ его находокъ, — многие археологи не соглашались съ его положительно высказываемыми выводами о происхожденіи и преемственности племенъ, населявшихъ южную Россію.

Въ текстѣ «Описанія» помѣщено 77 рисунковъ кургановъ, гробницъ и найденныхъ предметовъ.

Въ другой своей работѣ Д. Я. Самоквасовъ, послѣ описанія сѣверянскихъ городищъ и могилъ, границъ волостей и старѣйшихъ городовъ Сѣверянской земли, высказываетъ вообще свой взглядъ на происхожденіе городовъ и городскихъ союзовъ и заключаетъ трактатомъ о происхожденіи и культурѣ Сѣверянъ языческой эпохи, повторяя, конечно, общія воззрѣнія, извѣстныя по предыдущему труду. Въ «Приложеніи» помѣщены: указатель городищъ Черниговской губерніи и ихъ карта.

В. Рудаковъ.

В. А. Бѣдновъ. Православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ по Volumina Legum. Екатеринбургъ. 1908. Стр. XVII + 508.

Въ своемъ обширномъ трудѣ г. Бѣдновъ сводитъ весь матеріалъ, добытый предшествующими ему изслѣдователями положенія православной церкви въ Литвѣ и Польшѣ. Этому вопросу въ его цѣломъ до сихъ поръ не было посвящено спеціальнаго труда ни въ русской, ни въ польской исторической наукѣ. Авторъ впервые сѣдигъ за юридическимъ положеніемъ православія въ Литвѣ и Польшѣ, обнимая въ своемъ изслѣдованіи исчерпывающій сущность вопроса періодъ отъ 1386 года, когда Ягелло принялъ католицизмъ, до 1792 года. Въ основу своей работы г. Бѣдновъ положилъ изслѣдованіе собранія польскихъ законовъ, извѣстнаго подъ именемъ Volumina Legum. Это сдѣланное по частному почину собраніе законовъ бывшей Рѣчи Посполитой отъ XIV столѣтія до четырехлѣтнаго сейма включительно. Надъ составленіемъ этого свода трудились ксендзы-шлары, и хотя это собраніе законовъ, статутовъ и конституцій было дѣломъ частныхъ рукъ, а не официальнымъ изданіемъ, однако оно имѣло большое значеніе въ Польшѣ не только при ея существованіи (въ послѣднія десятилѣтія существованія Польши), но и послѣ ея раздѣла въ тѣхъ областяхъ, которыя были присоединены къ Россіи, такъ какъ русское правительство неоднократно подтверждало на основаніи Volumina Legum польскія конституціи. Поэтому историки Польши пользовались Volumina Legum, какъ достовѣрнымъ источникомъ. Однако профессоръ Освальдъ Бальцеръ въ трудѣ «Przyczynki do historyi źródeł prawa polskiego» подрываетъ довѣріе къ Volumina Legum, какъ памятнику законодательному, такъ какъ составители его часто пользовались не оригиналами юридическихъ памятниковъ, а почерпали матеріалъ изъ юридическихъ сборниковъ, переводили польскіе оригиналы законовъ на латинскій языкъ и вообще относились къ своему труду не съ юридическою точностью. Но г. Бѣдновъ всѣ эти недостатки Volumina Legum, какъ историко-юридическаго памятника, считаетъ несущественными именно для исторіи правового положенія православной церкви въ Польшѣ и Литвѣ.

Сообразно съ отношеніемъ Volumina Legum къ «схизматикамъ» г. Бѣдновъ дѣлитъ исторію православной церкви въ Польшѣ и Литвѣ на пять періодовъ. Первый періодъ отъ Ягелла до Стефана Баторія, когда положеніе православной церкви было юридически почти полноправнымъ съ церковью католическою; второй періодъ, обнимающій правленіе Сигизмунда III (1587—1632),—періодъ уніи, когда православнымъ приходится отстаивать свое независимое положеніе въ государствѣ; третій періодъ—отъ смерти Сигизмунда III до 1686, т.-е. до заключенія вѣчнаго мира между Польшею и Москвою; этотъ періодъ характеризуется сперва успѣхами православныхъ въ борьбѣ съ католиками и уніей, затѣмъ, вслѣдствіе ополченія православной шляхты, теряющихъ добытыя привилегіи; четвертый періодъ, отъ 1686 года по 1787 годъ, характеризуется въ отношеніи XVIII вѣка вмѣшательствомъ русскаго правительства въ дѣла православной церкви въ Польшѣ, и, наконецъ, пятый періодъ обнимаетъ эпоху Великаго сейма.

Г. Бѣдновъ стремился дать преимущественно юридическую исторію правового положенія православной церкви въ Польшѣ, оставляя въ стороны явленія церковно-общественной жизни юго-западной Руси. «О многихъ изъ нихъ,—говоритъ авторъ,—сдѣланы только краткія замѣчанія, а вообще въ сочиненіи говорится только о тѣхъ обстоятельствахъ и явленіяхъ церковной исторической жизни русскихъ областей, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, которыя оказывали вліяніе на юридическое положеніе православной церкви въ Литвѣ и Польшѣ».

По той же, видимо, причинѣ авторъ совершенно не касается отраженія борьбы за православіе въ литературѣ юго-западной Руси, оставившей большое и живое литературное наслѣдіе. Конечно, было бы болѣе желательно, если бы авторъ обозрѣлъ всѣ стороны борьбы православія съ католичествомъ въ Литовско-Польскомъ государствѣ, но принятая имъ задача сама по себѣ настолько велика, что только усиленное вышолненіе ея уже вноситъ въ научный обиходъ рядъ данныхъ значительной исторической важности.

В. Даниловъ.

Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. 1908.

Если имѣютъ значеніе сборники матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ архивахъ, подобно, на примѣръ, печатающимся матеріаламъ военно-ученаго архива въ Петербургѣ или архива министерства юстиціи въ Москвѣ, то тѣмъ большее значеніе имѣютъ сборники частныхъ архивовъ, куда доступъ вообще труднѣе и извѣстность которыхъ даже въ средѣ специалистовъ не такъ велика. Всякое просвѣщенное коллекционерство почтенно, но оно вдвое почтенно, когда оно соединяется съ издательскою дѣятельностью, то есть когда коллекционеръ самъ же издаетъ или каталоги своихъ документовъ, или печатаетъ ихъ цѣликомъ.

Однимъ изъ интересныхъ частныхъ собраній является архивъ г. Романченко, обладателя, между прочимъ, весьма богатой масонской коллекціи. Въ

настоящее время имъ выпущенъ первый томъ своего «архива», который не можетъ не привѣтствоваться каждымъ любителемъ русской старины.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены: жалованныя грамоты на вотчины, патенты на чины, грамоты на ордена, грамоты на дворянство, грамоты на почетное гражданство и купечество, дипломы учебныхъ заведеній и различныхъ обществъ; въ концѣ сборника приведены два указателя—автографовъ и документовъ и фамилій лицъ, получившихъ грамоты и дипломы. О большинствѣ документовъ приведены только каталожныя свѣдѣнія, а документы наиболѣе рѣдкіе напечатаны текстуально. Къ послѣднимъ относятся жалованныя грамоты XVII вѣка, патентъ на чинъ «морского флота поручика» Лебядникова, подписанный Петромъ Великимъ, патентъ на отставку того же Лебядникова, подписанный Екатериною Великою, грамота Павла I на орденъ Іоанна Іерусалимскаго поручику Бадирову, листы о внесеніи въ городовыя книги купцовъ Андропова и Корчагина 1788 и 1829 года, дипломы окончившихъ курсы: сухопутнаго шляхетнаго корпуса Мельгунова 1782 года и петербургскаго университета Дрожжина, наконецъ, масонскіе дипломы, выданные Петру Корсакову, Карлу Квозигу и Павлу Сухтелену. Къ комментаріямъ г. Романченки добавляю, что Квозигъ, по занятію часовщикъ, былъ довольно видный масонъ александровскаго времени: онъ былъ почетнымъ членомъ великой ложки Астреи и ложки Петра къ истинѣ, а также вторымъ надзирателемъ ложки Палестины. Интересно еще указаніе г. Романченки о томъ, что у него имѣется портретъ императора Павла I въ масонскомъ одѣяніи. Какъ мнѣ удалось лично убѣдиться, это—копія того портрета императора въ сидячемъ положеніи, который былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (1908, октябрь) съ пояснительною статьею Т. О. Соколовской; но г. Романченко напрасно полагаетъ, что въ лѣвомъ углу портрета изображена богиня архитектуры; это—Астрейя, богиня правосудія, какъ вполне правильно комментировала Т. О. Соколовская.

«Архивъ Н. Ф. Романченки» изданъ изящно.

Мих. Соколовскій.

В. Л. Капустинъ. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. Москва, 1908. Стр. 72 + 12 фототип. Ц. 3 руб.

Книга г. Капустина открываетъ любопытный уголокъ нашего прошлаго. Село Леоново, считающееся одной изъ лучшихъ дачныхъ мѣстностей подъ Москвою, впервые упоминается въ писцовыхъ книгахъ въ 1573 г., въ 1626 г. оно было пожаловано въ помѣстье князю И. Н. Хованскому, сосѣдями котораго были князь Д. Т. Трубецкой (село Александровское), князь И. В. Черкасскій (Останкино, теперь графа Шереметева) и знаменитый князь Д. М. Пожарскій (Медвѣдково). Во второй половинѣ XVIII в. Леоново было продано извѣстному П. Г. Демидову, а затѣмъ, при Александрѣ I, гвардіи поручику Пономареву, отъ котораго перешло въ собственность купца Кожевникова. Въ настоящее время Леоново распродано частями, и г. Капустинъ является однимъ изъ его владѣльцевъ.

Авторъ добросовѣстно собралъ о Леоновѣ всѣ свѣдѣнія, которыя могъ найти въ исторической литературѣ, а главнымъ образомъ въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи. Изложеніе этихъ свѣдѣній онъ иллюстрировалъ прекрасными снимками съ старинныхъ гравюръ и съ не менѣе прекрасныхъ фотографій собственной работы, изображающихъ виды современнаго Леонова и его окрестностей.

Появленіе такихъ работъ нельзя не привѣтствовать: онѣ осмысливаютъ для насъ настоящее, благодаря имъ оживаютъ и наполняются воспоминаніями мѣста, мимо которыхъ прежде проходилъ равнодушно. Какъ москвичу, не разъ бывавшему въ Леоновѣ, намъ лично книга г. Капустина доставила особенное удовольствіе, шевеля стародавнія воспоминанія. За одно только должны мы почитать автору-издателю. Зачѣмъ любопытную и полезную вещь сразу же дѣлать библиографическою рѣдкостью и напечатать всего-на-всего на всю Россію въ количествѣ ста экземпляровъ?

А. Вѣловъ.

**И. Г. Попруженко. Къ исторіи «Безумнаго года» (1848).
Варшава. 1907.**

Въ книгѣ помѣщены двѣ статьи г. Попруженки, изъ которыхъ одна была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1894 годъ, другая—въ газетѣ «Недѣля Украины» за 1906 годъ.

Въ первой статьѣ: «Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства», авторъ разсматриваетъ экономическое положеніе крестьянъ въ Польшѣ въ первой половинѣ XIX вѣка, даетъ характеристику аграрнаго движенія противъ помѣщиковъ въ 1842—48 годахъ и выясняетъ его причины. Какъ извѣстно, это движеніе разыгралось на фонѣ дѣйствительно тяжелой экономической и социальной зависимости крестьянина въ Западномъ краѣ отъ «шляхетскаго сословія». Признавая это, авторъ, тѣмъ не менѣе, придаетъ слишкомъ большое, на нашъ взглядъ, значеніе агитаціи «какихъ-то таинственныхъ незнакомцевъ, внезапно появившихся изъ прусскихъ и галиційскихъ лѣсовъ», т. е. мѣсть, гдѣ передъ тѣмъ только что произошелъ бурный взрывъ крестьянъ, такъ называемая «галиційская рѣзня». Участіе же агентовъ русскаго правительства въ поддержкѣ аграрнаго движенія польскихъ крестьянъ совершенно не затронуто.

Во второй статьѣ: «Общественно-политическое броженіе въ царствѣ Польскомъ въ 1848 году», г. Попруженко даетъ характеристику «безумнаго года» въ Польшѣ. Французская революція 1848 г., распространившаяся и на другія страны Европы, докатилась и до Польши, ожививъ надежды польскихъ революціонеровъ. Довольно кратко обрисовавъ ихъ стремленія и способы осуществленія послѣднихъ, авторъ болѣе подробно описываетъ борьбу русскаго правительства съ ихъ революціонной попыткой, окончившейся, какъ извѣстно, плачевно.

Обѣ статьи написаны на основаніи главнымъ образомъ сырого матеріала, хранящагося въ варшавскихъ архивахъ и представляющаго «дѣла собствен-

ной канцеляріи намѣстника его императорскаго величества въ царствѣ Польскомъ», «донесенія должностныхъ лицъ о положеніи дѣлъ, какъ въ губерніяхъ русской Польши, такъ и австрійской», донесенія нашихъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ о настроеніяхъ въ польской эмиграціи, рапорты и бумаги «смирителей» края, Орлова, Паскевича, Бибикова. Отчасти использованы и тогдашняя польская печать и мемуары современниковъ. Это богатство архивнаго матеріала дѣлаетъ книгу г. Попруженки очень интересной и важной для знакомства съ затронутыми въ ней вопросами. Къ сожалѣнію, освѣщеніе, которое придаетъ авторъ описываемымъ событіямъ, слишкомъ ненаучно и пристрастно. Ненаучность объясняется, повидимому, тѣмъ, что г. Попруженко буквально повѣрилъ Генриху Гейне, что исторія, по крайней мѣрѣ XIX столѣтія,—не наука, а «драма», содержаниемъ которой является борьба... «масонской организаци» съ «сѣвернымъ медвѣдемъ», т. е. Россіей. Поэтому факты и явленія 48 года въ Польшѣ авторъ объясняетъ не столько внутренними причинами, сколько интригами, происками названной организаци.

Что касается отсутствія объективности, сосѣдящаго порой съ слишкомъ ярко выраженной пристрастностью, то ее нельзя оправдать. Въдъ событія «безумнаго года» уже далеко отошли отъ насъ, и, казалось бы, къ нимъ можно отнести виолнѣ исторически. Но этому помѣшала плохо понятный «патріотизмъ» автора. Ослѣпленный національностью, исключительностью, г. Попруженко совершенно не можетъ понять всю неизбежность, всю стихійность стремленія поляковъ возстановить утраченную по винѣ «промотавшихся отцовъ» самостоятельность. Поэтому, описывая проявленіе ихъ попытки въ 1848 г., авторъ черезчуръ ужъ прямолинейно подчеркиваетъ смѣшныя и темныя стороны этого движенія, а мотивомъ политики русскаго правительства считаетъ исключительно интересы «гуманности».

Не соглашаясь съ авторомъ въ трактовкѣ затронутыхъ имъ вопросовъ, даже не считая его книгу «историческимъ» очеркомъ, мы тѣмъ не менѣе повторяемъ, что по богатству матеріала она, несомнѣнно, является важной для изученія исторіи Польши въ половинѣ XIX вѣка. А. Ивановичъ.

**В. А. Верещагинъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Выпускъ первый. №№ 1—200. 1908
Стр. 44+1X. Цѣна 2 р.**

Это—красиво напечатанное, тщательно и съ любовью къ старой книгѣ составленное изданіе «Кружка любителей русскихъ изящныхъ изданій», по руссійскому обыкновенію, у насъ совершенно неизвѣстнаго не только широкой публикѣ, среди которой всегда найдутся и любители, и владѣльцы изящныхъ изданій, но даже многимъ и очень многимъ лицамъ, по своей дѣятельсти и интересамъ, казалось бы, близкимъ къ дѣлямъ кружка. Начиная отзывъ упрехомъ по адресу кружка, который не желаетъ «возжечь свѣтильникъ» и почему-то прячетъ его подъ срудомъ (кружокъ существуетъ не со вчерашняго дня), мы должны съ самымъ радостнымъ чувствомъ привѣтствовать первое изданіе его въ надеждѣ, что не только за первымъ послѣдуютъ дальнѣйшія,

но что въ концѣ концовъ кружокъ дастъ что-нибудь и для популяризаціи искусства въ обществѣ. А въ этой популяризаціи въ дѣлѣ, о которомъ теперь говорятъ многіе, а немногіе уже начали работать, не особенную пользу принесетъ альбомъ, правда, роскошный, но напечатанный въ количествѣ всего 300 экземпляровъ.

Обращаемся къ самой книгѣ. «Матеріалы» исполнены старательно во всѣхъ отношеніяхъ, и тѣхъ нареканій, которыя десять лѣтъ назадъ вызвала книга В. А. Верещагина «Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX вѣковъ» (1720 по 1870 годъ), «Матеріалы» не вызовутъ. Авторъ самъ не отказывается признать въ своей прежней книгѣ дефекты и надѣется путемъ изданія такихъ «Матеріаловъ» дать со временемъ исчерывающее описаніе иллюстрированныхъ русскихъ изданій. Здѣсь нашли мѣсто и цѣныя дополненія къ упомянутому труду 1898 года, и описаны неизвѣстныя раньше книги, кое-что провѣрено и т. д. Конечно, къ описанію нельзя предъявлять тѣхъ требованій, какія мы привыкли предъявлять къ библиографическимъ трудамъ; но, принимая во вниманіе ближайшія цѣли «Матеріаловъ», мы должны назвать описаніе вполне удовлетворительнымъ. Всѣ изданія, описанныя въ «Матеріалахъ» В. А. Верещагина, принадлежатъ Н. К. Снягину, помоавшему составителю въ его работѣ, и точныя свѣдѣнія о нихъ, какъ о книгахъ рѣдкихъ и дорогихъ, являются необходимыми и для историка русской литературы, и для исторіи русскаго искусства, книжной торговли, театра и т. д., наконецъ, многія книжныя украшенія до того характерны для извѣстной эпохи, что нѣсколько буквъ фронтисписа, нѣсколько буквъ красиваго стариннаго шрифта воскрешаютъ предъ читателемъ особый міръ, который становится особенно интереснымъ въ наше время, когда во многомъ по части прикладнаго искусства возвращаются къ старинѣ, когда предпринятая С. Венгеровымъ «Пушкинская энциклопедія» показала все значеніе каждой мелочи изучаемой эпохи и т. д. Въ этомъ смыслѣ знакомство съ «Матеріалами» можетъ быть интересно для cadaго.

Иллюстраціи сдѣланы фирмой Голике и Вильборгъ, сдѣланы по обыкновенію прекрасно. Среди нихъ мы находимъ виньетки А. Венеціанова, П. Фридрица, Ѳ. Толстого, А. Меркурова, С. Безсонова, В. Иванова, В. Тимма, Ф. Кинеля, С. Галактіонова, В. Лангера и др., портреты артистокъ Сандуновой, Семеновой, Львовой, Синецкой, Истоминой, Каратыгина и еще нѣсколькихъ, изображеніе книжной лавки 20 годовъ, народныя типы, виды историческихъ мѣстностей и т. д. Особенно интересны и характерны воспроизведенныя въ «Матеріалахъ» иллюстраціи къ «Душенькѣ» Богдановича, «Эдину въ Аюнахъ» Озерова, карикатура Дурова къ «Похожденіямъ новгородской жительницы Ѳедоры Ивановны», иллюстраціи къ «Двѣнадцати сиящимъ дѣвамъ» и «Сельскому кладбищу» Жуковскаго, къ «Пожарскому» Крюковскаго, «Натальѣ боярской дочери» Карамзина, «Бахчисарайскому фонтану», «Кавказскому Плѣннику», сочиненіямъ Лажечникова и мн. др. И если дальнѣйшіе выпуски «Матеріаловъ» нельзя сдѣлать болѣе доступными по цѣнѣ, то необходимо задуманному описанію русскихъ иллюстрированныхъ изданій дать доступъ по крайней мѣрѣ въ среднюю школу. **А. Яцимирскій.**

А. И. Богдановичъ. Годы перелома. 1895 — 1906 гг. Сборникъ критическихъ статей. Спб. 1908.

Редакція «Міра Божьяго» выпустила цѣлый томъ критическихъ и публицистическихъ статей своего покойнаго руководителя Ангела Ивановича Богдановича. Это былъ писатель не особенно крупнаго калибра, но съ искрой въ душѣ и, самое главное, съ строго опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Въ его литературномъ характерѣ совершенно отсутствовала тонкость, чуткость; онъ былъ жестокъ, рѣзокъ, даже грубоватъ, — но зато правдивъ, честенъ, прямъ. Публицистъ въ немъ былъ гораздо сильнѣе литературнаго критика, и всѣ его критическія статьи насквозь проникнуты идеей общественнаго служенія. Въ этомъ были одновременно и сила, и слабость Богдановича. Онъ многое понималъ, но иногда приносилъ справедливость и такъ въ жертву Молоху партіи. Напримеръ, не продумавши всего Лѣскова, этого многообразнаго и сложнаго писателя, подъ анекдотизмомъ темъ и вычурностью вѣдшихъ приѣмовъ котораго кроется нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ обыкновенно думаютъ, заслонивъ въ своемъ представленіи лучшее и существенное въ немъ худшимъ — неудачными и громоздкими «Некуда» и «На ножжахъ», Богдановичъ такъ аттестовалъ его: «еще при жизни Лѣсковъ былъ уже мертвымъ писателемъ... Въ Лѣсковѣ двѣ основныя черты — анекдоты и вычурность... Все, что проходило передъ нимъ, интересовало его лишь съ точки зрѣнія курьезнаго сюжета. Уловить болѣе глубокое содержаніе жизни, разобраться среди многочисленныхъ теченій ея, уяснить себѣ ихъ смыслъ — на это у Лѣскова никогда не хватало ни ума, ни таланта... Ничего цѣльнаго, ничего запечатлѣннаго печатью высшаго дара, одухотвореннаго высшей правдой, согрѣтаго добротой и вѣрой...» И это сказано о человѣкѣ, написавшемъ такую вещь, какъ «Соборяне», «На краю свѣта», создавшемъ цѣлую галерею праведниковъ, героевъ долги чести. Особенно удивительно, что критикъ-общественникъ не замѣтилъ, какъ много сдѣлалъ Лѣсковъ для критики русской церковной жизни, для оздоровленія церкви. Жаль, что составители сборника не исключили этой статьи, да кстати и слабой, наивной юбилейной статьи о Бѣлинскомъ. Также просто расправился критикъ-позитивистъ съ мистицизмомъ. Но, съ другой стороны, въ этой же книгѣ мы встрѣчаемъ не одно доказательство недюжиннаго ума Богдановича, его публицистической зоркости, умѣнья ставить удачныя прогнозы; таковы статьи объ эпигонахъ народничества и славянофильства. Въ писательствѣ выразилась, впрочемъ, меньшая часть души Богдановича, и фигура его является гораздо выше и ярче въ воспоминаніяхъ г.г. Кузрина, Короленки и Невѣдомскаго о Богдановичѣ, какъ о добромъ, умномъ, располагающемъ человѣкѣ и какъ о руководителѣ журнала. Общій духъ «Міра Божьяго» тѣхъ годовъ, когда во главѣ его стоялъ Богдановичъ, дѣйствительно больше и вѣрнѣе говоритъ о немъ, чѣмъ сборникъ статей. Въ качествѣ писателя онъ былъ не настолько силенъ, чтобы умѣть иногда переломить чувство партійности, но у него было сердце, преданное лучшимъ идеямъ культуры, темпераментъ борца и талантъ организатора. Кузринъ и Короленко, близко знавшіе Богдановича, рассказали о немъ лучше, чѣмъ говоритъ его скромное литературное наслѣдіе. Кузринъ

съ любовью вспоминаетъ «прямой проборъ мягкихъ волосъ, блѣдное, безкровное, исхудалое лицо, свѣтлую бородку, заостренную книзу, и сухую бѣлую руку». Это было незадолго до смерти Богдановича. «Помню, меня поразилъ тогда его голосъ; прежде такой отрывистый, рѣшительный, нѣсколько суховатый,—онъ звучалъ теперь глухо и грустно, съ какой-то новой, непривычной краткой медлительностью...» Такъ же тепло и нѣжно вспоминаетъ о покойномъ и В. Короленко.

Н. Л.

Водовозовъ, В. И. Новая русская литература. (Отъ Жуковского до Гоголя включительно). 7 изданіе, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Спб. 1908 г.

Трудъ Водовозова, теперь покойнаго, въ свое время уже былъ оцѣненъ нашею критикою, а потому мы ограничимся только указаніемъ поправокъ, внесенныхъ въ настоящее 7 изданіе издателемъ, И. П. Мазурецомъ. Какъ извѣстно, Водовозовъ умеръ въ 1886 г.,—съ тѣхъ поръ сочиненія нашихъ корифеевъ, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и пр., появились въ новыхъ изданіяхъ, причемъ и редакціи нѣкоторыхъ изъ произведеній оказались нѣсколько измѣненными. Вслѣдствіе этого многія цитаты, особенно стихотворныя, приведенныя по прежнимъ изданіямъ, оказались такимъ образомъ неправильными. Такъ, напр., стихотворенія (особенно Лермонтова), отнесенныя прежними редакторами, а вслѣдъ за ними и В. И. Водовозовымъ, къ однимъ годамъ, въ настоящее время нерѣдко оказываются переставленными на нѣсколько лѣтъ впередъ или назадъ. Кромѣ того, въ настоящемъ изданіи «всѣ цитаты, стихотворныя и прозаическія», издателемъ провѣрены по лучшимъ изданіямъ сочиненій разбираемыхъ писателей. Исправлены также и нѣкоторыя хронологическія и фактическія указанія Водовозова, и въ примѣчаніяхъ прибавлены нѣкоторыя библиографическія указанія на новые труды, относящіяся къ разбираемымъ писателямъ.

Я. Вирюковъ.

Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ I и II. Тургеневъ. Стр. 320. Спб. 1908. Цѣна 2 руб.

Для проявленія общественнаго сознанія у насъ были закрыты всѣ дороги, только въ одной литературѣ въ той или иной степени могла проявляться общественная мысль. Въ виду этого наша литература обратилась въ кафедру, съ которой раздавалось учительское слово, съ которой указывались обществу его недостатки, взывалось къ его совѣсти, проповѣдывались идеи гуманности и общественной солидарности. Такой характеръ наша литература уже стала принимать въ концѣ XVIII вѣка, но окончательно она обратилась въ кафедру въ XIX вѣкѣ. Смотри на себя, какъ на учителей, руководителей общества, русскіе писатели этого вѣка чутко относились къ жизни, всякое вновь нарождающееся явленіе русской дѣйствительности вызывало въ ихъ творчествѣ откликъ, они внимательно слѣдили за жизнью общества, за общественной психологіей,

настроениемъ, за рожденіемъ новыхъ идеологій, стремясь взвѣсить все это, оцѣнить и тѣмъ указать обществу дорогу, научить его, куда идти, что дѣлать. Въ виду того, что въ нашей литературѣ отражалась жизнь общества, его идеи, наша литература даетъ богатый матеріалъ для изученія того, какъ развивалось наше общество, какъ смѣнялись въ немъ настроенія, какъ оно зрѣло и росло въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Наши писатели создали цѣлый рядъ литературныхъ образовъ, въ которыхъ прекрасно отразилось извѣстное поколѣніе, извѣстная эпоха. Взявъ эти образы, можно нарисовать исторію духовнаго развитія русскаго общества за цѣлый XIX вѣкъ. Это сознавалось уже многими, но первое воплощеніе въ реальную форму эта мысль получила въ извѣстномъ трудѣ профессора Овсяннико-Куликовскаго — «Исторія русской интеллигенціи», въ которомъ изслѣдователь путемъ разсмотрѣнія литературныхъ образовъ рисуетъ картину духовнаго развитія русскаго общества. Но проф. Овсяннико-Куликовскій далъ лишь общіе контуры, необходима болѣе детальная работа, болѣе тщательное изученіе всѣхъ литературныхъ образовъ, и не только главныхъ, какъ это сдѣлалъ изслѣдователь, но и второстепенныхъ. Въ виду всего сказаннаго мы привѣтствуемъ первый шагъ къ выполненію большой задачи — путемъ детального изученія литературныхъ образовъ дать исторію духовнаго роста нашего общества въ XIX вѣкѣ. Этотъ первый шагъ сдѣлала редакціей журнала «Всходы». Задуманный ею «Словарь литературныхъ типовъ» — прекрасное предпріятіе, крупнаго культурнаго значенія.

Цѣлью изданія является — собрать и систематизировать матеріалъ для характеристики русскаго общества по литературнымъ типамъ и образамъ русскихъ писателей, начиная съ Пушкина и Гоголя и кончая Чеховымъ и Горькимъ. Изданіе будетъ выходить по выпускамъ, составленнымъ по слѣдующему опредѣленному плану. Первая часть выпуска посвящается наиболѣе крупнымъ художественнымъ образамъ. Здѣсь даются, во-первыхъ, характеристика образа въ освѣщеніи самого писателя, т. е. приведены выдержки изъ сочиненія, характеризующія данный образъ, во-вторыхъ, помѣщаются отзывы и характеристики образа, принадлежащія наиболѣе виднымъ русскимъ критикамъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, приводятся библиографическія указанія на литературу о данномъ образѣ, что даетъ возможность читателю ознакомиться со всѣмъ наиболѣе важнымъ, что было сказано въ русской критикѣ о данномъ образѣ.

Первая часть выпуска, какъ мы сейчасъ уже отмѣтили, посвящается наиболѣе крупнымъ образамъ, во второй же части дается въ алфавитномъ порядкѣ полный перечень всѣхъ типовъ и образовъ, при чемъ при наиболѣе крупныхъ образахъ, характеристики которыхъ помѣщены въ первой части, находятся ссылки на страницы этой части, при остальныхъ же, менѣе значительныхъ образахъ даются ихъ краткія характеристики словами самого писателя. Далѣе слѣдуетъ подробный списокъ сочиненій писателя съ указаніемъ всѣхъ входящихъ въ нихъ дѣйствующихъ лицъ; этотъ списокъ сопровождается краткими историко-литературными примѣчаніями. Кромѣ этого, въ каждомъ выпускѣ помѣщается биографическая канва, библиографическій списокъ матеріаловъ для изученія жизни и творчества писателя, списокъ мѣстъ дѣйствія произведеній, сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій, въ

которыхъ введены яркія, мѣткія, такъ называемыя «крылатыя слова», и, наконецъ, дается группировка типовъ и образовъ по классамъ, профессіямъ, образованію и т. п.

Мы ознакомили читателя съ планомъ изданія для того, чтобы можно было видѣть его значеніе и цѣнность. Изданіе, какъ мы видимъ, является не только матеріаломъ для характеристики русскаго общества по литературнымъ образамъ русскихъ писателей, но и цѣннымъ справочнымъ пособіемъ при изученіи ихъ жизни и творчества.

Что касается вопроса, насколько хорошо будетъ выполняться на практикѣ поставленная задача, то, судя по вышедшимъ пока первому и второму выпускамъ, посвященнымъ Тургеневу, изданіе находится въ хорошихъ рукахъ; эти выпуски производятъ въ общемъ хорошее впечатлѣніе, т. к. составлены тщательно. Но, оцѣнивая такъ вышедшіе два выпуска въ цѣломъ, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить частные дефекты. Такъ, подборъ цитатъ изъ сочиненій писателя, характеризующихъ литературный образъ, иногда сдѣланъ очень удачно, иногда нѣтъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя характеристики получаются блѣдными. Библиографическій перечень матеріаловъ для изученія жизни и творчества Тургенева необходимо было дать полный, а не ограничиваться лишь книгами. Чтобы указатель оказывалъ существенную пользу, нужно прежде всего внести въ него и статьи, такъ какъ иная статья бываетъ цѣннѣе иной книги, затѣмъ указать всѣ письма писателя, разбросанныя въ журналахъ, такъ какъ письма имѣютъ громадное значеніе для пониманія личности писателя, его идей и настроенія и, наконецъ, критическій матеріалъ размѣстить по произведениямъ, чтобы читатель, желая ознакомиться, нацримеръ, съ «Отцами и дѣтьми», нашелъ бы сразу всю критическую литературу о нихъ и не тратилъ бы времени на долгіе поиски нужнаго во множествѣ книгъ, указанныхъ изданіемъ. Уже не говоря о томъ, что указатель слишкомъ кратокъ, но, даже ограничивая его лишь книгами, составители не отмѣтили весьма полезнаго изданія—сборника критическихъ статей о Тургеневѣ, составленнаго г. Покровскимъ (Москва, 1905). Указывая нѣкоторыя статьи, помѣщенные въ книгахъ и сборникахъ, составители не упомянули интересной статьи одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ критиковъ нашего времени Ю. И. Айхенвальда, помѣщенную въ его «Силуэтахъ русскихъ писателей» (вып. II, Москва, 1908). Замѣчаніе вызываетъ также «Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій». Языкъ Тургенева по этой части очень богатъ, а въ «Сводѣ» упомянуто очень немного. Полнота этого отдѣла очень важна: на языкѣ писателя ярко выражается его индивидуальная личность, что сознаютъ и сами составители книги.

Но отмѣченные нами частные дефекты книги не обезцѣниваютъ ея, безъ сомнѣнія, она наиболѣе значительная по цѣнности книга, вышедшая ко дню 25-лѣтія со дня смерти Тургенева. Особенную цѣнность книги имѣетъ потому, что Тургеневъ всю жизнь стремился улавливать нарождающіяся общественныя настроенія, смѣту общественныхъ идей и идеаловъ, и въ виду этого его сочиненія даютъ богатый матеріалъ для исторіи духовнаго роста нашего общества.

А. Фоминь.

**Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія.
Выпускъ VII. Спб. 1908.**

Спеціальный пушкинскій сборникъ, издаваемый состоящей при академіи наукъ Пушкинскою комиссіей, съ этого года превратился въ періодическое изданіе, регулярно выходящее одинъ разъ въ годъ, въ опредѣленные сроки. Журналъ замѣтно улучшается и становится интереснѣе; ему, вѣроятно, суждено объединить вокругъ себя всѣхъ изучающихъ Пушкина и его эпоху, число которыхъ увеличивается. Изъ матеріаловъ заслуживаютъ вниманія сообщенный Д. Θ. Кобеко альбомъ директора царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардта, куда вносили свои замѣтки воспитанники нѣсколькихъ выпусковъ лицея (въ томъ числѣ Пушкинъ, записи котораго, впрочемъ, извѣстна), прощаясь со своимъ начальникомъ, и опубликованные П. Е. Щеголевымъ архивные документы объ обществѣ «Зеленой Лампы», настоящій характеръ котораго долго не былъ ясенъ. Г. Щеголевъ прочно и доказательно устанавливаетъ связь между «Зеленой Лампой» и Союзомъ Благоденствія. Мелкія замѣтки, носяція характеръ критическаго и біографическаго комментарія, дали Н. О. Лернеръ и Θ. Е. Коршъ. Академикъ Коршъ связываетъ упоминаемаго въ «Борисѣ Годуновѣ» шляхтича Собаньскаго съ любовникомъ одесской красавицы Амаліи Руничъ Собанскимъ, совершенно произвольно, упуская изъ виду, что любовникъ Руничъ былъ не Собанскій, какъ писалъ Зеленецкій, а князь Яблоновскій, и «мститъ» Собанскому въ «Годуновѣ» Пушкину было не за что. Вѣроятно, поэтъ воспользовался знакомой польскою фамиліей; Собанскаго онъ, можетъ быть, встрѣчалъ въ Одессѣ и во всякомъ случаѣ зналъ эту фамилію еще на югѣ. Г. Брайловскій помѣстилъ плохой разборъ, скорѣе пересказъ, плохой книги краковскаго профессора Третьяка о Пушкинѣ и Мицкевичѣ.

М. В.

**Г. К. Градовскій. Итоги (1862—1907). Спб. 1908. 489 страницъ.
Цѣна 3 рубля.**

Извѣстный дѣятель нашей журналистики Г. К. Градовскій послѣ долгаго вынужденнаго молчанія по случаю поразившей его тяжелой болѣзни выступилъ въ 1907 году въ печати съ своими въ высшей степени интересными и поучительными воспоминаніями, напечатанными въ «Московскомъ Ежеведѣльникѣ» князя Е. Трубецкаго, подъ заглавіемъ «Послѣднее слово». По счастью оказалось, что это слово далеко не «послѣднее», а только начало возобновляемой имъ литературной дѣятельности, которая съ присутіемъ ему дарованіемъ и внутреннимъ авторскимъ огнемъ протекаетъ сейчасъ на нашихъ глазахъ въ разныхъ органахъ прегрессивнаго направленія благополучно и, несомнѣнно, какъ нѣкогда и прежде (до его болѣзни), обращаетъ на себя вниманіе чуткихъ круговъ читателей. Такъ, въ текущемъ году въ «Русской Старинѣ» появились его интересныя воспоминанія, являющіяся продолженіемъ «Послѣдняго слова», охватывающія нашу политическую и литературную жизнь до пятилѣтія 1878—1882 года и въ послѣдующіе годы.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1898 г., т. сѣв.

21

Не ожидая конца этой части своих воспоминаній, г. Градовскій выпустилъ нынѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ «Итоги» отдѣльную книгу, начинающуюся ¹⁾ упомянутой статьей «Послѣднее слово», давъ ей, соотвѣтственно ея содержанию, болѣе правильное названіе: «Роковое пятилѣтіе». Въ свою книгу авторъ включилъ 29 статей и очерковъ, въ свое время появлявшихся въ разныхъ органахъ нашей печати и имѣющихъ характеръ длительного интереса (а не преходящаго газетнаго характера), раздѣливъ ихъ на четыре отдѣла: статьи «историко-политическія», статьи, относящіяся къ «исторіи печати», воспоминанія, фельетонные очерки. Въ первомъ отдѣлѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія—упомянутая статья «Роковое пятилѣтіе», «Итоги войны 1877—1878 годовъ», «Бюрократизмъ», во второмъ—«Исторія «Русскаго Обозрѣнія» и два документа», «Заниска къ прошенію писателей», поданному въ 1895 году на высочайшее имя, и «Письмокъ Побѣдоносцеву», въ третьемъ отдѣлѣ—«Дѣтскіе и учебные годы» и «Начало журнальной дѣятельности», въ послѣднемъ отдѣлѣ—его въ своемъ родѣ «историческій» фельетонъ въ «Голосѣ» «о дѣлѣ Вѣры Засуличъ» и фельетонъ изъ газеты «Страна» за 1906 годъ подъ заглавіемъ «Къ великому дню».

Перечисленные статьи и очерки имѣютъ, съ одной стороны, интересъ историческихъ документовъ, регистрирующихъ опредѣленные факты и событія нашей политической и общественной жизни, имѣющіе немаловажное значеніе для исторіи развитія нашего отечества, а съ другой—какъ интересный матеріалъ, позволяющій намъ нарисовать себѣ литературный обликъ автора съ его юношескаго возраста и до послѣднихъ дней, когда онъ, прикованный къ одру тяжелой и мучительной болѣзни, посылалъ свое привѣтственное слово первому русскому народному представительству, о коемъ мечталъ во всю свою сорокапятилѣтнюю литературную жизнь и во имя которой упорно и настойчиво боролся на столбцахъ газетъ и журналовъ своимъ талантливымъ и бойкимъ перомъ. Газетный работникъ, трудящійся изо дня въ день на столбцахъ ежедневной прессы, по большей части безъ подписанія своихъ статей и замѣтокъ, почти силошъ обреченъ на забвеніе неблагодарнымъ потомствомъ и лишь немногимъ счастливымъ этой категоріи выпадаетъ добрый жребій сохранить слѣдъ своего имени въ исторіи печати. Г. Градовскій одинъ изъ такихъ счастливицевъ, но счастье это далось ему не даромъ и онъ взялъ его не только благодаря своей даровитости и упорству въ трудѣ, но главнымъ образомъ благодаря тому постоянному пребыванію на передовыхъ позиціяхъ нашей журналистики, гдѣ изо дня въ день, изъ года въ годъ кипѣла упорная борьба за свободу слова, за журнальное право мнѣнія и сомнѣнія по всей совокупности вопросовъ русской дѣятельности. Борьба

¹⁾ «Вмѣсто предисловія» авторъ помѣстилъ адресъ, который ему былъ поднесенъ отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ на юбилейномъ обѣдѣ 11 ноября 1907 года по случаю 45-лѣтія его литературной дѣятельности и по случаю его возвращенія въ литературную семью. Объ этомъ юбилейномъ торжествѣ было въ свое время въ отдѣлѣ «Смѣсь» повѣдано читателямъ «Историческаго Вѣстника».

была неравная и «считать товарищей», считать утерянные орудія борьбы приходилось постоянно, и слава тому, кто малодушно не отступилъ передъ опасностями битвы, кто упорно и съ вѣрою въ торжество правды отстаивалъ свое знамя и не опускалъ его къ ногамъ противника. Г. Градовскій одинъ изъ тѣхъ, кто смѣло можетъ сказать про себя: журнальная «борьба—это онъ», а потому и имя его останется прочно вписаннымъ въ исторію нашей журналистики, въ исторію нашихъ общественныхъ движеній, каковая исторія не можетъ быть отнынѣ вполне полно написана безъ знакомства съ его «Итогами». Если до сихъ поръ для исторіи журналистики мы съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на характерномъ судебномъ процессѣ Аксаковского изданія «Москва», то нынѣ мы имѣемъ полно написанную исторію издававшейся г. Градовскимъ въ періодъ 1876—78 гг. газеты «Русское Обозрѣніе». Исторія этой газеты, какъ она написана авторомъ, вмѣстѣ съ статьей «Роковое пятнадцатіе», обнимающей тревожныя событія отечественной жизни съ 1878 по 1882 годъ, даютъ въ распоряженіе историка того времени обширный, захватывающій матеріалъ, какъ по количеству вложенныхъ сюда фактовъ, такъ и по числу выведенныхъ здѣсь лицъ, въ руки которыхъ вложено было благополучіе русской гражданственности и судьбы отечества... Представители вѣдомства, надзирающаго за печатью, чиновники разныхъ ранговъ и положеній, сановники пестрою и живою вереницею выведены г. Градовскимъ въ его повѣствованіяхъ о мытарствахъ русскаго писателя, выведены и въ торжественной обстановкѣ официальныхъ пріемовъ и въ интимныхъ кабинетныхъ бесѣдахъ. И между ними мы съ напряженнымъ любопытствомъ, порою съ болью сердца, порою съ тоскою и съ трепетными ожиданіями видимъ мятущагося журналиста, хлопочущаго не о собственномъ благополучіи, а о счастіи родины, о законности, о справедливости, о честности и правдѣ. Поэтъ сказалъ:

Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...

Печаль и гнѣвъ широкою волною разлиты въ мытарствахъ г. Градовскаго и они-то и свидѣтельствуютъ ярче и непреложнѣ всего о его чувствахъ къ родинѣ, когда онъ настойчиво толкался въ двери кабинетовъ Тимашева, Валуева, Макова, Лорисъ-Меликова и др. сановниковъ, когда между прочимъ на его рукахъ погибало и взлелѣянное имъ литературное дѣтище «Русское Обозрѣніе», подъ ударами чиновныхъ и вельможныхъ хирурговъ, съ своей стороны старавшихся во имя Россіи (!) о сокращеніи вѣка этого изданія... Это вѣшняя сторона жизни, хотя и полная сокровеннаго смысла, а вотъ и идейная: его фельетоны и, между прочимъ, фельетонъ о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, который такъ подчеркнул въ свое время имя автора въ журналистикѣ и который также сыгралъ и свою роль въ исторіи отечественной прессы.

Чтеніе «Итоговъ» не есть чтеніе для забавы и отдыха. Это грустное историческое поученіе, но поученіе, вызывающее не паденіе духа, а бодрость—бодрость, если вдуматься, что вотъ передъ нами писатель, который, переживъ столько мучительнаго, тревожнаго и горькаго, все же пронесъ живую душу

черезъ длинный рядъ тяжкихъ годовъ, когда подчасъ разбивалось на его глазахъ все ему дорогое и близкое, пронесъ и, временно будучи изъятъ изъ нашей дѣйствительности тяжкимъ недугомъ, постигшемъ его благодаря, быть можетъ, суммѣ пережитаго, въ результатѣ увидалъ зарю новой жизни въ Россіи и получилъ возможность, обращаясь къ спѣшащимъ въ Таврическій дворецъ депутатамъ первой государственной думы, привѣтствовать ихъ горячимъ словомъ: «Радуюсь, что дождался великаго дня открытія перваго собора народныхъ представителей. Имъ предстоитъ высокій подвигъ, за выполненіе котораго возблагодарятъ ихъ и современники, и потомство. На ихъ сторонѣ горячее сочувствіе всего человѣчества. Всѣ радовались, когда пало рабство, и уваженіе къ Россіи быстро возросло въ 1861 году. То же произойдетъ и теперь, если давно жданное государственное преобразование совершится, если долговременный застой смѣнится кипучею дѣятельностью. Да пріидетъ царствіе свободы и мира, законность и плодотворность труда! На истощенную русскую ниву вышли и новые сѣятели правды и справедливости. Эти сѣятели поставлены нынѣ самимъ народомъ. Да благословенно будетъ ихъ великое дѣло!».

Быть можетъ, въ текущіе дни рѣчь г. Градовскаго не заключала бы такого подъема чувствъ (о чемъ и свидѣлствуютъ его теперешнія газетныя статьи), но онъ счастливъ уже тѣмъ, что получилъ въ свое время возможность сказать эти слова, что онъ видѣлъ первые лучи солнца, къ которому такъ долго взывалъ и почему знать, быть можетъ, именно брызги этихъ лучей и согрѣли жесткій одръ, на которомъ онъ такъ долго въ мучительныхъ страданіяхъ лежалъ, согрѣли... и дали силы подняться, выпрямиться, стать вновь на дорогой ему путь русскаго писателя и подарить читателямъ свою книгу «Итоговъ», представляющую такую историко-литературную цѣнность.

Въ очеркахъ, посвященныхъ политической жизни Россіи въ періодъ террора и реакціи, я еще буду имѣть случай коснуться обнаруженныхъ г. Градовскимъ матеріаловъ, а потому, воздерживаясь пока отъ изложенія фактовъ изъ этихъ матеріаловъ, позволю себѣ въ заключеніе настоящаго отзыва пожелать, чтобы къ тому времени вышла и слѣдующая часть его «Итоговъ», которая, несомнѣнно, будетъ полна такого же интереса, какъ и настоящая.

В. Глинскій.

**С. Эфронъ (Литвинъ). Миссіонеры и начетчики. Москва 1908.
Стр. 101. Цѣна 40 коп.**

Чрезвычайно любопытную фигуру представляетъ авторъ этой брошюры: еврей по происхожденію и раввинъ по образованію, онъ, запутавшись въ противорѣчійхъ іудаизма, принялъ православіе и посвятилъ себя вопросамъ церковнаго благоустройства. Это сблизило его съ покойнымъ издателемъ «Современныхъ Извѣстій», Н. П. Гиляровымъ Платоновымъ, отводившимъ такъ много мѣста въ своей газетѣ церковнымъ вопросамъ, съ редакторомъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» В. М. Скворцовымъ, и, съ другой стороны, съ представителями единовѣрчества и главарями раскола.

Эти знакомства создали ему позицію, весьма удобную для наблюдений за полемъ, гдѣ сталкиваются господствующее и старообрядческое вѣроисповѣданія. Пока г. Эфронъ еще только приступаетъ къ изложенію этихъ наблюдений: его брошюра главнымъ образомъ посвящена личнымъ воспоминаніямъ о Гилларовѣ-Платоновѣ и знакомить читателя со взглядами этого талантливаго публициста на значеніе церковныхъ вопросовъ для русской жизни. Собственно миссіонерской дѣятельности г. Эфронъ касается лишь въ самомъ концѣ брошюры, но и тутъ быстро переходитъ къ обличенію современнаго священства въ лицѣ Петрова, архимандрита Михайла и другихъ, выдвинутыхъ освободительнымъ движеніемъ. Такимъ образомъ заглавіе брошюры не вполне соответствуетъ ея содержанию, что не мѣшаетъ ей быть весьма интересной.

М.

Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1908 годъ. Изданіе олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ И. И. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1908. Стр. 338+XXXIV. Ц. 1 р.

Ежегодно выпускающей въ свѣтъ объемистыя «Памятныя книжки» секретарь олонецкаго статистическаго комитета И. И. Благовѣщенскій всегда снабжаетъ ихъ и цѣнными историческими и этнографическими матеріалами, добытыми изъ первоисточниковъ, или лично самъ, или приглашая для этого мѣстныхъ знатоковъ. Въ настоящей книжкѣ мы находимъ статью г. В. Мегорскаго, подъ заглавіемъ: «Преданіе объ основаніи Петрозаводска», въ которой авторъ критически обозрѣлъ, главнымъ образомъ, сообщенія «Петрозаводскихъ сѣверныхъ вечернихъ бесѣдъ», произведенія мѣстнаго историка второй половины XVIII и первой XIX столѣтій, Т. В. Баландина, а также и другія свидѣтельства и пришелъ къ выводу, что доселѣ принятая дата ¹⁾ 29 августа (1703 г.)—закладки Петровскаго завода и вмѣстѣ основанія г. Петрозаводска, возникшаго изъ Петровской слободы, не можетъ считаться безусловно положительною.

Но наиболѣе любопытною и цѣнною въ разсматриваемой «Памятной книжкѣ» является другая—историко-этнографическая работа, принадлежащая перу г. Н. Шайжина и носящая заглавіе: «Олонецкій край (по даннымъ мѣстнаго фольклора)». Указавъ въ своемъ предисловіи на то, что Олонецкій край или «Олонія», какъ онъ чаще называется, несмотря на сравнительно достаточную литературу о немъ, очень мало разработанъ по матеріаламъ мѣстнаго фольклора, который, дѣйствительно, имѣетъ свои превосходства и предъ грамотами и предъ наблюденіями изслѣдователей, г. Н. Шайжинъ рѣшился, пользуясь данными «олонецкаго фольклора», описать жизнь «олочанъ» по слѣдующей схемѣ: 1) «Матеріальная культура, экономическій и домашній бытъ

¹⁾ Ея держались и мы въ своей статьѣ: «Петрозаводскъ». (По поводу 200-лѣтія со дня его основанія), напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1903 г., № 8.

населенія), 2) «Семейный и общественный бытъ» и 3) «Религиозно-нравственное мировоззрѣніе народа». Въ предлагаемой здѣсь статьѣ онъ коснулся только перваго вопроса и дѣйствительно развилъ его съ достаточной полнотой и ясностью. Остается лишь пожелать, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи болѣе трудныхъ вопросовъ онъ пошелъ еще дальше и использовалъ всѣ возможные встрѣтиться матеріалы.

В. Р.—въ.

Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ третій (выпускъ IV). Екатеринославъ. 1908.

Дѣятельность екатеринославной ученой архивной комиссіи не отличается тою широтою и энергіею, которыми отмѣчена дѣятельность другихъ архивныхъ комиссій, какъ, напр., владимирской, таврической и пр. Это тѣмъ болѣе странно, что Екатеринославская губернія по своему историческому прошлому и разноплеменному составу населенія должна была бы вызывать большой интересъ къ научному ея изслѣдованію въ прошедшемъ и настоящемъ. Екатеринославская губернія служила ареною долгой исторической жизни и смѣнѣ различныхъ культуръ, начиная съ культуры каменнаго вѣка, переходя къ скиѣтамъ, печенѣгамъ, половцамъ, запорожцамъ и кончая современнымъ ея заселеніемъ всевозможными пришлыми элементами. Кромѣ того, Екатеринославъ, обладающій высшимъ и нѣсколькими средними учебными заведеніями, не могъ бы, кажется, ощущать недостатка въ работникахъ по изученію прошлаго края, но отсутствіе въ нашей интеллигенціи здоровой любви къ родинѣ и научной пытливости создаютъ то, что архивная комиссія въ Екатеринославѣ ведетъ довольно призрачное существованіе, несмотря на усилія отдѣльныхъ лицъ, какъ товарища предѣдателя комиссіи А. С. Синявскаго, В. А. Вѣднова и немногихъ другихъ. Издательская дѣятельность комиссіи весьма ограничена, и четвертый выпускъ ея «Лѣтописи» выходитъ послѣ слишкомъ двухлѣтняго перерыва.

Большая часть IV выпуска «Лѣтописи» занята трудами по церковной исторіи В. А. Вѣднова. Ему принадлежатъ: «Матеріалы для исторіи церковнаго устройства на Запорожьѣ», «Перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ», «Свѣдѣнія объ архивѣ екатеринославской духовной консисторіи», «Краткія свѣдѣнія объ архивѣ самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря». Третью часть книги занимаетъ трудъ Я. П. Новицкаго: «Малорусскія историческія пѣсни въ Екатеринославщинѣ (1874—1903)». Я. П. Новицкій наравнѣ съ Д. П. Эварницкимъ принадлежитъ къ числу видныхъ екатеринославскихъ этнографовъ, собирателей народной поэзіи. Въмѣстѣ съ г. Эварницкимъ они пѣшкомъ обошли всѣ мѣста бывшаго Запорожья, и эти хожденія принесли имъ обимъ богатый матеріалъ, который Я. П. Новицкій помѣщалъ съ 80-хъ годовъ въ «Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣд.», «Днѣпровской Молвѣ», «Приднѣпровскомъ Краѣ» и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ. Ему принадлежитъ сборникъ историческихъ пѣсней въ «Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества» и разнообразное собраніе

фольклорнаго матеріала въ сочиненіи «Съ береговъ Днѣпра». Настоящій сборникъ Я. П. Новицкаго содержитъ въ себѣ пѣсни историческія и отчасти бытовыя, расположенныя по эпохамъ. Пѣсни снабжены многими преданіями, устными поясненіями народа, а также историческими примѣчаніями автора. Повидимому, авторъ въ этомъ сборникѣ перепечатываетъ отчасти то, что раньше было помѣщено имъ въ екатеринославскихъ повременныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, для занимающихся этнографіею записи Я. П. Новицкаго дѣлаются болѣе доступными; при томъ, собранныя вмѣстѣ, онѣ даютъ опредѣленную характеристику народной поэзіи среди малорусскаго населенія Екатеринославской губерніи.

Кромѣ того, въ «Лѣтописи» помѣщены статьи И. Ф. Вертоградова: «Екатеринославская земская милиція 1806 — 1807 г.», г-жи А. А. Скриленко — «Орнаментъ и его первичные элементы» и В. В. Давилова «Дѣтская комедія въ Екатеринославѣ сто лѣтъ назадъ». Въ послѣдней содержатся свѣдѣнія объ изданной въ Екатеринославѣ въ 1806 году комедіи «Осмѣянное чародѣйство», написанной для опредѣленнаго круга дворянскихъ дѣтей. В. Д—въ.

Путникъ (Н. Лендеръ), «По Европѣ и Востоку». Берлинъ, Гамбургъ, Парижъ, Константинополь, Смирна, Аѳины, островъ Критъ, Италія, Вѣна, Дунай. Очерки и картинки, съ рисунками. С.-Петербургъ. 1908 г.

Въ этихъ очеркахъ авторъ, много путешествовавшій по Европѣ и Востоку, развертываетъ пеструю и живую панораму своихъ странствованій. И европейскій Западъ и Востокъ обрисованы у него не только съ привлекательной для туристовъ вѣшной стороны, но и въ ихъ политической окраскѣ, съ подробнымъ освѣщеніемъ разныхъ злободневныхъ вопросовъ. Спокойный прежде Востокъ въ современной политической жизни и въ политической борьбѣ не отстаетъ отъ Европы. Событія краснорѣчиво выдвигаютъ это. Турція осуществляетъ конституціонныя реформы, выбивается изъ-подъ опеки Германіи, а Греція, недавно еще бывшая въ тискахъ Турціи, ведетъ большую борьбу за свое національное будущее. «Греція, — говоритъ авторъ, — это Японія Ближняго Востока, разжигающая политическіе пожары». Западъ въ настоящее время живетъ Востокомъ, одерживаетъ тамъ дипломатическія и коммерческія побѣды и черпаетъ въ нихъ финансовыя пріобрѣтенія и бодрость инициативы.

Въ живыхъ очеркахъ, посвященныхъ Германіи, авторъ касается придворныхъ сферъ Берлина, отношеній Германіи къ Россіи, описываетъ русскую колонію Берлина и своеобразный историческій уголокъ около Потсдама (колонія Александровка), населенный еще при императорѣ Александрѣ I русскими выходцами. Много любопытныхъ страницъ посвящено въ книгѣ развитію русскаго дѣла въ Германіи и насажденію протоіереемъ Мальцевымъ (настоятель нашей посольской церкви въ Берлинѣ) православныхъ церквей и благотворительныхъ учреждений. Въ очеркахъ Парижа г. Лендеръ отмѣчаетъ разрушительныя теченія во Франціи: торжество космополитизма, евреевъ и

масоновъ и рисуетъ ужасныя картины разыгравшагося въ 1905 году въ Парижѣ и въ провинціяхъ болѣзненнаго процесса «отдѣленія церкви отъ государства» и описей церковныхъ имуществъ. Религіозные прихожане, католическое духовенство и французскіе роялисты стали на защиту церкви отъ посягательствъ республики, причемъ эта борьба даже въ Парижѣ повлекла кровопролитіе и жертвы. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ авторъ,—бѣдная Франція растеряла свои національныя силы и безпопачно растворяется въ космополитизмъ и масонствѣ». Религія подорвана, національныя силы ослабли.

Авторъ, видимо, хорошо знаетъ Востокъ. Онъ обстоятельно описываетъ жизнь Константинополя и созданныя въ немъ русской предпримчивостью русскіе очаги (русская константинопольская больница и подворья)... Онъ переноситъ насъ въ любопытную въ этнографическомъ отношеніи столицу Малой Азіи—историческую Смирну, остающуюся однимъ изъ важнѣйшихъ послѣ Константинополя торговыхъ центровъ Турціи. Весьма любопытны въ изложеніи г. Лендера очерки Греціи, политической борьбы въ Аѳинахъ и картинки острова Крита во время возстанія 1905 года.

Значительная часть книги «По Европѣ и Востоку» посвящена морскимъ путешествіямъ автора по Черному и Средиземному морьямъ и по Дунаю (славянскія земли).

Приложенныя къ книгѣ иллюстраціи: виды, портреты, тишы, дополняютъ картинность описаній.

Ф. Ф.

С. П. Шестаковъ. Памятники христіанскаго Херсонеса. Москва. 1908. Стр. 142 in 4^о.

Московское императорское археологическое общество предприняло серію изданій, посвященныхъ изученію древностей Херсонеса, поручивъ составленіе монографій по отдѣльнымъ вопросамъ извѣстнымъ специалистамъ. Появившійся въ этой серіи трудъ почтеннаго казанскаго профессора излагаетъ отношеніе Херсонеса къ Римской имперіи въ первые вѣка нашей эры, затѣмъ изучаетъ начало христіанства въ Херсонесѣ, его состояніе въ эпоху иконоборчества, первая свидѣтельница западныхъ и арабскихъ источниковъ о Руси и ея отношеніе къ Херсонесу, роль его при посѣщеніи св. Кирилломъ, появленіе печенѣговъ въ Приднѣпровьѣ, его торговыя и дипломатическія сношенія съ Сѣверомъ и Византіей; распространеніе русскаго владычества на югъ Россіи и завоеваніе Херсона св. Владимиромъ. Отдѣльнымъ вопросамъ посвящены 4 приложенія (стр. 95 сл.). Уже этотъ краткій пересказъ содержанія новаго труда проф. Шестакова доказываетъ всю его важность для лицъ, занимающихся не только исторіей греческихъ колоній на югъ Россіи, но и вообще древнерусской исторіей и исторіей православной церкви. Главное вниманіе авторъ обратилъ на критическое изученіе литературныхъ текстовъ и надписей, являющихся источниками по этимъ вопросамъ. Строго научный методъ и крайняя осторожность выводовъ придаютъ изложенію проф. Шестакова высокое научное значеніе; благодаря этому труду, стало возможнымъ знакомство съ нецо-

средственными источниками по столь важнымъ для всякаго русскаго историка вопросамъ и для тѣхъ, кто не владѣеть вполне греческимъ и арабскимъ языками. Въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ собрана вся ученая литература предмета въ исчерпывающей полнотѣ. Во всякомъ случаѣ трудъ проф. Шестакова займетъ почетное мѣсто въ библиотекѣ всѣхъ, кто работаетъ надъ древнѣйшей исторіей юга Россіи. Книга издана прекрасно, жаль только, что обложка испорчена аляповатымъ рисункомъ лубочнаго характера. В.

Karl Steinmetz. Von der Adria zum Schwarzen Drin. Mit 15 Abbildungen und einer Karte. Sarajevo. 1908. Стр. I+77. Цѣна 2 кроны.

Въ нынѣшнемъ году въ Сараевѣ возникло новое учрежденіе, посвященное славянской наукѣ. Свѣдѣнія о немъ пока не дошли до русской печати, и, познакомившись съ нимъ во время поѣздки въ Боснію-Герцеговину, мы спѣшимъ сказать нѣсколько словъ. Это босанско-герцеговинскій институтъ для изслѣдованія Балканъ. Учредителемъ института является хранитель мѣстнаго музея древностей, докторъ Карлъ Пачъ (Patsch), заслужившій въ наукѣ имя глубокаго знатока римскихъ древностей на Балканахъ, и, благодаря энергій его, несмотря на короткое свое существованіе, институтъ уже успѣлъ издать нѣсколько цѣнныхъ монографій на нѣмецкомъ языкѣ: «Eine Reise durch die Hochländergaue Oberalbaniens» и «Ein Vorstoss in die Nordalbanischen Alpen» К. Штейнмеца, «Aus Bosniens letzter Türkenzeit Veröffentlicht von G. Grasse» I. Кетче, «Makedonische Fahrten. I. Chalkondike» А. Штрука, «Skutari und die Nordalbanische Küstenebene» Ф. Пшлева. Кромѣ вышеданныхъ монографій, предложено издать новые труды по изслѣдованію Балканъ Анфельбека, Цвѣича, Давеша, Герланда, Гроте, Хассерга, Катцера, Малаго, Пача, Трухелки, Вейганда и др. Изъ списка приглашенныхъ до сихъ поръ сотрудниковъ видно, что цѣли института—широкія и онъ не ограничивается какой-нибудь определенной научной дисциплиной. Прибавимъ еще, что ничего общаго съ австрійской политикой на Балканахъ институтъ не имѣетъ и не долженъ имѣть.

Главное вниманіе редактора, г. Пача, обращено до сихъ поръ на путешествія по разнымъ землямъ Балканскаго полуострова, какъ дающія сырой матеріалъ, и всѣ изданія иллюстрированы. За нѣсколько мѣсяцевъ своего существованія Балканскій институтъ успѣлъ уже обзавестись недурной библиотекой, гдѣ собраны спеціальныя изданія, коллекціей фотографическихъ снимковъ (больше 2.500 негативовъ и отпечатковъ), собраніемъ рукописей (изъ славянскихъ рукописей наиболѣе интересны написанныя особымъ и рѣдкимъ мѣстнымъ письмомъ «босанчицей»), въ томъ числѣ и турецкихъ, собраніемъ документовъ и т. д.

Безъ этихъ общихъ замѣчаній о новомъ научномъ учрежденіи не будетъ понятно все значеніе книги, заглавіе которой вышисано выше. Авторъ изслѣдовалъ почти неизвѣстныя ученымъ земли съ албанскимъ населеніемъ на юго-западѣ отъ Скутари, главнымъ образомъ между теченіемъ Фанн, впадающей въ Мати,

и Чернымъ Дриномъ. На югѣ онъ доходилъ до вершины Скандербега. Благодаря знакомству съ албанскимъ языкомъ, авторъ могъ на мѣстѣ изучить цѣлый рядъ памятниковъ старой архитектуры, о которой также почти ничего неизвѣстно (кромѣ работъ Иннена), наблюдать интересные и рѣдкіе обычаи, совершенно своеобразный бытъ албанцевъ, собрать свѣдѣнія о разныхъ древностяхъ и соединенныхъ съ ними преданіяхъ и т. д. Жаль только, что г. Штеймець описываетъ все это сухо, безъ увлеченія, безъ того мѣстнаго колорита, который дѣлаетъ интересными всякаго рода подобныя наблюденія туриста. Впрочемъ, эта черта его книги вполнѣ вознаграждается точностью всѣхъ свѣдѣній.

Будемъ ожидать выхода дальнѣйшихъ выпусковъ серіи «Zug Kunde der Balkanhalbinsel» и надѣяться, что энергія г. Пача не ослабѣетъ и въ будущемъ. Собранія института уже открыты для всеобщаго пользованія и, несомнѣнно, не заставятъ долго ждать работниковъ, въ томъ числѣ и русскихъ, которые найдутъ въ Босніи-Герцеговинѣ массу неизслѣдованнаго археологическаго и этнографическаго матеріала. Въ заключеніе выражаемъ пожеланіе, чтобы институту удалось возможно скорѣе получить субсидію, такъ какъ до сихъ поръ онъ существуетъ на личныя средства своего основателя. Значеніе же института для славистики сомнѣнію не подлежитъ.

А. Яцимирскій.

Труды воронежской ученой архивной комиссіи. Выпускъ IV. Подъ редакціею правителя дѣлъ комиссіи священника Ст. Звърева. Воронежъ. 1908. Стр. 71+245+LIV+XCVIII. Цѣна 1 р. 50 к. Воронежская Старина. Выпускъ седьмой. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1908. Стр. LI+304+86. Цѣна 2 р. 50 к.

Вышеназванныя книжки принадлежатъ двумъ историко-археологическимъ обществамъ, дѣйствующимъ въ одномъ сравнительно небольшомъ городѣ (около 82 тысячъ жителей), по одной программѣ и съ одинаковыми цѣлями и при наличности однихъ и тѣхъ же лицъ изъ болѣе крупныхъ работниковъ, и при этомъ возникшимъ въ одинъ и тотъ же 1901 годъ. Едва ли не единственное между ними различіе въ томъ, что архивная комиссія находится подъ попечительствомъ мѣстнаго губернатора, а церковный историко-археологическій комитетъ — мѣстнаго архіепископа, изъ которыхъ послѣдній оказался значительно щедрѣе и попечительнѣе перваго, что сказалось прежде всего на слѣдующемъ: въ то время, какъ архивная комиссія едва успѣла выпустить въ свѣтъ три выпуска своихъ «Трудовъ», церковный историко-археологическій комитетъ издалъ таковыхъ уже семь. Послѣ денежныхъ средствъ и «попечительства» успѣшная дѣятельность всякаго научнаго общества зависитъ отъ энергіи, трудолюбія и способностей его предсѣдателя и ближайшихъ сотрудниковъ послѣдняго. Воронежскій церковный историко-археологическій комитетъ былъ основанъ и руководимъ въ теченіе первыхъ семи лѣтъ А. М. Прав-

динымъ, равнаго которому по трудоспособности и вліянію врядъ ли имѣло какое-либо другое провинціальное общество. Воронежской архивной комиссіи также посчастливилось найти въ первомъ своемъ предсѣдателѣ—Е. Л. Марковъ въ высокой степени образованнаго и дѣятельнѣйшаго руководителя и работника, но съ его смертію (въ 1903 году) и въ особенности со смертію А. И. Милютина вся тяжесть работы легла едва не на единственнаго правителя комиссіи, священника Ст. Е. Звѣрева, крайне ограниченнаго матеріально и въ то же время принимающаго дѣятельное участіе въ трудахъ церковнаго комитета. Замѣчательно еще слѣдующее: главнѣйшая работа въ церковномъ комитетѣ производилась лишь четырьмя лицами: А. М. Правдинымъ, П. В. Никольскимъ, Н. И. Поликарповымъ и С. Н. Введенскимъ, да и засѣданія его посѣщались обыкновенно четырьмя-пятью членами: отцы духовные густо собирались лишь въ засѣданія подъ предсѣдательствомъ архіепископа; трое изъ названныхъ лицъ—П. В. Никольскій, Н. И. Поликарповъ и С. Н. Введенскій—принимали и принимаютъ дѣятельное участіе и въ архивной комиссіи.

Къ чему, спрашивается, понадобилось такое раздвоеніе наиболѣе крупныхъ научныхъ силъ? Что могло послужить яблокомъ раздора и несогласія между остальными членами, преслѣдующими, повидимому, однѣ научныя цѣли? Вѣдь описанія монастырей и церквей есть только часть общей исторіи страны; вѣдь предметы церковныхъ древностей добываются тѣмъ же путемъ раскопокъ и разысканій, что и костяки, кремневые орудія, монеты и прочее, и обыкновенно легко уживаются въ общихъ съ послѣдними музеяхъ. Быть можетъ, въ объясненіе этого имѣются какія-либо серьезныя причины, но намъ, какъ стороннимъ наблюдателямъ, очевиднѣе всего здѣсь одно: раздвоятся и ослабляются силы, ослабляется и распадается само общее дѣло. Едва обнаружится дѣятельность одного общества, какъ на нѣсколько времени замираетъ работа другого. Примѣровъ тому было, къ сожалѣнію, уже нѣсколько. Не избѣгли этой участи и воронежскіе комиссія и комитетъ. Въ то время, какъ послѣдній ежегодно выпускалъ въ свѣтъ по довольно обширному тому изслѣдованій и матеріаловъ, первая въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ должна была ограничиться изданіемъ одного выпуска «Трудовъ», гдѣ главное содержаніе составляютъ описаніе рукописей и актовъ губернскаго музея и затѣмъ журналы засѣданій за четыре года, а всѣ изслѣдованія и матеріалы едва составили 70 страницъ.

Переходя теперь къ обзорнѣю содержанія IV выпуска «Трудовъ» комиссіи, мы должны сказать, что въ нихъ самою цѣною является работа Г. И. Можарова, А. М. Путинцева и А. И. Милютина—«Рукописи и древніе акты воронежскаго губернскаго музея», которая начата печатаніемъ еще въ 1904 году и закончится въ пятомъ выпускѣ «Трудовъ». Въ ней описано свыше 1230 документовъ, нерѣдко съ подробными изъ нихъ выдержками; къ описанію приложены и указатели—личный и предметный. Затѣмъ интересна статья А. М. Путинцева—«И. С. Никитинъ. Историко-литературные матеріалы», гдѣ авторъ разсматриваетъ новыя письма Никитина, рукописную поэму «Тарасъ», во многомъ отличающуюся отъ печатной, и всѣ печатныя изданія его стихотвореній, приходя къ заключенію о необходимости ихъ переизданія. Въ этомъ

выпускъ помѣщены и біографическія свѣдѣнія объ А. И. Милютинѣ, выдающемся мѣстномъ дѣятелѣ и писателѣ, скончавшемся 12 февраля 1907 года.

Содержаніе VII выпуска «Воронежской Старины» составляютъ прежде всего біографическіе матеріалы о скончавшемся 2 декабря 1907 года А. М. Правдинѣ, сообщенные Н. И. Поликарповымъ, П. В. Никольскимъ и С. Н. Введенскимъ; далѣе—«Матеріалы по исторіи Воронежской епархіи. Время архієпископа Арсенія I и митрополита Пахомія (1712—1718)», сообщенные Г. В. Прохоровымъ. Въ нихъ приведены акты, извлеченные изъ дѣлъ архива морского министерства и цѣнные по обилію данныхъ, въ особенности для экономическаго положенія архієрейскаго дома и самого митрополита Пахомія, тѣмъ болѣе, что о времени управленія послѣднимъ воронежской епархіей свѣдѣній въ мѣстныхъ архивахъ не имѣется. Довольно интересныя «Свѣдѣнія о воронежскомъ архієрейскомъ домѣ и о монастыряхъ воронежской епархіи» опубликовалъ С. Н. Введенскій, извлечшій ихъ изъ вѣдомостей коллегіи экономіи за 1739—1741 годы. Въ слѣдующемъ, второмъ «отдѣлѣ» находимъ продолженіе изслѣдованія П. В. Никольскаго—«Монашество на Дону», гдѣ авторъ трактуетъ о «перемѣнахъ въ положеніи придонскихъ монастырей, происшедшихъ подъ вліяніемъ петровскихъ преобразованій», и о «реформѣ въ положеніи монастырей, произведенной въ царствованіе императрицы Екатерины II»; продолженіе статьи Д. В. Цитовича—«Исторія бирюченскихъ духовныхъ (приходскаго и уѣзднаго) училищъ» (очень много свѣдѣній біографическаго характера объ учителяхъ) и довольно любопытное сообщеніе историко-этнографическаго характера священника І. Феронскаго.

В. Рудаковъ.

Брянчаниновъ. Скитанія. М. 1908. Стр. 160.

Книга г. Брянчанинова не представляетъ собою научнаго изслѣдованія, она—наблюденія простаго туриста, но наблюденія живыя, интересныя, дающія яркое представленіе о Нубіи, Суданѣ, Палестинѣ и Ливанѣ, не только со стороны природы, но и со стороны соціально-политической.

Читая, напримѣръ, описаніе путешествія по Нилу, живо представляешь себѣ всю красоту тамошней природы, и въ то же время дѣлается грустно при мысли о томъ, какъ мало культурно населеніе тамъ, гдѣ когда-то процвѣтала утонченная цивилизація. Величественныя развалины храмовъ въ честь бога Аммонъ-Ра и богини Хаторъ производятъ, по словамъ путешественника, гнетущее впечатлѣніе. «Выходишь изъ этихъ храмовъ сгорбленнымъ и ослѣпленнымъ,—разсказываетъ г. Брянчаниновъ.—Все это поразительно, но нисколько не умиляетъ. Между этими божествами и человѣчествомъ не существуетъ связывающей нити. Они насъ не притягиваютъ и не говорятъ намъ ни одного слова утѣшенія и надежды. Сидя равнодушно въ окаменѣлыхъ позахъ, они только смотрятъ на нашъ «міръ печали и слезъ». Они не склоняются надъ нашей жизнью и не принимаютъ въ ней никакого участія».

Обрисовавъ свои впечатлѣнія при посѣщеніи этихъ знаменитыхъ развалинъ, г. Брянчаниновъ даетъ живую картину жизни въ столицѣ Судана—Кар-

тумъ, гдѣ уже, благодаря англійской колонизаціи, замѣтно вліяніе культуры. Прибывъ на вокзалъ и очутившись въ толпѣ, состоявшей преимущественно изъ офицеровъ англійской арміи, туристовъ-англичанъ и разнаго рода «восточныхъ человѣковъ», путешественникъ былъ пораженъ контрастомъ: «насколько офицеры и простые туристы держатъ себя чинно, строго и холодно, настолько весь этотъ пестрый людъ, нетерпѣливъ фамиллярень, болтливъ и предприимчивъ».

Очень интересны наблюденія путешественника надъ англійскими офицерами-колонизаторами, ѣдущими въ глубь Африки, въ безграничную пустыню, на берега болотистыхъ рѣкъ, гдѣ ихъ ожидаютъ малярія и дизентерія. Путешественникъ не замѣтилъ въ этихъ офицерахъ присутствія высшихъ умственныхъ интересовъ, но это не мѣшаетъ, по отзывамъ г. Брянчанинова, этимъ офицерамъ быть очень честными, энергичными работниками, на плечахъ которыхъ построена мощь Великобританіи.

Подѣлившись съ читателями впечатлѣніями относительно англійскихъ офицеровъ, авторъ знакомитъ съ населеніемъ Судана и даетъ интересныя свѣдѣнія о торговлѣ невольниками и о роли въ борьбѣ съ ней знаменитаго губернатора Судана Чарльза Гордона. Торговля невольниками существовала въ Суданѣ еще въ 1874 году и была прикрыта торговлею слоновой костью. Несмотря на враждебность египетскихъ властей, Гордонъ много потрудился въ борьбѣ съ нею, но, разочарованный и усталый, въ концѣ 1876 года вернулся въ Англію. Назначенный вторично уже на постъ генералъ-губернатора, онъ хотя и не пресѣкъ эту цозорную торговлю въ корнѣ, какъ того желалъ, но успѣлъ многое сдѣлать и даже своею безкорыстностью и гуманностью сумѣлъ привязать къ себѣ населеніе громаднаго Судана. Пресѣченіе торговли невольниками разорило многихъ арабскихъ князей-купцовъ. И Гордона называли настоящимъ, хотя и отдаленнымъ виновникомъ магдатекаго возстанія, давшего англичанамъ возможность наложить на страну свою властную руку. Далѣе у автора слѣдуетъ живое описаніе этого возстанія.

Изъ множества другихъ интересныхъ сообщеній и наблюденій путешественника отмѣтимъ отношеніе англичанъ къ коренному населенію Судана. По словамъ автора, англичане и коренное населеніе держатся совершенно обособленно, ограничивая свои сношенія чисто дѣловой стороной.

Любопытны также сообщенія путешественника объ охотѣ. На право охоты существуютъ разныя формальности и сравнительно дорогая плата, такъ называемая «перми». На нѣкоторыхъ животныхъ охота запрещена совершенно. «И не подумайте, что всѣ эти запреты только на бумагѣ, — рассказываетъ путешественникъ, — попытайтесь-ка поохотиться безъ перми въ любомъ углу обширнаго Судана и, если вы не будете накрыты сейчасъ же на мѣстѣ, то по возвращеніи вашемъ въ Картумъ или выѣздѣ изъ Судана вамъ уже, конечно, придется уплатить крупный штрафъ въ нѣсколько разъ больше всякихъ перми и таксъ». Охота эта представляетъ массу опасностей, самая ужасная изъ нихъ это укусы знаменитой мухи «тце-тце», развивающіе болѣзнь сна. Болѣзнь эта въ большинствѣ случаевъ смертельна.

Авторъ не далъ ничего новаго въ научномъ отношеніи, но зато далъ живое, интересное для обыкновенныхъ читателей описаніе Африки. Г. Брянчаниновъ обнаружилъ себя очень наблюдательнымъ путешественникомъ, вдумчиво относящимся къ слышанному и видѣнному.

Книга издана очень хорошо, къ ней приложено много прекрасно исполненныхъ снимковъ, еще болѣе способствующихъ яркости получаемыхъ представлений о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ путешественникомъ.

О. И. Ф.

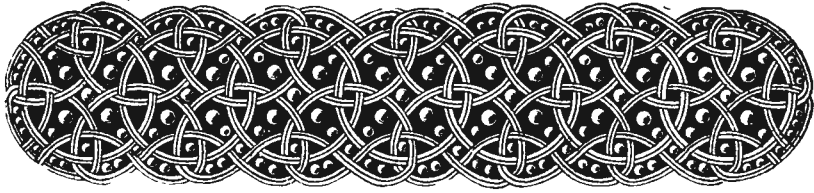
**Великій князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь.
Томъ третій (Р—Ф). Спб. 1908. Стр. 432. Ц. 2 р.**

Настоящимъ третьимъ томомъ заканчивается предпринятое великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ весьма цѣнное для біографовъ и генеалоговъ изданіе «Московского Некрополя». На страницахъ «Историческаго Вѣстника» своевременно мы говорили по поводу первыхъ томовъ о достоинствахъ и недочетахъ этого изданія и, не останавливаясь здѣсь на этомъ по поводу третьяго тома, позволимъ себѣ еще разъ повторить свое пожеланіе, чтобы приготавливаемое къ печати изданіе «Петербургскаго Некрополя» не было только снимкомъ надгробій, а было болѣе полнымъ и провѣреннымъ источникомъ для многочисленныхъ справокъ младшей пишущей братіи.

Къ разсматриваемому тому приложены и «Дополненія» новыхъ именъ, числомъ свыше 100, сообщенныхъ преимущественно Н. А. Скворцовымъ и П. А. Россіевымъ.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ новинки. — Археологическія работы на югѣ, именно въ Нубіи, въ настоящемъ году были столь же успѣшны, какъ и на сѣверѣ, въ Каппадокіи, гдѣ ихъ результатомъ, какъ уже было говорено въ «Историческомъ Вѣстникѣ», явились изслѣдованія лѣтоищей хеттскихъ царей. Нубійскія раскопки, произведенныя англійскимъ археологомъ Макъ-Айверомъ, по выраженію Г. Масперо, помѣстившаго объ нихъ отчетъ въ «Hébdô-Débats» ¹⁾, приподняли завѣсу, скрывавшую эоипскую цивилизацію. Но здѣсь были открыты не архивы и дипломатическія переписки, какъ въ Каппадокіи, а статуи, мебель, посуда, оружіе, орудія, драгоценныя украшенія, жертвенники — весь матеріаль похороннаго ритуала, извлеченный изъ могилъ, которыми археологи до сихъ поръ пренебрегали.

Страна по ту сторону Филъ, между первымъ водопадомъ и слияніемъ обоихъ Ниловъ, со времени Соломона стала свободнымъ государствомъ, египетскимъ по религіи и отчасти по языку, цари котораго около ста лѣтъ господствовали надъ цѣлою долиною, а одно время даже мѣшали благополучію Ассиріи. Но для народа, столь замкнутаго въ своей странѣ, было слишкомъ тяжелымъ дѣломъ правильно отправляться воевать въ Палестину и онъ не могъ вынести усилій, какія требовала эта война. Вскорѣ послѣ воцаренія на мемфисскомъ тронѣ фараона Псамметиха I, этотъ народъ вернулся въ свои прежнія границы и съ тѣхъ поръ оставался въ нихъ. Отдѣленный отъ Средиземнаго моря Египтомъ и почти недоступный для Греціи, онъ представлялся ей какимъ-то баснословнымъ народомъ, съ которымъ боги запросто вступали въ сношенія и долго-

¹⁾ De quelques résultats des fouilles récentes en Nubie. Par G. Maspero «Hébdô-Débats» 25 Septembre 1908.

лѣтіе котораго далеко переступало границу обыкновенной жизни, а мудрость была пропорціональна долготѣію. Такъ длилось до вступленія ихъ въ сношенія съ Птоломеями и Кесарями, но даже торжественное появленіе въ ихъ столицѣ римскихъ легионовъ произвело лишь мгновенное давленіе на ихъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ: какъ только римляне удалились—эѳіопы снова замкнулись отъ остального міра.

Могилы, гдѣ работаетъ Макъ-Айверъ, расположены въ области, зависѣвшей отъ главнаго эѳіопскаго города Примиса, или, какъ его называютъ современные географы, — Ибрима. Въ нихъ покоятся останки богатыхъ семействъ мѣстной аристократіи, съ которыми фараоны вели дѣла во время великой Эивской династіи. Однако египетскіе идеи и нравы, худо или хорошо усвоенные предками этого народа, послѣ побѣды совершенно преобразовались ихъ потомками. Они уже не говорили бѣгло по-египетски, понимали этотъ языкъ не съ первыхъ словъ и хотя по религіи обязаны были примѣнять литургическія формулы по-египетски, но между собою говорили на нарѣчій, похожемъ на современное иберійское. Высшее духовенство примѣняло іероглифы, но какъ ученые, такъ и народъ прибѣгали къ упрощеннымъ народнымъ письменамъ, которыя наши ученые не умѣютъ еще разбирать. Эѳіопскія божества были заимствованы отчасти у египтянъ, отчасти ихъ создали новыя, или святыя обожествлялись на мѣстѣ, гдѣ они жили. Остатки часовенъ или храмовъ, воздвигнутыхъ эѳіопами между римской крѣпостью Махаракахъ и вторымъ водопадомъ, доказываютъ, что ихъ культъ сохранилъ внѣшнюю форму эивской религіи, въ соединеніи съ ритуалами варварскаго происхожденія, требовавшими человѣческихъ жертвъ, о чемъ говорятъ современные историки. Нѣсколько до сихъ поръ найденныхъ гробовъ оказались сходными съ египетскими, отысканными на кладбищахъ Ассуана и Эдфу. Эѳіопы такъ же целевали, бальзамировали, пропитывали смолою и завертывали въ картонъ своихъ покойниковъ, какъ и египтяне, и сцены, нарисованныя на барельефахъ, ничѣмъ не отличаются отъ египетскихъ.

Вѣрно, сохранивъ внѣшнюю сторону похороннаго обряда египтянъ, они какъ бы забыли значеніе, которому когда-то соответствовали украшенія усыпальницъ. Обстановка, найденная Макъ-Айверомъ въ эѳіопскихъ усыпальницахъ, совершенно тождественна съ той, которая прежде употреблялась египтянами для человѣческихъ двойниковъ «Ка», судьба которыхъ тѣсно связывалась съ судьбой тѣла умершаго. Она состояла изъ матерій, глиняной или металлической посуды, драгоценностей, принадлежностей туалета, оружія и т. д. Однако статуи, находившіяся при покойникѣ, не походятъ на фигуры египетскихъ «двойниковъ». Около двѣнадцати изъ нихъ высѣчены изъ нубійскаго песчаника, и вышина самыхъ большихъ не превышаетъ метра. Большинство изъ нихъ высѣчено довольно прилично, и видно, что рабочіе, дѣлавшіе ихъ, придерживались египетской школы и слѣдовали ей рабски, но не довольно ловко. Фигуры, какъ женскія, такъ и мужскія, были одѣты по-эѳіопски и, казалось, будто онѣ только что сошли съ барельефовъ, какіе находятся въ меропетическихъ храмахъ. Силуэты этихъ фигуръ тонки, формы — полны, лица — спокойно улыбающіяся, но ихъ выраженіе — глухо, и онѣ привлекаютъ къ себѣ

вниманіе лишь украшеніями изъ соколиныхъ и ястребиныхъ перьевъ, прикрѣпленныхъ діагонально къ плечамъ, въ родѣ мантии.

По словамъ Масперо, если бы не мѣсто ихъ находженія и не разнообразіе, обнаруживающее значеніе этихъ статуй въ похоронномъ ритуалѣ, то подобныя фигуры въ послѣднихъ главахъ «Книги мертвыхъ», гдѣ онѣ помѣчены эѳіонскими именами, легко можно было бы принять за идоловъ. У всѣхъ фигуръ перья прикрѣплены различнымъ образомъ, неодинаково, та же разница замѣчается и относительно пропорціи человѣческаго тѣла съ тѣломъ птицы. У нѣкоторыхъ изъ нихъ перья откинута назадъ и такъ замаскированы человѣческимъ бюстомъ, что ихъ трудно замѣтить, если не станешь прямо противъ нихъ. У другихъ, напротивъ, они прикрѣплены совершенно къ плечу, и верхняя часть крыльевъ справа и слѣва настолько возвышается надъ человѣческими руками, что человѣкъ какъ бы заключенъ въ птицѣ, и перья уже не являются прибавкой, которую по желанію можно снять, не изуродовавъ существа, которое изображаютъ эти приставки, но служатъ даже необходимымъ элементомъ. Въ этихъ обоихъ случаяхъ человѣческое тѣло нормально и отношеніе головы къ нему именно такое, какое замѣчается у человѣка обыкновеннаго роста, и все даетъ мысль, что это человѣкъ, которому придѣляли заднюю часть тѣла птицы. Другія фигуры сдѣланы иначе. Хотя ихъ головы и тѣла человѣческія, но тѣло сравнительно съ головой слишкомъ мало, и объемъ всего тѣла не превышаетъ тѣла сокола: въ данномъ случаѣ—это птица, которой приставили переднюю часть тѣла человѣческую. Богословы нильскихъ береговъ, а за ними простой народъ со времени сѣдой старины изображали душу въ видѣ сокола съ человѣческой головой; у египтянъ же, повидимому, никогда не клали такой «крылатой души» въ могилу возлѣ гроба или на мѣсто фигуры «двойника»; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ подобныхъ фигуръ видѣть не попадалось, слѣдовательно, такой типъ фигуръ развился именно въ Эѳіоніи, но когда, въ какую эпоху—положительно сказать нельзя. Навѣрно, это было введено, послѣ Масперо, послѣ отдѣленія отъ Египта, между VII и I вѣкомъ до Р. Х., хотя опредѣлить дату точно пока очень трудно.

Это введеніе новой эмблемы, по замѣчанію Масперо, не указываетъ на перемѣну догматовъ. Извѣстно, какъ упорно держатся старые символы, послѣ того, какъ вѣра, породившая ихъ, преобразовалась или совершенно затерялась. Представленіе о «двойникахъ», заключенныхъ въ могилѣ,—исчезло, и «двойникъ» былъ только словомъ, употребляемымъ для выраженія человѣческаго пережитія, но тѣмъ не менѣе пожертвованія статуй «двойника» продолжались съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ и прежде. Между тѣмъ вѣра въ существованіе «души-птицы», улетающей въ минуту смерти и свободно летающей по всему свѣту на своихъ крыльяхъ, сдѣлалась общей въ концѣ Мемфисской эпохи. Ее изображали въ видѣ маленькаго роста фигурки изъ раскрашеннаго дерева, но «двойниковъ», передъ которыми совершался похоронный ритуалъ, замѣнить «статуями души» никто не отваживался. Даже сами эѳіоны, въ первые вѣка своей независимости еще слишкомъ находившіеся подъ прямымъ вліяніемъ обычаевъ египтянъ, не рѣшались на это нововведеніе. Только послѣ окончательнаго отдѣленія отъ египтянъ они рѣшились со-

гласовать изображеніе человѣческаго пережитія съ идеей, какую они имѣли о немъ, создавъ то, что археологи назвали «статуей души». Это было не измѣненіе догмата: эѳіопы лишь изобрѣли артистическій типъ, предназначенный матеріально выразить догматъ, который существовалъ съ давнихъ поръ. Преобладаніе «крылатой души» надъ «двойникомъ» мало видоизмѣняетъ условія человѣческаго пережитія. «Крылатая душа» отличается отъ «двойника» лишь тѣмъ, что она свободнѣе, чѣмъ онъ, и легче переносится съ одного конца свѣта на другой. Въ египетскихъ усыпальницахъ она часто изображается въ сопровожденіи «двойника», получающей, какъ и онъ, въ рукъ «богини мертвыхъ» мистическую воду и хлѣбъ. Когда эѳіопы, соединивъ человѣческое изображеніе «двойника» съ соколиной фигурой «души», создали «статую души», то окружили ее такой же обстановкой, какую ихъ предки когда-то обставляли статую «двойниковъ». Для нихъ «крылатая душа», какъ «двойникъ» для египтянъ, не была существомъ, имѣвшимъ право не подвергаться гибели: она нуждалась въ одеждѣ, пищѣ, жилищѣ и защитѣ, и если съ нею не обращались какъ слѣдуетъ, т. е. не доставляли ей всего этого, то она погибала вторичной смертью, которая безвозвратно, навсегда уничтожала человѣка.

Пока это все, что найдено въ Нубіи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возобновятся работы, какъ въ развалинахъ города, такъ и въ некрополѣ, и если онѣ будутъ удачны, то археологамъ предстоитъ много интересныхъ открытій. «Нубійская цивилизація, — говоритъ въ заключеніе Масперо, — въ теченіе своего долгаго существованія пережила самыя исключительныя превратности». Когда въ началѣ третьяго вѣка до нашей эры государство Напата пало, то народъ, уничтожившій его, именно блеммы, продолжалъ придерживаться ихъ нравовъ и религіи. Когда при Іустиніанѣ вся имперія низвергла языческія божества, они римлянъ заставили почитать Изиду изъ Фивъ. Они были порабощены въ свою очередь нобатами, и христіанство, которое они такъ упорно преслѣдовали, укоренилось на первомъ водопадѣ, при слияніи двухъ Ниловъ, и оказало мусульманамъ такое же отчаянное сопротивленіе, какое блеммы когда-то оказали римлянамъ. Нубійскіе цари побѣдоносно сопротивлялись султанамъ и халифамъ и только въ XV и XVI вѣкахъ они пали, и тогда восторжествовалъ исламъ. Эти послѣдніе нубійцы-христіане не были варварами, какъ это пытались доказывать. У нихъ была своя религіозная и свѣтская литература, кое-какіе отрывки которой удалось открыть четыре-пять лѣтъ тому назадъ. Они строили церкви въ довольно чистомъ византійскомъ стилѣ, украшали ихъ барельефами и живописью, которая отличалась достоинствомъ. Различныя надписи на варварско-греческомъ, коптскомъ или берберійскомъ языкахъ содержатъ имена ихъ царей, уже извѣстныхъ, благодаря арабскимъ историкамъ. Такимъ образомъ, это цѣлое затерявшееся прошедшее, которое предстоитъ возстановить отчасти на теперешней египетской территоріи, отчасти въ Суданѣ.

Археологъ Боргартсъ, директоръ германскаго археологическаго общества въ Каирѣ, въ теченіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ производитъ раскопки въ долину Арбузиръ, простирающейся отъ пирамиды Гизахъ до Саккарахъ.

Здѣсь онъ откопалъ похоронный храмъ пятой династіи, царя Сахура, жившаго за 2500 лѣтъ до христіанской эры. Вокругъ храма и его пристроекъ остается еще нетронутою цѣлая канализація мѣдныхъ трубъ для водопровода, съ кранами и прочими принадлежностями, совершенно сходными съ матеріалами, примѣняемыми въ современныхъ баняхъ. До сихъ поръ ничего, относящагося до столь отдаленной эпохи, не было извѣстно. Артистическій интересъ этихъ раскопокъ, впрочемъ, заключается въ барельефахъ, украшающихъ храмъ, и въ колоннахъ, поддерживающихъ надворную галерею. Эти колонны изъ гранитнаго монолита имѣютъ форму пальмы; онѣ самыя древнія и самыя красивыя, какія дошли до насъ. Означенные барельефы высѣчены изъ известняка и изображаютъ фараона въ разныхъ видахъ: на одномъ онъ бесѣдуетъ съ божествами, на другомъ представленъ воинномъ-побѣдителемъ, низвергнувшимъ на землю ливійскаго царя, въ то время, какъ принцы и принцессы, простираясь предъ нимъ, молятъ его о помилованіи, затѣмъ дѣлающимъ смотръ флоту, возвратившемуся отъ азіатскихъ береговъ съ плѣнниками. Такимъ образомъ послѣдніе барельефы служатъ самымъ старымъ документомъ, касающимся флота древняго Египта. На другихъ барельефахъ онъ вмѣстѣ съ сыновьями преслѣдуетъ звѣрей пустыни или въ лодкѣ ловить рыбу. Большинство скульптурныхъ произведеній оказались въ превосходномъ состояніи. Найденный водопроводъ напоминаетъ намъ, что многія изобрѣтенія нашей цивилизаціи не представляютъ новости и гордиться ими, быть можетъ, мы не въправѣ. Такъ, недавно американскій профессоръ Коди обратилъ вниманіе на то, что египтяне должны были обладать очень сильнымъ освѣщеніемъ, если не электрическимъ, то во всякомъ случаѣ подходящимъ къ нему по силѣ свѣта. «Въ королевскихъ усыпальницахъ, — говоритъ онъ, — вырытыхъ глубоко подъ землею, всѣ восторгаются чудной живописью и скульптурой, настолько тонкой, что она могла быть исполнена только при очень сильномъ освѣщеніи. Этого свѣта не могли дать ни факелы, ни примитивныя лампы; впрочемъ, они оставили бы на стѣнѣ толстый слой копоти; слѣдовательно, надо допустить, что древніе египтяне, если и не знали вольтовой дуги, то по крайней мѣрѣ имъ былъ извѣстенъ усовершенствованный способъ освѣщенія».

Нѣкоторые ученые утверждали, что могилы освѣщались извнѣ съ помощью зеркалъ, но это вызываетъ сомнѣніе, такъ какъ онѣ находятся иногда на глубинѣ болѣе двадцати метровъ и почти всегда извилисты, поэтому едва ли зеркала могли передать солнечный свѣтъ на такую глубину.

— Еще и еще Наполеоніана. — «Онъ, всегда онъ, онъ повсюду!» Такъ восклицалъ Викторъ Гюго лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Теперь еще болѣе кстати повторить эти слова, такъ какъ никогда еще столько не говорили и не писали о Наполеонѣ, какъ въ наше время. Полгода тому назадъ мы упоминали о наполеонманіи во Франціи, Англіи, Германіи и Италіи, а въ настоящее время намъ приходится коснуться вопроса о культѣ Наполеона, распространившемся въ Японіи послѣ ея войны съ Россіей. Въ послѣдніе годы, по словамъ французскихъ газетъ, въ Японію везутъ портретовъ, статуэтокъ и всякихъ наполеоновскихъ бездѣлушекъ болѣе, чѣмъ въ Америку, гдѣ выра-

жають къ нему необыкновенный энтузіазмъ. Въ каждомъ токійскомъ домѣ изобилуютъ предметы, напоминающіе о Наполеонѣ.

Въ Англіи и во Франціи наполеоманія получила оригинальныя формы; въ первой выходятъ одно за другимъ изданія сборника разсказовъ, подъ заглавіемъ «Глиняный кумиръ», популярнаго историческаго романиста Г. Белэя ¹⁾, о сенсаціонныхъ эпизодахъ жизни Наполеона. Въ прошедшемъ году эти разсказы появлялись мѣсяць за мѣсяцемъ въ «Pall-Mall Magazine», и, благодаря любовной подкладкѣ, имѣли немалый успѣхъ. Что касается Парижа, то тамъ въ послѣдніе мѣсяцы пользовалось громаднымъ успѣхомъ представленіе на сценѣ бульварнаго театра Сентъ-Мартенскихъ воротъ мелодрамы, подъ названіемъ «Наполеонъ». Хроникеръ «Journal des Débats» ²⁾ по этому случаю упоминаетъ, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ, именно въ 1805 году, на сценѣ этого же театра давалась пьеса одинаковаго содержанія, но подъ названіемъ «Человѣкъ судьбы». Главную роль Наполеона тогда игралъ актеръ Шевалье, замѣчательно походившій на императора; это сходство доходило до того, что Наполеонъ захотѣлъ видѣть своего двойника. Поэтому въ одинъ прекрасный вечеръ онъ и Дюрокъ, переодѣвшись простыми гражданами, отправились въ театръ и взяли тамъ ложу. По несчастію, въ ложѣ былъ забытъ малярами горшокъ съ краскою, которою Наполеонъ забрызгалъ себѣ чулки и башмаки; въ ярости онъ немедленно удалился изъ театра, но при выходѣ его узнали, и на другой день пьеса была запрещена, несмотря на мольбы директора театра.

Во второе полугодіе 1908 года наполеоніана распространилась преимущественно во Франціи. По словамъ извѣстнаго наполеоновскаго историка, Анри Уссэ въ его предисловіи къ новой книгѣ Альбера Шуермана «Общій путеводитель Наполеона I» ³⁾, онъ касается вопроса, сколько вышло французскихъ книгъ о Наполеонѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ, и въ итогѣ оказывается цифра 600. Кромѣ этой замѣчательной цифры, предисловіе Уссэ обращаетъ на себя вниманіе своимъ блестящимъ очеркомъ содержанія книги Шуермана. Еще прежде уже выходило нѣсколько книгъ о всѣхъ странствіяхъ по бѣлому свѣту Наполеона, но они грѣшатъ многочисленными недостатками и пропусками, а новый «Путеводитель» избѣгаетъ съ одной стороны излишнихъ подробностей, а съ другой—чрезмѣрной краткости. Онъ исполнѣ точно и вѣрно отмѣчаетъ всѣ поѣздки Наполеона во время его жизни и при этомъ съ необходимыми подробностями разсказываетъ, куда Наполеонъ ѣздилъ, зачѣмъ и съ какимъ результатомъ. Потому эта оригинальная и любопытная книга не только окажетъ большую услугу историкамъ, но и будетъ прочтена читателями, интересующимися эпохой Наполеона.

Если въ теченіе двадцати лѣтъ дѣйствительно вышло 600 книгъ о Наполеонѣ, то статей о немъ во французскихъ журналахъ и газетахъ появилось не менѣе тысячъ и тысячъ. Въ недавнее время напечатанъ въ литературномъ прибавленіи «Figaro» ⁴⁾ оригинальный этюдъ, основанный на недавно

¹⁾ The God of Clay. By Bailey. 1908.

²⁾ Un sosie de Napoléon. «Revue Hebdo-Débats». 11 Septembre 1908.

³⁾ L'itinéraire général de Napoléon I. A. Schuerman. Paris. 1908.

⁴⁾ L'enfance de Napoleon. Par Lorenze de Bradi. Supplement litteraire de «Figaro». Samedi 29 août 1908.

найденных на Корсикѣ, въ Кампоморо, авторомъ этого очерка, Лоренцо Бради, запискахъ на итальянскомъ языкѣ мужа тетки Наполеона, Миккель Дураццо. Этотъ родственникъ Наполеона, очень любившій его въ малолѣтствѣ, рассказываетъ немало интересныхъ подробностей о мистической, любившей различные похождения, мрачной и желѣзной натурѣ маленькаго Набуліо, какъ онъ называлъ Наполеона въ его дѣтствѣ. Несмотря на строгость отца, мальчикъ былъ очень порывистымъ и неисправимымъ шалуномъ; онъ до страсти любилъ одиночество и скитался всегда одинъ по рощамъ и пещерамъ, причемъ чрезвычайно ловко ловилъ ящерицъ. Онъ не терпѣлъ ученія, а питалъ страсть къ книгамъ, описывавшимъ различные приключенія. Патеръ, который давалъ ему уроки богословія, замѣчалъ, качая головой: «Этотъ мальчикъ будетъ страстнымъ». Наполеонъ въ дѣтствѣ былъ очень вспыльчивъ и боялся моря, вслѣдствіе постоянной морской болѣзни, которой онъ подвергался на морѣ. Онъ очень рано имѣлъ патриотическія воззрѣнія и говорилъ Дураццо: «Когда я вырасту, то примирю всѣ партіи и, ставъ главою Корсики, сдѣлаю ее независимымъ королевствомъ».

Въ запискахъ Дураццо, быть можетъ, всего интереснѣе не его воспоминанія о дѣтствѣ Наполеона, а описаніе, какъ Дураццо старикомъ посѣтилъ Наполеона въ 1814 году во время его заточенія на островѣ Эльбѣ. Онъ провелъ такъ нѣсколько дней и удивлялся, какимъ великимъ человѣкомъ сталъ Наполеонъ изъ такого маленькаго Набуліо. «Я здѣсь задыхаюсь отъ стыда и злобы,—говорилъ Наполеонъ старику,—и не могу болѣе оставаться въ этой клѣткѣ. Видѣлъ ты вчера англійскаго шпиона? Теперь со мной обращаются, какъ съ несчастнымъ, а жаль, что ты не видалъ, какое прежде меня окружало императорское величіе. Меня беспокоитъ одно, что если я долго здѣсь останусь, то меня непременно убьютъ. Послушай, я когда-нибудь ночью убѣгу отсюда и, можетъ быть, очень скоро. Я вернусь въ свою имперію, гдѣ меня встрѣтятъ съ восторгомъ. Бурбоны меня называютъ выскочкой, а сами они происходятъ отъ старинныхъ земледѣльцевъ и королей-тунеядцевъ, а я скоро покажу, изъ чего я созданъ». Дураццо оканчиваетъ свои записки слѣдующими словами Наполеона, сказанными ему наканунѣ его отъѣзда съ острова Эльбы: «Я чувствую себя въ этой труппѣ ужасно смѣшнымъ въ глазахъ всей Европы. Надо ее хорошенько встряхнуть и научить, какъ слѣдуетъ жить на свѣтѣ. Я, конечно, вскорѣ задамъ ей встряску, если никто мнѣ не измѣнитъ. Что касается Франціи, то она вся стоитъ за меня, и противъ меня только скверные риторы, которые меня ненавидятъ». Что касается самого Дураццо, то неизвѣстно, когда онъ умеръ: ранѣе или позже Наполеона.

Къ этой же эпохи дѣтства и юности Наполеона относится біографическій очеркъ Артура Шюке: «Крестный отецъ Наполеона». Это былъ итальянецъ Лоренцо Джіубега, родомъ изъ Генуи, гдѣ потомъ учился юридическимъ наукамъ и занимался адвокатурой. Перебравшись на Корсику, онъ принималъ участіе въ борьбѣ туземцевъ съ французами въ 1768—69 годахъ, но потомъ онъ призналъ французское правительство и служилъ королевскимъ француз-

¹⁾ Le parrain de Napoleon. Par A. Chuquet. «La Nouvelle Revue» 1 août 1908.

скимъ прокуроромъ въ Аяччіо. Здѣсь онъ сблизился съ отцомъ Наполеона и былъ выбранъ въ крестные отцы будущаго императора. Самъ Наполеонъ во всю свою жизнь, кажется, никогда не упоминалъ о Джіубега, но братъ императора, Іосифъ, въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что всѣ корсиканцы очень любили и уважали Джіубега за его участіе въ войнѣ за независимость, юридическія знанія и краснорѣчіе. Къ Бонапартамъ Джіубега всегда относился очень добродушно и любезно: отца онъ рекомендовалъ на французскую юридическую службу, а сыновей, Іосифа и Наполеона, устроилъ на казенный счетъ въ Отенское училище и въ военную Бриенскую школу. Въ 1789 году, уже въ офицерскомъ мундирѣ, Наполеонъ пылалъ пламенной стрелью къ своей націи, и написанныя имъ въ то время «Письма о Корсикѣ» посвятилъ своему крестному отцу, которому въ то же время послалъ восторженное патріотическое письмо. Если бы Джіубега прочиталъ это письмо и книгу, то онъ, конечно, только пожалъ плечами и назвалъ своего крестника: «un giovinetto, un ragazzone inesperto!»

Во время революціи Джіубега всячески старался добиться у французскаго правительства званія управляющаго Корсикой, но это ему не удалось, и онъ нѣсколько разъ былъ только депутатомъ въ генеральныхъ штатахъ своей родины. Онъ ѣздилъ также въ Парижъ съ цѣлью поддержать ловкую интригу перехода во французское подданство; при этомъ молодой Наполеонъ говорилъ: «Теперь французская нація простерла къ намъ свои объятія и съ тѣхъ поръ у насъ одни съ ней интересы, одни заботы, нѣтъ болѣе моря, раздѣляющаго насъ». Однако Джіубега не удалась интрига въ Парижѣ, но онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ высшаго комитета Корсики и игралъ важнѣйшую роль на своей родинѣ. Въ концѣ концовъ онъ сдѣлался противникомъ Шаоли, хотя вначалѣ дружилъ съ нимъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Джіубега снова ѣздилъ въ Парижъ, но, присутствуя при казни Людовика XVI, онъ былъ такъ потрясенъ, что лишился умственныхъ способностей и уже называлъ Наполеона «маленькимъ Наполино». Онъ умеръ въ 1793 г. и передъ смертью оказалъ послѣднюю услугу Бонапартамъ, прикрывъ ихъ у себя въ Кальви, когда патріоты изгнали ихъ изъ Аяччіо.

Къ самой бурной и жгучей эпохѣ наполеоновской эпопеи относятся только двѣ книги: «Генераль Бонапартъ и пресса его эпохи» Армана Буржуа и четвертый томъ «Парижъ при Наполеонѣ» Ланзака Лабори. Первая, хотя небольшая книга, не имѣющая ничего новаго, очень своеобразна и полна интереса. Въ ней представленъ сводъ всего, что писалось въ газетахъ отъ 1793—1800 гг. о египетской экспедиціи 18 брюмера, второмъ итальянскомъ походѣ, конкордатѣ и нарушеніи Аміенскаго трактата. Подъ вторымъ заглавіемъ: «Бонапартовскій календарь», авторъ знакомитъ читателя съ главнѣйшими фактами карьеры Бонапарта въ тѣ времена. По случаю этого литературнаго явленія «Егіаго» въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ номеровъ отъ 22 октября замѣчаетъ, что самъ Наполеонъ, даже сдѣлавшись императоромъ, не пренебрегалъ газетами и охотно писалъ политическія статьи, не подписывая ихъ, въ «Journal de l'Empire», находившемся подъ редакціей Марэ, будущаго герцога Бассано. По причинѣ этой анонимности очень трудно теперь разыскать журнальныя произведенія Наполеона.

Продолженіе почтеннаго труда Ланзака Лабори о наполеоновскомъ Парижѣ, недавно удостоенное первой преміи французской академіи, представляетъ картину религіозной жизни Парижа отъ начала консульства до утверженія конкордата съ папой. Теперь авторъ почти всецѣло исчерпалъ свою тему, и его книга заключаетъ въ себѣ самое подробное изслѣдованіе парижскаго духовенства того времени.

Эдуардъ Дрю помѣстилъ въ трехъ нумерахъ «Nouvelle Revue» обширную и основательную статью ¹⁾: «Бонапартъ и Бурбоны Испаніи и Италіи». Этотъ историческій очеркъ, касающійся обстоятельствъ, предшествовавшихъ событіямъ 1808 г., составленъ очень кстати, такъ какъ въ первые мѣсяцы нынѣшняго года много писали и говорили о столѣтнемъ юбилеѣ франко-испанской войны. Авторъ подробно объясняетъ, въ какихъ отношеніяхъ съ Испаніей и Италіей находился Бонапартъ во время консульства. При этомъ онъ указываетъ на то, что Бонапартъ старался по традиціямъ монархической французской политики соединить эти три государства въ латинскій союзъ, а только, достигнувъ императорскаго титула, онъ вдругъ измѣнилъ свои стремленія, и бурбонскіе троны Италіи и Испаніи подчинилъ своему собственному. Неаполитанскіе Бурбоны погибли первые, а испанскіе Бурбоны были обязаны двухлѣтной отерочкой своей несчастной судьбы только своему повиненію. Какъ бы то ни было, по словамъ Эдуарда Дрю, созданіе наполеоновской имперіи послужило къ единенію народовъ Средиземнаго побережья подъ высшимъ владычествомъ Рима, долженствовавшего сдѣлаться столицей всесвѣтной имперіи.

Историческимъ эпизодамъ императорской эпохи—капитуляціи Ульма и Эрфуртскому свиданію—посвящены три статьи журнальной наполеонианы. Эдуардъ Гашо, присяжный историкъ временъ революціи и консульства, въ очеркѣ подъ заглавіемъ: «Непризванный дѣятель» ²⁾, вздумалъ обфлѣить на страницахъ «Correspondant» австрійскаго генерала Мака, который сдалъ Ульмскую крѣпость. Съ этой цѣлью онъ собралъ въ семейныхъ бумагахъ послѣдняго много новыхъ документовъ, въ томъ числѣ и любопытные мемуары самого Мака. Трудно сказать, удалось ли ему означенное обфлѣненіе, но во всякомъ случаѣ онъ привелъ любопытныя подробности знаменитой капитуляціи. Замѣчателенъ также разговоръ Мака съ Наполеономъ послѣ сдачи Ульма, впервые напечатанный Эдуардомъ Гашо. По увѣренію Мака, Наполеонъ заговорилъ съ нимъ о мирѣ и предложилъ ему передать императору Францу, что онъ готовъ съ нимъ помириться отдѣльно, не упоминая о его союзникѣ, русскомъ императорѣ. Макъ отвѣчалъ, что это невозможно и что необходимо трактовать о мирѣ съ обоими союзниками. — «Ну, такъ я буду вести переговоры съ обоими, — отвѣчалъ Наполеонъ:— и мнѣ очень интересно знать, какія они предложать условія, я же готовъ принести значительныя и даже большія жертвы». Макъ замѣтилъ, что удобнѣе всего было бы заключить тотчасъ перемиріе,

¹⁾ Bonaparte et les Bourbons d'Espagne. Par E. Driault. La «Nouvelle Revue». 15 septembre 1908.

²⁾ «Un homme de guerre méconnu». Par. S. Gachot. «Correspondant».

тѣмъ болѣе, что русскія войска еще не начинали военныхъ дѣйствій. Но Наполеонъ возразилъ: «Нѣтъ, я не могу пренебречь моими выгодами. Еще разъ поручаю вамъ сказать вашему государю, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ графа Кобенцеля или кого-нибудь другого съ русскимъ уполномоченнымъ для прямыхъ переговоровъ».

Но Маку не суждено было вести эти переговоры, такъ какъ у городскихъ воротъ Вѣны его встрѣтилъ кавалерійскій отрядъ и, какъ измѣнника, отвезъ въ Шпильбергскую крѣпость. Послѣ этого онъ никогда не выходилъ изъ ослы австрійскаго императора, и только теперь Эдуардъ Гашо старается оправдать его отъ обвиненій нѣмецкихъ и австрійскихъ военныхъ писателей.

Тотъ же авторъ въ другой статьѣ переходитъ отъ 1805 г. къ 1808 г., именно къ свиданію въ Эрфуртѣ Наполеона съ императоромъ Александромъ I, и въ очеркѣ, напечатанномъ въ литературномъ прибавленіи «Figaro» ¹⁾ отъ 26-го сентября, приводитъ новыя и неизвѣстныя подробности этого свиданія, извлеченныя изъ найденнаго имъ дневника Шульмейстера, нѣмецкаго шпіона Наполеона. Еще ранѣе Эдуарда Гашо на Шульмейстера обратилъ вниманіе французскій романистъ Шарль Лоранъ, который написалъ о немъ два историческихъ романа; одинъ изъ нихъ подъ названіемъ «Шпіонъ Наполеона» переведенъ въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику» за 1901 г. Что касается этюда Гашо, то въ немъ напечатаны исключительно отрывки изъ дневника Шульмейстера, который во время Эрфуртскаго свиданія былъ назначенъ начальникомъ шпіоновъ, охранявшихъ личность Наполеона въ числѣ двадцати четырехъ человекъ. Благодаря его бдительности и энергичной дѣятельности въ этомъ отношеніи, французскій императоръ былъ обязанъ тѣмъ, что не удалось всѣ задуманные противъ него заговоры, въ особенности тайнымъ обществомъ «Добродѣтель». Это общество привело свои намѣренія въ исполненіе только въ Шенбруннѣ, однако безъ всякаго успѣха.

Что касается значенія Эрфуртскаго свиданія, состоявшагося между Наполеономъ и Александромъ I, то сынъ знаменитой Жюльетты Аданъ, Поль Аданъ, написалъ въ «Revue Hebdomadaire» 31-го октября блестящую характеристику этого историческаго событія, подъ заглавіемъ «Столѣтіе Эрфурта» ²⁾. По словамъ автора, Эрфуртское свиданіе было поворотнымъ пунктомъ въ жизни Наполеона: до тѣхъ поръ ему во всемъ везло счастье, а послѣ этого событія одно бѣдствіе за другимъ довело его до гибели. 27-го сентября 1808 г. Наполеонъ въѣхалъ въ Эрфуртъ побѣдителемъ и высшимъ руководителемъ всего свѣта, а 14-го октября того же года оба императора разстались совершенно разочарованные и полныя недовѣрія другъ къ другу. Талейранъ и Фушэ откровенно говорили иностраннымъ дипломатамъ: «Эго сумасшедшій, всюду поджигающій пожаръ; онъ возбуждаетъ всю Европу, а кончитъ тѣмъ, что возмутитъ всю Францію: необходимо съ нимъ покончить!» Эти слова какъ

¹⁾ Napoleon à Erfurt. Par. S. Gachot. «Le Figaro» (Supplement litteraire). 26 Septembre 1908.

²⁾ Le Centenaire d'Erfurth. Par Paul Adam. «La Revue Hebdomadaire». Octobre 1908.

нельзя болѣе точно исполнились, и Наполеонъ быстро, въ нѣсколько лѣтъ, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою славную до Эрфурта эпопею.

О послѣдней эпохѣ Наполеоновской эпопеи, именно о Ватерлоо и паденіи императора, вышла въ Брюсселѣ замѣчательная книга, озаглавленная «Ватерлоо»¹⁾, написанная двумя офицерами бельгійской и нидерландской армій, полковникомъ Сэркласомъ и Ба, а также любопытная статья подъ заглавіемъ «La Roche Tarpéienne» Жильбера Станжэ въ «Nouvelle Revue». Въ книгѣ о Ватерлоо, основанной на совершенно новыхъ матеріалахъ, доказывается, что около ста лѣтъ совершенно ошибочно приводились причины пораженія Наполеона, и теперь вполнѣ выяснилось, что, только благодаря неповиновенію приказаніямъ Веллингтона голландско-бельгійскаго отряда, онъ не былъ разбитъ на голову, а, напротивъ, побѣдилъ самого Наполеона, потому что этотъ отрядъ самовольно помѣшалъ Нею овладѣть Брюсселемъ. Этотъ невѣдомый подвигъ былъ совершенъ не принцемъ Оранскимъ, главнокомандующимъ отряда, а двумя нидерландо-бельгійскими офицерами, Ребекомъ и Перфондье, которые на собственную отвѣтственность и прямо противъ приказаній Веллингтона защищали позицію Катръ-Бра противъ геройскаго натиска французовъ. Означенный новый историческій фактъ тѣмъ важнѣе, что англичане всегда придавали бельгійцамъ роль далеко не лестную въ битвѣ при Ватерлоо. Теперь же въ виду открытія двухъ нидерландо-бельгійскихъ офицеровъ Эдмонъ Пикаръ предлагаетъ Бельгій воздвигнуть въ Ватерлоо новый памятникъ съ надписью: «Этотъ памятникъ поставленъ барону Жану Ребеку и Генриху Перфондье, которые со своими нидерландо-бельгійскими солдатами рѣшили въ Катръ-Бра судьбу войны, послушавшись приказаній Веллингтона». Означенныя слова доказываютъ, какое важное значеніе имѣетъ новое толкованіе битвы при Ватерлоо, которая въ продолженіе почти ста лѣтъ объяснялась неправильно и легендарно.

Послѣ Ватерлоо судьба Наполеона рѣшилась въ четыре дня, и эти роковые дни мастерски охарактеризованы Жильберомъ Станжэ въ его очеркѣ, совершенно мѣтко и точно озаглавленномъ «Тарпейская скала»²⁾. Положеніе Наполеона было самое отчаянное; по его собственнымъ словамъ, «у него не было болѣе ни армій, ни ружей». Еще недавно всѣ слѣпо повиновались ему, а теперь никто не хотѣлъ его знать, и каждый отвертывался отъ него, думая лишь о своихъ личныхъ интересахъ. Только бывшая королева голландская, Гортензія, встрѣтила его въ Парижѣ со слезами и искренно бросилась къ нему на шею. Его братья Люсьенъ и Юсифъ заботились только о своей собственной выгодѣ и стремились побудить его ко вторичному отреченію отъ престола въ надеждѣ, что одинъ изъ нихъ будетъ назначенъ регентомъ при малолѣтнемъ его наслѣдникѣ. Наполеоновскіе маршалы и государственные люди своекорыстно интриговали противъ своего недавняго повелителя. Обѣ палаты, верхняя и нижняя, точно также были поглощены всевозможными интригами, въ

¹⁾ «Vaterloo». Par t'Serclaes et Bas. Bruxelles. 1908.

²⁾ «La Roche Tarpéienne». Par Gilbert Stenger. «La Nouvelle Revue» 1 Mars — 1 Mai. 1908.

центрѣ которыхъ находились Фушэ и Лафайетъ. Эта быстрая борьба политическихъ партій и руководящихъ ими государственныхъ людей продолжалась недолго. Немногіе друзья, оставшіеся вѣрными Наполеону, совѣтовали ему совершить вѣчто въ родѣ второго 18 Брюммера, но онъ отвѣчалъ Коленкуру съ большимъ чувствомъ: «Я завоеватель, я еще могу постараться выиграть проигранное дѣло при Ватерлоо, но я не хочу себя умалить, сдѣлавшись тираномъ». Такимъ образомъ его судьба была рѣшена, и великій могущественный императоръ превратился въ узника св. Елены.

«Вокругъ св. Елены»—такъ назвалъ свой послѣдній трудъ извѣстный историкъ Наполеона Фредерикъ Массонъ. Болѣе чѣмъ во всѣхъ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ онъ выказалъ тутъ не столько безпристрастіе историка, сколько ярый культъ къ своему герою, и въ этомъ произведеніи онъ съ необыкновенной энергіей защищаетъ Наполеона противъ нападенія его враговъ. Основательно и подробно высказалъ Массонъ всѣ имѣющіяся доказательства въ пользу бѣднаго узника и блестяще доказалъ, какъ жестоко обращались съ нимъ его тюремщики. «Нельзя безъ сожалѣнія вспомнить, — говоритъ онъ, — какъ заточенъ былъ великій императоръ въ нищенскую хижину, одѣтый въ старую, поношенную, дырявую одежду и грубые башмаки англійскихъ поселянъ». Естественно, что, описывая, какъ безжалостно обращались съ побѣдителемъ всего свѣта его злобные враги, Массонъ не чувствуетъ къ нимъ ни малѣйшаго снисхожденія, а, напротивъ, преслѣдуетъ ихъ самой строгой критикой.

Поль Фрэмю, недавно издавшій обстоятельный трудъ: «Плѣнный Наполеонъ», теперь докончилъ свое изслѣдованіе жизни Наполеона на св. Еленѣ сочиненіемъ, озаглавленнымъ: «Послѣдніе дни императора». Воспользовавшись всѣми имѣющимися давными въ этомъ отношеніи, авторъ почерпнулъ свѣдѣнія особенно изъ любопытной брошюры англійскаго военнаго доктора Генри, который очень обстоятельно описалъ св. Елену въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и подробно передалъ все, что ему было извѣстно о послѣднихъ минутахъ страдальческой жизни Наполеона. Въ какомъ ужасномъ положеніи онъ находился въ послѣдніе дни, можно видѣть изъ словъ капитана Никольса, прикомандированнаго къ пресловутому Гудсону Ло. «Я видѣлъ сегодня генерала Бонапарта, — пишетъ онъ: — это настоящій призракъ, а цвѣтъ его лица напоминаетъ мертвый скелетъ».

Еще интересныя данныя о Наполеонѣ, хотя совершенно въ другомъ родѣ, мы находимъ въ книгѣ доктора Макса Бильяра: «Мужья Маріи-Луизы». Онъ посвящаетъ цѣлую главу смерти Наполеона и проводитъ параллель между несчастной смертью императора и впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Марію-Луизу его кончиной. Незадолго до своей смерти Наполеонъ говорилъ генералу Бертрану въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ о Маріи-Луизѣ, но, умирая, онъ пролеталъ: «Мой сынъ... моя армія... Жозефина!» Въ это самое время Марія-Луиза, тогда именовавшаяся герцогиней Пармской, узнала изъ пьемонтской газеты о томъ, что умеръ ея мужъ: она не выразила особаго сожалѣнія или сочувствія къ понесенной ею потерѣ, тѣмъ болѣе, что она была беременна вторымъ ребенкомъ отъ генерала Нейцера. Этотъ Нейцерь очень

хитро написалъ въ официальной пармской газетѣ, что при дворѣ налагается трехмѣсячный трауръ по случаю смерти «мужа нашей августѣйшей государыни». Единственнымъ послѣдствіемъ наполеоновской смерти относительно Маріи-Луизы были заказанныя ею тысяча панихидъ въ Пармѣ. Однако прежде, чѣмъ эти панихиды были окончены, Марія-Луиза родила сына, котораго австрійскій императоръ назвалъ графомъ Монтенуово, замѣнивъ ради каламбура въ словѣ «Нейпергъ» букву «п» буквою «б», отчего получилось «Нейбергъ», т. е. «новая гора», что по-итальянски будетъ «Монтенуово».

Въ ноябрьской книжкѣ «Nouvelle Revue» Луи Жакобъ прибавляетъ нѣсколько свѣдѣній о впечатлѣніи, произведенномъ на Европу смертью Наполеона. Прежде всѣхъ во Франціи получилъ объ этомъ вѣсть Людовикъ XVIII, въ присутствіи генерала Раппа, перешедшаго отъ Наполеона къ Бурбонамъ. Однако онъ былъ такъ пораженъ этой депешей, что вышелъ изъ комнаты, заливаясь слезами. Король позвалъ его обратно и сказалъ: «Я знаю, что вы очень опечалены полученнымъ мною извѣстіемъ, но это дѣлаетъ честь вашему сердцу, и я тѣмъ болѣе люблю и уважаю васъ». — «Ваше величество, — отвѣчалъ Раппъ: — я всѣмъ обязанъ Наполеону, особенно тою добротой и тѣмъ уваженіемъ, которое вы ко мнѣ питаете». Вообще во Франціи извѣстіе о смерти Наполеона было встрѣчено довольно хладнокровно, но народъ не довѣрялъ тому, что умеръ его герой, и ожидалъ, что онъ когда-нибудь воскреснетъ.

Въ Англіи первое извѣстіе объ этомъ плачевномъ событіи было получено во время засѣданія индійской компаніи, и когда предсѣдатель объ этомъ заявилъ и одинъ изъ членовъ собранія, Лондесъ, сказалъ: «Я васъ поздравляю съ этой вѣстью», то въ залѣ поднялись крики неодобренія. Что касается короля Георга IV, то когда первый министръ, лордъ Кастльрѣ, объявилъ ему, что умеръ его величайшій врагъ, онъ воскликнулъ: «Неужели умерла моя жена?» — и очень разочаровался, когда узналъ о смерти Наполеона, а не своей жены. О томъ, какъ встрѣтили это извѣстіе въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, мы упоминали выше. Странно сказать, но въ Испаніи всего больше сожалѣли о смерти своего злѣйшаго врага. Очень холодно приняли извѣстіе объ этомъ въ Пруссіи, а въ Россіи, по словамъ Луи Жакоба, слишкомъ заняты были событиями на Востокѣ и возмущеніемъ грековъ, чтобы обратить вниманіе на кончину узника св. Елены, — такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ въ своей депешѣ французскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Ферронэ.

— Николай I и Луи-Филиппъ. — Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы уже говорили о введеніи къ новому труду, XV тому «Собраній трактатовъ и конвенцій» нашего соотечественника, профессора Мартенса. Теперь въ первой ноябрьской книжкѣ «Revue des deux Mondes» онъ напечаталъ статью на основаніи депешъ Поццо ди Борго, хранящихся въ петербургскомъ архивѣ¹⁾. Вотъ какъ онъ рисуетъ затруднительное положеніе этого дипломата, по душѣ француза, а по обстоятельствамъ русскаго, и потому принужденнаго дѣлать свои симпатіи между обѣими странами въ первыя времена іюльской монархіи. Его старанія сохранить доброе согласіе между Франціей и Россіей, питавшими другъ къ другу симпатіи, сталкивались съ непріязнью Николая I, ненавидѣвшаго революцію 1830 г. и не любившаго герцога Орлеанскаго, сдѣ-

лавшагося королемъ, который отвѣчалъ ему тѣмъ же. На совѣтъ Поццо признать новаго короля, Николай отвѣчалъ недобвѣрiемъ къ «этому корсиканцу», какъ онъ называлъ Поццо, иностранцу, не понимающему русскихъ интересовъ.

Ночью 31 июля Луи-Филиппъ призвалъ къ себѣ Поццо и выразилъ надежду, что русскій императоръ поможетъ ему исполнить обязанности, которыхъ, по его словамъ, онъ вовсе не добивался, такъ какъ дѣйствительнымъ виновникомъ паденія Бурбоновъ былъ самъ Карлъ X, который продолжалъ бы царствовать, если бы выказалъ болѣе умѣренности и ума. Русскій дипломатъ, давая отчетъ императору объ этомъ свиданіи, поставилъ на видъ опасность, какаѣ можетъ возникнуть вслѣдствіе войны, исходъ которой не извѣстенъ, и необходимость для Европы возстановить порядокъ во Франціи. Нѣсколько дней спустя, онъ сообщилъ императору о поведеніи Англіи, которая тайно совѣтовала Карлу X держаться французскихъ береговъ въ Джерсеѣ, а посланникъ, лордъ Стюартъ, самъ сказалъ Поццо: «Было бы желательно немного гражданской войны во Франціи». Это второе посланіе дипломата произвело большое впечатлѣніе на рыцарскую душу Николая, такъ какъ на поляхъ депеши онъ помѣтилъ: «Вмѣшательство невозможно, потому что король отрекся, а клятвы не нарушаютъ».

Между тѣмъ Поццо продолжалъ смотрѣть на Луи-Филиппа, какъ на частнаго человѣка, и былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, когда король объявилъ ему о своемъ намѣреніи отправить въ Петербургъ посланника. Его тревожили вопросы: будетъ ли принять посланникъ и долженъ ли самъ онъ оставаться въ Парижѣ? Поццо однако остался тамъ на звой страхъ, продолжая писать Николаю I письмо за письмомъ и стараясь указать на то, что, отказываясь признать новую монархію, иностранные государи играютъ въ руку республикѣ. «Впрочемъ, — прибавлялъ онъ, — признаніе Луи-Филиппа не оскорбляетъ принциповъ законности: ихъ оскорбляетъ узурпація... Когда фактъ совершился, то это дѣйствительность, которую нельзя не признать, каково бы ни было мнѣніе объ его происхожденіи и причинахъ, произведшихъ его».

Однако этотъ доводъ не убѣдилъ Николая I, который отвѣтилъ на него распоряженіемъ, чтобы Поццо предложилъ всѣмъ русскимъ подданнымъ, въ виду прискорбныхъ событій, оставить французскую территорію, и запретилъ ему вручать французамъ паспорта для вѣзда въ Россію. Однако самъ посланникъ не былъ отозванъ. «Его величество, — сказали ему, — предоставляетъ это на ваше просвѣщенное усмотрѣніе. Вы будете сообразовываться съ обстоятельствами: если другой посланникъ уѣдетъ, то и вы уѣдете. Въ ожиданіи, не забудьте, что, акредитованный въ Карлсруэ, вы не можете имѣть никакихъ официальныхъ сношеній съ лицами, замѣстившими законное правительство. По этой же причинѣ вы покинете носольскій домъ, принадлежащій Франціи, такъ какъ вы не можете оставаться гостемъ незаконнаго правительства.

¹⁾ Nicolas I et Louis-Philippe. Par Prof. Martens. «Revue des deux Mondes». 1 Novembre 1908.

²⁾ La mort de Napoleon I. Par L. Jacob. «La Nouvelle Revue». 1 Novembre 1908.

Получивъ эти инструкции, Поццо взялъ на свой страхъ не принять ихъ во вниманіе и, въ оправданіе своей смѣлости, написалъ канцлеру Нессельроде, что Россія, избравъ базой своей иностранной политики соглашеніе между великими державами, не могла отдѣлиться отъ Англии, Австріи и Пруссіи, которыя уже дали или готовы вручить своимъ посланникамъ вѣрительныя грамоты. Онъ указалъ ему также на опасность отдалить либеральную Францію, которая уже поддерживала революцію въ Бельгii. Нессельроде сдался на эти доводы и хотя съ большимъ трудомъ, но убѣдилъ Николая на эту политику. Послѣдній написалъ сначала на рапортѣ Нессельроде: «Не знаю, что предпочтительнѣе: республика или подобная такъ называемая монархія». Затѣмъ онъ прибавилъ: «Сдаюсь на ваши доводы, но беру въ свидѣтели Небо, что это есть и будетъ всегда противъ моей совѣсти, и это самое тяжелое усиліе, какое я когда-либо дѣлалъ». Но наконецъ онъ уступилъ.

Въ началѣ сентября въ Петербургъ пріѣхалъ генералъ Аталэнъ, чтобы объявить Николаю I о воцареніи Луи-Филиппа и вручить ему письмо короля. Оно все было написано собственноручно Луи-Филиппомъ и подписано согласно принятой формулѣ: «Monsieur mon Frère, de Majesté Imperiale le bon frère, Louis Philippe». Когда императору представили проектъ отвѣта, онъ вычеркнулъ въ немъ фразу: «Monsieur mon Frère», и замѣнилъ ее словомъ: «Sire». Николай, замѣчаетъ Мартенсъ, признавалъ Луи-Филиппа королемъ, но не прощалъ его поступка. Въ дѣйствительности пропасть между Николаемъ и Луи-Филиппомъ становилась все глубже и глубже, чему много способствовало общественное мнѣніе во Франціи, благопріятное для поляковъ.

— Герценъ о Петрашевскомъ. — Въ «Revue Bleue» находятся интересные для русскихъ читателей характеристики Петрашевскаго и Бакунина, извлеченныя изъ писемъ Герцена къ Мишле. Очеркъ о Бакунинѣ уже былъ напечатанъ въ июльскомъ номерѣ «Былого» за 1907 г.; статья же ¹⁾ о Петрашевскомъ представляетъ новинку. Вотъ какъ его рисуетъ Герценъ:

«Если Барбье, говоря о святой канальѣ, подразумѣвалъ грандіозную простоту, чистоту побудительныхъ причинъ дѣйствій, отважность при всѣхъ обстоятельствахъ, освобожденіе отъ всякой хитрости, отсутствіе всякой задней мысли о личномъ тщеславіи, — качества, къ сожалѣнію, встрѣчающіяся въ наше время только у людей изъ народа и лишь какъ рѣдкое исключеніе въ другихъ классахъ общества, — Петрашевскій можетъ безъ малѣйшаго преувеличенія считаться святымъ. Gamín, готовый умереть на баррикадахъ, не заботясь о томъ, вспомнить ли кто-нибудь о немъ послѣ его смерти, и, сдѣлавшись побѣдителемъ, забывающій требовать для себя мѣста или ордена, — таковъ былъ типъ Петрашевскаго». Онъ былъ gamín не по системѣ, не умысленно; онъ вмѣ былъ по своей натурѣ. Даже по внѣшности Петрашевскій, по словамъ Герцена, походилъ на gamín: онъ былъ ниже средняго роста, квадратный, съ нервными руками, круглой головой, нѣсколько склоненной на бокъ, носъ у него былъ маленькій, но правильный; его темно-сѣрые глаза безпрестанно свер-

¹⁾ Deux révolutionnaires russes Pétrachevsky et Bakounine. Notices biographiques par Alexandre Herzen. 26 Septembre et 3 Octobre 1908 г.

кали, а походка и всё его движенія были порывисты. Мечтанія и *dolce far niente* для него были невыносимы. Несмотря на его желаніе быть тщательно одѣтымъ, никогда на немъ не видѣли галстука, одѣтаго иначе, какъ криво; но особенно халатъ забавлялъ посѣщавшихъ его молодыхъ насмѣшниковъ. Со времени выхода его изъ гимназіи до ареста ему не удалось имѣть ни одного халата въ надлежащемъ порядкѣ: одинъ изъ его рукавовъ былъ постоянно оторванъ у плеча, такъ что, одѣваясь, ему необходимо было сперва надѣть халатъ, а потомъ отдѣльно рукавъ. Въ этой, хорошо знакомой всѣмъ друзьямъ Петрашевскаго одеждѣ, его засталъ врасплохъ генераль Дубельтъ 23 апрѣля 1849 г., когда явился его арестовать.—«Одѣньтесь, — сказалъ генераль послѣ того, какъ назвалъ ему свое имя, — и отправитесь со мной въ Третье Отдѣленіе канцеляріи его величества». — «Я готовъ», отвѣтилъ Петрашевскій. «Но, — возразилъ удивленный генераль, видя, что онъ и не думаетъ одѣваться: — развѣ вы хотите итти въ этомъ костюмѣ». — «Теперь ночь, — сказалъ Петрашевскій: — а въ этотъ часъ я не привыкъ иначе одѣваться». — «Такъ какъ вы не знаете, съ кѣмъ вамъ придется говорить, — возразилъ Дубельтъ: — то я вамъ совѣтую одѣть болѣе приличную одежду». — «Пусть будетъ по-вашему». — И онъ принялся одѣваться, пока генераль разсматривалъ разбросанныя по столамъ и въ шкапахъ книги. — «Генераль, — закричалъ ему Петрашевскій, — не разсматривайте этихъ книгъ». — «А почему же?» — «Потому что у меня только запрещенныя сочиненія, отъ одного вида которыхъ вы можете почувствовать себя дурно». — «Зачѣмъ вы держите подобныя книги?» — «Дѣло вкуса», сказалъ Петрашевскій, добродушно тряхнувъ головой.

По словамъ Герцена, онъ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, былъ воздержанъ, никогда не пилъ вина и курилъ, только пока находился въ гимназіи, и то потому, что это было запрещено. Его познанія были самая разнообразныя; онъ возражалъ всегда съ жаромъ и обладалъ потребностью къ практической дѣятельности, которая не оставляла ему ни свободнаго времени, ни спокойствія, необходимыхъ для составленія себѣ соціальной системы; онъ даже окончательно не остановился ни на одной изъ доктринъ, выработанныхъ соціалистами, хотя признавалъ себя фурьеристомъ. Вся его забота сосредоточивалась только на отыскиваніи средствъ для низверженія существующаго правительства въ Россіи, но такъ какъ онъ предпологалъ, что главная причина закрѣпощенія русскаго народа въ религіозныхъ представленіяхъ, то онъ направилъ свои нападкі противъ религіи. Что касается его идей о національности, то въ появившемся тогда энциклопедическомъ словарѣ онъ выражалъ мысль, что всякая нація, разсматриваемая съ гуманитарной точки зрѣнія, относится къ совокупности человѣчества, какъ порода къ роду. Народы возвышаются до степени гуманитарнаго совершенства лишь по мѣрѣ освобожденія отъ того, что дѣлаетъ ихъ исключительными; только тогда для націи наступаетъ моментъ принять участіе въ общихъ интересахъ человѣчества, когда развитіе ея жизненныхъ силъ совпадаетъ и согласуется съ ходомъ человѣческаго рода. Она можетъ принести свою лепту въ общую сокровищницу науки и дать новый толчокъ всемірному прогрессу. Но для этого надо, чтобы она предвари-

тельно приспособилась ко всёму предшествовавшимъ ей цивилизаціямъ, чтобы она приняла къ сердцу интересы націй, начавшихъ ранѣе ея свою историческую жизнь, и чтобы ея собственный опытъ показалъ ей страданія, какія переносятъ другія націи. Въ этомъ смыслѣ передъ Россіей великое будущее. Чѣмъ болѣе нація, напротивъ, отстала въ своемъ моральномъ и политическомъ развитіи, тѣмъ ея промышленность предоставляетъ менѣе средствъ для удовлетворенія ея нуждъ, тѣмъ менѣе она находится въ дружественномъ общеніи съ своими сосѣдями, тѣмъ болѣе сношенія съ заграницей, принятіе ея идей и социальныхъ формъ кажутся ей незаконнымъ дѣйствіемъ, съ тѣмъ большей ревностью она будетъ сохранять неприкосновенной свою національность, т. е. сторониться отъ остального человѣчества. Чѣмъ болѣе также ея національность будетъ носить отпечатокъ варварства и дикаго состоянія, тѣмъ болѣе она будетъ расположена разрушать благополучіе другихъ націй для своей славы, уничтожать плоды, которые стоили человѣчеству вѣковыхъ трудовъ, проводить плугомъ по памятникамъ искусства и науки, чтобы горделиво посадить на ихъ развалинахъ свою капусту и воздвигать шатры кочевниковъ.

Въ интимной жизни Петрашевскій былъ очень мягокъ и непоколебимо терпѣливъ. Всѣ возраженія со стороны людей прямодушныхъ, всякую критику, какъ бы она ни была горька, онъ выносилъ, никогда не сохраняя ни малѣйшаго злопамятства. Мысль о своемъ превосходствѣ надъ окружающими его лицами не только никогда не проскальзывала въ его рѣчахъ, но даже не приходила ему на умъ. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ своими мыслями, чтобы заниматься собственной личностью. Поступивъ тринадцатилѣтъ въ Царскосельскій лицей, Петрашевскій съ первыхъ же мѣсяцевъ своего тамъ пребыванія отличался способностями, усидчивостью, а также шалостями; въ этомъ отношеніи онъ оставилъ далеко позади себя большинство своихъ товарищей, зараженныхъ аристократической спесью и ребяческими понятіями о приличіяхъ, поэтому многіе изъ нихъ, и въ особенности нѣмцы, порвали съ нимъ товарищескую связь. «Петрашевскій,—говоритъ Герценъ,—ни въ чемъ не признавалъ середины, такъ присущей нѣмецкому характеру, и когда дѣло шло о какомъ-нибудь заговорѣ, который замыслили ученики, чтобы наказать за грубое обращеніе свое начальство, онъ тотчасъ же предлагалъ услуги даже товарищамъ-врагамъ и брался за выполненіе мести, требуя въ награду только сохраненія тайны. Но онъ обыкновенно преувеличивалъ желаніе своихъ довѣрителей, которые затѣмъ упрекали его за то, что онъ навлекалъ на нихъ всѣхъ недовольство начальства, заставлялъ ихъ стыдиться нарушенія приличій. По окончаніи курса наукъ въ 1839 г. онъ получилъ самый низшій чинъ по причинѣ нарушенія дисциплины. Когда Петрашевскій вмѣстѣ съ товарищами явился для полученія свидѣтельства на чинъ, онъ удивилъ всѣхъ присутствовавшихъ на этой церемоніи лицъ, произнесъ рѣчь, въ которой самымъ серьезнымъ образомъ благодарилъ начальство за ихъ попеченія объ ученикахъ и предлагалъ товарищамъ предать забвенію школьныя ссоры. Всѣ были поражены, услышавъ такую рѣчь изъ устъ Петрашевскаго. Начальство публично выразило ему свое сожалѣніе, что до сихъ поръ не оцѣнило всѣхъ чувствъ,

одушевлявшихъ его. Оно мало поняло, что рѣчь была фарсомъ, разыграннымъ Петрашевскимъ, чтобы смутить педагоговъ. Они были столь далеки отъ того, чтобы разобрать, какая иронія звучала въ благодарности, съ которой къ нимъ обращался Петрашевскій, что Булгаринъ даже напечаталъ эту рѣчь въ «Сѣверной Пчелѣ», а «Петербургская Газета» ее перепечатала. Затѣмъ Петрашевскій поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, пользуясь правомъ лицейста, посѣщалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ университетскія лекціи, считаясь на дѣйствительной службѣ. Черезъ два года онъ сдалъ университетскій экзамень, за что на два чина былъ повышенъ на службѣ. Въ министерствѣ онъ служилъ въ качествѣ переводчика для иностранцевъ, когда являлась необходимость вступать послѣднимъ въ споры съ полиціей. Это приводило его въ соприкосновеніе съ полицейскими чиновниками, по выраженію Герцена, «подлымъ классомъ, котораго Петербургъ не могъ хладнокровно видѣть», но зато, благодаря этому, ему удавалось много разъ выручать бѣдняковъ, попадавшихъ въ когти полиціи.

Его революціонная дѣятельность началась съ университета. Здѣсь онъ началъ привлекать молодыхъ людей въ революціонное дѣло, давая имъ читать книги, запрещенныя цензурой, которыя онъ самъ имъ пояснял. Достоинно замѣчанія то обстоятельство, по словамъ Герцена, что произведеніе, которому Петрашевскій приписывалъ сильное революціонное направленіе, было старый дурной русскій переводъ одной книги, напечатанной по-французски въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX вѣка іезуитомъ Барюэлемъ. Эта книга, озаглавленная «Якобинцы и вольтеріанцы», написанная съ необыкновенной яростью, какая, по мнѣнію Герцена, проявляется лишь у писателей клерикальной партіи, представляла первую французскую революцію, какъ дѣло, предусматрѣнное въ заговорѣ, давно задуманномъ главою иллюминатовъ Вейсгауптомъ, Вольтеромъ, Руссо, Робеспьеромъ и нѣкоторыми другими лицами. Этотъ авторъ такъ заинтересовалъ Петрашевскаго, что онъ начерталъ по его мысли и, по замѣчанію Герцена, довольно геніально, комбинацію обширнаго заговора. Такимъ образомъ, Петрашевскій указывалъ всѣмъ своимъ знакомымъ и всѣмъ, кто съ нимъ сталкивался, что дѣло заключалось не въ томъ, законнымъ или желательнымъ актомъ была революція въ Россіи, а только въ томъ, чтобы найти средства для его выполненія. Благодаря такимъ взглядамъ на расположеніе умовъ въ Петербургѣ, Петрашевскій съ самаго начала оттолкнулъ отъ себя не одного молодого человѣка изъ тѣхъ, которые, либеральничая, хотѣли прослыть въ собственныхъ глазахъ за сильныхъ умомъ, но которые совсѣмъ не хотѣли серьезно относиться къ революціи.

Роковая книга іезуита запечатлѣла въ умѣ Петрашевскаго идею, что революція можетъ быть произведена нѣсколькими отдѣльными лицами, безъ того, чтобы массы были двинуты на нее силою вещей, промахами правительства и распространенными идеями. Вслѣдствіе этого онъ никогда не могъ совершенно отказаться отъ мысли создать тайное общество, чтобы попытаться нанести ударъ правительству. Между тѣмъ, благодаря противоположному мнѣнію нѣкоторыхъ изъ его друзей, онъ на время отложилъ свой планъ и до 1848 года ограничивалъ свою революціонную дѣятельность тѣмъ, что вы-

писывать изъ-за границы книги при посредничествѣ одного несчастнаго книгопродавца, котораго правительство затѣмъ неизвѣстно куда удалило, пропагандированіемъ своихъ идей въ собраніяхъ, состоявшихся разъ въ недѣлю у него въ домѣ, и печатаніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей въ энциклопедическомъ словарѣ. Появленіе этой книги въ Россіи, по выраженію Герцена, «классической странѣ цензуры», и подѣ покровительствомъ покойнаго великаго князя Михаила, брата Николая, которому и посвященъ былъ этотъ трудъ, было изумительнымъ фактомъ. Узнавъ, что какой-то Кирилловъ намѣренъ съ чисто практической цѣлью напечатать объяснительный словарь иностранныхъ словъ, переведенныхъ на русскій языкъ, Петрашевскій явился къ нему и предложилъ услуги, какъ сотрудникъ, потребовавъ за это очень скромный гонорарій и то потому только, чтобы не возбуждать подозрѣнія. Предприниматель былъ очарованъ выгоднымъ предложеніемъ и предоставилъ Петрашевскому выбрать самому слова для объясненія. Последній съ жадностью ухватился за случай для пропагандированія своихъ идей при посредствѣ книги, повидимому, незначительной. Онъ расширилъ предоставленныя ему рамки, примѣшалъ къ извѣстнымъ существительнымъ имена собственные, ввелъ въ русскій языкъ иностранныя слова, не бывшія до тѣхъ поръ у насъ въ употребленіи, и все это чтобы подѣ различными названіями выставить принципы социалистическихъ доктринъ, перечислилъ основныя статьи конституціи, голосованныя первымъ конституціоннымъ французскимъ собраніемъ, раскритиковалъ настоящее положеніе Россіи и указалъ на названія нѣкоторыхъ трудовъ, какъ Сень-Симона, Фурье, Гольбаха, Кабэ, Луи Влана и т. д. Основная идея системы Фейербаха относительно религіи была отнесена въ статью о натурализмѣ, и Петрашевскій даже привелъ по поводу слова «ода» — стихи Беранже. Словаря вышло только два выпуска въ 1845 году до слова «рыцарскій орденъ», и едва было продано нѣсколько сотенъ экземпляровъ, какъ полиція захватила въ книжныхъ лавкахъ остальные. Цензоръ Крыловъ былъ привлеченъ къ суду, и Герценъ не знаетъ, какая его постигла участь. Это былъ человекъ боязливый, который нѣсколько разъ говорилъ Петрашевскому, что его статьи причиняютъ ему паническій страхъ, но последнему удалось успокоить его, доказавъ, что его терпимость ни въ чемъ не нарушаетъ текста законовъ о цензурѣ.

Герценъ увѣряетъ, что въ этомъ дѣлѣ Петрашевскій былъ чистосердеченъ относительно цензора; онъ самъ думалъ, что русское правительство изъ политики выказываетъ уваженіе по отношенію къ законности: онъ хорошо видѣлъ, что если правительство строго исполняетъ законы, даже тѣ, какіе оно само продиктовало, то скомпрометируетъ свой жизненный принципъ произвола, который, вѣдѣствие соучастія всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, обращаетъ административное дѣло не болѣе, не менѣе, какъ въ коммерческое предпріятіе, имѣющее цѣлью эксплоатацію страны. Онъ сожалѣлъ, что въ Россіи нѣтъ людей, которые захотѣли бы поймать правительство на словѣ относительно его уваженія къ законности, и первый попытался сдѣлать этотъ опытъ. Съ этой цѣлью онъ задумалъ заняться адвокатурою и сдѣлалъ объ этомъ объявленіе въ петербургскихъ газетахъ; но такъ какъ лица, приходившія къ нему съ предложеніями защищать ихъ дѣла, имѣли лишь спорные

денежные процессы съ частными лицами, то онъ отказался заниматься частными дѣлами и началъ вести процессы съ полиціей и въ судѣ лишь въ случаяхъ, касавшихся лично его. Для этого ему представлялось много удобныхъ случаевъ: владѣя двумя домами въ столицѣ и имѣніемъ въ Петербургской губерніи, у него было немало мотивовъ для судебныхъ процессовъ. Въ то время въ Россіи нельзя было жаловаться въ судъ на низшаго чиновника, а слѣдовало обращаться къ его прямому начальнику, а этотъ послѣдній, какъ это принято, хотя и противъ текста закона, не давалъ дальнѣйшаго хода жалобѣ, даже ничѣмъ не мотивируя своего отказа. Петрашевскій, переходя отъ одной юридической инстанціи до другой, достигъ того, что его жалобы на петербургскаго полицеймейстера и губернатора попали въ Сенатъ. Несмотря на ироническій смѣхъ, которымъ были встрѣчены эти жалобы, какъ нѣчто совершенно необычайное, Петрашевскій настоялъ, чтобъ имъ былъ данъ правильный ходъ, и требовалъ, какъ позволялъ ему законъ, защищать свое дѣло предъ собраніемъ сенаторовъ словесно. На это секретарь ему отвѣтилъ, что законъ, на которомъ онъ основывалъ свое послѣднее требованіе, хотя формально и не отмѣненъ, но не примѣняется на практикѣ и, согласно теперешнимъ сенатскимъ обычаямъ, жалобы не могутъ приноситься иначе, какъ письменно. Въ виду того, что Петрашевскій не хотѣлъ отказаться отъ права, формулированнаго закономъ, въ пользу обычая, введеннаго пропозволомъ, то его жалобы никогда не попадали къ докладу.

Въ качествѣ землевладѣльца онъ подавалъ голоса на дворянскихъ выборахъ, собиравшихся каждые три года для избранія предводителя, судей и нѣкоторыхъ чиновниковъ. И здѣсь Петрашевскій являлся поборникомъ строгаго равенства и заносилъ въ протоколъ засѣданій свои протесты противъ нарушеній закона. Онъ пустилъ въ обращеніе проектъ, направленный съ очевидною цѣлью исправить все возрастающее пониженіе поземельной собственности. Какъ главную мѣру, онъ предлагалъ дать средства купцамъ приобрести обширныя земли, но съ условіемъ обращать во временнообязанныхъ крестьянъ всѣхъ крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ общиннымъ землямъ. Кроме того, онъ требовалъ основанія поземельнаго банка для заклада недвижимой собственности, составленія общества взаимнаго страхованія и т. д. Собраніе, однако, не приняло во вниманіе этого разумнаго проекта.

Въ то время вспыхнула февральская революція во Франціи, и въ Петербургѣ она произвела поразительное впечатлѣніе. Тогда умолкли всѣ слухи, которые съ ноября 1847 г. циркулировали сильнѣе, чѣмъ когда-либо, относительно намѣренія царя объявить освобожденіе крестьянъ. Въ официальномъ мірѣ безъ конца проклинали французовъ и особенно Луи-Филиппа. Эти проклятія вскорѣ смѣнились молчаливымъ, угрюмымъ, подавленнымъ чувствомъ; когда же увидѣли, что король прусскій поднялъ знамя объединенія Германія, а Меттернихъ слѣдовалъ примѣру Луи-Филиппа, то не знали болѣе, что и говорить. Такъ были всѣ озабочены, по замѣчанію Герцена, что даже великій князь Михаилъ, образецъ военнаго педантизма, не сдѣлалъ смотра войскамъ, которымъ съ этой цѣлью приказалъ прибыть: такъ онъ былъ поглощенъ чтеніемъ газетъ. По словамъ Герцена, у правительства не было другихъ источ-

никовъ собирать свѣдѣнія, кромѣ газетъ: быстрота, съ которой совершались событія, такъ смутила императорскія посольства, что они не знали, въ какомъ смыслѣ составлять депеши, и потому не посылали ни одной. Смятеніе было такъ велико, что для полученія вѣрныхъ свѣдѣній относительно европейскихъ дѣлъ государь не обращался болѣе къ Нессельроде, а послалъ помощника начальника тайной полиціи, Сагдинскаго, собрать на мѣстѣ подробныя свѣдѣнія. Послѣ его поѣздки у начальника французской сыскной полиціи Карлье появился въ видѣ вознагражденія русскій орденъ. Настолько великъ былъ интересъ къ событіямъ во Франціи, что въ ресторанѣ Доминика публика на-расхватъ вырывала газеты и, не имѣя терпѣнія дожидаться очереди, поручала кому-нибудь вслухъ читать извѣстія изъ Европы. Молодежь, а особенно друзья Петрашевскаго были какъ въ лихорадкѣ, и не могли оставаться въ границахъ обыкновенной осторожности: въ четырехъ различныхъ мѣстахъ состоялись періодическія собранія на глазахъ императора. Надежда, что русскихъ революціонеровъ не оттолкнутъ французскіе и нѣмецкіе революціонеры, еще болѣе укрѣпилась благодаря извѣстію о дружескихъ отношеніяхъ Бакунина и Герцена съ такими людьми, какъ Прудонъ. Еще до февраля «Система экономическихъ противорѣчій» Прудона, открыто продаваемая, по замѣчанію Герцена, благодаря невѣжественному невѣдѣнію полиціи, изучалась съ жаромъ, незнакомымъ, по его выраженію, въ странѣ, гдѣ отсутствіе цензуры отнимаетъ отъ революціонныхъ изданій всю прелесть запретнаго плода. Одинъ генералъ-адъютантъ императора, попавшій въ опалу, объявилъ себя послѣдователемъ Прудона. Вслѣдствіи нумера «Представителя народа», распространяемые въ видѣ контрабанды, буквально заучивались на память. Правда, послѣдніе іюньскіе дни опечалили молодежь; но, проклятая Марата, Кавеньяка и ихъ сообщниковъ, она не приходила въ отчаяніе; напротивъ, версальскіе и буржскіе процессы возбуждали головы до фанатизма; разговоровъ было не столько о радостной побѣдѣ, сколько о благородствѣ мучениковъ, и всѣ завидовали блестящей роли Барбеса. Но уже съ августа мѣсяца 1848 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій получилъ предостереженіе относительно поведенія Петрашевскаго. Онъ поселилъ одного изъ агентовъ тайной полиціи въ табачной лавочкѣ въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Петрашевскій, съ цѣлью собирать справки у прислуги послѣдняго; а другому агенту, по имени Антонелли, официально находившемуся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, было поручено министромъ сообщать ему обо всемъ происходящемъ на засѣданіяхъ общества. Обрадованный этимъ открытіемъ Перовскій сообщилъ объ этомъ императору, ни слова не сказавъ графу Орлову. Это было для него, по словамъ Герцена, прекраснымъ случаемъ доказать царю, что тайная полиція состоитъ изъ глупцовъ; конечно, при этомъ Перовскій хотѣлъ прибегнуть одному себѣ честь спасенія родины, и поэтому графъ Орловъ не зналъ объ этомъ дѣлѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Перовскій отъ удовольствія потиралъ руки и посмѣивался себѣ подъ носъ. Къ сожалѣнію, продолжаетъ Герценъ, онъ не могъ приказать императору хранить это въ тайнѣ, и послѣдній въ минуту гнѣва, прежде, чѣмъ Перовскій окончательно разставилъ Орлову сѣти, сказалъ послѣднему, что его «ищейки не имѣютъ нюха». Это задѣло самолюбіе

графа Орлова, и тотъ, собравъ свѣдѣнія, сказалъ государю, что министръ внутреннихъ дѣлъ, ради преданія себѣ большаго значенія, рассказываетъ его величеству сказки и что дѣло совсѣмъ обстоитъ не такъ, какъ его описали, и не надо его раздувать, въ особенности въ глазахъ иностранцевъ, а что, принявъ нѣкоторыя патріархальныя мѣры противъ главныхъ коноводовъ, можно окончить его безъ шума и скандала. Тогда Перовскій, опасаясь, чтобы истина не раскрылась благодаря столкновенію мнѣній и заговоръ не оказался бы только въ зачаткѣ, далеко не достигшимъ тѣхъ размѣровъ, какіе ему приписывались, а также опасаясь, что вслѣдствіе этого ему не будетъ данъ въ награду титулъ графа,— сталъ умолять государя отсрочить арестъ виновныхъ, прося дать ему еще нѣкоторое время прослѣдить за заговорщиками и общія узнавъ, не только какіе они ведутъ разговоры, но даже о чемъ они мечтаютъ во снѣ.

Однако у государя хватило терпѣнія не болѣе, какъ на восемь мѣсяцевъ: каплей, переполнившей чашу, была статья въ «La Semaine», гдѣ въ сообщеніяхъ о дѣлахъ Венгріи говорилось, что въ скоромъ времени у самого государя будетъ не меньше хлопотъ. Поэтому онъ остался глухъ къ настояніямъ Перовскаго и приказалъ устроить обыскъ въ ночь на 23-е апрѣля 1849 г. Оба начальника полиціи такъ не довѣряли другъ другу, что каждый изъ нихъ послалъ своего помощника. Со стороны Орлова былъ Дубельтъ, а со стороны Перовскаго — Липранди. Къ дому Юнкера на Большомъ проспектѣ, на углу 3-й линіи, гдѣ жилъ Петрашевскій, они подъѣхали въ одной каретѣ, только Липранди, рассчитывая встрѣтить въ ту ночь у Петрашевскаго всѣхъ соучастниковъ, нашелъ лучшимъ предоставить своему военному коллегѣ рискнуть подняться въ квартиру Петрашевскаго первымъ. Дубельтъ засталъ Петрашевскаго вдвоемъ съ товарищемъ Ахшарумовымъ, собиравшимися ложиться спать; при этомъ произошелъ уже упомянутый нами разговоръ между Петрашевскимъ и Дубельтомъ.

Когда первые сорокъ восемь подозрѣваемыхъ заговорщиковъ были привезены утромъ къ графу Орлову, послѣдній собственными глазами увидѣлъ, что докладъ Перовскаго былъ совсѣмъ не точенъ, по крайней мѣрѣ относительно важности преступниковъ. Между обвиняемыми, на которыхъ тяготѣло самое тяжелое подозрѣніе, находился почти ребенокъ, четырнадцати-пятнадцати лѣтъ, который, будучи разбуженъ очень рано жандармами, продолжалъ спокойно спать въ приемной у министра. Онъ проснулся только при звукахъ голоса графа Орлова, который, входя, спросилъ подозрѣваемыхъ: «Что толкнуло васъ на заговоръ? Васъ хорошо кормили, собачьи дѣти, вы съ жиру и бѣситеесь!»

Слѣдственная комиссія работала болѣе трехъ мѣсяцевъ и, по выраженію Герцена, съ религіознымъ стараніемъ разсматривала захваченныя у обвиняемыхъ бумаги. Каждый день привозили все новыхъ обвиняемыхъ изъ Москвы, провинцій и даже Сибири: тѣмъ не менѣе попрежнему было трудно доказать, что Перовскій открылъ заговоръ, который поставилъ государство на два пальца отъ гибели. Царь, никогда не умѣвшій терпѣливо ожидать исхода интересовавшихъ его процессовъ и имѣвшій обыкновеніе справляться объ ихъ

ходѣ, страшно разочаровался отъ оборота, какой приняло дѣло Петрашевскаго. Онъ съ печалью признавался, что слишкомъ поспѣшили отдать приказаніе объ арестѣ подозрѣваемыхъ лицъ, раскаивался, что не послѣдовалъ совѣту Перовскаго и не оставилъ заговора созрѣть и развѣтвиться, чтобы имѣть возможность однимъ ударомъ вырвать изъ почвы Россіи всѣ плевелы. Перовскій торжествовалъ, по крайней мѣрѣ отъ того, что не удалось доказать, какъ преувеличивали опасность, и что вина не его, если слѣды заговора затерялись. Царь разгнѣвался и приказалъ въ первыхъ числахъ августа произвести новый обыскъ въ Петербургѣ. «Пусть арестуютъ половину жителей столицы, — писалъ онъ: — но захватятъ всѣ нити заговора!» — и ночные аресты начались снова. Стараніе, какое агенты прилагали при домашнихъ обыскахъ, заставляло предполагать, что правительствомъ опасалось чего-то иного, чѣмъ простой мирной пропаганды. Въ нѣкоторыхъ домахъ разбивались рояли и поднимались полы съ цѣлью найти документы и оружіе. По замѣчанію Герцена, прискорбно сказать, что низшіе жандармскіе офицеры, не получившіе никакого воспитанія, вели себя съ большей человѣчностью, чѣмъ гвардейскіе офицеры и адъютанты, получившіе ползровку людей высшаго общества. Въ этомъ отношеніи образцомъ жестокости можно считать Иноземцева, адъютанта жандармскаго генерала Полозова, человѣка, обладавшаго значительнымъ состояніемъ и служившаго въ полиціи только для чина. «Дѣйствительно ли обвиняемые имѣли въ виду покушеніе на императора, навѣрно неизвѣстно, — говоритъ Герценъ. — Въ Петербургѣ два раза прошелъ слухъ, что государя хотѣли убить въ ночь на 25-е апрѣля 1849 г. на костюмированномъ балу въ дворянскомъ собраніи. Даже были заготовлены билетки съ призывомъ къ мятежу, которые рассчитывали бросить въ лотерейныя урны; говорили, что у одного офицера былъ арестованъ планъ баррикады и будто императоръ сказалъ: «Представь себѣ, эти чудовища хотѣли убить не только меня, но уничтожить всю мою семью!» Если въ официальныхъ отчетахъ ничего объ этомъ не говорилось, то, по замѣчанію Герцена, это не служитъ доказательствомъ, что ничего подобнаго не существовало. Императоръ могъ бояться обнародовать этотъ фактъ, такъ какъ онъ всегда старался изгнать изъ ума народа мысль о покушеніи на его личность. Какъ доказательство послѣдняго предположенія, Герценъ приводитъ примѣръ, когда императоръ далъ строгій выговоръ императрицѣ за то, что, узнавъ о несостоявшемся покушеніи на его личность въ Познани, она приказала отслужить молебенъ въ Казанскомъ соборѣ; войскамъ и народу, собравшимся на эту церемонію, не сообщили, по какой причинѣ императрица служитъ благодарственный молебенъ. Впослѣдствіи, чтобы удовлетворить любопытство народа, распространили слухъ, будто молебенъ состоялся по причинѣ большой побѣды, одержанной на Кавказѣ!

Въ сентябрѣ слѣдственная комиссія окончила разслѣдованіе дѣла Петрашевскаго. Двадцать три обвиняемыхъ были преданы военно-полевому суду, другая часть обвиняемыхъ была приговорена къ отправкѣ изъ крѣпости въ отдаленныя провинціи писцами къ губернаторамъ. Узнавъ о столь милостивомъ рѣшеніи комиссіи (во главѣ ея находился Перовскій, братъ министра внутреннихъ дѣлъ), какъ высылка на Кавказъ или въ Сибирь, царь разгнѣ-

вался и сказалъ, что только ему одному принадлежитъ право помиловать и дать амнистію преступникамъ. «Развѣ судьи не знаютъ, — добавилъ онъ: — что подобное съ ихъ стороны малодушіе составляетъ присвоеніе права помилованія, которое принадлежитъ монарху. Судь долженъ примѣнять законъ во всей его силѣ и только царю принадлежитъ право взвѣшивать смягчающія вину обстоятельства!» Вслѣдствіе сего царь приказалъ возобновить дѣло, но уже на этотъ разъ не въ обыкновенномъ уголовномъ судѣ, а въ военномъ. Какъ извѣстно, судъ приговорилъ всѣхъ обвиняемыхъ къ разстрѣлянію. Не будемъ приводить описанія церемоніи исполненія приговора, скажемъ только, что Петрашевскому, оставшемуся вѣрнымъ своему характеру, удалось приподнять уголокъ капюшона, закрывавшаго его голову, чтобы посмотрѣть на происходившее вокругъ него. Наконецъ приговореннымъ была объявлена монаршая милость, т. е. отмена смертной казни. Эту милость государя объяснили тѣмъ обстоятельствомъ, что за нѣсколько недѣль до этого австрійское правительство повѣсило всѣхъ венгерскихъ офицеровъ, которые сдались Паскевичу и за которыхъ послѣдній ходатайствовалъ въ Вѣнѣ, тогда какъ съ инсургентами, сдавшимися австрійскимъ генераламъ, обращались менѣе строго. Государь былъ обиженъ этимъ поступкомъ австрійцевъ и назвалъ его «безиримѣрнымъ», поэтому помилованіе петрашевцевъ было вызвано желаніемъ пристыдить вѣнскій кабинетъ своей милостью.

По прочтеніи монаршаго помилованія на Петрашевскаго надѣли одежду каторжника; увидя себя въ такомъ костюмѣ, онъ съ улыбкой сказалъ: «Чортъ возьми! какъ они умѣютъ одѣть человѣка! Право, въ такомъ костюмѣ кажешься отвратительнымъ даже въ своихъ собственныхъ глазахъ!» Услыхавъ это, генералъ Гречъ плюнулъ ему въ лицо и закричалъ: «Какой ты негодяй, собачій сынъ!» — «Каналья!» — отвѣтилъ ему Петрашевскій, руки котораго уже были закованы въ кандалы: — очень бы хотѣлъ я видѣть, какую бы ты сдѣлалъ рожу на моемъ мѣстѣ». Петрашевскаго втокнули въ сани, которыя направились прямо въ Сибирь. Въ тотъ моментъ, какъ сани тронулись, какой-то неизвѣстный человѣкъ, сѣрвавъ мѣховую шапку и шубу, бросилъ ихъ Петрашевскому.

Двадцать другихъ обвиняемыхъ, въ томъ числѣ Достоевскій, Плещеевъ и другіе, отправлены были въ ссылку на другой день. Затѣмъ Герценъ сообщаетъ о правительственныхъ наградахъ главнымъ участникамъ открытія заговора и веденія процесса Петрашевскаго и тѣмъ оканчиваетъ свой блестящій очеркъ, которымъ не воспользовался Мшле, такъ какъ онъ не написалъ задуманной имъ книги «Les Martyrs de la Russie», для чего именно Герценъ собиралъ ему матеріалы.

— Воспитаніе наслѣдныхъ принцевъ. — Англійскіе журналы «World's Work» и «Pall-Mall Magazine» посвящаютъ свои страницы любознательнымъ статьямъ М. Дреэра и А. Робертсона о воспитаніи наслѣдниковъ германскаго и итальянскаго престоловъ¹⁾. Воспитаніе какъ перваго, такъ и втораго замѣчательно своей серьезностью и строгостью. Кронпринцъ едва сталъ лепетать, какъ его стали учить нѣмецкому и англійскому языкамъ, а по-французски онъ научился говорить только восьми лѣтъ. Подъ руковод-

ствомъ профессора Эстерно онъ провелъ пять лѣтъ въ замкѣ Бельвю, близъ берлинскаго Тиргартена. Потомъ онъ перешелъ въ шлезвигъ - голштинскій кадетскій корпусъ въ Плонъ и вмѣстѣ съ братомъ воспитывался совершенно запросто съ другими кадетами, при чемъ особенное вниманіе было обращено на физическую тренировку и потому одинаково учили гимнастикѣ, верховой ѣздѣ и плаванію. Шестнадцати лѣтъ онъ выдержалъ экзаменъ на подпоручика. По словамъ профессора Эстерно, главнаго руководителя этого примѣрнаго воспитанія, принцъ Вильгельмъ такъ хорошо и основательно учился, что онъ теперь обладаетъ всѣми необходимыми свойствами будущаго хорошаго государя. Въ боннскомъ университетѣ принцъ получилъ высшее образованіе на юридическомъ факультетѣ. Дисциплина, которой онъ подвергался въ военной школѣ, тамъ значительно ослабла, и принцъ, записавшись въ корпорацию Боруссии, участвовалъ во всѣхъ ея шивныхъ попойкахъ и загородныхъ прогулкахъ по берегамъ Рейна. Въ 1903 г. онъ вышелъ изъ университета, получивъ дипломъ, и отправился съ братомъ Эйтелемъ путешествовать по Востоку. Вернувшись, онъ поселился въ Берлинѣ и вскорѣ женился, но не переставалъ заниматься окончаніемъ своего образованія, и каждое утро въ различныхъ министерствахъ онъ практически обучается администраціи и политикѣ, изъ которыхъ по вечерамъ императоръ дѣлаетъ ему экзаменъ.

Не болѣе ста лѣтъ тому назадъ императоръ австрійскій, посѣтивъ университетъ въ Павіи и услышавъ тамъ Уго Фосколо, проповѣдывавшаго о свободѣ, воскликнулъ: «*Voglia suggeti devoti, non sapienti!*» (Мнѣ нужны преданные подданные, а не ученые!)—и отправилъ въ изгнаніе самого Фосколо и болѣе сотни его слушателей. Теперь монархи мыслятъ совершенно иначе и желаютъ имѣть учеными не только подданныхъ, но и собственныхъ дѣтей, а потому даютъ имъ основательное и серьезное обученіе. Извѣстный Руджеро Бонги сказалъ о теперешнемъ королѣ Италіи: «Ни одинъ человекъ въ Италіи не былъ такъ старательно и добросовѣстно воспитанъ, какъ прежній наслѣдный принцъ». А Робертсонъ, ученый пасторъ въ Венеціи, сообщаетъ въ своемъ этюдѣ, какъ воспитывали и какое давали образованіе королю Виктору-Эмануилу III. Онъ родился въ Неаполѣ 11 мая 1869 г. Первыми попеченіями его окружила итальянская кормилица, Марія Джусто, а потомъ его первоначальное воспитаніе было поручено англійской гувернанткѣ, миссъ Елизаветѣ Ли, которая руководила имъ до 8 лѣтъ, когда онъ уже прекрасно умѣлъ говорить по-итальянски, по-англійски и по-французски. Кромѣ гувернантки, сначала очень заботилась о немъ его мать и чрезвычайно строго обращалась съ нимъ. Однажды, услышавъ, что ребенокъ сказалъ своей подругѣ, дочери маркизы Вилламарина: «*Quando sare re, ti farò tagliare la testa!*» (когда я буду королемъ, то велю отрубить тебѣ голову), королева посадила своего сына на три дня въ карцеръ на хлѣбъ и на воду. Девяти лѣтъ молодой наслѣдникъ былъ произведенъ въ лейтенанты миноноски «*Sarraciola*». Въ томъ же году онъ присутствовалъ при покушеніи Пассанантэ на жизнь его отца, котораго спасъ первый ми-

1) The Training of a modern king Being an Account of the Early Education of Victor Emanuel. «*Pall Mall Magazine*», June 1908.

нистръ Кайроли. При этомъ замѣчательно, что ребенокъ не выказалъ ни малѣйшаго страха. Еще въ продолженіе трехъ лѣтъ королева Маргарита сама руководила обученіемъ сына, занимаясь съ нимъ латинскимъ и нѣмецкимъ языками, исторіей, географіей и ариѳметикой.

Когда принцу минуло двѣнадцать лѣтъ, въ его воспитаніи произошелъ крупный переворотъ: его совершенно передали на попеченіе полковника Эгидіо Озіо, подъ руководствомъ котораго онъ оставался дѣлать восемь лѣтъ. Прямой, самостоятельный, твердый человекъ, Озіо самъ говорилъ: «Въ теченіе всей моей жизни я ничего другого не дѣлалъ, какъ учился самъ и училъ другихъ». Онъ отличался здравымъ смысломъ, энергіей и строгимъ обращеніемъ со своимъ ученикомъ. Во всѣхъ отношеніяхъ мальчикъ былъ вѣренъ ему, и онъ съ гордостью говорилъ: «Принцъ свободенъ дѣлать все, что я желаю». Юноша до двадцатилѣтняго возраста жилъ вполне подъ руководствомъ своего наставника и даже только два раза въ недѣлю обѣдалъ съ родителями. Озіо самъ преподавалъ молодому принцу нѣсколько научныхъ предметовъ, а профессоровъ по другимъ онъ тщательно выбиралъ. Его помощникомъ по военнымъ наукамъ былъ капитанъ Морелли, причемъ они оба придерживались программы моденской и неаполитанской военныхъ школъ. Итальянскую литературу преподавалъ принцу Лунджи Моранди, написавшій впоследствии очень интересную книгу: «Come fu educato Vittorio Emanuel III» (Какъ былъ воспитанъ Викторъ-Эмануилъ III). Во всемъ Озіо проводилъ самую упорную дисциплину и разъ въ годъ онъ подвергалъ своего воспитанника самымъ строгимъ экзаменамъ. Они производились въ присутствіи короля, королевы и значительнаго числа ученыхъ. По всѣмъ предметамъ приготовлены были билеты, которые вынималъ изъ мѣшка самъ принцъ. Каждый экзаменъ продолжался часа три, и король съ королевой такъ бывали довольны результатомъ, что восклицали: «Un vero trionfo!» (настоящій триумфъ). Для блестящаго окончанія воспитанія итальянскаго наследника были предприняемы ежегодно путешествія въ сопровожденіи полковника Озіо и капитана Морелли по Италіи, Европѣ, Египту, Палестинѣ, Турціи, Греціи, Крыму и западному Туркестану. Вообще воспитаніе теперешняго короля было такъ блестяще, что королева Викторія, увидавъ его въ 1891 г. въ Лондонѣ, сказала, что она никогда не видѣла среди европейскихъ принцевъ такого образованнаго молодого человека.

— «Нѣсколько мыслей о моей библіотекѣ». — Подъэтимъ заглавіемъ Карменъ Сильва (королева румынская) посвятила нѣсколько страницъ въ ноябрьской книжкѣ «Pall Mall Magazine» своимъ любимымъ книгамъ. Между прочимъ, Маколей и Мэгонъ, Шекспиръ и Карлейль, Вальтеръ Скоттъ и англійская литература Чэмберса слѣдовали за нею по всей Европѣ съ ея тринадцатилѣтняго возраста. Пятнадцати лѣтъ она пожирала «Мессиаду» Клоуштока, которую теперь всѣ находятъ невозможнымъ одолѣть. Карменъ Сильва никогда не могла справиться съ Расиномъ, но очень любила современныхъ французскихъ поэтовъ, въ особенности Леконтъ де-Лилля. По ея словамъ, она прочитала «Вертера» Гете въ двадцать три года, и вмѣсто слезъ, какъ у всѣхъ, нѣ вызвала у нея смѣхъ. Она помнитъ, что ея родственницы заливались

слезами, читая «Хижину дяди Тома», но она сама, прочитавъ этотъ романъ сорока лѣтъ, не могла понять, почему онъ вызываетъ слезы. «Вѣчныя книги, — говоритъ она, — Шекспиръ и Диккенсъ всегда производятъ на меня одинаковое впечатлѣніе. Когда я чувствую себя утомленной, то берусь за Диккенса и чувствую всегда одну и ту же глубокую эмоцію и одну и ту же радость. Вотъ стоять предо мною въ моей библіотекѣ Дарвинъ и Ренанъ, не разъ прочитанные съ начала до конца. По моей системѣ надо читать не книгу, но автора. Я никогда не останавливаюсь предъ чтеніемъ всѣхъ томовъ одного автора, хотя бы ихъ было пятьдесятъ, и читаю ихъ залпомъ, безъ передышки. Я, вообще, читаю книги одна, и на меня никто не вліяетъ во время этого чтенія. Я терпѣть не могу исторію и предпочитаю ей любую науку, въ особенности беллетристику. Я ненавижу письма и не люблю мемуаровъ. Собственно говоря, писемъ не надо бы никогда печатать: это ужасная нескромность, а мемуаровъ не надо писать, такъ какъ по большей части они составляютъ голую неправду. Кто можетъ, не совершивъ не деликатности, честно описать свою жизнь, если даже она была самая чистая и незапятнанная. Слѣдовало бы писать только о тѣхъ вещахъ, о которыхъ вы съ любовью вспоминаете, и говорить о нихъ только людямъ, которые вамъ сочувствуютъ».

Переходя къ подробнымъ причинамъ своей ненависти къ исторіи, Кармень Сильва говоритъ, что «это только сводъ человѣческихъ несчастій и человѣческой жадности, жестокихъ сраженій и еще болѣе жестокихъ измѣнъ». Она предпочитаетъ любому историку словарь, которымъ поэтесса можетъ зачитываться часами, обдумывая безконечныя тонкости выраженій. По ея мнѣнію, словарь представляетъ оргію красокъ. Для нея слова значатъ гораздо болѣе исторіи и содержатъ въ себѣ всю прелесть исторіи народовъ.

Кармень Сильва увѣряетъ, что она никогда не разговариваетъ ни съ кѣмъ о книгахъ и сама дѣлаетъ въ нихъ удивительныя открытія; такъ, она сама открыла ихъ значеніе и очаровательность. При этомъ она нисколько не стыдится, что у нея свои вкусы относительно книгъ и что, вообще, отличается старомодными вкусами. Однако, прибавляетъ она: «Я ничуть не терпѣливая чтница, а, напротивъ, часто бросаю книги на полъ, когда ихъ не понимаю, напримѣръ, это случилось съ «Манфредомъ» Байрона. Я обыкновенно читаю книгу въ одинъ день или ночь, а иногда, — правда, это случилось въ юности, — прочитывала три книги въ одинъ день. При этомъ я никогда не пропускаю ни одного слова, потому что считаю это несправедливостью по отношенію къ автору. Я всегда живу въ тѣсномъ единеніи съ авторами и удивляюсь имъ съ любовью и благодарностью. Одна и по ночамъ я краснорѣчиво разсуждаю съ моими друзьями-книгачи и стараюсь понять ихъ въ глубинѣ своей души. Тогда я противорѣчу имъ, даже браню ихъ, питаю къ нимъ любовь и обожаніе, плачу и смѣюсь. Да, дѣйствительно, я, быть можетъ, самая пылкая чтница!»

Что касается переводовъ, то хотя она ихъ не любитъ, какъ никогда не выражающихъ подлинника, но должна ими довольствоваться, такъ какъ съ

¹⁾ Some thoughts about my library. By Carmen Silva. «Pall Mall Magazine». November, 1908.

русскими, польскими, норвежскими сочинениями нельзя иначе знакомиться, как въ переводахъ. По-итальянски она знаетъ, но говорить не можетъ, и помнитъ только то, чему училась, читая Данте, а, напримеръ, Матильду Серао предпочитаетъ въ переводѣ, конечно, если онъ хорошій, но стихотворенія Ады Негри, по ея словамъ, невозможно читать иначе, какъ въ оригиналѣ.

Однако, Карменъ Сильва и сама любитъ переводить въ прозѣ и стихахъ, хотя и не признаетъ въ своихъ переводахъ большихъ достоинствъ. Зато она находитъ истинное удовольствіе въ подыскиваніи подходящихъ словъ въ выраженіяхъ данныхъ авторовъ. Далѣе Карменъ Сильва говоритъ, что она ненавидитъ карикатуры и, напротивъ, могла плакать надъ рисунками Гаварни, также какъ надъ любимъ фарсомъ. «Конечно, — замѣчаетъ она, — я воистинѣ оцѣниваю настоящую серьезную комедію, какъ «School for scandal», и она приноситъ мнѣ много радости. Впрочемъ, я рѣдко бываю въ хорошемъ театрѣ: лишь два раза въ Лондонѣ, одинъ разъ въ Парижѣ, въ театрѣ «Французской Комедіи» и также одинъ разъ въ Байрейтѣ. Въэтомъ отношеніи, вы видите, я очень не культивирована и должна все соображать по книгамъ и журналамъ; поэтому книги имѣютъ для меня большее значеніе, чѣмъ для кого-либо. Книги въ сущности мнѣ кажутся пульсомъ цивилизаціи, онѣ мои лучшіе друзья и доставляютъ мнѣ радость, спокойствіе и величайшее возбужденіе. Да благословитъ Господь мои книги за то очарованіе, какое онѣ доставляютъ моей одинокой жизни, и особенно англійскихъ и американскихъ романистовъ за то удовольствіе и нравственное страданіе, которое они мнѣ приносятъ».

— Конгрессы на Западѣ.— Въ нынѣшнемъ году особенно много собралось обычныхъ осеннихъ международныхъ конгрессовъ въ Берлинѣ, который считаетъ себя столицей Европы. Кромѣ конгрессовъ, уже упомянутыхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ Берлинѣ еще произошли засѣданія между-парламентской конференціи мира и двухъ литературныхъ конгрессовъ — печати и спеціально литературы. Парламентская федерація существуетъ уже тридцать лѣтъ и до сихъ поръ мѣстомъ своихъ собраній она выбирала Парижъ, Лондонъ, Римъ, Вѣну и даже Сенъ-Луи (въ Америкѣ); только теперь Германія оказала ей честь, пригласивъ ее въ свой главный городъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что нѣмцы наконецъ нашли необходимымъ присоединиться къ обще-парламентскому союзу, и не только засѣданія происходили въ зданіяхъ рейхстага, но императоръ поручилъ кронпринцу торжественно принять членовъ конгресса въ Потсдамѣ. Предсѣдателемъ былъ князь Шенэхъ-Каролатъ и между прочимъ говорилъ рѣчь канцлеръ князь Бюловъ. Засѣданія конгресса продолжались всего три дня, и членовъ на немъ присутствовало 915.

Замѣчательно, что число вопросовъ, на которыхъ сосредоточивались пренія, было ограничено, и они касались очень умѣренныхъ тезисовъ примиренія и практическихъ, полезныхъ соціальныхъ задачъ. Бюловъ произнесъ блестящую дипломатическую рѣчь, въ которой старательно отдѣлилъ любовь къ миру отъ равнодушія къ отечеству и очень кстати напомнилъ, что сама Германія заключила нѣсколько посредническихъ трактатовъ и руководила нѣкоторыми третейскими международными судами, вообще въ продолженіе тридцати лѣтъ она хлопотала, насколько могла, о поддержаніи мира во всемъ свѣтѣ. Князь

Каролатъ говорилъ послѣ этого рѣчь нѣсколько болѣе подробную и пытался удалить всѣ причины дипломатическихъ недоразумѣній. Всѣмъ извѣстны либеральныя идеи Каролатъ, послужившія поводомъ къ прозвищу его — «красный князь». Его рѣчь вполне соответствовала этому прозвищу. «Нѣмецъ, — сказалъ онъ, — любить миръ, хотя Германія была послѣднимъ государствомъ, которое присоединилось къ междунараментскому союзу и наименѣе поняла, какіе плоды приноситъ этотъ союзъ. Это происходитъ отъ особаго строя германскаго ума». Вслѣдъ за этимъ Каролатъ очень мѣтко указалъ, что первый германскій императоръ просилъ у Бога для своей страны не славы и побѣдъ, а благоденствія и мира. Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, были предложены: Бруніальти — о всеобщемъ объединеніи векселей, Диззэска — относительно кодификаціи международнаго права и Рихарда Бархольда, съ американской группой, — о признаніи обязательности третейскаго суда.

Въ томъ же зданіи рейхстага былъ открытъ конгрессъ печати, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго представителя Зингера. Направо отъ него находился нѣмецъ Швейце, а налево — французъ Тюнэ. Предсѣдательское привѣтствіе заключалось въ двухъ рѣчахъ: одной на нѣмецкомъ, а другой на французскомъ языкѣ. Конечно, первая отличалась торжественнымъ и серьезнымъ тономъ, а вторая — добродушнымъ и юмористическимъ. Онъ началъ эту французскую рѣчь замѣчаніемъ, что Вольтеръ сказалъ: «Азбука начало всѣхъ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ глупостей». По его словамъ, современные критики приписали себѣ первую часть вольтеровскихъ изреченій, а вторую — журналистамъ. Но Вольтеръ, написавъ эти слова, думалъ не только объ однихъ журналистахъ. «Одни, — продолжалъ Зингеръ, — считаютъ, что ремесло журналиста — постоянная борьба, которая дѣлаетъ изъ нихъ въ нѣкоторомъ родѣ профессиональныхъ бойцовъ. Напротивъ, другіе смотрятъ на журналистовъ, какъ на мягкихъ, миротворныхъ, сладкозвучныхъ мнѳологическихъ Орфеевъ или, иначе сказать, какъ на артистовъ на волшебной флейтѣ, наконецъ, третьи требуютъ отъ журналиста, чтобы онъ упоминалъ только факты, не прибавляя ни одного своего слова и скромно дѣлаютъ его фонографомъ или фотографическимъ аппаратомъ. Нѣтъ, милостивые государи и милостивыя государыни, журналистъ не сверхъестественное существо, но и не машина: это — человѣкъ, чего совершенно достаточно. Печать отличается прямою, достоинствомъ, добротой и справедливостью — это ея главные качества».

Вторымъ ораторомъ говорилъ германскій министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шенъ, который замѣтилъ, что дипломатія и печать совместно сотрудничаютъ въ области исторіи, хотя, конечно, между ними существуетъ большое различіе. Печать, — сказалъ онъ, — можетъ подняться на крыльяхъ воображенія до высотъ идеала, но дипломатія не можетъ покинуть солидной почвы холодной реальности и спокойнаго сужденія. Дипломатія не можетъ, какъ печать, дѣйствовать заодно съ общественнымъ мнѣніемъ, но она должна идти заодно съ національнымъ чувствомъ. Съ этой точки зрѣнія печать приноситъ большую помощь. Она пріобрѣтаетъ своимъ вѣчнымъ трудомъ въ интересахъ общества право говорить отъ имени всѣхъ, но въ то же время это право возлагается на нее тяжелыя обязанности».

Произнося всю свою рѣчь по-нѣмецки, фонъ-Шенъ прибавилъ по-французски: «Вы прибыли сюда нашими добрыми друзьями, но я увѣренъ, что вы уѣдете отсюда нашими лучшими друзьями!» На это отвѣчали французы: редакторъ «Temps» Адриенъ Эбраръ, корреспондентъ «Figaro» Эжень Рени и редакторъ «Journal des Débats» Н. Налешгъ. Послѣ открытія конгресса французскій посланникъ въ Берлинъ Камбонъ далъ торжественный завтракъ сто десяти членамъ конгресса съ ихъ женами, причемъ были произнесены безчисленныя рѣчи. Вечеромъ же германскій канцлеръ Бюловъ устроилъ раутъ всѣмъ участникамъ конгресса и произнесъ длинную остроумную рѣчь, въ которой напомнилъ о своихъ пререканіяхъ съ прессой во время своей юности. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что въ печати такъ же, какъ и въ дипломатіи, необходимо дѣлать взаимныя снисхожденія, чтобъ имѣть успѣхъ.

Четыре дня продолжался конгрессъ, и его члены серьезно обсуждали разные вопросы, касавшіеся печати. Въ одинъ изъ этихъ дней они собрались на данный въ ихъ честь обѣдъ въ ресторанѣ Зоологическаго сада. Особымъ краснорѣчіемъ отличался Эбраръ, но нельзя сказать, чтобы нѣмцы остались довольны концомъ его рѣчи, въ которой онъ воскликнулъ: «Пью за здоровье республики общей объединенной печати!»

Литературный конгрессъ собственно носитъ названіе международной конференціи художественно-литературной собственности. Главная цѣль берлинскаго конгресса состояла въ ревизіи Бернской конвенціи 1886 г. къ которой присоединились Франція, Германія, Великобританія, Италия, Швейцарія, Люксембургъ, Монако, Гаити, Тунисъ и недавно Японія. Писатели означенныхъ странъ пользовались во всѣхъ поименованныхъ государствахъ правами, которыя даетъ мѣстное законодательство авторамъ данной страны. Напротивъ, Россія, Соединенные Штаты, Португалія и почти всѣ страны латинской Америки не прістали къ Бернской конвенціи, и сочиненія иностранныхъ писателей могутъ тамъ свободно переводиться. Еще недавно французскіе писатели посылали въ Петербургъ делегатовъ, но всѣ ихъ усилія остались тщетными. Бернская конвенція была уже одинъ разъ ревизована въ 1896 г. вслѣдствіе парижскаго конгресса, а теперь въ Берлинѣ рѣшено было приступить къ общему окончательному пересмотру этой конвенціи.

Послѣ трехнедѣльныхъ засѣданій, иногда по два раза въ день, подъ руководствомъ общаго докладчика, французскаго представителя, извѣстнаго юрисконсульта Луи Рэно, конгрессъ постановилъ рѣшеніе о признаніи международного принципа объединенія художественно-литературной собственности во всѣхъ странахъ. При этомъ срокъ распространенія этого принципа собственности по общему уговору назначенъ, какъ и во Франціи, пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти автора. Кромѣ того, постановлено, что и права на переводы простираются на тотъ же срокъ. Наконецъ, въ числѣ главнѣйшихъ реформъ заключается и покровительство политическимъ статьямъ наравнѣ со всѣми другими не имѣвшими до сихъ поръ никакой охраны. Тѣ же принципы примѣнены къ художественной собственности и даже кинематографъ, граммофонъ и фонографъ должны обязательно уплачивать авторамъ сочиненій, которыя воспроизводятся въ означенныхъ аппаратахъ.

Конечно, кромѣ этой основной работы конгресса, членамъ его, какъ всегда, даны были официальные обѣды, завтраки и рауты, причемъ председательствовали германскій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Штудтъ, бывший общимъ председателемъ конгресса. Изъ многочисленныхъ рѣчей на этихъ банкетахъ отличались рѣчи французскаго посланника въ Берлинѣ Камбона, французскаго историка Лависса и уже упомянутого Луп Рэнно. 1 ноября конгрессъ разошелся, и въ Берлинѣ остались только официальные представители всѣхъ странъ для подписи новаго трактата.

Соціалистскій конгрессъ въ Германіи, собравшійся въ нынѣшнемъ году въ Нюрнбергѣ, подъ председательствомъ Зингера, главнымъ образомъ занимался разрѣшеніемъ вопроса, уже поднятаго на предыдущихъ конгрессахъ въ Любекѣ и Дрезденѣ. Онъ касался признанія неправомерности голосованія соціалистами государственныхъ бюджетовъ всѣхъ странъ. Главнымъ ораторомъ противъ бюджетовъ явился Бебель, уже значительно постарѣвшій, но все еще съ удивительнымъ пыломъ возражавшій своимъ противникамъ, депутатамъ южной Германіи, отстаивавшихъ необходимость для соціалистовъ подавать голоса за бюджетъ.

Краснорѣчивое воззваніе Бебеля произвело очень сильное впечатлѣніе на членовъ конгресса. Въ концѣ концовъ ораторъ воскликнулъ: «Главная наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы подконаться подъ государственный строй и современный общественный порядокъ, чтобы замѣнить его лучшимъ положеніемъ вещей. Но, если, несмотря на наши усилія, вы выразите правительству довѣріе, голосуя въ пользу бюджета, то мы перестанемъ быть соціалистами!» Бебеля поддержали Каутскій, и Зингеръ и въ концѣ концовъ онъ одержалъ блестящую побѣду, такъ какъ въ пользу сѣверянъ подано 258 голосовъ, а за южанъ 119.

Итальянскіе соціалисты почти въ то же время, т. е. въ концѣ сентября, созвали конгрессъ во Флоренціи. Вообще въ Италиі за послѣднее время время съ воцареніемъ Виктора-Эмануила соціалистамъ не везетъ; въ Монте-Цитторіо они составляютъ только незначительную группу. Они раздѣляются на три отдѣла: реформистовъ, интегралистовъ и синдикалистовъ. Первые до того умѣрены, что ихъ глава Туррати едва не получилъ министерскаго портфеля, а вторые, интегралисты, выражаютъ болѣе передовыя мнѣнія и ихъ предводитель, Энрико Ферри, позитивистскій философъ и краснорѣчивый политическій ораторъ, опровергаетъ съ большимъ успѣхомъ оппортунизмъ Туррати. Третья соціалистская фракція образовалась очень недавно, подъ руководствомъ профессора Лабріоллы, пламеннаго марксиста. Эта партія имѣетъ вліяніе преимущественно на рабочую федерацію. Вообще итальянскій соціализмъ, какъ оказалось изъ преній на десятомъ его конгрессѣ, далеко отстоитъ отъ авархизма, преобладающаго среди итальянскаго пролетаріата, и наиболѣе выражаетъ умѣренныя стремленія.

Въ Италиі, кромѣ конгресса во Флоренціи, собрался еще въ Римѣ конгрессъ международнаго соціальнаго страхованія. Подобные конгрессы уже два раза бывали въ Парижѣ, потомъ въ Бернѣ, въ Миланѣ, въ Брюсселѣ, въ Дюссельдорфѣ и въ Вѣнѣ. Эти конгрессы вообще имѣли значительное вліяніе

на мѣстное законодательство по даннымъ вопросамъ. Интересъ нынѣшняго римскаго конгресса состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ немъ впервые принимали участіе представители Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Предсѣдатель французской делегации, Мильеранъ, выяснилъ, что главная задача конгресса заключается въ томъ, чтобы обсуждать примѣненіе принциповъ болѣе чѣмъ ихъ опредѣленіе. «Напримѣръ,—сказалъ онъ,—мы будемъ обсуждать, какъ всего удобнѣе страховать жизнь рабочихъ, и тѣмъ достигнемъ одной изъ главныхъ задачъ—соціального страхованія. Каждый день увеличивается число государствъ, стремящихся къ нашей цѣли, и у насъ являются все новые сотрудники. Правительство французской республики все болѣе и болѣе распространяетъ дѣло соціального страхованія и тѣмъ заслуживаетъ уваженія конгресса. Германія тоже увеличиваетъ органы официальнаго страхованія и, по словамъ германскаго представителя, доктора Захея, стремится всѣми силами не только къ увеличенію страхованія, но и къ раскрытію всевозможныхъ злоупотребленій. Въ Великобританіи основано уже 27000 обществъ взаимнаго страхованія, въ Бельгіи правительство покровительствуетъ принципу взаимнаго страхованія, а въ Италіи также вводится обязательное страхованіе. Особенно краснорѣчиво говорилъ на римскомъ конгрессѣ извѣстный итальянскій государственный человѣкъ Луццати; въ своей краснорѣчивой рѣчи онъ выяснилъ, что успѣхъ народнаго страхованія главнымъ образомъ зависитъ отъ уменьшенія военнаго бюджета.

Въ нынѣшнемъ году обычный сіонистскій конгрессъ, собирающійся всегда въ Германіи, Швейцаріи или въ Голландіи, состоялся въ Кельвѣ, подъ предсѣдательствомъ профессора Вольфсона. Какъ извѣстно, эти конгрессы начались въ 1897 году подъ руководствомъ Теодора Герцля, и цѣлью ихъ было возстановленіе семитическаго народа въ его старинномъ отечествѣ—Палестинѣ. Въ программѣ сіонистовъ указывается, что вовсе нетрудно овладѣть святыми мѣстами, такъ какъ Герцль предлагаетъ поставить ихъ въ не территориальное условіе и подъ покровительство международнаго общественнаго права. Хотя до сихъ поръ практически еще не достигнуто стремленіе сіонистовъ къ устройству новаго еврейскаго государства въ предѣлахъ ихъ старинной родины, но на конгрессѣ каждый годъ выражаются все болѣе и болѣе пламенныя тенденціи въ этомъ отношеніи.

— Смерть Джіуліо Баррилли, Гастона Довнэ, графа Ларошфуко, Жава Шлумбергера, Люпса Камбея, Чарльза Нортонна и Викторьена Сарду.—Нынѣшней осенью умерло нѣсколько замѣчательныхъ людей въ Испаніи, Франціи и Германіи, а въ итальянскомъ городѣ Каркаль скончался на 74 году жизни Джіуліо Баррилли. Онъ былъ офицеромъ гарибальдійскихъ легионовъ, депутатъ итальянскаго парламента, профессоръ литературы въ генуэзскомъ университетѣ, ректоръ тамъ же и замѣчательный ораторъ, романистъ, историкъ и журналистъ. Онъ написалъ около семидесяти романовъ, большую часть историческихъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ. Изъ нихъ особенно выдѣлялись «Val d'Olivi», «Il capitano Doder», «Santa Cecilia» и «Come in sogno». Последнее свое произведеніе, «Исторію Италіи», онъ оставилъ неоконченнымъ.

Гастонъ Доннэ родился въ Гаврѣ въ 1867 г. и съ восемнадцатилѣтняго возраста прославился, какъ журналистъ. Онъ участвовалъ въ «Débats», «Figaro» и «Augote». Кромѣ того, онъ много путешествовалъ по порученію французскаго правительства и въ качествѣ корреспондента газеты «Temps», а въ 1905 г. былъ посланъ въ Галацъ въ качествѣ секретаря европейской комиссіей, наблюдавшей за навигаціей на Нижнемъ Дунаѣ. Литература ему обязана нѣсколькими основательными и серьезными сочиненіями: «Въ Китаѣ», «Въ Сахарѣ», «Въ Индо-Китаѣ». Въ философскомъ направленіи замѣчательно его сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О вліяніи нравственности на исторію».

Графъ Шарль Ларошфуко герцогъ Дудовиль-Визачія былъ извѣстенъ во Франціи, какъ дипломатъ и политическій дѣятель. Онъ родился въ Парижѣ въ 1825 г. и, какъ искренній легитимистъ, во время второй имперіи устранился отъ политической карьеры. Только въ 1871 г. онъ вступилъ въ Национальное Собраніе и игралъ тамъ важную роль. Онъ всѣми средствами старался возстановить Бурбоновъ и хотя Макъ-Магонъ, сдѣлавшись президентомъ, назначилъ его посломъ въ Лондонъ, онъ вскорѣ подалъ въ отставку и предложилъ Национальному Собранію возстановить монархію. Послѣ неудачныхъ попытокъ въ пользу Бурбоновъ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ покинулъ политическую карьеру.

Жанъ Шлумбергеръ, эльзасскій политическій дѣятель, родился 19 февраля 1819 г. и принадлежалъ къ богатому семейству эльзасскихъ промышленниковъ. Онъ воспитывался въ парижской школѣ права и до франко-германской войны занимался коммерческими дѣлами, послѣ чего вступилъ на политическую почву. Признавъ германское владычество надъ своей родиной, онъ пытался извлечь изъ германской администраціи возможную пользу, и всѣми силами хлопоталъ ввести систему истинной автономіи. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ председателемъ эльзасъ-лотарингской делегаціи и сохранилъ этотъ постъ до 1903 г., отличаясь твердостью и увѣренностью въ своихъ принципахъ, что побудило императора Вильгельма II выдать ему дворянскую грамоту.

Въ концѣ октября Англія и Соединенные Штаты лишились двухъ выдающихся ученыхъ. Пасторъ Люисъ Камбель былъ профессоромъ греческой словесности въ университетѣ св. Андрея и на дняхъ скончался 79 лѣтъ. Окончивъ образованіе въ университетахъ Глазговскомъ и Оксфордскомъ, Камбель получилъ кафедру въ шотландскомъ университетѣ и сохранялъ ее цѣлыхъ тридцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ занимался новымъ изданіемъ Софокла и переводами въ стихахъ того же Софокла и Эсхила. Онъ также извѣстенъ какъ авторъ «Религіи въ греческой литературѣ» и «Трагическія драмы» Эсхила, Софокла и Шекспира.

Смерть Чарльза Нортонъ (въ штатѣ Массачусетсѣ) возбудила во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ общее сожалѣніе, такъ какъ онъ считался во всей странѣ любимымъ ученымъ и беллетристомъ. Сынъ извѣстнаго англиканскаго пастора, Нортонъ былъ сначала студентомъ, а потомъ распространителемъ въ гарвардскомъ университетѣ и считался образцовымъ профессоромъ американской и англійской культуры. Его первымъ сочиненіемъ было: «Новыя соціальныя теоріи», а затѣмъ онъ много писалъ объ Италіи, а особенно о Данте и о своихъ

путешествіяхъ по Аппенинскому полуострову. Въ 1874 г. онъ получилъ кафедру изящныхъ искусствъ въ Гарвардѣ и своими лекціями, выражавшими принципы гуманности и культуры, онъ напоминалъ во многихъ отношеніяхъ Рескина. Кромѣ того, онъ занимался археологическими работами и былъ первымъ предѣдателемъ американскаго археологическаго института. Вообще Нортонъ былъ замѣчательнымъ связующимъ звеномъ ученыхъ и писателей. Изъ его беллетристической дѣятельности особенное значеніе имѣлъ переводъ въ прозѣ «Божественной Комедіи» Данте.

8 сентября скончался въ Парижѣ пресловутый и популярный мастеръ современнаго сценическаго искусства Викторьенъ Сарду. Говоря о немъ, конечно, нельзя восторгаться имъ, какъ великимъ драматургомъ и комическимъ авторомъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ нѣкоторые легкомысленные фельетонисты, но надо отдать Сарду справедливость за его удивительное трудолюбіе и умѣнье писать забавно и легко до семидесятисемилѣтняго возраста. Онъ родился въ Парижѣ въ 1831 г. и сначала изучалъ медицину, а потомъ всецѣло предавался въ теченіе долговременной жизни сценической дѣятельности. Первая его пьеса: «Таверна студентовъ», поставленная на сценѣ театра «Одеонъ» въ 1854 г., потерѣла положительное фіаско, но затѣмъ, женившись на актрисѣ Грекуръ, Сарду продолжалъ неудержимо свою авторскую дѣятельность на сценахъ различныхъ парижскихъ театровъ. Успѣхъ его произведеній начался съ водевиля «*Pattes de mouche*» и съ тѣхъ поръ продолжался до прошедшаго года, когда была поставлена его послѣдняя мелодрама: «*Drame de poison*». Нѣтъ возможности привести названія всѣхъ его пьесъ, ихъ насчитывается до семидесяти. Нѣкоторые парижскіе критики увѣряютъ, что число ихъ достигаетъ солидной цифры 100. Произведенія Сарду раздѣляются на водевили, если не серьезныя комедіи, то забавныя комедійныя представленія и сенсационныя мелодрамы. Кромѣ громаднаго успѣха во Франціи, пьесы Сарду, дававшіяся въ переводахъ на сценахъ всего свѣта, пользовались и тамъ такимъ же успѣхомъ, стоить только вспомнить «*Nos intimes*», «*La famille Benoiton*», «*Nos bons villageois*», «*Fernande*», «*Patrie*», «*La haine*», «*Divorçons*», «*Théodore*», «*Tosca*», «*Madame Sans-Gêne*», «*Terminidor*», «*Pamella*» и т. д. до безконечности. Въ самыхъ удачныхъ пьесахъ Сарду играли такія знаменитыя актрисы, какъ Деланортъ, Сарра Бернаръ, Режанъ и т. д. Изъ актеровъ же на ряду съ ними отличались Коклэнъ, Гретри и Перочіа. Сарду ставилъ свои пьесы не только въ Парижѣ, но даже въ Лондонѣ, для котораго написалъ нарочно двѣ пьесы: «*Робеспьеръ*» и «*Давте*». Несмотря на безконечное число пьесъ, Сарду писалъ и романы, но съ меньшимъ успѣхомъ. Въ 1877 г. онъ былъ выбранъ въ «безсмертные» французской академіи, и единственный изъ всѣхъ писателей имѣлъ большой крестъ Почетнаго Легіона.

С М Ъ С Ъ.

Литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества 21 октября, въ 2 часа дня, состоялось подъ предсѣдательствомъ профессора Н. П. Карѣва очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. Засѣданіе началось сообщеніемъ предсѣдателя о понесенныхъ фондомъ утратахъ. За послѣднее время покинули этотъ міръ П. И. Вейнбергъ, А. А. Потѣхинъ и А. Я. Острогорскій. Особенно чувствительна утрата П. И. Вейнберга, за заслуги котораго фондъ еще при жизни его постановилъ отчислять извѣстный процентъ съ литературныхъ вечеровъ въ специальный капиталъ его имени. Въ ближайшемъ будущемъ комитетомъ рѣшено устроить литературный вечеръ, посвященный памяти покойнаго. Былъ затѣмъ прочтанъ отчетъ секретаря съ мая по октябрь. Изъ отчета видно, что за это время комитетъ имѣлъ 10 засѣданій, на которыхъ состоялось 362 постановленія. Прошеній о выдачѣ денежныхъ пособій и ссудъ было подано 326; изъ нихъ удовлетворена 251 просьба и отклонено 75. Единовременныхъ пособій было назначено 171 лицу на сумму 4.012 рублей, срочныхъ ссудъ—10 лицамъ на 900 рублей; безсрочныхъ ссудъ — 24 лицамъ на 2.055 рублей; назначено продолжительныхъ пособій 10 лицамъ на 1.180 рублей; продлено пособій 16 лицамъ на 2.970 рублей; назначено пенсій 2 лицамъ на 600 рублей; на воспитаніе и обученіе выдано

18 лицамъ 766 рублей. Всего 12.483 рубля. Комитетъ ходатайствовалъ объ освобожденіи отъ платы за обученіе дѣтей 5 писателей въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; о бесплатномъ помѣщеніи въ различныя лечебницы 4 больныхъ писателей и писательницъ, а также объ отпѣнѣ административной высылки изъ города Одессы больного писателя. Комитетъ сносился съ редакціями повременныхъ изданій по претензіямъ, предъявленнымъ къ нимъ 8 писателями. Устроенный комитетомъ литературный вечеръ въ память Гаршина далъ чистой прибыли 558 руб. 10 коп. На происходившемъ въ юнѣ 1-мъ все-россійскомъ съѣздѣ повременной печати по поводу 80-лѣтія со дня рожденія графа Л. Н. Толстого, представителемъ отъ литературнаго фонда былъ избранъ С. А. Венгеровъ. Отъ имени фонда комитетомъ въ день 80-лѣтней годовщины дня рожденія графа Л. Н. Толстого была послана привѣтственная телеграмма. Скончавшійся профессоръ А. С. Тауберъ завѣщалъ въ пользу фонда всѣ непроданные экземпляры его сочиненія: «Современныя школы хирургіи». Отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» получено пожертвованіе въ 300 рублей. Отъ московскаго литературно-художественнаго кружка получено пожертвованіе въ 120 рублей, въ качествѣ пособия одному писателю, одержимому тяжкой болѣзью. Затѣмъ слѣдовалъ отчетъ казначея о движеніи принадлежащихъ фонду суммъ за время съ 1 января по 1 октября текущаго года. На 1 января 1908 года состояло въ процентныхъ бумагахъ 694.425 руб. и наличными 16.260 руб. 74 коп. Въ 1908 году поступило процентными бумагами 12.200 руб. и наличными 41.076 руб. 91 коп., а всего съ остаткомъ отъ 1907 года — бумагами 706.625 руб. и наличными 57.335 руб. 65 коп. Въ 1908 года израсходовано: на пенсіи 5.239 руб., на продолжительныя пособія 8.002 руб., на единовременныя — 6.950 руб. 50 коп., на ссуды: срочныя — 1.855 руб. и безсрочныя 2.290 руб.; пособій на воспитаніе и обученіе выдано 2.125 руб.; стипендіи: литературнаго фонда 690 рублей и Н. О. Бунакова 737 руб.; выдано по завѣщанію Г. З. Елисѣева 472 руб.; разные расходы 697 руб. 14 коп.; пособій изъ капитала Н. Ф. Дамича 1210 руб., изъ капитала Михневича 2.565 руб. Расходы по изданіямъ—5.939 руб. 92 коп., переходящія суммы 6.502 руб. 39 коп.; покупка процентныхъ бумагъ по курсу 10.612 руб. 94 коп., стоимость купона 199 руб. 50 коп.: итого 50.497 руб. 19 коп. На 1 октября 1908 года въ остаткѣ: въ процентныхъ бумагахъ 706.636 руб. и наличными 6.838 руб. 45 коп., а всего 713.462 руб. 45 коп. Эта сумма распредѣляется такъ: капиталы неприкосновенные и именныя 659.756 руб. 10 коп.; Дамича — 42.225 руб. 33 коп., ссудный — 22 руб. 77 коп., переходящія суммы 10.240 руб. 89 коп. и разность между номинальной и покупной цѣной бумагъ 1.987 руб. 6 коп. Дефицитъ расходнаго капитала 770 руб. 64 коп. Засѣданіе закончилось разсмотрѣніемъ вопроса о времени составленія, подписанія и опубликованія протоколовъ собраній фонда.

Общее собраніе членовъ императорской академіи художествъ. 27 октября состоялось общее собраніе членовъ императорской академіи художествъ подъ предѣтельствомъ академика М. П. Боткина. Закрытой балло-

тировкой избраны по представлению академическаго совѣта въ почетное званіе академикомъ: Н. К. Бодаревскій, В. К. Бялыницкій-Бирюля, А. Ф. Васютинскій, Э. Ф. Виррихъ и Ф. А. Рубо. Въ члены-сотрудники академіи избранъ изслѣдователь памятниковъ старины И. Ф. Борщевскій. Въмѣсто скончавшагося члена академіи Н. В. Султанова въ комиссію по изданію «Памятниковъ древне-русскаго искусства» избранъ академикъ Г. И. Котовъ и въ комиссію по командированію лицъ для зарисовыванія и обмѣра древне-русскихъ памятниковъ (также вмѣсто умершаго Султанова) избранъ академикъ Е. А. Сабанѣевъ. Въ заключеніе собраніе утвердило новыя штаты преподавателей высшаго художественнаго училища въ размѣрѣ ассигнованныхъ на этотъ предметъ 59,335 руб. и приобрѣло для академической бібліотеки портретъ Наслѣдника Цесаревича работы академика М. В. Рундальцева.

Всероссійскій женскій съѣздъ. Официальное открытіе съѣзда состоится 10 декабря. Въ настоящее время установленъ порядокъ занятій съѣзда: 9-го, вечеромъ, неофициальное собраніе въ помѣщеніи о-ва для ознакомленія другъ съ другомъ членомъ съѣзда; 10-го—общее собраніе въ городской думѣ, въ 8 ч. веч., и объявленіе къ открытію съѣзда; 11, 12 — занятія секціями, чтеніе докладовъ и проч. (отъ 11—4 ч. и 8—11 ч. веч.); 12-го вечеромъ—раутъ, 13-го — секція, 14-го, воскресенье — отдыхъ, вечеромъ концертъ, 15-го—работы секцій, 16-го, 17-го—общія собранія. Заявленій о желаніи представить доклады поступило до сотни; въ томъ числѣ есть нѣсколько составленныхъ мужчинами. Въ редакціонное бюро, на обязанности котораго будетъ лежать просмотръ, утвержденіе и принятіе поступаемыхъ докладовъ, избраны: Шапиръ, Щенкина, Шабанова, Авилова, Долгова, Чехова, Чебышева-Дмитріева, Тюрбертъ, Милокова, Кальмановичъ; въ «справочное бюро», на которомъ будетъ лежать, въ сущности, весь распорядокъ съѣзда: Воронецъ, Волькенштейнъ, Познанская, Добрякова, Радущина, Харпикъ, Зелинская, Франкъ. Мыслаевская; «бюро печати»: Базанкуръ, Каричъ, Шульманъ, Кальмановичъ. Заботы о размѣщеніи пріѣзжихъ делегатовъ возложены на особую квартирную комиссію, въ составъ которой вошли: А. П. Философова, Кальмановичъ, Хрѣнова, Колышко-Неметти, Бородина, Судзиловская. Засѣданія организаціонной комиссіи происходятъ по понедѣльникамъ, въ 8¹/₂ ч. Засѣданія распорядительной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ А. П. Философовой, — по пятницамъ, въ помѣщеніи о-ва, отъ 2—5 час. Доклады и членскіе взносы — тамъ же.

Къ 25-лѣтнему юбилею школы имени Ф. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ. Русса была любимымъ мѣстомъ Достоевскаго, она всегда ему нравилась своею тишиною, — вотъ почему онъ и обзавелся здѣсь домомъ. Недалеко отъ дома помѣщается въ настоящее время школа въ память Федора Михайловича, со дня основанія которой исполнилось 30 октября 25 лѣтъ. Когда умеръ Ф. М., почитатели его собрали сумму на устоѣство памятника, отъ которой послѣ постановки осталось еще около 4,000 р. Рѣшили употребить эти деньги на какое-нибудь полезное дѣло. Такъ какъ всегдашней мечтой Достоевскаго было устройство школы, но такой, гдѣ бы дѣти обучались не только грамотѣ, но

укрѣплялись бы и въ религіозномъ чувствѣ, то рѣшили основать подобную. Супруга Ѳ. М. обратилась за совѣтомъ къ другу покойнаго К. П. Побѣдоносцеву, всегда близко стоявшему къ семьѣ Достоевскихъ. Побѣдоносцевъ нашель, что самымъ подходящимъ къ желанію Ѳ. М. типомъ являются церковно-приходскія школы, и предложилъ устроить такую, обѣщая на усиленіе средствъ субсидію отъ синода. Такимъ образомъ, и открыта была въ 1883 г. церковно-приходская школа при церкви Благовѣщенія имени Ѳ. М. Достоевскаго. Первый выпускъ въ 1886 г. былъ всего въ 10 учениковъ. До 1896 г. въ школѣ обучались дѣвочки и мальчики, теперь же школа только женская, и число ученицъ свыше 300. Кромѣ научныхъ предметовъ, проходится специально рукодѣліе. Существуетъ школа на проценты съ основного капитала, ежегодныя субсидіи синода (въ первые годы по 300 р., а въ послѣдніе по 3,500 р.). Попечительница школы Анна Григорьевна Достоевская даетъ ежегодно отъ себя 300 р., кромѣ того, субсидіи отъ города, земства, частныя пожертвованія и арендная плата отъ с.-петербургской дѣтской колоніи, которая лѣтомъ помѣщается въ зданіи школы съ 1888 г. Предполагаютъ, что скоро школу преобразуютъ въ учительскую семинарію.

Столѣтіе института инженеровъ путей сообщенія. Черезъ два года, а именно перваго ноября 1910 года, исполняется сто лѣтъ со дня основанія института инженеровъ путей сообщенія императора Александра Перваго. Перваго ноября 1810 года, для приготовленія ученыхъ инженеровъ былъ открытъ «институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія». Штатъ учениковъ новаго института былъ всего въ 80 человекъ. Курсъ ученія былъ четырехлѣтній. Но, несмотря на такое ограниченное число вакансій, въ то время не нашлось и половины желающихъ поступить въ новое учебное заведеніе. Главнымъ тормозомъ къ поступленію въ институтъ была, по всей вѣроятности, высокая плата за право ученія, доходившая до 1,200 рублей въ годъ. Да и молодежь того времени не сознавала всей выгодности новаго въ Россіи дѣла, а зачислялась въ войска. Первымъ инспекторомъ института былъ генералъ-лейтенантъ А. А. Бетанкуръ, родомъ изъ Испаніи. На пятнадцатомъ году существованія института состоялось его преобразованіе, и съ этого года онъ получилъ свое настоящее наименованіе. Къ этому же времени молодежь уже познакомилась съ институтомъ, почему и число желающихъ поступить достигло штатнаго числа вакансій. Первоначально новое учебное заведеніе помѣщалось въ зданіи, купленномъ у Юсупова, нынѣ занимаемомъ квартирою министра путей сообщенія, а въ помѣщеніе, гдѣ находится институтъ въ настоящее время, онъ перешель только въ 1823 году. вмѣсто четырехъ классовъ вскорѣ было введено шесть классовъ. Число воспитанниковъ съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивалось и дошло уже до 250 человекъ. Совершенно воинскій духъ принялъ институтъ при главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями (нынѣ министерство путей сообщенія) графъ П. А. Клейнмихель, который придумалъ ввести въ немъ чисто военную муштровку. Благодаря уменьшенію платы за право ученія, при немъ же число учениковъ еще болѣе увеличилось. Для всѣхъ лицъ не дворянскаго происхо-

жденія должентъ быть памятенъ и благословенъ 1856 годъ, когда было уничтожено сословное подраздѣленіе лицъ вновь поступающихъ въ институтъ. Требовалось лишь извѣстное образованіе и знаніе нѣкоторыхъ специальныхъ наукъ. Черезъ три года послѣ этого были упразднены два низшихъ класса, и такимъ образомъ институтъ былъ поставленъ опять на 4-лѣтній курсъ, какимъ былъ и до 1829 года. Но въ 1864 году въ немъ былъ введенъ пятилѣтній курсъ ученія. Въ 1888 году опять уничтожили первый и второй курсы и остались лишь три высшихъ. Ношеніе формы, обязательной и въ настоящее время, было введено въ 1882 году. Трехлѣтній курсъ съ одними лишь высшими классами просуществовалъ только до 1890 года, когда снова былъ введенъ пятикурсовый цензъ образованія, съ подраздѣленіемъ на низшіе (первый и второй) и на высшіе (III IV и V) курсы. Въ 1893 году при институтѣ была устроена общая столовая и Николаевское имени августѣйшаго предѣдателя комитета Сибирской желѣзной дороги общежитіе студентовъ института инженеровъ путей сообщенія имени императора Александра I-го. Но какъ то, такъ и другое просуществовали лишь до 1-го января 1906 года, когда и было закрыто и то, и другое. Послѣднее преобразование института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I послѣдовало въ 1896 году, когда штатъ преподавателей былъ доведенъ до сотни человекъ, а число студентовъ—до 900 человекъ. Плата за ученіе въ настоящее время составляетъ всего 100 рублей въ годъ. Въ институтѣ имѣются 44 стипендіи различныхъ лицъ и учрежденій и 10 премій. Оканчиваютъ ежегодно въ настоящее время около 150 студентовъ. При институтѣ имѣется великолѣпный музей съ замѣчательными моделями, инструментами, строительными матеріалами и т. д. Замѣчательно, что во время всеобщихъ «забастовокъ» институтъ инженеровъ путей сообщенія императора Александра I ни разу не бастовалъ.

Археологическая находка. Вблизи Новгорода, въ Ковалевѣ, найдена интересная гробница древнихъ временъ. По поводу этой находки въ мѣстномъ обществѣ любителей древностей читался однимъ изъ членовъ его докладъ. Обнаружена гробница совершенно случайно во время ремонтныхъ работъ въ церкви, на глубинѣ не болѣе полъ-аршина подъ поломъ. Прежде всего по городу разнеслись разнаго сорта легенды, напр., о золотомъ гробѣ Рюрика, золотыхъ гривнахъ и т. п., затѣмъ, съ разрѣшенія владыки Гурія, 19-го октября произведены были раскопки, въ присутствіи членовъ архивной комиссіи, общества древностей и представителей духовнаго вѣдомства. Когда сняли первый слой земли, смѣшанной съ человѣческими костями и черепами, глазамъ открылась большая каменная крышка саркофага, слегка вышуклая, съ продольными гранями, покрытая берестой и расколотая на 4 части. Когда ее сняли, то обнаружили подъ нею и самый саркофагъ, саженой длины, шириною около 1 арш. и полъ-аршина глубины. На днѣ его лежалъ скелетъ, осыпанный мусоромъ и, кромѣ того, постороннія кости, сваленныя къ ногамъ гробницы. Вещей никакихъ не найдено, кромѣ кожаной, истлѣвшей почти туфли. Черепъ поражаетъ своею величиною. Все зубы сохранились прекрасно. Кости уже частью подверглись тлѣнію. Костякъ принадлежалъ человѣку средняго роста. Вся длина его 2 арш. 7 вершк. Определить въ точности, кому онъ принадлежитъ, нельзя,

ибо записей церковныхъ о прежнихъ захороненіяхъ не существуетъ. Однако докладчикъ сдѣлалъ предположеніе, что эта гробница можетъ принадлежать нѣкому Анциферу Жабину изъ рода новгородскихъ посадниковъ — строителю Ковалевской церкви въ XIV вѣкѣ. Отсутствіе какихъ бы то ни было вещей объясняется или тлѣніемъ (за большою давностью захороненія), или ограбленіемъ. Прольютъ свѣтъ на эту находку, вѣроятно, раскопки другой найденной 19-го октября рядомъ такой же гробницы, но, очевидно, цѣлой, неповрежденной. О разрѣшеніи произвести вторичныя раскопки общество любителей древности ходатайствуетъ передъ археологической комиссіей. По поводу того, кѣмъ изуродованъ первый саркофагъ, ключарь Софійскаго собора высказалъ предположеніе, не является ли виновникомъ его Сусловъ, реставраторъ св. Софіи, который во время реставраціи собора, лѣтъ 8 — 9 назадъ, занимался изслѣдованіемъ фундаментовъ и вообще построекъ окружающихъ новгородскихъ церквей и могъ въ это время какъ-нибудь потревожить гробницу, подобно тому, какъ въ св. Софіи суловскіе рабочіе неоднократно неосторожно разбивали гробницы.

Панорама севастопольской обороны. Въ свое время предполагалось торжественно почтить полувѣковой юбилей севастопольской обороны, для чего былъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Александра Михайловича. Начавшаяся война съ Японіей заставила отказаться отъ всякихъ юбилейныхъ торжествъ, но нѣкоторыя подробности юбилейной программы были выполнены и между прочимъ, по заказу названнаго комитета была изготовлена художникомъ профессоромъ Рубо панорама, изображающая одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ севастопольской обороны, гдѣ защитники Севастополя показали себя истинными героями. Панорама эта выставлена въ Севастополь и, по общимъ наблюденіямъ, производитъ отличное впечатлѣніе, особенно на войска и учащуюся молодежь. Въ виду этого явилась мысль сдѣлать ее доступной болѣе широкому кругу публики, выставя ее послѣдовательно въ болѣе крупныхъ нашихъ городахъ. Начать предложено съ Москвы, которая въ періодъ неравной борьбы подъ Севастополемъ своимъ патріотическимъ настроеніемъ была нравственной поддержкою для защитниковъ Севастополя. Какъ мы слышали, въ настоящее время уже приискивается въ Москвѣ подходящее мѣсто для панорамы, и есть надежда, что къ зимнему сезону всѣ нужныя приготовленія будутъ выполнены. Весной, когда въ Севастополь бываетъ наплывъ туристовъ со всей Россіи, панорама снова будетъ возвращена туда. Если опытъ съ Москвой окажется удачнымъ, то въ ближайшее затѣмъ время панорама будетъ выставлена въ Петербургѣ и Кіевѣ.

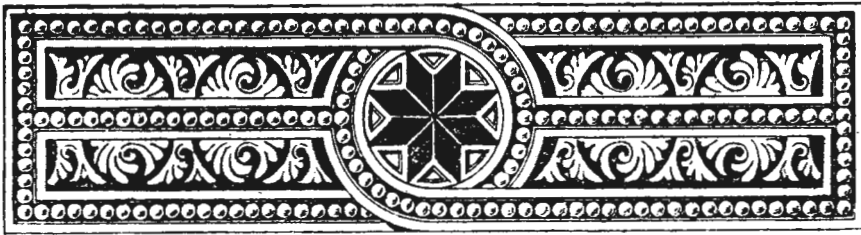
Проектъ суда чести при обществѣ періодической печати и литературы. Исполняя постановленіе съѣзда дѣятелей періодической печати, состоявшагося текущимъ лѣтомъ, совѣтъ и правленіе общества дѣятелей періодической печати и литературы посвятили рядъ засѣданій вопросу объ организаціи при обществѣ суда чести. На засѣданіе былъ приглашенъ присяжный повѣренный И. Н. Сахаровъ. Установивъ общія положенія и находя вполне своевременнымъ, необходимымъ и желательнымъ судъ чести для корпораціи

журналистовъ, совѣтъ поручилъ г. Сахарову выработать проектъ организаціи его. На послѣднемъ совмѣстномъ засѣданіи совѣта и правленія проектъ этотъ былъ обсужденъ и принятъ для внесенія его на утвержденіе общаго собранія членовъ общества. Главныя положенія организаціи суда чести формулированы въ проектѣ слѣдующимъ образомъ. Судъ чести учреждается при обществѣ для разсмотрѣнія поступковъ членовъ общества, несомвѣстимыхъ съ достоинствомъ ихъ, какъ профессиональныхъ дѣятелей. Разсмотрѣнію суда чести подлежатъ какъ поступки, преслѣдуемые уголовными законами, такъ и нарушенія этическихъ требованій, уголовными законами не наказуемыя. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судъ чести самъ устанавливаетъ, подлежитъ ли данное дѣло его разсмотрѣнію. Рѣшенія суда чести сводятся къ моральной оцѣнкѣ даннаго поступка и признанію справедливости того или другого требованія члена. О тяжкихъ нарушеніяхъ судъ чести сообщаетъ общему собранію. Рѣшенія суда окончательны и не подлежатъ обжалованію или пересмотру. Возбуждать дѣло судъ чести имѣетъ право какъ по жалобамъ, такъ и по собственной инициативѣ. Неявка члена общества въ судъ чести и отказъ представить объясненія не останавливаетъ производства. Рѣшеніе постановляется большинствомъ голосовъ, причемъ оставшіеся въ меньшинствѣ члены суда чести могутъ прилагать къ протоколу особое мнѣніе. Письменные копии мотивированныхъ рѣшеній и особыхъ мнѣній при желаніи выдаются каждой изъ сторонъ. Члены суда чести избираются въ числѣ 9-ти и 3-хъ кандидатовъ закрытой баллотировкой на общихъ собраніяхъ членовъ общества на два года. Каждая сторона можетъ безъ объясненія причинъ отвести не болѣе двухъ членовъ; каждый членъ суда можетъ отстранить себя отъ разсмотрѣнія даннаго дѣла, для дѣйствительности же засѣданій суда требуется присутствіе не менѣе 5-ти членовъ. Члены суда выбираютъ изъ своей среды председателя, товарища и члена-докладчика.

Отъ комитета по сооруженію памятника И. С. Тургеневу въ Орлѣ. 22-го августа 1908 года исполнилась четверть вѣка со дня кончины Ивана Сергѣевича Тургенева, великаго поэта, одного изъ выдающихся представителей реально-художественной школы въ русской литературѣ, на произведеніяхъ котораго воспитывалось въ возвышенно-гуманномъ духѣ столько русскихъ поколѣній, который своими вдохновенными, чарующе-изящными и глубоко-правдивыми твореніями значительно содѣйствовалъ прославленію русскаго имени, а также уваженію и интересу къ русской литературѣ за границей, въ западно-европейскихъ государствахъ. Памятуя о такой знаменательной годовщинѣ, учрежденный съ Высочайшаго соизволенія для сбора пожертвованій по всей имперіи на предметъ сооруженія въ г. Орлѣ памятника И. С. Тургеневу комитетъ, состоящій подъ покровительствомъ президента академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича, въ слѣдующемъ составѣ: председатель комитета орловскій губернаторъ С. С. Андреевскій; члены комитета: Серафимъ, епископъ орловскій и сѣвскій, Митрофанъ, епископъ елецкій, вице-губернаторъ Н. П. Галаховъ, губернский предводитель дворянства М. К. Полозовъ, председатель губернской земской управы С. Н. Масловъ, городской голова Н. Д. Сухановъ, въ засѣданіи своемъ 18 августа 1908 г. единогласно

постановилъ: обратиться ко всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, а также и частнымъ лицамъ, сочувствующимъ вышеозначенной цѣли комитета, съ воззваніемъ объ участіи посильными пожертвованіями въ общемъ дорогомъ для всѣхъ русскихъ дѣлѣ почтенія памяти великаго сына Россіи И. С. Тургенева постановкой ему памятника въ его родномъ городѣ. Комитетъ стремится привести въ исполненіе свою задачу ко дню столѣтія со дня рожденія И. С. Тургенева, а именно къ 28 октября 1918 года. Пожертвованія принимаются въ г. Орлѣ: въ канцеляріи губернатора, въ городской управѣ, въ губернской земской управѣ.

НЕКРОЛОГИ.

БАЖИНЪ, Н. Ѳ. Въ Свіяжскѣ (Казанской губерніи) умеръ старый беллетристъ-народникъ Николай Ѳедотовичъ, Бажинъ, начавшій свою литературную дѣятельность еще въ 60-хъ годахъ. Первая повѣсть его «Степанъ Рулевъ» помѣщена въ писаревскомъ журналѣ «Русское Слово», а затѣмъ Н. Ѳ. сотрудничалъ въ «Дѣлѣ» Шелгунова, въ «Русскомъ Богатствѣ» старой редакціи, въ «Наблюдателѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и другихъ прогрессивныхъ журвалахъ 80-хъ годовъ. Его повѣсти и рассказы еще въ 70-хъ годахъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ и въ 1885 году были запрещены къ выдачѣ изъ библиотекъ. Лучшимъ произведеніемъ Н. Ѳ. считается романъ «Лицомъ къ лицу», печатавшійся въ «Русскомъ Богатствѣ». Н. Ѳ. Бажинъ принадлежалъ къ школѣ реалистовъ писаревского толка. Его «Степанъ Рулевъ» повторяется въ различныхъ варіаціяхъ во многихъ его произведеніяхъ и представляетъ своеобразный прототипъ Рахметова и Базарова. Н. Ѳ. умеръ на 65 году жизни. Родился онъ въ Вяткѣ, учился въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, который окончилъ въ 1862 году. Тотчасъ же по окончаніи онъ сталъ заниматься литературой, которой посвятилъ всю свою жизнь. Последніе годы, какъ сообщаетъ «К. В. Рѣчь», Н. Ѳ. жилъ въ Свіяжскѣ, въ сторонѣ отъ новыхъ литературныхъ теченій и интересовъ. Здѣсь же его скромно похоронили... (Некрологъ его: «Рѣчь» 1908 г., № 247).

† **Бартеневъ, Ю. П.** Внезапно скончался за границей Юрій Петровичъ Бартеневъ, куда онъ отправился въ началѣ осени поправлять свое здоровье. Онъ скончался во цвѣтъ лѣтъ, и смерть его является новой тяжелой утратой для національно-патріотическихъ союзовъ. Сынъ извѣстнаго издателя «Русскаго Архива», крестникъ И. С. Аксакова, Ю. П. Бартеневъ родился въ Москвѣ въ 1866 году. Покойный получилъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета, послѣ чего свое философское образованіе продолжалъ въ лучшихъ заграничныхъ университетахъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ преподавателемъ въ одной изъ московскихъ гимназій, а въ послѣдніе годы занималъ должность цензора въ московскомъ комитетѣ по дѣламъ печати. До поступления на коронную службу Ю. П. Бартеневъ нѣсколько лѣтъ редактировалъ лучшей изъ нашихъ историческихъ журналовъ «Русскій Архивъ». Въ своихъ учено-политическихъ работахъ и рѣчахъ покойный неизмѣнно подчеркивалъ свою зависимость отъ русско-православныхъ мыслителей: Хомякова, Аксаковыхъ и Самариныхъ. Являясь послѣдователемъ славянофильскаго ученія, Ю. П. Бартеневъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ «Кружка Москвичей», болѣе извѣстнаго подъ именемъ Самаринскаго. Общественная дѣятельность покойнаго началась въ коломенскомъ земствѣ, которое избрало его въ гласные московскаго губернскаго земства. Въ послѣднемъ онъ всегда выступалъ горячимъ противникомъ «кадетскихъ вождедѣній» и стоялъ за бережливость въ земскихъ расходахъ. Правое крыло гласныхъ губернскаго земства потеряло въ лицѣ Ю. П. стойкаго и дѣятельнаго соратника. Несравненно большую извѣстность покойный приобрѣлъ въ качествѣ товарища-предсѣдателя союза русскихъ людей въ Москвѣ. За послѣдніе всѣмъ памятные годы Ю. П. Бартеневъ выступалъ въ качествѣ борца за русское дѣло почти во всѣхъ московскихъ монархическихъ союзахъ. Его пламенные, логически построенныя, научными доводами подкрѣпленныя рѣчи всегда вызывали патріотическій подъемъ среди слушателей. Не даромъ монархическіе союзы выставили его своимъ кандидатомъ при выборахъ въ 3-ю Государственную Думу. Когда осенью 1905 года Москва оказалась во власти революціонеровъ и аптеки прекратили свою работу, Ю. П. Бартеневъ обратился къ высшимъ властямъ съ предложеніемъ прекратить забастовку. Не найдя себѣ поддержки, покойный сдѣлалъ призывъ черезъ газеты къ обществу, и самъ вмѣстѣ съ сестрою, явившись въ одну изъ аптекъ, сталъ изготавлять по рецептамъ лекарства для больныхъ обывателей столицы. Примѣру его послѣдовало нѣсколько человекъ, и благодаря ихъ заботѣ много сотенъ немощныхъ получили облегченіе. Здѣсь сказались стойкость и безстрашіе, ибо его работа въ аптекѣ, конечно, встрѣтила озлобленіе среди забастовщиковъ, измѣнниковъ своему служебному долгу, которые пытались угрозами и даже насиліемъ помѣшать Ю. П. и его сотрудникамъ исполнить долгъ человеколюбія. Но пока горѣлъ газъ и была вода, они съ утра оставались на своемъ посту. Всѣмъ еще памятны пламенныя рѣчи Ю. П. Бартенева въ дворянскомъ собраніи при обсужденіи вопроса объ исключеніи г. Кокоскина изъ дворянскаго собранія. Покойный былъ врагомъ уз-

кой сословности, неизмѣнно отстаивалъ обще-государственные интересы и пользовался большимъ уваженіемъ среди коломенскихъ крестьянъ. Внезапная кончина Ю. П. поразила многочисленныхъ его единомышленниковъ. Его могучее сложеніе не давало намека на скорую печальную развязку, которая явилась результатомъ болѣзни сердца. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 255).

† **Гиль, Х. Х.** Скончался старѣйшій и извѣстнѣйшій среди нашихъ нумизматовъ Христіанъ Христіановичъ Гиль, оказавшій громадныя услуги въ области русской археологіи. Покойный, иностранецъ по происхожденію, пріѣхалъ въ Россію совѣтъ еще юношею и на первыхъ порахъ былъ скромнымъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ одномъ изъ нашихъ аристократическихъ семействъ. Постепенно онъ все болѣе и болѣе привязывался къ нашей странѣ, началъ внимательно изучать ея прошлое и, наконецъ, совѣтъ увлекся открывшейся передъ нимъ новой областью—русской нумизматики. Съ конца 60-хъ гг. онъ уже всецѣло погруженъ въ нее и занялъ исключительно собираніемъ и классификаціей древнихъ русскихъ или находимыхъ въ Россіи монетъ. Онъ организуетъ спеціальныя археологическія экскурсіи по нашимъ южнымъ губерніямъ и Крыму, гдѣ нѣкогда процвѣтали древне-греческія колоніи. Онъ скупаеетъ, часто очень дорогою цѣною, вновь открытыя рѣдкія монеты (такъ, за одну золотую монету Митридата Великаго Эвпатора, въ своемъ родѣ unique, имъ было заплачено 2 тысячи рублей) и въ концѣ концовъ составляетъ огромную, можно сказать, единственную въ мірѣ коллекцію южно-русскихъ и греческихъ монетъ. Это собраніе, которое по многимъ экземплярамъ богаче нашего знаменитаго «Эрмитажнаго», передано Х. Х. Гилемъ незадолго передъ кончиною великому князю Александру Михайловичу. Покойный былъ не только образцовымъ коллекціонеромъ, но и блестящимъ систематизаторомъ. Его книга «Таблицы русскихъ монетъ двухъ послѣднихъ столѣтій» (два изданія 1883 и 1898 гг.) справедливо считается настольнымъ руководствомъ для всѣхъ любителей нумизматики. Умеръ Х. Х. Гиль въ 62-лѣтнемъ возрастѣ и умеръ совершенно внезапно отъ воспаления легкихъ, полученнаго имъ во время заграничной поѣздки. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1908 г., № 250).

† **Григорьевъ, А. В.** Скоропостижно скончался одинъ изъ выдающихся членовъ императорскаго русскаго географическаго общества Александръ Васильевичъ Григорьевъ, положившій всю свою жизнь на искреннее служеніе дѣлу изслѣдованія своего отечества. Будучи ботаникомъ по своему образованію, ученикомъ с.-петербургскаго университета, онъ еще молодымъ человѣкомъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ возможность проявить свою наблюдательность и охоту къ географической дѣятельности въ болѣе широкомъ смыслѣ. Разнообразное участіе въ трудахъ географическаго общества и работы на сѣверѣ Россіи послужили къ избранію его представителемъ общества въ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ для поданія помощи Норденшильду, когда послѣдній совершалъ зна-

менитое плаваніе на «Вегъ» кругомъ Сѣверной Азіи. Но прежде, чѣмъ судну Сибирякова удалось дойти до Ледовитаго океана, вокругъ Азіи съ юга, Норденшильдъ самъ пришелъ въ Японію. Необходимость итти къ сѣверу миновала, и А. В. Григорьевъ употребилъ оставшееся время на изученіе Японіи, откуда привезъ обществу обстоятельныя коллекціи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ занять отвѣтственное мѣсто секретаря общества, которымъ и пробылъ въ теченіе 20 лѣтъ подъ рядъ. За этотъ періодъ, ознаменованный рядомъ блестящихъ экспедицій общества для изученія Центральной Азіи, снявшихъ съ нея завѣсу тайны, и большимъ числомъ другихъ ученыхъ предпріятій, иногда очень обширнаго размѣра, какъ, напримѣръ, участіе Россіи въ международныхъ полярныхъ изслѣдованіяхъ въ 1881—82 гг., когда общество снарядило блестящія двѣ экспедиціи, на Новую Землю и на устье Лены, А. В. Григорьевъ принималъ самое горячее и усиленное участіе во всѣхъ работахъ по организации, подготовкѣ и снабженію экспедицій, а по ихъ возвращеніи—въ обработкѣ и изданіи ихъ трудовъ. Не будучи путешественникомъ или кабинетнымъ изслѣдователемъ, А. В. Григорьевъ, благодаря своей широкой и всесторонней эрудиціи въ географическихъ наукахъ и своему отзывчивому характеру, принималъ самое дѣятельное и сердечное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ не только общества, но и многихъ членовъ его. Всякій желавшій работать на поприщѣ изученія Россіи шелъ къ нему, увѣренный встрѣтитъ теплый, дружескій пріемъ и всякую помощь и указаніе, выраженныя всегда съ необыкновеннымъ тактомъ, свойственнымъ чуткой, отзывчивой, честной натурѣ. Въ послѣдніе годы, будучи членомъ совѣта общества и потомъ—помощникомъ председателя его, онъ все свое время употреблялъ на работу на пользу родной ему географіи Россіи. Онъ разыскалъ, изслѣдовалъ и описалъ оригинальнѣйшую карту, писанную на бязи и относящейся къ числу первыхъ картъ Россіи, обработалъ каталогъ иностранной части обширной бібліотеки общества, велъ два обширныхъ изданія: описаніе трудовъ экспедицій П. К. Козлова и Цибикова въ Центральную Азію и Лхассу. Первое онъ вполне закончилъ, а второе почти, положивъ въ это дѣло, какъ и во все, за что только онъ брался, всю свою душу. Еще за два часа до своей кончины онъ трудился надъ обработкою каталога и умеръ, какъ истинный гражданинъ, на своемъ посту, не покладая рукъ до послѣдняго момента жизни. Умеръ А. В. 60 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.719).

† **Коровинъ, С. А.** 13-го октября скончался въ Москвѣ Сергій Алексѣевичъ Коровинъ, видный художникъ. Въ общественныхъ кругахъ, интересующихся искусствомъ и тѣмъ, какія русла оно старается себѣ находить, и какія площади питанія оно захватываетъ, братья Константинъ и Сергій Алексѣевичи Коровины пользуются несомнѣннымъ вниманіемъ. В. В. Стасовъ, замѣтившій въ младшемъ, Константинѣ, Коровинѣ много самобытной художественности, въ сущности не могъ пройти мимо Сергія Коровина, артистическій складъ котораго носилъ на себѣ печать школы, изъ коей вышли лучшіе наши реалисты-націоналисты, независимые какъ лично, такъ и въ твор-

чества. Эта школа — московское училище живописи и ваяній. Покойный Сергѣй Алексѣевичъ Коровинъ былъ ея ученикомъ. А такъ какъ онъ родился въ 1858 году, въ Третьяковской же галереѣ находятся его «Солдаты у колодца», помѣченные 1888 годомъ, то можно сказать, что на глазахъ художника всходило яркое солнце «передвижничества», отъ яркихъ лучей котораго долженъ былъ грѣться и грѣлся его незаурядный талантъ. С. А. Коровинъ, конечно, не изъ звѣздъ первой величины, но это и не тусклая звѣздочка. Это согрѣтое чувствомъ и не оторвавшееся отъ русской почвы дарованіе, особенно замѣтное въ произведеніяхъ, пріютившихся въ стѣнахъ нашихъ художественныхъ сокровищницъ. Не знаю, что досталось отъ С. Коровина Петербургу и провинціи, но въ Москвѣ хранятся слѣдующія картины покойнаго бытовика: «Въ волостномъ правленіи» (въ галереѣ Румянцовскаго музея), и въ Третьяковской галереѣ, кромѣ названныхъ «Солдатъ у колодца», — «На міру», «Этюдъ» (бывшій у С. И. Мамонтова), «Къ Троицѣ» и эскизъ «Сходка». Очевидно, къ чему тяготѣлъ художникъ и какой міръ больше всего просился на его полотно. «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ». Впрочемъ, въ послѣдніе годы С. А. Коровинъ былъ занятъ исторической картиной большаго размѣровъ: «Куликовская битва», для московскаго историческаго музея. Ему улыбалось близкое сосѣдство съ В. М. Васнецовымъ, но судьба распорядилась по-своему. Параличъ сердца — и талантливаго человѣка не стало. Остается одно утѣшеніе, что живетъ и долго будетъ жить память о немъ въ училищѣ живописи и ваянія, гдѣ С. А. Коровинъ преподавалъ до кончины, и въ союзѣ русскихъ художниковъ, дѣятельнымъ членомъ котораго покойный всегда былъ. Похороненъ С. А. на кладбищѣ Покровскаго монастыря.

† Кудринъ, В. С. 2 ноября скончался главный медицинскій инспекторъ флота, лейбъ-хирургъ Владиміръ Сергѣевичъ Кудринъ. Покойный пользовался почетной извѣстностью какъ въ медицинской, такъ и въ морской средѣ. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со званіемъ лекаря, онъ началъ свою врачебную дѣятельность въ Черноморскомъ флотѣ въ 1854 г.; перенесъ всѣ ужасы севастопольской осады и съ того времени сроднился съ флотомъ, не разставаясь съ нимъ до конца своей жизни. Въ Севастополѣ впервые проявились его выдающіяся хирургическія способности, и въ слѣдующее время В. С. занялъ среди русскихъ хирурговъ видное положеніе. Состоя врачомъ на различныхъ судахъ и въ разныхъ флотскихъ экипажахъ, покойный совершилъ множество плаваній заграничныхъ и кругосвѣтное, плавая въ первое время еще на парусныхъ судахъ, былъ на корветѣ «Варягъ» въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, затѣмъ въ 1880 г. въ качествѣ флагманскаго доктора морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ. Въ 60-хъ годахъ покойный сопровождалъ, тогда еще малолѣтнихъ, великихъ князей Алексѣя Александровича и Николая Константиновича въ ихъ морскихъ плаваніяхъ, съ 1866 г. по 1877 г. находился почти во всѣхъ плаваніяхъ великаго князя Алексѣя Александровича. Когда великій князь былъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ экипажемъ, В. С. состоялъ врачомъ этого экипажа и въ его составѣ

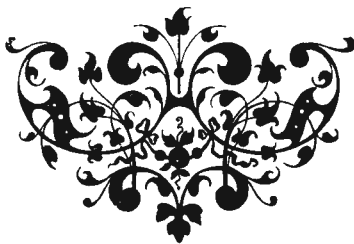
отправился на театр военных дѣйствій. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. былъ старшимъ докторомъ морскихъ силъ на Дунаѣ, находившихся подъ начальствомъ великаго князя Алексѣя Александровича. Съ года назначенія великаго князя начальникомъ флота (1881) В. С. занялъ высшій постъ въ морскомъ вѣдомствѣ по врачебной части—генераль-штабъ-доктора флота, черезъ три года былъ переименованъ главнымъ инспекторомъ флота, и въ теченіе двадцати семи лѣтъ дѣятельно и неутомимо руководилъ врачебно-морскимъ дѣломъ, заботясь о лучшемъ составѣ морскихъ врачей и объ улучшеніи морскихъ госпиталей. Тогда же онъ сдѣлался неперемѣннымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ военно-медицинскаго комитета. Помимо исполненія своего служебнаго долга, покойный принималъ живое участіе въ работахъ различныхъ врачебныхъ организацій общественнаго характера. Въ концѣ 90-хъ годовъ былъ предсѣдателемъ общества охраненія народнаго здравія, до послѣдняго времени предсѣдательствовалъ въ обществѣ морскихъ врачей и состоялъ предсѣдателемъ ревизионной комиссіи общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Умеръ В. С. 74 лѣтъ, оставивъ по себѣ память знающаго врача-администратора и практика и добраго человѣка (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.728).

† **Парамоновъ, Ѳ. А.** Въ пятницу, 31 октября, въ 6 час. утра, послѣ долгой, мучительной болѣзни, скончался даровитый артистъ московскаго Малаго театра Федоръ Андреевичъ Парамоновъ. Это—новая крупная утрата для нашей императорской сцены, такъ какъ во многихъ роляхъ очень трудно найти подходящаго замѣстителя, особенно въ роли городничаго (въ «Ревизорѣ»), безсмѣннымъ исполнителемъ которой являлся покойный послѣднее время. Ѳ. А. былъ питомцемъ московскаго императорскаго театральнаго училища, по классу А. П. Ленскаго, и принадлежалъ къ первому выпуску (1891 года) только что открытыхъ тогда при училищѣ драматическихъ курсовъ. Проведя затѣмъ три года на военной службѣ, покойный въ 1894 году получилъ приглашеніе въ труппу Малаго театра и оставался «постояннымъ членомъ» ея до самой кончины. Покойный обладалъ недюжиннымъ комическимъ дарованіемъ, рѣдкимъ природнымъ юморомъ, и послѣ смерти Макшеева, когда къ нему перешли всѣ его роли, сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ представителей императорской сцены. Умеръ Ѳ. А. отъ воспаленія легкихъ и далеко еще не старымъ, сорока съ небольшимъ лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 254).

† **Цвѣтковъ, К. Н.** 3 ноября, послѣ недолгой болѣзни, скончался на 67-мъ году въ Москвѣ извѣстный журнальный дѣятель Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ. Это былъ многолѣтній сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», временный участникъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, живой и энергичный инициаторъ въ цѣломъ рядъ собственныхъ журналовъ и газетъ. Сынъ довольно популярнаго въ Москвѣ преподавателя, открывшаго въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія ши-

роко поставленное учебное заведение, К. Н. Цвѣтковъ, подъ руководствомъ отца, получилъ хорошее образованіе и прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ. Эта солидная подготовка, наряду съ природными дарованіями, помогла ему съ молодыхъ лѣтъ выступить на литературную дорогу: уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ состоялъ секретаремъ при редакціи «Русскаго Вѣстника» и въ этомъ журналѣ помѣщалъ свои первыя, большею частію переводныя, статьи. Отъ этой дѣятельности его временно оторвала съ 1864 года поѣздка въ только что усмиренный польскій край, гдѣ К. Н. началъ было служить при графѣ М. Н. Муравьевѣ, но кончина этого государственнаго дѣятеля побудила молодого журналиста снова вернуться въ Москву и продолжать прерванную работу. Между прочимъ, скоро по возвращеніи на родину, онъ занялъ мѣсто «выпускающаго нумера» «Московскихъ Вѣдомостей» и почти четверть вѣка (до марта 1894 года) выполнялъ трудъ просмотра и исправленія статей, въ которыя часто вносилъ свое солидное знаніе и прекрасно выработанный стиль. Изъ собственныхъ трудовъ покойнаго за этотъ періодъ можно отмѣтить: «Очерки иностранной литературы» («Русскій Вѣстникъ» 1870 года, книги 1, 2, 4, 7), «Новыя идеи въ нашей народной школѣ» (1874 года, книга 9), «Педагогія въ романѣ» (1875 года, книга 2), «Сэръ Вильямъ и Королина Гершели», біографическій очеркъ (1877 года, книга 3) и вереницу библиографическихъ замѣтокъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Еще работая въ журналѣ и газетѣ М. Н. Каткова, К. Н. Цвѣтковъ постепенно предпринималъ свои собственныя періодическія изданія. Такъ, съ 1886 года онъ основалъ лучший иллюстрированный журналъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, подъ названіемъ «Малютка», и неослабно велъ его, можно сказать, до своего послѣдняго предсмертнаго вздоха: одиннадцатый ноябрьскій номеръ этого изданія уже былъ отпечатанъ подъ его зоркимъ присмотромъ... Затѣмъ съ 1891 года имъ было предпринято печатаніе еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала для семейнаго чтенія, подъ заглавіемъ «Царь Колоколь», съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ книжекъ «Библиотеки для чтенія», но эти два изданія продолжали выходить только въ теченіе двухъ лѣтъ. Точно также кратковременны были два другія предпріятія К. Н. Цвѣткова: изданіе «Послѣднія Извѣстія» при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и газета «Вечеръ», первый опытъ «вечернаго органа печати». По оставленіи редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», К. Н. Цвѣтковъ, занимаясь главнымъ образомъ «Малюткою», въ то же время принималъ участіе въ «Русскомъ Словѣ» (1895—1898 года), «Русскомъ Листкѣ», «Русскомъ Обзорѣніи» и снова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1896—1899 года). Изъ работъ его въ этихъ изданіяхъ намъ знакомы: «Полемика съ Н. М. Павловымъ о Герценѣ и Катковѣ» («Русское Слово» 1895 годъ, № 139 и 241; «Русское Обзорѣніе» 1895 годъ, книга 10), статья «Школа и Церковь» (№ 246), переводы «Новая утопія» Джерома («Русское Обзорѣніе» 1895 годъ, книга 4), «Двѣ матери» Бретъ-Гарта (книга 8) и — особенно передача на русскомъ языкѣ сочиненія Вильяма Самуэля Лилли, изъ его книги «О шибболетахъ» («Русскій Вѣстникъ» 1898 года, книги 1—5, 7, 9; 1899 года, книга 1). Къ послѣд-

нимъ же его трудамъ, кромѣ редактированія «Малютки», принадлежали: переводъ съ англійскаго языка повѣсти М. Корелли «Новая женщина» (М. 1901 г., 206 страницъ) и брошюры: «Великій князь Димитрій Донской и преподобный Сергій» (М. 1902 г.), «Святой благовѣрный князь Александръ Невскій» и другія. Такъ до самой могилы непрерывно работалъ на литературной нивѣ одинъ изъ широко образованныхъ и энергичныхъ современныхъ журналистовъ. (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости», 1908 годъ, № 258).

Первымъ изъ этихъ несчастій была ссора королевы съ графиней де-Полиньякъ. Дружба съ Полиньяками была роковой. Безъ нихъ Марія-Антуанетта замѣнила бы плохого министра де-Морепа Шуазелемъ. Но послѣ смерти де-Морепа Полиньяки хлопотали за де-Колонна. Къ тому же они сдѣлались крайне требовательными, и поведеніе графини де-Полиньякъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было такъ безцеремонно, что королева отдалилась отъ нея и снова приблизилась къ себѣ принцессу де-Ламбаль, съ которой уже больше и не разлучалась. Но она очень любила графиню Жюль, и разрывъ съ нею причинилъ ей много горя.

Вторымъ несчастьемъ была темная интрига, надѣлавшая столько шума, что о ней стоитъ рассказать подробно.

Кардиналъ де-Роганъ былъ нелюбимъ королевой за его слишкомъ пылкій, разнузданный характеръ, совѣмъ не гармонировавшій съ мягкостью и смиреніемъ, необходимыми прелату.

Однажды Веберъ рассказалъ Маріи-Антуанеттѣ, что кардиналъ де-Роганъ утромъ въ праздникъ охотился въ лѣсахъ своей епархіи. Когда всѣ охотящіеся гнались за оленемъ, они встрѣтились со священной процессіей. Кардиналъ не остановился. Онъ стегнулъ свою лошадь и охотники вслѣдъ за нимъ проскакали черезъ процессію. Многіе изъ прихожанъ прелата были ранены, но на это никто не обратилъ вниманія, а когда олень скрылся, кардиналъ воскликнулъ:

— Проклятая процессія! Изъ-за нея я упустилъ такого чуднаго оленя, какой не встрѣчался мнѣ цѣлыхъ три года!

Съ этихъ поръ кардиналъ де-Роганъ впалъ въ немилость Маріи-Антуанетты.

Но Людовикъ де-Роганъ, будучи великимъ каноникомъ короля, воспылалъ къ королевѣ, хотя и полной уваженія, но очень пылкой любовью. Ему никакъ не удавалось приблизиться къ королевѣ, потому что каждый разъ, видя его, она оборачивалась къ нему спиною.

Кардиналъ придумывалъ всѣ средства расположить къ себѣ королеву, и ничего не могъ придумать. Онъ уже приходилъ въ отчаянье достигнуть чего-либо, когда вдругъ къ нему явилась дама подъ фамиліей де-Ламоттъ и заявила, что имѣетъ сообщить ему нѣчто крайне важное.

Помимо того, что такое заявленіе возбуждало любопытство, Людовикъ де-Роганъ любилъ женщинъ и никогда не упускалъ случая сблизиться съ ними. Онъ былъ красивъ, богатъ, знатнаго происхожденія, и рѣдкая женщина могла устоять передъ нимъ. Онъ принялъ г-жу де-Ламоттъ.

Низкая интриганка, сумѣвшая, однако, втереться ко двору и быть принятой въ высокопоставленныхъ домахъ, г-жа де-Ламоттъ, увѣрявшая, что она незаконная внучка Генриха II, обладала пи-

кантной, обаятельной на первый взгляд красотою. Маленькая, стройная и изящная, полная свободной граціи въ движенъяхъ, это была женщина съ каштановыми волосами и красивыми, полными игры и выраженья, голубыми глазами. У нея была прелестная ручка, прекрасно обутая ножка, а ея всегда открытая шейка такъ очаровательно выдавалась надъ низко вырѣзаннымъ корсажемъ, что не было возможности удержаться отъ желанія осыпать ея тысячами поцѣлуевъ...

Ея улыбка очаровала влюбчиваго кардинала. Увидя эту молодую женщину, умѣвшую принять самый естественный, аристократическій видъ и благородную осанку, онъ всталъ, поклонился, попросилъ незнакомку сѣсть, сѣлъ и ждалъ, улыбаясь и пожирая ея глазами.

Тогда г-жа де-Ламоттъ заговорила мягкимъ, пріятнымъ, ласкающимъ голосомъ:

— Монсиньоръ, то, что я имѣю вамъ сообщить, такъ деликатно и щекотливо, что искупается лишь полной откровенностью... Вы любите королеву!..

Кардиналь подскочилъ и поблѣднѣлъ.

— Но, сударыня...

— Монсиньоръ, вы никому этого не говорили, но я это знаю. Я видѣла, какъ вы смотрѣли на королеву на послѣднемъ придворномъ балу, и догадалась... Я знаю также, что королева васъ не любитъ, и что вы дорого дали бы за то, чтобъ заслужить ея расположеніе... Я пришла сюда, монсиньоръ, для того, чтобъ предложить вамъ средство получить это расположеніе.

Кардиналь оправился. Онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ интриганкой, и подумалъ, что она просто-напросто явилась выманить у него денегъ. Но г-жа де-Ламоттъ догадалась.

— Монсиньоръ,—произнесла она ласковымъ тономъ:—я пришла вовсе не затѣмъ, чтобъ предложить вамъ недостойный васъ и меня торгъ... Мой поступокъ совершенно безкорыстенъ и...

Она опустила свои прекрасные глаза и покраснѣла. Кардиналь былъ болѣе взволнованъ, чѣмъ это казалось. Не въ силахъ устоять передъ этой незнакомой женщиной, онъ всталъ, подошелъ къ ней, взялъ ея руку, а такъ какъ она ея не отнимала, то другой рукой обнялъ шейку г-жи де-Ламоттъ. Но та поднялась и съ глазами полными слезъ произнесла негодующимъ голосомъ:

— Монсиньоръ!..

Это было произнесено такъ рѣзко и холодно, что кардиналь опустился въ кресло. Тогда, не говоря ни слова, г-жа де-Ламоттъ сдѣлала низкій реверансъ и такъ быстро вышла изъ комнаты, что кардиналь не успѣлъ и подумать удержать ея.

Но весь остатокъ дня и всю ночь его волновала мысль о томъ, что можно заслужить расположеніе Маріи-Антуанетты, и на

слѣдующее утро онъ послалъ своего камердинера за г-жою де-Ламоттъ. Хитрая женщина поняла изъ этого, что ея проектъ близокъ къ осуществленію, и отправилась къ кардиналу.

Она видѣла его на слѣдующій день, и много дней подъ рядъ. Она держала себя такъ ловко, что приобрѣла полное вліяніе надъ Людовикомъ де-Роганомъ, и тотъ не могъ обойтись безъ г-жи де-Ламоттъ.

Онъ началъ вѣрить, что молодая женщина, лишь изъ чувства расположенія къ нему, хочетъ примирить его съ королевой, и съ тѣхъ поръ онъ съ закрытыми глазами поддавался интригѣ, задуманной г-жою де-Ламоттъ.

Эта интриганка очень любила удовольствія и всегда нуждалась въ деньгахъ. Она узнала, что придворные поставщики ювелиры Бомеръ и Боссанжъ предложили королю брильянтовое ожерелье стоимостью въ 1.600,000 фунтовъ, но королева отказалась отъ такого дорогого ожерелья. Бомеръ и Боссанжъ были въ отчаяннѣи и наканунѣ разоренья. Тогда г-жа де-Ламоттъ рѣшила воспользоваться этою драгоцѣнностью, устроить, чтобъ ее купили за четверть цѣны отъ имени королевы, получить ее на нѣкоторое время въ свои руки, исчезнуть съ ней, затѣмъ продать по частямъ и, такимъ образомъ, надолго обезпечить себѣ пріятную жизнь.

Но нуженъ былъ посредникъ который повѣрилъ бы, что она, г-жа де-Ламоттъ, довѣренная королевы, посредникъ достаточно богатый для того, чтобы поручиться передъ Бомеромъ и Боссанжемъ и достаточно влюбленный для того, чтобы дѣйствовать съ закрытыми глазами. Г-жа де-Ламоттъ выбрала для этой цѣли кардинала де-Рогана, онъ сдѣлается довѣрчивымъ, когда влюбится и когда ему предложить удовлетвореніе его желаній; его имя, положеніе при дворѣ и состояніе вполнѣ подходятъ для поручительства; что же касается влюбленности, то, такъ какъ онъ любитъ красивыхъ женщинъ, то г-жѣ де-Ламоттъ очень легко будетъ этого добиться.

И она, дѣйствительно, добилась. Письмами, поддѣланными подъ почеркъ Маріи-Антуанетты, она убѣдила кардинала, что она тайная довѣренная королевы, которая черезъ нее разсыпаетъ свои милости.

— Королева вовсе не такъ сердита на васъ, монсеньоръ, какъ вы думаете,—сказала она ему однажды.

И она показала ему письмо, подписанное королевой, въ которомъ было нѣсколько милостивыхъ словъ по его адресу. Когда онъ сталъ настойчиво выражать желаніе быть принятымъ королевой, г-жа де-Ламоттъ сочинила цѣлую серію записокъ, въ которыхъ Марія-Антуанетта отказывалась отъ своихъ предубѣжденій противъ прелата. Въ послѣдней запискѣ королева общала ему особую аудіенцію, не назначая, однако, ни дня, ни часа.

Людовикъ де-Роганъ торжествовалъ. Отуманенный своей любовью къ королевѣ не менѣе, чѣмъ прелестями г-жи де-Ламоттъ, онъ совсѣмъ потерялъ голову, вѣрилъ всему, что эта женщина ему говорила, и готовился къ свиданью, обѣщанному ему королевой.

Онъ не предвидѣлъ, въ какую таинственную бездну вовлечетъ его г-жа де-Ламоттъ, и очертя голову окунулся въ такую интригу, въ которой люди менѣе сильные, чѣмъ онъ, нашли бы смерть или, по крайней мѣрѣ, Бастилію.

Кардиналь де-Роганъ былъ увѣренъ, что г-жа де-Ламоттъ все ему устроила. Онъ находился подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ этой женщины, что очень обрадовался, когда она объявила ему, что Марія-Антуанетта соглашается съ нимъ увидаться, но всего лишь на одну минуту, ночью, въ сосѣднемъ съ дворцомъ лѣсу.

Днемъ г-жа де-Ламоттъ побывала у одной легкомысленной дѣвушки, по фамиліи Олива, которая нѣсколько напоминала королеву.

— Вотъ вамъ двадцать лудировъ, — сказала ей интриганка, вкладывая въ ея руку свертокъ золота. — Я одѣну васъ въ платье совершенно одинаковое съ однимъ изъ платьевъ, которое часто носить королева. Затѣмъ вы послѣдуете за мной въ Версаль, гдѣ сдѣлаете то, что я вамъ прикажу...

— Но...

— Будьте покойны, вамъ не грозитъ никакая опасность, и ваша роль продлится менѣе пяти минутъ.

Заинтересованная тайной и обрадованная двадцатью лудорами, Олива безпрепятственно дала себя причесать à la Марія-Антуанетта и одѣтъ въ бѣлое легкое платье, очень похожее на то, которое королева часто носила дома.

Карета, ждавшая у воротъ, отвезла обѣихъ женщинъ въ Версаль. До наступленія ночи время провели въ домѣ г-жи де-Ламоттъ. Она послала кардиналу де-Рогану записку съ поддѣльной подписью: «Марія-Антуанетта Французская». Въ этой запискѣ назначался часъ свиданья.

Внѣ себя отъ счастья, кардиналь закутался въ широкій плащъ, надѣлъ мушкетерскую шляпу съ широкими полями и отправился въ лѣсъ.

Подождавъ минутъ пять, онъ увидалъ въ концѣ аллеи двухъ женщинъ. Онѣ быстро направлялись къ нему. Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ опустился на колѣни и зашепталъ слова благодарности и любви. Одна изъ женщинъ опередила другую и на мгновенье остановилась.

— Сударыня! Сударыня!.. — пролепеталъ де-Роганъ, узнавъ прическу и платье королевы.

Женщина подала ему увядшую розу и прошептала:

— Вы знаете, что это значитъ?

И она убѣжала.

Кардиналъ поднесъ розу къ губамъ и услышалъ, какъ въ это время г-жа де-Ламоттъ крикнула своей спутницѣ:

— Идите скорѣе, сударыня... Здѣсь графиня д'Артуа, она не должна насъ видѣть!

Людовикъ де-Роганъ быстро поднялся, пробрался черезъ паркъ и сѣлъ въ карету, ожидавшую его въ одной изъ сосѣднихъ улицъ. Онъ чувствовалъ себя на верху блаженства и именно въ томъ состояніи, до котораго г-жа де-Ламоттъ желала его довести: онъ вѣрилъ, что она довѣренное лицо Маріи-Антуанетты и хранительница ея тайнъ.

Интрига удалась; теперь г-жѣ де-Ламоттъ оставалось достать ожерелье, котораго не пожелала имѣть королева. Интриганка не теряла времени, и на слѣдующій же день, 24 января 1785 года, она отправилась къ ювелирамъ Бемеру и Боссанжу. Она застала одного Бемера.

— Я де-Ламоттъ,—сказала она.

Бемеръ поклонился. Интриганка такъ ловко сумѣла распуścić слухи о своей близости съ Маріей-Антуанеттой, что они дошли и до него.

— Королева недовольна тѣмъ, что отказалась отъ ожерелья, которое вы ей предлагали,—продолжала она.—Королева рѣшается его купить. Милліонъ шестьсотъ тысячъ фунтовъ будутъ уплачены въ четыре срока, по четыреста тысячъ въ каждый срокъ, черезъ каждые три мѣсяца, начиная съ конца наступающаго августа. Одинъ знатный вельможа пріѣдетъ за ожерельемъ и дастъ поручительство, но королева требуетъ полной тайны...

— Я буду нѣмъ!—воскликнулъ въ восторгъ Бемеръ.

Четверть часа спустя кардиналу де-Роганъ доложили о пріѣздѣ г-жи де-Ламоттъ. Онъ тотчасъ же принялъ ее.

— Монсиньоръ, — сказала она: — королева вамъ посылаетъ второе доказательство своего довѣрія и дружбы. Прочтите вотъ это.

Она подала ему бумагу, составленную однимъ изъ ея друзей, Рато де-Вилеромъ, въ которой говорилось, что королева поручаетъ кардиналу де-Рогану взять отъ ея имени у ювелировъ Бемера и Боссанжа ожерелье стоимостью въ милліонъ шестьсотъ фунтовъ. Бумага была подписана: «Марія-Антуанетта Французская».

— Дорогой другъ, — воскликнулъ легковѣрный кардиналъ: — чѣмъ я смогу васъ отблагодарить!

Онъ снялъ со своего пальца великолѣпное кольцо и надѣлъ его на палецъ г-жи де-Ламоттъ. Затѣмъ онъ приказалъ заложить карету и поторопился къ ювелирамъ. Онъ взялъ ожерелье и со шкатулкой отправился прямо къ де-Ламоттъ. Только что онъ пріѣхалъ, какъ позвонили. Господинъ, котораго интриганка пред-

ставила кардиналу, какъ посланнаго отъ королевы, подалъ ей письмо; она прочла его и передала ему ожерелье, только что привезенное де-Роганомъ.

Это было концомъ перваго акта. Кардиналъ былъ очень доволенъ и все ждалъ новаго порученія и новаго свиданья съ Маріей-Антуанеттой, а де-Ламоттъ продала ожерелье частями и жила той веселой и безпечной жизнью, о которой она мечтала.

Но ударъ грома не замедлилъ разразиться.

Однажды Марія-Антуанетта получила отъ Бемера письмо, въ которомъ онъ напоминалъ, что наступаетъ срокъ первой уплаты. Но королева не поняла значенія этого письма, несмотря на фразу ювелира:

«Отнынѣ самое красивое изъ существующихъ ожерелій украшаетъ самую красивую изъ королевъ».

Заинтригованная Марія-Антуанетта послала г-жу де-Кампанъ къ Бемеру спросить, что значитъ это письмо. Изумленный, въ свою очередь, Бемеръ разсказалъ всю исторію г-жи де-Ламоттъ и кардинала де-Рогана. Г-жа де-Кампанъ передала все королевѣ. Та, взволнованная и считая себя жертвой ужасной интриги, придуманной кардиналомъ де-Роганъ, чувствуя себя оскорбленной, какъ королева и женщина, открыла интригу Людовику XVI. Она настояла на томъ, чтобы кардиналъ де-Роганъ былъ арестованъ въ своемъ кардинальскомъ облаченіи 15-го августа.

15-го августа, выходя послѣ обѣдни изъ капеллы версальскаго дворца, въ фіолетовой шелковой сутанѣ и парадномъ облаченіи, онъ былъ приглашенъ де-Бретейлемъ въ кабинетъ короля. Король принялъ его стоя, красный отъ волненія.

— Кузень, развѣ эту покупку брильянтоваго ожерелья вы сдѣлали отъ имени королевы?.. — спросилъ онъ.

Людовикъ де-Роганъ поблѣднѣлъ и взглянулъ на Марію-Антуанетту, презрительно и гордо смотрѣвшую на него. Какое ужасное разочарованіе! А онъ-то считалъ себя любимымъ!

— Ахъ, ваше величество, меня обманули! — простоналъ онъ.

Онъ задыхался, его колѣни подгибались. Король замѣтилъ это и сказалъ:

— Оставайтесь здѣсь и изложите письменно то, что вы имѣете мнѣ сказать.

И онъ вмѣстѣ съ королевой прошелъ въ бібліотеку.

Весь дрожа отъ волненія и горя, кардиналъ де-Роганъ написалъ пятнадцать строкъ, въ которыхъ объяснялъ, что одна женщина, по фамиліи Ламоттъ де-Валуа, увѣрила его въ томъ, что ожерелье покупается по желанію королевы, и тѣмъ ввела его въ заблужденіе.

Король вкормѣ вернулся, прочелъ бумагу и спросилъ:

— Гдѣ эта женщина?

— Я не знаю, ваше величество.

— А ожерелье?

— Оно должно быть у нея, ваше величество.

Король взглянул на счетъ, наскоро составленный Бемеромъ и привезенный г-жой де-Кампанъ.

— Гдѣ же эти расписки, подписанныя королевой, которыя вы показывали Бемеру?

— Онѣ у меня, но онѣ фальшивы.

— Еще бы имъ не быть фальшивымъ!

— Возможно ли допустить, господинъ кардиналъ, что вы, съ которымъ я не разговаривала цѣлыхъ восемь лѣтъ, могли повѣрить, что я захочу воспользоваться вашимъ посредничествомъ для пріобрѣтенія этого ожерелья! — воскликнула королева.

Кардиналъ ничего не отвѣтилъ, только двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ.

Тогда король всталъ и заговорилъ:

— Сударь, это такое темное дѣло, что я не могу оставить васъ на свободѣ, пока оно не разъяснится. Имя королевы для меня священо. На него наброшена тѣнь, и я ничѣмъ не долженъ пренебрегать. Я постараюсь утѣшить вашихъ родныхъ. Я желаю, чтобъ вы смогли оправдаться, но я дѣлаю то, что обязанъ сдѣлать король и мужъ. Господинъ де-Бретейль, — обратился король къ присутствовавшему въ комнатѣ де-Бретейлю, — позовите ко мнѣ капитана д'Эспирака.

— Ваше величество, сегодня дежурнымъ г-нъ де-Вильруа.

— Ну, такъ прикажите господину де-Вильруа арестовать господина кардинала.

Блѣдный, но уже спокойный, Людовикъ де-Роганъ вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи де-Бретейля, который на порогѣ, передъ всѣми собравшимися въ пріемной придворными, крикнулъ ужасный приказъ:

— Господинъ де-Вильруа, потрудитесь арестовать господина кардинала!

Поднялся страшный шумъ, но тѣмъ не менѣе де-Роганъ былъ арестованъ и отправленъ въ Бастилію, куда въ тотъ же день были заключены г-жа Ламоттъ де-Валуа и г-жа Олива.

Годъ спустя парламентъ оправдалъ Людовика де-Рогана и г-жу Олива, а г-жу де-Ламоттъ палачъ высѣкъ обнаженную; затѣмъ ей заклеили плечи буквой *v* (воровка) и отправили на пожизненное заточеніе въ Сальпетриеръ.

Такъ поступилъ судъ, но народъ продолжалъ подозрѣвать королеву въ темныхъ интригахъ съ кардиналомъ, въ недостойныхъ симпатіяхъ и изъ оправданія де-Рогана сдѣлалъ предметъ униженія для Маріи-Антуанетты. Этому удару, нанесенному королевѣ, суждено было поколебать монархію.

Тогда, чувствуя, какъ грустно и опасно положеніе королевы и короля среди этого разгара страстей въ народѣ и даже при дворѣ, приверженцы королевы, какъ бы по невысказанному таинственному предчувствію, сгруппировались въ Версаль.

Вернулся графъ де-Ферзенъ, но мало показывался въ обществѣ. Большую часть дня онъ проводилъ съ капитаномъ д'Эспиракомъ, сдѣлавшимся его близкимъ другомъ. Веберъ попрежнему служилъ королевѣ, равно какъ и Шаню, сынъ крестьянки деревни Ашеръ, котораго Марія-Антуанетта приняла подъ свое королевское покровительство въ первые годы своего прѣзда во Францію.

Къ интимной группѣ близкихъ друзей примкнули мужчины и женщины, всегда остававшіеся преданными монархіи и лицамъ королевскаго дома; среди нихъ отличались наибольшей преданностью г-нъ де-Жарже и маркиза де-Серанъ.

Эта свита, представлявшая собою какъ бы почетную гвардію, постепенно становилась многочисленнѣе. Она увеличилась придворными вельможами, понявшими, наконецъ, опасность своихъ политическихъ заблужденій.

Но, увы, эти отдѣльныя личности ничего не могли сдѣлать противъ натиска цѣлой націи и непреложной воли судьбы!

VI.

Вскорѣ послѣ происшествія съ ожерельемъ Марія-Антуанетта, возмущенная придворными интригами, меньше, чѣмъ когда-либо, покидала Трианонъ. Однако нельзя же было обречь себя на скуку, и королева вспомнила о маленькомъ реставрированномъ театрѣ, но хотѣла, чтобы самъ король разрѣшилъ представленія.

Людовикъ XVI немедленно далъ разрѣшеніе, и сначала ставили небольшія пьески. Король, королевскія дѣти, приближенныя дамы королевы, ихъ сестры и дочери составляли собою всю публику. Ни одинъ молодой человекъ, за исключеніемъ графа д'Артуа, не принимался сначала въ труппу, состоявшую изъ Маріи-Антуанетты, принцессы де-Ламбаль и нѣсколькихъ дамъ королевскаго дома. Позднѣе, по мѣрѣ того, какъ росли успѣхъ и интересъ, входъ въ театръ былъ разрѣшенъ офицерамъ, мушкетерамъ и гвардейскимъ, оруженосцамъ короля и его братьевъ и даже нѣсколькимъ высокопоставленнымъ придворнымъ.

Тогда королева имѣла неосторожность поставить «Севильскаго Цирюльника». 19 августа 1785 года состоялось первое представленіе. Королева играла Розину, графъ д'Артуа — Фигаро, де-Водрейль — Альмавиву, герцогъ де-Гишъ — Бартоло, а де-Грессоль — Базиля.

Это неосторожное легкомысліе увеличило сплетни и клеветы, распространяемыя о Маріи-Антуанеттѣ. Дворяне, не получившіе

приглашенія въ Трианонъ, сдѣлались врагами своихъ счастливыхъ соперниковъ и самой королевы. Умы постепенно озлоблялись, и недостойные слухи, начавшись при дворѣ, разрастались, переходя въ уста народа, который дѣлалъ свои добавленія къ нимъ и перекладывалъ въ оскорбительныя пѣсни.

Такимъ образомъ, все дворянство танцовало на вулканѣ, воспламененномъ имъ же самимъ. Четыре года спустя, оно опомнилось, но было уже поздно предотвратить несчастія. Тогда всѣ или почти всѣ должны были понять свои ошибки и соединиться вокругъ королевы, чтобы защитить ее, но вся ихъ храбрость уже была безсильна разрушить то, что создала ихъ ревность.

4 мая 1789 года въ Версалѣ открылись засѣданія государственныхъ чиновъ. 14 іюля того же года революція охватила Бастилію. Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ событій, измѣнившихъ тогда судьбы Франціи: мы передадимъ лишь тѣ, которыя имѣли исключительное вліяніе на несчастную королеву.

Однажды въ одномъ парижскомъ салонѣ членъ учредительнаго собранія воскликнулъ:

— Значная барыня должна уѣхать, если она не хочетъ худшаго!

На другой день это повторяло все собраніе. Герцогиня де-Линь предупредила объ этомъ королеву. Марія-Антуанетта отвѣтила съ негодованіемъ:

— Я королева Франціи и жена Людовика XVI; я не покину ни моего мужа, ни мою страну.

Тогда революція задумала сама освободиться отъ Маріи-Антуанетты. Среди членовъ наиболѣе нетерпимыхъ клубовъ было рѣшено, что ее убьютъ въ разгаръ бунта. Нужныхъ для этого людей подкупили, снабдили надлежащими наставленіями и вооружили. Но нуженъ былъ поводъ для выполненія этого намѣренія. Королева сама подала его своимъ присутствіемъ на обѣдѣ, данномъ гвардіей Фландрскаго полка въ Версалѣ, въ залѣ спектаклей. Тамъ пѣли: «О, Ричардъ! О, мой король!» Это было услышано народомъ, который постарались возбудить распространеніемъ недостойныхъ клеветъ.

На другой же день изъ Парижа стеклась огромная толпа, окружила замокъ и стала требовать хлѣба и «драгоценностей королевы».

Это произвело страшный переполохъ въ замкѣ. Марія-Антуанетта осталась спокойной. На слова принцессы де-Ламбаль, предупредившей ее объ опасности, становившейся все серьезнѣе, она отвѣтила:

— Я знаю, что пришли изъ Парижа за моей головою, но я научилась отъ моей матери не бояться смерти и приму ее съ твердостью.

Было два часа ночи. Въ пріемной королевы находился на дежурствѣ капитанъ д'Эспиракъ со своимъ лейтенантомъ де-Лиономъ

и двумя мушкетерами, де-Миомандромъ и дю-Реперомъ. Въ сущности можно было не опасаться ничего серьезнаго, такъ какъ Лафайетъ отвѣчалъ за эту ночь своей арміей. Король послалъ кавалергардовъ въ Рамбулье.

Въ три часа ночи королева легла спать и уснула, приказавъ предварительно принцессѣ де-Ламбаль и госпожѣ Гинье тоже ложиться. Но обѣ онѣ позвали своихъ камеристокъ и остались въ пріемной королевы. Къ нимъ подошелъ капитанъ д'Эспиракъ, и черезъ нѣсколько минутъ четыре женщины и четыре мушкетера стали играть въ карты въ углу комнаты, наиболѣе отдаленномъ отъ двери въ спальню королевы.

Игра длилась до разсвѣта. Капитанъ д'Эспиракъ всталъ и началъ собирать карты, когда вдругъ раздались ружейные выстрѣлы, яростные крики, призывы на помощь во дворѣ, находившемся подъ окнами апартаментовъ королевы.

— Чортъ возьми!—выругался д'Эспиракъ.—Эти негодяи хотятъ познакомиться съ мушкетерами.

Въ то время, какъ де-Лионъ и его два товарища заряжали пистолеты, капитанъ д'Эспиракъ открылъ окно, чтобы дать себѣ отчетъ въ положеніи вещей. Въ ту же минуту принцесса де-Ламбаль побѣжала будить королеву. Мятежники уже стучали прикладами ружей въ дверь пріемной.

Всѣ четыре женщины вошли къ королевѣ, и четверо мушкетеровъ стали передъ дверью пріемной, которая вдругъ слетѣла съ петель.

Раздались четыре выстрѣла; четыре мятежника упали на порогѣ. Но среди страшнаго шума и рева, среди выстрѣловъ, толпа мятежниковъ ворвалась въ пріемную. Первымъ упалъ де-Миомандръ, пронзенный въ животъ длинной пикой. Капитанъ д'Эспиракъ схватилъ своими могучими руками большой, тяжелый столъ и, прикрываясь имъ, двинулся на мятежниковъ, не ожидавшихъ такого нападенія и въ испугѣ отступившихъ отъ двери.

— Къ королевѣ!—крикнулъ д'Эспиракъ.

И, оставивъ истекающаго кровью де-Миомандра, капитанъ и лейтенантъ дю-Реперъ бросились въ комнату Маріи-Ануанетты и въ одну минуту забаррикадировали дверь.

Между тѣмъ черезъ узкій и длинный балконъ, окружавшій окна внутреннихъ апартаментовъ, королева и три женщины побѣжали къ апартаментамъ короля. Онѣ проникли въ уборную, гдѣ находилась дверь въ его кабинетъ. Обыкновенно эта дверь запиралась только со стороны, ведущей въ комнату королевы, но теперь, когда принцесса де-Ламбаль хотѣла ее отворить, она не отворилась... она была заперта съ внутренней стороны...

А крики и звуки выстрѣловъ все приближались...

— Они, должно быть, проникли въ вашу спальню, ваше величество!—вся дрожа, проговорила госпожа Гинье.

— А капитанъ д'Эспиракъ?—спросила королева.

— Онъ, быть можетъ, убитъ!..

А принцесса де-Ламбаль съ! глазами, полными слезъ, отчаянно стучала въ запертую дверь.

— Боже мой, вотъ они!—крикнула госпожа де-Гинье.

И, дѣйствительно, ревушая толпа показалась въ концѣ балкона. Вертя въ лѣвой рукѣ тяжелый стулъ, а правой размахивая саблей, капитанъ д'Эспиракъ одинъ сдерживалъ толпу, но и онъ постепенно вынужденъ былъ отступить. Толпа подходитъ, она уже близко, а дверь не отворяется!..

На одно мгновеніе капитанъ д'Эспиракъ обернулся назадъ и увидалъ женщинъ, тщетно стучавшихъ въ запертую дверь. Съ отчаянной рѣшимостью онъ изо всѣхъ силъ бросаетъ стулъ въ наступающихъ мятежниковъ и бѣжитъ къ женщинамъ съ намѣреніемъ выломать дверь. Но въ эту самую минуту дверь отворяется, женщины и д'Эспиракъ бѣгутъ въ комнату короля, и дверь тотчасъ же запирается Веберомъ, который услышалъ, наконецъ, шумъ и прибѣжалъ на помощь.

Между тѣмъ мушкетеры, дежурившіе въ другихъ мѣстахъ дворца, увидавъ врывающихся мятежниковъ, поднялись по внутренней лѣстницѣ и неожиданно атаковали ихъ. Постепенно они очистили отъ нихъ апартаменты королевы. Де-Ліонъ, де-Міомандръ и дю-Ренеръ были найдены мертвыми.

Въ комнатѣ короля дѣти бросились въ объятія Маріи-Антуанетты. Вскорѣ пришелъ король съ принцессой Елизаветой. Всѣ обнялись со слезами.

Потомъ всѣ придворные, находившіеся въ Версалѣ, собрались въ кабинетъ Людовика XVI, куда все еще достигалъ гулъ народа, собравшагося вокругъ замка.

Неккеръ, министры, депутаты дворянства въ десять часовъ утра явились за приказаніями короля. Но король упалъ въ кресло и не произносилъ ни слова.

Подъ окнами раздались крики:

— Въ Парижъ! Въ Парижъ!

Тогда королева рѣшилась на отъѣздъ и убѣдила короля. Послали сказать народу, что королевская семья въ полдень уѣдетъ въ Парижъ. Но народъ отвѣчалъ на это, что желаетъ видѣть королеву на балконѣ.

Спокойная и гордая, Марія-Антуанетта вытерла слезы и вышла на балконъ, окруженная дѣтьми.

— Безъ дѣтей!—послышался крикъ многотысячной толпы.

Она хотѣла видѣть одну королеву. Тогда Марія-Антуанетта слегка оттолкнула дѣтей обратно въ комнату и сдѣлала шагъ впередъ. И толпа убійць, еще запятнанная кровью убитой ночью

стражи, подняла руки, вооруженныя топорами и пиками, и крикнула, какъ одинъ человекъ:

— Bravo! Да здравствуетъ королева!

Эти событія произошли ночью и утромъ 6 октября 1789 года.

Послѣ дней 5 и 6 октября революція пошла впередъ гигантскими шагами. Дворянство эмигрировало цѣлыми массами, въ то время какъ учредительное собраніе готовило реформы. 14 іюля 1790 года, въ годовщину взятія Бастиліи, Парижъ справлялъ праздникъ федераціи. Затѣмъ скончался Мирабо — послѣдняя опора Маріи-Антуанетты. Съ его смертью революціонныя газеты осыпали королеву самыми возмутительными клеветами.

Революція разгоралась: гражданскій кодексъ духовенства, бѣгство въ Варенъ, законодательство, день 10 августа, королевская семья въ Тамплѣ, сентябрьскія убійства, смерть короля—все это пылающія, ужасныя главы исторіи. Это главы, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ наша задача заключается лишь въ описаніи интересныхъ и мало извѣстныхъ подробностей. Въ исторической жизни королевы Маріи-Антуанетты мы одинаково коснемся только романической стороны. И наиболѣе романическое это ея троекратная попытка бѣгства изъ тюрьмы Тампля; къ передачѣ этой именно исторіи мы сейчасъ и переходимъ.

23 января 1793 года, два дня спустя послѣ смерти на эшафотѣ Людовика XVI, коммуна разрѣшила его вдовѣ, сестрѣ и дѣтямъ надѣть трауръ, о которомъ просила Марія-Антуанетта.

И королева, прикрывъ голову простымъ чепцомъ крестьянки поверхъ чернаго вуаля, спадающаго на плечи, съ бѣлой косынкой на шеѣ и въ широкомъ траурномъ платьѣ, углубилась въ свою скорбь и не выходила изъ тюрьмы даже въ садъ.

Но внѣ стѣнъ тюрьмы преданные слуги Маріи-Антуанетты поддерживали тайную корреспонденцію съ нѣкоторыми изъ ея сторожей и лелѣяли проекты ея спасенія.

Бывшій квартирмейстеръ де-Жарже им аркиза де-Серанъ строили планы бѣгства королевы. Имъ помогали Веберъ, де-Ферзенъ, д'Эспиракъ и Шаню. Скоро они нашли сообщниковъ въ самой тюрьмѣ. Тюржи, офицеръ прежняго двора, сумѣлъ устроить въ Тамплѣ одного изъ оруженосцевъ королевской семьи. Онъ привлекъ на свою сторону двухъ служащихъ въ тюрьмѣ, Кретьена и Маршана.

Каждый разъ, когда который-нибудь изъ этихъ людей выходилъ изъ Тампля, онъ имѣлъ сношенія съ капитаномъ д'Эспиракомъ, превратившимся въ статскаго и сдѣлавшимся союзникомъ де-Жарже и маркизы де-Серанъ. Но вслѣдствіе взаимнаго пониманія и хорошо обдуманнаго плана это вело лишь къ тому, чтобъ Марія-Антуанетта и принцесса Елизавета получали свѣдѣнія извнѣ.

2 февраля 1793 года къ господину де-Жарже явился неизвѣстный человѣкъ и попросилъ, чтобы его немедленно приняли. Д'Эспиракъ вышелъ къ нему въ переднюю и провелъ его въ кабинетъ де-Жарже. Прежде, чѣмъ заговорить, человѣкъ взглянулъ на бывшего капитана мушкетеровъ. Де-Жарже понялъ этотъ взглядъ и сказалъ:

— Хотя бы вы имѣли сообщить мнѣ и очень важное, вы можете говорить: господинъ д'Эспиракъ изъ числа нашихъ друзей.

— Хорошо,—отвѣтилъ незнакомецъ.—Я Франсуа-Адриенъ Туланъ.

Де-Жарже вскочилъ съ мѣста. Зачѣмъ могъ явиться къ нему этотъ человѣкъ, членъ коммуны, комиссаръ секціи Отель де-Вилль, смотритель тюрьмы Тампля?. Д'Эспиракъ подумалъ, что имъ измѣнили, и, рѣшившись раздробить черепъ этому революціонеру, если онъ сдѣлаетъ хоть одно подозрительное движеніе, положилъ руку на пистолетъ, находившійся у него за поясомъ. Но Туланъ улыбнулся и не тронулся съ мѣста.

— Я очень счастливъ, что вы меня знаете,—сказалъ онъ:—но успокойтесь и не ищите повода раздробить мнѣ черепъ. Я пришелъ сюда не врагомъ, наоборотъ... Вотъ, прочтите...

И Туланъ подаль де-Жарже записку, въ которой тотъ узналъ почеркъ Маріи - Антуанетты. Онъ прочелъ ее и, весь дрожа отъ радости и волненія, произнесъ:

— Ея величество повелѣваетъ мнѣ относиться къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ... Господинъ д'Эспиракъ, я и всѣ наши друзья къ вашимъ услугамъ. Что вы можете предложить намъ?

— Спасти королеву.

— Какимъ образомъ?

— Освободивъ ее изъ Тампля.

— Увы, мы цѣлыхъ два мѣсяца тщетно бьемся надъ этой задачей.

Туланъ улыбнулся.

— Не безпокойтесь болѣе, сударь; я вамъ принесъ ея разрѣшеніе.

— Въ чемъ же оно заключается?—спросилъ д'Эспиракъ.

— Вотъ въ чемъ. Слушайте внимательно мои объясненія. Я съ моимъ товарищемъ Лепитромъ принесемъ въ Тамплъ подъ шубами мужскіе костюмы, трехцвѣтные шарфы и пропускные билеты. Это будетъ сдѣлано въ пять часовъ пополудни. Въ шесть я, какъ бы случайно, пройду мимо консьержа Тизона; онъ и его жена нюхаютъ табакъ; я, самымъ естественнымъ образомъ, предложу имъ понюхать крѣпкаго шпанскаго табаку, смѣшаннаго съ сильнымъ наркотическимъ средствомъ. А въ семь часовъ королева и принцесса Елизавета выйдутъ изъ тюрьмы вмѣстѣ со мною и Лепитромъ...

— Этотъ планъ превосходенъ по смѣлости и простотѣ,—воскликнулъ де-Жарже:—но дѣти...

— И это предусмотрено,—возразилъ Туланъ.—Фонарщикъ, зажигающій фонари въ башнѣ Тампля, служба котораго кончается въ семь часовъ, приходитъ всегда съ двумя дѣтьми. Мы одѣнемъ дофина и его сестру такъ, какъ одѣваются его дѣти, и въ то время, какъ настоящій фонарщикъ будетъ въ башнѣ, другой, мой пріятель Рикаръ, переодѣтый въ фонарщика, возьметъ дофина и его сестру и выведетъ ихъ за ворота тюрьмы, громко возмущаясь противъ отцовъ, которымъ помогаютъ такіа маленькія дѣти. Такимъ образомъ, между безъ четверти семью часами и семью мы всѣ выйдемъ изъ тюрьмы. Вы будете насъ ждать въ улицѣ Кордери съ тремя кабриолетами, запряженными хорошими лошадьми. Господинъ д'Эспиракъ озаботится переѣздомъ до Гавра, гдѣ бѣглецовъ снабдятъ вполнѣ законными паспортами, выхлопотанными Лепитромъ, на котораго возложена эта обязанность. Затѣмъ они сядутъ на корабль и уѣдутъ въ Англію... И королевская семья спасена!

Де-Жарже бросился на шею Тулану и расцѣловаль его. Д'Эспиракъ крѣпко пожалъ ему руку и былъ вдвойнѣ счастливъ, когда Туланъ сказалъ ему, что онъ тоже изъ Тулузы.

— Два гасконца!—смѣясь воскликнулъ де-Жарже.—Это больше чѣмъ нужно для успѣха.

Туланъ тотчасъ же вернулся въ тюрьму Тампля и нашель случай сообщить Маріи-Антуанеттѣ о своемъ разговорѣ съ де-Жарже и д'Эспиракомъ.

— Надѣйтесь, сударыня,—сказаль онъ въ заключеніе:—даже эта тюрьма наполнена преданными вамъ сердцами.

Марія-Антуанетта граціозно подала ему руку для поцѣлуя, но дверь вдругъ отворилась, королева опустила руку, а Туланъ произнесъ дѣланно-глубокимъ тономъ:

— Нѣтъ, гражданка, тебѣ не дадутъ двойной порціи хлѣба, какъ ты ни проси объ этомъ. Твои привычки слишкомъ обѣднили націю, у насъ нѣтъ больше хлѣба для тирановъ...

— Ай-ай-ай, австріячка хочетъ попомянуть!—воскликнулъ Тизонъ, появляясь на порогѣ.—Напрасный трудъ, матушка, полнота не помѣшаетъ твоей шеѣ войти въ петлю.

— Этотъ Тизонъ всегда остроуменъ!—похвалилъ Туланъ и вышелъ съ нимъ изъ тюрьмы, чтобы осмотрѣть, въ порядкѣ ли рѣшетки на окнахъ и замки въ дверяхъ.

Это было 2 февраля. Черезъ мѣсяцъ, 2 марта, благодаря энергіи заговорщиковъ и деньгамъ, которыя маркиза де-Серанъ передала преданному, неутомимому д'Эспираку, путь отъ Парижа до Гавра былъ обезпеченъ и все готово къ побѣгу. Но надо было подождать, пока дежурными на недѣлѣ солдатами и смотрителями тюрьмы будутъ именно Тюржи, Кретьенъ, Маршанъ и Рикаръ, для того, чтобы они своимъ числомъ превышали число сторожей, ко-

торыхъ, изъ осторожности, не хотѣли привлечь въ заговоръ. Побѣгъ былъ назначенъ на 15 марта.

Какое волненіе переживали заключенныя! Марія-Антуанетта и принцесса удвоили осторожность и благоразуміе, чтобы не измѣнить себѣ въ глазахъ стражи и членовъ коммуны, приходившихъ въ тюрьму, чтобы не выдать своихъ надеждъ, опасеній, волненій и тоски. Ихъ жизнь текла однообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Часы сна, обѣда и ужина, молитвы, чтенія, прогулокъ по двору и по саду, все было тщательно урегулировано и строго соблюдено. Никто не могъ ничего заподозрѣть.

Утромъ 15 марта Туланъ и Лепитръ пронесли одежду въ камеру заключенныхъ и спрятали ее подъ кровать Маріи-Антуанетты. Они вышли изъ тюрьмы полные надеждъ и встрѣтились съ фонарщикомъ башни, который сразу сталъ жаловаться Тулану на причиняемая ему непріятности.

— Гражданинъ, со мной поступаютъ несправедливо, — сказалъ онъ ему.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Туланъ, у котораго замерло сердце отъ предчувствія.

— Не позволяютъ мнѣ больше приводить съ собой дѣтей, помогать чистить тюремные фонари. Мнѣ теперь стало вдвое больше работы. Пойми это, гражданинъ!...

Туланъ и Лепитръ ничего не отвѣтили, а поторопились къ де-Жарже, которому и рассказали о случившемся.

— Я уже замѣтилъ, — сказалъ Туланъ: — что за тюрьмой стали особенно строго наблюдать съ 7 марта, вслѣдствіе мятежа въ кварталѣ Тампля, при полученіи извѣстія объ осадѣ Мейстриха и объ эвакуаціи въ Оксъ-ла-Шапель. Но я ни въ какомъ случаѣ не могъ предположить, что займутся дѣтьми фонарщика...

Однако, фактъ былъ налицо и противъ него ничего нельзя было подѣлать. Тулану удалось провести цѣлый часъ съ королевой. Онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Уйти безъ моихъ дѣтей! — вскричала Марія-Антуанетта. — Никогда! Лучше смерть...

Принцесса Елизавета плакала. Туланъ, понявшій и одобрявшій въ глубинѣ души эту материнскую любовь, преклонился передъ рѣшеніемъ королевы и передалъ отъ нея де-Жарже слѣдующее прелестное письмо:

«Мы лелѣяли прекрасную мечту, вотъ и все; мы многое этимъ выиграли, такъ какъ имѣли новое доказательство вашей глубокой преданности мнѣ. Я вамъ безгранично вѣрю. Во всѣхъ случаяхъ вы найдете во мнѣ твердость и мужество, но мною руководить всецѣло желаніе блага моему сыну, и какое бы счастье ни ожидало меня за этими стѣнами, я не могу согласиться разстаться съ нимъ. Я вижу вашу привязанность ко мнѣ во всемъ, что вы мнѣ

передаете, вѣрьте, что я понимаю ваши доводы въ мою пользу, но я не смогу ничѣмъ утѣшиться, оставивъ моихъ дѣтей. Эта мысль не оставляетъ во мнѣ даже сожалѣнія о неудавшемся побѣгѣ».

Итакъ, все рушилось, но друзья королевы не поддались отчаянію и снова придумывали средства ея спасенія.

Послѣ неудавшейся попытки Тулана вырвать Марію-Антуанетту изъ рукъ революціи, де-Жарже почти потерялъ надежду на успѣхъ. Тулана заподозрѣли и отставили отъ должности въ Тамплѣ, поручивъ ее стражѣ. Такимъ образомъ, не оставалось никакой надежды, и друзья королевы не находили возможности для новаго заговора.

Но однажды одинъ человѣкъ подошелъ на улицѣ къ де-Жарже и сказалъ ему тихо:

— Графъ, слѣдуйте за мною, прошу васъ...

— Но, сударь...

— Я баронъ де-Бацъ,—сказалъ незнакомецъ, какъ будто эта фамилія должна была уничтожить всѣ сомнѣнія.

И дѣйствительно, де-Жарже поклонился и отвѣтилъ просто:

— Ведите меня куда вамъ угодно, я слѣдую за вами.

Дѣло въ томъ, что баронъ де-Бацъ былъ самымъ ярымъ изъ монархистовъ, оставшимся вѣрнымъ несчастной семьѣ Людовика XVI. Онъ пытался освободить короля изъ кареты, когда коронованную жертву везли изъ Тампля на площадь Революціи. Это ему не удалось. Бацъ исчезъ и полиція коммуны не могла напасть на его слѣды. Съ фальшивыми паспортами, съ фальшивыми пропускными билетами, съ фальшивыми видами на жительство, пользуясь самыми разнообразными костюмами и зная различныя ремесла, къ тому же располагая большими средствами, помогавшими ему укрываться отъ преслѣдованій, баронъ де-Бацъ укрылся отъ всѣхъ сыщиковъ, отъ всѣхъ патрулей. Комитетъ общественной безопасности оцѣнилъ его голову въ 300.000 фунтовъ, и все напрасно. Бацъ оставался невидимъ, недостижимъ, и въ Парижѣ о немъ сложилось немало легендъ.

Вотъ почему, какъ только де-Жарже узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ не колеблясь послѣдовалъ за барономъ. Тотъ провелъ его въ маленькій скромный отель, находившійся въ глубинѣ темной улицы предмѣстья Сентъ-Антуанъ... Какъ только они вошли въ комнату третьяго и послѣдняго этажа, баронъ де-Бацъ, осмотрѣвъ, хорошо ли заперты окна и дверь, усадилъ де-Жарже посреди комнаты и сказалъ смѣясь:

— Я очень радъ видѣть васъ, графъ, а такъ какъ время дорого, то позвольте мнѣ ограничить этимъ всю любезность и сразу пере-

говорить съ вами о близкомъ вашему сердцу дѣлѣ. Здѣсь никто насъ не увидитъ и не услышитъ...

— Прекрасно, баронъ, я васъ слушаю.

— О, дѣло очень простое. Тулану не удалось освободить королеву, а мнѣ, быть можетъ, удастся. Вотъ мой планъ. Онъ вполне готовъ, и всѣ соучастники въ моемъ распоряженіи. При помощи гражданина Кортэ, бакалейщика въ улицѣ Закона, капитана національной гвардіи, и при помощи гражданина Мишониса, смотрителя тюремъ, я привлеку къ нашему дѣлу восемь человѣкъ стражи Тампля. Въ назначенную нами ночь, когда Мишонисъ и Кортэ оба будутъ на дежурствѣ, королева и принцесса Елизавета, уже предупрежденные Мишонисомъ, надѣнутъ широкое военное платье, фуражки, прицепятъ себѣ оружіе, смѣшаются съ патрулемъ, состоящимъ изъ преданныхъ намъ людей, окружаютъ дофина и его сестру и пройдутъ мимо второй стражи, тоже преданной намъ, чтобы спуститься по большой лѣстницѣ. Тогда Кортэ подастъ сигналъ для обхода ночной стражи, и какъ только дверь будетъ открыта, бѣглецы сядутъ въ кареты, гдѣ мы съ вами будемъ ихъ ждать...

— Восхитительно! — радостно воскликнулъ де-Жарже. — Но не могу ли я еще чѣмъ-либо быть вамъ полезнымъ?

— Можете, и вотъ чѣмъ: десяти человѣкъ подкупленной стражи мало, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, еще столько же, а я не могу подыскать другихъ соучастниковъ. Вы должны ихъ найти въ самой тюрьмѣ.

— Я берусь за это.

— Хорошо. Затѣмъ я прошу васъ устоять все для переѣзда изъ Парижа въ Гавръ или въ Дюнкирхенъ.

— Графъ д'Эспиракъ однажды уже устроилъ это, онъ сумѣетъ устроить и снова.

— Въ такомъ случаѣ, намъ остается только дѣйствовать. Вы меня найдете здѣсь каждый день въ полдень или въ полночь. Предупредите меня, прошу васъ, когда будете увѣрены въ восьми добавочныхъ соучастникахъ и когда устроится переѣздъ. Королева все знаетъ и готовится.

— Непремѣнно.

И они простились.

Черезъ три дня д'Эспиракъ приготовилъ все нужное къ отъѣзду, а де-Жарже подыскалъ восемь соучастниковъ. Такимъ образомъ, считая восемь человѣкъ тюремной стражи, шестнадцать заговорщиковъ должны были способствовать бѣгству Маріи-Антуанетты изъ Темпля.

Де-Жарже имѣлъ новое свиданье съ барономъ де-Бапець, и побѣгъ былъ назначенъ ночью 15-го іюня 1793 года, когда Мишонисъ и Кортэ будутъ дежурными въ тюрьмѣ.

Въ шесть часовъ вечера Мишонисъ вошелъ въ камеру королевы. Марія-Антуанетта, блѣдная, съ заплаканными глазами, дрожала всѣми членами, а принцессу Елизавету лихорадило отъ волненія.

— Успокойтесь, умоляю васъ,—сказалъ имъ Мишонисъ.— Только ваше хладнокровіе поможетъ успѣху.

Въ половинѣ одиннадцатаго Кортѣ пришелъ убѣдиться, всѣ ли готовы. Онъ разставилъ на мѣста стражу.

— Мишонисъ —сказалъ онъ:—когда я крикну: «На караулъ!» попроси королеву и принцессу Елизавету накинуть плащи, которые спрятаны подъ матрацомъ. Двѣ минуты спустя я пойду въ обходъ съ патрулемъ, и мы всѣ выйдемъ въ томъ порядкѣ, который тебѣ извѣстенъ.

Въ полутьмѣ комнаты, еле освѣщенной коптящей лампой, Мишонисъ, королева, принцесса Елизавета и дѣти ждали въ смертельной тревогѣ... Минуты казались часами, и въ тишинѣ слышалось неровное дыханье заключенныхъ... Медленно пробило на ближайшихъ часахъ одиннадцать ударовъ. Когда замеръ послѣдній ударъ, коридоры огласились крикомъ:

— На караулъ!

— Чортъ возьми!—выругался Мишонисъ сдавленнымъ голосомъ.—Это голосъ не Кортѣ!

Королева упала на колѣни, принцесса Елизавета заломила руки, а Мишонисъ побѣжалъ къ двери.

— На караулъ!—послышалось снова.

— Но кто же замѣнилъ Кортѣ?..—въ недоумѣніи произнесъ Мишонисъ.

Въ коридорѣ раздались шаги, звуки запираемыхъ замковъ, бряцанье оружія.

Вдругъ дверь камеры открылась, и вмѣсто Кортѣ появился гражданинъ Симонъ, членъ коммуны, съ двѣнадцатью солдатами. Онъ подозрительно осмотрѣлъ камеру и, не обращая вниманія на отчаянне, отразившееся на лицахъ Маріи-Антуанетты и принцессы Елизаветы, подошелъ къ Мишонису и сказалъ ему самымъ естественнымъ тономъ:

— Гражданинъ, прошу тебя уступить мнѣ на эту ночь дежурство. Я буду стеречь этихъ заключенныхъ. Ты можешь итти отдохнуть.

Это было произнесено твердо, холодно, скорѣе какъ приказаніе, чѣмъ какъ просьба.

Когда дверь затворилась за Симономъ, Марія-Антуанетта и принцесса Елизавета, рыдая, бросились другъ другу въ объятія. Облегчивъ себя обильными слезами, королева снова стала мужественна и кротко произнесла:

— Не будемъ больше плакать. Богъ не хочетъ, чтобы мы оставались на землѣ... Онъ скоро призоветъ насъ къ себѣ.

На слѣдующій день въ полночь де-Жарже побѣжалъ къ барону де-Баду. Онъ нашель его сидящимъ у стола въ глубокой тоскѣ, опутивъ голову на руки. Горѣвшій въ комнатѣ фонарь слабо освѣщаль его разстроенное лицо.

— Другъ мой, не извѣстно ли вамъ, какъ это случилось, что этотъ проклятый Симонъ явился такъ неожиданно?—спросилъ его де-Жарже.

— Да, я все знаю,—отвѣтилъ баронъ.—Переодѣвшись въ костюмъ національной стражи, я переходилъ отъ одной группы стражи къ другой и вотъ что узналъ. Въ двадцати метрахъ отъ Тампля вчера, въ восемь часовъ вечера, одинъ жандармъ поднялъ анонимную записку безъ адреса. На ней было написано карандашомъ: «Сегодня ночью Мишонисъ измѣнить». Записку отнесли къ Симону, онъ представилъ ее въ коммуну, а коммуна дала Симону всѣ полномочія..

— Но кто же написалъ записку?

Баронъ де-Бацъ всталъ и произнесъ со значеніемъ:

— Я знаю—кто, и мы съ вами накажемъ виновнаго. У васъ есть съ собой кинжалъ?

— Да.

— Со мною тоже. Пойдемте.

И они вышли изъ дому.

Послѣ двадцатиминутой ходьбы они подошли къ дому, всѣ этажи котораго были освѣщены.

— Подождите меня здѣсь, въ тѣни,—сказаль баронъ де-Жарже.— Приготовьте ваше оружіе. Я скоро вернусь съ человѣкомъ. Я представлю его вамъ со словами: «Уважаемый гражданинъ, вотъ Мартенъ». Человѣкъ поклонится, тогда мы оба пронзимъ ему грудь...

— Я жду васъ...

Баронъ де-Бацъ подошелъ къ двери дома и три раза постучаль. Ему отворили. Онъ остался на порогѣ и позваль:

— Мартенъ!

Одинъ изъ солдатъ національной стражи отдѣлился отъ группы, игравшей въ карты, и послѣдовалъ за барономъ де-Бацемъ. Отводя его къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ де-Жарже, баронъ сказалъ ему:

— Если онъ тебя спроситъ, какой ты хочешь награды, проси не колеблясь галуны сержанта. Онъ тебѣ дастъ ихъ.

— Вотъ это хорошо, гражданинъ, очень хорошо — отвѣтилъ тотъ.—Никто себѣ не врагъ...

Вдругъ графъ де-Жарже выступилъ изъ тѣни. Баронъ де-Бацъ остановился и, одной рукой указывая на человѣка, а другою вынимая кинжалъ, проговорилъ:

— Уважаемый гражданинъ, вы желали видѣть сторожа тюрьмы Тампля, который, измѣнивъ обѣщанію, данному графу де-Жарже, измѣнилъ королевѣ... Уважаемый гражданинъ, вотъ Мартенъ!

Прежде, чѣмъ солдатъ успѣлъ вскрикнуть, поднялись двѣ руки, сверкнула сталь двухъ кинжаловъ, и онъ упалъ, пронзенный двумя ударами въ сердце.

Графъ де-Жарже и баронъ де-Баць бросили на его тѣло окровавленные кинжалы и скрылись во мракѣ ночи.

На другой день графъ де-Фарзенъ уѣхалъ въ Брюссель, чтобы свезти туда извѣстіе о томъ, что все потеряно, и присоединиться къ массѣ эмигрантовъ, ждавшихъ въ изгнаньи конца революціонныхъ волненій. Съ нимъ уѣхали Веберъ и Шаню. Только де-Жарже и д'Эспиракъ все еще упорствовали и не хотѣли покидать королеву.

VII.

Нѣсколько дней спустя послѣ второй неудачной попытки къ бѣгству, сдѣлавшейся извѣстной народу выдачей нѣкоторыхъ заговорщиковъ и убійствомъ измѣнника Мартена, попытки, заставившей скрыться друзей Маріи-Антуанетты, коммуна рѣшила раз навсегда положить конецъ возможности бѣгства королевы. Прежде всего у нея отняли дофина. Слезы и мольбы несчастной матери были безсильны передъ волей торжествующей революціи.

А дл того, чтобы эта разлука была прочтѣе, Марію-Антуанетту перевели одну въ тюрьму Консьержери, въ ночь съ 1-го на 2-е августа 1793 года.

Мишонисъ, въ качествѣ начальника тюремной полиціи, могъ часто видѣть королеву въ Консьержери. Онъ каждый разъ приносилъ ей извѣстія о ея дѣтяхъ и сестрѣ. По совершенно необъяснимой снисходительности коммуна охотно разрѣшала иногда иностранцамъ сопровождать Мишониса; иностранцы же желали видѣть королеву изъ чувства симпатіи къ ней.

Такъ, однажды Мишонисъ вошелъ въ камеру королевы въ сопровожденіи человѣка, который, входя, очень пристально взглянулъ на Марію-Антуанетту, нѣсколько разъ моргнулъ глазами и такимъ образомъ привлекъ на себя ея вниманье. Затѣмъ, въ ту минуту, когда Мишонисъ повернулся спиною, незнакомецъ наклонился надъ королевой и прошепталъ едва слышно:

— Сударыня, я брошу два анютиныхъ глазка въ темный уголъ... Поднимите ихъ, какъ только мы уйдемъ. Вы въ нихъ что-то найдете...

Мишонисъ, оставаясь преданнымъ другомъ королевы, былъ убѣжденъ, что никакая новая попытка къ бѣгству не можетъ удался, и уже не строилъ плановъ ея освобожденія; онъ, однако, наблюдалъ за королевой, въ надеждѣ, что другимъ удастся то, что онъ считалъ невозможнымъ. Влѣдствіе этого иностранецъ

могъ безъ особенныхъ затрудненій уронить за печку два анютиныхъ глазка.

Едва они вышли изъ камеры, какъ Марія-Антуанетта нагнулась, подняла цвѣты и стала съ тревогой ихъ разсматривать. Въ нихъ на первый взглядъ не было ничего необыкновеннаго; цвѣты были такъ свѣжи, какъ будто ихъ срѣзали лишь нѣсколько часовъ тому назадъ. Казалось невозможнымъ, чтобъ въ нихъ была спрятана самая крошечная записочка. Королева уже хотѣла презрительно отбросить ихъ, считая это за злую шутку, когда наконецъ замѣтила на стеблѣ одного изъ цвѣтковъ тонкую черную линію. Осторожно концомъ булавки пріоткрыла она едва замѣтную линію и увидѣла бумажку, свернутую въ тончайшую трубочку. Сдѣлано это было такъ искусно, что королева изумилась тому терпѣнію, съ которымъ иностранецъ долженъ былъ открыть, вложить трубочку и снова закрыть стебель, не сломавъ его.

Марія-Антуанетта вынула бумажку и съ великимъ недоумѣніемъ прочла слѣдующее:

«Сударыня, я васъ люблю самой пылкой любовью. Если вы хотите бѣжать со мною за границу, то я имѣю возможность освободить васъ изъ тюрьмы. Я богатъ, мы уѣдемъ и присоединимся къ дворянству, находящемуся въ изгнаніи...»

Бумажка была такъ мала, что иностранецъ не могъ написать на ней больше. Внизу мельчайшими буквами было подписано: «Джонъ де-Ружевиль».

Въ отвѣтъ на это признанье и предложенье Марія-Антуанетта только пожала плечами. Бѣжать, безъ дѣтей, съ иностранцемъ, даже фамилія котораго ей незнакома,—объ этомъ нечего и думать. Она бросила въ печку цвѣты и записку и стала молиться; она до такой степени была увѣрена въ близкой смерти, что молилась, почти не переставая.

Нѣсколько дней спустя, Джонъ де-Ружевиль снова пришелъ съ Мишонисомъ. Онъ шопотомъ попросилъ у королевы отвѣта, но она презрительно улыбнулась и прошептала:

— Я остаюсь здѣсь.

Джонъ де-Ружевиль поблѣднѣлъ, а когда Мишонисъ отошелъ въ другой конецъ комнаты, онъ, отрывочными фразами, сталъ шептать о своей преданности, могуществѣ, любви, на что Марія-Антуанетта отвѣтила ему гордо:

— Въ переживаемыхъ нами несчастныхъ обстоятельствахъ королевѣ не говорятъ о преступной любви: ее спасаютъ или умираютъ за нее.

Подошелъ Мишонисъ, и Джонъ де-Ружевиль не могъ отвѣтить. Но на слѣдующій день ему удалось снова навѣстить заключенную и снова передать ей бумажку, почти такого же содержанія, какъ и перая, только нѣсколько пространнѣе. Королева, утомленная

этимъ упорствомъ, провела цѣлыхъ четверть часа за выкалываніемъ на клочкѣ бумаги слова «нѣтъ».

Она расположила буквы въ разныхъ мѣстахъ такъ, что только тотъ, кому онѣ были адресованы, могъ ихъ разобрать и сложить въ одно слово. Но три дня спустя Мишонисъ замѣтилъ эту бумажку въ рукахъ королевы и почтительно попросилъ взглянуть на нее. Марія-Антуанетта не колеблясь показала ему ее, и онъ ее спряталъ, не придавая ей существеннаго значенія.

По доносу жандарма, случайно подмѣтившаго эту интригу Мишонисъ былъ арестованъ; вслѣдъ за нимъ арестовали Тулана и Корте. Всѣхъ троихъ предали суду, осудили на смерть и казнили вмѣстѣ съ пятьюдесятью двумя другими «соучастниками», одѣвъ ихъ предварительно, по приказанію Фукье-Тенвиля, въ позорныя красныя рубашки за то, что они «принимали участіе въ заговорахъ противъ представителей народа».

Искали и Джона де-Ружевиля, но онъ эмигрировалъ за границу.

Между тѣмъ близился роковой конецъ Маріи-Антуанетты. Однако томилась она въ тюрьмѣ Консьержери, въ мрачной подземной камерѣ, похожей на могилу, гдѣ вода текла по стѣнамъ, гдѣ королеву изводили холодомъ и голодомъ. Большія крысы, возбуждавшія въ ней ужасъ, постоянно окружали ее и доходили даже до того, что вырывали изъ ея рукъ хлѣбъ, приносимый тюремщикомъ два раза въ день.

Это одиночество было еще ужаснѣе тѣмъ, что было только кажущееся. День и ночь въ дыры, просверленныя гвоздями въ стѣнахъ, и въ замочныя скважины жандармы слѣдили за каждымъ движеніемъ королевы, придавали дурное значеніе ея самымъ невиннымъ жестамъ. Коммуна не поцеремонилась распространить слухъ о томъ, что если у королевы отняли дѣтей, то лишь потому, что она внушала имъ преступныя привычки... И къ довершенію ужаса эти клеветы довели до свѣдѣнія матери!

Наконецъ, 12 октября 1793 года, въ грустный осенній день, начался процессъ. Вслѣдствіе подтасовки самыхъ грубыхъ клеветъ, самыхъ постыдныхъ обвиненій, самыхъ позорныхъ преступленій, процессу этому суждено было навѣки остаться стыдомъ торжествующей революціи, той революціи, которая на видъ руководствовалась самыми благородными принципами, и которой суждено было, несмотря на все, имѣть такія достославныя послѣдствія. Облитая цѣлыми потоками бѣшено изливаемой на нее грязи, Марія-Антуанетта осталась такою же спокойной, гордой и величественной, какою была всегда.

Мы не будемъ передавать подробности этого процесса. Это дѣло исторіи, и рассказчикъ долженъ скромно и почтительно остановиться передъ такими важными событіями. Самое большее,

что мы можемъ себѣ позволить, это восхищаться характеромъ королевы и отмѣтить подробности ея конца.

Утромъ 16-го октября, въ четыре часа съ нѣсколькими минутами, послѣ долгихъ дней бурныхъ преній, былъ составленъ приговоръ.

Наканунѣ, на зарѣ, Марію-Антуанетту привели въ мрачную, душную залу, гдѣ засѣдалъ революціонный судъ. Въ теченіе этихъ двадцати четырехъ часовъ ей дали всего лишь нѣсколько ложекъ бульона. Несмотря на тревогу объ участи ея дѣтей и сестры, она сохранила обычное присутствіе духа, мужество и твердость. Невозмутимая, неподвижно и холодно, въ черномъ заштопанномъ платьи и во вдовьемъ креповомъ чепцѣ, не выдавая ни малѣйшаго волненья, выслушала она оскорбительный, несправедливый приговоръ.

Когда, наконецъ, было произнесено торжественное слово «смерть», въ залѣ суда воцарилось страшное по своему значенію молчаніе. Тогда, медленно обернувшись къ одному изъ своихъ защитниковъ, Трансону-Дюкудре, королева сняла съ пальца два обручальныхъ кольца, вынула изъ-за корсажа прядь своихъ посѣдѣвшихъ волосъ и сказала спокойно и мягко:

— Вотъ, сударь, если Богъ поможетъ вамъ встрѣтить когда-нибудь моего друга госпожу де-Жарже, то прошу васъ, передайте ей эти кольца и эти волосы на память...

Затѣмъ, съ величіемъ королевы, спускающейся со своего трона, она сошла с скамьи подсудимыхъ среди гробового молчанія и неподвижности всѣхъ присутствовавшихъ. Она открыла рѣшетку и въ сопровожденіи своихъ защитниковъ и двѣнадцати человекъ національной стражи вышла изъ залы твердыми шагами, держа высоко голову, глядя спокойно впередъ и улыбаясь граціозной, доброй улыбкой...

И когда она проходила широкимъ коридоромъ, между двумя рядами любопытныхъ, одна простая женщина воскликнула:

— Ишь, какая гордая эта госпожа Антуанетта!

Въ пять часовъ утра 16-го октября 1793 года во всѣхъ кварталахъ Парижа раздался призывный барабанный бой. Кордегардіи и казармы проснулись, построились, и вооруженная сила залила всѣ улицы города. Въ семь часовъ, среди сильнаго утренняго тумана, съ шумомъ задвигались заряженные пушки и загородили мосты и переулки отъ Пале-де-Жюстисъ до площади Революціи.

Въ это самое время въ Консьержери въ камеру королевы вошелъ человекъ. Марія-Антуанетта, лежавшая на постели, но не спавшая, поднялась и ждала.

— Сударыня, — сказалъ вошедшій, — я аббатъ Жираръ, кюре прихода Сентъ-Ландри.

Съ минуту онъ въ волненіи колебался, потомъ произнесъ съ почтительнымъ поклономъ:

— Мнѣ поручено исповѣдать васъ, если вы этого желаете...

— Благодарю васъ,—мягко произнесла королева.

Затѣмъ она прибавила съ твердостью:

— Я признаю посланниками Бога только священниковъ, не принявшихъ присяги.

Жиранъ снова поклонился и не возражалъ.

Марія-Антуанетта встала съ постели, на которой лежала одѣтая. Она задрожала. Въ камерѣ, едва освѣщенной коптящей лампочкой, было сыро и холодно. Она быстро заходила отъ стѣны къ стѣнѣ, желая согрѣть ноги.

— Сударыня,—сказалъ Жиранъ:—если бъ вы поставили ноги на подушку, вамъ было бы не такъ холодно.

— Благодарю васъ.

Она послѣдовала совѣту и скоро почувствовала себя лучше. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Жиранъ прервалъ его:

— Вы позволите мнѣ, сударыня, сопровождать васъ до эшафота?

— Вы поступите, какъ вамъ угодно, сударь,—отвѣтила королева.—Но я прошу васъ исполнить одну просьбу...

— Какую?—встрепенулся аббатъ.

Марія-Антуанетта взяла письмо, лежавшее на столѣ, и, подавая его аббату, сказала:

— Это письмо къ моей невѣсткѣ. Я попрошу васъ передать его принцессѣ Елизаветѣ, какъ только вы меня оставите. Это мое послѣднее прости ей и моимъ бѣднымъ дѣтямъ.

Жиранъ съ поклономъ взялъ письмо.

Скоро пробило восемь часовъ. Дверь тюрьмы отворилась, и вошла Розалія Ламорльеръ въ сопровожденіи жандармскаго офицера, остановившагося у двери съ саблей наголо.

Марія-Антуанетта попросила Розалію Ламорльеръ помочь ей остричь волосы, чтобъ до нихъ не дотрагивался палачъ. Со времени первыхъ же испытаній, причиненныхъ несчастной королевѣ революціей, эти чудные волосы почти совсѣмъ посѣдѣли.

Затѣмъ, пожелавъ перемѣнить въ послѣдній разъ бѣлье, Марія-Антуанетта обернулась къ жандармскому офицеру и сказала ему съ большой мягкостью:

— Во имя чести, позвольте мнѣ, сударь, перемѣнить бѣлье безъ свидѣтелей.

— Полученный мною приказъ не измѣненъ,—грубо отвѣтилъ офицеръ:—я долженъ видѣть каждое ваше движеніе.

Королева вздохнула и попросила Розалію стать передъ нею съ развернутымъ одѣяломъ, чтобы ея послѣдній туалетъ могъ укрыться отъ мужскихъ глазъ.

Она не одѣла того траурнаго платья, въ которомъ предстала передъ судьями, но выбрала широкій пеньюаръ изъ бѣлаго пике

и повязала грудь большимъ шерстянымъ платкомъ. Когда королева переодѣлась, Розалія Ламорльеръ ушла съ глазами полными слезъ и даже не простилась съ нею, чтобъ не разрыдаться.

Было около девяти часовъ. Звуки шаговъ, голосовъ и бряцанье оружія раздались въ коридорѣ. Дверь рѣзко отворилась, и появился комиссаръ коммуны въ сопровожденіи палача Сансона и нѣсколькихъ сторожей. Комиссаръ прочелъ приговоръ, который королева выслушала стоя, спокойная и полная достоинства. Затѣмъ Сансонъ схватилъ блѣдныя, холодныя руки осужденной и скрутилъ ихъ за спиною.

По знаку комиссара, стража окружила Марію-Антуанетту, и всѣ вышли изъ камеры.

Рѣшетка тюрьмы открылась, и толпа увидѣла стройную, гордую королеву въ бѣломъ платьѣ. Толпа, сжатая двойной линіей солдатъ, не издала ни звука.

Марія-Антуанетта спустилась съ нѣсколькихъ ступенекъ лѣстницы и очутилась передъ подножкой телѣги, которая должна была свезти ее на эшафотъ. Она отказалась отъ услугъ Сансона, хотѣвшаго ее посадить, вошла сама и сѣла, лицомъ впередъ; но помощники палача попросили ее повернуться, что она послушно и исполнила.

Аббатъ Жираръ, въ свѣтскомъ платьѣ, сѣлъ рядомъ съ королевой, а Сансонъ и его помощники, съ обнаженными головами, вскочили на задокъ телѣги.

Единственная лошадь повезла эту печальную процессію между двойного ряда тридцати тысячъ вооруженныхъ солдатъ. Изъ толпы не раздавалось ни одного возгласа. Но когда увидали, что блѣдная Марія-Антуанетта спокойно и прямо сидитъ въ телѣгѣ, сохраняя свое королевское достоинство, разные оборванцы стали позволять себѣ подшучиванія, а за ними и толпа, бѣжавшая до самаго эшафота, начала осыпать королеву грубыми ругательствами и всевозможными оскорбленіями.

Но королева не думала объ этомъ. Она знала, что въ одномъ широко открытомъ окнѣ близъ Ораторіи увидитъ патера. Когда процессія поровнялась съ означеннымъ домомъ, Марія-Антуанетта увидала въ окнѣ челоуѣка съ непокрытой головою, поднявшаго правую руку. Она наклонилась и приняла послѣднее благословеніе. Поднявъ голову, она увидала, какъ женщина изъ толпы поднимала вверхъ своего ребенка и этотъ ребенокъ посыпалъ ручкой поцѣлуи королевѣ.

Эта сцена такъ разстроила Марію-Антуанетту, что мужество покинуло ее, и она почувствовала, что слезы текутъ по ея щекамъ. Но она оправилась, не желая выставлять свое горе на посмѣяніе ваговъ. И слезы остановились...

Въ эту именно минуту художникъ Давидъ, взобравшись на складную лѣстницу, позади линіи солдатъ, набросалъ на бумагѣ холодный и сухой портретъ женщины, ѣхавшей умирать.

Телѣга доѣхала до Пале Эгалите. Какъ бы для того, чтобы яснѣе напомнить королевѣ ея самые лучшіе и самые несчастные дни, толпа начала бѣшено ревѣть, хлопать въ ладоши, и тогда въ первый разъ за все время своей пытки Марія-Антуанетта сдѣлала негодующій жестъ.

Двигались впередъ крайне медленно. Толпа съ каждой минутой все прибывала, зрители торопились на спектакль, прорывая линію вооруженныхъ солдатъ. Актеръ Грамонъ, которому когда-то королева оказывала благодѣянія, скакалъ верхомъ передъ телѣгой и кричалъ, что было силъ:

— Вотъ она, подлая Антуанетта!...

И прибавлялъ самую неприличную брань.

Его крики были встрѣчены бурными возгласами толпы, между тѣмъ какъ королева, очень страдающая отъ веревокъ, до крови рѣзавшихъ ей руки, кротко попросила Жирара немножко ослабить ихъ. Аббатъ весь дрожалъ и не въ силахъ былъ распутать ихъ. Тогда Сансонъ развязалъ веревки.

Былъ полдень, когда остановились на площади Революціи. Солнце наконецъ разсѣяло туманъ и прорвалось сквозь тучи. Наступалъ мягкій осенній день, и гильотина выдѣлялась чернымъ пятномъ на ясно-голубомъ небѣ...

Когда телѣга остановилась, толпа заревѣла еще сильнѣе, и слышалась такая неприличная, такая ужасная брань по адресу королевы, что бѣдная Марія-Антуанетта покраснѣла... Аббатъ Жираръ показалъ ей распятіе изъ слоновой кости... Она улыбнулась, и съ той минуты спокойствіе уже не измѣняло ей...

Огромные отряды жандармовъ и національной стражи окружали гильотину. Королева вышла изъ телѣги среди гробового молчанія, такъ какъ толпа, наконецъ, поняла инстинктивно всю низость и подлость своихъ оскорбленій.

Твердымъ шагомъ, отказавшись отъ всякой помощи, королева поднялась по ступенькамъ эшафота. Нечаянно она наступила ногой на ногу Сансона. Она обернулась и съ замѣчательной кротостью сказала палачу:

— Извините меня, пожалуйста.

Палачъ поклонился, сконфуженный такимъ присутствіемъ духа и хладнокровіемъ.

Но толпою снова овладѣли животныя инстинкты, се раздражали эти замедленія.

— Смерть, смерть австріячкѣ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

А солнце серебрило дула ружей, острія пикъ и висящій подъ перекладиной гильотины ножъ...

Королева быстро подошла подъ плаху. Она уже начинала ослабѣвать. Эти два дня отняли у нея такъ много энергіи. Она сама движеніемъ всего тѣла опустила голову на наклонную доску... Въ одно мгновеніе ока помощники палача привязали ее, доска качнулась, ножъ сверкнулъ, опустился...

— Да здравствуетъ республика!—раздалось изъ ста тысячъ устъ въ то время, какъ Сансонъ поднялъ въ воздухѣ красивую окровавленную голову, а жандармъ Меньо торопливо подставилъ платокъ, на который потекла кровь, какъ бы изъ сжатой руки палача...

Такъ умерла 16-го октября 1793 года, въ полдень, Марія-Антуанетта Австрійская, королева Франціи.

Вечеромъ того же дня де-Жарже и д'Эспиракъ уѣхали въ Бельгію.

Но они должны были скоро вернуться. Ихъ роль во Франціи еще не окончилась: оставался Людовикъ XVII..

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1908 г. ¹⁾.

А

А. *Рецензія ею:* «Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ (1880—1904). Составилъ Б. М. Городецкій. Спб. 1908», СХІІ, іюнь, 1087—1088.

А. В. *Рецензіи ею:* 1) «В. И. Сергѣевичъ. Время возникновенія крестьянской поземельной общины. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 345—346. 2) «Nisbet Bain. Slavonic Europe. A political history of Poland and Russia from 1447 to 1796. Cambridge. 1908», СХІІІ, іюль, 341—342. 3) «Theod. Shiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I и 2. Berlin», СХІV, ноябрь, 726—725. 4) «Дневникъ Марины Мнишекъ. Русскій переводъ съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1908», *ib.*, 728. 5) «Г. В. Комаровъ. Пославянскія землія. Послѣ парижскаго сѣзда. Спб. 1908», *ib.*, 749.

А. В.—ловъ. *Рецензіи ею:* 1) «Проф. Н. П. Стороженко. Очеркъ истории западно-европейской литературы. М. 1908», СХІІ, іюнь, 1098—1100. 2) «Visconte de Guichen. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Paris. 1908»,

СХІІІ, сентябрь, 1067—1069. 3) «Шарль Диль. Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 294—296.

А. В.—овъ. *Рецензіи ею:* 1) «Соціалистическая исторія (1789—1900) подъ редакціей Жана Жюреса. Т. I. Учредительное собраніе (1789—1791). Спб. 1908», СХІІІ, іюль, 329—332. 2) «Jules Jansen. Diplomatiscche Enthüllungen aus der Botschafterzeit der Baron von Mohrenheim. (1884—1898). Leipzig. 1908», СХІV, декабрь, 1105—1107.

А. Е. К. *Ею:* «Воспоминанія о князѣ К. А. Бобутовѣ», СХІІІ, іюль, 115—136. *Цитровка къ мнѣ* Г. Туманова, СХІІІ, сентябрь, 1134—1136.

А. Ивановичъ. *Рецензіи ею:* 1) «М. П. Кулешовъ. Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминааніямъ крестьянъ. М. 1908.—Алексѣй Мошинъ. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ. Изд. 2. Спб. 1908». СХІV, октябрь, 301—302. 2) «Литературный календарь - альманахъ. Спб. 1908», СХІІІ, іюль, 318—319. 3) «И. Г. Попруженко. Къ исторіи «Безумнаго

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія — страницу.

года» (1848). Варшава. 1907», CXIV, декабрь, 1114—1116.

А. К. Ея: «Воспоминания о холерѣ 1891 года», CXIV, ноябрь, 570—575.

А. Л. Рецензія ея: «Е. Поселянинъ. Святія дѣти русскія и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ. Изданіе училищнаго совѣта при св. синодѣ. Спб. 1908», CXIII, июль 335—338.

А. М. Ея: «Въ Испанію и обратно. (Путевыя замѣтки)», CXIII, сентябрь, 987—1123.

А. М.—нѣ. Рецензія ея: «И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX стол. Спб. 1907», CXII, апрѣль, 337—338.

А. Ф. и А. Ф.—нѣ. Рецензіи ея: 1) «Н. Гутъяръ. И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907», CXI, январь, 325—327. 2) «Ивановъ-Разумникъ. Что такое «Махаевщина»? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. 1908», CXI, февраль, 711—712. 3) «Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1908», CXIII, июль, 315—316. 4) «И. С. Тургеневъ для дѣтей. Подъ ред. Н. Колтарева. Спб. 1908», CXIV, ноябрь, 738.

А. Я. Рецензіи ея: 1) «В. В. Калдашъ. «Записки путешественія въ Сибирь» А. Н. Радицева. Спб. 1907», CXI, февраль, 708. 2) «Генриетта Роландъ-Гольствъ. Этюды о социалистической эстетикѣ. О жизни, красотѣ и искусствѣ. М. 1907», CXII, апрѣль, 340—341. 3) «А. Розенбергъ. Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ О. Ф. Павловской подъ ред. проф. А. А. Павловскаго. Съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. А. Павловскаго. Спб. 1907. Вып. I», CXII, май, 734—735. 4) «Акты и документы, относящіяся къ исторіи кievской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.). Томъ IV. Царствованіе Екатерины II (1762—1795). Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ 1907», CXII, июнь, 1077—1080. 5) «Алексѣй Ремизовъ. Лимонарь сирѣчь Лугъ Духовный. Издательство «Оры». Спб. 1907», CXII, июнь, 1094—1095. 6) «Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописный отдѣлъ бібліотеки императорской академіи наукъ въ 1904 году. Спб. 1907», CXIII, августъ, 685—687. 7) «Баронъ Н. Н. Врангель. Обзоръ русскаго музея императора Александра III. Спб. 1907», CXIII, сентябрь, 1079—1080. 8) «В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русско-й литературы. Ч. I. Исторія древней

русской литературы (отъ IX в. до конца XVII в.). Вып. I. Спб. 1908», CXIV, ноябрь, 739—740. 9) «Отчетъ императорскаго російскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1906 годъ. М. 1907», ib, 747. 10) «Путеводитель по музею Псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1908», ib, 748—749.

Авдѣева, Екат. Алексѣевна, авторъ первой въ Россіи поваренной книги. *О ней замѣтка Николая Полевога:* «Вольный духъ», CXIV, октябрь, 381—383.

Авеланъ, Карлъ, начальникъ финляндскихъ таможенъ, CXIII, июль, 57—59.

Авсѣенко, В. Г., писатель. *Ея:* 1) «Чародѣйка. Историческій рассказъ», CXI, февраль, 461—481, и 2) «Жемчужина «Пелегринна». Историческій рассказъ», CXIV, декабрь, 861—879.

Агреневъ-Славянскій, Дмитрій Александровичъ. *Некрологъ ея:* CXIII, августъ, 742—743.

Аданъ, Жульетта, авторъ воспоминаній, CXIV, ноябрь, 764—766.

Адлербергъ, Влад. Фёд., графъ, товарищъ военнаго министра, CXIII, августъ, 430 (въ «Запискахъ» Фишера).

Айхенвальдъ, Ю. Рецензія А. Фомина о второмъ выпускѣ ея «Силуэтовъ русскихъ писателей М. 1908», CXIII, августъ, 687—688.

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ, CXII, апрѣль, 255—258, 283.

Александра Юсифовна, великая княгиня, супруга в. к. Константина Николаевича, CXIV, ноябрь, 531—532.

Александра Николаевна, великая княгиня, младшая дочь императора Николая I, CXIV, ноябрь, 532—533.

Александра Феодоровна, императрица, CXI, мартъ, 1129—1132.

Александровъ, И. Рецензіи ея: 1) «И. И. Троицкій. Домонгольская Русь. Изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907», CXII, апрѣль, 332—333. 2) «Г. Зоргенфрей. Вопросы современной школы. Спб. 1907», CXII, апрѣль, 343—345. 3) «Павель Симоны. Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ злосчастіе довело молодца во инокскій чинъ. Спб. 1907», CXIII, июль, 314—315. 4) «Стоянъ Дюбекирскій. Юбилейный путеводитель по священнымъ мѣстамъ—памятникамъ, воздвигнутымъ признательнымъ народомъ. Софія. 1907», ib, 338—339. 5) «Проф. Мих. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб. 1907», CXIII, августъ, 695—697. 6) «Я. И. Рудневъ. Очерки странъ и народовъ Азіи. Вып. I и II. Спб.

1907», ib. 698—699. 7) «Н. П. Лихачевъ. Древнѣйшія буллы и печати Ширнулы. Спб. 1907», СХІІІ, сентябрь, 1078—1079.

Александровъ, П. А. *Статьи его:* 1) «Село Царево-Никольское», СХІІ, июнь, 1013—1016. 2) «Экскурсія къ болгарскимъ развалинамъ», СХІV, декабрь, 1048—1072.

Александръ I Павловичъ, императоръ, СХІ, январь 359—360 (о письмахъ къ нему королевы Гортензіи); февраль, 387—407 (въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича: «Генераль-адъютанты императора Александра I»); 457—458; мартъ, 1129; СХІІ, июнь, 1041—1071 (въ статьѣ В. Тимирязева: «Отношенія Александра I къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной»); ib. 1118—1128; СХІІІ, сентябрь, 815—817; 1107.—*О письмахъ его къ Наполеону I*, СХІV, октябрь, 329—334.—*Упомянется:* ноябрь, 422—423; 434; 616—617.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, СХІ, январь, 214, 217, 225—231, 233, 235—238, 241—243; февраль, 511, 517—520, 526, 532; 630—632; 684—693 (о немъ статья М-ва: «Послѣдніе годы царствованія Александра II»); СХІІ, апрѣль, 257—260; июнь, 825—827; СХІІІ, августъ, 428; сентябрь, 793, 798—800, 805—807, 810, 818—821; СХІV, октябрь, 46; декабрь, 1038—1041, 1044—1047.

Александръ III Александровичъ, императоръ, СХІІІ, сентябрь, 1119 (скопическій отдѣлъ музея Александра III); ib. 1120—1121 («Къ открытію памятника императору Александру III»).—*О немъ книга А. Д. Попова:* «Императоръ Александр III. Изданіе училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта. Спб. 1908», рецензирванная г. И. А. СХІV октябрь, 292—293.—*Упомянется:* СХІV, декабрь, 1077.

Алексѣевъ, В. А. *Статья его:* «Памяти В. С. Передольскаго (1833—1907)», СХІІ, апрѣль, 199—216.

Алексѣй Александровичъ, великій князь.—*Некрол. его:* СХІV, декабрь, 1—4.

Алексѣй Михайловичъ, царь, СХІ, январь, 268—278; СХІV, ноябрь, 592.

Алелековъ, А. Н. *Рецензія Мих. Соколовскаго о книгѣ его:* «Исторія московскаго военнаго госпиталя въ связи съ исторіею медицины въ Россіи. Къ 200-лѣтнему юбилею 1707—1907.», СХІV, октябрь, 294.

Андреевскій, Е. К. *Статья его:* «Молдавская косность. (Изъ воспоминаній)», СХІІ, май, 558—561.

Андреевскій, Иванъ Ефимовичъ, ректоръ Спб. университета, СХІV, ноябрь, 650—651.

Антоновичъ, А. И., инженеръ путей сообщенія, СХІV, ноябрь, 487—488.

Антоновичъ, Влад. Вонифатъ, извѣстный историкъ Малороссіи и археологъ. *Некрологъ его:* СХІІ, апрѣль, 387—388. *Упомянется:* СХІV, октябрь, 252, 254.

Апрѣлевъ, И. Ф., сенаторъ, СХІІ, май, 464—465.

Апушкнятъ, В. А. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его:* «Мищенко. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. Спб. 1908», СХІ, январь, 331—333.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ, СХІІ, май, 457—458, 464—465; СХІІІ, сентябрь, 817.

Аристовъ, ссыльный, СХІІ, апрѣль, 195—193.

Аршфельтъ, Ад-дръ Густавовичъ, графъ, СХІІІ, июль, 51—52; августъ, 428; сентябрь, 793, 797—800, 806, 813; СХІV, ноябрь, 433—435, 439, 445—448; декабрь, 857.

Арсеній (въ мѣрѣ Анисимъ Васильевичъ Швецовъ), архіепископъ бѣлокрипцкаго согласія. *Некрологъ его:* СХІV, октябрь, 371.

Арсеньевъ, Конст. Конст., извѣстный публицистъ. *О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова:* «Юбилей К. К. Арсеньева», СХІ, январь, 243—257.

Аскоченскій, В. Ип., редакторъ «Русской Бесѣды», СХІV, октябрь, 164.

Ашенбреннеръ, М. Ю., СХІV, декабрь, 1014.

В

В. В. *Рецензія его:* «Ник. Вашкевичъ. Исторія хореографіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ иллюстраціями. Вып. I. М. 1908», СХІІ, май, 733—734.

Важинъ, Николай Ѳедотовичъ, беллетристъ - народникъ. *Некрологъ его:* СХІV, декабрь, 1177.

Вайронъ, Джорджъ-Гордонъ, лордъ, знаменитый англійскій поэтъ (1783—1824), СХІІІ, сентябрь, 1107—1109. («Романъ въ жизни Вайрона»).

Вайронъ, Августа, полукровка сестра ирландскаго, бывшая замужемъ за капитаномъ Лиемъ, СХІІІ, сентябрь, 1108—1109.

Вакуиниъ, М. А., писатель, эмигрантъ, другъ Герцена, СХІІІ, июль, 143—146. (О «романѣ» его съ дѣвицей Квятковской, вполнѣдствіи его женой); августъ, 591; СХІV, ноябрь, 659—661.

Вакъ, Ю. Б., инженеръ, издатель газ. «Рѣчь». *Некрологъ его:* СХІІ, июнь, 1146.

Валашовъ, Ад-дръ Дм., генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 393—394.

Валинскій, Игнатій Вас., инженеръ, архитекторъ. *Некрологъ* его: СХІІ, май, 774—776.

Валлодь, студентъ, «революціонеръ», СХІV, октябрь, 220—226.

Вальцеръ, Освальдъ. *Рецензія А. И. Лцимирскаго о книгѣ* его: «Къ исторіи общественно - государственнаго строя Польши. Переводъ подъ ред. и со вступительной статьей Н. В. Ястребова. Спб. 1908», СХІІІ, іюль, 328—329.

Ванкъ, американскій археологъ, СХІІ, май, 742—743.

Варановы:

— Иванъ Гавриловичъ, основатель мануфактурной Карабановской фабрики, СХІV, октябрь, 142—143.

— Асафъ Ивановичъ, сынъ предыдущаго, *ib.*, 143—149.

— Александръ Ивановичъ, *ib.*, 143.

— Николай Ивановичъ, *ib.*, 143—149.

— Александра Асафовна, жена Ивана Гавриловича, *ib.*, 143.

Варановъ, Н. М., герой «Весты», СХІ, февраль, 507—508.

Баррилы, Джіуліо, профессоръ, СХІV, декабрь, 1166 (по поводу его смерти).

Бартеневъ, Юрій Петровичъ. *Некрологъ* его: СХІV, декабрь, 1178—1179.

Бахтинъ, Николай Ивановичъ, членъ Государственнаго Совѣта, СХІV, октябрь, 50; ноябрь, 429—433; декабрь, 848—850 (въ «Запискахъ» Фишера).

Вашуцкій, Александръ Павловичъ (1803—1876). *Его рассказы: «Убийство графа Милорадовича»*, СХІ, январь, 132—164.

Вебутовъ, Конст. Ал-дровичъ, князь: «*Воспоминанія*» о немъ А. Е. К., СХІІІ, іюль, 115—136. *Поправка Г. Туманова.* «Къ воспоминаніямъ о князѣ К. А. Вебутовѣ», СХІІІ, сентябрь, 1134—1136. — *Упомянется*: СХІV, октябрь, 384.

Вегменъ-мирза, персидскій принцъ. *О немъ въ статьѣ Вл. Передольскаго: «Поѣздка на Вѣнскую всемірную выставку въ 1873 году съ персидскимъ принцемъ Бегменъ-мирзой»*, СХІV, декабрь, 1005—1012.

Везобразовъ, М. А., СХІV, декабрь, 1044—1045.

Везродный, А. В. *Некрологъ* его: СХІ, мартъ, 1153—1154.

Векотовъ, А. Н., ректоръ петербургскаго университета, СХІІІ, сентябрь, 934, 936—939.

Веккерель, Анри, извѣстный физикъ, СХІV, октябрь, 342 (по поводу его смерти).

Веннигсенъ, Леонтій Леонтьевичъ, графъ, генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 389, 394, 400.

Венкендорфъ, Ал-дръ Христофоровичъ, графъ, генераль-адъютантъ, первый шефъ жандармовъ, СХІ, январь, 148; февраль, 397—400; мартъ, 813—814; СХІІ, апрѣль, 218—219, 221—222—226; май, 432, 435, 446, 449 — 453; СХІІІ, сентябрь, 808—809.

Вентковская, Софья Николаевна (урожденная Якимовская). *Некрологъ* ея: СХІІІ, іюль, 377.

Веньовскій, Морицъ-Августъ, авантюристъ ХVІІІ вѣка. *О немъ въ статьѣ В. И. Штейна: «Самозванный императоръ Мадагаскарскій»*, СХІІІ, іюль, 176—197; августъ, 597—618.

Вергъ, Ф. Ф., графъ, фельдмаршалъ, СХІІ, май, 593—594; СХІV, ноябрь, 448.

Верже, А. П., археологъ, СХІV, декабрь, 1012.

Вернгардъ, Августъ Рудольфовичъ, бывший директоръ петербургской консерваторіи. *Некрологъ* его: СХІІІ, августъ, 744.

Вергеймъ, проф. *Рецензія г. Памт. о книжкѣ* его: «Введеніе въ историческую науку. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. М. Н. Проколовича. М. 1908». СХІІІ, сентябрь, 1074—1076.

Версъ, А. А. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ* его: «Естественная исторія чорта. Религіозно - историческое изслѣдованіе. Спб. 1908», СХІ, февраль, 716—718.

Вестужевы:

— А. А. (Марлинскій), поэтъ. *О немъ въ книжкѣ Н. Пиксанова: «Грибоѣдовъ и А. А. Вестужевъ*, Спб. 1906», рецензированной И. А., СХІ, февраль, 708—709.

— Михаилъ Александръ, декабристъ, СХІV, ноябрь, 537—551, 558—559. (Въ «Воспоминаніяхъ» П. И. Першина).

— Николай Александровичъ, братъ предыдущаго, СХІV, ноябрь, 542—544, 551.

Вибиковы:

— Илья Гавриловичъ, СХІ, февраль, 450, 453.

— Дм. Гавр., первый генераль-губернаторъ Юго-Западнаго края, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІV, октябрь, 46, 162; 173, 178.

Визюкинъ, СХІV, октябрь, 48.

Вилибинъ, Викторъ Викторовичъ, писатель. *Некрологъ* его: СХІІІ, іюль, 377—378.

Вильяръ, д-ръ, авторъ книги «Les tombeaux des rois», СХІІІ, сентябрь, 1091—1098.

Вишневъ, Н. Н., астраханскій губернаторъ, СХІ, февраль, [533—535, 538, 540.

Вирюковъ, Я. *Рецензія* его: 1) «Тургеневъ, Н. И. Россія и русскіе. Ч. I и II. («Библиотека декабристовъ», под редакціей Г. Баллиаго). Спб. 1907.—Тургеневъ, Н. И. Записки изгнанника. (Библиотека «Общественной Пользы»). Спб. 1907», СХI, февраль, 704—707. 2) «Вейнбергъ, П. Страницы изъ истории западныхъ литературъ. Спб. 1907», СХI, мартъ, 1113—1114. 3) «Лассеръ, А. Коллективное участіе женщинъ въ великой французской революціи. Переводъ съ французскаго Эльты. Спб. 1907», СХII, апрѣль, 341—343. 4) «Грибовскій, В. М. Памятники русскаго законодательства XVIII в. Вып. I. Спб. 1907».—Акты царствованія Екатерины II. Подъ редакціей Г. Н. Шмелева. М. 1907», СХII, май, 715—716. 5) «Покровскій, В. И. Иванъ Серг. Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1908», ib. 720. 6) «Веселовскій, С. В. Нѣсколько документовъ московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ. Изданіе Общества истории и древностей руссійскихъ при Московскомъ унив. М. 1907», СХIII, июль, 311—312. 7) «Водозовъ В. И. Новая русская литература. (Отъ Жуковскаго до Гоголя включительно). 7-ое изданіе. Спб. 1908», СХIV, декабрь, 1118.

Влаговидовъ, О. *Рецензія* его: «К. Дьяконовъ. Духовныя школы въ царствованіе императора Николая I. Сергіевъ Посадъ. 1907», СХII, июнь, 1074—1077.

Влиновъ, Н. Н. *Рецензія* Дм. Зеленина о книгѣ его: «Сарапулъ и среднее Прикамье. Былое и современное. Очерки съ рис. 1908», СХIV, ноябрь, 728—729.

Влудовъ, Д. Н., графъ, СХI, январь, 219, 225, 232; СХIII, июль 68—69; 189, 194.

Воборыкинъ, Вл. Конст. *Замѣтка* его: «По поводу статьи: «Жищеніе башкирскихъ земель», СХI, январь, 382—384.

Вобринскій, А. А., графъ, СХII, май, 444, 449—451.

Вобровъ, Евг. А., проф. *Рецензія* проф. М. Красножена о книгѣ его: «Дѣла и люди. Сборникъ статей. Юрьевъ. 1907», СХII, май, 736—737.

Вогаевскій, генералъ, СХIV, ноябрь, 435—437 (въ «Запискахъ» сенатора Фишера).

Вогатыревъ, Пав. Ив. *О немъ статья* князя Б. А. Щетинина: «Артистъ-самородокъ», СХIII, июль, 206—215.

Вогдановичи:

— А. И.—*Рецензія* Н. Л. о книгѣ его: «Годы перелома. 1895—1906. Сборникъ

критическихъ статей. Спб. 1908», СХIV, декабрь, 1117—1118.

— Модестъ Иван., военный историкъ, СХIV, ноябрь, 427—428 (въ «Запискахъ» сенатора Фишера).

Вогдановъ, И. Ф. *Рецензія* М—ко о книгѣ его: «Наборно-типографское дѣло. Изд. 2-е. Спб. 1908», СХIV, октябрь, 312.

Вогнищъ, В. В., профессоръ новороссійскаго унив. *Некрологъ* его: СХII, июнь, 1145—1147.

Вогольцовъ, И. П., земскій статистикъ, СХIII, июль, 107, 110, 113; СХIV, октябрь, 113—114.

Вогольцовъ, Н. П., министръ народнаго просвѣщенія, СХI, мартъ, 902—903, 907—909, 913—915.

Вогуставскій, Иосифъ, ссыльный полякъ, СХII, апрѣль, 194—196.

Водларъ, Пьеръ-Шарль, французскій поэтъ, СХII, июнь, 1124—1129.

Вожизничъ, Валтазаръ, ученый далматинецъ, СХII, августъ, 726—727 (по поводу его смерти).

Волеславъ-Юрій, князь всей Малой Руси. *О немъ:* «Сборникъ материаловъ и изслѣдованій, сообщенныхъ О. Гонсіоровскимъ, А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, И. А. Линиченко, С. Л. Пташицимъ и И. Режабкомъ. Съ 10 таблицами. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1907», реценз. А. И. Яцимирскимъ, СХIII, августъ, 681—683.

Ворисовъ, Н. А., публицистъ. *Некрологъ* его: СХIV, октябрь, 371—372.

Воровскій, Петръ Людвиговичъ, бывшій проф. варшавскаго унив., за участіе въ польскомъ восстаніи 1830—31 гг. сосланный въ Нерчинскіе рудники, впоследствии главноуправляющій прискамаи Баунтовской кампаніи, СХIV, ноябрь, 568.

Вородкинъ, М. М. *Рецензія* П. Майкова о книгѣхъ его: 1) «Война 1854—1855 гг. на Финскомъ побережьѣ. Спб. 1904.—2) Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Обрикова. Спб. 1905.—3) Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Спб. 1908», СХI, февраль, 694—699.

Ворхъ, Ю. А., графъ. *Его:* «Воспоминаніе о М. Д. Скобелевѣ», СХIII, сентябрь, 946—950.

Воткинъ, С. П., извѣстный русскій елвиндистъ, СХIII, июль, 370—371 (по поводу открытія ему памятника).

Врайловскій, С. Н. *Статья* его: «Ф. М. Достоевскій въ Омской каторгѣ и поляки», СХII, апрѣль, 189—198.

Вранденбургъ, Н. Е., археологъ, СХIII, июль, 288—289.

Врандесъ, Георгъ, извѣстный историкъ литературы, СХІІІ, июль, 299—302 (по поводу его новаго труда о Польшѣ).

Врянкорнъ, М. М., статья-секретарь, СХІІІ, августъ, 432—433; сентябрь, 816.

Врокъ, Петръ Ѳеодоровичъ (1805—1876), министръ финансовъ, СХІ, январь, 66.

Врусняницъ, В. В. *Его рассказы: «Среди землевладельцевъ»*, СХІІІ, сентябрь, 822—839.

Врянчаниновъ, А. К. *Рецензія О. И. Ф. о книгѣ его: «Скитанія. М. 1908»*, СХІV, декабрь, 1132—1134.

Вуанъ (д-е), графиня, СХІІІ, июль, 355—363 (по поводу четвертаго и послѣдняго тома ея «Мемуаровъ»).

Вуасье, Гастонъ, французскій писатель, СХІІІ, июль, 368—369.

Булгаковъ, Ѳеодоръ Ильичъ, писатель. *Некрологъ его, составленный Л. Г. И.: «Ѳеодоръ Ильичъ Булгаковъ»*, СХІІ, май, 599—613.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, писатель, СХІІ, апрѣль, 220—221, 223, 225, 231.

Вулыгинъ, Вас. Ив., СХІ, январь, 218—220.

Вуренинъ, В. П., писатель, СХІ, мартъ, 1016.

Вуславъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, академикъ. *Рецензія В. Р.—ва о первомъ томѣ его: «Сочиненія по археологии и исторіи искусствъ. Спб. 1908»*, СХІІ, май, 717—719.

Вутковъ, В. П. государственный секретарь, СХІ, январь, 323; СХІІІ, сентябрь, 812, 820.

Вутурлина, Ольга Мих., начальница Павловскаго института. *Некрологъ ея: СХІV, ноябрь, 793.*

Выковъ, П. В. *Рецензія А. Ф.—на о редактированномъ имъ «Полномъ собраніи сочиненій Н. В. Гоголя. Спб. 1908»*, СХІІІ, июль, 315—316.

Вѣдновъ, В. А. *Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ по Volumina legum. Екатеринославъ. 1908»*, декабрь, 1111—1112.

Вѣднискій, Висс. Григ., извѣстный критикъ. — *О немъ въ книгѣ А. И. Пынина. «Вѣднискій, его жизнь и переписка. Изданіе второе. Спб. 1907»*, рецензировавнй Г. Л., СХІ, январь, 325.

Вѣловъ, А. М. *Статья его: «Иностранцы о Россіи. Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля (1881—1889)»*, СХІV, октябрь, 276—288.

Вѣлогриць-Котляревскій, Леонидъ Серг., профессоръ кievскаго университета. *Некрологъ его: СХІІІ, сентябрь, 1127.*

Вѣляевъ, И. С. *Рецензія А. И. Яцимирскаго о книгѣ его: «Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII ст. Со списками устава и полуустава, азбуки, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, заставокъ и заглавныхъ цвѣтныхъ буквъ, вязи бѣлорусскаго письма. М. 1907»*, СХІ, январь, 316—318. — *На нее отвѣтъ Блялева: «По поводу «устава» и «полуустава»*, СХІ, февраль, 760—762.

Вѣнь, Низбогъ. *Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Slavonie Europe. A political history of Poland and Russia from 1447 to 1796. Cambridge. 1908»*, СХІІІ, июль, 341—342

Вюриданъ, французскій философъ-схоластикъ XIV вѣка, СХІ, мартъ, 1120—1122.

Вюсси, Бернардъ, англійскій публицистъ, СХІІІ, августъ, 717—719.

В

В.—Рецензіи его: 1) «А. И. Миловидовъ. Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI—XVIII вв. М. 1908», СХІV, октябрь, 311. 2) «А. И. Миловидовъ. Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публичной бібліотеки. Вильна. 1908», ib., 313. 3) «Ю. А. Кулаковскій. Стратегика императора Никифора. Спб. 1808», СХІV, ноябрь, 750. 4) «С. П. Шестаковъ. Памятники христіанскаго Херсонеса. М. 1908», СХІV, декабрь, 1128—1129.

В. Г.—Рецензія его: «Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй Россіи. Спб. 1907», СХІ, январь, 327—328.

В. Д.—въ. *Рецензія его: «Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ третій. (Вып. IV). Екатеринославъ. 1908»*, СХІV, декабрь, 1127—1128.

В. Л. Его статья: «Донской музей (въ городѣ Новочеркасскѣ)», СХІІІ, июль, 243—254. — *Рецензія его: «Хроника моей жизни, преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. VI. М. 1907»*, СХІ, мартъ, 1117—1119.

В. Т. Статья его: «Графъ Эстергази въ Петербургѣ при Екатеринѣ II», СХІ, февраль, 676—683. — *Рецензія его: «Ве-*

- лигій князь Николай Михайлович. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Томъ VI. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 324—329.
- В. Тр—ій.** *Рецензія его:* «Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археологическою Комиссіею. Т. XXI. Дѣла Тайнаго приказа. Книга первая. Спб. 1907», СХІІ, май, 712—714.
- Вазовъ, Иванъ** Минчовичъ, народный болгарскій поэтъ. *О немъ очеркъ В. В. Уманова-Каплуновскаго*, СХІІ, май, 614—632.
- Валишевскій, К.** *Рецензія Н. А. Энгельгардта о книгѣ его:* «Романъ императрицы. Екатерина II императрица всероссійская. Съ 35 портретами на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1072—1074.
- Валенъ, баронъ**, СХІІІ, июль, 69.
- Валонъ, графиня**, авторъ «Воспоминаній» на франц. яз., СХІV, ноябрь, 764—766.
- Валуевъ, П. А.**, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІ, январь, 217—224 (выписки изъ его «Дневника»); СХІІ, апрѣль, 260—264; СХІV, декабрь, 1033, 1036, 1039—1042, 1046—1047.
- Вальдерзее, графъ**, СХІІІ, июль, 294—299 (его экспедиція въ Китай въ 1900 г.).
- Ванновскій, Петръ Сем.** *О немъ статья И. В. Мещанинова:* «Петръ Семеновичъ Ванновскій. (Министръ народного просвѣщенія)», СХІ, мартъ, 895—940;—*Упомин.:* СХІІІ, сентябрь, 929—930.
- Ванъ-Війкъ**, амстердамскій публицистъ, писавшій о Россіи, СХІІІ, июль, 365—367.
- Варнеке, Г. В.** *Рецензія барона Н. В. Дризена о книгѣ его:* «Исторія русскаго театра. Часть первая. XVII и XVIII вв. Казань. 1908», СХІІІ, августъ, 692.
- Васильева, М. Е.** *Ея:* «Замученный. (Записки незаконнорожденнаго)», СХІ, мартъ, 819—854; СХІІ, апрѣль, 79—116.
- Васильевскій, Вас. Григ.**, академикъ. *Рецензія В. Р—ва о первомъ томѣ его «Трудовъ»*, изд. Академіею наукъ. (Спб. 1908»), СХІІІ, сентябрь, 1077.
- Васильчиковъ, Иларіо** гв. Вас., князь, генераль-адъютантъ, предсѣдатель Государственного Совѣта, СХІ, февраль, 392, 399, 401; СХІІІ, сентябрь, 812, 819; СХІV, ноябрь, 431.
- Васюковъ, С. П.**, писатель. *Его:* «Былые дни и годы», СХІ, январь, 109—131; февраль, 482—503; мартъ, 873—894; СХІІ, апрѣль, 138—162; май, 491—530; июнь, 864—889; СХІІІ, июль, 93—114; августъ, 468—486; сентябрь, 840—858; СХІV, октябрь, 94—114 и ноябрь, 478—497.—*О немъ статья В. Г.:* «Памяти С. И. Васюкова», СХІІІ, июль, 198—205.—*Рецензія В. Г. о книгѣ его:* «Типы и характеры. Кавказское черноморское побережье. Съ 18 рис. въ текстѣ Спб. 1908», СХІІІ, июль, 323—324.
- Ватсонъ, Э. К.**, публицистъ, СХІ, январь, 177—179, 185.
- Вашкевичъ, Ник.** *Рецензія Б. В. о книгѣ его.* «Исторія хореографіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ иллюстраціями. Выпускъ I. М. 1908», СХІІ, май, 733—734.
- Вега-де-Армихо**, маркизъ, испанскій государственный дѣятель, СХІІ, сентябрь, 1114. (По поводу его смерти).
- Вейденбаумъ, В. Г.** *Статья его:* «Отъ Триеста по Далматинскому побережью. (Изъ путевыхъ набросковъ)», СХІV, ноябрь, 685—712.
- Веймарнъ, Ал-дръ** Ѳеодор., сенаторъ, СХІV, октябрь, 48.
- Вейнбергъ, Петръ** Исаевичъ, поэтъ. *Его:* «Литературные обѣды», СХІ, январь, 177—185. — *Стихи его въ честь К. К. Арсеньева*, СХІ, январь, 256—257.—*О немъ статья Б. Г.:* «Памяти Петра Исаевича Вейнберга», СХІІІ, августъ, 567—576.—*О немъ въ статьѣ Ю. П. Морозова:* «Литературная жизнь», СХІV, октябрь, 160—161.—*Рецензія Я. Бирюкова объ его:* «Страницахъ изъ истории западныхъ литературъ. Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1113—1114.—*Рецензія Ф. о книгѣ его:* «Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изд. 2-е. Спб. 1908», СХІІІ, августъ, 691.
- Вейнингеръ, Отто.** *Рецензія Оскара Норвежскаго о книгѣ его:* «Подъ и характеръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ предисловіемъ А. Волынскаго. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 308—309.
- Векшинскій, Ал-дръ** Никол., профессоръ искусствъ въ Академіи Художествъ. *Некрологъ его:* СХІІ, апрѣль, 388—389.
- Венигъ, Карлъ** Богд., профессоръ исторической живописи. *Некрологъ его:* СХІ, мартъ, 1154—1155.
- Верещагинъ, В. А.** *Рецензія А. Личинскаго о книгѣ его:* «Матеріалы для библиографіи русскіхъ иллюстрированныхъ изданій. Выпускъ первый. №№ 1—200. Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1115—1116.
- Вернеръ, К. А.**, профессоръ сельско-хозяйственной академіи, СХІІ, июнь, 868—871; СХІІІ, июль, 109.
- Вертъ, Эдм.** Альб., педагогъ, писатель. *Некрологъ его:* СХІ, январь, 376—376.

Веселовскій, С. В. *Рецензія Я. Бирюкова о книжкѣ его: «Нѣсколько документовъ московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ. М. 1907», СХІІІ, июль, 311—312.*

Ветошниковъ, Пав. СХІV, ноябрь, 661, 665—667.

Викеласъ, Дмитрій, греческій патриотъ и литераторъ, СХІV, октябрь, 342 (по поводу его смерти).

Викторія, англійская королева. *О ней статья:* «Золотая посредственность на тронѣ», СХІ, январь, 352—359.—*О письмахъ ея*, СХІV, ноябрь, 776.

Вилламовъ, полковникъ генеральнаго штаба, СХІV, ноябрь, 422—423 (въ «Запискахъ» сенатора Фишера).

Виллье (Вилль), Яковъ Васильевичъ, баронетъ, президентъ медико-хирургической академіи, СХІІІ, сентябрь, 816—817.

Вильчинскій, Ольгердъ. *Рецензія З. о книгѣ его: «Исторія Руси по сказаніямъ современниковъ, документамъ и памятникамъ (839—1078). Съ рисунками. Вильна. 1908», СХІІ, апрѣль, 349—350.*

Виноградовъ, А. И., владимірскій протоіерей, мѣстный историкъ. *Некрологъ его:* СХІІІ, августъ, 745—746.

Виноградовъ, Павелъ Григ., профессоръ Оксфордскаго университета, СХІІІ, августъ, 705—706 (по поводу его новаго труда: «Очеркъ англійской средневѣковой исторіи»).

Винцингероде, Ферд. Ферд., генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 388, 392.

Витте, С. Ю., графъ. *Рецензія В. Луизевова о книжкѣ его: «Самодержавіе и земство. Записка бывшаго министра финансовъ, статья-секретаря графа С. Ю. Витте. Предисловіе Череванина. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1104—1107.*

Виттиеръ, Джонъ, американскій поэтъ, СХІ, февраль, 723—724.

Вишняковъ, Е. И. *Рецензія М. К-ва о книгѣ его: «Очерки русской исторіи, съ рисунками и картами въ текстѣ. М. 1908», СХІV, ноябрь, 726—727.*

Владимиръ Александровичъ, великій князь, СХІ, февраль, 514, 526—527, 532.

Влангали, Ал-дръ Георгіевичъ, русскій дипломатъ. *Некрологъ его:* СХІІ, май, 775.

Власевъ, Г. А. *Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его: «Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословія. Томъ I. Князья Черниговскіе. Часть 3-я. Спб. 1907», СХІІ, апрѣль, 352—353.*

Водозовъ, Вас. Ив., педагогъ, писатель, СХІV, октябрь, 145—146.—*Ре-*

цензія Я. Бирюкова о 7-мъ изданіи его: «Новой русской литературы» (Спб. 1908), СХІV, декабрь, 1118.

Военскій, К. А. *Рецензія его: «Ю. С. Карцовъ. За будисами дипломатіи. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1072—1074.*

Войцеховичъ, Алексѣй Ивановичъ, сенаторъ, СХІІІ, сентябрь, 812—813, 820; СХІV, октябрь, 71—72.

Волконскій, Петръ Мих., князь, генераль-адъютантъ импер. Александра I, СХІ, февраль, 388—390, 397—399, 401.

Вольнскій, А. *Рецензія Оскара Норвежскаго о редактированномъ имъ переводѣ книги: «Поль и характеръ», Отто Вейнингера (Спб. 1908), СХІV, октябрь, 308—309.*

Вольскій, Георгій. *Рецензія Ив. Дусинскаго объ его книгѣ: «Слово о полку Игоревѣ. Пересказъ въ стихахъ и др. стихотворенія. Одесса. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1081—1083.*

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, свѣтлѣйшій князь, генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 396—398, 449; СХІІІ, сентябрь, 809, 817.

Врангель, Н. Н., баронъ. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Обзоръ Русскаго мундирнаго императора Александра III. Спб. 1907», СХІІІ, сентябрь, 1079—1080.*

Врангель, Ф. М., адмиралъ, СХІ, мартъ, 809—811.

Вронченко, Федоръ Павловичъ, министръ финансовъ, СХІ, январь, 63, 66; СХІІ, апрѣль, 484, 441; июнь, 829—830; СХІІІ, сентябрь, 793, 820.

Вучетичъ, Н. Г. *Его «Воспоминанія о графѣ Н. А. Протасовѣ-Вахметовѣ», СХІ, февраль 533—543.*

Вѣтринскій, Е. *Рецензія П. Л. о книгѣ его: «Герцены. Библіотека «Свѣточа», подъ ред. С. А. Венгерова, Спб. 1908, СХІV, ноябрь, 731—733.*

Г

Г. А. *Статья его: «Степи», СХІІІ, августъ, 487—495.*

Г. Л. И. *Статья его: «Первый все-россійскій съездъ представителей печати», СХІІІ, августъ, 728—735.*

Гагарины, князья:

— Андрей Павловичъ, СХІ, 69—70; февраль, 443—445.

— Павелъ Гавриловичъ, генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 387, 390—391.

— П. П., СХІ, февраль, 444; мартъ, 799—801, 811; СХІV, октябрь, 50.

Гаевскій, В. П., писатель, СХІ, январь, 183.

Газенкампфъ, М. *Рецензія Л. Н. о книжкѣ его: «Мой дневникъ 1877—1878 гг. 5 приложений. Спб. 1908»*, СХІІ, июнь, 1091—1092.

Гайдубуровъ, П. А., писатель, СХІV, октябрь, 163, 166.

Галеви, Людовикъ, французскій академикъ, СХІІ, июнь, 1133—1134 (по поводу его смерти).

Галичъ, Александръ Ивановичъ, профессоръ Спб. университета, СХІ, январь, 59.

Галаминъ, полковникъ Измайловскаго полка, потомъ директоръ Фарфороваго завода, пейзажистъ, СХІ, январь, 68—69.

Ганзенъ, Жюль, политическій дѣлатель и публицистъ, СХІ, мартъ, 1141 (по поводу его смерти).

Ганскій, Алексѣй Павловичъ, астрономъ. *Некрологъ его*: СХІV, октябрь, 372.

Гарибальди, Джузеппе, итальянскій патріотъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Попова: «Герценъ и Гарибальди»*, СХІІІ, июль, 137—145.

Гарриманъ, Генри, американскій «король желѣзныхъ дорогъ», СХІV, ноябрь, 768—772.

Гартманъ, баронъ, финляндскій генералъ-губернаторъ, министръ статсъ-секретарь, СХІІІ, июль, 55—57, 62—64, 70; сентябрь, 792—795, 803; СХІV, ноябрь, 437—438, 441—446.

Гвоздевъ, СХІІІ, сентябрь, 812—813.

Геденовъ, А. М., директоръ императорскихъ театровъ, СХІV, декабрь, 992—994.

Гейне, Генрихъ, нѣмецкій поэтъ, СХІІІ, августъ, 715—717 («Гейне въ Парижѣ»).

Гейеръ, Ив. Ив., писатель. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 748.

Герберштейнъ, Сигизмундъ. Новое изданіе его «*Записокъ о московскихъ дѣлахъ*», въ переводѣ и подъ редакціей А. І. Маленна, рецензированное М. Ключковымъ, СХІ, мартъ, 1093—1096.

Гербстъ, Вас. Фед., механикъ. *Некрологъ его*: СХІІ, май, 775—776.

Геркенъ, Е. Г. *Его: «Могила княгини Дарьи Михайловны Меншиковой»*, СХІІ, апрѣль, 285—288.

Герстфельдъ, Эдуардъ Ивановичъ, инженеръ-генералъ, строитель Варшавской желѣзной дороги въ Царствѣ Польскомъ, СХІІІ, августъ, 445—446.

Герценъ, Александръ Ивановичъ (Искандеръ), СХІ, февраль, 632, 637—639; СХІІ, апрѣль, 254, 257, 272—273; май, 641, 651.—*О немъ въ статьѣ Н. А. Попова: «Герценъ и Гарибальди (Изъ дневника бывшаго гарибальдѣйца)»*,

СХІІІ, июль, 137—145.—*Упоминается*: СХІV, ноябрь, 677, 679; декабрь, 1020—1027, 1031—1033, 1045—1046.—*О немъ книга Е. Вятринскаго: «Герценъ. Библіотека «Свѣточа», подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1908, СХІV, ноябрь, 731—733.—О немъ статья: «Герценъ о Петрашевскомъ», СХІV, декабрь, 1149—1158.*

Гершензонъ, М. *Рецензія Н. Л. о книжкѣ его: 1) «П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 339, и 2) «Исторія молодой Россіи. М. 1908», СХІІ, май, 721.*

Гескетъ, Сергѣй Дав., генералъ-майоръ. *Некрологъ его*: СХІ, январь, 376.

Гете, Вольфгангъ, великій нѣмецкій поэтъ и писатель, СХІІ, май, 749—750.

Гиль, Христ. Христ., археологъ, нумизматъ. *Некрологъ его*: СХІV, декабрь, 1179.

Гициусъ, Зин. (Автонъ Крайній—псевдонимъ). *Рецензія Л. объ ея «Литературномъ дневникѣ. 1899—1907. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 736—737.*

Гишанъ (Vicomte de Guichen), дипломатъ, авторъ книги: «*Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Paris. 1908*», рецензированной А. Б.—довымъ, СХІІІ, сентябрь, 1067—1069.

Глинскій, Бор. Бор.—*Статьи его: 1) «Эпоха реформъ. (Историческіе очерки)», СХІ, январь, 214—242; февраль, 622—643; СХІІ, апрѣль, 254—284; май, 633—658; СХІІІ, июль, 216—242; августъ, 582—596; сентябрь, 961—981; СХІV, октябрь, 201—229; ноябрь, 646—679; декабрь, 1013—1047. 2) «Юбилей народника-драматурга. (По поводу чествованія Е. П. Карпова)», СХІ, мартъ, 1078—1092. 3) «Памяти А. И. Чупрова», СХІІ, апрѣль, 233—248. 3) «Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ. (Литературный портретъ)», СХІІ, май, 562—586. 4) «Памяти С. И. Васюкова», СХІІІ, июль, 198—205. 5) «Памяти Петра Исавича Вейсберга, СХІІІ, августъ, 567—576. 6) «Похороны И. С. Тургенева. (Страничка изъ воспоминаній)», СХІІІ, сентябрь, 931—941. 7) «Литературные дни. По поводу дня ковшины И. С. Тургенева и восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого», СХІV, октябрь, 344—365. 8) «Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. (Матеріалы для биографіи)», СХІV, декабрь, 987—1004.—*Рецензія его: 1) «Левъ Лыщинскій. Родъ дворянъ Лыщинскихъ. Матеріалы для составленія 157 родословія. Спб. 1907», СХІІ, апрѣль, 330—331. 2) «А. Сталь. Пережитое и передуманное студентомъ, врачомъ и профессоромъ. Быль.**

- Книга первая. — Студенчество. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 348—349. 3) «Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. Пятое, дополненное и исправленное изданіе. Съ 89 портретами и иллюстраціями. Спб. 1908», СХІІ, май, 712. 4) А. И. Яцимирскій. Новѣйшая польская литература отъ возстанія 1863 года до нашихъ дней. Т. I и II. Спб. 1908», ib., 722—724. 4) «Л. Ф. Пантелѣвъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1092—1094. 5) «С. Васюковъ. Типы и характеры. Кавказское черноморское побережье. Съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908», СХІІІ, июль, 323—324. 6) «К. Головинъ. Мои воспоминанія. Т. I. Спб. 1908», СХІІІ, августъ, 692—693. 7) «Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1086—1089. 8) «Г. К. Градовскій. Итоги. (1862—1907). Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1121—1124.—*Рецензія М. К-ва о книгѣ его: «Борьба за конституцію (1612—1861 гг.)*. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908», СХІ, январь, 311—314.
- Гоголь, Н. В.** *Рецензія А. Ф-на о «Полномъ собраніи сочиненій Н. В. Гоголя. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1903», СХІІІ, июль, 315—316.— Упомин.: СХІІІ, июль, 373—374 (по поводу сооруженія ему памятника.*
- Годжетъ, Бразей,** авторъ книги о русскомъ дворѣ въ XIX вѣкѣ, СХІІІ, сентябрь, 1118.
- Голенищевъ-Кутузовъ, П. А.,** графъ, писатель, СХІІІ, сентябрь, 846—850.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Васильевичъ,** графъ, генераль-адъютантъ, СХІ, январь, 162; февраль, 393—394, 402.
- Голицыны, князья:**
— А. Н., министръ народнаго просвѣщенія, СХІ, январь, 59; СХІV, ноябрь, 617—618.
— Григорій Сергѣевичъ, главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, СХІІІ, июль, 127—130.
— К. К., СХІІ, июнь, 873—874.
— Н. С., СХІ, январь, 132—134.
- Головинъ, К.** *Рецензія В. Г. о томъ же его: «Моиъхъ воспоминаній. Спб. 1908», СХІІІ, августъ, 692—693.*
- Головинны:**
— А. В., министръ народнаго просвѣщенія, СХІ, январь, 225—227; мартъ, 899; СХІІІ, сентябрь, 810; СХІV, октябрь, 61, 65, 70; ноябрь, 425; декабрь, 1034—1035.
— Вас. Мих., адмиралъ, СХІ, мартъ, 809—811.
- Голомбѣвскій, А. А.** *Его замѣтка: «По поводу «Московского Некрополя», СХІ, мартъ, 1163—1164.*
- Голохвастовъ, Павелъ Дмитр.,** звенигородскій предводитель дворянства, СХІV, декабрь, 1038, 1044.
- Голубцовъ, Федоръ Александровичъ** (1758—1829), министръ финансовъ, СХІ, февраль, 452.
- Гольцевъ, В. А.,** писатель, СХІІІ, сентябрь, 847—848; СХІV, октябрь, 96.
- Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ,** декабристъ, СХІV, ноябрь, 544—546, 552—556 (въ «Воспоминаніяхъ» П. И. Першина).
- Горнфельдъ.** *Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Книги и люди. Литературныя бесѣды. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1083—1084.*
- Городецкій, Б. М.** *Рецензія А. о составленномъ имъ: «Систематическомъ указателѣ содержанія «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ (1880—1904). Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1087—1088.*
- Гортензія, Богарня,** королева голландская, жена Людовика Бонапарта, мать Наполеона III, СХІ, январь, 359—360 («Новооткрытыя неизданныя письма» ея къ имп. Александру I); СХІІ, июнь, 1068—1069.
- Горчаковы, князья:**
— Ал-дръ Мих., канцлеръ, СХІV, октябрь, 65—66; декабрь, 1036—1037.
— П. Дм., генераль-губернаторъ Западной Сибири, СХІІІ, августъ, 549—552.
- Горяиновъ, С.,** переводчикъ отрывковъ изъ мемуаровъ Станислава-Августа Понятовскаго, СХІІІ, сентябрь, 1098—1102.
- Градовскій, Г. К.,** писатель, СХІ, январь, 364—365 (по поводу чествованія его 45-лѣтней писательской дѣятельности); СХІІ, май, 652. — *Рецензія В. Глинскаго о книгѣ его: «Итоги. (1862—1907). Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1121—1124.*
- Граціановъ, П. А.** *Его поправка: «Къ статьѣ «Литературные обѣды», СХІІ, апрѣль, 400.*
- Грессеръ, П. А.,** генераль-лейтенантъ, петербургскій градоначальникъ, СХІV, октябрь, 285—286.
- Гречъ, П. Ив.,** писатель, СХІ, февраль, 448, 451.
- Грибовскій, В. М.** *Рецензія Я. Бурыкова о книгѣ его: «Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Вып. I. Спб. 1907», СХІІ, май, 715—716.*

Грибоѣдовъ, Ал-дръ Сергѣевичъ, извѣстный поэтъ, СХІ, февраль, 462, 467—471, 476—481.—*О немъ въ книжкѣ Н. Пиксанова: «Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ. Спб. 1906»*, рецензированной И. А., СХІ, февраль, 708—709.

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, писатель, СХІІІ, июль, 121—122.

Григорьевъ, костромской губернаторъ при Николаѣ I, СХІІІ, августъ, 547—549.

Григорьевы:

— Ал-дръ Вас., дѣятельный членъ географическаго общества. *Некрологъ его: СХІV, декабрь, 1179—1180.*

— В. В., профессоръ, СХІІІ, июль, 229—230.

— В. Н., СХІІ, июнь, 867—870.

Грушевскій, Мих. С., проф. *Рецензія И. Александрова о книгѣ его: «Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб. 1907»*, СХІІІ, августъ, 695—697.

Гундобинъ, Николай Петр., докторъ, *Некрологъ его: СХІV, октябрь, 372—373.*

Гурьевъ, Дмитрій Александровичъ, графъ, министръ финансовъ, СХІ, февраль, 458—460.

Гурьевъ, Семень, поручикъ Измаиловскаго полка, СХІІІ, июль, 184, 186.

Густавсонъ, Гавр. Гавр., профессоръ. *Некрологъ его: СХІІ, май, 776—777.*

Гутьяръ, Н. *Рецензія А. Ф. о книгѣ его: «И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907»*, СХІ, январь, 325—327.

Гэйе, французскій археологъ, СХІІІ, августъ, 703—705.

Д

Д. З. *Рецензіи его:* 1) «Л. Н. Спаская. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Опытъ характеристики. Вятка. 1908», СХІІ, апрѣль, 334—336. 2) «Д. Г. Тюменевъ. Новѣйшія изслѣдованія о личности перваго Лжедмитрія. Воронежъ. 1908», СХІІІ, августъ, 691. 3) «Энциклопедія славянскои филологии. Изданіе отдѣла русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Подъ ред. орд. акад. И. В. Ягича. Вып. 12. Спб. 1908», ів. 697—698.

Давыдовъ, В. Н., артистъ, СХІ, мартъ, 1148—1151 (по поводу 25-лѣтняго его служенія на сценѣ Александринскаго театра).

Даль, Л. В., СХІ, январь, 264.

Даниловъ, В. В. *Статья его: «Къ биографіи Н. С. Лѣскова»*, СХІV, октябрь, 162—172.—*Рецензія его: «В. А. Бѣдновъ. Православная церковь въ Польшѣ и*

Литвѣ по Volumina legitum. Екатеринбургъ. 1908», СХІV, декабрь, 1111—1112.

Дашкевичъ, Николай Ив., профессоръ университета св. Владиміра, историкъ. *Некрологъ его: СХІ, мартъ, 1155.*

Девель, Н. М. *Статья ея: «Старая Ладога и ея каменное городище»*, СХІІІ, августъ, 626—649.

Девонширъ, герцогъ, СХІІ, июнь, 1132—1133 (по поводу его смерти).

Деятинъ, Р. Л., товарищъ главноуправляющаго путями сообщенія, СХІІІ, августъ, 431, 441.

Дежневъ, Семень, казакъ, первый открывшій Беринговъ проливъ въ 1648 году, СХІІ, май, 772 (по поводу постановки ему памятника въ Хабаровскѣ).

Дейхманъ, Оскаръ Александровичъ, управляющій Петровскими заводами (въ Сибири), СХІV, ноябрь, 554—555.

Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХІІІ, июль, 123.

Денисовъ, А. П. (Малышевъ-настоящая фамилія), авторъ цыганскихъ романсовъ и пѣсенъ. *Некрологъ его: СХІІІ, сентябрь, 1127—1128.*

Денисюкъ, Н. *Рецензія А. Фомина о трудѣ его: «Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Вып. I—II. М. 1907»*, СХІ, февраль, 709—710.—*Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Н. Г. Чернышевскій. Его время, жизнь и сочиненія. М. 1908»*, СХІІІ, августъ, 688—690.

Деревницкій, А. Н. *Рецензія И. А. о дополненіяхъ и вновь обработанныхъ имъ «Лекціяхъ по всемірной исторіи. ч. I. Исторія древняго міра»*, проф. М. Н. Петрова (Спб. 1907), СХІ, мартъ 1112.

Деспотъ-Зеновичъ, А. И., издатель «Кяхтинскаго Листка», СХІV, ноябрь, 547—548.

Диль, Шарль. *Рецензія А. Б.—лова о книгѣ его: «Юстиніанъ и византийская цивилизація въ VI вѣкѣ. Спб. 1908»*, СХІV, октябрь, 294—296.

Димитрій, (въ мірѣ Дмитрій Ивановичъ Самбичинъ), архіепископъ казанскій и свѣяжскій. *Некрологъ его: СХІІ, апрѣль 389.*

Дино, Доротея Курляндская, внучка Бирона), герцогиня, СХІІ, май 750—753 (объ ея «воспоминаніяхъ»); СХІІ, июнь, 1118—1124; СХІІІ, июль, 350—352 (тоже).

Діонисій, греческій митрополитъ, СХІІ, май, 531—549 («Дѣло о насеніи побоевъ греческому митрополиту Діонисію»).

Добролюбовъ, Н. А., критикъ, СХІІ, апрѣль, 276—278.

Доброправовъ, В. *Рецензія В. Р-ва о книжкѣ его: «Еромонахъ Клеопа, строитель Введенской пустыни Владимирской епархіи (1760—1778). Владимиръ губ. 1908»*, СХІІІ, сентябрь, 1080—1081.

Добротворскій, Петръ Ив., писатель. *О немъ статья П. Россіева: «Памяти П. И. Добротворскаго»*, СХІ, мартъ, 1023—1026.

Добрынинъ, Гавриилъ, СХІV, ноябрь, 614.

Добрынинъ, И. М., СХІІІ, июль, 251—254.

Добряковъ, Ал-дръ Вас., профессоръ училища Правовѣднія. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь, 1147—1148.

Долгоруковы и Долгорукіе, князья:

— Влад. Андр., князь, московскій генераль-губернаторъ, СХІІІ, сентябрь, 842, 845; СХІV, декабрь, 938—940.

— В. В., СХІ, январь, 69—70.

— Василій Юрьевичъ, генераль-адъютантъ, 76, 393.

— Мих. Петр., генераль-адъютантъ, ib., 393.

— П. П., генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 387—390, 392.

Долина, М. П., артистка, СХІ, мартъ, 1151—1152. (По поводу ея юбилея).

Дондуковъ-Корсаковъ, Ал-дръ Мих., князь, генераль-отъ-кавалеріи, СХІ, мартъ, 857—861, 866—871; СХІІ, апрѣль, 120—121, 126—127.

Достоевскій, Ф. М. *О немъ въ статьѣ Н. С. Браиловскаго: «Ф. М. Достоевскій въ Омской каторгѣ и поляки»*, СХІІ, апрѣль, 189—198.

Драгомировъ, Мих. Ив., генераль, военный писатель. *Рецензія Л. Н. объ его: «Одиннадцать лѣтъ. 1895—1905 гг. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей за 1895—1905 гг. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. 1909»*, СХІV, ноябрь, 741—742.

Драхманъ, Хольгеръ, датскій поэтъ, СХІ, мартъ, 1140 (по поводу его смерти).

Дризевъ, Н. В., баронъ. *Рецензія его: «Г. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Часть I. XVII и XVIII вв. Казань. 1908»*, СХІІІ, августъ, 692.

Дріо, Ж., французскій ученый, СХІ, мартъ, 1122—1127 (выдержки изъ его статьи: «Христіанство въ Японіи»).

Дружининъ, Я. А., тайный совѣтникъ, СХІ, январь, 52, 67; февраль, 453—458, 460 (въ «Запискахъ» Фипшера).

Друри, Ив. Вас., инженеръ. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 749.

Дубельтъ, Л. В., СХІ, мартъ, 813—814; СХІІ, апрѣль, 220—221, 224, 227—229.

Дубенскій, Ник. Ник., СХІ, февраль, 453, 459.

Дурново, Ив. Ив., витебскій губернаторъ, СХІV, декабрь, 914—915.

Дусинскій, Ив. *Рецензія его: 1) Атласъ по исторіи древняго искусства, составленный профессоромъ А. А. Павловскимъ. Одесса. 1907»*, СХІІ, апрѣль, 350—351. 2) «Георгій Вольскій. Слово о полку Игоревѣ. Пересказъ въ стихахъ и другія стихотворенія. Одесса. 1908»», СХІІІ, сентябрь, 1081—1083.

Дьяконовъ, К. *Рецензія Ф. Благодидова о книжкѣ его: «Духовныя школы въ царствованіе императора Николая I. Сергіевъ Посадъ. 1907»*, СХІІ, июнь, 1074—1077.

Дьяконовъ, М., проф. *Рецензія М. Ключкова о книгѣ его: «Очерки общественаго и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Юрьевъ. 1908»*, СХІV, октябрь, 289—291.

Е

Екатерина II Алексѣевна, императрица, СХІ, февраль, 675—683; СХІІІ, сентябрь, 815; СХІV, ноябрь, 612—616, 621—622; 775; декабрь, 1051, 1058—1060.

Елагинъ, Николай Вас. (1817—1891), цензоръ, СХІV, октябрь, 381.

Елена Павловна, великая княгиня, СХІ, январь, 216—217, 224; СХІІІ, сентябрь, 821; СХІV, декабрь, 1042.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга Александра I, СХІІ, июнь, 1049—1050, 1053, 1061, 1063.

Ермолова, М. Н., артистка, СХІІІ, сентябрь, 845, 854, 856—857; СХІV, октябрь, 99—100, 105—106.

Ермоловъ, А. П., известный русскій генераль, СХІ, февраль, 442.

Еропкинь, Викторъ Васильевичъ, общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 749.

Ефименко, Петръ Саввичъ, этнографъ. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь, 1148—1149.

Ефимовъ, П. И. *Статья его: «Памяти патріарха Мкртича»*, СХІІ, июнь, 961—970.

Ефремовъ, Петръ Александровичъ, писатель. *О немъ некрологъ В. Е. Рудакова: «П. А. Ефремовъ»*, СХІ, февраль, 614—621.

Ефремовъ, Ст. Замѣтка его: «По поводу статьи «Малынина свадьба», СХІ, январь, 384.—*Отвѣтъ на нее* А. Карасева, СХІ, мартъ, 1167—1168.

Ж

Жакмонъ, П. П. *Поправка В. К. Боборыкина* по поводу его статьи: «Хищение башкирских земель», СХІ, январь, 382—384.

Жандръ, А. А., СХІІ, сентябрь, 802.

Ждановъ, И. Н., профессоръ, академикъ. *Рецензія А. Яцимирскаго о второмъ томъ его «Сочиненій»* (Спб. 1907), СХІІ, апрѣль, 333—334.

Жебаръ, Эмиль, французскій академикъ, СХІІ, июнь, 1133 (по поводу его смерти).

Желябовъ, Андрей Ивановичъ, революціонеръ, СХІІ, май, 505—507.

Жемчужниковъ, Алексѣй Михайловичъ, поэтъ. *О немъ статья Б. Г.: «Алексѣй Мих. Жемчужниковъ. (Литературный портретъ)»*, СХІІ, май, 562—586. — *Замѣтка Михаила Жемчужникова: «По поводу стихотворенія Жемчужникова. «Другу»*, СХІІІ, сентябрь, 942—945.

Жиркевичъ, А. В. *Его: «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ»*, СХІ, январь, 165—176. — *Къ нимъ поправка Филимонова*, СХІ, мартъ, 1167. — *Его отвѣтъ: «По поводу претензіи г. Филимонова»*, СХІІ, апрѣль, 398—399. — *Его: «Архіепископъ Іеронимъ. (Опытъ характеристики)»*, СХІІІ, сентябрь, 881—916.

Жомини, Генрихъ Венѣминовичъ, баронъ, генераль-адъютантъ, главный инициаторъ учрежденія Николаевской академіи генеральнаго штаба, СХІ, январь, 367; февраль, 395, 402; СХІV, октябрь, 330—333.

Жоресъ, Жанъ. *Рецензія А. Б—ова о редактированномъ имъ I томъ: «Соціалистической исторіи (1789—1900)»*. Спб. 1908», СХІІІ, июль, 329—332.

Жоржъ, извѣстная французская актриса, СХІІІ, сентябрь, 1102—1107. (Объ ея мемуарахъ).

Жоффренъ, г-жа. Ея извѣстный салонъ въ Парижѣ, СХІІІ, сентябрь, 1099—1102.

Жоховскій, Юзефъ, ссыльный полякъ, СХІІ, апрѣль, 193—194.

Жуковскій, Юлій Галактіоновичъ, сенаторъ, писатель. *Некрологъ его*: СХІ, январь, 376—377.

З

Забѣлицъ, И. Е., извѣстный русскій археологъ, СХІ, январь, 361—364 (по поводу 70-лѣтняго его юбилея).

Заяка, Владимиръ Денисовичъ, СХІІ, май, 456, 559.

Заюнчковскій, А. М. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Восточная война 1853—*

1856 гт., въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. I, съ приложеніями. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1097—1100.

Закревскій, А. А., графъ, московскій генераль-губернаторъ, СХІІ, апрѣль, 76—77.

Замойскій, Янъ, великій гетманъ Польши, СХІІ, июнь, 922.

Замотинъ, П. И. *Рецензія А. М—на о книгѣ его: «Романтический идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-годовъ XIX ст. Спб. 1907»*, СХІІ, апрѣль, 337—338.

Зарудный, Сергѣй Ивановичъ, судебный дѣятель, СХІV, декабрь, 1035—1036 (въ «Воспоминаніяхъ» князя В. П. Мещерскаго).

Зачинскій, Адамъ Францовичъ, проф. Юрьевского ун. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 749—750.

Зейфартъ, Ал—дръ Ал—дровичъ, генераль-лейтенантъ, СХІ, февраль, 745—746 (по поводу 50-лѣтняго его служебной дѣятельности).

Зеленинъ, Д. К. *Статья его: «Новая народная сказка о «крамолѣ»*, СХІ, январь, 209—213. — *Рецензія его: 1) «М. М. Пришвинъ. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. (Спб. 1908»*, СХІ, январь, 318—320. 2) «Ал. Харузинъ. Славянское жилище въ Сѣверно-Западномъ краѣ. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Вильна. 1907», СХІІ, апрѣль, 353. 3) «Вѣтичи Орловской губ. Исслѣдованіе П. И. Якобія. Съ предисловіемъ пастора Я. Гурта и указателями. Спб. 1907», СХІІІ, июль, 309—311. 4) «Н. Н. Блиновъ. Сарануль и среднее Прикамье. Былое и современное. Очерки съ рис. 1908», СХІV, ноябрь, 728—729.

Зеленогорскій, Фѣдоръ Александровичъ, профессоръ Харьковскаго университета, философъ. *Некрологъ его*: СХІІІ, августъ, 746.

Зелинскій, Ф. Ф., профессоръ, СХІІІ, сентябрь, 1114 (по поводу его новаго труда: «О Цицеронѣ»).

Златовратскій, Н. Н., писатель, СХІ, январь (по поводу 40-лѣтняго юбилея его писательской дѣятельности). — *Упоминается: СХІV, ноябрь, 492—496.* (Въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова).

Змай-Іовановичъ, Иванъ, сербскій поэтъ. *О немъ въ статьѣ В. В. Уманова-Коплуновскаго: «Поэты Шеноа и Змай-Іовановичъ»*, СХІІІ, сентябрь, 951—960.

Зоргенфрей, Г. Г. *Рецензія П. Александрова о книгѣ его: «Вопросы современной школы. Спб. 1907»*, СХІІ, апрѣль, 343—345.

Зосима, Зой Павловичъ, грекъ, умершій въ Москвѣ, въ 1827 году. *О немъ въ «историческомъ разказѣ» В. Г. Аветьянко*: «Жемчужина «Пелегринна», СХІV, декабрь, 861—879.

Зоценко, М. И., художникъ. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 750—751.

Зубаревъ, Андрей Ѳед., тайный совѣтникъ, одинъ изъ первыхъ дѣятелей по введенію судебныхъ уставовъ 1864 г. *Некрологъ его*: СХІ, мартъ, 1155—1156.

И

И. А. Рецензіи его: 1) «Павель Симоши. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII ст. Вып. II. Спб. 1907», СХІ, январь, 320—321. 2) «Н. К. Пиксановъ. Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ. Спб. 1906», СХІ, февраль, 708—709. 3) «Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Томъ I. Исторія древняго міра. Изд. 2, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Н. Деревицкаго. Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1112. 4) «А. Д. Поповъ. Императоръ Александръ III. Изданіе училищнаго при св. синодѣ совѣта. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 292—293. 5) «Н. Фальчевъ. Дуэли. Разказы. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 310—311.

И. Ал—ровъ. *Рецензіи его*: 1) «А. И. Лотоцкій. На-поворотъ. Спб. 1907», СХІ, январь, 328—329.

И. Г. Рецензіи его: 1) «В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907», СХІ, январь, 329—331.

И. П. М. Рецензія его: «I. Свѣтскій. Извѣщеніе о 12-ти періодахъ судьбы человѣчества. 2-е изд. Житомиръ. 1907», СХІ, мартъ, 1119.

И. С. С—въ. *Статья его*: «Страничка изъ исторіи нашей смуты. («Малиновское дѣло»), СХІІ, май, 550—557.

Ибсенъ, скандинавскій драматургъ, СХІ, февраль, 735—737 (по поводу его смерти).

Ивановъ. Пванъ Ал—дровичъ, дипломатъ. *Некрологъ его*: СХІІ, май, 777.

Ивановъ-Разумникъ. *Рецензія А. Ф.—на о книгѣ его*: «Что такое «Махавщина»? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. 1908», СХІ, февраль, 711—712.—*Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Исторія русской общественной мысли. Т. I—II. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1101—1102.

Игнатьевъ, Николай Павл., графъ. *Некрологъ его*: СХІІІ, августъ, 746—747.

Илинскій, Петръ Алексѣевичъ, докторъ медицины, писатель. *Некрологъ его*: СХІ, январь, 377.

Илляшевичъ, Вал. Як., генераль-лейтенантъ. *Некрологъ его*: СХІ, январь, 377—378.

Инфантьевъ, П. П. *Его статья*: «Незадачливый женихъ. Изъ жизни вотяковъ», СХІV, октябрь, 179—200.

Иполитовъ-Ивановъ, музыкальный дѣятель, СХІ, мартъ, 1148 (по поводу 25-лѣтняго юбилея его дѣятельности).

Исаевъ, А. А., проф. *Рецензія В. Лукаговскаго о брошюрѣ его*: «О сокращеніи государственныхъ расходовъ. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 751—752.

Истомина, Авдотья Ильинична, артистка, СХІ, февраль, 461—481 (въ историческомъ разказѣ Аветьянко: «Чародѣйка»).

І

Иеронимъ (Экземплярскій), архіепископъ литовскій. *О немъ статья А. Журковича*: «Архіепископъ Иеронимъ. (Опытъ характеристики)», СХІІ, сентябрь, 881—915.

Іовій, Павелъ (Новокомскій). Новое изданіе его «Книги о московскомъ посольствѣ», въ переводѣ и подъ ред. А. І. Маленна, реценз. М. Ключковымъ, СХІ, мартъ, 1093—1096.

К

К. М—въ, *Рецензія его*: «Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. II. 1907», СХІІІ, июль, 307—309.

Каблицъ, Осипъ Ивановичъ (псевдонимъ—Юзовъ), писатель-народникъ, СХІІ, апрѣль, 157—158.

Каблуковъ, Петръ Петр., СХІІ, июнь, 1014—1016.

Кавелинъ, К. Д., извѣстный юристъ и историкъ, СХІV, октябрь, 62; 203.

Каллашъ, В. В. *Рецензія А. Я. объ изданіи ихъ*: «Запискахъ путешествій въ Сибирь» А. Н. Радицева, СХІ, февраль, 708.

Камбель, Люисъ, оксфордскій профессоръ, СХІV, декабрь, 1167 (по поводу его смерти).

Каменская, графиня, мать фельдмаршала Каменскаго, СХІ, январь, 51—53.

Кампанелло, Томазо, итальянскій философъ XVI вѣка, СХІV, октябрь, 320—324. (Его характеристика, сдѣланная Фабромъ Эссаромъ).

Кампбель-Ванерманъ, Генри, англійскій государственный дѣятель, СХІІ, июнь, 1133 (по поводу его смерти).

Бантемиръ, Антиохъ Дмитр., извѣстный сатирикъ XVIII в., СХІV, ноябрь, 607—613, 621.

Банкринъ, Егоръ Францовичъ, графъ, министръ финансовъ, СХІ, январь, 63—67; февраль, 447—450, 453, 459—460; СХІІ, май, 430—432, 439—440, 447, 454; июнь, 829—830, 841.

Бапустинъ, В. Л. *Рецензія А. Булова о книжкѣ его*: «Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. М. 1908», СХІV, декабрь, 1113—1114.

Барвеловъ, П. Ст., болгарскій государственный дѣятель, СХІІ, май, 518—519.

Барасевъ, А. А. *Его*: «Отвѣтъ на замѣтку г. Ефремова», СХІ, мартъ, 1167—1168.

Карбоньеры:

— Левъ Львовичъ, генераль-инжен., СХІІІ, августъ, 439; СХІV, ноябрь, 799—800.

— З. Л. *Его*: «Письмо въ редакцію», СХІV, ноябрь, 799—800.

Карлъ V, императоръ германскій, СХІ, январь, 336—338, 340.

Карлъ XIV (Бернадоттъ), шведскій король, СХІІ, апрѣль, 62—64, 66.

Кармень Сильва, королева румынская. *Ея*: «Нѣсколько словъ о моей библиотекѣ», СХІV, декабрь, 1160—1162.

Карнѣевъ, Егоръ Вас., СХІІІ, сентябрь, 811.

Карповъ, Е. П., драматургъ. *О немъ статья Б. Г.*: «Юбилей народника драматурга. (По поводу чествованія Е. П. Карпова)», СХІ, мартъ, 1078—1092. *Упомин.*: СХІV, октябрь, 105—106.

Карръ, англійскій путешественникъ, СХІV, ноябрь, 717—720. (Его разсказъ о кончинѣ императора Павла I).

Карцовъ, Ю. С. *Рецензія К. Военскаго о книжкѣ его*: «За кулисами дипломатии. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1072—1074.

Кастеляръ, Эмилио, испанскій патріотъ и писатель, СХІІІ, августъ, 722—725.

Катковъ, Мих. Никиф., извѣстный публицистъ, СХІV, декабрь, 1024—1027, 1031.

Кауфманъ, Конст. Петровичъ, генераль-адъютантъ, первый туркестанскій генераль-губернаторъ, СХІІ, май, 667—668; СХІІІ, сентябрь, 946—947.

Каховскій, Петръ Григорьевичъ, декабристъ, убившій графа Милорадовича, СХІ, январь, 146.

Квитка, А. *Рецензія Мих. Соколовскаго объ ея книжкѣ*: «Дневникъ забайкальскаго казачьяго офицера. Русско-японская война 1904—1905 гг. Фотографіи и рисунки. Спб. 1908», СХІІІ, июль, 334—335.

Кей, Елена, шведская писательница, СХІ, мартъ, 1139—1140.

Келтуяла, В. А. *Рецензія А. Я. о книжкѣ его*: «Братскій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы (отъ IX в. до конца XVII в.). Вып. I. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 739—740.

Кельсиевъ, Вас. Ив., эмигрантъ, писатель, СХІV, ноябрь, 658, 662—663.

Кянгъ, Влад. Людв. (псевдонимъ Дѣдловъ), писатель. *Некрологъ его*: СХІІІ, июль, 378—379.

Кяриловъ, Николай Стратониковичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХІІІ, августъ, 747.

Кирьяковъ, Петръ, болгаринъ, служившій въ отрядѣ Скобелева, СХІІ, апрѣль, 117—127.

Кирѣевскій, П. В., славянофилъ, писатель, СХІІ, апрѣль, 226.

Киселевъ, Павелъ Дмитріев., графъ, генераль-адъютантъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, СХІ, февраль, 397—398, 401, 403; СХІІ, май, 411; 444, 449; июнь, 826—827, 830—831, 839—840; СХІІІ, сентябрь, 811—812; СХІV, октябрь, 51.

Клеймихель, П. А., графъ, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, СХІІ, май, 432—434, 437—438, 444—464; июнь, 825—828, 835, 840—845; СХІІІ, июль, 50—51; августъ, 426—437, 440—447; сентябрь, 809—810; СХІV, октябрь, 51.

Кливлендъ, Гроверъ, б. президентъ Соединенныхъ Штатовъ, СХІV, октябрь, 341—342 (по поводу его смерти).

Клингенбергъ, Н. М., б. могилевскій губернаторъ, теперь сенаторъ, СХІІІ, сентябрь, 879.

Блочковъ, М. В. *Статья его*: «Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій. (Некрологъ)», СХІV, ноябрь, 632—645.—*Рецензія его*: 1) «Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о московскихъ дѣлахъ. Павелъ Ювій Новокоскій, книга о московскомъ посольствѣ. Изданіе А. Суворина. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. И. Мадена. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1093—1096. 2) «Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Юрьевъ. 1908», СХІV, октябрь, 289—291.

Блючевскій, В. О., профессоръ Московскаго унив. *Рецензія М. К—ва о*

книги его: «Курсъ русской исторіи. Ч. III. М. 1908», СХІІ, апрѣль, 321—324.

Княжевичъ, Александръ Максимо-вичъ, министръ финансовъ, СХІ, январь, 66.

Козловъ, А. А., бывший московскій оберъ-полицеймейстеръ, генераль-адъютантъ, СХІІІ, сентябрь, 842—845 (въ воспоминаніяхъ С. П. Васюкова).

Коленкуръ, Арманъ, маркизъ (1772—1827), СХІІ, июнь, 1042—1043, 1052—1065.

Колзаковъ, П. А., СХІІІ, сентябрь, 802.

Коллинсъ, Чуртонъ, проф., СХІV, ноябрь, 779—780 (по поводу его смерти).

Комаровскій, Евграфъ Федотовичъ, графъ, генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 388, 391, 400, 402.

Комаровы:

— Висс. Висс., издатель газеты «Свѣтъ». *О немъ Н. Н. Лендера (Путника):* «Воспоминанія», СХІ, февраль, 597—613.

— Г. В. *Рецензія А. Б. о брошюрѣ его:* «По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго сѣзда. Спб. 1908». СХІV, ноябрь, 749.

Кондратенко, Ром. Ис. *О немъ труды В. Миткевича и Д. Дубенскаго:* «Р. Ис. Кондратенко. Жизнь и боевая дѣятельность. Систематическое описаніе осады и обороны Портъ-Артура. Спб. 1908», рецен. Н. Лвд., СХІІ, апрѣль, 346—347.

Коновницынъ, П. П., генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 395.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, СХІ, январь, 214, 217—221, 224, 234; СХІІ, июнь, 838; СХІІІ, сентябрь, 821; СХІV, октябрь, 44—45, 51, 60, 66, ноябрь, 431—432, 531; декабрь, 991, 1028, 1036, 1042, 1045.

Константинъ Павловичъ, великій князь, СХІ, февраль, 451; мартъ, 813; СХІІ, июнь, 1055, 1059—1062.

Кошце, А. Ф. *Его:* «Два военныхъ бунта. (Изъ воспоминаній)», СХІ, февраль, 575—596.

Кора, Пьеръ, французскій писатель, СХІІ, апрѣль, 368—373 (по поводу его статьи о «свадеснахъ»).

Кораблевъ, В. Н. *Рецензія А. М. Нечаевой о книгѣ его:* «Литературныя замѣтки. Спб. 1907», СХІІІ, июль, 316—318.

Кореневскій, П. И. *Его:* «По Холмской Руси. (Путевой очеркъ)», СХІІ, июнь, 890—923; СХІІІ, июль, 146—176.

Корженевскій, Н. Л. *Его статья:* «Той. (Очеркъ изъ жизни сартовъ)», СХІІ, июнь, 1002—1012.

Коркинъ, Александръ Николаевичъ, проф. Спб. университета, извѣстный математикъ. *Некрологъ его:* СХІV, октябрь, 374—375.

Коровинъ, Иванъ Павл., дѣтскій врачъ. *Некрологъ его:* СХІV, октябрь, 373—374.

Коровинъ, Сергій Алексѣевичъ, художникъ. *Некрологъ его:* СХІV, декабрь, 1180—1181.

Короленко, Вл. Г., писатель, СХІІ, июнь, 867—870, 882; СХІV, октябрь, 98—99.

Корфъ, Модестъ Андреевичъ, баронъ, СХІІ, январь, 132—134; СХІІ, июнь, 834; СХІV, октябрь, 51; декабрь, 1042.

Корфъ, С. А., баронъ. *Рецензія М. К-ва о книгѣ его:* «Исторія русской государственности. Т. I. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1069—1071.

Корши:

— В. Ф., СХІ, январь, 178—179, 185; СХІV, октябрь, 153—154.

— Ф. Е., проф., СХІІ, май, 768—769.

Косинскій, Мих. Осип., баронъ, основатель бесплатнаго Таврическаго училища въ Спб., СХІV, октябрь, 202.

Костомаровы:

— Николай Ивановичъ, историкъ, СХІІ, май, 652.—*О немъ въ статьѣ П. Л. Юдина:* «Къ биографіи Н. П. Костомарова», СХІІ, июнь, 981—986.—*Упоминается:* СХІV, октябрь, 166; ноябрь, 650—652, 676.

— Всевол. Дм., памятникъ предъдущаго, корнетъ, СХІІ, май, 652; СХІІІ августъ, 502, 504—508; СХІV, ноябрь, 670—671, 676—677.

Котень, баронъ, Выборгскій губернаторъ, СХІV, ноябрь, 435—445 (въ «Запискахъ» сенатора Фишера).

Котляревскій, Н. А., проф. *Рецензія А. Фомина о книгахъ его:* 1) «Литературныя направленія Александровской эпохи. Спб. 1907», СХІІ, июнь, 1096—1097. 2) «Рыльбевъ. Спб. 1908», СХІІІ, июль, 319—321.—*Рецензія А. Ф. о редакціонной имъ книгѣ:* «И. С. Тургеневъ для дѣтей. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 738.

Краббе, Николай Карловичъ, адъютантъ князя А. С. Меншикова, впоследствии управляющій морскимъ министерствомъ, СХІІІ, сентябрь, 802—803.

Краевскій, А. А., СХІІІ, июль, 124.

Кражской, И. Н., знаменитый русскій художникъ, СХІІ, апрѣль, 380—381 и СХІІІ, сентябрь, 1124—1125. («Художественная галлерія въ Острогжскѣ» его имени).

Брасноженецъ, М., проф. *Рецензія* его: «Проф. Евгений Бобровъ. Дѣла и люди. Сборникъ статей. Юрьевъ, 1907», СХІІ, май, 736—737.

Брасовскій, Александръ Ивановичъ, цензоръ, СХІ, январь, 164.

Броль, полковникъ, СХІІ, июнь, 843. (Въ «Запискахъ» Фишера).

Бронштедтъ, А., абоскій губернаторъ, СХІV, ноябрь, 437—438.

Брузенштерны:

— А. И., членъ правительственнаго совѣта въ Польшѣ, СХІV, октябрь, 66.

— И. Ѳ., адмираль, СХІ, мартъ, 809—811.

Брыловъ, В. А., драматургъ, СХІV, декабрь, 1000, 1002.

Брюковъ, Адрианъ Александровичъ, профессоръ, окулистъ. *Некрологъ* его: СХІV, ноябрь, 792—793.

Будринъ, Влад. Сергѣевичъ, лейбхирургъ. *Некрологъ* его: СХІV, декабрь, 1131—1132.

Кузнецовъ, В. К. *Рецензіи* его: 1) «Слобожанинъ, М. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 1908», СХІ, январь, 333—334. 2) «Гр. С. Ю. Витте. Самодержавіе и земство. Записка бывшаго министра финансовъ статсъекретаря графа С. Ю. Витте. Предисловіе Череванина. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1104—1107. 3) «В. Ѳ. Фришъ. Проектъ учрежденія государственной стражи въ Россіи. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 744—746.

Кузнецовъ, Н. Н. *Его*: «Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ-Щедринѣ. (1864—1869)», СХІV, декабрь, 976—986.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., писатель. *Рецензія Н. Г. о книгѣ* его: «Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907», СХІ, январь, 329—331.

Кулаковскій, Ю. А., проф. *Рецензія В. о брошюрѣ* его: «Стратегика императора Нисифора. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 750.

Кулешовъ, М. П. *Рецензія А. Ивановича о книгѣ* его: «Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ. М. 1908», СХІV, октябрь, 301—302.

Кункинъ, Іоасафъ Яковлевичъ, археологъ. *Некрологъ* его: СХІV, ноябрь, 794.

Кунцевичъ, Іоасафъ, униатскій епископъ, СХІІІ, июль, 162.

Курбатовъ, П. А., СХІІІ, сентябрь, 943—944.

Куропаткинъ, Алексій Николаевичъ, бывшій военный министръ, главнокомандующій въ японско-русской войнѣ, СХІV, ноябрь, 773—774 (по поводу его мемуаровъ).

Курочкины:

— Вас. Ст., СХІV, октябрь, 151, 155; ноябрь, 648.

— Н. Ст., СХІ, январь, 178—179, 182; СХІV, октябрь, 151.

Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ (1759—1834) графъ, любимецъ императора Павла I, СХІ, февраль, 455—456.

Кутшеба, Станиславъ. *Рецензія А. И. Яцимирскаго о книгѣ* его: «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ ред. и со вступительной статіей Н. В. Ястребова. Спб. 1907», СХІІІ, июль, 326—327.

Кюхельбекеръ, Михаилъ Карловичъ, декабристъ, СХІV, ноябрь, 566—569 (въ «Воспоминаніяхъ» П. И. Першина).

Л

Л. Рецензіи его: 1) «А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе второе. Спб. 1907», СХІ, январь, 325. 2) «Антонъ Крайній (З. Гипіусъ). Литературный дневникъ. 1899—1907. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 736—737.

Л. Г. И. Статя его: «Федоръ Ильичъ Булгаковъ. (Некрологъ)», СХІІ, май, 599—613.

Л. Н. Рецензіи его: 1) «В. А. Апушкинъ. Мищенко. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. Спб. 1908», СХІ, январь, 331—333. 2) «А. М. Заюнчковскій. Восточная война 1853—1856 гг., въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. I. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1097—1100. 3) «Отечественная война 1812 года. Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Т. VIII—IX. Подготовка къ войнѣ въ 1812 году. Мѣсяцы январь и февраль. Спб. 1907—1908», СХІІ, апрѣль, 329—330. 4) «М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908», СХІІ, май, 721. 5) «Густавъ Лебонъ. Психологія социализма. Полный переводъ съ французскаго 5-го изданія. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ его къ русскому изданію. Спб. 1908», СХІІ, май, 728—731. 6) «М. Газенкампфъ. Мой дневникъ 1877—1878 гг. 5 приложений. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1091—1092. 7) «М. Драгомировъ. Одинадцать лѣтъ. 1895—1905 гг. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей за 1895—1905 гг. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. 1909», СХІV, ноябрь, 741—742.

Лаврентій (въ мѣрѣ Михаилъ Ивановичъ Некрасовъ), епископъ тудльскій и бѣлевскій. *Некрологъ* его: СХІІ, май, 777—778.

Лавровъ, П. А., проф., СХІV, октябрь, 278—274.

Лавровъ, Петръ Лавровичъ, СХІ, февраль, 498—499; СХІІ, май, 657—658.

Лазаревъ, М. П., адмиралъ, СХІ, мартъ, 810.

Лазаревъ, С. *Его*: «На службѣ Богу. (Очерки духовнаго быта)», СХІІІ, июль, 71—92; августъ, 448—467.

Ланинъ, Н. П. издатель «Русскаго Курьера», СХІІІ, сентябрь, 845—852 (въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова).

Ланской, С. С., графъ, министръ, СХІ, январь, 236—237; СХІV, октябрь, 46, 51.

Ларошфуко, Шарль, графъ, СХІV, декабрь, 1167 (по поводу его смерти).

Лассеръ, А. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ* его: «Коллективное участіе женщинъ въ великой французской революціи. Переводъ съ французскаго Эльтъ. Спб. 1907», СХІІ, апрѣль, 341—343.

Латышевъ, Вас. Вас., директоръ историко-филологическаго института, СХІV, ноябрь, 789—790 (по поводу 30-лѣтія его учено-литературной дѣятельности).

Лебедевъ, Алексѣй Петровичъ, профессоръ церковной исторіи въ Московскомъ университетѣ. *Некрологъ* его: СХІІІ, августъ, 747—749.

Лебедевъ, В. А. *Рецензія* его: «Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы архіепископа тверскаго и кашинскаго Т. VII. М. 1908», СХІІ, май, 716—717

Лебединцевы:

— Петръ Гавриловичъ, СХІV, октябрь, 162—163.

— Теофанъ Гавриловичъ, ib., 162—172.

Лебонъ, Густавъ. *Рецензія Л. Н. о книгѣ* его: «Психология социализма. Полный переводъ съ французскаго 5-го изданія. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ его къ русскому изданію. Спб. 1908», СХІІ, май, 728—731.

Левачевъ, Н. М., военный инженеръ, СХІV, ноябрь, 486 (въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова).

Левашовъ, Василій Васильевичъ, графъ, кievскій генералъ-губернаторъ, председатель государственнаго совѣта, СХІІІ, сентябрь, 819—820.

Лейхтенбергскій, Г. Н., герцогъ. *Его письмо въ редакцію*, СХІ, мартъ, 1160—1162.

Лендеръ, Н. Н. (Путникъ). *Его*: «Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ. (Воспоминанія)», СХІ, февраль, 597—613.—*Рецензія А. Ф. о книгѣ* его: «По Европѣ и Востоку. Очерки и картинки съ рисунками. Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1127—1128.

Ленскій, Ал-дръ Павл., артистъ. *Некрологъ* его: СХІV, ноябрь, 795.

Лернеръ, Н. О. *Рецензіи* его: 1) «В. Сиповскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907», СХІ, январь, 321—323, 2) «Шукинскій сборникъ. Выпускъ VII. М. 1907», СХІІІ, июль, 321—322.

Лессингъ, Готхольдъ Эфраимъ, знаменитый нѣмецкій писатель, СХІ, январь, 342—347 (на основаніи статьи французскаго публициста Шюкэ въ «Revue Bleue», 1907).

Ли, Юнасъ, извѣстный скандинавскій поэтъ, СХІІІ, августъ, 725 (по поводу его смерти).

Ливень, Х. А., князь, генералъ-адъютантъ, СХІ, февраль, 387, 390—391.

Линевичъ, Ник. Петр., генералъ-адъютантъ, видный дѣятель въ минувшую русско-японскую войну. *Некрологъ* его: СХІІ, май, 778—779.—*О немъ статья П. А. Россіева*: «Памяти Н. П. Линевича», СХІІ, июль, 987—1002.

Линиченко, Ив. Андр., проф., СХІV, октябрь, 252, 254, 269.

Литвиновъ, Николай Павловичъ, генералъ-лейтенантъ, помощникъ воспитателя великихъ князей Александра и Владимира Александровичей.—*Его*: «Отрывки изъ писемъ генерала Н. П. Литвинова», СХІ, февраль, 504—532.

Лихачевъ, Н. П. *Рецензія А. И. Яцимирскаго о книгѣ* его: «Ивока Омы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908», СХІІІ, августъ, 675—677.—*Рецензія И. Александрова о книгѣ* его: «Древнѣйшія буллы и печати Ширнурлы. Спб. 1907», СХІІІ, сентябрь, 1078—1079.

Ло, Джонъ, извѣстный финансистъ ХVІІ вѣка. СХІІ, июль, 348—350

Ломовскій, А. М., инженеръ Межевого института, СХІ, январь, 122, 130—131.

Лонгиновъ, А. В. *Его*: «Замѣтка о предсмертномъ письмѣ К. Θ. Рылѣва», СХІІІ, сентябрь, 1132—1134.

Лорисъ-Меликовъ, М. Т., графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІ, февраль, 533—536, 538, 688; СХІІІ, июль, 121—122; СХІV, декабрь, 1039.

Лотоцкій, А. И. *Рецензія И. Ал—рова о книгѣ* его: «На поворотѣ. Спб. 1907», СХІ, январь, 328—329.

Лугаковский, В. *Рецензия* его: «А. А. Псаевъ. О сокращеніи государственныхъ расходовъ. Спб. 1908», СХІІ, ноябрь, 751—752.

Лыщинскій, Левъ. *Рецензия* Г. о *книгѣ* его: «Родъ дворянъ Лыщинскихъ. Матеріалы для составленія 157 родословій. Спб. 1907», СХІІ, апрѣль, 330—331.

Лѣсковъ, Н. С., писатель. *О немъ въ статьѣ* В. В. Дамилова: «Къ біографіи Н. С. Лѣскова», СХІV, октябрь, 162—172.

Людовикъ XVII, дофинъ, сынъ французскаго короля Людовика XVI и Марин-Антуанетты, СХІV, октябрь, 326—329.

М

М. *Рецензия* его: 1) «Проф. В. И. Никольскій. О русскомъ національномъ самосознаніи. Спб. 1907», СХІІІ, июль, 332—333. 2) «В. Л. Капустинъ. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. М. 1907», СХІV, декабрь, 1113—1114.

М. В. *Рецензия* его: «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ VII. Спб. 1903», СХІV, декабрь, 1121.

М—ко. *Рецензия* его: «И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Изд. 2-е. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 312.

М. К—въ и М. К. *Рецензии* его: 1) «Б. В. Глинскій. Борьба за конституцію (1612—1861 г.). Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908», СХІ, январь, 311—314. 2) «Нотовичъ, Н. А. Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1100—1101. 3) «Ключевскій, В. Курсъ русской исторіи. Ч. III. М. 1903», СХІІ, апрѣль, 321—324. 3) «Переворотъ 1762 г. «Русская Быль». М. 1908», СХІІ, май, 710—712. 4) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1907. Книга четвертая», ib. 714—715. 4) «Корфъ, С. А., баронъ. Исторія русской государственности. Т. I. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1069—1071. 5) «Сергѣевичъ, В., проф. Древности русскаго права. Т. II. Изданіе 3-е Спб. 1908», СХІV, октябрь, 293. 6) «Е. И. Вишняковъ и О. И. Пичета. Очерки русской исторіи, съ рисунками и картами въ текстѣ. М. 1908», СХІV, ноябрь, 726—727.

М—скій, Михаилъ. *Рецензия* Б. Г. о *книгѣ* его: «Отъ бунты до снятія сава. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1086—1088.

М—овъ. *Статья* его: «Послѣдніе годы царствованія Александра II», СХІ, февраль, 684—693.

М. С. *Статья* его: «Изъ воспоминаній объ аграрномъ движеніи 1902 года въ Полтавской губерніи», СХІІ, апрѣль, 163—188.

Магометь-Али-Халифъ, минь-тюбинскій ишанъ, СХІІ, май, 660—661, 666—667.

Майковъ, Аполлонъ Александровичъ, директоръ императорскихъ театровъ, СХІ, январь, 160.

Майковъ, П. М. *Рецензии* его: 1) «Бородкинъ, М. М.—а) Война 1854—1855 гг. на Финскомъ побережѣ. Историческій очеркъ. 127 иллюстрацій. Спб. 1904.—б) Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрікова. Спб. 1905.—в) Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Спб. 1908», СХІ, февраль, 694—699. 2) «Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. К. Ф. Ординъ. Т. I. Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1088—1090.—*Поправка* его: Къ статьѣ «Генералъ-адъютантъ имп. Александра I», СХІ, мартъ, 1166—1167.

Маковъ, Левъ Саввичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, январь, СХІ, 179—180.

Максимовъ, Владиславъ. *Рецензия* Н. Л. о *книгѣ* его: «Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Выпускъ I. Спб. 1908», СХІ, февраль, 712—713.

Максимовъ, К. А. *Статья* его: «Памяти Н. А. Попова», СХІІІ, августъ, 577—581.

Макъ-Айверъ, англійскій археологъ, СХІV, декабрь, 1135—1139.

Маленнъ, А. I. *Рецензия* М. Ключкова о *трудѣ* его: «Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о московскихъ дѣлахъ. Павелъ Ювій Новокомскій, книга о московскомъ посольствѣ. Изданіе А. С. Суворина. Введеніе, переводъ и примѣчанія. А. I. Маленна. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1093—1096.

Малицкій, Н. В. *Рецензия* В. Е. Рудакова о *книгѣ* его: «Изъ прошлаго владимирской епархіи. Выпускъ второй. Владимиръ 1907», СХІ, мартъ, 1096—1097.

Малоземова, Софья Александровна, профессоръ с.-петербургской консерваторіи. *Некрологъ* ея: СХІ, февраль, 751—752.

Мальцевъ, А. П., протоіерей, СХІІІ, сентябрь, 1123 (по поводу 30-лѣтія его пастырской службы).

Маргарита Австрійская, герцогиня Савойская, дочь императора Максимилиана I, извѣстная, какъ «женщина-стратегъ XVI вѣка», СХІІ, июнь, 1111—1114.

Марія Австрійская, сестра императора Карла V, правительница Бельгіи, СХІІ, июнь, 1111—1114.

Марія Александровна, императрица, супруга императора Александра II, СХI, февраль, 684—685; СХIV, декабрь, 1029.

Марія-Антуанетта, супруга французского короля Людовика XVI, СХIV, октябрь, 326—327.

Марія Федоровна, императрица, супруга Павла I, СХIV, декабрь, 879.

Марковъ, тайный совѣтникъ, СХIII, августъ, 426—428.

Марковъ, Сергѣй Вас., членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХI, январь, 378—379.

Мартемьяновъ, Т. А. *Замѣтка Ст. Ефремова по поводу его статьи: «Маланина свадьба»*, СХI, январь, 384.

— *Статья его: «Изъ истории русской сатиры на клиръ»*, СХIV, ноябрь, 590—622.

Мартенсъ, Ф. Ф., проф., СХII, май, 756—759 (по поводу его новаго труда: XV тома «Собрания трактатовъ и конвенцій»).

Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ, известный артистъ, СХIV, декабрь, 991—996.

Матросовъ, *Е. Н. *Статья его: «Исторія и современное состояніе литературной цензуры въ С. Штатахъ Сѣверной Америки»*, СХIII, августъ, 650—674; сентябрь, 1024—1066.

Меккъъ (фонъ), В. К., СХIV, октябрь, 102—103; ноябрь, 485.

Меккъъ (фонъ), Н. К., братъ предыдущаго, СХIV, октябрь, 103; ноябрь, 485—486.

Меланія, святая. О ней два новыхъ труда: кардинала Рампола и французскаго историка Гюйо, СХIV, ноябрь, 760—762.

Мелиховъ, Вас. Ив., адмиралъ, СХIII, сентябрь, 799.

Мельниковы:

— Анна Павловна, СХI, мартъ, 1060, 1062.

— Иванъ Ивановичъ, ib., 1062—1063.

— Павелъ Ивановичъ, известный писатель, ib., 1062—1063, 1067, 1070, 1074; СХII, апрѣль, 291, 295, 298.

Менделѣевъ, Дм. Ив., известный химикъ, СХII, май, 769—700 (замѣтка о «Менделѣевскомъ институтѣ»); июнь, 1143—1144 («Мозгъ Д. И. Менделѣева»).

Менефа, основательница Игнатьевской обители, СХII, апрѣль, 289—290.

Менефтахъ, египетскій фараонъ, СХI, февраль, 719—722.

Меншикова, Дарья Михайловна, княгиня, супруга Александра Даниловича Меншикова. *О ней въ статьѣ Е. Г. Геркена: «Могила княгини Дарьи Михай-*

ловны Меншиковой», СХII, апрѣль, 285—288.

Меншиковъ, Ал-дръ Сергѣевичъ, кн., генер.-адъютантъ, СХI, февраль, 397—398, 400, 402; 438—447, 449; мартъ, 796—818; СХII, апрѣль, 58—74, 77; май, 426—443; июнь, 827, 829—838; СХIII, июль, 50—54, 56—70; августъ, 426—430; сентябрь, 793—821; СХIV, октябрь, 45—47, 57—60, 69; ноябрь, 422—437, 441—416; декабрь, 850—857 (въ «Запискахъ» сенатора Фишера).

Мердеръ, Иванъ Карловичъ, шталмейстеръ, почетный опекунъ. *Некрологъ его*: СХI, январь, 379.

Мержеевскій, Иванъ Павловичъ, известный русскій врачъ-психиатръ. *Некрологъ его*: СХII, апрѣль, 390—391.

Мещерскій, В. П., князь, писатель, СХI, январь, 215—217, 221—223, 235—236; СХII, апрѣль, 260—263; СХIV, октябрь, 277; декабрь, 1034—1037.

Миддендорфъ, Федоръ Ивановичъ, СХ, январь, 55—56.

Миллечевичъ, Михаилъ, европейскій дипломатъ, СХIII, августъ, 726 (по поводу его смерти).

Миллеръ, Александръ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, служившій въ м-вѣ иностранныхъ дѣлъ, СХIII, сентябрь, 815—816. (Въ «Запискахъ» Фишера).

Милонидовъ, А. И. *Рецензіи г. В. о книжкахъ его*: 1) «Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI—XVIII вв. М. 1908», СХIV, октябрь, 311, и 2) «Описание славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публичной библиотеки. Вильна. 1908», ib, 313.

Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, гр. *О немъ въ статьѣ А. П. Башуцкаго: «Убийство гр. Милорадовича. (Разсказъ его адъютанта)»*, СХI, январь, 132—164.

Милтонъ, Джонъ (1608—1674), великій англійскій поэтъ, СХIII, сентябрь, 1111—1112 (по поводу 300-лѣтняго юбилея со дня его рожденія).

Милютины:

— Дмитрій Алекс., гр., воен. министръ, СХIV, октябрь, 61, 64, 68; декабрь, 1036.

— Н. А., СХI, январь, 216, 218, 232, 224, 232; февраль, 631; СХIV, октябрь, 56, 58, 61, 64; декабрь, 1033, 1036, 1039, 1042.

Минаевъ, Дм. Дм., поэтъ, СХI, январь, 184—185; СХIV, октябрь, 151—152, 154—155.

Мирабо:

— Известный дѣятель перваго періода великой французской революціи, СХI, январь, 347—352.

— Марія-Мargarита, жена предыдущаго, урожд. Мариньякъ, СХІ, январь, 347—352.

Мирецкій, Олехъ, ссыльный полякъ, СХІІ, апрѣль, 194—197.

Мироновъ, А. А. *Статья его*: «Изъ жизни археологическихъ учреждений», СХІ, февраль, 644—648; СХІІІ, августъ, 619—625.—*Рецензіи его*: 1) «Т. Соколовская. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX стол.)». Спб. 1907», СХІ, январь, 314—315.

2) «Труды тринадцатаго археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ 1905 г., подъ редакціей графини Уваровой. Т. I. М. 1907, СХІ, февраль, 699—702. 3) «Записки отдѣленія русской и славянской археологій императ. русскаго археологическаго общества. Т. VII. Выпускъ второй. Подъ ред. С. Ф. Платонова. Съ 13 табл. Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1114—1117. 4) «Записки Восточнаго отдѣленія импер. русскаго археологич. общества, издаваемые подъ ред. барона В. Р. Розена. Т. XVIII, вып. I. Спб. 1907», СХІІ, июнь, 1083—1087. 5) «Т. О. Соколовская. О масонскомъ архивѣ Ф. Н. Глинка. Тверь. 1908», СХІV, ноябрь, 750. 6) «Михайлъ Соколовскій. Наша военная старина. (Историческо-бытовые фельетоны). Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1107—1108.

Митропольскій, Ф. А., публицистъ, СХІІІ, сентябрь, 848.

Михайлъ Николаевичъ, великій кн., СХІІІ, июль, 119—120.

Михайлъ Павловичъ, великій князь, СХІ, январь, 132—133; СХІІІ, сентябрь, 818, 821; СХІV, ноябрь, 529, 534—536.

Михайловъ, Мих. Илар., писатель, СХІІ, май, 651—658; СХІІІ, августъ, 501—508.

Михайловскій, Н. К., писатель, СХІІІ, августъ, 515—518, 522; СХІV, октябрь, 111—113.

Михаилисъ, Л. П., въ замужествѣ за Н. В. Шелгуновымъ, СХІІІ, августъ, 497—501, 503—513, 519—520.

Михеевъ, Вас. Мих., писатель. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь, 1149.

Михельсонъ, Морницъ Ильичъ, педагогъ-писатель и общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь, 1149—1150.

Мищенко, П. И., генераль-адъютантъ, туркестанскій генераль-губернаторъ. *О немъ въ книжкѣ В. А. Апушкина: «Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ»*. Спб. 1908», рецензированной Н. Л., СХІ, январь, 331—333.

Мкртчичъ, патриархъ армянскій. *О немъ*

въ статьѣ П. Ефимова: «Памяти патриарха Мкртчича», СХІІ, июнь, 961—970.

Мнишекъ, Марина. Ея «дневникъ», въ русскомъ переводѣ, рецензированный А. Б., СХІV, ноябрь, 728.

Модзалевскій, Б. Л. *Рецензія В. Е. Рудакова о составленномъ имъ вмѣстѣ съ В. И. Саитовымъ: «Московскомъ Некрополѣ. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Т. I. (А—I). Спб. 1907», СХІ, январь, 309—311.—Тоже. Т. II. (К—П). Спб. 1908», СХІІ, май, 707—710.—Тоже, Т. III (Р.—Я.). Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1134.*

Мольчановскій, Н. В., † въ 1907 г., правитель дѣлъ кievскаго генераль-губернатора, СХІІ, июнь, 884—889; СХІІІ, июль, 94, 96.

Монахинъ, полковникъ, СХІ, февраль, 441.

Моно, Габріель (зять Герцена), французскій историкъ, СХІІ, июнь, 1105—1111 (по поводу его поваго труда «Методъ исторіи»).

Мордвиновы:

— Александръ Николаевичъ, сенаторъ СХІІІ, сентябрь, 808, 811.

— Феод. Павл., сенаторъ. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь 1150.

— Н. В. *Его*: «Изъ записокъ военносудебнаго дѣятеля», СХІ, мартъ, 855—872; СХІІ, апрѣль, 117—137; май, 531—549; СХІІІ, сентябрь, 916—930.

Моренгеймъ, баронъ, дипломатъ. *О немъ книга Лисена: «Diplomatische Enthüllungen aus der Botschafterzeit der Baron von Mohrenheim. (1884—1898). Leipzig. 1908», СХІV, декабрь, 1105—1107.*

Морозова, Феодосія Прокопьевна, боярыня (урожд. Соковнина), СХІV, ноябрь, 680—684.

Морозовъ, Ю. П. *Его статья*: «Литературная жизнь», СХІV, октябрь, 150—161.

Мультановскій, Помпей Яковлевичъ, извѣстный хирургъ, СХІV, октябрь, 225—226.

Муравьевъ, Мих. Ник., графъ, государственный дѣятель, СХІ, январь, 216—221, 225; СХІІІ, сентябрь, 890—894, 911 (о постановкѣ ему памятника въ Вильнѣ).

Муравьевъ, Н. Н., СХІІІ, сентябрь, 804—805.

Мурашкинцевъ, Александръ Андреевичъ, писатель. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 752.

Муромцевъ, К. П. *Его*: «Изъ сибирскихъ воспоминаній», СХІV, декабрь, 880—907.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., графъ, СХІ, январь, 47.

Мѣщаниновъ, И. В. *Его статьи:* 1) «Петръ Семеновичъ Ванновскій. (Министръ народнаго просвѣщенія)», СХІ, мартъ, 894—940. 2) «Спорные вопросы. Изъ области судебной этики», СХІV, декабрь, 941—967.

Н

Н. Л. *Рецензіи его:* 1) «Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Выпускъ I. Спб. 1908», СХІ, февраль, 712—713. 2) «М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышление. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 339. 3) «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. III. Примѣчанія В. И. Саитова. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1097—1098. 4) «Литературный распадъ. Критическій сборникъ. Книгоиздательство «Зерно». Спб. 1908», СХІV, октябрь, 302—304. 5) «Е. Вѣтринскій. Герценъ. Библіотека «Свѣточа», подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 731—733. 6) «А. И. Богдановичъ. Годы перелома. 1895—1906 гг. Сборникъ критическихъ статей. Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1117—1118.

Н. Лид. *Рецензія его:* «Романъ Исидоровичъ Кондратенко. Жизнь и боевая дѣятельность. Систематическое описаніе осады и обороны Портъ-Артура. Составили В. Миткевичъ и Д. Дубенскій. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 346—347.

Н. М. *Его замѣтка:* «Къ биографіи М. Д. Скобелева», СХІ, мартъ, 1164—1166.

Н. Н. *Его:* «Около японцевъ. (Изъ дневника плѣннаго офицера)», СХІІ, июнь, 924—960.

Н. Ш. *Его статья:* «Изъ воспоминаній потійца», СХІІ, июнь, 971—980.

Набоковъ, Дмитрій Николаевичъ, министр юстиціи, СХІV, октябрь, 63.

Навроцкій, проф., СХІV, ноябрь, 423—424.

Назаренко, Н. *Статья его:* «Могила Кочубея и Искры», СХІІІ, июль, 255—258.

Наполеонъ I императоръ Франціи, СХІІ, июнь, 1114—1118; СХІІІ, сентябрь, 1104—1105 (о связи его съ актрисой Жоржъ).—*Письмакъ нему Александра I,* СХІV, октябрь, 329—334.—*О немъ новыя работы историковъ,* СХІV, декабрь, 1139—1147.

Наполеонъ III, императоръ Франціи, СХІІ, июнь, 1115—1116.

Нарышкины:

— Маріи Антоновна (рожденная княжна Четвертинская), СХІІ, июнь, 1041—

1071 (*въ статьѣ В. Тимирязева:* «Отношенія Александра I къ М. А. Нарышкиной»).

— Дмитрій Львовичъ, мужъ предыдущей, СХІІ, июнь, 1046—1049, 1060—1062, 1066, 1071.

— Эмануиль Дмитриевичъ, сынъ предыдущихъ, СХІІ, июнь, 1071.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ—извѣстный поэтъ. *О немъ книга Владислава Максимова:* «Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Выпускъ I. Спб. 1908», рецензированъ Н. Л., СХІ, февраль, 712—713.

Некрасовъ, Н. Я., педагогъ. *Некрологъ его:* СХІІ, апрѣль, 391.

Немировичъ-Данченко, Вл. Ив., СХІ, мартъ, 1018—1020.

Нелидова, В. А., СХІІ, май, 446, 454.

Нешо. *Его статья:* «Якутскъ въ эпоху освободительнаго движенія», СХІV, декабрь, 968—975.

Неплюевъ, Ник. Ник., общественный дѣятель. *Некрологъ его:* СХІ, мартъ, 1156—1157.

Нерваль, Жераръ, французскій романистъ, СХІІІ, июль, 352—355.

Нессельроде, Карлъ Вас., графъ (1780—1862), русскій дипломатъ и канцлеръ, СХІІ, апрѣль, 358—365 (по поводу его переписки съ разными лицами), июнь, 836—837.

Нессельроде, Марія (урожд. Гурьева), супруга предыдущаго, СХІІ, апрѣль, 358—360, 363—364.

Несторовскій, П. А. *Статья его:* «По русской Буковинѣ. (Путевой набросокъ)», СХІІ, май, 671—706.

Нефедовъ, Ф. Д., писатель, СХІІІ июль, 105—106; сентябрь, 847—854.

Нечаева, Ан. М. *Рецензія ея:* 1) «Б. П. Никоновъ. Въ стѣнахъ гимназіи. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1109—1111. 2) «А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры, Спб. 1908», СХІІ, май, 731—733. 3) «В. Н. Кораблевъ. Литературныя замѣтки. Спб. 1907», СХІІІ, июль, 316—318. 3) «А. И. Фаресовъ. Голоса земли. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 305—307.

Никитенко, Ал-дръ Вас., профессоръ, СХІ, январь, 231, 235—239; СХІІ, апрѣль, 264—266; СХІV, ноябрь, 653—655, 679; декабрь, 1039.

Никитинъ, В. Н., тюремный филантропъ и писатель. *О немъ статья В. Е. Рудакова:* «Памяти защитника страждущихъ и несчастныхъ», СХІІ, май, 586—598.

Николай, Леопольдъ Оеодоровичъ, заслуженный профессоръ Горнаго инсти.

туда. *Некролог* его: СХІІ, апрѣль, 391—392.

Николай I Павловичъ, императоръ, СХІ, 68—69, 138—142, 354 (характерное письмо о немъ королевы Викторіи), 357; мартъ, 807—808, 813—814, 816—818; 1129—1130; СХІІ, апрѣль, 66—67; май, 429, 432—437, 446; июнь, 832—836, 838—841; СХІІІ, августъ, 433—434.— *Статья о немъ М. К. Соколовскаго*: «Къ характеристикѣ Николая Перваго», СХІІІ, августъ, 544—556.— *Упомин.*: сентябрь, 793—796, 804, 808—813, 817; СХІV, ноябрь, 436; 616—618, 620.

— *О немъ статья Н. И. Воронова*: «Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ I и его семьѣ», СХІV, ноябрь, 529—536.— *О немъ трудъ проф. Теод. Шимана*: «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I и II Berlin», рецензированный г. А. В., СХІV, ноябрь, 725—726. — *О немъ въ статьѣ*: «Николай I и французскія легитимисты», СХІV, ноябрь, 764—766. — *О немъ въ статьѣ*: «Николай I и Луи-Филиппъ», СХІV, декабрь, 1147—1149.

Николай Михайловичъ, великій князь. — *Его статья*: «Генераль-адъютанты императора Александра I», СХІ, февраль, 387—403 — *Поправка къ ней П. Майкова*: «Къ статьѣ «Генераль-адъютанты имп. Александра I», СХІ, мартъ, 1166—1167.— *Рецензія В. Е. Рудакова объ изданныхъ имъ книгахъ*: «Московский Некрополь. Томъ первый (А—І). Спб. 1907», СХІ, январь, 309—311.— *Тоже*. Томъ второй. (К—П). Спб. 1908», СХІІ, май, 707—710. — *Тоже*. Томъ третій. Спб. 1908» СХІV, дек., 1134.— *Рецензія С. Ш. объ изданной имъ книгѣ*: «Русскіе портреты XVII и XIX ст. Т. III, вып. 4-й. Спб. 1907», СХІ, январь, 315—316.

— *Рецензія В. Т. объ изданной имъ книгѣ*: «Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ послдовъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. VI. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 324—329.

Никольскій, В. И., проф. *Рецензія М. о книгѣ его*: «О русскомъ національномъ самосознаніи. Спб. 1907», СХІІІ, июль, 332—333.

Никоновъ, Б. П. *Рецензія А. Нечасовой о книгѣ его*: «Въ стѣнахъ гимназій. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1109—1111.

Никонъ (въ мѣрѣ Николай Андреевичъ Софійскій), экзархъ Грузіи. *Некролог* его: СХІІІ, июль, 379.

Новиковъ, Е. П., русскій посолъ въ Вѣнѣ, СХІV, декабрь, 1009—1010.

Новомѣйскій, Северинъ Феликс-овичъ, инженеръ. *Некролог* его: СХІІ, май, 780.

Новосильцовъ, Ник. Ник., государственный дѣятель, СХІ, февраль, 499, 452—453.

Норвежскій, Оскаръ. *Рецензія его*: «Отто Вейнинггеръ. Полю и характеръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ предисловіемъ А. Вольнскаго. Спб. 1903», СХІV, октябрь, 308—309.

Норовъ, А. С., министръ народнаго просвѣщенія, СХІ, мартъ, 809.

Нортонъ, Чарльзъ, проф. Гарвардскаго университета, СХІV, декабрь, 1167—1168 (по поводу его смерти).

Нотовичъ, Н. А. *Рецензія М. К. о книгѣ его*: «Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1100—1101.

О. *Рецензія его*: «Спутникъ русскаго въ Берлинѣ. Берлинъ. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 311.

Оболенскій, Вас. Вас., князь, СХІІІ, сентябрь, 842—844 (въ «Воспоминаніяхъ» С. И. Васюкова).

Обручевъ, В. А. СХІІ, май, 648—650.

Овсяннико-Куликовскій, проф. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Л. Н. Толстой. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія. Спб. 1903», СХІV, ноябрь, 733—736.

Огаревъ, Николай Платоновичъ, поэтъ, СХІ, февраль, 622—625, 629—631, 635, 637.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его*: 1) «На вольныхъ митингахъ. (Ивъ провинціальныхъ настроеній)», СХІ, январь, 186—208. *Упомин.*: СХІV, октябрь, 142.

Одаховскій, Юліанъ Игнатьевичъ, полковникъ, СХІ, январь, 165—176 (въ «Воспоминаніяхъ о Л. Н. Толстомъ» А. В. Жирковича).

Окрейцъ, С. С. *Его*: «Мои скитанія по бѣду свѣту», СХІV, декабрь, 908—930.

Ординъ, К. Ф. *Рецензія П. Майкова объ его трудѣ*: «Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I. Исслѣдованія, статьи, записки и письма. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1088—1090.

Ореусъ, Иванъ Максимовичъ, СХІ, январь, 65.

Оржевскій, П. В., генераль-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, СХІІ, октябрь, 890—893, 907.

Орловъ, Алексѣй Ѳед., князь, генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 397 399, 403; СХІІ, апрѣль, 219, 226—228

май, 438—442; СХІІ, сентябрь, 794, 801—803, 809, 812—814, 818—819; СХІV, октябрь, 53—55.

Орловъ, В. И., земскій статистикъ, СХІІ, апрѣль, 237; СХІІІ, июль, 106—113.

Орловъ, Вас. Серг., директоръ московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія. *Некрологъ* его: СХІ, январь, 379.

Орловъ, Влад. Ѳеодоровичъ, СХІV, ноябрь, 484—485.

Орловъ-Давыдовъ, Влад. Петр., графъ, СХІV, октябрь, 46.

Осяповы:

— Александра Ивановна, СХІ, мартъ, 1044.

— Анна Николаевна, ib. 1044.

— Прасковья Александровна, ib. 1044, 1046.

— Евпраксія Николаевна, въ замужествѣ баронесса Вревская, ib. 1044.

Оскаръ II, король шведскій, СХІ, февраль, 735, 738 (по поводу его смерти); мартъ, 994—997, 1003—1004.

Островскій, Ал-дръ Ник., драматургъ, СХІІ, май, 772 (по поводу постановки мраморной доски съ золотыми буквами: «здесь родился 31 марта 1823 года А. Н. Островскій»).

Острогорскій, Ал-дръ Яковлевичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ* его: СХІV, ноябрь, 795—796.

Острогорскій, В. П., педагогъ, писатель, СХІV, октябрь, 156, 201—202.

Острожскій, Конст. Конст., князь, знаменитый дѣятель и защитникъ православія въ Юго-Западномъ краѣ. *Существованіе памяти его*, СХІ, мартъ, 1144; СХІІ, июнь, 895.

Остроумовъ, Алексѣй Александровичъ, профессоръ Московскаго унив. *Некрологъ* его: СХІІІ, августъ, 749—750.

II

П—о. Рецензія его: «Е. В. Тарло. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789—1799 г.г.). По неизданнымъ документамъ. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1112—1113.

П. Ал—овъ. Рецензія его: «А. И. Соловьевъ. Стенька Разинъ и его сообщники въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи. Симбирскъ. 1908», СХІІ, апрѣль, 331—332.

П. А—ъ. Его статья: «Музей въ селѣ Акцуатѣ Симбирской губерніи», СХІІІ, сентябрь, 982—986.

П—ъ. Рецензія его: «Сборникъ научно-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ XII. Юрьевъ. 1907», СХІІ, июнь, 1080—1082.

П. Я. Рецензія его: «Проф. А. Трачевскій. Новая исторія. Томъ II. 1750—1848. Спб. 1908», СХІ, февраль, 713—714.

Павель Александровичъ, великій князь, СХІ, февраль, 504—506.

Павленковъ, Л. Н. Рецензія его: «Памятная книжка Воронежской губерніи на 1908 годъ. Изданіе ворожежскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1908», СХІІ, май, 738—741.

Павловская, О. Ѳ. Рецензія А. Я. о . . . ереведенной ею: «Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней», А. Розенберга (Спб. 1907), СХІІ, май, 734—735.

Павловскій, А. А., проф. *Рецензія* *Ив. Дусинскаго* объ его: «Атласъ по исторіи древняго искусства. Одесса. 1907», СХІІ, апрѣль, 350—351.—*Рецензія* А. Я. *объ его трудѣ:* «А. Розенбергъ. Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ О. Ѳ. Павловской подъ ред. проф. А. А. Павловскаго. Съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. А. Павловскаго. Вып. I. Спб. 1907», СХІІ, май, 734—735.

Павель I Петровичъ, императоръ, СХІ, февраль, 455—457. — *О немъ въ статьѣ Н. В. Соловьева:* «Англійскій путешественникъ о переворотѣ 1801 г.», СХІV, ноябрь, 713—720.— *Упомянется:* СХІV, декабрь, 879.

Павловъ, П. В., проф., СХІV, ноябрь, 646—652.

Павловъ-Сильванскій, Н. П., историкъ. *О немъ въ отдѣлѣ некрологовъ:* СХІV, октябрь, 375. — *О немъ статья М. В. Ключкова:* «Николай Павловичъ Павловъ - Сильванскій. (Некрологъ)», СХІV, ноябрь, 633—645.

Павлуцкій, Гр. Гр., проф., СХІV, октябрь, 256—258, 262—263.

Пакоста, Аеонасій, униатскій епископъ XVII в., СХІІ, июнь, 918.

Паласъ, П. С., академикъ, СХІV, декабрь, 1049, 1052, 1059—1070.

Пальминъ, Людоръ Ивановичъ, поэтъ, СХІІІ, сентябрь, 855—858 (въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова).

Панинъ, В. П., графъ, СХІ, январь, 218—222, 225, 232; СХІІІ, сентябрь, 809, 812, 820.

Панкѣевъ, Конст. Матв., писатель. *Некрологъ* его: СХІІІ, августъ, 751—752.

Пант., *Рецензія* его: «Бернгеймъ, проф. Введение въ историческую науку. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. Н. Прокоповича. М. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1074—1076.

Павелъевъ, Л. Ф. *Рецензія* В. Г. о *книжкѣ* его: «Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. Спб. 1908», СХІІ, іюнь, 1092—1094.—*Упомин.*: СХІІІ, августъ, 502—504; сентябрь, 962, 973—980; СХІV, ноябрь, 647—651, 664.

Парамоновъ, Оедоръ Андреевичъ, артистъ. *Некрологъ* его: СХІV, декабрь, 1182.

Паренсовъ, П. Д. *Рецензія* Е. С. *Шумиорскаго* о *книжкѣ* его: «Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Ч. 4. Въ Болгаріи. Ч. 5. Черезъ 30 лѣтъ. Изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 721—725.

Паулуччи, маркизъ, СХІ, февраль, 449—451.

Паульсенъ, Фридрихъ, докторъ философіи, СХІV, октябрь, 342—343 (по поводу смерти).

Пель, Александръ Васильевичъ, профессоръ, редакторъ-издатель «Журнала медицинской химіи и органотерапіи». *Некрологъ* его: СХІV, октябрь, 375—376.

Пенскій, С. В., смоленскій помѣщикъ, СХІІІ, сентябрь, 842.

Передольскій, Вас. Стен., извѣстный археологъ-коллекционеръ. *О немъ въ статьѣ* В. А. *Алексѣева*: «Памяти В. С. Передольскаго (1833—1907)», СХІІ, апрѣль, 199—216.

Передольскій, Вл. *Его статья*: «Повѣдка на Вѣнскую всемірную выставку въ 1873 году съ персидскимъ принцемъ Бегменъ-Мирзой», СХІV, декабрь, 1005—1012.

Перелешинъ, Владимиръ Платоновичъ, генераль-лейтенантъ, герой Русско-Турецкой войны. *Некрологъ* его: СХІІІ, іюль, 380.

Перегатовичъ, Георгій Ивановичъ, проф. новороссійскаго ун., историкъ. *Некрологъ* его: СХІV, октябрь, 376—377.

Перовскій, Василій Алексѣевичъ, графъ, СХІ, мартъ. 796—799, 801, 812; СХІІ, май, 428—429.

Першанъ-Караксарскій, П. И. *Его*: «Воспоминанія о декабристахъ», СХІV, ноябрь, 537—569.

Петрашевскій - Вуташевичъ, Мих. Вас. *О немъ въ статьѣ*: «Герцень о Петрашевскомъ», СХІV, декабрь, 1149—1158.

Петріевъ, Вас. Моисеевичъ, проф. новороссійскаго унив. *Некрологъ* его: СХІІІ, сентябрь, 1128—1129.

Петрово-Соловово, Вас. Мих., членъ государственной думы. *Некрологъ* его: СХІІІ, августъ, 750.

Петровскій, Ал-дръ Григ., докторъ. *Некрологъ* его: СХІІІ, сентябрь. 1128.

Петровскій, Иванъ Алексѣевичъ, писатель. *Некрологъ* его: СХІ, январь, 380.

Петровъ, М. Н. проф. *Рецензія* И. А. *объ* его: «Лекціяхъ по всемірной исторіи. Томъ I. Исторія древняго міра. Изд. 2-е, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Н. Деревницкаго. Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1112.

Петровъ, Н. Я., проф. кievской духовной академіи. *Рецензія* А. Я. о *книжкѣ* его: «Акты и документы, относящіяся къ исторіи кievской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.). Т. IV. Царствованіе имп. Екатерины II. (1762—1795 г.). Кievскій митрополитъ Гаврилъ Кременецкій (1770—1783 г.). Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кievъ, 1907», СХІІ, іюнь, 1077—1080.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, СХІІІ, августъ, 706—709 (по поводу новаго труда о немъ виконта де-Гиншана).—*Упомянется*: СХІV, ноябрь, 592—593; 600—605, 608, 610, 612; декабрь, 1058, 1062.

Пиксановъ, Н. К. *Рецензія* И. А. о *книжкѣ* его: «Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ. Спб. 1906», СХІ, февраль, 708—709.

Пинчукъ, В. *Рецензія*: «Седьмой годъ дѣятельности «Маяка», общества содѣяствія нравственному, умственному и физическому развитію молодыхъ людей, состоящаго подъ почетнымъ покровительствомъ Е. В. принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Съ 22 сентября 1906 г. по 22 сентября 1907 года, СХІІІ, августъ, 693—695.

Пирлингъ, католическій патеръ, историкъ. *Его* «письмо въ редакцію», СХІІ, апрѣль, 399.

Писаревъ, Дм. Ив. извѣстный критикъ, СХІІ, апрѣль, 278—280, 283; СХІV, октябрь, 225—229.

Писемскій, Ал. Ософ., писатель, СХІV, декабрь, 996—999.

Пичета, В. И. *Рецензія* М. К-ва о *книжкѣ* его, составленной вмѣстѣ съ Е. И. Вишняковымъ: «Очерки русской исторіи, съ рисунками и картами въ текстѣ. М. 1908», СХІV, ноябрь, 726—727.

Пичъ, В. О., профессоръ пражскаго университета, археологъ, СХІV, октябрь, 266—267.

Плектансъ - Райнисъ, латышскій публицистъ, СХІV, декабрь, 1078, 1091.

Плещеевъ, А. Н., поэтъ, СХІ, январь, 181—183, 185; СХІІ, сентябрь, 838—839; СХІV, ноябрь, 671—677.

Плисовъ, Моисей Гордеевичъ, профессоръ слб. университета, СХІ, январь, 59—60.

Побѣдоносцевъ, К. П., государственн-ный дѣятель, СХІІІ, сентябрь, 902—903, 908; СХІV, октябрь, 163, 168 (подъ именемъ Лампадоносцева).

Повало-Швейковскіе:

— Ал—дръ Никол., ферганскій губернаторъ, СХІІ, май, 669—670.

— Христофоръ Христофоровичъ, тобольскій губернаторъ, СХІІІ, августъ, 549—560.

Погодины:

— А. Л., проф. *Рецензія Андрея Сыротинника о книгѣ его: «Главные теченія польской политической мысли (1863—1907)»*, СХІІ, май, 724—727.

— Михаилъ Петровичъ, историкъ, СХІ, январь, 239—241; СХІV, декабрь, 990—992, 998, 1004.

Погожева, Анна Васильевна, переводчица. *Некрологъ ея*: СХІ, февраль, 753—754.

Позежь, Мих. Павл., статсъ-секретарь, СХІІ, май, 427, 431—433, 435, 452; СХІІІ, сентябрь, 811.

Покотилловъ, Дим. Дим., дипломатъ. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь, 1151.

Покровский, В. М. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «А. П. Чеховъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907»*, СХІ, январь, 323—325.—*Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Иванъ Серг. Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1908»*, СХІІ, май, 720.

Полевой, Ник. Ксеноф. *Его замѣтка: «Вольный духъ»*, СХІV, октябрь, 381—383.

Полетика, В. А., извѣстный публицистъ, СХІ, январь, 177—185.

Поливанова, Е. Я. *Статья ея: «Струмиловская колобода. (Изъ семейной хроники)»*, СХІІ, июнь, 846—863.

Поливановъ, В. Н., СХІІІ, сентябрь, 982, 984.

Полятковскій, Ал—дръ Гаврил., директоръ канцеляріи комитета о раненыхъ, СХІІІ, августъ, 552—556.

Полкановъ, И. П., московскій купецъ, любитель драматическаго искусства, СХІV, октябрь, 106—107.

Полонскій, Яковъ Петр., поэтъ, СХІІІ, сентябрь, 902—903.

Полотебновъ, Алексѣй Герасимовичъ, профессоръ слб. военно-медицинской академіи. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 752—753.

Поповы:

— А. Д. *Рецензія И. А. о книгѣ его: «Императоръ Александръ III»*, Слб. 1908», СХІV, октябрь, 292—293.

— Н. А. *Его: «Герценъ и Гарибальди. (Изъ дневника бывшаго гарибальдійца)»*, СХІІІ, июль, 137—145.—*О немъ статья К. Максимова: «Памяти Н. А. Попова»*, СХІІІ августъ, 57—581.

— Х. И., СХІІІ, июль, 252.

Попруженко, И. Г. *Рецензія А. Ивановича о книгѣ его: «Къ исторіи «Безумнаго года» (1848)»*, Варшава. 1907», СХІV, декабрь, 1114—1115.

Поселянинъ, Е. *Рецензія А. Л. о книгѣ его: «Святѣя дѣти русскія и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ. Изданіе училищнаго совѣта при св. синодѣ»*, Слб. 1908», СХІІІ, июль, 335—338.

Постниковъ, Влад. Ефим., изслѣдователь малорусской общины и крестьянскаго хозяйства на югѣ Россіи. *Некрологъ его*: СХІІІ, августъ, 750—751.

Потапенко, И. Н. писатель. *Его: «Поиски протодіакона. Разсказъ изъ духовнаго быта»*, СХІ, январь, 71—108.

Потаповъ, А. Л., генераль-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, СХІV, октябрь, 68; декабрь, 912—913.

Потемкинъ, Григорій Александровичъ, свѣтлѣйшій князь. *О немъ въ романѣ Н. А. Энгельгардта: «Екатерининскій колоссъ»*, СХІ, январь, 7—42; февраль, 404—437; мартъ, 769—795; СХІІ, апрѣль, 5—57; май, 401—425; июнь, 785—824; СХІІІ, июль, 5—49; августъ, 385—425; сентябрь, 753—791; СХІV, октябрь, 5—44; ноябрь, 385—421 и декабрь, 803—847.—*Упомят.*: СХІ, февраль, 678.

Потѣхины:

— Алексѣй Антиповичъ, извѣстный драматургъ и романистъ. *О немъ въ отодѣльнѣ некрологахъ*. СХІV, ноябрь, 796.—*О немъ статья Б. Г.: «Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. (Матеріалы для біографіи)»*, СХІV, декабрь, 995—1004.

— П. А. СХІІІ, июль, 371—372 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).

Поццо-ди-Ворго, Карлъ Ивановичъ, генераль-адъютантъ имп. Александра I, СХІ, февраль, 395, 401, 402; СХІІ, май, 756—759.

Поцѣй, Ипатій, СХІІ, июнь, 895.

Принетти, Джуліо, маркизь, государственный итальянскій дѣятель,

СХІІ, іюль, 367—368 (по поводу его смерти).

Пришвинъ, М. М. *Рецензія Д. Зеленина о книгѣ его: «Въ краю непуганыхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Изданіе Девриена. Спб. 1907»*, СХІ, январь, 318—320.

Протасовъ-Вахметевъ, Николай Алексѣевичъ, графъ. *О немъ Н. Вучетича: «Воспоминанія»*, СХІ, февраль, 533—543.

Прошьянцъ, П., романистъ. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 754—755.

Пустошкинъ, Сем. Ав., адмиралъ, СХІ, мартъ, 809.

Путерень, Мих. Дм., докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 755.

Путятинъ, Евсимій Васильевичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХІ, апрѣль, 259, 265—268, СХІІ, іюль, 231,—233: СХІV, октябрь, 61, 65.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, СХІ, январь, 49—50. *О немъ въ книгѣ В. Сиповскаго: «Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1908»*, рецензированной Н. Лернеромъ, СХІ, январь, 321—323.—*О немъ въ статьѣ П. Устиновича: «По Пушкинскимъ мѣстамъ»*, СХІ, мартъ, 1036—1048.—*О немъ въ статьѣ Е. Шведера: «Пушкинскіе ветераны»*, СХІV, октябрь, 134—141.—*О немъ книга: «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ VII. Спб. 1908»*, рецензир. М. Б. СХІV, декабрь, 1121.

Пфейль, графъ, авторъ книгъ: 1) «Das Ende Kaiser Alexanders II», СХІ, февраль, 684—693, и 2) «Neun Jahre in russischen Diensten», СХІV, октябрь, 276—288.

Пыпинъ, А. Н. академикъ. *Рецензія Л. о книгѣ его: «Вѣликій, его жизнь и переписка. Изданіе второе. Спб. 1907»*, СХІ, январь, 325.—*О немъ статья П. Л. Юдина: «Изъ юношескихъ лѣтъ А. Н. Пыпина»*, СХІІІ, августъ, 557—556.

Р

Рагозинъ, Левъ Фед., докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХІІ, май, 780—781.

Радищевъ, А. Н. *Рецензія А. Я. объ его: «Запискахъ путешествія въ Сибирь»*, изданныхъ В. В. Каллашамъ. Спб. 1907», СХІ, февраль, 708.

Радченко, Конст. Фед., профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института. *Некрологъ его*: СХІІІ, сентябрь, 1129.

Ралль, Николай Александровичъ, баронъ, банкиръ, СХІ, мартъ, 811—812.

Ранкъ, Артуръ, французскій поли-

тическій дѣятель и журналистъ, СХІІІ, сентябрь, 1115—1116 (по поводу его смерти).

Расинъ, Жанъ, французскій драматургъ (1639—1699), СХІІІ, августъ, 710—711 (по поводу публичныхъ лекцій о немъ академика Ламетра).

Раухъ-фонъ, Федоръ, племянникъ графа Вальдерзее, публицистъ, СХІІІ, іюль, 294—299. (Его «Записки» объ экспедиціи въ Китай въ 1900 г.).

Рахманинъ, Н. А., инженеръ путей сообщенія, СХІV, ноябрь, 487—489.

Рабиндеръ, Робертъ Ивановичъ, гр., членъ государственнаго совѣта, СХІV, ноябрь, 445, 447.

Рейтеръ, Михаилъ Христофоровичъ, графъ, министръ финансовъ, СХІV, октябрь, 61, 63.

Ремизовъ, Алексѣй. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Лимонарь сирѣчь Лугъ. Духовный. Издательство «Оры». Спб. 1907»*, СХІІ, іюнь, 1094—1095.

Римскій-Корсаковъ, Николай Андр., композиторъ. *Некрологъ его*: СХІІІ, іюль, 380—381.

Рихтеръ, Оттонъ Борисовичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХІІ, апрѣль, 393—394.

Рогожинъ, В. Н. *Рецензія А. И. Яцимирскаго объ его: «Указатель къ «Опыту русской библіографіи» В. С. Сопикова. Исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1908»*, СХІ, мартъ, 1102—1104.

Родзевичъ, Игнатій Игнатьевичъ, публицистъ, СХІV, октябрь, 95—99.

Розенбергъ, А. *Рецензія А. Я. объ его: «Исторіи искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней». Переводъ О. Ф. Павловской, подъ ред. проф. А. А. Павловскаго. Вып. I. Спб. 1907»*, СХІІ, май, 734—735.

Розенъ, Викторъ Романовичъ, академикъ, извѣстный ориенталистъ. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 755—756.—*Рецензія А. Миронова о редактированныхъ имъ: «Запискахъ Восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. XVIII, вып. I. Спб. 1907»*, СХІІ, іюнь, 1083—1087.

Рокасовскій, СХІІІ, августъ, 431—432, 434—435, 445; сентябрь, 803—804. (въ «Запискахъ Фишера»).

Роландъ-Гольцъ, Генріетта. *Рецензія А. Я. о брошюрѣ ея: «Этюды о социалистической эстетикѣ. О жизни, красотѣ и искусствѣ. М. 1907»*, СХІІ, апрѣль, 340—341.

Романовскій, Ю. *Рецензія Мил. Соколовскаго о книгѣ его: «Оборона Порты-*

Артура. Ч. I. Спб. 1908», СХIV, ноябрь, 730—731.

Романченко, Н. Ф. *Рецензія Тургенева Соколовской объ его:* «Архивъ. Матеріалы по мѣстности въ Россіи. Спб. 1908», СХIV, ноябрь, 729—730.—*Рецензія Мухоморова объ:* «Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. 1908», СХIV, декабрь, 1112—1113.

Россель, Луи, полковникъ, разстрѣлянный въ 1871 г. за участіе въ Парижской коммуны, СХIV, октябрь, 334—335 (по поводу изданныхъ его «Записокъ» и «Переписки»).

Россievъ, П. А. *Его статьи:* 1) «Звенигородъ и Саввинъ монастырь. (1407—1907)», СХI, январь, 258—273. 2) «Памяти П. И. Добротворскаго», СХI, мартъ, 1023—1026. 3) «Памяти Н. П. Линевича», СХII, июнь, 987—1002. 4) «Старообрядческая святиня», СХIV, ноябрь, 680—684. — *Его замѣтка:* «Забытая могила И. П. Сахарова», СХIV, октябрь, 383.

Росоловскій, Вячеславъ Сильвестровичъ, публицистъ. *Некрологъ его:* СХI, февраль, 756—757.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ, графъ, извѣстный государственный дѣятель, СХI, январь, 216, 218—219; СХIII, сентябрь, 797—799, 804, 821; СХIV, октябрь, 49—50, 57—58, 62, 66.

Ростопчина, Софья Ѳеодоровна, графиня, въ замужествѣ за графомъ Сегиоремъ, СХII, май, 753—756.

Ростопчинъ, Ѳед. Ѳед., графъ, извѣстный генералъ-губернаторъ Москвы, СХII, май, 753—756.

Рудаковъ, Вас. Егор. *Статьи его:* 1) «Юбилей К. К. Арсеньева», СХI, январь, 243—257. 2) «П. А. Ефремовъ. (Некрологъ)», СХI, февраль, 614—621. 3) «Памяти защитника страждущихъ и несчастныхъ. (В. Н. Никитина)», СХII, май, 587—598. 4) «Четырнадцатый археологическій съездъ и тысячелѣтіе города Чернигова», СХIV, октябрь, 230—275. 5) «Николай Дмитриевичъ Сергѣевскій. (Некрологъ)», СХIV, ноябрь, 623—632. — *Рецензія его:* 1) «Великій князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь. Томъ первый. (А—И). Спб. 1907», СХI, январь, 309—311. — «Тоже. Томъ второй. (К—П). Спб. 1908», СХII, май, 707—710. — «Тоже. Томъ третій. (Р—Я). Спб. 1908», СХIV, декабрь, 1134. 2) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. 1907 годъ. Книга третья. М. 1907», СХI, февраль, 702—704. 3) «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. Повремен-

ное изданіе комисіи для изданія сочиненій Пушкина при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской Академіи Наукъ. Спб. 1907», ib., 710—711. 4) «Н. Малицкій. Изъ прошлаго владимирской епархіи. Выпускъ второй. Владимиръ. 1907», СХI, мартъ, 1096—1098. 5) «Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословій. Томъ I. Князья Черниговскіе. Часть 3-я. Составилъ Г. А. Власевъ. Съ 6 таблицами родословій въ отдѣльной книгѣ. Спб. 1907», СХII, апрѣль, 352—353. 6) Сочиненія Ѳ. И. Буслаяна. Томъ первый. Сочиненія по археологіи и исторіи искусствъ. Спб. 1908», СХII, май, 717—719. 7) «Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ 3-й. Годъ третій. М. 1907», ib., 737. 8) «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 123-й. Спб. 1907», ib. 741. 9) «Извѣстія тамбовской ученой архивной комисіи. Выпускъ 52. Тамбовъ. 1906», СХII, июнь, 1082—1083. 10) «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Юрьевъ. 1906», СХIII, июль, 312—313. 11) «Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1907 г., представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1908», ib. 339—341. 12) «Лѣтопись Екатерининской ученой архивной комисіи. Годъ III. Выпускъ IV. Екатеринбургъ. 1908», СХIII, августъ, 633—684. 13) «Труды Вятской ученой архивной комисіи 1907 г. Выпускъ III. Вятка. 1908», ib. 684—685, 14) «Труды В. Г. Васильевскаго. Томъ I. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1908», СХIII, сентябрь, 1077. 15) «В. Доброврововъ. Иеромонахъ Клеопа, строитель Введенской пустыни Владимирской епархіи. (1760—1778). Владимиръ губ. 1903», ib., 1080—1081. 16) «Отчетъ Виленской публичной бібліотеки и музея за 1907 годъ. Вильна. 1908», ib., 1089—1090. 17) «Г. Н. баронъ Таубе. Последніе дни второй Тихоокеанской эскадры. Изданіе 2-е. Спб. 1907», СХIV, октябрь, 310. 18) «Труды Вятской ученой архивной комисіи 1907 года. Выпускъ II. Вятка. 1908», СХIV, ноябрь, 747—748. 19) «Могила русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоковасова. Труды московскаго комитета по устройству Черниговскаго археологическаго съезда. М. 1908.—Д. Самоковасовъ. Сѣверная земля и сѣверяне по городищамъ и курганамъ. М. 1908», СХIV, декабрь, 1109—1111. 20) «Памятная книж-

ка Олонецкой губернии на 1908 годъ. Составилъ И. И. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1908», ів. 1125—1126, 21) «Труды Воронежской ученой архивной комисіи. Вып. IV. Воронежская старина. Выпускъ VII. Воронежъ. 1908», ів. 1130—1132.—*Упомянется*: СХІV, октябрь, 274—275 и декабрь, 988.

Рудинъ, Антаніо Старабла, маркизъ, итальянскій государственный дѣятель, СХІІІ, сентябрь, 1115—1114 (по поводу его смерти).

Рудневъ, Я. И. *Рецензія И. Александрова о книгѣ его*: «Очерки странъ и народовъ Азіи. Вып. I и II. Спб. 1907», СХІІІ, августъ, 698—699.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, СХІ, январь, 59—60.

Рутковскій, Мих. Осип. *Некрологъ его*: СХІ, январь, 380—381.

Рылѣевъ, А. М., генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 507—508, 516, 522, 525, 527.

Рылѣевъ, Кондратій Фед., поэтъ, декабристъ. *О немъ очеркъ Н. Котляревскаго*: «Рылѣевъ. Спб. 1908», рецензировавший А. Фоминымъ, СХІІІ, июль, 319—321.—«Замѣтки о предсмертномъ письмѣ К. Ф. Рылѣева», А. В. Лонгинова, СХІІІ, сентябрь, 1132—1134.

Рысаковъ, убіица имп. Александръ II, СХІ, февраль, 690—693.

Рѣдинъ, Е. К., археологъ, профессоръ харьковскаго университета. *Некрологъ его*: СХІІ, июнь, 1151—1152.

Рюминъ, Иванъ, авторъ «Записокъ», СХІІІ, июль, 193—197; августъ, 611.

Рабушинскій, Ф. П., устроитель научной экспедиціи въ Камчатку, СХІІ, июнь, 1142—1143.

С

С. Т.—овъ. *Статья его*: «Андижанское востаніе и его причины», СХІІ, май, 659—670.

С. У. *Его*: На Сѣверо-Западной окраинѣ. (Изъ записокъ русскаго чиновника), СХІІІ, сентябрь, 859—880; октябрь, 115—133.

С. Ш. *Рецензіи его*: 1) «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Т. III, вып. 4. Спб. 1907», СХІ, январь, 315—316 2) «Русскій біографическій словарь. Бетавгуръ - Бякстеръ». Спб. 1908», СХІІ, май, 736.

Саблинъ, М. А., земскій статистикъ, СХІІІ, июль, 106.

Саблинъ, Н. А., СХІІ, июнь, 873—874.

Савва, преп., основатель Саввино-Сто-

рожевскаго монастыря, СХІ, январь, 268—273.

Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. *Рецензія В. Л. объ его*: «Хроникѣ моей жизни», т. VI, СХІ, мартъ, 1117—1119.—*Рецензія В. А. Лебедева объ его*: «Хроникѣ моей жизни», т. VII», СХІІ, май, 716—717.

Савичъ, Георгій Георгіевичъ, бывшій управляющій земскимъ отдѣломъ министерства внутр. дѣлъ, писатель. *Некрологъ его*: СХІІ, май, 781—782—*Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Новый государственный строй Россіи. Спб. 1907», СХІ, январь, 327—328.

Сайнъ-Витгенштейнъ, княгиня, урожденная княжна Барятинская. *Ея*: «Воспоминанія», СХІ, мартъ, 1129—1135.

Сантовъ, Вл. Ив. *Рецензія В. Е. Рудакова о составленномъ имъ вмѣстѣ съ В. Л. Модзалевскимъ*: «Московскомъ Некрополѣ. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Т. I. (А-I). Спб. 1907», СХІ, январь, 309—311.—Томъ II. (К-П). Спб. 1908», СХІІ, июль, 707—710.—Тоже томъ III. Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1134.

Саловъ, В. В., инженеръ, СХІІІ, августъ, 738—740 (по поводу 50-лѣтія его службы).

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). *О немъ*: «Опытъ характеристики» Л. Н. Спасской (Вятка. 1908), рецензир. Д. З., СХІІ, апрѣль, 334—336.—«Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ-Щедринѣ. (1864—1869 гг.)», Н. Н. Кузнецова, СХІV, декабрь, 976—986.

Сальвини, Томазо, знаменитый итальянскій актеръ, СХІ, февраль, 731 (объ его «толкованіи» Гамлета).

Самоквасовъ, Дч. Як., проф. археологъ, СХІV, октябрь, 230—231, 243—246, 250—251, 256, 265.—*Рецензія В. Рудакова о книгѣ его*: «Могилы русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова «Сѣверьянская земля и сѣверяне по городищамъ и курганамъ. М. 1908», СХІV, декабрь, 1109—1111.

Сарасате, Пабло, знаменитый скрипачъ, СХІV, ноябрь, 780—781 (по поводу его смерти).

Сарду, Викторъенъ, знаменитый артистъ, СХІV, декабрь, 1168 (по поводу его смерти).

Саханскій, Николай Алексѣевичъ, инженеръ путей сообщенія. *Некрологъ его*: СХІ, мартъ, 1157.

Сахаровъ, Ив. П., археологъ.—*Замѣтка Павла Россіева*: «Забытая могила И. П. Сахарова», СХІV, октябрь, 388.

Свининъ, П., археологъ, СХІV, декабрь, 1052, 1063, 1070, 1071.

Свѣтскій, І. *Рецензія Н. П. М. о книгѣ его:* «Извѣщеніе о 12-ти періодахъ судьбы человѣчества. 2-е изд. Житомиръ. 1907», СХІ, мартъ, 119.

Святополкъ-Мирскіе, князья:

— Д. И., СХІV, декабрь, 1011.

— П. И., наказной атаманъ войска Донского, СХІІІ, июль, 251—252.

Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, редакторъ-издатель «Русской Старины», СХІV, ноябрь, 544 (по поводу его рукописи, заключающей біографію Н. А. Бестужева и ве допущенной цензурой къ печатанію).

Сергѣевичъ, В. И., проф., СХІ, февраль, 744—745 (по поводу 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности). *Рецензія А. Б. о книгѣ его:* «Время возникновенія крестьянской поземельной общины. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 345—346.—*Рецензія М. К. о книгѣ его:* «Древности русскаго права. Т. II. Изд. 3. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 293.

Сергѣевскій, Николай Дмитриевичъ, профессоръ, членъ государственнаго совѣта. *О немъ статья В. Е. Рудакова:* «Николай Дмитриевичъ Сергѣевскій. (Некрологъ)», СХІV, ноябрь, 623—632.

Сергій Александровичъ, великій князь, СХІ, февраль, 507, 510, 518, 520, 527; СХІV, октябрь, 277—279, 283, 286. — «Освященію въ Москвѣ памятника-креста» ему, СХІІ, май, 765—767.

Серно-Соловѣвичъ, Н. А., СХІІІ, августъ, 507—508, 594—596; сентябрь, 963—973, 976—979; СХІV, ноябрь, 658—665.

Сизова, Александра Константиновна, писательница. *Некрологъ ея:* СХІІ, апрѣль, 394.

Симони, П. К. *Рецензія Н. А. о книгѣ его:* «Памятники стариннаго русскаго языка и словесности. XV—XVIII ст. Выпускъ II. Спб. 1907», СХІ, январь, 320—321.—*Рецензія Н. Александрова о книгѣ его:* «Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ горе-злосчастіе довело молодца во ивочскій чинъ. Съ портретомъ А. Н. Пыпина, снимкомъ съ миниатюры изъ Макарьевскихъ Миней-Четьихъ XVI в., 22 снимками съ полнаго текста «Повѣсти о горѣ и злосчастіи» (по рукописи XVIII в.). Спб. 1907», СХІІІ, июль, 314—315.

Сиповскій, В. В. *Рецензія Н. Державина о книгѣ его:* «Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907», СХІ, январь 321—323.

Сиротининъ, Андр. Ник. *Рецензія его:* 1) «Проф. А. Л. Погодинъ. Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907). Спб. 1907», СХІІ, май, 724—727. 2) «Проф. Т. Д. Флоринскій. Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Кіевъ. 1907», СХІІ, июнь, 1100—1103.

Скабичевскій, А. М., писатель, СХІ, январь, 177—181; СХІІІ, августъ, 532—533.—*Рецензія А. Фомина о книгѣ его:* «Русскіе писатели со времени Петра Великаго до нашихъ дней. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 297—298.—*Упоминается:* СХІV, октябрь, 114, 154—155.

Скарятинъ, Николай Яковлевичъ, казанскій губернаторъ, СХІІІ, июль, 101.

Скобелевъ, Мих. Дм., извѣстный «бѣлый генералъ», СХІ, февраль, 521—524; мартъ, 1164—1166 (замѣтка Н. М.: «Къ біографіи М. Д. Скобелева»); СХІІ, апрѣль, 117, 121, 123; 333—384 («Памятникъ М. Д. Скобелеву»).—*О немъ:* «Воспоминаніе» графа Ю. А. Борха, СХІІІ, сентябрь, 946—950.—*Упоминается:* СХІV, октябрь, 281—283.

Скрипичинъ, В. А., писатель, СХІІІ, сентябрь, 855.

Слезинскій, А. Г. *Статья его:* «Въ низовьяхъ Волги. (Путевые очерки)», СХІІ, июнь, 1017—1140; СХІІІ, июль, 259—293.

Слобожанинъ, М. *Рецензія В. Кузнецова о книгѣ его:* «На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 1908», СХІ, январь, 333—334.

Слонимскій, Л. *Рецензія Н. А. Эмелгардта о книгѣ его:* «О монархіи. Изданіе «Политической энциклопедіи». Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1107—1109.

Слѣпцовъ, А. А., бывшій дѣятельный членъ «Земли и Воли», СХІІІ, сентябрь, 963, 966, 974—977.

Смирнова, Анна Петр., писательница. *Некрологъ ея:* СХІІІ, сентябрь, 1130.

Смирновъ, Ф. К., секретарь литовской духовной консисторіи, СХІІІ, сентябрь, 890—901, 906—907, 910—913.

Соболевскій, А. П., академикъ, СХІІ, апрѣль, 378—379 (его сообщеніе о Зосимѣ, авторѣ посланія къ дочери Анастасіи).

Соколинскій, А., писатель, СХІІІ, сентябрь, 853—854 (въ воспоминаніяхъ С. П. Васюкова).

Соколовская, Т. О. *Рецензія А. Мирянова о книгѣ ея:* «Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX ст.). Спб. 1907», СХІ, январь, 314—

- 315.—*Рецензія* ея: «Матеріалы по масонству въ Россіи. Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 729—730.—*Рецензія* А. Миронова о брошюрѣ ея: «О масонскомъ архивѣ Ф. И. Глинки. Тверь. 1908», СХІV, ноябрь, 750.
- Соколовскій**, Мих. К.—*Статья* ея: «Къ характеристикѣ Николая Перваго», СХІІІ, августъ, 544—556.—*Рецензіи* ея: 1) «А. Квитка. Дневникъ забайкальскаго казачьяго офицера. Русско-Японская война 1904—1905 гг. Фотографія и рисунки автора. Издавъ В. Березовскій. Спб. 1908», СХІІІ, июль, 334—335.—2) «Исторія Московскаго военнаго госпиталя въ связи съ исторіею медицины въ Россіи. Къ 200-лѣтнему его юбилею. 1707—1907. Составлена А. Н. Алелесковымъ при участіи Н. И. Якимова», СХІV, октябрь, 294.—3) «Баронъ Тоттау. Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками. Ч. I и II. 1907—1908. Переводъ М. Грулева, ib., 307—308. 4) «Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Ч. I. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 730—731. 5) «Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1112—1113.—*Рецензія* А. Миронова о книжкѣ ея: «Наша военная старина (историко-бытовые фельетоны). Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1107—1108.
- Соколовъ**, Дм. Павл., протоіерей, СХІ, январь, 365—367 (по поводу 50-лѣтняго юбилея его пастырской дѣятельности).
- Соловьевъ**, А. И. *Рецензія* П. Ал—ова о книгѣ ея: «Степка Разинъ и его общинки въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи. Изданіе Симбирской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1908», СХІІ, апрѣль, 331—332.
- Соловьевъ**, Н. И. *Статья* ея: «Когда и какъ начала подготавливаться Александровская республика», СХІV, октябрь, 142—149.
- Соловьевъ**, Ник. Вас. *Статья* ея: «Иностранцы о Россіи», СХІV, ноябрь, 713—720.
- Спасовичъ**, В. Д. извѣстный юристъ, писатель, СХІІІ, августъ, 584—585.
- Спасская**, Л. Н. *Рецензія* Д. З. объ ея: «Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Опытъ характеристикъ. Вятка. 1908», СХІІ, апрѣль, 334—336.
- Сперанскій**, Мих. Мих., графъ, государственный дѣятель, СХІ, февраль, 449—450; СХІІ, июнь, 1041.
- Стадницкій**, Н. П., графъ. О немъ замѣтка В. П. Федорова, СХІІІ, июль, 383—384.
- Сталь**, А. *Рецензія* Б. Г. о книгѣ ея: «Пережитое и передуманное студентомъ, врачомъ и профессоромъ. Быдъ. Книга первая—Студенчество. Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 348—349.
- Станиславъ-Августъ Понятовскій**, послѣдній польскій король, СХІІІ, сентябрь, 1098—1102 (объ отрывкахъ изъ его записокъ).
- Станюковичъ**, К. М., писатель, СХІ, январь, 179—180; СХІV, октябрь, 108—111.
- Стародубскій**, поэтъ, СХІV, декабрь, 985—986.
- Старцевъ**, Дм. Дм., СХІV, ноябрь, 543, 551, 558.
- Степановъ**, К. П., академикъ, СХІІ, май, 765—766.
- Степановъ**, Павелъ Тихоновичъ, профессоръ Харьковскаго университета. *Некрологъ* ея: СХІІ, июнь, 1152.
- Столянскій**, Николай Петровичъ, педагогъ, писатель, СХІV, декабрь, 928—930.
- Столыпинъ**, Аркадій Дм., СХІ, мартъ, 861, 863—864; СХІІ, апрѣль, 127, 136.
- Стороженко**, Н. П., профессоръ, *Рецензія* А. Б-лова о книгѣ ея: «Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. М. 1908», СХІІ, июнь, 1098—1100.
- Столягъ-Дюбекирскій** (Замовъ). *Рецензія* П. Александрова о книжкѣ ея: «Юбилейный путеводитель по священнымъ мѣстамъ-памятникамъ, воздвигнутымъ признательнымъ болгарскимъ народомъ. Софія, 1907», СХІІІ, июль, 338—339.
- Строгановъ**, А. Г., графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІ, февраль, 449; СХІІІ, августъ, 550—551.
- Стэдманъ**, Эдмондъ, американскій писатель, СХІІ, апрѣль, 378 (по поводу его смерти).
- Суворинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ (псевд. «Незнакомецъ»), СХІV, октябрь, 154.
- Суворовъ-Рымникскій**, Аркадій Александровичъ, свѣтлѣйшій князь, СХІІ, май, 558—561.
- Суковкинъ**, Акинфій Петровичъ, СХІІІ, сентябрь, 812—813; СХІV, октябрь, 63.
- Султановъ**, Ник. Вл., проф., инженеръ. *Некрологъ* ея: СХІV, октябрь, 378.
- Сумбатовъ**, А. И. (Южинъ), князь. О немъ статьи князя Б. А. Щетинина: «Князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ). (Очеркъ сценической и литературной дѣятельности)», СХІ, мартъ, 1005—1022.—«Его чествованіе въ Москвѣ», СХІ, мартъ, 1145—1148.
- Сусловъ**, Алексѣй Ивановичъ, секретарь петербургскаго митрополита, СХІІІ, июль, 59—60.

Сухоровскій, Марцелій Гавриловичъ, художникъ. *Некрологъ его*: СХІІ, апрѣль, 396—397.

Сверцевъ, Г. Т. (Полиловъ). *Его статьи*: 1) «Двѣ встрѣчи съ шведскимъ королемъ», СХІ, мартъ, 986—1004.—2) «Какъ мы пѣли въ Каракашъ. (Изъ артистическихъ странствованій)», СХІV, ноябрь, 498—528.

Съченновъ, И. М., проф., знаменитый русскій физиологъ, СХІІ, май, 771—772.

Т

Талейранъ-Перигоръ, Шарль-Морисъ, знаменитый французскій дѣятель, епископъ, СХІІІ, июль, 359—360 (въ «Мемуарахъ» графини де-Буань).

Тамашевъ, Мих. Ив., общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХІ, мартъ, 1157—1158.

Тарле, Е. В. *Рецензія II—о о книжкѣ его*: «Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789—1799 гг.)». По неизданнымъ документамъ. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1112—1113.

Тархановъ, Иванъ Романовичъ, князь, профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ его*: СХІІІ, сентябрь, 1130—1131.

Татищевъ, С. С., историкъ, СХІ, январь, 225; СХІV, декабрь, 1030, 1039.

Таубе, Г. Н., баронъ. *Рецензія В. Р—ва о книжкѣ его*: «Послѣдніе дни второй Тихоокеанской эскадры. Изданіе 2-е. Спб. 1907», СХІV, октябрь, 310.

Тауберъ, Александръ Семеновичъ, проф., хирургъ. *Некрологъ его*: СХІV, октябрь, 378—379.

Телешова, Екатерина, танцовщица, любимица графа М. А. Милорадовича, СХІ, январь, 137.

Тенеромо, И. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. Одесса. 1908», СХІV, октябрь, 298—300.

Терне, Мих. Андр., полковникъ, стенографъ. *Некрологъ его*: СХІV, ноябрь, 796—797.

Терновскій, Ф. А., профессоръ кievской духовной академіи, СХІV, октябрь, 165—170.

Теслевъ, Александръ Петровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, СХІІ, апрѣль, 73—74.

Теттау, баронъ. *Рецензія Мих. Соколовскаго о книгѣ его*: «Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками. Ч. I и II. 1907—1908. Пере-

водъ М. Грулева», СХІV, октябрь, 307—308.

Тимаповскій, Андрей Тихон., писатель. *Некрологъ его*: СХІ, мартъ, 1158—1159.

Тиме, И. А., профессоръ, горный инженеръ, СХІІІ, июль, 372—373 (по поводу 50-лѣтняго его юбилея).

Тимирязевъ, В. А. *Статья его*: «Иностранцы о Россіи. Отношеніе Александра I къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной», СХІІ, июнь, 1041—1071.

Титовъ, А. А. *Рецензія А. Б. объ изданномъ имъ русскомъ переводѣ* «Дневника Марини Мнишекъ» (Спб. 1908), СХІV, ноябрь, 728.

Тихомировъ, І. А., артистъ. *Некрологъ его*: СХІV, ноябрь, 797.

Тихоновъ, Вл. А. *Его*: «Человѣкъ съ палкой. (Очеркъ)», СХІV, октябрь, 74—94; ноябрь, 449—477.

Токаржевскій, Шимонъ, ссыльный полякъ, СХІІ, апрѣль, 189—195.

Толмачевъ, Мих. Степ., врачъ. *Некрологъ его*: СХІІІ, июль, 381—382.

Толстые, графы:

— А. К. *О немъ*: «Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Составилъ Денисюкъ. Вып. I—II. М. 1907», реценз. А. Фоминымъ, СХІ, февраль, 709—710.

— Дмитрій Андреевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІІІ, июль, 121—122.

— Левъ Николаевичъ. *О немъ*: «Воспоминанія» А. В. Жиркевича, СХІ, январь, 165—176.—*Къ нимъ замѣтка Филимонова*: По поводу статьи «Воспоминаніе о Л. Н. Толстомъ», СХІ, мартъ, 1167.—*О немъ въ статьѣ Г. Л. И.* «Первый всероссійскій съѣздъ представителей печати» (по поводу его чествованія), СХІІІ, августъ, 728—735.—*Объ его рукописяхъ и созданіи музея его имени*, СХІІІ, августъ, 742.—*О немъ статья*: «Восьмидесятилѣтіе графа Л. Н. Толстого», СХІІІ, сентябрь, 3—16.—*О немъ книга И. Тенеромо*: «Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. Одесса. 1908», рецензировавшая А. Фаресовымъ, СХІV, октябрь, 298—300.—*О немъ книга М. И. Кулешова*: «Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ. М. 1908. 13 выпусковъ», рецензировавшая А. Ивановичемъ, СХІV, октябрь, 301—302.—*О немъ въ статьѣ Б. Г.*: «Литературные дни. По поводу дня памяти И. С. Тургенева и восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого», СХІV, октябрь, 344—365.—*Упомянется*: СХІV, ноябрь, 479—485 (въ воспоминаніяхъ С. И.

Васюкова).—*О немъ книга проф. Овсянко-Куликовскаго*: «Л. Н. Толстой. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его гения и призванія. Спб. 1908», рецензир. А. Фоминымъ, СХІV, ноябрь, 733—736.

Толстопаповъ, Алексѣй Александровичъ, писатель. *Некрологъ его*: СХІІІ, июль, 382.

Толузаковъ, С. *Рецензія О. И. Н. о книгѣ его*: «Душа японской арміи. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 746.

Томась, Елизавета, американская писательница, СХІV, ноябрь, 490—491 (въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова).

Тонъ, Константинъ Андреевичъ, архитекторъ, СХІІІ, августъ, 437, 446.

Тотлебенъ, Эдуардъ Иван., графъ, знаменитый военный инженеръ, СХІ, мартъ, 861—865, 869—870.

Трапцъ, Юлія Карловичъ, профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ его*: СХІІІ, сентябрь, 1131—1132.

Трачевскій, А. С. проф. *Рецензія П. Я. о книгѣ его*: «Новая исторія. Томъ II. 1750—1848. Спб. 1908», СХІ, февраль, 713—714.

Троицкій, Д. И. *Рецензія И. Александра о книгѣ его*: «Домонгольская Русь. Изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907», СХІІ, апрѣль, 332—333.

Троповскій, Евг. *Рецензія А. И. Яцимирскаго о редактированной имъ книгѣ*: «Сборникъ «Молодой Польши». Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1084—1086.

Троцкій, В. Н., генералъ-лейтенантъ, генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, СХІІІ, сентябрь, 884—885, 908—914.

Трубецкіе, князья:

— Василій Сергѣевичъ, генералъ-адъютантъ, СХІ, февраль, 393.

— Сергѣй Никитичъ, директоръ императорскаго Эрмитажа, СХІ, февраль, 398—399.

Тумановъ, Г. *Его*: «Къ воспоминаніямъ о князѣ К. А. Бѣбутовѣ», СХІІІ, сентябрь, 1134—1136.

Тургеневъ, И. С. *О немъ въ книгѣ Н. Гутъера*: «И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907», рецензир. А. Ф., СХІ, январь, 325—327. *О немъ въ книгѣ В. И. Покровскаго*: «И. С. Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1908», СХІІ, май, 720.—*О немъ въ воспоминаніяхъ Б. Г.*: «Похороны И. С. Тургенева», СХІІІ, сентябрь, 931—941.—*О немъ статья Б. Г.*: «Литературные дни. По поводу дня памяти И. С. Тургенева и восьмидесяти-

лѣтней годовщины Л. Н. Толстого», СХІV, октябрь, 344—365.—*О немъ книга*: «Словарь литературныхъ типовъ. Вып. I и II. Тургеневъ. Спб. 1908», рецензир. А. Фоминымъ, СХІV, декабрь, 1118—1120.—«Отъ комитета по сооруженію памятника И. С. Тургеневу въ Орлѣ», СХІV, декабрь, 1175—1176.

Турчаниновъ, Александръ, камеръ-лакей правительницы Анны Леопольдовны, СХІІІ, июль, 184.

Тэнъ, Ипполитъ, извѣстный французскій философъ, СХІV, ноябрь, 762—764.

Тюменевъ, Д. Г. *Рецензія Д. З. о брошюрѣ его*: «Новѣйшія изслѣдованія о личности перваго Лжедмитрія. Воронежъ. 1908», СХІІІ, августъ, 691.

Тюрръ, венгерскій генералъ, СХІІІ, июль, 368 (по поводу его смерти).

Тютчевъ, Ф. И., поэтъ, СХІV, декабрь, 1045—1046.

У.

Уайльдъ, Оскаръ, англійскій писатель, СХІV, ноябрь, 766—768.

Уваровы:

— П. С., графиня, предѣдатель Московскаго археологическаго общества, СХІV, октябрь, 230, 243—244, 248, 249, 255.

— Сергѣй Семеновичъ, графъ, президентъ академіи наукъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХІ, январь, 49—50, 64, 67; СХІІІ, сентябрь, 809.

— Фѣдоръ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, СХІ, февраль, 387—389.

Уйда (Луиза Ларамъ), извѣстная англійская романистка, СХІ, мартъ 1141—1142 (по поводу ея смерти).

Ульяновъ, Ник. Дм., поэтъ-самоучка. *О немъ статья Д. Д. Лыкова*: «Заподарѣнный писатель», СХІ, мартъ, 1027—1032.

Умановъ - Каплуновскій, В. В. *Статьи его*: 1) «Святополкъ Чехъ, (1846—1908 гг.)», СХІІ, апрѣль, 249—253. 2) «Иванъ Вазовъ—народный болгарскій поэтъ гражданства. (Очеркъ)», СХІІ, май, 614—632. 3) «Поэты Шеноа и Змай Ивановичъ», СХІІІ, сентябрь, 951—960.—*Рецензія его*: «Сергѣй Штейнъ. «Славянскіе поэты». Переводы и характеристика. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1103—1104.

Урсинъ, М. Р., СХІІІ, июль, 303—306 (по поводу его новой книги: «Соціальный вопросъ въ Финляндіи»).

Урусовы:

— Евдокія Прокопьевна (урожд. Соковнина), княгиня, СХІХ, ноябрь, 680—684.

— А. И., князь, поэтъ, СХІ, январь, 183.

Усовъ, Н. А. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Изъ недавняго прошлаго Забайкалья. Двѣ части. Харбинь. 1908»*, СХІV, ноябрь, 742—744.

Успенскіе:

— Глѣбъ Ивановичъ, писатель, СХІІІ, июль, 103—105.

— М. Т., археологъ, СХІІ, апрѣль, 354—356.

Устимовичъ, П. М. *Его статья: «По Пушкинскимъ мѣстамъ»*, СХІ, мартъ, 1036—1048.

Утинъ, Н., СХІІ, май, 655—656; СХІІ, сентябрь, 763—980.

Ушаковъ I, генераль-отъ-инфантерін, СХІІІ, августъ, 552—556.

Ф.

Ф. *Рецензія его: «П. Вейнбергъ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изданіе 2-е. Спб. 1908»*, СХІІІ, августъ, 691.

Фалтѣвъ, Н. *Рецензія И. А. о книгѣ его: «Дуэли. Разказы. Издавъ В. Березовскій. Спб. 1908»*, СХІV, октябрь, 310—311.

Фаминцынъ, А. С., академикъ, СХІV, октябрь, 369—370 (по поводу его 50-лѣтняго юбилея).

Фаресовъ, А. И., писатель. *Статья его: «Среди моховиковъ»*, СХІ, февраль, 544—574; мартъ, 941—985. — *Рецензія его: 1) «А. А. Берсъ. Естественная исторія чорта. Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1908»*, СХІ, февраль, 716—718. 2) «И. Тенеромо. Живыя рѣчи. Л. Н. Толстого. Одесса. 1908», СХІV, октябрь, 298—300. 3) «Н. А. Усовъ. Изъ недавняго прошлаго Забайкалья. Двѣ части. Харбинь. 1908», СХІV, ноябрь, 742—744. — *Рецензія А. М. Нечаевой о книжкахъ его: 1) «Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908»*, СХІІ, май, —731—733. 2) «Голоса земли. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 305—307.

Фармаковский, Б. В., археологъ, СХІV, октябрь, 271—272.

Федоровъ, В. П. *Замѣтка его: «О графѣ Н. П. Стадницкомъ»*, СХІІІ, июль, 383—384.

Фелонинъ, Алексѣй Вас., публицистъ. *Некрологъ его: СХІV, ноябрь, 797—798,*

Ферреро, Джульельмо, итальянскій писатель, СХІV, ноябрь, 754—760 (по поводу издавнаго имъ на франц. яз. шестого тома своего труда: «Величіе и паденіе Рима»).

Филимоновъ. *Его замѣтка: «По поводу статьи: «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ»*, СХІ, мартъ, 1167. — *Отвѣтъ ему А. Журкевича: «По поводу претензіи г. Филимонова»*, СХІІ, апрѣль, 398—399.

Филипповъ, Алдръ Мих., публицистъ. *Некрологъ его: СХІІ, май, 782.*

Филипповъ, Тертіи Ивановичъ, СХІV, октябрь, 163, 170.

Филоновъ, Андрей Григорьевичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ его: СХІІІ, июль, 382—383.*

Философовъ, Дм. Александровичъ, министръ торговли и промышленности. *Некрологъ его: СХІ, январь, 381.*

Фитингофъ, Алдръ Христіановичъ, полковникъ, горный инженеръ, СХІV, ноябрь, 560—561.

Фишеръ, Константинъ Ивановичъ, сенаторъ. *Его: «Записки»*, СХІ, январь, 43—70; февраль, 438—460; мартъ, 796—818; СХІІ, апрѣль, 58—78; май, 426—465; июнь, 825—845; СХІІІ, июль, 50—70; августъ, 426—447; сентябрь, 792—821; СХІV, октябрь, 45—73; ноябрь, 422—448, декабрь, 848—860. — *Поправка къ нимъ З. Л. Карбошера: «Письмо въ редакцію» (по поводу отзыва Фишера объ его дѣдѣ).*

Фишеръ, Ольга Ивановна, мать сенатора, СХІ, январь, 49—54, 68.

Флейдереръ, Отто, профессоръ богословія берлинскаго университета, СХІІІ, сентябрь, 1115 (по поводу его смерти).

Флоринскій, Т. Д., проф. *Рецензія А. Сиротинина о книгѣ его: «Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Кіевъ. 1907»*, СХІІ, июнь, 1100—1003.

Фоминъ, А. Г. *Статьи его: 1) «Русская литература въ Николаевскую эпоху»*, СХІІ, апрѣль, 217—232. 2) «Писатель-гражданинъ», СХІІІ, августъ, 496—543. — *Рецензія его: 1) «В. Покровскій. А. П. Чеховъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907»*, СХІ, январь, 323—325. 2) «Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Составилъ Денисюкъ. Вып. I и II. М. 1907», СХІ, февраль, 709—710. 3) «Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I—II. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1101—1102. 4) «Проф. Н. А. Котляревскій. Ли-

тературныя направлення Александровской эпохи. Спб. 1907», СХІІ, іюнь, 1096—1097. 5) «Н. Котляревскій. Рыльцевъ. Спб. 1908», СХІІІ, іюль, 319—321. 6) «Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русских писателей. Вып. II. М. 1908», СХІІІ, августъ, 687—688. 7) «Н. Денисюкъ. Н. Г. Чернышевскій. Его время, жизнь и сочиненія. М. 1908», ib. 689—690. 8) «Горнфельдъ. Книги и люди. Литературныя бесѣды. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1083—1084. 9) «Скабичевскій. Русскіе писатели со временъ Петра Великаго до нашихъ дней. Спб. 1908», СХІV, октябрь, 297—298. 10) «Проф. Овсянко-Куликовскій. Л. Н. Толстой. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 733—736. 11) «Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ I и II. Тургеневъ. Спб. 1908», СХІV, декабрь, 1118—1120.

Францискъ, I, французскій король, СХІ, январь, 335—341.

Францъ-Иосифъ, австрійскій императоръ, СХІІ, апрѣль, 365—366.

Фридрихъ - Вильгельмъ IV, король прусскій, СХІІ, апрѣль, 365—366.

Фришъ, В. Э. *Рецензія В. Кузнецова о книгѣ его: «Проектъ учрежденія государственной стражи въ Россіи.* Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 744—746.

Фуксъ, Егоръ Борисовичъ, СХІІІ, іюль, 60—61.

Фульгонтъ, Робертъ, великій создатель парохода, СХІV, октябрь, 324—326.

Фюстель де-Куланжъ, знаменитый французскій историкъ, СХІ, февраль, 734—735.

Х

Харламовъ, В. А., СХІІІ, іюль, 251—252.

Хартулари, К. Ф., СХІ, январь, 367—368 (по поводу 40-лѣтія его тюремно-филантропической дѣятельности).

Харузинъ, Ал. *Рецензія Д. Зеленина о книгѣ его: «Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ.* Вильна. 1907», СХІІ, апрѣль, 353.

Хахановъ, А. С. *Рецензія его: 1) «Древности восточныя. (Труды восточныхъ комиссій Московскаго археологическаго общества).* Томъ III, вып. I, съ 6 снимками въ текстѣ. М. 1907», СХІІ, апрѣль, 351. 2) «Вѣстники Грузіи. Кн. I. Тифлисъ. 1907», СХІІ, май, 728. 3) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ

38-й. Тифлисъ. 1908», СХІІІ, іюль, 324—326. 4) «Кнугъ Гамсунъ. Царица Тамара. Переводъ А. Эйгестъ. Изданіе В. М. Саблина. М. 1908», СХІІІ, августъ, 690—691.

Хвойко, В. В., археологъ, СХІV, октябрь, 267—269.

Хованская, Антонина Алексѣевна, редакторъ-издательница «Филологическія записки». *Некрологъ ея:* СХІІ, апрѣль, 397.

Христиани, Вас. Вас., генераль-майоръ, СХІІІ, сентябрь, 921—923, 929.

Хрущовъ, Дмитрій Петровичъ, товарищъ министра земледѣнія и государственныхъ имуществъ, СХІV, октябрь, 46.

Хрущовъ, Петръ Алексѣевичъ, соучастникъ Беньовскаго, бывший капитанъ гвардіи, СХІІІ, іюль, 184—189; августъ, 605.

Ц

Цвѣтковъ, Константинъ Николаевичъ, публицистъ. *Некрологъ его:* СХІV, декабрь, 1182—1184.

Ч

Чаадаевъ, П. Я. *О немъ трудъ М. Гершензона: «П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе.* Спб. 1908», СХІІ, апрѣль, 339.—*Упомят.* СХІІ, апрѣль, 353.

Чарторыйскій, Адамъ-Георгъ (Юрій), князь, государственный дѣятель, другъ императора Александра I, СХІІ, май, 750—753 (въ «Воспоминаніяхъ» герцогини Дино); СХІІ, іюнь, 1118—1119, 1122.

Чевкинъ, Конст. Влад., министръ путей сообщенія, СХІІ, май, 447—451, 453; іюнь, 825—826, 829; СХІV, октябрь, 49—50.

Чернышевскій, Н. Г., писатель, СХІ, февраль, 625—629, 637; СХІІ, апрѣль, 273—276, 288; май, 649—650; СХІІІ, августъ, 501—507, 522—523, 559, 566; СХІV, ноябрь, 646, 649, 652—653, 665—679.—*О немъ книга Н. Демисюка: «Н. Г. Чернышевскій. Его время, жизнь и сочиненія.* М. 1908», реценз. А. Фоминымъ, СХІІІ, августъ, 688—690.

Чернышевъ, А. И., князь, генераль-адъютантъ, СХІ, февраль, 395, 397, 399—400; СХІІ, май, 427—429, 432—433; СХІІІ, августъ, 551—552.

Черняевъ, Ник. Ив., докторъ. *Некрологъ его:* СХІV, октябрь, 379.

Черчилъ, леди, СХІІ, май, 759—764. (Ея «воспоминанія»); іюнь, 1129—1182 (посѣщеніе ея съ мужемъ Россіи въ 1887 г.).

Черчилъ, Реодольфъ, мужъ предыдущей, СХІІ, май, 759—762; іюнь, 1129—1132.

Чеховъ, Антонъ Павловичъ.—*О немъ въ книгѣ В. Покровскаго*: «А. П. Чеховъ, его жизнь и сочиненія. М. 1907», рецензированной А. Фоминымъ, СХІ, январь, 323—325.—СХІІІ, сентябрь, 857—858 (въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова); іб. 1121—1122 («Памятникъ А. П. Чехову въ Баденвейлерѣ»).

Чеховъ, Александръ П. (Сѣдой). *Къ его*: «Запискамъ репортера» поправка Е. М. Шефлера, СХІ, февраль, 762—763.

Чехъ, Святополкъ, чешскій поэтъ. *О немъ статья В. В. Уманова-Каплуновскаго*: «Святополкъ Чехъ. (1846—1908 гг.)», СХІІ, апрѣль, 249—259.

Чигоринъ, Мих. Ив., извѣстный шахматистъ. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 757—758.

Чулицкій, М. Ф. *Статьи его*: 1) «Двуглавый орелъ. (Изъ старыхъ дѣлъ)», СХІV, октябрь, 173—178. 2) «Адская машина. (Изъ старыхъ дѣлъ сыскаго полиціи)», СХІV, ноябрь, 576—589.

Чупровъ, Ал-дръ Ив., профессоръ Московскаго университета. *О немъ въ статьѣ Б. Г.*: «Памяти А. И. Чупрова». СХІІ, апрѣль, 233—248.

III

Шабанова, А. Н. *Ея*: «Грѣхъ бабушки». Разсказъ», СХІІ, май, 466—490.

Шаяскій, Теофилактъ, СХІV, ноябрь, 601—604 (по поводу его свадьбы въ 1702 году).

Шаянскій, А. Л., генераль, СХІV, ноябрь, 790—792 (объ открытіи въ Москвѣ народнаго университета его имени).

Шарденъ, извѣстный французскій путешественникъ XVII в., СХІІІ, сентябрь, 1008.

Шванебахъ, Петръ Христіановичъ, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХІV, октябрь, 379—380.

Шведеръ, Е. *Его*: «Пушкинскіе ветераны», СХІV, октябрь, 134—141.

Швецовъ, Кесарь Гордіевичъ, врачъ. *Некрологъ его*: СХІV, ноябрь, 798.

Шекспиръ, Вильямъ (1564—1616), великій англійскій драматургъ, СХІ, май, 749—750.

Шелгуновъ, Николай Васильевичъ, писатель. *О немъ статья А. Фомина*: «Писатель-гражданинъ», СХІІІ, августъ, 496—543.

Шелгунова, Л. П., супруга предыдущаго, см. Михаэлисъ.

Шелепуга, Ал-дръ Ив., есаулъ, изобрѣтатель «адской машины», СХІV, ноябрь, 579—589.

Шеноа, Августъ, хорватъ, поэтъ. *О немъ въ статьѣ В. В. Уманова-Каплуновскаго* «Поэты Шеноа и Змай-Ювановичъ», СХІІІ, сентябрь, 951—960.

Шервашидзе, Михаилъ Георгіевичъ, князь, генераль-лейтенантъ, владѣтель Абхазіи, СХІІ, июнь, 974—975.

Шереметевъ, В. С., министръ земледѣлія и госуд. имуществъ, СХІV, октябрь, 46.

Шестаковъ, С. П., *Рецензія В. о книгѣ его*: «Памятнике христіанскаго Херсонеса. М. 1908», СХІV, декабрь, 1128—1129.

Шефлеръ, Е. М. *Его поправка*: «Къ «Запискамъ репортера», СХІ, февраль, 762—763.

Шяманъ, Теодоръ, проф. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band 1 и 2 Berlin», СХІV, ноябрь, 725—726.

Шлезингеръ, Людвигъ, проф., авторъ книги: «Россія въ XX столѣтіи», СХІІІ, сентябрь, 1113.

Шлумбергеръ, Жанъ, эльзасскій политическій дѣятель, СХІV, декабрь, 1167 (по поводу его смерти).

Шмалець, Тимоѳей, капитанъ, авторъ «описанія Камчатки», сдѣланнаго въ 1773 г. СХІІІ, июль, 183—184.

Шмелевъ, Г. Н. *Рецензія Я. Бирюкова о редактированнѣмъ имъ* «Актахъ царствованія Екатерины II. М. 1907», СХІІ, май, 715—716.

Шилевскій, Сергѣй Мих., писатель СХІ, мартъ, 1032—1035.

Штакельбергъ, Р. Р., баронъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХІ, февраль, 758—759.

Штейнъ, В. И. *Его статьи*: 1) «Самозваннѣй императоръ Мадагаскарскій (М. А. Веньовскій)», СХІІІ, июль, 176—197; августъ, 597—618. 2) «Иностранцы о Россіи», СХІІІ, июль, 294—306. 3) «Иностранцы о Россіи. Причины развитія латышской революціи», СХІV, декабрь, 1073—1004.

Штейнъ, С. В. *Рецензія В. Уманова-Каплуновскаго о книгѣ его*: «Славянскіе поэты». Переводы и характеристики. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1103—1104.

Штернъ, Э. Р. (фонъ), проф., археологъ, СХІV, октябрь, 270—271.

Штраусъ, Давидъ, великій германскій писатель, СХІІ, апрѣль, 356—358 (по поводу столѣтняго юбилея со дня его рожденія).

Штрикеръ, полковникъ, ординарецъ у императора Петра III, СХІІ, апрѣль, 72—73.

Штросмайеръ, діаконарскій епископъ, «Меценатъ южныхъ славянъ», СХІ февраль, 724—729.

Шубертъ, Василій Антоновичъ, профессоръ петербургской консерваторіи. *Некрологъ* его: СХІІІ, сентябрь, 1132.

Шубинскій, Сергѣй Николаевичъ, СХІІ, май, 712. *Рецензія* Б. Г. о книгѣ его: «Историческіе очерки и рассказы. Пятое изданіе, дополненное и исправленное. Спб. 1908», СХІІ, май, 712.

Шуваловъ, Павелъ Андреевичъ, графъ, генераль-адъютантъ, государственный дѣятель. *Некрологъ* его: СХІІ, май, 782—783.

Шуваловъ, Павелъ Павловичъ, графъ, СХІІІ, сентябрь, 793—794; СХІV, октябрь, 52, 55.

Шумигорскій, Е. С. *Рецензія* его: «Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Ч. 4. Въ Болгаріи. Ч. 5. Черезъ 30 лѣтъ. П. Паренсова. Изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1908», СХІV, ноябрь, 721—725.

Шурцъ, Карлъ, СХІV, ноябрь, 775—776 (о «Мемуарахъ» его).

Шюкэ, французскій публицистъ, авторъ статьи о Лессингѣ въ «Revue Bleue», СХІ, январь, 342—347.

Ш.

Щаповъ, А. П., профессоръ, СХІІІ июль, 224—225.

Щербовичъ-Вочоръ, Ольгердъ Карловичъ, генераль-лейтенантъ. *Некрологъ* его: СХІІ, май, 783—784.

Щеглинъ, В. А., князь. *Его статьи*: 1) «Князь А. И. Сумбатовъ, (Южинъ). (Очеркъ сценической и литературной дѣятельности)», СХІ, мартъ, 1005—1022.—2) «Артистъ-самородокъ. (Памяти П. И. Богатырева)», СХІІІ, июль, 206—215.—3) «Арестованный по ошибкѣ (Изъ воспоминаній)», СХІV, декабрь, 931—940.

Щукинъ, И. И. *Некрологъ* его: СХІ, февраль, 759—760.

Щуровскій, П. А., композиторъ. *Некрологъ* его: СХІV ноябрь, 798—799.

Э

Экгардтъ, Юлій, прусскій общественный дѣятель и нѣмецкій писатель, СХІ, мартъ, 1140—1141 (по поводу его смерти).

Эккъ, Николай Влад., докторъ медицины. *Некрологъ* его: СХІІ, май, 784.

Энгельгардты:

— А. Н., СХІІІ, августъ, 469—475, 478—479, 482—484.

— Вѣра Александровна, дочь предыдущаго, СХІІІ, августъ, 472—475, 483.

— Н. А. *Его*: «Екатерининскій колосъ. Историческій романъ», СХІ, январь, 7—42; февраль, 404—437; мартъ, 769—795; СХІІ, апрѣль, 5—57; май, 401—425; июнь, 785—824; СХІІІ, июль, 5—49; августъ, 385—425; сентябрь, 758—791; СХІV, октябрь, 5—44; ноябрь, 385—421 и декабрь, 803—847.—*Рецензія* его: 1) «Л. Слонимскій. О монархіи. Изданіе «Политической энциклопедіи». Спб. 1907», СХІ, мартъ, 1107—1109. 2) «Романъ императрицы. Екатерина ІІ императрица всероссійская. К. Валишевскаго. Спб. 1908», СХІІ, июнь, 1072—1074.

Эртель, Александръ Ивановичъ, писатель. *Некрологъ* его: СХІ, мартъ, 1159—1160.

Эстергази, Валентинъ, графъ, СХІ, февраль, 675—683 (объ его пребываніи въ Петербургѣ при Екатеринѣ ІІ).

Эттеръ, СХІІІ, сентябрь, 808—809, 811.

Эфронъ, С. К. (Литвинъ). *Рецензія* А. Бѣлова о книгѣ его: «Миссіонеры и начетчики. М. 1908», СХІV, декабрь, 1124—1125.

Ю

Юанъ-Шихъ-Кай, вице-король китайской провинціи Чихли, СХІ, мартъ, 1138—1139 (его характеристика, написанная американскимъ генеральнымъ консуломъ въ Шанхаѣ Чарльзомъ Дэнби).

Ювачевъ И. П. *Статья* его: 1) «По тайному священству», СХІ, мартъ, 1049—1077, и СХІІ, апрѣль, 289—320. *Упомят.*, СХІ, май, 659.

Ювеналій, архіепископъ литовскій, СХІІІ, сентябрь, 911—915.

Юдинъ, П. Л. *Его статьи*: 1) «Къ биографіи Н. И. Костомарова», СХІІ, июнь, 981—986. 2) «Изъ юношескихъ лѣтъ А. Н. Пыпина», СХІІІ, августъ, 557—566.

Юрьевъ, Сергѣй Андреевичъ, писатель, СХІV, октябрь, 99—101 (въ воспоминаніяхъ С. И. Васюкова).

Юстиніанъ І, византійскій императоръ. *О немъ книга Шарля Дюля*: «Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ. Спб. 1908», рецензированная А. Б—ловымъ, СХІV, октябрь, 294—296.

Юшкевичъ, Викторъ Адамовичъ, профессоръ. *Некрологъ* его: СХІV, ноябрь, 799.

Я

Явнисъ, Казимиръ, литовскій лингвистъ. *Некрологъ* его: СХІІ, апрѣль, 397—398.

Ягичъ, И. В., академикъ. *Рецензія Д. З. о редакцірованномъ имъ 12-мъ выпускѣ: «Славянской филологіи»* (Спб. 1908), СХІІІ, августъ, 697—698.

Языковъ, Д. Д. *Его: «Историко-литературныя разсканія. Заподозрѣнный писатель. Умолкавшая «Молва»*, СХІ, мартъ, 1027—1035.

Якобій, П. И. *Рецензія Дм. Зеленина о книгѣ его: «Вятчи Орловской губерніи. Спб. 1907»*, СХІІІ, іюль, 309—311.

Яковлевъ, Вас. Евграфъ, академикъ, этномологъ. *Некрологъ его: СХІV, октябрь, 380.*

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, капитанъ драгунскаго полка, декабристъ, СХІ, январь, 156—158, 162.

Якушкинъ, П. И., этнографъ, СХІV, ноябрь, 595.

Ясенъ, Юлій. *Рецензія А. Бова о книгѣ его: «Diplomatische Enthüllungen aus der Botschafterzeit der Baron von Mohrenheim. (1884—1898). Leipzig, 1908»*, СХІV, декабрь, 1105—1107.

Ястребовъ, Н. В. *Рецензія А. И. Цицимирскаго о переведенныхъ имъ: 1) «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши», Станислава Кутшебы (Спб. 1907)», СХІІІ, іюль, 326—327, и 2) «Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши», Освальда Бальцера (Спб. 1908), ib. 328—329.*

Яцимирскій, А. И. *Рецензія его: 1) «И. С. Бѣляевъ. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII ст. М. 1907»*, СХІ, январь, 316—318.—*Отвѣтъ на нее И. Бѣляева: «По поводу устава и подустава»*, СХІ, февраль, 760—762.— 2) «Очевидецъ. Галицкая Русь прежде и нынѣ Спб. 1907», февраль, 714—715. 3) «В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту россійской библиографіи В. С. Сопикова». Исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1908», СХІ, мартъ, 1102—1104. 4) «И. Н. Ждановъ. Сочиненія. Томъ II. Спб. 1907», СХІІ, апрѣль, 333—334. 5) «Д-ръ Станиславъ Кутшеба. Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ ред. и со вступитель-

ной статьей Н. В. Ястребова. Спб. 1907», СХІІІ, іюль 326—327. 6) «Д-ръ Освальдъ Бальцеръ. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ подъ ред. и со вступительной статьей Н. В. Ястребова. Спб. 1908», ib. 328—329. 7) «Н. П. Лихачевъ. Инокъ Фомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908», СХІІІ, августъ, 675—677. 8) «Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изсѣдованій, сообщенныхъ О. Гонсіоровскимъ А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, И. А. Ливиченко, С. Л. Пташицкимъ и И. Режабокомъ. Съ 10 таблицами. Изд. императорской академіи наукъ. Спб. 1907», ib. 681—683 (въ «Запискахъ» Фишера), 9) «Сборникъ «Молодой Польши». Подъ ред. Евг. Троповскаго. Спб. 1908», СХІІІ, сентябрь, 1084—1886. 10) «Polskie Museum. Malarstwo—rzezba—przemyst artyst. Widawcy Feliks Kopera, Julian Paszczewski. Woznik pierswyz. Zesz. I—IV. Краковъ. 1906», СХІV, ноябрь, 752—753. 11) «В. Л. Верещагинъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вып. I. Спб. 1908» СХІV, декабрь, 1115—1116.—*Рецензія Б. Г. о книгѣ его: «Новѣйшая польская литература отъ возстанія 1863 года до нашихъ дней. Т. I. и II. Спб. 1908»*, СХІІ, май, 722—724.

Ө.

Федоровъ, Н. Д. *Статья его: «Въ свободной землѣ. (Отъ Ванкувера до Нью-Йорка)»*, СХІ, январь, 274—308; февраль, 649—674.

Феофанъ (Прокоповичъ), знаменитый проповѣдникъ, архіепископъ псковскій и новгородскій. СХІV, ноябрь, 607—608, 610.

Z.

Z. *Рецензія его: 1) «Ольгердъ Вильчинскій. Исторія Руси по сказаніямъ современниковъ, документамъ и памятникамъ (5839—1078). Съ рисунками. Вильна. 1908»*, СХІІ, апрѣль, 349—350.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1908 г.

I. Портреты:

- Александръ Первый, императоръ.** CXI, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ. CXI, январь, 246.
Вакунинъ, Михаилъ Александровичъ. CXIII, августъ, 589.
Вулгаковъ, Федоръ Ильичъ. CXII, май, 601.
Вазовъ, Иванъ Минчовичъ. CXII, май, 617.
Ванновскій, Петръ Семеновичъ. CXI, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
Васюковъ, Семень Ивановичъ. CXIV, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Вейнбергъ, Петръ Исаевичъ. CXIII, августъ, 569.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ. CXI, февраль, 617.
Жемчужниковъ, Алексѣй Михайловичъ. CXII, май. На отдѣльномъ листѣ.
Геронимъ, архіепископъ Литовскій. CXIII, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Карповъ, Евтихій Павловичъ. CXI, мартъ, 1081.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ. CXIV, декабрь, 1025.
Комаровъ, Виссаріонъ Виссаріоновичъ. CXI, февраль, 601.
Линевичъ, Николай Петровичъ. CXII, июнь, 989.
Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, графъ. (Съ миниатюры, принадлежащей великому князю Николаю Михайловичу). CXI, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Никитинъ, Викторъ Никитичъ. CXII, май, 589.
Павловъ-Сильванскій, Николай Павловичъ. CXIV, ноябрь, 635.
Передольскій, Василій Степановичъ. CXII, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ. CXIV, октябрь, 225.
Потемкинъ-Таврическій, Григорій Александровичъ, князь. CXIV, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Потѣхинъ, Алексѣй Антиповичъ. CXIV, декабрь, 993.
Протасовъ-Вахметевъ, Ник. Алекс., графъ. CXI, февраль, 537.
Сергѣевскій, Николай Дмитріевичъ. CXIV, ноябрь, 625.
Серно-Соловьевичъ, Н. А. CXIII, сентябрь, 965.

- Сумбатовъ, А. И., князь (Южинъ).** СХІ, мартъ, 1007.
 — А. И. Южинъ въ «Гамлетъ». Ів. 1009.
 — А. И. Южинъ въ «Донъ-Карлосъ» (въ роли маркиза Позы). Ів. 1013.
 — А. И. Южинъ въ «Ричардъ III». Ів. 1017.
 — А. И. Южинъ въ «Макбетъ». Ів. 1019.
Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ. (17 июля 1908). СХІІІ, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ. СХІІІ, сентябрь, 935.
Фишеръ, Константинъ Ивановичъ. СХІV, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
Шелгуновъ, Николай Васильевичъ. (Съ портрета, писаннаго масляными красками и принадлежащаго его дочери). СХІІІ, августъ. На отдѣльномъ листѣ.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

- Адскія ворота** (ущелье рѣки Фразеръ). СХІ, январь, 285.
Волгары (Булгары Великіе):
 — Минареть главной мечети. (По снимку Палласа 1768 г.). СХІV, декабрь, 1049
 — Минареть главной мечети. (Съ позднѣйшаго снимка до его разрушенія) Ів. 1051.
 — Палата, обращенная въ церковь Николая Чудотворца. Ів. 1053.
 — Палата—монастырскій погребъ. Ів. 1055.
 — Минареть. Ів. 1057.
 — Мечеть по снимку Палласа, нынѣ не существующая. Ів. 1059.
 — Черная палата. Ів. 1061.
 — Черная палата. (По снимку Палласа). Ів. 1063.
 — Бѣлая палата по снимку 1821 г. Ів. 1065.
 — Бѣлая палата и планъ ея. (По рисункамъ Палласа). Ів. 1067.
 — Развалины мечети. Ів. 1069.
 — Видъ села Болгаръ. Ів. 1069.
 — Угловая башня главной мечети. Ів. 1071.
Вруклинскій мостъ. СХІ, февраль, 665.
Ванкуверъ:
 — Зданіе правительственныхъ учрежденій въ Викторіи (на островѣ Ванкуверѣ). СХІ, январь, 277.
 — Деревья великаны въ Ванкуверскомъ паркѣ. Ів. 279.
 — Прибрежная дорожка въ Ванкуверскомъ паркѣ. Ів. 281.
Верхнее озеро. «Свала-грома» на Верхнемъ озерѣ. СХІ, январь, 297.
Виннипегъ. Главная улица въ Виннипегѣ. СХІ, январь, 293.
Гостинополье (торговая сторона). СХІІ, июнь, 1021.
 — Храмъ гостинопольскій. Ів. 1025.
Дѣянова, деревня. Ложкарное производство въ дер. Дѣяновѣ. СХІ, мартъ, 1051.
Донской музей. СХІІІ, июль, 247.
Дубовки, деревня. СХІІ, июнь, 1033.
Дубровникъ (Рагуза). *Bella vista.* СХІV, ноябрь, 687.
 — Общій видъ Рагузы (Дубровника) СХІV, ноябрь, 689.
Звенигородъ:
 — Видъ Звенигорода. СХІ, январь, 259.
 — Верхній посадъ въ Звенигородѣ. Ів. 261.
 — Соборъ на «Городкѣ» въ Звенигородѣ, Ів. 263.
 — Красная башня съ церковью св. Алексѣя. Ів. 265.
Испанья:
 — Домъ богатаго перса. СХІІІ, сентябрь, 1001.
 — Шахская площадь, дворецъ и шахская мечеть. Ів. 1005.
 — Шахская мечеть. Ів. 1011.
 — Деталь армянской церкви, построенной при Аббасѣ. Ів. 1013.
 — Мостъ Алла-Верди-хана. Ів. 1015.
 — Мостъ черезъ р. Зенде-Рудъ, построенный Аббасомъ Великимъ. Ів. 1017.

Баттаро (Которь). СХIV, ноябрь, 708.

Комаровскій скитъ. Игнатьевская обитель. СХI, мартъ, 1061.

Бумъ. Мечеть съ могилой дочери Магомета, Фатьмы-Непорочной. СХIII, сентябрь, 993.

Ладога Старая:

- Церковь св. Дмитрія Солунскаго. СХIII, июль, 263.
- Церковь св. Дмитрія Солунскаго (реставрированная). Ib. 265.
- Иконостасъ въ церкви св. Дм. Солунскаго. Ib. 269.
- Церковь св. Георгія Побѣдоносца. Ib. 271.
- Видъ Староладожскаго монастыря. Ib. 277.
- Соборъ св. Николая въ Староладожскомъ монастырѣ. Ib. 281.
- Иконостасъ въ Златоустовской церкви. Ib. 285.
- Храмъ Успенія. Ib. 287.
- Общій видъ Староладожской крѣпости. СХIII, августъ, 629.
- Успенскій монастырь. Ib. 631.
- Видъ на крѣпость съ моста. Ib. 633.
- Южный фасадъ городища. Ib. 635.
- Николаевскій монастырь. Ib. 637.
- Стрѣлочная башня. Ib. 639.
- Раскатная башня. Ib. 641.
- Климентовская башня. Ib. 643.
- Внутренность церкви св. Георгія. Ib. 645.

Лападъ, полуостровъ. СХIV, ноябрь, 697.

Ледникъ, станція. СХI, январь, 291.

- Подъемъ къ станціи Ледникъ. СХI, январь, 287.

Михайловское село:

- Еловый паркъ въ Михайловскомъ. СХI, мартъ, 1039.
- Крыльцо Пушкинскаго дома въ Михайловскомъ. Ib. 1041.
- Прежній Пушкинскій домикъ въ Михайловскомъ. Ib. 1043.

Музей въ Акшутѣ. СХIII, сентябрь, 983.

Ниагара:

- Висячій мостъ черезъ Ниагару. СХI, февраль, 655.
- Водопады на Ниагарѣ. Ib. 657.
- Мостикъ для прогулки надъ водопадомъ. Ib. 661.

Новеселица, мѣстечко. СХII, май, 685.

Нью-Йоркъ:

- Видъ Нью-Йорка отъ Бруклина. СХI, февраль, 665.
- «Утюгъ» на углу Бродвея и 23-й улицы. Ib. 669.
- Автомобиль для осмотра Нью-Йорка. Ib. 671.
- Въ Центральномъ паркѣ. Ib. 671.

Одна изъ улицъ туземнаго Оша. СХII, июнь, 1004.

Осиновскій единовѣрческій монастырь. СХII, апрѣль, 297.

Пафнугтевъ-Воровскій монастырь. СХIV, ноябрь, 681.

Рюряково городище. СХIII, июль, 261.

Саввинъ-Сторожевскій монастырь. СХI, январь, 267.

- Соборъ въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. Ib. 269.
- Скитъ въ Саввинѣ монастырѣ. Ib. 271.

Свѣтлое озеро:

- Южная половина Свѣтлаго озера. СХII, апрѣль, 313.
- Народное собраніе на холмахъ Свѣтлаго озера, 22 июня. Ib. 317.

Святогорскій монастырь (съ западной стороны). СХI, мартъ, 1039.

Семеновъ, городъ. Ложкарный базаръ въ городѣ Семеновѣ. СХI, мартъ, 1053.

Сплѣтъ (Спалато). СХIV, ноябрь, 693.

Торонто: Набережная въ Торонто. СХI, февраль, 653.

Тригорское. Усадьба въ Тригорскомъ. СХI, мартъ, 1045.

Трогира (Трау). СХІV, ноябрь, 699.

Уголокъ Изумруднаго озера (Аметистовая гора). СХІ, январь, 289.

Хотиня:

— Видъ Хотинской пристани со стороны Днѣстра. СХІІ, май, 673.

— Видъ Хотинской пристани съ бессарабской стороны. Ів. 675.

— Турецкій минаретъ въ Хотинской крѣпости. Ів. 677.

Черниговскіе соборы: Борисоглѣбскій и Спасо-Преображенскій. СХІV, апрѣль, 233

Черниговъ:

— Троицкій монастырь. СХІV, октябрь, 239.

— Вледкій монастырь съ храмомъ Успенія Богородицы. Ів. 251.

— Храмъ св. великомученицы Параскевы (Пятницы). Ів. 245.

— Екатерининская церковь. Ів., 249.

— Домъ Мазепы, гдѣ нынѣ помѣщается архивъ губернскаго правленія. Ів. 253.

Чернухинскій скитъ. СХІІ, апрѣль, 303.

Энзели. Башня въ Энзели, гдѣ останавливается шахъ, когда ѣдетъ въ Европу. СХІІІ, сентябрь, 997.

ІІІ. Разные рисунки:

Вачи. СХІІ, іюнь, 1007.

Внутренній видъ скитской моельни старообрядцевъ. СХІ, мартъ, 1069.

Колодець старца Софонтія. СХІ, мартъ, 1059.

Комната богатаго сарта, СХІІ, іюнь, 1009.

Могила боярыни Морозовой и княгини Урусовой. СХІV, ноябрь, 683.

Могила княгини Д. М. Меншиковой въ селѣ Условѣ. СХІІ, апрѣль, 287.

Могила матери Манефы. СХІІ, апрѣль, 293.

Нурметъ-бай съ сыновьями на «тоѣ». СХІІ, іюнь, 1005.

Обитательницы заволжскихъ скитовъ. СХІ, мартъ, 1073.

Русинскій домъ въ с. Клишковцахъ. СХІІ, май, 681.

Русинскій старинный домъ въ с. Клишковцахъ. Ів. 683.

Русинка дѣвушка изъ села Широудъ. Ів. 701.

Русинъ и русинка изъ села Недобоудъ. Ів. 689.

Русины изъ села Недобоудъ. Ів. 697.

Русины изъ села Шиловець. Ів. 691.

Русинъ изъ села Клишковецъ. Ів. 693.

Русины изъ села Зарожанъ. Ів. 699.

Старцы, начетчики и уставщицы заволжскихъ скитовъ. СХІІ, апрѣль, 309.

Старый типъ монаха Керженскаго монастыря. СХІІ, апрѣль, 305.

Танецъ бачей въ лодкахъ. СХІІ, іюнь, 1011.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1908 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

I. Богословіе.

- Бархатовъ, А. Христіанское назиданіе. Сборникъ поученій на Символъ вѣры, молитву Господню, евангельскія блаженства и десять заповѣдей. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- День за днемъ. Сборникъ религиозныхъ чтеній на каждый день. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Избранныя мѣста изъ «Лука духовнаго» блаженнаго Іоанна Моска. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Избранныя мѣста изъ Лѣстницы Преподобнаго отца Нашего Іоанна игумена Синайской горы. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Избранныя мѣста изъ твореній преподобнаго отца нашего Симеона, новаго Богослова. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Кантъ, И. Религія въ предѣлахъ только разума. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Каутскій, К. Античный міръ, Іудейство и Христіанство. Спб. Ц. 2 р.
- Лебедевъ, М. Нравственное ученіе въ пѣснопѣніяхъ чина (христіанскаго) погребенія. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Михайловскій, В. Сокращенный молитвенникъ, содержащій изъясненія молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній и картинки. Спб. 1908. Ц. 8 к.
- Орловъ, М. Литургія св. Василія Великаго. Вводныя свѣдѣнія. Спб. 1909. Ц. 5 р.
- Первые лучи. Первоначальныя свѣдѣнія изъ Закона Божія для дѣтей младшаго возраста. М. 1909. Ц. 35 к.
- Полное собраніе резолюцій Филарета митрополита московскаго. Т. 3 в. 2. М. 1908. Ц. 1 р.
- Православная Богословская Энциклопедія. Т. IX. Кармелиты. Составленъ подъ редакціей Н. Н. Глубоковскаго. Спб. 1908. г. Ц. 2 р. 50 к.
- Собраніе Вожеватенныхъ и священныхъ правилъ Всечестнаго законоположителя и судіи Мессалоническаго Господина Константина Севаста Арменополя. Валахна. 1908. Ц. 4 р.
- Собраніе стоотческихъ правилъ Матвія Властара глаголемаго правильнива. Валахна. 1908. Ц. 3 р.

II. Философія, психологія, логика.

Абрамовичъ, Н. Литературно-критическіе очерки. Книга I-я. Творчество и жизнь. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Авенариусъ, Р. Человѣческое понятіе о мірѣ. М. 1909. Ц. 1 р.

Бельдуйнъ М. Психологія и ея методы. Психологія генетическая, физиологическая, экспериментальная, педагогическая и социальная. Спб. 1908. Ц. 80 к.

Виндельбандъ, В. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Т. 1, и 2. Спб. 1908. Ц. за 2 тома 4 р.

Вѣстникъ Теософіи. Религіозно-философско научный журналъ № 11. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Елецкій, М. Свободная любовь. Старая и новая нравственность. Воля природы. Современные идеалы. Авархія любви и т. д. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 коп.

Квятковскій, С. Теорія-гипотеза о міроздаініи. Г. Каси овъ. 1908. Ц. 1 р.

Кей, Э. Личность и красота. Ч. I. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Красовскій, С. О языкахъ и нравахъ. Приведеніе подтверждающихъ наблюденій правильности «таблицы членораздѣльныхъ звуковъ и ощущеній». Вып. 2-й. Спб. 1908. Ц. 65 к.

Кудряковъ, П. Абсолютизмъ или релятивизмъ? Опытъ историко-критическаго изученія чистаго эмпиризма новѣйшаго времени

въ его отношеній къ нравственности и религіи. Вып. I. Кіевъ 1908. Ц. 2 р.

Лосскій, Н. Обоснованіе интуитивизма. Пропедевтическая теорія знанія. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Махъ, Э. Познаніе и заблужденіе. Очерки по психологіи изслѣдованія. М. 1908. Ц. 1 р. 75 к.

Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Томъ I. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Руссо, Ж. О вліяніи наукъ на нравы Спб. 1908. Ц. 30 к.

Седиръ, П. Индійскій факризмъ или прагматическая школа упражненій для развитія психическихъ способностей. Спб. Ц. 1 р.

Серебренниковъ, В. Прэф. Лейбницъ, и его ученіе о душѣ чловѣка. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Стариновъ. Основы развитія и совершенствованія труда и пути ихъ примѣненія. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Трайнъ, П. Что ищетъ весь свѣтъ. М. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

— Образованіе характера мыслительными силами. М. 1908. П. 20 к.

— Навышнее, что намъ извѣстно М. 1908. Ц. 50 к.

Хиромантія по Дебаролу и др. Опредѣленіе чловѣческаго характера и свойствъ его душевныхъ качествъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Церетели, Г. Новоткрытая комедія Менандра. Спб. 1908. Ц. 30 к.

III. Словесность.

Александровъ, В. На родной почвѣ въ силу свѣта и добра. Картины и сцены изъ народной жизни. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Амфитеатовъ, А. Сумерки божковъ. Романъ. Ч. II. Крестьянская война. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, Л. Собраніе сочиненій томъ 5-й, изд. «Шиповникъ». Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Арцыбашевъ, М. Разказы Томъ 4-й. Человѣческая волна. Милліоны. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Бальмонтъ, К. Полное собраніе стиховъ. Т. II. Горящія зданія. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Т. III. Вудежъ какъ солнце. Ц. 1 р. 50 к.

Барскій и Лучанскій, П. Завязь. Стихотворенія. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Беззащитные. Дѣло учителя И. Ф. Лебединскаго. Воронежъ. 1908. Ц. 20 к.

Будринъ, В. Стихотворенія. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Бѣлоконскій, И. Разказы т. I. Деревенскія впечатлѣнія. Изъ записокъ земскаго статистика. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлая роза. Драматическая сказка въ 5 картинахъ. 1908. Ц. 50 к.

Вербичная, А. Разсвѣтъ. Дѣти вѣка. Драма въ 5 д. М. 1909. Ц. 1 р.

Взыскующіе града. Еврейскій сборникъ. III. Ашъ, Л. Перецъ, Г. Номбергъ, Д. Пинскій, А. Рейзинъ, П. Гиршбейтъ. Спб. 1908. II. 1 р.

Видъ, Г. Веселыя исторіи. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій Т. 6-й Увратъ царства. Драма жизни. Закатъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій, Т. 7-й. Викторія. Въ свазочной странѣ. Изд. Шиповникъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 40 к.

Гринъ, А. За закрытыми дверями. Романъ. Спб. 1908. П. 75 к.

Гринъ, А. Медальонъ. Полное изложеніе и разгадка таинственнаго дѣла дома Муровъ. Спб. 1908. П. 60 к.

Доброхотовъ, А. Карьера Леонида Андреева. Этюдъ о популярности, арлекинахъ и толщѣ. М. 1909. Ц. 20 к.

Долороза. Трагедія плодовитости. Спб. 1909. П. 1 р.

Дуннанъ, А. Танецъ будущаго. М. 1908. Ц. 20 к.

Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. 1766—1808. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Малчужскій, А. Аккорды. Стихи. М. 1908. Ц. 1 р.

Наменскій, А. Разказы. Томъ 2-й. Спб. Ниллингъ. Разказы. Спб. Ц. 1 р.

Монопнищная, М. Разказы. Т. I, Спб. 1908. Ц. 1 р.

Крыловъ, В. (В. Александровъ). Прозаическія сочиненія въ 2 томахъ. Спб. 1908. Пѣна за оба тома 4 р.

- Леморисъ, Майоръ Мардохей. Харьковъ. 1908. г. Ц. 50 к.
- Луисъ П. Загадочная женщина. Испанскій романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Мейеръ-Ферстрэръ, В. Старый Гейдельбергъ. Романъ изъ жизни нѣмецкихъ студентовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Метерлинкъ, М. Синяя птица. Сказка. М. 1908. Ц. 10 к.
- Минцловъ, С. На зарѣ вѣка. Историческій романъ изъ эпохи смутнаго времени. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Михайловскій, Н. Полное собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Нараяна. Хитопадета. Доброе наставленіе. Сборникъ древнѣйшихъ разсказовъ. Юрьевъ. 1908. Ц. 1 р.
- Николаевъ, Н. Москва въ огнѣ. 1905—1907 Очерки недавняго прошлаго. М. 1908. Ц. 60 к.
- Падшій херувимъ. Въ поискахъ за чело-вѣкомъ. Кіевъ. 1908. Ц. 60 к.
- Петрусовичъ, В. Изъ недавняго прошлаго. Статьи, очерки и разсказы по разнымъ вопросамъ жизни. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Превю, М. Буржуазная ложь. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Прессъ, А. Въ царствѣ книгъ. Очерки и портреты. Т. 2. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Пишибшевскій, С. У моря. М. 1908. Ц. 85 к.
- Сборникъ молодой исландской литературы со вступительной статьей проф. К. Кюхляера. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Сборникъ товарищества «Знанія» за 1908 г. Книга двадцать четвертая. Спб. Ц. 1 р.
- Силонъ, И. (К. Шульцъ). Онъ и онъ. Вергалионъ. Очеркъ. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Сиротининъ, А. Вездѣ о русской словесности. Спб. 1909. Ц. 1 р. 35 к.
- Сологубъ, Ѳ Тяжелые сны. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Слодохи. Сборникъ, книга 4-я. М. 1908. Ц. 1 р.
- Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Томъ 2. Адь. Романъ. Продолженіе „Исповѣди глупца“. М. 1909. Ц. 1 р.
- Строшевскій, В. Разсказы. Т. I. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Тетмайръ, К. Собраніе сочиненій. т. 5-й Гибель. Продолженіе „Ангела Смерти“. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Тимновскій, Н. Повѣсти и разсказы Т. 4-й. М. 1909. Ц. 1 р.
- Топорскій, М. Стихотворенія, съ рисунками Н. Каразина. Москва. 1908. Ц. 2 р.
- Трубниковъ, А. Моя Италия. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Уайльдъ, О. Портретъ Доріана Грея. М. 1908. ц. 75 к.
- Уэльсъ. 50 тысячъ лѣтъ назадъ, разсказъ изъ каменнаго вѣка. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Федоровъ, А. За океанъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Францъ, А. Островъ Пингвиновъ Спб. 1908. Ц. 1 р. 40 к.
- Фругъ, С. Пѣсни исхода. Стихи. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Чуковский, К. Отъ Чехова до нашихъ дней. Литературные портреты-характеристики. Изд. 3. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Шевченко, Т. Кобзарь. На малороссійскомъ яз. 1908. Ц. 60 к.
- Шекспиръ. Крещенскій вечеръ или все что хогите. Переводъ П. П. Гавдича. Спб. 1908. Цѣна въ перекл. 1 р.
- Шемшуринъ А. Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шницлеръ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Дорога къ волѣ. М. 1908. Ц. 1 р.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Айхенвальдъ, Ю. Пушкинъ. М. 1908. Ц. 80 к.
- Андерсонъ, В. Старообрядчество и сектантство. Историческій очеркъ русскаго религіознаго разномыслія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Бейнингенъ, ванъ, Ф. Нѣсколько словъ о папствѣ. Краткое извлеченіе изъ сочиненія графа Хэнсбрэхъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Берлинъ, П. Карлъ Марксъ и его время. М. 1908. Ц. 1 р.
- Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій, т. 9 и 10. Натурализмъ въ Англии (окончаніе). Романтическая школа во Франціи (начало и окончаніе). Спб. 1908. Ц. каждаго тома по 75 к.
- Былины новой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Подъ редакціей проф. В. Ѳ. Миллера. М. 1908. Ц. 2 р.
- Введенскій, А. Общественное самосознаніе въ русскои литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Венгеровъ, С. Основныя черты исторія новейшей русской литературы. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Vergoun, D. La poussée allemande vers l'est. Démontrée par des chiffres et des faits. Спб. 1908. Ц. 70 к.
- Вертоградскій, Н. Нарвскій триумфальный щитъ. Изъ нарвской художественной старины. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Випперъ, Р. Очерки исторіи Римской Имперіи. М. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Волнова, Е. Пророкъ «разумнаго общества»! Робертъ Оуэнъ. Его жизнь и дѣятельность. М. 1908. Ц. 40 к.
- Врадій, В. Матеріалы по изученію оружейныхъ и охотничьихъ предметовъ сибирскихъ музеевъ. Часть 3-я. Спб. 1908. Ц. 85 к.
- Герье, В. Фривцискъ. Апостолъ нищегы и любви. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Данилинъ, Я. Саннинъ въ свѣтъ русской критики. М. 1908. Ц. 40 к.
- Д'Оревилль Барбе, Ж. Жизнь, личность и творчество. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Жуковский, Ю. XIX вѣкъ и его нравственная культура. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ I. Спб. 1908. Цѣна по подпискѣ за всѣ 3 тома 30 руб.
- В. К. В. В. Андреевъ и его великорусскій оркестръ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Карлейль, Т. Герои, почитаніе героев и

- героическое въ исторіи. Изд. 3-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Кораблевъ, в. Боснія и Герцеговина. Ихъ прошлое и настоящее. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Нубе, о. Кошмары жизни. Критически-психологическій очеркъ о Л. Андреевѣ, Пшибышевскомъ и др. совр. писателяхъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Нулиновъ, Б. Джордано Вруно. Публичная лекція. Харьковъ. 1908. Ц. 35 к.
- Нурландскія «дѣйства» въ 1812 г. Историко-политическій очеркъ. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Лене, л. Славянская миеологія. Воронежъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Лео, фр. Очеркъ исторіи римской литературы. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Лозинскій, с. Исторія Вельгіи и Голландіи въ новое время. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Масловъ, с. Казанье Мелетія Смотрицкаго на честный погребъ о. Леонтія Карповича. Кіевъ. 1908. Ц. 60 к.
- Памяти Д. И. Менделѣева. Семейная хроника въ письмахъ матери, отца, брата, сестеръ, дяди Д. И. Менделѣева. Воспоминанія о Д. И. Менделѣевѣ его племянницы Н. Я. Губкиной. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Писаревскій, г. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. М. 1909. Ц. 3 р.
- Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. 6-й. Спб. 1908. 75 к.
- Тоже вып. 7-й. Ц. 75 к.
- Пыпинъ, а. Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4-е. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Рудановъ, в. Четырнадцатый археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Савеловъ, л. Лекціи по русской генеалогіи. М. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Санулинъ, п. Новая русская литература. (Александровская эпоха). М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Салихъ Мухаммедъ. Шейбани-наме, Джагатайскій текстъ. Спб. 1908. Ц. 4 р.
- Сиповскій, в. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. 2, вып. 5. Русская литература 30—40 годовъ XIX в. Больцовъ. Лермонтовъ. Вѣлинскій. Спб. 1908. Ц. въ переп. 1 р. 40 к.
- Смирновъ, а. Курсъ исторіи религіи. Казань. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Смирновъ, п. Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. По неизданнымъ памятникамъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Фаресовъ, а. Забытая писательница и ея заслуги. (Л. Х. Симонова-Хохрякова). Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Шахматовъ, а. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ дѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Штернбергъ, л. Матеріалы по изученію гиліяцкаго языка и фольклора. Т. I. Образцы народной словесности. Ч. 1-я Эпосъ, поэмы и сказанія. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Яворскій, ю. Къ исторіи карпато-русскаго фольклора XVIII вѣка. Харьковъ. 1908. Ц. 20 к.
- Его же. Малорусскій отрывокъ Измарсда XVII в. Ц. 30 к.

V. Сельское хозяйство.

- Автальонъ, а. Борьба хлопка и льна. Съ приложеніемъ статьи бар. А. А. Нольде-льноводство и льняная промышленность въ Россіи. М. 1909. Ц. 1 р.
- Андріашевъ, а. Руководство къ разумному пчеловодству, съ приложеніемъ календаря и таблицы пчеловодства. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Богданъ, в. Кукуруза «Чудо-растеніе». Кишиневъ. 1908. Ц. 15 к.
- Дмитріевъ, м. Настоящее и недалекое будущее русскаго хлѣбопашества. Руководство тѣмъ, кто страдаетъ отъ неурожаевъ, задолженности и низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. М. 1908. Ц. 50 к.
- Засухинъ, и. Хмелеводство. Руководство по культурѣ хмеля. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Зубрилинъ, а. Улучшеніе крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ. Вып. 2. Земледѣльческія орудія и машины. М. 1909. Ц. 50 к.
- Иичуновъ, н. Культура огороднаго ревеня. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Ностычевъ, п. Общедоступное руководство къ земледѣлію. Изд. 5-е. М. 1909. Ц. 50 к.
- Краткое описание содержанія, ухода и развода комнатныхъ птицъ и вѣррей. Объ уходѣ за аквариумомъ и террариумомъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Новорусскій, м. Грибное царство. Всѣмъ доступный разсказъ о грибахъ и ихъ жизни. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Памяти А. И. Чупрова. Опыты съ минеральными удобреніями на крестьянскихъ земляхъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- Самборскій, с. О молокѣ при болѣзняхъ коровъ. Распознаваніе качества молока и способы обезвреживанія его. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Шрейнеръ, я. О нѣкоторыхъ бабочкахъ, вредящихъ плодовымъ садамъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Слоники и яблонный долгоносикъ, вредящіе плодовымъ садамъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

- Арнольдъ, э. Динамомашина постояннаго тока. Теорія, испытаніе, конструкція, расчетъ и работа ея. Томъ I. Спб. 1908. Ц. 5 р.
- Афросимовъ, п. Начала строительнаго искусства и курсъ желѣзнодорожнаго дѣла. Изд. 3-е. Спб. 1908. Цѣна съ атл. 2 р.

- Бедринскій, Н. и Селецій, С. Атласъ ручного труда по работамъ изъ дерева, для низшихъ училищъ. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Вернадскій, В. Опытъ описательной минералогіи. Томъ I. Самородные элементы, в. I. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.
- «Всемирное Техническое Обзорніе», № 23, 1908. Ц. 60 к.
- Высочинъ, Д. Вельгійскіе кандалы. По поводу трамвайнаго соглашения. Харьковъ. 1908. Ц. 1 р.
- Глушниковъ, И. Руководство къ буренію скважинъ. Ч. 2-я. Вуреніе съ помощью яса и фрейфаала. М. 1908. Ц. 5 р. 50 к.
- Глѣбовъ, Н. Координаты. Введеніе. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Гурнеевъ, С. Прикладная механика. Курсъ среднихъ техническихъ училищъ. Спб. 1908. Ц. 2 р. 80 к.
- Даниловъ, Ф. Биологическая очистка городскихскихъ, домовыхъ и фабричныхъ сточныхъ водъ. М. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Даниловъ, Ф. и Меркуловъ, А. Сборникъ примѣрныхъ плановъ больницъ, амбулаторій, заразныхъ, родильныхъ и др. специальныхъ отдѣленій, а также нѣкоторыхъ больничныхъ службъ. Спб. 1908. Ц. 2 р. 70 к.
- Ефремовъ, А. Водоотводныя каналы и примѣненіе ихъ въ дорожномъ строительствѣ. Пособіе для инженеровъ и техникумовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Лангбейнъ, Г. Полное руководство къ осажденію металловъ гальваническимъ путемъ. Спб. 1909. Ц. 4 р. 50 к.
- Ланге, Ю. Инструкція для гидротехническихъ взысканій на общественныхъ работахъ 1907 г. въ Новоузенскомъ уездѣ Самарской губ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Мышанъ, В. и Вышинскій, П. Мотивы современной архитектуры. Вып. 2-й. Спб. 1908. Ц. 5 р.
- Н. Т. О севастопольскомъ каботажномъ портѣ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Петренко, А. Къ вопросу о водоснабженіи портовъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Правила и нормы для электрическихъ устройствъ сильныхъ токовъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Пушечниковъ, А. О современномъ положеніи нѣкоторыхъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Орелъ. 1908. Ц. 20 к.
- Ронсимень, В. Краткое общедоступное руководство по газовымъ и нефтянымъ двигателямъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Рѣзцовъ, Н. и Шевлягинъ, Н. Испытанія бумагъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Самусъ, А. Гидравлика и гидравлическіе двигатели. Спб. 1908. Ц. 5 р. 40 к.
- Свенторнецій, Л. Руководство по электрическому освѣщенію. Спб. 1909. Ц. 5 р. 40 к.
- Соколовъ, П. Элементарный статическій расчетъ куполовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Стори, В. Дешевыя постройки. 75 проектовъ домовъ, дачъ, садовыхъ бесѣдокъ, оградъ, палисадниковъ, купаленъ и др. служебныхъ построекъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Тайлоръ, Ф. Объ искусствѣ обработки металовъ рѣзаніемъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- Тимоновъ, В. Морскія сообщенія и портовые сооружения. Эллипсисъ и доки. Ч. I. Судостроительные заводы. Устройство и оборудованіе продольныхъ и поперечныхъ судостроительныхъ эллинговъ, судостроительныхъ бассейновъ и пр. и пр. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Тихомандрицкій, М. Дифференціальная геометрія пространства и измѣреній. Харьковъ. 1908. Ц. 3 р.
- Филипповъ, А. Керамика. Восстановительный огонь и глазури съ металлическими отблесками. М. 1907. Ц. 50 к.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

- Балабановъ, М. Фабричные законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Боровиновскій, А. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента и Общаго Собранія Кассационныхъ и I и II Департаментовъ Правительствующаго Сената. Изд. 6-е. Исправилъ и дополнилъ П. Н. Гуссаковскій. Спб. 1908. Ц. 6 р. 50 к.
- Вар—сній, И. Конспектъ по исторіи русскаго права (по курсамъ проф. Дяконова и Сергѣевича). Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Воблый, К. Статистика. Курсъ лекцій, читанный въ университетѣ св. Владиміра въ осеннемъ семестрѣ 1907—8 г. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р. 25 к.
- Вспомогательныя школы. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Герцогъ Аргайльскій. Ответственность Англіи въ восточномъ вопросѣ. Факты и воспоминанія за сорокъ лѣтъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Грингмутъ, В. Собраніе статей. Вып. 1-й. Политическія статьи. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Громогласовъ, И. Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго браказаключенія. Вып. I. Введеніе. — Опредѣленіе брака въ 48 гл. Кормчей. Сергѣевъ-Посадъ. 1908. Ц. 2 р.
- Дунмасовъ, А. Къ вопросу о мѣстномъ судѣ. Ватутъ. 1908. Ц. 35 к.
- Жидъ, Ш. Кооперация. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Завадскій, А. О проектѣ Министра Юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда. Казань. 1908. Ц. 30 к.
- Записки хуторянина. Къ матеріаламъ для діагноза русской смуты. Думы и думки хуторянъ, вылитыя своевременно въ XVI посланіяхъ на гектографѣ къ русской власти и революціонерамъ партіи дѣяствія. Книжки 1-я и 2-я. Спб. 1908. Ц. 45 к.
- Конспектъ курса церковнаго права, составленъ примѣнительно къ программѣ. Спб. 1908. Ц. 85 к.
- Крюковскій, В. и Товстольскій, Н. Элемен-

- тарныя свѣдѣнія по гражданскому праву и процессу. Вильна. 1908. Ц. 40 к.
- Учебник законовѣдѣнія для коммерческихъ училищъ и торговыхъ школъ. Вып. 1-й. Ц. 65 к. Вып. 2-й Ц. 65 к.
- Лебедевъ, Д. О потребительныхъ обществахъ, ихъ пользы и устройствѣ, М. 1909. Ц. 15 к.
- Литвиновъ-Фалинскій, В. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Изд. 4-е дополн. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Марисъ, И. Капиталъ. Критика политической экономіи. Томъ I, книга 1-я. Процессъ производства капитала. М. 1909. Ц. 2 р. 75 к.
- Мартыновъ, П. Денежныя взысканія съ желѣзныхъ дорогъ по претензіямъ за ущербъ перевозки, переборъ, просрочку и проч. Вып. I. Ростовъ-Донъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Медвѣдевъ, П. Пробужденіе Турціи. Очеркъ. Саратовъ. 1908. Ц. 15 к.
- Мицуринъ, Ф. Оплата гербовымъ сборомъ торговыхъ сдѣлокъ. М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Николаевъ, А. Теорія и практика кооперации. М. 1908. Ц. 95 к.
- Озеровъ, И. Атласъ діаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Вып. 6-й. Наши задержанныя потребности. М. 1909. Ц. 35 к.
- Основные черты науки финансоваго права. Составлено специалистами по курсу проф. И. Озерова, сообразно съ анзнаціонанными требованіями въ Спб. и Московскомъ университетахъ. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Очерки сельско-хозяйственнаго строя въ Бельгіи. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Паленко, И. Ученіе о существѣ права и правовой обязанности государства. Харьковъ. 1908. Ц. 2 р.
- Повторительный курсъ Русскаго Гражданскаго Права. Части общія и особенная. Составленъ примѣнительно по курсамъ: Шершеневича, Мейера, Васильевскаго, Анненкова и др. Спб. 1908. Ц. 1 р. 90 к.
- Рейснеръ, М. Теорія Л. I. Петражицкаго, марксизмъ и социальная идеологія. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Ролленъ Трактатъ объ образованіи. М. 1908. Ц. 2 р.
- Самаринъ, Ф. О юридическихъ послѣдствіяхъ отъѣны выкупныхъ платежей по манифесту 3 ноября 1905 г. М. 1908. Ц. 30 к.
- Сборникъ заключенныхъ Россіей дѣйствующихихъ конвенцій о выдачѣ преступниковъ и о непосредственныхъ сношеніяхъ русскихихъ пограничныхъ судебныхъ учрежденийъ съ иностранными судебными мѣстами. Особое приложеніе къ настольной книгѣ криминалиста-практика. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Селигманъ, Ф. Этюды по теоріи обложения. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Степанова, Е. I. Демократизація техническихъ знаній въ Европѣ. II. Развитие ремесленнаго образованія въ Австріи за послѣднее десятилѣтіе. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Трегубовъ, С. Настольная книга криминалиста-практика. Алфавитный указатель юридической литературы, разъясненій Уголовнаго Кассационнаго департамента, Общаго Собранія, Соединенныхъ присутствій I и Кассационныхъ и I и Уголовнаго Кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената, Высшаго Дисциплин. присутствія и циркуляровъ М-ва Юстиціи по вопросамъ уголовного права и судопроизводства. Томъ I-й. 1894—1908. Спб. Ц. 4 р. 50 к.
- Уставъ Духовныхъ Консисторій. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Шершеневичъ, Г. Курсъ торговаго права. Т. II. Товаръ. Торговныя сдѣлки. Изд. 4-е. Спб. 1908. Въ перепл. 4 р.
- Шапошниковъ, Г. Руководство къ самостоятельному веденію дѣлъ въ коммерческихъ судахъ, съ приложеніемъ формъ прошеній, заявленій и отзывовъ, примѣняемыхъ въ практикѣ судопроизводства по торговымъ дѣламъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Эрзинъ, М. Устои правды. Спб. 1907. Ц. 30 к.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

- Андріановъ, П. и Толкушинъ, Б. Справочная книжка военнаго врача и пособие для рѣшенія санитарно-тактическихъ задачъ. Одесса. 1908. Ц. 2 р. 25 к.
- Вейнгеръ, Л. Краткое руководство по общей и частной рецептурѣ съ описаніемъ препаратовъ, не вошедъ ихъ въ руссію фармакопею. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- *Винцлеръ. Гигиена рта и зубовъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Цѣна. въ перепл. 60 к.
- Галанинъ, М. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изд. 5-е. Спб. 1908. Ц. 1 р. 80 к.
- Гаммонъ, У. Половое бесиліе и его леченіе. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Звѣржховскій, Ф. Основы дентіатріи. Руководство для врачей и студентовъ. Вып. I. Анатомія полости рта и зубовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Майеръ, Г. Первая помощь при внезапныхъ заболѣваніяхъ и въ несчастныхъ случаяхъ. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Мюллеръ, I. Новѣйшая гигиена. М. 1908. Ц. 1 р.
- Поляновъ, П. Основы гистологіи съ элементами эмбриологіи человѣка и позвоночныхъ. Ч. 2. Вып. I. Микроскопическая анатомія и эмбриологія органовъ и системъ. Юрьевъ. 1909. Ц. 5 р.
- Рѣчи на открытіи общества борьбы съ раковыми заболѣваніями въ Петербургѣ 1 мая 1908 г. Ц. 40 к.
- Tigerstedt, R. Учебникъ физиологіи человѣка. Т. I-й. Спб. 1909. Ц. 4 р.

IX. Искусство.

- Альбомъ** Международной Художественно-Промышленной выставки мебели, вып. 1. Спб. 1908. Цѣна по подпискѣ 7 р. 50 к. Глаголинъ, Б. О рецензіяхъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Журналъ** Театра Литературно-Художественнаго Общества № 5, 6, 7, 8. 1908—9. Ц. по 15 к.
- Императорская Академія Художествъ.** Галерея графа Н. А. Куселева-Везбородко. Текстъ М. М. Дальневича. Вып. 1. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Истоминъ, П.** На гитарѣ готовые аккомпанименты 100 любимѣйшихъ цыганскихъ романсовъ для пѣнія. Вып. 1-й. М. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Кранъ, О.** Эстетика и критика (законы искусства). Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Моклеръ, И.** Импрессионизмъ, его исторія, его эстетика, его мастера. М. 1909. Ц. 2 р.
- Никольская, П.** Руководство къ сниманію восковыхъ копій съ живыхъ цвѣтвъ по премированному способу. Славянскъ. 1908. Ц. 95 к.
- Поспѣлова-Гутцугъ, М.** Учебникъ класснаго преподаванія женскихъ руководій вып. 5-й. Чинка и штопка. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Ростовцевъ, М.** Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ. Съ 20 фототипическими таблицами и 20 рис. въ текстѣ. Спб. 1908. Ц. 3 р.

X. Военное и морское дѣло.

- Андогский, А.** Учебникъ элементарной тактики. Отдѣлъ I-й. Вступленіе. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Андріановъ и Главацій.** Курсъ военной топографіи. В. 1. Одесса. 1908. Ц. 45 к.
- Гривно-Домбровский, А. и Лупуловъ, А.** Доблестная служба солдата въ мирное время. М. 1908. Ц. 65 к.
- Грулевъ, М.** Въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока. Ч. 2-я. Отъ Японна до конца войны. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Добровольскій.** Справочная книжка разведчика. М. 1908. Ц. 1 р.
- Русскій торговый флотъ.** Списокъ судовъ къ 1 января 1908. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Рэули, Р.** Десять мѣсяцевъ на Японско-Русской войнѣ. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Труды Россійскаго Морского союза.** Июль—августъ. 1908. Ц. 50 к.
- Фонъ-дёръ-Гольцъ, баронъ.** Солдаты въ бою. Спб. 1909. Ц. 20 к.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Вудъ-Алленъ, М.** Что надо бы знать дѣвчкѣ. (Продолженіе книги: «Что надо бы знать довичкѣ»). Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Додель, А.** Эрнстъ Геккель какъ воспитатель. 1909. Ц. 75 к.
- Набановъ, Н.** Первая эсперантская книга для чтенія съ грамматикой и словаремъ. М. 1909. Ц. 25 к.
- Лэди.** Путь къ знанію. Вестды съ дѣтми въ вопросахъ и отвѣтахъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Минюевъ, П.** Вечерніе дополнительные школы и курсы въ Англии. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Минюевскій, М.** Ключъ ко всѣмъ переводамъ и статьямъ учебника латинскаго языка М. Михайловскаго. Одесса. 1909. Ц. 60к.
- Нелидовъ, З.** Сочиненія и планы. Часть 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Половъ, П.** Краткое введеніе къ изученію китайскаго языка. Токогама. 1908. Ц. 1 р.
- Приюты-школы для дѣтей идиотовъ и эпилептиковъ въ Швейцаріи, Франціи и Германіи.** Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Толстой, Л.** Избранныя мысли о воспитаніи и образованіи. М. 1909. Ц. 25 к.
- Его же.** Кругъ чтенія. Избранныя собранія и расположенныя на каждыи день. Т. I. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к. и 3 р.

XII. Книги для дѣтей и юношества.

- Бернеттъ, Ф.** Маленькая принцесса. Приключеніе Сары Кру. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- «Золотое Дѣтство»**, журналъ для дѣтей. № 24. 1908. 20 к.
- Ноллоди, Ч.** Шновокю приключенія деревяннаго мальчика. Спб. 1908. Ц. въ переплетѣ 1 р.
- Осипова, А.** Три строки, историческая повѣсть для юношества изъ временъ царствованія Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Офросимова, Е.** Ниночка, Трошка и Мартыничъ. Два разсказа для дѣтей. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

- Радичъ, В. Вратья. Вся для другихъ.** Два разсказа. Спб. 1909. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к.
- Рогова, О. Сынъ Гетмана. Историческая повѣсть для юношества.** Изд. 4-е. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Рубининъ, Н. Какъ, когда и почему появились люди на землѣ?** Спб. 1909. Ц. 40 к.
- **Дѣдушка время. Новогодняя сказка, разсказанная книжнымъ червякомъ.** Ц. 35 к.
- **Путешественники и переселенцы въ царствѣ животныхъ.** Ц. 25 к.
- **Какъ и когда разные народы научились говорить каждый на своемъ языкѣ.** Ц. 15 коп.
- Русановъ, В. Русскіе изобрѣтатели. Біографическіе очерки.** Спб. 1908. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.
- Свирскій, А. Дѣти улицы.** Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Сегюръ. Добрый маленькій чертенокъ. Повѣсть для дѣтей.** Спб. 1908. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Сеневичъ, Г. Трилогія. Огнемъ и мечомъ. Потопъ. Нанъ Володыевскій. Изданіе для юношества съ иллюстр.,** Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Толиѣтрова, А. Левъ Толстой для дѣтей.** Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Трубачева, А. Въ царствѣ грезъ. Сказки.** Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Чарская, Л. Сказки голубой феи.** Спб. 1908. Цѣна въ перепл. 1 р. 75 к.
- Эми ле-Феврѣ. Пуговица Тедди. Разсказъ для дѣтей.** Спб. 1908. Ц. 25 к.

XIII. Естествознаніе.

- Гизевнусъ, П. Сельско-хозяйственное при-
родовѣдѣніе. Руководство для низшихъ
сельско-хозяйственныхъ школъ, для на-
родныхъ училищъ и самообразования.** Спб.
1909. Ц. 65 к.
- Завьяловъ, В. Физиологическіе опыты.** Краткое руководство къ практическимъ за-
нятіямъ по физиологии животныхъ. Кіевъ.
1909. Ц. 80 к.
- Рах—овъ, Н. Марксизмъ и естествознаніе,
Чистый эмпиризмъ—энергетика—монизмъ.**
Рига, 1908. Ц. 50 к.

XIV. Физика, химія, математика.

- Анощенко, П. Сборникъ задачъ къ курсу
тригонометріи.** Харьковъ. 1909. Ц. 25 к.
- Biltz Heinrich und Biltz Wilhelm При-
мѣры для упражненій по неорганической
экспериментальной химіи.** Одесса. 1908.
Ц. 1 р. 90 к.
- Ипатьевъ, В. и Сапожниковъ, А. Краткій
курсъ химіи по программѣ кадетскихъ кор-
пусовъ.** Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Марновъ, А. Исчисленіе вѣроятностей.**
Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Разборный шаръ съ сѣченіями, состоящій
изъ 12 частей, для преподаванія геометріи,
черченія и рисованія. Изобрѣтеніе И. В.
Шварца. Охран. Минист. Торговли и Пром.
Ц. 20 р.**
- Розановъ, Н. Рѣшеніе основныхъ задачъ
качественнаго анализа. Пособіе для сту-
дентовъ.** Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Е. С.... Постоянныя эфемериды, позво-
ляющія опредѣлить различныя координаты
планетъ для всякой эпохи прошедшей и
будущей. Вазьма. 1908. Ц. 2 р. 50 к.**
- Селивановъ, Д. Везконечныя десятичныя
доби и ирраціональныя числа.** Спб. 1907.
Ц. 20 к.
- **Его же. Курсъ исчисленія конечныхъ
разностей.** Спб. 1908. Ц. 1 р. 75 к.
- Спарамскій, А. Краткій курсъ химіи. Изд.
2-е. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.**
- Шилевъ, Н. Записки по объемному анализу
Пособіе при первоначальномъ изученіи ме-
тодовъ титрованія. М. 1908. Ц. 1 р.**

XV. Коммерческія науки.

- Альмендингенъ, А. Практическое руковод-
ство для испытанія товаровъ.** Спб. Ц. 1 р.
25 коп.
- Балашовъ, В. Правила по ссуднымъ, скла-
дочнымъ и комиссіоннымъ операціямъ рус-
скихъ желѣзныхъ дорогъ, съ указаніемъ
всѣхъ относящихся въ этимъ операціямъ
таксъ и сборовъ.** Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Чеваминскій, А. Коммерческая географія
Россіи. Сравнительное обозрѣніе съ глав-
нѣйшими государствами міра.** Спб. 1909.
Ц. 1 р.

XVI. Географія.

- Извѣстія Русскаго Комитета для изуче-
нія Средней и Восточной Азіи въ исто-
рическомъ, археологическомъ, лингвисти-
ческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.
№ 1 по 8. Спб. Цѣна каждаго вып. по
50 к.**

- Логофеть, Д. На границах Средней Азии. Путевые очерки въ 3 кн. Спб. 1909. Цѣна Багдадо тома по 1 р. 25 к.
- Передольский, В. По Енисею. Быть енисейскихъ остояковъ. Спб. 1909. Ц. въ перепл. 1 р. 80 к.
- Россия и Великобританія въ Центральной Азии. Ташкентъ. 1908. Ц. 90 к.
- Сърошевский, В. Дальній Востокъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Холодовъ, Н. Уссурийскій край. Историко-географическое описаніе. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Шергинъ, Н. «Вогатства сѣвера». Путевыя замѣтки, очерки и рассказы. Спб. 1909. Ц. 85 к.

ХVII. Справочный отдѣлъ.

- Вегетарианская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія. М. 1909. Ц. 70 к.
- Всемирное техническое обозрѣніе. № 24. 1908. Ц. 60 к.
- Гермесь. Научно-популярный вѣстникъ античнаго міра. № 15, 16 и 17. 1908. Ц. по 30 к.
- Горнозаводчикъ и фабрикантъ, №№ 42, 43, 44 и 45. 1908. Ц. по 15 к.
- Кричевскій, И. Ницца и ея окрестности. Практическій путеводитель. Ницца. 1908. Ц. 1 р.
- Минушіе годы. Журналъ. № 10. 1908. Ц. 1 р.
- Московскій Еменедѣльникъ, №№ 40, 42 и 43. 1908. Ц. по 15 к.
- Народный календарь на 1909 годъ. Ц. 20 к.
- Наша Охота. Октябрь 1908 г. Ц. 60 к.
- Нестеровъ, К. и Нозловъ, А. Таблицы для расчета рабочихъ по часовой платѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 60 к.
- Окраины Россіи. №№ 43 и 44. 1908. Ц. 10 к.
- Официальный указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и другихъ пассажирскихъ сообщеній. Зимнее движеніе 1908—9 г. Изд. м-ва путей сообщенія. Ц. 80 к., въ перепл. 1 р. 10 к.
- Правила приѣма и программы вступительныхъ экзаменовъ въ 1909 г. въ младшіи спеціальныи и общеобразовательные классы Морского Корпуса. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Сибирские вѣпросы. № съ 29 по 38. 1908. Ц. по 30 к.
- Систематическій указатель къ педагогическому журналу «Народное Образование» за первые 12 лѣтъ его изданія (1896—1907 Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Славянскія извѣстія №№ 4—5. 1908. Ц. 50 к
- С.-Петербургскій студенческій календарь на 1908—6 уч. годъ. Ч. 1 и 2. Цѣна за обѣ части 20 к.
- Спутникъ по Россіи. Зима 1908—06 г. Рига. Ц. 60 к.
- Спутникъ техника. Техническій справочникъ, записная книжка и календарь. Спб. 1906. Ц. въ пер. 80 к.
- Страховое обозрѣніе. Ежемѣсячный журналъ. №№ 7 и 8 Ц. 1 р.
- Суворовъ, А. Латино-русскій словарь, расположенный по корнямъ. Варшава, -1908. Ц. 1 р. 60 к.
- Театръ, и Искусство №№ 41, 43, 44. 1908. Ц. по 20 коп.
- Фрумъ. Путеводитель по Россіи. Зимнее движеніе 1908—9 г. Ц. 70 к.
- Хугдъръ. Ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ. № 11. 1908. Ц. 40 к.

*) Изданія А. С. Суворова

При кандотъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, всего въ годъ 52 книги.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1909 ГОДЪ
(40-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-
ванный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1909 года:

52 №№ художественно-литературнаго
журнала „НИВА“, заключающаго въ
себѣ романы, повѣсти и рассказы;
снимки съ картинъ, рисунки, фото-
графы и иллюстраціи современныхъ событій.

52 КНИГИ отпечатанныя чет-
кимъ шрифтомъ
на хорошо глазированной бумагѣ
и содержащія:

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“,
содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи
современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, съѣски, шахма-
товъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ

22 КНИ-
ГАХЪ

МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО

Съ портретомъ и критико-биографическимъ очеркомъ.

(Цѣна существующаго изданія въ отд. продажъ безъ пересылки 14 руб.)

Талантомъ бытописателя и сатирика русской жизни примыкая къ Салтыкову-Щедрину и Глѣбу Успенскому, Мельниковъ-Печерскій въ то же время принадлежитъ къ художественной школѣ, изъ которой вышли Гончаровъ, Писемскій, Тургеневъ, гр. Левъ Толстой—эти великіе учителя русской жизни, освѣтившіе ея внутренній смыслъ. Всю жизнь провелъ Мельниковъ-Печерскій среди народа, изучая его съ любовью въ его истинной обстановкѣ. И, познавъ всю эту Русь, живымъ словомъ повѣдалъ намъ онъ о ней, повѣдалъ о такихъ сторонахъ ея, какихъ еще не касался до него ни одинъ нашъ художникъ слова. Его два романа—„ВЪ ЛѢСАХЪ“ и „НА ГОРАХЪ“—безпредѣльная картина быта русскаго народа, его жизни, вѣрованій, преданій.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ

18 КНИ-
ГАХЪ

ГЕНРИКА ИБСЕНА

Въ извѣстномъ переводѣ А. и П. Ганзенъ, удостоенномъ Академіей Наукъ почетнаго отзыва. Съ портретомъ, критико-биографич. очеркомъ и предисловіями къ пьесамъ.
(Цѣна существующаго изданія въ отдѣлн. продажъ безъ перес. 12 руб.)

Имя Ибсена извѣстно всему культурному міру. Пьесы его идутъ на всѣхъ европейскіхъ сценахъ, возбуждаютъ восторги и споры въ литературѣ, театрѣ, обществѣ, семьѣ. Мы считаемъ, что теперь каждому культурному человѣку интересно и желательно имѣть ихъ въ своей библиотекѣ.—„Самый сильный человѣкъ тотъ, кто одинъ“—вотъ символъ вѣры Ибсена. Гордо и смѣло выступилъ онъ безпощаднымъ судьей общества и его условности понятій. Ибсенъ—въ вѣчномъ разладѣ съ обществомъ, съ тѣмъ сплоченнымъ большинствомъ, которое онъ считаетъ самымъ опаснымъ врагомъ свободы и истины. Идеализмомъ проникнуто каждое слово Ибсена. Онъ хочетъ сказать намъ, что нельзя долго жить такъ, какъ мы живемъ. Это—одинъ изъ тѣхъ сильныхъ умовъ, которые подготовили переживаемый нами великій умственный поворотъ отъ разрушительныхъ теорій къ создающей философской и художественной работѣ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“. До
200 столбцовъ текста и 300 модныхъ
гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для
отвѣтовъ на разнообразные вопросы
подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300)
для рукодѣльныхъ и вышивальныхъ ра-
ботъ и для выжиганія и до 300 чер-
теной выкроекъ въ натуральную ве-
личину.

1 „ОТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1909 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСКА ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Пе- } безъ доставки . . . 6 р. 50 к.

тербургъ: } съ доставкой . . . 7 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печков-
ской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз.
„Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣста
Россіи. **8** р.
За границу—12 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. ■
Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Открыта подписка на 1909 годъ

на еженедельный иллюстрированный журналъ
путешествій и приключеній на СУШѢ
и на МОРѢ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

XXV

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА ПОЛУЧАТЬ:

50 №№ **ЖУРНАЛА**, содержащаго 1200 столбцовъ обильно иллюстрированного текста. Въ ВИДУ ЮБИЛЕЙНАГО ГОДА ИЗДАНІЯ, журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ будетъ выходить въ 1909 г. въ УВЕЛИЧЕННОМЪ ОБЪЕМѢ и съ заглавными рисунками на первой полостѣ, ИСПОЛНЕННЫМИ въ КРАСКАХЪ, ПО ОБРАЗЦУ ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

12 **КНИГЪ** иллюстрированныхъ сочиненій блестящаго современнаго англійскаго писателя-реалиста
Р. КИПЛИНГА,

получившаго въ 1907 г. на международномъ конкурсѣ представителей литературы премию НОБЕЛЯ за гуманитарное направленіе своихъ произведеній.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ ДЖУНГЛЯХЪ. Очерки и разск. изъ индійск. природы. — ХРАБРЫЕ КАПИТАНЫ. Разсказы изъ жизни америк. моряковъ. — ПРОСТЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ХОЛМИСТОЙ СТРАНЫ. Изъ жизни обитателей предгорья Гималаевъ. — ГОРОДЪ СТРАШНОЙ НОЧИ и др. разск. изъ индійск. жизни. — САМАЯ ЧУДНАЯ ИСТОРИЯ въ МІРѢ. — ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЮНАГО ТИБЕТЦА КИМА, свѣлавашагося Далай-ламой. — НАУЛАКИ. Разск. съ Запада и Востока. — ИЗЪ МОРЯ въ МОРЕ. (Индія, Китай, Японія, Америка). И т. д.

12 **КНИГЪ** иллюстрированныхъ сочиненій современнаго англійскаго писателя-утописта
ГЕНРИ УЭЛЬСА.

Г. Уэльсъ является какъ бы преемникомъ творчества Жюль Верна въ области фантастической литературы, но онъ значительно шире и глубже послѣдняго. Исходя изъ научныхъ данныхъ, при помощи своего неистощимаго воображенія, Уэльсъ необычайно увлекательно описываетъ жизнь будущаго человѣчества и будучаго завоеванія человѣческаго гениа въ области физическаго науки, медицины, техники, воздухоплаванія, военнаго дѣла и т. д.

СОДЕРЖАНІЕ: Романы, повѣсти и разсказы: ВОЙНА МИРОВЪ. — ЧЕЛОВѢКЪ НЕВИДИМКА. — КОГДА СПЯЩІЙ ПРОБУДИТСЯ. — ЖЕНЩИНА СЪ МОРЯ. — ПИЩА БОГОВЪ. — СОВРЕМЕННАЯ УТОПИЯ. — ВО ДНИ КОМЕТЫ. — ВЕЛИКАНЫ ВОЗДУХА. — ТЕХНИКА БУДУЩАГО. — ПОХИЩЕННАЯ БАЦИЛЛА. — РАЗСКАЗЫ О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВѢ. — ЗАВОЕВАТЕЛИ ВОЗДУХА. И т. д.

Въ виду особаго интереса, который возбуждаетъ теперь повсюду т. наз. „ЖИВАЯ ФОТОГРАФІЯ“, г.г. подписчики, по внесеніи годной подписной платы, получаютъ особымъ безплатнымъ приложеніемъ иллюстрированную КНИГУ:

СИНЕМАТОГРАФЪ, его происхожденіе, устройство, общественное и научное значеніе.

Кромѣ того, съ приплатою ОДНОГО РУБЛЯ подписчики „Вокругъ Свѣта“ получаютъ:

12 **ВЫПУСКОВЪ** общедоступной зоологической **МІРЪ ЖИВОТНЫХЪ**

составленъ подъ редакц. англійск. натуралиста Чарльса Корнишъ

въ **ФОТОГРАФІЯХЪ** съ **НАТУРЫ**, изданной въ видѣ солиднаго альбома, содержащаго животнаго вѣтъ частей свѣта въ ихъ природной обстановкѣ. Это содержательное изданіе, стоящее въ отдѣльной продажѣ 3 рубля, является цѣннымъ и полезнымъ приобрѣтеніемъ для каждой семьи и школы, для каждаго любителя природы.

4 Цѣна на ГОДЪ безъ альбома „Міръ животныхъ въ фот. съ натуръ“ съ перес. и доставк.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюля 1 р. Адресъ конторы журн. „ВОКРУГЪ СВѢТА“: Москва, Тверская улица, домъ Т-ва И. Д. Сытина. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

5 Цѣна на ГОДЪ съ альбомомъ „Міръ животныхъ въ фот. съ натуръ“ съ перес. и доставк.

III-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 ГОДЪ

НА

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ

журналъ для всѣхъ

подъ редакціей А. В. Круглова, при близк. участіи въ дѣлахъ редакціи А. Н. Догановичъ, при сотрудничествѣ известныхъ писателей и ученыхъ. (Допущенъ въ ротн. бібліотеки военныхъ училищъ.)

Программа журнала ОБЫЧНАЯ ДЛЯ ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ИЗДАНИЙ:

- I.—Литературно-научный отдѣлъ (стихи, романы, повѣсти и пр. статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы, этнографич., историческіе и др. очерки и пр.).
- II.—Книжное обозрѣніе (Статьи по литер. Критика. Обзоръ книгъ и журналовъ.).
- III.—Бесѣды (по текущ. вопросамъ жизни, этики, литер. и политики.)
- IV.—Очерки провинціальной жизни.—(Ежемѣс. обозрѣнія.)—
- V.—Изъ разныхъ краевъ. (Ежемѣс. письма изъ Петербурга. Письма изъ разныхъ мѣстъ и изъ-за границы.—Корреспонд. „Дн. Писат.“).
- VI.—Научныя замѣтки. (Научн. новости и біогр. научн. дѣятелей).
- VII.—Обо всемъ и оговсюду. (По вопр. дня.—Изъ міра таинственнаго.—Въ обл. худож. творчества.—Въ обл. критич. мысли.—Въ царствѣ красокъ и звуковъ.—Театръ.—Сельск. хозяйство.—Въ кругу здоровыхъ развлеченій.—Юморъ.—На поляхъ газетъ и журналовъ)
- VIII.—Искры. (Сатира и юморъ. Беллетр. стихи, фельетоны и карикатуры.)
- IX.—Со стороны. Полемика.—X.—Ноты. XI.—Смѣсь. XX. Почта „Дн. Писателя“. XXI.—Объявленія.

Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подп. въ разсрочку)

—◆ ПОЛУЧАТЪ: ◆—

- 12** №№ (11-ть книгъ, такъ какъ июль-августъ выйдетъ въ одной книгѣ, увеличеннаго объема) иллюстрированнаго журнала.
- 18** **ОЧЕРКОВЪ**, которые составятъ книгу „Подъ небомъ Палестины“, о. Михаила Пеньковскаго. (Очерки, со многими иллюстраціями, —будутъ приброшюрованы въ листамъ къ каждой книжкѣ, имѣя особую нумерацію. Съ первымъ листомъ будетъ данъ заглавный титулъ). Несмотря на существованіе многихъ книгъ о Палестинѣ, памятническіе очерки, предлаг. вниманію читателей, являются совѣмъ не лишними и не повторными, а вносятъ свое въ описаніе Св. Мѣстъ Православнаго Востока, къ котор. стремится душа русскаго народа.
- 4** **КНИГИ-ПРЕМИИ**, каждая въ отд. иллюстрирован. обложкѣ. Изъ этихъ книгъ:
- 1** **КНИГА** подъ названіемъ „Другъ несчастнаго челоѣчества“ проф. И. Т. Тарасова (жизнь и дѣятельность врача-идеалиста.)
- 1** **КНИГА** подъ названіемъ „Зѣ дали вѣковъ“ (Отрывочки исторіи). Разн. авторовъ.
- 1** **КНИГА** подъ названіемъ „Русская слава“. Очерки и этюды о герояхъ разн. авторовъ.
- 1** **КНИГА** подъ названіемъ „На службѣ народу“ (Очерки) А. Н. Догановичъ, А. В. Круглова и др.
- 8** **ОТДѢЛЬНЫХЪ КАРТИНЪ**, на мѣловой бумагѣ (на разные сюжеты).

КРОМЪ ТОГО, все подписавшіеся на 1909-й годъ до 20 Дек. 1908 г. могутъ получить бесплатно брошюру „Въ чемъ счастье?“ и за 1 р. 60 к. Полный комплектъ „Дневи, Писателя“ за 1907 г. съ прем.

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ въ 1909 г. будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 6 до 9 печ. листовъ.

Въ журналъ принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе, кромѣ А. В. Круглова и А. Н. Догановичъ, слѣд. ученые, писатели и художники: магистръ бог. Д. И. Введенскій, Н. А. Акимовъ, П. А. Ансановъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, М. Н. Б., И. Н. Бабанинъ, Н. Н. Баринъ (Энбэ), проф. А. Ф. Басовъ, С. М. Битюновъ, М. С. Бѣлинъ, П. И. Бѣляевъ, Д. П. Варлыгинъ, С. В. Витимскій, И. И. Вологодскій, Д. В. Гаринъ-Виндинъ, И. Н. Глухаревъ, Н. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, прив.-доцентъ Москов. Универс. докторъ С. М. Доброхотовъ, полк. генер. штаба М. А. Дорманъ, проф. прот. Н. А. Елевонскій, А. В. Жирневичъ, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, А. Г. Кирмалова, Е. Н. Клетнова, А. А. Коринскій, М. А. Козыревъ, Б. В. Наховскій, прис. пов. Н. Д. Музнецовъ, Р. П. Кумовъ, И. А. Кулчинскій, В. П. Лебедевъ, К. С. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкая, И. И. Мадробурскій, В. Л. Маяковъ, свящ. М. И. Менстровъ, заслуженный профессоръ П. Н. Мрочень-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, В. К. Мюръ, докторъ медиц. В. Н. Недзвецкій, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, Е. Н. Опочининъ, М. И. Орѣшниковъ, Х. И. Пахоловъ, свящ. Михаилъ Пеньковскій, Е. А. Полушина, И. В. Поповъ-Перисскій, Я. Я. Полферовъ, Е. Поселянинъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ, В. Г. Рязанцевъ, И. В. Рошинъ, В. Ф. Рыжковъ, И. А. Савченко, Е. И. Свѣтова, К. И. Смирновъ, Н. П. Столянскій, проф. моск. универс. И. Т. Тарасовъ, профессоръ А. А. Тихомировъ, Н. П. Третьяковъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Фодоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чуманъ, Ф. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ, и др. Художники: С. В. Бенлемишевъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Руфина-Нощугъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ. и др. Завѣдующій худож. частью С. В. БЕКЛЕМИШЕВЪ.

Подписная цѣна.

	Безъ доставки.	Съ дост. и пер. по Им періи
На годъ со всеми преміями	3 р. 60 к.	4 р. — к.
На 6 мѣс. (безъ преміи)	2 р. — к.	2 р. 40 к.
На 3 мѣс. (безъ преміи)	(не прин.)	1 р. 50 к.

(Подписавшіеся на годъ въ разсрочку получаютъ преміи какъ годовые).

Допускается разсрочка при подпискѣ на годъ: 2 р. при подпискѣ, 2 р. къ 1-му марта. Подписывающіеся въ разсрочку прѣдупреждаются, что не доплатившимъ второго взноса къ 1-му марта высылка мартовской книжки будетъ задержана до полученія взноса

За границу только на годъ: 6 р. 50 к.

Для полковыхъ и ротныхъ библиотекъ и вообще для казенныхъ и общественныхъ учреждений и лицъ, подписывающихъ ихъ черезъ гг. казначеевъ—разсрочка по соглашенію съ Конторой. При этомъ на каждые 10 платныхъ экземпляровъ 1 экз. безплатный. Магазинамъ и конторамъ, принимающимъ подписку, уступка 25 коп. съ годового экземпляра, при внесеніи подписной суммы за годъ полностью.

Все выписывающіе „Дневникъ Писателя“ на 1909 г. и вмѣстѣ съ этимъ же „Дневникъ Писателя“ за 1907 г., высылаютъ всего 6 р. 50 к. Такою же уступкою пользуются подписывающіеся въ разсрочку: т. е., дѣлая первый взносъ, прибавляютъ къ нему за полный комплектъ журнала 1907 г. только 2 р. 50 к., всего 4 р. 50 к.

Послѣ 15 Дек. можно выписывать оставшіеся экз. „Дн. Писат.“ за 1908 г. за 3 р. вмѣсто 3 р. 60 к. Отдѣльно книга „Въ разные годы“, рассказы А. В. Круглова, высылается подписчикамъ за 45 к. вмѣсто 75 к.

ПОДПИСКУ, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, д. гр. Одсубьева, контора журнала „Дневникъ Писателя“, издательско-редактуры А. В. Круглову

Редакторъ-Издатель А. В. Кругловъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

